

ДЖЕЙМС КЛАВЕЛЛ
Благородный ДОМ
Роман о ГОНКОНГЕ

*Это произведение
я хочу преподнести
как дань уважения Её Величеству
королеве Великобритании Елизавете II,
людям, живущим в колонии
Её Величества Гонконг, —
и да расточатся враги их.*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Конечно же, это роман. Имена персонажей и названия компаний в нем вымышлены и не имеют отношения к реальным людям или компаниям, составлявшим или составляющим часть Гонконга или Азии.

Я хочу также сразу принести извинения всем *янь* — всем *людям* Гонконг-га за то, что видоизменил их прекрасный город, вырвал отдельные эпизо-ды из контекста, придумал людей и место действия, названия улиц и ком-паний и все, что произошло. То, что, надеюсь, может показаться реальным, на самом деле никогда не существовало, потому что, честное слово, все вы-мышлено...

**8 июня 1960 года
ПРОЛОГ**

23:45

Его звали Иэн Данросс. Пробиваясь на своем старом спортивном «эм-джи» сквозь стену тропического ливня, он осторожно свернул на углу Дирк-стрит, что идет вокруг Струан-билдинг на набережной. Ночь была темная и ветреная. На улицах колонии — и здесь, на острове Гонконг, и в Коулуне¹, на другой стороне бухты, и на Новых Территориях², части материкового Китая, — почти никого. Все задраено в ожидании тайфуна «Мэри». В сумерках на мачту подняли предупредительный сигнал «номер девять»³, и ураган, который бесчинствовал в тысячах миль к югу, уже давал

¹ Коулун (кит. Цзюлун — букв, девять драконов) — полуостров на юге материковой части Гонконга. — Здесь и далее примеч. перев.

² Новые Территории (кит. Синьцзе) — часть территории Гонконга севернее полуострова Коулун и южнее реки Шэньчжэнь и близлежащие острова, переданные Китаем Великобритании в аренду на 99 лет в 1898 г.

³ Гонконгская обсерватория дает предупредительный сигнал о тропическом циклоне, когда его центр расположен в 800 км. Сигналы представляют собой набор цифр, символов и огней. В 1960-х гг. в различных точках Гонконга сигналы поднимали на мачтах 42 сигнальные станции. Сигнал № 9 предупреждал, что штормовой ветер усиливается или ожидается его значительное усиление.

знать о себе порывами ветра, налетавшими со скоростью от восьмидесяти до ста узлов. Дождь хлестал почти горизонтально по крышам и склонам холмов, где в скопищах лачуг, построенных из подручного материала, ютились десятки тысяч беззащитных поселенцев.

Данросс притормозил. Впереди ничего не было видно. Стеклоочистители не справлялись с потоками дождя, а ветер терзал брезентовый верх машины и боковые стекла. Потом на какой-то миг ветровое стекло очистилось. Впереди, в конце Дирк-стрит, обозначилась Коннот-роуд и прайя — набережная. За ними виднелись волноломы и приземистая масса паромного терминала «Голден ферриз». Ещё дальше, на просторе хорошо защищенной гавани, надежно укрытые, стояли на всех якорях полтысячи судов.

В отдалении припаркованную на береговой линии машину раздавила покинутая уличным торговцем палатка, которую буквально оторвало от земли и швырнуло на автомобиль порывом ветра. Затем и машину, и палатку понесло дальше, и они исчезли из виду. Сильные руки Данросса крепко сжимали руль. Его «эм-джи» то и дело сотрясался под порывами ветра. Хотя и не новый, он был в хорошем состоянии: мощный двигатель и безупречно работающие тормоза. Данросс чуть сбавил ход, ощущая ровное биение сердца, — милое дело этот шторм! — медленно заехал на тротуар вплотную к зданию, чтобы укрыться за ним, и вышел из машины.

Светловолосый и голубоглазый, в свои тридцать восемь он был сухощав и подтянут. Старый дождевик и кепи успели вымокнуть под дождем, пока он быстро шёл по боковой улочке и сворачивал за угол, торопясь достичь главного входа в двадцатидвухэтажное здание. Над огромной дверью его встретил герб Струанов, на котором переплелись красный шотландский лев и зеленый китайский дракон⁴. Собравшись с духом, он поднялся по широким ступеням и вошёл.

— Добрый вечер, мистер Данросс, — приветствовал его швейцар-китаец.

— Тайбань⁵ посылал за мной.

— Да, сэр. — Швейцар нажал кнопку лифта.

Когда кабина остановилась, Данросс пересек небольшой холл, постучал и вошёл в апартаменты на самом верхнем этаже.

— Добрый вечер, тайбань, — произнес он с холодной учтивостью. Аластэр Струан, большой, румяный, седовласый, ухоженный шотландец с небольшим брюшком, стоял, прислонившись к изящному камину. Ему было за шестьдесят, и он управлял компанией «Струанз» уже шесть лет.

— Выпьешь? — Он указал на бутылку «Дом Периньон» в серебряном ведерке.

— Благодарю.

В личных покоях тайбаня Данросс был впервые. Со стен просторного зала, великолепно обставленного — китайская лаковая мебель, прекрасные ковры, — смотрели старые картины, изображавшие первые парусные клиперы и пароходы. Большие обзорные окна, через которые обычно был виден весь Гонконг, гавань и раскинувшийся за нею Коулун, теперь зияли чернотой с потеками дождя.

Данросс налил себе шампанского.

— Ваше здоровье, — церемонно произнес он.

Аластэр Струан кивнул и с прежней холодностью поднял в ответ свой бокал.

— Рановато ты.

⁴ Лев и дракон были частью герба Гонконга с 1959 по 1997 г.

⁵ Тайбань (дабань) — традиционное название иностранцев, возглавляющих крупные компании, которые торгуют с Китаем начиная с XIX в. То же, что и «тай-пэн» (tai-pan) в английской транскрипции, как передано это слово в переводе одноименного романа Клавелла.

— На пять минут раньше — значит вовремя, тайбань. Разве не это вдалбливал мне отец? Обязательно нужно было встречаться в полночь?

— Да. Так уж у нас заведено. Ещё Дирком.

Потягивая вино, Данросс молча ждал. Громко тикали старые корабельные часы. Он не знал, что его ждет, и возбуждение росло. Над камином висел портрет молодой девушки в свадебном платье. Тесс Струан. Ей было шестнадцать, когда она стала женой Кулума, второго тайбаня, сына основателя компании Дирка Струана.

Данросс стал изучать картину. Окна вздрогнули от налетевшего шквала.

— Скверная ночь, — сказал он.

Старший родственник лишь бросил на него ненавидящий взгляд. Молчание затягивалось. И тут старые часы пробили восемь раз — полночь. Раздался стук в дверь.

— Войдите, — с облегчением проговорил Аластэр Струан, обрадовавшись, что можно начинать.

Дверь открыл Лим Чу, личный слуга тайбаня. Он отошел в сторону, чтобы пропустить Филлипа Чэня, компрадора компании «Струанз», а затем закрыл за собой дверь.

— А, Филлип, ты, как всегда, вовремя. — Аластэр Струан старался казаться веселым. — Шампанского?

— Благодарю, тайбань. Да, спасибо. Добрый вечер, Иэн Струан Данросс. — Филлип Чэнь обратился к младшему по возрасту с необычной официальностью. По-английски он говорил как настоящий британский аристократ, хотя в его жилах текла и европейская, и азиатская кровь. Ему было около семидесяти. Сухощавый, больше похожий на китайца, чем на европейца, очень красивый. Седина, высокие скулы, белая кожа и темные, очень темные китайские глаза. — Жуткая ночь, верно?

— Действительно, жуткая, Дядюшка Чэнь. — Данросс использовал это принятое у китайцев вежливое обращение к старшим, потому что уважал Филлипа в той же мере, в какой презирал своего кузена Аластэра.

— Говорят, тайфун будет страшный, — заметил Аластэр Струан, наливая шампанское в тонкие бокалы. Сначала он подал бокал Филлипу Чэню, а затем Данроссу. — Ваше здоровье!

Они выпили. Окна задрезжали под очередным шквалом.

— Какая удача, что в эту ночь я не в море, — задумчиво проговорил Аластэр Струан. — Ну что, Филлип, вот ты и опять здесь.

— Да, тайбань. Для меня это большая честь. Да, очень большая честь. — Он чувствовал напряжение между собеседниками, но не обращал на это внимания. Когда один тайбань Благородного Дома передает власть другому, разгул страстей — обычное дело.

Аластэр Струан сделал ещё глоток, наслаждаясь вином. В конце концов он заговорил:

— Иэн, у нас заведено, что кто-то должен быть свидетелем смены тайбаней. Это всегда наш действующий компрадор, и только он. Филлип, какой это уже раз?

— Я был свидетелем четыре раза, тайбань.

— Филлип знает почти всех из нас. Ему известно слишком много наших секретов. А, дружище? — Филлип Чэнь лишь улыбнулся. — Положись на него, Иэн. Он дает мудрые советы. Ему можешь доверять.

«Насколько любой тайбань вообще может кому-то доверять», — мрачно подумал Данросс.

— Да, сэр.

Аластэр Струан поставил бокал.

— Первое: Иэн Струан Данросс, обращаюсь к тебе официально — желаешь ли ты стать тайбанем компании «Струанз»?

— Да, сэр.

— Клянешься ли ты Богом, что все, что мы сейчас будем делать, останется в тайне и не будет раскрыто никому, кроме того, кто придет тебе на смену?

— Да, сэр.

— Поклянись официально.

— Клянусь Богом, что все, что мы сейчас будем делать, останется в тайне и не будет раскрыто никому, кроме того, кто придет мне на смену.

— Вот, читай вслух. — Тайбань передал ему пожелтевший от времени пергамент.

Данросс взял документ. Почерк тонкий и неразборчивый, но читать можно. Он взглянул на дату — 15 июля 1841 года, — и его волнение возросло.

— Это писал Дирк Струан?

— Да. В основном. Кое-что добавил его сын, Кулум Струан. У нас, конечно, есть фотокопии на случай, если с ним что-то стряется. Читай!

— «Мое завещание накладывает обязательства на каждого наследующего мне тайбаня, и прежде, чем принять мое дело, он должен прочитать это завещание вслух и поклясться перед Богом в присутствии свидетелей — в соответствии с порядком, который установил я, Дирк Струан, основатель фирмы „Струан и компания“, — что принимает их и навсегда сохранит в тайне. Я требую этого, дабы увериться в удобной мне преемственности и дабы предвосхитить трудности, неизбежно ожидающие продолжателей моего дела из-за пролитой мною крови, моих долгов чести и непредсказуемости Китая, с которым мы неразрывно связаны и который, без сомнения, есть уникальное место на этой земле. Вот моя последняя воля и завещание.

Первое: единовременно в компании пребудет лишь один тайбань, и ему дана полная, абсолютная власть, он волен принимать всех остальных на работу и отстранять от неё, ему подчиняются все наши капитаны и все корабли и компании, где бы они ни находились. Тайбань всегда один, в этом его радость и боль. Никто не вправе вмешиваться в его личные дела, и все должны защищать его спину. Все его приказания надлежит выполнять, и образование любых комитетов, правлений или групп внутри компании в ограничение его абсолютной власти не допускается.

Второе: когда тайбань стоит на шканцах нашего корабля, он главнее даже капитана, и каждое его слово — закон, будь то боевой приказ или команда по управлению кораблем. До назначения на корабли все наши капитаны приносят клятву перед Богом.

Третье: тайбань выбирает себе преемника сам, но исключительно из шести членов внутреннего правления компании. Один из их числа является нашим компрадором, который всегда происходит из дома Чэнь. Остальные пятеро должны быть достойны звания тайбаня, то есть отличаться добропорядочным нравом и преданностью, провести по меньшей мере пять полных лет на службе компании в качестве торговцев с Китаем и быть здоровыми духом. Они должны исповедовать христианскую веру и состоять в родстве с кланом Струанов по рождению или браку. Моей линии или линии моего брата Робба предпочтения не отдавать, кроме тех случаев, когда претендент намного превосходит всех остальных по силе духа или личным качествам. Члены внутреннего правления могут выполнять обязанности советников тайбаня, если он того пожелает, но, повторяю ещё раз, голос тайбаня почитается за семь против голоса каждого из них.

Четвертое: если тайбань сгинет в море, погибнет в бою или исчезнет на шесть лунных месяцев, не выбрав преемника, внутреннее правление выбирает в качестве такового одного из своих членов, у каждого при этом будет один голос, за исключением компрадора, голос которого почитается за четыре. После этого тайбань таким же образом приводится к присяге перед лицом своих товарищей.

Проголосовавшие против него при открытом голосовании немедленно исключаются из компании навсегда без какой-либо компенсации.

Пятое: выборы во внутреннее правление или исключение из него проводятся исключительно по желанию тайбаня при удалении его на покой, которое произойдет тогда, когда он соблаговолит это сделать. Он забирает себе не более десяти частей из каждой сотни всякой стоимости, за исключением наших кораблей, которые во всякое время исключаются из оценки. Наши корабли, их капитаны и их команды суть источник нашей жизненной силы и линия жизни на будущие времена.

Шестое: каждый тайбань утверждает выборы компрадора. До своего избрания компрадор подтверждает письменно, что может быть смещен в любой момент и никаких объяснений тому не потребуются, что он уступит место другому, если тайбань того пожелает.

Последнее: тайбань приводит к присяге преемника, которого выбирает сам в присутствии компрадора и который присягает этими словами, записанными моею рукой в нашей семейной Библии, здесь, в Гонконге, в сей пятнадцатый день июля года тысяча восемьсот сорок первого от Рождества Господа нашего».

Данросс перевел дыхание.

— Подписано Дирком Струаном и засвидетельствовано — не разобрать иероглифы на печатке, сэр, они очень старинные.

Аластэр взглянул на Филлипа Чэня, который сказал:

— Первым свидетелем был приёмный отец моего деда, Чэнь Шэнъин, наш первый компрадор. Вторым — моя двоюродная бабка Чжун Жэнь Мэй-мэй⁶.

— Значит, в легенде — все правда! — воскликнул Данросс.

— Кое в чем. Да, кое в чем, — добавил Филлип Чэнь. — Поговори с моей тетушкой Сарой. Теперь, когда ты станешь тайбанем, она раскроет тебе много тайн. Ей в этом году будет восемьдесят четыре. Она прекрасно помнит моего деда, сэра Гордона Чэня, Дункана и Кейт Чжун, детей Мэй-мэй от Дирка Струана. Да. Она много чего помнит...

Аластэр Струан подошел к лаковому бюро и с величайшей осторожностью взял в руки тяжелую потрепанную Библию. Он надел очки, и Данросс почувствовал, как встают дыбом волосы на шее.

— Повторяй за мной: «Я, Иэн Струан Данросс, родственник Струанов, христианской веры, клянусь пред Господом в присутствии Аластэра Мак-кензи Дункана Струана, девятого тайбаня, и Филлипа Чжун Шэн Чэня, четвертого компрадора, что во всем буду следовать завещанию, зачитанному мною вслух в их присутствии здесь, в Гонконге, что буду и далее крепить узы, связывающие компанию с Гонконгом и торговлей с Китаем, что, став тайбанем, не перенесу основной бизнес из Гонконга, что перед Богом принимаю на себя обещания, ответственность и слово чести джентльмена Дирка Струана, данное им его вечному другу по имени Чэнь-цзе Жэнь Ин, известному также как Жэнь-гуа, или его преемникам; кроме того, что при...»

— А что это за обещания?

— Ты клянешься перед Богом, вслепую, как и все тайбани до тебя! Очень скоро ты узнаешь, что тебе досталось в наследство.

— А если не поклянусь?

— Тебе известно, какой будет ответ!

⁶ Китайские слова и выражения, а также имена собственные по мере возможности приводятся к «путунхуа», общепринятому в КНР произношению, и передаются в традиционной русской транскрипции. Имена некоторых персонажей-китайцев, возможно знакомых читателю по роману «Тай-пэн» в переводе Е. А. Куприна, звучат иначе в силу использования переводчиком указанного романа русской транслитерации их английского произношения, основанного на южнокитайских диалектах.

Дождь стучал в окна так же сильно, казалось Данроссу, как колотилось в груди сердце, когда он осознал все безумие подобного бессрочного обязательства. Но он знал, что, если не примет его, тайбанем ему не быть, поэтому произнес необходимые слова, взяв на себя обязательства перед Богом, и продолжал повторять то, что зачитывалось вслух.

— «...кроме того, что приложу все силы и средства, чтобы сохранить за компанией неизменное положение Первого Дома, Благородного Дома Азии, я клянусь перед Богом, что совершу любое деяние, которое будет необходимо, чтобы одолеть, разорить и изгнать из Азии компанию под названием „Брок и сыновья" и, в частности, моего врага, её основателя, Тайлера Брока, его сына Моргана, их наследников или любую их линию родства, за единственным исключением Тесс Брок, жены моего сына Кулума, и её потомства...» — Данросс опять остановился.

— Закончишь и можешь задавать какие угодно вопросы, — сказал Аластэр Струан. — Читай до конца!

— Хорошо. «Последнее: я клянусь перед Богом, что мой преемник в качестве тайбаня также присягнет перед Богом всему этому завещанию, и помогай мне Бог!»

Тишину теперь нарушал лишь хлеставший за окнами дождь. Данросс чувствовал, как по спине скатываются капли пота. Аластэр Струан положил Библию и снял очки.

— Ну вот, свершилось. — Он нехотя протянул руку. — Хочу первым пожелать тебе всего доброго, тайбань. Можешь рассчитывать на меня во всем, чем смогу помочь.

— Для меня большая честь быть вторым, тайбань, — так же официально произнес Филлип Чэнь, слегка поклонившись.

— Благодарю вас. — Данросс весь оставался в напряжении.

— Думаю, нам нужно выпить, — изрек Аластэр Струан. — Я налью с твоего разрешения, — добавил он, обращаясь к Данроссу с неуместной напыщенностью. — Филлип?

— Да, тайбань. Я...

— Нет, теперь Иэн — тайбань. — Аластэр Струан разлил шампанское и подал бокал сначала Данроссу.

— Спасибо. — Данроссу были приятны поздравления, но он знал, что ничего не изменилось. — За Благородный Дом! — поднял он свой бокал.

Все выпили. Потом Аластэр Струан вынул конверт.

— Здесь мое заявление с просьбой об отставке — я оставляю все должности председателя совета директоров, управляющего директора и директора, общим числом более шестидесяти. Это происходит автоматически после ухода с поста тайбаня. Так же автоматически вместо меня назначаешься ты. По заведенному обычаю я становлюсь председателем совета директоров нашей дочерней компании в Лондоне. Но ты можешь отменить это в любое время, когда пожелаешь.

— Отменяю, — тут же заявил Данросс.

— Как скажешь, — пробормотал Аластэр, но шея у него побагровела.

— Думаю, ты принесешь «Струанз» больше пользы как заместитель председателя совета директоров Первого центрального банка Эдинбурга.

— Что? — метнул в него взгляд Струан.

— Это ведь одна из наших должностей, верно?

— Да, но почему именно эта?

— Мне потребуется помощь. В будущем году «Струанз» выставит акции на продажу.

— Что?! — Оба в изумлении уставились на него.

— Мы выставаем свои ак...

— Мы — частная компания уже сто тридцать два года! — прорычал старик. —

Господи боже мой, я сто раз тебе твердил, что в этом и есть наша сила, когда нет никаких проклятых акционеров или чужаков, которые так и норовят сунуть нос в наши дела! — Он весь покраснелся и с трудом сдерживал гнев. — Ты что, никогда не слушал?

— Слушал все время. Очень внимательно, — проговорил Данросс без тени эмоций. — Мы сможем выжить, только выставив свои акции на продажу... Только так нам удастся получить необходимый капитал.

— Поговори с ним, Филлип. Пусть придет в себя.

— А как это повлияет на дом Чэнь? — спросил компрадор с нервной дрожью в голосе.

— С этой минуты наша официальная система компрадорства отменяется. — Данросс заметил, как лицо Филлипа Чэня покрылось бледностью, но продолжал: — У меня есть план для тебя — в письменном виде. Он ничего не меняет и в то же время меняет все. Официально ты остаешься компрадорм, неофициально мы будем действовать по-другому. Самое главное изменение в том, что вместо одного миллиона в год через десять лет твоя доля принесет тебе двадцать, а через пятнадцать лет — тридцать миллионов.

— Но это невозможно! — взорвался Аластэр Струан.

— Наш собственный капитал на сегодня составляет около двадцати миллионов американских долларов. Через десять лет он возрастет до двухсот миллионов, а через пятнадцать, если все сложится удачно, — до четырехсот миллионов, и наш годовой оборот приблизится к миллиарду.

— Ты сошел с ума, — простонал Аластэр Струан.

— Нет. Благородный Дом станет международной компанией. Время, когда мы были только гонконгской торговой компанией, прошло навсегда.

— Бог мой, не забывай свою клятву! Мы — гонконгская компания!

— Не забуду. Далее: что за ответственность я унаследовал от Дирка Струана?

— Все в сейфе. В письменном виде в запечатанном конверте с пометкой «Завещание». Там же «Наставления будущим тайбаням», написанные Старой Каргой.

— Где сейф?

— За картиной в Большом Доме. В кабинете. Вон там, — Аластэр Струан с кислой миной указал на конверт рядом с часами на полке камина, — специальный ключ и комбинация шифра на сегодняшний день. Шифр ты, конечно, сменишь. На всякий случай положи бумагу с цифрами в банк, в одну из личных депозитных ячеек тайбаня. Один из двух ключей передай Филлипу.

— По нашим правилам, пока ты жив, банк не разрешит мне открывать их, — объяснил Филлип Чэнь.

— Далее: Тайлер Брок и его сыновья — это отродье уничтожено почти сто лет тому назад.

— Законная мужская линия — да. Но Дирк Струан был человек мстительный и продолжает мстить даже из могилы. Там же, в сейфе, есть уточненный на сегодняшний день список потомков Тайлера Брока. Занимательное чтение, правда, Филлип?

— Да-да, это точно.

— Семейство Ротвелл и Томм, Йедгар и его род, их ты знаешь. Но в списке есть ещё Таскер, хотя он об этом не подозревает, Джейсон Пламм, лорд Депфорд-Смит и, самое главное, Квиллан Горнт.

— Не может быть!

— Горнт не только тайбань компании «Ротвелл-Горнт», нашего главного врага, он ещё тайный прямой потомок Моргана Брока по мужской линии — прямой, хотя и незаконный.

— Но он всегда заявлял, что его прадед — Эдвард Горнт, торговец с Китаем из Америки.

— Он действительно потомок Эдварда Горнта. Но на самом деле отец Эдварда — сэр Морган Брок, а мать — Кристиан Горнт, американка из Вирджинии. Конечно, это хранилось в тайне: тогда в обществе прощали не больше, чем сейчас. Когда сэр Морган стал тайбаном компании Брок в тысяча восемьсот пятьдесят девятом году, он привез этого своего незаконнорожденного сына из Вирджинии, купил для него партнерство в старой американской торговой фирме «Ротвелл энд компани» в Шанхае, а затем он и Эдвард стали ждать благоприятного момента, чтобы разорить нас. Им это почти удалось: Кулум Струан погиб, конечно, из-за них. Но потом Лохлин и «Карга» Струан разорили сэра Моргана и привели к банкротству компанию «Брок и сыновья». Эдвард Горнт так и не простил нас. Его потомки тоже не простят. Бьюсь об заклад, что у них тоже есть договор с основателем их компании.

— А он знает, что нам это известно?

— Понятия не имею. Но он враг. Его генеалогия в сейфе вместе со всеми остальными. Обнаружил это мой прадед, совершенно случайно во время «боксерского восстания»⁷ в тысяча восемьсот девяносто девятом году. Список интересный, Иэн, очень интересный. Один человек, в частности, интересен для тебя. Глава...

Сильнейший шквал вдруг сотряс все здание. На мраморном столике упала одна из старинных вещиц слоновой кости. Филлип Чэнь нервным движением поднял её. Все напряженно всматривались в окна, наблюдая, как тошнотворно кривятся их отражения, когда под порывами ветра выгибаются огромные стеклянные панели.

— Тайфун! — пробормотал Филлип. Пот каплями проступал у него на коже.

— Да.

Затаив дыхание, они ждали, когда кончится «ветер дьявола». Такие внезапные шквалы могли налететь случайно из любой части света, и скорость их иногда достигала ста пятидесяти узлов. Они сметали на своем пути все.

Шквал стих. Данросс подошел к барометру, проверил показания и постучал по нему. Девятьсот восемьдесят и три десятых.

— Продолжает падать, — проговорил он.

— Господи!

Прищурившись, Данросс посмотрел на окна. Струйки дождя текли по стеклам уже почти горизонтально.

— Завтра вечером должно встать в док наше судно — «Нетающее облако».

— Да, но сейчас оно, должно быть, где-то у берегов Филиппин. Капитан Моффатт — человек слишком осмотрительный, чтобы такое застигло его врасплох, — заявил Струан.

— Не скажи. Моффатт любит, чтобы все шло по графику. А этот тайфун вне графика. Ты... нужно было дать ему указание. — Данросс задумчиво тянул вино небольшими глотками. — Лучше бы «Нетающее облако» не попадало тайфуну в лапы.

— А что? — В голосе Данросса Филлип Чэнь почуял поднимающуюся ярость.

— У него на борту компьютер нового поколения и реактивных двигателей на два миллиона фунтов. Без страховки — по крайней мере, двигатели. — Данросс перевел взгляд на Аластэра Струана.

— Таковы были условия, — оправдываясь, заметил тот. — Или мы потеряли бы

⁷ «Боксерское восстание» — восстание ихэтуаней (членов тайного общества Ихэ-цюань — «Кулак во имя гармонии и справедливости»), начавшееся в провинции Шаньдун в 1898 г. Подавлено в 1900 г. войсками «восьми объединенных держав»: Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Италии, России, США, Франции, Японии.

контракт. Двигатели идут в Кантон⁸. Ты же знаешь, Филлип, мы не можем страховать их: они идут в красный Китай. — И раздраженно добавил: — Их... э-э... их владелец из Южной Америки, а на экспорт в Китай оттуда ограничений нет. И все равно никто не захотел страховать их.

— Я думал, новый компьютер поступит в марте, — произнес Филлип Чэнь после паузы.

— Так и должно было быть, — раздраженно бросил Аластэр, — но я постарался ускорить поставку.

— У кого документы на двигатели? — спросил Филлип Чэнь.

— У нас.

— Это очень большой риск, — озабоченно проговорил Филлип Чэнь. — Согласись, Иэн.

Данросс молчал.

— Таковы были условия, иначе мы потеряли бы этот контракт, — повторил Аластэр Струан с ещё большим раздражением. — Для нас сейчас самое главное — удвоить наш капитал, Филлип. Нам нужны деньги. Но ещё важнее то, что китайцам нужны двигатели: когда я в прошлом месяце был в Кантоне, они более чем недвусмысленно дали это понять. А нам нужен Китай — это они дали понять тоже.

— Да, но двенадцать миллионов, это... Слишком большой риск везти такой груз на одном судне, — настаивал Филлип Чэнь.

— Все, что мы можем сделать, чтобы перехватить бизнес у Советов, работает на нас, — сказал Данросс. — Кроме того, что сделано, то сделано. Ты, Аластэр, вроде говорил, что в списке есть кто-то, о ком я должен знать? Глава чего?

— Глава «Мальборо моторс».

— Ага, — протянул Данросс с неожиданным мрачным восторгом. — Уже столько лет точу зуб на этих типов. И на отца, и на сына.

— Я знаю.

— Значит, Никклины — потомки Тайлера Брока? Ну что ж, немного времени пройдет, прежде чем мы сможем вычеркнуть их из списка. Прекрасно, прекрасно. Им известно, что они в черном списке Дирка Струана?

— Не думаю.

— Тем лучше.

— Не согласен! Ты терпеть не можешь молодого Никклина, потому что он обошел тебя. — Аластэр Струан сердито ткнул пальцем в Данросса. — Пора тебе бросить это дело. Оставь все эти гонки по холмам и Гран-при Макао⁹ полупрофессионалам. У Никклинов больше времени, чтобы заниматься своими машинами, это их жизнь, а тебя теперь должны заботить другие гонки, более важные.

— В Макао одни любители, а в прошлом году эти гады сжульничали.

— Это не доказано — у тебя взорвался двигатель. Мало ли двигателей взрывается, Иэн. Это как повезет!

— С моей машиной кто-то поработал.

— Это тоже нужно доказать! Господи, и ты ещё говоришь о плохой наследственности? В некоторых вещах ты такой же бестолковый, как сам Дирк Струан!

— Вот как?

— Да, и...

⁸ Кантон — традиционное английское название г. Гуанчжоу.

⁹ Макао (кит. Аомэнь — Врата в залив) — старейшая европейская колония в Китае, которой в XVI-XX вв. владели португальцы. Один из крупнейших в мире центров игорного бизнеса.

Филлип Чэнь быстро вмешался, желая покончить с царившей в комнате напряженностью:

— Если это так важно, позвольте я попробую выяснить истину. У меня есть свои источники. Мои китайские друзья узнают, должны узнать, замешаны ли в этом Том или молодой Дональд Никклин. Ну, а если тайбань пожелает принять участие в гонках, это его право, — деликатно добавил он. — Не так ли, Аластэр?

Тот сдержал ярость, хотя шея у него оставалась багровой.

— Да-да, ты прав. И все же, Иэн, мой совет — бросить это дело. Они приложат ещё больше стараний, чтобы добраться до тебя, потому что ваша неприязнь взаимна.

— Есть ли кто-нибудь ещё, о ком я должен знать, — в списке? Струан ответил не сразу:

— Нет, сейчас нет. — Он открыл вторую бутылку и стал разливать шампанское. — Что ж, теперь это все твое — и повеселишься, и попотеешь. Я рад, что передаю тебе дела. Как разберешься со всем, что есть в сейфе, сразу поймешь, что лучше и что хуже всего. — Он подал каждому бокал и отпил из своего. — Клянусь Господом Иисусом, это самое лучшее из всех французских вин.

— Да, — согласился Филлип Чэнь.

Данросс считал, что «Дом Периньон» не стоит тех денег, что за него просят, и такой высокой оценки не заслуживает, да и урожай пятьдесят четвертого года был не из самых удачных. Но он промолчал.

Струан подошел к барометру. Девятьсот семьдесят девять и две десятых.

— Похоже, тайфун идет серьезный. Ладно, дело не в этом. Иэн, у Клаудии Чэнь есть папка для тебя по важным вопросам и полный список наших акций — с именами номинальных владельцев. Если будут вопросы, поторопись с ними до послезавтра: у меня билет в Лондон. Клаудию ты, конечно, оставишь.

— Конечно. — Клаудиа Чэнь, исполнительный секретарь тайбаня и дальняя родственница Филлипа Чэня, была ещё одним звеном, связывавшим, помимо компрадора, старого и нового тайбаня.

— А как насчет нашего банка — Гонконгско-Китайского банка «Виктория»? — Данросс задал этот вопрос с наслаждением. — Я не знаю точно, сколько у нас там акций.

— Это всегда знал лишь тайбань. Данросс повернулся к Филлипу Чэню:

— А сколько у тебя на счетах, официально или через подставных лиц? Ошеломленный компрадор медлил с ответом.

— В будущем я намерен использовать твои акции при голосовании вместе с нашими. — Данросс не сводил глаз с компрадора. — Я хочу знать, сколько их, сейчас, а завтра к полудню жду от тебя письменного подтверждения официальной передачи мне и последующим тайбаням бессрочной доверенности на голосование, а также права первого выбора акций, если ты когда-нибудь решишь их продать. Молчание затягивалось.

— Иэн, — заговорил было Филлип Чэнь, — эти акции... — Но воля Данросса пошатнула его решимость. — Шесть процентов... немногим более шести процентов. Я... все будет так, как пожелаешь.

— Ты не пожалеешь об этом. — Данросс перенес внимание на Аластэра Струана, и сердце у того замерло. — Так сколько акций у нас? Сколько у подставных лиц?

Аластэр колебался.

— Это всегда знал лишь тайбань.

— Конечно. Но нашему компрадору нужно доверять, причем абсолютно. — Данросс пытался вернуть старику поправное достоинство, понимая, как тот переживает свое унижение в присутствии Аластэра Струана. — Сколько?

— Пятнадцать процентов, — выдавил из себя Струан.

Данросс, как и Филлип Чэнь, даже охнул. Ему хотелось закричать: «Господи Иисусе, у нас пятнадцать процентов, а у Филлипа ещё шесть, и у тебя, черт побери, не хватило ума, чтобы использовать такой пакет, какого, вероятно, больше нет ни у кого, чтобы добиться для нас кредитов, когда мы почти разорены?»

Вместо этого он наклонился, разлил остатки вина по бокалам и за это время сумел успокоить бешено колотящееся сердце.

— Прекрасно, — невозмутимо, ровным тоном произнес он. — Надеюсь, теперь дела у нас пойдут лучше, чем когда-либо. — Он сделал глоток вина. — Я переносу особое собрание. На следующую неделю.

Оба собеседника внимательно смотрели на него. Несмотря на вражду, тайбани «Струанз», «Ротвелл-Горнт» и банка «Виктория» ежегодно начиная с 1880 года тайно встречались для обсуждения вопросов, которые влияли на будущее Гонконга и Азии.

— Они могут не согласиться на перенос собрания, — сказал Аластэр.

— Я позвонил всем сегодня утром. Оно состоится в следующий понедельник, в девять утра, здесь.

— Кто будет от банка?

— Заместитель главного управляющего Хэвегилл: старик в отпуске — сначала собирался в Японию, потом в Англию. — Лицо Данросса помрачнело. — Придется обойтись тем, что есть.

— Пол — парень ничего, — заявил Аластэр. — Он будет следующим главным управляющим.

— Не будет, если у меня получится, — парировал Данросс.

— Тебе никогда не нравился Пол Хэвегилл, да, Иэн? — спросил Филлип Чэнь.

— Да. Он слишком ограничен, слишком замкнут в пределах Гонконга, слишком отстал от времени и слишком напыщен.

— И он настраивал против тебя твоего отца.

— Да. Но это не главное, почему он должен уйти, Филлип. Он должен уйти, потому что стоит на пути Благородного Дома. Он слишком консервативен, недопустимо щедр по отношению к «Эйшн пропертиз» и, как я считаю, является тайным союзником «Ротвелл-Горнт».

— Не согласен, — сказал Аластэр.

— Знаю. Но нам нужны деньги, чтобы расширяться, и я намерен эти деньги достать. Так что я собираюсь использовать мой двадцать один процент очень серьезно.

Буря за окном усилилась, но они, похоже, этого не замечали.

— Не советую рассчитывать на банк «Виктория», — серьезно заявил Филлип.

— И я тоже, — поддержал Аластэр Струан.

— А я и не собираюсь. При условии, что со мной будет сотрудничать мой банк. — Какое-то время Данросс смотрел на дождевые струи. — Кстати, я пригласил на собрание и Джейсона Пламма.

— За каким чертом? — Шея Струана вновь побагровела.

— Между нами и его «Эйшн пропертиз» мы...

— Пламм в черном списке Дирка Струана, как ты его называешь, и на сто процентов наш противник.

— Из четырех ведущих гонконгских компаний решающий голос у нас... — Громкий телефонный звонок не дал ему договорить. Все посмотрели на телефон.

— Это теперь твой телефон, не мой, — мрачно буркнул Аластэр Струан. Данросс снял трубку.

— Данросс. — Послушав немного, он произнес: — Нет, мистер Аластэр Струан покинул свой пост, теперь я тайбань «Струанз». Да. Иэн Данросс. Что в телексе? — Он снова стал слушать. — Да, благодарю вас.

Он положил трубку. Потом наконец нарушил тишину:

— Звонили из нашего офиса в Тайбэе¹⁰. «Нетающее облако» затонуло у северного побережья Формозы¹¹. Они полагают, что судно пошло на дно со всем экипажем...

ВОСКРЕСЕНЬЕ **18 августа 1963 года**

1

20:45

Полицейский в легком тропическом костюме и белой рубашке с форменным галстуком стоял, опершись на угол стойки бюро информации, и незаметно наблюдал за высоким евразийцем. В ярко освещенном здании аэропорта было жарко. Влажный воздух наполнился запахами. Как всегда галдящие толпы китайцев. Мужчины, женщины, дети, грудные младенцы. Подавляющее большинство — кантонцы. Другие азиаты, несколько европейцев.

— Суперинтендент?

Мило улыбаясь, ему протягивала трубку девица из бюро информации.

— Вас, сэр. — Белоснежные зубы, тёмные волосы, тёмные миндалевидные глаза, прелестная золотистая кожа.

— Спасибо. — Он обратил внимание, что девица из Кантона и новенькая. Улыбка на самом деле ничего не значила, за ней не скрывалось ничего, кроме кантонского бесстыдства, но ему на это было наплевать. — Да, — сказал он в трубку.

— Суперинтендент Армстронг? Это диспетчерская. «Янки-2» только что приземлился. По графику.

— По-прежнему шестнадцатый выход?

— Да. Он будет там через шесть минут.

— Спасибо. — Роберт Армстронг был мужчина немаленький. Он перегнулся через стойку и положил трубку. При этом отметил длинные ноги девицы, её соблазнительные формы, подчеркнутые глянцевым, чересчур облегающим форменным чунсамом, и попытался на секунду представить, какова она в постели. — Как тебя зовут? — спросил он, прекрасно зная, что никому из китайцев не хочется называть свое имя полицейскому, тем более европейцу.

— Мона Лян, сэр.

— Спасибо, Мона Лян. — Он кивнул, не отрывая от неё бледно-голубых глаз, и заметил, что она почувствовала его взгляд и слегка поежилась. Это было приятно. Он ухмыльнулся и снова переключил внимание на того, за кем следил.

Евразиец, Джон Чэнь, стоял у одного из выходов без сопровождающих, и это было удивительно. Удивительно было и то, что он нервничал. Обычно Джон Чэнь сохранял полную невозмутимость, а теперь поминутно поглядывал то на свои часы, то на табло ПРИБЫТИЕ, потом снова на часы.

«Ещё минута — и начнем», — подумал Армстронг.

Он потянулся было в карман за сигаретой, но вспомнил, что бросил курить две недели назад в качестве подарка на день рождения жены. Поэтому лишь коротко выругался и засунул руки ещё глубже в карманы.

Вокруг бюро информации носились и толкались неугомонные пассажиры и

¹⁰ Тайбэй — столица Тайваня.

¹¹ Формоза (порт. Formosa — красивая) — старинное название острова Тайвань.

встречающие. Они то уходили, то возвращались, громко спрашивая, где и когда, как и почему, и снова где на самых различных диалектах. Кантонский он понимал хорошо. Немного знал шанхайский и северный пекинский¹². Несколько выражений и большую часть ругательств на диалекте чаочжоу. Чуть-чуть тайваньского.

Он уже шёл от стойки легкой походкой спортсмена — на голову выше всех в толпе, крупный, широкоплечий. Он отслужил в полиции Гонконга семнадцать лет и теперь возглавлял Си-ай-ди — департамент уголовного розыска — района Коулун.

— Добрый вечер, Джон, — сказал он. — Как дела?

— О, привет, Роберт. — Джон Чэнь мгновенно насторожился. По-английски он говорил с американским акцентом. — Все замечательно, спасибо. А у тебя?

— Прекрасно. Ваш человек в аэропорту сообщил в паспортный контроль, что ты встречаешь какой-то особый самолёт. Чартерный — «Янки-2».

— Да, но это не чартер. Этот самолёт частный. Принадлежит Линкольну Бартлетту, американскому миллионеру.

— Он сам на борту? — спросил Армстронг, хотя знал ответ.

— Да.

— Его кто-нибудь сопровождает?

— Только исполнительный вице-президент, который делает за него всю черновую работу.

— Господин Бартлетт — твой приятель? — «Знаю, что нет».

— Гость. Мы надеемся, что будем вести с ним бизнес.

— Вот как? Ну что ж, его самолёт только что приземлился. Может, пройдешь со мной? Я избавлю тебя от всех этих бюрократических проволочек. Это то небольшое, что мы можем сделать для Благородного Дома, не так ли?

— Спасибо за хлопоты.

— Да какие это хлопоты. — Армстронг провел Чэня через боковую дверь в загородке зоны таможенного досмотра. Заметив Армстронга, полицейские в форме моментально отдавали честь и задумчиво смотрели на Джона Чэня, которого тут же узнавали.

— Это имя — Линкольн Бартлетт, — продолжал Армстронг с деланной веселостью, — ничего мне не говорит. Или должно говорить?

— Нет, не должно, если ты не в бизнесе, — сказал Джон Чэнь, а потом продолжал нервно и быстро: — У него есть кличка — Рейдер, Налетчик. Его так прозвали за успехи в части недружественных слияний и поглощения других компаний, в большинстве случаев гораздо более крупных, чем его собственная. Интересная личность — я встретил его в Нью-Йорке в прошлом году. Валовая прибыль его многопрофильной корпорации составляет почти полмиллиарда долларов в год. По его словам, он начал в сорок пятом, одолжив две тысячи долларов. Теперь занимается нефтехимической промышленностью, тяжелым машиностроением, электроникой, ракетами. Имеет много заказов от правительства США: пенопласт, продукция из полиуретановой пены, удобрения. У него даже есть компания по производству и продаже лыж и спортивных товаров. Название корпорации — «Пар-Кон индастриз». Что ни назови, все у него есть.

— Я думал, что всем уже завладела твоя компания.

— Не в Америке, — вежливо улыбнулся Джон Чэнь, — и это не моя компания. Я лишь мелкий акционер «Струанз», служащий.

— Но ты один из директоров и старший сын Благородного Дома Чэнь, а стало

¹² В основе пекинского диалекта («мандарина») лежит фонетика большой группы диалектов северного и северо-восточного Китая. В 1909 г. пекинский диалект был определен как «общенациональный язык» («гоюй»). В 1955 г. в КНР его название было изменено на «путунхуа» («общепринятая речь»). (Это изменение не было признано на Тайване.)

быть, станешь следующим компрадором. — По исторической традиции компрадор — бизнесмен китайского или евразийского происхождения — действовал как эксклюзивный посредник между европейским торговым домом и китайцами. Весь бизнес проходил через его руки, и в них оставалось понемногу от всего.

«Столько богатства, столько власти, — думал Армстронг, — и все же, если повезет, мы свалим тебя, как Шалтая-Болтая, и всю компанию „Струанз“ вместе с тобой. Господи, если это произойдет, будет такой скандал, что весь Гонконг разлетится на куски», — говорил он про себя, и его даже мутило от сладости предвкушения.

— Ты будешь компрадором, как твой отец, и дед, и прадед. Твой прадед был первым, да? Сэр Гордон Чэнь, компрадор великого Дирка Струана, который основал Благородный Дом и почти что, черт возьми, основал Гонконг.

— Нет. Компрадором Дирка был человек по имени Чэнь Шэн. Сэр Гордон Чэнь был компрадором сына Дирка, Кулума Струана.

— Они ведь были сводные братья, да?

— Да, если верить легенде.

— Ах да, легенды, ими мы и питаемся. Кулум Струан — ещё одна легенда Гонконга. Но ведь сэр Гордон Чэнь тоже легенда. Везет тебе.

«Везет ли? — горько спросил себя Джон Чэнь. — Вести происхождение от незаконнорожденного сына шотландского пирата, торговца опиумом, распутного злого гения и убийцы, если некоторые из этих рассказов — правда, и кантонской певички, выкупленной из маленького грязного борделя, который до сих пор можно найти в одном из крошечных переулков Макао? Чтобы почти все в Гонконге — и китайцы, и европейцы — знали твою родословную и презирали тебя?»

— Какое там «везет», — проговорил он, стараясь внешне сохранять спокойствие. В тёмных волосах поблескивала седина, красивое лицо англосаксонского типа, хотя подбородок несколько безвольный, разрез тёмных глаз чуточку азиатский. Ему было сорок два. Легкий льняной костюм, как всегда безупречно сшитый, туфли от Эрме, часы «ролекс».

— Не согласен, — искренне возразил Армстронг. — Быть компрадором «Струанз», Благородного Дома Азии... это что-то. В этом есть нечто особенное.

— Да уж, особенное, это точно. — Джон Чэнь проговорил это со всей определенностью.

С тех пор как он себя помнил, родовое наследие приводило его в бешенство. Он постоянно чувствовал на себе испытующие взгляды — старший сын, следующий в роду, — ощущал кожей жадность и зависть, которым не виделось конца. Из-за этого он жил в неизбывном страхе, как ни пытался его превозмочь. Он никогда не испытывал ни малейшей потребности хотя бы в толике этой власти или этой ответственности. Не далее как вчера у него произошла ещё одна ужасная ссора с отцом, хуже ещё не было.

— Мне не нужно ничего от «Струанз»! — кричал он. — В сотый раз говорю тебе, я хочу уехать к чертовой матери из Гонконга, хочу вернуться в Штаты, хочу жить своей собственной жизнью, своим умом!

— А я повторяю тебе в тысячный раз, послушай меня. Я послал тебя в Аме...

— Давай я буду заниматься нашими интересами в Америке, отец. Пожалуйста. Дел там более чем достаточно! Ты мог бы предоставить мне пару мил...

— Айийя, слушай меня! Мы зарабатываем деньги именно здесь, здесь, в Гонконге и в Азии! Я послал тебя учиться в Америку, чтобы подготовить семью к жизни в современном мире. Теперь ты готов, и твой долг перед сем...

— Отец, но ведь есть Ричард и молодой Кевин. Ричард разбирается в бизнесе в десять раз лучше меня и рвется в бой. Или взять дядю Джейм...

— Ты будешь делать как я скажу! Милостивый боже, ты же знаешь, что этот

американец Бартлетт исключительно важен для нас. Нам нужны твои зна...

— ...дядю Джеймса или дядю Томаса. Дядя Джеймс подошел бы тебе лучше всех, это было бы лучше всего для семьи и луч...

— Ты мой старший сын. Ты будешь главой семьи и компрадором после меня!

— Не буду, клянусь Богом!

— Тогда не получишь больше ни медяка!

— И что это изменит! Мы все живем на жалкие подачки, что бы ни думали про нас другие! Сколько у тебя денег? Сколько миллионов? Пятьдесят? Семьдесят? Сто...

— Если ты сейчас же не извинишься и не прекратишь нести весь этот вздор, не прекратишь раз и навсегда, я лишу тебя наследства прямо сейчас! Прямо сейчас!

— Приношу свои извинения за то, что рассердил тебя, но я не изменюсь никогда! Никогда!

— Даю тебе время до моего дня рождения. Восемь дней. Восемь дней на то, чтобы стать помнящим о своем долге сыном. Это мое последнее слово. Если к моему дню рождения ты не станешь послушным, я навсегда отсеку тебя и твою линию с нашего древа! А теперь убирайся!..

От переживаний у Джона Чэня аж живот подвело. Он не выносил этих бесконечных ссор, когда отец багровел от злости, жена заливалась слезами, дети замирали от страха, а его мачеха, родные и двоюродные братья злорадствовали: все хотят, чтобы он убрался, все его сестры, большинство дядюшек и все их жены. «Зависть, жадность. Черт с ним и с ними со всеми! — думал он. — Однако отец прав насчет Бартлетта, хотя и не в том смысле. Нет. Этот человек для меня. И эта сделка. Одна эта сделка — и я свободен навсегда».

Они почти прошли длинный, ярко освещенный зал таможенного досмотра.

— Идешь на скачки в субботу? — спросил Джон Чэнь.

— А кто не идет?

За неделю до того, к вящему восторгу всего населения, могущественный Скаковой клуб, обладавший эксклюзивной монополией на скачки — единственную официально разрешенную форму азартных игр в колонии, — выпустил специальный бюллетень, в котором говорилось: «Несмотря на то что официально сезон в этом году открывается только 5 октября, с любезного дозволения нашего сиятельного губернатора, сэра Джеффри Эллисона, распорядители приняли решение провести в субботу 24 августа День специальных скачек для удовольствия местных жителей и в качестве поощрения им за усердный труд и стойкое перенесение тягот второй по размерам нанесенного ущерба засухи в нашей истории...»

— Я слышал, что у вас в пятом заезде идет Голден Леди, — сказал Армстронг.

— По словам тренера, у неё есть шанс. Подходи к ложе отца, выпьешь с нами. Я послушал бы твои советы. Ты же у нас великий игрок.

— Просто удачливый. В любом случае мои десять долларов не сравнить с твоими десятью тысячами.

— Но ведь такое случается, лишь когда участвует одна из наших лошадей. Прошлый сезон был просто провальным... Вот бы выиграть... Я знал бы, куда деть эти деньги.

— Я тоже. — «Господи, — подумал Армстронг, — как мне нужно выиграть. Но тебе, Джонни Чэнь, абсолютно наплевать, выиграешь ты десять либо сто тысяч или проиграешь». Он старался совладать с поднимающейся завистью. «Спокойно, — сказал он себе. — Жулики — это реальность бытия, и твоя работа — по возможности ловить их, как бы они ни были богаты и влиятельны, и довольствоваться своим паршивым жалованьем, в то время как на каждом углу денег можно накопить хоть отбавляй. Чего завидовать этому ублюдку? Он все равно попался, так или иначе». — Да, кстати, я послал констебля, чтобы он провел вашу машину через ворота. Она будет ждать тебя и твоих гостей у трапа самолёта.

— О, вот здорово, спасибо. Прошу прощения, что доставил столько хлопот.

— Какие хлопоты... Так, чтобы поддержать престиж. Верно? Я понял, что для вас это, должно быть, весьма особый случай, если ты приехал встречать сам. — Армстронг не удержался, чтобы не подпустить ещё одну шпильку. — Как я уже говорил, для Благородного Дома и похлопотать не грех.

С лица Джона Чэня не сходила та же вежливая улыбка, но про себя он грязно выругался по-американски. «Мы терпим тебя, потому что ты очень важный коп, который всем завидует, по уши в долгах, наверняка продажный и в лошадах не разбирается. Так тебя и так четыре раза. *Цзю ни ло мо*¹³ всех твоих родственников в прошлом и будущем». Джон Чэнь сказал это про себя, но постарался никоим образом не выдать, как непристойно он выбранился. Армстронга откровенно ненавидели все янь Гонконга, однако из многолетнего опыта Джон Чэнь знал, что по безжалостности, мстительности и хитроумию Армстронг не уступит любому грязному маньчжур¹⁴. Он дотронулся до половинки монеты, висевшей на шее на кожаном шнуре. Пальцы затряслись, когда Чэнь почувствовал металл через ткань рубашки. Он невольно содрогнулся.

— Что-нибудь случилось? — спросил Армстронг.

— Ничего. Правда, ничего. — «Возьми себя в руки».

Покинув зал таможенного досмотра, они попали в зону паспортного контроля. На улице было темно. Беспокойные толпы усталых людей нетерпеливо ждали в очередях, выстроившихся перед чиновниками паспортной службы в форме, которые с каменными лицами сидели за небольшими аккуратными столиками. Чиновники приветствовали Армстронга. Джон Чэнь чувствовал на себе их обшаривающие взгляды.

Как всегда, от пристального внимания подступила тошнота, хотя расспросы ему не грозили. У него на руках не просто второсортный гонконгский, а настоящий британский паспорт, а также американская «грин кард» для иностранцев — самое бесценное, чем он владел. С ней он мог свободно работать, развлекаться и жить в США, имея все привилегии коренного американца, кроме права на голосование. «Кому нужно это голосование?» — думал он, воззрившись в ответ на одного из чиновников, стараясь выглядеть молодцом, но все же чувствуя себя раздетым под пристальным взглядом.

— Суперинтендент? — Чиновник протягивал Армстронгу телефонную трубку. — Вас, сэр.

Глядя, как Армстронг возвращается, чтобы взять трубку, Джон Чэнь думал, каково это — быть полицейским, который может брать и брать взятки, да ещё какие, и, — наверное, в миллионный раз — каково это — быть стопроцентным британцем или стопроцентным китайцем, а не евразийцем, которого презирают и те и другие.

Он видел, что Армстронг напряженно слушает, потом до него донеслось сквозь гул толпы: «Нет, просто задержите. Я займусь этим сам. Спасибо, Том».

— Прошу прощения, — извинился Армстронг, вернувшись, и пошёл дальше мимо кордона паспортного контроля по небольшому коридору в ВИП-зал — чистый и просторный, с баром и прекрасным видом на аэропорт, город и залив. В зале никого не было, за исключением чиновника паспортной службы и таможенника. Один из людей Армстронга ждал у шестнадцатого выхода — стеклянных дверей, которые вели на залитый светом бетон. Было видно, как «боинг-707» заруливает к своим

¹³ Широко распространенное китайское ругательство.

¹⁴ Традиционная неприязнь китайцев к маньчжурам — результат длительного правления последней императорской (маньчжурской) династии Цин (1644-1912).

стояночным отметкам.

— Добрый вечер, сержант Ли, — поприветствовал Армстронг. — Все готово?

— Да, сэр. «Янки-2» как раз выключает двигатели. — Сержант Ли снова отдал честь и открыл им двери.

Армстронг поднял глаза на Джона Чэня. Он знал, что ловушка почти захлопнулась.

— После вас.

— Спасибо. — И Джон Чэнь вышел из дверей на бетонное покрытие. «Янки-2» возвышался над ними. Выключенные реактивные двигатели почти замерли и лишь глухо урчали. Команда наземного обслуживания подвела к самолёту высокий самодвижущийся трап. Сквозь небольшие окна кабины виднелись тускло освещенные лица пилотов. В стороне, в тени, припарковался синий «роллс-ройс» модели «силвер клауд», принадлежавший Джону Чэню. Рядом с машиной стоял китаец-водитель в форме, а около него — полицейский.

Главная дверь в салон самолёта открылась, и вышедший стюард в форме приветствовал двух служащих аэропорта, ожидавших на платформе трапа. Он передал одному из них сумку с полетными документами и таможенными декларациями, и завязалась приветливая беседа. Потом служащие замолчали. Почтительно. И вежливо отдали честь.

Девушка была высокого роста, энергичная, изящная американка.

— Айийя! — Армстронг даже тихо присвистнул.

— У Бартлетта неплохой вкус, — пробормотал Джон Чэнь, и сердце у него забилось быстрее.

Они смотрели, как девушка спускается по трапу, и каждый давал волю своим мужским мечтаниям.

— Как думаешь, она модель?

— Двигается как модель. Может, кинозвезда? Джон Чэнь шагнул вперед:

— Добрый вечер, я — Джон Чэнь из компании «Струанз». Я встречаю мистера Бартлетта и мистера Чулука.

— О да, конечно, мистер Чэнь. Очень любезно с вашей стороны, особенно в воскресенье. Рада познакомиться. Я — Кей Си Чолок. Линк говорит, что если вы...

— Кейси Чулук? — изумленно уставился на неё Джон Чэнь. — Да?

— Да, — подтвердила она с милой улыбкой, любезно не обращая внимания на то, что её имя произносят неправильно. — Дело в том, мистер Чэнь, что мои инициалы — Кей Си, поэтому меня и называют Кейси, — Она перевела взгляд на Армстронга: — Добрый вечер. Вы тоже из «Струанз»? — Голос у неё был мелодичный.

— О... э-э... прошу прощения, это... это суперинтендент Армстронг, — запинаясь, проговорил ещё не успевший прийти в себя Джон Чэнь.

— Добрый вечер. — Армстронг отметил про себя, что вблизи она ещё привлекательнее. — Добро пожаловать в Гонконг.

— Благодарю вас. Суперинтендент? Это полицейский чин? — Потом имя встало на свое место. — А, Армстронг. Роберт Армстронг? Начальник департамента уголовного розыска Коулуна?

Он скрыл удивление.

— Вы очень хорошо информированы, мисс Чолок.

— Стараюсь, — усмехнулась она. — Когда отправляешься туда, где ещё не была, особенно в такое место, как Гонконг, нужно подготовиться... так что я просто попросила предоставить мне ваши списки на сегодняшний день.

— Мы не публикуем списков.

— Я знаю. Но правительство Гонконга выпускает официальный телефонный справочник, который за несколько пенни может купить любой. Я просто заказала себе

один. Там есть все департаменты полиции — и начальники департаментов, с указанием их домашних телефонов, — а также все другие правительственные учреждения. Я получила этот справочник через гонконгский офис по связям с общественностью в Нью-Йорке.

— А кто возглавляет спецслужбу? — спросил он, чтобы проверить её.

— Не знаю. Мне кажется, такого департамента там не было. Или он упоминается?

— Иногда.

— А вы всегда встречаете частные самолёты, суперинтендент? — слегка нахмурилась она.

— Только те, которые я хочу встретить, — улыбнулся он. — Только те, на борту которых симпатичные, хорошо информированные дамы.

— Что-нибудь не так? Какие-нибудь неприятности?

— О нет, обычная рутина. Аэропорт Кай-Так входит в мою зону ответственности, — непринужденно обронил Армстронг. — Можно взглянуть на ваш паспорт?

— Конечно. — Нахмурившись ещё больше, она раскрыла сумочку и подала ему свой американский паспорт.

Накопленный с годами опыт позволил ему отметить малейшие детали. «Родилась в Провиденсе, штат Род-Айленд, 25 ноября 1936 года. Рост 5 футов 8 дюймов, волосы светлые, глаза карие. Паспорт действителен ещё на два года. Двадцать шесть, надо же? Я бы сказал, что она моложе, хотя, если присмотреться, в глазах у неё что-то особенное».

С кажущейся бездумностью он небрежно листал страницы. Гонконгская виза на три месяца действующая, и с ней все в порядке. Десяток штампов о въезде и выезде: в основном Англия, Франция, Италия или Южная Америка. Кроме одной. СССР, от июля этого года. Семидневный визит. Он узнал московский штамп.

— Сержант Ли!

— Да, сэр.

— Поставьте здесь отметки, — приказал он, мимоходом улыбнувшись ей. — Все в порядке. Можете оставаться здесь, сколько вам будет нужно. Только по истечении трех месяцев зайдите в ближайший полицейский участок, и мы продлим визу.

— Большое спасибо.

— Надолго к нам?

— Будет зависеть от нашей сделки, — помолчав, объявила Кейси. — Она улыбнулась Джону Чэню. — Мы надеемся завязать здесь долговременные деловые отношения.

— Да, — откликнулся Джон Чэнь. — Э... мы тоже на это надеемся. — Он все ещё был в полном замешательстве, голова шла кругом. «Ну конечно же, не может быть, чтобы Кейси Чолок была женщиной».

Позади них по трапу спустился крепко сложенный стюард Свен Свенсен с двумя сумками в руках.

— Вот, Кейси. Ты уверена, что этого достаточно на сегодня?

— Да. Конечно. Спасибо, Свен.

— Линк сказал, чтобы ты ехала. Тебе помочь пройти таможеню?

— Нет, спасибо. Нас любезно встретил мистер Джон Чэнь. А также суперинтендент Армстронг, начальник департамента уголовного розыска Коулуна.

— О'кей. — Свен на миг задержал на полицейском задумчивый взгляд. — Ну, я пошёл.

— Все в порядке? — спросила она.

— Думаю, да, — расплылся в улыбке Свен. — Таможенники как раз проверяют наши запасы спиртного и сигарет.

Только для четырех вещей в колонии требовалась лицензия на импорт, только с

них взималась таможенная пошлина: золото, спиртные напитки, табачные изделия и бензин. И только одно — помимо наркотиков — считалось контрабандой и было абсолютно запрещено к ввозу: любое огнестрельное оружие и боеприпасы.

— У нас на борту нет риса, суперинтендент, — улыбнулась Кейси Армстронгу. — Линк его не ест.

— В таком случае ему здесь несладко придется. Она засмеялась и опять обернулась к Свенсену:

— До завтра. Спасибо.

— Утром, ровно в девять! — Свенсен направился обратно в самолёт, а Кейси повернулась к Джону Чэню: — Линк сказал, чтобы мы его не ждали. Надеюсь, в этом нет ничего страшного?

— Э?..

— Едем? У нас заказаны номера в отеле «Виктория энд Альберт» в Коулуне. — Она взялась было за сумки, но их перехватил у неё материализовавшийся из темноты носильщик. — Линк приедет позже... или завтра.

Джон Чэнь даже рот раскрыл:

— Мистер Бартлетт не едет?

— Нет. Он хочет остаться на ночь в самолёте, если сможет получить на это разрешение. Если нет, то приедет на такси. В любом случае он будет вместе с нами на ланче, как условлено. Ланч ведь состоится, да?

— О да, но... — Джону Чэню никак было не собраться с мыслями. — Значит, вы хотите отменить встречу в десять утра?

— О нет. Я буду на встрече, как и договорились. Присутствие Линка на этой встрече и не предполагалось. Речь ведь пойдет только о финансировании, а не о политике. Я уверена, что вы войдете в его положение. Линк очень устал, мистер Чэнь. Он только вчера вернулся из Европы. — Она обернулась к Армстронгу: — Командир корабля обратился в диспетчерскую с просьбой разрешить Линку поспать в самолёте, суперинтендент. Те запросили паспортный контроль. Там сказали, что перезвонят, но я понимаю, что наша просьба все равно попадет по команде к вам. Мы, несомненно, будем признательны, если вы дадите добро. У него в последнее время действительно было очень много перелетов, да ещё нужно учесть разницу во времени.

— Я поговорю с ним по этому поводу, — услышал свой голос Армстронг.

— О, спасибо. Большое спасибо. — Поблагодарив, она снова повернулась к Джону Чэню: — Извините за все это беспокойство, мистер Чэнь. Пойдемте?

Кейси и следовавший за ней носильщик направились было к шестнадцатому выходу, но Джон Чэнь указал на свой «роллс-ройс»:

— Нет, сюда, мисс Чу... э, Кейси. Она широко открыла глаза:

— Таможню проходить не будем?

— Сегодня нет, — сказал Армстронг. Она ему нравилась. — Жест вежливости правительства Её Величества.

— Я чувствую себя как прибывшая с визитом царственная особа.

— Это входит в наши обязанности.

Она села в машину. Приятный запах кожи. И роскошный салон. Тут она заметила, что носильщик устремился через ворота в здание аэропорта.

— А мой багаж?

— Не беспокойтесь, — раздраженно произнес Джон Чэнь. — Он будет в вашем номере раньше вас.

Армстронг придержал дверцу:

— Джон приехал на двух машинах. Одна — для вас с мистером Бартлеттом, другая — для багажа.

— На двух машинах?

— Конечно. Не забывайте, вы в Гонконге.

Он проводил «роллс-ройс» взглядом. «Везет Линку Бартлетту, — проговорил он про себя и рассеянно подумал: — Чем, интересно, она могла заинтересовать контрразведку — Эс-ай?»

— Просто встретьте самолёт и лично просмотрите её паспорт, — приказал ему директор Эс-ай сегодня утром. — И паспорт мистера Линкольна Бартлетта.

— Могу я спросить, с какой целью, сэр?

— Нет, Роберт, не можете. Вы уже в этом подразделении не работаете: у вас теперь милая, непыльная работенка в Коулуне. Просто синекура, а?

— Да, сэр.

— И, Роберт, будьте так добры, не завалите мне эту операцию сегодня вечером: там может быть замешано немало крупных имен. Мы предпринимаем массу усилий, чтобы вы, ребята, были в курсе того, чем занимаются эти мерзавцы.

— Да, сэр.

Армстронг вздохнул, поднимаясь по трапу вместе со следовавшим за ним сержантом Ли. «*Цзю ни ло мо* на всех старших офицеров и директора Эс-ай в частности».

Один из таможенников ждал на верху трапа вместе со Свенсеном.

— Добрый вечер, сэр, — сказал он. — На борту все в полном порядке. Пистолет тридцать восьмого калибра, при нем нераспечатанная коробка с сотней патронов, как часть запасов корабля. Ракетница «Верей лайт».

Также три охотничьих ружья и пистолет двенадцатого калибра с боеприпасами, которые принадлежат мистеру Бартлетту. Все занесено в декларацию, и я все осмотрел. В главном салоне есть шкаф для оружия, он на замке. Ключ у командира корабля.

— Хорошо.

— Я вам ещё нужен, сэр?

— Нет, спасибо. — Армстронг взял декларацию и стал её изучать. До черта вина, сигарет, табака, пива и крепких горячительных напитков. Десять ящиков «Дом Периньон» урожая пятьдесят девятого года, пятнадцать — «Пулиньи Монтраше» пятьдесят третьего года, девять — «Шато О-Бри-он» пятьдесят третьего года. — «Лафит Ротшильд» шестнадцатого года нет, мистер Свенсен? — спросил он с гадливой улыбкой.

— Нет, сэр, — улыбнулся во весь рот Свенсен. — Это был очень нехороший год. Но есть пол-ящика урожая двадцать третьего года. Это на следующей странице.

Армстронг перевернул страницу. Ещё вина и сигары.

— Хорошо, — проговорил он. — Конечно, пока вы на земле, все будет в режиме таможенного хранения.

— Да, сэр. Я уже все запер, а ваш человек опечатал. Он сказал, что можно оставить в холодильнике упаковку из двенадцати банок пива.

— Если владелец хочет ввезти любое из этих вин, только дайте знать. Никакого шума и лишь небольшая контрибуция в нижний ящик Её Величества.

— Как это, сэр? — Свенсен был озадачен.

— Э? О, это лишь английская игра слов. Речь идет о нижнем ящике комода, куда дама кладет вещи, которые понадобятся ей в будущем. Прошу прощения. Ваш паспорт, пожалуйста. — Паспорт Свенсена был канадский. — Благодарю.

— Могу я представить вас мистеру Бартлетту? Он ждет.

Свенсен повел его в самолёт. Интерьер был элегантен и прост. Справа от небольшого коридорчика располагался салон с полудюжиной глубоких кожаных кресел и диваном. Дверь по центру отделяла его от хвостовой части самолёта. В одном из кресел полудремала стюардесса, рядом с ней стояли её дорожные сумки. Дверь слева вела в кабину пилотов. Она была открыта.

Командир и первый пилот сидели в своих креслах, они ещё не закончили заполнять бумаги.

— Прошу прощения, капитан. Разрешите представить: суперинтендент Армстронг, — сказал Свенсен и отошел в сторону.

— Добрый вечер, суперинтендент, — поздоровался командир. — Я — капитан Джанелли, а это мой первый пилот Билл О'Рурк.

— Добрый вечер. Могу я взглянуть на ваши паспорта?

В обоих масса международных виз и отметок паспортного контроля. Ничего из-за «железного занавеса». Армстронг передал паспорта сержанту Ли, чтобы тот поставил штампы.

— Благодарю вас, капитан. Это ваш первый визит в Гонконг?

— Нет, сэр. Я был здесь пару раз, когда летал на «эр энд эр»¹⁵ во время Корейской войны. А ещё в качестве первого пилота участвовал в шестимесячном перелете вокруг света, организованном компанией «Фар Истерн» в пятьдесят шестом году, во время беспорядков.

— Каких беспорядков? — спросил О'Рурк.

— Во всем Коулуне творилось бог знает что. Тысяч двести китайцев неожиданно начали буйствовать, бесчинствовать, поджигать. Копы — виноват, полицейские — терпеливо пытались утихомирить их, но, когда толпа стала убивать, вытащили пару пистолетов-пулеметов «стен», замочили полдюжины этих шутников, и все стихло очень быстро. Оружие здесь только у полиции, и это они здорово придумали. — Он повернулся к Армстронгу и добавил: — Считаю, что ваши парни славно сработали.

— Благодарю вас, капитан Джанелли. Откуда этот рейс?

— Из Лос-Анджелеса. У Линка — мистера Бартлетта — там главный офис.

— Вы летели по маршруту Гонолулу—Токио—Гонконг?

— Да, сэр.

— В Токио долго стояли?

Билл О'Рурк тут же полез в бортовой журнал.

— Два часа семнадцать минут. Садись только для дозаправки, сэр.

— Только чтобы выйти поразмяться?

— Выходил из самолёта один я, — объявил Джанелли. — Я всегда проверяю механизмы, шасси и производжу внешний осмотр везде, где садимся.

— Неплохая привычка, — вежливо прокомментировал полицейский. — Вы сюда надолго?

— Не знаю, как Линк скажет. На ночь остаемся точно. Мы на земле до четырнадцати ноль-ноль. Нам приказано просто быть готовыми лететь куда угодно в любой момент.

— У вас замечательный самолёт, капитан. Вам разрешается оставаться здесь до четырнадцати ноль-ноль. Если понадобится продлить пребывание, вызовите до наступления этого времени службу наземного контроля. Когда будете готовы, пройдите таможенную через этот выход. И попрошу, чтобы весь экипаж прошел таможенный досмотр вместе.

— Конечно, вот только заправимся.

— Вы и экипаж в курсе, что ввоз любого огнестрельного оружия в колонию строго запрещен? Мы здесь, в Гонконге, относимся к оружию с большим беспокойством.

— Я тоже, суперинтендент, и не только здесь. Поэтому единственный ключ от шкафа с оружием у меня.

¹⁵ «Эр энд эр» — транспортные самолёты, перевозившие личный состав и раненых на отдых и лечение.

— Прекрасно. Если возникнут проблемы, прошу звонить мне в офис. — Армстронг вышел и направился в салон, следуя чуть позади Свенсена.

Джанелли наблюдал, как он проверяет паспорт у стюардессы. Она девчонка симпатичная, Дженни Поллард.

— Сукин сын, — пробормотал он, а потом спокойно добавил: — Что-то здесь не так.

— А?

— Где это видано, чтобы старшие офицеры уголовного розыска проверяли паспорта, черт возьми? Ты уверен, что у нас ничего такого нет?

— Уверен, черт возьми. Я всегда все проверяю. Даже запасы Свенсена. В вещах Линка — или Кейси, — конечно, не копаюсь, но они и не допустят глупостей.

— Я летаю с ним уже четыре года и ни разу... Тем не менее что-то здесь не так, это точно. — Джанелли устало потянулся и устроился поудобнее в кресле пилота. — Господи, я не отказался бы от массажа и недели отдыха.

В салоне Армстронг передавал паспорт сержанту Ли, который поставил в нем отметку.

— Благодарю вас, мисс Поллард.

— Благодарю вас.

— Это весь экипаж, сэр, — сказал Свенсен. — Теперь мистер Бартлетт.

— Да, пожалуйста.

Свенсен постучал в центральную дверь и открыл её, не ожидая ответа.

— Линк, познакомься, это суперинтендент Армстронг, — произнес он с непринужденной фамильярностью.

— Привет, — проговорил Линк Бартлетт, поднимаясь от стола и протягивая руку. — Могу я предложить вам выпить? Пива?

— Нет, спасибо. Чашку кофе, если можно. Свенсен тут же направился на кухню:

— Сейчас принесу.

— Будьте как дома. Вот мой паспорт, — сказал Бартлетт. — Извините, я на минутку. — Он вернулся за печатную машинку и снова стал стучать по клавишам двумя пальцами.

Армстронг неторопливо рассматривал его. Песочные волосы, голубые с серым глаза, властное, симпатичное лицо. Худощавый. Спортивная рубашка и джинсы. Он пролистал паспорт. «Родился в Лос-Анджелесе 1 октября 1922 года. Молодо выглядит для своих сорока. Московские отметки, как и у Кейси Чолок, других поездок за „железный занавес" не было».

Глаза Армстронга скользили по помещению. Оно было просторным, на всю ширину самолёта. Короткий коридор по центру, ведущий в хвостовую часть, с двумя кабинами по обеим сторонам и двумя туалетами. А в конце последняя дверь — видимо, кабина хозяина.

Салон был оборудован как коммуникационный центр. Телетайп, международная телефонная связь, встроенные пишущие машинки. На переборке — часы с подсветкой, показывающие время по всему миру. Шкафы для документов, копировальный автомат и встроенный письменный стол с обтянутой кожей столешницей и грудой бумаг. Полки с книгами. Книги по налогообложению. Несколько изданий в мягкой обложке. Остальные — про генералов или написанные генералами. Десятки таких книг. Веллингтон, Наполеон, Паттон, «Крестовый поход в Европу» Эйзенхауэра, «Трактат о военном искусстве» Сунь-цзы...

— Пожалуйста, сэр, — донеслось до увлекшегося Армстронга.

— О, благодарю вас, Свенсен. — Он взял чашку с кофе и добавил немного сливок.

Свенсен поставил рядом с Бартлеттом открытую банку охлажденного пива, забрал пустую и ушел обратно на кухню, закрыв за собой дверь. Бартлетт

перечитывал напечатанное, прихлебывая пиво из банки, потом нажал на кнопку вызова. Тут же появился Свенсен.

— Передай Джанелли, чтобы попросил диспетчерскую отослать вот это. — Свенсен кивнул и вышел. Бартлетт расправил плечи и повернулся в крутящемся кресле. — Прошу прощения, нужно было отправить это не откладывая.

— Ничего-ничего, мистер Бартлетт. Ваша просьба переночевать удовлетворена.

— Спасибо, большое спасибо. Свенсену тоже можно остаться? — Бартлетт ухмыльнулся. — Хозяин из меня никудышный.

— Хорошо. Как долго ваш самолёт пробудет здесь?

— Это зависит от нашей завтрашней встречи, суперинтендент. Мы надеемся заключить сделку со «Струанз». Неделю, дней десять.

— В таком случае завтра вам нужно будет переставить самолёт в другое место. У нас в шестнадцать ноль-ноль прибывает ещё один ВИП-рейс. Я попросил капитана Джанелли позвонить в службу наземного контроля до четырнадцати ноль-ноль.

— Спасибо. А разве начальник департамента уголовного розыска Коулуна обычно занимается здесь вопросами перестановки?

Армстронг улыбнулся:

— Мне нравится, когда я знаю, что творится в моем подразделении. Утомительно, конечно, но я привык. К нам не так часто прилетают частные самолёты, да ещё такие, которые встречает лично мистер Чэнь. Мы любим по возможности услужить. Компании «Струанз» принадлежит большая часть аэропорта, а Джон — мой приятель. Вы с ним давно дружите?

— Мы встречались в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, и он мне очень понравился. Послушайте, суперинтендент, этот самолёт — мой комму... — Зазвонил один из телефонов. Бартлетт снял трубку. — О, привет, Чарли, что там в Нью-Йорке?.. Господи, да это здорово. Сколько?.. О'кей, Чарли, покупай весь пакет... Да, все двести тысяч акций... Конечно, первым делом с утра в понедельник, как только начнутся торги. Пошли мне подтверждение по телексу... — Бартлетт положил трубку и повернулся к Армстронгу: — Прошу прощения. Так вот, суперинтендент, этот самолёт — мой коммуникационный центр, и я без него как без рук. Если мы задержимся на неделю, можно ли мне будет приходить сюда и уходить?

— Боюсь, это уж «как кости лягут», мистер Барлетт.

— Это означает «да», «нет» или «может быть»?

— О, это жаргонное выражение, которое значит «непросто». Прошу прощения, но нашей службой безопасности в аэропорту Кай-Так введены особые порядки.

— Если вам придется поставить дополнительных людей, я с удовольствием заплачу.

— Это вопрос безопасности, мистер Бартлетт, а не денег. Телефонная система в Гонконге первоклассная, и вы это оцените. — «А контрразведке будет гораздо легче контролировать ваши звонки», — добавил он про себя.

— Ну, если вы сможете решить этот вопрос, я буду признателен. Армстронг пил небольшими глотками свой кофе.

— Вы первый раз в Гонконге?

— Да, сэр. Первый раз в Азии. Самая дальняя точка, куда я забирался, — Гуадалканал¹⁶, и было это в сорок третьем.

— Служили в армии?

— Служил, сержантом в инженерных войсках. Строительство. Чего мы только не

¹⁶ Гуадалканал — один из Соломоновых островов, расположенный к северо-востоку от Австралии. Стратегический пункт на морских путях в Тихом океане и место ожесточенных боев между американскими и японскими войсками в 1942-1943 гг.

строили: ангары, мосты, лагеря — все подряд. Здорово было. — Бартлетт отхлебнул из банки. — Точно не хотите выпить?

— Нет, спасибо. — Армстронг допил свою чашку и стал вставать. — Благодарю за кофе.

— А можно я задам вам один вопрос?

— Конечно.

— Что собой представляет Данросс? Иэн Данросс. Который возглавляет «Струанз»?

— Тайбань? — Армстронг расхохотался. — Это смотря кого спросить, мистер Бартлетт. Вы с ним не знакомы?

— Нет ещё. Завтра познакомимся. За ланчем. Почему вы называете его «тайбань»?

— «Тайбань» по-китайски означает «верховный вождь» — человек, обладающий высшей властью. Для китайцев все главы старых торговых домов — тайбани. Но даже среди тайбаней всегда есть тот, кто стоит выше всех. Тайбань с большой буквы. Компанию «Струанз» называют Благородный Дом или Благородный Хонг, а «хонг» означает «компания»¹⁷. Так повелось с начала торговли с Китаем и самых первых дней Гонконга. Гонконг основан в тысяча восемьсот сорок первом году, двадцать шестого января. Основатель фирмы «Струан и компания» — Дирк Струан — был, и в некотором смысле остается, человеком легендарным. Для одних он — пират, для других — выдающаяся личность. Во всяком случае, свое состояние он сделал на контрабанде индийского опиума в Китай. На вырученное серебро покупал китайский чай и отправлял в Англию на целой флотилии китайских клиперов. Он стал королем коммерсантов, получил титул Тайбаня, и с тех пор «Струанз» всегда стараются быть первыми.

— Вот как?

— О, две-три компании наступают им на пятки, в частности «Ротвелл-Горнт», но тем не менее, да, я считаю, они первые. Нисколько не сомневаюсь: ко всему, что попадает в Гонконг или покидает его, что в Гонконге едят, прячут или изготавливают, приложили руку «Струанз», «Ротвелл-Горнт», «Эйшн пропертиз», «Блэкс»¹⁸ — Банк Лондона и Китая — или банк «Виктория».

— А сам Данросс? Что он за человек?

Армстронг на мгновение задумался, но только на мгновение.

— Опять же это зависит от того, у кого спросите, мистер Бартлетт. Я знаю его совсем немного, лично мы не общаемся: иногда сталкиваемся на скачках. Пару раз встречался с ним официально. Обаятелен, хорошо делает свое дело... Думаю, в целом его можно охарактеризовать словом выдающийся.

— Ему и его семье принадлежит большая часть «Струанз»?

— Точно не знаю. Сомневаюсь, что это вообще кто-то знает вне их семейного круга. Но кресло тайбаня он занял не из-за своих акций. Такой номер не прошел бы. Я имею в виду, в «Струанз». В этом я уверен вполне. — Армстронг впился в Бартлетта взглядом. — Говорят, Данросс — человек безжалостный, убьет не задумываясь. Я вот не хотел бы иметь его врагом.

Бартлетт попивал пиво, и мелкие морщинки у глаз сложились в загадочную

¹⁷ Благородный Хонг (кит. гунхан) — китайская правительственная купеческая гильдия, с 1720 по 1842 г. обладавшая монополией на торговлю с иностранцами до отмены этой монополии в результате «опиумных войн». В Гонконге и Макао «хонгами» традиционно называют европейские торговые дома (компании), которые издавна ведут торговлю с Китаем.

¹⁸ «Блэкс» (BLACS) — сокращение от Bank of London, Canton and Shanghai (Банк Лондона, Кантона и Шанхая).

улыбку.

— Иногда враг ценнее, чем друг.

— Иногда да. Надеюсь, ваше пребывание здесь принесет вам прибыль. Бартлетт тут же поднялся:

— Спасибо. Я провожу вас. — Он открыл дверь, пропустил перед собой Армстронга и сержанта Ли, а потом вышел за ними из главной двери в салон на ступеньки трапа. Сделал глубокий вдох. В дуновении ветра он опять уловил что-то странное: ни приятное, ни неприятное, ни вонь, ни аромат — нечто странное и необычно возбуждающее. — Суперинтендент, а чем это пахнет? Кейси тоже обратила внимание, когда Свенсен открыл дверь.

Армстронг ответил не сразу. Потом улыбнулся:

— А это самый что ни на есть гонконгский запах, это пахнет деньгами.

2

23:48

— Пусть все боги будут свидетелями, как жутко не везет мне сегодня, — сказал Четырехпалый У и сплюнул на палубу.

Он сидел на корме, на высоком полуякете своей океанской джонки, причаленной к одному из огромных скопищ лодок, которые расползлись по всей Абердинской гавани на южном берегу острова Гонконг. Ночной воздух был горяч и влажен, и У играл с тремя приятелями в мацзян¹⁹. Все они — такие же пожилые и видавшие виды, как он сам, — владели собственными джонками. Несмотря на это, они ходили под его флагом и выполняли его распоряжения. Официально его звали У Санфан. У этого низкорослого неграмотного рыбака осталось лишь несколько зубов и не хватало большого пальца на левой руке. Джонка его была старой, потрепанной и грязной. Глава клана Рожденных в Море У, он заправлял всем своим флотом, и его флаг — серебряный лотос — реял над четырьмя морями.

Когда настала его очередь ходить, он взял ещё одну фишку из слоновой кости. Глянув на неё и увидев, что она не в масть, он яростно сбросил её и снова сплюнул. Плевков заблестел на палубе. Как и его приятели, он был одет в старую, поношенную нижнюю рубашку и чёрные штаны, какие носят грузчики-кули, хотя в одной этой игре у него на кону стояло десять тысяч долларов.

— Аййя, — с деланным неудовольствием воскликнул Рябой Тан, хотя с только что взятой фишкой до выигрышной комбинации ему не хватало лишь ещё одной. Игра эта напоминает британский джин-рамми. — Мать их всех ети, если я не выиграю! — проговорил он, снося фишку демонстративным жестом.

— Твою, если ты выиграешь, а я нет! — откликнулся ещё один игрок, и все засмеялись.

— И этих заморских дьяволов из Золотой Горы²⁰, если их не будет сегодня вечером, — сказал Пун Хорошая Погода.

— Будут, — уверенно заявил Четырехпалый У. — Заморские дьяволы не отходят от расписаний ни на шаг. Во всяком случае, я послал Седьмого Сына в аэропорт проверить.

Взявшись было за новую фишку, он остановился и посмотрел через плечо,

¹⁹ Мацзян (маджонг) — китайская азартная игра для четырех человек.

²⁰ Золотая Гора (кит. Цзиньшань) — США. От старинного китайского названия Сан-Франциско — Цзюцзиньшань.

окинув критическим взглядом проходившую мимо рыбацкую джонку, которая, мирно пыхтя, направлялась в узкий просвет между бортами лодок к выходу из гавани. Она несла только топовые огни и огни левого и правого борта и якобы выходила в море за рыбой, но это была одна из его джонок, и шла она на перехват тайского траулера с грузом опиума. Когда джонка благополучно проследовала мимо, он снова сосредоточился на игре. Наступило время отлива, но глубины вблизи окруженных лодками островов были значительные. С берега и отмелей доносилась жуткая вонь гниющих водорослей, моллюсков и человеческих экскрементов.

На большей части сампанов и джонок было темно, их многочисленные обитатели уже легли спать. Кое-где горели масляные лампы. Лодки всевозможных размеров были пришвартованы одна к другой, казалось, в беспорядке, и между этими плавучими поселками оставались крохотные полоски моря. Здесь обретались танка²¹ и хакка²² — лодочные жители, которые проводили на плаву весь свой век, рождались на плаву и умирали. Многие лодки никогда не покидали стоянок: они так и покачивались на воде, составленные вместе, пока не давали течь, или не разваливались, или их не уносило тайфуном, или они не погибали в огне поражающих воображение пожаров, которые нередко прокатывались по лодочным поселкам, когда по чьей-то неосторожности падала лампа или в открытый огонь, который разводили несмотря ни на что, попадало что-нибудь легко возгорающееся.

— Дед! — закричал мальчик лет двенадцати.

— Что там такое? — откликнулся У.

— На пирсе, смотрите — Седьмой Сын! — Маленький впередсмотрящий указывал на берег.

У и все остальные вскочили и стали вглядываться в сторону берега. Там молодой китаец в джинсах и ловко сидящей футболке расплачивался с водителем такси. Такси остановилось у трапа одного из огромных плавучих ресторанов, пришвартованных в сотне ярдов к современным пирсам. Таких цветастых плавучих дворцов было четыре, трех-, четырех- и пятиэтажных, сверкающих огнями во всем великолепии своих ярко-красных и зеленых с золотом китайских крыш с загнутыми вверх углами, фигурами богов, фантастических животных и драконов.

— Хорошие у тебя глаза, Третий Внук. Молодец. Ступай и встреть Седьмого Сына.

Мальчик в ту же секунду сорвался и убежал, уверенно ступая по соединявшим джонки шатким настилам. Четырехпалый У наблюдал, как его седьмой сын направляется к пирсу, у которого сгрудились паромы, обслуживавшие переправу через бухту. Убедившись, что сына встретил посланный им лодочник, он повернулся к берегу спиной и снова сел к столу.

— Ну, давайте заканчивать, — мрачно проговорил он. — Последний раз играю сегодня, етит твою. Мне ещё на берег нужно.

— Аййя! — вскричал Рябой Тан, увидев, что за фишку только что открыл. Демонстративным жестом он шмякнул её на стол картинкой вверх и раскрыл остальные свои тринадцать фишек, которые вместе составили выигрышную комбинацию. — Смотрите, клянусь всеми богами!

— Так тебя и так! — проговорил У и громко отхаркнулся. — Знаешь, где я видел всех твоих предков во всех поколениях, Рябой Тан? Надо же, чтоб так везло!

²¹ Танка (данъцзя — подлый народ или тинцзя — лодочные жители) — некитайская этническая группа с традиционно низким социальным статусом.

²² Хакка (кэцзя — пришлые люди) — китайская (ханьская) народность, которая веками мигрировала, в основном в Гуандун, на Тайвань и в другие страны. Дала миру известных политических, военных и общественных деятелей, таких как Сунь Ятсен, Дэн Сяопин, Чжу Дэ, Го Можо, Ли Гуанъю.

— Ещё партеечку? Двадцать тысяч на кону, а, Четырехпалый У? — с ликованием предложил Тан, убежденный, что старый черт Цзи Гун, бог азартных игроков²³, сидит сегодня вечером у него на плече.

Четырехпалый покачал было отрицательно головой, но как раз в этот момент прямо у него над головой с жалобным криком пролетела чайка.

— Сорок, — тут же сказал он. Крик чайки — это знак с неба, значит, ему повезет, и он мгновенно передумал. — Сорок тысяч или ничего! Но играть придется в кости: времени нет.

— Клянусь всеми богами, нет у меня сорока. Но с теми двадцатью, что ты мне должен, я займу завтра, когда откроется банк, против моей джонки и буду отдавать тебе всю свою прибыль, ети её, за следующие отправки золота или опиума, пока все не выплачу, хейя?

— Слишком много для одной игры, — мрачно изрек Пун Хорошая Погода. — Вы оба сбрендили, игроки хреновы!

— Играем у кого больше за один бросок? — уточнил У.

— Айийя, вы точно двинулись. — Пун хоть и произнес эти слова, но возбужден был не меньше остальных. — Где кости?

У принес. Три фишки.

— Ну, Рябой Тан, бросай, попытай, что тебя ждет в будущем, етит твою! Рябой Тан поплевал на ладони, помолился про себя, а потом с криком бросил кости.

— О-о-о, — сокрушенно простонал он. Четыре, три и ещё четыре. — Одиннадцать!

Остальные застыли чуть дыша.

У поплевал на кости, призвал на них проклятие, благословил и бросил. Шесть, два и три.

— Одиннадцать! О боги, великие и малые! Ещё раз — бросаем ещё раз! Возбуждение на палубе росло. Рябой Тан бросил:

— Четырнадцать!

У сосредоточился среди опьяняющего напряжения, а затем бросил кости.

— Айийя! — взорвался он, а за ним и остальные. Шесть, четыре и два.

— И-и-и! — только и смог выдать из себя Рябой Тан. Он держался за живот, смеясь от радости. Остальные поздравляли его и сочувствовали проигравшему.

У пожал плечами, сердце ещё колотилось в груди:

— Будь прокляты все чайки, что летают у меня над головой в такое время!

— А-а, ты поэтому передумал, Четырехпалый У?

— Конечно, это было как знак. Много ли чаек кричит, пролетая у тебя ночью над головой?

— Верно. Я поступил бы так же.

— Как повезет — джосс!²⁴ — Тут У просиял. — И-и-и, но зато какие ощущения — получше, чем от «тучек и дождя»²⁵, хейя?

— Не в мои годы.

— А сколько тебе, Рябой Тан?

²³ Пантеон богов китайских народных верований весьма обширен и разнообразен. Отличающиеся прагматизмом китайцы приписывали богам немало качеств, присущих людям, и обращались к ним по самым разным поводам, стараясь умиловить и снискать их расположение.

²⁴ Джосс (йосс) — от искаженного латинского *deus* (Бог). Многозначное китайское выражение, которое толкуется как «судьба», «удача», «веление богов» и т. п.

²⁵ «Тучки и дождь» (юнь юй) — классический китайский эвфемизм, обозначающий любовное соитие или оргазм.

— Шестьдесят, а может, семьдесят. Почти столько же, сколько тебе. — В отличие от всех обитающих на суше деревенских жителей, хакка не ведут учет рождений и смертей. — Чувствую себя не больше чем на тридцать.

— А слышал, в лавку «Лаки медисин», что на рынке в Абердине, привезли новую партию корейского женьшеня, в том числе и столетнего! От него твой «стебель» будет огнем гореть!

— Со «стеблем» у него все в порядке, Пун Хорошая Погода! Его третья жена опять носит ребенка! — У расплылся в беззубой улыбке и вытащил толстую кипу свернутых пятисотдолларовых купюр. Он стал отсчитывать деньги, на удивление ловко, хотя у него и не хватало большого пальца на левой руке. Много лет назад палец ему отсекали в схватке с речными пиратами во время одной из контрабандных вылазок. На миг он оторвался от своего занятия, когда на палубе появился его седьмой сын, молодой человек лет двадцати шести, высокий для китайца. Парень неуклюже прошел по палубе. Над головами взвыли двигатели заходящего на посадку самолёта.

— Прибыли, Седьмой Сын?

— Да, отец, прибыли.

Четырехпалый У радостно хлопнул по перевернутому бочонку.

— Прекрасно. Тогда можем начать!

— Послушай, Четырехпалый, — задумчиво произнес Рябой Тан, указывая на кости. — Шесть, четыре и два — получается двенадцать, а это тоже дает три, волшебную тройку.

— Да-да, я понял.

Рябой Тан широко улыбнулся и указал на север и немного восточнее, где за холмами Абердина, на другой стороне гавани, в Коулуне, в шести милях отсюда, располагался аэропорт Кай-Так.

— Может быть, теперь тебе повезет, хейя?

ПОНЕДЕЛЬНИК

3

05:16

Ещё только начало светать, когда из-за ворот номер шестнадцать на восточной оконечности терминала аэропорта вывернул джип с двумя механиками в комбинезонах и остановился недалеко от основного шасси «Янки-2». Трап оставался у самолёта, главная дверь была чуть приоткрыта. Механики — оба китайцы — вышли из машины. Один стал осматривать основные восьмиколесные шасси, другой так же тщательно обследовал переднюю стойку. Они методично проверили резину, колеса, гидравлические муфты тормозов, заглянули и в отсеки шасси. У обоих были фонарики. Тот, что осматривал главную стойку, вынул гаечный ключ и встал на одно из колес, чтобы посмотреть поближе. Его голова и плечи скрылись в фюзеляже. Через некоторое время он негромко позвал на кантонском:

— Айийя! Эй, Лим, глянь сюда!

Другой подошел и стал вглядываться вверх. На его белом комбинезоне проступили пятна пота.

— Там они или нет? Мне отсюда не видать.

— Возьми свой «стебель» в рот, брат, и спусти себя в канализацию. Конечно они там. Мы с тобой богатые люди. У нас на столе всегда будет рис! Но давай-ка потише, а то разбудишь этих измазанных в дерьме заморских дьяволов наверху! Держи... —

Он передал вниз какой-то продолговатый, завернутый в брезент предмет. Приняв сверток, Лим быстро и бесшумно положил его в джип. Потом ещё один, и ещё один, поменьше. Оба покрылись потом и очень нервничали. Работали они быстро, но бесшумно.

Ещё сверток. Ещё один...

И тут Лим увидел, что из-за угла вылетел полицейский джип и одновременно из шестнадцатых ворот высыпало множество людей в форме. Среди них были и европейцы.

— Нас предали, — охнул он и рванулся прочь в безнадежной попытке обрести свободу.

Полицейские без труда перехватили его, и он остановился, дрожа от сдерживаемого ужаса. Потом сплюнул, проклял всех богов и замкнулся в себе.

Другой тут же спрыгнул вниз и вскочил на сиденье джипа. Но прежде чем он успел включить зажигание, на него навалились и надели наручники.

— Ну, «масляный роток»²⁶, — прошипел сержант Ли, — как думаешь, куда ты сейчас поедешь?

— Никуда, господин полицейский, это все он, этот тип, господин полицейский, этот сукин сын поклялся, что перережет мне глотку, если я не помогу ему. Я ничего не знаю, клянусь могилой матери!

— Врешь, ублюдок. У тебя и матери-то не было. Если не будешь говорить, отправишься в тюрьму лет на пятьдесят!

— Клянусь, господин полицейский, клянусь всеми богами, что...

— Шёл бы ты со своим враньем, дерьмо. Кто платит тебе за это?

По асфальту неторопливо вышагивал Армстронг, ощущая во рту сладкий, тошнотворный вкус добычи.

— Так, — начал он по-английски, — что у нас здесь, сержант? — Он провел долгую ночь без сна и теперь, небритый, усталый, не расположен был слушать визгливые уверения механика в невиновности. Поэтому он негромко произнес на прекрасном гортанном кантонском: — Ещё одно крошечное, незначительное слово, поставщик дерьма прокаженных, — и я прикажу моим людям попрыгать на твоём «потайном мешочке».

Китаец замер.

— Прекрасно. Имя?

— Тань Шута, господин.

— Ложь! Как зовут твоего приятеля?

— Лим Тачжун, но он мне не приятель, господин. Я и не знал его до сегодняшнего дня.

— Ложь! Кто заплатил тебе за это?

— Я не знаю, кто платил ему, господин. Понимаете, он поклялся, что перережет...

— Ложь! У тебя во рту столько дерьма, что ты, должно быть, бог дерьма собственной персоной. Что в этих свертках?

— Я не знаю. Клянусь могилами моих...

— Ложь! — Армстронг произносил это слово автоматически, прекрасно понимая, что без вранья здесь не обойдется.

«Китаезы не такие, как мы, — говорил его первый наставник, бывалый коп, дока во всем, что касалось Китая. — О, я не имею в виду, что все они люди нечестные, жулики или что-нибудь в этом духе, — просто они другие. Объясняясь с полицейским, китаец всегда говорит сквозь зубы и все время врет. Поймаешь негодяя с поличным,

²⁶ «Масляный роток» (кит. юцзуй) — хитрый, изворотливый человек, «шустрила».

а он все равно будет лгать и выкручиваться, как смазанный жиром шест в куче дерьма. Они другие. Взять хотя бы их имена. У всех китайцев четыре различных имени: одно дается при рождении, другое — когда они достигают зрелости, третье — когда становятся взрослыми, а четвертое они выбирают себе сами. Когда они забывают одно, то, не моргнув глазом, добавляют другое. А сами их имена — господи помилуй! Китайцы называют себя лаобайсин — „старинная сотня имен”²⁷. У них на весь Китай лишь сто основных фамилий, и из них двадцать звучат как Юй, восемь как Янь, десять как У, и бог знает сколько ещё таких, как Пин, различных Ли, Чэнь, Цинь, Цзин, Ван и Фу. К тому же каждое из них произносится пятью различными способами, и одному Богу известно, кто есть кто!»

«Стало быть, определить личность подозреваемого будет непросто, сэр?»

«Отлично, юный Армстронг! Отлично, парень! У тебя может быть пятьдесят Ли, пятьдесят Чжанов и четыреста Ванов, и ни один не будет приходиться другому родственником. Господи помилуй! В этом-то и проблема Гонконга».

Армстронг вздохнул. Прошло восемнадцать лет, но китайские имена понятнее не стали²⁸. Кроме того, у каждого, похоже, имелось ещё и прозвище, под которым он и был известен.

— Как тебя зовут? — снова спросил Армстронг и даже не стал слушать ответ. — Ложь! Сержант! Разверни-ка одну из этих штук! Посмотрим, что у нас там.

Сержант Ли отвернул в сторону последнюю обертку. Внутри была состоявшая на вооружении американской армии автоматическая винтовка М-14. Новенькая, хорошо смазанная.

— За это ты, паршивый сын блядской левой титьки, будешь мотать полсотни лет! — проскрежетал Армстронг.

Ошеломленный китаец тупо смотрел на винтовку. Потом простонал еле слышно:

— Ети всех богов, я и знать не знал, что там винтовки.

— Э, нет. Ты знал! — сказал Армстронг. — Сержант, давай в фургон этот кусок дерьма и заведи на него дело за контрабанду оружия.

Китайца уволокли без всяких церемоний. Один из молодых полицейских-китайцев разворачивал небольшой сверток квадратной формы.

— Отставить! — прозвучал приказ Армстронга по-английски. Полицейский и все, кто мог это услышать, замерли. — В этих свертках может оказаться мина-ловушка. Всем отойти от джипа! — Покрывшись потом, полицейский выполнил приказание. — Сержант, вызови наших кудесников минеров. Теперь торопиться некуда.

— Есть, сэр. — Сержант Ли торопливо зашагал к переговорному устройству в полицейском джипе.

Армстронг прошел под самолёт и заглянул в отсек главного шасси. Ничего особенного он не заметил. Потом забрался на одно из колес.

— Господи! — ахнул он.

К внутренним стенкам отсека с обеих сторон были надежно прикреплены пять аккуратных полок. Одну почти опустошили, а остальные по-прежнему оставались

²⁷ Дословный перевод китайского выражения «народ», «простолюдины».

²⁸ Китайские имена состоят из одного-двух иероглифов, и, в отличие от европейских личных имен, их может быть очень много. Иероглифы используются любые, и имена могут иметь самое различное значение. Называть детей в честь родителей, предков или исторических личностей не принято. У большинства китайцев есть «детское имя», которым их называют только родители, близкие и друзья. До начала XX в. по достижении совершеннолетия мужчины могли принимать «(бяо)цзы» — другие имена, под которыми они были более известны, выдающимся личностям присваивали посмертные, а правителям — храмовые имена.

заполнены. Судя по размерам и форме свертков, винтовками М-14 и ящиками с патронами — или гранатами.

— Что-нибудь есть там, наверху, сэр? — Это был инспектор Томас. Молодой англичанин, он прослужил в полиции всего три года.

— Посмотри! Только ничего не трогай.

— Господи! Да тут хватит на пару отделений по борьбе с беспорядками!

— Да. Но для кого это?

— Для коммунистов?

— Или националистов — или преступников. Все это...

— Что там, черт возьми, происходит?

Армстронг узнал голос Бартлетта. Лицо его посуровело, и он спрыгнул вниз. Томас последовал за ним. Армстронг подошел к основанию трапа.

— Я тоже хотел бы это выяснить, мистер Бартлетт, — резко проговорил он, задрав голову.

Бартлетт стоял у главного входа в самолёт, Свенсен — рядом с ним. Оба в пижамах и халатах, и вид у них был заспанный.

— Могу я попросить вас взглянуть вот на это. — Армстронг указал на винтовку, наполовину торчавшую из джипа.

Бартлетт тут же спустился по трапу. Свенсен последовал за ним:

— Что такое?

— Вы не будете так любезны подождать в самолёте, господин Свенсен? Свенсен открыл было рот, чтобы ответить, но осекся. Потом взглянул на Бартлетта. Тот кивнул.

— Приготовь кофе, Свен, ладно?

— Конечно, Линк.

— Ну, так в чем дело, суперинтендент?

— Вот в этом! — указал на оружие Армстронг.

— Винтовка М-14, — прищурился Бартлетт. — И что?

— То, что, похоже, на вашем самолёте ввезены винтовки.

— Этого не может быть.

— Мы только что схватили двух людей, которые их разгружали. Вот один из этих типов. — Армстронг ткнул пальцем в механика в наручниках, который с мрачным видом ждал возле джипа. — Другой в джипе. Может, вы будете так любезны и взглянете в отсек главного шасси, сэр?

— Конечно. Где это?

— Нужно забраться на колесо.

Бартлетт так и сделал. Армстронг и инспектор Томас наблюдали, за какие места он хватался руками, чтобы потом снять отпечатки пальцев. Бартлетт тупо смотрел на полки.

— Черт возьми! Если там ещё такие же, то это целый арсенал!

— Да, прошу их не трогать.

Бартлетт внимательно оглядел полки, потом спустился. Его сонливости как не бывало.

— Это не просто контрабанда. Полки сделаны на заказ.

— Да. Вы не будете возражать, если мы обыщем самолёт?

— Нет. Конечно нет.

— Приступайте, инспектор, — тут же приказал Армстронг. — И проделайте это очень тщательно. Ну, а теперь, мистер Бартлетт, будьте так добры объясниться.

— Я винтовками не занимаюсь, суперинтендент. Не думаю, что на это пошёл бы мой капитан. Или Билл О'Рурк. Или Свенсен.

— А как насчет мисс Чолок?

— Господи, о чем вы говорите?!

— Это дело весьма серьезное, мистер Бартлетт, — ледяным тоном проговорил Армстронг. — Ваш самолёт задержан, и до окончания расследования ни вы, ни кто-либо из экипажа не сможете покинуть колонию без разрешения полиции. Так что же насчет мисс Чолок?

— Это невозможно, абсолютно невозможно, чтобы Кейси как-то была связана с оружием, незаконным ввозом оружия и вообще контрабандой. Невозможно, — Бартлетт говорил это извиняющимся тоном, но страха в голосе не чувствовалось. — И никто из нас не может быть связан с этим. — Его голос стал резче. — Вам ведь была наводка, верно?

— Как долго вы стояли в Гонолулу?

— Час или два, только для дозаправки, точно не помню. — Бартлетт подумал. — Джанелли выходил, но он всегда так делает. Эти полки нельзя было загрузить за час или около того.

— Вы уверены?

— Нет, но готов поспорить, что это было сделано до того, как мы покинули Штаты. Хотя когда, где, зачем и кто это сделал, не имею понятия. А вы?

— Ещё нет. — Армстронг пристально наблюдал за ним. — Может быть, вы хотите вернуться в свой офис, мистер Бартлетт? Мы могли бы выслушать ваши показания там.

— Конечно. — Бартлетт взглянул на часы. Они показывали 5:43. — Давайте сразу так и поступим. Потом мне нужно будет сделать несколько звонков. Нас ещё не подсоединили к вашей системе. Местный телефон там? — Он указал на здание терминала.

— Да. Мы, конечно, предпочли бы сначала задать вопросы капитану Джанелли и господину О'Рурку, а потом уже вам. Если вы не возражаете. Где они сейчас?

— В отеле «Виктория энд Альберт».

— Сержант Ли!

— Да, сэр.

— Давайте в главное управление.

— Есть, сэр.

— Мы хотели также сначала поговорить с мисс Чолок. Опять же, если вы не против.

Бартлетт в это время поднимался по ступенькам. Армстронг шёл рядом.

— Хорошо, — ответил в конце концов Бартлетт. — При условии, что с ней поговорите лично вы и не раньше семи сорока пяти. Она работала сверхурочно, и сегодня у неё тяжелый день, поэтому я не хочу беспокоить её без нужды.

Они зашли в самолёт. Свен ждал около кухни, уже одетый и очень встревоженный. Повсюду были полицейские в форме и в штатском, которые старательно все обыскивали.

— Свен, так что насчет кофе? — Бартлетт направился через салон в свой офис-кабинет.

Центральная дверь, ведущая в хвостовой отсек в конце коридора, была открыта. Армстронг разглядел часть каюты люкс с широкой кроватью. Инспектор Томас рылся в каких-то выдвижных ящиках.

— Черт! — пробормотал Бартлетт.

— Прошу прощения, — извинился Армстронг, — но это необходимо.

— Может, и так, суперинтендент, но это не значит, что происходящее должно мне нравиться. Терпеть не могу, когда кто-то сует нос в мою личную жизнь.

— Да, согласен. — Суперинтендент сделал знак одному из полицейских в штатском: — Сун!

— Да, сэр.

— Прошу вести протокол.

— Одну минуту, давайте сэкономим время, — сказал Бартлетт. Он обернулся к целому комплекту электронного оборудования и нажал два выключателя. Щелчок — и заработала магнитофонная дека с двумя кассетами. Он подключил микрофон и установил его на столе. — Будет две пленки: одна для вас, другая для меня. После того как запись распечатают и нужно будет её подписать, я в вашем распоряжении.

— Благодарю.

— О'кей, давайте начнем.

Армстронг вдруг почувствовал себя неловко.

— Пожалуйста, расскажите, что вам известно о нелегальном грузе, обнаруженном в отсеке стойки главного шасси вашего самолёта, мистер Бартлетт.

Бартлетт повторил, что ничего не знает.

— Я не думаю, что в этом замешан кто-то из экипажа или кто-либо из моих людей. Насколько мне известно, ни один из них никогда не нарушал законов. А я знаю, что говорю.

— Как долго с вами работает капитан Джанелли?

— Четыре года. О'Рурк — два. Свенсен — с тех пор, как в пятьдесят восьмом у меня появился самолёт²⁹.

— А мисс Чолок?

— Шесть лет, почти семь, — сказал Бартлетт после паузы.

— Она менеджер высшего звена в вашей компании?

— Да. Высшего из высших.

— Это необычно, верно, мистер Бартлетт?

— Да. Но не имеет отношения к данной проблеме.

— Вы — владелец этого самолёта?

— Им владеет моя компания. «Пар-Кон индастриз инкорпорейтед».

— У вас есть враги — кто-нибудь, кто хотел бы серьезно досадить вам? Бартлетт усмехнулся:

— Есть ли у собаки блохи? Заводя друзей, не окажешься во главе компании стоимостью полмиллиарда долларов.

— Никого конкретно?

— Это надо спросить у вас. Заниматься оружием — статья особая. Здесь, должно быть, работали профессионалы.

— Кому было известно о том, что вы летите в Гонконг?

— Эта поездка была запланирована пару месяцев назад. Знал мой совет директоров. И те, кто у меня занимается планированием. — Бартлетт нахмурился. — Особого секрета из этого не делалось. Не было причин. — Потом добавил: — Конечно, знала компания «Струанз», это точно. По крайней мере недели две. На самом деле мы подтвердили дату двенадцатого, по телексу, точную дату предполагаемого отлета и прибытия. Я хотел прилететь раньше, но Данросс сказал, что его больше устроил бы понедельник девятнадцатого, а это сегодня. Может, следует спросить у него?

— Я спрошу, мистер Бартлетт. Благодарю вас, сэр. Пока этого достаточно.

— Я бы тоже хотел задать несколько вопросов, суперинтендент, если вы не возражаете. Какое предполагается наказание за нелегальный ввоз оружия?

— Десять лет без права досрочного освобождения.

— Какова ценность этого груза?

— Он бесценен — для того покупателя, кому он предназначен, потому что

²⁹ В 1958 г. «Боинг-707» стал первым реактивным самолётом, появившимся на коммерческих авиалиниях Запада. Первый рейс на «Ту-104», первенце советской реактивной пассажирской авиации, был совершен в 1956 г.

оружие не разрешается иметь никому — абсолютно никакое.

— А кто этот покупатель?

— Любой, кто желает организовать беспорядки, поднять восстание, совершить массовые убийства, ограбление банка или преступление любого масштаба.

— Коммунисты?

Армстронг улыбнулся и покачал головой:

— Им не нужно стрелять в нас, чтобы захватить колонию, или нелегально провозить винтовки: у них полно своего оружия.

— Националисты? Люди Чан Кайши?³⁰

— Им оружие в более чем достаточном количестве и ассортименте поставляет правительство Соединенных Штатов, мистер Бартлетт. Не так ли? Поэтому им тоже нет нужды провозить его таким путем.

— Может, война между гангстерами?

— Господи боже, мистер Бартлетт, наши бандиты не стреляют друг в друга. Наши гангстеры — или, как мы их называем, триады³¹ — улаживают свои разногласия разумно, цивилизованно, по-китайски, с использованием ножей, топоров, оружия из арсенала боевых искусств или при помощи анонимных звонков в полицию.

— Могу поспорить, это кто-то из «Струанз». Именно там вы найдете ответ на загадку.

— Возможно. — Армстронг издал странный смешок. Потом повторил: — Возможно. А теперь, если позволите...

— Конечно. — Бартлетт выключил магнитофон, вынул обе кассеты и передал одну Армстронгу.

— Благодарю вас, мистер Бартлетт.

— Сколько времени обычно продолжается обыск?

— Как когда. Может быть, час. Возможно, нам придется пригласить кое-каких экспертов. Мы постараемся доставить как можно меньше неудобств. Вы покинете самолёт до ланча?

— Да.

— Если вам нужно будет попасть в него, прошу сообщить в мой офис. Наш номер 88-77-33. На какое-то время здесь будет установлен постоянный полицейский пост. Вы будете жить в «Вик»?

— Да. Теперь я могу ехать в город, делать то, что хочу?

— Да, сэ, с условием, что вы не покинете колонию до окончания расследования.

Бартлетт широко улыбнулся:

— Это до меня уже дошло на все сто.

Армстронг ушел. Бартлетт принял душ, оделся и подождал, пока уйдут все полицейские, кроме одного, который занял пост у трапа. Затем вернулся к себе в

³⁰ Чан Кайши (Цзян Цзешу) (1887-1975) — китайский военный и политический лидер, возглавивший гоминьдан после смерти Сунь Ятсена в 1925 г. В годы гражданской войны в Китае (1926-1949) пытался уничтожить коммунистов, но в конце концов потерпел поражение и бежал со своим правительством на Тайвань, где до конца дней оставался президентом провозглашенной им Китайской Республики.

³¹ Триады (кит. Саньхэхуэй — букв. Общество триединства, т. е. Неба, Земли и Человека) — общее название тайных обществ и организаций, действующих в Гонконге, а также в КНР, Макао и чайнатаунах Европы и Северной Америки. В Китае XVII в. это были тайные сообщества, организованные для свержения маньчжурской династии Цин и возвращения к власти китайской (ханьской) династии Мин. Позже эти группы стали заниматься самыми разными формами организованной преступности. Название «триады», введенное британскими властями Гонконга, происходит, по различным версиям, или от символа триад — треугольника — или от треугольной формы иероглифа «хэ» — «гармония», «единение».

офис и закрыл дверь. Оставшись совсем один, он проверил часы. Было 7:37. Он подошел к коммуникационному центру, щелкнул двумя микровыключателями и нажал на клавишу посылы.

Через секунду послышался треск статических помех и сонный голос Кейси:

— Да, Линк?

— Джеронимо³², — четко произнес он в микрофон. Последовала долгая пауза.

— Поняла, — сказала она. Динамик смолк.

4

09:40

Выехав с автомобильного парома, курсирующего между Коулуном и островом Гонконг, «роллс-ройс» повернул на восток и влился в густой поток машин на Коннот-роуд. Утро было очень теплое, влажное и безоблачное под ласкающими лучами солнца. Кейси откинулась на подголовник заднего сиденья. С растущим возбуждением она взглянула на часы.

— Время есть много, мисси, — тут же сказал глазастый шофер. — Благородный Дом эта улица, высокий дом, десять, пятнадцать минут ничего.

— Хорошо.

«Такова жизнь. Когда-нибудь у меня будет свой „роллс-ройс“, аккуратно одетый, вежливый и спокойный шофер-китаец, и не нужно будет переживать из-за цен на бензин. Никогда. Может — наконец-то — именно здесь я получу свое „выходное пособие“, „отвальные“». Она улыбнулась про себя...

Линк первым объяснил, что это такое. Он тогда назвал эти деньги «посылальными». Надо всего лишь сказать «а пошёл ты» кому-то или чему-то.

— Такие деньги имеют самую высокую цену в мире... но и достаются самой дорогой ценой. Если будешь работать на меня — со мной, но на меня, — я помогу тебе получить твои «посылальные». Но не знаю, Кейси, захочешь ли ты платить такую цену.

— Какую?

— Не знаю. Знаю, что она бывает разной — у каждого своя — и всегда больше, чем ты готов заплатить.

— А у тебя было так?

— О да...

«Так, — размышляла она, — пока эту цену нельзя было назвать слишком высокой. Я получаю пятьдесят две тысячи долларов в год, мне дают много денег на расходы, работа расширяет кругозор. Но слишком много забирает государство, и остается совсем недостаточно, чтобы назвать эти деньги „отвальными“».

— Такие деньги получают, срывая большой куш, — объяснял Линк, — а не берут из наличности.

«Сколько мне нужно?»

Подобным вопросом она никогда не задавалась.

«Пятьсот тысяч долларов? При семи процентах такая сумма будет приносить тридцать пять тысяч в год, но это без налогов. Может, стоит подумать о мексиканской правительственной гарантии — одиннадцать процентов минус один процент им за услуги? Все равно это облагается налогом. В свободных от налога облигациях при

³² Джеронимо — боевой клич американских парашютистов (по имени вождя одного из племен индейцев-апачей, дольше всех оказывавшего сопротивление американским войскам в конце XIX в., героя многочисленных фильмов про индейцев).

четырёх процентах сумма составит двадцать тысяч, но облигации — штука опасная, а своими „отвальными“ ты рисковать не станешь».

— Первое правило такое, Кейси, — растолковывал Линк. — Никогда не подвергать эти деньги риску. Никогда. — И с губ его слетел милый смешок, который всегда её обезоруживал. — Никогда не подвергать риску свои «посылальные», за исключением одного или двух раз, когда ты на это решишься.

«Миллион? Два? Три? Переключайся на встречу, и хватит мечтать, — сказала она себе. — Мечтать я не буду, но моя цена — два миллиона наличными в банке. Свободных от налогообложения. Вот что мне нужно. Два миллиона при пяти и одной четверти процента без налогообложения — это сто пять тысяч в год. И при этом у меня и у моей семьи всегда будет все, что я хочу, в более чем достаточном количестве. Но как получить два миллиона, свободных от налогообложения? Не знаю. Но почему-то кажется, что здесь то самое место».

«Роллс-ройс» вдруг остановился. Между плотными рядами машин, двухэтажных автобусов, такси, маленьких и больших грузовиков, повозок, велосипедов, ручных тележек, а кое-где и рикш лавировало множество пешеходов. В этот утренний час пик тысячи людей сновали туда-сюда, появляясь из переулков и боковых улочек или исчезая в них. Они, как горох, сыпались с тротуаров на проезжую часть. Целые потоки людей-муравьев.

Кейси провела солидное исследование, прежде чем отправиться в Гонконг, но все же оказалась не готова к его невероятной перенаселенности.

— Ничего подобного в жизни не видела, Линк, — сказала она утром, когда он приехал в гостиницу, как раз перед её отъездом на встречу. — Когда мы ехали сюда из аэропорта, шёл уже одиннадцатый час, но народу на улицах было море, тысячи — в том числе и детей, — и всё — рестораны, рынки, магазины — ещё работало.

— Люди — это выгода. Иначе зачем мы здесь?

— За тем, чтобы захватить Благородный Дом Азии при тайной помощи и в сговоре с Иудой Искаротом — Джоном Чэнем.

Линк засмеялся вместе с ней.

— Позволь уточнить. Мы здесь для того, чтобы заключить сделку с компанией «Струанз» и осмотреться.

— Значит, планы меняются?

— Тактические, да. Стратегия остается той же.

— А чем вызвана такая перемена, Линк?

— Вчера вечером позвонил Чарли. Мы приобрели ещё двести тысяч акций «Ротвелл-Горнт».

— Значит, заявка на «Струанз» лишь для отвода глаз, а настоящая цель — «Ротвелл-Горнт»?

— Целей у нас по-прежнему три: «Струанз», «Ротвелл-Горнт» и «Эйшн пропертиз». Осмотримся и выждем. Если все будет складываться благоприятно, атакуем. Если нет, можем сделать пять, может быть, восемь миллионов в этом году на прямой сделке со «Струанз». То есть снимем сливки.

— Ты приехал сюда не за пятью-восемью миллионами. Какова истинная цель?

— Получить удовольствие.

«Роллс-ройс» продвинулся на несколько ярдов и опять встал. Они приближались к Сентрал, и движение становилось ещё более плотным. «Ах, Линк, за твоим удовольствием стоит такое пиратство».

— Это первый раз Гонконг, мисси? — ворвалось в её раздумья.

— Да, первый. Я прилетела вчера вечером.

— А-а, очень хорошо. Погода очень плохая ничего. Очень пахнет, очень влажный. Всегда влажный летом. Первый день очень красивый, хейя?

Первый день начался с резкого сигнала многодиапазонного

приёмника-передатчика «ситизен», который выдернул её из сна. И с Джеронимо.

Это кодовое слово означало «опасность — будь осторожен». Она приняла душ и быстро оделась, ещё не представляя, откуда может исходить угроза. Не успела она надеть контактные линзы, как зазвонил телефон.

— Это суперинтендент Армстронг. Прошу прощения за беспокойство в столь ранний час, мисс Чолок, но нельзя ли нам встретиться на минутку?

— Конечно, суперинтендент. — Она подумала. — Дайте мне пять минут, и встретимся в ресторане.

Они встретились, и он стал задавать вопросы, сказав лишь, что на борту самолёта обнаружена контрабанда.

— Вы давно работаете у мистера Бартлетта?

— Полных шесть лет.

— Были ли раньше проблемы с полицией? Любые?

— Вы имеете в виду — у меня или у него?

— У него. Или у вас.

— Никаких не было. А что обнаружено на борту, суперинтендент?

— Такое впечатление, что вас это не слишком беспокоит.

— А с чего мне беспокоиться? Я ничего противозаконного не совершала, Линк тоже. Что касается экипажа, это тщательно подобранные профессионалы, и я сомневаюсь, что они имеют какое-то отношение к контрабанде. Это ведь наркотики, верно? Что за наркотики?

— Откуда вы взяли, что это наркотики?

— Разве не это сюда провозят контрабандой?

— Это очень крупная партия оружия.

— Что?

Было ещё множество вопросов, на большинство которых она ответила. Потом Армстронг ушел. Она допила кофе и отказалась от теплых французских булочек домашнего приготовления, которые — в четвертый раз! — предложил ей накрахмаленный и улыбающийся мальчик-официант. Они напомнили те, что она ела три года назад на юге Франции.

«Ах, Ницца, Кап д'Ай и прованское вино. И милый Линк», — думала она, возвращаясь в люкс, чтобы дожидаться его звонка.

— Кейси? Слушай, э...

— Ах, Линк, как я рада, что ты позвонил, — тут же умышленно перебила она. — Несколько минут тому назад здесь был суперинтендент Армстронг — и я забыла напомнить тебе вчера вечером, чтобы ты позвонил Мартину насчет акций. — Мартин тоже было кодовое слово, обозначавшее «думаю, наш разговор подслушивают».

— Я тоже о нем думал. Теперь это не важно. Расскажи, что было. Она рассказала. Он вкратце обрисовал, что произошло.

— Остальное дополню, когда приеду. Сейчас я еду в отель. Как тебе этот люкс?

— Просто фантастика! Твой называется «Благоухающая весна», мой к нему примыкает, и думаю, что обычно он составляет его часть. Похоже, здесь на каждый люкс по десять боев. Я позвонила в обслуживание, попросила принести кофе и не успела положить трубку, как его уже несут на серебряном подносе. Ванная комната такая просторная, что хоть проводи вечеринку с коктейлями на двадцать человек, есть «комбо» из трех предметов.

— Прекрасно. Дождись меня.

Она уселась на один из глубоких кожаных диванов в роскошной гостиной и стала ждать, наслаждаясь роскошью. Красивые шкафы из китайского лака с выдвижными ящиками, в алькове — зеркальный бар, где чего только нет, скромные букеты цветов и бутылка шотландского виски с монограммой Линкольна Бартлетта и надписью «С почтением от главного менеджера». Её люкс — спальня —

расположен по одну сторону от соединяющей два номера двери, его — главный люкс — по другую. Обе комнаты просто огромные, такие она видела впервые, и в обеих широченные кровати.

«Откуда взялись в самолёте винтовки и чьих рук это дело?»

Задумавшись, она перевела взгляд на широкое — во всю стену — окно, и перед ней предстал остров Гонконг и возносящийся над ним Пик, самый высокий холм на острове. На самом берегу брал свое начало названный в честь королевы Виктории город³³, который потом забирался уступами вверх по отрогам резко вздымающегося холма. Домов становилось все меньше по мере того, как склоны взмывали вверх, однако многоквартирные здания встречались и почти у самой вершины. Одно из них возвышалось как раз над терминалом ведущего на Пик фуникулера. «Вид оттуда, должно быть, потрясающий», — рассеянно думала она.

Вода приятно сверкала голубизной. Движение в бухте было такое же оживленное, как и на лежащих внизу улицах Коулуна. Пассажирские и грузовые суда стояли на якоре или были пришвартованы у причалов Коулуна, заходили в бухту или выходили из неё, весело сигналя гудками. У дока со стороны Гонконга стоял эсминец королевского военного флота, а рядом на якоре — темно-серый фрегат ВМС США. По бухте рассыпались сотни джонок всевозможного размера и возраста — в основном рыбацкие суда, одни с двигателем, другие под парусом, которые неуклюже сновали туда-сюда. словно многочисленные стрекозы, из этого потока судов выныривали переполненные двухэтажные паромы, и повсюду безбоязненно шныряли поперек установленных морских путей крошечные сампаны — весельные или с мотором.

«Где живут все эти люди? — пораженная, спрашивала она себя. — И как зарабатывают на жизнь?»

Номерной без стука открыл дверь общим ключом, и в люкс широким шагом вошёл Линк Бартлетт.

— Прекрасно выглядишь, Кейси, — сказал он, закрыв за собой дверь.

— Ты тоже. Скверное это дело с винтовками, да?

— Здесь кто-нибудь есть? Горничные в комнатах?

— Мы одни, но, похоже, номерные заходят и выходят, когда им вздумается.

— Этот вытащил ключ, когда я ещё не подошел к двери. — Линк рассказал, что произошло в аэропорту. Потом понизил голос: — А что Джон Чэнь?

— Ничего. Вел нервную, ничего не значащую беседу. Говорить со мной о деле не захотел. Думаю, он так и не оправился от того, что я оказалась женщиной. Оставил меня в отеле и сказал, что за мной пришлют машину к девяти пятнадцати.

— Так что, план удался?

— Удался на славу.

— Прекрасно. Получила?

— Нет. Я сказала, что ты уполномочил меня принять это у него, и предложила изначальный вексель на предъявителя. Но он изобразил удивление и сказал, что поговорит с тобой лично, когда повезет обратно после ланча. Он заметно нервничал.

— Не важно. Твоя машина будет здесь через несколько минут. Встретимся на ланче.

— В «Струанз» о винтовках сказать? Данроссу?

— Нет. Давай подождем и посмотрим, кто заговорит об этом.

— Думаешь, это могут быть и они?

— Запросто. Они знали наш полетный план, и у них есть мотив.

³³ Виктория-Сити — так был назван в честь королевы Виктории первый городской квартал, после того как Гонконг стал английской колонией в 1842 г. (сейчас этот район именуется Централ).

— Какой?

— Дискредитировать нас.

— Но зачем?

— Может, они уверены, что знают, как мы собираемся действовать.

— Но разве не было бы с их стороны разумнее вообще ничего не предпринимать, а заманить нас?

— Может быть. Но таким образом первый ход сделали они. День первый: конь пошёл на третью клетку от королевского слона³⁴. Против нас предпринята атака.

— Да. Но кто её предпринял? И какими фигурами мы играем — белыми или черными?

Взгляд его посуровел, порастеряв прежнюю приветливость.

— Мне все равно, Кейси, но при одном условии: выигрываем мы. — И он вышел.

«Что-то случилось, — подумала она. — Возникла какая-то опасность, о которой он мне не говорит...»

— Держать все в тайне — самое важное, Кейси, — сказал он когда-то, в самом начале. — Наполеон, Цезарь, Паттон — все великие полководцы — зачастую скрывали свои настоящие планы от подчиненных. Только для того, чтобы дать им — а следовательно, и вражеским лазутчикам — возможность успокоиться. Если я чего-то не говорю тебе, Кейси, это не значит, что не доверяю. Но ты не должна что-либо скрывать от меня.

— Это несправедливо.

— А разве жизнь справедлива? Смерть справедлива? И на войне нет справедливости. Большой бизнес — это война. Я играю в него, словно это война, и потому-то я выиграю.

— А что выиграешь?

— Я хочу, чтобы «Пар-Кон индастриз» стала больше, чем «Дженерал моторс» и «Экссон» вместе взятые.

— А зачем?

— А мне, черт возьми, так хочется.

— Ну назови действительную причину.

— Ах, Кейси, вот за что я тебя люблю. Слушай и узнаешь.

— Ах, Рейдер, я тоже тебя люблю.

Тогда они оба рассмеялись, зная, что не любят друг друга — в том смысле, какой обычно вкладывается в это слово. Тогда, в самом начале, они договорились отложить обычное ради необычного. На семь лет...

Кейси посмотрела в окно на гавань и корабли.

«Подавлять, разорять и выигрывать. Большой бизнес, самая восхитительная игра в мире, лучше „Монополии“. А ведет меня по ней „Рейдер“ Бартлетт, мастер своего дела. Но время поджигает, Линк. Этот год — седьмой, последний. Он заканчивается в мой день рождения, двадцать пятого ноября, мой двадцать седьмой день рождения...»

До её слуха донеслось что-то вроде стука и звук открываемой общим ключом двери. Она обернулась, чтобы сказать: «Войдите», но накрахмаленный коридорный уже вошёл.

— Доброе утро, мисси, я — Первый Коридорный Дневной Чжан. — Чжан был седовлас и внимателен. Рот расплывался в улыбке. — Номер прибрать, пожалуйста?

— А у вас разве никогда не ждут, чтобы сказали: «Войдите»? — резко произнесла она.

Чжан непонимающе уставился на неё:

³⁴ Ход приводится в традиционной английской нотации.

— Мисси?

— А, ладно, — устало отмахнулась Кейси.

— Красивый день, хейя? Какой номер сначала — Хозяина или мисси?

— Мой. Мистер Бартлетт своим ещё не пользовался. Чжан оскалился в улыбке.

«Айийя, а разве вы с Хозяином не кувыркались вместе в вашем, мисси, до того как он вышел? Однако между приходом и уходом Хозяина прошло всего четырнадцать минут, и, когда уходил, он вроде раскрасневшимся не был.

Айийя, сначала предполагалось, что в моем люксе будут жить двое заморских дьяволов-мужчин. Потом выясняется, что один из них — женщина. И это подтвердил Ночной Энг, который, конечно, просмотрел её багаж и обнаружил серьезное доказательство того, что она — действительно она. А сегодня утром это с большим удовольствием засвидетельствовала Третья Горничная Фэн.

Золотистые волосы на лобке! Какая гадость!

А ведь Золотистый Лобок мало того, что не главная жена Хозяина, она даже не вторая жена, и — о-хо — хуже всего то, что у неё не хватило воспитанности сделать вид, будто она является таковой. Можно было бы не нарушать правил отеля и соблюсти приличия».

Чжан фыркнул. В этом отеле всегда существовали поразительные правила насчет пребывания дам в номерах мужчин — о боги, зачем ещё нужна кровать? — а теперь женщина открыто живет в варварском грехе! О, как вчера накалились страсти! Варвары! *Цзю ни ло мо* на всех этих варваров! Но эта вот точно блудница, потому что перед ней стушевались все: помощник управляющего и ночной управляющий, оба евразийцы, и даже сам сладкоречивый старик, Главный Управляющий Большой Ветерок.

— Нет, нет и нет, — умолял тот, как рассказывали Чжану.

— Да, да и да, — отвечала она, настаивая на том, что будет жить в спальне на половине люкса «Благоухающая весна».

Именно тогда Досточтимый Мэн, первый носильщик и глава триады, а следовательно, главный в отеле, разрешил неразрешимое.

— В люксе «Благоухающая весна» три двери, хейя? — сказал он. — По одной в каждую спальню и одна в главную комнату. Пусть её проведут в номер «Благоухающая весна-В», который ниже по уровню, через её собственную дверь. А вот внутренняя дверь, ведущая в главную гостиную, а оттуда — в апартаменты Хозяина, должна быть крепко-накрепко заперта. Но ключ надо оставить поблизости. Если эта сладкоречивая шлюха отомкнет дверь сама — что тут поделаешь? И тогда, если завтра или на следующий день случится неразбериха с бронированием номеров и нашему досточтимому главному управляющему придется попросить этого миллиардера и его девку из Страны Золотой Горы съехать, что ж, ничего, у нас клиентов более чем достаточно, чтобы сохранить лицо.

Так и сделали. Внешнюю дверь в номер «В» открыли и провели через неё Золотистый Лобок. Если она взяла ключ и тут же открыла внутреннюю дверь — что тут скажешь? Эта дверь теперь открыта, ну и, конечно, он, Дневной Чжан, никогда не заикнется об этом никому из посторонних, его рот на замке. Как всегда.

«Айийя, но ведь в то время, когда внешние двери заперты и остаются благонравными, внутренние могут быть похотливо открыты настежь. Как и её „нефритовые ворота“, — размышлял он. — *Цзю ни ло мо*, интересно, на что это похоже — штурмовать „нефритовые ворота“ таких размеров?»

— Заправлять постель, мисси? — любезно спросил он по-английски.

— Валяй.

«О, как же воистину ужасны звуки их варварского языка! Уф!» Дневному Чжану хотелось отхаркнуться и очистить рот от бога слюны, но это было против правил отеля.

— Хейя, Дневной Чжан, — бодро поздоровалась с ним Третья Горничная Фэн. Она вошла в спальню, нехотя постучав в дверь люкса после того, как уже открыла её.

— Да, мисси, очень извините, мисси, — по-английски, а затем Чжану, по-кантонски: — Ты что, ещё не закончил? У неё что, такое душистое дерьмо, что тебе так и хочется залезть к ней в штаны?

— *Цзю ни ло мо* тебе туда же, Сестра. Смотри, что говоришь, не то старый батюшка может задать тебе хорошую взбучку.

— С той единственной взбучкой, что нужна твоей старой матушке, ты мне не помощник! Давай-ка, помоги быстренько заправить её кровать.

Через полчаса начинается партия в мацзян. Досточтимый Мэн послал за тобой.

— О, спасибо, Сестра. Хейя, ты правда видела волосы у неё на лобке?

— Я ведь уже рассказывала. Думаешь, вру? Они чисто золотого цвета, светлее, чем на голове. Она принимала ванну, а я была так близко, как сейчас мы с тобой. И, о да, соски у неё розоватые, а не коричневые.

— И-и-и! Подумать только!

— Ну как у свиноматки.

— Какой ужас!

— Да. Ты сегодня читал «Коммершиэл дэйли»?

— Нет ещё, Сестра. А что?

— Там астролог утверждает, что эта неделя для меня очень хорошая, а сегодня финансовый редактор говорит, что вроде бы начнется новый бум.

— *Цзю ни ло мо*, что ты говоришь!

— Так что я велела сегодня утром своему брокеру, чтобы прикупил ещё тысячу акций Благородного Дома, столько же «Голден ферриз», сорок — Второго Великого Дома и пятьдесят — «Гуд лак пропертиз». Мои банкиры — люди щедрые, но теперь, когда у меня не осталось ни медяка наличными в гонконгских долларах, хоть милостыню проси или занимай!

— И-и-и, ты занимаешь, Сестра. Я и сам на мели. На прошлой неделе занял в банке против своих акций и купил ещё шестьсот акций Благородного Дома. Это было во вторник. Покупал по двадцать пять долларов двадцать три цента!

— Айийя, Досточтимый Чжан, вчера вечером перед закрытием торгов они шли по двадцать девять долларов четырнадцать центов. — Третья Горничная Фэн автоматически сделала подсчет. — Ты уже приподнялся на две тысячи триста сорок восемь гонконгских долларов! А ещё говорят, что Благородный Дом собирается купить «Гуд лак пропертиз». Если они попытаются это сделать, их враги будут просто клокотать от ярости. Ха! Тайбань Второго Великого Дома изойдет пылью!

— О-хо-хо, но при этом их акции взлетят! Всех трех! Ха! *Цзю ни ло мо*, где бы достать ещё наличных?

— На скачках, Дневной Чжан! Возьми в долг пятьсот против своих выигрышей на сегодняшний день и поставь на дневную двойную в воскресенье или на двойную кинеллу³⁵. Четыре и пять — мои счастливые номера...

В спальню вошла Кейси, и оба подняли на неё глаза. Чжан переключился на английский:

— Да, мисси?

— У меня в ванной есть кое-какие вещи в стирку. Не могли бы вы забрать их?

— О да, будет сделано. Сегодня шесть часов захожу о'кей ничего. «Эти заморские дьяволы такие тупые, — с презрением думал про себя

³⁵ Двойная дневная — ставка на скачках на победителя в двух заездах подряд, обычно в первом и втором. Двойная кинелла — ставка с выбором двух лошадей, финишировавших первыми вне зависимости от последовательности в каждом из двух выбранных заездов.

Чжан. — Что я, пустоголовая куча дерьма? Конечно, позабочусь о грязном белье, если оно есть».

— Благодарю вас.

Они будто зачарованные смотрели, как она поправляет макияж у зеркала в спальню комнате, готовясь уходить.

— Титьки у неё совсем не свисают, а, сестра? Розовые соски, хейя? С ума сойти!

— Говорю тебе, как у свиноматки. У тебя что, не уши, а горшки, чтобы туда мочиться?

— Помочись себе в ухо, Третья Горничная Фэн.

— Она тебе чаевые давала?

— Нет. Хозяин дал много, а эта — ни цента. Отвратительно, хейя?

— Да. Что тут поделаешь? Люди из Золотой Горы воистину бескультурны, верно, Дневной Чжан?

5

09:50

Тайбань перевалил подъем и помчался по Пик-роуд. Его «ягуар» типа Е направлялся на восток в сторону Мэгэзин-Гэп. На петляющей дороге с одним рядом в каждую сторону мест для обгона попадалось очень мало, а на большинстве поворотов подстерегали отвесные обрывы. Покрытие сегодня было сухим, и Иэн Данросс, хорошо знакомый с дорогой, проходил повороты быстро и с наслаждением, прижимаясь к склону холма и ведя ярко-красный кабриолет вплотную к внутренней кривой. Вылетев из-за поворота, он переключился, как гонщик, на более низкую передачу и резко затормозил перед медлительным старым грузовиком. Терпеливо подождал, а потом, выбрав подходящий момент, вывернул на встречную и благополучно обошел грузовик, прежде чем впереди из-за поворота, за которым ничего не просматривалось, вынырнула встречная машина.

Теперь на небольшом отрезке стало видно, что делается впереди: на петляющей дороге никого. Он утопил педаль газа, срезая углы, захватив все пространство дороги, чтобы идти кратчайшим путем. Руки, глаза, ноги, тормоза и коробка передач действовали как одно целое, и он всем существом чувствовал огромную мощь двигателя и колеса. Неожиданно далеко впереди показался встречный грузовик, и свободы не стало. В долю секунды он переключил передачу и притормозил, прижавшись в свой ряд и сожалея об утраченной свободе, потом снова прибавил скорости и понесся дальше, где ждали ещё более коварные повороты. Догнав ещё один грузовик, на этот раз полный пассажиров, он держался позади него в нескольких ярдах, зная, что какое-то время обойти его будет нелегко. Тут одна из ехавших на грузовике женщин обратила внимание на номерной знак «ягуара» — 1-1010 — и указала на него остальным. Все уставились на него, оживленно переговариваясь друг с другом, а один из пассажиров постучал по кабине. Водитель послушно съехал с дороги на крошечную обочину и махнул, мол, проезжай. Убедившись, что это безопасно, Данросс обошел грузовик, с улыбкой помахав рукой пассажирам.

Новые повороты, ускорения, ожидания возможности обогнать, обгоны и опасность — все это была его стихия. Потом он свернул влево на Мэгэзин-Гэп-роуд. Дорога пошла под гору, повороты стали посложнее, движение — более плотным и медленным. Он обогнал такси, на большой скорости обошел три машины подряд и вернулся в свой ряд, идя ещё с превышением скорости. Впереди он заметил дорожных полицейских на мотоциклах, снизил скорость и прошел мимо уже на положенных тридцати милях в час, доброжелательно помахав им рукой. Они махнули ему в ответ.

— В самом деле, Иэн, ты бы уж чуть помедленнее ездил, что ли, — попенял ему недавно Генри Фоксвелл, главный суперинтендент дорожной полиции. — Правда.

— У меня ни одного ДТП — пока. И ни одного штрафа.

— Боже милостивый, Иэн, неужели ты думаешь, что хоть один полицейский на острове осмелится выписать тебе квитанцию? Тебе, Тайбаню? Боже упаси! Я имею в виду, для твоего же блага. Не выпускай этого своего джинна скорости из бутылки до гонок в Монако или Макао.

— В Монако гоняют профессионалы. Я не рискую, да и не езжу так быстро.

— Шестьдесят семь миль в час по Вонгнечжун — это не совсем чтобы медленно, дружище. Правда, дело было в четыре двадцать три утра, когда на дороге никого. Но это зона ограничения скорости — тридцать миль в час.

— В Гонконге немало «ягуаров» типа Е.

— Да, согласен. Семь штук. И все ярко-красные кабриолеты со специальным номером. С черной брезентовой крышей, гоночными дисками и резиной, и все носятся как угорелые. Это было в прошлый четверг, дружище. Радар и все такое. Ты был... в гостях у друзей. Насколько я помню, на Синклер-роуд.

Данросс еле сдержал вдруг нахлынувшую ярость.

— Вот как? — Внешне он ещё улыбался. — В четверг? Кажется, припоминаю: я тогда ужинал с Джоном Чэнем. В его квартире в Синклер-тауэрс. Но, мне кажется, я вернулся домой задолго до четырех двадцати трех.

— О, я уверен, что так и было. Я уверен, что констебль все перепутал: и номера, и цвет, и все остальное. — Фоксвелл дружески похлопал его по спине. — Даже если так, езди помедленнее, ладно? Будет очень неприятно, если ты погибнешь во время моего пребывания в должности. Подожди, пока меня переведут обратно в особое подразделение — или в полицейский колледж, а? Да, я уверен, что это была ошибка.

«Но это была не ошибка, — сказал про себя Данросс. — Об этом знаешь ты, об этом знаю я, это подтвердит Джон Чэнь, а также Вэй-вэй. Значит, вы, ребята, знаете про Вэй-вэй! Интересно».

— Вы что же это, парни, следите за мной? — спросил он без обиняков.

— Боже милостивый, нет! — Фоксвелл был в шоке. — Особая разведслужба следила за одним человеком, который у них на подозрении, а у того квартира в Синклер-тауэрс. Ты попал в поле зрения случайно. Ты здесь персона очень важная и прекрасно об этом знаешь. Я получил информацию по своим каналам. Ты же знаешь, как это делается.

— Нет, не знаю.

— Как говорят, для мудреца довольно и словца, дружище.

— Да, говорят. Так вот, может быть, ты лучше скажешь своим ребятам из «интеллидженс», чтобы они в будущем вели себя поинтеллигентнее.

— К счастью, они умеют держать язык за зубами.

— Даже если так, я не хочу, чтобы мои передвижения фиксировались.

— Я уверен, что дело так и обстоит. Они не фиксируются.

— Хорошо. А что это за подозреваемый в Синклер-тауэрс?

— Один наш важный шельма капиталист, которого тем не менее подозревают в принадлежности к тайным «комми». Скучное дело, но Эс-ай нужно отрабатывать свой хлеб, верно?

— Я его знаю?

— Думаю, ты всех знаешь.

— Шанхаец или кантонец?

— А почему ты считаешь, что он тот или другой?

— А, значит, европеец?

— Он просто подозреваемый, Иэн. Извини, это все пока большая тайна.

— Да ладно, этот дом принадлежит нам. Кто? Я никому не скажу.

— Знаю. Извини, старина, не имею права. Однако могу предложить тебе одно умозрительное соображение. Предположим, есть мужчина, который женат, очень важная персона, и есть дама, чей дядюшка, как выяснилось, первый человек после негласного главы нелегальной тайной полиции гоминьдана³⁶ в Гонконге. Предположим, гоминьдан захочет привлечь эту очень важную персону на свою сторону. Конечно же, на него можно надавить с помощью такой дамы. Верно ведь?

— Верно, — охотно согласился Данросс. — Если он болван. — Он уже знал о дяде Вэй-вэй, Жэне, и несколько раз встречался с ним на приемах в Тайбэе. И этот человек ему понравился. «Тут никаких проблем, — подумал он. — Она мне не любовница и даже не подруга, хотя красива и желанна. И соблазнительна».

Он улыбнулся своим мыслям, двигаясь в потоке машин по Мэгэзин-Гэп-роуд. Потом подождал в очереди, чтобы проехать по круговой развязке, и направился по Гарден-роуд к Сентрал, до которого оставалось полмили, и к морю.

Уже показалось взметнувшееся ввысь современное двадцатидвухэтажное здание — офис «Струанз». Фасадом оно выходило на Коннот-роуд и на море почти напротив терминала компании «Голден ферриз», паромы которой курсировали между Гонконгом и Коулуном. Видеть офис было, как всегда, приятно.

Отыскивая где только можно лазейки в плотном движении, он объехал слева отель «Хилтон» и площадки для крикета, потом свернул на Коннот-роуд, где на тротуарах было полно пешеходов. И остановил машину около главного входа в Струан-билдинг.

«Большой день сегодня, — подумал он. — Приехали американцы. И, если повезет, Бартлетт станет той петлей, которая затянется на шее Квиллана Горта раз и навсегда. Дай нам Бог повернуть все это!»

— Доброе утро, сэр, — бодро приветствовал его швейцар в униформе.

— Доброе утро, Том.

Данросс выбрался из низко сидящей машины и взбежал по мраморным ступенькам, перепрыгивая через одну, к огромной стеклянной входной двери. Другой швейцар отогнал машину в подземный гараж, а ещё один распахнул перед ним дверь. В стекле отразился подкативший «роллс-ройс». Узнав его, Данросс оглянулся. Из машины вышла Кейси, и он невольно присвистнул. Шелковый костюм строгих линий выглядел очень консервативно, но не скрадывал стройности фигуры и грации танцующей походки, а его морская зелень подчеркивала темное золото её волос. В руках у неё был кейс.

Она огляделась, почувствовав чужой взгляд. Тут же узнав Данросса, тоже смирила его взглядом, и, хотя все это продолжалось лишь мгновение, обоим оно показалось очень долгим. Долгим и неспешным.

Первой шаг к нему сделала она. Он пошёл навстречу.

— Приветствую, мистер Данросс!

— Привет. Мы ведь раньше не встречались, верно?

— Да. Но вас легко узнать по фотографиям. Я рассчитывала, что буду иметь удовольствие познакомиться с вами чуть позже. Я — Кейс...

— Да-да, — улыбаясь, сказал он. — Джон Чэнь звонил мне вчера поздно вечером. Добро пожаловать в Гонконг, мисс Чолок. Вы же мисс, так ведь?

— Да. Надеюсь, то, что я — женщина, ни на что особенно не повлияет.

— Повлияет, ещё как повлияет. Но эту проблему мы постараемся уладить. Не желаете ли вы с мистером Бартлеттом быть моими гостями на скачках в субботу?

³⁶ Гоминьдан (Националистическая партия Китая) — консервативная политическая партия, основана вскоре после свержения династии Цин в 1912 г. Вела борьбу за контроль над страной сначала с северными милитаристами, а потом с коммунистами до исхода националистов на Тайвань в 1949 г.

Ланч и все такое?

— Думаю, это было бы замечательно. Но мне нужно спросить у Линка. Могу я подтвердить наше согласие сегодня днем?

— Конечно.

Он задержал на ней взгляд. Она на него ответила. Швейцар все ещё держал дверь открытой.

— Ну, что же, пойдёмте, мисс Чолок, сражение начинается. Она быстро глянула на него:

— Зачем нам сражаться? Мы приехали заниматься бизнесом.

— О да, конечно. Прошу прощения, это лишь одно из выражений Сэма Акройда. Объясню в другой раз.

Он жестом пригласил её войти и повел к лифтам. Все ждавшие в длинной очереди тут же отступили в сторону, чтобы пропустить их в подошедшую первой кабину. Кейси стало неловко.

— Спасибо, — поблагодарил Данросс, не видя в этом ничего особенного.

Он зашел вслед за ней в лифт, нажал на кнопку с цифрой «20», самую верхнюю, рассеянно отметив про себя, что Кейси не пользуется духами, а из украшений у неё лишь тонкая золотая цепочка на шее.

— А почему дверь главного входа под углом? — спросила она.

— Извините, что вы сказали?

— Такое впечатление, что главный вход слегка наклонен — стоит не совсем прямо, — и я спросила почему.

— Вы очень наблюдательны. Ответ на это — фэншуй³⁷. Мы построили это здание четыре года назад, но по какой-то причине забыли проконсультироваться с экспертом нашей компании по фэншуй. Это некто вроде астролога, специалист по небу, земле, водяным потокам и злым духам и прочему, который должен удостовериться, что ты строишь на спине, а не на голове Дракона Земли.

— Что?

— О да. Видите ли, во всем Китае каждое здание стоит на определенной части Дракона Земли. Если на спине — очень хорошо, но если на голове — это очень плохо, и просто ужасно — если на глазном яблоке. Так вот, когда мы стали выяснять, что и как, наш специалист по фэншуй сказал, что мы на спине Дракона — слава богу, иначе пришлось бы переезжать в другое место, — но злые духи проникают в дверь, и именно от этого все неприятности. Он посоветовал переставить дверь. Под его руководством мы поставили её под другим углом, и с тех пор злым духам сюда дороги нет.

— Ну, а теперь назовите настоящую причину, — усмехнулась она.

— Фэншуй. Нам здесь очень не везло, по сути дела, невезение было просто страшное, пока дверь не заменили. — Лицо Данросса на миг посуровело, но потом омрачившая его тень прошла. — Как только мы поставили её под другим углом, все снова стало хорошо.

— Вы хотите сказать, что действительно верите во все это — злых духов и драконов?

— Я в это несколько не верю. Прийти к этому не просто, но вы поймете, что в Китае лучше всего вести себя немного по-китайски. Не забывайте, что Гонконг все же Китай, хоть и британское владение.

— Вы пришли к этому...

Лифт остановился, и двери открылись. В обшитой панелями приёмной место за

³⁷ Фэншуй — древняя китайская практика размещения предметов и организации пространства, цель которой — достижение гармонии с окружающей средой.

столиком секретаря занимала аккуратная исполнительная китаянка. Она с одного взгляда оценила наряд Кейси и её украшения.

«Корова, на тебе все написано большими буквами», — подумала Кейси, ответив такой же любезной улыбкой.

— Доброе утро, тайбань, — заискивающе приветствовала босса секретарша.

— Мэри, это мисс Кей Си Чолок. Прошу проводить её в офис мистера Струана.

— О, но... — Мэри Ли пыталась скрыть изумление. — Они, они ждут... — Она взялась за трубку, но Данросс остановил секретаршу: — Просто проводите её. Сейчас же. Объявлять о её прибытии не нужно. — Он снова повернулся к Кейси: — Вы в воздухе, действуйте. До скорой встречи.

— Да, спасибо. Пока.

— Прошу следовать за мной, мисс Чулук, — сказала Мэри Ли и пошла через зал. Обтягивающий чунсам с высоким разрезом на бедрах, длинные ноги в чулках, игривая походка.

На секунду Кейси задержала на ней взгляд. «Наверное, из-за этого разреза походка у них такая неприкрыто сексуальная», — думала Кейси, изумленная подобной откровенностью. Она перевела взгляд на Данрасса и подняла бровь.

Тот ухмыльнулся:

— До встречи, мисс Чолок.

— Пожалуйста, называйте меня Кейси.

— Возможно, я предпочел бы Камалян³⁸ Сирануш. Она изумленно уставилась на него:

— Откуда вы знаете мои имена? Наверное, даже Линк их не вспомнит.

— Ах, хорошо иметь высокопоставленных друзей, верно? — улыбнулся он. — À bien tôt³⁹.

— Oui, merci⁴⁰, — автоматически ответила она.

Он зашагал к лифту напротив и надавил на кнопку. Двери раскрылись и тут же закрылись за ним.

Кейси задумчиво пошла за Мэри Ли. Та ждала, наострив уши и стараясь не пропустить ни слова.

В лифте Данросс вынул ключ, вставил в замок и повернул. Лифт включился. Он обслуживал лишь два верхних этажа. Данросс нажал нижнюю кнопку. Такие ключи были ещё лишь у троих: у его исполнительного секретаря Клаудии Чэнь, его персонального секретаря Сандры И и Первого Боя Лим Чу.

На двадцать первом этаже располагались его личный офис и зал заседаний внутреннего совета. Пентхаус на двадцать втором занимали личные апартаменты тайбаня. И лишь у него одного имелся ключ от последнего частного лифта, соединявшего напрямую пентхаус и подземный гараж.

— Иэн, — сказал его предшественник на посту тайбаня, Аластэр Струан, передавая ему ключи, после того как Филлип Чэнь ушел, — уединение — самое ценное, что у тебя есть. Дирк Струан и это заложил в свое завещание, и как мудро он поступил! Не забывай, что частные лифты, как и апартаменты тайбаня, не для роскоши или показухи. Это лишь возможность обеспечить себе необходимую меру секретности, может быть, даже убежище. Ты лучше поймешь это, когда считаешь завещание и посмотришь, что лежит в сейфе тайбаня. Береги этот сейф как зеницу

³⁸ Так у автора.

³⁹ Пока (франц.).

⁴⁰ Да, спасибо (франц.).

ока. Предосторожности лишними не будут: секретов там множество — иногда мне казалось, даже слишком много, — и некоторые далеко не привлекательны.

— Надеюсь, у меня получится, — вежливо ответил он, с трудом вынося своего кузена. Данросс был тогда страшно взволнован: наконец-то он получил то, к чему стремился много лет! Сколько тяжкого труда было положено, чтобы добиться этого, и сколько на это поставлено.

— Получится. У тебя — получится, — натянуто признал Аластэр Струан. — Ты прошел все испытания и хотел заниматься этим с тех пор, как начал что-то соображать. Так?

— Верно, — согласился Данросс. — Я старался готовить себя к этому. Да. Удивительно лишь то, что передаешь мне это ты.

— Самый высокий пост в «Струанз» передается тебе не по праву рождения — благодаря этому можно только войти во внутреннее правление, — а потому, что, на мой взгляд, из нас ты лучший, кто может стать моим преемником, и ты многие годы целеустремленно шёл к этому, расталкивая остальных и пробивая себе дорогу. Так ведь было на самом деле, верно?

— «Струанз» нужны перемены. Если уж называть вещи своими именами, Благородный Дом представляет собой черт знает что. Но тебя во всем винить нельзя: была война, потом Корея, потом Суэц⁴¹ — несколько лет тебе не везло. Пройдут годы, прежде чем мы почувствуем себя в безопасности. Если бы Квиллан Горнт — или любой другой из двадцати врагов — знал половину правды, знал, насколько завышена цена наших акций, мы утонули бы в своих никому не нужных бумагах за неделю.

— Наши бумаги не «дутые», напрасно ты говоришь, что они никому не нужны! Ты преувеличиваешь, как всегда!

— Их цена — двадцать центов на каждый доллар, потому что у нас не хватает капитала, недостаточно наличности и над нами нависла просто смертельная опасность!

— Чушь!

— Ты так думаешь? — В голосе Данросса зазвучали резкие нотки. — «Ротвелл-Горнт» сожрали бы нас за месяц, если бы знали размер нашей текущей дебиторской задолженности по счетам против срочной кредиторской.

Уставившись на него, старик молчал. Потом обронил:

— Это лишь временное явление. Обычное для этого сезона и временное.

— Ерунда! Ты прекрасно знаешь, почему передаешь мне должность: только я смогу разрулить кавардак, оставленный вами — тобой, моим отцом и твоим братом.

— Ну да, готов поспорить, ты сможешь. Это верно, — вспыхнул Аластэр. — Да. У тебя в крови как раз столько от «Дьявола» Струана, что ты смог бы послужить и этому хозяину, если бы захотел.

— Спасибо. Скажу честно: я не позволю, чтобы что-то стояло у меня на пути. И раз уж мы этой ночью говорим все напрямик, могу сказать, почему ты всегда ненавидел меня, почему меня ненавидел и мой собственный отец.

— Прямо-таки можешь?

— Да. Потому что я вернулся с войны, а твой сын — нет. Твой племянник Линбар, последний в вашей ветви клана Струанов, парень славный, но толку от него никакого. Да, я выжил, а мои бедные братья — нет, и от этого отец до сих пор сходит с ума. Ведь это так, да?

— Да, — согласился Аластэр Струан. — Да, боюсь, что так оно и есть.

⁴¹ Имеется в виду Суэцкий кризис 1956 г., когда чуть не началась вооруженная агрессия Великобритании и Франции против Египта после национализации Суэцкого канала.

— А я не боюсь, что так оно и есть. Я ничего не боюсь. Спасибо бабушке Данросс.

— Хейя, тайбань, — бодро приветствовала его Клаудиа Чэнь, когда двери лифта открылись. Живая седовласая евразийка, перевалившая за шестьдесят, она сидела за огромным письменным столом, занимавшим большую часть фойе двадцать первого этажа. Из сорока двух лет, в течение которых Клаудиа служила Благородному Дому, двадцать пять она состояла исключительно при сменявшихся друг друга тайбанях. — *Ни хао ма?* (Как дела?)

— Хао, хао (хорошо), — рассеянно ответил он. Потом перешел на английский: — Бартлетт звонил?

— Нет, — нахмурилась она. — Он и не должен был звонить до ланча. Хотите, я попробую дозвониться до него?

— Нет, не нужно. А что мой звонок Форстеру в Сидней?

— Тоже ещё не дозвонились. И господину Мак-Струану в Эдинбург. Вы чем-то обеспокоены? — спросила она, мгновенно уловив его настроение.

— Что? О нет, ничего.

Он сбросил с себя напряжение и прошел мимо её стола в свой офис, окна которого выходили на бухту, и сел в мягкое кресло рядом с телефоном. Закрыв дверь, она присела рядом с блокнотом наготове.

— Вспоминал сейчас свой день «Д»⁴². День, когда я принял вахту.

— А-а. Джосс, тайбань.

— Да.

— Джосс, — повторила она. — И это было так давно.

— Давно? — засмеялся он. — Да, за это время можно было сорок жизней прожить. Ещё трех лет не прошло, а весь мир уже совсем другой, и все происходит так быстро. Интересно, на что будет похожа следующая пара лет?

— Будет все то же самое, тайбань. Я слышала, вы столкнулись с мисс Кейси Чолок у главного входа?

— Э, кто вам сказал? — резко спросил он.

— Боже всемогущий, тайбань, не могу же я раскрывать свои источники. Но я слышала, вы долго смотрели на неё, а она — так же долго — на вас. Хейя?

— Ерунда! Кто сказал вам о ней?

— Вчера вечером я позвонила в отель, чтобы проверить, все ли в порядке. Управляющий и сказал. Представляете, этот болван собирался заявить, что у них «все номера заняты». «Ха, какое ваше дело, — срезала я его, — живут ли они в одном люксе и спят ли в одной кровати? На дворе шестьдесят третий год, мы живем в современном мире, в котором множество вольностей, и в любом случае это прекрасный люкс с двумя входами и отдельными комнатами, а самое главное, они наши гости». — Она фыркнула от смеха. — Я немного злоупотребила служебным положением... Айийя, власть — милая игрушка.

— А вы говорили молодому Линбару и остальным, что за инициалами Кей Си скрывается женщина?

— Нет. Никому. Что вы это знаете, мне уже было известно. Барбара Чэнь сказала, что мастер Джон звонил вам насчет Кейси Чолок. Ну как вам она?

— Если одним словом — сексапильная, — ухмыльнулся он.

— Да, а что ещё? Данросс задумался.

— Весьма привлекательна, прекрасно одета — хотя сегодня в приглушенных тонах, думаю, ради нас. Очень уверенная и очень наблюдательная: обратила внимание, что главный вход необычен, и спросила об этом. — Он взял нож из

⁴² День «Д» (англ. D-Day) — на военном жаргоне день начала наступления или операции.

слоновой кости для разрезания бумаги и принялся вертеть в руках. — Джону она совсем не понравилась. Он готов побиться об заклад — передаю слово в слово, — что это одна из тех смехотворных американок, которые как калифорнийские фрукты: выглядят прекрасно, много мякоти, а на вкус никакие!

— Бедный мастер Джон, как бы ему ни нравилась Америка, он все же предпочитает некоторые... э-э... аспекты Азии!

Данросс усмехнулся:

— А как она умеет вести переговоры, мы скоро выясним. Я отправил её на встречу без доклада.

— Спорю на пятьдесят гонконгских долларов, что по меньшей мере один из них знал заранее, что она — женщина.

— Филлип Чэнь, конечно, — но эта старая лиса не скажет остальным. Ставлю сотню, что ни Линбар, ни Жак, ни Эндрю Гэваллан не знали.

— Идет, — согласилась довольная Клаудиа. — Можете заплатить сразу, тайбань. Я сегодня утром потихоньку проверила.

— Возьмите из денег на мелкие расходы, — нахмурился он.

— Извините. — Она протянула ладонь. — Спор есть спор, тайбань. Он нехотя вручил ей красную стодолларовую купюру.

— Благодарю вас. А теперь спорю на сотню, что Кейси Чолок обставит мастера Линбара, мастера Жака и Эндрю Гэваллана по всем статьям.

— Откуда вы знаете? — подозрительно спросил он. — А?

— На сотню?

— Хорошо.

— Отлично! — бодро произнесла она и тут же сменила тему: — А как быть с ужинами для мистера Бартлетта? С партией в гольф и поездкой на Тайвань? Вы ведь, конечно, не сможете взять на эти мероприятия женщину. Отменить их?

— Нет. Я поговорю с Бартлеттом: он поймет. Хотя я пригласил её на скачки в субботу, вместе с ним.

— О, это значит, на два человека больше, чем помещается в ложе. Я отменю приглашение чете Пан, они не обидятся. Вы хотите, чтобы американцы сидели вместе за вашим столом?

Данросс нахмурился.

— Она должна быть за моим столом на месте почетного гостя, а его посадите как почетного гостя рядом с Пенелопой.

— Очень хорошо. Я позвоню миссис Данросс и сообщу ей. О, и Барбара — жена мастера Джона — хочет поговорить с вами. — Клаудиа со вздохом расправила складку на аккуратном темно-синем чунсае. — Мастер Джон не вернулся домой вчера ночью, хотя ничего особенного в этом нет. Но сейчас уже десять минут одиннадцатого, и я тоже не могу найти его. Похоже, он не был на «утренней молитве».

— Да, я знаю. Он вчера вечером занимался Бартлеттом, и я разрешил ему не появляться на ней. — «Утренней молитвой» в компании шутливо называли обязательную встречу тайбаня со всеми управляющими директорами подконтрольных «Струанз» компаний, которая проводилась каждое утро в восемь часов. — Джону сегодня нет нужды приходить, до ланча ему тут нечего делать. — Данросс указал из окна на бухту: — Он, наверное, на своей яхте. Сегодня прекрасный день, чтобы выйти под парусом.

— Она так разошлась, тайбань, просто ужас, даже для неё.

— Она всегда в таком состоянии, бедняга! Джон на яхте или на квартире у Мин-ли. К ней дозвониться не пробовали?

Она хмыкнула:

— Как говаривал ваш отец, в закрытый рот малые зверушки не залетают. Тем не

менее думаю, теперь я могу вам сказать. Мин-ли была Второй Подружкой почти два месяца. Его новая фаворитка называет себя Ароматный Цветок и занимает одну из его «частных квартир» рядом с Абердин-Мэйн-роуд.

— Ага, очень удобно: стоянка яхты рядом!

— О да, конечно. Она точно цветок, Падший Цветок из дансинга «Удачливый дракон» в Ваньчае. Но и она не знает, где мастер Джон. Он не был ни у одной, хотя, по словам мисс Падший Цветок, они договаривались на полночь.

— Как вам удалось все это выяснить? — Он был просто восхищен.

— Власть, тайбань, и сеть связей, которая создавалась пять поколений. Как бы мы иначе выжили, хейя? — хихикнула она. — Ну, если хотите немного действительно скандальных подробностей, Джон Чэнь не знает, что в первую ночь, когда он переспал с ней, она не была девственницей, как утверждали и она сама, и её маклер.

— Да что вы?

— Да-да. Он заплатил маклеру... — Зазвонил один из телефонов, и она сняла трубку. — Одну минуту, пожалуйста, — сказала она, нажав на клавишу HOLD, и, довольная, продолжала с того места, где прервалась: — ...наличными пятьсот американских долларов, но и её слезы, и все, э-э, доказательства, все это было ненастоящее. Бедняга, но ведь подделом ему, а, тайбань? Зачем такому мужчине в его-то годы понадобилась девственность для укрепления мужского начала ян — ведь ему всего сорок два, хейя? — Она нажала на клавишу ON. — Офис тайбаня, доброе утро, — вежливо проговорила она.

Он наблюдал за ней, изумленный, пораженный, ошеломленный, как и всегда, тем, сколько у неё источников информации — точной и не очень, — и тем, как ей нравится обладать секретами. И передавать их. Но только членам клана и отдельным лицам внутри компании.

— Минутку, пожалуйста. — Она нажала на клавишу HOLD. — С вами хотел бы встретиться суперинтендент Армстронг. Он внизу с суперинтендентом Квоком. Приносит извинения, что без предварительной договоренности, но не могли бы вы принять их ненадолго?

— А, винтовки. Наша полиция с каждым днем работает все эффективнее, — мрачно усмехнулся он. — Я думал, они появятся лишь после ланча.

В семь утра ему подробно доложил обо всем Филлип Чэнь. Тому позвонил сержант полиции, родственник Чэней, который участвовал в рейде.

— Лучше бы ты задействовал наши собственные возможности, Филлип, чтобы выяснить, кто это сделал и зачем, — озабоченно сказал он.

— Уже задействовал. Слишком уж большое совпадение, чтобы винтовки оказались именно на самолёте Бартлетта.

— Будет крайне неудобно, если выяснится, что мы тем или иным образом связаны с этим.

— Да.

Он заметил, что Клаудиа терпеливо ждет.

— Попросите Армстронга погодить десять минут. А потом проводите их наверх.

Выполнив его распоряжение, она сказала:

— Если так быстро подключили суперинтендента Квока, дело, должно быть, серьезнее, чем мы полагали, хейя, тайбань?

— Особое подразделение или особая разведслужба должны подключаться сразу. Могу поспорить, что они уже связались с ФБР и ЦРУ. Появление Брайана Квока вполне логично. Он старый приятель Армстронга и один из лучших людей у них.

— Да, — с гордостью согласилась Клаудиа. — И-и-и, каким прекрасным мужем он станет кому-то.

— А если ещё она будет из рода Чэнь, сколько дополнительной власти, хейя? —

Все знали, что Брайану Квоку прочат должность первого помощника комиссара полиции, он стал бы первым китайцем на этом посту.

— Конечно, такую власть нужно хранить в семье. — Зазвонил телефон. — Да, я передам, благодарю вас. — Она раздраженно бросила трубку. — Адъютант губернатора, звонит, чтобы напомнить вам о коктейле в шесть вечера, — будто я забуду! — хмыкнула она.

Данросс снял одну из трубок и набрал номер.

— Вэйий (Алло)? — донесся хриплый голос ама, служанки-китайки.

— Чэнь тайтай, — сказал он на прекрасном кантонском. — Миссис Чэнь, пожалуйста, это мистер Данросс. — Он подождал. — А, Барбара, доброе утро.

— О, привет, Иэн. Джон ещё не появлялся? Прошу прощения, что побеспокоила.

— Ничего страшного. Ещё нет. Но как только появится, я попрошу его позвонить тебе. Он мог с утра пораньше отправиться на ипподром посмотреть на разминку Голден Леди. Ты не звонила в Скаковой клуб?

— Звонила, но они не припомнят, чтобы он там завтракал, а разминка проходила с пяти до шести утра. Будь он проклят! Ни о ком не думает. Айийя, эти мужчины!

— Может, вышел в море на яхте? Здесь ему нечего делать до ланча, а день сегодня отличный, чтобы выйти под парусом. Ты же знаешь, какой он, — на стоянке проверяла?

— Я не могу, Иэн, туда надо ехать, там нет телефона. У меня время назначено в парикмахерской, и я просто не могу это отменить — весь Гонконг будет у тебя сегодня на приеме, — я просто не могу все бросить и мчаться в Абердин.

— Пошли одного из своих водителей, — сухо предложил Данросс.

— Тана сегодня нет, а Учат возит меня, Иэн. Я просто не могу послать его в Абердин: на это уйдет битый час, а у меня ещё партия в мацзян с двух до четырех.

— Я скажу Джону, чтобы он позвонил тебе. Это будет примерно во время ланча.

— Я вернусь самое раннее в пять. Пусть только появится, получит по самое некуда. О, ну спасибо, извини, что побеспокоила. Пока.

— Пока. — Данросс положил трубку и вздохнул. — Чувствую себя нянькой какой-то, черт возьми.

— Поговорите с отцом Джона, тайбань, — предложила Клаудиа Чэнь.

— Говорил. Один раз. Больше не буду. В этом виноват не только Джон. Эта дама кого угодно доведет до умопомрачения. — Он ухмыльнулся. — Но я согласен, что разошлась она дальше некуда: на сей раз Джону это будет стоить кольца с изумрудом или, по крайней мере, норкового манто.

Телефон зазвонил снова. Клаудиа подняла трубку:

— Алло, офис тайбаня! Да? О! — Довольное выражение исчезло, и она посуровела. — Минуточку, пожалуйста. — Она ткнула клавишу. — Международный от Хиро Тода из Иокогамы.

Данросс знал, как она относится к Хиро Тода, знал, что она ненавидит японцев и не одобряет связей Благородного Дома с ними. Он тоже не мог простить японцам того, что они творили в Азии во время войны. Как относились к побежденным. К беззащитным. К мужчинам, женщинам, детям. Концлагеря и смерти, которых могло бы и не быть. Как солдат он не имел против них ничего. Ничего. Война есть война.

Сам он воевал с немцами. А Клаудиа провела войну здесь, в Гонконге. Как евразийку, её во время японской оккупации не посадили в тюрьму Стэнли вместе со всеми гражданскими европейцами. Она с сестрой и братом пыталась помогать военнопленным, доставляя тайком в лагерь пищу, медикаменты и деньги. Её схватила кампэйтий, японская военная полиция. С тех пор она не могла иметь детей.

— Сказать, что вас нет? — спросила она.

— Не надо.

Два года назад Данросс вложил огромный капитал в компанию «Тода шиппинг индастриз» из Иокогамы на постройку гигантских балкеров для укрепления флота «Струанз», поредевшего за годы войны. Он выбрал именно эту японскую компанию, потому что качество её продукции было самым высоким, условия она предложила самые выгодные, гарантировала доставку и многое другое, чего не предлагали британские судостроители. И потому ещё, что знал: уже пора забыть.

— Привет, Хиро, — сказал он. Японец ему нравился. — Рад слышать. Как там, в Японии?

— Прошу извинить, что отрываю от дел, тайбань. В Японии все хорошо, только жарко и влажность высокая. Все по-прежнему.

— Как мои суда?

— Отлично, тайбань. Все как договорились. Я хотел лишь сообщить, что буду в Гонконге по делам утром в субботу. Останусь на выходные, а потом лечу дальше в Сингапур, Сидней и назад в Гонконг, чтобы успеть на закрытие нашего контракта. Вы по-прежнему собираетесь в Иокогаму, чтобы присутствовать при спуске на воду обоих судов?

— О да. Да, непременно. Когда вы прилетаете в субботу?

— В одиннадцать десять рейсом «Джапан эрлайнз».

— Я пошлю машину встретить вас. Может, сразу приедете в Хэппи-Вэлли⁴³ на скачки? Встретимся за ланчем, а потом моя машина доставит вас в отель. Вы будете в «Виктория энд Альберт»?

— На этот раз мы остановимся в «Хилтоне», на гонконгской стороне. Прошу извинить, тайбань, не хочу причинять столько беспокойства, мне так неудобно.

— Пустяки. Вас встретит один из моих людей. Вероятно, Эндрю Гэваллан.

— А, очень хорошо. Что ж, благодарю вас, тайбань. До встречи, извините за причиненное неудобство.

Данросс положил трубку. «Интересно, зачем он звонил на самом деле? Хиро Тода, управляющий директор наиболее бурно развивающегося судостроительного комплекса в Японии, ничего не делает ни с того ни сего или непродуманно».

Данросс размышлял о завершении их сделки по судам и о трех платежах по два миллиона каждый, сроки которых — первое, одиннадцатое, пятнадцатое сентября и остаток в течение девяноста дней — неминуемо приближались. На сегодняшний день у него этих денег не было. Как не было и подписанного договора с фрахтователем, необходимого как обеспечение банковского займа.

— Ничего, — непринужденно произнес он, — все будет замечательно.

— Для них — да. Вы знаете, я не верю им, тайбань. Ни одному.

— Их нельзя винить, Клаудиа. Они лишь пытаются экономическими средствами добиться того, чего не добились средствами военными.

— Своими ценами вытесняя всех с мировых рынков.

— Они работают как черти, получают прибыли и похоронят нас, если мы им это позволим. — Его взгляд тоже посуровел. — Но ведь, в конце концов, Клаудиа, стоит покопаться в прошлом любого англичанина — или шотландца, — и наткнешься на пирата. Если мы будем такими безмозглыми идиотами и допустим, чтобы нас разорили, значит, мы того заслуживаем. Разве не на том стоит Гонконг?

— Но зачем помогать врагам?

— Они были врагами, — добродушно возразил он. — Но всего каких-то двадцать с лишним лет, а наши связи с ними насчитывают столетие. Разве не мы

⁴³ Хэппи-Вэлли (буке. Счастливая долина) — один из двух гонконгских ипподромов, где проходят призовые скачки. Расположен в северной части острова Гонконг, в районе Ваньчай. Построенный в 1845 г., в 1995 г. перестроен в ипподром мирового класса.

первыми наладили торговлю с Японией? Разве не «Карга» Струан приобрела для нас первый участок земли, выставленный на продажу в Иокогаме в тысяча восемьсот шестидесятом году? Разве не она наказала, что треугольник Китай — Япония — Гонконг должен быть во главе угла политики «Струанз»?

— Да, тайбань, но разве вы не счи...

— Нет, Клаудиа, мы сто лет работали с домами Тода, Касиги, Торанаги, и сейчас компания «Тода шиппинг» очень важна для нас.

Снова зазвонил телефон. Она сняла трубку:

— Да, я ему перезвоню. — Потом, обращаясь к Данроссу: — Это поставщики — по поводу вашего сегодняшнего приема.

— В чем проблема?

— Проблемы никакой, тайбань, просто канючат. Мол, ведь это же двадцатая годовщина свадьбы самого Тайбаня. Будет весь Гонконг, а на весь Гонконг надо произвести впечатление. — Снова телефонный звонок. Она сняла трубку. — А, прекрасно. Соедините... Билл Форстер из Сиднея.

Данросс взял трубку:

— Билл... нет, ты самый верхний в списке. Ты ещё не заключил сделку с «Вулара пропертиз»?.. В чем задержка?.. Меня это не интересует. — Он взглянул на часы. — У вас сейчас самое начало первого. Позвони им немедленно и предложи на пятьдесят австралийских центов больше за акцию, предложение остается в силе до закрытия торгов сегодня. Немедленно созвонись с банком в Сиднее и скажи, чтобы они потребовали у них полной выплаты всех займов сегодня до конца рабочего дня... Это меня волнует меньше всего: они и так уже задержали платежи на тридцать дней. Мне нужен контроль над этой компанией теперь же. Без него наша сделка по чартеру нового балкера распадается, и нам придется начинать все сначала. И закажи билет на четверг на рейс пятьсот сорок три авиакомпании «Кантас». Хочу, чтобы ты прилетел сюда на совещание. — Он положил трубку. — Вызовите Линбара, как только закончится встреча с Чолок. Закажите ему билет в Сидней на пятницу утром, рейс семьсот шестнадцать «Кантас».

— Да, тайбань. — Она сделала пометку и передала ему список. — Это ваши встречи на сегодня.

Он пробежал список глазами. С утра четыре собрания советов директоров дочерних компаний: «Голден ферриз» в десять тридцать, «Струан мотор импортс оф Гонконг» в одиннадцать ровно, «Чжун Ли фудз» в одиннадцать пятнадцать и «Коулун инвестментс» в одиннадцать тридцать. Ланч с Линкольном Бартлеттом и мисс Кейси Чолок с двенадцати сорока до четырнадцати. Ещё собрания советов директоров после полудня. Питер Марлоу в шестнадцать ровно, Филлип Чэнь в шестнадцать двадцать, коктейль у губернатора в восемнадцать часов, прием в честь годовщины его свадьбы начинается в двадцать ноль-ноль, напоминание о звонке Аластэру Струану в Шотландию в двадцать три ноль-ноль и ещё по меньшей мере пятнадцать звонков в течение дня другим людям по всей Азии.

— Кто такой Марлоу?

— Писатель, что остановился в «Вик». Помните, неделю назад он обратился с письменной просьбой о встрече. Собирает материалы для книги о Гонконге.

— Ах да — смахивает на бывшего летчика королевских ВВС.

— Да. Хотите, чтобы я перенесла встречу с ним?

— Нет. Оставьте все как есть, Клаудиа. — Он вынул из заднего кармана тонкий футляр из черной кожи и передал дюжину карточек для записок, исчерканных его скорописью. — Тут кое-какие телеграммы и телексы, которые нужно отправить немедленно, и записки для нескольких собраний советов директоров. Соедините меня с Жэнем в Тайбэе, потом с Хэвегиллом в банке, а потом по вашему списку.

— Хорошо, тайбань. Я слышала, Хэвегилл собирается уходить.

— Чудесно. Кто будет вместо него?

— Ещё никто не знает.

— Будем надеяться, что Джонджон. Задействуйте своих шпионов, пусть поработают. Спорю на сотню, что выясню раньше вас!

— Идет!

— Замечательно. — Данросс протянул руку и любезно произнес: — Можете заплатить прямо сейчас. Это Джонджон.

— Э? — Она изумленно уставилась на него.

— Мы приняли решение вчера вечером, все директора. Я попросил никому не говорить об этом до одиннадцати сегодня.

Она нехотя достала стодолларовую купюру и протянула её:

— Айййя, а я уже так к ней привязалась.

— Благодарю вас, — проговорил Данросс, кладя деньги в карман. — Я и сам к ней очень привязался.

В дверь постучали.

— Да, — сказал он.

Вошла Сандра И, его личный секретарь.

— Прошу прощения, тайбань, но рынок вырос на два пункта, и у вас Холдбрук на линии два. — Алан Холдбрук возглавлял их внутреннюю брокерскую компанию.

Данросс ткнул кнопку линии два.

— Клаудиа, как только закончу, пригласите Армстронга. Она вышла с Сандрой И.

— Да, Алан?

— Доброе утро, тайбань. Первое: ходят устойчивые слухи, что мы собираемся назвать условия покупки контрольного пакета «Эйшн пропертиз».

— Вероятно, их распускает Джейсон Пламм, чтобы поднять стоимость своих акций перед ежегодным собранием. Ты же знаешь, какой это предусмотрительный тип.

— Наши акции выросли на десять центов, возможно из-за этого.

— Прекрасно. Купи мне сразу двадцать тысяч.

— С маржей?

— Конечно, с маржей.

— Хорошо. Второй слух: мы заключили многомиллионную сделку с «Пар-Кон индастриз» — громадное расширение.

— Мечты, мечты, — непринужденно протянул Данросс, яростно гадая, откуда могла быть утечка информации. Предполагалось, что о схеме по банкротству «Эйшн пропертиз» знает только Филлип Чэнь, а в Эдинбурге — Аластэр Струан и старик Шон Мак-Струан. Сделка же с «Пар-Кон» была совершенно секретной, и о ней знали лишь члены внутреннего правления.

— Третье: кто-то покупает крупными пакетами наши акции.

— Кто?

— Не знаю. Но творится что-то неладное, тайбань. Если иметь в виду, что в прошлом месяце наши акции потихоньку шли в гору... Не вижу иной причины, кроме того, что есть покупатель или покупатели. Такая же история с «Ротвелл-Горнт». Я слышал, что пакет из двухсот тысяч акций купили из-за границы.

— Выясни, кто купил.

— Господи, если бы я знал как. Рынок беспокойный, и обстановка очень нервная. Вокруг болтаются уйма китайских денег. Заключается множество мелких сделок... несколько акций здесь, несколько там, но если это умножить на сто тысяч или около этого... рынок может обвалиться... или рвануть вверх.

— Прекрасно. Тогда мы все и сорвем куш. Позвони мне перед окончанием торгов. Спасибо, Алан. — Он положил трубку, чувствуя, как по спине скатываются

капли пота. — Черт, — произнес он вслух. — Что происходит?

Во внешнем офисе Клаудиа Чэнь просматривала бумаги вместе с Сандрой И, которая приходилась ей племянницей по материнской линии: умная, очень симпатичная, двадцати семи лет, а голова работает что твои счеты. Клаудиа взглянула на часы:

— Внизу ждет суперинтендент Квок. Меньшая Сестра, не сходишь ли за ним — через шесть минут?

— Айийя, хорошо, Старшая Сестра! — Сандра И торопливо поправила макияж и убежала.

Клаудиа улыбнулась ей вслед: прекрасная, просто прекрасная партия была бы для Брайана Квока. Довольная, она уселась за свой стол и принялась печатать телексы. «Все, что ни делается, к лучшему, — заключила она про себя. — Нет, тайбань что-то сказал... что же это было? Ах да!» Она набрала свой домашний номер.

— Вэйий? — Это была её ама, А Сам.

— Послушай, А Сам, Третья Горничная Фэн в «Вик» не твоя ли родственница в третьем колене?

— О да, Матушка, — ответила А Сам, используя вежливое обращение китайских служанок к госпоже. — Но она в четвертом колене и из ветви Фэн-тат, а не из моей — Фэн-сам.

— Неважно, А Сам. Позвони ей и выясни все, что сможешь, о двух заморских дьяволах из Золотой Горы. Они в люксе «Благоухающая весна». — Клаудиа терпеливо назвала по буквам их имена и фамилии, а потом деликатно добавила: — Я слышала, они очень необычно ведут себя в постели.

— Айийя, если кто может выяснить, так это Третья Горничная Фэн. Ха! А что у них необычного?

— Все странно и необычно, А Сам. Давай, действуй, масляный роток. — Улыбаясь, она положила трубку.

Двери лифта отворились. Сандра И пригласила обоих офицеров полиции войти и потом нехотя удалилась. Брайан Квок проводил её взглядом. Ему было тридцать девять лет, высокий для китаец — чуть больше шести футов, приятные черты лица и иссиня-чёрные волосы. Оба были в штатском. Клаудиа начала вежливый разговор, но, заметив, что огонек на линии два погас, пригласила офицеров войти и закрыла за ними дверь.

— Прошу прощения, что мы без договоренности, — начал Армстронг.

— Ничего страшного, Роберт. Усталый у вас вид.

— Тяжелая была ночь. Это все злодеяния, что происходят в Гонконге, — непринужденно откликнулся Армстронг. — Негодяев все больше, а святых распинают.

Данросс улыбнулся, а потом перевел взгляд на Квока:

— А как жизнь обходится с тобой, Брайан? Брайан Квок улыбнулся в ответ:

— Очень хорошо, спасибо, Иэн. Рынок акций идет вверх — у меня несколько долларов в банке, мой «порше» ещё не развалился, а дамы всегда остаются дамами.

— И слава богу! Ты участвуешь в гонке по холмам в воскресенье?

— Если приведу «Лулу» в божеский вид. У неё нет внешней гидравлической подвески.

— А в нашей мастерской не спрашивал?

— Спрашивал, но безуспешно, тайбань. А ты участвуешь?

— Как получится. В воскресенье днем мне нужно лететь в Тайбэй. Будет время — да. В любом случае заявку я подал. Как тебе Эс-ай?

Брайан Квок растянул рот в улыбке.

— Это больше, чем просто зарабатывать себе на жизнь.

Особая разведслужба — Эс-ай — представляла собой совершенно

независимую структуру внутри элитного полусекретного особого подразделения — Эс-би, которое отвечало за предупреждение и выявление подрывной деятельности в колонии. У этой структуры были свои тайные методы, тайное финансирование и всеобъемлющие полномочия. И подчинялась она лишь губернатору.

Данросс откинулся в кресле:

— Что случилось?

— Уверен, ты уже знаешь. Это насчет винтовок на самолёте Бартлетта.

— О да, мне сказали сегодня утром. Чем могу помочь? Есть какие-то мысли, кому они предназначались? И кто это сделал? Вы задержали двоих?

— Да, — вздохнул Армстронг. — Они действительно механики. Обучались в ВВС бывшего националистического правительства. Раньше ни за что не привлекались, хотя есть подозрение, что они — члены тайных триад. Оба здесь со времен исхода сорок девятого⁴⁴. Кстати говоря, нельзя ли оставить все это между нами тремя?

— А как же ваше начальство?

— Я хотел бы их тоже включить, но пусть это будет лишь для ваших ушей.

— Почему?

— У нас есть основания полагать, что винтовки предназначались кому-то из компании «Струанз».

— Кому? — резко спросил Данросс.

— Между нами?

— Да. Кому?

— Что вам известно о Линкольне Бартлетте и Кейси Чолок?

— На него у нас есть подробное досье. На неё — нет. Хотите? Могу предоставить копию при условии, что это тоже останется между нами.

— Конечно. Это было бы очень полезно. Данросс нажал клавишу интеркома.

— Да, сэр? — послышался голос Клаудии.

— Сделайте копию досье Бартлетта и передайте суперинтенденту Армстронгу, когда он будет уходить. — Щелчком Данросс выключил интерком.

— Мы не займем много времени, — заверил Армстронг. — Вы всегда заводите досье на потенциальных клиентов?

— Нет. Но нам нравится знать, чем они занимаются. Если сделка с Бартлеттом состоится, это будет означать миллионы для нас, для него, тысяча новых рабочих мест для Гонконга — фабрики здесь, склады, весьма значительное расширение — вместе с равноценными рисками. В бизнесе все составляют конфиденциальные справки о финансовом положении. Возможно, мы делаем это чуть более основательно. Ставлю пятьдесят долларов против сломанной шляпной булавки, что у него такая же справка составлена на меня.

— А там не упоминаются какие-либо криминальные связи?

— Мафия? — встревожился Данросс. — Что-то вроде этого? Боже милостивый, нет, ничего подобного. Кроме того, если бы мафия пыталась проникнуть сюда, то вряд ли это был бы десяток винтовок М-14, две тысячи патронов и ящик гранат.

— Черт возьми, вы прекрасно информированы. Даже слишком хорошо. Мы распаковали все это час назад. Кто ваш информатор?

— Вы же знаете, в Гонконге нет секретов.

— Ну, времена: нельзя доверять даже собственным копам.

— Мафия наверняка прислала бы оружия раз в двадцать больше, и это были бы пистолеты, в американском стиле. Но здесь мафия обречена на провал, что бы она

⁴⁴ Подразумевается бегство националистов в Кантон, Чунцин и на Тайвань в ходе победного продвижения коммунистов на юг Китая после занятия Пекина в январе 1949 г.

ни предприняла. Ей никогда не удалось бы вытеснить триады. Нет, ни за что не поверю, чтобы это была мафия, — всего лишь кто-то из местных. Кто дал вам наводку об этой отправке, Брайан?

— Полиция токийского аэропорта, — сообщил Квок. — Один из их механиков проводил обычный осмотр — ты же знаешь, какие они дотошные. Он доложил своему начальству. Их полицейские позвонили нам, и мы попросили их пропустить самолёт.

— В таком случае свяжитесь с ФБР и ЦРУ, пусть проверят весь маршрут до Гонолулу — или до Лос-Анджелеса.

— С полетным планом вы тоже знакомы?

— Конечно. Это очевидно. При чем здесь кто-то в «Струанз»?

— И тот, и другой преступник показали... — Армстронг вынул записную книжку и справился в ней. — Был задан вопрос: «Куда вы должны были доставить эти свертки?» Оба ответили, сформулировав это по-разному: «На пятнадцатый товарный склад. Мы должны были сложить свертки в задней части секции семь». — Он поднял глаза на Данросса.

— Это ни о чем не говорит. У нас самые большие складские площади в Кай-Так, и только то, что они доставляют груз на один из наших складов, ничего не доказывает — кроме того, что голова у них соображает. У нас проходит столько товаров, что без труда может проскочить чужой грузовик. — Данросс на миг задумался. — Пятнадцатый прямо у выхода: прекрасное место. — Он взялся за трубку: — Я прикажу службе безопасности заняться этим прямо сей...

— Прошу вас на какое-то время воздержаться от этого.

— Почему?

— Наш следующий вопрос, — продолжал Армстронг, — был: «Кто вас нанял?» Конечно, последовали вымышленные имена и описания, и они все отрицали, но скоро эти молодчики станут более сговорчивыми. — Он мрачно улыбнулся. — Один из них тем не менее сказал, когда мой сержант немножко покрутил ему ухо — не в буквальном смысле слова, конечно... —

Он зачитал из записной книжки: — «Оставьте меня в покое, у меня очень важные друзья!» «У тебя нет друзей в этом мире», — сказал сержант. «Может быть, но у Досточтимого Цу-яня и у Благородного Дома Чэнь есть».

Молчание затянулось и нависло тяжелой пеленой.

«Черт бы побрал эти винтовки», — в ярости подумал Данросс. Но лицо его оставалось спокойным, и голова соображала ясно.

— У нас работает более сотни Чэней, состоящих в родстве и нет. Чэнь — такое же распространенное имя, как Смит.

— А Цу-янь? — спросил Брайан Квок. Данросс пожал плечами:

— Он один из директоров «Струанз», но входит также и в совет директоров «Блэкс», банка «Виктория» и более сорока других компаний, один из богатейших людей Гонконга, и его имя в Азии может притянуть наудачу любой. Как и имя Благородного Дома Чэнь.

— Ты знаешь, что существуют подозрения, будто он занимает весьма высокую ступень в иерархии триад, а точнее, в триаде «Зеленый Пан»? — спросил Брайан Квок.

— Все влиятельные шанхайцы состоят на подозрении. Господи боже, Брайан, ты ведь знаешь, что много лет назад триады предлагали Чан Кай-ши в обмен на поддержку его военной кампании против северных милитаристов⁴⁵ отдать им

⁴⁵ Речь идет о военной кампании гоминьдана и Китайской компартии 1926-1927 гг., основной целью которой была борьба с феодализмом и империализмом в Китае после революции 1912 г. и свержение власти удельных военных правителей.

Шанхай, чтобы там заправляли только они. Разве «Зеленый Пан» не остается более или менее официально тайным националистическим обществом?

— Как ты думаешь, Иэн, на чем Цу-янь сделал первые деньги? — спросил Брайан Квок. — Свое первоначальное состояние?

— Понятия не имею. Тебе лучше знать, Брайан.

— Он сделал его во время Корейской войны, поставляя коммунистам через границу контрабандный пенициллин, прочие медикаменты и бензин — главным образом, пенициллин. До Кореи у него не было ничего, кроме набедренной повязки и ломаной рикши.

— Это все слухи, Брайан.

— «Струанз» тоже заработали целое состояние.

— Да. Но было бы очень неразумно — во всеуслышание или в частной беседе — утверждать, что мы заработали его на контрабанде, — спокойно проговорил Данросс. — Действительно весьма неразумно.

— А разве это не так?

— Когда компания «Струанз» начинала свою деятельность сто двадцать лет назад, она имела некоторое отношение к контрабанде, как утверждает молва. Но это было почитаемое занятие, и мы никогда не нарушали британских законов. Мы законопослушные капиталисты и торговцы с Китаем и оставались таковыми в течение многих лет.

Брайан Квок уже не улыбался.

— Ещё больше слухов ходит о том, что по преимуществу его пенициллин был плохой. Очень плохой.

— Если он был плохой, если это правда, то, пожалуйста, пойди и арестуй его, Брайан, — холодно предложил Данросс. — Лично я считаю, что это ещё один слух, пущенный завистливыми конкурентами. Если бы так было на самом деле, он уже плавал бы в заливе вместе с другими, кто пытался нажиться на чужой беде, или был бы наказан, как Плохой Порошок Вонг.

Он имел в виду гонконгского контрабандиста, который продал большое количество фальсифицированного пенициллина через границу во время Корейской войны и вложил свое состояние в ценные бумаги и землю в Гонконге. Через семь лет Вонг стал очень и очень богатым человеком. Потом некоторым триадам в Гонконге поступил приказ подвести баланс. Каждую неделю исчезал или умирал один из членов семьи Вонга. Близкие его или тонули, или попадали в автомобильную аварию, или умирали от яда или ножа. Ни один нападавший на них так и не был задержан. Убийства продолжались семнадцать месяцев и три недели, а потом прекратились. В живых остался лишь сам Вонг и его малолетний, наполовину слабоумный внук. Они до сих пор жили затворниками в том же самом просторном, когда-то роскошном пентхаусе, где один человек им прислуживал, а другой готовил. Жили в постоянном страхе, под круглосуточной охраной, не смея носу высунуть из дома. Ибо знали, что никакая охрана и никакие деньги не помогут обжаловать приговор, опубликованный в крохотной рамке одной местной газетой на китайском языке: «Плохой Порошок Вонг понесет наказание, и он, и его родственники во всех поколениях».

— Мы как-то брали показания у этого типа, Роберт и я, — сказал Брайан Квок.

— Да что ты?

— Да. Жуткое дело. Все двери заперты на два замка и цепочки, все окна забиты гвоздями и заколочены сверху досками: лишь кое-где оставлены щели для наблюдения. Он не выходил на улицу с тех пор, как начались убийства. Вся квартира провоняла, боже, какая там вонь! Он ничего не делает, лишь играет с внуком в китайские шашки⁴⁶ и смотрит телевизор.

⁴⁶ Китайские шашки — настольная игра для двух-шести человек. Цель игры — перевести шашки в

— И ждет, — добавил Армстронг. — В один прекрасный день придут за обоими. Его внуку сейчас уже, наверное, лет шесть-семь.

— Думаю, вы подтверждаете мое мнение, — рассудил Данросс. — Цу-янь не такой, и никогда таким не был. И зачем Цу-яню понадобилось несколько винтовок? При желании он, как мне кажется, мог бы вооружить половину армии националистов с танковым батальоном в придачу.

— На Тайване, но не в Гонконге.

— Цу-янь когда-нибудь встречался с Бартлеттом? — спросил Армстронг. — В ходе ваших переговоров?

— Да. Один раз он был в Нью-Йорке от нашего имени и в Лос-Анджелесе. Оба раза с Джоном Чэнем. Они парафировали договор между «Струанз» и «Пар-Кон индастриз», который мы должны подписать или отказаться от него — здесь в этом месяце, и от моего имени официально пригласили Бартлетта в Гонконг.

Армстронг бросил взгляд на своего китайского партнера. Потом осведомился:

— Когда это было?

— Четыре месяца назад. Столько времени понадобилось обеим сторонам для проработки всех деталей.

— Джон Чэнь, говорите? За ним, несомненно, стоит Благородный Дом Чэнь.

— Знаете, Джон не такой человек, — заверил Данросс. — Какой ему резон ввязываться в сомнительные заговоры? Видимо, это просто совпадение.

— Есть ещё одно любопытное совпадение, — сообщил Брайан Квок. — И Цу-янь, и Джон Чэнь знакомы с американцем по имени Банастасио, во всяком случае, их видели вместе. Тебе что-нибудь говорит это имя?

— Нет. Кто это?

— Азартный игрок, играет по-крупному, а ещё подозревается в вымогательстве. Предполагают также, что он тесно связан с одной из семей коза ностра. Винченцо Банастасио.

Данросс прищурился:

— Ты сказал «видели вместе». Кто видел?

— ФБР.

Молчание чуть затянулось.

Армстронг сунул руку в карман за сигаретой.

Данросс подвинул через стол серебряную сигаретницу:

— Прошу.

— О, спасибо. Я не буду — просто задумался. Бросил две недели назад. Умереть можно. — Потом добавил, стараясь справиться с желанием закурить: — ФБР передало нам эту информацию, потому что Цу-янь и Джон Чэнь — очень известные здесь люди. И попросило нас присмотреть за ними.

И тут Данросс вспомнил фразу Фоксвелла об известном капиталисте, который является тайным «комми» и за которым следят в Синклер-тауэрс. «Господи, — подумал он, — ведь у Цу-яня там квартира, и у Джона тоже. Но не может быть, чтобы тот или другой были связаны с коммунистами, это уж точно».

— Героин, конечно, большой бизнес, — резко заговорил Армстронг.

— Что вы имеете в виду, Роберт?

— Чтобы финансировать торговлю наркотиками, нужны огромные деньги. В таких количествах их можно получить только у банков или у банкиров, тайно конечно. Цу-янь входит в состав совета директоров нескольких банков, равно как и господин Чэнь.

— Роберт, вы бы лучше не торопились с такого рода высказываниями, — проскрежетал Данросс. — Вы делаете очень опасные выводы без каких-либо

противоположный угол, перескакивая через шашки других игроков.

доказательств. За это можно привлечь к ответственности, и я этого не потерплю.

— Вы правы, прошу прощения. Беру свои слова о совпадении назад. Но все равно торговля наркотиками — большой бизнес, их здесь, в Гонконге, хоть пруд пруди, и предназначены они в конечном счете для потребителя в Штатах. Не знаю как, но я выясню, кто у нас занимается этим грязным делом.

— Похвально. И получите всю необходимую помощь от «Струанз» и от меня лично. Я тоже терпеть не могу наркоторговлю.

— О, не то что я её терпеть не могу, тайбань, или тех, кто этим занимается. Это жизненная реальность. Просто ещё один бизнес, запрещенный, конечно, но все же бизнес. Мне поручено выяснить, кто у них тайбани. Это вопрос личного удовлетворения, вот и все.

— Если потребуется помощь, вам стоит лишь спросить.

— Благодарю. — Армстронг устало поднялся. — Прежде чем мы откланяемся, ещё парочка совпадений для вас. Когда сегодня утром были названы Цу-янь и Джон Чэнь, нам захотелось тут же побеседовать с ними, но вскоре после того, как мы накрыли винтовки, Цу-янь утренним рейсом улетел в Тайбэй. Любопытно, да?

— Он все время летает туда и обратно, — проговорил Данросс, но беспокойство его росло. Цу-янь сегодня вечером зван к нему на прием. Если Цу-янь не появится, это будет нечто из ряда вон выходящее.

Армстронг кивнул:

— Похоже, что решение было принято в последний момент: ни предварительного заказа, ни билета, ни багажа. Сунул клерку несколько лишних долларов, и кого-то сняли с рейса, а его посадили. С собой у него был только кейс. Странно, вы не считаете?

— О том, чтобы добиться его выдачи с Тайваня, не приходится и мечтать, — добавил Брайан Квок.

Данросс изучающе посмотрел на него, а потом перевел немигающий взгляд холодных, как морской лед, глаз на Армстронга:

— Вы упомянули о парочке совпадений. В чем другое?

— Мы не можем найти Джона Чэня.

— Что это значит?

— Его нет ни дома, ни у подруги, ни в одном из других мест, где он обычно бывает. Мы время от времени наблюдали за ним и Цу-янем уже несколько месяцев, с тех пор как получили наводку ФБР.

Молчание сгустилось.

— Яхту проверяли? — спросил Данросс, но скорее для очистки совести.

— Она на стоянке, со вчерашнего дня никуда не выходила. Матрос с яхты тоже не видел его.

— А на поле для гольфа?

— Нет его там, — сказал Армстронг. — И на ипподроме нет. Он не присутствовал на разминке, хотя, по словам тренера, должен был. Его нет, он исчез, испарился.

6

11:15

В зале заседаний совета директоров воцарилось изумленное молчание.

— Что-нибудь не так? — спросила Кейси. — Цифры говорят сами за себя.

Четверо сидевших вокруг стола мужчин молча смотрели на неё. Эндрю Гэваллан, Линбар Струан, Жак де Вилль и Филлип Чэнь — все члены внутреннего правления.

«Цзю ни ло мо на всех женщин в бизнесе», — бросив взгляд на кипу бумаг

перед собой, мысленно выругался сорокасемилетний Эндрю Гэваллан, высокий и худой.

— Может, нам следует посоветоваться с мистером Бартлеттом? — смущенно проговорил он, по-прежнему чувствуя себя неловко из-за того, что приходится иметь дело с женщиной.

— Я уже говорила, у меня есть все полномочия. — Она старалась оставаться спокойной. — Я секретарь и исполнительный вице-президент «Пар-Кон индастриз», и мне доверено вести переговоры с вами. Мы подтвердили это письменно в прошлом месяце. — Кейси с трудом сдерживалась.

Встреча проходила очень тяжело. Первоначальное замешательство, вызванное тем, что дела надо вести с женщиной, сменилось сверхвежливой скованностью. Они ждали, пока она первой сядет, пока заговорит, уселись не раньше, чем она их об этом попросила, говорили о всяких пустяках, отказываясь вести с ней переговоры как с бизнесменом. Вместо этого они уверяли, что их жены с удовольствием походят с ней по магазинам, а потом поразевали рты от удивления, убедившись, что ей известны мельчайшие подробности предполагаемой сделки. Обычно она так или иначе справлялась с подобными ситуациями. Но сегодня был другой случай. «Господи, — думала она, — я должна добиться успеха. Я должна до них достучаться».

— На самом деле это совсем не трудно, — объявила она в самом начале, пытаясь преодолеть их скованность при помощи стандартного приема, который использовала в начале переговоров. — Забудьте, что я женщина, — судите меня по способностям. Так вот, у нас на повестке дня три вопроса: фабрики по производству полиуретана, наше представительство по компьютерному лизингу и, последнее, общее представление нашей нефтехимической продукции, удобрений, фармацевтических товаров и товаров для спорта по всей Азии. Давайте сначала разберемся с фабриками по производству полиуретана, ассортиментом поставок химической продукции и предлагаемым графиком финансирования. — Она тут же представила графики и подготовленные документы, устно резюмировала все факты, цифры и проценты, банковские сборы и процентные ставки. Просто и быстро, так что даже самый несообразительный человек мог составить впечатление о проекте. И вот теперь они тарачились на неё. Молчание нарушил Эндрю Гэваллан:

— Это... это очень впечатляет, моя дорогая.

— Вообще-то, я вам не «дорогая», — усмехнулась она. — Когда речь идет об интересах нашей корпорации, я выступаю как весьма жесткий прагматик.

— Но мадмуазель, — возразил Жак де Вилль с обходительным галльским шармом, — ваш носик само совершенство и очень даже мил⁴⁷.

— Merci, monsieur, — тут же ответила она и, не задумываясь, добавила на сносном французском: — Но нельзя ли оставить на время форму моего носа и перейти к обсуждению форм данной сделки. Лучше не мешать одно с другим, верно?

Снова молчание.

— Не хотите ли кофе? — предложил Линбар Струан.

— Нет, спасибо, мистер Струан. — Кейси старалась держаться, как у них было принято, и не называть их по именам раньше времени. — Может быть, рассмотрим это предложение? Это то самое предложение, что мы послали в прошлом месяце... Я постаралась учесть все вопросы — и ваши, и наши.

Снова повисла тишина. Линбар Струан, тридцатичетырехлетний рыжеволосый мужчина с приятной внешностью и голубыми глазами, которые светились бесшабашным блеском, снова осведомился:

⁴⁷ Игра слов: английское выражение hard-nosed (жесткий прагматик) дословно означает «человек с неприятным носом».

— Вы уверены, что не хотите кофе? Или, может быть, чаю?

— Нет, спасибо. Значит, вы принимаете наше предложение как оно есть?

Филлип Чэнь кашлянул:

— В принципе мы согласны сотрудничать с «Пар-Кон» в нескольких областях. Об этом говорится в протоколе о намерениях. Что касается фабрик по производству полиуретана...

Она выслушала его обобщения, затем попыталась ещё раз перейти к конкретике — для чего вообще-то и проводилась встреча. Но дело не шло, и она просто чувствовала, как собеседники уворачиваются. Хуже, чем теперь, у неё не получалось никогда. «Может, из-за того, что они англичане, с англичанами я никогда раньше дела не имела».

— Что-нибудь конкретно требует пояснения? — спросила она. — Если что-то непонятно...

— Мы все прекрасно понимаем, — заговорил Эндрю Гэваллан. — Представленные вами цифры однобоки. Мы финансируем строительство фабрик. Вы поставляете оборудование, но его стоимость амортизируется в течение трех лет, а это внесет путаницу в любое движение наличности и будет означать, что по крайней мере лет пять прибыли ожидать не приходится.

— Мне сказали, что у вас в Гонконге стоимость здания обычно амортизируется за три года, — так же жестко парировала она, обрадовавшись брошенному вызову. — Мы предлагаем лишь следовать принятой у вас практике. Если хотите пять или десять лет — пожалуйста, но при условии, что тот же самый подход будет применяться и к зданию.

— Вы не платите за оборудование: оно в лизинге, и ежемесячный взнос по совместному предприятию очень высок.

— Какова на сегодняшний день лучшая ставка вашего банка, мистер Гэваллан?

Они посоветовались и назвали цифру. Несколько секунд она считала на своей карманной логарифмической линейке.

— При сегодняшней ставке вы сэкономите семнадцать тысяч гонконгских долларов в неделю на каждой единице оборудования, если примете наше предложение, на котором за рассматриваемый период... — Ещё один быстрый подсчет. — ...вы заработаете на тридцать два процента больше в сравнении с вашими лучшими показателями — а мы говорим о миллионах долларов.

Они напряженно смотрели на неё и молчали.

Эндрю Гэваллан подверг её перекрестному допросу по цифрам, но она ни разу не сбилась. Их неприязнь к ней усилилась. Молчание.

Она была уверена, что их привели в замешательство её цифры. «Что ещё можно сказать, чтобы убедить их? — думала она с растущим беспокойством. — „Струанз“ огребут целую кучу денег, стоит им лишь сдвинуться с места. Мы заработаем состояние, а я получу свое долгожданное „выходное пособие“, свои „отвалыные“. „Струанз“ разбогатеют на одном только пенопласте, „Пар-Кон“ в течение ближайших десяти лет будет иметь чистыми около восьмидесяти тысяч американских долларов, и, по словам Линка, мне тоже что-то с этого отломится...»

— Сколько ты хочешь? — спросил он перед вылетом из Штатов.

— Пятьдесят один процент, — засмеялась она, — раз ты спрашиваешь.

— Три.

— Да ладно тебе, Линк, мне нужно мое «выходное пособие».

— Завершаешь успешно весь пакет и получаешь опцион на сто тысяч акций «Пар-Кон» по четыре доллара ниже рыночной стоимости.

— Договорились. Но я и пенопластовую компанию хочу, — сказала она, затаив дыхание. — Я её начала и хочу ею владеть. Пятьдесят один процент. Для меня.

— В обмен на что?

— В обмен на «Струанз».

— Идет...

И вот теперь, оказавшись в самом сердце «Струанз», Кейси ждала и внешне выглядела спокойной. Когда ей показалось, что наступил подходящий момент, она с невинным видом произнесла:

— Значит, мы сошлись на том, что наше предложение принимается без поправок? Мы с вами в доле пятьдесят на пятьдесят, что может быть лучше?

— Я по-прежнему утверждаю, что вы не обеспечиваете пятидесяти процентов финансирования данного совместного предприятия, — резко ответил Эндрю Гэваллан. — Вы предоставляете оборудование и материалы на условиях аренды с вычетом потерь или неиспользованного кредита из подлежащего налогообложению дохода за предыдущий период, поэтому ваш риск не равен нашему.

— Джентльмены, но это же делается для снижения налоговых выплат у нас и для сокращения суммы финансовых затрат. Мы финансируем из наличных средств. По цифрам выходит то же самое. То, что мы получаем амортизационные отчисления и различные скидки, не фигурирует ни здесь, ни там. — С ещё более невинным видом насаживая наживку в мышеловку, она добавила: — Мы финансируем в Штатах, где ориентируемся лучше вас. Вы финансируете в Гонконге, где все козыри на руках у вас.

Квиллан Горнт повернулся от окна своего офиса:

— Повторяю, условия сделки с нами могут быть выгоднее любых условий, о которых вы сможете договориться со «Струанз», мистер Бартлетт. Любых.

— Вы согласитесь на доллар за доллар?

— Доллар за доллар.

Плотно сложенный бородатый англичанин, чуть меньше шести футов ростом, с суровым лицом, сединой в черных волосах и мохнатых бровях и карими глазами, вернулся от окна и снова уселся лицом к Бартлетту за стол, на котором не было ни единой бумаги. Они беседовали на самом верхнем этаже Ротвелл-Горнт-билдинг, фасад которого выходил на Коннот-роуд и набережную.

— Не секрет, что наши компании — весьма серьезные соперники, но, уверяю вас, мы можем предложить более выгодные условия и превзойти их, и я организую финансирование с нашей стороны в течение недели. У нас могло бы сложиться весьма выгодное партнерство — у вас и у меня. Я предложил бы основать объединенную компанию по законам Гонконга.

Налоги здесь на самом деле очень приемлемые — пятнадцать процентов со всего заработанного в Гонконге и никакого налогообложения доходов во всем остальном мире. — Горнт улыбнулся. — Лучше, чем в США.

— Гораздо лучше, — согласился Бартлетт. — Значительно лучше.

— Именно поэтому вы заинтересовались Гонконгом?

— Это одна из причин.

— А в чем другие?

— Здесь ещё нет американского предприятия, которое могло бы сравниться по размаху с моим, а должно быть. Этот век — век Тихого океана. Но вы можете извлечь пользу из того, что мы здесь появимся. У нас много опыта, которого нет у вас, и решающее слово в сферах американского рынка. С другой стороны, у «Ротвелл-Горнт» — и у «Струанз» — есть опыт, которого нет у нас, и решающее слово на рынках Азии.

— Каким образом мы можем установить взаимоотношения?

— Прежде всего, мне нужно выяснить, к чему стремятся «Струанз». Я начал переговоры с ними и не люблю пересаживаться с самолёта на самолёт посреди океана.

— Я сразу могу сказать, к чему они стремятся: прибыль для себя и к черту всех остальных. — Улыбка Горнта была очень недоброй.

— Сделка, которую мы обговорили, представляется весьма справедливой.

— Изображать честную игру они мастера, куда там прочим: выставят на торги по пол-акции, продадут кому нужно, доход утаят, а контроль оставят за собой.

— С нами такое не пройдет.

— Они занимаются этим почти полтора столетия. И на сегодняшний день научились кое-каким трюкам.

— Вы тоже.

— Конечно. Но «Струанз» совсем не такие, как мы. У нас конкретные вещи и компании, а у них — проценты. В большинстве подконтрольных компаний у них немногим больше пяти процентов акций, и тем не менее они осуществляют абсолютный контроль над ними с помощью особых голосующих акций или записывают как обязательное положение в уставе, что их тайбань является также тайбаном этой компании с правом решающего голоса.

— Неплохо придумано.

— Да уж. Они хитрецы. Но мы лучше и прямее — и наши контакты и влияние в Китае и по всему Тихоокеанскому поясу, кроме США и Канады, сильнее, чем у них, и растут с каждым днем.

— Почему?

— Потому что изначально наша компания действовала в Шанхае — величайшем городе Азии, — где мы доминировали. «Струанз» всегда были сосредоточены в Гонконге, который до последнего времени оставался тихой заводью.

— Но ведь Шанхай —дохлый номер, и так было с тех пор, как коммунисты закрыли материковую часть Китая в сорок девятом. Сегодня через Шанхай не ведется никакой торговли с другими странами, все идет через Кантон.

— Да. Но именно шанхайцы, уехавшие из Китая на юг, их деньги, их мозги и решимость сделали Гонконг тем, что он есть сегодня, и тем, что будет завтра: нынешним и будущим центром деловой и культурной жизни всего Тихоокеанского региона.

— Лучшим, чем Сингапур?

— Абсолютно.

— Чем Манила?

— Абсолютно.

— Токио?

— Да, вот если бы только не японцы. — Глаза Горнта сверкнули, и на лице легли складки. — Гонконг — величайший город в Азии, мистер Бартлетт. Владеющий им в конце концов овладеет всей Азией. Конечно, я говорю о торговле, финансах, судоходстве и большом бизнесе.

— А что насчет красного Китая?

— Мы считаем, что существование Гонконга на руку КНР — как мы называем Китайскую Народную Республику. Мы для них «открытая дверь» под контролем. За Гонконгом и «Ротвелл-Горнт» — будущее.

— Почему?

— Потому что Шанхай в бытность свою деловым и промышленным центром Китая всегда задавал тон в Поднебесной, и шанхайцы — самые энергичные и предприимчивые представители китайской нации. Вы скоро почувствуете разницу между кантонцами и шанхайцами. Шанхайцы — предприниматели, промышленники, промоутеры и сторонники международных контактов. Нет ни одного крупного текстильного магната, судовладельца или промышленника не шанхайца. Кантонцы со своими семейными компаниями, мистер Бартлетт, всегда были склонны

действовать в одиночку, а шанхайцы понимают толк в партнерстве, в том, как вести дела в компаниях, а больше всего — в банковском деле и финансах. — Горнт закурил ещё одну сигарету. — Вот в чем наша сила, вот почему мы лучше, чем «Струанз», — и вот почему мы в конечном счете будем первыми.

Линк Бартлетт изучающе разглядывал сидящего напротив человека. Из подготовленного Кейси досье он знал, что Горнт родился в Шанхае в семье англичан, что ему сорок восемь лет, что он вдовец, что у него двое взрослых детей и что он проходил службу на Тихом океане в сорок втором — сорок пятом годах в чине капитана австралийской пехоты. Он знал также, что Горнт с большим успехом управляет компанией «Ротвелл-Горнт» как частной вотчиной уже восемь лет с тех пор, как принял компанию от отца.

Бартлетт заворочался в глубоком кожаном кресле.

— Если у вас такая вражда со «Струанз» и вы настолько уверены, что в конце концов будете первыми, чего ждать? Почему не взять их сейчас?

Горнт внимательно смотрел на него с застывшим выражением на угловатом лице.

— Этого мне хотелось бы больше всего в мире. Но я не могу, пока. Три года назад у меня почти получилось: они зарвались, Джосс предыдущего тайбаня иссяк.

— Джосс?

— Это слово китайское. Оно значит «счастье», «судьба» и чуточку больше. — Горнт задумчиво смотрел на американца. — Мы здесь очень суеверные. Джосс — это очень важно, как умение оценить ситуацию и выбрать нужный момент. Джосс Аластэра Струана кончился или переменялся. Пережив катастрофический год, он в отчаянии передал дело Иэну Данроссу. Они тогда чуть было не разорились. Держатели их акций начали в массовом порядке избавляться от бумаг. Я уже повел атаку на них, но Данросс выкрутился и стабилизировал рынок.

— Каким образом?

— Ну, скажем, надавил на определенные банковские круги.

Горнт с холодным бешенством вспомнил, как Хэвегилл ни с того ни с сего, вразрез со всеми их личными тайными договоренностями, удовлетворил просьбу «Струанз» об открытии временной кредитной линии на огромную сумму и это дало Данроссу время оправиться.

Горнт вспомнил, какая ослепляющая ярость охватила его, когда он позвонил Хэвегиллу. «За каким дьяволом ты это сделал? — спросил он. — Сто миллионов чрезвычайного кредита? Боже мой, да ты спас их шеи от веревки! Они уже были наши. В чем дело?» Хэвегилл рассказал, что Данросс собрал достаточно голосов на заседании совета директоров и оказал невероятное давление лично на него. «Я ничего не мог поделать...»

«Да, — думал Горнт, глядя на американца. — В тот раз я проиграл, но вот ты, уверен, и станешь тем взрывателем, что приведет в действие бомбу, которая разнесет „Струанз“ ко всем чертям, и они исчезнут из Азии навсегда».

— Тогда Данросс подошел к самому краю, мистер Бартлетт. У него появились непримиримые враги. Но теперь мы одинаково сильны. Это то, что можно назвать ничьей. Они не могут взять нас, а мы — их.

— Если они не совершат ошибку.

— Или если ошибку не совершим мы. — Горнт пустил кольцо дыма и воззрился на него. Наконец он снова обратил взгляд на Бартлетта: — В конце концов мы победим. Время в Азии течет немного по-другому, чем в США.

— Мне так и говорили.

— Вы придерживаетесь иного мнения?

— Я знаю, что и здесь, и там, и черт ещё знает где всегда действуют одни и те же правила выживания. Только в разной степени.

Горнт наблюдал, как дым от сигареты поднимается к потолку. Его просторный офис, со старыми, потертыми кожаными креслами и великолепными картинами маслом на стенах, был наполнен запахом лощеной кожи и хороших сигар. Резное кресло Горнта из старого дуба с обитыми красным плюшем высокой спинкой и сиденьем смотрелось жестко, функционально и солидно. «Как и он сам», — думал Бартлетт.

— Мы можем предложить более выгодные условия, чем «Струанз», и время работает на нас и здесь, и там, и ещё черт знает где, — сказал Горнт.

Бартлетт усмехнулся.

Горнт тоже искривил губы в улыбке, но Бартлетт отметил, что глаза не улыбаются.

— Осмотритесь в Гонконге, мистер Бартлетт. Поспрашивайте о нас и о них. А потом примете решение.

— Да, я так и сделаю.

— Я слышал, что ваш самолёт задержан.

— Да. Да, задержан. Полиция аэропорта обнаружила на борту несколько винтовок.

— Слышал, слышал. Любопытно. Ну, если потребуется помощь в том, чтобы снять с него арест, возможно, я смогу быть вам полезен.

— Вы можете помочь прямо сейчас, если скажете, кто это сделал и с какой целью.

— Я-то понятия не имею, но бьюсь об заклад, что кое-кто в «Струанз» знает.

— Почему вы так считаете?

— Им были точно известны ваши перемещения.

— Вам тоже.

— Да. Но к нам это не имеет никакого отношения.

— Кто знал об этой нашей встрече, мистер Горнт?

— Вы и я. Как и договорились. Отсюда утечки не было, мистер Бартлетт. После нашей личной встречи в Нью-Йорке в прошлом году все переговоры велись по телефону, даже никаких подтверждений по телексу. Я разделяю ваш мудрый подход, предполагающий осторожность, тайну и разговор с глазу на глаз. При закрытых дверях. А кто с вашей стороны знает о нашем... нашем интересе?

— Никто, кроме меня.

— И даже эта дама — ваш секретарь и исполнительный вице-президент? — Горнт не скрывал недоверия.

— Да, сэр. Когда вы успели узнать, что Кейси — женщина?

— Ещё в Нью-Йорке. Послушайте, мистер Бартлетт, мы вряд ли сумеем продумать условия сотрудничества, если не уточним ваши полномочия и полномочия ваших главных исполнителей.

— Прекрасно. Не будем терять время.

— Удивительно, что такую ключевую должность занимает женщина.

— Она моя правая и левая рука и лучший из моих исполнителей.

— Почему же тогда вы не сказали ей о нашей сегодняшней встрече?

— Одно из первых правил выживания: оставляй выбор за собой.

— То есть?

— То есть я веду бизнес не на коллективных началах. Кроме того, мне нравится экспромт, и я люблю оставлять некоторые операции в тайне. — Бартлетт на секунду задумался. — Дело не в недостатке доверия. На самом деле я поступаю так, чтобы ей было легче. Если кто-нибудь в «Струанз» узнает и поинтересуется у неё, почему я сейчас встречаюсь с вами, её удивление будет неподдельным.

— Очень редко встречаются люди, которым действительно можно доверять, — заметил Горнт после паузы. — Очень редко.

— Кому в Гонконге могли понадобиться винтовки и гранаты и почему они выбрали именно мой самолёт?

— Не знаю, но я займусь этим и выясню. — Горнт потушил сигарету. Пепельница была из сунского фарфора⁴⁸. — Вы знакомы с Цу-янем?

— Встречался с ним пару раз. А что?

— Очень неплохой парень, хотя и входит в совет директоров «Струанз».

— Шанхаец?

— Да. Один из лучших. — Горнт поднял на него очень жесткий взгляд. — Не исключена возможность и дополнительной выгоды от того, что вы будете иметь дело с нами, мистер Бартлетт. Насколько мне известно, финансы «Струанз» именно сейчас сильно рассредоточены. Данросс делает серьезную ставку на свой флот, в частности на два супербалкера, заказанных в Японии. Большая часть денег за первый из них должна быть выплачена в течение недели или около того. Ходят также серьезные слухи, что он собирается предложить условия приобретения «Эйшн пропертиз». Вы слышали об этой компании?

— Большой объем сделок по земельным участкам, недвижимость по всему Гонконгу.

— Это самая крупная компания, больше, чем его собственная «Кей-ай» — «Коулун инвестментс».

— «Коулун инвестментс» входит в «Струанз»? Я считал, что это отдельная компания.

— Официально — да, отдельная. Но Данросс — тайбань «Кей-ай»: тайбань у них всегда один.

— Всегда?

— Всегда. Это записано у них в уставе. Но Иэн переоценил свои возможности. Вскоре Благородный Дом может перестать быть таковым. У него сейчас очень мало наличности.

Бартлетт на секунду задумался.

— А почему вам не объединиться с другой компанией, скажем с «Эйшн пропертиз», и не поглотить «Струанз»? В Штатах я именно так бы и поступил, если бы не мог завладеть нужной мне компанией в одиночку.

— Вы именно это и собираетесь здесь проделать, мистер Бартлетт? — тут же спросил Горнт, сделав вид, что шокирован. — Завладеть «Струанз»?

— А что, это возможно?

Перед тем как ответить, Горнт внимательно посмотрел на потолок.

— Да, но вам потребуется партнер. Может, у вас это и получится с «Эйшн пропертиз», но я сомневаюсь. У их тайбаня, Джейсона Пламма, порошу не хватит. Вам нужны мы. Только у нас есть необходимые для этого проницательность, напористость, знания и желание. Тем не менее вам придется рисковать очень большой суммой денег. Наличными.

— Сколько?

Горнт открыто расхохотался:

— Я подумаю над этим. Сначала вы должны сказать, насколько серьезны ваши намерения.

— А если они серьезны, вы бы вошли в долю? Горнт так же пристально посмотрел на него:

— Сначала мне нужно увериться, очень хорошо увериться в том, что ваши

⁴⁸ Правление императорской династии Сун, особенно период Южной Сун (1127-1279), было временем расцвета ремесел, когда получил широкое признание и славу знаменитый центр китайского фарфора Цзиндэчжэнь.

намерения серьезны. Не секрет, что я не выношу «Струанз» в целом и Иэна Данросса лично и хотел бы, чтобы их не существовало. Так что моя долговременная позиция вам уже известна. Вашей я не знаю. Пока.

— Предположим, мы овладеем «Струанз». Стоит ли игра свеч?

— О да, мистер Бартлетт. О да — да, это стоит того, — живо ответил Горнт, но потом его голос снова стал ледяным. — Но все же мне нужно знать, насколько серьезны ваши намерения.

— Я скажу об этом после встречи с Данроссом.

— Вы собираетесь предложить ему то же самое: вместе поглотить «Ротвелл-Горнт»?

— Моя цель, мистер Горнт, вывести «Пар-Кон» на международную арену. Возможно, вложить до тридцати миллионов долларов в целый ряд товаров, фабрик и складских помещений. Ещё совсем недавно я даже и не слышал ни о «Струанз», ни о «Ротвелл-Горнт». Ни о вашей вражде.

— Очень хорошо, мистер Бартлетт, давайте на этом и остановимся. Что бы вы ни предприняли, это будет интересно. Будет интересно посмотреть, умеете ли вы держать нож.

Бартлетт непонимающе уставился на него.

— Это старинный китайский кулинарный термин, мистер Бартлетт. Вы умеете готовить?

— Нет.

— А я люблю это дело. Китайцы говорят, что очень важно правильно держать нож, что нельзя им пользоваться, пока этому не научишься. В противном случае можно порезаться и с самого начала все испортить. Вы не порежетесь?

— Держать нож, говорите? — ухмыльнулся Бартлетт. — Надо запомнить. Нет, готовить я не умею. Так и не пришлось научиться, а Кейси, черт возьми, тоже кулинар ещё тот.

— Китайцы говорят, что ни одна цивилизация не сравнится с ними в трех искусствах: литературе, письме кистью и приготовлении пищи. Я склонен с ними согласиться. Вы любите вкусно поесть?

— Я нигде так вкусно не ел, как в одном ресторане под названием «Касале» на окраине Рима, на Виа Фламиния.

— В таком случае хоть в этом наши мнения сходятся, мистер Бартлетт. «Касале» — один из моих любимых ресторанов.

— Туда меня однажды привела Кейси. Спагетти а-ля Аматриче, приготовленные аль денте, «на зуб», не разваренные, и бускетти⁴⁹ под бутылочку ледяного пива, а потом пикката⁵⁰ и ещё пиво. Незабываемо.

Горнт улыбнулся:

— Может, отобедаете со мной, пока вы здесь? Могу тоже предложить а-ля Аматриче, думаю, что сравнение будет в мою пользу: готовится по тому же рецепту.

— С удовольствием.

— И бутылочку вальполичеллы⁵¹ или великолепного тосканского вина.

⁴⁹ Бускетти (брускетти) — закуска из нарезанных помидоров, анчоусов, оливок, грибов, иногда сыра, с добавлением соли, чеснока и базилика на большом куске хлеба, политом оливковым маслом с чесноком и поджаренном на гриле.

⁵⁰ Пикката — блюдо из быстро прожаренного, тонко отбитого мяса в панировке с приправами. Подается с соусом из оставшегося после жарки жира, лимонного сока и нарезанной петрушки.

⁵¹ Вальполичелла — сухое красное вино.

— А я под пасту люблю пиво. Ледяное американское пиво из банки. Горнт промолчал.

— Вы долго пробудете в Гонконге?

— Как получится, — не задумываясь ответил Бартлетт.

— Прекрасно. Тогда поужинаем как-нибудь на следующей неделе? Во вторник или среду?

— Во вторник было бы замечательно, спасибо. Могу я взять с собой Кейси?

— Конечно. — Потом Горнт добавил, более категорично: — К тому времени вы, возможно, уже определитесь с тем, что собираетесь предпринять.

— А вы к тому времени поймете, умею ли я держать нож, — усмехнулся Бартлетт.

— Может быть. Но не забывайте об одном, мистер Бартлетт. Если мы когда-нибудь объединим наши силы для атаки на «Струанз» и начнем эту битву, выйти из неё без тяжелых потерь не будет уже никакой возможности. Действительно, очень тяжелых. Мне нужно быть уверенным. В конце концов, вы всегда можете уехать в США, чтобы зализать раны и вступить в бой когда-нибудь ещё. Мы остаемся здесь, так что риски неравны.

— Но и добыча неравна. Вы получаете нечто бесценное, а для меня это не стоит и десяти центов. Вы станете Благородным Домом.

— Да, — произнес Горнт, прищурившись. Он потянулся, чтобы взять ещё одну сигарету, а левой ногой нажал на потайную кнопку на полу под столом. — Давайте оставим все до втор...

Со щелчком включился интерком.

— Прошу прощения, мистер Горнт, мне перенести собрание совета директоров? — Это была его секретарша.

— Нет, — сказал Горнт. — Пусть подождут.

— Хорошо, сэр. Пришла мисс Рамуш. Вы не могли бы уделить ей несколько минут?

Горнт изобразил удивление.

— Минуточку. — Он взглянул на Бартлетта: — Мы закончили?

— Да. — Бартлетт тут же встал. — Договорились на вторник. Пусть до того времени все идет своим чередом. — Он повернулся, чтобы идти, но Горнт остановил его:

— Одну минуту, мистер Бартлетт, — а потом сказал в интерком: — Попросите её зайти. — Выключив интерком, он встал. — Я рад, что мы с вами встретились.

Дверь отворилась, и вошла девушка. Ей было лет двадцать пять, и выглядела она впечатляюще: коротко стриженные чёрные волосы и миндалевидные глаза, несомненно, евразийка, одетая не по параду в линялые американские джинсы и рубашку.

— Привет, Квиллан, — сказала она с улыбкой, от которой в комнате стало теплее. По-английски она говорила с еле заметным американским акцентом. — Прошу простить за вторжение, только что вернулась из Бангкока и просто заскочила поздороваться.

— Рад, что ты зашла, Орланда. — Горнт улыбнулся Бартлетту, глядевшему на неё во все глаза. — Познакомься, это мистер Бартлетт из Америки. Орланда Рамуш.

— Привет, — сказал Бартлетт.

— Привет... О, Линк Бартлетт? Американский миллионер, который занимается контрабандой оружия? — усмехнулась она.

— Что?

— О, не надо так удивляться, мистер Бартлетт. В Гонконге все знают всё: это лишь большая деревня.

— Серьезно, откуда вы узнали?

— Прочитала в утренней газете.

— Не может быть! Это случилось сегодня утром — в пять тридцать.

— Об этом сообщила газета «Фэй бао» — «Экспресс», — выходящая в девять утра, в колонке «В последний час». Эта газета издаётся на китайском языке, а китайцы знают все, что здесь происходит. Не беспокойтесь, газетами, издающимися на английском, эта новость будет подхвачена только к полуденному выпуску, не раньше, но примерно в этот благословенный час у вас на пороге могут появиться репортеры.

— Спасибо.

«Меньше всего хотелось бы, чтобы за мной гонялась эта проклятая пресса», — недовольно подумал Бартлетт.

— Не беспокойтесь, мистер Бартлетт, я не буду просить у вас интервью, хоть я и внештатный репортер китайской прессы. Я вообще-то умею держать язык за зубами. Правда, Квиллан?

— Абсолютно. Я за это поручусь, — подтвердил Горнт. — Орланда — человек абсолютно надежный.

— Конечно, если вы предложите интервью, я соглашусь. Завтра.

— Я подумаю.

— Гарантирую, я подам вас в самом лучшем виде!

— Китайцы действительно знают здесь обо всем?

— Конечно, — тут же ответила она. — Но гуйлао — иностранцы⁵² — не читают китайских газет, кроме горстки старых спецов по Китаю, таких как Квиллан.

— А также всей особой разведслужбы, особого подразделения и полиции в целом, — добавил Горнт.

— И Иэна Данросса. — Она дотронулась до зубов кончиком языка.

— Он такой крутой? — спросил Бартлетт.

— О да. Ведь в нем течет кровь «Дьявола» Струана.

— Не понимаю.

— Поймете, если поживете здесь подольше. После недолгого раздумья Бартлетт нахмурился:

— Вы тоже знали о винтовках, мистер Горнт?

— Только, что полиция пресекла попытку контрабанды оружия на борту «личного самолёта американского миллионера, прилетевшего вчера вечером». Это сообщение тоже поместила сегодня утром китайская газета, которую я читаю, — «Син бао». — Горнт язвительно улыбался. — Это та же «Таймс», только на кантонском. У них это тоже было в колонке «В последний час». Но, в отличие от Орланды, я удивлен, что вас ещё не перехватил кто-то из нашей английской прессы. Они здесь в Гонконге трудятся не покладая рук. И более усердны и расторопны, чем считает Орланда.

Бартлетт ощутил аромат её духов.

— И все же я удивлен, что вы не упомянули об этом, мистер Горнт.

— А зачем? Какое отношение имеют эти винтовки к нашему возможному сотрудничеству? — хохотнул Горнт. — В худшем случае мы с Орландой навестим вас в тюрьме.

— Да, действительно, — засмеялась она.

— Вот уж спасибо! — Опять этот аромат. Бартлетт оставил в покое винтовки и сосредоточился на девушке: — Рамуш — испанская фамилия?

⁵² Гуйлао буквально означает «дух», «привидение». Так на юге Китая традиционно называют иностранцев из-за белого цвета кожи, «рыжих» волос и «зеленых» глаз. Как и его северный вариант — вайгуй (цзы), — это выражение обычно переводится как «заморский дьявол» и употребляется настолько часто, что не считается оскорбительным.

— Португальская. Из Макао. Мой отец работал в компании «Ротвелл-Горнт» в Шанхае, мать из Шанхая. Я росла в Шанхае до сорок девятого года, потом уехала в Штаты на несколько лет, окончила среднюю школу в Сан-Франциско.

— Вот как? А мой родной город — Эл-эй, Лос-Анджелес. Я окончил среднюю школу в Долине.

— Мне нравится Калифорния, — сказала она. — А как вам Гонконг?

— Я только что приехал, — ухмыльнулся Бартлетт. — И, похоже, уже наделал шуму.

Она засмеялась. Красивые белые зубы.

— Гонконг — место хорошее, если есть возможность уезжать отсюда каждый месяц или примерно через это время. Вам надо на выходные съездить в Макао: там все старинное, очень красиво, всего сорок миль отсюда, и паромное сообщение хорошее. Макао совсем не такой, как Гонконг. — Она повернулась к Горнту: — Ещё раз прошу прощения, что прервала вас, Квиллан, хотела лишь поздороваться... — И повернулась, чтобы уйти.

— Нет, мы уже закончили — я как раз собирался уходить, — заторопился Бартлетт. — Спасибо ещё раз, мистер Горнт. Увидимся во вторник, если не раньше... Надеюсь встретиться с вами снова, мисс Рамуш.

— Да, это было бы очень мило. Вот моя визитка: если дадите мне интервью, гарантирую хорошую прессу. — Она протянула руку, и, дотронувшись до неё, Бартлетт ощутил, какая она теплая.

Горнт проводил гостя до двери, закрыл её, вернулся к столу и взял сигарету. Орланда поднесла ему спичку, задула её, а потом уселась в кресло, где сидел Бартлетт.

— Приятный мужчина, — заметила она.

— Да. Но американец, недалекий и очень самоуверенный тип, с которого, может быть, понадобится сбить спесь.

— Ты хочешь, чтобы это сделала я?

— Возможно. Ты читала его досье?

— О да. Очень интересно, — улыбнулась Орланда.

— Ты не должна просить у него денег, — резко сказал Горнт.

— Аййя, Квиллан, неужели я такая дура? — столь же резко проговорила она, сверкая глазами.

— Прекрасно.

— Зачем ему понадобилась ввозить контрабандой оружие в Гонконг?

— Действительно, зачем, дорогая? Может, кто-то лишь использовал его.

— Должно быть, это и есть ответ на вопрос. Будь у меня столько денег, как у него, я не пошла бы на такую глупость.

— Да, — согласился Горнт.

— О, а как я тебе в роли репортера на вольных хлебах? Мне кажется, получилось очень здорово.

— Да, но не следует его недооценивать. Он не дурак. И очень хитер. Очень. — Горнт рассказал о «Касале». — Что-то многовато для совпадения. Должно быть, у него тоже составлено досье на меня, причем подробное. Не так много людей знает, что мне нравится это место.

— Может, я тоже фигурирую в досье.

— Возможно. Смотри, не попадись с этим твоим репортерством.

— А, брось ты, Квиллан, кто из тайбаней, кроме тебя и Данросса, читает китайские газеты? А если кто и читает, всего, что в них есть, не упомнишь. Я уже написала пару колонок... «Наш специальный корреспондент». Если он даст мне интервью, могу записать его. Не волнуйся. — Она пододвинула Горнту пепельницу. — Все прошло удачно, да? С Бартлеттом?

— Превосходно. Ты попусту растрачиваешь свой талант. Тебе надо сниматься в кино.

— Так поговори обо мне со своим приятелем, пожалуйста, прошу тебя, Квиллан. Чарли Ванг — крупнейший продюсер в Гонконге и многим тебе обязан. У него сейчас снимается столько фильмов, что... Мне нужен лишь один шанс... Я могла бы стать звездой! Пожалуйста!

— Почему бы и нет? — сухо сказал Горнт. — Но не думаю, что ты в его вкусе.

— Я под него подлажусь. Разве я не сыграла именно то, что ты хотел, с Бартлеттом? Ведь я оделась как надо, по-американски?

— Да-да, конечно. — Горнт посмотрел на неё: — Ты прекрасно бы ему подошла. Думаю, между вами могло бы возникнуть нечто более прочное, чем простое увлечение...

Она вся сосредоточилась: — Что?

— Вы могли бы сойтись лучше, чем фрагменты китайской головоломки. У тебя прекрасный характер, подходящий возраст, ты красива, умна, образованна, восхитительна в постели, сообразительна, и у тебя достаточно американского налета, чтобы ему не нужно было напрягаться. — Горнт выпустил кольцо дыма. — Из всех известных мне дам ты единственная, кто стоит его денег. Да, вы составили бы прекрасную пару... он был бы очень хорош для тебя, а ты могла бы сделать его жизнь значительно более яркой. Верно?

— О да, — тут же загорелась она. — О да, я бы это сделала. — Она улыбнулась, потом нахмурилась. — А как же особа, что приехала с ним? У них один люкс на двоих в «Вик». Я слышала, она красавица. Как быть с ней, Квиллан?

Горнт слегка улыбнулся:

— Как докладывают мои шпионы, они не спят вместе, хотя и больше чем друзья.

Её лицо вытянулось.

— Он не педик, нет?

Горнт рассмеялся. Сочным, раскатистым смехом.

— Я бы так с тобой не поступил, Орланда! Нет, уверен, что нет. У него просто какие-то странные договоренности с Кейси.

— А что это за договоренности? Горнт пожал плечами.

— Но как же мне быть с ней? — снова спросила Орланда через некоторое время.

— Если Кейси Чолок мешает тебе, убери её. Ты же умеешь показать коготки.

— Ты... Иногда ты мне совсем не нравишься.

— Мы оба реалисты, ты и я. Верно? — категорично заявил он. Почувствовав в его голосе жестокость, она встала и, наклонившись через стол, поцеловала его.

— Ты дьявол, — промолвила она, чтобы успокоить его. — Это в память о прежних временах.

Его рука очутилась у неё на груди, и он вздохнул, вспоминая, наслаждаясь через тонкий материал теплом её тела.

— Айийя, Орланда, хорошие у нас были времена, верно?

Она стала его любовницей, когда ей исполнилось семнадцать. Он был у неё первым, и они оставались вместе почти пять лет. Так могло бы продолжаться и дальше, но однажды, когда он был в отъезде, она отправилась с молодым человеком в Макао, и ему доложили об этом. И он прекратил связь с ней. Раз и навсегда. Хотя у Горнта и Орланды уже была годовалая дочь.

— Орланда, — сказал он, когда она умоляла о прощении, — прощать не за что. Я раз десять говорил, что молодости нужна молодость и настанет день... Вытри слезы, выходи замуж за этого парня. Я дам тебе приданое и свое благословение... — Несмотря на все её слезы, он остался тверд. — Мы будем друзьями, — уверял он, — и, когда будет нужно, я позабочусь о тебе...

На следующий день весь жар скрытой ярости он обратил на молодого человека, англичанина, мелкого клерка в «Эйшн пропертиз», и за месяц пустил его по миру.

— Это вопрос чести, — спокойно объяснил он.

— О, я знаю, я понимаю, но... что же мне теперь делать? — причитала она. — Завтра он уезжает в Англию и хочет, чтобы я ехала с ним и вышла за него замуж, но я не могу сейчас выходить замуж, у него нет ни денег, ни будущего, ни работы...

— Вытри слезы и отправляйся за покупками.

— Что?

— Да-да. Вот тебе подарок. — Он вручил ей билет первого класса до Лондона туда и обратно на самолёт, которым молодой человек летел в туристическом классе. И тысячу фунтов хрустящими десятифунтовыми купюрами. — Накупи себе красивой одежды и сходи в театр. Для тебя забронирован номер в отеле «Коннот» на одиннадцать дней — тебе нужно будет только подписать счет, — дата возвращения подтверждена, так что желаю хорошо провести время и вернуться веселой и без проблем!

— О, спасибо, Квиллан милый, о, спасибо... Я так виновата. Ты меня прощаешь?

— Прощать не за что. Но если ты ещё хоть раз заговоришь с ним или увидишься наедине... я навсегда перестану быть твоим другом и другом твоей семьи.

Она рассыпалась в благодарностях, сквозь слезы проклиная себя за глупость и призывая кары небесные на того, кто её предал. На следующий день молодой человек пытался заговорить с ней и в аэропорту, и в самолёте, и в Лондоне, но она лишь осыпала его проклятиями и посылала прочь. Она поняла, на чем покоится её чашка риса. В тот день, когда она улетела из Лондона, молодой человек покончил жизнь самоубийством.

Узнав об этом, Горнт закурил хорошую сигару и пригласил её на ужин в отель «Виктория энд Альберт» — канделябры, скатерть тонкого полотна, прекрасное столовое серебро, — а затем, когда он допил свой «наполеон», а она — мятный ликер, отослал её одну домой, в квартиру, за которую по-прежнему платил. Он заказал ещё коньяку и сидел, любуясь на огни гавани и Пик, упиваясь блаженством мести, величием жизни и вновь обретенным достоинством...

— Айийя, были у нас хорошие времена, — повторил Горнт, все так же желая её, хотя не был с ней в постели с тех пор, как узнал про Макао.

— Квиллан... — начала она, тоже чувствуя на своей руке тепло его руки.

— Нет.

Её глаза устремились к внутренней двери.

— Пожалуйста. Прошло уже три года, и никого не было...

— Благодарю тебя, но — нет. — Он отстранился и теперь держал её за руки твердо, хоть и нежно. — Самое лучшее у нас уже было, — сказал он тоном знатока. — Я признаю только первую свежесть.

Она снова присела на край стола, угрюмо наблюдая за ним.

— Ты всегда выходишь победителем, да?

— В тот день, когда вы с Бартлеттом станете любовниками, ты получишь подарок, — спокойно пообещал он. — Если он возьмет тебя с собой в Макао и ты пробудешь там с ним открыто в течение трех дней, я куплю тебе новый «ягуар». Если он предложит тебе выйти за него, то в качестве свадебного подарка ты получишь квартиру со всем, что в ней есть, и дом в Калифорнии.

У неё даже дыхание перехватило, и она улыбнулась восторженно.

— Модели Экс-кей-и, черного цвета, Квиллан, о, это было бы великолепно! — Потом её счастья как не бывало. — Что в нем такого? Почему он так важен для тебя?

Он лишь молча смотрел на неё.

— Прошу прощения, виновата, я не должна была спрашивать. — Она задумчиво достала сигарету, прикурила и, перегнувшись через стол, подала ему.

— Спасибо, — поблагодарил он, с наслаждением глядя на изгиб её груди и в то же время слегка печалься, что подобная красота так преходяща. — О, кстати, не хотелось бы, чтобы Бартлетт узнал о нашей договоренности.

— И мне не хотелось бы. — Вздохнув, она выдавила из себя улыбку. Потом поднялась и пожала плечами. — Айййя, все равно это не продолжалось бы у нас долго. С Макао или без Макао. Ты бы изменился — тебе бы наскучило, у мужчин вечно такая история.

Она поправила макияж и рубашку, послала ему воздушный поцелуй и вышла. Он долго смотрел на закрывшуюся дверь, потом улыбнулся и потушил поданную ею сигарету, так ни разу и не затянувшись: не хотел вымазаться в помаде. Закурил новую и стал мурлыкать какой-то мотивчик.

Он был доволен. «Отлично. Теперь посмотрим, мистер Нахальный и Самоуверенный, Чертов Янки Бартлетт, теперь посмотрим, как ты удержишь этот нож. Паста с пивом — надо же!»

Горнт вдохнул ещё витающий в кабинете аромат духов, и на мгновение нахлынули воспоминания о том, каково им было с Орландой в постели. «Тогда она была молода, — напомнил он себе. — Слава богу, не существует приплата за молодость или красоту, и замену найти легко: один телефонный звонок или стодолларовая купюра».

Он снял трубку и набрал специальный частный номер, радуясь, что Орланда больше китаянка, чем европейская женщина. Китайцы такие практичные.

После гудка донесся бодрый голос Пола Хэвегилла:

— Да?

— Пол, это Квиллан. Как дела?

— Привет, Квиллан. Ты, конечно, знаешь, что в ноябре банк возглавит Джондзон?

— Да. Очень жаль.

— Проклятье. Я думал, утвердят меня, а совет директоров выбрал Джонджона. Вчера вечером об этом объявили официально. Опять Данросс, его клика и их чертовы акции. Как прошла встреча у тебя?

— Наш американец рвется в бой, как я и говорил. — Горнт глубоко затянулся, стараясь не выдать волнения. — Как насчет небольшой специальной акции до передачи полномочий?

— Что ты задумал?

— Ты уходишь в конце ноября?

— Да. После двадцати трех лет службы. Но жалеть об этом не буду. «Я тоже, — подумал довольный Горнт. — Ты уже подустарел и чертовски консервативен. В твою пользу лишь ненависть к Данроссу».

— Почти четыре месяца. Получается, у нас уйма времени. У тебя, меня и нашего американского друга.

— Что ты задумал?

— Помнишь, я предлагал гипотетический «план игры» под названием «Конкуренция»?

Хэвегилл задумался.

— Это как перекупить или уничтожить банк-конкурент, да? Ну и что?

— Скажем, кто-то стряхнул с этого плана пыль, внес кое-какие изменения и нажал кнопку ВКЛ... два дня назад. Скажем, кто-то знал, что Данросс и остальные будут голосовать против тебя, и хотел бы отомстить. «Конкуренция» сработает прекрасно.

— Не вижу смысла. Какой прок нападать на «Блэкс»? — Банк Лондона, Кантона и Шанхая был основным конкурентом «Виктории». — Никакого.

— А если, скажем, цель другая, Пол?

— Кто?

— Я заеду в три и объясню.

— Кто?

— Ричард. — Ричард Кван контролировал банк «Хо-Пак» — среди множества китайских банков Гонконга этот был одним из крупнейших.

— Господи боже! Но ведь это... — Последовала долгая пауза. — Квиллан, ты действительно начал «Конкуренцию»... задействовал этот план?

— Да, но об этом никто не знает, кроме тебя и меня.

— Но как этот план ударит по Данроссу?

— Объясню попозже. Иэн сможет выполнить свои обязательства по новым судам?

Последовала пауза, и Горнт это отметил.

— Да.

— Да, но что?

— Но я уверен, что у него все будет в порядке.

— Какие ещё проблемы у Данросса?

— Извини, но это уже будет неэтично.

— Конечно. Давай я выражусь по-другому, — многозначительно произнес Горнт.

— Скажем, их лодку слегка качнули. А?

На этот раз пауза была длиннее.

— Если выбран нужный момент, их, да и любую другую компанию, даже твою, может утопить самая незначительная волна.

— Но не банк «Виктория».

— О нет.

— Прекрасно. Увидимся в три. — Горнт повесил трубку и снова вытер лоб в невероятном возбуждении. Затушив сигарету, он сделал быстрый подсчет, закурил другую, потом набрал номер: — Чарльз, это Квиллан. Занят?

— Нет. Чем могу быть полезен?

— Мне нужен баланс. — Слово «баланс» служило для этого поверенного сигналом, по которому он звонил восьми подставным лицам, а те должны были тайно покупать или продавать на бирже по поручению Горнта, чтобы нельзя было найти концов. Предполагалось, что все акции и все деньги будут проходить только через руки поверенного и ни подставные лица, ни брокеры не должны знать, для кого совершаются эти сделки.

— Баланс будет. Какого рода, Квиллан?

— Хочу играть на понижение. — Имелось в виду, что он продает акции, которыми не владеет, в расчете на то, что они будут дешеветь. Если акции на самом деле шли вниз, он получал разницу в цене до того момента, когда бумаги нужно было выкупить, — в Гонконге этот промежуток времени составлял максимум две недели. Конечно, если расчет оказывался неверен и акции шли вверх, приходилось выплачивать разницу.

— Какие акции и сколько?

— Сто тысяч «Хо-Пак»...

— Господи...

— ...столько же после начала торгов завтра и ещё двести тысяч в течение дня.

Позже дам дальнейшие инструкции.

На другом конце провода повисло изумленное молчание.

— Вы сказали, «Хо-Пак»?

— Да.

— Завтра потребуется время, чтобы занять столько акций. Господи боже, Квиллан, четыреста тысяч?

— Пока ты этим занимаешься, возьми ещё сотню. Чтобы было ровно

полмиллиона.

— Но... но «Хо-Пак» — «голубая фишка»⁵³. Голубее не бывает. Они годами не снижались.

— Да.

— Ты что-нибудь слышал?

— Ходят слухи, — серьезно произнес Горнт, а про себя усмехнулся. — Как насчет ланча пораньше, поедим в клубе?

— Хорошо, буду.

Горнт положил трубку, потом набрал ещё один частный номер.

— Да?

— Это я, — осторожно проговорил Горнт. — Ты один?

— Да. И?

— На встрече янки предложил рейд.

— Айийя! И?

— И Пол тоже за. — Преувеличение далось без труда. — Абсолютная тайна, конечно. Я только что с ним разговаривал.

— Тогда я тоже за. При условии, что получаю контроль над судами «Струанз», управление их собственностью в Гонконге и сорок процентов их земельной собственности в Таиланде и Сингапуре.

— Ты шутишь!

— Чтобы уничтожить их, не стоит мелочиться. Так ведь, старина? До Горнта донесся издевательский аристократический смешок. За это он терпеть не мог Джейсона Пламма.

— Ты же любишь его не больше, чем я, — поддел Горнт.

— Ах, но ведь я буду тебе нужен — я и мои особые друзья. Даже с Поллом — займет он выжидательную позицию или нет — без меня и моих связей у вас с этим янки ничего не получится.

— А зачем ещё я говорю с тобой?

— Послушай, я ведь не прошу кусок от пирога этого американца.

— А это тут при чем? — Горнт старался говорить спокойно.

— Я тебя знаю. О да. Я тебя знаю, старина.

— И сейчас знаешь?

— Да. Ты не станешь довольствоваться тем, что просто уничтожишь нашего «друга», ты захочешь весь пирог.

— И сейчас захочу?

— Да. Ты слишком долго хотел сделать заявку на американском рынке.

— Ты тоже.

— Нет. Мы-то знаем, с какого края поджаривается наш тост. Плетемся сзади — и довольны. Нам хватает Азии. Мы не хотим стать чем-то благородным.

— Неужто?

— Нет. Значит, по рукам?

— Нет, — отрезал Горнт.

— Тогда я полностью отказываюсь от судов. Вместо этого возьму изновскую «Коулун инвестментс», их мощности в аэропорту Кай-Так и сорок процентов их земельной собственности в Таиланде и Сингапуре, а ещё двадцать пять процентов «Пар-Кон» и три места в совете директоров.

⁵³ «Голубые фишки» — акции солидных компаний со стабильным доходом и отсутствием крупных задолженностей. Большинство «голубых фишек» регулярно выплачивают дивиденды, даже когда бизнес идет хуже, чем обычно. Их ценят инвесторы, которым нужна относительная безопасность и стабильность, хотя стоимость акций обычно высока. Название происходит от фишек голубого цвета, которые обычно больше всего ценятся при игре в покер.

— Шёл бы ты!

— Предложение действительно до понедельника.

— Которого понедельника?

— Следующего понедельника.

— *Цзю ни ло мо* на все твои понедельники!

— И на твои! Делаю последнее предложение. «Коулун инвестментс» и мощности в Кай-Так полностью, тридцать пять процентов всей земельной собственности в Таиланде и Сингапуре и десять процентов пирога янки с тремя местами в совете директоров.

— Это все?

— Да. Повторяю: предложение в силе до следующего понедельника. И не думай, что тебе удастся мимоходом сожрать и нас.

— Ты что, свихнулся?

— Говорил уже: я тебя знаю. По рукам?

— Нет.

Снова мягкий, злобный смешок.

— До понедельника, до следующего понедельника. Этого времени достаточно, чтобы ты принял решение.

— Увидимся сегодня вечером на приеме у Иэна? — многозначительно спросил Горнт.

— Ты сбрендил! Я не пошёл бы, даже если... Господи боже, Квиллан, ты на самом деле собираешься принять приглашение? Лично?

— Вообще-то я не собирался, но теперь думаю пойти. Не хочу пропустить, может быть, последний великосветский прием последнего тайбаня «Струанз»...

7

12:01

В зале заседаний совета директоров для Кейси все складывалось по-прежнему непросто. Они не хотели клевать ни на одну из предложенных приманок. Беспокойство росло, и сейчас, ожидая, она чувствовала накатывающую волну неуместного страха.

Филлип Чэнь что-то машинально чертил, думая о своем. Линбар возился с бумагами, Жак де Вилль задумчиво разглядывал её. Эндрю Гэваллан закончил записывать последние названные ею цифры и со вздохом поднял глаза.

— Очевидно, что это должно быть совместно финансируемое предприятие, — раздраженно проговорил он. От подскочившего напряжения в зале стало светлее, и Кейси еле сдержала ликование, когда он добавил: — Сколько готов вложить во всю сделку «Пар-Кон» при совместном финансировании?

— Денежное покрытие должны обеспечить восемнадцать миллионов американских долларов в этом году, — тут же ответила она, с удовольствием отметив, что все при этом постарались скрыть изумление.

Согласно опубликованным в прошлом году данным стоимость чистых активов «Струанз» составляла почти двадцати восемь миллионов, и они с Бартлеттом оттакивались в своем предложении именно от этой цифры...

— Сделай первое предложение на двадцать миллионов, — сказал Линк. — При двадцати пяти они должны оказаться у тебя на крючке, и это будет замечательно. Для нас очень важно совместное финансирование, но предложение об этом должно исходить от них.

— Но взгляни на их баланс, Линк. Точно не скажешь, какова на самом деле стоимость их чистых активов. Истинная цифра может отклоняться миллионов на десять в ту и другую сторону, возможно и больше. Мы не знаем, насколько они на

самом деле сильны... или слабы. Взгляни на этот пункт: четырнадцать миллионов семьсот тысяч удержаны в дочерних компаниях. Что это за дочерние компании, где они находятся и для чего? А вот ещё: семь миллионов четыреста тысяч переведены в...

— Ну, так и что, Кейси? Значит, будет тридцать миллионов вместо двадцати пяти. Наша прикидка остается в силе.

— Да, но как у них ведется бухгалтерский учет... Боже мой, Линк, позволь мы себе лишь один процент всего этого в Штатах, нас взяла бы за задницу СЕК⁵⁴ и мы оказались бы в тюрьме лет на пятьдесят.

— Да. Но их законам это не противоречит, в том-то и заключается основная причина выхода на Гонконг.

— Двадцать для начала многовато.

— Решать тебе, Кейси. Не забывай только, что в Гонконге мы играем по гонконгским правилам, лишь бы это было в рамках закона. Я хочу поучаствовать в их игре.

— Зачем? И только не говори «для моего, черт возьми, удовольствия». Линк рассмеялся.

— Хорошо, тогда для твоего, черт возьми, удовольствия. Только заключи сделку со «Струанз»!..

В зале повысилась влажность. Хотелось взять салфетку, но Кейси не двигалась: боялась спугнуть их и делала вид, что спокойна. Молчание нарушил Гэваллан:

— Когда мистер Бартлетт сможет подтвердить предложение восемнадцати миллионов... если мы будем согласны?

— Я подтверждаю это предложение, — любезно проговорила она, проглотив оскорбление. — Я уполномочена при заключении сделки оперировать суммами до двадцати миллионов без консультации с Линком или его советом директоров. — Она нарочно давала им пространство для маневра. Затем с невинным видом добавила: — Значит, мы договорились? Прекрасно. — И стала переключать бумаги. — Следующее: я хотела бы...

— Минуточку. — Гэваллан оказался застигнут врасплох. — Я... э-э... восемнадцать — это... В любом случае мы должны представить тайбану весь пакет.

— О, я считала, что мы ведем переговоры на равных, — сказала она, изобразив удивление, — что вы, господа, все четверо, имеете те же полномочия, что и я. Наверное, в будущем мне лучше говорить непосредственно с мистером Данроссом.

Эндрю Гэваллан покраснел.

— Последнее слово за тайбаном. Во всем.

— Очень рада это слышать, мистер Гэваллан. Мое же последнее слово — двадцать миллионов, и не более того. — Она широко улыбнулась им. — Очень хорошо, передайте это предложение вашему тайбану. А пока, может быть, определимся со сроком его рассмотрения?

Снова молчание.

— Какие у вас предложения? — спросил Гэваллан, поняв, что попал в ловушку.

— Самый минимальный срок. Я не знаю, как быстро вы любите работать.

— Почему бы нам не отложить ответ на этот вопрос до окончания ланча, Эндрю? — предложил Филлип Чэнь.

— Да, прекрасная идея.

— Не возражаю, — сказала Кейси.

⁵⁴ СЕК (англ. SEC сокр. от Securities and Exchange Commission) — Комиссия по ценным бумагам, правительственная организация, контролирующая оборот ценных бумаг в целях защиты инвесторов от злоупотреблений. Создана в 1934 г. для предотвращения биржевых крахов, подобных обвалу 1929 г., вызвавшему Великую депрессию.

«Я сделала свое дело, — думала она. — Я договорилась на двадцать миллионов, хотя могло быть и тридцать, и это при том, что они — мужчины, знающие толк в бизнесе, взрослые люди, а меня считают неискушенной. Но теперь-то я получу свои „отвальные“. Боже милостивый на небесах, сделай так, чтобы эта сделка состоялась, потому что потом я получу свободу. Навсегда.

Свободу, и что я с ней буду делать?

Не бери в голову. Об этом подумаем позже».

Она услышала свой голос, продолжавший в том же духе:

— Может, мы рассмотрим подробнее, каким образом вы хотели бы получить эти восемнадцать миллионов и...

— Восемнадцать миллионов вряд ли нас устроят, — вмешался Филлип Чэнь, и ложь далась ему без труда. — Существуют ведь самые разные дополнительные расходы...

Кейси поторговалась, как прекрасный переговорщик, позволила подвинуть себя до двадцати миллионов и потом с явным нежеланием согласилась:

— Вы, джентльмены, исключительно деловые люди. Хорошо, двадцать миллионов. — Заметив, как они старательно гонят с лица улыбку, она рассмеялась про себя.

— Прекрасно. — Гэваллан остался очень доволен.

— Ну а какой вы представляете корпоративную структуру нашего совместного предприятия? — Ей не хотелось ослаблять давление. — Конечно, при условии одобрения сделки вашим тайбаном — прошу прощения, самим Тайбаном. — Степень смирения, с какой она поправилась, была именно той, что надо.

Гэваллан с раздражением смотрел на неё: ну почему на её месте не мужчина?!

«Тогда я мог бы сказать „хрена тебе лысого“ или „шёл бы ты облегчиться в свою шляпу“, и мы бы вместе посмеялись, потому что и ты, и я знаем: всегда так или иначе нужно получать одобрение у тайбаня — вышестоящего, будь то Данросс, Бартлетт, совет директоров или собственная жена. Да, и будь ты мужчиной, в зале заседаний совета директоров не витала бы такая, черт побери, сексуальность, которая здесь никак не уместна. Господи Иисусе, будь ты старая перечница, может, все шло бы по-другому, но, проклятье, такая девочка, как ты?

И что за дьявол вселяется в американских женщин? Скажите ради Христа, почему они не остаются там, где должны быть, и не довольствуются тем, в чем они великие мастерицы? Какая глупость!

А какая глупость так поспешно предлагать финансирование, и тем более глупо давать нам ещё два миллиона, когда, вероятно, на все про все хватило бы и десяти. Боже мой, будь ты чуть терпеливее, эта сделка получилась бы гораздо более выгодной для тебя! В этом и беда с вами, американцами: нет у вас ни такта, ни терпения, ни вкуса, и вы ничего не смыслите в искусстве ведения переговоров, а вам, милая леди, вам слишком не терпится утвердиться. Зато теперь я знаю, на чем с вами можно сыграть».

Он бросил взгляд на Линбара Струана, который тайком пялился на Кейси, ожидая, что Гэваллан, или Филлип, или Жак продолжат. «Когда стану тайбаном, я тебя обломаю, малыш Линбар. Или обломаю, или сделаю из тебя человека, — мрачно думал Гэваллан. — Тебя нужно выпихнуть в мир, чтобы ты пожил самостоятельно, чтобы сам о себе заботился, полагался лишь на собственные силы, а не на свое имя или наследие. Да-да, нагрузить тебя работой, чтобы ты вымотался и чуть поостудил свое ян: чем быстрее ты снова женишься, тем лучше».

Он перевел взгляд на Жака де Вилля, который улыбнулся ему.

«Ах, Жак, — беззлобно думал он, — ты мой главный противник. По обыкновению говоришь мало, все подмечаешь, много думаешь. Жесткий, упрямый и придирчивый, если нужно. Ну, и какого ты мнения об этой сделке? Может, я что-нибудь упустил? Что

подсказывает твой практичный ум парижского юриста? Ага, но как она тебя обыграла, отбив подачу насчет её носика, а?

Я тоже не прочь затащить её в постель, — рассеянно размышлял он, зная, что Линбар и Жак хотят того же. — Конечно — а кто бы отказался?

Ну, а ты, Филлип Чэнь?

О нет. Это не про тебя. Тебе нравятся совсем молоденькие, да ещё такие, что умеют ублажать позатейливей, если в слухах есть хоть доля правды, хейя?»

Он снова посмотрел на Кейси. На её лице читалось нетерпение. «Ты не похожа на лесбиянку, — тяжело вздохнул он про себя. — Или это ещё одна твоя слабость? Боже, какое ужасное это было бы расточительство!»

— Совместное предприятие должно быть образовано по законам Гонконга, — начал он.

— Да, конечно. Есть...

— Каким именно образом, нам сможет сообщить фирма «Симс, Доусон и Дик». Я договорюсь о встрече на завтра или послезавтра.

— В этом нет необходимости, мистер Гэваллан. У меня уже есть предварительные предложения, составленные ими — гипотетически и конфиденциально, конечно, — на случай, если мы решим заключить сделку.

— Что? — Они ошеломенно смотрели, как она достаёт пять экземпляров сокращённого контракта и вручает каждому.

— Я выяснила, что они ваши адвокаты, — бодро продолжала Кейси. — Поручила нашим людям проверить, что они собой представляют. Мне сказали, что лучше их никого нет, так что они нас устраивают. Я попросила их рассмотреть возможные условия — как ваши, так и наши. Что-нибудь не так?

— Нет. — Гэваллан вдруг пришел в ярость оттого, что собственные юристы не поставили их в известность о запросах «Пар-Кон». Он стал внимательно изучать документ.

«Цзю ни ло мо на эту проклятую Кейси — как бишь её фамилия? — думал взбешенный таким унижением Филлип Чэнь. — Пусть увянет, и навсегда иссохнет, и покроется пылью твоя „золотая ложбинка“ за такие отвратительные, наглые манеры и непристойные, не подобающие женщине привычки!

Боже, оборони нас от американских женщин!

Айийя, Линкольну Бартлетту влетит в копеечку то, что он осмелился подсунуть нам эту... эту тварь, — пообещал про себя Филлип. — Как он только посмел!»

Тем не менее сумма предлагаемой сделки произвела на него ошеломляющее впечатление.

«В течение ближайших нескольких лет это может принести по меньшей мере сто миллионов американских долларов, — прикидывал он, и голова шла кругом. — Это даст Благородному Дому стабильность, которая ему так необходима.

О благословенный день, — радовался он. — Да ещё совместное финансирование на условиях доллар за доллар. Невероятно! Какая глупость предоставлять нам это так сразу и не требовать взамен даже крохотной уступки. Глупость, но что ещё ожидать от глупой женщины? Айийя, Тихоокеанский пояс поглотит все, что мы сможем производить из полиуретановой пены: упаковочные, строительные, изоляционные материалы, постельные принадлежности. Одна фабрика здесь, одна на Тайване, одна в Сингапуре, одна в Куала-Лумпуре и последняя, предположительно, в Джакарте. Мы заработаем миллионы, десятки миллионов. А это агентство по лизингу компьютеров. Ну почему при аренде эти дураки предлагают цены на десять процентов ниже прайс-листа Ай-би-эм, а ещё минус наши комиссионные, семь с половиной процентов? Поторговались бы немного, и мы рады были бы согласиться на пять. К следующим выходным я смогу продать три штуки в Сингапур, один здесь, один в Куала-Лумпур и один этому

пирату-судовладельцу в Индонезию, наварив шестьдесят семь тысяч пятьсот долларов чистой прибыли на каждом или, получается, четыреста пять тысяч за шесть звонков по телефону. Что же касается Китая...

Что же касается Китая...

О все боги, большие, малые и очень маленькие, помогите заключить эту сделку, и я пожертвую на новый храм, на целый собор на Тайпиншане⁵⁵, — обещал он в пылу страсти. — Если Китай отменит некоторые ограничения или даже немного ослабит их, мы сможем удобрять рисовые поля в провинции Гуандун, а потом и во всем Китае, и в течение следующих двенадцати лет эта сделка будет означать десятки сотен миллионов долларов — американских долларов, не гонконгских!»

Размышления обо всей этой прибыли его умиротворили.

— Думаю, данное предложение может стать основой для дальнейшего обсуждения, — сказал он, закончив читать. — Не правда ли, Эндрю?

— Да. — Гэваллан положил письмо на стол. — Я позвоню им после ланча. Когда мистеру Бартлетту... и вам, конечно... будет удобно встретиться?

— Сегодня во второй половине дня — чем скорее, тем лучше, — или в любое время завтра, но Линка не будет. Всеми деталями занимаюсь я — это моя работа, — бодро проговорила Кейси. — Он определяет политику и официально подпишет окончательные документы после того, как я их согласую. В этом ведь заключается функция главнокомандующего, верно? — Она оглядела их, улыбаясь во весь рот.

— Я договарюсь о встрече и оставлю сообщение у вас в отеле, — продолжал Гэваллан.

— Может, определимся прямо сейчас и закончим с этим? Гэваллан с недовольным выражением лица глянул на часы. «Почти что ланч, слава богу».

— Жак, ты как завтра?

— Лучше с утра, чем после полудня.

— И для Джона тоже, — сказал Филлип Чэнь. Гэваллан поднял трубку и набрал номер:

— Мэри? Позвоните Доусону и назначьте встречу на завтра, на одиннадцать, с участием мистера де Вилля, мистера Джона Чэня и мисс Кейси. У них в офисе. — Он положил трубку. — Жак и Джон Чэнь занимаются у нас всеми корпоративными вопросами. Джон поднаторел в американских делах, а Доусон — спец по своим. Я пришлю за вами машину в десять тридцать.

— Спасибо, но вам нет нужды беспокоиться.

— Как вам будет угодно, — вежливо откликнулся он. — Вероятно, сейчас самое время прерваться на ланч.

— У нас есть ещё четверть часа, — сказала Кейси. — Может, обсудим, каким бы вам хотелось видеть порядок финансирования с нашей стороны? Или, если хотите, можно послать за сэндвичами и работать без перерыва.

Все оторопело уставились на неё:

— Работать во время ланча?

— Почему бы нет? Так давно уже принято в Америке.

— Слава богу, здесь так не принято, — сообщил Гэваллан.

— Да, — сердито бросил Филлип Чэнь.

Она ощущала, как над ней гнетущей пеленой нависло общее неодобрение, но ей было наплевать. «Идите вы все, — выругалась она мысленно, но тут же заставила себя пересмотреть позиции: — Послушай, идиотка, не позволяй этим сукиным сынам достать тебя!» — Если вы хотите прерваться на ланч, я не возражаю.

— Прекрасно, — просиял Гэваллан, и остальные облегченно вздохнули. — Ланч

⁵⁵ Тайпиншань — китайское название пика Виктории (Пика).

начинается в двенадцать сорок. Перед этим вам, наверное, хотелось бы попудрить носик.

— Да, благодарю вас. — Она понимала: им хочется сплавить гостью, хоть ненадолго, чтобы обсудить её — а потом и сделку.

«Должно бы быть наоборот, — подумала она, — но не будет. Нет. Будет так же, как всегда: они станут спорить, кто первым добьется успеха. Но никому из них надеяться не на что, потому что сейчас я не хочу никого из них, каким бы по-своему привлекательным ни казался каждый. Эти мужчины ничуть не отличаются от всех, кого я знаю: они хотят не любви, им нужен лишь секс.

Линк — исключение.

Не думай о Линке, и том, как сильно ты любишь его, и том, как отвратно прошли все эти годы. Отвратно и восхитительно. Помни о данном обещании. Я не буду думать о Линке и любви.

Не буду до моего дня рождения, а до него осталось девяносто восемь дней. На девяносто восьмой день заканчивается седьмой год, и благодаря моему милому к этому времени у меня будут „отвальные“, и мы станем по-настоящему равны, и с Божьей помощью у нас будет этот Благородный Дом. Станет ли он моим свадебным подарком ему? Или его подарком мне?

Или прощальным подарком».

— Где комната для дам? — Она встала, все поднялись следом и теперь возвышались над ней, кроме Филлипа Чэня — она была выше его на целый дюйм, — и Гэваллан объяснил ей, как пройти в дамскую комнату.

Линбар Струан распахнул перед гостьей дверь и закрыл за ней. Потом ухмыльнулся:

— Спорю на тысячу, у тебя ничего не выйдет, Жак.

— Ещё одна тысяча, — подхватил Гэваллан. — И десять, что не получится у тебя, Линбар.

— Принято, — откликнулся Линбар. — При условии, что она пробудет здесь месяц.

— Что-то не те уже у тебя темпы, а, старина? — сказал Гэваллан, а потом обратился к Жаку: — Ну как?

Француз улыбнулся:

— Двадцать за то, что тебе, Эндрю, никогда не завлечь такую даму в постель. Равно как и тебе, бедный малыш Линбар. Пятьдесят за это против твоей лошади.

— Мне моя кобылка нравится, клянусь Господом. У Ноубл Стар большие шансы победить. Она лучшая в нашей конюшне.

— Пятьдесят.

— Сто, и я подумаю.

— Настолько мне не нужна ни одна лошадь, — снова улыбнулся Жак, глядя на Филлипа Чэня. — Что ты думаешь, Филлип?

Филлип Чэнь встал:

— Думаю, поеду-ка я на ланч домой и предоставлю вас, жеребцов, вашим мечтаниям. Забавно, однако, что все вы спорите на то, что ничего не получится у других, а не на то, что получится у кого-то из вас.

Они снова рассмеялись.

— Глупо давать нам что-то дополнительно, а? — сказал Гэваллан.

— Сделка — просто фантастика, — воскликнул Линбар Струан. — Господи, дядя Филлип, просто фантастика!

— Как и её ⁵⁶, — добавил де Вилль тоном знатока. — А, Филлип?

⁵⁶ Задница (франц.).

Филлип Чэнь добродушно кивнул и вышел. Но, увидев входящую в дамскую комнату Кейси, подумал: «Айийя, кому вообще нужен такой большой кусок?»

Войдя в туалет, Кейси изумленно огляделась. Вокруг чистота, но запах такой, будто никто за собой не смывает, да ещё ведра наставлены одно на другое, некоторые с водой. Из-за лужиц расплесканной воды кафельный пол казался грязным. «Я слышала, что гигиена у англичан не на высоте, — с отвращением подумала она, — но чтобы здесь, в Благородном Доме? Уф! Поразительно!»

Она зашла в одну из кабинок, скользя на мокром полу. Закончив свои дела, нажала на ручку. Никакого эффекта. Она нажала ещё раз и ещё, но ничего так и не произошло. Выругавшись, она подняла крышку сливного бачка. Он был сухой и ржавый. В раздражении она открыла дверную задвижку, подошла к раковине и открыла кран. Вода не полилась.

«Что здесь вообще происходит? Могу поспорить, эти ублюдки нарочно послали меня сюда!»

Она нашла чистые полотенца для рук, неумело вылила ведро воды в раковину, расплескав немного, помыла руки и вытерла их, разозлившись из-за того, что намочила туфли. Потом вдруг вспомнила, взяла ещё одно ведро и опорожнила его в унитаз. Третье ведро пришлось использовать, чтобы снова помыть руки. Уходя, она чувствовала себя так, будто вся измаралась.

«Наверное, что-то случилось с этой проклятой трубой, а водопроводчик придет только завтра. Черт бы побрал все эти водопроводы! Успокойся, — сказала она себе. — Ты начнешь делать ошибки».

Коридор был устелен изящными китайскими шелковыми коврами, а стены увешаны картинами маслом с изображениями клиперов и китайских пейзажей. Подойдя к залу совета директоров, она услышала приглушенные голоса и смех — так смеются после скабрёзной шутки или непристойного высказывания. Она знала, что стоит открыть дверь, как атмосфера добродушного подшучивания и товарищества исчезнет и снова повиснет неловкое молчание.

Она отворила дверь, и все встали.

— У вас что-то с водопроводом? — спросила она, еле сдерживаясь.

— Нет, не думаю, — удивился Гэваллан.

— Так вот: воды нет. Разве вы не знали?

— Конечно нет... О! — осекся он. — Вы же остановились в «Ви энд Эй», так что... Неужели вам никто не сказал о перебоях с водой?

Они заговорили все сразу, но Гэваллан перебил всех:

— У «Ви энд Эй» своя система водоснабжения — как и у пары других отелей, — а для остальных вода подается только четыре часа каждый четвертый день, так что приходится пользоваться ведрами. Мне и в голову не пришло, что вы не знаете. Прошу прощения.

— Как же вы управляетесь? Каждый четвертый день?

— Да. Четыре часа, с шести до восьми утра, а потом с пяти до семи вечера. Ужасно неудобно, потому что, конечно, приходится набирать воду на четыре дня. В ведра, ванную, куда только можно. Ведер не хватает: воду дадут только завтра. Боже мой, у вас ведь там была вода, да?

— Да, но... Вы хотите сказать, что водопровод не работает? Везде? — Она никак не могла в это поверить.

— Да, — терпеливо подтвердил Гэваллан. — Кроме этих четырех часов каждый четвертый день. Но вам в «Ви энд Эй» беспокоиться нечего. Отель стоит прямо на набережной и может пополнять свои резервуары с лихтеров — воду, конечно, приходится покупать.

— Значит, вы не можете принять душ или помыться?

— На такой жаре через три дня все порядком засаливаются, но, по крайней мере,

труба для всех одна. И потом, это тренировка на выживание, когда перед уходом ты должен убедиться, что остается ещё полное ведро.

— Я понятия не имела. — Она в ужасе вспомнила, что вылила целых три ведра.

— Наши резервуары пусты, — объяснил Гэваллан. — В этом году почти не было дождей, прошлый год тоже выдался без осадков. Чертовски неудобно, но что поделаешь. Это жизнь, и приходится мириться. Джосс.

— Откуда вы тогда берете воду? Они тупо уставились на неё:

— Из Китая, конечно. Её подают по трубопроводу через границу на Новые Территории или привозят в танкерах с реки Чжуцзян. По соглашению с Пекином правительство только что зафрахтовало флотилию из десяти танкеров, которые ходят вверх по Чжуцзян. Таким образом, мы получаем около десяти миллионов галлонов⁵⁷ в день. На этот год фрахт обойдется правительству в сумму порядка двадцати пяти миллионов. В субботней газете писали, что потребление воды у нас сократилось до тридцати миллионов галлонов в день на все население, которое насчитывает три с половиной миллиона человек, и это включая промышленное использование. Говорят, у вас в стране один человек использует сто пятьдесят галлонов в день.

— Это касается всех? Четыре часа каждый четвертый день?

— Мы пользуемся ведрами даже в Большом Доме. — Гэваллан снова пожал плечами. — Но у тайбаня есть одно местечко в Шек-О⁵⁸ со своим колодцем. Когда нас приглашают, мы собираемся там всей оравой, чтобы смыть грязь.

Она снова вспомнила про свои три ведра. «Господи, неужели я вылила всю воду? Не помню, осталось ли ещё сколько-нибудь».

— Думаю, мне ещё многому придётся поучиться, — сказала она. «Да, — подумали все. — Да, чёрт побери, придётся».

— Тайбань?

— Да, Клаудиа? — ответил Данросс в интерком.

— На встрече с Кейси только что объявлен перерыв на ланч. Мастер Эндрю на линии четыре. Мастер Линбар поднимается к вам.

— Попросите его подойти после ланча. Есть новости о Цу-яне?

— Нет, сэр. Самолёт приземлился по расписанию, в восемь сорок. В тайбэйском офисе его нет. На квартире тоже. Постараюсь дозвониться, конечно. Вот ещё что. Мне сейчас был занятный звонок, тайбань. Похоже, утром мистер Бартлетт ездил в компанию «Ротвелл-Горнт» и встречался лично с мистером Горнтом.

— Вы уверены? — Он вдруг ощутил, как внутри все похолодело.

— Да, вполне.

«Ублюдок, — подумал Данросс. — Или он хочет, чтобы я знал об этом?»

— Спасибо. — Пока он оставил этот вопрос на потом, но был рад, что ему дали знать. — В субботу можете поставить тысячу долларов на любую лошадь.

— О, благодарю вас, тайбань.

— За работу, Клаудиа! — Он нажал на клавишу линии четыре. — Да, Эндрю? Как сделка?

Гэваллан рассказал самое главное.

— Двадцать миллионов наличными? — недоверчиво переспросил Данросс.

⁵⁷ Галлон равен 4,5 л.

⁵⁸ Шек-О (букв, скалистая бухта) — поселок на южном побережье острова Гонконг, выдающийся полуостровом в Южно-Китайское море. Известен красивыми видами и прекрасной окружающей средой.

— Наличными, в восхитительных, чудесных американских долларах! — Данросс почти видел, как лицо Эндрю расплылось в улыбке. — А на мой вопрос, когда Бартлетт подтвердит сделку, эта сучка нагло заявила: «О, я подтверждаю её прямо сейчас: я могу заключить сделку на сумму до двадцати миллионов без консультаций с ним или с кем-либо ещё». Ты думаешь, такое возможно?

— Не знаю. — Данросс почувствовал некоторую слабость в коленях. — Бартлетт должен приехать с минуты на минуту. Я спрошу у него.

— Слушай, тайбань, если это совершится...

Но Данросс почти не слушал восторженных излияний Гэваллана.

«Это предложение, в которое трудно поверить, — сказал он сам себе. — Оно слишком хорошее. Что тут не так? Где подвох?»

Став тайбанем, он вынужден был маневрировать, лгать, уговаривать и даже угрожать — к примеру, Хэвегиллу из банка — гораздо чаще, чем мог предположить, чтобы вывести «Струанз» из тупика, в который компанию завели его предшественники, противостоять природным и политическим катастрофам, что одна за одной обрушивались на мир. Даже продажа акций не принесла капитала и передышки, на которые он рассчитывал, потому что из-за резкого падения цен во всем мире рынки рухнули.

А в августе прошлого года пронесся, сея опустошение на своем пути, тайфун «Ванда». Сотни людей погибли, сотни тысяч остались без крова, затонуло полтысячи рыбацких лодок, двадцать кораблей, на берег было выброшено одно из судов «Струанз» водоизмещением три тысячи тонн, повреждена почти завершенная гигантская причальная стенка, и вся их строительная программа остановилась на шесть месяцев.

Осенью грянул Карибский кризис, вызвавший новое снижение деловой активности. Этой весной де Голль наложил вето на вступление Великобритании в Общий рынок — ещё одно падение цен. Потом последовала ссора Китая и России⁵⁹ — и опять падение...

«Теперь я почти получил двадцать миллионов американских долларов, и на тебе: каким-то боком мы причастны к контрабандному оружию. Цу-янь, очевидно, сбежал, а Джон Чэнь бог знает где!»

— В бога душу мать! — зло проговорил он.

— Что? — Ошеломленный Гэваллан осекся, не закончив доклада. — Что ты сказал?

— О, ничего, ничего, Эндрю. К тебе это не имеет никакого отношения. Расскажи о ней. Как она тебе?

— Здорово считает, стремительна и уверенна, но нетерпелива. И красивая, стерва. Давненько таких не встречал, а титек, как у неё, наверное, нет ни у кого в городе. — Гэваллан рассказал, кто на что спорил. — Думаю, Линбар идет по самой короткой дорожке.

— Я собираюсь уволить Форстера и послать Линбара в Сидней на шесть месяцев, чтобы он там со всем разобрался.

— Прекрасная идея, — усмехнулся Гэваллан. — А то слишком много себе

⁵⁹ Окончательный разрыв между СССР и КНР оформился в 1962 г. В ответ на критику Мао Цзэдуна за отступление во время Карибского кризиса Хрущев заявил, что политика «великого кормчего» может привести к ядерной войне. Кроме того, СССР открыто выступил на стороне Индии во время её краткого военного конфликта с Китаем. После обнародования идеологических позиций сторон — «Предложения Коммунистической партии Китая относительно генеральной линии в международном коммунистическом движении» и «Открытого письма Коммунистической партии Советского Союза» — официальные отношения между партиями прекратились.

позволяет: как говорится, воздух портит в церкви. Хотя, я слышал, дамы там, внизу⁶⁰, очень услужливы.

— Ты думаешь, сделка состоится?

— Думаю, да. Филлип от неё в восторге. Но обсуждать её с женщиной — дело дрянное, и это правда. Как считаешь, можем мы обойти её и иметь дело с Бартлеттом напрямую?

— Нет. В переписке он ясно дал понять, что главным от него на переговорах будет Кей Си Чолок.

— Ага, значит... вперед на приступ и все такое! Что мы не сделаем для Благородного Дома!

— Слабые места у неё проявились?

— Нетерпелива. Хочет стать своей в чисто мужской компании. Её ахиллесовой пятой я бы назвал это отчаянное желание быть принятой в мир мужчин.

— Ну и пусть себе желает — с тем же успехом можно искать Святой Грааль. Встреча с Доусоном назначена завтра на одиннадцать?

— Да.

— Позвони Доусону, пусть отменит её, но не раньше, чем завтра в девять утра. Пусть сочинит какую-нибудь отговорку и перенесет встречу на среду в полдень.

— Замечательно придумано: вывести её из равновесия, да?

— Скажи Жаку, что это собрание я беру на себя.

— Хорошо, тайбань. Что насчет Джона Чэня? Ты хочешь, чтобы он там присутствовал?

Данросс помолчал.

— Да. Ты уже виделся с ним?

— Нет. Он должен подойти к ланчу. Хочешь, чтобы я нашел его?

— Нет. Где Филлип?

— Поехал домой. Вернется в четырнадцать тридцать.

«Хорошо», — подумал Данросс и отложил мысли о Джоне Чэне до этого времени.

— Послушай... — Загудел интерком. — Минуточку, Эндрю. — Он нажал на клавишу. — Да, Клаудиа?

— Прошу прощения, что прерываю, тайбань, но меня только что соединили с мистером Жэнем в Тайбэе. Он на второй линии, и ещё подъехал мистер Бартлетт — он внизу.

— Пригласи его, как только я закончу с Жэнем. — Он снова ткнул клавишу четвертой линии. — Эндрю, я могу задержаться на пару минут. Предложи всем выпить и все такое. Бартлетта я приведу сам.

— О'кей.

Данросс ударил по клавише второй линии.

— Цзао ань (Доброе утро), — произнес он на северном диалекте китайского языка, так называемом мандарине. — Как дела? — Он был рад поговорить с дядей Вэй-вэй — генералом Жэнь Данва, заместителем главы тайной полиции гоминьдана в Гонконге.

— Шунь шоу (Все идет своим чередом), — а потом по-английски: — Что случилось, тайбань?

— Я думал, вы в курсе... — Данросс вкратце рассказал о винтовках и Бартлетте, о том, что этим занимается полиция, но не упомянул ни о Цу-яне, ни о Джоне Чэне.

— Айийй! Действительно, любопытно.

— Да. Я тоже так считаю. Весьма любопытно.

⁶⁰ Там, внизу — так англичане говорят об Австралии.

— Вы уверены, что Бартлетт ни при чем?

— Уверен. На это, похоже, нет никаких причин. Абсолютно никаких. Глупо использовать для этого свой самолёт. А Бартлетт человек не глупый, — сказал Данросс. — Кому могло бы понадобиться здесь такого рода оружие?

Последовала пауза.

— Преступным элементам.

— Триадам?

— Не все триады преступны.

— Нет, конечно, — согласился Данросс.

— Я посмотрю, что мне удастся выяснить. Уверен, что мы тут ни при чем, Иэн. Вы по-прежнему планируете быть в воскресенье?

— Да.

— Хорошо. Постараюсь что-то выяснить. Пропустим по стаканчику в шесть вечера?

— Может быть, в восемь? Вы ещё не видели Цу-яня?

— Я считал, что он прилетит не раньше выходных. Разве он не будет четвертым на нашей встрече в понедельник с этим американцем?

— Будет. Я слышал, он улетел сегодня утренним рейсом. — Данросс старался сохранять невозмутимость.

— Он непременно позвонит. Вы хотите, чтобы он позвонил вам?

— Да. В любое время. Это не срочно. До встречи в восемь в воскресенье.

— Да, и благодарю за информацию. Если что-нибудь узнаю, сразу позвоню. Пока.

Данросс положил трубку. Он очень внимательно вслушивался в тон голоса Жэня, но ничего необычного не заметил. «Где, черт возьми, Цу-янь?» В дверь постучали.

— Войдите. — Встав, он пошёл навстречу Бартлетту. — Привет. — Он улыбнулся и протянул руку: — Я — Иэн Данросс.

— Линк Бартлетт. — Они обменялись крепким рукопожатием. — Я не очень рано?

— Вы точно вовремя. Должно быть, знаете, что я люблю пунктуальность, — усмехнулся Данросс. — Я слышал, встреча прошла хорошо.

— Прекрасно, — ответил Бартлетт, недоумевая, не имеет ли Данросс в виду встречу с Горнтом. — Кейси хорошо владеет фактами и цифрами.

— Мои парни были просто поражены: она сказала, что может завершить все сама. Это так, мистер Бартлетт?

— Она вправе вести переговоры и заключать сделки на сумму до двадцати миллионов. А что?

— Нет, ничего. Просто хотел узнать, как вы работаете. Прошу садиться, у нас есть ещё несколько минут. Ланч начнется только в двенадцать сорок. Похоже, у нас может сложиться выгодное предприятие.

— Надеюсь, что так. Может, встретимся после того, как я переговорю с Кейси?

Данросс посмотрел на календарь:

— Завтра в десять. Здесь?

— Договорились.

— Курите?

— Нет, спасибо. Бросил несколько лет тому назад.

— Я тоже. Хотя до сих пор тянет выкурить сигаретку. — Данросс откинулся в кресле. — Прежде чем мы отправимся на ланч, мистер Бартлетт, пара незначительных вопросов. В воскресенье днем я собираюсь в Тайбэй и вернусь во вторник до ужина. Хочу пригласить и вас. Там я хотел бы познакомить вас с двумя людьми, предложить партию в гольф — вам понравится. Можно будет поговорить не торопясь, вы могли бы осмотреть площадки для возможных заводов. Это может быть

важно для вас. Я обо всем договорился, но вот нельзя будет взять с собой мисс Чолок.

Бартлетт нахмурился, размышляя, является ли приглашение на вторник простым совпадением.

— По словам суперинтендента Армстронга, я не могу покидать Гонконг.

— Уверен, что это можно изменить.

— Значит, вы тоже знаете о винтовках? — сказал Бартлетт и обругал себя за то, что проговорился. Он старался смотреть спокойно.

— О да. Вас ещё кто-нибудь беспокоил по этому поводу? — спросил Данросс, не спуская с него глаз.

— Полиция даже до Кейси добралась! Господи! Мой самолёт арестован, мы все под подозрением, а я и понятия, черт побери, не имею, что это за винтовки.

— Ну, беспокоиться не стоит, мистер Бартлетт. Наша полиция работает очень добросовестно.

— Я не беспокоюсь, просто меня вывели из себя.

— Это можно понять. — Данросс порадовался, что встреча с Армстронгом была конфиденциальной.

«Господи, — с беспокойством думал он, — если Джон Чэнь и Цу-янь как-то замешаны, то Бартлетт выйдет из себя по-настоящему — и плакала наша сделка, он свяжется с Горнтом, и тогда...»

— А как вы узнали о винтовках?

— Сегодня утром поступила информация из нашего офиса в Кай-Так.

— Ничего подобного раньше не случалось?

— Нет, — сказал Данросс и беспечно добавил: — Но я не вижу ничего страшного в контрабанде или в том, чтобы подторговывать оружием. По сути дела, и то и другое — достаточно уважаемые занятия. Конечно, мы занимаемся этим не здесь.

— А где?

— Где пожелает правительство Её Величества, — усмехнулся Данросс. — Мы все здесь пираты, мистер Бартлетт, по крайней мере, таковыми нас считают чужаки. — Он помолчал. — Если, предположим, я договорюсь с полицией, вы готовы лететь в Тайбэй?

— Кейси — человек отнюдь не болтливый.

— Я не говорю, что ей нельзя доверять.

— Её просто не приглашают?

— Некоторые из здешних обычаев несколько отличаются от ваших, мистер Бартлетт. В большинстве случаев она будет принята, но иногда её отсутствие... э-э... избавит нас от многих неловких ситуаций.

— Кейси не так-то просто поставить в неловкое положение.

— Речь не о том, что её поставят в неловкое положение. Извините за прямоту, но вы, наверное, позже сами поймете, что так лучше.

— А если я не смогу «подчиниться правилам»?

— Видимо, это будет означать, что вы не сможете воспользоваться какой-нибудь уникальной возможностью, и очень жаль — особенно если в ваши намерения входит связать себя с Азией надолго.

— Я подумаю об этом.

— Извините, но мне нужно услышать «да» или «нет» прямо сейчас.

— Вам действительно это нужно?

— Да.

— Шли бы вы тогда знаете куда! Данросс ухмыльнулся:

— Нет, так не пойдет. А пока жду вашего окончательного слова. Да или нет?

Бартлетт расхохотался:

— Ну, раз вы так ставите вопрос, я за Тайбэй.

— Прекрасно. Я, конечно, попрошу жену позаботиться о мисс Чолок на время нашего отсутствия. Это не будет умалением её достоинства.

— Благодарю вас. Но насчет Кейси беспокоиться не стоит. Как вы хотите разобраться с Армстронгом?

— Я не стану разбираться с ним, просто попрошу помощника комиссара полиции разрешить мне взять вас с собой под свою ответственность.

— Отпустить меня под ваше честное слово?

— Да.

— А почему вы думаете, что я не могу взять и уехать? Может, я действительно ввез партию оружия.

Данросс не спускал с него глаз.

— Может, и ввезли. Может, и уедете. Но я смогу доставить вас обратно — живым или мертвым, как выражаются в кино. Гонконг и Тайбэй в пределах моих возможностей.

— Живым или мертвым, говорите?

— Гипотетически, конечно.

— Сколько человек вы убили за свою жизнь?

Настрой стал другим, и оба глубоко ощутили эту перемену. «Опасным наше противостояние ещё не стало, — подумал Данросс, — пока».

— Двенадцать, — ответил он не моргнув глазом, хотя вопрос застал его врасплох. — Двенадцать, это то, что наверняка. На войне я был летчиком-истребителем. Летал на «спитфайрах». Сбил два одноместных истребителя, «штуку»⁶¹ и два бомбардировщика «дорнье-17», а у них экипажи из четырех человек. Все эти самолёты сгорели в воздухе. Двенадцать — это то, что наверняка, мистер Бартлетт. Мы, конечно, обстреливали немало поездов, конвоев, скоплений войск. А что?

— Я слышал, что вы летчик. Что касается меня, не думаю, что я кого-нибудь убил. Я строил лагеря, базы на Тихом океане и все такое. Никогда не стрелял со злости.

— Но вам нравится охота?

— Да. В пятьдесят девятом был на сафари в Кении. Застрелил слона, и огромного самца антилопы куду, и много другой дичи для котла.

Подумав, Данросс сказал:

— По мне, лучше сбивать самолёты, уничтожать поезда и корабли. Люди на войне вещь второстепенная. Верно?

— Если полководцу приказал выступить в поход правитель, то конечно. Это война.

— Вы читали «Трактат о военном искусстве» Сунь-цзы?

— Самая лучшая книга о войне, — с энтузиазмом заявил Бартлетт. — Лучше, чем Клаузевиц⁶² или Лидделл-Харт⁶³, хоть и написана в пятисотом году до нашей эры.

— Да? — Данросс откинулся на спинку кресла, обрадованный, что они ушли от темы убийства.

⁶¹ «Штука» — немецкий пикирующий бомбардировщик «Юнкере Ju 87 Stuka».

⁶² Клаузевиц, Карл (1780-1831) — немецкий военный теоретик и историк, прусский генерал.

⁶³ Лиддел-Харт, сэр Бэзил Генри (1895-1970) — известный британский авторитет в области стратегического планирования.

«Я столько лет не вспоминал об убитых, — подумал он. — Это несправедливо по отношению к тем людям, верно?»

— А вы знаете, что книга Сунь-цзы опубликована в тысяча семьсот восемьдесят втором году на французском? Насколько я понимаю, она была и у Наполеона.

— Она наверняка выходила и на русском, и у Мао всегда была с собой, вся зачитанная и истрепанная, — заметил Данросс.

— А вы читали её?

— Её в меня вдолбил отец. Приходилось читать по-китайски — написанный иероглифами оригинал. А потом задавать по ней вопросы, и очень серьезные.

В оконное стекло стала биться назойливая муха.

— Ваш отец хотел, чтобы вы стали солдатом?

— Нет. Как и Макиавелли, Сунь-цзы писал больше о жизни, чем о смерти, и больше о выживании, чем о войне...

Данросс посмотрел на окно, потом встал, подошел к нему и убил муху с такой рассчитанной жестокостью, что Бартлетт ощутил во всем теле сигналы тревоги. Иэн вернулся за стол.

— Мой отец считал, что я должен знать, как выжить и как руководить большими группами людей. Он хотел, чтобы я был достоин однажды стать тайбанем, хотя никогда не верил, что я многого добьюсь. — Он улыбнулся.

— Он тоже был тайбанем?

— Да. И очень хорошим. Поначалу.

— И что случилось?

Данросс язвительно усмехнулся:

— А не рановато ли для семейных тайн, мистер Бартлетт? Ну, если вкратце, между нами имело место довольно неприятное, затянувшееся расхождение во мнениях. В конце концов, он передал власть Аластэру Струану, моему предшественнику.

— Ваш отец ещё жив?

— Да.

— Надо ли понимать вашу британскую недосказанность так, что вы объявили ему войну?

— Сунь-цзы очень точно выразился насчет объявления войны, мистер Бартлетт. Очень плохо начинать войну, говорит он, если в этом нет необходимости. Цитирую: «Высшее мастерство военачальника в том, чтобы сломить сопротивление противника без боя».

— И вы сломили его?

— Он удалился с поля боя, мистер Бартлетт, потому что был мудр. Лицо Данросса посуровело. Бартлетт изучающее разглядывал его. Оба понимали, что подсознательно выстраивают боевые порядки.

— Я рад, что приехал в Гонконг, — промолвил американец. — И рад познакомиться с вами.

— Благодарю вас. Может быть, в один прекрасный день вы измените свое мнение.

Бартлетт пожал плечами:

— Может быть. А пока у нас затевается сделка — хорошая для вас и хорошая для нас. — Он на миг ухмыльнулся, вспомнив Горнта и кухонный нож. — Да. Я рад, что приехал в Гонконг.

— Не хотите ли вы с Кейси быть моими гостями сегодня вечером? Я устраиваю скромную вечеринку, прием, примерно в половине девятого.

— Официальный?

— Просто смокинг, это вас устроит?

— Вполне. Кейси говорила, что вам нравятся все эти церемонии — смокинги,

чёрные галстуки. — Тут внимание Бартлетта привлекла висевшая на стене старинная картина маслом: красивая девушка-китаянка везет в лодке маленького мальчика-англичанина с собранными в косичку светлыми волосами. — Это работа кисти Квэнса? Аристотеля Квэнса?⁶⁴

— Да, Квэнса, — с нескрываемым удивлением подтвердил Данросс. Бартлетт подошел поближе, чтобы рассмотреть картину.

— Оригинал?

— Да. Вы разбираетесь в искусстве?

— Нет, но Кейси рассказывала про Квэнса, когда мы сюда собирались. По её словам, он почти фотограф, настоящий историк того раннего периода.

— Да, так оно и есть.

— Если я правильно помню, это, должно быть, портрет девушки по имени Мэй-мэй, Чжун Мэй-мэй, а мальчик — один из детей Дирка Струана от неё?

Данросс молчал и лишь наблюдал за спиной Бартлетта. Тот подошел к полотну.

— Трудно разглядеть глаза. Значит, мальчик — это Гордон Чэнь, будущий сэр Гордон Чэнь? — Обернувшись, он посмотрел на Данросса.

— Точно не знаю, мистер Бартлетт. Это одна из легенд.

Какое-то мгновение Бартлетт пристально смотрел на него. Мужчины стоили один другого: Данросс чуть выше, зато Бартлетт пошире в плечах. У обоих голубые — у Данросса чуть зеленее, — широко поставленные глаза и лица людей много повидавших.

— Вам нравится быть тайбаном Благородного Дома?

— Да.

— Не знаю, в чем на деле заключается власть тайбаня, но в «Пар-Кон» я могу нанять на работу и уволить любого и закрыть компанию, если захочу.

— Значит, вы — тайбань.

— Тогда мне тоже нравится быть тайбаном. Мне нужен выход на Азию, а вам нужен выход на Штаты. Вместе мы могли бы превратить весь Тихоокеанский пояс в одну большую хозяйственную сумку для каждого из нас.

«Или в саван для одного из нас», — подумал Данросс, которому нравился Бартлетт, хотя он и знал, что симпатизировать американцу — дело опасное.

— У меня есть то, чего нет у вас, а у вас есть то, чего не хватает мне.

— Да, — согласился Данросс. — А сейчас нам обоим не хватает одного — ланча.

Они направились к двери. Бартлетт оказался у неё первым. Он открыл её не сразу.

— Я знаю, что у вас это не принято, но, раз уж я собираюсь с вами в Тайбэй, может, вы будете называть меня Линк, а я вас — Иэн и, может, прикинем наши ставки на матч в гольф? Уверен, что вы знаете: мой гандикап — официально — тринадцать, ваш, насколько мне известно, — десять, официально, а это значит, что на всякий случай снимаем по крайней мере по одному удару с каждого⁶⁵.

— А что, давайте, — тут же согласился Данросс. — Но здесь мы обычно спорим не на деньги, а просто на шары.

⁶⁴ Прототип Аристотеля Квэнса — английский художник Джордж Чиннери (1774-1852) — всю жизнь провел в Азии, в Индии и на юге Китая. Его кисти принадлежат портреты Уильяма Джардина и Джеймса Мэтсона, основателей знаменитой гонконгской компании «Джардин-Мэтсон», послужившей прообразом Благородного Дома.

⁶⁵ Гандикап — в гольфе возможности игрока в количественном выражении. Используется для подсчета на основе числа действительно выполненных ударов так называемого чистого счета, что позволяет мастерам и начинающим гольфистам играть на равных.

— Черта с два, играя в гольф, я буду спорить на свои «шары». Данросс рассмеялся:

— Может, однажды и придется. Мы здесь обычно спорим на полдюжины шаров для гольфа, что-нибудь в этом духе.

— Британцы считают, что спорить на деньги плохо, Иэн?

— Нет. Как насчет пятисот с каждой стороны, а команда победителя получает все?

— Американских долларов или гонконгских?

— Гонконгских. Среди друзей должны быть гонконгские. Для начала.

Ланч подавали в столовой совета директоров на девятнадцатом этаже. Это был угловой зал в форме буквы «Г» с высоким потолком и синими портьерами, пестрыми голубыми китайскими коврами и широкими окнами, из которых был виден Коулун, взлетающие и садящиеся в аэропорту Кай-Так самолёты и открывался вид на запад — до островов Стоункаттерз и Циньи, и дальше, на часть Новых Территорий. На величественном старинном дубовом столе, за которым могли разместиться двадцать человек, были разложены подставки для приборов и изящное столовое серебро, расставлен лучший уотерфордский хрусталь⁶⁶. Шестерых присутствующих обслуживали четверо молчаливых, вышколенных официантов в черных брюках и белых тужурках с вышитым гербом «Струанз».

Когда Бартлетт с Данроссом вошли, уже были поданы коктейли. Кейси, как и все остальные, пила сухой martini с водкой. У одного Гэваллана был двойной розовый джин. Бартлетту, хотя он не успел ничего заказать, сразу подали хорошо охлажденную банку пива «анвайзер» на серебряном подносе эпохи короля Георга.

— Кто вам сказал? — восхитился Бартлетт.

— От «Струана и компании», — объявил Данросс. — Мы знаем о ваших предпочтениях. — Он представил гостя Гэваллану, де Виллю и Линбару Струану, принял бокал шабли со льдом и улыбнулся Кейси: — Как дела?

— Прекрасно, спасибо.

— Прошу прощения, — обратился Бартлетт ко всем остальным, — но мне нужно кое-что передать Кейси, пока не забыл. Кейси, позвони, пожалуйста, завтра Джонстону в Вашингтон и выясни, с кем нам лучше всего поддерживать контакт в здешнем консульстве.

— Хорошо, конечно. Если не удастся связаться с ним, я попрошу Тима Диллера.

Любое упоминание имени Джонстон значило «как продвигается сделка?». Ответ «Диллер» означал «хорошо», «Тим Диллер» — «очень хорошо», «Джонс» — «плохо», «Джордж Джонс» — «очень плохо».

— Прекрасно, — улыбнулся ей в ответ Бартлетт, а потом повернулся к Данроссу: — Красивый зал.

— Он соответствует.

Кейси усмехнулась, поняв подтекст.

— Встреча прошла очень хорошо, мистер Данросс. В результате выработано предложение для вашего рассмотрения.

«Как это по-американски — взять и вылезти со всем этим. Ну никакого такта! Неужели она не знает, что о делах говорят после ланча, а не до него?»

— Да. Эндрю рассказал мне в общих чертах, — ответил Данросс. — Не хотите ли ещё выпить?

⁶⁶ Уотерфордский хрусталь — массивная стеклянная посуда, которую изготавливают с 1720 г. до наших дней в Уотерфорде, Ирландия. Отличается толстыми стенками, глубокой насечкой геометрических фигур и великолепной полировкой.

— Нет, спасибо. Думаю, что в этом предложении затронуты все вопросы, сэр. Нужно ли ещё что-нибудь пояснить для вас?

— Думаю, конечно, будет нужно, со временем. — В душе Данросс, как и всегда, умилился этому «сэр». Это слово употребляют в разговоре многие американки, и зачастую не к месту, обращаясь к официантам. — Мы вернемся к вашему предложению, как только я его изучу. Пиво для мистера Бартлетта, — добавил он, ещё раз пытаясь отложить разговор о бизнесе на потом. Затем обратился к Жаку: —
Ça va?⁶⁷

— Oui, merci. А rien. Пока ничего.

— Не переживай, — сказал Данросс. Вчера любимая дочка Жака с мужем попали в ужасную автомобильную аварию. Это случилось во Франции, где они проводили отпуск, и Жак ещё точно не знал, что произошло на самом деле. — Не переживай.

— А я и не переживаю. — Снова это галльское пожимание плечами, скрывающее всю безбрежность тревоги.

Жак приходился Данроссу двоюродным братом и работал в «Струанз» с сорок пятого года. На войне ему пришлось несладко. В сороковом он отослал жену с двумя маленькими детьми в Англию, а сам оставался во Франции. До окончания войны. Вступил в отряд партизанов-маки, потом была тюрьма, смертный приговор, побег и снова партизанский отряд. Недавно ему исполнилось пятьдесят четыре. Сильный кареглазый мужчина с мощной грудью и грубыми руками, покрытый множеством шрамов, он был всегда спокоен, но мог разозлиться, если его выводили из себя.

— Вас устраивает эта сделка в принципе? — продолжала Кейси. Данросс вздохнул про себя и полностью сосредоточился на ней.

— Возможно, у меня будет контрпредложение по некоторым незначительным пунктам. В то же время, — решительно добавил он, — вы можете исходить из того, что в целом она приемлема.

— О, прекрасно, — сказала довольная Кейси.

— Здорово. — Бартлетту тоже было приятно это услышать, и он поднял свою банку с пивом. — За успешное заключение сделки и большие прибыли — для вас и для нас.

Они выпили. Остальные, заметив в поведении Данросса признаки надвигающейся грозы, размышляли, в чем могут заключаться контрпредложения тайбана.

— Много времени потребуется, чтобы нам завершить все это, Иэн? — спросил Бартлетт, и все услышали это Иэн. Линбар Струан даже неприкрыто вздрогнул.

К их изумлению, Данросс лишь ответил:

— Нет, — словно подобная фамильярность была в порядке вещей, и добавил: — Не думаю, что адвокаты накопят что-либо непреодолимое.

— Мы встречаемся с ними завтра в одиннадцать, — вставила Кейси, — мистер де Вилль, Джон Чэнь и я. Мы уже получили от них предварительное исследование... там все в порядке.

— Доусон — хороший специалист, особенно по налоговому законодательству США.

— Кейси, может, нам следует вызвать нашего налогового из Нью-Йорка? — предложил Бартлетт.

— Конечно, Линк, как только мы будем готовы. И Форрестера. — Она повернулась к Данроссу: — Это глава нашего подразделения по пенопласту.

— Хорошо. На этом мы закончим говорить о делах до ланча, — сказал Данросс.

⁶⁷ Ну как? (франц.)

— Правила дома, мисс Кейси: никаких дел за едой, это очень вредно для пищеварения. — Он подозвал Лима: — Мы не будем ждать мастера Джона.

Мгновенно ниоткуда материализовались официанты. Они выдвигали кресла для присутствующих, расставляли отпечатанные карточки с именами, обозначавшие место каждого, на серебряных подставках и разливали суп.

В меню был суп, рыба или ростбиф и йоркширский пудинг, на выбор, из гарнира — отварная фасоль, отварной картофель и морковь. К супу предлагалось шерри, к рыбе — шабли, к ростбифу — кларет. На десерт — бисквиты с шерри и взбитыми сливками. Портвейн и сыры.

— Вы надолго приехали, мистер Бартлетт? — спросил Гэваллан.

— Насколько потребуется. Однако, мистер Гэваллан, мы, похоже, собираемся надолго установить деловые связи, поэтому, может быть, вы оставите эти «мистер Бартлетт» и «мисс Кейси» и будете называть нас Линк и Кейси?

Гэваллан не сводил глаз с Бартлетта. Ему хотелось сказать: «Видите ли, мистер Бартлетт, мы здесь предпочитаем не торопиться с такими вещами: это один из немногих способов отличать друзей от знакомых. Для нас имена — дело приватное. Но раз тайбань не стал возражать против вашего „Иэн“ — ужас как странно звучит, — ничего поделать не могу».

— Почему бы и нет, мистер Бартлетт? — вежливо ответил он. — Не вижу необходимости настаивать на церемониях. Верно?

Жак де Вилль, Струан и Данросс хмыкнули про себя при этом «мистер Бартлетт», отметив, как искусно, используя то, что ему пришлось принять против воли, Гэваллан поставил американцев на место и вынудил их потерять лицо, чего ни тому, ни другому никогда не понять.

— Спасибо, Эндрю, — поблагодарил Бартлетт. Потом добавил: — Иэн, позвольте мне нарушить правило и задать ещё один вопрос до начала ланча: вы сможете закончить к следующему вторнику?

Токи в зале тут же потекли в обратном направлении. Лим и остальные слуги замерли. Все взгляды обратились на Данросса. Бартлетт подумал, что зашел слишком далеко, а Кейси была в этом просто уверена. Она наблюдала за Данроссом. На его лице не дрогнул ни один мускул, но выражение глаз изменилось. Все в зале понимали, что самому Тайбаню бросили вызов. Или давай действуй, или нечего и рот раскрывать. К следующему вторнику.

Все ждали. Молчание, казалось, повисло в воздухе. И продолжало висеть.

И тут Данросс нарушил его.

— Я дам вам знать завтра, — проговорил он спокойным голосом, так что роковой момент миновал, сотрапезники перевели дух, а официанты продолжили свою работу, и все ощутили облегчение. Кроме Линбара.

Он по-прежнему чувствовал выступивший на руках пот, потому что один знал про то, что связывало всех потомков Дирка Струана, — внезапный и странный, почти первобытный, позыв к насилию. И он видел: этот позыв чуть не выплеснулся наружу, почти выплеснулся, но не совсем. На сей раз он прошел. Но понимание того, что он есть и в любой миг заявит о себе, ужаснуло Линбара.

Сам он вел происхождение от Робба Струана, сводного брата и партнера Дирка Струана, поэтому в его жилах не было крови Дирка. Линбар горько сожалел об этом и ещё больше ненавидел Данросса за то, что ему, Линбару, тошно становилось от зависти.

«„Каргу“ Струан на тебя, Иэн чертов Данросс, и на все твои поколения», — подумал он и невольно содрогнулся при мысли о ней.

— Что случилось, Линбар? — спросил Данросс.

— О, ничего, тайбань. — Он чуть не подпрыгнул на стуле. — Ничего — просто вдруг кое-что пришло в голову. Извините.

— Что пришло в голову?

— Я подумал о «Карге» Струан.

Ложка в руке Данросса замерла в воздухе, и все остальные уставились на него.

— Это не совсем полезно для твоего пищеварения.

— Конечно нет, сэр.

Бартлетт посмотрел на Линбара, потом на Данросса:

— Кто это — «Карга» Струан?

— Семейная тайна, — сухо усмехнулся Данросс. — В нашей семье много тайн.

— А у кого их нет? — сказала Кейси.

— «Карга» Струан — наш фамильный призрак. Была им и остается.

— Сейчас уж точно нет, тайбань, — возразил Гэваллан. — Её уже почти пятьдесят лет как нет в живых.

— Может, она и вымрет с нами, с Линбаром, Кэти и мной, с нашим поколением, но я не очень-то в это верю. — Данросс как-то странно посмотрел на Линбара. — Не встанет ли «Карга» Струан сегодня ночью из своего гроба и не сожрет ли нас?

— Ей-богу, не стану даже шутить про неё, тайбань.

— Будь проклята «Карга» Струан, — отрезал Данросс. — Будь она жива, я сказал бы ей это в лицо.

— Да, ты сказал бы. Конечно, — хохотнул Гэваллан. — Хотел бы я на это посмотреть.

— И я тоже, — усмехнулся Данросс, но потом заметил недоумение на лице Кейси. — А-а, это только бравада, Кейси. «Карга» Струан — исчадие ада, если верить легендам хотя бы наполовину. Она была женой Кулума Струана, сына Дирка Струана, основателя нашей компании. В девичестве Тесс, Тесс Брок, она приходилась дочерью Тайлеру Броку, заклятому врагу Дирка. Рассказывают, что Кулум и Тесс тайно сошлись в тысяча восемьсот сорок первом году. Она — шестнадцатилетняя красавица, он — наследник Благородного Дома. Почти Ромео и Джульетта — с той разницей, что они остались в живых. Но это ничего не изменило в кровавой расправе Дирка и Тайлера или в противостоянии семейств Струан и Брок, а лишь усилило и усложнило его. Родилась она в тысяча восемьсот двадцать пятом году как Тесс Брок, а умерла в тысяча девятьсот семнадцатом как «Карга» Струан. Девяностодвухлетняя, беззубая, безволосая, злобная и ужасная до последнего дня. Странная штука жизнь, хейя?

— Да. Иногда в это трудно поверить, — задумчиво произнесла Кейси. — Почему люди в старости столь разительно меняются — становятся такими отвратительными и злыми? Особенно женщины?

«Из-за моды, — мог бы сразу ответить на это Данросс, — и потому ещё, что мужчины и женщины стареют по-разному. Несправедливо? Да, но это неоспоримый факт. Женщина замечает, что на коже появляются складки, кожа обвисает, лишается упругой свежести, а её мужчина по-прежнему глядит молодцом, и ему ещё строят глазки. Она видит молодых куколок и приходит в ужас от мысли, что они уведут её мужчину, а в конце концов так и случается, потому что ему надоедает вечное брюзжание и подпитываемая ею самой агония самобичевания, и, конечно, из-за присущего ему бессознательного стремления к молодым...»

«Айийя, ни один афродизиак в мире не сравнится с молодостью, — говаривал старый Чэнь-чэнь, отец Филлипа Чэня и наставник Иэна. — Ни один, юный Иэн, ни один. Нет такого, нет, нет и нет. Послушай меня. Началу ян нужны соки инь, но молодые соки, о да, они должны быть молодыми, соки, которые продлят твою жизнь и напоят ян — о-хо-хо! Запомни, чем старше твой „мужской стебель“, тем больше ему нужна молодость, перемена и молодой пыл, чтобы его жизненная сила была через край. Чем чаще „мужской стебель“ пускают в дело, тем больше он приносит радости! Но не забывай одного: как бы ни была бесподобна эта улада, восхитительная,

неземная, ох какая сладкая и ох какое удовольствие приносящая „прелестная шкатулка“, что гнездится у них между ног, берегись её! Ха! Она — западня, засада, камера пыток и гроб твой! — Старик хихикал, и его живот прыгал вверх и вниз, и слезы текли у него по лицу. — О, боги восхитительны, верно? Они даруют нам рай на земле, но ты познаешь настоящий ад при жизни, когда твой „одноглазый монах“ не сможет поднять голову, чтобы войти в рай. Судьба, дитя мое! Это нам суждено — страстно желать „ненасытную ложбинку“, пока она не пожрет тебя, но ох, ох, ох...»

«Должно быть, она тяжела для женщин, особенно для американок, — думал Данросс, — эта травма старения, неизбежность того, что оно наступит так рано, слишком рано. И в Америке это хуже, чем где-либо ещё.

Зачем мне изрекать истину, которой вы уже, наверное, прониклись до мозга костей? Зачем говорить, что американская мода заставляет вас гнаться за вечной молодостью, которую не может дать ни Бог, ни дьявол, ни хирург? Вы не можете быть двадцатипятилетней в тридцать пять, или выглядеть на тридцать пять, когда вам за сорок, или на сорок пять, когда перевалите за пятьдесят. Простите, я знаю, что это несправедливо, но это факт.

Айийя, — с жаром думал он, — слава Богу, если Он есть, слава всем богам, великим и малым, что я мужчина, а не женщина. Мне жалко вас, американская леди с такими красивыми именами».

И Данросс ответил просто:

— Полагаю, потому, что жизнь прожить — не поле перейти, а нас пичкают разными глупостями, вот мы и носимся с фальшивыми ценностями — в отличие от китайцев, которые мыслят здраво. Господи, как невероятно здраво они мыслят! Что касается «Карги» Струан, наверное, всему виной была её дрянная броковская кровь. Думаю, это был её джосс — её судьба, её удача или неудача. У них с Кулумом родилось семеро детей — четыре сына и три дочери. Все сыновья погибли раньше срока. Двое — от «поноса», наверное от чумы, здесь, в Гонконге, одного зарезали в Шанхае, а последний утонул в графстве Эршир, в Шотландии, где расположены поместья нашей семьи. От одного этого свихнется любая мать, а ведь ещё были ненависть и зависть, всю жизнь окружавшие её и Кулума. А если прибавить сюда все трудности жизни в Азии, передачу Благородного Дома чужим сыновьям... в общем, вы понимаете. — Данросс задумался, а потом добавил: — Согласно легенде она вертела Кулумом Струаном всю его жизнь и до самой смерти тиранила Благородный Дом — всех тайбаней, всех невесток, всех зятьев и всех детей. И даже после смерти. Помню, как нянька-англичанка — чтоб ей вечно гореть в аду — говорила мне: «Вы лучше ведите себя хорошо, мастер Изэн, а не то я призову „Каргу“ Струан и она слопаёт вас...» Мне тогда было лет пять-шесть, не больше.

— Какой ужас, — вздохнула Кейси. Данросс пожал плечами:

— Все няньки так поступают с детьми.

— Слава богу, не все, — поправил Гэваллан.

— У меня никогда не было приличной няньки. Или плохой ганьсунь.

— А что такое ганьсунь? — спросила Кейси.

— Это значит «близкий к телу». Таково более точное название служанок, которых мы именуем ама. Как в Китае до сорок девятого года, в богатых семьях, так и здесь, в большинстве европейских и евразийских семей, у детей всегда были свои «близкие к телу», которые заботились о них и в большинстве случаев оставались с ними всю жизнь. Большинство ганьсунь дают обет безбрачия. Их можно легко узнать по длинной косичке. Мою ганьсунь зовут А Тат. Она чудесная старушка и до сих пор живет с нами, — пояснил Данросс.

— Моя была мне роднее матери, — подхватил Гэваллан.

— Значит, «Карга» Струан — ваша прабабушка? — спросила Кейси у Линбара.

— Господи избави, нет! Нет, я... я веду свой род не от Дирка Струана, — ответил

Линбар, и Кейси заметила, как на лбу у него выступил пот. Странно... — Моя линия происходит от его сводного брата, Робба Струана. Робб Струан был партнером Дирка. Тайбань — прямой потомок Дирка, но даже при этом... никто из нас не ведет своей родословной от Карги.

— Вы все родственники? — удивилась Кейси, чувствуя какое-то необычное напряжение в зале. Линбар явно не знал, что сказать, и, хотя она обращалась к нему, смотрел на Данросса.

— Да, — отозвался тот. — Эндрю женат на моей сестре Кэти. Жак — двоюродный брат, а Линбар... У Линбара наша фамилия. — Данросс усмехнулся. — В Гонконге многие до сих пор помнят Каргу, Кейси. Она всегда носила длинное черное платье с большим турнюрком и смешную шляпу с огромным, побитым молью пером. Все абсолютно вышедшее из моды. А ещё у неё была черная палка с серебряным набалдашником. Обычно Каргу носили по улицам в чем-то вроде паланкина четверо носильщиков. Росту в ней было не больше пяти футов, но она была круглая и крепкая, как ступня носильщика-кули. Жуткий ужас она наводила и на китайцев. Они дали ей прозвище Почтенная Старая Мать — Заморская Дьяволица с Дурным Глазом и Зубами Дракона.

— Это точно, — хохотнул Гэваллан. — С ней были знакомы мой отец и бабка. Они владели торговыми компаниями здесь и в Шанхае, Кейси, но во время Великой войны⁶⁸ почти обанкротились и в девятнадцатом году присоединились к «Струанз». Мой старик рассказывал, как ещё мальчишкой часто ходил с приятелями за Каргой по улицам. Когда её особенно донимали, она вынимала вставную челюсть и клацала ею на них. — Он изобразил, как Карга это делала, и все рассмеялись. — Старик божился, что эта челюсть была в два фута, высотой, на какой-то пружине и издавала вот такой звук: клац, клац, клац!

— Да, Эндрю, я об этом и забыл, — ухмыльнулся Линбар. — Моя ганьсунь, старая А Фу, хорошо знала «Каргу» Струан, и всякий раз, когда поминали её имя, А Фу закатывала глаза и молила богов защитить нас от злого глаза и волшебных зубов. Мы с братом Кайлом... — Он остановился, а потом продолжил уже другим голосом: — Мы ещё подшучивали над А Фу по этому поводу.

— Наверху в Большом Доме есть её портрет, вернее, два, — сказал Данросс, обращаясь к Кейси. — Если вам интересно, когда-нибудь покажу.

— О, спасибо, с удовольствием. А портрет Дирка Струана есть?

— Даже несколько. И один портрет Робба, его сводного брата.

— Очень хотелось бы взглянуть на них.

— Мне тоже, — поддержал Бартлетт. — Черт возьми, никогда не видел фотографий деда с бабкой, не то что портрета прапрадеда. Мне всегда хотелось узнать, какие они были, мои предки, и откуда родом. Знаю лишь, что дед якобы управлял компанией по перевозке грузов в местечке под названием Джеррико. Должно быть, здорово знать, откуда ты. Вам повезло. — Он не принимал участия в разговоре, а вслушивался в завораживавшие его недосказанности, ища то, что позволило бы за отпущенное на это время принять решение — Данросс или Горнт. «Если это будет Данросс, — говорил он себе, — то Эндрю Гэваллан — враг, и ему придется уйти. Молодой Струан ненавидит Данросса, француз — загадка, а сам Данросс взрывчат, как нитроглицерин, и не менее опасен». — По вашим рассказам, «Карга» Струан — просто фантастическая фигура, — сказал он. — Да и Дирк Струан, видимо, был личностью довольно своеобразной.

— Вот вам шедевр умолчания! — провозгласил Жак де Вилль, и глаза его засверкали. — Да это был величайший пират во всей Азии! Подождите, вот

⁶⁸ Имеется в виду Первая мировая война.

посмотрите на портрет Дирка и увидите фамильное сходство! Наш тайбань — его копия, вылитый Дирк, и, *ma foi*⁶⁹, унаследовал все его худшие черты.

— Шёл бы ты, Жак, — добродушно парировал Данросс. И повернулся к Кейси: — Это не так. Жак всегда меня поддразнивает. Я на Дирка совсем не похож.

— Но вы же ведете свою линию от него.

— Да. Моя прапрабабушка Уинифред была единственной законной дочерью Дирка. Она вышла замуж за Лечи Струана Данросса, из нашего клана. У них был один сын, мой прадед. Насколько нам известно, наша семья — Данроссы — единственные прямые потомки Дирка Струана.

— Вы... вы сказали «законная»? Данросс улыбнулся:

— У Дирка имелись другие сыновья и дочери. Один из сыновей, Гордон Чэнь, был от дамы, которую на самом деле звали Шэнь, — о ней вы знаете. Сегодня это линия Чэнь. Есть также линия Чжун — от Дункана Чжуна и Кейт Чжун, его сына и дочери от знаменитой Чжун Мэй-мэй. Во всяком случае, так гласит легенда, и эти легенды здесь принимаются на веру, хотя никто не может подтвердить их или опровергнуть. — Данросс на миг замолчал, и вокруг его глаз обозначилась сеточка морщинок, подчеркивавших глубину улыбки. — В Гонконге и Шанхае наши предки вели себя... э-э... дружелюбно, а китайские дамы красивы, как были, так и есть. Но женились они на своих дамах редко, а противозачаточные пилюли изобрели недавно, так что не всегда и знаешь, кому ты, может быть, приходишься родственником. Мы... э-э... мы не обсуждаем вещи такого рода прилюдно. В лучших британских традициях делаем вид, что этого не существует, хотя все знаем, что верно обратное, и никто не теряет достоинства. Евразийские семьи в Гонконге обычно принимали фамилии матерей, а в Шанхае — отцов. Похоже, все мы сжились с этой проблемой.

— У нас все это по-свойски, — пояснил Гэваллан.

— Иногда, — добавил Данросс.

— Значит, Джон Чэнь — ваш родственник? — спросила Кейси.

— Если идти от садов Эдема, то, думаю, мы все родственники. — Данросс смотрел на пустующее место за столом.

«Не похоже это на Джона — пускаться в бега, — с тревогой думал он, — и не тот Джон человек, чтобы оказаться замешанным в контрабанде оружия, какая бы причина за этим ни стояла. Или быть таким глупцом, чтобы попасться. Цу-янь? Ну, этот — шанхаец и мог легко запаниковать — если рыльце в пуху. Джона слишком хорошо знают, чтобы его не заметили при посадке в самолёт сегодня утром, так что это отпадает. Должно быть, на лодке — если он сбежал. Но куда на лодке? В Макао — нет, это тупик. На корабле? Как нечего делать, если заранее запланировать или даже не планировать, а договориться за час до отплытия. Круглый год от тридцати до сорока рейсов отправляется ежедневно по расписанию во все части света, большие суда и маленькие, не считая тысяч джонок, которые не подчиняются никаким расписаниям, и даже если ты в бегах, несколько долларов туда-сюда — и вывезут без вопросов, вывезут или ввезут. Мужчин, женщин, детей. Наркотики. Все, что угодно. Однако ввозить что-то контрабандой нет смысла, кроме людей, наркотиков, оружия, спиртного, сигарет и бензина, — остальное не облагается пошлиной и ввозится без ограничений.

Кроме золота».

Данросс улыбнулся про себя. Ввозишь золото легально по лицензии — тридцать пять долларов за унцию — для транзита в Макао, а что происходит потом, никого не касается, но невероятно выгодно. «Да, — размышлял он, — а совет директоров нашей компании „Нельсон трейдинг“ собирается сегодня днем.

⁶⁹ Честное слово (франц.).

Прекрасно. Это предприятие, которое стабильно всегда».

Накладывая на тарелку рыбу с предложенного серебряного подноса, он почувствовал на себе пристальный взгляд Кейси.

— Да, Кейси?

— О, я просто подумала — откуда вы знаете полностью мои имена? — Она повернулась к Бартлетту: — Тайбань удивил меня, Линк. Нас ещё не представили, а он уже назвал меня Камалян Сирануш, с такой же легкостью, словно произнес «Мэри Джейн».

— Это персидское имя? — заинтересовался Гэваллан.

— Изначально — армянское.

— Камааля-ан Сиррраннуушш, — пропел Жак, которому понравились шипящие и свистящие. — Très jolie, mademoiselle. Ils ne sont pas difficiles sauf pour les crétins⁷⁰.

— Ou⁷¹ les англичан, — добавил Данросс, и все рассмеялись.

— Как вы узнали, тайбань? — спросила Кейси. Называть его «тайбань» было как-то удобнее, чем «Иэн». «„Иэн" не к месту, пока ещё», — думала она под впечатлением от его прошлого, «Карги» Струан и теней, которые, казалось, окружают Данросса.

— Я спросил у вашего адвоката.

— Что вы имеете в виду?

— Джон Чэнь позвонил мне вчера около полуночи. Ему вы не сказали, как расшифровываются ваши инициалы, а мне хотелось узнать. Было слишком рано звонить в ваш офис в Лос-Анджелесе — там в это время наступило лишь восемь утра, поэтому я позвонил вашему адвокату в Нью-Йорк. Мой отец говаривал: сомневаешься — спроси.

— Вы дозвонились до Сеймура Стайглера Третьего в субботу? — переспросил изумленный Бартлетт.

— Да. К нему домой в Уайт-Плейнз.

— Но в телефонной книге нет его домашнего номера.

— Знаю. Я позвонил приятелю-китайцу в ООН. Он по моей просьбе нашел этот номер. Я сказал мистеру Стайглеру, что хочу выяснить полное имя, потому что его нужно указывать в приглашениях, и это, конечно, чистая правда. Нужно ведь быть аккуратным, верно?

— Да, — согласилась Кейси, в полном восторге от него. — Да, нужно.

— Ты знал, что Кейси... что Кейси — женщина? Вчера вечером? — спросил Гэваллан.

— Да. Вообще говоря, мне это стало известно ещё несколько месяцев тому назад, хотя я и не знал, как расшифровываются инициалы Кей Си. А что?

— Ничего, тайбань. Кейси, вы сказали про Армению. Ваша семья эмигрировала в Штаты после войны?

— После Первой мировой войны, в восемнадцатом году, — уточнила Кейси, начиная историю, которую приходилось рассказывать не раз. — Изначально наша фамилия звучала как Чолокян. Когда дедушка с бабушкой приехали в Нью-Йорк, они отбросили «ян» для простоты, чтобы американцам было легче её произносить. Но меня все же называли Камалян Сирануш. Как вы знаете, Армения расположена на юге Кавказа — чуть севернее Ирана и Турции и южнее русской Грузии. Раньше это было свободное суверенное государство, но сейчас территория страны поделена между

⁷⁰ Очень красиво, мадемуазель. И не трудно, если только для кретинов (франц.).

⁷¹ Или (франц.).

советской Россией и Турцией. Моя бабушка — грузинка: в прежние времена было много смешанных браков. Мой народ — около двух миллионов человек — жил во всех уголках Османской империи, но массовые убийства, особенно в пятнадцатом и шестнадцатом годах нашего века... — Кейси содрогнулась. — Это был просто геноцид. Нас осталось меньше полумиллиона, и теперь мы разбросаны по всему миру. Армяне были торговцами, художниками, ювелирами, писателями и воинами. В одной турецкой армии насчитывалось почти пятьдесят тысяч армян. Потом, во время Первой мировой войны, турки разоружили их, изгнали из армии и расстреляли — генералов, офицеров, солдат. Они составляли элитное меньшинство, и так продолжалось веками.

— Именно поэтому турки ненавидели их? — спросил де Вилль.

— Они были работающий народ, держались особняком, несомненно, прекрасные коммерсанты и предприниматели — контролировали немалую часть бизнеса и торговли. Дед говорил, что торговать у нас в крови. Однако главная причина, видимо, в том, что армяне исповедуют христианство. Это было первое христианское государство в истории, ещё при римлянах, а турки, как вы сами понимаете, мусульмане. В шестнадцатом веке турки завоевали Армению, и на границе всегда шла война между христианской царской Россией и турками, воинами ислама. До семнадцатого года царская Россия оставалась настоящим нашим защитником... Османские турки — странный народ, очень жестокий, очень странный.

— Ваша семья уехала до всей этой напасти?

— Нет. Дедушка с бабушкой были люди довольно богатые и, как многие другие, считали, что с ними ничего не случится. Им удалось бежать как раз перед приходом солдат. Они ушли через заднюю дверь с двумя сыновьями и дочерью, взяв с собой лишь то, что могли унести, и вырвались на свободу. Остальным членам семьи это не удалось. Дед сумел подкупить хозяина рыбацкой лодки, и тот тайком вывез его с бабушкой из Стамбула на Кипр, где они каким-то образом получили визы в Штаты. У них было немного денег, немного драгоценностей — и немало таланта. Бабушка до сих пор жива... и до сих пор может поторговаться с лучшими из них.

— Ваш дед был торговцем? — переспросил Данросс. — Именно поэтому вы решили заняться бизнесом?

— Как только мы стали что-то соображать, в нас, конечно, вбили, что мы должны сами зарабатывать себе на жизнь. Дед открыл в Провиденсе компанию по изготовлению оптических приборов, линз и микроскопов, а также компанию по импорту и экспорту, в основном ковров и парфюмерии, немного приторговывая на стороне золотом и драгоценными камнями. Отец создавал образцы ювелирных изделий и сам изготавливал их. Его уже нет в живых, но у него был собственный магазинчик в Провиденсе, а его брат, мой дядя Бгос, работал с дедом. Теперь, когда дед умер, компанией по импорту и экспорту управляет мой дядя. Это небольшой, но стабильный бизнес. Мы с сестрой выросли в среде, где торговались, продавали, подсчитывали прибыли и убытки. Это была одна большая игра, и мы участвовали в ней на равных.

— Где... о, ещё трюфелей, Кейси?

— Нет, спасибо, я сыта.

— Где вы научились бизнесу?

— Думаю, я училась всюду. После колледжа окончила двухгодичные курсы по делопроизводству у Кэтрин Гиббс в Провиденсе: стенография, машинопись, основы бухгалтерского учета, делопроизводство плюс кое-какие основы бизнеса. А в компаниях деда я работала с тех пор, как научилась считать, — вечерами, и в выходные, и в праздники. Меня учили думать и планировать, претворять планы в жизнь, так что большую часть своих знаний я получила на практике. Конечно, после окончания школы я продолжала заниматься на специальных курсах — там, где мне

хотелось. В основном вечерами. — Кейси усмехнулась. — В прошлом году даже поступила на курсы при Гарвардской школе бизнеса. Для некоторых преподавателей это было как взрыв водородной бомбы, хотя сегодня женщинам становится чуть легче.

— Как вам удалось стать исполнительным директором «Пар-Кон индастриз»? — спросил Данросс.

— В силу проницательности, — пошутила она, и они вместе рассмеялись.

— В работе Кейси — сущий дьявол, Иэн, — пояснил Бартлетт. — Читает с такой скоростью, что просто не верится, поэтому может охватить гораздо более широкую тематику, чем два обычных исполнителя. Великолепно чувствует опасность, не боится принимать решения, больше заключает сделок, чем срывает, и её не так-то просто вогнать в краску.

— Это мое самое замечательное качество, — сказала Кейси. — Спасибо, Линк.

— Но ведь, наверное, бывает очень нелегко, Кейси? Разве вам не приходится ужасно многим поступаться как женщине, чтобы все успеть? Должно быть, не так просто выполнять мужскую работу? — осведомился Гэваллан.

— Я не считаю свою работу мужской, Эндрю, — тут же отреагировала она. — Женщины настолько же умны и работоспособны, как и мужчины.

Линбар и Гэваллан сразу стали беззлобно подшучивать, но Данросс их остановил:

— Думаю, этот вопрос мы пока отставим. И все же, Кейси, как вы попали на вашу теперешнюю должность в «Пар-Кон»?

«Рассказать, как все было на самом деле, Иэн, похожий на Дирка Струана, величайшего пирата в Азии, или поведать то, что уже стало легендой?»

Однако первым заговорил Бартлетт, и она поняла, что может спокойно слушать. Его версию она слышала сотню раз: отчасти это была правда, отчасти нет, желаемое выдавалось за действительное. «Сколько правды в ваших легендах — о „Карге“ Струан и Дирке Струане? Что вы такое на самом деле? И как стали тайбаном?» Она с удовольствием потягивала в меру сладкий портвейн и предавалась размышлениям.

«Что-то здесь не так, — не отпускала настойчивая мысль. — Я отчетливо это чувствую. Что-то не так с Данроссом. Но что?»

— Я познакомился с Кейси в Лос-Анджелесе, в Калифорнии, лет семь назад, — начал Бартлетт. — Получил письмо от президента компании «Хед-Оптикалз» в Провиденсе, некой Кейси Чолок, которая хотела поговорить о слиянии. В то время я занимался строительством по всему Лос-Анджелесу: жилье, супермаркеты, пара крупных зданий под офисы, производственные площади, торговые центры — в общем, говори, что надо, и я построю. Наш оборот составлял три миллиона двести тысяч, и я только что выставил акции на продажу. Но мне ещё было ох как далеко до «Большого табло». Я...

— Вы имеете в виду Нью-Йоркскую фондовую биржу?⁷²

— Да. Так вот, появляется сияющая, как новый пятак, Кейси и говорит, что хочет, чтобы я объединился с компанией «Хед-Оптикалз», валовая прибыль которой, по её словам, составила в прошлом году двести семьдесят семь тысяч шестьсот долларов, а потом вместе с ней поглотил компанию «Рэндолф оптикалз», этакого ветерана отрасли: объем продаж в пятьдесят три миллиона, котировки на «Большом табло», громадный сектор рынка линз, солидный счет в банке. И я сказал: «Вы с ума сошли, но почему именно „Рэндолф“?» «Во-первых, — заявила она, — потому что я —

⁷² Этим прозвищем Нью-Йоркская фондовая биржа обязана не только размерам электронного табло, где отображаются котировки ценных бумаг, но и тем, что на ней представлены акции «большого бизнеса» — крупнейших компаний США.

акционер компании „Бартлетт констракшнз“, — она приобрела десять акций по одному доллару: мой капитал составлял миллион акций, а пятьсот тысяч было продано по номиналу, — и считаю, что для „Бартлетт констракшнз“ было бы классно завладеть „Рэндолф“. А во-вторых, потому, что этот сукин сын Джордж Тоффер, управляющий „Рэндолф оптикалз“, — лжец, жулик и вор и пытается выжить меня из бизнеса».

Бартлетт ухмыльнулся и остановился, чтобы перевести дух, а Данросс вклинился со смешком:

— Так и было, Кейси? Кейси быстро пришла в себя:

— О да, я сказала, что Джордж Тоффер — лжец, жулик, вор и сукин сын. Он до сих пор остается таковым. — Кейси улыбнулась без тени юмора. — И он действительно хотел выжить меня из бизнеса.

— Почему?

— Потому что я сказала, чтобы он убирался — сгинул.

— А почему вы так сказали?

— Я только что возглавила «Хед-Оптикалз». Годом раньше умер дед, и мы — я и дядя Бгос — кидали монетку: кому какой бизнес достанется... Мне выпала «Хед-Оптикалз». Примерно за год до этого «Рэндолф» уже предлагали купить нас, но мы отказались. У нас было замечательное небольшое производство, хорошие рабочие, хорошие технические специалисты, некоторые из них — армяне, небольшой кусок рынка. Да, ощущалась нехватка капитала, пространства для маневра, но мы перебивались, и качество у «Хед-Оптикалз» было оптимальным. Сразу после того, как я возглавила компанию, Джордж Тоффер «случайно зашел». А воображал он, боже мой, что он только из себя не строил! Хвастал, что служил в армии США, что он — герой войны, а я выяснила, что все вранье: такой тип. Так вот, он сделал мне ещё одно просто смешное предложение по передаче ему «Хед-Оптикалз»... сначала плел про бедную маленькую девочку, которой самое место на кухне, потом было: «Давайте поужинаем сегодня вечером у меня в люксе» и «Почему бы нам не поразвлечься? Ведь я здесь несколько дней один...» Я сказала: «Спасибо, не надо», и он очень расстроился. Очень. Но вернулся к делу и вместо покупки нашей компании предложил субподряд по некоторым его контрактам. Предложение было хорошим, и, немного поторговавшись, мы согласовали условия. Он сказал, что, если мы справимся с этим контрактом, следующий будет в два раза больше. Мы уложились в месяц и сработали лучше и дешевле, чем когда-либо получалось у него. Я выполнила все условия контракта, и он огреб фантастическую прибыль. Но он тут же нарушил обещание, которое дал на словах, и вычел — украл — двадцать тысяч триста семьдесят восемь долларов. На следующий день к «Рэндолф» ушли пятеро моих лучших клиентов, а неделей позже — ещё семь. Им всем были предложены сделки по цене ниже себестоимости. Он заставил меня попотеть неделю-другую, а потом позвонил. «Привет, детка, — проквакал он, довольный, как жаба в ведре грязи. — Я тут буду на выходные один на Мартас-Виньярд». Это небольшой островок у восточного побережья. И добавил: «Может, подъедешь, немного развлечемся, поговорим о будущем и об удвоении наших заказов». Я предложила отдать мои деньги, на что он рассмеялся, мол, сначала подрасти, и сказал, что мне лучше ещё раз рассмотреть его предложение, потому что при нынешних оборотах скоро никакого «Хед-Оптикалз» не будет.

Я обругала его, — продолжала Кейси. — Если меня вывести, ругаться я умею довольно прилично, и я объяснила на трех языках, что ему сделать с собой. Ещё через четыре недели клиентов у меня не осталось совсем. Прошел ещё месяц, и рабочим пришлось искать другое место. Примерно тогда я подумала: а почему бы не попробовать в Калифорнии? На восточном побережье оставаться не хотелось. — Она вымученно улыбнулась. — Это был вопрос потери лица — если бы тогда я

представляла, что это такое. Я подумывала, не взять ли отпуск на пару недель, чтобы поразмыслить, как быть. И вот однажды я бесцельно бродила по выставке штата в Сакраменто, и там оказался Линк. Он сидел в будке и продавал акции «Бартлетт констракшнз», и я купила...

— Что он делал? — спросил Данросс.

— Да-да, — подхватил Бартлетт. — Именно так я продал больше двадцати тысяч акций. Я сбывал их на ярмарках штатов, по почте, в супермаркетах, биржевым маклерам, в торговых центрах, а также инвестиционным банкам. Точно. Продолжай, Кейси!

— Так вот, я прочитала проспект его акционерного общества. Понаблюдала за ним некоторое время и подумала: у этого человека уйма энергии и предприимчивости. Таких цифр, баланса и темпов расширения не было ни у кого, и ещё мне пришло в голову, что у человека, который сам продает собственные акции, должно быть будущее. Так что я купила десять акций, написала ему и познакомилась. Вот и все.

— Так уж и все, Кейси? — усомнился Гэваллан.

— Расскажи ты, Линк, — попросила она.

— О'кей. Так вот. Тогда...

— Немного портвейна, мистер... виноват, Линк?

— Спасибо, Эндрю, но... э-э... нельзя ли ещё пива? — Пиво принесли мгновенно. — Так вот, Кейси пришла на встречу со мной. После того как она все рассказала, почти так же, как сейчас, я спросил: «Минуточку, Кейси. В прошлом году валовая прибыль „Хед-Оптикалз“ составила меньше трехсот тысяч долларов. Какая прибыль намечается в этом году?»

«Ноль, — ответила она с этой своей улыбочкой. — Все активы „Хед-Оптикалз“ — это я. По сути дела, я — это все, что есть в компании».

«Какой мне тогда смысл сливаться с нулем? У меня хватает своих проблем».

«Я знаю, как можно обставить „Рэндолф оптикалз“». «Ну и как?»

«Двадцать два процента „Рэндолф“ у трех человек, которые терпеть не могут Тоффера. С двадцатью двумя процентами вы могли бы получить контрольный пакет. Я знаю, как можно добиться от них доверенности, а самое главное, мне известно слабое место Тоффера».

«И в чем же оно?»

«Он тщеславен, у него мания величия, но что важнее всего — он дурак». «Дурак не может управлять компанией».

«Возможно, когда-то он был посметливее, но сейчас он — дурак. Он готов — бери голыми руками».

«И что вы хотите в результате всего этого получить, Кейси?» «Голову Тоффера: я хочу его уволить». «А ещё?»

«Если я сумею показать вам, как... Если мы сумеем заполучить „Рэндолф оптикалз“, скажем за шесть месяцев, я хотела бы... Я хотела бы заключить с вами контракт на один год с правом продления до семи лет и окладом, какой вы сочтете соразмерным моим способностям, чтобы работать в качестве вашего исполнительного вице-президента и заниматься приобретениями. Но я хочу этого как личность, как равный, а не как женщина. Вы, конечно, босс, но я буду с вами на равных, как был бы на равных мужчина, как личность... если справлюсь».

Ухмыльнувшись, Бартлетт отхлебнул пива.

— «О'кей, — сказал я, — договорились». А сам подумал: «Я ничего не теряю. У меня паршивые три четверти миллиона, у неё нулевой баланс и ни цента за душой, а „Рэндолф оптикалз“ за шесть месяцев — это просто даром!» Так что мы ударили по рукам, мужчина и женщина. — Бартлетт засмеялся. — Первый раз в жизни я взял и заключил сделку с женщиной и ни разу не пожалел об этом.

— Спасибо, Линк, — тихо произнесла Кейси, и всем стало завидно.

«И что же было после того, как вы уволили Тоффера? — думал Данросс, как и все остальные. — Именно с того момента у вас двоих все и началось?»

— Ну а поглощение, — обратился он к Бартлетту, — оно прошло гладко?

— Какое там гладко! Но первая кровь пролилась, и полученные мной — полученные нами уроки — пригодились на тысячу процентов. Контрольный пакет очутился у нас через пять месяцев. Мы с Кейси получили компанию, крупнее нашей в пятьдесят три с половиной раза. За час до времени «Д» я был в минусе на четыре миллиона, так и до тюрьмы, черт побери, недалеко, но через час у меня оказался контрольный пакет. Ну и битва была, скажу я вам! Через полтора месяца мы реорганизовали компанию, и теперь валовая прибыль подразделения «Рэндолф» компании «Пар-Кон» составляет сто пятьдесят миллионов долларов в год, цены на акции растут. Получился классический блицкриг, который стал образцом для «Пар-Кон индастриз».

— А этот Джордж Тоффер, Кейси? Как вы его уволили?

Отведя свои карие глаза от Линка, Кейси обратила их на Данросса, и тот подумал: «Господи, вот бы обладать тобой».

— Когда мы получили контрольный пакет, я... — начала Кейси и осеклась, потому что зазвонил единственный в зале телефон и вдруг воцарилось напряженное молчание. Все, даже официанты, тут же переключили все внимание на аппарат, кроме Бартлетта. Гэваллан и де Вилль побледнели. — В чем дело? — спросила Кейси.

Тишину нарушил Данросс:

— Это одно из правил нашего дома. Во время ланча соединяют, только если возникло что-то срочное — для кого-то из нас.

Все смотрели, как Лим отставляет поднос с кофе. Казалось, минула целая вечность, пока он прошел через зал и снял трубку. У всех были семьи, и каждый гадал, кто умер, с кем случилась беда. Господи, только не мне! Все помнили, как телефон взорвал тишину два дня назад. Звонили Жаку. А ещё в прошлом месяце звонили Гэваллану: его мать была при смерти. В течение многих лет звонили им всем. И все звонки несли плохие вести.

Эндрю Гэваллан был уверен, что звонят ему. Его жена, Кэтрин, сестра Данросса, лежала в больнице и ждала результатов изнурительных исследований: вот уже несколько недель она неизвестно почему плохо себя чувствовала. «Господи боже, — думал Эндрю, ежась под взглядами остальных. — Возьми себя в руки».

— Вэйй? — Послушав, Лим повернулся и протянул трубку: — Вас, тайбань.

Остальные с облегчением выдохнули и устремили взоры на Данросса. Он шёл к телефону чеканным шагом.

— Алло?... О черт... Что?... Нет... нет, сейчас же буду... Нет, ничего не предпринимайте. Я сейчас буду. — В мертвой тишине он положил трубку, и все видели, что он в шоке. Помолчав, он проговорил: — Эндрю, скажи Клаудии, чтобы перенесла собрания советов директоров, назначенные на вторую половину дня. Вы с Жаком и Кейси продолжайте. Это звонил Филлип. Боюсь, беднягу Джона Чэня похитили. — И он покинул зал.

8

14:35

Выйдя из машины, Данросс торопливо шагнул в открытую дверь просторного особняка в китайском стиле, расположенного на гребне холма под названием Струанз-Лукаут — Подзорная Труба Струана. Холеный слуга закрыл за ним дверь, и он прошел в безвкусно обставленную викторианскую гостиную. Она была забита

безделушками и разномастной мебелью.

— Привет, Филлип. Мои соболезнования. Бедняга Джон! Где письмо?

— Вот. — Вставая, Филлип взял письмо с дивана. — Но сначала посмотри на это. — Он указал на мятую картонную коробку из-под обуви, стоявшую на мраморном столике возле камина.

Проходя через комнату, Данросс заметил Диану, жену Филлипа Чэня. Она сидела в дальнем углу в кресле с высокой спинкой.

— О, привет, Диана, мои соболезнования, — снова сказал он. Она бесстрастно пожала плечами.

— Джосс, тайбань. — Второй жене Филлипа Чэня было пятьдесят два года. Привлекательная евразийская матрона, темно-коричневый чунсам, вся в золоте и драгоценных камнях, среди которых выделялись бесценное яшмовое ожерелье и кольцо с алмазом на четыре карата. — Да, джосс, — повторила она.

Данросс кивнул: она показалась ему противнее обычного. Он разглядывал содержимое коробки, не прикасаясь к ней. На мятом газетном листе лежала авторучка, в которой он признал ту, что принадлежала Джону Чэню, водительское удостоверение, связка ключей, письмо на имя Джона Чэня, адресованное на Синклер-тауэрс, 14А, и небольшой пластиковый пакет с наполовину засунутой в него тряпкой. Вынув свою ручку, он раскрыл водительское удостоверение: Джон Чэнь.

— Открой пакет, — предложил Филлип.

— Нет. Я могу стереть отпечатки пальцев, если они есть. — Данросс знал, что это глупость, но все равно произнес эти слова.

— Ох... Я и забыл. Черт. Ну конечно, отпечатки пальцев! Мои... я, конечно, открывал его. Мои отпечатки должны быть везде, на всем.

— Что там?

— Там... — Филлип Чэнь подошел, и не успел Данросс остановить его, как он уже вытащил тряпку из пластика, больше не прикасаясь к нему. — На тряпке ведь нельзя оставить отпечатки, верно? Смотри! — В тряпку была завернута большая часть человеческого уха. Отрезали его аккуратно, без рваных краев.

Данросс тихо выругался.

— Как вы получили эту коробку?

— Её принесли. — Трясущимися руками Филлип Чэнь снова завернул ухо и положил назад в коробку. — Я лишь... я лишь открыл эту посылку, как сделал бы любой другой. Доставили её около получаса назад.

— Кто доставил?

— Мы не знаем. По словам служанки, какой-то молодой человек. Молодой человек на мотороллере. Она его не запомнила и номера не записала. Нам доставляют много посылок. Ничего необычного — только надпись на пакете: «Мистеру Филлипу Чэню, чрезвычайно важно, открыть лично», на которую она поначалу не обратила внимания. К тому времени, когда я открыл пакет и прочитал письмо... Просто молодой человек, который сказал: «Посылка для мистера Филлипа Чэня», — и уехал.

— В полицию звонил?

— Нет, тайбань, ты же сказал ничего не предпринимать. Данросс подошел к телефону.

— С женой Джона связывались?

— А почему плохие вести ей должен сообщать Филлип? — тут же подала голос Диана. — Она такое разведет, что с крыши черепица посыплется, будьте уверены. Звонить Барбаре? О боже, нет, тайбань, нет... только когда сообщим в полицию. Пусть говорят они. Они знают, как это делать.

Данросс почувствовал ещё большую неприязнь.

— Лучше доставьте-ка её сюда, и побыстрее. — Он набрал номер Главного

управления полиции и попросил Армстронга. Того не оказалось на месте. Данросс назвал, а потом потребовал соединить его с Брайаном Квоком.

— Да, тайбань.

— Брайан, ты не мог бы сейчас же подъехать? Я в доме Филлипа Чэня на Струанз-Лукаут. Похищен Джон Чэнь. — И он рассказал о содержимом коробки.

Последовало ошеломленное молчание, потом Брайан Квок промолвил:

— Сейчас буду. Ничего не трогайте и не позволяй ему ни с кем говорить.

— Хорошо.

Данросс положил трубку.

— А теперь дай мне это письмо, Филлип. — Он обращался с листком осторожно, придерживая за края. Иероглифы написаны четко, но человеком не очень образованным. Он неторопливо прочитал письмо — почти все иероглифы были ему знакомы:

М-р Филлип Чэнь, ставлю вас в известность, что мне крайне нужны 500 000 гонконгских долларов. Вы настолько богаты, что для вас это капля в океане, волосок с девяти быков. Из опасения, что вы можете отказать, я не придумал ничего лучше, как взять в заложники вашего сына. Теперь отказа я уже не приму. Надеюсь, вы всё хорошенько обдумаете и серьезно рассмотрите этот вопрос. Вам решать, сообщать в полицию или нет. В подтверждение своих слов посылаю принадлежащие вашему сыну предметы повседневного обихода. А также небольшую часть уха вашего сына. Вы должны понять, что действовать я буду без жалости. Если вы без проволочек выплачиваете деньги, безопасность вашего сына гарантирована. *Вервольф*.

Данросс указал на коробку:

— Прошу прощения, ты узнаешь... э-э... это? Филлип Чэнь нервно усмехнулся, а за ним и его жена.

— А ты, Иэн? Ты знаешь Джона всю жизнь. Это... как можно узнать что-нибудь подобное, хейя?

— Кто-нибудь ещё знает?

— Никто, если не считать слуг, конечно, Шити Чжуна и кое-кого из друзей, приглашенных на ланч. Они... они были здесь, когда принесли пакет. Они, да, они были здесь. Уехали перед самым твоим приездом.

Диана Чэнь зашевелилась в кресле и высказала вслух то, о чем думал Данросс:

— Значит, к вечеру об этом будет знать весь Гонконг!

— Да. А к утру новость появится на первых страницах газет. — Данросс пытался сопоставить множество скопившихся в голове вопросов и ответов. — Пресса подхватит толки насчет... э-э... уха и Вервольфа и будет их смаковать.

— Да. Так оно и будет. — Филлип Чэнь вспомнил, что сказал Шити Чжун, когда все прочитали письмо. «Не плати выкуп по крайней мере неделю, дружище Филлип, и ты прославишься на весь мир! Айийя, надо же, кусок уха и Вервольф! И-и-и. Ты прославишься на весь мир!»

— Может быть, это совсем не его ухо. Может, это лишь трюк, — с надеждой проговорил Филлип Чэнь.

— Да. — «Если это ухо Джона Чэня, — думал глубоко обеспокоенный Данросс, — и если они прислали его в первый же день до начала переговоров или чего-нибудь ещё, то могу поспорить, что бедолага уже мертв». — Какой смысл наносить такую травму? — проговорил он. — И конечно, тебе надо заплатить.

— Конечно. Хорошо ещё, что мы не в Сингапуре, верно?

— Да. — В Сингапуре теперь по закону все банковские счета семьи похищенного тут же замораживали, чтобы похитителям не платили выкуп.

Там разразилась чуть ли не эпидемия похищений, но почти никто из

преступников не был арестован, потому что китайцы предпочитали быстро и без шума платить и ничего не сообщать в полицию. — Ну и ублюдки! Бедный старина Джон.

— Может, выпьешь чаю или ещё чего-нибудь? — предложил Филлип. — Ты не голоден?

— Нет, спасибо. Я дождусь Брайана Квока и поеду. — Данросс посмотрел на коробку и на ключи. Эту связку ключей он видел неоднократно. — Нет ключа от банковской ячейки, — заметил он.

— Какого ключа? — переспросила Диана Чэнь.

— Джон всегда носил на связке ключ от банковской ячейки. Она даже не двинулась в кресле.

— И что, сейчас его нет?

— Нет.

— Может, вы ошибаетесь. Насчет того, что он всегда носил его на связке. Данросс посмотрел на неё, потом на Филиппа Чэня. Оба воззрились на него в ответ. «Ну что ж, — подумал он, — если ключ взяли не похитители, то это сделали Филлип или Диана, и на их месте я поступил бы так же. Одному Богу известно, что могло быть в этой ячейке».

— Может, и ошибаюсь, — спокойно проговорил он.

— Чаю, тайбань? — спросила Диана, и в её глазах мелькнула глубоко скрытая улыбка.

— Да, думаю, выпью. — Он был уже уверен, что ключ взяли супруги Чэнь.

Она встала, громко приказала подать чай и снова уселась.

— И-и-и, поторопились бы они... эти полицейские. Филлип смотрел в окно на высохший сад:

— Вот бы дождь пошёл.

— Интересно, во сколько нам встанет вернуть Джона, — пробормотала она.

— Разве это имеет значение? — обронил Данросс после паузы.

— Конечно имеет, — тут же взвилась Диана. — На самом деле, тайбань!

— О да, — эхом откликнулся Филлип Чэнь. — Пятьсот тысяч долларов! Айийя, пятьсот тысяч — это же целое состояние. Проклятые триады! Ну что ж, если они просят пятьсот, я смогу сторговаться на сто пятьдесят. Слава богу, миллион не запросили! — Брови у него взлетели вверх, а лицо ещё больше посерело. — *Цзю ни ло мо* на всех похитителей. Они должны получить по заслугам — все.

— Да, — согласилась Диана. — Мерзкие триады. Полиция должна работать эффективнее! Более четко и более эффективно, и охранять нас лучше.

— Ну, это уже несправедливо, — резко возразил Данросс. — В Гонконге много лет не было громких похищений, а в Сингапуре это происходит каждый месяц! Уровень преступности у нас фантастически низок, и наша полиция ведет огромную работу — огромную.

— Ха, — фыркнула Диана. — Все они продажные шкуры. Зачем ещё идти в полицию, как не для того, чтобы разбогатеть? Я не верю ни одному из них... Мы знаем, о да, мы-то знаем. Что касается похищений, ха, последнее было шесть лет назад. Тогда похитили моего третьего кузена, Сун Фу-саня, и семья вынуждена была заплатить шестьсот тысяч, чтобы он вернулся целым и невредимым... Они после этого чуть не обанкротились.

— Ха! Чтобы Колибри Сун обанкротился? — с издевкой переспросил Филлип Чэнь. — Этого просто быть не может!

Колибри Сун, очень богатый судовладелец родом из Шанхая, был уже не молод, за пятьдесят, и выделялся среди соплеменников острым — и очень длинным, для китайца, — носом. Его прозвали Колибри за то, что он постоянно порхал из одного дансинга в другой, как с цветка на цветок, в Сингапуре, Бангкоке, Тайбэе и Гонконге,

погружаясь в мириады дамских нектарников, причем ходили слухи, что его мужское естество было ни при чем, потому что он обожал куннилингус.

— Если не ошибаюсь, большую часть денег полиция вернула, а преступники сели в тюрьму на двадцать лет.

— Да, тайбань, верно. Но на это ушли месяцы. И могу поспорить, что кое-кто из полиции знал гораздо больше, чем говорил.

— Абсолютная ерунда! — вскипел Данросс. — Нет никаких оснований верить чему-либо подобному! Никаких.

— Совершенно верно! — раздраженно подхватил Филлип Чэнь. — Они поймали их, Диана. — Супруга лишь глянула на него, и он мгновенно переменял тон: — Конечно, дорогая, кто-то из полицейских может быть и продажным, но нам здесь повезло, очень повезло. Думаю, я и не стал бы так переживать о... о Джоне... Дело ведь только в выкупе, и нам, как семье, пока что грех было жаловаться... Я не стал бы так переживать, если бы не... не это. — Он с отвращением указал на коробку. — Это ужасно! И абсолютно нецивилизованно.

— Да, — согласился Данросс и подумал: «Если это ухо не Джона Чэня, то чье? Откуда можно взять ухо?»

Он чуть не рассмеялся над тем, какие смешные вопросы себе задает. Потом снова стал размышлять, действительно ли похищение как-то связано с Цу-янем, винтовками и Бартлеттом. Китайцы не стали бы обезображивать жертву. Нет, конечно, да ещё так быстро. Похищение — древнее китайское искусство, и правила всегда были четкие: платишь и держишь язык за зубами — никаких проблем, тянешь время и болтаешь — много проблем.

Он стал смотреть из окна на сад, обширную панораму северной части города и на простирающийся внизу морской пейзаж. Лазурь моря была усеяна точками кораблей, джонок и сампанов. Над морем ясное небо без намека на дождь и ровное дыхание летнего муссона с юго-запада. «Как, интересно, в прежние времена смотрелись клиперы, когда шли с попутным ветром или боролись со встречным?» — рассеянно думал он. Здесь, на вершине холма, у Дирка Струана всегда был тайный наблюдательный пункт. Отсюда открывался вид на юг, восток и запад, а также на большой канал Сюнсымэнь, подходивший к Гонконгу с юга, — единственный путь в бухту для кораблей из дома, из Англии. Со Струанз-Лукаут можно было заметить идущий к берегу почтовый корабль и дать тайный сигнал вниз. И тогда тайбань высылал быстроходную шлюпку, чтобы получить почту первым и на несколько часов обойти соперников, на те самые несколько часов, которые в торговле могли значить и целое состояние, и полное банкротство — так много времени протекало до получения вестей из дома. «Это не то что сегодня, когда сообщение мгновенное, — думал Данросс. — Нам везет, нам не нужно ждать ответа почти два года, как Дирку. Господи, какой, надо думать, это был человек! Я не должен дать маху с Бартлеттом. Я обязан получить эти двадцать миллионов».

— Сделка представляется очень хорошей, — сказал Филлип Чэнь, словно читая его мысли.

— Да. Похоже, что так.

— Если они действительно вложатся, все мы заработаем целое состояние и это станет сян ю для Благородного Дома, — добавил Филлип, сияя.

Улыбка Данросса снова сделалась язвительной. Сян ю, «ароматная смазка», — это деньги, отступные, комиссионные, которые все китайские рестораны, большинство компаний, все игорные дома, дансинги, женщины легкого поведения платили триадам, той или иной форме триад, по всему миру.

— Не перестаю поражаться: ведь сян ю платят везде, где в бизнесе участвует хоть один китаец.

— Да что вы, тайбань, — сказала Диана таким тоном, словно говорила с

ребенком. — Какой бизнес может существовать без защиты? Предполагается, что ты должен платить, и ты, естественно, платишь, а как же иначе? Сян ю — так или иначе — дают все. — Она сменила позу, бусинки яшмового ожерелья зазвенели, глаза на белизне лица, так высоко ценимой у китайцев, выделялись тёмными-тёмными пятнами. — Ну, а сделка с Бартлеттом, тайбань, как вы думаете — сделка с Бартлеттом состоится?

Данросс пристально смотрел на неё.

«Ах, Диана, — думал он, — тебе известно до мелочей все, что знает Филлип, про его бизнес, про мой бизнес и ещё много такого... Филлип будет рыдать от ярости, если докопается, что для тебя это не тайна. Так что ты прекрасно осведомлена: „Струанз“ может оказаться в большой беде, если сделка с Бартлеттом не состоится, а если она будет заключена, наши акции взлетят и мы снова станем богатыми — и ты тоже, если сумеешь подсуетиться заранее, купить заранее.

Да.

И я изучил вас, китайских дам из Гонконга, так хорошо, как не дано бедняге Филлипу, потому что я даже на малую часть не китаец. Я знаю: когда дело доходит до денег, вы, китайские дамы из Гонконга, становитесь самыми жесткими женщинами на земле — а может, самыми практичными. И про тебя, Диана, мне все известно. Ты сейчас вся аж дрожишь, как бы ни старалась этого скрыть. Потому что Джон Чэнь не твой сын. Если он выходит из игры, ближайшими по родственной линии становятся двое твоих собственных сыновей, а твой старший, Кевин, делается прямым наследником. Так что ты будешь молиться, как никогда, чтобы Джона больше не было. Ты просто в восторге. Джона похитили и, вероятно, убили, но что там насчет сделки с Бартлеттом?»

— Дамы — такие практичные существа, — заметил он.

— Как это, тайбань? — прищурилась она.

— Они смотрят на все в перспективе.

— Иногда мне кажется, что я совсем не понимаю вас, тайбань. — Её голос зазвучал резче. — Что ещё мы можем сделать сейчас для Джона Чэня? Ничего. Все, что в наших силах, мы сделали. Когда принесут требование о выкупе, мы поторгнемся и заплатим, и все будет, как и было. А вот сделка с Бартлеттом — дело важное, очень важное, очень-очень важное, что бы ни случилось, хейя? Мо цзин, мо мин. Нет денег — нет жизни.

— Точно так. Это очень важно, тайбань. — Филлипу попала на глаза коробка, и он содрогнулся. — Я полагаю, при данных обстоятельствах, тайбань, ты нас извинишь сегодня вечером... Я не...

— Нет, Филлип, — твердо заявила его жена. — Нет. Мы должны пойти. Это вопрос чести для всего дома. Мы пойдем, как и планировали. Сколь бы ни было трудно, мы пойдем, как и планировали.

— Ну, как скажешь.

— Да, пойдем.

«О, ещё как да, — думала она, мысленно перебирая все детали своего туалета, чтобы усилить драматический эффект при их появлении. — Мы пойдем сегодня вечером, и о нас будет говорить весь Гонконг. Кевина возьмем с собой, конечно. Может, он теперь уже наследник. Айийя! На ком жениться моему сыну? Надо уже сейчас подумать о будущем. Двадцать два — прекрасный возраст, и мне нужно позаботиться о его новом будущем. Да, жена. Кто это будет? Лучше подобрать нужную девушку прямо сейчас, и побыстрее, а то это сделает вместо меня какая-нибудь молодая кобылка, у которой огонь между ног и алчная мамаша. Айийя! — Её даже в жар бросило от этой мысли. — Боги не допустят такого!»

— Да, — произнесла она вслух и тронула платком глаза, словно в них стояли слезы. — Что ещё можно сделать для бедного Джона — только ждать, и продолжать

работать, и планировать, и маневрировать на благо Благородного Дома. — Она взглянула на Данросса, и глаза её сверкали. — Сделка с Бартлеттом ведь решит все, верно?

— Да.

«И вы оба правы, — мысленно признал Данросс. — В настоящий момент больше ничего не сделаешь. Китайцы — народ очень мудрый и очень практичный.

Так что настройся на важное, — приказал он себе. — Важное типа „вы готовы рискнуть?“. Подумай. Удастся ли выбрать лучшее время и место, чем здесь и сейчас, для осуществления плана, который ты вынашивал с того момента, как познакомился с Бартлеттом?

Нет».

— Слушайте! — Приняв решение, от которого уже не собирался отступать, он оглянулся на дверь, ведущую в помещения для слуг, дабы убедиться, что никто не подслушивает. Он понизил голос до конспиративного шепота, и Филлип Чэнь с женой наклонились, чтобы лучше слышать. — Перед ланчем у меня была приватная встреча с Бартлеттом. Мы заключили сделку. Мне нужно внести некоторые незначительные изменения, но официально мы заключаем контракт в следующий вторник. Двадцать миллионов гарантируется, и ещё двадцать миллионов на будущий год.

— Поздравляю, — расплылся в улыбке Филлип Чэнь.

— Не так громко, Филлип, — шикнула на него жена, такая же довольная. — У этих рабов с черепашьими ртами, что на кухне, такие длинные уши, что дотянутся до Явы. О, какая потрясающая новость, тайбань!

— Это только для членов семьи, — негромко предупредил Данросс. — Сегодня днем я даю распоряжения нашим брокерам тайно скупать акции «Струанз» на каждый имеющийся у нас свободный пенни. Вы делаете то же самое небольшими партиями и распределяете заказы по разным брокерам и номинальным держателям — как обычно.

— Да. О да.

— Я лично купил сегодня утром сорок тысяч.

— А насколько повысится цена на акции? — спросила Диана Чэнь.

— Вдвойне!

— И как скоро?

— Через тридцать дней.

— И-и-и, — радостно протянула она. — Представить только.

— Да, — согласился Данросс. — Представить только! Да. И вы двое расскажете только самым близким родственникам, которых у вас немало, а они расскажут только очень близким родственникам, которых у них множество, и вы все будете покупать и покупать, потому что это гарантированная — с золотым обрезом — наводка исключительно для своих и почти никакого риска, и от этого акции взлетят ещё выше. Информация о том, что это только для членов семьи, несомненно, просочится, и к вам присоединятся другие, а затем кто-то ещё, а потом масла в огонь добавит официальное объявление о сделке с «Пар-Кон», а далее, на следующей неделе, я объявлю об условиях покупки «Эйшн пропертиз», и тогда будет покупать весь Гонконг. Цена на наши акции просто взлетит до небес. А потом, когда наступит подходящий момент, я отставлю в сторону «Эйшн пропертиз» и сосредоточусь на настоящей цели.

— А сколько акций, тайбань? — В уме Филлип Чэнь уже производил собственный подсчет возможных прибылей.

— Как можно больше. Но только для членов семьи. Наши акции положат начало буму.

У Дианы даже рот раскрылся.

— Так будет бум?

— Да. И мы положим ему начало. Момент назрел, все в Гонконге готовы. Мы предоставим средства, мы положим ему начало, и, если продуманно подтолкнуть его тут и там, все будут в массовом порядке переходить на нашу сторону.

Собеседники надолго замолчали. На лице Дианы была написана нескрываемая жадность.

Её пальцы играли с яшмовыми бусинами. Взгляд Филлипа был устремлен куда-то вдаль, и Данросс понимал, что компрадор думает в том числе и о нескольких скрепленных его, Филлипа, подписью от имени «Струанз» векселях, которые нужно оплатить в срок от тринадцати до тридцати дней: двенадцать миллионов американских долларов — «Тода шиппинг индастриз» в Иокогаме за два супербалкера, шесть миллионов восемьсот тысяч долларов — «Орлин интернэшнл мерчант банк» и семьсот пятьдесят тысяч — Цу-яню, который помог решить ещё одну проблему. Но в основном Филлип, должно быть, сосредоточен на двадцати миллионах Бартлетта и на росте акций — вдвойне, как он предсказал наобум.

Вдвойне?

Не получится — нет, ничего не выходит, никаких шансов, черт возьми... Если не случится бум. Если не случится бум! Данросс почувствовал, как сердце забилося сильнее.

— Если случится бум... Господи, Филлип, мы сможем!

— Да-да, согласен, Гонконг для этого созрел. Ах, да. — Глаза Филлипа сверкнули, и пальцы забарабанили по столу. — Сколько акций, тайбань?

— Каждый пе...

Данросса перебила взволнованная Диана:

— Филлип, на прошлой неделе мой астролог сказал, что этот месяц будет очень важным для нас! Бум! Вот что он, вероятно, имел в виду.

— Верно, помню, как ты говорила об этом, Диана. О-хо-хо! Сколько акций, тайбань? — снова переспросил он.

— Каждый пенни, черт побери! Бум этот будет у нас громадный. Но до пятницы — только для членов семьи. До пятницы исключительно так. А после торгов в пятницу я проговорюсь о сделке с Бартлеттом...

— И-и-и, — выдохнула Диана.

— Да. В выходные я буду говорить: «Никаких комментариев», а ты, Филлип, постарайся, чтобы тебя нельзя было поймать, — и к утру понедельника все будут рваться в бой. Я по-прежнему буду говорить: «Никаких комментариев», но в понедельник мы уже будем покупать открыто. После окончания торгов в понедельник я объявлю, что вся сделка подтверждается. И тогда, во вторник...

— Начнется бум!

— Да.

— О, счастливый день, — восторженно прохрипела Диана. — И каждая ама, коридорный, кули, бизнесмен решит, что с его джоссом все замечательно, и все достанут свои сбережения, и все это будет вложено, и все акции взлетят. Какая жалость, что завтра не выйдет редакторская колонка... а ещё лучше, комментарий астролога в одной из газет... скажем Столетнего Фэна... или... — От возбуждения глаза у неё чуть не сошлись к переносице. — Как насчет того астролога, Филлип?

Он обалдело уставился на неё:

— Старого Слепца Дуна?

— А почему бы и нет? Немного сян ю ему на лапу... или пообещать несколько акций любой компании на выбор. Хейя?

— Ну, я...

— Предоставь это мне. Старый Слепец Дун кое-чем мне обязан: я присылала ему достаточно клиентов! Да. И он не будет далек от истины, когда провозгласит

небесные знамения, предвещающие величайший бум в истории Гонконга, верно?

9

17:25

Отрегулировав фокусное расстояние, доктор Мэн, полицейский патологоанатом, стал рассматривать в микроскоп часть отрезанной от уха плоти. Брайан Квок нетерпеливо наблюдал за ним — маленьким незаметным педантичным кантонцем в очках с толстыми стеклами, которые он сдвинул себе на лоб. Когда доктор через некоторое время поднял голову, очки сами собой упали ему на переносицу.

— Ну что ж, Брайан, его могли отрезать у живого человека, а не с трупа... возможно. Возможно, в течение последних восьми-десяти часов. Кровоподтеки, вот здесь, сзади, — взгляни! — доктор Мэн деликатно указал на пятна сзади и сверху, — определенно свидетельствуют, что на тот момент человек был жив.

— Что за кровоподтеки, доктор Мэн? Чем они вызваны? Порезом?

— Их могло вызвать лицо, крепко державшее объект, — осторожно проговорил доктор Мэн, — когда объект удаляли.

— Чем удаляли: ножом, бритвой, складным ножом или китайским тесаком — кухонным ножом?

— Острым инструментом. Брайан Квок вздохнул:

— От этого человек мог умереть? От шока? Человек вроде Джона Чэня?

Доктор сплел пальцы:

— Возможно, да. А возможно, и нет. Есть ли основания полагать, что у него слабое сердце?

— Его отец утверждает, что нет, а с домашним врачом я ещё не говорил — этот тип в отпуске, но Джон никогда не обнаруживал признаков нездоровья.

— Такое телесное повреждение, скорее всего, не должно привести к смерти здорового человека, но неделю-другую он может чувствовать себя скверно. — Доктор просиял. — Крайне скверно.

— Господи! — не выдержал Брайан. — Неужели ты не можешь сказать ничего существенного?

— Я судебный патологоанатом, Брайан, а не провидец.

— Можешь сказать, это ухо евразийца или чистокровного китайца?

— Не могу. Судить об этом по данному образцу почти невозможно. Но, вне всякого сомнения, это не англосакс, не индеец и не представитель негроидной расы. — Доктор Мэн снял очки и, близоруко щурясь, уставился на рослого суперинтендента. — Это, по всей видимости, поднимет хорошенькую волну в Доме Чэнь, хейя?

— Да. И в Благородном Доме тоже. — Брайан Квок на мгновение задумался, — Как ты считаешь, можно ли сказать, что этот Вервольф, этот маньяк — китаец?

— Судя по почерку, это может быть человек цивилизованный, да. Впрочем, подобное мог сделать и гуйлао с претензией на то, что он человек цивилизованный. Но если он или она — человек цивилизованный, это совсем не значит, что совершивший злодеяние и написавший письмо — одно и то же лицо.

— Это я знаю. Какие шансы за то, что Джон Чэнь мертв?

— Исходя из телесных повреждений?

— Исходя из того, что этот Вервольф, а скорее, Вервольфы прислали ухо, даже не начав переговоров.

Маленький человечек холодно усмехнулся:

— Ты имеешь в виду «убей одного, чтобы утешить десять тысяч» старика Сунь-цзы? Не знаю. На таких неопределенностях я предположений не строю. Я оцениваю шансы, только когда дело касается лошадей, Брайан, или фондового рынка. Как насчет Голден Леди Джона Чэня в субботу?

— У неё шансы очень высоки. Это точно. А также у Ноубл Стар «Струанз», Пайлот Фиша Горнта, а ещё больше — у Баттерскотч Лэсс Ричарда Квана. Могу поспорить, она будет фаворитом. Но Голден Леди — настоящий ходок. Ставки на неё начнутся от трех к одному. Она — лошадь резвая, фляер⁷³, и грунт как раз для неё. Если будет сухо. На мокром грунте от неё толку не жди.

— А что-нибудь указывает на дождь?

— Дождь возможен. Говорят, идет шторм. Даже если чуть прибьет пыль, разница будет огромная.

— Значит, пусть лучше до воскресенья дождя не будет, хейя?

— В этом месяце вообще не ожидается дождей, если только нам сильно не повезет.

— Ну что ж, будет дождь так будет, нет так нет, ничего страшного! Скоро зима, и тогда мы хоть на время избавимся от этой проклятой влажности. — Доктор Мэн взглянул на настенные часы. Они показывали 17:35. — Может, по маленькой и по домам?

— Нет, спасибо. У меня ещё дела. Так не хочется, черт возьми, этим заниматься.

— Завтра посмотрим. Может, эксперты подскажут что-нибудь интересное относительно бумаги, или ткани, в которую это было завернуто, или ещё чего. Может, на след наведут отпечатки пальцев, — добавил доктор.

— Трудно сказать. Вся эта операция дурно пахнет. Действительно очень дурно.

Доктор Мэн кивнул, и его голос утратил мягкость.

— Дурно пахнет все, что имеет отношение к Благородному Дому и их марионетке — дому Чэнь. Так ведь?

Брайан Квок переключился на сей яп, один из основных диалектов провинции Гуандун, на котором говорили многие в Гонконге:

— Э, Брат, не хочешь ли ты сказать, что дурно пахнут все капиталистические прихвостни, а главные из них — Благородный Дом и дом Чэнь — полны дерьма? — подтрунивал он.

— А-а, Брат, разве у тебя в мозгу ещё глубоко не отложилось, что ветры перемен дуют во всем мире? И Китай под бессмертным руководством председателя Мао и его идей является...

— Оставь эти агитки при себе, — холодно сказал Брайан Квок, вновь переходя на английский. — Большинство идей Мао взято из произведений Сунь-цзы, Конфуция, Маркса, Лао-цзы и других. Я знаю, что он — поэт⁷⁴, великий поэт, но он захватил Китай, и там сейчас нет свободы. Никакой.

— Свободы? — с вызовом повторил маленький человечек. — Что такое свобода на несколько лет, когда под руководством председателя Мао Китай снова стал Китаем и опять занял то место в мире, которое принадлежит ему по праву. Теперь Китая боятся все паршивые капиталисты! И даже ревизионистская Россия!

— Да, согласен. За это я ему благодарен. Тем не менее, если тебе не нравится здесь, отправляйся назад в Гуандун и потей до посинения в своем коммунистическом раю, и *цзю ни ло мо* на всех коммунистов — и их попутчиков!

— Тебе нужно съездить туда и посмотреть самому. То, что коммунизм для Китая плохо, чистая пропаганда. Ты что, газет не читаешь? Сейчас уже никто не голодает.

— А что ты скажешь насчет двадцати с лишним миллионов убитых после смены

⁷³ Фляер — лошадь, показывающая хорошую скорость на коротких и средних дистанциях.

⁷⁴ Мао Цзэдун — автор нескольких романтических стихотворений в классическом стиле, написанных под влиянием творчества великих танских поэтов Ли Бо (701-762) и Ли Хэ (790-816).

власти? А все это промывание мозгов?

— Опять пропаганда! То, что ты учился в частных школах в Англии и Канаде и говоришь как капиталистическая свинья, ещё не значит, что ты стал одним из них. Не забывай, откуда ты.

— Я не забываю. Я все прекрасно помню.

— Твой отец совершил ошибку, отпустив тебя из дома!

Всем было известно, что Брайан Квок родился в Кантоне, а в шесть лет его отправили учиться в Гонконг. Он так преуспел в учебе, что в тридцать седьмом, когда ему было двенадцать лет, выиграл конкурс и уехал учиться в Англию, в прекрасную частную школу, а потом, в тридцать девятом, когда началась Вторая мировая война, всю школу эвакуировали в Канаду. В сорок втором, в восемнадцать лет, он закончил эту школу первым учеником и старостой класса и поступил на службу в канадскую конную полицию, в одно из подразделений, сотрудники которого, работавшие в штатском, поддерживали порядок в огромном чайнатауне Ванкувера. Он говорил на кантонском, «мандарине», сей яп и служил с отличием. В сорок пятом подал рапорт о переводе в полицию Гонконга. Канадцы разрешение на перевод дали, но крайне неохотно, потому что хотели, чтобы Брайан служил и у них дальше, и он вернулся в Гонконг.

— Работая на них, ты понапрасну растрачиваешь свои таланты, Брайан, — продолжал доктор Мэн. — Ты должен служить массам и работать для партии!

— В сорок третьем эта партия загубила моего отца, мать и почти всю семью!

— Где доказательства? Их нет. Одни слухи. Возможно, это дело рук дьяволов из гоминьдана: в Кантоне тогда царил хаос. Я был там и знаю! Может, это на совести японских свиней или триад — кто знает? Как тут можно быть уверенным?

— Я уверен, клянусь Богом.

— Там что, был хоть один свидетель? Нет! Ты сам мне рассказывал! — Голос Мэна стал хриплым, и он близоруко щурился на Брайана снизу вверх. — Айийя, ты же китаец, так используй свое образование для Китая, для народных масс, а не для хозяина-капиталиста.

— Шёл бы ты!

Доктор Мэн усмехнулся, и очки упали ему на переносицу.

— погоди, суперинтендент Каршунь Квок. Настанет день, и глаза у тебя откроются на всю эту «красоту».

— А пока мне нужны от тебя какие-нибудь ответы, черт возьми! — Широким шагом Брайан Квок покинул лабораторию и направился по коридору к лифту. Рубашка липла к спине. «Хоть бы дождь пошёл».

Он вошёл в кабину. Перекинулся приветствиями с другими полицейскими. На третьем этаже вышел и двинулся в свой офис. Там, лениво перелистывая китайскую газету, его ждал Армстронг.

— Привет, Роберт. — Брайан был рад его видеть. — Что новенького?

— Ничего. А у тебя?

Брайан Квок передал ему слова доктора Мэна.

— А, этот мелкий с его «вероятно, может быть»! Единственное, в чем он бывает твердо уверен, что труп — это труп, да и то когда пару раз проверит.

— Вот-вот, или насчет председателя Мао.

— Он опять заводил свою заезженную пластинку?

— Да, — ухмыльнулся Брайан Квок. — Я ему сказал, чтобы отправлялся обратно в Китай.

— Он никогда не уедет.

— Знаю. — Брайан посмотрел на кипу бумаг на полке «Входящие» и вздохнул. — Не похоже на местных — отрезать ухо так сразу.

— Нет, не похоже, если это действительно похищение.

— Что?

— Это могло быть сведение счетов, а похищение лишь прикрытие, — проговорил Армстронг, и его лицо человека бывалого приняло более суровое выражение. — Я согласен с тобой и Данроссом. Думаю, что Джона ухайдакали.

— Но зачем?

— Возможно, Джон пытался убежать, завязалась драка, и эти люди (или человек) испугались и сгоряча ударили его ножом или вмазали тупым предметом. — Армстронг вздохнул и потянулся, чтобы расслабить мышцы сведенного судорогой плеча. — Как бы то ни было, старина, наш Великий Белый Отец хочет, чтобы мы разобрались с этим, и быстро. Он оказал мне честь, позвонив и сказав, что ему лично телефонировал губернатор и выразил свою озабоченность.

Брайан Квок тихо выругался.

— Быстро разносятся плохие вести! В прессе ещё ничего нет?

— Нет, но об этом уже знает весь Гонконг, и к утру наши хвосты будут развеиваться от раскаленного ветра, дующего нам в зад. Боюсь, этот чертов господин Вервольф — а ему будет помогать злобная гонконгская пресса, от которой пощады ждать не приходится, будь она проклята, — не принесет нам ничего, кроме огорчений, пока мы не поймаем этого ублюдка или ублюдков.

— Ну а поймать мы его поймаем, о да, поймать мы его поймаем!

— Да. Как насчет пива — или лучше очень большого джина с тоником? Я бы сейчас от такого не отказался.

— Хорошая идея. Опять твой желудок шепчет?

— Да. Мэри говорит, что все хорошие мысли я нахожу в бутылках. — Они вместе рассмеялись, направились к двери и уже вышли в коридор, когда зазвонил телефон.

— Брось эту хреновину, не отвечай: одно беспокойство, — посоветовал Армстронг, хотя знал, что ни он сам, ни Брайан никогда так не поступят.

Сняв трубку, Брайан Квок замер.

Звонил Роджер Кросс, старший суперинтендент, директор особой разведслужбы.

— Да, сэр?

— Брайан, прошу немедленно зайти ко мне.

— Есть, сэр.

— Армстронг с вами?

— Да, сэр.

— Приведите и его. — Раздался щелчок, и связь оборвалась.

— Есть, сэр. — Он положил трубку и почувствовал, как взмокла спина. — Босс вызывает нас, срочно.

Сердце Армстронга замерло.

— А? Меня? — Он догнал Брайана, шагавшего к лифту. — За каким чертом я ему понадобился? Я уже не в Эс-ай.

— Наше дело не спрашивать почему, наше дело — наложить в штаны по его команде. — Брайан нажал кнопку ВВЕРХ. — Что там могло стрястись?

— Должно быть, что-то важное. Может, что-нибудь на материке?

— Чжоу Эньлай⁷⁵ сместил Мао и умеренные пришли к власти?

— И не мечтай! Мао умрет на посту — он верховное божество Китая.

— Единственное, что можно сказать доброго о Мао, это то, что он сначала китаец, а потом коммунист. Чертовы «комми»!

⁷⁵ Чжоу Эньлай (1898-1976) — выдающийся китайский государственный и партийный деятель, премьер КНР (1949-1976). Был известен как прекрасный дипломат, не разделявший радикальных взглядов Мао Цзэдуна, стремившийся к модернизации страны и сближению с Западом.

— Слушай, Брайан, может, Советы снова активизируются на границе? Ещё один инцидент?

— Может быть. Да. Скоро будет война — да, скоро будет война между Россией и Китаем. В этом Мао тоже прав.

— Советы не такие глупые.

— Не скажи, приятель. Я говорил это раньше и скажу снова: Советы — враг всего мира. Война будет — скоро тебе придется заплатить мне тысячу долларов, Роберт.

— Не думаю, что мне придется платить, мясорубка будет ужасная.

— Да. Но все же это случится. И здесь Мао прав. Это будет ужас, но не катастрофа. — Брайан Квок с раздражением ещё раз надавил на кнопку лифта. И вдруг поднял глаза: — Как думаешь, может, наконец началось вторжение с Тайваня?⁷⁶

— Этот пошлый анекдот? Эта несбыточная мечта? Брось ты, Брайан! Чан Кайши никогда не вылезет с Тайваня.

— Если он этого не сделает, весь мир окажется в большой навозной куче. Если у Мао будет лет тридцать, чтобы сплотить... Господи, ты просто не представляешь. Миллиард роботов? Как был прав Чан, когда пошёл на этих коммунистических ублюдков: они — настоящий враг Китая. Они — чума Китая. Господи, если у них будет время, чтобы подвергнуть всех детей опытам, как Павлов...

— Тебя слушаешь, так можно подумать, что ты — прихвостень националистов, — спокойно сказал Армстронг. — Остынь, парень, все паршиво в этом мире, и так будет всегда. Но ты, прихвостень капиталистический, можешь в субботу сходить на скачки, в воскресенье принять участие в гонках по холмам, а вокруг полно девчонок, которые только и ждут, чтобы их сняли. А?

— Извини. — Они зашли в лифт. — Этот мелкий ублюдок Мэн вывел-таки меня из равновесия. — Брайан ткнул кнопку верхнего этажа.

Армстронг перешел на кантонский:

— Твою маму на твои извинения, Братишка.

— А твою дрючил бродячий павиан с одним яйцом в ведре свиных нечистот.

Армстронг просиял.

— Неплохо, Брайан, — похвалил он по-английски. — Совсем даже неплохо.

Лифт остановился. Они прошли по унылому коридору. У нужной двери подтянулись. Брайан тихо постучал.

— Войдите.

Роджеру Кроссу было за пятьдесят, высокий, худой, светлые редкие волосы и маленькие руки с длинными пальцами. На столе все педантично разложено. В таком же идеальном порядке гражданский костюм. Кабинет обставлен по-спартански. Кросс указал вошедшим на стулья. Они сели, а он продолжил изучать содержимое какой-то папки. Через некоторое время закрыл её и положил перед собой. Обложка была какая-то бесцветная, внутриофисная и самая непримечательная.

— Прибывает американский миллионер и ввозит контрабандой оружие. Весьма подозрительный шанхайский толстосум, раньше занимавшийся наркотиками, бежит на Тайвань. А теперь ещё похищена очень важная персона какими-то, прости господи, Вервольфами, и отрезано ухо. И все за девятнадцать часов. Где связь?

— А разве должна быть связь, сэр? — нарушил молчание Армстронг.

— А разве не должна?

⁷⁶ В ходе вооруженных конфликтов между КНР и Тайванем в 1954-1955 и 1958 гг. интенсивному артиллерийскому обстрелу подвергалась территория КНР, а также расположенные рядом и укрепленные националистами острова Мацу и Кемой.

— Извините, сэр, не знаю. Пока.

— Это весьма прискорбно, Роберт, весьма и весьма прискорбно.

— Да, сэр.

— По сути дела, неприятно, в частности потому, что власти предержавшие уже тяжело дышат мне в затылок. А когда это случается... — Он улыбнулся, глядя на них, и оба еле сдержались, чтобы не содрогнуться. — Я ведь предупреждал вас вчера, Роберт, что могут быть замешаны важные имена.

— Да, сэр.

— Ну, а вы, Брайан, мы вот прочим вас на высокую должность. Как думаете, могли бы вы отвлечься от скачек, автогонок, не волочиться за каждой юбкой и приложить часть ваших несомненных способностей к разрешению этой скромной головоломки?

— Да, сэр.

— Прошу вас так и сделать. Очень быстро. Это дело поручается вам. Вам и Роберту, потому что может потребоваться ваш опыт — на последующие несколько дней. Я хочу, чтобы с этим было покончено очень и очень быстро, поскольку у нас образовалась небольшая проблема. Вчера вечером мне позвонил один наш американский друг из консульства. В приватном порядке. — Он указал на папку. — И вот результат. По его наводке мы перехватили оригинал под покровом ночи. Это, конечно, копия. Оригинал был, естественно, возвращен, и... — Он замолчал, подыскивая нужное слово. — Курьер — кстати, непрофессионал — отпущен восвояси. Это доклад, нечто вроде информационного бюллетеня из нескольких подразделов. Все они довольно занимательны. Да. Один из них — «КГБ в Азии». В нем утверждается, что КГБ располагает глубоко законспирированной шпионской сетью, о которой я слышу впервые, под кодовым названием «Севрин», и её высокопоставленные агенты занимают ключевые позиции в правительстве, полиции, бизнесе — на уровне тайбаней — по всей Юго-Восточной Азии и, в частности, здесь, в Гонконге.

Воздух с шипением вырвался из открывшегося рта Брайана Квока.

— Вот-вот, — словно соглашаясь, произнес Кросс. — Если это правда.

— Вы считаете, это правда, сэр? — спросил Армстронг.

— Вообще-то, Роберт, вам, похоже, придется раньше времени уйти в отставку по состоянию здоровья, ввиду размягчения мозгов. Если бы меня это так не беспокоило, неужели я пошёл бы на сомнительное удовольствие обратиться за помощью к департаменту уголовного розыска Коулуна?

— Нет, сэр, виноват, сэр.

Кросс повернул папку лицом к ним и открыл её на титульном листе. У обоих полицейских перехватило дыхание. Там было написано: Конфиденциально, только Иэну Данроссу. Написано от руки, доклад 3/1963. В одном экземпляре.

— Да, — продолжал Кросс. — Да. Впервые мы получаем реальное доказательство того, что у «Струанз» есть своя разведслужба. — Он улыбнулся, глядя в их сторону, и по коже у Квока и Армстронга поползли мурашки. — Мне, конечно, хотелось бы знать, каким образом люди бизнеса умудряются получать доступ к самой разнообразной и весьма деликатной информации, о которой нам должно быть известно намного раньше их.

— Да, сэр.

— Очевидно, этот доклад — один из целой серии. О да, он составлен исследовательской группой номер шестнадцать компании «Струанз» и, судя по дате, подписан три дня назад неким А. М. Грантом в Лондоне.

У Брайана Квока снова перехватило дыхание.

— Грантом? Неужели это Алан Медфорд Грант, сотрудник Лондонского института стратегического планирования?

— Отлично, Брайан, десять очков из десяти. Да. Сам мистер АМГ. Мистер Весьма Важная Персона, мистер советник правительства Её Величества по секретной деятельности, который действительно разбирается, что к чему. Вы с ним знакомы, Брайан?

— Я встречал его пару раз в Англии в прошлом году, сэр, когда был на высших офицерских курсах при штабном колледже вооруженных сил. Он представил доклад о последних стратегических разработках по Дальнему Востоку. Блестящий доклад. Просто блестящий.

— К счастью, он англичанин и на нашей стороне. Но при всем том... — Кросс снова вздохнул. — Я, конечно, надеюсь, что на этот раз он ошибся, или же мы сели в лужу гораздо глубже, чем я мог себе представить. Похоже, даже малая часть наших секретов уже перестала быть таковыми. Утомительно. Весьма. А что до этого, — он снова тронул папку, — то я действительно в полном шоке.

— А оригинал доставлен, сэр? — спросил Армстронг.

— Да. Данроссу лично сегодня в шестнадцать восемнадцать. — Голос Кросса стал ещё более вкрадчивым. — Слава богу, у меня отношения с нашими заокеанскими коллегами первоклассные. Как у вас, Роберт, но не у вас, Брайан. Вам ведь никогда не нравилась Америка, верно?

— Да, сэр.

— Могу я спросить почему?

— Слишком много болтают, сэр, им нельзя доверять никаких секретов: они громогласные и, как мне кажется, недалекие.

Кросс улыбнулся одним ртом:

— Это не повод портить с ними отношения, Брайан. Возможно, это вы человек недалекий.

— Да, сэр.

— Отнюдь не все из них люди недалекие, нет, отнюдь не все. — Кросс закрыл папку, но оставил её лежать лицом к ним. Оба уставились на неё как замороженные.

— А эти американцы не сообщили, как узнали о папке, сэр? — не подумав, брякнул Армстронг.

— Роберт, я на самом деле считаю, что коулунская синекура плохо подействовала на ваш мозг. Может, мне порекомендовать, чтобы вас отправили в отставку по болезни?

Здоровяк вздрогнул:

— Нет, сэр, благодарю вас, сэр.

— Разве мы стали бы выдавать им свои источники?

— Нет, сэр.

— И разве мне сказали бы, имей я глупость спросить такое?

— Нет, сэр.

— Вся эта история очень неприятна и плохо сказывается на репутации. Моей. Вы согласны, Роберт?

— Да, сэр.

— Прекрасно, это уже что-то. — Кросс откинулся на спинку стула и принялся раскачиваться на нем, впившись в офицеров глазами. Оба полицейских терялись в догадках о том, кто мог дать наводку и почему это было сделано.

«ЦРУ не могло, — думал Брайан Квок. — Они бы сами перехватили доклад, им не нужно, чтобы Эс-ай выполняла за них грязную работу. Эти безмозглые ублюдки пойдут на что угодно, наступят кому угодно на любимую мозоль, — с отвращением думал он. — Если не они, то кто?

Кто?

Должно быть, этот человек работает на разведку, но сам не мог решиться на перехват, и он поддерживает хорошие отношения с Кроссом. Чиновник из

консульства? Возможно. Джонни Мисхауэр из разведки ВМС? Это не по его части. Кто? Не так-то много... А-а, фэбээровец, протеже Кросса! Эд Лэнган. Так. Каким образом Лэнган мог узнать о папке? Информация из Лондона? Возможно, но у ФБР там нет офиса. Если наводка из Лондона, об этом, вероятно, должны были прежде всего знать Эм-ай-5 или Эм-ай-6, а они постарались бы получить материал из самого источника, отправить его нам по телексу и устроить взбучку за то, что мы бездействуем на своих собственных задворках. Садился ли самолёт, на котором прибыл курьер, в Ливане? Насколько я помню, там есть человек ФБР. Если информация поступила не из Лондона и не из Ливана, значит, она должна была поступить из самого самолёта. А-а, летевший вместе с курьером — свой информатор, который и обратил внимание на папку или на её обложку? Кто-нибудь из экипажа? Айийя! Какой авиалинии самолёт — „Трансуорлд эрлайнз" или „Пан-Америкэн"? У ФБР самые разнообразные связи, тесные связи с самыми разными и заурядными компаниями, и они правильно делают. О да. Есть ли у нас рейс в воскресенье? Есть. „Пан-Америкэн", время прибытия двадцать тридцать. Пока доберешься до отеля, уже слишком поздно, чтобы доставлять вечером. Точно».

— Странно, что курьер прибыл на рейсе «Пан-Америкэн», а не «Бритиш оверсиз» — последний гораздо лучше, — сказал он, и ему было приятно, что он пришел к решению таким окольным путем.

— Да. Я тоже так подумал, — спокойным голосом произнес Кросс. — Он поступил ужасно не по-британски. Конечно, «Пан-Америкэн» всегда производят посадку вовремя, чего в последнее время нельзя сказать о бедной старушке «Бритиш оверсиз». — Он одобрительно кивнул Брайану. — Снова отлично. Вы — лучший ученик в классе.

— Благодарю вас, сэр.

— Какие ещё будут соображения? Брайан Квок помолчал.

— В благодарность за наводку вы согласились предоставить Лэнгану точную копию этой папки.

— И?

— И жалеете об этом.

— Почему? — вздохнул Кросс.

— Это я узнаю лишь после того, как прочитаю папку.

— Брайан, вы сегодня просто превзошли себя. Хорошо. — Кросс рассеянно вертел в руках папку, и оба полицейских знали, что он дразнит их, хотя ни тот, ни другой не понимал зачем. — В остальных разделах этого доклада есть парочка любопытных вещей. Имена — такие, как Винченцо Банастасио... Места встреч — такие, как Синклер-тауэрс... Кому-то из вас что-нибудь говорит название «Нельсон трейдинг»?

Оба покачали головами.

— Все это весьма любопытно. Коммунисты справа, коммунисты слева... — Его взгляд стал ещё более безжалостным. — Похоже, мерзавец есть и в наших собственных рядах, возможно, чин у него не ниже суперинтендента.

— Но это невозможно! — невольно вырвалось у Армстронга.

— Как долго вы работали у нас в Эс-ай, милый мальчик? Армстронга чуть не передернуло.

— Два срока, почти пять лет, сэр.

— Считалось, что у Советов не может быть шпионов вроде Зорге или Кима Филби. Боже мой, Филби! — Неожданное бегство в советскую Россию этого англичанина, который одно время считался одним из лучших агентов Эм-ай-6 — британской военной разведки, призванной проводить разведывательные и контрразведывательные операции за границей, — в январе того года потрясло весь западный мир. В частности, потому, что до недавнего времени Филби работал

первым секретарем британского посольства в Вашингтоне⁷⁷ и отвечал за связь с министерством обороны, госдепартаментом США и ЦРУ по всем вопросам безопасности на самом высоком уровне. — Каким образом, во имя всего святого, он мог быть советским агентом все эти годы и оставаться вне подозрений — это же невозможно, верно, Роберт?

— Да, сэр.

— И тем не менее это оказалось возможным, и он долгие годы имел доступ к нашим самым сокровенным тайнам. Во всяком случае, с сорок второго по пятьдесят восьмой год⁷⁸. И где он начал свою шпионскую деятельность? Господи помилуй, в Кембридже в тридцать первом году. Его завербовал в партию другой архипредатель — Берджесс, тоже из Кембриджа, и его приятель Маклин, чтоб им обоим вечно гореть в аду. — Несколько лет назад эти два высокопоставленных сотрудника «форин офис», министерства иностранных дел (и тот и другой во время войны служили в разведке), неожиданно бежали в Россию под носом у британских контрразведчиков, и последовавший скандал потряс Британию и весь блок НАТО. — Кого ещё они завербовали?

— Не знаю, сэр, — осторожно сказал Армстронг. — Но можно поспорить, что это все высокопоставленные лица из правительства, «форин офис», университетской среды, прессы, особенно прессы, и, как Филби, они внедрились чертовски глубоко.

— Когда имеешь дело с людьми, нет ничего невозможного. Ничего. На самом деле люди — это ужас что такое. — Кросс вздохнул и слегка поправил папку. — Да. Но ведь быть сотрудником Эс-ай — привилегия, верно, Роберт?

— Да, сэр.

— Туда ведь должны пригласить, верно? Туда нельзя записаться добровольцем, так ведь?

— Нельзя, сэр.

— Я ведь никогда не спрашивал, почему вы не остались с нами, верно?

— Нет, сэр.

— Ну и почему?

Издав про себя стон, Армстронг глубоко вздохнул:

— Потому что мне нравится быть полицейским, сэр, а не рыцарем плаща и кинжала. Мне нравится работать в уголовном розыске. Мне нравится, когда я могу перехитрить преступника, настичь и арестовать. И затем доказать его виновность в суде в соответствии с законом, сэр.

— Ага, а мы в Эс-ай этого не делаем? Нас не интересует законность или все такое, а только результаты?

— У Эс-ай и Эс-би разные правила, сэр, — осторожно проговорил Армстронг. — Без них колония оказалась бы в крайне затруднительном положении.

— Да. Именно так. Люди — это ужасно, и фанатики множатся, как черви в трупе. Вы были хорошим тайным агентом. Теперь, сдается мне, пора отплатить за все часы и месяцы скрупулезного обучения, которое вы прошли за счет Её Величества.

Сердце Армстронга екнуло дважды, но он не издал ни звука, а лишь задержал дыхание и поблагодарил Бога за то, что даже Кросс не может перевести его из

⁷⁷ Филби был офицером по связи между британскими спецслужбами и ЦРУ, а пост первого секретаря британского посольства в Вашингтоне занимал другой член «кембриджской пятерки» — Маклин, о котором говорится ниже.

⁷⁸ Филби стал сотрудником Эм-ай-6 в 1940 г. К концу войны возглавил контрразведывательные операции. В 1949 г. был послан в Вашингтон. После бегства Берджесса и Маклина в 1951 г. попал под подозрение. В 1955 г. был уволен из Эм-ай-6. До своего бегства в 1963 г. работал журналистом в Бейруте.

департамента уголовного розыска против его воли. Он отбыл два срока в Эс-ай, но вспоминал их с содроганием. Да, поначалу казалось лестным, что выбрали именно его, почтили доверием, но это быстро приелось. Внезапные задержания под покровом темноты, закрытые разбирательства, и не нужно никаких настоящих доказательств, лишь результат и ордер на срочную тайную депортацию, подписанный губернатором, а потом сразу на границу или на джонку — и на Тайвань, и никаких обжалований или пересмотров. Никаких и никогда.

— Это не по-британски, Брайан, — всегда говорил он своему приятелю. — Я за честное, открытое разбирательство.

— Какое это имеет значение? Будь практичнее, Роберт. Ты знаешь, что эти ублюдки виновны. Они враги, агенты наших противников-коммунистов. Они нарушают наши установления тем, что живут здесь и ведут против нас и нашего общества подрывную работу — при помощи и при пособничестве кучки ублюдков адвокатов, готовых на все за тридцать сребреников или даже меньшую сумму. То же самое творится в Канаде. Господи, когда я служил в канадской конной полиции, врагами порядка выступали тамошние юристы и политики и те, кто стал канадцами недавно, как ни странно, сплошь англичане, все тред-юнионисты социалистического толка, которые непременно оказываются на переднем крае любой агитации. Какое это имеет значение, если ты избавляешься от таких паразитов?

— Это имеет значение, я так считаю. И не все подрывные элементы здесь — коммунисты. Есть много националистов, которые хотят...

— Националисты хотят, чтобы «комми» убрались из Гонконга, вот и все.

— Ерунда! Ведь Чан Кайши после войны хотел прибрать колонию к рукам. Его остановил только британский флот после того, как нас бросили американцы⁷⁹. Он до сих пор мечтает установить над нами суверенитет. В этом он ничем не отличается от Мао Цзэдуна!

— Если у Эс-ай не будут развязаны руки, как у противника, как нам тогда выбраться из такой передрыги?

— Брайан, дружок, я сказал лишь, что мне не нравится в Эс-ай. Тебе нравится — ради бога. А я хочу быть просто полицейским, а не Джеймсом Бондом, черт возьми!

«Да, — мрачно думал Армстронг, — просто полицейским, в уголовном розыске, пока не выйду в отставку и не уеду в добрую старую Англию. Господи, мне и так хватает забот с этими проклятыми Вервольфами». Он опять выжидательно взглянул на Кросса, стараясь, чтобы на лице ничего не отражалось.

Кросс продолжал смотреть на него. Потом постучал по папке:

— Если исходить вот из этого, мы сели в лужу гораздо глубже, чем я даже мог себе представить. Весьма удручающе. Да. — Он поднял глаза. — В этом докладе упоминаются другие, посланные Данроссу ранее. Мне, конечно, хотелось бы взглянуть на них как можно быстрее. Быстро и тихо.

Армстронг повернулся к Брайану Квоку:

— Как насчет Клаудии Чэнь?

— Нет. Никаких шансов. Никаких.

— Что вы тогда предлагаете, Брайан? — спросил Кросс. — Полагаю, мой американский друг тоже об этом задумается... И если он настолько заблуждается, что ему придет в голову передать эту папку — копию этой папки — здешнему резиденту ЦРУ... Я на самом деле буду весьма опечален, если они снова нас обойдут.

Брайан Квок задумался.

— Мы можем послать специальную группу в рабочие офисы тайбаня и к нему в

⁷⁹ Видимо, имеется в виду вывод в 1953 г. 7-го флота США из Тайваньского пролива, где он находился с 1950 г. для предупреждения конфликтов между КНР и Тайванем.

пентхаус, но поиски потребуют времени: мы просто не знаем, где искать, а этим придется заниматься по ночам. Это может быть непросто, сэр. Остальные доклады — если они не уничтожены — могут храниться в сейфе в Большом Доме или в его апартаментах в Шек-О. Даже в его... э-э... в его частной квартире в Синклер-тауэрс или какой-нибудь другой, о которой нам ничего не известно.

— Печально, — констатировал Кросс. — Наша разведка становится ужасающе беспомощной даже в собственной епархии. Жаль. Будь мы китайцами, мы бы все знали, а, Брайан?

— Нет, сэр, извините, сэр.

— Ну, а если вы не знаете, где искать, нужно спросить.

— Как, сэр?

— Спросить. В прошлом Данросс вроде всегда был готов к сотрудничеству. В конце концов, вы с ним приятели. Попросите разрешения взглянуть на доклады.

— А если он откажет или заявит, что они уничтожены?

— Подумайте своей талантливой головой. Умаслите его немного, схитрите, добейтесь его расположения, Брайан. И предложите обмен.

— А у нас есть что предложить, сэр?

— «Нельсон трейдинг».

— Не понимаю, сэр.

— Об этом упоминается в докладе. Плюс кое-какие сведения, которые я с удовольствием предоставляю вам чуть позже.

— Хорошо, сэр, благодарю вас, сэр.

— Роберт, что вы предприняли, чтобы найти Джона Чэня и этого Вервольфа или Вервольфов?

— Весь уголовный розыск на ногах, сэр. Мы сразу же выяснили номер его машины — один ноль девять восемь. Помимо прочих, допросили его жену, госпожу Барбару Чэнь. Она, конечно, долго билась в истерике, но, хотя и много всякой чуши несла, излагала здраво, очень здраво.

— В самом деле?

— Да, сэр. Она... Ну, вы понимаете.

— Да.

— По её словам, муж имел привычку задерживаться допоздна: множество деловых встреч по вечерам, а иногда с утра пораньше он отправлялся на ипподром или на свою яхту. Я просто уверен: она знала, что супруг погуливает. Проследить его передвижения до двух часов утра оказалось довольно несложно. Он высадил Кейси Чолок у старушки «Вик» примерно в двадцать два тридцать...

— Он виделся вчера вечером с Бартлеттом?

— Нет, сэр, Бартлетт все время оставался в своем самолёте, в Кай-Так.

— Может, Джон Чэнь разговаривал с ним?

— Нет, если из самолёта нельзя как-то подключиться к нашей телефонной сети. Самолёт находился под наблюдением до ареста сегодня утром.

— Продолжайте.

— Высадив мисс Чолок — кстати, я выяснил, что это был «роллс-ройс» его отца, — он переправился на автомобильном пароме на гонконгскую сторону и покати́л в частный китайский клуб рядом с Квинз-роуд, здесь он отпустил машину с водителем... — Армстронг вынул записную книжку и сверился с ней. — Это клуб «Тун лао». Там он встретился с Во Санци, приятелем и коллегой по бизнесу, и они уселись играть в мацзян. Около полуночи игра была прервана. Потом, вместе с Во Санци и двумя другими игроками — своими приятелями Та Паньфатом, журналистом, и По Часиком, брокером, — они остановили такси.

Роберт Армстронг с удовольствием излагал факты в своей обычной полицейской манере, и это отвлекло его от папки, и всех секретных сведений,

которыми он обладал, и проблемы с деньгами, в которых он срочно нуждался. «Господи, был бы я просто полицейским», — думал он, потому что ему была противна и сама Эс-ай, и то, что она необходима.

— Та Паньфат вышел из такси первым у своего дома на Квинз-роуд, потом вскоре на этой же улице вышел и Во Санци. Джон Чэнь и По Часик — мы считаем, что этот последний связан с триадами, сейчас его очень тщательно проверяют — отправились в гараж «Тин ма» на Суньнин-роуд в Козуэй-Бэй за машиной Джона Чэня — «ягуаром» шестидесятого года выпуска. — Он снова сверился с записной книжкой, желая быть точным, находя китайские имена и, как всегда, путаясь в них, даже по прошествии стольких лет. — Это подтверждает служащий гаража Тун Тавэй. Затем Джон Чэнь отвез своего приятеля По Часика к нему домой — дому семнадцать по Виллидж-стрит в Хэппи-Вэлли, где у последнего была оставлена машина. В это время Во Санци, коллега Джона Чэня по бизнесу, — он, что любопытно, возглавляет транспортную компанию «Струанз», которая держит монополию на автотранспортные перевозки в Кай-Так и из него, — отправился в ресторан «Сап ва» на Флеминг-роуд. Он утверждает, что через полчаса к нему присоединился Джон Чэнь и они уехали из ресторана на машине Джона, намереваясь снять на улице девочек из дансинга и поужинать с ними...

— Он даже не завернул в дансинг, чтобы купить девочек там? — задумчиво спросил Кросс. — Какие сейчас таксы, Брайан?

— Шестидесят гонконгских долларов, сэр, в это время ночью.

— Я знаю, что у Филлипа Чэня репутация скупердяя, стало быть, и Джон Чэнь такой же?

— В это время, сэр, — пришел на помощь Брайан Квок, — многие девицы, не подцепив клиента, уходят из клубов: большинство заведений закрывается около часу ночи, а в воскресенье ночью не очень-то заработаешь, сэр. Так что снимать девиц на улице — вполне обычное дело. И какой смысл тратить шестидесят долларов, а то и вдвое-втрое больше, потому что приличные девицы обычно ходят по двое — по трое, и этих двух-трех обычно сначала приглашают на ужин. Какой смысл тратить столько денег, сэр?

— А вы снимаете девиц на улице, Брайан?

— Нет, сэр. Нет надобности — нет, сэр. Вдохнув, Кросс снова повернулся к Армстронгу:

— Продолжайте, Роберт.

— Так вот, сэр, им не удалось снять девиц, и они поехали ужинать в ночной клуб «Копакабана» в отеле «Сап чук» на Глостер-роуд и добрались туда примерно в час ночи. Около часа сорока пяти они вышли, и, по словам Во Санци, он видел, как Джон садился в свою машину, но не заметил, как тот отъехал. Во Санци пошел домой пешком, потому что живет неподалеку. Он считает, что Джон Чэнь не был ни пьян, ни мрачен — ничего в этом роде. Похоже, настроение у Джона было прекрасное, хотя до того, в клубе, в клубе «Тун лао», он вроде бы казался раздраженным и не стал доигрывать партию в мацзян. На этом все. Больше, насколько нам известно, Джона Чэня не видел никто из его друзей — или родственников.

— А он сказал Во Санци, куда собирается?

— Нет. Во Санци, по его словам, понял, что Джон собрался домой, но допускает, что тот мог наведаться к своей подружке. Мы поинтересовались, кто она, но Во Санци сказал, что не знает. Когда на него надавили, он заявил, что вроде бы напоминает имя — Ароматный Цветок, — но ни адреса, ни телефонного номера — это все.

— Ароматный Цветок? Так могут называть себя многие ночные бабочки.

— Да, сэр.

Кросс на миг задумался.

— Зачем Данроссу могло понадобиться убрать Джона Чэня? Оба полицейских

остолбенело уставились на него.

— Задействуйте свои мозги, Брайан, они у вас щелкают, как счеты.

— Да, сэр, но никаких причин к тому нет. Джон Чэнь ничем Данроссу не угрожает, да и не сможет, видимо, угрожать — даже если станет компрадором. В Благородном Доме вся власть у тайбаня.

— Да?

— Да. По определению. — Брайан Квок помолчал, снова застигнутый врасплох.

— Ну да, сэр. В Благородном Доме — да.

Кросс переключил внимание на Армстронга:

— А вы что скажете?

— Ничего дельного не приходит в голову, сэр. Пока.

— Ну так подумайте.

Кросс закурил, и Армстронгу тоже страшно захотелось сигаретку. «Нет, не сдержат мне обещания, — думал он. — Чертов ублюдок Кросс, во всем не дает покоя! Что там у него на уме?» Он увидел, как Кросс предлагает ему пачку «Синиор сервис», сигарет, которые он всегда курил. «Курил? Слушай, не дурачь себя. Сигарет, которые ты до сих пор куришь».

— Нет, благодарю вас, сэр, — услышал он свой голос, хотя всем существом просто жаждал затануться.

— Вы не курите, Роберт?

— Нет, сэр, бросил... Пытаюсь вот бросить.

— Похвально! Зачем Бартлетту могло понадобиться убрать Джона Чэня?

Оба полицейских снова уставились на него. Потом Армстронг хрипло проговорил:

— Вы знаете зачем, сэр?

— Если бы я знал, для чего стал бы спрашивать? Это надо выяснить вам. Здесь есть какая-то связь. Слишком много совпадений, слишком все ловко, слишком все сходится — и слишком дурно пахнет. Да, для меня это пахнет тем, что тут замешан КГБ, а так как вся эта кутерьма происходит на моей территории, должен признаться, она меня раздражает.

— Да, сэр.

— Ну что ж, пока будем довольствоваться тем, что знаем. Установите наблюдение за госпожой Филлип Чэнь: она запросто может быть замешана. Ставки для неё, конечно, довольно высоки. Последите день-два и за Филлипом Чэнем.

— Уже следим, сэр. За обоими. Не то чтобы я подозревал Филлипа — просто считаю, что супруги Чэнь по здешнему обыкновению не станут с нами сотрудничать, будут молчать, вести тайные переговоры, заплатят выкуп втихаря и с облегчением вздохнут, когда все окажется позади.

— Совершенно верно. И почему только эти люди — какое бы прекрасное образование они ни получили — считают себя настолько умнее нас? Почему не помогают в работе, за которую нам платят деньги?

Взгляд стальных глаз так и впился в Брайана Квока, и у того по спине заструился пот. «Держи себя в руках, — подумал он. — Этот ублюдок всего лишь заморский дьявол, нецивилизованный, обложенный навозом, питающийся дерьмом, пропитанный *цзю ни ло мо* и произошедший от обезьяны безродный заморский дьявол».

— Это старый китайский обычай, о котором, я уверен, вы знаете, сэр, — вежливо проговорил он, — не доверять любому полицейскому, любому правительственному чиновнику. У китайцев за плечами четырехтысячелетний опыт, сэр.

— Я согласен с данной гипотезой за одним исключением. Британцы. Мы, вне всякого сомнения, доказали, что заслуживаем доверия, что умеем управлять и что, по большому счету, наши бюрократы неподкупны.

— Да, сэр.

Кросс какое-то время смотрел на него, попыхивая сигаретой, а потом спросил:

— Роберт, вам известно, о чем говорили между собой Джон Чэнь и мисс Чолок?

— Нет, сэр. У нас ещё не было возможности допросить её: она весь день в «Струанз». Это может быть важно?

— Вы сегодня вечером собираетесь на прием к Данроссу?

— Нет, сэр.

— А вы, Брайан?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Роберт, я уверен, что Данросс не станет возражать, если я приведу вас с собой. Позвоните мне в двадцать ноль-ноль. Там будут все значительные люди Гонконга — вы сможете работать не покладая носа и ушей. — Он улыбнулся своей сомнительной шутке, не смущаясь тем, что больше она никого не позабавила. — А теперь почитайте доклад. Я скоро вернусь. И, Брайан, прошу вас, сегодня вечером не подведите. Это будет на самом деле очень прискорбно.

— Да, сэр. Кросс вышел.

Когда приятели остались одни, Брайан Квок вытер лоб.

— Я от него, ублюдка этакого, просто цепенею.

— Да. Я тоже, старина, всегда такая история.

— Неужели он на самом деле распорядится направить команду в «Струанз»? — усомнился Брайан Квок. — В святая святых Благородного Дома?

— Конечно. И даже сам её поведет. Это твой первый срок в Эс-ай, старик, так что ты его не знаешь, как я. Этот тип поведет команду головорезов в ад, если посчитает, что дело того требует. Могу поспорить, он добыл папку сам. Господи, да только на моей памяти он дважды пробирался через границу, чтобы переговорить с агентом. Один туда ходил, представь себе!

У Брайана аж дыхание перехватило.

— А губернатор знает?

— Не думаю. У него кровоизлияние бы случилось. А если пронюхает Эм-ай-6, его превосходительству устроят разнос, а Кросса отправят в лондонский Тауэр. Он знает слишком много секретов, чтобы так рисковать, но он — Кросс, и с этим уже ничего не поделаешь.

— А что это был за агент?

— Наш человек в Кантоне.

— У Фэнфэн?

— Нет, какой-то новенький, во всяком случае, был новеньким в мое время. Военный.

— Капитан Та Коса? Армстронг пожал плечами:

— Не помню.

— И правильно, — улыбнулся Квок.

— Надо же, Кросс ходит за границу. Он сам себе закон.

— Господи, пару лет назад нельзя было даже в Макао съездить, если работаешь в Эс-ай, а он через границу ходит. Должно быть, свихнулся, коли так рискует.

— Да. И как это может быть, чтобы бизнесмены узнавали о чем-то прежде нас, милый друг? — проговорил Армстронг, передразнивая Кросса. — Очень просто, — ответил он на свой вопрос, и добродушной шутливости в его голосе уже не было. — Они за это хорошо платят. Тратят, черт возьми, уйму денег, в то время как мы не можем потратить ни хрена. Об этом прекрасно знает и он, и я, и весь мир. Боже мой, как работают ФБР, ЦРУ, КГБ или корейское ЦРУ? Они платят не скупясь! Господи, конечно, можно без труда заполучить в свою команду Алана Медфорда Гранта — Данросс просто нанял его. Гонорар в десять тысяч фунтов за особые услуги — и ты

получишь множество докладов, этого более чем достаточно, а может, было и меньше. А нам сколько платят? Две тысячи фунтов в год за триста шестьдесят шесть рабочих дней в году, по двадцать пять часов в сутки, а патрульный полицейский получает четыреста фунтов. Посмотри, сколько бюрократических препон нужно преодолеть, чтобы тайно получить десять тысяч фунтов и кому-то заплатить за информацию. Где были бы ФБР, ЦРУ и проклятый КГБ без своего неограниченного финансирования? Боже мой, — печально добавил он, — мы выбивали бы эти деньги месяцев шесть, если вообще смогли бы их выбить, в то время как Данросс и полсотни других могут взять их из сумм, предусмотренных на мелкие расходы. — Рослый мужчина сгорбился в кресле, поник, руки безвольно повисли. Темные круги под глазами, веки красные, скулы резко обозначены верхним светом. Он бросил взгляд на лежавшую перед ним на столе папку, но не дотронулся до неё, а лишь гадал, какие в ней могут быть дурные вести. — Все просто для данроссов в этом мире.

Брайан Квок кивнул, вытер руки носовым платком и убрал его.

— Говорят, у Данросса есть секретный фонд — фонд тайбаня, — который в самом начале создал Дирк Струан. На это дело пошла добыча, которую Дирк захватил, когда сжег и разграбил Фучжоу⁸⁰, Фондом может воспользоваться лишь стоящий у власти тайбань. Как раз для таких вещей — для *сян ю* и выплат. Это может быть что угодно — даже небольшое убийство. Говорят, средства этого фонда исчисляются миллионами.

— Я тоже слышал подобные разговоры. Да. Господи, хотел бы я... А-а, ладно! — Армстронг потянулся было за папкой, задумался, потом встал и подошел к телефону. — Отложим удовольствие на потом, — сказал он своему китайскому другу с язвительной усмешкой. — Давай-ка лучше сначала переговорим кое с кем из важных персон. — Он набрал номер Главного управления полиции в Коулуне. — Это Армстронг. Соедините, пожалуйста, с главным сержантом Тан-по.

— Добрый вечер, сэр. Да, сэр? — Голос главного сержанта Тан-по звучал отзывчиво и дружелюбно.

— Добрый вечер, сержант, — приветствовал Армстронг, привычно сокращая звание главного сержанта. — Мне нужна информация. Мне нужно знать, кому были предназначены винтовки. Мне нужно знать, кто похитил Джона Чэня. Мне нужно вернуть Джона Чэня — или его тело — за три дня. И мне нужно очень быстро посадить на скамью подсудимых этого Вервольфа — или Вервольфов.

Последовала небольшая пауза.

— Да, сэр.

— Прошу довести до сведения всех. Большой Белый Отец рассердился по-настоящему. А когда он сердится, хотя бы чуть-чуть, суперинтендентов переводят в другие подразделения, равно как и инспекторов — даже главных сержантов первого класса. Некоторых понижают в звании до полицейского констебля и отправляют на границу. Некоторых могут и уволить, депортировать или посадить в тюрьму. А?

Последовала более долгая пауза.

— Да, сэр.

— А когда он очень сердит, по-настоящему, мудрые люди по возможности разбегаются, прежде чем кары, призванные искоренить коррупцию, обрушиваются на виновных — или даже на невиновных.

Ещё одна пауза.

— Да, сэр. Я доведу до сведения, сэр, сейчас же. Да, сейчас же.

— Благодарю вас, сержант. Большой Белый Отец сердится по-настоящему, так

⁸⁰ Фучжоу — крупнейший город и столица китайской провинции Фуцзянь. По окончании Первой опиумной войны стал одним из пяти открытых портов по Нанкинскому договору (1842).

оно и есть. И ох, да. — Его голос стал ещё тише. — Может, вы обратитесь за помощью к братьям-сержантам? Они, несомненно, тоже воспримут мою небольшую проблему как свою собственную. — Он перешел на кантонский: — Когда Драконы изрыгают пламя, весь Гонконг накладывает в штаны. Хейя?

Ещё более долгая пауза.

— Я позабочусь об этом, сэр.

— Благодарю вас. — Армстронг повесил трубку. Брайан Квок ухмыльнулся:

— От такого у многих сфинктер ослабнет.

Англичанин кивнул и снова сел, но лицо осталось таким же суровым.

— Я предпочитаю не дергать за эту веревочку слишком часто — и вообще делаю подобное лишь второй раз, — но у меня нет выбора. Он все ясно сказал, наш Старик. Тебе лучше проделать то же самое с твоими источниками.

— Конечно. «Когда Драконы изрыгают пламя...» Это ты обыгрываешь легендарную Пятерку Драконов?

— Да.

Теперь симпатичное лицо Брайана Квока застыло, словно отлитое из металла: холодные чёрные глаза на золотистой коже, квадратный почти безбородый подбородок.

— Тан-по — один из них?

— Не знаю, точно не знаю. Я всегда считал, что да, хотя не имею тому подтверждений. Нет, я не уверен, Брайан. А что, так и есть?

— Не знаю.

— Ну, не важно, так это или не так. Сведения попадут к одному из них, а это все, что нужно. Лично я твердо уверен, что Пять Драконов существуют, что это пять полицейских сержантов-китайцев. Может, это даже главные сержанты, которые контролируют все нелегальные уличные азартные игры в Гонконге — и, возможно, отчасти рэкет, кое-какие дансинги, а также девиц. Пять из одиннадцати. Пять сержантов из одиннадцати возможных. А?

— Я бы сказал, что Пять Драконов — реальность, Роберт. Может, их больше, может, меньше, но все нелегальные уличные азартные игры контролируют полицейские.

— Вероятно, контролируют китайцы — сотрудники нашей полиции, парень, — поправил его Армстронг. — У нас по-прежнему нет доказательств, никаких. Мы уже годами гоняемся за призраком. Сомневаюсь, что когда-нибудь нам удастся что-либо доказать. — Он ухмыльнулся. — Разве что ты сможешь, когда тебя сделают помощником комиссара.

— Брось ты, Роберт, ради бога.

— Господи, тебе всего тридцать девять, ты прослушал специальный курс для «шишек» в штабном колледже, и ты уже супер. Сто против десяти, что тебя в конце концов поставят на эту должность.

— Принято.

— Надо было спорить на сто тысяч. — Армстронг сделал вид, что расстроился. — Тогда бы ты не согласился.

— Попробуй.

— Не буду. Не могу позволить себе проиграть столько бабок: а вдруг тебя убьют, или ещё чего-нибудь случится в этом году либо в следующем, или ты уйдешь в отставку? А если нет, до того, как уйдешь в отставку, тебя точно запихнут на большую должность, если ты, конечно, захочешь через все это пройти.

— И меня, и тебя.

— Меня нет. Слишком много у меня английских закидонов, я как бешеный пес: не подступишься. — Довольный, Армстронг потрепал приятеля по плечу. — Славное будет времечко. Но и тебе не удастся прихлопнуть Драконов, даже если сможешь

что-то доказать, в чем я сомневаюсь.

— Не удастся?

— Нет. На азартные игры мне наплевать. До них падки все китайцы, и если кто-то из полицейских сержантов-китайцев занимается нелегальным уличным игорным бизнесом, то бизнес этот будет по большей части не грязным и справедливым, хотя и, черт побери, нелегальным. Если не они — этим займутся триады, и тогда маленькие шайки поганых мелких ублюдков, которых мы так старательно разъединяем, снова объединятся в один большой тун, и мы столкнемся с большой проблемой. Ты меня знаешь, парень, я не из тех, кто любит раскачивать лодку, поэтому мне заместителем комиссара не бывать. Я люблю, когда сохраняется статус-кво. Игорным бизнесом занимаются Драконы, триады у нас разрознены, и, пока полицейские держатся вместе, составляя самую могущественную триаду в Гонконге, на улицах будет царить порядок и места для серьезной преступности, для насилия просто не останется.

Брайан Квок смотрел на него изучающе:

— Ты на самом деле в это веришь, да?

— Как это ни смешно, в настоящий момент для нас Драконы — одна из самых мощных опор. Надо взглянуть правде в глаза, Брайан: китайцами могут управлять только китайцы. Для них сохранение статус-кво тоже благо, а насилие — зло. Так что мы получаем помощь, когда она нам нужна, а иногда, видимо, такую помощь, какую нам, заморским дьяволам, больше ниоткуда и не получить. Я не выступаю за продажность или нарушение законов, совсем нет. Подкуп, или прочие малоприятные вещи, на которые нам приходится идти, или стукачество — все это не по мне. Но какой полиции мира не приходится иногда марать руки или пользоваться услугами отвратительных мелких ублюдков информаторов? Так что, я полагаю, Драконы — это необходимое зло. Гонконг — это Китай, а Китай — нечто особенное. Пока речь идет лишь о нелегальном игорном бизнесе, мне наплевать, будь спокоен. Если бы решение было за мной, я сегодня же вечером легализовал бы игорный бизнес, но уел бы любого за рэкет, поборы с дансингов и девиц или чего-либо другого. Терпеть не могу сутенеров, ты же знаешь. Азартные игры — дело другое. Как можно заставить китайца не играть? Никак. Так сделайте азартные игры легальными, и все будут довольны. Сколько уже лет гонконгская полиция этого добивается, и каждый год нам отказывают. На моей памяти уже лет двадцать. Все время «ах, нет», и почему? Макао! Все очень просто. Старое доброе португальское Макао живет за счет нелегального игорного бизнеса и контрабанды золота, и это держит его на плаву. А мы, Соединенное Королевство, не можем себе этого позволить, мы не можем послать нашего старинного союзника подальше.

— Роберта Армстронга — в премьер-министры!

— Тебя туда же! Но это так. Дань с нелегального игорного бизнеса — наш единственный «смазочный фонд». Большая часть его идет на оплату информаторов. Где ещё мы можем быстро добыть денег? У нашего благодарного правительства? Не смешите меня! С нескольких дополнительных долларов налога на благодарное население, которое мы защищаем? Ха!

— Может быть. А может быть, и нет, Роберт. Но однажды это действительно может возыметь неожиданный и нежелательный эффект. Взятки — свободные и неучтенные деньги, которые случайно оказались в ящике письменного стола в участке? Да?

— Да, но не у меня, потому что я в этом не участвую или не беру, и подавляющее большинство тоже. Британцев или китайцев. Но как прикажешь нам, тремстам двадцати семи беднякам полицейским из заморских дьяволов, контролировать восемь с лишним тысяч цивилизованных полицейских из младшего командного состава и простых копов и ещё три с половиной миллиона

цивилизованных маленьких ублюдков, которые терпеть нас не могут?

Брайан Квок рассмеялся. Так заразительно, что Армстронг покотился со смеху вместе с ним и добавил:

— Туда тебе ещё раз за то, что так завел меня.

— Взаимно. И все же, ты будешь первый это читать или я? Армстронг опустил глаза на папку, которую держал в руке. Тоненькая, всего двенадцать страниц убористого текста, она походила на информационный бюллетень по темам, обозначенным отдельными заголовками. В содержании было указано четыре раздела: часть 1 «Политический и экономический прогноз для Соединенного Королевства», часть 2 «КГБ в Азии», часть 3 «Золото» и часть 4 «Последние разработки ЦРУ».

Армстронг устало закинул ноги на стол и устроился поудобнее в кресле. Потом передумал и передал папку Квоку.

— На, читай. Все равно у тебя это получается быстрее. А я уже устал от плохих новостей.

Брайан Квок кивнул: он с трудом скрывал нетерпение, и сердце у него билось часто. Открыв папку, Брайан с головой ушел в чтение.

Армстронг наблюдал за ним. Приятель вдруг изменился в лице, побледнел. Армстронг встревожился не на шутку. Брайан Квок был не из тех, кого легко шокировать. Он молча дочитал все до конца, потом пролистал ещё раз, возвращаясь то к одному, то к другому абзацу. И медленно закрыл папку.

— Все так плохо? — спросил Армстронг.

— Хуже некуда. Кое-что. Если бы не подпись А. Медфорда Гранта, я бы сказал, что составитель доклада сбрендил. Он утверждает, что у ЦРУ серьезные связи с мафией, что они плели и плетут заговоры с целью убрать Кастро, проникли во Вьетнам, замешаны в торговле наркотиками и ещё бог знает чем, — вот, почитай сам.

— А что насчет внедренного агента?

— Он у нас есть, это точно. — Снова открыв папку, Брайан нашел нужный абзац. — Слушай: «В настоящее время внутри гонконгской полиции, несомненно, действует высокопоставленный коммунистический агент. В совершенно секретных документах, переданных нашей стороне генералом Гансом Рихтером — вторым лицом восточногерманской службы госбезопасности, который бежал к нам в марте этого года, четко указывается, что кличка этого агента — „Наш Друг“ и что он действует там по меньшей мере лет десять, а может, и пятнадцать. Связь с ним поддерживается, видимо, через офицера КГБ, посещающего Гонконг под видом сочувствующего бизнесмена из-за „железного занавеса“, возможно, банкира, или журналиста, или моряка с одного из советских торговых судов, которые ходят в Гонконг или заходят туда на ремонт. Согласно другим документально подтвержденным сведениям „Наш Друг“ передал противнику все секретные радиочастоты, предназначенные для служебного пользования, все секретные личные телефонные номера губернатора, начальника полиции и высших чинов правительства Гонконга, а также содержащие конфиденциальную информацию досье на большинство из них...»

— Досье? — перебил его Армстронг. — Они тоже в этой папке?

— Нет.

— Черт! Продолжай, Брайан.

— «...большинство из них; секретные планы полиции, составленные на случай коммунистического переворота или повторения коулунских беспорядков; копии личных досье на всех чинов полиции выше инспектора; имена шести основных тайных агентов гоминьдана, действующих в Гонконге в настоящее время под руководством генерала Жэнь Данва (Приложение А); полный список агентов гонконгской особой службы в Гуандуне, руководимых старшим агентом У Фэнфэном (Приложение В)».

— Боже мой! — выдохнул Армстронг. — Нам надо срочно вытаскивать старика Фэнфэна и его ребят.

— Да.

— У Татсин тоже в этом списке? Квок проверил приложение.

— Да. Вот, послушай, как заканчивается этот раздел: «...Исследовательская группа пришла к заключению, что, пока предатель не ликвидирован, внутренняя безопасность Гонконга находится под угрозой. Почему данная информация до сих пор не передана самой полиции, нам до настоящего времени неизвестно. Мы полагаем, что это связано с проникновением советских агентов в правительственные круги Великобритании на всех уровнях, что позволяет существовать различным филби и дает возможность утаивать, смягчать или представлять в ложном свете информацию, подобную этой (послужившей предметом исследования 4/1962). Мы предлагаем немедленно организовать утечку данного доклада — или отдельных его частей, — чтобы он был доведен до сведения губернатора или комиссара полиции Гонконга, если вы считаете, что им можно доверять». — Брайан Квок поднял глаза на приятеля, голова у него шла кругом. — Здесь есть ещё кое-что, господа, политическая ситуация в Великобритании, а потом ещё «Севрин»... Почитай. — Он беспомощно покачал головой. — Боже, если все это правда... мы погрязли по самое некуда. Силы небесные! Армстронг тихо выругался.

— Кто? Кто может быть этим шпионом? Это кто-то на самом верху. Кто?

Наступило долгое молчание. Потом Брайан сказал:

— Единственный... единственный, кто мог знать все это, — сам Кросс.

— Господи, что ты?!

— Подумай, Роберт. Он знал Филби. Разве Кросс тоже не учился в Кембридже? У обоих похожее прошлое, они из одной возрастной группы, оба во время войны служили в разведке — как Берджесс и Маклин. Если Филби удавалось долгие годы выходить сухим из воды, то почему это не могло получиться у Кросса?

— Нет, невозможно!

— А кто другой, кроме него? Разве он не работал всю жизнь на Эм-ай-6? Разве в начале пятидесятых он не приезжал сюда на определенный срок, а потом его не вернули сюда пять лет назад, чтобы он основал нашу Эс-ай как подразделение Эс-би? Разве он не возглавляет Эс-ай с того самого времени?

— Но это ничего не доказывает.

— Ты так думаешь?

Снова повисло долгое молчание. Армстронг внимательно наблюдал за приятелем. Он слишком хорошо знал его, чтобы не понять, насколько тот серьезен.

— Ну что там ещё? — обеспокоенно спросил он.

— А что, если Кросс — гомосексуалист?

— Ты точно спятил, — не выдержал Армстронг. — Он женат и... И, может быть, он и зловредный сукин сын, но ведь никогда ничего такого за ним не замечали — никогда.

— Да, но у него нет детей, его жена почти безвыездно живет в Англии, а когда приезжает сюда, они спят в разных комнатах.

— Откуда тебе это известно?

— Ама должна знать, так что, если мне захочется выяснить, сделать это не составит труда.

— Это ничего не доказывает. Многие спят по разным комнатам. Ты ошибаешься насчет Кросса.

— Ну, а если я смогу представить доказательство?

— Какое доказательство?

— Где он всегда проводит часть отпуска? На курорте Камерон-Хай-лендс, в Малайзии. Что, если у него там есть друг, молодой малаец, известный необычными

наклонностями?

— Мне потребуются фотографии, а мы оба знаем, что фотографии проще простого сфальсифицировать, — резко возразил Армстронг. — Мне потребуются магнитофонные записи, а мы оба знаем, что их тоже можно подделать. Сам этот молодой человек? Это ничего не доказывает: старый трюк из учебника — фабрикация улики и привлечение липовых свидетелей. Никогда не было даже намека... и даже если он бисексуал, это ничего не доказывает: не все извращенцы — предатели.

— Нет. Но все извращенцы уязвимы для шантажа. И если Кросс из их числа, он будет на сильном подозрении. На сильном подозрении, верно?

Армстронг с тревогой огляделся:

— Даже не хочется говорить об этом. Может быть, здесь все прослушивается.

— А если действительно прослушивается?

— Если прослушивается и если это правда, то он может поджарить нас так быстро, что даже голова не успеет закружиться. Сделать это он способен в любом случае.

— Не исключено. Но если Кросс — тот самый «крот», он будет знать, что мы в курсе. А если нет — посмеется над нами, и меня выгонят из Эс-ай. Как бы то ни было, Роберт, всех китайцев ему из полиции не выгнать.

Армстронг оторопело уставился на него:

— Что это, интересно, значит?

— Предположим, на него заведено досье. Предположим, с этим досье ознакомится каждый китаец в чине выше капрала.

— И что?

— Да брось ты, Роберт, знаешь ведь, что китайцы — народ сплоченный. Предположим, существует досье, пред...

— Ты хочешь сказать, что вы все организованы в некое братство? В тун, тайное общество? В триаду внутри полиции?

— Я сказал: возможно. Все это предположения, Роберт. Я сказал: возможно, может быть.

— А кто же Великий Дракон? Ты?

— Я не утверждал, что такая группировка существует. Я сказал: возможно.

— А есть ли другие досье? На меня, к примеру?

— Возможно.

— И что?

— Если бы такое досье было заведено, Роберт, — спокойно сказал Брайан Квок, — в нем было бы записано, что ты прекрасный полицейский, неподкупный, правда, играл по-крупному на бирже и погорел, и теперь тебе нужны двадцать с лишним тысяч, чтобы покрыть самые срочные долги, — и ещё кое-что.

— Кое-что?

— Это Китай, старина. Нам известно здесь почти все о гуйлао. Мы должны это знать, чтобы выжить, верно?

Армстронг смерил его странным взглядом:

— Почему ты мне раньше этого не говорил?

— А я тебе и сейчас ничего не говорил. Ничего. Я сказал: возможно. И повторяю: возможно. Но если все это правда... — Он передал Армстронгу папку и вытер выступивший над верхней губой пот. — Почитай сам. Если это правда, то положение у нас аховое и нужно действовать очень быстро. Все, что я сказал, лишь предположения. Но не насчет Кросса. Послушай, Роберт, ставлю тысячу... тысячу против одного, что он и есть тот самый агент.

19:43

Данросс уже третий раз перечитывал папку в синей обложке. Он прочел её сразу, едва доставили, — как и всегда, — потом ещё раз, по дороге в губернаторский дворец. Закрыв папку, он положил её на колени: голова шла кругом. Сейчас он был в своем кабинете на втором этаже Большого Дома. Дом стоял высоко на Пике, освинцованные эркерные окна выходили в залитый светом сад, а далеко внизу раскинулся город и бескрайний простор бухты.

Старинные дедовские часы пробили без четверти восемь.

«Осталось пятнадцать минут. Скоро приедут гости, начнется прием, и всех нас увлечет и потащит за собой новая бессмысленная суэта. А может, лишь продолжится прежняя».

Высокие потолки, панели из старого дуба, темно-зеленые бархатные шторы, ковры из китайского шелка. Комната была мужская: удобная, чуть старомодная, но очень дорогая сердцу. Снизу доносились приглушенные голоса слуг. Одолев подъем, мимо проехала машина.

Зазвонил телефон.

— Да? О, привет, Клаудиа.

— Я так и не дозвонилась Цу-яню, тайбань. В офисе его нет. Он не объявлялся?

— Нет. Ещё нет. Постарайтесь все же дозвониться.

— Хорошо. До скорого. Пока.

Он сидел в глубоком кресле с высоким подголовником, в смокинге, но ещё без галстука, и рассеянно смотрел в окно: этот вид всегда ему нравился. Но сегодня вечером он чего-то ждал, думая о «Севрине», и о предателе, и обо всех дурных предсказаниях, содержащихся в докладе.

«Что делать?»

— Смеяться, — произнес он вслух. — И биться насмерть.

Он встал и легкой походкой двинулся к картине маслом, висевшей на стене над каминной полкой. На полотне был изображен Дирк Струан. Массивная старинная резная рама с облетевшей кое-где позолотой с одного бока была незаметно подвешена на петлях. Он отвел картину от стены и открыл сейф, который она прикрывала. В сейфе хранилось множество бумаг, частью аккуратно перевязанных алыми ленточками, старинных и не очень, а также несколько небольших коробочек, аккуратный, хорошо смазанный и заряженный «маузер» с прикрепленной к нему с одной стороны обоймой, коробка патронов, огромная старая Библия в тисненном переплете из старой кожи с гербом Струанов и семь папок в синей обложке — таких же, как и та, что он держал в руке.

Он задумчиво поставил её к остальным по порядку. Какое-то мгновение он смотрел на папки, потом стал закрывать сейф, но передумал, остановив взгляд на старинной Библии. Пальцы погладили её, потом он взял книгу в руки и открыл. Старинным сургучом к толстому форзацу были прикреплены грубо разломанные половинки двух древних китайских бронзовых монет. Когда-то этих половинок было четыре, потому что на бумаге остались нашлепки такого же красного сургуча с характерными отпечатками. На верху страницы каллиграфическим почерком было выведено: Клянусь Господом Богом, что всякому представившему другую половину любой из этих монет я дарую все, что он ни попросит. Ниже стояла подпись Дирка Струана, датированная 23 февраля 1841 года, а далее завитушки и загогулины, оставленные рукой Кулума Струана и других тайбаней, последним шёл росчерк Иэна Данросса.

Рядом с тем местом, где раньше лепилась одна из половинок, было записано: У Фанчой, оплачено частично, марта месяца 29 числа, года 1841 от Рождества Христова, и снова подпись Дирка Струана. А 18 июня 1845 года Кулум Струан чуть ниже

приписал: Оплачено полностью. Рядом с гнездом второй половинки имелась отметка: Сунь Чэнь-ят⁸¹, оплачено полностью, 10 октября 1911 года, и размашистая подпись — «Карга» Струан.

«Ах, какая милая надменность! — воскликнул про себя восхищенный Данросс. — Чувствовать себя настолько уверенно, чтобы подмахнуть это „Карга“, а не „Тесс Струан“: пусть видят будущие поколения.

Сколько ещё будет этих поколений? Скольким ещё тайбаням придется ставить свою подпись вслепую и обещать перед Богом, что клятва человека, умершего уже полтора-два десятилетия назад, будет исполнена?»

Он задумчиво провел пальцем по рваным краям двух оставшихся половинок монет. Через мгновение плотно закрыл Библию, поставил её на место, дотронулся до корешка на счастье и закрыл сейф. Вернув картину на место, он глубоко засунул руки в карманы и, встав перед огромным камином, топку которого заслонял старинный китайский экран, стал смотреть на портрет в массивной резной раме из старого дуба, с гербом Струанов, которая уже кое-где треснула и пообкололась.

Этот портрет Дирка Струана нравился ему больше всего, и, став тайбанем, Иэн перенес его из Долгой галереи и повесил на почетное место в кабинете тайбаня вместо портрета «Карги» Струан, который красовался над каминной полкой со времен основания Большого Дома. Оба полотна принадлежали кисти Аристотеля Квэнса. Дирк Струан был изображен в полный рост на фоне темно-красной занавеси. Широкоплечий и надменный, в черном сюртуке с глубоким вырезом, белом камзоле, белом шейном платке, кипенно-белой рубашке с вырезом и оборками. Густые брови и резко очерченный нос, гладко выбритое лицо, рыжеватые волосы и бачки, презрительно искривленные чувственные губы, зеленые глаза, которые казались ещё зеленее на фоне черного, белого и темно-красного, пронизывали насквозь.

Данросс смотрел на него с полуулыбкой, не уstraшенный, не преисполненный зависти, а скорее успокоенный взглядом предка, смотрел, зная, что в какой-то мере одержим Дирком. Подняв бокал с шампанским, он полушутливо обратился к картине, как частенько делал и прежде:

— Твое здоровье!

И ощутил на себе ответный взгляд.

«Что бы, интересно, предпринял ты, Дирк, Дирк-призрак?»

— Ты, вероятно, сказал бы: «Просто найди предателя и убей», — пробормотал Данросс вслух. — И, видимо, был бы прав.

Узнав о «кроте» в полиции, он был потрясен, но далеко не так, как информацией о шпионской сети «Севрин», её связях в Штатах и поразительных тайных завоеваниях коммунистов в Британии. «Где, черт возьми, Грант берет всю эту информацию?» — спрашивал он себя в сотый раз.

Данросс вспомнил их первую встречу в шестидесятом, сразу после того, как он стал тайбанем. Алан Медфорд Грант оказался лысеющим, похожим на эльфа человечком, большеглазым, с крупными зубами. Аккуратный костюм в очень тонкую полоску, котелок. Грант сразу понравился ему.

— Не волнуйтесь, мистер Данросс. Уверяю вас, если я возглавлю вашу исследовательскую группу, не принимая на себя обязательств ограничиться работой на вас, как мы и условились, никакого конфликта интересов с правительством Её Величества не будет. На самом деле это уже обговорено с ними. Я буду предоставлять вам — конечно, конфиденциально, конечно, лично для вас и

⁸¹ Сунь Чэнь-ят (Сунь Ятсен) (1866-1925) — китайский политический деятель, сыгравший важную роль в революции 1912 г., благодаря которой в Китае была свергнута династия Цин и установлена буржуазная республика. Основатель партии гоминьдан и первый временный президент Китайской Республики.

абсолютно не для печати — секретные материалы, которые, по моему мнению, не затрагивают государственных интересов. В конце концов, у нас интересы одни и те же, не правда ли?

— Думаю, что да.

— Позвольте спросить, откуда вы узнали обо мне?

— У нас есть высокопоставленные друзья, мистер Грант. В определенных кругах ваше имя пользуется большой известностью. Возможно, вас порекомендовал сам министр иностранных дел, — деликатно добавил Данросс.

— Ах да.

— Условия нашей договоренности вас устраивают?

— Да — сначала на год, а затем, если все пойдет хорошо, продлеваем срок до пяти лет. А после пяти?

— Ещё на пять, — уточнил Данросс. — Если мы достигнем результатов, к которым я стремлюсь, ваш гонорар будет удвоен.

— Ах. Это очень щедро с вашей стороны. Но могу ли я спросить, чем вызвана такая щедрость — я бы даже сказал: расточительность — по отношению ко мне и предполагаемой группе?

— У Сунь-цзы сказано: «Мудрому правителю и доброму военачальнику позволяет наступать, и завоевывать, и достигать того, что недоступно обычным людям, предваряющее знание. Предваряющее знание можно получить лишь через лазутчиков. Ничто не имеет такого значения для государства, как хитрость и изворотливость его лазутчиков. В десять раз дешевле платить щедро лучшим лазутчикам, чем скудно даже небольшому войску».

Алан Медфорд Грант просиял:

— Совершенно верно! Мои восемь с половиной тысяч фунтов в год — это действительно щедро, мистер Данросс. О да. Это действительно так.

— Вы считаете, я могу найти своим деньгам лучшее применение?

— Нет, если я буду делать то, что надо, если я и те, кого я подберу, окажемся лучшими из всех. При всем том тридцать с лишним тысяч в год на оплату наших услуг, фонд в размере приблизительно ста тысяч фунтов для субсидирования информаторов и приобретения информации, специальной техники... Ну что ж, надеюсь, вы останетесь довольны вложением своих денег.

— Если вы лучший, я верну их в тысячекратном размере. Я и рассчитываю вернуть их в тысячекратном размере, — объявил он, действительно веря в то, что говорит.

— Я, конечно, сделаю все, что в моих силах. Ну, а какая конкретно информация вам нужна?

— Самая разнообразная, коммерческая и политическая, которая поможет «Струанз» планировать свою деятельность, с акцентом на Тихоокеанский пояс, на планы русских, американцев и японцев. О китайцах мы, вероятно, скорее узнаем сами. Чем больше информации, тем лучше. По сути дела, ценным может оказаться все, что угодно, потому что я хочу вывести «Струанз» на международную арену, чтобы компания не зависела всецело от торговли с Китаем.

— Очень хорошо. Первое: я не хотел бы доверять наши доклады почте.

— Я подберу курьера.

— Благодарю вас. Второе: я должен иметь свободу выбора, назначения и смещения остальных членов группы и расходования средств.

— Согласен.

— Пяти членов будет достаточно.

— Сколько вы собираетесь платить им?

— Пять тысяч фунтов в год каждому будет прекрасным гонораром при условии, что каждый волен иметь другие источники доходов. На эту сумму я могу нанять

самых лучших. Да. Экспертов для специальных исследований я буду назначать по мере необходимости. Ввиду того что... э-э... большинство наших контактов мы будем поддерживать за границей, в основном в Швейцарии, можно ли получать средства там?

— Скажем, ежеквартально я буду класть всю сумму, о которой мы договорились, на номерной счет в швейцарском банке. Вы можете брать с него деньги по мере надобности, действительна только ваша подпись и моя. Вы отчитываетесь только мне, ежеквартально по остатку. Если хотите установить код, я не возражаю.

— Отлично. Я не смогу называть имен: в отчете я не смогу написать, кому заплачены деньги.

— Хорошо, — согласился Данросс, подумав.

— Благодарю вас. Думаю, мы понимаем друг друга. Не могли бы вы привести пример того, что вам нужно?

— Например, я не хочу попасть в ту же ловушку, в которую мой предшественник угодил после Суэца.

— О! Вы имеете в виду фиаско пятьдесят шестого года, когда Эйзенхауэр снова предал нас и наступление Великобритании, Франции и Израиля на Египет из-за национализации Насером канала провалилось?

— Да. Это нанесло ущерб нашим интересам на Ближнем Востоке. Мы потеряли целое состояние, чуть не обанкротились. Знай предыдущий тайбань о возможном закрытии Суэцкого канала, мы могли бы, напротив, заработать уйму денег, зарезервировав место для груза, увеличив тоннаж флота... Во всяком случае, имей мы заранее хотя бы некоторое представление о планах американцев, в частности о том, что Эйзенхауэр опять выступит против нас на стороне советской России, нам, безусловно, удалось бы сократить потери.

— А известно ли вам, что лишь несколько часов отделяло нас от победы, когда он пригрозил немедленно заморозить авуары Великобритании, Франции и Израиля в Штатах, если мы не выведем войска из Египта? — печально произнес маленький человечек. — Думаю, все наши сегодняшние проблемы на Ближнем Востоке коренятся в этом решении Соединенных Штатов. Да. США первыми непреднамеренно санкционировали международное пиратство и создали прецедент на будущее. Национализация! Просто смешно! Сюда больше подходит слово «грабеж». Да. Эйзенхауэр действовал вопреки здравому смыслу. И уж совсем необдуманно с его стороны было следовать пагубному в политическом плане Ялтинскому соглашению, подписав которое больной Рузвельт и некомпетентный Эттли⁸² позволили Сталину проглотить пол-Европы, когда с военной точки зрения даже самого тупому политику или узколобому генералу было ясно, что попустительство абсолютно противоречило нашим национальным интересам, нашим и американским. Думаю, на самом деле Рузвельт терпеть не мог нас, нашу Британскую империю.

Маленький человечек сцепил пальцы и широко улыбнулся:

— Боюсь, что у меня как у работника есть один большой недостаток, мистер Данросс. Я человек абсолютно пробританский, я против коммунистов и особенно против КГБ — основного инструмента советской внешней политики, открыто и постоянно направленного на то, чтобы уничтожить нас. Так что, если желаете, можете не принимать в расчет некоторые мои наиболее желчные прогнозы. Я категорически против лейбористской партии, в которой доминирует левое крыло, и всегда напоминаю тем, кто хочет к этому прислушаться, что гимн лейбористской партии носит название «Красный флаг». — Алан Медфорд Грант улыбнулся лукавой,

⁸² Эттли, Клемент (1883-1967) — премьер-министр Великобритании в 1945-1951 гг.

эльфовской улыбкой. — Лучше определить свою позицию в самом начале. Я — роялист, верноподданный Её Величества и верю в британский парламентаризм. Вы никогда не получите от меня заведомо ложной информации, хотя мои оценки могут быть тенденциозными. Могу ли я спросить, каких политических взглядов придерживаетесь вы?

— Мы, в Гонконге, далеки от политики, мистер Грант. Никаких голосований, никаких выборов. Мы — колония, отчасти вольный порт, а не демократия. У нас правит монарх, а на самом деле от имени монарха деспотически правит губернатор. У него есть законодательный совет, но это совет соглашателей, исторически проводится политика *laissez-faire* — невмешательства государства в экономику. Членам совета хватает ума никому не мешать. Они прислушиваются к деловым людям, проводят изменения в обществе очень осторожно и позволяют всем зарабатывать или не зарабатывать, строить, расти, разоряться, уезжать или приезжать, витать в эмпиреях или смотреть на вещи трезво, жить или умирать настолько хорошо, насколько у вас получится. Максимальный налог составляет пятнадцать процентов, но лишь на деньги, заработанные в Гонконге. Мы чураемся политики, она нам не нужна, да и Китай не хочет, чтобы мы проводили какую-либо политику. Он тоже выступает за сохранение статус-кво. Что касается моих убеждений, я — роялист, стою за свободу, за фрибутерство⁸³ и свободную торговлю. Я — шотландец, я за «Струанз», за *laissez-faire* в Гонконге и за свободу во всем мире.

— Думаю, мы понимаем друг друга. Прекрасно. Я никогда раньше не работал на частное лицо — только на правительство. Это будет для меня новым опытом. Надеюсь не обмануть ваших ожиданий. — Грант на мгновение задумался. — Как Суэц в пятьдесят шестом, говорите? — Вокруг глаз маленького человечка собрались морщинки. — Ну что ж, имейте в виду, что Панамский канал будет потерян для Америки⁸⁴.

— Но это просто смешно!

— О, не надо удивляться, мистер Данросс! Это же так просто. Десять-пятнадцать лет кропотливой работы противника, обилие либеральной болтовни в Америке, а также умелая помощь доброхотов, верующих в изначальную чистоту человеческой природы, да добавьте сюда небольшой объем хорошо просчитанной пропанамской агитации, студентов — предпочтительно, ах, всегда эти студенты, — которых исподволь ловко направляют несколько отлично подготовленных, терпеливых, профессиональных агитаторов, а ещё законспирированных умельцев из КГБ с его финансами и долговременным планированием — и пожалуйста, через какое-то время канал может перейти из рук США в руки противника.

— Советы никогда такого не потянут.

— Не потянут, вы правы, мистер Данросс, но попытаются. Ведь если удастся хотя бы заблокировать Панамский канал или внести разлад в его работу, разве это не поможет задушить главного, открыто провозглашенного капиталистического врага во время военных действий или даже кризиса? Одно судно, затопленное в подходящем месте (а таких мест сотни), или поврежденный шлюз — и канал перекрыт на годы.

Данросс вспомнил, как, прежде чем ответить, налил ещё Гранту и себе.

— Вы всерьез полагаете, что нам следует подумать о том, как мы будем

⁸³ Фрибутеры (флибустьеры) — авантюристы, посягающие на чужие земли или интересы ради наживы без санкции своего правительства.

⁸⁴ Через открытый в 1914 г. Панамский канал проходит более 12000 судов в год. В 1963 г. зону Панамского канала контролировали США.

действовать в таких чрезвычайных обстоятельствах?

— Да, — изрек маленький человечек с чрезвычайным простодушием. — Я к своей работе отношусь очень серьезно, мистер Данросс. Я выбрал её сам, и она состоит в том, чтобы предугадывать ходы противника. Я не против России, или Китая, или Восточной Германии, или любой другой страны социалистического блока. Напротив, я отчаянно хочу им помочь. Я убежден, что мы находимся в состоянии войны, что враг всех людей — член коммунистической партии, будь то британец, русский, китаец, венгр, американец, ирландец — даже марсианин, — и что все они так или иначе связаны между собой, а ещё что КГБ, нравится это вам или нет, находится в самом центре паутины. — Он отпил из рюмки, которую Данросс только что наполнил. — Великолепное виски, мистер Данросс.

— Это «Лох-Вэй», его делают на маленьком заводике рядом с нашими фамильными угодьями в Эршире. Заводик принадлежит «Струанз».

— Великолепно! — Он с удовольствием сделал ещё глоток, а Данросс сделал заметку на будущее: на Рождество послать Алану Медфорду Гранту ящик этого виски — если первые доклады окажутся интересными.

— Я не фанатик, мистер Данросс, и не подстрекатель. Я в некотором роде репортер и составитель прогнозов. Кто-то собирает почтовые марки, а я собираю секреты...

На миг Данросса отвлекли от воспоминаний фары проезжавшей по наполовину скрытому изгибу дороги машины. Он подошел к окну и, наслаждаясь звуком хорошо отрегулированного двигателя, наблюдал за автомобилем, пока тот не пропал в ночи. Потом сел в кресло с подголовником и снова отдался течению своих мыслей. «Да, мистер Грант, вы действительно собираете секреты», — думал он, поражаясь, как и всегда, масштабам осведомленности маленького человечка.

«„Севрин"... Боже всемогущий! Если это правда... Насколько вы точны на этот раз? Насколько я могу довериться вам и рискнуть?»

На сегодня получили подтверждение два прогноза из предыдущих докладов Гранта. За год до того он предсказал, что де Голль воспрепятствует вступлению Великобритании в ЕЭС, что позиция французского генерала будет все отчетливее приобретать антибританскую, антиамериканскую и просоветскую окраску, что под влиянием извне и по рекомендации одного из своих ближайших советников — невероятно засекреченного агента КГБ — де Голль поведет долговременную атаку на экономику США с помощью золотовалютных спекуляций⁸⁵. Данросс тогда не принял во внимание прогноз, посчитав, что он притянут за уши, и упустил возможность заработать целое состояние.

Недавно, за шесть месяцев до того, как все произошло, Грант предсказал ракетный кризис на Кубе: Кеннеди бросит перчатку, установит блокаду Кубы, окажет необходимое давление и выдержит балансирование на грани войны, а Хрущев отступит. Поставив на то, что расчеты Гранта по времени верны — хотя в момент выдачи прогноза Карибский кризис казался весьма маловероятным, — Данросс заработал для «Струанз» полмиллиона фунтов, купив фьючерсы⁸⁶ на гавайский сахар, ещё шестьсот тысяч на бирже плюс шестьсот тысяч для секретного фонда

⁸⁵ По Бреттон-Вудскому соглашению 1944 г. доллар США был приравнен к золоту и при возвращении в казначейство США немедленно обменивался на золото. К середине 1960-х гг. из-за значительного увеличения выпуска долларов «ползучая инфляция» достигла уровня около 3-4% в год и увеличился дефицит платежного баланса. Де Голль одним из первых заметил, что доллар постепенно обесценивается, и предпочел вернуться к покупке золота.

⁸⁶ Фьючерсы (фьючерсные контракты) — контракты на поставку продавцом покупателю некоторого актива на согласованную дату в будущем.

тайбаня и разработал долговременный план инвестиций в гавайские плантации сахарного тростника, чтобы задействовать его, как только будет найден механизм финансирования. «И теперь он есть, — радостно говорил он себе. — „Пар-Кон“».

— Почти есть, — уточнил вслух Данросс.

«Насколько можно верить докладу? Пока что группа Гранта была супервыгодным вложением, несмотря на отдельные отклонения. Да. Но это почти то же, что иметь собственного астролога. Если несколько прогнозов оказались точными, это не значит, что такими же будут все остальные. Свой астролог имелся у Гитлера. И у Юлия Цезаря. Будь мудрее, будь осторожнее, — напоминал себе Данросс. — Что делать? Получается, или сейчас, или никогда. „Севрин“».

Алан Медфорд Грант писал:

В представленных нам документах, которые подкреплены показаниями француженки Мари д'Орлеан, задержанной французской полицией 16 июня, указывается, что Пятое управление КГБ (Дезинформация — ДАЛЬНИЙ ВОСТОК) располагает доселе не известной, глубоко законспирированной разведывательной сетью под названием «Севрин» по всему Дальнему Востоку. О назначении «Севрина» четко говорится в выкраденном документе о его формировании.

Цель: *ослабление ревизионистского Китая, который официально признан Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза основным противником после капиталистов США.*

Действия: *Постоянное разрушение Гонконга, как бастиона капитализма на Дальнем Востоке и наиболее значительного источника всей иностранной валюты, иностранной помощи, технического и производственного содействия самого различного рода.*

Метод: *Долговременное внедрение контролируемых Центром лояльных иностранцев в средства массовой информации, правительство, полицию, экономику и сферу образования, но только с соблюдением особых процедур, по всей Азии.*

Начало исполнения: *Немедленно.*

Продолжительность операции: *Условно тридцать лет.*

Срок исполнения: *1980-1983.*

Классификация: *Красный 1.*

Финансирование: *Максимальное.*

Утверждаю: *Л. Б. 14 марта 1950 года.*

Интересно отметить, что данный документ подписан инициалами Л. Б., что, вероятно, означает «Лаврентий Берия», в 1950 году, когда советская Россия официально была союзником коммунистического Китая, но и в тот период неофициально Китай считался врагом номер два. (См. наш предыдущий доклад 3/62 «Россия против Китая».)

Исторически для России с её имперскими и гегемонистскими устремлениями Китай всегда был и будет вождельным трофеем. Обладание Китаем или разделение его на мелкие и враждебные друг другу зависимые государства всегда составляло краеугольный камень внешней политики России. Этому, конечно, должно предшествовать уничтожение Западной Европы, потому что потом, как считают в России, Китай можно будет проглотить когда угодно.

В соответствии с этими документами гонконгская ячейка «Севрина» состоит из резидента-контролера (кличка «Артур») и шести агентов. Об «Артуре» нам известно только, что он был агентом КГБ со времени его вербовки в Англии в тридцатые годы

(неизвестно, родился ли он в Англии, англичане ли его родители, но сейчас ему должно быть около пятидесяти или чуть за пятьдесят). Его задание, конечно, заключается в долговременной, глубоко законспирированной деятельности.

Дополняющие картину совершенно секретные разведывательные документы, похищенные из чехословацкой Эс-тэ-бэ (государственной службы безопасности) и датированные 6 апреля 1959 года, переведены частично.

...По информации, предоставленной резидентом «Артуром», в период с 1946 по 1959 год завербовано шесть основных, глубоко законспирированных агентов: по одному в колониальной администрации Гонконга (кличка «Чарльз»), министерстве финансов (кличка «Мейсон»), на военно-морской базе («Джон»), в Банке Лондона и Китая («Винсент»), Гонконгской телефонной компании («Уильям») и «Струан и компания» («Фредерик»). По обычным правилам личности остальных агентов известны только резиденту. Организовано семь конспиративных квартир. В том числе в Синклер-тауэрс, на острове Гонконг, и отеле «Девять драконов», в Коулуне. У контакта «Севрина» в Нью-Йорке кличка «Джулио». Он очень важен для нас из-за его связей с мафией и ЦРУ.

Полагаем, что «Джулио» — это Винченцо Банастасио, крупный рэкетир и теперешний дон семьи Саллапионе. Эти сведения проверяются через наши источники в США. Мы не знаем, является ли частью «Севрина» глубоко законспирированный агент противника, внедренный в полицию (смотри подробную информацию в следующем разделе), но считаем, что да.

По нашему мнению, Китай будет стремиться к постоянному увеличению торговых контактов с Западом, чтобы противостоять советской гегемонии и заполнить пустоту и хаос, возникшие из-за внезапного прекращения в полном объеме советского финансирования и отъезда технических специалистов в 1960 году. Китайские вооруженные силы весьма нуждаются в модернизации. Урожаи были плохие. Поэтому на многие годы вперед будет иметь место устойчивый спрос на все виды стратегических материалов и военную технику, а также на продукты — основные виды продовольствия. Рекомендуется на перспективу приобретать американские фьючерсы на рис.

Имею честь быть, сэр, вашим покорным слугой, А. М. Г., Лондон, 15 августа 1963 года.

«Реактивные самолёты, танки, болты и гайки, ракеты, двигатели, грузовики, бензин, шины, электроника, продовольствие, — вихрем проносилось в мозгу Данросса. — Безграничный спектр товаров, которые не представляет труда закупить, легко отправить, и никаких войн за прибыль, если умеешь торговать. Но Китай сейчас ничего не покупает, в чем бы он ни нуждался и что бы ни говорил Грант.

Кто может быть „Артуром“?

Кто агент „Севрина“ в „Струанз“? Господи боже! Джон Чэнь и Цу-янь, контрабандное оружие, а теперь ещё агент КГБ в компании. Кто? А что, если...»

Раздался негромкий стук в дверь.

— Войдите. — Он узнал, кто это: обычно так стучала его жена, Пенелопа.

— Иэн, уже почти восемь. Я подумала, что лучше сказать тебе.

— Да.

— Как у тебя сегодня? Это ужасно — то, что случилось с Джоном Чэнем, правда? Думаю, ты читал газеты? Спускаешься?

— Да. Шампанского?

— Спасибо.

Он наполнил её бокал и долил свой.

— О, кстати, Пенн, я пригласил одного человека, с которым познакомился днем, бывший летчик королевских ВВС. Похоже, приличный парень — Питер Марлоу.

— Истребитель?

— Да. Летал на «харрикейнах» и «спитфайрах». Это новое платье?

— Да.

— Красотка.

— Спасибо, но какая я красотка? Такой старухой себя чувствую, но все равно спасибо. — Она присела в другое кресло с подголовником. Аромат духов был таким же тонким, как её черты. — Питер Марлоу, говоришь?

— Да. Бедолагу схватили на Яве в сорок втором. Провел в плену три с половиной года.

— О, бедняжка. Его сбили?

— Нет, японцы уничтожили аэродром, прежде чем он смог взлететь. Возможно, ему повезло. «Зеро»⁸⁷ расстреляли два самолёта на земле, а ещё два — сразу после взлета: пилоты сгорели. Похоже, эти четыре «харрикейна» были последними из «Немногих» — все, что оставалось из противовоздушной обороны на Дальнем Востоке. Какой там был кавардак!

— Ужасно.

— Слава богу, мы воевали в Европе. — Данросс наблюдал за ней. — Он рассказывал, что год пробыл на Яве, а потом в составе рабочей команды японцы отправили его в Сингапур.

— В Чанги? — спросила она изменившимся голосом.

— Да.

— О!

— Он провел там два с половиной года. — По-малайски «чанги» — «вьющаяся лоза». Так называется место на окраине Сингапура, где во время Второй мировой войны японцы устроили один из своих печально знаменитых лагерей для военнопленных.

На миг она задумалась, а потом спросила с чуть нервной улыбкой:

— А он не был там знаком с Робинем? — Робин Грей, её брат, был единственным оставшимся в живых родственником Пенелопы: её родители погибли во время налета на Лондон в сорок третьем году, незадолго до того, как Пенн вышла за Данрасса.

— Марлоу сказал, что помнит Робина, но было видно, что ему не хочется говорить о тех временах, и я не стал расспрашивать.

— Могу себе представить. Ты не сказал ему, что Робин — мой брат?

— Нет.

— А когда Робин должен вернуться сюда?

— Точно не знаю. Через несколько дней. Сегодня днем губернатор сказал, что делегация сейчас в Пекине.

Делегация из членов британского парламента от трех партий — консервативной, либеральной и лейбористской — была приглашена в Пекин для обсуждения перспектив торговли. Две недели назад она прибыла в Гонконг и проследовала напрямую в Кантон, где и проходили все переговоры. Редко кто удостоивался приглашения китайцев, не говоря уже о парламентской делегации. Тем более мало кого приглашали в Пекин. Робин Грей был одним из членов делегации: он представлял лейбористскую партию.

— Пенн, дорогая, как ты думаешь, может, нам признать Робина, устроить ему

⁸⁷ «Зеро» — палубный истребитель «Мицубиси А6М Зеро», состоявший на вооружении японских ВМС в 1940-1945 гг.

прием? В конце концов, мы не виделись с ним годы, он первый раз в Азии. Не пора ли вам зарыть топор войны и помириться?

— Его не будет в моем доме. Ни в одном доме, где я живу.

— Может, настало время отпустить поводья? Что было, то прошло.

— Нет. Я знаю его, а ты — нет. У Робина своя жизнь, у нас — своя, на этом мы с ним сошлись много лет назад. Нет, у меня нет желания видеть его снова. Он — дурной и опасный человек, сквернослов и жуткий зануда.

Данросс усмехнулся:

— Согласен, человек он неприятный, и я не разделяю его политических взглядов, но он лишь один из полудюжины членов парламента. Это очень важная делегация. Я должен оказать ей гостеприимство, Пенн.

— Пожалуйста, оказывай, Иэн. Но желательно не здесь. Или предупреди меня заранее, чтобы я смогла испариться и отослать детей. Это вопрос достоинства, и все на этом. — Пенелопа вскинула голову и стряхнула с себя дурное настроение. — Господи! Давай не дадим ему испортить нынешний вечер! Что этот Марлоу делает в Гонконге?

— Он — писатель. Говорит, что работает над книгой о Гонконге. Сейчас живет в Америке. Он будет с женой. О, кстати, я пригласил ещё и этих американцев — Линка Бартлетта и Кейси Чолок.

— Ох! — рассмеялась Пенелопа Данросс. — Ну и что, ещё четверо или ещё сорок — какая разница? Все равно большинства из них я не знаю, а Клаудиа все организовала, как всегда, отменно. — Она подняла бровь. — Подумаешь! Торговец контрабандным оружием среди пиратов! Да этого никто и не заметит.

— Он что, занимается контрабандой оружия?

— Все так говорят. Ты не читал, что написано в сегодняшней «Миррор», Иэн? А Тат убеждена, что американец — плохой джосс, она рассказала об этом всей прислуге, детям и мне, так что это уже официально. А Тат объявила Адрион, что её астролог настоятельно советует тебе остерегаться плохого влияния с востока. А Тат уверена, что он имел в виду янки. Она тебе ещё все уши не прожужжала?

— Пока нет.

— Боже, вот бы мне так болтать по-кантонски, как ты и дети. Я бы сказала этой старой гарпии, чтобы она держала свои суеверия при себе: она сама плохое влияние.

— Она за детей жизнь отдаст.

— Я знаю: она твоя ганьсунь, почти что вырастила тебя и считает, что послана клану Данроссов Богом. А по-моему, она сварливая, противная старая сука, и я терпеть её не могу. — Пенелопа мило улыбнулась. — Я слышала, эта американка красивая.

— Не красивая, а привлекательная. Дает Эндрю прикурить.

— Могу себе представить. Леди, рассуждающая о бизнесе! Куда мы идем в этом нашем огромном мире? Ну и как она, ничего?

— Пока трудно сказать. Но человек очень неглупый. Она... несомненно, с ней будет кое в чем неловко.

— Ты сегодня вечером видел Адрион?

— Нет, а что такое? — По тону он сразу понял: что-то не так.

— Она опять залезла ко мне в шкаф: половины моих лучших нейлоновых чулок как не бывало, остальные разбросаны, все шарфики перемешаны в кучу, моей новой блузки нет, и новый пояс исчез. Стащила даже мои лучшие туфли от Эрме... Этот ребенок просто беда!

— Девятнадцать лет — это уже совсем не ребенок, — устало проговорил он.

— Она просто беда! Сколько раз я ей уже говорила!

— Я побеседую с ней ещё раз.

— Это ничего не даст.

— Я знаю.

Пенелопа рассмеялась вместе с ним:

— Она такая зануда.

— Вот. — Он вручил ей изящную коробочку. — Поздравляю с двадцатилетием!

— О, спасибо, Иэн. Твой подарок внизу. Тебе... — Она остановилась и открыла коробочку. Внутри лежал резной яшмовый браслет. Яшма, оправленная в серебряную филигрань, очень изящная, очень старинная, коллекционная работа. — О, какая прелесть, спасибо тебе, Иэн. — Она надела браслет на руку поверх тонкой золотой цепочки, но, как он ни прислушивался, в её голосе не прозвучало ни подлинного восхищения, ни настоящего разочарования. — Красота. — Наклонившись, она коснулась губами его щеки. — Спасибо тебе, дорогой. Где ты его достал? На Тайване?

— Нет. Здесь на Кэт-стрит. У Вонг Чунькита, он да...

Дверь распахнулась, и в комнату влетела девушка. Высокая, стройная и невероятно красивая, она проговорила, задыхаясь:

— Надеюсь, ничего, что я пригласила сегодня одного молодого человека. Он позвонил и сказал, что придет. Он будет попозже, но я думаю, это ничего. Он классный. И очень клевый.

— Боже милостивый, Адрион, — мягко проговорил Данросс, — сколько раз я просил тебя стучаться, прежде чем ты врываешься сюда, и нельзя ли говорить по-английски? Что это ещё, черт возьми, за «клевым»?

— Хорошо, здорово, круто, клево. Извини, папа, но ты на самом деле здорово отстал, потому что «крутой» и «клевым» в ходу даже в Гонконге. Ну, до скорого, пора лететь, после приема поеду гулять — буду поздно, так что не...

— Постой мин...

— Это же моя блузка, моя новая блузка! — не выдержала Пенелопа. — Адрион, сними её сейчас же! Я сто раз тебе говорила, чтобы ты не залезала ко мне в шкаф, черт возьми.

— Ну мама, — так же резко отвечала Адрион, — она же тебе не нужна. Неужели нельзя взять на один вечер? — И тут же сменила тон: — Пожалуйста? Ну пожалуйста? Пап, ну поговори с ней. — Она перешла на прекрасный кантонский, на котором говорят ама: — Досточтимый Батюшка... прошу помочь вашей Первой Дочери достичь недостижимого, или я буду плакать, плакать, плакать, о-хо... — Потом, на одном дыхании, опять по-английски: — Мама... она же тебе не нужна, а я буду аккуратна, правда. Пожалуйста?

— Нет.

— Ну ладно тебе. Я буду аккуратна, обещаю.

— Нет.

— Мама!

— Ну, если ты об...

— О спасибо. — Девушка просияла, повернулась, вылетела из комнаты, и дверь с шумом захлопнулась.

— Господи боже мой, — мрачно сказал Данросс, — ну почему, черт возьми, всегда получается, что дверь за ней так хлопает!

— Ну, сейчас, по крайней мере, это было сделано не специально, — вздохнула Пенелопа. — Думаю, ещё одну такую осаду мне не выдержать.

— Мне тоже. Слава богу, Гленна благоразумна.

— Это лишь временное явление, Иэн. Она вся в отца, как и Адрион.

— Хм! Неужели у меня такой скверный характер? — нахмурился он. — А раз уж мы затронули этот предмет, то я молю Бога, чтобы Адрион нашла кого-нибудь поприличнее, а не какого-нибудь кретина, как обычно! Кого она собирается привести?

— Не знаю, Иэн. Я об этом тоже впервые слышу.

— Всегда просто ужас какой-то! Её выбор мужчин потрясает. Помнишь этого болвана с головой как дыня и руками питекантропа, в которого она была «безумно влюблена»? Господи Иисусе, ей тогда было всего пятнадцать и...

— Ей было почти шестнадцать.

— Как его звали? Ах да, Байрон. Боже мой, Байрон!

— Но зачем было угрожать, что ты оторвешь ему голову, Иэн? Это была лишь щенячья любовь.

— Это была, черт побери, гориллья любовь, ей-богу. — Данросс помрачнел ещё больше. — Он был просто горилла, черт бы его побрал... А этот другой, помнишь, до этого чертова Байрона, — этот психованный ублюдок... как бишь его?

— Виктор. Да, Виктор Хоппер. Это был... о да, помню, тот, что спросил, мол, ничего, если он переспит с Адрион.

— Он что?..

— О да. — Она взглянула на него с таким невинным видом. — Я тогда не сказала тебе... подумала, что лучше не стоит.

— Он что?..

— Ну, не заводись, Иэн. Это было по меньшей мере четыре года назад. Я сказала ему: «Нет, не сейчас. Адрион только четырнадцать, а вот когда ей исполнится двадцать один — тогда пожалуйста». Ещё один, у кого ничего не вышло с самого начала.

— Господи Иисусе! Он спросил, можно ли ему...

— По крайней мере, он спросил, Иэн! Это уже что-то. Все это настолько обычно. — Она встала и подлила шампанского ему и немного себе. — Ещё примерно лет десять этого чистилища — и уже пойдут внуки. Поздравляю с годовщиной и всего тебе наилучшего из британского! — Она рассмеялась, чокнулась с ним, выпила и улыбнулась.

— Ты снова права, — улыбнулся он в ответ: она ему очень нравилась. Столько лет прошло, добрых лет. «Мне повезло. Да. Мне было благословение в тот первый день».

Это случилось на аэродроме королевских ВВС в Бигган-Хилл теплым солнечным августовским утром сорокового года во время «Битвы за Англию»⁸⁸. Она служила в женском вспомогательном корпусе ВВС, и её перевели туда недавно. У него это был восьмой день на войне, третий вылет в тот день и первая победа. Весь «спитфайр» был изрешечен пулями, часть крыла оторвана, хвост словно в татуировке. По всем законам джосса он должен был погибнуть, но он выжил, а погиб «мессершмитт» и его пилот, а он вернулся и ещё не отошел от горячки боя, опьяненный чувством страха, и стыда, и облегчения, оттого что вернулся, а юноша в кабине другого самолёта — противник — заходился в крике, объятый пламенем, и падал по спирали вниз.

— Привет, сэр, — сказала Пенелопа Грей. — Добро пожаловать домой, сэр. Прошу вас. — И она подала ему кружку горячего сладкого чая и больше не произнесла ни слова, хотя обязана была тут же потребовать отчета о выполнении задания: она была связистом. Она молча улыбалась, ожидая, когда он вернется с небес, где караулила смерть, на землю — жить. Он даже не поблагодарил её, а лишь пил и пил, и это был лучший чай в его жизни.

— Я сбил «мессершмитт», — сообщил он, когда смог говорить. Голос у него

⁸⁸ «Битва за Англию» — общепринятое название периода Второй мировой войны с июля по октябрь 1940 г., когда люфтваффе при помощи массированных налетов и бомбежек попытались перед запланированным вторжением в Великобританию с моря и по воздуху в рамках операции «Морской лев» завоевать воздушное пространство, уничтожить авиационные заводы и запугать гражданское население.

дрожал, колени тоже. Он не помнил, как отстегивал парашют, как вылезал из кабины, как забирался в грузовик вместе с остальными оставшимися в живых. — Это был «Ме-109».

— Да, сэр. Командир эскадрильи Миллер уже подтвердил, что самолёт сбит, и просил приготовиться: в любую минуту могут снова дать команду на взлет, сэр. На этот раз цель другая. Благодарю за сбитого немца, сэр, теперь этих дьяволов на одного меньше... О, как бы я хотела попасть туда вместе с вами, чтобы помочь сбивать этих монстров...

«Какие же они монстры? — подумал он. — По крайней мере, пилот первого сбитого мной самолёта никакой не монстр. Просто молодой парень, как и я. Может, мой ровесник. И он кричал, когда горел, кричал, когда умирал, — охваченный пламенем падающий лист, — а сегодня днем, или завтра, или скоро настанет мой черед. Их слишком много, а нас слишком мало».

— А Томми вернулся? Том Лейн?

— Нет, сэр, простите, сэр. Он... Командир эскадрильи сказал, что капитана Лейна сбили над Дувром.

— Так страшно, что сгоришь, что тебя собьют.

— О, вас не собьют, сэр, только не вас. Они не собьют вас. Я знаю. Вас — нет, сэр, нет, только не вас. Они никогда не доберутся до вас, никогда, никогда, никогда, — говорила она. Бледно-голубые глаза, светлые волосы и красивое лицо. Ей не исполнилось и восемнадцати, но она уже была сильная, очень сильная и очень уверенная.

Тогда он поверил ей, и с этой её верой прожил ещё четыре месяца воздушных боев — бывало, по пять вылетов в день — и сбивал ещё, и, хотя она ошиблась и потом его всё-таки сбили, он остался жив и лишь слегка обгорел. А после вышел из госпиталя, приземлившись навсегда, и они поженились.

— И не скажешь, что двадцать лет прошло, — проговорил он, сдерживая рвущееся наружу ощущение счастья.

— Плюс два года до того, — сказала она, сдерживая свое.

— Плюс два года до...

Дверь открылась. Пенелопа вздохнула, потому что в комнату величаво вступила А Тат, тараторя без остановки по-кантонски:

— Айийя, сын мой, разве ты ещё не готов? Наши уважаемые гости будут здесь с минуты на минуту, а у тебя даже галстук не завязан. А ещё в нашем доме зачем-то появился этот не знавший матери чужак из северного Гуандуна, чтобы готовить на стол сегодня... Вонючий отпрыск однодолларовой шлюхи из северного Гуандуна, откуда родом все самые ловкие воры и самые последние проститутки, а ещё воображает, что умеет готовить...

Ха!.. Этот человек и его такие же жалкие заморские подручные только оскверняют нашу кухню и лишают нас покоя. О-хо, — продолжала маленькая сморщенная старушка без передышки, а её похожие на когти пальцы автоматически потянулись к галстуку и умело повязали его. — И это ещё не все! Вторая Дочь... Вторая Дочь просто не желает надевать платье, которое выбрала ей Досточтимая Первая Жена, и разошлась так, что слышно даже на Яве! И-и-и, эта семейка! Вот, сын мой. — Вынув из кармана конверт с телексом, она передала его Данроссу. — Ещё одно варварское послание, ещё одно поздравление с этим счастливым днем, и с этим посланием твоя бедная старая Матушка должна была сама подниматься по лестнице на своих бедных старых ногах, потому что остальные слуги — никуда не годные лоботрясы... — Она остановилась на секунду, чтобы перевести дыхание.

— Благодарю вас, Матушка, — вежливо сказал он.

— Во времена твоего Досточтимого Отца слуги работали и знали, что им делать, и твоей старой Матушке не приходилось терпеть грязных чужаков в Большом Доме!

— Она вышла, продолжая бормотать проклятия в адрес кейтеринговой⁸⁹ компании.
— Ну, смотри не опаздывай, Сын мой, не то... — Даже закрыв дверь, она не переставала говорить.

— Ну, а с ней-то что? — устало спросила Пенелопа.

— Да все трещит о работниках кейтеринговой компании, не любит посторонних — ты же знаешь, какая она. — Он открыл конверт и достал оттуда сложенный телекс.

— Что она говорила насчет Гленны? — Его жена поняла слово и-чат — Вторая Дочь, — хотя по-кантонски знала самый минимум.

— Только то, что Гленна выходит из себя по поводу выбранного тобой платья.

— А чем оно плохо?

— А Тат не сказала. Слушай, Пенн, может, Гленне следует лечь спать? Пора бы уже...

— И не мечтай! Ничего не выйдет, пока весь этот бедлам не уляжется. Даже «Карге» Струан не удалось бы не пустить Гленну на её «первый взрослый прием», как она это называет! Ты ведь согласился, Иэн, ты согласился, ведь так, верно?

— Да, но разве ты не считаешь...

— Нет. Она уже достаточно взрослая. В конце концов, ей тринадцать, а скоро уже будет тридцать. — Пенелопа спокойно допила свой бокал. — Ничего, я сейчас разберусь с этой юной леди, будьте уверены. — Она встала. Потом обратила внимание на выражение его лица. Он не отрываясь смотрел на телекс.

— Что случилось?

— Убит один из наших людей. В Лондоне. Грант. Алан Медфорд Грант.

— О, я, наверное, не знакома с ним, верно?

— Думаю, один раз вы встречались, в Эршире. Маленький такой человечек, похожий на эльфа. Он был у нас на приеме в Эйвисъярд-Касл, в наш прошлый отпуск.

— Не помню, — нахмурилась она и взяла предложенный телекс. В нем было написано: С прискорбием извещаю, что А. М. Грант погиб сегодня утром в дорожном происшествии, управляя мотоциклом. Подробности сообщу, как только узнаю. Извините. Ваш Кернан. — Кто такой Кернан?

— Его помощник.

— Грант... он был твоим другом?

— В каком-то смысле.

— Он важен для тебя?

— Да.

— О, прими мои соболезнования.

Данросс заставил себя пожать плечами и не повышать голос.

— От этого не уйдешь. Джосс. — В душе он ругался самыми грязными словами.

Она хотела посочувствовать, сразу поняв, насколько он потрясен. Было видно, что он сильно обеспокоен, хотя старается это скрыть, и ей не терпелось тут же выяснить все об этом неизвестном человеке. Но она сдержалась.

«Такая у меня работа, — напомнила она себе. — Не задавать вопросов, сохранять спокойствие и быть рядом — чтобы собирать осколки, но только когда будет позволено».

— Ты спускаешься?

— Через минуту.

— Постарайся недолго, Иэн.

— Да.

⁸⁹ Кейтеринг — услуги по приготовлению, сервировке и подаче блюд в любом месте по желанию заказчика.

— Ещё раз спасибо за браслет. — Браслет ей очень понравился. Он ответил:

— Не за что. — Но она знала, что на самом деле Данросс не слушает. Он уже снял телефонную трубку и заказывал международный звонок.

Она вышла, тихонько прикрыв за собой дверь, и остановилась в длинном коридоре, который вел в восточный и западный флигели. Она чувствовала себя несчастной, сердце колотилось. «Будь прокляты все эти телексы, все эти телефоны, будь проклята компания „Струанз“, будь проклят Гонконг, будь прокляты все приемы и все прихлебатели. Как бы мне хотелось, чтобы мы уехали отсюда навсегда и забыли про Гонконг, забыли про работу, Благородный Дом, большой бизнес, Тихоокеанский пояс, биржевой рынок и всё...»

— Мама-а-а!

Вопль донесся из глубины комнаты Гленны за дальним углом восточного флигеля, и Пенелопа тут же подобралась. По голосу Гленны чувствовалось, что пыл угас и угрозы нет, поэтому Пенелопа неторопливо отозвалась:

— Иду, иду... Что случилось, Гленна?

— Где ты-ы-ы?

— Иду, дорогая, — крикнула она, переключившись на вещи важные. «Гленна будет выглядеть красивой в этом платье. О, вот что! — сказала она себе, довольная тем, что придумала. — Одолжу-ка я ей свою маленькую нитку жемчуга. С ним будет то, что надо».

И она ускорила шаг.

А на другой стороне бухты, в Коулуне, Великий Дракон, главный сержант Тан-по из департамента уголовного розыска, поднялся по шаткой лестнице и вошёл в комнату. Там уже собрались основные члены его тайной триады.

— Вбейте себе в костяшку, которую кое-кто из вас носит промеж ушей: Драконы хотят, чтобы Благородный Дом Чэнь был найден, а эти сифилитические пожиратели дерьма Вервольфы пойманы так быстро, что даже боги зажмурятся!

— Да, Господин, — хором ответили его подчиненные, пораженные тем, каким тоном это было сказано.

Они собрались в конспиративной квартире Тан-по, маленькой, серенькой, трехкомнатной, за неприметной входной дверью, на пятом этаже такого же неприметного многоквартирного дома с ничем не выделяющимися лавками на первом этаже, в одном из грязных переулков всего в трех кварталах от главного управления полиции района Цимшацуй. Этот район расположен на южной оконечности полуострова Коулун, откуда открывается вид на гавань и Пик. Собравшихся было девять: сержант, два капрала, остальные констебли — все детективы в штатском из уголовного розыска, все кантонцы, отобранные по одному и поклявшиеся на крови в верности и соблюдении тайны. Это был тайный тун, братство Тан-по, и под его защитой находился весь уличный игорный бизнес в районе.

— Ищите везде, опрашивайте всех подряд. В нашем распоряжении три дня, — говорил Тан-по, плотно сбитый китаец пятидесяти пяти лет, густобровый, с начинающими седеть волосами. Он носил самое высокое, унтер-офицерское, звание. — Это мой приказ — всех моих Братьев-Драконов и самого Великого Дракона. Кроме того, — мрачно добавил он, — если мы оплошаем, Большая Куча Дерьма обещал понизить всех в звании и отправить на границу или в другие места, и это первый раз, когда он грозит сделать подобное. Да помочатся все боги с великой высоты на всех заморских дьяволов, особенно на тех безродных блудодеев, которые не берут положенный им откат и не ведут себя как цивилизованные люди!

— Аминь! — истово возгласил сержант Ли. В нем иногда просыпался католик, потому что в юности он ходил в католическую школу.

— Сегодня днем Большая Куча Дерьма поставил вопрос ребром: или

результаты, или на границу, где нет ни горшка, куда можно помочиться, ни отката на двадцать миль вокруг. Айийя, да уберегут нас боги от неудачи!

— Есть, — ответил за всех капрал Хо, человек с резкими чертами лица, сделав пометку в записной книжке. Он учился в вечерней школе на бухгалтера и вел бухгалтерию и протоколы собраний братства.

— Старший Брат, — вежливо начал сержант Ли, — назначено ли вознаграждение, которое мы можем предложить нашим информаторам? Какая-либо минимальная или максимальная сумма?

— Да, — ответил Тан-по. И осторожно добавил: — Великий Дракон назвал сумму в сто тысяч гонконгских долларов, если в течение трех дней... — Огромный размер вознаграждения заставил всех в комнате замолчать. — Половина за то, что Благородный Дом Чэнь будет найден, и половина за похитителей. И премия в десять тысяч тому Брату, чей информатор даст сведения о том или другом, — и повышение.

— Десять тысяч за Чэня и десять за похитителей? — уточнил капрал. «О боги, даруйте мне это вознаграждение», — молил он, как и все остальные. — Так, Старший Брат?

— *Цзю ни ло мо*, я так и сказал, — резко бросил Тан-по, попыхивая сигаретой. — У тебя что, уши полны гноя?

— О нет, прошу прощения, досточтимый сэр. Прошу извинить.

В голове у всех было только вознаграждение. «И-и-и, — думал сержант Ли, — десять тысяч и повышение, если за три дня! Ах, если бы за три дня... Ведь как раз будут скачки, и тогда... О все боги, большие и малые, ниспошлите мне благословение на этот раз и ещё раз на двойной кинелле в субботу».

Тан-по справился в своих записях.

— Теперь о другом. Благодаря Дневному Чжану и Досточтимому Суну братство может ежедневно пользоваться душем в «Ви энд Эй» с восьми до девяти утра, а не с семи до восьми, как раньше. Жены и наложницы по списку. Капрал Хо, проверить список.

— Послушайте, Досточтимый Господин, — подал голос один из молодых детективов, — вы слышали про Золотистый Лобок?

— Что?

Юноша рассказал о том, что слышал сегодня утром от Дневного Чжана, когда зашел позавтракать на кухню отеля. Все заготовали.

— Айийя, подумать только! Как золотые, хейя!

— А у вас когда-нибудь была заморская женщина, Досточтимый Господин?

— Нет, никогда. Нет. Айийя, только представишь себе это... брр!

— А я хотел бы разик, — засмеялся Ли, — просто посмотреть, что это такое!

Все рассмеялись вместе с ним, и кто-то заметил:

— «Нефритовые ворота», они и есть «нефритовые ворота», но говорят, у некоторых заморских женщин они перекошены!

— А я слышал, что у них щель сбоку!

— Вот ещё что, досточтимый сэр, — произнес тот же молодой детектив, когда смех стих. — Дневной Чжан просил передать, что у Золотистого Лобка есть миниатюрный приёмник-передатчик — лучший из всех, что он когда-либо видел, лучше, чем у нас, даже в особой службе. Она носит его с собой.

Тан-по пристально посмотрел на него:

— Любопытно. Зачем заморской женщине такая штука?

— Может, это имеет отношение к винтовкам? — предположил Ли.

— Не знаю, Младший Брат. Женщины с трансиверами? Интересно. Вчера вечером, когда наши люди просматривали её вещи, его там не было, значит, она держит его в сумочке. Хорошо, очень хорошо. Капрал Хо, после собрания оставь подарок для Дневного Чжана — пару красненьких. — Красной была купюра

достоинством в сто гонконгских долларов. — Что бы мне, конечно, хотелось знать, так это кому предназначались винтовки, — задумчиво добавил он. — Постарайтесь довести до сведения всех наших информаторов, что в этом я тоже очень заинтересован.

— Есть ли связь между похищением Благородного Дома Чэнь, винтовками и этими двумя заморскими дьяволами? — спросил Ли.

— Думаю, что есть, Младший Брат. Думаю, есть. Да. Любопытно и то, что присылать ухо нецивилизованно, да ещё когда прошло так мало времени. Абсолютно нецивилизованно.

— А, значит, вы считаете, что Вервольфы — заморские дьяволы? Или эти блудливые получеловеки? Или португальцы?

— Не знаю, — мрачно изрек Тан-по. — Но это случилось в нашем районе, так что для всех нас это вопрос чести. Большая Куча Дерьма просто взбешен. Его честь тоже задета.

— И-и-и, — вздохнул Ли, — у этого блудодея такой скверный характер.

— Да. Возможно, информация о трансивере его ублажит. Думаю, я попрошу всех моих Братьев на всякий случай установить наблюдение за Золотистым Лобком и её приятелем, контрабандистом оружия. Так, у нас было что-то ещё... — Тан-по снова справился в записях. — Ах да, почему поступления с ночного клуба «Хэппи хостесс» снизились на тридцать процентов?

— Только что сменился владелец, досточтимый сэр, — отрапортовал сержант Ли, ведавший зоной, где располагался клуб. — Одноглазый Пок продал его одному шанхайскому блудодею по имени Ван — Счастливому Вану. Счастливый Ван говорит, что размер «ароматной смазки» очень высок, бизнес идет плохо, очень плохо.

— Цзю ни ло мо на всех шанхайцев. Это действительно так?

— Доходы клуба упали, но не настолько.

— Это правда, досточтимый сэр, — подтвердил капрал Хо. — Я был там в полночь, чтобы получить аванс за эту, ети её, неделю: это вонючее, ети его, место было заполнено лишь примерно наполовину.

— А заморские дьяволы там были?

— Два-три человека, Досточтимый Господин. Никого из важных персон.

— Передайте от меня Досточтимому Счастливому Вану: у него три недели, чтобы наладить бизнес. А там посмотрим. Капрал Хо, шепни кое-кому из девочек в «Грейт нью ориентал», пусть рекомендуют «Хэппи хостесс» месяц или около того — у них там полно клиентов из заморских дьяволов... И скажи Вану, что послезавтра сюда приходит ядерный авианосец «Коррехидор» на «эр энд эр»... — Он произнес это сокращение по-английски, но все знали — ещё со времен корейской войны, — что это значит «на отдых и восстановление сил». — Я спрошу у своего Брата-Дракона в Ваньчае и в районе доков, можно ли Счастливому Вану прислать туда визиток. Около тысячи варваров из Золотой Страны — это, конечно, подспорье! Они пробудут здесь восемь дней.

— Досточтимый сэр, все будет сделано сегодня же вечером, — пообещал капрал Хо.

— Мой приятель из морской полиции известил, что скоро ожидается много заходов военных кораблей: увеличивается численность американского Седьмого флота. — Тан-по нахмурился. — Говорит, вдвойне. На континенте ходят слухи, что много американских солдат будут отправлять во Вьетнам: по крайней мере, у них там уже налажен авиамост, — добавил он. — Этим занимается их триада, ЦРУ.

— И-и-и, для бизнеса это хорошо! Нужно будет ремонтировать их корабли. И развлекать солдат. Хорошо! Очень хорошо для нас.

— Да. Очень хорошо. Но с их стороны это большая глупость. Досточтимый Чжоу Энълай месяцами слал им вежливые предупреждения, что Китай против их

присутствия там! Почему они не послушались? Ведь Вьетнам — наша область внешних варваров! Какая глупость выбрать эти вонючие джунгли и этих мерзких дикарей, чтобы воевать с ними. Если Китаю веками не удавалось покорить внешних варваров, неужели им это удастся?⁹⁰ — Тан-по усмехнулся и закурил ещё одну сигарету. — А куда делся Одноглазый Пок?

— Этот старый лис получил постоянную визу и на первом же самолёте улетел в Сан-Франциско — он, жена и восемь детей.

Тан-по повернулся к своему бухгалтеру:

— Он нам не должен?

— О нет, досточтимый сэр. Он полностью расплатился до настоящего времени, об этом позаботился сержант Ли.

— И во сколько это встало старому блудодею? Получить визу?

— С выездом ему помогли за подарок в три тысячи гонконгских долларов капралу Сэк Пуньсо из иммиграционной службы по нашей рекомендации — и нам выплачены проценты. Мы также помогли ему найти торговца бриллиантами, чтобы он мог конвертировать свое состояние в самые лучшие камни, с голубоватым отливом. — Он справился в своем гроссбухе. — Наша комиссия — два процента — составила восемь тысяч девятьсот шестьдесят гонконгских долларов.

— Молодец старик Одноглазый! — похвалил довольный Тан-по. — Внакладе не остался. А что это за работа указана в его визе — «уникальные услуги»?

— Повар в одном из ресторанов чайнатауна, — ответил сержант Ли. — Заведение называется «Гуд итинг плейс». О-хо, я как-то пробовал его стряпню у него дома: старина Одноглазый совсем не умеет готовить.

— Наймет кого-нибудь, чтобы работал вместо него, а сам займется недвижимостью, игорным бизнесом или купит ночной клуб, — прокомментировал кто-то. — И-и-и, какой джосс!

— А во сколько ему обошлась виза в США?

— Ах, золотое подношение в Рай! — вздохнул Хо. — Я слышал, он заплатил пять тысяч американских долларов, чтобы его фамилию поставили в верху списка.

— Айийя, больше, чем обычно! А в чем дело?

— Похоже, ему ещё обещали выправить американский паспорт сразу по истечении пяти лет и решить проблему с английским: вы ведь знаете, старина Одноглазый не говорит по-английски...

— Эти мне блудодеи из Золотой Страны — комиссионные берут, а чтобы толком поставить дело, так нет. И вкуса нет, просто никакого, — презрительно фыркнул Тан-по. — Ну что такое одна-две визы время от времени, когда всем известно, что визу можно купить, если в нужное время подсуетишься с требуемой суммой? Почему не делать этого как следует, цивилизованно? Виз двадцать в неделю — или сорок, — совсем они без ума, эти заморские дьяволы!

— *Цзю ни ло мо*, как же вы правы! — проговорил сержант Ли. У него даже голова пошла кругом, когда он прикинул, сколько мог бы заработать на комиссионных, будь он вице-консулом США в Гонконге и работай в визовом отделе. — И-и-и!

— Имей мы человека цивилизованного на этой должности, жили бы как мандарины и контролировали Сан-Франциско! — рассудил Тан-по, и все загостились вместе с ним. Потом он с отвращением добавил: — По крайней мере, посадили бы туда мужчину, а не такого, который только и мечтает залучить в свою «отвратительную лощинку» чей-то «взмыленный стебель», или наоборот!

⁹⁰ Вьетнам оставался вассальным государством, зависимым от доброй воли китайских императоров, вплоть до конца XIX в., когда уже стал колонией Франции. Претензии императоров китайской династии Цин привели даже к франко-китайской войне (1881-1885), после которой Китаю пришлось отказаться от притязаний на северную и центральную часть Вьетнама.

Все засмеялись того пуще.

— Эй, — вставил кто-то, — я слышал, с ним якшается молодой заморский дьявол Смердящий Нос Свиное Брюхо из департамента общественного строительства. Наверняка знаете, тот, что незаконно продает разрешения на строительные работы!

— Это уже все старо, Чань, очень старо, — отозвался Тан-по. — И тот и другой лезут туда, куда им лезть не след. По последним слухам, у нашего дьявола вице-консула связь с одним молодым человеком... — И деликатно добавил: — Сыном известного бухгалтера, который к тому же не менее известный коммунист.

— И-и-и, это нехорошо. — Сержант Ли тут же понял, о ком речь.

— Нехорошо, — согласился Тан-по. — Особенно потому, что, как я вчера выяснил, у этого молодого человека есть квартира для встреч за углом. В моем районе! А в моем районе самая низкая преступность.

— Это верно, — с гордостью подтвердили все.

— Поговорить с ним, Старший Брат? — спросил Ли.

— Нет, просто установите особое наблюдение. Я хочу знать все об этой парочке. Все. Даже если они лишь рыгнут. — Вздохнув, Тан-по дал сержанту Ли адрес и сделал рабочие распоряжения. — Раз уж вы все здесь, я решил произвести выплаты не завтра, а сегодня. — Он открыл большую сумку, полную банкнот. Каждый получил столько, сколько получал в полиции, плюс на согласованные затраты.

Месячного заработка в триста гонконгских долларов констеблю не хватало даже на то, чтобы прокормить небольшую семью и иметь маленькую квартирку, хотя бы из двух комнат с одним водопроводным краном и без удобств, даже на то, чтобы отдать ребенка в школу; или на то, чтобы послать денег в родную деревню в Гуандуне нуждающимся отцам, бабушкам, матерям, дядьям и дедушкам, многие из которых в свое время пожертвовали накопленными за всю жизнь сбережениями, чтобы отправить его по протоптанной дорожке в Гонконг.

Тан-по был одним из них. Он очень гордился тем, что шестилетним мальчиком в одиночку прошел этот путь, что отыскал родственников и, когда ему исполнилось восемнадцать, устроился работать в полицию — тридцать шесть лет назад. Он служил королеве хорошо, полиции — безупречно, врагам-японцам во время оккупации не служил совсем и теперь возглавлял ключевой полицейский участок в колонии Гонконг. Он был уважаем и богат, один сын учился в колледже в Сан-Франциско, другой владел половиной ресторана в канадском Ванкувере, он помогал своей семье в Кантоне, и, самое главное, за его участком — Цимшацуй — числилось меньше всего нераскрытых грабежей, дел о нанесении ран и увечий и войн между триадами, чем за любым другим. Всего три убийства за четыре года, и все раскрыты, и все виновные арестованы и осуждены, и один из них — заморский дьявол, моряк, убивший другого моряка из-за девицы из дансинга. И почти никакого мелкого воровства, и ни одного случая приставания к заморскому дьяволу-туристу нищих или мелких воришек. И это в самой обширной туристской зоне, где нужно было также обеспечивать порядок среди людей цивилизованных, которых насчитывалось около трехсот тысяч, и защищать их от злоумышленников и от них же самих.

«Аиййя, да, — говорил про себя Тан-по. — Если бы не мы, эти тупоголовые крестьяне, эти их, давно бы уже держали друг друга за горло, скандала, грабя, проливая кровь, а потом неизбежно раздался бы крик толпы: убить заморских дьяволов! И они попытаются это сделать, и у нас снова будут беспорядки. Эти их со страшной силой, всех этих злоумышленников и смутьянов!»

— Значит, так, — добродушно сказал он, — встречаемся через три дня. Я заказал ужин из десяти блюд от ресторана «Грейт фуд Чжан». А до этого пусть каждый прикинет глазом к отверстию богов и даст мне ответы. Мне нужны Вервольфы, и мне нужно вернуть Джона Чэня. Сержант Ли, останься на минуту.

Капрал Хо, составь протокол, и жду отчет по бухгалтерии завтра в пять.

— Да, Досточтимый Господин.

Все толпой устремились на выход. Тан-по закурил ещё одну сигарету. Закурил и сержант Ли. Тан-по закашлялся.

— Вам бы надо бросать курить, Старший Брат.

— И тебе тоже! — пожал плечами Тан-по. — Джосс! Если мне суждено умереть, то я и умру. Джосс. Хотя, чтобы не было скандалов, я сказал Главной Жене, что бросил. А то все пилит и пилит, пилит и пилит.

— Покажи мне ту, что не пилит, и окажется, что это мужик с «отвратительной лощинкой».

Оба рассмеялись.

— Это верно. Хейя, на прошлой неделе настояла, чтобы я показался врачу, и представляешь, что сказал этот безродный блудодей? Он сказал: «Ты бы лучше бросал курить, приятель, а то не проживешь и двадцати лун и от тебя останется лишь горстка пепла в погребальной урне. Тогда могу гарантировать, что твоя Главная Жена потратит все твои деньги на беспутных юнцов, а твоя наложница будет пробовать плоды другого!»

— Свинья! Ох и свинья!

— Да. Он на самом деле напугал меня: я просто своим «тайным мешочком» ощутил его слова! Но, может, он и правду сказал.

Он вынул платок, высморкался, дыша с присвистом, громко прочистил горло и сплюнул в плевательницу.

— Послушай, Младший Брат, наш Великий Дракон говорит, что пришла пора объединиться с Контрабандистом Юанем, Белым Порошком Ли и его родственником Четырехпалым У.

Пораженный сержант Ли смотрел на него во все глаза. Эту троицу в Гонконге считали Великими Тиграми торговли опиумом. Они его вывозили и ввозили. Для местного потребления, а также, как утверждала молва, для экспорта в Золотую Страну, где крутятся большие деньги. Тайно ввозимый опиум превращали в морфий, а потом в героин.

— Плохо, очень плохо. Мы этими делами никогда не занимались.

— Да, — тактично согласился Тан-по.

— Это может быть очень опасно. Отделение по борьбе с наркотиками настроено очень серьезно. Сам Большая Гора Дерьма наисерьезнейшим образом заинтересован в том, чтобы поймать этих троих, — очень, ети его, серьезно.

Тан-по сидел, уставившись на потолок. Потом заговорил:

— Великий Дракон объяснил так. Тонна опиума в Золотом треугольнике стоит шестьдесят семь тысяч американских долларов. Если опиум превратить в морфин, ети его, а потом в героин, а чистый героин развести до пяти процентов — именно в такой концентрации его обычно продают на улицах Золотой Страны — с доставкой туда, то получишь почти шестьсот восемьдесят миллионов американских долларов. С одной тонны опиума. — Тан-по кашлянул и закурил ещё одну сигарету.

На спине у Ли выступил пот.

— А сколько тонн может пройти через руки этих трех блудодеев?

— Мы не знаем. Но, как ему сказали, во всем Золотом треугольнике — на границе китайской провинции Юньнань, Бирмы, Лаоса и Таиланда — получают около трехсот восьмидесяти тонн в год. Большая часть поступает сюда. По его словам, им по плечу тонн пятьдесят. Насчет пятидесяти тонн он уверен.

— О-хо!

— Да. — Тан-по тоже прошиб пот. — Наш Великий Дракон говорит, что нам

нужно вложиться в этот бизнес сейчас. Он будет расти и расти⁹¹. Он планирует взять в долю морскую полицию...

— *Цзю ни ло мо*, этим ублюдкам морякам никак нельзя доверять!

— Я тоже так сказал. Но, по его словам, эти ублюдки моряки нам нужны, и некоторым избранным доверять можно. Кто ещё сможет при необходимости перехватить символические двадцать процентов, даже пятьдесят, чтобы ублажить Гору Дерьма? — Тан-по снова ловко сплюнул. — Заполучить морскую полицию, департамент по борьбе с наркотиками и Банду Трех, и тогда сегодняшний сян ю покажется нам струйкой ребенка в водах залива.

В комнате воцарилось серьезное молчание.

— Придется набирать новых членов, а это всегда небезопасно.

— Да.

Протянув руку к чайнику, Ли налил себе жасминового чая. Пот уже лил с него градом, в комнате висел табачный дым, и было невыносимо душно. Он ждал.

— Что скажешь, Младший Брат?

Они не были родственниками, но, следуя правилам китайского этикета, говорили «брат», потому что доверяли друг другу более пятнадцати лет. Ли спас своему начальнику жизнь во время беспорядков пятьдесят шестого года. Сейчас ему было тридцать шесть, и за проявленный во время волнений героизм его наградили полицейской медалью. У него была жена и трое детей. В полиции он прослужил шестнадцать лет, а все его жалование составляло восемьсот сорок три гонконгских доллара в месяц. На работу он ездил на трамвае. Если бы не левые доходы, которые он получал как член братства, ему по большей части пришлось бы ходить пешком или ездить на велосипеде. На трамвае надо было ехать два часа.

— Думаю, затея эта никуда не годится, — сказал он. — Наркотики, любые наркотики — это, ети его, плохо, да, очень плохо. Опиум — плохо, хотя он полезен для стариков, «белый порошок», кокаин — плохо, но не так плохо, как «смертоносная струйка». Было бы плохим джоссом торговать этой «смертоносной струйкой»...

— Я ему сказал то же самое.

— Ты собираешься подчиниться?

— Что хорошо для одного Брата, должно быть хорошо и для всех, — задумчиво произнес Тан-по, уйдя от ответа.

Ли снова стал выжидать. Он не знал ни как выбирают Дракона, ни точного числа Драконов, ни кто Великий Дракон. Он знал лишь, что его Дракон — Тан-по, что он мудр, осторожен и болеет за интересы братства.

— Он сказал также, что парочку наших начальников из заморских дьяволов начинает разбирать геморрой насчет их етической доли от денег игрального бизнеса.

Ли с отвращением сплюнул.

— Что делают эти блудодеи за свою долю? Ничего. Лишь закрывают свои, ети их, глаза. Кроме Змеи. — Так называли старшего инспектора Дональда С. С. Смита, который открыто «организовал» свой участок в Восточном Абердине и на глазах подчиненных-китайцев предоставлял за деньги услуги и защиту на всех уровнях.

— А, этот! Этого блудодея нужно бы спустить в канализацию. Скоро те его начальники, от которых он откупается, не смогут больше скрывать его вонь. А вонь от него перейдет и на нас.

⁹¹ После Второй мировой войны в результате деятельности синдиката известного американского мафиози «Счастливики» Лучиано (1897-1962) значительно расширилась международная торговля героином. В 1960-е гг. благодаря связям с корсиканской мафией во Вьетнаме, бывшей французской колонии, и группировками организованной преступности в других странах Азии, в частности в Гонконге, синдикату удалось создать обширную базу выращивания, обработки и доставки наркотиков в Золотом треугольнике.

— Через пару лет он должен уйти в отставку, — мрачно заметил Ли. — Может, ему удастся до ухода прикрыть себе зад пальцем перед всеми этими «шишками» и они не смогут с ним ничего сделать. Говорят, у него друзья на самом верху.

— Ну, так и что? — спросил Тан-по. Ли вздохнул:

— Мой совет, Старший Брат, быть осторожнее, не делать того, чего можно избежать. Если нельзя... — Он пожал плечами. — Джосс. А это решено?

— Нет ещё. Об этом упомянули на нашем еженедельном собрании. Чтобы подумали.

— А на Банду Трех уже выходили?

— Насколько я понимаю, Младший Брат, на них вышел Белый Порошок Ли. Похоже, все трое собираются объединиться.

Ли даже рот раскрыл.

— Поклявшись на крови?

— Похоже, что так.

— Они собираются работать вместе? Эти дьяволы?

— Так говорят. Держу пари, что Великим Тигром станет старик Четырехпалый У.

— Айийя, этот тип? Говорят, он полсотни человек убил своими руками, — мрачно сказал Ли и даже содрогнулся. — У них, должно быть, три сотни бойцов на содержании. Для нас всех было бы лучше, если бы эти трое сдохли — или сели за решетку.

— Да. Ну, а пока, по словам Белого Порошка Ли, они готовы расширяться и за небольшое сотрудничество с нашей стороны могут гарантировать гигантскую выручку. — Тан-по вытер лоб, прокашлялся и закурил ещё одну сигарету. — Послушай, Младший Брат, — негромко начал он. — Ли божится, что им предложили очень крупный источник американских денег, наличными и в банке, и очень крупную точку, чтобы торговать там их товаром в розницу в месте под названием Манхэттен.

Ли почувствовал, как на лбу выступает пот.

— Точка для розничной торговли там... айийя, это же миллионы. Они гарантируют?

— Да. И мы очень мало что должны делать. Лишь закрывать глаза, и обеспечить перехват морской полицией и департаментом по борьбе с наркотиками некоторых отправок, и отводить им глаза, когда нужно. Не так ли написано в древних книгах: «Если не берешь отступных, молния поразит тебя»?

Снова молчание.

— Когда это решение... когда будет приниматься это решение?

— На следующей неделе. Если оно будет принято, ну, чтобы наладить поток товара, понадобятся месяцы, а то и год. — Глянув на часы, Тан-по встал. — Нам пора принять душ. А потом Ночной Сун организовал для нас ужин.

— И-и-и, очень хорошо. — Ли вывинтил единственную лампочку над головой. — А если будет решено, что нет? — никак не мог успокоиться он.

Тан-по загасил сигарету и закашлялся.

— Если нет... — Он пожал плечами. — Жизнь у нас одна, да оборонят нас боги, так что наш долг подумать о семьях. Один из моих родственников — капитан у Четырехпалого У...

11

20:30

— Привет, Брайан, — сказал Данросс. — Добро пожаловать.

— Добрый вечер, тайбань. Поздравляю — прекрасный вечер для приема. — Брайан Квок принял хрустальный бокал с шампанским, предложенный появившимся ниоткуда официантом в ливрее. — Спасибо за приглашение.

— Рад тебя видеть. — Данросс стоял у двери в танцевальный зал Большого Дома, высокий и обходительный. В нескольких шагах от него Пенелопа встречала других гостей.

Заполненный наполовину танцевальный зал выходил на залитые светом террасы и сад, где было полно народа и небольшими группами стояли или сидели за круглыми столами большинство приехавших дам в ярких нарядах и мужчин в смокингах. С наступлением темноты потянул прохладный ветерок.

— Пенелопа, дорогая, — позвал Данросс, — ты помнишь суперинтендента Брайана Квока?

— О, конечно, — произнесла она, пробираясь к ним и сияя счастливой улыбкой, хотя совсем его не помнила. — Как выживаете?

— Спасибо, прекрасно, — поздравляю!

— Благодарю вас, чувствуйте себя как дома. Ужин в девять пятнадцать. Если не найдете свою карточку, у Клаудии есть списки — кто где сидит. О, прошу извинить... — Она повернулась, чтобы перехватить других гостей, стараясь ничего не упустить, чтобы все шло как надо и чтобы никто не стоял один, и в то же время в глубине души понимая: если что и случится, ей и делать ничего не придется, потому что остальные постараются мигом уладить недоразумение, чтобы все снова стало хорошо.

— Повезло тебе, Иэн, — проговорил Брайан Квок. — Она молодеет с каждым годом.

— Да.

— Ну что, за следующие двадцать лет! Твое здоровье! — Они сдвинули бокалы. Дружили они с начала пятидесятых, когда познакомились на первой гонке по холмам, и с тех пор были друзьями-соперниками, а также членами-основателями Гонконгского клуба автоспорта.

— А у тебя, Брайан, разве нет особой подруги? Ты один?

— Не сдаю позиций, — объявил Брайан Квок. И добавил вполголоса: — Вообще-то я буду один всегда.

— Ну-ну, мечтай! Этот год твой: ты самый завидный жених Гонконга. Даже Клаудиа на тебя глаз положила. Ты пропал, старина.

— О господи! Послушай, тайбань, — уже серьезно заговорил Брайан, — можно будет сегодня поговорить наедине?

— О Джоне Чэне? — тут же насторожился Данросс.

— Нет. У нас его все ищут, но пока ничего нового. Это другое.

— По делу?

— Да.

— Это конфиденциально?

— Да.

— Хорошо, — сказал Данросс. — Я найду тебя после ужина. Как насчет...

Взрыв смеха заставил их оглянуться. Рядом с высокой стеклянной дверью, ведущей на террасу, в кругу восхищенных мужчин — среди них были Линбар Струан, Эндрю Гэваллан и Жак де Вилль — стояла Кейси.

— И-и-и, — вырвалось у Брайана Квока.

— Да уж, — ухмыльнулся Данросс.

На ней было узкое платье изумрудного шелка до полу, в меру облегающее и в меру просвечивающее.

— Господи, есть у неё или нет?

— Что?

— Есть у неё что-нибудь под этим или нет?

— Ищите и обряцете.

— Я бы не отказался. Она просто отпад.

— Я тоже так считаю, — согласился Данросс, — хотя уверен, что сто процентов

остальных дам полагают иначе.

— Грудь у неё что надо, это видно.

— Вообще-то этого не видно. Абсолютно. Это все твоё воображение.

— Могу поспорить, в этом никто в Гонконге с ней не сравнится.

— Пятьдесят долларов против медяка, что ты не прав, при условии, что евразиек тоже берем в расчет.

— А как мы докажем, кто выиграл?

— Никак. Я вообще-то предпочитаю судить по ногам.

— Как это?

— Старый Дядюшка Чэнь-чэнь говорил, бывало: «Сначала смотри на ноги, сын мой. Тогда сможешь сказать, насколько она породиста, как будет себя вести, как будет ходить под седоком, как... все как с другими кобылками. Но помни: под небесами все вороны чёрные!»

Брайан Квок ухмыльнулся вместе с ним, а потом приветливо помахал кому-то рукой. В другом конце зала ему помахал в ответ высокий мужчина, по виду человек бывалый. Стоявшая рядом необычайно красивая женщина — высокая, светловолосая, сероглазая — тоже весело помахала Брайану.

— А вот и истинная английская красавица!

— Кто? О, Флер Марлоу? Да, она точно красавица. Я не знал, что ты знаком с четой Марлоу, тайбань.

— И я тоже! Я только сегодня с ним познакомился. А ты давно его знаешь?

— О, месяца два с небольшим. Он у нас персона грата.

— Как это?

— Да. Рассказываем ему, что у нас и как.

— Вот оно что. А с какой стати?

— Несколько месяцев назад он написал комиссару, что едет в Гонконг собирать материал для романа, и просил оказать содействие. Похоже, старик читал его первый роман и смотрел некоторые фильмы по его сценариям. Мы его, конечно, проверили, и у него, похоже, все в порядке. — Взгляд Брайана Квока снова обратился на Кейси. — Старик счел, что нам не помешает улучшить свой образ в глазах общества, поэтому спустил приказ в определенных пределах показать Питеру, что к чему. — Повернувшись к Данроссу, он многозначительно улыбнулся. — А наше дело не рассуждать зачем!

— А что за книгу он написал?

— Называется «Чанги» — о том, как он был в плену. У Старика там погиб брат, так что, я полагаю, он попал в самую точку.

— А ты её читал?

— Я — нет, мне нужно покорять слишком много вершин! Так, пролистал несколько страниц. Питер утверждает, что все это выдуманно, но я ему не верю. — Брайан Квок усмехнулся. — Хотя пиво пить умеет. Роберт брал его с собой на пару своих «стопинтовок», и тот не сломался. — «Стопинтовкой» в полиции называли мальчишник, на котором выставлялась бочка в сто пинт⁹² пива. Когда пиво заканчивалось, кончалась и вечеринка.

Брайан Квок пожирал глазами Кейси, и Данросс в миллионный раз дивился, почему азиаты предпочитают англосаксонок, а англосаксам нравятся азиатки.

— Чему улыбаешься, тайбань?

— Так просто. А Кейси недурна, а?

— Спорю на пятьдесят долларов, что она *бат джам гай*, *хейя*? Данросс задумался, тщательно взвешивая условия пари. Выражение *бат джам гай*

⁹² Одна пинта равна 0,57 л.

буквально значило «белая курятина»⁹³. Так кантонцы называют дам, сбрывающих волосы на лобке.

— Принято! Ты не прав, Брайан, она *си ю гай*. — Это значило «курица под соевым соусом», а точнее, рыжевато-нежная, с пряным ароматом. — У меня на этот счет самые авторитетные свидетельства!

— Познакомь, — засмеялся Брайан.

— Познакомься сам. Тебе уже больше двадцати одного, взрослый.

— Я позволю тебе выиграть гонки в воскресенье!

— Размечтался! Попробуй, и спорю на тысячу, у тебя ничего не выйдет.

— Какую фору даешь?

— Ты шутишь!

— Да ладно, подумаешь, спросил. Господи, я бы не прочь завести на неё бухгалтерию. Где счастливчик мистер Бартлетт?

— Думаю, в саду: я попросил Адрион побыть с ним. Извини, я на минуту... — И Данросс отвернулся, чтобы поздороваться с кем-то, кого Брайан Квок не знал.

Прибыло уже более ста пятидесяти гостей, и каждого Данросс приветствовал лично. Ужин был рассчитан на двести семнадцать персон. На уже накрытых круглых столах посреди лужайки зажгли свечи. Место каждого гостя было тщательно продумано в соответствии с его достоинством и обычаем. Канделябры в залах, ливрейные лакеи, предлагавшие шампанское в бокалах из резного хрусталя и копченого лосося с икрой на серебряных подносах и глубоких блюдах.

На возвышении играл небольшой оркестр, и среди облаченных в смокинги Брайан Квок заметил нескольких людей в военной форме, американской и британской, офицеров армии, флота и ВВС. Преобладали европейцы, и неудивительно. Прием проводился исключительно для внутреннего круга британцев, которые заправляли районом Сентрал и составляли правящее ядро колонии, их друзей-европейцев и нескольких значительных персон из числа евразийцев, китайцев и индийцев. Большинство гостей Брайану были знакомы. Пол Хэвегилл из гонконгского банка «Виктория». Старик Сэмюэль Сэмюэльс, мультимиллионер, тайбань двадцати ризлторских фирм, банковских, паромных и брокерских компаний, работавших на фондовой бирже. Кристиан Токс, главный редактор газеты «Чайна гардиан», разговаривает с Ричардом Кваном, председателем совета директоров банка «Хо-Пак». Мультимиллионер-судовладелец В. К. Лам беседует с Филлипом и Дианой Чэнь и их сыном Кевином. Американец Зеб Купер, наследник старейшей американской торговой компании «Купер-Тилман», прислушивается к тому, что говорит сэр Дунстан Барр, тайбань компании «Гонконг энд Ланьдао фармз». Среди гостей Брайан Квок заметил Эда Лэнгана из ФБР и удивился. Раньше он не причислял Лэнгана и человека, с которым тот говорил, Стэнли Роузмонта, заместителя директора группы ЦРУ по наблюдению за Китаем, к друзьям Данросса. Его глаза скользили по компаниям беседующих мужчин и, в основном стоявшим отдельно, стайкам их жен.

«Вот они, все здесь, — думал он, — все тайбани, кроме Горнта и Пламма. Все эти пираты, все здесь. Приехали засвидетельствовать почтение Тайбаню, почти сроднившиеся в своей ненависти к нему.

Кто из них шпион, предатель, резидент „Севрина“, „Артур“?

Он должен быть европейцем.

Держу пари, он здесь. И я поймаю его. Да, я поймаю его, и скоро, раз уж знаю о нем. Мы поймаем его и поймаем их всех, — угрюмо думал он. — И мы схватим этих

⁹³ Буквальный перевод выражения бат джам гай дает следующая по тексту фраза. «Белая курятина» по-кантонски — баак гай.

жуликов на месте преступления и тогда искореним их незаконную деятельность для всеобщего блага».

— Шампанского, досточтимый сэр? — обратился к нему по-кантонски официант, обнажив в улыбке зубы.

Брайан взял наполненный бокал.

— Спасибо.

Официант поклонился, чтобы не было видно его губ.

— Когда тайбань приехал сегодня вечером, среди бумаг у него была папка с синей обложкой, — быстро прошептал он.

— Есть ли здесь сейф, какое-нибудь потайное место? — спросил Брайан с такой же осторожностью на том же диалекте.

— Слуги говорят, в его офисе этажом выше. — Собеседника Брайана звали Официант Фэн. Один из агентов тайной разведывательной сети Эс-ай, он работал официантом в компании, которая обслуживала все самые громкие и блестящие приемы в Гонконге, и из-за этого считался очень ценным. — Я слышал, что он может быть за картиной... — Осекшись, Официант Фэн вдруг перешел на ломаный английский. — Сампаньски, мисси? — ощерился он в зубастой улыбке, предлагая поднос подходившей к ним маленькой пожилой евразийской даме. — Осин осин пелывакласыны.

— Не смей называть меня «мисси», глупый щенок, — высокомерно бросила та по-кантонски.

— Да, Почтенная Двоюродная Бабушка, виноват, Почтенная Двоюродная Бабушка, — расплылся в улыбке официант и исчез.

— Ну так что, юный Брайан Квок, — произнесла старуха, вглядываясь в него снизу вверх. Саре Чэнь, похожей на крохотную птичку тетушке Филлипа Чэня, было восемьдесят восемь лет. Из-за бледной белой кожи она казалась хрупкой, но её азиатские глазки так и шныряли, спину она держала прямо и была весьма сильна духом. — Рада видеть тебя. Где Джон Чэнь? Куда делся мой бедный внучатый племянник?

— Не знаю, Почтенная Дама, — вежливо отвечал он.

— Когда вы вернете мне моего Первого Внучатого Племянника?

— Скоро. Мы делаем все, что в наших силах.

— Хорошо. И не вмешивайтесь, если молодой Филлип захочет тайно заплатить выкуп за Джона. Позаботься об этом.

— Да. Я сделаю все, что в моих силах. Жена Джона здесь?

— А? Кто? Говори громче, мальчик!

— Барбара Чэнь здесь?

— Нет. Она была здесь, но, как только приехала эта женщина, у неё «разболелась голова», и она ушла. — Старушка хмыкнула. — Я её ничуть не виню! — Старые слезящиеся глаза наблюдали за Дианой Чэнь через весь зал. — Эта женщина! — снова неодобрительно хмыкнула она. — Ты видел, как она вошла сюда?

— Нет, Почтенная Дама.

— Хм, как сама дама Нелли Мельба⁹⁴. Она вплыла, прижимая платок к глазам, а за ней — её старший сын Кевин. Не люблю я этого мальчишку. А мой бедный племянник Филлип тащился позади, как поваренок второго класса. Хм! Единственный раз Диана Чэнь плакала во время биржевого краха в пятьдесят шестом: её акции упали, она потеряла целое состояние и напустила себе в подштанники. Ха! Смотри,

⁹⁴ Нелли Мельба (1861-1931) — всемирно известная оперная певица, сопрано, примадонна лондонского театра «Ковент-Гарден». Уроженка Австралии. В 1918 г. за вклад в сбор средств во время Первой мировой войны возведена в ранг дамы-командора ордена Британской империи.

какая самодовольная! Делает вид, что расстроена, когда все понимают, что она уже чувствует себя вдовствующей императрицей! Уж я бы оттащила её за щеки! Какая гадость! — Она обернулась к Брайану Квоку: — Найди моего внучатого племянника Джона. Не хочу, чтобы эта женщина или её выродок стали лао-банем в нашем доме.

— Но ведь он может стать тайбанем?

Оба засмеялись. Очень немногие европейцы знали, что, хотя слово «тайбань» и значило «великий вождь», в старые времена в Китае «тайбанем» в разговорной речи именовали управляющего борделем или содержателя общественного туалета⁹⁵. Поэтому ни один китаец никогда не называл себя «тайбанем», а только «лаобанем», что тоже значило «великий вождь» или «главный вождь». И китайцев, и евразийцев немало забавляло то, что европейцам нравится величать себя «тайбанями», неразумно оставляя без внимания правильный титул.

— Да. Если он правильный «бань», — сказала старушка, и оба хихикнули. — Найди моего Джона Чэня, юный Брайан Квок!

— Да-да, мы найдем его.

— Хорошо. Ну, а каковы, по-твоему, шансы Голден Леди в субботу?

— Хорошие, если будет сухо. При трех к одному она может принести кучу денег. Следите за Ноубл Стар, у неё тоже есть шанс.

— Хорошо. Найди меня после ужина. Хочу поговорить с тобой.

— Да, Почтенная Дама. — С улыбкой глядя ей вслед, он был уверен: единственное, что ей нужно, — сосватать за него какую-нибудь внучатую племянницу. «Айийя, придется вскоре что-то предпринять по этому поводу», — подумал он.

И снова перевел взгляд на Кейси. Ему доставляло удовольствие видеть, какие грозные взоры бросают на неё все женщины — и как тщательно скрывают восхищение их спутники. Туг Кейси подняла глаза и, заметив, что Брайан пристально смотрит на неё через зал, какое-то время так же пристально рассматривала его, оценивая столь же откровенно.

«Цзю ни ло мо», — смутился он, чувствуя себя раздетым. — Вот бы мне такую». Тут он заметил Роджера Кросса, а рядом с ним — Армстронга. Собравшись с мыслями, Брайан направился к ним.

— Добрый вечер, сэр.

— Добрый вечер, Брайан. Выглядите весьма изысканно.

— Благодарю вас, сэр. — Брайан знал, что никаких любезностей в ответ говорить не стоит. — С тайбанем встречаюсь после ужина.

— Хорошо. Найдите меня сразу после этой встречи.

— Есть, сэр.

— Значит, вы считаете, что эта американка — отпад?

— Да, сэр. — Брайан вздохнул про себя. Он забыл, что Кросс умеет читать по губам на английском, французском и немного на арабском — китайскими диалектами он не владел — и что зрение у него отменное.

— Вообще-то, ничего особенного в ней нет.

— Да, сэр. — Он заметил, что Кросс сконцентрировал взгляд на её губах. «Вот черт, этот урод понимает все, что она говорит. Почему я не развил такого таланта в себе?»

— Похоже, она увлекается компьютерами, — повернулся к ним Кросс. —

⁹⁵ Как отмечалось выше, к иностранцам — директорам компаний, торговавших с Китаем, традиционно применялся лишь один термин — «тайбань» («дабань»). Однако игра слов, которую вводит автор, вполне допустима как из-за наличия в китайском языке множества одинаково звучащих слов, которые пишутся различными иероглифами и имеют абсолютно разное значение, так и благодаря разнице в произношении тех же слов в южно-китайских диалектах, тем более если речь идет о старом Китае: как и в других языках, китайское произношение со временем меняется.

Любопытно, верно?

— Да, сэр.

— Что сказал Официант Фэн? Брайан доложил.

— Хорошо. Я позабочусь, чтобы Фэн получил премию. Не ожидал увидеть здесь Лэнгана и Роузмонта.

— Возможно, это стечение обстоятельств, сэр, — вставил Брайан Квок. — Оба ярые игроки на скачках. И оба были в ложе тайбаня.

— Я не верю в стечение обстоятельств. Что касается Лэнгана, вы двое, конечно, ничего не знаете.

— Да, сэр.

— Хорошо. Вероятно, будет лучше, если каждый из вас займется своим делом.

— Есть, сэр. — Офицеры обрадованно повернулись, чтобы уйти, но остановились, потому что все вокруг замолчали и оборотились к дверям. Там стоял Квиллан Горнт, чернобровый, чернобородый. Его приход не остался незамеченным, и он это почувствовал. Остальные гости торопливо вернулись к прерванным разговорам, отводя глаза, но напрягая слух.

Кросс слегка присвистнул:

— Так, а этот что здесь делает?

— Пятьдесят против одного, что ничего хорошего он не задумал, — проговорил в равной степени изумленный Брайан Квок.

Войдя в танцевальный зал, Горнт протянул руку Данроссу и стоявшей рядом Пенелопе. Находившаяся неподалеку Клаудиа в ужасе соображала, как ей рассадить гостей за столом Данросса, потому что Горнта, конечно же, придется пригласить туда.

— Надеюсь, ты не в претензии, что в последний момент я передумал, — проговорил Горнт, улыбаясь одними губами.

— Нет, нисколько. — Данросс тоже улыбнулся одними губами.

— Добрый вечер, Пенелопа. Я посчитал, что должен передать поздравления лично.

— О, спасибо. — Её улыбка осталась той же. Но сердце забилось гораздо быстрее. — Я... я так опечалилась, узнав про вашу жену.

— Благодарю вас. — У Эмельды Горнт был артрит, и она несколько лет оставалась прикованной к креслу-каталке. В начале этого года она подхватила воспаление легких и умерла. — Ей очень не повезло. — Горнт взглянул на Данросса. — С Джоном Чэнем тоже плохой джосс.

— Очень плохой.

— Я полагаю, вы читали дневной выпуск «Газетт»? Данросс кивнул, а Пенелопа сказала:

— Понаписали такого, что насмерть можно запугать кого угодно. — Все дневные газеты вышли с аршинными заголовками и пространными статьями про отрезанное ухо и Вервольфов. Наступила небольшая пауза. Пенелопа поторопилась заполнить её: — Все ли хорошо у ваших детей?

— Да. Аннагрей в сентябре поступает в Калифорнийский университет, а Майкл здесь на летних каникулах. Рад сообщить, оба в прекрасной форме. А ваши?

— У них все в порядке. Хотя мне хотелось бы, чтобы Адрион поступила в университет. Боже мой, как непросто сейчас с детьми, верно?

— Думаю, с ними всегда было непросто, — чуть улыбнулся Горнт. — Мой отец вечно ворчал, что со мной трудно. — Он снова посмотрел на Данросса.

— Да. А как ваш отец?

— Рад сообщить, что он здоров и бодр. Говорит, английский климат как раз для него. Собирается приехать на Рождество. — Горнт взял предложенный бокал шампанского. Не выдержав его взгляда, официант тут же исчез. Он поднял бокал: — Счастливой жизни и множество поздравлений.

Ещё не придя в себя от появления Горнта, Данросс произнес ответный тост. Горнту и другим врагам официальные приглашения были посланы только из вежливости. Ничего и не ожидалось, кроме вежливого отказа, — и Горнт уже отказался.

«Зачем он здесь?»

Приехал поглумиться. Как и его чертов отец. Вот в чем, должно быть, причина. Но что за этим стоит? Что за гадость он нам сотворил? Бартлетт? Через Бартлетта?»

— Прекрасный зал, красивые пропорции, — говорил Горнт. — Очаровательный дом. Я всегда завидовал вам.

«Да, ублюдок, знаю», — бушевал в душе Данросс, вспомнив последнее появление Горнтов в Большом Доме.

Это случилось десять лет назад, в пятьдесят третьем, когда тайбанем ещё был отец Иэна, Колин Данросс. Квиллан Горнт нагрянул так же неожиданно вместе с отцом, Уильямом, тогдашним тайбанем «Ротвелл-Горнт», во время рождественского приема «Струанз», традиционно самого грандиозного. После ужина в бильярдной, где собралось около дюжины мужчин, между двумя тайбанами произошла ожесточенная публичная стычка. Как раз в то время Горнт со своими шанхайскими приятелями заблокировал попытку «Струанз» овладеть компанией «Саут ориент эруэйз», приобретение которой стало возможным после того, как коммунисты заняли весь материковый Китай. Этой вспомогательной авиалинии принадлежала монополия на все полеты из Шанхая и в Шанхай из Гонконга, Сингапура, Тайбэя, Токио и Бангкока. Слияние её с «Эйр Струан», их ещё не оперившейся авиалинией, обещало «Струанз» фактическую монополию на внутренние авиаперевозки на Дальнем Востоке с базой в Гонконге. Оба тайбаня обвиняли друг друга в закулисных ходах, и эти обвинения с обеих сторон имели под собой основание.

«Да, — говорил про себя Данросс, — в тот раз тайбани подошли к последней черте». Уильям Горнт пытался всеми способами утвердиться в Гонконге после того, как компания «Ротвелл-Горнт» потерпела огромные убытки в Шанхае. И когда Колин Данросс понял, что в одиночку у «Струанз» ничего не получится, он вырвал «Саут ориент» из рук Уильяма Горнта, заручившись поддержкой одной надежной кантонской группы.

— Так ты и сделал, Колин Данросс, так ты и сделал. И попался в ловушку, и теперь тебе нас уже не остановить, — злорадствовал Уильям Горнт. — Мы остаемся здесь. Мы выживем тебя из Азии, тебя и твой проклятый Богом Благородный Дом. «Саут ориент» — это только начало. Выиграли мы!

— Черта с два вы выиграли! Мы договорились с группой «Янь-Вонг-Сунь». У нас контракт.

— Настоящим он аннулируется. — Уильям Горнт подал знак Квиллану, своему старшему сыну и наследнику, и тот вынул копию договора. — Вот это — контракт между группой «Янь-Вонг-Сунь», номинальным юридическим лицом, учрежденным группой «Цо-Ва-Фэн», — с сияющей физиономией продолжал он, — которая, в свою очередь, — номинальное лицо, принадлежащее группе «Да-Вэн-Сап», а та продает контрольный пакет «Саут ориент» компании «Ротвелл-Горнт» по цене на один доллар больше изначальной стоимости! — Квиллан Горнт эффектным жестом положил документ на бильярдный стол. — «Саут ориент» — наш!

— Не верю!

— Поверишь. Счастливого Рождества! — Уильям Горнт презрительно расхохотался и вышел. Квиллан поставил на место бильярдный кий. Он тоже смеялся. Иэн Данросс стоял у двери.

— В один прекрасный день этот дом будет моим, — прошипел в его сторону Квиллан Горнт. Потом обернулся и крикнул, обращаясь к остальным: — Если кому-то нужна работа, приходите к нам. Скоро вы все будете безработными. Вашему

Благородному Дому недолго оставаться благородным.

Там были Эндрю Гэваллан, Жак де Вилль, Аластэр Струан, Лечи и Дэвид Мак-Струаны, Филлип Чэнь и даже Джон Чэнь.

Данросс помнил, как бушевал в тот вечер отец, кляня предателей, и подставные фирмы, и плохой джосс. Не забыл он, что и сам неоднократно предупреждал отца, но от его предупреждений отмахивались.

«Господи, как мы тогда осрамылись! Весь Гонконг смеялся над нами: Горнты и их шанхайские чужаки помочились на Благородный Дом с большой высоты.

Да. Но тот вечер предрешил падение Колина Данросса. Именно в тот вечер я понял, что он должен уйти, иначе мы потеряем Благородный Дом. Я использовал Аластэра Струана. Я помог ему оттеснить отца. Тайбанем пришлось стать Аластэру. Пока я не набрался ума и сил, чтобы оттеснить его.

Достанет ли мне ума сейчас?

Не знаю. — Теперь Данросс сосредоточился на Квиллане Горнте, слушая его любезности и расточая ответные, в то время как внутренний голос говорил: — Я не забыл „Саут ориент" и то, что нам пришлось пойти на слияние нашей авиалинии с вашей по цене дешевой распродажи и потерять контроль над новой линией, получившей название „Ол Эйша эруэйз". Не забыто ничего. Тогда мы проиграли, но на этот раз выиграем. Мы выиграем все, ей-богу».

Кейси наблюдала за двумя тайбанями как зачарованная. Она с первой минуты заметила Квиллана Горнта, узнав его по фотографиям в досье. Даже с другого конца зала она почувствовала его силу и мужское начало, и это вызвало тревожное возбуждение. Она смотрела на двух мужчин, изготовившихся к бою, и напряжение между ними — напряжение двух быков перед схваткой — ощущала почти физически.

Эндрю Гэваллан тут же рассказал ей, кто такой Горнт. Она не стала вдаваться в расспросы, а лишь поинтересовалась у Гэваллана и Линбара Струана, почему они так шокированы его приходом. И тогда, поскольку оставались только свои — Гэваллан, де Вилль и Линбар Струан, — они рассказали Кейси о тех словах, что прозвучали когда-то: «Счастливого Рождества!» и «В один прекрасный день этот дом будет моим».

— И что сделал тайбань... что сделал Иэн? — спросила она.

— Он просто смотрел на Горнта, — сказал Гэваллан. — Было понятно, что, окажись у него под рукой пистолет, нож или дубинка, он пустил бы их в ход. Это было ясно как день. Однако оружия под рукой не случилось, и возникло ощущение, что в любой момент он может пустить в ход руки или зубы... И всё-таки он не двинулся с места — просто стоял и смотрел на Горнта. И Горнт отступил, на шаг буквально, чтобы оказаться вне досягаемости. Но этот тип не робкого десятка. Он вроде бы собрался с духом и какой-то миг тоже смотрел на Иэна. Потом, не говоря ни слова, медленно и очень осторожно, не сводя с него глаз, обошел Иэна кругом и вышел.

— Зачем этот ублюдок явился сюда сегодня? — пробормотал Линбар Струан.

— Должно быть, что-то важное, — предположил Гэваллан.

— Что именно? — спросил Линбар. — Что важное?

Кейси посмотрела на него, заметив боковым зрением, как Жак де Вилль предупреждающе помотал головой и на физиономии Линбара и Гэваллана тут же набежала тень. Тем не менее она осведомилась:

— Ну и зачем же Горнт явился сюда?

— Не знаю, — ответил Гэваллан, и она поверила ему.

— А они встречались после того Рождества?

— О да, неоднократно, все время, — сказал Гэваллан. — На людях, конечно. Потом, опять же, они входят в состав одних и тех же советов директоров, комиссий, совещательных органов. — И с беспокойством добавил: — Но... я уверен, оба лишь

ждут подходящего случая.

Взгляды мужчин снова обратились на двух врагов, и её глаза устремились туда же. Сердце сильно билось. Пенелопа отошла, чтобы поговорить с Клаудией Чэнь. Через мгновение Данросс поглядел через зал на них. Кейси поняла, что он подает какие-то сигналы Гэваллану. Потом он остановил взгляд на ней. И Горнт тоже. Теперь на неё смотрели оба. Она чувствовала их магнетизм. Он опьянял. Какой-то чертик внутри подтолкнул её, и ноги сами понесли к ним. Она была рада, что оделась именно так, несколько вызывающе, ведь Линк сказал, что сегодня вечером деловую строгость можно отставить.

На ходу она ощущала нежные прикосновения шелка, и у неё затвердели соски. Их взгляды окутывали её всю, раздевая, но, как ни странно, сейчас она не возражала. В её походке чуть заметно прибавилось кошачьей грации.

— Привет, тайбань, — проговорила она, сделав вид, что ничего не понимает. — Вы хотели, чтобы я подошла?

— Да, — тут же ответил он. — Думаю, вы знакомы.

Она отрицательно покачала головой и улыбнулась обоим, не замечая ловушки.

— Нет. Мы не встречались. Но я, конечно, знаю, кто такой мистер Горнт. Мне сказал Эндрю.

— А, ну тогда позвольте представить вас официально. Мистер Квиллан Горнт, тайбань компании «Ротвелл-Горнт». Мисс Чолок — Сирануш Чолок — из Америки.

Она протянула руку, понимая, насколько опасно быть между этими двумя мужчинами. Одну её половину эта опасность грела, другая же кричала: «Господи, что ты здесь делаешь?!»

— Я много слышала о вас, мистер Горнт. — Она осталась довольна ровным звучанием своего голоса, и ей было приятно прикосновение его руки, грубее, чем у Данросса, и не такой сильной. — Насколько я знаю, соперничество между вашими фирмами длится уже не одно поколение?

— Всего три. Первыми сомнительными милостями «Струанз» был осыпан мой дед, — непринужденно заговорил Горнт. — Когда-нибудь я с удовольствием расскажу вам эти легенды в нашей версии.

— Может, вам двоим следует выкурить трубку мира? Ведь Азия достаточно велика, в ней хватит места вам обоим.

— Весь мир не настолько велик, — учтиво проговорил Данросс.

— Это верно, — согласился Горнт, и, если бы ей не рассказали, как все обстоит на самом деле, по их манерам и тону можно было бы предположить, что это лишь друзья-соперники.

— У нас в Штатах много громадных компаний, и все живут в мире. Конкурируя друг с другом.

— Здесь не Америка, — спокойно произнес Горнт. — Вы сюда надолго, мисс Чолок?

— Это зависит от Линка — Линка Бартлетта. Я работаю в компании «Пар-Кон индастриз».

— Ну да, я знаю. Разве он не сказал вам, что мы договорились об ужине во вторник?

Всем существом она почувствовала опасность.

— Во вторник?

— Да. Мы договорились об этом сегодня утром. На нашей встрече. Разве он не упоминал о ней?

— Нет. — Какой-то миг она пребывала в шоке. Оба пристально смотрели на неё, и ей хотелось улизнуть и вернуться минут через пять, все хорошенько обдумав. «Господи», — судорожно соображала она, стараясь сохранять выдержку перед лицом возможных последствий. — Нет, — повторила она. — Линк не говорил ни о

какой встрече. А о чем вы договорились?

Горнт глянул на Данросса, который слушал, не проявляя никаких эмоций.

— Только об ужине в следующий вторник. Мистер Бартлетт и вы — если не заняты.

— Это очень мило, благодарю вас.

— А где сейчас мистер Бартлетт? — спросил он.

— В... думаю, что в саду.

— Последний раз я видел его на террасе, — подсказал Данросс. — С ним была Адрион. А что?

Горнт вынул золотую сигаретницу и предложил Кейси.

— Нет, благодарю вас. Я не курю.

— Вы не будете возражать, если закурю я? Она отрицательно покачала головой. Закурив, Горнт повернулся к Данроссу.

— Я лишь хотел поприветствовать его перед уходом, — со всей любезностью проговорил он. — Надеюсь, ты не в претензии, что я зашел лишь на несколько минут. С твоего позволения я не останусь на ужин. У меня есть одно срочное дело... Ну, ты понимаешь.

— Конечно, — промолвил Данросс. — Жаль, что не можешь остаться, — добавил он.

Лица мужчин не выражали ничего. Но глаза — в них было написано все. Ненависть. Ярость. Глубина этих чувств поражала.

— Попросите Иэна Данросса показать вам Долгую галерею, — обратился к ней Горнт. — Я слышал, там есть несколько замечательных портретов. Сам я в Долгой галерее не бывал. Только в бильярдной. — У неё холодок пробежал по спине, когда он снова взглянул на Данросса, который не сводил с него пристального взора.

— А эта встреча сегодня утром, — начала Кейси, которая уже мыслила здраво и решила, что все нужно выяснить сейчас же, перед Данроссом. — Когда вы о ней договорились?

— Примерно три недели назад. Я считал, что вы — его главный менеджер, и удивлен, что он не уведомил вас.

— Линк — наш тайбань, мистер Горнт. Я — его работник. Он не обязан обо всем мне докладывать. — Она уже совсем успокоилась. — А разве он должен был непременно уведомить меня? Я имею в виду, это имело значение?

— Может быть. Да. Я подтвердил официально, что мы можем предложить более выгодные условия, чем «Струанз». Перекрыть любое их предложение. — Горнт обернулся к Данроссу и заговорил чуть резче: — Иэн, я хотел сказать тебе лично, что рынок у нас один.

— Из-за этого ты и пришел?

— Это одна из причин.

— А другая?

— Просто захотелось.

— Ты давно знаешь мистера Барлетта?

— Месяцев шесть. А что?

Данросс пожал плечами, потом взглянул на Кейси, и в его голосе и манере она не почувствовала ничего, кроме дружелюбия:

— Вы ничего не знали о переговорах с «Ротвелл-Горнт»?

Она искренне покачала головой, благоговей перед Линком и его умением строить далеко идущие планы.

— Нет. А что, ведутся переговоры, мистер Горнт?

— Я бы сказал, да, — улыбнулся Горнт.

— Тогда поживем — увидим, верно? — обронил Данросс. — Посмотрим, чье предложение будет лучше. Благодарю, что известил меня лично, хотя в этом и не

было нужды. Я, конечно же, знал, что тебе это тоже будет интересно. Не стоило брать на себя такой труд.

— Вообще-то причина есть, и очень веская, — отрезал Горнт. — Возможно, ни мистер Бартлетт, ни эта леди не понимают, насколько компания «Пар-Кон» жизненно важна для тебя. Я счел своим долгом предупредить их лично. И тебя. И конечно, передать свои поздравления.

— Почему жизненно важна, мистер Горнт? — Кейси уже ввязалась в бой.

— Без сделки с «Пар-Кон» и тех финансовых потоков, которые она принесет, через несколько месяцев компания «Струанз» может легко разориться.

Данросс рассмеялся, и те несколько человек, что тихонько подслушивали, содрогнулись и заговорили громче, придя в ужас от одной мысли, что «Струанз» рухнет, и в то же время прикидывая: «Что это ещё за сделка? „Пар-Кон“? Продавать нам или покупать? Акции „Струанз“ или „Ротвелл-Горнт“?»

— А вот этого не дождетесь, — объявил Данросс. — Не дождетесь, черт побери!

— А мне кажется, возможность есть, и очень неплохая. — Тон Горнта стал другим. — Во всяком случае, как ты выразился, поживем — увидим.

— Да, поживем — увидим, а пока... — Данросс осекся, увидев смущенно подходившую Клаудию.

— Прошу прощения, тайбань. Ваш личный звонок — Лондон на линии.

— О, благодарю вас. — Данросс обернулся и жестом подозвал Пенелопу. Она тут же подошла. — Пенелопа, будь добра, займи на минуточку Квиллана и мисс Чолок. У меня звонок. Квиллан не остается на ужин — у него срочные дела. — Он весело помахал рукой и ушел. Кейси обратила внимание на чувственную грацию его походки.

— Вы не остаетесь на ужин? — переспросила Пенелопа с явным облегчением, хотя и старалась его скрыть.

— Нет. Извините, что причиняю неудобства: так неожиданно приехал, уже отказавшись от вашего любезного приглашения. К сожалению, остаться не могу.

— Вот как. В таком случае... Прошу прощения, я сейчас вернусь.

— О нас не беспокойтесь, — спокойно проговорил Горнт. — Мы позаботимся о себе сами. Опять же, прошу простить мне занудство, Пенелопа, ты выглядишь великолепно. Просто не меняешься. — Она поблагодарила его, и он попрощался. Обрадованная, она направилась к ожидавшей неподалеку Клаудии Чэнь.

— Интересный вы человек, — обронила Кейси. — То агрессия, то само обаяние.

— У нас, англичан, свои правила для мирного времени и для войны. Если кого-то не выносишь, это не значит, что можно проклинать этого человека, выказывать ему презрение или оскорблять его даму. — Горнт улыбнулся, глядя на неё сверху вниз. — Может, поищем вашего мистера Бартлетта? А потом мне действительно нужно будет идти.

— Зачем вы так поступили? По отношению к тайбаню? Этот вызов... Я имею в виду эти слова — «жизненно важна». Вы бросили перчатку, верно? На людях.

— Жизнь — игра. Вся жизнь — игра, и мы, англичане, играем в неё по иным правилам, нежели вы, американцы. Да. А жизнью надо наслаждаться. Сирануш — какое у вас милое имя. Можно я буду так вас называть?

— Да, — разрешила она после паузы. — Но почему вы бросили вызов сейчас?

— Время настало. Я не преувеличил, говоря насчет важности сделки для «Струанз». Может, отправимся на поиски вашего мистера Бартлетта?

«Вот уже третий раз он говорит „вашего мистера Бартлетта“. Для чего это — прощупать, подразнить?»

— Конечно, почему бы и нет? — Она повернулась в сторону сада, ощущая на себе упорные и брошенные исподволь взгляды остальных гостей и наслаждаясь чувством опасности. — Вы всегда входите так театрально?

— Нет, — усмехнулся Горнт. — Прошу прощения, если я был резок, Сирануш, — если заставил вас почувствовать себя неловко.

— Вы имеете в виду вашу тайную встречу с Линком? Ну что вы. Линк поступил очень умно, встретившись с конкурентом без моего ведома. Благодаря этому сегодня утром у меня была свобода действий. В противном случае я была бы её лишена.

— А, значит, вас не смущает, что он не посвятил вас в свои планы?

— С доверием это никак не связано. Я сама нередко утаиваю информацию от Линка до поры до времени, чтобы его оградить. Очевидно, он поступил так же по отношению ко мне. Мы с Линком понимаем друг друга. По крайней мере, я считаю, что понимаю его.

— Тогда скажите, как завершить эту сделку.

— Сначала мне нужно знать, чего вы хотите. Помимо головы Данросса.

— Ни его голова, ни его смерть, ни что-либо подобное — все это мне не нужно. Единственное, что мне нужно, — это кончина их Благородного Дома, и чем скорее, тем лучше. Как только «Струанз» канут в прошлое, Благородным Домом станем мы. — Выражение лица у него сделалось напряженнее. — И тогда самые разные призраки смогут спать спокойно.

— Расскажите о них.

— Сейчас не время, Сирануш, о нет. Слишком много враждебных ушей. Я расскажу это только вам.

Они уже вышли в сад. Дул восхитительно мягкий ветерок, а в ночном небе над головой было полно звезд. Не обнаружив Линка Бартлетта на террасе, они спустились по широким каменным ступеням мимо остальных гостей и зашагали к дорожкам, которые вились через лужайки. Там их перехватили.

— Привет, Квиллан, какой приятный сюрприз.

— Привет, Пол. Мисс Чолок, разрешите представить Пола Хэвегилла. Пол в настоящее время возглавляет банк «Виктория».

— Боюсь, это временно, мисс Чолок, и только потому, что наш главный управляющий в отпуске по болезни. Через несколько месяцев я уйду в отставку.

— К нашему сожалению, — присовокупил Горнт, а затем представил Кейси остальным: леди Джоанне Темпл-Смит, высокой даме за пятьдесят с лошадиным лицом, Ричарду Квану и его жене Май-лин. — Ричард Кван — председатель «Хо-Пак», одного из лучших китайских банков в Гонконге.

— В банковском деле мы все друзья-соперники, мисс... э-э... мисс, за исключением, конечно, «Блэкс», — объявил Хэвегилл.

— Как вы сказали, сэр? — не поняла Кейси.

— «Блэкс»? О, у нас так называют Банк Лондона, Кантона и Шанхая. Возможно, этот банк покрупнее, чем наш, основан примерно на месяц раньше, но мы здесь самый лучший банк, мисс, э-э...

— «Блэкс» работает со мной, — пояснил Горнт Кейси. — Делают они это очень хорошо. Первоклассные банкиры.

— Второго класса, Квиллан. Горнт повернулся к Кейси:

— У нас здесь говорят, что «Блэкс» состоит из джентльменов, которые стараются быть банкирами, а те, что в банке «Виктория», — это банкиры, которые стараются быть джентльменами.

Кейси засмеялась. Остальные улыбнулись из вежливости.

— Вы все только друзья-соперники, мистер Кван? — спросила она.

— О да. Разве мы станем конкурировать с «Блэкс» или банком «Виктория»? — приветливо проговорил Ричард Кван. Мужчина средних лет, небольшого роста, коренастый, черноволосый с проседью, он цвел непринужденной улыбкой и прекрасно изъяснялся по-английски. — Я слышал, «Пар-Кон» собирается делать инвестиции в Гонконге, мисс Челек.

— Мы хотим осмотреться здесь, мистер Кван. Ещё ничего не решено. — Она старалась не обращать внимания на то, что её имя произносят неправильно.

Горнт понизил голос:

— Только между нами, я официально заявил и Бартлетту, и мисс Чолок, что мои условия будут лучше любого предложения «Струанз». «Блэкс» поддерживают меня на сто процентов. У меня налажены дружеские отношения и с другими банкирами. Надеюсь, «Пар-Кон» взвесит все возможности до того, как возьмет на себя какие-либо обязательства.

— Думаю, это было бы весьма разумно, — поддержал Хэвегилл. — Хотя, конечно, «Струанз» идет по самой короткой дорожке.

— «Блэкс» и большинство в Гонконге вряд ли согласятся с тобой, — возразил Горнт.

— Надеюсь, до стычки дело не дойдет, Квиллан, — продолжал Хэвегилл. — «Струанз» — наш самый крупный клиент.

— В любом случае, мисс Челек, будет хорошо, если здесь появится такая крупная американская компания, как «Пар-Кон», — вставил Ричард Кван. — Хорошо для вас и хорошо для нас. Надеюсь, условия, которые устроят «Пар-Кон», будут найдены. Если мистеру Бартлетту потребуется помощь... — Банкир протянул свою визитку.

Кейси взяла её, открыла шелковую сумочку и предложила свою с таким же проворством. Несколько визиток у неё было приготовлено для немедленного обмена: в Азии это обязательно и считается хорошим тоном. Китайский банкир глянул на визитку, и его глаза сузились.

— Прошу прощения, она у меня ещё на-английском, — извинилась Кейси. — Наши банкиры в Штатах — это Первый центральный банк Нью-Йорка и «Калифорния мерчант бэнк энд траст компани». — Кейси называла этих гигантов банковского бизнеса с гордостью: несомненно, их объединенные активы превышают шесть миллиардов. — Я была ра... — Она осеклась, пораженная внезапно повеявшим холодом. — Что-нибудь не так?

— И да, и нет, — через какое-то мгновение ответил Горнт. — Просто Первый центральный банк Нью-Йорка здесь не очень популярен.

— А в чем дело?

— Они оказались «шауэрами», — презрительно фыркнул Хэвегилл. — Так мы, англичане, называем мошенников, мисс... э-э... мисс. Первый центральный банк Нью-Йорка занимался здесь кое-каким бизнесом и до войны, потом, в середине сороковых, они расширили его, в то время как мы в банке «Виктория» и другие британские компании ещё только приходили в себя после всех потрясений. В сорок девятом, вышвырнув Чан Кайши с материка на Тайвань, председатель Мао сосредоточил войска на нашей границе, всего в нескольких милях к северу от Новых Территорий. Ситуация сложилась крайне опасная: эти орды могли в любой момент хлынуть через границу и захлестнуть колонию. Многие удрали, никто из нас, конечно, нет, но все китайцы, кто мог, бежали. Первый центральный банк Нью-Йорка без всякого предупреждения отозвал все займы, расплатился со вкладчиками, закрыл двери и сбежал — и все это в течение одной недели.

— Я не знала, — проговорила ошеломленная Кейси.

— Это была, извините за выражение, банда трусливых ублюдков, дорогая моя, — с нескрываемым презрением произнесла леди Джоанна. — Конечно, не один этот банк смылся — сбежал. Но это же были... Ну, чего можно ожидать, моя дорогая?

— Вероятно, лучшего, леди Джоанна. — Кейси была в ярости: почему отвечавший за их счет вице-президент не предупредил их об этом?! — Возможно, имелись смягчающие обстоятельства. Мистер Хэвегилл, займы были значительные?

— В то время, боюсь, очень значительные. Да. Этот банк разорил здесь

множество серьезных компаний и людей, причинил много горя и многих лишил репутации. И все же, — улыбнулся он, — их уход пошёл нам на пользу. Пару лет назад они имели наглость обратиться к министру финансов за новым патентом!

— Уж этот патент не возобновят никогда! — живо добавил Ричард Кван. — Видите ли, мисс Челек, все иностранные банки работают по возобновляемому каждый год патенту. Мы, конечно же, можем прекрасно обойтись без этого банка или, уж если на то пошло, любого другого американского банка. Они такие... В общем, вы увидите, мисс Кей Си, что «Виктория», «Блэкс» или «Хо-Пак», а может быть, все три могут прекрасно удовлетворить потребности «Пар-Кон». Если вы и мистер Бартлетт хотите поговорить...

— Я буду рада приехать к вам, мистер Кван. Скажем, завтра? Изначально всеми банковскими вопросами в основном занимаюсь я. Может быть, в первой половине дня?

— Да-да, конечно. Вы увидите, что мы конкурентоспособны, — не моргнув глазом, сказал Ричард Кван. — В десять?

— Прекрасно. Мы остановились в «Ви энд Эй», в Коулуне. Если в десять вам не подходит, просто дайте мне знать. Мне также очень приятно встретить вас лично, мистер Хэвегилл. Я полагаю, наша договоренность на завтра остается в силе?

— Конечно. В четыре, верно? Я надеюсь о многом поговорить с мистером Бартлеттом... и вами, разумеется, моя дорогая. — Он был высокий, худой, и, заметив, что он оторвал глаза от её декольте, она отмела сразу возникшую неприязнь. «Он может быть полезен, он и его банк».

— Благодарю вас, — произнесла Кейси с необходимой долей почтения и обратила свой шарм на леди Джоанну: — Какое прелестное платье, леди Джоанна. — Платье было отвратительное, как и нитка мелкого жемчуга на тощей шее этой женщины.

— О, благодарю вас, моя дорогая. Ваше тоже из Парижа?

— Да, но не прямо оттуда. Оно от Бальмена, а купила я его в Нью-Йорке. — Она улыбнулась сверху вниз жене Ричарда Квана, солидной, хорошо сохранившейся кантонской даме с замысловатой прической, очень бледной кожей и узкими глазками. На банкирше была огромная роскошная нефритовая подвеска и кольцо с бриллиантом на семь каратов. — Приятно было познакомиться, миссис Кван, — сказала она, прикидывая, сколько все это может стоить. — Мы ищем Линка Бартлетта. Вы не видели его?

— Видели, но уже давно, — сообщил Хэвегилл. — Думаю, он прошел в восточное крыло. Мне кажется, там есть бар. Он был с Адрион, дочерью Данросса.

— Адрион стала такой красавицей, — пропела леди Джоанна. — Они замечательно смотрятся вдвоем. Очаровательный мужчина, этот мистер Бартлетт. Он ведь не женат, верно, дорогая?

— Нет, — так же мило ответила Кейси, занося леди Джоанну в свой тайный список неприятных людей. — Линк не женат.

— Помяните мои слова, его скоро слопают. Я на самом деле считаю, что Адрион очень красива. Вы не хотите зайти на чай в четверг, дорогая? Я с удовольствием представила бы вас кое-кому из девочек. В этот день у нас собирается клуб «Кому за тридцать».

— Благодарю вас, — произнесла Кейси. — По возрасту я не подхожу, но все равно с удовольствием приду.

— О, прошу прощения, дорогая! Я полагала... Я пришлю за вами машину. Квиллан, вы остаетесь на ужин?

— Нет, не могу. У меня срочные дела.

— Жаль. — Улыбнувшись, леди Джоанна показала свои плохие зубы.

— Прошу нас извинить: хочу найти Бартлетта, а потом мне надо уходить.

Увидимся в субботу. — Горнт взял Кейси под руку и увел прочь.

Все смотрели им вслед.

— Довольно привлекательна, но лишена благородства, верно? — вынесла вердикт леди Джоанна. — Чулук. Это среднеевропейское имя, да?

— Возможно. Может, и ближневосточное, Джоанна, знаете ли, турецкое или что-нибудь в этом роде, возможно балканское... — Хэвегилл осекся. — О, понятно, о чем вы. Нет, не думаю. На еврейку она никак не похожа.

— В наше время разве разберешь, верно? Неужели нельзя было что-то сделать со своим носом, ведь сегодня хирурги просто творят чудеса, не правда ли?

— Я даже не обратил внимания. Хм! Вы так считаете?

Ричард Кван передал визитку Кейси жене, которая тут же ознакомилась с ней, и ей в голову сразу пришло то же самое.

— Пол, у неё в визитке написано «исполнительный секретарь и исполнительный вице-президент холдинга»... Впечатляет, верно? «Пар-Кон» — большая компания.

— О, милая моя, но они же американцы. Они там, в Америке, творят черт знает что. Наверняка это лишь формальная должность, только и всего.

— Которая придает его любовнице значимость, — едко добавила леди Джоанна.

12

21:00

От удара кия белый шар прокатился по зелени стола, со щелчком загнал красный в дальнюю лузу и остановился сразу за другим красным. Адрион радостно захлопала в ладоши:

— О, Линк, это супер! Я была уверена, что вы просто хвастаетесь. О, сделайте так ещё раз!

Линк Бартлетт ухмыльнулся:

— Один доллар на красный вокруг стола и в ту лузу, а белый сюда. — Он пометил место мелом.

— Принято!

Он нагнулся над бильярдным столом, прицелился, и белый шар остановился в миллиметре от отметки, а красный ушел в лузу с изумительной неизбежностью.

— Аййия! У меня нет с собой доллара. Черт! Можно я буду вам должна?

— Леди — как бы красива она ни была — должна выплачивать проигрыш сразу.

— Я знаю. Отец то же самое говорит. Можно я заплачу завтра?

Он смотрел на неё с наслаждением, довольный тем, что ей понравилось его мастерство. Черная юбка по колено и прелестная шелковая блузка. Ноги длинные, очень длинные и безупречной формы

— Ну нет! — Он сделал вид, что расстроился, и они вместе рассмеялись в огромном зале, где много света было только над самым полноразмерным столом для бильярда, а остальное помещение тонуло в глубокой темноте, которую нарушал лишь поток света из открытой двери.

— Вы играете невероятно хорошо, — сказала она.

— Никому не рассказывайте, но в армии, играя в пул, я зарабатывал себе на жизнь.

— В Европе?

— Нет. На Тихом океане.

— Мой отец был летчиком-истребителем. Он сбил шесть самолётов, пока его самого не сбили и не комиссовали.

— Я понимаю, это значит, что он ас, да?

— А вы принимали участие в этих ужасных десантах против япошек?

— Нет. Я служил военным строителем. Мы прибывали, когда все уже было

кончено.

— Вот как?

— Мы строили базы, аэродромы на Гуадалканале и островах по всему Тихому океану. Моя война была легкой — совсем не такой, как у вашего отца. — Подойдя к стойке с киями, он первый раз в жизни пожалел, что служил не в морской пехоте. У неё было такое лицо, когда он произнес «военным строителем», что он почувствовал себя вычеркнутым из числа мужчин. — Нам стоит сходить поискать вашего друга. Может, он уже здесь.

— О, да ну его! Он не то чтобы настоящий друг. Я познакомилась с ним около недели назад, на вечеринке у подруги. Мартин — журналист из «Чайна гардиан». Он мне не любовник.

— А что, все юные английские леди так открыто говорят о своих любовниках?

— Это все «таблетка»⁹⁶. Она навсегда освободила нас от мужского ига. Теперь мы равны.

— И вы равны?

— Да.

— Тогда вам везет.

— Да, я знаю, что мне везет. — Она пристально смотрела на него. — Сколько вам лет, Линк?

— Много. — Он с грохотом поставил кий на стойку. Первый раз в жизни Бартлетт не хотел говорить, сколько ему лет. «Черт побери, — думал он, как-то странно расстроенный. — Что с тобой? Ничего. Ничего не случилось. Разве не так?»

— А мне девятнадцать, — сообщила она.

— А когда у вас день рождения?

— Двадцать седьмого октября, я — Скорпион. А у вас?

— Первого октября.

— Да что вы! Скажите, что это правда!

— Вот те крест и чтоб мне помереть. Она захлопала в ладоши от восторга:

— О, это чудесно! У папы десятого. Это чудесно — хороший знак.

— Почему?

— Увидите. — Довольная, она раскрыла сумочку, вынула мятую пачку сигарет и золотую зажигалку с изношенным кремнем.

Он взял зажигалку, щелкнул ею, чтобы дать прикурить Адрион, но пламя не вспыхнуло. Он щелкнул второй раз, третий — без результата.

— Проклятая штукавина, — ругнулась она. — Никогда не работала как следует, но мне подарил её отец. Я люблю её. Я её, конечно, пару раз роняла.

Он внимательно осмотрел зажигалку, дунул на фитиль и стал что-то делать с ней.

— Все равно курить вам не следует.

— Вот и отец все время так говорит.

— Правильно говорит.

— Да. Но мне нравится покуривать время от времени. Сколько вам лет, Линк?

— Сорок.

— О! — На её лице было написано удивление. — Значит, вам столько же, сколько и отцу. Ну, почти. Ему сорок один.

— Прекрасный возраст, и тот, и другой, — сухо проговорил он, а про себя подумал: «Как ты это себе ни представляй, Адрион, я вообще-то по возрасту гожусь тебе в отцы».

⁹⁶ «Таблетка» — разговорное название женских оральных контрацептивов, появившихся на рынке в начале 1960-х гг.

Она снова нахмурила лоб.

— Странное дело, вы совсем не выглядите на столько же. — Потом торопливо добавила: — Через два года мне будет двадцать один, а это практически старость. Что такое двадцать пять, я просто представить не могу. Не говоря уже о тридцати, а уж сорок... Господи, наверное, лучше кости откинуть.

— Двадцать один — это старость. Да, мэм, просто старость, — согласился он. И подумал: «Давно уже ты не проводил время с такой молоденькой. Следи за собой. Она просто динамит». Он щелкнул зажигалкой. — Ну, что скажете?

— Спасибо, — сказала она и раскурила сигарету. — А вы не курите?

— Нет, сейчас не курю. Когда-то курил, но Кейси стала каждый час присылать мне иллюстрированные проспекты о раке и курении, пока до меня не дошло. Даже несколько не расстроился из-за того, что бросил — раз уж решил. После этого стал точно лучше, черт возьми, играть в гольф, теннис и... — Он улыбнулся. — И другие виды спорта.

— Кейси красавица. Она на самом деле ваш исполнительный вице-президент?

— Да.

— У неё будут... Ей будет здесь очень непросто. Мужчинам вряд ли понравится иметь с ней дело.

— В Штатах такая же история. Но они привыкают. Мы построили «Пар-Кон» за шесть лет. Кейси может работать с лучшими из них. Она — высший класс.

— Она ваша любовница? Он сделал глоток пива.

— А что, все юные английские леди так прямолинейны?

— Нет, — засмеялась она. — Мне просто интересно. Все говорят... все считают, что да.

— На самом деле?

— Да. В гонконгском обществе только о вас и говорят, а сегодня вечером и подавно. Ваш приезд наделал шума: личный самолёт, контрабандное оружие, и потом, как пишут в газетах, Кейси последней из европейцев видела Джона Чэня. Мне понравилось ваше интервью.

— Эх, эти уб... эти журналисты поджидали меня сегодня днем на пороге. Я постарался, чтобы все было коротко и определенно.

— «Пар-Кон» на самом деле стоит полмиллиарда долларов?

— Нет. Около трехсот миллионов. Но скоро это будет компания на миллиард. Да, теперь уже скоро.

Он видел, как она смотрит на него своими искренними серо-зелеными глазами, такая взрослая и все же такая юная.

— Вы очень интересный человек, мистер Линк Бартлетт. Мне нравится говорить с вами. И вы мне нравитесь. Сначала не нравились. Я кричала «караул», когда отец сказал, что я должна сопровождать вас, познакомить с нашими порядками. У меня не очень хорошо получилось, да?

— У вас получилось супер.

— О, да будет вам! — Она тоже ухмыльнулась. — Я вас полностью монополизировала.

— Не совсем. Я познакомился с Кристианом Токсом, редактором, Ричардом Кваном и с этими двумя американцами из консульства. Лэннан, да?

— Лэнган, Эдвард Лэнган. Приятный человек. Я не запомнила, как зовут другого. Я вообще-то с ними и не знакома, просто они были с нами на скачках. Кристиан очень милый, а его жена просто супер. Она китаянка, так что её здесь нет сегодня.

— Потому что она китаянка? — нахмурился Бартлетт.

— О, она была приглашена, но не захотела прийти. Это вопрос репутации. Чтобы сохранить репутацию мужа. Здешние «шишки» не одобряют смешанных браков.

— Когда женятся на туземках?

— Что-то в этом духе. — Она пожала плечами. — Вы поймете. Мне лучше бы представить вас ещё кое-кому из гостей, а не то я получу взбучку!

— Может, представите меня Хэвегиллу, банкиру? Как насчет него?

— Отец считает, что Хэвегилл — болван.

— Тогда, ей-богу, с этого момента он — болван на все сто!

— Хорошо, — согласилась она, и оба рассмеялись.

— Линк?

Оглянувшись, они увидели силуэты двух фигур в потоке света, льющегося из дверного проема. Голос и очертания Кейси он узнал сразу, а вот мужчину нет. Оттуда, где он стоял, против света было не видно.

— Привет, Кейси! Как дела?

Он запросто взял Адрион под руку и подвел к силуэтам.

— Я тут обучал Адрион некоторым тонкостям пула.

— Ну, это можно назвать недосказанием года, Кейси, — засмеялась Адрион. — Линк в этом просто супер, правда?

— Да. О, Линк, Квиллан Горнт хотел поздороваться с тобой перед уходом. Адрион резко остановилась и побледнела. Линк испуганно остановился.

— Что случилось? — спросил он.

— Добрый вечер, мистер Бартлетт, — сказал Горнт, шагнув к ним в поток света.

— Привет, Адрион.

— Что вы здесь делаете? — еле слышно спросила она.

— Просто зашел на пару минут, — пояснил Горнт.

— Вы видели отца?

— Да.

— Тогда убирайтесь! Убирайтесь и оставьте этот дом в покое, — проговорила Адрион тем же еле слышным голосом.

Бартлетт удивленно уставился на неё.

— В чем дело, черт возьми?

— Это долгая история, — спокойно произнес Горнт. — Об этом можно поговорить завтра — или на следующей неделе. Я лишь хотел подтвердить, что мы ужинаем во вторник. Или, если вы будете свободны на выходных, можно выйти на целый день на моей яхте. В воскресенье, если погода будет хорошая.

— Спасибо, думаю, да, но можно мы подтвердим это завтра? — Бартлетт все ещё пребывал в замешательстве из-за Адрион.

— Адрион, — мягко обратился в ней Горнт. — Аннагрэй уезжает на будущей неделе. Она просила передать, что ждет твоего звонка. — Адрион не ответила, не сводя с него глаз, и Горнт добавил, обращаясь к остальным: — Аннагрэй — моя дочь. Они добрые подруги, ходили всю жизнь в одни и те же школы. Аннагрэй уезжает учиться в Калифорнийский университет.

— О, если мы можем чем-то быть полезными для неё... — начала Кейси.

— Очень любезно с вашей стороны. Вы познакомитесь с ней во вторник. Видимо, тогда мы и сможем поговорить об этом. Я сказал бы...

На другом конце бильярдной распахнулась дверь, и появился Данросс. Улыбнувшись, Горнт снова перенес внимание на них.

— До свидания, мистер Бартлетт — Сирануш. Увидимся во вторник. До свидания, Адрион. — Он слегка поклонился им и, пройдя через весь зал, остановился.

— До свидания, Иэн, — вежливо проговорил он. — Благодарю за гостеприимство.

— До свидания, — так же вежливо попрощался Данросс и отошел в сторону. Его губы скривились в легкой усмешке.

Он провожал Горнта взглядом, пока тот не вышел через главный вход, а потом переключил внимание на бильярдную.

— Сейчас начнется ужин, — объявил он ровным голосом. И потеплевшим. — Вы, должно быть, умираете с голоду. Я вот точно умираю.

— Что... что ему было нужно? — слабым голосом пролепетала Адрион. Данросс с улыбкой подошел к ней:

— Ничего. Ничего особенного, моя кошечка. Квиллан с возрастом становится добрее.

— Ты уверен?

— Уверен. — Он обнял её одной рукой и чуть прижал к себе. — Не нужно забывать этим свою милую головку.

— Он уехал?

— Да.

Бартлетт начал что-то говорить, но тут же осекся, поймав взгляд Данросса поверх головы Адрион.

— Да. Все великолепно, дорогая. — Данросс снова слегка прижал дочь к себе, и Бартлетт заметил, как согретая отцовским теплом Адрион приходит в себя. — Не о чем переживать.

— Линк показывал мне, как он играет в пул, и тут... Это вышло так неожиданно. Он был как привидение.

— У меня тоже ноги подкосились, когда он появился, как злая фея из сказки, — усмехнулся Данросс, а потом добавил, обращаясь к Бартлетту и Кейси: — Квиллан любит устраивать представления. — А затем лишь одному Бартлетту: — Поговорим об этом после ужина, наедине.

— Конечно. — Бартлетт обратил внимание, что глаза тайбаня не улыбаются.

Послышался гонг — сигнал к началу ужина.

— Ах, слава богу! — воскликнул Данросс. — Пойдемте все, наконец-то еда, дождались. Кейси, вы за моим столом. — Так же любовно обнимая Адрион, он повел её к свету.

Кейси и Бартлетт последовали за ними.

Горнт уселся за руль черного «роллс-ройса» модели «силвер клауд», припаркованного у самого Большого Дома. Вечер был хороший, хотя влажность снова повысилась. Горнт остался доволен собой, даже очень.

«А сейчас ужин и Джейсон Пламм. Как только этот тип согласится, можно считать, что с Изном Данроссом покончено и этот дом мой, а также „Струанз" и все это вместе взятое — мое!

Все получилось лучше не придумаешь: сначала почти сразу Кейси и Изн, и я выложил карты перед ними обоими. Потом Хэвегилл и Ричард Кван. А после Бартлетт в бильярдной, и напоследок снова сам Изн.

Отлично!

Значит, так: Изну объявлено, Бартлетту объявлено, Кейси, Хэвегиллу, Ричарду Квану, а также Пламму. Ха! Если бы они только знали.

Все отлично. Только вот Адрион. Жалко её, жалко, что детям достаются в наследство распри отцов. Но такова жизнь. Джосс. Жалко, что она не хочет выйти в мир и покинуть Гонконг, как Аннагрэй. По крайней мере, до тех пор пока мы с Изном Данроссом не разрешим в конце концов наши разногласия. Лучше бы её здесь не было, когда он разорится, и Пенелопы тоже. Хотя будут они здесь или нет — джосс. Хотелось бы, чтобы он был здесь, когда я вступлю во владение его ложей на скачках, постоянным местом во всех советах директоров, всеми синекурами, документами — о да! Скоро они будут моими. И мне позавидует вся Азия. — Он рассмеялся. — Да. Пора. И тогда все призраки успокоятся. Проклятье на всех призраков!»

Он включил зажигание и завел двигатель, наслаждаясь роскошью настоящей кожи и ценных пород дерева, запахом фешенебельности и богатства. Затем включил

передачу и выехал на дорожку мимо площадки, где стояли машины всех остальных гостей, вниз к массивным главным воротам из кованого железа с гербом Струанов. Он остановился, чтобы пропустить поток машин, и увидел в зеркале заднего вида отражение Большого Дома. Высокого, просторного, манящего ярко освещенными окнами.

«Скоро ты на самом деле будешь мой. Я стану закатывать здесь такие приемы, каких Азия никогда не видела и не увидит. Думаю, мне понадобится хозяйка. Как насчет этой американочки?»

Он фыркнул.

— А-а, Сирануш, какое прелестное имя, — с хрипотцой промурлыкал Горнт вслух, вкрадчиво, как давеча.

«С этой штучкой сладить — пара пустяков, — уверенно заключил он. — Нужен лишь шарм Старого Света, великолепное вино, легкая, но изысканная еда и терпение, а также принятая в высшем свете манера изъясняться, мужская утонченность и никаких ругательств, и она падет, когда тебе захочется. А потом, выбрав правильный момент, можно заговорить с ней грубо, с некоторой продуманной резкостью, и ты отомкнешь всю её затаенную страсть, как это ещё не удавалось ни одному мужчине.

Если я правильно её понимаю, она нуждается в ласках человека, знающего в этом толк. Так что или Бартлетт никуда не годится, или они действительно не любовники, как указано в тайном докладе. Интересно.

Да, но хочешь ли ты её? Как игрушку — да. Как орудие — конечно. Как хозяйку — нет: слишком раскованна».

Дорога очистилась, он выехал и направился к перекрестку, где повернул налево, и вскоре оказался на Пик-роуд. Отсюда он покатил вниз по склону к Мэгэзин-Гэп, где у Пламма была квартира в пентхаусе. После ужина с ним нужно было успеть на ещё одну встречу, а потом в Ваньчай, в одну из частных квартир и в радушные объятия Моны Лян. У него даже пульс участился при мысли о её яростных ласках и почти нескрываемой ненависти к нему, ко всем гуйлао, которая, впрочем, уступала её любви к роскоши и желанию пользоваться квартирой, куда её поселил Горнт, и получать то скромное ежемесячное содержание, что он ей выделил.

— Никогда не давай столько, чтобы им хватало, — говаривал ему Уильям Горнт. — Одежду, драгоценности, отдых — да. Но денег не слишком много. Контролируй их долларовыми купюрами. И никогда не думай, что они любят тебя самого. Они любят только твои деньги, только деньги, и так будет всегда. Чуть копни — и обнаружишь, что они презирают и всегда будут презирать тебя. Если подумать, это вполне справедливо: мы не китайцы и никогда ими не будем.

— И что, никогда не бывает исключений?

— Думаю, что нет. Во всяком случае, для гуйлао, сын мой. Думаю, что нет. Со мной такого не было, а я их перевидал немало. О, она отдаст тебе свое тело, своих детей, даже свою жизнь, но всегда будет презирать тебя. Она не может по-другому: ведь она — китаянка, а мы — гуйлао!

«Айийя, — думал Горнт. — Справедливость этого совета подтверждалась раз за разом. Он избавил меня от стольких переживаний. Хорошо, что мы увидимся со стариком. У меня для него в этом году будет прекрасный подарок на Рождество — „Струанз“».

Он осторожно вел машину по левой стороне петляющей дороги, прижимаясь к склону холма. Вечер выдался ясный, покрытие дороги отличное, а движение не такое плотное. Обычно он ездил с водителем, но сегодня не хотел, чтобы кто-то пронюхал о его встрече с Пламмом.

«Нет, — размышлял он. — И никаких свидетелей, когда я буду встречаться с Четырехпалым У. Какого черта понадобилось этому пирату? Ничего доброго. Должно быть, что-то небезопасное. Да. Но во время Корейской войны У оказал тебе очень

большую услугу, и, видимо, сейчас настал момент платить по счетам. Рано или поздно всегда приходится рассчитываться, и это справедливо, у китайцев это закон. Получил подарок — преподнеси ответный, немножко более ценный. Тебе оказали услугу...»

В пятидесятом году, когда войска китайских коммунистов в Корее вели кровопролитные бои к югу от реки Ялу и несли огромные потери, им катастрофически не хватало всех стратегических ресурсов, и они готовы были щедро заплатить всякому, кто прорвется через блокаду с нужными им товарами. Компания «Ротвелл-Горнт» тогда тоже переживала тяжелые времена из-за огромных убытков, причиненных за год до того в Шанхае завоеваниями Мао. Поэтому в декабре пятидесятого Горнты влезли в огромные долги и тайно, не имея обязательной экспортной лицензии, закупили на Филиппинах громадную партию пенициллина, морфина, сульфаниламида и других медикаментов. Весь этот товар они загрузили на океанскую джонку, которой управляла проверенная команда, и отправили на Вампоа, неприметный островок на реке Чжуцзян — Жемчужной реке — близ Кантона. Заплатить им должны были золотом после доставки, однако в пути, в тихих заводях Жемчужной реки, их джонку перехватили речные пираты, приверженцы националистов Чан Кайши, и потребовали выкуп. Денег на выкуп не было, а если бы националисты узнали, что «Ротвелл-Горнт» имеют дело с их ненавистными врагами-красными, о будущем компании в Азии пришлось бы забыть навсегда.

Через своего компрадора Горнт организовал в Абердинской бухте встречу с Четырехпалым У, который считался одним из крупнейших контрабандистов в устье Чжуцзян.

«Судына игыде сичас?» — спросил Четырехпалый У на ужасном ломаном английском.

Горнт растолковал, как мог, тоже на ломаном английском, потому что не знал хакка, на котором говорил У.

«Вазыможина, да, вазыможина, нет! — улыбнулся Четырехпалый У. — Я зыванить тли день. Не чо ва⁹⁷ сылова палоль. Тли день, хейя?»

На третий день он позвонил. «Пылоха, халасо, не зынаю. Фысытли-чать дыва день Абиладына. Начинать час абизяна». Это значило в десять вечера. У китайцев сутки разделены на двенадцать двухчасовых отрезков. Каждый имеет свое название, и очередность у них всегда одна и та же. Первым в четыре часа утра идет час Петуха, потом, в шесть утра — час Собаки и так далее: час Свиньи, Крысы, Быка, Тигра, Зайца, Дракона, Змеи, Обезьяны, Лошади и Овцы.

Через два дня в час Обезьяны на джонке У в Абердине Горнту была выплачена золотом вся стоимость захваченной партии плюс сорок процентов сверху. Сумасшедшая прибыль в пятьсот процентов.

Четырехпалый У ухмыльнулся тогда:

— Пыладать делать лучи гуйлао, ничиво. Дывацать восемь тысячи таэли золота. — Таэль чуть больше унции⁹⁸. — Сыледуюси ласы я вазить. Да?

— Да.

— Ты пакупать, я вазить, я пыладать, солок палацента мой, сытоимось пыладажи.

— Да.

Из благодарности Горнт попытался на этот раз всучить ему гораздо больший процент, но У отказался:

⁹⁷ Твой товар продан {кит.}.

⁹⁸ Одна унция равна 31,1г.

— Толика солок палацента, сытоимось пыладажи.

И Горнт понял, что теперь он в долгу у контрабандиста.

Золото было в контрабандных слитках по пять таэлей. По официальному курсу оно стоило тридцать пять американских долларов за унцию. Однако на черном рынке, ввезенное в Индонезию, Индию или обратно в Китай, оно поднималось в цене в два-три раза, а иногда и больше. Только на этой партии, опять же с помощью У, «Ротвелл-Горнт» заработала полтора миллиона американских долларов и приблизилась к тому, чтобы возместить убытки.

После этой было ещё три отправки, которые принесли огромную прибыль и той и другой стороне. Потом война закончилась, прекратились и отношения.

«С тех пор ни слова, — думал Горнт. — Пока сегодня днем не раздался телефонный звонок».

«А, сыталы длуг, можина видить? Сиводыня вечел? — сказал Четырехпалый У. — Можина делать? Любой вылемя — я зыдать. То зы месыта как сыталый вылемя. Да?»

Значит, пришла пора платить услугой за услугу. Хорошо.

Горнт включил радио. Шопен. Он вел машину по петляющей дороге автоматически, размышляя о предстоящих объяснениях, и двигатель работал почти беззвучно. Пропустил встречный грузовик, потом вывернул на чужую полосу и дал газу на коротком участке, чтобы обогнать медленнодвигающуюся такси. Теперь он шёл на довольно высокой скорости и, приближаясь к слепому повороту, заранее резко затормозил. И тут что-то словно лопнуло во внутренностях двигателя, нога провалилась до самого пола, внутри у Горнта все тошнотворно сжалось, и он вылетел на U-образный поворот на слишком большой скорости.

В панике он снова и снова давил на педаль тормоза, но это ничего не давало, и он стал крутить туда-сюда руль. Первый поворот он прошел плохо, как пьяный, выскочив на выходе из него на встречную. К счастью, никто не ехал навстречу, но, пытаясь выправить машину, он слишком круто заложил руль, машина накренилась к склону холма, к горлу подступила тошнота, он снова круто повернул, в другую сторону. Он уже мчался на бешеной скорости, а впереди ждал новый поворот. Уклон здесь был круче, дорога больше петляла и сужалась. Он снова плохо прошел поворот, но сразу после него на долю секунды сумел ухватиться за ручной тормоз и с его помощью снизить скорость, хотя совсем ненамного. Впереди был новый поворот, на выходе из которого он вылетел со своей полосы, и его ослепили фары встречной машины.

Это было такси. В панике оно вильнуло на обочину и чуть не перевернулось, отчаянно сигналив, в каких-то сантиметрах от него. Он шарахнулся на свою полосу и бесконтрольно понёсся дальше вниз. Какое-то время дорога шла прямо, и как раз перед тем, как войти в ещё один слепой поворот, он изловчился переключиться на более низкую передачу. Двигатель взвыл. Если бы не ремни безопасности, при таком резком торможении двигателем он мог вылететь через ветровое стекло. Руки застыли на руле.

Этот поворот он прошел, но Горнта опять слишком далеко швырнуло на чужую полосу, и он буквально в миллиметре разминулся со встречной машиной. Его вынесло назад на свою полосу, машина вильнула после того, как он опять круто вывернул, выправляя её, и стала двигаться чуть медленнее, но дорога впереди все так же шла под уклон и виляла. В ещё один поворот он все равно входил на слишком большой скорости и, преодолев только первую его часть, уже забрался слишком далеко на встречную. От тяжело груженной фуры, с трудом вползавшей в гору, помощи ждать не приходилось.

Охваченный паникой, Горнт резко положил руль влево и ухитрился увернуться от грузовика, лишь немного задев его. Попробовал включить заднюю передачу, но

рычаг не слушался и коробка заскрежетала, негодуя. И тут он в ужасе увидел, что впереди в его ряду машины идут очень медленно, по встречной тоже движется транспорт, а дорога уходит на ещё один поворот. Растерявшись, он повернул влево в сторону холма, пытаясь срикошетировать и таким образом остановиться.

Раздался протестующий скрежет металла, заднее боковое стекло разлетелось, и машину отбросило в сторону. Встречный автомобиль, отчаянно сигналив, шарахнулся от него на дальнюю обочину. Он закрыл глаза и приготовился к столкновению лоб в лоб, но нет — пронесло, он проскользнул мимо и из всех оставшихся сил снова резко дернул руль влево в сторону склона. Удар был скользящий. Левый передний бампер вырвало. Машина пропахала кусты и землю, потом врезалась в выступ скалы, её задняя часть задралась вверх, а Горнта швырнуло в сторону. Но когда машина опускалась, ближнее к обочине колесо попало в ливневый сток и застряло там, поэтому она остановилась и не врезалась в застывший от ужаса малыш «мини», который шёл впереди.

Бессильно подтянувшись, Горнт сел. Машина ещё стояла наполовину вертикально. Пот лился с него градом, и сердце вырывалось из груди. Он не был способен ни дышать, ни думать. Движение на дороге и в ту и в другую сторону остановилось. Сверху и снизу доносились нетерпеливые гудки, а потом слышались чьи-то торопливые шаги.

— Как вы там, дружище? — спросил незнакомец.

— Все в порядке, да, думаю, все в порядке. Мои... у меня тормоза отказали. — Горнт вытер пот со лба, пытаясь заставить мозг работать. Он ощупал грудь, потом ноги — боли не было. — Я... тормоза отказали... выполнял поворот и... и тут все...

— Тормоза, говорите? Что-то на «роллс-ройс» не похоже. Я-то решил, что вы воображаете себя Стерлингом Моссом⁹⁹. Ну и повезло же вам. Я думал, вы перевернетесь раз двадцать. На вашем месте я бы двигатель все же выключил.

— Что? — Тут до него дошло, что мотор все ещё негромко урчит и радио работает, поэтому он выключил зажигание и, подумав, вынул ключи.

— Прекрасная машина, — продолжал незнакомец, — но сейчас просто хлам. Мне всегда нравилась эта модель. Шестьдесят второго года, да?

— Да. Да, шестьдесят второго.

— Хотите, я вызову полицию?

Сделав над собой усилие, Горнт задумался. В ушах по-прежнему отдавался пульс. Он бессильно расстегнул ремень безопасности.

— Нет. Тут недалеко, чуть повыше, есть полицейский участок. Не подбросите меня туда?

— С удовольствием, старина. — Незнакомец — небольшого роста пухлый человечек — оглядел остальные машины, такси и грузовики, остановившиеся в обоих направлениях, и сидящих в них китайцев, водителей и пассажиров, глазевших из окон. — Ну что за народ, — недовольно пробормотал он. — Можешь валяться на улице при смерти, и хорошо, если через тебя ещё перешагнут. — Открыв дверь, он помог Горнту выбраться.

— Спасибо. — Горнт ощутил дрожь в коленях. Не в силах сразу с ней справиться, он прислонился к машине.

— Вы уверены, что с вами все в порядке?

— О да. Это... напугало меня до смерти! — Он посмотрел на разбитую машину: передок зарылся в землю и кусты, на правом боку огромный глубокий след, и вся машина влетела глубоко за внутреннюю обочину. — Просто черт знает что!

— Да, но она же не в сосиску врезалась! Вам ещё невероятно повезло, что вы

⁹⁹ Стерлинг Мосс (р. 1929) — знаменитый британский автогонщик.

ехали на хорошей машине, дружище. — Незнакомец дал двери покачаться, а потом закрыл её с еле слышным щелчком. — Здорово сделано. Ну, вы можете оставить её здесь. Вряд ли её украдут. — Он засмеялся, ведя Горнта к своему автомобилю, который стоял с включенными аварийными сигналами сразу позади. — Забирайтесь, мы сейчас мигом.

Именно тогда Горнт вспомнил издевательскую полуулыбку на лице Данросса, которую, уходя, принял за браваду. Голова прояснилась. Неужели Данроссу хватило времени, чтобы что-то сделать... при том, как он разбирается в двигателях... да ну, вряд ли он...

— Сукин сын, — ошеломленно пробормотал он.

— Не беспокойтесь, дружище, — сказал незнакомец, объезжая то, что осталось от «роллс-ройса», чтобы развернуться. — Полиция примет все необходимые меры.

Лицо Горнта замкнулось.

— Да. Да, они все сделают.

13

22:25

— Прекрасный ужин, Иэн, лучше, чем в прошлом году, — заявил через стол сэр Дунстан Барр. Настроение у него было приподнятое.

— Благодарю. — Данросс вежливо поднял суженный кверху бокал и отпил глоток хорошего коньяка.

Барр, раскрасневшийся больше обычного, выпил свой портвейн залпом, потом снова наполнил рюмку.

— Переел, как всегда, ей-богу! А, Филлип? Филлип!

— Да... о да... гораздо лучше... — пробормотал Филлип Чэнь.

— Как ты себя чувствуешь, старина?

— О да... просто... о да.

Данросс нахмурился, потом скользнул глазами по другим столам. К разговорам за своим столом он почти не прислушивался.

За ним могли свободно разместиться двенадцать персон, а сейчас их осталось лишь трое. У других столов, расставленных на террасах и лужайках, за коньяком, портвейном и сигарами сидели или стояли небольшими группами мужчины. Женщины уже ушли в дом. Бартлетт задержался около фуршетных столов, которые всего час назад ломились от жареных бараньих ног, салатов, говяжьей грудинки с кровью, больших горячих пирогов с мясом и почками, печенья, пирожных и фигурного мороженого. Небольшая армия слуг убирала то, что от этого осталось. Бартлетт был увлечен беседой с главным суперинтендентом Роджером Кроссом и американцем Эдом Лэнганом. «Через некоторое время я займусь им, — угрюмо думал Данросс, — но сначала Брайан Квок». Он огляделся. Брайана не было ни за столом, где тот ужинал и где хозяйкой была Адрион, ни за другими, так что Данросс терпеливо откинулся на стуле, попивая коньяк и предаваясь размышлениям.

Секретные папки, Эм-ай-6, особая разведслужба, Бартлетт, Кейси, Горнт, отсутствующий Цу-янь, а теперь и мертвый Алан Медфорд Грант, мертвее не бывает. Телефонный звонок перед ужином Кернану, помощнику Алана Медфорда Гранта в Лондоне, поверг его в замешательство.

— Это случилось сегодня утром, мистер Данросс, — рассказал Кернан. — Шёл дождь, скользко, а он, как вы знаете, был страстный мотоциклист. Ехал в город, как обычно. Насколько нам известно на текущий момент, свидетелей не было. Человек, обнаруживший его на сельской дороге близ Эшера и шоссе А-3, сказал лишь, что ехал по дождю и вдруг видит: мотоцикл на боку, и человек распластался на обочине. Говорит, ему показалось, что АМГ уже был мертв, когда он подошел к нему. Он

вызвал полицию, началось расследование, но... что я могу сказать? Это огромная потеря для всех нас.

— Да. А у него была семья?

— Насколько я знаю, нет, сэр. Я, конечно, тут же поставил в известность Эм-ай-6.

— Вот как?

— Да, сэр.

— А зачем?

На линии появились сильные атмосферные помехи.

— Он оставил инструкции, сэр. Если с ним что-то случится, я должен немедленно позвонить по двум телефонам и отправить телеграмму вам, что я и сделал. Ни тот, ни другой номер ни о чем мне не говорили. Первый оказался личным телефоном высокопоставленного чиновника из Эм-ай-6: он приехал через полчаса со своими людьми, и они перетрясли стол АМГ и его личные бумаги. Уходя, большую часть взяли с собой. Когда этот чин увидел копию последнего доклада, ту, что мы только что послали вам, он чуть не взвился до потолка и потребовал копии всех остальных. Я сказал, как меня инструктировал АМГ, что всегда уничтожал офисную копию, узнав, что вы получили свою. Тут его чуть удар не хватил. Похоже, на самом деле у АМГ не было разрешения правительства Её Величества работать на вас.

— Но у меня есть письменное заверение Гранта в том, что он предварительно получил добро от правительства Её Величества.

— Да, сэр. Вы не сделали ничего незаконного, но этот тип из Эм-ай-6 чуть не свихнулся.

— А кто он такой? Как его зовут?

— Мне приказано, приказано, сэр, не называть имен. Надутый такой субъект, бормотал что-то насчет Закона о неразглашении государственной тайны.

— Вы сказали «по двум телефонам»?

— Да, сэр. Другой был в Швейцарии. Ответила женщина, и, когда я сказал ей, она лишь проговорила: «Ох, как жаль», — и повесила трубку. Интересная вещь: в соответствии с инструкциями АМГ я не должен был упоминать ни первому, ни второму номеру о другом, но поскольку джентльмен из Эм-ай-6, мягко выражаясь, пришел в ярость, я ему сказал. Он тут же позвонил, но там было занято и оставалось занято очень долго, после чего на коммутаторе сказали, что номер временно отключен. Он взбесился как черт, сэр.

— Вы можете и дальше готовить доклады?

— Нет, сэр. Я был лишь на вторых ролях, проверял полученную АМГ информацию. Писал за него доклады, отвечал на телефонные звонки, когда он был в отъезде, оплачивал счета за офис. Большую часть времени он проводил на континенте, но никогда не говорил, куда ездит, и ни о чем сам не рассказывал. Он... ну, не любил показывать свой расклад. Я не знаю, кто и что ему передавал, не знаю даже номера его офиса в Уайтхолле. Как я уже говорил, он был очень скрытен...

Данросс вздохнул и отпил коньяка.

«Какая жалость, черт возьми, — думал он. — Был ли это несчастный случай или его убили? И когда Эм-ай-6 свалится мне на голову? Номерной счет в Швейцарии? В этом тоже нет ничего противозаконного, и никому до этого нет дела, это касается только меня и его.

Что делать? Где-то должна быть замена.

Был ли это несчастный случай? Или его убили?»

— Прошу прощения? — переспросил он, не уловив, что сказал Барр.

— Я говорю, было чертовски забавно, когда Кейси не захотела уходить и ты вышвырнул её, — расхохотался здоровяк. — Ты молодец, старина.

В конце ужина, как раз перед тем, как должны были подать портвейн, коньяк и

сигары, Пенелопа встала из-за своего стола, где Линк Бартлетт увлеченно беседовал с Хэвегиллом, и дамы вышли с ней. Потом от своего стола ушла Адрион, а за ней ручейком потянулись дамы со всех террас. Леди Джоанна, сидевшая справа от Данросса, сказала:

— Пойдемте, девочки, пора попудриться.

Остальные женщины послушно встали вместе с ней, а мужчины вежливо скрыли облегчение, которое принес им этот исход.

— Пойдемте, дорогая, — обратилась Джоанна к Кейси, которая продолжала сидеть.

— О, у меня все в порядке, спасибо.

— Я уверена, что так оно и есть, но... э-э... все равно пойдемте. Тут Кейси увидела, что все смотрят на неё.

— В чем дело?

— Ни в чем, дорогая, — проговорила леди Джоанна. — По традиции дамы на время оставляют мужчин с портвейном и сигарами. Так что пойдемте.

Кейси смотрела ей прямо в глаза:

— Вы имеете в виду, что нас отсылают, чтобы мужчины обсудили государственные дела и цены на чай в Китае?

— Этого требуют приличия, дорогая. В чужой монастырь... — Леди Джоанна тоже не сводила с глаз с американки, наслаждаясь неловким молчанием и взглядами шокированных мужчин, на губах у неё играла легкая презрительная усмешка. Все глаза обратились на американку.

— Вы, наверное, шутите. Этот обычай отошел в прошлое ещё до Гражданской войны, — сказала Кейси.

— В Америке наверняка так и есть, — криво улыбнулась леди Джоанна. — Но здесь все по-другому: это часть Англии. Здесь блюдут приличия. Прошу вас, пойдемте, дорогая.

— Я пойду... дорогая, — так же мило произнесла Кейси. — Позже. Леди Джоанна вздохнула, пожала плечами, недовольно подняла бровь, глядя на Данросса, мрачно улыбнулась и уплыла, сопровождаемая остальными дамами. За столом воцарилось ошеломленное молчание.

— Тайбань, вы ведь не будете возражать, если я останусь, верно? — улыбнулась ему Кейси.

— Прошу прощения, но буду, — мягко произнес он. — Это всего лишь обычай, ничего больше. На самом деле он нужен лишь затем, чтобы дамы могли первыми попасть в одно место и к ведрам с водой.

Её улыбка погасла, подбородок выпятился вперед.

— А если я не хочу уходить?

— Это всего лишь наш обычай, Сирануш. В Америке принято называть человека, с которым вы только что познакомились, по имени, а здесь — нет. При всем том... — Данросс отвечал на её пристальный взгляд спокойно, но с такой же негибкой твердостью. — В этом нет никакого унижения.

— А я думаю, есть.

— Очень жаль, что вы так думаете. Могу вас уверить, что это заблуждение.

Остальные ждали, глядя на них обоих, наслаждаясь этой стычкой и в то же время негодуя. Кроме Эда Лэнгана, которому было страшно неловко за соотечественницу.

— Черт возьми, Кейси, — вставил он, пытаясь обратить все в шутку, — ты же не будешь воевать с муниципалитетом.

— Я так и поступала всю жизнь, — резко произнесла американка, и стало ясно: она в ярости. И тут Кейси вдруг одарила мужчин восхитительной улыбкой. Чуть побарабанив пальцами по скатерти, она встала. Прошу извинить меня,

джентльмены... — мило обронила она и величественно удалилась, провожаемая ошеломленным молчанием.

— Разве я её вышвырнул? — удивился Данросс.

— Так или иначе, это было забавно, черт возьми, — ухмыльнулся Барр. — Интересно, что заставило её передумать? А, Филлип?

— Что? — рассеянно спросил Филлип Чэнь.

— В какой-то момент мне показалось, что она собирается заткнуть беднягу Иэна за пояс, а тебе? Но что-то заставило её передумать. Что именно?

— Держу пари, ничего хорошего она не подумала, — улыбнулся Данросс. — Эта штука опасна, как полный карман скорпионов.

— Зато какие титьки, — зажмурился Барр.

Они засмеялись. Но не Филлип Чэнь. Данросс переживал из-за него все больше. Он целый вечер пытался поднять Филлипу настроение, но не смог развеять завесу вялого безразличия. В течение всего ужина Филлип оставался понурым и отвечал односложно.

Барр, рыгнув, встал.

— Пойду отолю, пока есть место. — И он, пошатываясь, побрел в сад.

— Не мочись на камелии, — рассеянно крикнул ему вслед Данросс, а потом заставил себя сосредоточиться. — Филлип, не переживай, — сказал он, теперь, когда они остались одни. — Джона скоро найдут.

— Да, я уверен, что найдут, — безучастно отозвался Филлип Чэнь, который не столько переживал из-за похищения, сколько был потрясен тем, что обнаружил сегодня днем в банковской ячейке сына.

Он открыл её ключом, снятым со связки. «Ну же, Филлип, бери его, не будь дураком, — шипела на него Диана. — Бери: если не возьмем мы, его возьмет тайбань!» — «Да-да, я знаю».

«Слава всем богам, что ключ взял я», — думал он теперь, не в силах превозмочь растерянность: из головы не шло то, что он обнаружил, обшарив ячейку. Разного формата конверты из плотной желтой бумаги, в основном расписанные по отдельным статьям, дневник и телефонная книжка. В конверте с пометкой «Долги» — уведомление на сумму девяносто семь тысяч гонконгских долларов по текущим долгам в нелегальных гонконгских тотализаторах вне ипподрома. Долговая расписка на имя Скупердяя Сина, сомнительной славы ростовщика, на тридцать тысяч гонконгских долларов под три процента в месяц. Давно просроченный вексель на предъявителя от банка «Хо-Пак» на двадцать тысяч гонконгских долларов. Письмо от Ричарда Квана, датированное прошлой неделей, в котором тот грозился поговорить с отцом Джона, если Джон в ближайшее время не примет каких-либо мер. Ещё там были письма, которые документально подтверждали крепнущую дружбу его сына с американским азартным игроком Винченцо Банастасио. Этот последний заверял Джона Чэня, что не станет торопить с долгами: «Не дергайся, Джон. У тебя кредит на самых благоприятных условиях, лишь бы в этом году...». К письмам прилагалась фотокопия абсолютно законного, нотариально засвидетельствованного векселя, по которому Джон, его наследники или правопреемники обязаны выплатить Банастасио, по первому требованию, четыреста восемьдесят пять тысяч американских долларов плюс проценты.

«Какая глупость, глупость!» — бушевал Филлип, прекрасно зная, что у сына нет и пятой части этих средств, так что выплачивать долг придется в конце концов ему, Филлипу.

Затем его внимание привлек толстый конверт, помеченный «Пар-Кон».

В конверте хранился подписанный К. С. Чолок три месяца назад контракт, согласно которому Джон Чэнь был принят на работу в компанию «Пар-Кон» в качестве частного консультанта. Ему полагалось вознаграждение в размере «сто

тысяч американских долларов, выплачиваемых авансом (пятьдесят тысяч из которых настоящим признаются уже выплаченными), и ещё один миллион американских долларов, выплачиваемый в течение пяти лет равными долями по подписании удовлетворительного соглашения между „Пар-Кон" и „Струанз", „Ротвелл-Горнт" или любой другой гонконгской компанией по усмотрению „Пар-Кон"; и в течение тридцати дней с даты подписания вышеуказанного контракта погашается задолженность мистеру Винченцо Банастасио, проживающему по адресу: Орчард-роуд, 85, Лас-Вегас, штат Невада, в размере четырехсот восьмидесяти пяти тысяч американских долларов с выплатой в первый год взноса в размере двухсот тысяч американских долларов вместе с балансом в размере пятидесяти тысяч американских долларов...»

«В обмен на что?» — беспомощно задыхался Филлип Чэнь в хранилище банка.

Контракт был пространный, но ещё из него следовало лишь то, что Джон Чэнь должен выступать в качестве «частного консультанта по Азии». Никаких примечаний или документов к контракту не прилагалось.

Филлип торопливо проверил конверт ещё раз на случай, если что-то упустил, но больше ничего не обнаружил. Быстрый просмотр остальных конвертов ничего не дал. Потом только он мимоходом заметил тоненький авиаконверт, который наполовину прилип к другому и был помечен «Пар-Кон II». В нем содержались фотокопии записок, написанных его сыном от руки для Линка Бартлетта.

Первая была составлена шесть месяцев назад, и в ней подтверждалось, что он, Джон Чэнь, имеет намерение и возможность предоставить «Пар-Кон» самые сокровенные сведения о самой потаенной деятельности всего комплекса компаний «Струанз».

...Конечно, это должно быть сохранено в абсолютной тайне, но, например, мистер Бартлетт, из прилагаемых балансов «Струанз» с 1954 по 1961 год (когда компания выставила свои акции на продажу) Вы можете видеть, что мои предложения вполне реальны. Если Вы посмотрите на схему корпоративной структуры «Струанз», а также на список некоторых наиболее важных акционеров и их тайных авуаров, включая авуары моего отца, Вы убедитесь, что Вам не составит труда выдвинуть предложение о покупке на условиях «Пар-Кон». Добавьте к этим фотокопиям то другое, о чем я говорил, — клянусь перед Господом, что Вы можете мне верить, — и я гарантирую успех. Я рискую своей жизнью, и это должно быть достаточной гарантией. Но если Вы авансируете мне сейчас пятьдесят тысяч из первой сотни, я дам согласие передать Вам это в пользование по прибытии — при том, что Вы обязуетесь вернуть мне это сразу по заключении Вашей сделки, — или для использования против «Струанз». Я гарантирую, что использую это против «Струанз». В конце концов Данроссу придется выполнить все, что Вы хотите. Прошу ответить на обычный почтовый ящик и уничтожить это послание, как мы условились.

«Пользование чем?» — пробормотал Филлип Чэнь, уже вне себя от беспокойства. Когда он читал второе письмо, руки у него тряслись.

Уважаемый мистер Бартлетт, настоящим подтверждается дата Вашего приезда. Все готово. Жду возможности увидеть Вас снова и познакомиться с мистером К. С. Чолоком. Спасибо за пятьдесят тысяч, которые благополучно поступили. В будущем все выплаты нужно переводить на номерной счет в Цюрихе: я предоставлю Вам банковские реквизиты по приезде. Благодарю также за подтверждение нашей устной договоренности о том, что, оказав Вам обещанное содействие, я смогу рассчитывать на трехпроцентную долю участия во вновь созданной «Пар-Кон (Азия) трейдинг компани».

Прилагаю ещё кое-что представляющее интерес: обратите внимание на даты — 1, 11 и 15 сентября, — когда «Струанз» должна будет платить по векселям (подписанным моим отцом) компании «Тода шиппинг» за новые супербалкеры. Денег, чтобы заплатить по ним, у «Струанз» нет.

Далее: что касается вопроса мистера Чолока относительно позиции моего отца в случае приобретения контрольного пакета или борьбы за доверенности акционеров при выборах директоров. Его можно нейтрализовать. Прилагаемые фотокопии — лишь часть того, чем я располагаю. Они подтверждают очень тесные отношения отца с Белым Порошком Ли и его родственником У Санфаном, известным ещё как Четырехпалый У, с начала пятидесятих, а также тот факт, что эти трое совместно владеют — на сегодняшний день тоже — риэлторской фирмой, двумя судоходными компаниями и имеют общие торговые интересы в Бангкоке. Хотя сегодня Белый Порошок и Четырехпалый У выдают себя за уважаемых бизнесменов, работающих на рынке недвижимости, и состоятельных судовладельцев, все прекрасно знают, что они многие годы успешно занимались пиратством и контрабандой. Более того, среди китайцев ходят упорные слухи, что эти двое — Великие Драконы в торговле опиумом. Если контакты моего отца с ними получат публичную огласку, это навсегда лишит его репутации, разорвет те самые тесные связи, которые он поддерживает со «Струанз» и всеми другими существующими на сегодняшний день хонгами, и, что самое главное, поставит жирный крест на его надеждах получить рыцарское звание, о чем он мечтает больше всего. Одной угрозы предать огласке его сомнительные деловые операции будет достаточно, чтобы нейтрализовать отца. И даже сделать его союзником. Конечно, я понимаю, что эти и другие имеющиеся у меня бумаги нуждаются в дополнительном документальном подтверждении, чтобы суд признал их доказательствами, имеющими юридическую силу, но их у меня уже полно, и они спрятаны в надежном месте...

Филлип Чэнь вспомнил, как, охваченный паникой, лихорадочно искал другие документы, а внутри все кричало, что у его сына не может быть столько тайных сведений, что он не может иметь балансы за те годы, когда компания «Струанз» ещё не была акционерным обществом, что он не может знать о Четырехпалом У и других секретах.

«О боги, это же почти все, что известно мне самому. Даже Диана не знает и половины! Что ещё пронюхал Джон, что ещё он рассказал этому американцу?»

Вне себя от переживаний, он обшарил каждый конверт, но больше ничего не нашел.

— У него где-то должна быть ещё одна ячейка — или сейф, — пробормотал Филлип вслух, уже почти утратив способность соображать.

В бешенстве он закинул бумаги в кейс, надеясь найти ответы на свои вопросы при более тщательном изучении документов, захлопнул ячейку и запер её. Но, поразмыслив, тут же отпер. Вытащив изящный поддон, Филлип перевернул его. К днищу были прикреплены скотчем два ключа. Один — от банковской ячейки с аккуратно подписанным номером. На другой он уставился как парализованный. Это был ключ от его собственного сейфа в доме на вершине холма. Он мог поклясться жизнью, что единственный существующий ключ — тот, что он всегда носил на шее, с которым никогда не расставался — с тех пор, как получил его от умирающего отца шестнадцать лет назад.

— О-хо, — сказал он вслух, снова вне себя от ярости.

— Что с тобой? — удивился Данросс. — Может, бренди?

— Нет-нет, спасибо, — дрожащим голосом произнес Филлип Чэнь, вернувшись в настоящее.

Он через силу собрался с мыслями и пристально смотрел на тайбаня, понимая,

что должен все ему рассказать. Но не осмеливался. Он не посмеет сделать этого, пока не узнает, сколько всего секретов похищено. И даже тогда не посмеет. Многие сделки без труда могли быть неправильно истолкованы властями, другие грозили поставить компанию в крайне неловкое положение и привести к судебному разбирательству — возбуждению гражданских, если не уголовных дел. «Это дурацкое английское право, — яростно думал он. — Какая глупость — один закон для всех! Почему было не составить один для богатых, а другой для бедных? Иначе зачем тогда вся эта работа? Зачем надрываться, рисковать, выстраивать схемы, чтобы стать богатым?» Помимо всего прочего он должен был признаться Данроссу, что годами доверял секреты «Струанз» бумаге, как делал его отец до него. Балансы, акции и прочее не подлежащее разглашению, очень-очень тайные и личные семейные дела, связанные с контрабандой и взятками. Он понимал: бессмысленно говорить, что это делалось для защиты, для защиты дома. Да, скажет тайбань, и будет прав, это делалось для защиты дома, но не Благородного Дома, а дома Чэнь. И совершенно справедливо обратит на него, Филлипа, и на весь его род свой гнев. И в этой губительной борьбе со «Струанз» он, Филлип, обречен на поражение. Об этом позаботился Дирк Струан, составляя свое завещание. Все, что выстраивалось почти целое столетие, исчезнет.

«Слава всем богам, что не все было в этом сейфе, — лихорадочно думал Филлип. — Слава всем богам, что другие вещи зарыты глубоко».

И тут перед глазами вдруг появились слова из первого письма его сына: «Добавьте к этим фотокопиям то другое, о чем я говорил...»

Он побледнел и, пошатываясь, встал.

— Прошу извинить меня, тайбань... я... я, пожалуй, распрощаюсь. Я только найду Диану и я... я... спасибо, до свидания. — И он торопливо направился в дом.

Пораженный Данросс смотрел ему вслед.

— О, Кейси, — сказала Пенелопа, — разрешите представить вам Кэтрин Гэваллан. Кэтрин — сестра Иэна.

— Привет! — улыбнулась Кейси: Кэтрин сразу ей понравилась. Они были в одной из прихожих на первом этаже среди других дам, которые разговаривали, поправляли макияж или стояли в очереди в расположенную рядом дамскую комнату. Помещение было просторное, удобное, с зеркалами. — У вас одинаковые глаза. Легко угадывается фамильное сходство, — проговорила она. — Он настоящий мужчина, верно?

— Да, мы тоже так считаем, — с готовностью улыбнулась Кэтрин. Ей было тридцать восемь, привлекательная, милый шотландский акцент, длинное шелковое платье в цветочек по последней моде. — Эти перебои с водой так докучают, верно?

— Да. Должно быть, вам тут не просто приходится с детьми.

— Что вы, chérie¹⁰⁰, дети это просто обожают, — откликнулась Сюзанна де Вилль, элегантная женщина, говорившая с легким французским акцентом. Ей было около пятидесяти. — Как тут настоять, чтобы они мылись каждый вечер?

— С моими двоими такая же история, — улыбнулась Кэтрин. — Перебои с водой досаждают нам, родителям, а им, похоже, и дела до них нет. Хотя это такая беда, когда пытаешься вести хозяйство в доме.

— Господи, я это просто ненавижу! — сказала Пенелопа. — Это лето — сущий кошмар. Сегодня вечером ещё повезло, обычно с нас уже пот лил бы градом! — Она поправляла у зеркала макияж. — Жду не дожусь следующего месяца. Кэтрин. Я тебе говорила, что мы собираемся в отпуск домой на пару недель? Во всяком случае,

¹⁰⁰ Милочка (франц.).

я. Иэн обещал тоже поехать, но с ним никогда ничего не знаешь.

— Ему нужно отдохнуть, — рассудила Кэтрин, и Кейси заметила у неё в глазах уныние, а под ними скрытые макияжем тени. — Ты едешь в Эршир?

— Да, и в Лондон на неделю.

— Везет тебе. Вы долго пробудете в Гонконге, Кейси?

— Не знаю. Будет зависеть от того, что предпримет «Пар-Кон».

— Ну да. Эндрю говорил, что вы сегодня весь день провели на встрече с ними.

— Не думаю, что они очень расположены говорить о деле с женщиной.

— Это ещё мягко сказано, — засмеялась Сюзанна де Вилль, поднимая юбку, чтобы подтянуть блузку. — Мой Жак, конечно, наполовину француз и понимает, что женщины уже занимаются бизнесом. Но вот англичане... — Её брови взлетели вверх.

— Тайбань, похоже, не имеет ничего против, — произнесла Кейси, — но я вообще-то по-настоящему ещё не имела с ним дела.

— Но вы имели дело с Горнтом, — заметила Кэтрин, и Кейси, оставшаяся начеку даже в расслабляющей атмосфере дамской комнаты, уловила в её голосе определенный подтекст.

— Нет, — ответила она. — Я не имела с ним дела. Во всяком случае, до этого вечера. С ним имел дело мой босс.

Перед самым ужином она нашла время рассказать Бартлетту про отца Горнта и Колина Данросса.

— Господи Иисусе! Неудивительно, что Адрион так странно себя вела! — воскликнул Бартлетт. — И тоже в бильярдной. — Подумав, он пожал плечами. — Но все это говорит о том, что положение Данросса ещё сложнее, чем мы думали.

— Может быть. Но я ещё никогда не сталкивалась с такой закоренелой враждой, как у них, Линк. Это может легко привести к непредсказуемым последствиям.

— Не вижу, каким образом — пока. Горнт лишь открыл фланг, как хороший военачальник. Если бы мы не получили заранее информации от Джона Чэня, сказанное Горнтом могло бы оказаться для нас жизненно важным. Горнт никак не может знать, что мы его опережаем. Поэтому он задает темп. Мы ещё даже не задействовали нашу тяжелую артиллерию, а они оба уже обхаживают нас.

— Решил уже, с кем ты?

— Нет. А ты к чему склоняешься?

— Ни к чему. Они оба впечатляют. Линк, как ты думаешь, не информация ли, предоставленная нам Джоном Чэнем, послужила причиной похищения?

— Не знаю. А что?

— До приезда Горнта меня перехватил суперинтендент Армстронг. Он расспрашивал, что Джон Чэнь говорил вчера вечером, о чем мы с ним беседовали, что конкретно было сказано. Я выложила ему все, что могла вспомнить, кроме того, что должна была получить это. Потому что до сих пор не знаю, о чем речь.

— Ничего незаконного тут нет, Кейси.

— Мне не нравится, когда я чего-то не знаю. Теперь стало не нравиться. Это уже... Это уже выше моего понимания — все эти винтовки, злодейское похищение, полицейские, которые становятся все настойчивее.

— Ничего незаконного. Давай на этом и остановимся. Армстронг сказал, что есть какая-то связь?

— Ничего он не сказал. Он сильный молчаливый англичанин, полицейский и джентльмен, гораздо более умный и знающий, чем все, кого я видела в кино. Я уверена, он не сомневается, что я что-то скрываю. — Она помолчала. — Линк, что же есть у Джона Чэня настолько важное для нас?

Она вспомнила, как Бартлетт изучающе смерил её странным, насмешливым взглядом глубоких голубых глаз.

— Монета, — спокойно пояснил он.

— Что? — изумилась она.

— Да-да. Вернее, половинка монеты.

— Но, Линк, при чем здесь мо...

— Это все, что я открою тебе сейчас, Кейси. А вот ты ответь мне: считает ли Армстронг, что есть связь между похищением Чэня и винтовками?

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Не думаю, Линк. Не могу сказать даже приблизительно. Он слишком себе на уме, этот человек. — Она снова помолчала. — Линк, ты договорился... о чем-нибудь договорился с Горнтом?

— Нет. Ничего конкретного. Горнту нужно лишь, чтобы «Струанз» не было и чтобы мы обанкротили компанию вместе с ним. Я обещал, что мы поговорим об этом во вторник. За ужином.

— А что ты собираешься сказать после ужина тайбаню?

— Смотря какие он будет задавать вопросы. Он прекрасно знает, что хороший стратег должен составить представление о том, какова оборона противника.

Кейси стала размышлять, кто же противник, ощущая себя чужой даже здесь, среди дам. Она чувствовала, что все относятся к ней враждебно, за исключением двоих — Пенелопы и Кэтрин Гэваллан, а также женщины, с которой она познакомилась чуть раньше, стоя в очереди в туалет.

— Привет, — тихо сказала эта женщина. — Я слышала, вы здесь тоже пришлая.

— Да-да, я не из здешних. — Кейси была поражена её красотой.

— Я — Флер Марлоу. Мой муж — Питер Марлоу. Он писатель. Я считаю, что вы потрясающе выглядите.

— Спасибо. Вы тоже. И вы только что приехали?

— Нет. Мы здесь уже три месяца и два дня, но это первая действительно английская вечеринка из тех, куда нас пригласили. — Флер говорила по-английски, не так четко произнося слова, как остальные. — Мы большую часть времени проводим или с китайцами, или сами с собой. У нас квартира в пристройке к старому «Ви энд Эй». Господи, — добавила она, взглянув на дверь в туалет перед собой. — Хоть бы поторопилась: у меня скоро из ушей польется.

— Мы тоже остановились в «Ви энд Эй».

— Да, я знаю. Вы оба уже люди известные, — засмеялась Флер Марлоу.

— Печально известные! А я и не знала, что у них там есть апартаменты.

— Вообще-то никаких апартаментов нет. Всего лишь две крохотные спальни и гостиная. Кухней служит буфет для посуды. Тем не менее это наш дом. У нас есть ванная, водопровод и туалет с унитазом. — У Флер Марлоу были большие серые глаза, немного скошенные, что выглядело очень мило, длинные светлые волосы, и Кейси подумала, что они примерно ровесницы.

— Ваш муж — журналист?

— Он автор. Всего одной книги. В основном пишет сценарии и работает режиссером в Голливуде. Этого хватает, чтобы платить за жилье.

— А почему вы с китайцами?

— О, это Питер интересуется ими. — Флер Марлоу улыбнулась и заговорщицки прошептала, оглянувшись на остальных дам: — Они всё-таки перегибают палку, верно? Стараются быть более англичанами, чем сами англичане. Все эти старые традиции и прочая ерунда.

— Но вы ведь тоже англичанка, — нахмурилась Кейси.

— И да, и нет. Я англичанка, но родом из Ванкувера, провинция Британская Колумбия. А живем мы — Питер, я и дети — в Штатах, в старом добром Голливуде, Калифорния. Я действительно не знаю, кто я. Наполовину одно, наполовину другое.

— Мы тоже живем в Лос-Анджелесе, Линк и я.

— Я считаю, он потрясающий мужчина. Вам повезло.

— А сколько вашим детям?

— Четыре и восемь. Слава богу, у нас подача воды ещё не ограничена.

— Как вам Гонконг?

— Он очаровывает, Кейси. Питер собирает здесь материал для книги, так что для него это просто замечательно. Господи боже мой, если даже половина легенд соответствует истине... Все эти Струаны, и Данроссы, и все остальные, и ваш Квиллан Горнт.

— Он не мой. Я познакомилась с ним только сегодня вечером.

— Вы вызвали небольшое землетрясение, когда прошли с ним через зал, — засмеялась Флер. — Если собираетесь остаться здесь, поговорите с Питером. Он введет вас в курс дела — насчет всевозможных скандальных историй. — Она кивнула Диане Чэнь, пудрившей нос перед одним из зеркал. — Это мачеха Джона Чэня, жена Филлипа Чэня. Она жена номер два: его первая жена умерла. Евразийка, её почти все терпеть не могут, но она едва ли не самый добрый человек из тех, кого я здесь встречала.

— А почему её терпеть не могут?

— Завидуют, по большей части. Ведь она, в конце концов, жена компрадора Благородного Дома. Мы познакомились с ней уже давно, и она отнеслась ко мне просто потрясающе. Женщине, особенно неместной, тяжело в Гонконге. Не знаю почему, но она вела себя со мной как с членом семьи. Она была восхитительна.

— Разве она евразийка? Выглядит как китаянка.

— Иногда и не различишь. По словам Питера, её девичья фамилия — Чжун, а её матери — Сун. Семья Чжун происходит от одной из любовниц Дирка Струана, а семья Сун — незаконные отпрыски знаменитого художника Аристотеля Квэнса. Слышали о нем?

— О да.

— Множество лучших гонконгских фамилий... э-э... В общем, старик Аристотель дал четыре ветви...

В этот момент дверь в туалет открылась, из неё вышла женщина, и Флер сказала:

— Слава богу!

Ожидая своей очереди, Кейси вполуха прислушивалась к разговорам. Все они крутились вокруг одного и того же: одежда, жара, перебои с водой, жалобы на ама и других слуг, дороговизна, дети или школы. Потом настала её очередь, а когда Кейси вышла, Флер Марлоу куда-то исчезла и подошла Пенелопа.

— О, я только теперь узнала, что вы не хотели уходить. Не обращайтесь внимания на Джоанну, — спокойно посоветовала Пенелопа. — Она зануда. Всегда была такой.

— Это моя вина: я ещё не привыкла к вашим обычаям.

— Глупости это все, но со временем вы привыкнете к тем, что гораздо проще позволять мужчинам вести себя по-своему. Я лично ухажу с удовольствием. Должна сказать, для меня их разговоры по большей части скука смертная.

— Да, иногда так и есть. Но дело в принципе. К нам должны относиться как к равным.

— Мы никогда не будем равными, дорогая. Во всяком случае, здесь. Это Гонконг, колония Её Величества.

— Мне все это говорят. И как долго будет длиться наше отсутствие?

— О, где-то с полчаса. Определенного времени не существует. Вы давно знакомы с Квилланом Горнтом?

— Сегодня вечером увидела в первый раз.

— Он... его не очень-то жалуют в этом доме.

— Да, я знаю. Мне рассказали о той рождественской вечеринке.

— Кто рассказал?

Кейси поведала то, что знала.

Наступило напряженное молчание. Потом Пенелопа промолвила:

— Нехорошо, когда посторонние оказываются вовлеченными в семейные дразги, верно?

— Да, — согласилась Кейси. — Но ведь такое случается в каждой семье. Мы — я и Линк — приехали сюда, чтобы организовать новый бизнес. Мы надеемся, что начнем его с одной из ваших крупных компаний. Мы здесь чужаки и знаем это, потому и подыскиваем партнера.

— Хорошо, дорогая. Я уверена, что вы примете решение. Будьте терпеливы и осторожны. Ты согласна, Кэтрин? — обратилась она к невестке.

— Да, Пенелопа. Я согласна. — Кэтрин посмотрела на Кейси тем же спокойным взглядом, что и Данросс. — Надеюсь, вы сделаете правильный выбор, Кейси. Все люди здесь довольно мстительные.

— Почему?

— Общество у нас очень тесное, много родственных связей, все знают друг друга — тут ничто не тайна. Это одна причина. Другая в том, что ненависть здесь длится поколения, и питают её целыми поколениями. Если ненавидишь, то ненавидишь всей душой. Есть и третья: нравы здесь пиратские, ограничений мало, так что можно безнаказанно проворачивать разные дела, да ещё какие. И наконец, здесь очень высоки ставки: огреб кучу золота — можно законно им владеть, даже если оно нажито незаконно. Гонконг — такое место, где все в движении: сюда никто не приходит, чтобы остаться навсегда, даже китайцы — лишь заработать денег и уйти. Другого такого места нет на земле.

— Но ведь уже несколько поколений Струанов, Данроссов и Горнтов живут здесь, — возразила Кейси.

— Да, но все они здесь по одной причине — из-за денег. Деньги — здешнее божество. Как только они у вас появляются, вы исчезаете — европейцы, американцы и, конечно же, китайцы.

— Ты преувеличиваешь, Кэти, дорогая, — заметила Пенелопа.

— Да. И все же это правда. Добавлю ещё причину: мы все время живем на грани катастрофы. Нас преследуют пожары, наводнения, эпидемии, оползни, беспорядки. Половина населения — коммунисты, половина — националисты, и они ненавидят друг друга так, что ни одному европейцу этого никогда не понять. А Китай — Китай может проглотить нас в любой момент. Так что живи сегодня, и к черту все остальное! Хватай, что сможешь, потому что кто знает, что будет завтра? Не вставай ни у кого на пути! Люди здесь жестче, чем где-нибудь, ибо в Гонконге все действительно непрочное, тут нет ничего постоянного.

— Кроме Пика, —插入了 Пенелопа. — И китайцев.

— Даже китайцы стремятся побыстрее разбогатеть и выбраться отсюда — больше, чем многие другие. Погодите, Кейси, вы поймете. Вы ощутите на себе чары Гонконга — или его зло, в зависимости от вашего видения. Для бизнеса это самое восхитительное место на земле. Скоро у вас появится ощущение, что вы в центре мира. Для мужчины это буйство страстей и захватывающее приключение. Господи, для мужчины это просто замечательно, но для нас это ужасно. Каждая женщина, каждая жена страстно ненавидит Гонконг, сколько бы ни делала вид, что это не так.

— Да будет тебе, Кэтрин, — начала Пенелопа, — ты снова преувеличиваешь.

— Нет. Нет, я не преувеличиваю. Мы все живем здесь под угрозой, Пенни, и ты это прекрасно знаешь! Мы, женщины, ведем битву, которую нам суждено проиграть... — Кэтрин остановилась и выдавила из себя улыбку. — Прошу прощения, что-то я разошлась. Пенн, думаю, я пойду поищу Эндрю, а если он захочет остаться, потихоньку улизну, с твоего позволения.

— А ты хорошо себя чувствуешь, Кэти?

— О да, только подустала. Мой младшенький — сущее наказание, но на

будущий год он уезжает в школу-интернат.

— Как прошло обследование?

— Прекрасно. — Кэти вымученно улыбнулась Кейси. — Будет желание, звоните. Мой номер есть в телефонной книге. Не выбирайте Горнта. Это станет роковой ошибкой. Пока, дорогая, — добавила она, обращаясь к Пенелопе, и ушла.

— Она такая милая, — сказала Пенелопа. — Но треплет себе нервы по пустякам.

— А вы чувствуете себя под угрозой?

— Я очень счастлива с детьми и мужем.

— Она спросила, чувствуешь ли ты себя под угрозой, Пенелопа. — Сюзанна де Вилль припудрила нос и принялась изучать свое отражение в зеркале. — Чувствуешь?

— Нет. Иногда у меня бывает подавленное состояние. Но... я чувствую угрозу не больше, чем ты.

— Ах, ch#233;rie, но я же парижанка, разве может что-то представлять для меня угрозу? Вы были в Париже, мадемуазель?

— Да, — сказала Кейси. — Прекрасный город.

— Это целый мир, — проговорила Сюзанна с галльской скромностью. — Уф, я выгляжу не больше чем на тридцать шесть.

— Чепуха, Сюзанна. — Пенелопа посмотрела на свои часы. — Думаю, мы можем уже вернуться. Извините, я на минуту...

Сюзанна проводила её взглядом, а потом снова переключила внимание на Кейси.

— Мы с Жаком приехали сюда, в Гонконг, в сорок шестом.

— Вы тоже член семьи?

— Отец Жака женился на одной из Данроссов во время Первой мировой войны — на тетушке тайбаня. — Она склонилась к зеркалу и убрала кончиком пальца немного пудры. — В «Струанз» важно быть членом семьи.

Кейси заметила, как наблюдают за ней из зеркала пронизательные галльские глаза.

— Конечно, я согласна с вами. Это просто глупость, чтобы дамы уходили после ужина. Но ведь очевидно, что с нашим уходом исчез и тот накал, который там был, верно?

Кейси улыбнулась.

— Думаю, да. А почему Кэтрин сказала «под угрозой»? Под угрозой чего?

— Молодости, конечно, молодости! Здесь десятки тысяч шикарных, весьма практичных и миловидных молоденьких *Chinoises*¹⁰¹ с длинными черными волосами, красивыми кокетливыми *derri#232;res*¹⁰² и золотистой кожей, которые действительно понимают мужчин. Секс для них то, что он есть на самом деле: пища и, зачастую, предмет для натурального обмена. Это неотесанный английский пуританин вывихнул мозги своих дам, бедняжек. Слава богу, я родилась француженкой! Бедная Кэти!

— О, — выдохнула Кейси, сразу все поняв. — Она узнала, что у Эндрю кто-то есть?

Сюзанна улыбнулась и не ответила, а лишь продолжала смотреть на её отражение в зеркале.

— Мой Жак... конечно, у него тоже кто-то есть. У всех мужчин кто-то есть. Кто-то

¹⁰¹ Китайнок (франц.).

¹⁰² Задницами (франц.).

есть и у нас, если мы благоразумны. Но мы, французы, понимаем, что такие грехи не должны мешать хорошему браку. Мы не придаем им излишнего значения, *non* ?¹⁰³ — Выражение её темно-карих глаз чуть изменилось. — *Oui!* ¹⁰⁴

— Но ведь это непросто, верно? Непросто для женщины жить с этим?

— Все непросто для женщины, *chérie*, потому что мужчины такие *crétins*. — Сюзанна де Вилль поправила складку, потом подушила кожу за ушами и ложбинку меж грудей. — У вас здесь ничего не получится, если попытаетесь играть по мужским, а не по нашим, женским правилам. Вам здесь выпадет редкий шанс, мадемуазель, если вы в достаточной степени женщина. И если будете помнить, что все Горнты ядовиты. Приглядывайте за своим Линком Бартлеттом, Сирануш. Уже есть дамы, которые хотят овладеть им и унижить вас.

14

22:42

Наверху, на втором этаже, из затененной части длинного балкона осторожно вышел человек и проскользнул через открытые стеклянные двери в ещё более глубокую темноту кабинета Данросса. Он замер, прислушиваясь, почти невидимый в своей черной одежде. В комнату долетали отдаленные звуки вечеринки, отчего тишина и ожидание становились ещё тяжелее. Он включил маленький фонарик.

Круг света упал на картину над каминной полкой. Он подошел ближе. Дирк Струан, казалось, наблюдал за ним, дразня легкой усмешкой. Затем луч света двинулся к краям рамы. Осторожно взявшись за неё рукой, человек попробовал двинуть её сначала с одной, потом с другой стороны. Картина бесшумно отошла от стены.

Человек вздохнул.

Он внимательно осмотрел замок, потом вынул небольшую связку отмычек. Выбрал одну, попробовал открыть, но она не поворачивалась. Ещё одну. Снова неудача. Ещё и ещё одна, раздался легкий щелчок, и отмычка почти повернулась, но не до конца. С остальными отмычками тоже ничего не вышло.

Он раздраженно попытался вставить ту, что почти повернулась, но замок не открывался.

Пальцы умело ощупали края сейфа в поисках тайного запора или ключа. Он попробовал ещё раз отмычку, которая почти повернулась, и так и этак, мягко и с нажимом, но она не поворачивалась.

Он снова замер в нерешительности. Через некоторое время он осторожно вернул картину на место — глаза Дирка уже смотрели на него с издевкой — и подошел к столу. На нем было два телефона. Он взял трубку того, который, как ему было известно, не имел добавочных в доме, и набрал номер.

Послышался монотонный сигнал, который потом прекратился. — Да? — ответил мужской голос по-английски.

— Мистера Лоп-сина, пожалуйста, — негромко проговорил он начало пароля.

— Здесь нет никакого Лоп-тина. Извините, вы ошиблись номером. Отзвон был как раз тот, который он хотел услышать.

— Я хотел бы оставить сообщение.

— Извините, вы ошиблись номером. Проверьте номер в телефонном справочнике.

¹⁰³ Верно (франц.).

¹⁰⁴ Да! (франц.)

Снова верный отзыв, его конец.

— Это «Лим», — прошептал он, назвав свою конспиративную кличку. — «Артура», пожалуйста. Это срочно.

— Минуту.

Он услышал, как передают трубку, а потом донеслось сухое покашливание, которое он сразу узнал.

— Да, «Лим»? Вы нашли сейф?

— Да. Он за картиной над камином, но ни один из ключей не подходит. Мне нужно специальное оборуду... — Он вдруг остановился на полуслове. Приближались голоса. Он осторожно положил трубку. Быстрая нервная проверка: все ли на месте — и, выключив фонарик, он поспешил на балкон, тянувшийся по всей длине северного фасада. На какой-то миг сияние луны осветило его. Это был Официант Фэн. Потом он исчез, и черный костюм официанта слился с темнотой.

Дверь отворилась. Вошёл Данросс, а за ним Брайан Квок. Данросс включил свет. Комната сразу стала теплой и приветливой.

— Нас здесь не беспокоят, — сказал Данросс. — Будь как дома.

— Спасибо. — Брайана Квока пригласили наверх впервые.

Оба держали в руках рюмки с коньяком. Они подошли к окнам, где было больше прохлады и под легким ветерком колыхались прозрачные шторы, и сели в легкие кресла с высокой спинкой друг против друга. Брайан Квок разглядывал картину, изумлявшую тонкостью светопередачи.

— Потрясающий портрет.

— Да. — Данросс бросил взгляд через плечо и замер. Картина была чуть смещена. Этого, кроме него, не заметил бы никто.

— Что-нибудь случилось, Иэн?

— Нет. Нет, ничего, — произнес Данросс, успокаиваясь после того, как все чувства инстинктивно напряглись, чтобы проверить, нет ли в комнате посторонних. Теперь он снова обратил все внимание на суперинтендента-китайца, но в глубине души недоумевал, кто и зачем мог трогать картину. — Что у тебя?

— Два момента. Первое — ваш пароход, «Восточное облако».

— О, — вырвалось у удивленного Данросса.

Один из многочисленных каботажных пароходов «Струанз», бороздивших торговые пути Азии, «Восточное облако» был десятитысячник и ходил по крайне прибыльному маршруту Гонконг—Бангкок — Сингапур—Калькутта—Мадрас—Бомбей с заходом время от времени в столицу Бирмы — Рангун. Он вывозил из Гонконга самые разные промышленные товары и ввозил различные виды индийского, малайского, тайского и бирманского сырья, шелк, драгоценные камни, тик, джут, продовольствие. Шесть месяцев назад пароход был задержан индийскими властями в Калькутте после того, как таможенники неожиданно обнаружили в одной из угольных ям тридцать шесть тысяч таэлей контрабандного золота. Чуть больше тонны.

— Золото — это одно, ваше превосходительство, и к нам оно не имеет никакого отношения, — говорил Данросс генеральному консулу Индии в Гонконге, — но задерживать судно — это нечто другое!

— А, много очень прошу прощения, мистер Данросс, сэр. Закон есть закон, а контрабанда золота в Индию действительно очень серьезно, сэр, и закон говорит, что любое судно с контрабандным товаром на борту может быть задержано и продано.

— Да, может быть. Возможно, ваше превосходительство, в данном случае вы сможете повлиять на властей...

Однако все настойчивые просьбы Данросса отвергались, и все попытки ходатайства на высшем уровне, предпринимаемые в течение многих месяцев в Индии и даже в Лондоне, не имели успеха. Расследования индийской и гонконгской

полиции не выявили никаких улик против членов экипажа, но «Восточное облако» оставался на приколе в гавани Калькутты.

— Так что насчет «Восточного облака»? — спросил Данросс.

— Мы думаем, что сможем убедить индийские власти отпустить пароход.

— Взамен на что? — насторожился Данросс. Брайан Квок засмеялся:

— Ни на что. Мы не знаем, кто занимался контрабандой, но нам известно, кто был информатором.

— Кто?

— Семь с лишним месяцев назад вы изменили политику набора экипажей. До этого на свои суда компания «Струанз» набирала исключительно кантонцев, но потом по какой-то причине вы решили нанять шанхайцев. Верно?

— Да. — Данросс вспомнил, что это предложил Цу-янь, сам шанхаец, убеждавший, что «Струанз» должна протянуть руку помощи беженцам с севера. «В конце концов, тайбань, они тоже хорошие моряки, — настаивал Цу-янь, — и плату требуют небольшую».

— Таким образом, на «Восточное облако» набрали экипаж из шанхайцев, — думаю, это был первый такой экипаж, — а кантонская команда, которая осталась без работы, потеряла лицо и потому пожаловалась Красному Жезлу своей триады...

— Брось ты, ради бога, какие триады в наших экипажах?

— Я уже много раз говорил, Изн: китайцы — великие любители объединяться. Хорошо, давай назовем лидера триады в ранге Красного Жезла представителем их профсоюза — хотя, насколько я знаю, профсоюзов у вас тоже нет. Так вот, этот тип сказал в совершенно определенных выражениях, что, мол, о-хо, мы действительно потеряли лицо из-за этой неотесанной деревенщины с севера, но я разберусь с этими ублюдками. И он подкупил индийского информатора здесь, который за вознаграждение, согласованное, конечно, заранее, передал эту информацию в индийское консульство. Точнее, информатор получил часть денег.

— Что?

— Да-да, — расплылся в улыбке Брайан Квок. — Вознаграждение поделили в соотношении двадцать к восьмидесяти между этим индийцем и кантонским экипажем, который должен был идти на «Восточном облаке». Репутация кантонцев была восстановлена, а презренное шанхайское отребье с севера попало в вонючую индийскую тюрьму и потеряло лицо.

— О боже!

— Да-да.

— У тебя есть доказательства?

— О да! Но видишь ли, какое дело, наш индийский друг обещал помогать нам в будущих расследованиях взамен на... э-э... некоторые услуги, так что мы предпочли бы не называть его. Ваш «профсоюзный лидер»? А-а, одно из его имен — Большеротый Тук, и он три с лишним года работал на «Восточном облаке» котельным машинистом. Работал — потому что, увы, больше мы его не увидим. На прошлой неделе мы повязали Большеротого Тука при всех регалиях триады 14К — при очень высоких регалиях Красного Жезла — с помощью шанхайского информатора. Этот малый приходится братом одному из тех моряков, что изнемогают в вонючей индийской тюрьме.

— Большеротого депортировали?

— О да, в мгновение ока. Триады мы действительно не жалуем. Теперь это преступные шайки, которые занимаются всевозможными мерзостями. Тука отправили на Тайвань, где, как я понимаю, его ожидает неласковый прием, поскольку сообщество северных шанхайских триад «Зеленый Пан» и сообщество южных кантонских триад 14К по-прежнему борются за контроль над Гонконгом. Большеротый Тук был 426, это точно...

— Что это значит?

— О, я думал, ты знаешь. Все состоящие в триаде известны под номерами и под символическими титулами, причем эти номера всегда кратны мистическому числу 3. За лидером триады закреплен номер 489. Цифры, составляющие это число, при сложении дают двадцать один, а два плюс один дает три. Двадцать один к тому же кратно числу 3, которое символизирует творение, а умноженное на 7 — «смерть» — означает перерождение. Второй по рангу в триаде — Белый Веер — обозначается номером 438. За ним следует Красный Жезл — номер 426. Самый низший — 49.

— Но я тебя умоляю, это не кратно трем!

— Верно. Но четырежды девять будет тридцать шесть, число тайной клятвы на крови. — Брайан Квок пожал плечами. — Ты же знаешь, как мы, китайцы, помешаны на числах и связанной с ними магией. Он был Красный Жезл, 426, Иэн. Мы поймали его. Так что триады существуют или, по крайней мере, существовали на одном из ваших судов. Верно?

— Похоже, что так. — Данросс проклинал себя за то, что, отдав предпочтение шанхайцам перед кантонцами, не учел: неизбежна потеря лица, а значит, быть беде. И теперь он понял, что оказался в ловушке. На семи его судах шанхайские экипажи, а на пятидесяти с лишним — кантонские. — Господи, я не могу уволить шанхайцев, которые уже набраны. А если я этого не сделаю, все повторится в больших масштабах и лицо потеряют уже обе стороны. Как же решить эту проблему?

— Отведи определенные маршруты исключительно шанхайцам, но только после консультации с их 426, Красным Жезлом... виноват, с их «профсоюзными вожаками». И конечно, с их кантонскими коллегами — но предварительно сговоришься с известным предсказателем, который объявит, что подобный исход был бы фантастическим джоссом для обеих сторон. Как насчет Старого Слепца Дуна?

— Старого Слепца Дуна? — засмеялся Данросс. — Замечательно! Брайан, ты гений! Услуга за услугу. Только для твоих ушей?

— Хорошо.

— Гарантируешь?

— Да.

— Завтра утром первым делом покупай акции «Струанз».

— А сколько?

— Сколько хватит средств.

— А как долго их держать?

— А на сколько у тебя духу хватит? Брайан невыразительно присвистнул.

— Спасибо. — Он на миг задумался, а потом заставил себя снова обратиться к текущим делам. — Вернемся к «Восточному облаку». Теперь, Иэн, мы подошли к одному из интересных моментов. Тридцать шесть тысяч таэлей золота официально стоят один миллион пятьсот четырнадцать тысяч пятьсот двадцать американских долларов. Но если их переплавить в контрабандные слитки по пять таэлей и тайно переправить на берег в Калькутте, эта партия для частных покупателей будет стоить в два, а то и в три раза дороже — скажем, четыре с половиной миллиона американских долларов, так?

— Не знаю. Точно.

— О, зато я знаю. Упущенная прибыль составляет больше трех миллионов — убыток по вложениям около полутора.

— И что?

— А то, что все мы знаем: шанхайцы такие же скрытные, как кантонцы, чаочжоу, фуцзяньцы или любые другие мелкие группировки китайцев. Так что контрабандой, конечно, хотел подзаработать шанхайский экипаж. Это их рук дело, Иэн, хотя нам ничего не доказать, пока. Поэтому ты можешь поставить свой последний доллар на то, что из Макао в Гонконг и на борт «Восточного облака» золото переправляли тоже

шанхайцы, что изначально в Макао золото покупалось тоже на шанхайские деньги и поэтому часть денег определенно составляли средства «Зеленого Пана».

— Ничего из этого не следует.

— У тебя уже есть какие-то вести о Цу-яне? Данросс воззрился на него:

— Нет. А у тебя?

— Ещё нет, но мы ведем расследование. — Брайан тоже посмотрел на него. — Первое, что я хочу сказать: «Зеленому Пану» нанесен серьезный удар, а преступники страшно не любят терять тяжелым трудом заработанные деньги, поэтому «Струанз» могут ждать крупные неприятности, если ты не пресечешь эту беду в зародыше, как я предложил.

— Не все члены «Зеленого Пана» — преступники.

— Это как посмотреть, Иэн. Второй момент, только для твоих ушей: мы уверены, что Цу-янь участвует в преступной деятельности, связанной с контрабандой золота. Третье и последнее, что я хочу сказать: если определенная компания не хочет, чтобы её суда задерживали за контрабанду золота, она легко может уменьшить свой риск, сократив ввоз золота в Макао.

— Ещё раз? — Данросс был приятно удивлен тем, что умудрился сказать это спокойным голосом, и в то же время задавался вопросом, что особой разведслужбе известно точно и что она лишь предполагает.

Вздыхнув, Брайан Квок продолжил выкладывать информацию, предоставленную Роджером Кроссом:

— «Нельсон трейдинг».

Огромным усилием воли Данросс сохранил бесстрастную мину.

— «Нельсон трейдинг»?

— Да. «Нельсон трейдинг компани лимитед оф Лондон». Как тебе известно, «Нельсон трейдинг» располагает эксклюзивной лицензией правительства Гонконга на приобретение золота в слитках на международном рынке для гонконгских ювелиров и, что гораздо более важно, такой же эксклюзивной монополией на перевалку золота в слитках, не облагаемого пошлиной, через Гонконг в Макао — вместе с ещё одной компанией, поменьше, «Сол Файнхаймер буллион компани», тоже лондонской. У «Нельсон трейдинг» и «Файнхаймер» есть кое-что общее. Например, некоторые члены советов директоров, одни и те же адвокаты.

— Да что ты?

— Да. Мне кажется, ты тожеходишь в совет директоров.

— Я вхожу в советы директоров почти семидесяти компаний.

— Верно, и не все из этих компаний полностью и даже частично принадлежат «Струанз». Конечно, некоторыми можно владеть полностью через подставных лиц, тайно, не правда ли?

— Да, конечно.

— К счастью, у нас в Гонконге не нужно предоставлять списки директоров или акций, верно?

— К чему ты клонишь, Брайан?

— Ещё одно совпадение: зарегистрированный головной офис «Нельсон трейдинг» в лондонском Сити расположен в том же здании, что и ваша британская дочерняя компания, «Струан Лондон лимитед».

— Это большое здание, Брайан, одно из лучших мест в городе. Там, должно быть, компаний сто.

— Многие тысячи, если включать все фирмы, зарегистрированные там поверенными. Все эти холдинги, объединяющие массу компаний с номинальными директорами, которые скрывают всевозможные семейные тайны.

— Так и что? — Мысль Данросса уже работала абсолютно четко. «Откуда у Брайана вся эта информация? И к чему, черт возьми, он ведет?»

«Нельсон трейдинг» была тайной дочерней компанией, которую «Струанз» контролировали через подставных лиц с момента её создания в 1953 году, специально для торговли золотом через Макао. Макао — единственная территория в Азии, куда можно легально ввозить золото.

— Кстати, Иэн, ты знаком с этим португальским гением из Макао — сеньором Ландо Матой?

— Да, знаком. Очаровательный человек.

— Да, очаровательный. А ещё у него хорошие связи. Ходят слухи, что пятнадцать лет назад он убедил власти Макао ввести монополию на ввоз золота, а потом продать эту монополию ему и паре его приятелей за скромный годовой налог — около одного американского доллара за унцию. Кроме того, этот же человек, Иэн, первым предложил властям Макао легализовать азартные игры... и, что интересно, предоставить ему и паре его приятелей такую же монополию. Все очень удобно, да?

Данросс не ответил, а лишь пристально смотрел на улыбающееся лицо и глаза, которые не улыбались.

— Так что несколько лет все шло хорошо, — продолжал Брайан. — Потом в пятьдесят четвертом с ним встретились кое-какие люди из Гонконга, которые живо интересовались золотом — в пятьдесят четвертом был изменен наш гонконгский закон о золоте. Они предложили улучшенный вариант схемы, ставший теперь легальным: их компания легально покупает золото в слитках на мировом рынке по поручению синдиката из Макао по той же легальной цене тридцать пять американских долларов за унцию и открыто привозит в Гонконг по воздуху или морем. По прибытии груза в Гонконг наши собственные таможенники легально следят за перевалкой из Кай-Так под охраной или от пирса до парома на Макао, или до гидросамолёта «каталина». Когда паром или гидросамолёт прибывает в Макао, его встречают чиновники португальской таможни, и золото в стандартных слитках по четыреста унций перегружается под охраной на автомобиле, а на самом деле — в такси, и доставляется в банк. Это замызганное уродливое маленькое здание, где не занимаются обычными банковскими операциями. У банка нет солидных клиентов — кроме этого синдиката. Банк никогда не открывает дверей — кроме как для золота. Там вообще не любят визитеров. Как ты думаешь, кому он принадлежит? Сеньору Мате и его синдикату. Как только золото попадает в их банк, оно исчезает! — Брайан Квок просиял в улыбке, словно иллюзионист, выполняющий свой величайший фокус. — В этом году пока пятьдесят три тонны. В прошлом году пятьдесят восемь тонн! Столько же в предыдущем году, и годом раньше, и так далее.

— Много золота получается, — с готовностью подхватил Данросс.

— Да, много. Очень странно, что властям Макао или Гонконга, похоже, наплевать на то, что золото ввозится, но вроде как не вывозится. Ты следишь за моей мыслью?

— Да?

— Разумеется, на самом деле происходит вот что: попавшее в банк золото из стандартных слитков по четыреста унций переплавляют в более мелкие слитки по две или, гораздо чаще, пять унций, которые значительно легче транспортировать — и переправлять контрабандой. И вот мы подошли к единственному нелегальному звену всей этой замечательной цепочки — вывозу золота из Макао и контрабандному ввозу его в Гонконг. Конечно, незаконным является не вывоз его из Макао, а только ввоз в Гонконг. Но и тебе и мне известно, что ввезти что-либо контрабандой в Гонконг сравнительно нетрудно. А невероятная прелесть всей схемы состоит в том, что коль скоро это золото оказалось в Гонконге, каким бы образом оно туда ни попало, любой может обладать им на законном основании и никаких вопросов к нему не возникнет. В отличие, скажем, от Штатов или Англии, где иметь золото в слитках в частном владении не разрешается. А раз его можно легально иметь, его можно и легально

вывозить.

— К чему ты клонишь, Брайан? — Данросс сделал глоток коньяка. Брайан Квок поболтал выдержанный ароматный напиток в рюмке, не пытаясь нарушить сгустившееся молчание. Наконец он произнес:

— Нам нужна кое-какая помощь.

— Нам? То есть особой разведслужбе? — встревожился Данросс.

— Да.

— Кому в Эс-ай? Тебе? Брайан Квок помедлил.

— Самому мистеру Кроссу.

— Что за помощь?

— Он хотел бы прочитать все доклады, полученные тобой от Алана Медфорда Гранта.

— Повтори, что ты сказал, — проговорил Данросс, чтобы дать себе время подумать: вот уж этого он никак не ожидал.

Брайан Квок вынул фотокопию первой и последней страницы перехваченного доклада и подал Данроссу:

— В наши руки только что попала копия вот этого. — Данросс бросил взгляд на страницы. Было ясно, что они подлинные. — Нам хотелось бы быстро глянуть на остальные.

— Я тебя не понимаю.

— Я не принес весь доклад лишь для удобства, но, если хочешь, можешь получить его завтра. — Взгляд Брайана не дрогнул. — Мы были бы признательны за это — мистер Кросс сказал, что будет признателен за помощь.

На какой-то миг Данросса просто парализовало от чудовищности скрытого в этой просьбе смысла.

— Этот доклад — и остальные папки, если они ещё существуют, — частная собственность, — услышал он свой голос. Он говорил, тщательно выбирая слова. — Во всяком случае, вся содержащаяся в них информация является частной: она предназначалась лично для меня и для правительства. Вы, несомненно, можете получить все, что хотите, по своим собственным разведывательным каналам.

— Да. А пока суперинтендент Кросс на самом деле был бы очень признателен, Иэн, если бы ты позволил нам взглянуть на доклады.

Данросс отпил глоток коньяка, скрывая растерянность. Он понимал, что может с легкостью отрицать существование других папок, может сжечь их, или спрятать, или просто оставить там, где они есть, но ему не хотелось отказывать особой разведслужбе в помощи. Помогать ей — долг тайбана. Особая разведслужба — жизненно важная часть особого подразделения, гарант безопасности колонии. Без них, по его убеждению, положение Гонконга в Азии было бы шатким. А без прекрасной контрразведки, если даже одна двадцатая часть докладов Гранта соответствует действительности, их дни сочтены.

Господи Иисусе, не в тех руках...

Всю грудь стеснило, пока он пытался найти выход из затруднительного положения. На ум пришла та часть последнего доклада, где говорилось о предателе в полиции. Потом вспомнились слова Кернана о том, что, кроме его копий, других не существует. Что предназначалось только ему и что было известно британской разведке? Почему такая секретность? Почему Грант не получил разрешения? Господи, а если я ошибался, считая, будто кое-что притянута за уши? Если информации попадет не в те руки, в руки противника, большая часть её может оказаться смертельно опасной.

Ему пришлось приложить усилие, чтобы успокоиться и сосредоточиться.

— Я подумаю над тем, что ты сказал, и поговорю с тобой завтра. Первым делом.

— Прошу прощения, Иэн. Мне приказано на... убедить тебя в том, что дело не

терпит отлагательства.

— Ты хотел сказать «настоять»?

— Да. Извини. Мы просим о помощи. Это официальное обращение с просьбой о сотрудничестве.

— А «Восточное облако» и «Нельсон трейдинг» — это что, бартер?

— «Восточное облако» — подарок. Эта информация тоже подарок. До «Нельсон трейдинг» нам нет дела, лишь мимолетный интерес. Все сказанное останется между нами. Насколько мне известно, никаких официальных документов у нас нет.

Данросс изучающе смотрел на приятеля: высокие скулы, широко поставленные глаза с тяжелыми веками, прямой немигающий взгляд, приятные и правильные черты лица и густые чёрные брови.

— Ты читал этот доклад, Брайан?

— Да.

— Тогда ты понимаешь, в каком я затруднительном положении, — сказал он, проверяя Квока.

— А, это ты о предателе в полиции?

— А что там говорится на сей счет?

— Ты прав, что осторожничаешь. Да, совершенно верно. Ты говоришь об агенте, возможно в чине суперинтендента?

— Да. Тебе известно, кто он?

— Нет. Нет ещё.

— Ты кого-нибудь подозреваешь?

— Да. За ним сейчас ведется наблюдение. Об этом не нужно беспокоиться, Иэн, копии просмотрим только я и мистер Кросс. У них будет высший уровень секретности, это точно.

— Минуточку, Брайан! Я не говорил, что они существуют. — Данросс сделал вид, что сердится, и тут же заметил промелькнувшую в глазах собеседника вспышку — то ли гнева, то ли разочарования. Лицо оставалось бесстрастным. — Поставь себя на мое место, человека далекого от всего этого. — Все его чувства пришли в напряжение, и он продолжал в том же духе: — С моей стороны было бы довольно, черт возьми, глупо хранить такую информацию, верно? Гораздо мудрее уничтожить её, после того как были предприняты конкретные шаги. Верно?

— Да.

— Давай на этом сегодня и остановимся. До, скажем, десяти утра. Брайан Квок задумался. Потом его лицо напряглось.

— Мы не играем в кабинетные игры, Иэн. Речь идет не о нескольких тоннах золота, или сомнительных операциях на фондовой бирже, или многомиллионных закулисных сделках с КНР. Эта игра смертельно опасна, и вовлеченные в неё миллионы — это миллионы людей, и ещё не родившиеся поколения, и коммунистическая чума. «Севрин» — это плохая новость. КГБ — очень плохая новость. И даже наши друзья в ЦРУ и гоминьдане могут быть не менее безжалостны, если потребуется. Хорошенько охраняй свои папки сегодня ночью.

Данросс бесстрастно смотрел на приятеля.

— Значит, вы официально признаете, что информация, содержащаяся в докладе, соответствует истине?

— Кросс считает, что может быть и так. Может, с нашей стороны было бы благоразумно поставить здесь на всякий случай человека, как ты считаешь?

— Как тебе будет угодно, Брайан.

— Может, мы поставим человека у Шек-О?

— Как тебе будет угодно, Брайан.

— Ты, похоже, не очень расположен сотрудничать, да?

— Ты не прав, старина. Я воспринимаю все, что ты говоришь, со всей

серьезностью, — резко проговорил Данросс. — Когда и каким образом у вас оказалась эта копия?

Брайан Квок ответил не сразу.

— Я не знаю, а если бы и знал, то не уверен, следует ли мне это говорить.

Данросс встал:

— Давай тогда пойдем и отыщем Кросса.

— Но почему Горнты и Ротвеллы так ненавидят Струанов и Данроссов, Питер? — спросила Кейси. Они с Бартлеттом прогуливались по вечерней прохладе в прекрасном саду вместе с Питером Марлоу и его женой Флер.

— Всех причин я ещё не раскопал. — У этого высокого светловолосого тридцатидевятилетнего англичанина был аристократический выговор, и во взгляде серо-голубых глаз открывалась необычайная глубина. — Говорят, это восходит к Брокам: якобы есть некая связь, некая семейная связь между семьей Горнтов и семьей Броков. Возможно, к самому старику Тайлеру Броку. Вы слышали о нем?

— Конечно, — сказал Бартлетт. — Как это все началось, эта распря?

— Мальчиком Дирк Струан служил юнгой на одном из вооруженных торговых судов Тайлера Брока. Корабельная жизнь в то время была весьма жестокой, да, вообще-то, и не только корабельная, но, боже мой, в те времена в море... Ну так вот, Тайлер Брок безжалостно выпорол кнутом юного Струана за якобы проявленное неуважение и бросил где-то на побережье Китая, сочтя мертвым. Дирку Струану тогда было четырнадцать, и он поклялся перед Богом и дьяволом, что, когда вырастет, разорит торговый дом «Брок и сыновья» и придет за Тайлером с плетью-девятихвосткой. Насколько мне известно, он так за ним и не пришел, хотя рассказывают, что он забил старшего сына Тайлера до смерти каким-то китайским боевым оружием.

— Каким оружием? — забеспокоилась Кейси.

— Это что-то вроде булавы, Кейси. Три-четыре коротких железных звена с утыканным шипами шаром на одном конце и ручкой на другом¹⁰⁵.

— Он убил сына, мстя отцу? — поразилась Кейси.

— Этого я ещё пока не знаю, но могу поспорить, что причины у него были. — Питер Марлоу улыбнулся какой-то странной улыбкой. — Дирк Струан, старик Тайлер и все остальные, кто создал Британскую империю, покорил Индию, открыл Китай. Господи, какие это были гиганты! Я говорил, что Тайлер был одноглазый? Один глаз ему вырвал хлестнувший по лицу свободный фал во время шторма в тысяча восемьсот тридцатых годах, когда он гнался на своем трехмачтовом клипере — «Белой ведьме» — за Струаном с полными трюмами опиума. Струан на «Китайском облаке» опережал его на целый день. Это была гонка от британских опиумных полей в Индии до рынков Китая. Говорят, Тайлер просто залил пустую глазницу ромом и, выругавшись, приказал матросам на реях поставить ещё парусов. — Помолчав, Питер Марлоу продолжал: — Дирк погиб во время тайфуна в Хэппи-Вэлли в тысяча восемьсот сорок первом году, а Тайлер умер без единого пенни, полным банкротом в шестьдесят третьем.

— А почему без единого пенни, Питер? — спросила Кейси.

— Как гласит легенда, его старшая дочь Тесс — которая потом станет «Каргой» Струан — годами замышляла свалить отца. Вы ведь знаете, что она вышла замуж за Кулума, единственного сына Дирка? Так вот, «Карга» Струан тайно договорилась с банком «Виктория», который был основан Тайлером в тысяча восемьсот сороковых годах, и компанией «Купер-Тиллман», партнерами Тайлера в Штатах. Они заманили

¹⁰⁵ Вероятно, имеется в виду фэй чуй, «летающий молот».

его в западню и разорили великий дом «Брок и сыновья» одним сокрушительным ударом. Тайлер потерял все: судоходную компанию, опиум, имущество, склады, акции — все. Его уничтожили.

— И что с ним было дальше?

— Не знаю. Точно не знает никто. Однако рассказывают, что в тот вечер, тридцать первого октября тысяча восемьсот шестьдесят третьего года, старый Тайлер отправился в Абердин — это гавань на другой стороне Гонконга — с внуком Томом, которому тогда было двадцать пять, и шестью матросами. Они захватили океанскую лорку — это судно с корпусом как у китайских джонок, но с европейским парусным вооружением — и вышли в море, укрепив на верхушке мачты вымпел Брока. Говорят, он был вне себя от ярости: с пистолетами за поясом и окровавленной абордажной саблей в руке — при захвате корабля они убили четырех человек. В устье гавани в погоню за ним устремился одномачтовый корабль, но Тайлер потопил его — в те времена из-за пиратов почти все суда были вооружены пушками, а эти моря кишели пиратами с незапамятных времен. Так вот, старик Тайлер вышел в море. С востока дул хороший ветер, и начинался шторм. В устье Абердина он стал выкрикивать ругательства. Он проклял «Каргу» Струан, проклял этот остров, проклял банк «Виктория», предавший его, и Куперов из компании «Купер-Тиллман», но больше всего он проклинал Тайбаня, которого не было в живых почти что двадцать лет. И старый Тайлер Брок поклялся отомстить. Говорят, он орал, что идет за добычей на север и что собирается начать все сначала. Что снова построит свой дом и тогда... и тогда я вернусь, клянусь Богом... я вернусь, и буду отомщен, и тогда мой дом станет Благородным Домом, клянусь Богом... я вернусь...

Последние слова Питер проговорил хриплым голосом, и у Бартлетта с Кейси по спине пробежал холодок. А Марлоу продолжал:

— Тайлер ушел на север, и больше никто о нем не слышал. От него, от его лорки, от его экипажа не осталось и следа. Тем не менее его присутствие, как и присутствие Дирка Струана, по-прежнему ощущается. Вам лучше не забывать, что, имея дело с Благородным Домом, ты волей-неволей имеешь дело и с этими двумя, вернее, с их призраками. В ту ночь, когда Иэн Данросс стал тайбанем, «Струанз» потеряли из-за тайфуна флагман своего грузового флота — «Нетающее облако». Это была огромная финансовая потеря. Судно затонуло у берегов Формозы — Тайваня, — и весь экипаж погиб, за исключением одного моряка, молодого английского матроса. Он был на мостике. Так вот он божился, что их завлекли на скалы ложные огни и что, когда они шли ко дну, он слышал демонический хохот.

Кейси невольно поежилась.

Бартлетт заметил это и, как бы между прочим, взял её под руку. Она благодарно улыбнулась.

— Питер, — заметил Бартлетт, — люди здесь говорят об умерших сто лет назад так, словно они находятся в соседней комнате.

— Старый китайский обычай, — тут же ответил Питер Марлоу. — Китайцы верят, что прошлое предопределяет будущее и объясняет настоящее. Конечно, Гонконгу ведь всего сто двадцать лет, так что человек, которому сегодня восемьдесят... Возьмите, к примеру, Филлипа Чэня, теперешнего компрадора. Ему сейчас шестьдесят пять. Его дед, знаменитый сэр Гордон Чэнь, незаконный сын Дирка Струана, умер в тысяча девятьсот седьмом году в возрасте восьмидесяти шести лет. Филлипу Чэню тогда было девять. Смешливый девятилетний мальчик запомнил все разнообразные истории, которые рассказывал почитаемый им дед о своем отце, Тайбане, и Мэй-мэй, его знаменитой наложнице. Рассказывают, что нравом старый сэр Гордон Чэнь был крут, настоящий наследник. У него имелось две законные жены и восемь наложниц различного возраста, и он оставил разветвленному семейству Чэнь богатство, власть и все остальное. Попросите Данросса показать вам его

портреты — у меня только копии, — но, боже, какой это был красавец! Сейчас в живых ещё десятки людей, которые знали его, одного из великих основателей. И господа, «Карга» Струан умерла каких-то сорок шесть лет назад. Посмотрите вон туда! — Он кивнул в сторону сморщенного человечка, тонкого, как стебель бамбука, и почти такого же стойкого, который вел непринужденную беседу с молодой женщиной. — Это Винсент Мак-Гор, тайбань пятого великого хонга — «Интернэшнл эйшн трейдинг». Он много лет работал на сэра Гордона, а потом на Благородный Дом. — Марлоу вдруг ухмыльнулся. — Как гласит легенда, он стал любовником «Карги» Струан, когда, восемнадцати лет от роду, только что прибыл в Гонконг на борту корабля, перевозившего скот из какого-то ближневосточного порта. На самом деле никакой он не шотландец.

— Брось, Питер, — не поверила Флер. — Ты это только что придумал!

— А что ты имеешь против? — ухмыльнулся он. — Ей тогда было всего семьдесят пять.

Все рассмеялись.

— Это правда? — спросила Кейси. — Все так и было?

— Кто его знает, где тут правда, а где выдумка, Кейси. Так мне рассказывали.

— Я в это не верю, — уверенно заявила Флер. — Питер эти истории придумывает.

— Откуда вы все это узнаете, Питер? — спросил Бартлетт.

— Кое-что вычитываю. В библиотеке суда есть экземпляры газет аж с тысяча восемьсот семидесятого года. Кроме того, существует «История судебного делопроизводства в Гонконге». Великолепная книга, другого такого кладезя сведений о тёмных сторонах жизни не найти, если вы интересуетесь Гонконгом. Господа, чем они только не занимались, все эти так называемые судьи! А также секретари, губернаторы, полицейские чины и тайбани, высородные и низкого происхождения. Мошенничество, убийства, подкуп, супружеские измены, пиратство, взяточничество — все, что угодно!

И ещё я задавал вопросы. Есть десятки людей, которые давно имеют дело с Китаем, которые обожают предаваться воспоминаниям о прежних временах и знают страсть как много об Азии и Шанхае. Кроме того, немало таких, кто не упускает случая, из ненависти или зависти, подпортить чью-либо репутацию. Конечно, приходится все это просеивать, стараться отделить зерна от плевел, но докопаться до правды очень трудно, почти невозможно.

На миг Кейси задумалась, а потом решила:

— Питер, а как было в Чанги? Что это было на самом деле? Его лицо не изменилось, иным стало лишь выражение глаз.

— Чанги был началом бытия. — Он произнес это таким тоном, что все похолодели, и Кейси заметила, как Флер взяла мужа за руку. Через мгновение Питер пришел в себя. — Все в порядке, дорогая, — сказал он. Молча, немного смущенные, они сошли с дорожки на нижнюю террасу, и Кейси поняла, что вторглась куда не следует. — Нам нужно выпить. А, Кейси? — добродушно проговорил Питер Марлоу, и все снова стало хорошо.

— Да. Спасибо вам, Питер.

— Линк, — произнес Питер Марлоу, — здесь витает дух насилия, который у здешних пиратов переходит из поколения в поколение, потому что насилие составляет саму их суть. Это очень необычное место, и люди здесь живут очень необычные. — Он помолчал, а потом задумчиво добавил: — Я понимаю, что вы, возможно, будете заниматься здесь бизнесом. На вашем месте я был бы очень и очень осторожен.

23:05

Данросс в сопровождении Брайана Квока направлялся к Роджеру Кроссу, шефу особой разведслужбы, который вел на террасе непринужденную беседу с Армстронгом и тремя американцами: Эдом Лэнганом, командером¹⁰⁶ Джоном Мисхауэром, военно-морским офицером в форме, и Стэнли Роузмонтом, высоким мужчиной лет пятидесяти с лишним. Данросс не подозревал, что Лэнган из ФБР и что Мисхауэр представляет военно-морскую разведку, — ему было известно лишь, что эти двое из американского консульства. Однако он знал, что Роузмонт из ЦРУ, хотя не имел представления о его должности.

Дамы возвращались к своим столам или разговаривали на террасах и в саду. Мужчины приятно проводили время за напитками. Прием получился славным, как и вечер. В танцевальном зале под мелодичную небыструю музыку двигалось несколько пар. Среди них была Адрион, и Данросс заметил Пенелопу, которая стоически управлялась с Хэвегиллом. Кейси и Бартлетт увлеченно беседовали с Питером и Флер Марлоу, и Данросс дорого бы дал, чтобы послушать, о чем речь. «Этот парень Марлоу того и гляди начнет всем докучать, — думал тайбань, проходя мимо. — Он и так уже знает слишком много секретов, а если прочтет нашу книгу... Ну уж нет! — решил Данросс. — Скорее ад замерзнет. Этой книги ему не видать никогда. Надо было Аластэру совершить такую глупость!»

Несколько лет назад Аластэр Струан подрядил одного известного писателя написать историю «Струанз» к сто двадцать пятой годовщине торговой деятельности компании и передал ему, не прочитав и не отсеяв ненужное, старые гроссбухи и целые чемоданы пожелтевших бумаг. Через год писатель представил будоражащий воображение опус, где документально подтверждались многие похороненные вроде бы навсегда истории и сделки. Потрясенные члены внутреннего правления поблагодарили писателя, расплатились с ним, добавив внушительный бонус, а два экземпляра рукописи — все, что были, — легли в сейф тайбаня.

Данросс поначалу хотел их уничтожить. Но потом подумал: «Жизнь есть жизнь, джосс есть джосс, и ничего страшного в этом нет, если читать книгу будем только мы».

— Привет, Роджер. Можно к вам присоединиться? — с мрачной усмешкой спросил он.

— Конечно, тайбань, — радушно приветствовал его Кросс вместе с остальными. — Будьте как дома.

Американцы из вежливости улыбнулись шутке. Какое-то время они толковали о всяких пустяках, о скачках в субботу, а потом Лэнган, Роузмонт и командер Мисхауэр, поняв, что они здесь лишние, вежливо извинились и отошли. Теперь, когда остались только посвященные, Брайан Квок вкратце изложил сказанное Данроссом.

— Мы, несомненно, будем признательны за помощь, Иэн, — процедил Кросс, сверля тайбаня белесыми глазами. — Брайан прав насчет того, что это может быть довольно рискованно. Если, конечно, остальные доклады АМГ существуют. Даже если это не так, не исключено, что какие-нибудь негодяи захотят самолично удостовериться.

— И всё-таки... Как и когда вы получили копию моего последнего доклада?

— А что?

— Вы получили его сами или от третьих лиц?

— А что?

¹⁰⁶ Коммандер — в ВМС США капитан 1 ранга.

Голос Данросса стал жестче:

— А то, что это важно.

— Ну и что?

Тайбань пристально посмотрел на Кросса, и все трое ощутили исходящую от Данросса силу. Однако и Кросс был не менее упрям.

— Я могу ответить на ваш вопрос, но лишь отчасти, Иэн, — холодно произнес он.
— Если я это сделаю, вы ответите на мой?

— Да.

— Мы получили копию вашего доклада сегодня утром. Кто-то из разведки — я полагаю, в Англии — дал наводку одному из своих агентов здесь, что к вам направляется курьер с чем-то, что может представлять для нас интерес. Гонконгский контакт связался с нами и спросил, не хотели бы мы взглянуть на это — за плату, конечно. — Слова Кросса звучали настолько убедительно, что двое других полицейских, знавших, как все обстояло на самом деле, впечатлились вдвойне. — Сегодня утром эту фотокопию доставил мне домой какой-то китаец, которого я никогда раньше не видел. Я ему заплатил. Конечно, вы понимаете, что в таких делах не спрашивают, как кого зовут. Ну так и что?

— Когда сегодня утром?

— В шесть часов четыре минуты, если быть точным. Но почему это для вас так важно?

— Потому что Алан Медфорд Гра...

— О, папа, прошу прощения, что прерываю. — К нему подлетела запыхавшаяся Адрион, держа за руку высокого симпатичного молодого человека. Его мятый мешковатый смокинг, криво повязанный галстук и нечищенные коричнево-чёрные туфли явно контрастировали с элегантным обликом окружающих. — Прошу прощения, что прерываю, но можно я что-нибудь сделаю с музыкой?

Данросс смотрел на молодого человека. Он знал Мартина Хэпли и знал, какая у того репутация. Этот двадцатипятилетний канадский журналист получил образование в Англии. Пробыв в колонии два года, он стал сущим наказанием для бизнесменов. Его язвительный сарказм, далеко идущие разоблачения отдельных личностей и деловой практики, вполне законной лишь в Гонконге, но нигде больше в западном мире, вызывали постоянное раздражение.

— С музыкой, папа, — канючила Адрион. — Она ужасная. Мама сказала, что нужно спросить у тебя. Можно я попрошу их сыграть что-нибудь другое, пожалуйста?

— Хорошо, только не превращай мой прием в молодежную вечеринку. Она рассмеялась, а Данросс снова переключился на Мартина Хэпли:

— Добрый вечер.

— Добрый вечер, тайбань, — проговорил молодой человек с уверенной, вызывающей ухмылкой. — Меня пригласила Адрион. Надеюсь, ничего, что я пришел после ужина?

— Конечно. Развлекайтесь, — сказал Данросс и сухо добавил: — Тут много ваших друзей.

Хэпли усмехнулся:

— Я опоздал на ужин, потому что вышел на одно милое дельце.

— Вот как?

— Да. Похоже, некоторые заинтересованные лица вместе с одним крупным банком распространяют гнусные слухи о платежеспособности одного китайского банка.

— Вы имеете в виду «Хо-Пак»?

— Впрочем, это все чепуха. Слухи. Ещё один гонконгский трюк.

— Вот как? — До Данросса весь день доносились слухи о том, что у банка «Хо-Пак» Ричарда Квана слишком большая дебиторская задолженность. — Вы

уверены?

— Я посвятил этому колонку в завтрашней «Гардиан». Кстати, о «Хо-Пак». Вы слышали, что сегодня днем около сотни человек забрали свои вклады из отделения в Абердине? Может ли это быть началом банковской паники и...

— Извини, папа... Пойдем, Мартин! Разве ты не видишь — отец занят. — Привстав на цыпочки, Адрион поцеловала Данросса. Его рука автоматически обняла её и прижала к себе.

— Веселись, дорогая. — Данросс смотрел, как она помчалась прочь, а Хэпли за ней. «Самоуверенный сукин сын, — рассеянно думал Данросс.

Ему хотелось прочитать эту завтрашнюю колонку сейчас, потому что он знал: Хэпли — человек старательный, неподкупный и делает свою работу хорошо. — Разве может быть у Ричарда слишком большая дебиторская задолженность?»

— Так что ты говорил, Иэн? Об Алане Медфорде Гранте? — ворвалось в его мысли.

— О да, прошу прощения. — Данросс сел за стол, решив разложить все вопросы по полочкам. — АМГ мертв, — спокойно объявил он.

Все трое полицейских ошеломленно уставились на него:

— Что?

— Сегодня вечером, без одной минуты восемь, я получил телеграмму, а в двадцать один одиннадцать говорил с его помощником в Лондоне. — Данросс наблюдал за ними. — Я хотел уточнить время, так как очевидно, что у вашего шпиона из КГБ — если он существует — была уйма времени, чтобы позвонить в Лондон и подослать убийц к бедному старине АМГ. Не так ли?

— Да. — Лицо Кросса было серьезным. — Когда он умер? Данросс рассказал все, о чем говорил с Кернаном, но не упомянул о звонке в Швейцарию. Чутье подсказывало, что этого делать не нужно.

— Теперь вопрос в том, был ли это несчастный случай, стечение обстоятельств или убийство.

— Не знаю, — задумался Кросс. — Но я не верю в стечение обстоятельств.

— Я тоже.

— Господи, — процедил Армстронг сквозь зубы, — если у АМГ не было разрешения... Одному Богу известно, что в этих докладах, Богу и вам, Иэн. Если единственные существующие экземпляры у вас, их потенциальная взрывная сила стала ещё больше, чем когда-либо.

— Если они существуют, — тут же заметил Данросс.

— А они существуют?

— Я скажу вам об этом завтра. В десять утра. — Данросс встал. — Прошу извинить, — вежливо поклонился он с непринужденным изяществом. — Я должен уделить внимание остальным гостям. О, ещё одно напоследок. Что насчет «Восточного облака»?

— Судно будет отпущено завтра, — пообещал Роджер Кросс.

— В любом случае? Кросс, казалось, шокирован.

— Господи, тайбань, мы же не торгуемся! Брайан, разве вы не сказали, что мы лишь пытаемся помочь?

— Сказал, сэр.

— Друзья должны всегда помогать друг другу, верно, тайбань?

— Да. Абсолютно. Благодарю вас.

Они смотрели ему вслед, пока он не скрылся из виду.

— Да или нет? — пробормотал Брайан Квок.

— Существуют или нет? Думаю, что да, — высказал свое мнение Армстронг.

— Конечно существуют, — раздраженно проговорил Кросс. — Но где они? — Подумав, он добавил с ещё большим раздражением, отчего сердца обоих

полицейских замерли: — Брайан, когда вы были с Иэном, Официант Фэн доложил, что ни один из его ключей не подходит.

— О, это нехорошо, сэр, — осторожно заметил Брайан.

— Да. С этим сейфом придется нелегко.

— Может, следует посмотреть в Шек-О, сэр, на всякий случай? — предположил Армстронг.

— А вы стали бы хранить там такие документы — если они существуют?

— Не знаю, сэр. Данросс непредсказуем. Я считаю, что они в его пентхаусе в «Струанз»: самое безопасное место.

— Вы там были?

— Нет, сэр.

— Брайан?

— Нет, сэр.

— Я тоже не был. — Кросс покачал головой. — Какая досада!

— Единственное, что мы можем сделать, — это послать туда команду ночью, сэр, — задумчиво рассудил Брайан Квок. — На тот этаж можно подняться на отдельном лифте, но нужен специальный ключ. Предполагается также, что есть ещё один, прямой лифт из подземного гаража.

— В Лондоне, черт возьми, провал за провалом, — ворчал Кросс. — Я не могу понять, почему эти дураки чертовы не делают того, что должны делать. И почему АМГ не спросил разрешения.

— Возможно, не хотел, чтобы кто-то в системе знал, что он имеет дело с посторонними.

— Если был только один посторонний. Могли быть и другие. — Кросс вздохнул и, задумавшись, закурил. Армстронг с завистью уставился на сигарету. Он сделал глоток коньяка, но легче от этого не стало.

— Лэнган передал свою копию, сэр?

— Да, Роузмонту здесь и дипломатической почтой к себе в штаб-квартиру ФБР в Вашингтоне.

— Господи, — мрачно проговорил Брайан Квок. — Значит, к утру об этом будет знать весь Гонконг.

— Роузмонт заверил меня, что этого не случится. — Улыбка Кросса была сухой. — Тем не менее нам лучше быть готовыми.

— Возможно, Иэн был бы больше настроен на сотрудничество, если бы знал об этом, сэр.

— Нет, лучше пусть это останется между нами. Хотя он что-то задумал.

— А как насчет того, чтобы с ним поговорил суперинтендент Фоксвелл, сэр? Они старые друзья.

— Если Брайан не смог уговорить его, то никто не сможет.

— А губернатор, сэр?

Кросс покачал головой:

— Его вовлекать незачем. Брайан, займитесь Шек-О.

— Найти и открыть его сейф, сэр?

— Нет. Просто поставьте там людей, чтобы туда больше точно никто не проник. Роберт, отправляйтесь в Главное управление и свяжитесь с Лондоном. Пенсли в Эм-ай-5 и Синдерсом в Эм-ай-6. Выясните точное время гибели АМГ. Все, что удастся. Проверьте рассказанное тайбанем. Проверьте все — возможно, существуют другие копии. Далее: пошлите команду из трех агентов сюда для наблюдения за этим местом сегодня ночью, в частности для охраны Данросса, втайне от него, конечно. Я встречу старшего на перекрестке Пик-роуд и Кулумз-Уэй через час, так что времени у вас достаточно. Ещё одну команду отрядите к Струан-билдинг. Одного поставьте в гараж — на всякий случай. Оставьте мне свою машину, Роберт. Встретимся у меня в

офисе через полтора часа. Действуйте.

Разыскав хозяина дома, Армстронг и Квок принесли свои извинения, поблагодарили и направились к машине Брайана. Когда они спускались по Пик-роуд на старом «порше», Армстронг выложил то, о чем думали оба с того момента, как об этом упомянул Данросс:

— Если шпион — Кросс, у него была уйма времени, чтобы позвонить в Лондон или передать информацию «Севрину», КГБ или ещё черт знает кому.

— Да.

— Мы вышли из его кабинета в восемнадцать десять — это одиннадцать ноль-ноль по Лондону. Так что это не мы: слишком мало времени. — Армстронг повернулся на сиденье, чтобы облегчить боль в спине. — Черт, как хочется сигаретку.

— В «бардачке» лежит пачка, старина.

— Завтра я закурю, завтра. Просто какой-то анонимный алкоголик, наркоман паршивый! — Армстронг усмехнулся, но невесело. Он бросил взгляд в сторону друга. — Выясни потихоньку, кто ещё сегодня читал папку АМГ — кроме Кросса, — и как можно быстрее.

— Я тоже об этом подумал.

— Если он единственный, кто читал её... Ну, тогда это ещё одно свидетельство. Это ничего не доказывает, но всё-таки. — Он подавил нервный зев, чувствуя страшную усталость. — Если это он, то мы действительно по уши в дерьме.

Брайан вел машину очень быстро и очень умело.

— Он не говорил, когда передал копию Лэнгану?

— Говорил. В полдень. За ланчем.

— Утечка могла быть от них, из консульства: оно у них как решето.

— Возможно, но интуиция подсказывает, что это не так. Роузмонт человек нормальный, Брайан, и Лэнган тоже. Они профессионалы.

— Я им не доверяю.

— Ты никому не доверяешь. Они оба попросили свои штаб-квартиры навести справки насчет московских штампов в паспортах Бартлетта и Кейси.

— Хорошо. Думаю, я пошлю телекс приятелю в Оттаву. У них тоже может быть что-нибудь на эту парочку. Кейси — девочка что надо, верно? Было ли у неё надето что-нибудь под этим платьем?

— Десять долларов против пенни, что ты никогда не узнаешь.

— Принято.

На повороте Армстронг бросил взгляд на раскинувшийся внизу город и гавань, где у причала доков, на стороне Гонконга, красовался залитый огнями американский крейсер.

— Когда-то здесь стояло с полдюжины наших собственных военных кораблей, — грустно проговорил он. — Старые добрые королевские ВМС! — Во время войны он служил на эсминцах старшим лейтенантом. Два раза тонул: один раз при Дюнкерке¹⁰⁷, второй — через три дня после высадки союзников в Европе в 1944 году у Шербура.

— Да. Жаль нашего флота, но что поделаешь, время идет.

— Не в лучшую сторону, Брайан. Какая жалость, что вся, черт возьми, империя полетела к черту! Проклятая война! Проклятые немцы, проклятые япошки...

— Да. К вопросу о флоте: как тебе показался Мисхауэр?

— Этот парень из американской военно-морской разведки? Ничего, — устало отозвался Армстронг. — Много говорил по делу. Шепнул на ушко Старику, что Штаты

¹⁰⁷ Речь идет об эвакуации более 330 тысяч солдат английской и французской армий, прижатых наступавшими немецкими бронетанковыми частями к побережью Ла-Манша у Кале в мае-июне 1940 г.

собираются удвоить численность своего Седьмого флота. Это настолько суперсекретно, что он даже не хотел говорить по телефону. Готовится большое сухопутное вторжение во Вьетнам.

— Дураки чертовы: их уничтожат, как французов. Неужели они газет не читают, не говоря уже о разведдонесениях?

— Мисхауэр шепнул также, что послезавтра приходит их ядерный авианосец с восьмидневным визитом для отдыха и восстановления сил. Тоже сверхсекретная информация. Попросил нас принять дополнительные меры безопасности и понянчиться со всеми янки на берегу.

— Ещё нам не хватало, черт возьми, забот.

— Да, — многообещающе добавил Армстронг. — Ещё и потому, что Старик упомянул о каком-то советском судне, которое «прихромало» вечером на ремонт.

— О боже! — Брайан выправил машину после того, как руль непроизвольно дернулся в сторону.

— Я тоже так подумал. Мисхауэра чуть удар не хватил, а Роузмонт ругался минуты две без перерыва. Старик, конечно, заверил их, что никого из русских моряков, как обычно, на берег не выпустят без специального разрешения и что мы, как всегда, будем следить за всеми. Но вдруг кому-то потребуется врач или ещё что-нибудь? Кто-то может выскользнуть из сети.

— Да. — После паузы Брайан Квок сказал: — Надеюсь, мы получим эти папки Гранта, Роберт. «Севрин» — нож в брюхе Китая.

— Да.

Какое-то время они ехали молча.

— Мы проигрываем нашу войну, верно? — нарушил тишину Армстронг.

— Да.

16

23:25

Советское грузовое судно «Советский Иванов»¹⁰⁸ пришвартовалось у обширной стенки дока Вампоа, построенного на отвоеванной у моря территории на восточной оконечности Коулуна. Корабль заливали огни. Этот двадцатитысячник пришел на торговые пути Азии из Владивостока, расположенного далеко на севере. Над мостиком виднелось множество антенн и современного радарного оборудования. У носового и кормового трапов толпились русские моряки. Рядом с каждым трапом стоял молодой полицейский-китаец — аккуратная уставная форма цвета хаки, шорты, гетры, черный ремень и ботинки. У сходявшего на берег моряка проверили паспорт — сначала его товарищи, потом констебль, а когда он подошел к воротам дока, из темноты вынырнули двое китайцев в штатском, чтобы следовать за ним по пятам — в открытую.

На трапе появился ещё один моряк. Его тоже проверили, а вскоре и за ним последовали молчаливые полицейские — китайцы в штатском.

От другого, непросматриваемого борта корабля со стороны кормы тихо отвалил никем не замеченный весельный ялик и юркнул в тень причальной стенки. Он бесшумно скользил вдоль высокой стенки, торопясь достигнуть заросшего водорослями спуска к воде, в полусотне ярдов от корабля. В ялике сидело двое, и уключины были обмотаны. У спуска ялик остановился. Люди в нем стали напряженно

¹⁰⁸ Так у автора. В книге немало мест, которые могут показаться русскому читателю странными и даже анекдотичными. Они сохранены в переводе, потому что отражают представление о нашей стране, которое бытовало (и бытует) на Западе. В известном смысле роман «Благородный Дом» — памятник холодной войне.

прислушиваться.

Третий моряк, сходящий на берег по носовому трапу, шёл по скользким ступенькам, пошатываясь и что-то хрипло приговаривая. Внизу его остановили, стали проверять паспорт, и начались препирательства. Проверяющие не пропустили его. Он, без сомнения, был пьян и набросился на товарища с громкой руганью. Тот отступил в сторону, нанес ему сильный удар и получил ответный. Внимание обоих полицейских сосредоточилось на потасовке между русскими. Крепко сбитый человек с взъерошенной шапкой волос, сидевший на корме ялика, запрыгнул на ступени спуска, бегом взобрался по ним, пересек ярко освещенный пирс и железнодорожные пути и незамеченным исчез в узких проходах дока. Ялик неторопливо проследовал тем же путем обратно, и через какое-то время драка прекратилась. Беспомощного пьяного заботливо отнесли обратно на борт.

Взъерошенный человек в темном тропическом костюме и аккуратных туфлях на резиновой подошве теперь уже неторопливо пробирался тихими закоулками дока. Время от времени он как бы нечаянно оглядывался, чтобы убедиться, что за ним никто не следует. В его заграничном паспорте значилось, что он — матрос первого класса советского торгового флота Игорь Воранский.

Вместо того чтобы направиться к воротам дока, которые сторожил полицейский, он прошел вдоль забора метров сто к боковой калитке, выходящей в переулок в зоне для переселенцев Тайваньшань — лабиринте лачуг из гофрированного металла, фанеры и картона. Ускорив шаг, он вскоре уже миновал эту зону и очутился на ярко освещенных улицах с лавками, лотками и толпами людей, которые в конце концов вывели его на Чатэм-роуд. Там он остановил такси.

— Монкок, и побыстрее, — сказал он по-английски. — Паром «Яумати».

— А? — нагло уставился на него водитель.

— Айийя! — тут же воскликнул Воранский, грубо добавив на прекрасном кантонском: — Монкок! Ты что, глухой? «Белого порошка» нанюхался? Или ты считаешь, что я заморский дьявол, турист из Золотой Горы? Да я уже в Гонконге лет двадцать? Айийя! Паром «Яумати» на другой стороне Коулуна. Тебе что, рассказать, как ехать? Из Внешней Монголии¹⁰⁹, что ли? Нездешний, а?

Водитель угрюмо опустил флажок и рванул с места, направляясь на юг, а потом на запад. Человек на заднем сиденье пристально смотрел назад. Ни одной машины за ним не следовало, но он не расслаблялся.

«Они здесь народ слишком ловкий, — думал он. — Будь осторожен!»

У парома «Яумати» он расплатился, дав водителю на чай ровно столько, сколько было принято, потом смешался с толпой, выскользнул из неё и остановил другое такси.

— «Голден ферриз».

Водитель сонно кивнул, подавил зевок и повел машину на юг. У паромного терминала Воранский расплатился с водителем незадолго до того, как тот остановил машину, и нырнул в толпу, спешившую к турникетам парома на Гонконг. Однако, миновав турникет, он не пошёл к входу на паром, а вместо этого завернул в туалет. Выйдя оттуда, он открыл дверь телефонной будки и юркнул внутрь. Теперь, убедившись, что слежки нет, он почувствовал себя увереннее. Вставил в щель монету, набрал номер.

— Да? — ответил мужской голос по-английски.

— Мистера Лоп-сина, пожалуйста.

— Я такого не знаю. Здесь нет никакого мистера Лоп-тина. Вы ошиблись.

¹⁰⁹ Внешняя Монголия — так, по аналогии с названием одного из национальных автономных районов КНР (Внутренняя Монголия), китайцы называют Монгольскую Народную Республику.

— Я хотел бы оставить сообщение.

— Извините, вы ошиблись. Поищите номер в телефонном справочнике. Воранский расслабился, сердце стало биться ровнее.

— Я хочу поговорить с «Артуром», — проговорил он на прекрасном английском.

— Извините, но его ещё нет.

— Ему было приказано ждать моего звонка, — резко сказал он. — Почему такие изменения?

— Простите, а кто это говорит?

— «Браун», — рявкнул он, назвав свою кличку.

Он отчасти успокоился, почувствовав, что голос на другом конце провода тут же зазвучал с почтением:

— А, мистер Браун, добро пожаловать снова в Гонконг. «Артур» звонил и приказал ждать вашего звонка. От его имени приветствую вас и сообщаю, что для завтрашней встречи все готово.

— Когда он должен быть?

— С минуты на минуту, сэр.

Воранский выругался про себя, потому что в течение часа должен был доложить на корабль. Он не любил отклонений в плане.

— Очень хорошо, — сказал он. — Передайте, чтобы он позвонил мне в 32. — Это было код конспиративной квартиры в Синклер-тауэрс. — Американец уже прибыл?

— Да.

— Хорошо. Он не один?

— Да.

— Хорошо. И что?

— «Артур» больше ничего не говорил.

— Вы уже с ней встречались?

— Нет.

— А «Артур»?

— Не знаю.

— Был ли с кем-нибудь из них контакт?

— Извините, я не знаю. «Артур» не говорил.

— А Тайбань? Что насчет него?

— Все готово.

— Хорошо. Сколько времени вам добираться до 32, если потребуется?

— Минут десять-пятнадцать. Вы хотите, чтобы мы встретили вас там?

— Я решу это позже.

— О, мистер Браун, «Артур» посчитал, что после такого путешествия вам, может быть, захочется побыть в компании. Её зовут Ко, Морин Ко.

— Очень предусмотрительно с его стороны, очень предусмотрительно.

— Её номер рядом с телефоном в 32. Вам стоит лишь позвонить, и она явится через полчаса. «Артуру» хотелось знать, будет ли сегодня вечером с вами ваш начальник — на случай, если ему тоже захочется побыть в компании...

— Нет. Он присоединится к нам, как и запланировано, завтра. Но завтра вечером он будет рассчитывать на гостеприимство. До свидания. — Воранский надменно повесил трубку: он в КГБ был человек не последний. В это мгновение дверь в будку распахнулась, и в неё ввалился какой-то китаец. Другой блокировал выход снаружи. — Какого...

Слова умерли у него на губах одновременно с ним самим. Стиллет был длинный и тонкий. И вышел очень легко. Китаец отпустил тело, и оно сползло на пол. Какое-то мгновение убийца смотрел на недвижную грудку, потом вытер нож о труп и засунул обратно в ножны в рукаве. Он с ухмылкой взглянул на широкоплечего китайца,

который по-прежнему загораживал стеклянное окошко в верхней части будки, словно ожидая своей очереди позвонить, потом вставил монету и набрал номер.

После третьего гудка ему вежливо ответили:

— Полицейский участок Цимшацуй, добрый вечер.

Китаец язвительно усмехнулся и грубо осведомился на шанхайском диалекте:

— По-шанхайски говоришь?

На том конце заколебались, потом раздался щелчок, и уже другой голос произнес по-шанхайски:

— Главный сержант Тан-по. Что случилось?

— Сегодня вечером одной советской свинье удалось проскользнуть через эту вашу, ети её, сеть так же легко, как бычку опростаться, но теперь он уже отправился к предкам. Неужели мы, 14К, должны выполнять за вас всю вашу вонючую работу?

— Какая сове...

— Закрой рот и слушай! Его полный черепашьего дерьма труп найдете в телефонной будке у «Голден ферриз», на коулунской стороне. А ты скажи своим, мать их ети, начальникам, чтобы смотрели за врагами Китая, а не пялились в свои вонючие, ети их, дырки!

Он тут же повесил трубку и выбрался из кабины. На миг он обернулся, плюнул на труп, потом закрыл дверь и вместе с напарником влился в поток пассажиров, направлявшихся к парому на Гонконг.

Они не заметили, что за ними следят. Невысокий коренастый американец, одетый как все туристы, с неизменным фотоаппаратом на шее, стоял, прислонившись к планширу правого борта, прекрасно сливаясь с толпой, и, пока паром полным ходом шёл к острову Гонконг, щелкал затвором, направляя объектив то в одну, то в другую сторону. Но, в отличие от остальных туристов, пленка у него была особая, как и объектив и весь фотоаппарат.

— Привет, приятель, — широко улыбнулся подошедший к нему другой турист. — Неплохо проводишь время?

— Точно, — согласился первый. — Гонконг — классное место, а?

— Да, это можно повторять без конца. — Он повернулся, окидывая взглядом открывавшийся вид. — Это тебе не какой-нибудь Миннеаполис.

Первый тоже повернулся, следя боковым зрением за двумя китайцами, и проговорил шепотом:

— У нас проблемы. Другой турист побледнел.

— Мы потеряли его? Он не мог уйти тем же путем, что и пришел, Том. Я уверен. Я следил за обоими выходами. Я считал, что он у тебя на приколе в будке.

— То, что его прикололи, это точно. Оглянись: в центральном ряду — китаец в белой рубашке и ещё один, рядом. Эти два сукиных сына и вырубили его.

— Господи! — Марти Повитц, один из агентов ЦРУ, которым было приказано следить за «Советским Ивановым», осторожно посмотрел на двух китайцев. — Гоминьдан? Националисты? Или коммунисты?

— Не знаю, черт побери. Но труп остался там, в телефонной будке. Где Роузмонт?

— Он у... — Повитц осекся и снова превратился в благодушного туриста, потому что пассажиры стали толпиться ближе к выходу. — Ух ты, глянь вон туда, — громко произнес он, указывая на вершину Пика. Высокие жилые дома и другие здания, разбросанные по всему склону, были ярко освещены, особенно один, очень высокий, самый высокий частный особняк в Гонконге. Весь залитый светом, он сверкал, словно драгоценный камень. — Слушай, тот, кто там живет, должно быть, чувствует себя как на вершине мира, а?

— Вероятно, дом какого-нибудь тайбаня, — вздохнул старший из них двоих, Том Конночи. Он задумчиво закурил, и закружившаяся по спирали спичка канула в темной

воде. Потом, за разговором, не таясь, как турист, он сделал снимок дома и как ни в чем не бывало дощелкал пленку, сфотографировав ещё несколько раз тех самых китайцев. Перезарядив фотоаппарат, он незаметно передал рулон экспонированной пленки партнеру и сказал, еле шевеля губами: — Позвони Роузмонту, сразу, как пристанем. Скажи, что у нас проблемы. А потом займись сегодня вечером проявкой вот этого. Я позвоню, когда эти двое устроятся на ночлег.

— С ума сошел? Не один же ты будешь следить за ними?

— Придется, Марти. Пленка может оказаться важной. Ею мы рисковать не можем.

— Нет.

— Черт возьми, Марти, я — тайбань этой операции.

— Как нам приказано, двое ве...

— Плевать на то, что приказано! — прошипел Конночи. — Твое дело позвонить Роузмонту и не испортить пленку. — Потом громко произнес: — Прекрасный вечер для прогулки под парусом, а?

— Точно.

Он кивнул на сверкающую отблесками света вершину Пика и навел на неё аппарат через сверхмощный видоискатель с телескопическими линзами.

— У тех, кто там живет, никаких проблем, а?

Данросс и Бартлетт стояли друг перед другом в Долгой галерее у выхода на лестничную площадку. Они были одни.

— Вы заключили сделку с Горнтом? — спросил Данросс.

— Нет, — ответил Бартлетт. — Ещё нет. — Он выглядел так же свежо и строго, как и Данросс, и смокинг сидел на нем столь же элегантно.

— Ни вы, ни Кейси?

— Нет.

— Но вы рассматривали возможности?

— Мы делаем бизнес, чтобы делать деньги, Иэн, — как и вы!

— Да. Но есть ещё вопросы этики.

— Гонконгской этики?

— Могу ли я спросить, как долго вы имеете дело с Горнтом?

— Около шести месяцев. Вы согласны с нашим сегодняшним предложением?

Данросс старался скрыть усталость. Встречаться с Бартлеттом сегодня не хотелось, но это оказалось необходимым. Он чувствовал на себе взгляды со всех портретов на стенах.

— Вы сказали: во вторник. Я и скажу вам во вторник.

— Тогда, если я до того времени захочу иметь дело с Горнтом или кем-то ещё, это мое право. Если вы принимаете наше предложение сейчас, ударим по рукам. Мне сказали, что лучше вас, Благородного Дома, нет, поэтому я предпочел бы иметь дело с вами — при условии, что получу самую высокую цену со всеми необходимыми гарантиями. У меня все в порядке с финансами, у вас — нет. У вас все хорошо с Азией, у меня — нет. Так что нам нужно договориться.

«Да, Иэн. — Бартлетта томило нехорошее предчувствие, и он скрывал это, хотя и был доволен утренним отвлекающим маневром с Горнтом, который так быстро вызвал конфронтацию и заставил противоположную сторону броситься в атаку. — Вы лишь „противная сторона“, пока мы не заключили сделку, если мы вообще её заключим. Настало ли время для блицкрига?»

Он изучал Данросса весь вечер, очарованный им, и тем, что носилось в воздухе, и всем гонконгским — это было так не похоже на то, с чем он сталкивался раньше. Новые джунгли, новые правила, новые опасности. «И дурак поймет, — угрюмо думал Бартлетт, — что иметь дело и с тем, и с другим — и с Данроссом, и с Горнтом — так

же опасно, как оказаться в болоте, где полно гремучих змей. И нет никакого критерия, по которому можно было бы судить об этих двоих. Нужно быть осторожным, как никогда».

Он остро чувствовал напряжение, в котором пребывал Данросс, и взгляды со стен.

«До какой степени я ещё могу давить на тебя, Иэн? До какой степени могу рисковать? Потенциальная прибыль будет большой, огромной наградой, но стоит раз ошибиться — и ты слопаешь нас, Кейси и меня. Как человек ты мне по душе, и все же ты „противная сторона“ и тобой правят призраки. О да, думаю, Питер Марлоу прав, хотя и не во всем.

Господи! Эти призраки и такой накал ненависти! Данросс, Горнт, Пенелопа, молодой Струан, Адрион... И Адрион, такая смелая после первого испуга».

Он снова посмотрел в наблюдающие за ним холодные голубые глаза.

«Что бы я предпринял на твоём месте, Иэн? Имея за плечами все твоё сумасшедшее наследие, стоя здесь и выглядя таким уверенным?»

Не знаю. Но я знаю себя и знаю, что сказал о полях сражений Сунь-цзы: „Выводи противника на бой только в то время и в том месте, которые выберешь сам“. Ну что ж, вот мой выбор: здесь и сейчас».

— Прежде чем мы примем решение, Иэн, скажите, как вы собираетесь оплатить три векселя «Тода шиппинг», по которым срок истекает в сентябре?

— Простите, что вы сказали? — Данросс не верил своим ушам.

— У вас ещё нет чартера, а без него ваш банк не будет платить, и это придется сделать вам, не так ли?

— Банк... не вижу никакой проблемы.

— Но я так понимаю, что вы уже перебрали кредитов по своей линии на двадцать процентов. Разве это не означает, что вам придется открывать новую кредитную линию?

— Это не составит труда, если потребуется, — раздраженно буркнул Данросс, и Бартлетт понял, что застал его врасплох.

— Двенадцать миллионов для «Тода» — большая сумма, если сложить её с другими вашими задолженностями.

— Какими другими задолженностями?

— Предстоящая восьмого сентября выплата взноса на сумму шесть миллионов восемьсот тысяч американских долларов по необеспеченному займу на сумму тридцать миллионов от «Орлин интернэшнл банкинг».

На сегодняшний день у вашей компании четыре целых две десятых миллиона сводных убытков в этом году против завышенной и существующей только на бумаге прибыли за прошлый год в семь с половиной. И двенадцать миллионов от потери «Восточного облака» и всех этих контрабандных двигателей.

Лицо Данросса мертвенно побледнело.

— Похоже, вы исключительно хорошо осведомлены.

— Да, вы правы. Как говорил Сунь-цзы, нужно знать все о своих союзниках.

На лбу Данросса запульсировала маленькая жилка.

— Вы хотели сказать: противниках?

— Союзники иногда становятся противниками, Иэн.

— Да. Сунь-цзы также советовал опасаться лазутчиков. Ваш лазутчик может быть лишь одним из семи.

Ответ Бартлетта был таким же резким:

— Зачем мне лазутчик? Такую информацию можно получить от банков. Только и нужно, что копнуть немного. Банк «Тода» — «Июкогама нэшнл оф Джапан», а они связаны с «Орлин» множеством сделок, как и мы, в Штатах.

— Кто бы ни был этот лазутчик, его донесения неверны. «Орлин» перенесут

дату выплаты. Они всегда так делали.

— Не стоит быть таким уверенным на сей раз. Я знаю этих ублюдков: стоит им учуять добычу и понять, что можно нажать, как они живо возьмут тебя за задницу. Не успеешь даже понять, что произошло.

— Нажаться на «Струанз»? — Данросс язвительно рассмеялся. — Ни «Орлин», ни любой другой проклятый Богом банк никогда не сможет — или не захочет разорять нас.

— А что, если он стакнулся с Горнтом?

— Господи Иисусе... — Данросс сделал над собой усилие, чтобы сдерживать чувства. — Это правда?

— Спросите у него.

— Спрошу. А пока скажите вы, если что-то знаете!

— У вас полно врагов везде.

— У вас тоже.

— Да. Хорошие мы от этого партнеры или плохие? — Бартлетт пристально посмотрел на Данросса. Потом его взгляд упал на портрет в дальнем углу галереи. Со стены на него смотрел Иэн Данросс — сходство было просто поразительным, — запечатленный на фоне трехмачтового клипера.

— Это... Господи, должно быть, это Дирк, Дирк Струан! Обернувшись, Данросс взглянул на картину:

— Да.

Бартлетт подошел к ней и стал внимательно разглядывать. Теперь, когда он стоял поближе, было видно, что этот морской волк не Данросс, но тем не менее сходство ошеломяло.

— Жак был прав, — сказал он.

— Нет.

— Он прав. — Бартлетт обернулся, озирая Данросса, словно картину, сравнивая их и так и этак. В конце концов он изрек: — Все дело в глазах и линии челюсти. И в колющем взгляде, который говорит: «Ты лучше не сомневайся: я могу из тебя душу вышибить в любое время, когда захочу».

— Сейчас тоже говорит? — произнес улыбающийся рот.

— Да.

— С кредитной линией — старой или новой — проблем не будет.

— А я думаю, они будут.

— «Виктория» — наш банк: мы самые крупные акционеры.

— Насколько крупные?

— В случае надобности у нас есть другие источники кредита. Но мы получим все, что нужно, от «Вик». И у них достаточно наличности.

— Ваш Ричард Кван так не считает. Данросс резко повернулся от портрета:

— Почему?

— Он не сказал почему, Иэн. Он вообще ничего не сказал. Но Кейси знает банкиров, и она прочитала это между строк. Именно так, по её мнению, он и думает. Мне кажется, её не очень впечатлил и Хэвегилл.

— Что ещё она думает? — спросил Данросс после паузы.

— Что нам, возможно, следует работать с Горнтом.

— Флаг вам в руки.

— Может быть, и так. Что насчет Тайбэя? — спросил Бартлетт, не давая Данроссу прийти в себя.

— А что насчет Тайбэя?

— Я по-прежнему приглашен?

— Да-да, конечно. Кстати, вспомнил: с любезного разрешения помощника комиссара полиции вы отпущены под мое поручительство. Армстронг будет

поставлен в известность об этом завтра. Вам нужно только подписать обязательство вернуться вместе со мной.

— Благодарю за эту договоренность. Кейси по-прежнему не приглашена?

— Я думал, мы решили этот вопрос сегодня утром.

— Так, спросил на всякий случай. А что насчет моего самолёта? Данросс нахмурился, застигнутый врасплох.

— Думаю, он до сих пор под арестом. Вы хотите лететь в Тайбэй на нем?

— Это было бы удобно, верно? Мы могли бы вернуться, когда нужно.

— Я посмотрю, что удастся сделать. — Данросс наблюдал за ним. — А ваше предложение остается в силе до вторника?

— В силе, как и сказала Кейси. До окончания торгов во вторник.

— До полуночи во вторник, — парировал Данросс.

— Вы всегда торгуетесь на каждом, черт побери, сказанном слове?

— А вы разве нет?

— О'кей, во вторник в полночь. Но как только минет первая минута среды, все задолженности и дружеские отношения теряют силу. — Бартлетт вынужден был давить на Данросса и дальше, чтобы сейчас, а не во вторник вырвать у него контрпредложение, которое он намеревался использовать с Горнтом или против него. — Это парень из «Блэкс», председатель, как его зовут?

— Комптон Сазерби.

— Ну да, Сазерби. Я говорил с ним после ужина. По его словам, они все поддерживают Горнта. Он уверял также, что у Горнта немало евродолларов на онкольном счете¹¹⁰, если они ему когда-нибудь понадобятся. — Бартлетт снова заметил, что информация попала в цель. — Так что я по-прежнему не знаю, как вы собираетесь расплачиваться с «Тода шиппинг».

Данросс ответил не сразу. Он по-прежнему пытался найти выход из лабиринта. Каждый раз он приходил к одному и тому же: шпионом должен быть Гэваллан, де Вилль, Линбар Струан, Филлип Чэнь, Аластэр Струан, Дэвид Мак-Струан или его отец, Колин Данросс. Кое-что из того, что сказал Бартлетт, банки могли знать — но не про убытки этого года. Уж слишком точной была цифра. Как гром среди ясного неба. И «завышенная и существующая только на бумаге прибыль».

Он смотрел на американца и гадал, какой ещё конфиденциальной информацией располагает этот человек, чувствуя, что западня захлопывается и не остается пространства для маневра, и все же понимая, что слишком много уступать нельзя, потому что можно потерять все.

«Что делать?»

Он посмотрел на портрет Дирка Струана: искривленные в полуулыбке губы и взгляд говорили: «Рискни, парень, где твое мужество?» «Прекрасно».

— Насчет «Струанз» не беспокойтесь. Если решите присоединиться к нам, я хочу контракт на два года. В будущем году тоже двадцать миллионов, — сказал он, идя ва-банк. — Семь я хотел бы получить по подписании контракта.

Бартлетт постарался ничем не выказать радость.

— Контракт на два года — согласен. Что касается движения наличности, Кейси предложила два миллиона сразу и потом по полтора в месяц с выплатой первого числа каждого месяца. По словам Гэваллана, это было бы приемлемо.

— Нет, неприемлемо. Я хочу семь сразу, а остальное помесечно.

¹¹⁰ Евродоллары — доллары США, находящиеся на депозите в иностранном банке, как правило (но не всегда) в одном из европейских банков. Таким банком может быть зарубежный филиал американского банка. Термин употребляется по отношению к депозитным сертификатам, номинированным в долларах США. Онкольный счет — счет в банке, открываемый под залог ценных бумаг.

— Если я соглашаюсь с этим, в качестве гарантии в текущем году мне нужен титул на право собственности на ваши новые суда от «Тода».

— На кой черт вам эти гарантии? — огрызнулся Данросс. — Весь смысл сделки в том, что мы становимся партнерами, партнерами на безбрежных просторах Азии.

— Да. Но наши семь миллионов покрывают ваши сентябрьские платежи «Тода шиппинг», снимают вас с крючка «Орлин», а мы взамен не получаем ничего.

— Но почему я должен идти на какие-то уступки? Я могу тут же дисконтировать¹¹¹ ваш контракт и без труда получить предоставляемый вами аванс на сумму от восемнадцати до двадцати миллионов.

«Да, ты можешь, — думал Бартлетт. — Когда будет подписан контракт. А до этого у тебя нет ничего».

— Я согласен изменить сумму аванса, Иэн. Но взамен на что? — Он как бы между прочим взглянул на висевшую напротив картину, но не увидел её, потому что всеми чувствами сосредоточился на Данроссе, понимая, что они уже входят в клинч. Титул на огромные балкеры, построенные «Тода», покрыли бы все риски «Пар-Кон», что бы ни предпринял Данросс.

— Не забывайте, — добавил он, — что вами уже подписан документ, по которому двадцать один процент контролируемых «Струанз» акций банка «Виктория» являются дополнительным обеспечением вашей задолженности этому банку. Если у вас не получится с платежом «Тода» или «Орлин», ваш старый приятель Хэвегилл выдернет из-под вас ковер. Я бы так и сделал.

Данросс понял, что проиграл. Если Бартлетт знает, каким пакетом акций «Виктории» на самом деле располагает Благородный Дом совместно с домом Чэнь, трудно даже предположить, какие ещё рычаги давления на него держит в руках американец.

— Хорошо, — сдался он. — Я предоставляю вам право собственности на мои суда на три месяца при условии: первое, что это останется между нами двоими; второе, наши контракты будут подписаны через семь дней начиная с сегодняшнего; третье, вы соглашаетесь на предложенное мной движение наличности. И последнее: вы гарантируете, что никто ничего не узнает, пока я не объявлю об этом.

— Когда вы хотите это сделать?

— В один из дней между пятницей и понедельником.

— Я хотел бы знать заранее, — отрезал Бартлетт.

— Конечно узнаете. За двадцать четыре часа.

— Я хочу титул на суда на шесть месяцев, контракты через десять дней.

— Нет.

— Тогда сделки не будет.

— Очень хорошо, — тут же заявил Данросс. — Значит, говорить больше не о чем. — Он повернулся и спокойно направился к лестнице.

Бартлетт был ошеломлен таким неожиданным завершением переговоров.

— Подождите! — окликнул он с замирающим сердцем.

Данросс остановился и обратил к нему лицо, как ни в чем не бывало опершись одной рукой на перила.

Бартлетт угрюмо пытался разгадать игру Данросса, а внутри все тревожно переворачивалось. В глазах тайбаня он прочел решение стоять до конца.

— Хорошо, титул до первого января — это четыре с лишним месяца. Все останется между вами, мной и Кейси. Контракты в следующий вторник — это даст

¹¹¹ Дисконтировать — приводить будущие затраты к нынешнему периоду путем пересчета суммы, эквивалентной той, которая должна быть выплачена в будущем с помощью дисконтирующего множителя, зависящего от нормы банковского процента и периода дисконтирования.

мне возможность вызвать сюда моих налоговиков. Движение наличности, как вы предложили, при условии, что... Когда мы завтра встречаемся?

— Договаривались на десять. Можно перенести на одиннадцать.

— Хорошо. Тогда договорились, и договоренность будет подтверждена завтра в одиннадцать.

— Нет. Больше этого времени вам не нужно. Мне, может, и потребовалось бы, а вам нет. — Снова та же многозначительная улыбочка. — Да или нет?

Бартлетт медлил, хотя все инстинкты говорили: «Заключай сделку сейчас же! Протягивай руку и заключай. Ты уже получил все, что хотел». Да, но как же Кейси?

— Это сделка Кейси. Она может заключать сделки на сумму до двадцати миллионов. Вы не против того, чтобы заключить сделку с ней?

— При заключении сделки тайбань всегда имеет дело с тайбанем, это старый китайский обычай. Тайбань «Пар-Кон» она?

— Нет. — В голосе Бартлетта не было ни тени эмоций. — Я.

— Прекрасно. — Данросс вернулся и протянул руку, бросая вызов, играя с ним, читая его мысли. — Тогда по рукам?

Бартлетт посмотрел на руку, потом в эти холодные голубые глаза. Сердце тяжело колотилось.

— По рукам, но я хочу, чтобы сделку с вами заключила она. Рука Данросса упала.

— Ещё раз спрашиваю: кто тайбань «Пар-Кон»? Бартлетт смотрел на него спокойно.

— Обещание есть обещание, Иэн. Для неё это важно, и я обещал, что сделки до двадцати миллионов заключает она.

Увидев, что Данросс уже поворачивается, он твердо заявил:

— Иэн, если мне придется выбирать между сделкой и Кейси, моим обещанием Кейси, то ни о чем не может быть и речи. Ни о чем. Я счел бы за че... — Он осекся.

Оба рывком повернули головы назад, потревоженные слабым возгласом, который издал кто-то подслушивавший их разговор из темного дальнего угла галереи, заставленного диванами с высокими спинками и высокими стульями с подголовниками. Данросс в одно мгновение развернулся и бесшумно, по-кошачьи ринулся туда, готовый напасть на врага. Реакция Бартлетта была почти такой же мгновенной. Он поспешил на помощь.

У обитого зеленым бархатом дивана Данросс остановился. И вздохнул. Никто их не подслушивал. Это была его тринадцатилетняя дочка Гленна. Ангелочек в мятом вечернем платье и с тонкой ниткой жемчуга на шее, она крепко спала, поджав руки и ноги, как молоденькая кобылка.

У Бартлетта аж сердце зашлось, и он прошептал:

— Господи, минутку... Слушайте, какая прелесть, просто нераспустившийся бутончик!

— У вас есть дети?

— Мальчик и две девочки. Бретту шестнадцать, Дженни четырнадцать, а Мэри тринадцать. Жаль вот, вижу с ними очень редко. — Отдышавшись, Бартлетт тихо продолжал: — Они сейчас на Восточном побережье. Боюсь, что ко мне они не очень хорошо относятся. Их мать... мы, мы развелись семь лет назад. Она снова вышла замуж, но... — Бартлетт пожал плечами, потом взглянул на ребенка. — Просто куколка! Везет вам.

Данросс наклонился и осторожно взял дочку на руки. Она даже не шевельнулась, только прижалась к нему поудобнее, довольная. Он задумчиво посмотрел на американца.

— Приходите сюда с Кейси через десять минут. Я выполню вашу просьбу — хотя я абсолютно против этого, — потому что хочу, чтобы вы сдержали свое

обещание. — Уверенным шагом он пошёл прочь и исчез в восточном крыле, где была спальня Гленны.

Через какое-то время Бартлетт поднял взгляд на портрет Дирка Струана.

— Пошёл ты, — пробормотал он, чувствуя, что Данросс каким-то образом перехитрил его. Потом ухмыльнулся: — А-а, подумаешь, черт возьми! Твой парень — молодец, старина Дирк!

Он направился к лестнице. В полуспрятанном алькове его внимание привлек неосвещенный портрет. Он остановился. На картине был изображен старый морской капитан с седой бородой и крючковатым носом, одноглазый и высокомерный, лицо в шрамах, на столе рядом с ним лежала плетка.

Бартлетт замер, увидев, что холст исполосован крест накрест ударами короткого ножа, который был всажен прямо в сердце человека на картине и пригвоздил её к стене.

Кейси не отрываясь смотрела на нож, хоть и старалась скрыть потрясение. В галерее больше никого не было, и она беспокойно ждала. Снизу доносилась танцевальная музыка в стиле «ритм энд блюз». Легкий ветерок тронул занавески и локон её волос. Было слышно, как пищит комар.

— Это Тайлер Брок.

Кейси в испуге резко обернулась. На неё смотрел Данросс.

— Ох, я и не слышала, как вы вернулись.

— Прошу прощения, не хотел вас напугать.

— О, ничего.

Она снова взглянула на картину.

— Нам о нем рассказывал Питер Марлоу.

— Он много знает о Гонконге, но далеко не все, и не вся его информация точна. Кое-что абсолютно не соответствует действительности.

Она помолчала.

— Это... это похоже на мелодраму — оставить так нож, верно?

— Это сделала «Карга» Струан. И приказала, чтобы все так и оставалось.

— Почему?

— Ей так нравилось. Она была тайбанем.

— Серьезно, почему?

— Я серьезно. — Данросс пожал плечами. — Она ненавидела отца и хотела оставить напоминание о нашем наследстве.

Кейси нахмурилась, потом указала на портрет на противоположной стене.

— Это она?

— Да. Портрет написан сразу после её свадьбы. — Стройной девушке на картине было лет семнадцать: бледно-голубые глаза, светлые волосы. Бальное платье с глубоким декольте, осиная талия, наливающаяся грудь, изысканное зеленое ожерелье на шее.

Какое-то время они стояли, разглядывая картину. На медной табличке внизу резной золоченой рамы имени не было, только годы — 1824-1917.

— Обыкновенное лицо, — заметила Кейси. — Красивое, но ничего особенного. Вот только губы... Тонкие, плотно и неодобрительно поджатые — и строгие. В них столько силы. Художник хорошо это передал. Квэнс?

— Нет. Мы не знаем, кто написал картину. Это был её любимый портрет, если верить преданиям. В пентхаусе в «Струанз» есть её портрет работы Квэнса, написанный примерно в то же время. Он совсем другой и всё-таки очень похожий.

— А позже с неё писали портреты?

— Три раза. Она уничтожила все три, как только они были закончены.

— А есть ли её фотографии?

— Насколько мне известно, нет. Она терпеть не могла фотоаппараты и не хотела иметь ни одного в доме. — Данросс засмеялся, и Кейси увидела, что он устал. — Однажды, перед самой Первой мировой войной, её снял репортер из «Чайна гардиан». Не прошло и часа, как в редакцию нагрянула команда вооруженных моряков с одного из наших торговых кораблей, Парни получили от Карги приказ сжечь там все, если она не получит негатив и все отпечатки и если главный редактор не пообещает «прекратить противоправные деяния и больше её не беспокоить». Он пообещал.

— Но ведь нельзя же совершить такое безнаказанно?

— Нельзя — если ты не тайбань Благородного Дома. Кроме того, все знали, что «Карга» Струан не любит сниматься, а этот наглый молодчик нарушил негласный запрет. Подобно китайцам, Карга верила, что каждый раз, когда тебя снимают, ты теряешь частицу души.

Кейси долго разглядывала ожерелье.

— Это яшма? — спросила она.

— Изумруды.

Она даже рот раскрыла.

— Оно, должно быть, стоило целое состояние.

— Ей завещал это ожерелье Дирк Струан. С условием, чтобы оно никогда не покидало пределов Азии. — Оно должно было стать «коронной драгоценностью» Благородного Дома, которую вправе носить только жена тайбаня. Семейной реликвией, передаваемой от одной дамы другой. — Он улыбнулся странной улыбкой. — «Карга» Струан не расставалась с ожерельем до конца дней своих, а когда умирала, приказала сжечь его вместе с собой.

— Господи! И его сожгли?

— Да.

— Какое расточительство! Данросс снова посмотрел на портрет.

— Нет, — возразил он уже другим голосом. — При ней компания «Струанз» была Благородным Домом Азии почти семьдесят пять лет. Она была Тайбанем, настоящим тайбанем, хотя этот титул носили другие. «Карга» Струан побеждала врагов и с честью выходила из катастроф, она исполнила волю Дирка, и разорила Брокеров, и делала все, что было нужно. И что в сравнении с этим красивая безделушка, которая, вероятно, вообще ничего не стоила? Скорее всего, её стащили из сокровищницы какого-нибудь мандарина, который стянул ожерелье у другого чванливого деспота, чьи крестьяне заплатили за камни своим потом.

Кейси наблюдала, как он, неотрывно всматриваясь в лицо на холсте, почти перешел в иное измерение.

— Я лишь надеюсь, что у меня получится не хуже, — пробормотал Данросс, и Кейси показалось, что слова эти адресованы девушке с картины.

Её взгляд скользнул поверх Данросса на портрет Дирка Струана, и она опять отметила поразительное сходство. Семейные черты просматривались во всех десяти больших портретах, которые увековечили облик девяти мужчин и одной девушки и были развешаны по стенам между пейзажами Гонконга, Шанхая и Тяньцзиня¹¹² и множеством марин, запечатлевших элегантно струановские клиперы и какие-то другие торговые суда. Под портретом каждого тайбаня имелась медная табличка с именем и годами жизни: «Дирк Данросс, 4-й тайбань, 1852-1894, погиб в Индийском океане вместе со всей командой „Закатного облака“», «Сэр Лохлин Струан, 3-й тайбань, 1841-1915», «Аластер Струан, 9-й тайбань, 1900», «Дирк

¹¹² Тяньцзинь — провинциальный центр, третий по величине город Китая, морской порт на северо-востоке страны. Здесь происходили некоторые эпизоды «опиумных войн».

Струан, 1797-1841», «Росс Лечи Струан, 6-й тайбань, 1887-1915, капитан Королевского шотландского полка, убит в бою под Ипром»...

— Сколько истории, — вздохнула она, подумав, что пора вернуть хозяина к реальности.

— Да-да, конечно. — Он смотрел уже на неё.

— Вы десятый тайбань?

— Да.

— А ваш портрет уже написан?

— Нет.

— Вам придется это сделать, верно?

— Да, со временем. Торопиться некуда.

— Как вы стали тайбанем, Иэн?

— Нужно, чтобы тебя выбрал предыдущий тайбань. Это его право.

— А вы избрали преемника?

— Нет, — сказал он, но Кейси не поверила. «Впрочем, с какой стати он должен с тобой откровенничать? — спросила она себя. — И почему ты задаешь столько вопросов?»

Она отвернулась, и её внимание привлек небольшой портрет.

— Кто это? — оживилась она, пораженная загадочным взглядом и язвительной улыбкой малорослого уродца с горбом. — Он тоже был тайбанем?

— Нет. Это Страйд Орлов, главный капитан Дирка. После гибели Дирка во время невиданной мощи тайфуна тайбанем стал Кулум, а Страйд Орлов возглавил флот компании. Легенда гласит, что он был великим моряком.

Кейси помолчала.

— Прошу прощения, но в нем есть что-то такое, от чего мурашки по коже бегут. — Из-за пояса у Орлова торчали пистолеты, сзади виднелся клипер. — Его лицо наводит страх.

— Он на всех так действовал. Кроме Тайбаня и «Карги» Струан. Говорят, даже Кулум ненавидел его. — Данросс обернулся, изучающе глядя на неё, и она почувствовала, как глубоко проникает этот взгляд. От него по телу разливалось тепло и в то же время делалось не по себе.

— Почему он ей нравился? — спросила Кейси.

— Рассказывают, что сразу после великого тайфуна, когда все в Гонконге только приходили в себя, в том числе и Кулум, «Дьявол» Тайлер начал прибирать Благородный Дом к рукам. Командовал, распоряжался, третировал Кулума и Тесс, как детей... Он отослал Тесс на свой корабль, «Белую ведьму», и приказал Кулуму явиться на борт к закату солнца, а не то будет плохо. Тайлер считал, что Благородный Дом теперь носит название «Брок-Струан», а он — Тайбань! Так или иначе... Никто не знает, почему и как Кулум набрался храбрости. Боже мой, Кулум тогда был всего двадцать один год, а Тесс шестнадцать! Так или иначе, Кулум приказал Орлову проникнуть на борт «Белой ведьмы» и доставить его, Кулума, жену на берег. Орлов немедленно отправился туда, один. Тайлер в это время был ещё на берегу. Орлов привез Тесс обратно, оставив за спиной одного убитого и ещё полдюжины с пробитыми головами и сломанными конечностями. — Данросс смотрел на Кейси, и на его лице играла та же насмешливая и пугающая, дьявольская улыбка. — Говорят, с тех пор Тесс — будущая «Карга» Струан — любила его. Орлов служил нашему флоту, пока не исчез. Несмотря на уродливую внешность, он был прекрасный человек и великий моряк.

— Исчез? Он погиб в море?

— Нет. «Карга» Струан уверяла, что он однажды сошел на берег в Сингапуре и не вернулся. Орлов постоянно грозился уехать домой, в Норвегию. Так что, возможно, он вернулся на родину. А может, получил нож в спину. Кто знает? В Азии всякое

случается, хотя «Карга» Струан божилась, что ни одному мужчине с Орловым не справиться и что здесь, должно быть, не обошлось без женщины. Ему мог устроить засаду и Тайлер. Кто знает?

Глаза Кейси неотвратимо возвращались к Тайлеру Броку. Завораживало и его лицо, и нож, и вся его история.

— Почему она так поступила с портретом отца?

— Когда-нибудь расскажу, но не сегодня. Скажу лишь, что она вколотила нож в стену крикетной битой моего деда и прокляла перед Богом и дьяволом любого, кто вынет её нож из её стены. — Данросс улыбнулся. Кейси снова заметила в нем чрезвычайную усталость и обрадовалась этому, потому что сама порядком утомилась и не хотела допустить ошибку. Он протянул руку: — Мы должны ударить по рукам.

— Нет, — спокойно произнесла Кейси, обрадовавшись возможности начать разговор. — Извините, я вынуждена отказаться.

Его улыбка испарилась.

— Что?

— Да. Линк рассказал о предложенных вами изменениях. Это сделка на два года, сумма увеличивается, поэтому я её заключить не могу.

— Вот как?

— Нет, не могу, — продолжала она тем же ровным, но приятным тоном. — Извините, мой лимит — двадцать миллионов, так что вам придется заключать сделку с Линком. Он ждет в баре.

На мгновение в его глазах мелькнуло понимание. «И облегчение», — подумала она. Он снова стал спокоен.

— И сейчас ждет? — мягко спросил Данросс, наблюдая за ней.

— Да. — По всему телу прокатилась жаркая волна, щеки вспыхнули и, наверное, залились краской.

— Значит, мы не можем ударить по рукам, вы и я. Это должен быть Линк Бартлетт?

Ей пришлось приложить усилие, чтобы не отвести взгляд.

— Тайбань должен иметь дело с тайбанем.

— Это основное правило даже в Америке? — Голос мягкий и нежный.

— Да.

— Это ваша идея или его?

— Разве это имеет значение?

— Очень большое.

— Если я скажу, что Линка, он теряет лицо. Если скажу, что моя, тоже, хотя чуть по-другому.

Слегка тряхнув головой, Данросс улыбнулся. И тепло этой улыбки отозвалось в Кейси новой жаркой волной. Она держала себя в руках, но все же чувствовала, что не может остаться равнодушной к его неподдельной мужественности.

— Мы все должны заботиться о достоинстве, так или иначе, верно? Она не ответила, а лишь отвела глаза в сторону, чтобы выиграть время, и её взгляд упал на портрет девушки.

«Как же это: такая красавица, а для всех стала Каргой? — размышляла она. — Как должно быть противно, когда лицо и тело стареют, а душой ты молода, сильна и крепка по-прежнему... Как это несправедливо... Неужели и меня когда-нибудь назовут „Каргой“ Чолок? Или „старой лесбиянкой Чолок“, если останусь незамужней? Одна в мире бизнеса, в мире мужчин. Все так же буду работать ради того же, к чему стремятся они. Ради утверждения своего „я“, ради власти и денег. И что, меня все так же будут ненавидеть? Ненавидеть за то, что я управляюсь не хуже, а может, даже лучше них? А-а, наплевать! Главное, чтобы мы победили, Линк и я. Так что буду

играть роль, которую сама сегодня выбрала. И спасибо этой французской даме за совет. Как это говорил папа? Ах да! „Не забывай, дитя мое, не забывай, что совет, хороший совет, нередко получаешь там, где не ждешь, и когда не ждешь». Да, — думала довольная Кейси, — если бы не напоминание Сюзанны о том, как женщине следует действовать в этом мужском мире, Иэн, я не заикнулась бы о спасении лица. Но не нужно это воспринимать неверно, Иэн Струан Данросс. Это моя сделка, и в этом я — тайбань „Пар-Кон"».

Кейси почувствовала неуместное возбуждение, по телу прокатилась ещё одна горячая волна. Никогда прежде она не задумывалась над тем, каково её положение в «Пар-Кон». «Да, — думала она, нимало удовлетворенная, — так оно и есть».

Окинув девушку на портрете критическим взглядом, Кейси поняла, сколь слепа была прежде. И как это она сразу не разглядела: эта девушка особенная. Не была ли она уже тогда Тайбанем, в зародыше?

— Вы очень великодушны, — прервали её размышления слова Данрасса.

— Нет, — тут же ответила она, готовая к этому, и посмотрела на него. «По правде говоря, тайбань, никакая я не великодушная. А веду себя сдержанно, мило и кротко, чтобы вы чувствовали себя раскованно». Но ничего этого она не сказала, а только опустила глаза и прошептала с точно рассчитанной мягкостью: — Это вы великодушны.

Он взял её руку, наклонился и поцеловал со старомодной галантностью. Её это так взволновало, что она постаралась скрыть свои чувства. Никто и никогда не целовал ей руки. И, несмотря на решимость, она была тронута.

— Ах, Сирануш, — произнес он с наигранной торжественностью. — Если вам потребуется защитник, посылайте за мной. — И тут же ухмыльнулся: — У меня, вероятно, получится черт знает что, ну да ладно.

Она засмеялась, и напряжения как не бывало. Он ей очень нравился.

— Сделка ваша.

Он непринужденно обнял её рукой за талию и нежно увлек к лестнице. Прикосновения его были приятны. «Слишком приятны, — подумала она. — Это не мальчик. Будь осторожна».

17

23:58

«Роллс-ройс» Филлипа Чэня, взвизгнув тормозами, остановился на дорожке перед домом. Филлип выбрался с заднего сиденья, весь красный от ярости, за ним нервно выскочила Диана. Было темно, далеко внизу мерцали огни жилых кварталов и гавани.

— Ворота на задвижку и в дом! — отрывисто приказал Филлип нервничающему шоферу и торопливо направился к парадному входу. — Поспешите, Диана, — раздраженно сказал он, вставляя ключ в замочную скважину.

— Филлип, что с тобой, в конце концов? Почему ты молчишь? Что...

— Замолчи! — заорал он, вне себя, и она, пораженная, даже остановилась. — Молчи и делай, что тебе говорят! — Он рывком открыл дверь. — Позови сюда слуг!

— Но Фи...

— А Сунь! А Так!

Из кухни торопливо приковыляли две всклокоченные, заспанные ама. Служанки уставились на хозяина, разинув рот, напуганные его небывалой яростью.

— Да, Батюшка? Да, Матушка? — хором заговорили они на кантонском. — Что, во имя всех богов, про...

— Придержите языки! — взревел Филлип Чэнь. Шея у него побагровела, лицо покраснелось ещё больше. — Отправляйтесь все вот в ту комнату и оставайтесь

там, пока не скажу всем выйти! — Он распахнул дверь. Это была столовая, окна её выходили на север, на дорогу. — Всем оставаться здесь, пока не скажу. Если кто-нибудь пошевелится или выглянет в окно до того, как я вернусь, я... Я прикажу своим друзьям... Каждой к ногам камень — и в воду!

Ама запричитали было, но поспешили выполнить приказание. Как и Диана. И Филлип захлопнул за ними дверь.

— Да перестаньте вы! — проскрежетала Диана Чэнь, а потом сильно ущипнула одну из ама за щеку. Старуха перестала голосить и застыла, выкатив глаза:

— Что это нашло на всех? Что нашло на Батюшку? О-хо-хо, гнев его простирается до самой Явы... о-хо-хо...

— Замолчи, А Так! — обмахнулась веером Диана.

Она была в бешенстве и вся кипела. «Что, во имя всех богов, нашло на него? Неужели он не доверяет мне — мне, своей единственной верной жене, самому важному человеку в его жизни? Я всю жизнь... И сорваться так внезапно с приема у тайбаня. А ведь все шло хорошо. О нас говорил весь Гонконг. И все восхищались моим дорогим Кевином, заискивали перед ним. Теперь уже он точно новый наследник дома Чэнь, потому что никто не отрицает: Джон Чэнь, скорее всего, умер от болевого шока, когда ему отрезали ухо. Любой бы умер! Я бы точно умерла».

Она содрогнулась, явственно ощутив, будто ей, похищенной, отрезают ухо. Как в сегодняшнем сне. Легла днем подремать, а проснулась в холодном поту.

— Айийя, — пробормотала она, ни к кому не обращаясь. — Неужели он сошел с ума?

— Да, Матушка, — уверенно сказал водитель. — Думаю, так и есть. Это все из-за похищения. Никогда не видел Батюшку таким за все годы мо...

— Кто тебя спрашивает? — взвизгнула Диана. — Все ты виноват! Не оставлял бы беднягу Джона у сладкоречивых девок, привез бы домой, и ничего бы не случилось!

Обе ама захныкали, умоляя не гневаться, и она тут же обратила свою злобу на них:

— И вы обе хороши! Никакой пользы от слуг в этом доме: ну просто ложись и помирай. Вот погодите, возьмусь за вас — живо обделаетесь со страху. Вы хоть спросили, не нужно ли мне чего? Какого-нибудь снадобья, аспирина? Или чаю? Или холодное полотенце?

— Матушка, я могу приготовить чай. Но, может, выпьете немного бренди? — указала на лакированный буфет ама в надежде умаслить хозяйку.

— Что? А, очень хорошо. Да-да, А Так.

Старуха тут же заковыляла к буфету, открыла его, достала коньяк, до которого, как она знала, была охоча госпожа, и налила рюмку.

— Бедная Матушка, чтобы Батюшка так гневался! Ужасно! Что на него нашло? И почему он запретил нам выглядывать из окна?

«Потому что не хочет, чтобы вы, дерьмо черепастье, ворюги, видели, как он откапывает в саду свой секретный сейф, — думала Диана. — Чтобы даже я видела». Она мрачно улыбнулась про себя, попивая чудесный, мягкий напиток и понемногу успокаиваясь, потому что знала, где зарыт стальной ящик. С её стороны это был верный шаг — тайком подсмотреть, как муж закапывает сейф. На тот случай, если, упаси Боже, боги заберут его с земли до того, как он расскажет ей, где находится потайное место. Это был её долг — нарушить данное ему обещание и проследить за ним той ночью, во время японской оккупации, когда он мудро собрал все ценности и спрятал их.

Что сейчас хранится в ящике, она не знала. Ей было все равно. Филлип открывал и закрывал его много раз, всегда тайно. Ей было все равно, пока она знала, где её муж, в каких банках он арендует депозитные ячейки и где держит ключи от них,

на всякий случай.

«В конце концов, — уверенно рассуждала она, — если он умрет, без меня дом Чэнь просто рухнет».

— Перестань причитать, А Сунь! — Она встала и задернула длинные шторы. На улице было темно, ничего не разглядишь в саду, кроме дорожки, высоких стальных ворот и дороги за ними.

— Ещё налить, Матушка? — спросила старая ама.

— Спасибо, масляный роток, — ласково ответила Диана: гнев уже отступил перед разливающимся внутри хмельным теплом. — А потом можешь помассировать мне шею. У меня болит голова. А вы двое сядьте, придержите языки, и чтобы ни звука, пока не придет Батюшка!

Филлип Чэнь торопливо шагал по садовой дорожке. В одной руке у него был фонарик, в другой — лопата. Дорожка вилась вниз через ухоженный сад, который за поворотом переходил в заросли деревьев и кустарников. На миг Филлип остановился, определяясь, потом нашел место, которое искал. Помедлив, он оглянулся, хотя и знал, что теперь увидеть его из дома никак нельзя. Убедился, что следить за ним невозможно, и включил фонарик. Пошарив в траве, луч света остановился у подножия дерева. Место вроде бы нетронуто. Он осторожно отодвинул в сторону дерн. Земля под ним была потревожена, и старик грязно выругался:

— Ох, свинья... мой собственный сын!

С трудом собравшись, Филлип стал копать. Земля была мягкой.

Все время после отъезда с вечеринки он пытался вспомнить, когда точно в последний раз выкапывал сейф. Теперь Филлип уверился, что это было весной, когда ему понадобились купчие на ряд лачуг в районе Ваньчай, которые он продал Дональду Мак-Брайду для одного из его больших новых проектов в пятьдесят раз дороже их цены.

— Где был тогда Джон? — пробормотал он. — Был ли он в доме? Копая, Филлип старался вспомнить, но ничего не получалось. Он знал, что сам никогда не стал бы выкапывать сейф, если это было опасно или в доме были посторонние, и что всегда действовал осмотрительно. «Но Джон? Мне бы и в голову не пришло... Должно быть, Джон следил за мной».

Лопата ударилась о металл. Осторожно очистив поверхность сейфа от земли, он поднял защитную материю и открыл тугой замок. Петли крышки были хорошо смазаны. Трясущейся рукой он направил луч фонарика внутрь сейфа. Все документы, купчие и тайные балансовые ведомости, казалось, были в порядке, их никто не трогал, но он знал, что бумаги, должно быть, вынимали и читали — копировали или выучивали наизусть. Кое-какая информация из банковской ячейки сына могла попасть в неё только отсюда.

Все коробочки с драгоценностями, большие и маленькие, были на месте. Нервно дрожа, он схватил ту, что искал, и открыл. Половинка монеты исчезла. Исчез и документ с прилагавшимся к ней объяснением.

По щекам Филлипа покатались слезы ярости. Сердце колотилось, он вдыхал запах сырой земли и знал, что, будь его сын здесь, он с наслаждением задушил бы его собственными руками.

— Ох, мой сын, мой сын... пусть падет на тебя проклятье всех богов!

Колени подгибались. Шатаясь, он присел на камень и попытался собраться с мыслями. В ушах звучали слова отца, который предупреждал на смертном одре: «Не потеряй эту монету, сын мой! Это залог нашего выживания, оружие нашей власти над Благородным Домом».

Именно тогда, в 1937 году, он впервые узнал тайну из тайн дома Чэнь: ставший

компрадором становился одним из лидеров Хунмэнь¹¹³ в Гонконге. Эта великая тайная триада, изначально сформированная, чтобы возглавить восстание китайцев против ненавистных маньчжурских правителей, при Сунь Ятсене превратилась в 14К. Компрадор выступал главным легальным связующим звеном между китайской иерархией на Острове¹¹⁴ и наследниками 14К на материке. Благодаря Чэнь-цзе Жэнь Ину, известному как Жэнь-гуа, легендарному главному торговцу гунхана¹¹⁵, которому была пожалована императорская монополия на всю торговлю с иными странами, дом Чэнь оказался навечно связан с Благородным Домом и узами собственности, и кровными узами.

«Слушай внимательно, сын мой, — шептал умирающий. — Тайбань, мой прадед Дирк Струан, равно как и Благородный Дом, — творение Жэнь-гуа. Жэнь-гуа выпестовал, сформировал и его, и Дирка Струана. У Тайбаня было две наложницы. Первая — это Кай-сун, одна из дочерей Жэнь-гуа от пятой жены. Их сыном стал Гордон Чэнь, мой отец, твой дед. С Чжун Жэнь Мэй-мэй, своей второй наложницей, Тайбань прожил шесть лет и тайно женился на ней незадолго до великого тайфуна, убившего их обоих. Ей шёл тогда двадцать первый год. Очень умную, любимую внучку Жэнь-гуа, её продали Тайбаню в семнадцать лет. Она должна была научить его цивилизованным манерам так, чтобы он и не догадался, что его обучают. От них пошли Дункан и Кейт, которые взяли фамилию Чжун и воспитывались в доме моего отца. Отец отдал Кейт замуж за шанхайского торговца с Китаем по имени Питер Гэваллан. Эндрю Гэваллан тоже наш родственник, хоть и не знает об этом... Ничего, все семейные древа в сейфе. Их так много. Мы все в родственных отношениях — семьи У, Кван, Сун, Гао, Квок, Энг — все старые семьи. Пользуйся этими знаниями с осторожностью. Вот ключ от сейфа.

Ещё один секрет, Филлип, сын мой. Наша линия идет от второй жены моего отца. Отец женился на ней, когда ему было пятьдесят три, а ей — шестнадцать. Она — дочь Джона Юаня, незаконного сына великого американского трейдера Джеффа Купера и одной евразийской дамы, Изабель Яо. Изабель Яо — и это хранилось в страшном секрете — евразийка, дочь Робба Струана, сводного брата Тайбаня и сооснователя Благородного Дома, так что в наших жилах кровь обеих ветвей Струанов. Аластэр Струан — наш родственник, и Колин Струан — тоже. Мак-Струаны — нет: их историю найдешь в дневниках деда. Сын мой, английские и шотландские варвары пришли в Китай, но никогда не женились на тех, кого обожали, и в большинстве случаев оставляли их, когда возвращались на свой серый остров туманов, дождей и затянутого тучами неба. Господи, как я ненавижу английскую погоду и как мне противно прошлое!

Да, Филлип, мы — евразийцы, мы ни на той, ни на другой стороне. Я так и не смог примириться с этим. Это наше проклятие и наш крест, но от всех нас зависит, сделаем ли мы это своим благословением. Я передаю тебе наш дом богатым и сильным, как и хотел Жэнь-гуа. Сделай то же для своего сына и позаботься, чтобы он сделал то же для своего. Жэнь-гуа в каком-то смысле родил нас, дал богатство, тайное знание, непрерывность и власть — он дал нам одну из монет. Вот, Филлип,

¹¹³ Хунмэнь — одно из названий Тяньдихуэй (букв. «Общество Неба и Земли»), тайного общества (братства), образованного в Китае в XVIII в. От ещё одного названия Тяньдихуэй — Саньхэхуэй («Общество трех гармоний») — произошло слово «триады», которое на Западе ассоциируется с китайской организованной преступностью.

¹¹⁴ То есть в Гонконге.

¹¹⁵ В русском переводе романа Клавелла «Тай-пэн» это слово передается как ко-хонг.

прочитай об этой монете».

На старинном свитке превосходным каллиграфическим почерком было написано:

В сей девятнадцатый день второго месяца года 1841 по варварскому исчислению я, Чэнь-цзе Жэнь Ин из Кантона, Главный Торговец гунхана, предоставил займы Зеленоглазому Дьяволу, тайбаню Благородного Дома, главному пирату всех заморских дьяволов, которые вели войну против Небесного Царства и украли наш остров Гонконг, сорок лаков серебра, один миллион фунтов стерлингов на их деньги, и с помощью этих слитков спас его от поглощения Одноглазым, его главным врагом и соперником. Взамен Тайбань жалует нам особые привилегии в торговле на следующие двадцать лет, обещает, что один человек из дома Чэнь всегда будет компаньоном Благородного Дома, и клянется, что он или его потомки вернут все долги и долг монет. Этих монет четыре. Монеты разломаны пополам. Я передал Тайбаню четыре половинки. Он поклялся, что, когда бы к нему или к одному из последующих тайбаней ни обратились с любой просьбой, представив одну из других половинок, просьба эта будет выполнена, даже если выйдет за рамки их или нашего закона.

Одну половинку монеты я оставляю себе; другую передаю военачальнику У Фанчю, моему родственнику; третью получит мой внук Гордон Чэнь; а о последнем получателе умолчу. Помните, те, кто будет читать это в будущем: не используйте половинку монеты по пустякам, потому что тайбань Благородного Дома обязан пожаловать все, что угодно, — но только один раз. И не забывайте, что, хотя и сам Зеленоглазый Дьявол, и его потомки выполняют обещание, он все же остается полоумным варваром, хитрым, как гнусный маньчжур, опасным, как гнездо змей, потому что учили его мы.

Филлип невольно содрогнулся, вспомнив ту ярость, которой всегда был готов взорваться Иэн Данросс.

«Этот точно потомок Зеленоглазого Дьявола, — подумал он. — Да, и он, и его отец.

Проклятый Джон! Что на него нашло? Что за дьявольщину он замыслил вместе с Линком Бартлеттом? У кого сейчас половинка монеты — у Бартлетта? Или по-прежнему у Джона и теперь, вероятно, у его похитителей?»

Пока усталый мозг перебирал все возможности, пальцы проверяли, одну за одной, коробочки с драгоценностями. Ни одна не пропала. Большую коробку он оставил напоследок. Все горло сжало, когда он открывал её, но ожерелье было на месте. Он испустил глубокий вздох облегчения. Красота изумрудов, играющих в свете фонарика, доставила ему огромное удовольствие и сняла часть беспокойства. До чего же глупо поступила «Карга» Струан, приказав сжечь их вместе с собой! Какое надменное, ужасное, нечестивое расточительство! Как мудро поступил его отец, перехвативший гроб до сожжения и изъывший изумруды.

Нехотя он положил ожерелье обратно и стал закрывать сейф. «Как быть с половинкой монеты? Я чуть было не использовал её, когда тайбань прибрал к рукам наши банковские акции — и большую часть нашей власти. Да. Но я решил дать ему время — пусть докажет, на что способен. И вот идет уже третий год, а ничего не доказано. Хотя эта американская сделка представляется великолепной, она ещё не подписана. И монеты больше нет».

Он застонал, в смятении. Болела и спина, и голова. Внизу лежал город, суда, пришвартованные у Глессингз-Пойнт, и другие, на рейде. Так же ярко сверкал Коулун, и было видно, как реактивный самолёт взлетает с Кай-Так, другой делает разворот, заходя на посадку, а ещё один гудит высоко над головой, мигая огнями.

«Что делать? — обессиленно спрашивал он себя. — У кого монета — у

Бартлетта? Или у Джона? Или у Вервольфов? Если она попадет не в те руки, для всех нас это будет конец».

ВТОРНИК

18

0:36

— Конечно, Данросс мог поднагадить мне с тормозами, Джейсон! — сказал Горнт.

— О, брось ты, ради бога! Залезать к тебе под машину во время приема, когда вокруг две сотни гостей? Иэн не такой дурак.

Они сидели в пентхаусе Джейсона Пламма. Сверху открывался вид на Хэппи-Вэлли, в полуночном воздухе ощущалась приятная прохлада, хотя влажность снова повысилась. Пламм поднялся, бросил окурок сигары, взял новую и закурил. Тайбаню «Эйшн пропертиз», третьего по величине хонга, было около шестидесяти. Он был выше Горнта ростом, худощавый и элегантный, в домашней куртке из красного бархата. — Даже Иэн чертов Данросс не такой проклятый болван.

— Ты не прав. При всей его шотландской хитрости он действует по-звериному внезапно, непродуманно, и в этом его слабость. Думаю, это его рук дело.

Пламм в задумчивости сплел пальцы.

— А что думает полиция?

— Я сказал им лишь, что у меня отказали тормоза. Какая нужда впутывать этих ублюдков, которые везде суют свой нос? По крайней мере, пока. Но я тебя умоляю, тормоза у «роллс-ройса» просто не могут отказаться сами по себе. Ну ладно, ничего. Завтра я позабочусь, чтобы ответ мне дал Том Никклин, точный ответ, если он вообще существует. Тогда будет достаточно времени для полиции.

— Согласен, — многозначительно улыбнулся Пламм. — Кому нужно, чтобы полиция рылась в нашем грязном белье, каким бы курьезным ни казалось то, что произошло, верно?

— Да. — Оба засмеялись.

— Тебе очень повезло. Спуск с Пика не та дорога, по которой можно ехать без тормозов. Думаю, ощущения были не из приятных.

— Какое-то время, да, Джейсон, но потом, когда первоначальный шок прошел, ничего страшного. — Приукрасив неприглядную истину, Горнт сделал глоток виски с содовой.

Изысканный ужин был подан на террасе, выходившей на Хэппи-Вэлли, ипподром, город и море за ним. Ужинали вдвоем: жена Пламма уехала в отпуск в Англию, а дети его, уже взрослые, жили не в Гонконге. Теперь компаньоны, устроившись в больших покойных креслах, покурили сигары в кабинете Пламма — повсюду книги, неброская роскошь обстановки и тот же прекрасный вкус, что и во всех остальных десяти комнатах пентхауса.

— Уж Том Никклин выяснит, поработали с моей машиной или нет, — решительно заявил Горнт.

— Да. — Пламм отпил из стакана «перрье» со льдом. — Ты не собираешься опять подзавести молодого Никклина насчет Макао?

— Я? Ты шутишь!

— Нет. Вообще-то не шучу, — с аристократически поджатых губ Пламма сорвался глумливый смешок. — Ведь три года назад во время гонки у Данросса взорвался двигатель, не так ли? Он тогда едва не погиб.

— У гоночных машин всегда что-нибудь ломается.

— Да, и это происходит довольно часто, хотя не всегда с помощью соперников, — улыбнулся Пламм.

На лице Горнта тоже застыла улыбка, но внутри он не улыбался.

— То есть?

— Ничего, дружище. Просто слухи ходят. — Пламм нагнулся, чтобы подлить Горнту виски, а потом взялся за сифон с содовой. — Ходят слухи, что некий механик-китаец за небольшую плату подложил... подложил, как мы выражаемся, куда надо небольшой гаечный ключ.

— Сомневаюсь, что это правда.

— А я сомневаюсь, что это можно доказать. Так или иначе. Это ужасно, но некоторые готовы на все за совершенно незначительную сумму денег.

— Да. К счастью, мы на рынке больших денег.

— Об этом и речь, дружище. Так. — Пламм стряхнул пепел со своей сигары. — Какая предлагается схема?

— Все очень просто: если в ближайшие десять дней Бартлетт не заключает сделку со «Струанз», мы ошпыливаем Благородный Дом, как дохлую утку.

— Многие думали так и раньше, однако «Струанз» как были, так и остаются Благородным Домом.

— Да. Но в настоящий момент они уязвимы.

— В чем это выражается?

— Векселя «Тода шиппинг» и платеж «Орлину».

— Ерунда. Кредит у «Струанз» отличный: о да, они перебрали кредит, но не больше других. Они просто увеличат свою кредитную линию — или Иэн обратится к Ричарду Квану, а может, к «Блэкс».

— Предположим, «Блэкс» не станет помогать — а он не станет, — и предположим, что Ричард Кван нейтрализован. Остается лишь «Виктория».

— Тогда Данросс обратится к этому банку с просьбой об увеличении кредита, и мы вынуждены будем эту просьбу удовлетворить. Пол Хэвегилл поставит вопрос на голосование совета директоров. Мы все прекрасно знаем, что у нас голосов меньше, чем у блока «Струанз», так что мы согласимся, не уронив достоинства и сделав, как обычно, вид, что рады услужить.

— Да. Но на сей раз я с удовлетворением могу сказать, что Ричард Кван будет голосовать против «Струанз». Это свяжет совет директоров, и с просьбой о кредите выйдет задержка. «Струанз» не сможет произвести платежи, и Данросс обанкротится.

— Господи, о чем ты говоришь? Ричард Кван даже не входит в совет директоров! Ты с ума сошел?

Горнт попыхивал сигарой.

— Нет, ты забыл мой «план игры». Под названием «Конкуренция». Он задействован пару дней назад.

— Против Ричарда?

— Да.

— Бедный старина Ричард!

— Да. Он будет нашим решающим голосом. А Данросс никак не ожидает атаки с его стороны.

Пламм смотрел на собеседника не отрываясь.

— Ричард и Данросс — большие друзья.

— Но у Ричарда и «Хо-Пак» дела плохи. Начался отток вкладчиков. Чтобы спастись, он пойдет на все.

— Понятно. Играешь на понижение. И сколько у тебя акций «Хо-Пак»?

— Много.

— А ты уверен, что Ричард не располагает ресурсами, которые позволят ему

отсрочить обвал своих акций? Что он не сможет привлечь дополнительные средства?

— Если располагает, то мы всегда можем выйти из игры — ты и я.

— Ну да, можем. — Джейсон Пламм наблюдал, как закручивается спиралью дымок от его сигары. — Но ведь одно то, что Данросс не сможет осуществить платежи, ещё не будет означать, что с ним покончено.

— Согласен. Однако после «несчастья» с «Хо-Пак» известия о том, что «Струанз» объявляют дефолт, обрушат все их акции. Рынок станет очень нервным, налицо будут все признаки грядущего краха, который мы подогреваем игрой на понижение. На ближайшие две недели не намечено ни одного заседания совета директоров, разве что Пол Хэвегилл созывает экстренное собрание. А он этого не сделает. С какой стати? Ему больше всего в мире хочется заполучить обратно их пакет акций. Так что все будет predetermined. Он установит основные условия спасения Ричарда Квана, и одним из них будет голосование по указке Пола. Так что совет директоров даст Иэну повариться в собственном соку несколько дней, а потом предложит увеличить кредит и восстановить доверие — взамен на принадлежащие «Струанз» акции банка — они все равно заложены под этот кредит.

— Данросс никогда на это не пойдет. Ни он, ни Филлип Чэнь, ни Цу-янь.

— Ему придется выбирать: или это, или банкротство «Струанз» — при условии, что ты будешь держаться и контролировать исход голосования. Когда банк заберет его пакет акций... если ты сохранишь контроль над советом директоров и соответственно банком «Виктория», с ним будет покончено.

— Да. Ну, а если ему откроют новую кредитную линию?

— Он все равно понесет серьезные потери, от которых, возможно, уже не оправится, Джейсон, а мы срываем куш в любом случае. Все зависит от момента, ты прекрасно знаешь.

— А Бартлетт?

— Бартлетт и «Пар-Кон» мои. Американец не пойдет на дно с тонущим кораблем «Струанз». Я об этом позабочусь.

После паузы Пламм обронил:

— Это возможно. Да, это возможно.

— Значит, ты в деле?

— Как ты собираешься проглотить «Пар-Кон» после «Струанз»?

— Я не собираюсь. Но мы — возможно. — Горнт затушил свою сигару. — Поглощение «Пар-Кон» требует времени, это абсолютно иной набор проблем. Сначала «Струанз». Так что?

— Если я получаю недвижимость «Струанз» — тридцать пять процентов их земельной собственности в Таиланде и Сингапуре — и мы делим пятьдесят на пятьдесят их производственные мощности в Кай-Так.

— Да, все, кроме Кай-Така, — иначе мне не придать законченный вид «Олл Эйша эруэйз». Уверен, ты войдешь в мое положение, старина. Но у тебя будет место в совете директоров новой компании, десять процентов акций по номиналу, места в «Струанз», конечно, и всех их дочерних компаниях.

— Пятнадцать процентов. И место председателя совета директоров «Струанз», попеременно с тобой: год — я, год — ты?

— Согласен, но я буду первым. — Горнт закурил сигарету. «Почему бы и нет? — думал он в приподнятом настроении. — К этому времени в будущем году „Струанз“ уже будет расчленена, так что твое председательство потеряет всякое практическое значение, Джейсон, старина». — Значит, обо всем договорились? Мы можем изложить это в совместном меморандуме, если хочешь, по одному экземпляру для каждого.

Пламм покачал головой и улыбнулся:

— Зачем какой-то меморандум? Забудь! Вот. — Он протянул руку. — Я согласен.

Они обменялись крепким рукопожатием.

— Долой Благородный Дом! — Оба засмеялись, очень довольные заключенной сделкой. После получения земельных владений «Струанз» «Эйшн пропертиз» станет крупнейшей риэлторской компанией в Гонконге. Горнт получит почти полную монополию на авиаперевозки, морские перевозки и факторинг¹¹⁶ — и доминирование в Азии.

«Прекрасно, — думал Горнт. — Теперь Четырехпалый У».

— Ты не вызовешь такси? Я, пожалуй, откланяюсь.

— Возьми мою машину, мой водитель...

— Спасибо, не стоит. Я все же возьму такси. На самом деле, Джейсон, во всяком случае, спасибо.

Пламм позвонил привратнику двадцатипятиэтажного дома, который принадлежал и эксплуатировался «Эйшн пропертиз». Ожидая такси, они выпили за здоровье друг друга, за уничтожение «Струанз» и за прибыль, которую получают. В соседней комнате зазвонил телефон.

— Прошу прощения, старина.

Пламм вышел, прикрыв за собой дверь. Это была его личная спальня, которой он иногда пользовался, когда работал допоздна. Небольшая, очень аккуратно прибранная комната, со звукоизоляцией, оборудованная как судовая каюта: встроенная койка, колонки «хай-фай», из которых доносилась музыка, небольшая автономная плита и холодильник. У одной из стен располагался огромный набор сложной приёмо-передающей техники радиолюбителя-коротковолновика. Это было неизменным хобби Джейсона Пламма с детских лет.

Он поднял трубку:

— Да?

— Мистера Лоп-сина, пожалуйста, — произнес женский голос.

— Здесь нет никакого мистера Лоп-тина, — непринужденно ответил он. — Извините, вы ошиблись.

— Я хочу оставить сообщение.

— Вы ошиблись. Поищите номер в телефонном справочнике.

— Срочное сообщение для «Артура»: Центр радировал, что встреча переносится на послезавтра. Готовность для приема срочных инструкций на шесть ноль-ноль. — Трубка замолчала. Снова послышался тоновый сигнал.

Пламм нахмурился, кладя трубку на рычаг.

Стоя у планшера своей джонки вместе с Пуном Хорошая Погода, Четырехпалый У наблюдал, как Горнт садится в высланный за ним сампан.

— Не очень-то он изменился за все это время, верно? — рассеянно сказал У, и его прищуренные глаза сверкнули.

— Для меня все заморские дьяволы на одно лицо, это точно. Сколько лет прошло? Десять? — спросил Пун, почесывая геморрой.

— Нет, теперь уже почти двенадцать. Хорошие были времена, хейя, — промолвил У. — Много прибыли. Очень хорошо, проскальзывали вверх по реке в Кантон, мимо заморских дьяволов и их лакеев, и люди председателя Мао радостно встречали нас. Да. Везде у нас были свои люди, и ни одного заморского дьявола — и ни одного жирного чиновника, желающего, чтобы его умаслили «ароматной смазкой». Тогда можно было навещать всю свою семью и друзей — и никаких проблем, хейя?

¹¹⁶ Факторинг — вид бизнеса, при котором компания-фактор приобретает инвойсы производителя со скидкой и берет на себя ответственность по получению платежей по ним. При этом производитель получает деньги от покупателя быстрее, чем это предполагают условия инвойса.

Не то что сейчас, хейя!

— Красные становятся жесткими, очень неглупыми и очень жесткими — хуже, чем мандарины.

У обернулся, когда на палубу ступил его седьмой сын. Теперь молодой человек был в аккуратной белой рубашке, серых брюках и хороших туфлях.

— Будь осторожен, — грубо бросил У. — Точно знаешь, что нужно делать?

— Да, Отец.

— Хорошо, — буркнул Четырехпалый, скрывая свою гордость. — Мне не нужны ошибки.

Он смотрел вслед сыну, наблюдая, как тот неловко шагает к сколоченному кое-как трапу из досок, который соединял его джонку со следующей и тянулся ещё через восемь джонок к временной пристани.

— Седьмой Сын уже что-нибудь знает? — тихо спросил Пун.

— Нет, нет ещё, — проворчал У. — Ведь надо было, чтобы этих болванов, эту падаль собачью, поймали с моими винтовками! Без винтовок вся наша работа пойдет насмарку.

— Добрый вечер, мистер Горнт. Я — Пол Чой. Меня прислал проводить вас мой дядя У. — Молодой человек говорил на отличном английском, повторяя ложь, которая стала для него почти правдой.

Горнт испуганно остановился, а потом начал подниматься дальше по шаткому трапу. На своих ногах бывалого моряка он стоял крепче, чем этот юноша.

— Добрый вечер, — ответил он. — Вы американец? Или только учились там, мистер Чой?

— И то и другое, — улыбнулся Пол Чой. — Знаете, как это бывает. Осторожно, голову! Там канаты, и скользко как черт знает что. — Повернувшись, он повел гостя обратно на джонку.

На самом деле юношу звали У Фанчой, и он был седьмым сыном третьей жены своего отца. Но когда он родился, его отец, Четырехпалый У, добыл для него гонконгское свидетельство о рождении — редкость для лодочного жителя, поставил в этом свидетельстве девичью фамилию его матери, добавил имя Пол и попросил одного из родственников выступить в роли отца.

— Послушай, сын мой, — сказал Четырехпалый У, как только Пол стал что-то понимать, — когда ты говоришь на хакка на борту моего корабля, можешь звать меня «Отец», но никогда не называй меня так в присутствии заморского дьявола, даже на хакка. Во всех остальных случаях я — «Дядя», просто один из многочисленных дядьев. Понял?

— Да. Но почему, Отец? Разве я сделал что-нибудь не так? Прошу прощения, если я оскорбил тебя.

— Ты меня не оскорбил. Ты хороший мальчик и упорно работаешь. Просто так лучше для семьи, чтобы у тебя было другое имя.

— Но почему, Отец?

— Придет время, и я тебе объясню.

Потом, когда мальчику исполнилось двенадцать и он пошёл учиться и показал, чего стоит, отец послал его в Штаты. «Теперь тебе нужно научиться всему, что делают заморские дьяволы. Ты должен говорить как они, спать как они, походить на них внешне, но не забывать при этом, кто ты, кто твой народ, и не забывать, что все они хуже нас, не похожи на людей и, конечно же, совсем, ети их, не цивилизованны».

«Если бы они только знали, эти американцы — от тайбаня до последнего болвана, — а также англичане, иранцы, немцы, русские, люди любой расы и цвета кожи... Если бы они только представляли, что о них думает самый последний, паршивый кули, их бы хватил удар, — усмехнувшись, в миллионный раз сказал себе

Пол Чой. — Не то чтобы всякое племя в Китае презирало иностранцев — их просто не принимают в расчет как людей. Конечно, мы не правы, — рассуждал он. — Иностранцы тоже люди, и некоторые из них цивилизованны — по-своему — и значительно опережают нас в техническом отношении. Но мы лучше...»

— Чему вы улыбаетесь? — спросил Горнт, пригибая голову, чтобы не задеть канаты, и стараясь не ступить в разбросанный по палубам мусор.

— О, просто размышлял, какая сумасшедшая пошла жизнь. Месяц назад в это время я занимался серфингом в Малибу, в Калифорнии. Черт возьми, Абердин — нечто иное, верно?

— Вы имеете в виду запах?

— Да, конечно.

— Ну да.

— Во время прилива не лучше. Но, похоже, эту вонь чувствую лишь я один!

— Когда вы были здесь в последний раз?

— Пару лет назад — приезжал на десять дней, когда окончил учебу. У меня степень бакалавра в бизнесе но, похоже, я никогда к этому не привыкну, — усмехнулся Чой. — Здесь совсем не Новая Англия!

— Где вы учились?

— Сначала в Сиэтле. Колледж, университет Вашингтона. Потом получил степень магистра в Гарварде, в Гарвардской школе бизнеса.

Горнт остановился:

— В Гарварде?

— Да. Я получил грант, стипендию.

— Это очень хорошо. Когда вы окончили?

— В июне прошлого года. Это все равно что отбарабанить срок в тюрьме! Просто снимай штаны и подставляй задницу, если не получаешь нужные оценки. Два года в аду! Когда я выбрался оттуда, мы с приятелем отправились в Калифорнию. Подрабатывали где придется, чтобы добыть денег на серфинг и развлечься после всей этой потогонной учебы. А потом, — Чой ухмыльнулся, — потом, пару месяцев назад, меня нашел дядя У и сказал, что пора возвращаться и вкалывать. Вот я и здесь! В конце концов, за мое образование платил он. Моих родителей давно нет в живых.

— Вы были первым в своей группе в Гарварде?

— Третьим.

— Весьма неплохо.

— Благодарю вас. Уже недалеко, наша джонка крайняя.

Пока они перебирались по шаткому трапу от одного плавучего дома к другому, на Горнта с подозрением поглядывали молчаливые обитатели водных жилищ. Кто дремал, кто готовил еду или ел, иные играли в мацзян, некоторые чинили рыболовные сети, дети кое-где ловили рыбу на свет.

— Здесь немного скользко, мистер Горнт. — Пол Чой спрыгнул на липкую палубу. — Ну вот и пришли! Дом, милый дом! — Он потрепал по вихрам заспанного мальчика-впередсмотрящего и произнес на хакка, которого, как ему было известно, Горнт не понимал: — Не спи, Маленький Братец, а то дьяволы до нас доберутся.

— Да-да, доберутся, — пропищал мальчик, подозрительно косясь на Горнта.

Пол Чой повел Горнта дальше вниз. Старая джонка пахла смолой и тиком, гнилой рыбой и морской солью, тысячей штормов. Спустившись по трапу в средней части джонки, они попали в носовую каюту размером со стандартный одноместный номер, во всю ширину корпуса лодки. В небрежно сложенном из кирпичей очаге горел древесный уголь, а над ним гудел на открытом огне закопченный чайник. Дым поднимался клубами вверх и валил наружу через вырезанный в палубе грубый дымоход. С одного борта стояло несколько старых стульев из ротанга, пара-тройка

столов и грубые койки, одна над другой.

Четырехпалый У был один. Указав на стул, он расплылся в улыбке.

— Хейя, лады видить, — произнес он, запинаясь, на скверном английском, который с трудом можно было разобрать. — Висыки?

— Спасибо, — кивнул Горнт. — Тоже рад видеть вас. Пол Чой разлил хорошее виски в грязноватые стаканы.

— Вам с водой, мистер Горнт? — спросил он.

— Нет, пусть будет неразбавленное. Не очень много, пожалуйста.

— Да, конечно.

У взял свой стакан и поднял его, обращаясь к Горнту:

— Лады видить тебе, хейя!

— Да. Ваше здоровье!

Китайцы наблюдали, как Горнт отпил глоток.

— Хорошо, — похвалил Горнт. — Очень хорошее виски. У снова расплылся в улыбке и указал на Пола:

— Он сына сисытлы.

— Да.

— Халасы сыкола — Залатой Сытлана.

— Да. Да, он рассказал мне. Вы можете гордиться.

— Сыто?

Пол Чой перевел старику.

— А, сыпасиба, сыпасиба. Он гавали халасо, хейя!

— Да, — улыбнулся Горнт. — Очень хорошо.

— А-а, халасо, нициво. Кулити?

— Благодарю вас.

Отец и сын наблюдали, как Горнт достает сигарету. Потом сигарету взял У, а Пол Чой дал обоим прикурить. Снова наступило молчание.

— Халасо со сыталы дылуга?

— Да. А вам?

— Халасо. — Снова молчание. — Он сына сисытлы, — повторил старый моряк, наблюдая, как Горнт молча кивает — ждет. Ему было приятно, что Горнт просто сидит и, как подобает цивилизованному человеку, терпеливо дожидается, когда он, У, перейдет к делу.

Некоторые из этих розовокожих дьяволов в конце концов чему-то учатся. Да, некоторые даже слишком, ети его, хорошо. Например, Тайбань, с этими своими холодными, безобразными рыбьими глазами, как у большинства заморских дьяволов, которые смотрят на тебя словно дохлая акула, — этот умеет даже немного говорить на хакка. Да, Тайбань слишком хитер и слишком цивилизован, но ведь за ним целые поколения, а дурной глаз был у его предков и до него. Да, но старый Зеленоглазый Дьявол, первый в его роду, заключил договор с моим предком, великим морским воителем У Фанчоем и его сыном У Квоком, соблюдал этот договор и позаботился о том, чтобы договор соблюдали его сыновья — и сыновья сыновей. Так что к этому теперешнему тайбаню нужно относиться как к старому другу, хоть он самый опасный из всего рода.

Старик чуть не поежился, но сдержался и харкнул, чтобы отпугнуть злого бога слюны, который прячется в горле у каждого. Он изучающе посмотрел на Горнта. «И-и-и, как, должно быть, противно видеть такую розовую образину в каждом зеркале! Все эти волосы на лице, как у обезьяны, и везде бледная кожа, как у бледной жабы на брюхе! Уф!»

Притворно улыбнувшись, чтобы скрыть досаду, он попытался прочесть, что написано на физиономии Горнта, но не смог. «Ничего, — радостно сказал он себе, — для этого и было потрачено столько денег и времени на подготовку Седьмого Сына.

Он-то должен знать».

— Можит пыласить услуга? — нерешительно произнес он. Приятно скрипнули бимсы джонки, качнувшейся на швартовах.

— Да. Что за услуга, старый приятель?

— Сына сисытлы пала ити лабота. Давати лабота? — На лице Горнта изобразилось изумление, и У постарался скрыть вызванную этим досаду. — Паисынять, — сказал Четырехпалый по-английски, а потом добавил, обращаясь к Полу Чою на гортанном хакка: — Объясни этому Пожирателю Черепашьего Дерьма, чего я хочу. Как я тебе говорил.

— Дядя приносит извинения за то, что не может говорить непосредственно с вами, и просит меня объяснить, мистер Горнт, — вежливо начал Пол Чой. — Он хотел спросить, не можете ли вы предоставить мне работу — вроде как стажером — в подразделении вашей компании, которое занимается воздушными и морскими перевозками.

Горнт сделал глоток виски.

— Почему именно в этом подразделении, мистер Чой?

— У моего дяди, как вы знаете, значительные интересы в судоходстве, и он хочет, чтобы я модернизировал его предприятие. Я могу предоставить вам точную и подробную информацию о себе, если вы рассмотрите мою кандидатуру, сэр. На втором году в Гарварде я занимался этими вопросами — в основном перевозками всех типов. До того как мой дядя вытащил меня обратно сюда, я был принят в международный отдел Банка Огайо. — Пол Чой помедлил. — Во всяком случае, вот о чем он просит.

— На каких ещё диалектах кроме хакка вы говорите?

— На мандарине.

— Сколько иероглифов можете написать?

— Около четырех тысяч.

— Скорописью владеете?

— Только скоростной машинописью, сэр. Могу печатать около восьмидесяти слов в минуту, но не на чистовик.

— Сыто? — спросил У.

Горнт наблюдал за Поллом Чоем, пока молодой человек переводил дяде сказанное, оценивая его — и Четырехпалого У. Потом спросил:

— В какой области вы хотите стажироваться?

— Он хочет, чтобы я набрался опыта в части морских и авиаперевозок, а также брокерского и фрахтового бизнеса, практического управления и, конечно, чтобы я стал приносящим прибыль винтиком в вашей машине. Возможно, вам пригодится мое знакомство с Америкой, мои теоретические знания. Мне двадцать шесть. У меня степень магистра. Я в курсе всех новейших компьютерных разработок. Конечно, могу программировать.

В Гарварде получил базовое представление о многопрофильных корпорациях, движении денежной наличности.

— А если у вас не получится или возникнет, как бы это сказать, конфликт с самим собой?

— Не возникнет, мистер Горнт, — твердо сказал молодой человек. — По крайней мере, чтобы этого не случилось, я буду работать как проклятый.

— Што? Что он сказал? Что именно? — резко спросил Четырехпалый на хакка, заметив, что тон разговора изменился, — он наблюдал за беседой и слушал очень внимательно.

Сын объяснил, что именно.

— Хорошо, — проскрежетал У. — Скажи ему слово в слово: если ты не выполнишь все его задания так, чтобы он остался доволен, будешь изгнан из семьи и

в ярости моей истощатся дни твои.

Пол Чой медлил, скрывая шок. Все полученное в Америке образование восставало, крича: «Пошли ты своего отца подальше! Ведь ты — выпускник Гарварда. Ты — американец. У тебя американский паспорт, который ты заработал, с какого бы чертова сампана, из какой бы чертовой семьи ни происходил». Однако он отвел в сторону глаза и не дал воли гневу.

«Не будь неблагодарным, — приказал он себе. — Ты не американец, не настоящий американец. Ты — китаец, и глава твоей семьи имеет право повелевать тобой. Если бы не он, ты содержал бы здесь, в Абердине, плавучий бордель».

Пол Чой вздохнул. Он понимал, что ему повезло больше, чем его одиннадцати братьям. Четверо были капитанами джонок здесь, в Абердине, один жил в Бангкоке и ходил по реке Меконг, ещё один владел паромом в Сингапуре, другой занимался импортными и экспортными операциями по ремонту судов в Индонезии, двое погибли в море, один брат осел в Англии — что он там делал, Пол Чой не знал, — и у последнего, самого старшего, имелась дюжина продуктовых сампанов в гавани Абердина — плавучих кухонь, — а также три Лодки для Удовольствий и восемь ночных бабочек.

После паузы Горнт осведомился:

— Что он сказал? Дословно?

Пол Чой помедлил, а потом решился и перевел, дословно.

— Спасибо за честность, мистер Чой. Это было благоразумно с вашей стороны. Вы, молодой человек, произвели на меня большое впечатление, — изрек Горнт. — Я все прекрасно понимаю. — И тут, в первый раз после того, как У задал изначальный вопрос, он обратил взгляд на старого моряка и улыбнулся: — Конечно. Я с удовольствием предоставлю вашему племяннику работу.

У просиял, а Пол Чой старался не показать, какое испытывает облегчение.

— Я не подведу вас, мистер Горнт.

— Да, знаю, что не подведете. У указал на бутылку:

— Виски?

— Нет, спасибо. Этого довольно.

— Када начинать лабота? Горнт взглянул на Пола Чоя.

— Когда бы вы хотели начать?

— Завтра? Когда вам будет угодно, сэр.

— Завтра. В среду.

— Ух, спасибо. В восемь часов?

— В девять, впоследствии в восемь. Шестидневная неделя, конечно. Вы будете работать подолгу, и я стану вас подгонять. Дальнейшее зависит от вас. Посмотрим, сколь многому вы научитесь и как быстро я смогу предложить вам ответственность побольше.

— Спасибо, мистер Горнт.

Счастливый Пол Чой перевел это своему отцу. У неторопливо попивал виски.

— Какой денига? — спросил он.

Горнт задумался. Он знал, что нельзя промахнуться с суммой. Назовешь больше или меньше ожидаемого — уронишь достоинство Пола Чоя, а главное, его дяди.

— Первые три месяца тысяча гонконгских долларов в месяц, а там поглядим.

Молодой человек постарался скрыть охватившее его уныние: это было меньше двухсот американских долларов, но он перевел слова Горнта.

— Можит, дыве тыщи? — спросил У, не показывая, как доволен. Тысяча была прекрасной цифрой, и он торговался для того лишь, чтобы не уронить достоинство заморского дьявола и сына.

— Чтобы учить его, многие высокооплачиваемые менеджеры должны будут

уделять ему время в ущерб своим основным обязанностям, — вежливо возразил Горнт. — Обучение — дело накладное.

— Много денюга Залатой Гала, — твердо сказал У. — Дыве?

— Тысяча в первый месяц, тысяча двести пятьдесят в последующие два? У нахмурился:

— Месицы тли — тысяча питисоты?

— Хорошо. Третий и четвертый месяц по тысяче пятьсот. А через четыре месяца я пересматриваю его зарплату. И Пол Чой гарантирует, что будет работать у «Ротвелл-Горнт» по крайней мере два года.

— Што?

Пол Чой снова перевел.

«Черт, — думал он, — как я поеду отдыхать в Штаты, получая пятьдесят баксов в неделю? Пусть даже шестьдесят. Черт! А где я, черт возьми, буду жить? На каком-нибудь чертовом сампане?»

Тут он услышал, что Горнт что-то говорит, и в голове все перемешалось.

— Прошу прощения, сэр?

— Я говорю, что, раз вы были так честны со мной, мы предоставим вам бесплатное жилье в Гейблз — это один из домов нашей компании. Там мы размещаем наших менеджеров-стажеров, приезжающих из Англии. Если вы собираетесь работать в хонге заморских дьяволов, то неплохо будет пообтереться среди его будущих руководителей.

— Да, сэр! — Пол Чой не сдержал улыбки. — Да, сэр, благодарю вас, сэр! Четырехпалый У что-то спросил на хакка.

— Он хочет знать, где этот дом, сэр.

— На Пике. Там действительно очень мило, мистер Чой. Уверен, что вы будете более чем довольны.

— Ещё бы... да, сэр.

— Приготовьтесь переехать завтра вечером.

— Да, сэр.

Поняв сказанное Горнтом, У кивнул в знак согласия:

— Высе сагыласена. Дыва года, патома сыматлеть. Можит, болисы, хейя?

— Да.

— Халасо. Сыпасиба, сыталы дылуга. — Потом на хакка: — Теперь спроси, что ты хотел выяснить... про банк.

Горнт уже вставал, чтобы уходить, когда Пол Чой проговорил:

— Дядя хочет спросить у вас ещё кое-что, сэр, если вы можете уделить ему время.

— Конечно. — Горнт снова уселся в кресло, и Пол Чой обратил внимание, что теперь гость выглядит более настороженным и внимательнее следит за ними.

— Дядя хотел спросить, какого вы мнения насчет сегодняшнего оттока клиентов из абердинского филиала банка «Хо-Пак».

Горнт смотрел на него немигающим взглядом:

— Что именно насчет этого?

— Ходят самые разные слухи. У дяди там много денег, равно как и у его друзей. Массовое изъятие вкладов из этого банка стало бы очень плохой новостью.

— Думаю, будет правильно, если он решит забрать деньги, — сказал Горнт, обрадованный неожиданной возможностью подлить масла в огонь.

— Господи, — пробормотал потрясенный Пол Чой. Он следил за Горнтом очень внимательно и заметил, что тот вдруг напрягся, а теперь столь же неожиданно выказал удовольствие. На минуту задумавшись, он решил сменить тактику. — Он хотел выяснить, играете ли вы на понижение?

— Он или вы, мистер Чой? — скривился Горнт.

— Мы оба, сэр. У него внушительный портфель акций, и он хочет, чтобы впоследствии ими занимался я, — солгал молодой человек. — Я объяснял ему механику современного банковского дела и рынка ценных бумаг — как что работает. Растолковал, что в Гонконге дела ведутся иначе, чем в Штатах. Он схватывает все на лету, сэр. — Ещё одна ложь. Пол Чой давно понял, что ему не изменить косных представлений отца. — Он спрашивает, следует ли ему играть на понижение.

— Да, думаю, что следует. Ходит много слухов о том, что активы «Хо-Пак» не обеспечены, — они брали краткосрочные дешевые кредиты и выдавали долгосрочные и дорогие займы, в основном на недвижимость, а для любого банка это классический путь к серьезным трудностям. Будет лучше, если он изымет оттуда все деньги и станет играть на понижение.

— Следующий вопрос, сэр: придут ли на выручку «Хо-Пак» «Блэкс» или «Виктория»?

Горнту пришлось приложить усилие, чтобы оставаться внешне бесстрастным. Старая джонка чуть качнулась на волнах — мимо прошла другая.

— А зачем другим банкам это делать?

«Я попался, — в ужасе думал Горнт. — Правду я им сказать не могу. Кто его знает, до кого ещё дойдет эта информация? Но разве солжешь этому старому ублюдку и его проклятому щенку? Он спрашивает взамен на ту услугу, и я обязан расплатиться, чтобы сохранить репутацию».

Пол Чой подался вперед в нескрываемом возбуждении:

— Я рассуждаю так: если на самом деле происходит отток клиентов из «Хо-Пак», другие не дадут ему рухнуть — как это произошло с Банком Ост-Индии и Кантона в прошлом году, — потому что вызванные крахом «Хо-Пак» потрясения не понравятся рынку, большим операторам. Все ждут бума, и могу поспорить, что крупные игроки не позволят, чтобы какая-нибудь катастрофа лишила их верного шанса. «Блэкс» или «Виктория» самые крутые, и получается, что именно они придут на выручку.

— К чему вы ведете, мистер Чой?

— Если знать заранее, когда акции «Хо-Пак» упадут до предела и когда тот либо другой банк — или оба вместе — начнут операцию по его спасению, можно заработать целое состояние.

Горнт пытался принять решение, но чувствовал, что устал и соображает не так быстро, как хотелось бы. «Должно быть, это дорожное происшествие повлияло на меня больше, чем я думал. Приложил ли к этому руку Данросс? Может, этот ублюдок пытался расквитаться? Отплатить мне за тот рождественский вечер? Или за „Саут ориент“? За полсотни других побед. Возможно, даже за ту старую историю в Макао».

Горнт вдруг разволновался. Он вспомнил, как в крайнем возбуждении следил за гонкой, зная, что в любой момент двигатель тайбаня может заест, как наблюдал за машинами, которые, описывая круг за кругом, с воем проносились мимо. А потом Данросс, лидировавший в гонке, не появился на очередном круге. И он, Горнт, ждал и надеялся. И тут стало известно, что у Данросса что-то случилось с двигателем и машина под скрежет металла вылетела с трассы на U-образном повороте в Мелько. И опять ожидание, Горнта подташнивало. Наконец сообщили, что машина взорвалась, превратившись в огненный шар, но Данросс выкарабкался невредимый. Горнт тогда был очень раздосадован и очень рад.

Не гибели Данросса он желал. Тайбань был нужен ему живым: только живой способен осознать позор разорения.

Горнт хихикнул про себя. «О, это не я нажал на кнопку, которая привела в действие заговор. Я, конечно, исподволь навел молодого Дональда Никклина на мысль, подсказал разные пути: немного сян ю в нужные руки...»

Его взгляд упал на Пола Чоя и старого моряка, которые ждали ответа, и от хорошего настроения не осталось и следа. Он прогнал посторонние мысли и

сосредоточился.

— Да, вы правы, конечно, мистер Чой. Но ваша посылка неверна. Разумеется, это все теории, «Хо-Пак» ещё не обанкротился. Возможно, этого и не произойдет. Однако причин для того, чтобы какой-то банк поступил так, как вы полагаете, нет и никогда не было в прошлом. Выстоит банк или рухнет, зависит только от него. Этим и хороша наша система свободного предпринимательства. Предлагаемая вами схема создаст опасный прецедент. Ведь невозможно поддержать каждый банк, которым управляли неверно. Ни тому, ни другому банку «Хо-Пак» не нужен, мистер Чой. У обоих более чем достаточно собственных клиентов. Ни тот, ни другой никогда не приобретали здесь акции других банков, и я сомневаюсь, что кому-то из них это когда-либо понадобится.

«Чушь, — думал Пол Чой. — Банк должен развиваться, как любой другой бизнес, а „Блэкс" и „Виктория" — самые хищные из здешних компаний, если не считать „Струанз" и „Ротвелл-Горнт". Черт, да и „Эйшн пропертиз" и все другие хонги».

— Я уверен, что вы правы, сэр. Но мой дядя У будет очень признателен, если вы согласитесь держать нас в курсе. — Он повернулся к отцу и сказал на хакка: — Я уже закончил, Досточтимый Дядюшка. Этот варвар согласен, что у банка могут быть неприятности.

У побледнел:

— А? Большие неприятности?

— Завтра я буду первым в очереди. Вам нужно быстро изъять все свои деньги.

— Айийй! Клянусь всеми богами! — раздраженно воскликнул У. — Я лично перережу горло банкиру Квану, если потеряю хоть одну, ети её, монетку, пусть он и мой племянник!

— Он ваш племянник? — уставился на него Пол Чой.

— Банки — это, ети его, не что иное, как изобретение заморских дьяволов, чтобы отбирать нажитое честными людьми добро, — бушевал У. — Я верну каждый свой медяк, или прольется его кровь! Говори, что он сказал про банк!

— Прошу вас, потерпите, Досточтимый Дядюшка. Было бы невежливо заставлять этого варвара ждать. Подобное против их обычаев.

Сдержав гнев, У обратился к Горнту на своем ужасном, ломаном английском:

— Баныка пылоха, хейя? Сыпасиба сыказать пылавда. Баныка пылоха обычай, хейя?

— Иногда, — осторожно произнес Горнт.

Четырехпалый У разжал костлявые кулаки и напустил на себя спокойствие.

— Сыпасиба за усылуга... да... тожи хатела как сына сисытла сыказала, хейя?

— Извините, я не понимаю. Что хочет сказать ваш дядя, мистер Чой? Поговорив немного с отцом для приличия, молодой человек растолковал:

— Мой дядя счел бы настоящей услугой, если бы его заранее поставили в известность о любом рейде, попытке приобрести контрольный пакет или кого-то выручить. Эта информация, конечно, останется абсолютно конфиденциальной.

У кивнул и сейчас улыбался только ртом.

— Да. Усылуга. — Он по-дружески пожал руку Горнта, зная, что варварам нравится этот обычай, хотя сам считал его нецивилизованным, отвратительным и идущим вразрез с правильными манерами, принятыми с незапамятных времен.

Ему нужно было, чтобы сына быстро научили, и именно во Второй Великой Компании, и ему требовалась информация Горнта. Он понимал, насколько важно знать о чем-то заранее. «И-и-и, — думал он, — без друзей в морской полиции Азии я со всеми своими кораблями был бы бессилён».

— Отправляйся с ним на берег, Племянник. Проводи его до такси, потом сходи за Током Два Топорика и жди у стоянки такси.

Он ещё раз поблагодарил Горнта, вышел проводить гостя на палубу. Горнт и

Пол Чой сели в ожидавший их сампан-паром и направились к берегу.

Ночь была замечательная, и У попробовал, чем пахнет ветер. В нем чувствовалась влага. Дождь? Он тут же взглянул на звезды и ночное небо, собирая воедино весь свой многолетний опыт. Дождь придет только со штормом. Шторм может значить тайфун. Сезон летних дождей уже заканчивался, но дожди иной раз приходили с запозданием, внезапно, и очень сильные. Случалось, что налетал и тайфун — и поздно, в ноябре, и рано, в мае, а если боги пожелают, то и в любое время года.

«Дождь нам был бы на пользу, — думал он. — Но не тайфун».

Он поежился. Приближался Девятый Месяц.

С Девятым Месяцем у него были связаны плохие воспоминания. За годы его жизни тайфун яростно нападал на него в этом месяце девятнадцать раз и семь раз с тех пор, как после смерти отца в тридцать седьмом году он стал главой Дома Рожденных в Море У и Капитаном Всех Флотов.

Первый раз пришелся как раз на тот год. С севера и северо-запада налетел ветер со скоростью сто пятнадцать узлов и утопил целый флот из ста джонок в устье Жемчужной реки. Тогда утонуло около тысячи человек — и его старший сын со всей семьей. В сорок девятом, когда он отдал приказ всей своей армаде, базировавшейся на Жемчужной реке, бежать с коммунистического материка и обосноваться постоянно в водах Гонконга, нагрянул тайфун, и он очутился в море. Пошло ко дну девяносто джонок и три сотни сампанов. Его самого и его семью спасли, но он потерял восемьсот семнадцать своих людей. Эти ветры являлись с востока. Двенадцать лет назад они задули снова с востока и северо-востока, и погибло семьдесят джонок. Десять лет назад с северо-востока пожаловал тайфун «Сьюзан» — скорость порывов ветра достигала восьмидесяти узлов, тайфун повернул на восток и юго-восток и истребил его флот, базировавшийся на Тайване. Там он унес ещё пятьсот жизней, и двести человек сгинуло дальше на юге, в Сингапуре. В тот раз У лишился ещё одного сына со всей семьей. Тайфун «Глория» в пятьдесят седьмом: скорость ветра до ста узлов, снова множество утонувших. В прошлом году тайфун «Ванда» произвел разрушения в Абердине и в большей части морских поселений хакка на Новых Территориях. Эти ветры приходили с севера и северо-запада, отлетали обратно на северо-запад, а потом сворачивали к югу.

У разбирался в ветрах хорошо и в числе дней тоже. Сентябрь, второе число, восьмое, снова второе, восемнадцатое, двадцать второе, десятое и первый день тайфуна «Ванда». «Да, — размышлял он, — а если сложить эти числа, получается шестьдесят три, что делится на магическое число три и дает двадцать один, а это снова три. Надо ли ожидать тайфуна в этом году на третий день Девятого Месяца? Такого никогда не было, никогда на моей памяти, но не случится ли это в этом году? Шестьдесят три — это тоже девять. Или он придет на девятый день?»

Четырехпалый снова попробовал ветер на вкус. Ещё больше влаги. Идет дождь. Ветер слегка посвежел. Теперь он дует с севера и северо-востока.

Старый моряк отхаркнулся и сплюнул. Джосс! Третий день, девятый или второй, все равно это джосс, будь спокоен. Единственное, в чем не приходилось сомневаться: тайфун откуда-нибудь да придет, и случится это в Девятом Месяце — или в этом, который тоже не приносил ничего хорошего.

Теперь, глядя на сампан и на своего отпрыска, сидящего в средней части судна рядом с варваром, он размышлял, насколько можно доверять сыну.

«Парень неглуп и хорошо знает повадки заморских дьяволов, — думал он, исполнившись гордости. — Да, но насколько он перенял их пороки? Скоро я это выясню, будь спокоен. Как только парень сделается частью цепочки, он станет послушным. Или мертвым. В прошлом дом У всегда торговал опиумом вместе с Благородным Домом или для него, а иногда для себя самого. Когда опиум был в

чести.

Он и сейчас кое у кого в чести. У меня, Контрабандиста Юаня, Белого Порошка Ли. Кстати, что насчет них? Объединяться нам в Братство или нет?

Ну а „белые порошки"? Они что, сильно отличаются? Разве это не тот же опиум, только посильнее — как спиртное крепче пива?

И какая разница, чем торговать — „белыми порошками" или солью? Никакой. За исключением того, что в дурацком законе заморских дьяволов написано: одно — контрабанда, а другое — нет! Айийя, двадцать с лишним лет назад, когда варвары проиграли свою, ети её, войну злодеям с Восточного моря¹¹⁷, правительство установило здесь монополию на эту торговлю.

Разве не на опиуме построена торговля Гонконга с Китаем? Именно на одном опиуме она и развилась, на опиуме, выращенном в варварской Индии.

А теперь они уничтожили поля, где сами его выращивали, и пытаются представить дело так, будто этой торговли никогда не было, будто это страшное преступление, за которое можно получить двадцать лет тюрьмы!

Айийя, как цивилизованному человеку понять варвара?»

Он сплюнул с отвращением и спустился вниз.

«И-и-и, — устало размышлял он. — Трудный был день. Сначала исчезает Джон Чэнь. Потом в аэропорту берут с поличным двоих этих кантонских губошлепов, падаль собачью, и моя партия винтовок попадает в руки полиции, так её и так. Днем мне передают письмо от Тайбаня: Приветствую Досточтимого Старого Друга. По размышлении предлагаю тебе определить Седьмого Сына к противнику — так будет лучше для него, лучше для нас. Попроси Черную Бороду встретиться с тобой сегодня вечером. Позвони мне потом». На письме был оттиск личной печати Тайбаня и подпись — Старый Друг.

Старый Друг для китайца — это человек или компания, которые в прошлом оказали исключительную услугу, или деловой партнер, доказавший за долгие годы свою надежность и выгодность сотрудничества. Иногда годы переходили в целые поколения.

«Да, — думал У, — этот тайбань — старый друг. Именно он предложил оформить для Седьмого Сына свидетельство о рождении, дать ему новое имя и отправить в Золотую Страну. Именно он уладил все проблемы, устранил препятствия для поступления в великий университет и незаметно следил за парнем. Это он подсказал мне, как выучить одного из сыновей в Америке, чтобы не было даже намек на связь с опиумом.

Какие глупцы эти варвары! Да, так оно и есть, но все же этот тайбань далеко не глуп. Он действительно старый друг — и Благородный Дом тоже».

У помнил, сколько он и несколько поколений в его семье тайно заработали с помощью Благородного Дома и без него, в мирное время и во время войны, доставляя любой дефицитный или контрабандный товар там, где это не могли сделать варварские корабли, — золото, бензин, опиум, резину, технику, медикаменты. Даже людей, которым они помогали выбраться с материка или попасть на него за немалую плату. Вместе с Благородным Домом и без него, но в основном с его помощью, с этим тайбанем, а до него — с его старшим двоюродным братом Стариком Крючконосим, а ещё раньше — с его отцом Бешеным Псом и отцом этого двоюродного брата. С ними клан У стал процветающим.

Теперь Четырехпалый У владел шестью процентами акций Благородного Дома, приобретенных за все эти годы и упрятанных в целом лабиринте подставных лиц с их помощью, но остающихся под контролем У, самой большой долей их бизнеса по

¹¹⁷ Имеются в виду японцы.

перевозке золота, а также крупными вложениями в недвижимость, судоходство, банковское дело в Гонконге, Макао, Сингапуре, Индонезии.

«Банковское дело, — угрюмо думал он. — Я перережу племяннику горло, а прежде заставлю его съесть собственный „тайный мешочек“, если потеряю хоть один медяк!»

Спустившись вниз, он прошел в темную замусоренную главную каюту, где спал с женой. Она лежала в большой койке на соломе и повернулась к нему в полусне.

— Ты уже все? Ложишься?

— Нет. Спи, — благодушно бросил он. — Мне ещё нужно кое-что сделать.

Женщина послушно заснула. Она была его тайтай, главной женой, уже сорок семь лет.

У скинул то, в чем обычно ходил на джонке, и надел чистую белую рубашку, свежие носки, туфли и серые брюки с отутюженными стрелками. Он тихо закрыл за собой дверь в каюту и проворно поднялся на палубу, чувствуя себя в этой одежде очень неловко и скованно.

— Я вернусь до рассвета, Четвертый Внук, — предупредил он.

— Да, Дедушка.

— Смотри не спи!

— Да, Дедушка.

Он слегка потрепал мальчика по голове, потом прошел по трапам и остановился на третьей джонке.

— Пун Хорошая Погода! — позвал он.

— А... да? — отозвался сонный голос. Старик дремал, свернувшись на старой мешковине.

— Собери всех капитанов. Я вернусь через два часа. Пун тут же насторожился:

— Выходим в море?

— Нет. Вернусь через два часа. Собери капитанов!

У прошел дальше, к личному парому-сампану, где его встретили с поклоном. Он всмотрелся в сторону берега. Сын стоял у большого черного «роллс-ройса» со счастливым номером из единственной цифры «8» — Четырехпалый приобрел его на правительственном аукционе за сто пятьдесят тысяч гонконгских долларов, — а рядом в почтительном ожидании замерли его шофер в униформе и телохранитель, Ток Два Топорика. Четырехпалому У, как всегда, было приятно увидеть свой великолепный автомобиль, и это чувство превзошло растущую озабоченность. Конечно, среди обитателей морских поселков он был не единственным обладателем «роллс-ройса». Но, по обычаю, у него был самый большой и самый новый автомобиль. Восьмерка, ба, — число самое счастливое, потому что звучит как фа, что значит «растущее процветание».

Старик почувствовал, что ветер изменил направление, и его вновь охватило беспокойство.

«И-и-и, этот день был плохой, но завтра будет ещё хуже.

Сбежал ли Джон Чэнь, эта падаль собачья, в Золотую Страну, или его на самом деле похитили? Без этого куса дерьма я по-прежнему останусь на побегушках у Тайбаня. А мне быть на побегушках надоело. Награда в сто тысяч за Джона Чэня — хорошее вложение. Я заплачу за него и за его, ети её, монету в двенадцать раз больше. Слава всем богам, у меня есть шпионы среди слуг Благородного Дома Чэнь».

Он ткнул рукой по направлению к берегу.

— Поторопись, старик, — угрюмо приказал он кормчему. — Мне ещё много чего надо успеть до рассвета!

14:23

Было жарко и очень влажно, небо дышало зноем, начинали собираться тучи. Шумное, потное сборище людей толпилось с самого открытия утром и в помещении небольшого филиала банка «Хо-Пак» в Абердине, и снаружи, и, казалось, наплыву не будет конца.

— У меня нет денег для выплаты, Досточтимый Сун, — прошептала испуганная кассирша. На её аккуратном чунсаме выступили пятна пота.

— Сколько вам нужно?

— Семь тысяч четыреста пятьдесят семь долларов для клиента Токсина, но ждет ещё человек пятьдесят.

— Возвращайтесь к своему окошку. — Управляющий тоже нервничал. — Потяните время. Сделайте вид, что вам нужно ещё раз проверить счет, — головной офис уверяет, что ещё одна партия отправлена час назад. Может, много машин на дороге... Идите к своему окошку, мисс Пан. — Он торопливо закрыл за ней дверь в свой офис и, обливаясь потом, снова сел за телефон. — Досточтимого Ричарда Квана, пожалуйста. Побыстрее...

С тех пор как ровно в десять часов банк открылся, четыре или пять сотен человек прошли извивающейся чередой к одному из трех окошек. Они требовали полностью выплатить им вклады и сбережения, а потом, благословляя судьбу, проталкивались обратно в мир.

Обладатели депозитных ячеек добивались доступа к ним. По одному, в сопровождении служащего банка, они спускались вниз, в хранилище, вне себя, чуть не падая в обморок от облегчения. Там служащий открывал ячейку своим ключом, клиент своим, а затем служащий уходил. Оставшись в одиночестве посреди затхлого помещения, потный клиент благословлял всех богов за этот джосс — стать одним из счастливчиков. Потом трясущимися руками выгребал ценные бумаги, или наличные деньги, или золотые слитки, или драгоценности и все остальные оставленные на сохранение вещи в кейс, или чемоданчик, или бумажный пакет — либо распахивал по оттопыренным карманам, уже набитым банкнотами. Потом он вдруг в испуге осознавал, что держит в руках все свое богатство, которое открыто чужим алчным взглядам, которое так легко отобрать, и ощущение счастья тут же улетучивалось. Недавний счастливчик незаметно исчезал, чтобы уступить место другому клиенту, который так же нервничал и поначалу так же изнемогал от радости.

Очередь стала собираться задолго до рассвета. Четырехпалый У со своими людьми оказались в числе первых тридцати. Новость мгновенно разнеслась по гавани, поэтому к ним тут же присоединились другие её обитатели, потом ещё кто-то, и скоро там уже стояли все, у кого хоть сколько-нибудь было на счете. К десяти часам это скопление нервничающих, озабоченных людей уже смахивало на беспорядки. Теперь среди них прогуливалось несколько молчаливых и все подмечающих полицейских в форме, присутствие копов успокаивало. В течение дня служителей порядка становилось все больше, их приток спокойно и четко регулировал полицейский участок Восточного Абердина. К полудню в одном из близлежащих переулков уже дежурили два полицейских фургона — «чёрные марины» — с подкреплением, специально обученным взводом по борьбе с беспорядками. И офицеры полиции — европейцы.

Большую часть толпы составляли простые рыбаки и местные жители, хакка и кантонцы. Уроженцем Гонконга был, наверное, лишь один из десяти. Остальные недавно прибыли из Китайской Народной Республики, Серединного государства¹¹⁸,

¹¹⁸ Серединное государство (кит. Чжунго) — традиционное название Китая, отражающее историческое представление китайцев о расположении их огромной страны в центре известного им

как они называли свою страну. Они устремились в Гонконг, ища спасения — от коммунистов, от националистов, от голода или просто от бедности, как вот уже более века поступали их предки. Девяносто восемь из каждых ста человек, населяющих Гонконг, были китайцы, и эта пропорция оставалась неизменной с самого основания колонии.

Все выходявшие из банка отвечали спрашивавшим, что все им выплачено полностью. Несмотря на это, тех, кто ещё ждал, охватывали самые дурные предчувствия. Все вспоминали крах прошлого года и жизнь в родной деревне, в которой случалось немало других крахов, неудач, мошенничества, поборов грабителей-ростовщиков, воровства, взяточничества — словом, свидетельств того, что накопления всей жизни могут легко испариться не по твоей вине, кто бы ни стоял у власти: коммунисты, националисты или милитаристы. Четыре тысячи лет всегда было одно и то же.

Всем не нравилась зависимость от банков, но наличные следовало хранить в надежном месте: ведь жизнь есть жизнь, и грабителей в ней полно, как блох. «*Цзю ни ло мо* на все банки, — думало большинство китайцев, — это изобретение дьявола — заморских дьяволов! Да. До появления заморских дьяволов в Серединном государстве бумажных денег не водилось. Были настоящие деньги — серебряные, золотые или медные, в основном серебряные и медные, — которые можно потрогать и спрятать, они никогда не испарялись. Не то что эти мерзкие бумажки. Бумагу могут сожрать и крысы, и люди. Бумажные деньги — ещё одно изобретение заморских дьяволов. До того как они пришли в Серединное государство, жизнь была хорошей. А теперь? *Цзю ни ло мо* на всех заморских дьяволов!»

В восемь часов утра обеспокоенный управляющий банка позвонил Ричарду Квану.

— Но, Досточтимый Господин, там уже, должно быть, человек пятьсот, и очередь тянется по всей набережной.

— Ничего страшного, Почтенный Сун! Выплатите деньги тем, кто хочет их получить. Не волнуйтесь! Поговорите с ними, в основном это суеверные рыбаки. Убедите их не забирать вклады. Ну а тем, кто настаивает, — выплачивайте! «Хо-Пак» стоит так же твердо, как «Блэкс» или «Виктория»! То, что наши активы не обеспечены, — злостная ложь! Выплачивайте! Тщательно проверяйте сберегательные книжки и работайте с каждым клиентом не спеша. Будьте методичны.

И вот управляющий банком и кассиры старались убедить клиентов, что на самом деле волноваться не нужно, что все это ложные слухи, которые распространяют злонамеренные люди.

— Вы, конечно, можете получить свои деньги, но разве вы не счи...

— Айийя, выдайте ей деньги! — взвился следующий в очереди. — Она хочет получить свои деньги, я хочу получить свои. А за мной стоит мой шурин, который хочет получить свои. И моя тетушка где-то на улице. Айийя, не могу же я торчать здесь целый день! Мне надо в море выходить. С этим ветром через несколько дней будет шторм, а мне надо вернуться с уловом...

И банк стал выплачивать вклады. Полностью.

Как и все другие банки, «Хо-Пак» использовал вклады для обслуживания займов другим банкам — самых различных займов. В Гонконге деятельность кредитных учреждений особо не ограничивалась правилами и законами. Некоторые банки ссужали до восьмидесяти процентов наличности, будучи уверены, что клиенты никогда не потребуют деньги назад все одновременно.

Исключением стал сегодняшний день в Абердине. Но, к счастью, это был лишь

мира, в окружении малых варварских государств-данников, а также о культурном и политическом отличии и превосходстве над ними.

один из восемнадцати филиалов банка по всей колонии. И нынешний отток клиентов ещё не представлял угрозы для «Хо-Пак».

В течение дня управляющий три раза звонил с просьбой выслать ещё наличных денег из головного офиса в Сентрал. И два раза за консультацией.

Утром, в десять часов одну минуту, Четырехпалый У с угрюмым видом сидел у стола заведующего. За ним стояли Пол Чой и Ток Два Топорика.

— Вы хотите закрыть все ваши счета в «Хо-Пак»? — разинул рот потрясенный господин Сун.

— Да. Сейчас, — сказал У, а Пол Чой кивнул.

— Но у нас нет доста... — слабым голосом начал управляющий.

— Мне нужны все мои деньги сейчас, — прошипел У. — Наличными или в слитках. Сейчас! Ты что, не понимаешь?

Господин Сун вздрогнул. Он набрал номер Ричарда Квана и быстро объяснил ситуацию.

— Да-да, Господин. — Он протянул трубку. — Досточтимый Кван хочет поговорить с вами, Досточтимый У.

Однако никакие увещевания не могли поколебать старого моряка.

— Нет. Сейчас. Мои деньги и деньги моих людей сейчас. А также с тех остальных счетов... э-э... особых, где бы они ни находились.

— Но в этом филиале нет такого количества наличности, Досточтимый Дядюшка, — пытался успокоить его Ричард Кван. — Я буду рад предложить вам банковский чек.

— Мне не нужны чеки, мне нужны деньги! — взорвался У. — Ты что, не понимаешь? Деньги!

Он знать не знал, что такое банковский чек, поэтому перепуганный господин Сун пустился в объяснения. Лицо Пола Чоя озарилось улыбкой.

— Это будет нормально, Досточтимый Дядюшка, — подсказал он. — Банковский чек — это...

— Как может клочок бумаги быть подобием наличных денег? — бушевал старик. — Мне нужны деньги, мои деньги сейчас же!

— Пожалуйста, разрешите мне поговорить с Почтенным Кваном, Великий Дядюшка, — примирительно проговорил Пол Чой, поняв, в чем загвоздка. — Может, я смогу помочь?

У мрачно кивнул:

— Хорошо, говори, только получи мои деньги наличными. Пол Чой представился по телефону и произнес:

— Может, нам будет легче говорить по-английски, сэр? — Он обменялся парой фраз, потом удовлетворенно кивнул. — Минуточку, сэр. — И стал объяснять на хакка: — Великий Дядюшка, Почтенный Кван выплатит вам все полностью в правительственных ценных бумагах с золотым или серебряным обрезом у него в главном офисе и выдаст бумагу на оставшуюся сумму, которую вы можете представить в «Блэкс» или банк «Виктория».

Но, если позволите совет... У вас ведь нет сейфа, куда можно положить все золото в слитках? Так, может быть, вы примете банковский чек Почтенного Квана, имея который я смогу открыть для вас счета в любом из этих двух банков? Немедленно.

— В банках! Банки — это ловушки заморских дьяволов для цивилизованных омаров!

Пол Чой убеждал старика целых полчаса. Потом они отправились в головной офис «Хо-Пак», но У оставил рядом с дрожащим господином Суном Тока Два Топорика.

— Ты оставайся здесь, Ток. Если я не получу свои деньги, возьмешь их из этого филиала!

— Да, Господин.

И они поехали в Централ. К полудню Четырехпалому У открыли новые счета, половину — в «Блэкс», другую — в банке «Виктория». Пол Чой был потрясен количеством отдельных счетов, которые пришлось закрыть, а потом открыть вновь. И количеством денег.

Двадцать с лишним миллионов гонконгских долларов.

Несмотря на все мольбы и объяснения, старый моряк отказался выделить денег для игры на понижение акций «Хо-Пак», рывкнув, что это занятие для воров гуйлао. Поэтому Пол улизнул от отца и стал обращаться ко всем биржевым брокерам, кого только мог найти, надеясь сыграть на понижение самостоятельно.

— Но, уважаемый, вас никто не знает. Конечно, если вы предоставите печатку вашего дяди или его письменное заверение, тогда...

Он выяснил, что брокерские фирмы почти исключительно европейские, в большинстве — английские. Ни одной китайской. Все места на бирже заняты европейцами, и опять же по большей части англичанами.

— Но это вроде бы не совсем правильно, мистер Смит, — сказал Пол Чой.

— О, боюсь, наши местные жители, мистер, мистер... мистер Чи, верно?

— Чой, Пол Чой.

— Ах да. Боюсь, местных жителей мало интересует такой непростой современный бизнес, как брокерство, и рынок ценных бумаг. Вы, конечно, знаете, что все они иммигранты? Когда мы пришли сюда, Гонконг был лишь голой скалой.

— Да. А вот мне это интересно, мистер Смит. В Штатах биржевой бро...

— Ах да, Америка! Уверен, что в Америке все делается по-другому, мистер Чи. А теперь, прошу извинить... До свидания.

Пол Чой метался от брокера к брокеру, но везде была та же история. Никто не хотел иметь с ним дела без печатки отца.

Наконец, оказавшись на Мемориал-сквер, он присел на скамейку рядом со зданием суда, высотками «Струанз» и «Ротвелл-Горнт» и погрузился в размышления, рассеянно разглядывая гавань. Затем отправился в библиотеку суда и, чтобы проложить себе дорогу к фондам, попытался заговорить педантичного библиотекаря.

— Я из фирмы «Симс, Доусон и Дик», — лихо заявил он. — Я их новый адвокат из Штатов. Им срочно нужна кое-какая информация о рынках ценных бумаг и биржевом брокерстве.

— Правительственные установления, сэр? — услужливо осведомился пожилой евразиец.

— Да.

— Таких не существует, сэр.

— Как?

— Ну, почти нет. — Библиотекарь подошел к полкам. Требуемый раздел занимал всего лишь несколько абзацев в гигантском томе.

Пол Чой уставился на него, пораженный:

— И это все?

— Да, сэр.

У Пола Чоя даже голова пошла кругом.

— Но тогда он широко открыт, рынок широко открыт! Библиотекарь был слегка изумлен.

— Да, по сравнению с Лондоном или Нью-Йорком. Что касается биржевого брокерства, то брокером может стать любой при условии, что кто-то хочет, чтобы он продавал акции, и есть кто-то, кто хочет, чтобы он их покупал, и оба готовы платить комиссионные. Проблема в том, что... э-э... существующие фирмы полностью контролируют рынок.

— А как можно преодолеть эту монополию?

— О, я не стал бы этого делать, сэр. Мы в Гонконге вообще за сохранение статус-кво.

— Тогда как туда прорваться? Как занять там хоть какое-то место?

— Сомневаюсь, что у вас получится, сэр. Англичане контролируют все очень тщательно, — деликатно сказал библиотекарь.

— Но это неправильно.

Пожилый человек покачал головой и мягко улыбнулся, сплетя пальцы. Ему нравился стоявший перед ним молодой китаец, он завидовал его неиспорченности — и полученному в Америке образованию.

— Я полагаю, вы хотите играть на рынке от своего имени? — мягко спросил он.

— Да... — Пол Чой туг же понял свою ошибку и попытался исправить её, проговорив, запинаясь: — По крайней мере... как сказали в «Доусон», для меня...

— Да будет вам, мистер Чой! Вы не из «Симс, Доусон и Дик», — вежливо пожурил его библиотекарь. — Если бы они взяли на работу американца — а это неслыханное нововведение, — о, я узнал бы об этом вместе с сотней других людей задолго до вашего визита сюда. Вы, должно быть, мистер Пол Чой, племянник великого У Санфана, и недавно вернулись из Гарварда, в Америке.

Пол Чой уставился на него в изумлении:

— Откуда вы знаете?

— Это Гонконг, мистер Чой. Город очень маленький. Мы должны знать, что происходит. Именно так мы и выживаем. Вы хотите играть на рынке?

— Да. Мистер?..

— Мануэль Перрье́ра. Я португалец из Макао. — Библиотекарь вынул авторучку и красивым каллиграфическим почерком стал писать рекомендацию на обороте своей визитной карточки. — Вот, пожалуйста. Ишвар Сурджани — мой старый приятель. У него офис в двух шагах от Натан-роуд, в Коулуне. Он — парси¹¹⁹ из Индии, меняет деньги и валюту, а также время от времени покупает и продает акции. Он может помочь вам. Но помните, что его займы или кредиты — дорогое удовольствие, так что ошибаться вам нельзя.

— Вот спасибо, мистер Перрье́ра. — Пол Чой протянул руку. Удивленный Перрье́ра протянул свою. Пол Чой горячо пожал её и ринулся к выходу, но остановился. — Скажите, мистер Перрье́ра... рынок ценных бумаг. Можно ли на нем заработать, пусть и с немалым риском? Как угодно? Чтобы хоть как-то туда протиснуться?

В шевелюре Мануэля Перрье́ры уже серебрилась седина. У него были красивые руки и ярко выраженные китайские черты лица. Он смерил взглядом стоящего перед ним юношу, а потом тихо произнес:

— Вам ничего не мешает учредить компанию и создать свой собственный рынок ценных бумаг — китайский. Это вполне соответствует законам Гонконга — или их отсутствию. — Старые глаза сверкнули. — Все, что вам нужно, — это деньги, контакты, знания и телефоны...

— Мои деньги, пожалуйста, — хрипло прошептала старая ама. — Вот моя сберегательная книжка. — От жары, царившей в помещении абердинского филиала «Хо-Пак», лицо её раскраснелось. Было уже без десяти три, а ждала она с самого рассвета. На ветхой блузке и черных штанах выступили пятна пота, на спину свисала длинная и жидкая, как мышинный хвостик, косичка с проседью. — Айийя, не толкайтесь! — крикнула она стоявшим сзади. — Скоро подойдет и ваша очередь!

¹¹⁹ Парси — член общины зороастрийцев из Индии, потомков последователей этой веры, бежавших из Ирана от религиозных преследований в VIII в.

Молодая кассирша взяла книжку и снова взглянула на часы. «Айийя! Слава всем богам, в три мы закрываемся», — подумала она и, борясь с мучительной головной болью, стала беспокойно гадать, как закроют двери. Ведь перед забранными решеткой окошечками толпится столько раздраженных людей, а на них напирают те, что снаружи.

Сумма накоплений на книжке составляла триста двадцать три гонконгских доллара сорок два цента. Верная указаниям господина Суна не торопиться и быть аккуратными, кассирша прошла к папкам, стараясь пропускать мимо ушей поток нетерпеливых ругательств, не смолкавший уже часами. Она проверила правильность суммы, потом, подходя к своему высокому сиденью, снова посмотрела на часы, открыла ящик кассы и выдвинула его. Денег не хватало, поэтому она снова заперла ящик и пошла к офису управляющего. По очереди прокатилась волна ярости. Взгляды вкладчиков устремлялись то на эту низкорослую неуклюжую женщину, то на часы, то снова на неё.

Она постучалась в дверь и закрыла её за собой.

— Я не могу заплатить старой А Там, — беспомощно проговорила кассирша. — У меня только сто гонконгских долларов. Я тянула время, сколько...

Управляющий Сун вытер пот с верхней губы.

— Уже почти три, так что пусть она будет вашим последним клиентом, мисс Чо.

Он провел её через боковой вход в хранилище. Открылась массивная дверь. Увидев пустые полки, она остановилась, пораженная. Обычно в это время дня здесь было полно аккуратных пачек банкнот, рассортированных по сотням, тысячам и десяткам тысяч, и бумажных рулончиков с серебром. Ей больше всего нравилось сортировать деньги после закрытия, а также прикасаться к этим чувственным пачкам новых, хрустящих, только что полученных купюр.

— О, это ужасно, Досточтимый Сун, — проговорила она, чуть не плача. Толстые стекла её очков запотели, и прическа сбилась набок.

— Это лишь временное явление, временное, мисс Чо. Помните, что написал Досточтимый Хэпли в сегодняшней «Гардиан»! — Он очистил последнюю полку, пуская в ход остаток резервов и проклиная ту партию, что ещё так и не прибыла. — Пожалуйста. — Он выдал ей для видимости пятнадцать тысяч, заставил расписаться за них и взял ещё по пятнадцать для каждой из двух других кассирш. Теперь в хранилище не осталось ничего.

Когда он снова вошёл в главный зал, толпа загудела, как наэлектризованная, при виде большой суммы денег, наличных.

Он передал банкноты двум другим кассирам и опять исчез в своем кабинете.

Мисс Чо аккуратно складывала деньги в ящик кассы, и все внимательно следили за ней и за другими кассирами. Одну тысячную пачку она оставила на столе. Разорвав бандероль, методично отсчитала триста двадцать долларов, потом три по одному и мелочь, пересчитала и подвинула через стойку. Старая женщина запихнула все это в бумажный пакет, а вперед уже раздраженно протиснулся следующий в очереди, сунув сберегательную книжку в лицо мисс Чо.

— Вот, клянусь всеми богами, мне нужно семь тысяч...

В этот момент прозвонил трехчасовой звонок, и тут же появился господин Сун, который громко объявил:

— Прошу прощения, мы вынуждены закрыться. Всем кассирам закрыть свои...

Остальные слова утонули в злобном гуле.

— Клянусь всеми богами, я жду с самого рассвета...

— Цзю ни ло мо, а я здесь уже восемь часов...

— Айийя, ну заплатите мне, у вас достаточно...

— О, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!..

Обычно в банке затворяли двери и обслуживали тех, кто оставался внутри, но

на этот раз под рев толпы все три испуганных кассира послушно заперли свои кассы, повесили таблички закрыто и попятились от протянутых к ним рук.

И тут собравшиеся в банке люди превратились в неуправляемую толпу.

Стоявших впереди, у стойки, прижали к ней те, что старались войти. Какую-то девушку швырнули на стойку, она пронзительно закричала. К решеткам, которые служили больше украшением, чем защитой, тянулись руки. Все были взбешены. Старый моряк, оказавшийся ближе всех, просунул руку к кассе и попытался выдвинуть ящик. Старая ама, зажатая со всех сторон бурлящей массой из ста с лишним человек, пробивалась в сторонку, крепко сжимая костлявыми руками свои деньги. Молодая женщина упала, потеряв равновесие, и на неё наступили. Она пыталась подняться, однако ног было много, и у неё ничего не получалось. В отчаянии она вцепилась в чью-то голень зубами и, получив передышку, вскочила, охваченная слепым ужасом, с разодранными чулками, в порванном чунсае. Её паника подхлестнула толпу ещё больше. Потом кто-то крикнул: «Убить безродного сына шлюхи!..», и толпа подхватила: «Уби-и-ить!»

После секундного колебания все как один устремились вперед.

— Стоять! — Это слово прозвучало как выстрел — на английском, потом на хакка и кантонском, потом снова на английском.

Все вдруг умолкли.

Перед ними, безоружный и спокойный, стоял старший инспектор полиции в форме с электрическим мегафоном в руке. Он прошел во внутренний офис через заднюю дверь и теперь окидывал их взглядом.

— Сейчас три часа, — негромко произнес он на хакка. — Закон говорит, что в три часа банки закрываются. Банк закрыт. Прошу разойтись по домам! Без шума!

Снова молчание, на этот раз злое. Вал ярости рос. Кто-то угрюмо пробормотал: «А как насчет моих денег, эти его?..» Остальные чуть было не подхватили эти слова в едином крике, но полицейский двинулся быстро, очень быстро, прямо к тому человеку. Бесстрашно открыв дверцу в стойке, он направился через толпу прямо к нему. Люди расступились.

— Завтра, — мягко произнес офицер, возвышаясь над незадачливым вкладчиком. — Ты получишь свои деньги завтра. — Китаец потупился: холодный взгляд голубых рыбьих глаз и близость заморского дьявола были невыносимы. Он угрюмо отступил на шаг.

Полицейский обвел взглядом остальных, смотря всем в глаза.

— Вот ты, сзади! — произнес он тоном приказа, с той же спокойной уверенностью, мгновенно и безошибочно выбрав одного среди многих других. — Повернись и освободи дорогу остальным.

Человек послушно выполнил приказание. Неуправляемая толпа снова стала простым скопищем людей. Поколебавшись, ещё один повернулся и стал проталкиваться к двери.

— *Цзю ни ло мо*. Не могу же я торчать здесь целый день? Давайте быстрее! — мрачно процедил он.

И все стали выходить, все ещё злобно бормоча, но уже каждый сам по себе. Сун и кассиры вытерли пот со лба и, дрожа, сели в безопасной зоне за стойкой.

Главный инспектор помог дряхлой аме подняться. В уголке рта у неё была кровь.

— Вы хорошо чувствуете себя, Старая Дама? — спросил он на хакка. Ама смотрела на него непонимающим взглядом. Он повторил то же на кантонском.

— А, да... да, — хрипло ответила она, так же крепко прижимая к груди свой бумажный пакет. — Благодарю вас, Досточтимый Господин. — Она торопливо смешалась с толпой и исчезла из виду.

— Сержант!

— Да, сэр.

— Можете отпустить своих людей. Пришлите сюда наряд завтра в девять. Поставьте ограждения и запускайте этих ублюдков в банк только по трое. Вас и ещё четверых будет более чем достаточно.

— Есть, сэр, — отдал честь сержант.

Главный инспектор вернулся назад в банк. Запер входную дверь и улыбнулся управляющему Суну:

— Довольно влажно сегодня, верно? — Он говорил по-английски, чтобы не уронить достоинства Суна: все образованные китайцы в Гонконге гордились тем, что изъясняются на этом международном языке.

— Да, сэр, — нервно ответил Сун.

Вообще этот главный инспектор ему нравился, Сун даже восхищался им. Но сегодня он впервые увидел гуйлао с дурным глазом, который в одиночку встал перед толпой, как злой бог, и бросил ей вызов, чтобы она пришла в движение и дала ему повод изрыгнуть пламя и серу.

Сун снова поежился:

— Благодарю вас, главный инспектор.

— Давайте пройдем к вам в кабинет. Я возьму у вас показания.

— Да, пожалуйста. — Сун приосанился перед своим персоналом, снова беря командование на себя. — А вы подбейте итоги и наведите порядок.

Он провел главного инспектора в свой кабинет, уселся в кресло и расплылся в улыбке:

— Чаю, главный инспектор?

— Нет, благодарю вас. — Главный инспектор Дональд С. С. Смит, светловолосый, голубоглазый, с худощавым загорелым лицом, был не очень высок — пять футов десять дюймов — и хорошо сложен. Вытащив кипу бумаг, он положил их на стол. — Это счета моих людей. Завтра в девять вы закроете их и выплатите деньги. Они придут через задний ход.

— Да, конечно. Почту за честь. Но это будет урон для моей репутации, если закроется столько ценных счетов. Банк так же надежен, как и вчера, главный инспектор.

— Конечно. Тем не менее завтра в девять. Наличными, пожалуйста. — Он передал управляющему другие бумаги. И четыре сберегательные книжки. — А на это я возьму банковский чек. Сейчас.

— Но, главный инспектор, сегодня случилось нечто из ряда вон выходящее. У «Хо-Пак» нет проблем. Вы, конечно, могли бы...

— Сейчас, — мило улыбнулся Смит. — Все заявления о закрытии счетов подписаны и готовы.

Сун посмотрел на них. Все имена были китайские, но он-то знал, что это подставные лица подставных лиц этого самого человека, известного под кличкой Змея. Всего на счетах лежало почти восемьсот пятьдесят тысяч гонконгских долларов. «И это только в моем филиале, — подумал он, немало впечатлившись сообразительностью Змеи. — А сколько ещё в „Виктории“, „Блэкс“ и всех других филиалах в Абердине?»

— Очень хорошо, — устало проговорил он. — Но мне очень жаль видеть, что столь много вкладчиков покидает банк.

— Но ведь «Хо-Пак» ещё не обанкротился, верно? — снова улыбнулся Смит.

— О нет, главный инспектор, — пролепетал пораженный Сун. — По официальным данным, наши активы составляют миллиард гонконгских долларов, а резервы наличности — многие десятки миллионов. Но эти люди... тёмный народ. Это всего лишь проблема доверия. Временная проблема. Вы читали колонку мистера Хэпли в «Гардиан»?

— Да.

— Ах. — Лицо Суна потемнело. — Злобные слухи. Их распространяют завистливые тайбани и другие банки! Если Хэпли заявляет об этом, то, несомненно, так оно и есть.

— Конечно! Тем не менее я сегодня немного занят.

— Да. Конечно. Сейчас же все сделаю. Я... э-э... прочитал в газете, что вы поймали одного из этих мерзких Вервольфов.

— У нас есть подозреваемый. Член триады, мистер Сун. Лишь подозреваемый. Сун поежился:

— Дьяволы! Но вы поймаете их всех... Дьяволы, прислать уху! Должно быть, это иностранцы. Могу поспорить, что иностранцы, точно. Вот, сэр, я выписал чеки...

В дверь постучали. Вошедший капрал отдал честь.

— Прошу прощения, сэр, на улице банковский грузовик. Говорят, что из головного офиса «Хо-Пак».

— Аййя, — произнес Сун с огромным облегчением, — и вовремя. Они обещали доставку в два. Это прибыли деньги.

— И сколько? — спросил Смит.

— Полмиллиона, — тут же ответил капрал, невысокий, смышленный, с бегающими глазками, передавая документы.

— Прекрасно, — одобрил Смит. — Ну, мистер Сун, теперь вам будет легче, верно?

— Да-да, конечно. — Увидев, что оба полицейских смотрят на него, Сун тут же с чувством добавил: — Если бы не вы и ваши люди... С вашего разрешения я сейчас же позвоню мистеру Ричарду Квану. Уверен, что он, как и я, сочтет за честь сделать в знак благодарности скромный добровольный взнос в ваш полицейский фонд.

— Очень любезно с вашей стороны, мистер Сун, но в этом нет необходимости.

— Но если вы откажетесь, для меня это будет страшная потеря лица, главный инспектор.

— Вы очень любезны, — произнес Смит, прекрасно понимая, что если бы не он и не его люди на улице, Суна, кассиров и многих других уже не было бы в живых. — Благодарю вас, но в этом нет необходимости. — Он взял банковские чеки и вышел.

Мистер Сун стал упрашивать капрала, который в конце концов позвал своего начальника. Главный сержант Мок также отказался.

— Умножить на двадцать тысяч, — сказал он при этом.

Однако мистер Сун настаивал. Он знал, что делает. Ричарду Квану было тоже очень приятно и очень лестно одобрить этот дар, о котором никто не просил. Двадцать тысяч гонконгских долларов. С выплатой наличными.

— С величайшей признательностью от банка, Главный Сержант Мок.

— Благодарю вас, Досточтимый Управляющий Сун, — вежливо сказал Мок, кладя деньги в карман. Он был доволен работой на участке Змеи и поражен тем, насколько точно тот установил рыночную цену их послеполуденной работы. — Надеюсь, ваш великий банк останется платежеспособным и переживет эту бурю с обычной стойкостью. Завтра, конечно, будет больше порядка. Мы придем сюда за нашими деньгами утром, ровно в девять...

Старая ама по-прежнему сидела на скамье у стенки гавани, переводя дыхание. Болели ребра. «Но они болят всегда, — устало думала А Там. — Джосс». Она уже собралась вставать, когда к ней подскочил какой-то молодчик.

— Садись, Старая Женщина, я хочу поговорить с тобой. — Ему был двадцать один год, низкорослый и кряжистый, лицо в оспинках. — Что у тебя в пакете?

— Что? В каком пакете?

— В бумажном пакете, который ты прижимаешь к своим вонючим старым

тряпкам.

— Это? Ничего, Досточтимый Господин. Это лишь мои скудные покупки, которые...

Он присел на скамейку рядом, придвинулся поближе и прошипел:

— Замолчи, Старая Карга! Я видел, как ты вышла из этого, ети его, банка. Сколько у тебя там?

Старуха отчаянно цеплялась за пакет, закрыв от ужаса глаза и хватая ртом воздух:

— Это все мои сбережения, Досто... Он вырвал у неё пакет и открыл.

— Айийя! — Банкноты были старые. — Триста двадцать три доллара! — с презрением воскликнул он, пересчитав купюры. — У кого ты ама — у нищего? Немногого же ты добилаcь в этой жизни.

— О да, вы правы, Господин! — согласилась она, не спуская с него маленьких черных глаз.

— Мой сян ю — двадцать процентов, — объявил он, отсчитывая купюры.

— Но, Досточтимый Господин, — тут же взвизгнула она, — двадцать это слишком много, но я почту за честь, если вы примете пять с благодарностью от бедной старой женщины.

— Пятнадцать.

— Шесть!

— Десять, и это мое последнее предложение. Не целый же день мне ждать!

— Но, сэр, вы такой молодой и сильный, ясное дело — 489. Сильные должны защищать старых и слабых.

— Верно, верно. — Он задумался, желая поступить по справедливости. — Хорошо, семь процентов.

— О, как вы щедры, сэр. Благодарю, благодарю вас. — Довольная, она смотрела, как он отмусоливает двадцать два доллара, потом лезет в карман джинсов и отсчитывает шестьдесят один цент. — Вот. — Он вернул сдачу и остаток её денег.

Она рассыпалась перед ним в благодарностях, довольная тем, как ловко сумела сторговаться. «Клянусь всеми богами, — возбужденно думала она, — семь процентов вместо, ну, по меньшей мере пятнадцати, это справедливо».

— У вас тоже лежат деньги в «Хо-Пак», Досточтимый Господин? — вежливо осведомилась она.

— Конечно, — важно произнес молодчик, словно так оно и было. — Счет моего Братства там уже многие годы. У нас... — Он умножил на два первое, что ему пришло в голову. — У нас больше двадцати пяти тысяч только в этом филиале.

— И-и-и, — застонала старуха. — Такой богатый! Я как только вас увидела, сразу поняла, что вы из 14К... и, конечно, Досточтимый 489.

— Бери выше, — туг же гордо заявил юнец, исполнившись бравადы. — Я... — Он осекся, вспомнив призыв вожака вести себя осторожнее, и потому не сказал: «Я — Цзинь Сопмин, Рябой Цзинь, один из четырех знаменитых Вервольфов». — Беги, старуха, — велел он, устав от неё. — У меня есть дела поважнее, чем болтать с тобой.

Она встала, поклонилась, и тут её старые глаза углядели человека, который стоял в очереди перед ней. Этот человек, кантонец, как и она, толстый лавочник, держал, по её сведениям, ларек с птицей на одном из многолюдных рынков Абердина.

— Да, — хрипло проговорила она, — если вам нужен ещё клиент, я вижу одного, с кем легко сладить. Он стоял в очереди передо мной. Снял больше восьми тысяч.

— О, где? Где он? — тут же оживился молодчик.

— За долю в пятнадцать процентов?

— Семь, и больше никаких. Семь!

— Хорошо. Семь. Смотри, вон там! — прошептала она. — Вон тот жирный, пухлый, как мандарин, в белой рубашке. Вон, весь в поту, будто только что наслаждался «тучками и дождем»!

— Вижу.

Молодчик встал и быстро пошёл наперехват. Он догнал жертву на углу. Торговец застыл, поторговался немного, уплатил шестнадцать процентов и поспешил прочь, благословляя свою сообразительность. А молодчик вприпрыжку вернулся к ама.

— Вот, Старая Женщина. У этого блудодея было восемь тысяч сто шестьдесят два доллара. Шестнадцать процентов от этого...

— Тысяча триста пять, а мои семь процентов от этой суммы — девяносто один доллар сорок один цент, — тут же подсчитала она.

Ровно столько он ей и выплатил, и она согласилась прийти завтра, чтобы поработать для него наводчицей.

— Как тебя зовут?

— А Су, Господин, — солгала она, не долго думая. — А вас?

— Мо Уфан, — назвал он имя приятеля.

— До завтра, — попрощалась довольная старуха. Снова поблагодарив его, она заковыляла прочь в восторге от сегодняшней прибыли.

Его прибыль тоже оказалась неплохой. Теперь у него в карманах лежало три тысячи, а утром хватало лишь на автобус. И все по воле случая, потому что он приехал в Абердин из Глессингз-Пойнт, чтобы отправить по почте очередную записку о выкупе Благородному Дому Чэнь.

— Это для безопасности, — сказал его отец, который был у них главным. — Чтобы навести эту, ети её, полицию на ложный след.

— Но денег-то мы так не получим, — недовольно возразил он тогда. — Как нам представить этого, ети его, сына, если он мертв и закопан? Вы стали бы платить без доказательств, что он жив? Конечно нет! Зачем нужно было бить его лопатой?

— Но этот тип пытался сбежать! — воскликнул его брат.

— Верно, Младший Брат. Но первым ударом ты его не убил, а только слегка свернул ему голову набок. На этом надо было и остановиться!

— Я так и хотел сделать, но злые духи обуюли меня, и я снова его ударил. Всего-то четыре раза! И-и-и, какие мягкие черепа у этих высокорожденных!

— Да, ты прав, — вздохнул его отец, маленький, лысый, со множеством золотых зубов. Звали его Цзинь Миньта — Плешивый Цзинь. — *Цзю ни ло мо*, что сделано, то сделано, и нечего поминать об этом. Джосс. Сам виноват, что пытался бежать! Видел утренний выпуск «Таймс»?

— Нет ещё, Отец.

— Так вот, сейчас прочитаю: «Начальник полиции заявил сегодня, что арестован член триады, подозреваемый в том, что он — один из Вервольфов, опасной банды, похитившей Джона Чэня. Власти надеются, что дело может быть раскрыто в любой момент».

Все рассмеялись — и он, и его младший брат, и отец, и его очень хороший друг, Чэнь Собачье Ухо — Чэнь Паньбо. Они-то знали, что все это вранье. Никто из них не то что не был членом триад, но даже не поддерживал с ними связи, никого ещё не задерживали как преступника, хотя у них было собственное Братство и отец время от времени организовывал в Норт-Пойнт¹²⁰ небольшой игорный синдикат. Именно

¹²⁰ Норт-Пойнт — район в северной части острова Гонконг. В нем живут, главным образом, выходцы из Шанхая и провинции Фуцзянь, поэтому его называют «маленький гонконгский Шанхай (Фуцзянь)».

отец предложил совершить похищение. «И-и-и, очень неплохая была мысль», — думал он, вспоминая об этом. А когда Джон Чэнь нарвался и его убили, потому что он, как дурак, пытался бежать, именно отец предложил отрезать ухо и послать семью:

— Мы обратим его плохой джосс в нашу пользу. «Убей одного, чтобы запугать десять тысяч!» Если мы пошлем ухо, то запугаем весь Гонконг и станем знаменитыми и богатыми!

«Да, — думал Рябой Цзинь, сидя на солнышке в Абердине. — Но мы своего богатства ещё не заработали». Сегодня утром он сказал отцу:

— Я не против того, чтобы тащиться туда и отправить письмо, Отец. Это разумно, так бы и приказал сделать Хэмфри Богарт¹²¹. Но все же я считаю, что никакого выкупа нам от этого не видать.

— Ничего страшного, слушай! У меня есть новый план, достойный самого Аль Капоне. Мы ждем несколько дней. Потом звоним Благородному Дому Чэнь. Если тут же не получаем денег, то похищаем самого компрадора! Самого Великого Скрыгу Чэня!

Все уставились на отца в восхищении.

— Да, и как вы считаете, неужели он не заплатит, увидев ухо сына? Мы, конечно, скажем ему, что это ухо его сына... Может, даже труп выкопаем и покажем, хейя?

Рябой Цзинь расплылся в улыбке, вспомнив, как все фыркали от смеха. О, как они смеялись, держась за животы и чуть не катаясь по полу съемной квартирки.

— А теперь к делу. Чэнь Собачье Ухо, нам снова нужен твой совет. Чэнь Собачье Ухо приходился Джону Чэню дальним родственником и был управляющим одной из многочисленных компаний дома Чэнь.

— Твоя информация о сыне оказалась отличной. Может, расскажешь нам и о передвижениях отца?

— Конечно, Досточтимый Предводитель, запросто, — сказал Чэнь Собачье Ухо. — Он любит, чтобы все шло, как раз и навсегда заведено, и напугать его легче легкого. А его тайтай — айийя, эта сладкоречивая шлюха знает, на какой стороне кровати спать! Она очень быстро заплатит, чтобы выволить его. Да, я уверен, теперь он будет очень сговорчивым. Но просить нужно вдвое больше суммы, на которую мы согласимся, потому что он большой мастер поторговаться. Я проработал на этот, ети его, дом Чэнь всю жизнь, так что знаю, какой он скрыга.

— Замечательно. Тогда, клянусь всеми богами, мы похищаем самого главу Благородного Дома Чэнь! Когда и как?

20

16:01

Сэра Дунстана Барра проводили в офис Ричарда Квана с почтением, которое он принял как должное. Хо-Пак-билдинг, скромное здание без особых претензий, располагалось рядом с Айс-Хаус-стрит, в Сентрал. Внутренние помещения небольшие, заставленные и невыразительные: как и большинство китайских офисов, это место обустраивалось для работы, а не для показухи. Часто один офис делили два-три человека, которые занимались двумя-тремя различными направлениями, и на всех приходился один телефон и одна секретарша. «А почему нет?» — сказал бы мудрый. Сократи на треть накладные расходы, и получишь больше прибыли при той же численности персонала.

Но свой кабинет Ричард Кван не делил ни с кем. Он понимал, что это не вызовет

¹²¹ Хэмфри Богарт (1899-1957) — знаменитый американский киноактер, блиставший в гангстерских фильмах.

одобрения у его клиентов-гуйлао, и, хотя таковых набиралось немного, каждый имел большой вес для банка и для него самого. Гуйлао работали на его репутацию и открывали доступ к весьма необходимым и весьма важным благам. Таким, например, как избрание голосующим членом Скакового клуба, куда допускали немногих избранных, или членство в гонконгском Гольф-клубе либо Крикет-клубе, — или даже в самом Клубе как таковом, — или в любом другом из не столь значительных, но столь же закрытых для простых смертных клубов, где заправляют англичане — тайбани великих хонгов и где делается действительно большой бизнес.

— Привет, Дунстан, — радушно сказал он. — Как дела?

— Отлично. А у тебя?

— Очень хорошо. Сегодня утром моя лошадь прекрасно показала себя на разминке.

— Да. Я тоже был на ипподроме.

— О, а я тебя не заметил!

— Так, заскочил на пару минут. У моего жеребца поднялась температура, так что, может, придется снять его с бегов в субботу. А вот Баттерскотч Лэсс шла утром как настоящий фляер.

— Она почти побила рекорд этой дорожки. В субботу она действительно покажет, на что способна.

Барр хохотнул:

— Встретимся перед самым началом скачек, и тогда ты сможешь рассказать мне, что и как. Никогда нельзя доверять тренерам и жокеям — твоим, моим или чьим-нибудь ещё.

Они ещё поговорили о всяких пустяках, а потом Барр перешел к делу. Ричард Кван постарался скрыть замешательство.

— Закрывать все ваши корпоративные счета?

— Да, старина. Сегодня. Извини и все такое, но мой совет директоров считает, что это имеет смысл, пока вы не опра...

— Но ведь ты, конечно, не считаешь, будто нам что-то угрожает? — усмехнулся Ричард Кван. — Разве ты не читал статью Хэпли в «Гардиан»? «Злобные выдумки, которые распространяют некоторые тайбани и один крупный банк...»

— О да, читал. Я бы сказал, что это бредни. Просто смешно! Распространять слухи? Кому это нужно? Хм, сегодня утром я говорил и с Полом Хэвегиллом, и с Сазерби. По их мнению, Хэпли на сей раз лучше подумать, прежде чем вешать на них всех собак, или они подадут на него в суд за клевету. Этого молодого человека следует хорошенько выпороть! Во всяком случае... сейчас я хотел бы получить банковский чек — прошу прощения, но ты же знаешь, что такое совет директоров.

— Да-да, сделаю. — Ричард Кван продолжал улыбаться, но в душе возненавидел этого большого краснощекого человека с новой силой. Он понимал, что совет директоров тут ни при чем: все решает сам Барр. — У нас никаких проблем нет. Активы банка достигают миллиарда долларов. А что касается ажиотажа в абердинском филиале, то всему виной подозрительность суеверных местных жителей.

— Да, знаю, — произнес Барр, внимательно глядя на него. — Я слышал, что сегодня у вас возникли проблемы и с филиалом в Монкоке, а также Цимшацуре, Шатине на Новых Территориях, даже, господи прости, на Ланьдао. — Остров Ланьдао, лежащий в милях шести к востоку от Гонконга, — самый крупный в архипелаге из почти трехсот островов, которые составляют территорию колонии, но он мало населен, потому что там нет воды.

— Несколько клиентов забрали свои сбережения, — с издевкой проговорил Ричард Кван. — Было о чем беспокоиться.

Но беспокоиться было о чем. Он прекрасно знал об этом и боялся, что знают все.

Все началось с Абердина. Потом стали звонить другие управляющие. Тревога нарастала. По всей колонии у банка было восемнадцать филиалов. В четырех наличные снимали в больших размерах и непонятно почему. Сразу после полудня образовалась очередь в Монкоке, беспокойном, как улей, районе многолюдного Коулуна. Все клиенты забирали деньги полностью. Отток не принимал таких ужасающих масштабов, как в Абердине, но достаточно четко указывал на снижение доверия. Жители плавучих поселений могли последовать примеру Четырехпалого У, когда разнюхали, что тот обнулil свой счет. Тут все понятно. Ну а Монкок? Что переполошило тамошних вкладчиков? Или клиентов с Ланьдао? Почему паника вспыхнула в Цимшацуе, в самом прибыльном филиале, расположенном неподалеку от многолюдного терминала «Голден ферриз», через который ежедневно проходят сто пятьдесят тысяч человек, направляющихся в Гонконг и из него?

Не иначе это заговор!

«Стоит ли за этим мой враг и архисоперник Улыбчивый Цзин? Или эти блудодеи, эти, эти их, завистники из „Блэкс" и „Виктории"?

Руководит ли этой атакой Тонкая Трубочка Дерьма Хэвегилл? Или это Комптон Сазерби из „Блэкс"? Он меня всегда терпеть не мог. Конечно, как банкир я на голову выше их, и они мне завидуют, но я веду бизнес с цивилизованными людьми, и их это почти не затрагивает. В чем дело? Или как-то вышло наружу, что под давлением партнеров, контролирующих банк, я брал дешевые краткосрочные кредиты и предоставлял дорогие долгосрочные займы по сделкам с недвижимостью, а теперь из-за их глупости мы временно перебрали с кредитами и не можем выдержать оттока средств?»

Ричарду Квану хотелось вопить и рвать на себе волосы. Его тайными партнерами были Ландо Мата и Прижимистый Дун, основные акционеры игорного и золотого синдикатов из Макао, а также Контрабандист Мо, который десять лет назад помог создать «Хо-Пак» и финансировать его.

— Ты читал сегодня утром предсказания Старого Слепца Дуна? — спросил он, по-прежнему улыбаясь.

— Нет. А что он говорит?

Ричард Кван нашел газету и передал её собеседнику.

— Все говорит о том, что мы готовы к буму. Везде на небесах счастливое число восемь, сейчас восьмой месяц, а мой день рождения приходится на восьмое число восьмого месяца...

Барр прочитал колонку. В предсказателей он не верил, но в Азии прожил слишком долго, чтобы совсем отмахиваться от них. Сердце его забилось быстрее. Старый Слепец Дун пользовался высокой репутацией в Гонконге.

— Если верить ему, мы накануне величайшего бума в мировой истории.

— Обычно он более чем осторожен. Аййя, вот было бы здорово, хейя?

— Больше чем здорово. Ну а пока, Ричард, старина, давай закончим наше дело, ладно?

— Конечно. Все это — буря в стакане воды, тайфун в устричной раковине, Дунстан. Мы сильны как никогда — наши акции не упали ни на пункт. — Когда утром открылись торги на бирже, появилась масса предложений продать небольшое количество акций «Хо-Пак», и если бы не последовало мгновенной реакции, их курс тут же рухнул бы. Ричард Кван немедленно скомандовал своим брокерам покупать и покупать. Это выровняло курс. В течение дня, чтобы удержать это положение, пришлось купить почти пять миллионов акций — неслыханный объем операций за один день. Никому из экспертов так и не удалось определить, кто продает по-крупному. Причиной потери доверия могло стать лишь изъятие средств Четырехпалым У. «Да падет проклятие богов на этого старого черта и его чересчур, эти его, умного племянника, этого гарвардского выпускника!»

— Почему бы не...

Зазвонил телефон. Ричард Кван извинился, а потом резко бросил в трубку:

— Я же просил не беспокоить!

— Это мистер Хэпли из «Гардиан», — сказала секретарша, его племянница по жене Мэри Йок. — Он говорит, что это важно. И ещё звонила секретарь Тайбаня. Собрание совета директоров «Нельсон трейдинг» переносится на пять часов сегодня. Звонил мистер Мата, который сказал, что тоже будет.

Сердце Ричарда Квана замерло. «В чем дело? — ошеломленно вопрошал он. — *Цзю ни ло мо*, ведь предполагалось, что собрание откладывается на следующую неделю. О-хо, в чем дело?» Он тут же отставил этот вопрос и стал прикидывать насчет Хэпли. «Отвечать на его вопросы в присутствии Барра слишком опасно».

— Я перезвоню ему через несколько минут. — Он улыбнулся сидящему перед ним краснолицему человеку. — Отложи все это на пару дней, Дунстан, у нас никаких проблем.

— Не могу, старина. Извини. Было специальное собрание, нужно решить этот вопрос сегодня. Совет директоров настаивает.

— В прошлом мы не поскупились — у вас сейчас не обеспечено сорок миллионов наших средств — и выделили ещё семьдесят миллионов на совместное предприятие для реализации вашей новой программы по строительству.

— Да, это действительно так, Ричард, и ваша прибыль будет значительной. Но это другой вопрос, переговоры по этим займам велись с самыми искренними намерениями много месяцев назад, и займы будут добросовестно возвращены в срок. Мы ни разу не отказывались от платежей ни «Хо-Пак», ни кому-либо ещё. — Барр вернул газету, а вместе с ней передал подписанные документы с печатью его компании. — Счета консолидированы, поэтому одного чека будет достаточно.

Сумма превышала девять с половиной миллионов.

Ричард Кван подписал банковский чек, с улыбкой проводил сэра Дунстана Барра до машины, а потом отвел душу, изругав всех, кто попался ему на глаза, и прошел к себе в кабинет, с треском захлопнув за собой дверь. Он лягнул стол, потом взял трубку, наорал на племянницу, потребовав, чтобы она соединила его с Хэпли, и чуть не расколотил телефон, швырнув трубку на аппарат.

— *Цзю ни ло мо* на всех этих мерзких гуйлао! — крикнул он в потолок и почувствовал себя значительно лучше. «Эта падаль собачья! Интересно... о, интересно, смогу ли я уговорить Змею, чтобы он разогнал завтра очереди вообще? Может, он и его люди сломают пару-другую рук?»

С мрачным видом Ричард Кван предавался размышлениям. Паршивый день. Не задался с самого начала, ещё на ипподроме. Ричард Кван был уверен, что тренер — или жокей — подкармливает Баттерскотч Лэсс какими-то стимуляторами, чтобы лошадь бежала быстрее и сократила отставание — теперь она уже в фаворитах. А все для того, чтобы в субботу, не дав пилюли, поддержать какого-нибудь аутсайдера и нажиться в доле с теми, кто делает на этом деньги. «Грязные собачьи кости — вот кто они все! Лгуны! Они что, думают, я приобрел скаковую лошадь, чтобы оставаться в убытке?»

Банкир отхаркнулся и сплюнул в плевательницу.

«Этот Барр со своими гнилыми речами, и эта собачья кость Дядюшка У! С активами этих двух клиентов уходит большая часть моей наличности. Ничего, с Ландо Матой, Контрабандистом Мо, Прижимистым Дуном и Тайбанем я в полной безопасности. О, придется и вопить, и ругаться, и рыдать, но на самом деле ничто не может нанести вреда ни мне, ни „Хо-Пак“. Я для них слишком важен.

Да, паршивый день сегодня. Единственный светлый момент — встреча с Кейси утром».

Кван с таким удовольствием разглядывал её, наслаждался ею — приятно

пахнувшей, сообразительной и напористой американкой из великого внешнего мира. Они приятно поболтали о финансировании, и он исполнился уверенности, что ему отломится жирный кусок — обслуживание всего их бизнеса или его части, что уж наверняка. Ясно, что прибыли ожидаются огромные. Её знание банковского дела и финансов впечатляют, но что касается азиатского мира — ноль! Спасибо всем богам за американцев.

«Мне нравится Америка, мисс Кейси. Да. Дважды в год езжу туда, чтобы съесть хороший бифштекс, побывать в Лас-Вегасе — и заниматься делами, конечно».

«И-и-и, — с удовольствием вспоминал он. — Шлюхи Золотой Страны — самые лучшие и самые доступные гуйлао во всем мире, а гуйлао такие дешевые по сравнению с гонконгскими девицами! О-хо-хо! Так славно было иметь дело с ними: пахнущие дезодорантом подмышки, шикарные груди, ляжки и задницы. Но лучше, чем в Вегасе, нет нигде. Помнишь ту золотоволосую красотку: выше меня ростом, а как легла...»

Зазвонил его личный телефон. Он поднял трубку, как всегда раздраженный тем, что пришлось установить его. Но выбора не было. Работавшая у него много лет секретарша вышла замуж и уволилась, а жена прочно усадила на её место свою любимую племянницу. «Конечно же, чтобы шпионить за мной, — мрачно думал он. — И-и-и, ну куда деваться мужчине?»

— Да? — ответил он, гадая, что нужно жене теперь.

— Ты не звонил мне целый день... Я жду уже столько часов!

Сердце екнуло при звуке этого голоса: вот уж никак не ожидал услышать его. Раздражение мигом улеглось. Как сладко она говорит на кантонском, как сладки её «нефритовые врата»!

— Послушай, Маленькое Сокровище, — примирительным тоном заговорил он. — Твой бедный Батюшка был очень занят сегодня. У меня...

— Тебе просто больше не нужна твоя бедная Дочка. Придется мне утопиться или найти другого, кто бы нежно любил меня, о-о-о...

У него даже давление подскочило, когда он услышал плач.

— Послушай, Сладкоречивая Малышка, встретимся сегодня вечером, в десять. Закатим пир из восьми блюд в Ваньчае, в моем люб...

— В десять слишком поздно. И я не хочу никакого пира — я хочу бифштекс, я хочу пойти в пентхаус в «Ви энд Эй» и пить шампанское!

Он застонал про себя: там его могут увидеть и донести тайтай. О-хо-хо! Но зато как он возвысится в глазах друзей и врагов, всего Гонконга, появившись в «Ви энд Эй» со своей новой любовницей Венерой Пань, молодой восходящей звездой телевизионного небосклона, которая была не прочь продемонстрировать свои прелести.

— В десять я позвоню...

— В десять слишком поздно. В девять!

Он попытался быстро перебрать в уме все договоренности на сегодняшний вечер.

— Послушай, Маленькое Сокровище, я...

— В десять слишком поздно. В девять. Думаю, теперь я умру, потому что тебе уже все равно.

— Послушай. У твоего Батюшки назначены три встречи, и я...

— О, у меня даже голова разболелась! Я тебе больше не нужна, о-о-о... Этому жалкому существу придется вскрыть себе вены, или... — Он заметил, как изменился её голос, и внутри все перевернулось от этой угрозы. — Или снизойти до других, не таких значительных, как её досточтимый Батюшка, но таких же богатых и...

— Хорошо, Маленькое Сокровище. В девять!

— О, ты действительно love меня, да?! — Венера Пань говорила на кантонском,

но это слово произнесла по-английски, и его сердце екнуло. Для современных китайцев английский стал языком любви: в их родном языке романтических слов не было. — Скажи мне! — потребовала она. — Скажи, что ты love меня!

Он смиренно исполнил приказание и положил трубку. «Маленькая сладкоречивая шлюха, — с раздражением думал он. — Ну что ж, в свои девятнадцать она имеет право быть требовательной, и вздорной, и упрямой с тем, кому почти шестьдесят. Ведь с ней ты чувствуешь себя двадцатилетним, твой царственный ян блаженствует. И-и-и, а ведь Венера Пань — это лучшее из того, что у меня когда-либо было. Дорогое удовольствие, но, и-и-и, о таких мускулах в „золотой лощинке“, как у неё, писал легендарный император Хуан!»¹²²

Его мужское естество шевельнулось, и он с наслаждением почесался.

«Ух и задам я этой шлюхе сегодня! Куплю дополнительное приспособление особо большого размера, колечко с колокольчиками. О-хо-хо! Будет извиваться у меня как змея!

Да, а пока подумаем насчет завтра. Как подготовиться к завтрашнему дню?

Позвони своему знакомому Великому Дракону, Главному Сержанту Тан-по в Цимшацуй и заручись его помощью. Пусть его люди проследят за тамошним филиалом и всеми филиалами в Коулуне. Позвони в „Блэкс“, и Родственнику Дуну из огромного банка „Дун-По“, и Родственнику Улыбчивому Цзину, и Хэвегиллу, чтобы договориться о дополнительной наличности против ценных бумаг и акций „Хо-Пак“. Ах да! Позвони своему очень хорошему другу Джо Джэкобсону, вице-президенту „Чикаго федерэл энд интернэшнл мерчант бэнк“ — у его банка активов на четыре миллиарда, и он тебе очень многим обязан. Очень многим. Их ведь так много, тех, кто в большом долгу перед тобой, — и гуйлао, и цивилизованных людей. Звони всем!»

Ричард Кван вдруг резко вышел из мечтательного состояния, вспомнив о звонке Тайбаня. Внутри все сжалось. «Вклады „Нельсон трейдинг“ — золото в слитках и наличные — просто огромны. О-хо, если „Нельс...“»

Раздраженно звякнул телефон.

— Дядя, мистер Хэпли на линии.

— Привет, мистер Хэпли, как приятно поговорить с вами. Прошу прощения, раньше был занят.

— Ничего, мистер Кван. Я лишь хотел, с вашего позволения, уточнить пару фактов. Первое, беспорядки в Абердине. Полиция...

— Ну, это вряд ли можно назвать беспорядками, мистер Хэпли. Несколько шумливых, нетерпеливых людей, вот и всё. — Ему был противен и канадско-американский акцент Хэпли, и необходимость быть вежливым.

— Я сейчас смотрю на фотографии, мистер Кван. Те, что помещены в сегодняшнем дневном выпуске «Таймс». Это действительно выглядит как беспорядки.

Банкир заворочался в кресле, стараясь изо всех сил, чтобы голос звучал спокойно.

— О-о... ну, меня там не было, так что... Мне нужно поговорить с мистером Суном.

— Я уже говорил с ним, мистер Кван. В пятнадцать тридцать. Потратил на него целых полчаса. По его словам, если бы не полиция, толпа разнесла бы все. — Последовала небольшая пауза. — У вас есть причины приуменьшать масштабы происходящего. Но видите ли, я пытаюсь помочь и не смогу этого сделать, если не буду располагать определенными фактами, так что, может, вы будете откровенны со

¹²² Хуан-ди — один из пяти легендарных императоров. Правил якобы в 2698-2598 гг. до н. э. Кроме прочего ему приписывается изобретение принципов традиционной китайской медицины.

мной?.. Сколько людей сняли вклады на Ланьдао?

— Восемнадцать. — Ричард Кван уменьшил действительную цифру вдвое.

— А наш человек сказал, что тридцать шесть. А в Шатине — восемьдесят два. Как насчет Монкока?

— Совсем немного.

— По сведениям моего человека, сорок восемь, и ещё добрая сотня осталась после закрытия. Ну, а в Цимшацуе?

— У меня ещё нет сведений, мистер Хэпли, — уклонился от ответа Ричард Кван, снедаемый беспокойством. Он еле терпел эти сыплющиеся один за другим вопросы.

— Во всех вечерних выпусках полно материалов об оттоке вкладчиков из «Хо-Пак». Некоторые даже так это и называют.

— О-хо...

— Да-да. Я бы сказал, вам лучше подготовиться к тому, что завтра будет действительно жаркий денек. Такое впечатление, что ваши противники очень хорошо организованы. Все слишком точно рассчитано, чтобы считать это совпадением.

— Я, конечно, весьма признателен вам за проявленный интерес, — проговорил Ричард Кван. И деликатно добавил: — Может, я могу быть чем-то полезен?..

Снова раздражающий смешок.

— Снимал ли сегодня деньги кто-нибудь из крупных вкладчиков? Ричард Кван поколебался долю секунды, и Хэпли тут же ринулся в этот пролом:

— Я, конечно, знаю про Четырехпалого У. Я имею в виду большие английские хонги.

— Нет, мистер Хэпли, ещё нет.

— Ходят устойчивые слухи, что компания «Гонконг энд Ланьдао фармз» собирается перевести свои капиталы в другой банк.

Эта колкость отозвалась у Ричарда Квана прямо в «потайном мешочке».

— Будем надеяться, что это неправда, мистер Хэпли. Кто эти тайбани? И что за крупный банк или банки? Это «Виктория» или «Блэкс»?

— Возможно, это один из китайских банков. Прошу прощения, но я не могу раскрывать источник сведений. Но вам лучше подготовиться: уж очень, черт возьми, четкое создается впечатление, что большие парни нацелились на вас.

21

16:25

— Они не спят вместе, тайбань, — произнесла Клаудиа Чэнь.

— Что? — Данросс рассеянно поднял взгляд от кипы бумаг, которые просматривал.

— Не спят. Во всяком случае, не спали прошлой ночью.

— Кто?

— Бартлетт и ваша Сиранушечка. Данросс прекратил работу.

— Вот как?

— Да. Спят в отдельных комнатах, на разных кроватях, завтракают вместе в главной комнате — пристойно одетые, что интересно, потому что и тот, и другая ложатся в постель без одежды.

— Без одежды?

— Да. Во всяком случае, так было вчера вечером.

Данросс ухмыльнулся, и она порадовалась, что доставила ему удовольствие. За весь день он первый раз по-настоящему улыбнулся. С тех пор как она приехала в восемь утра, он работал будто одержимый, то и дело отлучаясь: в полицию, к Филлипу Чэню, к губернатору, два раза в банк, один раз в пентхаус, чтобы переговорить с каким-то человеком, которого она не знала. Ни минуты на ланч, а

ведь, как доложил ей привратник, приехал тайбань на рассвете.

Она видела, какое бремя легло на него сегодня, бремя, под которым все тайбани рано или поздно сгибались — а иногда и падали. Она была свидетельницей того, как плохой джосс, одна неудача за другой — огромный ущерб в судоходстве в годы войны, катастрофическая потеря Гонконга, гибель сыновей и племянников — подкосили отца Иэна. А добила его утрата континентального Китая. На её глазах события вокруг Суэца надломили Аластэра Струана, который так и не оправился от поражения. Невезение преследовало Аластэра, пока его не доконал организованный Горнтом обвал акций «Струанз».

«Какое это, должно быть, ужасное напряжение, — думала она. — Беспокоиться обо всех наших людях и нашем доме. Тревожиться из-за всех наших врагов, всех непредвиденных катаклизмов — и природных, и вызванных человеческой волей, — которые, похоже, никогда не кончатся. Помнить обо всех преступлениях, беззакониях и дьявольских выдумках прошлого, которые того и гляди вырвутся из нашего родового ящика Пандоры, как это и случалось прежде время от времени. Жаль, что тайбани не китайцы. Тогда грехи прошлого были бы значительно легче».

— А почему вы так уверены, Клаудиа?

— Ни у того, ни у другого нет пижамы или ночной рубашки, какие показывают в кино, — просияла она довольной улыбкой.

— Откуда это вам известно?

— Умоляю, тайбань, не могу же я раскрывать свои источники!

— А что ещё вам известно?

— Ах! — вздохнула она и тут же сменила тему разговора: — Собрание совета директоров «Нельсон трейдинг» начинается через полчаса. Вы просили напомнить. Можете уделить мне несколько минут до него?

— Да. Через четверть часа. И все же, — добавил он с категоричностью, которая была ей знакома слишком хорошо. — Что ещё вам известно?

Она вздохнула, а потом с важным видом справилась в своих записях.

— Замужем она не была. О, множество ухажеров, но все ненадолго, тайбань. Вообще-то, по слухам, никто не...

Брови Данросса взметнулись вверх.

— Вы хотите сказать, что она девственница?

— О, насчет этого мы не совсем уверены. Известно лишь, что она никогда не задерживалась допоздна с каким-либо джентльменом и не оставалась на ночь. Нет. Единственный джентльмен, с которым она появляется на людях, — мистер Бартлетт, и это случается не часто. За исключением деловых поездок. Он, кстати, тайбань, очень даже переменчив — ходок. Вот даже какое слово употреблено. Ни одной дамы...

— Употреблено кем?

— Ах! У мистера «Красавчика» Бартлетта нет постоянной подруги, тайбань. Ничего серьезного, как говорится. Он развелся в пятьдесят шестом — как раз когда ваша Сиранушечка стала работать в его фирме.

— Она не моя Сирануш.

Клаудиа ещё шире расплылась в улыбке:

— Ей двадцать шесть. Она — Стрелец.

— Кто-то стянул у неё паспорт — или подглядывал?

— Господи боже мой, нет, тайбань. — Клаудиа сделала вид, что шокирована. — Я за людьми не шпионю. Я лишь задаю вопросы. Но могу поспорить на сотню, что было время, когда она и мистер Бартлетт... Ну, вы понимаете.

— Что тут спорить? Я бы удивился, узнав, что это не так. Он, несомненно, влюблен в неё, а она — в него. Вы же видели, как они танцевали. Какие могут быть споры?

Вокруг глаз у неё собралась сеточка морщин.

— Ну, а если они никогда не были любовниками, какая будет ваша ставка?

— Как? Что ещё там у вас? — подозрительно спросил он.

— Ставка, тайбань?

Он пристально посмотрел на неё.

— Тысяча против... Даю вам десять против одного.

— Принято! Сотня. Благодарю вас, тайбань. Ну так что насчет «Нельсон»...

— И все же откуда у вас вся эта информация? А?

Из бумаг, которые у неё были с собой, Клаудиа вытащила телекс. Остальные положила в ящик «Входящие».

— Позавчера вечером вы отправляли телекс нашим людям в Нью-Йорке с просьбой прислать информацию о ней и перепроверить досье Бартлетта. Ответ только что пришел.

Он взял в руки телекс и внимательно просмотрел его. Читал он очень быстро, а память у него была почти что фотографическая. В телексе содержалась информация, пересказанная Клаудией, только без прикрас и цветистых интерпретаций, а также говорилось, что Кейси Чолок на учете в полиции, насколько известно, не состоит, что у неё сорок шесть тысяч долларов на сберегательном счете в Банке сбережений и кредитов Сан-Фернандо и восемь тысяч семьсот долларов на текущем счете в Банке Лос-Анджелеса и Калифорнии.

— Поразительно, как легко в Штатах выяснить, сколько у тебя денег в банке, верно, Клаудиа?

— Поразительно. Я бы никогда не хранила деньги в банке, тайбань. Он ухмыльнулся:

— А только занимали бы там! Клаудиа, в следующий раз просто передавайте мне телекс, и всё.

— Хорошо, тайбань. А разве в моей подаче некоторые вещи не становятся более захватывающими?

— Становятся. Но где здесь говорится о наготе? Вы это придумали!

— О нет, это из моего здешнего источника. Третья Горнич... — Клаудиа осеклась, но слишком поздно: она уже попала в западню.

Он улыбнулся ангельской улыбочкой.

— Ага! Шпионка в «Ви энд Эй»! Третья Горничная! Кто это? Что это за горничная, Клаудиа?

Чтобы сохранить приличия, она сделала вид, что раздосадована.

— Айийй! Хозяин шпионов не может раскрывать свои секреты, хейя? — Её улыбка была сама любезность. — Вот список тех, кто вам звонил. Я отложила, сколько смогла, на завтра. Когда будет пора идти на собрание, позвоню.

Он кивнул, и Клаудиа увидела, что улыбка исчезла с его лица, он снова погрузился в размышления. Она вышла, но Данросс уже не слышал, как за ней закрылась дверь. Он думал о хозяевах шпионов, об АМГ, о встрече с Брайаном Квоком и Роджером Кроссом сегодня утром в десять и о той, что предстояла в шесть вечера.

Утренняя встреча получилась короткой, резкой и злой.

— Прежде всего: есть ли что-нибудь новое об АМГ? — спросил он. Роджер ответил тут же:

— По всей вероятности, это был несчастный случай. Никаких признаков насилия на теле. Поблизости никого не видели. Никаких отпечатков протекторов машины, свидетельств столкновения или заноса — только следы от мотоцикла. Ну, а теперь о папках, Иэн... О, кстати, теперь мы знаем, что у вас в руках единственные существующие экземпляры.

— Извините, но я не могу выполнить вашу просьбу.

— Почему? — В голосе полицейского слышалась нотка недовольствия.

— Я по-прежнему никоим образом не утверждаю, что они существуют, но...

— О, ради бога, Иэн, это просто смешно! Конечно, копии существуют. Или вы нас за дураков считаете? В противном случае вы сказали бы об этом вчера вечером и на этом разговор был бы окончен. Я настойчиво рекомендую разрешить нам снять с них копии.

— А я настойчиво рекомендую вам быть посдержаннее.

— Если вы считаете, что я вышел из себя, Иэн, то вы очень мало обо мне знаете. Я официально прошу вас предъявить эти документы. Если вы откажетесь, то сегодня, в шесть часов вечера, я воспользуюсь полномочиями, которыми наделяет меня Закон о неразглашении государственной тайны. И не посмотрю, тайбань вы или нет, Благородного Дома или какого другого, друг или враг. Через минуту после шести вас задержат. Вы будете сидеть под замком, изолированный от внешнего мира, а мы станем копаться в ваших бумагах, обыскивать сейфы и депозитные ячейки, пока не найдем! А теперь будьте любезны, выдайте нам эти папки!

Данросс вспомнил это взвинченное, напряженное лицо, уставленный в него взгляд ледяных глаз и своего приятеля Брайана Квока, пребывавшего в полном замешательстве.

— Нет.

Кросс вздохнул. Угроза, с которой было произнесено это «нет», заставила его всего содрогнуться.

— Последний раз: почему?

— Потому что я считаю: попав не в те руки, они могут нанести вред Её Величе...

— Господи боже мой, я глава особой разведслужбы!

— Я знаю.

— Тогда будьте любезны выполнить мое требование.

— Прошу прощения, я ночь не спал, пытаюсь придумать безопасный способ пере...

Роджер Кросс встал.

— Я вернусь в шесть часов за папками. Не сжигайте их, Иэн. Я узнаю, если вы попытаетесь это сделать. Боюсь, вам этого не позволят. В шесть.

Прошлой ночью, когда весь дом спал, Данросс пришел в свой кабинет и перечитал папки. Теперь он увидел в новом свете смерть АМГ, и вероятность того, что это убийство, и того, что тут не обошлось без Эм-ай-5 и Эм-ай-6, а возможно, и КГБ, и поразительное беспокойство Кросса. Кроме того, ему пришло в голову, что, вероятно, кое-каким материалом секретная служба ещё не располагала, а если допустить к тому же, что многие сведения, которые он отверг, как надуманные, таковыми не являются, все доклады приобретают иное значение. От некоторых просто голова шла кругом.

Передавать их было слишком рискованно. Хранить у себя — невозможно.

В тишине ночи Данросс размышлял, не уничтожить ли их. В конце концов он решил, что долг не позволяет ему этого сделать. Он даже подумал, не оставить ли папки на столе, распахнув пошире в темноту террасы двустворчатые окна, и не пойти ли спать. Если Кросса так волнуют эти бумаги, он и его люди должны сейчас следить за домом. Запирать папки в сейф небезопасно. К сейфу кто-то уже подбирался. Подберется ещё раз. Ни один сейф не защитит от идеально продуманных и согласованных действий профессионалов.

Он сидел во мраке, устроившись поудобнее, задрал ноги, и ощущал растущее возбуждение, прелестную, восхитительно пьянящую теплоту окружающей опасности, физической опасности. Опасности, исходящей от врагов, которые где-то рядом. Сознания того, что он ходит по лезвию ножа — между жизнью и небытием. Насладиться этим в полной мере не давала лишь мысль, что «Струанз» предали

изнутри, и все тот же мучительный вопрос: является ли иуда, выдавший секреты компании Бартлетту, агентом «Севрина»? Один из семи. Аластер, Филлип, Эндрю, Жак, Линбар, Дэвид Мак-Струан в Торонто или его собственный отец. Про любого из них такое просто подумать невозможно.

Он взвесил каждую кандидатуру. Беспристрастно, без эмоций. У всех была такая возможность, а мотив? У всех один и тот же: зависть и ненависть, разнится лишь глубина этих чувств. Но никто не стал бы продавать Благородный Дом чужаку. Никто. И все же кто-то из семерых это сделал.

Кто?

Час проходил за часом.

Кто? «Севрин»... Что делать с папками? Неужели АМГ убили? Какая часть сведений в папках соответствует действительности? Кто?

Ночной воздух уже был полон прохлады, и терраса манила. Он постоял под звездами. И ветерок, и темнота радостно приняли его. Ночь всегда ему нравилась. Как здорово было лететь во мраке одному над облаками...

Гораздо лучше, чем днем. Звезды так близко, глаза постоянно обшаривают небо в поисках вражеского бомбардировщика или ночного истребителя, а большой палец всегда готов нажать на гашетку... Ах, жить тогда было так просто: убей, или убьют тебя.

Он постоял так немного, а потом, освеженный, вернулся в кабинет, запер папки в сейф и уселся в свое большое кресло лицом к двустворчатым окнам, оставаясь настороже, прорабатывая варианты, чтобы выбрать из них один. Потом, удовлетворенный, подремал около часа и проснулся, как обычно, перед самым рассветом.

Его гардеробная располагалась недалеко от кабинета, который был рядом со спальней хозяев дома. Он надел повседневный костюм и тихо вышел из дома. На дороге никого не было. У себя в пентхаусе он принял ванну, побрился и переоделся в тропический костюм, а потом спустился в офис этажом ниже. «Очень высокая влажность сегодня, и небо выглядит необычно. Надвигается тропический шторм. Может, нам повезет, и он не пройдет мимо, как все остальные, и принесет дождь». Отвернувшись от окон, он сосредоточился на управлении Благородным Домом.

Предстояло разобраться с целой кипой телексов: переговоры и предприятия, проблемы и деловые возможности по всей колонии и огромному пространству вне её. Телексы со всех концов света. С Юкона на крайнем севере, где у «Струанз» совместное предприятие по нефтеразведке с «Маклин-Вудли», гигантом канадской лесной и горнодобывающей промышленности. Из Сингапура и Малайзии, и с далекого юга, из Тасмании, откуда везли в Японию фрукты и полезные ископаемые. До Англии на запад и до Нью-Йорка на восток уже начинали простираться щупальца нового международного Благородного Дома, о котором мечтал Данросс. Слабые, робкие, они пока не имели подпитки, без которой, понятное дело, им не вырасти.

«Ничего. Скоро они окрепнут. Сделка с „Пар-Кон“ придаст нашей паутине крепость стального троса, и Гонконг станет центром земли, а мы — ядром этого центра. Слава богу, что есть телекс и телефоны».

— Мистера Бартлетта, пожалуйста.

— Алло?

— Это Иэн Данросс. Доброе утро! Прошу прощения, что беспокою с утра пораньше, но нельзя ли перенести нашу встречу на восемнадцать тридцать?

— Можно. Что-нибудь не так?

— Нет. Просто дела. Очень много чего нужно успеть.

— Есть что-нибудь о Джоне Чэне?

— Пока нет. Извините. Но я буду держать вас в курсе. Передайте привет Кейси.

— Передам. Слушайте, вечеринка вчера была что надо. Ваша дочь просто

очаровательна!

— Благодарю. Я буду в отеле в восемнадцать тридцать. Кейси, конечно, тоже приглашается. До встречи. Пока.

«Ах, Кейси!

Кейси и Бартлетт. Кейси и Горнт. Горнт и Четырехпалый У».

Сегодня рано утром ему позвонил Четырехпалый У насчет встречи с Горнтом. Какое удовольствие он ощутил всем своим существом, когда узнал, что враг чуть не погиб. Нельзя, чтобы на дороге с Пика отказывали тормоза.

«Жаль, что этот ублюдок не загнулся. Это избавило бы меня от многих терзаний».

Потом он отставил в сторону Горнта и переключился на Четырехпалого У.

Они вполне сносно общались, мешая ломаный английский старого моряка с его посредственным хакка. У выложил все. Данросса удивило высказывание Горнта насчет «Хо-Пак», его совет У изъять оттуда деньги. Удивило и встревожило. Эта фраза и статья Хэпли.

«Неужели этот пес Горнт знает то, чего не знаю я?»

Он отправился в банк.

— Пол, что происходит?

— С чем?

— С «Хо-Пак».

— О... Отток вкладчиков? Должен сказать, это очень скверно для имиджа наших банков. Бедняга Ричард! Мы вполне уверены, что он располагает некоторыми резервами, чтобы выдержать бурю, но не знаем размеров его обязательств. Я, конечно, сразу позвонил ему, как только прочитал возмутительную статью Хэпли. Должен заметить, Иэн, что я позвонил также Кристиану Токсу и в совершенно определенных выражениях высказал, что ему следует следить за своими репортерами. Посоветовал воздержаться от подобных противоправных действий, иначе он пожалеет об этом.

— Мне сказали, что в Цимшацуе стояла целая очередь.

— Вот как? Я об этом не слышал. Проверю. Впрочем, банки «Цзин просперити» и «Ло-Фат» наверняка поддержат его. Боже мой, при нем «Хо-Пак» стал крупным кредитным учреждением. Если он разорится, бог знает что может произойти. Даже в нашем абердинском отделении клиенты снимали деньги со счетов. Нет, Иэн, давай будем надеяться, что пронесет, как ветром сдует. Кстати, раз уж об этом зашла речь, как ты думаешь, будет дождь? Что-то странное носится в воздухе сегодня, верно? В новостях сказали, что возможен шторм. Думаешь, пойдет дождь?

— Не знаю. Будем надеяться. Но не в субботу!

— Боже мой, нет! Если из-за дождя отменяют скачки, это будет ужасно. Мы не можем подобного допустить. О, кстати, Иэн, вечеринка вчера была прелестная. Я имел удовольствие познакомиться с Бартлеттом и его барышней. Как у вас продвигаются переговоры?

— Превосходно! Послушай, Пол...

Данросс улыбнулся, вспомнив, как понизил голос, хоть и находился в офисе Хэвегилла. Офис выходил на Сентрал, был уставлен книгами и очень тщательно звукоизолирован.

— Я заключил сделку. Пока на два года. Мы подписываем бумаги в течение семи дней. Они предоставляют по двадцать миллионов в год, а дальнейшее финансирование ещё обсуждается.

— Поздравляю, дружище. Поздравляю от всей души! А что насчет аванса?

— Семь.

— Превосходно! Все прекрасно обеспечивается. Чудесная возможность изгнать из нашего баланса призрак «Тода». И ещё миллион для «Орлин». Что ж, они,

вероятно, дадут тебе больше времени, и тогда наконец ты сможешь забыть обо всех плохих годах и надеяться на весьма прибыльное будущее.

— Да.

— Суда у тебя уже зафрахтованы?

— Нет. Но фрахтователи появятся как раз вовремя, чтобы обслужить наш заем.

— Я обратил внимание, что твои акции подскочили на два пункта.

— Теперь так и пойдет. В течение тридцати дней они возрастут вдвое.

— Вот как? Почему ты так думаешь?

— Бум.

— Как?

— Все за то говорит, Пол. Доверие растет. Начало буму положит наша сделка с «Пар-Кон». Это должно было случиться уже давно.

— Просто замечательно! Когда ты объявишь о «Пар-Кон»?

— В пятницу, после закрытия торгов.

— Отлично. Так я и думал. К понедельнику все постараются вскочить на подножку уходящего поезда!

— Но давай договоримся: до того времени все должно остаться между нами.

— Конечно. О, ты слышал, Квиллан чуть не разбился вчера вечером? Как раз после твоей вечеринки. У него отказали тормоза на Пик-роуд.

— Да, слышал. Лучше бы он разбился. Тогда акции Второй Великой Компании взлетели бы от счастья!

— Будет тебе, Иэн! Бум, говоришь? Ты на самом деле так думаешь?

— Конечно, я буду покупать и покупать. Как насчет кредита в один миллион — на покупку акций «Струанз»? »

— Лично для тебя — или для дома?

— Лично для меня.

— Мы сможем придержать акции?

— Разумеется.

— А если они упадут?

— Не упадут.

— А если упадут, Иэн?

— Что ты предлагаешь?

— Ну, если это все между нами, почему бы не сделать следующее: коль скоро сегодня при закрытии торгов они упадут на два пункта ниже рыночной цены, мы продаем их и вносим потерю в дебет твоего счета?

— Три. Акции «Струанз» возрастут вдвое.

— Хорошо. Но пока пусть будет два... Пока ты не подпишешь сделку с «Пар-Кон». Ваш дом уже довольно много перебрал по возобновляемому кредиту. Пусть будет два, ладно?

— Ладно.

«При двух мне ничего не угрожает, — снова подумал Данросс, успокаивая себя. — Я уверен».

Прежде чем уехать из банка, он заглянул в кабинет Джонджона. Брюс Джонджон, второй заместитель главного управляющего, который шёл на смену Хэвегиллу, коренастый приятный мужчина, был жизнерадостен и подвижен, как колибри. Данросс сообщил ему те же новости. Джонджон тоже был приятно удивлен. Но призвал к осторожности в разговорах о буме и, в отличие от Хэвегилла, высказал большую озабоченность в связи с оттоком вкладчиков у «Хо-Пак».

— Что-то мне совсем это не нравится, Иэн. Очень скверно пахнет.

— Да. Что скажешь насчет статьи Хэпли?

— О... Это все чепуха. Мы такими трюками не занимаемся. «Блэкс»? Так же глупо. С какой стати нам разорять крупнейший китайский банк, даже если мы могли

бы это сделать? За этим может стоять «Цзин prosperiti». Возможно. Или старик Улыбчивый Цзин: они с Ричардом враждуют уже много лет. Может, это вообще полдюжины банков, включая «Цзин». Не исключено даже, что вкладчики Ричарда испугались на самом деле. До меня уже месяца три доходят самые разные слухи. Они глубоко завязли с десятками сомнительных схем по недвижимости. Во всяком случае, если он обанкротится, мы все это почувствуем на себе. Будь чертовски осторожен, Иэн!

— Я буду очень рад, когда ты сядешь наверху, Брюс.

— Не надо сбрасывать со счетов Пола: он очень умен и немало сделал для Гонконга и для банка. Но у нас, в Азии, наступают нелегкие времена, Иэн. Должен признаться, я считаю, что ты поступаешь очень мудро, пытаешься выйти на Латинскую Америку. Это огромный рынок, не тронутый нами. А насчет Южной Африки ты не задумывался?

— Насчет чего именно?

— Давай на следующей неделе встретимся за ланчем. В среду? Хорошо. Есть для тебя идея.

— Вот как? Что за идея?

— Потом, дружище. Ты слышал насчет Горнта?

— Да.

— Очень необычно для «роллс-ройса», верно?

— Да.

— Он уверен, что сможет перебежать тебе дорогу с «Пар-Кон».

— У него ничего не выйдет.

— Ты сегодня видел Филлипа?

— Филлипа Чэня? Нет, а что?

— Да встретил его на ипподроме. Он показался мне... Ну, он выглядел ужасно и был очень удручен. Переживает из-за того, что Джона... Очень сильно переживает из-за похищения.

— А ты бы не переживал?

— Да. Да, переживал бы. Но я не думал, что он так близок с Первым Сыном.

Данросс подумал об Адрионе, Гленне и своем пятнадцатилетнем сыне Дункане, который проводил каникулы на овцеводческой ферме приятеля в Австралии.

«Что бы я сделал, если бы кого-нибудь из них похитили? Что бы я сделал, если бы мне, как ему, прислали по почте отрезанное ухо? Я сошел бы с ума.

Я сошел бы с ума от ярости. Я забыл бы обо всем и искал бы похитителей, а потом моя месть длилась бы тысячу лет. Я бы...» В дверь постучали.

— Да? О, привет, Кэти. — Как и всегда, он был рад видеть свою младшую сестру.

— Извини, что прерываю, Иэн, дорогой. — Кэти Гэваллан быстрым шагом прошла в офис. — Клаудиа сказала, что у тебя есть несколько минут до следующей встречи. Это так?

— Конечно, все в порядке, — заверил он, улыбнувшись и откладывая памятную записку, над которой работал.

— О, хорошо, спасибо. — Она закрыла дверь и села в высокое кресло у окна.

Он потянулся, чтобы ослабить боль в спине, и послал ей улыбку.

— Эй, мне нравится твоя шляпка. — Шляпка из бледной соломки с желтой лентой очень шла к её прекрасно смотревшемуся шелковому платью. — Что случилось?

— У меня рассеянный склероз. Он тупо уставился на неё.

— Что?

— Анализы показали. Доктор сообщил мне ещё вчера, но я не могла сказать тебе или... Сегодня он проверил анализы вместе с другим специалистом, так что ошибки быть не может. — Она проговорила это спокойным голосом, с невозможным

видом, сидела в кресле прямо и казалась красивой как никогда. — Мне нужно было кому-то сказать. Извини, что так взяла и бухнула. Думала, ты поможешь мне составить план. Не сегодня, а когда у тебя будет время, может, в выходные... — Она увидела, с каким выражением он смотрит на неё, и нервно усмехнулась. — Это не так серьезно, как кажется. Я думаю.

Данросс откинулся в своем большом кожаном кресле и попытался заставить потрясенное сознание работать.

— Рассеянный... Это что-то непонятное, да?

— Да. Нечто поражающее нервную систему. Они пока не знают, как это лечить¹²³. Не знают ни что это такое, ни где это локализуется, ни чем... ни чем это вызвано.

— Мы найдем других специалистов. Нет, даже лучше! Ты едешь в Англию с Пенн. Там или в Европе должны быть специалисты. Должна быть какая-то форма лечения, Кэти, должна быть!

— Её нет, дорогой. Но поехать в Англию — хорошая идея. Я... Доктор Тули сказал, что рекомендовал бы мне обратиться к специалисту с Харли-стрит¹²⁴. Я с удовольствием поехала бы с Пенн. Это зашло у меня не слишком далеко, и если я буду осторожной, то и не о чем особо беспокоиться.

— То есть?

— То есть, если я буду заниматься собой, выполнять назначения врачей, спать после полудня, чтобы не утомляться, то по-прежнему смогу заботиться об Эндрю, заниматься домом и детьми и время от времени немного играть в теннис и гольф, но только один раунд по утрам. Понимаешь, они могут притормозить развитие болезни, но не могут восстановить того, что уже нарушено. По его словам, если я не буду заниматься собой и отдыхать — в основном он и говорил об отдыхе, — если я не буду отдыхать, все начнется снова и будет хуже и хуже. Да. И тогда уже ничего не восстановишь. Понимаешь, дорогой?

Он смотрел на неё и старался сдержать охватившую его боль. Сердце в груди разрывалось, и он уже составил для неё восемь планов и думал: «О господи, бедная Кэти!»

— Да. Ну, слава богу, ты можешь отдыхать сколько хочется, — сказал он, стараясь говорить так же спокойно. — Ты не против, если я потолкую с Тули?

— Нет, совсем не против. Не нужно тревожиться, Иэн. Он уверяет, что у меня все будет в порядке, если я стану следить за собой. И я пообещала вести себя хорошо и не доставлять ему поводов для беспокойства.

К удивлению Кэти, голос её звучал спокойно, руки свободно лежали на коленях, ничем не выдавая царившего внутри ужаса. Она почти физически чувствовала, как эта инфекция — бактерии или вирусы — распространяется по всему телу, разрушает её нервную систему, пожирая нерв за нервом. О, так невыносимо медленно, секунда за секундой, час за часом... И пальцы рук и ног начинают все больше и больше дрожать, становятся непослушными. А за ними — запястья, и голени, и ноги, и... Господи Иисусе Всемогуций!..

Она вынула из сумочки небольшую салфетку и промокнула пот на лбу.

— Ужасная влажность сегодня, верно?

— Да, Кэти. Но почему все произошло так внезапно?

— Ну, не совсем так, дорогой. Они просто не могли поставить верный диагноз.

¹²³ Рассеянный склероз — хроническое прогрессирующее заболевание нервной системы, при котором в спинном и головном мозге образуются множественные очаги поражения нервной ткани.

¹²⁴ Харли-стрит — улица в Лондоне, где расположены кабинеты преуспевающих врачей.

Для того-то и нужны были все эти анализы.

Все началось с легкого головокружения и головных болей около шести месяцев назад. Она замечала подобное за собой, в основном когда играла в гольф. Она застывала над шаром, принимая устойчивое положение, а в глазах все расплывалось, и ей было не сосредоточиться, вместо одного шара она видела два, и три, и снова два — и так без остановки. Эндрю смеялся и говорил, что ей надо сходить к окулисту. Но дело было не в очках. Не помогал ни аспирин, ни более сильные лекарства. А потом добрый старый Тули, их давний семейный доктор, послал её в больницу Матильды на Пике, чтобы сдать анализы, затем ещё и ещё. Она прошла обследование головного мозга на случай опухоли, но и оно ничего не дало, как и все остальные процедуры. Ключом к пониманию стала только эта ужасная пункция позвоночника. Остальные анализы подтвердили выводы врачей. Вчера. «Милый Господи, неужели вчера меня приговорили к инвалидной коляске? К жалкой участи беспомощного, пускающего слюни существа?»

— Ты Эндрю говорила?

— Нет, дорогой, — вздохнула она, почувствовав, что снова отошла от края бездны. — Ещё не говорила. Не смогла, пока. Бедный Эндрю волнуется из-за любого пустяка. Скажу сегодня вечером. Я не могла сказать ему до тебя. Я должна была сказать сначала тебе. Мы ведь всегда говорили тебе все первому, верно? Лечи, Скотти и я? Ты всегда узнавал первым...

Она вспомнила то время, когда все они были маленькими. Счастливое время в Гонконге и в Эршире, в Эвисъярд-Касл, в милом, заросшем плющом старом доме, на вершине холма, среди вересковой пустоши, с видом на море. Рождество, Пасха и долгие летние каникулы. Она, и Иэн, и Лечи, самый старший, и Скотт — он и Кэти были двойняшки. Такие счастливые дни... Когда там не было отца. Все страшно боялись его, кроме Иэна. Тот всегда выступал от имени всех, всегда был защитником, и ему вечно доставалось. Его оставляли без ужина, приказывали пятьсот раз написать «Я больше не буду спорить» или «Ребенка должно быть видно, но не слышно». И он никогда не жаловался. О, бедные Лечи и Скотти...

— Иэн, — проговорила она, и слезы вдруг брызнули из глаз. — Извини, пожалуйста.

Тут она почувствовала, как сильные руки обняли её, и наконец ощутила себя в безопасности. Весь этот кошмар стал не таким страшным. Но она понимала, что ужас больше не покинет её. Никогда. Как никогда не вернутся братья — только будут являться во сне. Как не вернется её дорогой Джонни.

— Все хорошо, Иэн, — проговорила она сквозь слезы. — Это я не из-за себя, правда, не из-за себя. Я просто подумала о Лечи и Скотти, о доме в Эршире, когда мы были маленькими, и о моем Джонни, и я... Ох, я всегда так тосковала по ним...

Первым погиб Лечи. Второй лейтенант полка легкой шотландской пехоты, он пропал без вести в сороковом году во Франции. От него ничего не осталось. Вот только что он стоял у дороги — и вдруг его не стало, а в воздухе повис удушливый дым от залпа, которым танки нацистов накрыли маленький каменный мостик через небольшую речушку по дороге в Дюнкерк. Всю войну они жили надеждой, что Лечи попал в плен и находится в каком-нибудь хорошем лагере для военнопленных, но не в одном из тех ужасных мест, откуда нет возврата. И после войны его искали, долго, но безрезультатно. Не нашлось никаких следов, ни одного свидетеля. И только тогда они, семья, а со временем и отец, похоронили призрак Лечи.

Скотту в тридцать девятом было шестнадцать, и его отправили в безопасное место, в Канаду. Там он закончил школу, а потом, уже будучи летчиком, в день восемнадцатилетия, несмотря на протесты отца, вступил в ряды канадских ВВС, мечтая отомстить за Лечи. Он тут же получил «крылышки» на грудь и в составе эскадрильи бомбардировщиков отправился за океан, чтобы поспеть как раз ко дню

решающего наступления. Он с ликованием разнес на куски множество малых и больших городов. А потом наступило четырнадцатое февраля сорок пятого года, когда он, уже командир эскадрильи, награжденный крестом «За летные боевые заслуги» с пряжкой на орденской ленте, возвращался домой после дрезденского холокоста¹²⁵. Его «ланкастер»¹²⁶ был атакован «мессершмиттом», и, хотя второй пилот дотянул поврежденную машину до Англии, Скотти, на сиденье слева, был уже мертв.

Кэти присутствовала на его похоронах. Иэн тоже там был — в форме. Он прилетел домой в отпуск из Чунцина. Его прикомандировали к ВВС Чан Кайши после того, как он был сбит и врачи запретили ему летать. Она плакала на плече Иэна, плакала по Лечи, плакала по Скотти и плакала по своему Джонни. Она тогда уже овдовела. Лейтенант Джон Селкирк, тоже кавалер креста «За летные боевые заслуги», ещё один счастливый бог войны, неуловимый и непобедимый, сгорел в небе ярким факелом. Плавающие обломки его самолёта не успели долететь до земли.

Похорон у Джонни не было. Нечего оказалось хоронить. Как и у Лечи. Пришли лишь телеграммы. Об одном и о другом.

«О Джонни, мой дорогой, мой дорогой, мой дорогой...»

— Как это ужасно, Иэн, что их всех нет. И за что они погибли?

— Не знаю, малышка Кэти, — сказал он, по-прежнему обнимая её. — Не знаю. И не знаю, почему я жив, а они нет.

— О, я так рада, что ты жив! — Она чуть прижала его к себе и собралась с силами. Каким-то чудом ей удалось прогнать грустные воспоминания. Она вытерла слезы, вынула маленькое зеркальце, посмотрелась в него. — Господи, на кого я похожа! Извини. — За книжным шкафом была скрыта его личная ванная комната. Она прошла туда, чтобы поправить макияж.

Когда она вернулась, он по-прежнему смотрел в окно.

— Эндрю сейчас нет в офисе, но, как только он вернется, я скажу ему.

— О нет, дорогой, это моя работа. Это должна сделать я. Должна. Это будет только справедливо. — Она улыбнулась и дотронулась до него. — Я люблю тебя, Иэн.

— Я люблю тебя, Кэти.

22

16:55

Картонная коробка, присланная Вервольфами Филлипу Чэню, стояла на столе Роджера Кросса. Рядом лежала записка с требованием выкупа, связка ключей, водительские права, ручка и даже мятые клочки рваной газетной бумаги, в которую все это было завернуто. Там же валялся небольшой пластиковый пакет и пестрая тряпка. Не было только того, что в неё завернули похитители.

К каждому предмету прикрепили бирку.

Роджер Кросс сидел в комнате один и как зачарованный смотрел на вещдоки. Он взял в руки кусок газеты. Каждый обрывок был тщательно разглажен, большинство имели бирки с датой и китайским названием газеты, к которой он

¹²⁵ В результате массированной бомбардировки Дрездена, предпринятой в период с 13 по 15 февраля 1945 г. самолётами английских и американских ВВС, на город было сброшено около 3900 тонн бомб, из 28410 домов в черте города было разрушено 24866, площадь полных разрушений составила 15 кв.км, погибло до 35000 человек.

¹²⁶ «Авро Ланкастер» — английский четырехмоторный тяжелый бомбардировщик.

относился. Кросс перевернул бумажку в поисках скрытой информации, зацепки, которую могли упустить. Ничего не найдя, он аккуратно положил обрывок обратно и, опершись на руки, задумался.

Доклад Алана Медфорда Гранта лежал у него на столе около интеркома. В кабинете было очень тихо. Небольшие окна выходили на Ваньчай и часть гавани по направлению к Глессингз-Пойнт.

Звякнул телефон.

— Да.

— Мистер Роузмонт из ЦРУ и мистер Лэнган из ФБР, сэр.

— Просите.

Роджер Кросс опустил трубку на рычаг. Открыв верхний ящик стола, он осторожно положил туда папку АМГ поверх дешифрованного телекса и снова закрыл его. В среднем ящике скрывался магнитофон новейшей модели. Проверив его, Кросс нажал на потайной выключатель. Катушки беззвучно закрутились. В интерком на столе был встроен чувствительный микрофон. Удовлетворенный, Кросс закрыл ящик. Ещё один потайной выключатель в столе бесшумно открыл задвижку двери. Он встал и отворил дверь.

— Привет обоим, прошу, заходите, — любезно пригласил он. Закрыв за американцами дверь, Кросс поздоровался. Незаметно снова задвинул задвижку. — Прошу садиться. Чаю?

— Нет, спасибо, — сказал Роузмонт.

— Чем могу служить?

Оба держали в руках плотные светлокоричневые конверты. Роузмонт открыл свой и вытащил пачку высококачественных фотографий размером восемь на десять¹²⁷, разделенных на две части.

— Вот, пожалуйста, — сказал он, передавая верхнюю часть.

Это были снимки Воранского: вот он бежит по причалу, идет по улицам Коулуна, садится и выходит из такси, звонит по телефону, — а также фотографии убивших его китайцев. На одной китайцы выходят из телефонной будки, а сзади отчетливо видно скрючившееся тело.

Лишь благодаря изрядному самообладанию Кросс не выказал изумления, а потом ослепляющей ярости.

— Хорошо, очень хорошо, — мягко приговаривал он, раскладывая снимки на столе и гадая, что за фотографии остались у Роузмонта. — Итак?

Роузмонт и Эд Лэнган нахмурились.

— Вы тоже за ним следили?

— Конечно, — с восхитительной искренностью солгал Кросс. — Мой дорогой друг, это Гонконг. А вот чего мне действительно хотелось бы, это чтобы вы позволили нам заниматься своим делом и не вмешивались.

— Родж, мы... э-э... мы и не думали вмешиваться, лишь хотели оказать вам содействие.

— Возможно, мы не нуждаемся в содействии. — Теперь в его голосе появились резкие нотки.

— Конечно. — Роузмонт вынул сигарету и закурил. У этого высокого и худого мужчины с седыми, постриженными под «ежик» волосами и приятными чертами лица были сильные руки. Сильные, как и все остальное в нем. — Мы знаем, где скрываются эти два киллера. Думаем, что знаем, — поправился он. — Один из наших парней считает, что накрыл их.

— Сколько ваших людей следит за судном?

¹²⁷ 18 на 23 см.

— Десять. Наши ребята не заметили, чтобы за этим типом следил кто-то из ваших. И этот отвлекающий маневр чуть не сбил нас с толку.

— Все непросто, — согласился Кросс, пытаясь понять, о каком отвлекающем маневре идет речь.

— Нашим парням не удалось пройти по его карманам. Мы знаем, что он звонил из этой будки дважды... — Роузмонт обратил внимание, что Кросс слегка прищурился. «Любопытно, — подумал он. — Кросс об этом не знал. Стало быть, вполне вероятно, что его оперативники не следили за объектом. Может, он лжет и „комми“ свободно разгуливал по Гонконгу, пока в него не всадили нож?» — Мы послали фотографию домой. Скоро нам должны перезвонить. Кто это был?

— По документам — Игорь Воранский, матрос первого класса, советский торговый флот.

— У тебя есть на него дело, Родж?

— Странно, что вы пришли вместе, не правда ли? Я хочу сказать, кино приучило нас думать, будто ФБР и ЦРУ не ладят между собой.

— Конечно, так оно и есть, — улыбнулся Эд Лэнган. — Как вы и Эм-ай-5. А также КГБ, ГРУ и полсотни других советских спецслужб. Но иногда наши пути пересекаются: мы работаем внутри Штатов, Стэн — за границей, но цель у нас одна — безопасность. Мы думали... Мы обращаемся с просьбой о сотрудничестве. Возможно, это крупная рыба, а мы... Стэн и я, нам это не по зубам.

— Это точно, — подтвердил Роузмонт, хотя так и не считал.

— Хорошо, — сказал Кросс. Ему была нужна их информация. — Выкладывайте, что у вас есть.

Роузмонт вздохнул:

— О'кей, Родж. Некоторое время до нас доходили слухи, что в Гонконге что-то назревает. Что именно, мы не знаем, но совершенно уверены, что это связано со Штатами. Я считаю, что папка АМГ — связующее звено. Смотрите: взять Банастиасио — он мафиози. Крупный. Наркотики, в больших количествах. Теперь Бартлетт и винтовки. Винтовки...

— Бартлетт связан с Банастиасио?

— Мы не уверены. Уточняем. Мы убеждены, что винтовки попали на борт в Эл-эй — Лос-Анджелесе, где этот самолёт базируется. Винтовки! Винтовки, наркотики и наш растущий интерес к Вьетнаму. Откуда поступают наркотики? Из Золотого треугольника. Вьетнам, Лаос и китайская провинция Юньнань. Теперь мы ввязались в эту историю с Вьетнамом...

— Да, кто-то оказал вам медвежью услугу, дав такой совет, старина. Я уже раз пятьдесят говорил об этом.

— Мы политикой не занимаемся, Родж. Не больше, чем ты. Дальше: здесь наш атомный авианосец, а вчера вечером приходит этот проклятый «Советский Иванов». Все сходится, может, утечка была отсюда. Потом Эд дает вам наводку, и у нас в руках оказываются сумасбродные доклады АМГ из Лондона, а теперь ещё «Севрин»! Получается, что у КГБ агенты по всей Азии и некий высокопоставленный шпион орудует и у вас.

— Это ещё надо доказать.

— Верно. Но я знаю АМГ. Он далеко не дурак. Если он говорит, что «Севрин» существует и у вас действует тайный агент, значит, так оно и есть. Конечно, и к нам, в ЦРУ, внедряют агентов, как и в КГБ. Уверен, что и в ФБР...

— Сомневаюсь, — резко прервал его Эд Лэнган. — У нас парни отборные и обученные. Это вы подбираете своих «кочегаров» с бору по сосенке.

— Точно, — согласился Роузмонт, а потом добавил, обращаясь к Кроссу: — Возвращаясь к наркотикам. Красный Китай — наш серьезный противник и...

— Опять ты не прав, Стэнли. КНР нам не противник ни в чем. Серьезный

противник — Россия.

— Китайские «комми». «Комми» — наш противник. Так вот, очень ловким ходом было бы наводнить Штаты дешевыми наркотиками, и красный Китай... О'кей, Китайская Народная Республика может открыть шлюзы этой дамбы.

— Но они этого не делали. Наше Бюро по борьбе с наркотиками — лучшее в Азии. А они не располагают никакими свидетельствами в пользу вашей ошибочной официальной теории о том, что за наркоторговлей стоят китайцы. КНР тоже выступает против торговли наркотиками, как и все мы.

— Пусть будет по-твоему, — сдался Роузмонт. — Родж, есть ли у тебя дело на этого агента? Он же кагэбэшник, верно?

Кросс закурил.

— Воранский был здесь в прошлом году. Тогда он проходил под именем Сергея Кудрова, опять же матроса первого класса с того же судна — с выдумкой у них не очень, верно? — Никто не улыбнулся. — Его настоящее имя — майор Юрий Бакян, Первое управление КГБ, шестой отдел.

Роузмонт тяжело вздохнул. Фэбээровец глянул на него:

— Значит, ты прав. Все сходится.

— Возможно. — Высокий мужчина на минуту задумался. — Родж, а какие контакты у него были в прошлом году?

— Он приезжал как турист, останавливался в гостинице «Девять драконов», в Коулуне...

— Это есть в докладе АМГ, эта гостиница там упоминается, — вставил Лэнган.

— Да. Мы следили за этой гостиницей около года. И ничего не обнаружили. Бакян-Воранский вел себя как обычный турист. Вели его двадцать четыре часа в сутки. Он пробыл здесь пару недель, а потом, перед самым отплытием судна, пробрался на борт.

— Подружка?

— Нет. Постоянной не было. Обычно он ошивался в дансинге «Гуд лак», в Ваньчае. По виду задира, но необычных вопросов не задавал, и никаких из ряда вон выходящих встреч у него не было.

— В Синклер-тауэрс хоть раз наведывался?

— Нет.

— Жаль, — посетовал Лэнган, — это было бы первый сорт. Там есть одна квартирка у Цу-яня. Цу-янь знаком с Банастасио, Джон Чэнь знаком с Банастасио, и мы возвращаемся к винтовкам, наркотикам, АМГ и «Севрину».

— Да, — согласился Роузмонт, а потом добавил: — Вы уже вышли на Цу-яня?

— Нет. Он благополучно прибыл в Тайбэй, а потом исчез.

— Вы считаете, он там скрывается?

— Видимо, да, — сказал Кросс. В душе он считал, что Цу-яня уже нет в живых, что его ликвидировали националисты, красные, мафиози или триады. Интересно, могли ли он быть двойным или — сущим дьяволом для всех разведывательных служб — тройным агентом?

— Вы найдете его, или это сделаем мы либо тайваньские парни.

— Роджер, а этот Воранский вывел тебя на что-нибудь? — поинтересовался Лэнган.

— Нет, не вывел, хотя мы следили за ним не один год. Он был прикомандирован к советскому торговому представительству в Бангкоке, проводил время в Ханое и Сеуле, но не был замечен в тайной деятельности. Однажды этот нахал даже подал заявку на получение британского паспорта и чуть не получил его. К счастью, наши ребята, которые проверяют все заявки, обнаружили изъяны в его легенде. Жаль, что он мертв. Вы же знаете, как непросто выявлять врагов. Тратишь столько времени и сил. — Помолчав, Кросс закурил. — Звание у него довольно высокое — майор, а это

значит, что дело очень скверное. Возможно, это был ещё один особый агент с заданием курсировать по Азии и глубоко внедриться лет на двадцать—тридцать.

— Эти ублюдки планируют свои игры на такой долгий срок, что оторопь берет! — вздохнул Роузмонт. — Что вы собираетесь делать с трупом?

Кросс улыбнулся:

— Один из моих парней говорит по-русски. Я попросил его позвонить капитану судна — Григорию Суслеvu. Тот, конечно, член партии, но довольно безвредный. Посещает время от времени подружку, снимающую квартиру в Монкоке. Девочку из бара, которая за скромное вознаграждение развлекает его, когда судно приходит сюда. Посещает скачки, театр, ездил пару раз играть в Макао, хорошо говорит по-английски. Суслев под наблюдением. Я не хочу, чтобы кто-то из ваших лихих парней напрягал известного нам противника.

— Значит, Суслев бывает здесь регулярно?

— Да, он уже много лет бороздит эти воды, а порт приписки у него — Владивосток. Кстати, он когда-то был командиром подводной лодки. Якшается здесь с разными экстремистами. В основном под градусом.

— Что ты имеешь в виду?

— Пьяный, но не очень. Бывает у некоторых британских «розовых», умеренных либералов, вроде Сэма и Молли Финн.

— Это те, что все время пишут письма в газеты?

— Да. Они больше зануды, чем неблагонадежные. Во всяком случае, этот мой человек сказал капитану Суслеvu, как и было приказано, что мы приносим извинения, но, похоже, у одного из его моряков случился сердечный приступ в телефонной будке на терминале «Голден ферриз». Суслев едва не потерял дар речи, и было из-за чего. В кармане Воранского «случайно оказалась» дословная запись телефонного разговора его убийцы. Мы перевели её на русский, дабы выказать им наше неудовольствие. Они на этом судне все профессионалы, достаточно опытные, чтобы знать, что без веской причины, если нас не спровоцируют, мы их агентов не убираем. Им прекрасно известно, что мы лишь наблюдаем за теми, кто у нас на заметке, а если они начинают основательно досаждать, депортируем. — Кросс мрачно глянул через стол на Роузмонта, хотя и продолжал говорить как ни в чем не бывало. — Мы считаем, что наши методы более эффективны, чем нож, удавка, яд или пуля. Роузмонт кивнул:

— Но кому понадобилось убивать его?

Кросс снова посмотрел на фотографии. Этих двух китайцев он не знал, но лица были видны отчетливо, а тело на заднем плане служило невероятной уликой.

— Мы найдем их. Кто бы они ни были. Звонивший в полицейский участок заявил, что они из 14K. Но хотя говорил он на шанхайском диалекте, акцент выдавал в нем жителя Нинбо¹²⁸, так что вряд ли это правда. Видимо, член какой-то триады. Может, «Зеленого Пана». Вне сомнения, хорошо обученный профессионал: владение ножом прекрасное, точность удара высокая — человек умирает через секунду, не издав ни звука. Это мог быть один из тех, кого ваше ЦРУ натаскивало для разведки Чан Кайши. А может, корейский спецгент: там тоже есть ваши ученики, и они тоже имеют зуб на Советы, верно? Или китайский агент, хотя это очень маловероятно. Их люди обычно не идут на убийство гуйлао и, уж конечно, не будут этого делать в Гонконге.

Роузмонт кивнул, пропустив критику мимо ушей, и передал Кроссу оставшиеся фотографии. Он крайне нуждался в помощи англичанина.

— Это снимки дома, в который они зашли. И таблички с названием улицы. Наш человек иероглифов не знает, но они переводятся как «Улица Первого Времени Года,

¹²⁸ Нинбо — город к югу от Шанхая.

дом четырнадцать». Это какой-то паршивый закоулок на задворках автобусного парка в Норт-Пойнт.

Кросс принялся тщательно изучать снимки. Роузмонт бросил взгляд на часы, потом встал и подошел к единственному окну, выходившему на часть гавани.

— Взгляните! — гордо произнес он.

Остальные двое подошли к нему. К военной верфи на гонконгской стороне двигалась, огибая Норт-Пойнт, громада ядерного авианосца. Корабль был украшен флагами расцвечивания, все обязательные для подъема полотнища трепетали на ветру. На просторной палубе толпилось множество моряков в белой форме, аккуратными рядами стояли грозные реактивные истребители. Водоизмещение авианосца достигало почти восьмидесяти четырех тысяч тонн. Никакой дымовой трубы, только широкий, зловещего вида комплекс мостика, расположенная под углом к корпусу взлетная полоса длиной тысяча сто футов¹²⁹ для одновременного взлета и посадки реактивных самолётов. Первый авианосец нового поколения.

— Вот это корабль! — с завистью проговорил англичанин. Колосс первый раз заходил в Гонконг со времени ввода в строй в шестидесятом году¹³⁰. — Красавец, — признал он, хотя ему было неприятно, что корабль американский, а не английский. — Какую он может развить скорость?

— Не знаю. Это секретная информация, как и почти все остальное. — Роузмонт повернулся к нему: — Может, выдворите это треклятое советское шпионское судно к чертовой матери из порта?

— Можем выдворить, можем и взорвать, что будет в равной степени глупо. Стэнли, не стоит напрягаться. Нужно подходить к этому чуть более цивилизованно. Ремонт их судов — а некоторые действительно нуждаются в ремонте — неплохой источник дохода и разведывательной информации, и платят они по счетам исправно. Наш подход уже апробирован и проверен годами.

«Да, — беззлобно подумал Роузмонт, — но ваши методы уже не работают. Британской империи больше нет, британское владычество ушло в прошлое. Теперь мы имеем дело с другим противником, с более умными, жесткими, преданными своему делу фанатиками-тоталитаристами. Они не играют по правилам, но строят планы переустройства мира, которые щедро финансируются, чего бы это ни стоило. У вас, британцев, теперь нет ни денег, ни влияния, ни флота, ни армии, ни военной авиации. В вашем, черт возьми, гнилом правительстве полно социалистов, врагов, и мы считаем, что они вас продали. Вас уделали изнутри, ваши спецслужбы оскандалились: одни провалы начиная с Клауса Фукса¹³¹ и кончая Филби и прочими. Господи, мы выиграли для вас обе эти проклятые войны, по большей части заплатили за них, а мирное время вы оба раза изгадили. А если бы не наше

¹²⁹ 330 м.

¹³⁰ Видимо, речь идет о «Констеллейшн» (CV-64), суперавианосце класса «Китти Хок», входившем тогда в состав 7-го флота США.

¹³¹ Клаус Фукс (1911-1988) — немецкий ученый-физик, коммунист. После прихода к власти нацистов в 1933 г. бежал во Францию, а затем — в Англию, где был привлечен к работе над английской атомной бомбой и даже получил британское подданство. В 1943 г. его перевели в США для участия в «Манхэттенском проекте». В 1944-1945 гг., работая в секретном атомном центре в Лос-Аламосе, Фукс передавал важнейшую секретную информацию на Восток. Арестован ФБР в январе 1950 г. и приговорен к 14 годам тюремного заключения, из которых отбыл 9,5 года. По оценке зарубежных специалистов-атомщиков, сделанной уже после смерти этого выдающегося ученого, его разведывательная деятельность заставила США отказаться от планов применения ядерного оружия против Советского Союза, который в сжатые сроки создал собственную атомную бомбу.

командование стратегической авиацией, наши ракеты, наши ударные ядерные силы, наш военно-морской флот, наша армия, наши ВВС, наши налогоплательщики, наши деньги, вы были бы уже на том свете или в треклятой Сибири. А пока, нравится мне это или нет, я вынужден иметь с вами дело. Гонконг нам нужен как окно, а сейчас нам нужны ваши полицейские, чтобы охранять авианосец».

— Родж, спасибо за дополнительных людей, — поблагодарил он. — Мы, конечно, признательны за это.

— Мы тоже не хотим никаких происшествий, пока он здесь. Красивый корабль. Завидую, что у вас такой есть.

— Капитан будет держать корабль и экипаж в строгости: со всеми увольняющимися на берег проведут инструктаж, предупредят. Ну и мы будем помогать на все сто.

— Я распоряжусь, чтобы вам предоставили список баров, куда вашим морякам лучше не заходить. Одни из них известны как места сборищ коммунистов, а другие часто посещают наши парни с корабля ВМС Её Величества «Дарт». — Кросс улыбнулся. — Тут недалеко до потасовки.

— Это точно. Родж, в этой истории с убийством Воранского слишком много совпадений. Может, прислать человека, говорящего по-шанхайски, чтобы помог при допросе?

— Я дам знать, если мне потребуется помощь.

— Тогда нельзя ли нам сейчас получить копии остальных докладов АМГ тайбаню? И мы отстанем от тебя.

Кросс ответил пристальным взглядом, неловко пожившись, хотя и был готов к этому вопросу.

— Я должен получить добро от Уайтхолла. Роузмонт был удивлен.

— Наш самый высокий человек в Англии связался с вашим Большим Белым Отцом, и добро получено. Тебя должны были известить ещё час назад.

— Вот как?

— Да. Мы, черт возьми, и понятия не имели, что услуги АМГ оплачивались Тайбанем, не говоря уже, господи прости, о передаче секретной информации! Все провода раскалились докрасна, стоило Эду получить первый экземпляр последней воли и завещания АМГ. У нас зеленый свет из Вашингтона на получение копий остальных докладов, и мы пытаемся проследить звонок в Швейцарию, но...

— Повтори, что ты сказал!

— Звонок Кернана. Второй звонок, который он сделал.

— Не понимаю. Роузмонт объяснил. Кросс нахмурился.

— Мои люди не упомянули об этом. И Данросс не сказал. Ну, и зачем Данросс солгал — или умолчал об этом? — Он передал в точности слова Данросса. — Какой ему резон скрывать это?

— Да, никакого. Хорошо, Родж: Тайбань — кошер?¹³² Кросс рассмеялся:

— Если ты имеешь в виду, является ли он стопроцентным британским роялистом и пиратом, который предан своему дому, себе и королеве — не обязательно в этом порядке, — то ответом будет «безусловно, да».

— Тогда нельзя ли нам сейчас получить копии, Родж? И мы пойдем.

— Когда я получу добро от Уайтхолла.

— Может, проверишь у шифровальщиков? Это шифровка срочности один-четыре «а». В ней говорится, что, получив её, ты должен передать нам копии.

Один-четыре «а» посылались очень редко. Они предполагали

¹³² Кошер (иврит. чистый, неоскверненный) — у ортодоксальных иудеев — пища (в основном мясо), добытая или приготовленная по правилам иудейской веры.

незамедлительное разрешение и незамедлительное исполнение.

Кросс медлил, чтобы как-то выбраться из ловушки, в которую попал. Он не смел признаться, что докладов АМГ у него до сих пор нет. Он взял трубку и набрал номер.

— Это Кросс. Есть ли что-нибудь для меня от «Источника»? Шифровка срочности один-четыре «а»?

— Нет, сэр. Кроме той, что мы посылали час назад. Вы за неё расписывались, — ответила женщина из Эс-ай.

— Благодарю вас. — Кросс положил трубку. — Пока ничего.

— Черт, — пробормотал Роузмонт, а потом добавил: — Они божились, что уже передали и что вы должны получить её ещё до нашего прихода. Она может прийти в любую секунду. Мы подождём, если ты не возражаешь.

— У меня скоро встреча в Централ. Может, попозже вечером? Оба покачали головой.

— Мы подождём, — сказал Лэнган. — У нас приказ немедленно отослать доклады назад, вручив лично в руки, и охранять двадцать четыре часа в сутки. Сейчас в Кай-Так должен прибыть армейский транспортный самолёт, чтобы взять на борт курьера. Мы не можем даже снять с них здесь копии.

— А вы не перегибаете палку?

— На этот вопрос только ты можешь ответить. Что в них?

Кросс вертел в руках зажигалку с красивой гравировкой «Кембриджский университет». Она была у него ещё со студенческих лет.

— Верно ли то, что АМГ говорит о ЦРУ и мафии? Роузмонт ответил таким же пристальным взглядом.

— У вас, ребята, во время войны каких только жуликов не было. Мы научились у вас пользоваться всем, что попадет под руки, — у вас это было первое правило. Кроме того, — с абсолютной убежденностью добавил он, — эта война — наша, и мы её выиграем, чего бы нам это ни стоило.

— Да-да, мы должны выиграть, — с такой же уверенностью отозвался Лэнган. — Потому что, если мы её проиграем, весь мир полетит к черту и другого шанса у нас уже не будет.

На закрытом мостике «Советского Иванова» трое человек наводили бинокли на ядерный авианосец. У одного, в гражданском, укрепленный у горла микрофон был соединен с магнитофоном. Он давал экспертную техническую характеристику того, что видел. Время от времени свои соображения вставляли двое других в облегченной морской форме. Один был капитан корабля Григорий Суслев, другой — его первый помощник.

Авианосец красиво входил на рейд в окружении буксиров, но без буксирных тросов. Его весело приветствовали гудками паромы и грузовые суда. На кормовой палубе играл оркестр морских пехотинцев. Моряки в белом махали проходящим судам. День был очень влажный, и все предметы в полуденном солнце отбрасывали длинные тени.

— Капитан — мастер своего дела, — сказал первый помощник.

— Да. Но с помощью всех этих радаров с кораблем управится и ребенок, — ответил капитан Суслев. На добродушном лице этого широкоплечего бородача выделялись глубоко посаженные карие славянские глаза. — Похоже, вон те, на марсе, — новая разработка «Дженерал электрик», дальнего радиуса действия. Верно, Василий?

Технический эксперт тут же оторвался от своего занятия.

— Верно, товарищ капитан. Но вы только взгляните на корму! На правой

полетной палубе у них четыре перехватчика F5¹³³.

Суслев беззвучно присвистнул:

— Предполагалось, что они вступят в строй только в будущем году.

— Точно, — подтвердил гражданский.

— Доложите об этом отдельно, как только он пришвартуется. Ради одной этой новости стоило идти в рейс.

— Есть.

Суслев отрегулировал фокус бинокля, потому что корабль чуть повернулся. Были видны бомбодержатели на самолётах.

— Сколько, интересно, ещё «эф пятых» у него в утробе? И сколько атомных зарядов они могут нести?

Ещё некоторое время они наблюдали за авианосцем.

— Может, на этот раз повезет, товарищ капитан, — заметил первый помощник.

— Будем надеяться. Тогда смерть Воранского не будет напрасной.

— Надо же американцам свалять такого дурака и привести его сюда. Неужели не понимают, какой это соблазн для каждого агента в Азии?

— Нам везет, что они такие. Это значительно облегчает нашу работу. — Суслев снова сосредоточился на перехватчиках, которые выглядели как шершни-солдаты среди простых шершней.

На мостике вокруг него было полно современной разведывательной аппаратуры. Один из радаров прочесывал гавань. За экраном, где авианосец выделялся большим светлым пятном среди мириадов других пятен, бесстрастно следил седовласый моряк.

Бинокль Суслева переместился на зловещий комплекс мостика авианосца, потом прошел по всей длине корпуса корабля. Размеры и мощь авианосца заставили его невольно содрогнуться.

— Говорят, он ни разу не заправлялся с тех пор, как вступил в строй в шестидесятом году.

Позади них открылась дверь в радиорубку, расположенную рядом с мостиком. Подошедший радист отдал честь и передал радиограмму:

— Срочная из Центра, товарищ капитан.

Суслев принял радиограмму и расписался за неё. Она представляла собой бессмысленный набор слов. Взглянув последний раз на авианосец, капитан опустил бинокль и покинул мостик. Его каюта располагалась на носу на той же палубе. Дверь, как и оба входа на мостик, была под охраной.

Заперев каюту, Суслев открыл небольшой потайной сейф. Достал спрятанную за дополнительной стенкой книжку кодов, сел за стол и быстро расшифровал послание. Перечитал его и какое-то время сидел, уставившись взглядом в пустоту.

Он прочитал радиограмму второй раз, затем вернул на место книжку кодов, закрыл сейф и сжег оригинал сообщения в пепельнице. Потом снял трубку телефона:

— Мостик? Пришлите ко мне в каюту товарища Меткина! Подойдя к иллюминатору, он задумался. Каюта была не прибрана.

На столе в рамке стояла фотография крупной, застенчиво улыбающейся женщины. И ещё один снимок: симпатичный молодой человек в военно-морской форме и девушка, которой нет и двадцати. На полузаправленной койке — книги, теннисная ракетка и газета.

В дверь постучали. Он открыл. За дверью стоял моряк, который смотрел на экран радара.

— Заходи, Дмитрий. — Суслев указал на дешифрованную радиограмму и

¹³³ Первые истребители F5 «Фридом файтер» выпущены фирмой «Нортроп» в 1962 г.

закрыл за ним дверь.

Меткин был невысокого роста, коренастый, с седеющими волосами и добрым лицом. Официально он был политическим комиссаром и потому старшим офицером на корабле. Он взял в руки расшифрованную радиограмму. В ней говорилось:

Срочно. Григорию Суслеву. Вам надлежит немедленно принять на себя обязанности Воранского. Лондон сообщает о крайне высоком интересе ЦРУ и Эм-ай-6 к информации, содержащейся в папках с синей обложкой, которые переданы Изну Данроссу из компании «Струанз» координатором британской разведки АМГ. Прикажите «Артуру» немедленно добыть копии. Если Данросс уничтожил их, телеграфируйте о возможности задержать его для интенсивного «химического» допроса.

Лицо Меткина стало серьезным. Он глянул через стол на Суслева:

— АМГ? Алан Медфорд Грант?

— Да.

— Чтобы ему гореть в аду тысячу лет.

— Будет гореть, если есть справедливость в этом мире или в мире ином, — мрачно усмехнулся Суслев.

Он прошел к шкафчику и вытащил початую бутылку водки и пару стопок.

— Слушай, Дмитрий, если у меня не получится или я не вернусь, примешь командование на себя. — Он поднял ключ. — Откроешь сейф. Там инструкции по дешифровке и все прочее.

— Позволь мне пойти вместо тебя вечером. Ты важ...

— Нет. Спасибо, дружище. — Суслев тепло похлопал его по плечу. — Если что, принимай командование на себя и выполняй задание. Для этого нас и учили. — Они чокнулись. — Не переживай. Все будет в порядке.

Его устраивало, что он волен поступать, как пожелает. Суслеву нравилась его работа и то положение, которое он занимал. Никто не догадывался, что как заместитель начальника шестого отдела Первого управления КГБ по Азии он отвечает за всю разведывательную деятельность в Китае, Северной Корее и Вьетнаме; что он старший преподаватель факультета иностранных дел Владивостокского университета по специальности 2А «Контрразведка»; что он полковник КГБ и, самое главное, что он входит в высший партийный эшелон Дальнего Востока.

— Центр отдал приказ. Ты должен охранять наши тылы. Так?

— Конечно. Об этом не беспокойся, Григорий. Я-то все выполняю. Но я переживаю за тебя.

Они плавали вместе уже несколько лет, и Меткин относился к Суслеву с большим уважением, хотя не понимал, на чем основан непререкаемый авторитет капитана. Иногда его так и подмывало попробовать это выяснить. «Ты стареешь, — говорил себе Меткин. — На следующий год тебе на пенсию. Могут понадобиться влиятельные друзья, а единственный способ получить помощь влиятельных друзей — знать их тайны. Но с Суслевым или без Суслева свою почетную пенсию и спокойную жизнь в собственном домике в Крыму ты заработал». Сердце Меткина забилось быстрее при мысли о райских местах у Черного моря, где они с женой проведут остаток дней как в чудесном сне. Иногда будут видаться с сыном, подающим надежды офицером КГБ, который работает сейчас в Вашингтоне. И больше никакого риска и опасности, ни за границей, ни на родине.

«О Господи, оборони сына моего от предательства или ошибки!» — страстно взмолился он, и тут же, как всегда, ощутил подступившую волну тошноты. Что будет, если начальство узнает, что он тайно верует в Бога, что так воспитали его

родители-крестьяне? Случись такое, прощай, Крым! Доживать свой век ему придется в каком-нибудь холодном захолустье, в жалкой халупе.

— Воранский, — произнес он, как всегда старательно скрывая ненависть к этому человеку. — Ведь прекрасный был оперативник, верно? На чем он мог проколоться?

— Его предали, вот в чем дело, — мрачно изрек Суслев. — Мы найдем его убийц, и они ответят за все. Если на следующем ноже написано мое имя... — Большой мужчина пожал плечами и, вдруг усмехнувшись, налил ещё водки. — Ну и что? Давай, за наше дело, за партию и мать Россию!

Они чокнулись и выпили до дна.

— Когда ты идешь на берег?

Суслев закусил неразбавленную водку. Внутри разливалось приятное тепло, все тревоги и страхи стали казаться не такими реальными. Он указал в иллюминатор.

— Как только этот пришвартуется, — раскатисто хохотнул он. — А красивый корабль, верно?

— Нам ведь нечем достать этого ублюдка, капитан, да? Или эти истребители? Нечем.

Суслев улыбнулся и налил ещё.

— Нечем, товарищ. Но если у противника нет настоящей воли к борьбе, даже сотня таких авианосцев ничего не изменит.

— Да, но американцы такие сумасброды: стоит какому-нибудь генералу разойтись, и они могут стереть нас с лица земли.

— Согласен, сейчас они могут это сделать, но не сделают. Кишка тонка. — Суслев снова выпил. — А что будет очень скоро? Пройдет совсем немного времени, и мы заткнем их носами их собственные задницы! — Он вздохнул. — Это будет славно.

— Это будет ужасно.

— Нет, недолгая, почти бескровная война с Америкой. А все остальное рухнет, как прогнивший труп.

— Бескровная? А как насчет их атомных бомб? И водородных?

— Они никогда не применят против нас ядерное оружие или ракеты: слишком боятся наших, даже сейчас! Потому что уверены, что мы-то свои применим.

— А мы применим?

— Не знаю. Кое-кто из командования способен пойти на такое. Не знаю. Для ответного удара мы применим их наверняка. А вот первыми? Не знаю. Угрозы всегда будет достаточно. Я не уверен, что нам вообще когда-нибудь придется вести боевые действия. — Он поджег край дешифрованной радиогаммы и положил её в пепельницу. — Ещё лет двадцать разрядки — эх, и какой русский гений изобрел её?! — и наш военно-морской флот, наша авиация будут многочисленнее и лучше, чем у них. Танков и солдат у нас уже больше, а вот без кораблей и самолётов придется подождать. Двадцать лет не такой уж большой срок, подождем, и тогда мать Россия станет править всем миром.

— А Китай? Как насчет Китая?

Суслев выпил залпом и снова наполнил стопки. Бутылка опустела, и он бросил её на койку. Его глаза остановились на пепельнице: бумага съежилась и потрескивала, догорая.

— Скорее всего, Китай — единственное место, где мы можем применить ядерное оружие, — произнес он, словно речь шла о чем-то обыденном. — Здесь нам не нужно ничего. Ничего. Это решит проблему Китая раз и навсегда. Сколько мужчин призывного возраста у них было, по последней оценке?

— Сто шестнадцать миллионов в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет.

— Ты только представь! Сто шестнадцать миллионов желтых дьяволов на пяти тысячах миль нашей с ними границы... И после этого иностранцы говорят, что мы

относимся к Китаю предвзято! — Он сделал глоток водки, желая на этот раз продлить удовольствие. — Атомное оружие решит проблему Китая раз и навсегда. Быстро, просто и перманентно.

Его собеседник кивнул:

— А что этот Данросс? Бумаги АМГ?

— Мы добудем их. В конце концов, Дмитрий, один из наших людей — член семьи Данросса, другой — его деловой партнер, а третий состоит в особой разведслужбе. Везде вокруг него «Севрин». А кроме того, мы можем выйти на десяток гнилых либералов в его собственном парламенте и кое-кого в правительстве. — Оба усмехнулись.

— А если он уничтожил документы? Суслев пожал плечами:

— Говорят, у него фотографическая память.

— Вы стали бы проводить допрос здесь?

— «Химический» допрос — вещь небезопасная. Она требует времени. Я не занимался этим никогда. А ты?

— Я тоже.

Капитан нахмурился.

— Когда будешь сегодня вечером отправлять доклад, сообщи в Центр, чтобы подготовили специалиста на случай, если он нам понадобится. Коронского из Владивостока, если он не занят.

Дмитрий задумчиво кивнул. Его внимание привлек лежавший на койке капитана смятый утренний выпуск «Гардиан». Он подошел и взял в руки газету. Глаза у него загорелись.

— Григорий, если нам нужно основательно «поработать» с Данроссом, почему бы не свалить все на этих? Ведь тогда времени у нас будет навалом. — Кричащий заголовок гласил: подозреваемые по делу вервольфов. — А если Данросс не вернется... Может, тогда тайбанем станет наш человек, а?

Суслев хохотнул:

— Дмитрий, ты гений.

Роузмонт бросил взгляд на свои часы. Он прождал уже достаточно.

— Родж, можно позвонить по телефону?

— Конечно.

Погасив сигарету, американец набрал номер центрального коммутатора ЦРУ в консульстве.

— Это Роузмонт, мне два-ноль-два-два. — Это был номер центра связи ЦРУ.

— Два-ноль-два-два. Чэпман слушает. Кто это?

— Роузмонт. Привет, Фил, что нового?

— Ничего, только Марти Повитц докладывает об активности на мостике «Иванова». Трое парней с мощными биноклями, Стэн. Один в гражданском, другие — капитан и первый помощник. Один из радаров ближнего радиуса действия работает без остановки. Может, поставить в известность капитана «Коррехидора»?

— Нет, черт возьми, ни к чему заставлять его вертеть хвостом больше, чем нужно. Слушай, Фил, мы получили подтверждение по нашему сообщению сорок-сорок один?

— Конечно, Стэн. Оно пришло в... Ага, есть!.. Оно пришло в шестнадцать ноль три по местному времени.

— Спасибо, Фил, пока.

Роузмонт закурил ещё одну сигарету. Некурящий Лэнган мрачно уставился на него, но ничего не сказал, потому что Кросс тоже курил.

— Ну и чего ты тянешь, Родж? — грубо спросил Роузмонт, к изумлению Лэнгана. — Ты получил наше срочное сообщение один-четыре «а» в шестнадцать ноль три,

одновременно с нами. К чему этот театр?

— Сейчас мне так удобно, — шутливо отвечал Кросс. Роузмонт вспыхнул, Лэнган тоже.

— Ну, а мне — нет, и нам приказано забрать копии прямо сейчас.

— Мне очень жаль, Стэнли.

Шея Роузмонта побагровела, но он сдержался.

— Ты не собираешься подчиняться один-четыре «а»?

— Сейчас нет.

Роузмонт встал и направился к двери.

— О'кей, Родж, но тебе всыпят по первое число. — Он вырвал задвижку, дернул на себя дверь и вышел. Лэнган тоже встал с застывшим лицом.

— В чем причина, Роджер? — спросил он. Кросс спокойно смотрел на него:

— Причина чего?

Эд Лэнган тоже начал закипать, но вдруг остановился, ужаснувшись своей догадке.

— Господи, Роджер, у тебя ещё их нет? Все дело в этом?

— Да будет тебе, Эд, — как ни в чем не бывало проговорил Кросс, — уж кто-кто, а вы-то должны знать, как эффективно мы работаем.

— Это не ответ, Роджер. Они у тебя или нет?

Спокойные глаза фэбээровца не отрываясь смотрели на Кросса, но того это нисколько не смущало. Тогда Лэнган вышел и закрыл за собой дверь. Кросс тут же нажал на потайную кнопку. Задвижка встала на место. Другой потайной выключатель остановил магнитофон. Кросс поднял трубку и набрал номер.

— Брайан? От Данросса что-нибудь было?

— Нет, сэр.

— Встречайте меня внизу, немедленно. С Армстронгом.

— Есть, сэр.

Кросс положил трубку. Он вынул ордер на задержание, быстро вписал туда имя Изна Струана Данросса и подмахнул два экземпляра. Первый оставил, а другой запер в ящик стола. Пробежался глазами по кабинету. Удовлетворенный, аккуратно пристроил в щель между корпусом стола и ящиком кусочек бумаги таким образом, чтобы узнать, не открывал ли кто ящик в его отсутствие. Он вышел из кабинета, и сверхнадежные замки закрылись за ним.

23

17:45

Данросс сидел в конференц-зале «Струанз» вместе с остальными членами совета директоров «Нельсон трейдинг» и смотрел на Ричарда Квана.

— Нет, Ричард. Извини, но до закрытия завтрашних торгов я ждать не могу.

— Для вас это ничего не решает, тайбань. А для меня — все. — Ричард Кван весь взмок. Остальные — Филлип Чэнь, Ландо Мата и Зеппелин Дун — наблюдали за ним.

— Я не согласен, Ричард, — резко возразил Ландо Мата. — Мадонна, ты, похоже, не отдаешь себе отчета в том, насколько серьезна эта ситуация с массовым оттоком вкладчиков!

— Да-да, — поддержал его Зеппелин Дун, лицо которого аж подергивалось от сдерживаемой ярости.

Данросс вздохнул. Если бы не он, все бы уже бесновались и кричали друг на друга, не скупясь на грязные ругательства. Так бывает на любых официальных переговорах между китайцами, не говоря уже о таких серьезных, как эти. Но правила Благородного Дома требовали, чтобы все заседания советов директоров

проводились на английском, а разговор по-английски исключал китайские ругательства. Из-за этого китайцы чувствовали себя не в своей тарелке. В том-то, конечно, и заключался весь смысл правила.

— Этот вопрос нужно решить сейчас, Ричард.

— Согласен. — У Ландо Маты, красивого пятидесятилетнего португальца с резкими чертами лица, кровь матери-китаянки ярко проявлялась в тёмных глазах, шевелюре и золотистой коже. Длинными тонкими пальцами он беспрестанно барабанил по столу. Он понимал, что Ричард Кван никогда не осмелится раскрыть, что банк контролирует он, Ландо Мата, Прижимистый Дун и Контрабандист Мо. «Банк — это одно наше предприятие, — со злостью думал он, — но наше золото в слитках — совсем другое дело». — Мы не можем допустить, чтобы наше золото или наличность оказались под угрозой!

— Ни за что, — нервно бросил Зеппелин Дун. — Отец велел мне ясно дать это понять. Он хочет свое золото!

— Madre de Dios¹³⁴, у тебя в хранилищах почти пятьдесят тонн нашего золота.

— На самом деле больше пятидесяти, — уточнил Зеппелин Дун. На лбу у него выступили капельки пота. — Мой старик дал мне все цифры: всего миллион семьсот девяносто две тысячи шестьсот шестьдесят восемь унций, а слитков по пять таэлей — двести девяносто восемь тысяч семьсот семьдесят восемь. — Воздух в просторном зале был теплый и влажный, и окна открыли. Сорокалетний мужчина с маленькими узкими глазками, Зеппелин Дун, старший сын Прижимистого Дуна, был хорошо одет, плотно сложен и по-английски говорил как представители высшего класса. Прозвали его так из-за кинофильма, который Прижимистому случилось посмотреть в день его рождения. — Верно, Ричард?

Ричард Кван подвинул лежавший перед ним листок с повесткой дня, на котором было отмечено количество золота и текущий баланс «Нельсон трейдинг». Если сегодня вечером придется расстаться с этим золотом в слитках и наличностью, это будет тяжелый удар по ликвидности банка, а когда новость просочится, — а она, конечно, просочится, — пошатнется вся его структура.

— Что ты собираешься делать, болван, кость собачья? — орала на него жена перед его отъездом из офиса.

— Тянуть, тянуть и надеяться, что...

— Нет! Скажись больным! Если ты болен, ты не можешь отдать им наши деньги. Ты не можешь ехать на собрание! Быстро отправляйся домой, и мы сделаем вид...

— Не могу, Тайбань звонил мне лично. И эта собачья кость Мата тоже звонил! Я не смею не пойти! О-хо-хо!

— Тогда выясни, кто все это затеял, и откупись! Где твоя голова? Кого ты задел? Должно быть, кого-то из этих грязных гуйлао. Найди этого человека и откупись, иначе мы потеряем банк, членство в Скаковом клубе, потеряем лошадей, потеряем «роллс-ройс» и свою репутацию навсегда! Айийя! Если банк обанкротится, ты никогда не будешь сэром Ричардом Кваном, хотя мне самой наплевать, буду я леди Кван или нет, о нет! Сделай что-нибудь! Найди...

По спине катился пот, но Ричард Кван сохранял самообладание и пытался найти выход из лабиринта.

— Золото в сохранности. Сохранней и быть не может. Все в порядке и с вашей наличностью. Мы были банкирами «Нельсон трейдинг» с самого начала, и никогда не возникало даже намек на неприятности. Мы шли на большой риск вместе с вами вначале...

— Ну, будет тебе, Ричард, — сказал Мата, не выказывая неприязни. — Золотом

¹³⁴ Матерь Божья (порт.).

не рискуют. Тем более нашим золотом.

Золото принадлежало компании «Грейт гуд лак» из Макао, которая владела также почти тридцатилетней монополией на игорный бизнес. На сегодняшний день активы компании превышали два миллиарда американских долларов. Тридцать процентов принадлежали лично Прижимистому Дуну, сорок процентов — лично Ландо Мате, а ещё тридцать процентов — наследникам Контрабандиста Мо, умершего в прошлом году.

«И между нами, — думал Мата, — нам принадлежат пятьдесят процентов „Хо-Пак“, который ты, глупый кусок собачьего дерьма, каким-то образом ухитрился подвергнуть опасности».

— Мне очень жаль, Ричард, но я голосую за то, чтобы «Нельсон трейдинг» сменила банк. Во всяком случае, на время. Прижимистый Дун на самом деле очень расстроен... И у меня ещё доверенность семьи Цзинь.

— Но, Ландо, — начал Ричард Кван, — ведь беспокоиться не о чем. — Он ткнул пальцем в лежащую на столе полуоткрытую газету «Чайна гардиан». — В новой статье Хэпли опять говорится, что у нас все в порядке, что все это буря в стакане воды, которую инициировали злонамеренные бан...

— Очень может быть. Но китайцы верят слухам, а отток вкладчиков — это факт, — резко бросил Мата.

— Мой старик верит слухам, — пылко заявил Зеппелин Дун. — И он верит Четырехпалому У. Четырехпалый позвонил сегодня днем, и сказал, что забрал все свои деньги, и предложил ему сделать то же самое, и через час мы с Ландо уже летели в нашей «каталине», а ты знаешь, как я ненавижу самолёты. Ричард, ты прекрасно знаешь: когда старик хочет, чтобы что-то было сделано сейчас, это делается сейчас.

«Да, — с отвращением думал Ричард Кван, — этот гнусный старый скряга из могилы вылезет за своими пятьюдесятью центами».

— Я предлагаю подождать день или около того...

Данросс позволил им высказаться для приличия. Он давно уже решил, что делать. Как дочерняя компания, «Нельсон трейдинг» полностью принадлежала «Струанз», поэтому остальные члены совета директоров мало что решали. «Нельсон трейдинг» обладала эксклюзивной лицензией правительства Гонконга на импорт золота, однако без торговли золотом с компанией «Грейт гуд лак» — то есть без расположения Прижимистого Дуна и Ландо Маты — прибыли «Нельсон трейдинг» были бы почти нулевыми.

«Нельсон трейдинг» получала комиссионные в размере одного доллара за каждую ввезенную для компании и выгруженную на пристани в Макао унцию и ещё один доллар за унцию при экспорте из Гонконга. В качестве дополнительного вознаграждения за предложение полностью гонконгской схемы «Нельсон трейдинг» было предоставлено десять процентов от реальной прибыли. В этом году японское правительство произвольно зафиксировало свой официальный курс золота на уровне пятидесяти пяти долларов за унцию — прибыль в пятнадцать долларов на унции. На черном рынке давали больше. В Индии цена составила почти девяносто восемь долларов.

Данросс глянул на часы. Через несколько минут подъедет Кросс.

— У нас активов более чем на миллиард, Ландо, — снова начал Ричард Кван.

— Хорошо, — решительно вступил в беседу Данросс, чтобы подвести черту. — Тогда, Ричард, действительно никакой разницы нет. Ждать бессмысленно. Я уже сделал кое-какие распоряжения. Наш грузовик будет у вашего служебного входа ровно в восемь.

— Но...

— Почему так поздно, тайбань? — спросил Мата. — Ещё нет и шести.

— К этому времени уже стемнеет, Ландо. Не хотелось бы перевозить пятьдесят тонн золота среди бела дня. Вокруг могут крутиться какие-нибудь преступники. Кто его знает. А?

— Господи, ты думаешь... триады? — ахнул Зеппелин Дун. — Я позвоню отцу. Он пришлет дополнительную охрану.

— Да, — поддержал Мата. — Позвони сейчас же.

— В этом нет необходимости, — остановил Данросс. — В полиции сказали, что лучше шума вокруг этого не поднимать. Они заверили, что будут присутствовать там незаметно.

Мата колебался.

— Ну, если ты настаиваешь, тайбань. Под твою ответственность.

— Конечно, — вежливо подтвердил Данросс.

— Как мы можем быть уверены, что у «Виктории» все в порядке?

— Если «Виктория» обанкротится, нам, скорее всего, вообще нечего будет делать в Китае. — Данросс снял телефонную трубку и набрал личный номер Джонджона в банке. — Брюс? Иэн. Нам понадобится хранилище — ровно в двадцать тридцать.

— Очень хорошо. Там будут наши люди из службы безопасности, они помогут. Входите со служебного входа, что на Дирк-стрит.

— Да.

— Полиция поставлена в известность?

— Да.

— Хорошо. Кстати, Иэн, насчет... Ричард ещё с тобой?

— Да.

— Позвони мне, когда сможешь: я сегодня вечером дома. Я тут наводил справки, и дела у него обстоят совсем неважно. Все мои китайские друзья-банкиры очень нервничают: даже у «Мок-Дун» случился небольшой отток в Абердине, и у нас тоже. Мы, конечно, ссудим Ричарду, сколько потребуется, против его ценных бумаг — бумаг, которые принимаются банками, — но на твоём месте я изъясил бы всю контролируемую тобой наличность. Договорись с «Блэкс», чтобы твой чек был первым при проведении расчетов этой ночью. — Все банковские расчеты по чекам и банковским ссудам проводились в подвале Банка Лондона, Кантона и Шанхая пять дней в неделю в полночь.

— Спасибо, Брюс. Пока. — Потом, обращаясь к остальным: — Все продумано. Конечно, об этой перевозке нужно молчать. Ричард, мне нужен банковский чек на сумму баланса «Нельсон трейдинг».

— А мне нужен чек на баланс отца! — эхом отозвался Зеппелин.

— Я пошлю вам чеки первым делом с утра, — сказал Ричард Кван.

— Сегодня вечером, — отрезал Мата. — Тогда расчеты можно будет произвести сегодня. — Его глаза прищурились ещё больше. — И, конечно же, ещё один на мой баланс.

— Но столько наличности, чтобы обеспечить эти три чека, просто нет, — взорвался Ричард Кван. — Столько денег нет ни у одного банка. Даже у Банка Англии.

— Конечно. Пожалуйста, позвони, кому сочтешь нужным, и заложил какие-то из своих ценных бумаг. Или Хэвегиллу, или Сазерби. — Пальцы Маты перестали выбивать дробь по столу. — Они ждут твоего звонка.

— Что?

— Да. Я говорил с обоими сегодня.

Ричард Кван не ответил. Нужно было придумать, как избежать передачи денег сегодня. Если сегодня этого не случится, он получит проценты за день, а к завтрашнему дню, возможно, уже и отпадет необходимость их выплачивать. «Цзю ни

ло мо на всех этих паршивых гуйлао и полукровок, которые ещё хуже!» Его улыбка оставалась такой же приятной, как и у Маты.

— Ну, как вам будет угодно. Тогда встречаемся у меня в банке через час...

— Так ещё и лучше, — подхватил Данросс. — Филлип сейчас поедет с тобой. Ты можешь передать ему все чеки. Ты не против, Филлип?

— О да, да, тайбань.

— Прекрасно, благодарю тебя. И тогда, если ты сразу передашь их в «Блэкс», они в полночь произведут по ним расчеты. Ричард, у тебя уйма времени. Верно?

— О да, тайбань, — проговорил обрадованный Ричард Кван. Ему только что пришел в голову блестящий выход. «Сделаю вид, что плохо с сердцем. В машине, когда буду возвращаться в банк, а потом...»

Но от холодного блеска глаз Данросса сразу подвело живот, и он тут же передумал. «Почему я должен отдавать им столько своих денег?» — сокрушался он, вставая из-за стола.

— Я сейчас больше не нужен? Хорошо, пойдем, Филлип. Они вышли. Наступила продолжительная тишина.

— Бедняга Филлип выглядит ужасно, — заметил Мата.

— Да. И неудивительно.

— Грязные триады, — поежился Зеппелин Дун. — Эти Вервольфы, должно быть, иностранцы, ведь надо додуматься до такого: взять и прислать уху! — Он поежился ещё раз. — Надеюсь, до Макао они не доберутся. Ходят упорные слухи, что Филлип уже вышел на них и ведет с Вервольфами переговоры в Макао.

— В этом нет ни капли правды, — поморщился Данросс.

— Даже если он и ведет переговоры, тебе об этом не скажет, тайбань. Я бы тоже держал это в секрете от всех. — Зеппелин Дун мрачно смотрел на телефон. — Цзю ни ло мо на всех мерзких похитителей!

— С «Хо-Пак» покончено? — спросил Мата.

— Если Ричард Кван не сумеет сохранить ликвидность, то да. Сегодня днем закрыл все свои счета Дунстан.

— А, значит, опять слухи подтверждаются!

— Боюсь, что так! — Данроссу было жалко Ричарда Квана и «Хо-Пак», но завтра он собирался играть на понижение. — Его акции рухнут.

— А как это повлияет на бум, который ты предсказываешь?

— А разве я предсказываю?

— Ты покупаешь много акций «Струанз», мне так сказали. — Мата многозначительно улыбнулся. — Этим же занимается Филлип, и его тайтай, и её семья.

— Любой поступает мудро, покупая наши акции, Ландо, когда бы он это ни делал. Их очень недооценивают.

Зеппелин Дун внимательно прислушивался. Сердце его забилось сильнее. До него тоже доходили слухи о сегодняшних покупках Благородного Дома Чэнь.

— А вы видели сегодня колонку Старого Слепца Дуна? О грядущем буме? Он говорит об этом очень серьезно.

— Да, — торжественно произнес Данросс. Прочитав её сегодня утром, он даже фыркнул и решил, что явно недооценивал Диану Чэнь. Он заставил себя ещё раз пробежать глазами колонку и на миг задумался: а всегда ли предсказатель выражает свое мнение?

— Старый Слепец Дун не твой родственник, Зеп? — спросил он.

— Нет, тайбань, насколько мне известно, нет. Цзю ни ло мо, но как же жарко сегодня. Я бы с радостью вернулся в Макао: там погода значительно лучше. Ты в этом году участвуешь в автогонках, тайбань?

— Да, надеюсь, что участвую.

— Прекрасно! Проклятый «Хо-Пак»! Ричард ведь выдаст нам чеки, да? У моего старика случится удар, если не хватит хоть одного пенни.

— Это точно, — согласился Данросс и тут же подметил какое-то странное выражение в глазах Маты. — Что случилось?

— Ничего. — Мата посмотрел на Зеппелина. — Зеп, на самом деле нам очень важно сейчас быстро получить одобрение твоего отца. Может, вы с Клаудией разыщете его?

— Неплохая идея. — Китаец послушно встал и вышел, закрыв за собой дверь.

Данросс переключил внимание на Мату:

— Так что?

Мата помедлил. Потом спокойно произнес:

— Иэн, я собираюсь изъять свои деньги из всех предприятий Макао и Гонконга и перевести их в Нью-Йорк.

Данросс обеспокоенно смотрел на него:

— Этим ты вызовешь потрясение всей нашей системы. Если уйдешь ты, уйдет и Прижимистый Дун, и семья Цзинь, Четырехпалый... и все остальные.

— Что важнее, тайбань, система или твои собственные деньги?

— Мне бы не хотелось, чтобы система испытала подобное потрясение.

— Ты заключил сделку с «Пар-Кон»? Данросс наблюдал за ним.

— На словах — да. Контракты будут подписаны через семь дней. Твой уход скверно отзовется на всех нас, Ландо. Очень скверно. А что скверно для нас, будет очень скверно для тебя и для Макао.

— Я подумаю над тем, что ты сказал. Значит, «Пар-Кон» приходит в Гонконг. Очень хорошо. А если компания «Америкэн суперфудз» купит контрольный пакет «Эйч Кей дженерал сторз», это придаст рынку ещё один толчок. Возможно, Старый Слепец Дун снова не преувеличивает. Возможно, нам повезет. Он раньше когда-нибудь ошибался?

— Не знаю. Лично я считаю, что у него нет тайной телефонной связи со Всемогушим, хотя многие придерживаются иного мнения.

— Бум — это было бы хорошо, действительно очень хорошо. Время самое подходящее. Да, — как-то странно добавил Мата, — можно было бы чуть раскошегарить величайший бум в нашей истории. А?

— А ты поможешь?

— Десять миллионов американских долларов, от меня и Цзиней. Прижимистого Дуна это не заинтересует, я знаю. Предлагай, где и когда.

— Полмиллиона в «Струанз» в самом конце дня в четверг, а остальное распределяется между «Ротвелл-Горнт», «Эйшн пропертиз», «Гонконг уорф», «Гонконг пауэр», «Голден ферриз», «Коулун инвестментс» и «Эйч Кей дженерал сторз».

— А почему в четверг? Почему не завтра?

— «Хо-Пак» обрушит рынок. Купив большое количество в четверг перед закрытием торгов, мы заработаем целое состояние.

— Когда ты объявляешь о сделке с «Пар-Кон»? Данросс подумал:

— В пятницу, после закрытия торгов.

— Прекрасно. Я с тобой, Иэн. Пятнадцать миллионов. Пятнадцать вместо десяти. Ты завтра будешь играть на понижение акций «Хо-Пак»?

— Конечно. Ландо, ты не знаешь, кто стоит за этой паникой в «Хо-Пак»?

— Нет. Но средства у Ричарда слишком рассредоточены, и он вел себя не слишком разумно. Люди говорят, китайцы не доверяют ни одному банку, и они реагируют на слухи. Я считаю, этот банк обанкротится.

— Боже!

— Джосс. — Пальцы Маты перестали стучать по столу. — Я хочу втрое

увеличить наш импорт золота.

Данросс смотрел на него не отрываясь.

— Зачем? Ты почти достиг «потолка». Если увеличить импорт, неизбежны ошибки и сбои. А сейчас все уравновешено и работает, как надо.

— Да, но Четырехпалый У и остальные уверяют, что могут повернуть несколько крупных отгрузок.

— Не стоит подталкивать их — или твой рынок. Не стоит.

— Иэн, послушай минуту. Сейчас не все слава богу в Индонезии. Тревожно в Китае, Индии, на Тибете, в Малайе, Сингапуре. Волнения на Филиппинах. А теперь ещё американцы собрались в Юго-Восточную Азию, что замечательно для нас и ужасно для них. Инфляция будет расти, и тогда, как это обычно бывает, каждый здравомыслящий бизнесмен в Азии, в частности бизнесмены-китайцы, захотят избавиться от бумажных денег и получить золото. Мы должны быть готовы обслужить этот спрос.

— Что тебе известно, Ландо?

— Много чего любопытного, тайбань. Например, часть высшего генералитета США стремится к широкомасштабной конфронтации с коммунистами. Для этого выбран Вьетнам.

— Но американцам никогда там не победить. Им не позволит Китай, так же как в Корее. Пусть заглянут в любой учебник истории и прочитают, что при вторжении в регион любого захватчика Китай всегда переходил свои границы, чтобы защитить буферные зоны.

— Тем не менее конфронтация произойдет.

Данросс изучающе смотрел на Ландо Мату. Этот невероятно богатый человек очень долго занимался торговлей, каковую почитал почтенным занятием, и потому имел широкий доступ к тайнам из тайн.

— Что ещё тебе известно, Ландо?

— Бюджет ЦРУ увеличен в два раза.

— Эта информация должна быть секретной. Этого не может знать никто.

— Да. Но я знаю. Их система безопасности просто поражает. Иэн, ЦРУ проникло повсюду в Юго-Восточной Азии. Я считаю, что некоторые из его введенных в заблуждение приверженцев даже пытаются внедриться в торговлю опиумом в Золотом треугольнике ради того, чтобы привлечь к борьбе с Вьетконгом¹³⁵ горные племена Меконга.

— Господи!

— Да-да. Наши братья на Тайване просто в бешенстве. И все больше и без того огромных средств американского правительства вкладывается в обустройство аэродромов, гаваней, дорог. На Окинаве¹³⁶, Тайване и особенно в Южном Вьетнаме. Некоторые политические кланы со связями наверху помогают поставлять цемент и сталь на весьма выгодных условиях.

— Кто?

— Ну, кто производит цемент? Возможно... скажем, в Новой Англии?

— Господи боже мой, ты уверен? Мата улыбнулся без тени юмора:

¹³⁵ Вьетконг [от Viet Nam Cong San (по терминологии южновьетнамских властей) — вьетнамский коммунист] — группы южновьетнамских повстанцев, получавших поддержку вооруженных сил Северного Вьетнама в ходе войны во Вьетнаме. В 1960 г. объединились в Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама.

¹³⁶ Окинава — крупнейший остров в архипелаге Рюкю (Япония) в Восточно-Китайском море. С 1945 по 1972 г. находился под контролем администрации США. На острове, который называли «непотопляемым авианосцем США», расположено много американских военных баз.

— Я слышал даже, что часть очень солидного правительственного займа Южному Вьетнаму была потрачена на строительство аэродрома, на месте которого до сих пор непроходимые джунгли. О да, Иэн, прибыли уже огромные. Поэтому, пожалуйста, закажи тройные отправки начиная с завтрашнего дня. В следующем месяце мы задействуем для перевозок суда на подводных крыльях: это сократит время пробега до Макао с трех часов до семидесяти пяти минут.

— А на «каталине» не надежнее?

— Нет. Не думаю. Суда на подводных крыльях могут брать на борт гораздо больше золота и обойдут любую посудину в этих водах. У нас постоянная связь по радару, самая лучшая, так что мы уйдем от любых пиратов.

Данросс помолчал:

— Такие партии золота способны привлечь самых разных преступников. Возможно, даже жуликов международного масштаба.

Мата улыбнулся своей многозначительной улыбочкой:

— Пускай приходят. А вот уйти им не удастся. У нас, азиатов, длинные руки. — Пальцы снова забарабанили по столу. — Иэн, мы с тобой давние друзья. Хочу посоветоваться.

— Буду рад — о чем бы ни шла речь.

— Ты веришь в перемены?

— В бизнесе?

— Да.

— Смотря в чем, Ландо, — не задумываясь, ответил Данросс. — Благородный Дом в чем-то не изменился почти что за полтора столетия, а в чем-то претерпел очень большие изменения. — Он пристально посмотрел на старшего собеседника, ожидая, что тот скажет.

В конце концов Мата заговорил:

— Через несколько недель правительству Макао придется вновь проводить тендер на право заниматься игорным бизнесом... — Данросс мгновенно обратился в слух. Весь большой бизнес в Макао велся на условиях предоставления монополии предпринимателю или компании, которые были согласны платить за эту привилегию самый высокий налог. — Пошёл пятый год. Через каждые пять лет наш департамент рассматривает заявки. Тендер открыт для всех, но на практике мы очень скрупулезно оцениваем все кандидатуры. — На миг повисло молчание, потом Мата продолжал: — Моего старого компаньона Контрабандиста Мо уже нет в живых. Его отпрыски в большинстве своем расточители, их больше интересует западный мир, казино на Лазурном берегу и гольф, а не благосостояние и будущее синдиката. Семью Мо ждет извечная судьба: один из десяти тысяч кули проводит выгодную сделку, делает деньги, вкладывает их в землю, наживает капитал, становится богатым, покупает юных наложниц, которые быстро сводят его в могилу. Второму поколению не придется, оно тратит капитал и закладывает землю, чтобы купить репутацию и благосклонность дам. Третье поколение продает землю и разоряется из-за тех же самых сомнительных благ. Четвертое поколение — кули. — Он говорил это спокойным, даже мягким голосом. — Мой старый друг умер, и я не испытываю никаких чувств к его сыновьям или к сыновьям его сыновей. Они богаты, очень богаты благодаря мне и займут подобающее им место — хорошее, плохое или очень плохое. Что касается Прижимистого... — Его пальцы снова остановились. — Прижимистый умирает.

Данросс был поражен.

— Но я видел его всего неделю или около того назад, и он выглядел здоровым, слабым, как всегда, но полным обычного жизнелюбия.

— Он умирает, Иэн. Я знаю, потому что переводил для него, когда его осматривали португальские специалисты. Он не доверился никому из сыновей — сам сказал мне об этом. Не один месяц пришлось уговаривать его пойти к врачам, и оба

доктора уверенно сказали: рак толстой кишки. Опухоль дала метастазы по всему организму. Медики определили ему месяц-два... Это было неделю назад. — Мата улыбнулся. — Старина Прижимистый изругал их, заявил, что они, дураки, ничего не понимают и он не станет платить за неверный диагноз. — Стройный португалец невесело усмехнулся. — Его состояние составляет шестьсот миллионов американских долларов, но он так и не оплатил счет, не стал ничего предпринимать. Продолжает пить вонючие и отвратительные на вкус китайские травяные настои и покуривать время от времени опиум. Он просто не может согласиться с западным диагнозом, диагнозом гуйлао — ну ты знаешь. Ты ведь хорошо знаешь его, верно?

— Да.

Когда Данросс ещё школьником приезжал на каникулы, отец, бывало, посылал его поработать у старых друзей. Одним из них был Прижимистый Дун. Данросс хорошо помнил то жуткое лето в Макао. Он провел его, обливаясь потом, в грязном подвале принадлежащего синдикату банка, стараясь угодить наставнику и не расплакаться от ярости при мысли о том, что ему приходится выносить, в то время как его приятели играют на улице. Прижимистый многое растолковал ему про деньги: чего они стоят, как их зарабатывать, как не упустить, как давать в рост, рассказал о жадности китайцев и обычной ставке, по которой они дают в долг, в хорошие времена — два процента в месяц.

«Обеспечения бери вдвое больше, чем нужно. А если его нет, то смотри в глаза тому, кто берет в долг! — орал Прижимистый. — Если нет обеспечения, поднимай процент. Потом подумай, можно ли ему доверять. Сможет ли он вернуть деньги? Работяга он или лодырь? На него смотри, болван, он — твое обеспечение! Сколько моих тяжким трудом заработанных денег ему нужно? Усердный ли он работник? Если да, то что для него два или четыре процента в месяц? Ничего. Но если ему суждено разбогатеть, то разбогатеет этот блудодей с моих денег. Сам этот человек и есть нужное тебе обеспечение! Сыну богатого можешь дать займы все, что угодно, если он занимает под свое наследство и у тебя есть печатка его отца. Все это будет спущено на певичек, но ничего страшного: это его деньги, а не твои! Как стать богатым? Копить! Копишь деньги, на одну треть покупаешь землю, одну треть даешь займы, а одну треть оставляешь наличными. Давай в долг только цивилизованным людям и никогда не доверяй гуйлао..» — И тут он хохотал.

Данросс хорошо помнил этого старика с неподвижным взглядом, почти беззубого. Прижимистый мог прочесть лишь три иероглифа собственного имени, но голова его работала как компьютер, он помнил до последнего медяка, кто ему должен, какую сумму и когда обязан вернуть. Не было такого, чтобы кто-то не отдал ему долг. Лучше было отдать, чем подвергаться нескончаемым преследованиям.

В то лето тринадцатилетний Данросс и подружился с Ландо Матой. Уже тогда Мата был почти что призраком, загадочной личностью, вхожей в самые высокие, правящие круги Макао и всегда остающейся в тени. Его мало кто знал в лицо, португалец появлялся и исчезал по своей прихоти, прибирал к рукам что хотел, пожиная невероятные богатства где и когда ему было угодно. Даже сегодня имя Ландо Маты знала лишь горстка людей. Даже Данросс никогда не посещал его виллу на улице Разбитого Фонтана — широко раскинувшееся приземистое здание, которое пряталось за стальными воротами и высоченными каменными стенами. На самом деле Данросс не знал о нем ничего: ни откуда он родом, ни кто были его родители, ни как ему удалось заполучить две монополии, принесшие безграничное богатство.

— Печально. Жаль старика Прижимистого, — произнес Данросс. — Он всегда оставался грубым старым ублюдком, но со мной был не грубее, чем с собственными сыновьями.

— Да. Он умирает. Джосс. И я не испытываю никаких чувств ни к кому из его наследников. Как и семья Цзинь, они будут богатыми, все они. Даже Зеппелин, — с

презрительной усмешкой изрек Мата, — даже Зеппелин получит от пятидесяти до семидесяти пяти миллионов американских долларов.

— Господи, как подумаешь обо всех деньгах, которые приносит игорный бизнес... Глаза Маты прищурились.

— Нужно ли мне что-то менять?

— Если хочешь оставить по себе память, то да. Сейчас синдикат разрешает только китайские азартные игры: фань-тань, домино и кости. Если модернизировать бизнес с дальним прицелом: построить большое новое казино со столами для рулетки, игры в «двадцать одно», «шмен-де-фер», даже для американского крэпса, к вам в Макао будет слетаться стаями вся Азия.

— Есть ли шанс, что азартные игры будут легализованы в Гонконге?

— Никакого. Ты лучше меня знаешь, что без азартных игр и золота Макао смоем в море. Британский и гонконгский бизнес стоит на том, что этого допустить нельзя. У нас есть скачки, у вас — столы. Но если заправлять этим по-современному: новые отели, новые игры, суда на подводных крыльях, у вас будет столько прибыли, что придется открывать собственный банк.

Ландо Мата вынул листок бумаги, глянул на него и передал Данроссу:

— Здесь четыре группы имен, по три в каждой, тех людей, которые могли бы получить разрешение на участие в тендере. Я хотел бы знать твое мнение.

Данросс даже не посмотрел на список.

— Ты хочешь, чтобы я выбрал группу из трех человек, насчет которых ты уже принял решение?

Мата засмеялся:

— Ах, Иэн, ты слишком много знаешь про меня! Да, я выбрал группу, которую ждет успех, если её предложение будет достаточно весомым.

— Кто-нибудь из этих людей знает, что ты можешь выбрать их в качестве партнеров?

— Нет.

— Ну, а как насчет Прижимистого и семьи Цзинь? Они просто так не отдадут свою монополию.

— Если Прижимистый умрет до тендера, будет образован новый синдикат. Если нет, изменения тоже произойдут, но по-другому.

Данросс бросил взгляд на список. У него перехватило дыхание. Все это были хорошо известные китайцы из Гонконга и Макао, люди солидные, некоторые с занятым прошлым.

— Ну что ж, их, конечно, все знают, Ландо.

— Да. Чтобы зарабатывать такое огромное богатство, чтобы управлять империей игорного бизнеса, нужны люди дальновидные.

— Согласен, — улыбнулся вместе с ним Данросс. — Тогда почему в этом списке нет меня?

— Уходи в течение этого месяца из Благородного Дома, и можешь образовать свой собственный синдикат. Гарантирую, твое предложение пройдет. Мне сорок процентов.

— Извини, но это невозможно, Ландо.

— За десять лет ты можешь заработать личное состояние от пятисот миллионов до миллиарда долларов.

Данросс пожал плечами:

— Что такое деньги?

— Мо цзин, мо мин! Нет денег — нет жизни.

— Да, но никакие деньги не заставят меня уйти. И все же я заключу с тобой сделку. «Струанз» будет вести игорный бизнес за тебя через подставных лиц.

— Извини, нет. Или все, или ничего.

— Мы могли бы делать это лучше и дешевле, чем кто-либо другой, с большим вкусом.

— Если ты уйдешь. Все или ничего, тайбань.

У Данросса даже голова заболела при мысли о таком количестве денег, но по голосу Ландо Маты он понял, что это предложение окончательное.

— Ну что ж, справедливо. Извини, я занят.

— Я уверен, что тебя, лично тебя, будут рады видеть в качестве... в качестве консультанта.

— Если я выберу правильную группу?

— Возможно, и так. — Португалец улыбнулся. — Так что? Данросс задумался: стоит ли брать на себя риск такого партнерства?

Быть частью игорного синдиката Макао — это не то, что быть распорядителем Скакового клуба.

— Я поразмыслю и дам тебе знать.

— Хорошо, Иэн. Сообщи свое мнение в ближайшие два дня, э?

— Договорились. Ты скажешь мне, которое предложение прошло, — если решишь производить изменения?

— Партнер или консультант должен знать это. Ну, а теперь последний вопрос, и мне надо идти. Думаю, что своего друга Цу-яня ты больше не увидишь.

Данросс изумленно уставился на него:

— Что?

— Он позвонил мне из Тайбэя вчера утром в жутком состоянии. Спросил, не могу ли я прислать за ним «каталину», чтобы забрать его лично. «Это срочно, — сказал он, — объясню при встрече». Пообещал, что, как только прилетит, приедет прямо ко мне. — Мата пожал плечами и стал смотреть на свои ногти с прекрасным маникюром. — Цу-янь — старый друг, и я помогал старым друзьям и раньше, так что я дал добро на этот полет. Он так и не появился, Иэн. О, он прилетел на гидросамолёте, и мой водитель встречал его на пристани. — Мата поднял глаза. — В это просто трудно поверить. Цу-янь был одет в какое-то рванье, как грязный кули, и на голове у него была соломенная шляпа. Он промышал что-то насчет того, что встретится со мной позже вечером, вскочил в первое попавшееся такси и умчался так, словно за ним гнались все дьяволы ада. Мой водитель просто застыл от изумления.

— Это не ошибка? Ты уверен, что это был он?

— О да, Цу-яня прекрасно знают. К счастью, мой водитель — португалец и может иногда проявлять инициативу. Он рванулся вдогонку. По его словам, такси Цу-яня направилось на север. У Барьерных ворот оно остановилось, Цу-янь выскочил из машины и рванул через Барьерные ворота в Китай. Мой человек видел, как он добежал до солдат на стороне КНР, а потом исчез в караульном помещении.

Данросс смотрел на Мату и не верил своим ушам. Цу-янь был одним из самых известных предпринимателей и антикоммунистов в Гонконге и на Тайване. До перехода материкового Китая под власть красных он, тогда ещё обретавшийся в Шанхае, даже примыкал к милитаристам.

— Цу-яня в КНР никогда не ждал теплый прием, — пробормотал Данросс. — Никогда! Он должен быть первым в их черном списке.

Мата помедлил.

— Если не работал на них.

— Это просто невозможно.

— В Китае все возможно.

Двадцатью этажами ниже из полицейской машины вышли Роджер Кросс и Брайан Квок. С ними был Роберт Армстронг. Их встретил агент Эс-ай в штатском.

— Данросс все ещё в своем офисе, сэр.

— Хорошо.

Оставив Роберта Армстронга у входа, Кросс и Квок двинулись к лифту. На двадцатом этаже они вышли.

— А, добрый вечер, сэр, — сказала Клаудиа и улыбнулась Брайану Квоку.

У телефона ждал Зеппелин Дун. Было видно, что он узнал полицейских и потрясен их неожиданным появлением.

— У нас с мистером Данроссом договоренность о встрече, — объявил Роджер Кросс.

— Да, сэр. — Она нажала на клавишу интеркома и через мгновение говорила в трубку: — Здесь мистер Кросс, тайбань.

— Одну минуту, Клаудиа, а потом проводите его ко мне. — Он положил трубку и повернулся к Мате: — Здесь Кросс. Если не встретимся вечером в банке, созвонюсь с тобой завтра утром.

— Да. Я... пожалуйста, позвони мне, Иэн. Да. Нам с тобой нужно переговорить. Несколько минут наедине. Сегодня вечером или завтра.

— Сегодня в девять, — тут же решил Данросс. — Или в любое время завтра.

— Позвони в девять. Или завтра. Спасибо.

Мата пересек комнату и открыл чуть заметную дверь, замаскированную под секцию книжных полок. Потайной коридор вел из неё на этаж ниже. Португалец прикрыл за собой дверь.

Данросс в задумчивости смотрел ему вслед. «Интересно, что у него на уме?» Положив бумаги с повесткой дня в ящик, он запер его и облокотился на край стола, стараясь собраться с мыслями. Он посмотрел на дверь, и сердце забилось чуть чаще. Зазвонил телефон, он вздрогнул.

— Да?

— Пап, — начала Адрион со своим обычным напором, — прошу прощения, что прерываю, но мама хочет знать, когда ты приедешь ужинать.

— Я буду поздно. Скажи, чтобы селились без меня. Я перехвачу что-нибудь на ходу. В котором часу ты вернулась вчера вечером? — спросил он, вспомнив, что слышал, как её машина приехала перед самым рассветом.

— Рано, — пролепетала она, и он собрался было задать ей по первое число, но услышал в её голосе несчастные нотки.

— Что случилось, моя кошечка?

— Ничего.

— Что случилось?

— Правда, ничего. День я провела великолепно, пообедала с твоим Линком Бартлеттом — мы ходили по магазинам, но этот кретин Мартин не пришел на свидание.

— Что-что?

— Да. Я прождала его, черт возьми, целый час. Мы договорились попить чаю в «Ви энд Эй», но он так и не появился. Кретин несчастный!

Данросс расплылся в улыбке:

— На некоторых людей просто нельзя положиться, верно, Адрион? Подумать только! Не прийти к тебе на свидание! Какая наглость! — произнес он, подпустив серьезности, в восторге от того, что Хэпли получит свое.

— Он просто подонок! Самый настоящий подонок!

Дверь отворилась. Вошли Кросс и Брайан Квок. Он кивнул им и жестом пригласил войти. Клаудиа закрыла за ними дверь.

— Мне нужно идти, дорогая. Эй, крошка моя, я тебя люблю! Пока! — Он положил трубку. — Добрый вечер, — приветствовал он, и его беспокойства уже как не бывало.

— Папки, пожалуйста, Иэн.

— Конечно, но сначала нам нужно встретиться с губернатором.

— Сначала я хочу получить эти папки. — Кросс вынул ордер, а Данросс снял трубку и набрал номер. Он ждал всего секунду. — Добрый вечер, сэр. У меня здесь суперинтендент Кросс... да, сэр. — Он протянул трубку. — Вас.

Кросс застыл с каменным лицом, потом взял её.

— Суперинтендент Кросс, — проговорил он. Потом какое-то время слушал. — Да, сэр. Очень хорошо, сэр. — Он положил трубку на место. — Ну, и что ещё вы придумали?

— Ничего. Просто соблюдаю осторожность. Кросс протянул ордер:

— Если я не получу папок, у меня есть разрешение из Лондона предъявить его вам сегодня в шесть часов после полудня, с губернатором или без него.

Данросс ответил тяжелым взглядом.

— Ну что ж, валяйте.

— Вам предъявлен ордер, Иэн Струан Данросс! Извините, но вы арестованы!

Данросс чуть выпятил челюсть:

— Хорошо. Но сначала, клянусь Господом, мы встретимся с губернатором!

24

18:20

Тайбань и Роджер Кросс шагали по усыпанной белой галькой дорожке к парадному входу во дворец губернатора. Брайан Квок остался у полицейской машины. Дверь отворилась, их вежливо приветствовал молодой адъютант в форме королевского военно-морского флота, который затем проводил гостей в изысканный вестибюль.

Его превосходительству сэру Джеффри Эллисону, кавалеру ордена «За боевые заслуги» и ордена Британской империи, было около шестидесяти. Рыжеволосый и стройный, он не любил повышать голос, но был очень строг.

— Добрый вечер, — непринужденно проговорил он, пристально глядя на пришедших из-за своего старинного стола, и жестом пригласил садиться. Адъютант закрыл дверь и оставил их. — Сдается мне, что у нас проблема, Роджер. Иэн располагает некими тайными сведениями, которыми обладает по закону и которые не хочет передавать вам, а вы желаете их получить.

— Хочу получить в законном порядке, сэр. У меня есть полномочия из Лондона в соответствии с Законом о неразглашении государственной тайны.

— Да, я знаю, Роджер. Я разговаривал с министром час назад. Он сказал — и я с ним согласен, — что мы вряд ли можем взять под арест Иэна и шуровать в Благородном Доме. Это действительно будет и не слишком пристойно, и не очень благоразумно, как бы страстно мы ни жаждали заполучить папки АМГ. Столь же непристойно и неблагоразумно было бы прибегнуть к методам рыцарей плаща и кинжала, верно?

— Если Иэн пойдет нам навстречу, ничего подобного не потребуется. Я обращал его внимание на то, что это дело напрямую затрагивает правительство Её Величества. Такое впечатление, что он просто этого не понимает, сэр. Ему следует пойти нам навстречу.

— Абсолютно согласен. Министр сказал то же самое. Конечно, когда Иэн пришел сюда сегодня утром, он объяснил, по каким соображениям проявляет осторожность... Соображения его весьма основательны, если можно так выразиться! И министр согласен с этим. — Взгляд серых глаз стал пронизывающим. — Так кто конкретно в нашей полиции работает на коммунистов? Кто агент «Севрина»?

Последовало длительное молчание.

— Я не знаю, сэр.

— В таком случае будьте любезны выяснить, и очень быстро. Иэн любезно

предоставил мне возможность ознакомиться с докладом АМГ, который вы перехватили. — Лицо губернатора пошло пятнами, когда он процитировал по памяти: — «Эту информацию следует тайно довести до сведения полицейского комиссара или губернатора, если вы считаете, что им можно доверять...» Боже мой! Что вообще происходит в этом мире?

— Не знаю, сэр.

— А предполагается, что вы должны знать, Роджер. Да. — Губернатор пристально посмотрел на них. — Так что же насчет законспирированного агента? Что это может быть за человек?

— Такой, как вы, я, Данросс, Хэвегилл, Армстронг. Да кто угодно, — без запинки ответил Кросс. — Но лишь с одним характерным отличием: думаю, человек этот законспирировался настолько глубоко, что почти забыл, кто он такой, какому делу служит, на кого работает. Он, видимо, представляет собой нечто особенное. Как и все агенты «Севрина». — Узколицый субъект уставился на Данрасса. — Они должны быть особенными: в Эс-ай система сдержек и противовесов на самом деле очень хорошо поставлена, и в ЦРУ тоже, но мы раньше и слыхом не слыхивали о «Севрине».

— Как же вы собираетесь поймать его? — спросил Данросс.

— А как вы собираетесь поймать своего агента в «Струанз»?

— Понятия не имею. — «А что, если шпион „Севрина" и иуда, раскрывший наши секреты Бартлетту, — одно и то же лицо?» — озабоченно задавался вопросом Данросс. — Если он в верхнем эшелоне, то это один из семи человек, о которых и помыслить такое невозможно.

— Вот вам и пожалуйста, — подхватил Кросс. — Помыслить невозможно, а один из них — шпион. Поймав одного, мы, вероятно, выьем из него имена остальных, если он их знает. — У обоих собеседников похолодело внутри от спокойной злобы в его голосе. — Но чтобы мы поймали одного, кто-то из них должен совершить оплошность или нам необходима капля везения.

Губернатор ненадолго задумался.

— Иэн уверяет, что в предыдущих докладах нет ничего, что указывало бы на какие-либо имена — или давало подсказки. Так что рассчитывать на то, что остальные доклады дадут немедленный ответ, не приходится.

— Они могут пролить свет, сэр, на другие вопросы, сэр.

— Я знаю. — Слова были произнесены негромко, но властно, приказывая: «Замолчи, сядь и жди, пока я закончу». Сэр Джеффри какое-то время хранил молчание. — Так что, похоже, мы должны просить Иэна о сотрудничестве. Повторяю, я согласен с тем, что его опасения обоснованны. — Лицо губернатора напряглось. — Филби, Берджесс и Маклин преподали нам хороший урок. Должен признаться, что всякий раз, когда звоню в Лондон, я задаю себе вопрос: а не разговаривает ли со мной ещё один проклятый предатель? — Он вынул носовой платок и высморкался. — Ладно, довольно об этом. Иэн, будьте так любезны изложить Роджеру условия, на которых вы передадите нам доклады АМГ.

— Я передам их сам лично начальнику или заместителю начальника Эм-ай-6 или Эм-ай-5 при условии, что у меня будет данная его превосходительством письменная гарантия, что человек, которому я передаю бумаги, является тем, за кого себя выдает.

— Министр согласен с этим, сэр?

— Если согласны вы, Роджер. — Это опять было сказано вежливо, но заключало в себе внятный подтекст: «Лучше соглашайся, Роджер».

— Очень хорошо, сэр. Мистер Синдерс согласен с этим планом?

— Он прилетит в пятницу, если на то будет воля «Бритиш оверсиз эру-эйз корпорейшн».

— Да, сэр. — Роджер Кросс бросил взгляд на Данросса. — До этого времени пусть лучше папки будут у меня. Вы можете передать мне запечатанный па...

Данросс отрицательно покачал головой:

— До того как я передам их, они будут в надежном месте. Кросс поджал тонкие губы:

— Нет. То, что известно нам, могут разнюхать другие. У других не такие чистые руки. Мы должны знать, где папки: нам лучше поставить там круглосуточную охрану.

— Это справедливо, а, Иэн? — кивнул сэр Джеффри. Данросс подумал.

— Хорошо. Они в хранилище банка «Виктория». — Шея Кросса порозовела, когда Данросс вынул ключ и положил его на стол. Цифры были тщательно стерты. — Там около тысячи сохранных ячеек. Номер знаю я один. Этот ключ единственный. Возьмите его, сэр Джеффри. Тогда... ну, это лучшее, что я могу сделать, чтобы подстраховаться.

— Роджер?

— Да, сэр. Если вы не против.

— Там они, конечно, в безопасности. Невозможно же взломать все ячейки. Прекрасно, тогда все решено. Иэн, ордер отменяется. Вы действительно обещаете передать их Синдерсу, как только он приедет, Иэн? — Взгляд снова стал пронизывающим. — Мне на самом деле пришлось потратить на все это немало сил.

— Да, сэр.

— Прекрасно. Тогда все решено. О бедняге Джоне Чэне ещё ничего, Роджер?

— Нет, сэр, используем все возможности.

— Ужасная вещь. Иэн, что происходит вокруг «Хо-Пак»? У них на самом деле неприятности?

— Да, сэр.

— Они обанкротятся?

— Не знаю. Говорят, похоже на то.

— Проклятье! Мне это совсем не нравится. Очень плохо для нашего имиджа. А сделка с «Пар-Кон»?

— Вроде бы неплохо. Надеюсь, на следующей неделе у меня будут для вас хорошие новости, сэр.

— Чудесно. Нам пригодятся здесь крупные американские фирмы. — Он улыбнулся. — Насколько я понимаю, эта девица выглядит сногшибательно! Кстати, завтра из Пекина приезжает парламентская торговая делегация. Я развлекаю их в четверг: вы придете, конечно.

— Да, сэр. Ужин будет для мужской компании?

— Да, хорошая идея.

— Я приглашу их в субботу на скачки. Если народу окажется слишком много, часть может разместиться в ложе банка, сэр.

— Прекрасно. Благодарю вас, Иэн. Роджер, не могли бы вы уделить мне минутку?

Данросс поднялся, попрощался со всеми за руку и вышел. Хоть он и приехал на полицейской машине с Кроссом, его ждал собственный «роллс-ройс». По дороге Данросса перехватил Брайан Квок.

— Какова официальная информация, Иэн?

— Меня попросили, чтобы об этом тебе доложил твой босс.

— Что ж, справедливо. Он надолго там?

— Не знаю. Все в порядке, Брайан. Нет нужды беспокоиться. Думаю, я сделал правильный выбор.

— Надеюсь. Извини — проклятая работа.

— Да. — Данросс опустился на заднее сиденье «силвер клауд». — «Голден ферриз», — бодро сказал он.

Сэр Джеффри наливал превосходный шерри в две изысканные фарфоровые чашечки с тонкими, как яичная скорлупа, стенками.

— Эта история с АМГ просто пугает, Роджер. Боюсь, я до сих пор не привык к предательству, измене и другим грязным делам, на которые может пойти противник. Даже после всех этих лет. — Сэр Джеффри всегда подвизался на дипломатическом поприще, за исключением военных лет, когда он служил офицером генерального штаба британской армии. Он владел русским языком, северным диалектом китайского, французским и итальянским. — Ужасно.

— Да, сэр. — Кросс наблюдал за ним. — Вы уверены, что можете доверять Иэну?

— В пятницу вам не нужно будет добро от Лондона, чтобы действовать дальше. У вас есть правительственное предписание. В пятницу папки будут у нас.

— Да, сэр. — Кросс осторожно взял фарфоровую чашечку: смущала её хрупкость. — Благодарю вас, сэр.

— Предлагаю отрядить двух людей на постоянное дежурство в хранилище банка: одного из Эс-ай, одного из уголовного розыска, на всякий случай, и приставить охранника в штатском к тайбаню — негласно, конечно.

— Я распоряжусь насчет банка ещё до того, как уйду. За ним я уже установил общее наблюдение.

— Вы уже его установили?

— За ним? Да, сэр. Я исходил из того, что он попытается использовать данную ситуацию в собственных целях. Иэн — очень коварный тип. В конце концов, тайбань Благородного Дома не может быть дураком.

— Нет, не может. Ваше здоровье! — Они осторожно чокнулись. Фарфор издал прелестный звон. — Этот тайбань — лучший из тех, с кем я имел дело.

— Упоминал ли Иэн, что недавно перечитывал содержимое папок, сэр? Прошлой ночью, например?

Сэр Джеффри нахмурился, восстанавливая в памяти утренний разговор.

— Не думаю. Минуточку, он сказал... Если точно, он сказал: «Прочитав первый раз эти доклады, я подумал, что некоторые соображения АМГ притянуты за уши. Но теперь, когда он мертв, я изменил свое мнение...» Это может говорить о том, что недавно он их перечитывал. А что?

Кросс рассматривал тонкую, как бумага, фарфоровую чашечку на свет.

— Мне часто приходилось слышать, что у него превосходная память. Если до папок в хранилище не добраться... Не возникнет ли у КГБ искушения похитить его?

— Господи, вы же не считаете их такими дураками, верно? Похитить тайбаня?

— Все зависит от того, какое значение они придадут докладам, сэр, — бесстрастно продолжал Кросс. — Может, нашим людям, приставленным к тайбаню, не стоит особенно таиться? Это отпугнет русских, если они все же решатся на похищение. Может быть, вы скажете ему об этом, сэр?

— Конечно. — Сэр Джеффри сделал отметку в записной книжке. — Хорошая идея. Проклятая работа. Могли ли Вервольфы... Нет ли связи между контрабандным оружием и похищением Джона Чэня?

— Не знаю, сэр. Пока. Я поставил на это дело Армстронга и Брайана Квока. Если связь есть, они это выяснят. — Он любовался тем, как лучи заходящего солнца, пронизывая бледный, синеватый, как порошок, прозрачный фарфор, усиливают золотистый блеск сухого шерри «ла ина». — Какая интересная игра света...

— Да. Это «Тан Ин» — они названы так в честь управляющего императорской фарфоровой мастерской в тысяча семьсот тридцать шестом году. Правление императора Цянь-луна. — Сэр Джеффри поднял глаза на Кросса. — Глубоко законспирированные шпионы у меня в полиции, в администрации, в казначействе, на

военно-морской базе, в банке «Виктория», в телефонной компании и даже в Благородном Доме. Они могут парализовать нас и нанести невыразимый вред нашим отношениям с КНР.

— Да, сэр. — Кросс разглядывал чашечку. — Просто невероятно, какая тонюсенькая. Никогда раньше такой не видел.

— Вы коллекционер?

— Нет, сэр. Боюсь, что я ничего в них не смыслю.

— Это мои любимые, Роджер, большая редкость. Их называют то тай — «без тела». Они настолько тонки, что кажется, будто наружный и внутренний слой глазури соприкасаются.

— Даже страшно держать в руках.

— О, они вполне прочные. Нежные, конечно, но прочные. Кто может быть «Артуром»?

Кросс вздохнул:

— Из перехваченного доклада ничего не ясно. Ничего. Я прочел его раз пятьдесят. Что-то должно быть в остальных, что бы ни считал Данросс.

— Возможно.

Создавалось впечатление, что тонкая чашечка заморозила Кросса.

— Фарфор — это ведь глина, да?

— Да. Но этот тип фарфора получают, смешивая два вида глины, Роджер: каолин — по названию холмистой местности Цзиндечжэнь, где её нашли, — и бай дунь цзы¹³⁷, так называемые маленькие белые кирпичики. Китайцы говорят, что это плоть и кровь фарфора.

Сэр Джеффри подошел к резному столику с кожаной столешницей, служившему баром, и принес графин высотой около восьми дюймов. Почти прозрачный, он просвечивал в лучах солнца.

— Замечателен также синий фарфор. Когда он высыхает, на него с помощью бамбуковой палочки напыляют кобальт в порошке. По сути дела, этот цвет составляют тысячи отдельных мельчайших частичек синего цвета. Затем его покрывают глазурью и обжигают при температуре около тысячи трехсот градусов¹³⁸.

Он поставил графин назад в бар, любясь работой мастера.

— Замечательно.

— Существовал императорский эдикт, запрещающий вывоз фарфора. Нам, гуйлао, разрешалось приобретать только вещи, сделанные из хуа ши, скользкого камня, или дунь ни, грязевых кирпичиков. — Он снова взглянул на чашечку с видом знатока. — Гений, изготовивший это, вероятно, зарабатывал сто долларов в год.

— Должно быть, ему переплачивали, — сказал Кросс, и они улыбнулись друг другу.

— Видимо, так.

— Я найду «Артура», сэр, и остальных. Можете быть уверены.

— Боюсь, у меня нет другого выхода, Роджер. Мы с министром согласны в этом. Ему придется поставить в известность премьер-министра — и руководство генштаба.

— И тогда эта информация неизбежно попадет в самые разные руки и на языки, и противник неизбежно узнает, что мы можем напасть на его след.

— Да. Так что нам нужно работать быстро. Я выторговал вам четырехдневную отсрочку, Роджер. В течение этого времени министр не будет ничего передавать наверх.

¹³⁷ Бай дунь цзы (китайский камень) — разновидность полевого шпата.

¹³⁸ 704 °C.

— Выторговали, сэр?

— Образно выражаясь. В жизни постоянно приходится получать долговые расписки и давать их — даже в дипкорпусе.

— Да, сэр. Благодарю вас.

— Ничего о Бартлетте и мисс Кейси?

— Нет, сэр. Роузмонт и Лэнган запросили более точное досье. Похоже, есть некая связь между Бартлеттом и Банастасио: мы ещё не уверены, в чем она заключается. И он, и мисс Чолок в прошлом месяце были в Москве.

— А! — Сэр Джеффри снова наполнил чашечки. — Что вы предприняли насчет этого бедолаги Воранского?

— Я отослал труп обратно на судно, сэр. — Кросс вкратце рассказал о своей встрече с Роузмонтом и Лэнганом и о фотографиях.

— Какая удача! Наши заокеанские друзья становятся все умнее и умнее, — прокомментировал губернатор. — Вам лучше бы найти этих убийц до того, как это сделает КГБ — или ЦРУ, а?

— Мои люди стерегут подступы к дому. Как только убийцы появятся, их схватят. Мы, конечно, изолируем их от внешнего мира. Я увеличил количество наших агентов, приставленных к «Иванову». Больше никто не проскользнет через сеть, обещаю. Никто.

— Хорошо. По словам комиссара полиции, он приказал уголовному розыску тоже держать ухо востро. — Сэр Джеффри задумался. — Я пошлю записку секретарю насчет вашего отказа подчиниться директиве один-четыре «а». Американский офицер связи в Лондоне, конечно же, будет очень расстроен, но как вы могли подчиниться, в таких-то обстоятельствах?

— Если позволите, сэр, может, попросить его не упоминать о том, что папок у нас ещё нет. Эта информация тоже может попасть не в те руки. Чем позже все выйдет наружу, тем лучше.

— Да, согласен. — Губернатор отпил шерри из своей чашечки. — Мудрая вещь невмешательство, верно?

— Да, сэр.

Сэр Джеффри посмотрел на часы.

— Я позвоню ему через несколько минут, поймаю перед ланчем. Хорошо. Но есть одна проблема, которую я не могу отставить в сторону. Это «Иванов». Сегодня я услышал от нашего неофициального посредника, что Пекин с большой обеспокоенностью относится к присутствию этого судна.

Неофициальным представителем КНР в Гонконге выступал на тот момент назначенец из коммунистической иерархии, один из заместителей председателя Банка Китая, центрального китайского банка, через который проходила вся иностранная валюта и все миллиарды американских долларов, заработанных на поставках потребительских товаров и почти всего продовольствия и воды для Гонконга. Соединенное королевство всегда считало Гонконг своей территорией, колонией британской короны. За всю историю Гонконга, начиная с 1841 года, Великобритания никогда не допускала присутствия в колонии какого-либо официального представителя Китая. Никогда.

— Он мне просто всю душу вытряс с этим «Ивановым», — продолжал сэр Джеффри. — Хотел засвидетельствовать крайнее неудовольствие Пекина присутствием здесь советского шпионского судна. Он даже предположил, что я сочту благоразумным выдворить этот корабль... В конце концов, сказал он, мы слышали, что один из шпионов КГБ, выдававший себя за моряка, был убит на вашей территории. Я поблагодарил его за проявленный интерес и пообещал, что доложу об этом своему начальству — в должное время. — Сэр Джеффри отхлебнул шерри. — Любопытно, его, похоже, ничуть не раздражало присутствие здесь ядерного

авианосца.

— Странно! — тоже удивился Кросс.

— Не указывает ли это на ещё один сдвиг в политике, отчетливое и значительное изменение внешнего курса, желание жить в мире со Штатами? Не могу поверить. Все говорит о патологической ненависти Китая к США.

Губернатор вздохнул и снова наполнил чашечки.

— Если о существовании «Севрина» станет известно, если просочится, что под нас здесь сделан такой подкоп... Боже Всемогущий, они просто забьются в истерику, и будет от чего!

— Мы найдем предателей, сэр, не беспокойтесь. Мы найдем их!

— Найдем ли? Хотел бы я знать.

Сэр Джеффри сел у окна и засмотрелся на окруженный высокой белой стеной английский сад, ухоженные лужайки, кусты, цветочные клумбы, прекрасный закат. В дальнем конце сада среди клумб бродила его жена и срезала цветы, а за ней следовал мрачный садовник-китаец, на лице которого было написано неодобрение. Какое-то время сэр Джеффри наблюдал за супругой. Они были женаты уже тридцать лет, трое их детей успели обзавестись своими семьями, и они жили в мире и согласии.

— Всегда эти предатели, — грустно проговорил он. — Советы — большие мастера их использовать. Мерзавцам из «Севрина» так легко подстрекать, подмешать то тут, то там немного яду. Так просто посеять тревогу в Китае, в бедном Китае, который и без того ненавидит иностранцев! Ох, как просто раскачать нашу лодку! Но что хуже всего: кто шпион у нас? Шпион в полиции? Чтобы иметь доступ к важной информации, он должен быть, по крайней мере, старшим инспектором.

— Понятия не имею. Если бы я знал, то он давно бы уже был нейтрализован.

— Что вы собираетесь предпринять в отношении генерала Жэня и его тайных агентов-националистов?

— Я не намерен их трогать: они уже много месяцев на крючке. Гораздо лучше оставить известных тебе агентов там, где они есть, нежели потом разыскивать новых, которых пришлют им на смену.

— Согласен, их, конечно, всех заменят. Их и наших. Грустно, как это грустно! Мы этим занимаемся, и они этим занимаются. Так грустно и так глупо: наш мир — райское место... Мог бы быть райским местом.

В окне эркера загудела пчела. Сэр Джеффри отвел в сторону занавеси, и она вылетела в сад.

— Министр просил меня позаботиться о безопасности наших парламентариев, приехавших с визитом, принять оптимальные и продуманные меры. И сделать это надо абсолютно незаметно. Я имею в виду нашу торговую делегацию, которая возвращается завтра из Китая.

— Хорошо, сэр. Я понял.

— Похоже, один или двое из них могут в будущем стать членами кабинета министров, если лейбористская партия придет к власти. Неплохо бы произвести на них благоприятное впечатление.

— Вы считаете, что в следующий раз у них будет шанс? У лейбористов?

— Такого рода вопросы я оставляю без комментариев, Роджер. — В невыразительном голосе губернатора звучал укор. — Я не имею отношения к партийной политике. Я представляю здесь Её Величество Королеву. Но мне лично действительно хотелось бы, чтобы некоторые из этих экстремистов ушли на покой и оставили бы в покое наше государственное устройство. Очевидно ведь, что социалистическая философия левого крыла по большей части чужда английскому образу жизни. — Голос сэра Джеффри зазвучал жестче. — И слепому ясно, что некоторые из них оказывают помощь противнику, по доброй воле — или позволяя

водить себя за нос. Раз уж мы коснулись этого предмета, есть ли среди наших гостей люди неблагонадежные?

— Смотря, что вы имеете в виду, сэр. Двое — тред-юнионисты левого крыла, «заднескамеечники»¹³⁹ и пламенные ораторы — Робин Грей и Локин Дональд Мак-Лин. Мак-Лин открыто бравирует своими связями с Британской компартией. Он стоит одним из первых в нашем списке неблагонадежных элементов. Остальные социалисты — умеренные. Консерваторы тоже умеренные — средний класс, все прошли службу в армии. Один придерживается проимперских взглядов — представитель либеральной партии, Хью Гутри.

— А пламенные ораторы? Они служили?

— Мак-Лин был шахтером. По крайней мере, на шахте работал его отец. Свою коммунистическую карьеру он сделал как руководитель профсоюзной ячейки на угольных копях Шотландии. Робин Грей — армеец, пехотный капитан.

Сэр Джеффри поднял на него глаза:

— Трудно представить армейского капитана, даже отставного, в роли пламенного оратора и тред-юниониста, верно?

— Да, сэр. — Кросс с удовольствием отпил шерри, испытывая ещё большее удовольствие от того, что знал. — И то также, что он может быть родственником тайбаня.

— Что?!

— Пенелопа Данросс приходится сестрой Робину Грею.

— Господи боже мой! — уставился на него изумленный сэр Джеффри. — Вы уверены?

— Да, сэр.

— Но почему, почему Иэн не говорил об этом прежде?

— Не знаю, сэр. Может, стыдится этого родства. Мистер Грей, несомненно, полная противоположность миссис Данросс.

— Но... Господи Иисусе, вы уверены?

— Да, сэр. На самом деле эту связь обнаружил Брайан Квок. Совершенно случайно. Для получения визы в КНР членам парламента нужно было представить обычную информацию о себе: дата рождения, род занятий, ближайшие родственники и так далее. Брайан производил обычную проверку, чтобы убедиться, что с визами все в порядке и никаких проблем на границе не будет. Он случайно обратил внимание, что в графе «Ближайшие родственники» мистер Грей указал: «Сестра Пенелопа Грей, Эвисъярд-Касл, Эршир». Брайан вспомнил, что это адрес шотландского поместья Данроссов. — Кросс вынул серебряную сигаретницу. — Вы не будете возражать, если я закурю, сэр?

— Нет, пожалуйста.

— Благодарю вас. Это было около месяца тому назад. Я посчитал информацию достаточно важной и предложил Брайану проверить её. Потребовалось сравнительно немного времени, чтобы установить, что миссис Данросс действительно сестра Робина Грея, его ближайшая родственница. Насколько нам известно, миссис Данросс рассорилась с братом сразу после войны. Капитан Грей был в плену в Чанги: его схватили в Сингапуре в сорок втором году. Домой он вернулся в конце сорок пятого. Кстати, их родители погибли во время налета на Лондон в сорок третьем. В то время она уже была замужем за Данроссом: они поженились в сорок третьем году, сэр, почти сразу после того, как его сбили, — она служила в женском вспомогательном корпусе ВВС. Мы знаем, что брат и сестра

¹³⁹ «Заднескамеечники» — рядовые члены парламента. В первых рядах палаты общин сидят члены правительства и лидеры оппозиции.

встречались, когда Грея освободили. Насколько можно судить теперь, больше встреч не было. Это, конечно, совсем не наше дело, но ссора, должно быть...

Кросс осекся, потому что в дверь тихо постучали, и сэр Джефффри раздраженно откликнулся:

— Да?

Дверь отворилась.

— Прошу прощения, сэр, — вежливо проговорил адъютант. — Леди Эллисон просила передать: только что дали воду.

— О, чудесно! Благодарю вас. — Дверь закрылась. Кросс тут же поднялся, но губернатор жестом попросил его снова сесть. — Нет, пожалуйста, закончите, Роджер. Несколько минут ничего не изменят, хотя, должен признаться, мне просто не терпится. Не хотите принять душ перед уходом?

— Благодарю вас, сэр, но у нас в Главном управлении полиции собственные цистерны для воды.

— О да. Я забыл. Продолжайте. Вы говорили про ссору?

— Эта ссора, должно быть, оказалась довольно серьезной, потому что, похоже, стала последней. Близкий друг Грея сказал одному из наших людей несколько дней тому назад, что, насколько ему известно, у Робина Грея нет никаких родственников. Должно быть, они на самом деле ненавидят друг друга.

Сэр Джефффри смотрел на свою чашечку, но не видел её. Он вдруг вспомнил собственное ужасное детство. Как он ненавидел отца... Ненавидел настолько, что в течение тридцати лет ни разу не позвонил и не написал ему, а когда в прошлом году отец умирал, даже не дал себе труда поехать и помириться с человеком, который подарил ему жизнь.

— Люди ведут себя ужасно друг с другом, — печально пробормотал он. — Я знаю. Да. Семейные ссоры возникают так легко. А потом, когда уже слишком поздно, жалеешь об этом. Да, действительно жалеешь об этом. Люди ведут себя ужасно друг с другом...

Кросс наблюдал за ним, не торопя, давая выговориться, предоставляя возможность открыться, предусмотрительно стараясь не делать никаких движений, чтобы не отвлечь его, выведать секреты этого человека, его семейные тайны. Как и Алан Медфорд Грант, Кросс коллекционировал секреты. «Черт бы побрал этого ублюдка и его треклятые папки! Черт бы побрал Данросса и его коварство! Господи, ну как мне получить папки до Синдерса?»

Сэр Джефффри сидел, уставившись в пространство, пока его не спугнуло восхитительное бульканье воды, бегущей по трубам в толще стен. Он пришел в себя и увидел, что Кросс пристально наблюдает за ним.

— Хм, мысли вслух! Скверная привычка для губернатора, а? Кросс улыбнулся и не попал в ловушку.

— Что вы сказали, сэр?

— Ну, как вы говорите, это действительно не наше дело. Губернатор решительно допил шерри, и Кросс понял, что свободен.

Он поднялся.

— Благодарю вас, сэр.

Оставшись один, губернатор вздохнул. Подумал немного, набрал специальный номер и назвал оператору личный номер министра в Лондоне.

— Это Джефффри Эллисон. Прошу прощения, он у себя?

— Привет, Джефффри!

— Приветствую, сэр. Я только что виделся с Роджером. Он уверяет, что и потайное место, и Данросс будут под надежной охраной. Мистер Синдерс в пути?

— Будет на месте в пятницу. Полагаю, тот злосчастный случай с моряком не возымел никаких последствий?

— Нет, сэр. Похоже, все под контролем.
— Премьер-министр очень озабочен.
— Да, сэр. — Затем губернатор добавил: — Насчет один-четыре «а»... Может, нам не следует пока чего-либо говорить нашим друзьям?

— Они уже со мной связывались. Были весьма огорчены и раздражены. Как и наши ребята. Хорошо, Джеффри. К счастью, выходные на этой неделе длинные, так что я проинформирую их в понедельник и тогда же набросаю выговор.

— Благодарю вас, сэр.

— Джеффри, этот американский сенатор, который сейчас у вас. Думаю, его нужно бы направлять.

Губернатор нахмурился. «Направлять» было у них кодовым словом, означавшим «очень тщательно следить». Сенатор Уилф Тиллман, возможный кандидат в президенты, находился с визитом в Гонконге по пути в Сайгон, куда он собрался с широко освещаемой в прессе миссией — установить фактическое положение дел.

— Я займусь этим сразу же, как мы закончим разговор. Что-нибудь ещё, сэр? — Он уже испытывал непреодолимое желание залезть под душ.

— Нет, лишь пришлите мне частную записку по программе этого сенатора. — «Программа» была ещё одним кодовым словом, которое предполагало предоставление министерству по делам колоний подробной информации. — Когда выберете время.

— Она будет у вас на столе в пятницу.

— Благодарю вас, Джеффри. Поболтаем завтра в обычное время. — Линия умолкла.

Губернатор задумчиво положил трубку. Их беседу шифруют, а потом дешифруют на том и другом конце провода. И тем не менее они прибегали к предосторожностям, зная, что противник располагает самой современной и мудреной подслушивающей аппаратурой в мире. Если предстояла действительно секретная беседа или встреча, губернатор отправлялся в находящееся под постоянной охраной и похожее на камеру бетонированное помещение в подвале, которое каждую неделю подвергали тщательной проверке сотрудники службы безопасности на предмет обнаружения электронных «жучков».

«Как это раздражает, черт возьми, — думал сэр Джеффри. — Какая досада все эти игры рыцарей плаща и кинжала! Роджер? Даже подумать трудно, хотя ведь был же Филби».

25

18:20

Капитан Григорий Суслев весело помахал рукой полицейским у ворот дока в Коулуне. В пятидесяти ярдах за ним следовали два копа в штатском. Одетый в хорошо пошитый гражданский костюм, он постоял немного у обочины, наблюдая за движением, потом остановил проезжавшее такси. Такси отъехало, а за ним резко тронулся небольшой серый «ягуар» с сержантом Ли и ещё одним человеком из уголовного розыска в штатском за рулем.

Такси двигалось по Чатэм-роуд вдоль железной дороги на юг среди обычного оживленного транспортного потока. Потом свернуло на запад по Солсбери-роуд на южной оконечности Коулунa и миновало железнодорожный вокзал около терминала «Голден ферриз». Там машина остановилась. Суслев расплатился и взбежал по ступенькам отеля «Виктория энд Альберт». Сержант Ли последовал за ним, а другой полицейский припарковал «ягуар».

Легкой походкой Суслев шагал по огромному, заполненному людьми холлу с

высокими потолками, прелестными, изысканно украшенными, со старомодными электрическими вентиляторами, потом остановился и стал искать среди множества столиков свободный. В зале слышались оживленные разговоры, побрякивали кусочки льда в бокалах с коктейлями. В основном европейцы. Несколько китайских пар. Побродив среди толпы, Суслев нашел столик, громко заказал двойную порцию водки, сел и стал читать газету. Рядом остановилась девушка.

— Привет, — сказала она.

— Джинни, *dorogaya*! — Он расплылся в улыбке и прижал её к себе, оторвав от пола, чем вызвал неодобрение всех присутствующих женщин и тайную зависть мужчин. — Давненько не виделись, *golubchik*.

— Аййя. — Она тряхнула головой, так что её короткие волосы разлетелись во все стороны, и села, ощущая на себе пристальные взгляды, наслаждаясь ими и ненавидя. — Ты поздно. Зачем ты заставляешь меня ждать? Леди не нравится ждать в «Виктория» одна, хейя?

— Ты права, *golubchik*! — Суслев вынул тонкий пакет и подал ей, снова широко улыбнувшись. — Вот, прямо из Владивостока!

— О! Как благодарить тебя?

Джинни Фу было двадцать восемь, по вечерам она обычно работала в баре «Хэппи дринкерз» — «Счастливые выпивохи» — в одном из переулков Монкока, около полумили к северу отсюда. Иногда отправлялась в дансинг «Гуд лак». Днем в основном подменяла подружек за прилавком небольших магазинчиков в больших торговых центрах, когда те удалялись с клиентом. Белые зубы, блестящие чёрные глаза, блестящие чёрные волосы и золотистая кожа, яркий чунсам с высоким разрезом, открывающим длинные ноги в туго натянутых чулках. Она восторженно разглядывала подарок.

— О, спасибо, Грегор, спасибо большое!

Она положила пакет в свою большую сумочку и ухмыльнулась, глядя на него. Потом её взгляд упал на официанта, принесшего водку для Суслева. Всем своим видом наглый малый выражал презрение, которым его соотечественники награждают молодых китайцев, явшающихся с гуйлао. Они, конечно же, третьеразрядные шлюхи. Кто ещё будет сидеть с гуйлао в публичном месте, тем более в холле «Вик»? Поставив напиток, официант с привычной бесцеремонностью уставился на неё.

— *Цзю ни ло мо* на всех твоих провонявших помоями для свиней предков, — прошипела она на грязном кантонском. — Мой муж — 489 в полиции. Одно мое слово — и через час после того, как ты закончишь работу сегодня вечером, он раздавит эти твои ничтожные арахисовые орешки, которые ты называешь яйцами!

Официант побледнел.

— Что?

— Горячего чаю! Горячего чаю, ети его, принеси! А если плюнешь в него, я скажу мужу, чтобы завязал узел на соломинке, которую ты именуешь своим «стеблем»!

Официанта как ветром сдуло.

— Что ты ему сказала? — спросил Суслев, который знал лишь несколько слов на кантонском, хотя по-английски говорил очень хорошо.

Джинни Фу мило улыбнулась:

— Я лишь попросила его принести чаю.

Она знала: официант теперь плюнет в чай просто автоматически или, скорее всего, для безопасности попросит сделать это своего приятеля.

Так что чай она пить не будет и таким образом унизит его ещё больше. «Грязная собачья кость!»

— Следующий раз не нравится встречать здесь. Много неприятный людей, — величественно произнесла она, оглядевшись. Потом сморщила нос, раздосадованная группой англичанок среднего возраста, которые тарасились на неё.

— Слишком много вонючий тело, — громко добавила она, снова потрянув волосами, и ухмыльнулась про себя, увидев, как они, залившись краской, отвернулись. — Этот подарок, Греги. Благодарю столько очень!

— Не за что, — ответил Суслев. Он знал, что Джинни не откроет пакет сразу же — или в его присутствии, — следуя мудрому китайскому обычаю. Ведь если подарок ей не понравится и она, не стерпев разочарования, выругается вслух: мол, подарок не того размера или не того цвета, подаривший — скупердй, у него нет вкуса, то он потеряет лицо и она тоже. — Очень разумно!

— Што?

— Ничего.

— Хорошо выглядишь.

— Ты тоже.

Прошло три месяца со времени его прошлого визита, и хотя во Владивостоке у него имелась любовница-евразийка (мать у неё была русская, а отец — китаец), Джинни Фу ему нравилась.

— Греги, — начала она, а потом понизила голос, игриво улыбаясь: — Допивай. Мы начинать праздник! У меня есть водка... у меня есть кое-что ещё!

— Это у тебя есть, golubchik! — улыбнулся он в ответ.

— Сколько у тебя дней?

— По крайней мере три, но...

— О! — Она пыталась скрыть разочарование.

— ...мне нужно иногда возвращаться на судно. У нас есть сегодняшний вечер, почти весь, и завтра, и вся завтрашняя ночь. И звезды будут сиять!

— Три месяца — долгое время, Греги.

— Я скоро вернусь.

— Да. — Джинни Фу прогнала разочарование и снова стала прагматичной. — Допивай, и мы начинать! — Она заметила спешившего официанта и, когда он поставил перед ней чай, впилась в него глазами. — Ха! Ясно, что холодный и спитой! — с отвращением сказала она. — За кого ты меня принимаешь? За грязный кусок падали для заморского дьявола? Нет, я цивилизованный человек из Четырех Провинций, и мой богатый отец, проиграв все деньги, продал меня в наложницы, и я стала Женой Номер Два этого начальника полиции заморских дьяволов! Так что иди и помочись в свою шляпу! — Она встала.

Официант отступил на шаг.

— Что случилось? — спросил Суслев.

— Не плати за чай, Греги. Не горячий! — величественно произнесла она. — Не давай чаевых!

Суслев тем не менее расплатился, взял её под руку, и они вышли, и множество глаз смотрело им вслед. Она высоко держала голову, но в душе ненавидела то, как на неё смотрели все китайцы, даже юный, накрахмаленный коридорный, открывавший дверь, — так похожий на её самого младшего брата, которому ей приходилось давать деньги на жизнь и учебу.

По ступенькам поднимался Данросс. С изумленным блеском в глазах он подождал, пока парочка пройдет. Улыбающийся во весь рот коридорный отвесил ему поклон. Он пробрался через толпу к местному телефону. Многие тут же заметили его и провожали взглядами. Обойдя группу туристов, увешанных фотоаппаратами, он увидел за угловым столиком Жака де Вилля и его жену Сюзанну. Оба сидели с напряженными лицами, уставившись в свои рюмки. Данросс потрянул головой: опять двадцать пять! Бедный старина Жак снова попался, и жена, уличив его в неверности, сыплет соль на старую рану. Джосс! Он, как наяву, услышал смех старого Чэнь-чэня. «Жизнь мужчины — страдание, юный Иэн! Да, это война вечного инь с нашим, о, таким уязвимым ян...»

В другой день Данросс сделал бы вид, что не заметил чету де Вилль, чтобы не вторгаться в их личную жизнь, а сегодня, повинуясь какому-то инстинкту, поступил иначе.

— Привет, Жак, Сюзанна. Как дела?

— О привет, привет, тайбань. — Жак де Вилль вежливо встал. — Не присядешь к нам?

— Нет, спасибо, не могу. — И тут он заметил, что лицо друга выражает нешуточное страдание, и вспомнил об автомобильной аварии во Франции. «Дочь Жака, Аврил, и её муж!» — Что случилось? Выкладывай! — Данросс проговорил это требовательно, ожидая немедленного ответа.

Жак ответил не сразу:

— Тут вот какое дело, тайбань: я получил известия от Аврил. Она позвонила из Канн, как раз когда я уезжал из офиса. Она... она сказала: «Папа... папа, Борж умер... Ты слышишь меня? Я два дня пыталась дозвониться до тебя... Столкновение было лобовое, и тот, тот человек был... Мой Борж умер... Ты слышишь меня?..» — Жак произнес все это ровным голосом. — Потом разговор прервался. Мы знаем, что она в больнице в Каннах. Я подумал, что Сюзанне лучше лететь сразу. Её... её рейс задерживается, так что... так что мы просто ждем здесь. Они пытаются дозвониться в Канны, но я не очень-то на это надеюсь.

— Господи, примите мои искренние соболезнования, — пробормотал Данросс, стараясь преодолеть приступ боли, охватившей его, когда на месте Аврил он представил себе Адрион. Аврил всего двадцать, а Борж Эскари был прекрасный молодой человек. Они всего полтора года как поженились, и это был их первый отпуск после рождения сына. — Когда рейс?

— Теперь в восемь.

— Сюзанна, может, нам посмотреть за ребенком? Жак, лети этим же рейсом! Я обо всем позабочусь.

— Нет. Спасибо, не надо. Пусть лучше летит Сюзанна. Она привезет Аврил домой.

— Да, — подтвердила Сюзанна, и Данросс заметил, что она словно обмякла. — У нас есть ама, и не одна... Лучше я сама, тайбань. Merci, но нет, так будет лучше всего. — У неё по щекам потекли слезы. — Ведь это несправедливо, верно? Борж был такой милый мальчик!

— Да, Сюзанна. Я скажу Пенн, чтобы заглядывала каждый день. Мы присмотрим за ребенком и за Жаком тоже. — Данросс взвесил состояние обоих. Он был уверен, что Жак может контролировать себя. «Хорошо», — подумал он. Потом заговорил, и это прозвучало как приказ: — Жак, когда Сюзанна благополучно сядет в самолёт, отправляйся в офис. Пошли телекс нашему человеку в Марселе. Распорядись, чтобы он заказал люкс в «Капитоле», встретил её на машине и передал десять тысяч долларов во франках. Скажи от моего имени, что он поступает в её распоряжение на все время, пока она там. Завтра он должен позвонить мне и дать полный отчет об Аврил, аварии, о том, кто был за рулем и кто вел другую машину.

— Есть, тайбань.

— Ты уверен, что чувствуешь себя хорошо? Жак выдавил из себя улыбку.

— Oui. Merci, mon ami¹⁴⁰.

— Rien¹⁴¹. Прошу прощения, Сюзанна, звони — с переводом оплаты на меня. Скажешь, не можем ли мы ещё что-то сделать.

¹⁴⁰ Да. Спасибо, дружище (франц.).

¹⁴¹ Не за что (франц.).

И он пошёл дальше.

«Наш человек в Марселе — добрый малый. Он обо всем позаботится. А у Жака железная воля. Я ничего не забыл? Нет, думаю, что нет. С этим пока покончено.

Господи, оборони Адрион, и Гленну, и Дункана, и Пенн. И Кэти, и всех остальных. И меня — пока Благородный Дом не станет несокрушимым».

Данросс глянул на часы: ровно 18:30. Он взял трубку местного телефона.

— Мистера Бартлетта, пожалуйста. Через мгновение донесся голос Кейси:

— Алло?

— А, привет, Сирануш! Передайте, пожалуйста, что я в холле.

— О, привет, конечно! А вы не хотите подняться? Мы...

— А может, вы спуститесь? Я подумал, если вы не очень заняты, я взял бы вас с собой на следующую встречу: вам это может быть интересно. А потом можно вместе перекусить, если у вас нет других договоренностей.

— Я с удовольствием. Позвольте, я выясню.

Он слышал, как она повторяет сказанное им, и задумался о своем пари с Клаудией.

«Не может быть, чтобы, живя так близко, эти двое не были любовниками. Это просто противоестественно!»

— Мы сейчас спустимся, тайбань! — По голосу он почувствовал, что она улыбается, и повесил трубку.

Рядом, ожидая высокой чести усадить самого Тайбаня, топтался старший метрдотель Полуденный Пок, которого вызвали, едва стало известно, что Данрасса видели у главного входа. Седовласый и величественный, Полуденный Пок управлял своей сменой при помощи бамбуковой плетки.

— Ах, Досточтимый Господин, как приятно, — сказал старик по-кантонски, отвесив почтительный поклон. — Ели ли вы рис сегодня? — Это было традиционное китайское приветствие, что-то вроде «добрый день», «добрый вечер» или «здравствуйте».

— Да, благодарю вас, Старший Брат. — Данросс знал Полуденного Пока чуть ли не всю жизнь. Сколько он себя помнил, Полуденный Пок всегда был главным метрдотелем смены, обслуживающей холл с полудня до шести. И, когда юного Данрасса, надувшегося после порки или подзатыльников, посылали сюда с какой-нибудь оказией, не раз случалось, что старик усаживал страдальца за столик в углу, подсовывал пирожное, добродушно гладил по голове и никогда не приносил счет. — Вид у вас процветающий!

— Благодарю вас, тайбань. О, вы, похоже, тоже в добром здравии! Но у вас всего один сын! Как вы считаете, не пора ли вашей уважаемой Главной Жене найти вам вторую жену?

Оба улыбнулись.

— Прошу следовать за мной.

Старик с важным видом повел его к лучшему столику, который как по мановению волшебной палочки появился в самом лучшем, самом просторном месте стараниями четырех энергичных официантов, оттеснивших для этого остальных гостей и их столики. Теперь официанты стояли, сияя улыбками, чуть ли не по стойке «смирно».

— Как обычно, сэр? — спросил сомелье. — У нас есть бутылочка урожая пятьдесят второго года.

— Отлично. — Данросс знал, что это будет французское сухое белое, «ля дусетт», которое ему так нравилось. Он предпочел бы чай, но приличия требовали согласиться на вино. Бутылка уже охлаждалась в ведерке со льдом. — Я жду мистера Бартлетта и мисс Чолок. — Ещё один официант тут же отправился ждать их у лифта.

— Если что-нибудь будет нужно, прошу позвать меня. — Полуденный Пок поклонился и ушел, но каждый официант в холле нервно ощущал его присутствие.

Сев, Данросс заметил Питера и Флер Марлоу, которые пытались уговорить двоих симпатичных, но шумных девчушек четырех и восьми лет, и вздохнул, поблагодарив Бога, что его дочери уже вышли из этого беспокойного возраста. С удовольствием потягивая вино, он увидел, что ему машет рукой старый Вилли Таск. И помахал в ответ.

Подростком Иэн три-четыре раза в неделю приезжал к Таску из Гонконга с деловыми поручениями старого сэра Росса Струана, отца Аластэра, — или, скорее всего, это были поручения от его собственного отца, который много лет управлял зарубежными операциями Благородного Дома. Иногда Таск оказывал Благородному Дому услуги в тех областях, где был докой, — во всем, что имело отношение к вывозу чего угодно из Таиланда, Бирмы или Малайи и отправке куда угодно за небольшой сян ю и стандартные комиссионные в семь с половиной процентов.

— А для чего полпроцента, дядя Таск? — спросил Данросс однажды, глядя снизу вверх на человека, который теперь был ему по плечо.

— Это то, что я называю «деньги на куколок», юный Иэн.

— А что такое «деньги на куколок»?

— Чуть лишку себе на карман, чтобы отдать «куколкам» — дамам, которые тебе нравятся.

— А зачем ты отдаешь деньги дамам?

— Долго рассказывать, паренек.

Данросс усмехнулся про себя. Да, очень долго рассказывать. По этой части наставники у него были разные: и хорошие, и очень хорошие, и плохие. Стараниями Старого Дядюшки Чэнь-чэнь радости плоти Данросс впервые познал в четырнадцать лет.

— Ой, вы серьезно, Дядюшка Чэнь-чэнь?

— Да, но не говори об этом никому, иначе твой отец пустит мои кишки на подвязки! Вообще-то, — продолжал славный старик, — он сам должен был это сделать или попросить меня, но ничего. Так вот, ко...

— Но когда я, когда я... Ой, вы уверены? Я имею в виду, сколько... Сколько я должен заплатить и когда, Дядюшка Чэнь-чэнь? Когда? До или... или после... или когда? Вот чего я не знаю.

— Ты ещё много чего не знаешь! Ты ещё не знаешь, когда можно говорить, а когда лучше помолчать! Как мне ответить, если ты тараторишь без умолку? Не целый же день мне этим заниматься.

— Нет, сэр.

— И-и-и. — Старик Чэнь-чэнь расплылся в добродушной улыбке. — И-и-и, ну и счастливчик же ты! Первый раз в «великолепной ложбинке»! Ведь это в первый раз, да? Скажи правду!

— Э-э... ну э-э, ну... э-э, да.

— Хорошо!

Только годы спустя Данросс узнал, что некоторые из самых известных борделей Гонконга и Макао тайно добивались привилегии послужить первому соитию будущего тайбаня, прапраправнука самого Зеленоглазого Дьявола. Оказанная заведению высокая честь — ведь именно его выбрал компрадор Благородного Дома — создавала ему прекрасную репутацию на многие годы, да и для девицы это был большой джосс. «Эссенция первого раза» любого мужчины, даже низкородного, считалась у китайцев чудодейственным эликсиром, столь же ценным и взыскуемым, что и благотворные для омоложения ян пожилого мужчины девственные соки инь.

— Господи боже мой, Дядюшка Чэнь-чэнь! — взорвался он тогда. — Это правда? Вы на самом деле продали меня? Продали меня этому чертову публичному дому? Меня!

— Конечно. — Щурясь на него, старик лишь похихикивал. Прикованный к

постели в большом доме семьи Чэнь на вершине холма Струанз-Лукаут, он уже почти ничего не видел, и жить ему оставалось недолго, но довольство и милая невоздержанность не покидали его. — Кто сказал тебе об этом, кто? А, юный Иэн?

Именно Таску, вдовцу, завсегдатаю дансингов, баров и публичных домов Коулуна, бандерша, мама-сан, поведала, как легенду, историю о том, что компрадор «Струанз» выбирает первую наложницу для потомков Зеленоглазого Дьявола — так уж заведено в Благородном Доме.

— Да, старина, — твердил Таск. — Дирк Струан пригрозил сэру Гордону Чэню, отцу старика Чэнь-чэня, что, если выбор окажется неправильным, его дурной глаз наведет порчу на дом Чэнь.

— Ерунда, — ответил тогда Данросс.

А Таск, обидевшись, настаивал, что пересказывает лишь предание, ставшее уже частью гонконгского фольклора.

— Ерунда или нет, Иэн, дружище, на твоём первом «трах-бахе» старый распутник заработал тысячи гонконгских долларов!

И вот Иэн призвал старика к ответу:

— Я считаю, что это, черт побери, просто ужасно, Дядюшка Чэнь-чэнь!

— Но почему? Очень выгодный торг. Тебе это ничего не стоило, но доставило огромное наслаждение. Мне это также ничего не стоило, но принесло двадцать тысяч гонконгских долларов. Публичный дом и сама девушка приобрели превосходную репутацию. Ей это опять-таки ничего не стоило, но она получила на годы вперед огромное количество клиентов, стремящихся тоже испытать нечто особенное, за что её выбрали Номером Первым для тебя!

Данросс знал её под именем Изящная Яшма. В свои двадцать два она была уже профессионалкой с большим опытом, потому что родители продали её в публичный дом, когда ей исполнилось двенадцать. Её заведение называлось «Дом тысячи удовольствий». Изящная Яшма могла быть милой и нежной, когда хотела, и сущим драконом тоже — под настроение. Он был безумно влюблен, их связь продолжалась два лета, когда он приезжал на каникулы из школы-интерната в Англии, — в соответствии с контрактом, заключенным Чэнь-чэнем. Вернувшись на третье лето, Данросс в первый же день поспешил в тот дом, но её уже не было.

До сегодняшнего дня Данросс не мог забыть, в каком смятении тогда пребывал, как пытался найти её. Но девушка исчезла бесследно.

— Что с ней случилось, Дядюшка Чэнь-чэнь? Что на самом деле произошло?

Старик вздохнул, лежа на своей большущей кровати: он уже устал.

— Ей пришла пора уйти. Молодой человек рвется отдать девушке слишком много — слишком много времени, слишком много дум. Ей пришла пора уйти... После неё ты мог уже выбирать сам и должен был думать о доме, а не о ней... О, не старайся скрыть свое желание. Я понимаю, ох как понимаю! Не беспокойся, ей хорошо заплатили, сын мой. У неё нет детей от тебя...

— Где она сейчас?

— Уехала на Тайвань. Я позаботился, чтобы у неё было достаточно денег, чтобы открыть собственное заведение. Именно этим она хотела заняться. И частью контракта был выкуп её на волю. Это обошлось мне то ли в пять, то ли в десять тысяч... Не помню... Прошу извинить, но сейчас я устал. Мне надо немного поспать. Приходи, пожалуйста, завтра, сын мой...

Смакуя вино, Данросс продолжал вспоминать. «Тогда Чэнь-чэнь единственный раз назвал меня „сын мой“. Какой потрясающий старик! Если бы я только мог стать таким добрым и таким мудрым, достойным его».

Чэнь-чэнь умер неделю спустя. Более пышных похорон Гонконг ещё не видел. Под грохот барабанов тысяча наемных плакальщиц провожала усопшего к месту захоронения. Одетым в белое женщинам заплатили за то, чтобы они, идя за гробом,

обращали к Небу громкий плач и молили богов смилостивиться над душой этого великого человека и сделать легким её путь к пределам возрождения — или куда там ещё исходит дух умершего. Номинально Чэнь-чэнь был христианином, поэтому на всякий случай отслужили две заупокойные службы — по христианскому обряду и по буддийскому...

— Привет, тайбань!

Это была Кейси, а рядом с ней Линк Бартлетт. Оба улыбались, хотя выглядели слегка уставшими.

Он поздоровался, и Кейси заказала виски с содовой, а Линк — пиво.

— Как прошел день? — поинтересовалась Кейси.

— С переменным успехом, — сказал он, помолчав. — А у вас?

— В делах, но мы почти у цели. Ваш адвокат, Доусон, отменил встречу сегодня утром: передоговорились на завтра, в полдень. Остаток дня я названивала по телефону и посылала телексы в Штаты, чтобы все организовать. Обслуживание здесь хорошее, гостиница прекрасная. Мы готовы к завершению переговоров.

— Прекрасно. Думаю, я приму участие в этой встрече с Доусоном, — сообщил Данросс. — Это ускорит дело. Я приглашу юристов к нам в офис. За вами пришлю машину к одиннадцати десяти.

— В этом нет необходимости, тайбань. Я знаю, как добраться на пароме. Сегодня весь день ездила туда-сюда. Самое выгодное вложение пяти американских центов. Как вам удастся поддерживать плату за проезд на таком низком уровне?

— В прошлом году мы перевезли сорок семь миллионов пассажиров. — Данросс глянул на Бартлетта. — А вы будете завтра на встрече?

— Нет, если вам не требуется мое присутствие для чего-то особенного, — непринужденно ответил тот. — Юридическими вопросами занимается Кейси. Она знает, что нам нужно, а в четверг рейсом «Пан-Америкэн» прилетает Сеймур Стайглер Третий, наш главный юрисконсульт и налоговый поверенный. Он обо всем договорится с вашими адвокатами, чтобы мы смогли заключить сделку через семь дней, как нечего делать.

— Замечательно.

Подобострастно улыбающийся официант принес им заказ и наполнил бокал Данросса. Когда они вновь остались одни, Кейси тихо проговорила:

— Тайбань, ваши суда. Вы хотите оформить эту часть сделки отдельным соглашением? Если его составят юристы, оно уже не будет тайным. Как нам сохранить конфиденциальность?

— Я составлю документ и поставлю на нем свою печатку, что придаст ему юридическую, обязательную силу. Тогда договор останется в тайне между нами троими, а?

— Что такое печатка, Иэн? — спросил Бартлетт.

— Печатка — тучжан — это эквивалент печати. — В руке Данросса оказалась изящная продолговатая бамбуковая коробочка, всего два дюйма в длину и полдюйма в ширину. Он снял плотно прилегающую крышку, вынул из футляра красного шелка печатку и показал. Печатка была из слоновой кости с вырезанными на нижней поверхности иероглифами. — Это моя личная печатка: вырезана вручную, её почти невозможно подделать. Прикладываешь к туши... — Красного цвета, почти застывшая тушь содержалась в аккуратном отделении с одного края футляра. — ...и делаешь оттиск на бумаге. В Гонконге довольно часто документы не подписывают, а ставят на них свою печатку. Без печатки большинство документов считаются недействительными. Печать компании почти такая же, только побольше.

— А что означают иероглифы? — спросила Кейси.

— Это игра слов, основанная на моем имени и имени моего предка. Буквально они означают «прославленный, острый как бритва, во всех благородных зеленых

морях». Здесь обыгрывается прозвище Дирка — Зеленоглазый Дьявол, — название «Благородный Дом» и то, что слово «дирк» буквально означает «кинжал» или «нож». — Улыбнувшись, Данросс убрал печатку. — Их можно толковать и по-другому: самое поверхностное толкование — «тайбань Благородного Дома». В китайском... — Он обернулся на звук велосипедного звонка. Юный посыльный шёл через толпу, держа в руках шест с небольшой дощечкой, на которой было коряво выведено имя нужного человека. Объявление предназначалось не для них, поэтому он продолжал: — Китайские письма всегда многозначны. Читать их непросто и занимательно.

Кейси обмахивалась меню, как веером. В холле было жарко, хотя вентиляторы под потолком и разгоняли воздух. Вынув салфетку, она прижала её к лицу:

— Здесь всегда так влажно?

— Сегодня ещё сравнительно сухо, — улыбнулся Данросс. — Иногда целыми неделями держится жара под девяносто градусов¹⁴² и влажность девяносто пять процентов. Лучшее время здесь — осень и весна. В июле, августе и сентябре жарко и влажно. Хотя, вообще-то, по прогнозу ожидается дождь. Может быть, даже тайфун. Я слышал по радио, что к юго-востоку от нас собирается тропический циклон. Да. Если повезет, будет дождь. В «Ви энд Эй» ведь воду подают без ограничений, верно?

— Да, — подтвердил Бартлетт, — но после того, как я увидел у вас в доме ведра, не думаю, что когда-нибудь снова буду воспринимать воду как нечто само собой разумеющееся.

— Я тоже, — подхватила Кейси. — Должно быть, это ужасно тяжело.

— О, вы к этому привыкнете. Кстати, мое предложение насчет того документа вас устраивает? — обратился Данросс к Бартлетту.

Ему хотелось договориться на сей счет, и он досадовал, что пришлось спрашивать. С мрачным удовольствием он заметил, что Бартлетт колебался долю секунды и незаметно взглянул на Кейси, прежде чем произнести «да».

— Иэн, — продолжал Бартлетт, — этим же рейсом прилетает Форрестер, который возглавляет наше подразделение по пенопласту. Я считаю, что мы могли бы уже начать нашу «гастроль». Какой резон ждать, пока у нас будут документы, верно?

— Да, — согласился Данросс и, подумав, решил проверить свои теоретические предположения. — Он хорошо в этом разбирается?

— Он спец.

— Чарли Форрестер знает все, что только можно знать о полиуретановой пене, — производство, доставка и реализация, — добавила Кейси.

— Прекрасно. — Данросс повернулся к Бартлетту и невинно произнес: — Вы не хотели бы взять его в Тайбэй? — Глаза американца сверкнули, и Данросс понял, что оказался прав. «Сейчас ты попляшешь, ублюдок, — подумал он. — Ты ей ещё не сказал! Я не забыл, как вчера ты припер меня к стенке всей этой секретной информацией. Посмотрим, сможешь ли ты вывернуться, не уронив себя!» — Пока мы будем играть в гольф или заниматься чем-нибудь ещё, я сведу Форрестера с моими специалистами: он может осмотреть возможные места строительства и привести все в движение.

— Прекрасная идея. — Бартлетт абсолютно не пытался вывернуться и сразу вырос в глазах Данросса.

— Тайбэй? Тайбэй на Тайване? — восторженно сказала Кейси. — Мы едем в Тайбэй? Когда?

— Днем в воскресенье, — спокойным голосом известил Бартлетт. — Мы едем на пару дней, Иэн и...

— Замечательно, Линк, — улыбнулась она. — Пока вы будете играть в гольф, я

¹⁴² 32 °C.

могу все проверить вместе с Чарли. Поиграю в следующий раз. Какой у вас гандикап, тайбань?

— Десять, — ответил Данросс, — а раз это знает Линк Бартлетт, то уверен, что знаете и вы.

— Я забыла эту совершенно необходимую цифру, — усмехнулась она. — У меня четырнадцать в очень хороший день.

— Плюс-минус один-два удара?

— Да. Женщины жульничают в гольфе так же часто, как и мужчины.

— Вот как?

— Да. Но, в отличие от мужчин, они жульничают, чтобы снизить свой гандикап. Ведь гандикап символизирует некий статус, верно? Чем ниже счет, тем выше статус! Женщины обычно не ставят больше нескольких долларов, поэтому низкий гандикап не так уж важен, если только для репутации. Ну, а мужчины? Я видела, как они, когда партия проходит настолько бурно, что их гандикап может снизиться на целое очко, нарочно бьют в «бурьян»¹⁴³, чтобы получить два лишних удара. Но, конечно, не когда они играют этот конкретный раунд на деньги. Какова у вас ставка для пар?

— Пятьсот гонконгских долларов. Она присвистнула:

— За лунку?

— Нет, черт возьми, — вставил Бартлетт. — За игру.

— Даже если так, думаю, я на этот раз лучше «кибицну».

— А что это значит? — спросил Данросс.

— Буду только смотреть. А то как бы Линк не рискнул моей частью «Пар-Кон». — Её улыбка согрела обоих, и тут Данросс решил вызволить Бартлетта из западни, в которую сам же и заманил.

— Вы это здорово придумали, Кейси, — похвалил он, внимательно наблюдая за ней. — Но если подумать, то, может быть, вам и Форрестеру лучше до Тайбэя проверить Гонконг. Ведь именно здесь у нас будет самый большой рынок. А если в четверг прилетает ваш юрист, то, возможно, вы захотите поработать с ним здесь. — Сама невинность, он посмотрел прямо в глаза Бартлетту: — Если вы хотите отменить нашу поездку, пожалуйста. У вас ещё будет время съездить в Тайбэй. Но я ехать должен.

— Нет, — отказался Бартлетт. — Кейси, ты будешь прикрывать этот край. Сеймуру потребуется вся помощь, которую ты сможешь ему предоставить. На этот раз я совершу предварительный тур, а потом мы сможем съездить вместе.

Она потягивала виски, стараясь, чтобы на лице ничего не отразилось. «Значит, меня не приглашают, да?» — подумала она со вспыхнувшим раздражением.

— Вы улетаєте в воскресенье?

— Да, — кивнул Данросс. Не заметив в ней особых перемен, он решил, что его хитрость сработала. — В воскресенье днем. Может быть, утром я буду штурмовать холмы, так что это самое раннее, когда я смогу.

— Штурмовать холмы? Это что, альпинизм, тайбань?

— О нет. Всего лишь гонки по пересеченной местности — на Новых Территориях. Приглашаю обоих, если вам интересно. Оттуда мы можем поехать прямо в аэропорт, — добавил он, обращаясь к Бартлетту. — Попробую получить разрешение на вылет для вашего самолёта. Попрошу об этом завтра.

— Линк, а как насчет Армстронга и полиции? — спросила Кейси. — С тебя ведь взяли обещание оставаться в Гонконге?

— Я сегодня обо всем договорился, — проинформировал Данросс. — Он

¹⁴³ «Бурьян» — в гольфе — неровная, часто поросшая высокой травой часть поля около ровной лужайки.

отпущен под мое ручательство.

— Фантастика! — усмехнулась она. — Смотри не сбеги!

— Не сбегу.

— Значит, вы улетаєте в воскресенье, тайбань? А когда обратно?

— Во вторник, к ужину.

— Во вторник, когда мы подписываем?

— Да.

— Линк, это нас не поджигает?

— Нет. Я постоянно буду на связи. По сделке мы все обговорили. Нужно лишь зафиксировать на бумаге.

— Как скажешь, Линк. Когда вы вернетесь, все будет готово к подписанию. Тайбань, если будут вопросы, мне обращаться к Эндрю?

— Да. Или к Жаку. — Данросс бросил взгляд в дальний угол. За столиком, который занимали супруги де Вилль, уже сидели другие люди. «Ничего. Все, что можно было сделать, сделано». — С Тайбэем телефонная связь хорошая, так что беспокоиться не стоит. Ну, а как насчет ужина? Вы свободны?

— Конечно, — откликнулся Бартлетт.

— Какую кухню предпочитаете?

— Как насчет китайской?

— Прошу прощения, но вам придется уточнить, — усмехнулся Данросс. — Это все равно, что сказать: «Я предпочитаю европейскую кухню», а там ведь целая гамма от итальянских до английских блюд.

— Линк, может, предоставим выбор тайбаню? — предложила Кейси и добавила: — Тайбань, должна признаться, мне нравится кисло-сладкое, яичный рулет, чоп-суи¹⁴⁴ и жареный рис. Дальше мои познания не простираются.

— Со мной такая же история, — согласился Бартлетт. — И пожалуйста, без змей, собак и прочей экзотики.

— Змеи хороши в определенное время года, — откликнулся Данросс. — Особенно их желчь с чаем. Столько сил придает, великолепное тонизирующее средство! А мясо молодой чау-чау, тушенное в устричном соусе, просто пальчики оближешь.

— Вы это пробовали? Вы ели собачатину? — Она была потрясена.

— Мне сказали, что это курица. И по вкусу сильно походило на курицу. Но вот чего никогда не следует делать, Кейси, это есть собачатину под виски. Говорят, из-за него кусочки мяса делаются твердыми, как железо, это доставит вам немало очень и очень неприятных ощущений...

Он шутил, поддерживая ничего не значащий светский разговор, а сам в это время смотрел, как Жак с Сюзанной садятся в такси. Душой он был вместе с ними, и с Кэти, и со всеми остальными. Ему хотелось сесть в самолёт самому, и помчаться в Европу, и благополучно доставить Аврил назад — такая милая девочка, часть его семьи...

«Как, скажите, ради Христа, жить по-человечески, управлять Благородным Домом и оставаться в здравом уме? Как помогать семье, заключать сделки и находить время на все остальное?»

«Быть тайбанем — это радость и боль», — говорил ему не однажды во сне Дирк Струан.

«Да, но что-то радости маловато.

Ты ошибаешься, а Дирк прав. Ты уж слишком серьезно ко всему относишься. А

¹⁴⁴ Чоп-суи — китайское рагу с грибами и острым соусом, популярное блюдо в китайских ресторанах на Западе.

серьезных проблем всего ничего: „Пар-Кон“, бум, Кэти, бумаги АМГ, Кросс, Джон Чэнь, „Тода шиппинг“ и тот факт, что ты отверг предложение Ландо Маты, — не обязательно в этом порядке. Столько денег.

Что мне нужно от жизни? Денег? Власти? Или весь Китай?»

Он видел, что Кейси и Бартлетт наблюдают за ним.

«С тех пор как приехали эти двое, у меня одни проблемы», — подумал он и снова обратил взгляд на них. На Кейси действительно стоило посмотреть — обтягивающие брюки и облегающая блузка.

— Предоставьте выбор мне, — изрек он, решив, что сегодня настроен отведать кантонской кухни.

Раздался звонок посыльного, и они увидели дощечку с надписью: «Мисс Кей Си Шулук». Данросс подозвал юношу.

— Он отведет вас к телефону, Кейси.

— Спасибо. — Она встала. Её длинные ноги и чувственная походка притягивали взгляды, женщины ревновали и ненавидели.

— Сукин ты сын, — спокойно произнес Бартлетт.

— Вот как?

— Да. — Он ухмыльнулся и словно бы рассеял наваждение. — Двадцать против одного, что эти разговоры про Тайбэй были проверкой. Но я не требую от вас объяснений, Иэн. Нет. Я жестко обошелся с вами вчера вечером. Мне пришлось так поступить. Может, я и заслужил, чтобы меня взгнали. Но никогда больше не ведите таких игр с Кейси, или я вам голову оторву.

— Может, сделаете это сейчас?

— Сделаю. Она — случай особый. — Взгляд Бартлетта снова обратился на Кейси. Он увидел, как она остановилась на секунду у столика Марлоу, чтобы поздороваться с ними и с детьми, и пошла дальше. — Она поняла, что её не пригласили.

— Вы уверены? — встревожился Данросс. — Я думал... Я плохо сыграл? В тот момент, когда я понял, что вы ей ещё не сказали... Виноват, я думал, что у меня получилось.

— Вы все сделали отлично, черт возьми! Но все же пять против десяти, она поняла, что её не пригласили. — Бартлетт опять улыбнулся, и Данросс снова задумался, что может значить эта улыбка.

«Нужно получше присмотреться к этому типу, — сказал он себе. — Значит, Кейси — случай особый, да? Интересно, что он на самом деле под этим подразумевает?»

Данросс намеренно выбрал для встречи этот холл: он хотел, чтобы его увидели с теперь уже знаменитыми — или печально знаменитыми — Бартлеттом и его дамой. Он понимал, что это породит слухи о намечающейся сделке, вызовет ещё большее волнение на фондовом рынке и выведет из равновесия игроков. Даже если «Хо-Пак» обанкротится — при условии, что это не повлечет за собой падение остальных банков, — бум все же может произойти.

«Если бы Бартлетт и Кейси чуть уступили, — размышлял он, — и если бы я действительно мог им доверять, удалось бы сорвать невиданный куш. Столько „если“. Слишком много. В настоящий момент я эту битву не контролирую. Вся власть в руках Бартлетта и Кейси. Насколько они готовы сотрудничать?»

И тут кое-что сказанное суперинтендентом Армстронгом и Брайаном Квоком вызвало к жизни бродившую в дальних уголках сознания мысль, и беспокойство усилилось.

— Что вы думаете об этом парне Банастасио? — как ни в чем не бывало спросил он.

— Винченцо? — тут же отреагировал Бартлетт. — Интересный человек. А что?

— Так, спросил. — Данросс выглядел спокойным, но был поражен тем, что оказался прав. — Вы давно его знаете?

— Года три-четыре. Мы с Кейси ездили с ним несколько раз на скачки в Дель-Мар. Он играет по-крупному, там и в Вегасе. Иногда ставит по пятьдесят тысяч на забег — так он нам говорил. Они в приятельских отношениях с Джоном Чэнем. Он ваш друг?

— Нет. Я никогда не встречался с Банастасио, но слышал, как о нем пару раз упоминал Джон, — пояснил он, — и Цу-янь.

— Как, кстати, поживает Цу-янь? Ещё один игрок. Когда я познакомился с ним в Лос-Анджелесе, ему просто не терпелось уехать в Вегас. Мы его видели на скачках, когда были там в прошлый раз с Джоном Чэнем. Ничего нового не слышно про Джона и похитителей?

— Нет.

— Вот не повезло.

Данросс почти не слушал. В досье, составленном на Бартлетта, ничего не говорилось о его связях с мафией — но с Банастасио все сходилось. Винтовки, Джон Чэнь, Цу-янь и Бартлетт.

«Мафия — это грязные деньги, наркотики и постоянный поиск легального прикрытия для отмывания денег. Цу-янь имел дело с крупными поставками медикаментов во время Корейской войны. Говорят, он вместе с Четырехпалым У активно занимается контрабандой золота в Тайбэй, Индонезию и Малайю. Мог ли Банастасио переправлять оружие... и кому? Не споткнулся ли на чем-то бедняга Джон Чэнь и не поэтому ли его похитили?»

Значит ли это, что часть денег „Пар-Кон“ — деньги мафии? Имеет ли мафия преобладающее влияние в „Пар-Кон“ или контроль над этой компанией?»

— Вроде бы я припоминаю, Джон говорил, что Банастасио — один из ваших главных акционеров, — закинул он удочку.

— У Винченцо солидный пакет акций. Но он не занимает никакой должности и не входит в совет директоров. А что?

Данросс поймал сосредоточенный взгляд голубых глаз Бартлетта и почти ощущал исходившую от него волнами озабоченность: откуда такой интерес? Поэтому он прекратил задавать вопросы.

— Забавно... Насколько всё-таки тесен мир, да?

Кейси взяла трубку, а внутри у неё всё кипело.

— Оператор, это мисс Чолок. Мне кто-то звонил?

— А, один момент, пожалуйста.

«Значит, в Тайбэй меня не приглашают, — яростно думала она. — Почему тайбань просто не сказал об этом, а ходил вокруг да около? И почему молчал Линк? Господи, неужели он тоже попал под очарование тайбаня, как я вчера вечером? Зачем эти секреты? Что ещё они там замышляют?»

Тайбэй, говорите? Ну да, я слышала, что это место для мужчин. Если все, к чему они стремятся, это порезвиться на уик-энд, я не против. Но я против, если речь идет о бизнесе. Почему Линк не предупредил? Что здесь скрывать?»

Гнев Кейси нарастал, но тут она вспомнила слова француженки о таких доступных красавицах китайках, и ярость сменилась тревогой за Линка.

«Черт бы побрал этих мужчин!

Черт бы побрал мужчин и этот мир, который они приспособили для своих нужд. Здесь — больше, чем где-либо ещё.

Черт бы побрал этих англичан! Все такие приятные и благовоспитанные. У них такие замечательные манеры. Они не забывают сказать „пожалуйста“ и „благодарю вас“, встают, когда тыходишь, отодвигают для тебя стул. Но чуть копни, и

наткнешься на ту же гниль, что и у всех остальных. Они ещё хуже. Они лицемеры, вот кто они такие! Ну ничего, я расквитаюсь. В один прекрасный день мы сыграем в гольф, мистер Тайбань Данросс. И тогда берегитесь, потому что в хороший день я могу спуститься до десяти. Я рано стала разбираться, что такое гольф у мужчин, так что тут я утру вам нос. Да. Или сыграем в пул. Или партию в бильярд. Что такое „обратный боковой“, я тоже знаю».

Вспышка досады сменилась нежностью: Кейси вспомнила об отце, который разъяснял ей правила той и другой игры. Но тому, как наносить удар кием снизу слева с закруткой вправо, чтобы шар обошел вокруг «восьмого», научил её Линк — показал, когда она, глупая, бросила ему вызов. Он разделал её в пух и прах, прежде чем давать уроки.

— Ты бы лучше сначала убедилась, что знаешь все слабые места мужчины, Кейси, а потом уже воевала с ним. Я размазал тебя по столу, только чтобы преподать урок. Я играю не для удовольствия — только ради победы. С тобой я в игры не играю. Я хочу тебя, а остальное не имеет значения. Давай забудем о нашем соглашении и поженимся и...

Это произошло через несколько месяцев после того, как она стала работать у Линка Бартлетта. Ей было всего двадцать, и она уже влюбилась в него. Но ей по-прежнему больше всего хотелось отомстить тому, другому, мужчине, стать богатой и ни от кого не зависеть, найти себя, поэтому она сказала:

— Нет, Линк, мы заключили договор на семь лет. Мы договорились открыто, как равные. Я помогу тебе стать богатым и получу свое на пути к твоим миллионам. Ни один из нас ничем не обязан другому. Ты можешь уволить меня в любое время, не объясняя причин, и я всегда могу уйти без объяснений. Мы равны. Не стану отрицать, что люблю тебя всем сердцем, но все же не буду менять нашего уговора. Если не раздумаешь жениться, когда мне стукнет двадцать семь, я соглашусь. Я выйду за тебя, буду жить с тобой, уйду от тебя — все, что захочешь. Но не теперь. Да, я люблю тебя, но если мы станем любовниками сейчас, я... я никогда не смогу... я просто не смогу, Линк, не сейчас. Мне ещё слишком много нужно выяснить о самой себе.

Кейси вздохнула.

«Какая неестественная, безумная договоренность. Стоят ли этого вся власть, все свершения, все годы, слезы и одиночество?»

Просто не знаю. Я просто не знаю. А „Пар-Кон"? Удастся ли мне когда-нибудь достичь своей цели — „Пар-Кон" и Линк, или придется выбрать что-то одно?»

— Сирануш? — послышалось в трубке.

— О! Привет, мистер Горнт! — Она ощутила прилив теплоты. — Какой приятный сюрприз, — добавила она, собравшись с духом.

— Надеюсь, не побеспокоил?

— Совсем нет. Чем могу быть полезной?

— Я хотел узнать, можете ли вы уже подтвердить ваши планы на это воскресенье. Будете ли вы с мистером Бартлеттом свободны? Я планирую прогулку на яхте и хочу пригласить вас двоих в качестве почетных гостей.

— К сожалению, мистер Горнт, у Линка не получится. Он будет занят. Горнт помолчал в замешательстве, а потом осведомился, не без удовольствия:

— А без него не хотите поехать? Я тут подумывал взять с собой несколько партнеров по бизнесу. Уверен, вам будет интересно.

«Эта прогулка может оказаться очень полезной для „Пар-Кон", — подумала она. — Линк с тайбаном отправляются в Тайбэй без меня. Так почему бы мне не покататься на яхте без них?»

— С удовольствием, — проговорила она с теплотой в голосе, — если вы уверены, что я не помешаю.

— Конечно, не мешаете. Мы заберем вас на пристани, прямо напротив отеля,

рядом с терминалом «Голден ферриз». В десять часов, одежда обычная. Вы плаваете?

— Конечно.

— Прекрасно — вода освежает. На водных лыжах катаетесь?

— Обожаю!

— Очень хорошо!

— Может, что-нибудь взять с собой? Еду, вино или ещё что-нибудь?

— Нет. Думаю, все это найдется на борту. Мы пойдем к одному отдаленному острову, устроим там пикник, покатаемся на водных лыжах и вернемся сразу после захода солнца.

— Мистер Горнт, я хотела бы, чтобы это осталось между нами. Кажется, Конфуций говорил: «В закрытый рот мухи не залетают»?

— Конфуций много чего говорил. Он однажды сравнил женщину с лучом лунного света.

Она замолчала, насторожась¹⁴⁵.

Потом услышала свой беззаботный голос:

— Может, мне следует взять с собой провожатого?

— Может, и следует. — Кейси почувствовала, что он улыбается.

— Как насчет Данросса?

— Провожатый из него неважный: только испортит день, который может оказаться замечательным.

— До воскресенья, мистер Горнт.

— Благодарю вас. — Телефон тут же со щелчком отключился.

«Наглый ублюдок! — Она чуть не произнесла это вслух. — Все принимаешь как должное? Просто „благодарю вас" и отключился. Даже „до свидания" не сказал.

Я принадлежу Линку, и поладить меня не удастся.

Тогда зачем ты кокетничала с ним по телефону и на приеме? Зачем попросила, чтобы этот ублюдок никому не говорил о воскресной встрече?

Женщины тоже любят секреты, — мрачно ответила она самой себе. — Женщинам нравится многое из того, что по вкусу мужчинам».

26

20:35

Старый китаец-кули дожидался своей ноши в плохо освещенном золотохранилище банка «Хо-Пак». Низкорослый, в замызганной рваной майке и драных шортах, он поправил лямку на лбу и уперся в неё, перенеся основную нагрузку на мускулы шеи, когда два носильщика взвалили брезентовый мешок на его согбенную спину, и ухватившись за две изношенные лямки. Теперь, приняв на себя вес полностью, он ощутил, как тяжело бьется под гнетом перегруженное сердце, как стонут от напряжения суставы.

Мешок был едва ли не тяжелее его самого — чуть больше девяноста фунтов. Клерки-талманы, следящие за отгрузкой, только что опечатали его. Ровно двести пятьдесят маленьких контрабандных слитков золота, по пять таэлей — чуть больше шести унций — каждый. Один такой слиток мог обеспечить на месяцы самого кули и его семью. Но у старика и в мыслях не было попытаться стащить хотя бы один. Всем существом он сосредоточился на том, чтобы превозмочь агонию, заставить ноги двигаться, выполнить свою часть работы, получить за неё плату в конце смены, а

¹⁴⁵ Пользуясь довольно туманными познаниями Кейси о Китае, Горнт обыгрывает слово moonbeam (луч лунного света), которое в американском слэнге может означать «голые ягодичы».

потом отдохнуть.

— Шевелись, — недовольно проворчал десятник, — ещё грузить больше двадцати тонн, так их и этак. Следующий!

Старик ничего не ответил. На это ушла бы часть драгоценной энергии. Сегодня нужно беречь силы, если он хочет продержаться до конца. Он с трудом привел ноги в движение. Голени были все в варикозных узлах и шрамах от многолетних трудов.

Пока он медленно брел, еле переставляя ноги, из затхлого бетонного подземелья, его место занял другой кули. Казалось, маленькие золотые слитки, сложенные на полках аккуратными стопками, никогда не кончатся. Носильщики ждали, когда под бдительными взорами двух аккуратных банковских служащих бруски загрузят в следующий брезентовый мешок, сосчитают, пересчитают и торжественно опечатают емкость.

На узкой лестнице старик споткнулся. С трудом восстановив равновесие, он поднял ногу, чтобы одолеть ещё одну ступеньку — оставалось всего двадцать восемь, — а потом ещё одну, и уже почти добрался до лестничной площадки, но тут голени не выдержали. Шатаясь, он привалился к стене, чтобы было легче. Сердце пронзила мучительная боль, обеими руками он вцепился в ляжки. Он понимал, что, если сбросит ношу, снова взвалить её на себя не сумеет, и с ужасом думал, что будет, если появится десятник или его заместитель. Сквозь охватившую все тело боль пробился звук приближающихся шагов. С усилием подбросив мешок выше на плечи, он ещё раз попытался продолжить движение и чуть не упал.

— Эй, Чжу Девять Каратов, что с тобой? — Это был ещё один кули. Обратившись к старику на шаньдунском диалекте, он поправил ему мешок.

— Да... да... — с облегчением и радостью вздохнул старик. Это был приятель из оставшейся далеко на севере родной деревни и глава сообщества из десяти человек. — Эти всех богов, я... я просто поскользнулся...

Тот пригляделся к нему в тусклом свете единственной лампочки наверху. Полные муки старые слезящиеся глаза, напряженные мускулы.

— Этот я возьму, отдохни немного, — сказал старику земляк. Умело сняв ляжки, он поставил мешок на доски пола. — Я скажу этому безродному чужаку, этому бахвалу десятнику, что ты пошёл облегчиться. — Он сунул руку в карман поношенных драных шортов и передал старику маленький скрученный кусочек сигаретной фольги. — Возьми. Я вычту за это из твоей зарплаты сегодня вечером.

Старик пробормотал слова благодарности. Из-за боли, разливающейся во всем теле, он почти не соображал. Его земляк взвалил мешок на спину, крикнув от натуги, уперся лбом в ляжку и, переступая ногами в узлах вздувшихся вен, стал медленно подниматься по лестнице, довольный совершенной сделкой.

Старик прокрался с площадки в пыльную нишу и присел на корточки. Трясущиеся пальцы развернули сигаретную фольгу со щепоткой белого порошка внутри. Он зажег спичку и осторожно подвел под фольгу, чтобы нагреть её. Порошок стал чернеть и дымиться. Он тихонько поднес дымящийся порошок к ноздрям и стал глубоко вдыхать, снова и снова, пока каждая крупинка не превратилась в дым, который он с такой благодарностью втягивал в легкие.

Он прислонился к стене. Боль вскоре прошла и сменилась радостным возбуждением, охватившим его всего. Он снова ощутил себя молодым и сильным и теперь знал, что закончит смену как надо, а в эту субботу пойдет на скачки и выиграет двойную кинеллу. Да, эта неделя станет для него счастливой. И он вложит все, что выиграет, в недвижимость. Да, сначала в небольшую недвижимость. Но после бума его собственность вырастет в цене, будет расти и расти. А потом он продаст её и выручит целое состояние. Купит ещё и ещё. Станет почтенным прародителем, и внуки будут сидеть у него на коленях...

Он встал, выпрямился, потом спустился назад по лестнице и встал в очередь,

нетерпеливо ожидая, когда подойдет его черед.

— *Цзю ни ло мо*, шевелись, — проговорил он на своем певучем шаньдунском диалекте. — Я не могу ждать весь вечер! Мне в полночь на другую работу.

Другая работа поджидала его на строительной площадке в Сентрал, недалеко от «Хо-Пак», и он понимал, что это благословение богов — два приработка в одну ночь помимо обычного ломания хребта на стройке. Он понимал также, что именно недешевый белый порошок сделал его другим человеком, снял усталость и боль. Ему, конечно, было известно, что белый порошок — штука опасная. Но он не терял благоразумия и принимал его, лишь когда кончались силы. То, что он прибегал к помощи коварного снадобья почти каждый день, а то и два раза в день, его не очень-то заботило. «Джосс», — сказал он про себя, пожав плечами и взваливая на спину новый брезентовый мешок.

Когда-то он был крестьянином, старшим сыном в семье землевладельцев из северной провинции Шаньдун в плодородной дельте постоянно меняющей свое русло Хуанхэ — Желтой реки, где веками выращивали фрукты и пшеницу, соевые бобы, арахис, табак и самые различные овощи.

«Ах, наши милые поля, — счастливо думал он, забираясь по ступенькам и не обращая внимания на колотящееся сердце, — наши милые поля, приносящие богатый урожай. Такие красивые! Да. Но тридцать лет назад настали Плохие Времена. Пришли Дьяволы из-за Восточного моря со своими пушками и танками и разграбили нашу землю. Военачальники Мао Цзэдун и Чан Кайши прогнали их, но потом передрались между собой, вновь опустошив землю. Вот мы и бежали от голода — я, моя молодая жена и двое моих сыновей. И мы пришли сюда, в Благоухающую Гавань¹⁴⁶, чтобы жить среди чужаков — южных варваров и заморских дьяволов. Всю дорогу мы шли пешком. Мы выжили. Я почти все время нес своих сыновей. И теперь моим сыновьям шестнадцать и четырнадцать, и у нас есть две дочки, и все они один раз в день едят рис, и этот год станет для меня счастливым. Да. Я выиграю кинеллу или дневную двойную, и в один прекрасный день мы поедем домой, в мою деревню, и я заберу наши земли обратно, и мы засадим их снова, и председатель Мао будет рад, что мы вернулись, и позволит нам забрать обратно наши земли, и мы будем жить так счастливо, так богато и так счаст...»

Он уже вышел из здания и остановился возле грузовика. Кто-то снял с него ношу и поставил рядом с остальными мешками. Служащие банка проверяли и перепроверяли номера. В этом переулке стояли два грузовика. Один, уже загруженный, ожидал под охраной. Единственный невооруженный полицейский лениво наблюдал за проезжавшими машинами. Вечер был теплый.

Старик повернулся, чтобы уйти. И тут он заметил трех подходивших европейцев — двух мужчин и женщину. Они остановились у дальнего грузовика и стали смотреть на него. Рот у кули раскрылся.

— *Цзю ни ло мо* ! Вы только поглядите на это чудовище с соломенными волосами, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

— Невероятно! — откликнулся другой носильщик.

— Да, — подхватил Чжу.

— В каких возмутительных нарядах появляются их шлюхи на людях, верно? — с отвращением произнес другой сморщенный старый грузчик. — Выставляют напоказ свои чресла, щеголяя в таких узких брюках. Видно каждую, ети её, складку на нижних губах.

— Спорю, туда можно засунуть целый кулак и всю руку, и то дна не достанешь! — усмехнулся другой.

¹⁴⁶ Благоухающая Гавань (Сянган) — китайское название Гонконга.

— А это кому-нибудь надо? — Чжу Девять Каратов громко отхаркнулся, сплюнул и пошёл обратно вниз в приятных мечтаниях о субботе.

— Если бы только они так не плевались. Это отвратительно! — деликатно заметила Кейси.

— Это старинный китайский обычай, — объяснил Данросс. — Они считают, что в горле сидит злой дух, от которого нужно постоянно избавляться, иначе он задушит тебя. Плевать в общественных местах, конечно, запрещается, но для них это пустые слова.

— А что сказал этот старик? — спросила Кейси, глядя, как тот побрел обратно к служебному входу в банк. Она уже больше не сердилась и была очень рада, что идет с мужчинами ужинать.

— Не знаю: я не понимаю его диалекта.

— Могу поспорить, это был далеко не комплимент. Данросс засмеялся.

— Тут вы бы не проиграли, Кейси. Они о нас самого низкого мнения.

— Этому старику, должно быть, все восемьдесят, а он тащил свою поклажу, словно перышко. Как они умудряются сохранять форму?

Данросс пожал плечами и ничего не сказал. Он знал как. Ещё один кули, опустив свою ношу на грузовик, уставился на Кейси, отхаркнулся, сплюнул и пошёл назад.

— И тебе туда же, — пробормотала Кейси, а потом симитировала ужасное харканье и плевков на двадцать футов.

Данросс и Бартлетт покатались со смеху вместе с ней. Китаец продолжал молча смотреть на чужеземку.

— Иэн, к чему все это? — спросил Бартлетт. — Зачем мы сюда пришли?

— Я подумал, может, вам захочется увидеть пятьдесят тонн золота. Кейси даже охнула:

— Все эти мешки с золотом?

— Да. Пойдемте.

Данросс повел их по грязной лестнице в золотохранилище. Банковские служащие вежливо поздоровались с тайбаном, а невооруженные охранники и грузчики уставились на них во все глаза. Под этими пристальными взглядами обоим американцам стало не по себе. Но при виде золота их беспокойства как не бывало. Вокруг на стальных полках аккуратными стопками лежали золотые слитки — по десять в каждом ряду и по десять в высоту.

— Можно поддержать один? — попросила Кейси.

— Пожалуйста, — сказал Данросс. Он наблюдал за спутниками, стараясь понять, насколько они жадные. «В моей игре ставки высокие, — снова подумал он. — Я должен знать, чего стоят эти двое».

Кейси никогда не приходилось держать в руках столько золота. Бартлетту тоже. Пальцы у них дрожали. Глядя на один из маленьких слитков широко открытыми глазами, она погладила его, прежде чем поднять.

— Такой маленький и такой тяжелый, — пробормотала она.

— Эти слитки называются контрабандными, потому что их легко прятать и перевозить, — проговорил Данросс, обдуманно подбирая слова. — Контрабандисты носят их в жилете из брезента с маленькими карманчиками, в которые надежно входят слитки. Говорят, хороший курьер может за одну ходку перенести до восьмидесяти фунтов — это почти тысяча триста унций. Они, конечно, должны быть в хорошей физической форме и хорошо обучены.

Бартлетт как зачарованный взвешивал по два слитка в каждой руке.

— А сколько слитков составит восемьдесят фунтов?

— Примерно две сотни, может, чуть больше или чуть меньше. Кейси посмотрела на него, и её карие глаза расширились.

— Это все ваше, тайбань?

— Нет, господь с вами! Они принадлежат одной компании из Макао. Золото перевозят отсюда в банк «Виктория». Американцам или англичанам по закону запрещается иметь даже один такой слиток. Но я подумал, что вам, возможно, будет интересно, потому что не часто увидишь пятьдесят тонн золота в одном месте.

— Раньше я никогда не понимала, что такое настоящие деньги, — призналась Кейси. — Теперь мне понятно, почему у отца и дяди загорались глаза, когда они заговаривали о золоте.

Данросс внимательно смотрел на неё. Жадности он не заметил. Только удивление.

— А банки осуществляют много таких отправок? — спросил Бартлетт, и его голос прозвучал как-то хрипло.

— Да, они все время это делают, — отозвался Данросс. «Интересно, может, Бартлетт уже клюнул и продумывает план ограбления на пару со своим приятелем Банастасио?» — Очень большая партия приходит примерно через три недели, — добавил он, искушая.

— Сколько стоят пятьдесят тонн? — спросил Бартлетт.

Данросс улыбнулся про себя, вспомнив Зеппелина Дуна с его точными цифрами. «Как будто это имеет какое-нибудь значение!»

— Официально — шестьдесят три миллиона долларов, плюс-минус несколько тысяч.

— И вы перевозите его на двух грузовиках, которые даже не бронированы, и без охраны?

— Конечно. В Гонконге это обычное дело. Вот почему, в частности, наша полиция так настороженно относится к оружию. Пока оружие имеется лишь у копов, преступникам остается только кусать локти.

— Но где же полицейские? Я видел только одного, да и тот без оружия.

— О, думаю, они где-то рядом, — нарочито беззаботно обронил Данросс. Кейси внимательно рассматривала золотой слиток, наслаждаясь прикосновением к металлу.

— Ощущение такой прохлады и такого постоянства. Тайбань, если официальная цена шестьдесят три миллиона, сколько это может стоить на черном рынке?

Теперь Данросс заметил, что над верхней губой у неё выступили капельки пота.

— Столько, сколько готов заплатить покупатель. Сейчас, насколько мне известно, лучше всего покупают в Индии. Там платят от восьмидесяти до девяноста американских долларов за унцию с доставкой в страну.

Бартлетт хитро усмехнулся и нехотя положил свои четыре слитка назад в стопку:

— Весьма выгодное дело.

Они молча смотрели, как запечатывают ещё один брезентовый мешок, как клерки проверяют и перепроверяют его. Два грузчика вскинули мешок на подставленную спину, и человек побрел на улицу.

— А это что такое? — спросил Кейси, указывая на слитки побольше в другой части хранилища.

— Это стандартные слитки по четыреста унций, — сказал Данросс, — каждый весит около двадцати пяти фунтов. — На слитке был штамп в виде серпа и молота и цифры «99,999». — Это русское золото. Чистота — девяносто девять целых и девяносто девять сотых процента. Чистота южноафриканского — девяносто девять целых и девяносто восемь сотых, поэтому русское пользуется спросом. Конечно, и то и другое можно без труда купить на лондонском золотом рынке. — Он дал им возможность посмотреть ещё немного, а потом спросил: — Ну что, пойдём?

На улице по-прежнему стоял лишь один полицейский и безоружные охранники

банка в мешковатой одежде. Водители грузовиков курили в кабинах. Время от времени мимо проезжали машины. Прошло несколько пешеходов.

Данросс был рад выбраться из замкнутого пространства хранилища. Он ненавидел подвалы и темницы с тех пор, как в раннем детстве отец запер его в шкафу за какую-то провинность. За что именно, сейчас и не вспомнишь. Что он помнил, так это то, как его вызволила оттуда и вступилась за него старая А Тат, его ама, а он смотрел на отца снизу вверх, пытаясь сдержать слезы ужаса, и это у него никак не получалось.

— Как хорошо снова оказаться на открытом воздухе. — Кейси промокнула пот салфеткой. Её глаза неумолимо тянуло к мешкам в почти полном грузовике. — Это настоящие деньги, — пробормотала она, почти что про себя. Она чуть поежилась, и Данросс тут же понял, что нашел её уязвимое место.

— Я бы выпил бутылку пива, — проговорил Бартлетт. — От такого количества денег хочется пить.

— А я бы не отказалась от виски с содовой! — откликнулась она, и очарование исчезло.

— Мы пройдем к «Виктории», посмотрим, как начнется выгрузка, а потом отправимся ужинать... — Данросс осекся.

Около грузовиков, подальше от света, беседовали двое мужчин. Данросс слегка напрягся.

Те двое заметили его. Мартин Хэпли из «Чайна гардиан» и Питер Марлоу.

— О, привет, тайбань. — Молодой Хэпли подошел к нему, самодовольно ухмыляясь. — Не ожидал увидеть вас здесь. Добрый вечер, мисс Кейси, мистер Бартлетт. Тайбань, не хотите что-нибудь сказать про «Хо-Пак»?

— Что про «Хо-Пак»?

— Про отток клиентов из этого банка, сэр.

— Я не знал, что подобное имеет место.

— А вы случайно не читали мою колонку о различных филиалах и слу...

— Мой дорогой Хэпли, — прервал его Данросс с присущим ему непринужденным шармом, — вы же знаете, что я не люблю давать интервью и не даю их просто так... И никогда не делаю этого на ходу.

— Да, сэр. — Хэпли кивнул в сторону мешков. — Без этого золота «Хо-Пак» туговато придется, верно? Когда новость разлетится, для банка это будет прощальный поцелуй.

Данросс вздохнул:

— Забудьте про «Хо-Пак», мистер Хэпли. Можно вас на пару слов? — Он взял молодого человека под локоть и отвел в сторону с кажущейся мягкостью. Когда они остались одни, наполовину закрытые грузовиком, Данросс отпустил руку и заговорил вполголоса так, что Хэпли невольно отступил на полшага: — Вы встречаетесь с моей дочерью. И мне хочется, чтобы вы знали: я её очень люблю, а среди джентльменов существуют определенные правила. Я полагаю, вы джентльмен. Если нет, помогай вам

Бог. Вы ответите передо мной лично, немедленно, и пощады не ждите. — Данросс повернулся и пошёл назад к остальным, вдруг исполнившись добродушия. — Добрый вечер, Марлоу, как дела?

— Прекрасно, благодарю вас, тайбань. — Высокий человек кивнул в сторону грузовиков. — Поразительно, какое богатство!

— Откуда вы узнали о перевозке?

— Знакомый журналист сказал час назад. Сообщил, что около пятидесяти тонн золота перевозят отсюда в «Викторию». Мне было интересно посмотреть, как это делается. Надеюсь... надеюсь, я никому не наступаю на мозоль?

— Отнюдь нет. — Данросс повернулся к Кейси и Бартлетту: — Ну вот, видите. Я

же говорил, что Гонконг — большая деревня: ничего не сохранишь в тайне. Но все это, — он указал на мешки, — все это свинец, золото для дураков. Настоящая отправка закончилась час назад. И отправляли не пятьдесят тонн, а лишь несколько тысяч унций. Большая часть хранящегося в «Хо-Пак» золота в слитках остается нетронутой. — Он улыбнулся Хэпли, который слушал с напряженным лицом.

— Так, значит, это все — подделка? — охнула Кейси. Питер Марлоу усмехнулся:

— Должен признаться, мне тоже показалось, что вся эта операция несколько непродуманна.

— Ну, до свидания, господа, — беззаботно проговорил Данросс, обращаясь к Марлоу и Мартину Хэпли. Он тотчас же взял Кейси под руку. — Пойдемте, пора поужинать. — И они двинулись по улице, а Бартлетт следовал рядом.

— Но, тайбань, то, что мы видели, то, что я брала в руки... Разве это была подделка? — спросила Кейси. — Я могла бы на что угодно поспорить, правда, Линк?

— Да, — согласился Бартлетт. — Но для отвода глаз сделано правильно. Я бы тоже так поступил.

Они повернули за угол, направляясь к огромному зданию банка «Виктория». Воздух был теплый и липкий. Кейси нервно засмеялась:

— Этот золотой металл так взволновал меня, а выходит, это была лишь подделка!

— Вообще-то все было настоящее, — спокойно проговорил Данросс, и она остановилась. — Прошу прощения, что запутал вас, Кейси. Я сказал это лишь для Хэпли и Марлоу, чтобы навести тень подозрения на их источник. Им все равно ничего не доказать, так или иначе. Меня попросили организовать эту перевозку чуть больше часа назад. Что я и сделал, и, конечно же, с большой осторожностью. — Сердце у него забилось быстрее. Он подумал, сколько ещё людей знает о бумагах АМГ, хранилище и номере ячейки.

Бартлетт внимательно смотрел на него.

— Я купился на то, что вы сказали. Думаю, они купились тоже, — заметил он, а сам подумал: «Зачем ты притащил нас смотреть на золото? Вот что хотелось бы знать».

— Странное дело, тайбань, — произнесла Кейси с нервным смешком. — С самого начала я знала, просто знала, что золото настоящее. Потом поверила вам, когда вы сказали, что это подделка, а теперь верю вам снова. Неужели подделывать и дурачить так просто?

— И да, и нет. Точно можно узнать, лишь капнув на золото кислотой. Это единственная настоящая проверка. Верно? — добавил он, обращаясь к Бартлетту.

Ответом ему была полуулыбка, вынудившая его задуматься, понял ли намек американец.

— Думаю, это верно, Иэн. Для золота — или для людей.

Данросс улыбнулся в ответ. «Хорошо, — мрачно заключил он, — мы прекрасно понимаем друг друга».

Было уже довольно поздно. Паромы «Голден ферриз» не ходили, и Кейси с Линком вез, пыхтя, через гавань небольшой частный катер. Ночь выдалась великолепной, в воздухе чувствовался чудесный запах моря. Был полный штиль. Взявшись за руки, они любовались панорамой Гонконга. С таким смаком они ещё никогда не ужинали, было много разговоров и смеха, и Данросс их очаровал. Закончился ужин на крыше отеля «Хилтон», где они наслаждались коньяком и замечательным ощущением гармонии с миром и собой.

Кейси почувствовала легкое пожатие руки Бартлетта и чуть прислонилась к нему.

— Как романтично, правда, Линк? Посмотри на Пик и все эти огни. Невероятно.

Это самое прекрасное и волнующее место из всех, где я только была.

— Лучше, чем юг Франции?

— Там все было по-другому. — Два года назад они проводили отпуск на Лазурном берегу. Это был первый раз, когда они отдыхали вместе. И последний. Разлука стала для обоих суровым испытанием. — Иэн — просто фантастика, верно?

— Да. И ты тоже.

— Благодарю вас, любезный сэр, и вы тоже. — Они рассмеялись, счастливые оттого, что вместе.

На пристани в Коулуне Линк расплатился, и они рука об руку пошли к отелю. Несколько официантов все ещё дежурили в лобби.

— Добрый вечер, сэр, добрый вечер, мисси, — подшипывая, приветствовал их старик-лифтер, на этаже Ночной Чжан поспешил вперед, чтобы открыть дверь люкса.

Линк автоматически дал ему доллар, Ночной Чжан с поклоном пропустил их и закрыл дверь.

Она замкнула дверь на задвижку.

— Выпить хочешь? — спросил он.

— Нет, спасибо. Испорчу вкус коньяка.

Кейси видела, что Линк смотрит на неё. Они стояли в центре гостиной. За его спиной виднелся весь Гонконг, оправленный в оконную раму, как огромная картина. Направо была его спальня, налево — её. Кейси чувствовала, как пульсирует жилка у неё на шее, чувствовала, что готова раскрыться ему навстречу, он казался таким красивым.

— Ну, э-э... спасибо за чудесный вечер, Линк. Я... до завтра, — проговорила она. Но не двинулась с места.

— До твоего дня рождения осталось три месяца, Кейси.

— Тринадцать недель и шесть дней.

— Почему бы нам не обойти это дело и не пожениться сейчас. Завтра?

— Ты был... ты так чудесно относился ко мне, Линк. Ты был так добр, что терпел и закрывал глаза на мою... мое сумасшествие. — Она улыбнулась, но улыбка получилась неуверенная. — Уже недолго осталось, Линк. Давай сделаем так, как договорились. Пожалуйста...

Он стоял и пристально смотрел на неё, томясь желанием. Потом хрипло произнес:

— Конечно. — У своей двери он остановился. — Кейси, ты права насчет этого места. Оно романтическое и волнующее. На меня оно тоже действует. Может быть... может, тебе лучше перебраться в другой номер?

Дверь в его комнату закрылась.

В ту ночь, перед тем как заснуть, она долго плакала.

СРЕДА

27

5:45

Две скаковые лошади стремительно вырвались из поворота на финальную прямую. Ещё не рассвело, небо на западе было окутано мглой, а на ипподроме Хэппи-Вэлли люди уже следили за утренней разминкой.

Буканир, крупный гнедой жеребец, на котором скакал Данросс, шёл голова к голове с Ноубл Стар, которая несла главного жокея «Струанз» Тома Ляна, держась ограды. Обе лошади бежали хорошо, но было ясно, что их возможности далеко не исчерпаны. При виде финишного столба впереди Данроссу вдруг захотелось дать

шпоры и обойти соперника. Почувствовав немой вызов, Том Лян бросил на него быстрый взгляд. Однако оба понимали: это не скачки, а лишь разминка, когда противников вводят в заблуждение, и Данросс подавил в себе почти слепящее желание.

Лошади прижали уши. Бока у них лоснились от пота. Обе чувствовали удила. И теперь, уже на прямой, задорно помчались к финишу, хотя бежать по внутренней песчаной дорожке было тяжелее, чем по окружавшей её травяной, и выкладываться приходилось больше. Наездники стояли высоко в стременах, пригнувшись вперед и натянув вожжи.

Том Лян был легче, и Ноубл Стар стала уходить в отрыв. Данросс автоматически пришпорил Буканира, понукая его. Жеребец прибавил ходу. Разрыв сократился. Приятное возбуждение росло. Оставалось менее половины круга, и Данросс посчитал, что ничего страшного нет. Ни один тренер из чужой конюшни не смог бы засечь точное время, поэтому тайбань дал ещё шпор, и началась гонка. Обе лошади поняли это и пошли большим махом. Преимущество Ноубл Стар было совсем небольшим, но, почувствовав, что Буканир быстро приближается, она закусила удила, сама рванулась вперед, оторвалась и финишировала, опередив жеребца на полкорпуса.

Всадники сбавили темп и уже неторопливо рысили дальше по великолепному скаковому кругу — зеленой лужайке посреди многоэтажных домов, встающих один за другим на склонах холмов. Снова миновав финишную прямую легким галопом, Данросс подъехал к тому месту, где обычно совершался круг почета, и спешился. Ласково потрепав лошадь по шее, он бросил поводья конюху. Тот вскочил в седло и продолжил разминку.

Данросс расправил плечи: сердце бьется ровно, во рту привкус крови. Он чувствовал себя прекрасно, растянутые мускулы приятно ныли. Верхом он ездил всю жизнь. Официально скачки в Гонконге считались любительскими. В молодости он два сезона участвовал в состязаниях и продолжил бы карьеру жокея, но отец, тогда тайбань и главный распорядитель на скачках, предложил ему держаться подальше от ипподрома. А потом унаследовавший оба поста Аластэр Струан приказал Иэну отказаться от скачек под угрозой немедленного увольнения. Так что в соревнованиях он больше не участвовал, но по-прежнему бывал на тренировках конюшни «Струанз». И под настроение скакал на рассвете во весь опор.

Нужно было вставать, когда почти весь мир ещё спал, чтобы промчаться галопом в полумраке: само это действие, и восторг от него, и скорость, и опасность прочищали голову.

Данросс сплюнул, чтобы избавиться от тошнотворно-сладкого привкуса, который появляется, когда ты не первый. «Ещё и лучше, — думал он. — Я мог бы одержать верх над Ноубл Стар сегодня, но я и так был первым, не на прямой, так на повороте».

На песчаной дорожке разминали других лошадей: одни выходили на круг, другие покидали его. Кучками стояли, беседуя, владельцы лошадей, тренеры и жокеи, а мафу — конюхи — прогуливали скакунов с наброшенными попонами. Мимо прошла легким галопом Баттерскотч Лэсс, великолепная кобыла Ричарда Квана — белая звездочка на лбу, изящные щетки, — и жокей, сидевший на ней как влитой, смотрелся очень неплохо. На противоположной стороне ипподрома породистый жеребец Горнта, Пайлот Фиш, рванул галопом за Импейшнс, ещё одной лошадью из конюшни «Струанз». Эту новенькую, молодую, ещё не участвовавшую в соревнованиях кобылку приобрели недавно, на первой выставке этого сезона. Данросс критически оглядел её. «Выносливости не хватает. Вот пройдет сезон-другой, и будет видно». Пайлот Фиш пронесся мимо неё, кобылка в испуге метнулась в сторону, а потом полетела в погоню, но жокей сдержал лошадь, приучая переходить в галоп по воле

седока.

— Ну так что, тайбань? — обратился к Данроссу его тренер, крепкий как железо русский эмигрант, с задубевшим лицом и седеющей шевелюрой. Ему было уже около семидесяти, и он работал на «Струанз» третий сезон.

— Так и что, Алексей?

— Значит, дьявол вселился в вас, и вы дали ему шпоры, и видели, как рванулась вперед Ноубл Стар?

— Ноубл Стар любит померяться силами. Она такая, и все это знают, — спокойно ответил Данросс.

— Да, но я предпочел бы, чтобы сегодня об этом вспомнили только я и вы, а не... — Невысокий мужчина махнул мозолистым большим пальцем в сторону зрителей и ухмыльнулся. — А не каждый viblyadok в Азии.

Данросс ухмыльнулся в ответ.

— Слишком много ты подмечаешь.

— Мне и платят за то, что я слишком много подмечаю.

Алексей Травкин мог обскакать, перепить и обставить в работе человека вполтину моложе. Среди других тренеров он держался особняком. И о своем прошлом с течением лет рассказывал разное — как и большинство тех, кто, пережив великую смуту российских, а затем китайских революций, теперь кочевали по разным уголкам Азии в надежде обрести покой, найти который им было не суждено.

Алексей Иванович Травкин покинул Россию и попал в Маньчжурию, в Харбин, в 1919 году. Потом перебрался южнее, в международный сеттльмент Шанхая¹⁴⁷, где стал участвовать в скачках и побеждать. Прекрасный наездник, он знал о лошадях больше, чем большинство людей знают о самих себе, и вскоре стал тренером. Когда в сорок девятом вновь случился исход, он бежал на юг, на этот раз в Гонконг, где прожил несколько лет, а потом двинулся ещё южнее, в Австралию, которую объездил вдоль и поперек. Но Азия манила его, и он вернулся. У Данросса в то время не было тренера, и он предложил Травкину конюшню Благородного Дома.

— Я берусь, тайбань, — тут же сказал Травкин.

— Но мы ещё не говорили о деньгах.

— Вы джентльмен, я тоже. Вы будете платить мне больше всех из соображений престижа — и потому что лучше меня не найдете.

— Не найду?

— А с чего бы ещё вам предлагать мне работу? Вам тоже не нравится проигрывать.

Прошлый сезон был хорошим для них обоих. Первый оказался не очень. Оба понимали, что наступающий сезон станет настоящей проверкой. Скакавшая мимо Ноубл Стар красиво перешла на свободный бег.

— Что насчет субботы? — спросил Данросс.

— Она будет стараться.

— А Баттерскотч Лэсс?

— И эта тоже. Как и Пайлот Фиш. Как и все остальные — во всех восьми заездах. Расклад получается очень необычный. Нужно будет крайне внимательно следить за участниками.

Данросс кивнул. Он заметил Горнта, который беседовал у круга почета с сэром Дунстаном Барром.

— Я буду очень расстроен, если проиграю Пайлот Фишу. Алексей усмехнулся,

¹⁴⁷ Существовавшие в Шанхае со времени «опиумных войн» британская и американская торговые концессии объединились в 1863 г. и образовали международный сеттльмент Шанхая, который управлялся по законам, отличным от китайских.

заметив с иронией:

— В таком случае вам лучше выступать на Ноубл Стар самому, тайбань. Тогда, если положение будет угрожающим, вы сможете оттеснить Пайлот Фиша на ограду или хлестнуть жокея плетью по глазам. А? — Старик взглянул на него. — Вы ведь так и поступили бы с Ноубл Стар сегодня, будь это скачки?

— Это были не скачки. Кто знает?... — улыбнулся в ответ Данросс. Подошедший мафу поздоровался с Травкиным и передал ему записку.

— Вам письмо, сэр. Мистер Чой просил, когда у вас будет время, взглянуть, как подковали Чардистана.

— Я скоро туда подойду. Скажи ему, чтобы Буканиру добавили отрубей, сегодня и завтра. — Нахмурившись, Травкин повернулся к Данроссу, который пристально наблюдал за Ноубл Стар: — Вы не собираетесь участвовать в заезде в субботу?

— На данный момент — нет.

— Я бы не советовал. Данросс рассмеялся.

— Знаю. До завтра, Алексей. Завтра поработаю с Импейшнс. — Он дружески похлопал тренера по плечу и ушел.

Травкин посмотрел ему вслед. Потом скользнул взглядом по лошадям, вверенным его попечению, и попадавшим на глаза скакунам конкурентов. Он знал, что в субботу схватка будет жестокая и что за Ноубл Стар нужен глаз да глаз, и улыбнулся про себя: приятно участвовать в игре, где ставки так высоки.

Он развернул записку, которую держал в руке. Она была короткой — всего несколько строк по-русски — и начиналась так: «Привет из Кургана, ваше высочество. У меня есть вести об Анастасии...» У Алексея перехватило дыхание, он побледнел. «Клянусь кровью Христовой! — чуть не вскрикнул он. — Никто в Азии не знает ни того, что мой дом стоял в Кургане, на равнинных берегах реки Тобол, ни что мой отец был князь Курганский и Тобольский, ни того, какое имя носила моя юная жена, — кажется, тысяча жизней минула с тех пор, — которую поглотила революция, пока я воевал со своим полком... Клянусь Господом, я никому не называл её имени, даже про себя не смел его повторять...»

Ошеломленный, он перечитал записку. «Что это — ещё одна дьявольская выдумка Советов, врага всех русских людей? Или этот человек свой? О Господи Иисусе, пусть он будет свой».

После слова «Анастасии» в записке значилось лишь: «Прошу встретиться со мной в задней комнате ресторана „Зеленый дракон“, что в переулке около дома 189 по Натан-роуд, сегодня в три». Подписи не было.

На другой стороне паддока¹⁴⁸ рядом с финишем направлявшийся к своему тренеру Ричард Кван вдруг заметил Улыбчивого Цзина, председателя совета директоров банка «Цзин просперити», который приходился ему дальним родственником. Тот стоял на трибуне, направив бинокль на Пайлот Фиша.

— Привет, Шестой Двоюродный Брат, — радушно окликнул Кван по-кантонски. — Ел ли ты рис сегодня?

Хитрый старик тут же насторожился.

— Денег ты у меня не получишь, — грубо бросил Цзин, обнажив зубы, торчавшие вперед, из-за чего казалось, что он постоянно улыбается.

— Почему это? — так же грубо спросил Ричард Кван. — Получил от меня взаймы семнадцать, ети его, миллионов и...

— Да, но это ссуда до востребования через девяносто дней — хорошо вложенные деньги. Мы всегда платили сорок процентов по займам, — огрызнулся

¹⁴⁸ Паддок — на ипподромах огороженная площадка для накопления лошадей перед стартом.

старик.

— Ах ты, жалкая старая кость, я помог тебе, когда ты нуждался в деньгах! Теперь пора возвращать долг!

— Возвращать? Что возвращать? — Улыбчивый Цзин сплюнул. — За все эти годы я возвратил тебе целое состояние. Я рисковал, а ты извлекал прибыль. Вся эта беда случилась в самое неподходящее время! У меня ни единого медяка наличностью! Я не такой, как некоторые банкиры. У меня деньги всегда используются с умом.

Как утверждала молва, они «использовались с умом» на наркотики. Ричард Кван, конечно, никогда об этом не спрашивал, и никто ничего точно не знал, но все считали, что банк Улыбчивого Цзина — одно из мест, где тайно отмываются доходы от наркоторговли, которая по большей части велась через Бангкок.

— Послушай, Двоюродный Брат, мы же одна семья, — начал Ричард Кван. — Это лишь временные трудности. На нас напали заморские дьяволы, так их и так. Когда подобное случается, цивилизованные люди должны быть заодно!

— Согласен. Но причина изъятия денег из «Хо-Пак» — ты. Ты. Снимают вклады из твоего банка, а не из моего. Ты каким-то образом задел этих блудодеев! Они копают под тебя — ты что, газет не читаешь? Да, и у тебя, как я слышал, вся наличность ушла на какие-то очень скверные сделки. Ты, Двоюродный Брат, сам сунул голову в кангу¹⁴⁹. Добудь деньги у этого своего партнера-полукровки, гнусного сына малайской шлюхи. У него миллиарды — или у Прижимистого... — Старик вдруг захихикал. — Десять против одного, что старый блудодей даст тебе в долг!

— Если меня пустят под откос, то скоро доберутся и до «Цзин просперити».

— Ты мне не угрожай! — озлобился старик. В уголках губ у него постоянно собиралась слюна, губы то закрывали зубы, то раскрывали в характерной гримасе. — Если ты обанкротишься, я тут ни при чем. Зачем переносить свой скверный джосс на семью? Ничего во вред тебе я не сделал. Зачем ты пытаешься перенести на меня свой плохой джосс? Если сегодня... аййия, если сегодня он действительно на меня перекинется и эти вкладчики, собачья кость, начнут снимать деньги, я не продержусь и дня!

Ричарду Квану моментально стало легче оттого, что над империей Цзин тоже нависла угроза. «Хорошо, очень хорошо. Мне пригодится весь его бизнес. Особенно выход на Бангкок». Тут он бросил взгляд на большие часы над тотализатором и застонал. Пошёл лишь седьмой час, а в десять откроются банки и фондовая биржа. Он уже договорился с «Блэкс», «Викторией», «Бомбеем», а также «Истерн банк оф Коулун» о залоге ценных бумаг, которые покроют все с лихвой, но нервничал. И был взбешен. Ему пришлось заключить кое-какие очень нелегкие соглашения, соблюдать которые совсем не хотелось.

— Ну ладно, Двоюродный Брат, всего пятьдесят миллионов на десять дней — прежние семнадцать миллионов я продлю на два года, а через тридцать дней добавлю ещё двадцать.

— Пятьдесят миллионов на три дня за десять процентов в день, причем твой сегодняшний заем будет дополнительным обеспечением, а ещё я возьму, как ещё одно дополнительное обеспечение, заладную на твою недвижимость в Централ!

— Шёл бы ты блудить в ухо своей матери! Это стоит в четыре раза больше.

Улыбчивый Цзин пожал плечами и снова направил бинокль на Пайлот Фиша.

— Неужели эта черная громадина тоже побьет Баттерскотч Лэсс? Ричард Кван угрюмо посмотрел на лошадь Горнта.

¹⁴⁹ Канга — применявшаяся в Китае с древних времен деревянная колодка, которую надевали на голову, руки и ноги арестованного или подсудимого.

— Не побьет, если только мой тренер с жокеем не сговорятся осадить её или что-то ей подсыпать!

— Гнусные ворюги! Никому доверять нельзя! Моя лошадь ни разу не выходила в призеры. Ни разу. Не приходила даже третьей. Какая гнусность!

— Пятьдесят миллионов на неделю — два процента в день?

— Пять. Плюс недвижимость в Сент...

— Никогда!

— Возьму пятьдесят процентов.

— Шесть процентов, — сказал Ричард Кван.

Улыбчивый Цзин прикинул свой риск. И возможную прибыль. Прибыль обещала быть огромной, если... Если «Хо-Пак» не рухнет. И даже если это случится, прекрасным покрытием для займа будет недвижимость. Да, прибыль будет огромной при условии, что не случится массового изъятия вкладов у него самого. Может быть, он сможет рискнуть, заложить некоторые будущие отправки и заработать эти пятьдесят миллионов?

— Пятнадцать процентов, и это последнее слово, — буркнул он, зная, что к полудню, оценив состояние рынка и развитие банковской паники, отзовет предложение или изменит его — и продолжит продавать акции «Хо-Пак», играя на понижение с большой выгодой. — Можешь дать Баттерскотч Лэсс в придачу.

Ричард Кван грязно выругался, и они продолжили торговаться, пока не сошлись на пятидесяти миллионах по требованию в два часа. Наличными. Кван также закладывал Улыбчивому Цзину тридцать девять процентов собственности в Сентрал в качестве дополнительного обеспечения и четверть стоимости своей кобылы. Все решила Баттерскотч Лэсс.

— Что насчет субботы?

— Ты о чем? — От этой гримасы и выдающихся вперед зубов Ричарда Квана уже тошнило.

— Наша лошадка в пятом заезде, хейя? Послушай, Шестой Двоюродный Брат, может, нам лучше договориться с жокеем Пайлот Фиша? Мы осадим нашу лошадь — она будет фаворитом — и на всякий случай поставим на Пайлот Фиша и Ноубл Стар!

— Прекрасная идея. Решим в субботу утром.

— Лучше устранить Голден Леди тоже, а?

— Это предложил тренер Джона Чэня.

— И-и-и, этот глупец допустил, чтобы его похитили. Я буду рассчитывать, что ты предоставишь мне реальную информацию о том, кто победит. Я тоже хочу поставить на победителя! — Улыбчивый отхаркнулся и сплюнул.

— Да обделаются все боги, а мы все разве не хотим?! Эти паршивые тренеры и жокеи! Самое отвратительное то, что они обходятся с нами, владельцами, как с марионетками. Кто им платит зарплату, хейя?

— Скаковой клуб, владельцы, но больше всего — те игроки, которые не в курсе дела. Я слышал, ты вчера вечером был в старушке «Вик» и ужинал, как заморские дьяволы.

Ричард Кван расплылся в улыбке. Ужин с Венерой Пань прошел с большим успехом. На ней было купленное им новое платье от Кристиана Диора, длина до колена, черный облегающий шелк на чехле из газа. Когда банкир увидел, как Венера выходит из его «роллс-ройса» и поднимается по ступенькам «Вик», сердце у него забилося, а «тайный мешочек» сжался.

Довольная эффектом, произведенным на весь зал при входе, она сияла улыбкой и массивными золотыми браслетами. Даже настояла на том, чтобы подняться по великолепной лестнице, а не ехать в лифте. Всю грудь у него сдавило от тщательно скрываемой радости и ужаса. Они прошли между столиками, за которыми чинно ужинали холеные европейцы и китайцы. Многие были в вечерних

туалетах — мужья и жены, туристы и местные жители, мужчины за деловым ужином, любовники всех возрастов и национальностей и те, что ещё не стали ими. На нем был новый тёмный костюм от портного с Сэвил-Роу¹⁵⁰ из самого дорогого и тонкого кашемира. Пока они добрались до лучшего столика, который стоил ему одну красненькую — сто долларов, — он махнул рукой многим знакомым и простонал про себя четыре раза при виде четырех закадычных друзей-китайцев и их жен. Почтенные матроны, с пышными прическами, увешанные драгоценностями, уставились на него остекленелыми глазами.

Ричард Кван поежился. «Настоящие блудницы эти жены, и все они одинаковы, — думал он. — О-хо-хо! Ловят тебя на лжи ещё до того, как ты успел что-то сплести». Он пока не был дома и не видел Майлин, которой наверняка уже доложили о Венере Пань по меньшей мере три доброхотки подруги. «Ну и что, пусть устроит разнос, повопит какое-то время, порыдаёт, порвет на себе волосы, чтобы разрядить дьявольскую злобу. А потом я осторожно замечу, что она стала слишком раздражительной из-за происков врагов — ну как можно слушать вздорных баб? И смиренно упомяну, что три недели назад заказал мантию из цельных шкур норки и должен получить её сегодня, чтобы она смогла блеснуть на скачках в субботу. И тогда в доме воцарится мир — до следующего раза. И все же как разумно я поступил, — фыркнул он, — заказав эту норку». Его несколько не смущало, что заказал он её для Венеры Пань и сегодня утром, всего час назад, лежа в её теплых объятиях, обещал привезти мантию нынче вечером, чтобы она могла надеть его на скачки в субботу. «Все равно это слишком дорогая вещь для такой проститутки, — думал он. — Мантия стоит сорок тысяч гонконгских долларов. Куплю ей другое. А-а, может, удастся найти какое-нибудь ношеное...»

Он заметил на себе косой взгляд Улыбчивого Цзина.

— Что такое?

— Венера Пань, хеш?

— Я тут решил заняться киноиндустрией и сделать её звездой, — с шиком заявил он, гордый тем, какую легенду придумал — для оправдания перед женой.

— И-и-и, но ведь это рискованный бизнес, хейя? — впечатлился Улыбчивый Цзин.

— Да, но есть способы застраховать риск. — И он многозначительно подмигнул.

— Айийя, ты имеешь в виду порнофильмы? О! Дай знать, когда наладишь производство: я бы посмотрел парочку. Голая Венера Пань! Айийя, вся Азия будет платить, чтобы увидеть такое! Как она в постели?

— Восхитительна! Теперь, когда я её кой-чему научил. Она была девственница, когда я перв...

— Какая удача! — воскликнул Улыбчивый Цзин. И добавил: — Сколько раз ты брал штурмом эту «твердыню»?

— Вчера вечером? Трижды — и каждый «штурм» был яростнее и дольше предыдущего! — Ричард Кван наклонился вперед. — Никогда не видывал «сердцевины цветка» лучше, чем у неё. Да. А какой треугольник! Восхитительные шелковые волосы, внутренние губы розовые и чувственные. И-и-и, а «нефритовые ворота»... просто как сердечко. «Один квадратный дюйм» совершенной овальной формы, розовый, ароматный. И «жемчужина на пороге» тоже розовая...

Ричард Кван почувствовал, что покрывается потом, вспомнив, как она подала ему большую лупу и раскинулась на диване. «Вот, — с гордостью сказала она. — Полюбуйся на „богиню“, которой собирается поклоняться твой „лысый монах“». И он полюбовался. Очень тщательно.

¹⁵⁰ Сэвил-Роу — улица в Лондоне, где расположены ателье дорогих мужских портных.

— Лучшая из всех моих подружек, — откровенничал Ричард Кван, привычно преувеличивая. — Я тут подумывал, не купить ли ей кольцо с большим бриллиантом. Бедная сладкоречивая малышка так плакала сегодня утром, когда я уходил из квартиры, которую снял для неё. Она клялась, что покончит с собой, потому что безумно влюблена в меня. — Он сказал это слово по-английски.

— И-и-и, счастливчик! — Улыбчивый Цзин знал по-английски лишь слова любви. Спинай он почувствовал чей-то взгляд и обернулся.

В следующей секции трибун, в пятидесяти ярдах от него, чуть выше, стоял заморский дьявол — полицейский Большая Гора Дерьма, ненавидимый всеми глава департамента уголовного розыска Коулуна. Холодные рыбы глаза не отрываясь смотрели на Улыбчивого, на шее у копа висел бинокль. «Айийя», — воскликнул про себя Цзин, стремительно перебирая в голове все системы ловушек, сдержек и противовесов, которые защищали главный источник его дохода.

— Э? Что? Что с тобой, Улыбчивый Цзин?

— Ничего. Отлить хочу, вот и все. Присылай документы в два часа, если желаешь получить мои деньги. — Он с мрачным видом отвернулся и направился в туалет, гадая, известно ли полиции о предстоящем приезде заморского дьявола из Золотой Горы, Великого Тигра Белых Порошков с диковинным именем Винченцо Банастасио.

Улыбчивый Цзин отхаркнулся и громко сплюнул. «Известно или неизвестно, это судьба. Меня они не тронут: я лишь банкир».

Роберт Армстронг заметил, что Улыбчивый Цзин беседует с банкиром Кваном, и преисполнился уверенности, что ничего доброго эти двое не замышляют. В полиции были прекрасно осведомлены о причастности Цзина и банка «Просперити» к наркоторговле, но пока не могли предъявить Улыбчивому ничего, кроме слухов, — никаких свидетельств против него самого или его банка. Ни прямых, ни даже косвенных, которые позволили бы особой службе задержать Цзина, допросить и срочно депортировать.

«Ничего, рано или поздно он оступится, — спокойно подумал Роберт Армстронг и снова навел бинокль сначала на Пайлот Фиша, потом на Ноубл Стар, Баттерскотч Лэсс и Голден Леди, кобылу Джона Чэня. — Которая из них в лучшей форме, хотелось бы знать».

Он зевнул и устало потянулся. Ещё одна долгая ночь прошла без сна. Вчера вечером, когда он уже выходил из Главного управления полиции Коулуна, начался переполох: некий аноним сообщил по телефону, что Джона Чэня видели на Новых Территориях, в небольшой рыбацкой деревушке Шадаоквок, которая делила пополам восточный отрезок границы.

Армстронг помчался туда с нарядом полиции и прочесал деревушку лачуга за лачугой. Поиски приходилось вести очень осторожно, потому что вся приграничная зона была местом беспокойным, не говоря уже о деревне, где располагался один из трех пограничных пропускных пунктов. Жители деревни — народ дерзкий, грубый, неуступчивый и агрессивный — хотели одного: чтобы их оставили в покое. Особенно полиция заморских дьяволов. В результате выяснилось, что вновь поднята ложная тревога, хотя и не без пользы: полицейские накрыли два нелегальных винокуренных заводика, небольшую фабрику, где из опиума-сырца делали морфин, а потом героин, и шесть игорных притонов.

Когда Армстронг вернулся в коулунское управление, поступил ещё один звонок о Джоне Чэне, на сей раз из Ваньчая с гонконгской стороны, в районе доков рядом с Глессингз-Пойнт. Звонивший якобы стал свидетелем того, как Джона Чэня, с повязкой из грязного бинта на правом ухе, заносили в многоквартирный дом. Этот очевидец назвал свое имя и номер водительского удостоверения, чтобы иметь возможность

претендовать на вознаграждение в пятьдесят тысяч гонконгских долларов, назначенное «Струанз» и Благородным Домом Чэнь. Армстронг снова привел людей в указанное место, оцепил его и возглавил тщательный поиск. Было почти пять утра, когда он дал отбой операции и распустил подчиненных по домам.

— Брайан, лично я отправляюсь в койку, — объявил Армстронг. — Ещё одна напрасно потраченная ночь, просто *фан пи* ¹⁵¹.

Брайан Квок тоже зевнул.

— Да. Но раз уж мы в этих краях, может, позавтракаем в «Пара»? А потом, потом пойдем посмотрим на утреннюю разминку.

Усталость тут же как рукой сняло.

— Это ты здорово придумал!

Ресторан «Пара» на Ваньчай-роуд, рядом с ипподромом Хэппи-Вэлли, работал круглосуточно. Готовили в нем прекрасно, цены были невысокие, правда, он слыл местом встреч членов триад и их девиц. Когда в просторное, шумное, оживленное заведение, наполненное звоном посуды, широким шагом вошли двое полицейских, внезапно наступила тишина. Неверной, ныряющей поступью навстречу гостям устремился хозяин, Одноногий Ко, сияя лучезарной улыбкой, и проводил к лучшему столику.

— *Цзю ни ло мо* и на тебя, Старый Друг, — мрачно проговорил Армстронг и, добавив ещё несколько отборных кантонских ругательств, остановил взгляд на компании молодых головорезов. Те смотрели на него разинув рот, но тут же нервно отвернулись.

Одноногий Ко захихикал, показав гнилые зубы.

— Ах, Господа, вы оказали честь моему бедному заведению. Дим сум?

— Почему бы и нет?

Дим сум — буквально «малая еда»¹⁵² — это конвертики из теста на один укус, которые начиняют мелко нарезанными креветками, овощами или самым разнообразным мясом, затем варят на пару либо хорошо прожаривают и едят, чуть приправив соей, или крохотные порции курятины либо другого мяса под различными соусами, или всевозможные кондитерские изделия.

— Досточтимые Господа на ипподром?

Брайан Квок кивнул, прихлебывая жасминовый чай. Взгляд его скользил по посетителям, и многие занервничали.

— Кто выиграет в пятом?

Хозяин ресторана замешкался, понимая, что лучше сказать правду. Он осторожно произнес на кантонском:

— Ни про Голден Леди, ни про Ноубл Стар, ни про Пайлот Фиша, ни про Баттерскотч Лэсс ещё не... Ещё нет сведений, кого следует предпочесть. — Холодные черно-карие глаза остановились на нем, и он насилу сдержал дрожь. — Клянусь всеми богами, именно так и говорят.

— Хорошо. Я приеду сюда в субботу утром. Или пришлю своего сержанта. Шепнешь ему на ухо, не затевается ли какая грязная игра. Да. А если выйдет так, что какой-то из лошадей в корм подмешали допинг или какую-то подсекли и я не буду знать об этом в субботу утром... то, может статься, что твои супы останутся тухнуть лет на пятьдесят.

— Да, Господин, — нервно хохотнул Одноногий Ко. — Позвольте теперь

¹⁵¹ Здесь: пущенная коту под хвост (кит.).

¹⁵² Наиболее приемлемым вариантом буквального перевода словосочетания дим сум (дянь синь) представляется «выбирать что душе угодно».

распорядиться насчет вашей ед...

— Пока ты здесь: что болтают про Джона Чэня?

— Ничего. О, просто ничего, Досточтимый Господин. — Над верхней губой Одноногого выступили капельки пота. — Никакой информации о нем — Благоухающая Гавань чиста, как сокровище девственницы. Ничего, Господин. Реальных слухов — ни на ветерок собачий, хотя все ищут. Я слышал, что предложено огромное дополнительное вознаграждение.

— Да? Сколько?

— Ещё сто тысяч долларов, если его найдут в течение трех дней. Оба полицейских присвистнули.

— Предложено кем? — спросил Армстронг. Преданно глядя на него, Одноногий пожал плечами.

— Никто не знает, Ваша Светлость. Говорят, один из Драконов — или все Драконы. Сто тысяч и продвижение по службе, если за три дня... если его вызовут живым. Прошу вас, позвольте теперь распорядиться насчет вашей еды.

Они смотрели ему вслед.

— Что это ты наехал на Одноногого? — спросил Армстронг.

— Надоело его сладкоречивое лицемерие — и все эти мелкие головорезы поганые. Только плеткой можно решить наши проблемы с триадами.

Армстронг заказал пиво.

— Когда я надавил на сержанта Тан-по, не ожидал, что это подействует так быстро. Сто тысяч — деньги немаленькие! Не может быть, чтобы это было просто похищение. Господи Иисусе, такая сумма! Должно быть, тут что-то особенное.

— Да. Если это правда.

Но ни к каким выводам они не пришли, а когда оказались на ипподроме, Брайан Квок пошёл связаться с Главным управлением, Армстронг же навел бинокль на Баттерскотч Лэсс. Кобыла уже покидала дорожку, чтобы отправиться вверх по склону холма назад в конюшни. «Похоже, она в прекрасной форме. Да и все остальные тоже. Черт, на которую ставить?»

— Роберт?

— О, привет, Питер. Питер Марлоу улыбнулся.

— Рано встаем или поздно ложимся?

— Поздно.

— Заметили, как рванула Ноубл Стар, хотя жокей ничего не предпринимал?

— Какой вы глазастый.

Усмехнувшись, Питер Марлоу покачал головой и указал на группу людей вокруг одной из лошадок.

— Это мне Дональд Мак-Брайд сказал.

— Ага! — Мак-Брайд, один из распорядителей на бегах, был невероятно популярен. Этот евразиец занимался недвижимостью и приехал в Гонконг из Шанхая в сорок девятом. — Он часом не сказал, кто победит? Уж кому знать, как не ему?

— Нет, не сказал, но пригласил в субботу в свою ложу. Вы как, идете на скачки?

— А как же! Я подойду к вам в членскую ложу — я с такими «шишками» дел не имею!

Какое-то время они наблюдали за лошадьми.

— Голден Леди смотрится хорошо.

— Они все хорошо смотрятся.

— Ничего нового не слышно про Джона Чэня?

— Ничего. — В бинокль Армстронг увидел Данросса, беседовавшего с несколькими распорядителями. Неподалеку терся человек из Эс-ай, приставленный к тайбану Кроссом. «Папка в пятницу, — подумал полицейский. — Чем быстрее мы увидим эти папки АМГ, тем лучше». Он ощутил легкую тошноту и не мог понять, то ли

это дурное предчувствие в отношении документов либо «Севрина», то ли просто усталость. Он потянулся было за сигаретой — и остановил себя: «Тебе не хочется курить, совсем не хочется». — Вам следует бросить курить, Питер. Это очень вредно.

— Да. Надо бросать. А у вас как, получается?

— Без труда. Да, Питер, вспомнил: старик дал добро на вашу поездку по пограничной дороге. Послезавтра, в пятницу, ровно в шесть ноль-ноль утра в Главном управлении Коулуна. Хорошо?

Сердце Питера Марлоу забилося чаще. Наконец-то он сможет взглянуть на материковый Китай, бросить взор в неизвестное. На Новых Территориях было лишь одно место — холм в пограничной полосе, — откуда туристы могли взглянуть на Китай, но находилось оно довольно далеко от границы и с него мало что удавалось увидеть. Даже в бинокль.

— Вот здорово! — в восторге воскликнул он.

По совету Армстронга он обратился с письменной просьбой к комиссару. Пограничная дорога вилась вдоль всего берега. Движение любого транспорта и пешеходов по ней было запрещено, исключение делалось только для местных жителей на отдельных участках. Она тянулась по широкой нейтральной полосе между колонией и Китаем. Раз в день по ней проходил патруль под особым контролем. Гонконгское правительство не хотело вносить разлад в отношения с КНР.

— С одним условием, Питер: вы молчите об этом около года.

— Даю слово.

Армстронг подавил ещё один зевок.

— Вы будете единственным янки, который когда-либо ездил или проедет по ней.

— Здорово! Спасибо.

— Почему вы приняли гражданство? Питер Марлоу задумался.

— Я — писатель. Это главный мой хлеб. Теперь люди начинают читать то, что я пишу. Возможно, мне хотелось бы иметь право выступать с критикой.

— Когда-нибудь были за «железным занавесом»?

— О да. В июле был в Москве на кинофестивале. Там Америку представлял фильм, снятый по моему сценарию¹⁵³. А что?

— Ничего. — Армстронг вспомнил о московских штампах в паспортах Бартлетта и Кейси. — Просто спросил, — улыбнулся он.

— Услуга за услугу. Я тут слышал кое-что про винтовки Бартлетта.

— Вот как? — Армстронг мгновенно сделал стойку, весь внимание. Питер Марлоу, редкая птица в Гонконге, был вхож во все слои общества, многие враждующие кланы принимали его как своего.

— Вероятно, это всего лишь разговоры, но некоторые приятели приходят вот к каким заключениям...

— Китайцы?

— Да. Они считают, что эти винтовки — пробная отправка. Она предназначалась одному из ваших пиратствующих китайских граждан — по крайней мере, одному из тех, кто когда-то занимался контрабандой, — для переброски южновьетнамским партизанским бандам, вьетконговцам.

— Это слишком притянута за уши, Питер, — хмыкнул Армстронг. — Гонконг не самый удобный перевалочный пункт для оружия.

— Да. Но эта отправка была особой, первой. С ней торопили, и осуществлена она была в спешке. Вы когда-нибудь слышали о группе «Дельта»?

¹⁵³ На III Московском международном кинофестивале, проходившем 7-21 июля 1963 г., был представлен американский фильм «Большой побег», снятый режиссером Джоном Стёрджесом по сценарию Джеймса Клавелла. Сюжет фильма основан на действительных событиях Второй мировой войны — побеге большой группы летчиков союзных ВВС из специального нацистского концлагеря.

— Нет. — Армстронг был поражен. Откуда Питер Марлоу знает об этой операции? Ведь Роузмонт, сообщивший о ней под большим секретом, уверял, что её держат в строжайшей тайне.

— Насколько я знаю, Роберт, это отряд специально подготовленных солдат американской армии, спецподразделение, которое действует во Вьетнаме небольшими группами под контролем американской группы технической поддержки. За этим названием скрывается ЦРУ. Похоже, они работают настолько успешно, что Вьетконгу срочно потребовалось современное оружие в больших количествах, и он готов хорошо платить. Поэтому винтовки и отправили сюда срочно на самолёте Бартлетта.

— А он с этим связан?

— Мои друзья в этом сомневаются, — произнес Марлоу, подумав. — Во всяком случае, винтовки американские, армейского образца, верно, Роберт? Так вот, если бы эта отправка прошла, то осуществлять крупные поставки было бы несложно.

— О, и каким образом?

— Оружие будут поставлять Соединенные Штаты.

— Что?

— Да-да. — Лицо Питера Марлоу оставалось спокойным. — На самом деле все очень просто: скажем, партизанам Вьетконга заранее сообщают точные сведения о том, когда, куда, в каком количестве и какое вооружение — от стрелкового оружия до ракет — прибывает во Вьетнам.

— Господи!

— Вот-вот. Вы же знаете, что такое Азия. Немного сян ю туда, немного — сюда, и увести все это не составит труда.

— Для них это будет все равно что иметь собственный арсенал! — воскликнул пораженный Армстронг. — А как они будут платить за оружие? Через какой-нибудь местный банк?

Питер Марлоу посмотрел на него:

— Опиумом. С доставкой сюда. Один из наших банков предоставляет финансирование.

Полицейский офицер вздохнул. Все встало на свои места, красивая схема.

— Не подкопаешься, — проговорил он.

— Да. Какой-нибудь паршивый ублюдок в Штатах — предатель — просто передает, что и когда. Таким образом, противник получает все необходимое оружие и боеприпасы, чтобы убивать наших собственных солдат. Он платит за оружие зельем, которое ему ничего не стоит. Насколько я представляю, это у них едва ли не единственный пользующийся спросом товар, который имеется в большом количестве и который легко приобрести. Опиум, доставленный сюда китайским контрабандистом, превращается в героин, потому что именно здесь есть специалисты по этой части. Предатели в Штатах заключают соглашение с мафией, которая продает героин с невероятной прибылью ещё большему числу детей и таким образом развращает и губит самый, черт побери, важный наш актив — молодое поколение.

— Как я уже сказал, не подкопаешься. Чего только некоторые подонки не сделают за деньги! — снова вздохнул Армстронг и расправил плечи. Он немного подумал. Вырисовывалась отчетливая картина. — Вам что-нибудь говорит фамилия Банастасио?

— Похожа на итальянскую, — промолвил Питер Марлоу с невинным выражением лица.

Информацию он получил от двух журналистов-португальцев, которые недолюбливали полицию. Когда он спросил, можно ли передать их соображения копам, де Вега сказал: «Конечно, но полиция никогда этому не поверит. Но ни слова про нас и не называйте никаких имен: ни Четырехпалого У, ни Контрабандиста Ба, ни

Цзина, ни Банастасио — никого».

Помолчав, Армстронг спросил:

— Что ещё вам довелось услышать?

— Много чего, но на сегодня достаточно: сегодня моя очередь поднимать детей, кормить их завтраком и отправлять в школу. — Питер Марлоу закурил, и Армстронг снова болезненно ощутил, как хочется дымка его собственным легким. — Кроме одного, Роберт. Знакомый журналист просил передать, что, как он слышал, в Макао вскоре состоится большой сбор наркодельцов.

Голубые глаза сузились.

— Когда?

— Не знаю.

— Что за сбор?

— Основные игроки. По его словам, поставщики, импортеры, экспортеры, дистрибьюторы.

— Где именно в Макао?

— Он не сказал.

— Имена.

— Никаких имен. Он ещё добавил, что на это сборище приедет какая-то очень важная персона из Штатов.

— Бартлетт?

— Господи, Роберт, я не знаю, а он не говорил. Линк Бартлетт, похоже, человек весьма приятный и прямой. Думаю, что его пытаются очернить сплетники и завистники.

Армстронг скептически улыбнулся.

— Я лишь коп, подозревающий всех и вся. Преступники есть везде — и на самом верху, и в нужнике. Питер, старина, передайте своему журналисту от меня: если захочет что-нибудь мне сообщить, пусть звонит напрямую.

— Он вас боится. Я тоже!

— Вы все у меня под колпаком, — улыбнулся в ответ Армстронг. Марлоу ему нравился. Суперинтендент был признателен ему за информацию. Слава богу, Питер — надежный посредник, умеющий держать язык за зубами. — Вот что, старина, спросите у него, где в Макао, и когда, и кто, и... — Тут его осенило, и Армстронг выпалил наудачу: — Питер, если бы вам нужно было выбрать в колонии самое подходящее место для ввоза и вывоза контрабанды, на чем бы вы остановились?

— Абердин или бухта Мирс. Каждому известно, что как раз эти места контрабандисты облюбовали ещё во времена основания Гонконга.

Армстронг вздохнул.

— Согласен.

«Абердин, — думал он. — Кто там у нас в Абердине? Один из двух сотен контрабандистов. Первенство держит, конечно же, Четырехпалый У. Четырехпалый У со своим большим черным „роллс-ройсом" (номерной знак — счастливая восьмерка), чертовым громилой Током Два Топорика и прытким племянничком, у которого американский паспорт и диплом Йельского — Йельского ли? — университета. На первом месте Четырехпалый. Потом Пун Хорошая Погода, Контрабандист Ба, Та Сапфок, Рыбак Пок... Господи, список бесконечен, это только те, о которых мы знаем. Так, а в бухте Мирс, на северо-востоке, рядом с Новыми Территориями? Братья Ба, Большеротый Фан и тысяча других...»

— Ну что ж, — подвел черту он, очень и очень довольный. Что-то подсказывало ему: это Четырехпалый, хотя слухи никак не связывали старика У с торговлей героином. — Услуга за услугу: передайте вашему журналисту, что сегодня из Пекина прибывает наша парламентская делегация, которая была там с визитом... Что случилось?

— Ничего. — Питер Марлоу старался, чтобы на лице ничего не отразилось. — Что вы говорили?

Армстронг пристально посмотрел на него и продолжил:

— Делегация прибывает из Кантона дневным поездом. В шестнадцать тридцать две на границе они переседают с поезда на поезд. Мы узнали об изменениях в планах только вчера вечером, так что, возможно, вашему приятелю удастся взять эксклюзивное интервью. Похоже, им много чего удалось достичь.

— Спасибо. От имени моего приятеля. Да, спасибо. Я немедленно передам ему. Ну, мне надо идти...

К ним торопливо подошел Брайан Квок.

— Привет, Питер. — Он тяжело дышал. — Роберт, извини, но Кросс хочет видеть нас немедленно.

— Да пошло оно все к черту! — устало произнес Армстронг. — Говорил тебе, лучше подождать, прежде чем докладывать. Этот ублюдок вообще никогда не спит. — Он потер лицо, чтобы снять усталость. Под налитыми кровью глазами лежали тёмные круги. — Бери машину, Брайан, встретимся у главного входа.

— Хорошо. — Брайан Квок быстро ушел. Обеспокоенный Армстронг проводил его взглядом.

— Городская ратуша горит? — шутливо спросил Питер Марлоу.

— В нашем деле всегда где-нибудь горит, парень. — Полицейский глядел испытующе. — Пока я не ушел, Питер, хотелось бы узнать, чем вас так впечатлила новость о торговой делегации.

Помолчав, Марлоу ответил:

— Я был знаком с одним из них во время войны. С лейтенантом Робинот Греем. Он был начальником лагерной полиции в Чанги последние два года¹⁵⁴. — Теперь его голос стал ровным, немыслимо ровным и ледяным — Армстронг и не думал, что такое возможно. — Я ненавидел его, а он ненавидел меня. Надеюсь, что не встречу его, вот и все.

На другой стороне ипподрома, за кругом победителя, Горнт следил в бинокль, как Армстронг двинулся вслед за Брайаном Квоком. Потом, задумавшись, перевел окуляры на Питера Марлоу, который неторопливо направлялся к группе тренеров и жокеев.

— И везде-то он сует свой нос, ублюдок! — прошипел Горнт.

— А? Кто? О, Марлоу? — хихикнул сэр Дунстан Барр. — Он не сует нос, просто хочет как можно больше узнать о Гонконге. Его завораживает твое темное прошлое, старина, твое и Тайбаня.

— А у тебя нет семейных тайн, Дунстан? — мягко спросил Горнт. — Ты хочешь сказать, что ты и твоя семья кристально чисты?

— Боже избави! — благодушно откликнулся Барр, спеша задобрить Горнта. — Боже милостивый, нет! Копни поглубже любого англичанина — и наткнешься на пирата. Мы все под подозрением! Такова жизнь, а?

Горнт промолчал. Он презирал Барра, но тот был ему нужен.

— Я тут в воскресенье собираюсь устроить гулянку на яхте, Дунстан. Не хочешь поехать? Тебе будет интересно.

— Вот как? И кто будет почетным гостем?

— Я хотел пригласить только мужчин — без жен, а?

— Ага! Тогда я тоже играю, — тут же просветлел Барр. — Можно взять с собой подругу?

¹⁵⁴ Фактически лагерем управляли британские офицеры, отвечавшие за соблюдение введенного японцами режима. Даже комендантом лагеря был английский полковник.

— Хоть две, если есть желание, старина. Чем больше, тем веселее. Будут только свои, люди надежные и проверенные. Пламм — он добрый малый, а его подруга чертовски веселая малышка. — Горнт заметил, что Марлоу двинулся в другую сторону: писателя окликнул кто-то из группы распорядителей, где главенствовал Дональд Мак-Брайд. Горнту вдруг кое-что пришло в голову, и он добавил: — А не пригласить ли мне и Марлоу тоже?

— Зачем, если ты считаешь, что он везде сует свой нос?

— Возможно, ему будет интересно послушать подлинную историю Струанов, наших отцов-основателей, пиратов прошлых и нынешних. — На лице Горнта блуждала улыбка, а Барр терялся в догадках, что за дьявольщину тот задумал.

Полнокровный толстяк вытер лоб.

— Господи, хоть бы дождь пошёл. Знаешь, Марлоу летал на «харрикейнах». Сбил трех проклятых «бошей» во время «Битвы за Англию», до того как его послали в Сингапур, в эту жуткую мясорубку. Никогда не прощу чертовым япошкам того, что они делали с нашими парнями там, здесь и в Китае.

— Я тоже, — мрачно согласился Горнт. — А ты знаешь, что мой отец был в Нанкине в тридцать седьмом, во время «Нанкинской резни»¹⁵⁵?

— Нет. Господи, как он оттуда выбрался?

— Несколько дней его прятали свои: у нас там были давние добрые партнеры. Потом выдал себя за дружественного корреспондента лондонской «Таймс», наплел япошкам с три короба и вернулся в Шанхай. Его до сих пор мучают кошмары.

— Кстати о кошмарах, старина: не пытался ли ты устроить кошмар Иэну вчера вечером, когда отправился к нему на прием?

— Ты думаешь, он расквитался, поработав с моей машиной?

— Как? — Барр был потрясен. — Господи милостивый! Ты хочешь сказать, то, что с тобой случилось, подстроено?

— Главный цилиндр разрушен от удара. Механик считает, что это мог быть камень.

Барр не отрываясь смотрел на собеседника, качая головой.

— Иэн не дурак. Бешеный, да, но не дурак. Это было бы умышленное убийство.

— А что, это в первый раз, что ли?..

— На твоём месте, старина, я не стал бы говорить такие вещи публично.

— Но мы же свои люди, старик. Верно?

— Да. Коне...

— Вот и хорошо. — Горнт обратил на него взгляд тёмных глаз. — Наступает время, когда друзья должны держаться вместе.

— Как это? — мгновенно насторожился Барр.

— Да-да. Рынок очень нестабилен. Эта беда с «Хо-Пак» может здорово смешать все наши планы.

— Акции моей «Гонконг энд Ланьдао фармз» стоят прочнее Пика.

— Ты стоишь прочно при условии, что швейцарские банкиры и дальше будут открывать тебе новые кредитные линии.

Обычно красное лицо Барра побледнело.

— Что?..

— Без их займа тебе не прикупить «Гонконг докс энд уорвз», «Ройял иншуэранс оф Гонконг энд Малайя», не закрепиться в Сингапуре и не завершить множество других хитрых делишек, которые у вас на повестке дня — у тебя и у твоего

¹⁵⁵ «Нанкинская резня» — зверства японских военных после захвата в 1937 г. китайского города Нанкина, когда было уничтожено более 300 тысяч китайских мирных граждан и военнопленных.

новоиспеченного друга, Мейсона Лофта, вундеркинда с Треднидл-стрит¹⁵⁶. Верно?

Барр уставился на приятеля, и по спине толстяка катился холодный пот. Он был потрясен тем, что Горнт посвящен в его секреты.

— Откуда ты узнал?

— У меня друзья наверху, старина, — засмеялся Горнт. — Не беспокойся, пока ты со мной, твоя ахиллесова пята неуязвима.

— Нам... нам никакая опасность не грозит.

— Конечно нет. — Горнт снова направил бинокль на свою лошадь. — О, кстати, Дунстан, мне может понадобиться твой голос на следующем заседании банка.

— Насчет чего?

— Ещё не знаю. — Горнт посмотрел на него сверху вниз. — Мне просто нужно знать, что я могу на тебя рассчитывать.

— Да. Да, конечно. — Барр нервно прикидывал, что у Горнта на уме и откуда могла просочиться информация. — Всегда рад удружить, старина.

— Благодарю. Ты продаешь акции «Хо-Пак»?

— Конечно. Вчера, слава богу, снял все свои деньги. А что?

— Я слышал, что сделка Данросса с «Пар-Кон» не состоится. Подумываю о том, чтобы сбыть с рук и его акции тоже.

— Вот как? Сделки не будет? Почему? Горнт язвительно улыбнулся.

— Потому, Дунстан, что...

— Привет, Квиллан, Дунстан. Прошу прощения, что прерываю. — К ним суетливо подошел Дональд Мак-Брайд, а за ним ещё двое. — Разрешите представить мистера Чарльза Блицманна, вице-президента компании «Америкэн суперфудз». Он возглавит новую объединенную компанию «Дженерал сторз — Суперфудз» и собирается обосноваться в колонии. Мистер Горнт и сэр Дунстан Барр.

Высокий светловолосый американец в сером костюме, галстуке и очках без оправы приветливо протянул руку.

— Рад познакомиться. Неплохой тут у вас ипподромчик.

Горнт пожал руку без всякого энтузиазма. Рядом с Блицманном крутился один из распорядителей Скакового клуба, теперешний тайбань компании «Эйч Кей дженерал сторз» Ричард Гамильтон Пагмайр. Этому заносчивому коротышке было около пятидесяти, и он всегда принимал свою малорослость как вызов.

— Привет, вы двое! Ну, кто выйдет победителем в пятом?

— Скажу после скачек, — процедил с высоты своего роста Горнт.

— Да ладно, Квиллан, ты же знаешь, что все будет решено ещё до того, как пройдет парад участников.

— Если сможешь это доказать, всем нам, я уверен, будет любопытно знать. Мне так точно, а тебе, Дональд?

— Я уверен, что Ричард просто шутит, — ответил Дональд Мак-Брайд. У этого шестидесятилетнего евразийца были приятные черты лица и теплая улыбка. — Вечно ходят слухи, что результаты скачек согласованы заранее, — добавил он, обращаясь к Блицманну, — но мы делаем все возможное, и если кого-нибудь поймем, голова его полетит с плеч! Во всяком случае, с ипподрома он точно вылетит.

— Черт возьми, в Штатах тоже фальсифицируют результаты скачек. А здесь, где скачки непрофессиональные и широко доступные, смухлевать, я думаю, гораздо легче, — небрежно бросил Блицманн. — Этот твой жеребец, Квиллан, — он из Австралии, полукровка, верно?

¹⁵⁶ Треднидл-стрит — улица в лондонском Сити, где находится несколько крупных банков, в том числе Банк Англии (его ещё называют «Старая дама с Треднидл-стрит»).

— Да, — коротко бросил Горнт, покоробленный такой фамильярностью.

— Дон тут объяснял кое-какие ваши правила скачек. Я, конечно, хотел бы влиться в ваше скаковое братство — надеюсь стать и членом с правом голоса.

Сообщество немногих избранных, Скаковой клуб не спешил распахнуть свои двери для чужаков. Он объединял двести членов с правом голоса и четыреста без права голоса. Попастъ в членскую ложу могли лишь первые. Только они пользовались привилегией иметь своих лошадей. Только они вольны были рекомендовать две кандидатуры в год для приема в клуб без права голоса. Принимать или не принимать, решали распорядители, их вердикт считался окончательным, а голосование было тайным. И только член с правом голоса мог стать распорядителем.

— Да, — повторил Блицманн, — это было бы просто здорово.

— Я уверен, что это можно устроить, — улыбнулся Мак-Брайд. — Клубу нужна «свежая кровь» — и новые лошади.

— Вы планируете жить в Гонконге, мистер Блицманн? — осведомился Горнт.

— Зовите меня Чак. Я сюда надолго, — ответил американец. — Полагаю, что я — новый тайбань «Суперфудз оф Эйша». Здорово звучит, верно?

— Великолепно! — вяло произнес Барр.

Блицманн, ещё не научившийся улавливать английскую иронию, самодовольно продолжал:

— Наш совет директоров в Нью-Йорке взвалил все на меня. Как выразился один человек из Миссури, «бак» остается здесь¹⁵⁷. — Он улыбнулся, но никто этого выражения не оценил. — Я сюда по меньшей мере на пару лет и уже предвкушаю удовольствие от каждой проведенной здесь минуты. Мы готовимся переехать прямо сейчас. Завтра прилетает моя невеста...

— Вы только что поженились, мистер Блицманн?

— О нет, это просто... Просто мы так говорим в Америке. Мы женаты уже двадцать лет. Скоро в нашем новом доме все устроят, как ей хочется, и мы будем счастливы пригласить вас на ужин. Может, барбекю? Мы уже договорились о бифштексах, все будет в лучшем виде. Стейки на косточке и знаменитые нью-йоркские бургеры, их будут привозить сюда самолётом раз в месяц. И картошка из Айдахо, — с гордостью добавил он.

— Я рад слышать насчет картошки, — произнес Горнт, и все остальные притихли, зная, что он терпеть не может американскую кухню, особенно пережаренные бифштексы, гамбургеры и, как он её называл, «пастообразную печеную картошку». — Когда будет оформлено слияние?

— В конце месяца. Наше предложение принято. Все согласовано. Я действительно надеюсь, что наше американское «ноу-хау» придется к месту на вашем великолепном маленьком острове.

— Я полагаю, вы построите особняк?

— Нет, сэр. Дикки¹⁵⁸ вот, — продолжал Блицманн, и все изумленно захлопали глазами, — предоставил нам пентхаус в жилом доме своей компании на Блор-стрит, так что мы устроились как нельзя лучше.

— Удобно, — одобрил Горнт.

Остальные еле сдержались, чтобы не засмеяться. В доме номер один по

¹⁵⁷ Выражение Гарри Трумэна (1884-1972), президента США в 1945-1953 гг., который таким образом давал понять, что не собирается перекладывать на кого-либо ответственность за управление страной. «Бак» (англ. buck) — фишка или серебряный доллар, передаваемый сдающему карты при игре в покер.

¹⁵⁸ Блицманн имеет в виду Пагмайра: Дикки — уменьшительное от Ричард.

Блор-стрит располагался самый старый и самый известный в колонии Дом Легкого Поведения. Заведение открыла в 1860-х годах одна из «юных леди» миссис Фотерингилл — Нелли Блор — на деньги, которые якобы предоставил ей Кулум Струан, и там до сих пор придерживались изначальных правил: только европейские или австралийские дамы, и никто из иностранных джентльменов или туземцев не допускается.

— Очень удобно, — повторил Горнт. — Только вот проходите ли вы по всем требованиям?

— Как вы сказали, сэр?

— Ничего. Я уверен, что Блор-стрит подходит на все сто.

— Вид великолепный, но вот сантехника никуда не годится, — пожаловался Блицманн. — Скоро моя невеста это дело исправит.

— Она ещё и сантехник? — съязвил Горнт.

— Нет, что вы, — засмеялся американец. — Но здорово разбирается в этом.

— Прошу прощения, мне нужно найти своего тренера. — Горнт кивнул остальным и повернулся к Мак-Брайду: — Дональд, можно тебя на минутку? Это насчет субботы.

— Конечно, мы скоро увидимся, мистер Блицманн.

— Разумеется. Но зовите меня Чак. Удачного вам дня. Мак-Брайд отошел вместе с Горнтом.

— Надеюсь, ты говорил несерьезно, предлагая его в члены с правом голоса? — спросил Горнт, когда они остались одни.

— Вообще-то, серьезно. — Было видно, что Мак-Брайду не по себе. — Ведь это первый раз, когда крупная американская компания сделала заявку на то, чтобы прийти в Гонконг. Он будет иметь для нас довольно большое значение.

— Но это же не причина, чтобы допускать его сюда, верно? Сделаем его членом без права голоса. Тогда он сможет попасть на трибуны. А если хочешь пригласить его в свою ложу, это уже дело твое. Но членом с правом голоса? Боже милостивый, да он выберет «Суперфудз» своей эмблемой на скачках! С него станется...

— Он просто новичок и во многом не разбирается, Квиллан. Я уверен, что американец быстро пообтешется. Он человек достаточно приличный, хоть и делает немало оплошностей. Этот малый очень богат и...

— С каких это пор деньги стали паролем, отворяющим двери в Скаковой клуб? Тоже мне «Сезам, откройся»! Боже милостивый, Дональд, будь это так, на нас обрушилась бы целая лавина выскочек-китайцев — рискованных торговцев недвижимостью или игроков на фондовой бирже, сорвавших куш на нашем рынке. Нам и ветры пустить будет негде.

— Не согласен. Может быть, стоит увеличить число членов с правом голоса?

— Нет. Ни в коем случае. Конечно, вы, распорядители, поступите как вам заблагорассудится. Но я предлагаю подумать.

Горнт был членом с правом голоса, но не распорядителем. Каждый год двенадцать распорядителей избирались тайным голосованием двумястами членами с правом голоса. Имя Горнта каждый год фигурировало в открытом списке кандидатов в распорядители, и каждый год он не набирал достаточного числа голосов. Большинство распорядителей переизбиралось членами клуба ещё на один срок автоматически, пока они не уходили в отставку, хотя время от времени их лоббировали.

— Очень хорошо, — сказал Мак-Брайд. — Когда предложат его кандидатуру, я упомяну, что ты против.

Горнт многозначительно улыбнулся:

— Это равносильно тому, что он уже выбран. Мак-Брайд усмехнулся:

— Не думаю, Квиллан. На сей раз будет по-другому. Паг попросил меня

представить его всем. Должен сказать, что каждый раз он производит неважное впечатление. Я познакомил его с Полом Хэвегиллом, и Блицманн тут же начал сравнивать банковские процедуры здесь и в Штатах самым нелюбезным образом. А при знакомстве с Тайбаном, — тут седеющие брови Мак-Брайда взмыли вверх, — он заявил, что рад знакомству, потому что хотел услышать из первых уст о «Карге» Струан, Дирке Струане, а также других пиратах прошлого и торговцах контрабандным опиумом! — Он вздохнул. — Иэн и Пол, конечно же, забаллотировали его, так что не думаю, что тебе стоит сильно переживать. На самом деле я вообще не понимаю, почему Паг продался американцам.

— Потому что он не такой, как его отец. С тех пор как старый сэр Томас умер, дела у «Дженерал сторз» идут все хуже и хуже. Тем не менее Паг лично получает шесть миллионов американских долларов и нерасторжимый контракт на пять лет. Так что для него это одно удовольствие, никакой головной боли, и семье не о чем беспокоиться. Он хочет удалиться на покой в Англию: Эскот¹⁵⁹ и все такое.

— Ага! Тогда это очень хорошая сделка для старины Пага! — Мак-Брайд посерьезнел. — Квиллан, пятый заезд — интерес к нему просто огромный. Меня беспокоит, не вмешался бы кто. Мы собираемся усилить контроль над всеми лошадьми. Ходят слухи...

— Насчет допинга?

— Да.

— Слухи об этом ходят всегда, и всегда кто-нибудь пытается это сделать. Я считаю, что распорядители работают очень хорошо.

— Вчера вечером мы договорились ввести новое правило: впредь будет проводиться обязательный анализ на допинг до и после каждого заезда, как это делается на всех основных ипподромах в Англии и Америке.

— А успеваем к субботе? Как вы собираетесь это организовать?

— Пока не найдем специалиста, этим согласился заниматься доктор Мэн, полицейский патологоанатом.

— Прекрасная идея, — согласился Горнт. Мак-Брайд вздохнул:

— Да, но Могучему Дракону не справиться с Местной Змеей. — Он повернулся и ушел.

Горнт задумался, потом подошел к своему тренеру, который стоял рядом с Пайлот Фишем и беседовал с его жокеем, Блуи Уайтом. Оба были австралийцы. Блуи Уайт числился менеджером в одном из транспортных подразделений компании Горнта, чтобы выступать как любитель.

— Доброе утро, мистер Горнт, — поздоровались они. Жокей тронул рукой спустившийся на лоб завиток волос.

— Доброе утро. — Горнт посмотрел на них, а потом спокойно произнес: — Блуи, если выиграешь, получишь премию пять тысяч. Финишируешь позади Ноубл Стар — будешь уволен.

Невысокий, крепко сбитый мужчина побелел.

— Есть, папаша!

— Иди лучше переоденься, — распорядился Горнт, отпуская его.

— Я выиграю, — проговорил Блуи Уайт, уходя.

— Пайлот Фиш в очень хорошем состоянии, мистер Горнт, — встревоженно проговорил тренер. — Он постара...

— Если Ноубл Стар выиграет, ты уволен. Если Ноубл Стар финиширует раньше

¹⁵⁹ Ежегодные скачки в Эскоте (графство Беркшир), проходящие с 1711 г. по неизменным с 1805 г. правилам, — одно из самых значительных событий для английской аристократии. Туда стремятся попасть богатейшие люди мира.

Пайлот Фиша, ты уволен.

— Клянусь, мистер Горнт. — Тренер вытер со лба внезапно выступившую испарину. — Я не слежу за тем, кто...

— Я не предлагаю что-либо делать. Я просто говорю, что будет с тобой. Горнт мило кивнул и направился в ресторан клуба, откуда открывался вид на ипподром. Он заказал свой любимый завтрак — яйца «бенедикт» под голландским соусом, приготовленным по его собственному рецепту, который в ресторане держали исключительно для него, и яванский кофе, который поставлял тоже он.

Он пил третью чашку, когда подошел официант.

— Простите, сэр, вас к телефону. Горнт направился к аппарату.

— Слушаю.

— Привет, мистер Горнт. Это Пол Чой... племянник мистера У... Надеюсь, не потревожил?

Горнт был удивлен, но виду не показал.

— Довольно рано звоните, мистер Чой.

— Да, сэр, но я решил в первый день выйти на работу пораньше, — торопливо проговорил молодой человек. — Поэтому, когда пару минут назад раздался звонок, оказалось, что я тут один. Звонил мистер Бартлетт, Линк Бартлетт. Ну, вы знаете, этот парень с контрабандными винтовками, миллионер.

— Бартлетт? — встревожился Горнт.

— Да, сэр. Он сказал, что хотел связаться с вами: якобы что-то срочное. Сказал, что пытался дозвониться к вам домой. Я прикинул, что к чему, и сделал вывод, что вы можете быть на разминке и что мне лучше не сидеть на заднице ровно. Надеюсь, не побеспокоил?

— Нет. Что он сказал?

— Только что хотел поговорить с вами. Спросил, в городе ли вы. Я сказал, что не знаю, но поищу, оставлю вам записку и перезвоню ему.

— Откуда он звонил?

— «Вик энд Альберт», коулунская сторона. Шесть шесть два два три три, добавочный семь семь три — это добавочный его офиса, а не люкса.

Сказанное произвело на Горнта сильное впечатление.

— В закрытый рот мухи не залетают, мистер Чой.

— Господи, мистер Горнт, уж об этом вам точно никогда не стоит беспокоиться, — с жаром выпалил Пол Чой. — Мой старый Дядя У вколотил в нас это на всю жизнь.

— Хорошо. Спасибо, мистер Чой. До скорой встречи.

— Да, сэр.

Горнт повесил трубку, подумал, потом набрал номер отеля.

— Семь семь три, пожалуйста.

— Линк Бартлетт.

— Доброе утро, мистер Бартлетт. Это мистер Горнт. Чем могу помочь?

— Ха, спасибо, что перезвонили. У меня есть тревожные новости, которые вроде бы вяжутся с тем, что мы с вами обсуждали.

— Вот как?

— Да. Название «Тода шиппинг» вам что-нибудь говорит? Горнт живо заинтересовался.

— «Тода шиппинг» — огромный японский концерн: кораблестроительные верфи, сталелитейные заводы, тяжелое машиностроение. У «Струанз» заключена с ними сделка на два судна, кажется балкеры. А что?

— Похоже, что у «Тода» есть неоплаченные векселя «Струанз», шесть миллионов американских долларов тремя платежами — первого, одиннадцатого и пятнадцатого числа следующего месяца — и ещё шесть миллионов в течение девяноста дней. Кроме того, ещё шесть целых восемь десятых миллиона «Струанз»

должны выплатить восьмого банку «Орлин интернэшнл» — вы их знаете?

Горнту стоило больших усилий говорить так, будто ничего не случилось.

— Да-да, я слышал о них, — пробормотал он, изумленный тем, что американец знает такие подробности о задолженностях. — Так и что?

— А то, что, насколько мне известно, «Струанз» располагают лишь одной целой тремя десятичными миллиона, у них нет финансовых резервов и недостаточный оборот средств, чтобы произвести платеж. Никаких значительных доходов не ожидается до получения семнадцати миллионов в качестве доли от одной из сделок «Коулун инвестментс», а это произойдет не раньше ноября, и они уже на двадцать процентов превысили свой кредит в банке «Виктория».

— Это... это весьма конфиденциальные сведения, — выдохнул Горнт. Сердце бешено колотилось в груди, воротник рубашки стал тесным. О двадцатипроцентном превышении кредита он знал — ему сказал Пламм. Об этом могли знать все члены совета директоров банка. Но не подробные сведения о наличных средствах компании или их обороте.

— Зачем вы мне все это говорите, мистер Бартлетт?

— Насколько ликвидны вы?

— Я уже говорил вам, что «Ротвелл-Горнт» в двадцать раз сильнее «Струанз», — автоматически соврал он. Эта ложь далась без труда, а в голове вертелись восхитительные возможности, которые открывала полученная информация. — А что?

— Если я заключу сделку со «Струанз», они используют мой авансовый платеж, чтобы соскочить с крючка «Тода» и «Орлин», — при условии, что не получат от своего банка дополнительного кредита.

— Да.

— «Вик» поддержит Данросса?

— Они всегда его поддерживали. А что?

— Если они этого не сделают, у него будут большие проблемы.

— «Струанз» довольно крупный акционер. Банк обязан поддерживать их.

— Но Данросс превысил кредит, и Хэвегилл ненавидит его. Акции дома Чэнь, «Струанз» и их номинальных лиц вместе составляют двадцать один процент...

У Горнта чуть трубка не выпала из рук.

— Где, черт возьми, вы берете эту информацию? Такого не может знать никто, кроме своих!

— Верно, — спокойно согласился американец. — Но это факт. Вы могли бы собрать остальные семьдесят девять процентов?

— Что?

— Будь у меня партнер, который смог бы настроить банк против «Струанз» — только на этот раз, — и если им нигде больше не предоставят кредита... Грубо говоря, все дело в том, чтобы рассчитать время. Данросс поставил себя в смертельно опасное положение, перебрав с кредитами, и это означает, что он уязвим. Если его банк не предоставит «Струанз» кредит, ему придется что-то продавать — или добиваться открытия новой кредитной линии. И в том и в другом случае он широко раскрыт для атаки и созрел для того, чтобы его купили по распродажной цене.

Горнт вытер пот со лба, голова шла кругом.

— Где, черт возьми, вы получили всю эту информацию?

— Позже, не сейчас.

— Когда?

— Когда войдем в клинч.

— Насколько... насколько вы уверены, что ваши цифры верны?

— Вполне уверен. У нас его балансы за последние семь лет. Несмотря на всю свою выдержку, Горнт растерялся:

— Но это невозможно!

— Может, поспорим?

Теперь Горнт был потрясен по-настоящему и пытался заставить сознание работать. «Будь осторожен, — увещевал он себя. — Ради бога, держи себя в руках».

— Если... если у вас все это есть, если вам это известно и вы получаете последнее... структуру взаимосвязей их компании... Если бы вы это знали, со «Струанз» можно было бы делать все, что угодно.

— Это у нас тоже есть. Хотите участвовать?

Горнт услышал свой спокойный голос, хотя никакого спокойствия не ощущал:

— Конечно. Когда мы могли бы встретиться? На ланче?

— А что, если встретиться сейчас? Но не здесь, и не в вашем офисе. Нужно, чтобы все было шито-крыто.

Сердцу Горнта стало тесно в грудной клетке. Во рту появился отвратительный привкус. Горнт мучительно раздумывал, насколько можно доверять Бартлетту.

— Я... я пришлю за вами машину. Мы можем поговорить в машине.

— Прекрасная идея, но, может, я встречу вас на гонконгской стороне? У терминала «Голден ферриз» через час.

— Прекрасно. Моя машина — «ягуар», номер — четыре восьмерки. Я буду у стоянки такси.

Он повесил трубку, какое-то время стоял, уставившись на телефон, потом вернулся за столик.

— Надеюсь, новости не плохие, мистер Горнт?

— Э-э... нет, совсем нет. Благодарю.

— Ещё немного вашего особого кофе? Только что сварили.

— Нет, благодарю вас. Лучше полбутылочки шампанского. «Тэтэнже блан де блан». Пятьдесят пятого года. — Он откинулся на стуле. Ощущение было очень странное. Враг почти у него в руках — если факты американца верны, если ему можно доверять и если он не состоит в каком-нибудь хитром заговоре с Данроссом.

Принесли вино, но Горнт едва попробовал его. Всем существом он сосредоточился на предстоящей встрече, скрупулезно все анализируя и готовясь.

Высокий американец пробирався через толпу, и на мгновение Горнт позавидовал ему: его подтянутой стройной фигуре, легкой небрежной одежде — джинсы, рубашка с открытым воротом, спортивная куртка — и очевидной уверенности. Увидев «навороченный» фотоаппарат, англичанин язвительно улыбнулся, потом поискал глазами Кейси. Когда стало очевидно, что Бартлетт один, он ощутил разочарование. Но не расстался с восхитительным предвкушением, владевшим им с той самой минуты, когда он положил телефонную трубку.

Горнт нагнулся и открыл дверцу.

— Добро пожаловать на гонконгскую сторону, мистер Бартлетт, — сказал он с вымученной веселостью, заводя мотор, и поехал по Глостер-роуд в сторону Глесингз-Пойнт и яхт-клуба. — Ваша осведомленность просто поразительна.

— Без шпионов не обойтись, верно?

— Обойтись можно, но это было бы непрофессионально. Как поживает мисс Кейси? Я думал, она будет с вами.

— Она в это не посвящена. Пока.

— Вот как?

— Нет. В план начальной атаки Кейси не посвящена. Так будет лучше для пользы дела.

— Она ничего не знает? Даже о том, что вы мне звонили?

— Нет. Абсолютно ничего. После паузы Горнт обронил:

— Я считал, что она — ваш исполнительный вице-президент... ваша правая рука, как вы её называли.

— Она таковой и является, но босс «Пар-Кон» — я, мистер Горнт.

На Горнта смотрели спокойные глаза, и он в первый раз почувствовал, что это правда и что его первоначальная оценка неверна.

— Я в этом никогда и не сомневался, — промолвил он, а внутри все стонало в ожидании: когда же американец раскроет карты?

И тут Бартлетт сказал:

— Давайте остановимся где-нибудь здесь: хочу кое-что вам показать.

— Конечно. — Горнт вел машину вдоль набережной по Глостер-роуд в обычном плотном потоке. Через некоторое время он нашел парковку в Козуэй-Бэй рядом с укрытием от тайфунов с множеством плавучих островов — лодок всевозможных размеров.

— Вот. — Бартлетт вручил ему папку с машинописными листами. Это была подробная копия баланса «Струанз» за год до того, как компания выставила акции на продажу.

Горнт скользил глазами по цифрам.

— Господи, — бормотал он. — Значит, гибель «Нетающего облака» обошлась им в двенадцать миллионов?

— Они из-за этого чуть не обанкротились. Похоже, на борту было немало различного «левого» груза. Незастрахованные реактивные двигатели для Китая.

— Конечно, незастрахованные. Как, черт побери, можно застраховать контрабанду? — Горнт старался запомнить цифры. Он был потрясен. — Знай я хоть половину этого, достал бы их в прошлый раз. Могу я оставить бумаги у себя?

— Когда мы заключим соглашение, я передам вам копию. — Бартлетт забрал назад папку и протянул ему лист бумаги. — Прикиньте-ка масштабы вот этого.

На бумаге была изображена схема паевого участия «Струанз» в «Коулун инвестментс» и подробно расписывалось, каким образом тайбань через подставные фирмы полностью контролировал колосса — страхование, недвижимость, стивидорные операции, — который номинально считался самостоятельной компанией и числился таковой на фондовой бирже.

— Восхитительно, — со вздохом произнес Горнт, пораженный красотой схемы. — Открыто «Струанз» владеют минимальным пакетом акций, но осуществляют стопроцентный контроль, и все это держится в тайне.

— В Штатах придумавший такое сидел бы в тюрьме.

— Слава богу, в Гонконге другие законы и все это абсолютно легально. Может, чуть запутанно. — Оба рассмеялись.

Бартлетт положил бумагу в карман.

— У меня есть такие же подробные сведения об остальных их активах.

— Если называть вещи своими именами, что вы задумали, мистер Бартлетт?

— Совместную атаку на «Струанз» начиная с сегодняшнего дня. Блицкриг. Всю добычу делим «фифти-фифти». Вы получаете Большой Дом на Пике, престиж, его яхту — и ложу в Скаковом клубе, а также его положение распорядителя.

Горнт бросил на него пронизывающий взгляд.

— Мы знаем, что для вас в этом есть что-то особенное, — улыбнулся Бартлетт. — Но все остальное точно пополам.

— Кроме их мощностей в Кай-Так. Они нужны для моей авиалинии.

— Хорошо. Но тогда я хочу «Коулун инвестментс», «Кей-ай».

— Нет, — тут же насторожился Горнт. — Это мы должны поделить «фифти-фифти», и все остальное тоже.

— Нет. Вам нужен Кай-Так, а мне нужна «Коулун инвестментс». Это будет прекрасная основа для прыжка «Пар-Кон» в Азию.

— Почему?

— Потому что все большие состояния в Гонконге построены на недвижимости.

«Кей-ай» послужит мне прекрасной основой.

— Для будущих рейдов?

— Конечно, — беззаботно подтвердил Бартлетт. — Ваш друг Пламм — следующий в списке. Мы поглотим его «Эйшн пропертиз» без труда. «Фифти-фифти». Верно?

Горнт надолго замолчал.

— А после него?

— «Гонконг энд Ланьдао фармз».

Сердце Горнта снова забилося. Он всегда ненавидел Дунстана Барра, но эта ненависть возросла втрое в прошлом году, когда по случаю дня рождения королевы тому присвоили рыцарское звание. Этой почести, не сомневался Горнт, сэр Дунстан удостоился за то, что не скупился на взносы в фонд консервативной партии.

— И каким образом вы хотели бы поглотить его?

— Для любой армии, страны или компании рано или поздно наступает момент, когда она становится уязвимой. Каждому военачальнику или президенту компании приходится иногда идти на риск, чтобы оставаться впереди других. Хочет он того или нет. Всегда есть противник, который лязгает зубами, висит у тебя на хвосте, который хочет твоего, хочет занять твоё место под солнцем, твою территорию. Нужно быть осторожным, когда ты уязвим.

— А вы сейчас уязвимы?

— Нет. Был пару лет назад, а теперь нет. Теперь у меня есть мускулы, которые мне нужны — нам нужны. Если вы в деле.

Над головой кружила стая морских птиц. Они то камнем падали вниз, то с криком взмывали вверх.

— Что, по-вашему, я должен делать?

— Вы — зачинщик, застрельщик. Я прикрываю тылы. Как только вы пробиваете брешь в его обороне, я отправляю его в нокаут. Мы будем продавать акции «Струанз», играя на понижение. Как я понимаю, вы уже заняли позицию по отношению к «Хо-Пак»?

— Я продавал, да. В небольших количествах, — без труда солгал Горнт.

— Хорошо. В Штатах можно было бы сделать так, чтобы их собственные бухгалтеры слили сведения насчет оборота денежных средств какому-нибудь болтуну. И новость вскоре разнеслась бы по всему городу. Можно ли проверить нечто подобное здесь?

— Кто его знает... Подбить их бухгалтеров на такое не удастся.

— Даже за хорошее вознаграждение?

— Да. Но слухи пустить можно. — Горнт мрачно улыбнулся. — Очень плохо поступил Данросс, что скрыл истинное положение дел от акционеров. Да. Это возможно. А потом?

— С самого начала торгов вы продаете акции «Струанз». По-крупному. Горнт закурил.

— Я играю на понижение, а что делаете вы?

— Открыто — ничего. Это наш козырь про запас.

— Допустим, это действительно так и я начинаю.

— А что, если я покрою все ваши убытки? Будет ли это достаточным подтверждением серьезности моих намерений?

— Что именно?

— Я оплачиваю все убытки и беру половину прибыли за сегодня, завтра и пятницу. Если он не обратится в бегство ко второй половине дня в пятницу, вы выкупаете акции обратно перед самым закрытием, и будем считать, что у нас не получилось. Если создается впечатление, что он наш, мы интенсивно продаем по максимуму перед самым закрытием. За выходные он вымотается. В понедельник я

выдергиваю у него из-под ног ковер, и наш блицкриг начался. Промашки быть не должно.

— Да. Если вам можно доверять.

— Сегодня к десяти часам я положу два миллиона долларов в любой швейцарский банк на ваше имя. Это десять миллионов гонконгских долларов, и этого, черт побери, достаточно, чтобы покрыть любые ваши возможные расходы в игре на понижение. Два миллиона долларов — и никаких условий, никаких векселей, лишь под ваше слово, что они идут на покрытие любых убытков. Но если мы выигрываем, прибыль и остальное делим, как условились, «фифти-фифти», кроме «Коулун инвестментс» для меня, мощностей «Струанз» в аэропорту Кай-Так для вас, а для Кейси и для меня — членства в Скаковом клубе с правом голоса. На бумагу мы это положим во вторник — после того, как он рухнет.

— Вы даете два миллиона американских долларов, и мне решать, когда покупать, чтобы покрыть любые убытки? — Горнту было трудно в это поверить.

— Да. Два миллиона — размер моего риска. Так что, как это может вас задеть? Никак. Зная ваше к нему отношение, он ничего не заподозрит, если вы начнете атаку, и не будет готов к моему молниеносному удару с фланга.

— Все зависит от того, насколько верны ваши цифры — суммы и даты.

— Проверьте их. У вас должна быть возможность сделать это — чтобы убедиться.

— Почему такая неожиданная перемена, мистер Бартлетт? Вы говорили, что подождете до вторника, — а может, и до более поздней даты.

— Мы тут кое-что проверили, и мне не понравились цифры, на которые мы вышли. Мы ничего не должны Данроссу. Для нас было бы сумасшествием связываться с ним, когда он настолько слаб. По сути дела, то, что я вам предлагаю, — огромный риск и огромный шанс: Благородный Дом против двух паршивых миллионов. Если мы выигрываем, это выльется в сотни миллионов.

— А если проигрываем? Бартлетт пожал плечами.

— Может, я поеду домой. Может, у нас сладится сделка «Ротвелл-Горнт» — «Пар-Кон». Иногда выигрываешь, но гораздо чаще проигрываешь. Но этот рейд слишком хорош, чтобы не попробовать. Без вас он не сработает. Я уже в достаточной мере познакомился с Гонконгом, чтобы понять: тут свои, особые правила. У меня нет времени им учиться. Да и зачем, когда у меня есть вы?

— Или Данросс?

Бартлетт усмехнулся, но никакого коварства Горнт в нем не заметил.

— Вы не перебирали кредиты, вы неуязвимы, а он — другое дело, ему не повезло. Что скажете? Начинаем рейд?

— Я бы сказал, убеждать вы умеете. Кто предоставил вам информацию — и этот документ?

— Узнаете во вторник. Когда «Струанз» рухнет.

— Ага, обещан откат мистеру Икс?

— А как же без него? Откат частично будет выплачен из прибыли, но не больше пяти процентов, все сверх того вычитается из моей доли.

— Итак, в два часа в пятницу, мистер Бартлетт? Именно тогда я решу, что пора выкупать акции и, возможно, потеряю ваши два миллиона. Или мы ещё посоветуемся и будем гнать волну дальше?

— В пятницу в два.

— Если продолжим после выходных, вы покроете любые дальнейшие риски дополнительным финансированием?

— Нет. Больше вам не потребуется. Два миллиона — это предел. Или ко второй половине дня в пятницу его акции пойдут вниз и он забегает как ошпаренный, или нет. Это не долговременный, хорошо организованный рейд. Это одноразовая... э-э...

единовременная попытка поставить противнику детский мат. — На лице Бартлетта появилась довольная улыбка. — Я рискую паршивыми двумя миллионами для игры, которая войдет в историю. Меньше чем за неделю мы сокрушим Благородный Дом Азии!

Горнт кивнул, но внутри его раздирали сомнения. «Насколько я могу доверять тебе, мистер Чертов Рейдер, когда у тебя есть ключ к „Дьяволу“ Данроссу?» Он глянул в окно, наблюдая за девочкой, которая кормовым веслом направляла свою лодку между джонок. Море казалось ей таким же безопасным и знакомым, как суша.

— Я подумаю над тем, что вы сказали.

— Как долго?

— До одиннадцати.

— Извините, но это рейд, а не деловая сделка. Или сейчас, или никогда!

— Почему?

— Ещё много надо сделать, мистер Горнт. Я хочу решить это сейчас или никогда.

Горнт бросил взгляд на часы. Времени было хоть отбавляй. Один звонок знакомому редактору китайской газеты — и любая переданная ему информация будет в киосках в течение часа. Горнт угрюмо улыбнулся про себя. «У меня самого есть скрытый козырь — Хэвегилл. Все увязывается прекрасно».

Морская птица с криком пролетела в сторону от моря, воспаряя с восходящими потоками воздуха к Пику. Горнт посмотрел ей вслед. И тут он различил на вершине Большой Дом — белоснежное пятно на зелени склона.

— Договорились, — бросил он и протянул руку. Бартлетт пожал её.

— Прекрасно. Все это строго между нами?

— Да.

— Куда вам перевести два миллиона?

— Банк Швейцарии и Цюриха в Цюрихе, счет номер один восемь один восемь один девять. — Горнт сунул руку в карман, обратив внимание, что пальцы дрожат. — Я вам его запишу.

— Не нужно. Счет на ваше имя?

— Боже упаси, нет! «Канберра лимитед».

— «Канберра лимитед» стала на два миллиона богаче! А через три дня, если повезет, вы будете тайбаном Благородного Дома. Как вам это? — Бартлетт открыл дверь и выбрался из машины. — Пока.

— Подождите, — испугался Горнт. — Я подброшу вас, ку...

— Нет, спасибо. Мне нужно позвонить. К тому же в девять пятнадцать у меня интервью с вашей подружкой Орландой, мисс Рамуш. Я подумал: что тут страшного? Пусть будет интервью. Потом, может, поброжу, пофотографирую. — Он весело махнул рукой и пошёл прочь.

Горнт вытер с ладоней пот. Прежде чем уехать из клуба, он сделал звонок Орланде, чтобы та позвонила Бартлетту и назначила свидание.

«Очень хорошо, — думал он, ещё не оправившись от шока. — Орланда присмотрит за ним, когда они станут любовниками, а они ими станут, и Кейси тут не преграда. Для Орланды ставки слишком высоки».

Он провожал Бартлетта взглядом и завидовал ему. Через несколько мгновений американец затерялся в ваньчайской толпе.

Горнт вдруг ощутил страшную усталость. «Слишком все это в точку, слишком здорово, слишком легко. И все же... и все же!» Трясущимися пальцами он достал сигарету и закурил. «Откуда у Бартлетта документы?»

Взгляд неумолимо возвращался к Пику. Горнт был одержим Большим Домом и огромной ненавистью, заставившей снова вспомнить предков: сэра Моргана Брока, которого Струаны разорили, Горта Брока, убитого Дирком Струаном, Тайлера Брока,

преданного собственной дочерью. Сам того не желая, он вновь повторил клятву мести, которую принес отцу, а его отец дал своему — и так до сэра Морган Брока. Оставшись без гроша в кармане, разоренный собственной сестрой, «Каргой» Струан, сэр Морган, парализованный, тень человека, умолял от имени всех призраков семьи Брок отомстить Благородному Дому и всем потомкам самого гнусного человека, который когда-либо жил на земле.

«О боги, дайте сил, — молил Квиллан Горнт. — Пусть окажется, что американец говорит правду. Я отомщу».

28

10:50

Абердин изнывал под лучами солнца, которые пробивались сквозь тонкую пелену туч. Стояла душная липкая жара: девяносто два градуса по Фаренгейту¹⁶⁰ при девяноста процентах влажности. Было время отлива, и тягостное напряжение дня усугублялось вонью гниющих водорослей и отбросов на обнажившихся отмелях.

Пять с лишним сотен угрюмых, нетерпеливых людей, плотно прижатых друг к другу, старались просочиться через огороженный барьерами узкий проход в абердинский филиал «Хо-Пак». Полиция позаботилась, чтобы одновременно пройти по нему мог лишь один человек. Мужчины и женщины всех возрастов, некоторые с грудными детьми, беспрестанно толкали друг друга, никто не желал ждать своей очереди, все старались продвинуться хоть на дюйм вперед, чтобы добраться до начала.

— Только посмотри на этих болванов проклятых, — ворчал главный инспектор Дональд С. С. Смит. — Выстроились бы по одному, не толпясь, и попали бы вовнутрь быстрее, а мы могли бы оставить здесь одного полицейского наблюдать за порядком, а сами отправились бы на ланч и не вызывали бы взвод по борьбе с беспорядками. Выполняйте!

— Есть, сэр, — вежливо ответил главный сержант Мок.

«Айийя, — думал он, шагая к патрульной машине, — бедный дурачок так до сих пор и не понял, что мы, китайцы, не тупые чужеземные дьяволы и не дьяволы из-за Восточного моря, которые будут часами терпеливо стоять в очереди. О нет, мы люди цивилизованные и разбираемся в жизни, а в ней всегда каждый за себя».

Он включил полицейский передатчик.

— Это главный сержант Мок! Главный инспектор приказал срочно направить сюда взвод по борьбе с беспорядками. Займите место сразу за рыбным рынком, но поддерживайте контакт!

— Есть, сэр.

Вздыхнув, Мок закурил. Заграждения были поставлены и на другой стороне улицы, у входов в абердинские филиалы «Блэкс» и «Виктории», а также за углом, у банка «Цзин просперити». Форма цвета хаки, отутюженная так, что о складки можно порезаться, оставалась опрятной, но под мышками выступили пятна от пота. Он был очень озабочен. Толпа таила в себе грозную опасность, а повторения вчерашнего не хотелось. Сержант был уверен, что, если банк закроется до трех, вкладчики просто разнесут филиал. Он знал, что первым выбил бы дверь, если бы там оставались его деньги. «Айийя», — воскликнул он про себя, довольный, что благодаря авторитету Змеи полицейские получили сегодня утром все свои вклады до последнего пенни.

— Чтоб их, все эти банки! — пробормотал Мок. — Боги, сделайте так, чтобы

¹⁶⁰ 33 °C.

«Хо-Пак» рассчитался со всеми своими клиентами сегодня! Пусть обанкротится завтра! Завтра у меня выходной, так что пусть это случится завтра! — Он затушил сигарету.

— Главный сержант?

— Да?

— Взгляните вон туда! — сказал, торопливо подходя к нему, энергичный и молодой, чуть старше двадцати, в очках, детектив в штатском. — У банка «Виктория». Пожилая женщина. Старая ама.

— Где? О, да, вижу.

Мок понаблюдал за ней, но ничего странного не заметил. И тут она торопливо пробралась через толпу, что-то прошептала на ухо молодому здоровяку в джинсах, который стоял, прислонившись к перилам, и указала на старика, только что вышедшего из банка. Молодец тут же неторопливо направился за ним, а старая ама стала протискиваться, бранясь и толкаясь, обратно к началу ограждения, откуда было видно, кто входит в банк и выходит из него.

— Это уже третий раз, сэр, — пояснил детектив. — Старая ама указывает этому детине человека, только что вышедшего из банка, и тот увязывается следом. А через несколько минут возвращается. Уже третий раз.

Я видел, как однажды этот громила что-то передавал старухе. Думаю, это были деньги.

— Хорошо! Молодец, Очкарик У. Должно быть, кто-то из триад занимается вымогательством. Старая карга, по всей видимости, его мать. Ступай за этим молодым подонком, а я перехвачу его с другой стороны. Смотри, чтобы тебя не заметили!

Главный сержант Мок свернул за угол, прошел по шумному переулку, где было полно ларьков и уличных торговцев, осторожно передвигаясь через толпу. Нырнув в следующую улочку, он успел увидеть, как тот самый старик передает деньги. Он подождал, пока У блокирует другой конец улочки, а потом, тяжело ступая, прошел вперед.

— Что здесь происходит?

— Что? А? Ничего, совсем ничего, — нервно проговорил старик. Пот градом катил у него по лицу. — Что такое? Я ничего не сделал!

— Почему ты передал этому молодому человеку деньги, хеш? Я видел, как ты передавал ему деньги!

Молодой громила нагло уставился на Мока. Чего бояться Рябому Цзиню, одному из Вервольфов, которые держат в страхе весь Гонконг?

— Он что, пристаёт к тебе? Пытается вымогать деньги? Рожа у него разбойничья. Триады?

— Ох! Я... я... я был должен ему пятьсот долларов. Я только что вышел из банка и заплатил ему. — Было видно, что старик страшно напуган, тем не менее он отчаянно пытался выгородить вымогателя: — Он мой родственник.

Начала собираться толпа. Кто-то отхаркнулся и сплюнул.

— Чего это ты так взмок?

— Да эти все боги всех свиней! Жарко ведь! Все потеют. Все!

— Правильно, так его и так, — сказали из толпы.

Мок перенес внимание на молодого человека, который с вызывающим видом ждал.

— Как тебя зовут?

— Шестой Сын Вонг!

— Ложь! Выверни карманы!

— Я, я ничего не сделал! Я знаю закон. Вы не можете обыскивать людей без ордер...

Одно резкое движение — и Мок уже держал вывернутую руку молодца железной хваткой, а тот скулил. Толпа разразилась смехом. Но тут же замолчала, когда появившийся ниоткуда Очкарик У стал обыскивать громилу. Мок держал Рябого Цзиня как в тисках. Ещё одна волна беспокойства прокатилась по скопищу зевак при виде свернутых трубочкой банкнот и мелочи.

— Откуда у тебя все это? — рявкнул Мок.

— Это мое. Я... я даю деньги в долг и собираю етич...

— Где у тебя офис?

— Он... он в Третьем переулке, рядом с Абердин-роуд.

— Давай пойдем и посмотрим.

Мок отпустил молодого человека, и тот уставился на него с прежней злостью, без тени страха.

— Сначала отдайте мои деньги! — Он повернулся к толпе, взывая к ней: — Вы видели, как он взял их! Я честный ростовщик! Это слуги заморских дьяволов, и вы все их знаете! По закону заморских дьяволов нельзя обыскивать честных граждан!

— Верните ему эти етические деньги! — крикнул кто-то.

— Если он дает в долг...

В толпе пошли рассуждения, а Рябой Цзинь, заметив небольшой просвет в людской гуще, рванул туда. Зеваки расступились, позволив ему промчатся переулком и раствориться в потоке людей. Когда же в погоню за вымогателем устремился Очкарик У, толпа сомкнула ряды, оттеснила его и повела себя угрожающе. Мок велел детективу вернуться. Пользуясь неразберихой, исчез и старик.

— Ну его, этого безродного подонка! — устало отмахнулся Мок. — Это всего лишь негодяй из триад, ещё один молодчик из этих поганных триад, которые наживаются на несчастье законопослушных граждан.

— Что вы собираетесь делать с деньгами этого, ети его, молодца? — крикнули из задних рядов.

— Отдам в приют для старух, — так же грубо крикнул Мок. — Иди и наложи в ухо своей бабушке!

Послышались смешки, толпа начала расходиться, любопытствующие отправились по своим делам. Через мгновение поток прохожих обтекал Мока и Очкарика У, как вода — камни на реке. Когда полицейские вернулись на главную улицу, Мок вытер лоб.

— *Цзю ни ло мо !*

— Вот именно. Почему они так ведут себя, главный сержант? — спросил молодой детектив. — Мы же хотели помочь им. Почему старик не сказал, что ублюдок из триад вымогает у него деньги?

— О том, что такое толпа, в учебниках не вычитаешь, — добродушно пояснил Мок, который знал, что рвение юности — вещь преходящая. Очкарик У был новенький, один из недавно поступивших на службу в полицию выпускников университета. Он не входил в личное подразделение Мока. — Не переживай. Никто из них не хочет иметь с нами дела, потому что мы — полицейские. Они считают, что мы помогаем лишь себе, а им не пособим никогда. В Китае так было всегда с тех пор, как появился первый полицейский.

— Но это же Гонконг, — с гордостью произнес молодой человек. — Мы же другие. Мы — британская полиция.

— Да. — Сержант ощутил внезапный холодок в душе. Ему не хотелось разочаровывать юношу.

«Я тоже когда-то был предан королеве и флагу гуйлао. Однако прошел другую школу. Когда мне потребовалась помощь, защита и безопасность, я ничего этого не получил. Ни разу. У британцев было богатство и власть, но они проиграли войну

дьяволам из-за Восточного моря. Война лишила их репутации, они присмирели. Великие тайбани очутились в тюрьме Стэнли, как простые воришки. Даже тайбани Благородного Дома и Великого Банка и сам губернатор. Их посадили в Стэнли, будто обычных преступников, вместе с женами и детьми, и обращались с ними как с дерьмом!

И хотя в конце концов они посрамили восточных дьяволов, им никогда уже не суждено было вернуть прежнее господство и славу.

Теперь и Гонконг другой, и вся Азия, прежнему уже не бывать. Англичане год от года становятся все беднее, теряют могущество. Как они могут защитить меня и мою семью от преступников, если у них больше нет богатства и власти? Мне платят гроши и обращаются как с падалью собачьей! Теперь моя единственная защита — деньги. Деньги, обращенные в золото, чтобы можно было бежать, если придется, или деньги, вложенные в землю или дома, если бежать не понадобится. Как без денег дать сыновьям образование в Англии или Америке? Заплатит благодарное правительство? Не даст ни единого, эти его, медяка. А я ещё должен рисковать жизнью, чтобы на улицах не было всех этих, эти их, триад, карманников и кусков дерьма прокаженного, которые устраивают беспорядки!»

Мок поежился.

«Безопасность семьи в моих руках, как это и было всегда. О, сколько же мудрости заложено в поучениях наших предков! Позаботился обо мне комиссар полиции, когда понадобились деньги, чтобы отправить сына на пароходе, хоть третьим или четвертым классом, учиться в Америку? Нет. А Змея позаботился. Он одолжил десять тысяч долларов всего под девять процентов. И мой мальчик отправился, как мандарин, на самолёте «Пан-Америкэн» с деньгами на три года обучения. Теперь он дипломированный архитектор. У него есть „грин кард“, а в следующем месяце будет американский паспорт. Тогда он сможет вернуться, и никто его и пальцем не тронет. Он поможет защитить мое поколение и защитит свое, и поколение своего сына, и сыновей его сына!

Да, Змея дал мне денег. И они давно уже возвращены со всеми процентами из того, что он помог мне заработать. Я буду предан Змее — пока он не переменится. В один прекрасный день он переменится. Все гуйлао так делают, все змеи... Но теперь я — Великий Дракон, и ни богам, ни дьяволам, ни самому Змее не причинить вреда ни моей семье, ни моим банковским счетам в Швейцарии и Канаде».

— Пойдем. Нам лучше вернуться, юный Очкарик У, — добродушно произнес он, а когда они пришли назад к заграждениям, доложил старшему инспектору Смит у происшествию.

— Положи деньги в наш «банк», сержант, — распорядился Смит. — Закажешь сегодня вечером большой банкет для наших ребят.

— Есть, сэр.

— Говоришь, это был детектив-констебль У? Тот, что хочет в Эс-ай?

— Да, сэр. Он превосходный парень, этот Очкарик. Смит послал за У и похвалил его.

— Так и где же эта старая ама?

У показал на неё. Она смотрела на угол, за которым скрылся громила, и нетерпеливо ждала. Через минуту старуха выбралась из гудящей толпы и, бормоча проклятия, заковыляла прочь.

— У, давай за ней! — приказал Смит. — Смотри, чтобы старая ведьма тебя не заметила. Она выведет нас на этого паршивого мелкого ублюдка, что сбежал. Будь осторожен, и когда старуха скроется в своей норе, позвони сержанту.

— Есть, сэр.

— Никаких опрометчивых действий! Может, нам удастся поймать всех. Должно быть, это целая шайка.

— Есть, сэр.
— Давай. — Старшие смотрели, как юный детектив последовал за наводчицей.
— Этот парнишка будет что надо. Но не для нас, а, сержант?

— Не для нас, сэр.
— Думаю, надо рекомендовать его в Эс-ай. Возможно... Неожиданно наступила зловещая тишина, потом из-за угла донеслись крики, озлобленный рев. Оба полицейских рванули назад. В их отсутствие толпа смела часть ограждения, оттеснила четырех копов и теперь ломилась в банк. Менеджер Сун со своим помощником тщетно пытались закрыть двери перед визжащими, выкрикивающими проклятия людьми. Баррикады начали поддаваться.

— Вызывай взвод по борьбе с беспорядками!
Мок помчался к патрульной машине. Смит бесстрашно кинулся к началу очереди со своим мегафоном. Его приказ прекратить драку потонул в оглушительном гомоне толпы. Через дорогу уже бежали полицейские из подкрепления. Быстро и энергично они бросились на подмогу Смигу, но толпа набирала силу. Сун и его кассирши захлопнули было двери — их силой открыли снова. Вылетевший из толпы кирпич разбил окно из толстого листового стекла. Раздался одобрителный гул. Стоявшие впереди пытались выбраться, а напиравшие сзади — подобраться к дверям. В здание полетело ещё несколько кирпичей, а потом куски досок со строящегося рядом здания. Ещё один камень попал в стекло, и оно полностью рассыпалось. Ревущая толпа устремилась вперед. Какая-то девушка упала, и её задавили.

— Эй, парни, — крикнул Смит, — помогите мне!
Он схватил секцию заграждения и, выставив её перед собой, как щит, вместе с четырьмя другими полицейскими двинулся на передние ряды, оттеснил их назад. Стараясь перекричать несмолкающие вопли, он приказал налечь плечом и противостоять обезумевшей толпе. Его примеру последовали другие полицейские. В банк снова полетели кирпичи, а потом раздалось надрывное:

— Бей ворюг из этого етического банка! Бей их! Они украли наши деньги...
— Бей блудодеев!
— Я хочу получить свои деньги...
— Бей заморских дьяволов...

Смит увидел, что настроение тех, кто стоял рядом, резко изменилось. Сердце замерло, когда они подхватили клич, забыв про банк, и потянулись к нему. Такие взгляды он уже видел однажды и теперь понял, что погиб. В пятьдесят шестом, во время беспорядков, когда бессмысленная ярость охватила вдруг двести тысяч китайцев в Коулуне, его точно убили бы, если бы не пистолет-пулемет «стен». Смит тогда прикончил четырех человек, расчищая себе дорогу очередями. Сейчас оружия у него не было, и он дрался не на жизнь, а на смерть. С него сорвали фуражку, кто-то ухватился за ремни портупеи и ударил кулаком между ног, другой удар кулаком пришелся в лицо, а чьи-то пальцы с длинными, как когти, ногтями тянулись к глазам. Мок и все остальные бесстрашно ринулись в толчею на выручку. Мока ударили кирпичом, потом — чем-то деревянным, оставив глубокую рану на щеке. На Смита навалились со всех сторон, и он отчаянно пытался прикрыть руками голову. И тут из-за угла под вой сирены вывернула «черная мария» взвода по борьбе с беспорядками. Десять бойцов врезались в толпу и оттащили Смита в сторону. Из рта у него текла струйка крови, левая рука беспомощно болталась.

— С вами все в порядке, сэр?
— Да. Поставьте эти чертовы заграждения обратно, ради Христа! Отгоните ублюдков от банка — пожарные рукава сюда!

Но пожарные рукава не понадобились. При первой же яростной атаке взвода по борьбе с беспорядками передние ряды толпы дрогнули, а теперь и остальные

отошли на безопасное расстояние и стояли, угрюмо наблюдая за происходящим. Кое-кто по-прежнему выкрикивал ругательства. Смит схватил мегафон.

— Тот, кто подойдет ближе чем на двадцать ярдов, будет арестован и депортирован! — Он пытался отдышаться. — Тем, кто хочет попасть в «Хо-Пак», встать в очередь в ста ярдах отсюда.

Злобно галдящая толпа медлила, но, когда взвод по борьбе с беспорядками во главе с Моком стремительно двинулся вперед, люди спешно отпрянули и стали пятиться, наступая друг другу на ноги.

— Похоже, мне вывихнули плечо, черт возьми. — Смит грязно выругался.

— Что делать с этими ублюдками, сэр? — спросил Мок, морщась от боли. Он тяжело дышал, разодранная щека вся в крови, форма порвана.

Смит взялся за предплечье — рука болела все сильнее — и посмотрел через улицу на угрюмую, глазающую толпу.

— Пусть взвод по борьбе с беспорядками остается здесь. Вызови ещё один из Западного Абердина, поставь в известность Централ. Где, черт возьми, моя фуражка? Если я поймаю этого уб...

— Сэр! — позвал один из полицейских.

Он стоял на коленях рядом с задавленной девушкой. Она, видимо, работала в баре или дансинге: такое печальное, милое — и такое застывшее — выражение лица, одновременно молодого и старого. Из рта текла струйка крови и вылетало прерывистое дыхание.

— Господи, вызовите «скорую»!

Пока Смит смотрел на неё, не в силах помочь, девушка захлебнулась собственной кровью и умерла.

Главный редактор газеты «Чайна гардиан» Кристиан Токс что-то писал, прижав к уху телефонную трубку.

— Как её звали, Дэн? — спросил он, стараясь перекрыть гвалт, царивший в отделе новостей.

— Точно не знаю. В одной сберегательной книжке значится Су Чжи-янь, — докладывал с другого конца провода в Абердине репортер Дэн Яп. — На книжке сумма четыре тысячи триста шестьдесят долларов, другая на имя... Подожди секунду, сейчас как раз уезжает «скорая». Тебе хорошо слышно, Крис? Здесь машин очень много.

— Да. Давай дальше. Вторая сберегательная книжка?

— Вторая книжка на имя Так Сянхуа. На ней ровно три тысячи. Имя Так Сянхуа о чем-то напомнило редактору.

— Эти имена что-нибудь значат? — спросил высокий взъерошенный Токс, сидевший в своем похожем на каморку офисе.

— Нет. Кроме того, что одно в переводе означает Глициния Су, а другое — Ароматный Цветок Так. Она была красивая, Крис. Видимо, евразийка...

У Токса вдруг все заledenело внутри, к горлу поднялся ком при мысли о трех дочурках — шести, семи и восьми лет — и милой жене-китайке. Он постарался задвинуть назад в тайный уголок сознания этот неизменный крест, это тайное беспокойство: правильно ли было смешивать Восток и Запад, что ожидает милых его сердцу людей в этом паршивом, гнусном мире?

Ему потребовалось сделать над собой усилие, чтобы вновь сосредоточиться.

— Для девушки из дансинга довольно большая сумма, верно?

— Да. Я бы сказал, что у неё, видимо, был покровитель. Что интересно: в её сумочке найден мятый конверт со слащавым любовным письмом, написанным две недели назад. Адресовано оно... минуточку... Так Сянхуа, квартира четырнадцать, Пятый переулок, Цунбань-стрит в Абердине. Письмо слезливое, с клятвами в вечной

любви. Хотя, судя по почерку, писал человек образованный.

— На английском? — удивился Токс, быстро записывая.

— Нет. Иероглифы. Но что-то не то в почерке: вероятно, писал гуйлао.

— Ты достал копию?

— Полиция не раз...

— Добудь фотокопию. Выпроси, одолжи или укради для меня фотокопию, чтобы успеть до дневного выпуска. Сделаешь — получишь недельную премию.

— Наличными сегодня днем.

— Хорошо.

— Она у тебя будет.

— Подпись есть?

— «Твоя единственная любовь». Слово «любовь» по-английски.

— Мистер Токс! Госпожа издатель на линии два! — крикнула через открытую дверь секретарша-англичанка. Её стол был почти у самой стеклянной перегородки.

— О господи, я... я ей перезвоню. Скажите, у меня тут наклеывается шикарный материал. — Потом снова в трубку: — Дэн, давай-ка поработай с этой темой: держись ближе к полицейским, съезди с ними на квартиру умершей — если это её квартира. Выясни, кому принадлежит жилье, кто родственники девушки, где они живут. И перезвони мне! — Токс положил трубку и позвал своего заместителя: — Эй, Мак!

Поджарый угрюмый седой мужчина поднялся из-за стола и зашел к нему.

— Да?

— Думаю, нам нужно вставить дополнительный материал. Заголовок будет... — Он быстро нацарапал на клочке бумаги. — «Толпа затаптывает Ароматный Цветок»!

— Может, «Толпа убивает Ароматный Цветок»?

— Или «Первая смерть в Абердине»?

— «Толпа убивает...» лучше.

— Значит, так и дадим. Мартин! — крикнул Токс.

Мартин Хэпли поднял голову от стола и подошел. Ероша пальцами волосы, Токс рассказал обоим то, что поведал Дэн Яп.

— Мартин, продолжи тему: «Прекрасная девушка затоптана толпой, но кто настоящие убийцы? Некомпетентное правительство, которое отказывается усовершенствовать нашу устаревшую банковскую систему? Или те, кто начал распускать слухи? Все ли так просто, как кажется, в истории с оттоком клиентов из „Хо-Пак"...». Ну и так далее.

— Понял.

Ухмыльнувшись, Хэпли вернулся за свой стол в главном офисе. Глотнул остывшего кофе из пластиковой чашечки и принялся печатать. Его стол был завален справочниками, китайскими газетами и сводками с фондового рынка. Где-то в задней комнате стучали телетайпы. Несколько посыльных и практикантов молча приносили или забирали гранки.

— Эй, Мартин! Каковы последние новости с фондового рынка?

Мартин Хэпли не глядя набрал номер, а потом крикнул редактору:

— «Хо-Пак» опустились до двадцати долларов шестидесяти центов — на четыре пункта со вчерашнего дня. «Струанз» ниже на один пункт, хотя их усиленно покупают. «Гонконг Ланьдао» выше на три пункта — только что подтвердился наш материал. Дунстан Барр вчера забрал свои деньги.

— Вот как? Значит, ты снова оказался прав! Черт!

— «Виктория» упали на полпункта: банки нервничают, и покупателей нет. Говорят, уже выстроилась очередь возле «Блэкс» и головного офиса «Виктории» в Сентрал.

Оба ахнули.

— Пошли кого-нибудь проверить «Вик»! Мак поспешно вышел.

«Господи Иисусе, — подумал Токс, и внутри у него все перевернулось. — Господи Иисусе, если паника накроет „Вик“, рухнет весь этот чертов остров и мои жалкие сбережения пропадут вместе с ним».

Он откинулся в старом кресле и забросил ноги на стол: ему нравилась его работа, нравилась вся эта загруженность и срочность.

— Мне позвонить ей? — спросила секретарша, пухленькая и невозмутимая.

— Кому? О, черт, Пег, совсем забыл — позвони Блуднице.

Блудницей прозвали жену издателя, Мэн Патока. Он был главой разветвленной семьи Мэн, владевшей этой газетой и ещё тремя китайскими, а также пятью журналами. История рода восходила к самому началу Гонконга. Семья Мэн якобы вела происхождение от Морли Скиннера — первого редактора, владельца и издателя «Чайна гардиан» в одном лице. По преданию, Дирк Струан уступил Скиннеру контроль над газетой в обмен на то, что газетчик помог ему в борьбе против Тайлера Брока и его сына Горта, замяв убийство последнего в Макао. Поговаривали, что поединок спровоцировал сам Дирк Струан. Дуэлянты сражались оружием из арсенала китайских боевых искусств.

Однажды, несколько лет тому назад, Токс слышал рассказ старой Сары Чэнь, когда та была навеселе. Старуха утверждала, что, приехав за телом Горта, Броки не узнали его. Она добавила ещё, что её отцу, сэру Гордону Чэню, пришлось поднять большую часть чайнатауна, чтобы не дать Брокам поджечь склады Струанов. Тогда Тайлер Брок запалил Тайпиншань. И если весь город не погиб в огне, так только благодаря налетевшему той ночью сильнейшему тайфуну. Именно этот ураган уничтожил Большой Дом Дирка Струана, его самого и его тайную жену — китаянку Мэй-мэй.

— Она на линии «два».

— А? О! Хорошо, Пег, — вздохнул Токс.

— Ах, мистер Токс, я ждала, вы позвонить, хеш.

— Чем могу быть полезен вам или мистеру Мэну?

— Ваши материалы о банке «Хо-Пак» вчера и сегодня, что слухи о «Хо-Пак» неверны, что их распускают тайбани и ещё один крупный банк. Сегодня, я вижу, снова об этом.

— Да. Хэпли абсолютно в этом уверен.

— Я и муж слышим это не так. Ни тайбани, ни банки никаких слухов не распускают и не распускали. Видимо, имеет смысл оставить нападки.

— Это не нападки, миссис Мэн, это позиция газеты. Вы же знаете, как легко китайцы верят слухам. «Хо-Пак» стоит прочно, как и любой другой банк в колонии. Мы уверены, что слухи распущены одним кру...

— Нет тайбанями и нет крупным банком. Я и муж не нравится такая позиция, ничего. Пожалуйста, изменить, — изрекла она с гранитной твердостью в голосе.

— Это политика редакции, и её определяю я, — угрюмо проговорил Токс.

— Издатели мы. Это наша газета. И мы говорить вам прекратить, поэтому вы прекратить.

— Вы приказываете мне прекратить?

— Конечно, это приказ.

— Очень хорошо. Раз вы приказываете, мы прекращаем.

— Прекрасно! — Телефон замолчал.

Кристиан Токс разломал пополам карандаш, швырнул его в стену и начал ругаться. Секретарша вздохнула и благоразумно прикрыла дверь. Отведя душу, Токс выглянул наружу:

— Пег, будь добра, кофе. Мак! Мартин!

Токс откинулся в кресле, которое заскрипело под ним. Он вытер пот со лба, закурил и глубоко затянулся.

— Да, Крис? — Это был Хэпли.

— Мартин, материал, который я попросил подготовить, отменяется. Сделай, пожалуйста, другой, о банковском деле в Гонконге и необходимости страхования банковских вкладов...

Журналисты изумленно уставились на него.

— Издателя не устраивает наша позиция относительно слухов.

— Ну и пошёл он! — Мартин Хэпли покраснелся. — Вы же сами слышали, что говорили эти парни на приеме у Тайбаня!

— Это ничего не доказывает. У тебя нет доказательств. Мы прекращаем публикации. Наша позиция не подкреплена фактами, так что я не могу её отстаивать.

— Но ло...

Шея Токса побагровела.

— Кончено, черт возьми, и точка! — проревел он. — Понятно? Хэпли хотел было возразить, но передумал. Задыхаясь от ярости, он развернулся и выскочил из офиса. Пролетел через всю большую комнату, рывком открыл входную дверь и с треском захлопнул её за собой. Кристиан Токс выпустил струйку дыма.

— Какой паршивый, черт побери, нрав у этого парня! — Он затушил сигарету и закурил другую. — Господи, не много ли я дымлю? — Токс ещё не остыл и пристально вглядывался карими глазами в собеседника. — Должно быть, ей позвонил кто-то важный, Мак. Ну, и о какой услуге ты бы попросил взамен? На месте миссис «Блудницы» Мэн? Мак вдруг расплылся в улыбке:

— Ну, конечно, о членстве в Скаковом клубе с правом голоса!

— Ты — лучший ученик в классе!

Вошёл репортер-индиец Сингх с телетайпной лентой в фут длиной.

— Может, пригодится в качестве дополнительного материала, Крис?

Это была целая серия сообщений агентства Рейтер с Ближнего Востока.

Тегеран. 08:32. По сведениям высокопоставленных дипломатических источников в Иране, неподалеку от северных границ страны, вблизи богатой нефтью пограничной области Азербайджана ¹⁶¹, где имели место новые беспорядки, неожиданно начались крупномасштабные маневры советских вооруженных сил. Как сообщается, Вашингтон обратился с просьбой разрешить посылку наблюдателей в данную зону.

В следующем параграфе говорилось:

Тель-Авив. 06:00. Кнессет подтвердил вчера поздно вечером, что выделено финансирование на ещё один крупномасштабный проект орошения земель, предполагающий отведение вод реки Иордан в южную часть пустыни Негев. Последовала немедленная и враждебная реакция со стороны Иордании, Египта и Сирии.

— Негев? Ведь именно в Негеве находится новейшая израильская атомная станция, верно? — вспомнил Токс.

— Да. Вот ещё одна прекрасная добавка к тому, что обсуждается за столами мирных переговоров. Может, вопрос с водой связан с этим?

— Не знаю, Мак, но кое у кого в Иордании и Палестине от этого точно в горле пересохнет. Везде вода, вода, но хоть бы капля дождя пролилась! Господи, хоть бы дождь пошёл. Сингх, приведи эти сообщения в божеский вид, мы дадим их на

¹⁶¹ Речь идет об иранском Азербайджане.

последней странице. Составь дополнительную информацию по Вервольфам на первую: «Несмотря на расставленные полицией сети, злоумышленники, похитившие мистера Джона Чэня, по-прежнему разгуливают на свободе. По сведениям источников, близких к семье его отца, компрадора „Струанз“, требования о выплате выкупа ещё не поступало, но оно, видимо, рано или поздно будет получено. „Чайна гардиан“ обращается к своим читателям с просьбой посодействовать в поимке злодеев...» Что-нибудь в этом духе.

В Абердине Очкарик У увидел, как старуха вышла из жилого дома с корзиной для покупок в руке и слилась с шумной толпой в узком переулке. Он осторожно последовал за ней, очень довольный собой. Ожидая, пока она снова появится, Очкарик завязал разговор с уличным торговцем, который на клочке разбитой мостовой напротив продавал чай и небольшие порции горячего риса. У заказал себе чашку, и, пока он ел, торговец рассказал ему о старухе, А Там, которая жила здесь с прошлого года. Она прибыла в колонию из какой-то деревушки под Кантоном вместе с огромной волной иммигрантов, захлестнувшей границу прошлым летом. Своей семьи у неё не было, не было и сыновей лет двадцати у людей, на которых она работала, хотя сегодня рано утром торговец видел её с каким-то молодым человеком.

— Она говорит, что её родная деревня — Нинток...

У Очкарика даже голова закружилась: вот так удача! Именно из Нинтока были родом его старики, на диалекте этой деревни говорил и он сам.

И вот, стоя в двадцати шагах, он наблюдал, как блестяще торгуется старуха, покупая овощи и выбирая только лучший лук и зелень, которые всего несколько часов назад росли на полях Новых Территорий. Покупала она понемногу, и детектив понял, что её хозяйева — люди небогатые. Потом ама остановилась перед ларьком с птицей, где чуть живые тощие курицы со связанными ногами беспомощно лежали плотными рядами одна на другой. Толстый хозяин ларька стал торговаться: оба с удовольствием обменивались ругательствами, оскорблениями, хватая то одну птицу, то другую, то третью, долго щупали и отбрасывали их, но наконец пришли к соглашению. Старуха была хорошей, «соленой» покупательницей, поэтому продавец немного сбавил цену. Потом, не задумываясь, умело свернул птице шею и бросил тушку пятилетней дочери, сидевшей на корточках среди кучи перьев и потрохов, чтобы та ошипала и выпотрошила её.

— Эй, уважаемый Торговец Птицей, — крикнул У, — мне бы курочку по той же цене. Вот эту! — Он указал на неплохой экземпляр и заплатил, не обращая внимания на воркотню продавца. — Старшая Сестра, — вежливо обратился он к старухе, — ясное дело, ты сэкономила мне немало денег. Не хочешь ли выпить чашку чаю, пока мы ждем, когда нам ошиплют птицу?

— А-а, спасибо тебе. Эти старые кости так устали. Пойдем туда! — Она указала искривленным пальцем на ларек на противоположной стороне. — Тогда мы сможем проследить за мошенником и убедиться, что нам дают то, за что мы заплатили.

Торговец птицей пробормотал под нос ругательство, и они оба рассмеялись.

Ама протолкалась через улицу, села на скамейку, заказала чай с пирожным и скоро уже рассказывала У, как ей не нравится Гонконг и жизнь среди чужаков. Очкарику без труда удалось умаслить её, вставляя то одно, то другое слово на разговорном «нинток», а затем изобразить удивление, когда она тоже перешла на родной диалект и сказала, что происходит из той же деревни и смерть как рада повстречать земляка, прожив столько месяцев среди чужих. По её словам выходило, что в Нинтоке она с семи лет работала, прислуживая одной и той же семье. Но к сожалению, три года назад хозяйка — А Там ухаживала за ней с детских лет, — теперь уже пожилая женщина, как и сама ама, умерла.

— Я осталась в доме, однако наступили тяжелые времена. И вот в прошлом году случился страшный голод. Многие жители деревни решили уйти сюда. Люди председателя Мао не были против. Они, по сути дела, даже поощряли нас — называли «бесполезными ртами». Я случайно отбилась от хозяев, но сумела перейти границу и попала сюда: без единого пенни, голодная, ни семьи, ни друзей, ни кола ни двора. В конце концов нашла работу и теперь стряпаю и прислуживаю семье Чжун, мусорщикам. Эти собачьи кости ничего мне не платят, работаю только за жилье и еду. Главная Жена Чжун — бранчливая карга. Но скоро я буду избавлена от них всех! Так ты говоришь, твой отец пришел сюда со всей семьей десять лет назад?

— Да. У нас было поле возле бамбуковой рощицы у реки. Его звали У Чотам и...

— А-а, да, мне кажется, я помню эту семью. Да-да. Знаю это поле. Я жила в семье У Тинтоп, у них уже больше ста лет аптека на перекрестке.

— А-а, Досточтимый Аптекарь У? О да, конечно!

Очкарик У действительно хорошо помнил эту семью. Аптекарь У всегда был сторонником Мао. Однажды ему даже пришлось бежать от националистов. В Нинтоке было около тысячи жителей. Все любили Аптекаря У и доверяли ему, а он старался по возможности поддерживать спокойную жизнь в деревне и защищать её от чужих.

— Значит, ты один из сыновей У Чотама, Младший Брат! — говорила А Там. — И-и-и, в прежние времена в Нинтоке было так чудесно, а вот в последние годы... ужасно.

— Да. Нам повезло. Поле у нас было плодородное, и мы усердно работали на нем. Но вот пришли чужаки и обвинили всех, у кого имелась земля, что они, мол, эксплуататоры! А мы всего лишь работали на своем поле. Землевладельцев стали забирать одного за другим, некоторых расстреляли. Поэтому однажды ночью отец собрал нас всех и бежал. Теперь отец уже умер, а я живу с матерью неподалеку.

— В прежние времена бежало столько людей и был такой голод... А сейчас, я слышала, стало лучше. Ты тоже слышал такое? Ведь тогда пришли чужаки, верно? А они приходят и уходят. В деревне снова не так уж плохо, Младший Брат, о нет! Чужаки нас больше не беспокоят. Да, они оставили мою хозяйку и нас в покое, потому что Батюшка был человек важный и с самого начала выступал за председателя Мао. Мою хозяйку звали Фан-лин, она уже умерла. Никакого коллективного хозяйства рядом нет, так что жизнь течет как и всегда, хотя всем приходится изучать «красную книжечку» председателя Мао¹⁶². В деревне не так уж плохо, все мои подруги остались там. Гонконг — место паршивое, мой дом — в родной деревне. Жизнь без семьи не жизнь. Но теперь... — Тут старуха понизила голос и даже фыркнула от удовольствия. — Но теперь боги смилостивились ко мне. Через месяц-другой я уеду домой, и навсегда. У меня хватит денег, чтобы уйти на покой. Куплю себе маленький домик в конце моей улицы, а может, и небольшое поле...

— На покой? — переспросил У, подводя её к тому, что его интересовало. — Откуда может быть столько денег, Старшая Сестра? Ты же сказала, что тебе ничего не платят...

— А-а, — самодовольно надула щеки старуха. — У меня есть очень важный знакомый.

— А что это за знакомый?

— Очень важный деловой знакомый, которому нужна моя помощь! Я оказалась для него очень полезна, и он обещал мне огромную сумму денег...

— Ну, ты это все придумала, Старшая Сестра, — засмеялся он. — Я что, глупый чужак, кот...

— Говорю тебе, мой знакомый такой важный, что может держать в страхе весь

¹⁶² «Красная книжечка» — сборник цитат из произведений Мао Цзэдуна.

этот остров!

— Таких людей нет!

— О, есть, есть! — Она снова понизила голос и хрипло прошептала: — А Вервольфы?

Очкарик У уставился на неё, открыв рот:

— Что?

Она снова фыркнула, довольная эффектом, который произвело её откровение.

— Да-да.

Ошеломленный молодой человек постарался собраться с мыслями и быстро прикинуть, что к чему. Если это правда, он получит вознаграждение, и продвинется по службе, и, возможно, его переведут в особую разведслужбу, Эс-ай.

— Ты все это придумала!

— Разве я стану врать земляку? Говорю тебе, мой знакомый — один из них. Ещё он 489, и его Братство будет самым богатым во всем Гонконге.

— И-и-и, ну и повезло же тебе, Старшая Сестра! Когда снова встретишься с ним, пожалуйста, спроси, может, ему нужен кто-то вроде меня. Я вообще-то по профессии уличный боец, но моя триада небогатая, предводитель тупой, да ещё и чужак. А он из Нинтока?

— Нет. Он... он мой племянник, — сказала она, и молодой человек понял, что это неправда. — Я увижусь с ним позже. Да, он придет чуть позже. Он должен мне кое-какие деньги.

— И-и-и, это хорошо. Только не клади их в банк. И конечно же, не в «Хо-Пак» или...

— «Хо-Пак»? — подозрительно переспросила она, и её маленькие глазки мгновенно сузились, затерявшись в складках лица. — Почему ты говоришь о «Хо-Пак»? При чем здесь «Хо-Пак»?

— Ни при чем, Старшая Сестра, — выпалил У, проклиная себя за то, что сболтнул лишнее, и понимая, что теперь она будет настороже. — Просто видел очереди сегодня утром, вот и все.

Она кивнула, но осталась при своем подозрении. Потом, увидев, что её курица уже упакована и готова, поблагодарила его за чай и пирожное и заковыляла прочь, что-то бормоча про себя. Он с большой осторожностью последовал за ней. Время от времени она оглядывалась, но его не заметила. Успокоившись, она пошла к дому.

Человек из ЦРУ покинул машину и быстро направился в Главное управление полиции. В бюро информации его приветствовал сержант в форме:

— Добрый день, мистер Роузмонт.

— У меня встреча с мистером Кроссом.

— Да, сэр. Он ждет вас.

Роузмонт с угрюмым видом прошел к лифту. «От этого треклятого, убогого острова просто тошнит, и от чертовых англичан тоже».

— Привет, Стэнли. — Это был Армстронг. — Что ты здесь делаешь?

— О, привет, Роберт. Встречаюсь с твоим шефом.

— Я сегодня уже имел это сомнительное удовольствие. Ровно в семь ноль одну.

Двери лифта открылись. Роузмонт вошёл, Армстронг за ним.

— Надеюсь, у тебя хорошие новости для Кросса, — зевнул Армстронг. — Настроение у него просто отвратительное.

— Вот как? Ты тоже на эту встречу?

— Боюсь, что да. Роузмонт вспыхнул.

— Черт, я просил, чтобы были только свои.

— Я свой.

— Ты-то точно, Роберт. И Брайан тоже, и все остальные. Но один ублюдок —

нет.

Шутливого настроения Армстронга как не бывало.

— Вот как?

— Да, вот так. — Больше Роузмонт ничего говорить не стал. Он понял, что задел англичанина, но ему было наплевать. «Ведь это правда, — с горечью думал он. — Чем быстрее треклятые „лайми“¹⁶³ откроют свои глаза, тем лучше».

Лифт остановился. Они прошли по коридору, и Брайан Квок провел их в кабинет Кросса. Роузмонт почувствовал, как за ним закрылись задвижки, и подумал: «Как это все, черт побери, глупо и бесполезно. Какой он всё-таки болван!»

— Я просил, чтобы были только свои, Родж.

— Так ведь все свои. Роберт свой в доску, и Брайан тоже. Чем могу быть полезен, Стэнли? — Кросс был вежливо холоден.

— О'кей, Родж, сегодня у меня большой список для тебя. Во-первых, ты лично на сто процентов влип вместе со мной, всем моим департаментом, вплоть до самого директора в Вашингтоне. Мне приказано передать тебе — помимо всего прочего, — что внедренный в вашу контору агент на сей раз превзошел себя.

— Вот как?

Теперь Роузмонт уже не говорил, а скрежетал:

— Для начала: мы только что узнали от наших источников в Кантоне, что вчера вечером накрыли Фэн-фэна и всех ваших парней. Прикрытия у них больше нет — они провалены. — Заметно было, что Армстронг и Брайан Квок в шоке. Однако Кросс по-прежнему пристально смотрел на американца, не обнаруживая никаких эмоций. — Должно быть, это заслуга «крота», Родж. Должно быть, это случилось из-за тайбаневских бумаг АМГ.

Кросс кинул взгляд на Брайана Квока:

— Воспользуйтесь экстренным радиокодом. Проверьте эту информацию!

Брайан Квок поспешно вышел, а Роузмонт повторил:

— Они провалены, бедолаги.

— Мы это проверим, что бы там ни было. Что ещё? Роузмонт безрадостно усмехнулся.

— Следующее: почти вся информация, что была в тайбаневских бумагах АМГ, гуляет среди разведчиков в Лондоне — на стороне противника.

— Боже, покарай всех предателей, — пробормотал Армстронг.

— Да, именно так я и подумал, Роберт. Дальше, ещё один небольшой перл: смерть АМГ не результат несчастного случая.

— Что?

— Кто его убил, неизвестно, зато известно как. Мотоцикл был сбит машиной. Ни марки, ни номера, никаких свидетелей, пока ничего, но он был сбит — и, конечно, по приказу отсюда.

— Почему тогда меня не проинформировал об этом «Источник»? Почему информация поступает от тебя?

Голос Роузмонта зазвучал резче:

— Я только что говорил по телефону с Лондоном. Там сейчас шесть утра, так что, может быть, ваши люди планируют известить тебя, когда приедут в офис, а сначала не спеша съедят замечательную яичницу с беконом и выпьют свою чертову чашку чая!

Армстронг бросил короткий взгляд на Кросса и захлопал глазами, ошарашенный

¹⁶³ «Лайми» — старинное прозвище британцев, особенно моряков, принятое среди американцев и канадцев. Происходит от употребления сока лайма в качестве средства от цинги на британских военных и торговых кораблях в XIX в.

выражением его лица.

— Я... я прекрасно понял, что ты хочешь сказать, Стэнли, — процедил Кросс. — Что дальше?

— Мы передали вам фотографии парней, которые вырубили Воранского... И что?

— За домом установлено наблюдение. Эти двое так и не появились, поэтому рано утром я устроил там облаву. Мы обшарили весь дом, комнату за комнатой, но никого похожего на людей с фотографий не нашли. Мы искали битых два часа, но не обнаружили ни потайных дверей, ни чего-либо подобного. Их там не было. Возможно, твой человек ошибся...

— Только не на этот раз. Марти Повитц был уверен. Мы вели наблюдение за домом, как только вычислили адрес, но какое-то время слежки не было ни с парадного, ни с заднего входа. Думаю, их кто-то предупредил, и это опять был наш «крот». — Роузмонт вынул копию телекса и протянул Кроссу. Прочитав, тот побагровел и передал листок Армстронгу.

Расшифровано. От Директора, Вашингтон, Роузмонту, заместителю директора бюро в Гонконге. Синдерс из Эм-ай-6 доставит приказ от «Источника» в Лондоне о том, что в пятницу вы идете вместе с ним, чтобы засвидетельствовать передачу бумаг и немедленно получить фотокопии.

— Ты получишь свой экземпляр сегодняшней почтой, Родж, — сообщил американец.

— Можно оставить это у себя? — спросил Кросс.

— Конечно. Кстати, мы тоже присматриваем за Данроссом. Мы...

— А нельзя ли попросить вас не вмешиваться в сферу нашей компетенции?! — зло проговорил Кросс.

— Я же говорил, ты влип по уши, Родж! — Роузмонт с натянутым видом положил на стол ещё один телекс.

Роузмонту, Гонконг. Вам следует передать данное сообщение главе Эс-ай лично. До дальнейших указаний Роузмонт уполномочен действовать независимо в части оказания помощи по раскрытию вражеского агента и так, как он сочтет нужным. Он тем не менее должен оставаться в рамках закона и извещать вас лично о своих действиях. «Источник» 8-98/3.

Роузмонт видел, что Кросс готов взорваться, но тот сдержался и спросил только:

— Какие ещё полномочия ты получил?

— Никаких. Пока. Дальше: мы будем в банке в пят...

— Вам известно, где Данросс хранит папки?

— Об этом уже весь город знает. Я же говорил: ваш лазутчик работает сверхурочно. — Роузмонт вдруг вспыхнул: — Брось ты, Родж, ради бога! Ты же знаешь: стоит поделиться с кем-то в Лондоне свеженькой информацией, и об этом будут знать все! У нас тоже не все гладко с соблюдением секретности, но у вас ещё хуже! — Американцу потребовалось большое усилие, чтобы остыть. — Мог бы и не темнить, что не получилось с Данроссом. Избавил бы всех от большой головной боли и унижения. Кросс закурил.

— Может быть, а может быть, и нет. Я хотел сохранить все в тайне.

— А ты разве не помнишь, кто я? Я же на вашей стороне!

— Разве?

— Да уж можешь не сомневаться! — Роузмонт произнес это очень зло. — И если бы решение было за мной, я открыл бы каждую сохранную ячейку ещё до

захода солнца — и черт с ними с последствиями!

— Слава богу, что ты не можешь этого сделать.

— Господи, мы же ведем войну! Одному Богу известно, что в остальных папках. Может, там есть указание на вашего проклятого лазутчика? Мы сможем схватить этого ублюдка и воздать ему по заслугам!

— Да, — признал Кросс, и его голос прозвучал хлестко. — А может быть, в этих бумагах абсолютно ничего нет!

— Что ты имеешь в виду?

— Данросс согласился передать папки Синдерсу в пятницу. А что, если в них ничего нет? Или он сжег содержимое папок и передаст нам пустые обложки? Что нам тогда, черт побери, делать?

У Роузмонта даже челюсть отвисла:

— Господи, неужели такое может быть?

— Конечно может! Данросс не дурак. Может, их вообще там нет. Или те, что в хранилище, поддельные. Мы не знаем даже, положил ли он их туда или только говорит, что это сделал. Господи боже мой, да здесь полсотни возможных вариантов. Если вы, ребята из ЦРУ, такие умные, покажите мне эту ячейку, и я открою её сам.

— Возьми ключ у губернатора. Обеспечь мне и нескольким моим парням тайный доступ на пять часов и...

— Об этом не может быть и речи! — рявкнул Кросс, неожиданно покрасневшись, и Армстронг остро ощутил его ярость. «Бедняга Стэнли, сегодня все шишки сыплются на тебя».

Он чуть не содрогнулся, вспомнив те времена, когда ему приходилось держать ответ перед Кроссом. До него быстро дошло, что легче сказать этому человеку правду, выложить все как есть, и сразу. Если Кросс когда-нибудь действительно возьмется его допрашивать, он, вне всякого сомнения, расколется. «Слава богу, у него никогда не было повода попробовать, — с облегчением подумал Армстронг, переводя взгляд на вспыхнувшего Роузмонта. — Хотел бы я знать, кто у Роузмонта в информаторах и откуда эта уверенность, что Фэн-фэн и его команда уничтожены».

— Об этом не может быть и речи, — повторил Кросс.

— Что нам тогда, черт возьми, делать? Сидеть на своей чертовой заднице и ждать пятницы?

— Да. Мы ждем. Нам приказано ждать. Даже если Данросс вырвал страницы, уничтожил целые разделы или вообще все папки, мы не можем посадить его в тюрьму — или заставить вспомнить и рассказать нам что-нибудь.

— Если директор или «Источник» решат, что на него нужно оказать давление, способы есть. Противник так бы и поступил.

Кросс и Армстронг пристально посмотрели на Роузмонта. Наконец Армстронг холодно обронил:

— Это не значит, что так и нужно поступать.

— Это не значит, что так поступать не нужно. Дальнейшее только для твоих ушей, Родж.

Армстронг тут же встал, но Кросс знаком велел ему остаться.

— Роберт — мои уши.

При этом заявлении Армстронг еле сдержался, чтобы не рассмеяться.

— Нет. Извини, Родж. Таков приказ — твоего начальства и моего. Армстронг ясно видел, что Кросс колеблется.

— Роберт, подождите за дверью. Я позвоню и приглашу вас. Проверьте, что там у Брайана.

— Есть, сэр. — Армстронг вышел и закрыл дверь, сожалея, что не будет присутствовать при нокауте.

— Ну так что?

Американец закурил новую сигарету.

— Совершенно секретно. Сегодня в четыре ноль-ноль Девяносто вторая аэромобильная в полном составе высадилась в Азербайджане при поддержке крупных соединений отряда «Дельта», и они рассредоточились по всей ирано-советской границе. — У Кросса широко открылись глаза. — Это было сделано по непосредственной просьбе шаха¹⁶⁴ в ответ на широкомасштабные военные приготовления Советов у самой границы и финансируемые ими волнения по всему Ирану. Господи, Родж, неужели нельзя установить здесь какой-нибудь кондиционер? — Роузмонт вытер пот со лба. — Во всем Иране сейчас введено чрезвычайное положение. В шесть ноль-ноль в аэропорту Тегерана приземлились подразделения поддержки. В Персидский залив направляется наш Седьмой флот. Шестой — это Средиземка — уже в боевой готовности у берегов Израиля. Второй, Атлантический, идет в Балтийское море. Приведены в готовность НОРАД¹⁶⁵ и силы НАТО. Все «Посейдоны»¹⁶⁶ в предпусковом состоянии.

— Боже милостивый, что, черт возьми, происходит?

— Хрущев снова серьезно замахнулся на Иран. Советы всегда на него заглядывались, верно? Он считает, что у него есть преимущество. Каша заварилась у его границы, Советам наладить там коммуникации — раз плюнуть, а у нас плечо — ой-ой-ой. Вчера шахская служба безопасности¹⁶⁷ раскрыла планы восстания «во имя демократии и социализма», которое должно было произойти в Азербайджане в ближайшие несколько дней. У Пентагона шерсть встала дыбом, как у взбесившегося кота. Если мы теряем Иран, прощай Персидский залив! Потом Саудовская Аравия. А дальше накрывается нефть для Европы и сама Европа.

— У шаха бывали трудности и раньше. Может, это ещё один случай, когда вы принимаете все слишком близко к сердцу?

Американец заговорил жестче:

— Хрущев отступил с Кубы. Это был первый, черт возьми, раз, когда Советы пошли на попятный. А все потому, что Кеннеди не блефовал. «Комми» понимают только силу. Настоящую широкомасштабную, черт возьми, силу! Пусть Большой К¹⁶⁸ лучше отступит и на этот раз, иначе мы откроем ему башку.

— И вы рискуете тем, что весь этот проклятый мир может взлететь на воздух из-за каких-то неграмотных, недалеких фанатиков, которые устраивают беспорядки? К тому же, вероятно, в чем-то они и правы¹⁶⁹.

¹⁶⁴ В 1941-1979 гг. в Иране правил шах Мохаммед Реза Пехлеви (1919-1980).

¹⁶⁵ НОРАД (англ. NORAD) — Объединенное командование ПВО североамериканского континента (США и Канады).

¹⁶⁶ Американские ракеты морского базирования «Посейдон» приняты на вооружение лишь в начале 1970-х гг.

¹⁶⁷ Речь идет о САВАК, организованной в 1957 г. с помощью ЦРУ. Главной её функцией была защита шаха и контроль за политической оппозицией.

¹⁶⁸ Большой К — Н.С.Хрущев, в английской транскрипции Khrushchev.

¹⁶⁹ В 1963 г. в Иране ведущие религиозные и политические группы выступили против одобренной правительством программы реформирования феодальной системы сельскохозяйственного землевладения, перераспределения земельных участков, обязательного народного образования и предоставления избирательного права женщинам в рамках так называемой белой революции. В этом году был выслан из страны аятолла Хомейни.

— Я в политику не вдаюсь, Родж. Меня интересует только победа. Иранская нефть, нефть Персидского залива, саудовская нефть — все это кровь в артериях Запада. Мы не допустим, чтобы противник обескровил нас.

— Если понадобится, её захватят.

— Но не в этот раз. Ничего у них не выйдет. Мы назвали эту операцию «Учебный заход». Идея заключается в том, чтобы ввести крупные силы, отпугнуть Советы и быстро выйти из игры. Тихо, так чтобы никто ничего не заметил, кроме противника. В частности, никакие чертовы либералы и попутчики из конгрессменов или журналистов. По мнению Пентагона, Советы считают, что мы, вероятнее всего, не сможем отреагировать быстро и масштабно с такого расстояния, поэтому они будут шокированы, отступят и все свернут — до следующего раза.

Молчание затянулось.

Кросс побарабанил пальцами по столу.

— Что я должен предпринять? Почему ты мне об этом рассказываешь?

— Потому что мне поступил такой приказ от начальства. Они хотят, чтобы об этом знали все основные специальные разведывательные службы союзников. Если предпринятые нами шаги возымеют серьезные последствия, везде, как обычно, начнутся волнения сочувствующих — обычные, хорошо скоординированные и оплаченные, массовые беспорядки, и вам нужно быть к этому готовыми. В бумагах АМГ говорится, что здесь, в Гонконге, задействован «Севрин» — может быть, есть связь. Кроме того, вы очень важны для нас. Гонконг — потайной лаз в Китай, выход на Владивосток и всю восточную часть России и кратчайший путь для нас к их тихоокеанским военно-морским базам и базам атомных подводных лодок. — Трясущимися пальцами Роузмонт вынул ещё одну сигарету. — Слушай, Родж, — проговорил он, сдерживая рвущийся наружу гнев, — давай оставим всю эту официальщину хренову, а? Давай поможем друг другу.

— Каких атомных подводных лодок? — осведомился Кросс с издевкой. — У них нет ещё атомных подводных лодок и...

— Господи боже мой! — вспылil Роузмонт. — У вас, ребятки, голова в одном месте, и вы ещё не слушаете, что вам говорят. Вы разглагольствуете о разрядке и пытаетесь заткнуть нам рот, а они просто давятся от хохота. У них есть и атомные подводные лодки, и ракетные пусковые установки, и военно-морские базы по всему Охотскому морю! — Роузмонт встал и подошел к огромной, во всю стену, карте Китая и Азии и ткнул пальцем в полуостров Камчатка к северу от Японии. — Петропавловск, Владивосток... У них огромные базы по всему дальневосточному побережью. Здесь, в Комсомольске, в устье Амура, и на Сахалине. Но самая большая — это Петропавловск. Через десять лет это будет крупнейший военный порт в Азии с аэродромами поддержки, защищенными от ядерного удара причалами для подводных лодок и такими же взлетными полосами для истребителей и шахтами для ракет. И оттуда они грозят всей Азии: Японии, Корее, Китаю, Филиппинам, а также Гавайским островам и нашему западному побережью.

— Но американские вооруженные силы превосходят их, и всегда будут превосходить. Вы снова преувеличиваете.

Внешне Роузмонт казался спокойным.

— Меня называют «ястребом». Но я не «ястреб». Я реалист. У них все поставлено на военные рельсы. Наш «Мидас III»¹⁷⁰ засек столько всего, наши... — Он осекся и чуть не лягнул себя за то, что так разболтался. — В общем, нам много

¹⁷⁰ В 1959-1972 гг. ЦРУ США осуществляло серию запусков спутников-шпионов под кодовым названием «Корона» для фотографического слежения за территорией Советского Союза, КНР и других регионов.

чего известно, и куют они, черт возьми, далеко не орала¹⁷¹.

— Думаю, ты не прав. Они хотят войны не больше, чем мы.

— Хочешь докажу обратное? Доказательство будет у тебя завтра, как только я получу разрешение! — Американец был явно уязвлен. — Если докажу, мы сможем наладить лучшее сотрудничество?

— Я считал, что мы и сейчас хорошо сотрудничаем.

— Так сможем?

— Как скажете. Или «Источник» ожидает от меня какой-то особой реакции?

— Нет, просто будь готов. Думаю, все это пройдет по каналам сегодня.

— Да. — Кросс вдруг заговорил мягче: — Что тебя на самом деле гложет, Стэнли?

Роузмонт говорил уже без враждебности:

— Вчера вечером мы потеряли одну из наших лучших сетей в Восточном Берлине, столько хороших ребят. Моего приятеля подстрелили, когда он перебежал назад к нам. И мы уверены, что это связано с АМГ.

— О, приношу свои соболезнования. Это не Том Оуэн?

— Нет. Он уехал из Берлина в прошлом месяце. Это был Фрэнк О'Коннелл.

— Не думаю, что я с ним знаком. Печально.

— Послушай, Родж, с этим лазутчиком дело хреновое. — Роузмонт встал и, подойдя к карте, долго не отрываясь смотрел на неё. — Ты знаешь про Иман?

— Как ты сказал?

Короткий толстый палец Роузмонта уперся в точку на карте. Город был расположен не на побережье, в ста восьмидесяти милях от Владивостока¹⁷² на пересечении железных дорог.

— Это промышленный центр. Железная дорога, много заводов и фабрик.

— Ну и что?

— Ты знаешь о тамошнем аэродроме?

— Каком аэродроме?

— Вся эта хреновина расположена под землей, на окраине города. Она встроена в гигантский лабиринт естественных пещер. Должно быть, одно из чудес света. Там может быть ядерное оружие, Родж. Вся эта база создана рабским трудом японских и немецких военнопленных в сорок пятом, сорок шестом и сорок седьмом годах. Говорят, там работало сто тысяч человек. Все под землей, Родж. И места там хватает для двух тысяч пятисот самолётов, экипажей и обслуживающего персонала. Его не разбомбить — даже не уничтожить ядерным ударом. Восемьдесят рулежных дорожек выходят на гигантскую взлетную полосу, которая тянется вокруг восемнадцати небольших сопков. Одному из наших понадобилось девять часов, чтобы объехать вокруг. И это было в сорок шестом. А что же там сейчас?

— Все стало лучше — если аэродром по-прежнему существует.

— Он действует. Кое-кто из разведки, нашей и вашей, даже несколько лучших журналистов, знали о базе ещё в сорок шестом. Так почему о ней молчат сейчас? Одна она представляет собой серьезную угрозу для всех нас, но никто и не заикается. Даже китайцы, а уж они-то точно должны знать про Иман.

— На это я ответить не могу.

— А я могу. Я думаю, информация нарочно замалчивается, как и многое другое.

¹⁷¹ «Перекуем мечи на орала» — слова из библейской Книги пророка Исаии, ставшие лозунгом сторонников разрядки международной напряженности.

¹⁷² Город Иман (с 1972 г. — Дальнереченск) расположен в 412 км к северу от Владивостока чуть севернее озера Ханка.

— Американец встал и потянулся. — Господи, весь мир разваливается на куски, а у меня болит спина. Ты не знаешь хорошего хиропрактика?

— Не пробовал обратиться к доку Томасу на Педдер-стрит? Я все время пользуюсь его услугами.

— Терпеть его не могу. Заставляет ждать в очереди: никогда не назначит на прием. Слава богу, что есть хиропрактики! Пытаюсь убедить своего сына стать одним из них, а не доктором медицины.

Зазвонил телефон, и Кросс снял трубку.

— Да, Брайан? — Пока Кросс слушал, Роузмонт наблюдал за ним. — Минуточку, Брайан. Стэнли, мы уже закончили?

— Конечно. Ещё пара открытых, обыденных вещей.

— Хорошо. Брайан, заходите вместе с Робертом сразу, как подниметесь. — Кросс положил трубку. — Контакт с Фэн-фэном установить не удалось. Вероятно, ты прав. Через сорок восемь часов они будут числиться как ППМ или ППА.

— Не понимаю.

— Как «Пропавшие Предположительно Мертвые» или «Пропавшие Предположительно Арестованные».

— Не повезло. Извини за плохие вести.

— Джосс.

— Учитывая операцию «Учебный заход» и АМГ, как насчет того, чтобы на всякий случай взять Данросса под стражу?

— Об этом не может быть и речи.

— Но ведь есть Закон о неразглашении государственной тайны.

— Не может быть и речи.

— Я буду на этом настаивать. Кстати, ребята Эда Лэнгана из ФБР нашли связь между Банастасио и Бартлеттом. Банастасио — крупный акционер «Пар-Кон». По сведениям фэбээровцев, он давал деньги на последнее слияние, в результате которого «Пар-Кон» достигла нынешних, внушительных масштабов.

— А ничего насчет московских виз для Бартлетта и Чолок?

— Удалось лишь выяснить, что они ездили в Москву как туристы. Может, так и было, а может, это лишь прикрытие.

— А что-нибудь про винтовки? — Этим утром Армстронг рассказал Кроссу о теории Питера Марлоу, и старший суперинтендент приказал немедленно установить наблюдение за Четырехпалым У и назначил большое вознаграждение за информацию.

— В ФБР уверены, что их загрузили на борт в Лос-Анджелесе. Это было нетрудно сделать: в ангаре «Пар-Кон» нет сигнализации. Фэбээровцы также проверили серийные номера, предоставленные вами. Все винтовки из одной партии, которая «ушла» по дороге с завода в Кемп-Пендлтон — это база морской пехоты на юге Калифорнии. Возможно, мы вышли на крупную банду торговцев контрабандным оружием. За последние шесть месяцев «потерялось» около семи сотен М-14. Раз уж об этом зашла речь...

Роузмонт осекся, потому что в дверь постучали. Он видел, как Кросс нажал на выключатель. Дверь открылась, вошли Брайан Квок и Армстронг. Кросс жестом пригласил их сесть.

— Раз уж об этом зашла речь, ты помнишь дело КЭР?¹⁷³

— Дело о коррупции здесь, в Гонконге?

¹⁷³ КЭР (англ. CARE, Cooperative for American Relief Everywhere — Кооперативное общество по повсеместному оказанию американской помощи) — некоммерческая организация, занимающаяся оказанием гуманитарной помощи в различных регионах мира.

- Точно. Может, у нас будет для вас наводка.
— Прекрасно. Роберт, это ведь вы им занимались когда-то, верно?
— Да, сэр. — Роберт Армстронг вздохнул.

Три месяца назад один из американских вице-консулов обратился в департамент уголовного розыска с просьбой проверить, как распоряжаются средствами на благотворительность, не расхищают ли их некоторые нечистые на руку администраторы. Расследование тянулось до сих пор.

— А что у тебя, Стэнли?

Роузмонт порылся в карманах и вытащил отпечатанную на машинке записку. В ней было три имени и адрес: Томас К.К.Лим (Иностранец Лим), мистер Так Чжоулань (Большерукий Так), мистер Ло Туплинь (Зубастик Ло), комната 720, Принсес-билдинг, Централ.

— Томас К. К. Лим — американец, с хорошими деньгами и хорошими связями в Вашингтоне, Вьетнаме и Южной Америке. По этому адресу он проворачивает махинации с двумя другими типами. Мы тут узнали, что он замешан в паре тёмных делишек с ЭЙД¹⁷⁴, а Большерукий Так плотно работает с КЭР. Это не по нашей части, так что решайте сами. — Роузмонт пожал плечами и снова потянулся. — Может, что-то там и есть. Весь мир в огне, а мы по-прежнему должны заниматься жуликами! С ума сойти! Буду на связи. Мои соболезнования по поводу Фэн-фэна и ваших людей.

Он вышел.

Кросс вкратце рассказал Армстронгу и Брайану Квоку об операции «Учебный заход».

— В один прекрасный день кто-нибудь из этих сумасшедших янки совершит ошибку, — угрюмо произнес Брайан Квок. — Какая глупость — держать палец на ядерной кнопке в такой ситуации.

Кросс взглянул на офицеров, и те сразу насторожились.

— Мне нужен этот «крот». Он мне нужен до того, как его раскроет ЦРУ. Если они доберутся до него первыми... — Было видно, что этот тонколицый человек очень разозлен. — Брайан, вам надо увидаться с Данроссом. Скажите, что АМГ убили и что ему следует передвигаться лишь в сопровождении наших людей. При любых обстоятельствах. Скажите, что, по моему мнению, для него лучше было бы отдать нам эти бумаги раньше срока, конфиденциально. Тогда ему нечего будет бояться.

— Есть, сэр. — Брайан Квок знал, что Данросс поступит так, как сочтет нужным, но придержал язык.

— В рамках наших обычных планов по борьбе с беспорядками мы справимся с любыми побочными явлениями иранской проблемы и «Учебного захода». Тем не менее лучше приведите в готовность уголовный розыск и... — Он запнулся. Роберт Армстронг, нахмурившись, смотрел на клочок бумаги, который передал ему Роузмонт. — В чем дело, Роберт?

— Ведь у Цу-яня был офис в Принсес-билдинг?

— Брайан?

— Мы видели, как он приезжал туда несколько раз, сэр. Встречался со знакомым бизнесменом... — Брайан Квок напряг память. — Судоходство. Имя — Энг, Ви Си Энг, по прозвищу Фотограф Энг. Комната семьсот двадцать один. Мы досконально проверили его, но все было в порядке. Ви Си Энг — владелец корпорации «Эйшн энд Чайна шиппинг» и ещё примерно пятидесяти небольших ассоциированных компаний.

¹⁷⁴ ЭЙД (англ. AID, USAID, Agency for International Development — Агентство международного развития) — американская правительственная организация, предоставляющая экономическую и гуманитарную помощь развивающимся странам. Создана в 1961 г.

А что?

— Здесь указана комната семьсот двадцать. Возможно, Цу-янь как-то связан с Джоном Чэнем, винтовками, Банастасио, Бартлеттом — и даже Вервольфами, — предположил Армстронг.

Кросс взял в руки бумажку. Помолчав, он приказал:

— Роберт, возьмите наряд и проверьте семьсот двадцатую и семьсот двадцать первую прямо сейчас.

— Это не моя зона, сэр.

— Как вы, однако, правы! — тут же отреагировал Кросс с едким сарказмом. — Да, я знаю, Роберт. Ваша зона не Централ, а Коулун. Тем не менее я даю добро на этот рейд. Идите и выполняйте. Немедленно.

— Есть, сэр. — Раскрасневшийся Армстронг вышел. Молчание сгустилось.

Брайан Квок ждал, стоически уставившись на столешницу. Кросс тщательно выбрал сигарету, прикурил, а потом откинулся в своем кресле.

— Брайан, я считаю, что «крот» — Роберт.

29

13:38

Роберт Армстронг и полицейский сержант в форме вышли из патрульной машины и направились через толпу в обширную утробу пассажа «Принсес» с его магазинчиками ювелирных изделий и сувениров, лавками фото- и радиотоваров, забитыми последними чудесами электроники, которые располагались на первом этаже старомодного многоэтажного офисного здания в Централ. Пробравшись к лифтам, они присоединились к целой толпе ожидающих. Наконец копам удалось втиснуться в лифт. Воздух тут стоял тяжелый, затхлый, и это действовало на нервы. Пассажирам-китайцам явно было не по себе, и они исподтишка разглядывали полицейских.

На седьмом этаже Армстронг с сержантом покинули кабину. По обеим сторонам серого узкого коридора шли неприметные двери офисов. Суперинтендент на минуту остановился, разглядывая информационный стенд. Против комнаты 720 значилось «Пинсин Ва дивелоппментс», а против 721 — «Эйшн энд Чайна шиппинг». Тяжело ступая, Армстронг зашагал по коридору. Рядом шёл сержант Ят.

Поворачивая за угол, они увидели выходившего из комнаты 720 китайца средних лет, в белой рубашке и тёмных брюках. Заметив их, тот побледнел и шмыгнул назад. Армстронг подошел к двери. Он думал найти её запертой, но ошибся. Рывком открыв дверь, суперинтендент успел разглядеть того самого человека в белой рубашке, метнувшегося к черному ходу, и ещё одного, который, спеша скрыться, чуть не застрял вместе с первым в дверях. Дверь черного хода с треском захлопнулась.

Армстронг вздохнул. Убогий офис состоял из трех смежных комнатушек. На него вытаращили глаза две растрепанные секретарши. Одна держала в руках чашку с супом из курятины с лапшой. Палочки для еды застыли в воздухе. Лапша соскользнула с них и упала обратно в суп.

— Добрый день, — поздоровался Армстронг.

Обе смотрели на него не отрываясь, потом взглянули на сержанта и снова уставились на суперинтендента.

— Скажите, пожалуйста, где я могу найти мистера Лима, мистера Така и мистера Ло?

Одна девица пожалала плечами, другая, не обращая ни на что внимания, снова принялась за еду. Ела она шумно. Офис выглядел запущенным. Всего два телефона, разбросанные повсюду бумаги, пластиковые стаканчики, грязные тарелки и чашки для еды, использованные палочки. Чайник и чайные чашки. Полные мусорные

корзины.

Армстронг вынул ордер на обыск и предъявил его.

Девушки опять вылупились на него.

Раздраженный Армстронг добавил металла в голос:

— По-английски говорите?

Обе секретарши аж подпрыгнули.

— Да, сэр, — ответили они хором.

— Хорошо. Назовите сержанту свои имена и ответьте на его вопросы. В этот момент дверь черного хода снова открылась, и беглецов загнали обратно в комнату двое суровых полицейских в форме, которые ждали их в засаде.

— А-а, прекрасно. Молодцы. Благодарю вас, капрал. Ну, так и куда вы двое направлялись?

Оба тут же затараторили на кантонском, что ни в чем не виноваты.

— Молчать! — рявкнул Армстронг. Китайцы затихли.

— Как вас зовут?

Парочка молча таращилась на суперинтендента. Он перешел на кантонский:

— Живо выкладывайте, как вас зовут! И лучше не врите, а то я очень, ети его, рассержусь.

— Он — Так Чжоулань, — сказал китаец с выступающими вперед зубами, указывая на другого.

— А тебя как зовут?

— Э-э, Ло Тупсоп, Господин. Но я не сделал нич...

— Ло Тупсоп? А не Ло Туплинь?

— О нет, Господин Суперинтендент, это мой брат.

— Где он?

Зубастый пожал плечами:

— Не знаю. Пожалуйста, скажите, что про...

— Куда это ты так торопился, Зубастик Ло?

— Я забыл, у меня назначена встреча, Господин. О, это очень важная встреча. Очень срочная. Если я сейчас же не поспешу туда, потеряю целое состояние, сэр. Разрешите, я теперь пойду, Досточтимый Гос..

— Нет! Вот ордер. Мы сейчас проведем обыск и возьмем с собой любые бумаги, кото...

Оба тут же стали энергично возражать. Армстронг снова оборвал их:

— Хотите, чтобы вас сейчас же отправили на границу? — Компаньоны побледили и покачали головами. — Прекрасно. Ну, и где же сейчас Томас К. К. Лим?

— Парочка молчала, поэтому Армстронг ткнул пальцем в того, что был помоложе: — Ты, мистер Зубастик Ло! Где Томас К. К. Лим?

— В Южной Америке, Господин, — нервно проговорил Ло.

— Где именно?

— Не знаю, сэр, он всего лишь делит с нами офис. Вон там стол Лима, ети его. — Зубастик Ло раздраженно махнул рукой в дальний угол, где стоял грязный стол, шкаф и телефон. — Я не сделал ничего плохого, Господин. Иностранец Лим — чужак из Золотой Горы. Четвертый Двоюродный Брат Так просто сдает ему место в офисе, Господин. Иностранец Лим приезжает и уезжает когда ему вздумается. Это не имеет ко мне никакого отношения. Он что, гнусный преступник? Если что-то не так, я ничего об этом не знаю!

— Тогда что тебе известно о расхищении денег КЭР?

— Что? — Оба уставились на него, раскрыв рты.

— Информаторы представили нам доказательства, что вы все воруете из благотворительного фонда деньги, предназначенные голодающим женщинам и детям!

Оба тут же стали клясться, что ни в чем не виновны.

— Хватит! Судья разберется! Вы поедете в Главное управление и дадите там показания. — Он снова перешел на английский: — Сержант, отвезите этих двоих в Главное управление. Капрал, давайте начи...

— Досточтимый сэ, — пролепетал Зубастик Ло на прерывающемся, нервном английском, — можно поговорить с вами в офисе? — Он указал на внутренний офис, такой же неприбранный и загроможденный.

— Хорошо.

Армстронг последовал за Ло, возвышаясь над ним. Тот нервно закрыл дверь и заговорил, очень быстро и очень спокойно, по-кантонски:

— Я ничего не знаю о криминале, Господин. Если что-то не так, это делишки тех двух блудодеев. Я честный бизнесмен, который хочет всего лишь заработать немного денег и послать детей в американский университет...

— Да. Конечно. Что ты хотел сказать мне наедине до того, как отправиться в Главное управление полиции?

Китаец нервно улыбнулся, подошел к столу и стал отпирать выдвижной ящик.

— Если кто-то и виновен, это не я, Господин. Мне ничего не известно. — Он отпер ящик. Тот был полон старых стодолларовых купюр красного цвета, связанных по тысячам. — Если вы меня отпустите, Господин... — Он ухмыльнулся, глядя на суперинтендента и перебирая пальцами банкноты.

Последовал молниеносный удар ногой. Ящик с грохотом задвинулся, прищемив кончики пальцев Ло, который завопил от боли. Китаец рванул ящик на себя здоровой рукой.

— О-хо-хо, ети его, мой...

Суперинтендент придвинулся вплотную к застывшему от ужаса Ло.

— Послушай, ты, дерьмо собачье, налицо попытка подкупа полицейского. Это нарушение закона. Если заявишь о жестоком обращении со стороны полиции, я лично измелю твой, ети его, «потайной мешочек» в фарш!

Армстронг оперся на стол: сердце колотилось, во рту появился тошнотворный привкус. Суперинтендент был взбешен искушением и видом всех этих денег.

«Как легко было взять их и оплатить долги, иметь больше чем достаточно, чтобы играть на бирже и на скачках, а потом уехать из Гонконга, пока ещё не поздно.

Так легко. Гораздо легче взять, чем не поддаться искушению — в этот раз и тысячи других. В одном только этом ящике должно быть тысяч тридцать-сорок. И если есть один полный ящик, то должны быть и другие. Стоит надавить на ублюдка, и он выложит сумму раз в десять больше».

Он потянулся к китайцу и грубо схватил его за руку. Тот снова вскрикнул. Один кончик пальца был сплюснен, и Армстронг подумал, что Ло потеряет пару ногтей, помучается, но только и всего. Он досадовал на себя, что не сдержался. Да, он устал, но дело не только в усталости.

— Что тебе известно о Цу-яне?

— Что? Мне? Ничего. Что ещё за Цу-янь? Армстронг схватил его и тряхнул.

— Цу-янь! Торговец оружием Цу-янь!

— Ничего, Господин!

— Ложь! Цу-янь, который приходит к мистеру Энгу в соседний офис!

— Цу-янь? А, этот? Торговец оружием? Я не знал, что он торговец оружием! Я всегда считал, что он бизнесмен. Это ещё один северянин, как Фотограф Энг...

— Кто-кто?

— Фотограф Энг, Господин. Ви Си Энг из соседнего офиса. Он и этот Цу-янь никогда не заглядывают сюда и не разговаривают с нами... О, мне нужен доктор... О, моя ру...

— Где сейчас Цу-янь?

— Я не знаю, Господин... О, моя рука, ети её, о-хо-хо... Клянусь всеми богами, я не знаю его... о-хо-хо...

Армстронг раздраженно толкнул его в кресло и рывком открыл дверь. Трое полицейских и две секретарши молча уставились на него.

— Сержант, доставьте этого типа в Главное управление и предъявите ему обвинение в попытке подкупа полицейского. Взгляните-ка сюда! — Он знаком пригласил китайца войти и указал на выдвижной ящик.

У сержанта Ята расширились глаза.

— *Цзю ни ло мо !*

— Пересчитайте и заставьте обоих подписаться в том, что сумма правильная, возьмите деньги с собой в Главное управление и сдайте.

— Есть, сэр.

— Капрал, начинайте осмотр папок. Я загляну в соседний офис. Скоро вернусь.

Армстронг вышел. Он знал, что деньги быстро сосчитают, как и всё, что ещё отыщется в офисах, — если этот ящик полный, могли быть и другие. Потом «высокие договаривающиеся стороны» — сержант Ят, Ло и Так — быстро обсудят сумму, которую нужно сдать, а остальное разделят между собой. Ло и Так решат, что львиная доля предназначается ему, Армстронгу. Да и собственные подчиненные сочтут его сумасшедшим, если он откажется. Ничего. Наплевать. Деньги краденые, а сержант Ят и его люди — прекрасные полицейские, которые работают за гроши. Немного сян ю им не повредит, это будет подарок судьбы.

Разве не так?

«В Китае приходится быть прагматичным», — угрюмо сказал он себе, постучал в дверь офиса 721 и вошёл. Приятного вида секретарша подняла на него взгляд от ланча — чашки чистого белого риса с ломтиками поджаренной свинины и аппетитно дымящейся темно-зеленой брокколи.

— Добрый день. — Армстронг быстро предъявил удостоверение. — Я хотел бы видеть мистера Ви Си Энга.

— Прошу прощения, сэр, — невозмутимо ответила девушка на хорошем английском. — Он уехал. На ланч.

— Куда?

— Думаю, в свой клуб. Он... его сегодня не будет в офисе до пяти часов.

— Что за клуб?

Она произнесла название, которого Армстронг никогда не слышал, но это ещё ни о чем не говорило, потому что вокруг были сотни частных китайских клубов, где встречались за ланчем, ужином или партией в мацзян.

— Как вас зовут?

— Вирджиния Дун. Сэр, — добавила она, подумав.

— Вы не возражаете, если я тут все осмотрю? — Её глаза нервно сверкнули. — Вот ордер на обыск.

Она взяла ордер и прочитала. «Отлично, юная леди», — подумал он.

— А вы не могли бы подождать, подождать до пяти? — спросила она.

— Я быстро все осмотрю прямо сейчас.

Она пожала плечами, встала и открыла внутренний офис. В маленькой комнате никого не было. Неприбранные столы, телефоны, канцелярские шкафы, постеры, рекламирующие морские перевозки, расписания судов. Две внутренние двери и черный ход. Открыв одну дверь на стороне, смежной с офисом 720, Армстронг обнаружил сырую туалетную комнату — здесь скверно пахло и раковина не блистала чистотой. Черный ход был закрыт на задвижку. Суперинтендент отодвинул задвижку и вышел на грязную площадку черной лестницы, служившей пожарным выходом и позволявшей в случае чего вовремя скрыться. Он вновь закрыл дверь на задвижку, неотступно сопровождаемый взглядом Вирджинии Дун. Последняя дверь, в дальнем

конце, была заперта.

— Откройте её, пожалуйста.

— Единственный ключ у мистера Ви Си. Армстронг вздохнул.

— У меня ведь на самом деле есть ордер на обыск, мисс Дун. Я имею право вышибить дверь, если понадобится.

Секретарша молча смотрела на него, поэтому он пожал плечами, отошел от двери и приготовился вышибить её. На самом деле.

— Одну... одну минуту, сэр, — заикаясь, проговорила девушка. — Я... я посмотрю, может... может, он оставил ключ, когда уходил.

— Прекрасно. Благодарю вас.

Армстронг наблюдал, как Вирджиния открывает ящик стола и делает вид, будто ищет. Потом в другом ящике, в третьем. Наконец, почувствовав, что он теряет терпение, она «обнаружила» ключ под ящиком для денег.

— Ах, вот он! — воскликнула мисс Дун, словно случилось чудо. Суперинтенденту бросилось в глаза, что на лбу у неё выступил пот.

«Хорошо».

Секретарша отперла дверь и отошла. Прямо за этой дверью была ещё одна. Армстронг отворил её и невольно присвистнул. Просторная роскошная комната, толстые ковры, элегантные диваны, обтянутые замшей, мебель розового дерева, прекрасные картины.

Армстронг зашел вовнутрь. Вирджиния Дун следила за ним из дверей. На старинном письменном столе розового дерева со столешницей из тисненой кожи никаких бумаг — только ваза с цветами и несколько фотографий в рамках: на всех широко улыбающийся китаец ведет скаковую лошадь, украшенную цветочной гирляндой, и только на одной тот же китаец в смокинге пожимает руку губернатору. Рядом стоит Данросс.

— Это мистер Энг?

— Да, сэр.

У стены магнитофон новейшей модели, проигрыватель и высокий бар. Из комнаты вела ещё одна дверь. Армстронг толкнул полуоткрытую створку. Элегантная, очень женская спальня с большой незаправленной кроватью и зеркальным потолком, при ней ванная комната, явно отделанная декоратором. Духи, лосьоны после бритья, сверкающее современное оборудование и множество ведер воды.

— Интересно, — протянул суперинтендент, глядя на Вирджинию Дун. Та молча ждала.

Армстронг обратил внимание, что девица носит нейлоновые чулки, очень элегантна, ногти и волосы хорошо ухожены. «Могу поспорить, она — „блудница“, да ещё недешевая». Отвернувшись от неё, полицейский задумчиво осмотрелся. Ясное дело, это уединенное гнездышко свито в примыкающем номере из нескольких комнат. «Ну что ж, — сказал Армстронг про себя не без зависти, — если ты богат и хочешь иметь частную тайную квартиру, чтобы с кем-то переспать днем рядом с офисом, закон этого не запрещает. Нет такого закона, который бы это запрещал. И нет законов, запрещающих иметь привлекательную секретаршу. Везет же ублюдкам. Я и сам был бы не прочь иметь такое местечко».

Армстронг открыл ящик письменного стола. Тот был пуст. Как и все другие. Потом он прошелся по выдвижным ящикам спальни, но не обнаружил ничего интересного. В одном из буфетов лежал прекрасный фотоаппарат, кое-что из портативного осветительного оборудования, и только.

Суперинтендент вернулся в главную комнату, довольный тем, что не упустил ни одной мелочи. Девушка по-прежнему наблюдала за ним и нервничала, хотя пыталась скрыть беспокойство, и он это чувствовал.

«Девчонку можно понять. Поставь себя на её место: в отсутствие босса явился

какой-то поганый гуйлао и сует везде нос — занервничаешь тут. Ничего такого нет в том, чтобы иметь тайное местечко вроде этого. В Гонконге у многих богатых людей есть такие».

Его внимание привлек бар розового дерева. Вставленный в замочную скважину ключ так и манил. Армстронг открыл бар. Ничего подозрительного. И тут его острый натренированный взгляд отметил необычную ширину дверец. Недолгий осмотр — и вот он уже открывает эти ложные дверцы. И челюсть у него просто отваливается.

Боковые стенки шкафа были покрыты десятками фотографий «нефритовых врат» во всей красе. Фотографии сплошь в аккуратных рамочках, и у каждой — отпечатанный на машинке ярлык с указанием имени и даты. От смущения у него невольно вырвался смешок, он обернулся. Вирджиния Дун исчезла. Он быстро пробежался по именам. Вот она, третья с конца.

Он уже не сдерживал хохота, лишь беспомощно покачивал головой. «На что только не идут некоторые типы, чтобы поразвлечься, а некоторые дамы — чтобы заработать! Я думал, что уж всякое видел, но такого... Фотограф Энг, говорите? Вот, значит, откуда это прозвище».

Теперь, когда начальный шок прошел, он стал изучать фотографии. Каждая снята одним и тем же объективом с одинакового расстояния.

«Боже милостивый, — думал он через минуту, пораженный, — а ведь действительно сколько различий... Если не задумываться, что разглядываешь, а просто смотреть, замечаешь фантастическую разницу по форме, размеру в целом, по тому, как расположена и как выпячивается „жемчужина на пороге“, по качеству и густоте волосяного покрова на лобке и... Айийя, есть даже одна бат джам гай». Он посмотрел на ярлычок с именем. «Мона Лян — так, где я мог слышать это имя? Любопытно: китайцы всегда считали, что мало волос на лобке — к несчастью. Ну а почему... О господи боже мой!» Он всмотрелся в следующее имя, чтобы убедиться. Нет, он не ошибся. Венера Пань. «Айийя, — восторженно воскликнул он про себя, — значит, это её. Вот как она выглядит на самом деле, эта звезда телеэфира, которая каждый день появляется на экране, такая красивая, такая милая, сама девственная невинность!»

Ошеломленный, Армстронг сосредоточился на ней. «Думаю, если сравнить её, скажем, с Вирджинией Дун, то да, в ней действительно есть какая-то утонченность. Но коли подумать, я предпочел бы, чтобы все это оставалось тайной, и не стал бы смотреть. Ни на одну».

Взгляд неторопливо скользил с ярлычка на ярлычок. «Черт возьми!» — вырвалось у него, когда он прочел имя Элизабет Мити. Одно время она работала секретарем в «Струанз». Целые стайки таких бродяжек из небольших городков Австралии и Новой Зеландии прибывали к гонконгскому берегу, без всякой цели, на несколько недель, а задерживались на месяцы, иногда годы, довольствуясь какой-нибудь незначительной работой, пока не выходили замуж или не исчезали навсегда. «Будь я проклят! Лиз Мити!»

Армстронг пытался оставаться бесстрастным, но невольно сравнивал европейек с китайками и не находил разницы. «И слава богу», — хохотнул он про себя. При всем том он был рад, что фотографии черно-белые, а не цветные.

— Ну что ж, — сказал он вслух, все ещё пребывая в сильном смущении, — я не знаю таких законов, которые запрещали бы снимать подобные фотографии и вешать их у себя в шкафу. Молодые леди, должно быть, сами соглашались... — Он крикнул, поражаясь и в то же время чувствуя отвращение. «Будь я проклят, если мне когда-либо удастся понять китайцев!» — Надо же, Лиз Мити! — пробормотал он.

Он немного знал её, когда она жила в колонии, знал, что она выкидывала всякое. Но что могло на неё найти, чтобы она стала позировать для этого Энга?

«Дойди такое до её старика, его хватил бы удар. Слава богу, у нас с Мэри нет

детей.

Ладно притворяться. Ты страстно хочешь сыновей и дочерей, но не можешь иметь их. По крайней мере, Мэри не может. Так говорят доктора. А значит, не можешь ты».

Армстронгу пришлось приложить усилие, чтобы отрешиться от этого неизбывного проклятия. Он запер бар и вышел, закрыв за собой двери.

Во внешнем офисе Вирджиния Дун занималась своими ногтями. Было видно, что она в бешенстве.

— Не могли бы вы позвонить мистеру Энгу?

— Не могу. Не раньше четырех, — мрачно проговорила девица, не глядя на него.

— Тогда, пожалуйста, позвоните мистеру Цу-яню, — наугад попробовал Армстронг.

Секретарша набрала номер по памяти, нетерпеливо подождала, немного потараторила на кантонском и с треском положила трубку.

— Его нет. Его нет в городе, и в офисе не знают, где он.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Три-четыре дня назад. — Она раздраженно открыла ежедневник и справилась в нем. — В пятницу.

— Разрешите взглянуть?

Девушка помедлила, потом, пожав плечами, передала календарь, а сама снова принялась за ногти.

Армстронг быстро просматривал неделю за неделей и месяц за месяцем. Множество известных ему имен: Ричард Кван, Джейсон Пламм, Данросс — этот несколько раз, — Томас К. К. Лим, таинственный американский китаец из соседнего офиса, Джонджон из банка «Виктория», Дональд Мак-Брайд, Мата — опять-таки несколько раз. «Кто такой этот Мата?» Подобного имени Армстронг раньше не встречал. Он уже собирался вернуть ежедневник, но потом перелистнул вперед. Суббота в 10 часов — В. Банастасио. Сердце сжалось. Как раз в эту субботу.

Не говоря ни слова, он положил ежедневник на стол и в задумчивости прислонился к шкафу. Девица не обращала на него никакого внимания. Открылась дверь.

— Прошу прощения, сэр, вас к телефону!

Вид у сержанта Ята был довольный, и Армстронг понял, что переговоры прошли плодотворно. Хотелось бы узнать точные цифры, но это уже будет вопрос достоинства, и придется принимать какие-то меры.

— Хорошо, сержант, оставайтесь здесь, пока я не вернусь, — сказал он, желая быть уверенным, что в его отсутствие не будет никаких тайных звонков.

Когда он уходил, Вирджиния Дун даже головы не подняла.

В соседнем офисе Зубастик Ло по-прежнему стонал, обхватив пострадавшую кисть, а Большерукий Так делал вид, что он ни при чем — просматривал какие-то бумаги и громко отчитывал секретаршу за плохую работу. Когда Армстронг вошёл, оба стали кричать, что ни в чем не виноваты, а Ло застонал ещё громче.

— Тихо! Зачем ты прищемил себе пальцы этим ящиком? — спросил суперинтендент и, не дожидаясь ответа, добавил: — Те, кто пытается подкупить честных полицейских, заслуживают немедленной депортации. — В наступившей мертвой тишине он взял трубку. — Армстронг.

— Привет, Роберт. Это Дон, Дон Смит из Восточного Абердина...

— О, привет!

Армстронг встревожился. Он не ожидал звонка от Змеи, но старался говорить вежливо, хотя ему был противен и сам Смит, и то, чем тот занимался на своей территории. Одно дело, когда за счет незаконного игорного бизнеса пополняют свои

скудные доходы констебли и низшие полицейские чины из китайцев. И совсем другое, когда свое влияние продает, получая за это комиссионные, как какой-нибудь мандарин в старом Китае, британский офицер. Почти все считали, что Смит нечист на руку, но доказательств не было, он не попался ни разу, не состоял под следствием. Ходили слухи, что у Змеи есть влиятельные заступники, повязанные с ним совместными делишками и погрязшие в собственных неблагоприятных начинаниях.

— Что случилось?

— Чуть повезло. Я так думаю. Ведь ты ведешь дело о похищении Джона Чэня, верно?

— Да. — Армстронг загорелся любопытством. Взятки взятками, а копом Смит считался толковым: уровень преступности в Восточном Абердине был самым низким в колонии. — Да. Что у тебя?

Смит рассказал о старой ама, сержанте Моке и Очкарике У, а потом добавил:

— Он смысленный парнишка, этот У, Роберт. Я бы рекомендовал его в Эс-ай, если захочешь передать эту информацию дальше. У проследил за старой потаскухой до самого её довольно грязного логова, а потом позвонил нам. К тому же он исполнительен, а в наши дни это редкость. Я подумал и приказал ему сторожить поблизости, а если она выйдет, позвонить. Что ты думаешь по этому поводу?

— Стопроцентная наводка!

— Каковы будут распоряжения? Подождать или взять и допросить как следует?

— Подождать. Могу поспорить, этот Вервольф больше не вернется, но стоит подождать до завтра. Не снимай наблюдения и держи меня в курсе.

— Хорошо. Ох, просто замечательно!

Армстронг услышал, как Смит радостно фыркнул в трубку, и озадачился: с чего это Змея такой довольный? Потом вспомнил об огромной сумме вознаграждения, предложенной Великими Драконами.

— Как твое предплечье?

— Плечо. Вывихнули, черт бы их подрал. И я потерял свою любимую фуражку, проклятье. А в остальном все в порядке. Сержант Мок проверяет сейчас всю нашу фототеку. Я приказал одному из своих парней составить фоторобот. Думаю, я и сам видел этого подонка. У него все лицо в оспинках. Если у нас есть что-нибудь на него, мы прищучим сукина сына до захода солнца.

— Превосходно. Как там у вас дела?

— Все под контролем, но обстановка скверная. «Хо-Пак» ещё выплачивает, но слишком медленно. Все знают, что состояние у банка критическое. Я слышал, что по всей колонии происходит то же самое. «Хо-Пак» конец, Роберт. Очередь не кончится, пока не будет выплачен последний цент. У нас здесь ещё наплыв вкладчиков в «Вик», и толпа меньше не становится...

У Армстронга дыхание перехватило:

— «Вик»?

— Да, они выдают наличность мешками, а новых вкладов не поступает. Триад целый рой... щиплют, должно быть, по-черному. Мы арестовали восемь карманников и разогнали двадцать с лишним стычек. Я сказал бы, все очень скверно.

— Но ведь «Вик», несомненно, в порядке?

— Только не в Абердине, старина. Что касается меня, я уже ликвиден. Закрыв все свои счета. Снял все до цента. У меня все в порядке. На твоём месте я сделал бы то же самое.

Армстронг чувствовал, как к горлу подступает тошнота. На счету в «Виктории» хранится все, что он накопил за целую жизнь.

— С «Вик» должен быть полный порядок. Там все средства правительства.

— Правильно. Но в конституции ничего не говорится о том, что твои деньги тоже защищены. Ну ладно, мне надо возвращаться на работу.

— Да. Спасибо за информацию. Сожалею, что так получилось с твоим плечом.

— Я думал, мне голову, черт возьми, проломят. Эти подонки едва не завели свое прежнее «бей гуйлао». Думал, мне кранты.

Армстронг невольно содрогнулся. Со времени беспорядков пятьдесят шестого года его неотступно преследовал кошмар: та беснующаяся, вопящая толпа. Дело было в Коулуне. Только что перевернули машину, в которой ехал швейцарский консул с женой, и подожгли её. Армстронг вместе с другими полицейскими рванулся сквозь людскую гущу на выручку. Когда копы пробились к машине, консул был уже мертв, а его молодая жена горела заживо. Пока её вытаскивали из машины, вся одежда на ней сгорела и кожа слезала, как змеиный выползок. А вокруг мужчины и женщины, молодые и старые неистовствовали: «Бей гуйлао...»

Он содрогнулся, до сих пор не в состоянии забыть запах горелой плоти.

— Господи, какой ужас!

— Да, и все это за один рабочий день. Буду держать тебя в курсе. Если этот чертов Вервольф снова появится в Абердине, мы сделаем так, что ему будет тесно, как у комара в заднице.

30

14:20

Просматривавший почту Филлип Чэнь вдруг замер, и лицо у него посерело. На конверте было написано: «Мистеру Филлипу Чэню, вскрыть лично».

— Что случилось? — спросила жена.

— Это от них. — Трясущимися руками он показал конверт. — От Вервольфов.

— Ох!

Супруги сидели за обеденным столом, накрытым на скорую руку в углу гостиной в доме на самой вершине холма Струанз-Лукаут. Диана нервно поставила чашку с кофе.

— Открой его, Филлип. Но лучше носовым платком. Чтобы не стереть отпечатки пальцев, — с тревогой добавила она.

— Да-да, конечно, Диана, какой я глупец!

Филлип Чэнь сильно сдал за последнее время. Его пиджак был наброшен на спинку стула, а рубашка намокла от пота. В открытое окно у него за спиной влетал легкий ветерок, но было жарко и влажно, над островом нависла полуденная дымка. Ножом из слоновой кости Филлип осторожно вскрыл письмо.

— Да, это... это от Вервольфов. Это... это насчет выкупа.

— Читай вслух.

— Хорошо. «Приветствия Филлипу Чэню, компрадору Благородного Дома. Настоящим сообщаю, как должен быть выплачен выкуп. Для вас пятьсот тысяч такая же ерунда, как взвизг свиньи на бойне, а для нас, бедных крестьян, это будет целое наследство для наших голо...»

— Лгуны! — прошипела Диана, и прелестное ожерелье из золота с нефритом сверкнуло в потоке приглушенного солнечного света. — Как будто крестьяне станут похищать Джона или уродовать его. Грязные, вонючие заморские триады! Читай дальше, Филлип.

— «...будет целое наследство для наших голодающих внуков. Вы уже обратились в полицию, но для нас это все равно что струйка мочи для океана. Теперь вы обращаться туда больше не будете. Нет. Теперь вы будете держать все в тайне, или безопасность вашего сына окажется под угрозой и он не вернется, и виной всему станете вы сами. Берегитесь, наши глаза везде. Если вы попытаетесь выдать нас, случится самое худшее, и виной всему станете вы. Сегодня вечером в шесть часов я позвоню вам по телефону. Не говорите об этом никому, даже жене. А пока...»

— Грязные триады! Сыновья грязных потаскушек, они пытаются внести раздор между мужем и женой, — злобно комментировала Диана.

— «А пока приготовьте деньги на выкуп в неновых стодолларовых купюрах...» — Филлип Чэнь раздраженно глянул на часы. — У меня не так много времени, чтобы попасть в банк. Мне нужно будет...

— Дочитай письмо!

И без того сжавшееся сердце замерло, когда Филлип услышал резкие нотки в её голосе.

— Хорошо, не волнуйся, дорогая, — примирительно произнес он. — Где это? Ах да: «...купюрах. Если вы точно выполните мои инструкции, ваш сын может вернуться сегодня же вечером...» Дай бог, чтоб было так, — вздохнул он, прервавшись на мгновение, а потом продолжал: — «Не обращайтесь в полицию и не пытайтесь заманить нас в ловушку. Наши глаза следят за вами даже сейчас. Написано Вервольфом». — Филлип снял очки. Под усталыми глазами залегли тёмные круги. На лбу выступил пот. — «Следят за вами даже сейчас». Может, они подкупили кого-то из слуг... или шофера?

— Нет, конечно нет. Они все у нас уже много лет.

Филлип вытер пот. Он чувствовал себя отвратительно. «Джон должен вернуться, вернуться живым и здоровым, чтобы я смог удавить его собственными руками».

— Это ничего не значит. Я... Позвоню-ка я лучше в полицию.

— Забудь! Забудь об этом, пока мы не поймем, что нам нужно делать. Отправляйся в банк. Получи только двести тысяч — об этой сумме ты и должен договориться. Снимешь больше, возникнет искушение отдать им все, если сегодня... если они действительно отвечают за свои слова.

— Да... очень мудро. Если мы сможем договориться на эту сумму... — Он задумался. — Как быть с тайбаном? Ты считаешь, я должен сказать тайбану, Диана? Он... он, вероятно, сможет помочь.

— Ха! — презрительно бросила она. — Какая от него может быть помощь? Мы имеем дело с этими собаками триадами, а не с жуликами из числа заморских дьяволов. Если потребуется помощь, мы должны держаться своих. — Она впиалась в него глазами. — А теперь лучше скажи, в чем дело? Чего ты так разбушевался позавчерашним вечером? Почему с тех пор мечешься как обозленный кот с колючкой под хвостом и все дела забросил?

— Я занимался делами, — защищался он.

— Сколько акций ты купил? А? Акции «Струанз»? Ты воспользовался тем, что сказал тайбан о предстоящем буме? Не забыл предсказание Старого Слепца Дуна?

— Конечно, конечно не забыл! — запинаясь, проговорил он. — Я... я тайно удвоил количество наших акций и так же тайно дал указания нескольким брокерам купить ещё половину этого количества.

Щелкающий, как счеты, мозг Дианы Чэнь раскалится докрасна при мысли о том, какую это принесет огромную прибыль, сколько она заработает лично для себя на всех акциях, которые купила от своего имени, заложив весь свой портфель. Но лицо её оставалось холодно-бесстрастным, а голос ледяным:

— И сколько ты заплатил?

— В среднем по двадцать восемь долларов девяносто центов.

— Ха! В сегодняшней газете написано, что акции Благородного Дома при открытии шли по двадцать восемь долларов восемьдесят центов, — изрекла она, неодобрительно фыркнув, взбешенная тем, что муж заплатил за акции на пять центов меньше, чем она. — Тебе сегодня утром следовало быть на бирже, а не слоняться здесь. Так можно и всю жизнь проворонить.

— Я неважно чувствовал себя, дорогая.

— Все это возвращает нас к позавчерашнему вечеру. Что привело тебя в такую

неслыханную ярость? Хейя?

— Ничего. — Он встал, надеясь улизнуть. — Ниче...

— Сядь! Ничего? И поэтому ты орал на меня — на меня, свою преданную жену! — в присутствии слуг? Ничего? И выставил в столовую, как последнюю шлюху? Хейя? — Она говорила все громче и даже не пыталась сдерживаться, чувствуя, что сейчас, когда они одни в доме, для этого самое время, зная, что он беззащитен и что она может воспользоваться своим преимуществом. — Думаешь, что можно запросто помыкать мной, отдавшей тебе лучшие годы жизни? Мной, что работала, надрываясь, и защищала тебя в течение целых двадцати трех лет? Оскорблять меня, Диану Майвэй Чжун, в жилах которой течет кровь великого Дирка Струана? Я досталась тебе девственницей и принесла в приданое собственность в Ваньчае, Норт-Пойнте и даже на Ланьдао, а также ценные бумаги. Я получила образование в Англии. Разве я сетовала на то, что ты храпишь и блудишь? Разве донимала тебя щенком, прижитым с девицей из дансинга, которого ты послал учиться в Америку?

— Что?

— О, я знаю все про тебя, и про неё, и про всех других, и про остальные твои гнусные проделки. Знаю, что ты никогда не любил меня. Тебе нужна была лишь моя собственность и безупречное украшение для твоей серой жизни...

Филлип Чэнь пытался заткнуть уши, но не мог. Сердце у него колотилось. Он терпеть не мог скандалов и не выносил этого её визга, который действовал ему на нервы, вызывая колебания в мозгу и смятение в желудке, словно был настроен на какую-то особую частоту. Он пытался прервать супругу, но она задавила его, разнося в пух и прах, перечисляя самые разные его увлечения, ошибки и тайные дела. Он был поражен тем, сколько всего ей известно.

— А как насчет твоего клуба?

— А-а, какого клуба?

— Тайного китайского ланч-клуба, в котором состоят сорок три человека? Он называется «Семьдесят четыре» и расположен в квартале от Педдер-стрит. Милое такое заведение с поваром-гурме из Шанхая, официанточками школьного возраста, спальнями, саунами и приспособлениями, которые нужны грязным старикам, чтобы поднимать свой «обессиленный стебель»? А?

— Ничего подобного там нет, — лепетал Филлип Чэнь в ужасе оттого, что она знает. — Это мес...

— Не лги мне! Ты внес восемьдесят семь тысяч добрых американских зелененьких как единовременный взнос с Шити Чжуном и этими твоими двумя сладкоречивыми друзьями и даже сейчас платишь по четыре тысячи гонконгских долларов в месяц. За что? Ты бы лучше... Куда это ты собрался?

Он смиренно сел.

— Я... я собирался — мне нужно в туалет.

— Ха! Когда бы мы ни начали говорить, ему сразу нужно в туалет! Тебе просто стыдно за то, как ты обращаешься со мной, ты чувствуешь свою вину... — И тут, видя, что муж сейчас взорвется, она резко сменила тон, её голос стал мурлыкающе-мягким. — Бедный Филлип! Бедный мальчик! Почему ты был такой злой? Кто тебя обидел?

И он открылся ей, и, начав исповедоваться, почувствовал себя лучше, его страдания, страх и ярость таяли. «Женщины ловки в таких делах», — убеждал он себя, торопясь выложить все. Он рассказал, как открыл сохранную ячейку Джона в банке, о письмах Линку Бартлетту и о найденном дубликате ключа к своему собственному сейфу в их спальне.

— Я принес все письма сюда, — говорил он, чуть не плача. — Они наверху, можешь прочитать сама. Мой собственный сын! Он предал нас!

— Боже мой, Филлип, — задыхнулась она, — если тайбань узнает, что ты и Батюшка Чэнь-чэнь вели... Если он узнает, он разорит нас!

— Да-да, понимаю! Именно поэтому я был так расстроен! По правилам, установленным завещанием Дирка, у него есть на это право и средства.

Мы будем разорены. Но, но это ещё не все. Джон знал, где в саду зарыт наш тайный сейф, и...

— Что?

— Да, и он его выкопал. — Филлип поведал ей о монете.

— Айийя! — Она уставилась на него, охваченная паникой и... восторгом: вернется Джон или нет, он сам себе вырыл яму. Наследником ему уже не быть! Теперь Кевин становится Сыном Номер Один и будущим компрадором Благородного Дома! Но тут страхи возобладали над радостным возбуждением, и она в ужасе пробормотала: — Если дом Чэнь ещё будет существовать.

— Что? Что ты сказала?

— Ничего, не обращай внимания. Подожди, Филлип, дай подумать. Ох, паршивый мальчишка! Как только Джон мог так поступить с нами? Ведь мы в нем души не чаяли! Ты... ты лучше езжай в банк. Сними триста тысяч — на случай, если придется дать больше. Мы должны вернуть Джона во что бы то ни стало. А вот с ним ли половинка монеты, на нем или, может быть, хранится в какой-нибудь другой депозитной ячейке?

— Она, наверное, в ячейке — или спрятана в его квартире в Синклер-тауэрс.

Диана сникла:

— Как нам удастся обыскать квартиру, когда там живет эта его жена, эта шлюха Барбара? Если она заподозрит, что мы что-то ищем... — Тут она уцепилась за блуждавшую в её мозгу мысль. — Филлип, получается, что любой, кто предъявит половинку монеты, получит все, что пожелает?

— Да.

— И-и-и! Какое могущество!

— Да.

Теперь её сознание работало ясно. Она уже владела собой, забыв обо всем остальном.

— Филлип, нам потребуется любая помощь, какую только мы сможем получить. Позвони своему родственнику Четырехпалому. — Муж с беспокойством посмотрел на неё, потом заулыбался. — Договорись, чтобы его уличные бойцы тайно шли за тобой и охраняли, когда будешь выплачивать выкуп, а потом последовали бы за Вервольфом в его логово и вызволили Джона любой ценой. Ни в коем случае не упоминай о монете — скажи лишь, что тебе нужна помощь, чтобы спасти бедного Джона. Вот и все. Мы должны заполучить Джона обратно любой ценой.

— Да, — ответил он, приободренный. — Четырехпалый — это то, что надо. Он кое-чем мне обязан. Я знаю, где найти его сегодня.

— Хорошо. Отправляйся в банк, но дай мне ключ от сейфа. Я отменю свой визит в парикмахерскую и сразу сяду читать бумаги Джона.

— Очень хорошо. — Он тут же встал. — Ключ наверху, — соврал он и торопливо вышел: не хотелось, чтобы она совала нос в сейф. Там было много такого, о чем ей знать не следует. «Лучше спрячу бумаги где-нибудь, — беспокоило думал он, — на всякий случай».

Его эйфория улетучилась, и вернулся непреодолимый страх. «О, мой бедный сын, — говорил он про себя чуть не плача. — Что могло на тебя найти? Я был тебе хорошим отцом, и ты стал бы моим наследником. Я любил тебя, как любил твою мать. Бедняжка Дженнифер, бедная малышка умерла, рожая моего первенца. О все боги, позвольте мне вернуть моего бедного сына, целым и невредимым, что бы он ни натворил! Избавьте мой дом от этого сумасшествия, и я пожертвую на новый храм для каждого из вас!»

Сейф находился за медной спинкой кровати. Филлип отодвинул кровать от

стены, открыл его, вынул все бумаги Джона, потом все свои секретные документы, письма и векселя, засунул в карман пиджака и снова спустился вниз.

— Вот письма Джона, — сказал он. — Я подумал, что тебе тяжело будет двигать кровать.

Она заметила оттопыривающийся карман пиджака, но промолчала.

— Я вернусь ровно к пяти тридцати.

— Хорошо. Будь осторожнее за рулем, — рассеянно обронила она, всецело сосредоточившись на том, как добыть половинку монеты для Кевина и для себя. Втайне от всех.

Зазвонил телефон. Филлип Чэнь остановился у входной двери, а она сняла трубку.

— Вэйй? — Взгляд её потускнел. — О, привет, тайбань, как вы сегодня? Филлип Чэнь побледнел.

— Прекрасно, благодарю вас, — сказал Данросс. — Филлип дома?

— Да-да, минутку. — В трубке слышалось множество других голосов, а по интонации Данросса она почувствовала, что он спешит, хотя и пытается это скрыть, и её страх усилился. — Филлип, тебя, — проговорила она, стараясь не выдать нервозности. — Это тайбань! — Отдавая мужу трубку, Диана знаками попросила держать её подальше от уха, чтобы она тоже могла слышать.

— Да, тайбань?

— Привет, Филлип. Какие планы на сегодня?

— Ничего особенного. Собирался в банк, а что?

— Перед тем как поедешь туда, загляни на биржу. На рынке творится черт знает что. Изъятие вкладов из «Хо-Пак» идет уже по всей колонии, и его акции уже на грани, хотя Ричард и пытается удержать их изо всех сил. Банк может рухнуть в любой момент. Я слышал, что паника распространяется на многие другие банки — «Цзин просперити», даже «Вик»... — Филлип Чэнь с женой тревожно переглянулись. — Мне стало известно, что у «Вик» проблемы в Абердине и Сентрал. Все идет вниз, все наши «голубые фишки»: «Ви энд Эй», «Коулун инвестментс», «Гонконг пауэр», «Ротвелл-Горнт», «Эйшн пропертиз», «Эйч Кей Эль Эф», «Цзун секьюритиз», «Соломон текстайлз», мы... в общем, все.

— На сколько пунктов опустились мы?

— С утра? На три.

У Филлипа Чэня перехватило дыхание, и он чуть не выронил трубку.

— Что?

— Да-да, — подтвердил Данросс. — Про нас кто-то начал распускать слухи. Уже весь рынок говорит о том, что у нас неприятности, что мы не сможем заплатить на следующей неделе ни «Тода шиппинг», ни «Орлину». Думаю, сейчас наши акции продают, играя на понижение.

31

14:45

Горнт сидел рядом со своим брокером Джозефом Стерном и с восторгом смотрел на табло. В большом зале биржи было душно, очень влажно, полно людей и шумно: телефонные звонки, обливающиеся потом брокеры, клерки-китайцы и посыльные. Обычно здесь царил покой и ленивая неспешность. Но не сегодня. Все были напряжены и сосредоточены. И полны беспокойства. Многие скинули пиджаки.

Акции самого Горнта опустились на один пункт, но его это нимало не смутило. «Струанз» снизились уже на три с половиной пункта, а «Хо-Пак» грозили обрушиться. «Конец „Струанз“ близок, — думал он, — все готово, все началось». Деньги Бартлетта в течение этого часа поступили в швейцарский банк, без каких-либо

условий, — два миллиона просто перевели на счет Горнта с какого-то неизвестного счета. Семь звонков по телефону — и слухи поползли. Ещё один звонок в Японию подтвердил, что даты платежей «Струанз» названы точно. «Да, атака началась».

Внимание Горнта переключилось на список акций «Хо-Пак» на табло, потому что какой-то брокер выставил ещё несколько предложений о продаже. Покупателей сразу не нашлось.

С того момента, как в понедельник, перед самым закрытием торгов в три часа, Горнт стал тайно продавать «Хо-Пак», играя на понижение, — задолго до того, как начался настоящий наплыв вкладчиков, — он уже заработал миллионы. В понедельник эти акции продавались по двадцать восемь долларов шестьдесят центов, а теперь, несмотря на все усилия Ричарда Квана, съехали до двадцати четырех долларов тридцати центов. На такое число пунктов акции банка не опускались со времени его создания одиннадцать лет назад.

«Четыре целых три десятых умножить на пятьсот тысяч будет два миллиона сто пятьдесят тысяч, — прикидывал в уме довольный Горнт. — И в настоящих гонконгских денежках, если я захочу выкупить все это прямо сейчас. Неплохо за сорок восемь часов работы. Но сейчас я выкупать не буду, нет, милый мой. Пока нет. Теперь я уверен, что эти акции рухнут, если не сегодня, то завтра, в четверг. А не завтра, так в пятницу — самое позднее в понедельник, потому что ни один банк в мире не выдержит столь масштабного изъятия вкладов. И когда наступит крах, я выкуплю их по несколько центов за доллар и заработаю двадцать раз по полмиллиона».

— Продайте двести тысяч, — распорядился он, начиная играть на понижение в открытую. Остальные акции были надежно распределены среди номинальных держателей.

— Боже милостивый, мистер Горнт, — ахнул брокер. — «Хо-Пак» придется найти для покрытия почти пять миллионов. Это покачнет весь рынок.

— Да, — весело согласился тот.

— Нам понадобится уйма времени, чтобы занять столько акций.

— Ну так работайте.

Брокер нехотя собрался уходить, но тут зазвонил телефон.

— Да? О, приветствую, Дневной Чжан, — проговорил брокер на сносном кантонском. — Чем могу помочь?

— Надеюсь, вы сможете спасти все мои деньги, Досточтимый Посредник. Почему сейчас акции Благородного Дома?

— По двадцать пять долларов тридцать центов. Последовал хриплый возглас смятения.

— Горе, горе, горе, осталось, кость собачья, каких-то полчаса торгов, горе, горе, горе! Прошу вас, продавайте! Немедленно продавайте бумаги всех компаний Благородного Дома: «Струанз», «Гуд лак пропертиз» и «Голден ферриз», а также... А почему акции Второй Великой Компании?

— По двадцать три доллара тридцать центов.

— Айийя, на один пункт ниже, чем утром? Все боги, призываю вас в свидетели такого скверного джосса! Продавайте. Прошу продать все сейчас же!

— Но, Дневной Чжан, рынок вообще-то достаточно устойчив и...

— Сейчас же! Вы разве не слышали, какие ходят слухи? Благородный Дом рухнет! И-и-и, продавайте немедленно! Минуточку, с вами хочет также поговорить мой компаньон Фэн-тат.

— Да, Третья Горничная Фэн?

— Я скажу то же, что и Дневной Чжан, Досточтимый Посредник! Продавайте! Или я пропала! Продавайте и перезвоните нам насчет цен, о-хо-хо! Прошу вас, поторопитесь!

Стерн положил трубку. Это был уже пятый панический звонок от старых клиентов, и ему это совсем не нравилось. «Глупо паниковать», — думал брокер, проверяя свою биржевую книгу. У Дневного Чжана и Третьей Горничной Фэн вместе вложено в различные акции более сорока тысяч гонконгских долларов. Если он продаст их сейчас, они выиграют, и хорошо выиграют, за вычетом сегодняшних потерь по акциям «Струанз», которые сведут на нет большую часть их прибыли.

Небольшого роста, темноволосый, с обширной лысиной, Джозеф Стерн возглавлял фирму «Стерн энд Джоунз», существовавшую в Гонконге уже пятьдесят лет. Операциями на фондовом рынке фирма занялась лишь после войны. До этого она ссужала деньги в рост, занималась обменом иностранной валюты и шипчандлерством — снабжением судов. Ему было за шестьдесят, и многие считали, что несколько поколений назад среди его предков были китайцы.

Подойдя к табло, он остановился рядом с колонкой, где была обозначена компания «Голден ферриз». В колонке «Продается» записал общую сумму акций Чжана и Фэн. Предложение было незначительное.

— Покупаю на тридцать центов ниже списочной цены, — предложил какой-то маклер.

— На «Голден ферриз» наката нет, — отрезал Стерн.

— Да, но это одна из компаний «Струанз». Да или нет?

— Вы прекрасно знаете, что в этом квартале прибыль «Голден ферриз» выросла.

— Как жарко, черт побери! Неужели мы не можем позволить себе кондиционер на бирже, как вы считаете? Так что, да или нет, старина?

Джозеф Стерн задумался. Не хотелось подливать масла в огонь, чтобы рынок стал ещё более нестабильным. Только вчера акции «Голден ферриз» взлетели на один доллар, потому что весь деловой мир знал: на следующей неделе состоится ежегодное собрание компании, год был для неё хорошим и ходили слухи, что ожидается перераспределение акций. Однако Стерну было известно и первое правило всех фондовых бирж: вчера не имеет к сегодняшнему дню никакого отношения. Клиент сказал: «Продавайте».

— Двадцать центов ниже списочной цены.

— Тридцать. Последнее предложение. Вам не все ли равно? Вы свое получите. Ну что, тридцать ниже?

— Хорошо.

Стерн прошелся по всему табло и без труда продал большую часть своих акций, хотя каждый раз приходилось уступать в цене. Акции «Хо-Пак» удалось занять с трудом. И тут он остановился перед колонкой, где приводились данные по этому банку. Предложений на продажу насчитывалось немало. В основном цифры были невелики. Он приписал внизу списка двести тысяч. По залу прокатилась волна изумления. Он не обратил на это никакого внимания, только взглянул на Форсайта, брокера Ричарда Квана. Сегодня лишь тот покупал акции «Хо-Пак».

— Квиллан что, пытается потопить «Хо-Пак»? — спросил кто-то из брокеров.

— Кван и так пускает пузыри. Хочешь купить акции?

— Ни за что, черт возьми! И «Струанз» продаешь?

— Нет, не продаю.

— Господи, не нравится мне все это.

— Спокойно, Гарри, — произнес кто-то ещё. — Первый раз рынок ожил, а остальное не считается.

— Вот это денек, а? — вставил другой брокер. — Крах наступает, что ли? Я-то сам полностью ликвиден, все распродал утром. Будет крах?

— Не знаю.

— Какой кошмар насчет «Струанз», верно?

— Ты что, веришь во все эти слухи?

— Нет, конечно нет, но, как говорят, для мудреца довольно и словца, а?

— Я в это не верю.

— «Струанз» за один день упали на три с половиной пункта, старина. Много кто в это верит, — вклинился в разговор ещё один брокер. — Я свои акции «Струанз» продал сегодня утром. Ричард-то выдержит этот наплыв?

— Это в руках... — Джозеф Стерн хотел сказать «Божиих», но промолчал, зная, что будущее Ричарда Квана в руках его вкладчиков и они уже приняли решение. — Джосс, — грустно промолвил он.

— Да. Слава богу, мы получаем свои комиссионные в любом случае, будь то голод или пир. Весьма неплохо, да?

— Неплохо, — эхом отозвался Стерн.

В душе же он терпеть не мог этот аристократический английский выговор, чопорный и самодовольный, присущий выпускникам привилегированных британских частных школ, где ему, еврею, учиться было не суждено. Он увидел, что Форсайт положил трубку и взглянул на табло. Стерн снова постучал по своему предложению. Форсайт знаком подозвал его. Он прошел через толпу, все глаза были устремлены на него.

— Покупаешь? — спросил он.

— Все в свое время, Джозеф, старина! — Потом Форсайт вполголоса добавил: — Между нами, не мог бы ты скинуть Квиллана с нашей шеи? У меня есть основания считать, что он в сговоре с этим болваном Сазерби.

— Это публичное обвинение?

— О, да будет тебе, ради Христа, это личное мнение! Ты разве не читал колонку Хэпли? Что тайбани и крупный банк распространяют слухи? Ты же знаешь, что Ричард платежеспособен. Он так же устойчив, как... как Ротшильды! Ты же знаешь, у Ричарда больше миллиарда в рез...

— Я видел крах двадцать девятого года¹⁷⁵, старина. В резерве тогда были триллионы, но, несмотря на это, все разорились. Все дело в наличности, кредите и ликвидности. И доверии. Ты покупаешь, что мы предлагаем, да или нет?

— Возможно.

— Как долго ты сможешь продолжать в том же духе? Форсайт взглянул на него.

— Целый век. Я лишь биржевой брокер. Только выполняю, что мне приказывают. Продаю или покупаю. И зарабатываю четверть процента.

— Если клиент платит.

— Ему приходится это делать. Ведь его акции у нас, а? Есть же правила. Но пока я думаю над этим, иди-ка ты к черту в ад!

— Я британец, — засмеялся Стерн. — Я пойду на небо, ты же знаешь. — Обеспокоенный, он вернулся к своему столу. — Думаю, до закрытия торгов он купит. Было без пятнадцати три.

— Прекрасно, — одобрил Горнт. — Теперь я хо... — Он осекся.

Оба обернулись, потому что зал охватило волнение. На другой стороне к столу Алана Холдбрука — собственного брокера компании «Струанз» — шёл Данросс, а с ним Кейси и Линк Бартлетт.

— Я думал, он уехал на сегодня, — презрительно усмехнулся Горнт.

— Тайбань никогда не бежит от трудностей. Это не в его натуре. — Стерн задумчиво наблюдал за Данроссом и американцами. — Отношения у них, похоже,

¹⁷⁵ Имеется в виду крах Нью-Йоркской фондовой биржи («черный четверг») 24 октября 1929 г., после которого наступила Великая депрессия. К этому краху привел спекулятивный бум конца 1920-х гг., когда миллионы американцев вложили значительные средства в фондовый рынок.

дружеские. Возможно, все эти слухи неверны и Иэн заключит сделку с «Пар-Кон» и произведет платежи.

— Он не сможет. Эта сделка не состоится, — сказал Горнт. — Бартлетт не дурак. Для него было бы сумасшествием поставить на империю, которая готова вот-вот развалиться.

— Ещё несколько часов назад я не знал, что у «Струанз» есть задолженность перед «Орлин банк». И что через неделю или вроде того наступает срок выплат «Тода». И что «Вик» не собирается поддерживать Благородный Дом. Просто ерунда какая-то... Я звонил Хэвегиллу, и он подтвердил мне, что так оно и есть.

— А больше он ничего не говорил?

— Странное дело, — задумался Стерн. — Все эти новости выплыли именно сегодня.

— Очень странное. Продайте двести тысяч акций «Струанз». У Стерна глаза полезли на лоб, он ущипнул свои густые брови.

— Мистер Горнт, вы не считаете, что...

— Нет. Пожалуйста, делайте, как я прошу.

— Я полагаю, что сейчас вы не правы. Тайбань слишком хитер. Он получит всю необходимую ему поддержку. Вы погорите.

— Времена меняются. Люди меняются. Если «Струанз» перебрали с кредитами и не могут платить... Что поделаешь, дорогой друг, это Гонконг. Я надеюсь, эти мерзавцы обанкротятся. Пусть будет триста тысяч.

— По какой цене продавать, мистер Горнт?

— По цене рынка.

— Понадобится время, чтобы занять акции. Мне придется продавать гораздо более мелкими партиями. Мне при...

— Вы хотите сказать, что мой кредит недостаточно надежен? Или вы не можете выполнять обычные функции биржевого брокера?

— Что вы, конечно нет, — ответил Стерн, не желая перечить самому крупному своему клиенту.

— Прекрасно. Тогда продавайте «Струанз». Сейчас же!

Горнт смотрел, как брокер пошёл исполнять приказание. Сердце приятно забилося.

Стерн направился к сэру Луису Базилио из старой брокерской фирмы «Базилио и сыновья», который лично располагал большим пакетом акций «Струанз», а также имел немало солидных клиентов, владевших этими бумагами. Он занял акции, потом подошел к доске и написал сумму огромного предложения в графе «Продается». Мел громко скрипел. В зале постепенно воцарилась тишина. Все взгляды устремились на Данросса, Алана Холдбрука и американцев, потом на Горнта и снова на Данросса. Горнт видел, что Линк Бартлетт и Кейси пристально смотрят на него, и был рад, что американка здесь. В желтой шелковой юбке и блузке Кейси смотрелась по-калифорнийски. Свои золотистые волосы она собрала сзади и повязала зеленым шарфиком. «Почему она выглядит так сексуально? — рассеянно размышлял Горнт. — Создает вокруг себя какую-то необычную атмосферу, словно приглашая к игре. В чем дело? Не потому ли, что ещё ни один мужчина не принес ей удовлетворения?»

Он улыбнулся Кейси и слегка кивнул. Та ответила полуулыбкой, и ему показалось, что он заметил смутную тень на красивом лице. Бартлетта он приветствовал вежливо и получил такой же вежливый ответ. Его глаза задержались на Данроссе, и взгляды соперников скрестились, как клинки.

Тишина сгущалась. Кто-то нервно закашлялся. Все понимали, насколько велико предложение и что за ним кроется.

Стерн снова постучал по своему предложению. Холдбрук наклонился вперед и посоветовался с Данроссом, который как-то неопределенно полупожал плечами,

покачал головой, а потом завязал спокойную беседу с Бартлеттом и Кейси.

Джозеф Стерн ждал. Наконец нашелся покупатель на часть бумаг, и начался торг. Вскоре пятьдесят тысяч акций сменили владельца, новая рыночная цена на них установилась на отметке двадцать четыре доллара девяносто центов. Стерн изменил цифру с трехсот тысяч на двести пятьдесят тысяч и снова стал ждать. Продавал ещё немного, но больше предложений не поступало, и он вернулся на свое место. С него градом катил пот.

— Если все так и останется до утра, это не сулит «Струанз» ничего хорошего.

— Да. — Горнт по-прежнему наблюдал за Кейси. Она внимательно слушала Данросса. Горнт откинулся на стуле и задумался. — Продайте ещё сто тысяч «Хо-Пак» — и двести тысяч «Струанз».

— Милостивый боже, мистер Горнт, если «Струанз» рухнет, пошатнется весь рынок. Ущерб понесет даже ваша собственная компания.

— Будет корректировка, много корректировок, несомненно.

— Будет море крови. Если «Струанз» обанкротится, то же самое произойдет и с другими компаниями. Это разорит тысячи вкладчиков и...

— Вот чего мне не нужно, так это лекций по экономике Гонконга, мистер Стерн, — холодно произнес Горнт. — Если вы не хотите выполнять мои распоряжения, я воспользуюсь услугами другой фирмы.

Стерн вспыхнул:

— Я... Мне придется сначала собрать эти акции. Такое количество... получить эту сумму...

— Тогда предлагаю вам поторопиться! Я хочу, чтобы это было на табло сегодня! — Горнт проводил его взглядом, невероятно довольный.

«Много мнит о себе, ублюдок. Биржевые брокеры не более чем паразиты, все до одного».

Он чувствовал себя в полной безопасности. Деньги Бартлетта лежат на счету. Даже сейчас можно выкупить обратно акции «Хо-Пак» и «Струанз» и остаться в выигрыше на миллионы. Довольный собой, он перевел взгляд на Кейси. Она внимательно смотрела на него. В выражении её лица ничего прочесть не удалось.

Джозеф Стерн вился между брокерами. Он снова подошел к столу Базилио. Сэр Луис перевел взгляд с табло на него:

— Ну что, Джозеф? Хочешь занять ещё акций Благородного Дома?

— Да, пожалуйста.

— Для Квиллана? — спросил сэр Луис. Пожилой — ему было за шестьдесят, — небольшого роста, утонченный и элегантный, очень худой, он в этом году возглавлял комитет, управлявший фондовой биржей.

— Да.

— Давай-ка присядь. Поговорим немного, дружище. Сколько тебе нужно на этот раз?

— Двести тысяч.

Сэр Луис нахмурился.

— Три сотни уже на табло — и ещё две? Это что — массированное наступление?

— Он... он не говорил, но думаю, что так и есть.

— Какая жалость, что этим двоим никак не помириться.

— Да.

Сэр Луис подумал, а потом проговорил ещё тише:

— Я вот прикидываю, не приостановить ли торговлю акциями «Хо-Пак», а со времени ланча — и акциями Благородного Дома. Ситуация тревожная. Крах «Хо-Пак» вкупе с крахом Благородного Дома может обрушить весь рынок. Мадонна, трудно даже представить себе, что Благородный Дом обанкротится. Он сотнями

потянет нас за собой. Может быть, весь Гонконг. Это трудно себе даже представить!

— Может быть, Благородному Дому требуется основательная встряска. Могу я занять двести тысяч акций?

— Сначала ответь мне на вопрос. Да или нет, и если да, то когда? Нужно ли нам приостановить торги по «Хо-Пак»? Нужно ли нам приостановить торги по «Струанз»? Я опросил всех членов комитета, кроме тебя. Мнения разделились почти поровну.

— Продажу тех и других акций никогда не останавливали. Ничего хорошего в этом нет. Мы живем в свободном обществе — в лучшем смысле этого слова, как мне кажется. Нужно, чтобы сработал рыночный механизм. Надо дать им самим разобраться между собой — струанам, горнтам и всем остальным. Пусть наверху окажется самый лучший, а самый худший... — Стерн устало покачал головой. — А-а, мне-то легко говорить, Луис. Я не делал крупных вложений ни в ту, ни в другую компанию.

— Куда же ты вложил деньги?

— В алмазы. Евреям нужны маленькие вещи, которые легко унести с собой, спрятать и конвертировать.

— Здесь-то тебе чего бояться, Джозеф? Сколько уже лет твоя фамилия живет здесь и процветает? Посмотри на Соломона — он и его семья, несомненно, богатейшие люди в Азии.

— Евреи привыкли жить в страхе. И привыкли, что их ненавидят. Старик снова вздохнул.

— Ах, этот мир, этот мир... Каким чудесным он должен бы быть. Зазвонил телефон, и он изящным движением снял трубку. Крохотные пальцы, мелодично переливающиеся звуки португальского языка, совсем непонятные. Стерну запомнилось только произнесенное несколько раз почтительное «сеньор Мата», но это имя ему ничего не говорило. Через минуту сэр Луис с весьма задумчивым видом положил трубку.

— Сразу после ланча звонил министр финансов. Он страшно обеспокоен. Здесь сейчас парламентская делегация, и крах банка произведет очень плохое впечатление. — Тут он улыбнулся улыбкой эльфа: — Я предложил подготовить и представить на подпись губернатору законопроект об управлении банками, как это делается в Англии, так беднягу чуть удар не хватил. Не стоило мне, вообще-то, морочить ему голову. — Стерн тоже улыбнулся вместе с ним. — Как будто нам нужно, чтобы в наши дела ещё вмешивалось правительство! — Взгляд сэра Луиса стал строже. — Ну, так что, Джозеф, ты за то, чтобы оставить все как есть — или приостановить продажу одних акций либо тех и других, и если так, то когда?

Стерн бросил взгляд на часы. Если идти к табло сейчас, будет уйма времени, чтобы написать оба предложения по продаже и ещё бросить вызов Форсайту. Приятно было сознавать, что в твоих руках судьба обоих домов, пусть даже временно.

— Может, это будет очень хорошо, а может, и плохо. Как пока распределились голоса?

— Я уже говорил, почти поровну. — Пронеслась ещё одна волна возбуждения, и оба подняли голову. Происходила покупка ещё одного пакета акций «Струанз». Их рыночная цена упала до 24.70. Над столом Холдбрука теперь склонился Филлип Чэнь.

— Бедняга Филлип, совсем на себя не похож, — сочувственно произнес сэр Луис.

— Да. Жалко Джона. Он мне нравился. Что слышно о Вервольфах? Вы не считаете, что в газетах перебарщивают?

— Нет. Я так не считаю. — Глаза старика блеснули. — Не больше чем ты, Джозеф.

— Что?

— Ты решил спустить все на тормозах. Ты хочешь, чтобы сегодня время вышло, верно? Ты ведь так хочешь поступить?

— А есть лучшее решение?

— Если бы я не был так стар, согласился бы с тобой. Но я уже стар и не знаю, что будет завтра, не знаю даже, доживу ли до завтра, поэтому предпочитаю, чтобы все у меня происходило сегодня. Очень хорошо. Сегодня я не буду учитывать твой голос, и так как комитет зашел в тупик, решение принимать буду я, на что имею право. Ты можешь занять двести тысяч акций Благородного Дома до пятницы, до двух часов в пятницу. Потом я могу попросить вернуть их — мне нужно думать о своем собственном доме, да? — Под его острым, но добрым взглядом Стерн встал. — Что ты собираешься предпринять сейчас, друг мой?

— Я — биржевой брокер, — печально улыбнулся Джозеф Стерн.

Он прошел к табло и твердой рукой сделал запись в графе «Хо-Пак». Потом, когда снова воцарилась тишина, подошел к графе «Струанз» и четко вывел цифру, ощущая себя в этот момент центром всеобщего внимания, объектом ненависти и зависти. К продаже теперь предлагалось пятьсот тысяч акций Благородного Дома — больше, чем когда-либо выставлялось одновременно на торги в истории этой биржи. Он ждал. Некоторый интерес вспыхнул, когда несколько пакетов акций купил парси Сурджани, но всем было хорошо известно, что он — номинальное лицо многих членов семей Струан и Данросс и их сторонников. И хотя он купил сто пятьдесят тысяч, это не шло ни в какое сравнение с огромным предложением Горнта. Затишье становилось мучительным. Оставалась одна минута.

— Мы покупаем! — рассыпалась тишина от голоса Тайбаня.

— Все мои акции? — хрипло спросил Стерн с колотящимся сердцем.

— Да. Ваши и все остальные. По цене рынка! Горнт вскопился на ноги.

— На какие такие деньги? — язвительно спросил он. — Это почти девять миллионов наличными.

Данросс тоже уже был на ногах, и на лице его играла едкая полуулыбка.

— У Благородного Дома такие средства есть — и ещё миллионы. Разве кто-нибудь в этом когда-либо сомневался?

— Я сомневаюсь — и буду завтра продавать!

В этот момент резко ударил колокол, возвестивший окончание торгов, напряжение спало, и раздался рев одобрения.

— Господи, ну и денек...

— Молодец, старина Тайбань...

— Ещё чуть-чуть, и я бы не выдержал...

— Неужели на этот раз Горнт обставит его?..

— Может, все эти слухи — просто чепуха?

— Господи, я целое состояние заработал на комиссионных...

— Думаю, Иэн перепугался насмерть...

— Не забывай, у него пять дней, чтобы заплатить за эти акции...

— Завтра он уже не сможет так купить...

— Господи, завтра! Что ещё случится завтра...

Кейси заерзала на сиденье, сердце у неё колотилось. Она отвела глаза от Горнта и Данросса и оглянулась на Бартлетта, который сидел, уставившись на табло, и монотонно насвистывал. Она была поражена — поражена и слегка напугана.

Перед самым приходом сюда на встречу с Данроссом Линк Бартлетт изложил ей свой план, рассказал о звонке Горнту и встрече с ним.

— Теперь ты знаешь все, Кейси, — негромко проговорил он, ухмыляясь. — Теперь оба подготовлены, а мы следим за полем битвы, и все это за два миллиона. Оба уже почти вцепились друг другу в глотку, оба ищут самое уязвимое место, и

каждый готов сожрать другого. Теперь мы будем ждать. Понедельник станет для нас днем «Д». Если верх берет Горнт — победа наша. Если Данросс — тоже. И в том и в другом случае Благородным Домом становимся мы.

32

15:03

Пройдя по многолюдному переулку рядом с Натан-роуд в Коулуне, Алексей Травкин, тренер скаковых лошадей Благородного Дома, вошёл в ресторан «Зеленый дракон». Слева под мышкой у него был небольшой пистолет тридцать восьмого калибра, и для своих лет он шагал легко.

Ресторанчик был маленький, самый обычный и ничем не примечательный: примерно дюжина столов без скатертей. За одним четверо китайцев ели суп с лапшой, шумно втягивая в себя воздух. Когда Травкин вошёл, скучавший около кассы официант поднял голову от бланка тотализатора на скачках и стал подниматься навстречу с меню. Травкин отрицательно покачал головой и прошел под арку, которая вела в заднюю комнату.

В крохотной комнатке, где стояло всего четыре стола, сидел один-единственный человек.

— Zdrastvuytye, — лениво проговорил по-русски Суслев. Он был в ладно сидящем летнем костюме.

— Zdrastvuytye, — ответил Травкин. Его славянские глаза ещё больше сузились, и он сразу спросил, также по-русски: — Кто вы?

— Друг, ваше высочество.

— Прошу не называть меня так. Никакое я не «высочество». Кто вы?

— И все же я друг. А вы когда-то были князем. Не хотите присоединиться? — Суслев вежливо указал на стул. На столе у него стояла открытая бутылка водки и две рюмки. — Ваш отец Николай Петрович тоже был князем, как и его отец и многие поколения до него, князем Курганским и даже Тобольским.

— Загадками говорите, приятель. — Внешне спокойный, Травкин сел напротив. Приятная тяжесть оружия придавала ему уверенности. — По произношению вы москвич — и грузин.

— У вас хороший слух, князь Курганский, — усмехнулся Суслев. — Да, я — москвич, но родился в Грузии. Как меня зовут, неважно, но я друг, ко...

— Мой друг, друг России или Советов?

— И то, и другое, и третье. Водочки? — спросил Суслев, берясь за бутылку.

— Почему бы и нет? — Травкин проследил, как тот наполняет рюмки, потом без колебаний взял не свою, а ту, что была дальше от него, и поднял: — Ваше здоровье!

Суслев столь же решительно взял другую, чокнулся с ним, опрокинул и налил снова.

— Ваше здоровье!

— Вы тот человек, что писал мне?

— У меня для вас новости о вашей жене.

— У меня нет жены. Что тебе от меня надо, друг? — Травкин произнес это слово так, что оно прозвучало оскорблением.

Суслев поднял глаза от рюмки, в них сверкнули искорки гнева. Заметив это, Травкин приготовился.

— На первый раз я прощаю вам грубость, Алексей Иванович, — с достоинством проговорил Суслев. — Вам нет резона грубить мне. Никакого. Я вас чем-то оскорбил?

— Кто вы?

— Вашу жену зовут Анастасия Анатольевна, и земли её отца, князя Анатолия Сергеева, простирались до Караганды, что не так далеко от земель вашей

собственной семьи, к востоку от Урала. Он был из казахов, верно? Великий князь казахов, которых ещё называют «казаками»?

Мозолистые руки Травкина по-прежнему лежали спокойно, лицо оставалось бесстрастным, но кровь против воли отлила от лица. Он потянулся к бутылке, которая была ещё наполовину полна, и снова наполнил рюмки. Травкин смаковал алкоголь небольшими глотками.

— Хорошая водка, не то что эта гонконгская моча. Откуда она у вас?

— Из Владивостока.

— А-а. Был я там. Городишко скучный и грязный, но водка добрая. Ну, так как вас зовут на самом деле? И чего вам нужно от меня?

— Вы хорошо знаете Изна Данросса?

— Я тренирую его лошадей... — насторожился Травкин. — Я... вот уже третий год, а что?

— Вы хотели бы увидеться с княгиней Анаст...

— Господи боже милостивый, не знаю, кто вы такой, но я уже говорил, что у меня нет жены. Так вот, спрашиваю в последний раз: что вам от меня нужно?

Суслев наполнил свою рюмку, и его голос исполнился ещё большего добродушия.

— Алексей Иванович Травкин, вашей жене, княгине, сегодня исполнилось шестьдесят три года. Она живет в Якутске на...

— На Лене? В Сибири? — Сердце Травкина, казалось, вот-вот разорвется. — Какой это gulag, подонок?

Из другого зала, который уже опустел, на секунду выглянул официант, зевнул и ушел.

— Это не gulag. Почему это должен быть gulag? — уже не таким благостным тоном сказал Суслев. — Княгиня перебралась туда по своему почину. Она живет там с тех пор, как уехала из Кургана. Её... — Сунув руку в карман, он достал бумажник. — Это её dacha в Якутске. — Он положил на стол фотографию. — Думаю, она принадлежала её семье. — Дом был весь в снегу, вокруг красивые деревья, ухоженный забор, из трубы вьется дымок, весьма живописная картина. Маленькая укутанная фигурка весело махала рукой фотографу — она была слишком далеко, лица не разобрать.

— И это моя жена? — хрипло спросил Травкин.

— Да.

— Я вам не верю!

Суслев положил на стол новую фотографию — портрет седовласой дамы за пятьдесят или за шестьдесят. На лице отпечаталось бремя страданий всего мира, но оно оставалось таким же благородным, таким же аристократическим. Травкин ощутил все тепло её улыбки и больше сдерживаться уже не мог.

— Ты... подонок кагэбэшный, — хрипло проговорил он, уверенный, что узнал её. — Грязный поганец, мать твою...

— И это за то, что мы нашли её? — разозлился Суслев. — За то, что позаботились, чтобы за ней ухаживали, оставили в покое, не беспокоили, не посылали... в исправительные заведения, чего заслуживает и она, и весь ваш класс? — Он раздраженно налил себе ещё. — Я — русский и горжусь этим, а вы — эмигрант и бежали из страны. Ваш класс относился к моему отцу и к его классу, как к своей собственности. Мой отец погиб на баррикадах в шестнадцатом году, и мать тоже, а прежде чем умереть, они голодали. Они... — Он сделал над собой усилие, чтобы остановиться. Потом продолжил, но уже другим тоном: — Я согласен, и той и другой стороне нужно многое простить и о многом забыть, и это все в прошлом, но поверьте: нельзя всех нас, советских людей, считать за зверей — мы не все такие. Не все такие, как кровавый Берия и враг рода человеческого, убийца Сталин... Не все. — Он вынул

пачку сигарет. — Курите?

— Нет. Вы из КГБ или из ГРУ?

Сокращение КГБ означало Комитет государственной безопасности, ГРУ — Главное разведывательное управление Генерального штаба. Эти люди не раз выходили на Травкина. Раньше избавиться от них помогала ничем не примечательная, скромная легенда. Но на сей раз он попался. Этому было известно о нем слишком много, слишком много действительных фактов. «Кто ты, ублюдок? Что тебе на самом деле нужно?» — думал он, наблюдая, как Суслев закуривает сигарету.

— Ваша жена знает, что вы живы.

— Этого не может быть. Она умерла. Она погибла от рук толпы, когда наш дво... когда наш дом в Кургане разграбили, подожгли, разнесли на куски. Самый красивый, самый незащищенный особняк на сотни миль вокруг.

— Народные массы имели право на...

— Это был не мой народ. Этими верховодили пришлые троцкисты, которые потом убивали моих крестьян тысячами — пока сами не попали под чистку, устроенную другими хищными тварями из их же рядов.

— Возможно. А возможно, и нет, — холодно возразил Суслев. — Как бы то ни было, князь Курганский и Тобольский, ей удалось бежать с одной старой служанкой. Она поехала на восток в надежде найти вас, чтобы бежать вместе с вами через Сибирь и Маньчжурию. Эта служанка была родом из Австрии. Её звали Павхен.

Травкину стало нечем дышать.

— Снова ложь, — услышал он свой голос, хотя уже так не считал, потому что её милая улыбка разрывала сердце на части. — Моя жена умерла. Она никогда не забралась бы так далеко на север.

— А-а, но так получилось. Поезд, на котором она ехала, пустили по другой ветке, на север. Была осень. Уже выпал первый снег, и она решила перезимовать в Якутске. Она вынуждена была пойти на это... — Суслев положил перед ним ещё один снимок. — Она была беременна. Это ваш сын с семьей. Снимок сделан в прошлом году. — На фотографии симпатичный мужчина лет сорока в форме майора советских ВВС застенчиво улыбался в камеру, обнимая прелестную женщину лет тридцати с лишним, а ещё на снимке было трое детей: грудной ребенок, улыбающаяся девочка лет шести-семи без передних зубов и мальчик лет десяти, старающийся выглядеть серьезным. — Ваша жена назвала его Петром Ивановичем в честь деда.

Травкин до фотографии не дотронулся. Он лишь смотрел на неё во все глаза, бледный как мел. Потом оторвался от снимка и налил водки себе, а после, опомнясь, и Суслеву.

— Это... все это вы слепили блестяще, — проговорил он, стараясь, чтобы его голос звучал убедительно. — Блестяще.

— Малышку назвали Викторией, девочку постарше — Николя, в честь вашей бабушки. Имя мальчика — Алексей. Майор Петр Иванович — летчик, летает на бомбардировщиках.

Травкин молчал. Взгляд снова упал на портрет прелестной старой дамы, к горлу подступали слезы, но голос все же не дрожал.

— Она знает, что я жив, а?

— Да.

— Давно?

— Три месяца. Она узнала об этом около трех месяцев тому назад. Ей сказал один из наших людей.

— Кто эти люди?

— Вы хотите встретиться с ней?

— Почему только три месяца, почему не год, не три года?

— Потому что лишь шесть месяцев назад мы обнаружили, кто вы такой.

— Как вам это удалось?

— А вы считали, что останетесь безвестным?

— Если она знает, что я жив, если один из ваших людей сказал ей об этом, она бы написала... Да. Они попросили бы её сделать это, если... — Голос Травкина звучал как-то странно. Он не понимал, где находится, происходящее казалось ему кошмарным сном, однако он пытался мыслить здраво. — Она написала бы письмо.

— Она написала. Я передам его вам в ближайшие несколько дней. Хотите увидеться с ней?

Травкин постарался скрыть свои муки. Он указал на семейный портрет:

— А... а он тоже знает, что я жив?

— Нет. Из них не знает никто. И это предложили не мы, Алексей Иванович. Это придумала ваша жена. Для безопасности — она посчитала, что так защитит его. Словно мы собираемся мстить сыновьям за преступления отцов! Она переждала две зимы в Якутске. К этому времени в Россию пришел мир, и она осталась. Тогда она уже считала, что вас нет в живых, хотя надеялась, что это не так. Мальчик вырос в уверенности, что вы умерли, и ничего о вас не знал. И до сих пор не знает. Как видите, вы оба можете гордиться им. Он был первым учеником в местной школе, потом поступил в университет, как делают теперь все одаренные дети. Знаете, Алексей Иванович, в свое время я стал первым в своей губернии, кто поступил в университет, самым первым из крестьянских детей. Мы теперь в России люди справедливые.

— Сколько трупов вы оставили за собой, чтобы стать тем, что вы есть сегодня?

— Было дело, — уклончиво ответил Суслев. — Но все они преступники или враги России.

— Расскажите про это.

— Расскажу. Когда-нибудь.

— Вы в прошлой войне участвовали — или были комиссаром?

— Шестнадцатый танковый корпус, Сорок четвертая армия. Был под Севастополем... и под Берлином. Командир танка. Вы хотите увидеться с женой?

— Хочу больше жизни, если это действительно моя жена и если она жива.

— Она жива. Я могу организовать такую встречу.

— Где?

— Во Владивостоке.

— Нет, здесь, в Гонконге.

— Извините, но это невозможно.

— Конечно. — Травкин безрадостно засмеялся. — Конечно, друг. Выпьем? — Он разлил поровну остатки водки. — Ваше здоровье!

Суслев пристально смотрел на него. Потом взглянул на портрет и на снимок майора-летчика с семьей и взял их в руки в глубоком раздумье. Молчание затягивалось. Он почесал подбородок. Потом решительно произнес:

— Хорошо. Здесь, в Гонконге. Сердце Травкина радостно забилося.

— Взамен на что? Суслев затушил сигарету.

— Взамен на информацию. И на сотрудничество.

— Информацию о чем?

— Я хочу знать все, что вам известно о тайбане Благородного Дома, обо всем, чем вы занимались в Китае, кого знаете, с кем встречались.

— А сотрудничество?

— Об этом позже.

— И взамен вы привезете мою жену в Гонконг?

— Да.

— Когда?

— К Рождеству.

— Насколько я могу вам доверять?

— Ни на сколько. Но если вы будете сотрудничать, она будет здесь, в Гонконге, к Рождеству. — Травкин не отрывал глаз от фотографий в руках Суслева, потом увидел, каким взглядом тот смотрит на него, и внутри все перевернулось. — В любом случае вы должны вести себя со мной честно. С вашей женой или без неё, князь Курганский, у нас всегда в заложниках ваш сын и ваши внуки.

Травкин цедил водку небольшими глотками.

— Теперь я понимаю, кто вы есть на самом деле. С чего хотите начать?

— С Тайбаня. Но сначала я хочу помочиться. — Суслев встал, спросил у официанта, где туалет, и вышел через кухню.

Теперь, когда Травкин остался один, его охватило отчаяние. Он взял по-прежнему лежавший на столе снимок дома и стал смотреть на него. На глазах выступили слезы. Он смахнул их, дотронулся до висевшего под мышкой пистолета, но теперь это уже не помогало. Собравшись с духом, он решил быть мудрее и не верить, но сердцем чувствовал, что на фотографии — она и что он пойдет на все, на любой риск, лишь бы увидеть её.

Многие годы он старался не попадаться этим ищейкам, зная, что охота за ним продолжается. Он был предводителем белого движения в своих краях, по всей Транссибирской железной дороге, и перебил немало красных. В конце концов он устал убивать и в 1919 году уехал в Шанхай, который был для него новым домом, пока не пришли японские войска. Он ускользнул от них и, примкнув к китайским националистам, пробивался с боями на юг и на запад, к Чунцину, где продолжал сражаться в рядах других вооруженных отрядов, не разбирая, англичане это, французы, австралийцы или китайцы — лишь бы платили, пока японцы не капитулировали. Потом он вернулся в Шанхай, чтобы вскоре бежать вновь.

«Мне всегда приходилось бежать, — думал он. — Клянусь кровью Христовой, дорогая, я знаю, что тебя уже нет. Знаю... Мне сказал об этом один человек, видевший, как толпа грабила наш дворец, как она накинута на тебя...

Но сейчас?

Неужели ты действительно жива?»

Травкин с ненавистью посмотрел в сторону двери, ведущей на кухню, понимая, что это будет мучать его всегда, пока он не узнает о ней наверняка.

«Кто этот говноед? — думал он. — Как они разыскали меня?»

Он продолжал угрюмо ждать. Потом, внезапно охваченный паникой, отправился на поиски. В туалете никого не было. Он рванул на улицу, но там было полно других людей. Тот человек исчез.

Травкин ощутил во рту тошнотворный привкус, от навалившихся мыслей ему стало худо. «Что, во имя Господа, ему нужно от Тайбаня?»

33

17:50

— Привет, Иэн, — сказала Пенелопа. — Ты рано сегодня! Как прошел день?

— Прекрасно, прекрасно, — рассеянно ответил Данросс.

В дополнение ко всем остальным бедам перед тем, как он ушел из офиса, позвонил Брайан Квок, сообщил среди прочего, что АМГ, вероятно, убили, и предложил принять серьезные меры предосторожности.

— О, один из таких дней, да? — мгновенно догадалась она. — Может, выпьешь? Выпьешь шампанского?

— С удовольствием. — Тут он заметил, что она улыбается, улыбнулся в ответ и почувствовал себя значительно лучше. — Пенн, ты просто мысли читаешь!

Он бросил кейс на сервант и последовал за ней в одну из гостиных Большого Дома. Открытая бутылка шампанского стояла в ведерке со льдом, из двух бокалов

уже пили, а ещё один, для него, лежал во льду.

— Кэти наверху. Читает Гленне сказку на ночь. — Пенелопа наполнила его бокал. — Она... она только что рассказала мне о... об этой... об этой болезни.

— Вот как? — Он принял у неё бокал. — Спасибо. Как это воспринял Эндрю? Он ничего не сказал сегодня.

— Она лишь собирается рассказать ему, вечером. Это шампанское — ей, для храбрости. — Пенелопа с болью взглянула на него. — У неё все будет нормально, да, Иэн?

— Думаю, да. У меня сегодня был долгий разговор с доктором Тули. Он сказал, что ничего страшного, назвал трех ведущих специалистов в Англии и ещё троих в Америке. Я послал телексы всем троим в Англию с просьбой назначить дату приема, а доктор Фергюсон отправит им по почте историю болезни — когда вы приедете, они уже должны будут её получить.

Она пила вино небольшими глотками. Дул легкий ветерок, и казалось, что не так душно. Высокие стеклянные двери в сад были открыты. Время близилось к шести вечера.

— Ты считаешь, нам нужно ехать прямо сейчас? А если мы задержимся на несколько дней? Это имеет значение?

— Не думаю.

— Но нам надо ехать?

— Если бы это была ты, Пенн, мы сели бы на первый самолёт в ту же секунду.

— Да. Если бы я сказала тебе.

— Ты сказала бы.

— Да, думаю, сказала бы. Я заказала билеты на завтра. Кэти это одобрила. Рейс «Бритиш оверсиз эрлайнз».

— Клаудиа ничего не говорила, — удивился он. Она улыбнулась.

— Я сама их заказала. Вообще-то, я много чего могу. Я заказала билеты для Гленны, себя и Кэти. Истории болезни мы возьмем с собой. Думаю, Кэти может оставить детей здесь. О них прекрасно позаботятся ама.

— Да, так было бы лучше всего. Док Тули твердо заявил, что она не должна принимать это близко к сердцу. «Главное — отдыхать и отдыхать», — сказал он. — Данросс улыбнулся жене. — Спасибо, Пенн.

Она смотрела не отрываясь на капельки воды, выступившие на бутылке и на ведерке со льдом.

— Это просто ужасно, верно?

— Хуже, Пенн. Это неизлечимо. Он считает... он считает, что лекарства лишь приостановят развитие болезни. — Допив шампанское, он налил и ей, и себе ещё. — Кто-нибудь звонил?

— О, прошу прощения! Да, записки на серванте. Совсем недавно был звонок из Марселя.

— Сюзанна?

— Нет. Некий господин Делан.

— Это наш тамошний агент.

— Как скверно вышло с юным Боржем.

— Да.

Данросс просмотрел записки. Джонджон из банка, Холдбрук, Филлип Чэнь и неизбежное и всеобъемлющее «Прошу позвонить Клаудии». Он вздохнул. Прошло лишь полчаса, как он уехал из офиса. Так или иначе он все равно собирался позвонить ей. «Нет отдыха нам, грешным, — подумал он. — Все схвачено — будем надеяться. Ах да, будем надеяться!»

С того самого момента, когда брокер в панике позвонил ему через несколько минут после десяти и сказал, что по бирже ходят слухи и что курс их акций меняется,

он укреплял свою оборону, готовясь к внезапной, неожиданной атаке. Через Филлипа Чэня, Холдбрука, Гэваллана и де Вилля он связался со всеми своими основными акционерами, до которых смогли дозвониться, и передал, что слухи о неспособности «Струанз» выполнить свои обязательства — чепуха, предложил не одалживать Горнту крупные пакеты акций, а дать ему побегать, позволяя перехватывать по несколько акций то тут, то там. Некоторым избранным он строго конфиденциально сообщил, что сделка с «Пар-Кон» подписана, на документах стоит печать и скоро будет поставлена печать и что это великолепная возможность нанести «Ротвелл-Горнт» удар, который решит судьбу конкурирующей компании раз и навсегда.

«Если Горнт будет продавать, играя на понижение, пусть продает. Мы сделаем вид, что уязвимы, но будем поддерживать курс своих акций. Затем, в пятницу, объявляем о сделке, наши акции резко идут вверх, и он остается без штанов, — сказал он им всем. — Мы получим назад свою авиакомпанию вместе с его собственной и, объединив его корабли и наши, будем главенствовать в воздухе, на воде и на суше в азиатском импорте и экспорте».

«Вот бы нам действительно нанести такой удар Горнту, — лихорадочно думал он. — Мы чувствовали бы себя в безопасности на поколения вперед. И мы можем это сделать, если на нашей стороне будет удача, „Пар-Кон“ и ещё раз удача. Но боже мой, как это будет непросто!»

Он весь день излучал уверенность, которой не чувствовал. Звонило немало обеспокоенных акционеров, и он старался их успокоить. Через цепочку подставных лиц большими пакетами его акций владели и Прижимистый Дун, и Четырехпалый У. Сегодня днем он позвонил обоим, чтобы заручиться их согласием не давать займы и не продавать принадлежащие им пакеты в течение следующей недели. Оба дали согласие, но добиться его оказалось ох как непросто.

«В итоге, — думал Данросс, — первый натиск я отразил. Завтра покажет, враг Бартлетт или друг. Или пятница».

Он ощутил поднимающуюся волну гнева, но подавил её. «Спокойно, — сказал он себе. — Думай спокойно. Хорошо, но вот что, черт побери, интересно: как вышло, что все сказанное Бартлеттом на вечеринке — все эти тайны, которыми он меня оглушил, — пронеслось сегодня по рынку будто тайфун? Кто шпион? Может, он заодно и агент „Севрина“? Ладно, пока ничего страшного, все схвачено, я думаю».

Данросс подошел к телефону и попросил оператора соединить с господином Деланом и перезвонить.

— Ты думаешь, Сюзанна уже там? — спросила Пенелопа.

— Думаю, да. Если самолёт не задерживается. Сейчас в Марселе около одиннадцати, так что это будет нормально. Как досадно, что так вышло с Боржем! Он мне нравился.

— А что будет с Аврил?

— С Аврил все будет в порядке. Аврил вернется домой, станет растить ребенка, скоро встретит своего принца, нового, и её сын станет частью семьи Струан. Она будет защищена и окружена любовью.

— И ты в это веришь, Иэн, — про принца?

— Да, — твердо сказал он. — Я верю, что все будет в порядке. Все будет в порядке, Пенн, для неё, для Кэти, для... для всех.

— Но тебе не вытащить всех на себе, Иэн.

— Я знаю. Но никто, никто в семье никогда не будет нуждаться, пока я жив.

Жена взглянула на него и вспомнила, каким увидела Иэна в тот самый первый раз: красивый как бог юноша, в изрешеченном истребителе, который должен был разбиться, но почему-то не разбился. Иэн просто сидел в кабине, потом выбрался из неё, стараясь скрыть свой ужас. И она впервые прочла в его глазах, что такое смерть.

Но он превозмог смерть, и все же вернулся из полета, и просто принял у неё чашку с чаем, сказав: «О, как здорово, благодарю. Вы новенькая, да?» — с этим своим патрицианским произношением, таким чуждым среде, в которой выросла она.

«Как это было давно, тысячу лет назад, в другой жизни, — думала она. — Такое чудесное, ужасное, потрясающее, полное мучительных дум время. Погибнет он сегодня или вернется? Погибну ли я сегодня? Во время утренней бомбежки или вечерней? Как там папа с мамой? Почему молчат? Телефон не работает из-за бомбежек или этого дрянного стандартного домишки в Стретеме уже больше нет, как и тысяч других, похожих на него?»

Однажды так и случилось, и у неё не стало прошлого. Остался лишь Иэн, его руки, сила и уверенность, и страх, что он погибнет, как и все остальные. «Это было хуже всего. Ждать, и предчувствовать, и понимать, как смертны эти "Немногие"¹⁷⁶, да и мы все тоже. Господи боже мой, как же быстро мы повзрослели!»

— Надеюсь, так будет всегда, дорогой, — произнесла она спокойным, невыразительным голосом, желая скрыть безграничность своей любви. — Да. Я хочу, чтобы ты был бессмертен!

Он улыбнулся, с любовью глядя на неё.

— Я и так бессмертен, Пенн, будь спокойна. Умру — и все так же буду присматривать и за тобой, и за Гленной, и за Адрион, и за всеми остальными.

Она пристально смотрела на него.

— Как Дирк Струан?

— Нет. — Теперь он уже говорил серьезно. — С ним мне никогда не сравняться. Он вечен, а я лишь временный. — Он взглянул на неё в упор. — Ты сегодня невероятно серьезна, верно?

— Серьезен и ты, не так ли? И они рассмеялись.

— Я просто думала, насколько преходяща жизнь, сколько в ней насилия, неожиданностей, жестокости. Сначала Джон Чэнь, теперь Борж, Кэти... — Она чуть поежилась: мысль о том, что она потеряет его, всегда приводила её в ужас. — Кто следующий?

— Любой из нас. А пока будь как китайцы. Помни, под небесами все вороны чёрные. Жизнь прекрасна. Боги совершают ошибки и ложатся спать, так что нужно стараться изо всех сил и никогда не доверять гуйлао!

Она улыбнулась, и мир снова воцарился у неё в душе.

— Бывают моменты, Иэн Струан Данросс, когда ты мне очень нравишься. Как ты ду... — Зазвонил телефон, и она осеклась. «Черт бы побрал этот проклятый аппарат! Будь моя воля, я запретила бы все телефонные звонки после шести вечера. Но тогда бедный Иэн сойдет с ума и этот чертов Благородный Дом рухнет, а бедный Иэн лишь им и живет. Я на втором месте, дети тоже, и так должно быть. Верно?»

— О, привет, Ландо, — проговорил Данросс. — Что новенького?

— Надеюсь, не побеспокоил, тайбань.

— Нисколько, — отвечал он, весь собравшись. — Я только что вошёл. Чем могу быть полезен?

— Извини, но я беру назад вчерашнее предложение поддержать тебя пятнадцатью миллионами. На время. Меня очень тревожит ситуация на рынке.

— Тревожиться не о чем. — Внутри у Данросса все похолодело. — Горнт опять взялся за свое. Вот и все.

— Я и правда очень обеспокоен. И дело не только в Горнте. Дело в «Хо-Пак» и в

¹⁷⁶ «Немногие» (англ. the Few) — так называют победивших в «Битве за Англию» летчиков-истребителей королевских ВВС. От выражения Уинстона Черчилля: «Никогда ещё столь многие не были стольким обязаны столь немногим».

том, как на это реагирует рынок. Паника перекидывается на «Цзин просперити» и даже на «Вик»... Все эти знаки очень нехорошие, так что я подожду и посмотрю.

— Все решится завтра, Ландо. Завтра. Я рассчитывал на тебя.

— Ты увеличил втрое нашу следующую поставку золота, как я просил?

— Да, я сделал это лично. У меня есть телексы из Цюриха с подтверждением по обычному коду.

— Замечательно, замечательно!

— Завтра мне нужен будет твой аккредитив.

— Конечно. Если пошлешь сейчас ко мне домой нарочного, я выдам тебе чек на всю сумму.

— Именной чек? — Данросс постарался не выдать изумления. — На какой банк, Ландо?

— «Виктория».

— Господи, снимать сейчас столько денег?

— Я не снимаю, лишь плачу за определенное количество золота. Я предпочел бы перевести некоторые свои средства в золото и разместить их примерно на следующую неделю не в Гонконге, и сейчас представилась идеальная возможность это сделать. Ты можешь договориться, чтобы тебе перевели их по телексу завтра первым делом с утра. Первым делом. Да. Я не снимаю деньги, Иэн, а лишь плачу за золото. На твоём месте я тоже постарался бы обеспечить ликвидность своих средств.

Внутри опять все сжалось.

— Тебе что-то известно? — сдержанно спросил он.

— Ты меня знаешь, я всего лишь более осторожен, чем ты, тайбань. Мои деньги становятся очень дорогими.

— Не дороже моих.

— Да. Поговорим об этом завтра, тогда и посмотрим. Но на наши пятнадцать миллионов не рассчитывай. Извини.

— Тебе что-то известно. Я слишком хорошо тебя знаю. Что? *Чжи баобучжу хо*. — Это выражение, дословно переводимое как «огонь в бумагу не завернешь», означало «все тайное становится явным».

Последовала долгая пауза, потом Мата понизил голос:

— Между нами, Иэн, старик Прижимистый продает вовсю. Он хочет избавиться от всех своих акций. Этот старый черт будет помирать, а все равно учует, где можно потерять хоть один медяк, и я не знаю случая, чтобы он ошибался.

— От всех своих акций? — резко переспросил Данросс. — Когда ты говорил с ним?

— Мы сегодня весь день были на связи. А что?

— Я дозвонился до него после ланча, и он обещал, что не будет продавать или одалживать акции «Струанз». Он что, передумал?

— Нет. Я уверен, что нет. Он не может этого сделать. У него нет акций «Струанз».

— У него четыреста тысяч!

— У него было столько акций, тайбань. Хотя на самом деле эта цифра приближалась к шестистам тысячам: у сэра Луиса совсем немного своих собственных акций, он один из многочисленных номинальных лиц Прижимистого. Он избавился от всех шестисот тысяч. Сегодня.

Данросс чуть не выругался. — Не может быть!

— Послушай, мой юный друг, все это строго конфиденциально, но ты должен быть к этому готов: Прижимистый дал команду сэру Луису продавать или одалживать все свои акции «Струанз», как только сегодня утром пошли слухи. Сто тысяч были распределены между брокерами и проданы тут же, а оставшиеся... Полмиллиона, что

ты купил у Горнта, — это акции Прижимистого. Как только стало очевидно, что идет массированная атака на Благородный Дом и что Горнт играет на понижение, Прижимистый приказал сэру Луису одолжить всё, кроме символической тысячи акций, которую он оставил себе. Для соблюдения приличий. По отношению к тебе. Когда торги закрылись, Прижимистый остался очень доволен. За сегодняшний день он заработал почти два миллиона.

Данросс стоял, окаменев. Он слышал свой звучащий как ни в чем не бывало, ровно и сдержанно, голос, и это радовало, однако он был ошеломлен. Если продал Прижимистый, продаст и семья Цзинь. Примеру старика последуют человек двенадцать его приятелей, и это будет означать полный хаос.

— Вот старый мерзавец! — проговорил он, не держа зла на хитреца. «Сам виноват, надо было вовремя дозвониться до Прижимистого». — Ландо, а что твои триста тысяч с лишним акций?

Португалец медлил с ответом, и внутри все снова сжалось.

— Они пока у меня. Я купил их по шестнадцать долларов, когда вы первый раз выставили акции на продажу, так что мне пока беспокоиться не о чем. Возможно, Аластер Струан был прав, когда выступал против акционирования компании. Из-за этого Благородный Дом стал уязвимым.

— У нас темпы роста в пять раз выше, чем у Горнта. Если бы не акционирование, нам никогда бы не выпутаться из всех бед, что достались мне в наследство. Мы пользуемся поддержкой «Виктории». И по-прежнему владеем акциями этого банка, у нас большинство голосов в совете директоров, так что они должны поддержать нас. Мы на самом деле очень сильны и, когда эта катавасия закончится, станем крупнейшим конгломератом в Азии.

— Возможно. Но с твоей стороны было бы разумнее принять наше предложение, чем постоянно подвергаться риску поглощения или рыночных потрясений.

— Тогда я не мог. Не могу и сейчас. Ничего не изменилось. — Данросс мрачно улыбнулся.

Ландо Мата, Прижимистый Дун и Игрок Цзинь вместе предлагали ему двадцать процентов прибыли своего золотого и игорного синдиката в обмен на пятьдесят процентов «Струанз», при условии, что он сохранит компанию полностью частной.

— Да ладно, тайбань, будь благоразумным! За пятьдесят процентов собственности мы с Прижимистым даем тебе сегодня сто миллионов наличными. В американских долларах. Твое положение как тайбаня нисколько не будет затронуто, ты возглавишь новый синдикат и станешь управлять нашей монополией на золото и игорный бизнес, тайно или открыто — за десять процентов всей прибыли в качестве личного вознаграждения.

— Кто назначает следующего тайбаня?

— Ты — после консультации.

— Ну вот, пожалуйста! Это невозможно. Контрольный пакет в пятьдесят процентов дает вам власть над «Струанз», а согласиться на такое я не имею права. Вы требуете, чтобы я, нарушив завещание Дирка и принесенную мною клятву, отказался от абсолютного контроля. Извини, но это невозможно.

— Из-за клятвы перед Богом, которого ты не знаешь, которого не познать, в которого ты не веришь? Во исполнение последней воли пирата, который уже больше ста лет как мертв?

— Какова бы ни была причина, ответ один: спасибо, нет.

— Ты вполне можешь потерять всю компанию.

— Нет. У нас, Струанов и Данроссов, контрольный пакет — шестьдесят процентов голосующих акций, и всеми акциями голосую я один. Что я могу потерять, это все имеющиеся у нас материальные активы. Тогда мы перестанем быть Благородным Домом, а это, бог даст, тоже никогда не случится.

Последовало долгое молчание. Потом Мата произнес дружелюбным, как всегда, голосом:

— Наше предложение остается в силе в течение двух недель. Если тебе не повезет и у тебя ничего не выйдет, ты сможешь возглавить синдикат. Свои акции я буду продавать или одалживать по двадцати одному доллару.

— Ниже двадцати — но не по двадцати одному.

— Они упадут так низко?

— Нет. Просто у меня привычка такая. Двадцать лучше, чем двадцать один.

— Да. Хорошо. Тогда посмотрим, что принесет нам завтра. Желаю хорошего джосса. До свидания, тайбань.

Данросс положил трубку и маленькими глотками допил шампанское. Положение было аховое. «Старый черт Прижимистый, — снова подумал он, восхищаясь тем, как ловко тот все обделал, — так неохотно согласился не продавать и не обменивать акции „Струанз“. И это зная, что осталась всего тысяча! Зная, что прибыль от почти шестисот тысяч уже в кармане. Как умеет торговаться этот старый ублюдок... И очень грамотный ход со стороны и Ландо, и Прижимистого — сделать новое предложение именно сейчас. Сто миллионов! Господи боже, тогда Горнт уже не позволил бы себе такое! С этой суммой я разнес бы его на кусочки, тотчас приобрел бы контрольный пакет „Эйшн пропертиз“, а Дунстана отправил пораньше на пенсию. Потом я мог бы передать Благородный Дом в прекрасном состоянии Жаку или Эндрю и...

И что дальше? Что мне делать тогда? Удалиться на вересковые пустоши и стрелять куропаток? Закатывать многолюдные приемы в Лондоне? Или пройти в парламент и дремать там на задних скамьях, пока проклятые социалисты отдадут страну „комми“? Господи, я сойду с ума от скуки! Я...»

— Что? — вздрогнул он. — О, извини, Пенн. Что ты сказала?

— Я сказала, что, судя по всему, новости плохие.

— Да. Да, так и есть. — Тут Данросс ухмыльнулся, и всех неприятностей будто не бывало. — Судьба! Я — тайбань, — довольным голосом произнес он. — Чего ещё можно ожидать? — Он взял в руки бутылку. Она была пуста. — Думаю, мы заслужили ещё одну... Нет, моя кошечка, я сам достану. — Он направился к холодильнику, который был незаметно встроен в широкий старинный китайский буфет красного лака.

— Как ты со всем этим справляешься, Иэн? Такое впечатление, что с тех самых пор, как ты стал тайбанем, все время что-то не так. Вечно какая-нибудь беда — с каждым телефонным звонком. Ты все время работаешь, никогда не берешь отпуск... Ни разу не брал после нашего возвращения в Гонконг. Сначала твой отец, потом Аластэр Струан, потом... Когда-нибудь несчастья прекратят сыпаться как из ведра?

— Конечно нет, такая работа.

— А она стоит того?

Он сосредоточенно смотрел на пробку, понимая, что этот разговор ни к чему не приведет.

— Разумеется.

«Для тебя, Иэн, да, — думала она. — Но не для меня». Через некоторое время она сказала:

— Значит, ничего, если я уеду?

— Да-да, конечно. Я присмотрю за Адрион, и о Дункане не беспокойся. Просто развейся и сразу назад.

— Ты в воскресенье участвуешь в гонках по холмам?

— Да. А потом лечу в Тайбэй и возвращаюсь во вторник. Беру с собой Бартлетта.

При слове «Тайбэй» она подумала, что, может быть, там есть девица, особенная девица, китаянка, совсем юная, с гладкой шелковистой кожей, полная тепла. Не то

чтобы много теплее, мягче или стройнее её, Пенелопы, но вдвое моложе.

«У неё всегда наготове улыбка, и за плечами нет этих согнувших меня лет, когда нужно было выживать. Лет моей никудышной юности, чудных и ужасных лет войны, рождения детей и ухода за ними и рутины замужней жизни, которая изматывает, даже если твой муж — прекрасный человек.

Да, хотела бы я знать. Будь я мужчиной... Здесь столько красоток, которые так и стремятся угодить, которые так доступны. Если верить даже десятой части того, что говорят».

Она смотрела, как Иэн наливает шампанское.

«Прекрасное вино — эти замечательные пузырьки и пена... А его лицо такое энергичное, угловатое и такое ужасно милое. Может ли женщина обладать мужчиной дольше нескольких лет?»

— Что? — спросил он.

— Ничего, — любовно ответила она. И чокнулась с ним. — Будь осторожен на этих холмах.

— Конечно.

— Как ты управляешься со своим положением тайбаня, Иэн?

— А как ты управляешься со всеми заботами по дому и воспитанием детей? С тем, что тебе приходится вставать в любое время дня и ночи, год за годом, поддерживать мир в семье? Со всеми остальными делами? Я бы не смог. Никогда бы не смог. Я бы давно уже перестал и мечтать об этом. Отчасти этому учишься, а отчасти это то, для чего ты рожден.

— Место женщины — дома?

— Не знаю, как у других, Пенн, но пока в моем доме ты, у меня все хорошо. — Он аккуратно вытащил пробку из бутылки.

— Спасибо, дорогой, — улыбнулась она. Потом нахмурилась: — Но боюсь, что выбор у тебя не слишком велик, и так было всегда. Конечно, сейчас все по-другому, и следующему поколению повезло больше. Они многое переделают, изменят к лучшему. Мужчины раз и навсегда получают по заслугам.

— Вот как? — обронил он рассеянно. Мысли его крутились в основном вокруг Ландо Маты, завтрашнего дня и того, как заполучить сто миллионов, не уступив контроля.

— О да. Девушки больше не будут мириться с набившим оскомину «место женщины на кухне». Господи, как я ненавижу домашнюю работу! Как её ненавидит каждая женщина... Наши дочери все это изменяют! Адрион, например. Боже мой, я ни за что не стала бы её мужем.

— Каждое поколение считает, что изменит мир, — произнес Данросс, разливая вино. — Шампанское великолепное. Помнишь, как было у нас? Помнишь, как мы, бывало, огрызались и огрызаемся по сей день в ответ на замечания родителей?

— Верно. Но у наших дочерей есть таблетка, а это совсем другое дело и...

— Что? — уставился на неё потрясенный Данросс. — Ты хочешь сказать, что Адрион принимает противозачаточные пилюли? Господи боже, с каких пор... Ты хочешь сказать, она...

— Успокойся, Иэн, и послушай. Эта маленькая таблетка навсегда освободила женщин от страха. И мужчин в каком-то смысле тоже. Думаю, очень немногие понимают, какую гигантскую социальную революцию она произведет. Теперь все женщины могут заниматься любовью, не боясь, что у них будет ребенок. Они могут располагать своим телом, как мужчины, — для наслаждения, для удовольствия и без стыда. — Она пронизательно посмотрела на него. — Что касается Адрион, она принимает пилюли с тех пор, как ей исполнилось семнадцать.

— Что?

— Конечно. А ты предпочел бы, чтобы у неё был внебрачный ребенок?

— Господи Иисусе, Пенн, конечно нет, — пробормотал Данросс. — Но господа Иисусе, от кого? Ты... ты имеешь в виду, что у неё есть связь, были связи или...

— Я отправила её к доктору Тули. Я сочла, что будет лучше, если он посмотрит её.

— Что ты сделала?

— Да-да. Когда ей было семнадцать, она спросила у меня совета. Большинство её подруг уже принимали пилюли. Есть разные противозачаточные средства, поэтому мне захотелось, чтобы она получила совет специалиста. Доктор Ту... Ну чего ты так раскраснелся, Иэн? Адрион уже девятнадцать, в следующем месяце будет двадцать. Все это абсолютно в порядке вещей.

— Клянусь Богом, это не так. Это не так!

— Ах, паренек, это так, — проговорила она с ярко выраженным шотландским акцентом бабки Данросс, которую обожала. — И что самое главное, сегодняшние девушки знают, чего хотят. Смотри не проговорись Адрион! Не то моя палка погуляет по твоим штанам!

Он изумленно уставился на неё.

— Ваше здоровье! — Она с самодовольным видом подняла бокал. — Ты читал сегодня дополнительный дневной выпуск «Гардиан»?

— Не уходи от темы, Пенн. Ты не считаешь, что мне следует поговорить с ней?

— Ни в коем случае. Нет. Это... это очень личное. Ведь это её тело и её жизнь. Что бы ты ни говорил, Иэн, она имеет право распоряжаться ими как хочет. И на самом деле, что бы ты ни сказал, это ничего не изменит. Только поставит вас обоих в довольно неловкое положение. Речь идет о репутации, — добавила она, довольная, что все получилось так замечательно. — О, Адрион, конечно, выслушает тебя и примет твои суждения близко к сердцу, но для твоей и её пользы тебе следует стать мудрее и современнее.

Его вдруг обдало жаром.

— Что такое? — спросила она.

— Я подумал про... я просто подумал...

— О том, кто был или является её любовником?

— Да.

Пенелопа Данросс вздохнула.

— Для твоего собственного душевного равновесия, Иэн, не надо об этом думать! Ей уже за девятнадцать. Она человек очень здравомыслящий... Ну, почти здравомыслящий. Ты только представь, я не видела её целый день! Эта маленькая дрянь умчалась с моим новым шарфиком, прежде чем я успела её поймать. Помнишь мою блузку, что она брала? Я нашла её скомканной на полу у неё в ванной! Я буду очень рада, когда она поселится отдельно от нас в своей собственной квартире.

— Но боже мой, она ещё слишком маленькая!

— Не согласна, дорогой. Как я уже говорила, с прогрессом ничего не поделаешь. Таблетка — изумительный, фантастический, невероятный скачок вперед. Прошу тебя, на самом деле следует быть благоразумнее.

— Это... боже, немного неожиданно, вот и все. Она открыто рассмеялась.

— Если бы мы говорили про Гленну, я могла бы по... О, ради бога, Иэн, я же шучу! Мне вообще-то никогда и в голову не приходило, что ты питаешь иллюзии насчет Адрион. Она — женщина, здоровая, ладная. Хотя характер у неё скверный: она может довести кого угодно. Бедная, разочарованная малышка. И все её разочарования оттого, что она старается угодить нам с нашими старомодными представлениями.

— Ты права. — Он хотел, чтобы эти слова прозвучали убедительно, но не получилось, и он угрюмо добавил: — Ты права, хотя и... Ты права.

— Как ты думаешь, парнишка, не сходить ли тебе к нашему Душеотводному

Дереву? — улыбнулась она, снова имитируя шотландский акцент бабки Данросс.

В его родных краях существовал древний клановый обычай: неподалеку от того места, где жила старейшая женщина семьи лэрда, владельца наследственного имения, должно быть Душеотводное Дерево. В молодые годы Иэна старейшей была бабка Данросс. Её дом стоял на открытом месте среди холмов за Килмарноком, в Эршире, где лежали земли семьи Струан. Душеотводным Деревом тогда был огромный дуб. Именно к нему полагалось уходить в одиночку, когда диавол — как его называла бабка Данросс — вселится в тебя, и наедине с ним выкричать все проклятия, какие только придут в голову.

— И тогда, девочка, — сказала Пенелопе в первый же вечер эта милая старушка, — в доме будет мир и никому не потребуется на самом деле проклинать мужа, или жену, или любимого, или ребенка. Ах, дерево-то всего ничего, а может вынести все проклятия, которые только сумел придумать сам диавол...

Пенелопа вспомнила, как старая бабка Данросс с самого начала приняла её в свое сердце и в свой клан. Это было сразу после того, как они с Иэном поженились и приехали в Эршир во второй раз. Иэну дали отпуск по болезни, он ещё ходил на костылях, ноги были сильно обожжены, но уже заживали. В остальном он остался цел и невредим после того, как покинул охваченный огнем самолёт, и пылал бешеной, всепоглощающей яростью на то, что ему навсегда запретили летать. Пенелопа втайне была очень рада этому и благодарила Бога за милость.

— Но смотри, держи язык за зубами, девочка, — добавила со смешком бабка Данросс в тот вечер, когда над вересковыми пустошами завывали зимние ветры, валил мокрый снег, а им было тепло и уютно у большого камина. Никаких бомбежек, вдоволь еды, и ни о чем не нужно заботиться, кроме того, чтобы Иэн быстрее поправлялся. — Когда этому Данроссу было шесть лет — ох-ах, уже тогда он отличался несносным нравом, — а его отец, Колин, как всегда, пропадал в этих заморских, языческих краях, так вот этот Данросс приезжал в Эр на каникулы из школы-интерната. Ах, иногда он приходил ко мне, и я рассказывала ему о клане, и о его деде, и прадеде, но ничто не могло изгнать овладевшего им диавола. И вот однажды вечером, как теперь, я послала его на двор, этого бедолагу мальчонку, ах, послала его к Душеотводному Дереву... — Посмеиваясь, старушка отпила виски и продолжала: — Ах, и этот юный диаволенок пошёл, таким петушком. И ветер забирался к нему под килт. Уж он и наговорил проклятий на то дерево. Ох-ах, малые зверюшки в лесу и те, верно, разбежались в испуге. А потом он вернулся.

«Хорошо ли ты поругал его?» — спросила я.

«Ага, — сказал он своим тоненьким голоском. — Ага, бабуля, изругал на чем свет стоит. Так его, наверное, ещё никто не ругал».

«Хорошо, — сказала я. — И в мире ли ты теперь?»

«Ну, на самом-то деле нет, бабуля, только устал».

И тут, девочка, в тот самый миг раздался жуткий треск, аж весь дом вздрогнул. И я подумала, что настал конец света. А этот крошка, мальчонка маленький, побежал смотреть, что случилось. И оказалось, что в Душеотводное Дерево ударила молния и разнесла его на куски.

«Ох-ах, бабуля, — сказал он, вернувшись, своим тоненьким, писклявым голоском, широко раскрыв глаза, — надо же, так здорово у меня ещё никогда не получалось. Можно, я ещё раз попробую?»

— Просто сказка какая-то, — засмеялся тогда Иэн. — Я такого и не помню вовсе. Ты это придумала, бабуля!

— Типун тебе на язык! Тебе было пять или шесть лет. На следующий день мы пошли и выбрали новое дерево — то, что ты увидишь завтра, девочка. И благословили его во имя клана. И я сказала Иэну, чтобы в следующий раз он был чуть поосторожнее!

Они тогда вместе посмеялись, а потом, поздно ночью, она проснулась и обнаружила, что Иэна нет и его костылей тоже. Ей было не заснуть, и она ждала. Вернулся он весь промокший, но усталый и покойный. Она сделала вид, что спит, пока он снова не лег в постель. И тогда она повернулась к нему и отдала все свое тепло.

— Запомни, девочка, — сказала ей наедине бабка Данросс в день, когда они уезжали, — если хочешь, чтобы в вашем браке жила любовь, позаботься, чтобы у этого Данросса всегда было рядом Душеотводное Дерево. Не бойся. Выбирай любое, всегда заводи его, где бы вы ни оказались. Этому Данроссу необходимо, чтобы рядом было Душеотводное Дерево, хотя он никогда не скажет об этом и прибегать к нему будет очень редко. Он такой, как тот самый Дирк. Он слишком сильный...

Так что, где бы они ни жили, у них всегда было Душеотводное Дерево. На этом настаивала Пенелопа. В Чунцине, куда Данросса послали после выздоровления в качестве офицера связи союзников, она выбрала Душеотводным Деревом бамбук. Здесь, в Гонконге, это был огромный палисандр, который господствовал над всем садом.

— Не нанести ли тебе ей визит? — Для него это дерево всегда было женского рода, а для неё — мужского. «У всех должно быть Душеотводное Дерево, — подумала Пенелопа. — У всех».

— Спасибо, — сказал он. — У меня все в порядке.

— Откуда у бабки Данросс было столько мудрости? Как ей удалось остаться таким чудесным человеком после стольких трагедий?

— Не знаю. Может, их поколение было иначе скроено.

— Мне её так не хватает.

Бабка Данросс умерла в восемьдесят пять лет. Урожденная Агнес Струан, она вышла замуж за своего родственника Дирка Данросса — Дирка Мак-Клауда Данросса, — которого его мать, Уинифред, единственная дочь Дирка Струана, назвала так в память об отце. Дирк Данросс был четвертым тайбаном и погиб в море вместе с «Закатным облаком», когда вел корабль домой. Ему тогда исполнилось всего сорок два, а ей — тридцать один. Она так больше и не вышла замуж. У них было три сына и дочь. Двое сыновей сложили голову в Первую мировую войну: старшему, который пал при Галлиполи¹⁷⁷, шёл двадцать первый год; младшему, отравленному газами под Ипром¹⁷⁸ во Фландрии, — девятнадцатый. Её дочь Анна вышла замуж за Гастона де Вилля, отца Жака. Она погибла при бомбежке Лондона, куда бежали все де Вилли, кроме Жака, который остался во Франции и сражался с нацистами в рядах маки. У Колина, последнего из сыновей Агнес, было три сына и дочь Кэтрин. Двое его сыновей тоже не вернулись с войны, Второй мировой. Первый муж Кэти, командир эскадрильи Иэна, отдал жизнь в «Битве за Англию».

— Столько смертей, насильственных смертей, — с грустью произнесла Пенелопа. — Видеть, как все они рождаются и умирают... ужасно. Бедная бабуля! И все же, когда пробил её последний час, казалось, она уходит с миром, со своей милой улыбкой на губах.

— Наверное, это судьба. Её и всех остальных. Они ведь лишь делали то, что должны были делать, Пенн. В конце концов, история нашей семьи ничем не отличается от других. Мы — британцы. Война веками была нашим уделом. Как и в

¹⁷⁷ Галлиполи — полуостров в европейской части Турции, где с апреля 1915 г. по январь 1916 г. высадившиеся силы союзников безуспешно пытались закрепиться, потеряв при этом 300000 человек из 500000.

¹⁷⁸ Ипр — небольшой городок, место ожесточенных сражений и артобстрелов и первой газовой атаки германских войск против союзников в апреле 1915 г.

твоей семье: один дядя, военный моряк, погиб в море во время Великой войны; другой убит под Эль-Аламейном¹⁷⁹, твои родители пали жертвой «блица»... Обычная история. — Его голос посуровел. — Нелегко объяснить подобное чужаку, верно?

— Нелегко. Нам всем пришлось повзрослеть так быстро, да, Иэн? — Он кивнул, а она через минуту добавила: — Ты лучше бы переоделся для ужина, дорогой, а то опоздаешь.

— Брось, Пенн. У тебя час длиннее, чем у меня. Мы там появимся ненадолго и уйдем сразу после ужина. Что... — Зазвонил телефон, и он снял трубку. — Да? О, привет, месье Делан.

— Добрый вечер, тайбань. Я хочу доложить о дочери мадам де Вилль и её зяте, месье Эскари.

— Да, прошу вас.

— Я очень опечален тем, что имею несчастье приносить такие плохие новости. Эта авария — как это вы называете, удар в бок — произошла на Верхнем Карнизе на самом выезде из Эза. Водитель встречной машины был пьян. Это случилось примерно в два часа ночи, и когда приехала полиция, месье Эскари был уже мертв, а его жена — без сознания. Доктор говорит, что она поправится, но опасается, что её... её внутренние органы, детородные органы, могут остаться навсегда поврежденными. Ей может потребоваться операция. Он...

— Она об этом знает?

— Нет, месье, ещё не знает. Но мадам де Вилль знает — ей сказал доктор. Я встретил её согласно вашим указаниям и обо всем позаботился. Я вызвал специалиста из Парижа на консультацию в Ниццу, и он прибывает сегодня днем.

— Есть ещё какие-нибудь повреждения?

— Снаружи — non. Сломана рука в запястье, несколько порезов, ничего особенного. Но... бедная мадам Эскари в страшном смятении. Я был рад, что приехала её мать. Это помогло, очень помогло. Мадам де Вилль остановилась в «Метрополе», в люксе, я встретил её в аэропорту. И буду на постоянной связи.

— Кто вел машину?

— Мадам Эскари.

— А другой водитель? Последовала пауза.

— Его зовут Шарль Сессон. Булочник из Эза. Он возвращался домой после карточной игры вечером с друзьями. У полиции есть... Мадам Эскари клянется, что его машина шла по встречной. Он не помнит. Конечно, он очень сожалеет о случившемся. Полиция предъявила ему обвинение — управление автомобилем в нетрезвом виде и...

— У него это первый случай?

— Non. Non, какое-то время тому назад его останавливали и штрафовали.

— Какую ответственность он понесет по французским законам?

— Будет суд, а потом... Не знаю, месье. Других свидетелей не было. Может быть, штраф, может, тюрьма — не знаю. Может, он вспомнит, что ехал по правильной стороне дороги, кто знает? Приношу извинения.

Данросс задумался.

— Где живет этот человек?

— Дом номер четырнадцать по Рю де Верт в Эзе.

Данросс хорошо помнил эту деревушку, расположенную неподалеку от Монте-Карло: довольно высоко в горах, весь Лазурный Берег раскинулся внизу,

¹⁷⁹ Эль-Аламейн — небольшой город на севере Египта. В 1942 г. — место сражений между германо-итальянским африканским корпусом генерала Эрвина Роммеля и Восьмой британской армией.

открывается вид от Монте-Карло до Италии и от Кап-Ферра до Ниццы.

— Благодарю вас, месье Делан. Я послал вам по телексу десять тысяч американских долларов на расходы мадам де Вилль и все остальное. Если нужно будет что-то сделать, пожалуйста, сделайте. В случае чего немедленно звоните мне... Да, и попросите этого специалиста сразу связаться со мной, как только он осмотрит мадам Эскари. Вы уже говорили с месье Жаком де Виллем?

— Нет, тайбань. Вы таких указаний не давали. Позвонить?

— Нет, я сам позвоню. Ещё раз спасибо. — Данросс положил трубку и рассказал все, не касаясь внутренних травм, Пенелопе.

— Как это ужасно! Как... как бессмысленно!

Данросс смотрел в окно на закат. Это он предложил молодой паре отправиться в Ниццу и Монте-Карло, где они с Пенелопой так прекрасно отдыхали: замечательная еда, дивное вино и немного азартных игр. «Судьба, — подумал он, а потом добавил: — На все воля Твоя, Господи!»

Он набрал домашний номер Жака де Вилля, но не застал его и оставил сообщение с просьбой перезвонить.

— Увижусь с ним на ужине сегодня вечером, — сказал он. Шампанское уже казалось безвкусным. — Ну что ж, нам следует переодеться.

— Я не пойду, дорогой.

— О, но...

— Мне много чего нужно сделать, чтобы подготовиться к завтрашнему дню. Извинись за мое отсутствие, тебе-то, конечно, придется пойти. Мне абсолютно некогда. Гленну пора готовить к школе. И Дункан возвращается в понедельник, с его школьными вещами тоже необходимо разобраться. Нужно будет посадить его в самолёт, проверить, с собой ли у него паспорт... Ты можешь спокойно сказать, что я уезжаю.

Он чуть улыбнулся.

— Конечно, Пенн. Но в чем настоящая причина?

— Будет много народу. Там должен быть Робин.

— Они приезжают только завтра!

— Нет. Об этом сообщалось в дополнительном дневном выпуске «Гардиан». Они приехали сегодня днем. Вся делегация. Их, конечно, пригласят.

Банкет давал мультимиллионер, занимавшийся недвижимостью, сэр Шитэ Чжун. Он отмечал получение рыцарского звания, но главным поводом послужило начало его благотворительной кампании по сбору средств на сооружение нового крыла Больницы Елизаветы.

— У меня действительно нет никакого желания идти туда. Довольно и того, что ты там будешь. И ещё мне на самом деле хочется пораньше лечь спать. Пожалуйста.

— Хорошо. Разберусь вот с этими звонками и поеду. Хотя перед отъездом ещё увидимся.

Данросс прошел наверх и заглянул в свой кабинет. Там его ждал настороженный Лим, в белом кителе, черных брюках и мягких тапочках.

— Добрый вечер, Лим, — приветствовал его по-кантонски Данросс.

— Добрый вечер, тайбань. — Старик молча подозвал его знаком к окну. За высокой стеной, окружавшей Большой Дом, возле открытых чугунных ворот Данросс увидел двух китайцев, слонявшихся туда-сюда по улице. — Они здесь уже давно, тайбань.

Обеспокоенный Данросс какое-то время смотрел на них. Своих телохранителей он только что отпустил, но на смену им скоро должен был явиться Брайан Квок, который тоже был зван сегодня вечером к сэру Шитэ.

— Если они не уйдут до захода солнца, позвони в офис суперинтендента Кросса. — Он записал номер телефона, а потом неожиданно резко добавил по-кантонски: —

Да, пока не забыл, Лим. Если я захочу, чтобы что-то было сделано с машиной кого-то из заморских дьяволов, я дам распоряжение.

Ответом ему был бесстрастный взгляд старика.

Лим Чу служил в его семье с семилетнего возраста, как и отец Лима и отец его отца, первый в династии, который давным-давно, когда Гонконг ещё не существовал, на правах Боя Номер Один приглядывал за особняком Струанов в Макао.

— Не понимаю, тайбань.

— Огонь в бумагу не завернешь. В полиции не дураки, а старик Черная Борода оказывает копам большую поддержку. Эксперты могут проверить тормоза и вынести из этого самую разную информацию.

— Я ничего не знаю о полиции. — Старик пожал плечами, а потом расплылся в улыбке. — Я, тайбань, рыбу на деревьях не ищу¹⁸⁰. Ты тоже. С твоего позволения, скажу, что ночью мне не спалось и я пришел сюда. На балконе веранды я увидел тень. Как только я открыл дверь кабинета, эта тень скользнула вниз по водосточной трубе и исчезла в кустах. — Старик вынул оторванный кусок материи. — Это осталось на трубе. — Ткань была какая-то невзрачная.

Встревоженный Данросс осмотрел её. Взглянул на портрет Дирка Струана над камином. Картина была на месте. Отведя её в сторону, Данросс увидел, что волос, аккуратно положенный им на середину петли сейфа, не сдвинут. Довольный, он вернул картину на место, затем проверил запоры высоких стеклянных дверей. Те двое оставались на месте. В первый раз Данросс порадовался, что Эс-ай приставила к нему охрану.

34

19:58

Филлип Чэнь сидел рядом с телефоном, беспокойно поглядывая на него. В кабинете было жарко и влажно. Дверь распахнулась, и Филлип аж подпрыгнул. В комнату вплыла Диана.

— Ждать дальше бессмысленно, Филлип, — раздраженно сказала она. — Лучше походи переоденься. Сегодня вечером этот дьявол Вервольф уже не позвонит. Должно быть, что-то случилось. Давай, пойдем! — Она была в вечернем *чунсаме*, по последней, самой дорогой моде, с пышной прической, вся увешанная драгоценностями, как рождественская елка — игрушками. — Да. Должно быть, что-то случилось. Может быть, полиция... Хм, ну нет! Надеяться, что они поймали его, — это уже слишком. Гораздо более вероятно, что этот *фан пи* ¹⁸¹ дьявол играет с нами. Переоделся бы ты, а то мы опоздаем. Если ты пото...

— Мне вообще идти туда не хочется, — огрызнулся он. — Шити Чжун всегда был занудой, а теперь, когда он стал сэром Шити, — зануда вдвойне. — Близкие приятели давно уже переделали имя Шитэ в прозвище *Шити* ¹⁸². — Во всяком случае, ещё нет и восьми, а ужин раньше половины десятого не начнется. Он и сам всегда опаздывает, а банкеты у него непременно начинаются с запозданием по меньшей мере на час. Иди, ради бога!

¹⁸⁰ Дословный перевод китайского выражения юань му цю юй — «заниматься заведомо бесполезным делом», «черпать воду решетом».

¹⁸¹ Здесь: вонючий (кит.).

¹⁸² От англ. *shitee* — дрянной.

— Айийя, ты должен пойти. На карту поставлена наша репутация. — Настроение у неё было не лучше. — Боже мой, после такого дня на фондовом рынке... Не пойдем — потеряем свое доброе имя, а наши акции упадут ещё ниже! Над нами будет смеяться весь Гонконг. Уж тут пощады не жди. Скажут, что мы боимся показываться на людях, потому что Благородный Дом не в состоянии платить по счетам. Ха! А что касается Констанс, новой жены Шити, так эта сладкоречивая шлюха ждет не дождется случая увидеть меня униженной! — Диана чуть ли не визжала. Потерять больше ста тысяч своих собственных, тайных, личных долларов! Когда Филлип позвонил ей с фондовой биржи чуть позже трех и рассказал, что произошло, она чуть в обморок не упала. — О-хо, ты должен пойти, или мы разоримся!

Филлип с жалким видом кивнул. Он знал, какие сплетни будут передавать на банкете, какие разносить слухи. Его весь день одолевали вопросами, жалобами и паникой.

— Думаю, ты права.

В этот день он потерял почти миллион долларов и понимал, что разорился бы, продолжись накат ещё и одержи верх Горнт. «О-хо-хо... Зачем я доверился Данроссу и столько покупал?» От злости ему так и хотелось кого-нибудь пнуть. Он поднял глаза на жену. Сердце сжалось, потому что налицо были все признаки ужасного недовольства миром в целом и мужем в частности. Внутри Филлип весь затрепетал.

— Хорошо, — смиренно проговорил он. — Я сейчас.

Не успел он дойти до двери, как зазвонил телефон. Сердце снова сжалось, стало нехорошо. Около шести один за другим позвонили четыре партнера по бизнесу. Снова переживания за судьбу акций, ахи и охи. «Ох, Филлип, я лучше продам их». С каждым разом это нытье становилось все невыносимее.

— Вэйй? — зло бросил он в трубку.

После короткой паузы ему ответили так же грубо на грязном кантонском:

— Не знаю, кто ты таков, но ты явно не в духе! Где твои, эти его, манеры?

— Кто это, а? Кто звонит? — тоже по-кантонски спросил Филлип.

— Это Вервольф. Главный Вервольф, клянусь всеми богами! А ты кто такой?

— Ох! — Кровь отлила от лица Филлипа Чэнь. В панике он жестом подозвал жену. Диана метнулась к нему и наклонилась к трубке, чтобы не пропустить ни слова. Все, кроме безопасности дома, сразу было забыто. — Это... это Досточтимый Чэнь, — осторожно проговорил он. — Прошу вас... назовите свое имя!

— У тебя что, уши воском залиты? Я же сказал: Вервольф. Думаешь, я настолько глуп, чтобы называть свое имя?

— Я... прошу прощения, но как я могу знать, что вы... говорите правду?

— А как я могу знать, кто ты такой? Может, ты пожиратель дерьма из полиции. Ты кто?

— Я — Благородный Дом Чэнь. Это правда, клянусь!

— Хорошо. Так вот: я написал тебе письмо, в котором было сказано, что я позвоню тебе сегодня около шести вечера. Разве ты не получил его?

— Да-да, получил, — поторопился заверить Филлип Чэнь, стараясь сдержать облегчение, смешанное с яростью, расстройством и страхом. — Разрешите мне поговорить с моим Первым Сыном, пожалуйста.

— Это невозможно, нет, невозможно — все равно что лягушке съесть лебедя. Твой сын в другой части острова... Он, вообще-то, на Новых Территориях. Телефона там рядом нет, зато вполне безопасно, Благородный Дом Чэнь. О да, вполне безопасно. Он ни в чем не нуждается. У тебя есть деньги на выкуп?

— Да... По крайней мере... Я смог собрать лишь сто тысяч. Эт...

— Призываю в свидетели всех богов, как я, эти его, терпелив! — Голос исполнился злобы. — Ты же прекрасно знаешь, что мы назвали сумму пятьсот тысяч!

Для тебя пять или десять сотен что волосок с десяти быков!

— Ложь! — завопил Филлип Чэнь. — Это все ложь и слухи, что распускают мои враги! Я совсем не такой богатый... Вы разве не слышали, что творилось сегодня на фондовой бирже? — С колотящимся сердцем он схватился за стул и сел, по-прежнему держа трубку так, чтобы Диана тоже могла слушать.

— Айийя, на фондовой бирже! Нам, бедным крестьянам, до фондовой биржи дела нет! Или хочешь ещё одно ухо получить?

Филлип Чэнь побледнел.

— Нет. Но нам нужно это обсудить. Пять сотен слишком много. Полторы набрать я смогу.

— Если я соглашусь на полторы, надо мной будет смеяться весь Китай! Или ты хочешь сказать, что я выставлю баранью голову, а продаю собачатину¹⁸³? Полторы сотни за Первого Сына Благородного Дома Чэнь? Куда это годится?! Речь идет о репутации! Ты это, конечно, понимаешь.

Филлип Чэнь заколебался.

— Ну что же, — рассудительно проговорил он, — в ваших словах есть резон. Сначала я хочу знать, когда получу обратно сына.

— Как только будет выплачен выкуп! Обещаю на костях своих предков! Через несколько часов после получения денег его доставят на главную Шатинь-роуд.

— А-а. Он сейчас в Шатине?

— Айийя, ты меня в ловушку не заманишь, Благородный Дом Чэнь! Чую дерьмецом пахивают такие слова. Полиция, что ли, эти её, подслушивает? Не потому ли пес не унимается, что хозяин сзади улыбается? Ты полицию вызвал?

— Нет, клянусь. Не вызывал я полицию и не пытаюсь заманивать вас в ловушку, но прошу, мне нужны гарантии, приемлемые гарантии. — Филлип Чэнь весь покрылся каплями пота. — Вы в полной безопасности. Клянусь, не вызывал я полицию. С какой стати мне это делать? Если бы я их вызвал, как бы мы смогли вести переговоры?

После продолжительной паузы голос в трубке смягчился:

— Согласен. Но твой сын у нас, и если что-нибудь случится, виноват будешь ты, а не мы. Хорошо, я тоже буду благодарен. Я возьму четыреста тысяч, но это должно произойти сегодня!

— Это невозможно! Все равно что ловить тигра в море! Я получил ваше письмо, когда банки были уже закрыты, но у меня есть сто тысяч наличными в мелких купюрах... — Диана толкнула его и показала два пальца. — Послушайте, Досточтимый Вервольф, может быть, мне удастся одолжить ещё сегодня. Может быть... Послушайте, я передам вам сегодня две сотни. Я уверен, что смогу добыть эти деньги в течение часа. Двести тысяч!

— Пусть меня разразят насмерть все боги, если я соглашусь на такие, эти его, жалкие гроши! Триста пятьдесят тысяч!

— Двести тысяч в течение часа!

— Другое ухо через два дня или триста тысяч сегодня!

Филлип Чэнь причитал, и умолял, и льстил, и ругался. Они долго торговались, причем и тот и другой делали это мастерски, состязаясь в остроумии. Каждый старался вовсю: похититель сыпал угрозами, Филлип Чэнь изворачивался, лил елей, расточал обещания. В конце концов Филлип Чэнь сказал:

— Вы для меня — крепкий орешек. Слишком хорошо умеете торговаться. Я плачу двести тысяч сегодня и ещё сто тысяч в течение четырех месяцев.

— В течение одного месяца!

¹⁸³ Дословный перевод китайского выражения гуа янтоу май гоужоу — «втирать очки», «обманывать».

— Трех!

Последовал такой поток грязных ругательств, что Филлип Чэнь пришел в ужас и засомневался, правильно ли оценил противника.

— Двух!

Диана толкнула его, кивая в знак согласия.

— Ладно, хорошо, — проговорил он. — Согласен. Ещё сто тысяч через два месяца.

— Вот и славно! — В голосе звонившего слышалось удовлетворение. Потом он добавил: — Я подумаю над тем, что ты сказал, и перезвоню.

— Минуточку, Досточтимый Вервольф. Когда вы...

— В течение часа.

— Но...

Линия умолкла. Филлип Чэнь выругался, потом снова вытер лоб.

— Я думал, он у меня в руках. Чтоб его черт побрал, безродное дерьмо собачье!

— Да. — Диана ликовала. — Ты сделал все прекрасно, Филлип! Теперь это только две сотни и ещё сотня через два месяца! Отлично! За два месяца может произойти все, что угодно. Может, эти грязные полицейские поймают их, и тогда не понадобится платить эту сотню! — Довольная, она достала салфетку и промокнула выступившие над верхней губой капли пота. Потом её улыбка погасла. — Так как насчет Шити Чжуна? Нам нужно идти, но тебе придется ждать.

— А-а, вот что я придумал! Бери Кевина, а я приеду позже. Там будет ещё полно места, когда бы я туда ни добрался. Я... я подожду, пока он позвонит.

— Замечательно! Какой ты умница! Мы должны получить нашу половинку монеты обратно. Ох, как хорошо! Возможно, наш джосс переменялся и бум все же произойдет, как и предсказывал Старый Слепец Дун. Кевин так переживает за тебя, Филлип. Бедный мальчик так расстроен, что у тебя столько неприятностей. Он очень озабочен твоим здоровьем.

Она поспешила на выход, благодаря богов и зная, что вернется задолго до того, как Джона Чэня благополучно вернут. «Отлично, — думала она. — Кевин может надеть свой новый белый шелковый смокинг. Ему пора вести себя так, как того требует его новое положение».

— Кевин-н-н!

Дверь за ней закрылась. Филлип Чэнь вздохнул. Собравшись с силами, он подошел к серванту и налил себе виски. После того как Диана с Кевином уехали, он налил себе ещё. Без четверти девять телефон зазвонил снова.

— Благородный Дом Чэнь?

— Да... Да, Досточтимый Вервольф?

— Мы согласны. Но это должно быть сегодня! Филлип Чэнь вздохнул.

— Очень хорошо. Но где...

— Ты можешь получить всю сумму?

— Да.

— Это будут стодолларовые купюры, как я и просил?

— Да. У меня есть сто тысяч, и я могу взять ещё сто у друга.

— Богатые у тебя друзья, — с подозрением произнес звонивший. — Просто мандарины.

— Он букмекер, — быстро вставил Филлип Чэнь, проклиная себя за то, что сболтнул лишнего. — Когда вы повесили трубку, я... я договорился. К счастью, сегодня один из его удачных вечеров.

— Хорошо. Слушай, ты возьмешь такси...

— О, но у меня есть машина и...

— Я знаю, что у тебя, ети его, есть машина, и знаю её номер, — грубо заявил звонивший. — Мы знаем про тебя все. Если попытаешься выдать нас полиции,

никогда больше не увидишь сына и сам станешь следующим в нашем списке! Понял?

— Да... да, конечно, Досточтимый Вервольф, — примирительным тоном проговорил Филлип Чэнь. — Я должен взять такси — и куда?

— Треугольный садик в Коулун-Тун. Улица называется Эссекс-роуд. Там есть участок, обнесенный стеной, а в ней дыра. На тротуаре будет нарисована стрела, острием указывающая на эту дыру. Просунешь руку в дыру и получишь письмо. Прочитаешь, потом к тебе подойдут наши уличные бойцы и скажут: *Тянь кун чжи бу* 184. Ты передашь им сумку.

— Ого! Разве так можно? Ведь я могу передать её не тому!

— Не передашь. Ты понял пароль и все остальное?

— Да... да.

— Сколько тебе нужно времени, чтобы добраться туда?

— Я могу поехать сейчас же. Я... я могу получить другую часть денег по пути, я могу поехать сейчас же.

— Тогда сейчас же и отправляйся. Приходи один, чтобы больше никого с тобой не было. За тобой будут следить с того момента, как ты выйдешь за порог.

Филлип Чэнь вытер лоб.

— А мой сын? Когда я по...

— Выполняй, что тебе сказано! Смотри берегись, если приведешь кого-нибудь.

Телефон снова умолк. Филлип взял стакан и осушил его одним глотком. Пальцы дрожали. Внутри разлилась приятная теплота, но расслабиться это ничуть не помогло. Придя в себя, он набрал один сверхсекретный номер.

— Я хотел бы потолковать с Четырехпалым У, — произнес он на диалекте У.

— Минуточку, пожалуйста. — Донеслись приглушенные голоса на хакка, а потом: — Это мистер Чэнь, мистер Филлип Чэнь? — Человек говорил по-английски с явным американским акцентом.

— Ох! — в испуге вырвалось у него. Потом он осторожно спросил: — Кто это?

— Это Пол Чой, мистер Чэнь, племянник мистера У. Дяде пришлось уехать, но он дал мне указания ждать вашего звонка. Он уже кое о чем договорился для вас. Это мистер Чэнь?

— Да-да, это я.

— А, прекрасно. Вам звонили похитители?

— Да-да, звонили. — Филлип Чэнь испытывал неловкость, разговаривая с незнакомцем, но выбора не было. Он изложил Полу Чою полученные инструкции.

— Одну минуту, сэр.

Филлип Чэнь услышал, как трубку закрыли рукой, и снова какое-то время доносились приглушенные звуки разговора на хакка, который было не разобрать.

— Все в порядке, сэр. Мы пошлем такси к вашему дому — вы звоните со Струанз-Лукаут?

— Да-да, я дома.

— Водитель — один из наших людей. В Коулун-Тун будут ещё люди... э-э... моего дяди, так что не беспокойтесь: каждый ваш шаг будет под наблюдением. Просто передайте деньги, и... э-э... они обо всем позаботятся. Главный зам... э-э... помощник моего дяди говорит, что волноваться не нужно, народу в том месте будет достаточно... Мистер Чэнь?

— Да, я слушаю. Благодарю вас.

— Такси будет через двадцать минут.

Пол Чой положил трубку.

184 Одним шагом достичь небес (кит.).

— Благородный Дом Чэнь благодарит, Досточтимый Отец, — заискивающе сказал он на хакка Четырехпалому У, дрожа под его каменным взглядом. Все лицо Пола покрылось крупными каплями пота. И, как он ни старался, страха перед остальными было не скрыть.

В главную каюту старой джонки Четырехпалого, поставленной на вечную стоянку у такого же старого причала в одной из многочисленных бухточек Абердина, набилось много народу. Здесь было жарко и душно.

— Можно, я тоже пойду с твоими бойцами?

— Разве зайца посылают против дракона? — рявкнул Четырехпалый У. — Ты что, умеешь драться, как уличный боец? Я что, такой же осел, как и ты? Такой же ненадежный, как ты? — Мозолистым большим пальцем он махнул в сторону Пуна Хорошая Погода. — Веди бойцов!

Тот поспешил на выход. Остальные последовали за ним. Теперь отец и сын остались в каюте вдвоем.

Старик сидел на перевернутом бочонке. Он закурил ещё одну сигарету, глубоко затянулся, закашлялся и шумно сплюнул на палубу. Пол Чой смотрел на грозного родителя, и пот струился у него по спине, больше от страха, чем от жары. Вокруг стояло несколько старых столов, канцелярские шкафы, расшатанные стулья и два телефона. Это был офис Четырехпалого У и его центр связи. Отсюда он чаще всего отправлял послания своим флотам. Большую часть его бизнеса составляли обычные грузовые перевозки, но где бы ни развеивался флаг с серебряным лотосом, его приказ капитанам гласил: «Перевозить что угодно, куда угодно и когда угодно — если хорошо заплатят».

Старик опять кашлянул и свирепо глянул на отпрыска из-под косматых бровей.

— Занятым делам тебя научили в Золотой Горе, хейя! Прикусив язык, Пол Чой ждал, и сердце у него колотилось. «И зачем я вернулся в Гонконг? Надо было остаться в Штатах, а ещё лучше — в Гонолулу. Занимался бы себе серфингом — ловил бы большую волну. Или валялся на пляже с подружкой». При мысли о ней все внутри перевернулось.

— Они научили тебя кусать руку, которая кормит, хейя?

— Нет, Досточтимый Отец, прости...

— Они научили тебя, что мои деньги — твои деньги, мое богатство — твое богатство и моей печаткой ты можешь пользоваться как тебе вздумается, хейя?

— Нет, Досточтимый Господин. Прошу прощения, что вызвал ваше неудовольствие, — пробормотал Пол Чой, совсем сникнув под бременем страха.

Сегодня утром, когда Горнт, веселый и оживленный, приехал в офис после встречи с Бартлеттом, было ещё рано, и секретарши пока не пришли, поэтому Пол Чой спросил, не может ли он чем-то быть полезен. Горнт велел соединить его по телефону с несколькими людьми. Другим он позвонил сам по личной линии. Сначала Пол Чой не обратил на это никакого внимания, а потом ему случилось подслушать часть того, что, очевидно, было сугубо секретной информацией о «Струанз» и передавалось по телефону опасливым шепотом. Вспомнив про звонок Бартлетта, он пришел к выводу, что американец встречался с Горнтом и, судя по прекрасному настроению последнего, встреча прошла успешно. Когда Пол Чой понял, что Горнт раз за разом передает собеседникам одни и те же сведения, его любопытство усилилось. Позже он слышал, как Горнт говорил своему поверенному: «...играем на понижение... Нет, не волнуйтесь, ничего страшного не произойдет. У меня пока есть покрытие, во всяком случае до одиннадцати... Несомненно. Я пришлю заказ, с печаткой, как только...»

Затем Горнт попросил соединить его с менеджером Банка Швейцарии и Цюриха, и Пол уловил пару фраз: «...сегодня утром, до одиннадцати, я ожидаю большую сумму в американских долларах. Позвоните мне сразу, как только деньги поступят на

мой счет...»

Ошеломленный, он составил части головоломки и пришел к следующему заключению: Бартлетт заключил тайную сделку с Горнтом, известным врагом «Струанз», чтобы начать один из своих рейдов. Американец принял на себя риск — частично или по большей части, — тайно переводя крупные суммы денег на номерные счета Горнта в швейцарском банке, чтобы покрыть любые потери при игре на понижение. Он уговорил Горнта стать его «прикрытием», а сам будет смотреть на схватку со стороны. Все это вызовет самые серьезные последствия, акции «Струанз» должны рухнуть.

В голову тут же пришло деловое решение: действовать немедленно, продать акции «Струанз» до того, как это сделают большие парни, и заработать кучу денег.

Вот тут Пол Чой чуть не взвыл: у него не было ни денег, ни кредита, ни акций и никакой возможности их занять. Потом он вспомнил одну истину, которую постоянно вбивал в голову студентам преподаватель Гарвардской школы бизнеса: кто духом робкий, не спит с красоткой. Поэтому Пол прошел в пустующий офис и позвонил своему новоявленному приятелю, ростовщику и меняле Ишвару Сурджани, с которым познакомился через старика евразийца из библиотеки.

— Слушай, Ишвар, твой брат ведь возглавляет фирму «Сурджани стокброкерз», верно?

— Нет, молодой господин. Арджан — мой близкий родственник. А что?

— Если я захочу сыграть на понижение, поддержишь меня?

— Несомненно. Как я уже говорил, при покупке или продаже поддержу. Если у вас достаточно денег для покрытия любых убытков... или эквивалента. Если нет денег или эквивалента, то извините.

— Ну, а если, скажем, если я располагаю кое-какой сенсационной информацией?

— На дороге в ад и долговую тюрьму столько сенсационной информации, молодой господин, что в ней можно утонуть. Не советую связываться.

— Черт, — расстроился Пол Чой. — Я мог бы заработать для нас несколько сотен тысяч до трех часов.

— Вот как? Может, шепнете славное название акций?

— А поддержишь меня на... на двадцать тысяч американских долларов?

— Ах, виноват, молодой господин, я — ростовщик и просто так денег не даю. Мне это заповедовано предками!

— Двадцать тысяч гонконгских долларов?

— Не соглашусь даже на красные десятидолларовые банкноты ваших повстанцев-«дикси»¹⁸⁵.

— Эх, Ишвар, не много от тебя помощи.

— А почему вы не попросите у своего сиятельного дядюшки? Его печатка — и я тут же с вами на полмиллиона. Гонконгских долларов.

Пол Чой знал, что среди наличности и активов отца, переведенных из «Хо-Пак» в банк «Виктория», немало биржевых сертификатов и список ценных бумаг, контролируемых различными биржевыми брокерами. Имелся среди них и пакет на сто пятьдесят тысяч акций «Струанз». «Господи, — думал он. — Если я прав, старик может с ними пролететь. Он попадетсЯ, если Горнт будет и дальше играть на понижение».

— Хорошая мысль, Ишвар. Я перезвоню!

¹⁸⁵ Накануне Гражданской войны 1861-1865 гг. один из банков Луизианы выпускал десятидолларовые банкноты с надписью на французском «Dix» («Десять»). Поэтому Луизиану, а за ней — и все южные штаты, стали называть «Край Дикси» или «Диксиленд».

Пол тут же позвонил отцу, но того нигде было не найти. Он оставил для старика сообщения, где только мог, и принялся ждать. Беспокойство росло. Было почти десять, когда он услышал, как секретарша Горнта отвечает на телефонный звонок:

— Да?.. О, одну минуту, пожалуйста... Мистер Горнт? Прямой из Цюриха... Соединяю.

Он ещё раз попробовал дозвониться до отца, чтобы передать срочные новости. Тут его вызвал Горнт.

— Мистер Чой, прошу вас, срочно доставьте это моему поверенному. — И вручил ему запечатанный конверт. — Передайте лично.

— Хорошо, сэр.

И Пол Чой вышел из офиса. У каждой телефонной будки он останавливался и пытался дозвониться до отца. Вручая записку поверенному, Пол внимательно наблюдал за выражением его лица и увидел ликование.

— Будет ответ, сэр? — вежливо осведомился он.

— Просто скажите, что все будет сделано согласно указаниям. — Было самое начало одиннадцатого.

Выйдя из офиса и спускаясь в лифте, Пол Чой взвесил все «плюсы» и «минусы». Внутри все сжалось от волнения, когда он остановился у ближайшего телефона.

— Ишвар? Слушай, у меня срочный заказ от дяди. Он хочет продать свои акции «Струанз». Сто пятьдесят тысяч.

— Ах, мудро, мудро... Вокруг носятся такие ужасные слухи.

— Я сказал ему, что это должны сделать для него ты и Арджан Сурджани. Сто пятьдесят тысяч акций. Он спрашивает, можете ли вы сделать это прямо сейчас? Ты можешь это сделать?

— С превеликим удовольствием. Для уважаемого Четырехпалого мы развернемся, как Ротшильды! Где акции?

— В хранилище.

— Мне сразу нужна его печать.

— Я как раз собираюсь получить её, но он сказал, что продать нужно прямо сейчас. Он велел сбывать бумаги небольшими партиями, чтобы не шокировать рынок. Ему нужна самая лучшая цена. Вы продадите прямо сейчас?

— Да, не бойтесь, прямо сейчас. И получим лучшую цену!

— Прекрасно. И что самое главное, он просил сохранить это в тайне.

— Воистину, молодой господин, можете полностью довериться нам. А те акции, что вы хотели продать сами?

— О, это... Ну, это подождет... Пока получу кредит, хейя?

— Мудро, очень мудро.

Пол Чой содрогнулся. Теперь сердце у него бешено колотилось, он смотрел на огонек отцовской сигареты, чтобы не видеть его злого лица, холодных черных глаз, которые пронзают тебя насквозь, решая твою судьбу. Ему вспомнилось, как он чуть не закричал от восторга, когда курс акций почти сразу стал падать, как он отслеживал этот процесс минута за минутой, а потом дал указание Сурджани выкупить бумаги перед самым закрытием. От радости у него кружилась голова. Пол тут же позвонил своей девушке, истратив почти тридцать драгоценных американских долларов, чтобы сообщить, какой просто фантастический сегодня выдался день и как он по ней скучает. Она сказала, что тоже очень скучает, и спросила, когда он снова приедет в Гонолулу. Мика Касунари была сансэй, американка в третьем поколении японского происхождения. Её родители ненавидели Пола за то, что он китаец. Пол был уверен, что и его отец возненавидит Мику, только потому, что она японка. «А ведь мы оба, я и она, американцы, встретились и полюбили друг друга в университете».

— Очень скоро, милая, — взволнованно пообещал он. — К Рождеству точно! После сегодняшнего дня дядя наверняка даст мне премию...

Работу, порученную ему Горнтом на оставшуюся часть дня, Пол выполнил кое-как. В конце дня позвонил Пун Хорошая Погода и сказал, что отец хочет видеть его в Абердине полвосьмого. Прежде чем поехать туда, Пол забрал у Сурджани чек, выписанный на имя отца. Шестьсот пятнадцать тысяч гонконгских долларов минус брокерские услуги.

Он приехал в Абердин в приподнятом настроении. Но ярость, охватившая отца после того, как Пол вручил ему чек и рассказал, что проделал, заставила юношу затрястись от страха. Тираду, которой разразился У, прервал звонок Филлипа Чэня.

— Я глубоко сожалею, что пошёл против вашей воли, Дост...

— Значит, моя печатка — твоя, мое богатство — твое, хейя! — заорал Четырехпалый.

— Нет, Досточтимый Отец, — выдохнул Пол. — Но это была такая хорошая информация, и я хотел защитить ваши акции, а также заработать для вас денег.

— Но не для себя, хейя!

— Нет, Досточтимый Отец. Для вас. Чтобы заработать для вас денег и вернуть все, что вы вложили в меня... Это были ваши акции, и это ваши деньги. Я пытался...

— Но это тебя никак, ети его, не оправдывает! Ступай за мной! Весь дрожа, Пол Чой встал и последовал за стариком на палубу. Выругавшись, Четырехпалый У отослал телохранителя и ткнул коротким пальцем в грязные, мутные воды бухты.

— Не будь ты моим сыном, сейчас был бы уже там, с цепями на ногах, кормил бы рыб.

— Да, Отец.

— Если когда-нибудь ещё воспользуешься моим именем, моей печаткой, чем-либо моим без моего согласия, тебе не жить.

— Да, Отец, — пробормотал окаменевший от страха Пол Чой. Он понимал, что у отца есть и возможности, и воля, и право осуществить эту угрозу, не опасаясь возмездия. — Прошу прощения, Отец. Клянусь, я никогда так больше не сделаю.

— Хорошо. Потеряй ты хоть один медяк, уже был бы там. Ты ещё жив лишь потому, что, ети его, не остался внакладе.

— Да, Отец.

Четырехпалый У свирепо глянул на сына, по-прежнему не желая выдать восторга от огромной суммы, свалившейся с неба. «Без малого шестьсот пятнадцать тысяч гонконгских долларов. Невероятно! Толика тайного знания и всего несколько звонков по телефону, — думал он. — Это просто чудо. Словно десять тонн опиума вышвырнуло на берег под носом у таможенников со всеми их катерами! Мальчишка окупил свое обучение в двадцатикратном размере, а он здесь всего три недели. Как ловко... и как опасно!»

Ему стало не по себе при мысли о том, что будет, если и другие члены клана начнут принимать решения сами. «Цзю ни ло мо, тогда я окажусь в их власти и точно попаду в тюрьму. Причем за чужие ошибки, а не за свои собственные. И все же, — беспомощно признавал он про себя, — так поступают в бизнесе все варвары. Седьмой Сын обучен как варвар. Призываю в свидетели всех богов, я не хотел сотворить гада!»

Он смотрел на сына и не понимал его. Четырехпалого ужасно раздражала эта манера выкладывать все напрямую по варварскому обычаю, а не говорить косвенными намеками, обвиняками, как принято у людей цивилизованных.

«И все же... и все же это лучше, чем потерять шестьсот тысяч гонконгских долларов за один день. Если бы я обговорил с ним сделку заранее, то никогда бы не согласился и потерял бы всю эту прибыль! Айийя! Да-да, за один день мои акции стали бы дешевле на целое состояние... О-хо-хо!»

Он ошупью нашел какой-то ящик и сел: при этой ужасной мысли сердце страшно заколотилось.

У не спускал глаз с сына. «Ну и что с ним делать?» Казалось, что чек, лежащий в кармане, оттягивает его, будто увесистый слиток. Подумать только: сын смог заработать для него эдакую прорву денег за несколько часов! Причем акции как были, так и оставались там, где они спрятаны.

— Объясни-ка, почему этот чернолицый заморский дьявол с гнусным именем должен мне столько денег!

Пол Чой терпеливо растолковал всю механику, отчаянно стараясь угодить.

Старик задумался.

— Значит, завтра я должен сделать то же самое и получить столько же?

— Нет, Досточтимый Отец. То, что вы заработали, оставьте при себе. Сегодня вероятность приближалась к ста процентам. Это была внезапная атака, рейд. Мы не знаем, какотреагирует завтра Благородный Дом, и не знаем, действительно ли Горнт собирается играть на понижение и дальше. Он может выкупить бумаги и тоже остаться в плюсе. Завтра опасно следовать за Горнтом, очень опасно.

Четырехпалый У выбросил сигарету.

— Что же мне тогда делать завтра?

— Ждать. Рынок заморских дьяволов неустойчив, и он у них в руках. Я бы посоветовал погодить и посмотреть, что будет с «Хо-Пак» и «Викторией». Могу я от вашего имени спросить заморского дьявола Горнта о «Хо-Пак»?

— Что?

Пол Чой терпеливо напомнил отцу про массовое изъятие вкладов из банков и возможные манипуляции с акциями.

— А, да, понимаю, — с важным видом сказал старик. Пол Чой промолчал, зная, что это не так. — Значит, мы... значит, я просто жду?

— Да, Досточтимый Отец.

Четырехпалый с неохотой вытащил чек из кармана.

— А этот, эти его, клочок бумаги? Что с ним делать?

— Обратите его в золото, Досточтимый Отец. Цена золота почти не меняется. Если хотите, я могу поговорить с Ишваром Сурджани. Он занимается обменом иностранной валюты.

— А где мне хранить это золото? — Одно дело переправлять контрабандой чужое золото, и совсем другое — беспокоиться о своем собственном.

Пол Чой объяснил, что для обладания золотом совсем не обязательно иметь его физически.

— Но я не доверяю банкам, — окрысился старик. — Если золото мое, то оно мое, а не банка!

— Да, Отец. Но это будет швейцарский банк, а не гонконгский, и это абсолютно безопасно.

— Ручаешься своей жизнью?

— Да, Отец.

— Хорошо. — Старик вынул ручку, написал на обороте свое имя с указаниями Сурджани немедленно конвертировать всю сумму в золото и передал чек сыну. — Отвечаешь своей головой, сын мой. Значит, завтра ждем? Завтра деньги не зарабатываем?

— Может, и выпадет случай ещё заработать, но гарантировать не могу. Возможно, что-то прояснится к полудню.

— Позвони мне сюда в полдень.

— Хорошо, Отец. Конечно, будь у нас собственная биржа, можно было бы манипулировать акциями сотен различных компаний... — подкинул идею Пол Чой.

— Что?

Молодой человек стал осторожно объяснять, что не составит особого труда создать свою собственную биржу, где заправляли бы китайцы, что собственная

биржа откроет безграничные возможности для получения прибыли. Он говорил целый час, с каждой минутой набираясь уверенности и стараясь излагать как можно проще.

— Если это так легко, то почему её не создал Прижимистый Дун? Или Шумливый Сун, или Денежный Мешок Энг, или этот полуварвар, контрабандист золота из Макао, или банкир Кван, или десятки других, хейя!

— Возможно, им это и в голову не приходило. Или смелости не хватало. Может, они хотят играть по правилам заморских дьяволов: Скаковой клуб, Крикет-клуб, рыцарские звания и все эти английские глупости. Может, боятся плыть против течения или испытывают недостаток знаний. У нас знания и опыт есть. Да. И у меня имеется приятель в Золотой Горе, хороший приятель, с которым мы вместе учились, который...

— Что ещё за приятель?

— Он шанхаец и чертовски здорово разбирается в ценных бумагах, а сейчас работает брокером в Нью-Йорке. Вместе с ним — при условии финансовой поддержки — мы смогли бы это организовать. Точно смогли бы.

— Айийя! С северным варваром? — усмехнулся Четырехпалый У. — Разве можно ему доверять?

— Думаю, ему вы доверять можете, Досточтимый Отец. Хотя, конечно, подобно доброму садовнику, не допустите на рынок сорную траву.

— Но ведь в деловом мире Гонконга вся власть у заморских дьяволов. Разве выстоит против них биржа цивилизованных людей?

— Ваши сомнения правомерны, Досточтимый Отец, — осторожно согласился Пол Чой, стараясь не выдать волнения ни голосом, ни взглядом. — Но все китайцы любят рискнуть. И тем не менее на сегодняшний день среди биржевых брокеров нет ни одного цивилизованного человека! Почему заморские дьяволы не подпускают нас к фондовому рынку? Потому что мы их переиграем. Для нас фондовый рынок — величайшая сфера деятельности на земле. Как только наш народ в Гонконге увидит, что рынок широко открыт для цивилизованных людей и их компаний, они слетятся к нам стаями. Заморские дьяволы будут вынуждены открыть двери своей биржи и для нас тоже. В игре на бирже мы их перецеголяем. И в конечном счете, Досточтимый Отец, все это, — он махнул рукой в сторону берега, небоскребов, лодок и плавучих ресторанов, — может стать вашим! Ведь именно через ценные бумаги, акции и фондовый рынок современный человек обретает власть над миром. Четырехпалый неторопливо курил.

— Сколько будет стоить твоя фондовая биржа, Седьмой Сын?

— По времени потребуется год. Первоначальное вложение составит... точно не скажу. — Сердце молодого человека мучительно сжалось. Кориistolюбие отца он ощущал просто физически. Последствия образования китайской фондовой биржи в этом нерегулируемом капиталистическом обществе виделись такими многообещающими, что даже голова закружилась. «Это будет нетрудно при наличии времени и... Сколько же нужно денег?» — Я смогу предоставить вам примерные цифры к концу недели.

Старые проницательные глаза Четырехпалого обратились на сына, на лице которого проступило волнение и алчная устремленность. «К деньгам или к власти?

И к тому, и к другому, — решил У. — Молодой глупец ещё не знает, что это одно и то же».

Он подумал о могуществе Филлипа Чэня, могуществе Благородного Дома и том могуществе, что таит в себе половинка монеты, украденная Джоном Чэнем.

«Филлип Чэнь с женой тоже глупцы. Забыли, что и у стен есть уши. Когда ревнивая мать узнает тайну, это уже не тайна. И заморским дьяволам, живущим в гостиницах, не сохранить своих секретов, коли они считают, будто слугам неведом их

варварский язык, будто те глухи и слепы.

Ах, эти сыновья, — размышлял он. — Они, конечно, составляют богатство отца, но иногда приводят его к гибели.

Только глупец может доверять сыну. Полностью. Хейя?»

— Очень хорошо, сын мой, — снисходительно сказал он. — Представь мне свой план в письменном виде и назови сумму. А я приму решение.

Филлип Чэнь вышел из такси у покрытого зеленью травы треугольника Коулун-Тун, прижимая к груди атташе-кейс. Водитель выключил счетчик и поднял на него глаза. На счетчике набежало семнадцать гонконгских долларов восемьдесят центов. Будь на то его воля, Филлип не стал бы брать машину на всю дорогу от Струанз-Лукаут: пришлось переправляться на специальном пароме, а счетчик все крутился. Нет. Он перебрался бы через бухту на пароме «Голден ферриз» за пятнадцать центов, взял бы другое такси уже в Коулуне и сэкономил бы таким образом по меньшей мере восемь долларов. «Ужасное расточительство».

Он тщательно отсчитал восемнадцать долларов. Потом, поразмыслив, добавил от щедрот тридцать центов на чаевые. Водитель уехал, а он остался стоять один у зелени треугольного газона.

Коулун-Тун, скопище многочисленных зданий, трущоб, переулков, людей и машин, был одним из предместий Коулун. Филлип нашел Эссекс-роуд, которая шла по краю сада, и двинулся по ней. Атташе-кейс становился тяжелее и тяжелее. Филлип был уверен, что каждый знает: в портфеле двести тысяч гонконгских долларов, и все больше нервничал. «В таком месте человека за несколько сотен укокошат. Если знаешь, кого попросить. А за такую сумму можно нанять целую армию». Глазами он обшаривал разбитую мостовую. Почти обойдя по периметру весь треугольник, он увидел на тротуаре стрелку, которая указывала в сторону стены. Сердце в груди отяжелело и заныло. Освещение здесь было неважное, на улице горело лишь несколько фонарей. Там, где из стены выпало несколько кирпичей, образовалась брешь, и в ней виднелось что-то похожее на смятую газету. Филлип торопливо вытащил бумагу, убедился, что больше в дыре ничего нет, отошел к скамейке под фонарем и сел. Когда сердце перестало частить и дыхание подуспокоилось, он развернул газету и увидел конверт. Конверт был плоский, и одним переживанием стало меньше. Филлип чуть не окаменел от ужаса при мысли, что найдет там ещё одно ухо.

В записке говорилось:

Иди к Ватерлоо-роуд. Двигайся на север по направлению к военному лагерю, держись западной стороны дороги. Имей в виду, теперь мы за тобой следим.

Вздрыгнув, он огляделся. Никто за ним, похоже, не наблюдал. Ни свои, ни чужие. Но чей-то взгляд он чувствовал. Атташе-кейс налился ещё большей тяжестью.

«Все боги, обороните меня, — молил он, дрожа и стараясь набраться храбрости, чтобы идти дальше. — Где люди Четырехпалого У, черт бы их побрал?»

Ватерлоо-роуд оказалась рядом. Это была оживленная главная магистраль. Филлип брел на север, чувствуя себя раздетым, ничего и никого не замечая. Все лавки были открыты, рестораны полны посетителей, в переулках кишмя кишел народ. На близлежащей набережной печально загудел направлявшийся на север товарный состав, и его гудок смешался с пронзительными звуками автомобильных клаксонов: сигналили все подряд. Небо в этот мрачный вечер затянули тучи, было очень влажно.

Выбившийся из сил Филлип прошел полмили, пересекая расходящиеся в стороны улочки и переулки. Вместе с кучкой людей он остановился, чтобы пропустить грузовик, выезжавший на Ватерлоо-роуд из очередного узенького проулка, а потом

двинулся дальше, лавируя во встречном потоке пешеходов. Внезапно дорогу ему преградили двое молодых парней, один из которых прошипел:

— *Тянь кун чжи бу!*

— А?

Оба были в низко надвинутых кепках, в тёмных очках, с похожими лицами.

— *Тянь кун чжи бу!* — злобно повторил Рябой Цзинь. — *Цзю ни ло мо*, давай сюда портфель!

Охнув, Филлип Чэнь безучастно передал кейс Рябому.

— Иди дальше на север и не оглядывайся!

— Хорошо, но прошу вас выполнить свое обещ... — Филлип Чэнь остановился.

Парни исчезли. Казалось, они стояли перед ним какую-то долю секунды. Ошеломленный, он с усилием заставил ноги двигаться, стараясь запечатлеть в памяти, как выглядели молодчики, хотя бы то небольшое, что он успел заметить. Тут его грубо толкнула шедшая навстречу женщина, и он выругался. Лица померкли. Потом его крепко схватила чья-то рука.

— Где, ети его, портфель?

— Что? — выдавил он из себя, глядя на стоявшего перед ним громилу зловещего вида.

Это был Пун Хорошая Погода.

— Твой портфель — куда ты его дел?

— Два молодых человека... — Он беспомощно указал назад.

Пун выругался и побежал обратно, петляя в толпе. Сунув пальцы в рот, он резко свистнул. Почти никто не обратил на него внимания. К Пуну стали подходить другие бойцы, и тут ему попались на глаза двое молодых парней с атташе-кейсом, которые сворачивали с хорошо освещенной главной улицы в переулок. Он бегом бросился туда, остальные за ним.

Рябой Цзинь и его младший брат шли через толпу не спеша. Полутёмный переулок освещали лишь лампочки на грязных ларьках и лавках. Парни улыбались, посматривая друг на друга. Уверившись, что все в порядке, они сняли очки и кепки и засунули их в карманы. Братья были очень похожи — почти близнецы — и теперь практически слились с безликой крикливой массой торгующихся покупателей.

— *Цзю ни ло мо*, похоже, старый ублюдок напугался до смерти! — фыркнул Рябой Цзинь. — Один шаг — и мы достигли небес!

— Да. А на следующей неделе, когда схватим его, он заплатит так же легко, как пускает ветры старый пес!

Они засмеялись и притормозили на минуту у освещенного ларька, чтобы взглянуть на содержимое портфеля. Увидев пачки денег, оба вздохнули.

— Айийя, действительно, один шаг — и мы достигли небес, Старший Брат! Жаль, что сын уже мертв и лежит в земле.

Рябой Цзинь пожал плечами. Они пошли дальше, свернули в переулок поменьше, потом ещё в один, уверенно шагая в сгущающейся темноте уличного лабиринта.

— Досточтимый Отец прав. Неудачу мы обратили в удачу. Не твоя вина, что голова у этого ублюдка оказалась такой мягкой! Ты тут ни при чем! Когда мы его выкопаем и оставим на Шатинь-роуд с запиской на, ети его, груди... Братья остановились и отступили в сторону вместе с суетящейся, толкающейся толпой, чтобы пропустить грузовик. Пока они ждали, когда проедет тяжело нагруженная развалина, Рябой случайно оглянулся. В дальнем конце переулочка трое мужчин, высмотрев братьев, ходко направились в их сторону.

— *Цзю ни ло мо*, нас предали, — выдохнул Рябой и, протолкавшись на свободное пространство, пустился наутек. Брат следовал вплотную за ним.

Оба бегали быстро. Страх прищипывал их. Осыпаемые проклятиями, они

неслись через толпу, огибая неизбежные рытвины и небольшие ларьки, и темнота играла им на руку. Впереди мчался Рябой Цзинь. Крепко прижимая к груди атташе-кейс, он нырнул в просвет между ларьками, а оттуда — в узкий неосвещенный проход.

— Возвращайся домой другим путем, Младший Брат, — проговорил он, задыхаясь.

На следующем углу Рябой рванул налево, а его брат по-прежнему летел вперед, не чуя мостовой под ногами. Двое из разделившейся тройки преследователей погнались за Рябым. В темноте уже почти ничего не было видно, бесконечные переулки заворачивали то туда, то сюда. Грудь беглеца тяжело вздымалась, однако он оставил погоню далеко позади. Решив срезать путь, Рябой свернул в замызанную лавку, которая, как и все остальные, служила хозяевам жильем. Проскочив мимо почтенного семейства, которое скучилось вокруг орущего телевизора, он юркнул в заднюю дверь, вернулся к концу переулочка и с величайшей осторожностью выглянул из-за угла. Несколько человек с любопытством посмотрели на него, но проследовали дальше, не желая вступать в то, что, по всей видимости, не сулило ничего хорошего.

Убедившись, что теперь он в безопасности, Рябой смешался с толпой и пошёл спокойно, опустив голову. Ему долго не удавалось отдышаться, на ум приходили только грязные ругательства, и он поклялся отомстить Филлипу Чэню за предательство. «Призываю в свидетели всех богов, — яростно думал он, — когда на следующей неделе мы похитим его, то, прежде чем отпустить мерзавца, я отрежу ему нос! Как он посмел выдать нас полиции?! Эй, постой-постой, а полиция ли это?»

С такими вот мыслями Рябой Цзинь двигался в потоке людей, время от времени сторожко оборачиваясь, хотя и был уверен, что никто за ним не идет. Он вернулся мыслями к деньгам и расплылся в улыбке. «Так... Что же я сделаю со своими пятьюдесятью тысячами? Сорок вложу в квартиру и тут же выкуплю её. Айийя, я — владелец собственности! Обзаведусь „ролексом“, револьвером и новым метательным ножом. Подарю пару браслетов жене и ещё парочку Белой Розе из борделя „Тысяча удовольствий“. Устроим пир сегодня вечером...»

Довольный, Рябой продолжал путь. Купил в ларьке небольшой дешевый портфель и, затаившись в переулочке, переложил туда деньги. Пройдя чуть дальше, поторговался минут пять с лавочником на другой боковой улочке и продал дорогой, из хорошей кожи, атташе-кейс Филлипа Чэня за приличную сумму. После этого, весьма гордый собой, сел в автобус до Коулун-сити, где его отец снимал на вымышленное имя небольшую явочную квартирку, вдалеке от настоящей берлоги Вервольфов в Ваньчае, около Глессингз-Пойнт. Он не заметил ни севшего в тот же автобус Пуна Хорошая Погода, ни ещё троих, ни следовавшего за автобусом такси.

Рябой Цзинь знал, что в Коулун-сити, средоточии грязных, беспорядочно разбросанных трущоб и открытых стоков, он будет в безопасности. Полицейские в одиночку сюда не совались — только целыми подразделениями. Сдав Новые Территории в аренду на девяносто девять лет в 1898 году, Китай оставил за собой постоянный суверенитет над Коулун-сити. Теоретически эти десять квадратных акров были китайской территорией. Британские власти здесь ни во что не вмешивались, если не доходило до беспорядков. Это был район опикурилен, нелегальных школ, где обучали азартным играм, и штаб-квартир триад, прибежище всевозможного криминала. Время от времени полиция всё-таки прочесывала Коулун-сити, но на следующий же день здесь все возвращалось на круги своя.

Обваливающаяся штукатурка на шаткой и грязной лестнице многоквартирного дома была покрыта плесенью. На пятом этаже Рябой Цзинь устало постучал в дверь условным стуком. Дверь отворилась.

— Привет, Отец, привет, Чэнь Собачье Ухо, — довольным голосом сказал Рябой. — Вот они, деньги! — Тут он заметил младшего брата. — О, здорово. Ты тоже

убежал?

— Конечно! Дерьмоеды, полицейские в штатском! Пришить бы одного-двух за наглость. — Цзинь Пак помахал пистолетом тридцать восьмого калибра. — Мы должны отомстить!

— Возможно, ты и прав. Кой-какие деньги мы уже получили, — поддержал Папаша Цзинь.

— Я считаю, что никого из полицейских убивать не следует. Они от этого только взбесятся, — слабо подал голос Чэнь Собачье Ухо.

— *Цзю ни ло мо* на всех полицейских! — Молодой Цзинь Пак засунул пистолет в карман.

Рябой Цзинь пожал плечами:

— У нас есть деньги...

В этот момент дверь распахнулась и в комнату с ножами в руках ворвались Пун Хорошая Погода и трое его людей. Все застыли. Папаша Цзинь сделал резкое движение и, выхватив нож из рукава, нырнул влево. Однако метнуть оружие он не успел, потому что в горло ему вонзился просвистевший в воздухе клинок Пуна Хорошая Погода. Вцепившись в рукоять, Папаша Цзинь рухнул навзничь. Ни Чэнь Собачье Ухо, ни братья Цзинь даже не шелохнулись. Они лишь стояли и смотрели, как их предводитель умирает. Тело дернулось, мускулы на миг напряглись, и он затих.

— Где Первый Сын Чэнь? — В руке у Пуна Хорошая Погода появился ещё один нож.

— Мы не знаем никакого Пер...

Двое бойцов набросились на Рябого Цзиня и пригвоздили к столу его вытянутые руки. Наклонившись, Пун Хорошая Погода отсек Рябому указательный палец. Лицо Цзиня сделалось серым. Двое его сообщников застыли в ужасе.

— Где Первый Сын Чэнь?

Рябой Цзинь тупо смотрел на отрезанный палец и вытекающую на стол кровь. Он вскрикнул, когда Пун Хорошая Погода снова наклонился к столу.

— Не надо, — взмолился Рябой. — Он мертв... мертв. Мы закопали его, клянусь!

— Где?

— Рядом с Ша... Шатинь-роуд. Послушайте, — в отчаянии захрипел он, — мы поделимся с вами деньгами. Мы... — Он замер, потому что Пун Хорошая Погода сунул кончик ножа ему в рот.

— Отвечай на вопросы, и всё, подонок, ети твою потаскуху мать, или я отрежу тебе язык. Где вещи Первого Сына? Вещи, которые были при нем?

— Мы послали все Благородному Дому Чэнь. Все, кроме денег. Клянусь. — Он заскулил от боли. Тут двое бойцов с силой вывернули ему локоть, и он вскрикнул: — Все боги свидетели, это правда! — Когда Рябому вывихнули сустав, он издал пронзительный вопль и потерял сознание.

В другом конце комнаты Чэнь Собачье Ухо от страха охнул. Он начал было громко протестовать, но, получив удар в лицо, шмякнулся головой о стену и рухнул в бесчувствии.

Теперь все взгляды обратились на Цзинь Пака.

— Это правда. — От неожиданности и страха у него перехватило дыхание, язык еле ворочался. — Все, что он сказал. Это правда!

Пун Хорошая Погода выругался. Потом спросил:

— Вы обыскивали сына Благородного Дома Чэнь, прежде чем закопать его?

— Да, Господин, но не я — он... — Дрожа, Цзинь Пак указал на тело отца. — Он обыскивал.

— Ты был при этом?

Юноша молчал. В тот же миг Пун подскочил к нему с невероятной для пожилого

человека быстротой. Его нож оставил тонкий порез на щеке Цзинь Пака в каких-то миллиметрах под глазом и застыл там.

— Врешь!

— Я был там, — выдавил из себя юнец. — Я как раз собирался сказать вам это. Господин, я был там. Я не буду врать вам, клянусь!

— Ещё раз соврешь — лишишься левого глаза. Ты там был, хейя?

— Да... да, Господин!

— А он? — Пун указал на Рябого Цзиня.

— Нет, Господин.

— А этот?

— Да. Чэнь Собачье Ухо был там!

— Ты обыскивал тело?

— Да, Господин. Да, я помогал отцу.

— Все карманы, все?

— Да-да, все.

— Какие-нибудь бумаги были? Записная книжка, дневник? Драгоценности?

Юнец запнулся, обезумев, мучительно роясь в памяти, потому что нож оставался у его лица.

— Ничего не могу припомнить, Господин. Мы отослали все его вещи Благородному Дому Чэнь. Кроме... кроме денег. Деньги мы оставили. И часы — я забыл про часы! Вот они, вот эти! — Он указал на часы на откинутой руке отца.

Пун Хорошая Погода снова выругался. Четырехпалый У приказал захватить Джона Чэня, забрать все его вещи, остававшиеся у похитителей, в особенности любые монеты или части монет, а потом тихо избавиться от Вервольфов. «Лучше позвонить Четырехпалому, — думал Пун. — И получить дальнейшие указания. Не хочется попасть впросак».

— Куда вы дели деньги?

— Мы их потратили, Господин. Там было всего несколько сотен долларов и кое-какая мелочь. Их уже нет.

— Врет, наверное! — усомнился один из бойцов.

— Я не вру, Господин, клянусь! — воскликнул Цзинь Пак чуть ли не со слезами. — Я не вру. Пожа...

— Заткнись! Может, перерезать этому горло? — добродушно спросил боец, показывая на Рябого Цзиня, который все так же лежал на столе, раскинув руки, а лужица крови становилась больше и больше.

— Нет, пока не надо. Пусть валяется. — Пун Хорошая Погода задумчиво почесал себе геморрой. — Сейчас поедem выкапывать Первого Сына. Да, так и сделаем. Так что, Маленький Подонок, и кто же убил его?

Цзинь Пак тут же указал на тело отца.

— Он. Это было ужасно. Он наш отец. Он ударил Первого Сына лопатой... Ударил его лопатой, когда тот попытался удрать той ночью... той ночью, когда мы похитили его. — Юнец содрогнулся: от страха перед маячащим у глаз ножом он весь побелел. — Я... я не виноват, Господин.

— Как тебя зовут?

— Су Такгай, Господин, — тут же ответил Цзинь Пак, назвав одно из имен, которые шайка договорилась использовать в случае чего.

— А его? — Палец ткнул в сторону его брата.

— Су Тактун.

— Его?

— Утип Суп.

— А его?

Юнец взглянул на тело отца.

— Его звали Золотозубый Су, Господин. Он был очень плохой человек, но мы... мы... Нам приходилось повиноваться. Нам приходилось подчиняться ему. Он был наш... наш отец.

— Куда вы доставили Первого Сына Чэнь до того, как убили?

— В Шатинь, Господин, но я не убивал его. Мы схватили его на гонконгской стороне, потом положили в багажник угнанной машины и повезли в Шатинь. Там, сразу за деревней, отец снял старую хибарку... У него все было продумано. Нам приходилось повиноваться.

Пун крикнул и кивнул своим людям.

— Сначала поищем здесь. — Бойцы тут же отпустили Рябого Цзиня, который все ещё оставался без сознания и тут же сполз на пол, оставляя кровавый след. — Эй ты, перевяжи ему палец!

Цзинь Пак торопливо схватил старую тряпку для мытья посуды и, еле сдерживая тошноту, стал затягивать грубый жгут вокруг обрубка.

Пун вздохнул, не зная, что делать. Потом открыл портфель. При виде горы банкнот все взгляды загорелись алчностью. Пун взял нож в другую руку и закрыл кейс. Он оставил его в центре стола и принялся обыскивать грязную квартиру. В ней не было ничего, кроме стола, нескольких стульев и старой железной кровати с засаленным матрасом. Обои отходили от стен, окна без стекол в основном были заколочены досками. Перевернув матрас, Пун обшарил его, но ничего не нашел. Он наведалься в почти пустую грязную кухню. Потом в зловонный туалет. Рябой Цзинь заскулил, приходя в себя.

В одном из выдвижных ящиков Пун обнаружил какие-то бумаги, тушь и кисточки для письма.

— Для чего это? — спросил он, подняв одну из бумаг. На ней жирными иероглифами было выведено: «Первый Сын Чэнь был настолько глуп, что пытался убежать от нас. Никому не скрыться от Вервольфов! Пусть весь Гонконг знает об этом. Наши глаза везде!» — Для чего это, хейя?

Цзинь Пак поднял глаза от пола, отчаянно стараясь угодить.

— Мы не могли вернуть его живым Благородному Дому Чэнь. Поэтому отец приказал, чтобы... чтобы сегодня ночью мы выкопали Первого Сына, повесили это ему на грудь и поставили его рядом с Шатинь-роуд.

Пун Хорошая Погода посмотрел на парня.

— Когда станешь копать, лучше найди его быстро, с первой же попытки, — злобно проговорил он. — Да. Или ваших глаз, Маленький Подонок, не будет уже нигде.

35

21:30

Орланда Рамуш поднялась по широкой лестнице огромного ресторана «Плывущий дракон» в Абердине и, пробираясь сквозь шумную толпу гостей сэра Шитэ Чжуна, стала искать глазами Линка Бартлетта — и Кейси.

Два часа, проведенных с Линком сегодня утром, когда она брала у него интервью для газеты, открыли ей очень многое, в частности про Кейси. Она инстинктивно почувствовала, что чем быстрее вступит в схватку с соперницей, тем лучше. Залучить обоих американцев на банкет не составило труда: Шитэ был давним компаньоном и старым приятелем Горнта. Горнту идея Орланды очень понравилась.

Они были на верхней палубе. Из больших окон веяло дыханием моря; вечер выдался прекрасный, хотя было влажно и небо затянуло тучами; повсюду сверкали огни многоэтажных зданий и домов Абердина. Рядом, в бухте, кое-как освещенные, темнели острова сбившихся в кучу джонок, где обретались сто пятьдесят тысяч

лодочных жителей.

Зал, оформленный в алых, золотых и зеленых тонах, занимал половину длины и всю ширину корпуса плавучего ресторана рядом с центральной лестницей. Все три высокие палубы, сверкающие огнями и заполненные ужинающими посетителями, были украшены резьбой по дереву, гипсовыми горгульями, единорогами и драконами. В трюме, где размещались кухни, трудились двадцать восемь поваров и целая армия помощников, пар курился над дюжиной огромных котлов, тянуло потом и дымом. Посетителей «Плывущего дракона» обслуживали восемьдесят два официанта. На каждой из первых двух палуб насчитывалось по четыреста мест, на третьей — двести. Сэр Шитэ снял всю верхнюю палубу, и теперь её заполнили приглашенные на банкет. Изнывая от нетерпения, гости стояли группками возле круглых столов, рассчитанных на двенадцать человек каждый.

Сегодня Орланда чувствовала себя прекрасно и очень уверенно. Она опять тщательно оделась для Бартлетта. В утреннем наряде для интервью был использован американский повседневный стиль: поменьше косметики и свободная шелковая блузка, призванная не подчеркивать отсутствие бюстгалтера, а лишь намекать на него. Орланде ужасно нравилась эта смелая новая мода, которая позволяла ещё острее ощутить себя женщиной. Сейчас, вечером, на ней было платье из тонкого белого шелка. Орланда знала, что фигура у неё идеальная и что все завидуют её естественной чувственности.

«Этим я обязана Квиллану, — думала она, высоко держа свою прелестную головку, и загадочная полуулыбка озаряла её лицо. — Этим и ещё многим другим. Он заставил меня понять, что такое чувственность».

Перед ней был Хэвегилл с женой. Она перехватила их взгляды, устремленные ей на грудь, и усмехнулась про себя, прекрасно понимая, что больше никто в этом зале не осмелится показать себя такой отчаянно современной и последовать моде, появившейся год назад в живущем на полную катушку Лондоне.

— Добрый вечер, мистер Хэвегилл, миссис Хэвегилл, — вежливо поздоровалась она, двигаясь мимо них в толпе.

Его она знала очень хорошо. Он не раз был гостем на яхте Горнта. Иногда Горнт выходил из яхт-клуба на гонконгской стороне только с ней и своими приятелями на борту. Они шли в Коулун, где на омываемых морем ступенях рядом с терминалом «Голден ферриз» уже ждали девицы, одетые, чтобы позагорать или покататься на яхте.

Когда у них с Квилланом все только начиналось, ей тоже приходилось ждать в Коулуне, соблюдая бытовавшее в колонии золотое правило: осмотрительность прежде всего. Живешь на гонконгской стороне — развлекайся в Коулуне, а если жительствоуешь в Коулуне — веселись в Гонконге.

Когда болезнь приковала жену Квиллана к постели и отпала необходимость скрывать, что Орланда — его любовница, хотя предосторожности по-прежнему тщательно соблюдались, Горнт стал брать её с собой в Японию, Сингапур и на Тайвань, но не в Бангкок. В ту пору Хэвегилл был просто Пол или ещё чаще Хорни¹⁸⁶, Хорни Хэв-э-гёл — как называли его большинство близких друзей. Но даже тогда при встрече на людях, как сегодня, он оставался для неё «мистером Хэвегиллом». «Человек он неплохой», — признала Орланда, припоминая, что девицы, которым Хорни никогда особо не нравился, лебезили перед ним, потому что он был в меру щедр. Он ни разу не отказал приятелю, желавшему срочно занять денег под невысокий процент. Хэвегилл оказывал подобные услуги через одного из своих банковских партнеров, но никогда не обращался в «Вик».

¹⁸⁶ От англ. *horny* — сексуально озабоченный.

«Мудро, — думала она, улыбаясь, — и репутация соблюдена. Ах, да я могла бы написать целую книгу про них всех, если бы захотела. Но никогда не захочу — не думаю, что когда-нибудь захочу. Да и с какой стати? К тому нет никаких причин. Даже после Макао я всегда хранила тайны. Вот ещё одно, чему меня научил Квиллан, — держать язык за зубами.

Макао! Какая глупость! Теперь даже и не вспомнить, как выглядел тот молодой человек. Помню лишь, что он был ужасен в постели. А ведь из-за него рухнула вся моя жизнь. Этот глупец был простым увлечением. Внезапным, преходящим, самым первым. А все из-за одиночества. Квиллана не было целый месяц, все разъехались. Страстно хотелось чего-то молодого — просто молодого тела, которое привлекло и оказалось таким бесполезным. Дура! Какая я была дура!»

Сердце затрепетало при воспоминании о том кошмаре: как её поймали, как отослали в Англию, как ей пришлось отбиваться от глупого юноши в отчаянной попытке угодить Квиллану, потом возвращение и холодность Квиллана, больше ни разу не пожелавшего разделить с ней постель. А после ещё более страшный кошмар — жизнь без него.

Ужасное время. И это страшное, неутолимое желание. Одна. Изгнанница. Ей вспомнились все тогдашние слезы и страдания. Она пыталась начать все сначала, осторожно, не теряя надежды, что он смиростивится, если только проявить терпение. В Гонконге у неё никого не было, здесь она всегда оставалась одна. Когда с мучительной тягой не удавалось справиться, Орланда уезжала в другие места на поиски, но неизменно оставалась неудовлетворенной. «Ох, Квиллан, каким ты был любовником!»

Не так давно, после смерти его жены, Орланда, выбрав нужный момент, отправилась на встречу с ним. Чтобы соблазнить и вернуть. В тот вечер ей казалось, что все получится, но он лишь играл с ней. «Одевайся, Орланда, мне просто было интересно взглянуть на твоё тело. Хотелось убедиться, что оно такое же изысканное, как и в мое время. С удовольствием могу подтвердить, что да, ты по-прежнему само совершенство. Но извини, ты не возбуждаешь во мне желания». И все её безумные рыдания и мольбы были напрасны. Он лишь слушал и курил. Потом затушил сигарету и спокойно сказал: «Орланда, прошу, никогда больше не приезжай сюда без приглашения. Ты выбрала Макао».

И Квиллан был прав. Она сама сделала выбор, испортив ему репутацию. «Почему он до сих пор содержит меня? — спрашивала себя Орланда, скользя взглядом по толпе гостей в поисках Бартлетта. — Неужели нужно чего-то лишиться, чтобы понять, чего это на самом деле стоит? Неужели в этом вся жизнь?»

— Орланда!

Она испуганно остановилась: кто-то встал у неё на пути. Орланда воззрилась на невежу. Это был Ричард Гамильтон Пагмайр, противный коротышка — чуть ниже её ростом.

— Пожалуйста, познакомься: Чарльз Блицманн из Америки. — Пагмайр так плотоядно смотрел на неё и стоял так близко, что мурашки побежали по коже. — Чарльз будет... э-э... новым тайбаном «Дженерал сторз». Чак, это Орланда Рамуш!

— Рад познакомиться, мэм!

Она вежливо поздоровалась, хотя американец ей сразу не понравился.

— Прошу прощения...

— Называйте меня Чак. Вас зовут Орланда? Какое прекрасное имя! И платье прекрасное! — Блицманн эффектным жестом вынул визитную карточку. — Старинный китайский обычай!

Орланда взяла визитку, но не ответила тем же.

— Благодарю вас. Прошу прощения, мистер Блицманн, но я должна вас покинуть. Мне нужно встретиться с друзьями и... — Она не успела улизнуть.

Пагмайр, взяв её под локоть, отвел на шаг в сторону и хрипло прошептал:

— Как насчет поужинать? Ты выглядишь просто фантас... Она вырвала руку, стараясь не привлекать внимания.

— Убирайся прочь, Паг.

— Послушай, Орлан...

— Я говорила тебе сотню раз, чтобы ты оставил меня в покое! А теперь *цзю ни ло мо* на тебя и всех твоих родственников! — проговорила она.

Пагмайр вспыхнул. Она всегда терпеть его не могла, даже в прежние времена. Он вечно поглядывал на неё за спиной Квиллана и пускал слюни, а когда она осталась не у дел, донимал, пытаясь всеми возможными способами затащить в постель. Не оставлял этих попыток и теперь.

— Если ты когда-нибудь ещё позвонишь мне или заговоришь со мной, о тебе и твоих странных привычках узнает весь Гонконг. — Она вежливо кивнула Блицманну, незаметно уронила его визитку и пошла дальше.

А Пагмайр вернулся к американцу.

— Какое тело! — проговорил Блицманн, глядя ей вслед.

— Это... это известная всем потаскушка, — презрительно ухмыльнулся Пагмайр. — Господи, ну поторопились бы они что ли с едой! Просто умираю как есть хочется.

— Она проститутка? — уставился на него Блицманн.

— Здесь никогда не знаешь наверняка, — вполголоса добавил Пагмайр. — Удивляюсь, что Шитэ Чжун пригласил её. А вообще-то не думаю, что это его сильно заботит теперь, когда рыцарское звание оплачено и присвоено. Несколько лет назад Орланда была подругой одного приятеля, но вернулась к старым привычкам и стала пробавляться на стороне. Приятель поймал её на этом и дал хорошего «П».

— Дал хорошего «П»?

— Дал Пинка — выгнал.

Блицманн никак не мог оторвать от Орланды глаз.

— Господи, — пробормотал он. — Не знаю, как насчет хорошего «П», но я, черт возьми, уверен, что дал бы ей кой-чего хорошего.

— Здесь дело лишь в деньгах, но могу тебя уверить, старина, с ней связываться не стоит. В койке Орланда никуда не годится. Уж я-то знаю. И потом, как в наше время угадаешь, кто там был до тебя, а? — Глядя на вытянувшееся лицо американца, Пагмайр рассмеялся. — Сам я после первого раза уже на неё не заглядывался. А ты, если хочешь макнуть фитилек, лучше предохраняйся.

Только что приехавший Данросс вполуха слушал Ричарда Квана, который разглагольствовал о том, какие заключил договоренности, чтобы остановить отток вкладчиков, и какие подлецы те, кто распространяет грязные слухи о «Хо-Пак».

— Совершенно согласен, Ричард. — Данроссу нужно было пройти к делегации парламентариев, стоявших в дальнем углу зала. — Ублюдков вокруг действительно хватает. Прощу прощения...

— Конечно, тайбань. — Тут Ричард Кван заговорил с ним вполголоса, и, несмотря на все старания, беспокойства ему скрыть не удалось: — Мне, может быть, потребуется помощь.

— Конечно. Все что угодно, только не деньгами.

— Ты не мог бы замолвить за меня словечко Джонджону в «Вик»? Он...

— Он ничего не сделает, и ты знаешь это, Ричард. Твой единственный шанс — один из твоих китайских друзей. Как насчет Улыбчивого Цзина?

— Ха, этот старый жулик — да я не стану просить у него ни цента его грязных денег! — презрительно фыркнул Ричард Кван. Улыбчивый Цзин отступился от их соглашения и отказался одолжить денег — или открыть кредит. — По этому старому жулику тюрьма плачет! У него тоже сейчас отток вкладчиков, но так ему и надо! Я считаю, что все начали коммунисты, они пытаются нас всех разорить. Банк Китая! Ты

слышал об очередях в «Вик» в Сентрал? А в «Блэкс» ещё больше. Банк Восточной Азии и Японии старика Тока Большое Брюхо разорился. Завтра он уже не откроется.

— Господи, ты точно знаешь?

— Он мне звонил сегодня вечером — просил двадцать миллионов. *Цзю ни ло мо*, тайбань, если нам всем не помогут, обанкротится весь Гонконг. У нас... — Тут в дверях он увидел Венеру Пань под руку с Четырехпалым У, и сердце его замерло.

Сегодня вечером малышка рвала и метала, когда он приехал без обещанного норкового манти. Венера то рыдала, то вопила, ама её причитала. Женщины не приняли объяснений, что подвел меховщик, и этому не видно было конца, пока он не пообещал, что уж до скачек преподнесет обещанный подарок точно.

— Ты поведешь меня к Шитэ?

— Жена передумала. Теперь она идет туда, так что не могу. Но потом мы пойдем...

— Потом у меня уже не будет сил! Сначала ты являешься без подарка, а теперь я не могу пойти на банкет! Где аквамариновая подвеска, что ты обещал мне в прошлом месяце? Куда делась моя норка? Могу поспорить, она на плечах у твоей жены! Айийя, моя парикмахерша дружит с её парикмахершей, и я скоро узнаю, так ли это. Ох, горе, горе, горе, на самом деле ты больше не любишь свою Дочку. Мне придется убить себя или принять приглашение Четырехпалого У.

— Што?

Ричард Кван вспомнил, как его чуть удар не хватил, какими он разражался тирадами, как бесновался и кричал, что заплатил за её квартиру целое состояние, что на её туалеты тратит тысячи долларов в неделю, и как она... О, чего она только не наговорила, как буйствовала и вопила в ответ!

— А как насчет изъятия вкладов из банка? Ты платежеспособен? А мои сбережения? С ними все порядке, хейя?

— Айийя, жалкая ты шлюха, какие сбережения? Сбережения, что я вкладываю туда за тебя? Ха! Конечно, с ними все в порядке. Они сохраннее, чем в Банке Англии!

— Горе, горе, горе, у меня теперь ни единого пенни. Твоя бедная нищая Дочка! Мне придется торговать собой или совершить самоубийство. Да, именно так! Отравлюсь — вот что я сделаю! Думаю, я приму смертельную дозу... аспирина. А Пу, неси аспирин!

Он стал просить и умолять, и в конце концов она смиростивилась, позволив ему спрятать аспирин. Кван пообещал примчаться на квартиру сразу после банкета, а теперь у него чуть глаза не вылезали из орбит, потому что в дверях стояла Венера Пань под руку с Четырехпалым У. Оба выглядели великолепно: он — раздувшийся от гордости, она — притворно-скромная и невинная, в платье, за которое Кван только что заплатил.

— Что случилось, Ричард? — удивился Данросс.

Ричард Кван пытался что-то сказать, но не смог, а лишь направился нетвердой походкой к жене, которая оторвала злобный взгляд от Венеры Пань и обратила его на супруга.

— Привет, дорогая, — пролепетал Кван, не чуя под собой ног.

— Привет, дорогой, — мило отвечала Май-лин. — Кто эта шлюха?

— Которая?

— Вон та.

— А разве это не... Как бишь её?... Звезда ТВ?

— А разве это не Пань Слабая на Передок, звезда ВБ — венерических болезней?

Он сделал вид, что смеется вместе с женой, а на самом деле ему хотелось рвать на себе волосы. Тот факт, что его нынешняя любовница пришла с кем-то другим, будет отмечен в Гонконге всеми. Все сочтут это верным признаком того, что

«Хо-Пак» идет ко дну. Что ж, скажут люди, она поступила мудро, оставив тонущую джонку ради безопасного убежища. А хуже всего то, что Венера Пань пришла с его дядей, Четырехпалым У. Это сигнал: все богатство У изъято из «Хо-Пак», и, скорее всего, Ландо Мата и золотой синдикат последовали примеру Четырехпалого. Все цивилизованные люди, от которых что-то зависит, уверены: теперь, когда умер Контрабандист Мо, главным по контрабанде стал У. Горе, горе, горе! Беда никогда не приходит одна.

— А? — устало переспросил он. — Что ты сказала?

— Я спросила, выйдет ли Тайбань от нашего имени на «Викторию»? Он перешел на кантонский, потому что рядом были европейцы:

— К сожалению, этот сын шлюхи сам влип. Нет, он нам не поможет. Мы в большой беде, хоть и не виноваты. День был ужасный, если не считать одного: у нас сегодня хорошая прибыль. Я продал все акции Благородного Дома.

— Замечательно. По какой цене?

— Мы заработали по два доллара семьдесят центов на каждой акции. Прибыль уже переведена в золото, в Цюрихе. Я кладу её на наш общий счет, — осторожно добавил он, кривя душой. Все это время он старался придумать, как выставить жену из зала, чтобы подойти к Четырехпалому У и Венере Пань и сделать вид, будто ничего страшного не случилось.

— Хорошо. Очень хорошо. Это лучше. — Май-лин играла с огромной аквамариновой подвеской. Мошонка Ричарда Квана вдруг похолодела. Подвеска была та самая, что он обещал Венере Пань. О горе, горе, горе...

— Ты как себя чувствуешь? — спросила Май-лин.

— Я... э-э... я, должно быть, съел несвежую рыбу. Думаю, мне нужно в туалет.

— Тогда лучше иди сейчас. Похоже, скоро уже будем садиться за стол. У Шити всегда все так поздно! — Она заметила, что муж нервно косится на Венеру Пань и Дядюшку У, и её взгляд снова стал злобным. — Эта шлюха на самом деле весьма обворожительна. Я послежу за ней, пока ты ходишь.

— А почему бы нам не пойти вместе?

Он взял жену за руку и повел вниз по лестнице к двери, которая вела к туалетам, то и дело здороваясь с приятелями и стараясь излучать уверенность. Запустив Май-лин в туалет, он устремился назад и подошел к Зеппелину Дуну, который крутился возле У. Поболтал с ним немного, потом сделал вид, что только теперь заметил Четырехпалого.

— О, привет, Досточтимый Дядюшка! — широко улыбаясь, пропел Кван. — Спасибо, что привел её сюда. Привет, малышка масляный роток.

— Что? — подозрительно глянул на него старик. — Я привел её для себя, а не для тебя.

— Да, и не называй меня «масляный роток», — прошипела Венера Пань, нарочно взяв старика за руку, отчего Ричард Кван чуть не изошел кровью. — Я сегодня вечером поговорила с моей парикмахершей! Моя норка на плечах у твоей ведьмы! И не моя ли это аквамариновая подвеска сейчас на ней? Подумать только, я сегодня чуть не покончила с собой, потому что думала, будто не угодила своему Досточтимому Батюшке... А это все была ложь, ложь и ложь. Ох, мне снова хочется покончить с собой.

— Э, не надо пока этого делать, сладкоречивая малышка, — забеспокоился Четырехпалый У. Он уже заключил сделку, цена которой превысила предложение Улыбчивого Цзина. — Убирайся прочь, Племянник! У неё от тебя будет несварение желудка. Она не сможет работать!

Ричард Кван вымученно улыбнулся, пробормотал несколько вежливых фраз и отошел, еле держась на ногах. Когда он направлялся на лестницу — ждать жену, кто-то пошутил:

— Вижу, одна кобылка ушла из паддока на унавоженную травку!

— Глупость какая! — тут же отреагировал Ричард Кван. — Конечно, я попросил старого дураля пойти с ней — из-за жены. С какой ещё стати малышке быть с ним? Разве у этого старого дурака хозяйство как у молодого бычка? Или даже как у бантамского петуха? Нет. Аййя, разве может даже Венера Пань со всеми её приемами, которым малышку научил я, поднять «стержень» без сердечника?! Конечно, он, чтобы не потерять достоинства, строит из себя жеребца, хейя? Бедняжка просто хотела увидаться со своим Старым Батюшкой, ну и чтобы на неё посмотрели!

— И-и-и, ловко придумано, Банкир Кван! — отозвался его собеседник. Потом отвернулся, чтобы передать услышанное соседу, который язвительно заметил:

— Ха, можно съесть и ведро дерьма, если тебе скажут, что это тушеная говядина под соусом из черных бобов! Разве ты не знаешь, что за «стеблем» Четырехпалого У ухаживают с помощью самых дорогих бальзамов, мазей и притираний из женьшеня, какие только можно купить? Сам подумай: в прошлом месяце его Шестая Наложница родила сына! И-и-и, о нем не переживай. Прежде чем он выбьется из сил сегодня ночью, Венеру Пань ждет такая взбучка, что её «золотая ложбинка» будет молить о пощаде на восьми диалектах...

— На ужин остаешься, тайбань? — спросил Данросса перехвативший его Брайан Квок. — Кто знает, когда его подадут, если подадут вообще.

— Да. А что?

— Извини, но мне нужно возвращаться на работу. Тебя проводит кто-нибудь другой.

— Ради бога, Брайан, ты не утрируешь? — так же негромко сказал Данросс.

— Не думаю, — продолжал вполголоса Брайан Квок. — Я только что звонил Кроссу — узнать насчет тех двоих, что болтались рядом с твоим домом. Как только наши ребята прибыли, эти двое удрали.

— Может, это были просто бандиты, которые не ищут встреч с полицией?

Брайан Квок покачал головой.

— Кросс снова просил тебя отдать нам бумаги АМГ прямо сейчас.

— В пятницу.

— Он просил передать, что в порту стоит советское разведывательное судно. Одно убийство уже произошло: зарезали русского шпиона.

— А я-то тут при чем? — удивился Данросс.

— Это у тебя надо спросить. Ты знаешь, что в этих докладах. Должно быть, что-то серьезное, иначе ты не проявил бы такой несговорчивости — или осторожности. Кросс сказал... Да ну его! Иэн, послушай, мы старые друзья. Я действительно очень встревожен. — Брайан Квок перешел на кантонский: — Даже мудрец может свалиться в колючки — ядовитые колючки.

— Через два дня приезжает полицейский мандарин. Два дня — это не так много.

— Верно. Но за два дня шпион может нанести нам немало вреда. Зачем искушать богов? Это моя просьба.

— Нет. Извини.

Выражение лица Брайана Квока стало жестче. Он сказал по-английски:

— Наши американские друзья обратились к нам с просьбой взять тебя под стражу, чтобы защитить.

— Какая чепуха!

— Не такая это чепуха, Иэн. Все прекрасно знают, что у тебя фотографическая память. Чем быстрее ты передашь чертovy бумаги, тем лучше. Даже после этого тебе следует быть осмотрительнее. Почему бы не сказать мне, где они хранятся, а мы уже обо всем позаботимся?

Данросс смерил его таким же суровым взглядом.

— Обо всем уже позаботились, Брайан. Все остается, как запланировано. Высокий китаец вздохнул, потом пожал плечами:

— Очень хорошо. После не говори, что тебя не предупреждали. Гэваллан и Жак тоже остаются?

— Нет, не думаю. Я попросил их лишь обозначиться. А что?

— Они могли бы проводить тебя. Прошу некоторое время никуда не ездить одному, не старайся оторваться от охраны. Какое-то время звони, если у тебя будут... э-э... тайные свидания.

— У меня и тайные свидания? Здесь, в Гонконге? Надо же подумать такое!

— Имя Жэнь тебе о чем-нибудь говорит? Взгляд Данросса стал каменным.

— Вы, засранцы, слишком много куда суете нос.

— А ты, похоже, не отдаешь себе отчета, в какую грязную игру без правил ввязался.

— Клянусь Богом, это уж я понял.

— До свидания, тайбань.

— До свидания, Брайан.

Данросс подошел к членам парламента, которые, собравшись группой в углу, беседовали с Жаком де Виллем. Парламентариев было лишь четверо, остальные отдыхали после долгого путешествия. Жак де Вилль представил:

— Сэр Чарльз Пенниworth, консерватор. Хью Гутри, либерал. Джулиан Бродхерст и Робин Грей, оба лейбористы.

— Привет, Робин, — бросил Данросс.

— Привет, Иэн. Давненько не виделись.

— Да.

— С вашего позволения, я удаляюсь, — озабоченно произнес де Вилль. — Жена в отъезде, а у нас дома маленький внук.

— Ты говорил с Сюзанной во Франции? — спросил Данросс.

— Да, тайбань. Она... у неё все будет в порядке. Спасибо за звонок Делану. До завтра. До свидания, джентльмены. — Он ушел.

Данросс снова перевел взгляд на Робина Грея:

— Ты совсем не изменился.

— Ты тоже. — Грей, худой, тонкогубый, с редкими седыми волосами и резкими чертами лица, повернулся к Пенниworthу: — Мы с Иэном встречались в Лондоне много лет назад, сэр Чарльз. Это было сразу после войны. Я тогда только стал руководителем профсоюза.

— Да, много лет прошло, — вежливо согласился Данросс, помня, о чем много лет назад договорилась Пенелопа с братом — не раскрывать никому, что они кровные родственники. — Значит, ты, Робин, здесь надолго?

— Всего на несколько дней. — Улыбка у Грея была такой же тонкой, как и губы.

— Никогда не был в этом раю для рабочих. Хотел бы встретиться с профсоюзными вожаками. Посмотреть, как живут девяносто девять процентов населения.

Сэр Чарльз Пенниworth, краснощекий мужчина с ещё густой шевелюрой, бывший командир Лондонского Шотландского полка, кавалер ордена «За боевые заслуги», а сейчас руководитель делегации, засмеялся:

— Не думайте, что здесь профсоюзы в почете, Робин. Верно, тайбань?

— Наши работники прекрасно обходятся без них, — отозвался Данросс.

— Потогонная система труда, тайбань, — тут же ввернул Грей. — Об этом свидетельствуют ваши собственные статистические данные, правительственная статистика.

— Не наша статистика, Робин, а лишь ваши статистики, — возразил Данросс. — У наших работников зарплата самая высокая в Азии после японцев, и у нас свободное общество.

— Свободное? Брось! — усмехнулся Грей. — Ты имеешь в виду свободное для эксплуатации рабочих. Ну, ничего, когда лейбористы пройдут на будущих выборах, мы все это изменим.

— Да будет вам, Робин, — отмахнулся сэр Чарльз. — У лейбористов на будущих выборах никаких шансов.

Грей улыбнулся.

— Не скажите, сэр Чарльз. Народ Англии хочет перемен. Мы все не за тем шли на войну, чтобы сохранились прогнившие старые порядки. Лейбористы за перемены в обществе — и за то, чтобы рабочие получали справедливую долю создаваемой ими прибыли.

— Я всегда считал довольно несправедливым, когда социалисты говорят о рабочих так, словно лишь они и работают, а мы ничего не делаем, — сказал Данросс. — Мы тоже рабочие. Мы трудимся так же напряженно, если не больше. И рабочий день у нас длиннее, и...

— А-а, но ты — тайбань и живешь в большом, шикарном доме, который получил по наследству вместе с властью. Весь этот капитал порожден потом какого-нибудь бедолаги. Я уже не говорю о торговле опиумом, с которой все это начиналось. Справедливо будет поделить капитал между всеми, чтобы на старте все имели равные условия. Для богатых налог должен быть выше. Нужно ввести налог на капитал. Чем быстрее будут поделены большие состояния, тем лучше для всех англичан, а, Джулиан?

Сорокапятилетний Джулиан Бродхерст, выделявшийся высоким ростом, был твердым сторонником Фабианского общества¹⁸⁷, «мозгового треста» движения социалистов.

— Ну, что тут скажешь, Робин, — лениво и чуть ли не робко начал он. — Я, конечно, не стану, как ты, звать на баррикады, но действительно считаю, мистер Данросс, что здесь, в Гонконге, следовало бы создать Совет тред-юнионов, организовать должным образом профсоюзы, ввести шкалу минимальных зарплат, выборную законодательную власть, социальные гарантии, государственное здравоохранение, компенсации рабочим и все современные британские новшества.

— Это абсолютно ошибочный подход, мистер Бродхерст. Китай никогда не согласится на изменение нашего колониального статуса. Он никогда не допустит существования на своей границе города-государства в любой форме. Что касается остального, кто за все это будет платить? — спросил Данросс. — Наша свободная от ограничений система действует в двадцать раз эффективнее британской и...

— Платить будешь ты из всех твоих прибылей, Иэн, — усмехнулся Робин Грей. — Ты будешь платить справедливые налоги, а не пятнадцать процентов. Ты будешь платить так же, как и мы в Британии...

— Избави боже! — Данросс с трудом сдерживался. — Вы с вашими налогами сводите на нет любой бизнес и...

— Из прибылей? — язвительно переспросил либерал Хью Гутри. — Последнее правительство этих проклятых лейбористов давно уже лишило нас всех прибылей своим абсолютно идиотским расточительством, возмутительной национализацией, тем, что, поддавшись бессмысленному, глупому порыву, растеряло по частям

¹⁸⁷ Фабианское общество — основанная в 1884 г. организация английской буржуазной интеллигенции, которая призывала к постепенному преобразованию капиталистического общества путем реформ. Названа в честь римского полководца Квинта Фабия Максима (III в. до н. э.), прозванного Кунктатором — Медлительным — за то, что он достиг успеха в борьбе с Ганнибалом выжидательной тактикой. Членами общества были Джордж Бернард Шоу, Герберт Уэллс и Бертран Рассел. После создания лейбористской партии (1900) — в её составе.

империю, подорвало устои Содружества¹⁸⁸ и швырнуло бедную старую Англию лицом в грязь, черт побери. Просто смешно! Эттли и вся эта мразь!

— Да ладно, Хью. Правительство лейбористов поступало, как хотел народ, как хотели народные массы, — примирительно сказал Робин Грей.

— Ерунда! Этого хотели враги. Коммунисты! Меньше чем за восемнадцать лет вы разрушили величайшую в мире империю, сделали из нас государство второго сорта и позволили Советам — нашему заклятому врагу — отхватить пол-Европы. Просто позор!

— Я целиком согласен, коммунизм — это ужасно. Но что касается распада империи, то это ветер перемен, Хью, — изрек Бродхерст. — Колониализм отжил свое. Тебе вообще-то стоит заглянуть вперед.

— Я и заглядываю. И считаю, что положение у нас безнадежное. Черчилль прав и всегда был прав.

— А народ так не считает, — угрюмо парировал Грей. — Поэтому твой Черчилль и провалился на выборах. Он проиграл выборы в армии: он уже всем надоел. Что касается империи, прошу прощения, Хью, старина, но это был лишь предлог для эксплуатации туземцев, которые ничего лучшего не знали.

Глядя на лица собеседников, Робин Грей ясно видел, что на них написано. Он привык к окружавшей его ненависти. Он ненавидел ещё сильнее, и так было всегда.

После войны Грей хотел остаться в регулярной армии, но не вышло: вокруг было пруд пруди капитанов с наградами, отличившихся в боях, а он провел всю войну в Чанги. Исполненный негодования и обиды, он пошёл работать механиком в Кроли, на большой завод по производству легковых машин. Вскоре стал профсоюзным активистом и организатором, потом подвизался на небольших должностях в Генеральном совете тред-юнионов. Пять лет назад был избран членом парламента от лейбористской партии и сделался язвительным, сердитым, враждебно настроенным «заднескамеечником», протеже покойного социалиста левого толка Эньюрина Бивена¹⁸⁹.

— Да, мы избавились от Черчилля, а когда победим в будущем году, то отправим на свалку ещё больше старых, надоевших порядков и порочных установлений, навязанных высшим классом. Мы национализируем всю промышленность и...

— Помилуйте, Робин, — поморщился сэр Чарльз, — это же банкет, а не трибуна в Гайд-парке. Мы же договорились во время поездки не вести разговоров о политике.

— Вы правы, сэр Чарльз. Я лишь ответил на вопрос тайбаня. — Грей повернулся к Данроссу: — Как дела у Благородного Дома?

— Хорошо. Очень хорошо.

— А в сегодняшней дневной газете говорится, что на ваши акции идет накат.

— Один из конкурентов валяет дурака, не более того.

— А массовое изъятие вкладов из банков? Это как?

— Это серьезно. — Данросс тщательно подбирал слова. Он знал, насколько антигонконгское лобби в парламенте, знал, что многие члены всех трех партий выступают против колониального статуса Гонконга, против того, что в нем не проводятся выборы, знал, что британские бизнесмены завидуют здешним свободам, а больше всего — низким налогам.

¹⁸⁸ Содружество (Британское содружество наций) — ассоциация независимых суверенных государств, в основном бывших колоний Великобритании.

¹⁸⁹ Эньюрин Бивен (1897-1960) — английский политик-лейборист родом из Уэльса. Министр здравоохранения в правительстве Эттли. Сыграл важную роль в создании в 1948 г. национальной системы здравоохранения. После раскола лейбористской партии возглавил её левое крыло.

«Ничего, — думал он. — С тысяча восемьсот сорок первого года мы пережили не один враждебный парламент, а также пожары, тайфуны, эпидемии, чуму, эмбарго, депрессию, оккупацию и периодические потрясения, которые прокатываются по всему Китаю. Как-нибудь выживем и дальше».

— Отток вкладчиков произошел только из «Хо-Пак», одного нашего китайского банка, — пояснил он.

— Он ведь самый большой, да? — спросил Грей.

— Нет, не самый. Но большой. Мы все надеемся, что банк справится с этой проблемой.

— Если он разорится, что будет с деньгами вкладчиков?

— К сожалению, они их потеряют, — признал Данросс, загнанный в угол.

— Вам нужны английские законы о банках.

— Нет, мы считаем, что наша система работает очень хорошо. Как вам Китай? — спросил Данросс.

Не успел сэр Чарльз и рта раскрыть, как Грей уже говорил:

— Большинство из нас считает, что Китай опасен, настроен враждебно. Его нужно изолировать, а границу с Гонконгом закрыть. Китайцы не скрывают намерения бросить вызов всему миру. Китайский коммунизм — лишь предлог для диктатуры и эксплуатации народных масс.

Данросс и остальные гонконгские янь даже побледнели, когда сэр Чарльз резко произнес:

— Извините, Робин, но это лишь ваша точка зрения и точка зрения комм... э-э... Маклина. Я придерживаюсь совершенно противоположных взглядов. Я считаю, что китайцы весьма искренне пытаются справиться с существующими проблемами, которые ужасны, громадны и, как мне кажется, неразрешимы.

— Слава богу, там скоро начнется большая заваруха, — презрительно фыркнул Грей. — Даже русские это поняли. Иначе почему они убралась оттуда?

— Да потому, что Советы и Китай — враги. У них общая граница на пять тысяч миль. — Данросс старался сдерживаться. — Они никогда не доверяли друг другу. В Китай захватчики всегда приходили с запада, а в Россию — с востока. Россия издавна мечтала завладеть Китаем.

— Ну что вы, мистер Данросс, — начал Бродхерст. — Вы, несомненно, преувеличиваете.

— России выгодно, чтобы Китай был бессильным и раздробленным, а Гонконг лишился своей мощи. России нужно, чтобы Китай был слабым. Это краеугольный камень политики Советов.

— В России, по крайней мере, живут цивилизованные люди, — объявил Грей. — А в «красном» Китае — фанатики, опасные и невежественные. Их нужно изолировать, по крайней мере от Гонконга.

— Чепуха! — энергично возразил Данросс. — Китай — самая древняя цивилизация на земле. Он изо всех сил стремится к дружбе с Западом. Это прежде всего китайская держава, а потом уж коммунистическая.

— Благодаря Гонконгу и вам, «торговцам», коммунисты держатся у власти.

— Вздор! Ни Мао Цзэдуна, ни Чжоу Эньлаю ни мы, ни Советы в Пекине не нужны!

— По-моему, «красный» Китай и советская Россия одинаково опасны, — выразил свое мнение Хью Гутри.

— Какое может быть сравнение! — воскликнул Грей. — В Москве едят ножами и вилками и знают толк в еде! А что было в Китае? Отвратительная еда, паршивые гостиницы и бесконечные лицемерные разговоры.

— Честно говоря, я что-то совсем не понимаю вас, старина, — раздраженно заметил сэр Чарльз. — Вы изо всех сил старались попасть в эту комиссию.

Предполагалось, что вы заинтересованы в азиатских делах. А от вас никакого толку — одни жалобы.

— Критиковать не значит жаловаться, сэр Чарльз. Откровенно говоря, я за то, чтобы не предоставлять «красному» Китаю никакой помощи вообще. Никакой. А по возвращении я собираюсь выдвинуть предложение о коренном изменении статуса Гонконга: наложить эмбарго на все товары, вывозимые из коммунистического Китая и ввозимые туда; немедленно провести здесь выборы; ввести настоящие налоги, настоящее профсоюзное движение и настоящую британскую социальную справедливость!

Данросс упрямо выпятил подбородок:

— Тогда вы лишите нас нынешнего положения в Азии!

— Всех тайбаней — да, но народ — нет! Русские были правы насчет Китая.

— Я говорю о свободном мире! Господи боже мой, неужели кому-то ещё не ясно: советская Россия нацелена на гегемонию, на то, чтобы править всем миром и уничтожить нас. А Китай — нет, — вздохнул Данросс.

— Ты не прав, Иэн. Ты за деревьями не видишь леса, — процедил Грей.

— Послушай! Если Россия...

— Россия лишь пытается решить свои проблемы, мистер Данросс, — мягко перебил его Бродхерст. — И одна из них — американская политика сдерживания. Советам нужно, чтобы их оставили в покое, чтобы их не брали в кольцо болезненно самолюбивые янки, которые держат упитанные пальцы на пусковых кнопках ядерного оружия.

— Чушь! Янки — наши единственные друзья, — зло вставил Хью Гутри. — Что касается Советов, как насчет холодной войны? Берлина?¹⁹⁰ Венгрии?¹⁹¹ Кубы? Египта?¹⁹² Они заглатывают нас по частям.

— Странная штука жизнь, и память так коротка, — вздохнул сэр Чарльз Пенниworth. — В сорок пятом, это было второго мая, мы встретились с русскими в Висмаре, на севере Германии. Я никогда в жизни не был так горд и счастлив, да-да, горд. Мы пели, и пили, и поздравляли друг друга, и говорили тосты. Тогда моя дивизия и все мы в Европе, все союзники, неделями не получали приказа о наступлении. Это позволило русским ворваться в Германию, пройдя через Балканы, Чехословакию, Польшу и другие страны. В то время я не очень-то об этом задумывался. Я был рад, что война почти кончилась, и гордился нашими русскими союзниками. Но вы знаете, оглядываясь теперь назад, я считаю, что нас предали. Нас, солдат, предали — в том числе и русских солдат. Нас подставили. Не знаю, что произошло на самом деле, до сих пор этого не понимаю, но уверен на все сто, что нас предали, Джулиан. Предали наши собственные лидеры, ваши чертовы социалисты вместе с Эйзенхауэром, Рузвельтом и его введенными в заблуждение советниками. Клянусь Богом, я до сих пор не понимаю, как это случилось, но мы проиграли войну. Мы победили, но проиграли.

— Да будет вам, Чарльз! Вы абсолютно не правы. Мы все победили, — заявил Бродхерст. — Народы всего мира победили, когда нацистская Германия была повер... — Он осекся, встревоженный выражением лица Грея. — Что случилось, Робин?

¹⁹⁰ В июне-июле 1953 г. в Восточном Берлине с помощью советских войск было подавлено антиправительственное выступление рабочих.

¹⁹¹ В октябре-декабре 1956 г. во время широкомасштабных народных выступлений в Венгрии лишь введение советских войск позволило прокоммунистическому правительству остаться у власти.

¹⁹² Египет пошёл на сближение с СССР после Суэцкого кризиса 1956 г.

Грей, не отрываясь, смотрел в другой конец зала.

— Иэн! Вон тот человек, что разговаривает с китайцем... Ты его знаешь? Высокий такой тип в блейзере.

Не менее изумленный Данросс глянул в ту сторону.

— Светловолосый? Ты имеешь в виду Марлоу, Пите...

— Питер чертов Марлоу! — пробормотал Грей. — Что... что он делает в Гонконге?

— Просто приехал. Из Штатов. Он писатель. Насколько я знаю, он собирает материалы для книги о Гонконге.

— Писатель, говоришь? Любопытно. Вы с ним друзья?

— Я познакомился с ним пару дней назад. А что?

— А эта женщина рядом с ним его жена?

— Да. Это Флер Марлоу, а что?

Грей не ответил. В уголках рта у него выступила слюна.

— Ты его знаешь, Робин? — спросил чрезвычайно обеспокоенный Бродхерст.

Грей с усилием отвел глаза от Марлоу.

— Мы были вместе в Чанги, Джулиан, японском лагере для военнопленных. Я последние два года был начальником лагерной полиции, следил за порядком. — Он вытер выступивший над верхней губой пот. — А Марлоу обделывал делишки на черном рынке.

— Марлоу? — переспросил пораженный Данросс.

— О да, лейтенант ВВС Марлоу, благородный английский джентльмен, — произнес Грей хриплым от горечи голосом. — Да. Они были там заправилами — он и его приятель, американец, которого звали Кинг, капрал Кинг. Потом был ещё один, австралиец, Тимсен... Но самым крутым считался тот американец: действительно Кинг¹⁹³. Из Техаса. У него все офицеры состояли на содержании, сплошь английские джентльмены — полковники, майоры, капитаны. Марлоу служил Кингу переводчиком, когда тот общался с японскими и корейскими охранниками... Нас в основном сторожили корейцы. Хуже их не найти... — Грей закашлялся. — Господи, словно вчера это было. Марлоу с Кингом жили припеваючи: эти двое съедали по меньшей мере по яйцу в день, а мы, все остальные, голодали. Вы представить себе не можете, как... — Грей снова, сам того не замечая, вытер пот над верхней губой.

— Вы долго были в плену? — сочувственно осведомился сэр Чарльз.

— Три с половиной года.

— Ужас, — сказал Хью Гутри. — У меня двоюродный брат погиб на железной дороге в Бирме¹⁹⁴. Ужас!

— Да, это было ужасно, — подтвердил Грей. — Но не так ужасно для тех, кто становился предателем. Будь то на Дороге или в Чанги! — Когда он взглянул на сэра Чарльза, выражение лица у него было странное, глаза налились кровью. — Марлоу всего мира — вот кто нас предал, нас, обыкновенных людей без привилегий от рождения. — Его голос ещё больше исполнился горечи. — Не хочу никого обидеть, но теперь вы все получаете по заслугам, и давно пора. Господи, мне надо выпить. Прошу извинить. — И он торжественно удалился в сторону бара у одной из стен зала.

— Невероятно, — пробормотал сэр Чарльз.

— В какой-то момент мне показалось, что он сейчас кинется на Марлоу, —

¹⁹³ От англ. king — король.

¹⁹⁴ Железная дорога в Бирме (также «Железная дорога смерти») — дорога из Таиланда в Бирму, построенная японцами в годы Второй мировой войны. За время строительства погибли около 100 000 азиатских рабочих и 16 000 военнопленных из сил союзников, в том числе более 6000 англичан.

нервно хохотнул Гутри.

Все провожали Грея взглядами, и Бродхерст обратил внимание, с каким напряженным и холодным выражением смотрит ему вслед нахмурившийся Данросс.

— Не обращайтесь на него внимания, мистер Данросс. Боюсь, что Грей очень утомителен, довольно вульгарен и зануден. Он... Ну, по нему, слава богу, вообще нельзя судить о руководстве лейбористов. Вам понравится наш новый лидер Гарольд Вильсон¹⁹⁵. Вы составите о нем хорошее мнение. Когда в следующий раз приедете в Лондон, буду рад познакомить, если у вас найдется время.

— Благодарю вас. Вообще-то, я думал про Марлоу. Трудно поверить, что он кого-либо «продал» или предал.

— Чужая душа потемки, верно?

Грей взял виски с содовой, повернулся и пошёл через зал.

— Вот те на! Неужто лейтенант ВВС Марлоу!

Вздрогнув, Питер Марлоу повернулся к нему. Улыбка исчезла с лица. Двое мужчин смотрели друг на друга в упор. Флер Марлоу замерла.

— Привет, Грей. — Голос Марлоу звучал ровно и невыразительно. — Я слышал, что ты в Гонконге. Вообще-то, я читал твоё интервью в дневном выпуске. — Он обернулся к жене: — Дорогая, это Робин Грей, член парламента. — Он представил Грея китайцам, одним из которых был сэр Шитэ Чжун.

— А-а, мистер Грей, какая честь для нас, — проговорил Шитэ, демонстрируя оксфордское произношение. Высокий смуглый мужчина с приятной внешностью, он больше походил на европейца, чем на китайца. — Надеемся, вам понравится в Гонконге. Если чем-то могу быть полезен, вам стоит лишь сказать!

— Угу, — буркнул в ответ Грей. Все обратили внимание на эту неучтивость. — Вот, значит, как, Марлоу! Ты почти не изменился.

— Ты тоже. А ты хорошо устроился, — ответил Марлоу и пояснил для остальных: — Мы были вместе на войне. Я не видел Грея с сорок пятого года.

— Мы были в плену, Марлоу и я, — сказал Грей, а потом добавил: — Вот только стоим мы на противоположных концах политического ковра.

Он замолчал и посторонился, чтобы пропустить Орланду Рамуш. Она улыбнулась, приветствуя сэра Шитэ, и проследовала дальше. Грей секунду смотрел ей вслед, потом обернулся.

— Все так же торгуешь? — Это было завуалированное английское оскорбление. Для потомственных офицеров, подобных Марлоу, торговля была занятием малопочтенным, недостойным людей из высшего сословия.

— Я пишу. — Марлоу повернулся к жене и улыбнулся ей одними глазами.

— А я думал, ты до сих пор в королевских ВВС. Строевой офицер, как и твои именитые предки.

— Меня демобилизовали по болезни — малярия и все прочее. Печально, знаешь ли. — Марлоу намеренно подчеркивал свой аристократический выговор, зная, что Грея это бесит. — А ты, стало быть, в парламенте? Это ты здорово придумал. Представляешь там Стретем-Ист? Ведь ты оттуда родом?

— Да. Да, оттуда... — вспыхнул Грей.

Шитэ сделалось явно не по себе от этого напряженного противостояния, хотя он и пытался скрыть неловкость.

— Мне нужно... э-э... проверить, как там с ужином, — пробормотал он и поспешно отошел.

¹⁹⁵ Гарольд Вильсон (1916-1995) — один из самых успешных премьер-министров Великобритании от лейбористской партии (1964-1970 и 1974-1976). Многие относят его к числу самых интеллектуальных политиков XX века.

Остальные китайцы, извинившись, отвернулись. Флер Марлоу обмахнулась рукой, как веером.

— Может, пойдем поищем наш столик, Питер?

— Хорошая мысль, миссис Марлоу. — Грей, как и Питер Марлоу, был напряжен и сдерживался. — Как поживает Кинг?

— Не знаю. Я не видел его со времен Чанги. — Марлоу смотрел на Грея свысока.

— Но ты поддерживаешь с ним связь?

— Нет. На самом деле, нет.

— И не знаешь, где он сейчас?

— Нет.

— Странно, вы были так близки.

Грей перевел взгляд на Флер Марлоу: такой красивой женщины ему не доводилось встречать. Симпатичная и славная, сразу видно — англичанка, светловолосая и очень похожая на его бывшую жену Трину, которая сбежала с американцем меньше чем через месяц после того, как ей сообщили, что Грей пропал без вести в бою. Меньше чем через месяц.

— Вы знали, что в Чанги мы были врагами, миссис Марлоу? — спросил он с мягкостью, которая показалась Флер устрашающей.

— Питер никогда не говорил со мной о Чанги, мистер Грей. И ни с кем другим, кого я знаю.

— Любопытно. Там было ужасно, миссис Марлоу. Я ничего не забыл. Я... ну, извините, что прервал вашу беседу... — Он поднял глаза на Марлоу, явно намереваясь что-то сказать, но потом передумал и отошел.

— Ох, Питер, какой ужасный человек! — вздохнула Флер. — Меня от него просто в дрожь бросило.

— Не стоит переживать, дорогая.

— Почему вы были врагами?

— Не сейчас, моя кошечка, потом. — Марлоу посмотрел на неё любящим взглядом и улыбнулся. — Грей для нас ничто.

36

21:45

Бартлетт увидел Орланду прежде, чем она заметила его, и у него даже дыхание перехватило. Он невольно сравнил её с Кейси, которая стояла рядом, беседуя с Эндрю Гэвалланом. Белое шелковое платье до полу с воротником хомутиком открывало на спине золотистое тело Орланды и каким-то непостижимым образом его предлагало. Кейси была в зеленом платье, которое он видел уже не раз, и золотистые волосы каскадом ниспадали на плечи.

— Вы не хотели бы пойти сегодня на вечеринку к Шитэ? — спросила утром Орланда. — Это может оказаться весьма полезным для вас и вашей Кейси.

— Почему?

— Потому что весь более или менее значительный бизнес в Гонконге делается на подобного рода приемах, мистер Бартлетт. Вам следует завязать отношения с такими людьми, как Шитэ, — и стать своим в Скаковом клубе, Крикет-клубе и самом Клубе, хотя это, скорее всего, невозможно.

— Потому что я американец?

— Потому что для этого кто-то должен умереть — англичанин или шотландец. Только тогда освободится место. — Она засмеялась. — Список ожидающих долог, как Квинз-роуд! Допускаются туда только мужчины. Затхлость и скука, старые кожаные кресла, пожилые джентльмены, дремлющие после трехчасового ланча и

десяти порций джина, газета «Таймс» и все такое.

— Черт, звучит заманчиво!

Она снова засмеялась. Зубы белые, ну просто ни одного изъяна. Они проговорили весь завтрак, и ему показалось, что беседовать с ней — одно удовольствие. Как и быть вместе. Духи такие соблазнительные. Кейси духами пользовалась редко: считала, что бизнесменов, с которыми ей приходится иметь дело, это только отвлекает. Позавтракали они с Орландой по-американски — яичница с хрустящим поджаренным беконом и кофе с тостами — в предложенном ею, только что открывшемся отеле «Мандарин». Кейси же обходилась без завтрака. Лишь иногда выпивала чашку кофе с тостом или круассанами.

Интервью прошло легко, и время пролетело слишком уж незаметно. Ему никогда ещё не приходилось коротать часы в обществе особы, которая настолько не скрывала своей женственности и вела себя так уверенно. Сильная, энергичная и невозмутимая Кейси всегда была неженственна. «Это её выбор. Она выбрала, а я согласился», — напомнил он себе.

— Это Орланда? — взглянула на него Кейси, выгнув бровь.

— Да, — ответил он, безуспешно пытаясь понять, что у неё на уме. — Что скажешь?

— Скажу, что она просто динамит.

— В каком смысле?

Кейси ответила усмешкой. Она повернулась к Гэваллану, который старался сосредоточиться и быть вежливым, хотя голова у него была занята другим. Сегодня вечером Кэти все рассказала мужу. Эндрю не хотел оставлять её, но она настояла, чтобы муж пошёл на банкет: для него важно быть там.

— Вы её знаете, Эндрю?

— Кого?

— Вон та девицу в белом.

— Где? О! О да, но только понаслышке.

— И как о ней отзываются — хорошо или плохо?

— Это уж... э-э... как посмотреть, Кейси. Она... она португалка, евразийка, конечно. Орланда много лет была подружкой Горнта.

— Вы имеете в виду, его любовницей?

— Да, думаю, именно так, — вежливо сказал он, хотя прямота Кейси ему ужасно не понравилась. — Но все это никак не афишировалось.

— У Горнта неплохой вкус. Ты знал, что она была его подружкой, Линк?

— Она сказала сегодня утром. Я познакомился с ней у Горнта пару дней назад. По его словам, они до сих пор остаются друзьями.

— Горнту верить нельзя, — заявил Гэваллан.

— Мне сказали, у него мощная поддержка и в Гонконге, и за его пределами, — заметила Кейси. — Насколько мне известно, в настоящий момент он, в отличие от вас, не перебрал с кредитами. Вы, должно быть, слышали, он хочет, чтобы мы заключили соглашение с ним, а не с вами.

— У нас нет перебора с кредитами, — насупился Гэваллан и посмотрел на Бартлетта. — Мы ведь пришли к соглашению, верно?

— Мы подписываем его во вторник. Если вы будете готовы, — ответил Бартлетт.

— Мы готовы уже сейчас.

— Иэн хочет, чтобы мы все держали в секрете до субботы, и нас это устраивает, — вставила Кейси. — Верно, Линк?

— Конечно.

Бартлетт снова посмотрел на Орланду. Кейси тоже бросила взгляд в её сторону. Она заметила красотку в белом с самого начала, когда та задержалась в дверях.

— С кем она сейчас разговаривает, Эндрю?

Мужчине было за пятьдесят, интересный, стройный, элегантный.

— Это Ландо Мата. Тоже португалец, из Макао.

«Сумеет ли Данросс убедить Мату прийти к нам на помощь со всеми его миллионами? — мучительно думал Гэваллан. — Как бы, интересно, поступил я на месте тайбаня? Стал бы покупать завтра или заключил бы сделку с Матой и Прижимистым сегодня? С их деньгами Благородный Дом обезопасит себя на целые поколения, хотя контроль будет потерян. Сейчас нет смысла об этом беспокоиться. Подожди, пока станешь тайбанем».

Он увидел, как Мата улыбнулся Орланде, как оба посмотрели на них и двинулись в их сторону. Гэваллан не сводил глаз с крепких грудей португалки, ничем не стесненных под шелком платья, и четко обозначившихся сосков. «Господи, — в изумлении воскликнул он про себя, — даже Венера Пань не осмелилась бы на такое». Когда эти двое подошли, он представил их американцам и отошел в сторону, понимая, что лишний здесь, и желая понаблюдать за ними.

— Привет, — доброжелательно обратилась к Кейси Орланда. — Линк столько рассказывал о вас и о том, как вы важны для него.

— Я тоже наслышана о вас, — столь же приветливо откликнулась Кейси. «Но недостаточно. Ты куда прелестнее, чем рассказывал Линк. Да. Значит, вот ты какая, Орланда Рамуш. Красивая, с мелодичным голосом, женственная, хищная, как пиранья, сучка, которая положила глаз на моего Линка. Боже, что же мне теперь делать?»

Продолжая вести непринужденную беседу, она лихорадочно размышляла.

«С одной стороны, для Линка было бы неплохо завести связь. Это сняло бы с него напряжение. Вчера вечером вышло паршиво — и для него, и для меня. Он был прав. Мне лучше куда-нибудь перебраться. Но смогу ли я вырвать его из когтей такой вот очаровательной кошечки? Станет ли она ещё одной из тех, что ничего не значили для меня, а примерно через неделю — и для него тоже?»

Нет, с этой все будет по-другому, — решила для себя Кейси. — Нужно выбирать. Или я по-прежнему жду тринадцать недель и четыре дня и принимаю бой, или не жду и принимаю бой».

Она улыбнулась:

— Орланда, ваше платье — просто фантастика.

— Спасибо. Можно я буду называть вас Кейси? Обе поняли: война объявлена.

Бартлетт пришел в восторг оттого, что Орланда явно понравилась Кейси. Гэваллан, следивший за всеми четырьмя, был очарован. Между ними витала какая-то странная теплота. Особенно между Бартлеттом и Орландой.

Он переключил внимание на Мату и Кейси. Обходительный, полный шарма Старого Света, Мата сосредоточился на Кейси, вываживая её, как рыбу. «Интересно, насколько он преуспеет? Что любопытно, Кейси, похоже, несколько не смущена. Ведь не могла же она не заметить, что её дружок втюрился в Орланду? А может, и не заметила. Или ей на это наплевать? Может, они с Бартлеттом лишь партнеры по бизнесу, и ничего больше. Может, она всё-таки лесбиянка? Или просто фригидная, как многие из них. Печально!»

— Как вам Гонконг, мисс Кейси? — спросил Мата, прикидывая, какова она в постели.

— Боюсь, я ещё мало что видела, хотя уже ездила на экскурсию от отеля на Новые Территории и посмотрела на Китай.

— А вы хотели бы поехать? Я имею в виду, действительно поехать в Китай? Скажем, в Кантон? Я могу организовать приглашение.

Она растерялась:

— Но нам запрещено ездить в Китай... Наши паспорта там недействительны.

— О, вам не понадобится предъявлять паспорт. КНР с паспортами не связывается. В Китай ездит так мало гуйлао, что подобная проблема вообще не стоит. Китайцы выдают письменную визу и ставят на ней штампы.

— Но наш Государственный департамент... Не думаю, что стану так рисковать прямо сейчас.

Бартлетт кивнул:

— Предполагается, что мы не должны здесь даже заходить в магазин коммунистов. Универсальный магазин.

— Да, странное у вас правительство, нечего сказать, — хмыкнул Мата. — Можно подумать, что поход по магазинам — это подрывная деятельность! Вы слышали, что говорят про «Хилтон»?

— А что такое?

— Они приобрели замечательную коллекцию китайских антикварных вещей для нового отеля. Разумеется, здесь. — Мата улыбнулся. — И теперь, похоже, Соединенные Штаты решили, что ни одной из этих вещей «Хилтон» воспользоваться не может. Даже тут, в Гонконге. Все пылится на складе. По крайней мере, так рассказывают.

— Похоже на то, — мрачно буркнул Бартлетт. — Так уж повелось в Штатах: если ты ни на что не годишься, становишься правительственным чиновником.

— Кейси, вам решать, — подначивал Мата. — Зайдите в этот магазин. «Чайна артс энд крафтс» — «Китайское искусство и ремесла» — на Квинз-роуд. Цены очень умеренные, и коммунисты там без рогов и шипастого драконьего хвоста.

— Я и не ожидал увидеть такого, — пожал плечами Бартлетт. — Кейси, от некоторых вещей ты просто пришла бы в экстаз.

— Ты там был? — поразилась она.

— Конечно.

— Это я завела туда мистера Бартлетта сегодня утром, — объяснила Орланда. — Мы случайно проходили мимо. Я с удовольствием похожу с вами по магазинам, если хотите.

— Спасибо, вы очень любезны, — так же мило промурлыкала Кейси, ощущая подаваемые всем её существом сигналы: опасность! — Но видите ли, какое дело: нам сказали в Лос-Анджелесе, что ЦРУ следит за всеми входящими туда и выходящими оттуда американцами, потому что там якобы собираются коммунисты.

— По мне так, самый обычный магазин, Кейси, — возразил Бартлетт. — Ничего особенного, кроме нескольких плакатов с Мао. Хотя торговаться нельзя. Все цены обозначены на ценниках. Можно по дешевке купить такое, что тебе и не снилось. Жаль, что ничего не удастся ввезти домой. — На все товары китайского происхождения, даже на старинные вещи, пробывшие в Гонконге сто лет, было наложено полное эмбарго.

— Эта проблема решаема, — тут же оживился Мата, прикидывая, сколько сможет заработать как посредник. — Если вам что-то нравится, я с удовольствием куплю.

— Но нам все равно не провезти это в Штаты, — проговорила Кейси.

— О, это не так уж сложно. Я все время оказываю подобные услуги друзьям из Америки. Просто отправляю их покупки в какую-нибудь из своих компаний в Сингапуре или Маниле. За небольшую плату они вышлют их вам в Штаты с любым сертификатом происхождения, какой захотите — Малайзия или Филиппины.

— Но это же противозаконно. Контрабанда.

Мата, Гэваллан и Орланда в открытую рассмеялись, и Эндрю провозгласил:

— Торговля — движитель мира. Товары, на которые наложено эмбарго, все равно попадают из Соединенных Штатов или Тайваня в КНР, а товары КНР провозят на Тайвань или в Штаты — если на них есть спрос. Конечно провозят!

— Я знаю, — согласилась Кейси, — но не считаю, что это правильно.

— Советская Россия мечтает вас уничтожить, но вы же с ней торгуете, — обратился Гэваллан к Бартлетту.

— Лично мы — нет, — отрезала Кейси. — «Пар-Кон» не торгует, хотя на нас выходили с предложением продать компьютеры. Как бы ни были заманчивы прибыли, для нас это неприемлемо. Правительство ведет торговлю, но лишь тщательно контролируемые товарами. Пшеницей и прочим.

— Если кто-то где-то хочет что-то купить, продавец всегда найдется, — процедил Гэваллан, раздраженный её словами. Он бросил взгляд в окно, подумав, как неплохо было бы снова оказаться в Шанхае. — Возьмите Вьетнам, ваш Алжир.

— Прошу прощения? — не поняла Кейси. Гэваллан посмотрел на неё.

— Я имею в виду, что Вьетнам обескровит вашу экономику, как прежде французскую¹⁹⁶, как Францию обескровил Алжир¹⁹⁷.

— Мы никогда не пойдем во Вьетнам, — уверенно заявил Бартлетт. — Зачем нам это надо? Вьетнам не имеет к нам никакого отношения.

— Согласен, — подхватил Мата. — Тем не менее Штаты увязают там все больше и больше. Фактически, мистер Бартлетт, я считаю, что вас засасывает в трясину.

— Каким это образом? — спросила Кейси.

— Думаю, что Советы заманили вас во Вьетнам намеренно. Вы пошлете туда войска, а они — нет. С вьетнамцами и джунглями будете воевать вы, а победа достанется Советам. Ваших ребят из ЦРУ во Вьетнаме уже предостаточно. Они даже успели наладить авиасообщение. На американские деньги строятся аэродромы, в больших количествах доставляется американское оружие. У вас там уже солдаты воюют.

— Я в это не верю, — уперлась Кейси.

— Но это так. Их называют «спецформирования», иногда — отряд «Дельта». Прошу прощения, но, если ваше правительство не задумается над этим как следует, Вьетнам станет для него серьезной проблемой.

— Слава богу, в правительстве у нас не дураки, — уверенно парировал Бартлетт. — Кеннеди справился с Кубой. Справится и с Вьетнамом. Тогда он заставил Большого К отступить, сможет и сейчас. В тот раз мы выиграли. Русские убрали свои ракеты.

— О Кубе вам надо поговорить с Иэном, старина, — мрачно усмехнулся Гэваллан. — Он от этой темы просто заводится. Он считает — и я с ним согласен, — что вы проиграли. Советы заманили вас в ещё одну западню. Детский мат. Он полагает, что русские нарочно строили свои стартовые площадки чуть не в открытую — чтобы вы засекли их. Что вы и сделали, а потом мы имели крупномасштабное бряцание оружием и весь мир, перепуганный насмерть. А в обмен на согласие Советов убрать с Кубы ракеты ваш президент отказался от доктрины Монро¹⁹⁸, на

¹⁹⁶ Речь идет о войне, которую Франция вела в 1946-1954 гг. на севере Вьетнама против сторонников Хо Ши Мина. Поражение французов привело к подписанию Женевских соглашений 1954 г., согласно которым Вьетнам был разделен по 17-й параллели на прокоммунистический Северный и прозападный Южный.

¹⁹⁷ В 1954-1962 гг. Франция вела в Алжире колониальную войну с участием регулярной армии против применявших партизанскую тактику сил Фронта национального освобождения Алжира. Вызванный этой войной политический кризис привел в 1958 г. к падению Четвертой республики.

¹⁹⁸ Доктрина Монро — декларация принципов внешней политики США, сформулированная госсекретарем Джоном Квинси Адамсом и провозглашенная президентом Джеймсом Монро в ежегодном послании к Конгрессу в 1823 г. США отказывались от вмешательства в европейские войны

которой держалась вся ваша система безопасности.

— Что?

— Да-да. Разве Кеннеди не дал Хрущеву письменного обязательства не вторгаться на Кубу и не допускать вторжения с территории Америки — или из любого другого места в Западном полушарии? Боже правый, письменного! Так что теперь советская Россия, враждебная европейская держава, поправ доктрину Монро, открыто обосновалась в девяноста милях от вашего побережья. И эти границы закреплены письменными гарантиями вашего президента, ратифицированными вашим собственным конгрессом. Большой К устроил колоссальный переворот, которому нет равного во всей вашей истории. И все это за здорово живешь! — В голосе Гэваллана появились резкие нотки. — Теперь Куба в полной безопасности, большое спасибо! И оттуда эта зараза будет расползаться, пока в конце концов не распространится на всю Южную Америку. В безопасности советские подводные лодки, корабли, самолёты... Господи всемогущий, вот уж действительно замечательная победа!

Пораженная Кейси посмотрела на Бартлетта.

— Но ведь правда, Линк, правда, это же неправильно. Бартлетт тоже был поражен.

— Я считаю... Если подумать, Кейси, то я считаю... что это им, черт побери, ничего не стоило, вот уж точно.

— Иэн убежден в этом, — кивнул Гэваллан. — Поговорите с ним. Что касается Вьетнама, здесь никто не считает, что президент Кеннеди с этим справится, хотя лично к нему мы относимся с восхищением. Азия не Европа и не Америка. Здесь мыслят по-другому, у азиатов другие ценности.

Наступившую вдруг тишину нарушил Бартлетт:

— Значит, вы считаете, что будет война? Гэваллан повернулся к нему:

— Вам-то нечего опасаться. У «Пар-Кон» дела пойдут в гору. У вас тяжелая промышленность, компьютеры, полиуретановая пена, правительственные заказы в области аэрокосмического машиностроения, нефтехимии, технической акустики, радиоаппаратуры... Если начнется война, то перед нами с вашими товарами и нашим опытом откроется просто неограниченное поле деятельности.

— Не думаю, что мне хотелось бы получать прибыль таким образом, — проворчала Кейси. Он её раздражал. — Это скверный способ зарабатывать деньги.

Гэваллан обрушился на неё:

— На этой земле много чего скверного, неправильного и нечестного... — Его бесило то, что Кейси все время влезает в его беседу с Бартлеттом. Он было собрался задать ей по полной, но решил, что сейчас не время и не место, и поэтому мило проговорил: — Но, конечно, вы правы. Никому не хочется наживаться на смерти. С вашего позволения, я пойду... Вы знаете, как найти свои места? Там должны быть карточки с фамилиями. Ужин может начаться в любую минуту. Это уже становится неприличным...

Он ушел.

— Не думаю, что я ему нравлюсь. — Кейси проговорила это так, что все засмеялись.

— Вы правильно сказали, Кейси, — обратилась к ней Орланда. — Вы правы. Война — это ужасно.

— Вы были здесь во время войны? — с невинным видом спросила Кейси.

— Да, но в Макао. Я — португалка. Мать рассказывала, что там было не так уж

и войны между европейскими державами и их колониями, но объявляли, что будут рассматривать образование любых новых колоний или вмешательство в дела независимых стран на американском континенте как враждебные действия по отношению к США.

плохо. Японцы не трогали Макао, потому что Португалия сохраняла нейтралитет. Конечно, мне всего двадцать пять, — как бы между прочим добавила она, — поэтому я почти ничего не помню. Когда кончилась война, мне не было и семи. В Макао хорошо, Кейси. Совсем не так, как в Гонконге. Может, вам с Линком захочется побывать там. Это стоит посмотреть. С удовольствием буду вашим гидом.

«Ещё бы», — думала Кейси. В свои двадцать шесть она ощущала себя старше Орланды, у которой была кожа семнадцатилетней.

— Было бы здорово. Но, Ландо, что случилось с Эндрю? Чего он так разошелся? Потому что я, женщина, и вдруг вице-президент и все такое?

— Сомневаюсь. Уверен, что вы преувеличиваете, — промолвил Мата. — Он не слишком жалуется Америку. Его бесит, что Британской империи больше нет, а Соединенные Штаты, в руках которых судьба всего мира, совершают, как ему кажется, очевидные ошибки. Боюсь, что с ним согласится большинство англичан! Отчасти это, конечно, ревность. Но вам не следует обижаться на Эндрю. В конце концов, ваше правительство действительно бросило Гонконг на произвол судьбы в сорок пятом, когда возникла угроза вторжения Чан Кайши. Его остановили английские военные корабли. Америка встала на сторону советской России против англичан в Суэцком конфликте, поддержала против них евреев в Палестине¹⁹⁹ — примеров десятки. Верно и то, что, по мнению большинства из нас, ваше теперешнее враждебное отношение к Китаю не отвечает здравому смыслу.

— Но они такие же коммунисты, как и русские. Они пошли сражаться с нами, когда мы лишь пытались защитить свободу в Южной Корее. Мы и не думали нападать на них.

— На протяжении всей своей истории Китай всегда переходил Ялу²⁰⁰, когда иностранный захватчик приближался к этой границе. Всегда. Ваш Макартур²⁰¹ должен был лучше разбираться в истории, — терпеливо объяснял Мата, думая: «Неужели она так же наивна и в постели?» — Ему следовало это знать. Он — или ваш президент — вынудил Китай встать на путь, на который китайцам не хотелось становиться. В этом я абсолютно уверен.

— Но мы не были захватчиками. Это Северная Корея вторглась в Южную. Мы лишь хотели помочь людям обрести свободу. Мы ничего не рассчитывали получить от Южной Кореи. Мы потратили миллиарды, чтобы помочь этому народу остаться свободным. Посмотрите, что Китай сделал с Тибетом²⁰² — или с Индией в прошлом году²⁰³. Такое впечатление, что всю вину везде сваливают на нас, а ведь все, к чему мы стремимся, — это защитить свободу. — Она замолчала, потому что по залу пронесся вздох облегчения. Люди направлялись к своим столикам. В зал уже входили официанты с блюдами, накрытыми серебряными крышками. — Слава богу! Я умираю

¹⁹⁹ С 1922 по 1948 г. Великобритания управляла Палестиной по мандату Лиги Наций.

²⁰⁰ Ялу — пограничная река между КНР и КНДР.

²⁰¹ Дуглас Макартур (1880-1964) — главнокомандующий американскими войсками во время Корейской войны.

²⁰² После аннексии Китаем Тибета в 1950 г. вспыхнувшее там в 1956 г. восстание было подавлено в 1959 г. китайскими войсками.

²⁰³ Подразумевается кратковременный вооруженный конфликт между Китаем и Индией в октябре 1962 г. из-за оспариваемого Китаем стратегического участка проходящей в Гималаях дороги между Тибетом и Синьцзяном. Один из крупнейших военных конфликтов, проходивших на высоте более 4000 м.

от голода!

— Я тоже, — подхватил Бартлетт.

— Для Шити это ещё рано, — усмехнулся Мата. — Орланда, ты должна была предупредить, что у нас уже вошло в обычай перекусывать перед любым его банкетом.

Орланда лишь улыбнулась своей милой улыбкой, а Кейси сказала:

— Орланда предупредила Линка, а он — меня, но я посчитала, что продержусь.

Она посмотрела на соперницу, которая была чуть не на полголовы ниже, примерно пять футов три дюйма. Первый раз в жизни Кейси почувствовала себя большой и неуклюжей.

«Не обманывайся, — напомнила она себе, — с того самого момента, когда ты вышла из отеля на улицу и увидела, какие у китайских девушек и женщин маленькие руки, ноги и тела, ты ощутила себя ужасно огромной и чужой среди всей этой черноглазой и темноволосой мелкоты. Да. Теперь понятно, почему они смотрят на нас, разинув рот. Не говоря уже об обычных туристах — крикливых, тучных, вышагивающих вразвалочку...

И всё-таки, Орланда Рамуш, какой бы прелестницей и умницей ты себя ни мнила, ты не та, кто нужен Линку Бартлетту. Так что можешь отдохнуть от этой мысли!».

— В следующий раз, Орланда, — мило проговорила она, — я постараюсь больше прислушиваться к вашим рекомендациям.

— Рекомендую нам всем пойти ужинать, Кейси. Я тоже голодна.

— Мне кажется, мы все сидим за одним столом, — сообщил Мата. — Должен признаться, об этом позаботился я.

С довольным видом он увлек их за собой, возбужденный больше обычного желанием затащить Кейси в постель. Он загорелся, как только увидел американку. Отчасти из-за её красоты, высокого роста и цветущей груди, которые контрастировали с миниатюрными формами азиаток. Отчасти благодаря тому, что рассказала Орланда. Но в основном им руководила внезапно пришедшая в голову мысль, что, разрушив связь между Бартлеттом и Кейси, он может воспрепятствовать попыткам «Пар-Кон» проникнуть в Азию.

«Лучше как можно дольше не пускать к нам американцев с их лицемерной, непрактичной моралью и привычкой везде совать свой нос, — думал он. — А если у Данросса не состоится сделка с „Пар-Кон“, ему придется продать нужный мне контрольный пакет. И тогда наконец-то, вне зависимости от всех данроссов и струанов, я стану тайбаном Благородного Дома.

Мадонна, славная все же штука жизнь. Что любопытно: эта женщина может стать ключом к самому хитрому замку в Азии, — думал он. Потом, довольный, добавил: — Ясное дело, её можно купить. Вопрос лишь в цене».

37

23:01

Ужин состоял из двенадцати блюд. Обжаренные и тушеные морские ушки с зеленой брюссельской капустой, куриная печенка под соусом из ломтиков куропатки, суп из акульих плавников, курица, зажаренная на вертеле, китайская зелень, и стручки гороха, и брокколи, и ещё пятьдесят различных овощей с мясом краба, кожа жареной утки по-пекински в сливовом соусе, и нарезанный зеленый лук, и тонкие, как бумага, лепешки, дважды вываренные грибы с рыбьим пузырем, копченая рыба брама²⁰⁴ с салатом, рис по-янчжоуски²⁰⁵, лапша по-домашнему, затем десерт,

²⁰⁴ Брама — рыба семейства карповых, известная также как серебристый пампус, рыба-зеркало.

подслащенные семечки лотоса и рисовая каша с луковицей лилии²⁰⁶. И все время подавался чай.

Мата и Орланда помогали Кейси и Бартлетту. Кроме них за столом из европейцев были лишь Флер и Питер Марлоу. Китайцы обменивались визитными карточками.

— О, вы умеете есть палочками! — выражали они свое удивление по-английски, а потом снова переходили на более удобный для них кантонский, причем ясно было, что увешанные драгоценностями женщины обсуждают Кейси с Бартлеттом и чету Марлоу. Правда, их несколько сдерживало присутствие Ландо Маты и Орланды.

— Что они говорят, Орланда? — вполголоса поинтересовался Бартлетт среди всего этого шумного словоизвержения, по преимуществу непонятного европейцам.

— Они лишь строят предположения насчет вас и мисс Кейси, — осторожно пояснила она, опуская непристойные замечания относительно размера груди Кейси, толки о том, что на ней за одежда, сколько она стоит, почему американка не носит драгоценностей и каково это — быть такой дылдой. Про Бартлетта почти ничего не говорили, лишь вслух задавались вопросом, не мафиози ли он, как написала одна из китайских газет.

Орланда была уверена, что никакой он не мафиози. А ещё она поняла, что ей придется быть очень бдительной в присутствии Кейси, вести себя скромно, быстро соображать и ни в коем случае не прикасаться к Бартлетту. И мило обходиться с американкой, чтобы выбить её из седла.

Официанты звенели посудой, меняя её перед каждой переменной блюд, и быстро уносили использованную. Они оставляли её у кухонного лифта в центральной секции лестничной площадки и хватали дымящиеся тарелки с новым угощением.

Расположенные тремя палубами ниже кухни с огромными, четырехфутовыми, чугунными котлами на газе, который подводился в ресторан по трубам, представляли собой сущий ад. Там имелись котлы для варки на пару, для быстрого и глубокого жарения, для тушения и множество емкостей для приготовления чистого белого риса. Барбекю жарили на открытом огне. Бесчисленные помощники готовили для двадцати восьми поваров мясо и овощи, ошипывали куриц, разделывали и чистили свежую рыбу, лангустов, крабов, выполняя тысячу операций, предусмотренных правилами китайской кухни, когда любое блюдо готовится индивидуально для каждого посетителя.

Ресторан открывался в десять утра, а кухня закрывалась вечером без четверти одиннадцать, а иногда и позже, в случае специальной вечеринки. Если заказчик попадался достаточно богатый, можно было устроить танцы или представление среди публики. Сегодня ожидалось неплохие чаевые, хотя в ночную смену никто не оставался и ни представления, ни танцев не предвиделось. Банкеты Шити Чжун закатывал роскошные, хотя большинство приглашенных и считало, что львиная доля средств, собираемых им на благотворительность, исчезает в виде еды и возлияний в желудке у него или его гостей либо в виде дорогих мехов оседает на плечах его подружек. Он имел также репутацию человека безжалостного к критикам, скупого к семье и мстительного.

«Ничего, — думал главный шеф-повар. — В этом мире нужно иметь мягкие губы и крепкие зубы, и каждый знает, что послужит ему дольше».

— Поторопись! — прикрикнул он. — Я что, должен ждать весь этот говенный

²⁰⁵ Рис по-янчжоуски — жареный рис с креветками, кусочками ветчины и зеленым горошком, сдобренный рисовым вином.

²⁰⁶ Это блюдо способствует пищеварению.

вечер? Креветки! Креветки несите!

Обливающийся потом помощник в рваных штанах и пропотевшей старой нижней рубашке подскочил с бамбуковым блюдом только что пойманных и очищенных креветок. Шеф опрокинул их в широкий котел, добавил горсть глутамата натрия, перемешал пару раз, вытащил, разложил на две тарелки пригоршню дымящихся гороховых стручков и поровну разделил розовые, блестящие, сочные креветки.

— Да помочатся все боги на эти креветки! — угрюмо проговорил он: мучала язва в желудке, и ныли словно налившиеся свинцом за десяти часовую смену ступни и икры. — Отправляйте эти наверх, пока не испортились! Да поживее, *цзю ни ло мо* ... Это мой последний заказ. Пора домой!

Последние заказы выкрикивали и остальные повара, поругиваясь, пока готовили. Всем не терпелось разойтись по домам.

— А ну поторопись!

И тут молодой помощник, тащивший горшок использованного жира, споткнулся, жир выплеснулся на газовую горелку и с шипением вспыхнул. Мгновенно кухня превратилась в крошечное пекло. Один из поваров, громко крича, сбивал окружившее его пламя. Ему опалило лицо и волосы. Кто-то вылил в огонь ведро воды, и он распространился по сторонам, захватив ещё большее пространство. Языки огня и клубы дыма поднимались до самых стропил. Крича и толкаясь, повара ринулись прочь. Образовалась давка. Воздух наполнился едким черным чадом горящего масла.

Кто-то из стоявших ближе всех к единственному узкому выходу на лестницу, которая вела на первую палубу, схватил один из двух огнетушителей, рванул шток вниз и направил раструб на огонь. Но ничего не произошло. Новая попытка — и опять безуспешная. Другой китаец с проклятиями выхватил у товарища огнетушитель, попробовал выжать из него струю пены и отшвырнул в сторону. Второй огнетушитель, как оказалось, тоже не работал. Администрации и в голову не пришло проверить их.

— Да облегчатся все боги на эти изобретения безродных заморских дьяволов! — завопил какой-то повар и приготовился бежать, когда огонь подобрется ближе.

На другом конце кухни перепуганный кули, задыхаясь в дыму, отступил от надвигающегося пламени к каким-то кувшинам и опрокинул их. В одних были «тысячелетние яйца»²⁰⁷, в других — кунжутное масло. Оно разлилось по полу и воспламенилось. Кули исчез за внезапно вставшей стеной огня. Теперь пожар распространился уже на полкухни.

Шёл двенадцатый час, и гости в основном разошлись. Лишь на верхней палубе «Плывущего дракона» было по-прежнему многолюдно. Большинство китайцев, в том числе Четырехпалый У с Венерой Пань, или выходили, столик за столиком, или уже покинули ресторан в соответствии с вежливым китайским обыкновением откланиваться сразу после того, как съедено последнее блюдо. Лишь европейцы оставались посидеть с сигарой за коньяком или портвейном.

По всему ресторану расставляли столы для мацзяна, слышался стук раскладываемых фишек из слоновой кости.

— Вы играете в мацзян, мистер Бартлетт? — поинтересовался Мата.

— Нет. Пожалуйста, называйте меня Линк.

— Советую научиться: это лучше, чем бридж. А вы в бридж играете, Кейси?

— Ещё как, Ландо, — усмехнулся Линк Бартлетт. — Играть с ней на деньги не советую.

²⁰⁷ «Тысячелетние яйца» (кит. пйдагнь или сунхуадагнь) — китайский деликатес, для приготовления которого утиные или, реже, куриные яйца покрывают похожей на глину смесью красной глины, садовой извести, соли, древесной золы и чая и выдерживают около ста дней. Получающийся продукт зеленоватого оттенка обладает вкусом сыра и сильным запахом.

— Может, нам удастся сыграть когда-нибудь. Ты ведь играешь в бридж, Орланда? — спросил Мата, вспомнив, что Горнт — искусный игрок.

— Да, играю немного, — негромко проговорила Орланда, а Кейси мрачно прокомментировала про себя: «Могу поспорить, эта сучка тоже играет как бог».

— Я сыграла бы с удовольствием, — мило прошептала Кейси.

— Прекрасно, — обрадовался Мата. — Как-нибудь на следующей неделе... О, привет, тайбань!

Улыбающийся Данросс поздоровался со всеми.

— Как вам ужин?

— Просто фантастика! — Обрадованная Кейси остро ощутила, насколько он привлекателен во фраке. — Не хотите к нам присоединиться?

— Спасибо, но...

— Добрый вечер, тайбань, — подошла к нему Диана Чэнь. С ней был её сын Кевин, невысокий коренастый молодой человек, полногубый, с тёмными вьющимися волосами.

Данросс представил их.

— Где Филлип?

— Он собирался приехать, но потом позвонил и сказал, что задерживается. Что ж, до свидания... — Диана улыбнулась, Кевин тоже, и оба направились к двери.

У Кейси и Орланды глаза полезли на лоб при виде всех драгоценностей матроны.

— Ладно, мне тоже нужно идти, — сказал Данросс.

— Как все прошло за вашим столом?

— Довольно утомительно, — ответил он, заразительно засмеявшись. От столика номер один, где он ужинал вместе с членами парламента, — там были ещё Горнт, Шитэ и его жена — часто доносились, перекрывая звон тарелок, гневные тирады.

— Робин Грей — человек довольно прямой и плохо информированный, так что ему досталось на орехи кое от кого из нас. Впервые мы с Квилланом выступили заодно. Должен признаться, наш стол обслужили первым, и бедный старина Шитэ с женой смогли спастись бегством. Он умчался как бешеный минут пятнадцать назад.

Все посмеялись вместе с ним. Данросс не сводил глаз с Марлоу. «Интересно, знает ли Питер, что Грей — мой шурин?» — думал он.

— Грей, похоже, был очень близко знаком с вами, мистер Марлоу.

— У него хорошая память, тайбань, а вот манеры никуда не годятся.

— Ничего об этом не ведаю, но, если он привлечет парламент на свою сторону, Гонконгу поможет лишь Господь Бог. Ну, я просто хотел поздороваться со всеми вами. — Он улыбнулся Бартлетту и Кейси: — Как насчет ланча завтра?

— С удовольствием, — откликнулась Кейси. — Может, приедете в «Ви энд Эй»? — Она заметила, что на противоположной стороне зала Горнт поднялся, чтобы уходить, и снова подумала: «Интересно, кто из этих двоих одержит верх?» — Как раз перед ужином Эндрю гово...

И тут, как и остальные, Кейси услышала слабые крики. Люди притихли, вслушиваясь.

— Пожар!

— Боже, смотрите!

Все уставились на кухонный лифт. Оттуда шёл дым. Потом показался язычок пламени.

На долю секунды люди замерли — никто не верил своим глазам, — потом все вскочили. Те, кто был ближе всего к главной лестнице, рванулись к двери, столпившись около неё, остальные подхватили крик. Бартлетта будто пружиной подбросило, он потащил за собой Кейси. Мата и ещё кое-кто из гостей побежали к

узкому проходу.

— Стойте! — рявкнул, перекрикивая общий гам, Данросс. Бегущие остановились.

— Времени достаточно. Никакой спешки! — тоном приказа произнес он. — Никуда бежать ещё не надо, не торопитесь! Опасности пока нет!

Это его увещевание помогло тем, кто уже ничего не соображал от страха. Люди начали отступать от забитого дверного прохода. Но внизу, на лестничных маршах, истерический визг и вопли усилились.

При первых признаках опасности в бегство ударились не все. Горнт даже не двинулся с места, попыхивая сигарой. Хэвегилл с женой подошли к окнам и стали смотреть вниз. К ним присоединились другие. Двумя палубами ниже люди скучились у главного выхода.

— Не думаю, что есть повод беспокоиться, дорогая, — сказал Хэвегилл. — Сейчас основная масса выйдет, и мы спустимся не торопясь.

— Вы видели, как понесся Блицманн? — проговорила стоявшая рядом леди Джоанна. — Ну и болван! — Она огляделась и заметила на другой стороне зала Бартлетта и Кейси, которые ждали рядом с Данроссом. — О, а я-то думала, эти тоже удрали.

— Да будет тебе, Джоанна. Не все янки трусы!

Из кухонного лифта неожиданно вырвался новый язык пламени, повалил густой черный дым. Снова раздались призывы поторопиться.

В дальнем углу зала, который был ближе всего к очагу возгорания, Бартлетт торопливо спросил:

— Иэн, другой выход есть?

— Не знаю, — ответил Данросс. — Посмотрите снаружи. Я буду держать оборону здесь.

Бартлетт быстро прошел к выходу на полупалубу, а Данросс повернулся к остальным.

— Волноваться не о чем, — успокаивал он, мгновенно оценивая состояние каждого.

Флер Марлоу вся побелела, но держалась. Кейси ошеломленно смотрела на сбившихся в дверях людей. Орланда стояла, окаменев, на грани срыва.

— Орланда! Все в порядке, — проговорил он. — Опасности нет...

На противоположной стороне зала Горнт встал и подошел ближе к двери. Он видел, какая там давка, и понял, что лестничные марши забиты. Доносившиеся оттуда звуки не прибавляли храбрости тем, кто оставался наверху, хотя сэр Чарльз Пенниworth, стоявший у самой двери, пытался наладить организованный спуск по лестнице. Снизу снова пыхнуло дымом, и Горнт подумал: «Господи Всемогущий, настоящий пожар, полсотни людей и один выход». Потом его взгляд упал на бар, за которым никого не было. Подойдя к стойке, он, внешне спокойный, налил себе виски с содовой, но по спине у него катились капли пота.

Внизу, на запруженной людьми лестничной площадке второй палубы, Ландо Мата, оступившись, упал и увлек за собой целую группу людей, в том числе Диану Чэнь и Кевина. На этом единственном пути к спасению возник затор. Мужчины и женщины, которым было не подняться, издавали беспомощные стоны, а остальные, устремившись сломя голову к безопасности, спотыкались о них и наваливались сверху. Выше этого места, на лестничном марше, Пагмайр, вцепившийся в балясину, старался удержаться на ногах; используя свою немалую физическую силу, он упирался спиной в толпу, чтобы не дать упасть ещё большему числу людей. Стоявший рядом Джулиан Бродхерст, хоть и был перепуган, сохранял самообладание и помогал Пагмайру своим ростом и весом. Вместе они какое-то время сохраняли разрыв, но потом всех их усилий стало недостаточно, чтобы

сдержат напор ломившихся сзади. Пагмайр почувствовал, что руки его соскальзывают. Находившемся на десять ступенек ниже Мате удалось подняться. В спешке он наступил на нескольких человек и, хотя с него чуть не сорвали смокинг, стал протискиваться дальше вниз по лестнице. Цепляясь за всех подряд, пробилась с пола и Диана Чэнь, таща за собой Кевина. В этой толкотне и давке она не заметила, как какая-то женщина потихоньку завладела её бриллиантовой подвеской и, спрятав украшение в карман, принялась проталкиваться вниз. Поднимавшиеся снизу клубы дыма подогревали страх. Пагмайру было уже не удержаться. Поток человеческих тел вдавил его в стену, Бродхерста сбили с ног. Люди устремились вниз одной небольшой лавиной. Теперь лестница была забита на обоих уровнях.

Когда слышались крики «пожар!», Четырехпалый У с Венерой Пань достигли первой лестничной площадки. Четырехпалый одолел последний марш и протиснулся по трапу на пристань. Венера Пань в ужасе семенила за ним. Благополучно выбравшись на причал, У оглянулся с колотящимся сердцем, тяжело дыша. Огромный разукрашенный выход выплевывал на пристань помятых мужчин и женщин, а из иллюминаторов у самой ватерлинии вырывались языки пламени.

Подбежал патрулирующий набережную полицейский. Секунду он в ужасе наблюдал за происходящим, а потом рванулся к ближайшему телефону.

У никак не мог отдышаться, но тут он увидел, как из толчеи вылетел Ричард Кван с женой. Четырехпалый начал смеяться и почувствовал себя значительно лучше. Венере Пань тоже показалось, что люди выглядят очень забавно.

В безопасном отдалении стали собираться зеваки: никто и пальцем не пошевелил, чтобы помочь, все лишь стояли и глазели. «И правильно, — подумал У, проходя мимо. — Никогда нельзя оспаривать решения богов. У них свои правила, и они решают судьбу человека. Мне суждено было спастись и насладиться сегодня ночью этой шлюхой. Да поддержат все боги мой „императорский жезл“, пока она не запросит пощады».

— Пойдем, Сладкоречивая Малышка, — хихикнул Четырехпалый. — Их вполне можно предоставить собственной судьбе. А мы теряем время.

— Нет, Батюшка, — отрезала она. — В любой момент могут прибыть телекамеры и пресса. Мы же должны думать о своем имидже, хейя!

— Имидже? Это постель и «великолепная лож...»

— Потом! — Это прозвучало как приказ, и он проглотил ругательство, которое собирался добавить. — Разве ты не хочешь, чтобы тебя превозносили, как героя? — резко бросила она. — Или даже присвоили бы рыцарское звание, как Шити, хейя?

Она быстро испачкала себе лицо и руки, аккуратно оборвала одну из лямок на груди и направилась поближе к трапу, откуда и ей все было видно и все видели её.

«Почести гуйлао, как Шити? — тупо уставился на неё ошеломленный Четырехпалый. — И-и-и, а почему бы и нет?» И он осторожно последовал за девицей, изо всех сил стараясь не подходить слишком близко туда, где было опасно.

Из трубы на верхней палубе показался столб пламени, а из окон всех трех палуб выглядывали перепуганные люди. Народу на пристани все прибывало. Вываливающиеся из дверей ресторана бились в истерике, многие кашляли — дым заполнил уже все помещения. Снова слышались крики, когда в дверях образовалась пробка, несколько человек рухнули, другие выбрались из-под ног толпы, задние кричали передним, чтобы те поторопились, и Четырехпалый вместе с прочими зевачами снова захихикал.

На верхней палубе Бартлетт, перегнувшись через перила, смотрел вниз на корпус ресторана и причал. Толпа на набережной, давящиеся люди, которые, не помня себя от страха, выпадают из входных дверей. Ни с этого, ни с другого борта больше ни одной лестницы — ни обычной, ни пожарной, никакого другого запасного выхода.

Сердце билось сильно, но страха не было. «Настоящей опасности ещё нет, пока нет, — думал он. — Мы можем прыгнуть в воду. Запросто. Сколько там? Футов тридцать-сорок. Ерунда, если не плюхнуться животом».

Он пробежал обратно по палубе, занимавшей полкорпуса плавучего ресторана. Из труб рвался черный дым, искры и маленькие язычки пламени.

Бартлетт открыл дверь на верхнюю палубу и быстро закрыл её за собой, чтобы не создавать дополнительную тягу. Дыма стало гораздо больше, и пламя из кухонного шкафа выбивалось уже беспрерывно. К едкому запаху дыма примешивалась вонь горящего мяса.

Почти все столпились у дальней двери. Горнт стоял в стороне, наблюдая за всеми и что-то потягивая из стакана. «Господи, ну и хладнокровие у этого паразита!» — подумал Бартлетт.

Моргая слезящимися от дыма глазами, он осторожно обошел кухонный шкаф и чуть не налетел на Кристиана Токса, который согнулся над телефоном и пробовал перекричать окружающий шум:

— ...мне наплевать, немедленно пришлите сюда фотографа, а уж потом звоните пожарным! — Токс со злостью швырнул трубку. — Тупые ублюдки, — пробормотал он, возвращаясь к жене, дебелий китайке, смотревшей на него овечьим взглядом.

Бартлетт поспешил к Данроссу. Тайбань стоял рядом с четой Марлоу, Орландой и Кейси и что-то монотонно насвистывал.

— Ничего, Иэн, — тихо проговорил он, заметив, как странно звучит его собственный голос, — абсолютно ничего. Ни пожарных лестниц, ничего. Но мы можем спрыгнуть, запросто, если придется.

— Да. Нам повезло, что мы на этой палубе. Другим не выпало и этого шанса.

Данросс смотрел на дым и пламя, которые вырывались из кухонного лифта, расположенного у выхода.

— Довольно скоро нам придется решать, каким путем уходить, — тихо проговорил он. — Этот огонь грозит отрезать нам дорогу. Если выйдем наружу, может оказаться, что обратно уже не попасть и тогда придется прыгать. Если останемся внутри, выход один — лестница.

— Господи, — пробормотала Кейси.

Она старалась успокоить колотящееся сердце, подавить поднимающийся страх перед замкнутым пространством. Кожа стала липкой, взгляд метался от выхода наружу к двери на лестницу и обратно.

Бартлетт обнял её.

— Пустяки, мы в любое время можем прыгнуть.

— Да, конечно, Линк, — ответила Кейси с угрюмой решимостью.

— Вы умеете плавать, Кейси? — спросил Данросс.

— Да. Я... однажды оказалась в огненной ловушке. С тех пор смертельно боюсь пожаров.

Это случилось несколько лет назад, когда её маленький домик на голливудских холмах оказался на пути внезапно вспыхнувшего и стремительно распространявшегося огненного вихря. Она очутилась в кольце огня: дорога, которая шла вниз, по извилистому каньону, уже горела. Кейси включила все дождевальные установки для полива газонов и стала окатывать из шланга крышу. К ней уже тянулись жадные щупальца пламени.

Потом огонь добрался до вершины холма, перекинулся с одного гребня на краю долины на другой и стал спускаться по склонам, подгоняемый потоками воздуха. Их порождал сам пожар, и они неслись со скоростью, достигавшей ста миль в час. Ревущее рыжее чудовище, пожиравшее деревья и дома, подбиралось все ближе, и никакого выхода не было.

Охваченная ужасом, она продолжала поливать крышу своего дома. Мимо

проносились кошки и собаки из расположенных выше домов, одна овчарка с безумным взглядом свернулась клубком у стены её дома. Её окружал жар, дым и страх, и этому не было конца, но безжалостная стихия остановилась в пятидесяти футах от её участка. Непонятно почему.

Выше по улице от домов ничего не осталось. Сгорела большая часть каньона. Прокошенная огнем полоса почти полмили в ширину и две в длину в холмах, разделяющих Лос-Анджелес на две части, полыхала ещё три дня.

— У меня все хорошо, Линк, — слабым голосом проговорила она. — Я... думаю, я лучше пойду на воздух. Давай сматываться отсюда к черту. Поплаваем, и будет чудно.

— Я не умею плавать! — Дрожащая и уже не контролирующая себя Орланда вскочила и рванулась к лестнице.

Бартлетт перехватил её.

— Все будет в порядке. Господи, да здесь вам не выбраться. Слышите, как кричат эти бедолаги внизу? Вот у них положение действительно аховое. Оставайтесь на месте, ладно? Лестница не годится.

Окаменев от ужаса, она уцепилась за него.

— Все будет хорошо, — подбодрила Кейси.

— Да, — произнес Данросс, не сводя глаз с огня и клубов дыма.

— Нам... э-э... нам ведь действительно повезло больше других, верно, тайбань? — сказал Марлоу. — Да. Пожар, видимо, начался с кухни. Они с ним справятся. Флер, детка, нам не нужно будет прыгать.

— Это пара пустяков, — уверил его Бартлетт. — Там полно сампанов, и нас подберут!

— О да, но она тоже не умеет плавать. Флер накрыла ладонью руку мужа.

— Ты всегда говорил мне, что надо научиться, Питер.

Данросс ничего этого не слышал. Он боролся с давним страхом. В ноздри лез смрад горящего мяса, слишком хорошо знакомый, и он ощущал позывы рвоты. Он снова очутился в горящем «спитфайре», сбитый над Ла-Маншем «мессершмиттом».

До скал Дувра было ещё слишком далеко, и он знал, что сгорит быстрее, чем сможет откинуть заевший и поврежденный фонарь кабины, чтобы выпрыгнуть с парашютом. Вокруг стоял ужасающий запах паленой плоти — его собственной. В ужасе и бессилии он ударил кулаком по прозрачному прочному пластику, сбивая другой рукой пламя, лизавшее ноги и колени, наполовину ослепший и задыхающийся в едком дыму.

Потом вдруг со страшным грохотом отвалился капот, его всего охватили взметнувшиеся адские языки пламени, и он каким-то чудом вывалился и стал падать, удаляясь от них, не представляя, осталось ли у него что-нибудь от лица, потому что все ещё дымилось — кожа на руках и ногах, ботинки и летный комбинезон.

А после — тошнотворная встряска, когда рывком открылся парашют, и тёмный силуэт несущегося на него со стороны солнца вражеского самолёта, искорки трассирующих пулеметных очередей, одна из которых разнесла ему часть икры. Больше он не помнил ничего. Только запах горячей плоти — такой же, как сейчас.

— Как вы думаете, тайбань?

— Что?

— Оставаться нам или уходить? — повторил Марлоу.

— Погодим пока, — сказал Данросс, и все были поражены: как он может так спокойно говорить и выглядеть таким невозмутимым? — Когда лестница освободится, мы сможем выйти, не торопясь. Зачем мокнуть без крайней необходимости?

— Такие пожары часто случаются? — нерешительно улыбнулась ему Кейси.

— Здесь, в Абердине, нет, а вот в Гонконге, боюсь, что да. наших китайских друзей не очень заботят правила пожарной безопасности...

Прошло всего несколько минут с того момента, когда на кухне возник первый мощный очаг, а теперь огонь бушевал уже во всех кухонных помещениях и через кухонный лифт перекинулся на центральную часть трех верхних палуб. Пожар отсек кухни от единственной лестницы, и по другую сторону огня остались два десятка объятых ужасом людей. Остальная обслуга давно уже сбежала и присоединилась к волнующейся человеческой массе палубой выше. Было ещё с полдюжины иллюминаторов, но маленьких и проржавевших. В панике один из поваров рванулся сквозь пылающую завесу, пронзительно вскрикнул, когда пламя охватило его, почти преодолел обжигающий заслон, но поскользнулся, и его вопли слышались ещё долго. У остальных вырвался стон ужаса. Другого пути к спасению не было.

В огненной ловушке оказался и шеф-повар. Этот дородный мужчина пережил уже не один пожар на кухне, поэтому не паниковал. Лихорадочно перебирая в уме печальный опыт, он отчаянно пытался хоть за что-нибудь ухватиться. И вспомнил.

— Быстро, — закричал он, — берите мешки с рисовой мукой... рис... бегом!

Остальные устали на него, не двигаясь, поэтому он пинками погнал подчиненных в кладовую, схватил пятидесятифунтовый мешок и оторвал у него верх.

— Быстро давайте, эти их, все эти пожары, но не раньше, чем я скажу, — распорядился он, задыхаясь и почти ничего не видя из-за дыма.

Стекло в одном из иллюминаторов лопнуло, и с ворвавшимся потоком воздуха к людям, шипя, метнулось пламя. Каждый в ужасе схватил по мешку, надрывно кашляя от поднимающегося дыма.

— Давай! — гаркнул шеф-повар и швырнул свой мешок в объятый огнем проход между плитами.

Мешок лопнул, и тучи муки потушили часть пламени. Туда же полетели и другие мешки, которые поглотили ещё больше огня. Новая партия мешков — и мука засыпала полыхающие столы, загасив их. На какой-то миг проход оказался свободен. Шеф-повар тут же рванулся через остатки огня, и остальные беспорядочной гурьбой последовали за ним, перепрыгнув через два обуглившихся тела и успев добраться до лестницы в дальнем конце кухни до того, как новый вал огня перекрыл путь. По узенькой лестнице они выбрались на лестничную площадку, где воздух был посвежее, влившись в людской поток. Здесь все толкались, отпихивали друг друга локтями, кричали и кашляли, пробираясь в черном дыму наружу.

У большинства по лицу текли слезы. На нижних уровнях дыма было уже очень много. Неожиданно стала коробиться и чернеть стенка за лестничной площадкой первого этажа, где проходила шахта кухонного лифта. Она вдруг прорвалась, разбросав вокруг резные фигуры, и наружу метнулось пламя. Те, кто уже был ниже, на ступенях, в панике устремились вперед, а толпа на площадке отпрянула назад. Потом, увидев, что спасение близко, первые ряды махнули вперед, стараясь держаться подальше от адского пламени и перепрыгивая сразу через две ступеньки. Один из членов парламента, Хью Гутри, увидел, что упала женщина. Взявшись за поручень балюстрады, он остановился, чтобы помочь ей, но был сбит с ног напавшими сзади и упал вместе с остальными. Вскочив, Гутри выругался и расчистил себе дорогу как раз вовремя, чтобы помочь женщине подняться, потому что потом его, плотно зажато в толпе, просто пронесли последние несколько ступенек вниз и благополучно выпихнули наружу.

На половине лестничного марша между первой и второй палубой огня ещё не было, хотя пожар уже овладел всеми помещениями и разгорался. Толпа поредела, но больше сотни человек пока заполняли верхние площадки и дверные проемы. Те, кто был наверху, давились и ругались, не видя, что творится впереди.

— Господи, в чем там задержка?

— По лестнице ещё можно пройти?..

— Двигайтесь дальше, ради Христа!

— Здесь становится жарко...

— Кто это только придумал, черт побери?

Среди зажатых на лестничной площадке второй палубы оказался Грей. Он видел вырывающиеся из стены языки пламени и понимал, что в любой момент может не выдержать и стена рядом. Он никак не мог решить, идти назад или вперед. Тут он заметил скорчившегося на ступеньках рядом с балясиной маленького мальчика. Ему удалось взять ребенка на руки, и он стал двигаться вперед, осыпая проклятиями тех, кто был перед ним. Он проскочил мимо огня, но внизу на пути к спасению ему встретился ещё один затор.

Горнт и все остальные на верхней палубе прислушивались к происходившему внизу столпотворению. Их здесь ещё оставалось человек тридцать. Горнт допил свой стакан, поставил его и подошел к группе, окружившей Данросса. Орланда так же сидела, комкая в руках носовой платок, Флер и Питер Марлоу сохраняли внешнее спокойствие, и сам Данросс, как всегда, не терял самообладания.

«Прекрасно», — подумал Горнт, благословляя все, что унаследовано от предков и чему его научили. Так уж повелось у британцев: какой бы тебя ни охватывал страх перед лицом опасности, ты не должен обнаруживать его, чтобы не потерять достоинства. «К тому же, — напомнил он себе, — многие из нас большую часть жизни провели или под бомбами, или под пулями. Нас и топили, и бросали в лагеря для военнопленных, а некоторые просто служили». Сестра Горнта проходила службу в женском корпусе Королевского военно-морского флота, мать дежурила во время авианалетов, отец был в армии, дядя погиб в битве за Монте-Кассино²⁰⁸, а сам он, вырвавшись из Шанхая, служил в австралийской армии в Новой Гвинее, потом прошел с боями всю Бирму и дошел до Сингапура.

— Иэн, — сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал достаточно бесстрастно, — такое впечатление, что пожар уже добрался до площадки первого этажа. Я предлагаю поплавать.

Данросс бросил взгляд на огонь около выходной двери.

— Не все дамы умеют плавать. Давайте подождем ещё пару минут.

— Хорошо. Думаю, что тем, кто не против прыгнуть, нужно выйти на палубу. Этот пожар такая докука...

— Я совсем не считаю, что он нагоняет скуку, — вскинулась Кейси. Все засмеялись.

— Это просто выражение такое, — объяснил Питер Марлоу.

Под палубами раздался взрыв, и ресторан слегка качнуло. Наступила жуткая тишина.

В кухне огонь дошел уже до кладовых и подобрался к четырем оставшимся четырехсотлитровым бочкам с маслом. Взорвавшись, одна из них разворотила пол, проделав в нем зияющую дыру, и выгнула борт ресторана. Шпигаты наполнились тлеющими головешками, горящим маслом и отчасти морской водой. От взрыва разошлись главные шпангоуты плоскодонного корпуса, и через швы стала поступать вода. Наружу выскочили целые полчища крыс и заметались в поисках выхода.

От взрыва ещё одной толстой металлической бочки образовалась широкая пробоина в корпусе чуть ниже ватерлинии, и огонь стал распространяться во все стороны. Люди на набережной затаили дыхание, некоторые даже шарахнулись назад, хотя никакой опасности не было. Другие нервно засмеялись. Рванула очередная бочка, и во все стороны хлынула волна пламени. Опоры потолка и стропила

²⁰⁸ Битва за Монте-Кассино («битва за Рим») — серия ожесточенных боев с января по март 1944 г., в ходе которых войска союзников пытались прорвать центральную часть «линии Густава» — немецких укреплений в Италии, преграждавших путь к Риму, — потеряв при этом около 54000 человек.

значительно ослабили и, пропитавшись маслом, загорелись. Сверху, с первой палубы, доносился зловещий топот ног обезумевших, пытающихся спастись людей.

Грей был чуть выше площадки первого этажа, по-прежнему с ребенком на руках. Он держался одной рукой за перила, в страхе толкая тех, кто был впереди и сзади. Дождавшись своей очереди, он проскочил мимо огня на площадке первого этажа, закрывая, как только мог, ребенка, и припустил вниз по лестнице, благо путь в основном был свободен. Ковер у порога уже начал дымиться, пол дрожал, и один грузный мужчина споткнулся.

— Ну, что же вы! — в отчаянии крикнул Грей тем, кто был за спиной. Он добрался до порога, зажатый как спереди, так и сзади. Не успел он ступить на трап, как взорвались две последние бочки, пол позади исчез, а его вместе с ребенком и всех остальных, как соломинки, швырнуло вперед.

Из толпы зевак выбежал Хью Гутри и оттащил Грея на безопасное место.

— Вы как, ничего, старина? — задыхаясь, спросил он.

Грей был наполовину оглушен, тяжело дышал, одежда на нем тлела, и Гутри стал хлопывать руками тлеющие места.

— Да... да, думаю, ничего... — проговорил ещё не совсем пришедший в себя Грей.

Гутри осторожно поднял ребенка, который был без сознания, и взгляделся в него.

— Бедный малыш!

— Он умер?

— Не думаю. Держите... — Гутри передал маленького китайчонка кому-то из зевак, и оба ринулись к выходу из ресторана, чтобы помочь остальным, ещё оглушенным взрывом и беспомощным. — Господи всемогущий, — вырвалось у Гутри, когда он увидел, что через выход уже не пройти. За шумом и гамом нарастал вой приближающихся сирен.

На верхней палубе огонь около выхода разгулялся вовсю. Перепуганные люди, кашляя, устремились назад в зал: пожар, который охватил уже всю нижнюю палубу, заставил их подняться наверх по лестнице. Смятение и смрад страха тяжело повисли в воздухе.

— Иэн, лучше бы нам убраться отсюда к черту, — сказал Бартлетт.

— Да. Квиллан, будь добр, води всех за собой и командуй на палубе, — попросил Данросс. — А я буду держать оборону здесь.

Горнт повернулся и зычно крикнул:

— Все сюда! На палубе вы будете в безопасности... По одному...

Он открыл дверь, расположился около неё и постарался упорядочить это спешное отступление.

Китайцев было всего несколько человек, остальные — англичане. Оказавшись на открытом воздухе, все немного оправились от испуга и радовались, что нет дыма.

Ожидавший в зале Бартлетт был взволнован, но страха по-прежнему не испытывал, зная, что может разбить любое окно и вместе с Кейси выпрыгнуть за борт.

Люди, спотыкаясь, шли мимо. Из кухонного лифта вырывалось все больше огня, снизу донесся глухой взрыв.

— Как ты, Кейси?

— О'кей.

— Выходи на воздух!

— Вместе с тобой.

— Ладно, — ухмыльнулся Бартлетт.

Народу в зале оставалось все меньше. Он помог выйти леди Джоанне, потом — прихрамывавшему Хэвегиллу и его жене.

Кейси заметила, что Орланда по-прежнему сидит на стуле, словно окаменев.

«Бедная девочка», — сочувственно подумала она, вспомнив свой всепоглощающий ужас на том, калифорнийском, пожаре. Она подошла, тихо сказала:

— Пойдемте, — и помогла Орланде встать. У португалки дрожали колени. Одной рукой Кейси обняла её.

— Я... я потеряла сумочку, — пробормотала Орланда.

— Не потеряли — вот она. — Кейси подняла сумочку со стула и, так же обнимая Орланду, почти вытолкнула её на свежий воздух.

На палубе было полно народу, но, очутившись там, Кейси почувствовала огромное облегчение.

— Все хорошо, — ободряюще сказала она, подведя Орланду к перилам, и та крепко ухватилась за них.

Кейси обернулась, искала глазами Бартлетта и увидела, что он и Горнт наблюдают за ней из зала. Бартлетт помахал ей, она помахала в ответ: ей хотелось, чтобы он был уже здесь, рядом.

К ней подошел выведший на палубу жену Питер Марлоу.

— Вы как, нормально, Кейси?

— Конечно. Как вы, Флер?

— Хорошо. Хорошо. На воздухе... на воздухе довольно приятно, правда? — проговорила Флер Марлоу. У неё кружилась голова, и она чувствовала себя отвратительно, замирая от одной мысли, что придется прыгать с огромной высоты. — Как вы думаете, пойдет дождь?

— Чем скорее он пойдет, тем лучше.

Кейси посмотрела за борт. На темной поверхности воды в тридцати футах от неё стали собираться сампаны. Все шкиперы понимали: тем, кто наверху, скоро придется прыгать. Снизу открывался хороший обзор и было видно, что пожар бушует на большей части первой и второй палуб. Там застряли несколько человек, потом мужчина разбил стулом стекло, выбрался из окна и упал в море. С быстро подошедшего к нему сампана бросили конец. За мужчиной последовали остальные из тех, кто был вместе с ним. Одна женщина так и не вынырнула.

Во мраке ночи пламя пожара освещало все вокруг, отбрасывая причудливые отсветы. Под вой сирен подкатили пожарные машины, и толпа на пристани расступилась. Пожарные-китайцы и офицеры-англичане тут же развернули пожарные рукава. Ещё один расчет подсоединил их к ближайшему пожарному гидранту, и под восторженные крики первая струя воды заплескала по языкам пламени. В считанные секунды были задействованы шесть рукавов, а двое пожарных в асбестовых костюмах с дыхательными аппаратами на спине подбежали к выходу и стали вытаскивать в безопасное место тех, кто лежал там без сознания. Раздался ещё один ужасный взрыв, их осыпало горящими головешками. Один из пожарных номеров обдал всех водой, а потом снова направил ствол на вход.

На верхней палубе уже никого не осталось, кроме Бартлетта, Данросса и Горнта. Они почувствовали, что палуба уходит из-под ног, и чуть не упали.

— Господи боже, — ахнул Бартлетт, — тонем, что ли?

— Эти взрывы могли разрушить днище, — проговорил Горнт. — Пойдемте! — И он быстро прошел в дверь. Бартлетт последовал за ним.

Теперь Данросс остался один. Вокруг все тонуло в дыму, от жара и вони подташнивало. Он сознательно подавлял желание бежать отсюда, преодолевая страх. Тут кое-что пришло ему в голову, и он бегом направился через зал к выходу на главную лестницу, чтобы проверить, не осталось ли там кого. На лестнице он увидел неподвижную фигуру мужчины. Вокруг бушевало пламя. Снова накатила волна страха, но Данросс опять справился с ним, рванул вперед и потащил мужчину вверх по ступенькам. Это был китаец, очень тяжелый, непонятно, живой или мертвый. Среди невыносимого жара Данросс снова почувствовал запах горелой плоти, и подступила

тошнота. Тут рядом с ним возник Бартлетт, и они вместе наполовину сволокли, наполовину вынесли бесчувственное тело через зал на полупалубу.

— Спасибо, — выдохнул Данросс.

К ним подошел Квиллан Горнт и, наклонившись, перевернул мужчину на спину. Лицо китайца было наполовину сожжено.

— Могли бы обойтись и без этого геройства. Он мертв.

— Кто это? — спросил Бартлетт. Горнт пожал плечами:

— Не знаю. Ты его знаешь, Иэн? Данросс не отрываясь смотрел на тело.

— Да. Это Зеп... Зеппелин Дун.

— Сын Прижимистого? — удивился Горнт. — Боже, как располнел. Никогда бы не узнал. — Он выпрямился. — Нам бы лучше подготовить всех к тому, что придется прыгать. Эта посуда может стать могилой. — Он увидел стоявшую у перил Кейси и подошел к ней. — Вы хорошо себя чувствуете?

— Да, спасибо. А вы?

— О да.

Орланда, которая все так же держалась поблизости, ничего не выражающим взглядом смотрела вниз на воду. Люди бродили по палубе.

— Попробую-ка я организовать их, — сказал Горнт. — Сейчас вернусь. — И он отошел.

Ещё один взрыв сотряс корпус ресторана. Крен стал увеличиваться. Несколько человек перелезли через борт и прыгнули. К ним на помощь направились сампаны.

Обняв жену-китайку, Кристиан Токс мрачно смотрел за борт.

— Придется прыгать, Кристиан, — объявил подошедший Данросс.

— В Абердинскую бухту? Вы шутите, старина! Если сразу же не смоешь с себя все эти чертовы миазмы, можно и чуму, черт возьми, подхватить.

— Или чума, или раскаленная докрасна задница, — добавил кто-то со смешком.

В конце палубы сэр Чарльз Пенниworth шёл вдоль перил, держась за них, и ободрял всех подряд.

— Ничего, ничего, юная леди, — обратился он к Орланде, — это несложный прыжок.

Она в ужасе замотала головой:

— Нет...нет... я не умею плавать. Её обняла Флер Марлоу:

— Не беспокойтесь, я тоже не умею. И потому остаюсь.

— Питер, вы можете держать её за руку. С ней все будет в порядке, — проговорил Бартлетт. — Все, что нужно сделать, Флер, это задержать дыхание!

— Она не будет прыгать, — тихо возразил Марлоу. — Во всяком случае, до последней секунды.

— Ничего опасного в этом нет.

— Да, но для неё это небезопасно. Она enceinte²⁰⁹.

— Что-что?

— Флер беременна. Почти три месяца.

— О боже...

Из вытяжной трубы к небу взлетали языки пламени. В помещении ресторана на верхней палубе занялись столы, а в дальнем углу весело потрескивали великолепные резные храмовые экраны. Подняв огромный столб искр, обрушилась центральная внутренняя лестница.

— Господи, весь этот ресторан — огненная западня, — проговорила Кейси. — Как там люди внизу?

— Все уже давно вышли, — сообщил Данросс, надеясь, что так оно и есть. Здесь,

²⁰⁹ Беременна (франц.).

на открытом воздухе, он чувствовал себя хорошо. Он превозмог свой страх, и голова прояснилась. — Прекрасный вид отсюда, верно?

— Нам везет! — живо откликнулся Пенниworth. — Судно кренится в эту сторону, так что, когда оно начнет погружаться, для нас это будет вполне безопасно. Если оно не перевернется. Совсем как в прежние времена, — добавил он. — Я трижды тонул в Средиземке.

— Я тоже, — отозвался Марлоу, — но в проливе Бангка у берегов Суматры.

— Я не знала об этом, Питер, — удивилась Флер.

— А-а, ничего особенного.

— А здесь глубоко? — спросил Бартлетт.

— Должно быть, футов двадцать или больше, — сказал Данросс.

— Этого будет доста...

Раздался оглушительный вой сирены. Быстроходный полицейский катер юрко пробирался между островами из лодок, шаря то тут, то там лучом прожектора. Когда он подошел почти вплотную к «Плывущему дракону», послышалась усиленная мегафоном команда сначала по-китайски: «Всем сампанам очистить эту зону, очистить зону...», а потом по-английски: «Всем находящимся на верхней палубе приготовиться покинуть судно! В корпусе пробоина, приготовиться покинуть судно!»

— Черта с два я буду портить свой единственный фрак, — мрачно пробормотал Кристиан Токс.

Жена дернула его за рукав:

— Все равно он никогда тебе не нравился, Крис.

— Теперь он мне нравится, старушка. — Он постарался выдавить улыбку. — Ты ведь тоже не умеешь плавать, черт возьми.

Она пожала плечами:

— Могу поспорить на пятьдесят долларов: мы с тобой будем барахтаться что твои угри.

— Хорошо, миссис Токс, спорим. Но это и хорошо, что мы будем уходить последними. Мне, в конце концов, нужен рассказ очевидца.

Он полез в карман, нашел сигареты и дал ей одну, стараясь выглядеть смельчаком и в то же время боясь за неё. Поискав спички, он не нашел их. Она открыла сумочку и стала рыться в ней. Наконец нашлась зажигалка. Сработала она лишь с третьего раза. Языки пламени плясали всего в десяти футах за их спинами, но ни она, ни он не обращали на это внимания.

— Слишком много курите, Кристиан, — заметил Данросс.

Палуба ужасающе изогнулась. Ресторан стал оседать. Через огромную пробоину в корпусе быстро поступала вода. Смельчаки пожарные умело работали со стволами, но им было не справиться с бушующим огнем. Весь корпус ресторана содрогнулся, и по толпе прокатился ропот. Лопнули два швартовочных троса.

Прислонившись к планширу, Пенниworth помогал остальным прыгнуть так, чтобы ни за что не зацепиться. Теперь уже в воду сигали многие. Неуклюже бухнулась леди Джоанна. Пол Хэвегилл помог жене перебраться через борт. Увидев, что она уже в воде, он тоже прыгнул. С полицейского катера снова раздалась команды по-кантонски очистить зону. Одни матросы бросали за борт спасательные жилеты, другие спускали на воду шлюпку. Затем полдюжины моряков под командой молодого инспектора береговой охраны бросились в воду на помощь барахтавшимся там мужчинам, женщинам и даже нескольким детям. К леди Джоанне и Хэвегиллу с женой стремительно подошел сампан. Благодарные, они вскарабкались на неустойчивую посудину. С верхней палубы валились в воду остальные.

«Плывущий дракон» кренился все больше и больше. Кто-то на верхней палубе поскользнулся и сбил Пенниworthа с ног. Он то ли отскочил, то ли свалился на спину и, не успев за что-либо ухватиться, камнем полетел вниз. Голова его ударилась о корму

сампана, и он сломал шею. Тело сползло с палубы, погрузилось в воду. В этом крошечном аду никто о нем и не вспомнил.

Кейси держалась за поручни рядом с Бартлеттом, Данроссом, Горнтом, Орландой и четой Марлоу. Неподалеку пускал клубы дыма Токс, пытаясь собраться с духом. Его жена старательно затушила свой окурок. Огонь выбивался из вентиляционных шахт, световых люков и выходной двери. Лопнул ещё один швартовочный трос, корпус сильно просел и накренился. Руки Горнта соскользнули, и он, сильно стукнувшись головой о поручни, потерял сознание. Токс с супругой, не сохранив равновесия, свалились за борт, очень неудачно. Крепко державший жену Питер Марлоу еле уберег Флер: её могли вдавить в переборку упавшие Бартлетт и Кейси. Наполовину сверзившись, наполовину скатившись, они рухнули на поручни, как снопы. Бартлетт изо всех сил старался оградить Кейси от ушибов, опасность представляли и её высокие каблуки.

Внизу, в воде, моряки помогали людям добраться до спасательной шлюпки. Один из них заметил Токса с женой, которые на миг вынырнули в пятнадцати ярдах от него, хватая ртом воздух и что-то крича, а потом, захлебнувшись и махая руками, снова ушли под воду. Он тут же нырнул за ними, и казалось, прошла целая вечность, прежде чем он ухватил женщину за одежду и вытолкнул, полуутонувшую, на поверхность. Молодой лейтенант подплыл к тому месту, где видел Токса, и нырнул, но в темноте не нашел его. Вынырнув и глотнув воздуха, он снова погрузился во тьму, беспомощно шаря наудачу. Когда легкие уже разрывались от недостатка воздуха, вытянутые пальцы наткнулись на чью-то одежду. Вцепившись в неё, он рванул к поверхности. Токс в панике цеплялся за своего спасителя, редактора тошнило, он задыхался, наглотавшись морской воды. Молодой человек освободился от захвата, перевернул его и потащил к шлюпке.

Плавучий ресторан над ними угрожающе накренился, и упавший Данросс встал. Увидев лежащего кулем Горнта, он, спотыкаясь, подошел и попытался поднять его, но не смог.

— Я... я в порядке, — выдохнул, приходя в сознание, Горнт. Он потряс головой, как собака. — Господи, спасибо... — Подняв голову, он увидел, что это Данросс. — Спасибо, — повторил он с мрачной улыбкой, нетвердо поднимаясь на ноги. — Тем не менее завтра я продаю, и на следующей неделе ты свое получишь.

— Какая удача! — рассмеялся Данросс. — Я тоже дрожу от одной только мысли, что сгорю или утону вместе с тобой.

В десяти ярдах от них Бартлетт поднимал Кейси. Наклон палубы был уже катастрофическим, и огонь бушевал вовсю.

— Вся эта чертова посуда может перевернуться в любой момент.

— А как же они? — вполголоса спросила Кейси, кивнув в сторону Флер и Орланды.

Бартлетт на миг задумался, а потом решительно сказал:

— Прыгай первой и жди внизу!

— Поняла!

Она тут же передала ему свою маленькую сумочку. Бартлетт засунул её в карман и быстро зашагал туда, где была Орланда. Кейси тем временем скинула туфли, расстегнула «молнию» на своем длинном платье и сбросила его. Она тут же скрутила легкую материю в жгут, обвязала его вокруг пояса, аккуратно перемахнула через поручни, замерла на мгновение, балансируя на краю, точно прикидывая, где войдет в воду, и прыгнула «ласточкой». Горнт с Данроссом провожали её взглядами, забыв о близкой опасности.

Бартлетт был уже рядом с Орландой. Увидев, что Кейси чисто вошла в воду, он, прежде чем Орланда смогла что-либо предпринять, поднял её над поручнями, сказал: «Задержи дыхание, милая», — и осторожно отпустил. Все следили за ней. Она

стремительно падала ногами вперед и вошла в воду в нескольких ярдах от Кейси, которая успела сориентироваться и подплыла к нужному месту под водой. Она без труда поймала Орланду, вынырнула вместе с ней, и та уже дышала, даже не успев понять, что покинула палубу. Надежно держа её и рассекая воду мощными гребками, Кейси поплыла к шлюпке, ни на минуту не потеряв самообладания.

Горнт и Данросс громко выражали свое одобрение. Корпус ресторана ещё больше накренился, они чуть не свалились с ног, а Бартлетт, спотыкаясь, направился к чете Марлоу.

— Питер, как вы плаваете?

— Так себе.

— Доверите мне её? Я работал спасателем на пляже много лет. Прежде чем Марлоу успел сказать «нет», Бартлетт поднял Флер на руки, перебрался через поручни на выступ борта и на мгновение изготовился.

— Просто задержите дыхание!

Флер обняла его одной рукой за шею, другой зажала нос, и он, крепко и надежно сжимая её в руках, шагнул в пустоту. Бартлетт вошёл в воду ровно, защищая Флер от удара о воду ногами и телом, и благополучно вынырнул. Её голова находилась под водой считанные секунды, она даже не барахталась, хотя сердце бешено колотилось, и через несколько мгновений уже была у шлюпки. Флер ухватила за борт, и они оглянулись.

Замершее сердце Питера Марлоу снова забилось, когда он увидел, что жена в безопасности.

— Ох, как замечательно, — пробормотал он.

— Вы видели, как нырнула Кейси? — спросил Данросс. — Просто фантастика!

— Что? О нет, тайбань.

— В одном бюстгальтере и трусиках с крепящимися к ним чулками — никаких железок, а прыжок — просто мечта. Господи, а какая фигура!

— О, это колготки, — рассеянно проговорил Марлоу, глядя вниз на воду и собираясь с духом. — Они только появились в Штатах, все на них помешались...

Данросс почти не слушал.

— Боже милосердный, какая фигура.

— О да, — отозвался Горнт. — И сколько *cojones* — мужества. Лопнул последний швартовочный трос, и корпус заскрежетал. Палуба опрокинулась под головокружительным углом.

Оставшиеся трое как один ринулись за борт. Данросс и Горнт прыгнули вниз головой, а Марлоу — «солдатиком». Проделали они это красиво, но понимали, что до Кейси им далеко.

38

23:30

На другой стороне острова, развалясь, как пьяный, на заднем сиденье старого такси, тащившегося по узкой улочке высоко над Вест-Пойнт в Мид-Левелз, ехал Суслев. Ночь была темная, и он — галстук на боку, пиджак сброшен, рубашка в пятнах от пота — напевал обливавшемуся потом водителю грустную русскую песню. Сгустившиеся облака висели совсем низко, влажность становилась невыносимой, было нечем дышать.

— *Matyeryebyets!* — пробормотал Суслев, проклиная жару, и улыбнулся, довольный изощренным ругательством. Он выглянул из окна: через пелену клочковатых туч далеко внизу просматривался город и огни бухты, а Коулуна было почти не видно. — Скоро пойдет дождь, товарищ, — обратился он по-английски к водителю, глотая слова: ему было все равно, поймет тот или нет.

Древняя машина, пыхтя, ползла вперед. Двигатель неожиданно чихнул, и этот звук, похожий на покашливание «Артура», напомнил о предстоящей встрече. Возбуждение Суслева росло.

В это такси он сел у терминала «Голден ферриз», и теперь, преодолев все подъемы до Мид-Левелз — района на полпути к самой верхней точке Пика, — машина повернула на запад, огибая Дом правительства, где жил губернатор, и ботанический сад.

«Когда, интересно, на пустом флагштоке у губернаторского дворца взойдется флаг с серпом и молотом? — рассеянно думал Суслев, проезжая мимо. — Скоро, — удовлетворенно заключил он. — С помощью „Артура“ и „Севрина“ — очень скоро. Не пройдет и нескольких лет».

Русский посмотрел на часы. Он немного задерживался, но это его не волновало. «Артур» никогда не приходил вовремя, вечно опаздывал не меньше чем на десять минут и не больше чем на двадцать.

«Опасно быть человеком привычек в нашей профессии, — рассуждал Суслев. — Но опасно это или нет, „Артур“ — агент очень ценный, а созданный им „Севрин“ — блестящий, крайне необходимый инструмент в арсенале КГБ, глубоко законспирированный, терпеливо ждущий своего часа, как и другие „севрины“ по всему миру. Нас, офицеров КГБ, всего девяносто с лишним тысяч, а мы почти что правим миром. Мы уже изменили его, изменили навсегда, уже владеем его половиной... И это за такое короткое время, всего лишь с семнадцатого года.

Нас так мало, а их так много. Но теперь наши щупальца протянулись во все уголки. В каждой стране у нас целые армии помощников: осторожно вербуемые информаторы, глупцы, паразиты, предатели, сознательно вводящие себя в заблуждение извращенцы и те, кто верует в туманные, неверно понятые идеалы. Они пожирают друг друга, как черви, — а они черви и есть, — подогреваемые собственными нуждами и страхами, и от них всех рано или поздно можно избавиться. И во главе каждой сети стоит один из нас, офицеров КГБ, который контролирует, направляет, убирает. И так сеть за сетью, вплоть до Президиума Верховного Совета, все они прочно вплетены в тело матери России, чтобы противостоять любой разрушительной силе. Современная Россия — это мы, — с гордостью думал он. — Мы — передовой отряд Ленина. Без нас, без наших методов и налаженного применения террора не было бы ни советской России, ни советской империи, ни той движущей силы, которая делает всемогущими партийных правителей, и ни одного коммунистического государства на земле. Да, мы — лучшие из лучших».

Он расплылся в ещё более широкой улыбке.

Такси кружило по жилому району, где тянулись один за другим большие многоквартирные дома без садов, стоявшие на небольших, отвоёванных у склона холма участках земли. Все окна в машине были открыты, но все равно Суслев изнывал от жары и духоты. Он вытер скатившуюся по щеке струйку, все тело было липким от пота.

«Под душ бы сейчас, — мечтал он, отдаваясь своим мыслям. — Под грузинскую водичку, прохладную, пресную, а не эту соленую мерзость, что течет по трубам в Гонконге. На dachu бы под Тифлисом, вот было бы здорово! Да, снова оказаться на dache с отцом и матерью, поплавать в речке, что протекает через наш участок, и чтобы в воде остужалось великолепное грузинское вино, а рядом виднелись горы. Если рай существует — он там. Горы, пастбища, виноградники, уборка урожая и такой чистый воздух».

Он фыркнул, вспомнив легенду о своем прошлом, рассказанную Травкину.

«Паразит этакий! Ещё один глупец, ещё один инструмент, который нужно использовать и выбросить, когда придет в негодность».

Его отец был коммунистом с самых первых дней, сначала служил в ЧК, потом, со

времени его основания в 1917 году, в КГБ. Теперь ему далеко за семьдесят, и он, такой же высокий, с прямой спиной, живет, как князь в старые времена, на заслуженной пенсии в окружении слуг, лошадей и телохранителей. Суслев был уверен, что со временем эта же dacha, эта же земля и эти же почести перейдут по наследству ему. Потом их унаследует его сын, пока ещё зеленый юнец, если служба в КГБ у него пойдет так же превосходно. Сам же он своей работой это заслужил, послужной список у него очень впечатляющий, а ведь ему всего пятьдесят два.

«Да, — уверенно говорил он себе, — через тринадцать лет мне на пенсию. Ещё тринадцать великих лет мне вести это наступление, никогда не ослабляя усилий, что бы ни предпринимал противник.

А кто же противник, настоящий противник?

Все, кто нам не повинуются, все, кто отказываются признавать наше превосходство — превосходство нас, русских, в первую очередь». И он громко расхохотался.

Водитель, усталый мрачноватый китаец, бросил на него быстрый взгляд в зеркало заднего вида и снова стал смотреть на дорогу, надеясь, что пассажир достаточно пьян, чтобы не разобрать сумму на счетчике и отстегнуть солидные чаевые. Он остановил машину по названному ему адресу — Роуз-Корт на Коутуолл-роуд.

Это был современный четырнадцатизэтажный жилой дом. На три этажа вниз уходил подземный гараж, здание окружала небольшая бетонная дорожка, а ниже, за невысоким бетонным ограждением, тянулась Синклер-роуд с Синклер-тауэрс и другими многоквартирными домами, гнездившимися на склоне холма, — районом элитного жилья. Вид отсюда открывался великолепный, и квартиры располагались ниже облаков, которые нередко окутывали верхние отроги Пика, так что стены не отсыревали, на белье не появлялась плесень, и все не казалось постоянно влажным.

На счетчике было восемь долларов семьдесят центов. Суслев долго пялился на пачку банкнот, вручил водителю сотню вместо десяти и с трудом выбрался из машины. Какая-то китаянка нетерпеливо обмахивалась веером. Нетвердой походкой он направился к переговорному устройству. Женщина попросила водителя подождать своего мужа и с отвращением посмотрела вслед Суслеву.

Ноги не слушались русского. Найдя нужную кнопку — «Эрнест Клинкер, эсквайр. Управляющий», — он нажал её.

— Да?

— Эрни, это я, Грегор, — проговорил он заплетающимся языком и рыгнул. — Ты дома?

— Ни в коем разе! — ответили ему на кокни²¹⁰. — Конечно я дома, кореш! Опаздываешь! Голос такой, будто уже все бары обошел! Есть пиво, есть водка, и мы с Мейбл рады тебя видеть!

Суслев прошел к лифту и нажал на кнопку «вниз». На самом нижнем уровне он вышел в открытый гараж и направился в самый дальний угол. Дверь в квартиру уже была распахнута, и маленький румяный задира, переваливший за шестьдесят, протягивал ему руку.

— Задери тебя комар, — ухмыльнулся Клинкер, показывая дешевые вставные зубы, — да ты чуть под градусом, а?

Суслев заключил его в медвежьи объятия. Клинкер тоже обнял гостя, и они прошли в квартиру.

В ней были две крохотные спальни, гостиная, кухня и ванная. Комнаты

²¹⁰ Кокни — жители лондонского Ист-Энда, в основном рабочие, и характерное для них просторечие.

обставлены скромно, но мило, а из единственного настоящего предмета роскоши — небольшого магнитофона — раздавались звуки оперной арии.

— Пива или водки?

Суслев расплылся в улыбке и снова рыгнул.

— Сначала отлить, потом водки, потом... потом ещё, а потом... потом спать. — Страшно рыгая и покачиваясь, он направился в туалет.

— Вот это правильно, капитан, дружище! Эй, Мейбл, поприветствуй капитана!

Сонный старый бульдог, лежавший на обгрызенном коврикe, на мгновение открыл один глаз, гавкнул и, засопев, почти тут же заснул снова. Просиявший Клинкер подошел к столу и налил рюмку неразбавленной водки и стакан воды. Без льда. Выпив немного «гиннеса», он крикнул:

— Ты надолго, Грегор?

— Только на ночь, tovarich. Может, зайду ещё завтра вечером. Завтра... завтра мне нужно назад на корабль. Но завтра вечером... может быть, э?

— А что же Джинни? Опять вытурила тебя?..

В ничем не примечательном фургоне, припаркованном неподалеку на дороге, этот разговор слушали через динамик Роджер Кросс, Брайан Квок и полицейский радиоинженер. Фургон был напичкан оборудованием для прослушивания, и качество «жучка» было отличным, если не считать небольших статических помех. Они слышали, как Клинкер фыркнул и повторил:

— Она тебя вытурила, да?

— Мы весь вечер «джиг-джиг», и она... она говорит: «Отправляйся к Эрни и дай мне... дай мне поспать!»

— Везет тебе, негодник. Она просто принцесса, эта штука. Приводи её завтра.

— Да... да, я... приведу. Да, лучше её просто нет.

Слышно было, как Суслев выливает ведро воды в туалете и возвращается.

— Держи, старина!

— Спасибо. — Что-то жадно выпито. — Я... думаю... думаю, что прилягу на... прилягу. На пару минут...

— На несколько часов, ты хочешь сказать! Не волнуйся, завтрак я приготовлю. Держи, давай ещё по одной...

Полицейские в фургоне внимательно вслушивались. Кросс приказал установить «жучок» в квартире Клинкера два года назад. Время от времени, всякий раз, когда Суслев появлялся здесь, устройство проверяли. Суслев, за которым всегда велось открытое наблюдение, познакомился с Клинкером в баре. Оба когда-то служили на подводных лодках, и между ними завязалась дружба. Клинкер пригласил Суслева к себе, и тот время от времени заходил. Кросс немедленно приказал «прокачать» Клинкера, но ничего неблагоприятного обнаружено не было. Клинкер двадцать лет служил матросом на Королевском военно-морском флоте. После войны плавал на английских торговых судах, заходил в порты всей Азии, в том числе и в Гонконг, где и обосновался после выхода на пенсию. Спокойный и покладистый, он жил один и уже пять лет служил в Роуз-Корт сторожем-дворником. Они с Сулевым подходили друг другу: много пили, гуляли и травили байки. Их болтовню можно было слушать часами, но ничего ценного извлечь из неё не представлялось возможным.

— Он набрался, как обычно, Брайан, — поморщился Кросс.

— Да, сэр. — Брайану Квоку это наскучило, но он старался не подавать виду.

В маленькой гостиной Клинкер подставил Сулеву плечо.

— Давай, пора тебе в койку.

Перешагнув через рюмку, он помог Сулеву пройти в маленькую спальню. Тот рухнул на постель и тяжело вздохнул.

Клиinker задернул занавески, потом подошел к ещё одному небольшому магнитофону и включил его. Через мгновение с пленки послышалось тяжелое

дыхание и похрапывание. Суслев бесшумно встал и мгновенно «протрезвел». Клинкер уже опустился на четвереньки. Он отодвинул коврик и открыл люк в полу. В него бесшумно спустился Суслев. Ухмыльнувшись, Клинкер хлопнул его по спине и закрыл за ним хорошо смазанный люк. Отсюда ступеньки вели в некое подобие туннеля, который вскоре выходил в широкую подземную трубу ливневой канализации. Воды в ней не было. Суслев шёл осторожно, светя себе фонариком, который взял из небольшого углубления в конце ступенек. Через некоторое время он услышал шум автомашины, проезжавшей прямо у него над головой по Синклер-роуд. Несколько шагов — и он уже был под Синклер-тауэрс. Ещё один люк вел в дворницкую. Оттуда можно было выйти на черную лестницу, которой никто не пользовался. Он стал взбираться по ступенькам.

Роджер Кросс продолжал вслушиваться в тяжелое дыхание, к которому примешивалась оперная музыка. Фургон был узкий и тесный, рубашки у всех пропитались потом. Кросс курил.

— Похоже, устроился на всю ночь, — сказал он.

Было слышно, как Клинкер что-то мурлыкает под нос и собирает осколки разбитой рюмки. На панели радиостанции замигал красный сигнал. Оператор щелкнул переключателем.

— Патрульная машина один четыре два три, слушаю.

— Главное управление, суперинтендента Кросса. Срочно.

— Кросс слушает.

— Это дежурный офицер, сэр. Только что пришло сообщение: горит ресторан «Плывущий дракон»... — Брайан Квок затаил дыхание. — Пожарные машины уже там, и, по словам констебля, погибло или утонуло человек двадцать. Похоже, пожар начался с кухни, сэр. Было несколько взрывов. Они разрушили почти весь корпус и... Одну минуту, сэр, ещё один доклад от береговой охраны...

Они стали ждать. Тишину нарушил Брайан Квок:

— Данросс?

— Банкет проходил на верхней палубе? — спросил Кросс.

— Да, сэр.

— Он слишком непрост, чтобы сгореть — или утонуть, — негромко изрек Кросс.

— Этот пожар — случайность или он подстроен?

Брайан Квок не ответил.

Снова раздался голос дежурного из Главного управления:

— Из береговой охраны докладывают, что ресторан перевернулся. По их словам, там творится черт знает что, и, похоже, нескольких человек затянуло под корпус.

— Наш агент был рядом с ВИП?

— Нет, сэр, агент ждал на пристани у своей машины. У него не было времени добраться до ВИП.

— А те, что оставались на верхней палубе?

— Подождите минутку, я спрошу...

Снова наступила тишина. Брайан Квок вытер пот со лба.

— Они говорят, что человек двадцать-тридцать прыгнуло, сэр. К сожалению, большинство из них покинуло судно слишком поздно, как раз перед тем, как оно перевернулось. Сколько человек затянуло, береговой охране неизвестно.

— Ждите указаний. — Кросс на мгновение задумался. Потом снова заговорил в микрофон: — Я немедленно посылаю туда суперинтендента Квока на этой машине. Вышлите навстречу ему команду ныряльщиков. Обратитесь за помощью к военным, степень важности первая. Если буду нужен, я дома. — Он отключил микрофон. Потом обратился к Брайану Квоку: — Я дойду отсюда пешком. Позвоните мне сразу, как узнаете про Данросса. Если он мертв, мы тут же поедem в подвал банка, и к черту все

последствия. А теперь давайте как можно быстрее!

Он вышел. Фургон рванулся вверх по склону холма. Абердин лежал за гребнем южнее. Кросс бросил быстрый взгляд на Роуз-Корт, а потом на Синклер-тауэрс, дальше через дорогу. Его человек по-прежнему наблюдал за входом, терпеливо поджидая возвращения Цу-яня. «Куда мог деться этот ублюдок?» — раздраженно подумал Кросс.

Весьма озабоченный, он стал спускаться по склону холма. Начался дождь. Кросс ускорил шаги.

Суслев достал из современного холодильника ледяное пиво, открыл и стал с наслаждением пить. В расположенной на одиннадцатом этаже Синклер-тауэрс просторной, чистой, богато и со вкусом обставленной квартире номер тридцать два было три спальни и большая гостиная.

На каждом этаже вокруг двух тесных лифтов и лестницы запасного выхода размещалось по три квартиры.

Квартира тридцать один принадлежала мистеру и миссис Джон Чэнь. Тридцать третья была собственностью некоего мистера К. В. Ли. По уверениям «Артура», за именем К. В. Ли скрывался Иэн Данросс, который, по примеру предшественников, единственный имел доступ в три или четыре частные квартиры в разных концах колонии.

Суслев никогда не встречался ни с Джоном Чэнем, ни с Данроссом, хотя неоднократно видел их на скачках и в других местах.

«Удобнее не придумаешь, если придется допрашивать Тайбаня, — угрюмо подумал он. — А если ещё дополнительной приманкой будет Травкин...»

Задернутые шторы на открытых окнах заполоскались под налетевшим порывом ветра, и до Суслева донесся шум дождя. Осторожно отодвинув занавеску, он выглянул на улицу. Крупные капли барабанили по стеклам. Улицы и крыши домов уже потемнели от влаги. На небе сверкнула молния. Послышался раскат грома. Температура воздуха упала на несколько градусов. «Добрая гроза будет», — удовлетворенно сказал про себя Суслев, довольный тем, что он не у Джинни Фу в её крошечной квартирке с замусоренным, грязным полом в доме без лифта в Монкоке и не у Клинкера.

Все это устроил «Артур»: и Клинкера, и Джинни Фу, этот надежный дом, туннель. Конечно, он и сам так все устроил бы во Владивостоке. Клинкер, подводник и кокни, соединял в себе полный набор качеств, которых можно ожидать от подобного типа, а кроме того, он всегда недолюбливал офицеров. По утверждению «Артура», привлечь Клинкера к общему делу не стоило труда, если умело сыграть на закоренелой подозрительности, ненависти и скрытности.

— Скверный Эрни знает о тебе совсем немного, Грегор: конечно, что ты русский и капитан «Иванова». Что касается туннеля, я сказал, что в Синклер-тауэрс живет замужняя дама, жена одного из здешних тайбаней, с которой у тебя роман. Записанный на пленку храп и всю эту секретность я объяснил необходимостью скрываться от проклятых «пилеров», которые следят за тобой, тайком проникли в квартиру и установили «жучки».

— «Пилеров»?

— Так кокни называют полицейских. По имени сэра Роберта Пилля, премьер-министра Англии, который основал первое полицейское подразделение. Кокни всегда ненавидели «пилеров», и Скверному Эрни доставляет большое удовольствие водить их за нос. Тебе лишь надо славить Королевский военно-морской флот, и он по гроб жизни будет твоим верным псом...

Суслев улыбнулся. «Неплохой человек Клинкер, — подумал он, — только зануда».

Отхлебывая пиво, он вернулся назад в гостиную. Там лежал дополнительный дневной выпуск газеты «Гардиан» с кричащим заголовком толпа убивает ароматный цветок и качественной фотографией, запечатлевшей беспорядки. Он сел в кресло и стал быстро просматривать газету.

Затем его чуткий слух уловил звук остановившегося лифта. Подойдя к столику у двери, он вытащил из-под него заряженный автоматический пистолет с глушителем. Засунул оружие в карман и прильнул к глазку.

Ожил дверной звонок. Он открыл дверь и улыбнулся:

— Заходи, старый приятель. — И тепло обнял Жака де Вилля. — Давненько не виделись.

— Да, давненько, товарищ, — так же тепло ответил де Вилль. Последний раз он виделся с Суслевым пять лет назад в Сингапуре на тайной встрече, организованной «Артуром» сразу после того, как де Виллю предложили стать частью «Севрина». Они с Суслевым встречались так же тайно, как и в первый раз в Лионе, одном из крупных портов Франции, в июне сорок первого года, за несколько дней до нападения нацистской Германии на советскую Россию, когда для всех эти две страны ещё были союзниками. В то время де Вилль воевал в рядах маки, а Суслев был заместителем командира и тайным политическим комиссаром советской подводной лодки, зашедшей якобы для ремонта после патрулирования в Атлантике. Именно тогда де Вилля спросили, хочет ли он вести настоящую войну, войну с главным противником — капитализмом — в качестве секретного агента после того, как фашисты будут уничтожены. Он согласился всей душой.

Завербовать его Суслеву не составило труда. Исходя из возможностей использования де Вилля после войны КГБ тайно организовал его выдачу гестапо, а потом освобождение из гестаповских застенков, где его ждала смерть, партизанами-коммунистами. Партизаны представили Жаку сфабрикованные доказательства того, что его предал за деньги один из своих. Де Виллю тогда было тридцать два, и его, как и многих других, привлекали социалистические идеи и кое-что в учении Маркса и Ленина. Он никогда не состоял во французской компартии, но теперь, став одним из агентов «Севрина», был почетным капитаном советского Комитета государственной безопасности.

— Выглядишь усталым, «Фредерик», — произнес Суслев, называя де Вилля по кличке. — Расскажи, что случилось.

— Так, семейная проблема.

— Поделись.

Суслев внимательно выслушал печальный рассказ де Вилля о зяте и дочери. Со времени их знакомства в 1941 году Суслев был куратором де Вилля. В 1947 году он приказал французу перебраться в Гонконг, чтобы работать в «Струанз». До войны де Виллю и его отцу принадлежала преуспевающая компания по импорту и экспорту, тесно связанная со «Струанз», — кроме того, существовали и семейные связи, — поэтому перемена совершилась без труда и с радостью. Де Вилль получил задание войти во внутреннее правление, а со временем выбиться в тайбани.

— Где твоя дочь сейчас? — сочувственно спросил Суслев. Де Вилль рассказал.

— А водитель другой машины? — Суслев запомнил имя и адрес. — Я позабочусь, чтобы им занялись.

— Нет, — тут же остановил де Вилль. — Это... это был несчастный случай. Мы не можем наказывать человека за несчастный случай.

— Он был пьян. Вождению в пьяном виде нет оправдания. Как бы то ни было, ты для нас имеешь большое значение. Мы о своих заботимся. Я займусь им.

Де Вилль понимал, что спорить нет смысла. Дождь забарабанил в окна сильнее.

— Merde, а дождик-то хороший. Температура упала, должно быть, градусов на пять. Только долго ли это продержится?

— Как сообщили, штормовой фронт обширный.
 Де Вилль наблюдал за капельками дождя, скатывавшимися по оконному стеклу, и думал, зачем его вызвали.

— А у тебя как дела?

— Очень хорошо. Выпьешь? — Суслев подошел к зеркальному бару. — Есть хорошая водка.

— Водки — выпью, спасибо. Только чуть-чуть.

— Если уйдет Данросс, следующим тайбаном станешь ты?

— Думаю, им станет кто-то из нас четырех: Гэваллан, Дэвид Мак-Струан, я или Линбар Струан.

— Именно в таком порядке?

— Не знаю. Кроме того, что Линбар наверняка последний в списке. Спасибо. — Де Вилль принял рюмку. Они выпили за здоровье друг друга. — Я бы отдал предпочтение Гэваллану.

— А кто такой Мак-Струан?

— Дальний родственник. Отработал свои пять лет, торгуя с Китаем. Сейчас возглавляет расширение нашего присутствия в Канаде: мы стараемся вкладывать капитал в различные предприятия и проникать в компании, занимающиеся производством древесного волокна, добычей меди и других имеющихся в Канаде полезных ископаемых, в основном в Британской Колумбии.

— И как он себя проявил?

— Очень хорошо. Крепкий орешек. В драке не гнушается никакими приемами. Тридцать восемь лет, бывший лейтенант-десантник. Над Бирмой ему чуть не оторвало руку спутавшимися стропами парашюта. Он лишь обмотал её жгутом и бросился в бой. Получил за это «Военный крест»²¹¹. Будь я тайбаном, выбрал бы его. — Де Вилль пожал плечами. — По законам нашей компании своего преемника может назначить лишь сам тайбань. Он волен сделать это когда захочет и как захочет, хоть в завещании. В любом случае его воля для Благородного Дома — закон.

Суслев не сводил с него глаз.

— Данросс составил завещание?

— Иэн свое дело знает. Последовало долгое молчание.

— Ещё водки?

— Non, merci. Мне этого хватит. «Артур» будет?

— Да. Как нам склонить чашу весов в твою пользу?

Де Вилль хотел что-то сказать, но лишь пожал плечами. Суслев налил себе ещё.

— Дискредитировать этого Мак-Струана и остальных не составит труда. Да-да. Устранить их можно легко. — Повернувшись к де Виллю, Суслев взглянул ему прямо в глаза. — Даже Данросса.

— Нет. Это не решение вопроса.

— А разве есть какое-то другое?

— Проявить терпение. — Де Вилль улыбнулся, но что-то мелькнуло в его усталых глазах. — Не хотелось бы стать причиной... устранения его или кого-либо из остальных.

— Чтобы кого-то устранить, убивать не обязательно! — усмехнулся Суслев. — Мы что, варвары? Нет, конечно. — «Де Вилля надо поднапрячь», — думал он, не спуская глаз со своего протеза. — Расскажи об этом американце, Бартлетте, и о сделке Струан — «Пар-Кон».

Де Вилль рассказал, что знал.

²¹¹ «Военный крест» — британская военная награда за отличие и заслуги в боевых действиях на суше. Учрежден в 1915 г.

— Нам бы деньги Бартлетта, и больше ничего не нужно.
— А этот Горнт способен осуществить поглощение?
— И да, и нет. Человек он жесткий и ненавидит нас от души. Один из давнишних конкурентов...

— Да, я знаю. — Суслева удивило, что де Вилль повторяет информацию, которую уже предоставлял. «Плохой знак», — подумал он и посмотрел на часы. — Наш друг опаздывает на двадцать пять минут. Не похоже на него. — Люди бывалые, беспокойства они не испытывали. Никогда нельзя быть уверенным, что такие встречи, как эта, непременно состоятся, ведь всегда может что-то стрястись.

— Про пожар в Абердине слышал? — вдруг вспомнил де Вилль.

— Какой пожар?

— Как раз перед тем, как я поднялся сюда, по радио было сообщение. — Де Вилль с женой жили в квартире двадцать на шестом этаже. — Сгорел ресторан «Плывущий дракон» в Абердине. Возможно, «Артур» был там.

— Ты видел его? — с неожиданной озабоченностью спросил Суслев.

— Нет. Но я легко мог не заметить его. Я ушел задолго до ужина. Суслев задумчиво попивал водку.

— Он ещё не называл тебе остальных членов «Севрина»?

— Нет. Я спрашивал, с подходом, как ты и приказывал, но он так и не...

— Приказывал? Я не даю приказов, tovarich, я лишь предлагаю.

— Ну да, конечно. Он сказал лишь: «Со временем мы встретимся все».

— Мы оба скоро узнаем. Он абсолютно прав, что осторожничает. — Суслеву хотелось проверить де Вилля и проверить «Артура». Это было одно из основных правил в КГБ: в отношениях со своими агентами, какими бы важными они ни были, лишняя осторожность никогда не помешает. Он вспомнил, как инструктор вбивал в них очередную цитату из «Трактата о военном искусстве» Сунь-цзы, настольной книги всех советских военных: «Шпионы бывают пяти видов: местные шпионы, внутренние шпионы, обращенные шпионы, обреченные шпионы и выжившие шпионы. Когда все пять категорий действуют слаженно, государство пребывает в безопасности, а войско несокруσιμο. Местных шпионов вербуют из местных жителей. Шпионы внутренние — это чиновники противника. Обращенные шпионы — это перевербованные шпионы противника. Шпионам обреченным предоставляют ложные сведения и выдают противнику, который при помощи пыток получает от них эти ложные сведения и оказывается введенным в заблуждение. Выжившими называют шпионов, которые приносят известия из стана противника. Помни, никто во всем войске не достоин более щедрой награды. Но если шпион до времени разгласит тайные сведения, он должен быть предан смерти, как и тот, кому он эти тайные сведения доверил».

«Если и остальные доклады АМГ такие же, как тот, что стал известен, — бесстрастно размышлял Суслев, — Данросс обречен».

Он пристально и оценивающе смотрел на де Вилля, который ему нравился, и радовался, что тот снова прошел проверку — и «Артур» тоже. На ум пришел последний абзац из «Трактата о военном искусстве» (советская элита придавала этой тоненькой книжонке такое большое значение, что многие знали её наизусть): «Лишь просвещенный правитель и мудрый полководец использует своих самых смысленных воинов как шпионов. Шпионы на войне — самое важное, от них зависит боеспособность войска».

«Вот этим КГБ и занимается, — удовлетворенно думал он. — Мы ищем самых лучших и талантливых во всем Советском Союзе. Мы — элита. Нам нужны лазутчики всех пяти категорий. Нам нужны эти люди — Жак, „Артур" и все остальные.

Да, они очень нам нужны».

— «Артур» ни разу и словом не обмолвился о том, кто остальные. Ни словом, —

продолжал де Вилль. — Сказал лишь, что нас семеро.

— Нам нужно быть терпеливыми, — кивнул Суслев, с облегчением узнав, что «Артур» ведет себя правильно и тоже принимает меры предосторожности.

Ведь так и планировалось: эти семеро не должны быть знакомы, они не должны знать, что Суслев — куратор «Севрина» и по положению выше «Артура». Сам Суслев знал всех агентов «Севрина». В течение многих лет он их утверждал, постоянно проверяя, испытывая их преданность, заменяя одних другими. Проверять нужно всегда, и, если агент заколебался, значит, пришло время нейтрализовать или убрать его — прежде чем он нейтрализует или уберет тебя. «Даже Джинни Фу, — подумал он, — хотя она никакой не агент и ничего не знает. Никогда нельзя быть в ком-то уверенным, кроме самого себя. Этому учит наша советская система. Да. Пора взять её в поездку, которую я ей давно обещал. Небольшое путешествие на следующей неделе. Во Владивосток. Как только она окажется там, ей можно будет прочистить мозги, перевоспитать её и сделать полезной. Сюда она уже не вернется».

Он попил водку небольшими глотками, гоня огненную жидкость вокруг языка.

— Дадим «Артуру» полчаса. Прошу, — показал он на кресло. Де Вилль снял с кресла газету и сел.

— Ты читал о массовых изъятиях вкладов из банков? Суслев просиял.

— Да, *tovarich*. Замечательно.

— Это операция КГБ?

— Насколько мне известно, нет, — весело признал Суслев. — В противном случае кое-кого ждало бы повышение.

Это было одно из главных направлений ленинской политики — уделять серьезное внимание банкам, которые составляют основу мощи Запада, проникать в них на самый высокий уровень, поощрять козни, устраиваемые западным валютам другими, и помогать в этом, но в то же время занимать у западных банков капитал по максимуму, независимо от процентной ставки и чем на больший срок, тем лучше, и следить, чтобы ни одна советская организация не отказывалась от возвращения займа, чего бы это ни стоило.

— Разорение «Хо-Пак», несомненно, повлечет и крах других банков. В газетах пишут, что возможен даже накат на «Викторию», а?

Де Вилль невольно поежился, и Суслев это заметил. Его озабоченность усилилась.

— *Merde*, но это нанесет ущерб всему Гонконгу, — проговорил де Вилль. — О, я знаю, чем раньше, тем лучше, но... но при такой глубокой конспирации иногда забываешь, кто ты есть на самом деле.

— Ну, ничего страшного. Такое со всеми случается. У тебя сердце не на месте из-за дочери. Какой отец не переживал бы? Это пройдет.

— Когда мы сможем действовать? Я устал, так устал ждать.

— Скоро. Вот слушай, — начал Суслев, чтобы приободрить его. — В январе я был на совещании высшего эшелона в Москве. Банковское дело у нас один из приоритетов. По последним подсчетам, наша задолженность капиталистам составляет почти тридцать миллиардов по займам — главным образом Америке.

У де Вилля даже дыхание перехватило:

— Матерь Божья, я и понятия не имел, что вы добились таких успехов. Улыбка Суслева стала шире:

— И это только советская Россия! На наших сателлитов приходится ещё шесть миллиардов шестьсот миллионов. Восточная Германия недавно получила один миллиард триста миллионов на приобретение у капиталистов прокатных станков, компьютерной технологии и многих других нужных нам вещей. — Засмеявшись, он опрокинул рюмку и налил ещё. Алкоголь развязывал ему язык. — Вообще-то, я не понимаю их, этих капиталистов. Они обманывают себя. Мы не скрываем, что полны

решимости уничтожить их, а они предоставляют нам для этого средства. Просто поразительно. Если у нас будет время, лет двадцать — максимум двадцать лет, — наша задолженность вырастет до шестидесяти-семидесяти миллиардов. С их точки зрения, у наших облигаций по-прежнему будет наивысший рейтинг — AAA, потому что мы никогда не объявляли дефолта... Ни в военное, ни в мирное время, ни в период экономического спада. —

Он вдруг расхохотался. — Как там говорил один швейцарский банкир? «Дайте в долг немного — и у вас будет должник, одолжите большую сумму — и получите партнера!» Семьдесят миллиардов, Жак, дружище, и они у нас в кармане. Семьдесят миллиардов, и мы сможем менять их политику, как нам заблагорассудится, а затем в любой выбранный нами момент сделать последний ход: «Извините, господин Капиталистический Банкир-Сионист, но мы с прискорбием извещаем, что неплатежеспособны! О, к нашему превеликому сожалению, мы больше не сможем возвращать долги и даже выплачивать проценты по займам. Печально, но с настоящего момента вся наша теперешняя валюта обесценилась. Наша новая валюта — красный рубль, и один красный рубль стоит сотню ваших капиталистических долларов...»

Довольный Суслев усмехнулся.

— И как бы вкупе ни были богаты эти банки, семьдесят миллиардов им не списать никогда. Никогда. А к этим семидесяти к тому времени нужно будет ещё добавить миллиарды всего Восточного блока! И если это неожиданное объявление приурочить к одному из неизбежных спадов в капиталистической экономике... они окажутся по уши в своем собственном дерьме от страха и будут умолять нас спасти их поганые шкуры. Если эти тупые ублюдки разорятся, то так им и надо! — презрительно добавил он. — Зачем нам воевать с ними, если они своей жадностью и глупостью уничтожают себя сами. А?

Де Вилль смущенно кивнул. Суслев вызывал в нем страх.

«Должно быть, старею, — думал де Вилль. — В те прежние дни было так легко верить в дело народных масс. Тогда крики поверженных раздавались громко и ясно. А теперь? Теперь их почти не слышно. Я по-прежнему предан своим убеждениям, твердо предан. Я не жалею ни о чем. Коммунизм пойдет лишь на благо Франции.

А пойдет ли?

Теперь уж и не знаю наверняка, как когда-то. Жаль, что людям никуда не скрыться от всех этих "-измов", — говорил он про себя, стараясь скрыть свои мучения. — Лучше бы их вовсе не было, а был лишь мой любимый Лазурный Берег, купающийся в лучах солнца».

— Сталин и Берия были люди гениальные, вот что я скажу, дружище, — продолжал Суслев. — Это величайшие из всех русских, когда-либо живших на земле.

Де Вилля настолько потрясли эти слова, что ему еле удалось скрыть изумление. Он прекрасно помнил ужас немецкой оккупации, унижение Франции, всех её больших и малых деревень и виноградников. Он не забыл, что Гитлер никогда не осмелился бы вторгнуться в Польшу и заварить всю эту кашу, если бы не прикрывался сталинским пактом о ненападении. Без Сталина не было бы и войны, не было бы всей этой бойни и все жили бы лучше.

— А двадцать миллионов русских? А бесчисленные жертвы других народов? — выдавил из себя он.

— Не такая уж это дорогая цена. — Суслев налил себе ещё. Он уже и так разошелся, а от водки его красноречие распалялось ещё больше. — Благодаря Сталину и Берии под нами вся Восточная Европа от Балтики до Балкан: Эстония, Литва, Латвия, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, вся Польша, Пруссия, половина Германии, Внешняя Монголия. — Суслев довольно рыгнул. — Северная Корея и плацдармы по всему миру. В результате проведенной ими операции «Лев»

перестала существовать Британская империя. При их поддержке была создана Организация Объединенных Наций, которая стала величайшим оружием в нашем арсенале. А потом ведь ещё был Израиль. — Он засмеялся. — Мой отец являлся одним из кураторов этой программы.

У де Вилля даже волосы на голове зашевелились.

— Что?!

— Создание Израиля стало сталинско-бериевским переворотом грандиозного масштаба! Кто помог ему, открыто и тайно, стать явью? Мы! И с какой целью? — Суслев снова рыгнул. — Чтобы в самой утробе арабских стран постоянно кровоточила язва, ослабляя и ту и другую сторону и одновременно снижая промышленную мощь Запада. Евреи против мусульман, мусульмане против христиан. Эти фанатики никогда не будут жить в мире друг с другом, даже если такая возможность представится, это точно. Они никогда не переступят через разногласия, даже если на карту будет поставлена их глупая жизнь. — Он засмеялся и затуманенным взором уставился на рюмку, расплескивая её содержимое.

Де Вилль смотрел на него с ненавистью, желая опровергнуть сказанное и страхась сделать это, понимая, что он полностью во власти Суслева. Однажды, несколько лет назад, он переступил через себя и послал какие-то не представлявшие особого интереса сведения о «Струанз» на некий почтовый ящик в Берлине. В течение дня незнакомый человек позвонил ему по домашнему телефону. Так раньше не звонил никто. Звонил как бы свой. Но он все понял.

Де Вилль подавил дрожь и постарался убрать с лица все эмоции, когда взгляд Суслева обратился на него.

— Разве не так, *tovarich*? — улыбнулся кагэбэшник. — Клянусь, мне никогда было не понять этих капиталистов. Они делают врагами четыреста миллионов арабов, владеющих реальными мировыми запасами нефти, в которой скоро Запад будет отчаянно нуждаться. А мы овладеем и Ираном, и Персидским заливом, и Ормузским проливом. Тогда этот кран Запада окажется в наших руках, и они наши, никакой войны не надо — только действуй. — Суслев залпом допил рюмку и налил себе ещё одну.

Глядя на него, де Вилль уже чувствовал отвращение и лихорадочно размышлял о своей собственной роли. «Разве для этого целых шестнадцать лет я был примерным тайным агентом и терпеливо ждал своего часа, не возбуждая подозрений? Даже Сюзанна ничего не подозревает. Все уверены, что я против коммунистов и за „Струанз“ — самое что ни на есть капиталистическое творение во всей Азии. Нас пронизывают идеи Дирка Струана. Прибыль. Прибыль для тайбаня и для Благородного Дома, потом для Гонконга. Именно в такой очередности, и к черту всех остальных, кроме короны, Англии и Китая. И даже если я не стану тайбанем, я все же смогу сделать так, что „Севрин“ нанесет урон Китаю, как того хотят Суслев и „Артур“. Но хочу ли я этого теперь? Теперь, когда я впервые увидел, что собой представляет этот... этот монстр и все их лицемерие?»

— Сталин, — произнес он, чуть ли не отшатнувшись под пристальным взглядом Суслева. — Ты... когда-нибудь видел его?

— Однажды был рядом. В десяти футах. Росточка невеликого, но в нем чувствовалась сила. Это случилось в пятьдесят третьем году на приеме, устроенном Берией для некоторых высокопоставленных офицеров КГБ. Мой отец попал в число приглашенных, и мне разрешили пойти с ним. — Суслев выпил ещё одну рюмку, уже почти не обращая внимания на де Вилля, поглощенный воспоминаниями о своей семье. — Там был Сталин, Берия, Маленков... Ты знал, что настоящее имя Сталина — Иосиф Виссарионович Джугашвили? Сын сапожника из Тифлиса, моего родного города. Сталин готовился стать священником, но его исключили из местной семинарии. Чудно, чудно!

Они чокнулись.

— Не надо так печалиться, товарищ, — призвал он, неправильно поняв де Вилля. — Как бы ни была тяжела твоя личная утрата. Ты — часть будущего, участник нашего марша к победе! — Суслев осушил свою рюмку. — Сталин, должно быть, умер счастливым человеком. Вот бы нам так повезло, а?

— А Берия?

— Берия попытался захватить власть слишком поздно. У него ничего не вышло. У нас в КГБ как у японцев: единственным грехом считается неудача. Но Сталин... Отец рассказывал, что, когда в Ялте без каких-либо уступок с нашей стороны Рузвельт согласился отдать Сталину Маньчжурию и Курильские острова, что гарантировало нам господство над Китаем, Японией и всеми водами Азии, Сталина едва не хватил удар. Он чуть не умер, стараясь не рассмеяться!

— А Солженицын и gulag'и? — спросил де Вилль, помолчав.

— Мы на войне, друг мой. Есть предатели и внутри. Разве может кучка людей править страной без террора? Сталин это понимал. Он воистину был великий человек. Нам сослужила службу даже его смерть. Хрущев блестяще использовал его образ, чтобы придать СССР налет «человечности».

— Это была лишь ещё одна уловка? — не поверил де Вилль.

— Это уже государственная тайна. — Суслев чуть не рыгнул. — Не важно, скоро Сталина станут прославлять снова. Ну, а что насчет Оттавы?

— О, я справлялся у Жана-Шарля и...

Неожиданно зазвонил телефон. Один звонок. Оба уставились на аппарат, чуть дыша. Через двадцать с лишним секунд — ещё один звонок. Оба чуть расслабились. Ещё двадцать с лишним секунд, и звонок стал непрерывным. Один звонок означал «Опасность, уходите немедленно», два — «Встреча отменяется», а третий, переходящий в непрерывный, подсказывал, что можно говорить без опаски.

Суслев снял трубку. Сначала он услышал лишь дыхание, а потом послышался голос «Артура» — это был его необычный выговор:

— Можно мистера Лоп-сина?

— Здесь нет никакого мистера Лоп-тина, вы ошиблись номером, — произнес Суслев, изменив голос и сделав усилие, чтобы сосредоточиться.

Они четко проговорили все части пароля, а ещё Суслева успокоило сухое покашливание. Потом «Артур» сказал:

— Сегодня встретиться не могу. Удобно будет в пятницу в три? — «Пятница» означала «четверг», то есть завтра, «среда» — «четверг» и так далее. «Три» было кодом для места встречи — на ипподроме Хэппи-Вэлли, во время утренней разминки.

Завтра на рассвете!

— Да.

Линия со щелчком отключилась. Слышался лишь тоновый сигнал набора.

ЧЕТВЕРГ

39

4:50

До рассвета оставалось около часа, шёл проливной дождь. Взглянув на полуобнаженное тело Джона Чэня, Пун Хорошая Погода выругался. Он тщательно обыскал всю одежду убитого, обшарил все комки грязи там, где был закопан труп. Откапывали его двое юнцов — Цзинь Пак и Чэнь Собачье Ухо, и казалось, этим комкам не будет конца. Но найти ничего не удалось — ни целых монет, ни их частей, ни драгоценностей, ничего. А Четырехпалый У сказал намеренно: «Найди ту половинку

монеты, Пун Хорошая Погода!» Позже старик дал дополнительные указания, и Пун Хорошая Погода остался очень доволен, потому что это снимало с него ответственность и ошибки быть не могло.

Он приказал Чэню Собачье Ухо и Цзинь Паку спустить труп Папаши Цзиня вниз по лестнице и пригрозил Рябому Цзиню, который держался за свою изуродованную руку, что отрежет ему язык, если тот ещё раз застонет. Труп оставили в одном из переулков. Потом Пун Хорошая Погода разыскал Короля Нищих Коулун-сити, который приходился Четырехпалому У дальним родственником. Все нищие входили в гильдию, и у них имелись свои короли: один — в Гонконге, другой — в Коулуне и третий — в Коулун-сити. В старые времена нищенство было доходным занятием, но теперь, когда за него давали большой тюремный срок, из-за штрафов и появления множества других хорошо оплачиваемых занятий все переменялось.

— Понимаете, Почтенный Король Нищих, этот наш знакомый только что умер, — терпеливо объяснял Пун Хорошая Погода важному старику. — Родственников у него нет, поэтому его оставили на улице в переулке Цветочников. Мой Великий Дракон, несомненно, будет признателен за небольшую услугу. Не могли бы вы похоронить умершего по-тихому?

Он из вежливости поторговался, заплатил согласованную цену и пошёл к такси и машине, дожидавшимся его за городской чертой, довольный, что теперь труп исчезнет бесследно навсегда. Цзинь Пак уже сидел в такси на переднем сиденье. Пун сел рядом.

— Веди нас к Джону Чэню, — приказал он. — И побыстрее!

— Выезжай на Шатинь-роуд, — важно велел Цзинь Пак водителю.

Чэнь Собачье Ухо съехался на заднем сиденье рядом с уличными бойцами Пуна Хорошая Погода. Рябой Цзинь и остальные следовали за ними в машине.

Обе легковушки повернули на северо-запад в сторону Новых Территорий по дороге из Шатиня в Тайбо. Она петляла между деревушками, зонами новой застройки и лачугами поселенцев, переваливала через холм, огибая идущую на север, к границе, железную дорогу и минуя плодородные сады с висевшим над ними густым запахом навоза. Здесь выращивали фрукты на продажу. Не доезжая до рыбацкой деревушки Шатинь, где справа открывалось море, они свернули с главной дороги налево, на проселок, усеянный выбоинами и лужами. В небольшой рощице остановились и вышли.

Шёл теплый дождь, и от земли поднимался свежий аромат. Взяв лопату, Цзинь Пак повел всех в кусты. Пун Хорошая Погода светил фонариком, а Цзинь Пак, Чэнь Собачье Ухо и Рябой Цзинь искали. Найти точное место в темноте оказалось непросто. Они дважды начинали копать, и только потом Цзинь Пак вспомнил, что отец пометил место захоронения камнем в форме полумесяца. Промокнув до нитки и переругавшись, они в конце концов нашли камень и снова взялись копать. Под верхним слоем земля была сухая. Спустя какое-то время они извлекли труп, завернутый в одеяло. От него шла страшная вонь. Пун Хорошая Погода заставил их снять с трупа одежду и прилежно обыскал его, но ничего не нашел.

— Все остальное вы послали Благородному Дому Чэнь? — снова спросил он. Лицо его было мокрым от дождя, насквозь промокла и вся одежда.

— Да, — вызывающе ответил молодой Цзинь Пак. — Сколько раз, ети его, можно это повторять? — Он ужасно устал, с одежды текло, и он был уверен, что его ждет смерть.

— Всем снять с себя ваши дерьмовые тряпки. Туфли, носки — все. Хочу посмотреть, что у вас в карманах.

Они повиновались. У Цзинь Пака на шее висела на тесемке дешевая круглая нефритовая пластинка. В Китае почти все носят кусочек нефрита на счастье, потому что знают: если злой бог заставит тебя споткнуться, дух нефрита встанет между

тобой и злым богом и, приняв на себя основную тяжесть падения, рассыплется, не дав разбиться тебе. Ну а если не встанет, то, значит, к сожалению, дух нефрита спит, и такая у тебя судьба, ничего не поделаешь.

В карманах Цзинь Пака Пун Хорошая Погода не нашел ничего и швырнул ему одежду назад в крайнем раздражении.

— Можешь одеваться, и одень снова труп. Пошевеливайся!

У Чэня Собачье Ухо нашлось почти четыреста гонконгских долларов и качественный нефритовый браслет. Один из бойцов забрал браслет себе, деньги Пун положил в карман и повернулся к Рябому Цзиню. У всех глаза на лоб полезли при виде толстого рулона свернутых банкнот, найденного в кармане брюк этого юнца.

— Во имя Шлюхи Небесной, откуда у тебя все это? — удивился Пун Хорошая Погода, тщательно оберегая деньги от дождя.

Тот рассказал, как тряс счастливчиков, выходивших из «Хо-Пак». Все посмеялись, похвалив его за сообразительность.

— Молодец, неплохо придумано, — одобрил Пун. — Бизнесмен ты хороший. Одевайся. Как звали ту старуху?

— Она назвалась А Там. — Рябой Цзинь смахнул капли дождя с глаз. Пальцы ног скользили в грязи, изуродованная рука вся горела, и боль была невыносимой. — Я отведу вас к ней, если хотите.

— Эй, посветите мне, ети его! — Это был Цзинь Пак. Он стоял на четвереньках и старался натянуть одежду на труп Джона Чэня. — Может кто-нибудь помочь?

— Помогите ему!

Чэнь Собачье Ухо и Рябой Цзинь поспешили на помощь, а Пун Хорошая Погода снова направил луч света на труп. Тело раздулось и отекло, дождь смывал с него грязь. Сзади голова Джона Чэня была разбита, на спутавшихся волосах запеклась кровь, однако лицо ещё можно было узнать.

— Аййй, — произнес один из людей Пуна, — давайте кончать с этим. Чувствую, где-то здесь шныряют злые духи.

— Только брюки и рубашка — этого достаточно, — буркнул Пун Хорошая Погода. Он подождал, пока тело частично одели. Потом обратил взгляд на Вервольфов. — Ну, так и кто из вас, суки вы безродные, помог старику убить этого, ети его, бедолагу?

— Я уже го... — начал Цзинь Пак и осекся, потому что двое других указали на него и, произнеся одновременно: «Это он», отвернулись.

— Мне все время так и казалось! — Пун Хорошая Погода был доволен, что наконец-то удалось распутать клубок. Его толстый указательный палец уперся в Цзинь Пака: — Залезай в раскоп и ложись.

— У нас есть верный план, как похитить главу Благородного Дома Чэнь. Мы все поймеем от этого в два, в три раза больше, чем принес этот блудодей. Я расскажу вам как, хейя? — предложил Цзинь Пак.

Пун Хорошая Погода на миг задумался, но тут же вспомнил указания Четырехпалого.

— Давай в раскоп и в грязь лицом!

Глядя в неумолимые глаза, Цзинь Пак понял, что для него все кончено. Он пожал плечами. Значит, судьба.

— Помочиться я хотел на всех твоих предков, — сказал он и, забравшись в яму, лег в неё.

Он положил голову на разложенные в грязи руки и стал прощаться с жизнью. Из небытия в небытие, навсегда оставаясь частью семьи Цзинь во всех её поколениях, вечно живой в этом нескончаемом потоке из поколения в поколение через всю историю в бессмертное будущее.

Пун Хорошая Погода взял лопату и, отдавая должное храбрости юнца, отправил его на тот свет мгновенно, всадив острый край лопаты между позвонками и надавив

на рукоять. Цзинь Пак умер, даже не поняв этого.

— Забросайте могилу!

Чэнь Собачье Ухо окаменел от страха, но тут же бросился выполнять приказание. Усмехнувшись, Пун Хорошая Погода подставил ему ножку и дал хорошего пинка за трусость. Тот рухнул в яму. Лопата в руках Пуна Хорошая Погода мгновенно взмыла и, описав полукруг, с хрустом врезалась Чэню Собачье Ухо в спину. Охнув, тот рухнул на тело Цзинь Пака. Остальные засмеялись, а один сказал:

— И-и-и, классный удар! Как заморские дьяволы лупят битой в крикете. Здорово. Он готов?

Пун Хорошая Погода не ответил, глядя на последнего Вервольфа, Рябого Цзиня. Все тоже уставились на него. Он стоял под дождем и не двигался. Именно тогда Пун Хорошая Погода обратил внимание на тугую тесемку вокруг его шеи. Подойдя с фонариком, Пун увидел, что другой конец свисает парню на спину. Его оттягивала разломанная пополам монета с аккуратно просверленной в ней дыркой. Монета была медная и, похоже, старинная.

— Да пустят ветры все боги в лицо Цао Цао!²¹² Где ты это взял? — спросил он, расплываясь в улыбке.

— Отец дал.

— А у него это откуда, мразь ты мелкая?

— Он не сказал.

— Он мог взять это у Первого Сына Чэнь? Тот снова пожал плечами.

— Не знаю. Меня здесь не было, когда его убивали. Я не виноват, клянусь головой матери!

Резким движением Пун Хорошая Погода сорвал у него тесемку с шеи.

— В машину его, — приказал он двум бойцам. — Присмотрите за ним. Возьмем его с собой. Да, мы возьмем его с собой. Остальных засыпать, и могилу замаскировать хорошенько.

Оставшимся двоим бойцам он велел взять одеяло с телом Джона Чэня и следовать за ним. Они неуклюже двигались за вожаком в темноте.

Устало шагая и обходя лужи, Пун вышел к Шатинь-роуд. Неподалеку стоял полусломанный навес автобусной остановки. Выбрав момент, когда на дороге не было машин, он подал знак, и его люди, быстро развернув одеяло, пристроили тело стоймя в углу. Пун вынул подготовленную Вервольфами надпись и тщательно укрепил на груди трупа.

— Зачем ты это делаешь, Пун Хорошая Погода, хейя? Зачем ты дел...

— Потому что Четырехпалый приказал! Откуда я знаю? Заткни свой, ети его, рот...

Их неожиданно залило светом фар вывернувшей из-за поворота машины. Они застыли и отвернулись, сделав вид, что ждут автобуса. Когда машина благополучно проехала мимо, они бросились бежать. Небо уже окрасилось первыми проблесками зари, и дождь стал утихать.

Зазвонил телефон. Не открывая глаз, Армстронг нащупал в полутьме трубку. Беспокойно заметавшись, проснулась и его жена.

— Это главный сержант Тан-по, сэр. Извините, что разбудил, сэр, но мы нашли Джона Чэня. Вер...

Армстронг мгновенно проснулся.

²¹² Цао Цао (155-220) — китайский поэт, полководец и государственный деятель последних лет династии Восточная Хань. Популярный персонаж классического романа «Троецарствие». В литературной и фольклорной традиции — коварный и жестокий правитель.

— Живого?

— *Цзю ни ло мо*, нет, сэр. Его труп обнаружен на автобусной остановке, под навесом на остановке, сэр. Эти, эти их, Вервольфы прикололи к его груди записку, сэр: «Первый Сын Чэнь был настолько глуп, что попытался скрыться от нас. Никому не скрыться от Вервольфов! Пусть об этом знает весь Гонконг. Наши глаза везде!» Он...

Потрясенный Армстронг слушал, а сержант продолжал взволнованно рассказывать, как какой-то ранний пассажир автобуса вызвал полицию в Шатинь. Копы тут же оцепили окрестности и позвонили в уголовный розыск Коулуна.

— Что нам делать, сэр?

— Немедленно вышлите за мной машину.

Армстронг повесил трубку и стал тереть глаза, чтобы прогнать усталость. На нем был саронг²¹³, который красиво смотрелся на мускулистом теле.

— Что-нибудь случилось? — Подавив зевок, Мэри потянулась. Ладная сорокалетняя женщина с каштановыми волосами и миловидным, хотя и тронутым морщинками лицом, она была всего на два года младше мужа.

Он рассказал, наблюдая за ней. Мэри охнула и побледнела.

— Какой ужас. Ох, какой это ужас. Бедный Джон!

— Я приготовлю чай.

— Нет, я сама. — Изогнувшись крепким телом, она встала с постели. — У тебя будет время?

— Только на одну чашку. Слушай, какой дождь... Самое время, черт возьми!

Армстронг задумчиво прошел в ванную, быстро побрился и оделся, как это умеют делать только полицейские и врачи. Два глотка горячего сладкого чая, и не успел он взяться за тост, как раздался звонок в дверь.

— Я позвоню потом. Как насчет карри сегодня вечером? Можно пойти к Сингху.

— Да, — сказала она. — Пойдем, если хочешь. Дверь за ним закрылась.

Мэри Армстронг продолжала смотреть на неё. «Завтра наша пятнадцатая годовщина. Интересно, помнит ли он? Скорее всего, нет. За прошедшие четырнадцать его в этот день восемь раз не было дома, один раз я лежала в больнице, а остальные... остальные, думаю, прошли нормально».

Она подошла к окну и отдернула занавеси. В полутьме по окнам струились потоки дождя, но они несли приятную прохладу. Мебель в этой квартире с двумя спальнями принадлежала им, но сама квартира была казенная, не станет работы — не станет и её.

«Господи, что за работа!

Как паршиво быть женой полицейского. Всю жизнь только и делаешь, что ждешь, когда он вернется домой, и переживаешь, как бы его не пырнул ножом какой-нибудь гнусный преступник, как бы его не застрелили, не ранили. Ночью чаще всего спишь одна. И в любое время дня и ночи может разбудить паршивый звонок с сообщением о каких-нибудь ещё более паршивых неприятностях, и вот он опять уходит. Работает за двоих, а получает гроши. А ты идешь в Полицейский клуб и сидишь там с женами других копов, пока мужики надираются, и обмениваешься сплетнями, и пьешь слишком много розового джина. У них, по крайней мере, есть дети.

Дети! О боже... были бы у нас дети.

Но ведь большинство жен жалуются, что ужас как устают, что дети их выматывают. И потом эти ама, и школа, и расходы... и все остальное. Для чего, черт возьми, нужна эта жизнь? Какая мерзкая, пустая трата времени! Какая невыразимо

²¹³ Саронг — большой кусок ткани, который обычно оборачивают вокруг талии и носят как юбку и мужчины, и женщины в странах Юго-Восточной Азии и на островах Тихого океана.

мерзкая...»

Зазвонил телефон.

— Заткнись! — прикрикнула она на него, а потом нервно рассмеялась. «Что-то разошлась ты, Мэри, Мэри Все Наоборот²¹⁴», — пожурела она себя и подняла трубку. — Алло?

— Мэри, это Брайан Квок, прошу прощения, что разбудил, а Робе...

— О, привет, дорогой. Нет, извини, он только что уехал. Что-то насчет Вервольфов.

— Да, я только что узнал, поэтому и звоню. Он поехал в Шатинь?

— Да. Ты тоже едешь?

— Нет. Я со Стариком.

— Бедняга. — Она услышала, как он засмеялся. Они немного поболтали, и Брайан откланялся.

Вздыхнув, она налила себе ещё одну чашку чая, добавила молока и сахара и стала думать о Джоне Чэне. Когда-то она безумно любила его. Их связь длилась больше двух лет, он был у неё первым. А происходило это в японском лагере для интернированных, в тюрьме Стэнли, на юге острова.

В 1940 году она с отличием сдала в Англии экзамены по гражданской службе, и через несколько месяцев её послали в Гонконг. Морское путешествие вокруг мыса Доброй Надежды выдалось долгим, и она прибыла сюда лишь в конце сорок первого. Ей тогда исполнилось всего девятнадцать, и её почти сразу же интернировали вместе со всеми гражданскими европейцами. В Стэнли она оставалась до 1945 года.

«Когда я выбралась оттуда, мне было двадцать два, и последние два года мы с Джоном любили друг друга. Бедняга Джон, его постоянно пилил мерзкий отец и больная мать. Ему некуда было деться от них». В лагере не представлялось почти никакой возможности уединиться, всех держали вместе в одном тесном и душном помещении: семьи, дети, грудные младенцы, мужья, жены. И все годы — ненависть, голод, зависть и совсем немного смеха. Она любила его, и это помогло вынести все лагерные невзгоды...

«Не хочется вспоминать об этом гнусном времени.

Или о гнусном времени после лагеря, когда он женился на той, кого ему выбрал отец, — паршивая маленькая мегера, но с деньгами, влиянием и семейными связями в Гонконге. У меня такого не было. Надо было вернуться домой, но домой не хотелось — да и что там, дома, к чему возвращаться? Так что я осталась, устроилась на работу в Колониальное управление, и все было неплохо, довольно неплохо. А потом встретила Роберта.

Ах, Роберт... Ты был хорошим мужем и хорошо относился ко мне, и нам было весело, и я была тебе хорошей женой, и по-прежнему стараюсь. Но я не могу иметь детей, а ты... мы оба хотим детей, и однажды, несколько лет назад, ты узнал о Джоне Чэне. Ты никогда не спрашивал меня о нем, но я знаю, что ты знаешь, и с того времени ненавидишь его. Все это случилось задолго до того, как я встретила тебя, и ты знал, что я была в лагере, но не знал, что у меня был любовник. Помнишь, как перед свадьбой я спросила: „Ты хочешь знать о том, что было, дорогой?“ И ты сказал: „Нет, старушка“.

Ты, бывало, частенько называл меня „старушка“. Теперь ты никак меня не называешь. Только Мэри иногда.

Бедный Роберт! Как я, должно быть, разочаровала тебя!

Бедный Джон! Как ты разочаровал меня, когда-то такой замечательный, а

²¹⁴ Мэри Все Наоборот — героиня английского детского стишка: «Что в саду у нашей Мэри, // Мэри Все Наоборот? // Колокольчики, ракушки // И девчонок хоровод».

теперь такой совсем мертвый.
Лучше бы я тоже умерла».
И она зарыдала.

40

7:15

— Похоже, дождь и не думает заканчиваться, Алексей, — сказал Данросс, глядя на мокрые скаковые дорожки и хмурое, затянутое тучами небо.

— Согласен, тайбань. Если и завтра будет дождь, даже не весь день, то ход в субботу будет скверный.

— Жак? Ты что думаешь?

— Согласен, — откликнулся де Вилль. — То, что дождь пошёл, слава богу, но *merde*, будет очень жаль, если скачки отменят.

Данросс кивнул.

Они стояли на травяном газоне около круга почета на ипподроме Хэппи-Вэлли, все трое в плащах и шляпах. У Данросса через все лицо тянулась широкая ссадина с синяками, но взгляд был тверд и ясен. Спокойный и уверенный, он наблюдал за нависшими облаками и дождем, который по-прежнему лил, хотя не так сильно, как ночью. Вокруг паддока и на трибунах в такой же задумчивости стояли другие тренеры, владельцы и просто любопытствующие. Среди нескольких лошадей, выведенных на разминку, были Ноубл Стар, Буканир, Баттерскотч Лэсс, с которой работал жокей конюшни, и Пайлот Фиш Горнта. Всех вели осторожно на очень коротких поводьях: и на дорожке, и на подходе к ней было очень скользко. Лишь Пайлот Фиш пританцовывал: дождь ему нравился.

— Сегодня утром в прогнозе погоды сказали, что штормовой фронт идет огромный. — Вокруг карих глаз Травкина лежали тёмные круги, он пристально смотрел на Данросса. — Даже если завтра дождь перестанет, ход в субботу все равно будет мягкий.

— А от этого шансы Ноубл Стар выше или ниже, Алексей? — спросил Жак.

— На все воля Божья, Жак. Она никогда не бежала на мокром грунте.

Травкину было трудно сосредоточиться. Вчера вечером раздался телефонный звонок — тот же тип из КГБ. Он грубо прервал расспросы о причинах своего внезапного исчезновения. «Вам не положено спрашивать, князь Курганский. Лишь расскажите все, что знаете о Данроссе. Сейчас же. Все. Его привычки, слухи о нем, все».

Травкину пришлось подчиниться. Он понимал, что повязан по рукам и ногам, что кагэбэшник, должно быть, записывает разговор на пленку, чтобы проверить, насколько его рассказ соответствует истине. Мельчайшее отклонение от правды может стать гибельным для его жены, или сына, невестки, внуков — если они вообще существуют.

«Существуют ли они?» — задавался он мучительным вопросом.

— Что с тобой, Алексей?

— Ничего, тайбань, — ответил Травкин, чувствуя себя так, словно вымарался в грязи. — Размышляю над тем, что вам пришлось испытать вчера вечером. — Новости о пожаре заполнили все диапазоны вещания. И все сообщения затмил душераздирающий рассказ Венеры Пань, свидетельницы произошедшего. — Другим ужасно не повезло, верно?

— Да. — Пока в погибших числилось пятнадцать человек, сгоревших и утонувших, в том числе двое детей. — Не один день пройдет, пока выяснится, сколько погибло на самом деле.

— Ужас, — вздохнул Жак. — Когда я услышал об этом... Если бы Сюзанна была

здесь, мы тоже бы попались. Она... Странно, как иногда складывается жизнь.

— Какая-то огненная западня, черт побери! Со мной первый раз такое, — признался Данросс. — Все ужинали там не один десяток раз... Я встречаюсь сегодня утром с губернатором по поводу всех этих плавучих ресторанов.

— Но у вас-то все в порядке, у вас лично? — спросил Травкин.

— О да. Никаких проблем. — Данросс мрачно улыбнулся. — Если мы все не подхватим круп²¹⁵ после купания в этой выгребной яме.

Когда «Плывущий дракон» неожиданно перевернулся, Данросс, Горнт и Питер Марлоу были в воде прямо под ним. Из мегафона на полицейском катере прозвучало отчаянное предупреждение, и все трое рванулись прочь. Данросс плавал хорошо, и они с Горнтом успели покинуть опасную зону, но поднявшейся волной их отбросило назад. Уходя под воду, Данросс увидел, что в воронку затянуло наполовину заполненную людьми шлюпку, что она перевернулась и Марлоу в беде.

Он позволил бурлящему потоку отнести себя, пока шлюпка не легла на борт, и нырнул за Марлоу. Данросс нащупал пальцами его рубашку и уцепился за неё. Какое-то мгновение их обоих кружило, затянуло ещё на несколько фатомов²¹⁶ вниз и ударило о палубу. От этого удара Данросс чуть не потерял сознание, но продолжал держать Марлоу и, когда тянуть вниз стало меньше, заработал ногами и всплыл. Их головы показались на поверхности вместе.

Марлоу выдохнул слова благодарности и рванулся к Флер, которая вместе с другими цеплялась за борт опрокинувшейся шлюпки. Вокруг царил хаос, люди хватали воздух ртами, тонули, их спасали матросы и те, кто посильнее. Данросс заметил, как за кем-то нырнула Кейси. Горнта нигде не было. Всплыл Бартлетт, держа Кристиана Токса, и метнулся за спасательным кругом. Убедившись, что Токс надёжно держится за круг, он прокричал Данроссу: «Думаю, Горнта затянуло вниз, ещё там была какая-то женщина...» — и тут же нырнул снова.

Данросс огляделся. «Плывущий дракон» уже почти лег на борт. Он ощутил подводный взрыв, вода вокруг на какое-то время забурлила. Показалась Кейси, чтобы набрать в легкие воздуха, и снова ушла под воду. Данросс тоже нырнул. Почти ничего было не разобрать, но он прошел на ощупь всю верхнюю палубу опрокинувшейся шлюпки, которая теперь стояла в воде почти вертикально. Поискал вокруг, оставаясь под водой, сколько мог, потом осторожно всплыл, потому что вокруг по-прежнему барахталось множество людей. Токса тошнило морской водой, он давился, но не выпускал спасательный круг. Данросс подплыл к нему и стал буксировать к какому-то матросу, зная, что Токс не умеет плавать.

— Держись, Кристиан... Уже все нормально.

Токс отчаянно пытался что-то сказать между позывами рвоты.

— Моя... моя жена... она внизу... внизу там... внизу... К ним подплыл матрос.

— Я держу его, сэр. Вы в порядке?

— Да... да... Он говорит, его жену засосало.

— Господи! Я никого не видел... Сейчас позову на помощь! — Матрос повернулся в сторону полицейского катера и стал кричать.

Несколько его товарищей тут же бросились в воду и начали поиск. Данросс искал Горнта, но не увидел. Подплыла задыхающаяся Кейси и уцепилась за борт шлюпки, чтобы перевести дух.

²¹⁵ Круп — болезнь гортани, вызванная крупозным воспалением слизистой оболочки. Сопровождается сужением просвета дыхательных путей, затруднением дыхания и часто заканчивается полным задушением больного.

²¹⁶ Фатом (морская сажень) равен 1,83 м.

— Как вы, ничего?

— Да... да... Слава богу, с вами все хорошо... — говорила она, задыхаясь. Грудь её тяжело вздымалась. — Там внизу какая-то женщина, думаю, китаянка. Я видела, как её засосало.

— Горнта не видели?

— Нет... Может, он... — Она показала в сторону катера.

Там люди забирались по трапу, другие сбились в кучу на палубе. На мгновение из воды показался Бартлетт и погрузился снова. Кейси сделала ещё один глубокий вдох и скользнула в воду. Данросс нырнул вслед за ней, держась чуть правее.

Втроем они продолжали поиски до тех пор, пока все остальные не оказались в безопасности на катере или сампанах. Женщину так и не нашли.

Когда Данросс добрался домой, Пенелопа крепко спала, но тут же проснулась.

— Иэн?

— Да. Спи, спи, дорогая.

— Все прошло хорошо? — сонно спросила она.

— Да. Спи, спи.

А час назад сегодня ему удалось уйти из Большого Дома, не разбудив её.

— Ты слышал, что Горнт выплыл, Алексей? — спросил он.

— Да-да, слышал, тайбань. На все воля Божья.

— То есть?

— После вчерашнего, на фондовой бирже, было бы очень кстати, если бы он не выплыл.

Ухмыльнувшись, Данросс потянулся, чтобы ослабить боль в спине.

— Ага, но тогда бы я очень расстроился, на самом деле расстроился, потому что это лишило бы меня удовольствия уничтожить «Ротвелл-Горнт» самому, а?

— Поразительно, что не погибло больше народу, — заметил де Вилль, помолчав.

Они понаблюдали за прошедшим мимо рысью Пайлот Фишем: жеребец смотрелся весьма неплохо. Де Вилль окинул взглядом ипподром.

— Правда, что Бартлетт спас жизнь жене Питера Марлоу? — спросил Травкин.

— Да. Он прыгнул вместе с ней. И Линк, и Кейси поработали здорово. Просто великолепно.

— Прошу прощения, тайбань. Там Джейсон Пламм, — Жак кивнул в сторону трибун. — Мы с ним играем в бридж сегодня вечером.

— До встречи на «молитве», Жак, — улыбнулся ему Данросс, и де Вилль отошел. Он вздохнул, переживая за друга. — Я поехал в офис, Алексей. Позвони мне в шесть.

— Тайбань...

— Что?

Травкин колебался. А потом взял и рубанул:

— Хочу лишь, чтобы вы знали: я... я преклоняюсь перед вами. Данросса смутило это неожиданное изъятие чувств и исходившая от Травкина неприкрытая, необъяснимая грусть.

— Спасибо, — тепло произнес он, похлопав тренера по спине. Так по-дружески он ещё никогда к нему не прикасался. — Ты и сам человек неплохой.

Травкин провожал его глазами, грудь распирало от боли, и к капелькам дождя добавились слезы стыда. Он вытер лицо тыльной стороной руки и снова стал наблюдать за Ноубл Стар, пытаясь сосредоточиться.

Заметив кого-то боковым зрением, он повернулся в ту сторону и вздрогнул. В углу трибун он увидел того самого человека из КГБ, к которому как раз подходил другой. Этот другой, уже в летах, был хорошо известный в Гонконге игрок на скачках. Травкин стал вспоминать, как его зовут. «Клинкер. Точно. Клинкер!»

Какое-то мгновение тренер безучастно смотрел на них. На трибуне сразу за кагэбэшником сидел Джейсон Пламм. Травкин видел, как Пламм встал, чтобы помахать в ответ Жаку де Виллю, и спустился по ступенькам навстречу ему. Как раз в этот момент кагэбэшник взглянул в сторону Травкина, и тот из осторожности отвернулся, решив впредь действовать осмотрительнее. Кагэбэшник поднес к глазам бинокль, и Травкин не знал, заметили его или нет. При мысли, что мощный бинокль наведен на него, по коже поползли мурашки. «А что, если этот мерзавец умеет читать по губам? — в ужасе думал Травкин. — Господи Иисусе и Матерь Божья, слава Богу, я не выложил тайбану всей правды».

На сердце было тошно, он чувствовал себя разбитым. На востоке сверкнула молния. От дождя на бетоне и открытых нижних трибунах уже образовались лужи. Травкин старался успокоить себя и беспомощно озирался, не зная, что делать: так хотелось выяснить, кто же всё-таки этот человек из КГБ. Рассеянно глядя на Пайлот Фиша, он обратил внимание, что жеребец заканчивает поездку в отличной форме. За ним Ричард Кван о чём-то оживленно говорил с группой китайцев, незнакомых Травкину. У перил, опираясь на них, стояли Линбар Струан с Эндрю Гэвалланом, американец Роузмонт и ещё кто-то из консульства, кого тренер знал только в лицо. Не обращая внимания на дождь, все наблюдали за лошадьми. Около раздевалок под навесом Дональд Мак-Брайд о чем-то беседовал с другими распорядителями, среди которых были сэр Шитэ Чжун, Пагмайр и Роджер Кросс. Травкин увидел, как Мак-Брайд бросил взгляд на Данросса и, помахав ему рукой, пригласил присоединиться к ним. Неподалеку от распорядителей Роджера Кросса поджидал Брайан Квок. Травкин знал обоих, но не подозревал, что они из Эс-ай.

Ноги сами понесли тренера к ним. Во рту появился противный привкус желчи. Но Травкин подавил желание броситься к ним и рассказать все как есть. Вместо этого он подозвал своего главного мафу.

— Давай всю нашу конюшню домой. Всех. Проследи, чтобы обсохли до кормежки.

— Есть, сэр.

Расстроенный Травкин поплелся в раздевалку. Уголком глаза он заметил направленный на него бинокль кагэбэшника. Струйки дождя затекали под воротник и смешивались с выступившим от страха потом.

— Ах, Иэн, мы тут вот думаем, если завтра будет дождь, лучше отменить соревнования. Скажем, завтра в шесть вечера, — сказал Мак-Брайд. — Ты не возражаешь?

— Вообще-то нет. Предлагаю вынести окончательное решение в субботу в десять утра.

— А это не слишком поздно, старина? — спросил Пагмайр.

— Нет, если распорядители предупредят радио и телевидение. Это ещё больше подогреет интерес. Особенно если вы сообщите об этом сегодня.

— Неплохо придумано, — оценил Кросс.

— Тогда с этим решено, — подытожил Данросс. — Есть ещё вопросы?

— Как ты считаешь... ведь речь идет о чести ипподрома, — проговорил Мак-Брайд. — Мы не хотим терять репутацию.

— Абсолютно согласен, Дональд. Окончательное решение вынесем в субботу в десять. Все «за»? — Никто не возражал. — Прекрасно! Больше ничего? Прошу прощения, но у меня через полчаса встреча.

— О, тайбань, я так сожалею о вчерашнем... Это ужасно, — обратился к нему Шитэ: ему было явно не по себе.

— Да, Шити, на совете у губернатора в полдень нам нужно предложить ввести новые, очень строгие правила пожарной безопасности для Абердина.

— Согласен, — поддержал Кросс. — Просто чудо, что не погибло больше людей.

— Ты хочешь сказать, старина, что рестораны будут закрыты? — разволновался Пагмайр. Его компания вложила средства в два таких заведения. — Это нанесет огромный урон туризму. Дополнительные выходы там не устроить... Нужно все делать заново!

Данросс снова глянул на Шитэ:

— Почему бы губернатору не распорядиться, чтобы все кухни немедленно перевели на баржи, которые можно пришвартовать к ресторану? Может, предложишь ему? Пусть даст указание поставить рядом пожарные машины, пока будут производить изменения. Расходы незначительные, управлять нетрудно, а с угрозой пожара будет покончено раз и навсегда.

Все уставились на него. Шитэ расплылся в улыбке:

— Иэн, ты гений!

— Нет. Я лишь жалею, что мы не подумали об этом раньше. Мне это никогда и в голову не приходило. Так ужасно получилось с Зепом... и с женой Кристиана, верно? Её тело ещё не нашли?

— Думаю, что нет.

— Одному Богу известно, сколько ещё там погибло. Членам парламента удалось выбраться, Паг?

— Да, старина. Всем, кроме сэра Чарльза Пенниворта. Бедняга, падая, расшиб голову о сампан.

Данросс расстроился.

— Мне он так понравился! Вот не повезло, черт возьми!

— Одно время рядом со мной было ещё двое. Этот радикал, ублюдок чертов, как бишь его? Грей, ах да, Грей, точно. И другой, ещё один болван социалист, Бродхерст. Оба вели себя довольно прилично, как мне кажется.

— Я слышал, Паг, твой Суперфудз тоже выбрался. Он на берегу не первым оказался, этот «Называйте меня Чак»?

— Честно говоря, не знаю, — смущенно пожал плечами Пагмайр. — Потом просиял: — Я... э-э... я слышал, Кейси и Бартлетт проявили себя очень хорошо, а? Может, им медаль нужно дать?

— Хочешь выступить с таким предложением? — Данросс торопился уйти. — Если больше ничего нет...

— На твоём месте, Иэн, я бы сделал укол. В этой бухте заразы... Могут обнаружиться бактерии, которых ещё не открыли.

Все засмеялись вместе с ним.

— Вообще-то, я сделал даже лучше. Едва мы выбрались из воды, я схватил в охапку Линка Бартлетта и Кейси, и мы понеслись к доктору Тули. — Данросс еле заметно улыбнулся. — Когда мы сказали, что купались в Абердинской бухте, его чуть удар не хватил. Он сказал: «Выпейте это!» Мы, болваны чертовы, выпили и не успели понять, что произошло, как нас стало просто выворачивать наружу. Если бы у меня оставались силы, я бы ему вмазал, но мы все уже стояли на четвереньках и пытались добраться до туалета, не зная, с какого конца начать. Потом Кейси принялась хохотать в перерывах между позывами рвоты, и мы все катались от смеха на этом чертовом полу! — Сделав вид, что опечален, он добавил: — Затем, не успели мы понять, в чем дело, старина Костоправ принялся уже горстями запихивать нам в горло таблетки, а Бартлетт умолял: «Ради Христа, док, вы ещё свечу вставьте, и тогда у вас в ней точно дырка будет!» Все снова рассмеялись.

— А это правда насчет Кейси? Что она разделась и прыгнула, как олимпийская чемпионка? — поинтересовался Пагмайр.

— Больше того! Абсолютно голая, старина, — непринужденно преувеличил Данросс. — Просто Венера Милосская! Такого, наверное, я не видел никогда.

У всех от изумления глаза на лоб полезли.

— Да-да.

— Боже, но плавать в Абердинской бухте! В этой выгребной яме! — У Мак-Брайда высоко взлетели брови. — Если вы все выживете, это будет просто чудо!

— Как считает доктор Тули, нам как минимум обеспечен гастроэнтерит, дизентерия или чума — Данросс закатил глаза. — Что ж, ничто не вечно под луной. Ещё вопросы?

— Тайбань, — обратился к нему Шитэ, — я... надеюсь, ты не против, но я... я хотел бы основать фонд поддержки семей погибших.

— Прекрасная идея! Скаковой клуб тоже должен внести свою лепту. Дональд, не мог бы ты обговорить это сегодня с остальными распорядителями и получить их одобрение? Как насчет ста тысяч?

— Не многовато ли будет? — усомнился Пагмайр. Подбородок Данросса упрямо выдвинулся вперед.

— Нет. Пусть будет сто пятьдесят тысяч. Такую же сумму внесет Благородный Дом.

Пагмайр вспыхнул. Никто не произнес ни слова.

— Объявляется перерыв? Прекрасно. До свидания. — Данросс вежливо приподнял шляпу и пошёл прочь.

— Прошу прощения, я на минуту. — Кросс дал знак Брайану Квоку следовать за ним. — Иэн!

— Да, Роджер?

Подойдя к Данроссу, Кросс негромко произнес:

— Иэн, мы получили подтверждение: Синдерс прилетает завтра рейсом «Бритиш оверсиз». Если ты не против, мы поедем прямо из аэропорта в банк.

— Губернатор тоже будет?

— Я попрошу его об этом. Мы должны быть там около шести.

— Если самолёт не опоздает, — улыбнулся Данросс.

— Ты уже получил официальное сообщение, что с «Восточного облака» снят арест?

— Да, спасибо. Вчера был телекс из Дели. Я распорядился, чтобы судно немедленно возвращалось сюда, и с приливом оно уже вышло в море. Брайан, помнишь, ты хотел поспорить — насчет Кейси? Насчет её титок: пятьдесят долларов против медяка, что в Гонконге лучше нет?

Брайан Квок покраснел под мрачным взглядом Кросса.

— Э-э... да, а что?

— Не знаю, как насчет того, что лучше, чем у неё, нет, но тебе, как и Парису, пришлось бы немало поломать голову, если бы их выставили на конкурс!

— Значит, это правда, что она была в чем мать родила?

— Она была как спешащая на выручку леди Годива²¹⁷. — Данросс мило кивнул обоим и со словами «до завтра» пошёл дальше.

Они смотрели ему вслед. У выхода ждал агент Эс-ай, чтобы следовать за ним.

— Что-то он задумал, — произнес Кросс.

— Согласен, сэр.

Кросс оторвал взгляд от Данросса и посмотрел на Брайана Квока.

— У вас есть обыкновение спорить насчет женских молочных желез?

— Нет, сэр, виноват, сэр.

²¹⁷ Леди Годива — легендарная покровительница Ковентри. В 1040 г. её супруг наложил тяжкие повинности на горожан, обещав отменить их, если леди Годива проедет обнаженная на коне через весь город; она проехала верхом, прикрытая лишь своими длинными волосами, и повинности были сняты.

- Хорошо. К счастью, женщины не единственный источник красоты, верно?
- Да, сэр.
- Ещё есть охотничьи собаки, живопись, музыка, даже охота. А?
- Да, сэр.
- Пожалуйста, подождите здесь. — И Кросс снова отошел к распорядителям.

Брайан Квок вздохнул. Ему все надоело, и он устал. Команда ныряльщиков встретила его в Абердине, и хотя он почти тут же выяснил, что Данросс жив и уже уехал домой, пришлось проторчать у бухты почти всю ночь, чтобы помочь организовать поиск тел. Занятие это было отвратительное. Потом, когда он собрался было ехать домой, позвонил Кросс и предложил прибыть на рассвете в Хэппи-Вэлли, поэтому лечь спать уже не имело смысла. Вместо этого он поехал в ресторан «Пара» и, хмурый, сидел там в обществе членов триад и Одноногого Ко.

Теперь он смотрел вслед Данроссу. «Что у него на уме?» Он задавался этим вопросом и мучился острым чувством зависти. «Чего бы я ни сделал с его властью и его деньгами!»

Он увидел, что Данросс свернул к ближайшей трибуне, а потом заметил Адрион, сидевшую рядом с Мартином Хэпли. Оба смотрели на лошадей и не обращали внимания на Данросса. «Цзю ни ло мо», — удивился Квок, — вот уж не ожидал увидеть их вместе. Господи, какая красotka! Слава богу, я не её отец. Я бы с ума сошел».

Кросс и все остальные тоже с удивлением поглядывали на Адрион и Мартина Хэпли.

— Какого дьявола нужно этому ублюдку от дочки Тайбаня? — недовольным голосом проговорил Пагмайр.

— Ничего хорошего, это точно, — откликнулся кто-то.

— От этого болвана чертова одни неприятности! — пробормотал Пагмайр, и остальные согласно закивали. — Не могу понять, почему Токс не уволит его!

— Токс — социалист, черт возьми, вот почему! Его тоже следовало бы прокатить.

— Ох, да будет тебе, Паг! Токс — парень нормальный, как и некоторые социалисты, — заметил Шитэ. — Но Хэпли ему точно надо уволить. Всем нам от этого станет только легче!

Каждому из присутствующих порядком досталось от Хэпли. Несколько недель назад он разразился серией язвительных статей о кое-каких коммерческих сделках внутри огромного конгломерата компаний Шитэ, дав понять, что тот с помощью разного рода сомнительных пожертвований умасливал высокопоставленных чиновников из правительства Гонконга.

— Согласен, — подхватил Пагмайр, тоже ненавидевший Хэпли. Хэпли обнародовал тайные подробности грядущего слияния компании Пагмайра с «Суперфудз». Поработал он над этим материалом, как всегда, основательно, поэтому ни у кого не осталось и капли сомнения: Пагмайр получит от сделки гораздо больше, чем акционеры «Дженерал сторз», с которыми никто и не думал советоваться относительно условий слияния.

— Ублюдок чертов! Хотел бы я знать, откуда у него вся эта информация.

— Любопытно, почему Хэпли с ней? — Кросс наблюдал за губами парочки, ожидая, когда кто-нибудь из них заговорит. — Единственная крупная компания, под которую он ещё не копал, это «Струанз».

— Ты считаешь, что настала очередь «Струанз» и Хэпли «раскручивает» Адрион? — спросил кто-то. — Это будет что-то!

Они с волнением следили, как Данросс зашел на трибуны. Двое молодых людей так и не замечали его.

— Может, он отделаёт Хэпли, как того, другого ублюдка, — обрадовался

Пагмайр.

— А? Кого это? — спросил Шитэ. — Кто это был?

— О, я думал, вы знаете. Года два назад один из менеджеров низшего звена в «Вик», только что приехавший из Англии, начал ухлестывать за Адрион. Ей было шестнадцать, а может, семнадцать, а ему двадцать два. Здоровенный такой лоб, выше Изна, а звали его Байрон. Он возомнил себя неистовым лордом Байроном и развернул целую кампанию. Сбил бедную девчонку с толку. Иэн сделал ему последнее предупреждение. Этот подонок продолжал звонить. Тогда Иэн пригласил его в свой спортзал в Шек-О, надел перчатки — он знал, что этот тип мнит себя боксером, — и отмолотил его. — Остальные рассмеялись. — Через неделю банк отослал молодчика назад.

— Ты что, сам видел? — спросил Шитэ.

— Конечно нет. Они, слава богу, были одни, но этот болван проклятый потом выглядел действительно не лучшим образом. Я бы не хотел очутиться один на один с Тайбанем — особенно, когда он не в духе.

Шитэ снова посмотрел на Данрасса.

— Может, он задаст и этому мелкому подлецу, — мечтательно произнес он.

Они стали наблюдать. С надеждой. Кросс отошел с Брайаном Квоком поближе к трибунам.

Данросс уже неспешно и легко взбегал по ступенькам и остановился перед молодыми людьми.

— Привет, дорогая, раненько ты встала.

— О, привет, пап, — испуганно проговорила Адрион. — Я не ви... Что у тебя с лицом?

— Въехал сзади в автобус. Доброе утро, Хэпли.

— Доброе утро, сэр. — Хэпли вскочил было и снова сел.

— В автобус? — повторила она, а потом вдруг обрадовалась: — Ты разбил «ягуар»? О, тебе выписали штраф? — Ей в этом году штраф выписывали уже трижды.

— Нет. Ты так рано встала, да? — повторил он, садясь рядом с ней.

— Вообще-то мы припозднились. Не спали всю ночь.

— Вот как? — Он хотел тут же задать ей полсотни вопросов, но вместо этого лишь произнес: — Ты, должно быть, устала.

— Нет. Я совсем не устала.

— А что за повод? Что-нибудь празднуете?

— Нет. Вообще-то, все дело в бедняге Мартине. — Она ласково положила руку на плечо молодого человека.

Данроссу пришлось сделать над собой усилие, чтобы улыбаться так же ласково. Он переключил внимание на молодого канадца.

— Так в чем проблема?

Хэпли помолчал, а потом рассказал, что произошло в газете, когда позвонила госпожа издательша и Кристиан Токс, главный редактор, отменил серию его статей о слухах.

— Этот ублюдок продал нас. Он позволил издателю осуществлять цензуру наших материалов. Я знаю, что прав. Знаю!

— Откуда вы это знаете? — спросил Данросс, а про себя подумал: «Какой же ты бесчувственный мелкий ублюдок!»

— Извините, но я не могу раскрывать свои источники.

— Он действительно не может, папа. Это нарушение свободы слова, — встала на защиту приятеля Адрион.

Руки Хэпли были сжаты в кулаки, потом он рассеянно положил одну на колено Адрион. Она прикрыла его руку ладонью.

— «Хо-Пак» копают могилу за здорово живешь.

— Почему?

— Не знаю. Но Гор... За рейдом стоят тайбани, и это никак не вяжется.

— За рейдом стоит Горнт? — Для Данросса это было что-то новое, он нахмурился.

— Я не сказал «Горнт», сэр. Нет, я этого не говорил.

— Он не говорил, папа, — вмешалась Адрион. — Что Мартину делать? Уходить или просто поступиться своей гордостью и...

— Я просто не могу, Адрион, — перебил её Мартин Хэпли.

— Пусть отец скажет, он знает.

Её прелестные глаза обратились на Данросса, и эта детская вера взволновала его, как никогда раньше.

— Значит, первое: вы немедленно возвращаетесь. Кристиану нужна всяческая помощь. Второе...

— Помощь?

— Вы разве не слышали про его жену?

— А что с ней?

— Вы что, не знаете, что она погибла? Оба непонимающе уставились на него. Он кратко рассказал им про Абердин. Оба были потрясены.

— Господи, мы... мы не слушали радио, ничего... Лишь танцевали и разговаривали... — запинаясь, проговорил Хэпли. Он вскочил, собравшись уйти, но потом вернулся. — Я... лучше я сейчас же пойду. Господи!

Адрион тоже вскочила.

— Я тебя подброшу.

— Хэпли, попросите, пожалуйста, Кристиана дать жирным шрифтом, что те, кто оказался в воде или просто окупнулся, должны немедленно показаться врачу — это очень важно.

— Понял!

Адрион забеспокоилась:

— Пап, а ты был у доктора Ту...

— О да, — сказал Данросс. — Меня всего вычистили и вывернули. Давайте ездайте!

— А что было второе, тайбань? — спросил Хэпли.

— Второе, вам не следует забывать, что газета принадлежит тому, на чьи деньги она издается, а стало быть, он волен делать, что ему угодно. Но издателей иногда удастся убедить. Например, небезынтересно, кто предложил владельцу или владелице позвонить Кристиану и почему он или она согласились это сделать... Если вы уверены, что пишете правду.

Хэпли вдруг просиял.

— Пошли, милая, — выпалил он, прокричал «спасибо», и они убежали, держась за руки.

Данросс ещё какое-то время сидел на трибуне. Потом глубоко вздохнул, встал и пошёл прочь.

Под навесом у раздевалок жокеев стоял Роджер Кросс вместе с Брайаном Квоком и читал разговор Тайбаня по губам. Потом проводил Данросса взглядом, убедившись, что за ним следует агент Эс-ай.

— Не стоит больше терять здесь время, Брайан. Пойдемте. — Он направился к выходу в дальний конец ипподрома. — Интересно, удалось ли Роберту что-нибудь выяснить в Шатине?

— Этих проклятых Вервольфов ждёт сегодня настоящий праздник, — проворчал Брайан Квок. — Весь Гонконг будет напуган до смерти. Могу поспорить, мы... — Он вдруг осекся. — Сэр! Взгляните! — Он кивнул в сторону трибун, заметив среди

разбросанных тут и там групп людей, наблюдавших под дождем за разминкой, Суслева и Клинкера. — Вот уж никогда бы не подумал, что он так рано встает!

Кросс прищурился.

— Да. Это интересно. Да. — Он подумал, а потом, внимательно следя за губами русского и его приятеля-кокни, изменил направление. — Раз уж этот тип почтил нас своим посещением, мы тоже могли бы побеседовать с ним. Ага... нас заметили. Клинкер, тот уж действительно нас не жалуется. — И он неторопливо направился к трибунам.

Здоровяк русский изобразил на лице улыбку, вытащил плоскую флягу и сделал из неё глоток. Потом предложил Клинкеру.

— Нет, спасибо, кореш. Я только что пивом пробавлялся. — Холодные глаза Клинкера встречали приближающихся полицейских. — Ну и вонища здесь стоит, верно? — нарочито громко произнес он.

— Доброе утро, Клинкер, — сдержанно поздоровался Кросс. Потом улыбнулся Суслеву: — Доброе утро, капитан. Скверный денек, а?

— Мы ещё живы-здоровы, *tovarich*, живем, так что разве может день быть скверным, а? — Суслев был весь добродушие, он по-прежнему изображал рубаху-парня. — В субботу будут скачки, суперинтендент?

— Возможно. Окончательное решение будет принято в субботу утром. Вы долго ещё простояте в порту?

— Недолго, суперинтендент. Ремонт руля идет медленно.

— Надеюсь, не слишком медленно. Мы все начинаем сильно нервничать, если важных гостей нашей гавани обслуживают спустя рукава. Я поговорю с капитаном порта, — решительно заявил Кросс.

— Благодарю вас, это... это весьма любезно с вашей стороны. Ваш департамент и так проявил большую заботу... — Подумав, Суслев повернулся к Клинкеру: — Дружище, можно тебя попросить?

— С удовольствием, — буркнул Клинкер. — Эти легавые мне на нервы действуют. — Брайан Квок посмотрел на него. Клинкер ответил вызывающим взглядом. — Я буду в машине. — И он поплелся прочь.

Голос Суслева стал жестче:

— Ваш департамент проявил большую заботу, прислав тело нашего несчастного товарища Воранского. Вы нашли тех, кто убил его?

— К сожалению, нет. Это могли быть наемные убийцы — из любой части света. Конечно, не проскользнул он тайно на берег, до сих пор был бы полезен как оперативник вам в... где бы он ни служил.

— Он был простой моряк и хороший человек. Я считал, что в Гонконге безопасно.

— Вы передали фотографии убийц и информацию об их телефонном звонке своему начальству в КГБ?

— Я не из КГБ, плевать мне на КГБ! Да, информация передана... моему начальству, — раздраженно буркнул Суслев. — Ради бога, суперинтендент, вы же знаете, как это делается. Но Воранский был прекрасный человек, и его убийцы должны быть пойманы.

— Мы найдем их, и довольно скоро, — непринужденно проговорил Кросс. — А вы знали, что в действительности Воранский — майор Юрий Бакян из шестого отдела Первого управления КГБ?

По лицу Суслева было видно, что он потрясен.

— Он был... для меня он был просто приятель. Ходил с нами в рейс время от времени.

— Кто этим занимается, капитан? — спросил Кросс.

Суслев взглянул на Брайана Квока, который смотрел на него в упор с

нескрываемым отвращением.

— Почему такая злость? Что я вам сделал?

— А почему Российская империя так жадна, особенно до китайской земли?

— Политика! — недовольно произнес Суслев, а потом добавил, обращаясь к Кроссу: — Я в политику не вмешиваюсь.

— Вы, ублюдки, постоянно вмешиваетесь! Какое у вас звание в КГБ?

— Нет у меня никакого звания.

— Жаль, что вы отказываетесь сотрудничать. Это было бы очень кстати, — заметил Кросс. — Кто составляет ваши экипажи, капитан Суслев?

Тот глянул на него:

— Может, поговорим наедине, а?

— Конечно, — согласился Кросс. — Подождите здесь, Брайан. Суслев повернулся к Брайану Квоку спиной, спустился к выходу с трибун и выбрался на газон. Кросс последовал за ним.

— Как думаешь, какие шансы у Ноубл Стар? — весело спросил Суслев.

— Хорошие. Но она никогда не бежала по мокрому грунту.

— А у Пайлот Фиша?

— Посмотри на него — сам видишь. Ему нравится сырость. Фаворитом будет он. Планируешь быть здесь в субботу?

Суслев облокотился на ограждение. И улыбнулся:

— Почему бы и нет?

— Действительно, почему бы и нет? — негромко рассмеялся Кросс. Он был уверен, что сейчас они совсем одни. — Ты хороший актер, Грегор, очень хороший.

— Ты тоже, приятель.

— Ты здорово рискуешь, так ведь? — Теперь Кросс еле шевелил губами.

— Да, но ведь вся жизнь — риск. Я получил команду от Центра взять все на себя, пока не прибудет замена Воранскому. В этом рейсе нужно осуществить слишком много важных контактов и принять решений. И не самое последнее из них — по «Севрину». В любом случае, как ты знаешь, так хотел «Артур».

— Иногда я задумываюсь, насколько продуманны его решения.

— Он мудр. — Суслев улыбнулся, и морщинки вокруг глаз собрались сеточкой. — О да. Очень мудр. Рад увидаться с тобой. Центр очень и очень доволен твоей работой за год. Мне нужно много о чем тебе рассказать.

— Кто тот ублюдок, что рассказал АМГ о «Севрине»?

— Не знаю. Какой-то перебежчик. Как только мы узнаем, кто он, ему конец.

— Кто-то выдал группу моих людей в КНР. Должно быть, произошла утечка из той папки АМГ. Ты читал мою копию. Кто ещё читал её у вас на судне? Кто-то внедрился здесь в вашу сеть!

Суслев побледнел.

— Я немедленно начну проверку. Может, утечка произошла в Лондоне или Вашингтоне.

— Сомневаюсь. Прошло слишком мало времени. Думаю, это исходит отсюда. А тут ещё Воранский. К вам кто-то внедрился.

— Если КНР... да, это мы сделаем. Но кто? Могу поклясться жизнью, на судне шпиона нет.

Кросс был так же мрачен.

— Всегда найдется человек, которого можно завербовать.

— У тебя есть план отхода?

— Даже несколько.

— У меня приказ оказывать тебе всевозможную помощь. Хочешь койку на «Иванове»?

Кросс задумался.

— Подожду, пока не прочитаю папки АМГ. Было бы жаль после такого долгого времени...

— Согласен.

— Тебе легко соглашаться. Если тебя схватят, то лишь депортируют и вежливо попросят: «Пожалуйста, больше не возвращайтесь». А меня? Не хотелось бы попасться живым.

— Конечно. — Суслев закурил. — Тебя не поймают, Роджер. Ты человек слишком ловкий. У тебя есть что-нибудь для меня?

— Посмотри вон туда. Высокий мужчина у ограждения.

Суслев как бы случайно поднес к глазам бинокль. На какое-то время он сосредоточился на указанном человеке, а потом стал смотреть в сторону.

— Это Стэнли Роузмонт из ЦРУ. Ты знаешь, что они следят за тобой?

— О да. При желании я всегда могу оторваться.

— Рядом с ним Эд Лэнган из ФБР. А тот, что с бородкой, — Мисхауэр из американской флотской разведки.

— Мисхауэр? Знакомое имя. У тебя есть дела на них?

— Ещё нет, но у них в консульстве есть один извращенец, который мило проводит время с сыном известного здесь китайского адвоката. К тому времени, когда ты отправишься в следующий рейс, он будет счастлив выполнить любое твоё желание.

Суслев мрачно улыбнулся.

— Хорошо. — Он снова, как бы между прочим, глянул на Роузмонта и остальных, закрепляя в памяти их лица. — А какая у него должность?

— Заместитель директора здешней группы. В ЦРУ пятнадцать лет. УСС²¹⁸ и так далее. У них здесь больше дюжины компаний для прикрытия и конспиративные квартиры по всему Гонконгу. Я послал список на микрофотоплёнке в 32.

— Хорошо. Центр хочет, чтобы за всеми действиями ЦРУ велось усиленное наблюдение.

— Нет проблем. Они беспечны, финансирование у них огромное и продолжает расти.

— Вьетнам?

— Конечно Вьетнам. Суслев фыркнул.

— Эти простофили не понимают, во что их втянули. Они по-прежнему считают, что смогут вести войну в джунглях, применяя тактику войны в Корее или Второй мировой.

— Глупцы, но далеко не все. Роузмонт работает неплохо, весьма неплохо. Кстати, им известно о военно-воздушной базе в Имане.

Суслев негромко выругался и оперся на руку, небрежно поднеся её ко рту, чтобы нельзя было читать у него по губам.

— ...об Имане и почти все про Петропавловск, про новую базу подводных лодок в Корсакове на Сахалине...

Суслев снова выругался.

— Как им это удастся?

— Предатели. — Кросс улыбнулся тонкой улыбочкой.

— Почему ты стал двойным агентом, Роджер?

— А почему ты спрашиваешь меня об этом каждый раз, как мы встречаемся?

Суслев вздохнул. У него был конкретный приказ не проверять Кросса и

²¹⁸ УСС (англ. OSS, Office of Strategic Services) — Управление стратегических служб, разведывательное ведомство США, действовавшее с 1942 по 1945 г. Предшественник ЦРУ, созданного в 1947 г.

оказывать ему всю возможную помощь. Даже ему, куратору разведывательной деятельности КГБ на всем Дальнем Востоке, лишь в прошлом году открыли, кто такой Кросс. В КГБ сведениям о Кроссе был присвоен самый высокий уровень секретности, ему придавали такое же значение, как Филби. Но даже Филби не знал, что последние семь лет Кросс работает на КГБ.

— Я спрашиваю, потому что мне любопытно, — пояснил он.

— А разве у тебя нет приказа не любопытствовать, товарищ? Суслев засмеялся.

— Все время от времени нарушают приказы, верно? Центру настолько понравилось твое последнее донесение, что меня просили передать: пятнадцатого числа следующего месяца на твой счет в швейцарском банке будет переведено пятьдесят тысяч долларов в качестве дополнительной премии.

— Прекрасно. Спасибо. Но это не премия, это оплата полученной ценной информации.

— Что известно Эс-ай о находящейся здесь с визитом парламентской делегации?

Кросс изложил то, что рассказывал губернатору.

— А почему ты спрашиваешь?

— Обычная проверка. Трое из них в потенциале будут иметь большое влияние: Гутри, Бродхерст и Грей. — Суслев предложил сигарету. — Мы пытаемся залучить Грея и Бродхерста в наш Всемирный совет мира²¹⁹. Их антикитайские настроения нам на руку. Роджер, установи, пожалуйста, наблюдение за Гутри. Может, у него есть какие-нибудь скверные привычки. Если его скомпрометировать, скажем щелкнуть с девочкой из Ваньчая, это могло бы пригодиться впоследствии, а?

Кросс кивнул:

— Я посмотрю, что можно сделать.

— Вы найдете мерзавца, который убил Воранского?

— Рано или поздно найдем. — Кросс не сводил с него глаз. — Он, вероятно, какое-то время уже был на заметке. И это плохой знак для всех нас.

— Люди гоминьдана? Или бандиты Мао?

— Не знаю. — Кросс язвительно усмехнулся. — Все китайцы не очень жалуют Россию.

— Их вожди предали дело коммунизма. Нам нужно уничтожить их, прежде чем они слишком окрепнут.

— Это политика такая?

— Со времен Чингисхана, — усмехнулся Суслев. — Но теперь... теперь нам придется быть чуть терпеливее. Тебе-то не нужно. — Он быстро махнул большим пальцем в сторону Брайана Квока. — Может, дискредитировать этого matyeryebyetsa? Мне он совсем не по душе.

— Молодой Брайан — хороший работник. Мне нужны хорошие люди. Передай в Центр, что завтра из Лондона прибывает Синдерс из Эм-ай-6, которому будут вручены бумаги АМГ. И Эм-ай-6, и ЦРУ подозревают, что АМГ убит. Так оно и есть?

— Не знаю. Его давно надо было убрать, ещё много лет назад. Как ты получишь копию?

— Понятия не имею. Я абсолютно уверен, что Синдерс разрешит мне прочитать бумаги до своего отъезда.

— А если не разрешит? Кросс пожал плечами.

²¹⁹ Всемирный совет мира (ВСМ) — международная организация, образованная в 1949 г. для пропаганды политики мирного сосуществования и ядерного разоружения. На Западе, особенно в США, считали, что ВСМ выступает за одностороннее разоружение стран Запада. Активное участие в нем стран Варшавского договора, которые его финансировали, а также ведущая роль коммунистов давали повод думать, что ВСМ создан КГБ как передовой отряд коммунистических партий.

— Нам нужно взглянуть на них, так или иначе.

— Данросс?

— Только в крайнем случае. Он слишком ценен на своем месте, и я предпочел бы, чтобы он оставался у меня на виду. Как насчет Травкина?

— Твоя информация оказалась бесценной. Все проверено. — Суслев рассказал ему главное о встрече с Травкиным и добавил: — Теперь он наш верный пес навсегда. Сделает все, что мы захотим. Все. Думаю, и Данросса убьет, если понадобится.

— Хорошо. Сколько из того, что ты ему рассказал, правда?

— Немного, — улыбнулся Суслев.

— Его жена жива?

— О да, *tovarich*, она жива.

— Но она не на собственной *dache*?

— Сейчас да.

— А раньше?

Суслев пожал плечами.

— Я сказал, что мне велено. Кросс закурил.

— Что тебе известно про Иран?

Суслев снова бросил на него острый взгляд.

— Очень много. Это одна из восьми оставшихся у нас великих целей, и там сейчас проводится крупная операция.

— На советско-иранской границе высадилась Девяносто вторая аэромобильная дивизия США!

Суслев уставился на него, разинув рот:

— Что?!

Кросс передал ему рассказ Роузмонда об операции «Учебный заход». Когда он упомянул, что американские подразделения оснащены ядерным оружием, Суслев сделался бледным как мел.

— Матерь Божья! Эти проклятые Богом американцы в один прекрасный день совершат ошибку, и нам тогда уже не выпутаться! Надо же быть такими ослами, чтобы разворачивать подобное оружие.

— Вы можете выступить против них?

— Конечно нет, пока, — раздраженно ответил Суслев. — Суть нашей стратегии в том, чтобы не вступать в непосредственный конфликт с Америкой, пока она не будет полностью изолирована и пока не исчезнут все сомнения в окончательной победе. Сейчас прямой конфликт был бы самоубийством. Мне нужно срочно связаться с Центром.

— Доведи до их сведения, что американцы считают это лишь учебным заходом. Убеди Центр, что нужно убрать ваши войска и спустить все на тормозах. Сделать это нужно сразу, или могут быть неприятности. Не устраивайте американским войскам провокаций. Через несколько дней американцы уйдут оттуда. Не допускайте утечки информации о вторжении вашим внутренним шпионам в Вашингтоне. Пусть она сначала поступит от ваших людей в ЦРУ.

— Девяносто вторая действительно там? Это кажется невероятным.

— Вы лучше бы оснащали свои войска для переброски по воздуху, чтобы они стали более мобильными, чтобы возросла их огневая мощь.

Суслев крикнул.

— На решение этой проблемы направлена энергия и возможности трехсот миллионов русских людей, *tovarich*. Дайте нам двадцать лет... ещё всего лишь двадцать лет.

— И что тогда?

— В восьмидесятих годах мы будем править миром.

— К тому времени давно уже никого не останется в живых.

— Ты-то останешься. Будешь править любой областью или страной, какой захочешь. Англией, например.

— Извините, но там ужасная погода. Кроме одного-двух дней в году, когда это самое прекрасное место на земле.

— Эх, видел бы ты мой дом в Грузии и окрестности Тифлиса. — Глаза Суслева засверкали. — Райский уголок.

Пока они говорили, Кросс постоянно оглядывался по сторонам. Он знал, что подслушать их нельзя. Полусонный Брайан Квок сидел, ожидая его, на трибуне. Роузмонт и остальные исподтишка бросали на главу Эс-ай изучающие взгляды. Вдалеке, у круга почета, Жак де Вилль спокойно прогуливался с Джейсоном Пламмом.

— Ты уже разговаривал с Джейсоном?

— Конечно, когда мы с ним были на трибуне.

— Хорошо.

— Что он сказал про де Вилля?

— Он также сомневается, что Жака когда-нибудь выберут тайбанем. После вчерашней встречи я тоже так считаю: очевидно, что де Вилль слишком слаб, или у него уже нет той уверенности. — Потом Суслев добавил: — Так часто происходит с агентами, когда они глубоко законспирированы и не предпринимают активных действий, а только ждут. Это труднее всего.

— Да.

— Человек он неплохой, но, боюсь, не выполнит своего предназначения.

— Что ты планируешь в отношении него?

— Ещё не решил.

— Превратить его из «внутреннего шпиона» в «шпиона обреченного»?

— Если только возникнет угроза тебе или остальным в «Севрине». — Для тех, кто наблюдал за ними, Суслев поднес к губам флягу и предложил Кроссу, который отрицательно покачал головой. Оба знали, что во фляжке простая вода. Суслев понизил голос: — Я вот что думаю. Мы активизируем деятельность в Канаде. Понятно, что французское сепаратистское движение там — замечательная возможность для нас. Если Квебек отколетя от Канады, на всем североамериканском континенте сложится совершенно новая расстановка сил. Я подумал, что будет отлично, если де Вилль возглавит отделение «Струанз» в Канаде. А?

— Очень хорошо, — улыбнулся Кросс. — Очень, очень хорошо. Мне Жак тоже нравится. Жалко было бы терять его просто так. Да, это был бы весьма умный ход.

— Больше того, Роджер. У него ещё со времен послевоенной жизни в Париже есть влиятельные друзья среди канадских французов. Все они открыто выражают сепаратистские настроения, все примыкают к левому крылу. Кое-кто из их числа уже становится заметной политической силой в масштабах страны.

— Ему придется отказаться от глубокой конспирации?

— Нет. Жак сможет дать новый толчок делу сепаратизма, не подвергая себя опасности. Как глава важного филиала «Струанз»... и если один из его закадычных друзей станет министром иностранных дел или премьер-министром, а?

— А это возможно?

— Возможно. Кросс присвистнул.

— Если Канада отойдет от США, это будет переворот из переворотов.

— Да.

Помолчав, Кросс сказал:

— Жил-был когда-то китайский мудрец. Приятель попросил его благословить новорожденного сына. Благословение было следующим: «Давайте помолимся за то,

чтобы он жил в интересные времена»²²⁰. Так вот, Григорий Петрович Суслев, чье настоящее имя — Петр Олегович Мзытрык, мы-то уж точно живем в интересные времена. Не правда ли?

Суслев в изумлении уставился на него.

— Кто тебе сказал, как меня зовут?

— Твое начальство. — Кросс внимательно следил за ним. Взгляд его вдруг стал безжалостным. — Ты знаешь, кто я, я знаю, кто ты. Это только справедливо, так ведь?

— Да... конечно. Я... — Суслев деланно засмеялся. — Я так долго не пользовался этим именем, что... что почти забыл его. — Он снова встретил жесткий взгляд, пытаюсь вернуть себе контроль за ситуацией. — В чем дело? С чего ты стал такой раздражительный, а?

— Из-за АМГ. Считаю, сейчас нам пора заканчивать встречу. Легенда: я пытался завербовать тебя, ты отказался. Встретимся завтра в 7. — Это был код квартиры в Монкоке рядом с тем местом, где жила Джинни Фу. — Поздно. В одиннадцать.

— Лучше в десять.

Кросс осторожно указал в сторону Роузмонта и остальных.

— Прежде чем мы расстанемся, мне нужно от тебя что-нибудь для них.

— Хорошо. Завтра у меня бу...

— Нет, сейчас. — Кросс заговорил жестче. — Что-нибудь необычное — если я не смогу просмотреть копию Синдерса, мне придется торговаться с ними!

— Источник сведений не должен быть разглашен никому. Повторяю: никому.

— Хорошо.

— И никогда.

— Никогда.

Суслев подумал, взвешивая все возможности.

— Сегодня вечером одному из наших агентов передадут некий совершенно секретный материал с авианосца. А?

Лицо англичанина просияло.

— Замечательно! Именно поэтому ты и пришел?

— Это одна из причин.

— Когда и где будет происходить передача?

Суслев сказал, а потом добавил:

— Но мне по-прежнему нужны все копии.

— Конечно. Хорошо, это как раз то, что надо. Роузмонт действительно будет моим должником. Твой агент уже давно в составе экипажа?

— Два года. По крайней мере, столько прошло со времени вербовки.

— И от него поступают хорошие сведения?

— Все, что поступает с этой шлюхи²²¹, имеет ценность.

— А сколько вы ему платите?

— За это? Две тысячи долларов. Он берет немного. Много мы никому из агентов не платим, кроме тебя.

Кросс улыбнулся так же невесело.

— Ах, но я же лучший из всех, кто у вас есть в Азии. Я полсотни раз подтвердил это. До последнего времени я работал на вас практически даром, старина.

— Расходы на тебя, старик, у нас самые высокие! Мы каждый год платим за все

²²⁰ В 1966 г. Роберт Кеннеди сказал в одном из своих выступлений: «У китайцев есть проклятие: „Чтоб он жил в интересные времена“. Нравится нам это или нет, мы живем в интересные времена...» Эта фраза стала популярной в Америке, однако её китайское происхождение спорно.

²²¹ Имеется в виду авианосец. Слово «корабль» в английском языке женского рода.

военные планы НАТО, коды и все остальное меньше восьми тысяч долларов.

— Эти ублюдки непрофессионалы только губят наш бизнес. Это ведь бизнес, верно?

— Для нас нет.

— Ерунда! У вас, кагэбэшников, вознаграждение более чем приличное. Dachi, местечки в Тифлисе, спецмагазины, где вы отовариваетесь. Любовницы. Но я должен отметить, что выжимать деньги из вашей компании год от года становится все труднее. Я рассчитываю на довольно серьезную прибавку за «Учебный заход» и за дело АМГ, когда оно будет закончено.

— Поговори с ними напрямую. Я деньгами не распоряжаюсь.

— Вранье. Суслев засмеялся.

— Хорошо — и безопасно — иметь дело с профессионалами. Прозит! — Он поднял флягу и осушил её.

— Прошу уйти и сделать вид, что ты рассержен, — внезапно сказал Кросс. — Я чувствую на себе бинокль!

Суслев тут же начал осыпать его проклятиями по-русски, негромко, но от души, потом потряс кулаком у лица полицейского и ушел. Кросс смотрел ему вслед.

На Шатинь-роуд Армстронг смотрел, как полицейские в дождевиках снова заворачивают тело Джона Чэня в одеяло, а потом несут через толпу зевак к ожидающей карете «скорой помощи». Вокруг эксперты-криминалисты искали отпечатки пальцев и другие улики. Дождь усилился, и везде была непролазная грязь.

— Ничего не разберешь, сэр, — мрачно доложил сержант Ли. — Следы есть, но они могут принадлежать кому угодно.

Армстронг кивнул и вытер носовым платком лицо. За поставленными вокруг на скорую руку ограждениями толпилось немало любопытных. Проезжавшие мимо по узкой дороге машины задерживались, образовалась чуть ли не пробка, и все раздраженно сигналили.

— Пусть прочешут местность в радиусе ста ярдов. Пошлите людей в ближайшую деревню, может, там что-то видели.

Он оставил Ли и подошел к полицейской машине. Сев в неё, прикрыл дверь и взял в руки микрофон:

— Это Армстронг. Прошу соединить со старшим инспектором Дональдом Смитом в Восточном Абердине. — И стал ждать. Настроение было отвратительное.

Водитель, молодой и подтянутый малый, ничуть не промок.

— Чудесный дождик, не правда ли, сэр?

Армстронг мрачно взглянул на побледневшего молодого человека.

— Курите?

— Да, сэр. — Вынув пачку, он предложил её Армстронгу. Тот взял сигареты.

— Почему бы вам не присоединиться к остальным? Им пригодится помощь такого милого смышленного парня, как вы. Поищите какие-нибудь улики. А?

— Есть, сэр. — Молодой человек пулей вылетел на дождь.

Армстронг аккуратно вынул сигарету из пачки. Посмотрел на неё. Угрюмо засунул обратно и положил пачку в боковой карман. Сгорбившись на сиденье, он пробормотал:

— Эти все сигареты, этот дождь, этого хитроумного болвана, а больше всего — этих Вервольфов, так их раз этак!

Через некоторое время из интеркома донеслось потрескивание и голос:

— Старший инспектор Дональд Смит.

— Доброе утро. Я на выезде в Шатине, — начал Армстронг. Он рассказал, что произошло. — Прочесываем местность, но под этим дождем я не рассчитываю что-нибудь найти. Когда газеты узнают о трупе и записке, мы погибли. Думаю, лучше

взять эту старую ама прямо сейчас. Это единственная ниточка. Твои ребята ещё следят за ней?

— О да.

— Прекрасно. Подождите меня, и пойдем. Я хочу обыскать место, где она живет. Держи наряд наготове.

— А ты скоро?

— Мне добираться часа два. Дорога до самого парома забита.

— Здесь такая же история. По всему Абердину. Но не только из-за дождя, старина. Около тысячи любителей чужого горя собралось поглазеть на то, что осталось от ресторана, а кроме того, толпа уже собралась у «Хо-Пак», «Виктории» — едва ли не у каждого банка поблизости. И я слышал, что около пятисот человек осаждают «Вик» в Централ.

— Господи! У меня там все жалкие сбережения, накопленные за целую жизнь.

— Говорил я тебе вчера: снимай деньги со счетов, старик! — До Армстронга донесся смех Змеи. — И кстати, если есть лишние деньги, играй на понижение акций «Струанз» — я слышал, Благородный Дом скоро рухнет.

41

8:29

Клаудиа взяла ворох записок, писем и ответов из лотка «Исходящие» на столе Данросса и принялась разбирать их. Привычный вид за окном скрыла стена дождя и низкая облачность, но температура упала, и было приятно ощущать, что влажность последних недель пошла на убыль. Старинные часы в серебряном кардане²²² на каминной полке пробили половину девятого.

Звякнул телефон. Клаудиа взглянула на него, но даже не шевельнулась, чтобы ответить. Телефон позвонил и умолк. Вошла секретарь Данросса Сандра И с новой кипой документов и почты и положила все это в лоток «Входящие».

— Проект контракта с «Пар-Кон» лежит сверху, Старшая Сестра. Вот список его встреч на сегодня. Во всяком случае, тех, о которых я знаю. Десять минут назад звонил суперинтендент Квок. — Она залилась краской под взглядом Клаудии. Фигуру Сандры плотно облегал чунсам с высоким разрезом сбоку и стоячим воротничком по последней моде. — Он звонил тайбаню, а не мне, Старшая Сестра. Попросите тайбаня перезвонить ему.

— Но я надеюсь, Младшая Сестра, ты достаточно долго говорила с Досточтимым Молодым Жеребцом, и обворожительно замирала от восторга, и вздыхала? — спросила по-кантонски Клаудиа, а потом незаметно для себя перешла на английский. Разговаривая, она разбирала записки, складывая их в две отдельные стопки. — Вообще-то, его нужно хватать и держать обеими руками, чтобы благополучно ввести в семейное стойло и чтобы его не захомотала какая-нибудь сладкоречивая балаболка из другого клана.

— О да. А ещё я зажгла пять свечей в пяти разных храмах.

— Надеюсь, в свободное время, а не в рабочие часы компании.

— О да, конечно. — Обе рассмеялись. — И мы договорились встретиться — завтра ужинаем вместе.

— Прекрасно! Прикинься скромницей, оденься строго, но не надевай бюстгальтера — как Орланда.

— О, значит, это правда! Ох, вы думаете, мне следует так поступить? — Сандра

²²² Кардан — крепление из встроенных друг в друга вращающихся колец для поддержания прибора в устойчиво горизонтальном положении.

И была поражена.

— Для молодого Брайана, да, — хихикнула Клаудиа. — Он в таких делах разбирается!

— Мой прорицатель говорит, что нынешний год будет для меня чудесным. Какой ужас этот пожар, правда?

— Да. — Клаудиа пробежала глазами список встреч. «Линбар через несколько минут. Сэр Луис Базилио в восемь сорок пять». — Когда приедет сэр Луис...

— Сэр Луис ждет у меня в офисе. Он знает, что приехал раньше времени, — я принесла ему кофе и утренние газеты. — На лице Сандры И выразилась тревога. — Что должно случиться в десять часов?

— Откроется фондовая биржа, — твердо проговорила Клаудиа, передавая ей стопку побольше. — Этим займись ты, Сандра. О, вот ещё что: он отменил пару собраний советов директоров и ланч, но этим займусь я сама.

Вошёл Данросс, и обе подняли головы.

— Доброе утро, — сказал он. Лицо у него было ещё серьезнее, чем раньше, а синяки только подчеркивали суровое выражение.

— Все так рады, что вы не пострадали, тайбань, — кокетливо прочирикала Сандра И.

— Благодарю вас.

Она вышла. Данросс полюбовался её походкой, потом перехватил взгляд Клаудии. Часть серьезности покинула его.

— Что может быть лучше красивых девчонок. Верно? Клаудиа усмехнулась.

— В ваше отсутствие пару раз звонил ваш личный телефон. — Этот телефон нигде не значился, и было заведено, что трубку снимает только он и дает этот номер лишь членам семьи и немногим избранным.

— О, спасибо. Отмените все с настоящего момента до полудня, кроме Линбара, старого сэра Луиса Базилио и банка. Проследите, чтобы все было на высшем уровне для Пенн и мисс Кэти. В аэропорт её отвезет Гэваллан. Сначала дозвонитесь до Прижимистого Дуна. А также до Ландо Маты: спросите, смогу ли я увидеться с ним сегодня, предпочтительно в десять двадцать в «Кофи плейс». Вы видели мою записку про Зепа?

— Да. Это ужасно. Я обо всем позабочусь. Звонил адъютант губернатора: вы будете на встрече в полдень?

— Да. — Данросс снял трубку и набрал номер, а Клаудиа вышла и закрыла за собой дверь.

— Пенн? Ты хотела поговорить?

— О Иэн, да, но я не звонила, если ты это имеешь в виду.

— Я думал, это ты звонила по моей личной линии.

— Нет, но мне всегда так приятно, когда ты звонишь. Я узнала про пожар из утренних новостей и... не была уверена, приснилось мне или нет, что ты приходил вчера вечером. Я... я так переволновалась, извини. А Тат сказала, что ты ушел рано, но я не доверяю старой ведьме — она иногда заговаривается. Извини. Это было ужасно?

— Нет. Вообще-то все не так уж плохо. — Он вкратце рассказал ей о событиях вчерашнего вечера. Теперь, когда он знал, что у неё все в порядке, ему хотелось поскорее положить трубку. — Я представлю тебе подробный отчет, когда заеду, чтобы отвезти в аэропорт. Я узнавал про ваш рейс: самолёт должен вылететь вовремя... — Послышался сигнал переговорного устройства. — Минутку, Пенн... Да, Клаудиа?

— Суперинтендент Квок на линии два. Говорит, это важно.

— Хорошо. Извини, Пенн, мне пора. Заеду за тобой с запасом, чтобы успеть на рейс. Пока, дорогая... Что-нибудь ещё, Клаудиа?

— Самолёт Билла Форстера из Сиднея задерживается ещё на час. Мистер Хэвегилл и Джонджон готовы встретиться с вами в девять тридцать. Я звонила, чтобы получить подтверждение. Насколько я знаю, они сегодня в банке с шести утра.

Беспокойство Данросса росло. Он пытался поговорить с Хэвегиллом с трех часов вчерашнего дня, но заместителя председателя не было на месте, а вчера вечером возможности не представилось.

— Это нехорошо. Когда я приехал туда сегодня в семь тридцать, на улице у банка уже собралась толпа.

— «Вик» ведь не рухнет, правда? В её голосе слышалась тревога.

— Если они рухнут, мы все полетим к черту. — Он ударил по клавише «2». — Привет, Брайан, что случилось?

Квок рассказал ему о Джоне Чэне.

— Господи боже, бедный Джон! После того как вчера вечером им передали деньги, я думал... какие сволочи! Он убит уже несколько дней назад?

— Да. Дня три по меньшей мере.

— Ублюдки! Ты звонил Филлипу или Диане?

— Нет ещё. Хотел сообщить тебе первому.

— Хочешь, чтобы я им позвонил? Филлип сейчас дома. После всей этой вчерашней истории с выкупом я разрешил ему не приходить на утреннее собрание в восемь. Сейчас позвоню.

— Нет, Иэн, это моя работа. Извини за плохие вести, но я подумал, что ты должен знать про Джона.

— Да... да, старина, спасибо. Слушай, у меня тут одно дело у губернатора около семи, но к десяти тридцати все закончится. Не хочешь выпить или перекусить на ночь?

— Да. Неплохая идея. Может, в баре «Квэнс» в отеле «Мандарин»?

— В десять сорок пять?

— Хорошо. Кстати, я попросил, чтобы твою тайтай пропустили прямо через паспортный контроль. Извини за плохие вести. Пока.

Положив трубку, Данросс поднялся и стал смотреть в окно. Жужжал интерком, но он его не слышал.

— Бедолага! — бормотал он. — Какая нелепая смерть, черт возьми! Раздался тихий стук в дверь, и она приотворилась. Это была Клаудиа.

— Извините, тайбань, Ландо Мата на линии два. Данросс присел на край стола.

— Привет, Ландо, нельзя ли нам встретиться в десять двадцать?

— Да-да, конечно. Я тут узнал про Зеппелина. Ужас! Сам еле выбрался! Проклятый пожар! Но мы все же выбрались, а? Джосс!

— Ты уже говорил с Прижимистым?

— Да. Он приезжает на следующем пароме.

— Прекрасно. Ландо, мне сегодня может потребоваться твоя поддержка.

— Но, Иэн, мы же обговорили все это вчера вечером. Я понял, что...

— Да. Но мне нужна твоя поддержка сегодня. — Голос Данросса стал жестче.

Последовала долгая пауза.

— Я... я поговорю с Прижимистым.

— Я тоже поговорю с ним. А пока я хотел бы знать, могу ли рассчитывать на твою поддержку сейчас.

— Ты пересмотрел наше предложение?

— Мне рассчитывать на твою поддержку, Ландо? Или нет?

Ещё одна пауза. По голосу Маты чувствовалось, что он нервничает.

— Я... я скажу, когда встретимся в десять двадцать. Извини, Иэн, но мне действительно нужно сначала поговорить с Прижимистым. Встретимся за кофе. Пока!

Щелчок — и телефон умолк. Данросс аккуратно положил трубку и пробормотал вполголоса:

— *Цзю ни ло мо*, Ландо, старый приятель.

На мгновение задумавшись, он набрал номер.

— Мистера Бартлетта, пожалуйста.

— Его телефон не отвечает. Вы хотите сообщение? — спросил оператор.

— Прошу переключить меня на мисс Кей Си Чолок.

— Что?

— Кейси... Мисс Кейси!

Послышался тоновый сигнал, а затем сонный голос Кейси:

— Алло?

— О, извините, я перезвоню попозже...

— О, Иэн? Нет... нет, все нормально, мне надо... мне давно уже надо было встать... — Она подавила зевок. — Господи, как я устала. Мне этот пожар не приснился, нет?

— Нет, Сирануш. Я лишь хотел убедиться, что с вами обоими все в порядке. Как вы себя чувствуете?

— Не ахти. Должно быть, что-то подрастянула... не знаю — то ли от смеха, то ли от рвоты. А у вас все нормально?

— Да. Пока что. Как насчет температуры, ничего такого? Именно за этим велел следить доктор Тули.

— Не думаю. Линка я ещё не видела. Вы с ним говорили?

— Нет. Он не отвечает. Слушайте, я хотел бы пригласить вас обоих на коктейль в шесть.

— Я так с удовольствием. — Ещё один зевок. — Рада, что у вас все в порядке.

— Я перезвоню попозже, чтобы... Снова интерком.

— Губернатор на линии два, тайбань. Я сказала, что вы будете на утренней встрече.

— Хорошо. Послушайте, Сирануш, коктейль в шесть, а если нет, то попозже поужинаем. Я перезвоню потом и подтверждаю.

— Хорошо, Иэн. И спасибо за звонок.

— Не за что. Пока. — Данросс ткнул клавишу «2». — Доброе утро, сэр.

— Прошу прощения за беспокойство, Иэн, но мне нужно поговорить с вами об этом ужасном пожаре, — сказал сэр Джеффри. — Просто чудо, что не погибло больше людей. Министр рвет и мечет из-за смерти бедного сэра Чарльза Пенниворта и в совершенной ярости из-за того, что принятые у нас меры безопасности позволяют такое. Поставлен в известность кабинет министров, так что мы можем ожидать последствий на самом высоком уровне.

Данросс изложил свою идею насчет кухонь для Абердина, приписав авторство Шитэ Чжуну.

— Превосходно. Шити — умница! Но это лишь начало. А пока что уже звонил Робин Грей, Джулиан Бродхерст и другие члены парламента. Они просят о встрече, чтобы выразить протест по поводу наших никуда не годных правил пожарной безопасности. Мой адъютант говорит, что Грей просто в ярости. — Сэр Джеффри вздохнул. — Возможно, он и прав. Во всяком случае, этот джентльмен собирается по мере возможности раздуть историю, преподнести её в самом скверном для нас свете. Я слышал, завтра они с Бродхерстом устраивают пресс-конференцию. Теперь, когда бедного сэра Чарльза нет в живых, старшим в делегации стал Бродхерст, и одному Богу известно, что будет, если эти двое начнут излагать свои чванливые взгляды на Китай.

— Пусть министр заставит их замолчать, сэр.

— Я просил его, но он сказал: «Боже правый, Джеффри, заставить замолчать

члена парламента? Да это хуже, чем пытаться поджечь сам парламент». Все это на самом деле так утомительно. Я подумал, может, вы смогли бы утихомирить мистера Грея. Я собираюсь посадить его рядом с вами сегодня вечером.

— Я бы не сказал, что это хорошая мысль, сэр. Он просто ненормальный.

— Абсолютно согласен, Иэн. Но я был бы вам крайне признателен, если бы вы хоть попытались. Вы единственный, кому я могу это доверить. Квиллан может его прибить. Он уже звонил и официально отказался — исключительно из-за Грея. Может, вы не откажетесь пригласить этого типа на скачки в субботу?

Данросс вспомнил про Питера Марлоу.

— Почему бы вам не пригласить Грея и всех остальных в вашу ложу? А я какую-то часть времени возьму его на себя. — «Слава богу, там не будет Пенн», — подумал он.

— Очень хорошо. Следующее: Роджер попросил меня встретиться с вами в банке завтра в шесть часов.

Данросс дал молчанию затянуться.

— Иэн?

— Да, сэр?

— В шесть. К этому времени Синдерс тоже должен быть там.

— Вы его знаете, сэр? Лично?

— Да. А что?

— Просто хотел убедиться.

Теперь замолчал губернатор. Данросс ещё больше напрягся.

— Хорошо. В шесть. Дальше: вы слышали про Джона Чэня?

— Да, сэр, всего несколько минут назад. Как не повезло.

— Согласен. Бедняга! И надо было этой заварухе с Вервольфами случиться именно сейчас. Дело Чэня, несомненно, станет громким, все противники Гонконга поднимут вой. Пока одна досада, не говоря уже об этой трагедии. Боже мой, ну, по крайней мере, мы живем в занятные времена: вокруг одни проблемы.

— Да, сэр. У «Виктории» неприятности? — Данросс задал этот вопрос как бы между прочим, но сам напряженно вслушивался, и от него не ускользнуло едва заметное колебание сэра Джеффри, прежде чем тот непринужденно ответил:

— Боже милостивый, нет! Мой дорогой друг, как вам такое только в голову пришло?! Ну, благодарю вас, Иэн. Остальное можно отложить до нашей встречи в полдень.

— Да, сэр. — Данросс положил трубку и вытер пот со лба. «Очень зловещее, черт возьми, это колебание, — сказал он себе. — Если уж кто знает, насколько плохи дела, то это сэр Джеффри».

Дождь с новой силой забарабанил в окна. «Столько ещё нужно сделать». Он взглянул на часы. «Сейчас Линбар, потом сэр Луис». Он уже решил, что ему нужно от главы биржевого комитета, чего он должен добиться от него. На заседании внутреннего правления сегодня утром он не сказал об этом. Позиция остальных вызвала у него раздражение: все они — и Жак, и Гэваллан, и Линбар — были убеждены, что «Виктория» станет поддерживать «Струанз» до конца.

— А если нет? — спросил он.

— У нас есть сделка с «Пар-Кон». Как это «Виктория» может не помочь? Такое даже в голове не укладывается!

— А если не поможет?

— Может, Горнт больше не будет продавать.

— Он будет продавать. Как быть?

— Если не удастся остановить его или отсрочить платежи «Тода» и «Орлину», мы окажемся в очень скверном положении.

«Мы не можем отсрочить платежи, — снова подумал он. — Без банка, или без

Маты, или без Прижимистого даже сделка с „Пар-Кон" не остановит Квиллана. Квиллан знает, что у него есть весь сегодняшний день и вся пятница, чтобы продавать, продавать и продавать. А мне все не купить...»

— Мастер Линбар, тайбань.

— Пригласите, пожалуйста. — Он бросил взгляд на часы. Линбар вошёл и закрыл за собой дверь. — Ты опоздал почти на две минуты.

— Да? Прошу прощения.

— Похоже, мне не удастся донести до тебя, насколько важно быть пунктуальным. Без этого с шестьюдесятью тремя компаниями не управиться. Если это повторится ещё раз, останешься без годовой премии.

Линбар покраснел.

— Прошу прощения.

— Я хочу, чтобы ты принял наш филиал в Сиднее вместо Билла Фостера.

Линбар Струан просиял.

— Да, конечно. Это по мне. Я давно уже хотел управлять чем-то самостоятельно.

— Вот и прекрасно. Я хочу, чтобы ты вылетел завтра рейсом «Кантас» и...

— Завтра? Но это невозможно! — взорвался Линбар, и его довольного выражения как не бывало. — Мне нужно пару недель, чтобы все...

Голос Данросса стал таким мягким и в то же время таким беспощадно резким, что Линбар Струан побледнел.

— Я все это понимаю, Линбар. Но я хочу, чтобы ты отправился туда завтра. На две недели. Потом вернешься и доложишь. Понятно?

— Да, понятно. Но... как же суббота? Как же скачки? Я хочу посмотреть, как бежит Ноубл Стар.

Данросс лишь взглянул на него.

— Я хочу, чтобы ты был в Австралии. Завтра. Фостеру не удалось завладеть «Вулара пропертиз». Без «Вулара» у нас не будет фрахтователя на суда. Без фрахтователя наши сегодняшние банковские договоренности недействительны. У тебя две недели, чтобы исправить положение и доложить.

— А если я этого не сделаю? — Линбар был взбешен.

— Ради бога, не трать зря время! Ты знаешь ответ. Если ты этого не сделаешь, то больше не будешь членом внутреннего правления. А если завтра ты не улетишь этим рейсом, то, пока я тайбань, ноги твоей не будет в «Струанз».

Линбар Струан открыл было рот, но передумал говорить.

— Хорошо, — подвел итог Данросс. — Если у тебя выгорит с «Вулара», твой оклад будет увеличен вдвое.

Линбар Струан лишь смотрел на него во все глаза.

— Что-нибудь ещё? Сэр?

— Нет. До свидания, Линбар.

Линбар кивнул и широкими шагами вышел. Когда дверь за ним закрылась, Данросс позволил себе тень улыбки.

— Много мнит о себе, ублюдок мелкий, — пробормотал он под нос, встал и снова подошел к окну.

Он чувствовал себя как в клетке. Хотелось прочистить голову, рассекая волны на быстроходном катере или, ещё лучше, мчась в машине, проходя повороты чуть быстрее, чем нужно, разгоняя и машину, и себя чуть сильнее на каждой прямой. Рассеянно поправив картину, он в глубоком раздумье смотрел на капли дождя, опечаленный смертью Джона Чэня.

Дождевая капля преодолела дистанцию с препятствиями и исчезла. За ней последовала ещё одна, потом ещё и ещё. За окном по-прежнему ничего не было видно, а дождь все хлестал и хлестал.

Звякнув, снова ожил его личный телефон.

— Да, Пенн? — сказал он, сняв трубку.

— Мистер Данросс? — послышался незнакомый голос.

— Да. А кто это? — напряженно спросил он, теряясь в догадках, кто бы это мог быть. Что за странный акцент?

— Меня зовут Кирк, Джейми Кирк, мистер Данросс. Я... э-э... я приятель мистера Гранта, мистера Алана Медфорда Гранта... — Трубка чуть не выпала из руки Данросса. — Алло? Мистер Данросс?

— Да, пожалуйста, продолжайте. — Данросс уже преодолел первоначальный шок. АМГ был одним из немногих, кому он давал этот номер, и АМГ знал, что им нужно пользоваться только в самом крайнем случае, а давать его кому-то можно лишь в случае суровой необходимости. — Чем могу быть полезен?

— Я... э-э... из Лондона, вернее, из Шотландии. Алан просил позвонить вам, как только я буду в Гонконге. Он... э-э... дал мне ваш номер. Надеюсь, не побеспокоил?

— Нет, совсем нет, мистер Кирк.

— Алан передал для вас пакет, а также хотел, чтобы я поговорил с вами. Моя... э-э... Мы с женой в Гонконге три дня, и я... э-э... я хотел спросить, не могли бы мы встретиться.

— Конечно. Где вы остановились? — спокойно спросил Данросс, хотя сердце бешено колотилось.

— В отеле «Девять драконов» в Коулуне, номер четыреста пятьдесят пять.

— Когда вы последний раз виделись с Аланом, мистер Кирк?

— Когда мы уезжали из Лондона. Это было... э-э... уже две недели назад. Да, две недели назад, как один день. Мы... э-э... мы были в Сингапуре и Индонезии. А что?

— Вам удобно было бы после ланча? Прошу прощения, но до пятнадцати двадцати у меня все забито. В это время мы и могли бы встретиться, если вас это устраивает.

— Пятнадцать двадцать — прекрасно.

— Я пришлю за вами машину и...

— О, в этом... э-э... в этом нет необходимости. Мы можем сами добраться до вашего офиса.

— Это меня нисколько не затруднит. Машина заедет за вами в четырнадцать тридцать.

Данросс в глубокой задумчивости положил трубку. Часы пробили восемь сорок пять. Раздался стук в дверь. Она открылась, и вошла Клаудиа.

— Сэр Луис Базилио, тайбань.

В банке «Виктория» Джонджон кричал в трубку:

— Мне наплевать, что вы, ублюдки, думаете там, в Лондоне. Я говорю вам, что у нас здесь начинается банковская паника. Все на самом деле выглядит очень скверно. Я... Что? Говорите громче! У нас связь скверная... Что?.. Да какое мне дело, что у вас полвторого ночи? Где бы, черт побери, вы ни находились! Мне четыре часа было до вас не дозвониться!.. Что?.. Чей день рождения? Боже всемогущий... — Его брови песочного цвета взмыли вверх, и он пытался сдержать гнев. — Послушайте, просто свяжитесь, черт возьми, с Сити и Монетным двором и скажите им... Алло?.. Да, скажите им, что на всем этом проклятом острове могут кончиться деньги и... Алло?.. Алло?.. О боже мой! — Он стал нажимать и отпускать рычаг. — Алло! — Потом швырнул трубку, выругался и ткнул кнопку интеркома. — Мисс Миллз, разъединили. Пожалуйста, соедините меня с ним снова как можно быстрее.

— Хорошо, — послышался спокойный, очень английский голос. — Здесь мистер Данросс.

Джонджон взглянул на часы и побелел. Девять тридцать три.

— О господи! Подождите... да, подождите с этим звонком. Я... — Он торопливо положил трубку, рванулся к двери, собрался и открыл её с деланной беззаботностью. — Мой дорогой Иэн, мне так неловко, что заставил тебя ждать. Как дела?

— Прекрасно. А у тебя?

— Замечательно!

— Замечательно? Интересно. Снаружи уже выстроилась целая очередь — там, должно быть, человек шестьсот или семьсот, — а до открытия ещё полчаса. Несколько человек стоят даже у «Блэкс».

— Больше чем несколько... — Джонджон успел вовремя остановить себя. — Ничего страшного, Иэн. Выпьешь кофе или пойдем прямо в кабинет Пола?

— В кабинет Пола.

— Хорошо. — Джонджон повел его по застланному толстым ковром коридору. — Нет, проблемы никакой. Лишь горстка суеверных китайцев. Ты же знаешь, какие они: слухи и все такое прочее. Как скверно вышло с этим пожаром. Я слышал, что Кейси разделась и нырнула спасать других. Ты сегодня утром был на ипподроме? Этот дождь просто великолепен, правда?

Беспокойство Данросса росло.

— Да. Я слышал, очереди выстроились почти у всех банков колонии. Кроме Банка Китая.

Смех Джонджона прозвучал глухо, как из бочки.

— Если бы у наших друзей-коммунистов случилась банковская паника, они восприняли бы это далеко не так благодушно. Они направили бы сюда войска!

— Значит, паника все же имеет место?

— У «Хо-Пак» — да. У нас — нет. Во всяком случае, мы и близко не стоим с Ричардом Кваном по рассредоточенности средств. Насколько я понимаю, он действительно предоставил несколько очень опасных займов. Боюсь, что «Цзин просперити» тоже не в самой лучшей форме. Хотя Улыбчивый Цзин заслуживает взбучки после всех его многолетних авантюр с сомнительными предприятиями.

— Наркотики?

— Мне на самом деле трудно сказать, Иэн. Во всяком случае, официально. Но ходят устойчивые слухи.

— Но ты утверждаешь, что этот отток вкладчиков обойдет вас стороной?

— Вообще-то, да. А если и нет... что ж, я уверен, все обойдется.

Джонджон пошёл дальше по коридору, облицованному широкими панелями. Вокруг богатая отделка, все солидно и надежно. Он кивнул пожилой секретарше-англичанке, проходя мимо, и открыл дверь с табличкой: ПОЛ ХЭВЕГИЛЛ. ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Офис был Просторный, обшитый дубом, на огромном столе ни единой бумаги. Окна выходили на площадь.

— Иэн, дорогой. — Хэвегилл встал и протянул руку. — Приношу искренние извинения, что не смог встретиться с тобой вчера. А прием вечером вряд ли подходил для деловых разговоров, а? Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Как мне кажется. Пока. А ты?

— Немного слабит, а с Констанцией все в порядке, слава богу. Добравшись домой, мы оба приняли хорошую дозу старого доброго средства доктора Коликоса. — Этот чудодейственный напиток изобрел доктор Коликос для лечения желудочных расстройств во время Крымской войны, когда британские солдаты тысячами умирали от тифа, холеры и дизентерии. Формула лекарства до сих пор хранится в тайне.

— Ужасная гадость! Доктор Тули тоже заставил нас принять его.

— А с остальными — страшное дело, верно? Жена Токса, а?

— Я слышал, её тело обнаружили сегодня утром под какими-то сваями, — мрачно сказал Джонджон. — Не получи я «розовый билет», мы с Мэри тоже бы были там. — «Розовый билет» означал разрешение жены провести где-то вечер без неё.

Можно было пойти поиграть в карты с приятелями, или наведаться в Клуб, или показать город кому-то из приезжих, или предпринять ещё что-нибудь — но с её благосклонного разрешения.

— Вот как? — улыбнулся Хэвегилл. — И кого же из дам ты осчастливил?

— Я играл в бридж с Мак-Брайдом в Клубе. Хэвегилл рассмеялся.

— Ну что ж, без осторожности нет и доблести. К тому же нельзя забывать о репутации банка.

Данросс чувствовал, что отношения у этих двоих напряженные. Он молча ждал с вежливой улыбкой.

— Чем могу быть полезен, Иэн? — спросил Хэвегилл.

— Мне нужен дополнительный кредит — сто миллионов на тридцать дней.

Наступила мертвая тишина. Оба смотрели на него не отрываясь. Данроссу показалось, что он заметил промелькнувшую в глазах Хэвегилла издевку.

— Это невозможно! — услышал он его слова.

— Горнт ведет на нас атаку, это ясно всем. Вы оба знаете, что мы стоим прочно, надежно и дела у нас идут хорошо. Мне нужна ваша открытая массированная поддержка. Тогда он не осмелится продолжать, а деньги мне, вообще-то, не понадобятся. Но что мне действительно нужно, так это обязательство. Прямо сейчас.

Снова молчание. Джонджон ждал. Хэвегилл закурил.

— А что насчет сделки с «Пар-Кон», Иэн? Данросс рассказал.

— Во вторник мы подписываем контракт.

— Ты можешь доверять этому американцу?

— Мы заключили соглашение.

И опять молчание. Его смущенно нарушил Джонджон:

— Это очень хорошая сделка, Иэн.

— Да. А ваша открытая поддержка заставит Горнта и «Блэкс» прекратить атаку.

— Но сто миллионов? — проговорил Хэвегилл. — Это вне пределов возможного.

— Я же сказал, что вся сумма мне не потребуется.

— Это предположение, дорогой друг. Нас могут против желания вовлечь в очень большую игру. До меня дошли слухи, что Квиллана финансируют из-за границы: его поддерживают из Германии. Мы не можем ввязываться в борьбу с каким-нибудь консорциумом немецких банков — риск слишком велик. Ты уже перебрал лимит возобновляемого кредита. А ещё эти пятьсот тысяч акций, которые ты купил сегодня и должен оплатить в понедельник. Извини, но нет.

— Поставь это на голосование совета директоров. — Данросс знал, что у него достаточно голосов, чтобы провести решение, даже если Хэвегилл будет против.

Молчание.

— Очень хорошо. Я, конечно, поставлю этот вопрос на голосование — на следующем заседании совета.

— Нет. На три недели откладывать нельзя. Прошу созвать экстренное собрание.

— Извини, но я этого делать не стану.

— Почему?

— Я не должен объяснять почему, Иэн, — отрезал Хэвегилл. — «Струанз» не владелец этого банка и не контролирует его, хотя у тебя значительный пакет наших акций, а у нас — твоих и ты — ценный клиент. Я с удовольствием подниму этот вопрос на следующем заседании. Созывать экстренные собрания — моя, и только моя прерогатива.

— Согласен. Равно как и предоставлять кредиты. Никакое собрание тебе не нужно. Ты можешь сделать это хоть сейчас.

— Я буду рад передать эту просьбу совету директоров на следующем заседании. Ещё вопросы есть?

Данросса так и подмывало размазать по лицу врага удовольствие, которое тот

еле скрывал, но он сдержался.

— Мне нужен этот кредит, чтобы поддержать мои акции. Прямо сейчас.

— Конечно, и Брюс, и я прекрасно понимаем, что авансовый платеж по сделке с «Пар-Кон» позволит вам заплатить за суда и частично погасить задолженность «Орлину». — Хэвегилл попыхивал сигаретой. — Кстати, насколько я понимаю, «Орлин» не собирается возобновлять кредит: тебе придется выплатить им все полностью в течение тридцати дней в соответствии с условиями контракта.

— Откуда ты знаешь? — вспыхнул Данросс.

— От председателя, конечно. Я позвонил ему вчера вечером и спросил, бу...

— Что ты сделал?!

— Что слышишь, мой дорогой друг. — Хэвегилл уже открыто наслаждался потрясением Данросса и Джонджона. — У нас есть все права делать запросы. В конце концов, мы — банкиры «Струанз» и должны знать. Наши ценные бумаги тоже подвергнутся риску, если вы обанкротитесь, верно?

— И ты поспособствуешь тому, чтобы это случилось?

С видимым удовольствием Хэвегилл потушил сигарету.

— Банкротство любого крупного бизнеса в колонии, не говоря уже о Благородном Доме, не в наших интересах. О, конечно нет. Беспокоиться не надо. В нужный момент мы вмешаемся и купим твои акции. Мы никогда не позволим Благородному Дому рухнуть.

— И когда же наступит этот нужный момент?

— Когда цена акций будет подходящей.

— И сколько же это?

— Мне нужно подумать над этим, Иэн. Данросс понял, что проиграл, но виду не подал.

— Подождешь, пока акции будут продавать почти даром, а потом приобретешь контрольный пакет.

— Компания «Струанз» теперь акционерное общество, хотя с ней связано много других, — сказал Хэвегилл. — Возможно, было бы разумнее прислушаться к тому, что советовали Аластэр и я. Мы указывали, чем ты рискуешь, превращая компанию в акционерное общество. И возможно, тебе следовало посоветоваться с нами, прежде чем покупать такое огромное количество акций. Квиллан, очевидно, считает, что ты у него в руках. А средства твои на самом деле немного рассредоточены, старина. Но бояться не надо, Иэн. Банкротства Благородного Дома мы не допустим.

Усмехнувшись, Данросс встал.

— Без тебя в колонии будет гораздо лучше.

— Что ты говоришь? Я останусь на своей должности до двадцать третьего ноября, — огрызнулся Хэвегилл. — А вот ты можешь вылететь из колонии раньше меня!

— А разве ты не считаешь... — начал было Джонджон, ошеломленный тем, как разошелся Хэвегилл, но осекся, потому что заместитель председателя повернулся к нему.

— Твой срок начинается двадцать четвертого ноября. И то, если назначение будет утверждено ежегодным общим собранием акционеров. А пока банком «Виктория» управляю я.

Данросс снова усмехнулся:

— Не уверен, что это так. — И вышел.

Наступившее молчание нарушил Джонджон, который раздраженно заявил:

— Ты мог запросто созвать экстренное собрание. Ты мог за...

— Вопрос закрыт! Понятно? Закрыт! — Взбешенный Хэвегилл закурил ещё одну сигарету. — У нас свои проблемы, и в первую очередь нужно решать их. Но если этот убудок выпутается и на сей раз, я буду немало удивлен. Его положение очень

опасное, очень. Об этом проклятом американце и его подружке мы не знаем ничего. Что мы знаем, так это то, что Иэн человек упрямый, самонадеянный и твердолобый. Он занимает не свое место.

— Это не...

— Наше дело — извлечение прибыли, а не благотворительность. Слишком долго слишком многое в наших делах зависело от голоса данроссов и струанов. Если нам удастся получить контрольный пакет, мы станем Благородным Домом Азии — мы! Мы вернем находящийся у него пакет наших акций. Мы тут же уволим всех директоров и назначим новых, мы удвоим наши капиталы, и я оставлю банку славное наследие на века. Вот для чего мы здесь — зарабатывать деньги для нашего банка и для наших акционеров! Я всегда считал твоего приятеля Данросса очень рискованным человеком, а теперь ему скоро крышка. И если в моих силах помочь затянуть на его шее петлю, я это сделаю!

В квартире Марлоу доктор Тули считал пульс Флер Марлоу, поглядывая на старомодные золотые карманные часы. «Сто три. Многовато», — с грустью подумал он, глядя на тонкое запястье, кладя руку назад на простыни и ощущая её жар чуткими пальцами.

Из маленькой ванной вышел Питер Марлоу.

— Ничего хорошего, да? — хрипло спросил Тули. Питер Марлоу устало улыбнулся.

— Вообще-то, довольно неприятно. Одни колики, а выходит лишь немного жидкости. — Глаза его были устремлены на жену, бессильно раскинувшуюся на маленькой двуспальной кровати. — Как ты, крошка?

— Хорошо, — произнесла она. — Хорошо, спасибо, Питер. Доктор взял свою старомодную сумку и убрал туда стетоскоп.

— Была ли... была ли кровь, мистер Марлоу?

Питер Марлоу покачал головой и устало присел. Ни он, ни его жена почти не спали. Колики у обоих не прекращались с четырех часов утра и становились все сильнее.

— Нет, по крайней мере, пока. Такое впечатление, что это обычный приступ дизентерии: колики, мороки много, а в итоге почти ничего нет.

— Обычный? У вас была дизентерия? Когда? В какой форме?

— Думаю, энтерическая. Я... я был в плену в Чанги в сорок пятом. На самом деле, между сорок вторым и сорок пятым. Какое-то время на Яве, а большей частью — в Чанги.

— Вот как. О, понятно. Тогда прошу прощения. — Доктор Тули помнил все эти послевоенные рассказы о том, как японская армия обращалась с британскими и американскими военнопленными. — Меня всегда преследовало какое-то странное ощущение, что нас предали, — грустно произнес доктор. — Японцы всегда были нашими союзниками... Они — островная нация, как и мы. Хорошие вояки. Я служил военным врачом у «чиндитов»²²³. Дважды был в деле с Уингейтом. — Уингейт, эксцентричный британский генерал, придумал совершенно необычный способ ведения боевых действий, когда из Индии в джунгли Бирмы, глубокий японский тыл, посылали высококомобильные ударные колонны британских солдат — «чиндитов» — и сбрасывали им продовольствие и боеприпасы с самолётов. — Мне повезло: вся эта «чиндитская» операция была делом довольно рискованным. — Рассказывая, он

²²³ Слово «чиндиты» происходит от бирманского чинтэ — названия мифического животного. Создатель и командир этого соединения генерал Чарльз Орд Уингейт (1903-1944) погиб в джунглях в авиационной катастрофе.

смотрел на Флер, взвешивал симптомы, мобилизуя весь свой опыт, пытаясь поставить диагноз, распознать врага среди мириадов возможных, прежде чем тот причинит вред плоду. — Проклятые самолёты никогда не сбрасывали груз для нас куда надо.

— Я знал пару ваших парней в Чанги. В сорок третьем или сорок четвертом году — точно не помню. И имен не помню. Их отправили в Чанги сразу после того, как они попали в плен.

— Значит, это был сорок третий, — нахмурился доктор. — В тот год японцы почти сразу обнаружили целую колонну и устроили на неё засаду. Эти джунгли, если вы там не были, просто что-то невероятное. Большую часть времени мы даже не понимали, на кой черт нас туда забросили. Боюсь, немногие из наших ребят выжили, чтобы попасть в Чанги. — Славный старичок, с крупным носом, редкой шевелюрой и теплыми руками, доктор Тули улыбнулся, глядя на Флер. — Так, юная леди, — начал он своим добрым хрипловатым голосом, — у вас небольшая тем...

— О... извините, доктор, — вдруг перебила она его, побледнев, — думаю... — Она вскочила с кровати и неуклюже поспешила в ванную. Дверь за ней закрылась. Сзади на ночной рубашке проступило пятнышко крови.

— Как она, нормально? — спросил Марлоу с застывшим лицом.

— Температура сто три²²⁴, пульс высокий. Может, просто гастроэнтерит... — Доктор взглянул на него.

— А гепатит не может быть?

— Нет, прошло слишком мало времени. Инкубационный период при гепатите — от шести недель до двух месяцев. Боюсь, что его призрак висит над каждым. Уж извините. — Дождь с новой силой забарабанил по стеклам. Доктор посмотрел в окно и нахмурился, вспомнив, что не сказал про угрозу гепатита Данроссу и американцам. «Наверное, лучше их не беспокоить. Поживем — увидим. Судьба», — подумал он. — Вот через два месяца будем знать точно. Уколы вам обоим сделаны, так что насчет тифа тревожиться нечего.

— А ребенок?

— Если колики усилятся, может случиться выкидыш, мистер Марлоу, — негромко проговорил доктор. — Извините, но об этом лучше знать. И в том и в другом случае ей придется нелегко: какие в Абердинской бухте кишат бактерии и вирусы, одному Богу известно. Вот уже сто лет туда сбрасывают нечистоты. Просто ужас, но мы ничего не можем с этим поделать. — Он стал шарить в кармане, ища бланки рецептов. — Ни китайцев, ни их вековые привычки изменить невозможно. Извините.

— Джосс. — Питер Марлоу чувствовал себя прескверно. — Неужели все заболеют? Там нас в воде барахтались, должно быть, человек сорок-пятьдесят: хоть немного, но этой дряни наглотался каждый.

Доктор подумал.

— Из пятидесяти тяжелой формой заболеют человек пять, другие пять отделаются легким испугом, а у остальных будет нечто среднее. Гонконгских янь — то есть жителей Гонконга — это, надо думать, заденет меньше, чем приезжих. Но, как вы правильно говорите, в большей степени это вопрос везения. — Он нашел наконец свои бланки. — Я выпишу вам рецепт на один из этих новомодных кишечных антибиотиков, но продолжайте принимать старое доброе средство доктора Коликоса: от него у вас животики подуспокоятся. Следите за ней очень внимательно. Термометр у вас есть?

— О да. Ко... — Питер Марлоу весь содрогнулся от охватившей его судороги, которая тут же прошла. — Когда путешествуешь с маленькими детьми, приходится

²²⁴ 39,4 °C.

иметь при себе все самое необходимое.

Оба избегали смотреть на дверь ванной. Приступы боли у Флер сопровождались приглушенными стонами.

— Сколько вашим детям? — рассеянно спросил доктор Тули, выписывая рецепт и стараясь не выдать свою озабоченность. Войдя в квартиру, он обратил внимание на счастливый беспорядок в крохотной второй спальне рядом с маленькой серенькой гостиной: места едва хватало для двухъярусной кровати, повсюду были разбросаны игрушки. — Мои теперь уже большие. У меня три дочери.

— Что? А... нашим четыре и восемь. Они... обе девочки.

— Ама у вас есть?

— О да. Да. Сегодня утром был такой дождь, что она отправилась провожать детей в школу. Они переправляются на ту сторону бухты и берут бопи. — Водители бопи, нелегальных такси, не имели лицензий на извоз, но этим видом транспорта время от времени пользовались почти все. — Школа у нас рядом с Гарден-роуд. В основном дети ездят туда самостоятельно. Это вполне безопасно.

— О да. Да, конечно.

Оба теперь чутко прислушивались к стонам Флер. И переживали из-за каждого еле слышного звука, доносившегося из ванной.

— Ну-ну, не волнуйтесь, — нерешительно произнес доктор. — Я распоряжусь, чтобы лекарства вам прислали: в отеле есть аптека. Стоимость будет включена в ваш счет. Вечером, часов в шесть, загляну к вам ещё, постараюсь как можно ближе к шести. Если возникнут проблемы... — Он осторожно протянул бланк рецепта. — Здесь есть номер моего телефона. Не стесняйтесь, звоните, хорошо?

— Спасибо. Теперь о вашем счете...

— Об этом не беспокойтесь, мистер Марлоу. Самое главное — чтобы вы выздоровели. — Доктор Тули сосредоточился на двери. Он боялся уходить. — Вы армеец?

— Нет. Летчик.

— Ах! Мой брат был одним из «Немногих». Разбился в... — Он осекся.

— Доктор... вы не... вы не могли бы... пожалуйста... — нерешительно позвала через дверь Флер Марлоу.

Тули подошел к двери.

— Да, миссис Марлоу? У вас все в порядке?

— Вы не... вы не могли бы... пожалуйста... Он открыл дверь и закрыл её за собой.

В крошечной ванной стояла кисловато-сладкая вонь, но он не обращал на это внимания.

— Я... это... — Она выгнулась в очередном приступе.

— Ну-ну, не волнуйтесь, — успокаивал он, кладя одну руку ей на спину, а другую на живот, чтобы поддержать измученные брюшные мышцы, и мягко, очень умело массируя её. — Вот-вот! Просто расслабьтесь, я не дам вам упасть. — Почувствовав под пальцами узелок, он постарался передать ей всю свою теплоту и силу. — Вам примерно столько же, сколько моей дочери, моей младшенькой. У меня их трое, и у старшей двое детей... Вот, просто расслабьтесь, представьте себе, что боль уже прошла. Скоро вам будет хорошо и тепло... — Через некоторое время колики прошли.

— Я... боже, изви... извините. — Молодая женщина потянулась за рулоном туалетной бумаги, но её скрутил новый приступ, потом ещё один.

В тесной комнатухе было неудобно, но доктор держал Флер сильными руками, чтобы принять большую часть её веса на себя. У него заболела спина.

— Я... у меня уже все в порядке, — проговорила она. — Благодарю вас. Тули понимал, что это не так: пот тек с неё ручьями. Он промокнул ей лицо и вытер насухо. Потом помог встать, взвалив её на себя и не переставая поглаживать. Подтер её. На бумаге осталась кровь, в унитазе среди бесцветной жидкости — кровавая слизь, но

кровотечения ещё не было, и он с облегчением вздохнул. — У вас все будет хорошо. Вот сюда, подержитесь секунду. Не бойтесь! — И он направил её руки к раковине. Быстро сложив в длину сухое полотенце, он плотно обернул её живот и собрал концы вместе. — Так лучше всего для расстроенного животика, лучше всего. Так он и поддерживается, и согревается. Мой дед тоже был доктором, в индийской армии, и он божился, что лучшего способа не знает. — Он пристально посмотрел на неё. — Вы прекрасная, смелая юная леди. У вас все будет хорошо. Готовы?

— Да. Изв... извините за...

Он открыл дверь. Питер Марлоу рванулся на помощь. Они положили Флер на кровать.

Она лежала изможденная, и на лоб свешивалась прядь мокрых волос. Откинув эту прядь со лба, доктор Тули задумчиво смотрел на неё.

— Думаю, юная леди, на день-два мы поместим вас в родильное отделение.

— О, но... но...

— Беспокоиться вам не о чем. Но лучше дать ребенку шанс, а? А тут у вас двое малышей, станете за них переживать. Двух дней отдыха будет достаточно. — Его хрипловатый голос действовал на обоих успокоительно. — Я сделаю распоряжения и через четверть часа вернусь. — Он посмотрел на Питера Марлоу из-под больших мохнатых бровей. — Это родильное отделение находится в Коулуне, так что вам не надо будет тратить время, мотаясь на Остров. Им пользуются у нас многие. Там хорошо, чисто и есть все необходимое для любой непредвиденной ситуации. Может, соберете небольшую сумочку для неё? — Он записал адрес и номер телефона. — Так что, юная леди, я вернусь через несколько минут. Это будет лучше всего, и не придется переживать за детей. Я знаю, какое это мучение, когда плохо себя чувствуешь. — Он улыбнулся обоим. — Ни о чем не беспокойтесь, мистер Марлоу, хорошо? Я поговорю с вашим слугой — попрошу его навести здесь порядок. И не волнуйтесь насчет денег. — Глубокие морщины вокруг глаз залегли ещё глубже. — Мы здесь в Гонконге относимся к нашим юным гостям с большим пониманием.

Он вышел. Питер Марлоу присел на кровать. Он был безутешен.

— Надеюсь, дети благополучно добрались в школу, — еле слышно проговорила Флер.

— О да. А Соп прекрасно справится.

— Ты один справишься?

— Запросто. Как Старая Матушка Хаббард²²⁵. Ведь это всего на день-два. Она устало шевельнулась, опершись на руку и глядя на дождь и серую стену отеля на другой стороне узенькой улочки, такую ненавистную, потому что она загораживала небо.

— Я... я надеюсь, это не будет... не будет слишком дорого, — слабым голосом проговорила она.

— Не беспокойся об этом, Флер. Все у нас будет в порядке. Гильдия сценаристов заплатит.

— Заплатит ли? Могу поспорить, что нет, Питер. Во всяком случае, вовремя. Проклятье! Мы... у нас и так уже туго с деньгами.

— Я всегда могу занять против обязательной выплаты на следующий год. Не...

— О нет! Нет, мы не будем этого делать, Питер. Мы не должны этого делать. Мы договорились. Ина... иначе ты опять окажешься в... в ловушке.

— Что-нибудь подвернется, — убежденно произнес он. — В следующем месяце тринадцатое число — пятница, а нам при таком сочетании всегда везло.

Тринадцатого был опубликован его роман, и тринадцатого же он попал в списки

²²⁵ Старая Матушка Хаббард — персонаж английских детских стишков.

бестселлеров. Когда три года назад они с женой были «на нуле», опять-таки тринадцатого числа он заключил прекрасный контракт на сценарий, который снова позволил им выплыть. Режиссером его первый раз утвердили тринадцатого. А тринадцатого апреля прошлого года, в пятницу, одна из студий Голливуда приобрела права на съемку фильма по его роману за сто пятьдесят семь тысяч долларов. Десять процентов получил агент, а остаток Питер Марлоу распределил на пять лет — заранее. Пять лет обязательных выплат на семью. Двадцать пять тысяч каждый год в январе. Если не шиковать, хватит на школу, медицинские расходы, платежи по закладной, за машину и прочие. Пять славных лет свободы от всех обычных треволнений. Эта свобода позволила отказаться от написания очередного сценария и приехать на год в Гонконг. За свой счет. Зато можно без помех собирать материал для второй книги. «О господи, — подумал Питер Марлоу, вдруг оцепенев. — Какого черта я вообще ищу? Какого черта я здесь делаю?»

— Господи, — печально проговорил он, — если бы я не настоял, чтобы мы пошли на этот банкет, ничего этого никогда бы не случилось.

— Джосс. — Она слабо улыбнулась. — Судьба, Питер. Помнишь, как ты... ты всегда говоришь мне. Джосс. Это джосс, просто джосс, Питер. Господи, как мне плохо.

42

10:01

Орланда Рамуш открыла дверь своей квартиры и поставила промокший зонт в подставку.

— Входите, Линк, — вся сияя, пригласила она. — Minha casa é vossa casa. Мой дом — ваш дом.

— Вы уверены? — улыбнулся Линк. Она беспечно засмеялась:

— А! Посмотрим. Это лишь старинный португальский обычай... предлагать свой дом. — Она снимала блестящий, очень модный плащ. Он тоже стаскивал плащ — промокший насквозь и поношенный.

— Так, давайте я его повешу. О, насчет того что натекло, не беспокойтесь, моя ама все подотрет. Заходите.

В гостиную, очень женскую, обставленную со вкусом, аккуратную и прибранную, было приятно зайти. Орланда закрыла за Бартлеттом дверь и повесила его пиджак на вешалку. Он подошел к высокой стеклянной двери балкона. Квартира располагалась на восьмом этаже Роуз-Корт на Коутуолл-роуд.

— Дождь всегда так поливает? — спросил он.

— В настоящий тайфун гораздо сильнее. В день может выпасть от двенадцати до восемнадцати дюймов²²⁶. К тому же случаются оползни, и смывает целые кварталы поселенцев.

Он посмотрел вниз сквозь низко нависшие тучи. Почти весь вид закрывали многоэтажные дома, которые тянулись лентой по краям извилистых дорог, врезающихся в склоны холмов. Мигали огоньки Централ и береговой линии далеко внизу.

— Будто на самолёте летишь, Орланда. В ясную ночь вид, должно быть, потрясающий.

— Да-да, потрясающий. Мне очень нравится. Весь Коулун как на ладони. Пока не построили Синклер-тауэрс — вот этот большой дом прямо перед нами, — отсюда открывался лучший вид во всем Гонконге. Вам известно, что Синклер-тауэрс

²²⁶ От 30,5 до 45,7 см.

принадлежит «Струанз»? Думаю, Иэн Данросс приложил руку к его строительству, чтобы досадить Квиллану. У Квиллана здесь квартира на самом верху... по крайней мере, была.

— Башня испортила ему вид?

— Напрочь.

— Накладно досаждают таким образом.

— Отнюдь. И тот и другой дом приносит огромную прибыль. Квиллан говорил, что в Гонконге все окупается за три года. Чем надо обладать, так это недвижимостью. Можно заработать... — Она усмехнулась. — При желании вы могли бы значительно увеличить ваше состояние.

— А если я захочу остаться, где стоит поселиться?

— Здесь, на Мид-Лэвелз. Выше, на Пике, всегда очень влажно, стены отсыревают, и все плесневеет. — Она сняла с головы шарфик и, тряхнув ею, распустила волосы. Потом села на ручку кресла, смотря Бартлетту в спину и терпеливо ожидая.

— Вы здесь давно живете? — спросил он.

— Пять лет, почти шесть. С того времени, как был построен дом. Повернувшись, он оперся на подоконник.

— Вид прекрасный, — оценил американец. — Как и вы.

— Благодарю вас, любезный сэр. Не желаете ли кофе?

— Да, спасибо. — Линк Бартлетт провел пальцами по волосам, вглядываясь в картину маслом. — Это Квэнс?

— Да. Это Квэнс. Подарок Квиллана. Эспрессо?

— Да. Черный, пожалуйста. Всегда хотелось лучше разбираться в живописи... — Он чуть не добавил: «Вот Кейси, та разбирается», но остановил себя, глядя, как Орланда открывает дверь кухни. В просторном современном помещении было полно самой разной утвари. — Кухня у вас словно сошла со страниц журнала «Дом и сад»!

— Это все Квиллан придумал. Он любит поесть, и ему нравится готовить. Весь дизайн его, а остальное... остальное — мое, хотя именно он научил меня отличать сделанное со вкусом от китча.

— Вы жалеете, что расстались с ним?

— И да, и нет. Это джосс, карма. Он... это был джосс. Время пришло. — Она произнесла это так спокойно, что Бартлетт был тронут. — Это не могло продолжаться долго. Нет. Могло бы, но не здесь. — Он заметил, что на какой-то миг Орланду охватила грусть, но она отмела её и занялась сверкающей кофеваркой. На полках не было ни пятнышка. — Квиллан — ярый поборник чистоты, слава богу, это сказалось и на мне. С моей ма, А Фат, просто с ума сойдешь.

— Она живет здесь?

— О да, да, конечно, но сейчас она пошла за покупками. Её комната в конце коридора. Посмотрите квартиру, если хотите. Я скоро.

Исполненный любопытства, Бартлетт потихоньку вышел. Прекрасная столовая с круглым столом на восемь персон. Спальня в белых и розовых тонах, светлая и воздушная, мягкие занавеси, свешивающиеся с потолка вокруг огромной кровати, превращали её в королевское ложе о четырех столбиках с пологом. Со вкусом составленный букет цветов. Современная ванная комната, где все подобрано в тон и даже полотенца под цвет плитки. Вторая спальня, здесь — книги, телефон, электронная аппаратура, кровать поменьше, аккуратно и стильно.

«Кейси до неё далеко», — отметил про себя Бартлетт, вспомнив бесшабашный холостяцкий беспорядок в маленьком домике посреди глубокой котловины, вольный хаос, на который хозяйка не обращала внимания: красная кирпичная кладка, везде стопки книг, вертел для барбекю, тут же телефон, копировальный аппарат и электрическая пишущая машинка. Смущенный тем, что подобное пришло ему в

голову, что он, похоже, автоматически сравнивает двух женщин, Бартлетт, бесшумно ступая, прошел мимо комнаты ама назад к кухне. Сосредоточенная на кофеварке, Орланда не замечала, что американец смотрит на неё. Ему это доставляло удовольствие.

Сегодня, очень обеспокоенный, он позвонил ей рано утром и разбудил, желая напомнить, чтобы она — так, на всякий случай — показалась врачу. Когда после всей суматохи прошлой ночью Бартлетт, Кейси и Данросс оказались на берегу, Орланда уже уехала домой.

— О, Линк, благодарю за звонок. Как это любезно с вашей стороны! Нет, у меня все в порядке. — Счастливая, она тараторила, торопясь хоть что-то сказать. — Во всяком случае, сейчас. А вы как себя чувствуете? Как Кейси? О, не знаю, как вас и благодарить. Я просто окаменела от ужаса... Вы спасли мне жизнь, вы и Кейси...

Они весело поболтали, она пообещала, несмотря ни на что, показаться врачу, и тогда он спросил, не хочет ли она позавтракать. Она тут же сказала «да», и он поехал на гонконгскую сторону, наслаждаясь проливным дождем и приятной прохладой. Завтрак на крыше отеля «Мандарин», яйца «бenedикт», тосты и кофе, великолепное настроение, лучащаяся Орланда, которая не переставала выражать признательность ему и Кейси.

— Я думала, мне конец. Я знала, что утону, Линк, но мне было слишком страшно, и я не могла кричать. Если бы вы не проделали это так быстро, я никогда бы... Как только я погрузилась в воду, там уже была милая Кейси. Я и сообразить ничего не успела, как уже снова жила и опасность была позади...

У него в жизни не было такого замечательного завтрака. Она окутала его мягким коконом заботы, передавала тост, наливала кофе, поднимала упавшую салфетку, и об этом не нужно было просить. Она развлекала его и давала развлекать себя. Уверенная и женственная, она заставляла его чувствовать себя сильным и мужественным. А однажды, будто невзначай, накрыла его руку своей ладонью — длинные пальцы, изящные ногти, — и это прикосновение он чувствовал до сих пор. Потом он проводил её домой, подвел к тому, чтобы она пригласила его подняться, и вот теперь он здесь и, скользя по ней взглядом — шелковая юбка и сапоги в русском стиле, блузка навыпуск, обтягивающая осиную талию, — наблюдает, как она хлопочет на кухне.

«Господи, — подумал он, — лучше будь поосторожнее».

— О, я вас не заметила, Линк. Для мужчины вашего роста вы ходите так тихо!

— Прошу прощения.

— Не нужно извинений, Линк! — Пар уже шипел вовсю, и капли кофе стали наполнять чашки. — Корочку лимона?

— Да. Спасибо. А вы?

— Нет. Я предпочитаю капучино.

Великолепный аромат кофе уже разносился вокруг, и под тонкое гудение кофеварки она подогрела молоко и отнесла поднос в уголок для завтрака. Серебряные ложки, прекрасный фарфор. Воздух был словно наэлектризован, но оба делали вид, что не замечают этого.

Бартлетт смаковал напиток маленькими глотками.

— Чудесный кофе, Орланда! Такого я ещё не пил. И вкус у него какой-то необычный.

— Я добавила немного шоколада.

— Вам нравится готовить?

— О да! Очень. Квиллан говорил, что я хорошая ученица. Люблю заниматься домашним хозяйством, собирать гостей, и Квиллан всегда... — Она чуть нахмурилась и теперь смотрела ему прямо в глаза. — Похоже, я постоянно упоминаю о нем. Прошу прощения, но это по-прежнему... по-прежнему получается как-то

автоматически. Он был первым в моей жизни—и единственным, — поэтому стал частью меня, и от этого не избавиться.

— Не нужно объяснять, Орланда, я пони...

— Я знаю, но мне хочется объяснить. Настоящих друзей у меня нет, и я никогда ни с кем не говорила о нем, но почему-то... почему-то, ну, мне нравится быть с вами, и... — На её лице вдруг расцвела широкая улыбка. — Конечно! Я забыла! Теперь вы отвечаете за меня! — Засмеявшись, она захлопала в крошечные ладошки.

— Что вы имеете в виду?

— Вы встали на пути джосса, или судьбы. Таков китайский обычай. О да. Вы вмешались в промысл богов. Вы спасли мне жизнь, потому что без вас я, несомненно, погибла бы — вероятно, погибла бы, — но на то была бы воля богов. Но вы вмешались и взяли их ответственность на себя, так что теперь вам придется заботиться обо мне всегда! Вот какой прекрасный, мудрый китайский обычай! — В глазах у неё заплясали чертики. Он никогда не видел таких белых белков, такой ясной карей радужки, такого привлекательного лица. — Всегда!

— Заметано! — рассмеялся он вместе с ней. Радость её была так велика, что просто обволакивала.

— О, прекрасно! — воскликнула она, а потом, уже чуть серьезнее, тронула его за руку. — Это лишь шутка, Линк. Вы такой галантный, а я не привыкла к галантности. Я официально освобождаю вас — моя китайская половина освобождает вас от этого долга.

— А может, я не хочу, чтобы меня освобождали.

Он тут же заметил, как широко раскрылись её глаза. Всю грудь у него сжало, сердце забилося. Аромат её духов вызывал просто танталовы муки. И тут взаимное влечение накрыло их обоих огромной волной. Рука Бартлетта коснулась её волос, таких шелковистых, тонких и чувственных. Коснулась в первый раз. И стала ласкать. Легкая дрожь, и они уже слились в поцелуе. Мгновение — и её губы ответили, мягкие, чуть влажные, без помады, такие свежие и приятные на вкус.

Желание обоих росло. Его рука оказалась у неё на груди, и она чувствовала тепло ладони через шелковую ткань. По ней снова прокатилась дрожь, она попыталась отстраниться, но он крепко держал её, нежно поглаживая, и сердце у него колотилось. Тогда её руки легли к нему на грудь и, продлив немного это прикосновение, надавили. Она прервала поцелуй, но не отстранилась, тяжело дыша, опьяненная, как и он, с тем же бешено колотящимся сердцем.

— Линк... ты...

— С тобой так хорошо, — тихо проговорил он, прижимая её к себе. Он наклонился, чтобы поцеловать её ещё раз, но она увернулась.

— Погоди, Линк. Сначала...

Он поцеловал её в шею и попытался ещё раз поцеловать в губы, чувствуя, как ей этого хочется.

— Линк, погоди... сначала...

— Сначала поцелуй, потом «погоди»!

Она рассмеялась. Напряжение спало. Он обругал себя за ошибку. Им и так владело огромное желание, а встречный порыв возбудил его ещё больше. Теперь момент прошел, и они снова ходили вокруг да около. Закипевшая было злость не успела овладеть им, потому что Орланда прильнула к нему в поцелуе. Злоба тут же прошла. Осталось лишь тепло.

— Ты слишком сильный для меня, Линк. — Голос у неё был хриплый, руками она обвивала его шею, хоть и несмело. — Слишком сильный, и слишком притягательный, и слишком милый, и я на самом деле, действительно обязана тебе жизнью. — Лаская его шею, она глянула на него снизу вверх так, что он весь напрягся: все её оборонительные порядки выстроены, крепкие и неприступные. «Наверное», —

подумал он. — Сначала поговорим, — попросила она, отстраняясь, — а потом, возможно, поцелуемся ещё.

— Хорошо, — кивнул он и тут же устремился к ней.

Но она приложила палец к губам, и его надеждам не дано было сбыться.

— Мистер Бартлетт! Американцы все такие?

— Нет, — не задумываясь, ответил он, но её было непросто сбить с толку.

— Да. Я знаю. — Голос теперь звучал серьезно. — Я знаю. Именно об этом я и хотела поговорить с тобой. Хочешь кофе?

— Да, конечно, — сказал он. И стал ждать, не зная, как быть дальше, оценивая её, желая, не в силах что-то понять в этой неразберихе, очарованный ситуацией и Орландой.

Она аккуратно налила кофе. Он был такой же вкусный, как и в первый раз. Бартлетт уже овладел собой, хотя сладкая боль не проходила.

— Пойдем в гостиную, — предложила она. — Я принесу твою чашку.

Он поднялся и обнял её за талию. Она не возражала, и он почувствовал, что ей тоже нравится его прикосновение. Он опустился в одно из глубоких кресел.

— Сядь сюда. — Он похлопал по ручке кресла. — Пожалуйста.

— Потом. Сначала я хочу поговорить. — С чуть застенчивой улыбкой она устроилась на диване напротив. Диван, обитый темно-синим бархатом, подходил к китайскому коврику на сияющем паркетном полу. — Линк, я знакома с тобой всего несколько дней, и я... я не девочка, с которой проводят время. — Произнеся это, Орланда покраснела и продолжала, торопясь предупредить то, что он собирался сказать: — Извини, но я не такая. Квиллан был у меня первым и единственным, и просто интрижка мне не нужна. Мне не хочется безумных или просто приятных «кульбитов» в постели и застенчивых или болезненных расставаний. Я научилась жить без любви, я просто не смогу пройти через все это снова. Я действительно любила Квиллана, а сейчас не люблю. Мне было семнадцать, когда мы... когда у нас это началось, а сейчас двадцать пять. Мы врозь почти три года. Три года все уже кончено, и я больше не люблю его. Я не люблю никого, и извини, извини, но я не девочка для развлечений.

— Я никогда не считал тебя такой, — промолвил он, хотя в глубине душе сознавал, что лжет и проклинал судьбу за невезение. — За кого ты, черт возьми, меня принимаешь?

— Я принимаю тебя за прекрасного человека, — тут же ответила она со всей искренностью. — Но в Азии девушка — любая девушка — очень быстро понимает, что мужчины думают лишь о постели и что на самом деле это все, что им нужно. Извини, Линк, просто переспать — это не для меня. Может, когда-нибудь это и станет моим, но сейчас это не мое. Да, я — евразийка, но я не... ты понимаешь, о чем я говорю?

— Конечно, — ответил он. И добавил, прежде чем смог остановиться: — Ты говоришь: «Вход воспрещен».

Она уже не улыбалась, а лишь неотрывно смотрела на него. От её грустного вида сердце сжалось.

— Да, — медленно вставая и чуть не плача, проговорила она. — Да, видимо, так и есть.

— Господи, Орланда. — Он подошел к ней и взял за плечи. — Я не это имел в виду. Я не хотел тебя обидеть.

— Линк, я не пытаюсь дразнить тебя, или играть в какие-то игры, или вредни...

— Я понимаю. Черт возьми, я не мальчик, и я не домогаюсь или... я тоже не занимаюсь тем, что ты говоришь.

— О-о, я так рада! На какой-то миг... — Она подняла на него глаза, и от её невинного взгляда он просто растаял. — Ты не сердись на меня, Линк? Я имею в

виду, что я... я ведь не зазывала тебя сюда. Вообще-то, ты сам настоял.

— Я знаю, — проговорил он, обнимая её и думая: «Это правда, как и то, что я хочу тебя. Не знаю, что ты собой представляешь, кто ты, но хочу тебя. Но что мне нужно от тебя? Что мне действительно нужно? Волшебства? Или просто секса? Волшебство ли ты, что я искал всю жизнь, или ещё одна шлюха? Какие у тебя преимущества перед Кейси? Соразмерны ли для меня её преданность и шелковистость твоей кожи? Помнится, Кейси однажды сказала: „Любовь состоит из многого, Линк. Секс лишь одна из её составных частей. Лишь одна. Подумай обо всех остальных. О женщине следует судить по тому, как она любит, но нужно и понимать, что такое женщина"». Однако тепло Орланды обволакивало, она прижалась лицом к его груди, и его плоть снова ожила. Он поцеловал её в шею, не желая сдерживать страсть.

— Какая ты, Орланда?

— Я... я могу лишь сказать, какой не являюсь, — произнесла она своим тоненьким голоском. — Я никогда не пристаю. Я не хочу, чтобы ты подумал, будто я пытаюсь дразнить тебя. Ты мне нравишься, ты мне очень нравишься, но я не... я не девочка на одну ночь.

— Я знаю. Господи, отчего ты так думаешь? — Он увидел, что её глаза заблестели от слез. — А вот плакать ни к чему. Совсем ни к чему. О'кей?

— Хорошо. — Она отстранилась, открыла сумочку и, достав салфетку, вытерла слезы. — Айийя, я веду себя как девчонка, которой нет и двадцати, или как непорочная весталка. Извини, но это получилось так внезапно. Я была не готова к... Я чувствовала, что мне плохо. — Она глубоко вздохнула. — Приношу свои смиренные извинения.

— Не принимается, — усмехнулся он.

— Слава богу! — Она пристально смотрела на него. — Вообще-то, Линк, обычно я без проблем справляюсь и с сильными, и с кроткими, и с хитрыми — даже очень хитрыми. Думаю, мне известны самые разные женские подходы. Сам собой вырабатывается некий план игры, чтобы противостоять им ещё до того, как они начнут. Но с тобой... — Подумав, она добавила: — Извини, но с мужчинами почти всегда одно и то же.

— Это плохо?

— Нет, но представь себе: тыходишь в комнату или в ресторан и ощущаешь на себе эти плотоядные взгляды. Я всегда думала: интересно, как бы на моем месте чувствовал себя мужчина? Вот ты молодой и симпатичный. Что бы ты делал, если бы женщины так встречали тебя, куда бы ты ни пошёл? Скажем, идешь ты сегодня по холлу «Ви энд Эй» и видишь, как женщины всех возрастов — включая древних бабuleк со вставными челюстями, старых мегер в париках, толстых, безобразных и вульгарных, — откровенно пялятся на тебя, раздевают глазами, пытаются подобраться поближе, погладить тебя по заднице, таращатся на твою грудь или ширинку. У большинства дурно пахнет изо рта, от них несет потом и другой какой-то гадостью. И ты знаешь, что они представляют, как ты с готовностью и с удовольствием кувыркаешься с ними в постели.

— Мне бы это совсем не понравилось. Кейси, когда она стала работать со мной, говорила то же самое, но другими словами. Я понимаю, что ты хочешь сказать, Орланда. По крайней мере, могу представить. Но ведь так устроен мир.

— Да, и порой это просто ужасно. О, я не хочу быть мужчиной, Линк. Я очень довольна тем, что я женщина, но иногда это на самом деле просто ужасно. Понимать, что в тебе видят какое-то вместилище, которое можно купить, что после всех этих «удовольствий» ты должна сказать жирному старому развратнику с тошнотворным запахом изо рта: «Большое спасибо», принять свои двадцать долларов и ускользнуть в ночь, как воришка.

— Куда это нас занесло и как? — нахмурился он. Она засмеялась:

— Ты поцеловал меня.

Он ухмыльнулся, довольный, что им так хорошо вместе.

— Верно. Значит, я, видимо, заслужил лекцию. Признаю себя виновным. Ну, а как насчет обещанного поцелуя?.. — Он даже не двинулся с места. Бартлетт зондировал почву, закатывал пробные шары. «Теперь все переменилось. Конечно, я хотел — как она это назвала? — переспать. Ну да. И по-прежнему хочу, даже больше, чем раньше. Но теперь у нас все переменилось. Теперь мы играем в другую игру. Не знаю, хочется ли мне в неё играть. Правила стали другими. Раньше было просто. Теперь, может быть, ещё проще». — Ты такая красивая. Я говорил тебе, что ты красивая? — сказал он, стараясь уйти от вопроса, который ей не терпелось обсудить открыто.

— Я хотела поговорить об этом поцелуе. Видишь ли, Линк, честно говоря, я просто не была готова к тому — что уж тут скрывать — к тому, что меня так захлестнуло. Думаю, это самое подходящее слово.

Он дал этому слову повисеть в воздухе.

— Это хорошо или плохо?

— И то и другое. — Она улыбнулась, и у глаз появилась сеточка морщин. — Да, меня захлестнуло мое собственное желание. Вы, мистер Бартлетт, не такой, и это тоже очень плохо — или очень хорошо. Я... я целовалась с наслаждением.

— Я тоже. — Он снова ухмыльнулся, глядя на неё. — Можешь называть меня Линк.

Она помолчала.

— Я никогда не испытывала такого желания, которое захлестывало бы меня всю, и поэтому очень испугалась.

— Не надо бояться, — усмехнулся Бартлетт. А сам раздумывал, как быть. Инстинкты говорили: уходи. Инстинкты говорили: останься. Мудрость предлагала помалкивать и выжидать. Слышно было, как бьется сердце и как стучит в окна дождь. «Лучше уйти», — подумал он.

— Орланда, думаю, что аб...

— У тебя есть время поговорить? Совсем недолго? — спросила она, почувствовав его нерешительность.

— Да. Да, конечно.

Её пальцы отвели волосы с лица.

— Я хотела рассказать о себе. Мой отец работал у Квиллана в Шанхае. Мне кажется, я знала Квиллана всю жизнь. Он помог оплатить мое образование, в частности в Штатах, и всегда был добр ко мне и моей семье. У меня четыре сестры и брат — я самая старшая, — и они все теперь в Португалии. Когда после окончания колледжа я вернулась из Сан-Франциско в Шанхай, мне было семнадцать, почти восемнадцать, и... Ну, он ведь человек привлекательный, привлекательный для меня, хотя иногда очень жестокий. Очень жестокий.

— Как это проявляется?

— Он верит в личную месть, считает, что мужчина — если он настоящий мужчина — имеет право мстить. В Квиллане очень сильно мужское начало. Он всегда был добр ко мне. И сейчас добр. — Она изучающе посмотрела на него. — Квиллан до сих пор помогает мне деньгами, до сих пор платит за эту квартиру.

— Ты не обязана рассказывать мне это.

— Я знаю. Но мне хотелось бы — если ты готов выслушать. Тогда ты сможешь принять решение.

Он оценивающе посмотрел на неё.

— Хорошо.

— Видишь ли, отчасти это оттого, что я — евразийка. Большинство европейцев

здесь нас презирает — открыто или тайно, — в частности англичане. Линк, просто выслушай меня до конца. Большинство европейцев презирает евразийцев. Евразийцев презирают все китайцы. Поэтому нам всегда приходится защищаться, нас почти всегда в чем-то подозревают, почти всегда считают, что мы вне закона, что мы — дешевые подстилки.

Господи, какое отвратительное американское выражение! Какая это на самом деле гнусность, вульгарщина и дешевка. И как это наглядно характеризует американского мужчину — хотя, как ни странно, именно в Штатах я обрела чувство собственного достоинства и преодолела свой евразийский комплекс вины. Квиллан многому научил меня и во многом сформировал. Я ему признательна. Но я не люблю его. Вот что я хотела сказать. Хочешь ещё кофе?

— Да, спасибо.

— Я сварю. — Орланда встала, походка у неё была чувственная, хоть это получалось само собой, ненамеренно, и он снова выругался про себя, кляня судьбу.

— Почему же ты рассталась с ним?

Она с грустным видом рассказала про Макао.

— Я позволила этому парню уложить себя в постель и спала в ней, хотя между нами ничего не было, ничего: бедняга выпил лишнего и ни на что не годился. На следующий день я сказала ему, что он был великолепен. — Это прозвучало спокойно и прозаично, но Бартлетт почувствовал скрытую за внешней невозмутимостью боль. — И все как бы ничего, но кто-то донес Квиллану. Как и следовало ожидать, он был взбешен. А я не нашла что сказать в свою защиту. Это случилось... Квиллан тогда был в отъезде. Я понимаю, это не оправдание, но я уже научилась получать удовольствие в постели и... — По её лицу пробежала тень. Она пожала плечами. — Джосс. Карма. — Таким же негромким голосом она поведала о мести Квиллана. — Он такой, Линк. Ему было от чего прийти в бешенство, я провинилась.

Под шипение пара стали падать первые капли кофе. Не переставая говорить, она нашла чистые чашки, свежее домашнее печенье и новую накрахмаленную скатерть, но мысли обоих были сосредоточены на любовном треугольнике.

— Я по-прежнему иногда вижусь с ним. Так, поговорить. Мы теперь только друзья, и он относится ко мне хорошо, а я делаю что хочу, встречаюсь с кем хочу. — Она выключила пар и повернулась к нему. — Мы... четыре года назад у нас родился ребенок. Я хотела его, а Квиллан нет. Он сказал, что я могу рожать, но должна сделать это в Англии. Девочка сейчас в Португалии с моими родителями: отец на пенсии, и она живет с ними. — По щеке у неё скатилась слеза.

— А это он придумал, что ребенок должен оставаться там?

— Да. Но он прав. Раз в год я езжу туда. Родители... моя мать так хотела, чтобы у меня был ребенок, она умоляла оставить его. Квиллан великодушен по отношению к ним тоже. — Слезы уже ручьем катились у неё по лицу, но плакала она беззвучно. — Так что теперь ты знаешь все, Линк. Я никому этого не рассказывала, кроме тебя. Теперь ты знаешь, что я... я не была верной возлюбленной и что я... я никудышная мать...

Он подошел к ней, прижался вплотную и почувствовал, как она тает, стараясь сдержать всхлипывания, ухватившись за него, вбирая в себя его тепло и силу. Он успокаивал её, она льнула к нему всем телом, тепло и нежно.

Успокоившись, она встала на цыпочки, поцеловала его — поцелуй был легкий, но удивительно нежный — и посмотрела в глаза. Он тоже поцеловал её.

Они смотрели друг на друга, словно пытаясь что-то увидеть, потом поцеловались снова. Страсть нарастала, и казалось, это будет длиться вечно, но, увы, оба почти одновременно услышали, как открывается входная дверь. Они отстранились друг от друга, пытаясь отдышаться и прислушиваясь к биению своих сердец, а из прихожей донесся грубый голос ама:

— Вэйй?

Орланда слабым движением пригладила волосы и полупожала плечами, как бы извиняясь.

— Я на кухне, — крикнула она на шанхайском диалекте. — Иди, пожалуйста, в свою комнату и не показывайся, пока я тебя не позову.

— Вот как? А что, этот заморский дьявол ещё здесь, да? А продукты? Я тут кое-что принесла!

— Оставь у двери!

— О-хо-хо, хорошо, Молодая Хозяйка. — Ама с ворчанием ушла. Дверь за ней с грохотом захлопнулась.

— Они всегда так хлопают дверями? — спросил Линк. Сердце у него ещё колотилось.

— Да, похоже, что так. — Её рука уже опять была у него на плече, а пальцы ласкали ему шею. — Извини.

— Извиняться не за что. Как насчет ужина? Она задумалась.

— Если ты будешь с Кейси.

— Нет. Только с тобой.

— Линк, я думаю, лучше не стоит. Нам сейчас ничего не грозит. Давай просто прощаемся.

— Ужин. В восемь. Я заеду за тобой. Выбери ресторан. Шанхайскую кухню.

Она покачала головой.

— Нет. И так уже все слишком стремительно. Извини.

— Я заеду за тобой в восемь. — Бартлетт слегка поцеловал её и направился к двери. Она сняла с вешалки его плащ и помогла надеть. — Спасибо, — тихо поблагодарил он. — Нам ничего не угрожает, Орланда. Все будет хорошо. До встречи в восемь. О'кей?

— Лучше не стоит.

— Может быть. — Он как-то странно улыбнулся. — Какой уж будет джосс — карма. Про богов забывать нельзя, а? — Она промолчала. — Я буду здесь в восемь.

Она закрыла за ним дверь, медленно подошла к креслу и села в глубоком раздумье, гадая, не отпугнула ли его, и с ужасом допуская, что так оно и есть. Придет ли он в восемь? А если придет, то как удержать его на расстоянии? Как, играя, довести до того, чтобы от желания он потерял голову? Потерял голову настолько, чтобы жениться на ней.

От тревожных мыслей её даже подташнивало.

«Нужно спешить. Кейси крепко взяла его в оборот, обвила, как змея своими кольцами. Я могу противопоставить этому лишь хорошую кухню, домашний уют и любовь. Любить, любить и любить, давать ему все, чего не может дать она. И никакой постели. Кейси заполучила его именно таким путем. Я должна действовать так же.

И тогда он будет мой».

Орланду охватила слабость. «Все прошло отлично», — решила она. Потом снова вспомнила сказанное однажды Горнтом: «По закону вечности в ловушку брака попадается каждый мужчина. В силу вожделения или жажды кем-то обладать, из-за алчности, ради денег, из страха, по лености — так или иначе, но попадается. И ни один мужчина никогда не женится по своей воле на любовнице».

«Да. Квиллан опять прав. Но он ошибается на мой счет. Меня половина вознаграждения не устроит. Я постараюсь получить все. Я хочу, чтобы у меня был не только „ягуар" и эта квартира со всем её содержимым, но и дом в Калифорнии, а самое главное, богатство в Америке, а не в Азии, где я буду уже не евразийка, а просто женщина, не хуже, чем любая другая, — красивая, беззаботная и любящая.

О, я буду ему самой лучшей женой, какая только может быть у мужчины. Я стану прислуживать ему во всем, делать все, что он пожелает. Я ощутила его силу, со мной

ему будет хорошо, со мной ему будет чудесно».

— Он ушел? — Бесшумно появившаяся А Фат стала автоматически наводить порядок, болтая по-шанхайски: — Хорошо, очень хорошо. Приготовить чаю? Ты, должно быть, очень устала. Чаю приготовить, хейя?

— Нет. Да-да, А Фат, приготовь.

— Чаю приготовить! Работа, работа, работа! — Шаркая ногами, старуха пошла на кухню. Черные мешковатые штаны, белая блузка, волосы, собранные в свисающую на спину длинную косичку. Она ходила за Орландой с самого рождения. — Я его хорошо разглядела внизу, когда вы приехали. Для нецивилизованного человека выглядит вполне прилично, — рассуждала она вслух.

— Вот как? А я тебя не заметила. Где ты была?

— Внизу у лестницы, — хихикнула А Фат. — И-и-и, я постаралась спрятаться получше, но больно мне хотелось взглянуть на него. Ха! Бедные мои старые кости... Посылаешь вот свою бедную старую рабыню на дождь, хотя какая разница, здесь я или нет? А кто подаст сласти и чай или напитки в кровать, когда вы закончите свои труды, хейя?

— Ой, замолчи! Замолчи!

— А ты не затыкай рот своей бедной старой Матери! Она знает, как ухаживать за тобой! Ай, Маленькая Императрица, ведь на вас было просто написано, что ян и инь готовы вступить в битву. А довольные оба, словно коты в бочке рыбы! Но мне-то какая была нужда уходить?

— Заморские дьяволы не такие, А Фат. Я хотела остаться с ним здесь наедине. Заморские дьяволы стеснительные. А теперь приготовь чай и помолчи, не то снова пойдешь на улицу!

— Он будет новым Хозяином? — с надеждой спросила А Фат. — Пора уже тебе занять Хозяина, негоже жить без «дымящегося стебля» у «нефритовых врат». Твои «врата» увянут и станут сухими, как пыль, от заброшенности! Ох, забыла рассказать тебе новости. Их две. Говорят, Вервольфы вроде не здешние, а из Макао; якобы они снова заявят о себе до наступления новой луны. Такая идет молва. Все божатся, что так оно и есть. А другая новость, ну, Старый Ворчун Ток из рыбной лавки говорит, что у этого заморского дьявола из Золотой Горы золота больше, чем у евнуха Дуна! — По легенде, евнух Дун, служивший при императорском дворе в Запретном городе Пекина²²⁷, питал такую великую страсть к золоту, что утолить её не мог весь Китай. Его настолько ненавидели в стране, что вступивший на престол император приказал осыпать евнуха всем добытым несправедливыми путями золотом, и слитки задавили Дуна насмерть. — Ты моложе не становишься, Маленькая Матушка! Нам нужно отнестись к этому серьезно. Это будет он?

— Надеюсь, — медленно проговорила Орланда.

«О да», — лихорадочно думала она, чуть не теряя сознание от тревоги и понимая, что Бартлетт — единственный и самый важный шанс, выпавший ей в этой жизни. Она вдруг опять застыла от ужаса при мысли, что переиграла и что он никогда не вернется. И разрыдалась.

Восемью этажами ниже Бартлетт прошел через небольшой вестибюль и, выйдя на улицу, присоединился к очереди из шести человек, нетерпеливо ожидавших такси. Ливень шёл уже не переставая, и низвергавшаяся с бетонного выступа вода становилась частью бурлящего потока, который неся маленькой рекой вниз по Коутуолл-роуд, перехлестывая через канавы, через давно забившиеся люки

²²⁷ Расположенный в центре Пекина Запретный город служил дворцом императорам династий Мин (1368-1644) и Цин (1644-1912).

ливневой канализации, увлекая за собой с расположенных выше склонов и откосов камни, грязь и растительность. Поднимая тучи брызг, легковые машины и грузовики с трудом пробирались вверх и вниз по крутой дороге через большие и маленькие лужи, с запотевшими стеклами и всю работающими стеклоочистителями.

На другой стороне дороги местность резко повышалась, и там вода ручьями лилась с высоких бетонных конструкций, которые укрепляли склон холма. Из расщелин тянулась трава. Раскисший кусок почвы отвалился, и его понесло вместе с другим мусором, камнями и грязью. С одной стороны к бетонному сооружению примыкал обнесенный стеной гараж, с другой, выше по склону, виднелся наполовину скрытый, затейливо украшенный китайский особняк с зеленой черепичной крышей и драконами на фронтонах. Рядом поднимались строительные леса и копали котлован для многоэтажного дома. Около стройплощадки вырисовывался ещё один многоквартирный дом, уходивший в низко нависшие облака.

«Сколько строят, — отметил про себя Бартлетт. — Может, стоит заняться здесь строительством? Когда на такую прорву людей приходится так мало земли, это сулит прибыль, огромную прибыль. И вложения окупаются за три года, подумать только!»

Разбрызгивая лужи, подлетело такси. Одни пассажиры вылезли, другие, ворча, забрались в машину. Вышедшая из дома китайская чета — громогласная матрона, с огромным зонтом, в дорогом плаще поверх чунсама, в сопровождении кроткого и тихого мужа — пробралась мимо американца и остальных в начало очереди. «Вот уж хрен тебе, детка! — сказал про себя Бартлетт. — Передо мной тебе проскочить не удастся». И он занял более удобную позицию. Часы показывали 10:35.

«Что дальше? Хватит отвлекаться на Орланду!

„Струанз" или Горнт?

Сегодня стычка; завтра, в пятницу, день будет непростой; в выходные — перегруппировка сил. В понедельник — последний штурм, к трем часам дня у нас должен выявиться победитель.

Кого бы я хотел видеть победителем? Данросса или Горнта?

Горнту везет — везло, — размышлял он. — Господи, ведь Орланда — это что-то. Расстался бы я с ней на его месте? Конечно. Конечно расстался бы. А может, и нет — ведь ничего не было. Но я женился бы на ней, как только представилась бы такая возможность, и не отослал бы нашего ребенка в Португалию — негодный сукин сын этот Горнт. Или чертовски хитрый. Что из двух?

Выложила все напрямик — совсем как Кейси, но по-другому. Хотя результат тот же. Теперь все запутано. Или просто. Что из двух? Хочу ли я жениться на ней? Нет. Хочу ли я бросить её? Нет.

Хочу ли я завлечь её в постель? Конечно да. Ну так начинай кампанию, и в постель её без всяких обещаний. Не надо играть по женским правилам, все средства хороши на войне и на войне. Что вообще такое любовь? Это как Кейси говорила, и на сексе все не заканчивается.

Кейси. А с ней как? Ждать её теперь уже недолго. А потом что: постель, или свадебные колокола, или до свидания? Чтобы я снова женился — да будь я проклят! Мы уже это проходили, и так все паршиво получилось. Странная вещь, как долго я уже не вспоминал о ней».

Когда в сорок пятом Бартлетт вернулся с Тихого океана, он встретил её в Сан-Диего, через неделю женился и, полный любви и амбициозных планов, с головой окунулся в начало строительного бизнеса на юге Калифорнии. Момент для этого подобрался удачный, строительная индустрия шла в гору. Через десять месяцев появился первый ребенок, через год — ещё один, а ещё через десять месяцев — третий; и все это время он работал без выходных, с удовольствием; он был молод, полон сил и добивался больших успехов, но с женой они потихоньку отдалялись. Потом пошли ссоры, нытье и все эти «ты совсем не бываешь с нами», «пошёл он,

этот бизнес», «мне наплевать на этот бизнес, я хочу во Францию и в Рим», и «почему ты не приходишь домой пораньше», «ты что, девицу завел», «я знаю, у тебя есть девица...»

Но никакой девицы не было, была лишь работа. А потом, в один прекрасный день, письмо от адвоката. Вот так, по почте.

«Черт, — досадовал Бартлетт, — так и не проходит эта боль. Но ведь я лишь один из миллионов, такое случалось и будет случаться. И тем не менее тебе письмо или звонок по телефону приносит боль. Приносит боль и приносит расходы. Расходы немаленькие, и большую часть получают адвокаты, получают значительную часть и умело раздувают вражду между нами, чтобы заработать на этом, черт побери. Ещё бы. Они живут за твой счет, живут за счет всех нас. От колыбели и до, черт возьми, могилы адвокаты раздувают ссоры и кормятся на пролитой тобой крови. Проклятье. Адвокаты — просто чума для добрых старых „Соединенных Штатов А“. За всю жизнь встретил лишь четырех хороших, а остальные? Паразитируют на нас. И никому от этого не уйти!

Да. Этот ублюдок Стоун! Такой куш на мне сорвал, сделал из неё сущую фурию, навсегда настроил против меня и её, и детей. Я из-за него чуть не разорился и едва не потерял бизнес. Чтоб тебе гнить целую вечность, урод!»

Бартлетту стоило немалых усилий оторваться от этой саднящей, зияющей раны. Дождь напомнил ему, что все свелось к денежным потерям, что он свободен, и это ощущение свободы восхитительно.

«Господи! Я свободен, и есть Кейси и Орланда.

Орланда.

Господи, — думал он (боль от неудовлетворенного желания так и не прошла), — как же мне этого хотелось. И Орланде тоже. Черт побери, с Кейси все плохо, а тут ещё и с другой такая же история».

Он не был с женщиной уже месяца два. Последний раз это произошло в Лондоне — случайное знакомство, ужин вместе, потом постель. Она жила в том же отеле. Разведенная, никаких проблем. «Как это выразилась Орланда? Приятно покувыркались и застенчиво расстались? Да. Так оно и вышло. Только та штучка застенчивой не была».

Он стоял в очереди с ощущением счастья и необычайного прилива сил, смотрел на потоки воды и вдыхал поднимающийся от земли запах дождя.

По дороге, усеянной камнями и шматками грязи, несся поток, который переливался через длинную и широкую трещину в асфальте, чтобы взметнуться вверх, как на речных порогах.

«Этот дождь принесет немало хлопот, — думал он. — И с Орландой, кореш, хлопот не оберешься. Это уж как пить дать. Но должен же быть какой-то способ затащить её в постель. Что в ней такого, от чего голова идет кругом? Ну, отчасти лицо, отчасти фигура, отчасти взгляд, отчасти... Господи, да взгляни ты правде в глаза: она на сто процентов женщина и на сто процентов — беда. Лучше забудь про Орланду. Будь мудрее, будь мудрее, старик. Кейси была права: эта шлюха просто динамит!»

43

10:50

Дождь шёл уже почти двенадцать часов, и вся земля в колонии пропиталась влагой, хотя резервуары для дождевой воды оставались почти пустыми. Потрескавшаяся почва жадно принимала дар небес. Большая часть выпавших осадков стекала с затвердевшей от жары поверхности, превращая грунтовые дороги в трясину, а строительные площадки — в озера. Часть воды просочилась глубоко в грунт. Для разбросанных по склонам холмов поселков переселенцев это обернулось

настоящей бедой.

Сооруженные из подручного материала — картона, досок, гофрированного металла, штакетника, брезента, — с трехслойными стенами и крышами у тех, кто побогаче, шаткие жилища лепились друг к другу, вырастали одно на другом, ряд за рядом, вниз и вверх по холмам. Вода залила земляные полы и темные проулки, где было полно отбросов, огромных луж и вымоин, и ходить там стало просто опасно. Дождь сочился через крыши, и мокло постельное белье, одежда и все остальное, скопленное за жизнь, но люди, которые теснились в своих лачугах, зажатых среди других халуп, лишь стойчески пожимали плечами и ждали, когда дождь кончится. Строили эти бидонвили как попало, без всякого плана, с единственным намерением втиснуть в крохотный кусочек пространства ещё одну семью беженцев или нелегальных переселенцев, которые в действительности не были здесь чужими, потому что здесь был Китай. Стоило любому китайцу пересечь границу, как он в соответствии со старинным указом правительства Гонконга становился легальным поселенцем и мог оставаться в Благоухающей Гавани сколь угодно долго.

Преимуществом колонии всегда был избыток дешевой и безропотной рабочей силы. Потому что в обмен на предоставление постоянного убежища от поселенцев требовали одного — мирного труда по действующим на данный момент расценкам. В Гонконг никогда не зазывали иммигрантов — люди всегда приходили из Китая сами. Они прибывали сюда и днем и ночью, по воде, пешком, на носилках. Границу переходили каждый раз, когда в Китае случался голод или какое-нибудь потрясение, переходили целыми семьями — мужчины, женщины, дети, — переходили на время, чтобы рано или поздно вернуться домой, потому что Китай всегда оставался домом, даже через десять поколений.

Однако не всегда беженцы считались желанными гостями. В прошлом году наплыв людей просто захлестнул колонию. По какой-то до сих пор не выясненной причине и без предупреждения пограничники КНР ослабили жесткий контроль, и целую неделю люди шли через границу тысячами. Они беспрепятственно перебирались, в основном ночью, через поставленное для вида ограждение из шести полос колючей проволоки в один ряд, разделявшее Новые Территории и соседнюю китайскую провинцию Гуандун.

Полиция была бессильна противостоять людскому валу. На помощь пришлось призвать военных. В мае за одну ночь арестовали почти шесть тысяч человек из этого полчища нелегалов. Их накормили и на следующий день отправили обратно через границу. Однако многие тысячи сумели проскользнуть через раскинутую на рубеже сеть и стать законными гражданами.

Эта катастрофа продолжалась ночь за ночью, день за днем. Счет вновь прибывшим уже шёл на десятки тысяч. Вскоре на границе появились толпы обозленных, сочувствующих китайцев, которые пытались помешать депортации.

Депортация была мерой вынужденной, потому что нелегалы просто погребли под собой колонию. Не представлялось никакой возможности прокормить их, дать крышу над головой и принять, так резко увеличилось население. Ведь требовалось заботиться и о тех четырех с лишним миллионах жителей, которые, за небольшим исключением, тоже когда-то были нелегалами.

Потом людская река иссякла так же внезапно, как и нахлынула. Границу закрыли. Опять без какой-либо видимой причины.

В течение шести недель было арестовано и отправлено обратно в Китай почти семьдесят тысяч человек. От ста до двухсот тысяч — точной цифры никто не знал — избежали ареста и остались. В их числе были и дед с бабкой Очкарика У, а также четверо его дядьев с семьями — всего семнадцать душ. С тех пор они жили в поселке переселенцев высоко над Абердином. Очкарик У все для них устроил.

Это был один из участков земли, которыми с самого начала владел

Благородный Дом Чэнь и которые до последнего времени считались бросовыми. Теперь они обрели ценность. Семья Чэнь сдавала эту землю в аренду, фут за футом, всем желающим.

Очкарик У с радостью арендовал клочок земли двадцать на двенадцать футов²²⁸ по цене один гонконгский доллар за фут в месяц и все это время помогал родне собирать строительный материал для двух домиков, в которых до дождя было сухо.

В городке поселенцев на сто семей приходился один водопроводный кран, не было ни канализации, ни электричества, тем не менее бидонвиль разрастался и по большей части там царил порядок.

Один из дядьев уже организовал небольшое производство по изготовлению пластиковых цветов в расположенной ниже по склону лачуге, которую снимал за полтора гонконгских доллара в месяц. Другой арендовал ларек на рынке и торговал пряными рисовыми пирожками и рисом, сваренным по обычаю родной деревни Нинток.

При деле были все семнадцать человек — теперь, с родившимся на прошлой неделе младенцем, приходилось кормить уже восемнадцать ртов. Нехитрые задания поручали даже двухлетним малышам: они сортировали пластиковые лепестки для цветов, которые делали молодежь и старики. Этим поселенцы зарабатывали себе на еду и азартные игры.

«Да помогут мне все боги получить хоть часть вознаграждения за поимку Вервольфов, — обращал к небу свое страстное желание Очкарик У. — Вот бы поспеть к скачкам в субботу. Я бы поставил на Пайлот Фиша. Все знамения свидетельствуют, что этот вороной жеребец наверняка выиграет».

Подавив зевок, он побрел босиком дальше по узкому извилистому проулку. Рядом шагала его шестилетняя племянница, тоже босая. От дождя стекла очков У постоянно запотевали. Оба ступали осторожно, чтобы не напороться на валявшиеся повсюду осколки стекла и ржавые обрезки металла. Иногда приходилось идти по щиколотку в жидкой грязи. Штанины у обоих были закатаны, а девочка в своей соломенной шляпе казалась совсем крошечной. У был в гражданском платье с чужого плеча, порядком поношенном. Единственные свои туфли он нес в пластиковом пакете под дождевиком, чтобы не промочить. Перешагнув через опасную вымоину, Очкарик чуть не потерял равновесие.

— Ети их, все эти случайности, — выругался он.

«Слава богам, что я живу не здесь, а возле полицейского участка в Восточном Абердине. Снимаю комнатку на двоих с матерью. Там сухо, и мы не зависим от причуд богов погоды, как здешние бедолаги. И слава всем богам, что мне не нужно каждый день проделывать такое путешествие. От моей одежды просто ничего бы не осталось, и тогда прости Эс-ай! Там любят опрятных и пунктуальных. О боги, пусть настанет этот великий день!»

Навалилась усталость. Втянув голову в плечи, Очкарик чувствовал, как по шее скатываются капельки дождя. Всю ночь он провел на дежурстве. А когда рано утром уходил, ему сказали, что намечается облава на квартиру старой ама А Там, которая связана с Вервольфами и которую он нашел и выследил. «Значит, — сказал он себе, — нужно поторапливаться. Вот навещу деда — что-то старик расхворался, не сегодня завтра помрет — и сразу назад».

Он бросил взгляд на часы. Времени ещё вполне достаточно, чтобы пройти милью до участка. Успокоившись, он зашагал дальше, обогнул кучу мусора и оказался в проулке побольше, который шёл вдоль стока ливневой канализации. Этот сток

²²⁸ 6,2 x 3,72 м.

глубиной пять футов обычно использовали, чтобы спускать туда нечистоты или стирать белье и мыть посуду — в зависимости от уровня воды в нем. Сейчас он был переполнен, и бурлящий поток не обещал ничего хорошего тем, кто жил ниже.

— Будь осторожна, Пятая Племянница, — сказал У.

— Хорошо. О да, Шестой Дядя. Можно я дойду до конца? — спросила счастливая малышка.

— Только до киоска со сладостями. Смотри, осторожнее! Вон ещё кусок стекла!

— Досточтимый Дедушка умрет?

— Это решать богам. Время умирать назначают боги, а не мы. Чего же нам беспокоиться, хейя!

— Да, — с важным видом согласилась она. — Да, боги есть боги.

«Да оберегают все боги Досточтимого Деда и усадят остаток жизни его, — помолился он, а потом добавил на всякий случай: — Слава Матери Божией Марии и Иосифу, благословен будь старый Дед. Кто знает, есть ли христианский Бог и существуют ли даже настоящие боги? — думал он. — Лучше по возможности умилюстить их всех. Это ничего не стоит. Возможно, они помогут. А может, они спят или ушли пообедать, но тут уж ничего не поделаешь. Жизнь есть жизнь, боги есть боги, деньги есть деньги, законы нужно выполнять, и сегодня мне нужно держать ухо востро».

Вчера вечером он выезжал с главным сержантом Моком и Змеей. Его в первый раз взяли в один из их особых рейдов. Они наведались в три игорных притона, но, что интересно, оставили без внимания пять ещё более процветающих, хотя те располагались на том же этаже того же многоквартирного дома. Очкарик даже слышал стук фишек для мацзяна и возгласы крупные при игре в фань-тань.

«Цзю ни ло мо, вот бы мне часть этого отката, — сказал он про себя, а потом добавил: — Отступись, сатана! Гораздо больше я хочу оказаться в особой разведслужбе. Тогда у меня будет надежная, важная работа на всю жизнь. Я получу доступ к разным секретам, которые послужат мне защитой, а потом, когда я выйду на пенсию, позволят разбогатеть».

Они повернули за угол и дошли до киоска со сладостями. Минуту-другую У торговался с пожилой беззубой женщиной, потом уплатил два медяка, и продавщица вручила девочке сладкий рисовый пирожок и завернутую в газетный кулек добрую щепотку мелко нарезанных и высушенных на солнце горько-сладких и пряных апельсиновых корочек, которые так вкусно жевать.

— Спасибо тебе, Шестой Дядя. — Малышка улыбнулась ему во весь рот из-под своей шляпы.

— Надеюсь, тебе понравится, Пятая Племянница, — ответил он с любовью, радуясь, что она такая хорошенькая.

«Если боги смирятся к нам, она вырастет очень красивой, — довольно думал он. — Тогда мы сможем продать её девственность за большие деньги и она послужит на благо семьи».

Очкарик У был очень горд тем, что смог так много сделать для своих родственников, когда они нуждались в помощи.

«Все устроены и сыты. К тому же с процентов от мастерской Девятого Дяди, насчет которых я терпеливо вел такие трудные переговоры, можно будет, если повезет, через год-два вносить арендную плату и бесплатно есть три раза в неделю добрый вареный рис по-нинтокси. Это поможет пополнить мой бюджет, избавив от необходимости брать откат. Получать его нетрудно, но он может поставить крест на моем будущем».

Нет. Пусть все боги будут свидетелями! Я не стану брать откат, пока есть шанс попасть в Эс-ай. Однако до чего неразумно платить нам так мало. Как мне, например: триста двадцать гонгонгских долларов после двух лет службы. Айийя, варваров

просто невозможно понять!»

— Ну, давай беги, а я буду завтра, — сказал он. — Смотри будь осторожна по дороге.

— О да!

Он наклонился, и девочка обняла его. У тоже обнял малышку и ушел. Девочка направилась вверх по склону холма, засунув часть рисового пирожка в рот. Он был клейкий и приторный, но такой вкусный.

Дождь лил и лил, ничуть не ослабевая. Вода из переполненного стока выносила к попадавшимися на её пути лачугам обломки и мусор, но девчушка двигалась вверх осторожно, замороженно обходя стороной поток. Порой на пути воды встречались углубления, а там, где склон поднимался покруче, она бурлила, как река на перекатах. Неожиданно вода вынесла прямо на девочку пятигаллоновую бочку с острыми зазубринами, которая промчалась всего в нескольких дюймах от ребенка и, врезавшись в картонную стену, пробила её насквозь.

Девочка в испуге застыла на месте.

— Проваливай, здесь красть нечего! — донесся голос разъяренного жильца. — Ступай домой! Нечего здесь делать. Ступай домой!

— Да... да.

Она попыталась прибавить шаг, хотя забираться в гору стало труднее. В это время чуть ниже по склону земля подалась, и начался оползень. Сотни тонн жидкой грязи, камней и земли ухнули вниз, заваливая все на своем пути. В считанные секунды вся эта масса сдвинулась на пятьдесят или больше ярдов²²⁹, разметав хлипкие строения, разбросав мужчин, женщин, детей, кого-то похоронив, кого-то изувечив и оставив там, где был поселок, сочащуюся грязью просеку.

Потом оползень остановился. Так же внезапно, как и начался.

На склоне холма воцарилось мертвое безмолвие, которое нарушали лишь звуки дождя. И вдруг тишины не стало. Послышались крики, мольбы о помощи. К ним добавились вопли выскочивших из не тронутых оползнем хижин мужчин, женщин и детей, которые благословляли богов за то, что остались живы. Друзья помогали друзьям, соседи — соседям, матери искали детей, дети — родителей, но подавляющее большинство стоявших поблизости под дождем лишь благодарили судьбу за то, что оползень обошел их стороной.

Девчушка застыла на краю внезапно разверзшейся пропасти. Она смотрела вниз и не верила глазам. Там, где в одиннадцати футах от неё несколько мгновений тому назад была твердая земля, из жидкой грязи острыми клыками торчали камни, там притаилась смерть. Край обрыва осыпался, в пропасть вместе с водой из ливневки рушились небольшие лавины грязи и камней. Она почувствовала, что ноги соскальзывают, и нерешительно шагнула назад, но тут пришел в движение ещё один пласт земли, и она замерла в ужасе, крепко зажав ручонками остатки рисового пирожка. В попытке удержать равновесие пальцы ног глубоко ушли в мягкую почву.

— Не двигайся, — посоветовал какой-то старик.

— Отойди от края! — крикнул другой.

Остальные лишь смотрели и, затаив дыхание, ждали, какое решение примут боги.

И тут земляной карниз шириной десять футов рухнул и повалился в пропасть, увлекая за собой и девочку. Её засыпало немного. Лишь по колени. Она убедилась, что рисовый пирожок в целости и сохранности, а потом расплакалась.

²²⁹ Около 50 м.

11:30

Машина суперинтендента Армстронга, направлявшаяся к полицейскому участку Восточного Абердина, пробиравлась через толкущиеся толпы обозленных людей, которые заняли даже проезжую часть около банка «Хо-Пак». Такие же толпы в этом районе загрозили улицы, где были расположены все другие банки — и крупные, и мелкие, — толпа собралась даже у банка «Виктория» через дорогу от «Хо-Пак». Все с нетерпением ждали, когда смогут войти и забрать свои деньги.

Настроение везде было взрывоопасное, а от проливного дождя напряжение только возрастало. У заграждений, поставленных, чтобы упорядочить вход в банки и выход из них, дежурили многочисленные — по двадцать на каждую тысячу человек — полицейские, такие же озабоченные и раздраженные. Оружия у них не было, только дубинки.

— Слава богу, что дождь, — пробормотал Армстронг.

— Что вы сказали, сэр? — Голос водителя заглушался раздражающим скрипом неотрегулированных стеклоочистителей.

Армстронг повторил громче и добавил:

— Будь сейчас жара и высокая влажность, в этом чертовом местечке уже началось бы вооруженное восстание. Этот дождь просто послан Богом.

— Да, сэр. Так оно и есть.

Через некоторое время машина остановилась у полицейского участка. Армстронг поспешил внутрь. Старший инспектор С. С. Смит поджидал его. Левая рука у Змеи была на перевязи.

— Прошу прощения, что так долго, — извинился Армстронг. — Везде, черт возьми, пробки на целые мили.

— Ничего страшного. Извини, старина, но народу у меня не хватает. Помогают из Западного Абердина и Сентрал, но у них тоже проблемы. Проклятые банки! Нам для поддержки придется обойтись одним полицейским — он уже там на случай, если мы вспугнем кого-то из преступников, — и остаемся только одни мы и Очкарик У. — Смит изложил Армстронгу свой план.

— Прекрасно.

— Ну так что, пойдём? Не хочется отлучаться надолго.

— Конечно. На улицах, похоже, довольно опасно.

— Будем надеяться, этот чертов дождь не кончится, пока банки не закроются или не выплатят все до последнего пенни. Ты сам-то уже ликвиден?

— Шутишь! У меня там такие гроши, что какая разница? — Армстронг потянулся: болела спина. — А Там у себя?

— Насколько нам известно. Работает она на семью Чжун. Глава семьи — мусорщик. Там может оказаться и один из преступников, так что нужно войти очень быстро. У меня есть разрешение комиссара иметь с собой револьвер. Тебе нужен?

— Нет. Нет, спасибо. Ну что, пойдём?

Смит был ниже Армстронга ростом, но хорошо сложен, и форма ему шла. Он взял свой плащ — из-за руки это у него получилось неловко — и шагнул к выходу, но вдруг остановился.

— Черт, забыл! Извини, звонили из Эс-ай, Брайан Квок. Позвони ему, пожалуйста. Можешь из моего кабинета.

— Спасибо. Кофе у тебя там нет? Я бы от чашечки не отказался.

— Сейчас будет.

Кабинет был аккуратно прибранный, в строгом деловом стиле, ничем не примечательный, хотя Армстронг обратил внимание на дорогие стулья, письменный стол, радиоприёмник и другие вещи.

— Подарки от благодарных клиентов, — беззаботно произнес Смит. — Я оставляю тебя на пару минут.

Армстронг кивнул и набрал номер.

— Да, Брайан?

— О, привет, Роберт! Как у тебя? Старик говорит, что ты должен доставить её в Главное управление, а не проводить расследование в Восточном Абердине.

— Хорошо. Мы как раз сейчас выходим. В Главное управление, говоришь? А в чем причина?

— Не сказал, но он сегодня в хорошем настроении. Похоже, нынче вечером у нас будет «шестнадцать дробь два».

Интерес Армстронга обострился. «Шестнадцать дробь два» на языке Эс-ай значило, что раскрыт агент или агенты противника и будет произведен арест.

— Это имеет какое-то отношение к нашей проблеме? — осторожно спросил Армстронг, имея в виду «Севрин».

— Возможно. — Пауза. — Помнишь, что я говорил о нашем лазутчике? Я убежден больше, чем когда-либо, что был прав. — Брайан Квок перешел на кантонский, используя на случай, если его подслушивают, туманные выражения и косвенные намеки.

Армстронг слушал с растущим беспокойством: его лучший друг рассказывал об имевшей место на ипподроме продолжительной встрече Кросса и Суслева.

— Но это ещё ничего не значит. Кросс знаком с этим типом. С ним даже я пил пару раз, пытаюсь что-нибудь выведать.

— Возможно. Но если лазутчик — Кросс, было бы вполне в его духе обмениваться информацией у всех на виду. Хейя?

От тревожного предчувствия Армстронга стало подташнивать.

— Сейчас не время, дружище, — проговорил он. — Потолкуем, как только я приеду в Главное управление. Может, побеседуем за ланчем.

Последовала ещё одна пауза.

— Старик хочет, чтобы ты явился к нему, как только доставишь эту ама.

— Хорошо. До скорого.

Армстронг положил трубку. Вернулся Смит и задумчиво вручил ему чашку кофе.

— Плохие новости?

— Ничего, кроме неприятностей, черт возьми, — буркнул Армстронг, отхлебывая кофе. Чашка была из прекрасного фарфора, а кофе свежий, дорогой и очень вкусный. — Хороший кофе! Очень хороший. Кросс хочет, чтобы я доставил её не сюда, а прямо в Главное управление.

У Смита взлетели вверх брови.

— Господи, что такого особенного в старой карге? — резко спросил он. — Она на моей терри...

— Откуда мне знать? Ведь не я же даю эти... — Здоровяк погасил свою вспышку. — Извини, последние несколько дней почти не спал. Я эти указания не даю. Кросс велел привезти её в Главное управление. Никаких объяснений. Он может отменить чьи угодно указания. Полномочия Эс-ай превышают любые другие. Ты же знаешь, как это делается!

— Бесцеремонный ублюдок! — Смит допил свой кофе. — Слава богу, я не в Эс-ай. Я бы не смог иметь с этим типом дело каждый день.

— Я тоже не в Эс-ай, но он по-прежнему мне докучает.

— Это не насчет лазутчика? Армстронг поднял на него глаза:

— Какого лазутчика? Смит рассмеялся.

— Да ладно тебе, ради бога! Среди Драконов прошел слух, что нашим бесстрашным предводителям дали задание найти этого типа, и очень быстро. Похоже, сам министр устраивает губернатору разносы! В Лондоне все в такой ярости,

что присылают сюда главу Эм-ай-6. Полагаю, ты знаешь, что Синдерс прибывает завтра рейсом «Бритиш оверсиз».

Армстронг вздохнул.

— Откуда, черт возьми, они получают всю эту информацию?

— От телефонных операторов, ама, уборщиков улиц — не все ли равно. Но что мне известно наверняка, парень, так это то, что по крайней мере один из них знает все. Ты знаком с Синдерсом?

— Нет, никогда не встречался с ним. — Армстронг прихлебывал кофе, наслаждаясь отменным вкусом, крепким, приятным ароматом, который придавал сил. — Если они всё знают, то кто же лазутчик?

Смит помолчал.

— Такого рода информация будет стоить недешево. Могу я спросить сколько?

— Да. Спроси. — Армстронг поставил чашку. — Тебя ведь этот лазутчик не беспокоит, верно?

— Нет, ничуть. Я выполняю свою работу, благодарю покорно. В мои обязанности не входит беспокоиться о лазутчиках или пытаться ловить их. Как только вы уличите и схватите этого типа, вместо него завербуют или поставят другого. И мы поступим с ними так же, кто бы эти они ни были. Если бы не вся эта проклятая суматоха вокруг «Хо-Пак», мой участок был бы лучшим, а Восточный Абердин — самым спокойным местом в колонии. И это все, что меня заботит. — Смит вынул дорогой золотой портсигар и предложил сигарету: — Закуришь?

— Нет, спасибо, бросил.

— Молодец. Нет, если меня не будут трогать те четыре года, что остались до пенсии, я сочту, что все в этом мире замечательно. — Он закурил, щелкнув золотой зажигалкой, и Армстронг возненавидел его чуть больше. — Кстати, я считаю, с твоей стороны глупо не брать конверт, который каждый месяц оставляют у тебя в столе.

— Ты и сейчас так считаешь? — Лицо Армстронга напряглось.

— Да. Для этого тебе ничего не нужно делать. Абсолютно ничего. Гарантия.

— Но если хоть раз возьмешь, дело твое дрянь.

— Нет. Здесь Китай, здесь все по-другому. — Взгляд голубых глаз Смита тоже стал жестче. — И ты это знаешь лучше меня.

— Это попросил сказать мне один из твоих «друзей»? Смит пожал плечами.

— Я слышал ещё одну вещь. Твоя доля в вознаграждении Драконов за Джона Чэня составляет сорок тысяч гонконгских долларов и...

— Это не я нашел его! — не проговорил, а проскрежетал Армстронг.

— Даже если так, сегодня вечером в твоём столе будет лежать конверт. Вот что мне довелось узнать, старина. Это, конечно, всего лишь слухи.

Мозг Армстронга анализировал полученную информацию. Суммы в сорок тысяч гонконгских долларов как раз хватило бы, чтобы выплатить не терпящий отлагательства давнишний долг, который нужно было вернуть к понедельнику, его проигрыш на фондовой бирже. «Ну, вообще-то, старина, нужно заплатить. Уже прошло больше года, и у нас, вообще-то, правила. Я на тебя не давлю, но мне действительно нужно закрыть этот вопрос...»

«Смит опять прав, — без горечи подумал Армстронг. — Эти ублюдки знают всё и без труда могли выяснить, сколько у меня долгов. Так что, брать или не брать?»

— Всего сорок? — криво улыбнулся он.

— Насколько я понимаю, этого достаточно, чтобы решить твою самую насущную проблему, — процедил Смит, глядя на него теми же колючими глазами. — Так ведь?

Армстронг не сердился на Змею за такую осведомленность.

«Я о нем знаю не меньше, хотя мне и неизвестно, сколько у него денег и где они спрятаны. Но ведь это без труда можно выяснить, расколоть его, если захочется. Запросто».

— Спасибо за кофе. Давно такого не пил. Пойдем?

Смит неуклюже накинул форменный дождевик поверх ловко пригнанной формы, поправил поудобнее руку на перевязи, надел фуражку, как обычно под лихим углом, и пошёл первым. По дороге Армстронг предложил У рассказать о том, что произошло, и что говорил юнец, заявивший, будто он один из Вервольфов, и что наплела старая ама.

— Очень хорошо, У, — одобрил Армстронг, когда молодой человек закончил рассказ. — Наблюдение и расследование проведены отлично. Отлично. Главный инспектор Смит говорит, что ты хочешь служить в Эс-ай?

— Да, сэр.

— Почему?

— Это важный участок, важная часть особого подразделения, сэр. Меня всегда занимала служба безопасности и то, как колония оберегается от врагов. Я думаю, это очень интересно и важно. Мне хотелось бы по мере сил внести свой вклад, сэр.

На какой-то миг их слух сосредоточился на отдаленном завывании пожарных сирен, доносившихся сверху, с холма.

— Ещё один тупой ублюдок, наверное, опрокинул печку, — мрачно прокомментировал Смит. — Господи, слава богу, что идет дождь!

— Да, — согласился Армстронг, а потом добавил, обращаясь к У: — Если все окажется именно так, как прозвучало в твоём докладе, я замолвлю за тебя слово в Эс-би или Эс-ай.

Очкарик У не смог сдержать широкой улыбки.

— Да, сэр, благодарю вас, сэр. А Там действительно из моей деревни. Да, сэр.

Они свернули в нужный переулок. На них из-под зонтов и брезентовых навесов с угрюмой подозрительностью таращились толпы покупателей, владельцев ларьков и лавок: Смит был гуйлао, которого в Абердине все знали и боялись.

— Вот здесь, сэр, — шепнул У.

Следуя уговору, Смит как ни в чем не бывало остановился у ларька возле входа, якобы для того, чтобы глянуть на овощи, и хозяин палатки тут же пришел в ужас. Армстронг с У прошли мимо входа, потом резко повернули, и уже вместе все трое быстро поднялись по ступенькам. Двое полицейских в форме, которые следовали за ними на безопасном расстоянии, материализовались будто из воздуха и блокировали вход. Как только он оказался под контролем, один из копов быстро проследовал по узкому проулку к задней части дома, убедился, что агент в штатском, охранявший там единственный выход, на месте, и рванул назад на помощь немногочисленным стражам порядка, что охраняли заграждения перед банком «Виктория».

Внутри многоквартирный дом был таким же блеклым и грязным, как снаружи, на каждой площадке валялся мусор. Шедший впереди Смит остановился на площадке третьего этажа, расстегнул кобуру револьвера и отступил в сторону. Армстронг, ни минуты не колеблясь, навалился на хлипкую дверь и, сломав замок, быстро вошёл. Смит тут же последовал за ним, а нервничавший У остался сторожить дверь. В сереньком помещении с потертыми диванами, ветхими стульями и засаленными шторами висел сладковато-кислый запах опиума и растительного масла для жарки. Плотная сложенная матрона среднего возраста уставилась на них, раскрыв рот и уронив газету. Полицейские стали проверять другие помещения. Открыв одну из дверей, Смит обнаружил обшарпанную спальню, за следующей дверью был грязный унитаз и ванна, за третьей — ещё одна спальня, куда каким-то чудом втиснули четыре кровати, теперь неубранные. Последнюю дверь распахнул Армстронг. В загроможденной и грязной крошечной кухне Там склонилась над грудой белья, которое стирала в засаленной раковине. Она подняла на полицейского недоуменный взгляд. За ней виднелась ещё одна дверь. Армстронг тут же протиснулся мимо Там и рывком открыл дверь. Никого. Это была скорее кладовая, чем комната: без окон, с

прорезанной в стене вентиляционной отдушиной, и места там хватало лишь для небольшой пружинной кровати без матраца и ломаного комода.

Армстронг прошел назад в гостиную. А Там шаркала за ним. Дышал он ровно, и сердце успокаивалось. Все это заняло считанные секунды, тем временем Смит вынул документы и мило проговорил:

— Извините, что потревожили, мадам, но у нас ордер на обыск.

— Што?

— Переводи, У, — приказал Смит, и юный констебль повторил сказанное, начав, как было условлено, играть роль переводчика при двух тупых полицейских-гуйлао, не говорящих по-кантонски.

У женщины отвисла челюсть.

— Обыск! — взвизгнула она. — Какой обыск? Мы люди законопослушные. Мой муж — правительственный служащий. У него есть важные друзья. А если вы ищете место, где обучают азартным играм, то мы здесь ни при чем. Это на четвертом этаже, в заднем углу. И мы ничего не знаем о вонючих шлюхах из шестнадцатой, что устроили там целое заведение и вкалывают день и ночь, а из-за них мы, цивили...

— Довольно! — резко оборвал её У. — Мы из полиции, и у нас важные дела. Эти господа из полиции — очень важные люди! Ты жена мусорщика Чжуна?

— Да, — угрюмо подтвердила она. — Что вам от нас нужно? Мы не сделали ниче...

— Хватит! — рявкнул по-английски Армстронг с нарочитой надменностью. — Это А Там?

— Эй, ты! Ты А Там?

— А, я? Што? — Старая ама нервно теребила подол фартука. У она не узнала.

— Значит, ты А Там! Ты арестована.

А Там побелела, а её хозяйка, дама среднего возраста, выругавшись, тут же сказала:

— А, значит, они по твою душу! Ха, мы про неё и знать ничего не знаем. Несколько месяцев назад подобрали на улице, дали ей кров и зара...

— У, скажи, чтобы она заткнулась!

Тот перевел, не выбирая выражений. Мусорщица повиновалась с ещё более угрюмым видом.

— Эти Господа хотят знать, есть ли здесь кто-нибудь ещё.

— Конечно нет! Они что, слепые? Сами ведь ворвались в мою квартиру, словно душегубы какие, и сами всё осмотрели, — огрызнулась хозяйка. — А я ничего не знаю и знать не хочу.

— А Там! Эти Господа спрашивают, где твоя комната. Ама пришла в себя, и у неё прорезался голос:

— Что вы от меня хотите, Досточтимый Полицейский? Я ни в чем не виновата. Живу здесь на законных основаниях, у меня бумаги с прошлого года. Я ни в чем не виновата. Я человек законопослушный и цивилизованный и работала всю жи...

— Где твоя комната?

— Там, — показала хозяйка и добавила раздражающе визгливым голосом: — Где ещё может быть её комната? Конечно там, рядом с кухней! Совсем у этих заморских дьяволов соображения нету! Где ещё могут жить слуги? А ты, тварь старая! Навлекать беду на честных людей! Что она такое сотворила? Если овощи воровала, я тут ни при чем!

— А ну уймись, или мы сейчас отвезем тебя в Главное управление и судья точно решит, что тебя нужно держать под арестом! Уймись!

Мусорщица начала было ругаться, но прикусила язык.

— Ну так и что... — проговорил Армстронг.

Тут он заметил, что в комнату заглядывают с площадки несколько любопытных

китайцев. Суперинтендент тоже уставился на них, а потом вдруг сделал шаг в их сторону. Зевак как ветром сдуло. Он закрыл дверь, скрывая удовольствие.

— Теперь спроси у обеих, что им известно про Вервольфов. Хозяйка уставилась на У, разинув рот. А Там посерела ещё больше.

— Кому, мне? Про Вервольфов? Ничего! Почему я должна что-то знать об этих паршивых похитителях? Какое они имеют ко мне отношение? Ничего, абсолютно ничего!

— А тебе, А Там?

— Мне? Абсолютно ничего, — проворчала старуха. — Я уважаемая ама, выполняю свою работу, и больше ничего!

У перевел их ответы. Армстронг и Смит отметили, что переводит он аккуратно, быстро и без труда. И тот и другой хранили спокойствие, продолжая игру, которую им неоднократно приходилось вести раньше.

— Скажи, пусть рассказывает все как есть, и побыстрее, — сердито глянул на старуху Армстронг.

Он, как и Смит, не испытывал к А Там никакой неприязни. Просто им хотелось узнать правду и выяснить, кто скрывается за кличкой Вервольфы. Чем быстрее этих негодяев вздернут за убийство, тем лучше. Закопослушные граждане, в том числе и они сами, смогут наконец заниматься своими делами, зарабатывать деньги и весело проводить время — ходить на скачки или развлекаться с девочками. «Да, — думал Армстронг, — жаль старуху. Двадцать долларов против сломанной шляпной булавки, что эта мегера, госпожа мусорщица, не знает ничего. Но А Там знает больше, чем когда-нибудь нам расскажет».

— Мне нужна правда. Скажи ей! — распорядился он.

— Правда? Какая правда, Досточтимый Господин? Я старая женщина, и кем мне быть, кроме как...

Армстронг театрально поднял руку.

— Довольно! — Это был ещё один заранее согласованный сигнал. Очкарик У тут же перешел на нинтокский диалект, который, как ему было известно, кроме него с А Там, не понимал никто:

— Старшая Сестра, мой тебе добрый совет: говори быстро и ничего не скрывай. Мы уже все знаем!

А Там уставилась на него, разинув рот и обнаружив два последних кривых зуба.

— Что, Младший Брат? — пролепетала она, застигнутая врасплох, на том же диалекте. — Что ты хочешь от меня?

— Правду! Я все про тебя знаю!

Она всматривалась в него, но не могла признать.

— Какую правду? Я и знать-то тебя не знаю!

— Неужто не помнишь меня? На рынке, ты ещё курицу помогла мне купить. Потом мы с тобой чай пили. Вчера дело было. Припоминаешь? Ты говорила о Вервольфах, что они обещали тебе большое вознаграждение...

Все трое заметили промелькнувшую в глазах старухи искру понимания.

— Вервольфы? — запричитала она. — Да быть такого не может! Это был кто-то другой! Напраслину на меня возводишь. Скажи Благородным Господам! Я в глаза не видела...

— А ну уймись, ведьма старая! — резко оборвал её У и обругал, не стесняясь в выражениях. — Ты работала на У Тинтопа. Твою хозяйку звали Фан-лин. Она умерла три года назад. У них была аптека на перекрестке! Я прекрасно знаю это место!

— Неправда... неправда...

— Она говорит, что все это неправда, сэр.

— Прекрасно. Скажи, что мы отвезем её в участок. Там она заговорит. А Там затряслась.

— Пытать? Станете пытать старую женщину? О-хо-хо...
— Когда должен снова прийти этот Вервольф? Сегодня днем?
— О-хо-хо... Не знаю я... Он сказал, что ещё встретится со мной, но так и не пришел, ворюга проклятый. Я ему ещё пять долларов одолжила, чтобы он мог добраться до дома и...

— Где он живет?

— А? Кто? Ох, он... он сказал, что приходится родней какому-то... Я не помню. Вроде он упоминал Норт-Пойнт... Не помню ничего...

Армстронг терпеливо задавал вопросы, но вскоре стало ясно: старуха мало что знает, хотя она уходила от ответа и вралась все затейливей.

— Мы заберем её в любом случае, — объявил Армстронг. Смит кивнул.

— Ты справишься, пока я пришлю пару ребят? Думаю, мне на самом деле пора возвращаться.

— Конечно. Спасибо.

Смит ушел. Армстронг велел У скомандовать обеим женщинам, чтобы сидели тихо, пока он проводит обыск. Те, перепуганные, повиновались. Он вышел на кухню и закрыл за собой дверь. А Там тут же дернула себя за длинную жидкую косичку.

— Младший Брат, — зашептала она, зная, что хозяйка не понимает нинтокского диалекта. — Я ни в чем не виновна. Только встретила этого молодого черта, как вот тебя. Я ничего дурного не совершила. Односельчане должны держаться вместе, хейя? Такому симпатичному парню, как ты, нужны деньги — на девочек или на жену. Ты женат, Досточтимый Младший Брат?

— Нет, Старшая Сестра, — вежливо ответил У, стараясь разговорить её, как ему было приказано.

Армстронг стоял в дверном проеме крохотной комнатухи А Там и в миллионный раз задавался вопросом, почему китайцы так плохо обращаются со слугами, почему те должны работать в таких нищенских, жутких условиях, верно служить всю жизнь взамен на жалкие подачки, не устаиваясь в награду ни уважения, ни любви.

Он вспомнил, как задал этот вопрос своему наставнику. Старый полицейский сказал тогда: «Не знаю, парнишка. Думаю, это из-за того, что слуги становятся частью семьи. Обычно они нанимаются на всю жизнь. Их собственная семья становится частью хозяйской семьи. Слуга делается своим, и хаочу — преимуществ — в таком порядке вещей немало. Само собой разумеется, что слуги имеют определенный процент со всех денег, выделяемых на ведение хозяйства, со всех продуктов, всех напитков, всего, что требуется для уборки, и прочего. Неважно, у богатых они работают или у бедных. И конечно, все это происходит с полного ведома и одобрения хозяев, если не выбивается за привычные пределы. Иначе кто возьмется работать за такую мизерную плату, не имея возможности приварить на стороне?»

«Может, это и есть ответ на мой вопрос, — думал Армстронг. — Действительно, прежде чем взяться за работу, каждый китаец очень тщательно взвешивает все хату, и то, во что эти хату выливаются, всегда определяет решение».

В комнатухе стояла вонь, и он старался зажимать нос, чтобы не чувствовать её. Из вентиляционной отдушины разлетались капли дождя, который хлестал по-прежнему. Вся стена была покрыта плесенью и потеками от тысячи других ливней. Армстронг продолжал искать методично и тщательно, на это были нацелены все его чувства. Что-то спрятать в каморке было почти что негде. Кровать и постельное белье относительно чистые, хотя в углах спального места множество клопов. Под кроватью ничего, кроме вонючего ночного горшка с отбитыми краями и пустого чемодана. В нескольких старых кошелках и хозяйственной сумке — ничего. В ящиках комода немного одежды, дешевые украшения, нефритовый браслет сомнительного качества. Под одеждой спрятана вышитая дамская сумочка, довольно изысканная. В

ней несколько старых писем. Вырезка из газеты. И две фотографии. И тут сердце замерло.

Через секунду Армстронг прошел в кухню, где света было побольше, и снова стал всматриваться в фотографии: нет, он не ошибся. Суперинтендент читал вырезку из газеты, а голова его шла кругом. На вырезке и на одной из фотографий были проставлены даты.

А Там сидела на табурете посреди просторной звукоизолированной комнаты в разбитом на ячейки подвале Главного управления полиции. Ярко освещенная комната была сплошь белой: белые стены и потолок, белый пол и одностворчатая белая дверь заподлицо, почти незаметная на фоне стены. Даже табурет был белого цвета. Она сидела в комнате одна, окаменев от страха, и говорила теперь более охотно.

— Что тебе известно о варваре на заднем плане этой фотографии? — донесся из скрытого динамика ровный металлический голос У, изъяснявшегося на нинтоке.

— Я уже говорила и говорила, и нету... Я не знаю, Господин, — хныкала она. — Я хочу домой... Я уже говорила, что толком этого заморского дьявола и не видела... Насколько я знаю, он только в тот раз и приезжал к нам, Господин. Я не помню, это было так давно. О, можно я пойду... Я уже рассказала вам все, все...

Армстронг наблюдал за ней через установленное под углом зеркало из погруженной в полумрак комнаты наблюдателей. У сидел рядом. Лица у обоих были напряженные и взволнованные. Хотя кондиционер работал исправно, навевая приятную прохладу, на лбу У выступили капли пота. Бесшумно крутились бобины магнитофона. За их спинами были размещены микрофоны и комплект электронного оборудования.

— Думаю, она сказала все, что нам нужно, — проговорил Армстронг, которому было жаль старуху.

— Да, сэр. — У старался не выдать нервозности. Впервые в жизни он присутствовал при допросе в Эс-ай. Очкарик испытывал страх и возбуждение, болела голова.

— Спроси ещё раз, откуда у неё эта сумочка.

У выполнил приказание. Голос его звучал спокойно и повелительно.

— Но я же рассказывала про это. И не один раз, — скулила старуха. — Пожалуйста, можно я по...

— Скажи ещё раз, и тогда можешь идти.

— Хорошо... хорошо... я скажу ещё раз... Это была сумочка моей хозяйки. Она подарила мне её, когда умирала. Она подарила её мне, клянусь, и...

— Последний раз ты сказала, что она подарила её тебе за день до смерти. Так что же правда?

А Там в волнении вертела в руках свою похожую на крысиный хвост косичку.

— Я... я не помню, Господин. Она была у неё... Это было, когда она умерла... Я не помню. — Рот старухи раскрывался, но никаких звуков из него не вылетало, и тут она выпалила в раздражении: — Я взяла её и спрятала после того, как она умерла, и там были эти старые фотографии... У меня нет фотографии моей хозяйки, так что я взяла их тоже. И ещё там был один серебряный таэль. Его мне хватило, чтобы оплатить часть пути в Гонконг во время голода. Я взяла все это, потому что никто из её гнусных детей и остальных членов семьи, которые ненавидели её и ненавидели меня, не дал бы мне ничего. Так что я взяла сумочку, когда никого не было... Она подарила мне её перед смертью, и я её просто спрятала. Она моя, хозяйка подарила её мне...

Они слушали, старуха не умолкала, и они давали ей выговориться. Часы на стене показывали 13:45. Допрос продолжался уже полчаса.

— Пока хватит, У. Через три часа допросим её снова на всякий случай, но думаю, что она рассказала нам все. — Суперинтендент устало поднял трубку и набрал номер. — Армстронг. Можете отвести её обратно в камеру, — сказал он в трубку. — Проследите, чтобы ей было комфортно, чтобы о ней позаботились, и пусть её осмотрит доктор. — В Эс-ай было принято осматривать задержанных до и после каждого допроса. Доктор сказал, что у А Там сердце и давление двадцатилетней.

Через какое-то время белая, почти невидимая дверь открылась и одетая в форму сотрудница Эс-ай доброжелательно позвала А Там. Та, ковыляя, вышла. Армстронг приглушил свет и переключил магнитофон на перемотку. У вытер лоб.

— Ты сработал очень хорошо, У. Схватываешь на лету.

— Благодарю вас, сэр.

Магнитофон перематывал пленку со все нарастающим визгом. Армстронг, который так и не оправился от потрясения, молча смотрел на него. Звук прекратился, и здоровяк вынул бобину.

— Мы всегда отмечаем дату, точное время и точную продолжительность допроса и присваиваем каждому подозреваемому отдельный код. Для надежности и секретности. — Он справился в книге, пометил номер на пленке, а потом стал заполнять бланк. — Проверяем при помощи этого бланка. Мы подписываем его, как проводившие допрос, и ставим вот здесь код А Там — V-11-3. Этот код совершенно секретный и хранится в сейфе. — Взгляд Армстронга стал очень жестким, У еле выдержал его. — Повторяю: тебе лучше запомнить, что в закрытый рот мухи не залетают и что все, в чем тебе сегодня пришлось участвовать, совершенно секретно.

— Да, сэр. Да, вы можете положиться на меня, сэр.

— Тебе также лучше запомнить, что правила для Эс-ай устанавливает только сама Эс-ай, губернатор и министр в Лондоне. И всё. Старые добрые английские законы, честная игра, полицейские уставы, хабеас корпус²³⁰, открытое разбирательство и обжалование приговора к особому подразделению или Эс-ай неприменимы. Эс-ай не передает дел в суд, её действия не подлежат обжалованию, она просто отдает приказ о депортации в КНР или на Тайвань — не знаю, что хуже. Понятно?

— Да, сэр. Я хочу стать частью Эс-ай, сэр, так что вы можете мне верить. Я не из тех, кто утоляет жажду ядом, — заверил У. От переполнявшей душу надежды у него даже голова кружилась.

— Хорошо. Ближайшие несколько дней ты будешь находиться здесь, в Главном управлении.

У разинул рот:

— Но, сэр, мой... Есть, сэр.

Армстронг вышел первым, выпустил Очкарика и закрыл за ним дверь. Ключ и бланк он передал агенту Эс-ай, дежурившему за столом.

— Пленку я пока оставил у себя. Вот расписка.

— Есть, сэр.

— Вы не позаботитесь о констебле У? Он погостит у нас пару дней. Начните собирать его данные — он был очень и очень полезен. Я буду рекомендовать его в Эс-ай.

— Есть, сэр.

Поднявшись в лифте на свой этаж, Армстронг ощутил во рту тошнотворный

²³⁰ Хабеас корпус (от лат. Habeas corpus ad subjiciendum — настоящим предписывается доставить [в суд] особу заключенного) — судебный приказ о передаче арестованного в суд. Британский закон о неприкосновенности личности 1679 г. предписывает представить арестованного в суд в течение установленного срока для надлежащего судебного разбирательства и установления законности ареста.

кисло-сладкий привкус дурного предчувствия. Допросы в Эс-ай были для него просто проклятием. Он терпеть их не мог, хотя проводил их быстро и с неизменным успехом. Ему больше нравилось старомодное состязание умов, требующее терпения, а не всех этих новомодных психологических приемов.

— Это все чертовски опасно, вот что я вам скажу, — бормотал он себе под нос, шагая по коридору.

Он вдыхал еле ощутимый затхлый запах Главного управления, ненавидя Кросса, и Эс-ай, и все, что за этим стоит, ненавидя сведения, до которых докопался. Дверь его кабинета была открыта.

— О, привет, Брайан, — пробурчал он, закрывая за собой дверь. Брайан Квок сидел, положив ноги на стол, и лениво листал утренние коммунистические газеты на китайском языке. По окну за его спиной бежали струйки дождя.

— Что нового?

— Довольно большой материал про Иран, — сказал Брайан, погруженный в чтение. — Здесь говорится, что «капиталистические правители ЦРУ вместе с тираном шахом подавили народную революционную войну в Азербайджане», «тысячи убитых» и так далее. Во все это я не верю, но похоже, что ЦРУ и Девяносто вторая аэромобильная дивизия сняли напряженность в регионе, и это первый раз, когда янки поступили правильно.

— Добра от этого будет хоть отбавляй!

Брайан Квок поднял на него глаза. Улыбка погасла.

— Что случилось?

— Настроение паршивое. — Армстронг помолчал. — Я попросил принести пару пива, а потом съедим ланч. Как насчет карри? Не против?

— Хорошо, но, если настроение у тебя паршивое, давай обойдемся без ланча.

— Нет, оно не настолько паршивое. Я... я просто терпеть не могу «белые» допросы... Меня от них в дрожь бросает.

Брайан Квок широко открыл глаза.

— Ты допрашивал там старую ама! За каким дьяволом?

— Кросс приказал. Ублюдок! Брайан Квок отложил газету.

— Да, это точно. Уверен, что не ошибаюсь насчет него, — негромко проговорил он.

— Только не сейчас, Брайан. Может, за ланчем, но не сейчас. Господи, как хочется выпить! Чертов Кросс и проклятая Эс-ай! Я здесь давно не работаю, а он ведет себя так, словно я один из его людей.

— Вот как? Но ты же сегодня вечером выходишь на «шестнадцать дробь два». Я понял, что тебя временно прикомандировали.

— Он об этом ничего не говорил. А что такое?

— Если он ничего не сказал, то я тоже лучше помолчу.

— Хорошо. — В Эс-ай подобное было в порядке вещей: для безопасности, чтобы свести к минимуму утечки, всех фактов не сообщали даже самым надежным агентам, которые работали по одному и тому же заданию. — Не хочу я, черт побери, чтобы меня куда-то прикомандировывали, — проворчал Армстронг, зная, что никуда не денется, если это приказ Кросса. — Этот перехват имеет отношение к «Севрину»?

— Не знаю. Надеюсь. — Брайан Квок изучающе посмотрел на него и улыбнулся. — Не вешай нос, Роберт. У меня есть для тебя кое-какие хорошие новости.

Армстронг в который уже раз обратил внимание, как красив его друг: крепкие белые зубы, золотистая кожа, твердый подбородок, живые глаза и эта исходящая от него залихватская уверенность.

— Превосходно выглядишь, мерзавец, — сказал он. — Что за хорошие новости? Ты надавил на друга Одноногого в ресторане «Пара» и он выдал тебе имена первых четырех победителей в субботу?

— Мечтай, мечтай! Нет, это насчет тех папок, что ты утащил вчера из офиса Зубастика Ло и передал в департамент по борьбе с коррупцией. Помнишь? От Фотографа Энга?

— Вот как? О да.

— Похоже, наш ненадежный американско-китайский гость Томас К. К. Лим, который пропадает «где-то в Южной Америке», довольно примечательная личность. Его папкам цены нет. Они просто золотые! К тому же на английском, так что наши борцы с коррупцией промчались по ним как в туалет после слабительного. Ты откопал целое сокровище!

— Он связан с Цу-янем? — Мысли Армстронга сразу заработали в другом направлении.

— Да. И со многими другими людьми. Очень важными людьми, оче...

— С Банастасио?

Брайан Квок улыбнулся одним ртом.

— С самим Винченцо Банастасио. А это прекрасно увязывает Джона Чэня, винтовки, Цу-яня, Банастасио и теоретические выкладки Питера Марлоу.

— Бартлетт?

— Его пока нет. Но Марлоу знаком с кем-то, кто знает слишком много из того, чего не знаем мы. Думаю, нам стоит им заняться. Как ты?

— О да. Что ещё в этих бумагах?

— Томас К. К. Лим — католик, американец в третьем поколении. Он как сорока: собирает самую разную взрывоопасную корреспонденцию, письма, записки, меморандумы и тому подобное. — Брайан Квок снова улыбнулся безрадостной улыбкой. — Наши друзья янки оказались ещё хуже, чем мы о них думали.

— Например?

— Например, некая очень известная и обладающая широкими связями семья в Новой Англии вместе с некоторыми генералами, американскими и вьетнамскими, занимается строительством очень крупных и абсолютно ненужных американским ВВС баз во Вьетнаме с большой выгодой — для себя.

— Боже правый! Есть имена?

— Имена, звания и личные номера. Если наверху узнают, что друг Томас все это задокументировал, то и Галерея славы²³¹, и Пентагон, и самые различные дорогие прокуренные кабинеты содрогнутся от ужаса.

— Он что, посредник? — хмыкнул Армстронг.

— Называет себя предпринимателем. О, он в очень хороших отношениях со многими известными людьми. Американцами, итальянцами, вьетнамцами, китайцами, и с той и с другой стороны. Эти бумаги — документальное подтверждение всех махинаций. По другой схеме миллионные средства из американского бюджета направляются на липовую программу помощи Вьетнаму. Восемь миллионов, если быть точным. Один миллион уже выплачен. Друг Лим даже обсуждал, как переправить в Швейцарию сян ю с этого миллиона.

— Можем ли мы сделать так, чтобы у них это дело не выгорело?

— О да, если мы поймаем Томаса К. К. Лима и если захотим, чтобы у них это дело не выгорело. Я спрашивал у Кросса, но он лишь пожал плечами. Мол, это не наше дело, если янки хотят обманывать свое правительство, то пусть их. — Брайан Квок улыбнулся, но глаза его не улыбались. — Это мощная информация, Роберт. Если даже часть её станет достоянием общественности, поднимется такая страшная

²³¹ Галерея славы [великих американцев] — возведенная в 1900 г. при Нью-Йоркском университете полукруглая колоннада, где между колоннами установлены бронзовые бюсты великих американцев работы известных скульпторов.

вонь, что дойдет до самых верхов.

— Он не собирается передать её Роузмонту? Организовать утечку?

— Не знаю. Не думаю. В каком-то смысле он прав. К нам это не имеет никакого отношения. Но ужасно глупо все это замалчивать! Глупо! Они заслуживают того, чтобы получить по первое число! Будет минутка, почитай эти бумаги, просто пальчики оближешь.

— А есть ли связь между Лимом и другими мерзавцами? Зубастиком Ло и ещё одним? Они воруют средства КЭР?

— О да, наверняка так и есть, но их папки на китайском, поэтому, чтобы их прищучить, понадобится больше времени. — Потом Брайан Квок добавил каким-то странным голосом: — Любопытно, как Кросс об этом пронюхал. Ну словно знал, что будет такая связь. — Он понизил голос: — Я уверен, что прав насчет него.

Молчание затянулось. Во рту у Армстронга все пересохло и держался тот же отвратительный привкус. Оторвав взгляд от дождя, он взглянул на Брайана Квока.

— Ну что там у тебя?

— Ты знаешь американского вице-консула — гомосека, что продает визы?

— Ну и при чем здесь он?

— В прошлом месяце Кросс с ним ужинал. На его квартире. Армстронг нервно потер лицо.

— Это ничего не доказывает. Слушай, завтра, завтра мы получим эти папки. Завтра Синд...

— Возможно, нам не придется их прочитать.

— Мне лично наплевать. Это дело Эс-ай, а я работаю в департаменте уголовного розыска, и поэ...

В дверь постучали, и он осекся. Дверь отворилась. Белозубо улыбаясь, вошёл официант-китаец с подносом и двумя кружками холодного пива.

— Добрый день, сэр.

Предложив одну кружку Брайану Квоку, а другую — Армстронгу, он вышел.

— Удачи, — проговорил Армстронг, ненавидя себя. Он сделал большой глоток и пошёл к сейфу, чтобы запереть кассету.

Брайан Квок изучающе смотрел на него.

— Ты уверен, что с тобой все нормально, старина?

— Да-да, конечно.

— А что сказала старуха?

— Сначала все врал, одно сплошное вранье. А потом выложила правду. Всё как есть. Расскажу за ланчем, Брайан. Знаешь, как это бывает: прояви терпение и в конце концов разберешься, где вранье. Я сыт им по горло. — Армстронг допил свое пиво. — Господи, как раз то, что нужно.

— Хочешь и мое тоже? Бери.

— Нет, спасибо, я лучше выпью виски с содовой перед карри и, может быть, ещё одну. Допивай и пойдем.

Брайан отставил недопитую кружку.

— Мне хватит. — Он закурил. — Как тебе без курева?

— Тяжело. — Армстронг следил, как приятель глубоко затягивается. — Что-нибудь есть по Воранскому? Или по его убийцам?

— Они просто растворились. У нас есть их фотографии, так что мы их поймем, если они ещё не по ту сторону границы.

— Или на Тайване. Помолчав, Брайан Квок кивнул.

— Или в Макао, или в Северной Корее, или во Вьетнаме, или где-нибудь ещё. Министр рвет и мечет, тычет Кроссу Воранским в нос. То же самое творится в Эм-ай-6 и ЦРУ. В Лондоне высокопоставленные цэрэушники проели министру всю плешь, а он передает это по команде. Нам бы лучше поймать этих типов прежде

Роузмонта, или мы потеряем всякую репутацию. На Роузмонта тоже давят, чтобы он добыл их головы. Я слышал, американец бросил всех своих людей на поиски, считая, что это имеет отношение к «Севрину» и авианосцу. Он в ужас приходит от одной только мысли о возможном инциденте с авианосцем. — Брайан Квок добавил, уже более резко: — Какая глупость — дразнить КНР, приводя его сюда. Этот монстр — приманка для всех шпионов в Азии.

— На месте Советов я постарался бы кого-нибудь внедрить на него. Возможно, Эс-ай как раз этим сейчас и занимается. Кросс был бы очень рад иметь на борту своего агента. Почему бы и нет? — Верзила полицейский следил за выходящим дымком сигареты. — На месте националистов я поставил бы несколько мин и обвинил бы во всем КНР — и то же самое проделал бы на месте красных, только свалил бы все на Чан Кайши.

— Так, скорее, поступило бы ЦРУ, чтобы повесить всех собак на Китай.

— Брось ты, Брайан!

Брайан Квок сделал последний глоток и встал.

— Мне хватит. Пойдем.

— Одну минуту. — Армстронг набрал номер. — Это Армстронг, подготовьте ещё один сеанс на семнадцать ноль-ноль для V-11-3. Мне нужно будет... — Он осекся, заметив, что взгляд друга затуманился, а потом остекленел. Армстронг легко поймал его, уже падавшего, и устроил обмякшее тело в кресле. Он был совершенно не в себе и чуть ли не наблюдал за собой со стороны, когда клал трубку обратно на рычаг. Теперь оставалось только ждать.

«Я сделал свое дело», — подумал он.

Дверь открылась. Вошёл Кросс. За ним трое агентов Эс-ай в штатском: все англичане, высокого ранга, лица напряженные. Один быстро накинул на голову Брайана Квока плотный черный чехол, легко поднял его и вышел. Остальные последовали за ним.

Теперь, когда все было кончено, Роберт Армстронг не чувствовал ничего — ни угрызений совести, ни потрясения, ни гнева. Ничего. Разум говорил, что ошибки быть не могло, и в то же время отказывался верить, что друг, которого он, Армстронг, знает почти двадцать лет, агент коммунистов. Но, увы, доказательство было неопровержимое. Найденная Армстронгом улика свидетельствовала, что Брайан Квок — сын У Фанлин, бывшей хозяйки А Там, в то время как из его свидетельства о рождении и анкетных данных следовало, что его родители носили фамилию Квок и были убиты китайскими коммунистами в Кантоне в сорок третьем году. Одна из фотографий запечатлела Брайана Квока рядом с крошечной китайкой перед аптекой на деревенском перекрестке. Качество фотографии оставляло желать лучшего, позволяя тем не менее прочитать иероглифы на вывеске и распознать лицо, его лицо. На заднем плане была видна старая автомашина. За ней, наполовину отвернувшись, стоял какой-то европеец. Очкарик У признал на снимке нинтоксую аптеку, принадлежавшую семье У. Женщина, по словам А Там, и была её хозяйкой.

— А мужчина? Кто этот мужчина, что стоит рядом с ней?

— О, это её сын, Господин. Её сын, Чу-той. Это её Второй Сын Чу-той. Теперь он живет у заморских дьяволов за морем на севере, к северу от Страны Золотых Гор, — хныкала старуха из белой комнаты.

— Ты опять неправду говоришь.

— О нет, Господин. Это её сын, Чу-той. Он её Второй Сын. Он родился в Нинтоке, и я приняла его собственными руками. Это тот самый второй её сынок, что уехал ещё маленьким...

— Уехал? Куда он уехал?

— В Страну Дождей, а потом в Золотые Горы. У него теперь ресторан и двое сыновей... У него там свое дело, и он приезжал навестить Батюшку... Батюшка тогда

был при смерти, и он приехал, как и подобает почтительному сыну, но потом уехал, и Матушка так плакала, так плакала...

— И часто он навещал родителей?

— О, только однажды, Господин, только в тот самый раз. Теперь он живет так далеко, в таких далеких краях, таких далеких краях... Но он приехал, как подобает почтительному сыну, а потом уехал. Я его видела случайно, Господин. Матушка послала меня навестить родственников в ближайшей деревне, но мне стало скучно, я вернулась раньше и увидела его... Он почти сразу уехал. Молодой Хозяин уехал на машине заморских дьяволов...

— Откуда у него машина? Это была его машина?

— Не знаю, Господин. В Нинтоке не было машин. Машины не было даже в деревенском комитете, даже у Батюшки, который в нашей деревне был аптекарем. Бедный Батюшка, он, умирая, так мучился. Он был членом этого комитета... Они нас не трогали, люди председателя Мао, эти чужаки... Да, они нас не трогали, потому что Батюшка, хотя человек образованный и аптекарь, всегда был тайным сторонником Мао, а я никогда и не знала об этом, Господин, клянусь, никогда не знала. Люди председателя Мао нас не трогали, Господин.

— Как его звали, этого сына твоей Хозяйки? Который на фотографии? — спросил он, пытаясь расшевелить её.

— У Чу-той, Господин. Он был у неё второй... Помню, когда его отправили из Нинтока в... в это гнусное место, в эту Благоуханную Гавань. Ему было лет пять-шесть, и его отправили к какому-то родственнику здесь, и...

— Как звали этого родственника?

— Не знаю, Господин, мне этого не говорили. Помню лишь, что Матушка все плакала и плакала, когда Батюшка отправлял его из дома учиться... Можно я уже пойду домой? Я устала, пожалуйста...

— Когда расскажешь то, что мы хотим узнать. Если скажешь правду.

— О, я расскажу вам всю правду, все, что хотите, все...

— Его отправили учиться в Гонконг? Куда?

— Не знаю, Господин. Моя Матушка никогда не говорила про это. Только, что его отправили учиться. А потом она выкинула его из головы, и я тоже, о да. Так было лучше, потому что он уехал навсегда. Вы ведь знаете, вторым сыновьям всегда приходится уезжать...

— Когда У Чу-той вернулся в Нинток?

— Это было какое-то время тому назад, когда Батюшка был при смерти. Он вернулся только тогда, только однажды, Господин. Разве вы не помните, я же это говорила? Я помню, что я это говорила. Да, как раз когда сделали этот снимок. Матушка очень хотела сфотографироваться, она плакала и умоляла его сфотографироваться с ней... Конечно, когда Батюшки не стало, она почувствовала на себе руку смерти, и ей было так одиноко... Она плакала и плакала, и тогда Чу-той уступил ей, как и положено почтительному сыну. И моей Матушке было так приятно...

— А этот варвар на фотографии, кто он? — Человек стоял вполборота на заднем плане рядом с машиной у аптеки, и не угадаешь, кто такой, если не знать точно. Европейец, высокого роста, в мятой одежде, ничем не примечательный.

— Не знаю, Господин. Он вел машину и увез Чу-тоя, но и члены деревенского комитета, и сам Чу-той не раз кланялись ему и говорили, что человек этот очень важный. Это первый заморский дьявол, которого я вообще видела, Господин...

— А люди на другой фотографии? Кто они? — Фотография была старинная, почти сепия, на ней жених и невеста в неудобных свадебных костюмах смущенно и печально смотрели в объектив.

— О, это, конечно, Батюшка с Матушкой, Господин. Я же говорила, разве не помните? Говорила много раз. Это Матушка с Батюшкой. Его звали У Тинтоп, а его

тайтай, мою Матушку, — Фан-лин...

— А вырезка?

— Не знаю, Господин. Она была прикреплена к фотографии, я её так и оставила. Её прикрепила Матушка, а я оставила. Какое мне дело до всех этих выдумок заморских дьяволов или того, что там написано...

Роберт Армстронг вздохнул. Пожелтевшая вырезка из гонконгской газеты на китайском языке была датирована 16 июля 1937 года, и в ней рассказывалось о трех китайских юношах, настолько отличившихся при сдаче экзаменов, что их отправили учиться за счет правительства Гонконга в одну из частных школ в Англии. Имя Каршунь Квок стояло первым. Кар-шунь было официальным китайским именем Брайана Квока.

— Вы сработали очень хорошо, Роберт, — проговорил наблюдавший за ним Кросс.

— Разве? — отозвался Армстронг из тумана своего страдания.

— Да, очень хорошо. Вы сразу явились ко мне с этой уликой, вы отлично выполнили инструкции, и теперь наш лазутчик благополучно поживает. — Закурив, Кросс уселся за стол. — Я рад, что вы выпили именно то пиво, какое надо. Он что-нибудь заподозрил?

— Нет. Нет, не думаю. — Армстронг пытался взять себя в руки. — Извините меня, пожалуйста, сэр. Я чувствую себя отвратительно. Мне... мне нужно принять душ. Извините.

— Присядьте, пожалуйста, на минуту. Да, вы, должно быть, устали. Очень утомляют такие вещи.

«Господи, — хотелось тоскливо закричать Армстронгу, — все это невозможно! Чтобы Брайан был глубоко законспирированным агентом? Это невозможно, но все сходится. Иначе зачем ему совершенно другое имя, другое свидетельство о рождении? Зачем тщательно составленная легенда — что его родителей убили в Кантоне во время войны, убили коммунисты? Зачем ещё ему было идти на такой риск и тайно пробираться в Нинток — ведь могло рухнуть все, что тщательно создавалось более тридцати лет, — если его отец действительно не был при смерти? А если эти факты верны, из них автоматически следует другое: чтобы узнать о приближающейся смерти отца, он должен был постоянно поддерживать связь с материком. Он, суперинтендент гонконгской полиции, должен быть на сто процентов персона грата в КНР, иначе кто разрешил бы ему тайно въехать и тайно выехать из страны. А если он персона грата, значит, он один из тех, кого годами готовили, обучали».

— Господи, — пробормотал Армстронг вслух, — Брайан же запросто мог стать заместителем комиссара, а может, даже комиссаром полиции!..

— Что вы теперь предлагаете, Роберт? — мягко спросил Кросс. Армстронг заставил себя вернуться в настоящее: профессиональные навыки оказались сильнее душевных мук.

— Проверить его прошлое. Мы найдем связь. Найдем. Его отец был у коммунистов мелкой сошкой, но тем не менее не последним человеком в Нинтоке. Следовательно, родственник в Гонконге, к которому отправили мальчишку, тоже должен быть таким. Они, по всей видимости, строго контролировали Брайана в Англии, в Канаде, здесь — везде. А это сделать так просто, так просто подпитывать ненависть к гуйлао, и так просто для китайца эту ненависть скрывать. Разве они не самые терпеливые и скрытные люди на земле? Да, нужно проверить его прошлое, и в конце концов мы найдем связь и выясним правду.

— Роберт, вы опять правы. Но сначала нужно допросить его. Армстронг почувствовал, как внутри все похолодело от ужаса.

— Да, — выдавил он из себя.

— Мне приятно сообщить, что эта честь предоставляется вам.

— Нет.

— Вам поручено контролировать допрос. На нем не будет никаких китайцев, только старшие агенты — англичане. За исключением У, Очкарика У. Да, он будет полезен — только он один. Он хорош, этот малый.

— Я не могу... не буду.

Кросс со вздохом открыл большой конверт из плотной коричневой бумаги, который принес с собой.

— Что вы думаете насчет вот этого?

Трясущимися руками Армстронг взял фотографию размером восемь на десять дюймов²³². Это был увеличенный фрагмент нинтокского снимка — голова европейца на заднем плане рядом с машиной. Лицо вполоборота, расплывающееся от очень сильного увеличения зерно.

— Я... Похоже, он заметил фотоаппарат и отвернулся... или отворачивался, чтобы его не сняли.

— Мне тоже это пришло в голову. Не узнаете, кто это? Армстронг вглядывался в лицо, стараясь заставить себя мыслить ясно.

— Нет.

— Это не Воранский? Наш мертвый советский друг?

— Может быть. Нет, не думаю.

— А как насчет Данросса, Иэна Данросса?

Ещё более потрясенный, Армстронг поднес фотографию к свету.

— Возможно, но... невероятно. Если... если это Данросс, то... Вы считаете, он — тайный агент «Севрина»? Этого не может быть.

— Невероятно, но может быть. Они с Брайаном хорошие друзья. — Кросс забрал у него фотографию и стал смотреть на неё. — Кто бы это ни был, лицо знакомое, судя по тому немногому, что здесь можно разглядеть. Но мне никак не соотнести его с каким-то конкретным человеком и не вспомнить, где я его видел. Пока не соотнести. Но ничего. Брайан вспомнит. Вспомнит. — Голос стал вкрадчивым. — О, не беспокойтесь, Роберт. Я Брайана для вас подготовлю, но именно вам предстоит нанести решающий удар. Я хочу узнать, кто этот человек, и очень быстро. На самом деле мне нужно узнать все, что знает Брайан, и очень-очень быстро.

— Нет. Пусть кто-нибудь дру...

— О, Роберт, не надо быть таким занудой! У Чу-той, или Брайан Кар-шунь Квок, — вражеский лазутчик, который годами скрывался от нас, вот и все, — лез в уши Армстронга ненавистный голос Кросса. — Кстати, вы сегодня идете на «шестнадцать дробь два» в полседьмого и к тому же прикомандированы к Эс-ай. Я уже говорил с комиссаром.

— Нет, и я не могу допра...

— Ох, но, дорогуша, вы можете и будете. Вы единственный, кому это по плечу. Брайан слишком умен, чтобы его можно было подловить, как непрофессионала. Конечно, я не меньше вас поражен тем, что он оказался лазутчиком, и губернатор тоже!

— Пожалуйста. Я не...

— Он выдал Фэн-фэна, ещё одного вашего приятеля, верно? Должно быть, это он организовал утечку материалов АМГ. Должно быть, он предоставил противнику наши досье и всю остальную информацию. Одному Богу известно, к каким сведениям у него был доступ в штабном колледже. — С ничего не выражающим лицом Кросс затянулся сигаретой. — В Эс-ай у него был допуск к самым секретным материалам, и его готовили к высокой должности — признаюсь, я даже собирался сделать его

²³² 20х25 см.

вторым человеком после себя! Так что нам лучше выяснить о нем все, причем очень быстро. Надо же, мы искали советского агента, а нашли китайского. — Он потушил сигарету. — Я приказал немедленно применить к нему меры воздействия первой степени.

Кровь отлила от лица Армстронга, он уставился на Красса с неприкрытой ненавистью.

— Ублюдок ты поганый, ети его, ублюдок. Красс кротко рассмеялся.

— Верно.

— Ты ещё и педик?

— Возможно. Возможно, но лишь время от времени, когда мне это доставляет удовольствие. Возможно. — Красс спокойно наблюдал за ним. — Ладно, Роберт, неужели вы действительно думаете, что меня можно шантажировать? Меня? Шантажировать? Неужели вы настолько наивны, Роберт? Насколько мне известно, гомосексуализм — вполне обычное явление, даже среди высокопоставленных лиц.

— Да что вы говорите?

— В наши дни — да, вполне обычное. Некоторые даже считают это модным. О да, да, это так, дорогуша. Этим время от времени балуются повсюду самые широкие слои весьма важных персон. Даже в Москве. — Красс закурил новую сигарету. — Конечно, нужно быть осторожным, разборчивым и не принимать на себя никаких обязательств. Для человека нашей профессии своеобразные наклонности могут заключать в себе самые различные преимущества. Не так ли?

— Значит, вы оправдываете любое зло, любую чушь собачью, убийство, мошенничество, ложь во имя этой проклятой Эс-ай, так, что ли?

— Роберт, я не оправдываю ничего. Я понимаю, вы в смятении, но думаю, уже хватит об этом.

— Вы не можете вернуть меня в Эс-ай силой. Я слагаю с себя обязанности.

Красс презрительно рассмеялся.

— Но, дорогуша, а как же быть со всеми вашими долгами? Как насчет сорока тысяч к понедельнику? — Он встал, и его взгляд сделался каменным. Голос почти не изменился, но в нем появились злобные нотки: — Мы оба взрослые люди, Роберт. Расколите его, и сделайте это очень быстро.

45

15:00

Удар колокола, возвестивший об окончании торгов, потонул среди гама зловонного столпотворения биржевых брокеров, которые сбились в кучу, торопясь заключить последние сделки.

Для «Струанз» день выдался просто катастрофическим. На рынок было выброшено огромное количество акций компании, их осторожно покупали, но старые слухи подкреплялись новыми, и купленные акции снова наводнили рынок, их предложение росло. Цена на них упала с двадцати четырех долларов семидесяти центов до семнадцати долларов пятидесяти центов, а в колонке продаж предлагалось ещё триста тысяч. Пошёл вниз курс акций всех банков, рынок стал неустойчивым. Все считали, что завтра «Хо-Пак» обанкротится. Сегодня этого не произошло лишь потому, что в полдень сэр Луис Базилио приостановил торговлю ценными бумагами банков.

— Господи, какая подлость! — проговорил кто-то. — Этот чертов колокол спутал все планы.

— Вы только гляньте на Тайбаня! — вырвалось у другого. — Боже всемогущий, можно подумать, это сигнал к окончанию обычного дня, а не погребальный звон по Благородному Дому!

— Ему мужества не занимать, нашему Иэну, кто бы сомневался. Ты только посмотри, как улыбается. Господи, его акции падают за день с двадцати четырех семидесяти до семнадцати пятидесяти — и это при том, что они никогда не опускались ниже двадцати пяти с тех пор, как бедняга выставил их на продажу, — а ему хоть бы хны. Завтра у Горнта будет контрольный пакет!

— Точно — или у банка.

— У «Вик»? Нет, у них своих проблем хватает, — присоединился к возбужденной, потной группке ещё один.

— Святые угодники, ты думаешь, Горнт действительно на это пойдет? Горнт — тайбань нового Благородного Дома?

— Такое даже представить сложно! — громко проговорил один из брокеров, стараясь перекричать окружающий гул.

— Лучше привыкай, старина. Но я согласен, кто его знает. Иэн попал по самое некуда...

— Давно пора! — выкрикнул кто-то ещё.

— Брось ты, Тайбань — неплохой парень, а Горнт — самонадеянный ублюдок.

— Оба они ублюдки! — послышалось со стороны.

— Ох, не знаю. Но я согласен, Иэн хладнокровен, это точно. Холодный, как богадельня, а там довольно зябко — «чилли»...

— Но не такой холодный, как бедный старый Вилли, а он, бродяга, мертв!

Все засмеялись, и некто спросил:

— Вилли? Что за Вилли? А?

— О господи, Чарли, это прибаутка такая, стишок! «Вилли» рифмуется с «чилли», вот и все. Как ты сработал сегодня?

— Срубил кучу денег на комиссионных.

— Я тоже огреб немало.

— Просто фантастика. Скинул свои акции на все сто. Слава богу, теперь я полностью ликвиден! Кое-кому из моих клиентов туго придется, но, как говорится, легко получаешь, легко и потеряешь, а они могут себе это позволить!

— А у меня ещё пятьдесят восемь тысяч акций «Струанз», и никто не хочет брать...

— Бож-же-мой!

— Что случилось?

— С «Хо-Пак» все кончено! Они закрылись.

— Что?

— Все филиалы до последнего!

— Боже правый, ты уверен?

— Конечно уверен, и говорят, что «Вик» завтра тоже не откроется. Губернатор собирается объявить завтрашний день нерабочим для банков! Сведения из самых надежных источников, старина!

— Боже милостивый, «Вик» закрывается?

— О господи, мы все разорены...

— Слушай, я только что говорил с Джонджоном. Паника перекинулась и на них, но, по его словам, они выдюжат — волноваться не стоит...

— Слава богу!

— Он говорит, что полчаса назад в Абердине случились беспорядки, когда там обанкротился филиал «Хо-Пак», а Ричард Кван только что выпустил пресс-релиз. Он «временно закрыл» все филиалы, кроме головного офиса в Сентрал. Не стоит беспокоиться, у него полно денег, и...

— Лгун паршивый!

— ...всем держателям активов «Хо-Пак», которые придут туда с банковскими расчетными книжками, все выплатят.

— А что насчет их акций? Сколько, ты думаешь, они будут стоить при ликвидации? Десять центов на долларе?

— Бог его знает! Но этот крах оставит без штанов тысячи людей!

— Эй, Тайбань! Позвольте своим акциям падать или будете покупать?

— Благородный Дом стоит прочно, как и всегда, старина, — как ни в чем не бывало отвечал Данросс. — Мой совет вам — покупать!

— Как долго будете выжидать, Тайбань?

— С этой незначительной проблемой мы справимся, не волнуйтесь.

Следом за Данроссом шли Линк Бартлетт и Кейси. Данросс проталкивался через толпу к выходу, осыпаясь вопросами. По большей части отшучивался, на некоторые вопросы ответил. Потом дорогу ему заступил Горнт, и они остановились друг против друга. Наступила мертвая тишина.

— А, Квиллан... Как прошел день? — вежливо спросил Данросс.

— Очень хорошо, спасибо, Иэн, очень хорошо. Мы с партнерами в прибыли на три-четыре миллиона.

— У тебя есть партнеры?

— Конечно. Просто так атаку на «Струанз» не развернешь. Без весьма солидной финансовой поддержки, конечно, не обойтись. — Горнт улыбнулся. — К счастью, немало добрых людей откровенно терпеть не могут «Струанз», и это длится уже сто с лишним лет. С удовольствием сообщаю: я только что приобрел ещё триста тысяч акций и буду продавать их с утра. Этого должно хватить, чтобы ваш дом повалился вверх тормашками.

— Мы не Шалтай-Болтай. Мы — Благородный Дом.

— До завтра. Да. Или, может, до послезавтра. Самое позднее до понедельника. — Горнт обернулся к Бартлетту: — Договоренность об ужине во вторник остается в силе?

— Да.

Данросс улыбнулся.

— Квиллан, играя на понижение на таком нестабильном рынке, можно обжечься. — Он повернулся к Бартлетту и Кейси и весело спросил: — Так ведь?

— Вот на что все это, черт возьми, не похоже, так на нашу Нью-Йоркскую фондовую биржу, — ответил Бартлетт, и все вокруг засмеялись. — Случись подобное у нас, вся экономика полетела бы к черту. А, Кейси?

— Да, — смущенно подтвердила та, чувствуя на себе пристальный взгляд Горнта. — Привет, — сказала она, глянув в его сторону.

— Для нас большая честь, что вы здесь, — проговорил Горнт, пустив в ход все свое обаяние. — Разрешите выразить восхищение мужеством, проявленным вами обоими вчера вечером.

— Ничего особенного я не сделал, — смутился Бартлетт.

— И я тоже. — Кейси было неловко: единственная женщина в зале, а теперь ещё в центре всеобщего внимания. — Если бы не Линк и Иэн... не Тайбань, не вы и не остальные, я бы запаниковала.

— Ах, но вы же не поддались панике. Ваш прыжок был само совершенство, — изрек Горнт, и со всех сторон раздались одобрительные возгласы.

Она ничего не ответила, но эта мысль согрела её, и уже не впервые. С тех пор как она тогда, не задумываясь, сбросила одежду, жизнь стала какой-то другой. Сегодня утром позвонил Гэваллан, чтобы справиться, как она себя чувствует. И другие тоже. На бирже она остро ощущала на себе чужие взгляды. Было много комплиментов. Немало от незнакомых людей. Она чувствовала, что и Данросс, и Горнт, и Бартлетт помнят об этом, потому что она не обманула их ожиданий. И осталась верной себе. «Да, — думала она, — ты завоевала огромную репутацию перед всеми мужчинами. И заставила ещё больше ревновать всех их женщин.

Чудно».

— Вы не играете на понижение, мистер Бартлетт? — спросил Горнт.

— Лично я нет. — Бартлетт чуть улыбнулся. — Ещё нет.

— А следовало бы, — мило посоветовал Горнт. — Когда рынок падает, можно заработать очень много денег, и вы, вне сомнения, это знаете. Огромное количество денег перейдет из рук в руки и при покупке контрольного пакета «Струанз». — Он снова перевел взгляд на Кейси, в восторге от её храбрости, от её тела и от мысли, что она отправляется с ним на яхте в воскресенье одна. — А вы, Сирануш, играете на бирже?

Кейси услышала свое имя и затрепетала от того, как он его произнес. «Будь осторожна, — предупредила она себя. — Этот человек опасен. Да. Как Данросс и Линк. Кто же из них?

Боюсь, что мне желанны все трое». При этой мысли её бросило в жар.

День был восхитителен, великолепен с того самого момента, когда ей позвонил Данросс. Встав, она не ощутила на себе никаких пагубных последствий пожара или рвотного доктора Тули. Все утро Кейси с удовольствием работала: телеграммы, телексы, телефонные звонки в Штаты, чтобы навести порядок в текущих вопросах обширного холдинга «Пар-Кон», подтвердить слияние, которое уже несколько месяцев стояло на повестке дня, продать с большой выгодой одну компанию и приобрести другую, что обещала стать ещё одним подспорьем в попытках «Пар-Кон» закрепиться в Азии — с кем бы они ни вели дело.

Потом её неожиданно пригласил на ланч Линк... «Милый Линк, такой красивый, уверенный, привлекательный», — думала она, вспоминая этот ланч на крыше отеля «Виктория энд Альберт» в просторной зеленой столовой с окнами на гавань. Сквозь завесу проливного дождя проступали неясные очертания острова Гонконг и морского рейда. Линк был само внимание. Половинка грейпфрута, немного салата, «перрье», все прекрасно сервировано, как раз то, чего хотелось. А потом — кофе.

— Не хочешь посетить фондовую биржу, Кейси? Скажем, в половине третьего? — предложил он. — Иэн нас пригласил.

— Мне ещё много надо сделать, Линк, и...

— Но здешняя биржа — место особенное, и то, что сходит с рук этим парням, просто невероятно. Здесь играют, пользуясь внутренней информацией своей фирмы, это у них стиль жизни и вполне легально. Господи, просто фантастика, чудеса, великолепная система! За то, что они вытворяют каждый божий день на законных основаниях, в Штатах можно получить лет двадцать.

— Отсюда не следует, что это правильно, Линк.

— Конечно, но это — Гонконг. Им нравится играть по собственным правилам, это их земля, и они обеспечивают себя сами, а правительство снимает лишь пятнадцатипроцентный налог. Говорю тебе, Кейси, если ты хочешь получить свои «отвалы», их нужно брать здесь.

— Будем надеяться, что ты прав! Иди, Линк, мне действительно нужно обработать ещё целую кипу бумаг.

— Это подождет. Сегодня может решиться все. Мы должны присутствовать при захвате добычи.

— Горнт выиграл?

— Конечно, если Иэн не получит солидной финансовой поддержки. Я слышал, что «Виктория» не собирается помогать ему. И «Орлин» не намерен возобновлять заем, как я и говорил!

— Это тебе Горнт сказал?

— Как раз перед ланчем, но в этом городе все знают всё. Такого у меня ещё не было.

— Тогда, может быть, и Иэн знает, что ты вложил два миллиона, чтобы подбить

Горнта на атаку?

— Может быть. Но это неважно, ведь они ещё не подозревают, что «Пар-Кон» скоро станет новым Благородным Домом. Как тебе — тайбань Бартлетт?

Кейси вспомнила, как он вдруг ухмыльнулся, и её накрыло исходящим от него теплом. Она снова ощутила это тепло теперь, стоя посреди фондовой биржи и пристально глядя на него. Американку окружала целая толпа, но для неё существовали лишь трое: Квиллан, Иэн и Линк. Таких волнующих, живущих полной жизнью мужчин она ещё не встречала. Одарив каждого из них одинаково чувственной улыбкой, Кейси сказала Горнту:

— Нет, лично я на рынке не играю. Не люблю этого дела: слишком высокой становится цена моих денег.

— Надо же сморозить такое! — пробормотал кто-то. Горнт пропустил это мимо ушей, не сводя с неё глаз.

— Мудро, очень мудро. Но бывает и так, что дело верное, бывает, что удастся кого-то завалить. В переносном смысле, конечно²³³.

— Конечно. Ну, Квиллан, до завтра.

— Эй, мистер Бартлетт, — выкрикнул кто-то, — вы уже заключили сделку со «Струанз» или нет?

— Да, — подхватил другой, — и что думает «Рейдер» Бартлетт насчет рейда по-гонконгски?

Снова наступила тишина. Бартлетт пожал плечами.

— Рейд везде рейд, — начал он, осторожно подбирая слова. — Могу сказать, что этот рейд подготовлен и приведен в действие. Но ведь никогда не знаешь, выиграл ты или проиграл, пока не подбиты все итоги. Я согласен с мистером Данроссом. Можно обжечься. — Он снова ухмыльнулся, и его глаза забежали. — Впрочем, я согласен и с мистером Горнтом. Иногда можно «кого-то завалить» в переносном смысле.

Последовал ещё один взрыв смеха. Данросс воспользовался этим, чтобы протиснуться к двери. Бартлетт с Кейси последовали за ним. Внизу, забираясь в свой «роллс-ройс» с водителем, Данросс пригласил:

— Садитесь. Мне нужно спешить, но машина доставит вас в отель.

— Нет, ничего страшного, мы возьмем такси...

— Нет-нет, садитесь. В такой дождь вы прождете добрых полчаса.

— Нам только до парома, тайбань, — сказала Кейси. — Мы на нем доберемся. — Американцы сели, и автомобиль тронулся, влившись в поток других машин.

— Что вы собираетесь предпринять в отношении Горнта? — спросил Бартлетт.

Данросс усмехнулся, а Кейси с Бартлеттом старались понять, действительно ли у него есть основания для этого.

— Собираюсь выждать, — промолвил он. — Терпеть — старый китайский обычай. Все приходит к тому, кто выжидает. Спасибо, что ничего не сказали про нашу сделку. У вас это получилось довольно естественно.

— Вы объявите об этом завтра после закрытия биржи, как и планировали? — спросил Бартлетт.

— Мне хотелось бы иметь свободу выбора. Я этот рынок знаю, а вы — нет. Возможно, завтра. — Данросс посмотрел им обоим прямо в лицо. — А может, подожду до вторника, когда мы уже все подпишем. Я так понимаю, наша договоренность остается в силе? До полуночи во вторник?

— Да, конечно, — подтвердила Кейси.

²³³ Игра слов: английское выражение *make a killing* означает не только «сорвать куш», но и «завалить зверя на охоте».

— Можно мне оставить решение за собой? Вам я сообщу заранее, но мне, может быть, понадобится рассчитать время для... для маневра.

— Конечно.

— Благодарю вас. Разумеется, если нас «сошьют», никакой сделки не будет. Я понимаю это вполне четко.

— Горнт может получить контрольный пакет? — спросила Кейси. Оба заметили перемену в шотландце. Улыбка все так же играла у него на губах, но глаза уже не улыбались.

— По сути дела, нет, но, заполучив достаточное количество акций, он, конечно, может войти в совет директоров и сместить весь его нынешний состав. А как только он окажется в совете директоров, ему станет известна большая часть наших секретов, и он примется дробить и разрушать компанию. — Данросс обернулся к Кейси: — Он нацелен на разрушение.

— Из-за прошлого?

— Отчасти. — Данросс улыбнулся, и на сей раз за улыбкой проступила глубоко скрытая усталость. — Ставки высоки, на карту поставлена репутация, огромная репутация, и это Гонконг. Сильные здесь выживают, слабые гибнут, и правительство никого не защищает, но и не залезает к тебе в карман. Если кому-то не нужна свобода или не нравятся наши правила, а скорее, их отсутствие, нечего сюда приезжать. Вы ведь приехали, чтобы получить прибыль, хейя? — Он наблюдал за Бартлеттом. — И вы получите её, так или иначе.

— Да, — вежливо согласился Бартлетт, а Кейси подумала, насколько Данросс осведомлен о договоренности с Горнтом. От этой мысли ей стало не по себе.

— Да, наша цель — прибыль, — признала она. — Но не разрушение.

— Это мудро, — оценил он. — Лучше созидать, а не разрушать. О, кстати, Жак спрашивал, не желаете ли вы поужинать с ним сегодня, где-то около половины девятого. Я не могу, у меня официальное мероприятие с губернатором, но попозже можно встретиться, пропустить по одной.

— Спасибо, но сегодня я не могу, — отказался Бартлетт, и голос его прозвучал как ни в чем не бывало, хотя при внезапной мысли об Орланде ему сделалось не по себе. — А ты, Кейси?

— Нет-нет, спасибо. Меня ещё ждет целая кipa документов. Тайбань, нельзя ли перенести это на другой раз? — Её устраивало и то, как мудро поступил тайбань, воздержавшись от комментариев, и такое же мудрое решение Бартлетта притормозить на время со «Струанз». «Да, — мечтала она про себя, отвлекшись, — вот было бы славно поужинать с Линком, только вдвоем. Может, нам даже удастся сходить в кино».

Данросс вошёл в свой офис.

— О... о, привет, тайбань! — воскликнула Клаудиа. — Мистер и миссис Кирк внизу в приёмной. Заявление Билла Форстера с просьбой об увольнении у вас в лотке «Входящие».

— Хорошо. Клаудиа, мне нужно обязательно встретиться с Линбаром до его отъезда. — Он пристально смотрел на неё и, хотя она изо всех сил старалась скрыть свои эмоции, почувствовал, что ей страшно.

Страх витал во всем здании. Все храбрились, но прежней уверенности уже не было. «Если нет веры в военачальника, — писал Сунь-цзы, — нельзя выиграть ни одной битвы, сколько бы ни было воинов и оружия».

Охваченный беспокойством, Данросс снова стал обдумывать план действий и положение дел. Он понимал, что возможных ходов очень немного, что единственная настоящая защита — это нападение и что без солидных средств перейти в атаку он не может. Сегодня утром на встрече с Ландо Матой он услышал лишь неохотное

«ВОЗМОЖНО».

— Я же говорил, мне нужно сначала посоветоваться с Прижимистым Дуном. Я уже оставлял ему сообщения, но мне никак его не поймать.

— Он в Макао?

— Думаю, да. Сказал, что приедет сегодня, но не знаю, на каком пароме. Я действительно не знаю, тайбань. Если его не будет на последнем пароме в нашу сторону, я вернусь в Макао и немедленно встречу с ним — при условии, что найду. Позвоню тебе сегодня вечером, сразу после встречи с ним. Кстати, ты не подумал ещё раз насчет обоих наших предложений?

— Подумал. Я не могу продать вам контрольный пакет «Струанз». И не могу оставить «Струанз», чтобы заниматься игорным бизнесом в Макао.

— С нашими деньгами ты отобьешь атаку Горнта, ты...

— Уступить контрольный пакет я не могу.

— Можно и объединить оба предложения. Мы поддержим тебя против Горнта в обмен на контрольный пакет «Струанз», а ты будешь управлять нашим игорным синдикатом, тайно, если тебе так хочется. Да, можно и тайно...

Данросс заерзал в своем покойном кресле. Он был уверен: Ландо Мата с Прижимистым хотят воспользоваться тем, что он попал в ловушку. «Как и Бартлетт с Кейси, — беззлобно подумал он. — Какая все же интересная женщина. Красивая, смелая и преданная — Бартлетту. Интересно, знает ли она, что Линк сегодня завтракал с Орландой, а потом был у неё в квартире? Интересно, знают ли они, что мне известно об этих двух миллионах из Швейцарии? Бартлетт неглуп, очень неглуп, и ходы делает правильные, но он широко открыт для атаки, потому что предсказуем, и его слабое место — некая азиатка. Может, это Орланда, может, нет, но наверняка какая-нибудь полная молодости мисс Золотистая Кожа. Квиллан неплохо придумал — использовать её как наживку. Да. Орланда — прекрасная наживка». Потом он вернулся мыслями к Мате с его миллионами. «Чтобы получить эти миллионы, мне придется нарушить клятву, а этого я не сделаю».

— Кто мне звонил, Клаудиа? — спросил он, ощутив вдруг, как похолодело все внутри. Мата с Прижимистым были единственной его козырной картой.

Она задумалась и глянула на список.

— Звонил напрямую из Токио Хиро Тода. Просил перезвонить, когда у вас будет время. А также Аластэр Струан из Эдинбурга, Дэвид Мак-Струан из Торонто, ваш отец из Эра, старый сэр Росс Струан из Ниццы...

— Дядя Трасслер из Лондона, — проговорил он, прерывая её, — дядя Келли из Дублина, кузен Купер из Атланты, ку...

— Из Нью-Йорка, — поправила Клаудиа.

— Из Нью-Йорка. Плохие вести разносятся быстро, — спокойно подытожил он.

— Да. Потом ещё... — У неё в глазах появились слезы. — Что мы будем делать?

— Ну уж точно не плакать, — объявил он, зная, что большая часть сбережений Клаудии вложена в акции «Струанз».

— Да! О да. — Она шмыгнула носом и вынула носовой платок, переживая за него и в то же время благодаря богов. Во-первых, за то, что поступила прозорливо и продала свои акции, когда они ещё были в цене. А во-вторых, за то, что не последовала совету главы дома Чэнь, когда тот шепнул всем членам клана, что нужно покупать бумаги «Струанз» в больших количествах.

— Айийя, тайбань, виновата. Я так виновата, простите меня... да. Но ведь все очень плохо, да?

— Ох, верно, девонька, — пропел он с подчеркнутым шотландским акцентом, — только когда помрешь. Не так ли говаривал старый тайбань? — Старым тайбанем называли сэра Росса Струана, отца Аластэра, первого тайбаня, которого помнил Данросс. — Кто ещё звонил?

— Кузен Керн из Хьюстона и кузен Дикс из Сиднея. Из родственников — всё.

— Это все они и есть. — Данросс вздохнул.

Семьи звонивших продолжали контролировать Благородный Дом. У каждой был переданный им пакет акций, хотя по законам дома этими акциями голосовал он один — пока был тайбаном. Активы семьи Данросс, унаследованные от дочери Дирка Струана Уинифред, составляли десять процентов; у Струанов — наследников Робба Струана, сводного брата Дирка, — было пять процентов; у Трасслеров и Келли — отпрысков младшей дочери Кулума и «Карги» Струан — пять процентов; у Куперов, Кернов и Дерби, ведущих свой род от американского коммерсанта Джеффа Купера из компании «Купер-Тиллман», который всю жизнь дружил с Дирком и женился на старшей дочери «Карги» Струан, — по пять процентов у каждого; у Мак-Струанов, которые считались незаконнорожденными потомками Дирка, — два с половиной процента и у Чэней — семь с половиной.

Основная часть акций — пятьдесят процентов, личная собственность и наследство «Карги» Струан, — была оставлена в бессрочное управление действующему тайбану, кем бы он (или она) ни был. Прибыль от этого ежегодно делится следующим образом: пятьдесят процентов тайбану, а остальное — каждой семье пропорционально их активам, но только по решению тайбана — так было написано её твердым размашистым почерком. Если он решит отказать семье в прибыли от моих акций по любой причине, этот прибыль зачисляется в личный фонд тайбана и может быть использован на любые цели, какие он сочтет нужными. Но пусть все последующие тайбаны знают: Благородный Дом должно передавать из одних надежных рук в другие надежные руки, а все кланы переводить из одной безопасной гавани в другую, как определено самим Тайбаном, или, клянусь перед Богом, я добавлю свое проклятие к его и оно падет на того, кто подведет нас...

По спине Данрасса пробежал холодок, когда он вспомнил, как в первый раз прочитал её завещание — такое же властное, как и завет Дирка Струана.

«Почему так действуют на нас эти двое? — снова вопрошал он себя. — Почему мы не можем отрешиться от прошлого? Почему по-прежнему должны повиноваться призракам, к тому же не очень добрым?»

Я не повинуюсь, — твердо заявил он себе. — Я лишь стараюсь придерживаться определенных ими стандартов».

Он снова посмотрел на Клаудию: почтенная матрона, крепкая и очень собранная, сейчас она была очень испугана, испугана впервые. Он знал её всю жизнь, она служила старому сэру Россу, потом его отцу, потом Аластэру и теперь ему с фанатической преданностью, как Филлип Чэнь.

«Ах, Филлип, бедный Филлип...»

— Филлип звонил? — спросил он.

— Да, тайбань. И Диана. Она звонила четыре раза.

— Кто ещё?

— Человек двенадцать или больше. Самые важные — это Джонджон из банка, генерал Жэнь с Тайваня, Гэваллан-рэ²³⁴ из Парижа, Четырехпалый У, Паг...

— Четырехпалый? — переспросил Данросс, окрыленный надеждой. — Когда он звонил?

Она справилась по списку:

— В четырнадцать пятьдесят шесть.

«Может, старый пират передумал?» — заволновался Данросс. Вчера днем он ездил в Абердин к У, чтобы просить о помощи, но, как и от Ландо Маты, получил лишь

²³⁴ Отец (франц.).

неясные обещания.

— Послушай, Старый Друг, — сказал Данросс Четырехпалому на неуверенном хакка, — я никогда раньше не обращался к тебе за услугой.

— В течение многих лет твои предки, тайбань, просили о многих услугах и получали огромные прибыли с помощью моих предков, — ответил старик, стреляя хитрыми глазками. — Услуги? Эти всех собак, тайбань, у меня нет столько денег. Двадцать миллионов? Откуда столько денег у бедного рыбака?

— Вчера из «Хо-Пак» ушло больше, Старый Друг.

— Айийя, эти их всех, кто передает шепотом неверные сведения! Может, я и благополучно изъясил свои деньги, но их уже нет. Они ушли на оплату товара, товара, за который я был должен.

— Надеюсь, не за «белый порошок», — мрачно проговорил Данросс. — «Белый порошок» — ужасный джосс. Ходят слухи, что ты им интересуешься. Как друг, не советую этим заниматься. Оба моих предка — Старый Зеленоглазый Дьявол и «Карга» Струан с Дурным Глазом и Зубами Дракона — наложили проклятие на тех, кто имеет дело с «белым порошком», не на опиум, а на все «белые порошки» и на всех, кто имеет с ними дело. — Он, конечно, чуть добавил от себя, зная, как суеверен старик. — Советую не иметь дела с «убивающим порошком». Ведь твой бизнес с золотом, вне сомнения, более чем прибылен.

— Я ничего не знаю про «белый порошок». — Старик выдавил из себя улыбку, показав десны и несколько кривых зубов. — И не боюсь проклятий, даже от них!

— Хорошо, — похвалил Данросс, зная, что это ложь. — А пока помоги мне получить кредит. Пятьдесят миллионов на три дня — это все, что надо!

— Я спрашиваю друзей, тайбань. Может, они и помогут или мы вместе. Но не думай, что можно набрать воды из пустого колодца. Под какой процент?

— Под высокий процент, если завтра.

— Невозможно, тайбань.

— Уговори Прижимистого, ты же его компаньон и старый друг.

— У Прижимистого только один, эти его, друг — сам Прижимистый, — угрюмо ответил старик и продолжал стоять на своем...

Данросс потянулся за телефонной трубкой.

— Какие ещё были звонки, Клаудиа? — спросил он, набирая номер.

— Джонджон из банка, Филлип и Диана... О, про них я уже говорила... Суперинтендент Кросс, потом все наши значительные акционеры и все управляющие директора всех дочерних компаний, большая часть членов Скакового клуба... Травкин, ваш тренер. Ну просто конца нет...

— Минуточку, Клаудиа. — Справившись с волнением, Данросс произнес в трубку на хакка: — Это Тайбань. Мой Старый Друг у себя?

— Конечно, конечно, мистер Данросс, — вежливо ответили ему по-английски с американским акцентом. — Спасибо, что перезвонили. Сейчас он подойдет, сэр.

— Мистер Чой, мистер Пол Чой?

— Да, сэр.

— Ваш дядя рассказал мне все про вас. Добро пожаловать в Гонконг.

— Я... вот он, сэр.

— Спасибо. — Данросс сосредоточился. «Почему Пол Чой сейчас с Четырехпалым, а не внедряется вовсю в дела Горнта? Почему звонил Кросс? И почему Джонджон?»

— Тайбань?

— Да, Старый Друг. Ты хотел поговорить со мной?

— Да. Можем... можем встретиться сегодня вечером?

«Ты что, передумал?» — хотелось закричать Данроссу. Но приличия не позволяли, да и китайцы не жаловали разговоры по телефону, предпочитая им

личные встречи.

— Конечно. Около восьми склянок, в ночную вахту, — как ни в чем не бывало предложил Данросс. Около полуночи. — Раньше никак не смогу, — добавил он, вспомнив, что в 22:45 встречается с Брайаном Квоком.

— Хорошо. Моя пристань. Будет ждать сампан. Данросс положил трубку. Сердце колотилось.

— Клаудиа, сначала Кросса, а потом пригласите Кирков. Затем пройдемся по списку. Договоритесь о конференции по телефону с моим отцом, Аластэром и сэром Россом, назначьте её на пять, у них это девять и десять в Ницце. Дэвиду и остальным в Штатах я позвоню сегодня вечером. Не стоит поднимать их среди ночи.

— Хорошо, тайбань. — Клаудиа уже набирала номер. Она попросила Кросса, передала трубку Данроссу и вышла, закрыв за собой дверь.

— Да, Роджер?

— Сколько раз вы были в Китае? Вопрос застал Данросса врасплох.

— Это все зафиксировано. Вы легко можете проверить.

— Да, Иэн, но не могли бы вы припомнить сейчас. Пожалуйста.

— Четыре раза в Кантоне, на ежегодной ярмарке, — это за последние четыре года. А один раз в Пекине с торговой комиссией в прошлом году.

— Вам когда-нибудь удавалось выезжать за пределы Кантона — или Пекина?

— А что?

— Удавалось?

Данросс задумался. У Благородного Дома было немало давних связей с Китаем и много старых, облеченных доверием друзей. Некоторые стали убежденными коммунистами. Другие, присягнув на верность новой идеологии, внутри оставались стопроцентными китайцами, то есть дальновидными, скрытными и осторожными людьми, не склонными вмешиваться в политику. Все они занимали различное положение, а один даже состоял в Президиуме. И, будучи китайцами, все эти люди понимали, что история повторяется; что эры сменяют друг друга очень быстро; что сегодня утром ты император, а после полудня — цзоу гоу, раболепствующий прихвостень; что одна династия уступает место другой по прихоти богов; что, забираясь на «драконовый трон», основатель очередной династии не может не замарать рук в крови; что всегда нужно изыскивать путь для бегства — а ещё что некоторые варвары остаются Старыми Друзьями, которым можно доверять.

Но самое главное, все китайцы — люди практичные. Китаю нужны товары и помощь. Без товаров и помощи он будет незащищен перед лицом традиционного и единственного настоящего врага — России.

Благодаря особому доверию, оказываемому Благородному Дому, к Данроссу неоднократно обращались, официально и неофициально, но всегда тайно. У него намечалось немало сделок с самой разной дефицитной техникой и товарами, в том числе контракт на поставку целого флота реактивных авиалайнеров. Он часто бывал там, куда не пускали других. Однажды ездил на встречу в Ханчжоу, самое красивое место в Китае. На этой неофициальной, закрытой встрече его и других членов «Клуба-49» угощали на славу как почетных гостей Китая. В «Клуб-49» входили компании, продолжавшие торговать с Китаем после 1949 года, в основном английские фирмы. Великобритания признала правительство Мао Цзэдуна правительством Китая вскоре после бегства Чан Кайши с материка на Тайвань. Несмотря на это, отношения между правительствами двух стран оставались напряженными. Но, по определению, отношения между Старыми Друзьями такими не были, если только Старый Друг оправдывал доверие и не начинал жульничать.

— О, у меня было несколько отклонений от маршрута, — беззаботно сказал Данросс, не желая лгать шефу Эс-ай. — Ничего особенного. А что?

— Пожалуйста, не могли бы вы сказать, куда ездили?

— Конечно, Роджер, если выразитесь поконкретнее. — Голос его зазвучал жестче: — Мы торговцы, а не политики и не шпионы. Благородный Дом занимает особое положение в Азии. Мы здесь уже много лет. Именно благодаря торговцам «Юнион Джек» развевается над... развевался над половиной мира. Что вы имели в виду, старина?

Последовала длинная пауза.

— Ничего, ничего особенного. Очень хорошо, Иэн. Я подожду, пока мы будем иметь удовольствие прочитать бумаги, а потом буду говорить конкретно. Спасибо, извините за беспокойство. Пока.

Встревоженный Данросс пристально смотрел на телефон. Что надо этому Кроссу? Нет сомнения, что многие сделки, которые он, Данросс, заключил и будет заключать, не укладываются в рамки официальной правительственной политики Лондона или тем более Вашингтона. Ясно, что его краткосрочные и долгосрочные планы в отношении Китая совершенно отличны от их намерений. То, что они считали контрабандой, он не считал таковой.

«Ну что ж, пока я тайбань, — твердо сказал он себе, — будь что будет. Наши связи с Китаем не прервутся, и всё на этом. Большинство политиков в Лондоне и Вашингтоне просто не понимают, что китайцы прежде всего китайцы, а потом уже коммунисты. А Гонконг — жизненно важный для мира центр Азии».

— Мистер и миссис Джейми Кирк, сэр.

У Джейми Кирка, маленького человечка педантичного вида, было розовое лицо и розовые руки. Говорил он с милым шотландским акцентом. Жена его оказалась рослой крупной американкой.

— О, нам так приятно по... — начал было Кирк.

— Да, нам очень приятно, мистер Данросс, — перебив Кирка, добродушно загудела его жена. — Давай ближе к делу, Джейми, милый. Мистер Данросс — человек очень занятой, а нам ещё нужно кое-что купить. У моего мужа пакет для вас, сэр.

— Да, он от Алана Медфорда Гра...

— Он знает, что пакет от Алана Медфорда Гранта, милый, — снова радостно перебила она. — Передай ему пакет.

— О... О да, и ещё есть...

— Письмо, тоже от него. Мистер Данросс очень занят, поэтому передай это все ему, и мы можем идти по магазинам.

— О... Да, хорошо... — Кирк передал Данроссу пакет. Примерно четырнадцать дюймов на девять и с дюйм толщиной. Коричневый, какого-то неопределенного вида и весь обмотанный лентой. Конверт был опечатан красным сургучом. Данросс узнал печать. — Алан сказал пе...

— Вручить его вам лично и передать наилучшие пожелания, — снова улыбнулась жена Кирка и встала. — У тебя все так медленно, радость моя. Ну, спасибо, мистер Данросс, пойдем, мил...

Она испуганно осеклась, потому что Данросс повелительным жестом поднял руку и спросил абсолютно вежливо, но властно:

— Что бы вам хотелось купить, миссис Кирк?

— А? О, что-нибудь из одежды... э-э... мне нужно кое-что из готовой одежды, а Джейми — кое-какие рубашки и...

Данросс снова поднял руку и нажал на кнопку. Появилась Клаудиа.

— Сейчас же проводите миссис Кирк к Сандре Ли. Она должна немедленно отвести нашу гостью вниз к Ли Футапу. И ради господ бога, скажите ему, чтобы не думал взвинчивать цены, иначе я позабочусь, чтобы его депортировали! Мистер Кирк присоединится к супруге через минуту! — Он взял миссис Кирк под руку, и не успела она понять, в чем дело, как уже, удовлетворенная, оказалась вне комнаты, где

Клаудиа внимательно выслушала, что она хотела бы купить.

Кирк молча вздохнул. Вздох был глубокий и выстраданный.

— Вот бы мне так, — мрачно проговорил он, а потом просиял: — Ох да, тайбань, вы во всем такой, как рассказывал Алан.

— Вот как? А что я такого сделал? Ведь ваша жена хотела пойти по магазинам, верно?

— Да, но... — Кирк помолчал. — Алан сказал, что вы должны... э-э... вы должны прочитать письмо в моем присутствии. Я... я ей этого не говорил. Вы считаете, нужно было?

— Нет, — добродушно сказал Данросс. — Послушайте, мистер Кирк. Прошу прощения за плохие новости, но, видите ли, какое дело, АМГ погиб в прошлый понедельник, управляя мотоциклом.

У Кирка раскрылся рот:

— Что?

— Извините, что приходится говорить такое, но я подумал, что вам лучше знать.

Кирк сидел, задумчиво уставившись на струйки дождя на оконном стекле.

— Какой ужас, — через некоторое время произнес он. — Проклятые мотоциклы, гиблое дело. Его сбила машина?

— Нет. Его просто нашли на дороге рядом с мотоциклом. Извините.

— Ужасно! Бедный старина Алан. Боже, боже мой! Я рад, что вы не сказали этого при Фрэнсис. Она... она тоже очень хорошо к нему относилась. Я... э-э... я... может, вы лучше прочитаете письмо, и тогда... Не то чтобы они с Фрэнсис были большие друзья, так что я не... бедный старина Алан!

Чтобы дать Кирку время, Данросс вскрыл письмо. В нем говорилось:

Дорогой мистер Данросс, рекомендую Вам моего старого школьного друга Джейми Кирка и его жену Фрэнсис. Пакет, который привезет Джейми, прошу открыть без свидетелей. Я хотел, чтобы он благополучно попал в ваши руки, и Джейми любезно согласился сделать остановку в Гонконге. Ему можно доверять, насколько в наши дни вообще кому-то можно доверять. И пожалуйста, не обращайтесь к Фрэнсис. На самом деле она человек неплохой, хорошо относится к моему старому другу и довольно обеспечена за счет своих прежних мужей, что дает Джейми необходимую ему свободу посидеть и подумать — редкая, очень редкая привилегия в наше время. Кстати, они не имеют к моей работе никакого отношения, хотя знают, что я историк-любитель и у меня свои источники.

Здесь Данросс улыбнулся бы, если бы не знал, что автора письма уже не было в живых. Далее было написано:

Джейми — геолог, он занимается морской геологией и в своей области один из лучших в мире специалистов. Поспрашивайте его о работе, особенно последних лет, желательно в отсутствие Фрэнсис: не то что она не в курсе, просто немного несдержанна. У него есть несколько интересных теорий, которые, возможно, будут полезны для Благородного Дома и вашего планирования непредвиденных обстоятельств. С самыми добрыми пожеланиями, А.М.Г.

Данросс поднял глаза от письма:

— По словам АМГ, вы старые школьные друзья?

— О да. Да, мы учились вместе в школе. В Чартерхаусе²³⁵. Потом я пошёл

²³⁵ Чартерхаус — одна из привилегированных английских школ близ Лондона.

учиться дальше в Кембридж, а он — в Оксфорд. Да. Мы... э-э... все эти годы поддерживали контакт друг с другом, при случае, конечно. Да. А вы... э-э... давно с ним знакомы?

— Около трех лет. Он мне тоже нравился. Может, вы не хотите сейчас говорить?

— О... О нет, ничего. Я... я, конечно, потрясен, но, что поделаешь, жизнь должна идти дальше. Старина Алан... он такой смешной, верно? Со всеми этими его бумагами и книгами, трубкой и пеплом и домашними тапочками. — Кирк печально переплел пальцы рук. — Полагаю, мне следовало сказать, он был. И все же, наверное, неправильно говорить о нем в прошедшем времени... Но, полагаю, нам следует так говорить. Да. Он всегда носил домашние тапочки. Мне кажется, всякий раз, когда я навещал его, он непременно был в домашних тапочках.

— Вы имеете в виду его квартиру? Я там никогда не был. Мы всегда встречались в моем лондонском офисе, хотя однажды он приезжал в Эр. — Данросс порылся в памяти. — Не припомню, чтобы он носил там домашние тапочки.

— Ах да! Он рассказывал об Эре, мистер Данросс. Да, он мне рассказывал. Это был... э-э... светлый момент в его жизни. Вы... вам повезло, что у вас такое поместье.

— Эвисъярд-Касл мне не принадлежит, мистер Кирк, хотя моя семья владеет им уже больше сотни лет. Его приобрел для жены и своей семьи Дирк Струан — дом на природе, так сказать. — Как и всегда, Данросс вдруг ощутил волнение, вспомнив об этих прелестных местах: мягкая покатость холмов, озера, пустоши, леса, поляны, шесть тысяч акров или даже больше, есть где пострелять, поохотиться, Шотландия во всей своей красе. — Тайбань у нас по традиции является и лэрдом Эвисъярда — пока он тайбань. Но конечно же, все семьи, и особенно дети разных семей, прекрасно знают это место. Летние каникулы... У нас замечательная традиция собираться в Эвисъярде на Рождество. Зажаренная целиком овца и говяжья грудинка, хаггис²³⁶ на Новый год, виски и ревущее пламя огромных костров, звуки волынки. Замечательное место. А ещё действующая ферма, коровы, молоко, масло — и винокуренный заводик Лох-Вэй! Хотел бы я проводить там больше времени. Только сегодня туда уехала моя жена, чтобы приготовить все для рождественских каникул. Вам знакомы те места?

— Немного. Шотландское нагорье я знаю лучше. Моя семья из Инвернесса²³⁷.

— А, тогда вы должны заехать к нам, когда мы будем в Эре, мистер Кирк. АМГ в своем письме говорит, что вы геолог, один из лучших в мире?

— О... О, он слишком любезен — был слишком любезен. Моя... э-э... специализация — морская геология. Да. С особенным акцентом... — Он вдруг осекся.

— Что случилось?

— Ох... э-э... ничего, вообще-то ничего. Но как вы считаете, с Фрэнсис все будет в порядке?

— Абсолютно. Вы хотите, чтобы я сказал ей про АМГ?

— Нет. Нет, я могу сделать это позже. Нет, я... я тут поразмыслил, мистер Данросс, и думаю, что буду вести себя так, будто он не умер. Вам не нужно было говорить мне, и тогда мне не пришлось бы портить ей праздник. Да. Так будет лучше всего, как вы считаете? — Лицо Кирка немного просветлело. — Тогда мы сможем узнать эту плохую новость, когда вернемся домой.

— Как скажете. Так что вы говорили? С особенным акцентом на...

²³⁶ Хаггис — традиционное шотландское блюдо; бараний рубец, начиненный потрохами со специями.

²³⁷ Инвернесс — город на Шотландском нагорье в устье реки Несс, которая вытекает из расположенного неподалеку знаменитого озера Лох-Несс.

— О да!.. На петрологию, а это, конечно, общее изучение скальных пород включая их расшифровку и описание. В рамках петрологии область моих интересов с недавних пор сузилась до осадочных скальных пород. Последние несколько лет я... э-э... был консультантом в одном проекте по изучению осадочных пород палеозойской эры, пористых осадочных пород. Да. Эти изыскания касались в основном морского шельфа у восточного побережья Шотландии. АМГ считал, что вас это могло бы заинтересовать.

— Конечно. — Данросс подавил нетерпение. Ему было не оторвать глаз от лежащего на столе пакета. Хотелось вскрыть его, позвонить Джонджону и заняться десятком других неотложных дел. Ещё так много нужно было сделать. И какую связь усмотрел АМГ между Благородным Домом и Кирком? — Звучит интригующе, — заметил он. — А какую практическую цель преследуют эти изыскания?

— А? — Кирк удивленно уставился на него. — Углеводороды. — Увидев, что Данроссу это ничего не говорит, он торопливо добавил: — Углеводороды находят лишь в пористых осадочных скальных породах палеозойской эры. Нефть, мистер Данросс, сырая нефть.

— О! Вы занимались поисками нефти?

— О нет! Целью исследовательского проекта было определение вероятности залегания углеводородов на дне моря. У берегов Шотландии. Рад сообщить, что, по моему мнению, там их будет в избытке. Не у берега, а дальше, в Северном море. — Розовое лицо маленького человечка ещё больше порозовело, и он вытер лоб. — Да. Да, я считаю, что там будет найдено довольно много хороших месторождений нефти. Данросс недоумевал, по-прежнему не видя связи.

— Что ж, я немного знаю о добыче нефти в открытом море на Ближнем Востоке и в Техасском заливе, но в Северном море? Боже мой, мистер Кирк, это же самое неблагоприятное для плавания море. Вероятно, самое непостоянное в мире. Там всегда шторм и громадные волны. Как там можно бурить? Как обезопасить буровые установки, организовать их снабжение, как доставлять нефть наливом на берег, даже если она будет обнаружена? Боюсь, её стоимость окажется чрезмерно велика.

— О, совершенно верно, мистер Данросс, — согласился Кирк. — Все, что вы говорите, совершенно верно, но я коммерцией не занимаюсь, я лишь ищу наши трудноуловимые, чрезвычайно ценные углеводороды. — И он с гордостью добавил: — Мы первые пришли к заключению, что они там могут быть. Конечно, все это пока лишь теория, моя теория, — никогда нельзя знать наверняка, пока не произведено бурение. Я ещё отчасти занимался анализом сейсмической активности, то есть изучением волн, возникающих при вызванных чем-то взрывах, и мой подход к последним открытиям несколько неортодоксален...

Данросс слушал теперь вполуха, по-прежнему пытаясь разгадать, почему АМГ счел все это заслуживающим внимания. Он позволил Кирку ещё какое-то время поговорить, а затем вежливо вернул его к действительности.

— Вы убедили меня, мистер Кирк. Я вас поздравляю. Вы долго пробудете в Гонконге?

— Ох... О, только до понедельника. Затем... э-э... затем мы отправляемся в Новую Гвинею.

Весьма озабоченный, Данросс сосредоточился.

— Куда именно в Новой Гвинее?

— В одно место под названием Суканapura, на северном побережье, это в той части, что недавно стала индонезийской. Я был... — Кирк улыбнулся. — Извините, вы, конечно, знаете, что в мае президент Сукарно²³⁸ взял в свои руки управление

²³⁸ Сукарно (1901-1970) — первый президент Индонезии (1945-1967).

голландской Новой Гвинеей²³⁹.

— Проще говоря, он прибрал к рукам эту территорию. Если бы не дополнительное неразумное давление со стороны США, голландская Новая Гвинея осталась бы голландской и, как мне кажется, процветала бы куда больше. Я считаю, ехать туда сейчас — далеко не лучшая идея. Там все очень непросто, политическая ситуация нестабильна, и президент Сукарно относится к нам недружелюбно. Индонезия инспирировала и поддерживает восстание на Сараваке²⁴⁰. Сукарно настроен очень враждебно к странам Запада, ко всей Малайзии²⁴¹ и выступает за своих марксистов²⁴². Кроме того, в Суканапуре, в этом паршивом порту, очень жарко и неудобно, а помимо всех остальных напастей там ещё полно всевозможных болезней.

— О, вам не стоит беспокоиться, у меня конституция шотландца, и мы приглашены правительством.

— Я хочу сказать, что в настоящее время правительственное влияние там очень невелико.

— Ах, но там есть кое-какие очень интересные осадочные породы. Им хотелось бы, чтобы я взглянул на них. Вам не стоит беспокоиться, мистер Данросс, мы, геологи, к политике отношения не имеем. Все уже подготовлено — собственно, за этим мы туда и направляемся, — и волноваться не стоит. Ну, мне пора.

— Будет... я устраиваю небольшой прием с коктейлями в субботу вечером. Не желаете прийти с женой? Тогда мы могли бы продолжить разговор о Новой Гвинее.

— Ох, о, это так любезно с вашей стороны. Я... э-э... мы с удовольствием. Где...

— Я пришлю за вами машину. А теперь вы, наверное, хотели бы присоединиться к миссис Кирк. Я не буду говорить об АМГ, если вы действительно того хотите.

— Ох! О да. Бедный Алан. На какой-то момент за всеми этими осадочными отложениями я и забыл про него. Забавно, верно, как быстро все забывается?

Отослав его с другим помощником, Данросс закрыл дверь. Он осторожно сломал печати на пакете АМГ. Внутри был конверт и ещё один пакет. На конверте было написано: Иэну Данроссу, лично в руки. В отличие от другого, аккуратно написанного от руки, это письмо было отпечатано на машинке:

²³⁹ В 1949 г. большая часть голландской Ост-Индии, куда входила Новая Гвинея, стала независимой под названием Индонезия, а в декабре 1961 г. её войска вторглись в западную Новую Гвинею. После вооруженного конфликта с голландцами и двухлетней администрации ООН в мае 1963 г. западная Новая Гвинея передана Индонезии.

²⁴⁰ Саравак — бывшая английская колония, один из двух штатов Малайзии на северо-западе острова Калимантан (Борнео). Видимо, имеется в виду восстание в Брунее (см. ниже).

²⁴¹ Индонезия, одна из провинций которой — Калимантан — занимает южную часть Борнео, выступала против включения бывших английских колоний на острове в состав Федерации Малайзия (образована в сентябре 1963 г.). В декабре 1962 г. в Брунее, тогда английском протекторате, при поддержке Индонезии т. н. Национальная армия Северного Калимантана предприняла попытку захвата султана Брунея, нефтяных месторождений и заложников-европейцев. К апрелю 1963 г. восстание подавили английские войска.

²⁴² 3 После 1956 г. Сукарно, расширивший связи с Китаем и допустивший коммунистов в правительство, стал все больше опираться на армию и компартию и рассматривать КНР и КНДР как союзников. Прокоммунистические воззрения Сукарно и связи с Китаем и СССР могли стать причиной его свержения. В результате начавшихся после переворота 1965 г. преследований коммунистов было убито полмиллиона индонезийцев и пострадало немало этнических китайцев.

Уважаемый мистер Данросс, посылаю это письмо с оказией, через моего старого друга Джейми. Я только что получил кое-какие весьма неприятные известия. Где-то в нашей системе, британской или американской, случилась ещё одна серьёзная утечка информации, и становится ясно, что масштаб тайных нападок наших противников растёт. Кое-что из этого может выплеснуться и на меня, и даже на вас — отсюда и мое беспокойство. На вас, потому что раскрыто существование серии наших сверхсекретных документов. Если со мной случится что-нибудь непредвиденное, прошу позвонить в Женеву по телефону 871-65-65. Спросите госпожу Рико Грессерхофф. Для неё я — Ганс Грессерхофф. Её настоящее имя — Рико Андзин. Она говорит по-немецки, по-японски, по-английски и немного по-французски, и если мне причитаются какие-то деньги, прошу вручить их ей. Она передаст вам кое-какие бумаги, некоторые для пересылки. Прошу вручить их лично, когда это вам будет удобно. Как я уже упоминал, очень редко находишь человека, которому можно доверять. Вам я доверяю. Вы единственный человек на земле, кто знает о ней и знает её настоящее имя. Помните: жизненно важно, чтобы ни это письмо, ни мои предшествующие бумаги не попали от вас никому.

Сначала объясню про Кирка. Я считаю, что лет через десять арабские страны предадут забвению свои разногласия и используют реальную власть, которой обладают, не против Израиля непосредственно, а против всего западного мира и поставят нас в невыносимую ситуацию: или мы отказываемся от Израиля... или переходим на «голодный паек». В качестве орудия шантажа они используют нефть.

Если горстка шейхов и феодальных правителей Саудовской Аравии, Ирана, государств Персидского залива, Ирака, Ливии когда-нибудь сможет действовать заодно, в их власти будет прекратить поставки в страны Запада и в Японию единственного сырья, без которого нельзя обойтись. Они могут прибегнуть даже к ещё одному более изощренному приему: поднять цены на беспрецедентную высоту и требовать выкупа от наших стран. Для арабского мира нефть — последнее оружие. И нам, пока мы зависим от их нефти, противопоставить этому нечего. Отсюда мой живой интерес к теоретическим выкладкам Кирка.

На сегодняшний день стоимость подъема на поверхность в арабской пустыне одного барреля нефти составляет около восьми американских центов. В Северном море доставка одного барреля до берега в Шотландию, при оптовых поставках, будет стоить семь долларов. А если стоимость арабской нефти подскочит на мировом рынке от сегодняшних трех долларов за баррель до девяти... Уверен, вы сразу поймете, к чему я веду. Добыча нефти в Северном море тут же представляется очень даже возможной и становится одним из источников пополнения британских национальных богатств.

Джейми утверждает, что нефтяные месторождения расположены к северу и востоку от Шотландии. Будет логично переваливать нефть на берег в порту Абердина ²⁴³. Человек мудрый начал бы присматриваться в Абердине к причалам, недвижимости, аэропортам. Насчет плохой погоды беспокоиться не надо: связь с нефтяными вышками будет осуществляться вертолетами. Дорого — да, но практически осуществимо. Далее, если вы принимаете мой прогноз, что из-за скандала с Профьюмо на следующих выборах победят лейбористы...

Материалами об этом деле были заполнены все газеты. Шесть месяцев назад, в

²⁴³ Абердин — морской порт на северо-востоке Шотландии. Из-за большого объема добычи нефти в Северном море его сейчас называют «нефтяной столицей Европы».

марте, военный министр Джон Профьюмо официально отрицал связь с печально известной «девушкой по вызову» Кристин Килер — одной из нескольких девиц, которые вместе со своим сводником Стивеном Уордом (до этого он был известен в высшем обществе Лондона лишь как остеопат) вдруг прогремели по всему миру. Стали циркулировать неподтвержденные слухи, что эта особа одновременно поддерживала связь с советским атташе, известным агентом КГБ, капитаном первого ранга Евгением Ивановым, который в декабре предыдущего года был отозван в Россию. В результате поднявшегося скандала Профьюмо подал в отставку, а Стивен Уорд покончил жизнь самоубийством.

Интересно, что сведения об этой связи были раскрыты для прессы в самый благоприятный для Советов момент. У меня нет доказательств, пока, но, по моему мнению, это не просто совпадение. Вы же знаете, что Советы уже взяли себе за правило сначала разделять страны — Северная и Южная Корея, Восточная и Западная Германия и так далее, — а потом заставлять напичканных их теориями сателлитов работать за них. Поэтому я думаю, что просоветски настроенные социалисты помогут разделить Британию на Англию, Шотландию, Уэльс и южную и северную Ирландию (если присмотреться как следует к Эйре ²⁴⁴ и Северной Ирландии, то Советам уже есть где разгуляться).

Теперь что касается предлагаемого мной плана номер один для Благородного Дома на случай непредвиденных обстоятельств: относиться к Англии с оглядкой, выбрав в качестве основной базы Шотландию. Нефть Северного моря сделает Шотландию более чем самостоятельной в экономическом отношении. Население там небольшое, люди закаленные и националистически настроенные. Шотландия сейчас на практике может стать самостоятельным государством, способным обороняться, — с богатыми запасами нефти, которую можно экспортировать. Сильная Шотландия, вероятно, могла бы склонить чашу весов в свою сторону и помочь обветшавшей Англии... нашей бедной стране, мистер Данросс! Я сильно опасаюсь за Англию.

Возможно, это ещё одна из моих надуманных теорий. Однако рассмотрите Шотландию, Абердин ещё раз, в свете нового Северного моря.

— Это просто смешно! — взорвался Данросс, на миг оторвавшись от чтения. Мысли обуревали, но он предостерег себя: не заводись с полуоборота!

«У АМГ иногда кое-что притянута за уши, он склонен к преувеличению, он крайне правый, империалист, под каждой кроватью ему мерещатся по пятнадцать красных. Но то, что он говорит, возможно. А если возможно, то это нужно непременно обдумать. Если и впрямь дойдет до глобального нефтяного кризиса, а мы будем к нему готовы, сможем заработать целое состояние, — говорил себе Данросс, и его возбуждение росло. — Сейчас купить недвижимость в Абердине не составит труда, и начать планомерное отступление из Лондона без всякого ущерба несложно. В Эдинбурге есть все неперенные атрибуты современного делового мира — банки, коммуникации, морские порты и аэропорты, — которые понадобятся нам для эффективной работы. Шотландия для шотландцев и огромные запасы нефти на экспорт? Абсолютно осуществимо, но без отделения, а в составе сильной Британии. Но если лондонский Сити, парламент и Треднидл-стрит будут отданы на откуп левым...»

Волосы у него на загривке встали дыбом при мысли о том, что левый социализм

²⁴⁴ Эйре — официальное название острова и государства Ирландии в 1936-1948 гг. В 1949 г. провозглашена независимая Республика Ирландия.

станет для Британии погребальной пеленой, саваном. «А Робин Грей? Или Джулиан Бродхерст? — спрашивал он себя, холодея. — Эти, без сомнения, все национализируют, заграбастают нефть Северного моря, если она будет найдена, а Гонконг положат под топор — сказали уже, что так и поступят».

Сделав над собой усилие, он отложил невеселые мысли на потом, перевернул страницу и стал читать дальше.

Далее: думаю, я выяснил личности троих агентов «Севрина» у вас. Эту информацию я получил не задешево — может быть, до Рождества мне потребуются дополнительные средства — и не совсем уверен в её достоверности (я сразу стал перепроверять полученные сведения, понимая, насколько они важны для вас). Этими агентами якобы являются: Джейсон Пламм из компании «Эйшн пропертиз», Лайонел Тьюк из телефонной компании и Жак де Вилль из «Струанз»...

— Но это невозможно! — вырвалось у Данросса. — АМГ сошел с ума! И насчет Пламма невозможно, и насчет Жака абсолютно невозможно. Они ну никак не могут...

Зазвонил его личный телефон. Он автоматически снял трубку.

— Да?

— Это оператор международной связи. Мистера Данросса, пожалуйста.

— Извините, кто звонит? — рявкнул он.

— Согласен ли мистер Данросс оплатить звонок из Сиднея, Австралия, от некоего мистера Дункана Данросса?

Сердце тайбаня замерло.

— Конечно! Привет, Дункан... Дункан?

— Отец?

— Привет, сынок. У тебя все нормально?

— О да, сэр, абсолютно все! — услышал он голос сына, и волнение оставило его. — Извини, что звоню посреди рабочего дня, отец, но на мой рейс в понедельник все билеты проданы и...

— Проклятье, у тебя же подтвержденный заказ, парнишка. Я попрошу...

— Нет, отец, спасибо, ничего страшного нет. Я купил билет на рейс пораньше. Это шестой рейс Сингапурских авиалиний, он прибывает в Гонконг в полдень. Встречать меня не надо, не беспокойся, я возьму такси и...

— Ищи нашу машину, Дункан. Тебя будет ждать Ли Чой. Но перед тем как ехать домой, заскочи в офис, хорошо?

— Хорошо. Я оформил билеты и все остальное.

Сын говорил это с гордостью, и у Данросса стало тепло на душе.

— Хорошо. Молодец. Кстати, завтра на рейсе «Кантас» в двадцать ноль-ноль по вашему времени прилетает кузен Линбар. Он тоже остановится в доме. — С 1900 года у «Струанз» был дом в Сиднее, а с 1880-х годов — постоянный офис. «Карга» Струан стала тогда партнером чрезвычайно богатого фермера по имени Билл Скрэггер, который выращивал пшеницу, и их компания процветала до краха 1929 года. — Хорошо провел каникулы?

— О, потрясающе! Потрясающе. Да, я хочу снова приехать на будущий год. Отец, я познакомился с потрясающей девушкой.

— Вот как? — Данросс хотел улыбнуться, но другой половине его существа было никак не отрешиться от кошмарной возможности того, что Жак — предатель. Если это так и он входит в «Севрин», то не он ли выдал тайны из тайн компании Линку Бартлетту? «Нет, Жак не мог этого сделать. Он никак не мог знать о наших банковских активах. Кто знает об этом? Кто мог...»

— Отец?

— Да, Дункан.

Сын сначала колебался, а потом выпалил единым духом:

— А ничего, если у парня девушка немного старше?

Губы Данросса тронула улыбка, и он уже собрался отшутиться, потому что сыну было лишь пятнадцать, но потом вспомнил Изящную Яшму и себя: тогда ему не исполнилось и пятнадцати, но мужского в нем было больше, чем в Дункане. «Да не настолько уж и больше, — честно признался он себе. — Дункан — мальчик высокий, он растёт, мужских качеств ему не занимать. И разве я не любил её до безумия в том году и на следующий год? Ведь я чуть не умер на следующий год, когда она пропала».

— Ну что ж, — сказал он как равный равному, — вообще-то все зависит от того, что это за девушка, сколько лет мужчине и сколько лет девушке.

— О... — Последовала длинная пауза. — Ей восемнадцать.

Данросс почувствовал огромное облегчение. «Значит, достаточно взрослая, чтобы не делать глупостей».

— Я сказал бы, это то что надо, — произнес он тем же тоном. — Особенно если парню около шестнадцати, если он высокий, сильный и знает, что к чему в жизни.

— О... О, я не... ох! Я не стал бы...

— Я не развожу критику, парнишка, а лишь отвечаю на твой вопрос. Мужчине нужно быть осторожным в этом мире и подружек выбирать с умом. Где вы познакомились?

— Она была на ферме. Её зовут Шейла.

Данросс постарался не выдать, что улыбается. «Шейла» в Австралии — имя нарицательное, примерно то же, что «бёрд» — «деваха», «бабенка» — в Англии.

— Милое имечко, — похвалил он. — И как её фамилия?

— Шейла Скрэггер. Она племянница старого мистера Тома и приехала из Англии. Она учится на медсестру в Больнице Гая²⁴⁵. Она все время так относилась ко мне, просто супер, и в Палдуне тоже просто супер.

Палдун, ферма Скрэггера, или «стейшн», как называют в Австралии овцеводческие хозяйства, была единственным имуществом, которое ему удалось спасти от краха. Она находилась в пятистах милях к юго-западу от Сиднея, близ реки Мюррей, где в Австралии выращивают рис. Шестьдесят тысяч акров земли, две тысячи акров под пшеницей, тридцать тысяч голов овец и тысяча — крупного рогатого скота. Замечательное место отдыха для молодого человека: работаешь весь день от восхода до захода солнца, пасешь овец или коров верхом; хоть двадцать миль скачи галопом в любом направлении, все равно будешь на своей земле.

— Передай от меня привет Тому Скрэггеру и не забудь перед отъездом послать ему бутылочку виски.

— О, я послал ему ящик, ничего? Данросс усмехнулся.

— Ну, парнишка, довольно было бы и бутылки, ну а ящик — это просто замечательно. Позвони, если перенесут рейс. Молодец, что организовал все сам, очень хорошо. О, кстати, мама с Гленной и тетей Кэти улетели сегодня в Лондон, так что тебе придется возвращаться в школу одному и...

— О, так это просто блеск, отец! — радостно воскликнул сын. — В конце концов, я уже теперь мужчина и скоро поступлю в университет!

— Да-да, ты прав. — Данросс сидел в своем высоком кресле, объятый приятной грустью, держа в руке письмо АМГ, но забыв о нем. — С деньгами у тебя все в

²⁴⁵ Больница Гая, основанная в 1721 г. сэром Томасом Гаем, управляющим Больницы Святого Фомы для неизлечимых больных, в наши дни является крупным учебно-медицинским центром.

порядке?

— О да. На ферме я почти ничего не тратил — только пиво покупал раза два. Отец, не говори матери о моей девушке.

— Хорошо. И Адрион тоже, — пообещал он, и грудь тотчас сжало, когда он вспомнил, что Адрион сейчас с Мартином Хэпли, и о том, как они шли, взявшись за руки. — Адрион скажи лучше сам.

— О, супер, я и забыл про неё. Как она?

— У неё все хорошо, — сообщил Данросс и приказал себе быть взрослым, мудрым и не переживать, потому что мальчишки остаются мальчишками, а девчонки — девчонками, и это вполне нормально. «Да, но, господи, как непросто быть отцом». — Ладно, Дункан, до встречи в понедельник! Спасибо, что позвонил.

— О да, и, отец, Шейла довезла меня до Сиднея. Она... она остается на уик-энд с друзьями и будет провожать меня! Сегодня мы идем в кино — «Лоуренс Аравийский»²⁴⁶, смотрел?

— Да, он только появился в Гонконге. Тебе понравится.

— О, супер! Ну, до свидания, отец, надо бежать... Я люблю тебя!

— И я люблю тебя, — проговорил он, но их уже разъединили. «Какой же я счастливый — семья, жена, дети, — подумал Данросс, и тут же добавил: — Господи, пусть с ними ничего не случится!»

Сделав над собой усилие, он снова взглянул на письмо.

«Разве это возможно, чтобы Джейсон Пламм или Жак были шпионами коммунистов? Они никогда ни словом, ни делом не давали повода для подозрений. Лайонел Тьюк? Нет, и не он тоже. Я знаю его лишь поверхностно. Человек он некрасивый, популярностью не пользуется, держится особняком, но входит в команду по крикету, член Скакового клуба и живет здесь с тридцатых годов. Вроде даже был интернирован, и его держали в тюрьме Стэнли с сорок второго по сорок пятый. Он может быть, но другие двое? Невозможно!

Жаль, что АМГ нет в живых. Я теперь же позвонил бы ему насчет Жака и...

Сначала дочитай письмо, а потом проанализируй его по частям, — скомандовал он себе. — Веди себя правильно, работай продуктивно. Боже милостивый! Дункан и восемнадцатилетняя „шейла"! Слава богу, что ещё не младшая дочка Тома Скрэггера. Сколько сейчас Присцилле? Четырнадцать, симпатичная, на вид гораздо старше. Рано, похоже, созревают девчонки „там, внизу"».

Он вздохнул.

«А может, мне следует сделать для Дункана то, что сделал для меня Чэнь-чэнь?»

Далее в письме говорилось:

...Как я уже упоминал, полной уверенности в источнике информации у меня нет.

К сожалению, должен констатировать, что с тех пор, как нами раскрыты и задержаны шпионы Блейк ²⁴⁷ и Вэссал — шифровальщик из Адмиралтейства, — а Филби, Бёрджесс и Маклин сбежали, война разведок вспыхнула с новой силой. Всех

²⁴⁶ Лоуренс Аравийский (Томас Эдвард Лоуренс, 1888-1935) — английский офицер связи, разведчик, сыграл важную роль в освободительной борьбе арабов против Османской империи в годы Первой мировой войны. Фильм «Лоуренс Аравийский» с Питером О'Тулом в главной роли получил семь «Оскаров», в том числе как лучший фильм 1962 г.

²⁴⁷ Джордж Блейк (Георг Бехар) (р. 1922) — сын голландки и египтянина, натурализованный англичанин, британский разведчик, работавший на советскую разведку. Бежал в СССР. В Англии приговорен к 42 годам тюрьмы.

их, кстати, видели в Москве. Ожидается радикальный рост масштабов шпионской деятельности в Азии. (Нам удалось вычислить Скрипова, первого секретаря советского посольства в Канберре, в Австралии, и в феврале выслать его из страны. Тем самым нарушена его австралийская сеть, которая, как я полагаю, была завязана на ваш «Северин» и разветвлялась на Борнео и Индонезию.)

Весь свободный мир сейчас обильно нашпигован агентами. Есть подозрение, что они внедрены в Эм-ай-5 и Эм-ай-6. Даже в ЦРУ. Пока мы по наивности всем доверяли, наши противники давно уже поняли, что будущая расстановка сил в мире будет зависеть как от военного, так и от экономического могущества, и принялись добывать — воровать — наши промышленные секреты.

Интересно отметить, как это ни печально, что нигде в средствах массовой информации нашего свободного мира не отмечается, что все советские достижения изначально основаны на украденных у нас изобретениях и технологиях, что без нашего зерна они бы голодали, что без нашей широкой и постоянно растущей финансовой помощи и кредитов на покупку этого самого зерна и этих самых технологий они не смогут питать военно-промышленную инфраструктуру, в рабском повиновении у которой находятся вся их империя и народ.

Рекомендую укреплять ваши связи в Китае. Советы считают Китай врагом номер один, и это убеждение крепнет. Удивительно также и то, что они, похоже, больше не испытывают параноидального страха перед США, мировой сверхдержавой, у которой сегодня самая сильная армия и самая развитая экономика. Китай, который слаб в военном и экономическом отношении и берет лишь числом живой силы, в действительности никакой военной угрозы для них не представляет. И тем не менее заставляет их цепенеть от страха.

Одна из причин в том, что у них пять тысяч миль общей границы. Другая — в общенациональном чувстве вины за поглощенные советской Россией в течение веков обширные участки территории, исторически принадлежавшей Китаю. Ещё одна — в понимании того, что китайцы — народ терпеливый и память у них долгая. Настанет день, и китайцы вернут свои земли. Они всегда возвращали свои земли, когда представлялась возможность сделать это силой оружия. Я неоднократно отмечал, что краеугольным камнем советской (империалистической) политики является изоляция и расчленение Китая, чтобы он оставался слабым. Самый кошмарный сон для Советов — это тройственный союз между Китаем, Японией и Соединенными Штатами. Вашему Благородному Дому стоит поработать над тем, чтобы содействовать его созданию. (А также созданию Общего рынка, объединяющего Соединенные Штаты, Мексику и Канаду, что, по моему мнению, абсолютно необходимо для стабилизации обстановки на североамериканском континенте.) Есть ли иной, кроме Гонконга — и, следовательно, вашей компании, — канал, через который может поступать все это следующее в Китай богатство?

И последнее, возвращаясь к «Северину». Я решился на очень большой риск и вышел на одного из самых ценных наших людей в святой святых сверхсекретного пятого отдела КГБ. И только сегодня получил от него сообщение, что личность «Артура», руководителя «Северина», настолько засекречена, что даже он не имеет доступа к этой информации. Он сообщил лишь, что этот человек англичанин и один из его инициалов — «Р». Боюсь, тут мало на что можно опереться.

Надеюсь свидеться с вами. Помните, мои бумаги ни при каких обстоятельствах не должны попасть в чужие руки. С почтением, А. М. Г.

Данросс запомнил телефонный номер в Женеве, ввел его шифром в свою

адресную книгу и зажег спичку. Бумага для писем, отсылаемых авиапочтой, съежилась и загорелась.

«Р». Роберт, Ральф, Ричард, Робин, Род, Рой, Рекс, Руперт, Ред, Родни и опять назад к Роджеру. И к Роберту. Роберт Армстронг, или Роджер Кросс, или... или кто?

«Боже всемогущий», — думал Данросс, ощущая слабость во всем теле.

— Восемь семь один шесть пять шесть пять в Женеве, «номер с номером», — проговорил он в трубку личного телефона.

Навалилась усталость. Спал он прошлой ночью беспокойно, в снах опять был на войне, в охваченной пламенем кабине своего самолёта, в ноздрах стоял запах гари. Проснулся в холодном поту и долго прислушивался к звукам дождя. Через некоторое время осторожно встал. Пенн крепко спала, и во всем Большом Доме царил тишина. Только старая А Тат, как всегда, сразу поднялась, чтобы приготовить ему чай. И снова на дистанцию: гонка целый день, враги, сжимающие кольцо, и ничего, кроме дурных вестей. «Бедный Джон Чэнь, — подумал он, а потом безуспешно попытался стряхнуть усталость. — Может, удастся прикорнуть на часок между пятью и шестью? Вечером голова должна работать очень хорошо».

Оператор соединил, и он услышал длинные гудки.

— *Ja*?²⁴⁸ — ответил тихий голос.

— *Hier ist* ²⁴⁹ герр Данросс из Гонконга. Фрау Грессерхофф, *bitte* ²⁵⁰, — проговорил он на хорошем немецком.

— О! — Последовала долгая пауза. — *Ich bin*²⁵¹ фрау Грессерхофф. Тайбань?

— Со дэс! Охаё годзаимас. Аната ва Андзин Рико-сан? (Да! Доброе утро. Вас также зовут Рико Андзин?) — четко выговаривал он японские слова.

— *Хай. Хай, додзо. А-а, нихонго ва дзёцу дэс.* (Да. О, вы очень хорошо говорите по-японски.)

— Иэ, сукоси, гомэн насай. (Нет, что вы, совсем немного.) — Два года он проработал в токийском офисе компании: это входило в программу его обучения. — Ах, прошу извинить, но я относительно герра Грессерхоффа. Вы уже знаете?

— Да. — Голос был печальный. — Да. Я узнала в понедельник.

— Я только что получил письмо от него. По его словам, у вас есть кое-что для меня? — осторожно спросил он.

— Да, тайбань. Да, есть.

— Можете ли вы привезти это сюда? К моему глубокому сожалению, я к вам приехать не могу.

— Да. Да, конечно, — помолчав, сказала она. Её негромкая речь ласкала слух. — Когда я должна приехать?

— Как можно быстрее. Если через пару часов вы подойдете в наш офис на авеню Берн, скажем, в полдень, там будут билеты и деньги для вас. Мне кажется, есть рейс «Свиссэр», который вылетает сегодня днем — если это возможно.

Снова молчание. Он терпеливо ждал. В пепельнице горело, скручиваясь, письмо АМГ.

— Да, — промолвила она. — Это возможно.

— Я все устрою. Хотите, чтобы вас кто-то сопровождал?

²⁴⁸ Да? (нем.)

²⁴⁹ Это (нем.).

²⁵⁰ Пожалуйста (нем.).

²⁵¹ Я (нем.).

— Нет-нет, благодарю, — проговорила она так тихо, что ему пришлось зажать ухо ладонью, чтобы лучше слышать. — Прошу извинить меня за то, что доставляю вам столько хлопот. Я могу сделать все сама.

— Ну что вы, какие хлопоты, — воскликнул он, довольный тем, что ещё может бегло разговаривать по-японски. — Пожалуйста, приходите ко мне в офис в полдень... Кстати, у нас здесь тепло и сыро. А, извините, прошу прощения за такой вопрос, но ваш паспорт будет швейцарский или японский и под каким именем вы поедете?

Последовала ещё более долгая пауза.

— Я буду... думаю, что мне следует... Паспорт будет швейцарский, и поеду я под именем Рико Грессерхофф.

— Благодарю вас, фрау Грессерхофф. Жду встречи с вами. Киёскэттэ (благополучного путешествия), — пожелал Данросс под конец.

Он задумчиво положил трубку. Остатки письма АМГ догорели, пустив струйку дыма. Он тщательно растолок пепел.

«Как теперь быть с Жаком?»

46

17:45

Жак де Вилль тяжело поднимался по мраморным ступеням в бельэтаж отеля «Мандарин», где было полно людей, которые ещё пили чай.

Скинув плащ, он шёл через толпу и чувствовал себя очень постаревшим. Он только что говорил с женой Сюзанной, которая была в Ницце. Специалист из Парижа ещё раз осмотрел Аврил и сказал, что внутренние травмы могут быть не такими серьезными, как кажется.

— Он говорит, что нужно иметь терпение, — обрушивался на него парижский говорок Сюзанны. — Но, Мать Божья, где его взять, это терпение? Бедное дитя в полном смятении и сходит с ума. Она не устает повторять: «Но ведь за рулем была я. Это была я, мама, я! Если бы не я, мой Борж был бы жив, если бы не я...» Я боюсь за неё, *chéri* !

— А она уже знает, что у неё... о внутренних органах?

— Нет, ещё не знает. Доктор не велел говорить ей, пока сам не будет уверен. — И Сюзанна расплакалась.

Мучительно переживая, Жак как мог постарался успокоить жену и обещал перезвонить через час. Некоторое время он соображал, как быть, потом сделал кое-какие приготовления и приехал сюда.

Телефонная будка около газетного киоска была занята, поэтому он купил дневной выпуск газеты и пробежался по заголовкам. ДВАДЦАТЬ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ПОГИБЛО ПОД ГРЯЗЕВЫМИ ОПОЛЗНЯМИ В АБЕРДИНЕ... ДОЖДИ БУДУТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ... ОТМЕНЯТ ЛИ БОЛЬШИЕ СКАЧКИ В СУББОТУ?... КЕННЕДИ РЕКОМЕНДУЕТ СОВЕТАМ НЕ СОВАТЬСЯ ВО ВЬЕТНАМ... ФРАНЦИЯ И КИТАЙ ОТВЕРГЛИ ДОГОВОР О ЗАПРЕЩЕНИИ ИСПЫТАНИЙ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ, ПОДПИСАННЫЙ В МОСКВЕ ДИНОМ РАСКОМ²⁵², АНДРЕЕМ ГРОМЫКО И СЭРОМ АЛЕКОМ ДУГЛАС-ХЬУМОМ²⁵³... МАЛАЙСКИЕ КОММУНИСТЫ РАЗВИВАЮТ НАСТУПЛЕНИЕ... УМЕР ПРЕЖДЕВРЕМЕННО РОДИВШИЙСЯ ВТОРОЙ СЫН

²⁵² Дэвид Дин Раск (1909-1994) — госсекретарь США (1961-1969) при президентах Джоне Кеннеди и Линдоне Джонсоне.

²⁵³ Алек Дуглас-Хьюм (1903-1995) — министр иностранных дел Великобритании (1960-1963).

КЕННЕДИ... ПРОДОЛЖАЮТСЯ ПОИСКИ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИЧАЙШЕГО ОГРАБЛЕНИЯ ПОЕЗДА В АНГЛИИ... СКАНДАЛ С ПРОФЬОМО ДИСКРЕДИТИРУЕТ КОНСЕРВАТИВНУЮ ПАРТИЮ...

— Извините, сэр, вы звонить? — спросила сзади какая-то американка.

— О, о да, благодарю вас, извините! Я не заметил, что телефон освободился. — Зайдя в будку, он закрыл дверь, вставил монету в прорезь и набрал номер. Послышался гудок. Его охватило волнение.

— Да?

— Мистера Лоп-сина, пожалуйста, — сказал он, ещё не разобрав, кто это.

— Здесь нет никакого мистера Лоп-тина. Извините, вы ошиблись номером. — Он с облегчением узнал голос Суслева.

— Я хотел бы оставить сообщение.

— Вы ошиблись номером. Справьтесь в телефонном справочнике. Пароль был закончен правильно, и он начал:

— Прошу прощения за...

— Какой у тебя номер? — грубо прервали его. Жак тут же назвал.

— Это телефонная будка?

— Да. — Телефон мгновенно отключился.

Повесив трубку, де Вилль почувствовал, что ладони стали вдруг влажными от пота. Номер Суслева можно было использовать лишь в экстренных случаях, но ведь сейчас именно такой случай. Он не отрываясь смотрел на телефон.

— Прошу прощения, сэр, — крикнула американка, приоткрыв стеклянную дверь. — Разрешите, я позвоню? Я быстро.

— Ох! О я... одну минутку. — Жак смутился. За ней уже выстроилась очередь из трех китайцев, которые нетерпеливо и злобно уставились на него. — Я... всего минутку. — Он снова прикрыл дверь. На спине выступил пот. Он ждал, ждал и ждал, и наконец телефон зазвонил. — Алло?

— В чем срочность?

— Я... я только что получил известия из Ниццы. — Осторожно подбирая слова и не упоминая имен, Жак пересказал Суслеvu суть разговора с женой. — Я сейчас же улетаю туда вечерним рейсом — и подумал, что лучше сказать вам лично, чтобы...

— Нет, сегодня вечером — слишком скоро. Закажи билеты на завтрашний вечерний рейс.

Жаку показалось, что мир рушится.

— Но я несколько минут назад разговаривал с тайбанем, и он не против, если я полечу сегодня вечером. У меня билеты заказаны. Я могу вернуться через три дня, у неё действительно ужасный голос по телефону. Неужели вы...

— Нет! — ещё более резким тоном заявил Суслев. — Я позвоню тебе сегодня вечером, как договорились. До этого момента все может подождать. По этому номеру больше не звони! Только в случае действительно экстренной ситуации.

Жак открыл было рот, чтобы горячо возразить, но телефон уже умолк. В голосе Суслева чувствовалась злость.

«Но это же действительно экстренная ситуация, — взбудораженно сказал себе де Вилль и стал снова набирать номер. — Я нужен там Сюзанне, и Аврил тоже. И тайбань был не против. Сказал: „Правильно, Жак. Оставайся там сколько будет нужно. Эндрю тебя прикроет“.

А теперь... Merde, как быть? Суслев ведь мне не надзиратель!

Или надзиратель?»

Покрывшись холодным потом, де Вилль перестал набирать номер и повесил трубку.

— Вы закончили, сэр? — крикнула американка с назойливой улыбкой. Ей было за пятьдесят, волосы выкрашены в модный голубой цвет. — Тут уже целая очередь.

— Ох... о да, извините. — Он с трудом открыл дверь.
— Вы забыли газету, сэр, — вежливо напомнила она.
— Ох, благодарю вас. — Протянув руку, Жак де Вилль забрал газету и с несчастным видом вышел.

Китайцы — трое мужчин и женщина — тут же рванулись вперед, отпихнув локтями его и американку. Первой к двери пробилась коренастая матрона и захлопнула её за собой, остальные столпились у двери.

— Эй... сейчас моя очередь, — рассерженно начала американка, но никто и ухом не повел, осыпая её саму и её предков изощренными ругательствами.

Суслев стоял посреди неприглядной квартиры в Коулуне, ещё одной явки «Артура», и сердце у него колотилось от неожиданного звонка. В помещении пахло сыростью, невымытой посудой, стряпней. Глядя на телефон, Суслев злился на Жака де Вилля. «Вот ведь болван безродный и безмозглый. Жак становится обузой. Сегодня же скажу „Артуру“, что от де Вилля нужно избавляться. И чем быстрее, тем лучше! Да, и чем быстрее ты успокоишься, тем лучше, — одернул он себя. — В гневе люди совершают ошибки. Отставь-ка его в сторону!»

Это далось ему не без усилия, но он постарался успокоиться и, выйдя на полутемную площадку, где краска облезала со стен, запер за собой дверь на ключ. Другим ключом он отпер расположенную рядом дверь Джинни Фу.

— Хочешь водки? — игриво улыбнулась она.

— Да. — Он ухмыльнулся в ответ, с удовольствием оглядывая её. Джинни сидела скрестив ноги на старом диване, и, кроме улыбки на лице, на ней ничего не было. Когда раздался звонок, они целовались. Телефонов в квартире было два: её и ещё один, тайный, в буфете, которым пользовался только Суслев. По уверениям «Артура», аппарат был надежный, «левый», он нигде не значился, и в него нельзя было встроить подслушивающее устройство. Тем не менее для срочных звонков Суслев пользовался телефоном в другой квартире.

«Matyeryebyets, этот Жак», — думал он. Нервное напряжение от неожиданного и резкого звонка тайного телефона ещё не прошло.

— Пить, tovarich, — протянула ему рюмку Джинни. — Потом пить меня, хейя?

Он ухмыльнулся в ответ, взял рюмку и с видом знатока провел рукой по её прелестной маленькой попке.

— Джинни, golubushka, какая ты хорошая девочка!

— Ещё бы! Лучше девочки для тебя нет. — Протянув руку, она поласкала ему мочку уха. — Мы «джиг-джиг», хейя?

— А что, давай.

Он пил огненную жидкость небольшими глотками, желая растянуть удовольствие. Маленькие проворные пальцы расстегивали ему рубашку. Он остановил её на секунду и поцеловал. Она с удовольствием ответила на поцелуй.

— Подожди, пока одежды нет, хейя? — хихикнула она.

— На следующей неделе я уйду, а? — Он держал её в медвежьих объятиях. — Хочешь, пойдем вместе, а? Тот праздник, что я давно обещал?

— О? О, правда? — Она расплылась в улыбке. — Када? Када? Ты не шутишь?

— Можешь пойти со мной. Зайдем в Манилу, наш первый заход в Манилу, потом на север и через месяц обратно сюда.

— О, целый месяц... о Греги! — Она обняла его изо всех сил. — Я буду лучшая капитанская девушка весь Китай!

— Да, да, будешь.

— Када идем... када мы идем?

— На следующей неделе. Я скажу когда.

— Хорошо. Завтра я иду получить паспорт...

— Нет, никакого паспорта, Джинни. Тебе его никогда не дадут. Эти viblyadki задержат тебя. Они никогда не разрешат тебе поехать со мной... О нет, golubushka, эти грязные полицейские никогда не разрешат тебе поехать со мной.

— Что я тогда делать, хейя?

— Я потихоньку пронесу тебя на борт в сундуке! — Он громко расхохотался. — Или, может, на ковче-самолёте. А?

Она смотрела на него снизу вверх, и широко открытые чёрные глаза были полны нетерпения.

— Правда брать меня? Правда? Один месяц на твоём корабле, хейя?

— Месяц по крайней мере. Но никому ни слова. Полиция все время следит за мной, и если они узнают, ты не сможешь поехать. Поняла?

— Все боги свидетели, не скажу ни одной живой душе, даже матери, — страстно поклялась Джинни, а после, переполненная счастьем, снова заключила его в объятия. — И-и-и, я получать огромный репутация жена капитана! — Она ещё раз обняла его, потом позволила своим пальчикам вольность, и он вздрогнул. Девушка засмеялась и снова принялась раздевать его. — Со мной тебе будет лучше всех, лучше всех.

Она умело и сосредоточенно действовала пальцами и губами, касаясь его тела, принимая к нему и отстраняясь, пока он не вскрикнул — «тучки и дождь» сделали его одним из небожителей. Её руки и губы старались продлить наслаждение до последнего. Потом она остановилась и свернулась калачиком рядом, прислушиваясь к его глубокому дыханию, очень довольная хорошо выполненной работой. У неё самой до «тучек с дождем» не доходило, хотя она и притворялась, чтобы усилить его удовольствие. За все время знакомства с ним она испытала оргазм лишь дважды, но оба раза была очень пьяна и не могла с уверенностью сказать, случилось это на самом деле или нет. Каждый раз высот блаженства она достигала лишь с Третьим Ночным Поваром по Сэндвичам Током в «Виктория энд Альберт».

«Благословите все боги мой джосс, — думала она, довольная. — Если я поеду на месяц с Грегором и он даст ещё денег сверху, если мне повезет и я пробуду с ним ещё годик, мы с Током накопим достаточно, чтобы открыть свой ресторан. Я смогу иметь сыновей и внуков, стану просто небожительницей — как боги. О, как мне повезло!»

Она уже подустала — ведь потрудиться пришлось основательно, — поэтому свернулась рядом с ним поудобнее и закрыла глаза. Он ей нравился, и она была благодарна богам, которые помогли ей преодолеть отвращение к его телу, такому большому, белому, как жабья кожа, пахнущему чем-то прогорклым. «Слава всем богам», — подумала она и с этой мыслью, довольная, заснула.

Суслев не спал. Он лишь купался в дреме, отдыхая душой и телом. В чем-то день прошел хорошо, в чем-то — из рук вон плохо. После встречи с Кроссом на ипподроме русский вернулся на судно в ужасе: неужели утечка была с «Иванова»? Запершись в своей каюте, он зашифровал сведения Кросса — об операции «Учебный заход» и всем остальном — и отослал их. В полученных сообщениях говорилось, что с заменой Воранскому придется погодить до следующего захода «Советского Иванова», что специалист по психохимической обработке Коронский может прибыть из Бангкока через двенадцать часов после получения вызова и что ему, Суслеву, предлагается взять на себя управление «Севрином» и связываться с «Артуром» напрямую. «Копии папок АМГ получить во что бы то ни стало. Неудачи исключаются».

Вспомнилось, как он похолодел от этого «неудачи исключаются». Неудач так мало, успехов так много, но помнят только провалы.

«От кого на „Иванове“ могла произойти утечка? Кто знакомился с папкой АМГ кроме меня? Только Дмитрий Меткин, мой заместитель. Вряд ли это он. Утечку допустил кто-то другой..»

Насколько можно доверять Кроссу?

Слишком доверять ему не стоит, но это, несомненно, самый ценный наш агент во всем капиталистическом лагере Азии, и его нужно защищать любой ценой».

Ощущать рядом спящую Джинни было приятно. Дыхание почти бесшумно вылетало из ровно вздымающейся груди, время от времени девушка чуть вздрагивала. Взгляд Суслева упал через открытую дверь на старомодные часы, стоявшие в углублении на одной из неприбранных кухонных полок среди полупустых бутылей, консервных банок и коробок. Под кухню была приспособлена ниша в гостиной. Здесь, в единственной спальне, стояла огромная кровать почти на всю комнату. Её купил Суслев, когда они только познакомились, почти три года назад. Кровать была хорошая, чистая, мягкая, хотя и не очень, но все лучше корабельной койки.

Джинни тоже радовала. Уступчивая, покладистая, никаких проблем. Иссиня-чёрные волосы коротко пострижены, челка падает на высокий лоб, как ему нравится. Ничего общего с Вертинской, его владивостокской любовницей, с её миндалевидными карими глазами, длинной волнистой каштановой гривой и нравом дикой кошки. Эта была дочь княжны Сергеевой и какого-то лавочника, китайца-полукровки, купившего тринадцатилетнюю девочку-подростка из знатной семьи на аукционе. Юная княжна оказалась среди детей, бежавших из России в вагонах-«телятниках» после катастрофы семнадцатого года.

«Освобождения, а не катастрофы, — довольный, поправил он себя. — И ведь как славно спать с дочерью княжны Сергеевой, когда ты внук крестьянина, гнувшего спину на сергеевских землях».

Думая о Сергеевых, он вспомнил про Алексея Травкина. И улыбнулся. «Бедняга Травкин, надо же быть таким глупцом! Чтобы княгиню Анастасию, его жену, да отпустили на Рождество в Гонконг? Сомневаюсь. А если и отпустят, бедный Травкин умрет от ужаса, когда увидит эту маленькую старую ведьму из сибирских снегов, беззубую, сморщенную и страдающую артритом. Лучше избавить его от кошмара, — сочувственно думал он. — Травкин — русский, и человек неплохой».

Он снова взглянул на часы. Было 18:20. Суслев снова улыбнулся. В ближайшие несколько часов делать абсолютно нечего: только спать, есть, думать и планировать. Потом тайная встреча с членом английского парламента, а попозже вечером — с «Артуром». Русский хихикнул. Как приятно осознавать, что тебе ведомы секреты, о которых «Артур» и не подозревает.

«Но ведь „Артур“ тебе тоже не все выкладывает, — беззлобно подумал он. — Может, он уже знает об этих членах парламента. Он неглуп, очень неглуп и доверяет мне не больше, чем я ему.

Это великий закон: если хочешь уцелеть и не попасть в лапы противнику, никогда не доверяй другому — будь то мужчина, женщина или ребенок.

Я в безопасности, потому что разбираюсь в людях, умею держать язык за зубами и примирять интересы государства с моими личными жизненными планами.

Сколько ещё нужно воплотить удивительных замыслов! Сколько восхитительных переворотов подготовить и принять в них участие! Опять же есть „Севрин“...»

Он снова хихикнул, и Джинни заворочалась.

— Спи, маленькая принцесса, — прошептал он, убаюкивая её, как ребенка. — Спи.

Она не проснулась, а только убрала волосы с глаз и свернулась поудобнее.

От неё исходило приятное тепло. Суслев закрыл глаза и положил ей руку на бедра. Ещё днем он заметил, что льет уже не так сильно. А теперь дождь и вовсе прекратился. Русский зевнул, засыпая: этот шторм ещё даст о себе знать.

18:25

Роберт Армстронг выпил пиво одним глотком.

— Ещё одно, — якобы заплетающимся языком выговорил он, изображая подвыпившего.

В баре «Гуд лак герлфренд» на набережной в Ваньчае, где он сидел, было шумно, людно и полно моряков с американского атомного авианосца. Работавшие на заведение девицы-китайки раскручивали клиентов на выпивку. Эти пташки не возражали, когда с ними заигрывали, лапали их, лишь бы навязать посетителю разбавленную выпивку, за которую тут драли втридорога. Время от времени то одна, то другая красотка заказывала настоящий виски и совала под нос облапошенному ухажеру в доказательство того, что его не обманывают.

Над баром располагались номера, но ходить туда морякам не стоило. Не все девушки следили за собой — просто от невежества. К тому же поздно вечером там могли и ограбить, хотя обчищали только очень пьяных. В конце концов, в этом не было особой нужды: моряки были готовы спустить все, что имели.

— Хочешь «джиг-джиг»? — обратилась к Армстронгу накрашенная девочка, почти ребенок.

«Цзю ни ло мо на всех твоих предков, — хотелось ответить ему. — Тебе бы дома за учебниками сидеть». Но суперинтендент смолчал. Ничего хорошего из этого не вышло бы. Вероятнее всего, на работу в бар девчущку устроили родители, да ещё были рады: теперь семья сможет жить чуть получше.

— Хочешь выпить? — спросил он вместо этого, не показывая, что умеет говорить по-кантонски.

— Скотч, скотч, — высокомерно выкрикнула девчонка.

— Закажи лучше чаю, а деньги я тебе так и так дам, — мрачно предложил он.

— Эти всех богов и матерей богов, у меня все без обмана! — Девчонка надменно показала грязный стакан, шваркнувший на стол официантом. В нем действительно плескался настоящий виски, хоть и дешевый. Она опрокинула стакан, даже не поморщившись. — Официант! Ещё скотч и пиво! Ты пить, я пить, потом мы «джиг-джиг». Армстронг взглянул на неё.

— Как тебя зовут?

— Лили. Лили Чоп. Двадцать пять доллар короткий время.

— Сколько тебе лет?

— Много. А тебе?

— Девятнадцать.

— Ха, коп всегда врать!

— С чего ты взяла, что я коп?

— Босс сказал. Всего двадцать доллар, хейя?

— Кто твой босс? Который?

— Она. За стойкой. Она мама-сан.

Армстронг стал вглядываться сквозь клубы табачного дыма. Лет пятидесяти с лишком, худая, костлявая и взмокшая, мама-сан усердно работала, выполняя заказы и одновременно поддерживая безостановочную шутиливую беседу с моряками.

— А она откуда взяла, что я коп? Лили снова пожала плечами.

— Слушай, она говорит, чтобы ты был довольный, или я на улице. Мы теперь идем наверх, хейя? За счет заведения, нет двадцать доллар. — Девчущка встала. Теперь было видно, что она боится.

— Сядь, — приказал он.

Она села, охваченная ещё большим страхом.

— Если я не нравиться, она выкинуть...

— Ты мне нравишься. — Армстронг вздохнул. Старый трюк. Идешь — платишь, не идешь — платишь, и босс непременно подойдет молоденькую. Он передал ей пятьдесят долларов. — Вот. Иди и передай мама-сан с благодарностью от меня. Скажи ей, что сейчас я не могу «джиг-джиг», потому что у меня месячные! Меня посетил «досточтимый красный».

Лили оторопело выпучила на него глаза, а потом захихикала, как старушка.

— И-и-и, эти всех богов, ну молодец! — Она пошла прочь, не без труда передвигаясь на высоких каблуках, и смелый разрез её чунсама бесстыдно оголял тонюсенькие ноги и тощие ягодички.

Армстронг допил пиво, оплатил счет и встал. На его столик тут же нашлись желающие, а он стал проталкиваться к выходу через толпу потных, галдящих моряков.

— Заходите в любое время, — крикнула мама-сан, когда он проходил мимо.

— Непременно зайду, — беззлобно откликнулся он.

Дождь уже чуть моросил, становилось темно. На улице горластых моряков было ещё больше: все американцы. Британским матросам капитаны их кораблей приказали первые несколько дней держаться подальше от этого района. В плаще было жарко. Покинув Глостер-роуд и набережную, через минуту полицейский уже шлепал по лужам среди толпы на О'Брайен-роуд. В воздухе чувствовалась свежесть, город выглядел чистым и умытым. На углу он свернул на Локхарт-роуд и наконец нашел переулок, который искал. Там, как и всегда, кипела жизнь: уличные ларьки, лавки, тощие собаки, куры в клетках, свисающие с крюков высохшие жареные утки и куски мяса, овощи и фрукты. У самого начала переулочка над небольшой стойкой и высокими табуретками был натянут брезентовый навес от дождя. Он кивнул владельцу, выбрал уголок потемнее, заказал чашку лапши по-сингапурски — тонкой, чуть поджаренной, похожей на вермишель, без бульона, с соусом чили, специями, рублеными креветками и свежими овощами — и стал ждать.

«Брайан Квок.

И опять в голове у тебя Брайан Квок.

И эти сорок тысяч мятыми бумажками, обнаруженные в ящике твоего стола, в ящике, который всегда заперт.

Сосредоточься, — велел он себе, — а то поскользнешься. И совершишь ошибку. Ошибок тебе допускать нельзя!»

Армстронг устал, и ему было не избавиться от ощущения, что он весь замарался так, что не отмыться и горячей водой с мылом. Он с трудом заставил глаза искать добычу, уши — прислушиваться к шумам улицы, а нос — наслаждаться ароматом пищи.

Не успел он доесть лапшу, как в поле его зрения попал американский матрос. Тощий, в очках, он возвышался над пешеходами-китайцами, хотя шёл, слегка сутулясь. Одной рукой он обнимал уличную девицу. Держа над ними обоими зонтик, она тянула его за собой.

— Нет, не сюда, бэби, — молила она. — Моя комната другой сторона... понимать?

— Конечно, милочка, но сначала мы зайдем сюда, а потом двинемся в твою сторону. Угу? Пойдем, дорогуша.

Армстронг ещё больше сгорбился в тени. Они приближались, а полицейский прикидывал, тот ли это человек. Говорит нараспев, как южанин, на вид около тридцати. Шагая по оживленной улице, моряк вертел головой — пытался сориентироваться. Потом внимание его привлекло ателье на углу переулочка под вывеской «Поп-тин. Пошив костюмов» и небольшой ресторанчик напротив, с открытой террасой, освещенный голыми лампочками. К столбику было приколочено написанное корявыми буквами объявление: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ,

АМЕРИКАНСКИЕ МОЛЯКИ! На вывеске над дверью красовались жирные иероглифы: «Ресторан „Тысяча Лет Здоровья Мао Цзэдуну“».

— Пойдем, милочка, — просиял матрос. — Давай выпьем здесь пивка.

— Нехороший место, бэби, лучше ходить мой бар, хейя? Луч...

— Мы выпьем пива здесь, черт возьми!

Он зашел на террасу и сел за один из пластиковых столов, нескладный в своем плаще. Она с недовольным видом последовала за ним.

— Пиво. Два пива! «Сан-Мигель», угу? Соображаешь, угу?

Армстронгу со своего места все было отлично видно. За одним из других столов четверо кули шумно хлебали суп с лапшой. Они мельком глянули на матроса и его подружку. Один сделал неприличное замечание, остальные захохотали. Девушка покрылась краской и повернулась к ним спиной. Матрос насвистывал какой-то мотивчик, сторожко оглядываясь по сторонам и прихлебывая пиво. Потом он встал, бросив: «Я в галюн», и, уверенно раздвинув засиженную мухами занавеску из нанизанных на веревки шариков, нырнул в глубь помещения. Китаец за стойкой проводил его угрюмым взглядом. Вздохнув, Армстронг расслабился. Мышеловка взведена.

Через минуту матрос вернулся.

— Давай, — сказал он, — пошли отсюда. — Американец допил пиво, расплатился, и парочка удалилась под ручку, как и пришла.

— Желаете ещё лапши по-сингапурски? — бесцеремонно обратился к Армстронгу подошедший хозяин ларька. Узкие щелочки глаз на лице с высокими скулами, недружелюбный взгляд.

— Нет, спасибо. Только ещё одно пиво.

— Нету пива.

— Эти тебя и всю твою родню, — прошипел Армстронг на прекрасном гортанном кантонском. — Я тебе что, болван из Золотой Горы? Нет, я посетитель в твоём, эти его, заведении. Неси мне сюда, эти его, пиво, или я прикажу своим людям отрезать твой «тайный мешочек» и скормить эти орешки, которые ты называешь сокровищем, первому попавшемуся псу!

Тот не сказал в ответ ни слова. С недовольной миной прошел к ларьку на следующей улочке, купил там бутылку «Сан-Мигеля», принес и поставил на стойку, чтобы открыть. Остальные посетители продолжали пялиться на Армстронга. Он вдруг громко отхаркнулся, сплюнул и уставил взгляд холодных голубых глаз на ближайшего из них. Тот вздрогнул и отвернулся. Другие в смущении уткнулись в свои чашки: им стало не по себе рядом с варваром-полицейским, который был настолько невоспитан, что позволял себе вот так запросто ругаться на их языке.

Армстронг устроился поудобнее на своем высоком табурете, прочесывая взглядом улицу и переулочек, и стал терпеливо ждать.

Ждать пришлось недолго, потому что вскоре показался приземистый человек европейской наружности. Он подошел, держась одной стороны переулочка, и стал разглядывать витрину дешевой обувной лавки за многочисленными ларьками.

«Ага, профессионал, — удовлетворенно отметил Армстронг, понимая, что тот таращится в витринное стекло, разглядывая в нем, как в зеркале, ресторан. Человек не торопился. Бесформенный дождевик из пластика и шляпа, вид ничем не примечательный. На какой-то миг его закрыл проходивший мимо кули с огромными тюками на концах бамбукового шеста. Следя за ногами незнакомца, Армстронг обратил внимание на узловатые, в варикозных венах, ноги кули. Две пары ног пришли в движение, прикрытый кули, человек выбрался из переулочка и, не останавливаясь, зашагал дальше по улице.

«Неплохо, — с восхищением подумал полицейский, не упуская его из виду. — Этот тип здесь не впервые. Грамотный — должно быть, кагэбэшник. Ну что ж, теперь

уже недолго осталось, милый друг. Скоро ты окажешься на крючке». Он говорил это про себя беззлобно, как рыбак, заметивший жирную форель, которая примеривается к наживке.

Человек снова разглядывал витрины. «Давай-давай, рыбешка».

Тот действительно вел себя как форель. Сделал несколько заходов, то уходя, то возвращаясь, каждый раз очень осторожно и не привлекая внимания. Наконец он вошёл на террасу ресторана, сел и заказал пиво. Армстронг снова вздохнул, теперь он был доволен.

Казалось, прошло бесконечно много времени, прежде чем человек встал, спросил, где туалет, и прошел мимо немногих оставшихся посетителей сквозь занавеску из шариков. Через какое-то время он появился снова и направился к своему столику. Сзади на него тут же набросились четверо пообедавших кули. Они связали его и держали так, что он не мог и пошевелиться, пока ещё один налаживал ему вокруг шеи высокий жесткий воротник. Остальные, настоящие посетители, а не переодетые агенты Эс-ай, застыли, разинув рот. Один даже уронил палочки для еды, какая-то парочка бегом покинула ресторан, а остальные замерли без движения.

Армстронг лениво поднялся со стула и подошел к ним. Стоявший за прилавком громила китаец снял фартук.

— Заткнись, ублюдок, — приказал он по-русски задержанному, который осыпал их бранью и тщетно пытался вырваться. — Добрый вечер, суперинтендент, — хитро улыбнулся он Армстронгу. Это был Малкольм Сунь, старший агент Эс-ай и старший из китайцев на этой «шестнадцать дробь два». Именно он организовал перехват и заплатил повару, который обычно работал в эту смену, чтобы занять его место.

— Добрый вечер, Малкольм. Здорово сработано. — Армстронг переключился на вражеского агента. — Ваше имя? — любезно спросил он.

— Кто вы? Отпустите меня... отпустите! — По-английски человек говорил с сильным акцентом.

— Действуй, Малкольм, — распорядился Армстронг. Сунь тут же выпалил по-русски:

— Послушай, ты, мать твою! Мы знаем, что ты с «Иванова». Знаем, что ты — курьер и только что принял закладку от американца с атомного авианосца. Этого ублюдка мы уже задержали, и можешь не сомневаться...

— Ложь! Вы меня с кем-то спутали, — вопил по-русски задержанный. — Я не знаю никакого американца. Отпустите!

— Как тебя зовут?

— Вы меня с кем-то спутали. Отпустите меня!

Ресторан уже окружала толпа зевак, которые смотрели на происходящее разинув рот.

Малкольм Сунь повернулся к Армстронгу:

— Матерый, сэр. Не понимает хорошего русского языка. Боюсь, придется нам его приютить, — криво улыбнулся он.

— Сержант, давай сюда «черную марию».

— Есть, сэр.

Ещё один агент быстро ушел, Армстронг же подошел поближе. Седоволосый и коренастый, русский смотрел на него маленькими злыми глазками. Его держали грамотно: ни малейшей возможности скрыться, сунуть руку себе в карман или в рот, чтобы уничтожить улики или себя самого.

Армстронг умело обыскал русского. Никакого печатного наставления и никакой пленки в рулоне.

— Куда ты это дел?

— Я не понимать!

Ненависть русского мало трогала Армстронга. Никакой злобы он не испытывал:

перед ним был лишь объект, попавший в западню.

«Интересно, кто донес на бедолагу? Напуган до смерти, и есть от чего: пропал теперь для КГБ и своего народа навсегда, все равно что умер. Интересно, почему преуспели мы, а не старина Роузмонт со своими цэрэушниками? Как получилось, что о закладке стало известно нам, а не янки? Как об этом пронюхал Кросс?»

Армстронгу было сказано лишь, где и как будет сделана закладка, а также что произведет её матрос с авианосца, а принимать будет кто-то с «Иванова».

— Ты отвечаешь за это дело, Роберт. Пожалуйста, не завали его.

— Не завалю. Но пожалуйста, поручите кому-нибудь другому допрашивать Брайана Кво...

— Говорю в последний раз, Роберт: проводить допрос Квока будешь ты. Ты прикомандирован к Эс-ай, пока я тебя не отпущу. А если заскулишь ещё раз, сделаю так, что вылетишь из полиции, вылетишь из Гонконга и останешься без пенсии. Вряд ли тебе нужно напоминать, что у Эс-ай длинные руки. Работу ты вряд ли найдешь. А если уйдешь в криминал, то помогай тебе Бог. Теперь все ясно наконец?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Брайана подготовят для тебя на шесть утра, завтра. Армстронг поежился.

«То, что мы поймали его, — невероятное везение! Если бы Очкарик У не был родом из Нинтока, если бы старая ама не разговорила с одним из Вервольфов, если бы не отток вкладчиков из банка... Господи, сколько всяких „если“. Но ведь именно так и можно поймать рыбу, большую рыбу. В большинстве случаев это чистое везение, черт побери, чистейшей воды везение. Господи боже, Брайан Квок! Бедняга ты, бедняга!»

Он поежился снова.

— Вы хорошо себя чувствуете, сэр? — спросил Малкольм Сунь.

— Да. — Армстронг оглянулся на русского: — Куда ты дел пленку, рулон пленки? Тот вызывающе смотрел на него:

— Не понимаю! Армстронг вздохнул.

— Понимаешь, слишком хорошо все понимаешь.

Через толпу зевак проехал большой черный фургон и остановился. Из него вышли ещё несколько сотрудников Эс-ай.

— Давайте его в машину! И не отпускать ни на минуту, — скомандовал Армстронг державшим русского.

Толпа живо обсуждала происходящее и проводила задержанного свистом, когда его грубо заталкивали в фургон. Армстронг с Сунем залезли вслед за ним и закрыли за собой дверцу.

— Водитель, пошёл, — приказал Армстронг.

— Есть, сэр. — Водитель выжал сцепление, и фургон, пробравшись через толпу, влился в густой поток машин, направляясь в Главное управление.

— Ладно, Малкольм. Можешь начинать.

Агент-китаец вынул острый как бритва нож. Русский побледнел.

— Как тебя зовут? — спросил сидевший на скамье напротив Армстронг. Малкольм Сунь повторил вопрос по-русски.

— Д-д... Дмитрий Меткин, — пробормотал тот. Его по-прежнему держали, как клещами, четверо, и он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. — Матрос первого класса.

— Ложь, — с готовностью объявил Армстронг. — Давай, Малкольм! Малкольм Сунь поднес нож к левому глазу моряка, и тот чуть не упал в обморок.

— Это будет потом, шпион, — с леденящей усмешкой пообещал Сунь по-русски.

Ловкими движениями, с подчеркнутой злобой Сунь быстро срезал с моряка плащ. Армстронг тщательно обыскал русского, а в это время умело орудовавший

ножом Сунь срезал со шпиона матросскую тельняшку и остальную одежду, ни разу не задев его и не поранив, пока тот не остался нагишом. Неоднократный тщательный обыск ничего не дал. Ничего не было ни внутри туфель, ни в их каблуках, ни в подошвах.

— Если это не микрофото пленка и нам пока ничего не удалось найти, то, должно быть, это у него внутри, — рассудил Армстронг.

Державшие русского перевернули его. Сунь вынул хирургические перчатки и операционный крем и глубоко засунул пальцы в анус. Русский дернулся и застонал. От боли на глазах у него выступили слезы.

— *Цзю ни ло мо*, — произнес довольный Сунь. В руках у него был небольшой, завернутый в целлофановую пленку рулончик.

— Держите его как следует! — рявкнул Армстронг.

Убедившись, что приказ выполнен, он стал осматривать цилиндрический пакетик. Внутри были видны двусторонние кружочки кассеты с пленкой.

— Похоже, «минолта», — задумчиво проговорил он. Осторожно завернув целлофан в салфетку, он снова уселся напротив русского.

— Мистер Меткин, в соответствии с Законом о неразглашении государственной тайны вам предъявляется обвинение в шпионской деятельности против правительства Её Величества и её союзников. Все ваши показания будут зафиксированы и использованы в качестве улики против вас. Ну вот, сэр, — мило продолжал он, — вы попались. Мы из особой разведслужбы и подчиняемся обычным законам не больше, чем ваш собственный КГБ. Мы не желаем вам ничего плохого, но, если захотим, можем держать вас до скончания века, причем в одиночке. Хотелось бы, чтобы вы пошли на сотрудничество с нами. Ответили на некоторые вопросы. Если вы откажетесь, мы все равно вытянем из вас нужную нам информацию. Мы пользуемся многими методами вашего КГБ, а в чем-то даже вас перещеголяли.

В глазах русского мелькнул страх, но что-то подсказывало Армстронгу, что расколоть этого человека будет непросто.

— Ваше настоящее имя? Ваше официальное имя в КГБ? Русский лишь смотрел на него не отрываясь.

— Какое у вас звание в КГБ?

Тот по-прежнему смотрел и молчал. Армстронг вздохнул.

— Если предпочитаете иное, могу передать вас в руки моих китайских друзей, старина. Они совсем вас не жалуют. Ваша Советская армия прошла по всей деревне Малкольма Суня в Маньчжурии, стерла её с лица земли и уничтожила всю его семью. Извините, но мне действительно необходимо знать ваше официальное имя в КГБ, ваше звание на «Советском Иванове» и официальную должность.

Снова враждебное молчание. Армстронг пожал плечами.

— Приступай, Малкольм.

Сунь протянул руку и рывком вытащил из крепления жуткого вида ломик. Четверо китайцев грубо перевернули Меткина на живот, распластали его, а Сунь наживил кончик лома. Русский завопил.

— Подождите... подождите... — вырывались у него из горла английские слова, — подождите... Я — Дмитрий... — Ещё один вопль. — Николай Леонов, майор, политический комиссар-а-а-ар...

— Хватит, Малкольм, — остановил Армстронг, пораженный тем, какую важную птицу они поймали.

— Но, сэр...

— Хватит! — оборвал Армстронг, выступавший в роли доброго следователя.

Сунь, который, напротив, играл следователя злого, шмякнул ломик обратно в крепление.

— Поднимите его, — приказал Армстронг.

Ему было жаль русского и неудобно за такое унижение. Но он не знал случая, чтобы этот трюк не сработал, когда требовалось выяснить настоящее имя и звание. Если применить его сразу. Это был трюк, потому что глубоко вставлять ломик никто не собирался, а первый вопль всегда исторгала не боль, а, скорее, панический страх. Если вражеский агент сразу раскалывался, трюк прекращали и затем, в Главном управлении, подвергали задержанного уже контролируемому допросу по всем правилам. Попытки были не нужны, хотя некоторые любители этого дела прибегали к ним, несмотря на запрет.

«Опасная это профессия, — мрачно думал Армстронг. — У КГБ методы более жесткие, а у китайцев другое отношение к жизни и смерти, победителю и побежденному, боли и наслаждению — и к цене вопля».

— Не принимайте это близко к сердцу, майор Леонов, — добродушно произнес он, когда русского подняли и усадили на скамью, по-прежнему крепко удерживая. — Мы не хотим причинить вам вред — или позволить вам причинить вред себе самому.

Меткин плюнул на него и стал изрыгать ругательства. По лицу у него текли слезы ужаса, ярости и отчаяния. Армстронг кивнул Малкольму Суню. Тот вытащил приготовленную заранее подушечку и крепко прижал к носу и рту Меткина.

Душное пространство фургона наполнила тяжелая, тошнотворно-сладкая вонь хлороформа. Меткин бессильно дернулся, а потом затих. Армстронг проверил зрачки и пульс, чтобы убедиться, что тот действительно без сознания и не притворяется.

— Теперь можете отпустить, — приказал он. — Молодцы, действовали превосходно. Я позабочусь, чтобы всем была объявлена благодарность с занесением в послужные списки. Малкольм, нам лучше следить за ним хорошенько. Он может пойти на самоубийство.

— Есть. — Сунь сел назад вместе с остальными в качающемся фургоне.

Машина с трудом пробиралась в густом потоке движения, то останавливаясь, то трогаясь с места, и это ужасно раздражало. Через некоторое время Армстронг высказал то, что было на уме у каждого:

— Дмитрий Меткин, иначе Николай Леонов, майор КГБ с «Иванова» и политический комиссар корабля. Почему такой большой человек выполняет такое пустяшное задание?

48

19:05

Галстук к бледно-голубой рубашке и желто-коричневому костюму Линк Бартлетт подбирал очень тщательно. Остановился на рыжевatom с красной полосой. На комодe стояла открытая холодная банка пива, вся в жемчужных капельках испарины. Целый день он обсуждал сам с собой, звонить ему Орланде или нет и говорить ли Кейси.

День прошел замечательно. Сначала завтрак с Орландой, потом поездка в Кай-Так, чтобы проверить самолёт и убедиться, что на нем можно слетать с Данроссом в Тайбэй. Ланч с Кейси, потом восхитительное время на бирже. После закрытия биржи они с Кейси сели на паром, чтобы переправиться в Коулун. Натянутые для защиты от дождя штормовые брезентовые тенты заслоняли вид, создавая ощущение замкнутого пространства и несколько портя впечатление от поездки. Но было приятно, что рядом Кейси, и это ощущение усиливалось сознанием того, что есть Орланда и выбор, который ему надо сделать.

— Иэн влип, верно, Линк?

— Думаю, что да, конечно. Но он хитер, и битва ещё не закончилась. Это только первая атака.

— Как он сможет выкарабкаться? Его акции продаются уже почти даром.

— По сравнению с прошлой неделей — да, но мы не знаем, каково соотношение цены и прибыли на акцию. Этот фондовый рынок с его стремительными взлетами и падениями смахивает на игрушку «йо-йо»²⁵⁴ — ты сама сказала — и очень опасен. В этом Иэн прав.

— Могу поспорить, он знает о двух миллионах, вложенных в Горнта.

— Возможно. Он и сам поступил бы так же, будь у него такая возможность. Ты встречаешь Сеймура и Чарли Форрестера?

— Да. Рейс «Пан-Ам» прибывает вовремя, и я заказала для них лимузин. Поеду вскоре после того, как мы вернемся. Как думаешь, захотят они ужинать?

— Нет. После перелета из-за разницы во времени они будут никакие. — Он ухмыльнулся. — Надеюсь. — Оба — и их адвокат Сеймур Стайглер Третий, и начальник отдела полиуретанового производства Чарли Форрестер — в общении были люди очень тяжелые. — Когда прибывает их рейс?

— В шестнадцать пятьдесят. Мы вернемся около шести.

В шесть они встретились с Сеймуром Стайглером. Форрестер чувствовал себя неважно и отправился прямо в постель.

У их адвоката, замечательно красивого ньюйоркца, с вьющимися, тронутыми сединой волосами, под карими глазами залегли тёмные круги.

— Кейси ввела меня в курс дела, Линк, — сказал он. — Похоже, у нас все в порядке.

По предварительной договоренности Бартлетт с Кейси изложили юристу всю суть сделки за исключением тайного уговора с Данроссом о судах.

— Для вящей безопасности, Линк, я хотел бы включить парочку пунктов, — объявил Стайглер.

— Ладно. Но я не желаю снова обговаривать всю сделку. Нам нужно, чтобы все было готово ко вторнику именно в том виде, как мы изложили.

— А как насчет «Ротвелл-Горнт»? Может, я лучше пощупаю их, а? Можно сыграть на акциях «Струанз».

— Нет, Сеймур, — покачала головой Кейси. — Горнта и Данросса трогать не нужно. — О тайной сделке Бартлетта с Горнтом они Стайглеру даже не заикнулись. — В Гонконге все не так просто, как мы думали. Лучше оставить все как есть.

— Это точно, — согласился Бартлетт. — Предоставь Горнта и Данросса нам с Кейси. Ты будешь иметь дело только с их адвокатами.

— А что собой представляют эти адвокаты?

— Англичане. Самые что ни на есть, — просветила Кейси. — Сегодня в полдень я встречалась с Джоном Доусоном — он у них главный. На встрече должен был присутствовать Данросс, но он прислал вместо себя Жака де Вилля. Это один из директоров «Струанз», занимается у них всеми корпоративными вопросами и отчасти финансами. Жак — прекрасный исполнитель, но всем распоряжается и все решает Данросс. И это самое главное.

— А что, если позвонить этому... э-э... Доусону прямо сейчас? Я встречу с ним за завтраком, скажем в восемь часов, здесь.

Бартлетт с Кейси рассмеялись.

— Ничего не выйдет, Сеймур! — разочаровала она. — Они появляются на работе к десяти, а ланч у них часа на два. Едят и пьют, не думая о том, что будет завтра, и все у них основано на личных связях.

²⁵⁴ «Йо-йо» — игрушка филиппинского происхождения, из двух дисков с веревочкой, которая наматывается на внутреннюю ось между дисками. При запуске игрушки веревка разматывается, раскручивая её, а затем сматывается, и игрушка возвращается к руке. В 1962 г. эта игрушка имела в США невероятный коммерческий успех.

— Тогда я встречу с ним после ланча, когда он будет в хорошем настроении. И может, нам удастся научить его парочке трюков. — Выражение глаз Сеймура Стайглера стало жестче. Он подавил зевок. — Прежде чем лечь спать, мне нужно позвонить в Нью-Йорк. Слушайте, у меня есть все документы по слиянию с Джи-экс-эр.

— Давай их мне, Сеймур, — велела Кейси.

— И я купил пакет из двухсот тысяч акций «Ротвелл-Горнт» по двадцать три пятьдесят. Почему они сегодня?

— По двадцати одному.

— Господи, Линк, тебя опустили на триста тысяч, — обеспокоенно проговорила Кейси. — Может, продать их и выкупить потом? Если и когда потребуется.

— Нет. Эти акции мы оставим. — Убытки на акциях «Ротвелл» Бартлетта не смущали, потому что он имел хороший навар со своей доли в игре Горнта на понижение. — Может, на сегодня закончим, Сеймур? Давайте позавтракаем вдвоем, скажем часов в восемь, если ты встанешь?

— Прекрасная мысль. Кейси, ты договоришься насчет меня с Доусоном?

— Первым делом с утра. Они встретятся с тобой в первой половине дня. Тайбань... Изн Данросс сказал им, что наша сделка первоочередная.

— Ещё бы, — хмыкнул Стайглер. — С нашим авансом Данросс сорвется с крючка.

— Если останется на плаву, — добавила Кейси.

— Сегодня мы есть, а завтра нас нет, так что будем жить по полной! Это излюбленное выражение Стайглера до сих пор вертелось в голове у Бартлетта. «Сегодня мы есть, а завтра нас нет... как вчерашний пожар. Могло быть и хуже. Можно было разбить себе башку, как бедняга Пенниworth. Никогда не знаешь, когда наступит твой черед, когда угодишь в аварию, или напорешься на пулю, или на тебя обрушится стихийное бедствие. Извне или изнутри. Как было с отцом... Господи, весь бронзовый от загара, почти никогда в жизни не болел, и тут доктор вдруг заявляет, что у отца рак. И через три месяца отец уже весь скукожился, стал смердеть и умер в страшных муках».

На лбу вдруг выступил пот. Скверное было время: он разводился, похоронил отца, мать была в безутешной горе, все разваливалось. А потом завершение развода. Раздел имущества вышел просто ужасным: ему еле удалось оставить за собой контроль над компаниями и ничего не продать, чтобы расплатиться с женой. Он до сих пор выплачивал её долю, хотя она снова вышла замуж. И это помимо алиментов на детей и других выплат, ожидающих в будущем. Больно было из-за каждого цента, и не из-за денег как таковых, а из-за несправедливости калифорнийских законов, по которым третью часть получал адвокат, «пока смерть не разлучит нас». Бартлетта «обул» и его собственный юрист, и тот, что представлял интересы жены. «Погодите, я ещё вам устрою, — в который уже раз мрачно пообещал Линк. — И вам, и другим проклятым паразитам».

Он не без труда отогнал эти мысли. На сегодня.

«Сегодня мы есть, а завтра нас нет, так что будем жить по полной», — повторил он, отхлебнув пива, повязал галстук и глянул на себя в зеркало. Без тщеславия. Бартлетту нравилось жить в мире с самим собой, отдавая себе отчет в том, кто он есть и к чему стремится. В этом ему помогла война. И пережитый развод. Он вышел из него хоть и сильно ошипанным, но целым, выяснив, что собой представляет супруга, и сжившись с этим. А из хорошего в том году была только Кейси.

«Кейси.

Как быть с Кейси?

Наши правила игры совершенно четкие и всегда были таковыми. Их установила она: если я с кем-то встречаюсь или она с кем-то встречается, мы просто

встречаемся, и все — никаких вопросов, никаких упреков.

Почему же я весь изнервничался из-за того, что решил встретиться с Орландой, не сказав об этом Кейси?»

Он глянул на часы. Почти пора.

В дверь нерешительно постучали, и она тут же открылась. Расплывшись в улыбке, на него смотрел Ночной Сун.

— Мисси, — возвестил старик и отступил в сторону.

По коридору с грудой бумаг и записной книжкой в руке приближалась Кейси.

— О, привет, Кейси, — воскликнул Бартлетт. — А я как раз собирался звонить тебе.

— Привет, Линк, — громко произнесла она, а потом, проходя мимо пожилого китайца, проговорила по-кантонски: — *До цзе* ²⁵⁵ — Уверенной походкой Кейси вступила в люкс с двумя спальнями. — У меня есть кое-что для тебя.

Вручив ему кипу телексов, она прошла к бару и налила себе сухого мартини. На ней были серые, элегантно облегающие повседневные брюки до колена, серые туфли на низком каблуке и рубашка с воротником апаш из серого шелка. Волосы она завязала сзади, и единственным украшением служил оставленный в волосах карандаш. Она была в очках, без контактных линз, как обычно.

— Первые два — относительно слияния с Джи-экс-эр. Все подписано, скреплено печатью и отправлено. Мы вступаем во владение второго сентября. Подтверждено, что собрание совета директоров состоится в пятнадцать ноль-ноль по Лос-Анджелесу. Таким образом, у нас уйма времени, чтобы вернуться. Я попроси...

— Пасытель лазыбилати, Хазяина? — с важным видом перебил её от двери Ночной Сун.

Бартлетт хотел было сказать «нет», но Кейси уже мотала головой.

— *Ум хо* (Нет, спасибо), — любезно сказала она по-кантонски, стараясь четко произносить каждое слово. — *Чжа цзыр, до цзе* (Попозже, пожалуйста).

Ночной Сун непонимающе уставился на неё.

— Што?

Кейси повторила. Старик раздраженно фыркнул: насколько невоспитанна эта Золотистый Лобок, позволяет себе обращаться к нему на его собственном языке!

— Пасытель лазыбилати, хейя? Сичасы, хейя? — спросил он на скверном английском.

Кейси повторила фразу на кантонском — никакой реакции не последовало. Она начала было снова, но остановилась и устало проговорила по-английски:

— О, ничего-ничего! Не сейчас. Можете сделать это попозже. Ночной Сун расплылся в улыбке: он заставил-таки её потерять лицо.

— Да, Мисси. — И закрыл за собой дверь, хлопнув ею с достаточной силой, чтобы обратить на это внимание.

— Задница, — пробормотала она. — Он должен был понять меня, Линк, я знаю. Я произносила все правильно. Ну почему они прикидываются, что не понимают? Я пробовала на своей горничной, и все, что от неё услышала, было такое же што. — Изобразив, как они грубо и гортанно произносят: «Што ты говорить, хейя?», она не выдержала и рассмеялась.

— Они просто упрямые, — тоже засмеялся Бартлетт. — Но где ты научилась говорить по-китайски?

— Это кантонский. Я нашла учителя — выкроила час сегодня утром. Считаю, что должна уметь, по крайней мере, сказать: «Привет», «Доброе утро», «Принесите, пожалуйста, счёт»... Обычные вещи. Проклятье, как это сложно. Все эти тоны. В

²⁵⁵ Большое спасибо (кит., кантон.).

кантонском семь тонов: одно и то же слово можно сказать семью различными способами. Например, спрашиваешь чек — это будет май дань, — но стоит произнести чуть не так, и получится «яичница» — тоже май дань. И ставлю один против пятидесяти, что официант принесет яичницу, только чтобы унижить тебя. — Она потягивала маленькими глоточками мартини и добавила ещё одну оливку. — Как раз то, что нужно. Хочешь ещё пива?

Бартлетт покачал головой.

— Нет, спасибо. — Он уже прочитал все телексы. Кейси села на диван и открыла записную книжку.

— Звонила секретарь Винченцо Банастасио, просила подтвердить заказ на люкс для него на субботу и...

— Я не знал, что он приезжает в Гонконг. А ты?

— Мне кажется, он что-то говорил насчет поездки в Азию, когда мы последний раз видели его... На ипподроме в прошлом месяце — в Дель-Мар. Когда там был Джон Чэнь. Ужасная история с Джоном, правда?

— Надеюсь, они поймают этих Вервольфов. Ублюдки... Убить человека да ещё оставить на трупе такую записку.

— Я написала от нашего имени записку с выражениями соболезнования его отцу и мачехе, Диане. Помнишь, мы виделись с ней у Изна и в Абердине? Господи, такое впечатление, что все это было миллион лет назад.

— Да. — Бартлетт нахмурился. — Я все же не помню, чтобы Винченцо что-то говорил. Он будет жить здесь?

— Нет, он хочет остановиться на гонконгской стороне. Я подтвердила по телефону резервирование в «Хилтоне», а завтра сделаю это лично. Он прилетает в субботу утром рейсом «Джапан эрлайнз» из Токио. — Кейси посмотрела на него поверх очков. — Хочешь, чтобы я договорилась о встрече?

— Он надолго?

— На выходные. На несколько дней. Ты же знаешь, он ничего четко не скажет. Может, в субботу после скачек? Мы будем на гонконгской стороне, и, если не удастся взять машину, от Хэппи-Вэлли недалеко и пешком.

Бартлетт хотел сказать: «Давай на воскресенье», но потом вспомнил, что в воскресенье летит в Тайбэй.

— Хорошо, в субботу после скачек. — Тут он заметил, как Кейси смотрит на него. — Что такое?

— Да вот гадаю, что он такое задумал.

— Когда он купил четыре процента акций «Пар-Кон», мы провели эту покупку через Сеймура, через Комиссию по ценным бумагам и кое-кого ещё, и все остались довольны: деньги чистые. Его никогда не арестовывали и не предъявляли обвинений, хотя слухов ходило предостаточно. У нас никогда не возникало с ним проблем, он никогда не хотел, чтобы его включили в совет директоров, он не посещает собраний акционеров, всегда присылает мне доверенность и всегда выкладывал деньги, когда они были нам нужны. — Он пристально посмотрел на неё. — Ну, так и что?

— Ну, так и ничего, Линк. Мое мнение о нем ты знаешь. Я согласна: забрать обратно акции мы не можем. Он купил их без залоговых обязательств и обременений и сначала спросил. И мы, черт возьми, конечно, нуждались тогда в его деньгах и вложили их с большой пользой. — Она поправила очки и сделала пометку. — Я организую встречу и буду, как всегда, вежлива. Далее: активизирован счет нашей компании в банке «Виктория». Я положила на него двадцать пять тысяч, вот твоя чековая книжка. У нас там будет возобновляемый фонд, и Первый центральный банк Нью-Йорка готов перевести для начала на этот счет семь миллионов, когда мы об этом попросим. Вот телекс с подтверждением. В этом же банке я открыла и личный счет для тебя. Вот твоя чековая книжка ещё на двадцать пять тысяч: двадцать из них

на билете Гонконгского казначейства²⁵⁶ с ежедневным оборотом. — Она ухмыльнулась. — Этого хватит на пару чашек чоп суи и хороший кусок нефрита, хотя я слышала, что здесь поддельный нефрит от настоящего не отличишь.

— Никакого нефрита. — Бартлетту хотелось взглянуть на часы, но он не стал этого делать, а лишь отхлебнул пива. — Что дальше?

— Дальше: звонил Клайв Берски и просил об одной услуге.

— Ты сказала, что он может продуть это дело через свой глушитель?

Она засмеялась. Клайв Берски был главным исполнительным директором их филиала Первого центрального банка Нью-Йорка. Человек очень придирчивый и педантичный, он приводил Бартлетта в бешенство требованиями, чтобы в документах все было точно.

— Он просит, если сделка со «Струанз» состоится, переводить наши средства через... — она справилась в своих записях, — ...здешний «Ройял Белджэм энд Фар Ист бэнк».

— А почему через них?

— Не знаю. Навожу про них справки. В восемь часов встречаюсь с их здешним исполнительным директором. Первый центральный только что купил этот банк: у него филиалы здесь, в Сингапуре и Токио.

— Поработай с ним ты, Кейси.

— Конечно. Я могу пропустить по рюмочке и уйти. Хочешь, потом поедим? Можно сходить в «Эскоффье»²⁵⁷ или в «Девять драконов», а может, пройтись по Натан-роуд²⁵⁸ и поесть чего-нибудь китайского. Где-нибудь недалеко: по прогнозу ожидаются ещё дожди.

— Спасибо, но не сегодня. Я еду на гонконгскую сторону.

— Вот как? Ку... — Кейси осеклась. — Прекрасно. И когда ты уходишь?

— Скоро. Не спеши.

С той же непринужденной улыбкой на лице она прошла по своему списку, но Бартлетт был уверен, что Кейси тут же поняла, куда он собирается, и это его вдруг взбесило. Он старался, чтобы его голос звучал спокойно.

— Что у тебя ещё?

— Все остальное может подождать, — проговорила она тем же любезным тоном. — С утра встречаюсь с капитаном Джанелли насчет вашей поездки в Тайбэй. Из офиса Армстронга прислали документы, временно снимающие запрет на использование самолёта. Тебе нужно будет лишь подписать бумагу о том, что ты согласен вернуться в Гонконг. Я поставила там вторник. Правильно?

— Да, конечно. Вторник — это день «Д». Она встала.

— На сегодня это все, Линк. Я займусь банкиром и всем остальным. — Она допила свой «мартини» и поставила стакан назад в бар. — Да, твой галстук, Линк! Голубой подошел бы лучше. Увидимся за завтраком. — Она послала ему обычный воздушный поцелуй, вышла, как делала это всегда, и закрыла дверь с обычным

²⁵⁶ Казначейский билет — правительственная ценная бумага, срок действия которой обычно составляет три месяца, но может достигать и одного года. Выпускается со скидкой и оплачивается по номиналу без процентов.

²⁵⁷ Видимо, речь идет об отеле «Ритц-Карлтон». В его ресторанах поддерживаются традиции, заложенные знаменитым французским поваром и ресторатором Огюстом Эскоффье (1846-1935) и не менее знаменитым швейцарским знатоком гостиничного дела Сезаром Ритцем (1850-1918). Став партнерами в 1890 г., они основали ряд известных отелей по всему миру.

²⁵⁸ Эта улица, построенная в 1906 г. и названная в честь сэра Мэтьюза Натана, губернатора Гонконга в 1904-1907 гг., главная магистраль Коулуна.

пожеланием: — Приятных снов, Линк!

— С чего я, черт возьми, так взбесился? — сердито пробормотал он вслух. — Кейси ничего не сделала. Сукин ты сын! — Он бессознательно сдвинул в руках пустую банку из-под пива. «Сукин ты сын! И что теперь? Забыть про все это и идти или что?»

Кейси шагала по коридору в свой номер и вся кипела. «Могу жизнью поклясться, что он куда-то собрался с этой проклятой шлюхой. Надо было утопить её тогда: такая была возможность!»

Тут она увидела Ночного Суна. Тот широко распахнул для неё дверь с улыбкой, в которой читалось откровенное самодовольство.

— Ты тоже можешь продуть это через задницу! — рявкнула она, сама не своя от гнева, захлопнула дверь, швырнула бумаги и записную книжку на кровать и чуть не расплакалась. — Не смей реветь! — громко приказала она себе со слезами в голосе. — Ни одному проклятому мужчине не удастся подкосить тебя. Не выйдет! — Она уставилась на пальцы, дрожавшие от охватившей её ярости. — О, наплевать на всех мужчин!

49

19:40

— Прошу прощения, ваше превосходительство, вас к телефону.

— Благодарю вас, Джон. — Сэр Джефффри Эллисон повернулся к Данроссу и остальным. — Извините, я на минуту, джентльмены.

Они находились в Доме правительства, официальной резиденции губернатора, расположенной выше Централ. Высокие стеклянные двери были распахнуты навстречу вечерней прохладе, свежему после дождя воздуху, с деревьев и кустов падали ласкающие взор капли. Губернатор прошел через заполненную гостями приёмную, где до начала ужина подавали коктейли и закуски. Он был весьма доволен тем, как проходил вечер. Все, похоже, проводили время очень хорошо. Гости шутили, разговаривали, изредка доносился смех, и никаких трений между тайбанцами Гонконга и членами парламента пока не отмечалось. По его просьбе Данросс старался изо всех сил ублажить Грея и Бродхерста, и даже Грей, похоже, смягчился.

Закрыв за губернатором дверь кабинета, адъютант оставил его наедине с телефоном. В кабинете, оклеенном голубыми обоями с ворсистым рисунком, царила приятная зеленоватая полутьма. Прекрасные персидские ковры, привезенные из Тегерана, куда сэр Джефффри был командирован на два года в посольство, хрусталь и серебро, витрины с превосходным китайским фарфором.

— Алло?

— Прошу прощения, что беспокою, сэр, — послышался голос Кросса.

— О, привет, Роджер. — Грудь губернатора сжалось. — Нисколько не беспокоите.

— Две довольно неплохие новости, сэр. Нечто важное. Не возражаете, если я заскочу к вам?

Сэр Джефффри взглянул на фарфоровые часы, стоявшие на каминной полке.

— Через пятнадцать минут подадут ужин, Роджер. Вы где сейчас?

— Всего в трех минутах от вас, сэр. С ужином я вас не задержу. Но, как вам будет угодно, я могу сделать это попозже.

— Приходите сейчас, хорошие новости могут оказаться кстати. Со всеми этими банками и фондовой биржей... Если хотите, воспользуйтесь садовой калиткой. Джон вас встретит.

— Благодарю вас, сэр. — Телефон отключился. Как повелось, у шефа Эс-ай был ключ к железной садовой калитке в окружающей здание высокой стене.

Ровно через три минуты Кросс легкой походкой пересек террасу. Земля была

очень влажной. Он тщательно вытер ноги и вошёл через одну из высоких застекленных дверей.

— Попалась довольно крупная рыба, сэр, агент противника. Пойман на месте преступления, — негромко начал он. — Майор КГБ, политический комиссар с «Иванова». Задержан при осуществлении шпионской деятельности вместе с американским специалистом по компьютерной технике с атомного авианосца.

Лицо губернатора побагровело.

— Проклятый «Иванов»! Боже милостивый, Роджер, майор? Вы представляете, какую это вызовет бурю в дипломатических и политических кругах СССР, Соединенных Штатов и Лондона?

— Да, сэр. Именно поэтому я счел за лучшее сразу посоветоваться с вами.

— Чем, черт возьми, занимался этот тип?

Кросс изложил все в общих чертах. И добавил напоследок:

— Обоим сейчас дали снотворное, и никакой опасности они не представляют.

— Что было на пленке?

— Ничего, сэр, вуаль.

— Что?

— Да. Оба, конечно, не признают, что занимались шпионажем. Матрос говорит, что не знает ни о какой закладке, все отрицает. Клянется, что найденные при нем две тысячи американских долларов выиграл в покер. Зачем лгать, когда тебя взяли с поличным? Ну просто как дети. Только усложняют все дело. Мы ведь в конце концов все равно доберемся до истины. Я подумал, или мы не нашли настоящую пленку, или это была микропленка. Мы ещё раз перетрясли их одежду, и я тут же приказал дать им рвотное и проверить стул. Майор... агент КГБ передал настоящие негативы час назад. — Кросс протянул большой конверт из плотной коричневой бумаги, который он держал в руках. — Это отпечатки восемь на десять дюймов, сэр, кадр за кадром.

Открывать конверт губернатор не стал.

— А что на них? В общем?

— На одних — часть наставления к системе наведения корабельных радаров. — Кросс сделал паузу. — На других — фотокопия полного грузового манифеста арсенала авианосца, его боеприпасов, ракет и боеголовок. Количество, марки, номера и места их хранения на корабле.

— Господи Иисусе! Включая ядерные боеголовки? Нет, на этот вопрос, пожалуйста, не отвечайте. — Сэр Джеффри пристально смотрел на Кросса. Помолчав, он произнес: — Ну что ж, Роджер, очень хорошо, что столь важная информация не попала в руки противника. Вас нужно поздравить. Наши американские друзья в равной степени вздохнут с облегчением и будут обязаны вам целым рядом услуг, и весьма значительных. Боже милостивый, имея подобные сведения, специалист без труда оценит ударную мощь этого корабля!

— Да, сэр, — тонко улыбнулся Кросс. Сэр Джеффри изучающе смотрел на него.

— Но что нам делать с этим вашим майором?

— Я бы немедленно отослал его в Лондон под усиленной охраной на транспортном самолёте королевских ВВС. Думаю, лучше, если вопросы будут задавать там, хотя у нас здесь для этого и средств, и опыта побольше. Я беспокоюсь лишь о том, что его руководство, конечно же, узнает о провале через час или около того. Они могут предпринять попытку освободить его либо вывести из строя. Или даже пойти на крайние дипломатические меры и нажать на нас, чтобы мы отпустили майора на «Иванов». Кроме того, когда о задержании офицера такого ранга узнают в КНР и на Тайване, не исключено, что красные или националисты попытаются заполучить его.

— А что с американским матросом?

— Наверное, было бы разумным немедленно передать его ЦРУ вместе с

негативом пленки и вот этим — это единственные сделанные мной отпечатки. По очевидным соображениям безопасности я проявлял и печатал сам. Считаю, что лучше всего передать это Роузмонту.

— Ах да, Роузмонт. Он сейчас здесь.

— Да, сэр.

Взгляд сэра Джеффри стал жестче.

— У вас есть копии списков всех приглашаемых ко мне гостей, Роджер?

— Нет, сэр. Полчаса назад я позвонил в консульство, чтобы выяснить, где он. Мне сказали.

Сэр Джеффри снова посмотрел на него из-под косматых бровей. Он не верил Кроссу и считал, что шеф Эс-ай прекрасно осведомлен, кого он приглашает и когда. «Ничего страшного, — раздраженно подумал сэр Джеффри. — Это его работа. И ставлю золотую гинейю против жареного пирожка, эти фотографии напечатаны Роджером не в единственном экземпляре, потому что он знает: наше Адмиралтейство с удовольствием взглянет на них, и предоставить им этот материал — его долг». — Может ли это иметь какое-нибудь отношение к делу АМГ?

— Нет. Абсолютно никакого, — ответил Кросс, и губернатору показалось, что в какой-то момент его голос дрогнул. — Не думаю, что есть какая-то связь.

Сэр Джеффри поднялся из своего высокого кресла и некоторое время расхаживал взад и вперед, прикидывая про себя все возможности. «Роджер прав. Китайская разведка по обе стороны „бамбукового частокола“²⁵⁹ наверняка разнюхает про это очень скоро, потому что у нас каждый полицейский-китаец симпатизирует или КНР, или националистам. Так что будет разумнее отослать шпиона подальше, за пределы их досягаемости. Тогда ни у кого не возникнет соблазна — а если и возникнет, то, по крайней мере, не здесь».

— Думаю, мне немедленно нужно поговорить с министром.

— Возможно, при данных обстоятельствах, сэр, вы могли бы проинформировать министра о том, как я поступил с этим майором — послал его в Лондон в сопро...

— Он уже отослан?

— Нет, сэр. Но я имею полное право ускорить это — если вы не против. Сэр Джеффри снова задумчиво посмотрел на часы. Наконец он проговорил с еле заметной улыбкой:

— Очень хорошо. Сейчас в Лондоне время ланча, и я проинформирую министра примерно через час. Этого времени будет достаточно?

— О да, благодарю вас, сэр. Все уже подготовлено.

— Я так и подумал.

— Я вздохну гораздо свободнее, когда этот тип будет на пути в Англию, сэр. Благодарю вас.

— Да. А моряк?

— Может быть, вы могли бы попросить у министра разрешения на передачу его Роузмонту, сэр?

Сэру Джеффри хотелось задать ещё с десятков вопросов, но он не задал ни одного. По долговому жизненному опыту он знал, что врать не горазд, поэтому чем меньше он знает, тем лучше.

— Очень хорошо. Ну, а что за вторая из двух «хороших» новостей? Надеюсь, эта будет получше.

— Мы поймали «крота», сэр.

— А-а! Хорошо. Замечательно! И кто это?

— Старший суперинтендент Квок.

²⁵⁹ Китайский аналог «железного занавеса».

— Не может быть!

Кросс постарался не показать, как ему это приятно.

— Согласен, сэр. Тем не менее суперинтендент Квок — агент коммунистов и вел разведывательную деятельность в пользу КНР. — Кросс рассказал, как была раскрыта легенда Брайана Квока. — Я полагаю, суперинтендент Армстронг должен получить благодарность — а также Очкарик У. Я беру его в Эс-ай, сэр.

Потрясенный сэр Джефффри смотрел в окно.

— Господи, спаси мою душу грешную! Молодой Брайан! Зачем? Через год-два он мог стать заместителем комиссара... Надеюсь, это не ошибка?

— Нет, сэр. Как я уже говорил, доказательства неопровержимые. Мы, конечно, ещё не знаем ответов на все «как» и «почему», но скоро узнаем.

Ответ был категоричным, и, глядя в это узкое безжалостное лицо и холодные глаза, сэр Джефффри почувствовал, что ему невероятно жаль Квока, он был расположен к Брайану уже много лет.

— Держите меня в курсе насчет него. Может, нам удастся выяснить, что заставляет людей идти на подобные вещи. Боже милостивый, такой приятный молодой человек, и к тому же классно играет в крикет. Да, держите меня в курсе.

— Конечно, сэр. — Кросс встал. — Интересная вещь. Я никак не мог понять, почему он всегда обнаруживал такую явную неприязнь к американцам — это был его единственный изъян. Теперь-то это очевидно. Я должен был обратить на это внимание. Извините, сэр, и прошу прощения, что испортил вам вечер.

— Вас нужно поздравить, Роджер. Если мы отправляем советского агента в Лондон, может, отправить туда и Брайана Квока? Ведь высказанные вами соображения относятся и к нему.

— Нет, сэр. Я так не считаю. Здесь мы можем разобраться с Квоком гораздо быстрее и эффективнее. Это нам нужно выяснить, что он знает, — в Лондоне этого не поймут. Квок — угроза Гонконгу, а не Великобритании. Он — агент КНР, а тот — советский агент. Их нельзя сравнивать.

Сэр Джефффри тяжело вздохнул, понимая, что Кросс прав.

— Согласен. На самом деле день сегодня совершенно жуткий, Роджер. Сначала эти массовые изъятия вкладов из банков, потом фондовая биржа... Погибшие вчера вечером, бедный сэр Чарльз Пенниworth и жена Токса... И погибшие сегодня утром в Абердине в результате оползня... Благородный Дом пошатнулся... Этот штормовой фронт того и гляди превратится в треклятый тайфун, и придется из-за него отменить скачки в субботу... А теперь ещё ваши новости: американский моряк предает свою родину, свой корабль и свою честь за жалкие две тысячи долларов.

— Возможно, для него две тысячи долларов не пустяк, — снова тонко улыбнулся Кросс.

«В ужасные времена мы живем», — хотел сказать сэр Джефффри, но промолчал, прекрасно понимая, что времена здесь ни при чем. Все очень просто: люди есть люди, ими правят тщеславие, зависть, злоба, похоть, а ещё больше — страстное стремление к власти или деньгам, и будут править всегда. Большинство людей.

— Спасибо, что пришли, Роджер. Отмечу ещё раз, вас нужно поздравить. Я так и передам министру. До свидания.

Он провожал Кросса взглядом: тот шёл к калитке — высокий, уверенный в себе и беспощадный. Лишь после того, как адъютант закрыл за ним железную калитку в высокой стене, сэр Джефффри Эллисон позволил снова всплыть на поверхность вопросу, который так и не задал.

«Кто работает на врага у меня в полиции?»

В бумагах АМГ сказано абсолютно четко. Предатель — шпион Советов, а не КНР. Брайана Квока раскрыли случайно. Почему Роджер не отметил очевидного?»

Сэр Джефффри поежился.

«Если уж Брайан оказался агентом, им может быть кто угодно. Кто угодно».

50

20:17

Не успел он снять палец со звонка, как дверь распахнулась.

— О, Линк, — выдохнула Орланда, сама не своя от счастья, — я уже и не надеялась. Пожалуйста, входи!

— Прошу прощения за опоздание, — проговорил Бартлетт, пораженный её красотой и чудесным теплом. — На дорогах сплошные пробки, на парамах жуткие толпы, и к телефону не пробиться.

— Ты здесь, значит, ты не опоздал, нисколько. Я просто боялась, что... — Она тут же торопливо добавила: — Я боялась, что ты сегодня не придешь и тогда все для меня рухнет. Ну вот, я и проговорилась, и все мои оборонительные редуты пали. Но я так счастлива видеть тебя, что мне уже все равно. — Она встала на цыпочки, поцеловала его быстрым довольным поцелуем, взяла за руку и закрыла за ним дверь.

Тонкий аромат её духов еле чувствовался, но Бартлетт ощущал его всем существом. Платье из белого шифона по колено, облегающее на запястьях и на шее, при движении словно издавало вздох. Оно открывало, но не совсем, её золотистую кожу.

— Я так счастлива, что ты здесь, — снова пролепетала она, взяла у него зонт и поставила в стойку.

— Я тоже.

Теперь, вечером, комната смотрелась ещё наряднее, горели свечи, высокие стеклянные двери были открыты на балкон. Чуть выше уже нависали облака, вниз по склону холма к морю спускался город, и его огни время от времени заволакивало, как туманом, проплывавшими мимо клочками низкой облачности. До моря внизу было семьсот футов²⁶⁰. Коулун виделся нечетко, гавань еле просматривалась, но Бартлетт знал, что там стоят корабли, а у причальной стенки вырисовывалась громада авианосца. Просторная, расходящаяся углом палуба залита светом, ярко освещены и остроносые реактивные истребители, и вздымающийся к небесам командный мостик боевой шаровой окраски, и безжизненно свисающий промокший звездно-полосатый флаг.

— Слушай, Орланда, какой великолепный вечер, — проговорил он, опершись на перила.

— О да, великолепный. Иди сюда, садись.

— Если можно, я лучше полюбуюсь видом.

— Конечно, все, что тебе будет угодно, все. Этот костюм тебе идет, Линк, и галстук мне нравится, — с довольным видом сказала она.

Ей хотелось сделать комплимент, хоть она и не считала, что галстук тот, что нужно. «Ничего страшного, он просто не так чувствителен к цветам, как Квиллан, и ему нужно в этом помочь. Я буду поступать так, как учил Квиллан: не критиковать, а пойти и купить тот, что мне нравится, и подарить. Если ему понравится — прекрасно, если нет — тоже ничего, потому что какое это имеет значение: носить-то ему. Лучше голубой, голубой подойдет к глазам Линка и будет удачнее смотреться с этой рубашкой».

— Ты хорошо одеваешься.

²⁶⁰ Больше 200 м.

— Спасибо, ты тоже.

Ему вспомнилось, что сказала про галстук Кейси, как он злился на неё всю дорогу, пока ехал на пароме, пока ждал такси. Вспомнилось и то, как ему отдала ногу какая-то старуха, рванувшаяся мимо, чтобы занять его машину, и как он не позволил старой ведьме этого сделать, ответив бранью на брань.

Злость оставила его лишь теперь. «Это потому, что Орланда обрадовалась, увидев меня, — сказал он себе. — Столько лет уже Кейси не сияет как рождественская елка или ничего не говорит, когда я... А-а, к черту все это! Сегодня вечером я из-за Кейси больше не переживаю».

— Вид — просто фантастика, а ты красивая как картинка! Она рассмеялась.

— Ты тоже и... О, я же не дала тебе выпить, извини... — Она вихрем помчалась в кухню, подол платья разлетался на бегу. — Не знаю почему, но с тобой я чувствую себя школьницей, — крикнула она оттуда.

Через минуту Орланда вернулась с подносом. Керамический горшочек с паштетом, свежеподжаренные тосты и бутылка охлажденного пива.

— Надеюсь, это то, что надо. Это был «анвайзер».

— Откуда ты знаешь, какое пиво я люблю?

— Ты же сам сказал утром, разве не помнишь? — Переполюнявшее её тепло снова передалось Линку, и было видно, что ему это приятно. — И что ты любишь пить его прямо из бутылки.

Он взял бутылку и ухмыльнулся, глядя на неё.

— В статье тоже про это будет?

— Нет. Нет, я решила, что не буду писать про тебя. Он заметил, какой она вдруг стала серьезной.

— Почему?

Она наливала себе бокал белого вина.

— Я решила, что никогда не смогу воздать тебе должное, поэтому и писать не буду. К тому же, думаю, тебе не захочется, чтобы это висело над тобой. — Она положила руку на сердце. — Вот те крест и чтоб мне помереть, никакой статьи, все остается в тайне. Ни статьи, ни журналистики, клянусь Мадонной, — вполне серьезно добавила она.

— Ну-ну, зачем столько драматизма!

Она стояла, опершись спиной о перила, и до бетонной площадки внизу было восемьдесят футов²⁶¹. Выражение лица у неё было искренним, и он ей поверил. И почувствовал облегчение. Эта статья была единственным подвохом, единственным, что его настораживало, — статья и то, что она журналистка. Он потянулся и поцеловал её, намеренно чуть коснувшись губами.

— Скреплено поцелуем²⁶². Спасибо.

— Да.

Какое-то время они любовались видом.

— Дождь перестал насовсем?

— Надеюсь, что нет, Линк. Чтобы наполнились резервуары, нам нужно несколько хороших ливней подряд. Так непросто содержать себя в чистоте, а у нас по-прежнему дают воду раз в четыре дня. — Она улыбнулась озорно, как ребенок. — Вчера вечером, когда лило как из ведра, я разделась догола и помылась здесь. Так здорово. Дождь был такой сильный, что удалось даже вымыть голову.

²⁶¹ Около 25 м.

²⁶² Скреплено поцелуем» (Scaled With A Kiss) — название музыкального хита начала 1960-х годов из репертуара американского певца Брайана Хайланда (р. 1943).

Он представил её себе голой здесь, ночью, и впечатлился.

— Ты бы поосторожнее. Перила здесь не такие высокие. Не дай бог, поскользнешься.

— Странное дело, я до смерти боюсь моря, а вот высота меня нисколько не смущает. Если бы не ты, мне точно бы не выжить.

— Да ладно! И без меня бы справилась.

— Может быть, но ты, несомненно, спас мою репутацию. Не приди ты на помощь, я точно бы опозорилась. Так что спасибо за репутацию.

— А она здесь важнее жизни, верно?

— Иногда да, да, важнее. А почему ты так сказал?

— Да я вот размышлял про Данросса и Квиллана Горнта. Эти двое постоянно наезжают друг на друга — в основном из-за репутации.

— Да. Ты прав, конечно, — согласилась она и задумчиво добавила: — С одной стороны, они прекрасные люди, а с другой — сушие дьяволы.

— Как это?

— Они оба — люди безжалостные, очень и очень сильные, очень жесткие, знающие и... хорошо разбирающиеся в жизни. — Она густо намазала паштет на один из тостов и предложила ему. Ногти длинные, ухоженные. — У китайцев есть поговорка: Чань цао, чу гэн — «Пропалывай сорняки, вытаскивай их с корнем». Эти двое глубоко пустили свои корни в Азии, очень глубоко, даже слишком глубоко. Избавиться от этих корней ох как непросто. — Она пила маленькими глоточками вино и трогательно улыбалась. — И вероятно, делать этого не следует, во всяком случае ради Гонконга. Ещё немного паштета?

— Да, пожалуйста. Замечательная штука. Ты сама его делаешь?

— Да. По старинному английскому рецепту.

— А почему это будет плохо для Гонконга?

— О, наверное, потому, что они уравнивают друг друга. Если один уничтожит другого — о, я не имею в виду лично Квиллана или Данросса, речь идет о самих хонгах, компаниях — «Струанз» и «Ротвелл-Горнт». Если одна поглотит другую, то оставшаяся, скорее всего, наберет слишком большую силу. Ни о какой конкуренции не будет и речи. А потом, не исключено, что тайбаня может одолеть жадность. Возможно, он решит покончить с Гонконгом. — Она нерешительно улыбнулась. — Извини... Что-то я разболталась. Это всего лишь мои измышления. Ещё пива?

— Конечно, чуть позже, спасибо, но это интересное соображение. «Да, — размышлял Бартлетт, — я об этом никогда и не задумывался — и Кейси тоже. Неужели эти двое нужны друг другу? А Кейси и я? Нужны ли друг другу мы?»

Увидев, что она наблюдает за ним, Линк улыбнулся.

— Орланда, ни для кого не секрет, что я хочу заключить с одним из них сделку. Кого бы выбрала на моем месте ты?

— Ни того, ни другого, — тут же отреагировала она и засмеялась.

— Почему?

— Ты не англичанин, не вхож в круг «старых однокашников»²⁶³, ты не наследственный член какого-нибудь закрытого клуба, и сколько бы у тебя ни было денег и власти, все равно решать, что и как, будут «старые однокашники». — Она взяла пустую бутылку и сходила за другой.

— Ты считаешь, мне не добиться успеха?

— О, я не это имела в виду, Линк. Ты заговорил про «Струанз» или

²⁶³ В Великобритании выпускники привилегированных частных школ широко используют свою принадлежность к этому избранному кругу в бизнесе и политике.

«Ротвелл-Горнт», про то, что ты собираешься наладить бизнес с одной из этих компаний. Если ты это сделаешь, то в конечном счете выиграют они.

— Они что, такие крутые?

— Нет. Но это азиатские компании, они здесь свои. Местная поговорка гласит: Тянься уя ибань хэй — «Под небесами все вороны чёрные», то есть все тайбани одним миром мазаны, и они будут заодно, чтобы уничтожить чужака.

— Значит, Иэну и Квиллану партнер не очень-то и нужен? Она помолчала.

— В этом я уже мало что соображаю. Не разбираюсь в бизнесе. Просто я не знаю случая, чтобы приехавший сюда американец добился большого успеха.

— А как же Блицманн, «Суперфудз» и покупка ими контрольного пакета «Эйч Кей дженерал сторз»?

— Блицманн — это просто смех. Все его терпеть не могут и ждут не дождутся, когда он оскандалится. Даже Паг... Пагмайр. Квиллан уверен, что так и будет. Нет, ничего не вышло даже у Купера и Тиллмана. Это были американские трейдеры тех первых дней, Линк, торговцы опиумом — они даже пользовались покровительством Дирка Струана. Больше того, Струаны и Куперы связаны родством: «Карга» Струан выдала старшую дочь Эмму за старика Джеффа Купера. Его прозвали Старый Нос Крючком, когда он на склоне лет впал в детство. Говорят, этот брак стал платой за помощь в разорении Тайлера Брока. Ты слышал о них, Линк? О Броках, сэре Моргане, его отце Тайлере и Карге?

— Кое-какие из этих историй нам рассказывал Питер Марлоу.

— Если хочешь узнать, что такое настоящий Гонконг, тебе надо поговорить с Тетушкой Светлые Глаза — это Сара Чэнь, старая дева, тетушка Филлипа Чэня! Вот это личность, Линк, и на язычок к ней лучше не попадаться. Она утверждает, что ей восемьдесят восемь. Я считаю, что больше. Её отец — сэр Гордон Чэнь, незаконный сын Дирка Струана от его наложницы Кай-сун, а мать — знаменитая красавица Карен Юань.

— А это кто такая?

— Карен Юань — внучка Робба Струана. У Робба, сводного брата Дирка Струана, была наложница по имени Яо Минсу, от которой у него родилась дочь Изабель. Изабель вышла замуж за Джона Юаня, незаконного сына Джеффа Купера. Джон Юань стал известным пиратом и контрабандистом опиума, а Изабель посмертно получила широкую и печальную славу: она играла в мацзян по-крупному и два раза проигрывала все состояние мужа. Так вот, дочь Изабель и Джона Юаня, Карен, вышла замуж за сэра Гордона Чэня. Вообще-то, она была у него вторая жена, то есть, скорее, любовница, но этот брак считался вполне законным. Здесь до сих пор китаец может на законных основаниях иметь сколько угодно жен.

— Это удобно!

— Для мужчины! — улыбнулась Орланда. — Так что эта крохотная ветвь Юаней — потомки Купера. Чжуны и Чэни — от Дирка Струана. Суны, Тупы и Дуны — от художника Аристотеля Квэнса. Здесь, в Гонконге, дети по традиции берут фамилию матери, а мать обычно простая девушка, проданная в наложницы родителями.

— Родителями?

— В большинстве случаев — да, — не моргнув глазом сказала она. — Тун тянь юй мин — «Слушайся небес и следуй судьбе». Особенно когда тебе нечего есть. — Она пожала плечами. — В этом нет ничего постыдного, Линк, никакой потери лица. Во всяком случае, в Азии.

— Откуда ты столько знаешь о Струанах, Куперах, всех этих наложницах и прочем?

— Так ведь город небольшой, и мы все любим тайны. На самом деле никаких тайн в Гонконге нет. Среди своих — если это действительно свои — все знают всё обо всех. Ну почти все. Как я уже говорила, у нас здесь очень глубокие корни. И не

забывай, что Чэни, Юани и Суны — евразийцы. Я уже говорила, что евразийцы женятся на евразийцах, поэтому мы должны знать, от кого произошли. Англичане или китайцы не склонны сочетаться с нами брачными узами, они видят в нас лишь любовниц или любовников. — Она потихоньку пила вино, и он был восхищен тонкостью и грацией её движений. — В китайских семьях есть традиция записывать свою генеалогию в деревенских книгах. Это единственное законное свидетельство, по которому можно проследить преемственность: никаких метрик у них никогда не водилось. — Она улыбнулась. — Возвращаясь к твоему вопросу. И Иэн Данросс, и Квиллан будут рады воспользоваться твоими деньгами и твоим положением на рынке Штатов. И ты получишь прибыль с любым из них — если тебя устроит роль молчаливого партнера.

Бартлетт задумчиво перевел взгляд на вид за окном.

Она терпеливо ждала, позволяя ему поразмышлять и оставаясь неподвижной. «Как я рада, что Квиллан такой хороший учитель и такой умный человек, — думала она. — И такой мудрый. Он опять оказался прав».

Сегодня утром она позвонила Горнту, вся в слезах, на его личный номер, чтобы рассказать о случившемся.

— О, Квиллан, думаю, я все испортила...

— Что говорила ты и что сказал он?

Она выложила все как было, и он её успокоил:

— Я считаю, Орланда, переживать не стоит. Он вернется. Если не сегодня вечером, то завтра.

— Ох, ты уверен? — пролепетала она, исполненная благодарности.

— Да. А теперь вытри слезы и послушай меня. — И он растолковал, что нужно делать, как одеться, и посоветовал прежде всего быть женщиной.

«Ах, до чего здорово, что я женщина», — подумала она, с грустью вспоминая прежние времена, когда они были счастливы вместе, она и Квиллан: ей девятнадцать, она его любовница уже два года и больше не смущается и не боится — ни постели, ни его, ни самой себя. Они иногда выходили на его яхте в полуночный круиз — только Квиллан и она, — и он наставлял её.

— Ты женщина и гонконгский янь. Поэтому, если хочешь жить хорошо, иметь красивые вещи, если хочешь, чтобы тобой дорожили, если хочешь любви, постели и безопасности в этом мире, будь женщиной.

— А как это, милый?

— Думай лишь о том, как удовлетворить меня и сделать мне приятно. Разожги во мне страсть, когда я жажду страсти, дай покой, когда я нуждаюсь в покое, подари уединение, когда я стремлюсь уединиться, и постоянно неси счастье, не посягая на мою свободу. Готовь как гурме, разбирайся в хороших винах, всегда держи язык за зубами, защищай мою репутацию и никогда не изводи придирками.

— Но, Квиллан, у тебя получается игра в одни ворота.

— Да. Конечно. Но за это я буду с такой же страстью выполнять свою часть обязательств. Я жду от тебя именно этого, на меньшее я не согласен. Ты хотела быть моей любовницей. Я выставил тебе эти условия до того, как мы начали, и ты согласилась.

— Я знаю, что согласилась, и мне нравится быть твоей любовницей, но... но иногда я беспокоюсь за будущее.

— Ах, моя крошка, тебе не о чем беспокоиться. Ты же знаешь, наши правила игры установлены заранее. Мы каждый год будем возобновлять договоренность при условии, что ты этого хочешь, пока тебе не исполнится двадцать четыре. Тогда, если ты захочешь оставить меня, я предоставлю тебе квартиру, достаточно денег для удовлетворения умеренных потребностей и приличное приданое для подходящего мужа. Мы пришли к согласию, и твои родители не возражали...

— Да, они не возражали.

Орланда вспомнила, с какой радостью мать с отцом согласились на эту связь. Они сами предложили ей сойтись с Горнтом, когда она вернулась домой, окончив учебу в Америке. Сообщили, что Квиллан спрашивал у них разрешения обратиться к ней с таким предложением, признавшись, что влюблен в неё.

— Он хороший человек, — сказал тогда отец. — И он обещал позаботиться о тебе, если ты согласишься. Выбирать тебе, Орланда. Мы со своей стороны рекомендовали бы согласиться.

— Но, отец, мне только в следующем месяце будет восемнадцать. И кроме того, я хочу вернуться в Штаты. Я уверена, что смогу получить «грин кард» и остаться там.

— Да, ты можешь вернуться, доченька, — вступила в разговор её мать, — но ты будешь бедной. Мы ничего не можем дать тебе, ничем не можем помочь. Какая у тебя будет работа? Кто будет обеспечивать тебя? А здесь через некоторое время у тебя появится какой-то доход, какая-то собственность, средства к существованию.

— Но ему столько лет. Он...

— У мужчины возраст проявляется не как у женщины, — убеждали её оба. — Он человек влиятельный, уважаемый и хорошо относился к нам многие годы. Он обещал заботиться о тебе, и финансовые условия этой договоренности привлекательны, сколько бы ты ни пробыла с ним.

— Но я не люблю его.

— Ты говоришь глупости по восьми направлениям!²⁶⁴ Зубы стыли бы от холода, не защищай их губы! — рассердилась мать. — Тебе представляется такая редкая возможность — это все равно что найти волосок феникса или сердце дракона! И что нужно делать? Просто быть женщиной, почитать хорошего человека и повиноваться ему несколько лет — причем каждый год соглашение возобновляется, — и даже потом этим годам не будет конца, если ты сама этого захочешь, останешься верной и умной. Кто знает? Жена у него инвалид и скоро умрет. Если ты сумеешь хорошо ублажать его и заботиться о нем, почему бы ему не жениться на тебе?

— Чтобы Квиллан Горнт женился на евразийке? — воскликнула она.

— А почему нет? Ты не просто евразийка, ты — португалка. У него уже есть английские сыновья и дочери, хейя? Времена меняются, даже здесь, в Гонконге. Если ты будешь стараться, кто знает? Роди ему через год-два сына, с его разрешения, и кто знает? Боги есть боги, и стоит им захотеть, грянет гром среди ясного неба. Не будь душой! Любовь! Ты, верно, и не знаешь, что это такое.

Орланда Рамуш смотрела вниз на город и не видела его. «Какая я была тогда глупая и наивная, — думала она. — Наивная и очень глупая. Но теперь я разбираюсь, что к чему. Квиллан преподавал мне хорошую науку».

Она покосилась на Линка Бартлетта, не поворачивая головы, чтобы не беспокоить его.

«Да. Науку я получила хорошую. Таковую, что способна стать лучшей женой, какая только может быть у мужчины, какая только может быть у Бартлетта. На этот раз никаких ошибок не будет. Квиллан меня наставит. Он поможет убрать Кейси. Я стану миссис Линк Бартлетт. Призываю в свидетели всех богов и демонов: именно так все и должно произойти...»

Вскоре, обдумав её слова, он оторвал взгляд от города. Орланда наблюдала за ним, на её лице играла мимолетная улыбка, но что скрывалось за этой улыбкой, он не смог прочесть.

— Ты о чем?

— Думаю, как мне повезло, что я встретила тебя.

²⁶⁴ Дословный перевод китайского выражения ху шо ба дао — «говорить ерунду».

— Ты всегда делаешь комплименты мужчинам?

— Нет, только тем, кто мне нравится. А они такая же редкость, как волосок феникса или сердце дракона. Ещё паштета?

— Спасибо. — Он принял у неё тост. — А ты не ешь?

— Берегу место для ужина. Мне нужно соблюдать диету. Я не ты.

— Я-то каждый день занимаюсь физическими упражнениями. Играю в теннис по возможности, в гольф. А ты?

— Немного играю в теннис, много хожу пешком, а в гольф играть ещё только учусь. — «Да, — подумала она. — Я стану лучшей во всем, что делаю, и для тебя, Линк Бартлетт, лучше меня нет во всем необъятном мире». В теннис она играла очень хорошо и в гольф достаточно прилично, потому что Квиллан настоял, чтобы она освоила и то и другое. Сам он играл в теннис и гольф с удовольствием. — Есть хочешь?

— Просто умираю от голода.

— Ты сказал: китайская кухня. Тебе действительно хочется именно китайской? Он пожал плечами.

— Мне все равно. Как скажешь.

— Ты уверен?

— Абсолютно. А чего бы тебе хотелось?

— Зайди на минутку.

Он последовал за ней. Орланда открыла дверь в столовую. Там был накрыт изысканный стол на двоих. Цветы, бутылка белого итальянского вина «вердиккио» во льду.

— Линк, я так долго ни для кого не готовила, — выпалила она на одном дыхании, и это показалось ему невероятно милым. — Но для тебя мне хотелось что-то приготовить. Если ты не против, у меня готов ужин по-итальянски. Свежая паста аглио-и-олио — с чесноком и оливковым маслом, — пикката, зеленый салат, дзабальоне²⁶⁵, эспрессо и бренди. Как тебе? Это займет лишь двадцать минут, а ты, пока ждешь, можешь почитать газету. А потом мы можем все оставить до прихода ама и пойти потанцевать или покататься на машине. Ну, что скажешь?

— Итальянская кухня — моя любимая, Орланда! — восторженно заявил Линк. И тут же на минуту задумался: кому он говорил раньше, что итальянская кухня — его любимая? Кейси? Или Орланде сегодня утром?

51

20:32

Вздвигнув, Брайан Квок проснулся. В один миг он перенесся из кошмарного сна в действительность, но почему-то никак не мог выбраться из глубокого, будто колодец, мрака: сердце колотилось, в голове все смешалось, и не понять было, спит он или нет. Его охватила паника. Потом, осознав, что он голый и вокруг по-прежнему теплый мрак камеры, Квок вспомнил, кто он и где находится.

«Должно быть, накачали наркотиками». Во рту пересохло, болела голова, и он снова лег на липкий матрас и постарался собраться. Смутно помнилось, что он был в кабинете Армстронга, а до этого обсуждал «шестнадцать дробь два» с Кроссом, а вот потом уже почти ничего — просыпаешься в темноте, ищешь на ощупь стены, чтобы сориентироваться, чувствуешь, что они рядом, и не даешь воли ужасной мысли, что

²⁶⁵ Дзабальоне — десерт из яичных желтков, взбитых с сахаром, сладким вином (обычно это марсала) и, иногда, сливками. То же, что сабайон.

тебя предали, что ты беззащитен здесь, в утробе Главного управления полиции, в коробке без окон и с упрятанной бог знает где дверью. Потом, измучившись, засыпаешь, а пробудившись, слышишь злые голоса — или это приснилось? — и снова забываешься сном...

«Нет, сначала ешь, ведь я сначала поел... да, эти помои, которые у них называются ужином, и выпил холодный чай... Давай думай! Это очень важно — думать и вспоминать... Да, я помню, водянистые тушеные овощи и холодный чай, а потом, позже, завтрак. Яичница. Была ли сначала яичница, а потом овощи и... Да, каждый раз, когда я ел, зажигался свет, только на время, за которое можно поесть... Нет, свет выключался, и каждый раз я заканчивал есть в темноте, а я терпеть не могу есть в темноте, а потом я помочился в ведро в темноте, забрался назад на матрац и снова лег.

Как долго я уже здесь? Надо обязательно считать дни».

Он бессильно стащил ноги со своего ложа и, шатаясь, подошел к стене. Все тело болело под стать голове.

«Надо делать физические упражнения, выгонять из организма наркотики, чтобы голова была светлой и готовой к допросу. Нужно, чтобы сознание было готово к тому моменту, когда они набросятся на меня, действительно начнут. Когда им покажется, что я размяк — тогда они не будут давать мне спать, пока не расколют.

Нет, они не расколют меня. У меня есть силы, я подготовлен и знаю кое-какие ловушки.

Кто меня предал?»

Ответить на этот вопрос оказалось не по силам, поэтому он собрал всю волю и сделал несколько неуверенных приседаний. Донеслись приглушенные звуки приближающихся шагов. Он торопливо рванул обратно к койке и лег, притворясь спящим. Сердце рвалось из груди от сдерживаемого страха.

Шаги смолкли. Клацнула отодвигаемая задвижка, и открылось окно в двери. В камеру проникла полоса света, и наполовину видимая рука поставила металлическую миску и металлическую кружку.

— Ешь свой завтрак и поторопись, — сказали по-кантонски. — Скоро тебе опять на допрос.

— Послушайте, я хочу... — крикнул Брайан Квок, но окно уже захлопнулось с тем же клацаньем, и он остался в темноте один на один с эхом собственных слов.

«Спокойно, — приказал он себе. — Успокойся и подумай». Камеру неожиданно залил свет. Он резал глаза. Привыкнув к нему, Квок разглядел, что свет исходит от установленных высоко на потолке светильников, и вспомнил, что видел их раньше. Стены, тёмные, почти чёрные, казалось, давили внутрь, на него. «Не надо переживать на этот счет, — подумал он. — Темные камеры ты видел и раньше, и хотя тебе никогда не приходилось участвовать в „глубоком“ допросе, принципы его тебе известны, а также и некоторые уловки».

При мысли об ожидающих его муках к горлу подступила тошнота.

Дверь была почти незаметна, окно в ней тоже замаскировали. Он чувствовал чей-то взгляд, хотя смотровых отверстий нигде не обнаружил. На тарелке — яичница из двух яиц и толстый кусок грубого хлеба. Хлеб чуть поджарен. Яичница холодная, вся в жиру, неаппетитная. В кружке — холодный чай. Ни ножа, ни вилки, ни ложки.

Он стал жадно пить чай, стараясь растянуть удовольствие, но чай как-то незаметно кончился, и его было так мало, что жажду утопить не удалось. «Цзю ни ло мо, чего бы я не отдал сейчас за зубную щетку, бутылку пива и...»

Свет погас так же неожиданно, как и включился. Чтобы привыкнуть к темноте, времени потребовалось больше. «Спокойно, это просто темнота и свет, свет и темнота. Все лишь для того, чтобы смутить и дезориентировать. Спокойно. Принимай каждый день таким, как есть, каждый допрос таким, как есть».

Его снова охватил страх. Он понимал, что на самом деле не готов, не имеет достаточного опыта, хоть и проходил курс выживания при задержании, когда его учили, что нужно делать, если попадешь в плен к противнику, к коммунистам из КНР. Но КНР не противник. Настоящий противник — англичане и канадцы, которые делали вид, что они свои и учителя, настоящий противник — они.

«Не надо думать об этом, не надо стараться убедить себя, старайся убеждать только их.

Нужно стоять на своем. Нужно как можно дольше — сколько получится — делать вид, что это ошибка, а потом, потом я расскажу легенду, которая составлялась много лет, и запутаю их. Вот такова задача».

До невозможности хотелось пить. И есть.

Брайану Квоку хотелось швырнуть в стену пустую кружку и миску, кричать и звать на помощь, но это было бы ошибкой. Он понимал, что нужно контролировать себя во всем и сохранять каждую каплю сил, какие ещё оставались, чтобы дать отпор.

«Думай головой. Используй то, чему тебя научили. Применяй теорию на практике. Вспомни курс выживания, который ты прослушал в прошлом году в Англии. Так, и что теперь надо делать?»

Он припомнил, что при каждой возможности обязательно нужно есть, пить и спать, потому что неизвестно, когда тебя могут всего этого лишить. Использовать зрение, обоняние, осязание и мыслительные способности, чтобы вести отсчет времени в темноте. Помнить, что схватившие тебя когда-нибудь непременно допустят ошибку, которая позволит тебе — если не проворонишь её — определиться во времени, а значит, сохранять равновесие, и обмануть их, не разгласить того, что разглашать нельзя ни в коем случае — настоящие имена и действующие контакты. Главное — противопоставить им свой ум. Сохраняй активность, заставляй себя делать наблюдения.

«Не было ли ошибки? Не прокололись ли где-нибудь эти дьяволы-варвары? Только раз, — радостно сообразил он. — Яичница! Эти ослы англичане со своей яичницей на завтрак!»

Теперь он почувствовал себя лучше и совсем проснулся. Поднявшись с койки, ощупью нашел металлическую миску, тихонько поставил рядом с ней кружку. Яичница была холодная, жир застыл, но Квок проглотил её и доел хлеб, переменив отношение к еде. Есть пальцами в темноте показалось непривычно и неудобно, особенно потому, что вытереть пальцы можно было только о свое голое тело.

Он поежился, ощущая себя покинутым и нечистым. Возникло неприятное ощущение в мочевом пузыре, и он прошел на ощупь к ведру, прикрепленному к стене. От ведра воняло.

Указательным пальцем он ловко измерил уровень жидкости в ведре. Оно было почти полное. Опорожнившись, он снова измерил уровень. В уме подсчитал разницу. «Если они не доливали его, чтобы запутать меня, я мочился три-четыре раза. Дважды в день? Или четыре раза в день?»

Он вытер запачканный палец о грудь, отчего почувствовал себя ещё грязнее. Но это важно — использовать все и вся, чтобы сохранить душевное равновесие и ориентацию во времени. Он снова лег. Мутит, когда не знаешь, светло на улице или темно, день или ночь. Подступила тошнота, но он переборол её и заставил себя вспомнить все про того Брайана Квока, который только для врагов Брайан Каршунь Квок, а на самом деле другой, почти забытый человек из семьи У, с родовым именем²⁶⁶ Ба и взрослым именем Чу-той.

²⁶⁶ Родовые имена (кит. бань цы) — ограниченное число имен, которые присваиваются членам рода по определенному циклу. Вместе иероглифы этих имен могут составлять стихотворение о

Он вспомнил Нинток, отца и мать, и как его послали в школу в Гонконг, когда ему исполнилось шесть лет, и как ему хотелось выучиться и вырасти, чтобы стать патриотом, как родители и как тот дядя, которого у него на глазах забили до смерти на деревенской площади только за то, что он был патриотом. От гонконгских родственников он узнал, что «патриот» и «коммунист» — одно и то же и что ни тот ни другой не враги государству. Что гоминьдановские правители такие же плохие, как и заморские дьяволы, навязавшие Китаю неравноправные договоры²⁶⁷, и что настоящим патриотом является лишь тот, кто следует учению Мао Цзэдуна. Он вступил в первое из многочисленных тайных братств и работал, чтобы стать лучшим для дела Китая и Мао, который и есть дело Китая, учился у тайных учителей, узнав, что он — часть новой великой волны революционеров, которые отберут у заморских дьяволов и их прислужников власть над Китаем, а их самих навсегда сметут в море.

И он завоевал право учиться в этой школе! В двенадцать лет!

О, как гордились им его тайные учителя. Потом он отправился в варварские края. Он уже умел свободно говорить на языке варваров, и ему не грозили их дурные мысли и привычки, он поехал в Лондон, столицу величайшей в мире империи, зная, что однажды она будет унижена и опустошена, но тогда, в 1937 году, ещё была пора её последнего расцвета.

Там он провел два года. Ненавидя эту английскую школу и соучеников-англичан. «Чинки²⁶⁸, чинки, чин, китаец, на хвосте²⁶⁹ сидит, как заяц...» Но скрывая это и скрывая слезы. И его новые учителя из Братства помогали ему, наставляли его, сопоставляя вопросы и ответы с окружающей действительностью, доказывали, какое чудо эта диалектика, как чудесно быть частью самой настоящей, реальной, бесспорной революции. Он никогда этого не оспаривал, никогда не возникало такой необходимости.

Потом война с немцами и эвакуация со всеми остальными девочками и мальчиками в безопасную Канаду. Все это замечательное время, проведенное в Ванкувере, в провинции Британская Колумбия, на берегу Тихого океана. Все эти безбрежные просторы, горы и море, и процветающий чайнатаун, где хорошо готовили по-нинтокски. И новый филиал мирового Братства, и другие учителя. Всегда находился кто-то мудрый, с кем можно было поговорить, всегда кто-то был готов объяснить и посоветовать... Школьные товарищи его по-прежнему не принимали, но он побивал их и у доски, и в спортивном зале, в боксерских перчатках, и в любимых ими видах спорта. Он был старостой класса, хорошо играл в крикет и теннис — этому его тоже учили. «Совершенствуйся, Чу-той, сын мой. Совершенствуйся и будь терпеливым во славу Партии и во славу Мао Цзэдуна, который и есть Китай» — это было последнее, что сказал ему отец. Тайные слова, отпечатавшиеся в его сознании с шестилетнего возраста, отец повторил на смертном ложе.

чаяниях семьи или о её истории. В некоторых китайских семьях родовым именем является первый из двух иероглифов, составляющих личное имя.

²⁶⁷ Неравноправные договоры — пришедшее из английского языка и бытующее в современном Китае название ряда договоров, подписанных Китаем, Японией и Кореей в XIX — начале XX в., начиная с Первой опиумной войны и Нанкинского договора 1842 г., когда эти страны были не способны оказать сопротивление военному и экономическому давлению ведущих западных держав.

²⁶⁸ Чинки (чинк) — презрительное именование китайцев.

²⁶⁹ Имеется в виду традиционное представление о китайце времен последней династии Цин, когда, по маньчжурскому обычаю, взрослые мужчины были обязаны сбрасывать волосы на голове и оставлять лишь длинную косичку на затылке.

Вступление в ряды канадской конной полиции тоже было частью этого плана. Преуспеть там оказалось легко: в его ведении был чайнатаун, район причалов, и набережных, и тихих задворков; он говорил на английском, на северном диалекте — мандарине, на кантонском (знание родного нинтокского он глубоко скрывал). Не составляло труда стать прекрасным полицейским в этом широко раскинувшемся красивом портовом городе. Вскоре ему уже не было равных: он знал ванкуверских китайцев как никто, ему доверяли, он все больше совершенствовался и неумолимо боролся с преступлениями, которыми кормились триады чайнатауна: опиум, морфин, героин, проституция и неизбежные подпольные азартные игры.

Его хвалили за работу — как начальство, так и руководители Братства. Последние тоже выступали против засилия банд, наркоторговли и преступности и помогали ему в аресте преступников и раскрытии преступлений. Их единственный тайный интерес составляла внутренняя структура конной полиции, порядок приема на работу, увольнения и продвижения по службе, методы сбора и обработки данных, ведения следствия и наблюдения, способы контроля. Из Ванкувера его послали на шесть месяцев в Оттаву: его уступил на время благодарный шеф полиции, чтобы помочь в тайном расследовании деятельности сети наркоторговцев-китайцев. Там он завел новые важные контакты среди канадцев и членов Братства, узнавал все больше и больше, уничтожил сеть наркоторговцев и получил повышение. Контролировать преступность и получать повышение не так уж и трудно, если у тебя везде сотни тайных друзей и соглядатаев.

Потом кончилась война, и он подал рапорт о переводе в полицию Гонконга — это была завершающая часть плана.

Но уезжать не хотелось, он полюбил Канаду и полюбил её. Жанетту. Жанетту де Буа. Девятнадцатилетняя канадская француженка из Монреаля, она говорила по-французски и по-английски, её родителям, франкоканадцам не в одном поколении, он нравился, их не смущало, что он *Chinois* ²⁷⁰, как они его шутливо называли. Ему тогда был двадцать один год, и про него уже говорили, что он верный кандидат на повышение, что его ждет хорошая карьера, что он скоро женится, где-то через год...

Брайан Квок мучительно заворачивался на матрасе. Кожа была липкая, а темнота давила. Он смежил налившиеся свинцом веки и позволил себе вернуться назад к ней в то время, в то плохое время его жизни. Он вспомнил, как убеждал Братство, руководителя, говорил, что в Канаде от него будет больше пользы, чем в Гонконге, где он станет лишь одним из многих. Здесь, в Канаде, он единственный. Пройдет несколько лет, и он окажется на первых ролях в ванкуверской полиции.

Но все его доводы были отмечены. Он с грустью понял, что руководители правы. Он понял, что, оставшись, в конце концов перешел бы на другую сторону, порвал бы с Партией. Благодаря знакомству с докладами канадской полиции о Советах, КГБ, гугагах у него уже появилось слишком много вопросов, на которые он не находил ответа, слишком много друзей, канадцев и националистов. Гонконг и Китай уже отошли в далекое прошлое. Здесь была Жанетта, он любил её и ту жизнь, которую они вели, любил свою машину с форсированным двигателем и престиж среди равных себе по положению, для него они уже стали своими, а не варварами.

Руководитель напомнил ему о прошлом, напомнил, что варвары всего лишь варвары, что он нужен в Гонконге, где битва только начинается, где Мао ещё не стал председателем Мао, ещё не победил, ещё сражался с Чан Кайши.

Он с горечью повиновался, как ни тяжело было что-то делать против воли. Он понимал, что он в их власти, и поэтому повиновался. Потом были четыре бурных года до сорок девятого, когда Мао одержал невероятную победу, в которую трудно было

²⁷⁰ Китаец (франц.).

поверить. Затем он снова стал глубоко внедряться, в этом помогал его блестящий талант борьбы с ненавистой ему преступностью, которая была позором для Гонконга и пятном на репутации Китая.

Теперь в его жизни опять все стало хорошо. Его повышали по службе, англичане привязались к нему, уважали его как выпускника хорошей английской частной школы, который прекрасно говорит по-английски со свойственным правящим слоям акцентом и демонстрирует высокий класс во всех традиционно английских видах спорта, как все, кто входил в элиту империи до него.

«И вот теперь шестьдесят третий год, мне тридцать девять, и завтра... нет, не завтра, в воскресенье, в воскресенье гонки по холмам, а в субботу скачки, и Ноубл Стар — Ноубл Стар, или Пайлот Фиш Горнта, или лошадь Ричарда Квока, нет, Баттерскотч Лэсс Ричарда Квана, или аутсайдер Джона Чэня Голден Леди? Поставлю-ка я на Голден Леди — все до последнего пенни, да, все, что накоплено за всю жизнь, а ещё свой „порше“, хотя это, конечно, глупость, но мне придется это сделать. Придется, потому что так велел Кросс, и Роберт с ним согласен, и они оба сказали, что я должен поставить ещё свою жизнь, но господи боже, ведь Голден Леди прихрамывает в паддоке, а ставки уже сделаны, и вот они уже пошли и мчатся, давай, Голден Леди, давай ради Мао, пусть нависли грозовые облака и сверкает молния, давай, все мои сбережения и моя жизнь поставлены на твой паршивый, мерзкий, проклятый, о Председатель Господь, не оставь меня...»

Он уже глубоко погрузился в сон, и сны у него были скверные, наркотические, и Хэппи-Вэлли — Счастливая Долина — стала Долиной Смерти. Его глаза не почувствовали, как зажегся свет и распахнулась дверь.

Пора было начинать снова.

Армстронг смотрел на друга, жалея его. Свет был тщательно приглушен. Рядом стоял старший агент Малкольм Сунь, охранник и доктор из штата Эс-ай. Маленький, юркий, лысоватый, живой и вертлявый, как птичка, доктор Дорн измерил Брайану Квоку пульс и давление, послушал, как бьется сердце.

— «Клиент» в прекрасной форме, суперинтендент. В физическом плане, — сказал он с еле заметной усмешкой. — Кровяное давление повышено, сердечко частит, но это и неудивительно. — Он сделал соответствующие пометки в «истории болезни» и передал её Армстронгу. Тот посмотрел на часы, записал время и тоже поставил подпись.

— Можете продолжать, — произнес он.

Доктор тщательно наполнил шприц. С превеликой осторожностью он сделал Брайану Квоку укол в ягодицу новой иглой. Не осталось почти никакого следа, лишь крохотная капля крови, которую он вытер.

— Ужин, когда скажете, — с улыбкой проговорил он. Армстронг лишь кивнул. Охранник Эс-ай добавил в ведро немного мочи, и это тоже было отмечено в «истории болезни».

— Вот ведь додумался измерять уровень. Не ожидал от него этого, — прокомментировал Малкольм Сунь.

Инфракрасные лучи позволяли легко следить за малейшими движениями «клиента» через смотровые отверстия в светильниках на потолке.

— Цзю ни ло мо, кто бы мог подумать, что он лазутчик? Умница такой всегда был, ети его, умница.

— Будем надеяться, что бедняга не слишком, ети его, большой умница, — мрачноотреагировал Армстронг. — Чем быстрее он заговорит, тем лучше. Старик от него не отступится.

Остальные взглянули на него. Молодой охранник поежился. Неловкую тишину нарушил доктор Дорн:

— Нам поддерживать двухчасовой цикл, сэр?

Армстронг посмотрел на друга. Первую дозу наркотика тот получил с пивом сегодня в 13:30. После этого к Брайану Квоку применяли «классификацию 2», то есть схему поддержания на химических препаратах «сон-бодрствование-сон-бодрствование». С периодичностью два часа. Инъекции для пробуждения чуть раньше 16:30, 18:30, 20:30, и это будет продолжаться до 6:30 утра, когда начнется первый серьезный допрос. Через десять минут после каждой инъекции сон «клиента» искусственно прерывается, и химические препараты вызывают повышенную жажду и голод. Он жадно проглотит еду и одним глотком выпьет холодный чай, и добавленные туда наркотики быстро возымеют эффект. Глубокий сон, очень глубокий и очень недолгий, будет вызван ещё одним уколom. Чередование темноты и режущего глаз света, резкие звенящие голоса, сменяющиеся тишиной. Потом пробуждение. Завтрак. А два часа спустя ужин, а ещё через два часа — завтрак. Для все больше теряющего ориентацию во времени сознания двенадцать часов будут казаться шестью днями — или больше, если «клиент» выдержит, двенадцатью днями. Не нужно никаких пыток, только темнота и дезориентация, этого достаточно, чтобы выяснить у вражеского агента все, что нужно, или заставить его подписать, что ты хочешь, потому что вскоре он будет считать твою истину своей.

Добиться этого можно от кого угодно.

От кого угодно после недели в режиме «сон-бодрствование-сон», а потом двух-трех дней без сна. От кого угодно.

«Боже всемогущий, — думал Армстронг, — ты будешь держаться до конца, бедный ублюдок ты паршивый, но ничего хорошего это тебе не даст. Ничего».

Но тут часть сознания взбунтовалась, вопя: «Ведь он тебе не друг, он вражеский агент, он лишь „клиент“, враг, предававший тебя и все и вся уже много лет. Вероятно, он выдал Фэн-фэна и его ребят, с которыми сейчас в какой-нибудь паршивой, вонючей камере происходит то же самое, только без докторов. За ними так не следят, не проявляют такой заботы.

Ну и что? Разве таким обращением можно гордиться? Разве это может позволить любой цивилизованный человек? Нет. Разве обязательно пичкать беспомощное тело химическими препаратами? Нет...

Да, да, это нужно. Да, иногда это необходимо. И убивать иногда необходимо — бешеных собак, людей... О да, некоторые люди... Зло и бешеные собаки... Зло. Да. Тебе приходится применять все эти методы современной психиатрии, разработанные Павловым и другими советскими специалистами, разработанные коммунистами под режимом КГБ.

Ага, но обязательно ли действовать, как они?

Господи, я не знаю! Знаю лишь, что КГБ пытается уничтожить нас всех, низвести до их уровня и...»

Взгляд Армстронга сконцентрировался, и он увидел, что все пристально смотрят на него.

— Что такое?

— Так нам поддерживать двухчасовой цикл, сэр? — обеспокоенно повторил доктор.

— Да. Да, и в восемнадцать тридцать начинаем первый допрос.

— Вы сами будете его проводить?

— Господи боже, это же есть в приказе! — рявкнул Армстронг. — Вы что, черт возьми, читать не умеете?

— О, извините, — тут же ответил доктор. Все знали, что Армстронг был в дружеских отношениях с «клиентом» и что Кросс приказал ему проводить допрос. — Не хотите ли принять успокоительное, сэр? — заботливо спросил доктор Дорн.

Армстронг грязно выругался и вышел, разозлившись на себя за то, что не сдержался из-за этого паяца доктора. Он отправился на самый верхний этаж в

офицерскую столовую.

— Бармен!

— Сию минуту, сэр!

Быстро принесли его обычную кружку пива, но сегодня эта мягкая темная жидкость, горьковатая, с явным привкусом солода, которая ему так нравилась, не утолила жажды и не освежила рот. Он уже тысячу раз пытался представить, что будет делать, если схватят его и посадят голого в такую камеру. Ведь он знает почти все эти методы, знает, как это делается, и будет начеку. «И у меня выйдет получше, чем у бедного Брайана, черт возьми, — мрачно думал он. — Бедолага знает так мало. Да, но поможет ли то, что ты много знаешь, когда сам окажешься „клиентом“?»

Кожа стала липкой от пота при мысли о том, что ожидает Брайана Квока.

— Бармен!

— Да, сэр, сию минуту, сэр!

— Добрый вечер, Роберт, можно к тебе присоединиться? — Это был главный инспектор Дональд С. С. Смит.

— О, привет. Да... садись, — пригласил Армстронг без особого энтузиазма.

Смит уселся рядом на высокую табуретку у бара и поправил поудобнее руку на перевязи.

— Как оно?

— Как всегда.

Смит кивнул, и Армстронг подумал, как все же тому подходит его прозвище — Змея. Симпатичный, гладкий, хитрый, как гад ползучий, вызывающий то же ощущение смертельной опасности, от которого стынет кровь в жилах, и та же привычка проводить по губам кончиком языка.

— Господи! До сих пор трудно поверить, что это Брайан. — Смит, один из немногих, был в курсе насчет Брайана. — Поразительно.

— Да.

— Роберт, у меня приказ начальника уголовного розыска, самого высокого твоего босса, принять у тебя дело Вервольфов, пока ты занят. И любые другие дела, которые, по твоему мнению, я мог бы вести.

— Все в папках. Номер два у меня — главный сержант Тан-по... Хороший детектив, действительно очень хороший. — Армстронг глотнул пива и цинично добавил: — И с хорошими связями.

— Прекрасно, это на пользу дела, — улыбнулся одним ртом Смит.

— Только не надо наводить в моем бедном районе свои порядки.

— И не мечтай, старина. Меня только на Восточный Абердин и хватает. Так и что же насчет Вервольфов? Продолжать наблюдение за Филлипом Чэнем?

— Да. И за его женой.

— Занятно. Ведь до того, как выйти за старого скупердя, она была Майвэй Чжун, верно? Занятно ещё и то, что один из её родственников — Колибри Сун.

Армстронг уставился на него.

— Ты хорошо подготовился.

— Служба такая! — сказал Смит и мрачно добавил: — Хочется побыстрее добраться до этих Вервольфов. У нас в Восточном Абердине уже три панических звонка от людей, которым звонили Вервольфы и требовали сян ю «осинь бысла», грозя похищением. Я слышал, что такое происходит по всей колонии. Если нам позвонили трое перепуганных граждан, можешь быть уверен, что ещё триста побоялись это сделать. — Смит попивал виски с содовой. — Это нехорошо для бизнеса, совсем нехорошо. Корову за один раз дважды не подоить. Если мы этих Вервольфов быстро не сцапает, они откроют свой «монетный двор». Несколько звонков по телефону — и деньги уже отправлены по почте. Бедные жертвы будут, черт возьми, только рады откупиться, чтобы не привлекать внимания. И любому

другому преступнику, учуявшему поживу, есть где разгуляться.

— Согласен. — Армстронг допил пиво. — Ещё будешь?

— Позволь мне. Бармен!

Армстронг наблюдал, как ему наливают пиво.

— Думаешь, есть связь между Джоном Чэнем и Колибри Суном? — Он помнил этого Суна, богатого судового магната с репутацией любителя орального секса, которого похитили шесть лет назад, и криво усмехнулся. — Господи, я не вспоминал о нем сто лет.

— Я тоже. Эти два дела никак не пересекаются. Мы посадили похитителей Суна в тюрьму на двадцать лет, и они сгниют там. Но кто знает, может, какая-то связь есть. — Смит пожал плечами. — Диана, должно быть, ненавидела Джона Чэня. И я уверен, что он платил ей тем же. Это общеизвестно. Та же история была и со стариной Колибри. — Он засмеялся. — Ещё одно прозвище Колибри, у профессионалов, так сказать, — Сун Сунь Нос.

Армстронг хмыкнул и потер глаза, чтобы стряхнуть усталость.

— Может, стоит встретиться с женой Джона — Барбарой? Я собирался сделать это завтра, но... Может, это что-то даст?

— Я уже договорился. А первым делом хочу съездить в Шатинь. Вдруг местные что-нибудь упустили под дождем?

— Хорошая мысль. — Армстронг с тревогой посматривал на потягивающего виски Змею. — Что у тебя на уме? — спросил он, зная, что это не просто так.

Смит взглянул ему прямо в глаза.

— Я много чего не понимаю в этом похищении. Например, почему за возвращение Джона — заметь, живого или мертвого — Великие Драконы назначили такое огромное вознаграждение?

— Вот у них и спроси.

— Я спросил. По крайней мере, спросил кое-кого, кто знаком с одним из них. — Снейк пожал плечами. — Ничего. Вообще ничего. — Он помолчал. — Придется поковыряться в прошлом Джона.

Армстронг ощутил холод глыбы, которую таил глубоко внутри.

— Думаю, что придется.

— Ты знал, что Мэри была с ним знакома? В лагере для военнопленных в тюрьме Стэнли.

— Да. — Армстронг отпил пива, не ощущая вкуса.

— Она может навести нас на мысль. Скажем, был ли Джон связан в лагере с черным рынком. — Его бледно-голубые глаза не отпускали бледно-голубых глаз Армстронга. — Может, стоит спросить?

— Я подумаю на сей счет. Да, я подумаю об этом. — Армстронг не испытывал к Змее никакой злобы. На месте Смита он тоже спросил бы. Вервольфы — это очень скверно, и первая волна ужаса уже прокатилась по китайскому сообществу. «Сколько ещё людей знает о Мэри и Джоне Чэне? — спрашивал он себя. — Или о тех сорока тысячах, которые по-прежнему прожигают дыру в моем столе, по-прежнему прожигают дыру в моем сердце». — Это было давно.

— Да.

Армстронг взялся за кружку.

— «Друзья» тебе помогают?

— Скажем так: наше братство, ведающее азартными играми, выплачивает весьма значительные вознаграждения — в благодарность, поспешу добавить. — Язвительная усмешка исчезла с лица Змеи. Шутливый тон исчез тоже. — Надо поймать Вервольфов, и очень быстро, а то они действительно испортят нам всю обедню.

21:15

Четырехпалый У стоял на высоком полуките моторной джонки, которая с потушенными огнями покачивалась на зыби в месте рандеву далеко в открытом море.

— Послушай ты, мразь вервольфовская, — раздраженно шипел он, обращаясь к Рябому Цзиню. Тот лежал у ног старика на палубе, обезумев от боли, опутанный веревками и тяжелой цепью, и его била мелкая дрожь. — Я хочу знать, кто ещё есть в вашей, ети её, шайке, у кого вы взяли эту монету, половинку монеты. — Ответа не последовало. — Приведи этого блудодея в чувство!

Пун Хорошая Погода услужливо вылил на обессиленного юношу ещё одно ведро забортной воды. Это тоже не возымело эффекта, и тогда Пун склонился к нему с ножом. Рябой Цзинь тут же вскрикнул и вышел из оцепенения.

— Что, что такое, Господин? — вопил он. — Не надо больше... Что, что вам нужно?

Четырехпалый У повторил сказанное. Пун Хорошая Погода ткнул ножом, и юноша снова вскрикнул.

— Я рассказал вам все... все... — В отчаянии, ибо никогда и представить не мог, что в целом мире может быть столько боли, он, еле ворочая языком, снова стал рассказывать обо всех членах банды. Уже на все было наплевать, и он называл их настоящие имена и адреса, сказал даже о старой ама из Абердина. — Монету дал мне отец... я не знаю, где... он дал мне её, но так и не сказал, где... он взял её, клян-у-у-у... — Голос оборвался. Он снова потерял сознание.

Четырехпалый У с отвращением сплюнул.

— Нестойкая нынче молодежь!

Было темно. Из-под нависших туч то и дело налетали свирепые порывы ветра. Мощный и хорошо отрегулированный двигатель ровно урчал, чуть придавая джонке ходу, чтобы она не рыскала в стороны и меньше зарывалась носом, хотя это и неизбежно при килевой качке. Они находились в нескольких милях к юго-западу от Гонконга, чуть в стороне от морских путей. С левого борта лежали территориальные воды КНР и широкое устье реки Чжуцзян, а с правого — открытое море. Все паруса были убраны.

Старик закурил и закашлялся.

— Да падет проклятие всех богов на этих, ети их, ублюдков из триад!

— Привести его в чувство? — спросил Пун Хорошая Погода.

— Нет. Нет, этот прелюбодей рассказал все, что знает. — У потянулся мозолистыми пальцами к шее и нервно тронул половинку монеты, которую теперь носил под драной потной рубашкой, чтобы убедиться, что она на месте. В горле даже встал комок от волнения при мысли, что монета может оказаться подлинной, что, может быть, она — утраченное сокровище Филлипа Чэня. — Ты все сделал молодцом, Пун Хорошая Погода. Сегодня получишь премию. — Его взгляд устремился на юго-восток в ожидании условного сигнала. Пора бы уже... Впрочем, беспокойства У ещё не испытывал. Он произвольно принялся к ветру, попробовал его, резкий и пропитанный солью, языком на вкус. Окинул взглядом небо, море и горизонт. — Скоро снова пойдет дождь, — пробормотал он.

Пун прикурил новую сигарету от окурка и затоптал его на палубе босой мозолистой ногой.

— Неужто из-за него отменяют скачки в субботу? Старик пожал плечами.

— Если богам будет угодно. Думаю, завтра опять польет как из ведра. Если ветер не переменится. Если не переменится, это может быть и «дьявольский ветер», и «величайший ветер», а эти блудодеи способны расшвырять нас на все Четыре

Моря. Мочиться я хотел на все величайшие ветра!

— И я бы помочился на них, если бы не скачки. Носом чую, это лошадь Банкира Квана.

— Ха! Этому паршивцу, моему сладкоречивому племяннику, конечно, не помешает, чтобы его джосс переменялся! Глупец потерял свой банк!

Пун отхаркнулся и сплюнул на счастье.

— Спасибо всем богам за Прибыльного Чоя!

С тех пор как благодаря Полу Чою Четырехпалый, его капитаны и весь его народ благополучно сняли свои деньги из «Хо-Пак» и прибыли старика умножились от тайных манипуляций с акциями «Струанз», У называл его Прибыльный Чой. Из-за прибылей он простил сыну прегрешение. Но только в душе. Человек осторожный, У признался в этом лишь Пуну Хорошая Погода, своему приятелю и доверенному лицу.

— Приведи его на палубу.

— А что делать с этим блудодеем Вервольфом? — Мозолистым большим пальцем ноги Пун ткнул Цзиня. — Молодому Прибыльному не по вкусу ни он, ни вообще все это дело, хейя?

— Пришло время взрослеть. Пусть узнает, как поступают с врагами. Пусть поймет, что такое настоящие ценности, а не обреченные, смердящие, бессмысленные ценности Золотой Горы. — Старик сплюнул на палубу. — Щенок забыл, кто он и в чем его интересы.

— Но ты же сам сказал, что не посылаешь зайца против дракона. Или пескаря против акулы. Тебе ещё нужно подумать над вложением денег. И не забывай, что Прибыльный Чой вернул все, что ты потратил на него за пятнадцать лет, в двадцатикратном размере. Он — Великий Дракон на денежном рынке, а ему всего двадцать шесть. Оставь ему то, в чем он лучше всего разбирается, для своей и его пользы. Хейя?

— Сегодня ему лучше всего быть здесь. Старый моряк почесал ухо.

— Не знаю, Четырехпалый. Это решать богам. Что до меня, я оставил бы его на берегу. — Тут Пун Хорошая Погода стал всматриваться в юго-восточный горизонт. Он что-то приметил боковым зрением. — Видишь его?

Через минуту Четырехпалый покачал головой.

— Времени ещё много, время есть.

— Да. — Старый моряк оглянулся на тело, стянутое цепями, как ошипанная курица суровыми нитками. Лицо его расплылось в ухмылке. — И-и-и, но как Прибыльный Чой весь побелел — что твоя медуза, — когда этот блудодей первый раз заорал и показалась кровь. Мне пришлось испортить воздух, чтобы не засмеяться и не уронить его достоинства!

— Нестойкая нынче молодежь! — повторил У. Потом закурил новую сигарету и кивнул: — Но ты прав. После сегодняшней ночи Прибыльный останется там, где ему место, чтобы стать ещё прибыльнее. — Он бросил взгляд на Рябого Цзиня. — Он мертв?

— Нет ещё. Вот ведь грязная шлюха безродная: ударил Первого Сына Благородного Дома Чэнь лопатой, а потом вкручивал нам, хейя? А ещё отрезал Чэню ухо, свалил на отца и братьев и тоже заливал нам! А вдобавок и выкуп забрал, хотя товар им было уже не доставить! Ужас!

— Отвратительно! — захохотал старик. — А ещё более ужасно, что попался. Но ведь ты, Пун Хорошая Погода, показал этому блудодею, как он заблуждается на гнусных путях своих.

Оба, довольные, рассмеялись.

— Отрезать ему другое ухо, Четырехпалый?

— Пока не надо. А пройдет немного времени, очень немного, отрежь. Пун снова почесал голову.

— Одно мне непонятно. Никак в толк не возьму, зачем ты велел мне приколоть эту бумажонку с надписью на грудь Первого Сына и оставить тело там, где хотели оставить они. — Нахмурившись, он посмотрел на Четырехпалого. — Ведь когда этот блудодей окочурится, никого из Вервольфов не останется, хейя? На кой ляд тогда эта надпись?

Четырехпалый захихикал.

— Все становится ясным для того, кто ждет. Потерпи.

Он был очень доволен собой. Надпись свидетельствовала, что Вервольфы очень даже живы. Если о том, что все они мертвы, будут знать только он и Пун, то в любое время можно «оживить» Вервольфов. Когда он этого захочет. «Да, — довольный, думал он. — Убей одного, чтобы запугать десять тысяч! Вервольфы могут запросто стать постоянным источником дополнительной прибыли, и стоять это будет совсем недорого. Несколько телефонных звонков, парочка продуманных похищений, может, ещё одно ухо».

— Потерпи, Пун Хорошая Погода. Скоро тебе откро... — Он осекся.

Оба устремили взгляды на одну точку в темноте. Там только что показалось небольшое грузовое судно с едва заметными огнями. Через секунду у мачты мигнули два фонаря. Четырехпалый тут же прошел на мостик и дал ответный сигнал. Судно мигнуло в подтверждение.

— Хорошо, — произнес довольный У, в свою очередь давая подтверждающий сигнал.

Команда джонки тоже заметила огни. Один моряк поспешил вниз за остальными, прочие на палубе встали по местам. Взгляд Четырехпалого упал на Рябого Цзиня.

— Сначала этот, — зло бросил он. — Давай сюда моего сына.

Пол Чой, шатаясь, выбрался на палубу. Он жадно вдохнул свежего воздуха — вонь внизу стояла невыносимая — и поднялся по трапу на корму. Когда Пол увидел кровавое месиво и лежащего на палубе искромсанного человека, ему стало плохо. Он бросился к борту, и его снова стало тошнить.

— Помоги Пуну Хорошая Погода, — велел Четырехпалый У.

— Что?

— У тебя что, уши заложило блевотиной? — заорал старик. — Помоги ему.

Испуганный Пол Чой, шатаясь, подошел к старому моряку. Рулевой матрос с интересом наблюдал за ним.

— Что ты... мне нужно делать?

— Берись за ноги!

Стараясь преодолеть тошноту, Пол Чой закрыл глаза. В ноздри бил запах рвоты и крови. Нагнувшись, он ухватил ноги Рябого вместе с частью тяжелой цепи и, шатаясь, потащил свою ношу к борту, чуть не упав при этом. Большую часть тяжести принял на себя Пун Хорошая Погода: при необходимости он легко унес бы Рябого в одиночку, а заодно и Пола Чоя. Без видимых усилий он удерживал Рябого Цзиня на планшире.

— Держи его там!

Как было уговорено с Четырехпалым, старый моряк отошел в сторону, оставив Пола Чоя наедине с изуродованным человеком, который был без сознания и навалился на него бесформенной глыбой.

— В воду его! — скомандовал У.

— Но, Отец... пожалуйста... он... он не мерт... ещё не мертвый. Пожа...

— За борт его!

Обезумев от страха и отвращения, Пол Чой попытался было втащить тело обратно на борт, но джонку накрыло порывом ветра, и последний из Вервольфов опрокинулся в море и ушел под воду, не оставив и следа. Пол Чой беспомощно смотрел, как волны плещутся о тиковый борт. Заметив у себя на рубашке и на руках

кровь, он опять мучительно согнулся в приступе рвоты.

— Держи! — У грубо сунул сыну флягу. В ней было виски, хорошее виски.

Пол Чой слегка поперхнулся, но желудок виски удержал.

У вернулся к управлению джонкой, махнул рулевому в сторону грузового судна и дал полный ход. Двигатель натужно взревел, джонка рванулась вперед, и Пол Чой, не готовый к этому, чуть не упал, успев ухватиться за планшир.

Привыкнув к качке, Пол взглянул на отца. Тот уже стоял у румпеля, рядом с ним — Пун Хорошая Погода, и оба напряженно вглядывались в темноту. Пол заметил маленькое суденышко. Его мутило, снова стал противен отец, было противно, что он здесь, на борту, вовлечен в темное дело, скорее всего в контрабанду, — не говоря уже об этом кошмаре с Вервольфом.

«Что бы ни натворил бедный сукин сын, — в ярости думал он, — это не дает никому права вершить правосудие своими руками. Вервольфа следовало передать полиции, чтобы его повесили или посадили в тюрьму».

У почувствовал взгляд сына и обернулся. Выражение его лица не изменилось.

— Иди сюда, — скомандовал он, похлопав изуродованной рукой по планширу перед собой. — Стой здесь.

Оцепеневший Пол Чой повиновался. По росту он значительно превосходил и отца, и Пуна Хорошая Погода, но смотрелся как тростинка против каждого из них.

Джонка мчалась наперехват. Море было черным, и лишь слабый лунный свет, пробивавшийся сквозь низкие облака, чуть рассеивал ночной мрак. Вскоре они подошли к судну с кормы правого борта, расстояние быстро сокращалось. Маленькое, тихоходное и довольно старое, суденышко тяжело зарывалось носом под нарастающими порывами ветра.

— Это судно каботажное, — отметил Пун Хорошая Погода, — «тайский траулер», как мы их называем. Таких посудин, эти их, десятки в водах всей Азии. Их, Прибыльный Чой, по всем морям полно, как вшей. Команду набирают из подонков, капитанами на них тоже подонки, и текут они как верши для омаров. В основном ходят на Бангкок, Сингапур, Манилу, Гонконг — пойдут хоть к черту, если нужно доставить груз. Эта посудина идет из Бангкока. — Он отхаркнулся и сплюнул, отчего молодого человека опять замутило. — Не хотел бы я отправиться в рейс на одной из этих вонючих шлюх...

Он осекся. С судна подали ещё один короткий сигнал. У ответил на него. Затем все, кто был на палубе, услышали всплеск по правому борту: в воду упало что-то тяжелое. Четырехпалый немедленно скомандовал: «Стоп машины». Неожиданно наступила оглушительная тишина. Впередсмотрящие на носу вглядывались во мрак, пока джонка, замедляя ход, качалась и рыскала на волнах.

Потом один из впередсмотрящих дал сигнал флажком. У тут же добавил ходу и скорректировал курс. Ещё один молчаливый сигнал, и ещё одна перемена направления, а затем более резкий, взволнованный взмах флажком.

Четырехпалый резко перевел машины на реверс. Винты взбили воду. Он сбросил обороты, и джонка подошла ближе к покачивающимся на волнах буйкам. Пол Чой наблюдал за упрямым стариком, который не сводил глаз с поверхности моря впереди и, казалось, слился воедино со своим кораблем. Ловкими маневрами У положил джонку на курс буйков. Через несколько мгновений моряк с длинным швартовочным багром в руках наклонился с главной палубы и подцепил конец. С помощью других моряков грубые пробковые буйки были умело вытащены на борт, а конец надежно закреплен на пиллерсе²⁷¹. Уверенными движениями старшина палубной команды отсек буйки и выбросил их за борт, а другие моряки в это время

²⁷¹ Пиллерс — вертикальная стойка, служащая опорой для палубы судна.

проверяли, надежно ли закреплены тюки на другом конце погруженного в воду каната. Теперь Пол Чой отчетливо видел их. Тюков было два, размером шесть футов на три и на три; они были крепко связаны между собой; и под их тяжестью, хоть они и оставались под водой, толстый конец сильно натянулся. Как только все было надежно привязано и груз закреплен вдоль борта, хотя и в пяти-шести футах под водой, старшина палубной команды подал сигнал. Четырехпалый тут же вывел джонку на крейсерскую скорость, лег на другой галс, и они поспешили прочь.

Вся операция была проделана в тишине, без усилий и за считанные секунды. Через несколько минут еле видные топовые огни «тайского траулера» растаяли в темноте, и джонка снова осталась в море одна.

У и Пун Хорошая Погода закурили.

— Вот и славно, — проговорил довольный Пун.

Четырехпалый не ответил: он прислушивался к ласкающему слух рокоту двигателей. «Там все в порядке», — думал он. Потом всеми чувствами переключился на ветер. «И там все в порядке». Взглядом обшарил темноту. «Там тоже ничего, — отметил он про себя. — Что же так беспокоит на душе? Или это из-за Седьмого Сына?»

Он взглянул на Пола Чоя: тот стоял у левого борта спиной к нему. «Нет. Оттуда тоже никакой опасности».

Пол Чой наблюдал за тюками. От них расходился небольшой бурун. Его любопытство обострилось, и он почувствовал себя немного лучше: виски разлилось внутри приятным теплом, запах соли уже не казался таким противным. К этому добавлялось волнение от randevu, от того, что они уже уходят и что все в порядке.

— Почему ты не затащишь тюки на борт, Отец? Так можно их и потерять.

У сделал знак Пуну, чтобы тот ответил.

— Лучше оставить урожай моря морю, Прибыльный Чой, до той поры, когда можно будет абсолютно безопасно вытащить его на берег. Хейя?

— Меня зовут Пол, а не Прибыльный. — Молодой человек оглянулся на отца и поежился. — Совсем незачем было убивать этого блудодея!

— Капитан его не убивал, — ухмыльнулся Пун Хорошая Погода, отвечая за старика. — Это сделал ты, Прибыльный Чой. Ты убил его, ты сбросил его за борт. Я это ясно видел. Я стоял в полушаге от тебя.

— Ложь! Я пытался втащить его назад! И в любом случае приказал он. Он мне угрожал.

Старый моряк пожал плечами.

— Расскажи все это благородному судье из заморских варваров, Прибыльный Чой, и это будет совсем, ети его, не прибыльно!

— Меня зовут не При...

— Тебя назвал Прибыльным Капитан Всех Флотов, так что, клянусь всеми богами, ты останешься Прибыльным навсегда. Хейя? — добавил он, с ухмылкой глядя на Четырехпалого.

Старый морской волк ничего не сказал. Он лишь улыбнулся, обнажив несколько ломаных зубов в ещё более жуткой, чем обычно, гримасе, и кивнул лысой головой в знак согласия. Потом уставил взгляд на сына. Несмотря на всю решимость, Пол Чой содрогнулся.

— От меня твоей тайны не узнает никто, сын мой. Не бойся. Никто на борту этой лодки ничего не видел. Верно, Пун Хорошая Погода?

— Конечно ничего. Клянусь всеми богами, великими и малыми! Никто ничего не видел!

Пол Чой угрюмо посмотрел на него.

— Бумагу в огонь не завернешь!

— На этой лодке завернешь! — захохотал Пун Хорошая Погода.

— Да, — проскрежетал У режущим ухо голосом. — На этой лодке тайну можно сохранить навсегда. — Он снова закурил, отхаркнулся и сплюнул. — Разве ты не хочешь знать, что в тюках?

— Нет.

— В них опиум. Когда он будет доставлен на берег, только мне одному работа этой ночью принесет двести тысяч прибыли, не считая солидных бонусов для команды.

— Эта прибыль такого риска не стоит. Во всяком случае, я так рисковать не буду. Я заработал тебе... — Тут Пол Чой смолк.

Четырехпалый зыркнул на него. Сплюнув на палубу, он передал управление Пуну Хорошая Погода и прошел на корму к роскошным сиденьям с подушками, расставленным там полукругом.

— Иди сюда, Прибыльный Чой, — скомандовал он. Испуганный Пол Чой сел, куда было велено. Теперь они остались наедине.

— Прибыль всегда прибыль, — цедил обозленный У. — Тебе причитается десять тысяч. Этого хватит на билет на самолёт до Гонолулу и обратно и на десять дней отпуска вдвоем. — Заметив промелькнувшую на лице сына радость, он улыбнулся про себя.

— Я не вернусь, — смело заявил Пол Чой. — Никогда.

— О, ты вернешься. Теперь вернешься. Ты рыбачил в опасных, эти его, водах.

— Я не вернусь никогда. У меня американский паспорт и...

— И японская шлюха, хейя?

Пол Чой уставился на отца в ужасе, что тот знает, потом ярость овладела им, и он вскочил, сжав кулаки.

— Она не шлюха, клянусь всеми богами! Она замечательная, она — леди, и её родители...

— А ну тихо! — У старательно прикусил язык, чтобы не вставить крепкое словечко. — Очень хорошо, она не шлюха, хотя для меня все бабы — шлюхи. Она не шлюха, она — императрица. Но ведь она из-за Восточного моря, из тех, эти его, дьяволов, что распинали Китай.

— Она — американка, американка, как и я, — вспыхнул Пол Чой, ещё крепче сжав кулаки, готовый наброситься на отца.

Моряк, стоявший на руле, и Пун Хорошая Погода приготовились вмешаться, но не подавали виду. В кулак Пуна скользнул нож.

— Я — американец, и она американка из семьи нисэй²⁷², и её отец воевал в Италии с Четыреста сорок вторым²⁷³ и...

— Ты — хакка, один из Рожденных в Море У, лодочных жителей, и будешь делать, что скажу я! Ты будешь повиноваться, Прибыльный Чой, ох как будешь! Хейя?

Пол Чой стоял перед отцом и, как он, дрожал от ярости, стараясь не струхнуть, потому что старик был грозен во гневе и за его спиной был Пун Хорошая Погода и остальная команда.

²⁷² Нисэй (яп., досл. второе поколение) — родившиеся в Америке и достигшие взрослого возраста к началу Второй мировой войны граждане США японского происхождения. Название применяется в большей степени к японцам с Восточного побережья. Японцы с Гавайских островов и Западного побережья были интернированы во время войны из опасения, что они могут выступить на стороне Японии.

²⁷³ Сформированный из нисэй 442-й ударный отряд, воевавший в Европе, получил наибольшее число наград за всю историю американской армии и прозвище «Батальон „Пурпурное сердце“» (по названию награды, вручаемой за одно боевое ранение).

— Не обзывают её! Не обзывают!

— Как ты смеешь наступать на меня с кулаками? На меня, давшего тебе жизнь, давшего тебе все? Кто открыл тебе все возможности, даже возможность встретить эту... Императрицу Восточного моря? Хейя?

Полу Чою показалось, что его крутануло страшным порывом ветра. На него снизу вверх смотрел Пун Хорошая Погода.

— Это Капитан Всех Флотов. Ты должен почитать его! — Стальной рукой моряк пихнул его назад на сиденья. — Капитан сказал: сиди. Так что сиди!

Помолчав, Пол Чой угрюмо спросил:

— Откуда вам известно про неё?

— Призываю всех богов в свидетели, какого я породил обалдуя, обезьяну с мозгами и манерами деревенщины! — заорал вышедший из себя старик, брызгая слюной. — Ты что, думаешь, за тобой не следили? Не оберегали? Разве я пошлю крота к змеям или цивилизованного щенка к заморским дьяволам без защиты? Ты — сын У Санфана, главы Рожденных в Море У, а я свое защищаю от врагов. Думаешь, у нас мало врагов, которые могли отрезать тебе «тайный мешочек» и прислать мне его, чтобы только досадить? Хейя?

— Не знаю.

— Так теперь знай, и очень хорошо знай, сын мой! — Четырехпалый У понимал, что эта стычка не на жизнь, а на смерть и что нужно быть мудрым, каким должен быть любой отец, когда сын в конце концов бросит ему вызов. Бояться он не боялся. Он проделывал это со многими сыновьями и потерял лишь одного. Но он был благодарен Тайбаню за сведения о девице и о том, кто её родители.

«Это и есть ключик, — думал он, — ключик к дерзкому мальчишке от Третьей Жены, чья „золотая лощинка“, покуда она была жива, оставалась сладкой и нежной, как свежая альбула²⁷⁴. Может, позволить ему привезти эту шлюху сюда? Какая-никакая девка дурачку нужна, пусть называет её как хочет. Ха, леди! Говорят, у дьяволиц из-за Восточного моря и волос-то на лобке нету! Какая гадость! В следующем месяце пусть привозит сюда свою проститутку. Если родители отпустят её одну, значит, точно шлюха. А не отпустят, на этом и конец. А я пока подыщу ему жену. Да. Вот только кого? Одну из дочерей Прижимистого? Или Ландо Маты, или... Погоди-ка, эта молоденькая полукровка... Не училась ли она тоже в Золотой Горе, в школе для девочек, в знаменитой такой школе? Какая этому ослу разница, чистокровная она китаянка или нет?

Сыновей у меня много, — думал старик. Никаких чувств к Полу он не испытывал. — Я дал им жизнь. И они должны выполнять свой долг передо мной, а когда я умру — перед кланом. Может, ему подошла бы добрая девка-хакка — чтоб с широкими ляжками и на ногах крепко стояла, — угрюмо размышлял он. — Да, но, и-и-и, зачем обрезать себе „стебель“, коль не держит мочевого пузырь, как бы ни был груб и невоспитан этот, ети его, болван!»

— Через месяц Черная Борода даст тебе отпуск, — тоном, не терпящим возражения, проговорил он. — Я позабочусь об этом. Тебе причитается десять тысяч и билет на «летающую машину»²⁷⁵... Нет! Лучше привезти её сюда, — добавил он, словно это только что пришло ему в голову. — Привози её сюда. Тебе нужно будет посетить Манилу, Сингапур и Бангкок и увидаться там с нашими капитанами. Да, привози её сюда через месяц. Твоих десяти тысяч хватит на билет и на все...

— Нет. Не привезу. Не стану я этого делать. И не нужны мне деньги от

²⁷⁴ Альбула — рыба, распространенная во всех тропических и субтропических морях.

²⁷⁵ Дословный перевод китайского слова фэйцзи — самолёт.

наркотиков! Я никогда не возьму их, и тебе рекомендую выйти из наркоторговли немедленно...

Всю джонку вдруг залил яркий свет. Всех на мгновение ослепило. С правого борта бил луч прожектора.

— Остановиться! — прозвучала через громкоговоритель команда по-английски. Затем её повторили на хакка и на кантонском.

Первыми пришли в себя У и Пун Хорошая Погода, и через долю секунды они уже действовали. Четырехпалый круто вывернул румпель влево в сторону от сторожевого корабля морской полиции и врубил оба двигателя на «полный вперед». Пун скатился по трапу на главную палубу и перерезал конец, которым был закреплен груз. Тюки пошли на дно, след от троса на поверхности воды исчез.

— Остановиться для досмотра! — Эти слова как лезвие полоснули по застывшему от страха Полу Чою.

На его глазах отец открыл рундук рядом с ним, достал несколько мятых солдатских фуражек армии КНР и натянул одну себе на голову.

— Быстро, — приказал он, швырнув одну ему.

Окаменевший от ужаса Пол послушно напялил фуражку. Как по мановению волшебной палочки, вся команда уже была в таких фуражках, а несколько человек натягивали поношенную и мятую армейскую форму.

Сердце Пола замерло. Кто-то из команды доставал из рундуков состоявшие на вооружении армии КНР винтовки и автоматы; другие, встав у ближайшего к полицейскому кораблю борта, принялись выкрикивать грязные ругательства.

На изящном, окрашенном в боевой шарово-серый цвет сторожевике включили ходовые огни и теперь уже два прожектора, на палубе просматривалось орудие. Он шёл в сотне ярдов с правого борта, и урчащие двигатели позволяли ему без труда держаться наравне с джонкой. Были видны аккуратные матросы в белой форме, офицеры-англичане на мостике, силуэты вращающихся радарных антенн.

В руках у Четырехпалого появился громкоговоритель, и, подойдя к борту в натянутой на глаза фуражке, он загрохотал:

— Проваливайте к такой-то матери, варвары! Видите наш флаг? — И он указал рукой в сторону мачты. На ней развевался военно-морской флаг КНР. На корме появился поддельный кантонский регистрационный номер. — Оставьте в покое мирный патруль... Вы в наших водах!

Лицо Пуна расплылось в злобной усмешке. Он стоял у планшира в потоке света с китайским пистолетом-пулеметом в руках, надвинув на глаза фуражку, чтобы его не узнали в бинокли, которые, он был уверен, обшаривали корабль. Сердце у него тоже колотилось, а во рту стоял тошнотворный кисло-сладкий привкус. Они находились в международных водах. До безопасности и территориальных вод КНР оставалось пятнадцать минут ходу. Он снял оружие с предохранителя. Приказ был абсолютно четкий: сегодня на борт не должен подняться никто.

— Остановиться! На борт прибует досмотровая партия!

Все увидели, как сторожевик замедлил ход, на воду с него спустили катер, и многие на борту джонки почувствовали себя уже не так уверенно, как вначале. Четырехпалый дал «самый полный», пытаясь выжать из двигателей все до последнего. Он проклинал себя за то, что не заметил сторожевика или не почувствовал его присутствия раньше, хотя понимал, что электронные приборы, которые имеет на вооружении морская полиция, позволяют видеть в темноте, а ему приходится полагаться лишь на зрение, обоняние и шестое чувство, благодаря которому он и большинство его людей до сих пор живы.

Встретить патрульный корабль так близко к китайским водам — большая редкость. Тем не менее вот он, и, хоть от груза они избавились, на борту — оружие и Пол Чой. «Вот ведь невезуха! Чтобы все боги наклали на этот сторожевик! Пун

Хорошая Погода был отчасти прав, — сказал себе У. — Но богам решать, мудро ли я поступил, взяв юнца на борт, или нет».

— Шли бы вы подальше! Ни один заморский дьявол не ступит на борт патрульного судна Китайской Народной Республики!

Вся команда с готовностью поддержала его, костеря сторожевик на чем свет стоит.

— Остановитесь!

Старик будто не слышал. Джонка продолжала идти на максимальной скорости к устью реки Чжуцзян, и он вместе со всеми, кто был на борту, молился, чтобы поблизости не оказалось патрулей КНР. В свете прожектора было видно, как катер с вооруженными матросами двинулся наперехват, но ему не доставало скорости, чтобы обойти джонку.

— Предупреждаем последний раз: остановитесь!

— В последний раз, ети его, оставьте в покое мирный патруль КНР в его собственных водах...

На сторожевике вдруг взвыла сирена, и он словно прыгнул вперед, подброшенный резко набравшими обороты двигателями, подняв за кормой высокий бурун. Держа джонку в свете прожектора, узконосый корабль серой боевой окраски возник у неё перед носом и остановился, недобро урча двигателями и преграждая путь к свободе.

Пол Чой по-прежнему не отрывал от него глаз. Корабль большой, у носовой пушки и пулеметов застыли матросы, двигатели в четыре раза мощнее, расстояние быстро сокращается, а у джонки пространства для маневра никакого.

— Пригни голову, — скомандовал ему Четырехпалый, и Пол Чой немедленно подчинился.

У пробежал в нос. Рядом с ним встал Пун Хорошая Погода. Оба держали в руках автоматы.

— Давай!

Тщательно рассчитав прицел, чтобы ни одна из пуль не попала на палубу, старые приятели стали осыпать очередями море в направлении патрульного корабля. Прожектор мгновенно погас, в слепящей темноте рулевой тут же положил джонку круто вправо, молясь, чтобы У рассчитал правильно. Сторожевик рванулся вперед, чтобы уйти из-под огня, и джонка прошла мимо, проскользнув в нескольких ярдах от него. Рулевой снова вернул её на курс, и она устремилась к свободе.

— Хорошо, — пробормотал У.

Он знал, что выиграна ещё сотня ярдов. Мысленным взглядом он пробежал карту этих мест. Сейчас они были в нейтральной зоне между территориальными водами Гонконга и КНР, и теперь от безопасности их отделяло несколько сотен ярдов. В кромешной тьме все на борту застыли, зажмурившись. Они открыли глаза, снова почувствовав луч прожектора, чтобы приспособиться к свету быстрее. Сторожевик находился слева по носу. Автоматным огнем его было уже не достать, но он по-прежнему преграждал им путь.

— Большеносый Ли! — На лице У играла мрачная улыбка.

К нему тут же подошел старшина палубной команды. У передал ему автомат.

— Не стреляй до приказа и смотри не задень кого-нибудь из этих блудодеев!

Темнота вдруг разверзлась с оглушительным грохотом — это произвело выстрел носовое орудие сторожевика. Через долю секунды у носа джонки взметнулся высокий столб воды. Ошеломленный У погрозил в сторону корабля кулаком.

— Ети вас всех и мать вашу! Оставьте нас в покое, или председатель Мао пустит на дно весь Гонконг!

Он поспешил на корму.

— Я встану за руль!

Рулевой был напуган. Перепугался и Пол Чой, хотя в то же время им овладело необычное возбуждение. Он находился под впечатлением от того, как отдавал команды отец и как дисциплинированно выполняла их вся команда. Это были далеко не пираты, сборище разношерстного сброда, какими он их себе представлял.

— Остановиться!

Разрыв снова стал сокращаться, но сторожевик держался вне зоны автоматного огня, и такую же дистанцию сохранял следовавший сзади катер. У стойко вел джонку тем же курсом. Ещё одна вспышка, сопровождаемая оглушительным хлопком, потом ещё одна. Снаряды легли вплотную к джонке, и она закачалась.

— Эти всякую мать, — выдохнул У, — да помогут все боги этим канонирам быть поаккуратнее!

Он знал, что стреляют лишь для острастки. Его приятель Змея заверил, что всем патрулям приказано не открывать огня на поражение и не топить преследуемые джонки под флагом КНР, если, конечно, флаг настоящий, и не применять силы для их задержания и досмотра за исключением случаев гибели или ранения кого-то из собственного экипажа.

— Дайте по ним очередь, — скомандовал он.

Двое людей на носу послушно открыли огонь, стараясь целить вниз, и вода вскипела фонтанчиками под автоматными очередями. Луч прожектора продолжал освещать джонку, но потом вдруг погас.

У твердо держался прежнего курса. «И что теперь? — в отчаянии гадал он. — Куда делся этот блудодей?» Старик напряженно всматривался во тьму, пытаясь разглядеть сторожевик и мыс, который был где-то рядом. И тут он различил силуэт корабля слева, ближе к корме. Тот быстро приближался с наветренной стороны, чтобы стремительным вихрем подойти к борту джонки с абордажными крючьями. Безопасность в какой-то сотне ярдов. Если он отвернет от этой новой угрозы, то ляжет на курс, параллельный безопасной зоне, останется в международных водах, а потом преследователь осуществит тот же маневр и будет вести его в открытое море, пока не кончатся патроны или не наступит рассвет, и тогда он пропал. Вступать в настоящий бой не хотелось, потому что он знал: у британского правосудия длинные руки, а убийство одного из британских моряков карается повешением; тут уже не откупишься, не поможет и помощь высокопоставленных друзей. Если держаться прежнего курса, сторожевик возьмет его на абордаж, а уж он-то знал, как ловки и хорошо обучены кантонские моряки и как они ненавидят хакка²⁷⁶.

Лицо его исказила гримаса. Подождав, пока быстро приближающийся под оглушительный вой сирены патрульный корабль подойдет с кормы на пятьдесят ярдов, он угрюмо вывернул румпель, положил джонку на тот же борт и стал молиться, чтобы капитан не проспал его маневр. Какой-то миг оба судна шли рядом, словно уравновешенные чаши весов. Потом сторожевик отвернул, чтобы избежать столкновения, и их окатило брызгами от его винтов. У переложил румпель вправо и дослал ручку газа ещё вперед, хотя она и так уже была выжата до отказа. Выиграно ещё несколько ярдов.

На сторожевике быстро пришли в себя. Корабль с ревом описал круг и вышел на них другим галсом. Они только что вторглись в китайские воды. Потеряв всякую надежду, Четырехпалый оставил руль, взял ещё один автомат и дал очередь в темноту. От лающих звуков выстрелов и пороховых газов стало ещё страшнее. На

²⁷⁶ Вражда между хакка (кэцзя — досл. пришлые) и пунти (бэньди — досл. местные), коренными кантонцами, восходит к 1850-1860 гг., когда в провинции Гуандун, особенно в уезде Тайшань и устье реки Чжуцзян, шла кровавая клановая война. В результате около миллиона хакка были убиты или спаслись бегством в Гонконг, Макао, страны Азии и Америки.

него вдруг обрушилось целое море зловещего прожекторного света. Он отвернулся, ослепленный, и зажмурился, опустив голову и надвинув на глаза фуражку. Когда глаза смогли видеть снова, он направил автомат прямо на источник света и от страха, что сейчас его возьмут на abordаж и отбуксируют из безопасной зоны, грубо выругался. Нагревшийся ствол дрожал, когда он направил его в сторону света, установив палец на спусковом крючке. «Выстрелишь — смерть, не выстрелишь — тюрьма». Страх охватил не только его, но и весь его корабль.

Но свет ударил не прямо перед ним и не сверху вниз, как ожидал Пол. Он остался со стороны кормы, где и был, и теперь уже можно было разглядеть, как уменьшается носовой бурун быстроходного судна и как становится меньше пенный след за кормой. Замершее сердце У забилося снова. Сторожевик прекратил преследование. Змея оказался прав!

Трясущимися руками Четырехпалый опустил автомат. Громкоговоритель был рядом. Он взял его и поднес ко рту.

— Победа председателя Мао Цзэдуна! — заорал он что было мочи. — Только посмейте зайти в наши воды, ети вашу, заморские дьявол-л-лы! — Полные радости слова эхом разнеслись над водой.

Команда джонки засвистела, потрясая кулаками в сторону света. Все поняли, что сторожевик не осмеливается заходить в китайские воды, и к восторженным крикам присоединился даже Пол Чой.

Прожектор погас. Когда глаза привыкли к темноте, они увидели борт сторожевика, который почти не двигался и нес теперь только ходовые огни.

— Мы все равно остаемся у него на радаре, — пробормотал по-английски Пол Чой.

— Што?

Он повторил свои слова на хакка, используя английское «радар» и растолковав его как «волшебный глаз». И Пун, и Четырехпалый в принципе знали, что такое радар, но никогда не видели его.

— Ну и что? — усмехнулся У. — Им теперь их «волшебные экраны» и «волшебные глаза» не помогут. Мы спокойно уйдем от них в протоках у Ланьдао. Никаких улик против нас нет, никакой контрабанды на борту, ничего!

— А оружие?

— Мы можем выбросить оружие за борт или оторваться от этих бешеных псов и сохранить его! И-и-и, Пун Хорошая Погода, когда нас накрыло этими снарядами, я подумал, что моя дырочка больше не откроется!

— Да уж, — согласился обрадованный Пун. — И когда мы стали палить в темноте по этим блудодеям... ети всех богов! Так всегда хотелось пострелять из автомата!

У смеялся, пока из глаз у него не потекли слезы.

— Да-да, Старый Друг. — Тут он стал объяснять Полу Чою стратегию, придуманную для них Змеей. — Здорово, хейя?

— А кто такой Змея? — спросил Пол Чой.

У помолчал, его маленькие глазки блеснули.

— Сотрудник, так сказать, наш сотрудник в полиции, Прибыльный Чой.

— Груз-то пропал, так что эта ночь никакая не прибыльная, — мрачно заметил Пун.

— Да уж, — так же мрачно согласился У.

Он уже пообещал Венере Пань кольцо с бриллиантом и планировал заплатить за него из сегодняшних доходов. Теперь придется залезать в сбережения, а это против его принципов. «За шлюх платишь из текущего заработка, а не из сбережений, так что мочиться я хотел на этот сторожевик, — думал он. — Без этого подарка с бриллиантом... И-и-и, но её „прелестная шкатулка“ — это именно то, о чем говорил

Ричард Кван. И задницей она крутит именно так, как утверждала молва. И сегодня вечером... сегодня вечером, когда закончит передачи телевидение, её „великолепные врата" снова откроются!»

— Вот ведь не повезло, что этот остроносый бандит обнаружил нас сегодня, — проговорил он, а его мужское естество шевельнулось при мысли о Венере Пань. — Все деньги потеряны, а затраты у нас немаленькие!

— Груз потерян? — страшно удивился Пол Чой.

— Конечно потерян, ушел на дно, — раздраженно ответил старик.

— А разве у вас нет на нем вехи или буйка с сигналом — «бипера»? — Пол Чой произнес это слово по-английски, а потом объяснил: — Я считал, что груз снабжен им — или поплавком, который в результате химической реакции сам всплывает через день-другой, чтобы можно было достать его или послать за ним ныряльщиков, когда это будет безопасно. — Оба моряка смотрели на него, раскрыв рот. — В чем дело?

— А легко ли найти эти «биперы» или сделать так, чтобы он всплывал не сразу? — спросил Четырехпалый.

— Хотя через неделю или две, Отец, если нужно.

— Ты не мог бы записать, как все это делается? Или можешь сделать сам?

— Конечно могу. Но почему вам тоже не завести «волшебный глаз», как у них?

— На кой ляд он нам — кто сможет с ним управляться? — снова засмеялся старик. — У нас есть носы, уши и глаза.

— Но ведь сегодня ты попался.

— Думай, что говоришь! — разозлился У. — Это уж такой джосс выпал, судьба, прихоть богов. Мы в безопасности, и это главное!

— Не согласен, Капитан, — возразил Пол Чой. Теперь, когда все встало на свои места, он не ощущал и тени страха. — Эту лодку легко оборудовать «волшебным глазом», и тогда вы сможете увидеть их, как только они увидят вас, или даже раньше. Им уже будет не застать вас врасплох. Вы сможете без опаски показывать им «носики» и груз никогда не потеряете. Хейя? — Он улыбнулся про себя, видя, что они у него на крючке. — И никаких оплошностей, даже небольших. И никакой опасности. И никаких потерь. И груз будет с «биперами». Вам не нужно даже находиться рядом с местом, где он сброшен. Только неделю спустя, хейя?

— Это было бы то, что надо, — пылко заявил Пун. — Но если боги настроены против, Прибыльный Чой, даже «волшебные глаза» не помогут. Сегодня мы чуть не влипли. Этой шлюхи здесь не должно было быть.

Оба посмотрели в сторону кормы на сторожевик. Тот ждал. Ждал в нескольких ярдах от джонки. Четырехпалый поставил двигатели на «малый вперед».

— В воды КНР углубляться не стоит, — озабоченно сказал он. — Эти цивилизованные блудодей совсем не такие вежливые и законопослушные. — По телу у него пробежала дрожь. — «Волшебный глаз» нам пригодился бы, Пун Хорошая Погода.

— А почему вам не занять один из таких патрульных катеров? — насадил ещё одну наживку Пол Чой. — Или ещё более быстрый. Тогда они бы вас не догнали.

— Один из таких катеров? Ты с ума сошел?

— Кто нам его продаст? — нетерпеливо спросил У.

— Японцы.

— Этих всех, этих дьяволов из-за Восточного моря, — проговорил Пун.

— Может быть, но они построят вам нечто вроде этого, с радаром. Они...

Он осекся, потому что двигатели сторожевика глухо заурчали, и, завывая сиреной, он стремительно унесся в ночную мглу, оставляя за собой высокий бурун.

— Вы только гляньте, как идет, — восхитился Пол Чой по-английски. — Классный сукин сын! — Он повторил то же на хакка. — Могу поспорить, что «тайский траулер» до сих пор у него на радаре. Им видно все на мили вокруг: каждая джонка,

каждый корабль, и бухточка, и мысок — даже в шторм.

Задумавшийся Четырехпалый дал рулевому новый курс, по которому они, оставаясь в водах КНР, пошли на север, к островам и рифам вокруг острова Ланьдао, откуда будет безопасно выйти на следующее randevu. Там они пересекут на другую джонку, с настоящими регистрационными номерами — КНР и Гонконга, — и проскользнут обратно в Абердин.

Абердин! Нервным движением пальцы снова дотронулись до половинки монеты. За всем этим возбуждением он про неё забыл. Теперь пальцы дрожали, и его снова охватило волнение при мысли о сегодняшней встрече с Тайбанем. Времени предостаточно. Он не опоздает. И все же У прибавил ходу.

— Идите сюда, — приказал он Пуну и Полу Чою, предложив жестом расположиться рядом с ним на сиденьях на корме, где они были в большем уединении. — Может, нам лучше довольствоваться нашими джонками, а не обзаводиться одной из этих шлюх, сын мой? — И У ткнул пальцем в темноту, где недавно стоял сторожевик. — Заморские дьяволы совсем взбесятся, если в моем флоте появится такая штука. А вот этот твой «волшебный глаз»... Не мог бы ты установить его и показать, как им пользоваться?

— Я могу найти для этого специалистов. Людей из-за Восточного моря — лучше обратиться к ним, а не к англичанам или немцам.

У взглянул на старого приятеля.

— Хейя?

— Я не хочу, чтобы у меня на корабле был хоть один из этих подонков или их «волшебный глаз». Так мы скоро попадем в зависимость от этих блудодеев, потеряем свои сокровища, а заодно и головы, — проворчал тот.

— А иметь возможность видеть, когда другим ничего не видно? — У выпустил клуб сигаретного дыма. — А их ещё кто-нибудь продает, Прибыльный Чой?

— У них они самые лучшие. И самые дешевые, Отец.

— Самые дешевые, хейя? И сколько же это будет стоить?

— Не знаю. Двадцать тысяч американских долларов, может, сорок...

— Сорок тысяч американских долларов?! — взорвался старик. — Я что тебе, весь из золота? Я свои деньги зарабатываю! Я не какой-нибудь Император У!

Пол Чой дал старику побушевать. После всего ужаса, убийства, подстроенной ловушки, жестокости и шантажа этой ночи, а больше всего из-за сказанного о его девушке, он уже никаких родственных чувств к отцу не испытывал. Он уважал его как опытного и умелого моряка, смелого человека, умеющего командовать людьми. И чтит как Главу Дома. И все. Впредь он намеревался относиться к Четырехпалому как к любому другому.

Когда, по его мнению, отец подостыл, он сказал:

— Если хочешь, я могу установить первый «волшебный глаз» сам и обучить двух людей, и это не будет стоить тебе ни цента.

У с Пуном уставились на него. Четырехпалый мгновенно насторожился.

— Как это — «не будет стоить ни цента»?

— Вместо тебя заплачу я.

Пун было расхохотался, но У зашипел на него:

— Заткнись, глупец, и слушай. Прибыльный Чой знает кое-что, чего не знаешь ты! — Глаза у него засверкали ещё больше. «Если „волшебный глаз“, то почему не бриллиант? А если бриллиант, то почему не норковое манто и остальное барахло, которого потребует эта сладкоречивая шлюха, чтобы и дальше работали её „восхитительная щель“, руки и рот?»

— Как ты собираешься заплатить за все это, сын мой?

— Из прибыли.

— Прибыли от чего?

— Мне нужно право распоряжаться в течение месяца твоими деньгами в банке «Виктория».

— Невозможно!

— Мы открыли счета на двадцать два миллиона четыреста двадцать три тысячи. Право распоряжаться на месяц.

— С какой целью?

— Чтобы играть на фондовой бирже.

— А-а, играть на бирже? Моими деньгами? Моими тяжким трудом заработанными деньгами? Никогда в жизни.

— Один месяц. Прибыль разделим пополам, Отец.

— Ах, разделим? Это мои, эти его, деньги, но ты хочешь половину? Половину какой суммы?

— Возможно, ещё двадцати миллионов. — Пол Чой сделал, паузу, чтобы сумма была осмыслена. По алчному взгляду отца он понял, что они договорятся, хотя переговоры и будут непростыми. Это лишь вопрос времени.

— Айийя, это невозможно, даже речи быть не может!

Старик почувствовал зуд и почесал свербящее место внизу. Шевельнулось его мужское естество. Он тут же подумал о Венере Пань, заставившей его испытать ощущения, каких он не знал уже много лет, и об их предстоящей сегодня встрече.

— Может, мне следует просто взять и заплатить за этот «волшебный глаз»? — надумал он проверить решимость молодого человека.

Пол Чой полностью взял себя в руки и собрался с духом.

— Да, конечно, ты можешь это сделать, но тогда я уезжаю из Гонконга. Кончик языка У вылетел в злобной гримасе.

— Ты уедешь, когда я скажу.

— Но если я не могу приносить прибыль и использовать полученные такой дорогой ценой знания, зачем мне здесь оставаться? Разве ты платил все эти деньги за мою учебу, чтобы я стал сутенером на одной из твоих Лодок для Удовольствий? Или матросом на джонке, которую при желании может обогнать первый же катер заморских дьяволов? Нет уж, лучше я уеду! Лучше стану прибыльным для кого-то другого, чтобы вернуть тебе вложенные в меня деньги. Извещу Черную Бороду за месяц, а потом уеду.

— Ты уедешь, когда я тебе скажу! — повторил У. И злорадно добавил: — Ты рыбачил в небезопасных водах.

— Да.

«И ты тоже, — хотелось добавить Полу Чою, который ничуть не испугался. — Ты считаешь, что меня можно шантажировать, что я у тебя на крючке? Ты тоже у меня на крючке и потеряешь ещё больше. А слышал ли ты про „показания с целью обличить сообщников“, которые дают, чтобы самому избежать наказания, или про „согласованное признание вины“²⁷⁷?» Но Пол оставил эту будущую задумку в тайне, чтобы использовать при надобности, и сохранил на лице вежливое и льстивое выражение.

— Все воды опасны, если таковыми их сочтут боги, — загадочно проговорил он.

У сделал долгую затяжку, ощущая дым глубоко внутри. Он заметил произошедшую в сидящем перед ним молодом человеке перемену. Он не раз видел такие перемены, и случались они у многих. У многих сыновей и многих дочерей. «Будь осторожен!» — говорил ему многолетний опыт.

²⁷⁷ Согласованное признание вины — договоренность между судом и подсудимым о том, что последний признает себя виновным в совершении менее тяжкого преступления и получит минимальное наказание, причем суд не будет рассматривать обвинение в более тяжком преступлении.

«Этот щенок опасен, очень опасен, — решил он. — Думаю, Пун Хорошая Погода был прав: не стоило брать с собой Прибыльного Чоя сегодня. Теперь он знает про нас слишком много.

Да. Но это легко исправить, если потребуется, — напомнил он себе. — В любой день или в любую ночь».

53

22:03

— Ну, и что, черт возьми, ты собираешься предпринять, Пол? — спросил губернатор Хэвегилла. С ними был Джонджон, и они стояли после ужина на террасе Дома правительства, опершись на невысокую балюстраду. — Боже милостивый! Если в «Виктории» тоже закончатся деньги, весь этот остров разорен, да?

Хэвегилл оглянулся, чтобы убедиться, что их не подслушивают, и негромко сказал:

— Мы связывались с Банком Англии, сэр. Завтра к полуночи по лондонскому времени в аэропорту Хитроу будет стоять транспортный самолёт королевских ВВС, набитый пяти- и десятифунтовыми купюрами. — К нему вернулась прежняя уверенность. — Как я уже говорил, «Виктория» стоит абсолютно крепко, банк полностью ликвиден, и наших активов, здесь и в Англии, достаточно, чтобы справиться с любыми непредвиденными обстоятельствами, ну, почти любыми непредвиденными обстоятельствами.

— И в то же время у вас может не оказаться достаточного числа гонконгских долларов, чтобы справиться с наплывом вкладчиков?

— Может, если... э-э... эта проблема не будет решена, но я уверен, что все будет хорошо, сэр.

Сэр Джефффри не сводил с него глаз.

— Как, черт возьми, мы оказались в таком неприятном положении?

— Джосс, — устало произнес Джонджон. — К сожалению, Монетный двор не в состоянии вовремя напечатать для нас достаточное число гонконгских долларов. На то, чтобы напечатать и отправить нужное нам количество, потребуется не одна неделя, и появление дополнительных банкнот ещё ох как скажется на здоровье нашей экономики. Английские фунты — временное решение, сэр. Можно объявить, что Монетный двор работает сверхурочно, чтобы удовлетворить наши потребности.

— Сколько нам вообще нужно?

Пол Хэвегилл и Джонджон переглянулись, и это не добавило губернатору спокойствия.

— Мы не знаем, сэр, — признался Джонджон. — Не считая нас, каждому второму банку по всей колонии тоже нужно будет заложить ценные бумаги — как мы временно заложили Банку Англии свои, — чтобы получить необходимую наличность. Если каждый вкладчик в колонии захочет забрать все до доллара... — Лицо банкира уже покрылось каплями пота. — У нас нет возможности выяснить ни насколько перебрали с кредитами остальные банки, ни сколько у них вкладов. Этого не знает никто.

— А хватит ли одного транспортного самолёта? — Сэр Джефффри постарался, чтобы в его вопросе не звучало сарказма. — Я имею в виду, сколько это будет — миллиард фунтов в банкнотах по пять и десять? Где, черт возьми, они намерены набрать такое количество купюр?

Хэвегилл вытер пот со лба.

— Мы не знаем, сэр, но они обещали, что первая партия прибудет, самое позднее, в понедельник вечером.

— А раньше никак нельзя?

— Нет, сэр. Раньше невозможно.

— И что же, нам больше нечего предпринять? Джонджон сглотнул.

— Мы тут обсуждали, не попросить ли вас объявить нерабочий день для банков, чтобы остановить эту волну, но... э-э... пришли к заключению — и Банк Англии согласился с нами, — что, если вы это сделаете, то из-под контроля может выйти весь остров.

— Не волнуйтесь, сэр. — Хэвегилл старался говорить убедительно. — К концу следующей недели обо всем этом уже будет забыто.

— Этого не забыть мне, Пол. И сомневаюсь, что об этом забудет Китай — или наши друзья, члены парламента от лейбористской партии. Они могут поставить вопрос о той или иной форме банковского контроля.

Оба банкира взвились, а Пол Хэвегилл неодобрительно бросил:

— Да этим двум болванам своей задницы от дырки в стене не отличить! Все и так контролируется.

Сэр Джеффри хотел было поспорить на сей счет, но на террасу вышли Роузмонт и Эд Лэнган.

— Держите меня в курсе дела. К полудню у меня должен быть полный доклад. Прошу извинить. Пожалуйста, наливайте себе ещё.

Он устремился к американцам, торопясь перехватить их.

— Как вам вечер?

— Прекрасно, благодарю вас, сэр. Вечер великолепный. — Они посмотрели вслед Хэвегиллу и Джонджону, которые вернулись в дом.

— Как наши друзья банкиры? — спросил Роузмонт.

— Хорошо, просто замечательно.

— Этот член парламента от социалистов, Грей, ну точно, черт возьми, в печенках у Хэвегилла сидит!

— И у Тайбаня, — усмехнулся Эд Лэнган.

— Ну, не знаю, — быстро отреагировал губернатор. — Немного оппозиции — это ведь хорошо, верно? Разве это не демократия в своем лучшем проявлении?

— Как дела у «Вик», сэр? Что насчет массового снятия вкладов?

— Нет проблем, которые нельзя было бы разрешить, — с непринужденным шармом ответил сэр Джеффри. — Не стоит беспокоиться. Вы не оставите нас на минутку, мистер Лэнган?

— Конечно, сэр. — Фэбээровец улыбнулся. — Я как раз собирался уходить.

— Надеюсь, не с моей вечеринки! Чтобы налить себе ещё?

— Да, сэр.

Сэр Джеффри вышел в сад, Роузмонт шёл рядом. Было темно, и с деревьев ещё падали капли. На раскисшей дорожке, по которой они шагали, было полно луж.

— У нас небольшая проблема, Стэнли. Эс-ай только что задержала одного из ваших моряков с авианосца при передаче секретной информации парню из КГБ. Об...

Роузмонт в ужасе остановился.

— С «Иванова»?

— Да.

— Это был Суслев? Капитан Суслев?

— Нет. Его зовут как-то по-другому. Я хочу попросить вас немедленно связаться с Роджером. Оба арестованы, обоим предъявлено обвинение в соответствии с Законом о неразглашении государственной тайны, но я созвонился с министром в Лондоне, и он согласен, что вашим парнем нужно немедленно заняться вам... чтобы было меньше проблем, верно? Он, как я понимаю... э-э... компьютерщик.

— Сукин сын! — пробормотал Роузмонт, вытирая вдруг выступивший на лице пот. — Что он передавал?

— Точно не знаю. Подробности можете узнать у Роджера.
— Следует ли нам допросить... побеседовать и с парнем из КГБ?
— Может, вы обговорите это с Роджером? Министр на прямой связи — и с ним тоже. — Сэр Джефффри помолчал. — Я... э-э... уверен, что вы оцените...
— Да, конечно, извините, сэр. Я... я, пожалуй, пойду. — Белый как мел, Роузмонт быстро вышел, захватив с собой Эда Лэнгана.

Сэр Джефффри вздохнул. «Проклятые шпионы, проклятые банки, проклятые агенты и проклятые идиоты социалисты, которые ничего не смыслят в гонконгских делах». Он посмотрел на часы. «Пора заканчивать эту вечеринку».

Джондзон входил в приёмную. Данросс стоял у бара.
— Иэн?
— О, привет? Ну что, на посошок?
— Нет, спасибо. Можно тебя на пару слов наедине?
— Конечно. Только быстро, я уже хотел уходить. Обещал подбросить нашего друга — члена парламента до паромы.
— У тебя тоже «розовый билет»? Данросс улыбнулся одними уголками губ.
— Вообще-то, старина, я выписываю себе «розовый билет», когда захочу, независимо от того, здесь Пенн или нет.
— Да. Счастливчик, у тебя в жизни всегда все было налажено, — мрачно проговорил Джондзон.
— Джосс.
— Понятно. — Джондзон вышел из комнаты на балкон. — Скверная история с Джоном Чэнем, верно?
— Да. Филлип очень из-за этого переживает. Где Хэвегилл?
— Уехал несколько минут назад.
— А-а, вот почему «розовый билет»? Отправился повеселиться?
— Не знаю.
— Ну, а Лили Су из Коулуна? Джондзон молча уставился на него.
— Я слышал, Пол втюрился по уши.
— Как тебе удается столько знать?

Данросс пожал плечами. Он устал, чувствовал себя не в своей тарелке и несколько раз чуть не вышел из себя, когда Грей завел ожесточенный спор кое с кем из тайбаней.

— Кстати, Иэн, я пробовал воздействовать на Пола, чтобы он созвал совет директоров, но это не в моей власти.

— Ну да, конечно.

Они были в малой приёмной. Прекрасная китайская роспись по шелку, снова великолепные персидские ковры и серебро. Данросс заметил, что в углах комнаты и с тонкой лепнины на потолке облупливается краска, и это его задело. Цитадель британского владычества, а краска облезает.

Молчание затянулось. Данросс сделал вид, что рассматривает стоящие на полочке изящные флакончики для нюхательного табака.

— Иэн... — начал было Джондзон и остановился. Потом заговорил снова: — Это между нами. Ты ведь довольно хорошо знаешь Типтоп Тоу²⁷⁸ верно?

Данросс удивленно посмотрел на него. Так они называли между собой Тип Токто, китайца средних лет из Хунани, родной провинции Мао Цзэдуна. Типтоп Тоу появился в Гонконге во время «исхода» 1950-го. Никто, похоже, ничего о нем не знал, он никому не досаждал, имел небольшой офис в Принсес-билдинг и жил неплохо. По

²⁷⁸ От англ. *tip-top toe* — первоклассный игрок в гольф, «суперкляшка».

прошествии многих лет стало ясно, что у него есть особенные знакомые в Банке Китая, и многие пришли к заключению, что он является неофициальным представителем этого банка. Никто не мог сказать, какое положение занимает он в коммунистической иерархии, но, по слухам, положение это было очень высоким. Банк Китая оставался единственной коммерческой структурой КНР за её пределами, поэтому все его должностные лица и представители находились под жестким контролем правящей элиты Пекина.

— Так и что Типтоп? — насторожился Данросс.

Типтоп ему нравился: обаятельный, очень сдержанный, обожающий французский коньяк и отлично говорящий по-английски. Впрочем, следуя заведенному правилу, китаец почти всегда пользовался услугами переводчика. Одевался он очень хорошо, хотя по большей части носил маоцзедуновский френч, немного смахивал на Чжоу Эньлая и отличался таким же умом. Последний раз Данросс имел с ним дело, когда КНР понадобилось несколько самолётов для гражданской авиации. Аккредитивы и финансирование через различные швейцарские и другие иностранные банки Тип Токто подготовил за двадцать четыре часа. «Типтоп хитер, Иэн, — не раз говорил ему Аластер Струан. — Держи с ним ухо остро, но дело с этим человеком иметь можно. Я считаю, что в пекинском партийном руководстве он занимает высокое положение. Очень высокое».

Данросс наблюдал за собеседником, сдерживая нетерпение. Джонджон взял в руки один из флакончиков. Они были крохотные, из керамики, нефрита или стекла, многие красиво расписаны изнутри: пейзажи, танцующие девушки, цветы, птицы, морские виды, даже стихотворения, выведенные каллиграфическим почерком невероятно тонкой кистью.

— Как они ухитряются это делать, Иэн? Вот так писать изнутри?

— О, для этого используют очень тонкие кисти. Ручка кисти изогнута на девяносто градусов. На мандарине это называется лимянь хуа — «живопись изнутри». — Данросс взял флакончик эллиптической формы, на котором с одной стороны был изображен пейзаж, с другой — букетик камелий, а на рисунках имелись каллиграфические надписи.

— Поразительно! Какое нужно терпение! А что значат эти надписи? Данросс вгляделся в крохотные колонки иероглифов.

— А-а, это одно из изречений Мао: «Познай себя, познай противника; в тысяче сражений одержишь тысячу побед». Вообще-то, председатель позаимствовал его у Сунь-цзы.

Джонджон задумчиво рассматривал флакончик. Окна за его спиной были открыты. Аккуратные занавески изгибались под легким ветерком.

— Ты не мог бы поговорить с Типтопом от нашего имени?

— Насчет чего?

— Мы хотим занять у Банка Китая наличность. Пораженный, Данросс смотрел на него во все глаза.

— Что?

— Да, примерно на неделю. У них гонконгских долларов хоть отбавляй, и никакого наплыва вкладчиков. Ни один китаец не осмелится встать в очередь на улице перед Банком Китая. Они держат у себя гонконгские доллары как часть иностранной валюты. Мы заплатим за этот заем хороший процент и предоставим нужное для них обеспечение.

— Это официальная просьба от «Виктории»?

— Нет. Она не может быть официальной. Это я придумал и даже не обсуждал с Поллом — только с тобой. Поговоришь?

Волнение Данросса возросло.

— А я получу завтра до десяти утра сто миллионов взаймы?

— Извини, этого я сделать не могу.

— А Хэвегилл может.

— Он может, но не хочет.

— Так с чего же я должен помогать вам?

— Иэн, если наш банк не будет стоять прочно, как Пик, рынок рухнет, как рухнет и Благородный Дом.

— Если я не получаю финансирования прямо сейчас, я в любом случае в дерьме.

— Я сделаю все, что в моих силах, но не мог бы ты поговорить с Типтопом прямо сейчас? Попроси его. Я к нему обращаться не могу... никто не может официально. Ты окажешь колонии большую услугу.

— Дай гарантию, что я получу заем, и я поговорю с ним сегодня. Око за око, заем за заем.

— Если получишь от него обещание предоставить кредит на сумму до полутора миллиардов наличными завтра к двум часам дня, я окажу тебе необходимую поддержку.

— Каким образом?

— Не знаю!

— Я хочу получить письменные гарантии. Завтра к десяти утра за твоей подписью, подписью Хэвегилла и большинства членов совета директоров. И я встречу с ним.

— Это невозможно.

— Тогда вам не повезло. Око за око, заем за заем. — Данросс встал. — С какой стати Банк Китая должен выручать «Викторию»?

— Мы — Гонконг, — с глубокой убежденностью произнес Джонджон. — Мы. Мы — Гонконгско-Китайский банк «Виктория»! Мы — старинные друзья Китая. Без нас не будет ничего: рухнет колония, рухнет «Струанз», и, как следствие, рухнет большая часть Азии.

— Это мы ещё посмотрим!

— Без банков, в частности без нас, Китаю плохо придется. Мы — партнеры Китая уже много лет.

— Тогда попроси Типтопа сам.

— Не могу. — Джонджон упрямо выпятил челюсть. — Ты в курсе, что Московский торговый банк снова обратился с просьбой о предоставлении лицензии на право осуществления банковских операций в Гонконге?

Данросс охнул.

— Если их допустят сюда, у нас начнется карусель.

— Нам предлагали, негласно, солидную сумму гонконгских долларов немедленно.

— Совет директоров проголосует против.

— Дело в том, мой дорогой друг, что, если тебя больше не будет в совете директоров, новый состав сможет вытворять все, что ему, черт побери, вздумается, — без обиняков заявил Джонджон. — Если новый совет директоров согласится, убедить губернатора и Министерство по делам колоний будет несложно. Это невысокая цена за спасение нашего доллара. А когда здесь появится советский банк, какую ещё дьявольщину они затеют, а?

— Ты хуже, чем проклятый Хэвегилл!

— Нет, старина, я лучше! — Шутливое выражение исчезло с лица банкира. — Любая серьезная перемена — и Благородным Домом становимся мы, нравится тебе это или нет. Многие из наших директоров хотели бы, чтобы тебя не было, и готовы заплатить за это любую цену. Я прошу тебя оказать услугу Гонконгу и, следовательно, себе самому. Не забывай, Иэн, что «Виктория» не разорится, мы потерпим убытки, но

не крах. — Он смахнул каплю пота. — Я не угрожаю, Иэн, я прошу об услуге. В один прекрасный день председателем стану я и этого не забуду.

— Услуга за услугу.

— Конечно, старина, — мило произнес Джонджон и подошел к буфету. — Давай всё-таки одну на посошок? Бренди?

Робин Грей сидел в данроссовском «роллс-ройсе» сзади вместе с Хью Гутри и Джулианом Бродхерстом. Данросс устроился рядом с шофером в униформе. Окна запотели. Грей лениво протер стекло, развалясь на глубоком сиденье, от которого приятно пахло кожей.

«Скоро у меня будет такой же, — думал он. — Мой собственный „роллс-ройс“. С шофером. И скоро все эти ублюдки будут передо мной пресмыкаться. В том числе и этот проклятый Иэн Данросс. И Пенн! О да, моя дорогая, исполненная презрения сестренка станет свидетелем того, как будут унижены власть имущие».

— Снова будет дождь? — спросил Бродхерст.

— Да, — отозвался Данросс. — Полагают, что этот шторм перейдет в полновесный тайфун. Во всяком случае, так утверждает метеоцентр. Сегодня вечером я получил сообщение с «Восточного облака» — одного из наших судов, которое идет домой и находится недалеко от Сингапура. С него передают, что даже далеко на юге волнение на море очень сильное.

— Этот тайфун доберется и сюда, тайбань? — спросил либерал Гутри.

— Никогда не знаешь наверняка. Они могут идти на тебя, а в последнюю минуту повернуть. Или наоборот.

— Помню, я читал о «Ванде», о прошлогоднем тайфуне «Ванда». Это было что-то, верно?

— Самый ужасный тайфун на моей памяти. Более двухсот человек погибло, тысячи ранены, десятки тысяч остались без крова. — Положив руку на сиденье, Данросс сидел полуобернувшись. — Сила этих тай фэн, «величайших ветров», при порывах достигала у Королевской обсерватории ста семидесяти миль в час, а в Тейтс-Кейрн — ста девяноста. Мы оказались в его эпицентре во время прилива, и вода кое-где поднялась на двадцать три фута²⁷⁹ выше обычного.

— Господи!

— Да-да. В Шатине, на Новых Территориях, при этих порывах уровень воды в канале повысился настолько, что снесло штормовые укрытия, рыбацкие суда вынесло на полмили на берег и затопило почти всю деревню. Пропала тысяча рыбацких лодок — и это только по официальным данным, — на берег было выброшено восемь торговых судов, ущерб составил миллионы долларов, и в море смыло почти все деревушки поселенцев. — Данросс пожал плечами. — Джосс! Однако, если учитывать огромную силу шторма, вызванные морем разрушения оказались невероятно малы. — Он тронул пальцами кожу сиденья. Грей обратил внимание на массивный золотой перстень с гелиотропом и гербом Данроссов. — Во время настоящего тайфуна осознаешь, насколько ты на самом деле незначителен.

— В таком разе очень жаль, что тайфуны не случаются у нас каждый день, — брякнул Грей, не успев остановить себя. — Мы могли бы дважды в сутки ставить на место власть имущих в Уайтхолле.

— Ну вы и зануда, Робин, — вздохнул Гутри. — Неужели обязательно каждый раз говорить какие-нибудь гадости?

Грей опять погрузился в свои раздумья и уже не прислушивался к беседе. «Ну их всех к черту!»

²⁷⁹ Более 7 м.

Вскоре «роллс-ройс» остановился у отеля «Мандарин». Данросс вышел.

— Машина доставит вас в «Ви энд Эй». До встречи в субботу, если не увидимся раньше. До свидания.

«Роллс-ройс» отъехал. Обогнув громаду отеля, он направился к автомобильному парому, расположенному чуть восточнее терминала «Голден ферриз», если двигаться по Коннот-роуд. У терминала неожиданно выстроилась целая очередь из легковых машин и грузовиков. Грей вышел.

— Пойду-ка я прогуляюсь, доберусь пешком до «Голден ферриз» и перееду на ту сторону на пароме, — с деланным добродушием объяснил он. — Надо подразмяться. До свидания.

Он быстро зашагал по набережной вдоль Коннот-роуд, довольный тем, что так легко удалось избавиться от спутников. «Олухи чертовы, — с растущим возбуждением думал он. — Ничего, пройдет немного времени, и все они получают свое. В частности, Бродхерст».

Убедившись, что за ним никто не следит, он остановился под уличным фонарем. В плотном потоке пешеходов вокруг него тут же возникло завихрение. Грей остановил такси.

— Вот, — он передал водителю адрес, отпечатанный на листке бумаги. Таксист взял листок, уставился на него и с мрачным видом почесал в затылке.

— Там есть на китайском. Там есть на китайском на обратной стороне, — подсказал Грей.

Не обращая на него внимания, водитель продолжал тупо смотреть на адрес, написанный по-английски. Грей протянул руку и перевернул листок иероглифами вверх.

— Вот!

Китаец с наглым видом тут же перевернул бумагу обратно и снова принялся разглядывать написанное по-английски. Потом рыгнул, рывком выжал сцепление, и такси влилось в поток сигнализирующих машин.

«Болван невоспитанный», — выругался про себя внезапно рассвирепевший Грей.

Под беспрестанный скрежет переключаемой коробки передач машина двигалась по городу, сворачивая на улицы с односторонним движением и в узкие переулки, чтобы снова выехать на Коннот-роуд.

В конце концов она остановилась на грязной улочке у замызганного многоквартирного дома. На разбитой и узкой проезжей части было полно луж, и остальные автомобили раздраженно сигналили притормозившему такси. Номеров на домах не обнаруживалось. Грей вылез из машины, попросив водителя подождать, и прошел чуть назад: там было что-то похожее на вход. Под голой лампочкой на расшатанном стуле сидел старик с сигаретой и читал газету, изучая результаты скачек.

— Это дом шестьдесят восемь по Кванъик-стрит в Кеннеди-таун?²⁸⁰ — вежливо спросил Грей.

Старик уставился на него словно на монстра из иных миров, а потом с раздражением изрыгнул поток слов на кантонском.

— Дом шестьдесят восемь по Кванъик-стрит, — помедленнее и громче повторил Грей. — Кен-не-ди-таун?

Последовал ещё один всплеск гортанной кантонской речи и небрежный жест в сторону маленькой двери. Старик отхаркнулся, сплюнул и, зевнув, снова обратился к

²⁸⁰ Кеннеди-таун — часть Виктория-сити на западе Сентрал (остров Гонконг). Назван в честь Артура Эдварда Кеннеди, губернатора Гонконга в 1872-1877 гг.

своей газете.

— Ублюдок поганый, — пробормотал Грей, все больше закипая.

Он отворил дверь. За ней скрывался крошечный грязный вестибюль, с облупившейся краской на стенах и печальным рядом почтовых ящиков, на которых были указаны фамилии. С превеликим облегчением Грей обнаружил среди них ту, что искал.

Вернувшись к такси и вынув бумажник, он дважды внимательно посмотрел на счетчик и лишь потом расплатился.

Крошечный, вызывающий приступ клаустрофобии, грязный лифт полз вверх, скрипя и повизгивая. На четвертом этаже Грей вышел и позвонил в сорок четвертую квартиру. Дверь открылась.

— Мистер Грей, сэр, какая честь! Молли, его милость приехали! — расплылся перед ним в улыбке Сэм Финн. Высокий здоровенный йоркширец, краснощекий, с бледно-голубыми глазами, бывший шахтер и руководитель профсоюзной ячейки, имеющий влиятельных друзей в лейбористской партии и Совете тред-юнионов. Все лицо у него было в глубоких морщинах и отметилах, в поры навеки въелась угольная пыль. — Вот уж, ей-богу, приятно!

— Благодарю вас, мистер Финн. Я тоже рад познакомиться. Много слышал о вас.

Грей снял плащ и с благодарностью принял предложенное пиво.

— Присаживайтесь.

Квартирка была небольшая, безупречно чистая, обставленная недорогой мебелью. Пахло жареной колбасой, жареной картошкой и поджаренным хлебом. Из кухни вышла Молли Финн. Маленькая и кругленькая, с красными натруженными руками, она была родом из того же шахтерского городка, что и муж, одного с ним возраста — ей стукнуло шестьдесят пять, — такая же крепкая.

— Нечистая сила, — с чувством проговорила она, — мы просто ошалели, когда узнали, что вы собираетесь к нам в гости.

— Наши общие друзья хотели услышать из первых рук, как у вас дела.

— Здорово. Дела у нас хоть куда, — сказал Финн. — Здесь, конечно, не то что в Йоркшире, и мы скучаем по друзьям, по дому тред-юнионов, но есть где спать и что есть. — Из туалета донесся звук льющейся воды. — У нас тут в гостях один друг, с которым, мы думаем, вам будет интересно познакомиться, — добавил Финн, снова улыбнувшись.

— Вот как?

— Ага, — подтвердил Финн.

Дверь в туалет открылась. Большой бородатый мужчина дружелюбно протянул руку.

— Сэм много рассказывал о вас, мистер Грей. Я — Григорий Суслев, капитан советского торгового флота. Я с «Иванова», мое судно проходит небольшой ремонт в этом капиталистическом раю.

Грей пожал ему руку с холодной официальнойностью.

— Рад познакомиться.

— У нас есть кое-какие общие друзья, мистер Грей.

— Вот как?

— Да, Зденек Ханзолова из Праги.

— О! О да! — улыбнулся Грей. — Я познакомился с ним в прошлом году, когда был в Праге с парламентской торговой делегацией.

— Как вам Прага?

— Очень интересно. Очень. Хотя у меня не вызывают восторга репрессии... и советское присутствие.

Суслев засмеялся.

— Они сами нас туда пригласили. Мы любим присматривать за друзьями. Хотя многое из того, что происходит, мне тоже не нравится. Там, в Европе. И даже в матушке России.

— Присаживайтесь, пожалуйста, присаживайтесь, — засуетился Сэм Финн.

Они сели за обеденный стол в гостиной. Он был накрыт аккуратной белой скатертью, и на нем стояла пятнистая герань.

— Вы, конечно, знаете, что я не коммунист и никогда им не был, — начал Грей. — И полицейское государство не одобряю. Я абсолютно убежден, что будущее за британским демократическим социализмом — парламент, избираемые чиновники и все, что за этим стоит, — хотя нужно признать, что среди марксистско-ленинских идей есть немало стоящих.

— Политика! — неодобрительно произнес Суслев. — Лучше оставить политику политикам.

— Мистер Грей — один из наших лучших представителей в парламенте, Грегор. — Молли Финн повернулась к Грею. — Грегор тоже хороший парень, мистер Грей. Он не такой, как все эти мерзавцы. — Она отхлебнула чая. — Грегор — славный парень.

— Верно, милая, — поддержал Финн.

— Надеюсь, не чересчур, — пошутил Грей, и все засмеялись. — Что заставило вас поселиться в Гонконге, Сэм?

— Когда мы с миссис Финн вышли на пенсию, захотелось посмотреть мир. Чуток деньжат было отложено, да ещё по страховке получили немного и договорились о койке на грузовом судне...

— О боже, как чудно мы провели время, — перебила его Молли Финн. — Так много где побывали в чужих краях. Просто прелесть. Но когда прибыли сюда, у Сэма мало что осталось на кармане, поэтому мы сошли на берег, чтобы сесть на тот же пароход, когда он вернется.

— Верно говоришь, милая, — подтвердил Сэм. — А потом я познакомился с одним человеком что надо, и он предложил мне работенку. — Расплывшись в улыбке, он потер чёрные оспины на лице. — Консультантом на шахтах, которыми он управлял, в одном месте под названием Формоза. Мы туда съездили, но остаться не захотели, поэтому вернулись сюда. Вот и вся история, мистер Грей. Кое-какую денежку мы зарабатываем, пиво здесь доброе, так что мы с миссис Финн подумали и решили осесть тут. Да и дети все подросли... — Он снова расплылся в улыбке, показав явно вставные зубы. — Теперь мы гонконгские жители.

Они продолжали мило беседовать. Грей мог бы на все сто поверить легенде четы Финн, если бы перед отъездом из Лондона не познакомился с их весьма тайным досье. Только очень немногие знали, что уже в течение многих лет Финн — действительный член Британской коммунистической партии. Когда он вышел на пенсию, один из тайных внутренних комитетов направил его в Гонконг с заданием собирать информацию обо всем, что имеет отношение к бюрократической системе и законодательству Гонконга.

Через несколько минут Молли Финн подавила зевок.

— О-хо-хо, как я устала! Пойду-ка спать, с вашего позволения.

— Давай, давай, милая, — поддакнул Сэм Финн.

Они ещё немного поговорили о том о сем, а потом он тоже зевнул:

— Если позволите, я тоже пойду. — И поспешно добавил: — А вы садите, разговаривайте сколько душе угодно. Ещё увидимся до вашего отъезда из Гонконга, мистер Грей... Грегор...

Он пожал им руки и закрыл за собой дверь в спальню. Суслев подошел к телевизору и, усмехнувшись, включил его.

— Вы смотрели гонконгское телевидение? Коммерческая реклама здесь очень забавная.

Он отрегулировал громкость так, чтобы разговаривать было можно, а подслушать нельзя.

— Осторожность не помешает, верно?

— Я привез вам братский привет из Лондона, — негромко произнес Грей. С сорок седьмого года он состоял в коммунистической партии, но во всей Англии об этом знали только человек шесть.

— А я шлю ответный. — Суслев махнул большим пальцем руки в сторону закрытой двери. — Что им известно?

— Только то, что я левый и сочувствую партии.

— Отлично. — Суслев расслабился. Центр поступил очень правильно, организовав эту тайную встречу так тщательно. Роджер Кросс, который ничего не знал о его связи с Греем, говорил ему, что Эс-ай не присматривает за членами парламента. — Мы здесь в полной безопасности. Сэм работает очень хорошо. Мы тоже получаем копии его докладов. И он не задает вопросов. Вы, англичане, народ не болтливый и действуете очень эффективно, мистер Грей. Я вас поздравляю.

— Благодарю вас.

— Как прошла встреча в Пекине? Грей вынул кипу бумаг.

— Это копия наших секретных и несекретных докладов парламенту. Ознакомьтесь с ними до того, как я уйду, — полный доклад получите по своим каналам. Если кратко, я считаю, что китайцы — стопроцентные враги и ревизионисты. Этот безумный Мао и его приспешник Чжоу Энлай — непримиримые враги международного коммунизма. Китай слаб во всем, кроме желания сражаться, и они будут биться за свою землю до последнего. Чем дольше вы ждете, тем труднее будет их сдерживать, но пока у них нет ядерного оружия и систем его доставки дальнего радиуса действия, никакой угрозы они не представляют.

— Да. А что торговля? В чем они нуждаются?

— Тяжелая промышленность, нефтеперерабатывающие заводы, буровые установки, химические заводы, сталепрокатные заводы.

— Как они собираются платить?

— По их словам, у них много иностранной валюты. По большей части она поступает из Гонконга.

— Поднимались ли вопросы о вооружении?

— Нет. Напрямую — нет. Они народ неглупый, и мы не всегда беседовали или встречались всей группой. Их поставили в известность насчет меня и Бродхерста, и к нам относились без приязни — и без доверия. Возможно, были тайные переговоры с Пеннивортом или кем-то ещё из тори — хотя вряд ли им это помогло. Вы слышали, что он погиб?

— Да.

— И слава богу. Это был враг. — Грей прихлебывал пиво. — КНР нужно оружие, я в этом уверен. Они всё скрывают, паршивцы.

— А что собой представляет Джулиан Бродхерст?

— Интеллектуал, считающий себя социалистом. Отребье, но на сегодняшний день полезен. Аристократ, «галстук старой школы»²⁸¹, — презрительно ухмыльнулся Грей. — Из-за этого будет иметь влияние в будущем лейбористском правительстве.

— На следующих выборах победят лейбористы, мистер Грей?

— Нет, я так не думаю, хотя мы стараемся вовсю, чтобы помочь лейбористам и либералам.

²⁸¹ В большинстве старинных английских частных школ выпускникам вручаются галстуки с эмблемой школы, особых цветов, которые по правилам этикета могут носить только они и которые, по сути, указывают на принадлежность к правящему классу.

Суслев нахмурился.

— Зачем поддерживать либералов? Они же капиталисты. Грей язвительно усмехнулся.

— Вы не разбираетесь в наших порядках, капитан Суслев. Нам очень повезло, у нас трехпартийное голосование при двухпартийной системе²⁸². Те, кто отдает голоса за либералов, голосуют в нашу пользу. Мы должны поощрять их. — Он с удовольствием допил пиво и достал из холодильника ещё пару бутылок. — Если бы не либералы, лейбористы никогда не пришли бы к власти, никогда! И никогда не придут.

— Не понимаю.

— В лучшие времена за лейбористов голосовало лишь около сорока пяти процентов населения, чуть меньше сорока пяти. За тори, консерваторов, — примерно столько же, обычно чуть больше. Большая часть остающихся десяти с лишним процентов голосуют за либералов. Если бы не было кандидата от либеральной партии, большинство голосовало бы за консерваторов. Они все олухи, — самодовольно заявил он. — Британцы — народ тупой, товарищ. Либеральная партия — это постоянный пропуск к власти для лейбористов, а значит, они за нас. Вскоре Британская компартия будет полностью контролировать Конгресс тред-юнионов, а также лейбористскую партию — негласно, конечно. — Он сделал добрый глоток. — Великая британская голытьба тупа, средний класс туп, верхушка общества тоже тупа и почти никакой угрозы не представляет. Все они просто лемминги²⁸³. Лишь очень немногие верят в демократический социализм. Тем не менее, — с огромным удовлетворением добавил он, — с помощью операции «Лев» мы свалили их гнилую империю и помочились на них всех. — Операция «Лев» была задумана сразу после прихода большевиков к власти. Её целью являлось уничтожение Британской империи. — Всего лишь за восемнадцать лет, начиная с сорок пятого года, величайшая на земле империя перестала существовать.

— За исключением Гонконга.

— Скоро его тоже не будет.

— Словами не высказать, как высоко ценит мое руководство вашу работу, — проговорил Суслев, изображая неприкрытое восхищение. — Вашу и всех наших братьев в Англии. — Ему было приказано отнестись к этому человеку с уважением, расспросить о поездке в Китай и передать инструкции под видом просьб. И польстить ему.

Он был знаком и с досье на Грея. По бериевской классификации КГБ Робин Грей проходил по категории 4/22/а: «Весьма влиятельный английский предатель, идеалам марксизма-ленинизма служит лишь на словах. Можно использовать, но никогда не доверять; в случае прихода к власти Британской компартии подлежит немедленной ликвидации».

Суслев пристально смотрел на Грея. Ни Грей, ни Финны не знали, какое он на самом деле занимает положение. Считалось, что он всего лишь рядовой член владивостокской коммунистической организации. Так было записано и в досье, которое завела на него Эс-ай.

— У вас есть для меня какая-нибудь информация? — спросил Грей.

²⁸² При двухпартийной системе лишь у двух политических партий есть реальная возможность победить на выборах. Обычно это означает, что кандидаты от этих двух партий, получившие большинство голосов, занимают все или почти все посты в правительстве.

²⁸³ На Западе широко распространено представление (в основном благодаря диснеевскому мультфильму 1958 г. «Белое безмолвие»), что при большом росте популяции норвежские лемминги огромными стаями бросаются со скал в море.

— Да, tovarich, а также, с вашего позволения, несколько вопросов. Мне приказано спросить, как у вас идет выполнение директивы «семьдесят два дробь Прага». — Эта сверхсекретная директива придавала первостепенное значение тайному выдвижению самых преданных делу партии спецов в руководители первичных профсоюзных организаций на всех предприятиях автомобилестроения в Штатах и других странах Запада. Данная отрасль промышленности была выбрана потому, что на неё завязано бесчисленное множество других отраслей и она составляет основу капиталистической экономики.

— Работа идет вовсю, — с энтузиазмом рассказывал Грей. — Будущее за «дикими» забастовками²⁸⁴. С их помощью мы можем проникнуть в иерархию тред-юнионов, не разрушая существующего профсоюзного движения. Наши профсоюзы разрознены. Специально. Пятьдесят человек могут составлять отдельный профсоюз, и этот профсоюз способен влиять на тысячи, — а пока нигде не будет тайного голосования, эти немногие всегда сумеют управлять многими! — Он усмехнулся. — Мы опережаем график, и у нас уже налажены братские связи с Канадой, Новой Зеландией, Родезией²⁸⁵, Австралией — особенно Австралией. Через несколько лет у нас будут обученные агитаторы во всех ведущих машиностроительных профсоюзах всех англоговорящих стран. Где бы ни происходила забастовка — в Сиднее, Ванкувере, Йоханнесбурге, Веллингтоне, — во главе рабочих будет британец. Это будет британец!

— И вы один из тех, кто стоит во главе всего этого, tovarich! Как замечательно! — Суслев дал Грею продолжить, ведя его дальше, и ему стало противно от того, что англичанина так легко улестить. «Как отвратительны предатели», — говорил он про себя. — Скоро вы получите демократический рай, к которому стремитесь, и на земле наступит мир.

— Ждать осталось недолго, — пылко заявил Грей. — Мы сократили вооруженные силы, а в будущем году сократим ещё. Войн больше не будет никогда. С ними покончила бомба. На нашем пути лишь эти гнусные американцы со своей гонкой вооружения, но скоро мы и их заставим сложить оружие и все будем равны.

— А вы знаете, что Америка тайно вооружает японцев?

— Что?! — уставился на него Грей.

— Как, вы не знали? — Суслеву было хорошо известно, что Грей три с половиной года провел в японских лагерях для военнопленных. — Разве вы не в курсе, что находящаяся сейчас в Японии делегация американских военных запрашивает согласие японцев на размещение ядерного оружия?

— Они не посмеют.

— Они уже посмели, мистер Грей. — Ложь далась Суслеву без труда. — Все это, конечно, совершенно секретно.

— Могу ли я получить от вас подробные сведения, чтобы использовать их в парламенте?

— Ну, как вам сказать... Я, конечно, попрошу своих руководителей предоставить вам эти данные, если вы считаете, что они представляют ценность.

— Пожалуйста, и чем скорее, тем лучше. Ядерные бомбы... Боже!

— Ваши люди, ваши обученные специалисты — они у вас есть и на британских атомных электростанциях?

²⁸⁴ «Дикая» забастовка — забастовка без официального разрешения профсоюза или в нарушение трудового договора.

²⁸⁵ Родезия (ныне Зимбабве) — бывшая британская колония на юге Африки, названная в честь её основателя — английского бизнесмена Сесила Родса (1853-1902).

— А? — Грей с усилием сосредоточился, стараясь отвлечься от Японии. — На атомных электростанциях?

— Да. Там есть ваши люди?

— Ну нет, в Англии лишь одно-два таких предприятия, и значения они не имеют. Янки действительно вооружают японцев?

— А разве Япония не капиталистическая страна? Разве Соединенные Штаты не опекают её? Если бы не Америка...

— Эти американцы — гомики несчастные! Слава богу, у вас тоже есть бомбы, не то нам всем пришлось бы им кланяться!

— Может быть, вам стоит сосредоточить некоторые усилия и на ваших атомных электростанциях, а? — вставил Суслев, пораженный тем, что Грей оказался таким легковым.

— А зачем?

— Один из ваших соотечественников, Филби, разработал новую концепцию.

— Филби? — Грей вспомнил, как он был ошеломлен и перепуган, когда Филби раскрыли, и какое облегчение принесло известие, что Филби и все остальные скрылись, не выдав списков тайного ядра Британской компартии, которыми они, по всей видимости, располагали. — Что с ним?

— Насколько я знаю, у него все хорошо. Работает в Москве. Вы были знакомы?

— Нет. Он работал в Министерстве иностранных дел, это недостижимые высоты. Из нас никто не знал, что он — один из наших.

— Филби отмечает, что атомная электростанция обеспечивает себя сама, что одна электростанция может вырабатывать топливо для себя и для других. Введенная в действие атомная электростанция, по сути дела, чуть ли не вечна, для её эксплуатации требуется лишь ограниченное число высококвалифицированных и высокообразованных технических специалистов, никаких рабочих, как при работе на нефти или угле. В настоящее время вся промышленность Запада зависит от поставок угля или нефти. Он предлагает ратовать за использование нефти, а не угля, и за полный отказ от ядерной энергии. Что вы думаете по этому поводу?

— А-а, я понял, к чему он ведет! — Выражение лица Грея стало напряженнее. — Я должен войти в состав парламентской комиссии по изучению ядерной энергии.

— Это будет несложно?

— Это более чем несложно, товарищ! Британцы — народ ленивый, им не нужны проблемы, они хотят работать как можно меньше и получать за это как можно больше, ходить в паб и на футбол по воскресеньям. И чтобы ничего не делать, никаких утомительных заседаний по окончании рабочего дня, никаких споров. Это более чем несложно — если у нас будет план, а у них нет.

Суслев вздохнул, очень довольный: миссия почти выполнена.

— Ещё пива? Нет, позвольте, я сам достану. Для меня это честь, мистер Грей. Вы случайно не знаете одного писателя, который сейчас здесь, в Гонконге? Американского гражданина Питера Марлоу?

— Марлоу? — вскинул голову Грей. — Я знаю его очень хорошо, хотя понятия не имел, что он — американский гражданин. А что?

Суслев не стал раскрывать свой интерес и лишь пожал плечами.

— Меня просили справиться о нем у вас, так как вы соотечественники.

— Педик паршивый из аристократов с моралью уличного торговца. Я не встречал его уже много лет, с сорок пятого года, пока не оказался здесь. Он тоже был в Чанги. Я только вчера узнал, что он писатель или кто-то из этой киношной братии. А почему ему придается такое значение?

— Он — писатель, — тут же ответил Суслев. — Он делает фильмы. С помощью телевидения писатель может донести свое слово до миллионов людей. Центр интересуется умонастроениями западных мастеров слова. О да, мы в России

приглядываемся и к отечественным литераторам, зная, насколько они важны. Писатели всегда указывали нам путь, мистер Грей, формировали наши мысли и чувства. Толстой, Достоевский, Чехов, Бунин... — И с гордостью добавил: — Писатели для нас — первооткрыватели. Вот почему сегодня мы должны направлять их мысль, следить за их творчеством или предавать его забвению. — Он посмотрел на Грея. — Вам следует делать то же самое.

— Мы поддерживаем «своих» писателей, капитан, и хулим остальную мразь, открыто либо исподволь. По возвращении я занесу Марлоу в официальный «черный» список Британской компартии для средств массовой информации. Досадить ему будет несложно — у нас много друзей в масс-медиа.

Суслев закурил.

— Вы читали его книгу?

— Ту, что про Чанги? Нет. Я о ней и не слышал, пока не попал сюда. Она, видимо, издана не в Англии. К тому же на художественную литературу у меня остается не так много времени, а его писанина, должно быть, какая-нибудь аристократическая туфта и дешевка, и... Ну, что сказать: Чанги — это Чанги, и лучше всего о нем забыть. — Он содрогнулся, сам того не заметив. — Да, лучше всего забыть.

«Но я не могу! — рвался из него крик. — Мне не забыть этого, и лагерные будни по-прежнему приходят снова и снова, как кошмар, от которого не избавиться. Год за годом, десятки тысяч умирающих, попытки соблюсти законность, защитить слабых от грязи „черного рынка“, который кормился за их счет. Все страдали от голода, и не было никакой надежды когда-либо оттуда выбраться, тело начинало гнить, а мне шёл двадцать первый год, ни женщин, ни смеха, ни еды, ни питья. Всего двадцать один, когда меня схватили в Сингапуре в сорок втором, и двадцать четыре, почти двадцать пять, когда случилось чудо и я выжил и вернулся в Англию. Дома нет, родителей нет, всего моего мира нет. Единственная сестра продана врагам и теперь говорит как враги, ест как они, живет как они, вышла замуж за одного из них и стыдится нашего прошлого, хочет, чтобы прошлого не было, чтобы меня не было. Всем было наплевать на меня, и, о боже, эта перемена. Возвращение к жизни после небытия в Чанги, всех этих кошмаров и невозможности заснуть по ночам, в страхе перед новой реальностью, когда я не мог о ней говорить, плакал без причины, пытаюсь приспособиться к тому, что глупцы называют нормальным. И приспособился наконец. Но какой ценой, о Господи милосердный, какой ценой...

Прекрати!»

Грей с усилием вырвался из этой затягивающей вниз спирали Чанги. «Хватит про Чанги! Чанги умер. И пусть остается мертвым. Он умер — Чанги должен оставаться мертвым. Но Ча...»

— Что? — встрепнулся он, рывком вернувшись в настоящее.

— Я сказал, что ваше теперешнее правительство сейчас уязвимо.

— Вот как? Почему?

— Вы помните скандал с Профьюмо? С вашим военным министром?

— Ну да. А что?

— Несколько месяцев назад Эм-ай-5 начала очень тайное, очень тщательное расследование предполагаемой связи между ставшей знаменитой «девушкой по вызову» Кристиной Килер и капитаном первого ранга Евгением Ивановым, нашим военно-морским атташе, и другими представителями лондонского общества.

— Оно закончено? — Грей вдруг весь обратился во внимание.

— Да. Документально зафиксированы разговоры этой женщины с Ивановым. Иванов просил её выяснить у Профьюмо, когда в Германию будет доставлено ядерное оружие. Эм-ай-5 утверждает, — уже намеренно лгал Суслев, чтобы подзадорить Грея, — что предупреждала Профьюмо насчет Иванова ещё за несколько месяцев до того, как разразился скандал. Министру будто бы сообщили,

что капитан первого ранга Иванов из КГБ и что он пользуется особым расположением мисс Килер.

— О господи! А Иванов может привести что-то в доказательство?

— О нет. Абсолютно ничего. Это было бы некорректно — и в этом нет необходимости. Но в докладе Эм-ай-5 факты изложены очень аккуратно, — врал напропалую Суслев. — Там всё правда!

Грей разразился взрывом хохота.

— О господи, если это обнародовать, правительство как ветром сдует с передних скамей парламента, и тогда всеобщих выборов не миновать!

— И к власти придут лейбористы!

— Да! На пять чудесных лет! О да, и как только мы придем к власти... о мой бог! — Грей снова громко расхохотался. — Сначала Профьюмо лгал о Килер! А теперь вы говорите, что он с самого начала *знал* про Иванова! О, кровь Христова, да после такого правительство точно уйдет в отставку! Ради этого стоило выносить столько лет гадости от болванов из среднего класса. Вы уверены? — вдруг забеспокоился он. — Это действительно так?

— Неужели я стану вам врать? — И Суслев засмеялся про себя.

— Я этим воспользуюсь. О боже, как я этим воспользуюсь. — Грей был вне себя от радости. — Вы абсолютно уверены? А Иванов? Что стало с ним?

— Получил повышение, конечно, за блестяще выполненную акцию по дискредитации правительства противника. Если его работа приведет к отставке правительства, будет награжден. Он сейчас в Москве, ждет нового назначения. Кстати, вы не планируете на завтрашней пресс-конференции упомянуть про своего шурина?

— Откуда вы знаете про него? — вдруг насторожился Грей. Суслев спокойно встретил его взгляд.

— Мое начальство знает все. Было бы неплохо, если бы вы на пресс-конференции упомянули о своем родстве, мистер Грей.

— Зачем?

— Чтобы упрочить ваше положение, мистер Грей. Близкое родство с тайбаном Благородного Дома придаст вашим словам гораздо больший вес. Как вы считаете?

— Но если вы знаете про него, — в голосе Грея послышались жесткие нотки, — вы знаете также и то, что мы с сестрой договорились не упоминать об этом. Это вопрос внутрисемейный.

— Вопросам государственным отдается преимущество перед семейными, мистер Грей.

— Кто вы такой? — Грей вдруг взглянул на него с подозрением. — Кто вы на самом деле?

— Всего лишь посланец, мистер Грей, правда. — Суслев по-дружески положил свои ручки на плечи Грею. — *Tovarich*, вы же знаете, мы должны делать все, что в наших силах, для продвижения вперед. Я уверен: мои руководители пеклись лишь о вашем будущем. Тесные семейные связи с такой капиталистической семьей послужат вам подспорьем в парламенте. Верно ведь? Когда вы с вашей лейбористской партией победите в будущем году, им понадобятся люди с хорошими связями, а? Для члена кабинета важны связи — вы сами сказали. Вы будете экспертом по Гонконгу с особыми связями. Вы можете оказать нам огромную помощь в сдерживании Китая, в том, чтобы поставить его на правильные рельсы, а Гонконг с гонконгцами определить туда, где ему место, — в выгребную яму. А?

При мысли об этом сердце у Грея забилося.

— Мы сможем уничтожить Гонконг?

— О да, — улыбнулся Суслев. Улыбка его стала шире. — Не волнуйтесь, самому вам не нужно будет заговаривать про Тайбаня или нарушать слово, данное

сестре. Я могу устроить, чтобы вам задали вопрос. А?

54

23:05

Данросс ждал Брайана Квока в баре «Квэнс» отеля «Мандарин» и цедил «долгоиграющий» бренди с «перрье». В баре, предназначенном только для мужчин, почти никого не было. Раньше Брайан Квок никогда не опаздывал, но сейчас он задерживался.

«При его работе Брайана запросто могли куда-нибудь вызвать, — думал ничуть не обеспокоенный Данросс. — Подожду ещё пару минут».

В этот вечер Данросс мог позволить себе подождать. До встречи в Абердине с Четырехпалым У времени оставалось предостаточно, Пенн благополучно села на самолёт и уже находилась на пути в Англию, так что торопиться домой не было нужды.

«Путешествие пойдет ей на пользу. Лондон, театры, потом Эвисъярд-Касл. Там будет великолепно. Скоро уже осень, бодрящие утренники, когда видишь свое дыхание, сезон охоты на куропаток, потом Рождество. Как здорово возвращаться домой по снежку! Что, интересно, принесет это Рождество и что я буду думать, оглядываясь на все это время, это скверное время? Слишком много обрушилось проблем. План работает, но уже со скрипом, все плохо, все вышло из-под контроля, из-под моего контроля. Бартлетт, Кейси, Горнт, Четырехпалый, Мата, Прижимистый, Хэвегилл, Джонджон, Кирк, Кросс, Синдерс, АМГ, его Рико, все эти вьющиеся вокруг пламени мотыльки, а теперь ещё новый — Типтоп, и Хиро Тода, который прилетает завтра, а не в воскресенье».

Сегодня во второй половине дня Данросс долго говорил со своим японским приятелем и партнером, строившим для него суда. Тода расспрашивал о рынке ценных бумаг и о «Струанз» — не напрямую, в английской манере, а по-японски, двусмысленно и вежливо. Но все же расспрашивал. В приятном голосе (Тода говорил по-английски с легким американским акцентом — сказывались два года обучения в Гарварде после окончания японского университета) слышалась озабоченность.

— Все будет в порядке, Хиро, — уверял его Данросс. — Это временная атака. Мы проведем приемку судов, как и запланировано.

— А сумеем мы это сделать?

— Да. Так или иначе. Линбар завтра отправляется в Сидней и постарается реанимировать сделку с «Вулара» и провести новые переговоры по фрахтованию. Риск большой, но если получится...

Мысли неумолимо возвращались к Жаку.

«Неужели Жак действительно коммунист и предатель? И Джейсон Пламм... И Тьюк... И „Р“... Кто это — Роджер Кросс или Роберт Армстронг? Конечно ни тот и ни другой, и конечно не Жак! Боже мой, я знаю Жака почти всю жизнь, я знал де Виллей почти всю жизнь. Да, Жак мог предоставить Бартлетту некоторую информацию о наших внутренних делах, но не всю. Только не сведения о компании — они доступны лишь тайбаню. А это значит — Аластэр, отец, я или старый сэр Росс. Обо всех такое и подумать невозможно.

Да.

Но кто-то предатель, и это не я. А ведь ещё есть „Севрин“».

Данросс огляделся. В небольшом уютном баре по-прежнему почти никого не было. Темно-зеленые кожаные кресла, полированные столы из старого дуба, стены увешаны репродукциями картин Квэнса. Многие оригиналы висели в Долгой галерее Большого Дома, остальные по большей части украшали коридоры банков «Виктория» и «Блэкс». Ещё несколько хранились в частных коллекциях.

Он откинулся назад в нише, радуясь, что окружен собственным прошлым, оберегаем им. Прямо над головой висел портрет девушки-хакка со светловолосым мальчиком на руках, волосы которого заплетены в косичку. Полагали, что Квэнс написал этот портрет для Дирка Струана, который подарил его девушке с картины, Чжун Мэймэй, а ребенок у неё на руках — их сын Дункан.

Взгляд переместился на противоположную стену, где висели портреты Дирка и его сводного брата Робба рядом с картиной, изображавшей американского торговца Джеффа Купера на фоне Пика и побережья, каким оно выглядело в 1841 году. «Интересно, что сказал бы Дирк при виде своего детища сегодня? Оно процветает, строится, отвоевывает новые территории, остается центром мира, азиатского мира, который и есть единственный мир».

— Ещё бренди, тайбань? — обратился к нему бармен-кантонец.

— Нет, спасибо, Фэн. Только «перрье», пожалуйста. Телефон был рядом. Он набрал номер.

— Главное управление полиции, — ответил женский голос.

— Суперинтендента Квока, пожалуйста.

— Одну минуту, сэр.

Ожидая ответа, Данросс пытался принять решение насчет Жака.

«Это невозможно, — мучительно размышлял он. — Невозможно без чьей-то помощи. Если послать Жака во Францию за Сюзанной и Аврил, это изолирует его примерно на неделю. Может, поговорить с Синдерсом? Возможно, они уже знают. Боже милостивый, не напиши АМГ про букву „Р“, я пошёл бы прямо к Кроссу. Возможно ли, чтобы он был „Артуром“?»

Ну а вспомни Филби из Министерства иностранных дел, — говорил он себе. — Ужас... Как англичанин с таким происхождением, занимающий столь высокий пост и облеченный доверием, мог стать предателем? Равно как и двое других, Бёрджесс и Маклин. И Блейк. До какой степени можно верить АМГ? Бедняга. До какой степени можно доверять Джейми Кирку?»

— Прошу прощения, кто спрашивает суперинтендента Квока? — В трубке звучал уже мужской голос.

— Мистер Данросс из «Струанз».

— Минуточку, пожалуйста. — Недолгое ожидание, а затем другой мужчина, которого он сразу узнал, произнес: — Добрый вечер, тайбань. Роберт Армстронг... прошу прощения, но Брайана сейчас нет. Что-нибудь важное?

— Нет. Просто мы договорились встретиться в это время, чтобы выпить, а он задерживается.

— О, он об этом не упоминал — обычно в таких делах он точен. Когда вы с ним договаривались?

— Сегодня утром. Он звонил, чтобы рассказать про Джона Чэня. Есть какие-нибудь новости об этих ублюдках?

— К сожалению, нет. Брайану пришлось уехать из города: небольшая командировка. Знаете, как это бывает.

— Ну да, конечно. Увидите его, скажите, что мы встретимся или в воскресенье на гонках по холмам, или раньше.

— Вы по-прежнему собираетесь на Тайвань?

— Да. С Бартлеттом. В воскресенье, вернемся во вторник. Я слышал, мы можем лететь на его самолёте?

— Да. Позаботьтесь, пожалуйста, чтобы он вернулся во вторник.

— Если не раньше.

— Я могу быть чем-то полезен?

— Нет, благодарю вас, Роберт.

— Тайбань, у нас в Гонконге случилось ещё одно довольно неприятное

происшествие. Беспокоиться особенно не о чем, но не могли бы вы вести себя поосторожнее до завтрашней встречи с Синдерсом, хорошо?

— Конечно. Брайан тоже об этом говорил. И Роджер. Спасибо, Роберт. До свидания. — Данросс повесил трубку. Он забыл, что за ним следует телохранитель из Эс-ай. «Этот, должно быть, получше, чем другие. Что-то я его не замечал. Ну, и как с ним быть? Он, конечно, будет лишним на встрече с Четырехпалым».

— Я сейчас вернусь, — сказал он.

— Конечно, тайбань, — откликнулся бармен.

Данросс вышел и, незаметно осматриваясь, проследовал в туалет. «Хвоста» не было. Покинув туалет, он прошел через бельэтаж, где былолюдно и шумно, вниз по главной лестнице к киоску в вестибюле, чтобы купить вечернюю газету. Везде толпился народ. На обратном пути он засек своего «проводного»: худощавый китаец в очках, сидевший в кресле в вестибюле, пристально наблюдал за ним, делая вид, что разглядывает журнал. Данросс помедлил и, вернувшись в вестибюль, убедился, что эти глаза неотрывно следят за ним. Удовлетворенный, он стал снова подниматься по запруженной людьми лестнице.

— О, привет, Марлоу, — воскликнул он, чуть не столкнувшись с Питером.

— Привет, тайбань.

Данросс тут же заметил на лице Марлоу невероятную усталость.

— Что случилось? — спросил он, мгновенно поняв: что-то не так, и отошел в сторону, чтобы не мешать остальным.

— О, ничего... совсем ничего.

— Что-то случилось, — с мягким укором улыбнулся Данросс. Питер Марлоу помолчал.

— Это, это Флер. — И он рассказал все. Данросс был очень озабочен.

— Старик Тули — хороший доктор, и это первое. — Он рассказал Марлоу, как Тули напичкал его, Бартлетта и Кейси антибиотиками. — Вы-то как себя чувствуете?

— Я-то ничего. Только слабит немного. Месяц или около того не о чем беспокоиться. — Питер Марлоу передал сказанное Тули о гепатите. — Меня не это волнует, Флер и ребенок — вот в чем проблема.

— У вас есть ама?

— О да. И отношение отеля чудесное, коридорные все помогают.

— У вас есть время выпить?

— Нет-нет, спасибо, надо возвращаться. Ама не... для неё у нас нет места, поэтому она только сидит с детьми. На обратном пути нужно заскочить в родильный дом, проверить.

— О, тогда в другой раз. Прошу передать вашей жене мое почтение. Как продвигаются ваши изыскания?

— Прекрасно, благодарю вас.

— Сколько ещё страшных тайн выведали у наших гонконгских янь?

— Множество. Но все стоящие. — Питер Марлоу слабо улыбнулся. — Дирк Струан был человек что надо. Все говорят, что вы тоже, и надеются, что вы одолеете Горнта, снова одержите верх.

Данросс смотрел на него. Питер ему нравился.

— Вы не против, если я задам несколько вопросов про Чанги? — Он увидел, как по грубому лицу этого бывалого человека, лицу и молодому, и старому, пробежала тень.

— Смотря какие.

— По словам Робина Грея, вы в лагере подвизались на «черном рынке». Вместе с каким-то американцем. Капралом.

Повисло долгое молчание, но выражение лица Питера Марлоу не изменилось.

— Я был торговцем, мистер Данросс, вернее, переводчиком моего

приятеля-торговца. Капрала американской армии. Он спас жизнь мне и многим моим друзьям. Нас было четверо: майор, полковник авиации, владелец каучуковых плантаций и я. Он спас и десятки других. Его фамилия была Кинг — Король, и в каком-то смысле он действительно был король, король Чанги. — Он снова чуть заметно улыбнулся. — Законы японцев... и лагерные порядки не разрешали заниматься торговлей.

— Вы сказали «японцев», а не «япошек». Это интересно, — тут же отреагировал Данросс. — Вы не питаете к ним отвращения после всех ужасов Чанги?

Помолчав, Питер Марлоу покачал головой.

— Я ни к кому не питаю отвращения. Даже к Грею. Просто наслаждаюсь тем, что жив. На это уходят все силы, духовные и физические. До свидания! — И он повернулся, чтобы уйти.

— О, Марлоу, и последнее, — быстро проговорил Данросс, приняв решение. — Не хотели бы вы прийти на скачки в субботу? В мою ложу? Там будут кое-какие интересные люди... Если вы изучаете Гонконг, почему не делать этого со вкусом, а?

— Благодарю вас. Весьма признателен, но меня уже пригласил Дональд Мак-Брайд. Хотя, с вашего позволения, с удовольствием зайду выпить. А с книгой что-нибудь получается?

— Не понял?

— С книгой по истории «Струанз», которую вы хотели дать мне почитать.

— О да, конечно. Её перепечатают. Похоже, она существует в единственном экземпляре. Вы ещё потерпите?

— Конечно. Спасибо.

— Передайте мои наилучшие пожелания Флер. — Данросс смотрел ему вслед. Он был рад, что Марлоу понимал разницу между торговлей и «черным рынком».

Взгляд остановился на человеке из Эс-ай, который по-прежнему наблюдал за ним из-за журнала. Данросс неторопливо вернулся в бар, словно погруженный в размышления. Войдя, он быстро проговорил:

— Фэн, там внизу один чертов журналист, с которым мне не хочется встречаться.

Бармен тут же поднял часть стойки, перегораживавшей проход.

— Рад услужить, тайбань, — улыбнулся он, нисколько не поверив в эту отговорку.

Посетители часто пользовались служебным выходом, расположенным за баром. Женщин в бар не допускали, поэтому обыкновенно клиенты таким образом старались избежать нежелательной встречи с дамой. «Ну, и с какой, интересно, шлюхой не хочется встречаться Тайбаню?» — вопрошал он себя, глядя, как тот поспешил к выходу, оставив щедрые чаевые.

Выйдя в переулок, Данросс завернул за угол и сел в такси, скорчившись на заднем сиденье.

— В Абердин, — бросил он водителю, объяснив по-кантонски, куда именно.

— Айийя, домчимся стрелой, тайбань, — тут же заявил тот, довольный, что узнал Данросса. — Можно спросить, что нас ждет в субботу? Будет дождь или нет?

— Не будет дождя, клянусь всеми богами.

— И-и-и, а кто победит в пятом?

— Этого мне не шепнули на ухо ни боги, ни гнусные Великие Тигры, которые подкупают жокеев или пичкают стимуляторами лошадок, чтобы надуть честных людей и не дать им разбогатеть. Однако Ноубл Стар будет стараться.

— Все эти блудодеи будут стараться, — угрюмо проворчал водитель, — но кого выбрали боги и Великий Тигр ипподрома Хэппи-Вэлли? Как насчет Пайлот Фиша?

— Этот жеребец хорош.

— А Баттерскотч Лэсс? Нужно ведь, чтобы банкиру Квану повезло.

- Да. Лэсс тоже хороша.
- Рынок будет ещё падать, тайбань?
- Да, но в пятницу покупай акции Благородного Дома без четверти три.
- По какой цене?
- Подумай своей головой, Почтенный Брат. Я что тебе, Старый Слепец Дун?

Тесно прижавшись и ощущая друг друга всем телом, Орланда и Линк Бартлетт танцевали в полутьме ночного клуба. Чувственная музыка в исполнении филиппинского оркестра звучала негромко, ритм завораживал, а посередине большого роскошного зала, сплошь в зеркалах, выделялся островок света. Возле ниш, в которых прятались низкие столики и глубокие шезлонги, многочисленными светлячками мелькали карандаши-фонарики официантов во фраках. Множество одетых в красочные вечерние платья девиц сидели стайками и щебетали или смотрели на немногочисленные танцующие пары. По одной или по двое они то и дело подсаживались за столы к мужчинам, чтобы развлечь их, занять беседой и напроситься на угощение, а примерно через четверть часа нарядные птички вспархивали, чтобы присесть за другой столик, и их передвижениями мастерски руководила бдительная мама-сан с помощниками. В этой роли выступала грациозная шанхайка лет пятидесяти, прекрасно одетая и рассудительная.

Она говорила на шести языках и отвечала за девиц перед владельцем заведения. Успех или неуспех бизнеса зависел от неё. Девицы повиновались ей беспрекословно. А также вышибалы и официанты. Вокруг неё вращалось все, она была повелительницей в здешних краях, поэтому все перед ней виляли хвостом.

Мужчины приводили с собой дам нечасто, хоть это и не возбранялось — при условии, что клиент не поскупится на чаевые и будет заказывать одну порцию напитков за другой. Десятки таких ночных увеселительных заведений были разбросаны по всей колонии, несколько закрытых, а в основном открытые; они обслуживали всех мужчин: туристов, приезжих и гонконгских янь. Во всех имелся богатый выбор девушек любого цвета кожи. За плату они готовы были посидеть с гостем, поболтать или послушать. Цены разнились, качество тоже, но цель везде преследовалась одна: удовольствие для посетителя, деньги для заведения.

Теперь Линк Бартлетт и Орланда прильнули друг к другу ещё теснее, они скорее не танцевали, а покачивались, и её голова невесомо покоилась у него на груди. Одна рука нежно касалась его плеча, а другая, такая прохладная, лежала в его руке. Он приобнимал её, держа за талию. Его тепло отдавалось глубоко внизу живота, пальцы почти неосознанно ласкали сзади его шею, и она в такт музыке приникла к нему чуть ближе. И ноги, и все тело устремлялись за ним. Почти сразу она ощутила его восставшую и выросшую плоть.

«Как вести себя сегодня? — мечтательно гадала она. — Такой чудный вечер, и все было так хорошо. Да или нет? О, как я хочу...»

Казалось, тело живет уже своей жизнью, прижимаясь к нему ещё плотнее: спина чуть изгибается, низ живота подается вперед. И захлестывает жаркая волна.

«Надо умерить пыл», — подумала она. И, сделав над собой усилие, отпрянула.

Бартлетт почувствовал, что она уже не с ним. Рука все так же оставалась на её талии, и он притянул её к себе, и ладонь не ощутила нижнего белья — только тело. «Как необычно. Только плоть под легким шифоном... а тепла больше, чем просто от плоти. Господи!»

— Давай присядем на минутку, — хрипло проговорила она.

— Вот танец кончится, — пробормотал он.

— Нет, Линк, нет, у меня ноги подкашиваются. — Она с усилием обняла его обеими руками за шею и слегка придвинулась, держась за него и позволив ему принять на себя часть её веса. — Я могу упасть, — широко улыбнулась она. — Ты

ведь не хочешь, чтобы я упала, верно?

— Тебе не упасть, — улыбнулся он в ответ. — Никак не получится.

— Пожалуйста...

— Ты ведь не хочешь, чтобы я упал, верно?

Она рассмеялась, и он весь затрепетал от её смеха. «Господи, успокойся, она уже завела тебя».

Какое-то время они ещё танцевали, но уже не так близко, и он чуть остыл. Потом повернул её и пошёл сразу за ней, и они уселись за свой столик, развалясь на диване, ещё не избавившись от ощущения близости. Их ноги соприкоснулись.

— То же самое, сэр? — подошел официант в смокинге.

— Мне не надо, Линк. — Ей хотелось отчитать официанта за неуместное предложение: ведь они ещё не допили того, что было.

— Ещё мятного ликера? — спросил Бартлетт.

— Мне не надо, правда, спасибо. А ты выпей.

Официант исчез. Бартлетт предпочел бы пиво, но не хотелось, чтобы был запах изо рта, а ещё больше не хотелось портить впечатление от самой вкусной еды, какую ему когда-либо доводилось отведать. Паста была просто изумительная, телятина нежная и сочная, с лимоном и винным соусом, от которого пощипывало во рту, и салат отличный. А потом дзабальоне, приготовленный у него на глазах: яйца, марсала и какое-то волшебство. И постоянно исходящее от неё сияние, и слабый аромат её духов.

— Это у меня лучший вечер за многие годы.

Она с деланной торжественностью подняла бокал.

— За то, чтобы было ещё много таких вечеров. — «Да, за то, чтобы было ещё много таких вечеров, но после того, как мы поженимся или, по крайней мере, будем обручены. Ты слишком стремителен, Линк Бартлетт, слишком настроен на меня, слишком силен». — Я рада, что тебе понравилось. Мне тоже. О да, мне тоже!

Она заметила, как его взгляд скользнул с неё на проходившую мимо девушку в платье с глубоким вырезом. Девушка — миловидная, не старше двадцати — под села к группе шумных японских бизнесменов за угловым столиком, где уже сидело немало других красоток. Одна из них тут же встала и, извинившись, ушла. Орланда наблюдала, как Линк смотрит на них, и её сознание стало кристально ясным.

— Любую из них можно снять? — невольно вырвалось у него.

— Для постели?

Сердце у него замерло, и он взглянул на неё, очень внимательно.

— Да, думаю, именно это я и имел в виду, — осторожно произнес он.

— Ответом будет и «да», и «нет». — Улыбка оставалась ласковой, а голос — нежным. — Это как со всем остальным в Азии, Линк. Никакой определенности, никаких «да» или «нет». Только «может быть». Все зависит от обстоятельств: есть ли девушка, что это за мужчина, сколько у него денег и сколько у неё долгов. — Теперь улыбка стала озорной. — Может, мне просто следует указать тебе в нужном направлении? Но тогда ничего хорошего от тебя не жди, потому что ты такой большой и сильный мужчина и очаровываешь всех симпатичных дам, хейя?

— Да будет тебе, Орланда! — засмеялся он тому, как она изобразила произношение простого кули.

— Я заметила, что ты обратил на неё внимание. Я тебя не виню: она симпатичная, — произнесла она, завидуя юности этой девушки, но не её жизни.

— Что ты имела в виду под долгами?

— Когда девушка приходит работать сюда, она должна выглядеть красиво. Одежда, причёска, чулки, макияж — все стоит хороших денег, поэтому мама-сан — женщина, что следит за девушками, — или владелец ночного клуба выдает новенькой аванс, достаточный, чтобы купить все необходимое. Конечно, вначале все девушки

молоды и легкомысленны, свежи, как первая роза лета, поэтому они покупают и покупают, но потом им приходится все это выплачивать. У большинства в начале карьеры нет ничего, кроме собственного тела, — если только они не работали в другом клубе и не обзавелись поклонниками. Естественно, Линк, когда девушки расплачиваются с долгами, они меняют клуб. Иногда долги девушки может оплатить хозяин клуба, чтобы приобрести её и её поклонников: многие девушки популярны, и за ними гоняются. Если девушка умеет танцевать, вести беседу и говорить на нескольких языках, она может хорошо зарабатывать.

— Значит, долгов у них хватает?

— Они в долгах постоянно. Чем дольше они этим занимаются, тем сложнее выглядеть красивой и тем выше издержки. Проценты по долгу в лучшем случае составляют двадцать процентов. Первые месяцы девушка может много зарабатывать и много отдавать, но этого всегда недостаточно. — По лицу у неё пробежала тень. — Проценты набегает, долг растёт. Не все шефы терпеливо ждут. Поэтому девушке приходится черпать деньги из других источников. Иногда, чтобы расплатиться с шефом, она вынуждена занимать у ростовщиков. Она неизбежно начинает метаться в поисках помощи. И тогда в один прекрасный вечер мама-сан указывает ей на мужчину. «Он хочет выкупить тебя», — говорит она. И...

— Что значит «выкупить»?

— О, это лишь обычай ночных клубов. Все девушки должны появляться здесь, скажем, точно в восемь, когда клуб открывается, аккуратными и ухоженными. И оставаться здесь до часа ночи, или их оштрафуют. Оштрафовать могут также, если они не явятся, или опоздают, или не будут опрятными, ухоженными и приятными для посетителей. Если мужчина хочет взять девушку с собой, на ужин или для чего-то ещё — многие берут с собой на ужин даже двоих, в основном чтобы произвести впечатление на друзей, — он выкупает девушку, платит клубу определенное вознаграждение, размер которого зависит от того, сколько времени осталось до закрытия клуба. Не знаю, сколько с этого вознаграждения получает сама девушка, думаю, процентов тридцать, а все, что она заработает вне клуба, — её, если до ухода за неё не сторгуется мама-сан. Тогда деньги идут заведению.

— Всегда вознаграждение?

— Это уже зависит от репутации, Линк. В этом месте, одном из лучших, выкупить девушку тебе обойдется примерно в восемьдесят гонконгских долларов в час, это около шестнадцати американских.

— Не так уж много, — отстраненно произнес он.

— Для миллионера немного, дорогой мой, но не для тысяч людей здесь. На восемьдесят гонконгских долларов семья живет целую неделю.

Бартлетт наблюдал за Орландой, размышляя о ней, желая. Он был рад, что её выкупать не надо. «Черт, это было бы ужасно. Или нет? — спрашивал он себя. — Платишь несколько баксов, потом в койку, и двигай дальше. Этого ли мне надо?»

— Что? — спросила она.

— Да вот, размышляю, какая паршивая у этих девиц жизнь.

— О, какая же она паршивая? Совсем не паршивая. — Орланда возразила с такой безмерной наивностью, что он был потрясен. — Это, наверное, лучшее время в их жизни. Они красиво одеты, им говорят комплименты, за ними бегают. На какую ещё работу может рассчитывать девушка, если у неё нет никакого особого образования? Секретарши, если повезет, или фабричной работницы — двенадцать-четырнадцать часов в день за десять гонконгских долларов. Надо бы тебе, Линк, посетить одну из здешних фабрик и посмотреть, в каких условиях они работают. Я тебя свожу. Пожалуйста, а? Ты должен посмотреть, как люди работают, и тогда ты поймешь, какие мы здесь. Я с удовольствием все тебе покажу. Раз уж ты остаешься, тебе нужно все знать, Линк, все испытать. О нет, они считают, что им

повезло. По крайней мере, они, пусть и недолго, проживут хорошо, поедят и посмеются вдоволь.

— И не плачут?

— Всегда плачут. Но плакать — это обычное занятие девушки.

— Но не для тебя.

Она вздохнула и положила ладонь ему на руку.

— Я свое получила. Но с тобой я забываю все свои прежние слезы. — Внезапный взрыв смеха заставил их поднять голову. Четверо японских бизнесменов сидели, ссутулившись, с шестью девицами. Стол был заставлен напитками, а им несли ещё. — Я так счастлива, что мне не нужно... не нужно прислуживать японцам, — просто сказала она. — Я благословляю судьбу за это. Но они больше всех тратят денег, Линк. Гораздо больше, чем любые другие туристы. Они тратят даже больше, чем шанхайцы, поэтому перед ними стелются, хотя ненавидят их, и они это знают. Им, похоже, наплевать на то, что за деньги не купишь ничего, кроме притворства, сколько ни потратить. Наверное, они это знают, они умные, очень умные. У них, конечно, совершенно другое отношение к постельным утехам и к «ночным бабочкам», не такое, как у других. — Донесся ещё один взрыв хохота. — Китайцы называют их лан синь гоу фей. На мандарине это дословно значит «сердце волка, легкие собаки», то есть «бессовестные».

— Бессмыслица какая-то, — нахмурился он.

— О нет, смысл в этом есть! Видишь ли, китайцы могут приготовить и съесть любую часть рыбы, птицы или животного — все, кроме сердца волка и легких собаки. Это единственные две вещи, которым не придать приятного вкуса: от них всегда идет вонь, что с ними ни делай. — Она оглянулась на тот столик. — Для китайцев лан синь гоу фей — это японцы. А также деньги. У денег тоже нет совести. — Она улыбнулась странной улыбкой и отпила ликера. — Теперь многие мама-сан и владельцы заведений дают девушкам аванс, чтобы помочь выучить японский. Ведь чтобы развлекать, нужно общаться, верно?

Мимо пропорхнула ещё одна стайка девушек, и Орланда заметила, как они посмотрели на Бартлетта, что-то соображая, потом на неё, и отвернулись. Орланда понимала, они презирают её за то, что она евразийка и пришла с гуйлао. Девушки присели ещё за один столик. Посетителей в клубе стало прибавляться.

— Которую тебе хочется? — спросила она.

— Что?

Он сказал это с таким изумлением, что она даже засмеялась.

— О, да ладно, Линк Бартлетт, я видела, как у тебя глаза разбежались. Раз...

— Прекрати, Орланда! — Ему было неудобно, и в голосе неожиданно появилась жесткость. — В таком месте невозможно ни на что не обращать внимания.

— Конечно, поэтому я и предложила пойти сюда, — тут же промолвила она, стараясь, чтобы улыбка не сходила с лица. Реагировала она на все очень быстро, и её рука снова нежно коснулась его колена. — Я выбрала это место, чтобы ты мог насмотреться вдоволь. — Она щелкнула пальцами. Мгновенно появился метрдотель, который вежливо встал на колени возле их низкого столика. — Дайте вашу карту, — повелительно сказала она по-шанхайски, а сама чуть не падала в обморок от искусно скрываемого страха.

Мужчина тут же протянул нечто вроде театральной программки.

— Оставьте свой фонарик. Я позову, когда вы понадобится. Метрдотель отошел. Она, как конспиратор, придвинулась ближе. Их ноги теперь соприкасались. Одной рукой Линк обнял её. Она направила луч фонарика на «программку». В ней были снимки двадцати-тридцати девушек. Под каждой фотографией шли ряды иероглифов.

— Сегодня здесь будут не все из этих девушек, но если тебе кто-то из них

понравится, мы вызовем её сюда.

Он смотрел на неё, широко раскрыв глаза.

— Ты что, серьезно?

— Абсолютно серьезно, Линк. Тебе не стоит волноваться: если после встречи и разговора с ней она тебе понравится, я обо всем договорюсь.

— Я не хочу никого из них, я хочу тебя.

— Да. Да, я знаю, мой дорогой, и... но сегодня, уж пожалуйста, потерпи меня. Поиграй в небольшую игру, разреши мне сотворить твой вечер.

— Господи, ты просто что-то!

— А ты — самый чудесный мужчина из всех, кого я знаю. И я хочу, чтобы твой вечер прошел отлично. Я не могу сейчас отдать тебе себя, хотя и желаю этого всем сердцем, поэтому мы найдем временную замену. Что скажешь?

Бартлетт по-прежнему смотрел на неё. Он допил рюмку, даже не почувствовав вкуса. Из ниоткуда появилась ещё одна. Он опорожнил наполовину и эту.

Орланда понимала, что рискует, но ей казалось, что в любом случае она сумеет привлечь его к себе ещё больше. Если он согласится, то будет признателен ей за восхитительный вечер, вечер, какого никогда в жизни не предложила бы ему ни Кейси, ни любая другая женщина-гуйлао. Если откажется, то все равно будет признателен — за великодушие.

— Линк, это Азия. Секс здесь — это не англосаксонский сложный и непонятный ритуал, который оставляет чувство вины. Это удовольствие, которого стремятся отведать, как вкусной еды или отличного вина. Что для мужчины, для настоящего мужчины, ночь с одной из этих Дам для Удовольствий? Миг наслаждения. Приятное воспоминание. И больше ничего. Какое это имеет отношение к любви, к настоящей любви? Никакого. Я же не на одну ночь, и меня нельзя нанять. Я ощутила твой ян... Нет, пожалуйста, Линк, — тут же добавила она, увидев, как он взвился. — Нам нельзя лгать друг другу о том, что связано с ян и инь, или что-то придумывать — это разрушит нас. Я ощутила тебя и исполнилась радости. А ты почувствовал меня? Ты сильный, и ты мужчина, ян, а я — женщина, инь, и когда тихо играет музыка и... О, Линк. — Она обвила его руку своей и умоляюще посмотрела на него снизу вверх. — Я прошу тебя, не надо связывать себя этой англо-американской чепухой. Это Азия, и я... я хочу быть для тебя всем, чем может быть женщина.

— Господи, неужели ты на самом деле так думаешь?

— Конечно. Клянусь Мадонной, я хотела бы быть всем, что ты можешь пожелать в женщине. Всем. И я клянусь также, что, когда стану старой и нежеланной для тебя, позабочусь, чтобы эта часть твоей жизни оставалась радостной, открытой, свободной. Все, о чем я прошу, — это быть тайтай, быть частью твоей жизни.

Орланда коснулась его легким поцелуем. И тут заметила, как он вдруг переменялся. Она увидела благоговение и беззащитность и поняла, что победила. Её захлестнуло ликование. «О Квиллан, ты гений, — хотелось закричать ей. — Я никогда не верила, действительно не верила, что твое предложение — как раз то, что надо, никогда не верила, что ты так мудр. О спасибо, спасибо тебе».

Но на лице у неё ничего этого не отразилось, и она терпеливо ждала, не двигаясь.

— Что значит тайтай? — хрипло спросил он.

Тайтай значит «верховный из верховных», «жена». По древнему китайскому обычаю, в доме главной была жена, вся власть принадлежала ей.

— Это значит быть частью твоей жизни, — тихо проговорила она, а внутри все кричало: будь осторожна!

Она снова ждала. Бартлетт нагнулся, и она почувствовала его губы на своих губах. Но поцелуй был уже другой, и она поняла, что с этого момента их отношения перешли в другую плоскость. Её волнение росло. Она нарушила очарование.

— Ну, — произнесла она, как шаловливый ребенок, — ну, мистер Линк Бартлетт, которую вы выбираете?

— Тебя.

— А я выбираю тебя, но пока нам нужно решить, на которую из них ты хочешь посмотреть. Если эти тебе не по вкусу, мы пойдем в другой клуб. — Она нарочно говорила это самым прозаическим тоном. — Как насчет вот этой?

Девушка была миловидная, та самая, на которую он загляделся. Орланда уже решила, что это будет не она, и выбрала другую, которую предпочла бы сама. «Но бедный мальчик имеет право высказать свое мнение, — удовлетворенно думала она, очень уверенная в себе. — О, я буду тебе такой прекрасной женой!»

— В её резюме говорится, что её зовут Лили Ди — у всех девушек есть профессиональные имена, и они выбирают их сами. Ей двадцать лет, она из Шанхая, говорит на шанхайском и кантонском, увлечения — танцы, прогулки в лодке и... — Орланда всмотрелась в мелкие иероглифы, и ему открылся нежный изгиб её шеи, — ...и пешком. Как тебе?

Он перевел взгляд на фотографию.

— Послушай, Орланда, я уже много лет не был со шлюхой, с армейских времен. Я никогда ими не увлекался.

— Я прекрасно понимаю, и ты прав, — терпеливо сказала она, — но это не шлюхи, не шлюхи в американском понимании. В них или в том, что я предлагаю, нет ничего вульгарного или тайного. Это Дамы для Удовольствия, которые могут предложить тебе свою молодость, большую ценность, в обмен на толику твоих денег, у которых почти никакой ценности нет. Это честный обмен, при котором отдают и получают без ущерба для репутации той и другой стороны. Например, ты должен знать заранее, сколько ей причитается, и тебе не следует передавать деньги прямо в руки — их надо положить ей в сумочку. Это важно, а для меня очень важно, чтобы твой первый опыт прошел без сучка и без задоринки. Я тоже должна защищать твою репутацию, и...

— Брось, Орлан...

— Но я серьезно, Линк. Этот выбор, этот мой подарок тебе не имеет к нам с тобой никакого отношения, никакого. Что будет с нами — джосс. Для меня важно лишь, чтобы ты наслаждался жизнью, чтобы ты узнал Азию такой, какова она на самом деле, а не какой её представляют себе американцы. Пожалуйста...

Бартлетт уже запутался, все выверенные знаки и ориентиры разлетелись вдребезги и оказались бесполезными рядом с этой женщиной, которая очаровывала и изумляла.

Он был опьянен её теплом и нежностью. И доверился ей всем существом.

Но тут он вдруг вспомнил, и внутренний голос вскричал: будь осторожен! Эйфории как не бывало. Он вспомнил, кому говорил, как обожает итальянскую кухню. Горнту. Горнту, пару дней назад. Когда рассказывал о еде, которая ему понравилась больше всего. Итальянская кухня и пиво. Горнт. «Господи, неужели эти двое в сговоре? Не может быть, просто не может быть! Может, я и ей говорил об этом ужине. Говорил или нет?»

Он перебирал в памяти их разговоры, но не мог вспомнить. Он был ошеломлен, а глаза по-прежнему видели, что она ждет, улыбается ему, любит.

«Горнт и Орланда? Не могу поверить, чтобы они были в сговоре! Это просто невозможно! Тем не менее будь осторожен. Ты почти что ничего не знаешь о ней, так что, ради бога, поберегись. Ты уже попался в паутину, её паутину. А может, это и Горнтова паутина?

Испытай её, — рявкнуло в нем дьявольское начало. — Испытай. Если то, что она говорит, правда, тогда она просто неземное создание, какие встречаются реже пришельцев из космоса, и тебе придется решать насчет неё — твоей она станет

только на её условиях.

Испытай её, пока есть такая возможность, — ты ничего не теряешь».

— Что? — спросила она, почувствовав перемену.

— Я как раз размышлял над тем, что ты сказала, Орланда. Так что, выбирать прямо сейчас?

55

23:35

Суслев сидел в полутьме конспиративной квартиры номер тридцать два в Синклер-тауэрс. Из-за встречи с Греем он перенес randevu с «Артуром» сюда.

Он сделал небольшой глоток из своей рюмки. В темноте рядом на столике стояла бутылка водки, две рюмки и телефон. Сердце тяжело колотилось, как при каждой конспиративной встрече.

«Неужели так и не привыкну? — спрашивал он себя. — Нет. Сегодня я устал, хотя все прошло как нельзя лучше. Грей, этот жалкий болван, которым движет ненависть, зависть и ревность, теперь запрограммирован! Центр должен ещё раз предупредить о нем руководство Британской компартии — люди подобного склада слишком уязвимы. Как и Травкин, в прошлом князь, а теперь ничтожество, и Жак де Вилль, с его склонностью к необдуманным действиям и некомпетентностью, и все остальные.

Ничего! Все идет замечательно. Все готово к завтрашнему дню и к приезду этого типа Синдерса».

Суслев невольно поежился.

«Не хотел бы я попасться к ним в лапы. В Эм-ай-6 народ опасный, фанатики, они ненавидят нас почище ЦРУ. Если эти две конторы когда-нибудь осуществят план под кодовым названием „Анубис" по объединению Японии, Китая, Англии, Канады и Америки, матушка Россия пропала навсегда. Ах, страна моя, край родной! Как я скучаю по Грузии, такой прекрасной, нежной и утопающей в зелени».

Туда его вернули зазвучавшие в душе грузинские народные песни, песни его детства.

«Такая красота и так далеко, — думал он, смахнув слезу. — Ничего, скоро отпуск. Его я проведу дома. И сын вернется домой из Вашингтона: у него тоже отпуск в это же время, а с ним его молодая жена и маленький сын, которого они так предусмотрительно родили в Америке. Теперь паспорт для него можно получить без хлопот. Будет четвертым поколением на службе. Мы растем».

Темнота давила. Для пущей безопасности он по просьбе «Артура» занавесил окна и закрыл их. В квартире имелся кондиционер, но, опять же в целях безопасности, Суслева попросили отключить и его, а также погасить свет. Он правильно сделал, что ушел из квартиры Финнов прежде Грея, на случай, если у Эс-ай планы переменились и за ним пустили «хвост». По уверениям Кросса, сегодня «хвоста» быть не должно, а завтра наблюдать за ним поставят другого.

Он поймал такси, остановил его у терминала «Голден ферриз», вышел, чтобы купить вечернюю газету, пошатываясь, как пьяный, на случай слежки, потом приехал в Роуз-Корт к Клинкеру, прошел по туннелю, и вот он здесь. Около Роуз-Корт дежурил человек из Эс-ай. Он и сейчас там, хотя какая разница...

Звякнул телефон. От этого звука Суслев аж подскочил, хотя звонок был тщательно приглушен. Три звонка и тишина. От сердца отлегло. Значит, скоро появится «Артур».

Он дотронулся до автоматического пистолета, спрятанного за диванными подушками. Приказ Центра. Один из многих, которые он не одобрял. Не по душе было Суслеvu все это оружие, пистолеты. Оружие может дать осечку, а вот яд — никогда.

Пальцы дотронулись до крохотной ампулы, зашитой в лацкан пиджака так, чтобы можно было закусить зубами. Что, интересно, была бы за жизнь без такой близкой и мгновенной смерти?

Он расслабился и сосредоточил все чувства, чтобы, как радар, засечь приближающегося «Артура» до того, как тот действительно появится. «Через входную дверь он войдет или через черный ход?»

Оттуда, где сидел Суслев, были видны обе двери. Он напряженно вслушивался, чуть приоткрыв рот, чтобы лучше различать звуки. Донеслось подвывание поднимающегося лифта. Взгляд обратился на входную дверь, но лифт замер ниже этажом. Он ждал. Дверь черного хода открылась прежде, чем он смог что-то понять. Сердце упало, потому что темная тень показалась незнакомой. На какой-то миг он замер. Потом тень выпрямила одно плечо, и легкая сутулость исчезла.

— Kristus! — пробормотал Суслев. — Ты меня напугал.

— Работа такая, старина. — Негромко и четко произнесенные слова смешались с деланным, сухим и отрывистым, покашливанием. — Ты один?

— Конечно!

Тень бесшумно проскользнула в гостиную. Суслев заметил убираемый пистолет и ослабил хватку на своем, но оставил его в потайном месте наготове. Встав, он по-дружески протянул руку:

— Хотя один раз ты не опоздал.

Они обменялись рукопожатием. Перчаток Джейсон Пламм не снял.

— Я очень даже мог и не прийти. — Произнес он это буднично, с улыбкой, больше похожей на гримасу.

— Что случилось? — спросил русский, поняв, что это за улыбка. — И зачем все эти «задерни шторы и закрой окна»?

— Думаю, это место под наблюдением.

— Что? — Беспокойство Суслева возросло. — Почему ты не сказал об этом раньше?

— Я сказал «думаю», но я не уверен. Слишком много вложено в устройство этой конспиративной квартиры, и не хочется, чтобы она была провалена, какой бы ни была причина. — В голосе высокого англичанина слышались резкие нотки. — Послушай, товарищ, происходит что-то невообразимое. Эс-ай задержала одного типа с твоего судна по фамилии Меткин. Он...

— Что? — Суслев уставился на него, изображая, что потрясен новостью.

— Меткин. Он якобы политический комми...

— Но это невозможно, — дрожащим голосом произнес Суслев. Играл он превосходно и ничем не выказал восторга по поводу того, что Меткин попался в расставленную им ловушку. — Меткин никогда не стал бы сам производить выемку!

— Тем не менее он в руках Эс-ай! Его и какого-то американца с авианосца задержал Армстронг. Они пойманы с поличным. Меткин знает про «Севрин»?

— Нет, абсолютно нет.

— Ты уверен?

— Да. Ещё несколько дней назад и я не знал, пока не получил приказ Центра заменить Воранского. — Правду Суслев искажал без особых усилий.

— Ты уверен? Роджер взвился чуть не до потолка! Меткин якобы твой политический комиссар и майор КГБ. Это так?

— Да, но это просто сме...

— Какого черта ни он, ни ты, ни кто-либо другой не поставили нас в известность о проводимой операции, чтобы мы могли подготовиться на случай, если что-то пойдет не так? Я — глава «Севрина», а ты теперь действуешь сам по себе и держишь меня в неведении. Такое всегда согласовывалось. Воранский всегда предупреждал нас заранее.

— Но, товарищ, — примирительно начал Суслев, — я ничего не знал о выемке. Меткин действует по своему усмотрению. Он начальник, старший на судне. Меня не посвящают во все — и ты это знаешь! — Тон Суслева был в меру извинительный и раздраженный: он не отходил от своей постоянной легенды, будто решения по «Севрину» принимает кто-то другой. — Ума не приложу, что нашло на Меткина: самому идти производить выемку. Вот болван! Свихнулся, должно быть! Слава богу, он человек преданный, и у него в лацкане ампула с ядом, так что не...

— Его взяли целым и невредимым.

Суслев ахнул теперь уже в непритворном шоке. А он-то считал, что Меткин давно мертв.

— Ты уверен?

— Его взяли целым и невредимым. Выяснили его настоящее имя, звание, личный номер, и сейчас он под усиленным конвоем летит на транспортном самолёте королевских ВВС в Лондон.

На какой-то миг в голове Суслева все помутилось. Ведь он так хитро все устроил, чтобы Меткин заменил агента, который должен был производить выемку. Уже не первый месяц он замечал, что Меткин все больше критикует его, сует везде свой нос и поэтому становится опасен. За последний год Суслев трижды перехватывал тайные доклады Центру, написанные его первым заместителем, в которых тот осуждал его несерьезное отношение к командованию судном и к работе, а также его связь с Джинни Фу. Как пить дать хотел подстроить западню, а может, даже пытался обеспечить себе после выхода на пенсию место в Крыму — тепленькое местечко, — успешно провернув какой-нибудь хитрый ход. Шепнув, например, Центру о своих подозрениях насчет утечки информации с «Иванова» и возложив вину на Суслева.

Он поежился. Ни Меткину, ни Центру, никому другому доказательства не потребовались бы: одно подозрение — и его карьере конец.

— Это точно, что Меткин жив? — спросил он, обдумывая новую проблему.

— Да. А ты абсолютно уверен, что он ничего не знает про «Севрин»?

— Да. Да, я же сказал. — Суслев заговорил резче. — Ведь только ты знаешь всех, кто входит в «Севрин», верно? Всех не знает даже Кросс, так ведь?

— Так.

Пламм подошел к холодильнику и достал бутылку воды. Суслев налил себе водки. Он лишний раз восхитился обилием действующих в «Севрине» и столь важных мер предосторожности — таких предохранительных клапанов: Пламм не подозревает, что Роджер Кросс одновременно является информатором КГБ; только Кроссу известно истинное положение Суслева в Азии, но ни Кросс, ни Пламм не ведают о его давней связи с де Виллем; никто из остальных не знает друг друга; и никто из них понятия не имеет о Банастасио, винтовках или о том, каков на самом деле масштаб советского присутствия на Дальнем Востоке.

Одно колесико цепляется за второе, второе за третье, и теперь Меткин стал колесиком неисправным и его больше нет. Подъехать к Меткину было так несложно: мол, благополучное получение грузового манифеста на вооружение авианосца гарантирует повышение агенту, который участвует в операции.

— Странно, как его могли взять живым, — проговорил он, и это уже была не игра.

— По словам Роджера, этого болвана скрутили и надели на него смиренный воротник, прежде чем он успел закусить свой лацкан.

— При нем нашли какие-нибудь улики?

— Роджер не сказал. Ему пришлось действовать очень быстро, черт возьми. Мы сочли, что лучше всего как можно скорее убрать Меткина из Гонконга. Мы были просто в ужасе, что он может знать про нас, раз у него такое высокое звание. С ним легче будет иметь дело в Лондоне. — Пламм говорил все это мрачным голосом.

— Кросс разберется с Меткиным.

— Может быть. — Пламму никак было не успокоиться, и он выпил ещё воды.

— Как могла Эс-ай пронюхать о выемке? — спросил Суслев, желая выяснить, что ещё известно Пламму. — Должно быть, у меня на борту есть предатель.

— Нет. Роджер сказал, что информация поступила через одного осведомителя Эм-ай-6. Об этом не знали даже в ЦРУ.

— Kristos! Зачем, черт возьми, Роджеру вздумалось действовать так эффективно?

— Это был Армстронг. У Эс-ай свои раскладки. Но раз Меткин ничего не знает, нестрашно!

Суслев чувствовал на себе испытующий взгляд англичанина и сохранял на лице невинное выражение. «Пламму не дурак. Он человек сильный, хитрый, безжалостный, тайный протеже и избранник Филби».

— Я уверен, что Меткину не известно ничего такого, что могло бы нанести нам вред. Тем не менее нужно немедленно сообщить в Центр. Они смогут разобраться с этим.

— Я уже так и сделал. Попросил помощи по первой степени срочности.

— Прекрасно, — одобрил Суслев. — Ты очень хорошо работаешь, товарищ. Ты и Кросс. Привлечь к нашему делу Кросса — это была блестящая мысль. Должен ещё раз поздравить тебя. — Комплимент Суслева был искренним. Роджер Кросс — профессионал, а не любитель, как этот человек перед ним или остальные из «Севрина».

— Возможно, я привлек его, а возможно, он меня. Иногда я в этом не уверен, — задумчиво проговорил Пламму. — Или в тебе, товарищ. Воранского я знал. Мы с ним работали не один год, а ты... ты человек новый, «темная лошадка».

— Да. Должно быть, для тебя это непросто.

— Ты, похоже, не слишком огорчен потерей своего начальника.

— Нет. Признаюсь, что нет. Меткин совсем сбрендил: подвергать себя такой опасности! Это полностью противоречит приказам. Честно говоря... Думаю, что на «Иванове» были утечки информации. Кроме Воранского только у него из старых членов команды имелся допуск на берег. Он считался человеком безупречным, но ведь никогда не знаешь. Может, он допускал и другие ошибки, может, болтал много в баре, а?

— Господи, оборони нас от дураков и предателей. Откуда получал свою информацию АМГ?

— Мы не знаем. Как только станет известно, «течь» ликвидируют.

— Ты будешь работать вместо Воранского постоянно?

— Не знаю. Мне ничего не говорили.

— Не люблю я перемены. Перемена — это всегда опасно. Кто убил его?

— Спроси Кросса. Я тоже хотел бы знать. — Суслев пристально посмотрел на Пламму. Тот кивнул, очевидно удовлетворенный. — А что насчет Синдерса и остальных бумаг АМГ?

— У Роджера все продумано. Не волнуйся. Он уверен, что мы сможем взглянуть на них. У тебя копия будет завтра. — Пламму снова впери в него тяжелый взгляд. — А что, если в этих докладах указаны наши имена?

— Это невозможно! Данросс немедленно сказал бы об этом Роджеру — или одному из своих друзей в полиции, скорее всего, этому Чоп Суи Квоку, — презрительно скривился Суслев. — А если не ему, то губернатору. И это автоматически дошло бы до Роджера. Вы все в безопасности.

— Возможно, а возможно, и нет. — Подойдя к окну, Пламму глядел на низко нависшее небо. — Все рано или поздно кончается. Возьми Жака. Он перешел в категорию риска. Тайбанем ему уже не быть.

Суслев деланно нахмурился, а потом, словно его осенило, обронил:

— А почему бы нам не вывести его из Гонконга? Предложи Жаку, пусть попросит, чтобы его перевели... скажем, в филиал «Струанз» в Канаде. В качестве предлога он может использовать недавнюю трагедию. Канада станет для него тихой заводью, там он и умрет. А?

— Очень хорошая мысль. Да, должно быть, это сделать нетрудно. У него там немало хороших связей, которые могут пригодиться. — Пламм кивнул. — Мне будет гораздо легче, когда мы прочитаем содержимое этих папок, и ещё легче, когда вы выясните, как, черт побери, АМГ узнал про нас.

— Он узнал про «Севрин», а не про вас. Послушай, товарищ, уверяю тебя, что вы в полной безопасности и можете продолжать свою важную работу. Пожалуйста, делайте и дальше все возможное, чтобы случился этот банковский кризис и крах фондовой биржи.

— Об этом не волнуйся. Мы все хотим, чтобы это произошло. Телефон ожил. Оба уставились на него. Он прозвонил только один раз.

Один звонок. «Сигнал тревоги!» — промелькнуло в сознании. Суслев в ужасе схватил спрятанный пистолет, помня, что на нем отпечатки его пальцев, и бросился через кухню к черному ходу, Пламм за ним.

Рывком открыв дверь, он пропустил Пламма на лестничную площадку первым. В этот момент донесся громкий топот на лестнице и раздался сильный удар во входную дверь. Дверь выдержала, но чуть подалась. Суслев бесшумно прикрыл дверь черного хода и закрыл её на задвижку. Ещё один удар. Он посмотрел в щелку. Ещё удар. Замки передней двери вылетели. Увидев в свете лампы в прихожей силуэты четырех человек, он рванулся прочь. Пламм уже спустился на следующую площадку и стоял там с пистолетом, прикрывая его. Прыгая через две ступеньки, Суслев промчался мимо него на следующую площадку и обернулся, чтобы в свою очередь прикрыть Пламма. Наверху дверь черного хода тошнотворно выгибалась под ударами. Пламм бесшумно проскользнул дальше, снова прикрывая его, и они вместе скатились на следующую лестничную площадку. Там Пламм вытащил несколько ящиков, которые загораживали вспомогательную дверь, отходившую от основной. Кто-то, громко топая, быстро поднимался по лестнице. Сверху донесся ещё один удар в дверь черного хода. Суслев прикрывал Пламма, пока тот протискивался в отверстие, а потом пролез туда сам, притворив за собой дверь. Пламм уже взял спрятанный в углублении фонарик. Топот стремительно приближался. Пламм стал осторожно спускаться первым, оба двигались быстро и бесшумно. Шаги и приглушенные голоса слышались совсем рядом. Оба на секунду остановились, стараясь уловить, что говорят. Но голоса звучали слишком нечетко и глухо, и невозможно было даже разобрать, английская это речь или китайская.

Повернувшись, Пламм снова стал спускаться первым. Они шли торопливо, но очень осторожно, стараясь не производить лишнего шума. И вскоре оказались у потайного выхода. Не теряя ни секунды, они открыли замаскированное отверстие в полу и спустились во влажную прохладу водопропускной трубы. Там они остановились, чтобы перевести дыхание. Сердца у обоих колотились от внезапности произошедшего.

— Гоминьдан? — прошептал Суслев, когда они обрели дар речи.

Пламм лишь пожал плечами и вытер со лба пот. Наверху прогреготала машина. Он направил свет фонарика на потолок. Оттуда капала вода, он был весь в трещинах, и с него посыпались камни и грязь. Ноги у них были в воде: в трубе её было с полфута.

— Нам лучше разбежаться, старина, — тихо сказал Пламм, и Суслев обратил внимание, что тот, хоть и взмок, говорил с ледяным спокойствием и фонарик у него в руке ни разу не дрогнул. — Я свяжусь с Роджером и попрошу немедленно

разобраться, что это за ерунда. Очень, черт возьми, печальная история.

Сердце Суслева билось уже не так бешено. Но говорил он ещё с трудом.

— Где встретимся завтра?

— Я дам тебе знать. — Лицо англичанина было суровым. — Сначала Воранский, потом Меткин, теперь это. Слишком много проколов. — Он указал большим пальцем вверх. — Мы были на волосок от провала. Может, твой Меткин знал больше, чем ты думаешь?

— Нет. Говорю тебе, он ничего не знал ни про «Севрин», ни про эту квартиру, ни про Клинкера, ничего об этом. Только Воранский и я, мы единственные, кого он знал. С нашей стороны утечки нет.

— Надеюсь, ты прав, — произнес Пламм и мрачно добавил: — Мы это выясним, со временем Роджер так или иначе выяснит, и тогда помогай Бог тому, кто нас предал!

— Правильно. Я тоже хотел бы знать, кто это. Пламм помолчал.

— Звони мне завтра начиная с девятнадцати тридцати каждые полчаса из разных телефонных будок.

— Хорошо. Если по какой-то причине у меня не получится, начиная с одиннадцати я буду у Джинни. И последнее. Если нам не удастся взглянуть на бумаги АМГ, что ты думаешь насчет Данросса?

— У него невероятная память.

— Тогда мы изолируем его для химического допроса?

— Почему бы и нет?

— Хорошо, tovarich. Я все подготовлю.

— Нет. Его возьмем и доставим мы. На «Иванов»?

Кивнув, Суслев предложил обвинить в похищении Вервольфов, не упомянув, однако, что это придумал Меткин.

— Как тебе?

— Хитро придумано! — улыбнулся Пламм. — До завтра.

Он передал Суслеву фонарик, вынул маленький фонарик-карандаш и пошёл вдоль трубы, шлепая по воде. Суслев провожал его глазами, пока высокий силуэт не скрылся за поворотом. Он никогда не ходил по трубе. Этого не советовал делать Пламм, говоря, что это опасно: может обвалиться земля.

Он глубоко вздохнул, уже избавившись от пережитого страха. Над головой прогрохотала ещё одна машина. «Наверное, грузовик», — рассеянно подумал он. Послышался всплеск, и он вздрогнул: это обвалилась земля, а с ней кусок бетона. Потом ещё один небольшой обвал. Суслеву вдруг стало противно в этой подземной трубе. Она вызывала ощущение нависшей опасности и неотвратимости судьбы.

56

23:59

Данросс смотрел на печальный остов сгоревшего ресторана «Плывущий дракон», который лежал бортом на двадцатифутовой²⁸⁶ глубине в Абердинской бухте. Рядом по-прежнему сияли огнями другие многоэтажные храмы чревоугодия, ярко размалеванные и шумные, заполненные под завязку. Рядом на баржах расположились поспешно сооруженные временные кухни: дымили котлы, пылал огонь под ними, роились вокруг повара и их помощники. По ненадежным сходням туда-сюда сновали официанты с подносами. Остов ресторана привлекал всеобщее

²⁸⁶ Около 6 м.

внимание, и с проплывающих рядом сампанов на него глазели туристы и янь Гонконга.

Часть надстройки корпуса выступала из воды. При свете прожекторов там работали команды, которые готовились поднять то, что осталось от ресторана, на поверхность. На отведенной для «Плывущего дракона» части причальной стенки и автостоянке под временным навесом расположились кухни. Вокруг бойко торговали фотографиями, снятыми во время пожара, сувенирами, самой различной едой, а огромная подсвеченная надпись на китайском и английском гордо гласила, что скоро будет открыт единственный полностью модернизированный и пожаробезопасный плавучий ресторан «плывущий дракон». Ещё больше, ещё лучше, а пока отведайте блюда наших знаменитых поваров. Ресторан работал как обычно, только временно располагался не на воде, а на суше.

Данросс прошел по причалу до спуска к морю. Неподалеку скучились сампаны, большие и маленькие. Большинство можно было нанять. На каждом таком небольшом суденышке один гребец — мужчина, женщина или ребенок любого возраста — управлялся кормовым веслом, на каждом натянутый на обручи брезентовый навес закрывал половину лодки от солнца, дождя или любопытных глаз.

Некоторые сампаны выглядели более замысловатыми. В этих работавших по ночам Лодках для Увеселений имелись подушки, на которых так приятно раскинуться, и низкие столики. В посудинах получше, с роскошным убранством, просторным помещением для двоих, можно было поесть, выпить, а потом предаться любви. Лодкой управлял один человек, и он предусмотрительно держался вне каюты. Такую лодку нанимали на час или на ночь, и она лениво скользила по закоулкам бухты. По пути к ней подходили другие сампаны, предлагающие самые разнообразные напитки и блюда, с пылу с жару, приготовленные тонко и со вкусом. Все для того, чтобы парочка могла провести ночь в мечтаниях и полном уединении.

Отправившимся на морскую прогулку без спутницы устраивали randevu с Дамами Ночи недалеко от обширных островов из лодок. Выбирай любую, торгуйся и плыви дальше. В Абердинской бухте брались утолить любое желание, любую жажду, любую страсть — и дешево, по сходной цене, если вы мужчина, у которого водятся деньги в кошельке. Опиум, кокаин, героин — все что угодно.

Бывало, что еда оказывалась скверной или девица никуда не годилась, но это уж судьба, досадная ошибка, а не злой умысел. Некоторым случалось и бумажника лишиться, но ведь только простофиля появится среди всех этих исполненных гордости бедняков, чтобы выставлять напоказ свое богатство.

Данросс улыбнулся при виде грузного туриста, который боязливо ступал на одно из увеселительных суденышек, поддерживаемый девицей в чунсае.

«Ты в хороших руках, — подумал он, радуясь окружающей его деловой сутолоке: все что-то покупали, продавали, торговались. — Да, китайцы — первейшие капиталисты в этом мире.

Ну, а что Типтоп и Джонджон с его просьбой? Что насчет Ландо Маты, Прижимистого и „Пар-Кон"? И Горнта? И АМГ, и Рико Андзин, и Синдерса, и...

Сейчас думать о них не надо. Давай-ка соберись! Четырехпалый У пригласил тебя не о погоде поговорить».

Миновав первый спуск к морю, он направился по причалу к основному спуску. В свете фонарей все предметы вокруг отбрасывали резкие тени. Сампаны тут же стали лавировать, чтобы занять лучшую позицию, их владельцы кричали, заманивали. Когда он спустился к последней ступеньке, суэта прекратилась.

— Тайбань!

Прямо через их ряды скользила добротная Лодка для Удовольствий, на корме её развевался флаг с серебряным лотосом. Ею управлял человек небольшого роста, коренастый, в драных штанах цвета хаки и пуловере, с полным ртом золотых зубов.

Данросс присвистнул про себя, узнав старшего сына Четырехпалого, лаобаня, который заправлял принадлежащим У флотом Увеселительных Лодок. «Понятно, почему остальные уступали этой посудине дорогу», — подумал он, впечатленный тем, что Златозубый У встречает его лично. Он ловко ступил на борт лодки, приветствуя моряка. Лодка быстро отошла от берега.

— Будьте как дома, тайбань, — сказал Златозубый по-английски. Говорил он на этом языке прекрасно, именно так, как говорят англичане. Получив степень бакалавра в Лондонском университете, он хотел остаться в Англии. Но Четырехпалый приказал ему вернуться домой. Человек мягкий, спокойный, добродушный, Златозубый нравился Данроссу.

— Благодарю вас.

На лаковом столике стояли рюмки, чайник свежесваренного чая, виски, бренди и вода в бутылках. Данросс внимательно огляделся. В каюте аккуратно прибрано, приглушенный свет, чистота, праздность и роскошь. Из небольшого радиоприёмника лилась приятная музыка. «Наверное, лучшая лодка Златозубого», — подумал он, приятно удивленный и сильно настороженный.

Не было нужды спрашивать, куда Златозубый везет его. Он налил себе немного бренди, добавив содовой. Льда не было. В Азии он лед не клал никогда.

— Господи, — вдруг вырвалось у него. Он вспомнил слова Питера Марлоу о вероятности инфекционного гепатита. «Сейчас эта угроза реальна для человек пятидесяти-шестидесяти, знают они об этом или нет. В том числе и для Горнта. Да, но этот тип здоров как бык. Ни намека на понос. Как с ним быть? Как разобраться с ним раз и навсегда?»

Вокруг царила приятная прохлада. В наполовину открытую каюту задувал легкий ветерок, небо потемнело. Мимо, хрипло пыхтя, прошла огромная джонка, и Данросс откинулся назад, наслаждаясь предвкушением опасности, тем, что все чувства его обострились. Сердце билось ровно. Попивая небольшими глотками бренди и исполнившись терпения, он отдался течению мыслей.

Сампан со скрежетом коснулся борта другой лодки. Взгляд Данросса сосредоточился. Кто-то ступил на палубу босыми ногами. Одни ноги ступали проворно, другие — нет.

— Пливет, тайбань! — осклабился в беззубой улыбке Четырехпалый У. Он нырнул под навес и сел. — Как ты, о'кей? — спросил он на своем ужасном английском.

— Да, а ты? — Данросс смотрел на него, стараясь скрыть изумление.

Четырехпалый У был одет в прекрасный костюм, чистую белую рубашку с цветастым галстуком, а в руках держал туфли и носки. Последний раз Данросс видел его таким в ночь пожара, а до того лишь однажды, много лет назад, на шикарной свадьбе Шити Чжуна.

К ним шёл кто-то ещё. Это был Пол Чой. Он неловко опустился на сиденье.

— Добрый вечер, сэр. Меня зовут Пол Чой.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросил Данросс, заметив, что молодой человек сам не свой от неловкости и страха.

— Конечно, благодарю вас, сэр. Данросс нахмурился.

— Ну что ж, очень приятно, — обронил он, оставив скользкую тему. — Вы теперь работаете у своего дяди? — Он знал все про Пола Чоя, но по договоренности с Четырехпалым по-прежнему делал вид, будто ничего не знает. Молодой человек произвел на него большое впечатление. От своего старого приятеля Сурджани Данросс слышал, что Пол провернул на фондовом рынке.

— Нет, сэр. Я сейчас работаю в «Ротвелл-Горнт». Только начал пару дней назад. Я здесь, чтобы переводить... если потребуется. — Пол Чой повернулся к отцу и объяснил, о чем шёл разговор.

Четырехпалый кивнул.

— Бланди-и-и?

— Прекрасный, спасибо. — Данросс поднял свою рюмку. — Рад видеть тебя, хейя, — продолжал он по-английски, ожидая, когда старик начнет разговор на хакка. Надо было соблюдать приличия, а из-за присутствия Пола Чоя дремавшая настороженность Данросса тысячекратно возросла.

Какое-то время старый моряк вел ничего не значащую беседу, попивая виски. Полу Чою выпить никто не предложил, сам он себе не наливал. Сидел в тени и слушал, перепуганный, не зная, чего и ожидать. Отец заставил его поклясться страшными клятвами, от которых волосы вставали дыбом, что все останется в тайне навсегда.

Наконец У перестал испытывать терпение тайбаня и заговорил на хакка.

— Наши семьи — Старые Друзья много лет, — начал он, тщательно выговаривая слова для Данросса, который владел хакка далеко не в совершенстве. — Очень много лет.

— Да. Рожденные в Море У и Струаны как братья, — осторожно ответил тайбань.

Четырехпалый крикнул.

— Настоящее подобно прошлому, а прошлое — настоящему. Хейя?

— Старый Слепец Дун говорит, что прошлое и настоящее — одно и то же. Хейя?

— Говорит ли что-нибудь тайбаню Благородного Дома имя У Квок? У Данросса все внутри сжалось.

— Это твой прапрадед, хейя! Твой прославленный предок. Сын и главный адмирал ещё более знаменитого морского военачальника У Фанчоя, флаг которого — серебряный лотос — развевался над четырьмя морями.

— Точно так! — Четырехпалый наклонился ближе, и осторожность Данросса удвоилась. — Что связывало Зеленоглазого Дьявола, первого тайбаня Благородного Дома и знаменитого У Квока?

— Они встречались в море. Они встречались в устье Жемчужной реки около...

— Это было недалеко отсюда, около Болячжоу²⁸⁷, между Болячжоу и Яличжоу²⁸⁸. — Глаза старика превратились в узкие щелочки.

— Потом они встречались недалеко от Гонконга. Тайбань взошел на борт флагманского корабля У Квока. Он был один и... — Данросс задумался, подыскивая нужное слово, — ...и он заключил с У Квоком... э-э... договоренность.

— Эта договоренность была перенесена на бумагу и скреплена печаткой?

— Нет.

— Были ли выполнены условия этой договоренности?

— Как, ети его, невежливо задавать такой вопрос Старому Другу, когда другой Старый Друг знает ответ!

Пол Чой невольно вздрогнул от того, какими неожиданно ядовитыми и режущими слух оказались эти слова. Никто из собеседников не обратил на него никакого внимания.

— Верно, верно, тайбань, — согласился старик, несколько не испугавшись, как и Данросс. — Да, договоренность была выполнена, хотя искажена, частично искажена. Ты знаешь, о чем была договоренность?

²⁸⁷ Лама-Айленд (кит. Наньядао), который также называют Болячжоу, — третий по величине остров Гонконга.

²⁸⁸ Яличжоу (Утиный Язык) — один из островов Гонконга, расположенный к юго-западу от острова Гонконг недалеко от Абердинской бухты.

— Нет, совсем не знаю, — честно ответил Данросс. — А что?

— Договоренность заключалась в том, что мы должны были поставить на каждый из ваших двадцати клиперов одного человека, чтобы они учились на капитанов, — одним из таких учеников был мой дед. Кроме того, Зеленоглазый Дьявол согласился взять троих мальчиков У Квока и послать их в свою страну, чтобы выучить, как заморских дьяволов, в лучших школах, как он выучил бы собственных сыновей. А ещё тай...

— Что? Кто? Кто эти сыновья? Кем они стали? — широко раскрыл глаза Данросс.

Четырехпалый У лишь хитро улыбнулся.

— А ещё Зеленоглазый Дьявол согласился предоставить славному У Фанчою клипер заморских дьяволов, красивый, с пушками и парусами. У Фанчой заплатил за этот корабль, а Тайбань подготовил его и назвал «Лотосовое облако». Но когда Кулум Слабак предоставил этот корабль, почти два года спустя, с востока ночью, как убийца, налетел ваш главный адмирал, ети его, Страйд Орлов, Горбун, загубил наш корабль и У Квока вместе с ним.

Данросс попивал свой бренди и выжидал. Внешне он был спокоен, а внутри потрясен до глубины души. «Что за мальчики? Было ли это действительно частью договоренности? О сыновьях У Квока ни дневнике, ни в завещании Дирка ничего не говорится. Ничего. Кто со...»

— Хейя?

— Я знаю про «Лотосовое облако». Да. И про людей, капитанов. Думаю, клиперов было девятнадцать, а не двадцать. Но я ничего не знаю про троих мальчиков. А что касается «Лотосового облака», разве мой предок обещал не нападать на корабль после его передачи?

— Нет. О нет, тайбань, нет, он этого не обещал. Зеленоглазый Дьявол был умный, очень умный. То, что У Квок погиб, это джосс. Мы все должны умереть. Это судьба. Нет, Зеленоглазый Дьявол выполнил свою договоренность. Слабак Кулум тоже выполнил его договоренность. Выполнишь ли ты его договоренность? — И Четырехпалый У разжал кулак.

В нем лежала половинка монеты.

С замирающим сердцем Данросс бережно взял её. Оба хакка впились в него глазами, как змеи, он просто физически ощущал их взгляды. Пальцы у него чуть подрагивали. Половинка монеты была такая же, как и те, что хранились в Библии Дирка, упрятанной в сейф в Большом Доме. Их оставалось две, двух, оплаченных, уже не было, в том числе половинки У Квока. Прилагая невероятные усилия, чтобы пальцы не тряслись, Данросс вернул реликвию. Рука Четырехпалого дрожала, когда он брал её, но старик не обращал на это внимания.

— Возможно, настоящая. — Голос Данросса звучал как-то странно. — Проверить надо. Откуда она у тебя?

— Она настоящая, конечно, ети его, настоящая. Ты признаешь, что она настоящая?

— Нет. Откуда она у тебя?

Четырехпалый достал сигарету и закурил. Потом прочистил горло и сплюнул.

— Сколько монет было в самом начале? Сколько прославленный мандарин Жэнь-гуа дал Зеленоглазому Дьяволу?

— Точно не знаю.

— Четыре. Их было четыре.

— А-а, одна была у твоего славного предка У Квока, она оплачена — обещание выполнено. С какой стати великому Жэнь-гуа давать ему две? Невозможно. Значит, эта украдена. У кого?

Старик вспыхнул, и Данросс подумал, не зашел ли он слишком далеко.

— Украдена или нет, — сплюнул старик, — ты предоставляешь услугу. Хейя? —

Данросс продолжал неотрывно смотреть на него. — Хейя? Или честь Зеленоглазого Дьявола перестала быть честью Благородного Дома?

— Откуда она у тебя?

У молча смотрел на него. Потом затушил сигарету о ковер.

— Почему Зеленоглазый Дьявол согласился на четыре монеты? Почему? И почему поклялся своими богами, что он и все, кто ему наследует, сдержат его слово, хейя!

— За другую услугу.

— А-а, тайбань, да, за услугу. Ты знаешь, что это за услуга? Данросс смотрел на него так же пристально.

— Досточтимый Жэнь-гуа одолжил Тайбаню, моему прапрапрадеду, сорок лаков серебра.

— Сорок лаков — четыре миллиона долларов. Сто двадцать лет назад. — Старик вздохнул. Щелочки глаз стали ещё уже. Пол Чой сидел, не двигаясь и не дыша. — Попросил ли Досточтимый Жэнь-гуа какой-нибудь документ? Долговую расписку с печаткой твоего знаменитого предка — и с печаткой Благородного Дома?

— Нет.

— Сорок лаков серебра. Ни документа, ни печатки — только на доверии, хейя?

— Да.

Беспалая рука старика вынырнула по-змеиному и сунула половину монеты в лицо Данроссу.

— Половина монеты — делать услугу. Кто бы ни просил. Я прошу. Данросс вздохнул. Через некоторое время он нарушил молчание:

— Сначала я примеряю половинку к половинке. Потом убеждаюсь, что металл здесь такой же, как и металл там. Потом ты говоришь, какая услуга. — Он хотел было взять половинку монеты, но Четырехпалый стремительно сжал кулак и убрал руку. Здоровым большим пальцем он махнул Полу Чою. — Объясняй! — приказал он.

— Прошу прощения, тайбань, — начал Пол Чой по-английски. Ему было ужасно не по себе из-за духоты и витавшего в каюте дьявольского духа. «И все из-за какого-то обещания, данного двенадцать десятилетий назад одним пиратом другому. Причем оба были убийцы, головорезы, если верить всем рассказам про них хотя бы наполовину». — Мой дядя хочет, чтобы я объяснил, как ему желательно это сделать. — Он старался, чтобы голос звучал ровно. — Он, конечно, понимает, что у вас могут быть сомнения и вам хочется быть уверенным на тысячу процентов. Но в то же время он не склонен расставаться с половинкой монеты именно сейчас. Пока он так или иначе не убедится, он...

— Вы хотите сказать, что он мне не доверяет?

В словах этих прозвучала такая злость, что Пол Чой вздрогнул.

— О нет, сэр, — быстро возразил он и перевел слова Данросса.

— Конечно, я доверяю тебе, — криво улыбнулся У. — Но доверяешь ли ты мне?

— О да, Старый Друг. Я очень доверяю. Дай мне половинку монеты. Если она настоящая, я, тайбань Благородного Дома, сделаю то, что ты попросишь, — если это возможно.

— Удовлетворяется любая просьба, все, что я ни попрошу! — опять вспыхнул старик.

— Если возможно. Да. Если половинка монеты настоящая, я оказываю услугу, если нет — возвращаю её. Кончено.

— Нет, не кончено. — Четырехпалый махнул Полу Чою. — Заканчивай ты, быстро!

— Мой... мой дядя предлагает следующий компромисс. Вы берете это. — Молодой человек вынул плоский кусок воска. На нем было три отдельных отпечатка той самой половинки. — Вы сможете сличить другую половинку с этими отпечатками,

сэр. Края достаточно остры, чтобы вы могли убедиться, почти убедиться. Это первое. Если результат вас устроит, мы отправляемся в правительственную пробирную палату или к музейному куратору и просим сличить две половинки монеты в нашем присутствии. Тогда мы узнаем, подлинная половинка или нет, в одно и то же время. — Пол Чой обливался потом. — Вот что говорит мой дядя.

— Одна из сторон без труда может подкупить человека, который будет проводить экспертизу.

— Конечно. Но перед встречей с ним мы перепутаем половинки. Мы будем знать, которая наша, вы — которая ваша, а он нет, а?

— На него можно оказать нажим.

— Конечно. Но если мы... если мы сделаем это завтра, и если У Сан дает вам слово, и вы даете ему слово, что никто не будет пытаться что-то подстроить, все получится. — Молодой человек вытер пот с лица. — Господи, как здесь душно!

Данросс задумался. Потом обратил холодный взгляд на Четырехпалого.

— Вчера я просил об услуге, ты сказал «нет».

— Эта услуга — дело другое, тайбань, — тут же отреагировал старик. Язык у него так и выскакивал, змеиное жало. — Это не то же самое, что старинное обещание и возвращение старого долга.

— Ты спрашиваешь своих друзей о моей просьбе, хейя? У закурил ещё одну сигарету. Голос его зазвучал резче:

— Да. Мои друзья обеспокоены насчет Благородного Дома.

— Если нет Благородного Дома, нет благородной услуги, хейя?

Молчание затянулось. Данросс видел, как хитрые глаза старика перебегают с Пола Чоя на него. Он понимал, что влип с половинкой монеты. Платить придется. Если она настоящая, платить придется, украдена она или нет.

«У кого украдена? — кричало все внутри. — Дирк Струан не знал, кому были отданы остальные. В своем завещании он высказал подозрение, что одна оказалась у его наложницы Мэй-мэй, но у Жэнь-гуа не было никакого резона делать такой подарок.

Будь она у Мэй-мэй, — рассуждал Данросс, — она могла перейти по наследству Шити Чжуну, нынешнему главе линии Чжун, линии Мэй-мэй. Может, её украли у него?

Кто ещё в Гонконге?

Если на этот вопрос не могли ответить ни Тайбань, ни Карга, то как на него отвечу я? Ни одна семья не ведет свою родословную от Жэнь-гуа!»

В нависшей тишине Данросс смотрел и ждал. С подбородка Пола Чоя упала ещё одна капля пота: он взглянул на отца, потом снова уставился в стол. Данросс почувствовал в этом взгляде ненависть, и это его заинтересовало. Потом он заметил, как странно У зыркнул на Пола Чоя. Идея родилась в сознании мгновенно.

— В Гонконге все решаю я, — произнес он по-английски. — Окажите мне поддержку, и в течение недели получите огромные прибыли.

— Хейя?

Данросс впился глазами в Пола Чоя, встретив его изумленный взор.

— Пожалуйста, переведите, мистер Чой, — попросил он.

Пол Чой повиновался. Данросс удовлетворенно вздохнул. Слова «В Гонконге все решаю я» Пол Чой не перевел. Снова наступило молчание. Данросс расслабился, почувствовав себя свободнее, потому что понял: и тот и другой клюнули.

— Тайбань, мое предложение, насчет монеты, ты согласен? — проговорил старик.

— Насчет моей просьбы, просьбы поддержать деньгами, ты согласен?

— Это вещи разные, они не связаны друг с другом, как дождь и, эти его, шторм, — рассердился У. — Да или нет по монете?

— По монете я согласен. Но не завтра. На следующей неделе. В пятый день.

— Завтра.

— Досточтимый Дядюшка, может быть, завтра вы снова попросите своих друзей, — осторожно вмешался Пол Чой. — Завтра утром. Вдруг они найдут возможным помочь тайбаню? — Он хитро глянул на Данросса. — Завтра пятница, — сказал он по-английски. — Как насчет понедельника в... в четыре часа пополудни по монете? — И повторил сказанное на хакка.

— Почему в это время? — раздраженно спросил У.

— В три часа пополудни закрывается денежный рынок заморских дьяволов, Досточтимый Дядюшка. К этому времени Благородный Дом или устоит, или утратит право так называться.

— Мы всегда будем Благородным Домом, мистер Чой, — вежливо поправил Данросс по-английски. Он впечатлился ловкостью молодого человека — и тем, как тот ухватил скрытый намек. — Я согласен.

— Хейя?

Когда Пол Чой закончил перевод, старик проворчал:

— Сначала я проверю потоки энергии Земли и Неба и выясню, благоприятный ли это день. Если благоприятный, дам согласие. — Он махнул большим пальцем Полу Чою. — Ступай на другую лодку.

Пол Чой встал.

— Благодарю вас, тайбань. До свидания.

— До скорой встречи, мистер Чой, — ответил Данросс, рассчитывая увидеться с ним на следующий день.

Оставшись наедине с Данроссом, старик негромко сказал:

— Спасибо, Старый Друг. Скоро мы будем гораздо более близкими партнерами в бизнесе.

— Не забывай, Старый Друг, что говорят мои предки, — зловеще произнес Данросс. — И Зеленоглазый Дьявол, и та, что с Дурным Глазом и Зубами Дракона: они наложили великое проклятие и навели порчу на «белые порошки» и тех, кто наживается на них.

Грубый старый моряк в элегантной одежде нервно дернул плечами.

— А мне-то что? Я знать ничего не знаю о «белых порошках». Эти их всех, эти «белые порошки». Я ничего о них не знаю.

И ушел.

Трясущимися руками Данросс налил себе большую порцию бренди. Чувствовалось, что сампан пришел в движение и снова куда-то плыл. Он вытащил восковые отпечатки. «Тысяча против одного, что половинка монеты настоящая. Господи всемогущий, что может попросить этот дьявол? Могу поспорить, это наркотики, что-то связанное с наркотиками! Насчет проклятия и порчи, это я, конечно, придумал — ничего подобного у Дирка нет и в помине. Тем не менее на наркотики я не соглашусь».

Но беспокойство не покидало. Перед глазами стояли написанные рукой Дирка в Библии строки, под которыми он поставил свою подпись, клянясь перед Господом: Всякому представившему другую половину любой из этих монет дарую все, что он ни попросит, ежели это во власти тайбаня...

Слух уловил присутствие кого-то чужого ещё до того, как звуки сделались отчетливыми. Лодки мягко соприкоснулись бортами. Шаги. Он изготавился, не зная, что за опасность его ждет.

Девушка была юная, красивая и веселая.

— Меня зовут Снежная Яшма, тайбань, мне восемнадцать лет, и я — личный подарок Досточтимого У Сана на эту ночь! — Мелодичные звуки кантонской речи, аккуратный чунсам, высокий воротничок, длинные ноги в чулках, туфли на высоких каблуках. Она улыбнулась, показав прелестные белые зубы. — Он счел, что вам,

может быть, нужно подкрепиться.

— Вот как? — пробормотал Данросс, стараясь прийти в себя. Засмеявшись, она присела.

— О да, он так и сказал. И я тоже не откажусь подкрепиться: есть хочется — умираю, а вы? Досточтимый Златозубый заказал кое-что для возбуждения аппетита: быстро прожаренные креветки с гороховыми стручками, говядина в соусе из черных бобов, немного пельменей глубокой заморозки по-шанхайски, быстро прожаренные овощи с сычуаньской капустой и пикантная курица гунбаоцзи²⁸⁹. — Она расплылась в улыбке. — А я на десерт!

ПЯТНИЦА

57

00:35

Банкир Кван в раздражении снова и снова нажимал на кнопку дверного звонка. Дверь распахнулась, и показалась Венера Пань, которая завизжала на кантонском:

— Как ты смеешь являться сюда в такое время, ночью, без приглашения?! — Выпятив подбородок, красотка одной рукой взялась за дверь, а другую вызывающе положила на бедро. На Венере было потрясающее вечернее платье с декольте.

— А ну, уймись, шлюха сладкоречивая! — заорал в ответ Банкир Кван и, отпихнув её в сторону, прошел в прихожую. — Кто платит за эту квартиру? Кто купил всю эту мебель? Кто оплатил это платье? Почему ты не готова лечь в постель? Кто...

— Это ты уймись! — Её пронзительный голос легко перекрыл его. — Ты платил за квартиру, но вот сегодня как раз нужно вносить плату, и где же она, хейя -хейя -хейя?

— Вот! — Банкир Кван вырвал из кармана чек и помахал у неё перед носом. — Помню ли я о том, что, ети его, обещал, — да! А вот помнишь ли ты о своих, ети его, обещаниях — нет!

Венера Пань заморгала. Ярости как не бывало, выражение лица изменилось, а голос просто источал мед.

— О, разве Батюшка помнит? О, а мне сказали, что ты забыл свою бедную одинокую Дочку и вернулся к шлюхам из дома номер один на Блор-стрит.

— Ложь! — задохнулся от гнева, хватаясь за сердце, Банкир Кван, хотя на самом деле так оно и было. — Почему ты не одета, чтобы лечь в постель? Почему ты В...

— А мне три разных человека сказали по телефону, что ты был там сегодня в четверть пятого. О, как ужасны эти люди, — ворковала она, зная, что он и впрямь там был, хотя лишь за тем, чтобы ввести туда Банкира Цзина, у которого пытался занять денег. — О бедный Батюшка, как отвратительны все эти люди. — Продолжая говорить в таком примирительном тоне, она придвигалась все ближе. Её рука вдруг метнулась змеей, и она выхватила чек, прежде чем Кван успел убрать его, так же сладостно приговаривая: — О, спасибо, Батюшка, от всей души спасибо... о-хо! — Глаза у неё полезли на лоб, голос утратил мягкость, и она снова перешла на визг: — Ах ты грязная падаль старая, чек не подписан! Снова эти твои банкирские штучки! О-хо-хо, наверное, я покончу с собой у тебя на пороге... Нет, лучше я сделаю это

²⁸⁹ Гунбаоцзи — классическое блюдо сычуаньской кухни, куриное филе, нарезанное кубиками и поджаренное с арахисом, красным перцем и перцем чили. Как и большинство сычуаньских блюд, отличается острым вкусом и особым ароматом.

перед телекамерами и расскажу всему Гонконгу, как ты... О-хо-хо...

Появившаяся в гостиной ама присоединила свой плач и завывания к воплям хозяйки, и на Квана обрушился целый поток брани, упреков и обвинений.

Он бессильно огрызнулся в ответ, но они только начинали вопить ещё громче. Какое-то время он крепился, потом сдался, картинным жестом вытащил авторучку, схватил чек и подписал его. Вопли стихли. Венера Пань взяла чек и принялась внимательно изучать его. Очень-очень внимательно. И он исчез в её сумочке.

— О, спасибо, Досточтимый Батюшка, — кротко проговорила она и тут же набросилась на свою ама: — Как ты смеешь вмешиваться в мой разговор с тем, кого я люблю больше жизни, ты, кусок тухлой падали? Это все ты виновата, ты разносишь бессердечную ложь о неверности Батюшки! Вон! Принеси чай и еду! Вон! Батюшке нужно выпить бренди... Принеси бренди, быстро]

Старуха сделала вид, что отступает перед этим наигранным приступом гнева, и поспешно ретировалась в притворных слезах. Венера Пань ворковала и суежилась вокруг Ричарда Квана, её руки мягко легли ему на шею.

Покорясь их волшебству, он в конце концов позволил улестить себя, согласился выпить бренди, не переставая жаловаться на свое дьявольское невезение: все подчиненные, друзья, союзники и должники злонамеренно бросили его, и это после всех его трудов! Да он один во всей империи «Хо-Пак» работал словно простой кули, аж пальцы стер до сухожилий, а ноги — до мяса, хлопоча обо всех.

— Ох ты бедненький, — утешала его Венера Пань.

Работая нежными, проворными пальцами, она в то же время быстро раскидывала умом. Оставалось меньше получаса до встречи с Четырехпалым У, и, хотя она понимала, что помариновать его чуток не помешает, не хотелось, чтобы он ждал слишком долго: как бы его пыл не угас. Он пришел в такой восторг от их прошлой встречи, что пообещал кольцо с бриллиантом, если и следующее свидание будет так же восхитительно.

«Обещаю, Господин», — слабо выдохнула она тогда. Вся кожа её была липкой от пота после двух часов напряженных трудов, у неё ещё все плыло перед глазами оттого, какой он оказался огромный и как долго продолжался его последний взрыв.

У Венеры даже глаза сошлись к переносице, когда она припомнила чудовищный напор Четырехпалого, размеры его мужского естества, сноровку и завидную технику. «Айия, — думала она, продолжая массировать шею бывшего любовника, — мне потребуется каждый таэль энергии и каждая мера сока, какую только сможет собрать инь, чтобы укротить воющий зверем ян этого старого греховодника».

— Как твоя шея, моя дорогая любовь? — проворковала она.

— Лучше, лучше, — нехотя проговорил Ричард Кван. Голова уже работала ясно, и он припомнил, что искусны не только её пальцы, но и губы, а также другие бесподобные части тела.

Он притянул её к себе на колено, уверенно запустил руку под черное шелковое вечернее платье с декольте, которое купил на прошлой неделе, и стал ласкать ей грудь. Она не сопротивлялась, и он снял с плеча одну бретельку, превознося вслух размеры, мягкость, вкус и форму несравненных округлостей. От тепла её тела Кван напрягся и возбуждился. Его рука тут же устремилась к инь, но не успел он понять, что происходит, как Венера уже ловко выскользнула из его хватки.

— О нет, Батюшка! Меня посетил «досточтимый красный цвет», и как бы мне ни хо...

— Что? — подозрительно уставился на неё Банкир Кван. — «Досточтимый красный цвет»? Он не должен прийти раньше послезавтрашнего дня!

— О да, он пришел вместе со штормом...

— Что? Он должен прийти только послезавтра. Я знаю. Перед тем как явиться сюда, я справился в своем календаре и проверил! Ты что, за дурака меня считаешь?

Не буду же я ставить сети в реке, чтобы поймать тигра! Мы давно условились, что сегодня я проведу здесь всю ночь. Поэтому я сказал всем, что буду на Тайване. У тебя никогда этого не случается раньше времени и ни...

— О, это случилось сегодня утром. Я испытала такое потрясение от пожара... И ещё большее потрясение оттого, что ты забыл про меня...

— Иди сюда, маленькая шлюшка...

— О нет, Батюшка, досточтимый кра...

Она не успела увернуться, и Кван проворно обхватил её, усадил обратно к себе на колени и начал стаскивать с неё платье. Но Венера Пань была далеко не новичок в таких сражениях и выходила победителем из сотни поединков, хоть ей исполнилось всего девятнадцать. Она не стала вырываться, а лишь теснее прижалась, заерзала, поглаживая его одной рукой, и хрипло прошептала:

— О, Батюшка, но ведь чинить препятствия «досточтимому красному» — очень плохая примета, и как бы мне ни хотелось твоей беспределности внутри, мы же знаем, что инь может изменить ход вихря жизни.

— Но сначала я хо...

— Сначала? Сначала? — Она с удовольствием ощутила, как он наливается силой. — Ах, какой ты могучий! Неудивительно, что все шлюхи с червивыми ртами желают моего старого Батюшку, аййия, такого сильного, страстного, восхитительного мужчину.

Она ловким движением высвободила ян. Проворно завладев им, она не оставляла Банкира Квана в покое, пока он не стал ловить воздух ртом, как рыба.

— В кровать, моя дорогая любовь, — прохрипел он. — Сначала бренди, потом немного поспим и...

— Абсолютно верно, но не здесь, о нет! — твердо заявила она, помогая ему встать.

— Как? Но ведь предполагается, что я на Тай...

— Да, так что лучше всего тебе отправиться в свой клуб!

— Но я...

— О, ты и так довел свою бедную Дочку до изнеможения. — Делая вид, что лишилась последних сил, она привела его в порядок, помогла встать и проводила до двери прежде, чем он сообразил, что происходит. Там она страстно поцеловала его, поклялась в вечной любви, пообещала, что они увидятся завтра, и выставила любовника из квартиры.

Шатаясь, он устался на закрытую дверь. Колени подгибались, кожа была липкой. Хотелось колотить в эту дверь и требовать продолжения — в кровати, за которую заплатил он. Но Кван этого не сделал. Сил уже не было, и он поковылял к лифту.

Спускаясь вниз, Банкир вдруг расплылся в довольной улыбке. Врученный ей чек покрывал только месячную квартплату. Она забыла, что месяц тому назад он обещал увеличивать эту сумму на пятьсот долларов ежемесячно. «И-и-и, Восхитительный Роток, — фыркнул он, — в конце концов ян перехитрил инь! О, какую славную взбучку я задал тебе сегодня, о, какие „тучки и дождь“! Сегодня я действительно испытал „малую смерть“ и „великое рождение“, и, конечно же, это стоит и двойной месячной ренты, даже если она возрастет!»

Венера Пань закончила чистить зубы и стала поправлять макияж. В зеркале ванной она заметила свою ама.

— А Пу, — пронзительно выкрикнула она, — принеси мой плащ, тот старый, черный, и вызови по телефону такси... И поторопись, или я надаю тебе оплеух!

Старуха суетливо поковыляла выполнять приказание, радуясь, что настроение хозяйки улучшилось.

— Такси я уже заказала, — прохрипела она. — Оно будет ждать внизу у

бокового входа, как только Матушка спустится, но лучше бы дать Батюшке пару минут, на случай если он чего заподозрил!

— Ха, этот старый Черепаший Панцирь²⁹⁰ сейчас уже ни на что не годится! Ему бы доползти до заднего сиденья своей машины, чтобы его увезли в клуб!

Венера Пань последний раз провела губной помадой по губам и улыбнулась своему отражению в величайшем восторге.

«Ну, а теперь за бриллиантом!» — взволнованно подумала она.

— Когда видеть снова, По-ол-л? — спросила Лили Су.

— Скоро. На следующей неделе. — Хэвегилл уже оделся и нехотя взял плащ.

Номер был небольшой, но чистый и приятный, с ванной, горячей и холодной водой: все это установила администрация отеля, тайно, за большие деньги и с негласной помощью специалистов из управления водоснабжения.

— Я позвоню, как обычно.

— Почему грустный, По-ол-л?

Хэвегилл повернулся к ней. Он не говорил, что скоро уедет из Гонконга.

Лили смотрела на него из кровати в блеске своей молодости и наготы. Его подругой она была уже почти четыре месяца. Но не его одного, потому что он не оплачивал ренту и другие расходы девушки, платной партнерши из дансинга «Хэппи хостесс» на коулунской стороне, его любимого ночного заведения.

Владельца дансинга, Одноглазого Пока, в банке ценили как давнего клиента, а мама-сан, женщина умная, ценила его клиентуру. За годы у Хэвегилла перебивало много девиц из «Хэппи хостесс», большинство заглядывали на несколько часов, некоторые задерживались на месяц, очень немногие — на больший срок. За пятнадцать лет лишь один прокол: девица пыталась шантажировать его. Он тут же встретился с мама-сан. Девица исчезла в тот же вечер, и ни её, ни её сутенера из какой-то триады больше никогда не видели.

— Почему грустный, хейя?

«Потому что я уезжаю из Гонконга, — хотелось сказать ему. — Потому что я мечтаю владеть тобой безраздельно, а не могу, не должен, не осмеливаюсь — никогда не желал этого ни с кем прежде. Боже милостивый на небесах, как я хочу тебя».

— Не грустный, Лили. Просто устал, — проговорил он вместо того. — А ещё навалились эти неприятности у банка.

— Все будет хорошо, — ободряюще произнесла она. — Позвони скоро, хейя?

— Да. Позвоню.

Свидания они назначали по телефону. Если Хэвегилл не мог дозвониться напрямую Лили, он звонил мама-сан и забегал в дансинг, один или с друзьями. Они с Лили танцевали несколько танцев для приличия, Пол заказывал пару раз выпивку, а потом девушка уходила. Через полчаса он требовал счет и отправлялся сюда — все было оплачено наперед. Они не рисковали вместе заявляться в любовное гнездышко: Лили не хотелось, чтобы соседи или случайно встреченные знакомые увидели её с заморским дьяволом. Репутация девушки, считай, потеряна, если её увидят с варваром одну. На людях. Не там, где она работает. Любую девицу брачного возраста тут же сочтут проституткой самого низкого пошиба, шлюхой заморского дьявола, и станут презирать, открыто насмехаться над ней, ценность её упадет.

Хэвегилл об этом знал. Это его не беспокоило. Такова была гонконгская реальность.

— До се (спасибо), — проговорил он. Хэвегилл любил девушку, и ему хотелось

²⁹⁰ Черепаший панцирь (кит. гуй) — рогоносец, ублюдок.

или остаться, или взять её с собой. Однако он лишь пробормотал: — До се, — и ушел.

Оставшись одна, она дала волю зевоте, которая неоднократно за этот вечер одолевала её, раскинулась на спине и с удовольствием потянулась. Постель, хоть и смятая, все равно была в тысячу раз лучше койки в комнате, которую она снимала в Тайпиншане.

В дверь негромко постучали.

— Досточтимая Дама?

— А Чунь?

— Да. — Дверь отворилась, и старуха прошлепала в комнату. Она принесла чистые полотенца. — Долго здесь пробудете?

Лили Су задумалась. Обычно в этом доме свиданий клиент оплачивал номер на всю ночь. Если же номер освобождался раньше, администрация возвращала часть денег девушке.

— Всю ночь, — ответила Лили. Ей хотелось насладиться этой роскошью: неизвестно, когда ещё представится такая возможность. «Может, на следующей неделе клиент потеряет свой банк и все остальное».

— Джосс, — изрекла она вслух. — Приготовь, пожалуйста, ванну.

Ворча, старуха выполнила просьбу и потом вышла. Лили Су снова зевнула, радостно прислушиваясь к журчанию воды. Она тоже устала. День был изматывающий. А вечером клиент говорил больше обычного, пока она лежала, прижавшись к нему и стараясь не уснуть. Она не слушала, что он говорит, и понимала далеко не все, но он говорил и говорил, и это её устраивало. Из своего немаленького опыта она знала, что так многие мужчины снимают напряжение, особенно варвары пожилого возраста. «Странно все это, — размышляла она, — столько работы, столько шума, слез и денег, а в результате ещё больше боли, разговоров и слез».

«Не обращай внимания, если ян слаб, если они что-то бормочут на своем отвратительном языке или рыдают у тебя на груди. С варварами это бывает, — объясняла ей мама-сан. — Заткни уши. И зажми нос, чтобы не слышать запаха заморского дьявола или старика, и помоги ему получить удовольствие. Он — гонконгский янь, старый друг, хорошо и сразу платит, с ним ты быстро выплатишь долг, и это хорошая репутация — иметь такого покровителя. Так что восторгайся, делай вид, что он сильный мужчина и не зря платит деньги».

Лили Су знала, что она эти деньги отработала. «Да, мне очень повезло, о, гораздо больше, чем моей бедной сестре и её покровителю. Бедная Ароматный Цветок и бедный Первый Сын Благородного Дома Чэнь. Какая трагедия! Какая жестокость!»

Она содрогнулась. «О, эти гнусные Вервольфы! Как это ужасно — отрезать ухо, убить и угрожать всему Гонконгу! И как ужасна смерть моей бедной старшей сестры, которую затоптали в Абердине эти вонючие, паршивые рыбаки, эта падаль гнилая. Ох, какая судьба!»

Как раз сегодня утром она увидела в газете копию любовного письма Джона Чэня и тут же узнала его. Они с Ароматным Цветком уже несколько недель смеялись над ним и ещё двумя посланиями, которые Ароматный Цветок оставила ей на хранение. «Такой забавный мужчина: ян почти нет, и он почти никогда не восстает, даже ненадолго, — рассказывала старшая сестра. — Платит за то, что я просто лежу, а он меня целует. А иногда я танцую перед ним голая и всегда обещаю рассказывать другим, какой он сильный! И-и-и, деньги от него текут ко мне как вода! А я у него „единственная настоящая любовь“ всего одиннадцать недель! Ещё одиннадцать — и я, может, квартиру куплю!»

Сегодня днем, трясаясь от страха, Лили ходила с отцом в полицейский участок Восточного Абердина для опознания тела. Они не обмолвились полицейским, что знают, кто был покровителем сестры. Отец мудро велел хранить секрет. «Наверняка

Благородный Дом Чэнь предпочел бы оставить это в тайне. Здесь завязана и его репутация, и репутация нового наследника — как бишь его? — молодой такой, имя как у заморского дьявола. Через день-другой я позвоню Благородному Дому Чэнь и проверю. Нам следует немного подождать. После сегодняшних новостей о том, что Вервольфы сделали с Первым Сыном, ни один отец не станет вступать в переговоры».

«Да, Отец прав, — думала она. — Не зря те, кто с ним работает, называют его Чжу Девять Каратов. Слава всем богам, два других письма у меня».

После опознания тела сестры они вписали в бланки свои настоящие имена и настоящую фамилию — Чжу, чтобы получить её деньги: четыре тысячи триста шестьдесят гонконгских долларов, положенных на имя Глицинии Су, и три тысячи гонконгских долларов — на имя Ароматный Цветок Так. Все это было заработано вне стен дансинга «Гуд лак». Но полицейский сержант остался непреклонен. «Извините, но теперь, когда мы знаем её настоящее имя, нам придется сделать объявление, чтобы все, кому она должна, могли востребовать свои деньги против её имущества». Он вел себя так грубо, что его не удалось пронять даже щедрым посулом — четверть всей суммы, если они получают деньги сразу. С тем они и ушли.

«Падаль паршивая, прислужник заморских дьяволов, — с отвращением думала она. — Если дансинг вычтет долги, не останется ничего. Ничего. Айййя!

Ладно, — успокаивала она себя, забравшись в ванну и блаженно раскинувшись в ней. — Ладно, придется Благородному Дому Чэнь хорошенько раскошелиться, чтобы сохранить тайну писем.

А у Благородного Дома Чэнь красненьких больше, чем у кота волосков».

Обняв колени руками, Кейси сидела на подоконнике в своей спальне, где горел лишь маленький ночник над кроватью, и окидывала унылым взглядом улицу пятью этажами ниже. Даже в эту позднюю пору — а шёл второй час ночи — проезжая часть была забита машинами. Низкое небо подернулось дымкой, ночь выдалась безлунной, так что огромные неоновые вывески и колонки иероглифов казались ярче обычного, лужи поблескивали красным, синим и зеленым, и даже уродливое становилось сказочно прекрасным. Окно было открыто, и Кейси вдыхала ночную прохладу, глядя на парочки, торопящиеся прошмыгнуть между автобусами, грузовиками и такси. Многие, несмотря на поздний час, направлялись в холл нового отеля «Ройял Нэдэрландз», чтобы перекусить в европейской кофейне: она тоже заходила туда на чашечку кофе перед сном с капитаном Джанелли, пилотом их самолёта.

«Здесь все так много едят, — праздно думала Кейси. — Господи, и сколько же здесь людей... Сколько нужно рабочих мест, а их так мало. И так мало кто пробивается наверх, чтобы воссесть на куче денег. И это непременно мужчина. И все стремятся попасть туда, остаться там... но для чего? Новая машина, новый дом, новый мебельный гарнитур, новый холодильник, новое неизвестно что...

Жизнь — длинный-предлинный счет. И „зелени" никогда не хватает, чтобы расплатиться по всем счетам, не говоря уже о покупке собственной яхты или личного кондоминиума где-нибудь в Акапулько или на Лазурном Берегу — даже чтобы съездить туда туристом.

Терпеть не могу летать туристическим классом. Первый класс стоит тех денег, что за него просят. Во всяком случае, для меня. А ещё лучше — личный самолёт, гораздо лучше, но не хочется думать о Линке...»

Она ужинала наверху с Сеймуром Стайглером, и они обсудили все детали грядущей сделки, в основном юридические — это его занимало больше прочего.

«Нужно, чтобы комар носа не подточил. С иностранцами лишняя осторожность никогда не помешает, Кейси, — повторял он. — Они играют не по старым добрым правилам, принятым у янки».

Сразу после ужина она оставила его, сославшись на уйму работы. На самом деле все уже было сделано, и она, уютно устроившись в кресле, стала читать, очень быстро. «Форчун», «Бизнес уик», «Уолл-стрит джорнэл» и несколько специальных журналов по бизнесу. Потом выучила ещё один урок кантонского, оставив на закуску роман Питера Марлоу «Чанги».

Потрепанную книгу в бумажной обложке она обнаружила вчера утром в книжном киоске посреди переулочка чуть севернее гостиницы. Пришлось поторговаться, что доставило Кейси громадное удовольствие. Сначала заломили цену в двадцать два гонконгских доллара. Кейси сторговалась до семи пятидесяти пяти — меньше полутора американских. Довольная собой и своей находкой, она пошла дальше, глаза на витрины. Неподалеку оказался современный книжный магазин, на витрине которого были выставлены альбомы с видами Гонконга и Китая. Внутри на стенде стояло три экземпляра «Чанги» в мягкой обложке. Новых, и всего по пять долларов семьдесят пять центов.

Кейси тут же стала костерить надувшую её старуху продавщицу. «Но ведь старая карга ничуть не надула тебя, — напомнила она себе. — Просто она торгуется лучше. В конце концов, ты совсем недавно радовалась, что свела её прибыль к нулю, а, видит Бог, этим людям прибыль нужна».

Она смотрела вниз на поток машин, движущихся по Натан-роуд. Сегодня утром она прошла пешком по этой улице до Баундэри-роуд²⁹¹ — примерно мили полторы. Это было одно из мест, которые она наметила для себя посмотреть. Баундэри-роуд оказалась ничем не примечательной — такое же оживление, толпы людей, кричащие рекламные щиты, — вся исключительность её состояла в том, что в 1997 году все севернее Баундэри-роуд, до самой границы, возвращалось Китаю. Все. В 1898 году англичане взяли в аренду на девяносто девять лет земли от Баундэри-роуд до реки Шэньчжунь²⁹², где должна будет проходить новая граница, вместе с несколькими прилегающими островами.

— Ну не глупость ли это, Питер? — спросила она у Марлоу, случайно встретившись с ним в фойе отеля во время чаепития.

— Сейчас кажется, что да, — задумчиво сказал он. — А тогда? Да кто его знает? Тогда это, видимо, было очень здравое решение, иначе бы так не сделали.

— Да, но, боже мой, Питер, девяносто девять лет — это так мало. О чем они только думали?.. О чем они думали, скажите на милость?

— Да. И такое приходит в голову. Сейчас. А в те времена? Тогда стоило британскому премьер-министру рыгнуть, как по всему миру прокатывалась волна потрясения. Вся разница в том, кто правит миром. Тогда британский лев ещё не растерял своего величия. Что такое крохотный кусок земли для тех, кто владеет четвертой частью мира? — Она вспомнила, с какой улыбкой он это сказал. — Тем не менее жители Новых Территорий взялись за оружие. Конечно, дело кончили миром. Все уладил тогдашний губернатор — сэр Генри Блейк²⁹³. Он не пошёл на китайцев войной, а повел с ними переговоры. И в конце концов старейшины деревни согласились подставить другую щеку при условии, что наряду с английскими будут

²⁹¹ От англ. boundary — граница.

²⁹² Река Шэньчжунь (Шэньчжэнь), которая служит естественным рубежом между Гонконгом и материковым Китаем, стала границей Новых Территорий, арендованных в соответствии с Конвенцией по расширению территории Гонконга.

²⁹³ Генри Артур Блейк (1840-1918) — губернатор Гонконга (1898-1903). В честь него названа баухиния Блейка, или гонконгское орхидное дерево, которое он, страстный ботаник, первым нашел в 1880 г. Цветок этого дерева, похожий на орхидею, стал в 1965 г. символом Гонконга.

действовать их законы и обычаи, что, по желанию, суд станут вершить по китайским законам и что Коулун остается китайским.

— Так что же, местных жителей здесь до сих пор судят по китайским законам?

— Да, по историческим законам — не по законам КНР. Поэтому английские мировые судьи должны разбираться в конфуцианских законах²⁹⁴. А они, вообще-то, очень сильно отличаются от наших. Например, китайские законы подразумевают, что все свидетели будут лгать, потому что ложь и сокрытие истины — их долг, а вот долг судьи состоит в том, чтобы найти истину. Ему нужно быть таким Чарли Чанем²⁹⁵ от юриспруденции. Люди цивилизованные не дают показаний под присягой — мол, буду говорить только правду, — у них таких варварских обычаев нет. Они считают, что с нашей стороны просто безумие делать подобное, и я не уверен, что они неправы. У них есть немало обычаев, которые могут показаться и безумными, и разумными — как на это посмотреть. Вы знаете, что по всей колонии закон позволяет иметь больше одной жены — если ты китаец?

— Вот молодцы!

— Многоженство действительно дает определенные преимущества.

— Вот что я вам скажу, Питер, — горячо начала она, но потом сообразила, что он просто над ней подтрунивает. — Вам-то больше одной не нужно. У вас есть Флер. Как у вас обоих дела? Как идут ваши изыскания? Если вы завтра заняты, может, мы встретимся с ней за ланчем?

— Извините, но она в больнице.

— О господи, что такое?

Он рассказал про случившееся утром и про доктора Тули.

— Я только что был у неё. Она... ей не очень хорошо.

— Ох, извините. Не могу ли я чем-то помочь?

— Нет, спасибо. Наверное, нет.

— Не стесняйтесь, обращайтесь, если потребуется. Хорошо?

— Спасибо.

— Линк правильно сделал, что прыгнул с ней, Питер. Правда.

— О, конечно, Кейси. Прошу вас, даже не подумайте... Линк сделал то, что я... Он сделал это лучше, чем вышло бы у меня. И вы тоже. И я считаю, что от многих бед вы оба избавили и эту девушку. Орланду. Орланду Рамуш.

— Да.

— Она должна быть благодарна вам всю жизнь. Вам обоим. Она была в панике — я слишком много раз видел это, чтобы не понять. Потрясающе выглядит эта штучка, верно?

— Да. Как ваши изыскания?

— Хорошо, спасибо.

— Хотелось бы как-нибудь обменяться впечатлениями. Да, кстати, я тут обнаружила вашу книгу — купила её. Ещё не прочитала, но она у меня в самом верху списка.

— О! — Он постарался сделать вид, словно это его не волнует. — О, надеюсь, вам понравится. Ну, мне надо идти, детям тоже пора пить чай.

— Пожалуйста, Питер, если что, просто позвоните. Спасибо за чай и привет от

²⁹⁴ Философское учение Конфуция (551 до н. э. - 479 до н. э.), придающее большое значение моральному облику простого человека и правителя, регламентированности общественных отношений, справедливости и искренности, начиная с эпохи Хань (206 до н. э. - 220 н. э.) легло в основу ортодоксального имперского мировоззрения.

²⁹⁵ Чарли Чань — китаец с Гавайских островов, герой нескольких детективных романов американского писателя Эрла Биггера (1884-1933) и созданных в 1920-1930-е гг. кинофильмов.

меня Флер...

Кейси потянулась: заболела спина. Она слезла со своего насеста и снова улеглась в кровать. Номер у неё был небольшой и довольно скромный, не то что их люкс — теперь его люкс. Он решил оставить вторую спальню за собой. «Мы всегда можем использовать её как офис, — сказал он, — или просто прибережем на всякий случай. Не беспокойся, Кейси, налогом это не облагается. К тому же нам может вдруг потребоваться лишняя комната».

«Орланда? Нет, эта кровать не про неё!

Кейси, не будь стервой, — приказала она себе. — Или ревнивой дурой. Ты же никогда не ревновала, так не ревновала раньше. Правила установила ты сама.

Да, но я рада, что переехала. В тот вечер было тяжело, тяжело Линку и тяжело мне, ему даже хуже. Орланда пойдет ему на пользу... О, да плевать я хотела на эту Орланду!»

Во рту пересохло. Кейси подошла к холодильнику, достала бутылку ледяного «перрье», и от приятного покалывания воды стало лучше. «Интересно, как получаются эти пузырьки?» — размышляла она, забираясь на кровать.

Она уже и раньше пыталась заснуть, но сон не шёл: в голове все перемешалось, крутится — не остановишь. Слишком много новых впечатлений: новые продукты, запахи, воздух, нравы, угрозы, люди, обычаи, культуры.

«Данросс и Горнт. Данросс и Горнт. Данросс, Горнт и Линк. Новый Линк. И ты новая: испугалась смазливой задницы... Да-да, задницы, если тебе хочется быть вульгарной, и это тоже нечто новенькое. До приезда сюда ты была уверенной в себе, динамичной, чувствовала себя хозяйкой своего мира, а теперь все не так. Из-за неё, но не только — ещё из-за этой суки леди Джоанны с её аристократическим выговором: „Неужели вы забыли, дорогая? Сегодня ланч в клубе для тех, кому за тридцать. Я упоминала об этом на ужине у Тайбаня...”

Чтоб тебя, сучка старая! За тридцать! Мне и двадцати семи нет!

Все верно, Кейси. Но ты взбесилась, как кошка, которой наступили на хвост. И дело не только в ней или в Орланде. Дело ещё и в Линке, в том, что вокруг сотни доступных девиц. И это только то, что тебе довелось увидеть. Ведь ты не заглядывала в дансинги, бары и публичные дома. А Джанелли, разве он тоже не завел тебя?»

«Господи, Кейси, — сказал он, расплывшись в улыбке, — я словно вернулся во времена Корейской войны и снова летаю на самолётах „эр энд эр“. Все так же: двадцать баксов — и ты кум королю!»

В тот вечер Джанелли позвонил около десяти и спросил, не хочет ли она перекусить на ночь вместе с ним и остальным экипажем в «Ройял Нэдэрландз». Когда раздался звонок, у неё аж сердце сжалось: она подумала, что это Линк. А когда выяснилось, что это не он, стала уверять, что у неё ещё много работы, но с удовольствием позволила уговорить себя. Придя туда и заказав двойную порцию яичницы с беконом, тост и кофе, она поняла, что ничего этого не хочет.

«В знак протеста. Протеста против Азии, Гонконга, Джоанны и Орланды. О господи, лучше бы я никогда не интересовалась Азией, никогда не предлагала Линку сделать компанию международной.

Ну и зачем ты это сделала?

Потому что это единственный путь для американского бизнеса, единственный, и единственный путь для „Пар-Кон“. Экспорт. Мультинациональная компания, работающая на экспорт. Азия же самый большой, самый богатый и нетронутый рынок на земле, и нынешний век — век Азии. Да. И осуществляют этот замысел данроссы и горнты — если будут работать с нами, — потому что за нашей спиной величайшая рыночная экономика в мире, все средства, технологии, развитие и опыт.

Но почему ты с таким энтузиазмом отправилась в Гонконг?

Чтобы получить свои „отвальные" и скоротать время до дня своего рождения — когда кончатся условленные семь лет.

Если так пойдет и дальше, — объявила она себе, — у тебя скоро не будет ни работы, ни будущего, ни Линка, который должен сказать „да" или „нет"».

Кейси глубоко вздохнула. Чуть раньше она ходила в люкс, чтобы оставить Бартлетту груды телексов и писем на подпись с запиской: «Надеюсь, ты хорошо провел время». Вернувшись после позднего ужина, она снова сходила в люкс и забрала все, что оставляла.

— На самом деле ты завелась так из-за Орланды. Не обманывай себя, — вслух проговорила она.

«Ничего, завтра будет новый день. Убрать Орланду ничего не стоит», — мрачно решила она, и теперь, когда враг был обозначен, стало легче.

Внимание привлекла потрепанная книга Питера Марлоу в мягкой обложке. Взяв её, Кейси взбила подушки поудобнее и начала читать. Страницу за страницей. И тут зазвонил телефон. Она настолько погрузилась в чтение, что подскочила от неожиданности, и счастье вдруг затопило её широким потоком.

— Привет, Линк, хорошо ли ты провел время?

— Кейси, это Питер Марлоу. Страшно неудобно звонить так поздно, но я спрашивал, и коридорный сказал, что у вас ещё горит свет. Надеюсь, не разбудил?

— О... о нет, Питер. — Кейси была так разочарована, что ей сделалось плохо. — Что случилось?

— Извините, что так поздно, но тут в некотором смысле чрезвычайная ситуация. Мне нужно ехать в больницу, и я... вы сказали позвонить. Я на...

— Что случилось? — Кейси уже полностью переключилась.

— Не знаю. Они лишь спросили, не мог бы я немедленно приехать. Я почему звоню вам: насчет детей. К ним будет заглядывать коридорный, но я хотел оставить им записку с номером вашего телефона на случай, если они проснутся, — чтобы они могли позвонить, так сказать, человеку, которого знают в лицо. Вчера, когда мы встретились в фойе, они обе сказали, что вы выглядите потрясающе. Скорее всего, они не проснутся, но просто на всякий случай. Можно они позвонят вам? Я прошу про...

— Конечно. А лучше давайте-ка я подойду прямо сейчас?

— О нет, у меня и в мыслях такого не было. Если вы...

— Я не сплю, и до вас два шага. Ничего страшного, Питер, я иду. Так что вы просто езжайте в больницу.

Ей потребовалась всего минута, чтобы натянуть брюки, блузку и кашемировый свитер. Не успела она нажать кнопку лифта, как уже появился Ночной Сун — с вытаращенными глазами и вопросительным выражением на лице. Она не стала ничего говорить.

Внизу она прошла через фойе, выскочила на Натан-роуд, пересекла отходящую от неё улочку и вступила в холл пристройки к отелю. Там её поджидал Питер Марлоу.

— Это мисс Чолок, — торопливо пояснил он ночному портье-евразийцу. — Она побудет с детьми, пока я не вернусь.

— Да, сэр, — проговорил тот, тоже широко раскрыв глаза. — Бой проводит вас наверх, мисс.

— Надеюсь, все будет в порядке, Питер...

Но Марлоу уже вылетел из крутящихся дверей и пытался остановить такси.

Квартирка на шестом этаже была небольшая, дверь приоткрыта. Коридорный, Ночной По, пожал плечами и ушел, бормоча под нос ругательства в адрес варваров... Можно подумать, он не присмотрит за двумя спящими детьми, которые каждый вечер играют с ним в прятки.

Кейси закрыла за собой дверь и заглянула во вторую крошечную спальню. Дети

крепко спали на двухъярусной кровати: Джейн, младшая, — наверху, Александра — внизу. Душа так и потянулась к ним. Светленькие, взъерошенные, как ангелочки, ручонки крепко сжимают плюшевых медведей.

«О, как бы мне хотелось детей, — подумала она. — Детей от Линка. Хотелось бы? А все эти пеленки, бессонные ночи, сидение взаперти и никакой свободы?

Не знаю. Думаю, да. О да, ради двух таких, как эти, да».

Кейси не знала, укрыть их или нет. Было тепло, поэтому она решила ничего не делать, чтобы не разбудить. В холодильнике нашлась бутылка воды, которая взбодрила её и успокоила колотящееся сердце. Она уселась в покойное кресло. Посидев просто так, вынула из сумочки книгу Питера и снова принялась за чтение.

Через два часа он вернулся. Кейси и не заметила, как пролетело время.

— О, — воскликнула она, напуганная выражением его лица. — Она потеряла ребенка?

Он хмуро кивнул.

— Извините, что я так долго. Хотите чашку чая?

— Да, конечно, послушайте, Питер, давайте я сде...

— Нет. Нет, благодарю вас. Я знаю, где все лежит. Извините, что доставил столько хлопот.

— Какие это хлопоты? Но у неё все хорошо? У Флер?

— Они... они считают, что да. Это все результат желудочных колик на фоне брюшного тифа. Говорить ещё рано, но реальной угрозы нет, так они сказали. Выкидыш, сказали они, это всегда тяжело, как физически, так и эмоционально.

— Я вам искренне соболезную.

Он посмотрел на неё в ответ, и она увидела лицо сильного, бывалого человека.

— Не беспокойтесь, Кейси, с Флер все в порядке, — промолвил он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Японцы... японцы считают, что все формируется после рождения, пока не пройдет тридцать дней. Тридцать дней для мальчика и тридцать один для девочки. Ещё ничего нет: ни души, ни характера, ни личности... До той поры это не человек. — Он повернулся в крохотной кухне, поставил на огонь чайник, стараясь, чтобы его голос звучал убедительно. — Лучше... лучше всего верить, что это так, правда? Ведь не может быть ничего, кроме... чего-то неодушевленного. Пока не пройдет тридцать с лишним дней после рождения, человека как личности ещё нет, и если думать подобным образом, не так тяжело. Для матери это все равно ужасно, но не настолько. Извините, я несу какую-то бессмыслицу.

— Никакая это не бессмыслица. Надеюсь, теперь с ней все будет в порядке.

Кейси хотелось коснуться его, но она не посмела. Марлоу нес свое горе с достоинством, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, и все же казался маленьким мальчиком.

— Вообще-то, Кейси, китайцы и японцы — народ очень здравомыслящий. Их... их предрассудки делают жизнь легче. Я полагаю, в прежние времена детская смертность у них была такой ужасной, что подтолкнула какого-то мудрого отца придумать это мудрое толкование вещей, чтобы облегчить горе матери. — Он вздохнул. — Или, что более вероятно, это придумала мудрая мать, чтобы поддержать убитого горем отца. Как вы думаете?

— Наверное, — откликнулась она откуда-то из глубины своих переживаний, наблюдая за его руками, пока он готовил чай. Обдал заварочный чайник изнутри кипятком и вылил воду, затем положил три ложки заварки и ещё одну — «для чайника», — залил заварку кипятком. — Извините, но пакетиков с чаем у нас нет. Никак не могу к ним привыкнуть, хотя Флер считает, что они завариваются так же хорошо и грязь с ними меньше. К сожалению, кофе у нас тоже нет. — Он принес поднос с чаем в гостиную и поставил на стол. — Молока с сахаром?

— Да, пожалуйста, — ответила она, хотя так никогда чай не пила. Чай был

крепкий, хоть и необычный на вкус, и придавал сил. Они пили молча. Он чуть улыбнулся.

— Господи, что бы мы делали без чашки чая, а?

— Очень вкусно.

Его взгляд упал на полураскрытую книгу.

— О!

— То, что я успела прочитать, мне нравится, Питер. Насколько там все правда?

Он рассеянно налил себе ещё чашку.

— Настолько, насколько может быть правдивым рассказ о том, что случилось пятнадцать лет назад. Насколько я помню, все события изложены точно. Персонажи книги придуманы, хотя в жизни существовали им подобные, они говорили примерно то же и совершали похожие поступки.

— Просто невероятно. Трудно поверить, что люди, молодые люди смогли среди всего этого выжить. Сколько вам было тогда?

— Чанги начался, когда мне было всего восемнадцать, и кончился, когда мне шёл двадцать второй год — чуть больше двадцати одного.

— И кто вы в книге?

— Возможно, меня там нет вовсе.

Кейси решила не копаться в этом. Пока не прочтает книгу до конца.

— Я, пожалуй, пойду. Вы, наверное, совсем выбились из сил.

— Нет, вовсе нет. На самом деле я не устал. Мне нужно сделать кое-какие записи — я сосну, когда дети уйдут в школу. А вот вы, должно быть, устали. Не знаю, как и благодарить вас, Кейси. Я ваш должник.

Она улыбнулась и молча покачала головой. Потом спросила:

— Питер, вы столько всего знаете... С кем бы стали иметь дело — с Данроссом или с Горнтом?

— Если речь идет о сиюминутных выгодах — с Горнтом. Если о будущем — с Данроссом... Только выстоит ли он в этой передрыге? Судя по тому, что я слышал, это маловероятно.

— А почему Данросс для будущего?

— Репутация. У Горнта не тот стиль, чтобы быть Тайбанем, — и не то происхождение.

— Неужели это так важно?

— Здесь — абсолютно. Если цель «Пар-Кон» — долгосрочное развитие, лет сто роста, то это должен быть Данросс. Если вы здесь, чтобы сорвать куш, осуществить молниеносный рейд, тогда вам к Горнту.

Она задумчиво допила чай.

— Что вы знаете про Орланду?

— Много чего, — тут же отозвался он. — Но одно дело — пересказывать легенды или слухи о днях минувших, и совсем другое — сплетни о ныне здравствующих. Верно?

Она тоже пристально посмотрела на него.

— Даже в виде одолжения?

— Это другой разговор. — Глаза у него чуть сузились. — Вы просите об одолжении?

Она поставила чашку и отрицательно помотала головой.

— Нет, Питер, не сейчас. Потом — может быть, но не сейчас. — Он нахмурился ещё больше. — Что такое?

— Я задумался, какую угрозу может представлять для вас Орланда. Почему сегодня вечером? Очевидно, это связано с Линком. А отсюда неизбежно следует, что сегодня она с ним, и этим объясняется то, что, когда я позвонил, у вас был такой жуткий голос.

— Действительно жуткий?

— Да. О, я, конечно, заметил, как Линк смотрел на неё в Абердине, как вы смотрели на него и как она смотрела на вас. — Он отхлебнул чаю, и выражение лица у него становилось все жестче. — Вечеринка, конечно, была ещё та. С неё много чего началось, большая напряженность, серьезная драма. Это так увлекательно, если абстрагироваться от своего участия в ней. Но вам это вряд ли удастся, верно?

— А вы всегда наблюдаете и слушаете?

— Я пытаюсь научиться наблюдать. Стараюсь с толком использовать зрение, слух и другие чувства. Вы такая же. От вас мало что ускользает.

— Может быть, а может быть, и нет.

— Орланду учили жизни Гонконг и Горнт, поэтому, если вы планируете схватиться с ней за Линка, лучше приготовьтесь к жестокому сражению — коль скоро она решила завладеть им, в чем я пока не уверен.

— Возможно ли, что Горнт использует её?

— Насколько я понимаю, об Орланде заботится сама Орланда, — заметил Марлоу, помолчав. — Разве не все дамы такие?

— Большинство дам подстраиваются под мужчину, хочется им этого или нет.

— Судя по тому, что мне известно про вас, вы можете справиться с любым противником.

— А что вам известно про меня?

— Много. — Снова эта легкая, непринужденная, мягкая улыбка. — Что, помимо всего прочего, вы умная, храбрая и что у вас великолепная репутация.

— Я так устала от этой репутации, от этого «лица», Питер. В будущем... — Она улыбнулась такой же теплой улыбкой. — С этого момента в моей книге человек будет завоевывать не лицо, а задницу — или как там вы ещё произносите это слово — или терять её.

Он рассмеялся вместе с ней.

— Вы так это произносите, что можно подумать, все леди только так и говорят.

— Я не леди.

— О нет, вы леди. — И добавил, уже помягче: — А ещё я видел, какими глазами смотрел на вас Линк на том приеме у Данросса. Он вас любит. И будет последним дураком, если променяет вас на неё.

— Благодарю, Питер. — Она встала, поцеловала его и ушла, умиротворенная.

Когда она шагнула из лифта на своем этаже, Ночной Сун был уже тут как тут. Проскользнув вперед, он широким жестом распахнул перед ней дверь и заметил её взгляд, устремленный на дверь в конце коридора.

— Хозяина нет дома, — величественно сообщил он. — Ещё не вернулся.

— Вот ты и ещё раз потерял свою задницу, дружище, — вздохнула Кейси.

— Э?

Она закрыла дверь, довольная собой. Легла в кровать и снова принялась читать. С рассветом книга была дочитана. И она уснула.

58

09:25

Данросс стремительно вывернул из-за угла на своем «ягуаре», легко забираясь вверх по серпантину, потом въехал на подъездную дорожку и остановился в дюйме от высоких ворот. По обе стороны от них шли высокие стены. Через секунду из калитки выглянул привратник-китаец. Узнав Тайбаня, он широко раскрыл ворота и жестом пригласил заезжать.

Сделав поворот, дорожка привела к нарядному особняку в китайском стиле. Данросс вылез из машины. Его молча приветствовал ещё один слуга. Территория

вокруг была хорошо ухожена, ниже по склону виднелся теннисный корт, на котором четверо китайцев — двое мужчин и двое женщин — играли смешанными парами. Они не обратили на него никакого внимания, и Данросс никого из них не узнал.

— Прошу следовать за мной, тайбань, — обратился к нему слуга.

Он проводил Данросса в приёмную, и тот постарался скрыть любопытство. Насколько ему было известно, никого до него в дом Типтопа не приглашали. Внутри царила чистота и наблюдалась странная, небрежная, но характерная для китайских жилищ мешанина из прекрасных вещей старинного лака и уродливых современных поделок. На обшитых панелями стенах красовалось несколько дешевых репродукций. Он сел. Очередной слуга налил ему чаю.

Данросс чувствовал, что за ним наблюдают, но не удивлялся: дело обычное. В стенах и дверях большинства таких старинных домов имелись глазки — их было немало и в Большом Доме.

Вернувшись в Большой Дом сегодня утром, около четырех часов, Данросс направился прямо в свой кабинет и открыл сейф. Даже беглый взгляд не оставлял сомнений, что одна из двух оставшихся половинок монет совпадет с отпечатками восковой матрицы Четырехпалого У. Просто никаких сомнений. Трясущимися пальцами Данросс вытащил половинку монеты из сургуча, которым она была закреплена в Библии Дирка Струана, и прочистил её. Она полностью совпадала с оттисками.

— Господи, — пробормотал он. — И что теперь?

Когда он убирал матрицу и монету назад в сейф, взгляд остановился на заряженном автоматическом пистолете и пустом пространстве, где когда-то хранились папки АМГ. С тяжелым сердцем он закрыл сейф и пошёл спать.

На подушке лежала записка:

Папуля дорогой, разбуди меня, пожалуйста, когда будешь уходить. Мы хотим посмотреть на квалификационные забеги. Целую, Адрион.

Р. S. Можно я приглашу Мартина на скачки в субботу? Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Р. Р. S. Думаю, что он супер.

Р. Р. Р. S. Ты тоже супер.

Р. Р. Р. Р. S. Ты поздно вернешься, да? Сейчас 3:16!!!

Он прошёл на цыпочках к её комнате и открыл дверь, но она крепко спала. А когда уходил утром, пришлось стучаться дважды, чтобы разбудить её.

— Адрион! Полседьмого.

— О! Дождь идет? — полусонным голосом спросила она.

— Нет. Но скоро пойдет. Открыть шторы?

— Нет, папа дорогой, спасибо... Ничего страшного, Мартин не... будет не против.

— Она хотела зевнуть, но глаза у неё закрылись, и она почти мгновенно снова заснула глубоким сном.

Умиленный, он слегка потряс её, но она так и не проснулась.

— Ничего страшного, папа. Мартин не...

И теперь, вспомнив её прелестное личико и слова жены про таблетку, он решил серьезно проверить Мартина Хэпли. На всякий случай.

— Ах, тайбань, извините, что заставил ждать. Данросс встал и пожал протянутую руку.

— Рад видеть вас, мистер Тип. С огорчением узнал, что вы простудились.

Тип Токто было за пятьдесят: седеющие волосы, приятное округлое лицо. Он появился в халате, глаза красные, нос заложен, голос с хрипотцой.

— Все этот паршивый климат. На прошлые выходные ходил на яхте с Шити

Чжуном и, должно быть, подзастудился. — Акцент у него был чуть американский или, может, канадский.

Ни Данроссу, ни Аластэру Струану так и не удалось ничего выведать о его прошлом. Положение Тип Токто в банковских кругах националистического Китая (до 1949 года) оставалось загадкой и для Джонджона, а также остальных банкиров. Не преуспели даже Шити Чжун и Филлип Чэнь, наперебой развлекавшие Типа. Китайцы прозвали его Устрицей.

— Скверная была погода, — любезно согласился Данросс. — Слава богу, пошёл дождь.

Типтоп указал на человека рядом с собой.

— Это мой коллега, мистер Лян.

Человек был ничем не примечательный. Мятый маоцзэдуновский френч, мятые брюки. Холодное, настороженное выражение на недвижимом лице. Он кивнул. Данросс тоже кивнул в ответ. За словом «коллега» могло скрываться что угодно: от босса до переводчика, от комиссара до охранника.

— Хотите кофе?

— Благодарю вас. Вы не пробовали принимать витамин С? — Данросс терпеливо начал формальную беседу, которая всегда предшествует раскрытию истинной причины встречи.

Вчера вечером, ожидая Брайана Квока в баре «Квэнс», он подумал, что предложение Джонджона стоящее, и потому позвонил Филлипу Чэню с просьбой организовать встречу сегодня с утра. Данросс мог позвонить Типтопу напрямую, но это было бы нарушением китайского протокола. Люди цивилизованные всегда действуют через посредника, с которым обе стороны поддерживают дружеские отношения. В случае отказа никто — ни ты, ни другая сторона, ни посредник — не теряет лица.

Он слушал Типтопа вполуха, поддерживая вежливый разговор и удивляясь, что они беседуют по-английски: ведь был ещё Лян. Это могло значить, что «коллега» Типтопа также прекрасно говорит по-английски или, возможно, не понимает ни кантонского, ни шанхайского диалекта, которыми владел Типтоп, — Данросс мог бегло объясняться на обоих. Они с Типтопом ходили вокруг да около, и Данросс ждал, когда банкир в конце концов предоставит ему возможность заговорить о деле. И вот момент наступил.

— Вам, должно быть, доставляет немало беспокойства это падение фондового рынка и ваших акций, тайбань?

— Да-да, верно, но это не падение, мистер Тип. Это лишь санация для повышения конкурентоспособности. Рынок — всегда взлеты и падения.

— А мистер Горнт?

— Квиллан Горнт есть Квиллан Горнт, и он всегда наступает нам на пятки. Под небесами все вороны чёрные. — Данросс старался говорить как ни в чем не бывало, а сам задавался вопросом, сколько ещё знает этот человек.

— А неприятность с «Хо-Пак»? Тоже санация?

— Нет, тут дело дрянь. Боюсь, что удача отвернулась от «Хо-Пак».

— Да, мистер Данросс, но удача здесь вообще-то ни при чем. Всею виной капиталистическая система, а вдобавок некомпетентность Банка Квана.

Промолчав, Данросс бросил быстрый взгляд на Ляна, который сидел не шевелясь, словно аршин проглотил, и был весь внимание. Он напряженно вслушивался и вдумывался, ища скрытый смысл в уже сказанном.

— Я не имею отношения к бизнесу мистера Квана, мистер Тип. К сожалению, панический отток вкладчиков перекидывается с «Хо-Пак» на другие банки, и это очень плохо для Гонконга, а также, я считаю, плохо для Китайской Народной Республики.

— Не вижу тут ничего плохого для Китайской Народной Республики. Как это может быть плохо для нас?

— Китай остается Китаем, Серединным государством. Мы в Благородном Доме всегда считали, что Китай — отец и мать нашего дома. Сегодня основное поле нашей деятельности — Гонконг — подверглось осаде, осаде, которой, по сути дела, не стоит придавать особого значения — просто временная утрата доверия и недостаток наличности, который будет восполнен через неделю или около того. У наших банков есть все резервы, все средства и возможности, необходимые, чтобы обслуживать... старых друзей, старых клиентов и самих себя.

— Но если валюта так сильна, то почему не напечатать ещё денег?

— Это вопрос времени, мистер Тип. У Монетного двора нет возможности напечатать достаточно денег для Гонконга. — С ещё большим спокойствием Данросс отвечал на вопросы, понимая теперь, что в основном они задаются для Ляна, и это говорило о том, что Лян выше по положению, чем Типтоп, выше по положению в партии, а не в банковской системе. — В качестве временного решения мы организовали несколько авиарейсов для доставки фунтов стерлингов, которые покроют изымаемые средства. — Он заметил, как оба чуть прищурились.

— Это вряд ли станет поддержкой гонконгскому доллару.

— Да-да, наши банкиры это понимают. Но «Блэкс», «Виктория» и Банк Англии решили, что в качестве временной меры это будет разумнее всего. У нас просто нет достаточного количества гонконгских долларов, чтобы удовлетворить каждого вкладчика.

Молчание затягивалось. Данросс ждал. Джонджон говорил, что, по его мнению, Банк Китая не имеет больших запасов фунтов стерлингов ввиду ограничений на ввоз этой валюты в Великобританию и её вывоз из страны, зато располагает значительным количеством гонконгских долларов, на которые нет экспортных ограничений.

— В ослаблении гонконгского доллара нет ничего хорошего. — Тип Токто шумно высморкался. — Ничего хорошего для Гонконга.

— Да.

Взгляд Тип Токто стал жестче, и он наклонился вперед.

— Правда ли, тайбань, что «Орлин мерчант банк» не хочет возобновлять ваш кредит?

Сердце Данросса забилося сильнее.

— Да.

— А верно ли то, что ваш замечательный банк не собирается покрывать этот заем или предоставить вам достаточный аванс для отражения атаки «Ротвелл-Горнт» на ваши акции?

— Да. — Данросс был очень доволен тем, что его голос звучал так спокойно.

— И верно ли, что многие старые друзья отказались предоставить вам кредит?

— Да.

— И верно, что... сегодня днем приезжает некий Хиро Тода, чтобы требовать незамедлительной оплаты за суда, заказанные на его верфях в Японии?

— Да.

— И верно, что Мата, Дун и их компания «Грейт гуд лак» в Макао увеличили втрое свой обычный заказ на золото в слитках, но помогать вам напрямую не стали?

— Да. — И так уже собранный, Данросс подобрался ещё больше.

— И верно, что эти подбострастные прихвостни, советские гегемонисты, ещё раз бесстыдно и нагло, крайне бесстыдно и крайне нагло обратились с просьбой о получении лицензии на ведение банковской деятельности в Гонконге?

— Думаю, да. Мне сказал об этом Джонджон. Точно не знаю. Но полагаю, он не станет меня обманывать.

— А что он вам сказал?

Данросс повторил все дословно и заключил:

— Я, конечно, буду против удовлетворения этой просьбы. Против выступают и советы директоров английских банков, все тайбани и губернатор. По словам Джонджона, эти гегемонисты также беззастенчиво упомянули о значительных суммах в гонконгских долларах, которые могут быть предоставлены банку как помощь в его теперешнем бедственном положении.

Тип Токто допил свой кофе.

— Не желаете ли ещё?

— Благодарю вас. — Данросс обратил внимание, что наливать кофе стал Лян, и понял, что сделал большой шаг вперед.

Вчера вечером он тонко намекнул про московский банк Филлипу Чэню, зная, что Филлип сумеет довести эту информацию до нужных людей, а это, несомненно, подскажет сообразительному Типтопу истинную причину такой срочной встречи и даст ему достаточно времени, чтобы связаться с тем, кто принимает решения, кто оценит важность информации и решит, соглашаться или нет. Он чувствовал выступившую на лбу испарину и молился, чтобы ни один из сидящих перед ним её не заметил. Стоит проявить беспокойство, и цена сделки возрастет — если сделка вообще состоится.

— Ужасно, ужасно, — задумчиво проговорил Типтоп. — Ужасные времена! Старые Друзья предают Старых Друзей, у очага приветчают врагов... ужасно. О, кстати, тайбань, один из наших старых друзей интересуется, не могли бы вы поставить ему кое-какой товар. Мне кажется, он говорил про окись тория.

Приложив огромное усилие, Данросс постарался сохранить на лице бесстрастную мину. Окись тория — это редкий минерал, важная составная часть газонакалильных сеток в старомодных газонакалильных лампах: при нагревании эти сетки испускают яркий белый свет. В прошлом году ему случилось узнать, что недавно Гонконг стал крупнейшим потребителем тория после Соединенных Штатов. Его любопытство возросло, потому что компания «Струанз» не участвовала в этом, по всей очевидности, весьма прибыльном бизнесе. Он быстро выяснил, что сырье относительно доступно, что торговля ведется в больших масштабах, тайно, что существует немало мелких импортеров и все они говорят о своем бизнесе очень туманно. В природе торий встречается в форме радиоактивных изотопов. Некоторые из них легко можно преобразовать в расщепляемый уран-235, и сам торий-232 представляет собой чрезвычайно ценный бридерный материал для атомного реактора. Конечно, торговля этими радиоактивными изотопами и другими производными тория, представляющими собой стратегическое сырье, находилась под запретом, однако он с изумлением узнал, что запрет не распространяется на окись и нитрат тория, которые легко преобразуются в результате химической реакции.

Выяснить, куда на самом деле поставляется окись тория, ему так и не удалось. Но ясно было, что в Китай. Как и многие другие, он уже долгое время подозревал, что в КНР интенсивно осуществляется атомная программа, хотя считалось, что она ещё в стадии разработки и до её завершения остается по крайней мере лет десять. Мысль о том, что у Китая будет ядерное оружие, вызывала у него противоречивые чувства. С одной стороны, распространение ядерного оружия представляет опасность. Но с другой стороны, как ядерная держава Китай тут же делается серьезным противником для советской России, даже встанет наравне с ней, сможет угрожать и, конечно, уже не даст себя завоевать — особенно, если обзаведется средствами для нанесения ответного удара.

Оба смотрели на него. На лбу Ляна пульсировала маленькая жилка, хотя лицо ничего не выражало.

— Я не исключаю такой возможности, мистер Тип. Сколько нужно и когда?

— Насколько я понимаю, прямо сейчас и любое доступное количество. Как вы знаете, КНР предпринимает попытки модернизации, но лампы у нас до сих пор по большей части газовые.

— Да, конечно.

— Откуда вы могли бы получать окись или нитрат?

— Из Австралии, видимо, было бы быстрее всего, хотя на данный момент ничего не могу сказать про качество. Помимо Соединенных Штатов, — деликатно добавил Данросс, — добыча ведется только в Тасмании, Бразилии, Индии, Южной Африке, Родезии и на Урале... Там большие залежи. — Никто из китайцев не улыбнулся. — Насколько я понимаю, лучше всего остановиться на Родезии и Тасмании. Есть ли человек, с которым Филлип или я могли бы иметь дело?

— Некий мистер Ви Си Энг, в Принсес-билдинг.

Данросс чуть не присвистнул: на место встала ещё одна часть головоломки. Мистер Ви Си Энг, Фотограф Энг, был большим другом пропавшего Цу-яня, его старого приятеля и партнера, который при таинственных обстоятельствах бежал в Китай через границу с Макао. Цу-янь принадлежал к числу тех, кто ввозил торий. Только сейчас стало ясно, почему Цу-янь этим занимался.

— Я знаком с мистером Энгом. Кстати, как поживает мой старый друг Цу-янь?

Лян явно встревожился. «В яблочко», — мрачно прокомментировал про себя пораженный Данросс. Ему никогда и в голову не приходило подозревать Цу-яня в принадлежности к компартии или в сочувствии к коммунистам.

— Цу-янь? — нахмурился Типтоп. — Я не видел его уже неделю или больше. А что?

— Я слышал, он отправился с визитом в Пекин через Макао.

— Забавно! Весьма забавно. Интересно, зачем он собрался туда, этот архикапиталист? Ну что ж, никогда не перестаешь удивляться. Если вы будете так любезны связаться с мистером Энгом напрямую, он, я уверен, сообщит вам все подробности.

— Я свяжусь с ним сегодня же утром. Как только вернусь к себе в офис.

Данросс ждал. Придется пойти и на другие уступки, прежде чем они удовлетворят его просьбу, если она вообще будет удовлетворена. В уме он лихорадочно прикидывал, во что выльется их первая просьба, где взять окись тория и браться ли за это вообще; ему хотелось знать, на каком этапе своей ядерной программы сейчас находится КНР, и он прекрасно понимал, что этого ему не скажут никогда. Лян вынул пачку сигарет и предложил ему.

— Нет, спасибо, — отказался Данросс.

Китайцы закурили. Типтоп закашлялся и высморкался.

— Странное дело, тайбань, — проговорил он, — очень странно, вот вы из кожи вон лезете, чтобы помочь «Виктории», и «Блэкс», и всем вашим капиталистическим банкам, а в то же время ходят упорные слухи, что они не хотят помочь вам в беде.

— Возможно, они поймут, что поступают ошибочно, — предположил Данросс. — Иногда нужно забыть о своих обидах для общей пользы. Ослабление Гонконга не принесет ничего хорошего Серединному государству. — Он отметил презрительную гримасу на лице Ляна, но ему на это было наплевать. — В Китае с древности повелось не забывать Старых Друзей, которым можно довериться. И пока я остаюсь тайбанем Благородного Дома, пока в моих руках власть, мистер Тип, я и подобные мне — один из таких людей — мистер Джонджон, другой — губернатор — всегда будут протягивать руку дружбы Серединному государству и никогда не позволят гегемонистам пустить корни на нашем бесплодном утесе.

— Это наш бесплодный утес, мистер Данросс, — резко проговорил Типтоп, — которым в настоящее время управляют англичане, не так ли?

— Гонконг — территория Серединного государства и всегда был ею.

— Я пока не стану возражать против вашего определения, но через тридцать с лишним лет весь Коулун и Новые Территории к северу от Баундэри-роуд возвратятся к нам, не так ли? Даже если исходить из навязанных нашим предкам неравноправных договоров, которые мы не признаем.

— Мои предки всегда считали своих Старых Друзей мудрыми, очень мудрыми. Они не станут, как некоторые, отрезать себе «стебель», чтобы досадить «нефритовым вратам».

Типтоп усмехнулся. На каменном лице Ляна оставалось то же недружелюбное выражение.

— Ваш прогноз — что будет в девяносто седьмом году, мистер Данросс?

— Я не Старый Слепец Дун и не предсказатель, мистер Тип, — пожал плечами Данросс. — Что будет в девяносто седьмом году, то и будет. Старым Друзьям по-прежнему будут нужны Старые Друзья. Хейя?

Типтоп помолчал.

— Если Благородному Дому не поможет ни ваш банк, ни Старые Друзья, ни «Орлин», как вы сумеете остаться Благородным Домом?

— Великий и Досточтимый Жэнь-гуа задал такой же вопрос моему предку, Зеленоглазому Дьяволу, когда на него навалились враги — Тайлер Брок со всем своим отребьем, — но тот лишь рассмеялся и сказал: Нэнчже до лао — «Тот, кто многое может, много и трудится». Я могу больше, чем многие другие, вот и приходится попотеть.

Тип Токто улыбнулся вместе с ним.

— И вы потеете, мистер Данросс?

— Я бы сказал, — бодро заявил Данросс, — что стараюсь избежать восьмьдесят четвертой. Как вы знаете, Будда учил, что у всех людей восьмьдесят три ноши. Справившись с одной, мы автоматически получаем следующую. Секрет жизни в том и состоит, чтобы приноровиться к восьмидесяти трем и не схлопотать восьмьдесят четвертую.

Типтоп улыбнулся.

— Вы не подумывали о том, чтобы продать часть своей компании, возможно даже контрольный пакет?

— Нет, мистер Тип. Это запретил старый Зеленоглазый Дьявол. — Вокруг глаз Данросса собрались морщинки. — Он хотел, чтобы мы попотели.

— Будем надеяться, что вам не придется потеть слишком много. Да. — Типтоп затушил окуроч сигареты. — В беспокойные времена для Банка Китая было бы неплохо иметь более тесные связи с вашей банковской системой. Тогда эти кризисы не следовали бы один за другим.

Данросс тут же продолжил в голове эту мысль.

— А как, интересно, Банк Китая посмотрел бы на то, чтобы иметь постоянного представителя в «Вик» и чтобы «Вик» имела такого же представителя в вашем банке? — По мимолетной улыбке он понял, что его догадка верна. — Это позволило бы вплотную следить за состоянием рынка, чтобы предвосхищать кризисы и оказывать вам международную поддержку, если таковая потребуется.

— Председатель Мао учит, что нужно опираться на собственные силы, этим мы как раз и занимаемся. Но ваше предложение заслуживает внимания. Буду рад передать его.

— Я уверен, что банк будет признателен, если вы порекомендуете, через кого можно было бы поддерживать контакт с великим Банком Китая.

— Я с удовольствием передам это тоже. Как вы считаете, «Блэкс» или «Виктория» могут предоставить аванс в иностранной валюте, необходимый для импорта мистера Энга?

— Уверен, что они будут рады оказаться полезными, уж «Виктория» наверняка. Ведь этот банк уже более сотни лет связан с Китаем. Именно через него осуществлялась большая часть ваших иностранных займов — на строительство железных дорог, на самолёты.

— С большой выгодой, — сухо произнес Типтоп. Он бросил быстрый взгляд на Ляна, не сводившего глаз с Данросса. — С выгодой для капиталистов, — язвительно добавил он.

— Совершенно верно, — согласился Данросс. — Вы уж простите нас, капиталистов, мистер Тип. Наверное, единственное, что мы можем сказать в свою защиту, это то, что многие из нас — Старые Друзья Серединного государства.

Лян что-то быстро протараторил Типтопу на диалекте, которого Данросс не понимал. Типтоп ответил утвердительно. Оба вновь обратили взгляды на него.

— Прошу прощения, но теперь я должен откланяться, мистер Данросс. Мне нужно принять кое-какие лекарства. Позвоните мне сюда, пожалуй, после ланча, скажем где-то в половине третьего.

Данросс встал и протянул руку, не будучи уверен, что добился успеха, но убежденный в том, что ему надо что-то предпринять насчет тория, причем очень быстро, и, уж конечно, до половины третьего.

— Благодарю за то, что встретились со мной.

— Что скажете насчет пятого забега? — пристально посмотрел на него пожилой китаец, провожая до двери.

— Стоит поставить на Ноубл Стар. Она придет первой, второй или третьей.

— Ara! А Баттерскотч Лэсс?

— То же самое.

— А Пайлот Фиш? Данросс засмеялся.

— Этот жеребец хорош, но у него класс не тот, если, конечно, не вмешается Господь или дьявол.

Они уже подошли к входной двери, и слуга широко раскрыл её. Лян снова что-то произнес на неизвестном Данроссу диалекте. Типтоп опять ответил утвердительно и первым вышел на улицу. Лян тут же зашагал вниз по склону по направлению к теннисному корту.

— Хочу познакомить вас с одним другом, новым другом, мистер Данросс, — сообщил Типтоп. — Возможно, в будущем он станет вести с вами много дел. Если пожелаете.

От устремленного на него сурового взгляда хорошего настроения Данросса как не бывало.

Лян вернулся вместе с хорошо сложенным и прекрасно выглядевшим китайцем лет сорока. Взъерошенные во время игры иссиня-чёрные волосы, современная одежда для тенниса по американской моде. Остальные трое остались ждать на корте, глядя ему вслед. Все они имели цветущий вид и были хорошо одеты.

— Разрешите представить — доктор Джозеф Юй из Калифорнии. Мистер Иэн Данросс.

— Привет, мистер Данросс, — с непринужденной американской фамильярностью заговорил Джозеф Юй. — Мистер Тип рассказывал мне о вас и о «Струанз». Рад знакомству. Мистер Тип посчитал, что нам следует познакомиться перед тем, как я уеду. Мы завтра отправляемся в Китай. Бетти, моя жена, и я. — Он неопределенно махнул рукой в сторону женщин на корте. — На какое-то время мы останемся там, поэтому я хотел бы договориться о встрече в Кантоне где-то через месяц. — Он оглянулся на Типтопа: — С визой для мистера Данросса или чем-нибудь ещё в этом духе проблем не возникнет?

— Нет, доктор Юй. О нет. Никаких.

— Прекрасно. Если я позвоню за пару дней, мистер Данросс, или это сделает

мистер Тип, мы сможем что-то придумать?

— Конечно, если все документы будут в порядке. — Данросс говорил с той же улыбкой, отметив в Юе твердость и уверенность в себе. — О чем идет речь?

— Просим извинить, — вставил Типтоп, — оставляем вас вдвоем. — Он вежливо кивнул и вернулся в дом вместе с Ляном.

— Я из Штатов, — с готовностью продолжал Юй, — родился в Америке, в Сакраменто. Я — калифорниец в третьем поколении, хотя частично образование получил в Кантоне. Докторскую защитил в Стэнфорде, по аэрокосмической технике, моя специализация — ракеты и ракетное топливо. Лучшие годы жизни — лучшие после завершения учебы — провел в НАСА. — Юй уже не улыбался. — Заказывать я буду самое разнообразное и современное оборудование для металлургии и аэрокосмического машиностроения. По словам мистера Типа, на вас мы можем больше всего положиться как на импортера. Изготовителями будут англичане, а также французы и немцы, возможно, японцы. Вам это интересно?

Данросс слушал с растущей озабоченностью и не пытался этого скрывать.

— Если это не стратегические товары и не товары особого назначения, — уточнил он.

— Это будут самые что ни на есть стратегические товары самого особого назначения. Вам интересно?

— Зачем вы мне все это рассказываете, доктор Юй? Юй улыбнулся одним ртом.

— Я собираюсь реорганизовать космическую программу Китая. — Он пристально смотрел на Данросса, и глаза китайца превратились в ещё более узкие щелочки. — Вас это удивляет?

— Да.

— Меня тоже. — Юй обернулся на жену, потом снова перевел взгляд на Данросса. — Мистер Тип говорит, что вам можно доверять. Он считает, что вы человек честный, а так как вы ему кое-чем обязаны, я хочу попросить вас передать от моего имени одно сообщение. — Голос Юя стал жестче. — Если прочитаете, что я умер, или что меня похитили, или ещё какую-нибудь чушь вроде «он повредился рассудком», знайте: все это ложь. И тогда не сочтите за труд передать кое-что ЦРУ, а через него дальше вверх. Правду! — Он остановился, переводя дыхание. — Я уезжаю по собственной воле. И я, и она. Уже три поколения с нашей нацией — с лучшими, черт возьми, из тех, кто приезжает в Америку, — в Штатах обращаются как с собаками. Мой отец участвовал в Первой мировой войне, я помогал осуществлению «большого взрыва». И вот два месяца назад, шестнадцатого июня, мы с Бетти надумали купить дом в Беверли-Хиллз. Вы знаете Беверли-Хиллз в Лос-Анджелесе?

— Да.

— Нам отказали. Отказали из-за того, что мы — китайцы. Этот сукин сын вышел и так и сказал: «Я всяким поганым китайцам дома не продаю». Это было не в первый раз, черт побери, но для меня стало последней каплей. Сукин сын сказал так при Бетти, и это был финиш. Во мне все просто перевернулось! — Губы Юя искривились от гнева. — Вы представляете себе, каким надо быть тупым ублюдком? Я лучший в своей области, а эта деревенщина с тупой харей говорит мне: «Я китайцам дома не продаю». — Он крутанул в руках ракетку. — Вы им скажете?

— Вы хотите, чтобы я передал эту информацию тайно или публично? Если нужно, я могу передать сказанное вами слово в слово.

— Тайно — ЦРУ, но не раньше шести часов вечера следующего понедельника. О'кей? А потом, через месяц, после нашей встречи в Кантоне, публично. О'кей, мистер Данросс?

— Хорошо. Вы можете назвать имя продавца дома, дату, какие-нибудь другие подробности?

Юй вынул листок бумаги, на котором что-то было напечатано на машинке.

Данросс взглянул на него.

— Благодарю вас. — Там было два имени, адреса и телефоны в Беверли-Хиллз.
— И там и там причина для отказа одна?

— Да.

— Я займусь этим, доктор Юй.

— Вы считаете, это мелочно, да?

— Нет, я совсем так не считаю. Мне тоже неприятно, что подобное произошло и происходит повсеместно — с самыми разными людьми. Это очень печально. — Данросс помолчал. — Такое происходит в Китае, Японии, здесь — по всему миру. Китайцы, японцы, вьетнамцы, люди самых разных национальностей иногда проявляют такую же фанатичность и нетерпимость, доктор Юй. В большинстве случаев даже более откровенную. Разве нас всех не называют гуйлао?

— Но в Америке — американцы с американцами — не должны так обращаться. Вот что меня так достало.

— Думаете, когда попадете в Китай, у вас будет свобода передвижений?

— Нет, не думаю. Но мне наплевать. Это мой свободный выбор. Меня не соблазняли денежными посулами и не шантажировали. Я просто еду.

— А что же НАСА? Меня удивляет, почему они допускают, чтобы случался такой вздор?

— О, нам предлагали прекрасный дом, но не там, где мы хотели. Бетти хотела этот чертов дом, и у нас были деньги и положение, чтобы заплатить за него, но нас туда не пустили. И не только тот сукин сын, но и те, кто живет там по соседству. — Юй убрал с глаз прядь волос. — Мы им не нужны, поэтому я еду туда, где я нужен. Что вы скажете, если у Китая будет собственное оружие для ответного ядерного удара? Как у французов, а? Что вы об этом думаете?

— От одной мысли, что у кого-то есть ракеты с атомным или водородным зарядом, меня переполняет ужас.

— Это же просто современное оружие, мистер Данросс, всего лишь современное оружие.

— Господи боже мой! — в ужасе проговорил Джонджон. Хэвегилл тоже был потрясен.

— Доктор Джозеф Юй на самом деле ученый мирового класса, Иэн?

— Абсолютно точно. Я звонил приятелю в Вашингтон. Таких специалистов по ракетам и ракетному топливу в мире всего двое или трое. — Дело было после ланча. Данросс только что поведал им, что выяснил утром. — Верно также и то, что ни одна душа не знает о его намерении пересечь границу, даже об отъезде с Гавайев, где он проводил отпуск. По его словам, он уехал, ничуть не скрываясь.

— Господи, — снова произнес Джонджон. — Если у Китая появятся такие эксперты, как он... — Он вертел в руках нож для разрезания бумаги, лежавший на столе Хэвегилла. — Иэн, а ты не задумывался о том, чтобы сказать Роджеру Кроссу или Роузмонту и предотвратить отъезд Юя?

— Конечно задумывался, но я этого сделать не могу. Не могу, и все тут.

— Конечно Иэн не может! А ты не задумывался о том, что поставлено на карту? — Хэвегилл яростно ткнул большим пальцем в сторону окна. С четырнадцатого этажа было видно, как внизу нетерпеливая, озлобленная толпа людей пытается проникнуть в банк и линия полицейского кордона уже редееет. — Давай не будем обманывать себя: наши вкладчики в панике, и скоро мы уже будем выскребать последнее. Наличности в лучшем случае хватит, чтобы продержаться сегодня. Не знаю, останется ли на выплаты государственным служащим. Слава богу, завтра суббота! Если, по словам Иэна, есть шанс получить деньги Китая, как он может рисковать, выдав такой секрет? Иэн, ты слышал, что «Хо-Пак» закрылся?

— Нет. Я как уехал от Типтопа, так и ношусь по делам словно угорелый.

— «Цзин просперити» тоже закрылся, «Фар Ист энд Индия» вот-вот рухнет. В «Блэкс» перебиваются своими резервами и, подобно нам, молятся, чтобы продержаться следующие полчаса до закрытия. — Он подвинул телефон через свой девственно чистый стол. — Иэн, позвони, пожалуйста, Типтопу. Сейчас как раз половина третьего.

Лицо Данросса оставалось таким же бесстрастным, а голос ровным.

— Прежде нужно уладить ещё пару вопросов, Пол. Что насчет импорта тория? — Он рассказал, что связался с Фотографом Энгом, который тут же с удовольствием дал твердый заказ на любое доступное количество этого редкого элемента. — Вы предоставите валюту?

— Да, при условии, что торговля этим товаром не запрещена.

— Мне нужно письменное подтверждение.

— Ты его получишь сегодня вечером до закрытия. Пожалуйста, позвони ему сейчас.

— Через десять минут. Надо соблюдать приличия. Вы не будете возражать, если у вас в здании будет постоянно находиться представитель Банка Китая?

— Нет. Я уверен, что они никогда не пустят никого из наших в свое здание, но это неважно. — Хэвегилл снова посмотрел на часы, потом на Джонджона. — За этим парнем нужно будет следить, и придется кое-что пересмотреть в правилах безопасности, верно?

— Да, но это не проблема, Пол, — кивнул Джонджон. — Было бы просто отлично, если бы им оказался сам Типтоп. Иэн, ты считаешь, шанс есть?

— Не знаю. Ну а что насчет товаров для Юя?

— Мы не можем финансировать контрабанду, — отрезал Хэвегилл. — Тебе придется рассчитывать на свои силы.

— Разве кто-нибудь упоминал о контрабанде?

— Нет, конечно. Тогда скажу так: мы должны будем выяснить, что за товары намерен ввозить Юй, когда тебя попросят помочь с импортом и если это действительно произойдет.

— Послушай, Пол, ты же прекрасно понимаешь: это часть сделки — если она состоится. Зачем ещё им нужно было знакомить меня с ним?

— Почему бы тебе не выложить все об этом, Иэн? — вмешался Джонджон. — Мы приложим все усилия, чтобы помочь тебе, когда придет время. Ты ведь сказал Юю то же самое — что подождешь и посмотришь, но ведь никаких конкретных обещаний не прозвучало, верно?

— Но вы согласны во всем помогать мне?

— Да, по этому вопросу и по торию.

— Ну а как насчет моего займа?

— Я не имею права предоставлять его, Иэн, — произнес Пол Хэвегилл. — Мы уже все обговорили.

— Тогда созови прямо сейчас совет директоров.

— Я подумаю. Может, посмотрим, как все складывается, а? — Пол Хэвегилл нажал на клавишу и сказал в небольшой микрофон: — Пожалуйста, фондовую биржу.

Через мгновение из микрофона послышался голос. На его фоне было слышно, что там творится что-то невообразимое.

— Да, мистер Хэвегилл?

— Чарльз, какие последние новости?

— Весь рынок упал на двадцать восемь пунктов. — Оба банкира побледнели. У Данросса на лбу запульсировала маленькая жилка. — И похоже, начинается паника. Акции вашего банка упали на семь пунктов, акции «Струанз» — до одиннадцати пятидесяти...

— Господи! — пробормотал Джондзон.

— ...акции «Ротвелл-Горнт» упали на семь пунктов, «Гонконг пауэр» — на пять, «Эйшн лэнд» — на одиннадцать... Все падает. Активы всех банков идут вниз. Акции «Хо-Пак» заморожены на отметке двенадцать долларов, но, когда их разморозят, они упадут до одного. «Фар Ист энд Индия» выплачивает каждому клиенту не больше одной тысячи.

Хэвегилл занервничал ещё больше. «Фар Ист» был одним из крупнейших банков в колонии.

— Не хочется быть пессимистом, но все это похоже на Нью-Йорк в двадцать девятом! Я... — Голос утонул в буре криков. — Извините, ещё одно предложение о продаже акций «Струанз». Двести тысяч акций...

— Господи, откуда, черт возьми, только берутся эти акции? — недоумевал Джондзон.

— От каждого встречного и поперечного в Гонконге, — холодно проговорил Данросс. — В том числе из «Виктории».

— Мы вынуждены были защитить наших инвесторов, — прокомментировал Хэвегилл, потом добавил в микрофон: — Спасибо, Чарльз. перезвони мне без четверти три. — Он отключил микрофон. — Вот тебе и ответ, Иэн. Я никак не могу рекомендовать совету директоров выдать вам ещё один заем на сто миллионов без покрытия.

— Ты будешь созывать совет директоров прямо сейчас или нет?

— Твои акции круто идут вниз. У тебя нет активов, которые ты мог бы заложить, чтобы ослабить атаку на свои акции; твои банковские активы уже заложены, а цена твоих собственных падает с каждой минутой. В понедельник или во вторник Горнт выкупит акции, и тогда он будет контролировать «Струанз».

Данросс не спускал с него глаз.

— Ты позволишь Горнту купить наш контрольный пакет? Не верю. Ты выкупишь акции раньше него. Или вы уже договорились, как разделите «Струанз»?

— Никакой договоренности нет. Пока. Но если ты сейчас же откажешься от руководства «Струанз», письменно подтвердишь, что продашь нам столько собственных активов, сколько нам нужно, по рыночной цене при закрытии рынка в понедельник, согласишься назначить нового тайбаня по выбору нашего совета директоров, мы объявим, что полностью поддерживаем «Струанз».

— Когда вы объявите об этом?

— В понедельник в три десять.

— Другими словами, ты не даешь мне ничего.

— Ты сам всегда говорил, что главное преимущество Гонконга в том, что это свободный рынок, где сильный выживает, а слабый погибает. Почему ты не убедил сэра Луиса снять твои акции с продажи?

— Он мне это предлагал. Я отказался.

— Почему?

— «Струанз» сильны как никогда.

— А может, настоящая причина — желание сохранить репутацию, твоя дурацкая гордость? Извини, но я не могу предотвратить неизбежного.

— Чушь! — бросил Данросс, и Хэвегилл вспыхнул. — Ты можешь созвать собрание. Ты можешь...

— Никакого собрания не будет!

— Иэн! — Джондзон попытался притушить открытую враждебность. — Послушай, Пол, как насчет такого компромисса: если через Иэна мы получаем деньги Китая, ты тут же созываешь совет директоров, чрезвычайное собрание, сегодня? Ты можешь это сделать — сейчас директоров в городе достаточно, и это будет справедливо. А?

Хэвегилл помолчал.

— Я подумаю.

— Этого недостаточно, — горячо возразил Данросс.

— Я подумаю. Будь любезен, позвони Типто...

— Если собрание будет, то когда?

— На следующей неделе.

— Нет. Сегодня, как предлагает Джонджон.

— Я сказал, что подумаю, — вспыхнул Хэвегилл. — А теперь, пожалуйста, позвони Типтопу.

— Если ты гарантируешь, что соберешь совет директоров не позже чем завтра в десять утра!

Теперь Хэвегилл не говорил, а скрежетал:

— Тебе не удастся шантажировать меня, как в прошлый раз. Не хочешь звонить Типтопу, позвоню я. Могу это сделать прямо сейчас. Если они хотят одолжить нам деньги, одолжат независимо от того, кто позвонит, черт возьми! Ты заключил сделку по торию, ты согласился встретиться в следующем месяце с Юем, мы согласны поддержать эту сделку независимо от того, кто будет контролировать Благородный Дом. Я не уполномочен предоставлять тебе ещё какие-либо займы. Так что принимай все как есть. Я подумаю о том, чтобы созвать совет директоров до открытия рынка в понедельник. Это все, что я обещаю.

Повисла долгая и напряженная тишина.

Данросс пожал плечами. Потом взял трубку и набрал номер.

— Вэйий? — послышался высокомерный женский голос.

— Пожалуйста, Досточтимого Тип Токто, — сказал он по-кантонски. — Это Тайбань.

— А-а, Тайбань. А-а, минуту, пожалуйста. — Данросс ждал. На кончике подбородка Джонджона собралась капля пота. — Вэйий? Тайбань, у него доктор, Досточтимый Тип Токто очень плохо себя чувствует. Пожалуйста, перезвоните попозже! — И телефон отключился, прежде чем Данросс смог что-то сказать. Он набрал номер ещё раз.

— Это Тайбань. Я хоте...

— Какой ужасный этот телефон. — Ама заговорила в два раза громче. — Он болен, — прокричала она в трубку. — Позвоните попозже!

Через десять минут Данросс позвонил снова. Теперь линия была занята. Он попробовал набрать номер ещё несколько раз, но безуспешно.

В дверь постучали, вошёл запыхавшийся и взволнованный старший кассир.

— Извините, сэр, но очереди не кончаются, нам ещё работать четверть часа. Я предлагаю ограничить выдачу, скажем, по тыся...

— Нет, — отрезал Хэвегилл.

— Но, сэр, мы почти пусты. Разве...

— Нет. Банк «Виктория» не может приостанавливать выплаты. Мы не вправе отказываться от своих обязательств. Нет. Продолжайте выдавать все до пенни.

Поколебавшись, кассир вышел. Хэвегилл вытер лоб. Джонджон тоже. Данросс снова набрал номер. По-прежнему занято. Когда было уже почти три часа, он попробовал в последний раз, потом позвонил в телефонную компанию и попросил проверить линию.

— Она временно не работает, сэр, — сообщил оператор. Данросс положил трубку.

— Двадцать долларов против медяка, трубку сняли специально. — На его часах было 15:01. — Давайте выясним, что там на рынке.

Хэвегилл вытер ладони. Не успел он набрать номер, как телефон зазвонил.

— Это главный кассир, сэр. Мы... всё в порядке. Выданы деньги последнему

клиенту. Двери закрыты. «Блэкс» тоже еле успел, сэр.

— Хорошо. Проверьте оставшуюся наличность в хранилище и перезвоните.

— Слава богу, сегодня пятница, — вздохнул Джонджон. Хэвегилл набрал номер.

— Чарльз? Какие последние новости?

— За день рынок упал на тридцать семь пунктов. Наши акции — на восемь.

— Господи! — вырвалось у Джонджона. Никогда акции банка не опускались так низко, даже во время беспорядков пятьдесят шестого года.

— А «Струанз»?

— Девять пятьдесят.

Оба банкира посмотрели на Данросса. Его лицо оставалось бесстрастным. Он ещё раз набрал номер Типтопа, пока брокер рассказывал о ценах при закрытии. Снова занято.

— Позвоню ещё из офиса, — сказал он. — Как только дозвонюсь, сообщу. Что вы намерены предпринять, если денег Китая не будет?

— Есть лишь два решения. Ждем фунты, и губернатор объявляет, что в понедельник или ещё несколько дней, сколько потребуется, банки не работают. Или принимаем предложение Московского торгового банка.

— Типтоп абсолютно ясно дал понять, что подобный шаг приведет к нежелательным последствиям. Это будет означать — вставить Гонконгу палку в колеса навсегда.

— Других вариантов нет. Данросс встал.

— Есть лишь один. Кстати, губернатор не звонил вам?

— Звонил, — отозвался Хэвегилл. — Он хочет, чтобы в шесть часов мы открыли хранилище для него, тебя, Роджера Кросса и ещё какого-то человека по имени Синдерс. С чем это все связано?

— Разве он не сказал?

— Нет. Упомянул лишь про Закон о неразглашении государственной тайны.

— До встречи в шесть. — И Данросс вышел.

Достав носовой платок, Хэвегилл вытер пот.

— Одно хорошо: этот надменный болван влип по самое некуда, — злобно пробормотал он, набирая номер Типтопа. Набрал ещё раз.

Зазвонил внутренний телефон. Вместо Хэвегилла трубку снял Джонджон.

— Да?

— Это главный кассир, сэр. В хранилище всего семьсот шестнадцать тысяч двадцать семь гонконгских долларов. — Голос дрожал. — Это... это все, что у нас осталось, сэр.

— Благодарю вас. — Джонджон положил трубку и передал сообщение Хэвегиллу.

Ни слова не говоря, заместитель главного управляющего стал снова набирать номер Типтопа. Тот по-прежнему был занят.

— Начинай диалог с представителем Советов. Джонджон покраснел.

— Но это невозможно...

— Выполняй! Выполняй немедленно! — Тоже покрывшись краской, Хэвегилл ещё раз набрал номер Типтопа. Снова занято.

Данросс вошёл в свой офис.

— Господин Тода уже здесь, тайбань. Со свитой, как обычно. — Чувствовалось, что Клаудиа не в своей тарелке. Она и не скрывала ни нервозности, ни неприязни.

— Пригласите их, пожалуйста.

— Два раза звонил мистер Аластэр, просил перезвонить, как только вернетесь. И ваш отец.

— Я позвоню им позже.

— Хорошо, сэр. Вот телекс от «Нельсон трейдинг» из Швейцарии. Они подтверждают, что купили золота в три раза больше, чем обычно, по заказу компании «Грейт гуд лак» из Макао.

— Прекрасно. Немедленно вышлите Ландо копию и запросите деньги.

— А это телекс от «Орлин мерчант банк». Они подтверждают, что, к сожалению, не смогут возобновить заем и требуют оплаты.

— Пошлите им телекс: «Благодарю вас».

— Я проверила относительно миссис Данросс: они добрались благополучно.

— Хорошо. Выясните домашний телефон специалиста для Кэти, чтобы я мог позвонить ему в выходные.

Клаудиа сделала ещё одну пометку.

— Звонил ваш сын из Сиднея. Сказал, что чудесно провел вечер и вылетает в понедельник рейсом компании «Кантас». А это список остальных звонков.

Он пробежал длинный перечень. В голове мелькнуло: сын, наверное, уже не девственник, а может, это произошло ещё до встречи с милой Шейлой. При мысли о милой шейле — как называют девушек в Австралии — снова пришла на ум великолепная Снежная Яшма. «Интересно, почему её так зовут? Она напомнила мне Изящную Яшму. Та теперь где-то на Тайване, у неё свой „дом тысячи наслаждений“. Может, пришло время найти её и отблагодарить?» Вспомнилось, о чем предупреждал, умирая, старик Чэнь-чэнь. «Послушай, сын мой, — старый Чэнь-чэнь говорил шепотом, и голос у него прерывался. — Никогда не пытайся найти её. Ты заставишь её нарушить правила приличия, лишишь красоты вас обоих. Она уже постарела, её „нефритовые врата“ иссохли, и удовольствие она получает от хорошей еды и хорошего бренди. С приходом старости дети „мира наслаждений“ не становятся лучше, как не становится лучше их характер. Предоставь её судьбе и воспоминаниям. Будь милостив. Всегда будь милостив к тем, кто отдает тебе свою молодость и свое инь, чтобы прийти на помощь твоему ян. Эх, вот бы снова стать таким молодым, как ты...»

Данросс вздохнул. Вечер со Снежной Яшмой прошел безупречно. А сколько было смеха!

— Я не ем десерт, — сразу заявил он. — Я на диете.

— О-хо, только не ты, тайбань. Я помогаю тебе скинуть вес, не волнуйся.

— Спасибо, но десерта все же не надо, и уж точно не в Гонконге.

— А! Четырехпалый говорил, что ты так скажешь, тайбань, и чтобы я не стыдилась. — Она расплылась в улыбке и налила ему виски. — Я говорить: иметь паспорт, можешь ехать.

Оба рассмеялись.

— А что ещё говорил Четырехпалый? Она коснулась губ кончиком языка.

— Только что заморские дьяволы сильно странные кое в чем. Например, говорят: «Десерта не надо!» Будто это имеет значение. — Она пристально смотрела на него. — Я никогда ещё не была с варваром.

— Вот как? На самом деле некоторые из нас вполне цивилизованные люди.

Данросс улыбнулся, вспомнив испытанное искушение: шутливая беседа, великолепная еда, вечер прошел чудесно. Да. «Но это не значит, что старому ублюдку Четырехпалому все сойдет с рук: и половинка монеты, и то, что он её стащил, и эта ловушка, в которой, как он считает, я оказался. Но со всем этим разберемся позже. Сначала главное. Сосредоточься, дел ещё невпроворот!»

Список, врученный Клаудией, был большой, и едва ли не все звонки — срочные, а впереди ещё два часа работы. Типтоп в списке не значился. Как и Ландо Мата, Прижимистый Дун, Четырехпалый, а также Пол Чой. Звонили Кейси и Бартлетт, Травкин, Роберт Армстронг, Жак де Вилль, Гэваллан, Филлип Чэнь, Диана Чэнь, Алан Холдбрук — биржевой брокер дома «Струанз», сэр Луис и много других людей со

всего мира.

— Все это после Хиро Тода, Клаудиа.

— Хорошо, сэр.

— После Тода мне нужно встретиться с Жаком, потом с Филлипом Чэнем. А что фрау Рико Грессерхофф?

— Она прилетает в семь вечера. Для неё забронирован номер в отеле «Виктория энд Альберт», её встретят. Цветы уже в номере.

— Спасибо.

Данросс прошел в кабинет и остановился у окна. «Пока что для Благородного Дома и для Гонконга сделано все, что в моих силах. Теперь уж как карта ляжет. И как получится со следующим вопросом. С судами». Его возбуждение росло.

— Привет, тайбань.

— Привет, Хиро. — Данросс тепло пожал протянутую руку.

Хиро Тода, управляющий директор компании «Тода шиппинг индастриз», был одних лет с Данроссом. Строгий и подтянутый, гораздо ниже ростом. Мудрые глаза, готовая улыбка на губах. По-английски говорит с легким американским акцентом: в конце сороковых годов после завершения университетского курса он два года работал в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе.

— Разрешите представить моих партнеров: господин Кадзунари, господин Эбэ, господин Касиги.

Трое японцев согнулись в поклоне. Данросс отвесил ответный поклон. Все трое были моложе Тода, в хорошо пошитых темных костюмах, белых рубашках и неярких галстуках.

— Прошу садиться. — Легким жестом Данросс обвел стоявшие вокруг небольшого стола стулья.

Дверь открылась, и вошла Акико, помощник Данросса и переводчик с японского. В руках у неё был поднос с зеленым чаем. Она представилась, изящными движениями разлила по чашкам чай и села рядом с Данроссом. Он говорил по-японски вполне сносно, чтобы вести деловую беседу, однако её присутствие требовалось для сохранения приличий.

Соблюдая правила вежливости, он повел речь — отчасти по-японски, отчасти по-английски — о вещах, не имеющих отношения к делу, как это принято у японцев перед началом серьезного разговора. По японской традиции в деловых встречах непременно принимают участие несколько представителей компании, и чем выше положение старшего, тем многочисленней свита.

Данросс терпеливо ждал. Японец ему нравился. Хиро Тода номинально возглавлял большой судостроительный концерн, основанный его прадедом более ста лет назад. Он был из феодалов-даймё, правивших страной до 1870 года, когда класс самураев и феодальные порядки ушли в прошлое и началась история современной Японии. Со стороны казалось, что компанией безраздельно правит он, но, как это часто бывает в Японии, на самом деле вся власть оставалась в руках его семидесятитрехлетнего отца, который, вероятно, уже отошел от дел.

В конце концов Тода начал конкретный разговор.

— Этот кризис биржевого рынка, должно быть, причиняет много неприятностей, тайбань.

— Временная утрата доверия. Уверен, что за выходные все уладится.

— О да. Я тоже на это надеюсь.

— Вы надолго сюда, Хиро?

— До воскресенья. Да, до воскресенья. Потом дальше — в Сингапур и Сидней. Мне нужно вернуться на следующей неделе, чтобы завершить наш с вами проект. Рад сообщить, что ваши суда будут закончены раньше срока. — Тода положил на стол кипу бумаг. — Здесь подробный доклад.

— Превосходно! — Данросс рванулся в атаку, благословляя всех богов, Алана Медфорда Гранта и Кирка. Вернувшись вчера вечером домой, он вдруг осознал, какой поразительный по своему масштабу толчок дали АМГ и Кирк плану, над которым он работал уже почти год. — Не хотите ли перенести платежи на более ранний срок?

— Ах! — Его собеседник постарался скрыть удивление. — Наверное, я смогу обсудить этот вопрос с коллегами позже, однако рад слышать, что все под контролем и попытка завладеть контрольным пакетом не удалась.

— Разве Сунь-цзы не говорил: «Тот, кто не продумывает всего наперед и не принимает всерьез противников, несомненно, попадет к ним в плен»? Конечно, Горнт наступает нам на пятки и ситуация с массовым изъятием вкладов из наших банков серьезна, но худшее уже позади. Все просто замечательно. Как вы считаете, не расширить ли нам объемы нашего совместного бизнеса?

— А построить два судна, тайбань? — улыбнулся Тода. — Гигантских по сегодняшним меркам. За год? Дело отнюдь не шуточное.

— Полагаю, их могло быть и двадцать два. — Внешне Данросс казался бесстрастным, но внутри был всецело сосредоточен. — У меня предложение к вам, а по сути дела — ко всей японской судостроительной промышленности. Сейчас вы лишь строите суда и продаете их или гайдзинам, иностранцам, нам например, или японским судоходным компаниям. Что касается японских перевозчиков, то они уже не могут соперничать, скажем, с американскими судами с американской же командой из-за высоких эксплуатационных расходов, а конкретнее — из-за высоких расходов на оплату труда японских экипажей, которыми по вашим законам должны быть укомплектованы японские суда. Вскоре вы не сможете конкурировать с греками и с нами, потому что наши издержки будут намного ниже.

Данросс видел, что внимание японцев приковано к Акико, которая переводила почти синхронно, и с ликованием вспомнил ещё одно изречение Сунь-цзы: «Во всяком сражении можно идти напрямик, вступая в битву, но к победе приведут обходные пути». Он продолжал:

— Второе: все необходимое для развития экономики, промышленного комплекса, для поддержания существующего уровня жизни и, конечно, девяносто пять процентов всего энергетического сырья Японии приходится ввозить. Главное для вашего будущего — нефть. Нефть нужно везти по морю, как и все основное сырье, которое всегда перевозится балкерными судами. Всегда по морю. Строите большие суда вы очень эффективно, но из-за высоких эксплуатационных расходов и особенностей внутреннего налогообложения вам как судовладельцам придется уйти с рынка. Мое предложение просто: вы оставляете попытки сохранить свой неэкономичный торговый флот и продаете ваши суда за границу на основе возвратной аренды.

— Что-что?

Все устались на Данросса в изумлении. Он выждал какое-то время, а потом продолжал:

— Срок эксплуатации судна, скажем, пятнадцать лет. Вы продаете свой балкер, к примеру, нам, но на условиях возвратной аренды судна в течение пятнадцати лет. Мы предоставляем капитана и команду и эксплуатируем его. Ещё до поставки судна вы фрахтуете его на пятнадцать лет чартерных балкерных перевозок для «Мицубиси» или какой-нибудь другой вашей крупной компании под поставки угля, железной руды, риса, пшеницы, нефти — чего угодно. При этой системе Японии гарантируется бесперебойное снабжение сырьем, которое отвечает вашим нуждам и контролируется японцами. «Джапан инкорпорейтид» может увеличить вам объемы финансирования, потому что вы, по сути дела, являетесь перевозчиками жизненно важного для страны сырья.

Перед вашей промышленностью открывается возможность планировать наперед. «Джапан инкорпорейтид» может позволить себе помогать избранным финансово состоятельным покупателям ваших судов, потому что покупная цена легко покрывается за пятнадцать лет чартера. А поскольку суда находятся в долгосрочном чартере, наши банки, такие как «Блэкс» и «Виктория», с удовольствием возьмутся финансировать остальное. Выигрывают все. Но вы — больше всех, потому что обеспечиваете себе долгосрочную линию поставок под своим контролем. А я ещё не упоминал о налоговых преимуществах для вас, в частности для «Тода индастриз»!

В мертвой тишине Данросс встал и, провожаемый взглядами, направился к своему письменному столу. Когда он вернулся, в руках у него было несколько многостраничных документов.

— Здесь у меня исследование по налогам, составленное нашими людьми в Японии. В нем приводятся конкретные примеры, в том числе относительно амортизации стоимости судна за счет добавочной прибыли. Тут предлагаемый план по балкерным судам. В этом документе приводится несколько возможных вариантов взаимодействия по чартерам с компанией «Струанз», если на нас будет остановлен выбор как на одном из иностранных перевозчиков. К примеру, угольные копи «Вулара» в Австралии готовы по нашему указанию подписать с «Тода индастриз» контракт на поставку девяноста пяти процентов добываемого ими угля в течение ста лет.

У Тода перехватило дыхание. У остальных тоже, когда Акико перевела сказанное. Все знали, что копи «Вулара» — огромное, высокоэффективное и высокопроизводительное предприятие.

— Мы могли бы помогать вам в Австралии, которая является сокровищницей Азии, поставляя столько меди, пшеницы, продовольствия, фруктов, железной руды, сколько вам потребуется. Мне шепнули по секрету, что на западе Австралии, совсем недалеко от Перта, недавно открыты новые громадные залежи высококачественной железной руды. Там есть нефть, уран, торий и другие нужные вам редкие материалы. Шерсть. Рис. По моей схеме вы контролируете свой собственный поток материалов; иностранные перевозчики получают суда и стабильное финансирование, чтобы наращивать свой флот и эксплуатировать его на условиях возвратной аренды; увеличивается экспорт сырья, автомашин, телевизоров, электроники и других товаров в Штаты, а также поставки продукции тяжелой промышленности и станкостроения в другие страны мира. И последнее, возвращаясь к тому, что для вас важнее всего, — нефти. Вот здесь предлагается структура нового флота нефтеналивных танкеров с дедвейтом от полумиллиона до миллиона тонн каждый.

У Тода просто челюсть отвисла, и он вдруг перевел конец предложения сам. Все были настолько поражены при упоминании о дедвейте от полумиллиона до миллиона тонн, что застыли не дыша.

Данросс откинулся на стуле, наслаждаясь разлитым в воздухе напряжением. Японцы сначала переглядывались, а потом уставились на Тода, ожидая его реакции.

— Я... Я думаю, нам следует получше изучить ваши предложения, тайбань, — сказал Тода, стараясь справиться с дрожью в голосе. — Они далеко идущие, это очевидно. Могли бы мы вернуться к их обсуждению чуть позже?

— Да. Вы будете завтра на скачках? Ланч в двенадцать сорок пять.

— Да, спасибо, если это не будет слишком обременительно. — Тода вдруг занервничал. — Но окончательный ответ мы к этому времени дать не сможем.

— Конечно. Вы получили приглашения и бейджи?

— Да, благодарю вас. Я... э-э... Надеюсь, что для вас все разрешится благоприятным образом. Ваше предложение действительно позволяет заглянуть в будущее.

Японцы вышли. На миг Данросс позволил себе прочувствовать охватившее его возбуждение.

«Ключнули, — думал он. — Господи, может, и года не пройдет, как мы обзаведемся самым большим флотом в Азии. И это при полном финансировании, без каких-либо рисков для тех, кто финансирует, строит, эксплуатирует или поставляет, и ядро его составят нефтяные танкеры, огромные танкеры — если мы выдюжим нынешний тайфун.

Все, что мне нужно, это немного удачи. Надо как-то извернуться, чтобы все не рухнуло до вторника, когда мы подпишем сделку с „Пар-Кон“. „Пар-Кон“ заплатит за суда, а вот что делать с „Орлин“ и как быть с Горнтом?»

— К вам идет мастер Жак, тайбань. Мастер Филлип в своем офисе и поднимется, когда вы будете готовы. Звонил Роджер Кросс, ваша встреча перенесена с восемнадцати на девятнадцать ноль-ноль. Говорит, что самолёт мистера Синдерса задерживается. Он поставил в известность губернатора и всех остальных.

— Спасибо, Клаудиа. — Он бросил взгляд на список звонков. Потом набрал «Ви энд Эй» и попросил к телефону Бартлетта. Его не оказалось на месте. — Мисс Чолок, пожалуйста.

— Алло?

— Привет! Это Иэн Данросс. Вы мне звонили, и Линк Бартлетт тоже. Как дела?

Последовала небольшая пауза.

— Дела интересные. Тайбань, можно я зайду?

— Конечно. Как насчет коктейлей в восемнадцать пятнадцать в «Мандарине»? У меня будет полчаса с лишним до следующей встречи. А? — Его охватило мучительное беспокойство при мысли о Кроссе, Синдерсе и предупреждении АМГ: папки не должны попасть в чужие руки.

— А можно я зайду в офис? Я могу выехать прямо сейчас и быть у вас где-то через полчаса или минут сорок пять. Нужно кое о чем переговорить. Постараюсь быть краткой.

— Хорошо. Может, вам придется подождать минуту-другую, но приезжайте. — Положив трубку, он нахмурился. «Что там ещё стряслось?»

Дверь открылась, и вошёл Жак де Вилль. Он выглядел изможденным и усталым.

— Хотел меня видеть, тайбань?

— Да, садись, Жак. Я так понял, что ты собирался улететь вчера вечером.

— Мы поговорили с Сюзанной, и она считает, что для Аврил будет лучше, если я задержусь на день-два...

Данросс слушал очень внимательно, по-прежнему ломая голову над тем, каким образом де Вилля угораздило стать агентом коммунистов. Впрочем, поразмыслив, он понял, как такое могло случиться.

«Жак тогда был молод, полон идеализма, и не составляло труда направить его идеалистический национализм и антифашистские настроения — ведь он воевал в рядах маки во время ненавистой французам и ужасной нацистской оккупации — в русло коммунизма. Господи, разве Россия не была тогда нашим союзником? Разве коммунизм не вошёл в моду повсюду, даже в Америке? Разве учение Маркса и Ленина не казалось таким осмысленным? Тогда. До того, как мы узнали правду о Сталине и лагерях, о КГБ и полицейском государстве, о массовых убийствах и масштабных захватах территории, об извечной несвободе.

Но как могла вся эта коммунистическая блажь укорениться в сознании такой личности, как Жак? Как мог человек его склада — если АМГ прав и де Вилль на самом деле агент „Севрина“ — держаться за эти убеждения и так долго их скрывать?»

— Что скажешь про Грея? — спросил Данросс.

— Полный crétin, тайбань. Слишком левый для меня. Даже Бродхерст, на мой взгляд, слишком левый. Раз уж я... я теперь остался, можно мне снова взять на

себя Бартлетта и Кейси?

— Нет, я пока буду работать с ними сам, а ты займись контрактом.

— Его сейчас составляют. Я уже переговорил с нашими адвокатами. Есть небольшая проблема. Сегодня утром Доусон встречался с юристом Бартлетта, мистером Стайглером. Мистер Стайглер хочет пересмотреть график выплат и отложить подписание до следующих выходных.

Данросса охватила волна ярости. Он постарался, чтобы гнев не выплеснулся наружу. «Вот почему Кейси захотела встретиться».

— Я займусь этим, — сказал он и отложил эту проблему, чтобы заняться другой, более насущной — Жаком де Виллем, который должен считаться невиновным, пока не доказано обратное.

Он смотрел на грубоватого, коренастого человека с симпатией, вспоминая, как они прекрасно проводили время в Эвисъярд-Касл и во Франции. Он, Пенелопа, Жак и Сюзанна, дети — все собирались вместе на рождественские или летние каникулы: вкусная еда, хорошее вино, много смеха и великие планы на будущее. «Жак, несомненно, самый мудрый, самый осмотрительный. До обвинения АМГ я считал его наиболее вероятным своим преемником на посту тайбаня. Но теперь все иначе, теперь он должен показать себя, чтобы я убедился. Извини, дружище, но ты обязательно подвергнешься проверке».

— Я тут произвожу кое-какие организационные перестановки, — сообщил Данросс. — Линбар, как ты знаешь, улетел сегодня в Сидней. Я собираюсь оставить его там на месяц, чтобы он постарался осуществить слияние с «Вулара». Многого я от него не жду. Хочу, чтобы Австралию взял на себя ты. — Он заметил, как глаза Жака на секунду расширились, но не смог понять, что тому причиной: озабоченность или радость. — Я привел в действие наш план по Тода и хо...

— И как он это воспринял?

— Заглотил наживку вместе с крючком.

— Merde, но это же здорово. — Данросс увидел, как Жак расцвел, и не заметил за этим никакого притворства. Жак был одним из главных разработчиков схемы морских перевозок: он колдовал над тонкостями финансирования. — Какая досада, что бедняга Джон так ничего и не узнает.

— Да. — Джон Чэнь работал вместе с Жаком де Виллем. — Ты Филлипа видел?

— Я с ним ужинал вчера вечером. Бедолага постарел лет на двадцать.

— Ты тоже.

Галльское пожатие плечами.

— Жизнь, mon ami! Но да, да, я печалюсь о бедной Аврил и бедном Борже. Извини, пожалуйста, перебил тебя.

— Я хочу, чтобы ты принял на себя Австралазию²⁹⁶ — начиная с сегодняшнего дня — и отвечал за реализацию всех наших планов по Австралии и Новой Зеландии. Месяц держи это при себе — я скажу об этом только Эндрю, — но собирайся и готовься уезжать.

— Хорошо. — Жак замялся.

— Что-то не так? Ведь Сюзанне в Гонконге никогда не нравилось — и у тебя там проблем не будет, верно?

— О да, тайбань. После этого несчастного случая... Честно говоря, я и сам собирался поинтересоваться, нельзя ли мне куда-нибудь уехать на время. Сюзанне здесь тоскливо и... Но я хотел спросить, нельзя ли мне взять примерно на год Канаду.

Эта новая мысль Данросса удивила.

²⁹⁶ В Австралазию входит Австралия, Новая Зеландия, Новая Гвинея и многочисленные близлежащие острова поменьше, в большинстве своем составляющие восточную часть Индонезии.

— Вот как?

— Да. Я подумал, что там могу быть полезен. У меня хорошие связи среди франкоканадцев, очень хорошие. Возможно, нам удастся перевести канадский офис «Струанз» из Торонто в Монреаль или Оттаву. Оттуда я мог бы помочь во многом. Если наш японский проект заработает, нам потребуется целлюлоза, лес, медь, пшеница, уголь и ещё с десятков других видов канадского сырья. — Он несмело улыбнулся, а потом торопливо продолжил: — Мы оба знаем, как рвется назад кузен Дэвид, и я подумал, что, если я переберусь в Канаду, он может вернуться сюда. И он ведь на самом деле лучше подготовлен для работы здесь, для того, чтобы иметь дело с Австралией, чем я, non? Он говорит по-кантонски, немного по-японски, а также читает и пишет по-китайски, а я ничего этого не умею. Но как скажешь, тайбань. Если хочешь, буду заниматься Австралией. Переменить все хотелось бы, это верно.

Данросс погрузился в размышления. Он решил удалить Жака из Гонконга на то время, пока не выяснит истину. Куда проще было бы потихоньку обратиться к Кроссу или Синдерсу и попросить их разузнать что-нибудь через свои источники, понаблюдать за Жаком и проверить его. Но Жак — член внутреннего правления. Вмешательство извне чревато тем, что выплывут наружу семейные тайны, в которые он посвящен, и прочая секретная информация.

«Нет, гораздо лучше иметь дело со своими. Может, времени потребуется больше, но я выясню, кто он на самом деле. Так или иначе, я узнаю истинное лицо Жака де Вилля.

Но Канада?

По логике вещей Жаку там будет лучше. Лучше будет и „Струанз“ — можно было додуматься до этого и самому, — он ни разу не дал повода усомниться в своей преданности делу или остроте ума. Бедный старина Дэвид действительно уже два года стонет, желая вернуться. Такую перестановку сделать легче. Жак прав. Дэвид лучше подготовлен, чтобы заниматься Австралией, а Австралия и Новая Зеландия для нас гораздо более важны, чем Канада, гораздо более важны — они просто жизненно необходимы, как сокровищница всей Азии. Если Жак невиновен, он сможет помочь нам в Канаде. Если виновен, там вреда от него будет меньше».

— Я подумаю, — пообещал Данросс, хотя на самом деле уже принял решение произвести замену. — Держи это при себе, окончательно все решим в воскресенье.

Жак поднялся и протянул руку.

— Спасибо, mon ami.

Данросс пожал её. Но про себя подумал, друга это рука или иуды.

Он остался один, и снова навалился груз проблем. Зазвонил телефон, потребовалось решить один вопрос, потом другой, третий... Номер Типтопа по-прежнему был занят. Данросс попросил, чтобы к нему поднялся Филлип, и все это время им владело такое ощущение, будто он куда-то проваливается. И тут он поймал на себе взгляд Дирка Струана. Тот смотрел на него усмехаясь с картины на стене — невероятно уверенный в себе, заносчивый, хозяин целого флота клиперов, самых красивых кораблей из всех, что созданы руками человека. И, как и всегда, стало легче.

Встав из-за стола, он остановился перед Тайбанем.

— Господи, не знаю, что бы я делал без тебя, — проговорил он вслух, вспомнив, что Дирк Струан нес на своих плечах бремя гораздо более серьезных забот и со всеми справлялся. Лишь буря, ярость стихий, погубила его в расцвете лет: ведь ему, признанному воителю Гонконга и всей Азии, было всего сорок три.

«Всегда ли „умирают молодыми те, к кому благоволят боги"?²⁹⁷ — спрашивал

²⁹⁷ Это выражение, которое цитируют многие авторы, в том числе Оскар Уайльд, связывают с

себя Данросс. — Дирк был ненамного старше меня, когда „дьявольские ветры“ Великого тайфуна разметали нашу только что построенную факторию в Хэппи-Вэлли и погребли его под обломками. Молод он был или стар? Я себя старым не чувствую. Неужели так и суждено было умереть Дирку? Не своей смертью? В шторм? Молодым? Погибнуть по воле неистовой природы? Или это выражение значит, что те, к кому благоволят боги, умирают молодыми в душе?»

— Ничего, — обратился он к своему наставнику и другу. — Хотел бы я быть знакомым с тобой. Скажу честно, Тайбань, уповаю перед Господом, что жизнь после смерти все же есть и через много-много лет я смогу поблагодарить тебя лично.

Снова исполнившись уверенности, он вернулся за стол. В верхнем ящике лежала матрица Четырехпалого У. Он коснулся её пальцами, поглаживая. «Как выбраться из этой ловушки?» — мрачно спросил он себя.

Раздался стук в дверь. Вошёл Филлип Чэнь. За последние несколько дней он сдал.

— Боже милостивый, тайбань, что нам делать? Девять пятьдесят! — выпалил он с порога, нервно подвизгивая. — Впору волосы на голове рвать! *Цзю ни ло мо*, из-за этого бума, как ты помнишь, я покупал по двадцать восемь девяносто, вложил каждый пенни свободных денег и ещё намного больше, а Диана, купив по двадцать восемь восемьдесят, продала по шестнадцать восемьдесят и теперь требует, чтобы я возместил разницу. О-хо, что нам делать?

— Молиться — и самим не плошать. Тебе удалось связаться с Тип-топом?

— Э... нет, нет, тайбань. Я набирал его номер каждые пять минут, но телефон по-прежнему выключен. Я попросил своего родственника в телефонной компании проверить. Он сказал: в доме на обеих линиях сняты трубки.

— Что посоветуешь?

— Посоветую? Не знаю, думаю, нужно послать нарочного, но я не хотел этого делать, не посоветовавшись с тобой... А тут ещё наши акции падают, в банках наплыв вкладчиков, которые спешат снять свои деньги, и бедный Джон, и репортеры осаждают... все мои акции упали, все! — Старик зашелся в пароксизме, осыпая грязными кантонскими ругательствами Горнта, его предков и потомков. — Если рухнет «Вик», что нам делать, тайбань?

— «Вик» не рухнет. Если Типтоп подведет, губернатор, несомненно, объявит понедельник нерабочим днем для банков. — Данросс уже известил своего компрадора о разговорах с Типтопом, Юем, Джонджоном и Хэвегиллом. — Давай, Филлип, думай! — добавил он, будто сердясь, нарочито резким тоном, чтобы помочь старику. — Не могу же я взять и послать этого, черт возьми, нарочного, чтобы он сказал: «Вы намеренно сняли трубку со своего проклятого телефона!»

Филлип Чэнь сел: сердился тайбань нечасто, и это заставило старого компрадора немного собраться.

— Извини, да, извини, но все... и Джон, бедный Джон...

— Когда похороны?

— Завтра, завтра в десять, по христианскому обряду, а в понедельник — китайские. Я... я подумал, может, ты скажешь пару слов, завтра?

— Конечно, конечно скажу. Ну, так и что насчет Типтопа? Филлип Чэнь сосредоточился, и было видно, как тяжело ему дается это усилие. В конце концов он выдал:

— Пригласи его на скачки. В свою ложу. Он никогда там не был, и для него это будет очень лестно. Да, вот так. Можешь сказать... Нет, извини, мысли путаются.

героями древнегреческого мифа Агамедом и Трофонием, которые, построив храм Аполлона в Дельфах, потребовали у Стреловержца платы за работу. Бог обещал им уплатить на седьмой день, а в седьмую ночь братья умерли во время сна.

Лучше, гораздо лучше будет, тайбань, если я напишу. Я напишу ему записку и предложу это от твоего имени. Упомяну, что ты хотел сделать это лично, но телефон, к сожалению, не работал. Тогда, если он не захочет прийти или не разрешит начальство, его репутация не пострадает и твоя тоже. Я мог бы добавить ещё: «Кстати, Благородный Дом уже отправил по телексу заказы на поставку тория в Сидней...» — Лицо Филлипа Чэня чуть просветлело. — Для нас это будет очень выгодное дело, тайбань, предложена такая цена... Я проверил расценки. Мы без труда сможем поставлять, сколько потребуется, и получать конкурентоспособные предложения из Тасмании, Южной Африки и Родезии. А-а! Почему бы не послать молодого Джорджа Трасслера из Сингапура в Йоханнесбург и Солсбери²⁹⁸ на разведку насчет тория, — Филлип Чэнь помедлил, — и... э-э... некоторого другого сырья для аэрокосмической промышленности? Я тут кое-что быстренько проверил, тайбань. Поразительное дело: если не считать России, почти девяносто процентов всех запасов ванадия, хрома, платины, марганца, титана в свободном мире — а все это жизненно важно для аэрокосмической промышленности и ракетостроения — приходится на южную часть Родезии и Южную Африку. Только представь! Девяносто процентов, если не считать России. Я и понятия не имел, какое огромное значение для свободного мира имеет этот регион со всем его золотом, алмазами, ураном, торием и бог знает каким ещё стратегическим сырьем. Трасслер мог бы также выяснить, нельзя ли нам открыть там офис. Он парень смысленный, и ему пора делать следующий шаг по карьерной лестнице. — Теперь, когда его голова была полностью занята, старику дышалось легче. — Да. Это дело и... э-э... поставки для мистера Юя могут иметь для нас огромное значение, тайбань. Я уверен, что это можно проверить очень тонко. — Он взглянул на Данросса. — Я упомянул бы Типтопу и про Трасслера, что, мы, мол, посылаем одного из менеджеров, члена семьи, для подготовки.

— Отлично. Вот и займись этим сразу же. — Данросс нажал клавишу интеркома. — Клаудиа, соедините, пожалуйста, с Джорджем Трасслером. — Он снова взглянул на Филлипа. — Почему Типтоп отключился?

— Чтобы поторговаться, оказать на нас давление, получить больше уступок.

— Нам и дальше звонить ему?

— Нет. После того как ему вручат послание, он позвонит сам. Он понимает, что мы не дураки.

— А когда он позвонит?

— Когда у него будет разрешение, тайбань. Не раньше. До десяти утра в понедельник, когда должны будут открыться банки. Предлагаю сказать этой падали собачьей Хэвегиллу и Джонджону, чтобы они тоже не звонили: зачем мутить и без того мутную воду? На головастика акулу не ловят.

— Хорошо. Не переживай, Филлип, — сочувственно произнес Данросс, — мы выберемся из этой заварухи.

— Не знаю, тайбань. Надеюсь. — Филлип Чэнь устало потер воспаленные глаза. — Диана... эти проклятые акции! Я не вижу выхода из этой трясины. Э-э...

Его прервала Клаудиа по интеркому:

— Мастер Трасслер на линии два.

— Спасибо, Клаудиа. — Он ткнул клавишу линии два. — Привет, Джордж, как там в Сингапуре?

— Добрый день, сэр. Прекрасно, сэр, жарко и дождь, — слышался веселый, бодрый голос. — Вы меня приятно удивили. Чем могу быть полезен?

— Я хочу, чтобы ты первым же самолётом вылетел в Йоханнесбург. Прямо

²⁹⁸ Солсбери (ныне Хараре) — столица Южной Родезии (ныне Зимбабве).

сейчас. Сообщи по телексу номер рейса и название отеля и позвони, как прибудешь, из отеля в Йоханнесбурге. Все понял?

Последовала легкая заминка, и беззаботности в голосе стало меньше.

— В Йоханнесбург, тайбань? Это Южная Африка?

— Да. Ближайшим рейсом.

— Лечу. Что-нибудь ещё?

— Нет.

— Хорошо, тайбань. Лечу. Пока!

Данросс положил трубку. «Замечательная штука — власть, — с огромным удовлетворением подумал он, — особенно если ты тайбань». Филлип встал.

— Я тогда сразу сяду за письмо.

— Минуточку, Филлип. У меня возник ещё один вопрос, требующий твоего совета. — Он открыл ящик стола и вынул матрицу. Кроме Данросса и его ныне здравствующих предшественников-тайбаней во всем мире лишь Филлип Чэнь знал тайну четырех монет. — Вот. Это мне да...

Данросс осекся и застыл. Он был не готов к эффекту, который матрица произвела на его компрадора. Глаза Филлипа Чэня чуть не вылезли из орбит, рот судорожно раскрылся так, что обнажились все зубы. Словно во сне, каким-то замедленным движением он протянул руку, взял матрицу дрожащими пальцами и стал рассматривать её вблизи, беззвучно шевеля губами.

И тут сознание Данросса осветило яркой взрывной вспышкой: до него дошло, что половинка монеты, должно быть, принадлежала Филлипу Чэню, что её украли у него. Ну конечно! Из груди Данросса рвался крик. Должно быть, Жэнь-гуа дал одну из четырех половинок сэру Гордону Чэню! Но почему? Какая связь между семьей Чэнь и мандарином гунхана могла заставить Жэнь-гуа сделать такой ценный подарок сыну-евразийцу Дирка Струана?

Все так же, как при замедленной съемке, старик поднял голову и, прищурившись, посмотрел на тайбаня. Его губы шевелились. Но беззвучно. Потом он, задышавшись, выдавил из себя:

— Бар... это уже... дал тебе Бартлетт?

— Бартлетт? — не веря своим ушам, повторил Данросс. — Какое, во имя Христа, Бартлетт имеет отноше... — Он замер, потому что сознание озарила новая вспышка, ещё несколько частей головоломки с грохотом встали на свои места.

«Бартлетт! Его подозрительная осведомленность... Тайны, которые он мог узнать только от одной из семи персон, самых доверенных людей, вне всяких подозрений! Филлип Чэнь — самое невероятное предположение из всех!

Филлип Чэнь — предатель! Филлип Чэнь заодно с Бартлеттом и Кейси... Это Филлип Чэнь нас всех продал, передал секреты и передал половинку монеты».

Его охватила слепящая ярость. Пришлось призвать на помощь весь свой опыт, чтобы не дать ей воли. Не помня себя от бешенства, он вскочил, подошел к окну и уставился в него. Сколько он так простоял, неизвестно. Но когда обернулся, голова уже работала четко, выявив кардинальную ошибку в его собственных логических построениях.

— Ну так что? — проговорил он леденящим тоном.

— Тайбань... тайбань... — судорожно начал старик, ломая руки.

— Говори правду, компрадор. Ну!

От этого «ну» Филлип пришел в ужас.

— Это... это Джон, — в слезах выдавил он из себя. — Это не я, кля...

— Я знаю! Быстрее, черт возьми!

Филлип Чэнь выложил ему все: как взял ключ сына и открыл депозитную ячейку, как обнаружил переписку Джона с Бартлеттом и второй ключ, как во время вечеринки в Большом Доме его вдруг посетило дурное предчувствие, как он выкопал такой

секретный сейф в саду и обнаружил самое ужасное. Он даже рассказал, как поссорился с Дианой, как они предположили, что монета могла оказаться на Джоне Чэне, и как после звонка Вервольфа она предложила позвонить его родственнику, Четырехпалому У, чтобы его уличные бойцы сопровождали Филлипа, а потом последовали бы за теми...

У изумленного Данросса даже рот раскрылся, но Филлип Чэнь этого не замечал и продолжал, обливаясь слезами, бессвязно излагать, как он лгал полиции и отдал кейс с деньгами юнцам Вервольфам, которых никогда бы не узнал, и как уличные бойцы Четырехпалого, которые должны были охранять его, не перехватили Вервольфов, не вернули Джона и не вернули денег.

— Это правда, тайбань, вся правда, — хныкал он, — и больше ничего... ничего. Ничего до сегодняшнего утра, когда тело моего бедного сына нашли в Шатине с этой гнусной надписью на груди...

Данросс беспомощно пытался собраться с мыслями. Он не знал, что Четырехпалый — родственник Филлипа. Не мог он представить также, как старому моряку удалось заполучить половинку монеты — если только У сам не верховодит Вервольфами или не якшается с ними. А может, Четырехпалый действовал заодно с Джоном Чэнем, разработавшим план фальшивого похищения, чтобы выжать деньги из ненавистного отца? Ну а потом Четырехпалый и Джон Чэнь не ладили, или... Или что?

— Каким образом Джону Чэню стали известны наши секреты? Как он получил сведения, которые передал Бартлетту, — про структуру дома? А?

— Я не знаю, — солгал старик.

— Должно быть, ты рассказал Джону. Об этом знают только ты, Аластэр, мой отец, сэр Росс, Гэваллан, де Вилль и я, а из них только первым четверым известна структура!

— Я не говорил ему... Клянусь, не говорил.

Внутри Данросса снова заклокотала ослепляющая ярость, но он снова её сдержал.

«Давай рассуждать логично, — сказал он себе. — Филлип больше китаец, чем европеец. Веди себя с ним как с китайцем! Где связь? Недостающая часть этой головоломки?»

Пытаясь найти ответ, Данросс впился глазами в старика. Он ждал, понимая, что молчание — сильнейшее оружие, защищаешься ты или атакуешь. «В чем разгадка? Филлип никогда не сообщил бы Джону такие секретные сведения, значит...»

— Господи боже! — вырвалось у него, когда в голову вдруг пришла эта мысль. — Ты вел записи! Тайные записи! Вот как это стало известно Джону! Из твоего сейфа! Да?

Филлип замер в ужасе от дьявольской ярости тайбаня и, прежде чем смог остановиться, выпалил:

— Да... да... мне пришлось согласиться... — Он замолк, пытаясь овладеть собой.

— Пришлось? Почему? Выкладывай, черт побери!

— Потому... потому что отец перед тем, как... передать мне дом и половинку монеты... взял с меня клятвенное обещание, что я буду вести учет тайных сделок... Благородного Дома, чтобы защитить дом Чэнь. Только для этого, тайбань, это никогда не предполагалось использовать против тебя или дома, лишь для защиты...

Данросс смотрел на него не отрываясь, ненавидя его, ненавидя Джона Чэня за то, что тот предал «Струанз», впервые в жизни ненавидя своего наставника Чэнь-чэня. Он был так взбешен их предательством, что его мутило. Потом вспомнилось одно из давних наставлений Чэнь-чэня юному Данроссу, когда тот чуть не плакал от злости из-за несправедливости отца и Аластэра: «Не поддавайся гневу, Иэн, всегда оставайся спокойным. Я говорил то же самое Кулуму и Карге, когда они

были такими же юными. Кулум пропускал это мимо ушей, а вот Карга — нет. Так ведут себя люди цивилизованные: не поддавайся гневу, оставайся спокойным!»

— Значит, у Бартлетта вся наша структура, наши балансы. Что у него есть ещё?

Филлип Чэнь лишь трясся, уставившись на него бессмысленным взглядом.

— Ну, давай, бога ради, Филлип, думай! У нас у всех есть тайны, много тайн! И у тебя они есть, и у Карги, и у Чэнь-чэня, и у Шити Чжуна, и у Дианы... Ради бога, какие ещё документы мог передать Джон? — Накатилась волна тошноты, когда он вспомнил свои подозрения о связи между Банастасио, Бартлеттом, «Пар-Кон», мафией и винтовками. «Господи, если наши тайны попадут не в те руки...» — Ну?

— Я не знаю, не знаю... Что... что просил Бартлетт? Монету? — И тут Филлип вскричал: — Она моя, она принадлежит мне!

Руки Филлипа затряслись, лицо вдруг посерело. Данросс достал из бара графин с бренди, налил немного в стакан и принес ему. Старик благодарно выпил, чуть не захлебнувшись.

— Спа... спасибо.

— Езжай домой и привези все... — Данросс остановился и ткнул клавишу интеркома. — Эндрю?

— Да, тайбань, — послышался голос Гэваллана.

— Ты не мог бы подойти на минуту? Я хочу, чтобы ты съездил с Филлипом к нему домой. Он неважно себя чувствует, нужно привезти от него кое-какие бумаги.

— Иду.

Данросс не спускал глаз с Филлипа.

— Тайбань, что, что Бар...

— Не смей даже приближаться к ним, или ты покойник! И передай Эндрю всё: письма Джона, письма Бартлетта — всё, — приказал Данросс леденящим тоном.

— Тайбань...

— Всё. — Голова раскалывалась, столько внутри накопилось ярости. Хотелось добавить: «Насчет тебя и дома Чэнь я приму решение за выходные». Но он промолчал. «Не впадай в ярость, оставайся спокойным», — звучало в ушах.

Явилась Кейси. Данросс вышел ей навстречу. В руках она держала зонтик и снова была в светло-зеленом платье, которое прекрасно оттеняло волосы и глаза. Под глазами Данросс заметил тени. От этого она казалась ещё более желанной.

— Извините, что заставил ждать. — Он тепло улыбнулся, но теплота была деланная. Он ещё не оправился от потрясения, вызванного Филлипом Чэнем.

Рука у неё была прохладной и приятной.

— Спасибо, что согласились встретиться. Я знаю, у вас полно забот, поэтому сразу перейду к делу.

— Сначала чай. Или, может быть, хотите выпить?

— Нет, спасибо, никаких крепких напитков, да и не хочется доставлять вам хлопоты.

— Какие хлопоты? Я все равно собирался пить чай. Сейчас без двадцати пять, самое время.

Словно по волшебству дверь открылась, и слуга в ливрее внес серебряный поднос с чаем для двоих. К чаю были поданы тонко намазанные маслом тосты и горячие булочки на серебряном блюде с подогревом. Слуга налил чай, темно-коричневый, крепкий, и вышел.

— Это «дарджилинг», один из брендов нашего дома. Мы торгуем им с тысяча восемьсот тридцатого года. — Он с удовольствием пил чай маленькими глотками, как всегда с благодарностью поминая того безвестного английского гения, который придумал ставшее традиционным послеполуденное чаепитие: это непонятным образом рассеивало заботы дня и заставляло взглянуть на мир шире. — Надеюсь,

вам понравится.

— Замечательный, может, чуть крепкий для мсн. Я пила чай около двух ночи и точно — взбодрилась.

— Вот как? Вы ещё не привыкли к разнице во времени? Она покачала головой и рассказала про Питера Марлоу.

— О! Какое несчастье! — Он ткнул клавишу интеркома. — Клаудиа, позвоните в родильный дом Натан и выясните, как там миссис Марлоу. И пошлите цветы. Спасибо.

Кейси нахмурилась.

— Откуда вы знаете, что она именно в Натан?

— Доктор Тули всегда направляет туда своих пациенток. — Он пристально наблюдал за ней, пораженный доброжелательным выражением её лица. И это при том, что «Пар-Кон» явно пытается саботировать сделку. «Если она не спала почти всю ночь, тогда понятно, откуда тени, — думал он. — Ну, тени не тени, а берегитесь, юная леди, сделку мы заключили». — Ещё чашку? — заботливо спросил он.

— Нет, спасибо, этого довольно.

— Рекомендую булочки. Мы едим их вот так: намазываем сверху большую порцию девонширских сливок с комочками, в середину добавляем чайную ложку домашнего клубничного джема, и... фокус-покус! Прошу!

Она нехотя взяла булочку. Булочка была маленькая, всего на один укус. Она тут же исчезла.

— Фантастика, — охнула она, стирая с губ остатки сливок. — Но сколько калорий! Нет, на самом деле, не надо больше, спасибо. Как приехала сюда, только и делаю, что ем.

— Но это никак не сказывается.

— Скажется. — И Кейси улыбнулась в ответ. Она сидела в глубоком кресле с высокой спинкой, а между ними стоял чайный столик. Американка переложила ногу на ногу, и Данросс ещё раз убедился, что Гэваллан подметил верно: её ахиллеса — нетерпение. — Так можно я начну? — спросила она.

— Вы уверены, что больше не хотите чаю? — Он нарочно старался вывести её из равновесия.

— Нет, спасибо.

— Тогда с чаем покончено. Что там у вас затевается? Кейси глубоко вздохнула.

— Создается впечатление, что «Струанз» в очень тяжелом положении и скоро может разориться.

— Пожалуйста, об этом не переживайте. На самом деле у «Струанз» все замечательно.

— Может, вы и правы, тайбань, но нам так не кажется. Или людям посторонним. Я проверяла. Почти все, похоже, считают, что Горнт и — или — «Виктория» доведут этот рейд до конца. Все почти единогласно держат большой палец вниз. Теперь наша сделка...

— У нас договоренность до вторника. Мы согласились на этом. — Его голос зазвучал резче. — Надо ли понимать, что вы хотите отказаться от соглашения или изменить его?

— Нет. Но при теперешней ситуации было бы сумасшествием продолжать в том же духе. Поэтому у нас две альтернативы: мы должны или выбирать «Ротвелл-Горнт», или помочь вам — предпринять какую-то спасательную операцию.

— Вот как?

— Да. У меня есть план, план, в котором мы заинтересованы. Возможно, он поможет вам выкрутиться и заработать для нас всех целое состояние. О'кей? На долгосрочную перспективу вы для нас лучший выбор.

— Благодарю вас. — Он не верил ей и был весь внимание, прекрасно понимая,

что любая предложенная ею уступка будет непомерно дорогой.

— Попробуйте вот что. Наши банкиры — Первый центральный банк Нью-Йорка, их здесь ненавидят. Им безудержно хочется вернуться в Гонконг, однако новой лицензии им больше не получить, верно?

При этом повороте интерес Данросса возрос.

— И что?

— А вот что. Не так давно они купили небольшой иностранный банк с филиалами в Токио, Сингапуре, Бангкоке и Гонконге — «Ройял Белджэм энд Фар Ист бэнк». Банк крошечный, ничего собой не представляет, и за все они заплатили три миллиона. В Первом центральном попросили, если наша сделка состоится, проводить деньги через «Ройял Белджэм». Вчера вечером я познакомилась с Дэйвом Мэртагом, управляющим этим банком, так он весь изныл: дела идут плохо, их выдавливает отовсюду здешний истеблишмент, и, хотя за ними стоят огромные долларовые ресурсы Первого центрального, почти никто не хочет открывать счета и делать вклады в гонконгских долларах, которые им нужны для займов. Вы знаете про этот банк?

— Да, — подтвердил он, не понимая, к чему она ведет. — Но я понятия не имел, что за ними стоит Первый центральный. Не думаю, что многие об этом знают. Когда его выкупили?

— Пару месяцев назад. Так вот: что, если «Ройял Белджэм» проавансирует вам в понедельник сто двадцать процентов покупной цены двух судов «Тода»?

Данросс уставился на неё открыв рот: она застала его врасплох.

— А что будет гарантией?

— Суда.

— Невозможно! На это не пойдет ни один банк!

— Сто процентов для «Тода», а двадцать процентов для покрытия всех фиксированных издержек, страховки и первых месяцев эксплуатации.

— При отсутствии движения наличности и без определенного фрахтователя? — недоверчиво спросил он.

— А разве нельзя зафрахтовать их через шестьдесят дней, чтобы появилась наличность, с которой вы могли бы соблюсти сносный график выплат?

— Легко.

«Господи боже, если я смогу сразу заплатить „Тода“, появится возможность задействовать мою схему по обратной аренде с первыми двумя судами и не нужно будет ждать». Он ухватился за эту надежду, прикидывая, сколько это будет стоить, сколько это будет стоить на самом деле.

— Это предположение или они действительно так сделают?

— Могут и сделать.

— В обмен на что?

— В обмен на вклад пятидесяти процентов всей иностранной валюты «Струанз» на пять лет; на обещание, что вы будете хранить у них свои вклады наличными в среднем на сумму от пяти до семи миллионов гонконгских долларов — это от одного до полутора миллионов американских; что в течение пяти лет этот банк будет для вас вторым по значению банком в Гонконге, а Первый центральный — вашим первым американским банком по займам вне Гонконга. Что скажете?

Ему пришлось призвать все, чему его учили, чтобы не заорать от радости.

— Это твердое предложение?

— Думаю, да, тайбань. Я в этом не сильно разбираюсь — никогда судами не занималась, но сто двадцать процентов — просто фантастика, остальные условия — тоже о'кей. Не знаю, насколько мне стоит ввязываться в переговоры относительно условий, но я сказала ему, что все должно быть по-честному, или ему не видать успеха даже на первом этапе.

Внутри у Данросса все похолодело.

— У директора местного филиала вряд ли есть полномочия делать такие предложения.

— Мэртаг тоже это отмечал, но, по его словам, у нас впереди выходные, и, если вы соглашаетесь на эту схему, он садится на телефон.

Данросс в замешательстве откинулся на спинку кресла. Отставив в сторону три самых важных вопроса, он предложил:

— Давайте вернемся к этому позже. Какова будет ваша роль?

— Скажу, но не сейчас. Мэртаг предлагает ещё одну хитрую штуку. Я считаю, он сбрендил, но он говорит, что попробует убедить своих «шишек» предоставить возобновляемый кредит на сумму пятьдесят миллионов американских долларов против стоимости невыпущенных акций в вашем портфеле. Так что вы сможете вздохнуть свободно. Если дело выгорит...

На спине и на лбу Данросса выступил холодный пот. Он прекрасно понимал, каким огромным может оказаться риск, независимо от размера банка. С усилием он заставил сознание работать. Заплатив за суда и получив такой возобновляемый фонд, он может отбить атаку Горнта и свести её на нет. «А если Горнт будет нейтрализован, снова смиренно вернется „Орлин“, потому что „Струанз“ всегда были хорошим клиентом. К тому же разве Первый центральный не входит в консорциум „Орлин мерчант банк“?»

— Ну, а что наша сделка?

— Все остается как есть. Вы объявляете о ней в удобное для нас — вас и «Пар-Кон» — время, как и договорились. Если — а это большое «если» — Первый центральный пойдет на риск, и вы, и мы можем сорвать куш, настоящий куш, купив акции «Струанз» в понедельник утром по девять пятьдесят. Ведь они должны взлететь до двадцати восьми или даже до тридцати, верно? Единственное, чего я не представляю, так это как быть с банковской паникой.

Данросс вынул носовой платок и, несколько не смущаясь, вытер лоб. Потом встал и налил две порции бренди с содовой. Он подал один стакан ей и снова уселся в кресло. Голова шла кругом: то абсолютная опустошенность, то его распирает от счастья, которое тут же сменяется беспокойством и болью. Надежды, страх, вопросы и ответы, планы и контрпланы.

«Господибожемой», — простонал он мысленно, стараясь успокоить себя.

Бренди был хорош на вкус. Внутри разлилось приятное тепло. Он обратил внимание, что Кейси напиток лишь пригубила и, отставив, воззрилась на него. Когда голова прочистилась и все встало на свои места, он поднял на неё взгляд:

— Что взамен?

— О всех деталях сделки вам нужно договариваться с «Ройял Белджэм». Я недостаточно четко представляю, каковы ваши чистые денежные потоки²⁹⁹. Процентные ставки будут крутые, но они стоят того, чтобы отвести угрозу краха. Вам придется предоставлять личную гарантию за каждый цент.

— Боже!

— Да. Плюс репутация. — Её голос зазвучал тверже. — Вы рискуете репутацией, имея дело с «трусливыми ублюдками». Разве не так леди Джоанна назвала людей из Первого центрального? И ведь с каким огромным и нескрываемым ехидством она произнесла эти слова: «Ну что же вы хотите? Ведь они...» Думаю, она хотела сказать «американцы». — Глаза Кейси стали какими-то матовыми, и Данросс ощутил исходящий изнутри сигнал опасности. — Сука старая.

²⁹⁹ Чистый денежный поток — разница между денежными поступлениями и выплатами компании за определенный период.

— Вообще-то, вы неправы, — возразил он. — Леди Джоанна чуть язвительна и грубовата, но обычно ведет себя нормально. Просто она, как это ни печально, не жалуется американцев. Это у неё, я полагаю, уже навязчивая идея. Видите ли, её муж, сэр Ричард, погиб при Монте-Кассино, в Италии, под бомбами, сброшенными с американского самолёта, который принял английские части за нацистов.

Кейси охнула.

— Теперь понятно.

— Что нужно «Пар-Кон»? И что хотите вы и Линк Бартлетт?

Она помолчала, потом, отогнав мысли о леди Джоанне, снова сосредоточилась.

— «Пар-Кон» нужно долговременное соглашение со «Струанз» — на правах Старых Друзей. — На её лице заиграла странная улыбка. — Я выяснила, что значит выражение Старый Друг для китайцев, и хочу, чтобы именно так строились ваши отношения с «Пар-Кон». Статус Старого Друга с того момента, как сработает «Ройял Белджэм».

— Что ещё?

— Это значит «да»?

— Мне хотелось бы знать все условия, прежде чем я соглашусь хотя бы на одно.

Она отпила бренди.

— Линк ничего не знает. Ему ничего не известно обо всем этом.

— Что вы сказали? — Она снова застала его врасплох.

— Линк ещё не знает про «Ройял Белджэм», — как ни в чем не бывало произнесла она. — Я обговорила все это с Дэйвом Мэртагом сегодня. Не знаю, можно ли считать, что я оказываю вам услугу, потому что ваша... потому что под удар вы ставите себя, лично себя. Но не исключено, что это поможет снять с крючка «Струанз». Тогда наша сделка сработает.

— А вы не считаете, что вам следует проконсультироваться с вашим бесстрашным лидером? — спросил Данросс, пытаясь продумать, что может повлечь за собой столь неожиданный оборот.

— Исполнительный директор я, и сделкой со «Струанз» занимаюсь я. Нам это не будет стоить ничего. Чтобы вытащить вас из западни, достаточно нашего влияния, но на то оно и влияние. Я хочу, чтобы наша сделка состоялась, и не желаю победы Горнта.

— Почему?

— Я уже сказала. Вы для нас лучший в плане долговременного сотрудничества.

— А вы, Сирануш? Чего хотите вы? За использование своего влияния? Казалось, глаза её стали ещё более матовыми, глубокого карего тона, как у львицы.

— Равенства. Я хочу, чтобы со мной обращались на равных, не относились снисходительно или с издевкой, как к женщине, пришедшей в бизнес при поддержке мужчины. Я хочу быть на равных с тайбаном Благородного Дома. И хочу, чтобы вы помогли мне получить мои «отвальные» — помимо всего прочего, что имеет отношение к «Пар-Кон».

— Второе не составляет труда, если вы готовы рискнуть. Что касается первого, я никогда не относился к вам снисходительно и не выказывал пренебрежения...

— Это делал Гэваллан и остальные.

— ...и никогда себе подобного не позволю. Что касается остальных, если они не относятся к вам, как хотелось бы, то покиньте стол переговоров и выйдите из боя. Не навязывайте им своего присутствия. Сделать вас равной я не могу. Вы не равная и никогда таковой не будете. Вы — женщина, а это мир мужчин, нравится вам это или нет. Особенно в Гонконге. И пока жив, я буду принимать это как есть и относиться к женщине как к женщине, кем бы, черт побери, она ни была.

— Тогда я вас... знаете что!

— И когда же это случится? — расплылся в улыбке он.

Она вдруг рассмеялась вслед за ним, и напряженности как не бывало.

— Так мне и надо, — заключила она. И снова засмеялась. — Действительно, поделом мне. Извините. Насколько понимаю, я потеряла задницу.

— Что вы сказали, простите?

Она объяснила, как переиначила выражение «потерять лицо». Он снова рассмеялся.

— Вы не потеряли. Вы приобрели. Она помолчала.

— Значит, что бы я ни делала, равенства мне никогда не видать?

— В бизнесе — нет, на тех же условиях, что и мужчины, — нет, и нет, если вы хотите быть от мира сего. Как я уже говорил, нравится это вам или нет, так устроен мир. И считаю, что вы не правы, пытаюсь изменить его. Карга, без всякого сомнения, обладала властью, какой не пользовался никто в Азии. И она добилась этой власти как женщина, а не как лицо среднего пола.

Протянув руку, Кейси взяла свое бренди, и легкая шелковая блузка натянулась под тяжестью груди.

— Как, черт возьми, мы можем не отдавать должного такому привлекательному и элегантному существу, как вы? Будьте справедливы!

— Я не прошу справедливости, тайбань, — только равенства.

— Вам ли быть недовольной? Вы же женщина.

— О да, я женщина, и ещё какая. — В её голосе послышались горькие нотки. — Я просто не хочу, чтобы меня ценили только за то, какой у меня зад. — Она сделала последний глоток и встала. — Ну так что, вы в деле? С «Ройял Белджэм»? Дэвид Мэртаг ждет звонка. Риск, конечно, большой, но стоит попробовать, верно? Может, съездите к нему, а не станете посылать за ним — репутация, понимаете, да? Ему во всем нужна будет ваша поддержка.

Данросс продолжал сидеть.

— Вы не присядете ни минутку? Если располагаете временем. Есть ещё пара вопросов.

— Конечно, просто не хотела занимать ваше время.

— Первое: что случилось с вашим мистером Стайглером?

— Что вы имеете в виду?

Он поведал ей рассказанное Доусоном.

— Сукин сын! — Она была явно раздражена. — Ему было велено подготовить документы, и всё. Я с ним поговорю. Юристы всегда считают, что имеют право затягивать переговоры — «улучшать сделку», как они выражаются, пытаюсь, насколько я понимаю, оказать на вас давление. У меня из-за них столько сделок расстроилось, вы представить себе не можете. Сеймур ещё лучше многих. Адвокаты — это чума Соединенных Штатов. Линк тоже так считает.

— А что Линк? — спросил он, вспомнив про два миллиона, которые тот авансировал Горнту для атаки на их акции. — Будет ли он на все сто за такой новый поворот дела?

— Да, — произнесла она после паузы. — Будет.

Данросс чувствовал, что чего-то не хватает, чтобы все встало на свои места.

— Значит, со Стайглером вы поговорите и все остается как прежде?

— Вам нужно будет, как мы договорились, оформить титул на суда, но это, видимо, не вопрос.

— Да, я с этим разберусь.

— И вы даете на все личную гарантию?

— О да, — беззаботно ответил Данросс. — Дирк все время так делал. Это привилегия тайбаня. Послушайте, Сирануш, я...

— Пожалуйста, называйте меня Кейси, тайбань. Сирануш осталась в другом времени.

— Хорошо. Кейси. Сработает это или нет, вы — Старый Друг, и я хочу выразить благодарность за вашу смелость, вашу личную смелость на пожаре.

— Я не смелая. Должно быть, это железы. — Она рассмеялась. — Не забывайте, над нашими головами ещё витает гепатит.

— Ох. Вы и про это не забыли.

— Да.

Она пристально смотрела на него, но, что у неё на уме, было не понять.

— Я помогу вам с «отвальными», — пообещал он. — Сколько вам нужно?

— Два миллиона, без налогообложения.

— Налоговое законодательство у вас весьма строгое. Вы готовы к тому, чтобы найти лазейку в законе?

Она задумалась.

— Каждый нормальный американец имеет право избегать налогов, но не должен уклоняться от них.

— Понятно. Значит, возможно, для вашей категории доходов вам потребуются все четыре миллиона?

— Категория у меня невысокая, хотя капитал высок.

— Сорок шесть тысяч долларов в Банке сбережений и кредитов Сан-Фернандо — не так уж много. — Он с мрачным удовольствием наблюдал, как она бледнеет. — И восемь тысяч семьсот долларов на чековом счете в Банке Лос-Анджелеса и Калифорнии тоже большой суммой не назовешь.

— Ублюдок.

— Просто у меня друзья наверху. Как и у вас. — И тут, словно между прочим, он расставил ловушку: — Не поужинаете ли вы с Линком Бартлеттом со мной сегодня?

— Линк занят.

— Тогда, может, вы? В восемь? Давайте встретимся в холле отеля «Мандарин».

Он уловил то, что она хотела скрыть, но не смогла, и почти физически ощутил, как вскипело волной её сознание. «Значит, Линк занят! И чем может быть занят Линк Бартлетт, если об этом говорится таким тоном? Орландой Рамуш? Должно быть, так, — рассуждал он про себя, довольный тем, что вычислил настоящую причину — настоящий ответ на вопрос, что подвигло Кейси помочь ему. — Орланда! Орланда ведет к Бартлетту и ведет к Горнту. Кейси в ужасе от Орланды. Но чем вызван этот ужас? Тем ли, что за натиском Орланды стоит Горнт, или это просто безудержная ревность? Желание отомстить, сделать так, чтобы Бартлетт покатился вверх тормашками?»

59

17:35

Кейси встала в одну из длинных очередей к турникету «Голден ферриз». Напирая друг на друга и толкаясь, люди торопились протиснуться по проходу, чтобы успеть на паром. Раздался резкий звук сигнального колокола, и те, кто шёл впереди, прибавили ходу. Кейси невольно тоже ускорила шаг. Шумная, разгоряченная человеческая масса вынесла её на паром. Найдя место, она села и стала уныло смотреть на гавань, размышляя, получилось ли у неё проверить свою часть сделки.

— Господи, Кейси, — воскликнул тогда Мэртаг, — да головной офис ни за что не пойдет на такое!

— Не пойдет, значит, упустит величайшую возможность в своей жизни. И ты тоже. Для тебя это прекрасный шанс — хватай его обеими руками! Только подумай, какое вы все заработаете лицо, если сейчас поможете «Струанз». Когда Данросс придет к тебе...

— Если придет!

— Придет. Я сделаю так, чтобы он пришел! А когда он придет, скажи, что все это придумал ты, а не я, и что ты...

— Но Кейси, не...

— Нет. Это должна быть твоя идея. Я поддержу тебя на тысячу процентов с Нью-Йорком. А когда Данросс придет к тебе, скажи, что помимо всего прочего хочешь статус Старого Друга.

— Господи, Кейси, мне и так хватает забот. Как я объясню этим тупицам дома, что такое Старый Друг и «лицо»?

— Так и не объясняй им ничего. Если ты это провернешь, станешь самым значительным американским банкиром в Азии.

«Да, — сказала себе Кейси, замирая в надежде, — а я вытащу Линка из ловушки Горнта. Я знаю, что права насчет Горнта».

— Ни черта ты не права, Кейси! — зло возразил на это сегодня утром Бартлетт. Впервые за всю историю их знакомства он разозлился на неё.

— Но это очевидно, Линк, — парировала она. — Я не пытаюсь вмешиваться...

— Как же, не пытаешься!

— Ты заговорил про Орланду, а не я! Ты соловьем разливался, рассказывая о ней. Ах, как она великолепно готовит, как прекрасно танцует, как замечательно одевается и как с ней здорово! Я ведь только спросила, хорошо ли ты провел время.

— Ну да, конечно. Слышала бы ты себя! Что за гнусный тон! Настоящая ревнивая мегера. И дурак поймет, что ты имела в виду. «Надеюсь, ты отвратительно провел время!»

«Линк прав, — мучительно думала Кейси. — Если он хочет провести ночь на стороне, это его дело. Мне следовало промолчать, как всегда, и не разводить антимоний. Но ведь сейчас все по-другому. Он в опасности и не понимает этого!»

— Боже мой, Линк, этой женщине нужны твои деньги и власть, больше ничего! Сколько ты с ней знаком? Пару дней. Где ты познакомился с ней? У Горнта. Должно быть, он ею и руководит! Таких хитрых типов ещё поискать! Я навела кое-какие справки, Линк. Он платит за её квартиру, оплачивает её счета. Она...

— Она все это мне рассказала, все про него и про неё, и это в прошлом! Можешь забыть про Орланду! Ясно? И перестань поливать её грязью. Поняла?

— У «Пар-Кон» многое поставлено на то, будет это Данросс или Горнт. И тот и другой воспользуются любыми тактическими приемами, чтобы подорвать твой авторитет, уложить или подвергнуть напад...

— И главное слово здесь «уложить»? Брось, Кейси, ради бога! Ты никогда раньше не была ревнивой, а сейчас, согласишься, тебя хоть связывай. Она — все, чего только может пожелать мужчина, а ты...

Она вспомнила, как он осекся. К глазам подступили слезы.

«Он прав, черт возьми! Я не такая. Я проклятый автомат для ведения бизнеса. Не женственная, как она. Меня нелегко затащить в постель. И мне не интересно быть домохозяйкой, по крайней мере пока. И у меня никогда бы не получилось, как у неё. Орланда мягкая, уступчивая, с золотистой кожей, замечательно готовит, прекрасное тело, великолепные ноги, хороший вкус, вышколенная и сексапильная. Господи, какая она сексапильная! И лишь одна мысль в её треклятой башке: как заполучить богатого мужа. Эта французенка права: Линк для любой никчемной куклы, азиатской авантюристки, — легкая пожива, простак, которого легко обвести вокруг пальца, а Орланда по этой части переплюнет всех в Гонконге.

Черт!

Но что бы ни говорил Линк, все же я права насчет неё и насчет Горнта. Или не права?

Давай смотреть правде в глаза: опереться мне не на что, кроме неясных слухов и собственной интуиции. Орланда обратила меня в бегство. Я улепетываю, сама не

своя от страха. Моя ужасная ошибка в том, что я вела себя с Линком так несдержанно. Вспомни, что он сказал перед тем, как вышел из люкса. Чтобы с этого момента ты, черт побери, не лезла в мою личную жизнь!

О боже!»

Дул приятный ветерок, паром летел через гавань, двигатели мерно работали, сампаны и другие лодки проворно уступали дорогу, низко нависшее небо было затянуто тучами. Не обращая на все это внимания, она смахнула слезы и, вынув зеркальце, проверила, не потекла ли тушь. Донесся гудок грузового парохода, величественно проплывавшего мимо с трепещущими на ветру флагами, но Кейси его не видела, как не заметила и громады ядерного авианосца, пришвартованного у Адмиральской пристани на гонконгской стороне.

— Давай-ка соберись, — пробормотала она, горестно обращаясь к своему отражению в зеркале. — Господи, ты выглядишь на все сорок.

На тесных деревянных скамьях было полно народу, и она неловко пошевелилась, зажатая между другими пассажирами, большинство которых составляли китайцы, хотя тут и там попадались увешанные фотоаппаратами туристы и другие европейцы. Нигде не оставалось ни дюйма свободного места: были забиты все трапы, все сиденья, и на обеих палубах группы пассажиров уже толпились на аппарели, готовясь сойти на берег. Сидевшие рядом китайцы, несмотря на неудобства, умудрялись читать газеты — так читают в метро. С той лишь разницей, что время от времени они шумно отхаркивались, чтобы прочистить горло. Один сплюнул. На переборке прямо перед ним красовалась огромная надпись на китайском и на английском: не плевать! штраф двадцать долларов. Он снова отхаркнулся, и Кейси захотелось выхватить у него газету и надавать ему по голове. В памяти всплыло сказанное как-то Тайбанем: «Мы уже больше ста двадцати лет пытаемся изменить их, но изменить китайцев не так-то просто».

«И не только их, — подумала она. Голова раскалывалась. — Не просто изменить все и вся в этом мире мужчин. Тайбань прав.

Ну, так и что же мне делать? С Линком? Менять правила или нет?

Я их уже изменила. Я уже действую через его голову со своей схемой спасения. Это во-первых. Говорить Линку о ней или нет? Данросс меня не выдаст, а Мэртаг припишет все себе, ему придется это сделать, если Первый центральный пойдет на мои условия. Когда-то сказать придется.

Но, сработает схема или нет, что будет с нами, Линком и мной?»

Она пыталась найти решение, уставя в пространство перед собой невидящий взгляд.

Паром уже подходил к причальной стенке терминала в Коулуне. Ему уступили дорогу два других парома, направлявшихся на гонконгскую сторону. Все вокруг повскакали и начали проталкиваться к аппарели с левого борта. Судно от этого слегка накренилось. «Господи, — взволнованно подумала Кейси, вырванная из своих размышлений, — нас ведь, должно быть, человек пятьсот на каждой палубе». Тут она сморщилась от боли, потому что какая-то нетерпеливая китайская матрона, протискивавшаяся мимо, наступила ей на ногу, но даже не заметила этого и устремилась дальше, к началу очереди, распахивая всех по дороге. От боли Кейси вскочила: хотелось отходить мерзавку зонтиком.

— Они просто что-то, верно? — мрачно пошутил стоявший за ней высокий американец.

— Что? О да, да... Просто что-то. Есть среди них такие.

Вокруг толпился народ, стискивая её все сильнее. От этой давки ей вдруг стало дурно, как в замкнутом пространстве. Почувствовав это, американец оттеснил людей корпусом, создав вокруг неё немного свободного места. Те, кого он отодвинул, уступали место с явным неудовольствием.

— Спасибо, — поблагодарила она: ей стало легче, и тошнота отступила. — Да, спасибо.

— Я — Роузмонт, Стэнли Роузмонт. Мы встречались у Тайбаня. Удивленная Кейси обернулась.

— Ох, извините, я, наверное... Наверное, я была где-то далеко-далеко и не... извините. Как дела? — тут же вежливо спросила она, совершенно не помня его.

— В основном по-старому, Кейси. — Роузмонт смотрел на неё сверху вниз. — А у вас что-то не так? — добродушно поинтересовался он.

— О, все в порядке. Да-да, все в порядке. — Она отвернулась, смущенная, что он заметил её состояние.

Стоявшие на носу и корме матросы бросили швартовочные концы, которые тут же были пойманы и накинуты на кнехты. От напряжения толстые канаты заскрипели так, что у Кейси аж зубы свело. Паром встал точно у стенки, начал опускаться трап. Не успел он опуститься полностью, как толпа уже хлынула с парома, и Кейси вынесло вместе с ней. Через несколько ярдов напор ослаб, и она зашагала по рампе своим обычным шагом. На аппарель, опущенную с другого борта, уже устремился поток пассажиров, едущих на гонконгскую сторону. Её догнал Роузмонт.

— Вы живете в «Ви энд Эй»?

— Да, — ответила она. — А вы?

— О нет! У нас квартира на гонконгской стороне — собственность консульства.

— Вы здесь давно?

— Два года. Интересная штука, Кейси. Примерно через месяц появляется такое ощущение, что ты под замком — пойти некуда, везде столько народу, и изо дня в день видишься с одними и теми же приятелями. Но вскоре понимаешь, как это здорово. Вскоре проникаешься ощущением, что ты в центре событий, в центре Азии, где сегодня все и происходит. Гонконг — сердце Азии, это точно: хорошие газеты, прекрасная пища, хороший гольф, скачки, морские прогулки, можно съездить в Тайбэй, Бангкок или ещё куда. В Гонконге здорово, но, конечно, он не идет ни в какое сравнение с Японией. Япония — нечто совсем другое. Все равно что побывал в стране Оз.

— Это хорошо или плохо?

— Замечательно — если ты мужчина. Для жен непросто, очень непросто, и для детей тоже. Ты беспомощен, ты чужой, и об этом тебе напоминают на каждом шагу: даже название улицы не прочтешь. Я был там два года в командировке. Мне очень понравилось. Но Афина, моя жена, должно быть, вспоминает об этом с отвращением. — Роузмонт засмеялся. — Она терпеть не может Гонконг и рвется обратно в Индокитай, во Вьетнам или Камбоджу. Несколько лет назад она была медсестрой во французской армии.

Поглощенная собственными проблемами, Кейси тем не менее уловила что-то в его словах и стала прислушиваться.

— Она француженка?

— Американка. Её отец был какое-то время послом, когда французы там воевали.

— У вас есть дети? — спросила она.

— Двое. Оба мальчики. У Афины это второй брак. Она опять что-то почувствовала.

— Сыновья от её первого брака?

— Один, да. Она была замужем за вьетнамцем. Его убили перед самым Дьенбьенфу³⁰⁰, тогда французы ещё правили страной или их оттуда уже изгоняли.

³⁰⁰ Дьенбьенфу — небольшой городок на северо-западе Вьетнама, где в 1954 г. войска Вьетмина под руководством Хо Ши Мина нанесли поражение французским войскам.

Бедняга погиб до того, как родился маленький Вьен. Он мне как родной. Да оба сына у меня славные ребята. Вы сюда надолго?

— Это зависит от моего босса и нашей сделки. Вы, наверное, знаете, что мы хотим наладить связи со «Струанз».

— В городе только об этом и говорят — помимо пожара в Абердине, наводнения, всех этих грязевых оползней, тропического шторма, падения акций «Струанз», массового изъятия денег из банков и развала рынка. Одно можно сказать о Гонконге: скучно здесь не бывает. Вы считаете, он выдюжит?

— Тайбань? Я только от него. Надеюсь, что да. Он уверен в своих силах, весьма уверен. Он мне нравится.

— Да. Бартлетт мне тоже нравится. Вы с ним давно?

— Семь лет, почти семь.

Они уже вышли из терминала, но людей меньше не стало. Справа открывалась гавань, и они, разговаривая, направились на восток, к подземному пешеходному переходу, ведущему к «Ви энд Эй». Роузмонт указал на небольшой магазинчик под названием «Чашка риса».

— Афина здесь работает время от времени. Магазин благотворительный, хозяева — американцы. Вся прибыль идет в пользу беженцев. Много жен приходят сюда поработать денек-другой, чтобы было не так скучно. Вам-то, я понимаю, скучать не приходится.

— Занята все семь дней в неделю.

— Я слышал, Линк говорил, что вы собираетесь на выходные в Тайбэй. Вы там будете впервые?

— Да — но я не еду, едут только Линк и Тайбань. — Кейси не удалось остановить тут же возникшую мысль: берет ли Бартлетт с собой Орланду? «Он прав: это не мое дело. Но „Пар-Кон" — мое дело. И раз уж противник захватил Линка с потрохами, то чем меньше он знает о плане с Первым центральным, тем лучше».

Довольная тем, как бесстрастно пришла к решению, она продолжала беседовать с Роузмонтом, рассеянно отвечая на его вопросы. Ей было приятно поговорить с кем-то из своих, с человеком занятым и заинтересованным.

— ...и Тайбэй другой, народ там беспечнее, не такой сугубо практичный, но приятный, — объяснял он. — Мы на Тайване пользуемся популярностью, там чувствуешь себя по-другому. Значит, вы действительно намерены расширяться? Для такой большой сделки, я полагаю, у вас должно быть с десятков исполнителей?

— Нет. Сейчас здесь только мы двое, Форрестер — он возглавляет подразделение по производству пенопласта — и наш юрист. — Упомянув о нем, Кейси напряглась. «Черт бы его побрал! Ведь мог сорвать все наши планы». — Организация у Линка в «Пар-Кон» прекрасная. Я занимаюсь ежедневной рутинной, а он определяет политику.

— Вы акционерное общество?

— О, конечно, но с этим тоже все в порядке. Контрольный пакет у Линка, и наши директора и акционеры нам не докучают. Дивиденды растут, а если пройдет сделка со «Струанз», они просто взлетят.

— Нам бы побольше американских фирм в Азии. Именно торговля сделала Британскую империю великой. Желаю удачи, Кейси. Да, чуть не забыл, — как бы невзначай ввернул он. — Вы помните Эда, Эда Лэнгана, моего приятеля? Он был вместе со мной на приеме у Тайбаня. Он знаком с одним из ваших акционеров. Этого парня зовут Бестацио или как-то в этом духе.

— Банастасио? — удивилась Кейси. — Винченцо Банастасио?

— Да, думаю, именно так, — подтвердил он, пристально наблюдая за Кейси, и,

поймав её вопросительный взгляд, добавил: — Я что-то не то сказал?

— Да нет, простое совпадение. Банастасио приезжает завтра. Завтра утром.

— Что?

Он уставился на неё, и Кейси рассмеялась.

— Можете сказать своему приятелю, что Банастасио будет жить в «Хилтоне».

Голова у Роузмонта шла кругом.

— Завтра? Черт меня побери.

— Они с Лэнганом старые приятели? — осторожно спросила Кейси.

— Нет, просто знакомые. По словам Эда, Банастасио тип ещё тот. Он азартный игрок, верно?

— Да.

— Вам он не нравится?

— Я встречала его всего пару раз. На скачках. Он играет по-крупному в Дель-Мар. Я не очень жалую и игроков, и азартные игры.

Они пробирались через толпу. Людские орды напирали на них и сзади, и спереди. В переходе стоял запах плесени и человеческих тел. Кейси очень обрадовалась, когда они снова выбрались на свежий воздух, мечтая принять душ, выпить аспирин и прилечь отдохнуть до восьми вечера. За стоящими впереди зданиями проглядывала восточная гавань. В низко нависшие облака взмыл реактивный самолёт. На глаза Роузмонту попались высокие палубные краны стоящего у стенки «Советского Иванова». Невольно переведя взгляд на гонконгскую сторону, он убедился, как нетрудно разглядеть в мощный бинокль весь американский авианосец и чуть ли не сосчитать на нем все заклепки.

— Испытываешь гордость, что ты американец, верно? — радостно проговорила Кейси, проследив за его взглядом. — Если вы из консульства, то, наверное, были на борту этого корабля?

— Конечно. На экскурсии!

— Счастливчик.

— Я был там вчера. Капитан устраивал прием для местных. Вот я к ним и присоседился. — Роузмонт опять солгал, и снова это далось ему без особого труда.

Он был на борту вчера поздно вечером и ещё раз сегодня утром. Первый разговор с адмиралом, капитаном корабля и начальником службы безопасности вышел бурным. Те никак не хотели верить, что имела место обширная утечка секретной информации, пока Роузмонт не предъявил фотокопии секретного грузового манифеста вооружений на борту корабля и наставления к наводящим системам. Теперь предатель находился на гауптвахте под пристальным наблюдением и круглосуточной охраной людей из ЦРУ.

«Скоро он расколется. Да, — думал Роузмонт, — а потом — тюрьма лет на двадцать. Будь моя воля, я бы сбросил болвана в эту чертову гавань. Черт, я ничего не имею против всех этих меткиных и КГБ. Эти ублюдки просто выполняют свою работу, хоть и во вред нам. Но наши собственные парни?»

— О'кей, дружок, ты попался! Расскажи для начала, зачем ты на это пошёл?

— Из-за денег.

— Иисусе Христе!

В досье моряка значилось, что он родом из маленького городишки на Среднем Западе, в работе был примером для всех, и ничего в его прошлом и настоящем не указывало на то, что он может выдать тайну. Человек спокойный, хороший компьютерный программист, пользуется любовью соотечественников и доверием начальства. Никаких симпатий к левым, не гомосексуалист, никакого шантажа, ничего.

— Так в чем же дело? — спросил его Роузмонт.

— Этот тип подошел ко мне в Сан-Диего³⁰¹ и сказал, что хотел бы знать все про «Коррехидор» и что он заплатит.

— Ну а ты не понимаешь разве, что это измена? Что ты предал свою страну?

— Черт побери, ему и нужно-то было несколько фактов и цифр. И что? Какая разница? Проклятые коммуняки взлетят на воздух в любое время, когда нам этого захочется. «Коррехидор» — лучший авианосец, который когда-либо ходил по морям! А тут наклюнулось дельце, и захотелось посмотреть, получится ли у меня. К тому же они платили сразу...

«Господи, ну как нам хранить секреты, когда есть такие, как этот, с мозгами в заднице?» — устало задавался вопросом Роузмонт.

Он шёл, поддерживая разговор с Кейси, прощупывая её, стараясь понять, насколько неблагонадежны она и Бартлетт из-за их связи с Банастасио. Вскоре вместе с другими они уже поднимались по широким ступеням отеля. Улыбающийся швейцар открыл перед ними вращающиеся двери. В холле царил суеда.

— Кейси, у меня ещё есть время до встречи. Можно предложить вам выпить?

Кейси подумала, потом улыбнулась: он ей нравился, и она была не прочь ещё поболтать с ним.

— Да, спасибо. Только сначала я, с вашего позволения, заберу почту, о'кей?

И она пошла к стойке портье. Там её ждал целый ворох телексов и посланий от Джанелли, Стайглера и Форрестера с просьбой позвонить. И написанная от руки записка Бартлетта. Обычные инструкции по «Пар-Кон», с которыми она была согласна, и просьба проверить готовность самолёта к полету в воскресенье. Заканчивалась записка следующими словами: «Кейси, мы будем работать с „Ротвелл-Горнт“. Давай встретимся за завтраком в люксе в девять утра. До встречи».

Она вернулась к Роузмонту.

— Очень жаль, но нельзя ли нам перенести это на другой раз?

— Плохие известия?

— О нет, просто целая куча дел.

— Да, конечно, но, может, вы не откажетесь поужинать на следующей неделе, вы и Линк? Я хотел бы познакомить вас с Афиной. Она позвонит вам, чтобы назначить день, о'кей?

— Спасибо, с удовольствием. — И Кейси ушла. Всем существом она ещё больше утвердилась в намерении действовать, как решила.

Роузмонт проводил её взглядом, потом заказал виски с содовой и стал ждать, погрузившись в размышления. «Сколько денег вложено у Банастасио в „Пар-Кон“ и что он получает взамен? Иисусе Христе, „Пар-Кон“ занимает ведущее положение в оборонной и аэрокосмической промышленности, они производят много чего секретного. Что здесь делает этот тип? Слава богу, что сегодня за Кейси взялся я сам, а не поручил одному из своих ребят. Он мог бы и не узнать про Банастасио...»

Подошел Роберт Армстронг.

— Господи, Роберт, что-то неважно выглядишь, — сказал американец. — Тебе бы надо в отпуск, или выспаться как следует, или отдохнуть с девчонками.

— Шёл бы ты! Готов? Тогда лучше пойдём.

— У тебя есть время выпить на ход ноги. Встречу в банке перенесли на семь, так что времени ещё полно.

— Да, но я не хочу опаздывать, ведь мы встречаемся с губернатором у него в офисе.

— О'кей.

³⁰¹ В Сан-Диего, втором по величине городе Калифорнии, размещены многие военные объекты, в том числе базы ВМФ и морской пехоты.

Роузмонт послушно допил свое виски, подписал счет, и они направились обратно к паромному терминалу.

— Как там «Учебный заход»? — спросил Армстронг.

— Они все ещё там, с развевающимися знаменами. Похоже, что восстание в Азербайджане провалилось. — Роузмонт обратил внимание на подавленное состояние англичанина. — Что тебя гложет, Роберт?

— Иногда мне совсем не нравится быть полицейским, вот и все. — Армстронг вынул сигарету и закурил.

— Я думал, ты бросил курить.

— Я и бросил. Послушай, Стэнли, дружище, лучше предупредить тебя. Ты как в той поговорке: несешься вниз по горной речке без весла. Кросс так взбешен, что хоть в психушку отправляй.

— Ну, что там ещё стряслось? Многие и так считают его ненормальным. Господи, начнем с того, что наводку насчет папок АМГ дал вам Эд Лэнган. Мы же союзники, черт побери!

— Верно, — мрачно подтвердил Армстронг, — но это не значит, что ты можешь проводить никем не дозволенный налет на совершенно чистую квартиру, которая принадлежит абсолютно чистой телефонной компании!

— Кто — я? — Роузмонт сделал обиженный вид. — На какую ещё квартиру?

— В Синклер-тауэрс, квартира тридцать два. Ты со своими гориллами явился туда среди ночи и вышиб дверь. Можно спросить, с какой целью?

— Откуда мне знать?

Роузмонт понимал, что должен блефовать до конца, но никак не мог успокоиться из-за того, что скрывавшимся в проклятой квартире удалось бежать, их даже не видели в лицо. Он был в бешенстве из-за утечки с авианосца, из-за того, что нельзя допросить Меткина, из-за всей этой неразберихи с «Севрином» и вероломства Кросса, это и заставило его отдать приказ о налете. Один из его китайских информаторов прослышал, что, хотя квартира пуста, её иногда используют агенты врагов-коммунистов — неизвестно, какого пола, — и что очередная встреча состоится сегодня. Конночи, который возглавлял налет, — а он парень толковый — вроде видел, как двое мужчин выскользнули через запасной выход, но сказать наверняка не мог. Всё, конечно, старательно обыскали, но парочка бесследно сгинула, а в квартире не нашли ничего, что могло бы подтвердить или опровергнуть утверждение агента, кроме двух полупустых рюмок. Рюмки прихватили с собой и проверили на отпечатки пальцев. На одной не обнаружилось ничего, зато на другой отпечатков было полно.

— Я никогда не был в тридцать второй квартире в Синклер-тауэрс, побойся Бога!

— Ты, может, и не был, но твои «кистоунские копы»³⁰² были. Несколько жильцов подтвердили, что вверх и вниз по лестнице носились четверо верзил европейского обличия. Все с толстыми задницами и заплывшими жиром мозгами, — добавил Армстронг ещё более мрачно. — Должно быть, твои.

— Не мои. Нет, сэр.

— О да, твои, и эта ошибочка тебе ещё аукнется. Кросс уже послал две довольно гадкие телеграммы в Лондон. Вся печаль в том, что вам ничего заполучить не удалось, а мы из-за ваших постоянных провалов имеем очередной разнос!

Роузмонт вздохнул.

³⁰² «Кистоунские копы» (англ. Keystone Kops) — серия комедий (1912-1917 гг.) немого кинематографа студии «Кистоун», главными героями которых были несколько неумех полицейских. С тех пор этим выражением характеризуют бурную, но бесплодную деятельность.

— Ну чего ты пристал? У меня вот есть кое-что для тебя. — И он рассказал Армстронгу о беседе с Кейси про Банастасио. — Мы, конечно, в курсе его связей с «Пар-Кон», но я не знал, что он приезжает сегодня. Что думаешь?

Армстронг уже видел пометку о приезде Банастасио в ежедневнике Фотографа Энга.

— Интересно, — уклончиво произнес он. — Я расскажу об этом Старику. Но ты лучше приготовь для него хорошее объяснение насчет Синклер-тауэрс и смотри не сболтни, что я тебя предупредил. — Его переполняла усталость. В шесть тридцать сегодня утром он первый раз по-настоящему приступил к расследованию дела Брайана Квока.

Все было разыграно как по нотам: пока Брайан Квок ещё находился под воздействием наркотиков, его переместили из чистой белой камеры в грязный сырой подвал и положили, совершенно раздетого, на вонючий тонкий матрас посреди заплесневелого пола. Потом, через десять минут после того, как ещё один наркотик внезапно привел его в чувство и он вернулся к реальности, ощущая боль во всем теле, с пересохшим ртом, включили яркий свет, и рывком открывший дверь Армстронг принялся отчитывать охранника Эс-ай.

— Боже, что вы творите с суперинтендентом Квоком? Вы что, с ума сошли? Как вы смеее так обращаться с ним!

— Это приказ суперинтендента Кросса, сэр. Этот клиент...

— Должно быть, это ошибка! Плевал я на Кросса! — Он вышвырнул охранника вон и обратил все доброе расположение на Брайана: — Привет, дружище! Хочешь сигарету?

— О боже. Спасибо... спасибо. — Брайан Квок, держа сигарету дрожащими пальцами, глубоко затянулся. — Роберт, что... что происходит, черт возьми?

— Понятия не имею. Только что узнал, поэтому я и здесь. Мне сказали, что ты взял отпуск на несколько дней. Кросс совсем спятил. Утверждает, что ты — шпион коммунистов.

— Я?! Господи боже мой... какое сегодня число?

— Тридцатое, пятница, — тут же ответил Армстронг. Он ждал этого вопроса и добавил лишних семь дней.

— А кто выиграл пятый заезд?

— Баттерскотч Лэсс. — Этот вопрос застиг его врасплох. Он был поражен тем, насколько ясно по-прежнему мыслит Брайан Квок, и совсем не уверен, что секундная заминка не позволила тому раскусить ложь. — А что?

— Просто спросил... просто... Слушай, Роберт, это ошибка. Ты должен помочь мне. Разве ты не...

По условному сигналу в камеру ворвался Кросс и обрушился на Квока, как гнев Господень:

— Слушай ты, грязный шпион, мне нужны имена и адреса всех твоих контактов. Прямо сейчас. Кто твой хозяин?

Брайан Квок, пошатываясь, встал.

— Сэр, это все ошибка. Нет никакого хозяина, и я никакой не шпион... Кросс неожиданно сунул ему в лицо те самые увеличенные снимки.

— Тогда объясни, кто стоит на этой фотографии в Нинтоке перед аптекой твоей семьи с твоей матерью У Фанлин! Скажешь, не ты? Твое настоящее имя — У Чутуй, ты второй сын У Тинтопа и У Фанлин...

Оба заметили, как на лице Брайана Квока проступил шок, но замешательство длилось лишь мгновение.

— Ложь, — пробормотал он, — ложь. Я — Брайан Каршунь Квок, и я...

— Лжец, — заорал Кросс. — У нас свидетели! У нас улики! Тебя опознала твоя ганьсунь А Там!

От изумления у Брайана Квока снова перехватило дыхание, но ему почти блестяще удалось скрыть это.

— Я... у меня нет никакой ганьсунь по имени А Там. У меня...

— Ты проведешь остаток дней в этой камере, если не расскажешь нам всего. Встретимся через неделю. Лучше говори правду, или я прикажу заковать тебя в цепи! Роберт! — Кросс резко повернулся к Армстронгу: — Вам запрещается приходить сюда без разрешения! — И он широкими шагами вышел из камеры.

В наступившей тишине Армстронг вспомнил, как к горлу подступила тошнота, когда он угадал написанную на лице друга правду. Он был слишком опытный наблюдатель, чтобы ошибиться.

— Господи, Брайан, — проговорил он, продолжая игру и ненавидя себя за лицемерие. — Что на тебя могло найти, чтобы ты пошёл на это?

— На что? — с вызовом сказал Брайан Квок. — У тебя не получится надуть меня, Роберт... Не может быть, чтобы прошло семь дней. Я невиновен.

— А фотографии?

— Подделка... Это подделка, изготовленная Кроссом. — Опершись на руку, Брайан Квок с отчаянным огнем в глазах хрипло прошептал: — Я говорил тебе, настоящий агент — Кросс. Он — агент, Роберт... Он — гомосек... Он пытается подставить меня...

По ещё одному условному знаку дверь резко открылась, и охранник Эс-ай холодным, официальным тоном заявил:

— Извините, сэр, но вам придется уйти.

— Хорошо, но сначала дайте ему немного воды.

— Не положено!

— Принесите воды, черт возьми!

Охранник нехотя повиновался. Когда они на мгновение остались одни, Армстронг сунул под матрац сигареты.

— Брайан, я сделаю все, что в моих силах...

Тут в камеру вернулся охранник с битой чашкой.

— Это все, что я могу предложить! — зло бросил он. — Чашку верните! Брайан Квок с благодарностью выпил одним глотком воду, а с ней и наркотик. Армстронг ушел. Хлопнула дверь, встал на место засов. Свет внезапно погас, и Брайан Квок остался в темноте.

Через десять минут Армстронг вернулся вместе с доктором Дорном. И Кроссом. Брайан Квок лежал без сознания, в глубоком наркотическом забытии, и видел сны.

— Вы справились очень хорошо, Роберт, — негромко произнес Кросс. — Заметили, как потрясен был клиент?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Я тоже заметил. Никакого сомнения, как и в том, что он виновен. Доктор, в следующие двадцать четыре часа переходите на режим «сон-пробуждение» через каждый час...

— Боже, — вырвалось у Армстронга, — неужели вы ду...

— Через каждый час, доктор. При отсутствии медицинских противопоказаний. Я не хочу наносить вред его здоровью. Надо только, чтобы он стал более покладистым — на следующие двадцать четыре часа. Роберт, потом допросите его опять. Если это не поможет, поместим его в «красную комнату».

Доктор Дорн вздрогнул, у Армстронга замерло сердце.

— Нет, — проговорил он.

— Черт возьми, клиент виновен, Роберт! — прорычал Кросс, который больше уже не притворялся. — Виновен! Клиент выдал Фэн-фэна и наших парней и нанес нам бог знает какой урон. На нас давят. Приказ из Лондона! Помните Меткина, комиссара с «Иванова», этого крупного зверя, что мы добыли? Я только что узнал:

транспортный самолёт королевских ВВС, на котором его везли, исчез. Дозаправился в Бомбее и пропал где-то над Индийским океаном.

60

18:58

Губернатор метал громы и молнии, как владыка Олимпа. Выйдя из машины, он тяжелой поступью направился к служебному входу в банк, где его поджидал Джонджон.

— Вы читали это? — Губернатор потряс в воздухе вечерним выпуском «Гардиан». Огромный заголовок гласил: ПАРЛАМЕНТАРИИ ОБВИНЯЮТ КНР. — Они ничего не соображают, эти болваны чертовы, а?

— Да, сэр. — Джонджон тоже был взбешен. Он повел губернатора мимо швейцара в форме в просторную приёмную. — Не могли бы вы их обоих повесить?

На пресс-конференции сегодня днем Грей и Бродхерст публично высказали позицию, которую Джонджон, Данросс и другие тайбани так долго и терпеливо пытались заставить их пересмотреть, убеждая, что она противоречит интересам Британии, Гонконга и Китая. Грей много распространялся о том, что «красный» Китай намерен покорить весь мир и что к нему следует относиться как к противнику номер один.

— Я уже выслушал неофициальный протест. Впрочем, его можно считать официальным.

Джонджон хлопнул глазами.

— О боже, надеюсь, не от Типтопа?

— Конечно от Типтопа. Как он пропел этим своим шелковым голоском: «Ваше превосходительство, когда наши руководители в Пекине ознакомятся с тем, каким члены вашего великого английского парламента видят Серединное государство, думаю, они будут разгневаны не на шутку». Я понимаю, что теперь наши шансы получить от китайцев наличные во временное пользование равны нулю.

Джонджона охватила новая волна негодования.

— А излагает этот деятель чертов так, будто его взгляды разделяет вся комиссия, что абсолютно не соответствует действительности! Нагнетать истерию вокруг Китая при любых обстоятельствах просто безрассудно. Испортив отношения с ним, мы останемся абсолютно беззащитны. Абсолютно! Болван проклятый! А мы все из кожи вон лезли, чтобы это растолковать! — Губернатор вынул платок и высморкался. — Где остальные?

— Суперинтендент Кросс и мистер Синдерс на время расположились у меня в офисе, Иэн сейчас приедет. А как вам новость насчет Иэна и Грея, сэр? Насчет того, что Грей приходится Иэну шурином? А?

— Невероятно. — После того как Грей упомянул об этом сегодня днем, отвечая на заданный кем-то вопрос, губернатору позвонили человек десять. — Поразительно, что Иэн ни разу и словом не обмолвился.

— И Пенелопа тоже! Очень странно. Вы счи... — Джонджон поднял глаза и осекся. К ним подходил Данросс.

— Добрый вечер, сэр.

— Привет, Иэн. Я перенес встречу на семь, чтобы успеть встретиться с Синдерсом и Стэнли Роузмонтом. — Губернатор поднял газету. — Видели это?

— Да, сэр. В китайских вечерних газетах такой накал страстей... Странно, что ещё не заполыхали их редакции и Сентрал с ними.

— Я привлек бы этих двоих к суду за измену, — с мрачным видом произнес Джонджон. — Что нам, черт возьми, теперь делать, Иэн?

— Молиться! Я уже поговорил с Гутри, парламентарием от либералов, и кое с кем из тори. Один из лучших репортеров «Гардиан» в этот самый момент берет у них интервью. На первых полосах утренних газет будет напечатано их мнение, прямо противоположное, опровержение всей этой пустой болтовни. — Данросс вытер потные руки. Спина тоже была в поту.

В голове столько всего смешалось: Грей, Типтоп, Жак, Филлип Чэнь, монета и папки АМГ, что нервы были на пределе. «Господи, неужели ожидать чего-то ещё?» Кейси была права: встреча с Мэртагом из «Ройял Белджэм» показала, что шансов немного, но игра стоит свеч. Когда Данросс выходил после беседы, кто-то сунул ему пару дневных газет, и от понимания того, какой бомбой могут стать неразумные речи лейбористов, у него чуть ноги не отнялись.

— Нам придется публично опровергнуть все эти высказывания, как необоснованные, и проделать огромную тайную работу, чтобы билль Грея, низводящий Гонконг до уровня Британии, никогда не поставили на голосование или отклонили и чтобы лейбористы никогда не добились победы на выборах. — Он чувствовал растущее раздражение. — Выступление Броджерста оказалось таким же скверным, если не хуже.

— Иэн, ты говорил с Типтопом?

— Нет, Брюс. Линия по-прежнему занята, но я послал ему записку. — И он рассказал, что они придумали с Филлипом Чэнем.

Тут губернатор поведал о жалобе Типтопа. Данросс замер.

— Когда он звонил, сэр?

— Почти в шесть.

— Значит, он должен был уже получить наше послание. — Сердце у Данросса колотилось. — После этого... этой катастрофы я больше чем уверен, что никаких шансов получить китайские деньги не осталось.

— Согласен.

Про то, что Грей — брат Пенелопы, не было сказано ни слова, и Данросс остро чувствовал это.

— Робин Грей — больше чем болван, — начал он, решив, что лучше объяснить в открытую. — Мой проклятый Богом шурин оказал Советам большую услугу. Распинался почище какого-нибудь члена Политбюро. И Броджерст тоже. Какая глупость!

Помолчав, губернатор произнес:

— Как говорят китайцы, дьявол посылает тебе родственников, но, слава всем богам, друзей можно выбирать самому.

— Вы абсолютно правы. К счастью, комиссия уезжает в воскресенье. Завтра скачки, и, может, эта проблема на фоне всего... всех других сгладится в общей неразберихе. — Данросс вытер лоб. — Душновато здесь, верно?

Губернатор кивнул, потом раздраженно добавил:

— Все готово, Джонджон?

— Да, сэр. Хра...

Открылись дверцы лифта, и в вестибюль вышли Роджер Кросс и Эдвард Синдерс, шеф Эм-ай-6.

— А-а, Синдерс, — произнес губернатор, когда они вступили в приёмную, — хочу познакомить вас с мистером Данроссом.

— Рад познакомиться, сэр. — Синдерс пожал Данроссу руку. Неприметный человек средних лет и среднего роста в мятом костюме. Узкое бесцветное лицо, коротко постриженная бородка, в которой пробивается седина. — Прошу извинить за помятый вид, сэр, но я ещё не добрался до отеля.

— Сочувствую, — откликнулся Данросс. — Все это, конечно, могло бы подождать до завтра. Добрый вечер, Роджер.

— Добрый вечер, сэр. Добрый вечер, Иэн, — решительно произнес Кросс. — Раз мы все собрались, то, может быть, приступим?

Джонджон послушно повел их за собой, но Данросс остановил его:

— Одну минуту. Прошу прощения, Брюс, ты не мог бы оставить нас ненадолго?

— О, конечно. — Джонджон постарался скрыть удивление: он не знал, что за всем этим кроется, кто такой Синдерс, но прекрасно понимал, что задавать вопросы не стоит — все, что сочтут нужным сказать, скажут сами. Дверь за ним закрылась.

Данросс посмотрел на губернатора.

— Вы официально подтверждаете, сэр, что этот человек — Эдвард Синдерс, глава Эм-ай-6?

— Да, подтверждаю. — Губернатор вручил ему конверт. — Мне кажется, вы хотели получить письменное подтверждение.

— Благодарю вас, сэр. — Затем Данросс обратился к Синдерсу: — Прошу прощения, но вы, надеюсь, понимаете, чем вызваны мои колебания.

— Конечно. Хорошо, значит, это мы уладили. Пойдемте, мистер Данросс?

— Кто такая Мэри Макфи?

Ошеломленный Синдерс замер. Кросс и губернатор, ничего не понимая, переводили взгляд с него на Данросса.

— У вас, должно быть, друзья на самом верху, мистер Данросс. Могу ли я спросить, кто назвал вам это имя?

— Извините. — Данросс не спускал с него глаз. Эту информацию добыл для него Аластэр Струан через весьма важную персону в Банке Англии, человека, выходившего на самых высокопоставленных лиц в правительстве. — Нам лишь нужно убедиться, что Синдерс — тот человек, за кого он себя выдает.

— Мэри Макфи — друг, — смущенно проговорил Синдерс.

— Извините, но этого недостаточно.

— Подруга.

— Извините, но этого тоже мало. Как её зовут на самом деле? Синдерс подумал, потом, побледнев, взял Данросса за руку и отвел в дальний угол комнаты. Шеф Эм-ай-6 приставил губы к самому уху тайбаня:

— Анастасия Кекилова, первый секретарь чехословацкого посольства в Лондоне, — прошептал он, повернувшись спиной к Кроссу и губернатору.

Данросс удовлетворенно кивнул, но Синдерс с неожиданной силой удержал его за локоть и прошептал ещё тише:

— Вам лучше забыть это имя. Если КГБ когда-нибудь заподозрит, что вы в курсе дела, они из вас это вынут. И тогда она — покойница, и я покойник, и вы.

— Ну что ж, справедливо, — признал Данросс.

Синдерс глубоко вздохнул, потом повернулся и кивнул Кроссу:

— Ну, а теперь давайте завершим дело, Роджер. Ваше превосходительство?

Все в напряженном молчании последовали за ним. Джонджон ждал у лифта. Три этажами ниже располагались хранилища. В небольшом коридоре перед тяжелыми железными воротами стояли два охранника в штатском — один из департамента уголовного розыска, другой из Эс-ай. Оба отдали честь. Джонджон отпер ворота, впустил всех, кроме охранников, и запер ворота снова.

— Так у нас в банке принято.

— Хранилище когда-нибудь взламывали? — поинтересовался Синдерс.

— Нет, хотя... Японцы действительно взламывали ворота, когда... э-э... не нашли ключей.

— Вы были здесь тогда, сэр?

— Нет. Мне повезло.

После того как под Рождество 1941 года Гонконг капитулировал³⁰³, два английских банка — «Блэкс» и «Виктория» — стали главной целью японцев. Был отдан приказ об их ликвидации. Всех сотрудников держали врозь, под стражей, и заставляли в этом участвовать. В течение многих месяцев им приходилось очень туго. Их заставляли выпускать фальшивые банкноты. А потом подключилась кампэйти — японская тайная полиция, которую все ненавидели и боялись.

— Кампэйти казнила нескольких наших товарищей, а жизнь остальных сделала невыносимой, — рассказывал Джонджон. — Как и везде у японцев: побои, лишения, содержание взаперти в клетках. Некоторые умерли от «недоедания» — на самом деле от голода. И «Блэкс», и мы лишились своих директоров. — Джонджон отпер ещё одну решетку. За ней, в нескольких связанных между собой подвалах со стенами из армированного бетона, ряд за рядом, располагались сохранные ячейки. — Иэн?

Данросс вынул свой ключ.

— Шестнадцать — восемьдесят пять — девяносто четыре. Джонджон повел их дальше. Чувствуя себя крайне неловко, он вставил в замок банковский ключ. Данросс сделал то же со своим ключом. Оба повернули ключи. Замок открылся. Теперь все взгляды устремились на ячейку. Джонджон вынул свой ключ.

— Я... я буду ждать у ворот, — произнес он, радуясь тому, что все кончилось, и ушел.

Данросс медлил.

— Там есть ещё другие вещи, личные документы. Вас это не смущает? Кросс не двинулся с места.

— Извините, но или мистер Синдерс, или я должны убедиться, что получаем все папки.

Данросс заметил, что на лбу у обоих выступил пот. У него самого взмокла вся спина.

— Ваше превосходительство, вы не против понаблюдать?

— Отнюдь.

Остальные двое нехотя отступили. Данросс подождал, пока они отойдут подальше, и открыл ячейку. Она была большая. Глаза сэра Джеффри широко раскрылись. В ячейке лежали лишь папки в синей обложке. Ни слова не говоря, губернатор принял их. Папок было восемь. Данросс захлопнул ячейку, замок защелкнулся.

Подошедший Кросс протянул руку:

— Давайте я возьму их, сэр.

— Нет.

Кросс остановился, пораженный, и прикусил язык, чтобы не выругаться.

— Но, ваше превос...

— Процедуру передачи утвердил министр, одобрили наши американские друзья, и я с ней согласился, — объявил сэр Джеффри. — Мы все возвращаемся ко мне в офис. При нас будут сняты фотокопии. Только две. Одна — для мистера Синдерса, другая — для мистера Роузмонта.

Иэн, мне поступило прямое указание от министра передать копии мистеру Роузмонту.

Данросс пожал плечами, изо всех сил надеясь, что по-прежнему выглядит так, словно ему это безразлично.

— Если так хочет министр, я не возражаю. Пожалуйста, сожгите оригиналы, сэр,

³⁰³ Японцы атаковали Гонконг утром 8 декабря 1941 г., менее чем через восемь часов после нападения на Перл-Харбор. Акт о капитуляции подписал 25 декабря 1941 г. в штаб-квартире японской армии на третьем этаже отеля «Пенинсьюла» губернатор Гонконга Марк Эйтчисон Янг.

когда снимете с них фотокопии. — Все смотрели на него, а он наблюдал за Кроссом и, как ему показалось, уловил миг удовольствия. — Если эти папки такие особенные, лучше, чтобы они находились в надежных руках, у Эм-ай-6 и ЦРУ. Мне, конечно, копии не нужны. Если ничего особенного в них нет, тут уж ничего не поделаешь. Многие идеи бедняги АМГ мне казались надуманными, и теперь, когда его уже нет в живых, я должен признаться, что для меня они не представляют особой ценности. Пожалуйста, уничтожьте их, ваше превосходительство.

— Очень хорошо. — Губернатор обратил взгляд бледно-голубых глаз на Роджера Кросса: — Да, Роджер?

— Ничего, сэр. Пойдемте?

— Мне нужно взять для проверки кое-какие документы компании, раз уж я здесь, — сообщил Данросс. — Ждать меня не нужно.

— Очень хорошо. Благодарю вас, Иэн. — Сэр Джефффри вышел вместе с остальными.

Оставшись один, Данросс прошел к другой секции ячеек в соседнем помещении. Вынув связку ключей, он выбрал два в мрачной уверенности, что Джонджона хватит удар, если тот узнает, что у него есть дубликат банковского общего ключа. Замок бесшумно открылся. Таких ячеек, как эта, но под разными номерами, у Благородного Дома имелось с десяток. В ячейке хранились пачки американских стодолларовых купюр, старые купчие и документы. Сверху лежал заряженный автоматический пистолет.

Душа Данросса была не на месте: он терпеть не мог оружие, как не выносил и «Каргу» Струан, хотя восхищался ею. В своих написанных перед смертью, в 1917 году, и составлявших часть её последней воли и завещания «Наставлениях тайбаням», которые лежали в сейфе тайбаня, она излагала дополнительные правила. Одно из них гласило, что тайбань всегда должен иметь значительные, нигде не учтенные суммы наличными для своих личных нужд; второе требовало постоянно держать наготове в потайных местах по крайней мере четыре заряженных пистолета. Она писала: *Оружие я не выношу, но знаю, что оно может пригодиться. Накануне Михайлова дня ³⁰⁴ в 1916 году, когда я была слаба и плохо себя чувствовала, мой внук Келли О'Горман, третий тайбань (лишь номинально), посчитав, что я уже при смерти, заставил меня встать с постели и пойти к сейфу в Большом Доме, чтобы взять для него печатку Благородного Дома — и передать ему абсолютную власть как тайбаню. Вместо этого я взяла пистолет, спрятанный в сейфе, и выстрелила в него. Через два дня он умер. Я — человек богобоязненный, ненавижу оружие и насилие, но Келли стал как бешеный пес, а долг тайбаня — защищать право наследования. Я ничуть не жалею о его смерти. Ты, читающий эти строки, помни: родственники жаждут власти, как и все остальные. Без страха используй любые средства, чтобы защитить наследие Дирка Струана...*

По щеке скатилась капля пота. Данросс вспомнил, как у него волосы встали дыбом при первом знакомстве с её наставлениями в ту ночь, когда он сделался тайбанем. Он всегда считал, что кузен Келли — старший сын Розы, последней дочери Карги, — умер во время одной из больших эпидемий холеры, которые постоянно захлестывали Азию.

Писала она и о других чудовищных вещах: *В 1894 году, самом ужасном из всех, мне принесли вторую из половинок монет Жэнь-гуа. В тот год в Гонконг пришла чума, бубонная чума. Наши язычники-китайцы умирали десятками тысяч. Такие же страшные потери несли и мы сами. Чума не щадила ни бедняков, ни богачей: двоюродная сестра Ханна с тремя детьми, двое детей и пятеро внуков Чэнь-чэня.*

³⁰⁴ Михайлов день — 29 сентября.

Предание гласило, что бубонную чуму разносит ветер. Другие считали, что это кара Господня и что она поднимается откуда-то из земли, как малярия, смертоносный «плохой воздух» ³⁰⁵ Хэппи-Вэлли. И тут случилось чудо! Двое японских ученых медиков, которых мы выписали в Гонконг, доктора Витасато и Аояма, выделили бациллы чумы и доказали, что болезнь эту переносят вши и крысы и что от проклятия можно избавиться навсегда, если извести крыс и наладить санитарию.

Вонючим гнойником, перенаселенным рассадником крыс и всех болезней был мозолящий глаза склон Тайпиншань, которым владеет Гордон — Гордон Чэнь, сын моего возлюбленного Тайбаня. Там всегда селилось большинство наших язычников. Несмотря на все увещевания, приказы и настояния властей, суеверные обитатели Тайпиншаня ни во что не верили и ничего не делали для облегчения своей участи, хотя смерть косила и косила их. Даже Гордон, теперь уже беззубый старик, не мог ничего сделать. Он рвал на себе волосы, потому что терял арендную плату, и берег силы для четырех молодых женщин у себя дома.

В конце лета, когда стояла невыносимая вонь, когда количество смертей росло с каждым днем и казалось, что колония обречена, я приказала поджечь ночью Тайпиншань, весь склон этого кошмарно провонявшего холма. Кое-кто из его обитателей погиб в огне, и это остается на моей совести, но без очистительного пожара колония вымерла бы, чума унесла бы ещё сотни тысяч жизней. Я предала Тайпиншань огню, но тем самым сохранила верность Гонконгу. Я сохранила верность Завещанию. И выполнила просьбу того, кто предъявил вторую половинку монеты.

Двадцатого апреля человек по имени Цзян Ута представил эту половинку моему дорогому юному кузену Дирку Данроссу, четвертому тайбаню, который принес её мне, потому что не знал тайны монет. Я послала за Цзяном, который говорил по-английски. Услуга, о которой он просил, заключалась в следующем: немедленно предоставить убежищ и помощь молодому, получившему образование на Западе революционеру по имени Сунь Ятсен; помочь ему деньгами; использовать все наши возможности, чтобы способствовать ему до самой его смерти в борьбе за свержение чуждой Китаю маньчжурской династии.

Поддерживать любого революционера, выступающего против правящей в Китае династии, с которой нас связывали прочные отношения и от которой во многом зависела наша торговля и наши доходы, было против моих принципов и, по всей видимости, против интересов Дома. Я сказала, что не буду помогать в свержении императора. Но Цзян Ута сказал: «Это услуга, которую испрашивают у Благородного Дома».

И услуга была оказана.

С величайшим риском я предоставила деньги и защиту. Мой любимый Дирк Данросс тайно переправил доктора Суня из Кантона в колонию, а оттуда — за границу, в Америку. Я хотела, чтобы доктор Сунь отправился в Англию вместе с юным Дирком, который с приливом уходил в плавание. Тот был капитаном на нашем пароходе «Закатное облако». Как раз на той неделе я намеревалась передать Дирку власть как настоящему тайбаню, но он сказал: «Нет, только когда вернусь». Но он так и не вернулся. Вместе со всей командой пропал где-то в Индийском океане. О, как ужасна моя потеря, наша потеря!

Но смерть — часть нашей жизни, и нам, живущим, нужно выполнять свой долг. Я ещё не знаю, кому передам власть. Я должна была передать её Дирку Данроссу, которого называли так в честь деда. Его сыновья слишком молоды, никто из

³⁰⁵ Название «малярия» произошло от итальянского *mala aria* — «плохой воздух».

Куперов не годится, ни один из де Виллей — тоже, Дэглиш — куда ни шло, никто из Мак-Струанов не готов. Ещё один приемлемый кандидат — Аластэр Струан, но в нем есть слабина, которая идет от Робба Струана.

Могу признаться тебе, будущий тайбань, что смертельно устала. Но я пока не готова умереть. Молю Бога, чтобы у меня достало сил ещё на несколько лет. Никто не готов достойно продолжать дело моего любимого Дирка Струана, ни в моей линии, ни в его. А ведь ещё нужно пережить эту Великую войну, перестроить Дом, переоснастить наш торговый флот: он чуть ли не весь — уже тридцать судов — потоплен германскими подводными лодками.

Не выполнена до конца и услуга по второй монете. Этого доктора Сунь Ятсена мы должны и будем поддерживать, пока он не умрет, и таким образом сохраним нашу репутацию в Азии...

«Так мы и сделали, — думал Данросс. — Благородный Дом оказывал ему поддержку во всем, даже когда он пытался примкнуть к советской России. Так было, пока он не умер в двадцать пятом году и продолжателем его дела не стал обучавшийся у Советов Чан Кайши³⁰⁶, который вывел было Китай на дорогу в будущее. Это будущее у него отнял давний союзник и старинный враг Мао Цзэдун, что взошел с обагрёнными кровью руками на „драконовый трон“ в Пекине и положил начало новой династии». Вынув платок, Данросс вытер пот со лба.

В сухом воздухе хранилища стояла пыль, немного попало ему в горло, и он закашлялся. Руки были влажны от пота, холодок пробежал по вспотевшей спине. Осторожно добравшись до нижней части глубокого металлического ящика, он нашел печатку компании: она может понадобиться на выходных, если будет достигнуто соглашение с «Ройял Белджэм» и Первым центральным. «Если эта сделка выгорит, я, конечно, буду должен Кейси больше чем одну услугу», — сказал он себе.

Сердце снова забилося, и он не смог удержаться, чтобы не проверить. С превеликой осторожностью он чуть приподнял тайное второе дно сохранной ячейки. В двухдюймовом пространстве под ним лежали восемь папок в синей обложке. Настоящие папки АМГ. Те, что он несколько минут тому назад передал Синдерсу, были в запечатанном пакете, который вчера привезли Кирк с женой. Восемь поддельных папок и письмо:

Тайбань, я ужасно беспокоюсь, что и меня, и вас могут предать и что мои доклады попадут в чужие руки. Те папки, что я прилагаю для замены, не содержат ничего опасного и очень похожи. В них опущены важные имена и существенная информация. Их вы можете передать, если вас заставят это сделать, но только в этом случае. Что касается оригиналов, вы должны уничтожить их, как только повидаетесь с Рико. На некоторых страницах есть записи невидимыми чернилами. Рико расскажет, как их прочитать. Прошу извинить за все эти отвлекающие маневры, но шпионаж не игрушки: смерть может наступить сейчас или в будущем. Наша милая Британия кишит предателями, и зло ходит по земле. Грубо говоря, никогда ещё в истории свобода не подвергалась такой опасности. Молю вас следовать примеру вашего знаменитого предка. Он боролся за свободу торговли, образа жизни и вероисповедания. Извините, но я считаю, что он погиб не от бури. Мы никогда не узнаем правды, но думаю, что его убили, как убьют и меня. Не волнуйтесь, мой юный друг. Жизнь у меня удалась. Я забил немало гвоздей в гроб врага, больше, чем мне полагалось по справедливости, — и прошу вас

³⁰⁶ Доверенное лицо Сунь Ятсена, Чан Кайши был послан в 1924 г. в Москву, где в течение трех месяцев изучал советскую политическую систему и военную доктрину. В Советском Союзе жил с 1925 г. и его старший сын, Цзян Цзинго, который вернулся в Китай с русской женой и двумя детьми только в 1937 г.

сделать то же самое. С величайшим уважением, А. М. Г.

«Бедняга», — грустно сказал про себя Данросс.

Вчера он тайно пронес подменные папки в хранилище и переложил оригиналы в другую ячейку. Он с удовольствием уничтожил бы подлинники, но не видел никакой возможности сделать это безопасно, и в любом случае нужно было ждать встречи с японкой. «Лучше оставить их там, где они есть, — говорил он себе. — Ещё будет много вре...»

Он вдруг ощутил на себе чей-то взгляд. Рука скользнула за пистолетом. Когда пальцы ухватили рукоятку, он огляделся. И почувствовал, как внутри все похолодело. На него смотрел Кросс. И Джонджон. Они стояли у входа в хранилище.

Через мгновение Кросс заговорил:

— Я лишь хотел поблагодарить за сотрудничество, Иэн. Мы с мистером Синдерсом очень признательны.

Данросс почувствовал облегчение.

— Не за что. Рад был помочь.

Стараясь вести себя как ни в чем не бывало, он разжал руку, и пистолет скользнул в сторону. Бесшумно встало на место второе дно.

Кросс не сводил с него глаз, но Данросса это не беспокоило. Оттуда, где стоял суперинтендент, увидеть настоящие папки было нельзя. Данросс благословил судьбу за то, что не вынул одну из них и не стал листать. Он небрежно захлопнул ячейку и вздохнул свободно.

— Как же здесь душно, правда?

— Да. Ещё раз спасибо, Иэн. — И Кросс вышел.

— Как ты открыл эту ячейку? — холодно осведомился Джонджон.

— Ключом.

— Двумя ключами, Иэн. Это против правил. — Джонджон протянул руку. — Верни, пожалуйста, то, что принадлежит нам.

— Извини, дружище, — спокойно отвечал Данросс. — Это вам не принадлежит.

Джонджон помолчал.

— Мы всегда подозревали, что у тебя есть дубликат банковского ключа. Пол прав в одном: у тебя слишком много власти, ты считаешь своей собственностью этот банк, и наши деньги, и всю колонию.

— Мы долго и успешно сотрудничали с вами обоими. И только за последние несколько лет, когда у Пола Хэвегилла появилась некоторая мера власти, для меня наступили тяжелые времена, для меня и для моего дома. Но ещё хуже то, что он живет вчерашним днем. Я голосовал против него лишь по этой причине. Ты — нет, ты человек современных взглядов. Ты будешь более честным, дальновидным, беспристрастным и прямым.

Джонджон покачал головой.

— Сомневаюсь. Если я когда-нибудь стану тайбаном этого банка, позабочусь, чтобы владельцами были лишь акционеры и чтобы его контролировали назначенные ими директора.

— Так оно сейчас и есть. У нас лишь двадцать один процент акций банка.

— У вас был когда-то двадцать один процент. Эти акции заложены против вашего возобновляемого фонда, который вы не можете и, вероятно, никогда не сможете выплатить. Кроме того, двадцать один процент — это ещё, слава богу, не контрольный пакет.

— Ну, чуть не хватает.

— Вот что я хочу сказать. — В голосе Джонджона зазвенел металл. — Это опасно для банка, очень опасно.

— Я так не считаю.

— А я считаю. Я хочу вернуть одиннадцать процентов.
— Не продается, старина.
— Став тайбанем, старина, я получу их — не мытьем, так катаньем.
— Посмотрим.
— Став тайбанем, я произведу немало изменений. Все эти замки, например. Никаких банковских ключей в частном распоряжении.
— Посмотрим, — улыбнулся Данросс.

На коулунской стороне Бартлетт прыгнул с пристани на покачивающуюся яхту и помог спуститься Орланде. Она автоматически скинула туфли на высоком каблуке, чтобы не поцарапать прекрасную палубу из тика.

— Добро пожаловать на борт «Морской ведьмы», мистер Бартлетт. Добрый вечер, Орланда, — с улыбкой приветствовал их Горнт. Он стоял у штурвала и тут же сделал знак матросу, который отвязал швартовочный трос. И яхта отчалила от пристани, расположенной недалеко от паромного терминала в Коулуне. — Мне очень приятно, что вы приняли мое приглашение поужинать, мистер Бартлетт.

— Я не знал, что приглашен. Орланда сказала мне об этом всего полчаса назад... Слушайте, какая шикарная яхта!

Довольный Горнт включил двигатели на «малый назад».

— Ещё час назад я не знал, что вы собирались поужинать вдвоем. Вы, наверное, никогда не видели гонконгской гавани ночью, и я подумал: а не предложить ли вам ею полюбоваться? К тому же есть пара вопросов, которые хотелось бы обсудить наедине. Вот я и спросил Орланду, не против ли она, если я приглашу вас на борт.

— Надеюсь, я не доставил вам хлопот? Ведь нужно было идти сюда, на коулунскую сторону.

— Какие хлопоты, мистер Бартлетт? Обычно здесь мы и забираем своих пассажиров. — Горнт улыбнулся про себя, подумав про Орланду и остальных гостей, которые перебивали за эти годы на его круизной моторной яхте и за которыми он приходил к пристани в Коулуне.

Он умело отвел яхту задним ходом подальше от коулунского дока рядом с «Голден ферриз», где волны грозно бились о пирс. Потом дал «малый вперед», переложил руль вправо, чтобы выйти на рейд, и лег курсом на запад.

Изящная, элегантная, сверкающая, семидесяти футов³⁰⁷ в длину, яхта была легка в управлении, как быстроходный катер. Они стояли на мостике, стеклянные ограждения которого были открыты к корме; над головой поскрипывал на ветру туго натянутый тент, а сзади поднимался бурун. Горнт был одет как моряк, в легкий бушлат, а на лихо заломленной фуражке красовалась эмблема Яхтенного клуба. Ему шёл этот наряд и аккуратно подстриженная, черная с проседью борода. Он слегка покачивался вместе с яхтой и ощущал себя в своей стихии.

Наблюдавший за ним Бартлетт тоже чувствовал себя естественно в теннисных туфлях и шерстяной спортивной рубашке. Орланда стояла рядом, и он чувствовал её, хотя они и не касались друг друга. Поверх темного вечернего брючного костюма она накинула шаль, чтобы не озябнуть на сыром ветру, и стояла, чуть покачиваясь, с развевающимися волосами. Без каблуков она казалась совсем крошечной.

Бартлетт оглянулся: за простором гавани остались паромы, джонки, пароходы и серая громада ядерного авианосца, с залитыми светом палубами и гордо реющим флагом. Из аэропорта Кай-Так в ночное небо с ревом взлетал реактивный лайнер, а на подходе к Коулуну кружили в своих высотных эшелонах, ожидая посадки, другие.

Отсюда не было видно ни аэропорта, ни его самолёта, но Бартлетт знал, где

³⁰⁷ Около 22 м.

стоит его «Янки-2». Сегодня днем он побывал в Кай-Так с разрешением из полиции, чтобы проверить самолёт и привезти кое-какие документы и продукты.

Орланда напомнила о себе легким прикосновением, и Бартлетт посмотрел на неё. Она улыбнулась, и от её улыбки стало тепло.

— Здорово, правда?

Она счастливо кивнула. Ответа не требовалось. И оба это понимали.

— Да, здорово, — подтвердил Горнт, думая, что Бартлетт говорит с ним, и повернулся к нему.

— Здорово идти в вечернем море и управлять собственным кораблем. Наш курс лежит на запад, потом почти прямо на юг вокруг Гонконга — примерно три четверти часа пути. — Он поманил державшегося неподалеку капитана, молчаливого гибкого шанхайца в аккуратных белых накрахмаленных брюках из парусины.

— Шей-шей, — поблагодарил тот, вставая за руль. Горнт указал на корму, где стояли столик и кресла.

— Присядем? — Он взглянул на Орланду. — Прекрасно выглядишь, детка.

— Спасибо.

— Тебе не холодно?

— О нет, Квиллан, спасибо.

Снизу поднялся стюард в ливрее. Он нес поднос с горячими и холодными канапе. В ведерке со льдом охлаждалась открытая бутылка белого вина. Четыре бокала, две банки американского пива и прохладительные напитки.

— Что вам предложить, мистер Бартлетт? — спросил Горнт. — Вот «фраскати», но я слышал, вы предпочитаете ледяное пиво из банки?

— Сегодня вечером «фраскати», а пиво потом, если можно.

— Орланда?

— Вина, пожалуйста, Квиллан, — спокойно проговорила она, зная, что ему известны её предпочтения. «Сегодня нужно быть очень мудрой, — думала она, — очень сильной и очень мудрой».

Она сразу же согласилась на предложение Горнта, потому что ей нравились вечерние прогулки по воде, и ресторан был её любимым, хотя она предпочла бы остаться одна с Линком Бартлеттом. Но было ясно, что это... «Нет, — поправила она себя. — Это не был приказ, это была просьба. Квиллан на моей стороне. Цель у нас одна: Линк. О как мне хорошо с Линком!»

Глянув на него, она увидела, что американец наблюдает за Горнтом. Сердце встрепенулось. Вспомнился бой мапо а тапо³⁰⁸, который она видела в Испании, куда однажды взял её с собой Горнт. «Да, эти мужчины сегодня как два матадора. Я знаю, что Квиллан по-прежнему желает меня, что бы он ни говорил». Справившись с возбуждением, она улыбнулась ему в ответ.

— Мне лучше вина.

На полутемную палубу падал неяркий интимный свет. Стюард наполнил бокалы, сухое вино оказалось, как всегда, очень хорошим, тонким и соблазнительным. Бартлетт открыл прихваченную с собой полетную сумку.

— Старинный американский обычай — приносить подарок, когда первый раз приходишь к кому-то домой, а это, как я понимаю, дом. — И он поставил на стол бутылку вина.

— О, это так любезно с... — Горнт осекся. Он осторожно взял в руки бутылку и стал разглядывать. Потом встал и посмотрел на неё при свете лампочки нактоуза. Затем снова сел. — Это не подарок, мистер Бартлетт, это заключенное в бутылку

³⁰⁸ Мапо а тапо — бой, в котором два соперничающих матадора по очереди выходят сразу против нескольких быков.

волшебство. Я глазам своим не поверил. — Это был «Шато Марго», один из величайших кларетов *premier cru* ³⁰⁹ из Медока в провинции Бордо. — У меня никогда не было урожая сорок девятого года. Тот год был просто мечта для кларета. Спасибо. Спасибо большое.

— Орланда сказала, что вам больше нравится красное, чем белое, но я подумал, что мы, наверное, сможем заказать рыбу. — И он небрежно поставил рядом с первой бутылкой вторую.

Горнт уставился на неё. «Шато О-Брион». В удачные годы красное «Шато О-Брион» не уступало всем великим винам Медока, однако белое — сухое, с тонким вкусом, малоизвестное, потому что встречалось крайне редко, — считалось одним из самых лучших среди великих сортов белого бордо. Урожая 1955 года.

Горнт перевел дух.

— Вы так разбираетесь в винах, мистер Бартлетт, а пьете пиво?

— Мне нравится пиво под пасту, мистер Горнт, и пиво перед ланчем. А вино — с едой. — Бартлетт ухмыльнулся. — Приходите во вторник, выпьем пиво под пасту, а потом «фраскати», или «вердиккио», или умбрийское «касале» с... с чем?

— С пиккатой?

— Прекрасно, — согласился Бартлетт, которому хотелось лишь пиккаты, приготовленной Орландой. — Это мне нравится больше всего. — Все внимание он сосредоточил на Горнте и на Орланду даже не взглянул, но знал: она понимает, что имеется в виду. «Я правильно сделал, что испытал её».

«Ну, хорошо ли ты провел время? — спросила она, позвонив ему тем утром в небольшой отель на Саннинг-роуд. — Надеюсь, да, Линк, дорогой».

Другая девушка была красива, но не возбуждала в нем ничего, кроме похоти, так что никакого особого удовольствия он не получил, о чем и сказал Орланде.

«О, это я виновата. Мы сделали неправильный выбор, — огорчилась та. — Сегодня вечером мы поужинаем и попытаем счастья где-нибудь ещё».

Бартлетт невольно улыбнулся и посмотрел на неё. От морского бриза Орланда стала ещё краше. Потом он заметил, что за ними наблюдает Горнт.

— А рыбу мы сегодня есть будем?

— О да. Орланда, ты рассказывала мистеру Бартлетту о Болячжоу?

— Нет, Квиллан, только, что мы приглашены на морскую прогулку.

— Хорошо. Это будет, конечно, не банкет, но морепродукты там отличные, мистер Бартлетт. Вы...

— А почему бы вам не называть меня Линком и не позволить мне называть вас Квилланом? Это «мистер» грозит мне несварением желудка.

Они все рассмеялись.

— Линк, с вашего позволения, мы не будем открывать ваш подарок сегодня, — сказал Горнт. — Китайская еда не для таких великолепных вин, они не будут дополнять друг друга. Если разрешите, я оставлю их до нашего ужина во вторник.

— Конечно.

Ненадолго наступило молчание, слышно было лишь, как приглушенно гудят внизу дизели. Мгновенно почувствовав, что Горнту хотелось бы переговорить с гостем наедине, Орланда с улыбкой встала:

— Прошу извинить, я отлучусь на секунду — попудриться.

— Кабинки в носу, Орланда, — подсказал Горнт, наблюдая за ней.

— Спасибо, — поблагодарила она и ушла, с одной стороны обрадованная, а с

³⁰⁹ Первого урожая (франц.). По официальной классификации вин бордо 1855 г., этот статус присваивался до 1973 г. лишь трем самым лучшим винам из региона Медок — «Шато Лафит Ротшильд», «Шато Марго» и «Шато Латур».

другой — задетая. Носовые кабинки предназначались для гостей. Она могла автоматически спуститься по трапу в главную каюту, чтобы воспользоваться туалетом хозяйского люкса — люкса, который они когда-то делили с Квилланом. «Ничего. Что было, то прошло, а теперь есть Линк», — думала она, шагая вперед.

Бартлетт пил небольшими глотками вино, пытаясь понять, почему Орланда заколебалась. Или померещилось? Он сосредоточился на Горнте.

— Сколько спальных мест на судне?

— Десять, если устраиваться с комфортом. Экипаж — четыре человека: капитан-механик, матрос, повар и стюард. Попозже я проведу вас по яхте, если хотите. — Горнт закурил. — Вы не курите?

— Нет, спасибо.

— Можно уходить в круиз на неделю без дозаправки. Если нужно. Мы по-прежнему заключаем сделку во вторник?

— Да, это по-прежнему день «Д».

— Вы не передумали? Насчет «Струанз»?

— Понедельник остается днем генерального сражения. Все решится в понедельник, в три часа дня. С закрытием фондовой биржи или Иэн ваш, или нет — и снова ничья.

— На этот раз ничьей не будет. Он разорен.

— Да, черт возьми, похоже на то.

— Вы ещё собираетесь с ним в Тайбэй?

— Пока это запланировано.

Горнт сделал глубокую затяжку и проверил на глаз местонахождение судна. Они уже вышли далеко по главному фарватеру. Поднявшись, Горнт какое-то время постоял рядом с капитаном, но тот уже тоже заметил впереди небольшую джонку и, совершив безопасный маневр, обошел её.

— Полный вперед, — скомандовал Горнт и вернулся на свое место. Он снова наполнил бокалы, выбрал хорошо прожаренный дим сум и взглянул на американца. — Линк, можно без обиняков?

— Конечно.

— Орланда.

Глаза Бартлетта прищурились.

— И что она?

— Как вы, вероятно, знаете, мы с ней когда-то были хорошими друзьями. Очень хорошими. В Гонконге сплетен пруд пруди, и вы наслушаетесь всякого, но мы по-прежнему остаемся друзьями, хотя не были вместе уже три года. — Горнт смотрел на американца из-под мохнатых, черных с проседью, бровей. — Мне бы не хотелось, чтобы кто-то причинил ей боль. — Он улыбнулся, и его зубы сверкнули в свете укрепленной над столом лампы. — Другого такого прекрасного человека и спутника просто не сыскать.

— Согласен.

— Извините, не хочу долго распространяться, скажу лишь ещё две вещи, как мужчина мужчине. Первое: эта женщина держит язык за зубами, как никто из тех, кого я знаю. И второе: она не имеет никакого отношения к бизнесу, я не использую её, она не приз, не приманка или ещё что-либо в этом духе.

Бартлетт дал молчанию затянуться. Потом кивнул:

— Ну да.

— Вы мне не верите?

Бартлетт рассмеялся. Смех был неподдельный.

— Черт возьми, Квиллан, мы же в Гонконге! Здесь то, в чем я не разбираюсь, встречается на каждом шагу. Вот вы сказали «Боляочжоу», а я и понятия не имею, то ли это название ресторана, то ли уголок Гонконга, а может, вообще где-то в

«красном» Китае. — Он пил вино с наслаждением. — Что касается Орланды, она человек великолепный, и вам нет нужды волноваться. Я понял, что вы хотели сказать.

— Надеюсь, вы не обиделись, что я об этом заговорил? Бартлетт покачал головой.

— Я рад, что вы заговорили об этом. — Он подумал, а потом — раз уж собеседник повел себя так открыто — решил тоже сыграть в открытую. — Она рассказала мне про ребенка.

— Прекрасно.

— Отчего вы тогда нахмурились?

— Просто удивился, что она уже сказала об этом. Должно быть, вы ей очень нравитесь.

Бартлетт почувствовал силу впившихся в него глаз и попытался прочесть, стоит ли за этим взглядом зависть.

— Надеюсь, что так. По её словам, вы очень хорошо относились к ней после вашего разрыва. И к её семье.

— Они милые люди. В Азии очень непросто вырастить пятерых детей, вывести их на дорогу. Наша компания по возможности всегда помогала семьям сотрудников. — Горнт отпил вина. — Я впервые увидел Орланду, когда ей было десять лет. Это случилось в субботу на скачках в Шанхае. В те времена принято было прогуливаться по паддоку в лучших своих туалетах. Для неё это был первый официальный выход в свет. Её отец, Эдуарду Рамуш, работал у нас менеджером в отделе морских перевозок. Хороший человек, житель Макао в третьем поколении, а жена у него — чистокровная китаянка из Шанхая. А вот Орланда... — Горнт вздохнул. — Более красивой девочки я не встречал. Она была в белом платье... После этого я не видел её, пока она не вернулась с учебы. Ей тогда почти исполнилось восемнадцать, и я ну просто по уши влюбился в неё. — Горнт поднял глаза от бокала. — Я был несказанно счастлив все годы, что провел с ней. — Взгляд у него стал жестче. — Она говорила, что я разорил человека, который её соблазнил?

— Да.

— Хорошо. Тогда вы знаете всё, — подвел черту Горнт и добавил с огромным достоинством: — Я хотел лишь упомянуть про три момента.

Бартлетт ощутил неожиданную теплоту к этому человеку.

— Я очень признателен вам. — Он наклонился вперед, чтобы принять наполненный бокал. — Может, на этом и остановимся? В следующий вторник все долги и дружеские отношения отменяются, и мы начинаем все сызнова. Все мы.

— А пока на чьей вы стороне? — спросил Горнт с улыбкой. Но внутри он не улыбался.

— Что касается рейда, на вашей, на сто процентов! — тут же заявил Бартлетт. — Что касается проникновения «Пар-Кон» в Азию? Тут я где-то посередине. Жду, кто победит. Склоняюсь на вашу сторону и надеюсь, что победителем станете вы, но жду.

— А разве это не одно и то же?

— Нет. Основные правила этого рейда установлены мной уже давно. Я говорил, что этот рейд — единовременная операция, «детский» мат. — Бартлетт улыбнулся. — Конечно, Квиллан, по рейду я на сто процентов с вами — ведь я предоставил два миллиона без печатки, без документов, просто по договоренности.

После паузы Горнт изрек:

— В Гонконге это иногда ценится больше. У меня нет точных цифр, но наша прибыль составляет где-то от двадцати четырех до тридцати миллионов гонконгских долларов.

Бартлетт поднял бокал.

— Боже милостивый! Ну, а пока что насчет банковской паники? Как это отразится на нас?

Горнт нахмурился.

— Не думаю, что вообще как-то отразится. Наш рынок очень изменчив, но «Блэкс» и «Виктория» стоят прочно, нерушимо, к тому же и тот и другой банк должно поддержать правительство. Прошел слух, что губернатор собирается объявить понедельник нерабочим днем для банков и они будут закрыты столько, сколько потребуется. Наличность появится, и кризис доверия будет преодолен, это лишь вопрос времени. А пока много кто погорит, и множество банков обанкротится, но это не должно повлиять на наш план.

— Когда вы хотите выкупать акции?

— Это зависит от того, когда вы откажетесь от «Струанз».

— Может, в понедельник, в полдень? У вас и у ваших номинальных лиц будет уйма времени, чтобы покупать до закрытия после того, как новость просочится и акции упадут ещё ниже.

— Отлично. Китайцы реагируют на слухи, очень чутко реагируют, поэтому рынок легко раскачать от бума до краха и наоборот. Полдень — прекрасное время. Вы сделаете это в Тайбэе?

— Да.

— Мне потребуется подтверждение по телексу.

— Его передаст вам Кейси.

— Она знает? О плане?

— Да. Теперь знает. Сколько акций вам нужно, чтобы получить контрольный пакет?

— Эта информация должна быть у вас.

— Это единственное, чего не хватает.

— Когда мы купим все эти акции, хватит по крайней мере на три места в совете директоров и с Иэном будет покончено. Как только мы входим в совет директоров, «Струанз» в нашей власти, и тогда, очень скоро, я произведу слияние «Струанз» с «Ротвелл-Горнт».

— И станете тайбаном Благородного Дома.

— Да. — Глаза Горнта сверкнули. Он ещё раз наполнил бокалы. — Ваше здоровье!

— Ваше здоровье!

Они выпили, довольные договоренностью. Но глубоко в душе ни тот ни другой не верили друг другу ни на йоту. Оба были рады, что у них есть план действий в непредвиденной ситуации — если потребуется.

Трое мрачных мужчин вышли из Дома правительства и загрузились в машину Кросса. Кросс сел за руль, Синдерс — рядом с ним, а Роузмонт — сзади, оба крепко сжимали в руках ещё непрочитанные копии папок АМГ. Ночь была темная, ветер гнал по небу облака, а движение на улицах было плотнее обычного.

— Вы считаете, губернатор прочтает папки, прежде чем уничтожить их? — проговорил сидевший сзади Роузмонт.

— Я бы прочитал, — ответил, не поворачивая головы, Синдерс.

— Сэр Джефффри слишком умен, чтобы так поступить, — сказал Кросс. — Он не станет уничтожать оригиналы, пока ваша копия благополучно не окажется в руках министра, просто на случай, если вы до него не доберетесь. Даже случись такое, он слишком проницателен, чтобы читать нечто способное смутить полномочного представителя Её Величества и, следовательно, правительство Её Величества.

Снова повисло молчание.

И тут Роузмонт, уже не в силах больше сдерживаться, холодно

поинтересовался:

— А что же с Меткиным, а? Где там что случилось?

— В Бомбее. Скорее всего, диверсию устроили там, если это была диверсия.

— Ради бога, Родж, а что же ещё? И конечно, кому-то дали наводку. Откуда утечка информации? Опять ваш треклятый агент? — Он подождал, но никто ему не ответил. — А что насчет «Иванова», Родж? Ты удержишь его и нагрянешь с обыском?

— Губернатор запрашивал Лондон, и там считают неразумным создавать напряженность.

— Что, черт побери, понимают эти болваны? — разозлился Роузмонт. — Я вас умоляю, это же шпионское судно! Ставлю полсотни против погнутой шляпной булавки — мы получим действующие книжки кодов, увидим лучшую в СССР разведывательную аппаратуру и обнаружим пять-шесть умельцев из КГБ. Ну?

— Конечно, вы правы, мистер Роузмонт, — язвительно заметил Синдерс. — Но мы не можем предпринять этого без необходимых санкций.

— Так позвольте мне и моим ребятам...

— Ни в коем случае! — Синдерс раздраженно полез за сигаретами. Пачка оказалась пустой.

Кросс предложил свои.

— И вы хотите позволить им улизнуть?

— Я собираюсь завтра пригласить в Главное управление капитана, капитана Суслева, и потребовать у него объяснений, — пояснил Синдерс.

— Мне хотелось бы присутствовать при этом.

— Я подумаю.

— Вы получите официальное добро до девяти утра.

— Извините, мистер Роузмонт, — огрызнулся Синдерс, — но при желании я могу игнорировать любые директивы вашего начальства.

— Мы же союзники, черт возьми!

— Тогда с какой стати вы провели налет на квартиру тридцать два в Синклер-тауэрс? — резко вставил Кросс.

Роузмонт вздохнул и стал рассказывать.

Синдерс задумчиво посмотрел на Кросса, потом перевел взгляд на Роузмонта.

— Кто сказал вам, что это явочная квартира противника, мистер Роузмонт?

— У нас здесь широкая сеть осведомителей. Я не могу назвать свой источник, но предоставляю вам, если хотите, копии отпечатков пальцев с обнаруженной нами рюмки.

— Это было бы очень полезно. Благодарю вас.

— И все же это не оправдывает ваш бессмысленный несанкционированный налет, — холодно проговорил Кросс.

— Я ведь признал, что виноват, ну? — вспыхнул Роузмонт, выпятив подбородок. — Мы все совершаем ошибки. Как Филби, Бёрджесс и Маклин! В Лондоне ведь все, черт побери, такие умные, а? Мы только что получили наводку, что у вас есть и четвертый — на самом верху, который так же хорошо устроился и посмеивается над вами.

Кросс и Синдерс взволнованно переглянулись. Потом Синдерс повернулся, вытянув шею:

— Кто это?

— Если бы знал, его бы взяли. Филби удрал с таким количеством информации, что перегруппировка и перекодировка вылились в миллионы.

— Это печально, — согласился Синдерс. — Нам всем тошнехонько из-за Филби.

— Мы все совершаем ошибки, и единственный грех — это неудача, верно? Поймай я вчера вечером пару агентов, вы бы мне аплодировали. А у меня сорвалось.

Я же повинился. В следующий раз буду спрашивать, о'кей?

— Спросишь ты, как же... А если б спрашивал, меньше было бы головной боли.

— Так что вы слышали о четвертом? — спросил Синдерс. Бледный, небритый, он казался ещё более помятым.

— В прошлом месяце мы накрыли очередную сеть коммунистов в Штатах. Черт, они плодятся как тараканы! В ней было четверо: двое в Нью-Йорке, двое в Вашингтоне. В Нью-Йорке работал Иван Егоров, ещё один чиновник из секретариата ООН. — Тут Роузмонт добавил не без досады: — Господи, и почему до наших никак не дойдет, что эта проклятая ООН просто кишит агентами? Это самое лучшее советское оружие с тех пор, как они украли у нас чертову бомбу! Мы поймали Ивана Егорова и его жену Александру на передаче секретных данных — промышленный шпионаж, компьютеры. Те, что орудовали в Вашингтоне, взяли себе имена реальных, но умерших людей — католического священника и какой-то женщины из Коннектикута. Все четверо ублюдков были завязаны на одного типа из советского посольства, атташе, их куратора. Мы сцапали его, когда он пытался завербовать парня из ЦРУ. Но прежде чем выслать субчика из Штатов, мы его так подзапугали, что он выдал четверых своих подопечных. Один из них и сообщил, что Филби не был ключевой фигурой, что есть четвертый.

Синдерс закашлялся и прикурил от окурка новую сигарету.

— Что он сказал? Дословно.

— Только то, что в сети Филби было четверо. Четвертый как раз и привлек остальных, он был куратором сети и главным связующим звеном с Советами. И он якобы стоит наверху. Очень-очень важная персона.

— В какой сфере? В политике? В Министерстве иностранных дел? В аристократической среде?

Роузмонт лишь пожал плечами:

— Без понятия. Просто очень-очень важная персона.

Синдерс пристально посмотрел на него и снова замкнулся в своей раковине. Кросс повернул на Синклер-роуд, остановился у своего дома, чтобы высадить Синдерса, и поехал к американскому консульству, расположенному недалеко от губернаторской резиденции. Роузмонт взял копии отпечатков, а потом повел Кросса в свой офис, просторный, с забитым под завязку баром.

— Виски?

— Водки и чуть лаймового сока «Роузес», — попросил Кросс, не отрывая глаз от папок АМГ, которые Роузмонт небрежно бросил на стол.

— Будь здоров. — Они чокнулись. Роузмонт сделал большой глоток виски. — Что тебя мучает, Родж? Ты весь день как кот на раскаленной жестяной крыше.

Кросс кивнул на папки:

— Они. Мне нужен этот «крот». Мне нужно уничтожить «Севрин».

Роузмонт нахмурился.

— О'кей, — проговорил он после паузы, — давай посмотрим, что там у нас.

Взяв первую папку, он закинул ноги на стол и стал читать. Это заняло у него меньше двух минут, и он передал папку Кроссу, который читал столь же быстро. Так они проштудировали папку за папкой. Закрыв последнюю, Кросс вернул её и закурил.

— Слишком много всего, чтобы говорить об этом сейчас, — рассеянно пробормотал Роузмонт.

Кроссу почудилось что-то странное в голосе американца, захотелось выяснить, не проверяют ли его.

— Одно бросается в глаза, — заметил он, глядя на Роузмонта. — Они не идут ни в какое сравнение с той другой, что мы перехватили.

Роузмонт кивнул.

— Я тоже это уловил, Родж. Что ты об этом думаешь?

— Впечатление какой-то поверхностности. Самые разные вопросы оставлены без ответа. Обойден вниманием «Севрин» и законспирированный агент тоже. — Кросс поболтал водку в стакане и допил её. — Я разочарован.

Последовало молчание, которое первым нарушил Роузмонт:

— Значит, или та, что у нас есть, единственная в своем роде, или эти — фальшивки?

— Да.

Роузмонт выпустил из себя воздух.

— А это снова приводит нас к Иэну Данроссу. Если эти — фальшивки, у него должны быть настоящие.

— Или в тайнике, или в памяти.

— Что ты имеешь в виду?

— Говорят, у него фотографическая память. Он мог уничтожить настоящие папки и подготовить эти, но наверняка помнит все, что было в тех.

— А-а, его можно допросить? Ну, чтобы выяснить, не... не обманул ли он нас.

Кросс закурил ещё одну сигарету.

— Да. Если власти предрешают, что это необходимо. — Он поднял глаза на Роузмонта. — Несомненно, любой такой допрос — дело весьма опасное, и приказ о нем может быть отдан лишь на основании Закона о неразглашении государственной тайны.

Усталое лицо Роузмонта ещё больше помрачнело.

— Ну что, может, мне взять это на себя?

— Сначала нужно убедиться. Это не так уж трудно. — Кросс бросил взгляд на бар. — Можно?

— Конечно. Я тоже выпью ещё. Кросс передал ему стакан виски.

— Хочу заключить соглашение: ты сотрудничаешь с нами на все сто; ничего не предпринимаешь, не уведомив меня заранее; никаких секретов, никаких действий до сигнала...

— Взамен на что?

Кросс улыбнулся своей тонкой улыбочкой и вынул какие-то фотокопии.

— Как ты смотришь на то, чтобы воздействовать на некоторых вероятных кандидатов в президенты, а возможно, даже контролировать их или сам ход выборов?

— Не понимаю.

Шеф Эс-ай передал Роузмонту письма Томаса К. К. Лима, обнаруженные два дня назад Армстронгом и его командой во время обыска в офисе Зубастика Ло.

— Похоже, некоторые очень богатые и очень влиятельные семьи в Штатах вошли в сговор с кое-какими американскими генералами, чтобы построить во Вьетнаме несколько больших, но ненужных аэродромов и пожить на этом. Здесь все задокументировано — как, когда и кто. — Кросс рассказал, где и как обнаружены бумаги, и добавил: — Разве сенатор Уилф Тиллман — тот, что сейчас здесь, — не метит в президенты? Насколько я понимаю, за эти «конфетки» он может сделать тебя главой ЦРУ — если ты захочешь передать их ему. А вот это «повкуснее» будет. — Кросс положил на стол два документа. — Здесь разъясняется, как некоторые политики с большими связями и те же могущественные кланы с одобрения конгресса направляют миллионные средства на абсолютно мошенническую программу помощи Вьетнаму. Восемь миллионов по ней уже выплачено.

Роузмонт прочитал письма. Лицо у него стало белым как мел. Американец поднял трубку телефона.

— Эда Лэнгана мне. — Он чуть подождал, потом вдруг побагровел. — Мне плевать! — прорычал Роузмонт. — Отлепи от стула свою чертову задницу и доставь мне Эда сюда прямо сейчас! — Грязно выругавшись, он бросил трубку, открыл ящик

стола, нашел флакончик с антацидом³¹⁰ и отправил в рот сразу три таблетки. — При такой жизни я и до пятидесяти не дотяну, — пробормотал он. — Родж, этот тип, Томас К. К. Лим — мы можем до него добраться?

— Если найдете — пожалуйста. Он где-то в Южной Америке. — Кросс положил на стол ещё одну бумагу. — Это тайный доклад об антикоррупционной деятельности. Вам, должно быть, не составит труда изловить его.

Роузмонт пробежал глазами бумагу.

— Господи. — И, помолчав, добавил: — Нельзя ли оставить все это между нами? А то как бы крышу не снесло парочке наших столпов нации.

— Конечно. Так мы договорились? Никаких секретов с обеих сторон?

— О'кей. — Роузмонт подошел к сейфу и открыл его. — Услуга за услугу. — Порывшись среди папок, он вынул из одной несколько бумаг, засунул её обратно и закрыл сейф. — Вот, это фотокопии, можешь взять с собой.

Фотокопии были озаглавлены «Фридом файтер» — «Борец за свободу» — и датированы текущим и прошлым месяцем. Кросс быстро просмотрел их, то и дело присвистывая. Разведывательные донесения, причем отличного качества. Вся информация связана с Гуанчжоу, с тем, что происходило в этом важном центре провинции Гуандун: передвижения войск, перестановки по службе, назначения в местных органах власти и организациях коммунистической партии, сведения о наводнениях, нехватке продуктов, о поставках восточногерманских и чехословацких товаров в магазины.

— Откуда у тебя это? — спросил он.

— У нас своя сеть в Кантоне. Это одно из её донесений, мы их получаем ежемесячно. Предоставлять тебе копию?

— Да. Да, спасибо. Я проверю это по своим источникам на предмет точности сведений.

— Они точные, Родж. Конечно, совершенно секретно, да? Я не хочу, чтобы моих парней накрыли, как Фэн-фэна. Это останется между нами, о'кей?

— Хорошо.

Американец встал и протянул руку.

— И, Родж, я прошу прощения за тот налет.

— Да.

— Хорошо. А что касается этого типа, Лима, мы найдем его. — Роузмонт устало потянулся, потом налил себе ещё. — Родж?

— Нет, спасибо, я пойду, — сказал Кросс. Роузмонт резко ткнул пальцем в письма.

— А за это спасибо. Да, спасибо, но... — Он остановился, чуть не плача от ярости. — Иногда просто тошно делается. На что только не идут наши собственные парни за эти проклятые «бабки»... Я бы лучше умер, пусть бы это была, черт побери, целая гора треклятого золота. Ты понимаешь, о чем я?

— О да! — Кросс постарался, чтобы его голос звучал по-доброму, мягко, а про себя вздохнул: «До чего же ты наивен, Стэнли!»

Через минуту он откланялся и направил стопы в Главное управление полиции. Там он проверил отпечатки пальцев по своей личной картотеке, снова сел в машину и поехал в сторону Уэст-Пойнт. Убедившись, что за ним не следят, остановился у первой попавшейся телефонной будки и набрал номер. Через секунду на том конце сняли трубку. Никакого ответа не последовало, было слышно лишь дыхание. Кросс тут же прокашлялся сухим отрывистым кашлем «Артура» и заговорил, прекрасно

³¹⁰ Антацид — лекарство для понижения кислотности желудочного сока. Применяется, в частности, при язве желудка.

имитируя его голос:

— Пожалуйста, мистера Лоп-сина.

— Здесь нет никакого мистера Лоп-тина. Извините, вы ошиблись номером.

Кросс с удовлетворением узнал голос Суслева.

— Я хотел бы оставить сообщение, — продолжал он произносить условленные фразы тем голосом, которым они с Джейсоном говорили по телефону. Оба считали нелишним при случае изображать «Артура» ради конспирации и создания дымовой завесы вокруг его настоящей личности.

— И что? — тут же спросил Суслев, когда пароль был сказан. Кросс ехидно улыбнулся, радуясь возможности одурачить русского.

— Я ознакомился с материалом. «Наш Друг» тоже. — «Нашим Другом» звался он сам, Роджер Кросс.

— А! И что?

— И мы оба согласились, что материал отличный. — «Отличный» на коде значило «фальсифицированная или ложная информация».

Последовала долгая пауза.

— И что теперь?

— Может ли «Наш Друг» связаться с вами в субботу в четыре? (Может ли Роджер Кросс выйти на вас сегодня в десять вечера по надежному телефону?)

— Да. Спасибо за звонок. (Да. Сообщение принято.) Кросс повесил трубку.

Он вынул ещё одну монету и снова набрал номер.

— Алло?

— Привет, Джейсон. Это Роджер Кросс, — начал он.

— О, привет суперинтендент. Какой приятный сюрприз, — ответил Пламм. — Наш уговор о завтрашней партии в бридж остается в силе? (Ты перехватил папки АМГ?)

— Да, — подтвердил Кросс. А потом, как бы невзначай, добавил: — Только нельзя ли перенести её с шести на восемь? (Да, мы в безопасности, никаких имен не упомянуто.)

Пламм вздохнул с явным облегчением. Затем осведомился:

— Сообщить об этом остальным? Мы встречаемся сегодня вечером, как договорились?

— Нет, сегодня беспокоить их не стоит. Мы можем сделать это завтра.

— Замечательно. Спасибо за звонок.

Кросс снова вышел на улицу, где было полно людей. Очень довольный собой, он сел в машину и закурил. «Интересно, что подумает Суслев — или его боссы, — если они узнают, что настоящий „Артур“ — я, а не Джейсон Пламм. Одна тайна скрывает в себе другую, а та — третью. Джейсон единственный знает, кто на самом деле „Артур“!»

Он фыркнул от смеха.

«КГБ будет рвать и метать. Русские не любят, когда от них что-то скрывают. И придут в ярость, если пронюхают, что именно я завербовал Пламма и создал „Севрин“, а не наоборот».

Провернуть все это было нетрудно. Кросс служил тогда в военной разведке в Германии, война уже шла к концу. Ему шепнули, что Пламм, в ту пору военный связист, шлет шифровки Советам, используя припрятанный передатчик. В течение месяца он познакомился с Пламмом и установил, что так оно и есть, но война почти сразу закончилась. Поэтому Кросс приберег эту информацию на будущее — для обмена или перехода на сторону русских, если понадобится. «Когда занимаешься шпионажем, нужно быть готовым к тому, что рано или поздно тебя вычислят, или предадут, или обменяют на кого-то либо что-то. Всегда нужно располагать секретами, чтобы торговаться, и чем важнее секреты, тем безопаснее твое положение, ибо рано

или поздно ошибка — твоя или подчиненного — лишает тебя прикрытия и ты делаешься беспомощным, как бабочка, проткнутая булавкой. Как Воранский. Как Меткин. Как Данросс со своими липовыми папками. Как Роузмонт со своим наивным идеализмом. Как Григорий Суслев — отпечатки его пальцев с рюмки теперь в досье ЦРУ, — который угодил в поставленную мной мышеловку».

Кросс громко рассмеялся. Выжав сцепление, он выехал на забитую машинами проезжую часть. «Какой волнующей становится жизнь, когда играешь то за одну, то за другую сторону и сталкиваешь их, — размышлял он. — Да, тайны и впрямь делают жизнь волнующей».

61

21:45

Никогда Бартлетт не ужинал так вкусно, никогда ему не доводилось отведать таких отменных блюд китайской кухни, как на Болячжоу, небольшом островке к юго-западу от Абердина. Кушанье, которое им принесли, — маленькие чашечки с рисом — было уже восьмым. По традиции рис подавали последним.

— Рис есть совсем не обязательно, Линк! — усмехнулась Орланда. — Этим ты можешь показать тому, кто угощает, мол, наелся так, что больше не лезет!

— Точно, Орланда! Квиллан, ужин — просто фантастика!

— Да-да, именно фантастика, — эхом откликнулась она. — Вкус у тебя просто великолепный.

Ресторан — грязный, освещенный голыми лампочками, с покрытыми клеенкой столами, расшатанными стульями и треснутыми плитками пола — приютился рядом с маленькой пристанью недалеко от рыбацкой деревушки. В стоявших рядами позади заведения чанах был выставлен на продажу дневной улов всех жителей островка: крупные и мелкие креветки, кальмары, лангусты, небольшие крабы и рыба всевозможных форм и размеров. В сопровождении хозяина они ходили между чанами и отбирали на свой вкус.

Горнт и хозяин долго обсуждали меню, споря, какая рыба подойдет больше. Оба хорошо разбирались в этом, а Горнта ещё ценили как щедрого клиента. Потом они уселись втроем за стол во внутреннем дворике, пили пиво, наслаждаясь вечерней прохладой, и всем было весело. Все понимали, что, по крайней мере на время ужина, установлено перемирие и не нужно держаться настороже.

Через несколько минут поспело первое угощение — горки сочных, быстро прожаренных креветок, источавших запах моря и восхитительных как ничто другое в мире. Потом были крошечные осьминоги с чесноком, имбирем, соусом чили и всеми специями Востока. Затем немного хорошо прожаренных куриных крылышек, которые полагалось есть с морской солью, далее огромная рыба, приготовленная на пару с соей, стрелками свежего зеленого лука и имбирем: она была выложена на блюде, а щечку, самое вкусное место, поднесли Бартлетту, как почетному гостю.

— Господи, когда я увидел эту дыру, виноват, это местечко, то подумал, не разыгрываете ли вы меня.

— Ах, мой милый друг, — сказал Горнт, — нужно знать китайцев. Их мало заботит, как обставлена трапеза, была бы еда хороша. Они не доверяют заведениям, где много тратят на украшения, скатерти или свечи. Им хочется видеть, что они едят, — поэтому свет такой резкий. За едой китайцы проявляются ярче всего. Они как итальянцы. Им нравится смеяться, когда они едят и пьют, рыгать...

Все пили пиво.

— Оно лучше всего идет с китайской пищей, хотя китайский чай полезнее — он быстрее усваивается и расщепляет все масло.

— Чему ты улыбаешься, Линк? — спросила Орланда. Она сидела между

мужчинами.

— Ничему. Просто здесь на самом деле лучше понимаешь, как надо есть. Слушай, а что это такое?

Она внимательно посмотрела на блюдо жареного риса с рыбным ассорти.

— Кальмар.

— Что?

Орланда с Горнтом рассмеялись, а Горнт пояснил:

— Китайцы говорят, что в пищу годится всякая тварь, спина которой обращена к небу. Ну что, тронулись?

Они вернулись на яхту. Как только судно покинуло причал и вышло в море, был подан кофе и бренди.

— Простите, я отлучусь на время, — извинился Горнт. — Нужно поработать с документами. Если замерзнете, пройдите в носовую каюту. — И он спустился вниз.

Бартлетт задумчиво потягивал бренди. Они с Орландой сидели на корме, откинувшись на спинки стульев. Ему вдруг захотелось, чтобы это была его яхта и чтобы они были одни. Орланда смотрела на него не отрываясь. Придвинувшись ближе, хотя он и не просил, она положила руку ему на шею и стала мягко и уверенно разминать мускулы.

— Здорово, — оценил Бартлетт: в нем проснулось желание.

— Ага, у меня массаж очень хорошо получается, Линк, — довольная, похвалилась она. — Я брала уроки у одной японки. Ты регулярно делаешь массаж?

— Нет.

— А надо бы. Это очень важно для тела, очень важно, чтобы откликался каждый мускул. Ты же свой самолёт регулируешь, верно? А тело чем хуже? Завтра я тебе это организую. — Её ногти шаловливо вонзились в шею. — Она — женщина, но трогать её нельзя, хейя!

— Да будет тебе, Орланда!

— Я дразню тебя, глупый, — оговорила она, тут же сообразив, что к чему, и сняв неловкость. — Эта женщина слепая. Так с древности повелось, что в Китае, а теперь и на Тайване, массаж делают слепые, это их, и только их, бизнес, потому глаза им заменяют пальцы. О да. Немало, конечно, и шарлатанов, которые только изображают, будто что-то умеют, а на самом деле ничего не смыслят. Тут быстро разбираешься, кто жулик, а кто нет. Гонконг — очень маленькая деревня. — Наклонившись, она коснулась губами его шеи. — Это из-за того, что ты красивый.

Он засмеялся.

— Такие вещи я должен говорить. — Как зачарованный, он обнял её одной рукой и тихонько прижал к себе, остро ощущая присутствие капитана, стоявшего у руля метрах в трех.

— Ты не хотел бы осмотреть яхту? Он уставился на неё:

— Ты ещё и мысли читаешь?

Она засмеялась, и её прелестное лицо просияло радостью.

— Разве предназначение женщины не в том, чтобы замечать... доволен мужчина, печален или хочет побыть в одиночестве? Меня научили все замечать и чувствовать, Линк. Я, конечно, пробую угадать, что у тебя на уме, но если ошибаюсь, ты должен меня поправлять. А если я оказываюсь права... разве тебе от этого не лучше?

«И так гораздо легче поймать тебя, чтобы ты уже никуда не делся. Вести тебя на тонкой леске, которую при желании легко разорвать, и сделать так, чтобы она стала прочнее стального троса.

Научиться этому было ох как нелегко! Квиллан — учитель жестокий, ох какой жестокий. Большинство уроков я вынесла для себя из его разносков».

— Господи боже мой, а глаза-то тебе на что, черт бы их побрал? Ведь и слепой

бы увидел, когда я вошёл, что у меня был жуткий день, что я чувствую себя отвратительно! Проклятье, почему ты тут же не подала мне выпить? Стоило тебе нежно коснуться меня и не открывать свой, черт побери, рот минут десять, и я бы пришел в себя, всего лишь каких-то десять вшивых минут нежности и понимания — и все снова было бы в порядке!

— Но, Квиллан, — хныкала она, напуганная его гневом, — ты вошёл такой злой, что я расстроилась и...

— Я сто раз говорил, чтобы ты не расстраивалась лишь потому, что, черт побери, расстроен я! Это твоя работа — снимать мое напряжение! У тебя на это есть глаза, уши и шестое чувство! Все, что мне нужно, эти десять минут, и я снова послушный, со мной можно делать что хочешь. Боже мой, разве я не слежу за тобой все время? Разве я не гляжу во все глаза, черт бы тебя побрал, чтобы сгладить то одно, то другое? Каждый месяц в определенные дни ты всегда раздражена, верно? Разве я тогда не стараюсь быть как можно спокойнее, чтобы и ты оставалась спокойной? А?

— Да, но...

— К черту все но! Клянусь Богом, настроение у меня ещё больше испортилось! И все из-за тебя. Ты тупица, в тебе нет и капли женственности. И ты сама должна понимать это лучше всех!

Орланда вспомнила, как разрыдалась, когда он ушел, хлопнув дверью. Пропал праздничный ужин, приготовленный ею на день рождения, и вечер был безнадежно испорчен. Позже он вернулся, уже успокоившись, заключил её в нежные объятия и не отпускал, пока она плакала и извинялась за эту ссору, которая — тут она была согласна — случилась по её вине.

— Послушай, Орланда, — мягко проговорил он тогда. — Я не единственный мужчина, которым тебе придется управлять в этой жизни, не единственный, от кого ты будешь зависеть. Женщина всегда зависит от того или иного мужчины, каким бы гнусным, злым и невыносимым он ни был. Это прописная истина. Управлять мужчиной, в сущности, несложно. О, это так просто, если у тебя есть глаза, чтобы видеть, и понимание, что мужчины те же дети и нередко — то есть почти все время — делают глупости, капризничают и скверно себя ведут. Но они добытчики, а это непросто, очень непросто. Приносить деньги каждый день очень непросто, кем бы ты ни был. Мо цзин, мо мин — «Нет денег, нет жизни». Взамен женщина должна привносить в жизнь гармонию — мужчине этого или не дано, или дано далеко не всегда. А вот женщина всегда может подбодрить своего мужчину, если захочет, всегда может погасить в нем что-то пагубное. Всегда. Лишь тем, что будет некоторое время оставаться спокойной, любящей, нежной и понимающей. Я научу тебя этой игре — жизни. У тебя будет докторская степень в науке выживания для женщины, но тебе придется поработать...

«О, я поработала, — угрюмо думала Орланда, вспоминая все свои слезы. — Зато теперь я знаю. Теперь я могу инстинктивно делать то, чему надо было заставлять себя учиться».

— Пойдем, я покажу тебе носовую часть. — Она встала, ощущая взгляд капитана, и уверенно повела Бартлетта за собой.

Когда они подошли к трапу, её рука тотчас скользнула под руку Линка, другой она взялась за поручень и стала спускаться вниз. В просторной каюте удобные шезлонги, диваны и глубокие кресла были привинчены к палубе. Бар ломился от напитков.

— Камбуз впереди, в полубаке, вместе с помещениями для команды, — рассказывала она. — Тесновато, но для Гонконга в самый раз.

Дальше в небольшой коридор выходили двери четырех кают: двух с двойной койкой и двух с койками, расположенными одна над другой. Все аккуратно

прибранные, уютные.

— На корме — хозяйская каюта Квиллана и хозяйский люкс. Там все роскошно. — Она задумчиво улыбнулась. — Он любит иметь все самое лучшее.

— Да, — согласился Бартлетт.

Он поцеловал Орланду, и она откликнулась, откликнулась всем существом. Его желание отозвалось в ней слабостью и дрожью в коленях, она отдалась этому желанию, охваченная такой же страстью и уверенная, что он остановится сам, что ей не нужно будет его останавливать.

Все шло, как задумывалось.

Орланда почувствовала его силу и тут же плотно прижалась к нему, слегка покачивая бедрами. Его руки нежно касались её, и она всем телом устремлялась им навстречу. Так славно было в его объятиях, совсем иначе, чем с Квилланом. Тот всегда оставался учителем, всегда контролировал себя, и подобного отклика от него было не дожидаться. Они уже оказались на койке, и тут Бартлетт отпрянул. Все тело призывно застонало, но все же она ликовала.

— Давай вернемся на палубу, — хрипло проговорил он.

Миновав хозяйскую каюту, Горнт вошёл в люкс и закрыл за собой дверь на ключ. На огромной кровати под легким одеялом привольно раскинулась во сне красивая девушка. Он постоял в изножье, с наслаждением разглядывая её, и лишь потом дотронулся. Проснулась она не сразу.

— Айийя, как я хорошо спала, Досточтимый Сэр. Кровать у вас такая чудная, — улыбнувшись, промурлыкала она по-шанхайски, зевнула и потянулась всласть, как котенок. — Хорошо ли вы поели?

— Отлично, — ответил он на том же языке. — А ты?

— О да, восхитительно! — вежливо поблагодарила она. — Корабельный Стюард Чо принес мне то же, что ели вы. Особенно хорош был осьминог с черными бобами в чесночном соусе. — Совершенно раздетая, она села на кровати, прислонясь спиной к шелковым подушкам. — Мне одеться и выйти на палубу?

— Нет, Маленький Котенок, ещё не время. — Горнт присел на постели. Он коснулся рукой её груди и почувствовал, как она вся чуть встрепенулась.

По-китайски девушку звали Краса Снегов. Горнт нанял её на вечер в ночном клубе «Хэппи хостесс». Сначала он думал взять с собой Мону Лян, свою теперешнюю подружку, но та была слишком самовольная и не захотела бы оставаться внизу и выходить на палубу, лишь когда ему вздумается.

К выбору девушки Горнт подошел очень тщательно. Все было великолепно в Красе Снегов — и черты лица, и линии тела, и шелковистая гладкость кожи. Ей исполнилось восемнадцать, и в Гонконг она приехала меньше месяца назад. О её исключительной красоте Горнту рассказал один тайваньский приятель, сообщив, что она покидает заведение в Тайбэе и будет работать в ночном клубе «Хэппи хостесс». Две недели тому назад Горнт побывал в клубе и заключил соглашение, которое оказалось выгодным для обеих сторон. Сегодня, когда Орланда сказала, что ужинает с Бартлеттом, и когда Горнт пригласил их на яхту, он тут же позвонил в «Хэппи хостесс», выкупил Красу Снегов на ночь и спешно доставил её на борт.

— Я хочу разыграть одного приятеля, — пояснил он. — Ты должна оставаться в каюте, пока я не выведу тебя на палубу. Может, это продлится час, может, два, но ты останешься здесь и будешь сидеть тихо как мышка, пока я за тобой не приду.

— Айийя, в этом плавучем дворце я готова остаться хоть на неделю без всякой платы. Только бы кормили и давали этого шампанского... Дополнительная плата только за любовь. Можно поспать в этой постели, если захочется?

— Конечно, но сначала, пожалуйста, прими душ.

— Душ? Благословение на всех богов! С горячей и холодной водой? Просто

райское удовольствие: эти перебои с водой такая досада.

Горнт пригласил её на борт яхты, чтобы поддразнить Орланду, если будет нужно. Краса Снегов гораздо моложе, красивее, и, если она появится в одном из элегантных платьев, которые когда-то носила Орланда, это вызовет просто взрыв эмоций. В течение всего ужина он фыркал про себя, прикидывая, когда лучше вывести девушку, чтобы достичь максимального эффекта: разжечь Бартлетта и напомнить Орланде, что по гонконгским меркам она уже старовата и без его, Горнта, активной помощи никогда бы не заполучила Бартлетта, во всяком случае так, как ей этого хотелось.

«Хочу ли я, чтобы она вышла замуж за американца? — спрашивал себя Горнт, погружившись в размышления. — Нет. И все же, если Орланда станет его женой, Бартлетт окажется в моей власти, потому что она в моей власти и так будет всегда. Пока что Орланда об этом не забыла. Пока она остается послушной и почтительной. И напуганной».

Он рассмеялся.

«О, как я буду наслаждаться своей мстью, когда сорву твои планы, дорогая. И однажды я это сделаю. О да, милочка моя, я не забыл смешки всех этих самодовольных ублюдков — Пага, Пламма, Хэвегилла, Изна чертова Данросса, — когда они узнали, что ты польстилась на жеребца вдвое моложе меня.

Может, сказать тебе, что ты моя май чжай?»

Когда Орланде было тринадцать, к нему пришла её мать-шанхайка.

— Времена настали очень тяжелые, Господин. Мы очень много задолжали компании, а вы проявляете столько терпения и доброты.

— Времена тяжелые для всех, — отвечал он.

— К несчастью, с прошлой недели отдел, в котором работал мой муж, закрылся. В конце месяца ему придется уйти, после семнадцати лет службы, и мы не сможем вернуть вам долг.

— Эдуарду Рамуш — прекрасный человек, и он без труда найдет новую работу, ещё лучше.

— *Инь сяо ши да* (Из-за малого теряем многое), — сказала она.

— Джосс, — проговорил он в надежде, что ловушка захлопнулась и все посеянные им семена наконец-то дадут всходы.

— Джосс, — согласилась она. — Но ещё есть Орланда.

— А что Орланда?

— Нельзя ли ей стать май чжай? — Май чжай называли дочь, которую навсегда отдавали кредитору за долги, которые нельзя было вернуть по-другому, чтобы он воспитывал её, или использовал, или отдал кому-то — как ему заблагорассудится. Это был старинный и вполне законный китайский обычай.

Горнт вспомнил, как взволнован был тогда. Переговоры продолжались несколько недель. Горнт согласился простить все долги Рамуша — долги, которым он так тщательно потворствовал, согласился восстановить Рамуша в должности, назначил ему скромную гарантированную пенсию, помог обосноваться в Португалии и оплатить обучение Орланды в Америке. Взамен семья Рамуш обещала, что Орланда достанется ему девственницей, трепетной и влюбленной, в день её восемнадцатилетия или раньше. Ни о каком отказе не могло быть и речи.

— Клянусь всеми богами, мы сохраним это в тайне на все времена. Думаю, что было бы лучше сохранить это в тайне и от неё самой, Господин. Но мы понимаем, кто подаст ей чашку риса, и она поймет тоже.

Горнт расплылся в улыбке. Ради тех замечательных лет стоило терпеть, вынашивать планы и поступиться небольшой суммой денег. «От этого выиграли все, — сказал он себе, — и я насладился ещё не до конца. Да». И он сосредоточил внимание на Красе Снегов.

— Жизнь прекрасна, — изрек он вслух, лаская её.

— Я счастлива, что вы довольны, Досточтимый Сэр. Я тоже довольна. Ваш душ — просто подарок богов. Я вымыла голову, вымылась вся. — Она улыбнулась. — Если ещё не время разыгрывать ваших друзей, не хотите ли заняться любовью?

— Хочу, — произнес он, как всегда восхищаясь откровенной прямоотой китайских девушек для удовольствий.

Отец объяснял ему когда-то: «Ты даешь им деньги, а взамен получаешь их юность, „тучки и дождь“, развлечения. В Азии это честная и почетная мена. Чем они моложе, чем больше смеха и наслаждения, тем больше ты должен заплатить. Это сделка, но никогда не ожидай чего-то романтического, настоящих слез: это не входит в их обязанности. Только развлечения и постельные утехы. Не требуй от них большего!»

Горнт с удовольствием разделся и лег рядом. Она провела руками по его груди — темные волосы, холеное тело — и начала. Через некоторое время она стала издавать тихие страстные возгласы, чтобы раззадорить его. И хотя мама-сан предупреждала, что этот гуйлао не такой, как все, что с ним прикидываться не нужно, она инстинктивно держалась первейшего правила при любви с чужеземцами: «Никогда не давай страсти увлечь тебя, потому что не сможешь выполнять свои обязанности со вкусом и бесстрашием. Никогда не забывай притворяться, что получаешь громадное наслаждение, что достигла „тучек и дождя“, иначе гуйлао сочтет это оскорблением своего мужского достоинства. Гуйлао — люди нецивилизованные, им никогда не понять, что инь нельзя купить и что твой дар совокупления предназначен лишь для услаждения клиента».

Когда любовная игра закончилась и сердце Горнта забилось ровнее, Краса Снегов встала с кровати, прошла в ванную и, радостно напевая, снова приняла душ. Он пребывал в прекрасном настроении и отдыхал, закинув руки за голову. Вскоре она вернулась с полотенцем.

— Спасибо, — поблагодарил он и вытерся, а она снова скользнула к нему.

— О, я ощущаю себя такой чистой, и все так замечательно. Может, ещё займемся любовью?

— Не сейчас, Краса Снегов. Теперь ты можешь отдохнуть, а я позволю себе поразмыслить. Ты ублажила ян весьма благоприятным образом. Я скажу об этом мама-сан.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила она. — Я хотела бы, чтобы вы стали моим особым клиентом.

Он кивнул, наслаждаясь ею, её теплом и чувственностью. «Когда бы ей лучше всего выйти на палубу?» — снова спрашивал он себя, абсолютно уверенный, что Бартлетт с Орландой сейчас там, а не улеглись в постель, как поступили бы цивилизованные люди.

И Горнт захихикал, трясась всем телом.

В иллюминаторе рядом с кроватью проплывали огни Коулуна и коулунских доков. Горнт прислушался к приятному рокоту двигателей, встал с кровати и подошел к шкафу, где он держал дорогие неглиже, нижнее белье, разноцветные платья и шикарные домашние халаты, купленные для Орланды. Ему доставляло удовольствие хранить эти вещи, чтобы их надевали другие женщины.

— Наведи красоту и надень вот это. — Он подал ей длинный, до полу, чунсам из желтого шелка: этот наряд был у Орланды одним из любимых. — Под него не надевай ничего.

— Да, конечно. Ой, какая красота! Он стал одеваться.

— Если мой розыгрыш удастся, можешь оставить его себе как премию.

— О! Тогда все будет, как пожелаете, — с жаром проговорила она, и, позабавленный этой неприкрытой алчностью, он даже рассмеялся.

— Сначала мы высадим наших пассажиров на гонконгской стороне. — Он указал в иллюминатор: — Видишь большой грузовой корабль у пристани, на нем флаг с серпом и молотом?

— А, да, господин. Корабль дурного знака? Сейчас вижу!

— Когда мы с ним поравняемся, пожалуйста, выйди на палубу.

— Понятно. Что я должна сказать?

— Ничего. Только мило улыбнись — сначала мужчине и женщине, потом мне, а затем спустись вниз и жди меня здесь.

— И это все? — засмеялась Краса Снегов.

— Да, только будь красива и мила и улыбайся — в особенности женщине.

— А-а! С любовью или ненавистью? — тут же поинтересовалась она.

— Ни так и ни этак. — Он впечатлился её пронизательностью, восторженно предчувствуя, как женщины возненавидят друг друга.

Уединившись в своей каюте на борту «Советского Иванова», капитан Григорий Суслев закончил шифровку срочного сообщения, сделал глоток водки и перечел радиogramму.

Иванов — Центру. «Артур» сообщает, что папки могут быть поддельными. Его друг передаст мне сегодня вечером копии. Рад сообщить, что друг «Артура» перехватил также информацию об авианосце. Рекомендую немедленно дать ему премию. Дополнительные копии посланы мной по почте в Бангкок для отправки диппочтой, а также на всякий случай в Лондон и Берлин.

Удовлетворенный, он положил книжечки с кодами обратно в сейф и запер его. Потом снял трубку телефона:

— Дежурного радиста ко мне. И первого помощника.

Суслев отодвинул задвижку на двери, вернулся к столу и стал смотреть в иллюминатор через гавань на авианосец. Заметив проходящую мимо прогулочную яхту, он узнал в ней «Морскую ведьму». От нечего делать Суслев взял в руки бинокль и навел фокус. На корме он увидел за столиком Горнта, какую-то девушку и мужчину, сидевшего к нему спиной. С огромной завистью он оглядел в бинокль всю яхту.

«Понимает толк в жизни этот ублюдок. Какая красавица! Вот бы мне иметь такую на Каспии, в Баку!

Почему бы и нет, — сказал он себе, провожая „Морскую ведьму“ взглядом, — после стольких лет честного служения делу. У многих комиссаров — из высшего эшелона — есть яхты».

Бинокль снова скользнул по группе людей. Снизу поднялась ещё одна девушка, азиатская красотка, но тут послышался вежливый стук в дверь.

— Добрый вечер, — поздоровался радист. Приняв радиogramму, он расписался за неё.

— Отошлите сейчас же.

— Слушаюсь.

Явился первый помощник Василий Борадинов, крепкий, симпатичный мужчина тридцати с лишним лет, капитан КГБ, выпускник факультета разведки Владивостокского университета с дипломом судоводителя.

— Да, товарищ капитан?

Суслев передал ему расшифрованную радиogramму из стопки на столе. В ней говорилось:

Первому помощнику Василию Борадинову принять обязанности Дмитрия Меткина как комиссара «Иванова». За капитаном Суслевым остается вся

полнота командования на всех уровнях до последующих распоряжений.

— Поздравляю, — сказал Суслев. Борадинов расплылся в улыбке.

— Спасибо, капитан. Какие будут распоряжения? Суслев протянул ему ключ от сейфа.

— Если мне не удастся выйти на контакт с вами или я не вернусь завтра к полуночи, откроешь сейф. Инструкции в пакете с пометкой «Чрезвычайная ситуация № 1». Там сказано, как действовать дальше. Теперь... — Он передал запечатанный конверт. — Здесь два номера телефона, по которым меня можно найти. Откроешь лишь в крайнем случае.

— Очень хорошо. — На лице у Борадинова выступили капельки пота.

— Волноваться не нужно. Ты вполне можешь принять на себя командование.

— Надеюсь, этого не понадобится. Григорий Суслев рассмеялся.

— Я тоже на это надеюсь, мой юный друг. Прошу садиться. — Он налил две рюмки водки. — Ты заслужил повышение.

— Спасибо. — Борадинов замялся. — Что случилось с Меткиным?

— Первое: он совершил глупую, ненужную ошибку. Дальше: его предали. Или он сам себя выдал. Или ему на хвост села эта треклятая Эс-ай, которая его и схватила. Или его прищучило ЦРУ. В любом случае бедному дуралею не следовало превышать свои полномочия и подвергать себя такой опасности. Глупо рисковать собой, не говоря уже о безопасности нас всех. Глупо!

Первый помощник нервно поежился в кресле.

— Как вы планируете действовать?

— Все отрицать. И ничего сейчас не предпринимать. Мы должны выйти в море в полночь во вторник; этого плана и будем придерживаться.

Борадинов напряженно смотрел в иллюминатор на авианосец.

— Жаль. С этим материалом мы значительно продвинулись бы вперед.

— С каким это материалом? — прищурился Суслев.

— Разве вы не знали, капитан? Перед уходом бедняга Дмитрий шепнул, что, по его сведениям, на сей раз мы должны получить невероятную информацию — копию наставления к системе наведения и грузового манифеста их вооружений, в том числе ядерных боеприпасов, — именно поэтому он и пошёл сам. Это был слишком важный материал, чтобы доверить его обычному курьеру. Должен признаться, я предложил ему пойти вместо него.

Суслев был потрясен тем, что Меткин кому-то доверял секретную информацию, но не показал виду.

— Откуда он узнал?

Первый помощник пожал плечами.

— Он не сказал. Полагаю, от того самого американского матроса, когда принимал звонок в телефонной кабине, чтобы организовать закладку. — Борадинов вытер каплю пота. — Они расколют его, да?

— О да, — с готовностью ответил Суслев, желая, чтобы подчиненный проникся уверенностью. — Они могут расколоть любого. Вот почему мы должны быть готовы. — Он потрогал небольшую выпуклость от капсулы с ядом в кончике лацкана, и Борадинов поежился. — Лучше, чтобы это произошло быстро.

— Ублюдки! Должно быть, они вышли на него по наводке, раз схватили, прежде чем он успел что-то сделать. Ужасно. Звери они все.

— А... а Дмитрий что-нибудь ещё говорил? До того как ушел?

— Нет, только, что надеется, как и все, на несколько недель отпуска. Хотел навестить семью в своем любимом Крыму.

Довольный тем, что следы замечены, Суслев пожал плечами.

— Ужасно жалко. Он мне так нравился.

— Да. И так обидно: ведь до пенсии ему оставалось всего ничего. Хороший был человек, хоть и совершил такую ошибку. Что они с ним сделают?

Суслев подумал, не показать ли Борадинову одну из остальных расшифрованных радиogramм на столе, где, в частности, говорилось:

Сообщите «Артуру», что в ответ на его просьбу о применении «срочного мероприятия номер один» в отношении предателя Меткина отдан приказ о немедленном перехвате в Бомбее.

«А надо ли выдавать эту информацию? — усомнился он. — Чем меньше Борадинов знает, тем лучше».

— Он просто исчезнет — пока мы не поймаем какую-нибудь их крупную рыбу, чтобы организовать обмен. КГБ своих в беде не бросает, — лицемерно добавил он, не веря в это и понимая, что молодой человек тоже не верит, но не сказать так было нельзя — политика.

«Меня им обменять придется, — удовлетворенно рассудил он. — И очень быстро. Мне известно слишком много тайн. Они — моя единственная защита. Если бы не это, приказ о применении ко мне „срочного мероприятия номер один“ поступил бы немедленно, как в случае с Меткиным. На их месте я сделал бы так же. А смогу ли я закусить лацкан или оплошаю, как этот тупой подонок?»

По всему телу пробежала дрожь.

«Не знаю».

Он глотнул водки. Она показалась такой хорошей на вкус. «Не хочется умирать. Слишком славно все в этой жизни».

— Вы снова на берег, товарищ капитан?

— Да. — Суслев сосредоточился. Он передал молодому человеку напечатанное и подписанное им распоряжение. — Командуешь теперь ты. Вот приказ — повесь на мостике.

— Спасибо. Завт... — Борадинов осекся, потому что ожила внутренняя корабельная связь и торопливый голос затараторил:

— Говорит мостик! К главному трапу подъезжают две полицейские машины. В них полно людей... — Суслев и Борадинов побледнели. — Их около дюжины. Что нам делать? Остановить их, не разрешать подняться на борт — что?

Суслев щелкнул переключатель на передачу.

— Ничего не предпринимать! — Подумав, он включил громкую связь на корабле. — Все му экипажу: тревога, «красная» тревога...

Этот приказ значил: «На борт поднимаются посетители с недружественными намерениями. Радиорубке и радарному посту: поставить на взвод устройства самоликвидации на всей секретной технике».

Он выключил связь и зашипел на Борадинова:

— А ты дуй на палубу, спустись по трапу, поприветствуй их, задержи минут на пять, а потом пригласи на борт главных, только их, если получится. Давай!

— Но ведь они не посмеют подняться на борт для обыс...

— Перехвати их — ну же!

Борадинов вылетел из каюты. Только оставшись один, Суслев взвел устройство самоликвидации на своем сейфе. Теперь, если кто-то, кроме него, попытается открыть сейф, зажигательная смесь из этого устройства уничтожит все, что есть внутри.

Он пытался успокоиться и не паниковать.

«Думай! Все ли предусмотрено на случай внезапного обыска? Да. Да, мы раз десять отрабатывали порядок действий по „красной“ тревоге. Но черт бы побрал Роджера Кросса и „Артура“! Какого дьявола мы не получили предупреждения? Может, „Артур“ схвачен? Или Роджер? Kristos, пусть это будет не Роджер! Что аб...»

Взгляд упал на кипу зашифрованных и расшифрованных радиogramм. Он

лихорадочно сгреб их, скомкал и кинул в пепельницу, проклиная себя за то, что не сделал этого раньше, а теперь хватит ли времени? Трясущимися пальцами он нашарил зажигалку, чиркнул ею, и в этот самый момент раздался треск — включилась корабельная связь:

— Двое поднимаются на борт вместе с Борадиновым. Два человека. Остальные внизу.

— Хорошо, задержите их. Я выхожу на палубу.

Выругавшись, Суслев погасил пламя и засунул радиogramмы в карман. Схватил полупустую бутылку водки, глубоко вздохнул и с широкой улыбкой вышел на палубу.

— А-а, добро пожаловать на борт! Что случилось, а? — проговорил он, чуть глотая слова, как того требовала его легенда недалекого добряка, вечно под хмельком. — Что-нибудь с кем-то из моего экипажа, суперинтендент Армстронг?

— Это мистер Сунь. Можно переговорить с вами? — сказал Армстронг.

— Конечно, конечно! — произнес Суслев с деланной веселостью. Этого китайца он раньше не видел. Холодный взгляд, исполненное ненависти землистое лицо. — Прошу за мной, — пригласил он и добавил по-русски Борадинову, который прекрасно говорил по-английски: — Ты тоже. — Потом снова обратился к Армстронгу, продолжая изображать хорошее настроение: — Кто будет победителем в пятом забеге, суперинтендент?

— Хотел бы я знать, сэр.

Суслев провел полицейских в небольшую кают-компанию рядом со своей каютой.

— Садитесь, садитесь. Разрешите предложить чаю или водки? Вахтенный, чаю и водки!

И то и другое быстро принесли. Суслев широким жестом разлил водку, хотя оба полицейских вежливо отказались.

— Прозит, — добродушно улыбнулся он. — Ну и что же случилось?

— Похоже, один человек из вашего экипажа занимался шпионской деятельностью, направленной против правительства Её Величества, — вежливо сообщил Армстронг.

— Этого не может быть, *tovarich*! Зачем такие шутки, а?

— Он задержан. Правительство Её Величества действительно весьма огорчено.

— Это мирное торговое судно. Вы знаете нас уже много лет. Ваш суперинтендент Кросс следит за нами не первый год. Мы шпионажем не занимаемся.

— Сколько членов экипажа сейчас на берегу, сэр?

— Шестеро. Послушайте, мне неприятности не нужны. У меня их и так в этом рейсе хватает: ни в чем не повинный моряк убит неиз...

— Ах да, покойный майор КГБ Юрий Бакян. Ему очень не повезло. Суслев изобразил сдерживаемый гнев.

— Его звали Воранский. Я ничего не знаю ни о каком майоре. О ком вы говорите? Я ничего об этом не знаю, ничего.

— Конечно. Ну а когда ваши матросы вернутся из увольнения, сэр?

— Завтра, к закату.

— Где они сейчас?

— На берегу, в увольнении, — усмехнулся Суслев. — Наверное, с какой-нибудь девицей или в баре, где им ещё быть? С девицей, а? И прекрасно проводят время.

— Прекрасно проводят время не все, — сухо заметил Армстронг. — По крайней мере одному из них приходится сейчас далеко не сладко.

Суслев смотрел на него и злорадствовал. «Блефуешь? Не выйдет: Меткина больше нет».

— Да полно вам, суперинтендент. Ничего я не знаю ни о каком шпионаже.

Армстронг выложил на стол фотографии размером восемь на десять³¹¹. На одной из них Меткин шёл в ресторан, на другой его задерживали, на третьей — затапливали в «черную марию». И ещё снимок анфас — лицо, охваченное ужасом.

— Kristos! — ахнул Суслев, превосходно играя свою роль. — Дмитрий? Не может быть! Ещё один незаконный арест! Я поставлю мое прави...

— Ваше правительство уже поставлено в известность через посла в Лондоне. Майор Николай Леонов признался в шпионской деятельности.

Теперь Суслев был потрясен по-настоящему. Он и предположить не мог, что Меткин расколется так быстро.

— Кто? Как вы сказали?

— Майор Николай Леонов из вашего КГБ, — вздохнул Армстронг. — Это его настоящее имя и звание. Он был политическим комиссаром на вашем судне.

— Да... да, это верно, но его... его имя Меткин, Дмитрий Меткин.

— Вот как? Вы не против, если мы проведем обыск на судне? — осведомился Армстронг, вставая.

Суслев пришел в ужас, Борадинов тоже.

— О, конечно, я против, — произнес запинаясь Суслев. — Да, суперинтендент, извините, но я заявляю официальный протест и дол...

— А с чего бы вам протестовать, если ваш корабль — мирное торговое судно и шпионажем не занимается?

— Мы находимся под защитой международного права. Если у вас нет ордера на обыск, то...

Армстронг сунул руку в карман, и душа Суслева ушла в пятки. Официальному ордеру он обязан будет подчиниться, и тогда все кончено, потому что улика найдется гораздо больше, чем эти полицейские могли даже надеяться.

Должно быть, им выболтал что-то важное этот проклятый сукин сын Меткин. Из горла рвался яростный вопль, а радиogramмы — зашифрованные и расшифрованные — жгли карман. Лицо Суслева побелело. Борадинов застыл без движения.

Армстронг вынул руку из кармана: в ней была лишь пачка сигарет. Остановившееся сердце Суслева снова забилося, хотя он еле справлялся с накатившей тошнотой.

— Matyeryebyets! — пробормотал он.

— Что вы сказали, сэр? — как ни в чем не бывало переспросил Армстронг. — Что-нибудь случилось?

— Нет-нет, ничего.

— Не желаете английскую сигарету?

Суслев еле сдерживался, руки так и чесались вмазать наглому типу за то, что тот провел его. На лице и на спине выступил пот. Трясущимися пальцами он взял сигарету.

— Все это... это ужасно, а? Шпионаж, обыски, угрозы.

— Да. Может быть, вы окажете нам любезность и уйдете завтра, а не во вторник?

— Это невозможно! Нас что, травят, как крыс? — взревел Суслев, ещё не решив, как далеко стоит заходить. — Мне придется поставить в известность мое правительство и...

— Пожалуйста. И сделайте одолжение, сообщите, что при осуществлении шпионской деятельности задержан майор КГБ Леонов и что ему предъявлено обвинение в соответствии с Законом о неразглашении государственной тайны.

³¹¹ 20 x25 см.

Суслев утер с лица пот, стараясь оставаться спокойным. Только понимание того, что Меткин, по всей вероятности, мертв, помогало сохранить присутствие духа. «Но что ещё он успел рассказать? — рвался изнутри крик. — Что ещё?!» Он перевел взгляд на стоявшего рядом бледного Борадинова.

— Вы кто? — резко спросил Армстронг, перехватив этот взгляд.

— Первый помощник Борадинов, — произнес русский сдавленным голосом.

— Кто новый комиссар, капитан Суслев? Кто назначен вместо мистера Леонова? Кто старший партийный руководитель на судне?

Лицо Борадинова стало пепельным, а Суслев был рад, что часть давления переместилась на кого-то другого.

— Ну, так кто же?

— Он, — буркнул Суслев. — Первый помощник Борадинов. Армстронг тут же устремил ледяной взгляд на Борадинова.

— Назовите, пожалуйста, ваше полное имя.

— Василий Борадинов, первый помощник, — запинаясь, произнес тот.

— Очень хорошо, мистер Борадинов, вы отвечаете за то, чтобы судно вышло в море самое позднее в полночь в воскресенье. Я официально предупреждаю, что у полиции есть основания опасаться нападения на вас триад — китайских бандитов. Ходят слухи, что оно намечено на раннее утро понедельника — сразу после полуночи. Слухи ходят упорные. Очень упорные. В Гонконге полно китайских бандитов, а русские отняли у китайцев немало их земли. Мы опасаемся за вашу безопасность и здоровье. Полагаю, это политическое... а?

— Да-да, я понимаю. — Борадинов сделался мертвенно-бледен.

— Но как же... как же ремонт? — начал Суслев. — Если рем...

— Пожалуйста, постарайтесь, чтобы он был закончен, капитан. Вам будет предоставлена дополнительная помощь или буксир, чтобы выйти из территориальных вод Гонконга, если потребуется. Ах да, и не будете ли вы так любезны явиться в Главное управление полиции в воскресенье в десять утра — извините, что в выходной день.

— Что? — побледнел Суслев.

— Вот официальное приглашение. — Армстронг вручил ему повестку. Взяв её, Суслев начал читать, Армстронг тем временем вынул второй бланк и вписал туда имя Борадинова.

— А это вам, комиссар Борадинов. — И он сунул бланк в руки русскому. — Предлагаю больше никого из экипажа на берег не отпускать — за исключением вас двоих, разумеется, — и немедленно отозвать на судно всех, кто находится в увольнении. Уверен, что дел у вас предостаточно. До свидания! — Бросив эти последние слова так неожиданно, что русские вздрогнули, он поднялся и вышел из кают-компании, закрыв за собой дверь.

Наступила оглушительная тишина. Малькольм Сунь встал и не торопясь направился к двери. Суслев тоже вскочил и хотел было последовать за ним, но остановился, потому что китаец вдруг резко повернулся к морякам.

— Мы вас всех арестуем, всех! — злобно проговорил он.

— За что? Что мы такого сделали? — У Борадинова даже дыхание перехватило. — Мы не...

— За шпионаж. Вы же шпионы? Вы, кагэбэшники, такими умниками себя считаете, matyeryebyets!

— Убирайся к чертям с моего корабля, — прорычал Суслев.

— Мы доберемся до вас всех — я не полицию имею в виду... — Малькольм Сунь вдруг перешел на беглый русский: — Убирайтесь с нашей земли, гегемонисты! Китай на марше! Пусть мы потеряем пятьдесят, сто миллионов солдат, у нас все равно останется вдвое больше. Убирайтесь, пока не поздно!

— Мы сотрем вас с лица земли! — заорал Суслев. — Мы уничтожим ядерным ударом весь Китай. Мы во... — Он осекся.

Малькольм Сунь смеялся ему в лицо.

— Титьку твоей матери на твой ядерный удар! У нас теперь свое ядерное оружие! Только начните, заканчивать будем мы. А то размахались ядерным оружием, кулаками, мечами с оралами! — Малькольм Сунь сбавил тон: — Убирайтесь вон из Китая, пока ещё можете. Мы идем с Востока, подобно Чингисхану: Мао Цзэдун, Чан Кайши, я, мои внуки, их внуки, мы идем, и мы сметем вас с лица земли, и вернем все наши земли, все до единой]

— Проваливай с моего корабля! — У Суслева заломило в груди. Ослепленный яростью, он двинулся на своего мучителя, Борадинов — тоже.

Ничуть не испугавшийся Малькольм Сунь отступил на шаг.

— Yeb tvoyu mat, подонок! — И продолжил по-английски: — Ударь меня, и я арестую тебя за нападение, а твой корабль будет задержан!

Русским пришлось приложить немалые усилия, чтобы сдержаться. Задыхаясь от ярости, Суслев засунул кулаки в карманы.

— Пожалуйста, прошу вас... прошу вас уйти. Пожалуйста.

— Цзю ни ло мо на тебя, на твою мать, твоего отца и всех ваших советских говноедов-гегемонистов!

— Прошу — сейчас же — уйти.

Распалившийся Сунь обругал их по-русски и заорал в ответ:

— Мы идем с Востока, как саранча... Тут с палубы донеслась шумная перебранка, что-то глухо бухнуло. Он тут же повернулся и направился к двери. Остальные рванулись за ним.

Охваченный ужасом Суслев увидел Армстронга, который стоял у входа в радиорубку, расположенную рядом с капитанской каютой. Дверь была широко открыта, на англичанина уставились двое перепуганных радистов и застывшие рядом вахтенные матросы. Из внутренностей радиооборудования уже вился дымок. По «красной» тревоге старшему радисту предписывалось привести в действие систему самоликвидации секретного шифровального устройства, как только кто-то чужой откроет дверь или попытается взломать замок.

Обернувшись, Армстронг оказался лицом к лицу с Суслевым.

— А-а, капитан, простите великодушно, споткнулся. Простите, ради бога, — невинно проговорил он. — Я думал, тут «одно место».

— Что?

— Туалет. Я запнулся вот, дверь и открылась. Простите, ради бога. — Полицейский снова заглянул в радиорубку. — Боже милостивый! Здесь, похоже, пожар. Я сейчас же вызову пожарную команду. Малькольм, давай...

— Нет... нет! — запротестовал Суслев и рывком по-русски Борадинову и вахтенным матросам: — Тушите огонь!

Рывком вытащив руку из кармана, он подтолкнул Борадинова, чтобы тот вышел из оцепенения. Суслев не заметил, как обшлагом рукава зацепил одну из расшифрованных радиোগрамм и она упала на палубу. Из-за пульта управления мудреным радиооборудованием валил дым. В руках у вахтенного матроса уже оказался огнетушитель.

— Боже милостивый! Что же это могло произойти? — вопрошал Армстронг. — Вы уверены, что вам не нужна помощь?

— Нет-нет, благодарю вас. — От ярости лицо Суслева пошло пятнами. — Благодарю вас, суперинтендент. Я... увидимся в воскресенье.

— До свидания, сэр. Пойдем, Малькольм.

В растущей суматохе Армстронг направился было к трапу, потом наклонился, и не успел Суслев понять, в чем дело, как суперинтендент поднял какую-то бумажку и

стал быстро спускаться на берег. Малькольм Сунь последовал за ним.

Ошеломленный Суслев снова сунул руку в карман. Забыв про пожар, он метнулся к себе в каюту, чтобы проверить, какой радиogramмы не хватает.

Внизу на пристани у обоих трапов уже выстроились полукругом полицейские в форме. Армстронг опустился на заднее сиденье машины рядом с Синдерсом. Несмотря на тёмные круги под глазами и помятый костюм, шеф Эм-ай-6 был спокоен и бдителен.

— Сработали вы прекрасно, и тот и другой! Да. Насколько я понимаю, связи у них теперь не будет примерно целые сутки.

— Да, сэр. — С колотящимся сердцем Армстронг шарил в кармане, ища зажигалку.

Синдерс наблюдал за Малькольмом Сунем, который садился за руль.

— Что-то случилось? — задумчиво спросил он, озадаченный выражением землистого лица.

— Ничего, ничего особенного, сэр. — Малькольм Сунь повернулся к нему: вся спина у китайца была мокрая от пота, сердце покалывало, и во рту до сих пор оставался тошнотворный привкус возбуждения, смешанного с яростью и страхом. — Когда... когда я старался задержать их, чтобы отвлечь внимание от суперинтендента, я... они меня подзавели, два эти ублюдка.

— Да? Каким образом?

— Ну... стали браниться, так что я... я тоже сказал им пару ласковых. — Сунь отвернулся и устроился поудобнее, чтобы избежать пронизывающего взгляда Синдерса. — Только поругался, — добавил он, стараясь не выдать голосом напряжение.

— Жаль, что никто из них не ударил вас.

— Да-да, я был к этому готов.

Синдерс бросил быстрый взгляд на Армстронга. Тот щелкнул зажигалкой, прикурил сигарету и стал в свете пламени изучать бумажку. Синдерс перевел взгляд вверх, на судно. Там, у трапа, стоял Суслев и не сводил с них глаз.

— Видать, он на самом деле сильно разозлился. Хорошо. — На лице у Синдерса промелькнула улыбка. — Очень хорошо.

Именно он с одобрения сэра Джеффри отдал приказ нанести внезапный визит на «Иванов», чтобы попытаться лишить русских связи — и самоуспокоенности — и тем самым оказать давление на «Артура» и агентов «Севрина» в надежде, что это заставит их проявить себя. «И „крота" у нас в полиции, — мрачно добавил сэр Джеффри. — Ведь Брайан Квок не может быть тем шпионом, о котором упоминается в бумагах АМГ, не так ли?»

И Синдерс с ним согласился.

Армстронг погасил зажигалку. После недолгого колебания он сказал:

— Ты бы лучше собрал подразделение, Малькольм. Довольно уже тут околачиваться. Верно, мистер Синдерс?

— Да-да, теперь можно уезжать.

Сунь послушно вышел. Армстронг наблюдал за стоящим на палубе Суслевым.

— Вы... э-э... вы ведь читаете по-русски, сэр, да?

— Да, читаю. А что?

Армстронг передал ему бумажку, осторожно держа её за края.

— Это выпало у Суслева из кармана.

Синдерс так же осторожно взял бумажку, не спуская, однако, глаз с Армстронга.

— Вы не доверяете старшему агенту Суню? — негромко спросил он.

— Доверяю. О да. Но китайцы есть китайцы, а это написано по-русски. Я по-русски читать не умею.

Синдерс нахмурился. Через секунду он кивнул. При свете зажигалки он дважды внимательно пробежал глазами бумажку и вздохнул.

— Это сводка погоды, Роберт. Жаль. Если только она не зашифрована, это лишь метеорологическая сводка. — Он осторожно сложил бумагу по тем же сгибам. — Ценность могут представлять отпечатки пальцев. Возможно, это шифровка. На всякий случай я передам листок нашим шифровальщикам.

Синдерс снова устроился в машине поудобнее. В бумаге говорилось:

Сообщите «Артуру», что в ответ на его просьбу применить к предателю Меткину «срочное мероприятие номер один» отдан приказ о немедленном перехвате в Бомбее. Второе: встреча с американцем перенесена на воскресенье. Третье и последнее: папки АМГ остаются «приоритетом номер один». «Севрин» должен приложить максимум усилий, чтобы добиться успеха. Центр.

«Ну и что это за американец? — гадал Синдерс. — И кто должен встретиться с ним: „Артур“ или кто-то другой? Капитан Суслев? Такой ли он безобидный, как кажется? И кто из американцев? Бартлетт, Чолок, Банастасио или кто-то ещё? А может, Питер Марлоу, этот англо-американский писатель-всезнайка с его любопытными измышлениями?

Вступали ли Бартлетт и Чолок в контакт с Центром в июне этого года в Москве? Был или не был вместе с ними Питер Марлоу, который якобы случайно оказался там, где намечалась совершенно секретная встреча иностранных агентов?

Или этот американец никакой не приезжий, а живет здесь, в Гонконге?

Может, Роузмонт? Или Лэнган? И тот и другой прекрасно подошли бы.

Есть над чем подумать.

Например, кто этот четвертый? Кто эта „очень-очень важная персона“, стоявшая над Филби? Куда ведут эти нити? В „Книгу пэров“ Берка?³¹² Или может быть, в чей-то замок или даже дворец?

Кто эта таинственная фрау Грессерхофф, которая приняла второй звонок Кернана, а потом растаяла в воздухе как дым?

И как быть с проклятыми папками? Как быть с проклятым АМГ и проклятым Данроссом, который, черт побери, строит из себя умника...»

Было уже около полуночи. Данросс с Кейси, довольные, сидели рядом в забранной стеклом передней части парома «Голден ферриз», который уверенно поворачивал к пристани на коулунской стороне. Ночь была хороша, хотя тучи нависали так же низко. Открытая часть палубы была по-прежнему закрыта от дождя брезентом, но там, где они сидели, видимость оставалась хорошей и в распахнутое окно врывался соленый морской ветерок.

— Как вы думаете, снова будет дождь? — нарушила Кейси уютное молчание.

— О да. Но я, конечно, надеюсь, что до конца завтрашнего дня не хлынет ливень.

— Все эти ваши скачки! Неужели они имеют такое значение?

— Для всех гонконгских янь — да. Для меня — и да, и нет.

— Я поставлю все, что у меня есть, на Ноубл Стар.

— Я бы не стал этого делать, — сказал он. — Всегда надо чуть подстраховываться.

³¹² «Книга пэров» («Книга пэров, баронетов и обладателей рыцарского звания») — авторитетный справочник по титулованным особам. Впервые издана сэром Джоном Берком в 1826 г.; с 1847 г. выпускается ежегодно.

— Некоторые пари не подстраховывают, — глянула на него Кейси.

— Некоторые пари нельзя подстраховать, — с улыбкой поправил он.

Как ни в чем не бывало, он взял её руку в свою и положил к себе на колени. Это прикосновение было приятно обоим. Они в первый раз по-настоящему коснулись друг друга. Все время, пока они шли от отеля «Мандарин» к парому, Кейси хотелось взять его за руку. Но она поборолла этот порыв, а теперь сделала вид, что не заметила, как их руки переплелись, хотя инстинктивно придвинулась чуть ближе.

— Кейси, вы так и не дорассказали про Джорджа Тоффлера. Вы его уволили?

— Нет, я этого так и не сделала, хотя собиралась. Когда контрольный пакет оказался у нас, я пришла к нему на совет директоров. Он, конечно, рвал и метал, но к тому времени я уже знала, что никакой он не герой, и выяснила о нем ещё кое-что. Он лишь помахал у меня перед носом моим письмом относительно денег, которые был мне должен, и стал кричать, что я никогда не получу их, никогда. — Она пожала плечами. — Я действительно так их и не получила, но получила его компанию.

— И что с ним случилось?

— По-прежнему крутится, по-прежнему надувает кого-то. Слушайте, давайте не будем больше о нем? У меня от этого может сделаться несварение желудка.

Он рассмеялся.

— Выкинули это из головы! Восхитительная ночь, верно?

— Да.

Ужин в Драконовом зале, на самом верху многоэтажного отеля, прошел безупречно. Филе «шатобриан», немного картофеля фри, салат и крем-брюле на десерт. Пили «Шато Лафит».

— Что-нибудь отмечаем? — спросила она.

— Просто благодарность вам за Первый центральный Нью-Йорка.

— Иэн! Они согласились?

— Мэртаг обещал попробовать.

Они с Мэртагом всего за несколько секунд определили условия сделки, при которой банк берется предоставить возможное, по мнению Кейси, финансирование: сто двадцать процентов стоимости обоих судов, пятьдесят миллионов — возобновляемый фонд.

— Все под вашу личную гарантию? — уточнил Мэртаг.

— Да, — подтвердил Данросс, поставив на карту свое будущее и будущее своей семьи.

— Мы... э-э... я уверен, что при таком прекрасном менеджменте, как у вас в «Струанз», вы будете с прибылью, так что с нашими деньгами ничего не случится, и... но, мистер Данросс, сэр, нам нужно хранить это черт знает в каком секрете. Я, в свою очередь, постараюсь приложить все усилия. — Мэртаг нервничал и пытался это скрыть.

— Да уж, мистер Мэртаг, постарайтесь, пожалуйста. Изо всех сил. Вы собираетесь завтра на скачки? Почему бы вам не заглянуть в мою ложу?

Извините, на ланч пригласить не могу: все расписано, и места все заняты, но вот вам пропуск. Если сможете, присоединяйтесь к нам начиная с половины третьего.

— О господи, тайбань, вы серьезно?

Данросс улыбнулся про себя. Для гонконгского общества приглашение в ложу одного из распорядителей было равносильно представлению ко двору, оно открывало столько же возможностей, если не больше.

— Чему вы улыбаетесь, тайбань? — Кейси чуть заерзала, чувствуя его тепло.

— Тому, что сейчас в мире все хорошо. По крайней мере, все эти многочисленные проблемы разложены по полочкам. — Пока они сходили на берег и шли через паромный терминал, он объяснил, что предпочитает решать проблемы по-азиатски — раскладывать по полочкам и браться за каждую, когда готов к этому.

— Хорошо, если это получается. — Она шагала рядом, но уже не касалась его.
— Если не получается, долго не протянешь: рак, инфаркт, преждевременное старение, немощь.

— У женщины есть предохранительный клапан — слезы. Поплачет, и ей легче...

Перед уходом из «Ви энд Эй» на встречу с тайбаном Кейси всплакнула. Из-за Линка Бартлетта. Ею владела злость, обида и сильное желание, скорее даже голод — физическая потребность. Прошло уже шесть месяцев со времени последнего увлечения — они бывали нечастыми, несерьезными и очень короткими. Когда голод становился нестерпимым, она уезжала на несколько дней кататься на лыжах или загорать и выбирала мужчину для постели. А после быстро о нем забывала.

— Ох, но ведь это очень плохо, Сиранчек, — сказала ей как-то мать, — быть такой бессердечной.

— О нет, мама дорогая. Это честный обмен. Мне секс доставляет удовольствие — когда я на это настроена, хотя я стараюсь, чтобы такой настрой возникал пореже. Я люблю Линка, и только его. Но я счи...

— Как ты можешь любить его и ложиться в постель с другим?

— Это... это не просто. Честно говоря, это ужасно. Но, мама, я работаю как проклятая на Линка всю неделю, без выходных. Работаю как черт для нас всех, для тебя, для дяди Ташиджана, для Мариан и для детей. Я единственная в семье, кто зарабатывает теперь, когда Мариан осталась одна. И мне это нравится, правда. Я делаю это с удовольствием, ты же знаешь. Но порой наступает предел, и тогда я просто уезжаю. И выбираю себе партнера. Честное слово, мама, все это чистая физиология, тут между нами и мужчинами нет никакой разницы, и теперь, когда у нас есть благословенная таблетка, мы можем выбирать. Сейчас не так, как было в твоё время, слава богу, моя милая...

Кейси отступила в сторону, чтобы не столкнуться с целой фалангой шедших навстречу пешеходов, и слегка толкнула Данросса. Автоматически она взяла его под руку. Он не отстранился.

«Раз уж я заговорила с ним о равных возможностях и мне было в этом отказано... Нет, Кейси, будь справедлива, — убеждала она себя. — Иэн всего лишь честно высказал свою точку зрения. А я как это вижу? Не знаю. Так с ходу и не определишь. Однако душой меня не назовешь, поэтому сегодня вечером я уделила особенное внимание своему туалету, не забыла про духи, сделала макияж поярче, прикусывала язык раз тридцать, постоянно сдерживалась и вела себя примерно, предав забвению принцип „око за око" и не забывая вставлять: „Как интересно!"

Мне и в самом деле было интересно. Он так внимателен, так тонко чувствует женщин и умеет развлечь. Я чудесно провела время. Иэн потрясающий мужчина. Опасный и такой соблазнительный».

Они подошли к широким мраморным ступеням «Ви энд Эй». Кейси предусмотрительно выпустила его руку и ощутила, что Данросс стал ей ближе, потому что она лучше понимает его.

— Иэн, вы человек мудрый. Как вы считаете, честно ли заниматься любовью с тем, кого не любишь?

— Что? — Он не ожидал подобного вопроса после всех приятных разговоров. Но, не задумываясь, произнес: — Любовь, милая леди, слово западное. А я — чайна-мэн, человек китайский!

— А если серьезно?

— Не думаю, что сейчас время говорить серьезно, — усмехнулся он.

— Но у вас есть мнение на сей счет?

— Несомненно.

Они поднялись по лестнице в вестибюль, где, несмотря на поздний час, было полно народу. Данросс тотчас ощутил на себе множество взглядов: его узнавали.

Именно поэтому он не попрощался с Кейси на ступеньках. «Каждая мелочь на пользу, — думал он. — Я должен выглядеть спокойным и уверенным. Благородный Дом несокрушим! Я никогда не позволю себе — не могу позволить — такую роскошь, как страх: он выплеснется и захлестнет других, нанеся непоправимый вред».

— Не хотите ли выпить перед сном? — спросила она. — Спать абсолютно не хочется. Может, к нам присоединится Линк, если он у себя.

— Хорошая идея. Чай с лимоном будет как раз то, что нужно.

Как по мановению волшебной палочки появился старший официант. И свободный столик.

— Добрый вечер, тайбань.

— Добрый вечер, Ночной Хэ.

— Мне тоже чай с лимоном, — сказала она. Один из официантов бросился выполнять заказ. — Я только проверю, есть ли для меня почта.

— Конечно. — Данросс посмотрел ей вслед.

Ещё в вестибюле отеля «Мандарин» он обратил внимание, что Кейси сегодня более женственна, хотя это не бросалось в глаза — чуть заметная перемена. «Интересная женщина. Сексуальность, готовая взорваться. Как, черт возьми, помочь ей быстро получить „отвальные“?»

Суетившийся вокруг Ночной Хэ негромко произнес по-кантонски:

— Тайбань, мы надеемся, что вы сумеете совладать с фондовым рынком и со Вторым Великим Домом.

— Спасибо. — Данросс поболтал с ним немного, излучая уверенность, а потом его взгляд вновь устремился на Кейси, подошедшую к стойке портье.

Проницательные глаза Ночного Хэ блеснули.

— Торговца оружием в отеле нет, тайбань.

— Вот как?

— Нету. Уехал уже давно, с девицей. Около семи вечера. Я как раз заступил на дежурство, — тут же доложил шустрый старик. — Одет был по-простому. Насколько я понимаю, для морской прогулки. Его сопровождала девица.

Теперь уже Данросс насторожился.

— В Гонконге много девиц, Ночной Хэ.

— Но не таких, тайбань. — Старик негромко хохотнул. — Эта когда-то была в любовницах у Черной Бороды.

— И-и-и, старик, у тебя зоркие глаза и хорошая память. Ты уверен?

— О, вполне! — Ночной Хэ пришел в восторг от того, как была воспринята новость. — Да, — с важным видом добавил он, — вам полезно это знать, раз американцы, как мы слышали, могут присоединиться к Благородному Дому, если вам удастся оставить с носом всех блудодеев. А также то, что Золотистый Лобок перебралась...

— Кто-кто?

Ночной Хэ объяснил, откуда взялось такое прозвище.

— Представляете, тайбань?

Данросс вздохнул, не уставая поражаться тому, как быстро распространяются сплетни.

— Так она переехала?

— О да, это дальше по коридору, номер двести семьдесят шесть, на том же этаже. И-и-и, тайбань, я слышал, как она плакала две ночи тому назад и сегодня вечером, перед тем как ушла. Да. Сегодня Третья Горничная Фэн видела, как она плакала.

— Они что, поссорились? Она и торговец оружием?

— О нет, не было никакой ссоры, никаких криков. Но, о-хо, если Золотистый Лобок знает про этот цветочек Орланду, и того довольно, чтобы драконы стали

изрыгать пламя. — Ночной Хэ ослабился навстречу Кейси, возвращавшейся с охапкой почты в руках.

Данросс заметил, что глаза её затуманила печаль. «От Линка Бартлетта посланий нет», — заключил он, вставая.

Ночной Хэ услужливо отодвинул для Кейси стул и налил ей чаю, добавив на кантонском:

— Ничего, тайбань, золотистый лобок или нет, в темноте-то какая разница, хейя?
— Старик захихикал и ушел.

Данросс глянул на её бумаги.

— Что-нибудь случилось?

— О нет, ничего нового. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — У меня все разложено по полочкам на завтра. Сегодняшний вечер мой. Линк ещё не вернулся. — Она с наслаждением пила чай. — Так что могу вас монополизировать.

— Мне казалось, это я вас монополизирую. Разве... — Он осекся, заметив, что через вращающиеся двери входят Роберт Армстронг и Синдерс. Они остановились у входа, ища столик.

— Ваша полиция работает сверхурочно, — проговорила Кейси и, когда эти двое посмотрели на неё, нерешительно махнула рукой. Постояв, мужчины направились к свободному столику в другом конце зала. — Мне нравится Армстронг, — заметила она. — Другой — тоже полицейский?

— Думаю, да. Где вы познакомились с Робертом? Она рассказала.

— Полиция так ничего и не выяснила о винтовках. Ни откуда они взялись, ни чего-то ещё.

— Паршивое это дело.

— Не желаете ли бренди?

— Почему бы и нет? На посошок, а потом мне надо идти. Официант! — Он сделал заказ. — Завтра машина придет за вами сюда ровно в двенадцать.

— Спасибо. Иэн, в приглашении значится: «Леди в шляпах и перчатках». Это серьезно?

— Конечно, — нахмурился он. — На скачках леди всегда в шляпах и перчатках. А что?

— Мне придется покупать шляпу. Я не ношу их уже много лет.

— Вообще-то, мне нравятся дамы в шляпах. — Данросс окинул взглядом зал. Армстронг и Синдерс исподтишка следили за ним. «Случайно они здесь или нет?» — думал он.

— Вы тоже чувствуете на себе взгляды, тайбань? Здесь, похоже, нет никого, кто бы не знал вас.

— Дело не во мне, просто я представляю Благородный Дом. Принесли бренди.

— Ваше здоровье! — Они чокнулись.

— Вы ответите на тот мой вопрос?

— Я отвечу «да». — Он покрутил рюмку и вдохнул аромат бренди.

— Что «да»?

Данросс вдруг ухмыльнулся.

— Просто да, и все. Да, это против правил, но да, это происходит постоянно, и я не собираюсь заниматься самоанализом, задавая себе вопросы типа: «Ты в последнее время перестал колотить жену?», хотя, насколько я знаю, большинству леди, в шляпах и без, нравится, когда им время от времени задают взбучку, но очень ласково, доводя их до изнеможения!

Она засмеялась, и тень печали почти исчезла из глаз.

— Смотря по обстоятельствам, верно?

— Да. — Он глядел на неё, спокойно и непринужденно улыбаясь, и в голове у обоих крутилось одно: смотря с кем, когда и где, все зависит от времени,

обстоятельств и желания, и прямо сейчас это было бы здорово.

Он протянул руку и чокнулся с ней.

— Ваше здоровье. И за вторник.

Она улыбнулась в ответ, подняла рюмку, и сердце у неё забилось чаще.

— Да.

— Все можно отложить до того времени. Верно?

— Да. Да, надеюсь, что да, Иэн.

— Ну, я пошёл.

— Я чудесно провела время.

— Я тоже.

— Спасибо за приглашение. Завт... — Она осеклась, потому что к ним торопливо подошел Ночной Хэ.

— Извините, тайбань, вас к телефону.

— О, спасибо. Сейчас подойду. — Данросс вздохнул. — Нет покоя нам, грешным! Ну что, Кейси, прощаемся?

— Конечно, конечно, тайбань. — Она тоже встала, сердце колотилось, и все тело охватила печальная сладкая истома. — Я оплачу счет.

— Спасибо, но он уже выписан. Его пришлют в офис.

Данросс оставил чаевые и проводил её до лифта. Оба ловили на себе взгляды. Данросса так и подмывало подняться с ней наверх — лишь для того, чтобы пошли чесать языки. «Довольно! — остановил он себя. — Хватит дразнить дьявола. Вокруг и так полно нечисти».

— Спокойной ночи, Кейси, до завтра. И не забудьте про коктейль с семи тридцати до девяти. Мои наилучшие пожелания Линку! — Он весело помахал рукой и зашагал к стойке портье.

Она смотрела ему вслед — высокому, во всем безупречному и уверенному. Двери лифта закрылись. «Будь это не Гонконг, не улизнуть бы тебе, Иэн Данросс. Сегодня уж точно. О нет, сегодня мы предались бы любви. О да, так бы оно и было».

Данросс остановился перед стойкой и поднял трубку:

— Алло, Данросс слушает.

— Тайбань?

— О, привет, Лим. — Он узнал голос мажордома. — Что случилось?

— Только что звонил мистер Тип Токто, сэр. — Сердце Данросса забилось сильнее. — Он просил вас перезвонить. В любое время до двух или после семи утра.

— Спасибо. Что-нибудь ещё?

— В восемь звонила мисс Клаудиа. Сказала, что устроила вашу гостью... — донесся шелест бумаг, — фрау Грессерхофф в отеле и что та подтвердила встречу в одиннадцать утра в вашем офисе.

— Хорошо. Дальше?

— Мисси звонила из Лондона — там все хорошо — и доктор Сэмсон.

— А-а! — Это был специалист Кэти. — Он оставил номер телефона? — Лим продиктовал, и Данросс записал номер. — Что-нибудь ещё?

— Нет, тайбань.

— Первая Дочь вернулась?

— Нет, тайбань. Первая Дочь появилась на несколько минут вместе с молодым человеком около семи вечера, а потом они уехали.

— Это был Мартин Хэпли?

— Да, это был он.

— Спасибо, Лим. Я позвоню Типтопу, потом сажусь на паром и еду домой.

Он повесил трубку. Не желая разговаривать при свидетелях, Данросс прошел в телефонную будку рядом со стойкой, где продавали канцелярские товары. И набрал номер.

— Вэййй!

Он узнал голос Типтопа.

— Добрый вечер, это Иэн Данросс.

— А-а, тайбань! Одну минуту. — Было слышно, как трубку прикрыли ладонью, донеслись приглушенные голоса. Данросс ждал. — Ах, извините, что заставил ждать. Я получил кое-какие тревожные новости.

— Вот как?

— Да. Похоже, ваша полиция ни на что не годится, как легкие собаки и сердце волка. Без всяких на то оснований арестован один ваш очень хороший друг — суперинтендент Брайан Квок. Он...

— Брайан Квок? — охнул Данросс. — За что?

— Насколько я понимаю, его бездоказательно обвинили в том, что он шпион КНР, что...

— Но этого не может быть!

— Я согласен. Это просто смешно! Председателю Мао не нужны шпионы-капиталисты. Брайан Квок должен быть освобожден немедленно, немедленно! И если он захочет покинуть Гонконг, его должны отпустить, куда он пожелает... Немедленно!

Данросс мучительно соображал. «Коль скоро Типтоп говорит, что Брайан Квок должен быть освобожден немедленно и отпущен из Гонконга, если того пожелает, значит, Брайан действительно шпион КНР, один из их шпионов, а это невозможно, невозможно, невозможно...»

— Я... я не знаю, что и сказать, — произнес он, предоставляя говорить Типтопу.

— Вряд ли вы можете рассчитывать на помощь Старых Друзей, когда ваша полиция совершает такие ошибки. Хейя?

— Согласен, — услышал он собственный ответ, прозвучавший с должной долей озабоченности, а внутри все кричало: «Господи всемогущий, они предлагают сделку: деньги в обмен на Брайана!» — Я... я поговорю с властями первым делом завтра с ут...

— Возможно, вы могли бы что-то сделать сегодня.

— Сейчас уже слишком поздно, чтобы звонить губернатору, но... — Тут Данросс вспомнил про Синдерса и Армстронга, и сердце зачастило. — Я попробую. Сейчас же. Уверен, это какая-то ошибка, мистер Тип. Да. Должно быть, это ошибка. В любом случае, я убежден, что губернатор будет готов помочь. И полиция тоже. Несомненно, ваша... ваша просьба может быть удовлетворена к общему удовольствию — как и просьба банка «Виктория» о временном использовании наличности вашего славного банка?

Последовало долгое молчание.

— Это возможно. Возможно. Старые Друзья должны помогать Старым Друзьям и содействовать исправлению ошибок. Да, это станет возможным...

Данросс услышал произнесенное и повисшее в воздухе «если» и автоматически стал торговаться дальше, хотя мысли его по-прежнему занимало только что услышанное.

— Вы случайно не получили моего послания, мистер Тип? Обо всем остальном я уже позаботился. Кстати, «Виктория», конечно же, окажет содействие в финансировании закупки тория. — И он деликатно добавил: — А также в остальном — на выгодных условиях.

— А, да, благодарю вас. Да, я получил ваше послание и любезное приглашение. Прошу прощения, но я неважно себя чувствовал. Благодарю вас, тайбань. На какой срок правительству понадобится заем наличностью, если мы сочтем возможным его предоставить?

— Я так понимаю, тридцати дней более чем достаточно, может даже двух

недель. Но это просьба «Виктории», «Блэкс» и других банков, а не правительства Гонконга. Я смогу уточнить сроки завтра. Почтите ли вы своим присутствием скачки? Во время ланча?

— К сожалению, не во время ланча, но после него, если можно. Данросс угрюмо улыбнулся. «Прекрасный компромисс».

— Конечно.

— Спасибо за звонок. Кстати, вы произвели большое впечатление на мистера Юя, тайбань.

— Прошу передать ему мое почтение. Надеюсь скоро увидеться с ним. В Кантоне.

— Я был поражен, прочитав высказывания вашего шурина о Серединном государстве.

— Да. Я тоже. Моя жена не общается с братом уже много лет. Его взгляды нам чужды, они абсолютно неправильны. — Данросс помолчал. — Надеюсь, его удастся нейтрализовать.

— Да. Да, я согласен. Благодарю вас. Спокойной ночи. — Телефон умолк.

Данросс повесил трубку. «Господи Иисусе! Брайан Квок! А я чуть не передал ему бумаги АМГ. Господи Иисусе!»

Приложив немалые усилия, он собрался и вернулся в вестибюль. Армстронг с Синдерсом ещё были там.

— Добрый вечер, можно к вам на минутку?

— Конечно, мистер Данросс. Это приятный сюрприз. Можно предложить вам выпить?

— Чаю. Китайского чаю. Спасибо.

Их столик стоял в отдалении, и, как только представилась возможность говорить без опаски, Данросс нагнулся вперед.

— Роберт, я слышал, вы арестовали Брайана Квока, — забросил он пробный шар, все ещё надеясь, что это не так. Оба собеседника уставились на него.

— Кто вам сказал? — спросил Армстронг.

Данросс передал свой телефонный разговор. Лица слушателей ничего не выражали, хотя время от времени они переглядывались.

— Совершенно ясно, что китайцы торгуются, — объявил Данросс. — Хотят обменять его на деньги.

Синдерс пил маленькими глотками горячий шоколад.

— Насколько важны эти деньги?

— Чрезвычайно важны, и чем скорее мы их получим, тем лучше. — Данросс вытер лоб. — Эта наличность полностью остановит банковскую панику, мистер Синдерс. Мы должны... — Он запнулся в ужасе.

— Что такое? — спросил Синдерс.

— Я... я вдруг вспомнил, что писал АМГ в перехваченном докладе. Агент, внедренный в полицию, может входить, а может и не входить в «Севрин». Он входит?

— Кто?

— Ради бога, не надо играть со мной, — разозлился Данросс, — это серьезно. Вы что, за дурака меня считаете? Агент «Севрина» окопался в «Струанз». Если Брайан — часть «Севрина», я имею право это знать.

— Совершенно согласен, — спокойно признал Синдерс, хотя взгляд его стал жестким. — Как только предатель будет обнаружен, вам сообщат, можете быть уверены. У вас есть какие-нибудь соображения, кто бы это мог быть?

Сдерживая гнев, Данросс покачал головой. Синдерс пристально смотрел на него.

— Вы не договорили. Что «мы должны», мистер Данросс?

— Мы должны немедленно получить эту наличность. Что совершил Брайан?

Синдерс выдержал паузу.

— Банки закрыты до понедельника. Значит, день «Д» — понедельник?

— Насколько я понимаю, банки должны получить деньги заблаговременно — чтобы при открытии иметь наличность в кассе. Что, черт возьми, натворил Брайан?

Синдерс прикурил и дал прикурить Армстронгу.

— Если этот человек, о котором вы говорите, Брайан, действительно арестован, я бы назвал ваш вопрос нескромным, мистер Данросс.

— Это не так, готов спорить на что угодно, — беспомощно воззвал к нему тайбань. — Должно быть, Брайан для них очень важная персона, иначе Типтоп никогда не предложил бы обмена. Никогда. Но боже мой, куда катится мир? Вы займетесь торгом или мистер Кросс? Полагаю, нужно получить одобрение губернатора.

Глава Эм-ай-6 задумчиво дунул на кончик своей сигареты.

— Сомневаюсь, что торг вообще состоится, мистер Данросс.

— Почему? Деньги гораздо важ...

— Это уж как посмотреть, мистер Данросс, если Брайан Квок действительно под арестом. В любом случае правительство Её Величества вряд ли позволит себя шантажировать. Это весьма бестактно.

— Полностью с вами согласен. Но сэр Джефффри тут же согласится.

— Сомневаюсь. Он слишком умен, чтобы пойти на такое. Если говорить о торге, мистер Данросс, я полагал, что вы хотели передать нам папки АМГ.

Данросс почувствовал, как внутри все похолодело.

— Я и передал их сегодня.

— Ради бога, не надо играть со мной, это же серьезно. Вы что, за дурака меня считаете? — проговорил Синдерс абсолютно тем же тоном, что и Данросс. Он вдруг сухо усмехнулся и продолжал с прежним леденящим спокойствием: — Те папки, что вы нам передали, к сожалению, не идут ни в какое сравнение с перехваченной. — Взгляд человека в мятой одежде стал ещё более суровым и угрожающим, хотя в лице ничего не изменилось. — Мистер Данросс, вы весьма хитро все обставили, это похвально, но пора отбросить уловки. Нам действительно хотелось бы получить подлинные папки.

— Если вас не устраивает то, что я вам передал, почему бы не поискать в бумагах АМГ?

— Я искал. — Синдерс улыбнулся без тени юмора. — Ну что ж, как говорили бандиты с большой дороги: «Кошелек или жизнь!» Обладание этими папками может оказаться смертельно опасным для вас. Вы согласны, Роберт?

— Да, сэр.

Синдерс попыхивал сигаретой.

— Значит, мистер Данросс, этот ваш Типтоп хочет поторговаться, да? Все в Гонконге одержимы торговлей. Это просто витает в воздухе, а? Но чтобы выторговать что-то ценное, нужно что-то ценное предложить взамен. Если вам нужны уступки, чтобы добиться уступок от противника... что ж, как говорят, в любви и на войне все средства хороши. Верно?

Лицо Данросса сохраняло то же невинное выражение.

— Да, есть такая поговорка. Первым делом я поговорю с губернатором. Давайте оставим все это в строгом секрете, пока я с ним не потолкую. До свидания.

Синдерс и Армстронг провожали его взглядом, пока он не прошел через вращающуюся дверь и не исчез из виду.

— Что вы думаете, Роберт? Подменил Данросс эти папки?

— Не знаю, — вздохнул Армстронг. — По лицу ничего не скажешь. Я наблюдал очень внимательно. Ничего. Но он востер как багор.

— Да. — Синдерс задумался. — Значит, противник хочет поторговаться, а? Я так

понимаю, этот клиент остается в нашем распоряжении максимум на двадцать четыре часа. Когда вы проводите следующий допрос?

— В шесть тридцать утра.

— О! Ну, если вам начинать в такую рань, нам лучше уйти. — Синдерс попросил счет. — Я проконсультируюсь с мистером Кроссом, но знаю, что он скажет, — уже есть приказ из Лондона.

— Сэр?

— Они очень озабочены тем, что клиент посвящен во многие секреты — штабной колледж, канадская конная полиция. — Синдерс опять задумался. — А если подумать, Роберт, теперь, независимо от того как поступит мистер Данросс, нам ничего не остается, кроме как перейти к более интенсивному дознанию. Да. Мы отменим допрос, назначенный на шесть тридцать, продолжим в почасовом режиме, если позволят медицинские показания, и в «красную комнату».

Армстронг побледнел.

— Но, сэр...

— Извините, — мягко оборвал Синдерс. — Я знаю, что он друг, был другом, но теперь из-за ваших мистера Типтопа и мистера Данросса времени у нас не осталось.

СУББОТА

62

09:32

Низко зашедший со стороны моря реактивный лайнер компании «Джапан эрлайнз» из Токио мягко приземлился в аэропорту Кай-Так, из-под шасси разлетелся дымок. Двигатели тут же заработали на реверс, и самолёт, замедляя ход, подкатил к зданию аэропорта.

В оживленном терминале, в зоне таможенного досмотра, паспортного контроля и в зале ожидания, толклись пассажиры, экипажи самолётов, встречающие и провожающие. Пройти на посадку было легко. И у прибывших в основном не возникало проблем. Кроме японцев. У китайцев память хорошая. Слишком мало времени прошло после оккупации японскими войсками Китая и Гонконга, слишком глубоко врезались в память эти годы, слишком они были ужасны, чтобы просто взять и забыть. Или простить. Поэтому японцев проверяли с пристрастием. Даже проходящим контроль летчикам и элегантным, симпатичным и вежливым стюардессам, которых ещё и на свете-то не было, когда закончилась оккупация, документы возвращали словно нехотя, в ледяном молчании.

За японцами в очереди стоял американец.

— Доброе утро, — поздоровался он, передавая чиновнику свой паспорт.

— Доброе утро. — Молодой китаец открыл паспорт, взглянул на фотографию, потом на американца, перевернул несколько страниц, ища визу. Между тем ногой он незаметно нажал на потайную кнопку, подавая сигнал устроившимся неподалеку, в комнате для наблюдения, Кроссу и Синдерсу. Подойдя к одностороннему зеркалу, те стали разглядывать американца, ждавшего на паспортном контроле в самом начале одной из шести длинных очередей.

В паспорте, выданном год назад, значилось: «Винченцо Банастасио, пол мужской, место рождения — город Нью-Йорк, дата рождения — 16 августа 1910 года. Волосы седые, глаза карие». Чиновник привычно проверил остальные визы и отметки о выезде: Великобритания, Испания, Италия, Голландия, Мексика, Венесуэла, Япония. Поставил штамп в книжке с невыразительной серой обложкой и без комментариев вернул документ владельцу.

Зажав под мышкой дорогой кейс из крокодиловой кожи, Банастасио прошел зону таможенного досмотра. В руке он держал пестрый пластиковый пакет с бутылкой купленного в магазине «дьюти фри» спиртного, на плече болтался фотоаппарат.

— Хорошо выглядит этот парень, — заметил Синдерс. — Следит за собой.

Англичане провожали Банастасио взглядами, пока тот не смешался с толпой. Кросс щелчком включил портативный радиоприёмник.

— Клиент под наблюдением? — спросил он в микрофон.

— Да, сэр, — последовал немедленный ответ.

— Я буду на этой же частоте. Держите меня в курсе.

— Есть, сэр.

— У нас не будет проблем со слежкой, — сказал Кросс Синдерсу.

— Да. Я рад, что посмотрел на него. Предпочитаю иметь реальное представление о противнике.

— А он противник?

— Так считает мистер Роузмонт. А вы нет?

— Я не уверен, что это наш противник. Банастасио, несомненно, жулик, но связан ли он с разведкой?

Синдерс вздохнул.

— Вы проверили «жучки»?

— Да.

Вчера поздно вечером команда специалистов Эс-ай тайно установила «жучки» в спальне номера, бронированного Банастасио в «Хилтоне». А также в офисе и личном люксе Фотографа Энга — Ви Си Энга.

Кросс и Синдерс терпеливо ждали. Из лежащего на столе приёмника доносилось негромкое шипение и потрескивание.

После паузы шеф Эм-ай-6 рассеянно произнес:

— А что насчет другого нашего клиента?

— Кого? Квока?

— Да. Сколько времени это займет, по-вашему?

— Немного. — Кросс улыбнулся про себя.

— Когда вы поместите его в «красную комнату»?

— Думаю, в полдень самое время. Или раньше, если он будет готов.

— Допрос проведет Армстронг?

— Да.

— Армстронг хорош. Он прекрасно действовал на «Иванове».

— Вы не могли бы впредь ставить меня в известность? В конце концов, это моя территория.

— Конечно, Роджер. Это неожиданное решение было принято Лондоном.

— А какой смысл был вызывать их в воскресенье?

— Министр должен прислать специальные инструкции. — Синдерс нахмурился. — В деле Брайана Квока говорится, что он человек сильный. У нас не так много времени. Должно быть, он прошел серьезную идеологическую обработку, раз внедрился так глубоко и так долго избегал разоблачения.

— О да. Но я абсолютно уверен. Оборудовав эту комнату, я трижды проверил её на себе. Мне удавалось выдержать не больше пяти минут, да и то каждый раз я чувствовал себя прескверно — и это без режима дезориентации. Я уверен, проблем не будет. — Кросс затушил сигарету. — Это весьма эффективно — точная копия прототипа, разработанного КГБ.

— Как жаль, что приходится использовать их методы, — помолчав, обронил Синдерс. — Очень рискованно. На самом деле это отвратительно. Лучше было, когда... Хотя, полагаю, даже и в те времена наша профессия была грязной.

— Вы это о войне?

— Да. Должен сказать, тогда было лучше. По крайней мере, обходилось без лицемерия со стороны некоторых наших лидеров — и средств массовой информации. Все понимали, что идет война. Но сегодня, когда под угрозой само наше существование, мы... — Тут Синдерс осекся. — Гляньте, Роджер, ведь это Роузмонт? — Он указал на американца, который стоял ещё с кем-то у выхода.

— Да-да, это он. А с ним Лэнган. Из ФБР, — пояснил Кросс. — Вчера вечером мы договорились, что будем действовать вместе, хотя я предпочел бы, чтобы проклятые цэрэушники оставили нас в покое и занимались бы своим делом.

— Да. Они действительно становятся абсолютно невыносимыми. Кросс взял приёмник и первым вышел из офиса.

— Стэнли, мы его ведем. Договорились же вчера, что эту часть операции мы берем на себя, а вы занимаетесь отелем. Правильно?

— Конечно, конечно, Родж. Доброе утро, мистер Синдерс. — Мрачный Роузмонт представил Лэнгана, который тоже был напряжен. — Мы не вмешиваемся, Родж, хотя этот тип один из наших. Мы здесь не поэтому. Просто я провожаю Эда.

— Вот как?

— Да, — подтвердил Лэнган. Он выглядел таким же изможденным и усталым, как и Роузмонт. — Всё эти фотокопии, Родж. Бумаги Томаса К. К. Лима. Я должен доставить их лично. В Бюро. Я прочитал кое-что своему шефу, так у него просто крыша поехала, он начал расползаться по швам.

— Могу себе представить.

— На твоём столе лежит запрос о предоставлении нам оригиналов и...

— Ничего не получится, — ответил за Кросса Синдерс. Лэнган пожал плечами.

— Запрос у тебя на столе, Родж. Думаю, вы получите распоряжение сверху, если нашим действительно понадобятся оригиналы. Пойду-ка я лучше на посадку. Слушай, Родж, даже не знаю, как тебя и благодарить. Мы... я твой должник. Эти ублюдки... Да, мы у тебя в долгу. — Они пожали друг другу руки, и Лэнган поспешил к самолёту.

— Отчего это стали расползаться швы, мистер Роузмонт?

— Да там, куда ни ткни, просто караул, мистер Синдерс. Для нас это попадание в «яблочко», для нас и Бюро, в основном для Бюро. По словам Эда, народ у них там в истерике. Политические последствия для демократов и республиканцев трудно себе даже представить. Вы были правы. Если бумаги попадут в руки сенатору Тиллману — возможному кандидату в президенты, который сейчас здесь, в городе, — даже говорить нечего, что он с ними сделает. — Это был уже не прежний, добродушный, Роузмонт. — Мое начальство разослало телексы нашим агентам в Южной Америке с приказом достать Томаса К. К. Лима из-под земли, так что очень скоро, черт побери, он будет давать показания. Вы получите копию, не беспокойтесь. Больше ничего, Родж?

— Прошу прощения?

— Я имею в виду, может, у вас припасена ещё информация, которой мы могли бы воспользоваться?

Кросс улыбнулся без тени юмора.

— А как же... Что скажешь о тайном финансировании революции в Индонезии?

— О боже...

— Да-да. А как насчет копий распоряжений о переводе денег в один из французских банков, на счет весьма важной вьетнамской четы — за особые услуги?

Лицо Роузмонта покрылось бледностью.

— Что ещё?

— Разве этого недостаточно?

— А есть ещё?

— Боже мой, Стэнли, конечно есть. Ты же понимаешь, и мы понимаем. Что-то

ещё будет всегда.

— Мы можем получить это сейчас?

— А что получим мы? — вмешался Синдерс. Роузмонт пристально посмотрел на них.

— За ланчем мы... Приёмник затрещал и ожил.

— Объект получил багаж и выходит из зоны таможенного досмотра, направляется к стоянке такси... Теперь он... Теперь он... а-а, его встречают, китаец, хорошо выглядит, дорогая одежда, не узнаю, кто это... Они идут к «роллс-ройсу», номера гонконгские... а-а, это лимузин отеля. Садятся в машину.

— Оставайтесь на этой частоте, — проговорил Кросс в микрофон и перешел на другую. Послышались статические помехи, приглушенный шум движения.

Роузмонт просиял.

— Вы установили «жучки» в лимузине? Кросс кивнул.

— Великолепно, Родж. Я бы про это и не вспомнил!

Они прислушались, и до них ясно донеслось:

— ...любезно встретить меня, Ви Си, — говорил Банастасио. — Черт, зачем нужно было тащиться в такую да...

— О, мне это ничего не стоит, — отвечал вежливый голос. — Можем поговорить в машине, тогда тебе, возможно, не придется заходить в офис, а потом в Ма...

— Конечно, конечно, — перебил его американец. — Слушай, Ви Си, у меня есть тут кое-что для тебя...

Что-то зашуршало, а потом всю частоту забила высокая ноющая помеха, заглушившая и звуки, и голоса. Кросс тут же переключился на другую частоту, но там все было в порядке.

— Черт, он заблокировал нас с помощью портативной бритвы, — сплюнул Роузмонт. — Этот ублюдок — профи! Пятьдесят баксов против выщербленного цента, что плакали все наши «жучки», и сотня, что, когда мы снова услышим их, это будет, черт побери, пустая болтовня. Я говорил тебе, Банастасио из крутых.

63

10:52

— Тайбань, звонит доктор Сэмсон из Лондона. Он на линии три.

— О, спасибо, Клаудиа. — Данросс нажал на клавишу. — Приветствую, доктор! Поздно же вы ложитесь.

— Только что вернулся из больницы — извините, что не позвонил раньше. Вы звонили насчет вашей сестры, миссис Гэваллан?

— Да, как она?

— Как вам сказать, сэр... Мы начали ещё одну обязательную серию исследований. Должен отметить, что её душевное здоровье не вызывает тревоги. А вот физическое состояние, боюсь, не такое хорошее...

Сердце Данросса упало. Он выслушал подробные объяснения доктора о рассеянном склерозе, о том, что никто, вообще-то, толком не знает природы этого недуга, что способа лечения ещё не найдено и что течение болезни необратимо: в случае ухудшения вернуть больного в прежнее состояние с помощью известных на сегодняшний день медикаментов уже невозможно.

— Я взял на себя смелость обратиться за консультацией к профессору Клинбергу из клиники Лос-Анджелесского университета — он всемирно известный специалист по этому заболеванию. Поверьте, мы сделаем для миссис Гэваллан все, что в наших силах.

— У меня сложилось впечатление, что вы ничего с этим поделать не можете.

— Ну, не все так уж плохо, сэр. Если миссис Гэваллан будет осмотрительна и

благоразумна, она сможет вести нормальную жизнь ещё много лет.

— А сколько это — «много лет»? Последовало долгое молчание. «Ох, Кэти, бедная Кэти!»

— Не знаю. Все в руках Господа, мистер Данросс. Разное бывает. В случае миссис Гэваллан я смогу дать вам более конкретный ответ месяцев через шесть, вероятно к Рождеству. А пока я оформил её как пациента системы общенационального здравоохранения, так что...

— Нет, доктор Сэмсон. Она должна быть частным пациентом. Прошу вас высылать все счета мне в офис.

— Мистер Данросс, это никак не повлияет на качество предоставляемых мною услуг. Ей лишь придется немного подождать у меня в приёмной, а в больнице лежать в общей палате, а не в отдельной.

— Прошу вас, оформите её как частного пациента. Я настаиваю, и её муж, уверен, поддержит мою просьбу.

В трубке послышался вздох, и Данросса это взбесило.

— Очень хорошо, — сдался врач, — у меня есть все номера ваших телефонов, так что как только профессор Клинберг проведет осмотр и обследование будет завершено, я тут же позвоню.

Данросс поблагодарил и положил трубку. «Ох, Кэти, бедная милая Кэти!»

Сегодня с утра пораньше он поговорил с ней и с Пенелопой. Кэти сказала, что чувствует себя значительно лучше и что Сэмсон оказывает ей большую поддержку. А Пенн отметила, что Кэти выглядит очень усталой.

— Что-то не нравится мне это, Иэн. Есть ли надежда, что ты сможешь вырваться сюда на недельку-другую до десятого октября?

— Пока нет, Пенн, но кто его знает.

— Как только Кэти выйдет из больницы, я отвезу её в Эвисъярд. Крайний срок — будущая неделя. Там ей станет лучше. Не волнуйся, Иэн, ты же знаешь: дома и стены помогают.

— Пенн, будешь в Эвисъярде, сходи за меня к Душеотводному Дереву.

— Что-то случилось? — В её голосе зазвучала озабоченность.

— Ничего, дорогая, — успокоил он, думая о Жаке и Филлипе Чэне: разве ей скажешь про них? — Ничего особенного, все то же самое. Просто передай привет настоящему Душеотводному Дереву.

— А что, наш палисандр уже ни на что не годится?

— О нет, с ней все в порядке, но это разные вещи. Может, привезешь черенок сюда, в Гонконг?

— Нет. Пусть лучше растет на родной земле. Тогда тебе придется приезжать домой, верно, Иэн?

— Можно сделать за тебя ставку сегодня? Снова пауза.

— Десять долларов на любую лошадь. В твоём выборе я уверена. Я всегда в нём уверена. Позвони завтра. Я люблю тебя... Пока.

Он вспомнил, как она в первый раз сказала «люблю» и как отказывалась выйти за него, пока он не вытянул из неё правду.

«О господи, Иэн, я тебе не пара. Ты — из высшего класса, а я нет. Раньше я даже говорила иначе. Пока в начале войны меня не эвакуировали в сельскую местность. Боже мой, до этого я только два раза выезжала из Лондона, да и то к морю. Меня поселили в дивном старом поместье в Хэмпшире вместе с девушками из Байкуллы, чудесной частной школы с пансионом для девочек. Тогда царила такая неразбериха, Иэн. Всю мою школу вывезли неизвестно куда, одна я попала к девочкам из Байкуллы и только там обнаружила, что говорю не как они, по-другому. Видишь, иногда я даже об этом забываю! Боже, ты представить не можешь, как ужасно в столь юном возрасте осознать, что... что ты простолюдинка и говоришь как

простолюдины, что в Англии существуют такие безмерные различия и даже наша речь пролагает между нами пропасть!

О, как я старалась подражать остальным! Они мне помогали, а одна учительница относилась ко мне просто чудесно. Я с головой ушла в новую жизнь, их жизнь, и поклялась совершенствовать себя, чтобы никогда не возвращаться к прошлому, никогда, никогда, никогда... И не вернулась. Но за тебя, мой дорогой, я выйти не могу. Давай останемся любовниками. Мне никогда не стать ровней тебе».

Но прошло время — необходимое для неё время, — и они поженились. Её убедила бабка Данросс. Пенелопа согласилась, но лишь после того, как сходила к Душеотводному Дереву, одна. Он так никогда и не узнал, что она там говорила.

«Повезло мне, — думал Данросс. — Лучшей жены не найти никому».

Вернувшись с ипподрома на рассвете, он работал не поднимая головы. Полсотни телеграмм. Десятки звонков из разных стран. Бесчисленные местные звонки. В половине десятого он позвонил губернатору, чтобы сообщить о предложении Типтопа.

— Мне нужно проконсультироваться с министром, — сказал сэр Джеффри. — Самое раннее, когда я смогу это сделать, — четыре часа пополудни. Нужно сохранить все в абсолютной тайне, Иэн. Господи, надо думать, Брайан Квок для них очень важен!

— А возможно, это удобный предлог выторговать лишнюю уступку.

— Иэн, я не думаю, что министр согласится на торг.

— Почему?

— Правительство Её Величества может счесть это прецедентом, причем очень скверным. Я бы так и сделал.

— Деньги жизненно необходимы колонии.

— Деньги — проблема временная. А прецеденты, к несчастью, создаются навсегда. Вы были на ипподроме?

— Да, сэр.

— Как лошади?

— Все, похоже, в прекрасной форме. По словам Алексея Травкина, наш главный противник — Пайлот Фиш, и ход будет очень размягченный. Ноубл Стар смотрится великолепно, хотя никогда не бежала по мокрому грунту.

— Пойдет дождь?

— Да. Но может, нам повезет, сэр.

— Будем надеяться. Ужасные времена, Иэн. И все же испытания посылаются нам свыше, чтобы проверить нас, верно? Вы будете на похоронах Джона?

— Да, сэр.

— Я тоже. Бедняга...

Утром на похоронах, ради поддержания репутации дома Чэнь и в память о прошлых поколениях семьи, что так ревностно служили Благородному Дому, Данросс сказал теплые слова о Джоне Чэне.

— Спасибо, тайбань, — поблагодарил его Филлип Чэнь. — И опять же, прости.

Оставшись с Филлипом наедине, Данросс объявил ему:

— Извинения извинениями, но они не помогут нам выбраться из ловушки, в которую мы попали по милости твоего сына и тебя. Или разобраться с проклятым Четырехпалым и третьей монетой.

— Знаю, знаю! — ломал пальцы Филлип Чэнь. — Я знаю... И если нам не удастся вернуть акции, мы разорены, мы все разорены! О-хо, после того как ты сказал про бум, я покупал и покупал, и теперь мы разорены.

— У нас ещё есть выходы, Филлип, — отрезал Данросс. — А теперь слушай меня, черт побери! Требуя вернуть все, что тебе должны, за каждую услугу. К полуночи в воскресенье мне нужна поддержка Ландо Маты и Прижимистого Дуна. По

меньшей мере двадцать миллионов.

— Но, тайбань, не...

— Если к полуночи в воскресенье ты этого не добьешься, чтоб к девяти утра у меня на столе лежало твое заявление об отставке. Ты больше не будешь компрадором и поставишь жирный крест на будущем твоего сына Кевина и всей твоей ветви. Я выберу нового компрадора из другой линии.

Теперь Данросс тяжело вздохнул, подавленный сознанием того, что Филлип и Джон Чэни, — а вероятно, и Жак де Вилль — не оправдали доверия. Он подошел к сервировочному столику и налил себе немного кофе. Сегодня даже привычный вкус не радовал. Телефоны звонили непрерывно, извещая о надвигающемся крахе рынка, банковской системы. Хэвегилл, Джонджон, Ричард Кван. От Прижимистого, Маты и Мэртага — ни звука. Единственным светлым пятном стал звонок Дэвиду Мак-Струану в Торонто:

— Дэвид, я хочу, чтобы ты прилетел сюда в понедельник на совещание. Не мог бы...

Его голос был заглушен восторженным ревом:

— Тайбань, я уже лечу в аэропорт. По...

— Постой, Дэвид! — Он изложил план перевода Жака в Канаду.

— Ох, парень, если ты так сделаешь, я твой раб навсегда!

— Мне нужны больше чем рабы, Дэвид, — осторожно произнес он. Последовала долгая пауза, и голос на другом конце стал жестче:

— Ты получишь все, что хочешь, тайбань. Все, что хочешь. Данросс улыбнулся, согретый мыслью об этом родственнике. Взгляд скользнул за окно. Гавань покрыта дымкой, в небе низко повисли темные тучи, но дождя нет. «Вот бы он пошел только после пятого заезда. Пусть начнется после четырех часов. Мне нужно обойти Горнта и Пайлот Фиша... И, о боже, пусть объявится Первый центральный с деньгами для меня! Или Ландо Мата, или Прижимистый, или „Пар-Кон"! Ты сделал свои ставки, — стоически напомнил он себе, — использовал все свои возможности. А Кейси? Тоже заманивает в ловушку, как Бартлетт? И как Горнт? А что, если...»

Включился интерком:

— Здесь человек, которому вы назначили на одиннадцать.

— Клаудиа, зайдите на минуту. — Он вытащил из ящика стола конверт с тысячей долларов и вручил ей. — Деньги на ставки, как обещал.

— О, спасибо, тайбань. — От переживаний на её живом лице легли морщины, а за улыбкой скрывалась тень.

— Вы будете в ложе Филлипа?

— О да. Да, Дядюшка Филлип пригласил меня. Он... похоже, он очень расстроен.

— Это из-за Джона. — Данросс не был уверен, знает ли она. «Наверное, знает, — подумал он, — или скоро узнает. Что можно утаить в Гонконге?» — Какие у вас соображения?

— В первом победит Дилайт, во втором Буканир.

— Два аутсайдера? — Он уставился на неё. — У вас свои люди на ипподроме?

— О нет, тайбань. — К ней отчасти вернулось обычное хорошее настроение. — Я исхожу лишь из их формы.

— А в пятом?

— Ничего не ставлю на пятый, но всей душой надеюсь на Ноубл Стар. — И она обеспокоенно добавила: — Могу ли я чем-нибудь помочь, тайбань? Хоть чем-то? Этот фондовый рынок и... мы должны прикончить Горнта — так или иначе!

— К Горнту я питаю некоторую слабость — он такой *фан пи* ³¹³. — Это

³¹³ Здесь: пустобрех (кит.).

неприличное кантонское выражение прозвучало столь колоритно, что она рассмеялась. — А теперь пригласите фрау Грессерхофф.

— Хорошо, хорошо, тайбань, — сказала Клаудиа. — И спасибо за *сян ю!*

Через минуту Данросс встал навстречу госте в изумлении. Женщин такой красоты он ещё не встречал.

— Икага дэс ка? (Как поживаете?) — спросил он, на удивление легко выговаривая японские слова. Трудно было представить её женой Алана Медфорда Гранта, который, оказывается, был ещё и Ганс Грессерхофф, прости господи.

— Гэнки, тайбань. Домо. Гэнки дэс! Аната ва? (Прекрасно, тайбань. Благодарю вас. Очень хорошо. А вы?)

— Гэнки. — Он ответил легким поклоном, не пожимая руки, однако обратил внимание, какие миниатюрные у неё кисти рук и стопы, какие длинные ноги.

Они немного потолковали ни о чем, потом она, улыбнувшись, перешла на английский:

— О, как хорошо вы говорите по-японски, тайбань. Мой муж, он не упоминал, что вы такой высокий.

— Не хотите ли кофе?

— Благодарю вас... Но... о, пожалуйста, позвольте я налью и вам тоже.

Не успел он остановить её, как она уже была у чайного столика. Он наблюдал, как изящно она наливает кофе. С легким поклоном она поднесла чашку сначала ему.

— Прошу. — Невысокая, меньше пяти футов³¹⁴, Рико Грессерхофф, или Рико Андзин, казалась существом бестелесным. Ладная фигура, короткая стрижка, милая улыбка. Красновато-коричневая шелковая блузка и юбка прекрасного французского покроя. — Благодарю вас за деньги на расходы, мне вручила их мисс Клаудиа.

— Это пустяки. Мы должны вашему... душеприказчикам вашего мужа около восьми тысяч фунтов. Завтра я выпишу чек.

— Благодарю вас.

— По сравнению со мной вы в более выгодном положении, фрау Грессерхофф. Вы зна...

— Пожалуйста, называйте меня Рико, тайбань.

— Хорошо, Рико-сан. Вы меня знаете, а я про вас не знаю ничего.

— Да. Мой муж говорил, что я должна рассказать все, что вам захочется узнать. Он велел передать вам конверт, но только после того, как я удостоверюсь, что вы и есть тайбань. Можно я принесу его потом? — Снова легкая вопросительная улыбка. — Пожалуйста?

— Я вернусь вместе с вами в отель и заберу его.

— О нет, это будет для вас слишком хлопотно. Может, я доставлю его вам после ланча? Пожалуйста.

— Он большой, этот конверт?

Она показала своими маленькими ручками.

— Обыкновенный конверт, не толстый. Можно легко положить в карман. — Опять улыбка.

— Может, вы хотели бы... — «Какая женщина: само очарование!» — Вот что. Через пару минут я отошлю вас обратно на машине. Вы сможете взять конверт и сразу вернуться. — Потом он добавил, зная, что нарушит все запланированное распределение мест в ложе, но ему уже было не до того: — Разрешите пригласить вас на ланч на скачках?

— О, но... но мне нужно будет переодеться, и... О, благодарю вас, но нет, слишком много хлопот для вас. Могу я передать письмо позже или завтра? Мой муж

³¹⁴ 1 м 50 см.

сказал, что я должна передать его лично вам.

— Зачем переодеваться, Рико-сан? Вы прелестно выглядите. О! У вас есть шляпка?

Она озадаченно воззрилась на него.

— Что вы сказали?

— Да, это... э-э... у нас обычай такой: на скачки дамы надевают шляпки и перчатки. Глупый обычай, но, может, она у вас есть? Шляпка?

— О да. У каждой дамы есть шляпка. Конечно. Он почувствовал огромное облегчение.

— Прекрасно, тогда договорились.

— О! Ну, раз вы так считаете. — Она встала. — Я пошла?

— Нет, если у вас есть время, пожалуйста, присядьте. Как давно вы замужем?

— Четыре года. Ганс... — Она помолчала. Потом твердо заявила: — Ганс велел мне сказать, но только вам одному, если он умрет и я приеду, как и получилось, сказать, что наш брак — брак по расчету.

— Что?

— Прошу извинить, но я должна была сказать вам, — продолжала она, чуть покраснев. — Это был брак по расчету для нас обоих. Я получила швейцарское гражданство и паспорт, а у него появился человек, заботившийся о нем, когда он приезжал в Швейцарию. Я... я не хотела выходить замуж, но он просил меня об этом неоднократно, и он... и он подчеркивал, что это послужит мне защитой, когда он умрет.

Данросс был поражен.

— Он знал, что умрет?

— Думаю, да. Он говорил, что мы заключим брачный контракт всего на пять лет, но у нас не должно быть детей. Мы ходили к одному адвокату в Цюрихе, который и составил такой контракт. — Она открыла сумочку и вынула конверт. Пальцы у неё дрожали, но голос был тверд. — Все это велел передать вам Ганс. Это копии контракта, моего... моего свидетельства о рождении и свидетельства о браке, его завещания и свидетельства о рождении. — Достав салфетку, она высморкалась. — Прошу извинить. — Рико осторожно развязала тесемку, которой был перевязан конверт, и достала письмо.

Данросс взял его. Почерк АМГ.

Тайбань, настоящим подтверждается, что моя жена, Рико Грессерхофф, Рико Андзин, та, за кого она себя выдает. Я люблю её всем сердцем. Она заслуживала и заслуживает человека, гораздо лучшего, чем я. Если ей понадобится помощь... пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Ганс Грессерхофф.

— Лучшего я не заслуживаю, тайбань, — тихо и печально, но уверенно сказала она. — Мой муж был добр ко мне, очень добр. И мне очень жаль, что он умер.

Данросс не спускал с неё глаз.

— Он был болен? Он знал, что умрет от какой-то болезни?

— Не знаю. Он никогда не говорил. Перед тем как я... как я вышла за него, он попросил никогда не задавать вопросов, не спрашивать, куда он собирается, с какой целью и когда вернется. Я должна была принимать его таким как есть. — Она чуть поежилась. — Жить так было очень непросто.

— Зачем же вы согласились? Почему? Что вас заставило? Рико опять помолчала.

— Я родилась в Японии в тридцать девятом и ребенком приехала с родителями в Берн — отец был мелким служащим в японском посольстве. В сорок третьем году он вернулся в Японию, а нас оставил в Женеве. Наша семья из... наша семья родом

из Нагасаки. В сорок пятом отец пропал без вести, пропали и все родные. Возвращаться было некуда, и мать решила остаться в Швейцарии. Мы поселились в Цюрихе у одного доброго человека, который умер четыре года назад. Он...они оплатили мое обучение, заботились обо мне, и мы жили счастливо. Я знала, что они не женаты, но они делали вид, будто состоят в браке, и я притворялась, будто им верю. Когда мой приёмный отец умер, денег не осталось или осталось совсем немного. Ганс Грессерхофф был его знакомым. Моего приёмного отца звали Симеон Церак. Он был из перемещенных лиц, тайбань, человек без отечества. Родился в Венгрии, а жил в Швейцарии. По его словам, до войны он работал бухгалтером в Будапеште. Мой брак с Гансом Грессерхоффом устроила мать. — Она оторвала взгляд от ковра. — Это был... это был хороший брак, тайбань. По крайней мере, я изо всех сил старалась стать такой, какой хотели меня видеть мой муж и моя мать. Моим гири, моим долгом, было повиноваться матери, нэ?

— Да, — отозвался Данросс. Он знал, что такое долг, гири, самое значимое для японцев слово, воплощающее их культурное наследие и образ жизни. — Вы выполнили свой гири превосходно, я уверен. И что, по мнению вашей матушки, является вашим гири теперь?

— Моя мать умерла, тайбань. Когда скончался мой приёмный отец, она не захотела больше жить. Как только я вышла замуж, она отправилась в горы и съехала на лыжах в ледяную расселину.

— Это ужасно.

— О нет, тайбань, это очень хорошо. Она умерла, как ей хотелось, в то время и в том месте, которые выбрала сама. Муж умер, я пристроена, что ей ещё оставалось делать?

— Ничего, — проговорил он, а в ушах звучал её мягкий голос, такой искренний и спокойный. На ум пришло японское слово ва — «гармония». «Вот что есть в этой женщине, — подумал он. — Гармония. Наверное, потому она такая красивая. Айийя, вот бы мне обрести такую ва!»

Зазвонил телефон.

— Да, Клаудиа?

— Вас спрашивает Алексей Травкин, тайбань. Извините, но он говорит, что это важно.

— Спасибо. — Он повернулся к Рико: — Извините. Да, Алексей?

— Прошу прощения, что отрываю от дел, тайбань, но Джонни Мур плохо себя чувствует. Он не сможет участвовать в скачках. — Джонни Мур был их главный жокей.

Голос Данросса зазвенел.

— Сегодня утром с ним вроде было все в порядке.

— У него высокая температура, доктор сказал, что это может быть пищевое отравление.

— Думаешь, ему что-то подсыпали, Алексей?

— Не знаю, тайбань. Знаю только, что сегодня он нам не годится.

Данросс помолчал. Скакать самому? Он справится лучше всех остальных своих жокеев, однако Ноубл Стар придется нести лишний вес. Браться за это или нет?

— Алексей, поставь пока Тома Вонга. Решение примем перед началом скачек.

— Есть. Спасибо. Данросс положил трубку.

— Какое необычное имя — Андзин, — заметил он. — Ведь это значит «лоцман», просто «лоцман» или «штурман», верно?

— В моей семье хранят легенду о том, что один из наших предков был англичанин³¹⁵. Он стал самураем и советником сёгуна Ёси Торанага. О, это было

³¹⁵ Первым англичанином, попавшим в Японию, считается Уильям Адамс (1564-1620), известный в

очень давно, много лет назад. У нас о нем немало рассказывают, говорят, сначала у него был удел в Хэми, рядом с Иокогамой, потом в качестве главного инспектора всех иностранцев он переехал с семьей в Нагасаки. — Опять эта улыбка и пожатие плеч, кончик языка пробежал по пересохшим губам. — Это лишь легенда, тайбань. Он якобы женился на высокородной даме по имени Рико. — Комната наполнилась её сдержанным смехом. — Вы же знаете японцев! Чтобы гайдзин, иностранец, женился на высокородной даме — разве такое возможно? Но во всяком случае, занятная история и объяснение имени, нэ? — Она встала, и он тоже поднялся. — Ну, мне пора. Да?

Ему хотелось сказать «нет».

К «Ви энд Эй» подкатил чёрный «даймлер» с гербом «Струанз» на дверцах. На верхней ступени ждали Кейси и Бартлетт: Кейси, надевшая зеленое платье, чувствовала себя неловко в элегантной зеленой шляпке без полей и белых перчатках, а синий галстук широкоплечего Бартлетта был подобран в тон к прекрасно сшитому костюму. Лица обоих выдавали напряжение.

К ним подошел водитель.

— Мистер Бартлетт?

— Да. — Они спустились по ступеням навстречу. — Вы за нами?

— Да, сэр. Прошу прощения, сэр, вы не забыли билеты-бейджи и пригласительные карточки?

— Да, вот они, — сказала Кейси.

— А, хорошо. Извините, но без них... Меня зовут Лим. Э-э... по традиции, джентльмены прикрепляют оба бейджа к петлице в лацкане, а у дам на этот случай обычно есть булавка.

— Как скажете, — ответил Бартлетт.

Кейси устроилась на заднем сиденье, он последовал за ней. Сев подальше друг от друга, они молча стали прилаживать небольшие бейджи с индивидуальными номерами.

Лим закрыл дверцу, отметив холодность между ними и фыркнув про себя. Он поднял автоматически выдвигающуюся стеклянную перегородку, которая отделяла его от пассажиров, и включил переговорное устройство.

— Если захотите что-то сказать мне, сэр, говорите в микрофон, что над вами.

Глядя в зеркало заднего вида, он заметил, как Бартлетт тут же нажал на выключатель.

— Да, благодарю вас, Лим.

Едва «даймлер» влился в поток машин, Лим нагнулся к приборной доске и тронул тайный выключатель. Из динамика послышался голос Бартлетта:

— ...пойдет дождь?

— Не знаю, Линк. По радио сказали, что да, но все молятся, чтобы его не было. — Небольшая пауза, потом холодно: — Все же я считаю, что ты ошибаешься.

Лим с довольным видом откинулся на сиденье. Этот выключатель, позволявший подслушивать разговоры пассажиров, установил его младший брат, прекрасный радиомеханик, по просьбе их старшего и уважаемого брата Лим Чу, мажордома тайбаней Благородного Дома. Это стоило немалых денег и было сделано для защиты тайбаня. Старший брат Лим приказал никогда не пользоваться выключателем, если в машине тайбань. Никогда, никогда, никогда. Его и не включали. Пока. Лиму даже плохо стало при мысли, что его могут поймать, но желание проникнуть в чужие тайны — конечно же, для защиты — превосходило опасения. «О-хо-хо, — хихикал он, — ну

Японии как Андзин-сама или Миура Андзин (Штурман из Миура). Он стал прототипом Джона Блэкторна, главного героя романа Джеймса Клавелла «Сёгун».

разошлась Золотистый Лобок!» Кейси вся кипела.

— Давай закончим с этим, Линк, а? С самого завтрака ты как медведь, у которого чешется зад!

— А ты? — обжег её свирепым взглядом Бартлетт. — Мы работаем с Горнтом — как я хочу.

— Это моя сделка. Ты говорил это сто раз, ты обещал, ты всегда раньше ко мне прислушивался. Господи, мы же не враги. Я хочу лишь защитить тебя. Я знаю, что ты неправ.

— Тебе кажется, что я неправ. И все из-за Орланды!

— Ерунда все это! Я сто раз говорила, почему так поступаю. Если Иэн выберется из ловушки, нам выгоднее сотрудничать с ним, а не с Горнтом!

Бартлетт сидел с каменным лицом.

— Мы никогда раньше не воевали, Кейси, но, если ты вздумаешь голосовать своими акциями, я буду голосовать своими и прищемлю тебе хвост, не успеешь и сосчитать до десяти!

Сердце у Кейси тяжело билось. День не задался с самого начала. Завтракая с ней и Сеймуром Стайглером, Бартлетт настаивал, что им лучше держаться Горнта, и, что она ни говорила, разубедить его не удалось. Потратив на это битый час, Кейси пошла разбирать пришедшие за ночь телексы. В последний момент она вдруг вспомнила о шляпке и в панике ринулась покупать её.

Хотелось, чтобы шляпка понравилась Линку, и, встретившись с ним в вестибюле, Кейси попробовала помириться, но старания её не возымели успеха.

— Даже не мечтай, — отрезал он. — Итак, мы не сошлись во мнениях. Что дальше?

Она продолжала ждать, но Бартлетт словно ослеп.

— Ну и что ты думаешь?

— Я говорил тебе. Нам больше подходит Горнт.

— Я имею в виду мою шляпку.

Он уставился на неё непонимающим взглядом.

— О, а я думаю, какая-то ты не такая! Вроде ничего.

Ей захотелось сорвать с себя шляпку и швырнуть в него.

— Парижская, — нерешительно промолвила она. — Помнишь, в приглашении написано: «В шляпках и перчатках»? Глупость, конечно, но Иэн сказал, что да...

— Почему ты считаешь, что он выберется из ловушки?

— Он неглупый человек. И Тайбань.

— Но Горнт вот-вот уложит его на лопатки.

— Похоже на то. Давай пока забудем про это. Может, лучше подождем на улице? Машина должна прийти ровно в полдень.

— Минутку, Кейси. Что ты там стряпаешь?

— Ты о чем?

— Я знаю тебя лучше, чем кто-либо другой. Что ты готовишь на своей кухне?

Кейси помолчала. Она сомневалась, стоит ли посвящать Линка в план с Первым центральным.

«Зачем? — убеждала она себя. — Если Иэн получит кредит и выкрутится, я узнаю об этом первой. Иэн обещал. Тогда Линк сможет покрыть два миллиона, что перевел Горнту, они выкупят акции, чтобы возместить затраты на покупку бумаг, и получат огромную прибыль. Одновременно Иэн, Линк и я вступаем, когда рынок опустится до предела, и срываем свой собственный куш. Я узнаю первой после Мэртага и Иэна. Иэн обещал. Да-да, он обещал. Но могу ли я доверять ему?»

Волной подступила тошнота.

«Можно ли кому-то доверять в бизнесе, будь то здесь или где-то ещё, мужчине или женщине?»

Вчера за ужином она доверилась ему. Размягченная вином и вкусной едой, рассказала о своих отношениях с Линком и заключенном между ними соглашении.

— Но ведь это довольно тяжело, верно? Для вас обоих.

— И да, и нет. Мы взрослые люди, Иэн. Мне хотелось гораздо большего, чем роль миссис Линк Бартлетт — матери, любовницы, прислуги и рабыни, которая моет посуду и стирает пеленки, которую вечно оставляют дома. Замужество способно поставить крест на любой женщине. Тебя всегда оставляют. Оставляют дома. И дом в конце концов становится твоей тюрьмой, ловушкой, откуда не выбраться, «пока смерть не разлучит вас»! От этого сходишь с ума. Слишком часто я это наблюдала.

— Но кто-то должен смотреть за домом, за детьми. Мужчина должен зарабатывать. Женщина дол...

— Да. В большинстве случаев. Но не в моем. Я не готова согласиться с этим и не вижу ничего плохого в желании жить иначе. Я — добытчик для своей семьи. У сестры умер муж, так что я должна содержать её с детьми, а ещё маму с дядей: они уже старенькие. У меня есть образование, и я неплохо разбираюсь в бизнесе, лучше, чем многие другие. Мир меняется, все меняется, Иэн.

— Я уже как-то говорил, что здесь, слава богу, ничего не меняется! Кейси вспомнила, как приготовилась разбить его в пух и прах, но вместо этого придержала себя прежнюю и спросила:

— Иэн, а как же Карга? Как ей удавалось оставаться у руля? В чем её секрет? Как она стала первой среди равных?

— Она всегда замыкала все расходы на себя. Абсолютно все. О, внешние атрибуты и славу она уступала Кулуму и тем, кто был тайбанями после него, но именно она вела через него всю бухгалтерию, нанимала и увольняла — на ней покоилось могущество этой семьи. Когда Кулум умирал, она без труда убедила его сделать тайбанем её. Он передал ей печатку «Струанз», печатку семьи, все бразды правления и все тайны. Но как человек неглупый, она хранила все это в секрете и после Кулума назначала только тех, кого могла контролировать, и никогда никому не доверила ни финансов, ни действительной власти, пока не пришел её смертный час.

— Но что за радость править через других?

— Власть есть власть, и если она у тебя в руках, это, я считаю, уже не имеет значения. Женщина — после определенного возраста — может добиться власти, лишь получив контроль над кошельком. А насчет ваших «отвальных» вы правы. Гонконг — единственное место на земле, где их можно получить и сохранить. С деньгами, с настоящими деньгами, вы можете стать первой среди равных. Подняться выше Линка Бартлетта. Мне он, кстати, нравится. Он мне очень нравится.

— Я люблю его. Мы с ним сработались как партнеры, Иэн. Думаю, для Линка это было на пользу — о, как я на это надеюсь! Наш тайбань — он, и я стать тайбанем не пытаюсь. Я хочу лишь состояться как женщина. Он очень много помогал мне, конечно, помогал. Без него мне бы ничего не достичь никогда. Так что мы с ним вместе в бизнесе до моего дня рождения. До двадцать пятого ноября этого года. Это день «Д». Именно в этот день нужно будет принимать решение.

— И?..

— Не знаю. Честно, не знаю. О, я люблю Линка больше, чем когда-либо, но мы не любовники.

Позже, когда они возвращались на пароме, её так и подмывало спросить про Орланду. Но она решила этого не делать.

— А может, надо было, — пробормотала она вслух.

— Что?

— О! — Придя в себя, она увидела, что лимузин уже на пароме, который направлялся в сторону Гонконга. — Извини, Линк, задумалась.

Она взглянула на него: красив как никогда, хоть взгляд холодный. «Ты

остаешься для меня привлекательнее Иэна или Квиллана. И все же теперь я предпочла бы лечь в постель с кем-то из них, а не с тобой. Потому что ты ублюдок».

— Так что, хочешь попробовать? Хочешь голосовать своими акциями против моих?

Кейси в ярости уставилась на него. «Скажи ему, чтобы шёл к черту! — возопила темная часть её существа. — Ты нужна ему больше, чем он тебе. У тебя в руках все бразды правления „Пар-Кон“. Ты знаешь, где „зарыты все трупы“. Ты можешь сделать так, что все созданное тобой рассыплется!» Но другая половина призывала к осторожности. Она вспомнила слова тайбаня о мире мужчин и власти. И Карге. Поэтому она опустила глаза и не стала сдерживать слезы. И тут же увидела, какая в нем произошла перемена.

— Господи, Кейси, не плачь. Прости меня... — говорил он, и его руки потянулись к ней. — Господи, ты никогда раньше не плакала... Послушай, мы же десятки, сотни раз попадали во всякие переделки. К чему нам ссориться? Пусть дерутся «Струанз» и Горнт. Какая нам разница, кто победит? Мы все равно станем Благородным Домом, но пока... пока у Горнта получается лучше. Я знаю, что прав.

«О нет, ты не прав», — довольная, подумала она. В его объятиях было так тепло.

64

12:32

Брайан Квок заходился в крике, и это был уже больше чем страх. Он понимал, что заключен в тюрьму, что угодил в ад и это длится уже целую вечность. Пораженное безумием сознание замкнулось на одной вспышке нескончаемого слепящего света; все вокруг было окрашено кровью: и стены, и пол, и потолок в крови; нет ни дверей, ни окон; по полу бежит кровь; все перепутано, перевернуто вверх дном, и он почему-то лежит на потолке, всем существом мучительно, лихорадочно пытаюсь за что-то ухватиться, чтобы сойти вниз, обрести нормальное положение, и каждый раз падая в лужу собственной рвоты, а в следующий миг проваливаясь во мрак, где скрежещущие, вибрирующие голоса заглушают голос друга, заглушают Роберта, который умоляет этих дьяволов: «Остановитесь, остановитесь, во имя Господа милосердного, остановитесь!» А потом снова раздирающий глаза кровавый свет, от которого раскалывается голова, снова кровавые воды, которые застыли и не падают, и ты отчаянно стараешься дотянуться до стульев и стола, стоящих внизу, в кровавой воде, но опять падаешь обратно, всегда падаешь обратно. Пол сходится с потолком, все не так и вверху и по бокам, это какое-то безумие, безумие, дьявольская выдумка...

Кровавый свет, и мрак, и смех, и вонь, и снова кровь, и так без конца, без конца, без конца...

Он знал, что бредит уже много лет, и умолял их остановиться, отпустить его, клялся сделать что угодно, только отпустите... «Я не тот, кого вы ищете, весь этот ад предназначен не мне... Это ошибка, все это ошибка! Нет, это не ошибка, противником был я. Кто был противником, каким противником? О, пожалуйста, верните всё на свои места, дайте полежать там, где я должен лежать, там, внизу, где... О Иисус Христос... Роберт Христос, помоги, помоги мне-е-е...»

— Хорошо, Брайан. Я здесь. Вот, я так и делаю. Да будет все, как и должно быть. Все, как должно быть! — Эти исполненные сострадания слова возвысились над кровавым водоворотом и дьявольским смехом.

Вездесущая кровь исчезла. Он ощутил руку друга, прохладную и мягкую, и ухватился за неё, испугавшись, что это ещё один сон из сна, привидевшегося во сне.

«О господи, Роберт, не оставь меня...

О боже, не может быть! Только взгляните! Потолок там, где должен быть. И я здесь, лежу на кровати, где и должен лежать. В комнате разливается неяркий мягкий свет, и она на своем месте. Везде чистота, цветы, жалюзи закрыты, но цветы в воде и в вазе стоят, как надо. И у меня верх и низ на месте, верх и низ на месте».

— О господи, Роберт...

— Привет, старина, — мягко произнес Роберт Армстронг.

— О господи, Роберт, спасибо, спасибо тебе. У меня верх и низ на месте, о, спасибо, спасибо тебе...

«Слабость такая, что язык еле ворочается, сил нет, но как славно просто быть здесь, избавиться от кошмара... Лицо друга в каком-то тумане, но оно настоящее. И я курю... Я что, курю? О да. Да, кажется, я помню... Роберт оставлял мне пачку сигарет, но эти дьяволы нашли их и унесли на прошлой неделе... Слава богу, хоть покурить... Когда это было, в прошлом месяце, на прошлой неделе, когда? Я помню, да... Роберт приходил в прошлом месяце и тайком давал мне затянуться. Разве это было в прошлом месяце?»

— О, какие они приятные на вкус, какие приятные... И этот покой, конец кошмару, Роберт. Хоть не видишь этой крови наверху... Весь потолок залит ею. И лежишь не там наверху, а здесь внизу, не в аду... О, спасибо, спасибо тебе...

— Мне надо идти.

— О боже, не уходи! Они могут вернуться. Не уходи, сядь, останься! Пожалуйста, останься. Послушай, мы поговорим, да, вот что, поговорим, ты хотел поговорить... Не уходи. Пожалуйста, поговорим...

— Хорошо, дружище, тогда говори. Пока мы говорим, я не уйду. Что ты хочешь рассказать мне, а? Конечно, я никуда не уйду, пока ты говоришь. Расскажи мне про Нинток и про отца. Ведь ты ездил повидаться с ним?

— О да, я однажды ездил повидаться с ним. Да, перед тем как он умер. Друзья помогли мне... Они помогли мне... Всего на один день... Мои друзья помогли мне... Это... это было так давно...

— Иэн с тобой ездил?

— Иэн? Нет, это... разве это был Иэн? Не помню... Иэн, тайбань? Кто-то был со мной. Это был не ты, Роберт? А-а, со мной в Нинтоке? Нет, это был не ты и не Иэн. Это был Джон Чэнселлор из Оттавы. Он тоже ненавидит Советы. Роберт, главный противник — это они. Даже в школе... И дьявол Чан Кайши, и его головорезы... Фэн-фэн и... и... О я так устал и так рад видеть тебя...

— Расскажи про Фэн-фэна.

— А-а, про него? Он был плохой человек, Роберт... Он и вся его шпионская группа. Они были против нас, против КНР, за Чана. Я знаю, не волнуйся, как только я прочитаю... О чем ты спрашивал, а? О чем?

— Это все тот паршивец Грант, а?

— Да-да, это он. Я чуть в обморок не упал, когда ему стало известно, что я... я... О чем это я? А да... Но я тут же задержал Фэн-фэна... О да.

— Кому ты сказал?

— Цу-яню. Я шепнул об этом Цу-яню. Он теперь вернулся в Пекин... О, он высоко забрался, хотя и не знал, кто я на самом деле. Роберт, я весь такой засекреченный... Да, а потом в школе... Отец послал меня после того, как убили старого Шэня... Пришли какие-то громилы и забили его до смерти палками на деревенской площади за то, что он был один из нас, из народа, один из людей Мао Цзэдуна. А в Гонконге я жил у... у Дядюшки... я ходил в школу... и он наставлял меня вечерами... Можно я посплю?

— Кто был твой дядя, Кар-шунь, и где он жил?

— Я не... не помню...

— Тогда я пошёл. На следующей неделе я вер...

— Нет, погоди, Роберт, погоди! Его звали У Цзицин... Четвертый переулок в Абердине... дом номер восемь, счастливая восьмерка, пятый этаж. Вот, я могу вспомнить! Не уходи!

— Очень хорошо, старина. Очень хорошо. Ты долго учился в школе в Гонконге? — Роберт Армстронг продолжал говорить мягко, по-доброму, а сердце рвалось из груди к другу, к тому, кто был другом. Он был поражен, как легко, как быстро раскололся Брайан.

Теперь доступ к сознанию клиента был открыт, и оставалось лишь разъять его на части. Армстронг не сводил глаз с лежавшего на кровати подобия человека, побуждая его вспоминать, чтобы остальные, которые тайно подслушивали, могли взять на заметку все факты, цифры, имена, названия, скрытые истины и полуистины, что выплескивались и будут выплескиваться, пока от Брайана Каршунь Квока не останется одна пустая оболочка.

И Армстронг знал, что будет и дальше закидывать удочку, улещать, угрожать, проявлять нетерпение, злиться, делать вид, что уходит, с руганью выдворять из камеры тюремщика, который прервет их, если понадобится.

За глубоким допросом следили Кросс и Синдерс, а он, Роберт Армстронг, был лишь орудием, как Брайан Квок был орудием тех, кто использовал его сознание и его таланты для достижения собственных целей. Его, Армстронга, задача — лишь исполнять роль этакого медиума, который поддерживает разговор с клиентом, возвращает его мысль к исходной точке, когда она начинает перескакивать с одного предмета на другой, когда течение её становится непоследовательным. Он, единственный друг клиента, единственная опора в этом нереальном мире, и выявляет истину. Например, про Джона Чэнселлора из Оттавы. Кто это? С какого он тут боку? Пока непонятно.

«Теперь-то мы выпытаем все, что знает клиент, — думал Армстронг. — Все его контакты, имена наставников, врагов и друзей. Бедняга Фэн-фэн и его ребята. Мы уже не увидим их никогда — если только они не всплывут как агенты той стороны. Какая же это гнусная и грязная работа! Продаешь друзей, работаешь с врагом, который, как всем известно, хочет тебя поработить».

— ...в Ванкувере было чудесно, чудесно, Роберт. Там была одна девушка, которая... Да, и я чуть не женился на ней, но Рассудительный Ток... Рассудительный был моим 486. Он жил... он жил на... О да, это была Педдер-стрит в чайнатауне. Он держал ресторан «Хохо-ток»... Да, Рассудительный Ток сказал, что я должен почитать председателя Мао больше, чем всех гуйлао... О как я любил её, но он сказал, что именно гуйлао веками грабили Китай... Ты же знаешь, что это правда, что это правда...

— Да, это правда, — повторил Армстронг, потакая ему. — Рассудительный Ток был твой единственный друг в Канаде?

— О нет, Роберт, у меня их десятки...

Армстронг слушал, изумленный обширным объемом информации о внутренней структуре канадской конной полиции, тем, что агентурная сеть китайских коммунистов накрыла чуть не всю Европу и обе Америки, особенно западное побережье североамериканского континента: Ванкувер, Сиэтл, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Сан-Диего.

Везде, где китайцы держали ресторанчик, лавку или вели другой бизнес, имелась возможность оказать давление, получить деньги, а самое главное — информацию.

— ...а Во Тук на Джеррард-стрит в Лондоне... Это центр, где я... когда я был... О, как болит голова, так хочется пить...

Армстронг дал ему воды, в которую подмешали стимулирующее средство. Когда, по его мнению или мнению Кросса, настанет подходящий момент, клиенту предложат

китайский чай, хорошо утоляющий жажду, ароматный, его любимый. В нем будет снотворное.

Что потом, решать Кроссу и Синдерсу: такие же сочувственные расспросы, или снова «красная комната», или осторожное, постепенное возвращение клиента к действительности. Делать это надо с большой осмотрительностью, чтобы избежать необратимых последствий.

«Это уже решать им, — думал Армстронг. — Синдерс прав: нужно давить на него, пока есть время. Клиент знает слишком много. Он слишком хорошо обучен. Было бы безответственно вернуть его — случись такое, — не узнав того, что ему известно. Нужно продолжать».

Армстронг прикурил две сигареты и глубоко затянулся своей. «К Рождеству брошу. Сейчас, со всем этим ужасом, просто не получается». Он сорвался, услышав завывания и вопли Брайана Квока через двадцать минут после того, как бедолагу поместили в «красную комнату» во второй раз. Вместе с Кроссом и Синдерсом он следил за клиентом через смотровые отверстия, наблюдал за безумными попытками дотянуться до потолка... то есть пола... нет, потолка, изумленный тем, что такой сильный, такой тренированный человек, как Брайан Квок, столь быстро сломался.

— Лопни мои глаза, — пробормотал он.

— Может, он притворяется? — предположил Синдерс.

— Нет, — возразил Кросс. — Нет. Все так и есть на самом деле. Для него. Я знаю.

— Чтобы Брайан и так легко сломался — не верю.

— Поверите, Роберт.

А потом, когда Брайана Квока вынесли в это помещение, чистое и приятное, а «красную комнату» вычистили, Роджер Кросс предложил:

— Ну что ж, Роберт, попробуйте и тогда поймете.

— Нет уж, спасибо. Это что-то вроде «кабинета доктора Калигари»³¹⁶, — пробормотал он. — Нет, спасибо!

— Прошу вас, попробуйте, лишь одну минуту. Для вас это будет немаловажным опытом. Когда-нибудь и вас могут схватить, наши противники. Вы должны быть готовы. Не исключено, что эта минута поможет вам не сойти с ума. Попробуйте, для вашей же безопасности.

И он согласился. За ним закрыли дверь. Небольшая комната полностью выкрашена в ярко-красный цвет, и все в ней перекошено: неправильные линии, неправильные углы, в одном углу пол смыкается с потолком, перспектива сбита. Перекошенный потолок высоко наверху сделан из ярко-алого листового стекла. Сверху на стекло потоком льется вода, перекачивается наверх и льется снова. Прикрепленные к поверхности перекошенного стеклянного потолка алые стулья, стол, небрежно разбросанные по столу авторучки и листы бумаги, алые подушки на стульях создают впечатление, что это пол. Рядом якобы приоткрытая дверь...

Вдруг стало темно. Потом — ослепительный поток стробоскопического света и ошеломляющее воздействие алого цвета. Темнота, алый цвет, темнота, алый цвет. Невольно потянуло к реальности стола, стульев, пола и двери; он оступился и упал, не в состоянии сориентироваться в пространстве; вода наверху, стекло уже исчезло, лишь безумно алая вода на полу вверху. Темнота, и теперь уже грохочущие голоса, и снова этот ад цвета крови. Подступившая тошнота свидетельствовала, что верх внизу, хотя разум твердил: это лишь трюк, закрой глаза, это трюк, это трюк, это трюк...

³¹⁶ «Кабинет доктора Калигари» — один из первых фильмов ужасов в немом кино (1920, режиссер Роберт Виене), который на многие десятилетия стал для мастеров этого жанра (в том числе для Альфреда Хичкока) образцом актерской игры и дизайна мизансцен в духе немецкого экспрессионизма.

Прошла целая вечность, прежде чем зажегся нормальный свет и открылась настоящая дверь. Он лежал на настоящем полу, и его тошнило.

— Ублюдок, — злобно буркнул он Кроссу, еле ворочая языком. — Это называется «минута», лжец несчастный! — Грудь тяжело вздымалась, и он с трудом встал на ноги. Перед глазами все кружилось, он еле стоял и еле сдерживал рвоту.

— Извините, но это и была одна минута, — проговорил Кросс.

— Ей-богу, так и было, — подтвердил Синдерс. — Я лично засекал время. Правда! Замечательно. Весьма и весьма эффективно.

Армстронг снова ощутил, как вздымается грудь при одной мысли о воде наверху, столе и стульях. Прогнав тошнотворные воспоминания, он сосредоточился на Брайане Квоке, чувствуя, что клиент достаточно отклонился в сторону и пора возвращать его обратно.

— Что ты говорил? Ты передал наши досье своему приятелю Зубастикку Ло?

— Ну нет, это было не... Я устал, Роберт, устал... Что за...

— Если ты устал, я пошёл! — Он поднялся и увидел, как клиент побледнел. — Через месяц я...

— Нет... нет... пожалуйста, не уходи... они... нет, не уходи. Пожа-а-а-луйста!

И он снова сел, продолжая игру, понимая, что игра нечестная и что полностью дезориентированный клиент подпишет что угодно и расскажет все, что он только пожелает.

— Я останусь, пока ты говоришь, дружище. Ты упомянул Зубастика Ло — человека из Принсес-билдинг. Именно он и был тем посредником?

— Нет... нет... Да, в каком-то смысле. Доктор Мэн... Все оставляемые мной пакеты принимал доктор Мэн... Мэн не знал, что я... что их оставляю я... Мы договаривались по телефону или посылали письма... Он должен был относить их Ло, которому платили... Зубастикку Ло платили, чтобы он передавал их другому человеку. Я не знаю кому... я не знаю...

— Ох, а я считаю, ты знаешь, Брайан. Думаю, ты не хочешь, чтобы я остался.

— О господи, я хочу... клянусь... Зубастик... Зубастик должен знать... Или, может быть, Энг, Ви Си Энг, Фотограф Энг. Он на нашей стороне, он на нашей стороне, Роберт... Спроси у него, он должен знать... Они с Цу-янем занимались импортом тория...

— Что ещё за торий?

— Редкоземельный элемент для... для атомного оружия, для нашего атомного оружия... О да, через несколько месяцев у нас будут свои атомные и водородные бомбы... — Брайан Квок зашелся в приступе смеха. — Первый всего через несколько недель... наш первый взрыв теперь уже всего через несколько недель³¹⁷. О, конечно, не совершенная бомба, но первая, а скоро и водородная, десятки бомб... Роберт, скоро у нас будут свои бомбы, чтобы защищаться от гегемонистов, которые угрожают стереть нас с лица земли. Через несколько недель! Боже, Роберт, только представь! Это заслуга председателя Мао, это он, это его заслуга... Да, а на будущий год водородные бомбы, а потом Джо... Да, мы вернем наши земли, о да, с атомным оружием мы будем с ними на равных... Да, мы это сделаем, Джо поможет, Джо Юй собирается... О, теперь мы остановим их, остановим их, мы остановим их и вернем наши земли. — Он уцепился за руку Роберта Армстронга, но пожатие было слабое. — Послушай, война уже идет, между нами и Советами. Мне сказал Чжун Ли. Он мой зап... зап... запасной контакт... Идет война, прямо сейчас идет война, и там стреляют. На севере, целые дивизии, а не патрули у Амура... Они... они убивают ещё больше

³¹⁷ Взрыв первого ядерного устройства осуществлен КНР на полигоне Лобнор в провинции Синьцзян в октябре 1964 г.

китайцев и захватывают ещё больше земли, но... но не надолго. — Он бессильно откинулся назад и стал бормотать что-то бессвязное.

— Ядерное оружие? В будущем году? Не верю. — Армстронг сделал вид, что поднимает его на смех, а сам взволнованно слушал дальнейшие излияния, точную и подробную информацию, имена.

«Боже мой, атомные бомбы через несколько месяцев? Через несколько месяцев? Весь мир считает, что до этого ещё лет десять. Китай с атомной и водородной бомбами?»

Он осторожно дал Брайану Квоку высказаться, а потом как бы ненароком спросил:

— Кто такой Джо? Джо Юй?

— Кто?

Повернувшись, Брайан Квок уставился на него каким-то другим, странным и пронизывающим взглядом.

Армстронг тут же насторожился и изготавился.

— Джо Юй, — повторил он так, словно это имя пришло ему в голову совершенно случайно.

— Кто? Не знаю я никакого Джо Юя... нет... Что... что... что я здесь делаю? Где я? Что происходит? Юй? Откуда... почему я должен знать его? Кто?

— Да нипочему, — успокоил его Армстронг. — Вот, выпей чаю. Тебе, должно быть, пить очень хочется, дружище.

— О да... да, мне... где... да... Боже, что про... происходит? Армстронг помог ему напиться. Потом дал ещё одну сигарету и опять стал успокаивать. Вскоре Брайан Квок уже снова спал глубоким сном. Армстронг вытер ладони и лоб: он тоже был без сил. Дверь открылась. Вошли Синдерс и Кросс.

— Очень хорошо, Роберт, — восторженно изрек Синдерс, — ну просто очень хорошо!

— Да, — добавил Кросс. — Я тоже почувствовал, что он сейчас придет в себя. Время рассчитано отлично.

Армстронг молчал, чувствуя себя так, словно замарался.

— Боже мой, — радостно хохотнул Синдерс, — этот клиент — просто золото. Министр будет в восторге. Атомное оружие через несколько месяцев и военные действия с перестрелкой, которые идут прямо сейчас! Неудивительно, что наша торговая парламентская комиссия добилась «поразительных» успехов! Отлично, Роберт, просто отлично!

— Вы верите этому клиенту, сэр? — спросил Кросс.

— Абсолютно, а вы разве нет?

— Я считаю, он говорил то, что знает. А вот факт ли это, уже другой вопрос. Джо Юй? Имя Джо или Джозеф Юй вам что-нибудь говорит? — Остальные покачали головой. — А Джон Чэнселлор?

— Нет.

— Чжун Ли?

— Есть один Чжун Ли, — сказал Армстронг. — Он приятель Бра...клиента, большой любитель автомашин, шанхаец, крупный промышленник. Может, он?

— Прекрасно. Но при упоминании имени Джо Юй он напрягся. Возможно, это что-то важное. — Кросс посмотрел на Синдерса. — Продолжаем?

— Конечно.

забега выехали по пандусу из-под трибун, чтобы прогарцевать к паддоку, где ждали владельцы и тренеры. Хозяева лошадей надели свои лучшие туалеты, дамы, в том числе Майлин Кван и Диана Чэнь, красовались в мехах, ловя завистливые взгляды зевак, вытягивавших шеи, чтобы посмотреть и на лошадей, и на них.

По обе стороны от мокрой травы паддока и круга победителя люди столпились вплотную к сверкающим белизной поручням и ухоженному дерну опоясывающего ипподром бегового круга. Напротив был финишный столб, а рядом, по другую сторону дорожки, — огромное табло тотализатора, на котором должны были появляться клички лошадей, имена жокеев и суммы ставок на каждый забег. И тотализатор, и сам ипподром принадлежали Скаковому клубу. По закону больше никто — ни здесь, ни вне ипподрома — не имел права заниматься букмекерством или содержать места, где принимаются ставки на скачки. И это был единственный случай, когда официально разрешалось играть на деньги.

Темное небо не сулило ничего хорошего. Чуть раньше брызнуло несколько капель дождя, но теперь воздух был чист.

За паддоком и кругом победителя, на одном с ними уровне, располагались раздевалки жокеев и офисы чиновников, а также буфеты и первые ряды окошек, где принимались ставки. Над ними террасами в четыре яруса поднимались трибуны, и на консоли каждого яруса имелся свой ряд окошек. Первый ярус предназначался для неголосующих членов, следующий — для голосующих, а два верхних отвели под личные логи и радиорубку. В каждой ложе имелась собственная кухня. По ложе принадлежало каждому из десяти ежегодно выбираемых распорядителей, и ещё несколько лож было закреплено постоянно за губернатором, патроном клуба, за главнокомандующим, а также банками «Блэкс» и «Виктория». Ложа «Струанз» располагалась наилучшим образом, прямо напротив финишного столба.

— Почему так, тайбань? — спросила Кейси.

— Потому что начало Скаковому клубу положил Дирк Струан. Он определил правила, нашел знаменитого специалиста по скачкам, сэра Роджера Блора, ставшего первым секретарем клуба. Он предоставил деньги на первые скачки, на постройку трибун, на доставку из Индии первых лошадей и помог убедить первого полномочного представителя короны, сэра Уильяма Лонгстаффа, передать эту землю Скаковому клубу в вечное пользование.

— Да будет вам, тайбань, — добродушно сказал Дональд Мак-Брайд, назначенный на этот день распорядителем скачек. — Расскажите уж, как все было на самом деле. Говорите, Дирк «помог убедить»? А разве Дирк не приказал Лонгстаффу?

Данросс рассмеялся, а с ним и все сидевшие за его столом гости: Кейси, Хиро Тода и только что заглянувший сюда Мак-Брайд. В ложе имелась барная стойка и три круглых стола, за каждым из которых свободно размещалось двенадцать человек.

— Я предпочитаю свою версию, — возразил Данросс. — Во всяком случае, Кейси, предание гласит, что после сооружения первых трибун это место единодушно предоставили Дирку.

— И это враки, Кейси, — подал голос сидевший за следующим столом Вилли Таск. — Разве не претендовал на это место старый Тайлер Брок? По его мнению, оно по праву принадлежало компании «Брок и сыновья». Разве он не предложил Дирку побороться за это место на первых же скачках?

— Нет, это уже выдумки.

— А они принимали участие в скачках? — спросила Кейси.

— Собирались. Но, как говорят, помешал тот самый тайфун. Как бы то ни было, Кулум отказался уходить отсюда, так все и повелось. Это место наше, пока существует Хэппи-Вэлли.

— И правильно, — с довольной улыбкой добавил Мак-Брайд. — Благородный

Дом заслуживает самого лучшего. Со времени выборов первых распорядителей, мисс Кейси, тайбань «Струанз» всегда был одним из них. Всегда. С общего согласия. Ну, что же, мне пора. — Он глянул на часы, улыбнулся Данроссу и со всей официальностью осведомился: — Разрешите дать старт первому забегу, тайбань?

Данросс ухмыльнулся в ответ.

— Разрешение дается. Мак-Брайд поспешно ушел.

Кейси изумленно смотрела на Данросса.

— Они спрашивают у вас разрешения начать?

— Это лишь обычай. — Данросс пожал плечами. — Думаю, ничего плохого нет в том, что кто-то скажет: «Ну что ж, начнем, пожалуй», верно? Боюсь, не в пример сэру Джефффри прежние губернаторы Гонконга пунктуальностью не отличались. К тому же традиции — неплохая вещь. Они дают чувство преемственности, принадлежности и защищенности. — Он допил свой кофе. — Извините, я отлучусь на минуту, нужно кое-что сделать.

— Счастливо! — Кейси проводила его взглядом: сегодня он нравился ей ещё больше.

Вошёл Питер Марлоу, и Данросс на минуту остановился.

— О, привет, Питер, рад видеть. Как Флер?

— Ей лучше, благодарю вас, тайбань.

— Заходите! Выпейте пока — я скоро вернусь. Ставьте на номер пятый, Экселент Дэй, в первом забеге! Пока.

— Спасибо, тайбань.

Кейси махнула Питеру Марлоу, но он её не замечал. Его взгляд был прикован к Грею, который стоял снаружи на балконе с Джулианом Бродхерстом, горячо и страстно убеждая в чем-то остальных. Увидев, как замкнулся Марлоу, Кейси вспомнила про его давнюю вражду с Греем, сердце у неё забилось, и она позвала:

— Питер! Привет, проходите, садитесь. Его взгляд потеплел.

— О, привет.

— Идите сюда, садитесь. С Флер все будет хорошо.

— Конечно. Очень признателен, что вы её навестили.

— Я с удовольствием сходила к ней. Как дети, все в порядке?

— О да. Как вы?

— Просто фантастика. Только так и нужно ходить на скачки! Тридцати шести гостям, приглашенным на ланч в ложу «Струанз», был предложен фуршет из множества китайских блюд или, на выбор, горячий пирог с мясом и почками с овощами, разложенные на тарелочках ломтики копченого лосося, закуски и холодные бутерброды с мясом и колбасой, сыр различных сортов, пирожные и печенье, а в довершение всего — меренга в виде Струан-билдинг. И все это приготовлено на собственной кухне. Шампанское, лучшие красные и белые вина, ликеры.

— Я сажусь на диету лет на пятьдесят.

— Только не вы. Как дела?

Она почувствовала его испытующий взгляд.

— Все прекрасно. А что?

— Ничего. — Он отвел глаза, снова взглянул в сторону Грея, а потом обратил внимание на других.

— Позвольте представить вам Питера Марлоу. Это — Хиро Тода из компании «Тода шиппинг индастриз» в Иокогаме. Питер — писатель и сценарист из Голливуда. — И тут у неё в голове пронеслось: его книга, Чанги, три с половиной года в плену. «Ох, что сейчас будет!»

Мужчины на какой-то миг замерли. Тода вежливо предложил свою визитку, Питер так же вежливо вручил ему свою. После краткого колебания Марлоу протянул руку.

— Как поживаете? Японец пожал её.

— Для меня большая честь познакомиться с вами, мистер Марлоу.

— Вот как?

— Не каждый день встречаешь знаменитого писателя.

— Какой же я знаменитый? Совсем нет.

— Вы слишком скромны. Мне очень понравилась ваша книга. Да.

— Вы читали? — удивленно посмотрел на него Питер Марлоу. — Правда? — Он сел и остановил взгляд на Тода: гораздо ниже его, стройный и крепко сложенный, прекрасно выглядящий в добротном синем костюме; фотоаппарат на стуле; такой же спокойный, как и у него самого, взгляд; одного с ним возраста. — Где вы её нашли?

— В Токио. У нас там много магазинов, где продают книги на английском. Прошу прощения, я читал дешевое издание в мягкой обложке, а не в переплете. Приличного не было. Ваш роман на многое открывает глаза.

— Вот как? — Питер Марлоу предложил сигареты, и Тода закурил.

— Курение вредно для здоровья, вы же знаете! — поддела Кейси. Оба улыбнулись.

— Бросим на Великий пост, — пообещал Питер Марлоу.

— Да уж, конечно.

Писатель снова перевел взгляд на Тода.

— Вы служили в армии?

— Нет, мистер Марлоу. На флоте. На эсминцах. Участвовал в битве в Коралловом море в сорок втором³¹⁸, потом при Мидуэе³¹⁹, младшим лейтенантом, а позже при Гуадалканале. Дважды тонул, но мне повезло. Да, мне повезло, очевидно, больше, чем вам.

— Мы оба остались живы, более или менее целы.

— Более или менее, мистер Марлоу. Я согласен с вами. Жизнь на войне — странная штука. — Тода сделал затяжку. — Как-нибудь, если не возражаете и если вас это не смущает, хотелось бы поговорить о Чанги, о том, чему вы там научились, и о том, как мы воевали. Пожалуйста.

— Конечно.

— Я здесь на несколько дней, — сообщил Тода. — Остановился в «Мандарине» и уезжаю на следующей неделе. Может, пообедаем или поужинаем вместе?

— Благодарю вас. Я позвоню. Если не в этот раз, так в следующий. Когда-нибудь приеду в Токио.

Помолчав, японец заметил:

— Если хотите, можем и не обсуждать Чанги. Я был бы рад получше познакомиться с вами. У Англии и Японии много общего. А сейчас прошу извинить, думаю, мне надо сделать ставку. — Он учтиво поклонился и ушел.

Кейси пила маленькими глотками кофе.

— Вам трудно это далось? Вся эта вежливость?

— О нет, Кейси. Нет, совсем нет. Мы теперь на равных, я и он, да и любой другой японец. У японцев — и корейцев, которых я особенно ненавижу, — были штыки и пули, а у меня ничего. — Он вытер пот со лба, и его губы искривились в улыбке. —

³¹⁸ Битва в Коралловом море (к югу от Новой Гвинеи и Соломоновых островов) в начале мая 1942 г. стала главным поворотным пунктом в военных действиях на Тихом океане, первым морским сражением, в котором друг другу противостояли авианосцы, и концом безраздельного господства японской морской авиации.

³¹⁹ Мидуэй — атолл в Тихом океане, примерно в трети пути от Гонолулу до Токио. 4 июня 1942 г. недалеко от Мидуэя произошло морское сражение, в котором японский флот потерпел поражение от флота США и после этого стал терять контроль над Тихим океаном.

Махлу, я не готов был встретить здесь кого-то из них.

— Махлу? Это что, по-кантонски?

— По-малайски. Значит «стыдливый», — пояснил он и улыбнулся про себя. Это была лишь часть выражения пуки махлу. Махлу — «стыдливый», пуки — «золотая ложбинка». Этой части женского тела малайцы приписывают самые различные чувства: голод, грусть, доброту, ненасытность, нерешительность, стыд, злость — все и вся.

— Стыдиться тут нечего, Питер. — Она не поняла всего подтекста. — Меня поражает, что после всех ужасов плена вы вообще можете с кем-то из них говорить. А книга мне на самом деле понравилась. И надо же, он тоже её читал!

— Да. Я просто обалдел.

— Можно задать вам вопрос?

— Что?

— Вы как-то сказали, что Чанги — это рождение заново. Что вы под этим понимаете?

Он вздохнул.

— После Чанги мы все стали другими, навсегда изменились жизненные ценности. Например, притупился страх перед смертью: мы видели слишком много смертей, и у нас иное понимание смерти по сравнению с другими, нормальными людьми. Мы — те немногие, кто выжил, — в своем роде динозавры. Думаю, любой, кто побывал на войне, какой угодно войне, и вернулся оттуда целым и невредимым, смотрит на жизнь по-другому.

— И что же вы видите?

— Я вижу множество нелепостей, которые почитаются как начало начал и конечная цель бытия. Вы представить не можете, сколько этой ерунды в «нормальной», «цивилизованной» жизни. Нам, бывшим узникам Чанги, в известном смысле повезло: мы прошли через чистилище и знаем, в чем истинный смысл жизни. То, что вас пугает, для меня совсем не страшно, а над тем, чего страшусь я, вы просто посмеетесь.

— Например? Он ухмыльнулся.

— Ну, хватит про меня и мою карму. Мне тут только что шепнули... — Он умолк и, широко открыв глаза, стал смотреть куда-то мимо Кейси. — Боже милостивый, кто это?

Кейси засмеялась.

— Рико Грессерхофф. Она японка.

— А кто здесь мистер Грессерхофф?

— Она вдова.

— Святые угодники!

Они смотрели, как Рико прошла через комнату на террасу.

— Не смейте, Питер!

В его голосе послышалось олимпийское величие:

— Я же писатель! А это объект, достойный исследования!

— Чепуха!

— Вы правы.

— Питер, говорят, все первые романы автобиографичны. Кто вы в этой книге?

— Один из персонажей, конечно.

— Кинг? Американский капрал, король «черного рынка»?

— О нет. Не он. И на этом довольно о моем прошлом. Давайте поговорим о вас. Вы уверены, что у вас все в порядке? — Он не отрываясь смотрел ей прямо в глаза, желая вывести правду.

— Что?

— Я слышал, вчера вечером вы были в слезах.

— Чушь.

— Правда?

Она помедлила, поняв, что он сумел заглянуть к ней в душу.

— Конечно. У меня все хорошо. — Пауза. — Когда-нибудь... когда-нибудь я, возможно, попрошу вас об услуге.

— Вот как? — Он нахмурился. — Я в ложе Мак-Брайда, это через две по коридору. Вполне можете зайти, если будет нужно. — Он снова бросил взгляд на Рико. Довольное выражение на его лице погасло. Она разговаривала с Робинот Греем и Джулианом Бродхерстом, парламентариями-лейбористами. — Похоже, сегодня не мой день, — пробормотал он. — Я вернусь позже, нужно сделать ставки. Пока, Кейси.

— Что же вам только что шепнули?

— Номер седьмой, Уиннерз Дилайт.

Уиннерз Дилайт, аутсайдер, ловко выиграла забег, опередив на полкорпуса фаворита, Экселент Дэй. Ужасно довольная собой, Кейси встала в очередь перед окошком, где выплачивались выигрыши, сжимая в руке счастливые билеты и остро ощущая завистливые взгляды тех, кто проходил по коридору рядом с ложами.

В других окошках игроки уже отчаянно ставили на второй забег, первый этап двойной кинеллы. Чтобы выиграть кинеллу, они должны были угадать, кто придет первым и вторым в любом порядке. При двойной кинелле второй забег шёл вместе с пятым, который сегодня обещал стать главным событием дня. Сумма выплаты по двойной кинелле могла оказаться огромной, а шансы угадать всех четырех лошадей были невероятно малы. Минимальная ставка — пять гонконгских долларов. Верхнего предела не устанавливали.

— Почему, Линк? — спросила она перед самым началом скачек, перегнувшись с балкона и наблюдая за лошадьми в воротах и всеми гонконгскими янь, наводящими бинокли.

— Взгляни на тотализатор. — Цифры, мелькавшие на электронном табло, сменяя друг друга соответственно ставкам на различных лошадей и сокращая шансы, перед самым стартом застыли. — Посмотри, сколько денег вложено в этот забег, Кейси! Больше трех с половиной миллионов гонконгских долларов. Почти доллар на каждого мужчину, женщину и ребенка в Гонконге, и это лишь первый забег. Этот ипподром должен быть самым богатым в мире! Они играют как сумасшедшие.

Стартовые ворота открылись, и поднялся страшный рев. Она улыбнулась:

— У тебя все хорошо?

— Конечно. А у тебя?

— О да.

«Да, у меня все хорошо, — думала она, ожидая своей очереди, чтобы забрать выигрыш. — Я выиграла!» И она рассмеялась вслух.

— О, привет, Кейси! А-а, тоже в выигрыше?

— О, привет, Квиллан. Да, в выигрыше. — Она покинула свое место и подошла к стоявшему чуть дальше Горнту: больше никого из знакомых в очереди не было. — Я поставила на неё всего десять баксов, но да, выиграла.

— Сумма не имеет значения, главное — выиграть. — Горнт улыбнулся. — Какая милая шляпка.

— Благодарю вас.

«Надо же, — думала она, — и Квиллан, и Иэн тут же заметили. Черт бы побрал этого Линка!»

— Это большая удача — угадать первого победителя, да ещё когда ты первый раз на ипподроме.

— О, никакая это не удача. Мне дали наводку. Питер. Питер Марлоу.

— Ах да. Марлоу. — Выражение его глаз чуть изменилось. — На завтра все в

силе?

— О... О да. Погода позволяет?

— Даже если пойдет дождь, ланч будет все равно.

— Замечательно. В доке ровно в десять. Которая ваша ложа? — Она заметила, как он тут же переменялся в лице, хотя пытался это скрыть.

— У меня нет ложи. Я не вхожу в число распорядителей. Пока. Довольно часто бываю в ложе «Блэкс» и время от времени арендую её, когда собираю гостей. Она дальше по коридору. Может быть, зайдете? «Блэкс» — прекрасный банк и...

— Ах, но не такой хороший, как «Вик», — добродушно бросил Джонджон, проходя мимо. — Не верьте ни единому его слову, Кейси. Выиграть в первом — хороший джосс. До встречи.

Кейси задумчиво проводила его взглядом:

— А как же вся эта банковская паника, Квиллан? Похоже, никому до неё нет дела — словно её просто нет и фондовый рынок не рухнет.

Горнт засмеялся, прекрасно понимая, что их беседу слушают другие.

— Сегодня — день скачек, такое случается редко, а для завтрашних забот будет завтра. Джосс! Фондовая биржа откроется ровно в десять. В понедельник и дальше на следующей неделе решится немало судеб. А пока каждый китаец, успевший снять свои деньги, сжимает их сегодня в кулаке здесь. Ваша очередь, Кейси.

Она получила выигрыш. Пятнадцать к одному. Сто пятьдесят гонконгских долларов.

— Боже милостивый!

Потом толстую пачку красных банкнот, пятнадцать тысяч, выдали Горнту.

— Эге, да это просто фантастика!

— Хуже скачек я ещё не видел, — послышался недовольный голос. Судя по акценту, возмущался американец. — Просто фантастика, черт возьми! Как только не дисквалифицировали жокея и не опротестовали результаты забега?

— О, привет, мистер Блицманн, мистер Пагмайр. — Кейси помнила обоих с того вечера, когда случился пожар. — Кого не дисквалифицировали?

Блицманн стоял в очереди, где получали выигрыши те, кто угадал занятые победителями места.

— В Штатах подали бы такой протест, что мало бы не показалось. Ведь видно было, что, когда Экселент Дэй выходила на прямую из поворота, жокей осадил её так, что у неё чуть кишки не вывалились. Победитель был определен заранее — мошенник и не пытался выиграть.

Осведомленные — а их было очень немного — улыбнулись про себя. И впрямь в раздевалках жокеев и тренеров прошел шепоток, что выиграет не Экселент Дэй, а Уиннерз Дилайт.

— Ну что вы, мистер Блицманн, — возразил Данросс. Никем не замеченный, он проходил мимо и, услышав этот разговор, остановился. — Если бы жокей не старался или если бы имели место нарушения правил, распорядители сразу обратили бы на это внимание.

— Может, для любителей и для такого небольшого ипподрома это и нормально, Иэн, но у нас на любом профессиональном ипподроме жокей Экселент Дэй был бы дисквалифицирован на всю оставшуюся жизнь. Я все время следил за ним в бинокль. — Блицманн с кислой миной забрал выигрыш и, тяжело ступая, пошёл прочь.

— Паг, ты видел, чтобы жокей сделал что-то недозволенное? — спокойно осведомился Данросс. — Сам я за этим забегом не следил.

— Нет, не видел.

— Кто-нибудь видел? — Стоявшие рядом покачали головами.

— Похоже, все было в порядке, — сказал кто-то. — Ничего такого.

— Ни от кого из распорядителей запросов не поступало. — Тут Данросс заметил

толстую пачку денег в руке Горнта и поднял взгляд на него: — Квиллан?

— Нет. Но должен сказать откровенно, что манеры у этого типа отвратительные. Я совсем не уверен, что он находка для Скакового клуба. — В этот момент Горнт увидел Робина Грея, проходившего мимо, чтобы сделать ставку, и улыбнулся мысли, которая вдруг пришла ему в голову. — Прошу извинить. — Он вежливо кивнул и ушел.

Кейси обратила внимание, как Данросс смотрел на пачки банкнот, которые Горнт засунул в карман, и от мелькнувшего у него на лице выражения вся похолодела.

— А может, Блицманн... может, он прав? — нервно спросила она.

— Конечно, может быть. — Теперь все внимание Данросс обратил на неё. — Такое случается где угодно. Дело вообще-то не в этом. Не было протестов ни от кого из распорядителей, жокеев или тренеров. — Глаза у него отливали стальным блеском. На лбу пульсировала маленькая жилка. — Вообще-то, дело не в этом. — «Нет, — думал он. — Дело в том, что надо уметь вести себя, черт возьми. Так или иначе, успокойся. В эти выходные тебе нужно быть очень хладнокровным, очень спокойным, очень собранным».

Весь день его преследовали неприятности. Единственным светлым моментом стала Рико Андзин-Грессерхофф. Но прощальное письмо АМГ снова повергло его в уныние. Оно так и лежало в кармане; в нем предлагалось, если подлинные папки ещё не уничтожены, подогреть десяток отдельных, разбросанных по всему тексту страниц и тайно передать секретную информацию, написанную на них невидимыми чернилами, лично премьер-министру или нынешнему главе Эм-ай-6 Эдварду Синдерсу, а копию вручить Рико Андзин в запечатанном конверте.

«Если я это сделаю, придется признать, что переданные Синдерсу папки поддельные. — Данроссу уже надоела вся эта история с АМГ, шпионскими делами и инструкциями. — Черт возьми, Мэртаг приедет позже, сэр Джеффри сможет позвонить в Лондон насчет Типтопа и Брайана Квока не раньше четырех часов, а тут ещё, Господи Иисусе, какой-то невоспитанный тип называет нас всех любителями... какими мы и являемся. Ставлю сотню против погнутой шляпной булавки, что Квиллан знал результат до забега».

Тут ему кое-что пришло в голову, и он как ни в чем не бывало спросил:

— Как вам удалось выудить победителя, Кейси? С помощью булавки?³²⁰

— Мне назвал его Питер. Питер Марлоу. — Она изменилась в лице. — О! Вы думаете, он слышал, что победитель определен заранее?

— Если бы я хоть на секунду заподозрил, что это так, результаты забега были бы аннулированы. Теперь уже ничего поделать не могу. Блицманн... — Он вдруг охнул, потому что пришедшая в голову мысль раскрылась перед ним во всей полноте.

— В чем дело?

Данросс взял её под руку и отвел в сторону.

— Вы готовы рискнуть, чтобы получить свои «отвальные»? — спросил он вполголоса.

— Конечно, конечно, Иэн, если это в рамках закона. Но чем я рискую? — Она и так была насторожена, а сейчас напряглась до предела.

— Всем, что у вас есть в банке, вашим домом в Лорел-Каньон, вашими акциями в «Пар-Кон» против суммы от двух до четырех миллионов в течение тридцати дней. Что скажете?

³²⁰ Имеется в виду популярное присловье о том, как молодой парень при помощи согнутой булавки наловил больше рыбы, чем опытный рыбак.

Сердце у неё колотилось, его нескрываемое возбуждение захлестывало.

— О'кей, — произнесла она и тут же пожалела об этом, потому что внутри все затрепетало. — Боже!

— Прекрасно. Подождите здесь минутку, я схожу за Бартлеттом.

— Подождите! Он что, тоже принимает в этом участие? О чем вообще речь, Иэн?

Он расплылся в улыбке.

— О небольшой возможности подзаработать. Да, без Бартлетта никак нельзя. Из-за этого вы можете передумать?

— Нет, — взволнованно ответила она, — но я сказала, что хочу получить свою... то, что мне будет причитаться, вне «Пар-Кон».

— Я помню. Подождите здесь.

Данросс поспешил назад в свою ложу, нашел Бартлетта, привел его, а потом увлек их за собой по коридору, в котором царила суматоха, в кухню «Струанз», здороваясь по дороге то с тем, то с другим. На небольшой кухоньке все были заняты делом, и никто не обратил на них никакого внимания. Данросс открыл дверь в крохотную тайную комнатушку, которая была тщательно звукоизолирована. Четыре стула, стол, телефон.

— Её устроил мой отец в бытность тайбанем: на скачках заключают множество сделок. Прошу садиться. Так вот. — Он посмотрел на Бартлетта. — У меня к вам деловое предложение, к вам и к Кейси лично. Это никак не касается нашей договоренности по «Пар-Кон» и не имеет никакого отношения к проекту «Пар-Кон»-«Струанз». Вам это интересно?

— Конечно. Какая-нибудь гонконгская махинация?

— А вы против? — широко улыбнулся Данросс. — Это честное, как перед Богом, деловое предложение по-гонконгски.

— О'кей, выкладывайте.

— Прежде всего, два основных правила: играю я, вы стоите в стороне, но получаете сорок девять процентов прибыли, которые делятся между вами двоими поровну. О'кей?

— Каков план игры, Иэн? — осторожно ушел от ответа Бартлетт.

— Далее: к девяти ноль-ноль в понедельник вы переводите в выбранный мной швейцарский банк два миллиона американских долларов.

Бартлетт прищурился.

— Против чего?

— Против сорока девяти процентов прибыли.

— Какой прибыли?

— Вы же перевели два миллиона американских долларов для Горнта — без документов, без печатки, без ничего, только против ожидаемой прибыли.

Бартлетт ухмыльнулся.

— И давно вы знаете об этом?

— Я же говорил, здесь секретов не утаишь, — улыбнулся в ответ Данросс. — Вы играете?

Бартлетт бросил взгляд в сторону Кейси, и Данросс перестал дышать.

— Кейси, ты знаешь, о чем речь?

— Нет, Линк. — Кейси повернулась к Данроссу: — Что это за махинация, Иэн?

— Сначала я хочу знать, получу ли два миллиона в качестве аванса без каких-либо юридических обременений — если вы играете по этой схеме.

— Какова возможная прибыль? — спросила Кейси.

— От четырех до двенадцати миллионов американских долларов. Без налогообложения.

Кейси побледнела.

- Без налогообложения?
- Без обложения любыми гонконгскими налогами, и, если хотите, мы поможем вам не платить налоги в Штатах.
- А каков... каков срок выплаты? — спросил Бартлетт.
- Размер прибыли будет определен в течение тридцати дней. Выплата займет пять-шесть месяцев.
- От четырех до двенадцати миллионов — это все или только наша доля?
- Ваша доля.
- Для чего-то абсолютно, стопроцентно легального это очень большая прибыль.
- Повисла продолжительная тишина. Данросс ждал, ему хотелось, чтобы вопросы задавали они.
- Два миллиона наличными? — спросил Бартлетт. — Никаких ценных бумаг, ничего?
- Да. Но после того как я изложу суть дела, вы можете или перевести их, или пасануть.
- Какое отношение к этому имеет Горнт?
- Абсолютно никакого. Это предприятие не имеет никакого отношения ни к Горнту, ни к «Ротвелл-Горнт», ни к «Пар-Кон», ни к вашему интересу к нам, ни к нашей сделке. Это дело абсолютно стороннее, что бы ни произошло, — даю вам слово. И клянусь перед Господом никогда не говорить Горнту, что вы перевели эти два миллиона, что вы — мои партнеры, что мы в доле — и, кстати, что мне известно, как вы трое продавали мои акции, играя на понижение. — Он улыбнулся. — Должен признать, это была очень неплохая идея.
- Мои два миллиона определяют успех этой сделки?
- Нет. Они её подмазывают. Как вы знаете, у меня нет двух миллионов наличными, иначе бы я и приглашать вас не стал.
- А почему нас, Иэн? Если сделка так хороша, вы могли бы без труда получить два миллиона у одного из ваших здешних приятелей.
- Да. Но я предпочитаю увеличить соблазн для вас двоих. Кстати, наша договоренность в силе до полуночи вторника. — Данросс сказал это как отрезал. Потом заговорил уже другим голосом, и оба почувствовали его ликование. — Но этим — этим деловым предприятием — я могу показать вам, насколько мы превосходим «Ротвелл-Горнт», насколько увлекательнее иметь дело с нами, чем с ним. Вы — человек рискованный, я тоже. Вас называют «Рейдер» Бартлетт, а я — тайбань Благородного Дома. Вы рискнули какими-то жалкими двумя миллионами с Горнтом, без всякой печатки, так почему вам не рискнуть со мной?
- Бартлетт бросил взгляд на Кейси. По ней было не разобрать, «за» она или «против», хотя он понимал, какой это для неё громадный соблазн.
- Раз вы устанавливаете правила, Иэн, ответьте мне на такой вопрос: два миллиона вношу я, почему мы с Кейси в равных долях?
- Я помню, что вы говорили за ужином об «отвальных». Вы свои получаете, а она — нет. Теперь у неё будет возможность получить свои.
- А почему вы так заботитесь о Кейси? Пытаетесь разделять и властвовать?
- Если бы это было возможно, вы не имели бы таких особых партнерских и деловых отношений. Она ваша правая рука, говорили вы мне. Понятно, что она очень важна для вас и для «Пар-Кон», так что ей полагается доля.
- А чем она рискует?
- Она вкладывает свой дом, свои сбережения, свои акции в «Пар-Кон» — все, что у неё есть, — вместе с вами. Она подписывается под всем этим за половинную долю. Верно?
- Конечно, — кивнула Кейси, которая была ни жива ни мертва. Бартлетт резко

повернулся к ней.

— Ты вроде говорила, что ничего об этом не знаешь? Она посмотрела на него.

— Пару минут назад Иэн спросил, поставила ли бы я все, что у меня есть, чтобы получить «отвальные», очень большие деньги. — Она нервно сглотнула. — Я сказала «о'кей» и уже думаю, что лучше бы не говорила.

Бартлетт на минуту задумался.

— Кейси, давай прямо: играешь или нет?

— Играю.

— О'кей. — И Бартлетт расплылся в улыбке. — О'кей, тайбань, ну и кого нам надо завалить?

Чжу Девять Каратов, тот самый, что таскал мешки с золотом для банка «Виктория», отец двух сыновей и двух дочерей — Лили Су, к которой заходил Хэвегилл, и Глицинии, любовницы Джона Чэня, которую затоптали рядом с филиалом банка «Хо-Пак» в Абердине, — ждал своей очереди у окошка, где принимали ставки.

— Да, старик? — нетерпеливо произнес кассир.

Чжу вытащил свернутые трубочкой деньги. Все, что у него было, и все, что удалось занять: осталось лишь на три дозы «белого порошка», который понадобится, чтобы выдержать сегодня ночную смену.

— На двойную кинеллу, клянусь всеми богами! Восьмой и пятый во втором забеге, седьмой и первый в пятом.

Кассир методично подсчитал мятые купюры. Семьсот двадцать восемь гонконгских долларов. Он пробил и проверил первый купон. Все правильно: пятый и восьмой — второй забег; седьмой и первый — пятый забег. Он тщательно отсчитал сто сорок пять купонов по пять гонконгских долларов каждый — размер минимальной ставки — и передал их Чжу вместе с тремя долларами сдачи.

— Давай быстрее, клянусь всеми богами, — торопил стоящий за Чжу. — У тебя пальцы в «черной дырке», что ли?

— Спокойно! — пробормотал старик, чувствуя слабость. — Это дело серьезное!

Он тщательно проверил купоны: первый, три, выбранные наугад, и последний. Все правильно, число купонов верное, поэтому он уступил место у окошка и стал протискиваться из толкучки на свежий воздух. Там он почувствовал себя лучше, немного подташнивало, но все же получше. Чтобы сэкономить на плате за проезд, всю дорогу от строящегося нового высотного дома над Коутуолл-роуд в Мид-Левелз, где он работал по ночам, Чжу шёл пешком.

Он снова проверил купоны. Восьмой и пятый номер в этом забеге, седьмой и первый в пятом, очень важном забеге. «Хорошо, — думал он, осторожно кладя их в карман. — Я все сделал как надо. Теперь решать богам».

Сильно мешала боль в груди, поэтому он пробился через толпу к туалету, зажег там спичку и вдохнул дым от пузырящегося «белого порошка». Через какое-то время ему стало лучше, и он снова вышел на улицу. Второй забег уже начался. Вне себя от волнения, он протиснулся к перилам, не обращая внимания на сыплющиеся со всех сторон ругательства. Лошади проходили дальний поворот, рванули галопом в его сторону на последней прямой к финишному столбу и вот уже мчались мимо грохочущим расплывающимся пятном, а он напрягал старые слезящиеся глаза, чтобы разглядеть свои номера.

— Кто впереди? — выдохнул он, но никому до него не было дела: все выкрикивали выбранные ими самими номера в надежде, что победят именно они.

Крики становились все громче и перешли в сплошной рев, который нарастал, заглушая остальные звуки, и смолк, лишь когда определился победитель.

— Кто выиграл? — снова выдохнул Чжу Девять Каратов. Голова у него просто

раскалывалась.

— А не все ли равно? — отозвался кто-то, сопровождая слова потоком ругательств. — Главное, что не моя! Да мочатся все боги на этого жокея на вечные времена!

— Мне не видать, что на тотализаторе. Кто выиграл?

— Это был фотофиниш, дурак старый, слепой, что ли? Целых три лошади пришли вместе. Эти их, все эти фотофиниши! Придется ждать.

— А номера... какие номера?

— Пятый, восьмой и четвертый, Лаки Корт, моя лошадка! Давай же, выкормыш блядской левой титьки! Четвертый и восьмой для кинеллы, клянусь всеми богами!

И они стали ждать и ждать. Старик чувствовал, что сейчас грохнется в обморок, и поэтому переключился на более приятные вещи, например на утренний разговор с Благородным Домом Чэнь. Он звонил трижды, и каждый раз отвечал кто-то из слуг и вешал трубку. Только когда он сказал: «Вервольф», к телефону подошел сам Благородный Дом Чэнь.

— Прошу прощения, что помянул этих ужасных убийц вашего сына, — сказал Чжу. — Я здесь ни при чем, Досточтимый Господин, о нет. Я лишь отец Глицинии Су, любовницы вашего досточтимого покойного сына. Он написал ей письмо с клятвами в вечной любви, и письмо это напечатали во всех газетах.

— Что? Лжец! Это все ложь. Ты думаешь, я олух, и любая позвонившая падаль может выжать из меня деньги? Кто ты такой?

— Меня зовут Су Симэнь, — запросто соврал Чжу. — Есть ещё два письма, Досточтимый Чэнь. Я подумал, может, вам захочется получить их обратно, хотя это все, что осталось от моей бедной дочери, которой больше нет. Как нет и вашего бедного сына, которого я почитал, как своего собственного, все эти месяцы, пока он и...

— Снова ложь! Эта сладкоречивая проститутка никогда не получала писем от моего сына! Наша не знающая пощады полиция сажает в тюрьму тех, кто фабрикует подделки, о да! Я тебе не обезьяна с головой деревенщины из «внешних провинций»! Смотри у меня! Потом ты, думаю, предъявишь мне ребенка, отец которого якобы мой сын? А? Так?

У Чжу Девять Каратов чуть трубка не выпала из рук. Именно это он и обсуждал во всех деталях с женой, сыновьями и Лили. Найти родственника, который за деньги одолжил бы на время грудного ребенка, ничего не стоило.

— Э-э... зачем мне врать? — пролепетал он. — Ведь я честно, за небольшую плату, отдал вашему сыну свою собственную дочь-девственницу, чтобы она стала его содержанкой и *only love* ³²¹. — Он произнес эти английские слова очень старательно: Лили часами добивалась, чтобы он выговаривал их правильно. — Клянусь всеми богами, мы берегли ваше великое имя, и абсолютно бесплатно! Когда мы поехали забирать тело моей бедной дочери, мы ни слова не сказали этой не знающей пощады полиции, которая горит желанием, о-хо, да-да, которая горит желанием дознаться, кто писал эти письма, чтобы изловить Вервольфов! Да падет проклятие всех богов на это гнусное отродье, мать их шлюха! Разве в четырех китайских газетах уже не предложили награду тому, кто назовет имя написавшего, хейя? Я ведь предлагаю письма вам, а не иду в газеты за вознаграждением, и это только справедливо, хейя?

Он терпеливо выслушал потоки брани, с которых начался торг. Несколько раз обе стороны делали вид, что вот-вот бросят трубку, но ни тот, ни другой торга не прекратил. В конце концов сошлись на том, что фотокопия одного из других писем

³²¹ Единственной любовью.

будет прислана в Благородный Дом Чэнь как доказательство, что оно и остальные письма не подделка, и что «возможно, Досточтимый Су, за остальные письма — и за это — может причитаться очень небольшая сумма „ароматной смазки“».

Чжу Девять Каратов довольно хихикнул про себя. «О да, Благородный Дом Чэнь заплатит кругленькую сумму, особенно когда узнает, что там написано про него самого. О, попади это в газеты, над ним, можно не сомневаться, будет хохотать весь Гонконг, и плакала его репутация навсегда. Так, ну и сколько мне назначить?..»

Вокруг все вдруг взревели, и он чуть не упал. Сердце заколотилось, стало нечем дышать. Опершись на поручни, он стал всматриваться в далекое табло тотализатора.

— Кто... какие номера? — молил он, пытаясь перекричать рев и дергая за рукава стоявших рядом. — Номера, скажите мне номера!

— Победитель — номер восьмой, Буканир, жеребец Благородного Дома. Айййя, не видишь, что ли, Тайбань ведет его в круг победителя? Выплаты по Буканиру семь к одному.

— А второй? Кто пришел вторым?

— Номер пятый, Уинсам Леди, три к одному за место... Что с тобой, старик, паралич хватил?

— Нет... нет...

Еле передвигая ноги, Чжу Девять Каратов поплелся прочь. Найдя наконец свободный клочок бетонного покрытия, он разложил на мокрой поверхности программу скачек и уселся на неё, уронив голову на руки и колени, в упоении от выигрыша на первом этапе. «О-хо-хо! Теперь ничего не буду делать, только ждать. А если ждать придется очень долго, использую ещё один „белый порошок“, да. И останется у меня тогда один последний, чтобы продержаться на работе ночью. А теперь, все боги, сосредоточьтесь! Первый этап мне помогла выиграть моя собственная проницательность. Прошу вас, сосредоточьтесь на пятом! Седьмой и первый! Все боги, сосредоточьтесь...»

У круга победителя столпились распорядители, владельцы лошадей и чиновники. Данросс встретил свою лошадь и поздравил жокея. Буканир бежал хорошо, и сейчас, вводя жеребца в круг победителя под взрыв приветственных криков и поздравлений, Данросс не скрывал радости. Он излучал довольство и уверенность, прекрасно понимая, что победа в этом забеге, приятная сама по себе, много значит, потому что будет воспринята всеми как знамение небес. Это знамение покажется вдвойне, втройне значительнее, если выиграет Ноубл Стар. Две лошади на двойной кинелле — и Горнт и иже с ним будут, без сомнения, отброшены. А если сотворит чудо Мэртаг, или Типтоп сдержит обещание предоставить наличные в обмен на Брайана Квока, или Прижимистый, или Ландо, или Четырехпалый...

— Привет, мистер Данросс, сэр, поздравляю! Данросс взгляделся в толпу у поручней.

— О, привет, мистер Чой, — сказал он, узнав Седьмого Сына, которого Четырехпалый У выдавал за племянника. Данросс подошел поближе, и они поздоровались за руку. — Вы ставили на победителя?

— Да, сэр, конечно. Я все время с Благородным Домом! Мы поставили на двойную кинеллу, я и дядя. Только что выиграли на первом этапе — пятый и восьмой номера, и у нас ещё седьмой и восьмой в пятом. Он поставил десять тысяч, а я всю недельную зарплату!

— Тогда будем надеяться на выигрыш, мистер Чой.

— Золотые слова, тайбань, — ответил молодой человек с непринужденной американской фамильярностью.

Данросс улыбнулся и подошел к Травкину.

— Ты уверен, что Джонни Мур не сможет выступить на Ноубл Стар? Я не хочу

ставить Тома Вонга.

— Я же говорил, тайбань, Джонни чувствует себя хуже, чем пьяный казак.

— Мне нужна победа. Ноубл Стар должна выиграть. Травкин увидел, как Данросс задумчиво уставился на Буканира.

— Нет, тайбань, прошу вас, не садитесь на Ноубл Стар. Ход плохой, очень плохой и очень опасный, а как разобьют дорожку, станет ещё хуже. Kristos! Ну что я говорю? Только вас раззадориваю.

— От этой гонки, возможно, зависит мое будущее — и репутация Благородного Дома.

— Знаю. — С досады грубоватый старик хлопнул хлыстом, который всегда носил с собой, по своим старым, истершимся до блеска джодпурам — бридгам для верховой езды. — И знаю, что вы лучше остальных жокеев, но эта дорожка опас...

— В этом деле я никому не могу довериться, Алексей. Любая ошибка для меня вещь непозволительная. — Данросс понизил голос: — Победитель первого забега был определен заранее?

Травкин спокойно встретил его взгляд.

— Им ничего не давали, тайбань. Во всяком случае, мне об этом неизвестно. В тех, кто мог соблазниться на такое, вселил страх Божий полицейский доктор.

— Хорошо. Но победитель был определен заранее?

— Это был не мой забег, тайбань. Я интересуюсь только своими лошадьми и своими забегами. За этим забегом я не следил.

— Хорошая отговорка, Алексей. Похоже, никто из остальных тренеров тоже не следил.

— Послушайте, тайбань. У меня есть жокей для вас. Я. Я выступлю на Ноубл Стар.

Прищурившись, Данросс глянул на небо: оно потемнело. «Скоро будет дождь, а до него нужно ещё много чего успеть. Я или Алексей? Ноги у Алексея что надо, руки такие, что вообще поискать, опыт огромный. Но он больше переживает за лошадь, чем стремится победить».

— Я подумаю, — ответил Данросс. — И решу после четвертого заезда.

— Победителем буду я, — выпалил старик в отчаянной попытке освободиться от уговора с Суслевым. — Я выиграю, пусть даже придется загнать Ноубл Стар.

— Это уже лишнее, Алексей. Лошадка славная...

— Послушайте, тайбань, можно вас попросить об одолжении? У меня тут одна проблема. Можно встретиться с вами сегодня вечером, или в воскресенье, или в понедельник вечером, скажем в Синклер-тауэрс?

— Почему именно там?

— Там мы с вами заключили соглашение, именно там и хотелось бы поговорить. Но если это неудобно, то на следующий день.

— Ты собрался уходить от нас?

— О нет, речь о другом. Если у вас будет время. Пожалуйста.

— Хорошо, но ни сегодня, ни в воскресенье и ни в понедельник: я улетаю в Тайбэй. Могу встретиться с тобой во вторник, в десять вечера. Пойдет?

— Прекрасно, во вторник, прекрасно. Да, благодарю вас.

— Я спущусь после следующего заезда.

Алексей смотрел вслед тайбаню, шагавшему к лифтам. Он чуть не плакал от переполнявших его чувств.

Потом тренер перевел взгляд на Суслева, стоявшего неподалеку на общей трибуне. Стараясь вести себя естественно, Травкин поднял вверх четыре пальца. Это был условный знак: один палец значил «сегодня вечером», два — «в воскресенье», три — «в понедельник», четыре — «во вторник». Зрение у старика было хорошее, и он заметил, как Суслев подтвердил знаком, что сигнал принят.

«Matyeryebyets, — думал Травкин. — Предатель матушки России и всех нас, русских, ты и вся ваша кагэбэшная братия! Если хочешь знать правду, я проклинаю вас во имя Господа от себя и от всех русских.

Ладно, ничего! Я выступлю на Ноубл Стар, — мрачно проговорил он про себя, — так или иначе».

Провожаемый завистливыми взглядами, Данросс вошёл в лифт, принимая по дороге поздравления. На самой верхней площадке его ждали Гэваллан и Жак.

— Все готово? — спросил он.

— Да, — подтвердил Гэваллан. — Горнт там, и остальные, кого ты хотел видеть. А что ты затеваешь?

— Пойдем и увидишь. Кстати, Эндрю, я меняю местами Жака и Дэвида Мак-Струана. Жак на один год принимает на себя Канаду, Дэвид...

Лицо Жака просияло.

— О, спасибо, тайбань. Да, спасибо большое. Наш канадский бизнес станет очень прибыльным, обещаю.

— А как будет происходить эта смена? — спросил Гэваллан. — Ты хочешь, чтобы сначала Жак туда поехал, или Дэвид приедет сюда?

— Дэвид прилетает в понедельник. Жак, передашь ему дела, а на следующей неделе оба отправитесь в Канаду — Дэвид вернется туда на пару недель. Полетите через Францию, ладно? Захватите Сюзанну и Аврил, к этому времени бедная девочка, наверное, уже придет в себя. Сейчас в Канаде ничего срочного нет — все срочное здесь.

— О да, ma foi! Да-да, спасибо, тайбань.

— Неплохо будет свидеться со стариной Дэвидом, — задумчиво проговорил Гэваллан. Ему очень нравился Дэвид Мак-Струан, но Эндрю не понимал, чем вызвана рокировка и значит ли она, что Жак уже не сможет наследовать тайбаню, что он выбывает из борьбы, что в неё вступает Дэвид, а стало быть, положение его, Эндрю, меняется — перемена это или угроза? — если вообще останется что наследовать после понедельника.

«И как быть с Кэти?

Джосс. Что будет, то и будет. О, к черту все!»

— Вы двое идите, — распорядился Данросс. — А я приведу Филлипа.

Он завернул в ложу семьи Чэнь. По старому обычаю компрадор Благородного Дома становился распорядителем автоматически. «Может, этот год будет для него последним, — мрачно думал Данросс. — Если к полуночи в воскресенье Филлип не добьется помощи от Четырехпалого У, Ландо Маты, Прижимистого или ещё чего-то ощутимого, он уже не компрадор».

— Привет, Филлип, — дружелюбно обратился к старику Данросс, поздоровавшись и с остальными гостями в битком набитой ложе. — Ты готов?

— О да, да, тайбань. — Филлип Чэнь выглядел постаревшим. — Поздравляю с победой.

— Да, тайбань, замечательный знак. Мы все молимся за пятый! — громко сказала Диана Чэнь, которой было не менее тяжело скрывать свой страх, и её слова, как эхо, повторил сидевший рядом Кевин.

— Благодарю вас, — произнес Данросс, уверенный, что Филлип Чэнь рассказал жене про их встречу.

На Диане была шляпа с перьями райской птицы и слишком много украшений.

— Шампанского, тайбань?

— Нет, спасибо, если только потом. Извини, Диана, придется забрать от вас Филлипа на пару минут.

Когда они вышли в коридор, Данросс остановился.

— Что-нибудь удалось, Филлип?

— Я... я говорил со всеми... со всеми ними. Они встречаются завтра утром.

— Где? В Макао?

— Нет, здесь. — Филлип Чэнь понизил голос. — Я приношу свои извинения за... за все, что натворил мой сын... да, мои глубочайшие извинения, — проговорил он, и было видно, что это сказано искренне.

— Я принимаю твои извинения. Если бы не твоя беспечность и предательство, мы никогда не оказались бы в таком уязвимом положении. Господи боже, если в руки Горнта попадут наши балансы за последние несколько лет и структура компании, мы пропали.

— Я... мне тут кое-что пришло в голову, тайбань. Насчет того, как нам... как нам вытащить Дом из этой ямы. Нельзя ли после скачек... ненадолго, пожалуйста?

— Ты сегодня вечером приедешь на коктейль? С Дианой?

— Да, если... да, пожалуйста. Можно взять Кевина?

Данросс улыбнулся про себя мимолетной улыбкой. «Наследник престола, официально и так скоро. Карма».

— Да. Пойдем.

— А это все по какому поводу, тайбань?

— Увидишь. Пожалуйста, ничего не говори и ничего не предпринимай по собственному почину. Держись уверенно и делай вид, будто во всем этом участвуешь. А когда я соберусь уходить, следуй за мной и разнеси всем весть об этом. Ты должен прямо-таки сиять от радости. Если мы обанкротимся, то сначала обанкротится дом Чэнь, что бы ни случилось — адский пламень, наводнение или тайфун! — Он завернул в ложу Мак-Брайда. На него сразу же посыпались поздравления, многие толковали про великолепный джосс.

— Боже милостивый, тайбань, — восхищался Мак-Брайд, — если ещё Ноубл Стар выиграет в пятом, это будет просто чудо!

— Пайлот Фиш побьет Ноубл Стар, — уверенно заявил Горнт. Он стоял у бара вместе с Джейсоном Пламмом и наливал себе выпить. — Десять тысяч за то, что он придет к финишу прежде твоей кобылки.

— Принято, — тут же согласился Данросс.

Среди тридцати с лишним гостей раздались приветственные возгласы и гул неодобрения, и Бартлетт с Кейси, которые — по предварительной договоренности с Данроссом — зашли несколько минут назад, якобы перекинуться парой слов с Питером Марлоу, в глубине души были потрясены этим духом праздника и амбициозной уверенностью Данросса.

— Как дела, Дунстан? — спросил Данросс. Даже не взглянув в сторону Кейси и Бартлетта, он сосредоточил внимание на полнокровном здоровяке: тот уже был краснее обычного и в руке держал двойной бренди.

— Очень хорошо, спасибо, Иэн. Выиграл в первом и во втором — заработал на Буканире кучу денег, а вот с проклятой кинеллой пролетел. Подвел Лаки Корт.

Ложа Мак-Брайда уступала ложе «Струанз» отделкой, но не размерами, и здесь собралось немало представителей гонконгской элиты. По просьбе Данросса кое-кого пригласили незадолго до этого Гэваллан и Мак-Брайд. Тут были Ландо Мата, брокер «Струанз» Холдбрук, глава биржевого комитета сэр Луис Базилио, Джонджон, Хэвегилл, председатель совета директоров «Блэкс» Сазерби, Ричард Кван, Пагмайр, сэр Дунстан Барр, юный Мартин Хэпли из «Чайна гардиан». И Горнт.

— Ты и в этом заезде угадал победителя? — обратился к нему Данросс.

— Нет. Мне никто не понравился, — заявил Горнт. — По какому поводу все это, Иэн? — спросил он, и каждый стал напряженно прислушиваться. — Хочешь сделать заявление?

— Да, из любезности я счел, что тебе следует знать об этом, равно как и другим очень важным персонам. — Данросс повернулся к Пагмайру: — Паг, Благородный

Дом официально заявляет, что будет оспаривать приобретение контрольного пакета твоей «Эйч Кей дженерал сторз» у «Америкэн суперфудз».

Наступила мертвая тишина, все уставились на него.

— Что? — выдавил из себя побелевший Пагмайр.

— Мы не только предлагаем на пять долларов больше за акцию, но и готовы уплатить тридцать процентов наличными и семьдесят процентов ценными бумагами в течение тридцати дней по завершении сделки!

— Ты сошел с ума, — только и вырвалось у Пагмайра. А хотелось крикнуть: «Разве я сначала не обговорил это со всеми, в том числе и с тобой? Разве вы не одобрили сделку? По крайней мере, никто не выразил неодобрения. Господи, разве не так у нас делаются дела — в Клубе, здесь, на скачках, за ужином тет-а-тет или ещё где-нибудь?» — Ты не сделаешь этого, — пробормотал Пагмайр.

— Уже сделал, — возразил Данросс. Тут грубо вмешался Горнт:

— Все, что ты сделал, Иэн, это объявил о своих намерениях. Как ты собираешься платить? Будь то в течение тридцати или трехсот дней.

Данросс лишь скользнул по нему взглядом.

— Предложение сделано публично. Мы завершим сделку в течение тридцати дней. Паг, ты получишь все бумаги к половине десятого в понедельник вместе с платежом наличными.

Его голос тут же заглушили голоса остальных, все заговорили наперебой, посыпались вопросы, каждый прикидывал, как этот потрясающий поворот событий повлияет на него лично. Никто никогда ещё не оспаривал заранее оговоренное приобретение контрольного пакета. Джонджон и Хэвегилл пришли в ярость оттого, что с ними никто не посоветовался. Рассвирепел и другой застигнутый врасплох банкир, Сазерби: именно «Блэкс» финансировал слияние с «Суперфудз». Но все финансисты, даже Ричард Кван, взвешивали открывающиеся возможности, потому что предложение Данросса сулило немалые выгоды обеим сторонам — если ситуация на рынке нормализуется и акции «Струанз» снова вырастут в цене. Все понимали, что менеджеры «Струанз» способны вернуть к жизни богатый, но приходящий в упадок хонг Пагмайра. Приобретение «Эйч Кей дженерал сторз» невероятно усиливало Благородный Дом, увеличивало его валовой оборот к концу года минимум процентов на двадцать и, несомненно, поднимало дивиденды. Помимо всего прочего, после слияния вся прибыль останется в Гонконге, а не утечет к чужакам. В частности, к Блицманну.

«О боже мой, — с беспредельным восхищением и немалой завистью думал Барр, — это надо же! Иэн сделал предложение здесь, в субботу, публично. И ведь не проскользнуло ни малейшего слуха, будто он замышляет нечто невероятное, ничего такого, что подвигло бы втихаря прикупить акций в конце торгов на прошлой неделе и одним телефонным звонком заработать целое состояние... Просто блестяще. Конечно, первое, чего нужно ждать в понедельник, — это взлета акций паговской „Дженерал сторз“. Но как, черт возьми, Иэну и Хэвегиллу удалось сохранить все в тайне? Господи Иисусе, зная бы заранее, заработал бы кучу денег. Может, ещё получится? Ясное дело, слухи о том, что „Виктория“ не поддерживает „Струанз“, чистая выдумка...»

«Постойте, постойте, — размышлял сэр Луис Базилио, — ведь мы же покупали огромный пакет акций „Дженерал сторз“ для какого-то номинального лица. Боже милостивый, неужели Тайбань всех нас перехитрил? Но, Мадонна, минуточку... А как же атака на его акции, надвигающийся крах рынка, наличные, которые ему придется заплатить, чтобы подтвердить предложение? Как же...»

Подсчетами занимался даже Горнт, взбешенный тем, что первым не додумался до такого. Он понимал, что предложение хорошее, по сути дела, просто отличное и что ничего лучше, по крайней мере сейчас, ему не предложить. «Но ведь Иэну не

удастся завершить эту сделку. Никак не полу...»

— Можем ли мы дать это в печать, тайбань? — прорвался сквозь возбужденный гул пронзительный голос Мартина Хэпли.

— Конечно, мистер Хэпли.

— Вы разрешите задать несколько вопросов?

— Смотря каких, — непринужденно откликнулся Данросс. Глядя прямо в эти пронзительные карие глаза, он испытывал мрачное удовольствие. «А не использовать ли нам этого препротивного юного ублюдка на благо семьи — если можно доверить ему Адрион?» — Что вы хотели спросить?

— Сегодня впервые оспорена передача контрольного пакета. Можно поинтересоваться, почему вы поступаете так именно сейчас?

— «Струанз» всегда выступала за нововведения. Что касается времени, мы считаем, сейчас самый подходящий момент.

— Как вы полагаете, в эту суб... Его грубо прервал Блицманн:

— Мы обо всем договорились. Все утверждено. Дикки? — Он резко повернулся к Пагмайру. — А?

— Все было утверждено, мистер Блицманн, — решительно заявил Данросс. — Но мы делаем встречное предложение, как это практикуется в Штатах, в соответствии с американскими правилами. Я так понимаю, вы не против посоревноваться? Мы здесь, конечно, любители, но стараемся перенимать опыт профессионалов. До утверждения сделки собранием акционеров её нельзя считать совершенной, таков закон, верно?

— Да, но... все было утверждено! — Блицманн, высокий, седовласый, повернулся к Пагмайру. Он еле ворочал языком от злости. — Ты сказал, что все согласовано.

— Ну да, все директора были согласны. — Пагмайр испытывал неловкость оттого, что все вокруг их слушают, особенно Хэпли. С одной стороны, он ликовал, довольный предложенными условиями, с другой — злился, что его не поставили в известность заранее, чтобы он смог прикупить немалый кусок для себя. — Но... э-э... но, конечно, сделку должны одобрить акционеры на собрании в пятницу. Мы и представления не имели, что будет... Э-э... Иэн... э-э... Чак, вы не считаете, что здесь не самое подходящее место для об...

— Согласен, — подхватил Данросс. — Да и обсуждать пока в общем-то нечего. Предложение сделано. Кстати, Паг, договоренность лично с тобой остается в силе, только срок увеличен с пяти до семи лет, и к этому добавляется место в совете директоров «Струанз» на такой же период.

Пагмайр разинул рот.

— Это часть предложения?

— Конечно, нам потребуется твой опыт, — как ни в чем не бывало заверил Данросс, и все поняли, что Пагмайр уже поддет на крючок и вытащен на берег. — Остальные условия те же, что заявлены «Суперфудз». Бумаги будут у тебя на столе к половине десятого. Надеюсь, ты ознакомишь с нашим предложением своих акционеров в пятницу. — Подойдя к Блицманну, он протянул ему руку. — Желаю удачи. Полагаю, вы немедленно выступите с контрпредложением.

— Ну... э-э... мне нужно проконсультироваться с головным офисом, мистер... э-э... тайбань. — Блицманн весь покраснел от злости. — Мы... мы взялись за дело по-серьезному и... Вы сделали очень хорошее предложение. Да. Но, боюсь, довести эту сделку до конца вам будет не так-то просто. Рынок рушится, банковская паника в разгаре, и ваши акции подверглись атаке, верно?

— Совсем нет, мистер Блицманн, — улыбнулся Данросс. Риск был огромный. На то, что Бартлетт не откажется от обещания предоставить наличные, что «Струанз» завершит сделку с «Пар-Кон», вырвется из ловушки Горнта и к следующим выходным

вернет своим акциям положение, которое они занимали по праву, он поставил все. — Нам абсолютно ничего не стоит довести её до конца.

Голос Блицманна стал жестче.

— Дикки, советую обдумать наше предложение как следует. Оно остается в силе до вторника. — Американец был уверен, что ко вторнику «Струанз» уже развалится. — А я пойду-ка сделаю ставку на следующий забег. — И он широким шагом вышел.

Шум в ложе вырос на несколько децибелов. Все опять загомонили, но тут раздался голос Хэпли:

— Тайбань, можно вопрос?

Внимание опять сосредоточилось на журналисте.

— Какой?

— Насколько я понимаю, в случае приобретения контрольного пакета принято выплачивать аванс в подтверждение своих намерений, наличными. Могу ли я узнать, сколько выплачивает «Струанз»?

Все ждали, затаив дыхание и не сводя глаз с Данросса. Тот выдержал паузу, переводя взгляд с одного лица на другое, наслаждаясь общим возбуждением, понимая, что все хотят, чтобы он был посрамлен, почти все, кроме... Кроме кого? Кроме Кейси, например, хотя она обо всем знает. Бартлетт? Кто его разберет... Клаудиа? О да, Клаудиа, вся бледная, смотрит на него во все глаза. Дональд Мак-Брайд, Гэваллан, даже Жак.

Он остановил взгляд на Мартине Хэпли.

— Может быть, мистер Пагмайр предпочел бы выяснить эти подробности наедине, — проговорил он, усугубляя искушение. — А, Паг?

Пагмайру не дал вымолвить и слова Горнт, который бросил как вызов:

— Иэн, раз уж ты решил пренебречь правилами, почему бы не сказать об этом при всех? По размеру предлагаемого тобой аванса можно судить о цене вашего предложения. Не так ли?

— Нет. Не совсем, — ответил Данросс. Издалека до него донесся приглушенный рев, свидетельствовавший о том, что дан старт третьему забегу, и, глядя на лица собравшихся в ложе, он готов был поклясться, что другие ничего не слышали. — Ну что ж, хорошо, — буднично произнес Данросс. — Паг, как насчет двух миллионов... американских долларов, вместе с бумагами к половине десятого в понедельник? Честь по чести.

Все охнули. Хэвегилл, Джонджон, Сазерби, Горнт были ошеломлены. Филлип Чэнь чуть не упал в обморок.

— Иэн, — не выдержал Хэвегилл, — не думаешь ли ты, что мы... э-э... Данросс резко повернулся к нему.

— Ты считаешь, этого недостаточно, Пол?

— О нет, конечно, более чем достаточно, но... э-э... — От взгляда Данросса слова застыли у него на языке.

— О, минуточку... — Данросс осекся, сделав вид, будто ему это только сейчас пришло в голову. — О, тебе не стоит беспокоиться, Пол: я, конечно же, не посмел бы связывать тебя обязательствами без твоего ведома. У меня для этой сделки есть альтернативное, внешнее финансирование, — продолжал он с непринужденным шармом. — Как тебе известно, японские и многие другие банки стремятся расширить свои операции в Азии. Я счел за лучшее — чтобы сохранить все в тайне и предотвратить обычные утечки информации — профинансировать это слияние из-за рубежа и помалкивать о нем до поры. К счастью, у Благородного Дома есть друзья по всему миру! До скорой встречи!

Он повернулся и вышел. Филлип Чэнь последовал за ним. Мартин Хэпли рванулся к телефону, а все снова заговорили, и тут и там слышалось:

— Просто не верится.

— Боже, если у Иэна такие средства за границей...

Посреди вновь поднявшегося гвалта Хэвегилл спросил Джонджона:

— Что ещё за японский банк?

— Если бы я знал. Но коль скоро у Иэна есть средства на эту... Боже мой, два миллиона американских долларов! Да предложи он половину, и того было бы достаточно.

Стоявший рядом Сазерби вытер мокрые от пота ладони.

— Если у Иэна получится, цена вопроса составит десять миллионов американских долларов, по крайней мере в первый год. — Он язвительно усмехнулся.

— Ну что, Пол, похоже, этот пирог не про нашу честь.

— Да, похоже, что так, но я просто не понимаю, как Иэну удалось... и сохранить все в тайне!

Сазерби наклонился ближе.

— Ну а пока, — вполголоса проговорил он, — и это важнее — что Тип-топ?

— Ничего, пока ничего. Он не перезвонил ни мне, ни Джонджону. — Взгляд Хэвегилла упал на Горнта, который разговаривал с Пламмом. Банкир повернулся к ним спиной. — Что теперь предпримет Квиллан?

— Будет покупать первым делом с утра в понедельник. Ему придется это делать. Сейчас уже придется, тянуть дальше слишком опасно, — рассудил Сазерби.

— Согласен, — присоединился к ним сэр Луис Базилио. — Если в распоряжении Иэна такие суммы наличными, тем, кто продавал его акции, играя на понижение, лучше держать ухо востро. Подумать только, лишь на этой неделе мы покупали акции «Дженерал сторз» для номинальных лиц. Вероятно, это был Иэн, а? Удачливый черт!

— Да, — пробормотал Джонджон. — Не могу понять, хоть убей... Господи боже милостивый, а если ещё сейчас Ноубл Стар придет первой! С таким джоссом он сможет повернуть ситуацию на сто восемьдесят градусов. Вы же знаете, какой народ китайцы!

— Да, — встрял в разговор Горнт. Причем так неожиданно, что все вздрогнули.

— Но слава богу, не все здесь китайцы. Нам нужно ещё увидеть эти наличные.

— Они должны быть у него, должны, — настаивал Джонджон. — Тут уже речь идет о репутации.

— А-а, о репутации, — язвительно отозвался Горнт. — Половина десятого, говорите? Будь он поумнее, назвал бы полдень или три часа пополудни, тогда мы томились бы в неведении целый день, а он мог нами манипулировать. А теперь... — Горнт пожал плечами. — В любом случае я выигрываю — если не контрольный пакет, то миллионы. — Бросив взгляд через гудящую, как улей, ложу, он как-то неопределенно кивнул Бартлетту и отвернулся.

Взяв Кейси за руку, Бартлетт повел её на балкон.

— Ну, что думаешь? — негромко спросил он.

— О Горнте?

— О Данроссе.

— Фантастика! Он был просто великолепен. Этот отвлекающий маневр с «японским банком» — просто гениально, — восхитилась она. — Он вскружил головы всем присутствовавшим, ты же видел, а значит, и всему Гонконгу. Слышал, что сказал Сазерби?

— Конечно. Похоже, у нас все складывается — если ему удастся выскользнуть из ловушки Горнта.

— Будем надеяться. — Тут она заметила, что Бартлетт улыбается. — Что такое?

— Ты понимаешь, что мы только что проделали, Кейси? Мы купили Благородный Дом за обещание предоставить два миллиона баксов.

— Как это?

— Иэн поставил на то, что я предоставляю два миллиона.

— Это не игра, Линк, это договоренность.

— Конечно. Но, скажем, я их не даю. Весь его карточный домик рушится. Если он не получает эти два миллиона, с ним все кончено. Вчера я сказал Горнту, что могу выдернуть ковер из-под ног Данросса в понедельник утром. Скажем, я отказываю Иэну в этих двух миллионах до того, как начнутся торги. И он «слит».

Кейси в изумлении уставилась на него:

— Но ты ведь этого не сделаешь?

— Мы здесь для того, чтобы провести рейд и стать Благородным Домом. Посмотри, как Иэн поступил с Блицманном, как все они обошлись с ним. Бедняга даже не понял, что произошло. Пагмайр ударил по рукам, но пошёл в отказ, чтобы принять более выгодное предложение Иэна. Верно?

— Но это другое дело. — Кейси испытующе смотрела на Бартлетта. — Ты что, собираешься нарушить уговор?

Загадочно улыбаясь, Бартлетт посмотрел вниз, на толпы людей и тотализатор.

— Возможно. Все зависит от того, что будет предпринято за выходные, кем и против кого. Горнт или Данросс, какая разница?

— Я не согласна.

— Конечно, Кейси, я понимаю, — спокойно проговорил он. — Но это мои два миллиона и моя игра.

— Да, и твоё слово, и твоё репутация! Вы договорились и пожали друг другу руки.

— Кейси, здешние парни, если представится случай, слопают нас в два счета. Ты считаешь, Данросс не продаст бы нас, если бы ему пришлось выбирать между ним и нами?

Она помолчала.

— По-твоему, договоренность ещё не сделка, независимо ни от чего?

— Ты хочешь получить четыре миллиона долларов, свободных от налогов?

— Ты знаешь ответ.

— Скажем, ты играешь за сорок девять процентов акций новой компании «Пар-Кон-Горнт», без каких-либо юридических обременений. Наверное, это стоит того.

— Больше, — произнесла она, испугавшись того, какой оборот принял их разговор, и впервые потеряв уверенность в Бартлетте.

— Ты хочешь эти сорок девять процентов?

— Взамен на что, Линк?

— Взамен на поддержку «Горнт-Пар-Кон».

У неё даже живот подвело, и она пытливо вглядывалась в Бартлетта, пытаясь понять, что у него на уме. Раньше у неё это получалось, а сейчас, после появления Орланды, нет.

— Это предложение?

Покачивая головой, он ответил с той же улыбкой и тем же тоном:

— Нет. Пока.

Она поежилась, осознав, что могла бы принять предложение, будь оно действительно сделано.

— Я рада, что нет, Рейдер. Думаю, да, я рада.

— Вопрос стоит прямо и просто, Кейси: Данросс и Горнт играют в эту игру, чтобы выиграть, но ставки у них разные. Почему-то эта ложа значит для них больше, чем два или четыре миллиона долларов. Мы — ты и я — здесь для того, чтобы получить прибыль и заработать.

Оба посмотрели на небо, потому что упало несколько капель. Но это было не

начало нового ливня, а просто капнуло с навеса. Она открыла было рот, но раздумала.

— Что такое, Кейси?

— Ничего.

— Пойду погуляю, посмотрю, какова реакция. Увидимся в нашей ложе.

— А что насчет пятого? — спросила она.

— Подожди, посмотрим, каков будет расклад. Я вернусь до начала забега.

— Счастливо! — Она проводила его взглядом до двери, потом отвернулась и оперлась на перила балкона, чтобы спрятаться от него и от всех остальных. Она чуть не выпалила: «Так ты собираешься выдернуть ковер и отказаться?»

«Господи, до Орланды — до Гонконга — мне бы такое и в голову не пришло. Раньше Линк никогда не отступал от данного слова. А теперь, теперь я не уверена».

Она снова поежилась.

«А те мои слезы? Раньше я никогда бы так не поступила. И что насчет Мэртага? Сказать про него сейчас — или позже? Потому что сказать нужно обязательно, и, конечно, до половины десятого в понедельник. О боже, лучше бы мы не приезжали сюда никогда».

Капли дождя упали на ипподром, и кто-то сказал:

— Господи, пусть бы не сильный!

На изрытой копытами дорожке было грязно и очень скользко. Улица у главного входа — тоже скользкая и в лужах — была забита машинами, и множество опоздавших торопливо проходило через турникеты.

Выйдя из полицейского автомобиля, Роджер Кросс, Синдерс и Роберт Армстронг прошли через заграждения и пропускные пункты к лифту для членов клуба. На лацканах у них трепыхались синие бейджи. Кросс был голосующим членом уже пять лет, Армстронг — один год. Кроме того, Кросс в этом году выполнял обязанности распорядителя. Каждый год полицейский комиссар поднимал вопрос о том, что у полиции должна быть собственная ложа, каждый год распорядители с энтузиазмом поддерживали его предложение, и на этом все заканчивалось.

На трибуне для членов клуба Армстронг закурил. На лице его глубже обозначились морщины, взгляд был усталым. Половину пространства трибуны занимал огромный, переполненный людьми зал. Они прошли к барной стойке и, приветствуя других членов, заказали себе выпить.

— Кто это? — поинтересовался Синдерс. Армстронг проследил за его взглядом.

— Немного местного колорита, мистер Синдерс. — Голос его звучал язвительно. — Венера Пань, звезда первой величины на нашем телевидении.

Облаченная в длинное, до полу, норковое манто, Венера Пань стояла в окружении группы поклонников-китайцев.

— Слева от неё Чарльз Ванг, кинопродюсер, мультимиллионер — кинотеатры, дансинги, ночные клубы, девочки и пара банков в Таиланде. Тот невысокий старик, желтый, как бамбук, и почти такой же крепкий, — Четырехпалый У, один из наших местных пиратов. Всю жизнь занимается контрабандой, большой специалист в этом деле.

— Это точно, — подтвердил Кросс. — Пару дней назад мы его чуть не поймали. Считаем, что сейчас он занимается героином — и, конечно, золотом.

— А кто этот нервный в сером костюме? Тот, что поодаль?

— Это Ричард Кван из злосчастного «Хо-Пак», — ответил Армстронг. — Банкир. Он её теперешний... или бывший — как бы это лучше сказать? — покровитель.

— Занятно. — Синдерс сосредоточенно разглядывал Венеру Пань. В платье с глубоким декольте она выглядела шикарно. — Да, весьма. А это кто? Вон там, с европейцем.

— Где? О! Это Орланда Рамуш, португалка, хотя здесь это обычно значит «евразийка». Одно время была любовницей Квиллана Горнта. А теперь... теперь не знаю. А мужчина — Линк Бартлетт, тот самый «торговец оружием».

— Вот как? Она не замужем?

— Возможно.

— Должно быть, дорогая штучка. Восхитительная, но дорогая.

— Даже очень, я бы сказал, — с неприязнью отметил Кросс. Орланда Рамуш стояла среди нескольких модно одетых женщин в возрасте, окруживших Бартлетта. — На мой вкус, чересчур.

Синдерс удивленно посмотрел на него.

— Я уже давно не видел столько красоток — и драгоценностей. Вы здесь облавы никогда не устраивали?

— В Скаковом клубе? — закатил глаза Кросс. — Боже милостивый, конечно нет, никто и не осмелится.

Армстронг улыбнулся вымученной улыбкой.

— Все полицейские, что несут здесь службу, от офицеров до рядовых констеблей, по большей части пытаются вычислить, как бы сорвать куш пожирнее. Выручка в конце дня, должно быть, составит по меньшей мере миллионов пятнадцать. У всех просто голова кругом идет. Система безопасности налажена очень четко, все продумано — заслуга мистера Кросса.

— Вот как! Кросс улыбнулся.

— Не хотите ли перекусить, Эдвард? Может, бутерброд?

— А что, пожалуй. Благодарю вас.

— Роберт?

— Нет, благодарю вас, сэр. Если не возражаете, я посмотрю программу скачек и присоединюсь к вам попозже. — Армстронгу не давала покоя мысль, что после седьмого забега им придется вернуться в Главное управление, чтобы подвергнуть очередному допросу Брайана Квока.

— Роберт — игрок серьезный, Эдвард. Роберт, можно вас попросить об услуге? Растолкуйте мистеру Синдерсу, что здесь к чему, где делать ставки, и закажите ему бутерброд. Мне надо выяснить, нельзя ли переброситься парой слов с губернатором, — я вернусь через несколько минут.

— С удовольствием, — сказал Армстронг, в душе проклиная Кросса: карман жег конверт с сорока тысячами долларов сян ю, который он в минутном порыве взял из ящика своего стола. «Господи, да или нет? — снова и снова мрачно спрашивал он себя, пытаясь принять решение и одновременно отрешиться от кошмара с допросом друга Брайана. — Нет, никакой он уже не друг, а убежденный враг, прекрасно обученный иностранный агент. Ценнейшая добыча, и просто чудо, что его удалось раскрыть».

— Славно вы сегодня поработали, Роберт, — с деланным добродушием сказал Кросс. — Очень славно.

— Да, — согласился Синдерс. — Я постараюсь, чтобы об этом узнал министр и, конечно же, комиссар полиции.

Кросс направился к лифту. Везде его сопровождали тревожные взгляды китайцев. Оказавшись на последнем ярусе, он миновал губернаторскую ложу и зашел к Пламму.

— Привет, Роджер! — радушно приветствовал его Пламм. — Выпьешь?

— Лучше кофе. Как дела?

— Пока что продулся вчистую, хотя кое-кто у нас выиграл первый этап кинеллы. А как ты?

— Только что приехал.

— О, значит, ты пропустил самое интересное! — Пламм рассказал о намерении

Данросса купить контрольный пакет «Дженерал сторз». — Иэн вставил Пагу палку в колеса.

— Или сделал прекрасное предложение, — добавил кто-то.

— Верно, верно.

Как и в других ложах, у Пламма было полно народу. Слышались разговоры, смех, подавали напитки и вкусную еду.

— Через полчаса будет чай. Я сейчас иду в комитет распорядителей, Роджер. Не хочешь прогуляться за компанию?

Небольшая комната комитета располагалась в конце коридора за вращающимися дверьми, у которых стоял охранник. Стол, двенадцать стульев, телефон, окна, откуда хорошо просматривалась беговая дорожка, крохотный балкончик. И никого. Беззаботное выражение тут же исчезло с лица Пламма.

— Я говорил с Суслевым.

— Вот как?

— Он в бешенстве из-за вчерашнего рейда на «Иванов».

— Могу себе представить. Был приказ из Лондона. Я узнал только сегодня утром. Проклятый Синдерс!

Пламм помрачнел ещё больше.

— А вдруг они вышли на тебя, а?

— О нет. Ничего такого. Просто особое подразделение и Синдерс решили подразмять крылышки. Вечно орудуют втихаря, да и пусть их. Это никак не касается Эс-ай. Ну, и что ещё?

— Он сказал, что будет у телефонной будки. — Пламм передал Кроссу листок бумаги. — Вот номер. Он подойдет туда сразу после следующих трех забегов. Пожалуйста, позвони ему — говорит, что-то срочное. Для чего, черт возьми, понадобился этот рейд?

— Чтобы нагнать страху на кагэбэшников с «Иванова», поднапугать так, чтобы можно было вычислить «Севрин», — только и всего. Оказать давление. Для того же Суслеву с новым комиссаром приказано явиться в воскресенье в Главное управление. Просто чтобы запугать.

— Суслев напуган, это уж точно. — На красивом лице Пламма мелькнула язвительная улыбка. — Сфинктер у него разладился лет на десять по крайней мере. Всей команде придется давать объяснения. Когда Армстронг «случайно» открыл дверь в радиорубку, сработала «красная тревога» и они, как положено, без всякой необходимости, уничтожили все шифровальное и дешифровальное оборудование, а также секретные системы поиска для радаров.

Кросс пожал плечами.

— «Иванов» уходит, и у русских есть чем это все заменить. Суслев тут ни при чем, мы тоже. Можем послать доклад в Центр и рассказать, что произошло. Если захотим.

Пламм прищурился.

— Если?

— При налете на Синклер-тауэрс в руки громил Роузмонта попала рюмка. На ней полно отпечатков пальцев Суслева.

Пламм побледнел.

— Боже! Значит, теперь он у них в базе данных?

— Должно быть, так. Как ты знаешь, он есть и в нашей базе данных, но не как кагэбэшник, и, мне кажется, единственные экземпляры отпечатков его пальцев имеются только у меня. Я уже давно изъясил их из дела Суслева. Считаю, что рано или поздно ЦРУ доберется до него, это лишь вопрос времени, так что чем быстрее он покинет Гонконг, тем лучше.

— Думаешь, нужно сообщить Центру? — переживал Пламм. — За такую

беспечность он получит на всю катушку.

— Это можно решить за выходные. Воранского мы знали уже немало лет, знали, что ему можно доверять. А этому? — Кросс выдержал паузу. Он продолжал поддерживать легенду, что на контакт с Суслевым, как и Пламм, вышел недавно. — В конце концов, не такой уж он большой чин в КГБ, какой-то выскочка-курьер. У нас нет даже официального подтверждения, что он заменяет Воранского, а нам нужно в первую очередь подумать о себе.

— Это точно! — насупился Пламм. — Может, он и правда болван. За мной, когда я шёл в Синклер-тауэрс, не следил никто, это точно. А эта расшифрованная радиограмма, боже милостивый!

— Что-что?

— Расшифрованная радиограмма — та, что он уронил на палубу «Иванова», а Армстронг поднял. Нам нужно принять решение насчет этого.

Кросс отвернулся, чтобы скрыть, как потрясен, и постарался собраться с мыслями. Ни Армстронг, ни Синдерс ни словом не обмолвились о радиограмме, и это его взбесило. Он сделал вид, что пытается скрыть зевок.

— Прошу прощения, почти всю ночь на ногах, — проговорил он, предпринимая неимоверные усилия, чтобы голос звучал буднично. — Он сказал, что в этой радиограмме?

— Конечно. Я настоял на этом.

Кросс отметил пристальный взгляд Пламмы.

— Так что он сказал, конкретно?

— О! Ты имеешь в виду, он мог приврать? — Пламм заметно волновался. — Что-то вроде: «Сообщите „Артуру“, что в ответ на его просьбу применить к предателю Меткину „срочное мероприятие номер один“ отдан приказ о немедленном перехвате в Бомбее. Второе: встреча с американцем перенесена на воскресенье. Третье и последнее: папки АМГ остаются „приоритетом номер один“. „Севрин“ должен приложить максимум усилий, чтобы добиться успеха. Центр». — Пламм облизнул губы. — Правильно?

— Да, — сблефовал Кросс: почти мокрый от облегчения, он попытался объяснить себе молчание Армстронга и Синдерса. «Ну и почему они ничего мне не сказали?»

— Ужасно, да? — проговорил Пламм.

— Да, но не так уж серьезно.

— Не согласен, — раздраженно возразил Пламм. — Это намертво привязывает КГБ к «Севрину» и подтверждает, что «Артур» существует и «Севрин» тоже.

— Да, но это было ясно уже из папок АМГ. Успокойся, Джейсон, нам ничто не угрожает.

— Разве? Такое количество утечек мне совсем не нравится. Их слишком много. Может, стоит на время затаиться?

— Мы и так затаились. Проклятые папки АМГ — вот единственное, что меня печалит.

— Да. Хорошо хоть, этот болван Грант был не совсем аккуратен.

— Ты имеешь в виду Банастасио?

— Да. До сих пор не понимаю, черт возьми, он-то здесь при чем?

— Вот именно.

В перехваченной папке АМГ Банастасио был по ошибке назван американским контактом «Севрина». Лишь позднее Кросс узнал от Роузмонта, кто такой Банастасио на самом деле.

— Его встречал Ви Си Энг, — сообщил Кросс. Брови Пламмы взметнулись вверх.

— Фотограф Энг? А он-то тут с какого бока?

— Не знаю. Морские перевозки, суда, контрабанда. Замешан в самых разных тёмных делах, — пожал плечами Кросс.

— А что, если верна теория того типа, писателя? Как бишь его? Марлоу. Может, КГБ проводит какую-то операцию на нашей территории, не уведомляя нас об этом?

— Может быть. А может, тут орудует совсем другая организация, созданная в Америке КГБ или ГРУ. Или это просто совпадение. — Кросс уже полностью владел собой, страх, вызванный известием о радиোগрамме, почти исчез. Мыслил он гораздо яснее. — Что у Суслева за срочность?

— Ему нужна наша помощь. Сегодня прилетает Коронский. Кросс присвистнул.

— Из Центра?

— Да. Утром получил сообщение. Теперь, когда оборудование на «Иванове» выведено из строя, выступаю в качестве посредника.

— Хорошо. Под каким именем он прибывает?

— Ганс Мейккер. Из Западной Германии. Остановится в отеле «Девять драконов». Слушай, — ещё больше встревожился Пламм, — Суслев говорит, что Центр приказал нам быть готовыми к тому, чтобы схватить Иэна и...

— Они с ума сошли! — взорвался Кросс.

— Согласен, но, по словам Суслева, это единственный способ быстро выяснить, поддельные папки или нет, а если да, то где спрятаны настоящие. Он уверяет, что Коронскому это по плечу. Тот мастер «химического допроса» и запросто выпотрошит память Иэна.

— Бред. Мы даже не можем с уверенностью сказать, что папки подделаны. Господи, это лишь предположение!

— Суслев утверждает, что Центр предложил свалить похищение на Вервольфов. Раз эти типы похитили Джона Чэня, так почему бы им не нацелиться на большие деньги, на Тайбана?

— Нет. Это слишком опасно. Пламм вытер ладони.

— Если схватить Иэна сейчас, все тайбани, весь Гонконг будут в трансе. Возможно, сейчас самое время, Роджер.

— Почему?

— Благородный Дом придет в полное расстройство. Добавь сюда банковскую панику и крах фондового рынка. Да Гонконг вылетит в трубу! Весь Китай будет в шоке. Мы продвинем наше дело вперед лет на десять и окажем неоценимую помощь международному коммунистическому движению, рабочим всего мира. Господи, Роджер, неужели тебе не обрыдло сидеть сложа руки и лишь принимать сообщения? Сейчас мы можем задействовать «Севрин», почти ничем не рискуя. А потом свернем все на время.

Кросс закурил. В голосе Пламма он уловил напряжение.

— Я подумаю, — в конце концов обещал он. — А пока оставим это. Вечером позвоню. Суслев не говорил, кто тот американец, про которого упоминается в телеграмме?

— Нет. Сказал лишь, что к нам это не имеет никакого отношения.

— Здесь все имеет к нам отношение, — резко бросил Кросс.

— Согласен. — Пламм не сводил с него глаз. — Это могло быть и кодовое слово, которое может обозначать кого угодно.

— Возможно.

— У меня есть предположение. Это Банастасио.

— Почему именно он? — спросил Кросс, хотя пришел к такому же выводу.

— Не знаю почему, но могу поспорить, что вся эта махинация, если это махинация, или инспирирована КГБ, или проворачивается при его поддержке. Это же классический пример из Сунь-цзы: обрати силу противника — сразу двух противников, Соединенных Штатов и Китая, — против него самого. Сильный объединенный

Вьетнам с гарантией активного выступления против Китая. А?

— Возможно. Да, все сходится, — согласился Кросс. «Кроме одного: Ви Си Энг». Пока у Брайана Квока не вырвалось: «Ви Си Энг — один из нас», Кроссу и в голову не приходило, что этот тип — владелец пикантной фотоколлекции, тонкий ценитель женского тела, а также бизнесмен, занимающийся коммерцией и морскими перевозками, — может быть кем-то ещё. — Если Банастасио и есть тот самый американец, мы об этом узнаем. — Он потушил сигарету. — Что-нибудь ещё?

— Нет. Роджер, пораскинь умом насчет Данросса. Пожалуйста. С Вервольфами это становится возможным.

— Уже пораскинул.

— В эти выходные будет самое время, Роджер.

— Знаю.

В мощный бинокль Орланды было видно, как лошади вырвались из стартовых ворот и начался четвертый забег. Она стояла в углу балкона для членов клуба, а рядом расположился умиротворенный Бартлетт. На лошадей смотрели все, кроме него. Он смотрел на неё, любясь тем, как вырисовывается под шелком её грудь, как выдаются углом её скулы и как она необычайно взволнована.

— Давай, Кроссфайр, — бормотала она, — давай! Он идет пятым, Линк. Ох, давай, красавец, давай...

Он хмыкнул, но Орланда не обратила на это внимания. Они договорились встретиться здесь в перерыве между третьим и четвертым забегами.

— А ты разве член с правом голоса? — спросил он у неё вчера вечером.

— О нет, мой дорогой, я лишь прихожу туда с друзьями. Старыми друзьями моей семьи. Ещё выпьешь?

— Нет-нет, спасибо, я лучше пойду.

Они снова поцеловались, и он ощутил переполняющее её желание. Это выбило его из колеи, и всю дорогу домой через гавань, а также большую часть ночи он никак не мог успокоиться. Ему стало ясно, что, как бы он ни крепился, сдерживать желание и откладывать все на перспективу будет очень непросто.

«Ты попался, приятель», — говорил он себе теперь, наблюдая, как она проводит по губам кончиком языка — взгляд сосредоточен, забыто все, кроме пятидесяти долларов, поставленных на большого серого жеребца, фаворита.

— Ну, давай... давай... Ох, он выдвигается вперед, Линк... О, он второй... Бартлетт перевел взгляд на группу, уже вышедшую на финишную прямую. Серая громадина Кроссфайр был в более выгодном положении, чем Вестерн Скот, пегий мерин, шедший чуть впереди. Ход был очень медленный: в третьем забеге одна лошадь упала. Вперед рванулся ещё один претендент на победу, Уинуэлл Стэг, мерин Хэвегилла, на которого предложил поставить Питер Марлоу, он сильным махом шёл по внешнему краю, чуть позади идущих голова в голову Кроссфайра и Вестерн Скота: жокеи нахлестывали лошадей под нарастающий рев трибун.

— О, давай, давай, давай, Кроссфайр... О, он выиграл, он выиграл! Среди окружавшего их шума и гама Бартлетт рассмеялся, когда в порыве неудержимой радости она обняла его и прижала к себе.

— О Линк, как замечательно!

Через секунду вновь раздался восторженный рев: на табло тотализатора вспыхнули выигравшие номера, подтверждавшие распределение победителей. Теперь все ждали окончательных сумм выигрыша. Ещё один вопль восторга. Поставившие на Кроссфайра получали по своим ставкам пять к двум.

— Не так уж много, — поддразнил он.

— О нет, это много, это много, это много! — Никогда ещё Орланда не казалась ему такой красивой, и шляпка на ней была милая, намного лучше, чем у Кейси, — он

сразу это заметил и даже сделал комплимент. Орланда оперлась на перила и подалась вперед, глядя вниз, на круг победителя. — Вон его владелец, Ви Си Энг, один из наших миллионеров-шанхайцев, занимается коммерцией и морскими перевозками. С ним был хорошо знаком мой отец. — Она передала Линку бинокль.

Бартлетт навел его на резкость. Украшенную цветами лошадь вел в круг победителя широко улыбающийся китаец лет пятидесяти с лишним в дорогом костюме. Потом Бартлетт узнал Хэвегилла с Уинуэлл Стэгом, который чуть отстал и оказался вторым. В паддоке был также Горнт, Пламм, Пагмайр и многие другие распорядители. Стоявший рядом, у перегородки, Данросс разговаривал с каким-то человеком ниже его ростом. От одной группы к другой переходил губернатор в сопровождении жены и адъютанта. Бартлетт наблюдал за ними с долей зависти: владельцы лошадей, в кепи и дождевиках, с раскладными тростями³²², в сопровождении дорогих женщин, обменивались приветствиями; все они — и те, что стояли здесь, и те, что сидели в ложах наверху, — составляли закрытый клуб, вершивший судьбами Гонконга. «Сплошь стопроцентные англичане и большие ловкачи. Впишусь ли я в их круг удачнее, чем Блицманн? Конечно. Если только они не отторгнут меня, как этого бедолагу. Пройти в голосующие члены не составит труда. Так, во всяком случае, сказал Иэн. Впишется ли в их общество Орланда? Несомненно. Как жена или подруга, что одно и то же».

— А это кто? — спросил он. — Человек, что беседует с Иэном?

— О, это Алексей Травкин, он — тренер Тайбаня... — Она осеклась, потому что к ним подходил Роберт Армстронг.

— Добрый день, мистер Бартлетт, — вежливо поздоровался полицейский. — Тоже ставили на победителя?

— Нет, в этом забеге я проиграл. Разрешите представить — мисс Рамуш, Орланда Рамуш. Суперинтендент Роберт Армстронг, департамент уголовного розыска...

— Привет. — Орланда улыбнулась Армстронгу, и тот заметил, как она мгновенно насторожилась.

«Почему все боятся нас, и виноватые, и невинные? — в который раз спросил себя суперинтендент. — Ведь мы лишь стоим на страже закона, стараемся защитить честных граждан от преступников. Это потому, что каждый нарушает закон, хоть немного, едва ли не ежедневно, потому что многие законы столь же глупы, как и правила тотализатора на скачках. Оттого все и чувствуют себя виноватыми, даже вы, милая дама, с такой чувственной походкой и многообещающей улыбкой. Много обещающей Бартлетту. На какое преступление вы пошли сегодня, чтобы заманить в ловушку этого беднягу, этого невинного агнца? — Он язвительно улыбнулся про себя. — Ну, не такой уж он невинный во многих отношениях. Но по сравнению с той, что прошла школу Квиллана Горнта? Против изголодавшейся евразийской красоты, для которой в обществе один путь — вниз?³²³ Айийя! Но как бы я хотел, парень, поменяться с тобой местами! Я отдал бы десять лет жизни, даже больше, чтобы стать тобой, со всеми твоими винтовками, деньгами, шикарными девочками, такими как Кейси и вот эта, сомнительными знакомыми вроде Банастасио, о да... Потому что сегодня, клянусь Господом, я ненавижу то, что мне приходится делать, а это все, что я могу сделать для доброй старой Англии».

³²² Раскладная трость (трость-табурет), с острым наконечником на одном конце и небольшим раскладным стулом на другом, используется на охоте и на спортивных мероприятиях под открытым небом.

³²³ Игра слов: английское выражение go down, переводимое как «опускаться», «терять положение в обществе», на жаргоне означает «заниматься оральным сексом».

— А вы тоже ставили на фаворита? — спросила она.
— Нет, к сожалению, нет.
— Она уже второй раз выигрывает, — гордо сообщил Бартлетт.
— А-а, раз у вас пошла полоса везения, подскажите, кто, по-вашему, выиграет в пятом?

— Я пыталась решить, суперинтендент. Но вопрос остается открытым. А вы как думаете?

— Я слышал, советуют ставить на Уиннинг Билли. Мне тоже никак не решиться. Ну что ж, желаю удачи.

Армстронг отошел и направился к окошечкам, где принимали ставки. До этого он поставил пятьсот долларов на лошадь, которая пришла третьей, и компенсировал остальные ставки. Он всегда делал одну ставку главной и подстраховывался другими, надеясь остаться в прибыли. В большинстве случаев так оно и выходило. Сегодня он чуть отставал, но сорок тысяч пока не трогал.

В коридоре он остановился. От окошка, где выдавали выигрыши, отходил, проталкиваясь через густую толпу, Змея. В руке главный инспектор Дональд С. С. Смит сжимал рулончик банкнот.

— Привет, Роберт. Как дела?

— Так себе. А тебе снова подфартило?

— Стараемся. — Змея придвинулся к нему поближе. — Как всё?

— Идет своим чередом. — Армстронга снова затошнило при мысли, что скоро Брайана Квока опять отправят в «красную комнату», а потом надо будет сидеть рядом с ним и выуживать из его сознания тайну за тайной, в страшной спешке, потому что счет пошел на часы: все знали, что губернатор запросил у Лондона разрешение на торг.

— Неважно выглядишь, Роберт.

— И чувствую себя не лучше. Кто выиграет в пятом?

— Я надавил на твоего приятеля Одноногого в «Пара». Говорит: Пайлот Фиш. В первом, например, он советовал ставить на Буканира, хотя при таком ходе может случиться что угодно.

— Да. Что-нибудь есть по Вервольфам?

— Ничего. Глухой номер. Я прочесываю всю зону, но при таком дожде это почти безнадежное занятие. Сегодня утром допрашивал Диану Чэнь — и жену Джона Чэня, Барбару. Они так и старались меня улестить. Могу поставить пять долларов против гнутой шляпной булавки, они знают больше, чем говорят. Поговорил накоротке и с Филлипом Чэнем, но от него тоже толку мало. Бедняга страшно потрясен. — Змея со значением посмотрел на Армстронга. — Кстати, Мэри ничего не пришло в голову насчет Джона?

Армстронг тоже взглянул на него в упор.

— Не было возможности спросить. Поинтересуюсь сегодня — если меня оставят в покое.

— Не оставят. — Лицо Смита сморщила кривая улыбочка. — Поставь свои сорок на Пайлот Фиша.

— Какие сорок?

— Маленькая птичка прочирикала, что золотое яичко, подкинутое на черный день, уже исчезло из твоего гнездышка — если смешать присловья. — Он пожал плечами. — Не волнуйся, Роберт, попытай счастья. Там, откуда это пришло, есть гораздо больше. Желаю удачи. — И он ушел.

Армстронг проводил его ненавидящим взглядом.

«А ведь сукин сын прав, — думал он, морщась от боли в груди. — Там есть гораздо больше... Но если возьмешь один раз, будет и второй. И пусть даже ты ничего не делаешь взамен, не идешь на уступки, не даешь обещаний, твой час

пробьет. Расплачиваться приходится всегда. Это так же верно, как дважды два четыре.

Мэри. Ей нужен этот праздник, как он ей нужен... А ведь ещё есть счет от биржевого брокера и все остальные счета, и, о господи, этот взбесившийся рынок почти опустошил мои карманы. Черт бы побрал деньги — или то, что их вечно не хватает.

Сорок тысяч на выигрышной кинелле — и все проблемы решены. Или поставить все на Пайлот Фиша? Все, или половину, или вообще ничего. Если ставить все, то времени ещё полно, чтобы сделать ставки в других окошках».

Ноги привели его к окошку, где делали ставки. Многие узнавали суперинтендента и, холодея от страха, думали, что полиции лучше бы иметь собственную ложу и собственные окошки, а не мешаться с честными гражданами. Одним из узнавших был Четырехпалый У. Он торопливо поставил пятьдесят тысяч на кинеллу с Пайлот Фишем и Баттерскотч Лэсс и умчался обратно в ложу членов клуба, где неторопливо потягивал бренди с содовой.

«Пададь грязная эти полицейские, пугают только порядочных людей, — думал он, ожидая возвращения Венеры Пань. — И-и-и, её „золотая ложбинка" стоит бриллианта, который я ей вчера обещал, стоит каждого карата. — Четырехпалый фыркнул. — Дважды „тучки с дождем" до рассвета, да ещё обещана встреча в воскресенье, когда ян восстановит свои со...»

От этих приятных мыслей его отвлек донесшийся снаружи гул. Он тут же протолкался через толпу на балконе. На табло одна за другой появлялись клички лошадей, участвующих в пятом забеге, имена жокеев. Бурные приветствия выпали номеру первому — Пайлот Фишу; вторым номером шёл Стрит Вендор, аутсайдер; третьим — Голден Леди. Теперь восторженные крики прокатились среди тех, кто поставил на неё. Когда высветился номер седьмой, Ноубл Стар, трибуны ответили диким ревом, а с появлением последнего, восьмого, номера — фаворита Баттерскотч Лэсс — ипподром взорвался оглушительными воплями.

Внизу Данросс с Травкиным мрачно смотрели на дорожку, скользкую и разбитую, особенно возле ограждения. Почерневшее небо над головой, казалось, нависло ещё ниже. Упали первые капли дождя, и пятьдесят тысяч глоток недовольно загудели.

— Паршивый ход, тайбань, — сказал Травкин, — паршивый.

— Он для всех одинаковый. — Данросс сосредоточился, чтобы прикинуть шансы в последний раз.

«Если я приму участие в скачках и одержу победу, предзнаменование будет просто потрясающее. Если выступлю и проиграю — очень скверное. А если меня обойдет Пайлот Фиш — ещё хуже. Запросто можно получить травму. Я не вправе... нельзя оставлять Благородный Дом без руководства сегодня, завтра или в понедельник. Если выступит Травкин и проиграет или придет после Пайлот Фиша, это будет плохо, но не так. Уж какой джосс.

Но я не получу травмы. Я выиграю. Я хочу выиграть этот забег больше всего на свете. У меня получится. Насчет Алексея не уверен. Я могу выиграть — если боги на моей стороне. Да, но насколько ты готов рисковать, поставив на богов?»

«И-и-и, юный Иэн, — говаривал старик Чэнь-чэнь, — не жди помощи от богов, сколько бы ты ни обещал им золота или чего другого. Боги есть боги, они уходят на ланч, ложатся спать или просто отворачиваются от тебя, когда им все наскучит. Боги как люди: могут быть добрыми или злыми, ленивыми или прилежными, любезными или не приветливыми, глупыми или мудрыми! Потому они и боги, а как же ещё, хейя!»

Сердце колотилось. Данросс чувствовал, как ноздри наполняются теплым, едким, кисловато-сладким запахом лошадиного пота. И вот он уже весь отдался стремительному движению, от которого меркнет сознание и занимается дух: руки сжимают плетъ, все сбились в кучу на этом повороте, несутся по дальней прямой,

выходят на последний. Тебя захлестывает великолепное, до боли приятное чувство, восторг и ужас, когда ты мчишься во весь опор, орудуя хлыстом, вонзая шпоры, выгнувшись вперед, осторожно оттесняя Пайлот Фиша к ограждению, сбивая ему мах. Рывок на финишной прямой, Пайлот Фиш оставлен позади, впереди финиш... Давай, давай... Победа!..

— Нужно решать, тайбань. Время.

Данросс медленно пришел в себя, во рту оставался привкус желчи.

— Да. Езжай ты, — сказал он, поставив интересы дома выше своих желаний.

И теперь, когда он произнес эти слова, все остальное отошло в сторону, и он дружески похлопал Травкина по плечу.

— Выиграй, Алексей, ради бога, выиграй.

Старик, с грубым и жестким, как подошва, лицом, глянул на него снизу вверх, кивнул и пошел переодеваться. По дороге он заметил наблюдающего за ним в бинокль Суслева и поежился. Суслев обещал, что на это Рождество Анастасия приедет в Гонконг, что ей разрешат встретиться с ним и остаться — на Рождество. Если он будет сотрудничать. Если будет сотрудничать и делать, что скажут.

«И ты веришь в это? Нет. Ни чуточки не верю, эти matyeryebyets — лгуны и предатели, но, может, на этот раз... Господи, но зачем мне приказано встретиться с Данроссом в Синклер-тауэрс поздно вечером? Зачем? Боже, как быть? Оставь эти мысли, старик. Тебе много лет, и ты скоро умрешь, но прежде должен выиграть. Если выиграешь, тайбань сделает так, как ты попросишь. А если нет? Выиграешь или проиграешь, как потом жить с мыслью, что предал человека, который стал твоим другом и доверяет тебе?»

Он вошел в помещение для жокеев.

За его спиной Данросс обратил взгляд на табло тотализатора. Шансы уравнились, общая сумма ставок составляла уже два с половиной миллиона. Баттерскотч Лэсс шла три к одному, Ноубл Стар — семь к одному, и жокей еще не был указан, Пайлот Фиш — пять к одному, Голден Леди — семь к одному.

«Еще рано, — подумал он. — Остается уйма времени, чтобы сделать ставки. С появлением имени Травкина суммы выплат по ставкам уравниются еще больше». Изнутри поднялась волна холода. «А может, как раз сейчас тренеры и жокеи договариваются между собой? Боже, лучше следить за этим забегом очень и очень внимательно».

— А-а, Иэн!

— О, приветствую вас, сэр. — Данросс улыбнулся подошедшему губернатору, а потом перевел взгляд на Хэвегилла, сопровождавшего сэра Джеффри. — Жаль Уинуэлл Стэга, Пол. Вроде бежал он очень здорово.

— Джосс, — вежливо ответил Хэвегилл. — А кто выступает на Ноубл Стар?

— Травкин.

Сэр Джеффри просиял.

— А-а, очень хороший выбор. Да, с ним гонка будет прекрасная. Я тут боялся, Иэн, что вы надумаете сами поучаствовать.

— Был такой соблазн. И не прошел до сих пор, сэр. — Данросс еле заметно улыбнулся. — Если до начала забега Алексей попадет под автобус, выступлю я.

— Ну, ради всех нас и Благородного Дома будем надеяться, что этого не произойдет. Мы не можем позволить, чтобы вы получили травму. Ход, похоже, ужасный. — Снова пошел дождь, но тут же прекратился. — Пока нам везет. Никаких серьезных несчастных случаев. Если дождь припустит по-настоящему, возможно, придется подумать об отмене забега.

— Мы уже это обсуждали, сэр. Скачки и так проходят с некоторым запозданием. Этот забег начнется на десять минут позже. Если погода не испортится, большинство зрителей останутся довольными.

Сэр Джеффри остановил на нем пристальный взгляд.

— О, кстати, Иэн, несколько минут назад я пытался дозвониться до министра, но, боюсь, он на совещании. Я оставил сообщение, и он отзвонится, как только сможет. Создается впечатление, что последствия скандала с проклятым Профьюмо снова дают о себе знать, подрывая доверие к правительству консерваторов. Пресса подняла жуткий вой, и неудивительно, если под угрозу и впрямь была поставлена безопасность страны. Истерия не уляжется, пока в следующем месяце не выйдет доклад следственной комиссии, который раз и навсегда внесет ясность в это темное дело и положит конец слухам, что в нем, возможно, замешаны остальные члены правительства.

— Да, — согласился Хэвегилл. — Но самое худшее, несомненно, позади, сэр. Что касается доклада, он, конечно же, будет предвзятым.

— Предвзятый он будет или нет, этот скандал нанесет консерваторам большой урон, — рассудительно заметил Данросс, вспомнив прогноз АМГ.

— Боже милостивый, надеюсь, этого не случится, — ужаснулся Хэвегилл. — Чтобы эти два кретина, Грей и Бродхерст, пришли к власти вместе с остальным социалистическим сбродом? Если судить по их пресс-конференции, нам впору собирать чемоданы и отправляться домой.

— Мы дома, и на нас это точно отразится. Когда-нибудь, — грустно прокомментировал сэр Джеффри. — Во всяком случае, Иэн был прав, когда решил не выступать. — Он повернулся к Хэвегиллу, и его взгляд сделался не таким добродушным: — Как я уже говорил, Пол, очень важно принимать верные решения. Будет очень печально, если вкладчики «Хо-Пак» разорятся из-за промахов Ричарда Квана и бездействия тех, кто при желании мог бы не допустить катастрофы — а возможно, хорошо нагрел на этом руки. А?

— Да, сэр.

Сэр Джеффри кивнул и оставил их.

— О чем это он? — спросил Данросс.

— Губернатор считает, что мы должны спасти «Хо-Пак», — небрежно бросил Хэвегилл.

— И почему вы не хотите этого сделать?

— Давай лучше поговорим о покупке контрольного пакета «Дженерал сторз».

— Сначала закончим про «Хо-Пак». Губернатор прав, это пошло бы на пользу всем нам, Гонконгу — и банку.

— Ты будешь «за»?

— Да, конечно.

— Ты и твой блок одобрите покупку контрольного пакета?

— У меня нет никакого блока, но я, несомненно, поддерживаю такую покупку, если она будет иметь смысл.

Пол Хэвегилл ехидно улыбнулся.

— У меня была мысль предложить за авуары Ричарда двадцать центов на долларе.

Данросс присвистнул.

— Негусто.

— К вечеру понедельника он будет на нулях и, вероятно, согласится, а наш банк с его авуарами получит контроль. Мы могли бы выступить поручителями для всех его вкладчиков.

— У него столько ценных бумаг?

— Нет, но, если рынок успокоится, под нашим разумным управлением через год-два приобретение «Хо-Пак» может действительно обернуться большой выгодой. О да. К тому же крайне необходимо восстановить доверие к банковской системе. Приобретение контрольного пакета окажет в этом неизмеримую помощь.

— Сегодня днем самое время объявить об этом.
— Согласен. Есть что-нибудь от Типтопа? Данросс изучающе посмотрел на него.
— А чем вызван такой крутой разворот, Пол? И почему ты обсуждаешь это со мной?

— Никакого разворота. Я продумал все насчет «Хо-Пак» очень основательно. Это приобретение станет хорошим политическим шагом. — Хэвегилл не сводил с него глаз. — Мы вернем Квану репутацию и предложим место в нашем совете директоров.

— Значит, слухи насчет Большого Банка верны?

— Я об этом ничего не знаю, — холодно сказал банкир. — Что касается второго, я обсуждаю это с тобой, потому что ты один из директоров банка, в настоящий момент самый значительный и имеющий существенное влияние на совет. Ведь это разумно, верно?

— Да, но...

Взгляд Хэвегилла стал ещё холоднее.

— Интересы банка никак не связаны с тем, что я не переносу тебя или твоих методов. Но насчет «Суперфудз» ты оказался прав. Ты сделал хорошее предложение в нужный момент и вызвал целую волну растущего доверия среди всех присутствующих. Она должна распространиться на весь Гонконг. Время было выбрано великолепно, и если мы теперь сделаем ещё один шаг и объявим, что принимаем на себя все обязательства «Хо-Пак» перед его вкладчиками, то получим громадный вотум доверия. Все, что нам нужно, — это вернуть доверие. Если на помощь придет Типтоп со своей наличностью, то понедельник станет для Гонконга днем бума. Так что с утра в понедельник, Иэн, мы первым делом начнем всю покупать акции «Струанз». К вечеру у нас уже будет контрольный пакет. Тем не менее у меня к тебе есть предложение прямо сейчас: мы вносим эти два миллиона за «Дженерал сторз» взамен на половину твоих акций банка.

— Нет уж, спасибо.

— К следующим выходным все они будут нашими. Мы обещаем: эти два миллиона в любом случае станут обеспечением покупки «Дженерал сторз» и гарантией предложения, которое ты сделал Пагу, — если тебе не удастся предотвратить покупку контрольного пакета «Струанз».

— Удастся.

— Ну, конечно. И ты не против, если я скажу Пагу и этому пронырливому мелкому крестину Хэпли?

— А ты ублюдок, верно?

Тонкие губы Хэвегилла скривились в улыбке.

— Бизнес есть бизнес — мне нужен твой пакет акций банка. Твои предки получили его задаром, практически украли у Брокеров, разорив их. Я хочу проделать то же самое. И завладеть контрольным пакетом Благородного Дома. Да-да. К этому стремятся и многие другие. Возможно, даже твой американский друг Бартлетт, если говорить по правде. Откуда эти два миллиона?

— Манна небесная.

— Рано или поздно мы это выясним. Мы твои банкиры, и ты довольно много нам задолжал! Типтоп собирается выручать нас?

— С уверенностью сказать не могу, но я говорил с ним вчера вечером. Его тон внушает надежду. Дал согласие приехать сюда после ланча, но его ещё нет. Это показательно.

— Да. — Хэвегилл смахнул с носа несколько дождевых капель. — Мы получили обнадеживающий ответ от Московского торгового банка.

— Надеюсь, даже ты не настолько туп!

— Это последнее средство, Иэн. На самый крайний случай.

— Ты созовешь экстренное собрание совета директоров для обсуждения покупки контрольного пакета «Хо-Пак»?

— Боже упаси, нет. Думаешь, я такой дурак? — ехидно пропел Хэвегилл. — Если мы так поступим, ты, конечно, поднимешь вопрос о продлении твоего займа. Нет, Иэн, я намереваюсь опросить их индивидуально, как тебя. С твоим согласием я уже получаю большинство, остальные, конечно же, согласятся. Ведь ты дал мне свое согласие?

— По двадцать центов на долларе и с полной выплатой инвесторам — да.

— Мне, возможно, потребуется запас, чтобы дойти до тридцати центов. Согласен?

— Да.

— Даешь слово?

— О да, даю тебе слово.

— Спасибо.

— Но ты созовешь совет до открытия торгов в понедельник?

— Я согласился подумать об этом. И только. Я подумал, и ответом будет нет. Гонконг — общество пиратское, где слабые тонут, а сильные присваивают плоды их трудов. — Хэвегилл улыбнулся и бросил взгляд на табло.

Ставки уравнились. Два к одному на Баттерскотч Лэсс, которая, как все хорошо знали, любила мокрый грунт. Пайлот Фиш три к одному. Рядом с Ноубл Стар зажглось имя Травкина, и это вызвало бурное одобрение.

— Я считаю, губернатор неправ, Иэн. Надо было выступать тебе. Тогда я сделал бы скромную ставку на тебя. Да. Ты бы ушел на покой в блеске славы. Да, ты бы выиграл. А насчет Травкина я не уверен. До свидания. — Он приподнял шляпу и направился к Ричарду Квану, который стоял рядом с женой и тренером. — А-а, Ричард! Можно тебя на пару сло... — Его голос потонул в оглушительном реве толпы: восемь участников пятого забега один за другим стали появляться из-под трибун. Впереди выступал Пайлот Фиш, и от еле морсящего дождя его чёрные бока лоснились.

— Да, Пол? — Ричард Кван отошел с ним на свободное место. — Я сам намеревался поговорить с тобой, но не хотел мешать вашей беседе с губернатором и Тайбанем. Так вот, — с деланной веселостью начал он. — У меня есть план. Давай соберем все ценные бумаги «Хо-Пак», и если ты одалживаешь мне пятьдесят мил...

— Нет, спасибо, Ричард, — твердо заявил Хэвегилл. — Но у нас, вообще-то, есть предложение, которое остается в силе до пяти часов сегодня. Мы выручаем «Хо-Пак» и даем гарантию всем твоим вкладчикам. Взамен мы покупаем твои личные авуары по номиналу и...

— По номиналу? Да это в пятьдесят раз меньше их стоимости! — заверещал Ричард Кван. — Они стоят в пятьдесят раз дороже...

— Фактически их стоимость составляет пять центов на долларе, столько они примерно и стоят. Договорились?

— Нет, ясное дело нет. *Цзю ни ло мо*, ты считаешь, я уже никуда не похужу, сошел с ума? — Сердце Ричарда Квана просто выпрыгивало из груди.

Минуту назад он допускал невозможную мысль, что Хэвегилл отсрочит конец, который — теперь это стало ясно, сколько Кван ни хорохорился, — был неминуем, пусть даже вина по большей части лежала не на нем, а на сплетниках и зловредных болванах, что принудили его к бессмысленным сделкам. И вот он попался. О-хо! Отныне на него будут давить, и, что бы он ни предпринял, от тайбаней ему не деться никуда.

«О-хо-хо! Несчастье за несчастьем, а теперь ещё из-за этой неблагодарной шлюхи Венеры Пань я потерял лицо перед Дядюшкой Четырехпалым, Чарли Вангом и даже Фотографом Энгом. И это после того, как я лично вручил ей новое норковое

манто, которое она так наплевательски волочит по грязи».

— Новое? — вспыхнула она сегодня утром. — И ты заявляешь, что это убожество новое?

— Конечно! — заорал он. — Ты что, за обезьяну меня принимаешь? Конечно новое. Я пятьдесят тысяч наличными за него отдал, о-хо!

Насчет пятидесяти тысяч он загнул, но про уплату наличными сказал чистую правду. И оба прекрасно понимали, что, назвав истинную сумму, он бы повел себя неподобающим человеку цивилизованному образом. Манто досталось ему от одного гуйлао, который переживал не лучшие времена, через посредника, за четырнадцать тысяч, после продолжительного торга; и ещё две тысячи Кван отдал скорняку, который за ночь укоротил манто и переделал так, чтобы оно выглядело шикарно и чтобы его нельзя было узнать, а ещё гарантировал, что поклянется всеми богами, будто продал его за сорок две тысячи, хотя на самом деле оно стоит все шестьдесят три с половиной.

— Пол, — с важным видом начал Ричард Кван, — положение «Хо-Пак» лучше, чем...

— Будь любезен, помолчи и слушай, — перебил его Хэвегилл. — Пришло время принимать серьезные решения — для тебя, а не для нас. В понедельник ты можешь обанкротиться и остаться ни с чем... Насколько я понимаю, на торгах первым делом начнут продавать твои акции.

— Но сэр Луис заверил меня, что...

— Я слышал, что они открыты для продажи, так что к вечеру в понедельник у тебе не будет ни банка, ни акций, ни лошадей, ни денег, чтобы покупать норковые манто Венере Па...

— Что? — Ричард Кван побледнел: он знал, что в двадцати шагах стоит его жена и с мрачным видом наблюдает за ними. — Какие ещё норковые манто?

Хэвегилл вздохнул.

— Ладно, если тебе неинтересно... — Он повернулся, чтобы уйти, но Кван схватил его за руку.

— Пять центов это просто смешно. Восемьдесят гораздо ближе к тому, что я могу выручить на открытом рын...

— Возможно, я смогу подняться до семи.

— До семи? — Кван стал сыпать ругательствами, главным образом для того, чтобы дать себе время подумать. — Против слияния я возражать не буду. С местом в совете директоров банка на десять лет при зарплате в...

— На пять лет — при условии, что ты заранее представишь мне подписанное заявление об отставке с открытой датой, что всегда будешь голосовать так, как захочу я, и что зарплата у тебя будет такой же, как у остальных директоров.

— Никакой отставки зара...

— Тогда извини, сделки не будет.

— Я согласен с этим пунктом, — величественно произнес Ричард Кван. — Теперь, что касается денег. Я...

— Нет. Что касается денег, я, Ричард, в длительные торги вступать не намерен. Губернатор, Тайбань и я согласились, что мы должны выручить «Хо-Пак». Решение принято. Я позабочусь, чтобы твоя репутация не пострадала. Мы гарантируем, что цена контрольного пакета останется в тайне, и вполне готовы к тому, чтобы назвать это слиянием. Кстати, я хочу объявить об этом в пять часов, сразу после седьмого забега. Или не объявлять никогда. — Лицо Хэвегилла оставалось угрюмым, но внутри он ликовал.

Если бы не объявление Данросса и не то, как оно было воспринято, ему никогда бы и в голову не пришло поступить так же. «Этот болван абсолютно прав! Пришло время работать по-новому, и кто сделает это лучше, чем мы? Это позволит оставить

Сазерби на его сегодняшних позициях и наконец уравнивает нас с „Блэкс“. На следующей неделе у нас кармане окажется „Струанз“, а к будущему году...»

— Пятьдесят семь центов, и это грабеж, — настаивал Кван.

— Я поднимусь до десяти.

Кван и улещал, и юлил, и чуть не плакал, а сам не мог поверить своему счастью. «Цзю ни ло мо, — хотелось закричать ему, — несколько минут тому назад я не мог заплатить за корм для Баттерскотч Лэсс на следующую неделю, не говоря уже о том кольце с бриллиантом, а теперь я стою по крайней мере три с половиной миллиона американских долларов, а если провернуть дело по-умному, то гораздо больше».

— Тридцать, клянусь всеми богами!

— Одиннадцать.

— Мне придется покончить жизнь самоубийством, — взвыл он. — Моя жена покончит жизнь самоубийством, мои дети...

— Прошу прощения, Господин, — обратился к нему по-кантонски его тренер-китаец. — Забег отложен на десять минут. Будут ли какие-либо указания, кот...

— Ты что, не видишь, я занят, жабье брюхо! Поди прочь! — прошипел на том же языке Ричард Кван, грязно выругавшись, а потом обратился к Хэвегиллу свою последнюю жалкую мольбу: — Тридцать, мистер Хэвегилл, и вы спасете бедного человека и его сем...

— Восемнадцать, и это последнее слово!

— Двадцать пять, и по рукам.

— Мой дорогой друг, я прошу прощения, но мне нужно сделать ставку. Восемнадцать. Да или нет?

Ричард Кван продолжал жалостно тараторить и в то же время прикидывал шансы. Он заметил, что на лице оппонента мелькнуло раздражение. «Грязный кусок падали! Может, пора соглашаться? До пяти часов это дерьмо прокаженного может передумать. Если Тайбань получил новый заем, возможно, и я смогу... Нет, не выйдет. Восемнадцать в три раза больше начального предложения! Нет сомнения, ты неглупый малый и прекрасно умеешь торговаться, — радостно фыркнул он про себя. — Может, пора соглашаться?»

На ум пришла Венера Пань, то, как она обошлась с его дорогим подарком и нарочно прижалась своей изумительной грудью к руке Четырехпалого, и на глазах у него выступили слезы ярости.

— О-хо-хо, — смиренно прошептал он в восторге от того, как здорово получилось вызвать настоящие слезы. — Двадцать, клянусь всеми богами, и я ваш раб навеки.

— Хорошо. — Хэвегилл остался очень доволен. — Приходи ко мне в ложу без четверти пять. Я подготовлю временный протокол о намерениях, и ты его подпишешь — и твое заявление об отставке с открытой датой. В пять объявляем о слиянии, и, Ричард, до того момента никому ни-ни! Если об этом станет известно, сделка отменяется.

— Конечно.

Хэвегилл кивнул и ушел, а Ричард Кван вернулся к жене.

— Что происходит?

— Тихо! — шикнул он. — Я согласился на слияние с «Викторией».

— А сколько нам заплатят за наши активы? Он понизил голос ещё больше:

— Двадцать центов сверх... э-э... официальной стоимости по книгам. Глаза Май-лин загорелись восторгом.

— Айийя! — вырвалось у неё, и она тут же для пущей безопасности опустила глаза. — Какой ты молодец.

— Конечно. И пост директора на пять лет и...

— И-и-и, какая у нас будет огромная репутация!

— Да. Теперь слушай, сегодня до пяти часов нам нужно заключить кое-какие приватные соглашения по акциям «Хо-Пак». Мы должны выкупить их сегодня — по ценам распродажи, прежде чем все эти гнусные игроки утянут нашу законную прибыль. Сами мы это сделать не можем, потому что остальные мгновенно насторожатся. К кому можно было бы обратиться?

Она на мгновение задумалась. Её глаза снова сверкнули.

— Прибыльный Чой. Пообещай ему семь процентов того, что он для нас заработает.

— Для начала я предложу пять и, возможно, смогу договориться о шести с половиной процентах! Отлично! И ещё я использую Улыбчивого Цзина, он сейчас нищий. Потерял все. Между ними двумя... Увидимся в ложе. — Он с важным видом повернулся, подошел к своему тренеру и аккуратно лягнул его по голени. — О, прошу прощения, — проговорил он для тех, кто стоял поблизости и мог это заметить, а потом прошипел: — Не прерывай меня, когда я занят, обманщик ты и болван паршивый! И если ты надуешь меня, как надул Толстобрюхого Тока, я...

— Но я говорил вам об этом, Господин, — угрюмо отвечал тренер. — Он тоже знал! Разве не он это придумал? Разве вы оба не заработали кучу денег?

— О-хо, если моя лошадь не выиграет этот забег, я попрошу Дядюшку Четырехпалого прислать его уличных бойцов, чтобы они расплющили тебе «небесные сферы»!

По паддоку прошелестели налетевшие капли дождя, и все с беспокойством подняли глаза к небу. Выше, на трибунах и на балконах, все тоже переживали. Ливень перешел в мелкую морось, и Орланда на клубном балконе поежилась от напряжения и тревоги.

— О Линк, теперь я пошла делать ставки.

— Уверена? — усмехнулся он.

Ей никак было не решиться, и она мучилась уже целый день: сначала Пайлот Фиш, потом Ноубл Стар, затем пронесся слух, что победителем будет аутсайдер Уиннинг Билли, и снова Баттерскотч Лэсс. На Баттерскотч Лэсс ставки сравнялись, у Пайлот Фиша и Ноубл Стар это соотношение составляло три к одному — а когда объявили имя Травкина, поток ставок на неё стал стремительно возрастать, у Голден Леди — шесть к одному, а на остальных почти не ставили. Пока общая сумма ставок составляла умопомрачительную цифру четыре миллиона семьсот тысяч гонконгских долларов.

— Сколько собираешься поставить? Зажмурившись, она выпалила:

— Все, что выиграла, и ещё... и ещё сто! Я быстро, Линк!

— Удачи. Увидимся после забега.

— О да, извини, так переволновалась, что забыла. Счастливо! — Она улыбнулась ему восхитительной улыбкой и умчалась, прежде чем он успел спросить, сколько же всё-таки она ставит.

Он свои ставки уже сделал. На этом забеге разыгрывалась кинелла, а также второй этап двойной кинеллы. «Десять тысяч гонконгских долларов на Пайлот Фиша и Баттерскотч Лэсс, вне зависимости от того, кто будет первым, а кто вторым. Это должно сработать», — думал он, и его возбуждение тоже росло.

Он ушел с балкона и, пройдя между столами, направился к лифту, чтобы подняться наверх. Многие провожали его взглядом, некоторые здоровались, с завистью посматривая на маленькие бейджи у него в петличке.

— Привет, Линк! — остановил его Блицманн.

— О, привет. Как дела?

— Ты слышал, что они там выкинули? Ну конечно, ты же там был! — выпалил Блицманн. — Слушай, Линк, есть минутка?

— Конечно. — Бартлетт последовал за ним по коридору, ощущая на себе любопытные взгляды.

— Послушай, — начал Блицманн, когда они нашли тихий уголок, — ты с этими ублюдками «лайми» лучше смотри в оба. Ведь у нас с «Дженерал сторз» все было на мази, черт бы их побрал.

— Предпримешь вторую попытку?

— Это решат в головном офисе, а будь моя воля, проклятье, я утопил бы весь этот чертов остров.

Бартлетт не ответил, чувствуя, что на них оборачиваются.

— Слушай, Линк! — Блицманн заговорил вполголоса и пригнулся ближе с кривой ухмылкой. — У тебя с этой девицей что-то особенное?

— О чем ты?

— Ну, с этой шлюхой-евразийкой Орландой, с которой ты разговаривал. Кровь бросилась Бартлетту в лицо, а Блицманн продолжал:

— Ты не против, если я тоже вставлю свою пару центов? — Он подмигнул. — Назначу ей свидание. Попрошу встретиться?

— Это... это свободная страна, — проговорил Бартлетт с внезапной ненавистью.

— Спасибо. Задница у неё что надо. — Расплывшийся в улыбке Блицманн придвинулся ещё ближе. — Сколько она берет?

Бартлетт даже задохнулся: к такому он был абсолютно не готов.

— Господи, она не проститутка!

— А ты не в курсе? Да об этом весь город знает. Правда, Дикки сказал, что в постели она не очень. Он прав? О, ты ещё до этого не добрался? — продолжал Блицманн, неправильно истолковав выражение лица Бартлетта. — Черт возьми, Линк, всего-то нужно помахать немного зелеными...

— Послушай, сукин сын, — прошипел ослепленный яростью Бартлетт, — она никакая не проститутка, и, если ты заговоришь с ней или приблизишься, я с тебя шкуру спущу. Понятно?

— Слушай, ты чего разошелся? — У Блицманна даже дыхание перехватило. — Я не...

— Дошло до тебя?

— Конечно, конечно, зачем же... — Блицманн попятился. — Успокойся. Я ведь только спросил, верно? Дикки... — Бартлетт двинулся к нему, и он в испуге замолк. — Господи, я-то при чем? Успокойся, ладно?

— Заткнись! — Бартлетт с трудом сдержал ярость, зная, что время и место для драки не самые подходящие. Он оглянулся, но Орланда уже скрылась. — Исчезни, сукин сын, — проскрежетал он, — и чтобы духу твоего рядом с ней не было, не то...

— Конечно, конечно, успокойся, о'кей? — Блицманн отступил ещё на шаг и с радостью ретировался.

Бартлетт немного подумал, потом зашел в туалет и сбрызнул лицо водой, чтобы успокоиться. Включенная специально ради скачек вода в кране неприятно пахла и казалась нечистой. Через минуту он нашел лифт и направился в ложу Данросса. Было время чая. Гостям подавали небольшие бутерброды, бисквиты, сыр, индийский чай с молоком и сахаром в великолепных чайниках, но он, оцепенев, ничего этого не замечал.

Рядом ненадолго остановился спешивший в свою ложу Дональд Мак-Брайд.

— А-а, мистер Бартлетт, должен сказать, нам всем очень приятно, что вы с Кейси будете заниматься здесь бизнесом. Жаль, что так вышло с Блицманном, но в бизнесе все средства хороши. Ваша Кейси так очаровательна. Извините, нужно бежать.

И он заторопился дальше. Бартлетт остановился в дверях.

— Эй, Линк, — радостно окликнула его с балкона Кейси. — Хочешь чаю? — Они

встретились на полпути, и её оживление погасло. — Что-то случилось?

— Ничего, ничего, Кейси. — Бартлетт выдавил из себя улыбку. — Они уже у стартовых ворот?

— Ещё нет, но забег может начаться в любой момент. Ты уверен, что с тобой все хорошо?

— Конечно. На кого ты поставила?

— На Ноубл Стар, на кого же ещё? Питер сказал, что какое-то место может занять Уиннинг Билли, аутсайдер доктора Тули, так что я поставила пятьдесят и на него. Неважно выглядишь, Линк. Не желудок, нет?

Он покачал головой, тронутый её заботой.

— Нет. Все в порядке. А у тебя все о'кей?

— Конечно. Все просто чудесно. Питер в великолепной форме, а старик Тули просто блеск. — Кейси помолчала. — Я рада, что это не желудок. Доктор Тули говорит, что раз у нас не было поноса, мы, должно быть, не заразились этой абердинской дрянью. Конечно, наверняка не будем знать ещё дней двадцать.

— Господи, — пробормотал Бартлетт, стараясь отрешиться от того, что сказал Блицманн. — Я уже совсем забыл про Абердин, пожар и весь этот переполох. Такое впечатление, что это было миллион лет назад.

— У меня такая же история. Как быстро пролетело время!

— Это Гонконг, — рассеянно проговорил оказавшийся рядом Гэваллан.

— Что вы имеете в виду?

— Это характерно для Гонконга. Когда здесь живешь, времени вечно не хватает, какой бы работой ни занимался. Дел всегда нехватает. Постоянно кто-то приезжает, уезжает — друзья, партнеры по бизнесу. Всегда что-нибудь чрезвычайное — наводнение, пожар, грязевой оползень, бум, скандал, невероятный шанс в делах, похороны, банкет либо прием с коктейлями для весьма важных визитеров — или какое-нибудь несчастье. — Гэваллан стряхнул с себя тревоги. — Мир этот очень тесен, и скоро вы перезнакомитесь с большинством людей своего круга. К тому же мы на перекрестке азиатских дорог, и даже если вы не работаете в «Струанз», все равно куда-то стремитесь, что-то планируете, зарабатываете деньги, рискуете ими, чтобы заработать ещё больше, или уезжаете на Тайвань, в Бангкок, Сингапур, Сидней, Токио, Лондон или куда-то ещё. Этим и завораживает Азия. Смотрите, сколько всего уже с вами приключилось со времени приезда: похищен и убит бедняга Джон Чэнь, в вашем самолёте нашли винтовки, потом этот пожар, неразбериха на фондовом рынке, атака на наши акции, Горнт против нас, мы против него. А теперь в понедельник банки могут закрыться или же, если Иэн прав, грянет бум. А мы будем вместе в деле... — Он улыбнулся измученной улыбкой. — Как вам наше предложение?

Кейси хотела тут же дать свой комментарий, но прикусила язык и посмотрела на Бартлетта.

— Прекрасное, — рассеянно сказал Бартлетт. Мысли его были заняты Орландой. — Вы считаете, Иэну удастся изменить все к лучшему?

— Если кто-то и может это сделать, то только он. — Гэваллан тяжело вздохнул. — Ладно, будем надеяться, что мы сделали все, что смогли. Вы уже поставили на победителя?

Бартлетт улыбнулся, и Кейси стало легче.

— А вы на кого поставили, Эндрю?

— На Ноубл Стар и Уиннинг Билли на кинелле. До встречи. — И он ушел.

— Интересные вещи Гэваллан говорил про Гонконг. Он прав. Кажется, что Штаты в миллионе миль отсюда.

— Да, но это не так, не совсем так.

— Ты хочешь остаться здесь, Кейси?

Она взглянула на него, желая понять, что кроется за этим вопросом, что он имеет в виду на самом деле.

— Это решать тебе, Линк. Он неторопливо кивнул.

— Выпью-ка я чаю.

— Сейчас я тебе налью. — Тут она заметила нервно мявшегoся в дверях Мэртага, и сердце у неё замерло. — Ты ещё не знаком с нашим банкиром, Линк. Давай я его приведу.

Она направилась к Мэртагу через толпу.

— Привет, Дэйв.

— Привет, Кейси, Тайбаня не видела?

— Он освободится только после этого забега. Ну что, «да» или «нет»? — выразительно прошептала она, повернувшись спиной к Бартлетту.

— «Возможно». — Мэртаг нервным движением вытер пот со лба и снял мокрый дождевик. Под глазами у него были тёмные круги. — Целый час ловил это проклятое такси! Господи!

— Возможно что?

— Возможно, что возможно. Я представил им свой план, а они сказали, чтобы я валил обратно домой, потому что определенно сбрендил. Потом, подуспокоившись, пообещали, что перезвонят. Эти болваны разбудили меня в четыре утра и попросили повторить всю схему, а потом подключился сам Эс Джей Иезуит. — Он закатил глаза. — Заявил, что я несу полную ахинею, что я свихнулся, и повесил трубку.

— Но ты сказал «возможно». Что было потом?

— Я им перезвонил и пять часов из последних десяти пытался объяснить, какой я гениальный, потому что от этой твоей дурацкой схемы я просто балдею. — Мэртаг вдруг ухмыльнулся. — Но вот что я тебе скажу, Кейси. Теперь Иезуит уж точно знает, кто такой Дэйв Мэртаг Третий!

Она усмехнулась.

— Послушай, никому здесь об этом не говори. Никому. Кроме Тайбаня, о'кей?

Он обиженно посмотрел на неё:

— Неужели ты думаешь, что я буду всем рассказывать, как меня отымели — уже не задница, а чистый гамбургер?

Послышался взрыв приветственных возгласов, и кто-то на балконе крикнул:

— Они подъезжают к воротам!

— Быстро, — сказала Кейси, — иди поставь на кинеллу. Первый и седьмой. Давай, пока ещё есть время.

— А кто это?

— Неважно. У тебя уже нет времени. — Она легонько подтолкнула его, и он помчался прочь. Собравшись с духом, она взяла чашку чая и пошла к Бартлетту и остальным, которые сгрудились на балконе.

— Вот твой чай, Линк.

— Спасибо. На кого ты сказала ему ставить?

— На первый и седьмой.

— А я поставил на первый и восьмой.

Их отвлек громкий рев. Лошади рысью прошли мимо и начали кружить возле ворот. Пайлот Фиш носился туда-сюда, а жокей, крепко сидевший в седле, плотно сжимая коленями бока жеребца и вцепившись в поводья, старался подвести его к стартовому столбу. Но жеребец был ещё не готов, он тряс гривой и ржал. Тут же кобыла и две молодые лошадки, Голден Леди и Ноубл Стар, подрагивая и раздувая ноздри, ответили ему негромким ржанием. Пайлот Фиш пронзительно взревел, попятился, встал на дыбы, молотя копытами воздух, и все ахнули. Его жокей, Блун Уайт, вполголоса выбранился и судорожно ухватился за гриву, чтобы не упасть.

— Ладно, дружок, — проговорил он, выругавшись и успокаивая его. — Пусть

девчонки посмотрят, что у тебя там болтается!

Рядом был Травкин на Ноубл Стар. Кобылка почуяла запах жеребца, и это вывело её из равновесия. Не успел Алексей что-либо предпринять, как она завертелась, попятилась и нечаянно толкнула задом Пайлот Фиша. От неожиданности тот шарахнулся в сторону, столкнувшись с аутсайдером Уиннинг Билли, гнедым меринком, который легким шагом двигался к своим воротам. Мерин сердито затряс головой, отскочил на несколько шагов и чуть не сшиб Лохинвара, ещё одного гнедого мерина.

— Боже, Алексей, придержи эту тварь!

— Лучше уйди с дороги, *ublyudok*, — пробормотал Травкин, ощущая коленями неуместный трепет, охвативший Ноубл Стар.

Стремена у него были короткие³²⁴, и он сидел в седле высоко, сливаясь с лошадью в одно целое. «Наверное, тренер Пайлот Фиша смазал грудь и бока жеребцу его выделениями, чтобы взволновать кобылок. Старый трюк, очень старый».

— Давайте, джентльмены! — привычно крикнул стартер. — Заводите лошадей по боксам!

Несколько всадников и лошадей уже были там. Баттерскотч Лэсс, гнедая кобыла, для многих ещё фаворит, била копытом, раздувая ноздри, и от волнения, вызванного предстоящим забегом и близостью жеребца, то и дело вздрагивала. Она занимала восьмой бокс от ограждения. Пайлот Фиш входил в первый, у самого стартового столба. Уиннинг Билли отвели третий бокс, между Стрит Вендором и Голден Леди, и внимание мерина разрывалось между их запахами и наглым вызовом жеребца. Прежде чем створки ворот закрылись за ним, он попятился, вышел из бокса и, почуяв свободу, стал грызть мундштук и поводья, яростно мотать головой, кружась на скользком дерне, как танцор, и чуть не столкнулся с Ноубл Стар, которая ловко ушла в сторону.

— Алексей, давай! — крикнул стартер. — Поторопись!

— Сейчас-сейчас, — откликнулся Травкин, но не спешил. Хорошо зная нрав Ноубл Стар, он направил большую дрожащую гнедую кобылку подальше от жеребца, позволив ей погарцевать с развевающимся на ветру хвостом. — Давай полегоньку, дорогуша, — ласково проговорил он по-русски, желая потянуть время и вывести остальных из равновесия: его лошадь единственная ещё не зашла в ворота.

На востоке небо осветила вспышка молнии, но Травкин не обратил никакого внимания ни на неё, ни на зловещий раскат грома. Дождь, который раньше только моросил, полил сильнее.

Русский весь был сосредоточен на одном. Сразу после взвешивания к нему подкатился один из жокеев.

— Мистер Травкин, — тихо проговорил он, — вы не победитель.

— Вот как? Кто сказал? Жокей лишь пожал плечами.

— И кто же победитель? Тот снова пожал плечами.

— Если тренеры и жокеи выбрали победителя заранее, передайте им, что я в такие игры не играю. Никогда этим не занимался, во всяком случае в Гонконге.

— Ваш с Тайбаном Буканир выиграл, и вы должны быть этим довольны.

— Я доволен, но в этом забеге сделаю все, что смогу.

— Ну что ж, имеете право, старина. Я им так и передам.

— Кому это «им»?

Жокей уже ушел, в раздевалке было полно народу, стоял шум, пахло потом. Травкин прекрасно знал, кто такие «они», был знаком с некоторыми из тех, кто время

³²⁴ При коротких стременах всаднику приходится держать колени согнутыми. Они при этом занимают положение выше плеча лошади, что для неё более удобно и позволяет бежать быстрее.

от времени входил в сговор, заранее определяя победителя, но сам никогда в этом не участвовал. Не потому, что был честнее остальных. Или менее бесчестным. Просто потребности его были невелики, предreshенный исход не вызывал в нем ничего, кроме брезгливой скуки, а деньги не доставляли удовольствия.

Стартер уже нервничал.

— Заводи, Алексей! Быстрее!

Од послушно дал шпоры и завел Ноубл Стар в бокс. Ворота за ней захлопнулись. На миг все замерли. Теперь участники забега ждали команды.

66

16:00

Каждый в своем боксе, жокеи вцепились в гривы лошадей, все нервничали, а те, кто был в курсе, готовились взять Ноубл Стар в «коробочку». Ворота распахнулись, и через мгновение все восемь участников, сбившись в кучу, уже мчали бешеным галопом по короткому отрезку прямой: вот они миновали финишный столб, вот вписались в первый поворот. Высоко согнувшись в седлах, все наездники шли бок о бок, почти касаясь — а некоторые и касались — друг друга, лошади набирали мах, проскочив первую часть поворота, после которого, покрыв четверть дистанции, они выходили на дальнюю прямую. Пайлот Фиш держался у ограждения, он уже вырвался вперед на полкорпуса; Баттерскотч Лэсс занимала хорошую позицию, но ещё не выкладывалась; рядом с ней Уиннинг Билли немного отставал от Ноубл Стар, скакавшей по внешней бровке, и не давал остальным занять место получше. Жокеи понимали, что все бинокли сейчас наведены на них, поэтому, если уж берешься кого-то удерживать или оттеснять, делать это нужно ловко и осторожно. Каждый был предупрежден, что на кону миллионы и оплошность может стоить будущего.

Они с грохотом прошли поворот. В отстававших летели комки грязи, и ход был очень скверный. Выйдя из поворота на прямую и расталкивая друг друга, чтобы занять позицию получше, они устремились вперед более широким махом, запах пота одинаково возбуждал и лошадей, и седоков. Закусивший удила Уиннинг Билли догнал Баттерскотч Лэсс и шёл рядом, теперь уже он отставал от Пайлот Фиша всего на полкорпуса и бежал хорошо. Остальные двигались плотной группой, ожидая благоприятного момента, чтобы уйти в отрыв. Вот Баттерскотч Лэсс, почуяв шпоры, рванулась вперед, обошла Пайлот Фиша, немного поотстала и вновь опередила жеребца, который по-прежнему жался к ограждению.

Травкин умело придерживал свою кобылку в хвосте группы, на внешней бровке, потом дал шпоры, послав её вперед, и приблизился к лидерам, приведя за собой всех остальных и чуть не столкнувшись с Лохинваром. Дождь усилился и хлестал по глазам, уже болели от напряжения ноги, особенно колени. Когда всадники на всем скаку вылетели из прямой в поворот, между ними было меньше корпуса. Поворот был дальний, все сбились очень плотно, чтобы срезать угол, и тут взявшийся ниоткуда хлыст ужалил запястья Травкина. От неожиданности и боли он на миг ослабил хватку и чуть не потерял равновесие. Через секунду Алексей овладел собой. Кто нанес удар, он не знал, и ему было не до того, потому что он сосредоточился на прохождении поворота при этом ужасном ходе. Ни с того ни с сего серый аутсайдер Кингплей, скакавший у ограждения, почти сразу за Пайлот Фишем, поскользнувшись, споткнулся. Перед глазами его жокея земля перевернулась, он упал вместе с лошадью, врезавшись в ограждение, и увлек за собой ещё двух участников. На трибунах все повскакали с мест.

— Господи, кто это упал?..

— Это не... это Ноубл Стар...

— Нет, не она... Уиннинг Бил...

— Нет, он третий...

— Давай, ради Христа...

В ложе распорядителей поднялся гвалт. Данросс, глядя в бинокль, громко комментировал:

— Упал Кингплей... Кингплей, Стрит Вендор и Голден Леди... Голден Леди поднялась, но, господи, у жокея травма... Кингплею не встать... Он получил повреждение...

— Кто за кем идет, кто за кем?

— Чуть впереди Баттерскотч Лэсс, потом Пайлот Фиш у ограждения, Уиннинг Билли, Ноубл Стар — все идут ровно. Входят в последний поворот, Лэсс впереди на голову, остальные вплотную за ней... — Охваченный возбуждением, Данросс впился глазами в лошадей, сердце у него почти остановилось. — Давай, Алексей... — Его крик смешался с криками остальных, переживала и Кейси, лишь Бартлетт наблюдал за всем этим отстраненно, его мысли витали где-то далеко.

В ложе «Блэкс» Горнт держал бинокль так же твердо и так же сдерживал возбуждение.

— Давай, — бормотал он, глядя, как Блуи Уайт подхлестнул Пайлот Фиша на повороте, как Ноубл Стар сохранила выгодную позицию на внешней бровке, как Уиннинг Билли идет рядом с Лэсс, которая вроде бы чуть вырвалась вперед, но из-за угла поворота было не разглядеть.

Руки Травкина снова ожгла чья-то плеть, однако, не обращая внимания на боль, он ещё немного сократил разрыв на повороте. Пять оставшихся лошадей разделяли какие-то дюймы, а Баттерскотч Лэсс не пускала никого к ограждению.

Блуи Уайт на Пайлот Фише понимал, что близится время для рывка. Десять ярдов, пять, четыре, три, два — пошёл! Они как раз выходили из поворота, и он дал жеребцу плеть. Пайлот Фиш рванулся вперед в дюймах от ограждения, теперь уже явно оторвавшись, потому что Баттерскотч Лэсс почувствовала шпоры и плеть на миг позже. Все жокеи сознавали: или сейчас, или никогда.

Выгнувшись параллельно шее Ноубл Стар, Травкин склонился к её уху и издал казацкий клич. Откликнувшись на первобытный зов, кобылка пошла длинным махом, с раздувающимися ноздрями и пеной изо рта. Теперь пятеро участников уже неслись по прямой, Ноубл Стар по внешней бровке. Уиннинг Билли дюйм за дюймом приближался к Лэсс. Холки у всех были взмылены, вперед вырывались то Лэсс, то Пайлот Фиш, а потом и серый в яблоках мерин Лохинвар сделал заявку на победу, вырвав лидерство у Пайлот Фиша и заняв ближайшую к столбу позицию. Вовсю заработали хлысты и шпоры, и в глазах у всех маячил лишь финишный столб впереди.

Оставалась сотня ярдов.

На трибунах, балконах и в ложах стоял сплошной крик. Даже губернатор колотил кулаком по поручням балкона:

— Давай, давай, Баттерскотч Лэсс!

А внизу, у финишного столба, толпа так напирала, выгибая шеи, что чуть не раздавила стоявшего у перил Чжу Девять Каратов.

Девяносто ярдов, восемьдесят... Летит грязь, все участники из последних сил рвутся к победе, охваченные возбуждением посреди нарастающего рева.

— Лэсс вырывается вперед...

— Нет, погляди на Пайлот Фиша!

— Господи, это Лохинвар-р-р...

— Уиннинг Билли...

— Давай, давай, давай...

Травкин видел надвигающийся финишный столб. Сверкнула очередная молния.

Угловым зрением он заметил, как вперед на голову вырвался Лохинвар, потом Лэсс, Уиннинг Билли, теперь в лидеры потихоньку выдвигался Пайлот Фиш, а Уиннинг Билли и Лохинвар загораживали ему, Травкину, дорогу.

Узрев обещанное открытое пространство, Блуи Уайт дал жеребцу финальную плетть. Тот стрелой рванул в свободный промежуток и оказался рядом с Баттерскотч Лэсс, потом обошел её на голову. Блуи Уайт видел, как жокей Лэсс, не входивший в число «посвященных», хлестнул кобылу и прикрикнул на неё. Травкин издал торжествующий клич, и Ноубл Стар стала выкладываться в финальном спурте. Все пятеро лошадей вылетели на заключительные ярды голова к голове; вперед вырывался то Пайлот Фиш, то Уиннинг Билли, рядом с ними Ноубл Стар, отстававшая лишь на голову, на самую малость; толпа бесновалась как один ничего не соображающий буйнопомешанный; все наездники сбились в плотную группу, Ноубл Стар по внешней бровке, Уиннинг Билли в каких-то дюймах от неё, его достала Лэсс, её настиг Пайлот Фиш, и теперь они чуть вырвались вперед.

Сорок... тридцать... двадцать... пятнадцать...

Вперед выходили то Ноубл Стар, то Пайлот Фиш, то Лэсс, опять Ноубл Стар... Уиннинг Билли... И вот уже финишный столб пронесся мимо, и ни один из них не знал наверное, кто выиграл, — лишь Травкин был уверен, что проиграл. Он намеренно резко дернул мундштук, сместив его на каких-то два дюйма и зажав намертво левой рукой; движение было незаметное, но его оказалось достаточно, чтобы лошадь сбилась с шагу и шарахнулась в сторону. Она с громким ржанием покатила в грязь, сбросив всадника на ограждения. Лэсс чуть не упала, но устояла на ногах, остальные три лошади остались целыми и невредимыми. Травкин почувствовал, что парит в воздухе, а потом невыносимая боль разодрала грудь и расколола голову, и наступила темнота.

Толпа ахнула, на миг забыв о скачках. Снова ослепительно сверкнула молния, ливень хлынул сильнее, громче загрохотал гром, и на ипподроме началось светопреставление.

— Пайлот Фиш ненамного...

— Ерунда, это была Ноубл Стар на самую чуточку...

— Ты не прав, старина, это был Пайлот Фиш...

— *Цзю ни ло мо ...*

— Господи, какой забег...

— О боже! Смотрите! Флажок протеста распорядителей...

— Где? О господи! Кто сфолил?..

— Я ничего не заметил, а ты?..

— Нет. Что тут увидишь в такой дождь? Даже в бинокль...

— Боже, и что теперь? Все эти проклятые распорядители, если они отнимут победу у моей лошадки, клянусь Богом...

Увидев, что Ноубл Стар упала и сбросила Травкина, Данросс метнулся к лифту. Он не видел, что произошло. Травкин оказался слишком хитер.

В коридоре было полно других людей, все взволнованно говорили, никто никого не слушал.

— Мы выиграли на самую малость...

— В чем суть протеста, господи боже мой? Ноубл Стар...

— В чем суть протеста, тайбань?

— Это объявят распорядители. — Среди общего гвалта Данросс снова ткнул пальцем в кнопку.

Когда двери открылись, подошел Горнт, все стали заходить в кабину, и так медленно, что Данроссу хотелось зарычать от ярости.

— Впереди был Пайлот Фиш! Совсем ненамного, Иэн, — крикнул Горнт. Он был весь красный и старался переорать остальных.

— Какой забег! — крикнул кто-то. — Из-за чего протест?
— Ты знаешь, Иэн? — спросил Горнт.
— Да, — ответил тот.
— Они хотят оспорить победу моего Пайлот Фиша?
— Ты же знаешь процедуру. Сначала распорядители разбираются, что к чему, а уж потом делают объявление. — Взглянув в карие глаза Горнта, он понял, что тот в ярости. Видно, бесится оттого, что не распорядитель. «И ты никогда им не станешь, ублюдок, — тоже разозлился Данросс. — Пока я жив, будешь получать у меня чёрные шары».

— Это против Пайлот Фиша, тайбань? — вылез кто-то.

— Боже милостивый, — откликнулся он. — Вы же знаете правила.

Лифт останавливался на каждом уровне. В него втискивались владельцы лошадей и приятели. Снова раздавались крики о том, какая великолепная была скачка, но в чем, черт побери, состоит протест? Наконец лифт спустился на самый нижний ярус.

Данросс ринулся на дорожку, где, окруженный мафу и служащими, лежал, скрючившись, недвижимый Травкин. Ноубл Стар давно уже поднялась, целая и невредимая, и носилась галопом в дальнем конце ипподрома, а высыпавшие на поле конюхи ждали подходящего момента, чтобы перехватить её.

На последнем повороте скакового круга над чалым мерином Кингплеем — бедняга мучился, у него была сломана задняя нога и кость торчала наружу — склонился ветеринар. За ревом нетерпеливых зрителей, старавшихся перекричать друг друга, никто не услышал выстрела: глаза всех были устремлены на табло тотализатора в ожидании решения распорядителей.

Данросс опустился на колени рядом с бесчувственным телом Травкина, над которым один из мафу держал зонт.

— Что с ним, доктор?

— В ограждение он не врезался, чудом пролетел мимо. Он ещё жив, тайбань, по крайней мере пока, — нервно произнес доктор Мэн, полицейский патологоанатом: он больше привык к трупам, чем к живым пациентам. — Трудно сказать, пока он не придет в себя. Никакого явного внешнего кровотечения нет. Шея... и позвоночник вроде бы в порядке... Пока ничего не могу сказать...

Поспешно подошли с носилками двое санитаров из «Бригады скорой помощи Святого Иоанна»³²⁵.

— Куда его доставить, сэр?

Данросс огляделся по сторонам.

— Сэмми, — позвал он одного из своих конюхов, — сбегай за доктором Тули. Он должен быть в нашей ложе. — Данросс повернулся к санитарам: — Пусть мистер Травкин остается в карете, пока не подойдет доктор Тули. А как с остальными тремя жокеями?

— Двоих лишь тряхнуло, сэр. У одного, капитана Петтикина, перелом ноги, но ему уже наложили шину.

Они осторожно опустили Травкина на носилки. Подошел Мак-Брайд, потом Горнт и другие.

— Что с ним, Иэн?

— Ещё неизвестно. Пока. Похоже, все в порядке.

Данросс осторожно поднял одну руку Травкина и стал её осматривать. Ему

³²⁵ «Бригада скорой помощи Святого Иоанна» — благотворительное общество; оказывает первую помощь пострадавшим во время пожаров; организует специальные посты во время массовых мероприятий, дежурства в больницах.

показалось, что он видел, как на дальнем повороте Алексею нанесли удар и тот пошатнулся. По тыльной стороне правой руки Травкина тянулся безобразный красный рубец. На другой руке было то же самое.

— Откуда это, доктор Мэн?

— О! Возможно, след от поводьев, — уже с большей уверенностью проговорил маленький человечек. — Или хлыста, может быть, от удара... Возможно, он поранился при падении.

Горнт ничего не сказал, глядя на Травкина, а внутри кипел от досады на Блуи Уайта. «Неумеха чертов... Все было так четко устроено: с тем переговорили, тому пообещали. Проклятье, должно быть, пол-ипподрома заметило, как он это сделал».

Данросс осмотрел пепельно-серое лицо Травкина. Ничего, кроме неизбежных синяков. Из носа тонкой струйкой сочилась кровь.

— Уже свертывается, — прокомментировал доктор Мэн. — Это хороший знак.

Торопливо подошел губернатор.

— Как он?

Данросс повторил слова врача.

— Надо же, какая неудача, что Ноубл Стар так шарахнулась.

— Да.

— Чем вызван протест распорядителей, Иэн?

— Мы как раз собираемся обсудить это, сэр. Не желаете ли к нам присоединиться?

— О, нет-нет, благодарю вас. Я лучше подожду, потерплю. Хотел убедиться, что с Травкиным все в порядке. — Губернатор чувствовал, что капли дождя затекают за шиворот. Он взглянул на небо. — Проклятая погода, похоже, это надолго. Вы собираетесь продолжить состязания?

— Я хочу внести предложение отменить их или отложить.

— Хорошая мысль.

— Да, — подхватил Мак-Брайд. — Согласен. Мы не можем допустить ещё одного несчастного случая.

— Будет минутка, Иэн, — сказал сэр Джефффри, — загляните ко мне в ложу.

Данросс насторожился.

— Вы говорили с министром, сэр? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал обыденно.

— Да, — подтвердил сэр Джефффри таким же безразличным тоном. — Да, он звонил по личной линии.

Тут Данросс вспомнил о Горнте и остальных.

— Я провожу вас, сэр. — Потом повернулся к Мак-Брайду: — Я сейчас к вам присоединюсь. — И зашагал рядом с губернатором к лифту.

— Не совсем удачное место для приватной беседы, верно? — пробормотал сэр Джефффри, когда они остались одни.

— Мы можем осмотреть дорожку, сэр. — Данросс повел его к ограждению, молясь про себя. — Травяной покров ужасный, вам не кажется? — указал он на скаковой круг.

— Весьма. — Сэр Джефффри тоже повернулся спиной к любопытным взглядам. — Министр весьма обеспокоен. Решать насчет Брайана он предоставил мне при условии, что мистер Синдерс и мистер Кросс согласятся отпустить его...

— Но ведь они, конечно же, согласятся, сэр? — Данросс с беспокойством вспомнил вчерашний разговор.

— Я могу лишь поставить их в известность. Я поставлю их в известность, что это необходимо, если вы гарантируете мне, что так оно и есть. Лично вы.

— Конечно, — медленно проговорил Данросс. — Но гораздо больший вес, несомненно, имело бы мнение Хэвегилла, Сазерби и других банкиров.

— В банковских вопросах — да. Но мне потребуется ваша личная гарантия, а также сотрудничество.

— Не понял, сэр?

— Этот вопрос придется решать, и очень деликатно, вам, а не им. К тому же существует проблема с папками. Папками АМГ.

— Что за проблема, сэр?

— Ответ на этот вопрос хотелось бы услышать от вас. Мистер Синдерс рассказал о вашей вчерашней беседе. — Сэр Джеффри зажег трубку, закрывая пламя ладонями от дождя.

После того как Тайбань позвонил ему сегодня утром, он немедленно послал за Кроссом и Синдерсом, чтобы обсудить с ними вопрос обмена до того, как обращаться с просьбой к министру. Синдерс опять выразил озабоченность тем, что, возможно, над папками поработали. Он уверял, что, по-видимому, согласится отпустить Брайана Квока, если будет уверен в подлинности папок. Кросс предложил обменять Квока на Фэн-фэна и остальных.

И вот теперь сэр Джеффри испытующе смотрел на Данросса.

— Что скажете, Иэн?

— Сегодня должен приехать, точнее, должен был приехать Типтоп. Правильно ли я понимаю, что могу ответить положительно на его предложение?

— Да, при условии, что сначала получите согласие мистера Синдерса. И мистера Кросса.

— А вы разве не можете дать мне согласие, сэр?

— Нет. Министр выразился совершенно недвусмысленно. Можете спросить их прямо сейчас, они на трибуне членов клуба.

— Им известно о результате вашего звонка?

— Да. Извините, но министр выразился очень недвусмысленно. — Теперь сэр Джеффри говорил мягко. — Похоже, теперешний тайбань Благородного Дома имеет репутацию человека справедливого и честного даже в высоких сферах. И министр, и я рассчитываем на это. — Их отвлек взрыв одобрительных возгласов. Ноубл Стар прорвалась через кордон мафу, пытавшихся изловить её, и промчалась галопом мимо, раскидав в стороны конюхов и служащих. — Вероятно, сначала вам лучше разобраться с протестом распорядителей. Я буду у себя в ложе. Если желаете, приходите на чай или на коктейль.

Данросс поблагодарил его и поспешно направился в комнату распорядителей. Голова у него шла кругом.

— А, Иэн! — возбужденно воскликнул номинально председательствующий Шити Чжун, когда он вошёл. Все распорядители уже были в сборе. — Нам нужно поторопиться с решением.

— Это трудно сделать без свидетельства Травкина, — заметил Данросс. — Кто из вас видел, как Блуи Уайт хлестнул его?

Руку поднял лишь Мак-Брайд.

— Значит, лишь мы двое из двенадцати человек. — Данросс заметил, что за ним внимательно наблюдает Кросс. — Я в этом абсолютно уверен. На обеих руках у него рубцы. По словам доктора Мэна, их мог оставить хлыст или поводья, при падении. Твое мнение, Паг?

— Лично я не заметил ничего такого, — нарушил неловкое молчание Пагмайр. — Смотрел я во все глаза, потому что поставил тысячу на Ноубл Стар. Был удар или нет, разницы, похоже, никакой. Я не видел, чтобы какая-то из лошадей, кроме Кингплея, споткнулась. Ноубл Стар продолжала гонку до самого финиша, и хлыстами орудовали все. — Он бросил на стол отпечатки фотофиниша.

Данросс взял их в руки. Фотография запечатлела то, что он видел своими глазами: Пайлот Фиш чуть впереди Ноубл Стар, которая на самую малость

опередила Баттерскотч Лэсс, а та ненамного оторвалась от Уиннинг Билли.

— Нахлестывали лошадей все, — продолжал Пагмайр, — но это же поворот, куда тут денешься? Вполне возможно, что удар нанесли случайно, если такое вообще было.

— Шити?

— Должен признаться, старина, я следил за своим Стрит Вендором и проклинал Кингплея. Я считал, что твоя кобылка побьет Пайлот Фиша. Мы... э-э... опросили остальных тренеров, и официальных жалоб не поступило. Я согласен с Пагом.

— Роджер?

— Ничего предосудительного я не заметил.

— Джейсон?

К его удивлению, Пламм покачал головой, не соглашаясь, и Данросс снова вспомнил АМГ и его поразительное утверждение о принадлежности Джейсона к «Севрину».

— Мы все прекрасно знаем, что Блуи Уайт — хитрюга ещё тот, — заявил Пламм. — Его нам приходилось предупреждать и раньше. Если тайбань и Дональд утверждают, что видели, я голосую за то, чтобы лишить Блуи лицензии и аннулировать результат Пайлот Фиша, коль скоро вопрос будет поставлен на голосование.

Данросс дал слово остальным распорядителям, но те колебались.

— Давайте выслушаем жокеев, Уайта — последним.

Так и сделали. Все жокеи бормотали примерно одно и то же: мол, были слишком заняты своими лошадьми и ничего не заметили.

И теперь распорядители выжидательно смотрели на Данросса. Он тоже смотрел на них, прекрасно понимая, что достаточно ему сказать: «Я голосую за то, чтобы лишить Блуи Уайта лицензии и аннулировать результат Пайлот Фиша», и все будут «за», сдадутся и проголосуют, как он хочет.

«Я видел, как Блуи это сделал, — говорил он себе. — Это видел Дональд, и видели остальные, и это выбило Алексея из колеи на ту самую долю секунды, которой не хватило для победы. Тем не менее, если быть честным, я не считаю, что это стоило Ноубл Стар победы. Виноват я сам. Не следовало ставить на пятый забег Алексея. Он должен был вытеснить Пайлот Фиша на ограждение на втором повороте, когда представилась такая возможность, или огреть Блуи Уайта плетью — по лицу, а не по рукам. Лично я так бы и сделал, даже не задумался бы. Есть и другие „но“».

— Я ничуть не сомневаюсь, что удар был, — проговорил он. — Но случайный или намеренный, наверное, не скажет и сам Алексей. Я согласен, что не удар помешал Ноубл Стар выиграть забег, поэтому предлагаю лишь предупредить Блуи Уайта, а результат оставить в силе.

— Отлично. — Шити Чжун с облегчением выдохнул и расплылся в улыбке. Общее напряжение спало. Никто не хотел конфронтации с самим Тайбанем, и меньше всех — Пагмайр. — Кто-нибудь против? Нет? Прекрасно! Давайте опубликуем фотофиниш в газетах и объявим решение по громкоговорителю. Вы сделаете это, тайбань?

— Конечно. Но как быть с оставшейся частью программы? Гляньте, как льет. — Дождь уже падал сплошной стеной. — Послушайте, у меня мысль. — И он изложил идею, только что пришедшую в голову.

Раздались восторженные возгласы, смех.

— Замечательно, просто замечательно!

— Великолепно! — расцвел Дунстан Барр.

— Это заставит здешнюю шваль призадуматься! — порадовался Пагмайр.

— Прекрасная мысль, тайбань! — улыбался Мак-Брайд. — Просто замечательная.

— Ну, я в радиорубку, а вы, может, вызовете снова Блуи и зададите ему по первое число, припугнете, а?

— Можно тебя на минуту, Иэн? — спросил Пагмайр.

— Может, чуть позже?

— Конечно.

— Роджер, мне бы надо с вами переговорить.

— Почему нет? Я буду внизу, на трибуне членов клуба, с Синдерсом.

— О, не в вашей ложе?

— Нет, я предоставил её комиссару: он устраивает прием для своих.

— Иэн?

— Да, Джейсон.

— Как ты считаешь, будут завтра гонки по холмам?

— Если хляби небесные разверзлись надолго, вряд ли. Там будет сплошное болото. А что?

— Ничего. Я думал устроить прием с коктейлями в воскресенье вечером, чтобы отметить твой удачный ход с «Суперфудз»!

— Неплохая мысль! — хмыкнул Шити Чжун. — Поздравляю, Иэн! Видели, какое лицо было у Блицманна?

— Иэн, ты придешь? Блицманна я приглашать не стану, — добавил Пламм, и все вокруг засмеялись. — Прием будет на квартире нашей компании в Синклер-тауэрс.

— Извини, но я сразу после полудня улетаю в Тайбэй. По крайней мере, таковы мои планы на текущий мо...

— Тебя не будет здесь в понедельник? — вдруг перебил его озабоченный Пагмайр. — А как же документы и все остальное?

— Ничего страшного, Паг. В половине десятого мы заключаем сделку. — Он обернулся к Пламму: — Джейсон, если я отменю поездку в Тайбэй или перенесу её, то буду.

— Прекрасно. С половины восьмого до половины десятого. Платье повседневное.

Выйдя из комнаты, Данросс нахмурился: «С чего это Пламм раздобрился?» Подобное было ему в диковинку. На всех заседаниях советов директоров, в частности в банке «Виктория», Джейсон обыкновенно принимал сторону Горнта и Хэвегилла, выступая против «Струанз».

За дверями комнаты распорядителей толпились нетерпеливые репортеры, владельцы лошадей, тренеры и зеваки. По пути к радиорубке, расположенной на самом верху, Данроссу приходилось отмечать сыпавшиеся градом вопросы.

— Привет, сэр. — Диктор-информатор, как и все остальные в этой небольшой стеклянной кабине, из которой прекрасно просматривался беговой круг, пребывал в напряжении. — Замечательная скачка, жаль, что... Вы уже приняли решение? Это Блуи, верно? Мы все видели, как он... хлыстом...

— Вы разрешите мне воспользоваться микрофоном?

— О, конечно. — Диктор поспешно встал, а Данросс уселся на его место и щелкнул выключателем. — Говорит Иэн Данросс. По просьбе распорядителей хочу сделать два объявления...

Его слова долго отдавались эхом в повисшей над ипподромом тишине. На трибунах и на всех остальных уровнях пятьдесят тысяч человек затаили дыхание, не обращая внимания на дождь.

— Во-первых, результаты пятого забега. — Наступило мертвое безмолвие, которое нарушал только шелест дождевых струй. — Пайлот Фиш чуть впереди Ноубл Стар, которая опередила Баттерскотч Лэсс...

Последние слова потонули в радостном гаме и ропоте недовольных; все вокруг

кричали, спорили, радостно гомонили, ругались, а внизу, в паддоке, застыл потрясенный Горнт, который был убежден, что все, как и он, видели удар хлыстом, что его жокея поймали с поличным и вызвали на ковер, а значит, результат забега будет аннулирован. Среди всего этого переполоха на тотализаторе вспыхнули выигрышные номера: один, семь, восемь.

Чуть переждав, Данросс без труда повторил объявление на кантонском. Толпа слушала уже спокойнее: тайные тревоги улеглись, потому что решение распорядителей считалось окончательным.

— И второе: из-за плохих погодных условий и скверного состояния дорожки распорядители решили отменить остальные забеги сегодняшних состязаний. — По толпе прокатился стон разочарования. — Они перенесены на следующую субботу, когда состоятся ещё одни, специальные, состязания. — Раздался оглушительный рев восторга. — Будут проведены восемь забегов, и в пятом забеге выступят те же, что и сегодня: Пайлот Фиш, Баттерскотч Лэсс, Уиннинг Билли, Стрит Вендор, Голден Леди, Лохинвар и Ноубл Стар. Специальный повтор соревнования с удвоенными ставками и добавлением тридцати тысяч...

Раз за разом гремели одобрительные возгласы, под аплодисменты и рев толпы кто-то в кабине сказал:

— Господи, вот здорово придумано, тайбань! Ноубл Стар сделает этого черного ублюдка!

— О нет, ничего у неё не выйдет! Баттерскотч...

— Здорово придумано, тайбань.

— Распорядители приносят вам благодарность за поддержку, — произнес Данросс в микрофон. Он повторил это на кантонском и добавил на обоих языках: — Через несколько минут будет сделано ещё одно специальное объявление. Благодарю вас!

Снова раздался радостный гул, стоявшие под дождем ринулись под навесы или к окошкам для выплаты выигрышей. Все делились впечатлениями, стонали, кляли богов или благословляли их; все выходы были забиты; длинные очереди мужчин, женщин и детей ждали возможности протолкнуться наружу, чтобы ещё долго добираться до дома, переполнившись каким-то новым, счастливым ожиданием. Лишь обладатели выигрышных номеров на двойной кинелле — восьмого и пятого во втором забеге, первого и седьмого в пятом — застыли, не сводя глаз с табло тотализатора и ожидая, когда покажут размеры выигрышей.

— Будет ещё одно объявление, тайбань? — спросил взволнованный диктор.

— Да, — подтвердил Данросс. — Около пяти.

Хэвегилл сообщил ему, что соглашение с Ричардом Кваном заключено, и просил как можно скорее подойти в ложу «Виктории». Данросс вышел из кабины и, очень довольный собой, помчался вниз по лестнице на следующий ярус, перепрыгивая через три ступеньки. «Горнт, должно быть, ошарашен тем, что победа отдана Пайлот Фишу, — думал он. — Горнт знал, и я знал, что это сговор и что исход предрешен, что бы ни предпринял Алексей. В основном поэтому я и не стал выступать. Они хотели проделать этот фокус со мной, и я точно угробил бы кого-нибудь. А вот в следующую субботу... В следующую субботу я выступлю, но Блуи Уайт уже ни на что не осмелится, как и остальные. В следующую субботу игра пойдет по правилам, и за ними будут следить во все глаза, клянусь Богом!» Его возбуждение возросло. И тут в толпе людей, заполнявшей коридор, он увидел поджидающего его Мэртага.

— О, тайбань, можно ли...

— Конечно. — Данросс провел его через кухню в свою личную комнату.

— Потрясающая гонка. Я выиграл целую кучу денег, — восторженно выпалил молодой человек. — И здорово придумано насчет субботы.

— Прекрасно. — И тут Данросс ощутил, как на лбу у него выступил пот. «О господи», — подумал он. — Мы в деле, мистер Мэртаг?

— Пожалуйста, называйте меня Дэйв. Начальство сказала... э-э... возможно. Они назначили заседание совета директоров на завтра в девять ноль-ноль по их времени. У нас будет...

— Десять ноль-ноль сегодня вечером. Да. Отлично, мистер Мэртаг, тогда позвоните мне по этому телефону. — Данросс записал номер. — Пожалуйста, не потеряйте его и больше никому не давайте.

— О, конечно, тайбань. Я позвоню, как только... До которого часа можно звонить?

— Звоните, как только положите трубку после разговора с ними. Звоните, пока не дозвонитесь до меня. — Данросс встал. — Извините, ещё довольно много дел.

— О, конечно, конечно! — Потом Мэртаг смущенно добавил: — Скажите, тайбань, я только что услышал про аванс в два миллиона по предложению к «Дженерал сторз». Получить два миллиона от нас к половине десятого в понедельник — это будет похоже на давление.

— Я отчасти предполагал, что у вас возникнет подобное впечатление. К счастью, мистер Мэртаг, я не планировал, что эта скромная сумма наличными будет выплачена из ваших денег. Я знаю за Первым центральным такую склонность — уподобляться мельницам Господним. Они мелют медленно... если только не хотят убраться со сцены, — добавил он, вспомнив, сколько друзей пострадало, когда этот банк лихорадочно свернул свои операции много лет назад. — Не беспокойтесь, мой новый источник внешнего кредита более...

— Что? — побледнел Мэртаг.

— Мой новый источник внешнего финансирования мгновенно реагирует на неожиданные деловые предложения, мистер Мэртаг. На это им потребовалось всего каких-то восемь минут. Похоже, они питают к нам гораздо больше доверия, чем ваши директора.

— Черт возьми, называйте меня Дэйв, тайбань. Дело не в доверии, они... ну... понятия не имеют, что такое Азия. Мне пришлось бы долго убеждать их, что благодаря приобретению контрольного пакета «Дженерал сторз» ваш валовой доход за три года должен удвоиться.

— За один год, — твердо перебил Данросс, наслаждаясь произведенным впечатлением. — И очень жаль, что ваша группа ничего не получит из огромных доходов от этой малой части наших необозримых планов по расширению. Прошу вас, выпейте чаю в ложе. Извините, но мне нужно позвонить. — Он взял Мэртага под локоть, решительно вывел его в коридор и закрыл за ним дверь.

Мэртаг стоял посреди кухни, уставившись на закрытую дверь, под веселый звон тарелок и кантонские ругательства двадцати поваров и их помощников, которые сливались в оглушительный гул.

— Господи Иисусе, — пробормотал он чуть не в панике, — восемь минут? Черт, неужели нашего клиента хотят увести проклятые швейцарцы? — И он неверной походкой побрел прочь.

Тем временем Данросс, сняв трубку своего личного телефона, слушал гудок.

— Вэйийй?

— Мистера Типа, пожалуйста, — тщательно выговаривая слова, произнес он на кантонском. — Это мистер Данросс.

Слышно было, как трубку со стуком положили и раздался резкий вопль ама:

— Телефон! Это вас, Батюшка!

— Кто там?

— Заморский дьявол. Данросс улыбнулся.

— Алло?

— Это Иэн Данросс, мистер Тип. Я лишь справлюсь, как ваше здоровье.

— А-а, да, прошу извинить, не смог приехать. Да. Возникли кое-какие срочные дела, понимаете, да? Да. Очень срочные. О, кстати, как вам не повезло с Ноубл Стар! Только что услышал по радио, что Пайлот Фиш победил с минимальным преимуществом после протеста. В чем заключался протест?

Данросс терпеливо рассказал и ответил на вопросы о покупке контрольного пакета «Дженерал сторз», в восторге оттого, что эта новость уже широко известна.

«Если знает Типтоп, значит, это было опубликовано во всех газетах. Прекрасно», — думал он, ожидая, что Типтоп первым поднимет волнующую их обоих тему, но китаец оказался хитрее.

— Ну, спасибо, что позвонили, тайбань.

— Не за что, — тут же проговорил Данросс. — О, кстати, между нами, насколько я понимаю, полиция, похоже, выяснила, что один из её людей совершил ошибку.

— Ага. Я полагаю, эта ошибка будет немедленно исправлена?

— Могу предположить, что очень скоро, если человек, о котором идет речь, пожелает уйти в отставку и воспользоваться разрешением выехать за границу.

— «Очень скоро» это когда, тайбань?

Данросс тщательно подбирал слова, стараясь выражаться туманно, хотя и официально.

— Существуют некоторые формальности, однако, возможно, их удастся уладить довольно быстро. К сожалению, необходимо проконсультироваться с очень важными персонами. Уверен, что вы меня понимаете.

— Несомненно. Однако могучий дракон не ровня местной змее, хейя? Я так понимаю, что одна из ваших очень важных персон уже в Гонконге. Некий мистер Синдерс.

Данросс даже глазами захолопал, дивясь осведомленности Типтопа.

— Кое-кто уже дал согласие, — сообщил он, встревожившись.

— Мне казалось, что это мало с кем нужно согласовывать. Настоящее золото огня не боится.

— Да. Могу ли я связаться с вами сегодня вечером, чтобы доложить, как продвигается дело?

— Меня можно найти по этому телефону. Пожалуйста, позвоните мне в девять часов. — Типтоп заговорил ещё более сухим тоном: — Насколько я понимаю, вполне возможно, что ваша последняя просьба относительно банковских услуг может быть удовлетворена. Конечно, за предоставление полумиллиона гонконгских долларов наличными любой банк потребовал бы оформленные по всем правилам документы, но, как мне сказали, для предоставления данного займа на тридцать дней достаточно будет печати «Виктории», губернатора и вашей. Эта... незначительная сумма готова и может быть передана, в течение ограниченного срока, в любое время, когда будут выполнены необходимые процедуры. До этого момента все должно храниться в тайне, строжайшей тайне.

— Конечно.

— Благодарю вас за звонок.

Данросс положил трубку и вытер ладони. В мозгу отпечаталось «в течение ограниченного срока». Он понимал — и был убежден, что Типтоп это знает, — две «процедуры», о которых шла речь, тесно связаны, но совсем не обязательны. «Господи Иисусе, обожаю Азию», — довольный, подумал он, выскакивая из комнаты.

В коридорах сновал народ, многие уже толпились у лифтов, торопясь разъехаться по домам. Он заглянул в свою ложу, поймал взгляд Гэваллана.

— Эндрю, спустись на трибуны для членов клуба и поймай Роджера Кросса — он там с человеком по фамилии Синдерс. Спроси, не могли бы они зайти ко мне в ложу на минутку! Быстро!

Гэваллан сорвался с места. Данросс быстро зашагал дальше по коридору мимо

окошек, где делали ставки.

— Тайбань! — окликнула его Кейси. — Мои соболезнования насчет Ноубл Стар! Вы...

— Через минуту вернусь, Кейси. Извините, некогда! — отозвался на бегу Данросс.

У одного из окошек, где получали выигрыши, он заметил Горнта, но это не испортило ему настроения. «Сначала самое важное», — подумал он.

— Ты как хочешь получить десять тысяч? Помнишь наш спор?

— Наличными меня вполне устроит, спасибо, — сказал Горнт.

— Я пришлю их попозже.

— Можно и в понедельник.

— Сегодня вечером. В понедельник я буду занят. — Данросс вежливо кивнул и пошёл дальше.

В переполненной ложе «Виктории» стоял такой же гвалт, как и везде. Здесь выпивали, смеялись, звучали восторженные восклицания и ругательства в адрес Пайлот Фиша, и уже делались ставки на следующую субботу. Появление Данросса вызвало ещё больше восхищенных криков, выражений сочувствия, на него снова посыпался град вопросов. Он как ни в чем не бывало отвечал на них, в том числе и на тот, что задал Мартин Хэпли, стиснутый между дверью и Адрион.

— Ох, отец, как жутко не повезло с Ноубл Стар. Я спустила все, в том числе деньги, выданные мне на месяц!

— Юные леди не должны играть в азартные игры! — ухмыльнулся Данросс. — Привет, Хэпли!

— Могу ли я спросить на...

— Чуть позже. Адрион, дорогая, не забудь про коктейль. Ты хозяйка.

— Ах да, мы там будем. Отец, не мог бы ты выдать мне авансом деньги на следующий ме...

— Конечно, — к её удивлению, проговорил Данросс, на минуту приобняв дочь, и стал протискиваться дальше к стоявшим неподалеку Хэвегиллу и Ричарду Квану.

— Привет, Иэн. Не повезло, конечно, но у Пайлот Фиша, без сомнения, был перевес, — заметил Хэвегилл.

— Согласен. Привет, Ричард. — Данросс передал ему отпечаток фотофиниша. — Чертовски не повезло нам обоим.

Подошли посмотреть другие.

— Боже милостивый, совсем чуть-чуть...

— Я думал, что Ноубл Стар...

Проделав свой отвлекающий маневр, Данросс наклонился к Хэвегиллу.

— Все подписано?

— Да. Двадцать центов на долларе. Он согласился и подмахнул временные документы. Официальные бумаги будут к концу недели. Этот подлец, конечно, пытался кое-что выпросить, но все подписано.

— Чудесно. Ты провел потрясающую сделку.

— Да, — кивнул Хэвегилл. — Да. Я знаю. К ним обернулся Ричард Кван.

— А-а, тайбань. — Он понизил голос до шепота: — Пол сказал вам о слиянии?

— Конечно. Могу поздравить?

— Поздравить? — Эхом отозвался подошедший Сазерби. — Если поздравлять, то с чертовским невезением, вот что я вам скажу! У меня столько было поставлено на Баттерскотч Лэсс!

Все в помещении оживились, потому что вошёл губернатор. Хэвегилл поспешил встречать его. Данросс двинулся следом.

— А-а, Пол, Иэн. Чертовски не повезло, но решение просто отличное! И то и другое. — Лицо сэра Джеффри сделалось суровым, и это ему шло. — Состязание в

следующую субботу наверняка будет захватывающим.

— Да, сэр.

— Пол, вы хотели сделать официальное заявление?

— Да, сэр. — Хэвегилл повысил голос: — Прошу внимания... — Никто даже ухом не повел, пока Данросс не взял ложечку и не постучал ею по заварочному чайнику. Постепенно наступила тишина. — Ваше превосходительство, леди и джентльмены, от имени директоров Гонконгско-Китайского банка «Виктория» имею честь объявить, что достигнуто соглашение о немедленном слиянии с великим гонконгским банком «Хо-Пак». — Мартин Хэпли выронил стакан. — Банк «Виктория» дает полную гарантию сохранности вкладов всем клиентам «Хо-Пак» и...

Остальные слова потонули в громких криках одобрения. На балконах соседних лож вытягивали шеи, стараясь угадать, что происходит. Новость громко передавали тем, кто заглядывал из коридоров, и одобрителные возгласы множилось.

Хэвегилла осаждали вопросами, и он поднял руку, наслаждаясь тем, какой эффект произвело его объявление. Наступила тишина. Сэр Джеффри торопливо произнес:

— От имени правительства Её Королевского Величества должен сказать, что это замечательная новость, Пол. Хорошая для Гонконга, хорошая для банка, хорошая для вас, Ричард, и для «Хо-Пак»!

— О да, сэр Джеффри, — подтвердил Кван, радостно и громко, уверенный, что сделал гигантский шаг к рыцарскому званию. — Я решил, — конечно, вместе с нашими директорами, — я решил, что для «Виктории» будет полезно упрочить свое положение в китайском сообществе и...

Хэвегилл, не церемонясь, поспешно перебил его:

— Ричард, позволь мне закончить официальное объявление, а подробности оставим для нашей пресс-конференции. — Он глянул на Мартина Хэпли. — Мы планируем провести её в понедельник, в полдень, но все детали... э-э... сделки уже согласованы. Верно, Ричард?

Ричард Кван начал было ещё одну вариацию, но под взглядами Данросса и Хэвегилла быстро притих.

— Э-э... да-да, — промямлил он, но, не удержавшись, добавил: — Мне очень приятно, что мы теперь партнеры с «Викторией».

— Извините, мистер Хэвегилл, — быстро выкрикнул Хэпли, — можно вопрос?

— Конечно, — благодушно проговорил Хэвегилл, прекрасно понимая, о чем пойдет речь. «Этот ублюдок Хэпли должен убратся, — думал он, — тем или иным образом».

— Могу ли я спросить, мистер Хэвегилл, как вы предполагаете выплатить деньги всем клиентам «Хо-Пак», а также вашим, «Блэкс» и всех других банков, когда из-за паники в кассе не хватает наличных?

— Это все слухи, мистер Хэпли, слухи, — беззаботно ответил Хэвегилл и добавил, вызвав взрыв смеха: — Запомните: даже целой туче москитов не прогрохотать раскатом грома! Экономика Гонконга крепка как никогда. Что касается так называемой паники, она уже в прошлом. «Виктория» дает гарантию вкладчикам «Хо-Пак», дает гарантию по слиянию «Струанз» и «Дженерал сторз», дает гарантию, что останется в бизнесе ещё на сто двадцать лет.

— Но, мистер Хэвегилл, вы не отве...

— Не волнуйтесь, мистер Хэпли. Давайте прибережем подробности нашего... того, как мы раскрыли над «Хо-Пак» зонтик великодушия, до пресс-конференции в понедельник. — Он тут же повернулся к губернатору: — Прошу извинить, сэр. Я оглашу это публично. — Он протиснулся к двери, и снова послышались приветственные возгласы.

Кто-то запел «Ведь он такой славный парень...»³²⁶. Все подхватили. Шум стоял такой, что можно было оглохнуть. Данросс обратился к Ричарду Квану на кантонском, процитировав старинное выражение:

— «Когда уже достаточно, останавливаются». Хейя?

— А-а, ах да... Да, тайбань. Да, действительно. — Банкир еле выдавил из себя улыбку, поняв скрытую в этих словах угрозу, но тут же напомнил себе, что ему чертовски повезло, что теперь, когда он вошёл в совет директоров «Виктории», Венера Пань наверняка будет стелиться перед ним, и его улыбка стала шире. — Вы правы, тайбань. «Мяса в избытке в красных палатах, и вино там течет рекой!» Мой опыт принесет большую пользу нашему банку, хейя? — И он отошел с важным видом.

— Боже, ну и денек! — пробормотал Джонджон.

— Да-да, чудесный! — воскликнул Мак-Брайд. — Джонджон, дружище, вы должны гордиться Полом.

— Да, конечно. — Джонджон провожал взглядом Хэвегилла.

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Просто устал — работал допоздна.

Джонджон не спал почти всю ночь, прикидывая, как провести слияние безопасно для «Виктории» и для вкладчиков «Хо-Пак». Это была его идея, и сегодня утром он потратил немало утомительных часов на то, чтобы втолковать Хэвегиллу: настало время работать по-новому. «Мы сможем повернуть это, Пол, и получить такой кредит доверия...» — «И создать опасный прецедент! Не думаю, что твоя идея настолько хороша, как ты воображаешь!»

Лишь увидев, какой фурор произвело эффектное объявление Данросса, Хэвегилл изменил свое мнение.

«Ничего, — устало думал Джонджон, — от этого выиграем мы все: „Виктория“, Гонконг, „Хо-Пак“. Мы, без сомнения, лучше распорядимся деньгами инвесторов, акционеров и спонсоров, гораздо лучше, чем Ричард! Став тайбанем, я использую опыт слияния с „Хо-Пак“ для спасения от банкротств в будущем. Под нашим управлением активы „Хо-Пак“ начнут приносить замечательный доход. Как любая из десятка компаний. Даже как „Струанз“!»

Усталость Джонджона как рукой сняло, и он заулыбался.

«Ох, скорее бы понедельник — и открытие торгов!»

В ложе «Струанз» Питер Марлоу, с мрачным видом облокотясь на поручни, смотрел вниз на толпу. С навеса, защищающего ложи, лились потоки дождя. У трех расположенных уступами балконов для голосующих и неголосующих членов такой защиты не было. Мокрых лошадей вели по рампе вниз, забрызганные грязью конюхи вливались в промокшую толпу, растекавшуюся с ипподрома.

— Что с вами, Питер? — спросила Кейси.

— О, ничего.

— Не из-за Флер? Никаких проблем там, я надеюсь?

— Нет.

— Может быть, из-за Грея? Я видела, как вы схватились.

— Нет, Грей здесь ни при чем, хотя он человек невыносимый, невоспитанный и ярый противник всего, что есть ценного. — Марлоу неожиданно улыбнулся. — Мы с ним говорили лишь о погоде.

— Ну да. И то вы выглядели чертовски подавленным. Проиграли в пятом?

— Да, но дело не в этом. Сегодня у меня получилось лучше, чем когда-либо,

³²⁶ Песню «Ведь он такой славный парень...» («For he's a jolly good fellow...») поют в Англии и США, поздравляя с важным событием или достижением.

гораздо лучше. — Он помолчал, а потом обвел рукой логи и все вокруг. — Я размышлял вот о них, о пятидесяти с лишним тысячах китайцев здесь, на ипподроме, и ещё трех-четырех миллионах за его пределами и о том, что за каждым из них богатейшее наследие прошлого и восхитительные тайны, и от каждого можно услышать совершенно фантастический рассказ. Я не говорю уже о двадцати с лишним тысячах европейцев, высокого и низкого положения, здешних тайбанях, пиратах, фрибутерах, которые наживаются на незаконной торговле, бухгалтерях, лавочниках, правительственных служащих. Почему они тоже выбрали Гонконг? И я проникаюсь пониманием того, что, как ни старайся, сколько ни читай, слушай или спрашивай, очень многого о гонконгских китайцах или о самом Гонконге не узнаешь никогда. Никогда. Все это будут лишь поверхностные знания.

— Везде одно и то же, — усмехнулась она.

— О нет, не скажите. Здесь кто только не собрался, со всей Азии. Возьмите, к примеру, вон того типа — что в третьей ложе отсюда, — кругленького такого китайца. Он ворочает миллионами. А жена у него — клептоманка, поэтому, куда бы она ни направлялась, за ней тайно следуют его люди и оплачивают товар каждый раз, когда она что-нибудь стащит. Во всех магазинах знают и её, и его, и все очень цивилизованно — где ещё в мире вы встретите такое? Его отец был кули, а дед — разбойником с большой дороги; а вон его — мандарином, а вон того — крестьянином. Один из мужчин, что рядом с ним, тоже мультимиллионер, нелегально ввозит опиум и другие запрещенные товары в Китай, а его жена... а, ладно, это уже другая история.

— А что это за история? Он улыбнулся.

— У некоторых жен истории не менее завораживающие, чем у их мужей, а иногда и похлеще. Одна из дам, с которыми вы сегодня познакомились, нимфоманка и...

— О, да будет вам, Питер! Правильно Флер говорит, что вы все придумываете.

— Возможно. О да, но некоторые китайские дамы — такие же... такие же хищницы, как все женщины на земле, между нами говоря.

— Уверены, женоненавистник вы этакий?

— Да говорят вот... — Оба рассмеялись. — Вообще-то, они намного умнее нас, китайцы. Мне говорили, что вон те китайские матроны с блуждающим взором предпочитают иметь в любовниках европейцев — для безопасности. Китайцы обожают сплетни, скандалы, и большая редкость найти падкого до любовных утех китайца, который смог бы не разболтать свой секрет или защитить честь дамы. Так что дамы остерегаются, и неспроста. Если поймают, очень плохо придется, действительно очень плохо. Китайский закон весьма суров. — Он вынул сигарету. — Может быть, потому приключение становится более волнующим.

— Любовная связь?

Он наблюдал за ней, размышляя, что бы она сказала, назови он закрепившееся за ней прозвище, — ему восторженно шепнули об этом четверо разных китайских приятелей.

— О да, дамы здесь гуляют всюду, некоторые из них. Взгляните вон туда, видите, в ложе разглагольствует человек в блейзере? Он дай люй *мáo-цзы* — «носит зеленую шапку». Это китайское выражение означает, что он — рогоносец, у его жены есть любовник, его собственный приятель, китаец.

— «Зеленую шапку»?

— Да. Китайцы — удивительный народ! У них потрясающее чувство юмора. Несколько месяцев назад тот самый китаец поместил объявление в одной из китайских газет: «Я знаю, что „ношу зеленую шапку“, а вот жена того, кто мне её доставил, нагуляла аж двоих детей от других!»

Кейси удивленно уставилась на него:

— Вы хотите сказать, что он поставил под этим свое имя?

— О да. Это была анаграмма, обыгрывающая одно из его имен, но все заинтересованные лица поняли, о ком идет речь.

— Что, так и было на самом деле?

— Какое это имеет значение, — пожал плечами Питер Марлоу. — Он утер сопернику нос, и тот задал взбучку неверной супруге.

— Это несправедливо, совсем несправедливо.

— В её случае это было справедливо.

— Но что она сделала?

— Заимела двух сыновей от дру...

— Ой, да ладно, мистер Сказочник!

— Эй, смотрите, доктор Тули!

Она обшарила взглядом дорожку вниз.

— Что-то не очень довольный у него вид.

— Надеюсь, с Травкиным все в порядке. Я слышал, Тули ходил его осматривать.

— Падение было ещё то.

— Да. Ужасно.

И того и другого доктор Тули подробно расспрашивал о здоровье, и они понимали, что над ними по-прежнему витает призрак тифа, а может быть, холеры и, конечно же, гепатита.

— Джосс, — твердо сказал тогда Питер Марлоу.

— Джосс, — эхом повторила она, пытаюсь не переживать из-за Линка.

«Для мужчины это куда опаснее», — думала Кейси, припоминая слова Тули: «Гепатит может испортить вам печень, а если вы — мужчина, то и всю жизнь, навсегда».

Она немного помолчала.

— Питер, создается впечатление, что люди здесь живут как-то увлекательнее. Думаете, дело в том, что это Азия?

— Наверное. Ведь обычаи здесь так отличны. А в Гонконге все самое-самое. Я считаю, что Азия — центр мира, а Гонконг — его сердцевина. — Питер Марлоу махнул рукой, отвечая кому-то в другой ложе, кто приветствовал Кейси. — Вот ещё один ваш поклонник.

— Ландо? Очаровательный мужчина.

Кейси провела с ним некоторое время в перерыве между забегами.

— Вы должны приехать в Макао, мисс Чолок. Может, у нас получится поужинать завтра? В половине восьмого будет удобно? — Мата произнес это с изумительным шармом Старого Света, и Кейси очень быстро поняла, что он имел в виду.

Во время ланча Данросс предупредил её насчет португальца. «Он хороший парень, Кейси, — деликатно сказал тайбань. — Но если ты чужестранец, гуйлао, а в особенности такая красавица, как вы, да ещё первый раз в Азии, лучше не забывать об осторожности, даже если тебе больше восемнадцати». «Поняла, тайбань», — усмехнулась она.

Но сегодня, в безопасности ложи «Струанз», она позволила Мате очаровывать себя. Оставшись в одиночестве, она снова выстроит свои оборонительные порядки, как и завтра вечером.

— Посмотрим, Ландо, — обронила она. — Почему не поужинать? Смотря когда я вернусь с морской прогулки. Пока не ясно, состоится она или нет — из-за погоды.

— А с кем вы едете? С Тайбанем?

— С друзьями.

— Ага. Ну, если не в воскресенье, дорогая, тогда, может, получится в понедельник? При желании вы с мистером Бартлеттом откроете здесь и в Макао бездну деловых возможностей. Можно мне позвонить завтра в семь и узнать, будете ли вы свободны?

«Так или иначе я с ним справлюсь, — успокаивала она себя, и эта мысль грела. — Хотя нужно быть осторожнее с вином и, может даже, водой на случай старого доброго „микки финна“³²⁷».

— Питер, а здешние мужчины, искатели любовных приключений, — они используют «микки финн»?

— Вы имеете в виду Мату? — прищурился он.

— Нет, вообще.

— Я сомневаюсь, что китаец или евразиец подсунет «микки финн» гуйлао, если вы об этом. — Он нахмурился, и лицо у него покрылось морщинами. — Скажу лишь, что вам тем не менее следует быть поосмотрительнее с ними и с европейцами. Если откровенно, вы будете у них в списке одной из первых. В вас есть что-то такое, от чего большинство из них падает в обморок от возбуждения.

— Ну спасибо! — Она оперлась на перила балкона, довольная комплиментом. «Вот бы Линк был здесь. Терпение». — А это кто? — спросила она. — Старик, что так и пожирает глазами молодую девушку? Внизу на первом балконе. Смотрите, он её за задницу лапает!

— А-а, это один из местных пиратов — Четырехпалый У. А девица — Венера Пань, звезда местного телевидения. Молодой человек, что беседует с ними, — его племянник. Вообще-то, поговаривают, что он его сын. У этого парня диплом Гарвардской школы бизнеса и американский паспорт. Такой смысленный, что на ходу подметки рвет. Старик Четырехпалый — ещё один здешний мультимиллионер, по слухам, занимается контрабандой, золотом и всем остальным. Кроме законной жены у него три наложницы разного возраста, а теперь он ухлестывает за Венерой Пань. Она была подружкой Ричарда Квана. Была. Но, возможно, теперь, после слияния с «Викторией», бросит Четырехпалого и вернется к банкиру. Живет Четырехпалый на старой гнилой джонке в Абердине, а свои несметные богатства держит под спудом. А-а, взгляните-ка вон туда! Сморщенный старик и женщина, с которыми разговаривает Тайбань.

Она проследила за направлением его взгляда — ложа через одну.

— Это ложа Шити Чжуна, — пояснил он. — Шити — прямой потомок Мэй-мэй и Дирка через их сына Дункана. Тайбань когда-нибудь показывал вам портреты Дирка?

— Да. — Она чуть поежилась, вспомнив нож Карги, вонзенный в портрет её отца, Тайлера Брока. Кейси раздумывала, сказать об этом Питеру или нет, и решила, что не стоит. — Сходство необычайное.

— А то нет! Вот бы мне попасть в Долгую галерею. Ну да ладно, эта пожилая чета, с которой он сейчас разговаривает, снимает двухкомнатную квартиру на шестом этаже в доме без лифта в Глессингз-Пойнт. А между тем они — владельцы огромного пакета акций «Струанз». Перед ежегодным собранием совета директоров действующему тайбаню всякий раз приходится идти к ним на поклон и ломать шапку, испрашивая право голосовать их акциями. Это право неизменно предоставляется, как изначально повелось, но все же он должен приходить лично.

— А почему так?

— Того требуют приличия. А ещё из-за Карги. — Мимолетная улыбка. — Это была великая женщина, Кейси. О, как бы мне хотелось быть знакомым с ней! Во время «боксерского восстания» — восстания ихэтуаней на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков, — когда в Китае полыхал пожар очередной войны, эти наводившие на всех ужас ихэтуани получали определенную финансовую поддержку от Цы Си,

³²⁷ «Микки финн (или просто «микки») — жаргонное название напитка, в который без ведома клиента добавлен наркотик с целью лишить его дееспособности. По имени владельца и бармена одного из заведений в Чикаго, который таким образом грабил беспомощных клиентов с 1896 по 1903 г.

вдовствующей старухи императрицы³²⁸, и, конечно же, поощрялись ею. Они называли себя «Кулак во имя гармонии и справедливости», и боевой клич у них был: «Защитим династию Цин и убьем всех заморских дьяволов!» Тут, Кейси, надо взглянуть правде в глаза: европейские державы вместе с Японией здорово расчленили Китай. Так вот, ихэтуани набросились на все иностранные торговые дома, на сэттльменты, которые не имели защиты, и уничтожили их. Разграбили они и все владения Благородного Дома в Пекине, Тяньцзине, Фучжоу и Кантоне. Благородный Дом оказался в ужасном положении. В то время обязанности тайбаня снова номинально выполнял старый сэр Лохлин Струан — последний сын Робба Струана, сухорукий от рождения. Он стал тайбанем после Кулума. Карга назначила его на этот пост, когда ему было восемнадцать, сразу после смерти мужа, а потом после того, как погиб в море Дирк Данросс, и он без неё не смел и шагу ступить до самой своей смерти в пятнадцатом году. Ему было тогда семьдесят два.

— Откуда у вас все эти сведения, Питер?

— Придумываю, — величественно произнес он. — Так что Карге срочно нужны были деньги, и немалые. Множество ценных бумаг «Струанз» приобрел дед Горнта, из-за чего возникший было подъем деловой активности сменился спадом. Никаких обычных источников финансирования не имелось, и занять ей было негде, потому что вся Азия — все хонги — находились в одинаково стесненном положении. А отец человека, с кем сейчас беседует Тайбань, был Королем Нищих в Гонконге. Когда-то нищенство тут процветало. И вот, рассказывают, что Король Нищих явился к Карге. «Желаю купить пятую часть Благородного Дома, — объявил он с большим достоинством. — Продадите? Предлагаю двести тысяч таэлей серебром», а это была как раз та сумма, которая требовалась Карге, чтобы выкупить её бумаги. Они поторговались для приличия, и он остановился на десятой части, на десяти процентах, и это была невероятно честная сделка, потому что и тот и другой понимали: за эту сумму он мог получить процентов тридцать-сорок, ибо к тому времени Карга уже пришла в отчаяние. Он не потребовал никакого контракта — лишь оттиск её печати и обещание, что каждый год она или тайбань будут являться к нему или к его потомкам, где бы те ни жили, и спрашивать разрешения на голосование их акциями.

«Пока тайбань просит об этом, право на голосование будет предоставлено».

«Но почему, Досточтимый Король Нищих? Зачем тебе нужно спасать меня от моих врагов?» — спросила Карга.

«Потому что твой свекор, старый Зеленоглазый Дьявол, когда-то спас репутацию моего деда и помог ему стать первым Королем Нищих Гонконга».

— И вы во все это верите, Питер? — вздохнула Кейси.

— О да. — Он обвел взглядом Хэппи-Вэлли. — Когда-то здесь было малярийное болото. Дирк и его привел в порядок. — Он затянулся сигаретой. — В один прекрасный день я напишу книгу о Гонконге.

— Если будете курить и дальше, не напишете ничего и никогда.

— Намек понял. О'кей, брошу. Сейчас же. На сегодня. Потому что вы такая красивая. — Он затушил сигарету. Ещё одна улыбка, но уже другая. — И-и-и, а ведь я мог бы рассказать вам немало любопытного о многих, кого вы встретили сегодня. Но не стану: это нечестно, неправильно. Того, что было на самом деле, я никогда не расскажу, хотя знаю очень много!

Кейси рассмеялась вместе с ним и перевела взгляд со странной пожилой четы вниз, на другие трибуны. И тут же невольно ахнула. Под балконом лежали члены клуба

³²⁸ Вдовствующая императрица Цы Си (1835-1908) — могущественная представительница маньчжурской династии Цин, фактически правившая Китаем с 1861 г. до своей смерти.

она увидела Орланду. А возле неё, совсем близко, Линка. Даже с такого расстояния трудно было не заметить, что эти двое счастливы вместе.

— Что слу... — начал Питер Марлоу и осекся, тоже увидев их. — О! Не стоит беспокоиться.

Помолчав, она отвернулась.

— Питер, вы говорили об услуге. Могу я попросить о ней сейчас?

— Чего вы хотите?

— Я хочу знать все про Орланду.

— Чтобы уничтожить её?

— Чтобы защититься. Чтобы защитить от неё Линка.

— А может, он не хочет, чтобы его защищали, Кейси.

— Клянусь, я никогда не воспользуюсь этим! Как перед Богом... Если только не почувствую, что это необходимо.

Марлоу вздохнул.

— Мне очень жаль, — с огромным сочувствием произнес он, — но то, что я могу рассказать о ней, вряд ли послужит защитой вам или Линку. Или позволит уничтожить Орланду, лишить её лица. Да и знай я что-нибудь эдакое, все равно не стал бы рассказывать, Кейси. Это было бы непорядочно. Верно ведь?

— Да, и все же я прошу вас! — Она неотрывно смотрела на него, не ослабляя натиска. — Вы говорили про услугу. Когда вам понадобилась помощь, я пришла. Теперь помощь нужна мне. Пожалуйста!

Он долго глядел на неё.

— А что вам известно об Орланде?

Она рассказала — про Горнта, про Макао, про ребенка.

— Тогда вы знаете все, что знаю я. И наверное, вам следует её пожалеть.

— С какой стати?

— Потому что она — евразийка, одинокая, беспомощная, чья единственная поддержка — Горнт, а это так же ненадежно, как и все остальное в этом мире. Орланда живет на острие ножа. Она молода, красива и заслуживает того, чтобы у неё было будущее. Здесь у неё никакого будущего нет.

— Кроме Линка?

— Кроме Линка или кого-то вроде него. — Глаза Питера Марлоу отливали стальным блеском. — Возможно, для него это было бы не так уж и плохо.

— Потому что она азиатка, а я нет? Снова эта непонятная улыбочка.

— Потому что она женщина, и вы тоже, но все карты на руках у вас. Единственное, что нужно решить для себя, нужна ли вам война с Орландой.

— Будьте откровенны со мной Питер, пожалуйста. Я прошу вас. Что вы мне посоветуете? Я просто в панике — вот, признаюсь вам в этом. Пожалуйста.

— Хорошо, но не будем считать это услугой, которую я вам должен. Ходят слухи, что вы с Линком не любовники, хотя очевидно, что вы любите его. Говорят также, что вы вместе уже шесть или семь лет и очень близки, но не связаны формальными узами. Он потрясающий мужчина, вы — потрясающая женщина, из вас вышла бы замечательная пара. Главное слово здесь — пара, Кейси. Возможно, деньги, власть и «Пар-Кон» вам нужны больше, чем Линк. Вот в чем ваша проблема. Не думаю, что вы сможете иметь и то и другое.

— А почему?

— Сдается мне, что вам надо выбирать: или «Пар-Кон», власть, богатство и Бартлетт в качестве друга, или вы — миссис Линк Бартлетт и ведете себя так, любите так, как вела бы себя, как любила бы — и в том, черт возьми, нет никакого сомнения — Орланда. В любом случае надо идти до конца. И вы, и Линк слишком сильные личности и, вероятно, слишком часто проверяли друг друга, чтобы обманываться. У него уже был развод, поэтому он настороже. У вас прошел возраст слепой,

Джувьеттиной любви, значит, вы тоже начеку.

— Вы ещё и психолог?

— Нет, и не отец-исповедник, — усмехнулся он, — хотя мне нравится узнавать людей, выслушивать признания, но читать нравоучения и тем более давать советы — слуга покорный! Это самое неблагодарное занятие в мире.

— Значит, компромисса не существует?

— Думаю, что нет, но не забывайте: я не вы. У вас собственная карма. Независимо от Орланды. Если не она, будет другая женщина, лучше или хуже, может, более красивая, а может быть, и нет, потому что, как ни посмотри, Орланда — роскошная женщина, которая имеет все, чтобы сделать мужчину счастливым, чтобы он был всем доволен и жил как мужчина. Извините, не хотелось, чтобы вы сочли меня поборником мужского превосходства, но раз уж вы спрашиваете, я посоветовал бы вам принять решение, и сделать это как можно скорее.

В ложу Шити Чжуна торопливо вошёл Гэваллан и направился к Данроссу.

— Добрый день, — вежливо поздоровался он с пожилой четой. — Прошу прощения, тайбань, но Кросс и тот, второй, которых вы хотели видеть, уже уехали.

— Проклятье! — Данросс на секунду задумался, потом извинился и вышел вместе с Гэвалланом. — Ты будешь на коктейле?

— Да, если ты этого хочешь, хотя боюсь, сейчас я не очень-то подхожу для компании.

— Давай заглянем сюда на минуту. — Данросс первым зашел в свою личную комнату. Стол был накрыт для чая, в ведерке стояла бутылка «Дом Периньон».

— Что-то отмечаем? — спросил Гэваллан.

— Да. Три вещи: покупку контрольного пакета «Дженерал сторз», спасение «Хо-Пак» и начало новой эры.

— Вот как?

— Да. — Данросс начал открывать бутылку. — Например, ты: я хочу, чтобы в понедельник вечером ты вылетел в Лондон с детьми. — Глаза Гэваллана расширились, однако он ничего не сказал. — Я хочу, чтобы ты проведal Кэти, встретился с её специалистом, а потом отвез её и детей в Эвисъярд-Касл. Я хочу, чтобы ты занял Эвисъярд на шесть месяцев, а возможно, на год или два. На шесть месяцев точно — занимай весь восточный флигель. — Гэваллан ахнул. — Ты возглавишь новое подразделение, очень секретное. О нем не должен знать ни Аластэр, ни мой отец, ни один из членов семьи — включая Дэвида. Никто, кроме меня.

— Что за подразделение? — На лице Гэваллана был написан восторг и счастье.

— Есть один человек. Я хочу, чтобы ты поближе познакомился с ним сегодня вечером, Эндрю. Джейми Кирк. Жена его — особа несколько бесцеремонная, но ты пригласи их в Эвисъярд. Я хочу, чтобы ты незаметно обосновался в Шотландии, в частности в Абердине. Хочу, чтобы ты потихоньку покупал недвижимость: участки под промышленную застройку, причальные сооружения, земли, подходящие для строительства аэропортов, посадочные площадки для вертолетов рядом с портом. Там порт есть?

— Господи, тайбань, откуда мне знать? Я там никогда не был.

— Я тоже.

— Как?

Данросс рассмеялся при виде изумленного лица Гэваллана.

— Не переживай. Твой начальный бюджет составит миллион фунтов стерлингов.

— Господи, откуда, черт возьми, этот миллион во...

— Не беспокойся! — Данросс вытащил пробку, аккуратно придержал её, чтобы

не вылетела с хлопком, и разлил светлое сухое вино. — В ближайшие шесть месяцев ты получишь миллион фунтов стерлингов. В течение ближайших двух лет — ещё пять миллионов фунтов.

Гэваллан совсем растерялся.

— Я хочу, чтобы за это время Благородный Дом — незаметно так — стал силой в Абердине, чтобы мы владели лучшими землями, пользовались влиянием на городской совет. Я хочу, чтобы ты стал лэрдом Абердина — а также земель, лежащих к западу от него, до Инвернесса, и к югу, до Данди. За два года. Сумеешь?

— Да, но... — Гэваллан беспомощно остановился. Ему всю жизнь хотелось уехать из Азии. Кэти и детям — тоже, но возможности никак не представлялось, и никто об этом даже не помышлял. И вот эта несбыточная мечта становится реальностью по воле Данросса, а он никак не может поверить своему счастью. — Но зачем?

— Поговори с Кирком, очаруй его жену и помни, парнишка: рот на замке. — Данросс подал ему бокал и другой взял себе. — Ну, за Шотландию, за новую эру и за твои новые владения! — И добавил про себя: «И за Северное море! Призываю всех богов в свидетели: Благородный Дом приступает к реализации „экстренного плана номер один"».

67

17:50

Трибуны уже опустели, там бродили одни уборщицы, и в большинстве лож было темно. Дождь низвергался с небес плотной стеной. Близились сумерки. Вокруг ипподрома все дороги были забиты машинами. Тысячи людей брели домой, промокшие до нитки, но на душе у них было легко. В следующую субботу снова скачки, и снова пятый забег, и, о-хо-хо, великие хонги попытаются одолеть друг друга, и на этот раз сам Тайбань наверняка поскачет на Ноубл Стар, а Черная Борода, возможно, на Пайлот Фише, и оба эти дьявола-гуйлао убьются нам на потеху.

Выезжавший из клубных ворот «роллс-ройс» окатил грязной водой нескольких пешеходов, и вслед ему понесся целый поток непристойных ругательств, но на самом деле всем китайцам было на это наплевать.

«Настанет день, и у меня будет такой, — думал каждый. — Все, что мне нужно, это лишь чуть-чуть, ети его, джосса. Немного джосса в следующую субботу, и у меня хватит денег, чтобы купить клочок земли или квартиру, которую можно сдавать в аренду, обменять на часть высотного дома, заложить против акра земли в Централ. И-и-и, вот славно будет разъезжать в своем „роллс-ройсе" со счастливым номером, как этот!

Видел, кто проехал в нем? Таксист Ток. Семь лет назад он водил бопи, нелегальное такси, и в один прекрасный день на заднем сиденье нашел десять тысяч гонконгских долларов. Ток спрятал их на пять лет, пока не вышел срок давности, а потом вложил деньги в ценные бумаги и во время бума три года назад получил огромную прибыль. И стал покупать квартиры.

И-и-и, бум! Помнишь, что написал о грядущем буме в своей колонке Старый Слепец Дун? Но как быть с крахом фондового рынка и банковской паникой?

Аиййя, все это уже в прошлом! Разве ты не знаешь потрясающие новости? Великий Банк покупает контрольный пакет „Хо-Пак" и принимает на себя все долги Банкира Квана. А о покупке Благородным Домом „Дженерал сторз" слышал? Обе эти прекрасные новости объявили на скачках сегодня.

Такого никогда ещё не было. Это странно. Очень странно. Ты не думаешь... Ети всех богов! Неужели все это гнусный заговор грязных заморских дьяволов, придуманный, чтобы манипулировать рынком и лишать нас законных прибылей?

О-хо-хо, согласен! Да, наверняка это гнусный заговор! Слишком много, эти его, совпадений! Ох эти хитрющие варвары, ужасный народ! Слава богам, я понял это, значит, смогу быть наготове! Так, что мне нужно сделать...»

Они направлялись домой, но душа каждого была охвачена растущим возбуждением. Большинство уходили с ипподрома беднее, чем пришли, но некоторые стали гораздо богаче. Одним из таких счастливицов был Очкарик У, констебль из Восточного Абердина. Кросс разрешил ему сходить на скачки, приказав вернуться в четверть седьмого, когда начнется новый допрос клиента. Предполагалось, что Очкарик У станет переводить с диалекта нинток. Вспомнив, как быстро великий Брайан Квок выболтал тайны из тайн, молодой человек поежился, а его «тайный мешочек» похолодел.

«Айийя, — воскликнул он про себя, исполненный суеверного страха. — Эти варвары с розовой кожей — настоящие дьяволы. Они умеют вертеть нами, цивилизованными людьми, как хотят и сводить нас с ума. Но если я стану сотрудником Эс-ай, это послужит мне защитой и откроет кое-какие их секреты, и с этими секретами и секретами других заморских дьяволов я стану одним из прародителей!»

Лицо его расплылось в улыбке. Джосс Очкарика переменялся с тех пор, как он поймал ту старую ама. Сегодня боги проявили к нему немалую благосклонность. Он угадал одну кинеллу, двойную дневную и трех лошадей, занявших призовые места, каждый раз снова вкладывая то, что выиграл, и теперь стал богаче на пять тысяч семьсот пятьдесят три гонконгских доллара. Эта сумма уже была распределена. Он даст денег Пятому Дядюшке на покупку подержанного станка для штамповки пластика, чтобы открыть фабрику по производству пластиковых цветов в обмен на пятьдесят один процент прибыли, ещё тысяча пойдет на строительство двух жилищ в зоне переселенцев, чтобы сдавать их в аренду, и последняя тысяча — на следующую субботу!

Оглушительно просигналил «мерседес», и Очкарик У аж подпрыгнул. Он успел разглядеть человека на заднем сиденье: это был Роузмонт, варвар из ЦРУ, у которого денег на расходы просто немерено. «Какие же они наивные, эти американцы», — думал У.

В прошлом году, когда вместе с потоком переселенцев, хлынувшим через границу, прибыли его родственники, он посылал их дежурить к американскому консульству, каждый месяц под другим именем, с новой легендой, чтобы они влились в растущие ряды постоянно отирающихся там «рисовых христиан» или, если выразиться точнее, «рисовых антикоммунистов».

Получить в американском консульстве бесплатный обед или милостыню совсем несложно. Нужно лишь сделать вид, что ты напуган, и сбивчиво рассказать, что только что пересек границу, что ты убежденный противник председателя Мао и что в твоей деревне коммунисты творят такие-то и такие ужасные вещи.

Американцы с удовольствием будут слушать о передвижениях частей Народно-Освободительной армии Китая, действительных или придуманных. О, с какой готовностью они все это записывают и просят рассказать ещё! Любую информацию, самую дурацкую, которую можно узнать из газет, они считают очень ценной. Надо только произнести её таинственным шепотом и выпучить при этом глаза.

Три месяца назад Очкарику У пришла в голову гениальная мысль. Вместе с четырьмя членами своего клана, один из которых работал журналистом в кантонской коммунистической газете, Очкарик У предложил Роузмонту — конечно, через доверенных посредников, чтобы его и родственников нельзя было вычислить, — ежемесячную сводку разведданных под кодовым названием «Фридом файтер» — «Борец за свободу», — секретный доклад, об обстановке за «бамбуковым

частоколом» в самом Кантоне и его окрестностях.

Чтобы доказать, что информация качественная, Очкарик У уступил первые два доклада бесплатно: когда желаешь поймать могучего тигра, стоит принести в жертву краденого ягненка. Если ЦРУ признает доклады приемлемыми, за следующие три назначалась цена в тысячу гонконгских долларов за каждый, а если и эти окажутся в равной степени ценными, то можно будет говорить о годовом контракте.

Первые два получили такую высокую оценку, что тут же договорились о пяти докладах по две тысячи долларов каждый. На следующей неделе «борцы за свободу» должны были получить первый гонорар. О, как они поздравляли друг друга!

Материал для докладов был отобран из трех десятков кантонских газет, которые каждый день доставляли на поезде из Кантона, привозившем также свиней, птицу, самые разные продукты. Их без труда можно было купить в газетных киосках Ваньчая. Требовалось лишь тщательно прочитать и, опуская коммунистическую риторику, переписать статьи об урожае, строительстве, экономике, партийных назначениях, рождениях, смертях, приговорах, вымогательстве и местном колорите — все, что казалось интересным. Очкарик У эти истории переводил, а подбирали их остальные.

Он ощутил огромное удовлетворение. Затея с «Фридом файтером» заключала в себе огромный потенциал. А издержек почти никаких. «Но иногда не мешает сделать несколько ошибок, — поучал родичей Очкарик У, — а то и пропустить месяц: „К сожалению, наш агент в Кантоне убит за то, что передавал государственные тайны...“».

«О да. Вскоре я стану полноправным членом Эс-ай, и меня научат, как должен работать разведчик. Тогда я наостроюсь получше подавать ЦРУ информацию из газет. Может быть, мы расширим свою „сеть“, состряпаем доклад из Пекина и ещё один из Шанхая. Мы можем получать позавчерашние пекинские и шанхайские газеты, и это тоже не потребует особого труда и серьезных вложений. Благодарение все богам за американское любопытство!»

Громко сигналя, мимо проехало по лужам такси. Очкарик притормозил, чтобы пропустить его, потом снова влился в толпу, которая валила вдоль высокого забора, огораживающего ипподром, не обращая внимания на ругательства, гудки автомобилей и шум. Он посмотрел на часы. «Времени ещё полно. До Главного управления не так уж далеко».

Дождь усилился, но Очкарик не чувствовал его, выигрыш грел карман, идти с ним было легче. Он расправил плечи. «Будь сильным, будь мудрым, — приказал он себе. — Сегодня нужно быть начеку. Меня могут спросить, что я думаю. Я знаю: красный суперинтендент Брайан Квок то тут, то там подвирает и преувеличивает. А что касается атомного оружия, так что в этом особенного? Конечно, у Серединного государства будет свое атомное оружие. Любой дурак знает о том, что уже не один год происходит в Синьцзяне около озера Бостенху. И конечно, у нас скоро будут свои ракеты и спутники. Конечно! Мы что, не цивилизованные люди? Разве не мы изобрели порох и ракеты, но перестали пользоваться ими тысячелетия назад, считая варварскими?»

По другую сторону забора женщины-уборщицы рылись в оставленном тысячами людей и раскисшем от дождя мусоре, терпеливо перетряхивая его в надежде обнаружить потерянную монету или кольцо, авторучку или бутылки, которые можно продать за пару медяков. Около груды мусорных бачков, укрывшись от дождя, лежал человек.

— Вставай, старик! Здесь спать нельзя, — бесцеремонно потрянула его уборщица. — Пора домой!

Дрогнувшие веки старика на миг приподнялись, он начал было вставать, но замер, глубоко вздохнул и осел как тряпичная кукла.

— Айийя, — пробормотала Однозубая Ян. За свои семьдесят лет она повидала достаточно смертей, чтобы понять: это конец. — Эй, Младшая Сестра! — вежливо позвала она свою подругу и напарницу. — Подойди сюда! Этот старик мертв.

Подруга, шестидесяти четырех лет, согнутая и морщинистая, тоже была ещё полна сил и тоже притащилась в Гонконг из Шанхая. Появившись откуда-то из дождя, она устала на старика.

— Похоже, нищий.

— Да. Лучше сказать десятнику. — Встав на колени, Однозубая Ян тщательно прошлась по рваным карманам. Там завалилось всего три гонконгских доллара мелочью, и больше ничего. — Небогато, — вздохнула она. — Ну, ничего. — И Ян поделила мелочь поровну. Многие годы они делили между собой все, что находили.

— А что это у него в левой руке? — спросила подруга. Однозубая Ян разогнула пальцы руки, больше похожей на когтистую лапу.

— А-а, какие-то билеты. — Она поднесла бумажки к глазам и быстро пробежалась по ним взглядом. — Двойная кинелла... — начала она и вдруг захихикала. — И-и-и, этот старый дуралей выиграл первый этап и проиграл второй... Он поставил на Баттерскотч Лэсс! — Обе стали истерически смеяться над проделкой богов.

— Должно быть, бедного старикана хватил удар — меня бы тоже хватил! Айийя, оказаться так близко и так далеко, Старшая Сестра.

— Джосс. — Однозубая Ян снова хихикнула и швырнула билеты в мусорный бачок. — Боги есть боги, а люди есть люди, но, и-и-и, могу представить, отчего умер бедный старик. Я бы тоже умерла! — Обе старухи снова засмеялись, хотя в душе переживали чужую неудачу, и старшая стала тереть грудь, чтобы облегчить боль. — Айийя, мне бы нужно принять снадобье. Иди скажи про старика десятнику. Младшая Сестра, и-и-и, как я устала сегодня. Надо же, так не повезло! Он был близок к тому, чтобы стать миллионером, и что теперь? Джосс! Иди скажи десятнику. Что-то устала я сегодня, — дрожащим голосом повторила она, опершись на грабли.

Её подруга пошла прочь, поражаясь на богов и то, как быстро они дают или отбирают. «Если они вообще существуют, — думала она, уходя. — А-а, джосс!»

Голова болела, но Однозубая Ян продолжала работать. Убедившись, что осталась одна и за ней никто не следит, она метнулась к мусорному бачку и лихорадочно собрала те самые выброшенные билеты, и сердце у неё колотилось как никогда в жизни. Волнуясь, она проверила, не обманывают ли её глаза, правильные ли номера на билетах. Никакой ошибки. Все билеты были выигрышные.

Она так же лихорадочно запихнула их в карман, удостоверившись, что по неосторожности не оставила ни одного в бачке. Проворно набросав сверху ещё мусора, подняла бачок и вывалила его содержимое в другой. В голове при этом бился крик: «Завтра я смогу получить по ним деньги. У меня ещё есть на это три дня! О благословение всем богам, я богата, богата, богата! Там должно быть сто или двести билетов, по пять гонконгских долларов каждый, и по каждому выплачивается двести шестьдесят пять гонконгских долларов... То есть, если билетов сто, это будет двадцать шесть с половиной тысяч гонконгских долларов, а если двести — пятьдесят три тысячи гонконгских долларов...»

У неё закружилась голова, и она присела на корточки рядом с трупом, опершись на стену и не замечая его. Она понимала, что сейчас не осмелится пересчитывать билеты, на это не было времени. Дорогá была каждая секунда. Следовало подготовиться.

— Будь осмотрительнее, дура старая, — пробормотала она вслух и тут же чуть не ударилась в панику.

«Перестань говорить вслух! Будь осторожна, или Младшая Сестра заподозрит... О-хо-хо, а что, если она сейчас делится с десятником своими подозрениями? Ох, что

же мне делать? Удача улыбнулась мне, я обнаружила этого старика... Айийя, как же быть? Они ведь могут и обыскать меня. Если увидят в таком состоянии, наверняка заподозрят...»

Голова раскалывалась от ужасной боли, волной накатила тошнота. Рядом были туалеты. Она с трудом встала на ноги и поковыляла туда. За её спиной рылись в мусоре и наводили порядок остальные уборщицы. Завтра все они придут сюда снова, потому что работы останется ещё много. Ей нужно выйти на работу в девять утра. В пустой туалетной комнате она вытащила билеты, завернула их в тряпицу, нашла в стене шатающийся кирпич и положила сверток за него.

Только благополучно выйдя на улицу, она снова смогла свободно дышать. Подошел десятник с её подругой. Внимательно осмотрел старика, тщательно обыскал его карманы и нашел сложенный кусок фольги, который они не заметили. В нем была щепотка «белого порошка».

— С этого можно получить два гонконгских доллара, — сказал он, прекрасно зная, что доза стоит все шесть долларов четыре цента. — Мы их разделим: семьдесят процентов мне, тридцать вам двоим.

Однозубая Ян для приличия поспорила. Договорились, что он постарается выручить три доллара десять центов, шестьдесят процентов оставит себе, сорок отдаст им. Удовлетворенный, он удалился.

Когда женщины снова остались одни, старуха помоложе стала просеивать мусор.

— Что ты делаешь? — спросила Однозубая Ян.

— Да вот хочу проверить билеты, Старшая Сестра. Зрение-то у тебя не очень.

— Ну давай, — пожала плечами Однозубая Ян. — Здесь я уже убрала, пойду вон туда. — Своим грубым пальцем она указала на груды мусора под рядом сидений.

Другая старуха поколебалась, а потом потащила за ней, и теперь Однозубая Ян чуть не фыркала от радости, понимая, что она в безопасности.

«Завтра снова зайду туда. Скажу, что с желудком нехорошо. Заберу свое богатство и домой. Ну и что же мне делать с такой кучей денег?

Первым делом надо заплатить аванс за два платья как у гуйлао для Третьей Внучки взамен на половину её доходов за первый год. Она станет прекрасной шлюхой в дансинге „Гуд лак“.

Второй Сын больше не будет горбатиться чернорабочим на стройке на Коутуолл-роуд. Он, Пятый Племянник и Второй Внук станут строителями. В течение недели мы внесем аванс за участок земли и начнем строить дом...»

— Ты, похоже, очень довольна, Старшая Сестра.

— Ох, Младшая Сестра, конечно. Кости болят, мигрень, как всегда, мучает, желудок расстроен, но я жива, а тот старик мертв. Это урок богов. Беру всех богов в свидетели: когда я сначала увидела его, в самый первый раз, решила, что это мой муж. Он умер, когда мы бежали из Шанхая пятнадцать лет назад. Ну, думаю, привидение! Чуть богу душу не отдала: ведь они с этим стариком ну просто близнецы!

— Айийя, какой ужас! Какой ужас! Привидения! Все боги обороните нас от привидений!

«О да, — думала Однозубая Ян, — привидения — вещь ужасная. Так о чем это я? О да... Тысячу оставлю на кинеллу на следующую субботу. А из того, что выиграю, куплю... Зубы себе вставлю! И-и-и, вот будет здорово», — хотелось ей крикнуть вслух, и от сдерживаемого удовольствия она чуть не грохнулась в обморок.

Всю жизнь, всю её жизнь, с четырнадцатилетнего возраста, когда приклад маньчжурской винтовки вышиб ей зубы во время восстания против иноземной династии Цин, её называли Однозубой. Ян всегда терпеть не могла эту кличку.

«Но теперь... о боги, будьте свидетелями! С того, что выиграю в следующую

субботу, вставлю зубы, а ещё куплю две свечи и зажгу в ближайшем храме в благодарность за такой хороший джосс».

— Я сейчас упаду, Младшая Сестра, — простонала она, действительно чуть не теряя сознание от восторга. — Не могла бы ты принести мне воды?

Та, ворча, пошла за водой. Однозубая Ян на минуту присела и позволила себе расплыться в довольной улыбке, ощупывая языком десны.

«И-и-и, когда я выиграю, а выиграю я довольно много, поставлю себе один золотой зуб, прямо по центру. Как бы не забыть... Златозубая Ян — звучит неплохо, — думала она и мудро не стала произносить это вслух, хотя была совершенно одна. — Да-да, Досточтимая Златозубая Ян, основательница империи „Ян констракшнз“...»

68

18:15

Суслев неудобно скрючился на переднем сиденье маленького автомобиля, принадлежавшего Эрни Клинкеру. Они тащились вверх по склону. Все окна запотели, а дождь лил сильнее и сильнее. Смытые с крутых отрогов грязь и камни делали езду опасной. По дороге они уже видели две небольшие аварии.

— Боже мой, святые угодники... Может, лучше заночуешь у меня, старина? — предложил Клинкер. Вести машину было тяжело.

— Нет, не сегодня, — раздраженно буркнул Суслев. — Я уже говорил, что обещал Джинни, а сегодняшняя ночь — последняя.

С того времени как полиция нагрянула на судно, Суслев пребывал в ярости и никак не мог избавиться от непривычного страха. Он страшился вызова в Главное управление полиции, и катастрофических последствий перехвата расшифрованной радиোগраммы, и возможного неудовольствия Центра — из-за потери Воранского, приказа убираться из Гонконга, уничтожения радиооборудования и того, что случилось с Меткиным. А теперь ещё должен прибыть Коронский, и, возможно, придется похищать Данросса. «Слишком много пошло наперекосяк в этом рейсе, — думал он, холодея. — И я слишком долго играю в эту игру, чтобы тешить себя иллюзиями». Его не успокоил даже разговор по телефону с Кроссом во время пятого заезда.

— Не волнуйся, это обычный вызов, Грегор. Несколько вопросов о Воранском, Меткине и тому подобном, — сказал ему Кросс, изменив голос.

— Kristos, что значит это твое «тому подобном»?

— Не знаю. Это приказ Синдерса, а не мой.

— Лучше прикрой меня, Роджер.

— Ты прикрыт. Послушай, насчет похищения: идея эта очень скверная.

— Они хотят, чтобы оно было подготовлено, так что помоги «Артуру» сделать все, что нужно, а, пожалуйста? Если ты не сможешь задержать наш отход, мы провернем это, когда будет приказано.

— Я рекомендую отказаться от похищения. Это моя зона ответственности, и я реко...

— Центр дает добро, и если поступит приказ, мы выполним его! — Суслеву хотелось посоветовать Роджеру Кроссу заткнуться, но он был осторожен, не желая обижать лучшего агента в Азии. — Мы можем встретиться сегодня?

— Нет, но я позвоню тебе. Как насчет «четверки»? В десять тридцать? — «Четверка» теперь стала кодовым названием тридцать второй квартиры в Синклер-тауэрс. «Десять тридцать» значило «половина десятого».

— Разумно ли это?

До него донесся характерный сухой уверенный смешок.

— Почему нет? Неужели эти болваны придут снова? Конечно разумно. Я

гарантирую!

— Хорошо. Там будет и «Артур». Нам надо утвердить план. Клинкер вильнул, чтобы не столкнуться с подрезавшим его такси, и выругался, потом со скрежетом переключил передачу, вглядываясь вперед через ветровое стекло, и снова привел машину в движение. Суслев протер со своей стороны запотевшие стекла.

— Проклятая погода, — проворчал он, думая о другом.

«Как быть с Травкиным? Тупица, мразь безродная, надо было так вылететь из седла, уже пройдя финишный столб. Я думал, он победит. Полный болван! Настоящий казак никогда не попал бы в такую историю. Теперь придется сбросить его со счетов. Его и старую развалину, княгиню с переломанными костями.

Но если со вторником сорвалось, как заманить Данросса на квартиру завтра? А это нужно сделать или сегодня вечером, или завтра. Самое позднее — завтра вечером. Это должен организовать „Артур“ или Роджер. В нашем плане по Данроссу основные действующие лица они.

И я должен получить папки — или Данросса — до ухода. Или то, или другое. Это единственное, что может реабилитировать меня перед Центром».

Бартлетт и Кейси вышли из струановского лимузина у «Хилтона». Сверкая галунами, швейцар-сикх³²⁹ в тюрбане раскрыл над ними уже ненужный зонт — далеко выдающийся навес защищал их от сплошной стены дождя.

— Я буду здесь, сэр, когда вы освободитесь, — сказал водитель Лим.

— Отлично. Спасибо, — ответил Бартлетт.

Они поднялись по ступеням на первый этаж, а потом на эскалаторе в фойе.

— Что-то ты все время молчишь, Кейси, — проговорил он.

За всю дорогу от ипподрома они не сказали друг другу почти ни слова, каждый был погружен в свои мысли.

— Ты тоже, Линк. Я подумала, что тебе не хочется разговаривать. У тебя был какой-то отсутствующий вид. — Она неуверенно улыбнулась. — Может, из-за всего этого возбуждения.

— День был замечательный.

— Ты считаешь, Тайбану удастся это проверить? Приобретение контрольного пакета «Дженерал сторз»?

— Понедельник покажет. — Бартлетт подошел к стойке администратора. — Будьте любезны, мистера Банастасио.

— Минуточку, пожалуйста, — проговорил симпатичный евразиец — помощник менеджера. — О да, он снова сменил номер. Теперь он в восьмьсот тридцать втором. — Он передал Бартлетту внутренний телефон. Тот набрал номер.

— Да?

— Винченцо? Линк. Я внизу.

— Привет, Линк, рад слышать твой голос. Кейси с тобой?

— Конечно.

— Вы не подниметесь?

— Идем. — Бартлетт вернулся к Кейси.

— Ты уверен, что мне тоже нужно идти?

— Он попросил, чтобы я пришел с тобой. — Бартлетт направился к лифту, думая об Орланде, об их свидании сегодня, о Блицманне и Горнте, о Тайбэе и о том, не спросить ли у Данросса позволения взять Орланду с собой. «Черт, жизнь стала

³²⁹ Сикх (санскр. ученик) — последователь сикхизма, религиозного течения, возникшего в XVI-XVII вв. Большинство сикхов происходит из исторической области Пенджаб, разделенной ныне на одноименный штат на севере Индии и провинцию Пакистана. Сикхи носят тюрбан особой формы, под который убирают длинные волосы.

сложнее». — Это лишь на несколько минут, — сказал он. — Потом едем на коктейль к Тайбаню. Выходные обещают быть интересными. И следующая неделя тоже.

— Ты сегодня вечером где-нибудь ужинаешь?

— Да. Хотя нам нужно встретиться за завтраком. Надо выяснить все с Сеймуром, и раз меня не будет пару дней, хорошо бы наладить связь.

Они вошли в переполненный лифт. Кейси привычно увернулась, не дав наступить себе на ногу, и наладила свой каблук на ногу обидчицы.

— Ох, извините, ради бога, — мило пролепетала она, а потом достаточно громко, чтобы та женщина могла услышать, пробормотала: — *Цзю ни ло мо*. — Этой фразе её научил сегодня Питер Марлоу.

Она заметила, как соперница вдруг покраснела. В бельэтаже женщина торопливо протолкалась к выходу, и Кейси поняла, что одержала великую победу. Довольная, она взглянула на Бартлетта, но тот задумался, глядя в пространство, и ей очень захотелось узнать, что его на самом деле заботит. Орланда?

На восьмом этаже они вышли. Кейси последовала за Бартлеттом по коридору.

— Ты знаешь, для чего все это, Линк? Что нужно Банастасио?

— Сказал, что хочет поздороваться и поговорить. Бартлетт нажал кнопку звонка. Дверь отворилась.

Банастасио, мужчина приятной внешности, с отливающей сталью седой шевелюрой и очень тёмными глазами, встретил их радушно.

— Слушай, Кейси, ты похудела — выглядишь великолепно. Выпьете? — Он сделал приглашающий жест в сторону бара, забитого напитками.

Открыв банку пива для Бартлетта, Кейси налила себе martini и задумалась. «Питер Марлоу прав. Тайбань тоже. И Линк. Все, что мне нужно сделать, это принять решение. К какому времени? Очень скоро. Сегодня, завтра? К ужину во вторник, это уж точно. Абсолютно и на сто процентов точно, а пока, может, лучше начать несколько отвлекающих маневров».

— Как оно? — спросил Банастасио.

— Прекрасно. А у тебя?

— Отлично.

Банастасио, прихлебывавший кока-колу, потянулся и включил небольшой магнитофон. Комнату наполнил невнятный шум множества голосов, какой можно услышать на любой многолюдной вечеринке с коктейлями.

— Это у меня привычка такая, Линк, Кейси, когда хочется поговорить конфиденциально, — спокойно прокомментировал Банастасио.

Бартлетт широко раскрыл глаза:

— Думаешь, здесь «жучки»?

— Может, да, а может, и нет. Никогда не знаешь. Может, кто и подслушивает, а? Бартлетт взглянул на Кейси, потом на Банастасио.

— Что задумал, Винченцо? Банастасио усмехнулся.

— Как дела в «Пар-Кон»? — спросил он.

— Так же, как и всегда, — отлично, — сообщил Бартлетт. — Темпы роста у нас будут выше, чем намечалось.

— На семь процентов, — добавила Кейси, все чувства которой напряглись.

— Вы заключаете сделку со «Струанз» или с «Ротвелл-Горнт»?

— Мы работаем над этим. — Бартлетт постарался скрыть удивление. — Что-то новенькое для тебя, Винченцо, — интересоваться сделками до их заключения.

— Вы заключаете сделку со «Струанз» или с «Ротвелл-Горнт»? Бартлетт пристально глянул в холодные глаза, пораженный странной, угрожающей усмешкой. Кейси была удивлена не меньше.

— Когда сделка будет заключена, я сообщу тебе. Как и остальным акционерам.

Усмешка осталась прежней. Взгляд стал холоднее.

— Нам с ребятами хотелось бы поучаст...

— С какими ребятами? Банастасио вздохнул.

— Мы вложили в «Пар-Кон» немало монет, Линк. И теперь нам хотелось бы поучаствовать в принятии некоторых теперешних решений. Я должен получить место в совете директоров. А также в финансовой комиссии и комиссии по новым приобретениям. Таково наше общее мнение.

Бартлетт и Кейси теперь уже не скрывали изумления.

— Это не предусмотрено нашим соглашением по акциям, — возразил Бартлетт.

— Ты с самого начала говорил, что речь идет о простых инвестициях.

— Верно, — добавила Кейси и подумала, что голос её звучит неубедительно. — Ты написал нам, что ты лишь инвестор и...

— Времена изменились, маленькая леди. Теперь мы хотим участвовать. Понятно? — отрезал он. — Всего лишь одно место, Линк. Если бы у меня было столько акций в «Дженерал моторс», я бы получил два места.

— Мы не «Дженерал моторс».

— Конечно-конечно, мы знаем. Нам не нужно ничего особенного. Мы хотим, чтобы «Пар-Кон» рос быстрее. Может, я смо...

— Компания растет нормальными темпами. Не кажется ли тебе, что было бы луч... — Кейси осеклась под ледяным взглядом Банастасио.

Бартлетт сжал кулак, но сдержался усилием воли.

— Значит, решено, — подвел черту Банастасио. На его лице вновь заиграла улыбка. — С сегодняшнего дня я в совете директоров, так?

— Нет, не так. Директоров избирают акционеры на ежегодном общем собрании.

— Бартлетт произнес это резко. — И не раньше. Сейчас вакансии нет.

— Нет, так найдется, — усмехнулся Банастасио.

— Повтори, что ты сказал? Банастасио вдруг заговорил жестче:

— Послушай, Линк, это не угроза, а лишь разумное предложение. Я могу пригодиться в совете директоров. У меня связи. И я хотел бы время от времени вставлять свои два цента.

— В связи с чем?

— В связи со сделками. «Пар-Кон» будет иметь дело с Горнтом.

— А если я не согласен?

— Нам стоит слегка толкнуть Данросса, и он на улице. Горнт — наш парень, Линк. Мы проверили, он лучше.

Бартлетт встал. Кейси — тоже, хотя колени у неё подгибались. Банастасио не двинулся с места.

— Я подумаю обо всем этом, — объявил Бартлетт. — А будем ли мы заключать сделку с тем или другим, это ещё бабушка надвое сказала.

— Что? — прищурился Банастасио.

— Я не уверен, что тот или другой нам подходят. Верно, Кейси?

— Да, Линк.

— Я голосую за Горнта. Понятно?

— Пошёл ты! — Бартлетт повернулся, чтобы уйти.

— Минуточку! — Банастасио встал и подошел ближе. — Неприятности не нужны — ни мне, ни ребятам...

— Каким ребятам? Тот снова вздохнул.

— Брось, Линк, ты же не маленький. Ведь хорошо попользовался. Мы не хотим гнать волну, мы хотим делать деньги.

— В этом наши намерения сходятся. Мы выкупим твои акции, и ты получишь прибыль...

— Не выйдет. Они не продаются. — Ещё один вздох. — Мы купили их, когда тебе были нужны «бабки». Заплатили хорошую цену, и ты использовал наши денежки

для расширения. А теперь мы хотим немного участвовать в бизнесе. Понятно?

— Я поставлю этот вопрос перед акционерами на ежегодном об...

— Сейчас, черт возьми!

— Нет, черт возьми! — Бартлетт изготовился дать отпор, вид у него был угрожающий. — Понятно?

Банастасио перевел взгляд блеклых, как у рептилии, глаз на Кейси.

— И вы будете так голосовать, мисс Исполнительный Вице-Президент и Казначей?

— Да, — ответила она и сама удивилась тому, как твердо прозвучал её голос. — Никаких мест в совете директоров, мистер Банастасио. Если придется голосовать, мои акции голосуют против вас и против Горнта.

— Когда мы получим контрольный пакет, вы будете уволены.

— Когда вы получите контрольный пакет, меня уже не будет в компании. — Кейси пошла к двери, удивившись, что ноги ещё несут её.

Бартлетт стоял перед Банастасио и оставался на чеку.

— Пока, — бросил он.

— Лучше подумай!

— А ты, черт возьми, лучше держись подальше от «Пар-Кон». — Повернувшись, Бартлетт покинул номер вслед за Кейси.

Когда они подошли к лифту, он выдохнул:

— Боже мой!

— Да, — так же беспомощно выдавила из себя Кейси.

— Нам... нам лучше поговорить.

— Конечно. Думаю, мне надо выпить. Господи, Линк, этот человек заставил меня оцепенеть от ужаса. В жизни мне не было так страшно. — Она встряхнула головой, словно стараясь прояснить мысли. — Это был какой-то кошмар, черт побери.

В баре на самом верхнем этаже она заказала martini, а он — пиво, и, когда каждый выпил свое, не проронив ни слова, он заказал ещё. Все это время в уме они анализировали, противопоставляли факты теоретическим выкладкам, меняли подходы.

Бартлетт пошевелился в кресле. Кейси посмотрела на него через стол.

— Ты готов выслушать, что я думаю?

— Конечно, конечно, Кейси. Давай.

— Всегда ходили слухи, что он мафиози или связан с мафией. После нашей маленькой беседы я окончательно в этом уверилась. Мафия — это наркотики и прочее зло. Отсюда вопрос: может, это как-то подводит нас и к винтовкам?

У глаз Бартлетта собрались крошечные морщинки.

— Я тоже об этом подумал. Дальше.

— Факт: если Банастасио боится, что у него в номере могут установить «жучки», значит, за ним следят. А это ФБР.

— Или ЦРУ.

— Или ЦРУ. Факт: если он мафиози и за ним приглядывает ЦРУ или ФБР, то мы ввязались в игру, участвовать в которой не имеем права, потому что путь будет один — вниз. Теперь относительно того, что он хоче... — Кейси осеклась и ахнула.

— Что такое?

— Я только что... Я только что вспомнила про Роузмонта. Помнишь, он был на вечеринке? Стэнли Роузмонт — высокий, симпатичный, седовласый мужчина из консульства? Мы встретились вчера днем на пароме. Случайно. Может, это совпадение, а может, и нет, но теперь, размышляя об этом, я думаю: ведь он сам заговорил о Банастасио, сказал, что его приятель, какой-то Эд, тоже из консульства, немного знает Винченцо. А когда я сообщила, что Банастасио приезжает сегодня, Роузмонт был просто ошеломлен. — Она вкратце пересказала их разговор. — Тогда

я не придавала этому значения... но тот факт, что он из консульства, и то, что он сказал, приводит к одному: ЦРУ.

— Должно быть, так и есть. Конечно. А если... — Он тоже вдруг остановился. — Ты только подумай, Иэн тоже заговорил про Банастасио ни с того ни с сего. Во вторник, в холле, когда ты беседовала по телефону, как раз перед тем, как мы пошли в золотохранилище.

— Возможно, мы действительно по уши в дерьме! — подумав, промолвила она. — Факт: мы имеем убийство, похищение, винтовки, Банастасио, мафию, Джона Чэня. Только представь себе, ведь Джон Чэнь и Цу-янь состояли в дружеских отношениях с этим негодяем. — Глаза у неё расширились. — Банастасио и убийство Джона Чэня. Есть ли тут связь? То, что пишут в газетах про Вервольфов, как-то не похоже на китайцев. Эта история с ухом просто зверство.

Бартлетт, погруженный в раздумья, попивал пиво.

— А Горнт? Что насчет Горнта? Почему Банастасио выбрал его, а не «Струанз»?

— Не знаю.

— Подумай над этим хорошенько, Кейси. Предположим, конечная цель Банастасио — винтовки, или наркотики, или то и другое. Для этого подошли бы обе компании. У «Струанз» есть суда и огромный комплекс в аэропорту, через который проходят все ввозимые и вывозимые грузы, прекрасная возможность для контрабанды. У Горнта тоже есть суда и пристани. И ещё у Горнта есть «Ол Эйша эруэйз». А связи с главной фидерной авиалинией Азии дадут ему — им — то, что нужно. Самолёты этой авиалинии летают в Бангкок, Индию, Вьетнам, Камбоджу, Японию — куда угодно!

— А здесь она завязана на «Пан-Ам», «Трансуорлд эрлайнз», «Джапан эрлайнз» и на все направления: восток, запад, север, юг! Если же мы поможем Горнту одолеть «Струанз», эти две компании после слияния дадут им все.

— Так вот, вернемся к главному вопросу: как нам быть? — спросил Бартлетт.

— А разве мы не можем занять выжидательную позицию и потянуть время? Состязание между «Струанз» и Горнтом закончится самое позднее на будущей неделе.

— Для этой стычки нам потребуется информация — и солидные силы. Тяжелая артиллерия, которой у нас нет. — Он отпил пива и ещё глубже задумался. — Нам лучше получить совет на самом высоком уровне. И помощь. Срочно. Это Армстронг и английские полицейские — или Роузмонт и ЦРУ.

— Или те и другие?

— Или те и другие.

Выбравшись из «даймлера», Данросс торопливо вошёл в здание Главного управления полиции.

— Добрый вечер, сэр, — приветствовал его дежурный инспектор, молодой австралиец. — Жаль, что вы не выиграли в пятом. Я слышал, Блуи Уайта вызывали на ковер за нарушение правил. Вот народ эти австралийцы, глаз да глаз за ними нужен, верно?

— Он победил, инспектор, — улыбнулся Данросс. — Распорядители постановили, что забег выигран честно и по правилам. У меня встреча с мистером Кроссом.

— Да, сэр, честно, но не совсем чтобы по правилам. Последний этаж, третья комната слева. Удачи вам в следующую субботу, сэр.

Кросс встретил его на верхнем этаже.

— Добрый вечер. Пожалуйста, заходите. Желаете выпить?

— Нет, спасибо. Вы очень любезны, что сразу согласились встретиться. Добрый вечер, мистер Синдерс. — Они поздоровались за руку.

В офисе Кросса Данросс не был ни разу. Стены такие же ничем не примечательные, как и сам хозяин, и когда дверь закрылась за ними троими, атмосфера напряженности, казалось, сгустилась ещё больше.

— Прошу садиться, — пригласил Кросс. — Наши соболезнования насчет Ноубл Стар — мы оба болели за неё.

— Она стоит того, чтобы ещё раз поставить на неё в субботу.

— Будете выступать на ней?

— А вы разве не выступили бы? Оба улыбнулись.

— Чем могу быть полезен? — спросил Кросс. Данросс все внимание обратил на Синдерса.

— Новых папок у меня для вас нет — взяться им неоткуда. Но кое-что готов предоставить. Сам ещё не знаю что: я только-только получил пакет от АМГ.

Оба его собеседника вздрогнули.

— Пакет передали вам лично? — осведомился Синдерс. Данросс помолчал.

— Мне лично. А теперь, пожалуйста, никаких вопросов, пока я не закончу.

— Запасной вариант — вполне в его духе, Роджер, — закулив трубку, хмыкнул Синдерс. — АМГ всегда был чертовски умен. Прошу прощения, продолжайте, пожалуйста.

— В записке АМГ говорится, что эта информация имеет особое значение и должна быть передана или лично премьер-министру, или нынешнему главе Эм-ай-6 Эдварду Синдерсу, когда мне будет удобно — и если я сочту это разумным. — В мертвой тишине Данросс глубоко вздохнул. — Раз вы допускаете бартер, я могу произвести обмен — напрямую с вами, втайне, в присутствии одного губернатора, — что бы, черт возьми, ни представляла собой информация АМГ. Взамен вы отпустите Брайана Квока и разрешите ему пересечь границу, если он того пожелает, чтобы мы могли договориться с Типтопом.

Молчание сгустилось. Синдерс попыхивал трубкой. Наконец он взглянул на Кросса.

— Роджер?

Роджер Кросс лихорадочно соображал: что это за информация такая, если она предназначается лишь для Синдерса или премьер-министра?

— Я считаю, вы можете рассмотреть предложение Иэна, — бесстрастно произнес он. — В удобное для вас время.

— Не пойдет, — отрезал Данросс. — Деньги нужны срочно, и очевидно, что противная сторона ожидает немедленного освобождения Квока. Мы не можем тянуть с этим. Наличные понадобятся к десяти утра в понедельник, когда бан...

— А может быть, Типтоп и деньги вообще не входят в это уравнение, — перебил его Синдерс нарочито раздраженным тоном. — Эс-ай или Эм-ай-6 наплевать на Гонконг — пусть хоть весь сгниет на корню. Вы имеете хоть какое-то представление о том, насколько ценен может быть для противника старший суперинтендент Эс-ай? Особенно человек уровня Брайана Квока, с таким-то опытом. Если Квок действительно арестован, как считаете вы и как уверяет этот Типтоп. Задумайтесь также, какое значение для всего региона может иметь информация, которой владеет этот агент, внедренный к нам противником. Сведения о его контактах, например. А?

— Это ваш ответ?

— Вам передала пакет лично в руки фрау Грессерхофф?

— Вы готовы к обмену?

— Кто эта Грессерхофф? — раздраженно поинтересовался Кросс.

— Не знаю, — ответил Синдерс. — Знаю лишь, что она исчезла сразу после второго звонка Кернана, помощника АМГ. Мы пытаемся найти её с помощью швейцарской полиции. — Он улыбнулся Данроссу одними губами. — Вам передала пакет фрау Грессерхофф?

— Нет, — сказал Данросс. «На самом деле я не солгал, — успокоил он себя. — Это была Рико Андзин».

— А кто?

— Я готов сообщить вам это после того, как мы заключим соглашение.

— Никакого соглашения не будет, — отрезал Кросс. Данросс стал вставать.

— Минуточку, Роджер, — вмешался Синдерс, и Данросс снова сел. Шеф Эм-ай-6 постукивал черенком трубки по желтым от табака зубам.

Данросс сохранял на лице невинное выражение, понимая, что он в руках профессионалов.

Наконец Синдерс произнес:

— Мистер Данросс, готовы ли вы, как того требует Закон о неразглашении государственной тайны, официально присягнуть, что не располагаете оригинальными папками АМГ?

— Да, — тут же ответил Данросс, теперь уже готовый исказить истину: оригиналы всегда оставались у АМГ, а Данроссу он обычно посылал первую копию. Если дело дойдет до официальной присяги и когда до неё дойдет, это будет уже совсем другой вопрос. — Что ещё?

— Понедельник — нереальный срок. Данросс не сводил глаз с Синдерса:

— Нереальный, потому что Брайана сейчас допрашивают?

— Конечно, любой захваченный вражеский агент немедленно подвергается допросу.

— А Брайан оказался очень крепким орешком.

— Если он агент, вам это лучше знать. Вас связывает давняя дружба.

— Да, и клянусь перед Богом, я до сих пор не верю, что Брайан — вражеский агент. Это невозможно. Он всегда был честным и преданным делу офицером британской полиции, и никем более.

— Невозможно, говорите? А как насчет Филби, Клауса Фукса, Зорге, Рудольфа Абеля³³⁰, Блейка и всех остальных?

— Сколько времени вам потребуется? Синдерс пожал плечами, не сводя с него глаз.

Данросс тоже сверлил его взглядом. Молчание становилось тягостным.

— Вы уничтожили оригиналы?

— Нет, и должен сказать, что тоже заметил разницу между копиями, которые передал вам, и той, что была перехвачена. Все собирался позвонить АМГ и выяснить, чем это вызвано.

— Как часто вы вступали в контакт с ним?

— Один-два раза в год.

— Что вам известно про АМГ? Кто предложил вам выйти на него?

— Мистер Синдерс, я готов ответить на ваши вопросы. Это мой долг — отвечать на них, но сейчас не самое подходящее для этого время, по...

— А может, как раз самое время, мистер Данросс. Нам торопиться некуда.

— Ну да... согласен. Но, к сожалению, меня ждут гости, и мои отношения с АМГ не имеют никакого отношения к моему предложению. На него можно ответить просто «да» или «нет».

— Или «возможно».

Данросс изучающе посмотрел на него.

— Или «возможно».

³³⁰ Рудольф Абель (Август Фишер) (1903-1971) — выдающийся советский разведчик. В 1950-е гг. резидент советской разведки в США. Арестован ФБР в 1957 г. и осужден на 30 лет тюрьмы, но 10 февраля 1962 г. обменян на Гэри Пауэрса, пилота американского самолёта-разведчика У-2, сбитого 1 мая 1960 г. над Свердловском.

— Я подумаю над тем, что вы сказали.

Данросс улыбнулся про себя: ему нравились эти переговоры, похожие на игру в «кошки-мышки», и он понимал, что перед ним мастера своего дела. Он снова дал молчанию затянуться, а потом, выбрав подходящий момент, проговорил:

— Очень хорошо. АМГ оставил «это» на мое усмотрение. Сейчас я даже не знаю, что «это» такое. Я понимаю, что мне, человеку непосвященному, не стоит влезать в дела Эс-ай и Эм-ай-6. Но так уж вышло — не по моей воле. Вы перехватили мою личную почту. Моя договоренность с АМГ не оставляла места для опасений: он заверил меня письменно, что ему разрешено работать на меня и что он согласовал это с правительством. Если хотите, я могу, приняв меры предосторожности, передать вам через соответствующие каналы копии нашей переписки. С каждой минутой мне все меньше хочется настаивать на своем предложении. — Он заговорил резче: — Возможно, Эс-ай и Эм-ай-6 и наплевать, сгниет Гонконг на корню или нет, но мне не наплевать, поэтому повторяю свое предложение в последний раз. — Он встал. — Оно действительно до половины девятого вечера.

Ни один из двоих его собеседников не шевельнулся.

— Почему до половины девятого, мистер Данросс? Почему не до полуночи или не до полудня завтра? — невозмутимо спросил Синдерс. Он продолжал попыхивать трубкой, но Данросс заметил, что в тот самый момент, когда был выставлен ультиматум, ритм попыхивания сбился. «Хороший знак», — подумал он.

— В это время я должен звонить Типтопу. Спасибо, что встретились со мной. — Данросс повернулся к двери.

Сидевший за столом Кросс бросил взгляд на Синдерса. Тот кивнул. Кросс послушно нажал на выключатель. Задвижки неслышно открылись. Вздвогнув от неожиданности, Данросс остановился, но быстро пришел в себя, распахнул дверь и молча вышел, закрыв её за собой.

— Хладнокровный черт, — восхитился Кросс.

— Слишком хладнокровный.

— Не слишком. Он — тайбань Благородного Дома.

— А ещё лгун, но лжет по-хитрому и вполне способен перещеголять нас. Он может уничтожить это?

— Да. Но не знаю, действительно ли половина девятого — время «эйч»³³¹. — Кросс закурил. — Склонен полагать, что да. Они оказывают на него невероятное давление, сознавая, что мы, конечно же, подвергнем клиента допросам. У них была возможность научиться советским методам и хватает собственных ухищрений. Они не могут не понимать, что мы тоже действуем достаточно эффективно.

— А я склонен полагать, что никаких папок у Данросса нет, а это — вещь стоящая. Если это исходит от АМГ, оно должно иметь особую ценность. Что бы вы посоветовали?

— Повторю то, что сказал губернатору: «Если клиент останется в нашем распоряжении до полудня в понедельник, мы успеем вытянуть из него все важное».

— Но как быть с ними? Что он может рассказать им о нас, когда придет в себя?

— Большую часть этого мы уже знаем. Что касается Гонконга, мы сможем решить все вопросы, связанные с безопасностью, начиная с сегодняшнего дня. Стандартное правило Эс-ай: не посвящать никого из сотрудников в стратегические планы...

— Кроме вас.

— Кроме меня, — улыбнулся Кросс. — И вас в Соединенном Королевстве,

³³¹ Время «эйч» (время «Н») — время начала операции или учений. Используется также для обозначения дней (часов) до или после этого.

конечно. Клиенту известно многое, но далеко не все. Здесь мы можем полностью обезопасить себя, поменять шифры и так далее. Не забывайте: он не передавал туда ничего особенного. Та реальная опасность, которую он представлял, ликвидирована. Он раскрыт, к счастью вовремя. Потому что Квок имел реальный шанс стать первым комиссаром-китайцем, а потом, вероятно, возглавить Эс-ай. Это так же верно, как дважды два четыре. Вот это была бы катастрофа. Нам уже не вернуть личных досье, Фэн-фэна и остальных или планов подавления волнений и восстаний. Волнения остаются волнениями, планов действий в режиме чрезвычайного положения великое множество. Что касается «Севрина», он знает не больше, чем знали мы до того, как схватили его. Возможно, это послужит подсказкой, может, даже наведет на мысль, какие вопросы мы должны задать ему.

— Я тоже сразу об этом подумал. Как я уже сказал, мистер Данросс ведет себя слишком, черт возьми, хладнокровно. — Синдерс зажег спичку, дал ей обгореть, а потом вычистил ею трубку. — Вы ему верите?

— Насчет папок, не знаю. Но насчет этого, конечно, верю, и насчет того ещё, что АМГ прислал весточку с того света. Жаль, что я не был с ним знаком. Да. Это вполне может оказаться куда более важным, чем клиент — после полудня в понедельник. Он и так уже почти весь выпотрошен.

Когда они вернулись, допрос Брайана Квока был продолжен. В течении его мыслей, по большей части беспорядочном и непоследовательном, тут и там встречались важные детали. Новые упоминания ядерного оружия, имена и адреса контактов в Гонконге и Кантоне, неблагонадежных персон, обрывки сведений о канадской конной полиции, а также невероятно интересные данные о широком проникновении Советов в Канаду.

— При чем здесь Канада, Брайан? — спрашивал Армстронг.

— Северная граница, Роберт... Самая «дырявая» в мире, её, по сути, вообще нет. В Канаде столько богатств... А-а, как бы мне хотелось... Там была эта девушка, на которой я чуть не женился. Они сказали, что мой долг... Если Советы смогут расколоть канадцев... Они такие легковверные и замечательные... Можно мне сигарету? О, спасибо... Можно я попыю мой... Так вот, у нас везде есть контрразведывательные сети для уничтожения советской агентуры и выяснения... Потом ещё Мексика... Там Советы тоже ведут большое наступление... Да, у них агенты везде... Ты знал Филби?

Часа оказалось достаточно.

— Странно, что он раскололся так быстро, — заметил Синдерс.

— Он себя не контролирует, гарантия, — возмутился Кросс. — Клиент не лжет. Он рассказывает то, во что верит, то, что с ним действительно было, и так будет и дальше, по...

— Ну да, конечно, — с каким-то раздражением проговорил Синдерс. — Я другое имел в виду. Странно, что человек его склада так скоро рассыпался. Мне кажется, он многие годы колебался, его преданность не выдержала испытания временем или пошатнулась, и он, вероятно, был готов перейти на нашу сторону, но почему-то не смог выпутаться. Жаль. Он мог бы оказаться очень полезным для нас. — Шеф Эм-ай-6 вздохнул и зажег ещё одну спичку. — Такое нередко случается с глубоко законспирированными агентами, живущими среди нас. Неизбежно возникают привязанности, любовь или дружба, появляется вкус к свободе, к счастью, и мир этих бедолаг переворачивается вверх дном. Вот почему в конце концов выиграем мы. Даже в России все когда-нибудь переменится и кагэбэшники получают по заслугам — от русских, — именно потому обычные люди там подвергаются такому давлению. Каждый советский человек испытывает на собственном опыте, что такое диктатура, произвол спецслужб, несправедливость и террор. — Он постучал трубкой по пепельнице, вытряхнув туда остатки пепла. Оставшийся у основания табак был влажным. — Вы не согласны, Роджер?

Кросс кивнул, пристально глядя в эти глубокие бледно-голубые глаза и пытаясь понять, что скрывается в их глубине.

— Вы позвоните министру, чтобы получить указания?

— Нет. В данном случае я могу взять ответственность на себя. Мы примем решение в половине девятого. — Синдерс глянул на часы. — Пойдемте-ка назад, к Роберту. Уже скоро пора будет начинать снова. Хороший он парень, очень хороший. Вы слышали, что он в крупном выигрыше?

69

20:05

— Иэн? Прощу прощения, что прерываю, — сказал Бартлетт.

— О, привет! — повернулся к нему Данросс. Он беседовал с гостями. Бартлетт был один. — Надеюсь, вы оба не уходите — прием заканчивается не раньше девяти тридцати.

— Кейси ещё остается. А у меня встреча.

— Надеюсь, она достаточно симпатичная, — ухмыльнулся Данросс.

— Да, но это потом. Сначала встреча по делу. У вас есть минутка?

— Конечно, конечно. — Данросс извинился перед гостями и повел Бартлетта из переполненной гостиной на террасу. Дождь, хоть и не сильный, продолжал лить. — По нашим прикидкам, приобретение контрольного пакета «Дженерал сторз» — дело почти верное, и «Суперфудз» наше предложение не перебить. Мы на самом деле заработаем целую кучу денег, как говорится, — если мне удастся остановить Горнта.

— Да. Понедельник покажет.

Данросс посмотрел на него проницательным взглядом.

— Я весьма уверен в этом.

Бартлетт улыбнулся, но за улыбкой чувствовалась усталость и озабоченность.

— Я заметил. Вот что хотелось спросить: завтра мы летим в Тайбэй?

— Как раз собирался предложить: не перенести ли нам это на следующую неделю, на следующие выходные? Это воскресенье и понедельник — довольно важные дни для нас обоих. Верно ведь?

— Не возражаю, — кивнул Бартлетт, скрыв облегчение. «Это решает проблему с Орландой», — подумал он. — Ну что ж, тогда я, пожалуй, пойду.

— Возьмите машину. Только пришлите Лима обратно, когда он будет не нужен. На гонки по холмам взглянуть не желаете, если их не отменят? Они должны проходить с десяти утра и примерно до полудня.

— А где?

— На Новых Территориях. Если гонки не отменят из-за погоды, я пришлю за вами машину. И Кейси пускай приезжает, если захочет.

— Спасибо.

— Сегодня насчет Кейси не беспокойтесь — я позабочусь, чтобы она благополучно добралась домой. У неё нет планов на вечер?

— Думаю, нет.

— Прекрасно, тогда я предложу ей присоединиться к нам: мы тут небольшой компанией собираемся на китайский ужин. — Данросс посмотрел на него испытующе. — У вас все в порядке?

— Да. Ничего такого, чего нельзя было бы решить.

Бартлетт ухмыльнулся и пошёл прочь, готовясь к новой атаке — на Армстронга. Несколько минут назад он отвел в сторону Роузмонта и рассказал ему о встрече с Банастасио.

— Лучше предоставьте это дело нам, — посоветовал Роузмонт. — Считайте, что

официально уведомили нас. Консульство. Я передам ваше сообщение кому следует. Оставьте все как есть — и Кейси скажите, о'кей? Если Банастиасио позвонит кому-то из вас двоих, поддержите его на проводе, а сами позвоните нам, мы что-нибудь придумаем. Вот моя визитка — звоните двадцать четыре часа в сутки.

Бартлетт уже вышел на улицу и присоединился к другим гостям, нетерпеливо ждавшим у входа свои машины.

— О, привет, Линк. — Выскочивший из такси Мэртаг чуть не сбил его с ног. — Виноват! Вечеринка ещё не кончилась?

— Нет, конечно. Что за спешка, Дэйв?

— Надо встретиться с Тайбанем! — Мэртаг понизил голос, не в силах скрыть возбуждение: — Есть шанс, что головной офис согласится, если Иэн немного уступит! Кейси ещё здесь?

— Да, — тут же ответил Бартлетт. Все его внимание сфокусировалось на Мэртаге, прочее было забыто. — А что за уступки? — осторожно поинтересовался он.

— Он должен увеличить вдвое сроки по иностранной валюте и работать напрямую с Первым центральным, предоставив нам опцион на все будущие займы в течение пяти лет.

— Не так уж много, — прокомментировал Бартлетт, никак не выказав своего недоумения. — А как выглядит теперь вся договоренность?

— Некогда, Линк. Мне нужно обязательно поймать Тайбаня. Они ждут, но получается именно так, как мы с Кейси и обговаривали. Черт, если это удастся повернуть, Тайбань будет нам обязан по гроб жизни! — И Мэртаг помчался дальше.

Бартлетт ошарашенно смотрел ему вслед. Ноги сами понесли его назад, однако он остановился и вернулся на свое место в очереди. «Времени достаточно, — рассудил он. — Пока незачем её спрашивать. Продумай все как следует».

Днем Кейси рассказала, что связывает «Ройял Белджэм» и Первый центральный, и Мэртаг долго распространялся на сей счет, жалуясь, как тяжело было пролезть на местный рынок, преодолеть заслоны, выставляемые гонконгским истеблишментом, но и только. Бартлетт заметил тогда, как нервничает техасец и переживает Кейси. Тогда он подумал, что это из-за скачек.

«Ну а теперь? — с подозрением спрашивал он себя. — Кейси, Мэртаг и Тайбань! „Первый центральный согласится на эту сделку, если...“, и „Тайбань будет нам обязан по гроб жизни...“, и „именно так, как мы с Кейси обговаривали“.

Она что, выступает как посредник? Да Кейси заткнет этого типа за пояс и на посылках ни у кого не будет. Скорей уж, она его на что-то подбила — на что? Что нужно Тайбаню больше всего?

Миллионный кредит, срочно, к понедельнику.

Господи, Первый центральный собирается поддержать его! Должно быть, так и есть. Если... Если он пойдет на уступки, и ему придется чем-то поступиться, чтобы выпутаться из этого...»

— Вам нужна машина, сэр?

— О да, Лим, конечно. В управление полиции в Ваньчае. Спасибо. — Он опустил на заднее сиденье. Голова гудела.

«Значит, Кейси играет в свою игру. Должно быть, это продолжается уже целый день или около того, но мне она ничего не сказала. Почему? Если я прав и эта схема сработает, Иэн получит средства, чтобы отбиться от Горнта, даже переиграть его. Кейси просто из кожи вон лезет, чтобы помочь ему одолеть Горнта. Без моего согласия. Почему? И взамен на что?

„Отвальные"! Неужели плата за кредит — те самые „фифти-фифти": два миллиона моих, но прибыль она получает наравне со мной?

Точно. Это один из возможных вариантов — о котором мне стало известно. А другие? Господи! Кейси действует сама по себе, возможно заодно с противником?

Они по-прежнему остаются противниками, Иэн и Горнт».

Его возбуждение росло.

«Что делать?

Деньги, которыми я рискую с Горнтом, обеспечены, насколько это только возможно. Два миллиона для „Струанз" тоже, и уговор остается в силе. Выдергивать ковер из-под ног у Тайбаня я никогда не собирался: это было сказано лишь для проверки Кейси. Сделка со „Струанз" хороша, с какой стороны ни глянь. Сделка с Горнтом — тоже. Значит, мой план по-прежнему работает: я по-прежнему могу принять ту или другую сторону, хотя здесь важно правильно подгадать время.

Но есть ещё Орланда.

Выбрав её, я выберу Штаты или что угодно, но не Гонконг. Орланду никогда не примут в круге победителя Хэппи-Вэлли. Или в здешних клубах. Не будут приглашать в дома сильных мира сего, разве что в Большой Дом. Или к Горнту, который если и позовет, то лишь затем, чтобы поддразнить, осадить, напомнить о прошлом. Как вчера вечером, когда вышла на палубу та другая девица. Я видел, какое лицо было у Орланды. О, она умеет скрывать свои чувства, может быть, лучше, чем кто-либо другой, за исключением Кейси, наверное. Она пришла в бешенство от того, что другая обосновалась в хозяйском люксе, где когда-то царила она.

Может, Горнт сделал это не нарочно? Может, девица вышла по своему почину? Ведь она почти сразу снова спустилась вниз. Возможно, и не предполагалось, что она выйдет наверх. Возможно.

Черт! Слишком много происходит такого, что выше моего понимания. Как, например, сделка с «Дженерал сторз» и спасение «Хо-Пак». Слишком много о чем договорились двое ребят в субботу: пара порций виски туда, звонок по телефону сюда. Даже если вступишь в здешнюю тусовку, это нечто из ряда вон выходящее, а если нет, то, господи боже мой, надо смотреть в оба. Здесь, чтобы считаться своим, нужно быть или британцем, или китайцем.

А я почти такой же чужак, как Орланда.

И все же я мог бы быть счастлив здесь, какое-то время. И с Орландой что-нибудь могло бы получиться, ненадолго, урывками. Я мог бы управлять Тихоокеанским поясом, сделав «Пар-Кон» Благородным Домом. Но, чтобы его приняли как тот самый Благородный Дом британцы и китайцы, он все же должен называться „Струанз-Пар-Кон" или «Ротвелл-Горнт-Пар-Кон», причем выделяться должна первая часть названия, а не „Пар-Кон".

Кейси?

С Кейси „Пар-Кон" легко мог бы стать Благородным Домом. Но можно ли доверять Кейси, как раньше? Почему она не сказала? Неужели Гонконг затянул её в свою паутину и она начинает собственную игру, чтобы стать Номером Первым?

Лучше делай выбор, дружище, пока ты ещё тайбань».

— Да, Филлип?

Они сидели в кабинете под портретом Дирка Струана: Данросс выбрал это место с умыслом. Филлип Чэнь расположился напротив. Очень официальный, очень корректный и очень усталый.

— Как Алексей?

— По-прежнему без сознания. Доктор Тули говорит, что, если через пару часов он выйдет из этого состояния, с ним все будет в порядке.

— А Типтоп?

— Я должен позвонить ему в девять.

— По-прежнему нет согласия на его предложение от... от властей?

— Ты знаешь условия его предложения? — прищурился Данросс.

— О да, тайбань. Я... меня спросили. Мне до сих пор трудно в это поверить...

Брайан Квок? Боже помоги нам, но да... Моим мнением поинтересовались прежде, чем обратиться к тебе.

— Какого черта ты не сказал? — рявкнул Данросс.

— Ты же совершенно справедливо больше не считаешь меня компрадором Благородного Дома и не достаиваешь меня своим доверием.

— Ты считаешь, тебе можно доверять?

— Да. Я неоднократно доказывал это в прошлом, как и мой отец — и его отец. Тем не менее будь я на твоём месте, сиди я там, где сидишь ты, этой встречи бы не было, тебя бы не было в моём доме, и я бы уже нашёл способ тебя уничтожить.

— А может, я уже принял такое решение.

— Ты — нет. Он бы принял, — Филлип Чэнь указал на портрет, — а ты, Иэн Струан Данросс, — нет.

— Не скажи.

— Могу поспорить. Данросс лишь молча ждал.

— Первое: насчёт монеты. Подожди, пока к тебе обратятся с просьбой об услуге. Я приложу все усилия, чтобы выяснить, в чём будет заключаться эта услуга, заранее. Если просьба окажется чрезмерной, то...

— Она и будет чрезмерной.

— Что он попросит?

— Что-нибудь связанное с наркотиками. Ходят упорные слухи, что Четырехпалый, Контрабандист Юань и Белый Порошок Ли — партнёры и занимаются контрабандой героина.

— Это ещё только в проекте. На самом деле они пока не партнёры.

— Опять же, почему ты не сказал мне об этом? Твой долг как компрадора — держать меня в курсе дела, а не вести секретные записи наших сделок, чтобы потом они попадали в руки врагов.

— Я снова прошу прощения. Но сейчас самое время поговорить.

— Потому что с тобой всё кончено?

— Потому что со мной, может быть, всё кончено — если я не смогу ещё раз доказать, что чего-то стою. — Старик уныло смотрел на Данросса, угадывая в нём черты многих тайбаней, и ему не нравилось ни это обращенное к нему лицо, ни лицо на портрете, пронзавшее его насквозь насмешливым взглядом; заморский дьявол, пират из-за смешанной крови — наполовину его собственной — отказался от прапрадеда Филлипа.

«Айийя, — воскликнул он про себя, стараясь сдержать гнев. — Эти варвары со своей нетерпимостью! Мы служили пяти поколениям тайбаней, а этот вот из-за одной ошибки грозит нарушить последнюю волю Дирка?»

— Что касается просьбы: даже если она будет связана с наркотиками, речь пойдет о вполне легальной деятельности или акциях в будущем. Соглашайся, тайбань, и я обещаю, что разберусь с Четырехпалым задолго до того, как нужно будет выполнить просьбу.

— Каким образом?

— Это Китай. Я буду действовать по-китайски. Клянусь кровью моих предков. — Филлип Чэнь указал на портрет. — Я буду и дальше защищать Благородный Дом, как и поклялся.

— Что ещё ты хранил в сейфе? Я просмотрел все документы и балансы, которые ты передал Эндрю. Если эта информация попадет в чужие руки, мы будем полностью беззащитными.

— Да, но только перед Бартлеттом и «Пар-Кон», при условии, что он оставит бумаги у себя и не передаст их Горнту или кому-то ещё из наших врагов. Бартлетт не производит впечатления плохого человека, тайбань. Может, он согласится вернуть нам все, что получил от Джона, и пообещает хранить информацию в тайне?

— Для этого тебе нужно раскопать какой-нибудь секрет, который ему не хотелось бы предавать огласке. У тебя такой есть?

— Ещё нет. Он должен защищать нас как партнеров.

— Да. Но он уже стакнулся с Горнтом и внес аванс на сумму в два миллиона американских долларов в качестве обеспечения при продаже наших акций.

Филлип Чэнь побледнел.

— И-и-и, я об этом не знал. — Он на минуту задумался. — Значит, в понедельник Бартлетт расторгнет договор и перейдет на сторону врага?

— Не знаю. Думаю, он пока выжидает. Я бы на его месте так и сделал. Филлип Чэнь заерзал в кресле.

— Он здорово втюрился в Орланду, тайбань.

— Да, возможно, на ней все и завязано. Должно быть, это подстроил Горнт — сам подтолкнул её к Бартлетту.

— Ты собираешься сказать ему об этом?

— Нет, если не будет причины. Сам разберется — не маленький. — Выражение лица Данросса стало ещё суровее. — Что ты предлагаешь?

— Ты намерен согласиться на уступки, которых требует Первый центральный?

— Значит, тебе и об этом известно?

— Ты, должно быть, хотел, чтобы все знали, что ты ищешь у них поддержки, тайбань. Иначе зачем нужно было приглашать Мэртага в свою ложу на скачках, зачем ещё нужно было приглашать его туда? Было нетрудно смекнуть, что к чему, даже не имея копий его телексов...

— А ты ими располагаешь?

— Некоторыми. — Вынув носовой платок, Филипп Чэнь вытер ладони. — Ты пойдешь на уступки?

— Нет. Я сказал, что подумаю об этом, — он ждет моего ответа внизу, — но ответ будет отрицательным. Я не могу гарантировать им преимущественное право на предоставление всех будущих займов. Просто не могу, потому что «Виктория» обладает такой властью и таким количеством моих бумаг, что выжмет из нас последнее. К тому же я не вправе менять «Викторию» на американский банк, который уже доказал свою политическую ненадежность. Они могли бы оказать нам временную поддержку, и будет великолепно, если Первый центральный вытащит нас из беды, но я не уверен, стоит ли идти на долгосрочное сотрудничество с ними. Им ещё нужно доказать свою лояльность.

— «Виктория» тоже, должно быть, готова к компромиссу. В конце концов, предложив два миллиона в качестве гарантии серьезности наших намерений по приобретению контрольного пакета «Дженерал сторз», она выказала нам немалое доверие, хейя?

Данросс пропустил это мимо ушей.

— Ну, выкладывай, что там у тебя!

— А не внести ли тебе контрпредложение: все займы на расширение нашей деятельности в Канаде, Соединенных Штатах, Австралии и Южной Америке в течение пяти лет плюс немедленный заем на два гигантских нефтяных танкера, которые приобретаются через Тода по схеме обратной аренды, и на твердые заказы ещё на семь для одного из наших партнеров.

— Господи боже, у кого это такой размах? — взорвался Данросс.

— У Ви Си Энга.

— У Фотографа Энга? Не может быть.

— Через двадцать лет флот Ви Си будет больше, чем у Онассиса.

— Это невозможно.

— Это очень вероятно, тайбань.

— Откуда ты знаешь?

— Меня попросили помочь с финансированием и крупномасштабным расширением его флота. Если мы включим в наш пакет первые семь танкеров и пообещаем, что будет больше, — а я могу, я могу это устроить, — Первый центральный должен согласиться. — Филлип Чэнь вытер испарину со лба. — Хейя?

— Господи, да это устроит «Чейз Манхэттен» и «Бэнк оф Америка», вместе взятые! Ви Си? — И тут воображение Данросса заработало с максимальной отдачей. — Ага! Ви Си плюс торий плюс Старые Друзья плюс самая различная хитрая техника плюс нефть плюс Старые Друзья. Так?

— Под небесами все вороны чёрные, — неуверенно улыбнулся Филлип.

— Да. — Помолчав, Данросс признал: — Первый центральный может пойти на такое. А вот пойдет ли Бартлетт?

— С Первым центральным «Пар-Кон» тебе уже не нужен. Первый центральный с удовольствием подыщет нам в Штатах другого спонсора или партнера. На это потребуется некоторое время, но, имея Жака в Канаде, Дэвида Мак-Струана здесь и Эндрю в Шотландии... Тайбань, не знаю, что ты придумал насчет Эндрю и этого Кирка, но теории, которые он развивает, кажутся мне надуманными, очень надуманными.

— Что ты говорил про Бартлетта?

— Я предлагаю молиться, чтобы клюнул Первый центральный, чтобы предоставил деньги Типтоп, чтобы мне удалось подстраховать финансирование от Первого центрального деньгами Маты, Прижимистого и Четырехпалого. Тогда мы — ты, Дэвид Мак-Струан и я — легко сможем найти альтернативу «Пар-Кон». Предлагаю открыть офис в Нью-Йорке. Назначить туда Дэвида месяца на три и... возможно, Кевина, в качестве помощника. — Филлип Чэнь дал своему тезису повиснуть в воздухе, а потом рванул дальше: — Через три месяца мы узнаем, чего стоит юный Кевин. Думаю, ты останешься доволен, тайбань, по сути дела, я гарантирую это. Через три месяца мы узнаем мнение молодого Джорджа Трасслера относительно Родезии и Южной Африки. Когда он определится с офисом там, мы могли бы послать его в Нью-Йорк. Или подбить на это другого твоего родственника, вирджинца Мэйсона Керна из семьи Купер-Тиллман, и поставить его во главе нашего нью-йоркского офиса. Через шесть месяцев Кевина следует послать в Солсбери и Йоханнесбург — у меня сильное предчувствие, что объемы торговли торием и драгоценными металлами будут расти.

— Ну, а пока мы остаемся с нашими насущными проблемами: Бартлетт, Горнт и атака на наши акции.

— Чтобы обеспечить молчание Бартлетта, мы должны поссорить его с Горнтом и сделать своим союзником, союзником во всем.

— Как этого добиться, Филлип?

— Предоставь это мне. Есть... есть возможности.

Данросс не сводил глаз с Филлипа Чэня, но старик уставился в стол. «Что за возможности? Орланда? Должно быть, так».

— Хорошо, — согласился он. — Что ещё?

— О рынке. Поддержка Банка Китая положит конец банковской панике. А приобретение контрольного пакета «Дженерал сторз» и солидная финансовая помощь прекратят атаку на наши акции. Все ринутся покупать, будет бум. Так вот, — продолжал Филлип Чэнь, — я знаю, что раньше ты не хотел этого делать, но мы могли бы договориться с сэром Луисом о том, чтобы в понедельник наши акции были сняты с торгов до полудня, и тогда...

— Что?

— Да-да. Предположим, до полудня никто не сможет покупать и продавать акции «Струанз», предположим, мы устанавливаем их цену на уровне прошлой среды — двадцать восемь долларов восемьдесят центов. И Горнт попался. Чтобы выкупить акции, проданные при игре на понижение, ему придется приобретать наши

бумаги по любой цене. И коль скоро никто не предложит достаточного количества акций по цене, которая будет ниже этой цифры, вся его прибыль вылетает в форточку, он может даже понести убытки.

Данросс почувствовал слабость. Мысль о снятии акций с торгов сейчас ему и в голову не приходила.

— Господи, но сэр Луис никогда не пойдет на это. Филлип Чэнь был бледен, по лбу у него катились капли пота.

— Если биржевой комитет придет к заключению, что это необходимо «для стабилизации рынка»... и если великие брокерские фирмы Джозефа Стерна и Арджана Сурджани согласятся не предлагать никаких акций, никаких крупных пакетов по цене ниже двадцати восьми восьмидесяти, что сможет сделать Горнт? — Он вытер лоб трясущейся рукой. — Такой вот у меня план.

— Почему ты считаешь, что сэр Луис пойдет нам навстречу?

— Думаю... думаю, пойдет, а Стерн и Сурджани многим нам обязаны. — Пальцы старика нервно подергивались. — Вместе с сэром Луисом, Стерном, Сурджани мы с тобой сможем контролировать большую часть основных пакетов акций, проданных Горнтом при игре на понижение.

— Стерн — брокер Горнта.

— Верно, но он ещё гонконгский янь, и престиж фирмы для него дороже, чем расположение одного клиента. — Филлип Чэнь придвинулся ближе к свету, и Данросс, заметивший его бледность, серьезно обеспокоился. Он встал, прошел к бару и налил два бренди с содовой. — На держи.

— Спасибо. — Филлип Чэнь жадно осушил свой стакан. — Слава богу, что есть бренди.

— Ты считаешь, мы сможем повернуть все это к открытию торгов в понедельник? Кстати, я отменил поездку в Тайбэй.

— Прекрасно, мудрое решение. Ты сейчас на коктейль к Джейсону Пламму?

— Да. Обещал быть.

— Хорошо, тогда нам ещё удастся потолковать. Что касается сэра Луиса, шансы очень хорошие, тайбань. Даже если акции не снимут с торгов, цена на них взлетит, обязательно взлетит — если мы получим нужную нам поддержку.

«Это и дураку понятно, — мрачно думал Данросс. — Если...» Он бросил взгляд на часы. Было 20:35. Синдерс должен был позвонить в 20:30. Данросс специально назначил время с запасом, чтобы успеть потом позвонить Типтопу. Казалось, внутри все просто ходит ходуном, но он взял себя в руки. «Господи, не буду же я звонить ему?» — раздраженно думал он.

— Что? — спросил он, не расслышав сказанного Филлипом Чэнем.

— Относительно крайнего срока, когда я должен положить тебе на стол заявление об отставке — до полуночи в воскресенье, если Мата и Прижимистый или... Могу я попросить об отсрочке на неделю?

Взяв стакан Филлипа Чэня, Данросс снова наполнил его. Ему была по душе азиатская утонченность этой просьбы: продление срока делает его пустой формальностью, потому что через неделю кризис давно уже будет разрешен. Просьба позволяла обеим сторонам соблюсти приличия и сохранить лицо.

«Да, но старику придется изрядно попотеть. Позволит ли ему здоровье? Это единственное, что меня беспокоит».

Наливая бренди, Данросс размышлял о Филлипе Чэне, Кевине Чэне, Клаудии Чэнь и старом Чэнь-чэне и о том, что бы он без них делал.

«Мне нужно сотрудничество и верное служение, и чтобы больше никаких предательств и измен».

— Я подумаю, Филлип. Давай поговорим об этом сразу после «утренней молитвы» в понедельник. — Потом осторожно добавил: — Возможно, отсрочки будут

утверждены.

Филлип Чэнь благодарно принял бренди и большими глотками выпил его: цвет лица у него стал получше. Он обратил внимание на ловко ввернутое множественное число и почувствовал немалое облегчение. «Все, что мне нужно, — это добиться успеха. Больше ничего». И он поднялся, чтобы уйти.

— Благодарю...

Резко зазвонил телефон, и он чуть не подпрыгнул. Данросс тоже.

— Алло? О, привет, мистер Синдерс. — За шумом дождя Данросс слышал биение своего сердца. — Что нового?

— Боюсь, очень немного. Я обсудил ваше предложение с губернатором. Есть основания полагать, что, если это поступит в мое распоряжение завтра к полудню, ваш друг может быть доставлен к пограничному переходу Ло-У к заходу солнца в понедельник. Я, конечно, не могу гарантировать, что он захочет перейти границу «красного» Китая.

Голос Данросса зазвенел:

— Не многовато ли оговорок, мистер Синдерс? «Есть основания полагать», «может быть»...

— Это все, что я могу, официально.

— Какие вы даете гарантии?

— От меня и мистера Кросса, боюсь, никаких. Мне кажется, стороны должны доверять друг другу.

«Ублюдки, — выругался про себя Данросс. — Знают, что выхода у меня нет».

— Благодарю вас, я подумаю над тем, что вы сказали. Завтра в полдень? Завтра я на гонках по холмам, если их не отменят — с десяти до полудня. А потом сразу приеду в Главное управление полиции.

— Не стоит беспокоиться, мистер Данросс. Если гонки не отменят, я тоже там буду. Здесь или там, крайний срок — полдень. Хорошо?

— Хорошо. До свидания. — Данросс угрюмо положил трубку. — «Может быть», Филлип. Может быть, к заходу солнца в понедельник.

Замерев, Филлип Чэнь сел. Он побледнел ещё больше.

— Это слишком поздно.

— Сейчас выясним. — Данросс снял трубку и снова набрал номер. — Алло, добрый вечер. Губернатора, пожалуйста. Иэн Данросс. — Он отпил бренди. — Прошу прощения за беспокойство, сэр, но мне только что позвонил мистер Синдерс. Он сказал, по сути дела, «возможно». Возможно, к заходу солнца в понедельник. Разрешите спросить, можете ли вы это гарантировать?

— Нет, Иэн. Нет, не могу. Мои полномочия так далеко не распространяются. Извините. Вам придется договариваться напрямую. Вообще-то, Синдерс показался мне человеком благоразумным. Вы так не считаете?

— Мне он показался весьма неблагоразумным, — горько усмехнулся Данросс. — Благодарю вас. Ничего страшного. Извините, что побеспокоил, сэр. О, кстати, если этот вопрос удастся решить, по словам Типтопа, потребуется ваша печать, а также печать банка и моя. Вас можно будет найти, если понадобится?

— Да, конечно. И удачи вам, Иэн. Данросс положил трубку.

— Согласятся ли они дать деньги завтра, если парня отпустят в понедельник к заходу? — высказал он свои мысли, помолчав.

— Я бы не согласился, — беспомощно признал Филлип Чэнь. — Типтоп ведь ясно выразился: «В любое время, когда будут выполнены необходимые процедуры». Стороны должны выполнить свои обязательства одновременно.

Данросс откинулся в кресле с высокой спинкой, попивая бренди и погружившись в раздумья.

Ровно в девять он позвонил Типтопу и долго говорил ни о чем, пока не настал

нужный момент.

— Я слышал, что полицейский чин, допустивший нарушение, будет уволен и сторона, которой причинен ущерб, может быть у Ло-У во вторник в полдень.

Повисло тягостное молчание. Когда же Типтоп заговорил, голос его звучал холоднее, чем когда-либо.

— Мне кажется, это совсем не «немедленно».

— Согласен. Может, мне удастся убедить их перенести все на понедельник. Возможно, ваши друзья смогут проявить немного терпения. Я счел бы это очень большой услугой. — Он специально поставил это слово в конце фразы, чтобы сделать на нем ударение.

— Я передам ваши слова. Благодарю вас, тайбань. Прошу позвонить мне завтра в семь вечера. До свидания.

— До свидания.

Наступившее молчание прервал весьма озабоченный Филлип Чэнь.

— «Услуга» — очень дорогое слово, тайбань.

— Знаю. Но у меня не было выхода, — твердо ответил Данросс. — Несомненно, однажды придется заплатить за это ответной услугой. — Он отвел упавшие на глаза волосы. — Возможно, её попросит Джозеф Юй, кто знает? Но мне пришлось сказать это слово.

— Да. Ты поступил очень мудро. Мудро не по годам, гораздо более мудро, чем поступал Аластэр и твой отец, но не так мудро, как Карга. — Филлип чуть поежился. — Ты поступил мудро, торгуясь насчет времени и не упомянув при этом о деньгах, деньгах банка — очень мудро. Он человек слишком умный, чтобы не сознавать: они нужны нам завтра — насколько я понимаю, самое позднее — к вечеру.

— Как-нибудь мы их получим. Это избавит нас от давления со стороны «Виктории». Скоро Пол должен созвать совет директоров, — мрачно добавил Данросс. — Одним из директоров будет Ричард, ну, и Ричард многим нам обязан. Новый состав совета проголосует за увеличение нашего возобновляемого кредита, и тогда нам не понадобится ни Бартлетт, ни Первый центральный, ни проклятый Богом синдикат Маты.

Филлип Чэнь помолчал, а потом выпалил:

— Терпеть не могу приносить плохие вести, но я слышал, что Хэвегилл потребовал от Ричарда Квана подписанного заявления об отставке с открытой датой и обещания голосовать так, как захочет Пол. Это часть договоренности.

Данросс вздохнул. Все встало на свои места. Если Ричард Кван голосует вместе с оппозицией, «Струанз» теряет большинство.

— Нам остается потерять одного из тех, кто нас поддерживал, и партия Пола будет давить нас, пока не задавит насмерть. — Он поднял глаза на Филлипа Чэня. — Подкупил бы ты Ричарда, что ли...

— Я... Я попытаюсь, но он уже подкуплен. Как насчет Пи Би Уайта? Как считаешь, он может помочь?

— Только не против Хэвегилла и банка. В вопросе с Типтопом может, — тягостно произнес Данросс. — Он — следующий в списке, и последний.

70

22:55

В переулке у служебного входа в банк «Виктория» остановились два такси. Из них вышли шесть человек. Кейси, Рико Грессерхофф, Гэваллан, Питер Марлоу, Данросс и П. Б. Уайт, худощавый, энергичный англичанин лет семидесяти пяти. Дождь перестал, но на плохо освещенной мостовой было полно луж.

— Вы точно не хотите выпить с нами перед сном, Питер? — спросил П. Б. Уайт.

— Нет, спасибо, Пи Би, пойду-ка я лучше домой. До свидания и спасибо за ужин, тайбань!

Он ушел в ночь, направляясь к паромному терминалу, расположенному через площадь. Ни он, ни остальные не заметили, как чуть дальше по улице подъехала и остановилась машина. В ней были старший агент Эс-ай Малькольм Сунь и Повитц из ЦРУ. Сунь сидел за рулем.

— Это единственный вход и выход? — поинтересовался Повитц.

— Да.

Они смотрели, как П. Б. Уайт нажимает кнопку звонка.

— Везет ублюдкам. Таких телок, как эти две, поискать.

— Кейси — да, но другая? В любом дансинге можно найти получше... — Сунь замолк. Мимо проехало такси.

— Ещё один «хвост»?

— Нет, не думаю, хотя если мы следим за Тайбанем, готов спорить, что это делают и другие.

— Да.

П. Б. Уайт ещё раз нажал звонок. Дверь открылась, и его приветствовал заспанный ночной сторож-сикх.

— Добрый вечер, господа, дамы. — Он подошел к лифту, нажал кнопку и пошёл закрывать входную дверь.

— Лифт здесь ходит довольно медленно, — сказал П. Б. Уайт. — Извините, но он уже старичок, как и я.

— Вы давно здесь живете? — спросила Кейси. «Ничего себе старичок, с такой танцующей походкой и блеском в глазах!»

— Около пяти лет, моя дорогая. — Он взял её под руку. — Мне очень повезло.

«Надо думать, — размышляла она. — И вы, должно быть, очень важны для банка и обладаете большой властью, должны обладать, если в ваше распоряжение отдали одну из трех квартир, имеющих во всем этом громадном здании». Пи Би рассказал им, что одну из двух оставшихся квартир занимает главный управляющий, который сейчас в отпуске по болезни. Ещё одна меблирована, но остается свободной.

— На случай визита членов королевской семьи, управляющего Банком Англии, премьер-министров и тому подобных знаменитостей, — с важным видом рассказывал он за легкими и острыми сычуаньскими блюдами. — Я там скорее бесплатный сторож, вахтер. Мне разрешили жить в этом месте с тем, чтобы я за ним присматривал.

— Да уж конечно!

— О, так и есть! К счастью, эта часть здания и сам банк никак не сообщаются, а то я бы точно запустил руку в кассу!

Кейси была очень довольна: хорошая еда, доброе вино, остроумная беседа и усиленное внимание четырех мужчин, особенно Данросса. И ей очень польстило, что она ни в чем не уступает Рико. Все в жизни, казалось, встало на свои места, Линк будто бы снова стал её Линком, хотя сейчас пропадает где-то с соперницей. «Как быть с Орландой?» — Кейси задавала себе этот вопрос уже миллион раз.

Двери лифта открылись. Компания зашла внутрь, сгрудившись в тесном пространстве. П. Б. Уайт нажал на нижнюю из трех кнопок.

— На самом верхнем этаже обитает бог, — хихикнул он. — Когда он в городе.

— Когда он должен выйти? — поинтересовался Данросс.

— Через три недели, Иэн, однако он все равно не в курсе, что происходит в Гонконге, — и улетит следующим же самолётом. Наш главный управляющий — чудесный человек, Кейси. К несчастью, почти год он сильно болел и теперь через три месяца уходит в отставку. Я убедил его взять небольшой отпуск и съездить в Кашмир,

в одно местечко, которое я хорошо знаю, на берегу реки Джелум, к северу от Шринагара³³². Представьте: долина, лежащая на высоте шести тысяч метров, среди величайших гор мира, настоящий рай. У них там есть дома-лодки на реках и озерах, плывешь — и ни тебе телефонов, ни почты, только ты и беспредельность. Прекрасные люди, удивительный воздух, чудесная пища, потрясающие горы. — Глаза у него загорелись. — Туда надо ехать или очень больным, или безумно влюбленным — с тем, кого любишь.

Они рассмеялись.

— Это вы, конечно, о себе, Пи Би? — спросил Гэваллан.

— Конечно, дорогой друг. Впервые я оказался там в пятнадцатом году. Мне было двадцать семь лет, я служил тогда в Третьем полку бенгальских улан и проводил там отпуск. — Он вздохнул, изображая умирающего от любви юношу. — Она была грузинка, княгиня. Они рассмеялись вместе с ним.

— С какой целью вы были в Кашмире на самом деле? — спросил Данросс.

— Меня послали в командировку на два года от индийского генерального штаба. На этом участке — Гиндукуш, Афганистан и то, что теперь называется Пакистаном, на границе с Россией и Китаем, — всегда было непросто и всегда будет. Потом меня отправили в Москву, в конце семнадцатого года. — Лицо его чуть напряглось. — Я был там во время путча, когда Ленин, Троцкий и их большевики сбросили законное правительство Керенского... — Лифт остановился, и они вышли. Дверь квартиры была распахнута, около неё ждал Бой Номер Один Шу.

— Проходите, будьте как дома, — радушно пригласил Уайт. — Комната для дам налево, для джентльменов — направо, шампанское — в передней... Через минуту я вам все покажу. О, Иэн, вы вроде бы хотели позвонить?

— Да.

— Пойдемте, можете воспользоваться моим кабинетом. — Он провел его по коридору, увешанному прекрасными картинами и коллекцией редких икон.

Квартира была просторная: четыре спальни, три передних, гостиная, в которой могли свободно расположиться два десятка человек. Кабинет находился в дальнем конце коридора. Три стены заставлены книгами. Старая кожа, запах хороших сигар, камин. Бренди, виски и водка в хрустальных графинах. И портвейн. Когда за ними закрылась дверь, Пи Би принял более озабоченный вид.

— Сколько вам нужно времени?

— Постараюсь как можно быстрее.

— Не беспокойтесь. Я займу их, а если задержитесь, что-нибудь придумаю в ваше оправдание. Чем ещё могу помочь?

— Надавите на Типтопа. — Раньше Данросс рассказал о сделке с обменом Брайана Квока, не упомянув ни о папках АМГ, ни о своих проблемах с Синдерсом.

— Завтра я позвоню друзьям в Пекине и ещё кое-кому в Шанхае. Возможно, они поймут, насколько важно помочь нам.

Данросс был знаком с П. Б. Уайтом много лет, но, как и все остальные, очень мало знал о его прошлом и понятия не имел, был ли Уайт женат, имеет ли детей и вообще какую-то родню, откуда у него деньги и что связывает его с банком «Виктория». «Я лишь юрисконсульт, в своем роде, хотя уже давно в отставке», — обычно говаривал Пи Би, и на этом все заканчивалось. Это был человек огромного обаяния, имевший немало таких же обходительных друзей среди дам.

³³² До 1947 г. Джамму и Кашмир было княжеством, населенным в основном мусульманами, в составе Британской Индии. Главный город — Шринагар — расположен в Кашмирской долине на берегах реки Джелум. Территория Джамму и Кашмира до сих пор оспаривается Индией и Пакистаном, в том числе с применением военной силы (1947-1949, 1965, 1999), и разделена на индийскую и пакистанскую части.

— Кейси — женщина что надо, Пи Би, — ухмыльнулся Данросс. — Похоже, вы сражены.

— Я тоже так считаю. Да. Скинуть бы лет тридцать! Ну, а Рико? — Брови Уайта взлетели вверх. — Восхитительная дама. Вы уверены, что она вдова?

— Абсолютно уверен.

— Пожалуйста, мне три таких, тайбань. — Хихикнув, он подошел к книжному шкафу и нажал на выключатель. Часть шкафа отошла, и открылась ведущая наверх лестница. Данросс пользовался ею и раньше для негласных переговоров с главным управляющим. Насколько ему было известно, из посторонних об этом потайном ходе знал только он. Ещё один из многочисленных секретов, которые Данросс мог передать лишь тому, кто сменит его на посту тайбаня.

«Об этом договорилась Карга, — сказал Аластэр Струан в ту ночь, когда Данросс стал тайбанем. — И об этом тоже. — И вручил преемнику общий ключ к сохранным ячейкам в хранилище. — Так повелось, что замки в банке „Виктория“ меняет компания „Чун Ляньло локсмитс лимитед“. О том, что эта компания принадлежит нам, знают только наши тайбани».

Улыбнувшись Уайту, Данросс подумал: «Вот бы и мне в его возрасте оставаться таким молодым».

— Спасибо, Пи Би.

— Не спешите, Иэн, — сказал Уайт, передавая ему ключ. Неслышно ступая, Данросс взбежал по лестнице на площадку, где располагалась квартира главного управляющего, и отпер дверь, ведущую к лифту. Тот же ключ отпирал лифт. Внутри была всего одна кнопка. Данросс запер за собой внешнюю дверь и нажал на кнопку. Хорошо смазанный механизм работал бесшумно. В конце концов лифт остановился, створки внутренней двери разъехались. Данросс толкнул внешнюю дверь и оказался в кабинете главного управляющего. Навстречу устало поднялся Джонджон.

— Ну и с чем все это, черт побери, связано, Иэн?

Данросс прикрыл замаскированную книжными полками дверь, и она затерялась среди секций стеллажа.

— Разве Пи Би не сказал? — мягко спросил он, не выказывая ни малейшего напряжения.

— Он сказал, что тебе нужно сегодня вечером попасть в хранилище и забрать какие-то бумаги, что он просит впустить тебя и не беспокоить Хэвегилла. Но зачем все эти шпионские штучки? Разве нельзя было войти через входную дверь?

— Ну, будет тебе, Брюс. Мы оба знаем, что у тебя есть все полномочия, чтобы открыть мне хранилище.

Джонджон хотел было что-то возразить, но передумал. Перед отъездом главный управляющий попросил идти навстречу любым просьбам Уайта. Пи Би был на «ты» не только с губернатором, но и с большинством важных визитеров и имел право связываться по прямой линии главного управляющего с офисами банка в Шанхае и Пекине, которые по-прежнему действовали, хотя персонал их и сократился.

— Хорошо, — произнес он.

Их шаги гулко отдавались под сводами просторного, тускло освещенного операционного зала банка. Джонджон кивнул ночному сторожу, совершавшему обход помещений, потом нажал кнопку лифта, ведущего в хранилище, подавив нервный зев.

— Господи, как я устал.

— Ведь это твоя идея — приобрести контрольный пакет «Хо-Пак», верно?

— Да, моя, но если бы не твой великолепный ход с «Дженерал сторз», не думаю, чтобы Пол... Ну, это, несомненно, его подтолкнуло. Великолепный ход, Иэн, если все получится.

— Дело уже в шляпе.

— Что за японский банк помогает тебе двумя миллионами?

— А зачем вы заставили Ричарда Квана написать заранее заявление об отставке?

— А? — Джонджон непонимающе уставился на него. Пришел лифт, и они шагнули в кабину. — Что ты сказал?

Данросс передал слова Филлипа Чэня.

— Это нельзя назвать честной игрой. Одного из директоров «Виктории» заставляют подписать заявление об отставке с открытой датой, и причем так, словно это в порядке вещей. А?

Джонджон медленно покачал головой.

— Нет, в мой план такое не входило. — Его усталость как рукой сняло. — Непонятно, почему ты об этом так переживаешь.

— Правильнее сказать, почему я так взбешен.

— Должно быть, это временная мера. Пол, наверное, решил подстраховаться до возвращения главного. Его действия создают нежелательный прецедент, так что ты...

— Если я получу для вас деньги Типтопа, вы порвете заявление и гарантируете Ричарду Квану свободу действий.

После паузы Джонджон проговорил:

— Во всех разумных вещах я на твоей стороне — до тех пор, пока не вернется главный. А там уж ему решать.

— Ну что ж, справедливо.

— Сколько тебе выделяет «Ройял Белджэм», то есть Первый центральный?

— Мне кажется, ты говорил о каком-то японском банке?

— А, брось, старина, это секрет полишинеля. Так сколько?

— Достаточно, достаточно для всего.

— У нас по-прежнему большая часть твоих бумаг, Иэн. Данросс пожал плечами.

— Ну и что? У нас по-прежнему большинство в совете директоров «Виктории».

— Если мы не получим денег Китая, Первый центральный не спасет тебя от краха.

Данросс снова пожал плечами.

Двери лифта открылись. В тусклом освещении огромная решетка на входе в хранилище показала Данроссу дверь в тюремную камеру. Джонджон отпер её.

— Мне понадобится около десяти минут, — сообщил Данросс. На лбу у него выступила испарина. — Я должен найти одну бумагу.

— Хорошо. Я открою тебе ячей... — Джонджон осекся. Падающий сверху свет резко очерчивал контуры его лица. — Ох, я и забыл, у тебя же свой ключ ко всем замкам.

— Постараюсь долго не копать. Спасибо.

Данросс шагнул во тьму, безошибочно направившись к дальней секции ячеек. Там он убедился, что за ним никто не следит. Все чувства обострились. Он вставил в отверстия два ключа. Замки открылись.

Он достал из кармана письмо АМГ с номерами особых страниц, разбросанных по всем папкам, фонарик, ножницы и газовую зажигалку «данхилл», подаренную Пенелопой, когда он ещё курил. Быстро приподняв двойное дно ячейки, вытащил оттуда папки.

«Господи, уничтожить бы их прямо сейчас и покончить с этим, — думал он. — Все, что в них есть, все, что имеет значение, я знаю, однако нужно сохранять терпение. Когда-нибудь они — кто бы то ни был, — а также Эс-ай, ЦРУ и разведка КНР перестанут следить за мной. Тогда я смогу спокойно забрать папки и уничтожить».

С величайшей осторожностью следуя инструкциям АМГ, он щелкнул зажигалкой и стал водить ею туда-сюда под правым нижним углом первой особой страницы.

Через секунду стал проявляться бессмысленный набор символов, букв и цифр. По мере того как они проступали под воздействием тепла, напечатанное в этом углу исчезало. Вскоре текст пропал и остался только шифр. Данросс аккуратно вырезал уголок ножницами и отложил папку в сторону. У АМГ было написано: «Тайбань, к папкам этот документ отношения не имеет, и я считаю, что его не прочесть никому, кроме первых лиц страны».

Негромкий шум заставил Данросса вздрогнуть, и он глянул в сторону. В ушах отдавался стук бешено колотящегося сердца. За секцию ячеек шмыгнула крыса и исчезла. Он подождал, но никакой опасности не заметил.

Через миг он снова успокоился. Теперь следующая папка. Снова проявился код, а текст исчез.

Данросс работал четко и быстро. Пламя зажигалки стало гаснуть, но он был к этому готов. Заправив её, Данросс продолжил работу. И вот последняя папка. Аккуратно вырезав угол, он сунул одиннадцать кусочков бумаги в карман, а потом вернул папки в тайник.

Прежде чем запереть ячейку, он для вида вытащил какую-то купчую и положил её рядом с письмом АМГ. Подумав, встал так, чтобы от двери письма АМГ было не видно, и поджег его. Бумага вспыхнула ярким пламенем и съежилась, догорая.

— Что ты делаешь?

Дернувшись, Данросс обернулся и уставился на силуэт.

— Ах, это ты. — Он перевел дыхание. — Ничего, Брюс. Это лишь старое любовное письмо, и хранить его незачем. — Пламя погасло. Данросс растолок пепел и разбросал его.

— Иэн, у тебя неприятности? Что-нибудь серьезное? — мягко спросил Джонджон.

— Нет, старина. Ничего, кроме всей этой возни с Типтопом.

— Ты уверен?

— О да. — Данросс устало улыбнулся и вытащил носовой платок, чтобы вытереть лоб и руки. — Извини, что доставил столько беспокойства.

Он твердым шагом пошёл прочь, Джонджон за ним. С лязгом закрылся вход. Через миг со вздохом раскрыл двери лифт и со вздохом закрыл. Наступила тишина, слышалась лишь суетливая беготня крыс и легкое шипение кондиционера. На пол упала тень. Из-за высокой стены ячеек неслышно вышел Роджер Кросс и остановился перед секцией Тайбаня. Не торопясь, он достал крошечный фотоаппарат «минокс», фонарик и связку отмычек. Через секунду ячейка Данросса была открыта. Длинные пальцы залезли внутрь, нашли второе дно и вытащили папки. Очень довольный, Кросс сложил их аккуратной стопкой, включил фонарик и с ловкостью, говорившей о немалом опыте, стал фотографировать папки, страницу за страницей. Добравшись до одной из особых страниц, он вгляделся в неё, заметив, что угол обрезан. По лицу его промелькнула мрачная усмешка. Затем он продолжил работу, выполняя её абсолютно бесшумно.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

71

06:30

Вышедший из фойе отеля «Девять драконов» Коронский подозвал такси и на вполне приличном кантонском назвал водителю адрес. Закурив, он развалился на сиденье, профессионально поглядывая назад, чтобы убедиться в отсутствии

«хвоста». Вероятность слежки за ним была невелика, и риск тоже. С безупречными документами на имя Ганса Мейккера, по легенде — свободного журналиста, работающего на западногерманский журнальный синдикат, он наезжал в Гонконг довольно часто, и это было для него дело обычное. Успокоившись, Коронский — упитанный, неприметный человек небольшого роста, в очках без оправы — стал разглядывать толпу, размышляя, кого придется подвергнуть «химическому допросу» и где.

Примерно ярдах в пятидесяти за ним в потоке машин шнырял маленький потрепанный «мини». На заднем сиденье ерзал Том Конночи, старший агент ЦРУ, а вел машину один из его помощников — Рой Вонг.

— Он сворачивает налево.

— Да вижу я. Успокойся, Том, ты меня нервируешь, черт возьми. Рой Вонг, американец в третьем поколении, бакалавр, был направлен в Гонконг после того, как проработал в ЦРУ четыре года. Машину он вел со знанием дела, но Конночи, помятый и очень усталый, внимательно следил за ним. Он не спал почти всю ночь, пытаясь вместе с Роузмонтом разобраться в целом море совершенно секретных инструкций, просьб и приказов, выловленных из перехваченных писем К. К. Лима. Почти сразу после полуночи поступила информация от осведомителя из «Девяти драконов», что в отеле только что зарегистрировался прибывший на два дня из Бангкока Ганс Мейккер. Он уже много лет числился в списках неблагонадежных элементов.

— Сукин сын! — вырвалось у Роя Вонга, когда в узкой, наполненной визгом тормозов улочке рядом с оживленным перекрестком Монкока образовалась пробка.

Вытянув шею, Конночи выглянул в боковое окно.

— Он тоже застрял, Рой. Машин на двадцать впереди.

Через минуту пробка начала рассасываться, но тут же образовалась вновь — заглох перегруженный грузовик. Пока его завели, добыча уже исчезла.

— Черт!

— Объедем этот район. Может, повезет и мы снова сядем ему на хвост.

Впереди, через два квартала, Коронский вылез из такси, прошел людным переулком, потом свернул на заполненную машинами улицу, а после — в другой переулок. Он направлялся к дому Джинни Фу. Поднявшись по грязной лестнице на верхний этаж, он постучал три раза в обшарпанную дверь. Суслев знающим предложением предложил ему войти и запер за ним дверь.

— Добро пожаловать, — негромко приветствовал он Коронского по-русски. — Нормально добрался?

— Да, товарищ капитан, все в порядке, — ответил Коронский, тоже по привычке вполголоса.

— Проходи, садись. — Суслев показал на стол, на котором стоял кофейник и две чашки.

Мебели в серенькой комнате почти не было. На окнах висели грязные занавески.

— Хороший кофе, — из вежливости похвалил Коронский, а внутренне передернулся: «Жуткая бурда. Не сравнить с кофе по-французски, который подают в Бангкоке, Сайгоне и Пномпене».

— Это виски, — проговорил Суслев с каменным выражением лица.

— Я получил указание Центра поступить в ваше распоряжение, товарищ капитан. Какие будут указания?

— Есть здесь один человек с фотографической памятью. Нам нужно бы покопаться у него в мозгах.

— Где будут обрабатывать клиента? Здесь? Суслев покачал головой.

— У меня на судне.

- Сколько у нас времени?
- Сколько потребуется. Мы забираем его с собой во Владивосток.
- Насколько важно получить качественную информацию?
- Очень важно.

— В таком случае я предпочел бы провести допрос во Владивостоке. Я могу дать вам снотворное и инструкции, как сделать клиента покладистым на все время рейса и потихоньку подавлять его сопротивление.

Суслев задумался. Как быть? Он должен вытянуть информацию из Данросса до прихода во Владивосток.

- А пойти вместе с нами в рейс не сможешь? Мы уходим в полночь с приливом. Коронский помолчал.

— Центр приказал оказывать вам помощь, насколько позволяет моя легенда. Если я уйду с вами в рейс, она, несомненно, рассыплется: за судном наверняка ведется наблюдение. Да ещё если я неожиданно исчезну из отеля, а?

Суслев кивнул:

— Согласен. — «Ничего страшного. Я могу провести допрос не хуже Коронского, хотя никогда не проводил глубокого химического». — Как это делается?

— Очень просто. Внутривенные инъекции препарата, который мы называем пентотал-V6, в течение десяти дней дважды в сутки с двенадцатичасовыми перерывами, а когда клиент приведен в надлежащее состояние, достаточно напуган и дезориентирован, обычный цикл «сон-пробуждение», после чего следуют четыре дня без сна.

- У нас на судне есть врач. Он сможет сделать эти инъекции?

— О да, конечно. Вот что я хочу предложить. Может, я изложу письменно всю процедуру и предоставлю вам необходимые препараты, а проводить допрос будете вы?

- Хорошо.

— Если строго следовать процедуре, проблем не должно быть. Нельзя забывать лишь об одном очень важном обстоятельстве: после введения пентотала-V6 сознание клиента становится похожим на мокрую губку. И воду, то есть информацию, нужно выжимать из него очень бережно, с большой осторожностью, соблюдая правильный темп. В противном случае сознанию можно нанести непоправимый вред, и вся остальная информация будет утрачена навсегда. — Коронский попыхивал сигаретой. — Потерять клиента очень легко.

— Потерять клиента всегда очень легко, — буркнул Суслев. — Насколько эффективен этот ваш пентотал-V6?

— Мы использовали его очень успешно, но были и неудачи, товарищ капитан, — осторожно ответил Коронский. — Если клиент изначально здоров и хорошо подготовлен, все пройдет как по маслу.

Суслев не ответил, а лишь прокрутил в памяти план, предложенный вчера поздно вечером Пламмом и нехотя принятый Кроссом.

— Дело верное, Грегор. Все встает на свои места. В Тайбэй Данросс уже не едет, а значит, явится ко мне на прием. Я подмешаю ему в бокал средство, от которого ему станет очень плохо, а когда это случится, уговорю прилечь в одной из гостевых спален — и от того же средства он заснет. После того как все остальные уйдут — а вечеринка будет короткой, от шести до восьми, — я положу его в сундук, который через запасной выход перенесут в машину. Когда обнаружится, что он пропал, я скажу, что оставил его поспать и понятия не имею, когда он ушел. А вот каким образом переправить сундук на борт?

— Ну, это не проблема, — успокоил Суслев. — Доставь его к складу номер семь в коулунском доке. Наш отход ускорили, так что мы берем на борт самые различные грузы и припасы в больших количествах, а то, что грузится, а не выгружается, почти

не проверяют. — Суслев помолчал и добавил с мрачной усмешкой: — Есть даже гроб, если понадобится. Специальная машина в одиннадцать вечера должна привезти из морга тело Воранского. Сволочи! Что же твой приятель — так и не поймал ублюдков, убивших его?

— Он делает все, что в его силах. Это правда, Грегор. Клянусь. Он скоро поймает их, но что гораздо важнее, этот план сработает!

Суслев кивнул сам себе. «Да, он может сработать. А если Тайбаня перехватят и обнаружат? Я ничего не знаю, Борадинов ничего не знает, хотя вся ответственность ляжет на него. Я просто уйду в море, а Борадинова, если будет нужно, сделаю козлом отпущения и оставлю. Роджер все прикроет. О да, — угрюмо говорил он про себя, — если Роджер меня не прикроет, ему несдобровать — свои же голову снимут. Пламм прав. Похищение Тайбаня, которое спишут на Вервольфов, создаст на некоторое время полный хаос, а риска почти никакого — и времени достаточно, чтобы разрулить последствия катастрофы с Меткиным и перехвата винтовок».

Сегодня вечером он позвонил Банастасио, чтобы убедиться, что схема с «Пар-Кон» уже задействована, и был неприятно удивлен, узнав про реакцию Бартлетта.

— Но, мистер Банастасио, вы гарантировали, что эта компания будет под вашим контролем. Что вы намереваетесь предпринять?

— Давить, мистер Маршалл, — успокоил мафиози. Он знал Суслева именно под этим именем. — Давить, не переставая. Я выполню свою часть сделки, а вы — свою.

— Хорошо. А потом организуйте встречу в Макао. Я гарантирую, что в течение недели в Сайгоне будет резервная партия.

— Но эти болваны уже заявили, что не пойдут ни на какое соглашение, пока груз не окажется у них в руках.

— Его доставят непосредственно нашим вьетконговским друзьям в Сайгоне. Вам нужно лишь обговорить детали по платежам.

— Конечно-конечно, мистер Маршалл. Где вы остановитесь в Макао? Где мы с вами встретимся?

— Я буду в том же отеле. — Суслев и не собирался вступать в контакт с американцем. В Макао завершение операции проконтролирует другой офицер, действующий под тем же псевдонимом.

Он улыбнулся. Перед самым уходом из Владивостока Суслев получил приказ Центра проконтролировать эту операцию под кодовым названием «Кинг Конг», которую проводила одна из сетей КГБ в Вашингтоне. Ему сообщили только, что вьетконговцам отправляют в Сайгон диппочтой совершенно секретные сведения о поставках наступательного оружия. В обмен на эту информацию в Гонконг будет поставляться на условиях FOB³³³ опиум в объемах, пропорциональных количеству перехваченного оружия. «Тот, кто додумался до такого, заслуживает немедленного повышения», — восторженно сообщил он Центру и выбрал себе псевдоним Маршалл в честь генерала Маршалла и его плана³³⁴, который, как известно, помешал Советам оккупировать всю Европу в конце сороковых годов. «Это будет месть, наш план Маршалла наоборот», — думал он.

Он вдруг рассмеялся вслух. Коронский терпеливо ждал: он был слишком опытен,

³³³ FOB (от англ. free on board) — поставка, при которой продавец оплачивает все расходы до момента доставки товара на борт судна.

³³⁴ В соответствии с этим планом, названным по имени тогдашнего госсекретаря США и направленным на послевоенное восстановление европейской экономики, США в течение четырех лет начиная с июля 1947 г. предоставили странам Европы экономическую и техническую помощь на сумму около 13 млрд долл.

чтобы спрашивать, что тут смешного. Но невольно насторожился: в этом смехе слышался страх. А страх — вещь опасная. От страха люди совершают ошибки и навлекают беду на других.

«Да, — тревожно размышлял он, — тут пахнет трусостью. Надо упомянуть об этом в следующем донесении, но деликатно, на случай, если я имею дело с важной птицей».

Подняв глаза, он увидел, что Суслев пристально смотрит на него, и ему стало дурно: уж не прочитал ли этот человек его мысли?

— Да, товарищ капитан?

— Сколько времени нужно, чтобы написать инструкции?

— Несколько минут. Если хотите, я могу это сделать прямо сейчас, но мне придется вернуться в отель за препаратами.

— Сколько различных препаратов нужно будет применять?

— Три: один для сна, второй для пробуждения и, наконец, пентотал-V6. Кстати, до использования его нужно хранить в прохладном месте.

— Внутривенно только последний?

— Да.

— Хорошо, тогда запиши это все. Сейчас. Бумага есть? Коронский кивнул и вытащил из заднего кармана брюк небольшую записную книжку.

— Как вам — по-русски, по-английски или стенографически?

— По-русски. Метод «пробуждение-сон-пробуждение» описывать не надо. Я применял его много раз. Только последнюю стадию. И не упоминай пентотал-V6, пиши просто «лекарство». Понятно?

— Да.

— Хорошо. Когда напишешь, положи вот сюда. — Он указал на небольшую стопку старых газет на изъеденном молью диване. — Во вторую сверху. Я заберу это позже. Что касается химикатов, на первом этаже отеля «Девять драконов» есть мужской туалет. Прикрепи их липкой лентой к нижней стороне крышки бачка в первой кабинке справа. И прошу быть в своем номере сегодня в девять вечера на случай, если мне понадобятся какие-нибудь разъяснения. Все понятно?

— Конечно.

Суслев встал. Коронский тут же последовал его примеру и протянул руку.

— Счастливого, товарищ капитан.

Суслев вежливо кивнул ему, как низшему по званию, и вышел. Дойдя до конца коридора, он отворил покосившуюся дверь и взобрался вверх по лестнице на крышу. На свежем воздухе русский почувствовал себя лучше. Его мучило от затхлого духа, стоявшего в комнате, и запаха, который исходил от Коронского. Манило море, широкий чистый простор, запах соли и водорослей. Здорово будет снова оказаться вдали от земли. Только океан и корабль позволяют оставаться в своем уме.

Как и на большинстве гонконгских крыш, здесь было полно самодельных жилищ — это сдаваемое в аренду пространство служило единственной альтернативой голым грязным склонам далеко на Новых Территориях, холмах Коулуна или острове Гонконг, где гнездились поселки переселенцев. Каждый дюйм городской земли давно уже был занят нахлынувшим потоком иммигрантов. И везде переселенцы проживали по большей части нелегально, как и в таких халупах на крышах, несмотря на все запреты и увещевания властей. И власти мудро предпочитали не замечать нарушений, потому что куда ещё было деваться этим несчастным? Ни канализации, ни водопровода, никакой, даже элементарной гигиены, но все лучше, чем остаться на улице. Избавиться от мусора, помоев и нечистот можно было лишь одним способом — сбросив или выплеснув их с крыши. Поэтому гонконгские янь никогда не ходили по тротуару, даже если таковой имелся, а старались держаться середины мостовой.

Суслев пробирался по крыше, нагибаясь под бельевыми веревками, переступая

через самое разное барахло, обломки жизненных крушений, безразличный к несущимся ему вслед грязным ругательствам, которые автоматически вырывались у здешних обитателей, и умиляясь на мальчишек, что бежали перед ним с криками: «Гуйлао, гуйлао!», смеялись и указывали на него пальцами. Он уже достаточно много времени провел в Гонконге, и денег им не давал, хотя они казались такими трогательными в своей бедности и беззаботном веселье, он лишь добродушно поругивал их в ответ и ерошил попавшиеся под руку стриженные «ежином» головы.

На дальнем конце крыши торчал, как старинная дымовая труба, вход в обитель Джинни Фу. Дверь была полуотворена. Он спустился вниз.

— Привет, Греги, — проговорила запыхавшаяся Джинни Фу. Как и было велено, она облачилась в непритязательную одежду кули. На спине у неё висела большая коническая шляпа из соломы, руки и лицо она измазала грязью. — Ну, как я смотрюсь? Как кинозвезда, хейя?

— Просто Грета Гарбо, — усмехнулся он, а Джинни бросилась к нему и заключила в объятия.

— Хочешь ещё «джиг-джиг» перед тем, как идем, хейя?

— Nyet В следующие несколько недель времени у нас будет хоть отбавляй. Хоть отбавляй, хейя? — Суслев опустил её на землю. На рассвете он занялся с ней любовью, но скорее чтобы доказать, что он мужчина, а не по желанию. «Вот в чем проблема. Желания нет. Скучно с ней». — Ну, ты поняла, какой план, хейя?

— О да, — величественно произнесла она. — Я нахожу склад номер семь, смешиваюсь с грузчиками-кули и вместе с ними тащу мешки на корабль. Когда поднимаюсь на борт, иду дверь против трапа, вхожу и даю бумагу. — Она вытащила бумагу из кармана, чтобы показать, что та у неё, в целости и сохранности. На бумаге было написано по-русски: «Каюта 3». Борадинов должен будет ждать её. — В третьей каюте можешь принять душ, переодеться одежду, которую ты покупать, и ждать. — Ещё одна улыбка во весь рот. — Хейя?

— Отлично. — Одежда стоила гроши и избавляла от необходимости что-то брать с собой. Без багажа все гораздо проще. Багаж могут заметить. Джинни ничем не должна привлекать внимание.

— Ты уверен, что ничего не нужно взять с собой, Греги? — волнуясь, спросила она.

— Нет, только какую-нибудь косметику, женские штучки. Все в кармане, поняла?

— Конечно, — надменно произнесла она. — Что я, глупая?

— Хорошо. Тогда вперед. Она ещё раз обняла его.

— О, спасибо за отпуск, Греги. Я буду самой лучшей из самых лучших. — И она ушла.

После встречи с Коронским Суслеву страшно захотелось есть. Подойдя к обшарпанному холодильнику, он порылся там, нашел шоколадные конфеты. Сжевал одну, зажег газ и стал жарить яичницу из нескольких яиц. Снова нахлынуло беспокойство.

«Не волноваться, — приказал он себе. — План сработает, Тайбань будет у тебя в руках, а вызов в Главное управление полиции — лишь рутинная проверка.

Отставь все в сторону. Подумай о Джинни. Может, в море с ней будет не так скучно? Пока не придем в порт, ночью буду развлекаться с ней — не каждую ночь, конечно, — а днем с Тайбанем. Его я выпотрошу, а она растворится в новой жизни, и опасность исчезнет навсегда. Тогда я поеду к себе на dacha, где меня будет ждать эта мегера Вертинская. И мы с ней схлестнемся, она станет костить меня последними словами, пока я не взбешусь и не сорву с неё одежду, может, снова возьмусь за плетель, а она начнет отбиваться, пока я силой не войду в неё и не взорвусь у неё внутри, возможно вместе с ней, Kristos, вот бы так было каждый раз. А потом буду спать, не зная, убьет она меня во сне или нет. Но её предупреждали. Если со мной что-то

случится, мои люди отдадут её и всю её семейку прокаженным на восточной окраине Владивостока».

По радио начался выпуск семичасовых новостей на английском языке: «Доброе утро. Говорит радио Гонконга. Снова ожидаются сильные дожди. Банк „Виктория“ официально подтвердил, что принимает на себя все обязательства банка „Хо-Пак“ перед клиентами, и просит вкладчиков, которые хотят снять со счетов свои деньги, в понедельник без всякой паники встать в очередь и получить их.

В течение ночи по всей колонии имели место многочисленные земляные и грязевые оползни. Больше всего пострадали зона поселка переселенцев над Абердином, Сауминбин³³⁵ и терраса Суйфэй в Ваньчае, где из-за шести значительных оползней повреждены здания. Как стало известно, общее число погибших достигло тридцати трех, и есть опасения, что многие остаются погребенными под завалами.

Мы не располагаем новыми сведениями о похищении и гнусном убийстве бандой Вервольфов мистера Джона Чэня. Объявлено о вознаграждении в сто тысяч долларов за информацию, которая поможет схватить их.

В сообщениях из Лондона подтверждается, что в СССР в этом году опять неурожай....»

Остальные новости Суслев не слушал. Он знал, что информация из Лондона соответствует действительности. По совершенно секретным прогнозам КГБ, нынешнего урожая снова не хватит, чтобы накормить страну.

«Kristos, ну почему, черт возьми, мы не можем сами себя прокормить?» — хотелось крикнуть ему: что такое пухнуть от голода, какие это муки, он знал на собственном опыте, не говоря уже об ужасных рассказах отца и матери.

«Значит, снова голод, снова придется затягивать пояса и покупать зерно за границей. И тратить иностранную валюту, которая достается с таким трудом. Наше будущее в опасности, страшной опасности. Продовольствие — наша ахиллесова пята. Его всегда не хватает. Всегда не хватает то умения, то тракторов, то удобрений, то денег. Ведь на самом деле все деньги уходят на оружие, армию, самолёты и корабли. Для нас важнее всего стать достаточно сильными, чтобы защитить себя от этих капиталистических псов и от этих шавок, китайских ревизионистов, начать против них войну и разгромить их, прежде чем они разгромят нас. А вот продовольствия всегда не хватает. И для нас, и для наших буферных зон: Балкан, Венгрии, Чехословакии, Польши, Восточной Германии, Прибалтики. Почему этим ублюдкам почти всегда удается прокормиться? Почему они искажают цифры своих урожаев, обманывают нас, лгут нам, воруют у нас? Мы их защищаем, а они что делают? Все затаили против нас злобу, и стоит ослабить узду, как они поднимают восстания — так было в Восточной Германии и Венгрии. Поднимают бунт и поворачивают против нас глупые массы. Только наши войска вместе с КГБ и способны держать в страхе этих мерзавцев паршивых, ревизионистов и диссидентов.

Голод порождает революции. Это закон. Голод всегда заставляет массы восставать против своих правительств. И что нам остается? Держать их в цепях — всех, — пока не разгромим Америку и Канаду и не сделаем их пшеничные поля своими. Тогда наши урожаи вырастут вдвое.

Не надо обманывать себя, — мучительно думал он. — Наше сельское хозяйство хиреет. И давно уже. Когда-нибудь оно окрепнет. А пока нам не прокормить себя. Эти безродные болваны фермеры должны....»

— Прекрати, — пробормотал Суслев вслух. — Ты за все это не в ответе, это не твои проблемы. Занимайся своим делом, верь в дело партии и

³³⁵ Сауминбин (Саумаубин) — район в восточной части Нового Коулуна.

марксистско-ленинское учение!

Яичница уже была готова, и он поджарил тост. В открытые окна залетали капли дождя. Час назад продолжавшийся всю ночь ливень прекратился, но над домом через дорогу висели тёмные тучи. «Дождь ещё будет, — думал Суслев, — много дождя. В этой выгребной яме или проклятая Богом засуха, или проклятый Богом потоп!» Под порывом ветра одно из слепленных кое-как картонных сооружений на крыше рухнуло. Тут же начался отчаянный ремонт, помогали даже только начавшие ходить дети.

Ловкими движениями — он любил, чтобы все было аккуратно, — Суслев накрыл на стол, насвистывая в такт доносившейся из радиоприёмника мелодии. «Все отлично, — уверял он себя. — Данросс идет на прием, Коронский доставляет препараты, Пламм — клиента, Роджер обеспечивает прикрытие, а мне остается лишь заглянуть на часик в Главное управление полиции, а потом не спеша подняться на борт своего корабля. С полуночным приливом я сделаю Гонконгу ручкой и предоставлю Вервольфам погребать своих мертвецов...»³³⁶

Послышался нарастающий вой полицейской сирены, и волосы на загривке у Суслева встали дыбом. Он остановился, где стоял, и оцепенел. Но сирена промчалась мимо и стала удаляться. Оправившись от испуга, он сел и принялся за еду. И тут зазвонил тайный телефон.

72

07:30

Небольшой вертолет «белл» сделал круг над городом, под самыми низко висящими облаками, и устремился к макушке Пика, обходя фуникулер и многочисленные высотные дома, усеивавшие крутые склоны. Теперь он почти вошёл в нижний слой облаков.

Пилот осторожно забрался ещё на сотню футов, сбросил скорость и завис. Высмотрев полускрытую туманом вертолетную площадку возле Большого Дома рядом с раскидистым палисандром, он стал снижаться.

На площадке уже ждал Данросс. Низко пригнувшись, чтобы не угодить под вращающиеся лопасти винта, он забрался в пузырь кабины слева, застегнул ремни безопасности и надел наушники.

— Доброе утро, Дункан, — поздоровался он в микрофон. — Не думал, что у вас получится.

— Я тоже не думал, — сказал пилот, который был чуть постарше. Данросс прибавил громкость, чтобы лучше слышать. — Сомневаюсь, что удастся вернуться, тайбань. Облачность опускается очень быстро. Если вы готовы, лучше полетели. Передаю управление.

— Поехали.

Левой рукой Данросс мягко повернул ручку газа, чуть увеличил обороты и подал рычаг вверх. Одновременно правая рука плавно водила ручку управления вправо, влево, вперед и назад в пределах крошечного круга, ища и нащупывая уже понемногу формирующуюся воздушную подушку. Левая рука контролирует скорость, подъем и снижение, правая — направление движения, ноги на педалях рулей высоты удерживают весь этот неустойчивый аппарат в горизонтальном положении, чтобы

³³⁶ Переиначенная цитата из Евангелий (от Матфея и от Луки), часть ответа Христа новому ученику, который просился на похороны отца. «Но Иисус сказал ему: иди за Мною и предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Матф. 8:22).

избежать крутящего момента. Данроссу нравилось летать на вертолетах. Выкладываться при этом нужно было гораздо больше, чем при управлении аппаратом с фиксированным крылом. Это требовало такой сосредоточенности и мастерства, что он забывал о своих заботах, полет приносил какое-то очищение. Однако в одиночку он летал редко. Небо — для профессионалов или тех, кто летает каждый день, поэтому он всегда предпочитал, чтобы рядом сидел пилот-инструктор. Удовольствия он при этом получал не меньше.

Руки чувствовали, как образуется подушка, и вот аппарат уже на дюйм в воздухе. Налетел порыв ветра, и Данросс мгновенно скорректировал небольшой уход вправо. Проверил приборы, стараясь просчитать риски, обшаривая все вокруг глазами и прислушиваясь к приятному рокоту двигателя. Когда машина стабилизировалась, он добавил оборотов, выжимая левый рычаг вверх, послал ручку управления на дюйм вперед и влево, компенсируя высоту ножными педалями, и вертолет стал круто уходить влево, набирая высоту и скорость, чтобы потом спуститься по склону холма.

Перейдя в горизонтальный полет, он нажал на рычаге управления кнопку передатчика и доложил о ходе полета в диспетчерскую воздушного движения в аэропорту Кай-Так.

— Следите за оборотами, — прозвучал в наушниках голос Мак-Ивера.

— Понял. Виноват. — Пospешив поправиться, Данросс чуть переусердствовал и выругал себя, а потом плавно выровнял вертолет и с удовольствием повел его по маршруту среди окружающей зелени на высоте около тысячи футов над уровнем моря, направляясь через гавань в сторону Коулуна и Новых Территорий, туда, где проводились гонки по холмам.

— Вы действительно собираетесь участвовать в гонках, тайбань?

— Сомневаюсь, Дункан. Но в любом случае хотелось полетать с вами. Всю неделю мечтал об этом.

Невысокий, с изрезанным морщинами лицом и острым взглядом постоянно обводящих все вокруг широко поставленных глаз, Дункан Мак-Ивер когда-то служил в королевских ВВС. Он владел небольшой вертолетной компанией, которая базировалась в аэропорту. По большей части он летал в черте Гонконга, в основном его подряжало правительство для топографической съемки. Иногда его услугами пользовалась полиция, иногда пожарные. А ещё таможенники.

Когда Данросс выровнял машину и встал на маршрут, Мак-Ивер наклонился и прикрыл приборы картонными кружками, чтобы Данросс вел машину, руководствуясь одними ощущениями и звуком двигателя, чтобы прислушивался к его тону и громкости. Если замедляется, значит, двигатель работает с большей нагрузкой, набираем высоту — следи за сваливанием; если ускоряется, значит, ныряем, теряем высоту.

— Тайбань, гляньте-ка вон туда. — Мак-Ивер указал на расщелину, прорезавшую склон холма сразу за Коулуном: она проходила прямо через разросшийся во все стороны поселок переселенцев. — Везде грязевые оползни. Слышали семичасовые новости?

— Да-да, слышал.

— Разрешите, я на минутку возьму управление на себя.

Данросс убрал руки и ноги с рычагов и педалей. Мак-Ивер искусно послал машину в сторону и вниз, чтобы подлететь поближе к поселку и рассмотреть разрушения. Ущерб был нанесен большой. Разбросало и засыпало, наверное, сотни две лачуг. Остальные, расположенные рядом с тем местом, где произошел оползень, оказались в незавидном положении, ещё более уязвимом, чем раньше. Густой пеленой висел дым от пожаров, возникавших с каждой подвижкой земли.

— Господи! Жуткая картина.

— Я сегодня чуть свет на ногах. Пожарные попросили помочь на холме номер

три, выше Абердина. Пару дней назад там случился оползень и чуть не засыпало ребенка. Вчера вечером в том же месте произошла ещё одна подвижка. Страшное дело. Размеры оползня — двести футов на пятьдесят³³⁷. Уничтожено две-три сотни жилищ, но погибло только десять человек — вот повезло! — Мак-Ивер ещё немного покружил, пометил что-то в записной книжке, а потом дал полный газ и снова лег на курс. Как только вертолет перешел в стабильный ровный полет, он сказал: — Передаю красавицу в ваши руки. — И Данросс снова принял управление на себя.

Справа на горизонте показался Шатинь. Когда они подлетели поближе, Мак-Ивер снял картонные кружки с приборов.

— Хорошо, — проговорил, проверив их показания. — Все точно.

— Как у вас, интересная работа была в последнее время?

— Примерно одно и то же. Получил чартер в Макао, если погода позволит, на завтра утром.

— Ландо Мата?

— Нет, какой-то американец по имени Банастасио. Следите за оборотами! О, вот и место вашей посадки.

Недалеко от рыбацкой деревушки в Шатине начиналась грунтовая колея, которая вела в сторону холмов, где и проводились гонки. Трасса представляла собой неровную грунтовую дорогу, проложенную бульдозерами на склоне холма. У подножия стояло несколько машин, некоторые на трейлерах и прицепах, но зрителей почти не было. Обычно люди собирались сотнями. В основном европейцы. Это были единственные автогонки, проводившиеся в колонии. Английские законы запрещали использовать для гонок общественные дороги, поэтому ежегодные гонки на Гран-при Макао для любителей всегда проводились совместно Автомоторным и автогоночным клубом Гонконга и португальским муниципальным советом. В прошлом году победителем в гонке стал Гийо Родригес из команды гонконгской полиции, прошедший шестьдесят кругов за три часа двадцать шесть минут при средней скорости семьдесят две мили в час. Данросс на «лотусе»³³⁸ и Брайан Квок на заимствованном «ягуаре» типа Е шли голова в голову вторыми, пока на одном из крутых поворотов — Фишермэнз-Бенд³³⁹ — у вырвавшегося вперед Данросса не лопнуло колесо. Он чуть не разбился, причем на том самом месте, где у него взорвался двигатель в пятьдесят девятом, за год до того, как он стал тайбаном.

Теперь Данросс сосредоточился на посадке, зная, что на него будут смотреть.

Он выбрал необходимые обороты. Ветер дул навстречу и справа, и по мере приближения к земле вертолет попадал в небольшие завихрения. Данросс старательно удерживал его. В нужный момент он выровнял машину и остановил, зависнув в воздухе и полностью контролируя ситуацию. Затем, так же скоординированно, сбросил газ, плавно послав левый рычаг вверх, чтобы изменить шаг винта и создать воздушную подушку для посадки. Посадочные полозья коснулись земли. Данросс убрал до конца газ и потихоньку довел рычаг вниз. Посадка получилась прекрасной, как и всегда.

Мак-Ивер ничего не сказал — само это молчание уже служило похвалой, — наблюдая за Данроссом, который начал процедуру выключения двигателя.

³³⁷ 62 м на 1,6 м.

³³⁸ «Лотус карз» — английская фирма, производившая спортивные и гоночные машины с 1952 г. Активный участник гонок «Формулы-1» в 1958-1994 гг. За команду «Лотуса» в 1985-1987 гг. выступал знаменитый Айртон Сenna.

³³⁹ От англ. fisherman's bend — морской узел.

— Тайбань, позвольте мне доделать за вас все остальное, — предложил он. — Похоже, эти парни чем-то обеспокоены.

— Спасибо.

Пригнув голову и хлюпая по грязи, Данросс направился к группе людей в плащах.

— Доброе утро.

— Все просто ужасно, тайбань, — сказал Джордж Чжун, старший сын Шити Чжуна. — Попробовал вот проехаться на своей, так застрял на первом же повороте. — Он указал на трассу. Там, зарывшись в грязь, стоял «ягуар» типа Е с помятым крылом. — Придется вытаскивать тягачом. — По дождевикам застучали капли дождя.

— Только время, черт возьми, потеряли, — недовольно произнес Дон Никклин, драчливого вида коротышка лет тридцати. — Нужно было ещё вчера все отменить.

«Совершенно верно, — думал довольный Данросс, — но тогда у меня не было бы предлога полетать и я лишился бы невыразимого удовольствия видеть, как ты торчишь здесь, потеряв понапрасну все утро».

— Все единогласно решили попробовать сегодня. И были согласны, что вряд ли что-то получится, — проговорил Данросс, сама любезность. — Ты был там. Твой отец тоже. А?

— Я официально предлагаю отложить это дело, — поспешил вставить Мак-Брайд.

— Утверждается. — Никклин побрел назад к новенькому, сверкающему грузовику с приводом на все колеса, на котором, аккуратно укрытый брезентом, стоял навороченный «порше».

— Милый молодой человек, — прокомментировал кто-то.

Собравшиеся смотрели, как Никклин привел свой грузовик в движение и, умело маневрируя на скользкой грунтовой дороге, пронесся мимо вертолета, двигатель которого затихал, а винты вращались все медленнее.

— Жаль, что он такое дерьмо, — произнес кто-то другой. — Ведь машину водит здорово.

— Вперед, в Макао, а, тайбань? — усмехнулся Джордж Чжун. Аристократическое произношение выдавало в нем выпускника одной из привилегированных английских школ.

— Да, — подтвердил Данросс, и в голосе его зазвенел металл. Он ждал ноября, чтобы снова победить Никклина. Он обходил его три раза из шести, но Гран-при ему так никогда выиграть не удалось: он с такой силой давил на газ, что ни одна машина не выдерживала. — На этот раз я выиграю, ей-богу!

— О нет, как бы не так, тайбань. Этот год — мой! У меня «лотус-22», то что надо, мой старик раскошелится на полную катушку. Будешь тащиться у меня в хвосте все шестьдесят кругов!

— Как бы не так! Мой новый тип Е... — Данросс осекся.

Скользя и буксуя в грязи, к ним приближалась полицейская машина. «С чего бы это Синдерсу являться в такую рань? — недоумевал Данросс, и внутри все сжалось. — Он же сказал „в полдень“». Рука невольно потянулась к застегнутому заднему карману брюк, чтобы проверить, на месте ли конверт. Нащупав его, Данросс облегченно вздохнул.

Вернувшись вчера вечером в кабинет Уайта, он вытащил все одиннадцать кусочков бумаги и ещё раз просмотрел их при свете. Никакого смысла в зашифрованных строчках найти не удалось. «И слава богу», — подумал он. Потом подошел к фотокопировальному устройству, стоявшему возле стола с обтянутой кожей столешницей, и снял по две копии каждой бумажки. Подобрал два комплекта, сложил их в отдельные конверты и заклеил. На одном написал: «П. Б. Уайту: прошу передать лично тайбаню „Струанз“, не распечатывая». Этот конверт он заложил во

взятую наугад с полки книгу и так же осторожно поставил её обратно. Следуя инструкциям АМГ, он пометил второй конверт буквой «Г» — Рико Грессерхофф — и положил в карман. В третий конверт спрятал оригиналы и тоже засунул в карман. Ещё раз проверив, что тайная дверь снова закрыта, он отпер кабинет и вышел. Через несколько минут он и Гэваллан вместе с Кейси и Рико уже уехали, и хотя возможностей незаметно передать Рико её комплект было немало, он счел за лучшее подождать, пока не передаст оригиналы.

«Отдать их Синдерсу сейчас или сделать это в полдень?» — мучился он, наблюдая за полицейской машиной. Она остановилась, из неё вышел старший инспектор Дональд С. С. Смит. Ни Синдерса, ни Кросса с ним не было.

— Доброе утро, — вежливо поздоровался Смит, коснувшись козырька фуражки стеклом. Другая рука у него по-прежнему покоилась на перевязи. — Извините, мистер Данросс, вертолет в чартере у вас?

— Да-да, старший инспектор, — ответил Данросс. — А что случилось?

— У меня тут небольшое дельце дальше по дороге, и я видел, как вы прилетели. Нельзя ли нам подзанять на часок Мак-Ивера и эту птичку? А если вы возвращаетесь прямо сейчас, может, мы могли бы взять его после этого?

— Конечно. Я через секунду улетаю. Гонки отменяются.

Смит обвел взглядом трассу на склоне холма, посмотрел на небо и хмыкнул.

— Мудрое решение, я бы сказал, сэр. Кто-нибудь мог бы навернуться, как пить дать. Значит, если договорились, я потолкую с Мак-Ивером?

— Конечно. Надеюсь, ничего серьезного?

— Нет-нет, совсем нет. Хотя штука занятная. Землю дождем размыло, и обнаружилась парочка трупов, зарытых неподалеку от того места, где было найдено тело Джона Чэня.

Остальные подошли поближе.

— Вервольфы? — спросил потрясенный Джордж Чжун. — Снова жертвы похищения?

— Мы считаем, что да. Оба молодые люди. Одному голову разворотили полностью, а у другого, бедняги, полголовы снесено, похоже лопатой. И тот и другой китайцы.

— Боже мой! — Джордж Чжун побледнел. Смит мрачно кивнул.

— Вы не слышали, чтобы пропал кто-то из сыновей богатых родителей, нет?

Все покачали головой.

— Неудивительно, — отозвался Смит. — Какая глупость со стороны семей жертв договариваться с похитителями и молчать об этом. К сожалению, тела обнаружены местными жителями, так что сегодня вечером это попадет на первые полосы газет, отсюда и до Пекина!

— Вы хотите вывезти тела на вертолете?

— О нет, тайбань. Мы хотим побыстрее доставить сюда кое-каких специалистов из департамента уголовного розыска, чтобы прочесали эту зону, пока нет дождя. Нам нужно постараться определить, кто эти бедолаги. Вы не могли бы вылететь сейчас же?

— Да, конечно.

— Спасибо. Извините за доставленное беспокойство. Мои соболезнования насчет Ноубл Стар, но в субботу буду ставить на вас. — Смит вежливо кивнул и ушел.

Джордж Чжун был явно расстроен.

— Мы все по-прежнему на мушке у этих ублюдков Вервольфов. Вы, я, мой старик, кто угодно! Господи, как нам защититься от них?

Никто ему не ответил.

И тут Данросс усмехнулся:

— Не стоит переживать, старина. До нас им не добраться, не выйдет.

73

10:01

В полутьме спальни зазвонил телефон. Бартлетт очнулся ото сна.

— Алло?

— Доброе утро, мистер Бартлетт, это Клаудиа Чэнь. Тайбань спрашивает, нужна ли вам машина сегодня?

— Нет-нет, спасибо. — Бартлетт глянул на часы. — Господи, — пробормотал он, пораженный тем, как долго спал. — Э-э... спасибо, спасибо, Клаудиа.

— Поездка в Тайбэй перенесена на следующую пятницу: в пятницу туда и назад в понедельник к полудню. Это вас устраивает?

— Да... э-э... да, конечно.

— Благодарю вас.

Бартлетт положил трубку и снова прилег, собираясь с мыслями. Он с наслаждением потянулся, довольный, что никуда не надо спешить, наслаждаясь редкой возможностью немного полениться.

Было уже четыре часа утра, когда он повесил на ручку номера табличку не беспокоить, выключил до десяти часов все телефоны и лег спать. Вчера вечером Орланда повела его в Абердин, где наняла Лодку для Удовольствий. Они скользили по каналам, от шума дождя обтянутая брезентом каюта казалась ещё уютнее, от жаровни исходило тепло, а еда была горячая и острая.

— В Шанхае мы, когда готовим, не скупимся на чеснок, чили, перец и всевозможные пряности, — говорила она, наполняя его тарелку, и палочки у неё в руках казались изящным продолжением пальцев. — Чем дальше на север, тем более горячей подается еда, там едят меньше риса и больше хлеба и лапши. На севере в почете пшеница, только на юге Китая почитают рис, Линк. Ещё?

Он досыта наелся и напился пива, которое она принесла с собой. Он провел эту ночь с удовольствием, она потчевала его рассказами об Азии и Шанхае, делая это живо и пылко, так что время пролетело незаметно. Потом, когда посуда была убрана и они лежали рядом, откинувшись на подушки и сплетая пальцы, под звуки барабнящего по брезенту дождя она промолвила:

— Линк, извини, но я люблю тебя. Такого он не ожидал.

— За что тут извиняться? — сказал он, ещё не готовый ответить тем же.

— О, но я действительно люблю тебя. И это все осложняет, о да, это очень все осложняет.

«Да, — согласился он про себя. — Женщине легко сказать „я люблю тебя“, не то что мужчине, для мужчины это неразумно: скажешь — и, считай, влип. И это слово, подходит ли оно?» Ответа у него снова не нашлось.

И теперь, лежа в постели и обхватив голову руками, он снова проживал в мыслях минувшую ночь. Они то касались друг друга, то отстранялись, руки — и его, и её — устремлялись к телам друг друга, но так ничего и не доводили до конца. Не то чтобы она уклонялась или останавливала его. Просто он сдерживался. В самый последний момент.

— Ты никогда так не поступал, — бормотал он вслух. — Когда девица заводилась, шёл до конца. — И тут же захотелось, чтобы так оно и было, потому что он вспомнил, какое страстное желание одолевало обоих. «Я не на одну ночь, я не евразийская шлюха», — звучало у него в ушах.

В такси по дороге к ней домой они ничего не говорили, лишь держались за руки, просто держались за руки.

«Скажи мне кто-нибудь месяц, неделю назад, что я остановлюсь на этом, я обозвал бы его болваном и поспорил бы на немалые деньги.

Деньги. Денег у меня более чем достаточно, и для Орланды, и для меня. Но как же Кейси? И „Пар-Кон"? Дело прежде всего. Посмотрим, расскажет ли Кейси про Мэртага, объяснит ли, почему оказалась в такой щекотливой ситуации. Так кто же — Горнт? Горнт или Данросс? Данросс — человек разборчивый, и, если Банастасио против него, это говорит в его пользу».

Когда он изложил Армстронгу свои соображения насчет Банастасио, тот сказал:

— Посмотрим, что нам удастся выяснить, хотя репутация мистера Горнта непогрешима, как ни у кого в колонии. Можете быть уверены, Винченцо Банастасио будет одним из первых в нашем «черном» списке, но разве он не представляет реальной угрозы в первую очередь для Штатов?

— О да. Я поговорил с Роузмонтом...

— А-а, хорошо! Это был мудрый ход. Он человек неплохой. Вы виделись с Эдом Лэнганом?

— Нет. Он тоже из ЦРУ?

— Мистер Бартлетт! Формально я не знаю, из ЦРУ ли Роузмонт. Предоставьте это мне. У него появились какие-то соображения насчет винтовок?

— Нет.

— Ладно, ничего. Я передам вашу информацию и свяжусь с ним — он, кстати, очень неплохой специалист.

Бартлетт ощутил легкую дрожь. «Мало быть просто неплохим, чтобы прищучить мафию, а Банастасио, похоже, действительно мафиози».

Он протянул руку к телефону и набрал номер Кейси. Никто не ответил, поэтому он позвонил вниз, чтобы спросить, не оставляли ли чего-либо для него. Портье сообщил, что всё уже подсунули ему под дверь.

— Желаете, чтобы вам прислали навверх телеграммы и телексы?

— Да, спасибо. Есть ли что-нибудь от Кейси Чолок?

— Нет, сэр.

— Спасибо.

Он вскочил с кровати и подошел к двери. Среди записок о телефонных звонках был конверт. Он узнал её почерк. Все звонки были деловые, кроме одного: «Звонил мистер Банастасио. Просил перезвонить». Эту записку Бартлетт отложил в сторону. Он открыл конверт Кейси. В записке, где было проставлено время — без четверти десять, говорилось: «Привет, Линк! Не хотела нарушать твой сладкий сон. Буду около шести. Желаю приятно провести время!»

«Куда она, интересно, отправилась?» — рассеянно подумал он.

Он снял трубку, чтобы позвонить Роузмонту, но передумал и набрал номер Орланды. Никто не ответил. Он набрал ещё раз. Слышался лишь нескончаемый тоновый сигнал вызова.

— Черт! — Бартлетт прогнал досаду.

«Мы же встречаемся за ланчем, так в чем проблема? Воскресный поздний завтрак здесь, на верхнем этаже „Ви энд Эй", и будет полно времени, воскресный поздний завтрак там, где...

— ...завтракают все сливки общества, Линк. О, это просто супер, о здешних горячем и холодном фуршете говорят по всей Азии. Лучше не бывает!

— Господи, со всей это едой я к следующей неделе буду весить целую тонну!

— Только не ты, никогда, никогда, никогда. Если хочешь, можем сходить погулять подольше или, когда кончится дождь, сыграть в теннис. Будем делать все, что захочешь! О Линк, я так люблю тебя...

Кейси стояла среди толпы на пристани в Коулуне, опершись на балюстраду.

Брюки цвета хаки и желтая шелковая блузка подчеркивали фигуру, но не выпячивали её, свитер из кашмирской шерсти небрежно накинут на плечи, рукава повязаны вокруг шеи, теннисные туфли и купальный костюм в большой сумке. «Вряд ли он мне сегодня пригодится», — думала она, глядя на Пик, затянутый тучами по Мид-Левелз, мрачную черноту неба на востоке и тяжело нависшую полосу дождя, уже накрывшего остров. Над головой прострекотал небольшой вертолет, державший курс через гавань на Сентрал. Она заметила, как винтокрылая машина села на крышу какого-то здания. «Уж не „Струанз" ли? Точно, так и есть. Может, это Изн прилетел? Интересно, состоятся ли гонки по холмам? Вчера вечером он сказал, что их отменили, но, возможно, кто-то все равно выйдет на трассу».

Тут её взгляд упал на приближающуюся моторную круизную яхту. Большая, дорогушая, с изящными обводами, на корме — красный флаг английского торгового флота, на короткой мачте — красочный вымпел. У руля она заметила Горнта. Он выглядел буднично: закатанные рукава рубашки, брезентовые брюки, чёрные волосы растрепаны ветром. Горнт махнул ей рукой, и она помахала в ответ. На главной палубе были и другие. Джейсон Плам — с ним её познакомили на скачках, сэр Дунстан Барр — его она знала с вечеринки у Тайбаня — в шикарном голубом блейзере и белых брюках. Так же по-морскому был одет и Пагмайр.

Горнт умело подвел тяжелое судно к стенке, с борта были уже подвешены кранцы, и двое матросов стояли наготове с баграми. Кейси пошла по набережной к мокрым и скользким ступенькам. На спуске яхту поджидали, болтая и размахивая руками, пять девиц-китаянок, одетых в цветастые наряды для морских прогулок. Остановившись, Кейси наблюдала, как с помощью матроса одна за другой они неуклюже спрыгивают на борт и скидывают туфли на высоких каблуках. словно старые знакомые, красотики направились одна к Барру, другая к Пагмайру, третья — к Пламму, а остальные три весело спустились вниз.

«Проклятье! — исполнилась отвращения Кейси. — Это одна из тех самых увеселительных прогулок». Она уже повернулась, чтобы уйти, но заметила Горнта, который не сводил с неё глаз, опершись на планшир.

— Привет, Кейси, какая жалость, что дождь, спускайтесь на борт! Яхта раскачивалась на волнах, которые со шлепком разбивались о корпус судна и ступеньки.

— Спускайтесь, ничего с вами не случится, — крикнул Горнт.

Она приняла это за вызов и отреагировала мгновенно. Быстро сошла по ступеням, отвергла протянутую руку матроса и, дождавшись нужного момента, прыгнула.

— Вы, похоже, ходили на яхтах, — с восхищением проговорил Горнт, шагнув навстречу. — Добро пожаловать на борт «Морской ведьмы».

— Выходить в море я люблю, Квиллан, но здесь я, похоже, лишняя.

— Вот как? — Горнт нахмурился, и на лице его вроде не было насмешки или вызова. — Это вы про девиц?

— Да.

— Они лишь гости моих гостей. — Он впился в неё глазами. — Насколько я понял, вы хотели, чтобы вас принимали как равную.

— Что?

— Я считал, вы хотите быть принятой на равных в мужском мире, и в бизнесе, и в развлечениях? Чтобы вас приняли как свою, а?

— Да, хочу, — холодно произнесла она.

— Вас смущает, что эти джентльмены женаты и вы знакомы с кем-то из их жен? — так же радушно продолжал он.

— Да, думаю, что да.

— А ведь это довольно несправедливо, не так ли?

— Нет, я так не считаю, — отрезала Кейси, испытывая неловкость.

— Вы — мой гость, мой гость, а остальные — гости моих гостей. Если вы хотите равенства, то, наверное, должны быть готовы его принять.

— Это не называется равенством.

— Вообще-то, я ставлю вас в положение человека, которому доверяют. Как равному. Должен признаться, в отличие от меня, остальные не считают, что вы заслуживаете доверия. — Улыбка посуровела. — Я сказал им: дело ваше, хотите — уезжайте, хотите — оставайтесь. На моем судне я делаю все, что хочу, и я поручился, что вы умеете себя вести и держать язык за зубами. Это Гонконг, и обычаи здесь другие. Мы не пуритане, хотя правила в нашем обществе очень строгие. Вы одна. Не замужем. Очень привлекательны, и вам всегда рады. Как равному. Будь вы замужем за Линком, вам бы этого никто не предложил, ни вместе, ни по отдельности, хотя ему такое предложение могло быть сделано, а что он сказал бы вам, вернувшись, было бы его личным делом.

— Вы хотите сказать, что в Гонконге подобное в порядке вещей: мальчики по воскресеньям гуляют с девицами?

— Нет, совсем нет. Я хочу сказать, что мои гости спросили разрешения прихватить спутниц, которые помогут скрасить им то, что в противном случае может оказаться не самым веселым времяпрепровождением. — Горнт смотрел на неё спокойным взглядом.

Накатила ещё одна волна, и «Морская ведьма» накренилась. Барр со своей подружкой потеряли равновесие и чуть не упали. Девушка выронила бокал с шампанским. Горнт не шелохнулся. Кейси тоже. Ей не нужно было даже за что-то хвататься.

— Вы часто выходите в море? — восхищенно спросил он.

— У меня восемнадцатифутовая яхта из стеклопластика, олимпийского класса, со шлюповым вооружением³⁴⁰, на трейлере. Иногда выхожу в море по выходным.

— Одна?

— В основном одна. Бывает, что с Линком.

— Он сейчас на гонках по холмам?

— Нет. Я слышала, их отменили.

— Он же сегодня летит в Тайбэй?

— Нет. Эта поездка тоже отменена. Горнт кивнул.

— Мудрое решение. Завтра будет много дел. — Глаза смотрели по-доброму. — Извините, если задел. У меня к вам особое отношение. Теперь я уже жалею, что пришли остальные.

В его голосе Кейси услышала странную мягкость.

— А мне жаль, что я пришла.

— Может, все же останетесь? Я на это надеюсь и рассчитываю на вашу рассудительность — я за это поручился.

— Останусь, — просто сказала она. — Спасибо за доверие.

— Проходите на мостик. Там шампанское, и думаю, завтрак вам понравится.

Сделав выбор, Кейси отставила сомнения и решила получить от этого дня удовольствие.

— Куда мы идем?

— По-над Шатинем. Там море спокойное.

— Слушайте, Квиллан, у вас чудесная яхта.

— Одну минуту, и я вам все покажу.

³⁴⁰ Восемнадцатифутовая яхта со шлюповым вооружением — 5,5-метровая яхта с главной мачтой и кливером, треугольным парусом между носовой мачтой и бушпритом.

По палубе забарабанил дождь, и они перешли под защиту навеса. Горнт бросил взгляд на башню с часами. Они показывали 10:10. Он уже собирался отдать приказ об отходе, когда по ступенькам торопливо спустился Питер Марлоу и сошел на борт. При виде Кейси глаза у него расширились.

— Извините за опоздание, мистер Горнт.

— Ничего, мистер Марлоу. Я собирался подождать вас ещё пару минут — я знаю, как непросто одному с маленькими детьми. Прошу извинить, мне кажется, вы знакомы. О, Кейси — мой гость: её благоразумие гарантируется. — Он улыбнулся ей. — Так ведь?

— Конечно.

Повернувшись к ним спиной, Горнт оставил их и прошел на мостик, чтобы встать за руль. Марлоу и Кейси смущенно смотрели друг на друга. От морского ветерка косой дождь казался освежающим.

— Не ожидала увидеть вас, Питер, — проговорила она.

— Я тоже не ожидал увидеть вас.

Она смерила его спокойным, изучающим взглядом.

— Одна из... из оставшихся — ваша? Давайте без обиняков. Он улыбнулся странной улыбкой.

— Да будь оно и так, я сказал бы, что вас это не касается. Благоразумие и все такое прочее. Кстати, вы — подружка Горнта?

Она вытаращила на него глаза.

— Нет. Конечно нет!

— Тогда почему вы здесь?

— Не знаю. Он... просто он сказал, что я приглашена как равная.

— Вот как. О, понятно. — Питер Марлоу тоже почувствовал облегчение. — Странное у него чувство юмора. Ну, я вас предупреждал. Отвечая на ваш вопрос, могу сказать, что в гареме Марлоу по крайней мере человек восемь! — Она рассмеялась вместе с ним, и он добавил, уже более серьезно: — Насчет Флер вам не стоит беспокоиться. Она женщина весьма мудрая.

— Вот бы мне быть такой, Питер. Для меня это все внове. Извините за... да, извините.

— Для меня это тоже в новинку. Никогда не был на таких воскресных морских прогулках. Почему вы... — Тут улыбка исчезла с его лица.

Кейси проследила за его взглядом. Снизу поднялся Робин Грей. Он наливал себе шампанское, и ему протягивала свой пустой бокал одна из девиц. Повернувшись, Кейси уставилась на Горнта, который поглядывал то на одного мужчину, то на другого и в конце остановил взгляд на ней.

— Поднимайтесь вверх! — крикнул он. — Здесь вино, шампанское, «кровавые мэри» или, если желаете, кофе. — Лицо оставалось бесстрастным, но внутри его просто распирало от удовольствия.

74

11:15

— Повторяю, мистер Синдерс, я ничего не знаю ни о какой радиограмме, ни о каком «Артуре», ни о каких папках, ни о каком американце. И я не знаю никакого майора Юрия Бакяна — убитого звали Игорь Воранский, он был матросом первого класса. — Суслев твердо настроился сдерживать эмоции.

Синдерс сидел напротив него за столом в безликой комнате для допросов. Суслев надеялся на помощь Роджера Кросса, но со времени прибытия в Главное управление полиции его не видел.

«Будь осторожен, — говорил он себе. — Рассчитывай лишь на свои силы. От Роджера помощи не будет. И правильно. Этого шпиона нужно оберегать. А что до Борадинова, от него тоже мало проку». Он глянул на своего первого помощника. Тот сидел рядом ни жив ни мертв, словно кол проглотил, и чувствовал себя ужасно неловко.

— Так вы по-прежнему настаиваете, что шпион Дмитрий Меткин не майор КГБ Николай Леонов?

— Это ерунда, полная ерунда. Я доложу об этом инциденте моему правительству, я...

— Вы закончили ремонт?

— Да, во всяком случае, работы будут завершены к полуночи. Гонконг получает за нас хорошие деньги, и мы оплачиваем свои сче...

— Да, и доставляете массу труднообъяснимых неприятностей. Вроде тех, что приключились с майором Леоновым и Бакяном.

— Вы имеете в виду Меткина? — Суслев зыркнул на Борадинова, чтобы хоть немного спустить пар. — Ты знал какого-нибудь Леонова?

— Нет, товарищ капитан, — проговорил, заикаясь, Борадинов. — Мы вообще ничего не знали.

— Чепуха! — вздохнул Синдерс. — К счастью, Леонов успел довольно много рассказать о вас и об «Иванове» прежде, чем вы с ним расправились. Да, ваш майор Леонов очень нам помог. — Его голос вдруг прозвучал хлестко, как удар бича. — Первый помощник Борадинов, прошу подождать за дверью!

Побелевший Борадинов выскочил из помещения, даже не поняв, в чем дело. Ожидавший в коридоре агент Эс-ай, китаец, указал ему на стул, предлагая присесть, и закрыл за ним дверь.

Синдерс отложил трубку в сторону, вытащил пачку сигарет и неторопливо закурил. По оконным стеклам барабанил дождь. Суслев ждал, но сердце у него было не на месте. Он следил за противником из-под косматых бровей, размышляя, зачем так срочно понадобился Кроссу. Когда сегодня утром зазвонил тайный телефон, это был «Артур». Он спросил, может ли Суслев встретиться с Роджером Кроссом сегодня вечером около восьми в Синклер-тауэрс.

— Что за спешка? Мне надо быть на судне и про...

— Не знаю. Роджер сказал, что дело не терпит отлагательства. Обсуждать что-то было недосуг. Вы виделись с Коронским?

— Да. Обо всем договорились. У вас получится?

— О да. Задолго до полуночи.

— Не подведите, Центр теперь на вас рассчитывает, — соврал он. — Передайте вашему приятелю, что это приказ.

— Отлично. Мы не подведем.

Голос показался Суслеву возбужденным. Тогда страх отчасти оставил его, а теперь возвращался. Ему не нравилось в управлении: недолго и остаться тут навсегда. Синдерса в КГБ знали хорошо: человек, преданный своему делу, умный, обладающий великолепной интуицией.

— Я уже устал от ваших вопросов, мистер Синдерс, — буркнул Суслев. В душе он был поражен тем, что глава Эм-ай-6 лично пожаловал в Гонконг и на вид оказался таким невзрачным. Он встал, проверяя противника. — Я ухожу.

— Расскажите мне про «Северин».

— Про «Северин»? Какой такой «Северин»? Я не обязан торчать здесь и выслушивать ваши инсинуации. Я не обя...

— Согласен, товарищ капитан, не обязаны — при обычных обстоятельствах, но один из ваших людей пойман на шпионаже, и наши американские друзья мечтают о встрече с вами.

— Что?

— О да, и боюсь, они не так терпеливы, как мы. Суслева вновь захлестнула волна страха.

— Снова угрожаете! Почему вы мне угрожаете? — возбужденно заговорил он. — Мы законов не нарушаем. Я не несу никакой ответственности за случившееся! И требую, чтобы мне разрешили вернуться на корабль! Немедленно!

Синдерс лишь поднял на него взгляд.

— Хорошо. Можете идти, — спокойно проговорил он.

— Я... могу идти?

— Да-да, конечно. До свидания.

Суслев уставился на него в изумлении, потом повернулся и направился к двери.

— Мы, конечно, не преминем довести до сведения вашего начальства, что вы сдали нам Леонова.

Побледневший Суслев остановился.

— Что? Что вы сказали?

— Помимо всего прочего Леонов сказал нам, что это вы предложили ему произвести выемку. А потом слили нам информацию об обмене.

— Ложь... ложь, — пробормотал Суслев, парализованный ужасным предположением, что Роджера Кросса схватили, как Меткина.

— Разве не вы навели на Бакяна северокорейских агентов?

— Нет, никого я не наводил, — произнес, заикаясь, Суслев. Он испытал огромное облегчение, поняв, что Синдерс берет его на пушку и, скорее всего, никакой реальной информацией не располагает. Русский почувствовал себя увереннее. — Чушь. Не знаю я никаких северных корейцев.

— Я-то вам верю, а вот Первое управление вряд ли поверит. До свидания.

— Что вы имеете в виду?

— Расскажите мне про радиограну.

— Я ничего об этом не знаю. Ваш суперинтендент ошибся, я её не ронял.

— О нет, вы её выронили. Что это за американец?

— Я ничего не знаю ни о каком американце.

— Расскажите мне про «Севрин».

— Да не знаю я ничего про «Северин»! Что это, кто это?

— Вам, я уверен, известно, что ваше начальство в КГБ эти утечки раздражают, они настроены крайне подозрительно. Если вам удастся выйти в море, я предлагаю вам, вашему первому помощнику и всему экипажу никогда больше не появляться в этих водах...

— Снова угрожаете? Это перерастет в международный скандал. Я поставлю в известность мое правительство, и ваше, и...

— Да, и мы тоже поставим его в известность, официально и неофициально. — Взгляд Синдерса был леденящим, хотя на губах играла улыбка.

— Я... Я теперь могу идти?

— Сможете. Если предоставите информацию.

— Что?

— Кто этот американец и кто такой «Артур»?

— Я не знаю никакого Артура. Как фамилия этого Артура?

— Я жду до полуночи. Если вы уходите в море, ничего не сказав мне, то по возвращении в Лондон я постараюсь, чтобы до ушей вашего военно-морского атташе дошла информация о том, что вы сдали Леонова, которого называете Меткиным, и Бакяна, которого именуете Воранским, в обмен на услуги Эс-ай.

— Это ложь, это все ложь! Вы знаете, что это ложь.

— Пятьсот человек видели вас на ипподроме с суперинтендентом Кроссом. Тогда вы и сдали ему Меткина.

— Все ложь. — Суслев пытался скрыть ужас.

— Ну что ж, посмотрим, верно? — ухмыльнулся Синдерс. — Ваш новый военно-морской атташе в Лондоне ухватится за любую соломинку, лишь бы снискать расположение начальства. А?

— Я не понимаю, — проговорил Суслев, хотя все прекрасно понимал. Он попался.

Синдерс наклонился вперед и стал выбивать трубку.

— Послушайте меня внимательно, — произнес он не допускающим возражений тоном. — Вашу жизнь я меняю на этого американца и «Артура».

— Не знаю я никакого Артура.

— Это останется в тайне между мной и вами. Я не скажу никому. Даю слово.

— Никакого Артура я не знаю.

— Скажите, кто он, и вы в безопасности. Мы с вами профессионалы, мы понимаем, что такое обмен — и безопасность. Мы понимаем, что бывают тайные, совершенно секретные договоренности. На этот раз вы попались, поэтому вам надо решать. Если вы уходите в море, не сказав мне, кто такой «Артур», я вас сдаю. Это так же верно, как и то, что КГБ существует. — Синдерс впился в него взглядом. — До свидания, товарищ капитан.

Суслев встал и вышел. Вновь очутившись на свежем воздухе, в гуще гонконгской жизни, русские снова обрели дыхание. Ни слова не говоря, Суслев направился через улицу в ближайший бар. Там он заказал две двойные водки.

Внутри Суслев был опустошен. «Kristos, — хотелось крикнуть ему, — если я сделаю это, я погиб, и если не сделаю — тоже! Черт бы побрал эту радиограмму! Стоит указать на Банастиасио и „Артура“, как станет ясно, что мне известно о „Севрине“, и тогда я в их власти навсегда. А если не укажу, мне конец. Сейчас и домой возвращаться опасно, и здесь оставаться нельзя. Так или иначе, для защиты мне нужны папки АМГ, или Данросс, или то и другое. Так или ина...»

— Товарищ капи...

Он стремительно повернулся к Борадинову и выругался по-русски. Побледневший молодой человек застыл от ужаса.

— Водки! Ещё две порции, — крикнул он. — Пожалуйста.

— Меня зовут Сэлли, а тебя, хейя? — обратилась к нему девица из бара.

— Пошла ты, — огрызнулся Борадинов.

— *Цзю ни ло мо* на твоё «пошла ты», хейя? Ты мистер Пошла Ты? Я не люблю твоё лицо, мистер Пошла Ты, так что сам пошёл, и нечего здесь ругаться. — Она взяла бутылку водки и приготовилась к дальнейшей схватке.

— Извинись перед ней! — рявкнул Суслев. Ему не хотелось неприятностей, и он не был уверен, что девица не подсадная: Главное управление полиции совсем рядом.

Борадинов был в шоке.

— Что?

— Извинись перед ней, болван безродный!

— Извините, — пробормотал смущенный Борадинов, покраснев. Девица засмеялась.

— Эй, богатырь, хочешь «джиг-джиг»?

— Нет, — проворчал Суслев. — Только ещё водки.

Выйдя из полицейской машины, Кросс торопливо прошел под моросящим дождем в Струан-билдинг. Улицы у него за спиной были запружены машинами и зонтиками. Толпы людей спешили по тротуарам на работу и с работы: воскресенье — выходной не для всех. На двадцатом этаже он вышел.

— Доброе утро, суперинтендент Кросс. Я — Сандра И, секретарь мистера

Данросса. Сюда, пожалуйста.

Кросс последовал за ней по коридору, отметив взглядом её обтянутый чунсамом зад. Она открыла ему дверь, и суперинтендент вошёл.

— Привет, Эдвард, — поздоровался он с Синдерсом.

— Ты тоже чуть раньше, как обычно. — Синдерс потягивал пиво. — Старая армейская привычка, а? На пять минут раньше — значит вовремя? — За ним в роскошном зале для заседаний совета директоров располагался полный всякой всячины бар. И все, что нужно для кофе.

— Хотите чего-нибудь выпить, сэр? Есть «кровавые мэри», — предложила Сандра И.

— Благодарю вас, только кофе. Черный.

Она налила кофе и вышла.

— Ну, как прошло? — спросил Кросс.

— С нашим посетителем? Прекрасно, просто прекрасно. Я бы сказал, сфинктер у него разладился. — Синдерс усмехнулся. — Я записал все на магнитофон. Можешь прослушать после ланча. Ах да, ланч. Роджер, в Гонконге вообще можно поесть рыбы с жареной картошкой?³⁴¹

— Конечно. Рыба с жареной картошкой. — Кросс подавил зевок. Он почти всю ночь не спал, проявляя и печатая снятую в хранилище пленку. А утром с огромным интересом читал и перечитывал настоящие папки АМГ, в душе соглашаясь с Данроссом: тот был абсолютно прав, действуя так осмотрительно. «Сколько бы Тайбань ни заплатил АМГ, материалы стоят того, — думал он. — Эти папки, без сомнения, стоят целого состояния».

Часы в кардане негромко пробили полдень. Дверь открылась, и широкими шагами вошёл Данросс.

— Доброе утро. Спасибо, что пришли.

Синдерс и Кросс встали и поздоровались с ним за руку.

— Ещё кофе?

— Нет, благодарю вас, мистер Данросс.

Кросс, не отрываясь, следил, как Данросс достает из кармана запечатанный конверт и передает Синдерсу. Тот взял его и взвесил в руке. Кросс отметил, что пальцы у шефа Эм-ай-6 слегка подрагивают.

— Вы, конечно, ознакомились с содержанием, мистер Данросс?

— Да, мистер Синдерс.

— И?

— И ничего. Взгляните сами.

Синдерс открыл конверт. Он уставился на первую бумажку, потом просмотрел все одиннадцать. Кроссу никак не удавалось разглядеть оттуда, где он стоял, что на бумажных уголках. Синдерс молча передал ему тот, что лежал сверху. Буквы, цифры и значки кода ни о чем не говорили.

— Похоже, это откуда-то вырезано. — Кросс взглянул на Данросса. — А?

— Что насчет Брайана?

— Откуда вы взяли их, Иэн? — Кросс заметил, что выражение глаз Данросса слегка изменилось.

— Я выполнил свою часть договоренности, собираетесь ли вы выполнить свою? Синдерс сел.

— Я не соглашался ни на какой торг, мистер Данросс. Сказал лишь, что, возможно, ваша просьба будет выполнена.

³⁴¹ Популярное дешевое блюдо навынос в Англии и США, которое принято продавать в кулечках, свернутых из газеты.

- Значит, вы не отпустите Брайана Квока?
- Возможно, он окажется там, где вы хотите и когда хотите.
- И всё на этом?
- Извините.

Повисла тягостная тишина. Слышно было, как тикают часы и шумит дождь. Он то налетал шквалом, то проходил. Так он поливал местами с самого утра. По прогнозу непогода скоро должна была кончиться, но, несмотря на все выпавшие осадки, воды в резервуарах накопилось совсем немного.

— Вы можете хотя бы ответить, каковы шансы, — поинтересовался Данросс. — Только точно. Пожалуйста.

— Сначала три вопроса. Первый: это вырезано вами?

— Да.

— Откуда и каким образом?

— АМГ оставил инструкции. Мне предписывалось поддержать зажигалку под правым нижним углом присланных им страниц — это был какой-то безобидный машинописный доклад. Когда я подогрел страницы, печатный текст исчез и проявилось то, что вы видите. Закончив, опять же в соответствии с инструкцией, я вырезал соответствующие места, а остальное уничтожил. И его письмо.

— У вас осталась копия?

— Этих одиннадцати кусков? Да.

— Я должен попросить их у вас.

— Вы получите их, когда выполните условия сделки, — приятным голосом произнес Данросс. — Ну, так и каковы шансы?

— Пожалуйста, передайте мне копии.

— Передам, когда выполните условия. В понедельник на закате. Взгляд Синдерса стал ещё холоднее.

— Копии, сейчас же, будьте так любезны.

— Не раньше, чем выполните условия. Это решено. А теперь шансы, пожалуйста.

— Пятьдесят на пятьдесят, — сказал Синдерс, проверяя его.

— Хорошо. Благодарю вас. Я договорился, что во вторник утром все одиннадцать фрагментов будут напечатаны в «Чайна гардиан» и двух китайских газетах — одной националистической и одной коммунистической.

— В таком случае вы действуете на свой страх и риск. Правительство Её Величества не приемлет давления.

— Разве я вам угрожал? Нет, совсем нет. Для всех эти буквы и цифры — бессмыслица, кроме, возможно — возможно, — какого-нибудь криптографа. Возможно. А возможно, это всего лишь шутка человека, которого уже нет в живых.

— Я могу запретить публикацию в соответствии с Законом о неразглашении государственной тайны.

— Вы, конечно, можете попытаться, — кивнул Данросс. — Но ни адский огонь, ни Закон о неразглашении государственной тайны не воспрепятствуют публикации на этой неделе в каком-нибудь уголке земли, раз я так решил. А я решил. Сам АМГ оставил этот вопрос на мое усмотрение. У вас ещё что-нибудь есть ко мне, мистер Синдерс? Синдерс помолчал.

— Нет. Нет, благодарю вас, мистер Данросс.

Данросс направился к двери, открыл её и объявил, так же вежливо:

— Извините, но я должен вернуться на рабочее место. Спасибо, что заглянули.

Кросс пропустил вперед Синдерса и зашел вслед за ним в лифт. Сандра И, сидевшая за столом в приёмной, уже нажала за них кнопку.

— О, извините, сэр, — обратилась она к Кроссу, — вы не знаете, когда вернется в колонию суперинтендент Квок?

Кросс уставился на неё.

— Я не в курсе. Могу выяснить, если хотите. А что?

— Мы должны были пойти поужинать в пятницу вечером, но, похоже, никто не знает, где он, — ни его домохозяйка, ни у него в офисе.

— Я с удовольствием выясню.

— О, благодарю вас, сэр. — На коммутаторе загудел сигнал телефонного звонка. — Алло, компания «Струанз», — проговорила Сандра И в трубку. — Минуточку. — Она стала соединять.

Кросс предложил Синдерсу сигарету. Они ждали у лифта, наблюдая, как одна за другой загораются цифры этажей.

— Ваш звонок мистеру Аластэру, тайбань, — сказала Сандра И в трубку. Снова загудел сигнал.

— Алло. Одну минуту, мадам, я проверю. — Пока Сандра И справлялась в распечатке встреч, двери лифта открылись. Синдерс вошёл, и Кросс последовал было за ним.

— В тринадцать ноль-ноль, фрау Грессерхофф.

Кросс тут же замер и нагнулся, словно для того, чтобы завязать шнурок, а Синдерс как ни в чем не бывало придержал дверь.

— О, вы правы, мадам, так легко спутать время. Столик заказан на имя тайбаня. Ресторан «Скайлайн» в отеле «Мандарин» в тринадцать ноль-ноль.

Кросс выпрямился.

— Все в порядке? — спросил Синдерс.

— О да. — Двери за ними закрылись. Оба ухмыльнулись.

— Все приходит к тому, кто ждет, — проговорил Кросс.

— Да. Тогда рыбу с жареной картошкой поедим на ужин.

— Нет, вы можете полакомиться ими за ланчем. В «Мандарине» нам есть не следует. Предлагаю проследить за ней потихоньку. А пока я прикажу группе наблюдения выяснить, где она остановилась, а?

— Отлично. — Лицо Синдерса помрачнело. — Надо же, Грессерхофф? Под именем Ганс Грессерхофф скрывался восточногерманский шпион, которого мы пытаемся поймать уже много лет.

— Вот как? — постарался не выдать интереса Кросс.

— Да. Он работал вместе с другим проклятым ублюдком, профессиональным убийцей. Одно из его имен было Виктор Грюнвальд, другое — Симеон Церак. Грессерхофф, надо же? — Синдерс на минуту замолчал. — Роджер, что касается публикации в газетах, этой угрозы Данросса. Паршивое может выйти дело.

— Вы сумеете прочесть шифр?

— Боже правый, нет.

— Что там может быть написано?

— Все, что угодно, — рассудил Синдерс. — Эти страницы предназначены мне или премьер-министру, поэтому там, вероятно, есть имена и адреса контактных лиц. Я не решусь отправлять это телеграммой, даже в зашифрованном виде, — мрачно добавил он. — Думаю, лучше мне немедленно вернуться в Лондон.

— Сегодня?

— Завтра. Сначала нужно закончить с этим делом, и мне очень хотелось бы посмотреть на таинственную фрау Грессерхофф. Данросс сделает то, что сказал?

— Несомненно.

Синдерс подергал себя за брови, его голубые, словно застиранные глаза казались ещё более бесцветными, чем обычно.

— Что насчет клиента?

— Я бы сказал... — Дверь лифта открылась. Они вышли и пересекли вестибюль. Швейцар в униформе открыл перед Кроссом дверцу его автомобиля.

Кросс вывел машину в поток оживленного движения. Над гаванью висела дымка, и дождь на время прекратился.

— Я бы сказал, ещё один сеанс — и Армстронг может начать восстановление. В понедельник к закату — это слишком быстро, но... — Он пожал плечами. — Могу предложить больше не использовать «красную комнату».

— Да. Согласен, Роджер. Слава богу, у этого парня крепкая конституция.

— Пожалуй.

— Мне кажется, Армстронг уже близок к тому, чтобы сломаться, бедняга.

— Ещё один сеанс он может провести. Без проблем.

— Надеюсь. Боже мой, как нам повезло. Невероятно!

Последний сеанс сегодня в шесть утра не дал ничего. Но когда они уже собирались его закончить, Армстронгу удалось нащупать золотую жилу: наконец-то выяснилось все о профессоре Джозефе Юе. Калтек³⁴², Принстон, Стэнфорд. Специалист по ракетостроению и консультант НАСА.

— Когда он приезжает в Гонконг? — спросил Армстронг, и вся команда Эс-ай в контрольном помещении затаила дыхание.

— Я... я не.. дай подумать, дай подумать... А-а, не вспомнить... А-а, да, это... это будет через не... в конце... этого месяца... Какой сейчас месяц? Я не пом... помню... какой сегодня день. Он должен приехать... а потом отправиться дальше.

— Откуда и куда?

— Ох, я не знаю, о нет... Они не сказали... Только... Только кто-то говорил, что он... он прибывает на корабле на Гуам³⁴³ на каникулы с Гавайских островов и будет здесь через десять дней... Думаю, это через десять дней после... после скачек.

А когда Кросс вызвал Роузмонта и рассказал ему об этом — хотя и не упомянул, откуда информация, — американец лишился дара речи и был в панике. Он тут же приказал прочесать весь Гуам, чтобы предотвратить побег.

— Интересно, поймут они его? — пробормотал Кросс.

— Кого?

— Джозефа Юя.

— Я очень надеюсь на это, — вздохнул Синдерс. — Какого дьявола бегут эти ученые? Черт бы их побрал! Хорошего в этом только то, что он выведет китайские ракеты в стратосферу, и у всех русских по спине побегут мурашки от страха. Прекрасно, черт возьми, если хотите знать. Если Советы и «красный» Китай ещё больше рассорятся, нам это только на руку. — Он устроился поудобнее на заднем сиденье: болела спина. — Роджер, я не могу рисковать тем, что Данросс опубликует шифровки или оставит себе копию.

— Да.

— Слишком умничает, черт побери, этот ваш Тайбань, аж из ботинок выскакивает. Если станет известно, что АМГ прислал нам зашифрованное сообщение, и если у Данрасса действительно такая память, как утверждает молва, то он «под колпаком». Верно?

— Да.

В ресторан «Скайлайн», который располагался в пентхаусе, они приехали заблаговременно. Кросса немедленно узнали и тут же освободили для него незаметный столик у бара. Пока Синдерс заказывал выпивку и кофе, Кросс позвонил,

³⁴² Калтек (Калифорнийский технологический институт) — исследовательский центр с мировым именем, расположенный в Пасадене, штат Калифорния. Имеющаяся при институте лаборатория реактивного движения во многих областях тесно сотрудничает с НАСА.

³⁴³ Гуам — самый крупный из Марианских островов. Владение США.

чтобы прислали двух агентов — англичанина и китайца. Оба прибыли очень быстро.

За несколько минут до часа пополудни вошёл Данросс и проследовал к лучшему столу — перед ним метрдотель, за ним несколько официантов. Шампанское уже охлаждалось в серебряном ведерке.

— У этого типа все по струнке ходят, а?

— А у вас не ходили бы? — отозвался Кросс. Обводя глазами помещение, он вдруг остановился. — Гляньте-ка, Роузмонт! Неужто он здесь случайно?

— А вы как думаете?

— А-а, вот оно что! Вон там. В дальнем углу. Винченцо Банастасио. А китаец с ним — Ви Си Энг. Вот, вероятно, за кем они следят.

— Вероятно.

— Роузмонт хитер, — сказал Кросс. — Бартлетт и на него выходил. Возможно, они приглядывают за Банастасио. — Армстронг доложил им о беседе с Бартлеттом. Наблюдение за Банастасио было усилено. — Кстати, я слышал, он нанял вертолет до Макао на понедельник.

— Нужно этот полет отменить.

— Уже сделано. Неполадки с двигателем.

— Прекрасно. Я полагаю, то, что Бартлетт сообщил о Банастасио, снимает с него часть подозрений, а?

— Возможно.

— Все же думаю, мне лучше уехать в понедельник. Да. Надо же, у секретарши Данросса было назначено свидание с клиентом. Боже милостивый, вот это красotka! — проговорил Синдерс.

Женщина следовала за метрдотелем. И для Синдерса, и для Кросса стало полной неожиданностью, когда она остановилась у столика Тайбаня, улыбнулась и, поклонившись, села.

— Боже мой! Фрау Грессерхофф — китаянка? — ахнул Синдерс. Кросс сосредоточенно следил за губами Рико и Данросса.

— Китаянки так не кланяются. Она — японка.

— Она-то здесь, черт побери, при чем?

— Возможно, он ждет кого-то ещё. Воз... О боже!

— Что такое?

— Они разговаривают не по-английски. Должно быть, японский.

— Данросс умеет говорить как япошки? Кросс посмотрел на Синдерса.

— Да, он говорит по-японски. А также по-немецки, по-французски, на трех диалектах китайского и довольно прилично по-итальянски.

Синдерс ответил пристальным взглядом.

— Не стоит глядеть на меня с таким осуждением, Роджер. Я потерял сына на «Принце Уэльском»³⁴⁴, мой брат умер от голода на Бирманской дороге, так что не надо этого дешевого лицемерия. Тем не менее я считаю, что она красotka.

— Что ж, в известном смысле это проявление терпимости, — пробормотал Кросс, снова перенеся внимание на Данросса и девушку.

— Вы воевали в Европе, а?

— Моя война, Эдвард, не кончится никогда. — Кросс улыбнулся: ему понравилось, как прозвучала эта фраза. — Вторая мировая — уже древняя история. Я сочувствую вашим утратам, но теперь Япония не враг, она — наш союзник, единственный настоящий союзник в Азии.

Они прождали целых полчаса. По губам Кроссу так ничего прочесть и не

³⁴⁴ Английский линкор «Принц Уэльский» был потоплен японской авиацией и подводными лодками 10 декабря 1941 г. в Южно-Китайском море у побережья Малайзии.

удалось.

— Должно быть, она и есть Грессерхофф, — сделал вывод Синдерс. Кросс кивнул.

— Тогда пойдем? За рыбой и жареной картошкой? Нет смысла ждать.

Они вышли. Агенты Эс-ай — англичанин и китаец — остались и терпеливо ждали. Подслушать разговор они не могли и просто сидели, завидуя Данроссу, как и многие другие в этом зале. Из-за того, что он — Тайбань, и того, что он с Рико.

— *Gehen Sie?* (Вы едете?) — спросила она по-немецки.

— В Японию, Рико-сан? О да, — ответил он на том же языке, — через две недели. Мы принимаем новый супербалкер у «Тода шиппинг». Вы говорили вчера с Хиро Тода?

— Да-да, имела честь. Фамилия Тода широко известна в Японии. До Реставрации³⁴⁵ и упразднения самурайского сословия моя семья состояла в услужении у Тода.

— Ваша семья принадлежала к самураям?

— Да, но незнатного рода. Я... я не упоминала о моей семье. Это дела давно минувших дней. Не хотелось бы, чтобы он знал об этом.

— Как угодно, — пожал плечами Данросс, хотя его любопытство было задето. — Хиро Тода — человек интересный, — добавил он, чтобы разговорить её.

— Тода-сама³⁴⁶ — очень мудрый человек, очень сильный, очень известный. — Официант принес салат, и, когда он ушел, Рико заметила: — «Струанз» тоже хорошо знают в Японии.

— Да будет вам!

— О да. Мы помним про принца Ёси.

— А-а. Я не думал, что вы знаете.

В 1854 году, когда Перри³⁴⁷ вынудил сёгуна Ёсимицу Торанага открыть Японию для торговли, Карга отправилась из Гонконга на север, а следом за ней — её отец и враг Тайлер Брок. Благодаря ей «Струанз» первыми купили в Японии землю для фактории и первыми после долгого перерыва открыли там торговлю. В течение многих лет она неоднократно приезжала в Японию и сделала её краеугольным камнем политики «Струанз».

В те первые годы она познакомилась с молодым принцем Ёси, состоявшим в родстве с императором и сёгуном, без разрешения которого в Японии нельзя было сделать ничего. По её предложению и с её помощью принц отправился на одном из клиперов «Струанз» в Англию, чтобы познакомиться с Британской империей. Вернулся он через несколько лет на другом судне «Струанз», и в том самом году некоторые феодалы-даймё, которым было ненавистно вторжение иностранцев,

³⁴⁵ Реставрация (или Революция) Мэйдзи (яп. мэйдзи — просвещенное правление, девиз императора Муцухито) — цепь событий 1866-1869 гг., приведших к упразднению власти сёгунов, реставрации императорского правления и к изменению политического и общественного строя. В результате этих изменений и промышленной революции к 1912 г. Япония из неразвитой, феодальной, изолированной от мира страны превратилась в одну из ведущих мировых держав.

³⁴⁶ Сáма — официальная форма вежливого обращения «-сан». В основном используется при обращении к тем, кто значительно выше по званию, а в коммерции — при обращении к клиентам. Часто применяется по отношению к обладателям высоких качеств или достоинств либо к особенно привлекательным людям.

³⁴⁷ Мэттью Колбрайт Перри (1794-1858) — commodore военно-морского флота США. Под угрозой военной силы заставил Японию открыть для торговли с Америкой порты Симода и Хакодате и положил конец двухвековой изоляции страны.

восстали против сёгуна, чья семья — Торанага — безраздельно правила Японией в течение двух с половиной столетий начиная с великого полководца Ёси Торанага. Восстание даймё завершилось успехом, власть вернули императору, но в стране царил междоусобица.

— Если бы не принц Ёси, который стал одним из главных министров императора, — она невольно перешла на английский, — Япония до сих пор испытывала бы потрясения, раздираемая гражданской войной.

— Почему вы так считаете? — Ему хотелось, чтобы она говорила и говорила: было так приятно слушать её ритмичную речь.

— Без его помощи император не добился бы успеха, не отменил бы сёгунат, феодальные законы, даймё, весь класс самураев и не заставил бы их принять современную конституцию. Именно принц Ёси примирил даймё, а потом пригласил в Японию английских экспертов, чтобы те помогли нам создать военный флот, банки и государственный аппарат, помогли стать частью современного мира. — Легкая тень мелькнула по её лицу. — Мой отец много рассказывал о тех временах, тайбань, ведь ещё и ста лет не прошло. Переход от правления самураев к демократии не мог быть бескровным. Но император подписал указ прекратить распрю, поэтому кровопролитию наступил конец, и все даймё и самураи медленно и мучительно стали входить в новую жизнь. — Она поиграла бокалом, наблюдая за пузырьками. — Тогда были владельцами Идзу и Сагами, где сейчас расположена Иокогама. Они владели верфями в течение столетий. Для них и для их союзников — Касиги — не составило труда войти в эту современную эпоху. Для нас же... — Она остановилась. — О, но вы уже все это знаете, приношу свои извинения.

— Только про принца Ёси. Что же случилось с вашей семьей?

— Мой прадед стал очень мелким служащим у принца Ёси. Его послали в Нагасаки, где моя семья и жила с тех пор. Ему было очень непросто не иметь при себе два меча. Мой дед тоже был служащим, как и отец, только очень незначительным. — Она подняла на него взгляд и улыбнулась. — Слишком хорошее вино. У меня от него язык развязался.

— Ну что вы, совсем нет, — возразил он и, почувствовав, что за ними наблюдают, добавил на родном языке Рико: — Давайте какое-то время поговорим по-японски.

— Сочту за честь, тайбань-сан.

Потом, когда принесли кофе, он поинтересовался:

— Куда мне перевести деньги, что я вам должен Рико-сан?

— Было бы замечательно получить от вас до отъезда банковский чек или банковский вексель. — Это она сказала по-английски, потому что таких слов в японском нет.

— Я пришлю его вам в понедельник утром. Сумма составляет десять тысяч шестьсот двадцать пять фунтов, ещё восемь с половиной тысяч фунтов будут выплачены в январе и столько же в следующем году. — Он понимал, что Рико слишком хорошо воспитана, чтобы спросить напрямую. Заметив промелькнувшее по её лицу облегчение, он остался доволен своим решением выплатить ей бонус, равный двухгодичному жалованью АМГ: одна информация о нефти более чем стоила того. — Его доставят в одиннадцать часов. Вас устроит вексель на предъявителя? — Данросс снова произнес это слово по-английски.

— Как вам будет угодно. Не хочу доставлять лишние хлопоты. Данросс обратил внимание, что теперь она говорит медленно и отчетливо, чтобы ему легче было понять.

— Куда вы планируете ехать дальше?

— Думаю, в понедельник я поеду в Японию, а потом... потом не знаю. Возможно, обратно в Швейцарию, хотя на самом деле нет резона возвращаться. Родственников

там у меня не осталось, дом мы снимали, и сад не мой. С его смертью моя жизнь под фамилией Грессерхофф кончилась. Думаю, теперь я снова буду Рико Андзин. Карма есть карма.

— Да, — согласился Данросс, — карма есть карма. — Он сунул руку в карман и достал пакет в нарядной обертке. — Это вам подарок от Благородного Дома в благодарность за хлопоты и такое утомительное путешествие.

— О... О, благодарю вас, но для меня это была только честь, и я выполнила поручение мужа с удовольствием. — Она поклонилась. — Благодарю вас. Можно я открою его сейчас?

— Лучше чуть позже. Там лишь незатейливая нефритовая подвеска, но в коробочке лежит также конверт, который мне велел передать вам ваш муж. Он не предназначен для чужих глаз.

— Ах. Понимаю. Конечно. — Она снова отвесила поклон. — Прошу простить мою непонятливость, я так виновата перед вами.

— Какая непонятливость, что вы? Одна красота, — улыбнулся в ответ Данросс. Она залилась краской и, чтобы скрыть смущение, взяла чашку с кофе.

— Конверт запечатан, тайбань-сан?

— Да, в соответствии с его инструкциями. Вы знаете, что там?

— Нет. Только... мистер Грессерхофф сказал лишь, что вы передадите мне запечатанный конверт.

— Он не объяснил зачем? Или что с ним делать?

— Однажды за ним кто-то придет.

— Этот кто-то должен назваться?

— Да, муж велел никому не раскрывать этого имени, даже вам. Никогда. Я могу рассказать вам все, что угодно, но открыть это имя... нет. Я так виновата, прошу извинить меня.

— Вы должны просто передать ему конверт? — нахмурился Данросс.

— Или ей, — мило поправила она. — Да, когда меня об этом попросят, не раньше. Поняв, что там, этот человек вернет долг. Так сказал мой муж. Благодарю за подарок, тайбань-сан. Я буду хранить его.

Подошел официант, подлил Данроссу шампанского и снова удалился.

— Как я смогу найти вас в будущем, Рико-сан?

— Я оставлю вам три адреса и номера телефонов, по которым мне можно дозвониться: один в Швейцарии, два в Японии.

Помолчав, он спросил:

— Вы будете в Японии недели через две?

Рико подняла глаза, и душа у него зашла от этой красоты.

— Да. Если вы так пожелаете.

— Я этого желаю.

75

14:30

«Морская ведьма» стояла на приколе недалеко от берега рядом с лодочной гаванью в Шатине. Сразу по прибытии кок, Кейси и Питер Марлоу под началом Горнта отправились на берег выбирать ещё плавающих в чанах с морской водой креветок и рыбу, а потом на деревенский рынок — за привезенными утром овощами. На ланч были приготовлены быстро прожаренные креветки с хрустящей брокколи, затем натертая чесноком и зажаренная на сковороде рыба, поданная со смесью китайской зелени, и все это *al dente*.

Во время ланча было много смеха; девушки-китаянки старались развлекать

гостей и забавлялись сами: все они в разной степени владели набором соленых английских словечек. Дунстан Барр был невероятно смешон, остальные подыгрывали ему. «Насколько другими стали все эти мужчины, — с грустью думала Кейси, — насколько они раскрепостились и озорничают как мальчишки». Разговор зашел о бизнесе, и за несколько быстро пролетевших часов она узнала о том, как делаются дела в Гонконге, больше, чем из всех прочитанных ею книг и газет. И ещё больше уверилась в том, что если ты не один из своих, ни реальной власти, ни реального богатства тебе здесь не видать.

— О, у вас с Бартлеттом здесь все получится, Кейси, — уверял Барр. — Если вы будете играть по гонконгским правилам, установлениям Гонконгских, а не американских налоговых структур, верно, Квиллан?

— До некоторой степени. Если будете иметь дело с Данроссом — при условии, что компания «Струанз» не прекратит свое существование к будущей пятнице, — вы получите немного молока, но останетесь без сливок

— А с вами у нас получится лучше? — спросила она.

— Гораздо лучше, Кейси, — рассмеялся Барр, — но все же это будет молоко и капелька сливок!

— Скажем так, Кейси, с нами молоко будет снятое, — дружелюбно заметил Горнт.

Из камбуза поднимался чудесный запах только что обжаренных и свежемолотых кофейных зерен. Разговор за столом шёл общий, все обменивались шутками и, чтобы Кейси было интересно, говорили в основном о торговле в Азии, о спросе и предложении и об отношении азиатов к контрабанде. Девицы-китаянки болтали между собой.

Неожиданно сквозь этот благодушный фон прорезался полный язвительного раздражения голос Грея:

— Об этом лучше спросите Марлоу, мистер Горнт. Он ещё со времен нашего пребывания в Чанги все знает о контрабанде и вымогательстве.

— Будет тебе, Грей, — сказал Марлоу в неожиданно наступившей тишине. — Брось!

— Я думал, вы гордились этим, ты и твой американский друг-вымогатель. Разве не так?

— Давай не будем, Грей. — Лицо Марлоу напряглось.

— Как скажешь, старина. — Грей повернулся к Кейси: — Спросите у него.

— Сейчас не самый подходящий момент, чтобы пережевывать старые ссоры, мистер Грей, — вставил Горнт. Он старался говорить спокойно и не показывать, какое удовольствие ему доставляет стычка, внешне он смотрелся как идеальный хозяин.

— О, я и не пережевываю, мистер Горнт. Вы говорили о контрабанде и черном рынке. Марлоу спец в этом деле, вот и все.

— Кофе будем пить на палубе? — Горнт поднялся.

— Отличная мысль. Всегда славно пропустить чашечку кофе после жратвы. — Грей нарочно употребил это слово, зная, что покоробит компанию, но ему уже было наплевать. Он вдруг устал от пустой болтовни, ему были противны и эти люди, и то, что они собой олицетворяют, противно было чувствовать, что он здесь лишний, и ему хотелось одну из девиц, любую. — Марлоу со своим американским другом, бывало, жарили кофейные зерна прямо в лагере, в то время как остальные умирали с голоду, — с застывшим выражением лица произнес он. — Доводили нас до иступления. — Он посмотрел на Питера, уже не скрывая ненависти. — Разве не так?

Помолчав, Питер Марлоу произнес:

— Кофе время от времени был у всех. Все жарили кофейные зерна.

— Но не так часто, как вы двое. — Грей повернулся к Кейси: — Они пили кофе каждый день, он и его американский приятель. Я был начальником лагерной полиции

и то пил кофе раз в месяц, если повезет. — Он обернулся к Марлоу: — Откуда вы брали кофе и продукты, когда остальные голодали?

Кейси заметила, как на лбу Питера Марлоу вздулась жилка, и в ужасе поняла, что молчание — это тоже ответ.

— Робин... — начала она, но Грей перебил её, продолжая подначивать:

— Что же ты молчишь, Марлоу?

В повисшей тишине все смотрели то на Грея, то на Питера Марлоу, переглядываясь. Даже девицы напряглись и насторожились, почувствовав, что в каюте вдруг разыгрались страсти.

— Вот что, уважаемый приятель, — вмешался Горнт. Он произнес это, специально чуть подчеркнув выговор, который, несомненно, должен был разозлить Грея. — Все это было в далеком прошлом и теперь уже неважно. Сегодня воскресенье, черт побери, и здесь собрались друзья.

— А я думаю, это да-а-вольно важно, воскресный сегодня день или нет. Мы с Марлоу не друзья и никогда ими не были! Он — весь из себя джентльмен, а я — нет. — Грей нарочно протянул «а», передразнивая аристократическое произношение, которое терпеть не мог, и перешел на простонародный выговор: — Вот. Но с войной все переменялось, и у нас, у трудового народа, память долгая!

— Значит, себя ты считаешь трудягой, а меня — нет? — спросил Питер Марлоу, и в его голосе зазвенел металл.

— Мы — эксплуатируемые, а вы — эксплуататоры. Как и в Чанги.

— Смени эту старую, заезженную пластинку, Грей! То был другой мир, другое место и другое время, и...

— Там было так же, как и везде. Были хозяева и те, кем они помыкают, трудовой люд и те, кто кормится за их счет. Такие, как ты и Кинг.

— Чушь собачья!

Стоявшая рядом с Греем Кейси взяла его за руку.

— Пойдемте пить кофе, хорошо?

— Да, конечно, — ответил Грей. — Но сначала спросите его, Кейси. — Грей с угрюмым видом стоял на своем, прекрасно понимая, что наконец-то припер врага к стенке перед людьми его собственного круга. — Мистер Горнт, спросите у него, а? Любой из вас...

Все стояли молча, потрясенные прозвучавшими обвинениями, испытывая неловкость за Питера Марлоу, а Горнт с Пламмом втайне забавлялись, находя это занятным. Потом одна из девиц повернулась к трапу и тихонько ушла. За ней потянулись остальные. Кейси тоже хотелось уйти, но она осталась.

— Сейчас не время, мистер Грей, — услышала она спокойный голос Горнта и обрадовалась: сейчас он прекратит перепалку. — Будьте так любезны, оставьте эту тему. Пожалуйста.

Грей окинул всех взглядом и остановил его на своем противнике.

— Видите, Кейси, ни у кого духу не хватает спросить. Они все из его класса, так называемого высшего класса, и защищают своих.

Барр покраснел.

— Послушайте, старина, не ду...

— Всей этой бессмыслице легко положить конец, — ровным голосом произнес Питер Марлоу. — Нельзя сравнивать Чанги — или Дахау, или Бухенвальд — с нормальной жизнью. Просто нельзя. Там действовали другие правила, шла другая жизнь. Мы были солдатами, большинству не исполнилось и двадцати. Чанги был как рождение заново: все новое, все не так...

— Ты спекулировал на «черном рынке»?

— Нет. Я переводил с малайского для приятеля, коммерсанта, а коммерция и «черный рынок» — совершенно разные вещи, и...

— Но вы занимались этим в нарушение правил, лагерного закона, и получается, что это был «черный рынок», верно?

— Сделки с охранниками противоречили правилам врага, правилам японцев.

— А ты расскажи им, как Кинг покупал у какого-нибудь бедолаги за жалкие гроши часы, кольцо, авторучку — последнее, черт возьми, что у того оставалось, — и продавал втридорога, и никогда не говорил, за сколько сплавил, всегда обманывал, всегда обманывал. А?

Питер Марлоу смотрел на него не отрываясь.

— Почитай мою книгу. В ней...

— Книгу? — Грей снова вызывающе усмехнулся. — А вот поклянись честью джентльмена, честью своего отца и своей семьи, которой ты так, черт возьми, гордишься, что Кинг никого не обманывал! Поклянись честью, а?

Кейси почти застыла от страха, увидев, как Питер Марлоу сжал кулаки.

— Будь мы не в гостях, — прошипел он, — я рассказал бы, какая ты на самом деле дрянь!

— Чтоб тебе гореть в аду...

— Так, довольно! — прозвучал командный голос Горнта, и Кейси перевела дух. — В последний раз прошу вас оставить все это!

Грей оторвал взгляд от Марлоу.

— Хорошо. Могу ли я взять такси в этой деревне? Поеду-ка я, па-а-жалуй, домой сам по себе, если вы не против, — проговорил он нараспев, снова передразнивая аристократическое произношение.

— Конечно. — Горнт напустил на себя мрачность, а внутри был очень доволен, что Грей сам спросил об этом и не нужно ломать голову над тем, как озвучить это предложение. — Но, без сомнения, — добавил он, нанося решающий удар, — без сомнения, вы с Марлоу пожмете друг другу руки, как джентльмены, и забудете об это...

— Как джентльмены? Спасибо, не надо. Нет, мне во как хватило джентльменов вроде Марлоу — на всю оставшуюся жизнь. Джентльмены? Слава богу, Англия меняется и скоро снова окажется в достойных руках. И самое что ни на есть британское, оксфордское, произношение уже не будет считаться приметой благородного сословия и служить постоянным пропуском во власть, этого больше не будет никогда. Мы реформируем палату лордов, и если у меня получится...

— Будем надеяться, что у вас ничего не получится! — вставил Пагмайр.

— Паг! — твердо оборвал Горнт. — Время для кофе и портвейна! — Он учтиво взял Грея под локоть. — Прошу извинить нас с мистером Греем, мы на минутку...

Они вышли на палубу. Болтовня девиц-китайнок на минуту стихла. Втайне очень довольный собой, Горнт повел гостя по сходам на пристань. Все выходило даже лучше, чем он задумал.

— Приношу свои извинения, мистер Грей, — начал он. — Я и представления не имел, что Марлоу... Какой ужас! Никогда ведь не знаешь, верно?

— Ублюдок он, всегда был таким и будет — он и его гнусный приятель-американец. Вот кого ещё не выношу, так это янки! Пора нам расплесться с этим сбродом!

Горнт без труда нашел такси.

— Вы уверены, что не передумаете, мистер Грей?

— Нет уж, спасибо.

— Мне очень жаль, что так получилось с Марлоу. Ясное дело, вас спровоцировали. Когда вы и торговая делегация улетаєте?

— Утром, рано.

— Если я могу чем-то здесь помочь, лишь дайте знать.

— Спасибо. Как возвратитесь, брякните мне.

— Благодарю вас. Позвоню, и спасибо, что пришли. — Он заплатил таксисту вперед и вежливо помахал рукой, пока машина отъезжала. Грей даже не обернулся.

Горнт усмехнулся. «В будущем этот гнусный ублюдок может стать полезным союзником», — размышлял он, возвращаясь обратно.

Большинство гостей расположились на палубе с кофе и ликерами, Кейси с Питером Марлоу стояли у борта.

— Редкий болван! — воскликнул Горнт, ко всеобщему одобрению. — Я ужасно сожалею, Марлоу, этот тип...

— Нет, это моя вина, — возразил Питер Марлоу. Было заметно, что он очень расстроен. — Прошу извинить меня. Я чувствую себя ужасно из-за того, что он ушел.

— Нет нужды извиняться. Это я виноват: не следовало его приглашать. Спасибо, что вели себя как джентльмен, ведь ясно было, что он вас провоцирует.

— Совершенно верно, — подтвердил Пагмайр, и многие с ним согласились. — Будь я на вашем месте, он бы у меня схлопотал. Что бы там ни случилось, это уже дело прошлое.

— О да, — быстро проговорила Кейси, — какой ужасный человек! Если бы вы, Квиллан, не остановили его, Грей бы...

— Ну, довольно об этом болване, — добродушно прервал Горнт, которому уже наскучил разговор. — Давайте забудем о нем, чтобы он не испортил нам такой чудный день. — Он обнял одной рукой Кейси и прижал к себе. — А? — В её глазах он увидел восхищение и, к своему восторгу, понял, что скоро достигнет цели. — Слишком холодно, чтобы плавать. Может, двинемся потихоньку к дому?

— Прекрасная мысль! — воскликнул Дунстан Барр. — Устрою-ка я себе сиесту.

— Просто потрясающая! — поддержал кто-то, и раздался смех. Девушки тоже засмеялись, но смех вышел деланным. Все ещё чувствовали себя не в своей тарелке, и Горнт остро ощутил это.

— Сначала немного бренди! Марлоу?

— Нет, благодарю вас, мистер Горнт. Горнт пристально посмотрел на него.

— Послушайте, Марлоу, — проговорил он с неподдельным сочувствием, и все умолкли. — Мы все слишком много повидали в жизни, слишком хорошо знаем Азию, чтобы не понять. Что бы вы там ни сделали, это делалось из добрых побуждений, а не со зла. Вы правильно сказали. Чанги был чем-то особенным, и коллизии там возникали особенные. Пага держали в тюрьме Стэнли — это на острове Гонконг, Кейси, — три с половиной года. Я едва выбрался из Шанхая, еле ноги унес, пришлось драться за свою жизнь. Джейсона после Дюнкерка схватили нацисты, и он пару непростых лет провел у них в плену. Дунстан действовал в Китае — он вообще всю жизнь провел в Азии и тоже знает, что к чему. А, Дунстан?

— О да, — с грустью согласился Дунстан Барр. — Чтобы выжить на войне, Кейси, приходится иногда выходить за пределы дозволенного. Что касается коммерции, Марлоу, я согласен, в большинстве случаев нужно применяться к времени и месту. Слава богу, меня не схватили. Не думаю, что мне удалось бы выжить, точно не выжил бы. — Он наполнил свою рюмку из графина: ему было неловко, что приходится говорить все как есть.

— А что вообще было в Чанги? — спросила Кейси. Этот вопрос вертелся на языке у всех.

— Объяснить непросто, — промолвил Марлоу. — Вряд ли можно ближе подойти к небытию. Нам выдавали четверть фунта сухого риса в день, немного овощей, одно яйцо в неделю. Иногда в супе плавало... чувствовался запах мяса. Там все было по-другому, только это и можно сказать. Большинство из нас и джунглей-то никогда раньше не видели, не говоря уже о китайцах и японцах, а тут ещё проигранная война... Когда начался Чанги, мне было всего восемнадцать.

— Боже, вот уж терпеть не могу япошек, просто не выношу! — воскликнул

Пагмайр, и остальные согласно закивали.

— Не спешите с выводами. Они лишь играли по своим правилам, — возразил Питер Марлоу. — С точки зрения японцев это было справедливо. Они показали себя отличными солдатами, отважно сражались и почти никогда не уповали на милость врага. Сдавшись в плен, мы, по их понятиям, опозорили себя. — Питер Марлоу поежился. — Я чувствую себя опозоренным, до сих пор чувствую.

— Это неправильно, Марлоу, — возразил Горнт. — Ничего позорного в этом нет. Ничего.

Стоявшая рядом с Горнтом Кейси слегка дотронулась до его руки ладонью.

— Он прав, Питер. Он действительно прав.

— Да, — подтвердил Дунстан Барр. — Но Грей, какого черта Грей так разошелся? А?

— Не из-за чего и из-за всего. Он фанатически следил за соблюдением лагерных порядков — то есть японских порядков, — и многие из нас считали это глупостью. Как я уже говорил, Чанги — это другой мир, там были и офицеры, и рядовые. Никаких писем из дома, голод, две тысячи миль оккупированной противником территории в любом направлении, малярия, дизентерия и ужасно высокий уровень смертности. Грей терпеть не мог этого моего американского приятеля, Кинга. Да, Кинг был ловкий делец и хорошо питался, когда другие голодали, пил кофе, курил сигареты фабричной набивки, а не самокрутки. Но этим своим умением он сохранил многим из нас жизнь. Тому же Грею. Он даже Грею сохранил жизнь. Я уверен, что именно благодаря этой своей ненависти Грей и выжил. Кинг кормил почти весь американский контингент — человек тридцать, офицеров и солдат. О, они это отрабатывали, по-американски, но без него они бы погибли. Я бы точно погиб. Я знаю. — Питер Марлоу поежился. — Джосс. Карма. Жизнь. Теперь я, пожалуй, не откажусь от бренди, мистер Горнт.

Горнт налил.

— А что случилось с этим человеком, с этим парнем, которого вы называете Кингом? После войны?

Его со смешком прервал Пагмайр:

— Один из тех типов, что занимались коммерцией в нашем лагере, впоследствии стал миллионером, черт бы его побрал. С Кингом вышла такая же история?

— Не знаю, — ответил Питер Марлоу.

— Вы больше никогда его не видели, Питер? — удивилась Кейси. — Не встречали его в Штатах?

— Нет, никогда. Я пытался разыскать его, но ничего не вышло.

— Обычное дело, Кейси, — как ни в чем не бывало заявил Горнт. — После увольнения со службы все долги и дружеские отношения отменяются. — Он был очень доволен. «Все отлично», — сказал он себе, подумав о двуспальной кровати в своей каюте, и улыбнулся ей через палубу.

Она улыбнулась в ответ.

Рико Андзин-Грессерхофф вошла в фойе «Ви энд Эй». Зал был полон: одни уже пили чай, хоть время ещё не пришло, другие запоздали с ланчем. Пока она шагала к лифту, по телу пробежала дрожь: досаждали эти провожающие её взгляды. Не те похотливые, какими обычно пожирала Рико мужчины-европейцы, или неодобрительные, что метали их женщины, а враждебные взоры китайцев и евразийцев. Никогда прежде ей не приходилось испытывать на себе столько всеобщей ненависти. Ощущение было очень странное. Она первый раз выбралась за пределы Швейцарии, если не считать поездок в Германию в школьные годы и двух выездов в Рим с матерью. Муж брал её с собой за границу только однажды — в Вену

на неделю.

«Нет, Азия не по мне, — подумала она, снова пытаясь не содрогнуться. — Но ведь это не Азия, это Гонконг, и, конечно, подобное происходит только здесь, такие уж тут живут люди. И они, несомненно, имеют право ненавидеть. Интересно, понравится ли мне в Японии? Не окажусь ли я чужой даже там?»

Пришел лифт, и она поднялась в свой люкс на шестом этаже. Коридорный и не подумал открыть ей дверь. Когда она осталась одна и заперлась на задвижку, ей стало лучше. На телефонном аппарате мигал красный огонек: для неё получено сообщение, но она не обратила на него внимания. Быстро сняв туфли, шляпку, перчатки и плащ, она тут же определила все это в большой шкаф; остальная одежда уже была аккуратно сложена, как и три пары туфель. Люкс был небольшой, но изящный, с гостиной, спальней и ванной. На столе стояли цветы от «Струанз» и ваза с фруктами от отеля.

Пальцы аккуратно развернули подарочную упаковку, под которой скрывалась черная прямоугольная плюшевая коробка. Рико открыла её, и по телу разлилось тепло. Тонкая золотая цепочка, а на ней — подвеска из зеленого нефрита в форме рога изобилия. На камне крапчатой окраски проступали пятнышки тоном посветлее, гладко отполированная поверхность переливалась на свету. Рико тут же надела подвеску и подошла к зеркалу, любясь тем, как камень смотрится на груди. Ей никогда ещё не дарили нефрит.

Под черным, обтянутым плюшем картоном лежал конверт. Не фирменный конверт «Струанз», а самый обыкновенный, и печать была из обычного красного сургуча. С большой осторожностью она просунула под печать нож для бумаги и, слегка нахмутив лоб, один за другим просмотрела все фрагменты. Какая-то мешанина из цифр и букв, иногда попадаются значки. Легкая улыбка удовлетворения тронула губы. Найдя бювар и устроившись поудобнее за столом, она стала копировать надписи, одну за одной.

Закончив, сверила их с оригиналами. Положила копии в конверт отеля и запечатала его. Оригиналы засунула в другой конверт, простой, вынув его из сумочки. Затем нашла новую палочку красного сургуча для печатей, зажгла спичку и капнула расплавленным сургучом на оба конверта, убедившись, что печать на конверте с оригиналами такая же, какую поставил Данросс. Зазвонил телефон. Рико вздрогнула и смотрела на него с колотящимся сердцем, пока он не умолк. Успокоившись, она снова принялась за работу, проверив на свет, не осталось ли на бюваре, которым она пользовалась, предательских вмятин. Удовлетворенная, она наклеила марки на конверт с копиями и написала адрес получателя: Р. Андзин, почтовый ящик 154, главпочтамт, Сидней, Австралия. Потом положила его и другой конверт с оригиналами в сумочку.

Удостоверясь, что ничего не упущено из виду, она подошла к небольшому холодильнику у заполненного бара, вынула бутылку газированной минералки и выпила немного.

Снова зазвонил телефон. Она смотрела на него, попивая минералку, проверяя и перепроверяя все в уме, перебирая в памяти ланч с Данроссом, думая, правильно ли поступила, приняв его приглашение на коктейль сегодня вечером, а потом на ужин с ним и его друзьями. «Интересно, будут ли там друзья, или мы будем одни? Хотела бы я побыть наедине с этим мужчиной?»

Она вспомнила низкорослого, неопрятного, лысеющего Ганса Грессерхоффа и четыре года, проведенных с ним, когда она неделями оставалась одна, засыпала одна и просыпалась. Редкие выходы в свет, никаких друзей — муж с его непонятной манерой секретничать просил не заводить подруг, хотел, чтобы она коротала дни в одиночестве, спокойная и терпеливая. Это было труднее всего. Терпение. Сохранять терпение, когда одна и когда рядом он, во сне или наяву. Терпение и внешнее

спокойствие. Она чувствовала себя вулканом, который вот-вот извергнется.

В том, что муж любил её, не было никакого сомнения. А она лишь исполняла свой долг, гири. Он давал ей деньги, и жизнь её текла гладко, ни в богатстве, ни в бедности, ровно и размеренно, как и все в выбранной ими стране. В его отъездах и возвращениях не просматривалось никакой системы. Когда он был с ней, то всегда хотел её, хотел быть рядом. Постель удовлетворяла его, а её нет, хотя она притворялась, чтобы сделать ему приятно. «Ну так что ж? — говорила она себе. — У тебя же нет другого, чтобы сравнить».

«Он был хорошим мужем, и все происходило так, как я и рассказала Тайбаню. Я старалась быть хорошей женой, повиноваться во всем, чтобы почтить желание моей матери, чтобы выполнить мой гири по отношению к ней и по отношению к нему. А вот что теперь?»

Она посмотрела на обручальное кольцо и покрутила его на пальце. В первый раз за все время замужества и вдовства она сняла металлический ободок и стала пристально рассматривать, положив на ладонь. Маленькое, пустое и неинтересное. Сколько ночей в одиночестве, сколько слез по ночам, и все ждала, ждала, ждала. Чего ждала? Детей нельзя, друзей нельзя, путешествовать нельзя. Не то чтобы это был запрет, как у японцев: Киндзиру! Нет, он обычно говорил так: «Ты не считаешь, дорогая, что лучше тебе не ездить в Париж, пока меня не будет? Мы можем поехать туда в следующий раз, когда я буду здесь...» И оба понимали, что так никуда и не поедут.

В Вене было ужасно. Это случилось в первый год. Они поехали на неделю. «Мне сегодня вечером нужно выйти, — сказал он в первый же вечер. — Пожалуйста, оставайся в номере и ешь здесь, пока я не вернусь». Прошло два дня. Когда он вернулся, лицо его было землистого цвета, перекошенное от страха. И тут же, среди ночи, они сели во взятую напрокат машину и помчались назад в Швейцарию, причем дали большого крюка, ехали другой дорогой, через тирольские горы, и он постоянно посматривал в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, нет ли за ним «хвоста», и заговорил с ней лишь после того, как они благополучно пересекли границу.

«Но почему, почему, Ганс?» — «Потому что! Прошу тебя, ты не должна задавать вопросов, Рико. Ты ведь на это согласилась... мы договорились. Извини меня за этот отпуск. Мы съездим в Венген³⁴⁸ или Биарриц³⁴⁹, будет здорово, там будет здорово. Прошу тебя, не забывай о своем гири и о том, что я люблю тебя всей душой».

Любовь!

«Я не понимаю этого слова, — думала она, стоя у окна и глядя на гавань: мрачные тучи, видимость плохая. — Странно, у нас в японском нет такого слова. Только долг и оттенки долга, привязанность и её оттенки. Но не Lieben³⁵⁰. Ай? Ай, вообще-то, значит „уважение“, хотя некоторые используют его в значении Lieben».

Поймав себя на том, что думает по-немецки, Рико улыбнулась. Она почти всегда думала по-немецки, хотя сегодня, с Тайбанем, по-японски.

«Как давно я уже не говорила на родном языке. А какой язык для меня родной? Японский? Это язык, на котором говорили мои родители и говорю я. Немецкий? На этом языке говорят в той части Швейцарии, где я живу. Английский? Это язык моего

³⁴⁸ Венген — популярная у туристов деревушка на Бернском нагорье, куда можно добраться по построенной ещё в 1890-е гг. горной узкоколейке. Славится красивейшими видами на швейцарские Альпы, в частности на вершины Юнгфрау и Эйгер.

³⁴⁹ Биарриц — модный курорт на юго-западе Франции на побережье Бискайского залива.

³⁵⁰ Любовь (нем.).

мужа, хотя он и утверждал, что его родной язык — немецкий. Он что, англичанин?»

Она задавала себе этот вопрос много раз. Не то чтобы он плохо владел немецким, просто относился к ней не как немец.

«Он вел себя не как немец, и я веду себя не как японка. Или это не так?

Не знаю. Но теперь, теперь я могу это выяснить».

Муж никогда не говорил Рико, в чем заключается его работа, а она никогда не спрашивала. После Вены легко было сделать вывод, что работа эта нелегальная и как-то связана с международной преступностью или шпионажем. На преступника Ганс не походил.

Так что с тех пор она стала ещё более осторожной. Пару раз ей показалось, что за ними следят, — в Цюрихе и когда они ездили кататься на лыжах, но он лишь отмахнулся: не о чем беспокоиться. «Но будь готова к тому, что может произойти всякое. Держи все свои ценные вещи и личные документы, паспорт и свидетельство о рождении, в дорожной сумке, *Ри-тян*³⁵¹, — сказал он, назвав её уменьшительным именем. — На всякий случай, лишь на всякий случай».

Теперь, после смерти мужа, когда почти все его инструкции были выполнены, и она получила деньги, и ей позвонил Тайбань, чтобы вызвать сюда, жизнь Рико переменилась. Теперь она могла начать сначала. Ей двадцать четыре. Прошное осталось в прошлом, а карма есть карма. Денег Тайбаня более чем достаточно, чтобы жить безбедно многие годы.

В брачную ночь муж сказал ей: «Если со мной что-то случится, тебе позвонит человек по имени Кернан. Перережь телефонные провода — я покажу как — и немедленно уезжай из Цюриха. Брось все, возьми лишь дорожную сумку. Доедешь на машине до Женевы. Вот ключ. Им откроешь депозитную ячейку в Швейцарском банке Женевы на Рю Шарль. Там деньги и кое-какие письма. Точно следуй инструкциям, дорогая, о, как я люблю тебя. Оставь все. Сделай все в точности, как я сказал...»

Она так и сделала. В точности. Это был её гир.

Перекусила телефонные провода ножницами для резки металла сразу за коробкой, укрепленной на стене, так что это было почти незаметно. В Женеве, в депозитной ячейке банка, нашла письмо с инструкциями, десять тысяч американских долларов наличными, новый швейцарский паспорт, с печатями, с её фотографией, но с другим именем и другой датой рождения, и новую метрику, которая свидетельствовала, что она родилась в городе Берне двадцать три года назад. Рико понравилось новое имя, которое он ей подобрал, и она вспомнила, как в безопасности гостиничного номера, окна которого выходили на прелестное озеро, она плакала по нему.

В той же ячейке хранилась сберегательная книжка, выданная банком Женевы на её новое имя, — вклад составлял двадцать тысяч американских долларов. А ещё ключ, адрес и купчая на небольшое шале у озера, полностью меблированное. Дама, присматривавшая за домом, знала лишь её новое имя и то, что она — вдова и была за границей: купчую оформили на новое имя Рико, хотя дом приобрели четыре года назад, за несколько дней до её свадьбы.

«Ах, хозяйка, как я рада, что вы наконец-то вернулись домой! Путешествовать по чужим краям, должно быть, утомительно, — приветствовала её приятная, хотя и простая старушка. — О, последний год или около того ваш дом снимал один очаровательный, спокойный англичанин. Он исправно платил каждый месяц, вот счета. Сказал, что, может быть, приедет в этом году, а может, и нет. Ваш агент — на авеню Ферме...»

³⁵¹ Тян — неформальный, личный, уменьшительный эквивалент японского обращения «-сан». Используется применительно к детям и женщинам в семье, к близким друзьям и любимым.

Потом, бродя по шале — широкое и чистое озеро в окружении гор, дом, чистый, как эти горы, картины на стенах, цветы в вазах, три спальни, гостиная, веранды, крохотные, но для неё в самый раз, ухоженный сад, — она зашла в главную спальню. Среди калейдоскопа небольших картин различных форм и размеров на одной из стен Рико увидела то, что вначале приняла за часть старого письма в рамочке под стеклом, на желтеющей уже бумаге. Она узнала его почерк. Написано было по-английски. «Столько счастливых часов в твоих объятиях, Ри-тян, столько счастливых дней, проведенных вместе с тобой. Как мне выразить свою любовь к тебе? Забудь меня, я же тебя никогда не забуду. Как я молю Бога даровать тебе десять тысяч дней за каждый день моей жизни, дорогая, дорогая, дорогая...»

Огромная двуспальная кровать казалась почти выпуклой от накинутаго на неё разноцветного толстого пухового одеяла; через открытые окна нежной волной струился воздух, который нес с собой ароматы лета; вершины гор осыпаны снегом, как сахарной пудрой. Она снова плакала, и шале ей очень понравилось.

Рико не провела там и нескольких часов, как позвонил Данросс, и она села на первый же самолёт, и вот она здесь, большая часть работы завершена, никакой нужды возвращаться нет, с прошлым покончено — если она этого пожелает. Насколько она понимала, новый паспорт был настоящий, и свидетельство о рождении тоже. В Швейцарию возвращаться незачем — если только из-за шале. И того письма в рамке.

Она оставила письмо на стене. И решила, что пока дом принадлежит ей, оно останется там, где его повесили.

76

17:10

Орланда сидела за рулем своей небольшой машины. Рука сидевшего рядом Бартлетта легко обнимала её за плечи. Они только что перевалили через вершину холма на пути из Абердина и теперь, ещё окруженные облаками, направлялись вниз по склону на Мид-Левелз, к ней домой, в Роуз-Корт. Они были счастливы вместе, чутко чувствуя друг друга и чего-то ожидая. После ланча они перебрались на гонконгскую сторону, и она повела машину на юго-восточную оконечность острова, в Шек-О, чтобы показать загородные дома некоторых тайбаней. Местность была неровная и малонаселенная: холмы, овраги, рядом всегда море, голые скалы и камни.

Из Шек-О по вьющейся вдоль южного побережья дороге они добрались до Рипалс-Бэй³⁵². Там выпили чаю с пирожными в чудесном отеле, на веранде, выходившей к морю, потом поехали дальше мимо Дипуотер-Коув в Дискавери-Бэй, где Орланда остановилась у смотровой площадки.

— Посмотри вон туда, Линк, это замок Ток!

Большое нелепое строение, похожее на крепость норманнов, гнездилось у обрыва высоко над водой.

— Во время войны канадцы — канадские солдаты³⁵³ — защищали эту часть

³⁵² Рипалс-Бэй — красивая бухта на южной оконечности острова Гонконг, популярное место отдыха с прекрасным пляжем.

³⁵³ По просьбе британского правительства в октябре 1941 г. Канада послала два пехотных батальона (около 2 тыс. человек) для усиления гарнизона Гонконга. О храбрости канадских солдат напоминает поставленный в парке Гонконга памятник одному из них, Джону Осборну.

острова от вторгшихся японцев и отступили в замок Ток, чтобы занять там последнюю линию обороны. Когда они сдались превосходящим силам противника, в живых оставалось около двухсот пятидесяти человек. Японцы загнали их на террасу замка Ток и штыками сбросили на скалы вниз.

— Господи. — Высота там была, наверное, больше ста футов.

— Всех. Раненых и... и остальных, всех.

Заметив, как она поежилась, Бартлетт снова протянул руку, чтобы дотронуться до неё.

— Брось, Орланда, это же было так давно.

— Нет-нет, совсем недавно. Боюсь, история и война до сих пор с нами, Линк. И будут с нами всегда. По этим террасам ночами бродят призраки.

— Ты в это веришь?

— Да. О да.

Он вспомнил, как снова оглянулся на дом, нависший над скалами, как внизу разбивался о камни прибой, как Орланда откинулась назад, прижавшись к нему, и его окутал аромат её духов, как он ощущал её тепло и радовался, что жив, а не погиб вместе с теми солдатами.

— Этот твой замок Ток какой-то киношный. Ты когда-нибудь была внутри?

— Нет. Но говорят, что там есть и рыцарские доспехи, и донжоны³⁵⁴ и что это копия настоящего замка во Франции. Он принадлежал старому сэру Часань Току, Строителю Току, мультимиллионеру, который заработал состояние на жести. Говорят, когда Току исполнилось пятьдесят, один предсказатель велел ему построить «большой дом», чтобы отвести неминуемую смерть. Вот он и начал строить и возвел десятки особняков в различных местах, три на острове Гонконг, один около Шатиня и множество в Малайе. Замок Ток был последним. Сэру Току тогда уже стукнуло восемьдесят девять, но он был здоров и бодр и выглядел как мужчина средних лет. Но говорят, что, закончив замок Ток, он сказал: «Хватит!» — и перестал строить. И через месяц умер: предсказание сбылось.

— Ты все это придумываешь, Орланда!

— О нет, Линк, зачем мне выдумывать? И потом, кто разберет, где правда, а где ложь? Кто это знает на самом деле, а, дорогой?

— Я знаю, что без ума от тебя.

— О Линк, надо сказать, я чувствую то же самое.

Они миновали Абердин, ощущая тепло друг друга, её волосы то и дело касались его руки, лежавшей у неё на плече. Время от времени она указывала на какие-то дома и достопримечательности, и часы для обоих летели незаметно и восхитительно. Теперь они уже спускались с перевала через облака, и, когда вырвались из их плена, внизу открылась панорама большей части города. Огни ещё не зажглись, хотя здесь и там у края воды начинали ярко светиться неонам огромные рекламные щиты.

Движение было плотное, вдоль крутых дорог в канавах ещё бежала вода, то и дело попадались груды свежей грязи, камней и веток. Орланда вела машину умело, не рискуя, и Бартлетт чувствовал себя в безопасности, хотя от этой езды по неправильной стороне дороги на поворотах у него волосы дыбом вставали.

— Но мы едем по правильной стороне, — возразила она. — Это вы ездите по неправильной!

— Черта с два! По левой стороне ездят только англичане. Ты ведь такая же американка, как и я, Орланда.

— Ох, как бы мне хотелось, чтобы так оно и было, Линк.

³⁵⁴ Донжон — находящаяся внутри крепостных стен и не связанная с ними четырехугольная башня в старофранцузских, особенно норманнских замках.

— А это так и есть. Ты и говоришь, как американка, и одеваешься.

— Ах, дорогой, но мне-то известно, кто я.

Он стал просто смотреть на неё. «Ни на кого ещё я не смотрел с таким удовольствием, — думал он. — Даже на Кейси». Тут мысли снова привели его к Блицманну, и захотелось открутить этому болвану голову.

«Плюнь на него, дружище, а вместе с ним и на остальное дерьмо этого мира. Именно это он собой и представляет — он и Банастасио». Тут Бартлетт вновь почувствовал мучительную боль. Перед самым ланчем Винченцо позвонил ему, чтобы принести извинения, которые, по сути дела, обернулись новой угрозой.

— Давайте перекусим вместе, детка, ты и я? Черт возьми, Линк, это никуда не годится, что мы кричим друг на друга. Как насчет бифштексов сегодня вечером? Их тут здорово готовят в одном заведении — «Сан-Франциско» на Натан-роуд.

— Нет, спасибо, у меня встреча, — холодно ответил он. — В любом случае, вчера ты высказал свою точку зрения. Давай на этом и остановимся, о'кей? Встретимся на годовом собрании совета директоров, если ты там будешь.

— Послушай, Линк, это же я, твой старый кореш. Разве ты забыл, как мы выручили тебя, когда «Пар-Кон» были нужны наличные? Тут же выложили денежки, верно?

— Деньги авансом взамен на акции стали самым лучшим вложением — лучшим официальным вложением, какое вы сделали. За пять лет эти деньги удвоились.

— Это точно. Ну а теперь нам хочется сказать свое слово, и это только справедливо, верно ведь?

— Нет. Тем более после вчерашнего. Как насчет винтовок? — по наитию спросил он вдруг.

Последовала пауза.

— Каких ещё винтовок?

— Тех, что были в моем самолёте. Краденых М-14 и гранат.

— Это для меня что-то новенькое, детка.

— Меня зовут Линк, детка. Понятно?

Снова пауза. Потом Банастасио проскрежетал:

— Понятно. Что касается нашей договоренности — может, передумаешь?

— Нет. Никоим образом.

— Ни сейчас, ни потом?

— Нет.

На другом конце провода повисла тишина, потом раздался щелчок и послышались бесконечные гудки. Бартлетт тут же позвонил Роузмонту.

— Не волнуйся, Линк. Банастасио у нас цель номер один, и помощь нам в этих краях оказывают не маленькую.

— Что нового про винтовки?

— Ты вне подозрений. Гонконгские боссы сняли с тебя арест. Официально об этом будет объявлено завтра.

— Они что-нибудь нашли?

— Нет. Зато мы нашли. Мы проверили твой ангар в Лос-Анджелесе. Ночной сторож припомнил, что видел, как два типа ошивались у погрузочного отсека. Ему и в голову ничего не пришло, пока мы не спросили.

— Боже. Вы кого-нибудь задержали?

— Нет. Возможно, никогда и не задержим. Не переживай. Что касается Банастасио, он от тебя отстанет очень скоро. Не волнуйся.

Вспомнив сейчас этот разговор, Бартлетт снова похолодел.

— Что случилось, дорогой? — встревожилась Орланда. — Что такое?

— Ничего.

— Ну скажи.

— Я просто подумал, какая скверная штука страх и какой урон он может нанести, если дать ему волю.

— О да, это я знаю, очень хорошо знаю. — Она на секунду отвела взгляд от дороги, неуверенно улыбнулась и положила руку ему на колено. — Но ты же сильный, дорогой. Ты ничего не боишься.

— Хорошо, если бы так, — усмехнулся он.

— О, так оно и есть. Я знаю. — Она притормозила, чтобы объехать участок, залитый жидкой грязью. Дорога здесь шла круче, и в переполненных канавах бурлила вода, выплескиваясь на проезжую часть.

Орланда повернула на Коутуолл-роуд, а потом за угол к Роуз-Корт, прижимаясь к высокой подпорной стенке. Когда она подъехала к дому, Бартлетт затаил дыхание, потому что она минуту поколебалась, а потом решительно миновала вестибюль и повернула на крутую дорожку, ведущую в гараж.

— Самое время выпить по коктейлю, — объявила она.

— Отлично, — хрипло произнес он, глядя в сторону.

Когда автомобиль остановился, Бартлетт вылез, обошел вокруг и отворил для Орланды дверцу. Она закрыла машину, и они направились к лифту. Бартлетт чувствовал, как на шее у него пульсирует жилка.

Зашедшие вместе с ним в лифт двое китайцев из кейтеринговой компании с подносами канале в руках спросили, как найти квартиру компании «Эйшн пропертиз».

— Вам на пятый этаж, — подсказала Орланда.

— Это дом «Эйшн пропертиз»? — поинтересовался Бартлетт после того, как китайцы вышли.

— Да. Они этот дом и строили. — Она помолчала. — Джейсон Пламм и Квиллан — хорошие друзья. У Квиллана до сих пор здесь пентхаус, хотя после того, как мы расстались, он кому-то его сдает.

Рука Бартлетта обняла её.

— Я рад, что ты рассталась с ним.

— Я тоже. — Она улыбалась ему так нежно, и невинное выражение её широко поставленных глаз терзало сердце. — Теперь.

Они поднялись на восьмой этаж, и, когда Орланда вставляла ключ в замок, Бартлетт заметил, что у неё дрожат руки.

— Заходи, Линк. Чай, кофе, пиво или коктейль? — Выскользнув из туфель, она подняла на него глаза. Сердце у него колотилось, и все чувства обострились — он пытался понять, есть ли в квартире кто-нибудь ещё. — Мы одни, — просто сказала она.

— Откуда ты знаешь, о чем я думаю? Она еле заметно пожала плечами.

— Просто пришло в голову. Его руки легли ей на талию.

— Орланда...

— Я знаю, дорогой.

Она проговорила это хриловатым голосом, от которого он затрепетал. Бартлетт поцеловал её, её губы ответили, и отозвалась плоть, мягкая и податливая под его ищущими руками. От прикосновения этих рук у неё напряглись соски, и заколотилось, как и у него, сердце. Потом обнимавшие шею руки уперлись ему в грудь, пытаясь оттолкнуть, но на сей раз он держал её крепко, впившись в губы поцелуем. Руки ослабли, снова обвившись вокруг шеи, а плоть прижалась ещё теснее. Губы разъединились, но объятия не разомкнулись.

— Я люблю тебя, Линк.

— Я люблю тебя, Орланда, — отозвался он, ошеломленно осознав, что так оно и есть.

Они снова слились в поцелуе, и он ощутил нежную силу её рук. Его собственные руки блуждали по её телу, а за ними накатывался огонь. Огонь, который охватывал

обоих. Колени у неё подогнулись, и она повисла у него на руках. Тогда он поднял её и понес через открытую дверь в спальню. Спускавшиеся с потолка легкие газовые занавески, которые образовывали нечто вроде балдахина, слегка колыхались от приятного прохладного ветерка, веявшего из открытых окон.

Одеяло было мягкое, набитое пухом.

— Будь добр ко мне, дорогой, — донесся её хрипловатый шепот. — О, как я люблю тебя.

В конце дня погода стояла приятная, хотя небо по-прежнему хмурилось. Кейси махала рукой с кормы «Морской ведьмы» Дунстану Барру, Пламму и Пагмайру. Они только что сошли на пристань на гонконгской стороне. Питер Марлоу с девицами уже высадились в Коулуне, а яхта снова шла через гавань: Горнт уговорил Кейси остаться на борту и ещё немного прокатиться.

— Мне все равно надо назад, в Коулун, — сказал он. — У меня встреча в отеле «Девять драконов». Составите мне компанию? Пожалуйста.

— А почему бы и нет? — согласилась она, довольная: спешить было некуда; времени, чтобы переодеться для приема с коктейлями — днем её пригласил Пламм, — оставалось ещё предостаточно. Ужин с Ландо Матой она решила перенести на следующую неделю.

Днем на обратном пути из Шатиня она часть времени продремала, тепло укутавшись, чтобы не озябнуть на сильном ветру, и свернувшись на широких удобных подушках, разложенных полукругом на корме.

Остальные гости разбрелись, у руля иногда появлялся Горнт — высокий, сильный, капитан своего корабля. Питер Марлоу в одиночестве дремал на носу. Потом они — Горнт, Кейси и Барр — сели пить чай с печеньем. Появились Пагмайр и Пламм, взъерошенные и довольные, а за ними — девицы.

— Хорошо спалось? — усмехнулся Горнт.

— Очень хорошо, — ответил Пламм.

«Ещё бы», — подумала она, глядя на Джейсона и его девицу, которая ей понравилась: большие тёмные глаза, стройная фигура, всем довольное создание по имени Вэй-вэй, которое следовало за Пламмом как тень.

Раньше, когда они с Горнтом остались на палубе одни, он рассказал, что на борту нет ни одной случайной девушки, все — особые.

— У каждого здесь есть любовница?

— Помилуй бог, нет. Но — уж извините — мужчины и женщины стареют по-разному, и после определенного возраста все становится непросто. Грубо говоря, занятия любовью, любовь и брак — это не одно и то же.

— И такого понятия, как верность, не существует?

— Конечно существует. Но для женщины значит одно, а для мужчины — другое.

— Это ужасно, — вздохнула Кейси. — Ужасно и так несправедливо.

— Да. Но только если вам так хочется смотреть на вещи.

— Это неправильно! Подумайте о миллионах женщин, которые всю жизнь работают, надрываются, ухаживая за мужчиной, занимаясь мытьем и уборкой, а теперь и помогая содержать детей. Их просто отодвигают в сторону, лишь потому, что они постарели.

— Мужчин тут винить нельзя, так уж устроено общество.

— А кто управляет обществом? Мужчины! Господи, Квиллан, вы должны признаться, что ответственность лежит на мужчинах!

— Я согласен, что это несправедливо, но не только в отношении женщин. Что вы скажете о миллионах мужчин, работающих до упаду, чтобы добыть — вот ведь замечательное словечко! — добыть деньги, которые тратят другие, в основном женщины? Давайте взглянем правде в глаза, Сирануш, мужчинам приходится

работать до самой смерти, чтобы обеспечить других, и довольно часто в конце жизни — занудную, сварливую жену. Боже мой, взгляните хоть на половину Пага! Я могу указать человек пятьдесят, беспричинно растолстевших, безобразных и воняющих — в буквальном смысле слова. А этот маленький женский трюк, когда вы пользуетесь своими прелестями как западней, чтобы забеременеть и заполучить мужчину, а потом кричите: «Ату его!» — и с пеной у рта требуете развода и дележа имущества? Возьмите того же Бартлетта. Как подвытряхнула Линка его замечательная женушка, а?

— Вы об этом знаете?

— Конечно. Вы собрали досье на меня, я — на вас обоих. Разве справедливы ваши законы о разводе? Сначала оттяпать пятьдесят процентов всего имущества, а потом бедный малый должен ждать решения суда о том, какую часть от оставшихся пятидесяти может оставить себе.

— Это верно, жена на пару с адвокатом чуть в тюрьму не упрятали Линка. Но ведь не все жены такие. Но, боже мой, мы же не рабыни! И большинство женщин нуждаются в защите. Во всем мире с женщинами по сей день жестоко обращаются.

— Я не знаю ни одной настоящей женщины, с которой бы обращались жестоко, — возразил он. — Я имею в виду таких женщин, как вы или Орланда, которые понимают, что такое женственность. — Глядя на неё, он вдруг широко улыбнулся. — При этом, конечно, женщина должна давать нам, бедным, хилым ублюдкам, то, чего мы хотим, чтобы сохранить здоровье.

Она рассмеялась вместе с ним, тоже желая сменить тему: подобные вопросы не так-то просто решить.

— Ах, Квиллан, вы точно один из этих негодников.

— Вот как?

— Да.

Отвернувшись, Горнт стал смотреть на небо впереди. Кейси глядела на него, и он казался таким славным: стоит, слегка покачиваясь, ветер шевелит волосы на сильных руках, морская фуражка набекрень. «Я рада, что он доверяет мне и считает меня женщиной», — думала она, убаюканная вином, едой и его желанием. Она остро ощущала эту тягу с самого начала, как только ступила на борт, и теперь снова задумалась, как быть, если желание заявит о себе, что, похоже, неизбежно. Сказать ему «да» или «нет»? Или «может быть»? Или «может быть, на следующей неделе»?

А будет ли она, эта следующая неделя?

— Что будет завтра, Квиллан? На фондовой бирже?

— Для завтра будет завтрашний день, — бросил он, подставляя лицо ветру.

— Нет, серьезно?

— Я одержу победу или не одержу. — Горнт пожал плечами. — И в том и в другом случае я прикрыт. Завтра я покупаю. Если повезет, для победы мне хватит и ценных бумаг, проданных без покрытия.

— И что потом?

— А вы не понимаете? — усмехнулся он. — Я забираю у него все включая ложу на ипподроме.

— А-а, вам действительно это нужно, да?

— О да. Это будет символ победы. Он и его предки не пускали туда меня и моих предков. Конечно, я хочу этого.

«Интересно, смогу ли я заключить соглашение с Иэном? — рассеянно думала она. — Смогу ли я сделать так, чтобы Тайбань позволил Квиллану иметь ложу, собственную ложу в Хэппи-Вэлли, и помог ему стать распорядителем? Безумие, что они как два медведя в одной берлоге, ведь места более чем достаточно для обоих. Если у Мэртага получится, Иэн будет мне обязан».

Сердце забилося, захотелось узнать, выгорело ли дело с Мэртагом и с банком и,

если выгорело, как поступит Квиллан.

И где Линк? С Орландой, в своих мечтаниях?

Она снова свернулась на корме и закрыла глаза. Солёный морской воздух, рокот двигателей и покачивание корпуса убаюкали её, и она заснула. Спала она без снов, уютно и покойно, как в чреве матери, и через несколько минут проснулась освеженной. Горнт сидел напротив и смотрел на неё. Они снова были одни, капитан-кантонец стоял за рулем.

— У вас такое красивое лицо во сне, — сказал он.

— Спасибо. — Она пошевелилась и приподнялась на локте. — Станный вы человек. Отчасти дьявол, отчасти принц из сказки, то сочувствуете, то не знаете жалости. Вон как замечательно вы поступили с Питером.

Он лишь улыбнулся и ждал, и в его глазах читался какой-то странный и приятный вызов.

— Линк... Думаю, Линк сражен Орландой, — бездумно проговорила она и заметила пронесшуюся по его лицу тень.

— Вот как?

— Да. — Она подождала, но Горнт лишь смотрел на неё и молчал. Это молчание словно подтолкнуло её, и она невольно добавила: — Думаю, и она сражена им. — Вновь повисла долгая пауза. — Квиллан, это часть какого-то плана?

Он мягко усмехнулся, и она ощутила его превосходство.

— Ах, Сирануш, странная вы. Я не...

— Не могли бы вы называть меня Кейси? Пожалуйста? Сирануш не годится.

— Но мне не нравится Кейси. Можно я буду называть вас Камалян?

— Кейси.

— А может, сегодня Сирануш, завтра Кейси, а Камалян для ужина во вторник? Ведь именно тогда мы завершаем соглашение. А?

Она насторожилась, даже не задумываясь.

— Это решать Линку.

— А вы разве не тайбань «Пар-Кон»?

— Нет. Нет, и никогда им не буду. Он усмехнулся. Потом промолвил:

— Тогда пусть будет сегодня Сирануш, завтра Кейси, и к черту вторник?

— Хорошо! — согласилась она, чувствуя к нему расположение.

— Прекрасно. Ну, а теперь, что касается Орланды и Линка, — мягко проговорил он. — Это их личное дело, и я никогда не обсуждаю чужие дела, даже с дамой. Никогда. Это не игрушки. Если вы подозреваете, будто я измыслил какую-то хитрость, чтобы обернуть её против Линка или вас и «Пар-Кон», то это просто смешно. — Он снова улыбнулся. — Я всегда замечал, что дамы манипулируют мужчинами, а не наоборот.

— Выдумываете вы все!

— Откровенность за откровенность: вы с Линком любовники?

— Нет. Нет в общепринятом смысле, но да, я люблю его.

— А-а, значит, вы собираетесь пожениться?

— Возможно. — Кейси снова шевельнулась и заметила, как Горнт окинул её взглядом. Она закуталась поплотнее в одеяло: сердце приятно билось, и все её чувства были настроены на него, так же как и его — на неё, похоже. — Но я не обсуждаю свои дела с чужими мужчинами, — улыбнулась она. — Это тоже не игрушки.

Горнт протянул руку и слегка дотронулся до неё.

— Согласен, Сирануш.

«Морская ведьма» вышла из-за волнолома в гавань. Впереди виднелся Коулун. Кейси села и повернулась, чтобы полюбоваться островом и Пиком, который был почти полностью закрыт облаками.

— Как красиво.

— Очень здорово на южном побережье Гонконга — около Шек-О, Рипалс-Бэй. У меня есть одно местечко в Шек-О. Не хотите ли осмотреть яхту?

— Да-да, с удовольствием.

Сначала он провел её в нос. В каютах было прибрано, никаких следов того, что ими недавно пользовались. В каждой имелись душевые кабины и туалет. Стол для всех накрывался в небольшой общей каюте.

— Своей популярностью у дам мы отчасти обязаны тому, что здесь они могут принимать душ сколько душе угодно. Перебои с водой заключают в себе известные преимущества.

— Ещё бы. — Его веселое настроение захватывало.

В корме, отделенной от остальных помещений, располагалась хозяйская каюта. Большая двуспальная кровать. Чистая, аккуратная и манящая.

Биение сердца гулко отдавалось в ушах, и когда Горнт как ни в чем не бывало закрыл дверь каюты и положил руку на талию Кейси, она не отстранилась. Он шагнул ближе.

С бородатыми мужчинами Кейси раньше никогда не целовалась. Мускулистое тело Горнта крепко прижималось к ней, и это было так приятно, она дышала все чаще, губы у него были не мягкие и пахли сигарой.

Все в ней нашептывало: «Брось, оставь», говорило: «Нет, не делай этого», но в его объятиях было так хорошо, слишком хорошо.

«А как же Линк?»

Этот вопрос стремительно, как никогда, завладел сознанием, и все сразу прояснилось.

Захваченная чувственностью Горнта, она впервые абсолютно ясно поняла, что предмет её желаний — Линк, а не «Пар-Кон» или власть, если уж нужно выбирать.

«Да, это Линк, только Линк, и сегодня вечером я отменю нашу договоренность. Сегодня вечером я предложу её отменить».

— Сейчас не время, — хрипло прошептала она.

— Что?

— Нет, не сейчас. Никак не получится, извини. — Она приподнялась на носки и слегка поцеловала его в губы, приговаривая между поцелуями: — Не сейчас, дорогой, извини, но никак не получится, не сейчас. Во вторник, может быть, во вторник...

Он отстранился от неё, и она ощутила ищущий взгляд тёмных глаз. Сколько могла, Кейси смотрела в ответ, а потом уткнулась лицом ему в грудь и нежно прижалась, по-прежнему наслаждаясь его близостью, уверившись, что она уже в безопасности и его удалось убедить.

«Оставалось совсем чуть-чуть, — бессильно думала она, удивляясь, что это у неё с коленями, и трепеща всем телом. — Ещё немного — и все. И это было бы скверно, для меня, для Линка и для него. Хотя... для него это было бы хорошо», — пришла в голову странная мысль.

Сердце ещё колотилось, пока она стояла, прильнув к нему, и ждала, приходя в себя, в уверенности, что через минуту — со всей теплотой и мягкостью, в надежде на будущую неделю, — он скажет: «Давайте вернемся на палубу».

И тут вдруг его руки крепко обхватили её, и, даже не успев понять, что происходит, она оказалась на кровати, осыпаясь яростными поцелуями, незащищенная перед устремившимися к её телу руками. Она стала отбиваться, но он ловко перехватил её руки, пригвоздил её к кровати и лег сверху, навалившись так, что ей было не пошевелиться. Он неторопливо целовал Кейси, и его вождение мешалось с её яростью, страхом и желанием. Как она ни старалась, ей было не шелохнуться.

Страсти накалялись. Через какое-то время его хватка ослабла. Она тут же

рванулась из-под него: желание росло, хотя теперь она готова была сопротивляться не на шутку. Но он снова придавил её руки. Чувства переполняли Кейси, она и хотела, чтобы над ней взяли верх, и не желала этого, пыл его не угасал, плоть была тверда, кровать мягка. И вдруг, так же резко, как и начал, он отпустил её и со смехом откатился в сторону.

— Давайте выпьем! — беззлобно проговорил он.

— Ублюдок! — задыхаясь, бросила она.

— Вы не правы. Я плод законного союза. — Горнт оперся на локоть, посверкивая глазами. — А вы, Сирануш, вы обманщица.

— Идите к черту!

— Пойду, пойду, и очень скоро, — спокойно и добродушно подтрунивал он. — И я, признаться, далек от мысли просить даму о том, чтобы этим чертом оказалась она.

Она бросилась на него, целя ногтями в лицо, в бешенстве оттого, что он так уравновешен, а она нет. Однако Горнт без труда поймал руки Кейси и остановил её.

— Ну, не стоит так горячиться, — ещё более добродушно проговорил он. — Успокойтесь, Сирануш. Не забывайте: мы люди взрослые, я уже видел вас почти голой и, если бы действительно хотел изнасиловать, боюсь, что шансов у вас было бы немного. Вы могли бы кричать: «Убивают!», но моя команда ничего бы не услышала.

— Проклятый гну...

— Стоп! — Горнт все так же улыбался, но она осеклась, почувствовав опасность. — Я никак не хотел напугать вас — лишь поразвлечь, — спокойно произнес он. — Подурачились, и довольно. Правда. — Он отпустил её, и она, все ещё тяжело дыша, соскочила с кровати.

Сердито подойдя к зеркалу, чтобы поправить одежду и причёску, и увидев, что он по-прежнему лежит себе на кровати и наблюдает за ней, она резко повернулась.

— Ублюдок черноглазый!

Горнт расхохотался, да так заразительно, трясаясь всем телом, что она, тут же поняв, насколько все это глупо, тоже стала смеяться. Через минуту оба уже изнемогали от смеха: он — развалившись на кровати, Кейси — прислонясь к рундуку.

Вернувшись на палубу добрыми друзьями, они выпили шампанского: открытая бутылка уже охлаждалась в серебряном ведре. Молчаливый исполнительный стюард обслужил их и удалился.

У причала в Коулуне Кейси снова поцеловала Горнта.

— Спасибо за прекрасно проведенное время. Встретимся во вторник, а может, и раньше!

Она сошла на берег, долго махала яхте рукой, а потом поспешила к себе в отель.

Очкарик У тоже спешил — к своим. Его переполняла усталость, беспокойство и страх. Пробираться между лачугами переселенцев высоко над Абердином было непросто: ноги скользили по грязи и мусору, идти приходилось в гору, так что Очкарик уже порядком запыхался.

Мчащаяся по бетонным желобам ливневой канализации вода местами переливалась через край, бурный поток отнес многие халупы в сторону, и от этого впечатление хаоса лишь усиливалось. Кое-где над развалинами висел дым, некоторые руины ещё тлели. С началом оползней то здесь, то там вспыхивали пожары, которые быстро перекидывались с одного угла жилища на другое. Обогнув оставленный оползнем глубокий провал, где позавчера чуть не погибла Пятая Племянница, он увидел, что новые смещения земляных пластов разрушили на том же участке ещё более ста жилищ.

Лавка, где продавались сласти, исчезла, а вместе с ней и старуха-продащица.

— Где она? — поинтересовался Очкарик.

Китаец, который копался в обломках, выбирая хорошие деревянные части, уцелевший картон и рифленое железо, лишь пожал плечами.

— Как там наверху? — спросил У.

— Так же, как и внизу, — ответил тот, запинаясь. — Где-то лучше, где-то хуже. Джосс.

У поблагодарил его. Он шёл босиком — туфли, чтобы не испортить, нес в руках, — и теперь уже не держался ливневой канализации, а карабкался между развалинами, стараясь найти тропинку, что вела, извиваясь, в гору. Оттуда, где находился Очкарик, нельзя было разглядеть того места, куда он держал путь, но вроде там ничего страшного не происходило. Ему разрешил сходить проведать своих Армстронг, когда по радио снова передали о страшных оползнях в этой части района переселенцев. «Но смотри, возвращайся как можно скорее. Ещё один допрос запланирован на семь».

— О да, я вернусь, — пробормотал он вслух.

Допросы выдались очень утомительными, но для Очкарика прошли не без пользы: его очень хвалили Армстронг и Кросс, и теперь место в Эс-ай ему уже было обеспечено, перевод туда должен был состояться на следующей неделе, а дальше его ждала учеба. Он мало спал, отчасти потому, что допросы шли сутки напролет, отчасти из-за желания преуспеть. Клиент все время перескакивал с английского на нинтокский диалект, потом на кантонский и снова на английский; следить за бессвязной речью было тяжело. Но стоило Очкарику дотронуться до свернутых в рулончик купюр — редкого гостя в его кармане, — выигрыша на скачках, как им овладевала необычайная легкость, благодаря ей он и держался все эти трудные часы.

Вот и сейчас У дотронулся до денег, желая убедиться, что они на месте, и благословляя свой джосс, а затем полез дальше по узкой тропинке, которая иногда прерывалась возле шатких мостиков, перекинутых через небольшие овраги, и вела все выше и выше. Навстречу попадались люди, спускавшиеся вниз, другие поднимались вслед за ним наверх, и по всему склону холма разносились удары молотков — все что-то перестраивали, заново перекрывали крыши.

До места, где жили его родственники, оставалась какая-то сотня ярдов, надо было лишь повернуть за угол. Он повернул и замер. Ничего — лишь глубокая расщелина в земле и нагромождение обломков и грязи, рухнувших лавиной на глубину двести футов. А ведь ещё вчера здесь стояли сотни жилищ.

Ошеломленный, он поднялся выше, обогнув коварный оползень, и постучался в дверь ближайшего жилища. Ему открыла окинувшая его подозрительным взглядом старуха.

— Извините меня, Почтенная Дама, я — сын У Чотама из Нинтока... Старуха, Однозубая Ян, тупо уставилась на него, потом начала что-то говорить, но У ничего не понял, поблагодарил её и пошёл прочь: он вспомнил, что здесь поселилась семья Ян, чужаки с севера, из Шанхая.

Приблизившись к высшей точке оползня, он остановился и постучал в другую дверь.

— Извините, Досточтимый Господин, но что тут произошло? Я — сын У Чотама из Нинтока, и здесь жила моя семья. — Он указал на расщелину.

— Это случилось ночью, Почтенный У. — Человек говорил на одном из кантонских диалектов, который У понимал. — Мы услышали звук, будто прогрохотал старый кантонский экспресс, потом донесся гул откуда-то из-под земли, раздались крики, и пошли полыхать пожары. Такая же история была в прошлом году вон там. Ну вот, тут же начались пожары, но дождь погасил их. *Цзю ни ло мо*, какая скверная была ночь! — У этого соседа, старика, зубов во рту совсем не осталось, и когда он

раскрывал его, все лицо искажалось гримасой. — Благослови всех богов, что ты не ночевал там, хейя? — И он закрыл дверь.

У снова посмотрел на расщелину, а потом побрел вниз по склону холма. В конце концов он нашел одного из старейшин поселка, тоже родом из Нинтока.

— А-а, Очкарик У, Полицейский У! Несколько человек из твоей семьи вон там. — Он ткнул скрюченным иссохшим пальцем наверх. — В доме твоего родственника У Вампака.

— А сколько погибло, Досточтимый Господин?

— Эти их, все эти оползни, откуда я знаю? Я что, хранитель этого склона? Пропавших без вести десятки.

Очкарик У поблагодарил его. Когда он нашел нужную лачугу, там был Девятый Дядюшка, Бабушка, жена Шестого Дядюшки и их четверо детей, и жена Третьего Дядюшки с ребенком. У Пятого Дядюшки была сломана рука, и он держал её в наспех сделанном лубке.

— А остальные? — спросил он. Не хватало семи человек.

— В земле, — сказала бабушка. — Вот чай, Очкарик У.

— Благодарю вас, Почтенная Бабушка. А Дедушка?

— Он отошел в Небытие ещё до оползня. Он отошел в Небытие ночью, до оползня.

— Джосс. А Пятая Племянница?

— Нет её. Пропала куда-то.

— Может, она ещё жива?

— Может быть. Шестой Дядюшка ищет её сейчас внизу, и остальных тоже, хотя она — бесполезный рот. А где мои сыновья, и их сыновья, и их?

— Джосс, — печально произнес У. Он не проклинал богов и не благословлял их. Боги совершают ошибки. — Мы воскурим «палочки судьбы»³⁵⁵, чтобы они смогли благополучно переродиться, если есть это перерождение. Джосс. — Он присел на ломаный ящик. — Девятый Дядюшка, а наша мастерская, наша мастерская повреждена?

— Нет, благодарение всем богам. — Бедняга был в ступоре. Он потерял жену и троих детей, а сам каким-то чудом выбрался из грязевой пучины, которая поглотила всех. — Мастерская в целости.

— Хорошо. — Все бумаги и материалы к проекту «Фридом файтер» тоже уцелели — вместе со старой пишущей машинкой и древним копиром «Гештетнер». — Очень хорошо. Значит, так, Пятый Дядюшка, завтра ты покупаешь станок для формовки пластика. Теперь мы будем делать цветы сами. Шестой Дядюшка поможет тебе, и мы снова начнем работать. Тот с отвращением сплюнул.

— А платить-то за него чем? Как нам начинать? Как мы сможем... — Он замолк и вытаращил глаза. Все ахнули. Очкарик У вытащил свернутые в рулончик банкноты. — Айийя, Досточтимый Младший Брат, теперь я вижу, что ты наконец поумнел и последовал примеру Змеи!

— Как мудро! — с гордостью провозгласили хором все остальные. — Благословите все боги Младшего Брата!

Молодой человек не стал возражать. Что ни скажи, все равно не поверят, пусть думают что хотят.

— Завтра же начинайте искать хороший подержанный станок. Заплатить можешь только девятьсот долларов, — сказал он старшему брату, зная, что, если нужно, можно будет выделить на это и полторы тысячи.

³⁵⁵ «Палочки судьбы» — благовония в форме палочек, зажигаемые в храмах, как предписывает ритуал китайских традиционных народных верований.

Потом он вышел на улицу — договориться с родственником, владельцем этой лачуги, чтобы тот сдал оставшимся без крова угол, покуда не отстроятся, — и торговался с ним, пока не счел арендную плату подходящей. Довольный тем, что сделал все возможное для клана У, Очкарик оставил родню и побрел вниз по склону назад в Главное управление. Душа разрывалась от горя, так и хотелось крикнуть богам, что это несправедливо или безрассудно — забрать у него стольких родственников, забрать Пятую Племянницу, которой всего день или два назад была дарована жизнь во время другого оползня.

«Не будь глупцом, — приказал он себе. — Джосс есть джосс. У тебя в кармане целое состояние, у тебя впереди будущее в Эс-ай, надо заниматься проектом „Фридом файтер“, а когда кому помирать — это уже решать богам.

Бедная малышка Пятая Племянница. Такая милашка, такая прелесть».

— Боги есть боги, — устало пробормотал он, повторив, как эхо, последние слова, которые слышал из её уст, и вычеркнул её из памяти.

77

18:30

Похрустывая старыми суставами и что-то бормоча про себя, А Тат поднялась по широкой лестнице Большого Дома и поковыляла дальше по Долгой галерее, которую терпеть не могла, как и эти лица: ей казалось, что они все время следят за ней. «Слишком много здесь призраков», — думала она с суеверным страхом. А Тат знала многих изображенных на портретах при жизни, ведь она выросла в этом доме и родилась в нем восемьдесят пять лет назад. «Как это нецивилизованно — держать духов в рабстве, вешая их подобию на стену! Куда лучше вверять их памяти, где и должны обитать духи».

Увидев нож, которым Карга пронзила сердце своего отца на портрете, она, как и всегда, поежилась. «*Цзю ни ло мо*, вот уж бешеная была штука с неуголимим демоном „нефритовых врат“. Все оплакивала втайне утрату свекра, сетовала на свою судьбу: что вышла за слабока сына, а не за отца, что ей не суждено было разделить ложе с Тайбанем. Потому и пылали её „нефритовые врата“ неуголимим огнем страсти.

Айийя, а все эти чужаки, что много лет поднимались по этим ступеням, чтобы взойти к ней, — варвары всякого рода и племени, разных лет, обличья и стати — она отметала их, как мякину, забрав и использовав их эликсир, а пламень тот как был, так и остался».

А Тат снова поежилась.

«Все боги свидетели! Воистину „нефритовые врата“ и „одноглазый монах“ суть инь и ян, воистину превечны они, воистину богоподобны, и не дано им пресытиться, в какой бы великой мере ни снедали они друг друга. Благодарение всем богам за то, что родители позволили мне принять обет целомудрия, дабы я посвятила жизнь воспитанию детей, дабы никогда не сокрушил меня „дымящийся стебель“, после чего такой же я не осталась бы уж никогда. Слава всем богам, что не каждой женщине нужны мужчины, чтобы вознестись наравне с богами. Слава всем богам, некоторые женщины предпочитают миловаться с женщинами, касаться их, целовать и наслаждаться с ними.

У Карги на старости лет тоже были женщины, но ей юные объятия доставляли лишь удовольствие, а не удовлетворение, как мне. Странное дело, с цивилизованной девушкой она себе забавляться позволяла, а вот с цивилизованным мужчиной, который тем или иным манером, любовными ли приспособлениями или без них, наверняка загасил бы её огонь, — никогда. Все боги свидетели, сколько раз я ей

повторяла? О таких вещах она говорила только со мной!

Бедная, какая же она была глупышка со всеми своими извращенными мечтами о власти, фантазиями изощренной похоти, как у старой вдовствующей императрицы³⁵⁶, — и ни одному „жезлу“ не дано было избавить Каргу от кошмаров, что мучали её всю жизнь».

А Тат оторвала взгляд от ножа и побрела дальше.

«Никогда этому Дому не быть в мире, пока кто-нибудь не вырвет нож и не выбросит его в море, проклят он или нет».

Старуха не стала стучаться в дверь спальни, а вошла бесшумно, чтобы не разбудить, и, встав рядом с широкой двуспальной кроватью, стала смотреть на него. Это было любимое время, когда её дитя, уже мужчина, ещё спал, один, и можно было вглядываться в его черты, изучать их, не переживая из-за раздражения Главной Жены, недовольной тем, что старая ганьсунь ходит туда-сюда.

«Глупая женщина, — угрюмо размышляла А Тат, рассматривая морщины на его лице. — И почему ей не выполнить свой долг Главной Жены и не найти моему сыну ещё одну жену — молодую, способную рожать детей, цивилизованную, какая была у старого Зеленоглазого Дьявола? Тогда в доме снова стало бы светло. Да, в этом доме должно быть больше сыновей: глупо рисковать, взваливая все будущие заботы на плечи одного сына. И как глупо уехать и оставить мужчину одного, в пустой постели, чтобы его соблазнила какая-нибудь сладкоречивая шлюха и его эликсир оказался растрочен напрасно в чужих куцах. И почему она никак не возьмет в толк, что нам нужно позаботиться о доме? Варвары».

Глаза его раскрылись, взгляд сосредоточился на ней, и он сладко потянулся.

— Пора вставать, сын мой, — сказала она, стараясь говорить резким, повелительным тоном. — Тебе ещё нужно помыться, и одеться, и сделать много телефонных звонков, хейя, и доставить своей бедной старой Матери ещё больше забот и больше работы, хейя?

— Да, Матушка, — зевая, промычал Данросс по-кантонски, потом встряхнулся, как собака, потянувшись ещё раз, встал с постели и голым пошёл в ванную.

Она критически оглядела его долговязое тело. Почти все ноги в жутких извилистых шрамах от старых ожогов, полученных в горящем самолёте. Но ноги крепкие, бока крепкие, и у ян непоколебимо здоровый вид. «Хорошо, — думала она. — Приятно видеть, что все хорошо». Но все же переживала, что он такой худой, никак не отпустит солидного брюшка, и это при его богатстве и положении.

— Ты мало ешь, сын мой!

— Больше чем достаточно!

— В ведре горячая вода. Не забудь сполоснуть зубы. Довольная, она стала застилать постель.

— Ему нужно бы отдохнуть, — бормотала она, не отдавая себе отчета, что говорит вслух. — Последнюю неделю работал без конца, как одержимый, страх и на лице был написан, и витал над ним. Такой страх может и в могилу свести. — Закончив с кроватью, она крикнула: — И смотри не задерживайся сегодня допоздна! Ты должен заботиться о себе, и если гуляешь с какой-то шлюхой, приводи её сюда, как человек благоразумный, хейя?

Услышав, как он рассмеялся, она обрадовалась. «Немного смеха я слышала от него за последние несколько дней. Мужчине нужен смех и молодость инь, чтобы питать ян».

— А? Что? Что ты сказал?

— Я спросил, где Первая Дочь?

³⁵⁶ Имеется в виду императрица Цы Си.

— Она то тут, то там, вечно где-то пропадает, все гуляет с новым варваром. — Подойдя к двери ванной, А Тат смотрела, как он льет на себя воду. — С этим длинноволосым, в мятой одежде, что работает в «Чайна гардиан». Не нравится он мне, сын мой. Ой, совсем не нравится!

— А куда они отправились «гулять», А Тат?

Старуха пожала плечами, шамкая деснами.

— Чем быстрее Первая Дочь выйдет замуж, тем лучше. Пусть у другого о ней голова болит, а не у тебя. Или стоит надавать ей плетью хорошенько по заднему месту. — Он снова засмеялся, и она задумалась: «А теперь-то чего смеяться?» — Простоват он становится, — пробормотала она и поковыляла из комнаты. Уже подойдя к дальней двери, А Тат крикнула: — Там для тебя есть еда, поешь немного перед уходом.

— О еде не беспокойся... — Данросс осекся: он знал, что говорить без толку. Она вышла, что-то ворча под нос, и закрыла за собой дверь.

Стоя в ванной, он вылил на себя ещё один ковш холодной воды. «Боже, хоть бы закончились эти перебои с водой. Славно было бы сейчас постоять под горячим душем», — думал он, а мысли все равно возвращались к Адрион. Тут же вспомнились увещания Пенелопы: «Когда ты станешь взрослым, Иэн? Она вообще-то уже живет своей жизнью, а ты все как мальчишка!»

— Я стараюсь, — пробормотал он, яростно растираясь полотенцем. Перед тем как лечь спать, он позвонил Пенелопе. Она уже была в Эвисъярд-Касл, а Кэти все ещё оставалась в лондонской клинике — потребовались дополнительные анализы.

— Она должна приехать на следующей неделе. Я так надеюсь, что все будет хорошо.

— Я поддерживаю связь с докторами, Пенн. — Он рассказал, что посылает Гэваллана в Шотландию. — Ему всегда хотелось быть там, Кэти — тоже. Так будет лучше для них обоих, а?

— О, это замечательно, Иэн. Это станет чудесным тонизирующим средством.

— Они могут занять все восточное крыло.

— О да, Иэн, сегодня такая чудесная погода, просто чудесная, и дом такой прелестный. Может, выберешься на несколько дней?

— Я погряз по уши, Пенн! Ты слышала, что творится на рынке? Пенелопа замолчала, и он представил, как изменилось выражение её лица, как в душе её поднялась бессильная злоба на весь этот рынок, и Гонконг, и бизнес, сколько бы она ни пыталась отрешиться от всего.

— Да. Должно быть, это ужасно, — проговорила она, и голос выдал её чувства. — Бедный ты, бедный. Вчера вечером Аластэр слегка разошелся. Но все будет в порядке, правда?

— О да, — с непоколебимой уверенностью заявил он, а сам подумал, как бы онаотреагировала, скажи он, что ему придется давать личную гарантию под мэртаговский заем, если дело выгорит. «О господи, пусть все получится». Он выложил ей все новости, потом упомянул, что АМГ прислал очень интересное сообщение, о котором он расскажет при встрече, добавив, что привезла его швейцарка японского происхождения. — Такая куколка, что о-го-го!

— Надеюсь, не слишком о-го-го!

— Ну что ты! Как Гленна? Как ты?

— Просто замечательно. От Дункана слышно что-нибудь?

— Да. Он прилетает завтра. Я заставлю его позвонить тебе, как только появится дома. Ну вот, пожалуй, и все. Пенн, я люблю тебя!

— Я тоже тебя люблю и хотела бы, чтобы ты был здесь. О, а как Адрион?

— Все так же. Они с этим типом Хэпли, похоже, неразлучны!

— Прошу тебя, дорогой, не забывай, что она уже большая, и не волнуйся за неё.

Постарайся повзрослеть сам.

Он закончил вытираться и посмотрел на свое отражение в зеркале. «Интересно, старо или молодо я выгляжу для своих лет? Сам-то я чувствую себя почти как в девятнадцать — когда учился в университете или воевал». И он сказал себе:

— Повезло тебе, что выжил, старина. Ох, как тебе повезло.

Спал он крепко, и ему снился Типтоп, а перед самым пробуждением кто-то спросил его во сне: «Ну, и что ты собираешься делать?»

«Не знаю, — думал он теперь. — Можно ли полагаться на этого типа Синдерса? Вряд ли. Но я таки застал его врасплох своей угрозой... нет, обещанием опубликовать эти одиннадцать листов. И я это обещание выполню, ей-богу!

Лучше позвонить Типтопу, прежде чем ехать к Пламму. Да, так я и сделаю...»

До слуха донёсся скрип вновь распахнувшейся двери в спальню. Опять неслышно вошла А Тат и остановилась у двери в ванную.

— Ах, сын мой, забыла сказать: внизу тебя ждет какой-то варвар.

— Вот как? Кто? Она пожала плечами.

— Какой-то варвар. Не такой высокий, как ты. У него странное имя и соломенные волосы — урод каких поискать! — Она порылась в кармане и вытащила визитку. — Вот.

На карточке значилось: «Дэйв Мэртаг III, „Ройял Белджэм энд Фар Ист бэнк"». У Данросса внутри все аж зашлось.

— И давно он ждет?

— Час, может, больше.

— Что? Ети всех богов. Почему ты не разбудила меня?

— А? Почему я не разбудила тебя? — язвительно переспросила она. — Почему? А ты как думаешь? Что я, глупая? Заморский дьявол? Айийя, неужто я стану тебя будить ради такого? Айийя! — презрительно повторила она и удалилась величественной поступью, ворча: — Будто я не знаю, что для тебя лучше.

Данросс поспешно оделся и ринулся вниз. Мэртаг развалился в покойном кресле. Как только открылась дверь, он вздрогнул и проснулся.

— О, привет!

— Мне страшно неудобно, прилег отдохнуть и не знал, что вы здесь.

— Ничего, тайбань. — Вид у Дэйва Мэртага был измученный. — Эта старуха служанка такого страху на меня нагнала, что я даже не пикнул, но мне уже было все равно, и я отключился. — Он устало потянулся, подавив зевок, и тряхнул головой, чтобы взбодриться. — Боже, я прошу прощения, что явился без приглашения, но так лучше, чем по телефону.

Данросс старался не выдать щемящего разочарования. «Должно быть, от ворот поворот», — думал он.

— Виски?

— Да, с содовой. Спасибо. Господи, как я устал. Данросс налил Мэртагу виски и бренди с содовой себе.

— Ваше здоровье, — сказал он, сдержавшись и ничего не спросив. Они чокнулись.

— Ваше здоровье. И сделка тоже ваша! — Лицо молодого человека расплылось в широченной улыбке. — У нас получилось! — чуть не кричал он. — Они вопили как резаные, но час назад согласились. Мы получили все! Сто двадцать процентов стоимости судов и возобновляемый фонд на пятьдесят миллионов американских долларов, деньги в среду, но вы можете брать на себя обязательства в понедельник с десяти утра. Все решило предложение по сделкам с танкерами. Господи, у нас получилось, боже мой!

Данроссу пришлось призвать всю свою выдержку, чтобы не издать победный

клич и не светиться от радости, а спокойно произнести: «О, вот и славно!» — и отпить ещё один глоток бренди.

— В чем дело? — спросил он, глядя на ошеломленного молодого человека.

Мэртаг покачал головой и без сил обмяк в кресле.

— Вы, «лайми», просто нечто! Мне вас не понять никогда. Я даю вам стопроцентную отмашку на самую великолепную сделку, какую только Господь посылал человеку, и в ответ слышу лишь: «О, вот и славно».

Данросс расхохотался. Это был просто взрыв хохота, и вместе с ним выплеснулась вся мера его счастья. Он хлопал Мэртага по плечу и благодарил его.

— Ну, а так? — спросил он, сияя.

— Совсем другое дело! — Тот схватил кейс, открыл его и вытащил кипу контрактов и бумаг. — Здесь всё, как договорились. Я не спал всю ночь, составляя их. Вот основной договор займа, а это ваша личная гарантия, на этих бумагах нужно поставить печать компании, всё в десяти экземплярах.

— Я сейчас парафирую один комплект, и вы оставите его себе, а другой парафируете вы, и его оставлю себе я, официально же мы подпишем все это завтра утром. Можете встретиться со мной завтра утром, скажем в половине восьмого? Мы поставим печати на всех документах и...

У молодого человека вырвался непроизвольный стон.

— Может, в восемь, тайбань, или в половине девятого? Мне просто необходимо отоспаться.

— В половине восьмого. Потом можете спать хоть целый день. — Тут Данроссу кое-что пришло в голову, и он добавил: — Вечер у вас завтра занят.

— Разве?

— Да. Лучше отдохните как следует, насколько удастся: вечером вы будете очень заняты.

— А что я буду делать?

— Вы не женаты, вас ничто не связывает, так что развлечься не помешает. А?

— Ха. — Мэртаг явно повеселел. — Это было бы здорово.

— Прекрасно. Я пошлю вас к своему приятелю в Абердине. К Златозубому У.

— К кому?

— Это старый друг семьи. Надежно на сто процентов. И, раз уж об этом зашла речь, прошу на ланч на скачках на следующей неделе.

— О боже, спасибо. Вчера Кейси дала хорошую наводку, и я выиграл кучу денег. Ходят слухи, что вы собираетесь выступить на Ноубл Стар в субботу. Это действительно так?

— Возможно. Сделку в самом деле одобрили? — Данросс не сводил с него глаз. — Не может что-нибудь пойти не так?

— Вот вам крест, и чтоб мне помереть! О, вот, совсем забыл. — Он передал Данроссу телекс с подтверждением. — Как и договаривались. — Мэртаг взглянул на часы. — В Нью-Йорке сейчас шесть утра, но через час вам нужно позвонить Эс Джей Беверли, нашему председателю совета директоров. Он будет ждать вашего звонка. Вот его номер. — Молодой человек расплылся в улыбке. — Они назначили меня вице-президентом, я буду заниматься всей Азией.

— Поздравляю.

Данросс посмотрел на часы. Скоро нужно уезжать, или он опоздает, а заставлять Рико ждать не хотелось. Сердце забилося сильнее.

— Ну что, парафируем? Мэртаг уже разбирал бумаги.

— Вот ещё что, тайбань, Эс Джей сказал, что мы должны держать всё в секрете.

— Это будет непросто. Кто печатал бумаги?

— Моя секретарша, но она американка, и из неё ничего не вытянешь.

Данросс кивнул, но убежденности не было. «Есть ещё оператор телекса —

разве не сказал Филлип Чэнь, что имеет копии некоторых телексов? А также уборщицы и операторы телефонной компании. Так или иначе, скоро об этой новости узнают все, что бы мы с Мэртагом ни предпринимали. Отсюда вопрос: пока сделка ещё в секрете, как извлечь из этого максимум преимуществ?» Он лихорадочно прикидывал шансы, а сам чуть не плясал от радости: невероятная удача, трудно даже поверить. Данросс начал проставлять инициалы на своем комплекте документов, а Мэртаг — на другом. Но тут открылась и хлопнула входная дверь, и Данросс остановился. Послышался пронзительный вопль Адрион:

— А Тат! — Далее последовал целый поток кантонской речи — так обычно говорят ама, — в конце которого он разобрал: — ...и погладила ли ты мою новую блузку, клянусь всеми богами?

— Блузку? Какую блузку, Молодая Барышня, у которой пронзительный голос и нет ни капли терпения? Красную? Ту, что принадлежит Главной Жене, сказавшей те...

— О, она теперь моя, А Тат! Я же велела тебе её погладить. Мэртаг тоже остановился, прислушиваясь к визгливым звукам кантонского диалекта.

— Господи, — устало проговорил он, — никогда не привыкну к манерам здешней прислуги, хоть говори им, хоть не говори!

Данросс усмехнулся и, поманив его, тихонько приоткрыл дверь. Мэртаг ахнул. Адрион стояла, уперев руки в боки, и выговаривала А Тат. Старуха не уступала, голоса обеих звучали пронзительно, обе перебивали друг друга.

— Тихо! — гаркнул Данросс. Женщины остановились. — Благодарю вас. Ну, ты и говорунья, Адрион, — мягко пожурил он.

Та просияла.

— О, привет, отец. Как ты ду... — Тут она заметила Мэртага и замолчала. Данросс уловил мгновенную перемену. И в сознании вспыхнул предупредительный сигнал.

— О, Адрион, разреши представить тебе Дэйва Мэртага, вице-президента «Ройял Белджэм энд Фар Ист бэнк» по Азии. — Он повернулся к Мэртагу: тот застыл с выражением крайнего изумления на лице. — Это моя дочь Адрион.

— Вы... э-э... говорите по-китайски, мисс... э-э... Данросс?

— О да, конечно, по-кантонски. А как же. Вы недавно в Гонконге?

— О нет, мэм, нет, я... э-э... я здесь чуть больше полугода.

Данросс наблюдал за обоими с растущим удивлением, понимая, что о нем полностью забыли. «Ага, мальчик встречает девочку, девочка знакомится с мальчиком, и, может, это как раз то, что надо, чтобы вставить Хэпли палку в колеса».

— Может, выпьешь с нами, Адрион? — как ни в чем не бывало спросил он, когда в беседе наступила пауза и девушка готова была уйти.

— О... Спасибо, отец, но я не хочу вам мешать.

— Мы уже заканчиваем. Пойдем. Как дела?

— О, прекрасно, прекрасно. — Адрион повернулась к А Тат, стоявшей словно несокрушимая твердыня: от той тоже не ускользнуло, как молодых людей потянуло друг к другу.

— Погладь мою блузку! Прошу тебя, — повелительно проговорила она по-кантонски. — Мне нужно уходить через пятнадцать минут.

— Аййия, на твои пятнадцать минут, Юная Императрица. — А Тат надулась и, ворча, пошла обратно на кухню.

Адрион переключилась на Мэртага, который заметно ожил, его усталости как не бывало.

— Вы из какой части Штатов?

— Из Техаса, мэм, хотя жил и в Лос-Анджелесе, Нью-Йорке и Новом Орлеане. Вы играете в теннис?

— О да, играю.

— У нас неплохие корты в Американском клубе. Не желаете сыграть на следующей неделе?

— С удовольствием. Я там когда-то играла. Вы хорошо играете?

— О нет, мэм... э-э... мисс Данросс, на уровне «школьного разряда».

— «Школьный разряд» — это иногда очень неплохо. Может, будете называть меня Адрион?

Данросс налил и передал дочери рюмку шерри, и она поблагодарила его улыбкой, по-прежнему сосредоточенная на Мэртаге. «Придется выложиться, молодой человек, — подумал Данросс, зная, как Адрион любит посоревноваться, — или она вам устроит». Стараясь не выдать удовольствия, он вернулся к документам. Когда с делом было покончено, Данросс критически оглядел обоих. Дочь сидела на краешке дивана, красивая, уверенная в себе, очень женственная, а Мэртаг, высокий, хорошо воспитанный, вел себя чуть застенчиво, но держался очень хорошо.

«Переживу ли я появление в семье банкира? Надо бы проверить, что он за птица. Господи помилуй, американец... Ну что ж, он из Техаса, а это не одно и то же, верно? Вот бы Пенн была здесь».

— ...о нет, Адрион, — говорил Мэртаг. — Я живу в квартире компании в Уэст-Пойнт. Немного тесновато, но там здорово.

— Зато совсем другое дело, верно? Я живу здесь, но скоро у меня будет своя квартира. — И она многозначительно добавила: — Правда, отец?

— Конечно, — откликнулся Данросс. — После окончания университета! Вот мой комплект, мистер Мэртаг. Не могли бы вы подписать свой?

— О да... ох, извините! — Чуть не подскочив на месте, Мэртаг торопливо проставил инициалы в своем комплекте. — Вот, пожалуйста, сэр. Вы... э-э... вы сказали, в половине восьмого в вашем офисе завтра утром, да?

Адрион подняла бровь.

— Вам лучше проявить пунктуальность, Дэйв, тайбаня страшно раздражает, когда кто-то опаздывает.

— Ерунда, — отмахнулся Данросс.

— Я тебя люблю, отец, но это не ерунда!

Они поболтали ещё минуту, потом Данросс взглянул на часы, сделав вид, что озабочен.

— Черт! Мне нужно позвонить по телефону, а потом мчаться. — Мэртаг тут же взялся за кейс, но Данросс вкрадчиво добавил: — Адрион, ты сказала, что уезжаешь через несколько минут. Не подбросишь ли мистера Мэртага?

— О, я могу взять такси, вам не нужно беспоко...

— О, какое беспокойство? — обрадовалась она. — Никакое это не беспокойство. Уэст-Пойнт мне по пути.

Данросс попрощался и оставил их. Они и не обратили внимания на его уход. Он прошел в свой кабинет и закрыл дверь. Затворив её, он отставил в сторону все, кроме Типтопа. С портрета над камином на него смотрел Дирк Струан. Данросс тоже какое-то время глядел на него.

— У меня есть план А, В или С, — произнес он вслух. — Если Синдерс не выполнит обещания, все они вместе приведут к катастрофе.

Глаза на портрете загадочно усмехнулись.

— Тебе было легче, — пробормотал Данросс. — Ты мог убить любого, кто вставал у тебя на пути, даже Каргу.

Ранее он обсудил эти планы с Филлипом Чэнем.

— Все они чреваты опасностью, — с большой озабоченностью подытожил компрадор.

— Что ты посоветуешь?

— Выбирать тебе, тайбань. Тебе давать личные гарантии. Это и вопрос

репутации, хотя я во всем окажу тебе поддержку, и ты ведь попросил об услуге, как Старый Друг.

— Что насчет сэра Луиса?

— Я встречаюсь с ним сегодня вечером, тайбань. Надеюсь, он согласится. — Казалось, Филипп поседел и постарел ещё больше. — Жаль, что нам нечего предложить Типтопу, если Синдерс пойдет на попятный.

— А может, привязать сюда этот танкерный флот? Можем ли мы надавить на Ви Си? Опять же этот торий — или Джозеф Юй?

— Типтопу нужно что-то взамен, а не угрозы, тайбань. Пи Би поможет?

— Он обещал позвонить Типтопу сегодня днем. И сказал также, что свяжется с одним из своих друзей в Пекине.

Ровно в семь часов Данросс набрал номер.

— Мистера Типа, пожалуйста. Иэн Данросс.

— Добрый вечер, тайбань. Как дела? Я слышал, вы, возможно, выступите на Ноубл Стар в следующую субботу?

— Возможно. — Они поговорили ещё о всяких пустяках, а потом Тип-топ спросил: — Ну, что этот несчастный? Когда его выпустят, самое позднее?

Данросс сначала крепился, а потом поставил на кон свое будущее:

— Завтра к заходу солнца в Ло-У.

— Вы даете личную гарантию, что он будет там?

— Я даю личную гарантию, что сделаю все возможное и невозможное, чтобы убедить власти отпустить его.

— Но это не значит, что известный вам человек будет там. Верно?

— Да. Но он будет там. Я... — Данросс осекся. Он чуть было не выпалил «почти уверен», но понял, что язык у него не повернется сказать такое. Он не посмеет дать гарантию, потому что неудача лишит его репутации и доверия навсегда. И тут Данросс вспомнил, что говорил о Типтопе Филлип Чэнь: Типу нужно предложить что-то взамен, и его осенило. — Послушайте, мистер Тип, — начал он. От нахлынувшего возбуждения даже подташнивало. — Времена сейчас скверные. Старые Друзья нуждаются в Старых Друзьях как никогда. Хочу сообщить вам по секрету, по большому секрету, на днях, как я слышал, наше особое подразделение обнаружило, что в Гонконге существует крупная шпионская сеть Советов, глубоко законспирированная сеть, под кодовым названием «Севрин». Назначение «Севрина» в том, чтобы оборвать нити, связующие Серединное государство со всем остальным миром.

— Ничего нового, тайбань. Гегемонисты остаются гегемонистами. Царская Россия или советская — разницы нет. Эта история длится уже четыреста лет. Вот уже четыре века, как они вторгаются на нашу территорию и захватывают наши земли. Но, пожалуйста, продолжайте.

— Я считаю, что это в равной степени направлено и против Гонконга, и против Серединного государства. Мы — ваше единственное окно в мир. Первым это понял старый Зеленоглазый Дьявол, и это действительно так. От любого разлада между нами выиграют лишь гегемонисты. Ко мне в руки попали кое-какие бумаги, часть документов особого подразделения. — И Данросс стал дословно цитировать перехваченный доклад АМГ, где речь шла о формировании «Севрина»; складывалось впечатление, что он просто озвучивает текст, который без малейшего усилия с его стороны всплывает в мозгу. Он сообщил Типтопу все существенные сведения о «Севрине», его агентах и о «кроте» в полиции.

Пораженный Типтоп молчал.

— А какая дата стоит на основном документе «Севрина», тайбань?

— Он утвержден неким Л. Б. четырнадцатого марта пятидесятого года. Послышался продолжительный вздох. Очень продолжительный.

— Лаврентий Берия?

— Не знаю. — Чем больше Данросс обдумывал свой ход, тем больше приходил в возбуждение. Теперь он был уверен: когда эта информация и убедительные доказательства окажутся у нужных людей в Пекине, это вызовет настоящий взрыв в советско-китайских отношениях.

— Можно ли взглянуть на документ?

— Да-да. Это возможно, — подтвердил Данросс. На спине у него выступил пот, и он похвалил себя за то, что предусмотрительно снял копии с тех частей доклада АМГ, где речь шла о «Севрине».

— И на документ чехословацкой СТБ, о котором вы упомянули?

— Да. На ту часть, которой я располагаю.

— А каким числом он датирован?

— Шестым апреля пятьдесят девятого года.

— Значит, наши так называемые союзники всегда были «сердцем волка и легкими собаками»?

— Боюсь, что так.

— И почему только Европа и эти капиталисты в Америке не хотят понять, кто их настоящий противник, хейя?

— Трудно сказать. — Теперь Данросс уже играл в ожидание. Типтоп выдержал ещё одну паузу.

— Я уверен, что моим друзьям захочется получить копию этого... этого документа о «Севрине» и любые относящиеся к нему бумаги.

Вытерев с лица пот, Данросс спокойным голосом продолжал:

— Как Старый Друг считаю своей привилегией помогать, чем только могу.

Снова молчание.

— Мне тут позвонил один общий друг, который выступил в поддержку вашей просьбы о выделении наличности Банком Китая, а несколько минут тому назад меня уведомили, что один очень важный человек из Пекина распорядился оказать вам любую помощь, какая только может быть предоставлена. — Снова молчание. Данросс почти видел, как Типтоп и остальные, кто, вероятно, слушает этот разговор, взвешивают сказанное, кивают или качают головами. — Извините, я на минуту, тайбань, кто-то пришел.

— Может, я перезвоню? — тут же предложил Данросс, чтобы дать им время подумать.

— Нет, это совсем не обязательно. Подождите минуту, если не возражаете.

Данросс услышал, как трубку положили. Где-то по радио раздавалась музыка. Какие-то неопределенные звуки, возможно приглушенные голоса. Сердце колотилось как сумасшедшее. Казалось, ждать пришлось целую вечность. Потом трубку взяли снова.

— Извините, тайбань. Пришлите, пожалуйста, эти копии как можно раньше. После вашего утреннего собрания будет удобно?

— Да-да, конечно.

— Когда приедет мистер Дэвид Мак-Струан, прошу передать ему мои наилучшие пожелания.

Данросс чуть не выронил трубку, но вовремя пришел в себя.

— Я уверен, что он попросил бы меня передать вам свои. Как поживает мистер Юй? — наудачу спросил он, а самому хотелось крикнуть в трубку: «Как насчет денег?» Но в переговорах с китайцами такие вещи не проходят. Наступила решающая стадия, и надо было действовать с предельной осмотрительностью.

Снова молчание.

— Прекрасно, — проговорил Типтоп, уже другим тоном. — О, вот что я вспомнил. Сегодня днем мистер Юй звонил из Кантона. Он хотел бы, если можно, перенести

вашу встречу на более ранний срок. Через две недели после завтрашнего дня, понедельника.

Данросс задумался. Через две недели нужно быть в Японии — вести переговоры с «Тода шиппинг» по всей схеме покупки и обратной аренды, которая теперь при поддержке Первого центрального будет иметь огромные шансы на успех.

— В тот понедельник вряд ли получится. Следующий за ним меня устроил бы больше. Могу ли я подтвердить дату к пятнице?

— Да, конечно. Ну, не буду больше вас отрывать.

Теперь, когда переговоры вышли на завершающий этап, напряжение Данросса стало почти невыносимым. Он вслушивался в приятные, дружелюбные интонации этого голоса.

— Благодарю за информацию. Надеюсь, этот бедняга будет доставлен на границу в Ло-У к заходу солнца. О, кстати, если завтра в девять ноль-ноль мистер Хэвегилл, вы и губернатор представите лично необходимые банковские документы, полмиллиарда долларов наличными могут быть немедленно перевезены в «Викторию».

Данросс тут же понял, что к чему.

— Благодарю вас, — непринужденно откликнулся он. «Этот номер у вас не пройдет». — Мистер Хэвегилл и я там будем. К сожалению, насколько я знаю, губернатор получил указания из канцелярии премьер-министра оставаться в Доме правительства до полудня для консультаций. Но вместе со мной прибудет его доверенное лицо с печаткой, чтобы гарантировать заем. — «Куда это годится, чтобы губернатор являлся туда лично, в роли просителя, как простой заемщик? Это создаст нежелательный прецедент». — Полагаю, этого будет достаточно.

Типтоп уже не говорил, а чуть ли не мурлыкал.

— Я не сомневаюсь, что банк готов подождать до полудня, чтобы позволить губернатору выполнить свои обязанности.

— До и после полудня он будет на улицах вместе с полицейскими отрядами по борьбе с уличными беспорядками и армейскими подразделениями, мистер Тип, чтобы не допустить бесчинств тех, кто введен в заблуждение гегемонистами. Он ведь, как вы знаете, главнокомандующий в Гонконге.

В голосе Типтопа появились резкие нотки.

— Конечно, но даже главнокомандующий может уделить несколько минут своего драгоценного времени тому, что, очевидно, является вопросом первостепенной важности?

— Я уверен, что он с удовольствием пошёл бы на это, — глазом не моргнув, соврал Данросс. Он знал, как ведутся переговоры в Азии, и был готов к всплескам негодования, сладким речам и всему остальному, что лежит между этими крайностями. — Однако на первом месте для него стоит защита интересов Серединного государства, равно как и интересов Гонконга. Я не сомневаюсь, что ему, к сожалению, придется отказаться от личного присутствия, пока не будет улажена эта чрезвычайная ситуация.

Теперь молчание стало недружелюбным.

— Что вы тогда предлагаете?

Данросс снова обошел ловушку, перескочив на следующий уровень.

— О, кстати, его адъютант просил меня упомянуть, что на скачках в следующую субботу его превосходительство устраивает прием для нескольких уважаемых китайских граждан Гонконга, и поинтересовался, будете ли вы в колонии, чтобы он мог прислать приглашение? — Этот ход давал надежду. Он позволял Типтопу и принять предложение, и отказаться, не потеряв лица, и не ставил под угрозу репутацию губернатора, избавляя его от необходимости посылать политически важное приглашение, которое могло быть отвергнуто. Про себя Данросс улыбнулся:

губернатор ещё ничего не знал о приеме, который будет давать.

Опять молчание. Типтоп обдумывал возможные политические последствия.

— Прошу поблагодарить его за внимание. Думаю, я там буду. Могу я подтвердить это во вторник?

— Буду рад передать это от вашего имени. — Данросс собрался было заговорить о Брайане Квоке, но решил пока оставить этот вопрос. — Вы будете в банке в девять ноль-ноль, мистер Тип?

— О нет. Вообще-то, я тут ни при чем. Я всего лишь заинтересованный наблюдатель. — Снова молчание. — Вашим представителям нужно будет подойти к главному управляющему.

Данросс вздохнул, сосредоточившись всем существом. «О присутствии губернатора ни слова. Неужели моя взяла?»

— Как вы считаете, может ли кто-то из официальных лиц объявить по радио Гонконга сегодня вечером во время девятичасовых новостей, что Банк Китая предоставляет колонии срочный кредит на полмиллиарда долларов наличными?

Снова молчание.

— О, я уверен, в этом нет необходимости, мистер Данросс, — проговорил Типтоп, и впервые в его голосе послышался смешок. — Не сомневаюсь, что для простой капиталистической радиостанции слова тайбаня Благородного Дома будут вполне достаточно. До свидания.

Данросс положил трубку. Пальцы дрожали. Ломило спину, и колотилось сердце.

— Полмиллиарда долларов! — пробормотал он. Голова шла кругом. — Ни документов, ни печатки, даже не ударили по рукам — лишь несколько звонков по телефону, немного поторговались, и к девяти утра будут готовы для перевозки полмиллиарда долларов!

«Победа! У нас деньги Мэртага, а теперь и деньги Китая! Да. Но как использовать эту информацию с наибольшей пользой? Как? — беспомощно спрашивал он себя. — Ехать к Пламму теперь нет смысла. Как быть? Что предпринять?»

Колени подгибались, в голове один план мгновенно сменялся другим. И тут долго сдерживаемое возбуждение вырвалось наружу с неопишуемым ревом, который эхом отразился от стен кабинета. Данросс подпрыгнул, один раз, другой, снова издал боевой клич и в конце концов расхохотался. Зайдя в ванную, он плеснул себе в лицо водой, сорвал промокшую рубашку, так что пуговицы разлетелись в разные стороны, и швырнул в корзину для грязного белья. Дверь в кабинет рывком распахнулась. На побелевшем лице Адрион застыло выражение тревоги:

— Отец!

— Господи боже, что случилось? — замер Данросс.

— Это с тобой что случилось? Ты ревел, как взбесившийся бык. С тобой все в порядке?

— О, о да, я вот, я... э-э... ушиб палец на ноге! — Его так и распирало от счастья, он обнял дочь и легко оторвал от земли. — Спасибо тебе, дорогая, все прекрасно! Все просто замечательно!

— Ох, слава богу, — выдохнула она и тут же добавила: — Значит, начиная со следующего месяца у меня будет своя квартира?

— Да... — Он вовремя спохватился. — Надо же, хитренькая какая! Нет, никакой квартиры. Увидела, что у меня такая радость...

— Но, отец, раз...

— Нет. Спасибо, Адрион, но нет. Давай, шагай! Она зыркнула на него, а потом рассмеялась.

— На этот раз я тебя чуть не подловила!

— Да-да, это точно! Не забудь, что завтра рейсом «Кантас» в полдень

прилетает Дункан.

— Не забуду, не волнуйся. Я встречу его. Здорово, что Дунк возвращается, я не играла на бильярде с тех пор, как он уехал. Куда ты сейчас?

— Собирался к Пламму в Роуз-Корт, чтобы отметить приобретение контрольного пакета «Дженерал сторз», но я не ду...

— Мартин считает, что это был блестящий ход! Если фондовый рынок не рухнет. Я сказала этому дурачку, что ты наверняка все уладишь.

И тут Данроссу пришло в голову, что прием у Пламма — то что надо. Там будет Горнт, Филлип Чэнь и все остальные. «Горнт! Теперь-то я избавлюсь от этого типа навсегда». Сердце колотилось.

— Мэртаг ещё внизу?

— О да. Мы уже собирались уезжать. Он спит на ходу.

Данросс отвернулся, чтобы скрыть улыбку, и схватил чистую шелковую рубашку.

— Не могли бы вы задержаться на минуту? У меня для него довольно неплохие новости.

— Хорошо. — Она приблизилась, глядя на отца большими голубыми глазами. — Квартиру в подарок на Рождество, ну пожа-а-алуйста!

— После университета, вот получишь диплом, и шагай отсюда!

— На Рождество. Я буду любить тебя вечно.

Он вздохнул, вспомнив, как малышка расстроилась и напугалась, когда увидела в бильярдной Горнта. «Возможно, завтра в качестве подарка я преподнесу тебе его голову», — подумал он.

— Не на это Рождество, на следующее! Она обвила его шею руками.

— О, спасибо тебе, папочка, дорогой, но только на это Рождество, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

— Нет, потому что...

— Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

— Хорошо. Только, ради бога, матери не говори, что я согласился! Она с меня с живого шкуру снимет!

78

19:15

Ночной ветерок нес солоноватый свежий воздух, и занавески вокруг кровати слегка колыхались. Бартлетт и Орланда спали: она в его объятиях, оба исполнены всепроникающего тепла, но стоило ей шевельнуть рукой, как Линк проснулся. Какой-то миг соображал, где он и кто он, но потом все встало на свои места, и сердце забилось сильнее. Как хорошо было вместе. Вспомнилось, как она откликнулась, снова и снова достигая вершины и унося его к высотам, каких он никогда раньше не знал. И то, что было после. Она встала с постели, прошла на кухню, подогрела воды, принесла горячее влажное полотенце и обтерла его от пота. «Мне так неудобно, дорогой, что здесь ни ванной, ни душа, это такой стыд, но если ты потерпишь, я все устрою наилучшим образом».

Новое свежее полотенце и чудесное ощущение — он и понятия не имел, какое на самом деле чудо, когда это «после» настоящее: она ласково ухаживала за ним, нежная, любящая, без всякого смущения, и крошечное распятие на шее служило ей единственным украшением. Он тогда ещё обратил внимание, как оно поблескивает в полумраке. Сознание стало проникаться последствиями произошедшего, но как-то так получилось, что ласковыми прикосновениями своих волшебных рук и губ она прогнала эти мысли прочь, и через некоторое время они вновь стали наравне с богами и через их щедрость погрузились в радость — а затем опять в сон.

Он празднично смотрел на ниспадающие с потолка и колышущиеся в потоках

воздуха занавеси. В их окружении кровать была уютнее, в падающем от окна свете рисунки на них представлялись такими милыми, и все казалось таким приятным. Он лежал, не шевелясь, боясь разбудить её, нарушить очарование: он кожей ощущал её тихое дыхание, её сонное лицо было само совершенство.

«Как быть, как быть, как быть?»

Сейчас никак, — ответил он на свой вопрос. — С самолёта снят арест, ты свободен, она — нечто невероятное, и ни с одной женщиной тебе не было так хорошо. Никогда.

Но может ли это продлиться, могло бы это продлиться? И к тому же ещё есть Кейси».

Бартлетт вздохнул. Орланда пошевелилась во сне. Он подождал, но она не проснулась.

Линк смотрел на рисунок, как загипнотизированный, отдыхая душой. В комнате было не жарко и не холодно, все было прекрасно, и её тело казалось невесомым.

«Что в ней есть такого? — спрашивал он себя. — Откуда это очарование? Ведь ты, несомненно, поддался какому-то наваждению, ты очарован. Это так же верно, как то, что существует смерть и налоги.

Да, мы занимались любовью, но и все на этом. Никаких обещаний я не давал, и все же...

Ты очарован, дружище.

Да. И это чудесно».

Он закрыл глаза и, задремав, уснул.

Орланда, проснувшись, тоже старалась не шевелиться, не желая будить его. Хотелось продлить наслаждение, его и свое. И нужно было время, чтобы подумать. Иногда так бывало в объятиях Горнта, но она понимала, что это не одно и то же и не будет никогда. Квиллана она всегда боялась, всегда была начеку, изо всех сил стараясь угодить, вспоминая, не забыла ли чего.

«Нет, — восторженно думала она, — сейчас было лучше, чем когда-либо с Квилланом, о, насколько это было лучше! Линк такой чистый, и от него не пахнет табаком. Чистый и чудесный. И я обещаю, клянусь Мадонной, что стану ему идеальной женой, самой лучшей из всех. Я буду использовать все: разум, руки, губы и тело, чтобы угодить ему, удовлетворить все его желания, и сделаю все, в чем он будет нуждаться. Все. Все, чему научил меня Квиллан, я буду делать для Линка. Даже то, что не очень нравится. Для Линка я буду делать это с удовольствием. Когда он подучится, мое тело и душа станут источником наслаждения, его и моего».

Она улыбнулась про себя, свернувшись в его объятиях.

«Приемы Линка, конечно, не идут ни в какое сравнение с тем, что умеет Квиллан, но недостаток мастерства с лихвой восполняет его сила и энергия. И нежность. Для меня его руки и губы просто волшебные. Никогда, никогда, никогда раньше такого не было».

«Заниматься любовью, Орланда, — это лишь полдела, — говаривал Горнт. — Ты можешь творить чудеса. В твоей власти наполнить мужчину неутолимым желанием, и тогда через тебя он поймет, что такое жизнь».

«Но чтобы достичь наивысшего наслаждения, нужно стремиться к нему и много работать.

О, я буду стремиться к нему для Линка. Клянусь Мадонной, я положу все: и разум, и сердце, и душу. Его гнев я обращу в покой. Разве мне не удавалось тысячу раз умирять гнев Квиллана своей нежностью? Разве это не чудо — обладать такой властью, и о, это было так просто, когда я научилась, так удивительно просто, и замечательно, и приносило такое удовлетворение.

Я прочитаю все, что об этом написано, и всему научусь, и не стану разговаривать после „тучек и дождя“, а буду лишь ласкать — не для того, чтобы

возбудить, а только для наслаждения, и никогда не попрошу: „Скажи, что любишь меня!“, а сама скажу: „Линк, я люблю тебя“. И задолго до того как моя кожа утратит свежесть, у меня родятся сыновья, которыми он будет восторгаться, и дочери, которым он будет умиляться. А потом, задолго до того как я уже не буду возбуждать в нем желание, я очень тщательно подберу ему другую женщину для наслаждения, недалекую, но с красивой грудью и тугим задом, и стану должным образом выказывать свою радость и кротость, и буду сочувствовать, если у него не получится, потому что он уже состарится и его мужская сила начнет иссякать, и контроль за деньгами будет в моих руках, и я стану нужна ему как никогда. А когда надоест первая, я найду другую, и мы — ян и инь — проживем так наши жизни до самого конца, и инь всегда будет верховодить над ян!

Да. Я буду тайтай.

И однажды он предложит съездить в Португалию к моей дочери, и в первый раз я откажусь, и во второй, и в третий, а потом мы поедем — если у меня на руках будет наш сын. И тогда он увидит её и полюбит её тоже, и эта боль больше не будет мучить меня».

Орланда вздохнула. Ощущение было чудесное, тело словно невесомое, и он уютно уткнулся головой ей в грудь.

«Насколько восхитительнее заниматься любовью, никак не предохраняясь, — думала она. — Просто восторг. Какое это чудесное ощущение — чувствовать, как в тебе поднимается волна, знать, что ты молода, и можешь рожать, и готова отдать себя всецело, осознанно, молясь о ниспослании новой жизни, в которой его жизнь и твоя соединятся навеки. О да.

Да, но мудро ли ты поступила? А? Если он, скажем, оставит тебя? Единственный другой раз, когда ты сознательно дала себе свободу, был тот месяц с Квилланом. Но тогда на то было разрешение. Сейчас у тебя разрешения не было.

Что, если Линк оставит тебя? Может, он придет в ярость и велит избавиться от ребенка!

Он не велит, — сказала она себе в полной уверенности. — Линк не Квиллан. Беспокоиться не о чем. Не о чем. Мадонна, прошу, помоги! Помогите мне, все боги! Пусть возрастет семя его, о, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, молю вас всем сердцем!»

Бартлетт заворочался и проснулся.

— Орланда?

— Да, дорогой, я здесь. О, какое ты чудо! Спи, времени у нас хоть отбавляй, спи, — радостно убаюкивала она его, довольная, что отпустила ама на весь день и ночь.

— Да, но...

— Спи. Через некоторое время я принесу какой-нибудь китайской еды и...

— Может, ты хотела бы...

— Спи, мой дорогой. Все в порядке.

79

19:30

Тремя этажами ниже на другой стороне дома, что выходила на склон холма, Четырехпалый У смотрел телевизор. Это была квартира Венеры Пань, и он сидел, развалясь в покойном кресле, сняв туфли и ослабив галстук. Рядом на обычном стуле сидела старая ама, и оба время от времени раздражались грубым хохотом, потешаясь над старыми фильмами с Лорелом и Харди³⁵⁷.

³⁵⁷ Лорел и Харди — знаменитый американский комический дуэт Стэн Лорел (1890-1965) и Оливер Харди (1892-1957) конца 1920 - середины 1930 гг. Мастера фарсовой клоунады, создавшие

— И-и-и, Толстый ведь сейчас зацепится своей, ети его, ногой за строительные леса? — фыркнул Четырехпалый. — А...

— А Худой получит по лбу доской! И-и-и.

Оба смеялись над трюками, которые видели уже раз сто, потому что эти старые черно-белые ленты крутили без конца. Фильм кончился. На экране появилась Венера Пань, чтобы объявить следующую передачу, и Четырехпалый вздохнул. Она смотрела с экрана прямо на него, и он, как и все сидящие перед телевизором мужчины, был уверен, что эта улыбка предназначена ему одному, и хотя У не мог разобрать, что она там лопочет по-английски, понимал он её очень хорошо. Его взгляд был прикован к грудям Венеры Пань: он мог замороженно смотреть на них часами, У разглядывал их вплотную, но так и не обнаружил ни единого признака хирургического вмешательства, о котором шептался весь Гонконг.

— Титьки у тебя, надо признать, само совершенство. Такой формы и такого размера я ещё не встречал, — авторитетно заявил он, ещё на ней, позавчера вечером.

— Ты говоришь так, чтобы польстить своей бедной Дочке, которая уже почти нищая, о-хо-хо!

— Это ты почти нищая? Ха! А разве Банкир Кван не передал тебе вчера этот жалкий мех и, как я слышал, добавил ещё тысячу к тому, что он ежемесячно выплачивает по чеку?! А я, разве я не сказал тебе, кто выиграет в первом и третьем заездах и кто займет второе место в пятом? Ты на этом заработала тридцать тысяч минус пятнадцать процентов моему осведомителю — и никаких усилий, проще, чем мне ветры пустить!

— Подумаешь! Об этих двадцати тысячах восьмистах гонконгских долларах и говорить-то не стоит. Мне ведь самой приходится покупать гардероб, каждый день — новый костюм! Публика требует, и я должна с ней считаться.

Они продолжали спорить, пока, почувствовав приближение момента истины, он не попросил её поработать ягодицами поэнергичнее. Она услужливо согласилась, причем взялась за дело с таким энтузиазмом, что от него осталась лишь физическая оболочка. Когда в конце концов его душа каким-то чудом вернулась из Небытия, он выдавил из себя, задыхаясь:

— Айийя, Маленькая Шлюшка, если ты сможешь сделать так ещё раз, я подарю тебе кольцо с бриллиантом — нет-нет, не сейчас, клянусь небом! Я что тебе, бог? Не сейчас, Сладкоречивая, нет, не сейчас и не завтра, а в следующий раз...

Сегодня как раз и был следующий раз. Окрыленный прежним успехом и предвкушая будущий, он смотрел, как она прощается с телезрителями, показывая в улыбке ямочки на щеках, и начинается новая программа. Сегодня работа у неё заканчивалась рано, и, явственно представляя, как она торопливо выходит из телецентра и садится в его «роллс-ройс», он был уверен, что малышка волнуется, как и он сам. Сегодня Четырехпалый отправил вместе с ней на «роллс-ройсе» Пола Чоя, чтобы тот поболтал с Венерой по-английски, благополучно доставил до телецентра и быстро вернулся. А когда они встретятся вновь, «роллс-ройс» доставит их в варварские хоромы для еды в отеле заморских дьяволов. Кухня там заморская, отвратительная и запахи стоят невыносимые, но это одно из тех мест, где собираются все тайбани, куда приходят все влиятельные цивилизованные люди с женами, а когда их жены заняты — со своими шлюхами, так что он сможет показать всему Гонконгу, какая у него любовница и как он богат, а она похвастает своим бриллиантом.

— Айийя, — довольный, фыркнул он.

противоположные маски двух обаятельных придурков: тщедушного плаксы Лорела и толстяка и бонвивана Харди.

— Что такое, Досточтимый Господин? — подозрительно спросила ама. — Что-нибудь не так?

— Ничего, ничего. Подай мне, пожалуйста, немного бренди.

— Моя госпожа не любит запаха бренди!

— Хм, Старая Женщина, подай мне бренди. Что я, глупец? Я же не варвар из «внешних провинций». Конечно же, я пожую ароматных чайных листьев перед нашей встречей. Бренди неси!

Ворча, она ушла, но Четырехпалый не обращал на это внимания: старуха лишь пыталась защитить интересы своей хозяйки, так и должно быть.

Пальцы дотронулись до маленькой коробочки в кармане. Он приобрел кольцо сегодня утром, по оптовой цене у двоюродного брата, который был ему обязан. Камень обошелся Четырехпалому по меньшей мере в сорок восемь тысяч, и, хотя это чуть ли не вдвое превышало реальную цену бриллианта, он был недурен: голубовато-белый, отличного качества, и каратов немало.

«Ещё одна такая встреча, как в последний раз, стоит того, — восторженно размышлял Четырехпалый, хотя его не оставляла тревога. — О да. И-и-и, я уж было подумал, что мой дух точно отошел навеки в Небытие, что на самой вершине жизни боги забрали его к себе! И-и-и, вот бы повезло, отправься я туда в тот самый момент! Да, но что ещё более замечательно, я вернулся, чтобы брать приступом „нефритовые врата" снова и снова!»

Старик рассмеялся вслух: он не страшился богов и был очень доволен. У него состоялась тайная встреча с Контрабандистом Юанем и Белым Порошком Ли, и его выбрали предводителем их нового Братства.

«И это абсолютно правильно, — думал он. — Разве не я вывел их на рынок через этого заморского дьявола Бана... — как бишь его? — когда одолжил денег Первому Сыну Чэнь, а тот взамен предложил включить в схему поставок опиума оружие, но имел глупость угодить в лапы к похитителям и получить лопатой по голове? О да.

И разве не я встречался на прошлой неделе с заморским дьяволом в Макао, чтобы договориться о финансировании, платежах и привести в движение всю эту широкомасштабную схему? Конечно, мне быть Великим Тигром, конечно, я должен получать большую часть прибыли!

Соединив их опыт с современными методами Прибыльного Чоя, я смогу поставить на новые рельсы контрабанду опиума в Гонконг, а также переработку доставленного сюда сырья в невероятно доходные „белые порошки" и, в конечном счете, экспорт их на мировые рынки.

Теперь, когда Пол Чой работает в отделе морских и воздушных перевозок Второй Большой Компании, а двое внуков Юаня, которые тоже учились в Америке, — в отделе таможенной очистки грузов, а ещё четверо окончивших университеты в Англии родственников Белого Порошка Ли определены в складские подразделения Благородного Дома в аэропорту Кай-Так и в погрузочно-разгрузочное подразделение „Ол Эйша эруэйз", импорт и экспорт станут безопаснее, легче и ещё выгоднее».

Компаньоны обсудили, кого нужно пристроить в полицию, в частности в морскую береговую охрану.

— Никого из варваров, никого из этих прелюбодеев! — запальчиво объявил Белый Порошок Ли. — Они никогда не будут на нашей стороне, никогда. Во всяком случае, в том, что касается наркотиков. Мы должны использовать только Драконов.

— Согласен. На всех Драконов уже выходили, и все согласны сотрудничать. Все, кроме Тан-по из Коулуна.

— Коулун нам нужен обязательно, он имеет первостепенное значение, и оттуда действует береговая охрана. Он что, набивает себе цену, чтобы выторговать условия получше? Или он против нас?

— Не знаю. Пока. — Четырехпалый пожал плечами. — Вопрос с Тан-по будет улаживать Великий Дракон. Если Великий Дракон согласится, считайте, все в порядке.

«Да, — думал Четырехпалый, — я перехитрил их, и они сделали меня Великим Тигром. И я обвел вокруг пальца Прибыльного Чоя, не уступив этому, ети его, юнцу контроль над всем моим состоянием, как он рассчитывал. О нет! Я не такой глупец! Я дал ему два миллиона и пообещал семнадцать процентов с прибыли. Посмотрим, что ему удастся сделать с этой суммой. Да. Посмотрим, что ему удастся сделать!»

Сердце старика забилося, и он почесался.

«Бьюсь об заклад, юный хитрец за неделю утроит её, — заключил он про себя с благоговейным трепетом, ведь за бриллиант было заплачено из того, что сын заработал своим умом, получив первую прибыль от продажи акций, и на год с Венерой Пань уже отложено из тех же денег, и не надо выкладывать ни единого медяка из собственного капитала! — И-и-и! А какие хитроумные схемы предлагает Прибыльный! Например, как вести себя завтра на встрече с Тайбанем».

Он беспокойно дотронулся до половинки монеты, висевшей на шее под рубашкой на толстом шнурке, такой же, как и половинка, с которой его знаменитый предок У Фанчой пришел за клипером, не уступавшим лучшему кораблю всего флота Дирка Струана.

«Но У Фанчой был глупец, — мрачно думал У. — Испрашивая услугу, он не додумался потребовать для корабля безопасного прохода, и Зеленоглазый Дьявол, Тайбань, перехитрил его.

Да, клянусь всеми богами, У Фанчой проиграл по своей вине. Но потерял не все. Он выследил горбуна по имени Страйд Орлов, который служил адмиралом у Слабака Кулума. Люди У Фанчоя схватили Орлова на берегу в Сингапуре и в цепях доставили на Тайвань, главную базу Серебряного Лотоса. Там Орлова привязали к свае, как раз на отметке прилива, и очень медленно утопили.

Я такой глупости, как У Фанчой, не допущу. Нет. Я сделаю так, что моя просьба к нынешнему тайбаню будет выполнена железно.

Завтра Тайбань даст согласие открыть трюмы своих кораблей для моих грузов — тайно, конечно. Он предоставит в мое пользование некоторые из счетов Благородного Дома, чтобы я мог растворить свои денежки в его финансовых потоках — тайно, конечно, хотя к большой выгоде для него. Он согласится, опять же втайне, профинансировать вместе со мной строительство большой фармацевтической фабрики, которая, о-хо, по уверениям Прибыльного Чоя, послужит прекрасной законной защитой для меня и моей семьи, отведя от нас подозрения в связях с наркобизнесом, и никто уже никогда нас не поймает. И последнее, Тайбань переговорит с этим получеловеком Ландо Матой и предложит меня и мой предполагаемый синдикат в качестве замены существующему в Макао золотому и игорному синдикату Прижимистого Дуна и семьи Цзинь, и он, Тайбань, даст обещание участвовать в нем».

Душа Четырехпалого замирала от восторга.

«Тайбаню придется согласиться на все. На все. И сделать все это в его власти».

— Прошу, ваш бренди.

Четырехпалый У принял бренди из рук ама и стал мечтательно попивать его с огромным наслаждением.

«О боги, прошу вас всех засвидетельствовать: семьдесят шесть лет я, Четырехпалый У, Глава Рожденных в Море У, жил по полной, и если вы, боги, возьмете дух мой во время „тучек и дождя“, я буду петь вам хвалу на небесах — если они есть — во веки вечные. А если нет...»

Старик пожал плечами и, расплывшись в улыбке, пошевелил пальцами ног. Зевнув, он закрыл глаза: ему было тепло, уютно, и он блаженствовал. Боги есть боги,

они могут заснуть и наделать ошибок, но Маленькая Шлюшка заработает сегодня вечером свое кольцо с бриллиантом, и это так же верно, как то, что великие штормы придут и в этом году, и в будущем. «Только вот с какой стороны?» — задался он вопросом, засыпая.

Такси остановилось у вестибюля внизу. Из него, качаясь, как пьяный, выбрался Суслев. Он расплатился, потом, чуть пошатываясь, перешагнул через сточную канаву, в которой несся поток дождевой воды, и вошёл в вестибюль.

У лифта собралась целая толпа людей, которые переговаривались между собой. Среди них он узнал Кейси и Жака де Вилля. Покачиваясь из стороны в сторону и рыгая, он спустился по лестнице на нижний уровень, пересек гараж и забарабанил в дверь Клинкера.

— Привет, дружище, — открыл дверь Клинкер.

— *Tovarich!* — Суслев заключил его в медвежьи объятия.

— Водка есть! Пиво есть. Мэйбл, поприветствуй капитана! — Сонный старый бульдог лишь открыл один глаз, пошамкал и громко испустил ветры.

Клинкер со вздохом закрыл дверь.

— Бедная старушка Мэйбл! Вот уж, господи прости, не делала бы ты этого, ведь вся квартира провоняет! Держи. — Он подал Суслеву полный стакан воды и подмигнул. — Твоя любимая, старик. Шестидесятиградусная.

Суслев подмигнул в ответ и, шумно глотая, выпил воду.

— Спасибо, старый кореш. Ещё один такой, и я счастливый уйду в море из этого капиталистического рая!

— Ещё один такой, — хохотнул Клинкер, поддерживая игру, — и ты поползешь из гонконгской гавани на карачках! — Он снова наполнил стакан. — Надолго сегодня?

— Я просто обязан немного выпить с тобой напоследок, а? Главное, убраться от тебя не позднее девяти. Выпьем! — заревел он с притворным добродушием. — Ну-ка, вруби какую-нибудь музыку, а?

Клинкер с удовольствием включил магнитофон на полную громкость. По комнате разлилась грустная русская песня.

— Спасибо, Эрн, — прошептал Суслев, прижав губы вплотную к уху Клинкера. — Вернусь вовремя.

— Хорошо. — Клинкер подмигнул русскому, по-прежнему считая, что у того назначено свидание с замужней женщиной, живущей в Синклер-тауэрс. — Кто она, а? — Раньше он никогда не интересовался.

— Держи язык за зубами, не будешь месить грязь сапогами, — широко улыбнувшись, прошептал Суслев. — Муж её — большая «шишка», капиталист паршивый, да ещё из отцов-законодателей!

— Потрясающе! — просиял Клинкер. — И за меня разок, ладно?

Суслев спустился в люк и нашел фонарик. Из трещин в бетонном потолке тоннеля капала вода, и было их больше прежнего. То и дело попадались обрушившиеся сверху кучки мусора, идти было трудно и скользко. Русский нервничал: ему совсем не нравилось это замкнутое пространство, не радовала и необходимость идти на встречу с Кроссом. Хотелось быть подальше отсюда, в полной безопасности, на своем судне, чтобы иметь абсолютное алиби на то время, когда Данросса будут накачивать наркотиками и похищать. Но Кросс был непреклонен:

«Черт возьми, Грегор, тебе необходимо быть там! Я должен встретиться с тобой лично. Не идти же мне на „Иванов“? Это абсолютно безопасно, гарантирую!»

«Гарантирую... — снова задумался разозленный Суслев. — Как может кто-то что-то гарантировать?»

Он вынул тупоносый автоматический пистолет с глушителем, проверил его и снял с предохранителя. Потом двинулся дальше, осторожно выбирая дорогу, и

взобрался по лесенке в подсобку. Выйдя на лестничную площадку, он замер и прислушался, не дыша и сосредоточенно выискивая, нет ли опасности, но ничего не обнаружил. Дышать стало легче. Бесшумно поднявшись по лестнице, он вошёл в квартиру. Проникавший в окна свет от расположенного чуть ниже высотного здания и огни города освещали комнаты достаточно хорошо. Он осмотрел всю квартиру. Потом направился к холодильнику, открыл бутылку пива и стал рассеянно смотреть из окна. Его судна отсюда было не видно, но Суслев знал, где оно стоит, и от этого на душе сделалось теплее.

«Слава богу, уходим, — думал он. — А жаль. Хотелось бы вернуться: Гонконг — неплохое место. Но смогу ли?»

Как быть с Синдерсом? Можно ли ему доверять?»

Сердце Суслева ныло. Вне сомнения, на карту поставлено его будущее. КГБ не составит труда удостовериться, что Меткина выдал он. Центр может получить эту информацию от Роджера Кросса, просто позвонив по телефону, — если там уже не пришли к этому заключению самостоятельно.

«Чтоб в аду гореть этому Синдерсу! Он меня сдаст, точно — я на его месте так бы и сделал. Узнает ли Роджер о предложенной Синдерсом тайной сделке? Нет. Синдерс сохранит это в тайне, даже от Роджера. Да и какая разница? Стоит мне хоть что-то передать другой стороне, и я в их власти навсегда».

Минута текла за минутой. Зашумел лифт. Суслев тут же занял позицию для обороны. В замке повернулся ключ, палец опустил флажок предохранителя. Дверь открылась и быстро закрылась.

— Привет, Грегор, — тихо проговорил Кросс. — Лучше бы ты не наставлял на меня эту штуковину.

Суслев взвел предохранитель.

— К чему такая срочность? И что насчет этого болвана Синдерса? Что он...

— Успокойся и послушай. — Кросс вынул рулон микроплёнки, бледно-голубые глаза сияли необычным восторгом. — Это подарок. Он, правда, дорого мне обошелся, но зато на этой плёнке все настоящие папки АМГ.

— Да что ты! — уставился на него Суслев. — Но каким образом? Кросс рассказал о своем визите в хранилище, закончив словами:

«И после того как Данросс ушел, я сфотографировал папки и положил их обратно».

— Плёнка проявлена?

— О да. Я сделал один отпечаток, прочитал и тут же уничтожил. Это было безопаснее, чем передавать их тебе: тебя могут остановить и обыскать. Синдерс вышел на тропу войны. Что, черт возьми, произошло между вами?

— Сначала расскажи о папках, Роджер.

— Печально, но они те же, что и другие, слово в слово. Никакой разницы.

— Что?

— Да-да. Данросс говорил правду. Копии, что он передал нам, точно такие же.

— Но ведь мы были уверены, ты был уверен! — изумился Суслев. Кросс пожал плечами и передал ему плёнку.

— Вот тебе доказательство. Суслев грязно выругался.

Кросс наблюдал за ним с мрачным удовольствием. «Настоящие папки слишком ценны, чтобы их передавать — сейчас, — повторил он про себя. — О да. Сейчас не время. Позже, Грегор, старина, и по частям. Тогда за них удастся выручить очень даже приличную сумму. Сведения нужно отбирать и предлагать очень и очень осторожно. А вот что касается одиннадцати фрагментов с кодом — что бы там, черт побери, ни сообщалось, — они, должно быть, стоят целого состояния, но всему свое время».

— Боюсь, на сей раз мы потерпели неудачу, Грегор.

— Но как быть с Данроссом? — побледнел Суслев, взглянув на часы. — Может, он уже в ящике?

Кросс пожал плечами. Черты худощавого лица четко вырисовывались в полумраке.

— Отменять план не стоит. Я тщательно продумал всю операцию. Джейсон прав: произвести потрясение в Гонконге было бы неплохо. После похищения Данросса волны пойдут во все стороны. А если сюда добавить банковскую панику и крах фондового рынка — да, это будет нам на руку, даже очень. И всё-таки я крайне обеспокоен. Синдерс все вынюхивает, он подобрался очень близко и начинает задавать самые разные неудобные вопросы. А тут ещё это дело с Меткиным, Воранский, папки АМГ, ты — слишком много ошибок. Необходимо снять давление с «Севрина». И Данросс подходит для этого как нельзя лучше.

— Ты уверен? — Суслеву требовалось, чтобы его успокоили.

— Да. О да, Данросс прекрасно подходит, премного благодарен. Он отвлечет внимание. Мне потребуется помощь. А вот ты хочешь сдать «Артура». Верно?

Суслев почувствовал взгляд впившихся в него глаз, сердце замерло, однако скрыть шок удалось. С трудом.

— Я рад, что Синдерс посвятил тебя в подробности нашей встречи. Избавил меня от необходимости рассказывать все самому. Как мне выбраться из этой ловушки?

— А как ты намерен выбираться из неё?

— Не знаю, Роджер. Синдерс выполнит свою угрозу?

— Да будет тебе, боже мой! — рявкнул Кросс. — А ты бы не выполнил?

— Ну и как же мне быть?

— Слетит или твоя голова, или «Артура». Если «Артура», то следующим могу стать я. — Последовала долгая мучительная пауза, и Суслев почувствовал, как шевелятся волосы на загривке. — Пока речь идет не обо мне — и пока я знаю, что будет дальше, заранее, — мне наплевать.

— Выпить хочешь? — поднял на него глаза Суслев.

— Ты же знаешь, я не пью.

— Я имел в виду, воды — или содовой. — Русский подошел к холодильнику, вынул бутылку водки и выпил прямо из горлышка. — Я рад, что Синдерс рассказал тебе.

— Господи, Грегор, ты что-то совсем соображать перестал. Ничего он мне, конечно, не говорил. Этот осел по-прежнему считает, что заключил тайную сделку, только он и ты. Да, он так и считает! Боже милостивый, но это же мое хозяйство! Я и определил его в комнату, где установлены «жучки». Неужели ты считаешь, что я такой простак? — Взгляд Кросса стал ещё жестче, и Суслев почувствовал, как грудь невыносимо сжало. — Так что выбор прост, Грегор. Или ты, или «Артур». Если ты выдаешь его, подвергаюсь опасности я и все остальные. Если ты не уступишь Синдерсу, с тобой все кончено. Я предпочел бы, чтобы ты был мертв, а я, «Артур» и «Севрин» оставались в безопасности.

— Есть решение получше: я выдаю «Артура», но, прежде чем его схватят, он бежит. Он может уйти на «Иванове». А?

— Синдерс опередит тебя, судно остановят в гонконгских водах.

— Возможно. Но необязательно. Я могу оказать сопротивление при попытке взойти на борт в море. — Суслев не спускал глаз с Кросса, во рту появился привкус желчи. — Или так, или «Артур» кончает жизнь самоубийством — или его убируют.

— Шутишь, что ли? — уставился на него Кросс. — Хочешь, чтобы я отправил Джейсона в Великое Послебытие?

— Ты сам сказал, что слетит чья-то голова. Послушай, сейчас мы лишь рассматриваем возможности. Но факт остается фактом: тобой рисковать нельзя.

«Артуром» можно. И остальными тоже. В том числе и мной. — Суслев говорил совершенно серьезно. — Поэтому, что бы ни случилось, это должен быть не ты — и предпочтительно не я. Перспектива помереть раньше срока меня никогда не устраивала. — Он ещё раз хлебнул из бутылки, с удовольствием ощутив разливающееся внутри тепло, а потом снова обратил взгляд на Кросса. «Он же со мной заодно?» — Мы ведь заодно, верно?

— Да. О да. Пока платят и пока мне нравится играть в эту игру.

— А вот верил бы в наше дело, мог бы пожить подольше и получше, *tovarich*.

— Ну да, конечно. Меня до сих только потому и не прихлопнули, что не верю. Коль скоро вам, кагэбэшникам, приспичило завоевывать мир, бороться с капитализмом и прочими «-измами» ради каких-то надуманных целей, которые вы провозглашаете, или просто для собственного удовольствия, что ж, я согласен *jolly you along* 358.

— Что-что?

— Это старинное английское речение, которое значит «помогать», — сухо прокомментировал Кросс. — Значит, ты собираешься сдать «Артура»?

— Не знаю. Может, ты направишь их по ложному следу в аэропорт, чтобы дать нам время уйти из гонконгских вод?

— Да, но Синдерс уже удвоил наблюдение.

— А как насчет Макао?

— Это можно устроить. Но я не в восторге от этой идеи. А что остальные в «Севрине»?

— Пусть уходят в глубокое подполье, мы временно сворачиваем операции. Ты встаешь во главе «Севрина», действовать начнем, когда уляжется вся эта катавасия. Де Вилль может стать тайбаном после Данросса?

— Не знаю. Думаю, тайбаном будет Гэваллан. Кстати, сегодня утром в Шатине обнаружены ещё две жертвы Вервольфов.

У Суслева затеплилась надежда, и страх отчасти оставил его.

— А что случилось?

Кросс рассказал про находку.

— Мы так ещё и не установили личности этих бедолаг. Грегор, сдать «Артура» — дело опасное при любом раскладе. Это может отозваться на мне. Хотя, возможно, крах фондового рынка, банковская неразбериха и исчезновение Данросса послужат достаточным прикрытием. Может быть.

Суслев кивнул. К горлу подступила тошнота. Надо было принимать решение.

— Роджер, пожалуй, я ничего предпринимать не буду. Просто уйду и попытаю счастья. Я... я составляю тайный доклад, чтобы опередить Синдерса, и доложу в Центр, что произошло. Что бы Синдерс ни предпринял, какая-то надежда остается. Будущее покажет. У меня тоже есть приятели наверху. Возможно, вся эта заваруха в Гонконге и похищение Данросса... Химический допрос я проведу сам, на случай, если он нас обставил, ума палата, как ты утверждаешь... Что такое?

— Ничего. А что Коронский?

— Он улетел сегодня утром после того, как передал все препараты. Я решил провести допрос на «Иванове», не на берегу. А что?

— Ничего. Продолжай.

— Возможно, неразбериха в Гонконге умиротворит мое начальство. — Теперь, когда решение было принято, Суслев почувствовал себя чуть получше. — Пошли срочный доклад в Центр через обычные каналы в Берлине. Пусть «Артур» продублирует его сегодня по радио. Ты уж постарайся обернуть дело в мою пользу, а?

358 Умасливать вас (англ.).

Свали вину за меткинский провал на здешних цэрэушников, а заодно и утечку с авианосца, да и Воранского. А? Обвини во всем ЦРУ и гомиьндановцев.

— Непременно. За двойную плату. Кстати, Грегор, на твоём месте я бы стер отпечатки с бутылки.

— Что?

Кросс язвительно поведал ему о том, как люди Роузмонта стянули во время налета рюмку и как много месяцев назад он, чтобы оградить Суслева, лично изъяс отпечатки пальцев русского из его досье.

Суслев побелел как полотно.

— У ЦРУ есть мои отпечатки?

— Только если у них досье лучше, чем наши. Я в этом сомневаюсь.

— Роджер, я рассчитываю, что ты меня прикроешь.

— Не беспокойся, в моем докладе ты предстанешь таким безупречным, что можешь рассчитывать на повышение. А взамен ты порекомендуешь, чтобы мой бонус увеличили до ста тысяч дол...

— Ну это уже слишком!

— Это плата! Я вытаскиваю тебя черт знает из какой передрыги. — Губы Кросса улыбались, но глаза — нет. — Слава богу, мы профессионалы. Верно?

— Я... я постараюсь.

— Хорошо. Подожди здесь. Телефон Клинкера прослушивается. Я позвоню из квартиры Джейсона, как только узнаю про Данросса. — Кросс протянул руку. — Удачи. Насчет Синдерса сделаю все, что смогу.

— Спасибо. — Суслев сжал его в медвежьих объятиях. — И тебе тоже удачи, Роджер. Не подведи меня с Данроссом.

— Мы не подведем.

— И продолжай так же хорошо работать, ладно?

— А ты передай своим приятелям, чтобы не забывали платить, ладно?

— Хорошо.

Суслев закрыл за Кроссом дверь, потом вытер ладони о брюки и вытащил микропленку. Вполголоса он проклял и её, и Данросса, и Гонконг, и Синдерса. Он уже видел, как ему задают в КГБ вопросы про Меткина, про то, как он, Суслев, потопил его. «Как же мне вывернуться? — думал он, и по спине у него струился холодный пот. — Может, все же сдать „Артура“? Как это сделать, не запятнав Роджера? Должен же быть какой-то выход».

Выйдя на лестничную площадку, Роджер Кросс шагнул в лифт и нажал кнопку первого этажа. Теперь, оставшись в одиночестве, он измученно прислонился к шатким стенам кабины и потряс головой, чтобы избавиться от страха.

— Прекрати! — пробормотал он. Не без труда справившись с собой, он закурил и заметил, что пальцы трясутся.

«Если этот болван подвергнет Данросса химическому допросу, я пропал. И ставлю пятьдесят долларов против кучи дерьма, что Суслев по-прежнему подумывает сдать Пламма. Если он это сделает, господи, вся моя колода карт может посыпаться мне на голову³⁵⁹. Одна ошибка, одна крохотная осечка — и со мной все кончено».

Лифт остановился. Громко болтая, вошли какие-то китайцы, но Кросс их даже не заметил.

На первом этаже его ждал Роузмонт.

³⁵⁹ Намек на один из заключительных эпизодов «Алисы в Стране чудес», когда вся колода карт поднялась в воздух и посыпалась на голову Алисе после приказа Королевы отрубить ей голову.

— Ну и?..
— Ничего, Стэнли.
— А как же твои предчувствия, Родж?
— Никогда не знаешь, Стэнли. Могло и повезти, — заметил Кросс, стараясь заставить сознание работать.

Он нарочно выдумал насчет предчувствия и взял Роузмонта с собой, оставив его ждать внизу, чтобы провести агентов ЦРУ, которые, как ему было известно, до сих пор вели наблюдение за вестибюлем.

— Ты как, ничего, Родж?
— О да. Да, спасибо. А что? Роузмонт пожал плечами.
— Не хочешь кофе или пива?

Они вышли на воздух. Рядом с домом стояла машина Роузмонта.

— Нет, спасибо. Мне вон туда. — Кросс указал на возносившуюся над ними многоэтажную громаду Роуз-Корта, выше по улице. — Прием с коктейлями. Нужно отметить. — Он чувствовал, как его снова охватывает страх. «Что, черт возьми, теперь делать?»

— Что-то случилось, Родж?

— Нет, ничего.

— Роуз-Корт, говоришь? Может, мне поселиться там? Роузмонт из Роуз-Корта — звучит, а?

— Да. — Кросс собрался с силами. — Не хочешь съездить в порт проводить «Иванова»?

— Конечно, почему бы и нет? Как я рад, что ты выставил это чудо-юдо. — Роузмонт подавил зевок. — Мы сегодня вечером раскололи-таки этого ублюдка компьютерщика. Похоже, он припас на продажу массу самых разных секретов.

— И что именно?

— Да, всякая всячина про «Коррехидор»: максимальная скорость, которую он развивает, расположение ядерных зарядов, коды доступа — такие вот вещи. Я сегодня дам тебе краткое резюме. Заедь за мной в полночь, о'кей?

— Да-да, хорошо. — Кросс повернулся и торопливо зашагал прочь. Роузмонт, нахмурившись, проводил его взглядом, потом посмотрел вверх, на Роуз-Корт. На всех двенадцати этажах горел свет. Американец снова перевел взгляд на Кросса — теперь уже маленькую темную фигурку, которая сворачивала за угол, поднимаясь вверх по крутой петляющей дороге.

«Что такое с Роджем? — задумался Роузмонт. — Что-то не так».

80

20:10

Лицо Роджера Кросса оставалось напряженным, когда он вышел из лифта на пятом этаже и вступил через открытую дверь в квартиру компании «Эйшн пропертиз». В просторном помещении былолюдно и шумно. Кросс остановился в дверном проеме, высматривая среди гостей Пламма или Данросса. Ему тут же бросилось в глаза, что атмосфера на приеме царит безрадостная: большинство гостей глядело уныло, и от этого беспокойство только усилилось. Несколько жен приглашенных сбились кучкой в дальнем конце. Везде обсуждали грядущую катастрофу, которую вызовет крах фондового рынка и банковская паника.

— Ох, брось ты ради бога!.. Да, Хэвегилл — молодец, что объявил о многомиллионной покупке контрольного пакета «Хо-Пак». Но где взять наличность, чтобы всем нам остаться на плаву?

— Это было слияние, Дунстан, а не приобретение контрольного пакета, — начал

Ричард Кван, — «Хо-Пак»...

Лицо Барра вдруг пошло пятнами.

— Господи боже, Ричард, здесь все свои, и каждый прекрасно понимает, что за этим стоит гораздо больше, чем просто желание выручить. Боже мой, мы же не дети. Я хочу сказать, — продолжал он так громко, что перекрыл голоса Ричарда Квана и Джонджона, — я хочу сказать, старина, слияние это или нет, нам, бизнесменам Гонконга, не удержаться на плаву, если вы, банкиры, допускаете такие глупости, как отсутствие наличности. А?

— Но видит бог, мы в этом не виноваты, — раздался резкий голос Джонджона. — Всеми виной временная утрата доверия.

— Никуда не годное управление, черт возьми, вот что это такое, скажу я вам, — мрачно заявил Барр, ко всеобщему одобрению, и заметил пытавшегося проскользнуть мимо Кросса. — О, привет, Роджер! — окликнул он с притворной улыбкой.

Роджер Кросс отметил, как Барр мгновенно насторожился. Так обычно и бывало, когда Кросс кого-то заставлял врасплох.

— Иэн здесь?

— Нет. Ещё нет, — сообщил Джонджон, и покрывшийся испариной Кросс облегченно вздохнул.

— Ты уверен?

— О да. Как только он приедет, я откланяюсь, — угрюмо проговорил Дунстан. — Чертовы банки! Если бы не...

— А что слышно про проклятых Вервольфов, Роджер? Страшная утренняя находка стала ведущей темой радио Гонконга и всех китайских газет — газеты на английском в воскресенье днем не выходили.

— Я знаю не больше, чем вы, — поморщился Кросс. — Мы по-прежнему пытаемся установить личности убитых. — Он посмотрел в сторону Ричарда Квана, и тот отвел взгляд. — Тебе ничего не известно о пропаже чьих-нибудь сыновей или племянников, Ричард?

— Нет, извини, Роджер, нет.

— Простите, но мне надо повидаться с нашим хозяином. — Кросс стал пробираться дальше через толпу. — Привет, Кристиан, — бросил он, проходя мимо высокого тощего редактора «Гардиан». Тот всячески пытался скрыть свою скорбь. — Прими мои соболезнования насчет твоей жены.

— Джосс. — Кристиан Токс, старавшийся, чтобы голос звучал спокойно, встал у него на пути. — Джосс, Роджер. Она, ну, она... жизнь продолжается, верно? — Вымученная улыбка получилась чуть не гротескной. — «Гардиан» должен продолжать работу, верно?

— Да.

— Можно потом с тобой переговорить?

— Несомненно, как всегда, о чем-то не для печати?

— Конечно.

Он двинулся дальше, миновав Пагмайра и сэра Луиса, погруженных в беседу о приобретении «Струанз» контрольного пакета «Дженерал сторз», и на широком балконе, выходящем на гавань, заметил Кейси в окружении группы мужчин, среди которых был де Вилль, а также Горнт, чей кроткий вид показался Кроссу необычным.

— Привет, Джейсон, — проговорил суперинтендент, подойдя сзади к Пламму, который разговаривал с Джозефом Стерном и Филлипом Чэнем. — Спасибо, что пригласил.

— О... О, привет, Роджер. Рад, что ты смог прийти.

— Добрый вечер, — поздоровался он с остальными. — Джейсон, а где же твой почетный гость?

— Иэн звонил и сказал, что вынужден задержаться, но едет. Должен быть здесь с минуты на минуту. — Пламм был в напряжении, и это чувствовалось. — Э-э... шампанское готово, и я сочинил небольшую речь. — Он не отрывал глаз от Кросса. — Пойдем, Роджер, налью тебе чего-нибудь. «Перрье», верно? У меня есть немного охлажденной.

Кросс последовал за ним, обрадовавшись возможности потолковать наедине, но не успели они дойти до кухни, как все вдруг замолчали. В дверях стоял Данросс с Рико, а рядом с ними — Гэваллан. Все трое широко улыбались.

— Послушай, Джейсон, я... — начал было Кросс и умолк.

Пламм уже снова повернулся к бару, и, не следя за ним Кросс очень внимательно, он никогда бы не заметил, как левой рукой Джейсон ловко сломал над одним из бокалов с шампанским крошечную ампулу, убрал пустую стеклянную оболочку обратно в карман и, взяв поднос с четырьмя бокалами, направился к двери. Будто зачарованный Кросс смотрел, как Пламм подходит к Данроссу и подает шампанское.

Данросс предложил бокал Рико, потом Гэваллану и без какой-либо видимой подсказки взял тот, что предназначался ему. Пламм забрал оставшийся и передал поднос сбитому с толку официанту.

— Добро пожаловать, Иэн, и прими поздравления с удачным ходом. — Он произнес свой тост буднично, не пытаясь представить это как нечто из ряда вон выходящее.

Стоявшие рядом вежливо присоединились к нему. Пить за себя Данросс, конечно, не стал.

— Ну, а теперь, может, выпьешь за Ричарда Квана с Джонджоном и за их слияние? — каким-то странным тоном предложил Пламм.

— А что, давайте выпьем, — усмехнулся Данросс и посмотрел через комнату на Джонджона. — Брюс, — крикнул он, поднимая бокал, и в общем шуме словно образовалось небольшое пустое пространство. — За «Викторию»! — Его голос звучал все сильнее и перекрывал остальные. Все оборачивались, прерывая речь на полуслове. — Наверное, за это стоит выпить всем. Мне только что стало известно, что Банк Китая согласился одолжить вам и другим банкам полмиллиарда наличными и это будет сделано до открытия в понедельник.

Вдруг стало невероятно тихо. В комнату зашли те, кто стоял на балконе, Горнт — впереди всех.

— Что-что?

— Я только что узнал, что Банк Китая одалживает Гонконгу — одалживает «Виктории» для передачи другим банкам — полмиллиарда наличными и ещё сколько потребуется. С паникой в банках покончено! — Данросс поднял бокал. — За «Викторию»!

Тотчас поднялся гвалт, со всех сторон сыпались вопросы. Среди этого бедлама ноги Кросса вдруг пришли в движение, и в тот самый момент, когда Данросс собрался выпить, суперинтендент, якобы споткнувшись, столкнулся с ним и выбил у него из руки бокал, который упал на паркетный пол и разбился.

— О господи, простите меня, — извиняющимся тоном произнес он. Пламм смотрел на него в ужасе.

— Боже мой...

— Ах, Джейсон, мне так неудобно, — перебил его Кросс. — Может, принесешь Иэну другой бокал? — добавил он, пока официант собирал осколки.

— Э-э... да, но...

Пламм оцепенело пошёл за бокалом, но остановился, потому что слышался голос Рико:

— Тайбань, прошу вас, возьмите мой.

Потом шум перекрыл громкий голос Джонджона:

— Тише, помолчите минуту! — Он протолкался к Данроссу. — Иэн, ты уверен? Уверен насчет наличности?

— О да, — ответил Данросс, отпивая из бокала Рико и наслаждаясь моментом. — Мне звонил сам Типтоп. Об этом объявят в девятичасовых новостях.

Отовсюду послышались громкие одобрительные возгласы, и Данросс заметил, что через комнату на него неотрывно смотрит Горнт. Улыбаясь, но уже не так добродушно, Данросс поднял бокал.

— Твое здоровье, Квиллан! — насмешливо провозгласил он. Разговоры быстро утихли. Всеобщее внимание сосредоточилось на этих двоих.

— Твое здоровье, Иэн, — с ехидцей отозвался Горнт. — Мы на самом деле получаем деньги Китая?

— Да, и кстати, я только что договорился о новом возобновляемом кредите на сумму пятьдесят миллионов американских долларов. Теперь Благородный Дом стоит крепче всех хонгов в колонии.

— Под какое обеспечение? — В наступившей тишине голос Горнта прозвучал хлестко, как удар бича.

— Под честное имя Благородного Дома! — С беспечностью, которой он на самом деле не ощущал, Данросс повернулся к Джонджону: — Заем предоставляет банк «Ройял Белджэм», а за ним стоит Первый центральный банк Нью-Йорка — «Ройял Белджэм» их дочерняя компания. — Он нарочно не стал оборачиваться к Горнту, когда повторил, с наслаждением выговаривая слова: — Пятьдесят миллионов американских долларов! О, кстати, Брюс, завтра я погашаю займы на оба своих судна. Заем «Виктории» мне больше не нужен: «Ройял Белджэм» предлагает более выгодные условия.

Джонджон смотрел на него, вытаращив глаза.

— Ты шутишь!

— Нет. Я только что говорил с Полом. — Данросс на секунду перевел взгляд на Пламма: — Извини, Джейсон, потому я и опоздал. Мне, естественно, пришлось увидеться с ним. Брюс, старина, Пол уже в банке — дает распоряжения по перевозке наличности, чтобы успеть до открытия. Он просил, чтобы ты немедленно отправлялся туда.

— Что?

— Немедленно. Извини.

Джонджон тупо посмотрел на него, открыл было рот, но замолчал, а потом, издав радостный вопль, который подхватили все, пулей вылетел из комнаты.

— Господи, тайбань, но разве вы...

— Типтоп? Значит, деньги действительно предоставлены! Как ты считаешь...

— Первый центральный Нью-Йорка? Это что, те самые болваны, которые...

— Боже, а я играл на понижение...

— Я тоже! Черт, надо первым делом покупать или...

— Или я разорюсь и...

Данросс видел, как склонились друг к другу сэр Луис, Джозеф Стерн и Филлип Чэнь, а Горнт с застывшим лицом не спускает с него глаз. Потом он заметил радостно улыбающуюся Кейси и поднял бокал, приветствуя её. Она в ответ подняла свой. Это не ускользнуло от внимания Горнта, который подошел к ней с таким видом, что стоявшие поблизости, вздрогнув, замолчали.

— Ведь Первый центральный — банк «Пар-Кон», верно?

— Да, верно, Квиллан. — Она проговорила это негромко, но её слова услышали все в комнате, и они снова оказались в центре внимания.

— Это ваша работа, ваша с Бартлеттом? — Горнт смотрел на неё с высоты своего роста.

— О своих займах я договариваюсь сам, — быстро вставил Данросс. Горнт не обратил на его слова никакого внимания, не отрывая глаз от Кейси.

— Ваша с Бартлеттом. Вы помогли ему?

Сердце у неё колотилось, но она выдержала его взгляд.

— Я этот банк не контролирую, Квиллан.

— А-а, но вы к этому приложили руку, — холодно проговорил Горнт. — Верно?

— Мэртаг поинтересовался у меня, считаю ли я хорошим риском вложение в «Струанз». — Голос её звучал ровно. — Я сказала, что да, «Струанз» — риск великолепный³⁶⁰.

— У «Струанз» нет ни гроша, — не отставал Горнт. К ним подошел Данросс.

— Ты заблуждаешься, Квиллан. Кстати, сэр Луис согласился не выставлять акции «Струанз» на торги до полудня.

Все посмотрели на Базилио, который невозмутимо стоял рядом с Филлипом Чэнем, а потом снова обратили взгляды на Данросса и Горнта.

— С какой это стати?

— Чтобы дать рынку время адаптироваться к буму.

— Какому буму?!

— Буму, который мы все заслужили, буму, который предсказал Старый Слепец Дун. — Все, даже Кейси, вздрогнули, словно от электрического разряда. — А также чтобы скорректировать стоимость наших акций. — Голос Данросса заскрежетал. — На открытии мы начинаем с отметки тридцать.

— Это невозможно, — ахнул кто-то, а Горнт рявкнул:

— Ничего у вас не выйдет! При закрытии вы были на отметке девять пятьдесят, клянусь Господом! Ваши акции при закрытии шли по девять пятьдесят!

— Так вот мы будем предлагать их по тридцать, клянусь Господом! Горнт стремительно повернулся к сэру Луису:

— И вы допускаете этот грабеж?

— Никакого грабежа, Квиллан, — спокойно ответил сэр Луис. — С единогласного одобрения комитета ради безопасности инвесторов я пришел к заключению, что всем на пользу пойдет некий период покоя — чтобы все смогли подготовиться к буму. Мы считаем, что повременить с торгами до полудня будет справедливо.

— Справедливо, говорите? — заскрипел зубами Горнт. — У вас целая куча акций, которые я продал, играя на понижение. Теперь я их все выкупаю. Какая будет цена?

Сэр Луис пожал плечами.

— Я буду заключать сделки завтра в полдень, в торговом зале, а не где-то вне биржи.

— Могу заключить с тобой сделку прямо сейчас, Квиллан, — резко бросил Данросс. — Сколько акций ты продал? Семьсот тысяч? Восемьсот? Я разрешу тебе выкупить их по восемнадцать, если ты продашь контрольный пакет «Ол Эйша эр» по пятнадцать.

— «Ол Эйша эр» не продается. — Горнт был вне себя от злости, а изнутри рвался крик: «При тридцати ты будешь разорен!»

— Предложение в силе до открытия рынка завтра.

— Чума на тебя, на завтра и на твои тридцать! — Горнт стремительно повернулся к Джозефу Стерну: — Покупайте акции «Струанз»! Сейчас, утром и в полдень! Вы отвечаете за это!

³⁶⁰ Чем значительнее колебания дивидендов или стоимости обеспечения при инвестициях, тем больше риск. Инвесторы обычно не склонны рисковать, поэтому деньги, вложенные с большим риском, должны давать большую прибыль.

— По... по какой цене, мистер Горнт?

— Покупайте, и всё! — Помрачнев, Горнт повернулся к Кейси. — Ну, спасибо, — выдохнул он и вышел, громко топая и грохнув дверь.

Разговоры вспыхнули с новой силой, все окружили Данросса, хлопая его по спине и одолевая вопросами. Кейси осталась одна в двери, ведущей на балкон, потрясенная неистовством страстей. В суматохе она рассеянно отметила, что Пламм куда-то торопливо вышел, а за ним последовал Роджер Кросс, но не придавала этому особого значения: она смотрела лишь на Данросса, рядом с которым теперь была Рико.

В небольшой дальней спальне Пламм открыл ящик бюро, рядом с которым стоял огромный, окованный железом корабельный рундук. Скрип отворившейся двери заставил его обернуться, а когда он увидел, что вошёл Роджер Кросс, его лицо перекошилось.

— Что ты, черт побери, творишь? Ты специально на...

Быстро, как кошка, Кросс пересек комнату и, прежде чем Пламм смог понять, что происходит, залепил ему оплеуху. Тот охнул и в слепой ярости приготовился кинуться на обидчика, но Кросс нанес ещё один удар, и Пламм повалился спиной на кровать.

— Какого...

— *Замолчи и слушай!* — прошипел Кросс. — Суслев собирается сдать тебя!

— Что? — Раскрыв рот от изумления, Пламм уставился на него. Места, куда пришли удары Кросса, распухли и покраснели. Гнев тут же прошел.

— Суслев собирается сдать Синдерсу тебя, а значит, и всех нас. — Кросс прищурился. — Ну как, очухался? Ради бога, говори тише.

— Что? Да... да. Я... да.

— Извини, Джейсон, я был вынужден.

— Ладно, ничего. Что, черт возьми, происходит, Роджер? — Потирая лицо — из уголка рта сочилась тонкая струйка крови, — Пламм поднялся с кровати, уже полностью владея собой. Из-за двери — то громче, то тише — доносились невнятные разговоры.

— Нам нужно разработать план действий, — мрачно объявил Кросс и кратко пересказал разговор с Суслевым. — Думаю, я убедил его, но он такой скользкий тип — неизвестно, что он ещё выкинет. Синдерс сдаст его — в этом я не сомневаюсь, — если он не скажет, кто «Артур». А если Синдерс это сделает, Суслев в Гонконг не вернется. Они его никуда не выпустят и заставят расколоться. И тогда...

— А как же Данросс? — беспомощно спросил Пламм. — Похищение Данросса, несомненно, помогло бы ему выпутаться из этой истории. А теперь Грегор точно все скажет. Зачем ты остановил меня?

— Мне пришлось это сделать. Послушай: расставшись с Суслевым, я позвонил в Главное управление. Мне доложили, что Типтоп предоставил этим ублюдкам средства Китая и помог выбраться из западни. Ещё раньше мне стало известно, что договаривался о займе Иэн, — солгал Кросс. — Так что, с Данроссом или без него, банковской панике все равно пришел бы конец, и фондовый рынок накануне бума. Но хуже всего, Джейсон, что Синдерс, как мне шепнул информатор из особого подразделения, усилил режим безопасности в Кай-Так, а также на причале, у которого стоит «Иванов». Теперь они открывают каждый ящик, каждый мешок, обыскивают все оборудование, проверяют каждого кули, который поднимается на борт. Если бы они перехватили Данросса, а они бы это сделали — в Эс-ай не дураки работают, — мы бы попались.

Пламм занервничал ещё больше. По телу у него пробежала дрожь.

— Что, что, если... А если, скажем, мы сдадим Синдерсу Грегора? — вырвалось у

него. — Что, если мы сда...

— Тише ты! Совсем соображать перестал, черт возьми! Грегор всех нас знает. Синдерс применит к нему режим «сон-пробуждение-сон», поместит в «красную комнату», и тот выболтает все! Тогда мы погибли, «Севрину» конец, и это отбросит Советы в Азии назад лет на десять.

Пламм поежился и вытер пот с лица.

— Что же нам делать?

— Пусть Грегор отправляется на свое судно и проваливается из Гонконга. Будем надеяться, что он сумеет убедить свое начальство. Даже если он назовет Синдерсу твое имя, большой беды не будет. Мы так глубоко законспирированы, что сможем выкрутиться. Ты ведь британец, а не иностранный подданный. У нас, слава богу, есть законы, которые призваны нас защищать — даже если речь идет о неразглашении государственной тайны. Не волнуйся, что бы ни случилось, я первый узнаю. Всегда хватит времени, чтобы задействовать «план номер три».

«План номер три», скрупулезно продуманный Пламмом, предусматривал побег с поддельными паспортами. В расчет было принято все: авиабилеты, багаж, одежда, маскировка и легенда. Имелись даже отмычки, чтобы пробраться в зону обслуживания самолёта и не проходить паспортного контроля. План должен был сработать на девяносто пять процентов, если предупреждение будет получено за час.

— Боже! — Пламм опустил глаза на рундук. — Боже, — повторил он, а потом подошел к зеркалу, чтобы осмотреть лицо. Краснота проходила. Он смочил покрасневшие места водой.

Кросс не сводил с Пламма глаз, размышляя, удалось ли убедить его. В сложившихся обстоятельствах ничего лучшего он придумать не сумел. Он терпеть не мог импровизации, но в данном случае выбирать не приходилось. «Что у нас за жизнь? Никого ни в грош не ставишь, кроме самого себя, — ни Суслева, ни Пламма, ни Синдерса, ни Квока, ни Армстронга, ни даже губернатора».

— Что? — спросил Пламм, глядя на него в зеркало.

— Я лишь задумался: каким же непростым делом мы занимаемся.

— Оно стоит того. Это единственное, что имеет значение.

Кросс не выказал презрения. «Похоже, ты действительно выработал свой ресурс и стал бесполезен, Джейсон, дружище», — думал он, подходя к телефону. Это была прямая линия, без отводов, и Кросс знал, что она не прослушивается. Он набрал номер.

— Да?

Узнав голос Суслева, он кашлянул сухим кашлем «Артура».

— Мистера Лоп-сина, пожалуйста. — Он проговорил все фразы пароля, прекрасно имитируя голос Пламма, а потом торопливо произнес: — Дело сорвалось. Объект не появился. Будьте осторожны в порту. Наблюдение утроено. Сундук доставить не можем. Удачи. — И он положил трубку. Наступила долгая тишина.

— Для него ведь это начало конца, верно? — печально спросил Пламм. Кросс помолчал. Потом язвительно усмехнулся.

— Лучше для него, чем для тебя. А?

81

20:25

В шумной гостиной на другом конце коридора Кейси допила свой коктейль и поставила бокал. Ей было не по себе, одолевали странные ощущения. С одной стороны, она радовалась, что Данросс получил передышку, с другой — печалилась, что в ловушке оказался Горнт. Все, что происходило вокруг, ясно показывало:

стартовая цена акций «Струанз» будет очень высокой.

«Бедный Квиллан, — думала она. — Если не получится с обеспечением, положение у него будет аховое, и — посмотрим правде в глаза — в этом виновата я. Ведь так?

Да, но мне нужно было вытащить Данросса, потому что без него Горнт выжал бы из нас все, а может, и из остальных тоже. И не надо забывать, что рейд на „Струанз“ начала не я. Это был рейд Линка, а не мой. Разве Линк не говорил всегда, что не нужно смешивать бизнес и удовольствие? Разве мы оба с этим не соглашались?

Линк. Всегда возвращаешься к Линку».

Кейси не видела его уже целый день и даже не знала, где он. Они должны были встретиться за завтраком, но на двери номера висела табличка: «Не беспокоить». В режиме «Не беспокоить» работал и его телефон, поэтому она не стала его тревожить, отринув мысль об Орланде, — может, она тоже там?

А сегодня вечером, когда она вернулась с морской прогулки, её ждала записка: «Привет, желаю хорошо повеселиться». Так что она приняла душ, переоделась, упрятала подальше свое нетерпение и приехала сюда. Вначале весельем и не пахло, все ходили унылые, в воздухе витала обреченность. Да и потом, когда были объявлены потрясающие новости и Горнт ушел, хлопнув дверью, веселья не получилось. Данросс протиснулся к ней, чтобы ещё раз поблагодарить, но его почти тут же окружили взволнованные мужчины, которые стали обсуждать сделки и возможности. Глядя на них, Кейси чувствовала себя очень одиноко. «Линк, наверное, уже вернулся в отель, — думала она. — Лучше бы я... Ладно, пора домой». Она тихо ушла, и никто этого даже не заметил.

В лифте стоял Роджер Кросс. Он придержал для неё дверь, а потом нажал кнопку вниз.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Славная вышла вечеринка, верно?

— Да, — рассеянно согласился он. — Да, славная.

На первом этаже Кросс пропустил её вперед, а потом широкими шагами вышел на улицу и направился вниз по склону холма. «Куда он так спешит? — подумала Кейси, направляясь к очереди, ожидавшей такси. — Слава богу, что нет дождя». И тут она резко остановилась. В вестибюль входила Орланда Рамуш с какими-то пакетами в руках. И та и другая заметили друг друга одновременно. Первой пришла в себя Орланда.

— Добрый вечер, Кейси, — проговорила она, ослепительно улыбаясь. — Хорошо выглядите.

— Вы тоже, — ответила Кейси.

Её соперница действительно выглядела прекрасно. Бледно-голубая юбка и блузка отлично сочетались.

Орланда обрушила целый поток нетерпеливых слов на кантонском на помятого консьержа, который праздно шатался неподалеку. Что-то бормоча под нос, он тут же взял у неё пакеты.

— Извините, Кейси, — любезно сказала она, но по голосу чувствовалось, что Орланда нервничает. — Внизу случился небольшой оползень, и мне пришлось оставить свою машину там. Вы... вы в гости к кому-нибудь?

— Нет, уже ухожу. Вы здесь живете?

— Да. Да, живу.

Снова повисло напряженное молчание. Потом Кейси, вежливо кивнув, попрощалась и собралась уходить.

— Может, нам стоит поговорить? — промолвила Орланда.

— Конечно, когда вам будет угодно.

— А сейчас у вас есть время?

— Думаю, да.

— Не прогуляетесь со мной до машины? Мне нужно забрать остальные пакеты. Здесь вам такси все равно не взять. Ниже по склону сделать это значительно легче.

— Хорошо.

Обе женщины вышли. Вечер был прохладный, но Кейси вся горела, Орланда тоже, каждая понимала, что их сейчас ждет, и обе побаивались друг друга. Они шли осторожно, глядя под ноги. На дороге оставалось ещё полно воды, кое-где она неслась вниз потоками. Судя по низко нависшим тучам, дождь должен был пойти снова. Кейси увидела, что впереди, ярдах в пятидесяти, насыпное ограждение дороги частично рухнуло и всю проезжую часть завалили кучи земли, камней, веток и мусора. Тротуара уже не было видно. По другую сторону от завала выстроилась целая очередь машин, которые отчаянно маневрировали, чтобы развернуться. Через него перебрались несколько пешеходов.

— Вы давно живете в Роуз-Корт? — спросила Кейси.

— Уже несколько лет. Здесь очень мило. Я ду... О! Вы, наверное, были у Джейсона Пламма, на приеме компании «Эйшн пропертиз»?

— Да. — Кейси заметила на лице Орланды облегчение, и это разозлило её, но она сдержалась и, остановившись, спокойно проговорила: — Орланда, вообще-то, говорить нам не о чем, верно? Давайте попрощаемся.

Орланда подняла на неё глаза.

— Линк со мной. Он в моей квартире. Сейчас.

— Я так и подумала.

— И это вас не волнует?

— Это очень меня волнует. Но это дело Линка. Мы, как вы знаете, не женаты и даже не обручены. Вы действуете по-своему, я по-своему, так что...

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что знаю Линка семь лет, а вы не знакомы с ним и семи дней.

— Это не имеет значения, — с вызовом бросила Орланда. — Я люблю его, и он любит меня.

— Это ещё...

Кейси чуть не оттолкнули в сторону какие-то китайцы, которые, громко разговаривая, промчались мимо. Навстречу приближались другие. Соперниц обошло несколько гостей с вечеринки, спускавшихся вниз по склону. Среди них была леди Джоанна. Она с любопытством уставилась на странную пару, но прошла мимо.

Когда они снова остались одни, Кейси договорила:

— Это ещё не факт. До свидания, Орланда, — только и сказала она, хотя ей хотелось крикнуть: «Ты зарабатываешь телом, а я — умом, и за всеми словами о любви, на которые ты не скупись, стоит одно слово — „деньги“. Мужчины такие болваны». — Как ни странно, Линка я не виню, — пробормотала она вслух, глядя на этот упрямый подбородок, решительно сверкающие глаза, на прекрасную, роскошную, но гибкую фигуру. — До свидания.

И Кейси зашагала дальше.

«Теперь план меняется, — думала она, глубоко озабоченная. — Сегодня я собиралась объявить Линку, что отказываюсь от нашего уговора, но все переменялось. Если он у неё в постели, значит, поддался чарам. Слава богу, что я об этом узнала. Хороша бы я была, если бы предложила ему себя, а он сказал бы: „Спасибо, не надо"... Теперь я могу... Что же мне делать?»

Чтоб их, всех орланд в этом мире! Для них это так просто. У них все распланировано с самого первого дня. А мы, все остальные?

Как же мне быть? Делать вид, что я решила дожидаться двадцать пятого ноября, и уповать на то, что к этому времени Орланда чертовски ему наскучит?

Другая, может, и наскучила бы, но только не эта дамочка. Тут случай особый, она понимает, что Линк для неё — пропуск в новую жизнь». Сердце забилося

быстрее.

«Я с ней ещё потягаюсь, — уверенно пообещала Кейси. — Может, не в постели и не на кухне, хотя, если надо, я и этому могу научиться».

Она забралась на большой валун, проклиная грязь, которой перемазала все туфли, и прыгнула за земляную насыпь. В самом начале вереницы машин стоял «роллс-ройс» Данросса.

— Извините, мисси, тайбань ещё там? — спросил его водитель.

— Да-да, там.

— А-а, благодарю вас.

Водитель запер машину, торопливо перебрался через препятствие на дороге и зашагал вверх по склону. Кейси обернулась и стала смотреть ему вслед. Взгляд упал на приближавшуюся Орланду, и захотелось спихнуть её в грязь. Эта мысль позабавила Кейси, и она продолжала стоять, поджидая соперницу и предоставляя той гадать, что задумала. В глазах Орланды уже не было той доброжелательности, и на лице не было страха, лишь полная уверенности полуулыбка. Она бесстрашно прошла мимо американки. По телу Кейси пробежала дрожь, которую она тут же постаралась унять, и вместе с дрожью пришло понимание. «Может, ты просто боишься меня и моей власти над Линком, как я боюсь твоей?» — подумала она, переведя взгляд на сиящую башню Роуз-Корт и пытаясь угадать, какая часть этого света окружает Линка. Или он за тёмным окном?..

Увидев Кейси, Орланда сначала тут же сделала вывод, что та заявила к ней на квартиру и застала там Бартлетта. «Я бы так и сделала». И хотя теперь она знала, где была Кейси, при виде соперницы её снова охватил страх. «Имеет ли она власть над ним через „Пар-Кон“? — вся дрожа, спрашивала себя Орланда. — Может ли шантажировать Линка при помощи ценных бумаг? Если верно, что первая жена Линка чуть не привела его к финансовому краху, а Кейси спасала не раз, то, должно быть, он связан по рукам и ногам. На её месте я бы не преминула этим воспользоваться, это уж точно».

Орланда невольно оглянулась. Кейси по-прежнему смотрела на Роуз-Корт. За ней, вдали, из вестибюля показался Данросс и другие — среди них Рико, Токс, Филлип и Диана Чэнь. Они стали спускаться по склону. Не обращая внимания ни на кого и ни на что, Орланда думала об одном: как вести себя с Линком по возвращении. «Сказать о встрече с Кейси или нет?» В оцепенении она вынула из машины оставшиеся пакеты. «Я знаю одно, — повторяла она себе опять и опять. — Линк мой, и что бы ни связывало его с Кейси, я выйду за него. Выйду, чего бы это мне ни стоило».

Увидев показавшегося вдали Данросса, Кейси залюбовалась им: высокий, изящный, словно разом скинувший с плеч лет десять, ей было очень приятно, что удалось помочь ему. Уже отворачиваясь, она услышала, как Данросс кричит:

— Кейси! Кейси! Подождите минутку! — Она оглянулась. — Не хотите поужинать вместе с нами?

Она покачала головой. Настроение было совсем не то. И она крикнула в ответ:

— Спасибо, но у меня встреча! До завт... И тут земля пришла в движение.

20:56

Оползень начался выше по склону на другой стороне Пошань-роуд. Огромная масса земли перевалила через дорогу и обрушилась на двухэтажный гараж с такой силой и скоростью, что строение повернулось; его смело с садовой террасы, оно

проехало какое-то расстояние, а потом рухнуло. Набирая мощь, оползень промчался мимо высотного здания, в котором погас свет, пересек Кондуит-роуд и врезался в двухэтажный особняк Ричарда Квана, не оставив от него камня на камне. Потом, увлекая за собой остатки этих зданий и сметая все на полосе, которая достигала уже девятистот футов в длину и двести футов в ширину³⁶¹, лавина земли и камней весом пятьдесят тысяч тонн продолжила стремительное движение вниз через Коутуолл-роуд и нанесла удар по Роуз-Корт.

Вся эта подвижка заняла каких-то семь секунд.

Приняв удар, Роуз-Корт, казалось, вздрогнул, потом башня сошла с фундамента и сдвинулась в сторону гавани, а после повалилась, сложившись почти посередине, как человек, рухнувший сначала на колени, а потом упавший ничком.

При падении верхние этажи задели угол расположенного ниже Синклер-тауэрс, а потом, ухнув на землю, разлетелись на куски. Часть оползня вместе со снесенным зданием устремилась вниз по склону и замерла, лишь достигнув того места, где строился ещё один дом. Здание обратилось в облако пыли, и все огни вокруг погасли. Весь район Мид-Левелз застыл в оглушительном безмолвии.

Потом послышались крики...

В туннеле под Синклер-роуд задыхался наполовину погребенный массой обломков и камней Суслев. Верх туннеля частично снесло, из разорванных труб хлестала вода, уровень которой в подземном проходе быстро поднимался. Выбравшись из-под завала, русский вылез на поверхность и беспомощно замер, не понимая, что происходит, что случилось, и единственная мысль билась в его расстроенном мозгу: должно быть, его схватили, накачали наркотиками и теперь он очнулся в кошмаре «красной комнаты», чтобы потом опять заснуть и вновь проснуться. В панике он огляделся по сторонам: дома стоят тёмные, света нигде нет, вокруг лишь чудовищное нагромождение ещё движущихся со скрежетом обломков. Суслева охватил животный страх, и он сломя голову бросился бежать по Синклер-роуд...

Выше по склону холма, на Коутуолл-роуд, люди, стоявшие по другую сторону оползня, остались целы и невредимы, но застыли в шоке. Те, кто удержался на ногах — среди них и Кейси, — не могли поверить в то, что произошло у них под носом. Широкая полоса дороги, насколько хватало глаз, была сметена обрушившейся землей. Большая часть того, что минуту назад было террасированным склоном, превратилась в безобразное колышущееся месиво из грязи, земли и камней — проезды исчезли, зданий нет, а Данросса и всех, кто был с ним, унесло куда-то вниз.

Кейси хотела закричать, но голос пропал. Потом из горла вырвалось: «О господи боже! Линк!», ноги сами пришли в движение, и, не успев ещё что-то толком понять, она уже куда-то карабкалась, падала и пробиралась дальше на ощупь к обломкам. Тьма стала невыносимой, крики жуткими; отовсюду доносились голоса, призывы о помощи; то тут, то там невероятно перекрученные горы обломков ещё двигались, что-то ещё падало и разбивалось. Ночь неожиданно озарилась снопами искр, которые разлетались во все стороны вдоль обрывков лопавшихся электрических кабелей.

Не помня себя, Кейси рванулась туда, где был вестибюль. Внизу, в тёмных глубинах, среди причудливого нагромождения обломков, бетонных блоков и толстых балок проступали очертания обуви, игрушек, кастрюль, сковородок, диванов, стульев, кроватей, радиоприёмников, телевизоров, одежды, чьих-то конечностей, книг, трех

³⁶¹ 280 м на 62 м.

машин, которые были припаркованы рядом с домом, и оттуда неслись крики. Дальше по склону вспышки рвущихся проводов высветили изуродованный остов лифта, из которого торчали сломанные руки и ноги.

— Линк! — изо всех сил прокричала она, потом опять и опять, не сознавая, что плачет, не замечая катящихся по лицу слез.

Она чуть не упала, пробираясь ощупью среди груды обломков. Вокруг раздавались вопли мужчин и женщин. Потом до неё донесся еле слышный испуганный плач, и под развалинами что-то шевельнулось. Она опустилась на колени — чулки уже были порваны, платье тоже, ноги усеяны синяками — и, вытащив несколько кирпичей, обнаружила под огромной потрескивающей горой камней пустое пространство, в котором сидела ничего не понимающая от страха, кашляющая, почти задыхающаяся китайская девочка лет трех-четырёх.

— О боже, бедная крошка. — Кейси в отчаянии оглянулась, но помочь ей было некому.

Часть обломков с пронзительным визгом и скрежетом стронулась с места, и большой кусок бетона с торчащей из него арматурой повис, почти ни на что не опираясь. Не думая об опасности, Кейси яростно раздвигала обломки содранными в кровь пальцами. Глыба нависла над ней ещё больше, частично соскользнув вниз по склону. Отчаянно работая руками, Кейси расчистила небольшой проход, взяла девочку за руку, помогая ей протиснуться наружу, потом схватила на руки и стрелой метнулась в безопасное место. Глыба обрушилась у неё за спиной, она стояла одна, держа на руках ребенка, целого и невредимого, а малышка, дрожа, крепко ухватилась за неё ручонками...

Когда лавина повалила многоэтажный дом, сметя большую часть дороги и парапета, Данросс и остальные, кто находился у самого края, полетели вверх тормашками вниз по крутому склону, но их задержали заросли кустарника. Очнувшись в полумраке, тайбань, потрясенный, тупо ощупал себя, обнаружив, к своему удивлению, что цел и невредим и даже может стоять. Откуда-то неподалеку доносились мучительные стоны.

Скользя по раскисшей грязи, он стал карабкаться вверх на эти звуки. Стонала Диана Чэнь. Она лежала почти без сознания, одна нога была страшно вывернута под ней. Часть большеберцовой кости выступала сквозь кожу, но насколько он мог видеть, артерии остались неповрежденными и обильного кровотечения можно было не опасаться.

Стараясь действовать как можно осторожнее, Данросс попытался уложить её тело и ногу прямо. Диана издала дикий вопль боли и потеряла сознание. Почувствовав, что рядом кто-то стоит, Данросс поднял глаза. Это была Рико: платье порвано, туфель нет, волосы растрепаны, из носа маленькой струйкой сочится кровь.

— Господи, вы живы?

— Да... да, — слабым голосом проговорила она. — Это... было землетрясение?

В этот момент раздался страшный треск: замкнуло кабели, и снопы искр на мгновение озарили все вокруг.

— О боже мой! — ахнул он. — Как в Лондоне во время «блица»³⁶². Тут Данросс заметил Филлипа Чэня, который застыл недвижимой массой рядом с молодым деревцем, распростершись головой вниз по склону.

— Оставайтесь здесь, с Дианой, — приказал тайбань и полез вниз. Замирая от

³⁶² «Блиц» — сокращение от нем. блицкриг — молниеносная война. Так англичане называют длительные и интенсивные бомбардировки английских городов, особенно Лондона, фашистской авиацией в 1940-1941 гг. В результате «блица» погибло около 43000 человек и было разрушено более миллиона домов.

страха, он перевернул Филлипа на спину. Его компрадор ещё дышал. Данросс с облегчением перевел дух. Уложив старика поудобнее, он огляделся во мраке. Остальные тоже приходили в себя. Рядом оказался Кристиан Токс: редактор тряс головой, чтобы очухаться.

— Черт бы его побрал, — снова и снова бормотал он себе под нос. — Там жили по меньшей мере человек двести. — Пошатываясь, он встал на ноги, поскользнулся, упал в грязь и снова выругался. — Я... мне нужно добраться до телефона. Подайте мне, подайте мне руку, пожалуйста. — Токс рухнул и снова ругнулся. — Голеностоп подвывихнул, черт возьми.

Данросс помог ему встать, и потом они вдвоем с Рико, поддерживавшей Токса с другой стороны, с трудом взобрались на то, что осталось от дороги. Люди ещё стояли там, в оцепенении, другие перелезали через первый обвал, чтобы предложить помощь, здесь же было несколько жителей дома, голосивших в отчаянии. Какую-то женщину держали за руки, она рвалась к развалинам, куда уже бегом, падая и спотыкаясь, устремился её муж на поиски троих детей и ама, которые должны были быть где-то здесь.

Как только они оказались на ровной земле, Токс поковылял вниз по Коутуолл-роуд, а Данросс помчался к своей машине за фонариком и аптечкой.

Лима нигде не было. Потом Данросс вспомнил, что, когда обрушилась лавина, шофер был вместе с ними. Найдя ключи, чтобы открыть багажник, он стал вспоминать. «Кто ещё был с нами? Токс, Рико, Жак? Нет, Жак ушел. Филлип и Диана Чэнь, Барр... Нет, мы оставили Барра на вечеринке. Господи боже! Вечеринка! Я совсем забыл! Кто ещё там оставался? Ричард Кван с женой, Пламм, Джонджон... Нет, он ушел раньше. Роджер Кросс? Нет, постой, разве он не ушел?»

Данросс открыл багажник и вынул оттуда два фонарика, аптечку и трос. Потом бегом вернулся к Рико. Теперь падение напомнило о себе болью в спине.

— Вы не могли бы вернуться к Диане и Филлипу и присмотреть за ними, пока я позову на помощь? — Он нарочно произнес эту просьбу твердым голосом. — Вот. — Он передал ей фонарик, бинты и флакон аспирина. — Идите. У Дианы сломана нога. Что с Филлипом, не знаю. Сделайте, что в ваших силах, и оставайтесь с ними, пока не приедет «скорая» или пока не вернусь я. Хорошо?

— Да-да, хорошо. — Она взглянула вверх, и в её глазах мелькнул страх. — А не будет ли... есть ли опасность нового оползня?

— Нет. Там вполне безопасно. Идите быстрее!

В его словах было столько силы, что она, позабыв про страх, стала спускаться по склону холма, освещая себе путь фонариком и тщательно выбирая дорогу. Только тут он заметил, что Рико босая, и тогда вспомнил, что у Дианы тоже ничего нет на ногах, как и у Филлипа. Он потянулся, чтобы ослабить боль в спине. Одежда на нем была изорвана, однако он, не обращая на это внимания, поспешил к насыпи. Где-то вдалеке послышался вой полицейских сирен. Он ощутил чуть ли не тошнотворное облегчение и перешел на бег.

В голове целой вереницы машин он увидел Орланду. Она не отрываясь смотрела туда, где недавно стоял Роуз-Корт, её губы шевелились, лицо и все тело сотрясали конвульсии, и ему вспомнилась ночь пожара, когда она застыла в ступоре. Он быстро подошел и с силой встряхнул её за плечи, надеясь вывести из полубоморочного состояния. На войне он неоднократно видел такое.

— Орланда!

Она пришла в себя.

— О... ох... что... что...

С огромным облегчением он отметил, что взгляд её стал нормален, нормальны были страдание и катящиеся по щекам слезы.

— Ну вот, все в порядке. Волноваться не о чем. Возьмите себя в руки, у вас все

хорошо, Орланда! — доброжелательно, но твердо сказал он, прислонил её к капоту машины и пошёл дальше.

— О боже! Линк! — Её взгляд стал осознанным. — Линк... Там Линк! — крикнула она ему вслед сквозь слезы.

Резко остановившись, он обернулся.

— Где? Где он был?

— Он... в моей, моей квартире. Это на восьмом этаже... это на восьмом этаже!

Данросс снова пустился бегом, и среди окружающего мрака его фонарик оставался единственным пятном света.

То тут, то там попадались люди, которые, проваливаясь по щиколотку в раскисшую землю, шли к развалинам вслепую, ограждая ладонями зажженные спички. Когда он приблизился к месту катастрофы, сердце сжалось. Он почувствовал запах газа, который с каждой секундой становился все сильнее.

— Погасите спички, черт побери! — проревел он. — Вы взорвете нас всех к чертовой матери!

И тут он увидел Кейси...

Вслед за пожарной машиной вверх по склону холма поднималась полицейская. Сирены ревели вовсю, но движение было плотное, и дорогу никто не уступал. Сидевший в машине Армстронг следил за сообщениями по радио:

— Всем полицейским подразделениям и пожарным машинам следовать на Коутуолл-роуд. Тревога, тревога, тревога! Новый оползень в районе Пошань и Синклер-роуд! По телефону получено сообщение, что рухнул Роуз-Корт и два других двенадцатиэтажных здания.

— Просто ерунда какая-то! — пробормотал Армстронг. — Смотри, куда рулишь, черт побери! — заорал он на водителя, который выехал на встречную полосу и чуть не врезался в грузовик. — Давай здесь направо, а потом срезай по Касл на Робинсон и езжай по Синклер.

Вызов по тревоге он услышал, когда уже собирался домой после очередного сеанса по восстановлению Брайана Квока. Он вспомнил, что на Синклер-роуд живет Кросс и что тот собирался на прием к Джейсону Пламму после того, как вместе с Роузмонтом проверит наводку, и решил выяснить, не случилось ли чего. «Господи, — мрачно размышлял он, — если Кросса завалило, кто встанет во главе Эс-ай? И как быть с Брайаном — отпустить, как решили, задержать или что?»

Послышался новый голос, твердо и неторопливо пробивавшийся сквозь сильные помехи:

— Говорит заместитель начальника пожарной службы Соумс. Тревога номер один! — Армстронг с водителем ахнули. — Нахожусь на пересечении Синклер, Робинсон и Коутуолл-роуд и установил здесь командный пункт. Тревога номер один, повторяю, номер один! Прошу немедленно проинформировать комиссара и губернатора: катастрофа огромного масштаба. Поставьте в известность больницы на острове: всем быть в полной готовности. Приказ всем каретам «скорой помощи» и всем медработникам прибыть в данную зону. Нам потребуется немедленная и мощная поддержка армейских подразделений. Вся зона обесточена, поэтому нужны генераторы, кабели и освещение...

— Господи боже, — пробормотал Армстронг. А потом резко добавил: — Давай-ка выбирайся вперед, черт побери, и поторопись!

Водитель нажал на газ...

— О, Иэн, — говорила сквозь слезы Кейси, по-прежнему державшая на руках перепуганного ребенка. — Где-то там внизу Линк.

— Да-да, я знаю! — Он старался перекрыть безумную какофонию, в которую

сливались стоны, вопли, крики о помощи и зловещий скрежет ещё не осевших развалин. Вокруг бродили растерянные люди, которые не знали, где искать, с чего начать, как помочь. — С вами все нормально?

— О да, но... но Линк. Я не... — Она осеклась.

На их глазах ниже по склону рядом с останками лифта, скрежеща, оседала огромная масса перекошенных балок и расколотых фрагментов бетона. Сход их вызвал цепную реакцию, и, когда Данросс навел на это место фонарик, стало видно, как сорвавшаяся масса обломков врезалась в лифт, высвободив его, и он покатился вниз, оставляя за собой тела.

— О господи... — вырвалось у Кейси. Ребенок вцепился в неё в паническом страхе.

— Возвращайтесь к машине, там вы будете в безо...

К ним подскочил обезумевший от горя мужчина, вгляделся в девочку на руках у Кейси, схватил её, прижал к себе, бормоча слова благодарности Богу и незнакомой женщине.

— Где... где вы нашли её? Кейси оцепенело показала.

Мужчина тупо посмотрел на это место, а потом исчез в ночи, не скрывая слез облегчения.

— Оставайтесь здесь, Кейси, — настойчиво попросил Данросс. Отовсюду доносился вой приближающихся сирен. — Я пойду быстренько посмотрю.

— Пожалуйста, будьте осторожны. Господи, чувствуете, как пахнет газом?

— Да, очень сильно.

Светя себе фонариком, он стал пробираться вперед, влезая на развалины, спускаясь под них, ища проходы, спотыкаясь и скользя. На каждом шагу подстерегала опасность: груды обломков предательски скрежетали. Сначала он наткнулся на раздавленное тело незнакомой китаянки. Десятью ярдами ниже заметил европейца со смятой в лепешку головой, от которой почти ничего не осталось. Он быстро пошарил лучом фонариком впереди, но среди остальных мертвецов Бартлетта не было. Ещё два изуродованных трупа, дальше внизу — китайцы. Сдерживая тошноту, он стал пробираться под грозно нависшими обломками к европейцу, потом, осторожно придерживая фонарик, обыскал карманы мертвеца. В водительском удостоверении значилось: Ричард Пагмайр.

— Боже! — пробормотал Данросс.

Сильно пахло газом. Внутри все сжалось, когда далеко внизу посыпались искры от нескольких кабелей. «Если они долетят сюда, мы все отправимся в царствие небесное». Осторожно выбравшись из-под обломков, он встал в полный рост и облегченно вздохнул. Последний взгляд на тело Пагмайра — и дальше вниз по склону.

Пройдя несколько шагов, Данросс услышал слабый стон. Определить, откуда доносится жалобный звук, удалось не сразу, но, прислушавшись, Данросс с колотящимся сердцем полез вниз. С величайшей осторожностью он скользнул под гигантский навес из груды балок и обломков. Пальцы взялись за опору. Напрягая все силы, он вывернул кусок бетона и отпихнул его в сторону. Под ним показалась голова человека.

— Помогите, — еле слышно произнес Клинкер. — Господь благословит тебя, дружище...

— Подожди секунду.

Данроссу было видно, мужчина придавлен громадным стропилом, но оно же поддерживало нависшие над несчастным обломки, иначе его бы раздавило. Данросс поводит вокруг лучом фонарика, пока не нашел обломок трубы. Используя её как рычаг, он попытался приподнять стропило. Пирамида обломков зловеще стронулась.

— Двигаться можешь? — выдохнул он.

— Мои... мои ноги, я повредил их черт знает как, но могу попробовать. — Клинкер протянул руку и ухватился за кусок арматуры. — Буду готов, когда скажешь.

— Как тебя зовут?

— Клинкер, Эрни Клинкер. А тебя?

— Данросс. Иэн Данросс.

— Ох! — Клинкер мотнул головой от боли и стал смотреть вверх. Лицо и голова в крови, волосы спутались, губы запеклись. — Спасибо, тай-бань, — прохрипел он. — Готов, готов, только скажи.

Данросс навалился всем телом на импровизированный рычаг. Балка приподнялась на какой-то дюйм. Клинкер подергался, но сдвинуться с места не смог.

— Ещё чуток, дружище, — выдохнул он, корчась от боли.

Данросс снова налег на рычаг. Жилы на руках и ногах вздулись от напряжения. Балка поднялась ещё чуть-чуть. В свободное пространство посыпались обломки. «Нужно ещё выше».

— Давай! — торопливо проговорил он. — Мне её не удержать...

Старик с силой вцепился в прут арматуры и стал подтягиваться, вытаскивая тело дюйм за дюймом. Он взялся за прут по-другому, и ещё больше обломков пришло в движение. Теперь Клинкер наполовину уже освободился. Когда удалось выволить все туловище, Данросс стал опускать стропило обратно с превеликой осторожностью, а когда оно вернулось на место, схватил Клинкера и вытащил его. Только тогда он увидел кровавый след — бедняге оторвало левую ногу.

— Не шевелись, старина, — сочувственно сказал он Клинкеру, который лежал, тяжело дыша, в полубессознательном состоянии, пытаясь не стонать от боли. Оторвав кусок бинта, Данросс наложил чуть ниже колена грубый жгут.

Потом встал в этом небольшом пространстве и взглянул на коварно нависшие над головой обломки, пытаясь решить, как действовать дальше. «Надо вытаскивать бедолагу наверх». Ему было неуютно в каменном мешке. И тут он услышал, что развалины с грохотом и скрежетом пришли в движение. Земля стала уходить из-под ног, и он нырнул в сторону, закрывая руками голову. Начался новый обвал...

83

21:13

Прошло лишь шестнадцать минут с того времени, как стихия расправилась с Роуз-Кортом, а везде по огромной зоне разрушений двигались люди. Кое-кто выбрался из-под завалов, остальные были спасатели. Внизу, около командного пункта, установленного у пересечения улиц, стояли полицейские машины, четыре пожарные, располагались пункты первой помощи. Пожарные вместе с полицейскими лихорадочно перемещались по усеянному обломками и залитому светом переносных прожекторов склону. То тут, то там вспыхивали крохотные язычки пламени, которые быстро гасили, прекрасно понимая, какую опасность представляет газ. Одна машина «скорой помощи» с ранеными или погибшими уже уехала, и подъезжали все новые.

Там, где было темно, царил хаос. Уличное освещение не работало, и снова начинался дождь. Недавно прибывший старший офицер управления пожарной охраны послал за специалистами из газовой компании и организовал проверку фундаментов других многоэтажных домов и близлежащих строений на случай, если жильцов придется эвакуировать — под подозрением были все три яруса: Коутуолл-роуд, Кондуит-роуд и Пошань-роуд.

— Господи, — в ужасе бормотал он, — потребуется не одна неделя, чтобы расчистить все это. — Но на него смотрели все, и внешне он был само спокойствие.

Взвизгнув тормозами, остановилась ещё одна патрульная машина.

— О, привет, Роберт, — приветствовал он подошедшего Армстронга. — Да-да,

— кивнул пожарный, увидев потрясение на лице суперинтендента, — одному Богу известно, сколько там людей под облом...

— Берегись! — раздался чей-то крик.

Все бросились в стороны, потому что с изуродованных верхних этажей Синклер-тауэрс с грохотом свалился огромный кусок армированного бетона. С одной из полицейских машин направили прожектор вверх. Теперь всем стало видно, что осталось от комнат, оказавшихся под открытым небом. На краю балансировала чья-то маленькая фигура.

— Пошлите кого-нибудь наверх и выясните, что там, черт возьми, происходит!

Туда помчался один из пожарных...

Собравшиеся в темноте у заваленного участка проезжей части Коутуолл-роуд жители соседних домов в страхе ждали нового оползня, гадая, эвакуироваться или нет. Орланда все так же стояла в оцепенении, опершись на машину, и слезы у неё на щеках смешивались с каплями дождя.

Перебравшись через завал, ещё одна группа полицейских рассыпалась по месту катастрофы с мощными фонариками в руках, обыскивая все вокруг. Один из них услышал донесшийся откуда-то снизу крик о помощи, направил луч фонарика на кусты, но быстро повернул его в другую сторону. Это кричала и махала рукой Рико, рядом с которой виднелись две неподвижные фигуры.

На развилке дорог ниже по Коутуолл-роуд, резко затормозив, остановилась машина Горнта. Отмахнувшись от указаний озабоченного полицейского, он сунул ему в руку ключи и бросился вверх по холму. Приблизившись к завалу на дороге и оценив размеры бедствия, он испытал ужас. Ведь совсем недавно он был здесь, пил и флиртовал с Кейси, казалось, все налажено, Орланда пристроена, и тут его победа обернулась поражением, и он в ярости проклинал Данросса, но какое-то чудо заставило его вовремя уехать, и теперь все остальные, скорее всего, погибли под обломками, исчезли навсегда. «Господи! Данросс, Орланда, Кейси, Джейсон, Барр...»

— Дорогу! — раздался крик полицейского.

Мимо торопливо прошли санитары «скорой помощи» с носилками, за ними пожарные с топориками, они перебрались через груды земли, камней и деревьев и зашагали дальше, к развалинам.

— Извините, но вам нельзя здесь оставаться, сэр. Тяжело дыша после бега, Горнт отошел в сторону.

— Кому-нибудь удалось выбраться?

— О да, конечно, но я уверен, что...

— Вы Данросса видели, Иэна Данросса?

— Кого?

— Тайбаня, Данросса?

— Нет, извините, не видел. — Полицейский отвернулся, чтобы перехватить и успокоить обезумевших родителей.

Взгляд Горнта вернулся к месту катастрофы: он никак не мог прийти в себя, пораженный масштабами бедствия.

— Господи, — пробормотал кто-то с американским акцентом. Горнт обернулся. Ещё одна группа людей с трудом поднималась вверх по склону. Среди них, плотно зажатые в толпе, шли Пол Чой и Венера Пань. Ошеломленные, все не отрываясь смотрели в темноту.

— Господи!

— Что вы здесь делаете, Пол?

— О, привет, мистер Горнт! Мой... там мой дядя, — еле выговорил Пол Чой. — Господи боже, вы только посмотрите!

— Четырехпалый?

— Да. Он...

— Мистер У ожидает меня, чтобы обсудить контракт на съемки фильма, — величественно перебила его Венера Пань. — Он собирается стать кинопродюсером.

Горнт пропустил мимо ушей эту очевидную выдумку: мысли вертелись вокруг другого. «Если удастся спасти Четырехпалого, возможно, старик поможет мне выпутаться из катастрофы на фондовом рынке».

— На каком он был этаже?

— На пятом, — ответила Венера Пань.

— Пол, зайдите с Синклер-роуд и пробирайтесь по этой стороне склона. А я пойду сверху вниз навстречу! Давайте!

Молодой человек метнулся прочь, прежде чем Венера Пань успела остановить его. Полицейский ещё был чем-то занят. Горнт без колебаний рванул к завалу. Квартиру Пламма на пятом этаже он знал хорошо. Четырехпалый должен быть где-то рядом. В темноте он не заметил стоявшую на другой стороне дороги Орланду.

Перебравшись через завал, Горнт двинулся вперед. Ноги вязли в раскисшей земле, и он то и дело спотыкался.

— Хейя, уважаемый! — обратился он на кантонском к случившемуся поблизости санитару с носилками. — Нет ли у вас запасного фонарика?

— Да-да, пожалуйста! — сказал тот. — Но смотрите, осторожно, ходить здесь очень опасно. И полно призраков.

Поблагодарив его, Горнт поспешил дальше и преодолел намеченное расстояние быстрее, чем надеялся. Подойдя к тому месту, где, видимо, был вестибюль, он остановился. Насколько хватало глаз, вверх по склону уродливой косой раной в сто ярдов шириной зиял обрыв оползня. На краю всех трех ярусов стояли здания и многоэтажные дома, и при одной мысли, что было бы с ним, оказался он в одном из этих строений, к горлу подступила тошнота. Вся Кондуит-роуд вместе с вырванными деревьями и снесенными парапетами исчезла. Глянув вниз, Горнт содрогнулся.

— Этого не может быть, — пробормотал он, вспомнив, каким большим и прочным был дом, сколько радостных воспоминаний, связанных с Роуз-Корт, накопилось за все эти годы.

Тут прожекторы выхватили из мрака верхнюю часть ненавистного ему Синклер-тауэрс. И Горнт проклял про себя Данросса, который финансировал строительство и владел домом, испортившим ему прекрасный вид. Заметив, что у здания нет верхнего угла, Горнт испытал мимолетное удовольствие, которое, однако, вскоре сменилось раздражением, потому что он вспомнил о своем пентхаусе на двенадцатом этаже Роуз-Корт, где им с Орландой было так хорошо, там и на восьмом этаже, а теперь остались лишь обломки и смерть.

— Боже, — проговорил он вслух, благословляя судьбу. И пошёл дальше...

Кейси сидела на куче обломков в мучительном ожидании. По всему склону холма в полумраке работали спасатели, осторожно ступая по опасным поверхностям, то и дело крича и прислушиваясь в надежде, что откликнется кто-то, кому не выбраться. То тут, то там люди отчаянно копали и начинали отваливать обломки, когда находили ещё одного несчастного.

Она нервно вскочила и стала всматриваться вниз, пытаясь отыскать Данросса. Он быстро исчез из поля зрения за обломками, но время от времени ей удавалось заметить проблеск его фонарика. Но вот уже несколько минут она не видела ничего. Беспокойство росло, минуты тянулись медленно, и, когда доносился скрежет оседающих обломков, страх становился нестерпимым. «Линк, где-то там Линк, — билось в мозгу. — Я должна что-то сделать, я не могу так просто сидеть. Нет, лучше сидеть и ждать, молиться и ждать, ждать, пока вернется Иэн. Он найдет Линка...»

Она вдруг испуганно вскинулась. Большая секция, зависшая посреди склона, неожиданно отцепилась, и спасатели бросились врассыпную. Через мгновение цепная реакция прекратилась, и снова стало тихо, но сердце продолжало бешено колотиться. Двигающегося огонька фонарика Данросса не было видно, и она никак не могла успокоиться.

— О господи, пусть с ним все будет хорошо!

— Кейси? Кейси, это вы? — К ней поднялся появившийся из темноты Горнт.

— Ох, Квиллан, — жалобно начала она. Горнт обнял её, и его сила передалась ей. — Пожалуйста, помогите Лин...

— Я приехал, как только услышал, — быстро проговорил он, перебивая её. — Передали по радио. Боже, страшно подумать, что вы... Никак не ожидал... Держитесь, Кейси!

— Я... со мной все в порядке. Линк в... он где-то там внутри, Квиллан.

— Что? Но каким образом? Разве он...

— Он был у Ор... в квартире Орланды, Иэ...

— Может, вы ошибаетесь, Кейси? Пос...

— Нет. Мне сказала Орланда.

— Как? Она тоже выбралась? — ахнул Горнт. — Орланда выбралась?

— Да. Она была со мной, рядом со мной, там. Я видела, как все это произошло, Квиллан. Я видела всю эту ужасную лавину, как здание рухнуло. И тогда я прибежала сюда, пришел помочь Иэн, и Линк...

— Данросс? Он тоже выбрался? — Во рту Горнта разлился привкус желчи.

— О да. Да, он теперь там, внизу. Часть здания сдвинулась, и лифт, в лифте было полно тел. Он где-то там внизу, ищет... ищет на случай... — Её голос стих.

Она видела, что внимание Горнта переключилось на склон.

— Кто ещё спасся?

— Жак, семья Чэнь, этот газетчик, я не знаю... — Она не видела его лица, чтобы понять, что на нем написано. — Вы сожалеете, что... что Иэн остался в живых?

— Нет. Наоборот. Куда он пошёл?

— Вон туда. — Она взяла у него фонарик и показала лучом света. — Туда, видите, где выступ. Он... некоторое время я его не видела, но он был именно там. Видите остатки лифта? Рядом с этим местом. — Теперь его было видно лучше: тёмные глаза, словно высеченное из мрамора бородатое лицо, но что-то прочесть на нем не удавалось.

— Оставайтесь здесь. Тут вы в безопасности. — Взяв фонарик, он двинулся в сторону развалин и вскоре скрылся за ними.

Дождь усилился, тёплый, как и сама ночь, и Горнт сплюнул накопившуюся во рту желчь. Он был рад, что враг жив, он был зол, что враг жив, но видеть Данросса живым хотелось больше.

Спускаться вниз было неудобно, ноги скользили. Качнулась и подалась какая-то плита. Споткнувшись, он содрал кожу на лодыжке и чертыхнулся, потом стал двигаться дальше, выискивая фонариком безопасный путь, которого, понятное дело, не существовало. «Значит, Иэн проклятый тайбань Данросс выбрался до того, как все рухнуло. Заколдован этот гад, что ли? Боже! Но не забывай, боги были и на твоей стороне. Не забывай, что...»

Он остановился. Где-то близко слышались слабые крики о помощи. Он снова напряг слух, но откуда они доносятся, определить не смог.

— Где вы? Где вы? — крикнул он и прислушался. Ничего. «Стоит уронить шляпу, и вся эта чертова беда может съехать вниз ещё на сотню ярдов, если не больше», — мелькнуло в голове. — Где вы? — Так ничего и не услышав, он стал осторожно двигаться дальше. Сильно пахло газом.

Подобравшись к тому, что осталось от лифта, он осмотрел тела, но люди были

все незнакомые. Горнт пошёл дальше, обогнул угол и нырнул под нависшую глыбу. В глаза ему ударил свет фонарика.

— Какого черта ты здесь делаешь, Квиллан? — изумился Данросс.

— Тебя ищу, — мрачно сообщил Горнт, осветив его. — Кейси сказала, что ты тут в прятки играешь.

Данросс сидел на куче обломков, стараясь отдышаться: исцарапанные руки в крови, одежда разодрана. Когда случилась подвижка обломков, ход, которым он проник сюда, со скрежетом завалило. Данросс метнулся в безопасное место, фонарик вышибло из руки, и, как только лавина остановилась, он понял, что его засыпало вместе с Клинкером. Пришлось призвать всю волю, чтобы не поддаваться панике во мраке. Он терпеливо обшаривал все вокруг, стараясь нащупать фонарик. Дюйм за дюймом. И когда хотел уже плюнуть на это бесполезное занятие, пальцы наткнулись на цилиндрический корпус. Со светом стало не так страшно. И он нашел другой лаз наверх. Данросс посмотрел на Горнта, изобразив улыбку:

— Жалеешь, что я не погиб?

Пожав плечами, Горнт ответил такой же еле заметной улыбкой.

— Да. Джосс. Но это произойдет достаточно скоро. — Нависшая глыба заскрежетала и чуть сдвинулась, и луч его фонарика скользнул вверх. Оба затаили дыхание. Со звуком, похожим на вздох, глыба опустилась на место. — Скорее, чем мы думаем, если не уберемся к чертовой матери отсюда.

Данросс встал и охнул: всю спину пронзила боль.

— Надеюсь, ты не ранен? — спросил Горнт.

Данросс лишь рассмеялся и почувствовал себя лучше. Страх быть похороненным заживо проходил.

— Нет. Помоги, пожалуйста.

— Что?

Данросс указал фонариком на руины. Теперь Горнт увидел старика.

— Меня завалило, когда я пытался его вытащить.

Горнт тут же взялся помочь, они опустили на корточки и стали вытаскивать поддающиеся обломки, чтобы расширить лаз.

— Его зовут Клинкер. У него раздавлены ноги, а одну вообще оторвало.

— Боже! Постой, давай я. — Горнт ухватился как следует за плиту, сдвинул её в сторону, а потом прыгнул в углубление. Через минуту он обернулся и уставился на Данросса. — Извини, но этот тип мертв.

— О господи! Ты уверен?

Горнт поднял старика, как куклу, и они вытащили его на открытое место.

— Бедняга.

— Джосс. Он не сказал, где находился в этом здании? На каком этаже? С ним кто-нибудь был?

— Он что-то бормотал про сторожа, про то, что был внизу, и ещё что-то — о, кажется, он сказал «Мэйбл».

Горнт посветил фонариком по сторонам.

— Никто больше голос не подавал?

— Нет.

— Давай вытаскивать его отсюда, — решительно сказал Горнт.

Они подняли Клинкера. Оказавшись на открытом пространстве в относительной безопасности, остановились передохнуть. Рядом оказались люди с носилками. Данросс подозвал их.

— Мы унесем его, Досточтимый Господин, — сказал один. Тело взвалили, как мешок, на носилки и заторопились прочь.

— Квиллан, прежде чем мы вернемся к Кейси. Она ска...

— Про Бартлетта? Да, она сказала, что Бартлетт был у Орланды. — Горнт не

спускал глаз с Данросса. — Её квартира была на восьмом этаже.

Данросс бросил взгляд вниз по склону. Огней там было больше, чем прежде.

— Как ты думаешь, где это может быть сейчас?

— Должно быть, он мертв. Восьмой этаж?

— Да. Но где это может быть? Горнт осмотрел склон холма.

— Отсюда не видно. Я мог бы что-то опознать, но сомневаюсь. Наверное, это, наверное, вон там, почти у Синклер-роуд.

— Возможно, он жив и завален где-нибудь. Пойдем посмотрим. Лицо Горнта искривила странная улыбочка.

— Тебе нужен он и его сделка, верно?

— Нет, сейчас уже нет.

— Ерунда. — Горнт вскарабкался на высокую глыбу. — Кейси! — крикнул он, сложив ладони рупором у рта. — Мы спускаемся вниз! Возвращайтесь к насыпи и ждите там!

До них донесся её слабый крик: «Хорошо, будьте осторожны!» Потом Горнт мрачно сказал:

— Ладно, Гунга Дин³⁶³, если мы собираемся играть в героев, лучше делать это как следует. Я пойду первым. — И он двинулся вниз по склону.

Данросс тоже был мрачен, но не мог отказаться от помощи Горнта и, подавив закипающую злость, пошёл следом. Сначала предстояло выбраться из развалин. Оказавшись на открытой местности, они стали спускаться вниз по склону. Время от времени им попадались тела людей или их части, но никого узнать не удалось. Они миновали нескольких оставшихся в живых и родственников пропавших, которые с безнадежным отчаянием копались в завалах или пытались копать — руками, обломком дерева, кто чем мог.

У подножия склона Горнт остановился и стал при свете фонарика внимательно осматривать развалины.

— Есть что-нибудь? — спросил Данросс.

— Нет.

На глаза Горнту попались забрызганные грязью занавеси, возможно из квартиры Орланды, но точно сказать он не мог, потому что не был у неё уже почти два года. Луч фонарика застыл на одном месте.

— Что там?

— Ничего. — Горнт полез наверх, желая найти что-нибудь из мебелировки её квартиры или квартиры «Эйшн пропертиз» на пятом этаже. — Возможно, это часть мебели Пламма, — проговорил он. Диван был разломан пополам, из него торчали пружины.

— Помогите! Помогите во имя всех богов! — еле слышно воззвали по-кантонски где-то неподалеку.

Горнт туг же рванулся на крик, считая, что узнал голос Четырехпалого, Данросс припустил следом. Посреди груды развалин они увидели пожилого китайца, перемазанного грязью и припорошенного пылью. Он сидел посреди изуродованных строительных конструкций, на вид целый и невредимый, и недоуменно озирался по сторонам. Когда Горнт с Данроссом подошли ближе, он сощурился в свете фонарей, и его лицо исказилось в гримасе.

Они тут же узнали его, а он — их. Это был Улыбчивый Цзин, банкир.

— Что случилось, Досточтимые Господа? — осведомился он на кантонском.

³⁶³ Гунга Дин — герой одноименного стихотворения (1892) Редьярда Киплинга (1865-1936) о туземце-водоносе, который спас жизнь британскому солдату. По мотивам этого стихотворения в 1939 г. снят фильм с участием Дугласа Фэрбенкса и Кэри Гранта.

Дикция у него была просто жуткая, потому что зубы сильно выдавались вперед.

Горнт вкратце рассказал, в чем дело, и банкир ахнул.

— Не может быть, клянусь всеми богами! Я действительно жив? Правда жив?

— Да. На котором ты был этаже, Улыбчивый Цзин?

— На двенадцатом, сидел у себя в гостиной и смотрел телевизор. — Улыбчивый Цзин стал вспоминать, и губы разошлись в гримасе. — Я смотрел на Сладкоречивую Малышку, Венеру Пань, и тут... вдруг раздался страшный грохот со стороны Кондуит-роуд. После этого ничего не помню, ну ничегошеньки, только что пришел в себя здесь, всего несколько минут назад.

— Кто был вместе с тобой в квартире?

— Моя ама. Первая Жена уехала играть в мацзян! — Коротышка-старик осторожно встал, потрогал руки, ноги и захихикал: — Айийя, тайбань и второй тайбань, клянусь всеми богами, это же просто, ети его, чудо! Ясное дело, боги благоволят ко мне. Я верну свой банк, снова разбогатею и стану распорядителем в Скаковом клубе! Айийя! Какой джосс! — Он снова ощупал свои конечности, а потом стал выбирать туда, где было безопасно.

— Если эти развалины — часть двенадцатого этажа, то восьмой должен быть вон там, — указал фонариком Данросс.

Горнт кивнул с напряженным лицом.

— Коль скоро старый ублюдок выжил, то, может, и Бартлетт уцелел.

— Может быть. Пойдем посмотрим.

84

23:05

Армейский грузовик, который несся под проливным дождем, разбрызгивая грязь, остановился у командного пункта. С него спрыгнули ирландские гвардейцы в рабочей одежде и плащах, некоторые с пожарными топориками. Их поджидал офицер, совсем молодой человек.

— Отправляйтесь вон туда, сержант! Будете работать рядом со старшим полковым сержантом О'Коннором! — Он указал офицерским стеклом на правую часть оползня. Его форменный плащ, ботинки и брюки были измазаны в грязи. — Не курить: до сих пор не ликвидирована утечка газа, черт бы её побрал, и пошевеливайтесь!

— Где рота «Альфа», сэр?

— Наверху на Пошань. Рота «Дельта» где-то посередине На Коутуолл у нас медпункт. Я на канале четыре. Вперед!

На мгновение солдаты застыли, глядя на разрушения.

— Боже милосердный, — пробормотал один. И они зашагали вслед за сержантом.

Офицер вернулся к себе на командный пункт и снял трубку полевого телефона.

— Рота «Дельта», это командный пункт. Доложите обстановку.

— У нас здесь обнаружено четыре трупа, сэр, и двое раненых. Мы сейчас где-то на середине склона. Одна из раненых — китайка по фамилии Кван, множественные переломы, но ничего страшного, и её муж — у него лишь небольшое нервное потрясение.

— В какой части здания они находились?

— На пятом этаже. Мы считаем, что их защитили эти толстые балки. Обоих пострадавших сейчас доставляют в медпункт на Коутуолл. Слышим чей-то голос, человек где-то очень глубоко, но, черт возьми, сэр, нам до него не добраться: пожарные не могут использовать кислородно-ацетиленовые резак. Слишком высокая концентрация газа. На нашем участке больше ничего, сэр.

— Продолжайте в том же духе. — Офицер повернулся кругом к вестовому: — Ступайте, найдите людей из газовой компании и выясните, чем, черт возьми, вызвана задержка. Скажите, чтоб пошевеливались!

— Есть, сэр.

Офицер перешел на другой канал.

— Медпункт на Коутуолл, это командный пункт. Какие у нас цифры?

— Пока четырнадцать трупов, капитан, и девятнадцать раненых, некоторые в очень тяжелом состоянии. Имена узнаем по мере возможности. Сэр Дунстан Барр, его мы откопали, у него лишь сломана рука в запястье.

— Хорошо, продолжайте! На шестнадцатом канале полиция передает информацию о пропавших без вести. Сообщайте им как можно скорее все имена — погибших, раненых, всех. У нас тут много людей, которые сильно переживают.

— Есть, сэр. Ходят слухи, что придется эвакуировать людей из этой зоны.

— Решение насчет этого как раз сейчас принимают губернатор, комиссар полиции и начальник пожарной охраны.

Офицер устало потер лицо, потом вышел на улицу: должен был подъехать ещё один грузовик с гуркхами³⁶⁴ из корпуса инженерных войск. Он прошел мимо губернатора, комиссара полиции и старшего офицера пожарной охраны, которые стояли на центральном командном посту под навесом вестибюля Синклер-тауэрс. К ним спешил вышедший из машины седовласый инженер-изыскатель из департамента общественных работ.

— Добрый вечер, сэр, — озабоченно поздоровался он. — Мы побывали во всех зданиях, от Пошань досюда. Я бы рекомендовал эвакуировать людей из девятнадцати домов.

— Боже милостивый, — воскликнул сэр Джеффри. — Вы хотите сказать, что может обрушиться весь этот чертов склон?

— Нет, сэр. Но если дождь будет продолжаться, не исключено, что начнется ещё один оползень. Во всей этой зоне их было предостаточно. — Он указал в темноту. — В тысяча девятьсот сорок первом и в пятидесятом — вдоль Бонэм-роуд, в пятьдесят девятом — крупная катастрофа на Робертсон и Литтон-роуд. Этот список можно продолжать до бесконечности, сэр. Я рекомендую начать эвакуацию.

— Из каких зданий?

Инженер передал губернатору список, а потом махнул рукой в темноту на все три уровня.

— Боюсь, речь идет о двух с лишним тысячах человек.

Все ахнули и воззрились на губернатора. Он ознакомился со списком и обвел взглядом склон. Над всем вокруг доминировал оползень, а сверху нависала темная громада холма.

— Хорошо, действуйте, — наконец проговорил сэр Джеффри. — Только, ради бога, прикажите своим людям провести эвакуацию организованно, нам не нужна ещё и паника.

— Есть, сэр. — Человек поспешил прочь.

— Нельзя ли получить ещё людей и снаряжение, Дональд?

— Извините, на данный момент — нет, — ответил полицейский комиссар, пятидесятилетний мужчина с властным лицом. — Наши силы и так рассеяны. Ещё один большой оползень в Коулуне, другой в Гуаньтане³⁶⁵ — там снесено восемьдесят лачуг поселенцев, уже есть сведения о сорока четырех погибших, среди

³⁶⁴ Гуркхи — выходцы из Непала, служащие в отдельных частях британской армии.

³⁶⁵ Гуаньтань — район к востоку от Коулуна.

них — двадцать детей.

— Боже! — пробормотал сэр Джеффри, глядя на склон. — Когда Данроссу удалось склонить Типтопа к сотрудничеству, я думал, наши беды закончились, по крайней мере на сегодня.

Начальник пожарной охраны устало покачал головой.

— Боюсь, все только начинается, сэр. По нашим оценкам, здесь под завалами может оказаться не меньше ста человек. Нам потребуется не одна неделя, чтобы все разобрать, если это вообще возможно, — с горечью добавил он.

— Да. — Губернатор опять помолчал, а потом твердо заявил: — Я поехал на Коутуолл. Буду на канале пять. — И направился к своей машине. Адъютант открыл перед ним дверцу, но сэр Джеффри остановился. От громадной расщелины поперек Синклер-роуд, где снесло верхнюю часть водопроводного туннеля, возвращались Роджер Кросс и Синдерс. — Ну что?

— Ничего, сэр. Проникнуть в туннель удалось, но там пятьдесят ярдов завалено. В Роуз-Корт оттуда не пробраться, — доложил Кросс.

В тот момент, когда рухнула башня Роуз-Корт, задев четыре верхних этажа Синклер-тауэрс, Кросс находился рядом со своим многоэтажным домом, в семидесяти ярдах от места трагедии. Когда он пришел в себя, первой была мысль о Пламме. Второй — о Суслеве. До Суслева было ближе.

Когда суперинтендент добрался до погруженного в темноту фойе Синклер-тауэрс, на улицу уже устремились перепуганные жильцы. Распихивая их в стороны, он с руганью протолкался по лестнице на последний этаж, освещая себе дорогу фонариком-карандашом. Тридцать вторая квартира почти перестала существовать, не было и трех маршей примыкающей к ней запасной лестницы. Ошеломленный Кросс глянул вниз в темноту. Стало очевидно, что, если Суслев был в это время здесь или у Клинкера, его уже нет в живых. Спаситься он мог только через водопроводный туннель.

Снова спустившись на первый этаж, Кросс обошел дом и скользнул через тайный вход в туннель. Внизу бурлила и пенилась вода. Он поспешно вернулся на дорогу, туда, где снесло верхнюю часть туннеля. Разрыв был полон воды, которая переливалась через край. Более чем удовлетворенный — теперь он был уверен, что Суслев мертв, — Кросс подошел к ближайшей телефонной будке, дал сигнал тревоги и попросил позвать Синдерса.

— Да? О, привет, Роджер.

Рассказав Синдерсу, где он и что случилось, Кросс добавил:

— Суслев был с Клинкером. Мои люди знают, что он не выходил, значит, русский под обломками. Должно быть, они там оба. Никаких шансов, что им удалось остаться в живых.

— Черт! — Долгая пауза. — Сейчас подъеду.

Кросс снова вышел на улицу и начал организовывать эвакуацию жильцов Синклер-тауэрс и спасательные работы. При обрушении трех этажей на углу погибло три семьи. К тому времени, когда прибыли полицейские и пожарные, список погибших насчитывал семь человек, в том числе двоих детей, и ещё четверо были при смерти. После появления губернатора с Синдерсом они снова сходили к открытой части туннеля, чтобы проверить, возможно ли туда пробраться.

— Отсюда, сэр Джеффри, проникнуть туда невозможно. Весь водопроводный туннель обвалился, я бы сказал, напрочь, сэр. — Кросс нацепил на лицо подходящую к случаю мрачную маску, но внутри был несказанно доволен вмешательством провидения, разрешившего его проблемы.

Синдерс был очень расстроен.

— Какая жалость! Да, вот уж не повезло так не повезло. Мы потеряли ценного агента.

— Вы действительно считаете, что он сказал бы вам, кто этот дьявол «Артур»? — спросил сэр Джеффри.

— О да. — Тон Синдерса был очень уверенным. — Вы так не считаете, Роджер?

— Да, считаю. — Кросс с трудом сдерживал улыбку. — Да, я в этом просто уверен.

— Нас ещё ждут ужасные последствия на дипломатическом уровне, когда он не вернется на «Иванов», — вздохнул сэр Джеффри.

— Мы тут ни при чем, сэр, — пожал плечами Синдерс. — Это стихийное бедствие.

— Согласен, но вы же знаете, как Советы ненавидят иностранцев. Могут поспорить на что угодно, они посчитают, что мы его арестовали и подвергаем допросам. Лучше бы нам найти его, живого или мертвого, и поскорее.

— Да, сэр. — Синдерс поднял воротник, укрываясь от дождя. — Как быть с отходом «Иванова»?

— А что вы предлагаете?

— Роджер?

— Я предлагаю сейчас же позвонить им, сэр, растолковать Борадинову, что произошло, и сказать, что, если они хотят принять участие в поисках, мы можем отложить отход. Я пошлю машину за ним и за тем, кого он захочет взять с собой.

— Хорошо. Я какое-то время буду на Коутуолл.

Они проводили сэра Джеффри взглядами, а потом прошли под защиту здания. Синдерс не отрываясь смотрел на организованную неразбериху.

— Никаких шансов, что он может быть жив, да?

— Никаких.

К ним подбежал измотанный полицейский.

— Вот последний список, сэр, погибших и спасенных. — Молодой человек передал Кроссу бумагу и быстро добавил: — Скоро по радио Гонконга будет выступать Венера Пань, сэр. Она там, на Коутуолл.

— Хорошо, благодарю вас. — Кросс быстро пробежал глазами список. — Боже!

— Нашли Суслева?

— Нет. Просто погибло много старых знакомых. — Он передал Синдерсу список. — Я займусь Борадиновым, а потом вернусь туда, где был Клинкер.

Синдерс кивнул и пробежал глазами бумагу. Двадцать восемь спасено, семнадцать человек погибли, имена ничего ему не говорили. Среди погибших значился Джейсон Пламм...

На пристани в Коулуне, где стоял «Иванов», вверх и вниз по трапам устало тащились кули. Шла погрузка поступивших в последнюю минуту материалов и оборудования. Из-за чрезвычайного положения наблюдение сократили до минимума, и теперь у каждого трапа стояло лишь по двое полицейских. Суслев — его было не узнать под огромной шляпой, — в куртке и штанах, как у кули, босиком, как и остальные, прошел мимо копов незамеченным и поднялся на палубу. Увидевший начальника Борадинов торопливо провел его в капитанскую каюту. Как только дверь закрылась, он выпалил:

— Kristos, товарищ капитан, я чуть не записал вас в без вести пропавшие. Мы должны ух...

— Помолчи и слушай. — Суслев никак не мог отдышаться, он ещё не отошел от пережитого потрясения. Взяв бутылку водки, он выпил большой глоток, немного поперхнувшись. — Радиооборудование починили?

— Да, всё, кроме сверхсекретного шифровального устройства.

— Хорошо. — Дрожащим голосом он рассказал, что произошло. — Не знаю, как я выбрался. Очухался, когда уже наполовину спустился с холма. Нашел такси и

добрался сюда. — Он сделал ещё глоток: алкоголь пошёл ему на пользу, до него стало доходить, что он не только чудесным образом избежал смерти, но и оставил в дураках Синдерса. И тут его осенило. — Слушай сюда, для всех остальных я там, у Роуз-Корт! Я мертв или пропал без вести, предположительно мертв.

Борадинов вытаращил на него глаза:

— Но това...

— Свяжись с Главным управлением полиции и скажи, что я не вернулся, попроси задержать отход. Если не разрешат, мы уйдем. Согласятся — задержимся, постоим день для виду, а потом с сожалением уйдем. Понятно?

— Да, товарищ капитан, но зачем это?

— Об этом потом. А пока позаботься, чтобы все остальные на борту считали, что меня нет. Понятно?

— Да.

— Никто не должен входить в эту каюту, пока мы не выйдем в международные воды и не будем в безопасности. Девушка на борту?

— Да, в другой каюте, как вы приказали.

— Хорошо. — Суслев задумался. «Можно доставить её обратно на берег, раз уж я „пропал без вести“. Или действовать, как задумано». — Будем действовать, как задумано. Это безопаснее. Когда полиция доложит, что я пропал, — за мной, как всегда, следили агенты Эс-ай, и они будут уверены, что я у Клинкера, — скажи девушке, что отход задерживается и что она должна оставаться в каюте, «пока я не прибуду». Можешь идти.

Суслев закрыл дверь на замок, испытывая огромное облегчение, и включил радио. «Теперь можно исчезнуть. Мертвого Синдерсу выдавать не резон. Будет несложно убедить Центр, чтобы мои обязанности в Азии возложили на другого человека, а мне — под другим именем — дали другое назначение. Можно сказать, что ввиду многочисленных утечек информации в Европе, о которых идет речь в бумагах АМГ, Кросс и Пламм — если они остались в живых — должны работать с кем-то другим, — думал он. — Лучше бы погибли оба. Нет, только не Роджер. Роджер слишком ценен».

Исполненный довольства и уверенности, каких не испытывал уже много лет, он прошел в ванную, отыскал бритву и помазок, подпевая «Битлз». «Может, попросить, чтобы меня назначили в Канаду? Ведь Канада — одна из самых значимых для нас стран, сравнимая по важности с Мексикой».

Расплывшись в улыбке, Суслев взглянул на себя в зеркало. Новые места, новые достижения, новое имя, новое, более высокое звание, а ведь всего несколько часов назад его ждали одни неприятности. «Может, возьму с собой в Оттаву Вертинскую».

Он начал бриться. Когда Борадинов вернулся с известием, что полиция разрешила отложить отход судна, он с трудом узнал Суслева, у которого уже не было ни усов, ни бороды.

85

23:40

На глубине двадцати футов под балками, которые переплелись, как в детской игре с надетой на пальцы веревочкой, лежал Бартлетт. Благодаря этим балкам его и не раздавило. Когда уже почти три часа назад на дом обрушилась лавина, он стоял в дверях кухни, попивая ледяное пиво и наслаждаясь видом на город. Умытый, одетый, в прекрасном настроении, он ждал возвращения Орланды. Потом он стал падать, все вокруг сделалось непривычным, неестественным: пол ушел вверх, звезды оказались внизу, город над ними. Вслед за ослепительным, чудовищным, беззвучным взрывом

весь воздух мгновенно вылетел из него, и он повалился вверх в открывшуюся бездну, которой не было конца.

Приходил он в себя очень долго. В его гробнице было темно, и все тело болело. Он никак не мог взять в толк, что произошло и где он находится. А когда действительно пришел в себя, принялся озираться, пытаюсь понять, где он, но руки натыкались на что-то непонятное. От замкнутого мрака к горлу подступила тошнота, он в панике, шатаясь, встал на ноги, ударился головой о бетонный выступ, который когда-то был частью внешней стены, и, оглушенный, свалился обратно, к счастью — на то, что осталось от мягкого кресла. Через некоторое время сознание прояснилось, хотя раскалывалась голова, ломило руки, боль разливалась по всему телу. Внимание привлекли фосфоресцирующие цифры на часах. Он вгляделся. 23:41.

«Я помню, что... Что я помню?»

— Давай, ради бога, — пробормотал он, — очнись! Возьми себя в руки. Где я был, черт возьми?

С нарастающим страхом он водил глазами во мраке. Неясные очертания балок, расколотого бетона и всего, что осталось от комнаты. Он почти ничего не видел и ничего не мог узнать. Пробившийся откуда-то лучик света блеснул на глянцевой поверхности. Сломанная газовая плита. И тут все вспомнилось, словно память накатила приливной волной.

— Я стоял на кухне, — выдавил он из себя. — Точно, и Орланда только что ушла, примерно за час, нет, меньше, за полчаса. Тогда получается, что около девяти... это все и произошло. Что это было, землетрясение? Или что-то ещё?

Он осторожно ощупал руки, ноги, лицо. Каждое движение отдавалось острой болью в правом плече. Бартлетт чертыхнулся, поняв, что оно вывихнуто. Лицо и нос были в кровоподтеках и горели. Дышалось тяжело. Остальное, похоже, работало, хотя все суставы мозжили так, будто его вздергивали на дыбу, и страшно болела голова.

— С тобой все о'кей, ты можешь дышать, ты можешь видеть, ты можешь...

Он остановился, пошарил вокруг, нашел небольшой камень, осторожно поднял руку и бросил. Звук от падения камня был слышен, и сердце забилося быстрее.

— И ты можешь слышать. Так что же, черт возьми, случилось? Боже, это как тогда, на Иводзиме³⁶⁶.

Он лег на спину, чтобы сохранить силы. «Если вас завалило при земляных работах или взрыве бомбы, — наставлял их пожилой старший сержант, — вы должны лечь на спину и подумать своей чертовой башкой. Перво-наперво убедитесь, что можете свободно дышать. Потом сделайте дыру, все, что угодно, чтобы дышать. Это первое. Затем проверьте, целы ли руки и ноги, не отказал ли слух, а насчет зрения сразу, черт возьми, поймете. Ну а после ложитесь на спину, соберите мозги в кучку и не паникуйте. Будешь паниковать — ты покойник. Я откапывал ребят через четыре дня, и они были измазаны, как свинья в дерьме. Пока вы способны дышать, видеть и слышать, неделю продержитесь только так. Ну, а дня четыре — это вообще раз плюнуть. Но были и другие. Мы добирались до них через час, а они успевали захлебнуться в грязи, дерьме или собственной рвоте от страха либо разбить голову о какую-нибудь чертову железяку, когда мы были всего в нескольких футах от этих болванов, а если бы лежали, как я вам сказал, смиренненько, не напрягаясь, тихонько, они бы нас услышали и могли бы крикнуть. Черт! Если кто-нибудь из вас, ублюдков, запаникует, случись вам попасть в завал, можете считать, что вы покойники. Это уж как пить дать. Меня самого заваливало полсотни раз. Никакой паники!»

³⁶⁶ Иводзима — небольшой островок в архипелаге Огасавара к югу от Токио, место ожесточенных боев между войсками США и Японии в феврале-марте 1945 г.

— Никакой паники. Никак нет, сэр, — вслух проговорил Бартлетт и почувствовал себя лучше, с благодарностью вспомнив этого человека.

Однажды на Иводзиме пришлось круто: ангар, который он строил, подвергся бомбардировке, и от разрывов бомб его завалило. Когда он прочистил глаза, рот и уши от земли, его охватила паника, он начал метаться по завалу, но потом вспомнил это «никакой паники» и заставил себя остановиться. Он дрожал, как перепуганная собака при виде плети, но все же пересилил свой страх. Взяв себя в руки, он тщательно осмотрелся. Бомбили днем, так что видимость была неплохой, и он отыскал место, откуда можно было начать выбираться. Но осторожности ради он решил подождать, помня о наставлениях. И очень скоро услышал голоса. И стал кричать, стараясь беречь связки.

«Это ещё одна очевидная вещь, черт возьми! Старайтесь не сорвать голос, понятно? Не надо орать до хрипоты, когда в первый раз услышите, что вас откапывают. Запаситесь терпением. Черт, некоторые умники докрикивались до того, что не могли слова промолвить, когда помощь была совсем близко, и мы их теряли. Забейте это в свои дурацкие головы: чтобы вас нашли, нужно помогать спасателям. Никакой паники! Если не можете кричать, стучите, воспользуйтесь чем угодно, чтобы произвести шум, но дайте нам знак, и мы вас вытащим, если вы ещё дышите — через неделю запросто, как нечего делать. Все равно вас, ублюдков, следовало бы на диету посадить...»

Теперь Бартлетт призвал на помощь все свои способности. Поскрипывали развалины, где-то неподалеку капала вода, но людей слышно не было. Потом донесся приглушенный вой полицейской сирены и затих вдали. Ободренный тем, что помощь идет, Бартлетт стал ждать. Сердце билось ровно. Он лежал на спине и благословлял того пожилого старшего сержанта. Его звали Спэрджэн, Спэрджэн Роуч, и он был черный.

«Должно быть, это землетрясение, — думал Бартлетт. — Все ли здание рухнуло или только наш этаж и тот, что выше? Может, самолёт врезался... Черт, нет, я услышал бы приближающийся рев. Здание не может просто так рухнуть, если оно построено с соблюдением норм и правил, но, постой, это же Гонконг, и я слышал, что некоторые здешние подрядчики иногда обходят требования норм, жульничают понемногу, используют второсортную сталь или дешевые марки бетона. Господи, если я выберусь, нет, когда я выберусь...»

Это было ещё одно неукоснительное правило старикана. «Пока вы можете дышать, не забывайте об одном: вы выберетесь, вы обязательно выберетесь...»

«Точно. Когда выберусь, найду старика Спэрджэна и отблагодарю как следует, а ещё подам на кое-кого в суд. Кейси обязательно... ах, Кейси, я уверен, черт возьми, что она не попала в это дерьмо, ни она, ни Орланда. Они обе... Господи, не могло же ведь Орланду завалить, ко...»

Обломки снова стали оседать. Он подождал, сердце колотилось. Теперь глаза лучше разбирали очертания окружающих предметов. Над головой нависала скрученная масса стальных балок и труб, наполовину торчавших из обломков бетона с рваными краями, кастрюль, сковородок и ломаной мебели. Поверхность, на которой он лежал, была такой же неровной. Свободным оставалось небольшое пространство, позволявшее встать и выпрямиться во весь рост. Он вытянул вверх здоровую руку, но достать до того, что было сейчас потолком, не смог. Снова попробовал дотянуться до него, встав на колени, потом, ощупью отыскивая опору для рук, поднялся, и осознание мизерности этого замкнутого пространства вызвало страх.

— Не паниковать, — произнес он вслух. Шаря руками и натываясь на острые выступы, Бартлетт обошел свое узилище кругом. — Примерно шесть на пять

футов³⁶⁷, — заключил он и приободрился от звука собственного голоса. «Не бойтесь говорить вслух», — учил Спэрджэн Роуч.

Внимание снова привлёк отблеск света на плите. «Если она рядом, значит, я по-прежнему в кухне. Ну и где там стояла плита?» Сев, он попытался восстановить в памяти планировку квартиры. «Плита была встроена в стену напротив большого разделочного стола, напротив окна и около двери, а ещё возле двери стоял большой холодильник, и за сто... Черт, если я на кухне, здесь должна быть еда и пиво, и я легко могу протянуть целую неделю! Господи, ещё бы немного света. Был ли на кухне фонарик? Или спички? Спички и свеча? Постой, минуточку... Точно, на стене рядом с холодильником висел фонарик! Орланда ещё говорила, что у них вечно вышибает пробки, а иногда отключают электричество и... и, точно, спички были в ящике стола на кухне, много спичек, когда она зажигала газ. Газ...»

Бартлетт остановился и потянул носом воздух. Нос был ушиблен и заложен, он попытался прочистить его. Потом снова принюхался. Запаха газа не ощущалось. «Хорошо, хорошо», — приободрился он. Ориентируясь по плите, он обшарил все вокруг дюйм за дюймом, но ничего не нашел. Ещё через полчаса поисков пальцы наткнулись на какие-то консервные банки, а потом на банки с пивом. Вскоре он обнаружил их целых четыре. Они ещё были холодные. Он открыл одну, попивая понемногу, из экономии — возможно, придется ждать не один день, — и ему стало намного лучше, потому что, откровенно говоря, сидеть здесь внизу во мраке было жутковато: развалины поскрипывают, ты замурован черт-те где, то и дело падают обломки, время от времени доносится вой сирен, капает вода, и отовсюду слышатся странные, леденящие душу звуки. Рядом вдруг закричала балка, на которую сверху давили тысячи тонн. Она опустилась на дюйм. Бартлетт затаил дыхание. Движение прекратилось. Он снова прихлебнул пива.

«Ну и что делать — ждать или пытаться выбраться? — заволновался он. — Помнишь, старик Спэрджэн всегда уходил от этого вопроса. „Смотря по обстоятельствам, дружище, — говорил он. — Смотря по обстоятельствам“».

Сверху снова донесся скрежет. Изнутри поднимался панический страх, но Бартлетт загнал его обратно.

— Давай подведем небольшой итог, — начал он вслух, чтобы почувствовать себя увереннее. — Провизии у меня дня на два-три точно хватит. Я в хорошей форме и могу спокойно продержаться дня три-четыре, но вот вы, сволочи, — обратился он к нависшим над головой обломкам, — что собираетесь делать вы?

Гробница молчала.

Снова скрежет, от которого по спине пробежал холодок. Потом слабый голос, далеко наверху, справа. Бартлетт лег на спину и сложил ладони рупором у рта.

— Помогите! — осторожно крикнул он и прислушался: опять голоса, там же. — Помогите!

Он подождал, но теперь ответом была всеобъемлющая пустота. Он подождал ещё. Ничего. Его охватило разочарование. «Наберись терпения и жди!» Минута тянулась за минутой. Вода закапала чаще, гораздо чаще, чем раньше. «Должно быть, снова дождь. Боже! Могу поспорить, это был оползень. Точно, помнишь трещины на дорогах? Проклятый оползень, сукин ты сын! Кого ещё могло завалить? Господи, ну и влип же я, черт возьми!»

Оторвав полосу ткани от рубашки, он завязал на ней узел. Теперь можно отмечать дни. Один узел — один день. Когда голова впервые прояснилась, на часах было 23:41. Сейчас — 23:58.

Внимание вновь сосредоточилось. Еле слышные голоса, но теперь ближе.

³⁶⁷ 1,8 м на 1,5 м.

Китайцы.

— Помоги-ите!

Голоса умолкли. Потом донеслось еле слышное:

— Где вы, хейя?

— Здесь, внизу! Вы меня слышите-е-е? Тишина, потом ещё тише:

— Где вы-ы-ы?

Выругавшись, Бартлетт поднял пустую банку из-под пива и стал колотить ею по балке. Остановился и прислушался. Ничего. Он откинулся назад.

— Может, пошли звать на помощь? — Пальцы потянулись и нащупали ещё одну банку пива. Пришлось побороть неодолимое желание открыть её. «Не паникуй и сохраняй терпение. Помощь близка. Лучшее, что можно сделать, это ждать и...»

В этот момент под оглушительную какофонию звуков вся земля напряженно вывернулась и вздыбилась. Защищавшие его балки над головой со скрежетом сошли с безопасных опор, сверху посыпалась лавина обломков. Защищая голову руками, он сжался в комок, изо всех сил стараясь прикрыться. Скрежет и подвижка, казалось, длились целую вечность. Потом все прекратилось. Более или менее. Сердце бешено колотилось, грудь сжало, во рту было полно желчи и пыли. Сплюнув, он поискал банку с пивом. Она куда-то делась. Как и все остальные. Он выругался, потом осторожно поднял голову и чуть не ударился о сдвинувшийся потолок своей гробницы. Теперь до свода и стен можно было дотронуться, не садясь и не вставая. Запросто.

Тут Бартлетт различил какой-то шипящий звук. Внутри все похолодело. Протянув руку, он почувствовал легкий сквозняк. Теперь ощущался запах газа.

— Давай-ка лучше сматываться к черту отсюда, дружище, — в ужасе пробормотал он.

Сориентировавшись, насколько было возможно, он выполз из тесного пространства. Двигаясь, действуя, Бартлетт почувствовал себя лучше.

Темнота нервировала, и двигаться вверх было очень тяжело. По прямой так просто невозможно. Иногда, чтобы обойти препятствие, приходилось снова спускаться вниз, сворачивать налево, потом направо, немного вверх, снова вниз под остатки ванной, по чьему-то телу или части тела. Откуда-то издалека доносились стоны, а один раз послышались голоса.

— Где вы-ы? — крикнул он, подождал и пополз дальше, дюйм за дюймом, спокойно, без паники.

Через некоторое время он добрался до пространства, где можно было стоять. Но вставать Бартлетт не стал, а лишь полежал там некоторое время, набираясь сил и переводя дыхание. Здесь света было больше. Когда дыхание подуспокоилось, он взглянул на часы. Собравшись с силами, полез дальше, но путь вверх был закрыт. Попробовал с другого конца — снова завал. Протиснулся под высоким разбитым трюмо и, выбравшись из-под него, пополз. Снова тупик. Бартлетт с трудом вернулся назад и попробовал ткнуться в другую сторону. Потом ещё в одну. Нигде не выпрямиться, ориентиры потеряны, и неизвестно, не залез ли он ещё глубже под развалины. Тут он остановился передохнуть и улегся в сырость своей гробницы — грудь разрывалась, голова раскалывалась, пальцы в крови, голени в крови, локти в крови.

— Ничего, старина, — громко проговорил он. — Отдохни, а потом начнешь снова...

ПОНЕДЕЛЬНИК

00:45

Солдаты-гуркхи с фонариками осторожно продвигались по опасной, покато́й, неровной поверхности, выкрикивая: «Есть тут кто-нибудь?» — и прислушиваясь. За ними и вокруг них, по всему склону холма бродили другие солдаты, полицейские, пожарные и обезумевшие родственники жертв катастрофы.

Было очень темно: свет установленных внизу прожекторов не доходил до этой зоны, расположенной примерно на середине развалин.

— Есть тут кто-нибудь? — позвал солдат, весь обратился в слух и сделал несколько шагов.

Слева в цепи его товарищ оступился и упал в какую-то щель. Он очень устал, но только посмеялся над своей неуклюжестью и, полежав секунду, крикнул вниз, в землю:

— Есть кто-нибудь? — Он уже начал вставать, но вдруг замер, насторожась. Снова лег и крикнул в развалины: — Вы меня слышите? — и наярив слух.

— Да-а-а! — донесся слабый, еле слышный ответ. Солдат взволнованно вскочил.

— Сержант! Сержант, сэр!

В пятидесяти ярдах от него на краю развалин стоял Горнт вместе с молодым лейтенантом, который руководил спасательными операциями в этом секторе. Они слушали по маленькому транзисторному приёмнику выпуск новостей:

«...оползни по всей территории колонии. А сейчас ещё одно прямое включение с Коутуолл-роуд. — Короткая тишина, а потом послышался хорошо знакомый голос, и молодой человек улыбнулся про себя. — Добрый вечер. Это Венера Пань, и я веду прямой репортаж об одном из самых ужасных несчастий, обрушившихся на колонию. — Её голос так прелестно дрожал, и лейтенанту вспомнился превосходный, душераздирающий репортаж про жуткий пожар в Абердине, в котором она едва не пострадала, и его возбуждение усилилось. — Здания Роуз-Корт на Коутуолл-роуд больше нет. Высокая двенадцатиэтажная башня, которую видно было из любой точки Гонконга, стала ужасной грудой развалин. Моего дома больше нет. Сегодня вечером перстом Всемо́гущего эта башня повержена вместе с теми, кто жил там, и среди них моя преданная ганьсунь, которая растила меня с детства...»

— Сэр, — окликнул его сержант с середины оползня, — там кто-то есть! Офицер и Горнт тут же поспешили к нему.

— Мужчина или женщина?

— Мужчина, сэр! Мне кажется, он сказал, что его зовут Бартер или как-то так...

У вала на Коутуолл-роуд упивалась собой Венера Пань: она в центре всеобщего внимания, купается в лучах славы и юпитеров выездной группы радио и телевидения. Продолжая читать по бумажке, которую ей сунули, Венера Пань то и дело отходила от написанного, модулировала голосом, пускала слезу, но аккуратно, чтобы не испортить макияж, и описывала катастрофу так, что у слушателей возникало чувство, будто они вместе с ней на склоне, по спине бегали мурашки от страха, и они благодарили судьбу за то, что на этот раз смерть обошла их стороной, что они сами и их близкие остались целы и невредимы.

— По-прежнему идет дождь, — почти шептала она в микрофон. — В списке тех, кто погиб, когда падающее здание Роуз-Корт обрушило часть верхних этажей Синклер-тауэрс, уже семь человек, четверо детей, трое китайцев, один англичанин, другие ещё не найдены... — Слезы теперь одна за одной катились у неё из глаз. Голос прервался, и у тех, кто смотрел на неё, тоже перехватило дыхание.

Вначале телезвезда чуть волосы на себе не рвала от одной мысли, что её квартиры больше нет, что нет всей одежды, бриллиантов и новой норки. Но потом

вспомнила, что все стоящие украшения, которые подарил её бывший ухажер, банкир Кван, отданы ювелиру для замены оправ, а норку перешивает портной.

«Что касается одежды, это ерунда. Четырехпалый с удовольствием накупит другой взамен.

Четырехпалый! Ох-ох, пусть этот старый козел выберется, пусть его спасут, как Улыбчивого Цзина! — исступленно молила она. — И-и-и, надо же случиться такому чуду! Если оно произошло с одним, то почему не может быть с другим? И конечно же, ни одному зданию не завалить старую А Пу. Эта точно выживет! Конечно выживет! Вот и Банкара Квана спасли! Разве я не рыдала от счастья, когда выяснилось, что он спасен? О, какой удачный, какой удачный день! Да, и этот Прибыльный Чой такой сообразительный, симпатичный, интересный парень. Будь у него деньги, настоящие деньги, он был бы для меня в самый раз. Хватит уже старых пердунов с их восковыми ян для восхитительной инь, самой восхитительной...»

Продюсер не выдержал. Он подскочил к микрофону и быстро проговорил:

— Мы продолжим наш рассказ, как только мисс Вене... Она тут же вернулась из грёз.

— Нет-нет, — произнесла она с бравадой, — мы не должны разочаровывать наших слушателей! — Театральным жестом она вытерла слезы и продолжила читать, импровизируя на ходу: — Там, на склоне, славные бойцы из корпуса гуркхов и ирландские гвардейцы, рискуя жизнью, предпринимают героические усилия по спасению наших братьев и сестер...

— Боже мой, какое мужество! — пробормотал какой-то англичанин. — Она заслуживает медали, как вы считаете, старина? — Он повернулся к соседу и с сожалением обнаружил, что тот китаец. — Ох, извините.

Пол Чой почти не слышал этих слов. Все его внимание было сосредоточено на носилках, которые спасатели тащили из развалин, спотыкаясь и скользя под светом установленных несколько минут тому назад прожекторов. Он только что вернулся из медпункта, развернутого под временным навесом на развилке Коутуолл-роуд, где такие же, как он, обезумевшие от горя родственники пытались опознать близких среди мертвых или раненых или сообщить имена пропавших, которые, вероятно, ещё находятся под завалами.

Пол весь вечер мотался с места на место в поисках Четырехпалого. Полчаса назад один из пожарных пробрался через груды обломков туда, где рухнул пятый этаж. Там из-под развалин извлекли Ричарда и Майлин Кван, потом Джейсона Пламма, у которого не было половины головы, затем остальных, уже полумертвых.

Пол Чой подсчитал носилки. Четверо. На трех тела закрыты одеялами, двое тел очень маленькие. Он содрогнулся при мысли о быстротечности жизни и снова задался вопросом, что будет завтра на фондовой бирже. Отменят торги по случаю траура? Боже, если биржа будет закрыта весь понедельник, к открытию во вторник акции «Струанз» точно пойдут по тридцать — должны пойти! Его даже замутило, закружилась голова.

В пятницу перед самым закрытием он пять раз вкладывал всё до пенни из денег, что нехотя одолжил ему Четырехпалый, покупая с маржей. Пять раз по два миллиона гонконгских долларов. Он покупал акции «Струанз», «Блэкс», «Виктории» и «Хо-Пак» в надежде, что за выходные Тайбань сумеет обратить поражение в победу, что слухи про обращение к Китаю верны, что «Блэкс» или «Виктория» осуществляют какую-то операцию.

Со времени встречи с Горнтом в Абердине, когда он поделился предположением, что «Блэкс» или «Виктория» постараются спасти «Хо-Пак», и заметил блеск в глубине хитрых глаз, Пол задавался вопросом: не угадал ли он, часом, намерения «больших парней»?

«О, это точно „большие парни“. Из-за нехватки денег они держат Гонконг за

горло. Боже, и ведь какое у них выгодное положение!»

Когда на скачках Ричард Кван предложил ему купить акции «Хо-Пак» и почти сразу же после этого Хэвегилл объявил о приобретении «Викторией» контрольного пакета, Пол побежал в мужской туалет, и его вырвало. На десять миллионов куплено акций «Хо-Пак», «Блэкс», «Виктории» и «Струанз» на самой нижней отметке рынка. А сегодня вечером, когда в девятичасовых новостях объявили, что Китай предоставляет полмиллиарда наличными и банковской панике конец, Пол понял, что стал мультимиллионером, мультимультимиллионером.

Опять не совладав с желудком, молодой человек рванулся в кусты у дороги, и его стало выворачивать так, что он подумал: «Сейчас умру».

Стоявший рядом англичанин повернулся к нему спиной и спокойно проговорил, обращаясь к приятелю:

— Эти ребята, китайцы, не очень-то умеют сохранять присутствие духа, верно, старина?

Пол Чой вытер рот. Чувствовал он себя ужасно. Мысль о том, что астрономические суммы стали почти реальностью, не укладывалась в голове.

Мимо несли носилки. Он молча последовал за ними в медпункт. Там, в глубине, под временным навесом, доктор Мэн делал срочную операцию. Пол Чой наблюдал, как доктор Тули откидывает одеяла. Женщина-европейка. Открытые вытаращенные глаза. Доктор Тули со вздохом закрыл их. Следующим был мальчик-англичанин лет десяти. Тоже мертвый. Потом ребенок-китаец. На последних носилках стонал от боли истекающий кровью мужчина-китаец. Доктор быстро сделал ему укол морфия.

Пол Чой отвернулся, ему снова стало плохо. Когда он возвратился, доктор Тули мягко сказал:

— Вам нечего здесь делать, мистер Чой. Вот, возьмите, от этого ваш желудок успокоится. — Он дал ему две таблетки аспирина и немного воды. — Может, подождете в одной из машин? Мы сообщим вам сразу, как только что-то узнаем о вашем дяде.

— Да, спасибо.

Прибыло ещё несколько носилок. Подъехала машина «скорой помощи». Санитары погрузили в неё раненого, прикрепив к носилкам историю болезни, и машина отъехала под морозящим дождем. Выйдя на улицу, где не бил в нос запах крови и смерти, молодой человек почувствовал себя лучше.

— Привет, Пол, как дела?

— О, привет, тайбань. Прекрасно, спасибо. — Он встретил Данросса раньше и рассказал ему про Четырехпалого. Данросс был потрясен и очень озабочен.

— Пока ничего, Пол?

— Нет, сэр. Данросс помолчал.

— Возможно, отсутствие новостей — хорошая новость. Удалось ведь выжить Улыбчивому Цзину. Будем надеяться на лучшее, а?

— Да, сэр.

Пол Чой смотрел, как Данросс торопливо идет вверх по дороге к завалу, и пытался осмыслить новое положение вещей. «Теперь, когда Тайбань, считай, приобрел контрольный пакет „Дженерал сторз“ — фантастическая сделка, здорово он это придумал, ох как здорово — и выбирается из западни Горнта, его акции должны подняться до тридцати. А бумаги „Хо-Пак“, замороженные на отметке двенадцать долларов пятьдесят центов, должны вернуться на отметку двадцать, когда снова появятся на табло. Теперь, прикинем, семнадцать с половиной процентов от десяти миллионов умножить на пятьдесят будет...»

— Мистер Чой! Мистер Чой!

Из медпункта махал рукой доктор Тули. Сердце замерло. Пол бросился туда со всех ног.

— Я не уверен, но прошу следовать за мной.

Доктор не ошибся. Это был Четырехпалый У. Мертвый, но вроде бы без увечий. На лице, отмеченном печатью удивительного спокойствия, застыла странная ангельская улыбка.

По щекам Пола Чоя покатались слезы. Он встал на колени рядом с носилками, охваченный горем. Доктор Тули тактично оставил его одного и поспешил к другим носилкам: возле них уже кто-то заходился в крике, ещё одна обезумевшая мать прижимала к себе изуродованное тело своего ребенка.

Пол Чой не отрываясь смотрел на это лицо, такое доброе после смерти, и почти не видел его.

«И что теперь? — спрашивал он себя, утирая слезы. Ощущения, что он потерял отца, не было, из жизни ушел глава клана, а это потеря поважнее. — Господи, что же теперь? Я не старший сын и не должен что-то предпринимать. Но в любом случае, что теперь делать?»

Его отвлекли чьи-то рыдания. Какой-то старик плакал над пожилой женщиной, лежащей на носилках рядом. «Сколько здесь смерти, слишком много, — думал Пол Чой. — Да. Но пусть мертвые хоронят своих мертвецов, живые должны жить дальше. Я больше не привязан к нему. И я — американец».

Он поднял одеяло, якобы для того, чтобы прикрыть лицо Четырехпалого У, ловко сорвал с шеи кожаный ремешок с половинкой монеты и положил в карман. Убедившись, что за ним никто не следит, прошелся по карманам старика. Пухлый бумажник, связка ключей, личная карманная печатка. И кольцо с бриллиантом в маленькой коробочке.

Встав с колен, Пол подошел к доктору Тули.

— Извините, док. Не могли бы вы... нельзя ли оставить старика здесь, прошу вас. Я сейчас вернусь с машиной. Мы, семья... Это возможно?

— Конечно. Прежде чем увезете тело, известите полицию: они собирают данные о пропавших без вести вон там, где перегорожена улица. Свидетельство о смерти я подпишу завтра. Извините, нет вре... — Добряка снова отвлекли, и он подошел к доктору Мэну. — Так, давайте помогу. Как в Корее, верно?

Пол Чой стал спускаться по склону, не обращая внимания на моросящий дождь. На сердце легко, желудок успокоился, за будущее можно не бояться. «Половинка монеты теперь моя». Он был уверен, что Четырехпалый больше никому не говорил о ней, верный обыкновению держать все в секрете и доверять немногим.

«Теперь, когда в моем распоряжении его личная печатка, я мог бы делать что вздумается, но я на такое не пойду. Это жульничество. Зачем мне жульничать, если я и так на голову выше? Я умнее любого из остальных его сыновей. Они это знают, я это знаю, это не выдумки. Я действительно лучше их. Будет только справедливо, если я оставлю себе половинку монеты и прибыль с двух миллионов. Я налажу дела семьи, все модернизирую, снаряжу суда, сделаю все, чего они захотят. Но с прибыли я положу начало собственной империи. Так вот. Но сначала я поеду на Гавайи...»

В голове длинной цепочки машин, выстроившихся у первого оползня, Данросс остановился у своего «роллс-ройса» и открыл заднюю дверь. Вырванная из задумчивости Кейси побледнела.

— Линк?

— Нет, пока ничего. Квиллан уже сомневается, правильно ли определил место. Сейчас этот участок прочесывают гуркхи. Я иду назад, чтобы сменить Квиллана. — Данросс старался говорить уверенно. — Специалисты утверждают, что шансы на спасение очень высоки. Беспокоиться не стоит. Вы хорошо себя чувствуете?

— Да. Да, спасибо.

Вернувшись после поисков первый раз, Данросс послал Лима за кофе,

бутербродами и бутылкой бренди, понимая, что ночь будет долгая. Он хотел, чтобы Кейси уехала вместе с Рико, но американка отказалась. Поэтому Рико вернулась к себе в гостиницу на другой машине с Лимом.

— Хотите бренди, Иэн?

— Да, спасибо. — Данросс смотрел, как она наливает бренди, с одобрением отметив, что пальцы у неё не дрожат. Вкус у бренди был замечательный. — Отнесу бутерброд Квиллану. Может, ливанем в кофе хорошую порцию бренди, а? Я возьму его с собой.

— Конечно. — Она была рада хоть чем-то заняться. — Ещё кого-нибудь спасли?

— Дональда Мак-Брайда, с ним все в порядке, только потрясение. Его и жену.

— О, хорошо. Нашли чьи-нибудь... чьи-нибудь тела?

— Нет, насколько мне известно. — Он решил не говорить о Пламме и своем старом приятеле Сазерби, председателе совета директоров «Блэкс».

Тут подбежали Адрион с Мартином Хэпли, и Адрион бросилась к Данроссу на шею, всхлипывая от облегчения.

— О, отец, мы только что узнали, я была просто в ужасе.

— Ну-ну, — приговаривал он, поглаживая её. — Со мной все в порядке. Боже милостивый, Адрион, никакому, черт побери, оползню не добраться до тайбаня Благородного До...

— О, не говори так, — умоляла она, содрогаясь от суеверного страха. — Никогда не говори так! Это же Китай, боги слышат, не говори так!

— Хорошо, любовь моя! — Прижав её к себе, Данросс улыбнулся Мартину Хэпли, который тоже покрылся испариной от облегчения. — Все в порядке?

— О да, сэр, мы были в Коулуне, и я собирал материал о тамошнем оползне, когда мы услышали новости. — Молодому человеку явно стало легче. — Черт возьми, так приятно видеть вас, тайбань. Мы... боюсь, мы слегка расколотили машину, пока добирались сюда.

— Ничего. — Данросс отстранил от себя Адрион. — Все хорошо, моя кошечка?

Она снова обняла его.

— О да. — Потом заметила Кейси. — О... О, привет, Кейси, я была... э-э... так...

— О, не надо глупостей. Залезайте в машину, не стойте на дожде. Оба. Адрион повиновалась. Мартин Хэпли помолчал, а потом обратился к Данроссу:

— Если вы не возражаете, сэр, я сначала посмотрю вокруг.

— Кристиан выбрался, — быстро проговорил Данросс. — Он зво...

— Да, сэр. Я звонил в офис. Спасибо. Я скоро, милая, — сказал он Адрион и направился к завалу на улице.

Данросс смотрел ему вслед: молодой, крепкий, уверенный в себе. Потом на глаза попался Горнт, поспешно спускавшийся с холма. Горнт остановился, не доходя до машины, и взволнованно поманил Данросса.

Тот глянул на Кейси, и сердце беспокойно забилося. Оттуда, где она сидела, Горнта было не видно.

— Я вернусь, как только получится.

— Будьте осторожны!

Данросс подошел к Горнту. Тот был весь в грязи, одежда порвана, борода спуталась, лицо напряженное.

— Мы определили, где Бартлетт.

— Он мертв?

— Нет. Мы его нашли, но к нему не подобраться. — Горнт кивнул на термос. — Там чай?

— Кофе с бренди.

Горнт взял термос и с наслаждением отпил.

— Кейси ещё в машине?

— Да. Он глубоко?

— Насколько глубоко, неизвестно. Но глубоко. Может, лучше не говорить ей ничего? Пока.

Данросс промолчал.

— Лучше не надо, — повторил Горнт. — Похоже, все непросто.

— Хорошо. — Данросс уже устал от смертей и страданий. — Хорошо. От дождя ночь стала ещё грязнее, а развалины ещё опаснее. Впереди, рядом с зоной оползня, Коутуолл-роуд шла почти прямо ещё ярдов семьдесят, круто поднимаясь, а потом заворачивала вверх и в сторону вокруг холма. Из зданий уже высыпали толпы жильцов — началась эвакуация.

— Насчет Типтопа и денег все точно? — спросил Горнт, осторожно светя себе под ноги фонариком.

— Точно. С паникой в банках покончено.

— Хорошо. Что тебе пришлось предложить взамен? Данросс в ответ лишь пожал плечами.

— Мы открываемся на отметке тридцать.

— Это мы ещё посмотрим, — сказал Горнт и язвительно добавил: — Я в безопасности даже при тридцати.

— Ой ли?

— Я теряю около двух миллионов американских долларов. Эту сумму авансировал Бартлетт.

Данросса бросило в жар. «Хороший будет урок Бартлетту, пусть впредь не пытается ограбить меня», — подумал он.

— Я знал об этом. Неплохая была идея. Но при тридцати ты опускаешься примерно на четыре миллиона американских долларов, Квиллан, на два его и на два своих. Но со мной можно договориться. Цена — «Ол Эйша эруэйз».

— Никогда. — Горнт остановился и повернулся к нему лицом. — Никогда. Моя авиакомпания не продается.

— Как угодно. Предложение о сделке в силе до открытия рынка.

— Чума на твои сделки.

Они побрели дальше по верхней части склона, уже приближаясь к зоне вестибюля. Мимо пронесли носилки. Ни тот, ни другой не знали эту раненую женщину. «Вот если бы на носилках лежал Данросс, — мрачно подумал Горнт, — я решил бы свои проблемы в лучшем виде...»

87

01:20

Фонарик сержанта-гуркха был направлен вниз. Вокруг толпились другие солдаты, тот самый молодой лейтенант, туда же спешили пожарные с одним из своих начальников.

— Где он? — спросил начальник пожарной охраны Гарри Хукс.

— Там, где-то там, внизу. Его зовут Бартлетт. Линк Бартлетт. — Хукс видел, что луч фонарика падает вниз на несколько футов, а потом упирается в лабиринт. Он лег на землю. У поверхности газом пахло сильнее. — Эй, внизу, мистер Бартлетт! Слышите меня? — прокричал он в развалины. Все напряженно прислушивались.

— Да, — донеслось еле слышно.

— Вы ранены?

— Нет!

— Видите наш свет?

— Нет!

Хукс выругался, а затем прокричал:

— Оставайтесь пока там, где вы есть!
— Хорошо, но очень сильно пахнет газом! Он поднялся.
— Здесь был некий мистер Горнт, он пошёл за дополнительной помощью, — сообщил офицер.

— Хорошо. Всем рассыпаться и посмотреть, нельзя ли найти проход к нему вниз или подобраться поближе.

Все бросились выполнять приказ. Через некоторое время один из гуркхов крикнул:

— Здесь!

Он нашел крошечный лаз между угрожающе расколотыми бетонными плитами, расщепленными деревянными балками, балочными перекрытиями и широченными двутавровыми профилями. Туда едва пролезал один человек. Подумав, Хукс снял с себя тяжелое снаряжение.

— Нет, — вмешался офицер. — Лучше мы попробуем. — Он взглянул на своих солдат: — Так?

Ухмыльнувшись, все тут же двинулись к отверстию.

— Нет, — остановил их офицер. — Пойдешь ты, Сангри: ты самый маленький.

— Спасибо, сэр. — Маленький солдат улыбнулся во весь рот, и на смуглом лице блеснули белые зубы. Все смотрели, как он лезет под землю, извиваясь угрем.

На глубине двадцати с лишним футов, вытягивая шею, оглядывался во мраке Бартлетт. Он лежал в маленьком лазе, путь ему преграждала большая плита, которая когда-то была полом, сильно пахло газом. Впереди, чуть в стороне, мелькнул свет, и он быстро осмотрелся. Слышно было лишь, как капает вода и поскрипывают развалины. С огромной осторожностью Бартлетт повернулся туда, где заметил свет. Он отодвинул в сторону какие-то доски, и начался небольшой обвал, но вскоре прекратился. Наверху было ещё одно маленькое пространство. Извиваясь, он протиснулся в это пространство и скоро уперся в тупик. Ещё один путь и снова тупик. В сломанном полу наверху Бартлетт нащупал разошедшиеся доски. Лежа на спине, кашляя и задыхаясь от пыли, он попытался их выломать. Неожиданно его ослепил свет. Слабый свет, очень слабый, но когда глаза привыкли, его оказалось достаточно, чтобы видеть на несколько ярдов. Настроение упало, когда он оценил размеры своей гробницы. Он был зажат со всех сторон.

— Эй, наверху! Донеслось еле различимое:

— Мы слышим ва-а-ас!

— Я вышел на свет!

— На какой свет? — послышалось через минуту.

— Откуда, черт возьми, я знаю? — проговорил Бартлетт. «Не паникуй, подумай и подожди», — почти услышал он слова Спэрджэна. Замер и стал ждать. Свет немного сдвинулся. — Вот этот! — крикнул он.

Свет тут же прекратил движение.

— Мы определили, где вы! Оставайтесь на месте!

Бартлетт огляделся, обшарив все вокруг очень тщательно. Результат оказался тот же: выхода нет. Никакого.

— Они должны откопать меня, — пробормотал он. Страх все больше завладевал им...

Сангри, молодой гуркх, спустился под землю на десять футов, но значительно правее Бартлетта. Двигаться дальше он не мог. Путь был завален. Он перевернулся, чтобы осмотреться, уперся в неровную бетонную плиту и легонько толкнул её. Часть обломков в этом месте тут же стала смещаться. Он замер и снова опустил плиту. Двигаться было некуда, поэтому, сжав зубы и молясь, чтобы все не рухнуло на него и на того, кто внизу, он отодвинул плиту в сторону. Обломки не двинулись. Тяжело

дыша, он просунул в образовавшийся просвет фонарик, потом голову и огляделся.

Снова тупик. Двигаться дальше было невозможно. Он нехотя подтянулся обратно.

— Сержант, — крикнул он на непальском, — дальше идти не могу.

— Ты уверен?

— О да, сэр, вполне уверен!

— Возвращайся!

Прежде чем уйти, он крикнул в темноту:

— Эй там, внизу!

— Слышу! — отозвался Бартлетт.

— Мы не так далеко от вас! Мы вас вытащим, сэр! Не волнуйтесь!

— О'кей!

С большим трудом Сангри стал выбираться обратно, мучительно повторяя свой путь вниз. На него просыпалась небольшая лавина осколков. Он угрюмо полез дальше.

Через груды развалин перебрались Данросс с Горнтом. Они присоединились к группе солдат, которые, встав в цепочку, вытаскивали, где только можно, обломки и балки.

— Добрый вечер, тайбань, мистер Горнт. Мы определили, где он, но ближе не подобраться. Он вон в том направлении. — Хукс указал на солдата, который светил фонариком в одно и то же место.

— Далеко до него?

— Судя по голосу, футов двадцать.

— Боже мой!

— Да, действительно, боже мой. Бедолага попал, нечего сказать. Посмотрите хоть на вот это! — Путь вниз преграждали тяжелые стальные двутавровые балки широкого профиля. — Мы боимся использовать резак, слишком много газа.

— Но ведь должен быть другой путь? Сбоку? — спросил Данросс.

— Ищем. Все, что мы можем сделать, это созвать больше людей и убрать все, что удастся, в сторону.

Хукс обернулся на радостный крик. Все вместе они поспешили к взволнованным солдатам. Под сброшенным ими нагромождением обломков полового покрытия открылся неровный проход, который вроде бы вел вниз, но куда — не видно. Один из солдат, невысокий ростом, прыгнул в яму и исчез. Другие смотрели и подбадривали его криками. Футов шесть пробираться было нетрудно, следующие десять — очень непросто: приходилось поворачивать туда-сюда, а потом ход кончился.

— Эй, там, внизу, сэр, вам виден свет моего фонарика?

— Да! — Голос Бартлетта звучал громче. Почти не надо было кричать.

— Я сейчас буду поворачивать луч света, сэр. Если он приблизится к вам, пожалуйста, подскажите, куда поворачивать — влево или вправо, вверх или вниз, сэр.

— О'кей.

Сквозь массу обычных и несущих балок, стропил и обломков Бартлетт мог разглядеть наверху слева крошечный участок света. Прямо над ним нависало непреодолимое нагромождение из половых плит и толстых балок. Один раз он потерял лучик света из виду, но вскоре снова заметил его.

— Чуть правее, — крикнул он уже хриплым голосом. Свет послушно переместился. — Ниже! Стоп! Сейчас немного вверх. — Казалось, прошла вечность, прежде чем свет остановился на нем. — Вот так!

Солдат, стараясь не двигать фонариком, сделал для него подставку из обломков и убрал руку.

— Так, сэр? — крикнул он.

- Да-а-а! В самую точку!
- Я возвращаюсь за помощью.
- Хорошо.

Солдат полез обратно. Через десять минут он вернулся с Хуксом. Начальник пожарной службы прикинул, куда идет балка, и скрупулезно обследовал направление препятствий впереди.

— Нечистая сила, это и за год не разберешь, — пробормотал он. Потом, уняв страх, вынул компас и тщательно измерил угол.

— Не волнуйся, приятель, — крикнул он вниз. — Мы вытащим тебя — как нечего делать. Можешь подобраться ближе к свету?

- Нет. Думаю, что нет.
- Тогда оставайся там, где ты есть, и отдыхай. Ты не ранен?
- Нет-нет, но чувствую запах газа.
- Не беспокойся, парнишка, мы рядом.

Хукс выбрался из прохода. Оказавшись на поверхности, он измерил линию на компасе, а потом шагами отложил расстояние на неровной поверхности.

— Он вот здесь, под этим местом, тайбань, мистер Горнт. Футы в пяти отсюда, на глубине около двадцати футов.

От вершины их отделяло около двух третей всей длины склона, место, где они стояли, располагалось ближе к Синклер-роуд, чем к Коутуолл. С боков было не подобраться, грязи и земли, принесенных оползнем, справа скопилось больше, чем слева.

— Остается лишь копать, — решительно заявил Хукс. — Кран сюда не завести, так что придется попотеть. Попробуем сначала здесь. — Он указал на участок, который внушал некоторые надежды, в десяти футах от себя, рядом с обнаруженным солдатами отверстием.

— А почему там?

— Так будет безопаснее, тайбань, если мы расшевелим всю эту беду. Давайте, друзья, помогайте. Но смотрите, осторожно!

И они начали раскапывать и уносить все, что можно было унести. Работа им выпала очень тяжелая. Везде было мокро и скользко, груда развалин раскачивалась. Балки, стропила, куски пола, доски, бетон, штукатурка, кастрюли, радиоприёмники, телевизоры, бюро, одежда — все смешалось в одной невообразимой, неряшливой куче. Наткнулись на очередное тело, и работу пришлось остановить.

— Медика сюда! — крикнул Хукс.

— Она жива?

— Если можно так выразиться. — Когда-то белая блузка и чёрные штаны старухи были изорваны и заляпаны грязью, длинные волосы заплетены в косичку, похожую на крысиный хвост. Это была А Пу.

— Чья-то ганьсунь, — сказал Данросс.

Горнт, не веря своим глазам, уставился туда, где её нашли: крошечная дыра посреди невероятной, массивной глыбы расколотого железобетона с заостренными краями.

— Как только людям удастся выжить, черт возьми?

Лицо Хукса расплылось в ухмылке, показались неровные зубы, коричневые от табака.

— Джосс, мистер Горнт. Пока тело может дышать, надежда всегда остается. Джосс. — Потом он рявкнул тем, кто стоял ниже по склону: — Пришли сюда носилки, Чарли! Быстро!

Носилки появились незамедлительно. Старуху унесли. Работа продолжилась. Яма увеличивалась. Через час, когда они углубились на четыре-пять футов, их остановили тонны стальных балок.

— Нужно копать в обход, — решил Хукс.

Они терпеливо взялись копать снова, но через несколько футов снова уперлись в препятствие.

— Давайте в обход вон туда.

— А может, пропилим все это?

— Так-то так, тайбань, но одна искра — и мы все ангелы, черт возьми. Давайте, парни. Здесь. Давайте попробуем здесь.

Солдаты бросились выполнять приказ...

88

04:10

Теперь Бартлетт слышал их очень хорошо. По мере того как наверху убрали куски дерева, балки и обломки, на него то и дело обрушивалась пыль и грязь, а потом и раскисшие куски земли. Насколько он мог судить, спасатели работали в десяти ярдах от него и в пяти-шести футах над ним. С пробивавшимся к нему светом ждать было легче. Для него самого все пути к спасению были отрезаны. Чуть раньше он вознамерился было вернуться опять под тот кусок пола, а потом ещё ниже, чтобы попробовать поискать выход и обезопасить себя.

— Лучше подождите, мистер Бартлетт! — крикнул ему Хукс. — Мы знаем, где вы должны быть!

И он остался. Весь промокший под дождем, он лежал на каких-то досках, не без некоторого комфорта, и тяжелые балки служили ему надежной защитой. Что-то видеть он мог на расстоянии нескольких футов. Наверху громоздилось друг на друге ещё больше искореженных кусков пола. Места хватало лишь, чтобы лежать или сидеть, соблюдая осторожность. Газом пахло сильно, но голова ещё не болела, и он чувствовал себя в относительной безопасности. Таким воздухом можно было дышать ещё сколько угодно. Он устал, очень устал. Но, несмотря на это, заставлял себя бодрствовать. Бартлетт понимал, что спасателям потребуется вся оставшаяся ночь, а может, даже часть дня, чтобы проделать для него проход. Но это его вовсе не беспокоило. Они здесь. И контакт установлен. А час назад он услышал рядом голос Данросса.

— Линк? Линк, это Иэн!

— Какого черта вы здесь делаете? — радостно отозвался он.

— Вас ищут. Не волнуйтесь, мы уже не так далеко.

— Ну да. Послушайте, Иэн, — начал он, весь дрожа от волнения, — Орланда, Орланда Рамуш, вы её знаете? Я ждал...

— Да. Да, я видел её сразу после того, как оползень обрушился на здание. С ней все хорошо. Она ждет там, на Коутуолл. С ней все хорошо. А как дела у вас?

— Нормально, черт возьми. — Теперь, когда он узнал, что Орланда в безопасности, у него даже голова закружилась.

А когда Данросс рассказал о своем чудесном спасении и том, что Кейси видела всю катастрофу собственными глазами, он ужаснулся при мысли, как близки к несчастью были все остальные.

— Боже! Ещё какая-то пара минут — и вас всех бы завалило.

— Джосс!

Они ещё немного поболтали, а потом Данросс ушел, чтобы спасатели могли работать дальше.

Когда теперь Бартлетт подумал об Орланде, по телу опять пробежала дрожь, и он снова поблагодарил Бога за то, что она в безопасности и Кейси тоже. «Орланда точно не выдержала бы под завалом, — думал он. — Кейси, может быть, но не Орланда. Никак. Но это нельзя поставить ей в вину».

Он устроился поудобнее. Одежда промокла насквозь, и по коже бежали мурашки. Крики приближавшихся к нему спасателей и шум, который они производили, успокаивали. Чтобы убить время, он снова погрузился в размышления о двух женщинах.

«Я никогда не знал такого тела, как у Орланды, не знал такой женщины. Кажется, что мы знакомы уже много лет, а не пару дней. Это точно. Она волнующая, непознанная, женственная, таящая в себе упоительную опасность самка.

В Кейси этого нет. Она может стать великолепной женой, верным партнером, но в ней нет такой женственности, женственности львицы, манящей и внушающей страх одновременно.

Конечно, Орланда любит красивую одежду, дорогие подарки и, если верить молве, тратит деньги направо и налево. А кто нет? Моя бывшая жена тоже это любит, и дети. Неужели мне нельзя немного развлечься? И защитить её от всех блицманнов этого мира?

Хорошо. И все же мне никак не понять, что есть такого в ней — или в Гонконге, — что так завораживает. Это лучшее место, где я когда-либо бывал, здесь я дома больше, чем в Штатах.

„Может, это оттого, Линк, что ты был здесь в прежней жизни?“ — сказала мне как-то Орланда.

А я спросил: „Ты веришь в перерождение?“

„О да“, — ответила она».

Продолжая размышлять и не замечая, что газ уже немного воздействует на него, он думал, как бы это было чудесно.

«Прожить больше одной жизни — это было бы удачей из удач, и...»

— Линк!

— Эй! Привет, Иэн, что там? — Бартлетт обрадовался ещё больше. Голос Данросса звучал совсем близко. Очень близко.

— Ничего. Мы лишь собираемся сделать небольшой перерыв. Очень тяжело все продвигается. Снова пришлось идти в обход, но мы теперь всего в нескольких ярдах. Я и подумал, пойду-ка поговорю. Насколько я понимаю, мы где-то в пяти футах над вами, идем с западной стороны. Нас ещё не видно?

— Нет. Надо мной кусок пола, весь разрушенный, и балки, но у меня все нормально. Я выдержу без труда. Эй, знаете, что я вам скажу?

— Что?

— Сегодня вы в первый раз называли меня Линк.

— Вот как? Я и не заметил.

«Как бы не так», — ухмыльнулся про себя Бартлетт.

— Что в... — Оба вдруг похолодели: гряда обломков заскрежетала, выгибаясь то тут, то там. Через минуту шум прекратился, но не полностью. Бартлетт облегченно вздохнул. — Что вы собираетесь делать завтра?

— Насчет чего?

— Насчет фондового рынка. Как вы собираетесь одолеть Горнта?

С растущим восторгом он выслушал рассказ о деньгах Банка Китая, приеме у Пламма и вызове, который Данросс бросил Горнту, опираясь на свой новый возобновляемый кредит в пятьдесят миллионов.

— Фантастика! Кто оказал вам поддержку, Иэн?

— Дед Мороз! Бартлетт рассмеялся.

— Значит, у Мэртага получилось, а? — Услышав в ответ молчание, он снова улыбнулся.

— Это Кейси вам сказала?

— Нет, сам дошел. Я говорил вам, Кейси — умница каких поискать. Значит, вы близки к цели. Поздравляю, — ухмыльнулся он, действительно радуясь, что так

получилось. — Я думал, вы у меня в руках, Иэн. — Бартлетт засмеялся. — Вы на самом деле считаете, что при открытии ваши акции будут на отметке тридцать?

— Надеюсь.

— Если вы надеетесь, значит, у вас с вашими приятелями все уже схвачено. Но Горнт тоже не лыком шит. Его вам ужучить не удастся.

— О нет, удастся.

— Нет, не удастся! Ну, а как наша сделка?

— «Пар-Кон»? Остается в силе, конечно. Я считал, мы обо всем договорились? — В его голосе Бартлетт услышал бесстрастную невинность.

— Квиллан, должно быть, вне себя.

— Это точно! Он здесь, наверху. Также помогает.

— С какой это стати? — удивился Бартлетт. Последовала пауза.

— Квиллан — первоклассный болван, но... Не знаю. Может, вы ему нравитесь?

— Шли бы вы... тоже! — Бартлетт был в таком же хорошем настроении. — Как вы собираетесь поступить с Квилланом?

— Я сделал ему предложение. — И Данросс рассказал о нем.

— Значит, мои два миллиона ухнули? — крикнул Бартлетт.

— Конечно. Эти два миллиона — да. Но доля в приобретении контрольного пакета «Дженерал сторз» даст вам пять, а может, и больше, а сделка «Струанз-Пар-Кон» — значительно больше.

— Вы действительно считаете, что пять?

— Да. Вам пять и Кейси пять.

— Отлично! Мне всегда хотелось, чтобы она получила свои «отвальные». — «Интересно, что теперь предпримет Кейси?» — думал Бартлетт. — Она всегда хотела стать независимой и теперь эту независимость получила. Отлично! Что? — спросил он, не расслышав слов Данросса.

— Я говорю, не хотели бы вы перекинуться с ней парой слов? Это не так-то просто, но вполне безопасно.

— Нет, — твердо заявил Бартлетт. — Лишь передайте привет, я лучше побеседую с ней, когда выберусь.

— Кейси сказала, что не уедет, пока вы не выберетесь. — Последовала небольшая пауза. — Орланда говорит то же самое. А с ней как? Передать ей привет или что?

— Нет, спасибо. Потом времени будет достаточно. Скажите обеим, чтобы ехали домой.

— Они не хотят. Боюсь, вы пользуетесь успехом.

Засмеявшись, Бартлетт сел и стукнулся головой. От пронзившей всю спину боли он даже крикнул. Потом стал двигаться осмотрительнее, почти касаясь головой верха.

Данросс сидел, скорчившись, неподалеку в маленьком пространстве в конце извилистого прохода; теснота была невыносимой, от страха перед замкнутым пространством подташнивало, и он весь истекал холодным потом. Бартлетта не было видно, но Данросс обратил внимание, как сильно и уверенно звучит голос американца. Хукс попросил занять Бартлетта разговором, пока спасатели отдыхают, на случай, если газ уже воздействует на него. «Никогда не знаешь, тайбань, когда газ подкрадется к тебе. Нужно, чтобы ваш приятель был начеку. Теперь уже очень скоро нам потребуется его помощь».

Тайбань беспокойно заерзал, оглядываясь вокруг. Он чувствовал опасность. Кто-то лез вниз, и обломки сыпались лавиной. Это был Хукс. Он остановился за несколько футов.

— Ладно, тайбань. Выходите, мы пошлем сюда одного из наших ребят.

— Сейчас. Линк! Будьте начеку. Мы снова начинаем.

— О'кей, не беспокойтесь. Послушайте, Иэн, не будете ли вы у меня шафером?
— Конечно, — тут же согласился Данросс, а в голове вертелось: «На ком это он собрался жениться?» — Почту за честь.

— Спасибо, — донесся голос Бартлетта.

Любопытство мучило Данрасса, однако он понимал, что не спросит никогда. Он был уверен, что Бартлетт сам скажет. Но тот произнес лишь:

— Спасибо. Да, большое спасибо.

Данросс удивленно улыбнулся. «Линк — хороший ученик. Приятно будет иметь его партнером — и голосующим членом Скакового клуба. И Кейси тоже...»

— Скоро мы вас вытащим!

Когда он уже вылезал, до него донеслось:

— Вот было бы здорово, если бы они смогли стать друзьями. Хотя надеяться на такое, наверное, уже слишком?

Данросс не был уверен, что эти слова предназначены ему.

— Что? — крикнул он.

— Ничего, — отозвался Бартлетт. — Послушайте, Иэн, нам много чего нужно сделать на этой неделе! Эй, я рад, что вы одержали победу над Горнтом! — «Да, — радостно признал он про себя, — здорово будет вести с тобой игру, не спускать с тебя глаз, когда мы будем строить наш Благородный Дом».

Примерно в восьми ярдах от него и в нескольких футах над ним Данросс неловко повернулся и полез вверх.

В шестнадцати футах у него над головой возле значительно расширившейся ямы ждал Горнт и все остальные. Восток уже окрашивался светом зари там, где в разрывах туч проглядывало чистое небо. По всему склону усталые люди копали, вели поиски, окликали погребенных под развалинами и прислушивались. Хукс устало выбрался из углубляющейся ямы.

И тут откуда-то сверху, от Пошань-роуд, донесся ужасный грохот. Все вскинули головы. Вверху слева часть склона пришла в движение. Шум усилился. На них, набирая скорость, неслась поднявшаяся из-за изгиба склона у Коутуолл-роуд стена воды и грязи. Люди бросились врассыпную, а вал жидкой грязи, перевалив то место, где был вестибюль, разлился по склону и по развалинам, затопляя все вокруг, устремляясь дальше вперед и вниз.

Заметив его приближение, Горнт повис на толстой двутавровой балке, остальные тоже изо всех сил пытались на что-нибудь забраться. Грязная вонючая жижа залила то место, где они стояли, и прошла мимо. Горнт очутился в ней по колено, но крепко держался за балку, чтобы его не засосало. Волна покатилась дальше, оставляя везде слой жидкой грязи в несколько дюймов толщиной, и все, кто барахтался в ней, пытаясь выбраться, в том числе и Хукс, на какой-то момент забыли обо всем на свете.

Все, кроме Горнта.

Оттуда, где он находился, было видно яму. Он видел, как из грязи появились голова и руки Данрасса. Тот пытался за что-нибудь ухватиться.

В яму натекало все больше грязи, которая просачивалась в пустоты и заливала их. Руки Данрасса соскользнули, его опять засосало вниз, но он снова выкарабкался и кое-как уцепился за край.

Горнт наблюдал, не двигаясь. Грязь текла и текла. Уровень её в яме поднялся.

Данросс чувствовал, что падает, его засасывало со страшной силой. Давясь жижей, но не разжимая рук, он с трудом нащупал пальцами ноги расщелину и стал взбираться вверх. Каким-то чудом ему удалось вырваться из тянущей вниз трясины, и теперь он уже был в безопасности, прижавшись к боковой поверхности ямы и наполовину выбравшись из грязи. Грудь тяжело вздымалась, сердце бешено колотилось, его рвало. Ещё не отойдя от потрясения, с подгибающимися коленями,

он стер грязь со рта и глаз и тупо огляделся вокруг. И тут, в десяти футах над собой, он увидел Горнта, который смотрел на него, удобно устроившись на выступе...

При виде кривой, язвительной улыбки, которая выдавала невероятную ненависть и огромное разочарование, он на какое-то мгновение задумался. И понял, что на месте Горнта тоже смотрел бы и ждал.

«Смотрел бы и ждал?»

Да, я точно так же смотрел бы и ждал и никогда, никогда не протянул бы руки. Кому угодно, но только не Горнту. И тогда, по прошествии стольких лет, проклятие Дирка Струана утратило бы силу и больше не тревожило нас, и те, что придут после меня, уже никогда не испытывали бы этих мучений».

Но роковой миг миновал. В голове прояснилось. Он вспомнил про Бартлетта и в ужасе бросил взгляд вниз. На месте лаза теперь была лишь лужица грязи.

— О боже! Помогите! — крикнул он.

Поднялась суматоха, Хукс, пожарные и солдаты бросились к яме — вычерпывать грязь лопатами и руками.

Подтянувшись, Данросс выбрался из раскопа. Пошатываясь, он встал у края. Он испытывал страдание. Горнт уже куда-то исчез. Через некоторое время все попытки были прекращены. Лужица грязи осталась.

ВТОРНИК

89

17:39

Данросс стоял у широкого окна своего пентхауса на самом верху Струан-билдинг и смотрел на гавань. Закат был удивительно красив, видимость прекрасная, и небо чистое. Лишь несколько красноватых облаков виднелось на западе, над материковым Китаем, а на востоке уже подступала темнота. Внизу в гавани было, как всегда, по-будничному оживленно, в лучах заходящего солнца сверкал Коулун.

Постучав, дверь отворила Клаудиа. Вошла Кейси. Лицо застывшее, золотистые волосы красивые, как закат. Горе сделало её какой-то неземной.

— Привет, Кейси.

— Привет, Иэн.

Говорить что-то ещё не было нужды.

Чтобы вытащить тело Бартлетта, вчера пришлось работать допоздна. Кейси по-прежнему ждала его на склоне. Потом вернулась в отель. А сегодня утром позвонила, и вот она здесь.

— Хотите выпить? Чай? Кофе? Есть вино. Я сделал мартини.

— Мартини. Спасибо, Иэн. — Голос звучал невыразительно, был полон боли, и это разрывало ему сердце. — Да, лучше мартини.

Она присела на диван.

Он налил мартини и положил оливку.

— Все может подождать, Кейси, — с сочувствием сказал он. — Торопиться некуда.

— Да-да, я знаю. Но мы договорились. Спасибо. — Она приняла охлажденный бокал и подняла его. — Джосс.

— Джосс.

Кейси отпила холодного как лед напитка, делая все как-то взвешенно, почти отстраненно, потом открыла кейс и положила на стол толстый коричневый конверт.

— Здесь все бумаги Джона Чэня о «Струанз» и все, что он предлагал или о чем

говорил. Это все экземпляры, что имеются у меня здесь. Те, что в Штатах, я уничтожу на shreddере³⁶⁸. — Кейси помолчала. — К настоящему моменту вы, конечно, уже произвели изменения, но, вот, все это здесь.

— Спасибо. Линк что-нибудь передавал Горнту?

— Нет, не думаю. — Она снова замолчала. — Но полагаю, на всякий случай стоит предположить, что частичная утечка информации была.

— Да.

— Далее, наша сделка по «Пар-Кон». — Переданная ею пачка документов была довольно увесистой. — Все шесть экземпляров подписаны, и на них проставлена печать компании. У меня есть право подписи как у исполнителя. — Она помолчала. — У нас была договоренность, у нас с Линком. Я завещала ему право голосования всеми своими акциями в течение десяти лет, и он сделал то же самое в отношении меня. Так что, я — глава «Пар-Кон».

Глаза Данросса слегка расширились.

— На десять лет?

— Да. — Она произносила слова, но не испытывала никаких эмоций, ей хотелось только плакать и умереть. «Можно будет позволить себе слабость потом. Сейчас я должна быть сильной и мудрой». — На десять лет. У Линка... У Линка был контрольный пакет. Я пришлю вам официальное подтверждение, когда оно будет оформлено.

Данросс кивнул. Он принес из лакового бюро такой же набор документов.

— Это то же самое. Я поставил на всех официальные печатки. Это, — он положил на кипу ещё один конверт, — это наше тайное соглашение, по которому в качестве гарантии «Пар-Кон» предоставляется титул на мои суда.

— Спасибо. Но с вашим возобновляемым кредитом в этом уже нет необходимости.

— Тем не менее это часть нашей договоренности. — Глядя на Кейси, Данросс восхищался её мужеством.

Когда там, на холме, все началось сызнава, никаких слез не было, она лишь безучастно кивнула и сказала: «Я буду ждать. Я буду ждать, пока... Я буду ждать». Орланда тут же разрыдалась. Данросс отослал её в отель, а позже отправил к ней доктора.

— Это часть сделки.

— Хорошо. Спасибо. Но в этом нет необходимости.

— Далее: вот протокол о намерениях по нашей сделке с «Дженерал сторз». Официальные документы я пришлю в течение десяти дней. Мне нужно бу...

— Но ведь Линк так и не предоставил те два миллиона.

— О нет, предоставил. Телеграммой, в субботу вечером. Мой швейцарский банк вчера подтвердил перевод, и деньги были должным образом переданы совету директоров «Дженерал сторз». Они приняли их, так что сделку можно считать совершенной.

— Даже несмотря на то, что Паг мертв?

— Да. Его вдова согласилась с рекомендацией совета директоров. Кстати, это очень хорошая сделка. Её условия гораздо лучше, чем предложение «Суперфудз».

— Мне этого не нужно, ничего этого.

— Когда я был там внизу, в яме, и разговаривал с Линком, он был счастлив узнать, что сделка с «Дженерал сторз» на мази. Вот что он сказал, дословно: «Отлично! Пять миллионов? Мне всегда хотелось, чтобы она получила свои „отвальные“. Она всегда хотела стать независимой, и теперь она эту независимость

³⁶⁸ Шреддер — офисное приспособление для резки бумаги.

получила. Отлично!»

— Но какой ценой... — проговорила она, и горе снова переполнило её. — Линк всегда предупреждал меня, что цена «отвальных» может оказаться гораздо выше, чем ты готов заплатить. Так оно и оказалось. Они мне не нужны.

— Деньги есть деньги. Вы сейчас мыслите не совсем ясно. Он был волен отдать их, и он отдал их вам. По своей воле.

— Их дали мне вы.

— Вы неправы, это сделал он. Я лишь помог вам, как вы помогли мне. — Он отпил из бокала. — Мне нужно выяснить, на какой счет перевести его прибыль. Если вы помните, там ни о каких правах на голосование не говорится. Кому он доверил распоряжаться его имуществом?

— Банку. Первому центральному. А душеприказчики — я и представитель банка. — Она помолчала. — Думаю, наследницей является его мать. Она единственная, кто поименован в его завещании. Линк... Линк не скрывал этого от меня. Его бывшая жена и дети хорошо обеспечены, а потому исключены из завещания. Мне отказан лишь контрольный пакет при голосовании, а остальное... остальное предназначается его маме.

— Тогда она будет очень богатой.

— Ей это не поможет. — Кейси изо всех сил старалась не расплакаться. — Я говорила с ней вчера вечером, и она разрыдалась, бедняжка. Ей... ей за шестьдесят, очень приятная женщина, Линк у неё единственный. — Несмотря на всю решимость, в голос закралась слеза. — Она... она попросила меня привезти его тело. В соответствии с завещанием он будет кремирован.

— Слушайте, Кейси, — быстро проговорил Данросс, — может, мне позабо...

— Нет. О нет, спасибо, Иэн. Все уже сделано. Я все сделала. Я хотела сделать это. Самолёт прошел таможню, и все документы оформлены.

— Когда вы улетаєте?

— Сегодня в десять вечера. Изумленный Данросс даже охнул.

— Я приеду проводить вас.

— Нет, спасибо. Машины будет достаточно, но не нуж...

— Я настаиваю.

— Нет. Пожалуйста. — Она умоляюще посмотрела на него.

Помолчав, он спросил:

— Какие у вас планы?

— Особенно никаких. Я собираюсь... Я собираюсь проследить, чтобы были исполнены все пожелания, высказанные в документах, его завещании, и привести в порядок его дела. Затем реорганизирую «Пар-Кон» — попробую реорганизовать компанию, как сделал бы он, а потом, потом не знаю. На все это у меня уйдет тридцать дней. Может, я вернусь через тридцать дней и начну работать, может, пришло Форрестера или кого-нибудь ещё. Не знаю. Я дам вам знать через тридцать дней. К тому времени все уже будет сделано. Мои телефоны у вас есть. Пожалуйста, звоните в любое время, если что-то пойдет не так. — Она стала было подниматься, но Данросс остановил её.

— Прежде чем вы уйдете, я должен кое-что вам сказать. Я не сделал этого вчера вечером, потому что момент был не тот. Может, и сейчас не тот, не уверен, но когда я уже уходил от Линка, он спросил, согласен ли я быть у него шафером. — Кейси побелела, но он продолжал: — Я сказал, что почту за честь.

— Он сказал это про меня? Он хотел жениться на мне? — недоверчиво спросила она.

— Мы говорили о вас. Разве из этого не ясно?

— Он не упоминал про Орланду?

— В тот раз нет. Нет. Раньше он переживал за неё, потому что был в её

квартире и не знал, что с ней. — Данросс пристально следил за Кейси. — Когда я сообщил, что она в безопасности, он, естественно, был очень рад это слышать. А когда я сказал, что вы чуть не попали в завал, у него едва инфаркт не случился. Потом, уже уходя, я услышал, как он негромко произнес: «Наверное, надеяться на то, что они станут друзьями, это уже слишком». Я не был уверен, что эти слова предназначались для моих ушей: пока мы его откапывали, он много говорил сам с собой. — Он допил мартини. — Я уверен, что он имел в виду вас, Кейси.

Она покачала головой.

— Спасибо за старания, Иэн. Могу поспорить, речь шла об Орланде.

— Думаю, вы ошибаетесь. Снова молчание.

— Может быть. Друзьями? — Она посмотрела на него. — Вы станете друзьями с Квилланом?

— Нет. Никогда. Но это не одно и то же. Орландо — человек неплохой. Правда.

— Наверное. — Кейси смотрела на свой бокал, пила из него, но никакого вкуса не ощущала. — А что Квиллан? Что было сегодня? Боюсь, я ничего не слышала. Что вы предприняли в отношении него? Я видела, что ваша цена при закрытии была тридцать долларов один цент, но я... я на самом деле мало что ещё заметила.

Данросс вдруг ощутил волнение. Из-за катастрофы на Коутуолл губернатор распорядился не открывать торги на фондовой бирже весь понедельник. В знак траура были закрыты и банки. К десяти часам сегодня утром наличные из Банка Китая имелись в каждом филиале каждого банка по всей колонии. Банковская паника кончилась. К трем часам многие клиенты выстраивались в очереди, чтобы снова сделать вклады наличными.

Перед самым открытием рынка утром позвонил Горнт. «Я согласен». — «Не хочешь поторговаться?» — «Я не хочу от тебя никакого снисхождения, как и ты не ждешь его от меня. Документы отправлены». И телефон умолк.

— Так что же Квиллан? — снова спросила она.

— Мы заключили сделку. Цена наших акций в начале торгов составляла двадцать восемь долларов, но я разрешил ему выкупить их по восемнадцать.

Она удивленно уставилась на Данросса. И бессознательно сделала быстрый подсчет.

— Он в пролете почти на два миллиона. Но это два миллиона Линка. Значит, Квиллан уже не на крючке!

— Я сказал Линку, что соглашение с Горнтом будет стоить ему два миллиона, и он посмеялся. Я отметил, что эта потеря будет восполнена прибылью от сделок с «Дженерал сторз» и «Струанз», которая составит двадцать миллионов или даже больше. — Данросс не сводил с Кейси глаз, проверяя её. — Думаю, только справедливо, что два миллиона стали расплатой.

— Вы же не хотите сказать, что позволили Горнту сорваться с крючка за здорово живешь?

— Нет. Я вернул свою авиалинию. Контрольный пакет «Ол Эйша эруэйз».

— Ага. — Кейси поежилась, вспомнив рассказ о той рождественской ночи, когда Горнт с отцом неожиданно явились в Большой Дом. Её переполняла грусть. — Можно попросить вас об одной услуге?

— Конечно. При условии, что она не для Квиллана.

Она хотела, чтобы Данросс позволил Горнту стать распорядителем и получить ложу. Но не стала об этом просить. Зачем? Пустая трата времени.

— Что я могу для вас сделать?

— Ничего. Теперь ничего. Я пойду, Иэн.

Устало, очень устало она поднялась. Колени дрожали. Всю её переполняла чудовищная боль. Кейси протянула руку. Данросс взял её и поцеловал так же грациозно, как в ту ночь в Долгой галерее, когда она, помнится, испугалась, увидев

нож, всаженный в сердце человека на портрете. Тут же волной нахлынуло страдание, ей захотелось выплеснуть в крике всю ненависть к Гонконгу и людям Гонконга, которые, так или иначе, стали причиной гибели её Линка. Но она молчала.

Позже, уже держась из последних сил, она приказала себе: «Не смей срываться! Крепись. Будь сдержанной. Теперь у тебя нет иного выхода. Линк ушел навсегда».

— До скорой встречи, Кейси.

— Пока, Иэн, — попрощалась она и вышла.

Он долго смотрел на закрывшуюся дверь, потом вздохнул и нажал кнопку интеркома.

Через секунду появилась Клаудиа.

— Добрый вечер, тайбань, — с огромной теплотой произнесла она. — Тут несколько звонков, с которыми нужно разобраться. Самый важный: мастер Дункан хочет занять тысячу гонконгских долларов.

— За каким дьяволом?

— Похоже, хочет купить кольцо с бриллиантом для «дамы». Я пыталась выведать, как её зовут, но он не говорит.

«О боже, та самая шейла. — Данросс мгновенно припомнил слова сына о его „девушке“. — Шейла Скрэггер, медсестра из Англии, была вместе с Дунканом на австралийском ранчо под названием Палдун».

— Ну, за тысячу он ничего путного не купит. Скажите, чтобы обратился ко мне. Нет, подождите! — Он подумал. — Дайте ему тысячу из денег на мелкие расходы. Под три процента в месяц против письменной гарантии, что вы сможете вычитать их из его карманных денег — по сто долларов ежемесячно. Если он согласится, это послужит ему хорошим уроком. Если нет, я дам ему эту тысячу, но только к следующей Пасхе.

Кивнув, она печально добавила:

— Бедная мисс Кейси. В душе она умирает.

— Да.

— Вот список звонивших, тайбань. Мастер Линбар из Сиднея просил перезвонить, когда будет свободная минутка. Он считает, что ему удалось договориться с «Вулара».

Данросс широко открыл глаза.

— Черт меня возьми!

— Звонил мистер Аластэр с поздравлениями, и ваш отец, и большая часть членов семьи. Пожалуйста, позвоните мастеру Трасслеру в Йоханнесбург, это насчет тория. — Она хмыкнула. — Звонила миссис Грессерхофф, чтобы попрощаться.

— Когда она улетает? — якобы рассеянно спросил Данросс, хотя прекрасно знал время рейса.

— Завтра утром, рейсом «Джапан эрлайнз». Как ужасно все получилось с Травкиным, верно? Ох как жаль его.

— Да. — Травкин умер ночью. Данросс несколько раз был у него в госпитале Матильды, но с тех пор, как в субботу случилось несчастье, тренер так и не пришел в сознание. — Удалось найти кого-нибудь из ближайших родственников?

— Нет. У него не было ни подружки, ни кого-то ещё. Организацией похорон занимался мастер Жак.

— Хорошо. Да. Это то небольшое, что мы можем сделать для Алексея.

— Вы собираетесь принять участие в скачках в субботу?

— Не знаю. — Данросс помолчал. — Напомните мне поговорить с распорядителями о том, чтобы разыграть в пятом заезде приз памяти Травкина. Это будет чем-то вроде благодарности ему.

— Да. Ох, это замечательно. Мне он на самом деле очень нравился, да, это замечательно.

Данросс бросил взгляд на часы.

— Мой следующий посетитель уже внизу?

— Да.

— Хорошо, — сказал тайбань, и лицо его замкнулось. Он спустился на следующий этаж, в свой офис.

— Добрый день, мистер Чой, чем могу быть полезен? — Он уже послал соболезнования в связи со смертью Четырехпалого У.

Когда дверь закрылась, Пол Чой, сам того не замечая, потер ладони.

— Я насчет этапа номер один, сэр. Извините, пришлось перенести его со вчерашнего дня на сегодня, но... э-э... восковые отпечатки — они подошли к одной из двух оставшихся у вас половинок?

— Сначала я хотел бы спросить, у кого теперь, когда Четырехпалый отправился к предкам, другая половинка?

— У семьи У, сэр.

— У кого в семье У? — резко и нарочито грубо спросил Данросс. — Монету получил конкретный человек, который передает её другому конкретному человеку. У кого?

— У меня, сэр. — Пол Чой безбоязненно смотрел тайбаню в глаза, хотя сердце колотилось, как никогда раньше, сильнее даже, чем тогда, на джонке. Казалось, прошла целая жизнь с той ночи, когда на него навалилось полумертвое обезображенное тело юнца Вервольфа, и руки были в крови, и он слышал крик отца, приказывавшего сбросить этого человека за борт.

— Вам придется доказать, что Четырехпалый передал её вам.

— Извините, тайбань, но ничего доказывать я не должен, — уверенно заявил Пол Чой. — Я лишь должен представить монету и попросить об услуге. Втайне. Все делается втайне, таков уговор. Если монета настоящая, то на карту будет поставлена ваша честь, и репутация Благородного Дома, и ре...

— Я знаю, что поставлено на карту. — В голосе Данросса зазвенел металл. — А вы знаете?

— Простите, сэр?

— Это Китай. В Китае случается много чего любопытного. Вы считаете, меня можно одурачить какой-то древней легендой?

Молодой человек покачал головой, горло у него сжалось.

— Нет. Я так не считаю, тайбань. Но если я представлю монету, вы окажете услугу.

— В чем она должна заключаться, эта услуга?

— Сначала я хотел бы узнать... Уверены ли вы, что это и есть одна из четырех? Я уверен.

— И сейчас уверены?

— Да, сэр.

— А вы знаете, что половинка монеты украдена у Филлипа Чэня? Пол Чой уставился на него, широко раскрыв глаза, но быстро пришел в себя.

— Эта половинка монеты была у Четырехпалого У. Я не знаю ни о какой краже. Она была у моего отца, это все, что я знаю. Она принадлежала моему отцу.

— Вы должны вернуть её Филлипу Чэню.

— Вы когда-нибудь видели её у него, именно эту половинку монеты, сэр?

Данросс уже говорил о монете с Филлипом Чэнем. «Можно ли как-нибудь доказать, что она твоя, Филлип?» «Нет, тайбань, это никак не доказать», — ответил старик, ломая руки.

Данросс не сводил с молодого человека пронизывающего взгляда.

— Она принадлежит Филлипу Чэню. Пол Чой беспокойно заерзал.

— Всего монет было четыре, тайбань. Должно быть, половинка мистера Чэня —

одна из остальных. Эта же принадлежит... принадлежала моему отцу. Вы же помните, что он говорил в Абердине?

Данросс молча смотрел на молодого человека, пытаясь вывести его из равновесия и ведя игру, как это делается на Западе. Пол Чой дрогнул, но глаз в сторону не отвел. «Интересно, — подумал Данросс. — Стоек, паршивец ты мелкий, и хорош. Ну так и что, послал ли тебя Златозубый У, старший сын, или ты стащил монету и действуешь сам по себе?» Он не стал прерывать повисшее молчание, используя его, чтобы пошатнуть уверенность оппонента, а самому в это время пересмотреть свою позицию.

Когда Пол Чой позвонил ему вчера и попросил о встрече, он сразу понял, о чем пойдет речь.

«Но как быть с этим? Не успел умереть Четырехпалый, а у меня уже появился новый враг, сильный, прекрасно обученный, и мужества ему, похоже, не занимать. Но и у него должны быть слабые места, как у любого другого. Как у тебя самого. Одно из них — Горнт. Другим может стать Рико. Ах, Рико! Что в ней так волнует тебя?

Забудь про это! Думай, как вернуть половинку монеты, чтобы не оказывать никаких услуг!»

— Я полагаю, ваша половинка у вас с собой. Давайте съездим к пробирщику прямо сейчас. — Он встал, чтобы проверить Пола Чоя.

— Нет, сэр, извините, но нет. — Пол Чой чувствовал, что сердце вот-вот разорвется, шнурок вокруг шеи вдруг стал удавкой, а половинка монеты прожигала плоть. — Извините, но я не считаю, что это хорошая мысль.

— А я думаю, что это очень хорошая мысль, — бесцеремонно продолжал Данросс, давя на него. — Давайте поедem и возьмем её с собой. Пойдемте!

— Нет. Нет, спасибо, тайбань. — Сказано это было одновременно вежливо и твердо, что Данросс сразу отметил. — Пожалуйста, не могли бы мы это сделать на следующей неделе? Скажем, в пятницу? Торопиться некуда.

— В пятницу меня не будет в Гонконге.

— Да, сэр. Вы будете в Японии. Мы не могли бы сделать это там? В любое время, когда вам будет удобно. Сходить к пробирщику?

— Похоже, вы много чего знаете, мистер Чой, — прищурился Данросс.

— Здесь не составляет труда выяснить все, что угодно, сэр. Япония больше устроит нас обоих. Меньше шансов что-то сделать не так, и в Японии мы будем на равных.

— Вы хотите сказать, что здесь мы не на равных?

— Нет, я не хочу этого сказать, тайбань. Но, как вы справедливо заметили, здесь Китай, а в Китае происходит всякое. У Четырехпалого и его людей тоже хорошие связи. Половинку монеты передают лишь раз — один на один, — так нам и нужно поступить. По моему разумению.

Пол Чой обливался потом, благодаря Бога за то, что «услуга» должна предоставляться втайне. С того времени, как Седьмой Сын привез тело Четырехпалого, он боролся за влияние в семье. В конце концов он добился именно того, что хотел, весьма особого положения — говоря языком мафии, положения консьере, главного советника Златозубого У, старшего сына, который стал номинальным главой Рожденных в Море У. «Мы и есть мафиози, — думал Пол Чой, и внутри опять поднимался страх. — Китайские мафиози. Разве на мне нет крови? Я был на борту, и там был опиум. Что известно Златозубому из того, чего не знаю я?»

— Ты можешь безоговорочно доверять мне, Златозубый, — сказал он брату, борясь за свое будущее.

— Боюсь, что выбора у меня нет. Я попал в воды, которых нет на картах. Мне потребуется любая помощь, какую я только смогу получить. Твои знания очень пригодятся, — произнес Златозубый на своем британском английском, четко

выговаривая слова и не растягивая их, когда они достигли финальной стадии переговоров.

— Я считаю, мы сможем работать вместе.

— Будем откровенны, Брат. У нас обоих университетское образование, а у остальных его нет. Мы нужны друг другу, и клан Рожденных в Море У необходимо модернизировать. Я этого сделать не смогу. Мне нужна серьезная помощь: я потерял много лет, управляя отцовскими Лодками для Удовольствий, и теперь не очень-то гожусь для того, чтобы командовать. Сколько раз я просил отца, но... Ну, ты его знаешь. Боже милостивый, я должен был спрашивать у него разрешения даже на то, чтобы изменить часовую ставку девицы. Этими своими четырьмя пальцами он держал каждое судно, каждую операцию на всех судах.

— Да, но теперь, если его капитаны поддержат перемены, через год у тебя будет лучшая китайская компания во всей Азии.

— Это как раз то, что мне надо. Именно это.

— А как насчет опиума?

— Рожденные в Море У всегда возили этот груз.

— А винтовки?

— Какие винтовки?

— Я слышал, что Четырехпалый собирался заняться переправкой оружия.

— О винтовках я ничего не знаю.

— Давай бросим эту аферу с опиумом и героином. Давай держаться подальше от наркотиков. Правда ли то, что он собирался объединиться с Контрабандистом Юанем и Белым Порошком Ли?

— Это лишь слухи. Я подумаю над твоими предложениями. Но вот что я тебе скажу: теперь я капитан всех флотов и глава Рожденных в Море У. Окончательное решение за мной. Мы будем с тобой советоваться. Ты будешь консильере со всем, что за этим стоит, но если я принимаю решение, оно окончательное. К примеру, я слышал об одном удачном ходе, на фондовом рынке, который ты провел без его разрешения. Сделано все было блестяще, да, но больше такого не должно быть. Ты будешь советоваться со мной, я должен знать об всем заранее.

— Согласен. Но с сегодняшнего дня у меня свой бизнес. У Горнта я больше не работаю. Далее, любые тайные сделки, которые я начал с Четырехпалым, будут продолжены мной.

— А что это за сделки?

— В пятницу он выделил мне два миллиона для игры на рынке. Моя доля прибыли по этой сделке составляла семнадцать с половиной процентов. Я хочу забрать всю прибыль.

— Пятьдесят процентов.

— Девяносто. На сегодняшний день в Гонконге меня не держит ничто. Если я продам имеющиеся у меня акции — кстати, что это за акции, знаю только я, — мое состояние, даже при пятидесяти процентах, составит три миллиона американских долларов.

Они поторговались и сошлись на семидесяти процентах с тем условием, что тридцать процентов Златозубого переводятся на именной счет в один из швейцарских банков.

— Я понимаю, что рынок будет идти вверх ещё дня два, а потом я займусь другими делами. Это мое решение, о'кей?

— Да. Имя Прибыльный больше подходит тебе, чем Пол, Младший Брат. Мне хотелось бы и дальше называть тебя так. Что ещё у тебя было с Четырехпалым?

— Было ещё одно последнее дело. Он заставил меня поклясться, что я сохраню его в тайне, навсегда. И заставил поклясться на крови. Я должен почтить его пожелание.

Златозубому пришлось согласиться, и теперь, ожидая ответа Тайбаня насчет Японии, молодой человек был исполнен уверенности. «Я богат. Если нужно, к моим услугам вся власть Златозубого, и у меня американский паспорт, и я лечу на Гавайи. В Японии есть шанс перехитрить Данросса — нет, не перехитрить, он слишком умен для этого, но, может быть, там я найду надежного эксперта, который вынесет беспристрастное суждение, доказав раз и навсегда, что моя половинка монеты настоящая».

— Вас устроит вариант с Японией, тайбань? — повторил он.

— Я слышал, вы сорвали куш на рынке?

Молодой человек расплылся в улыбке, не подозревая, что за этим последует.

— Да, сэр. Приподнялся примерно на пять с половиной миллионов американских долларов.

Данросс присвистнул.

— Неплохо для двухнедельной работы, Прибыльный Чой. При налоге пятнадцать процентов, — невинно добавил он.

Юноша вздрогнул, поняв, что оказался в ловушке.

— Черт, я же американский гражданин, значит, должен соблюдать налоговое законодательство Штатов. — Он помолчал. — У меня есть парочка соображений, которые... Скажем так, тайбань, мы могли бы заключить сделку, которая устроила бы нас обоих.

Данросс заметил, что Пол Чой приуныл и насторожился.

— Мой старик доверял вам, — начал юноша. — Вы с ним были Старые Друзья. Может, я мог бы унаследовать этот статус — и оказаться однажды достойным его?

— Верните монету без каких-либо условий, и вы получите от меня самые разные услуги.

— Сначала то, что в первую очередь, тайбань. Сначала нужно выяснить, настоящая ли моя монета. В Японии, о'кей?

— Нет. Или здесь, или нигде! — отрезал Данросс, решив рискнуть.

Глаза Пола Чоя превратились в узкие щелочки. Он вдруг тоже принял решение, сунул руку за пазуху, вынул половинку монеты и положил на стол.

— От имени Жэнь-гуа я прошу тайбаня Благородного Дома об услуге. Данросс молча уставился на монету.

— Так?

— Первое: я хочу статус Старого Друга, какой был у Четырехпалого, со всем, что за этим стоит. Второе: я хочу стать одним из директоров «Струанз» на четыре года с таким же жалованьем, как и у всех остальных. Для приличия я куплю на бирже пакет ваших акций, чтобы всего у меня стало сто тысяч. — Он почувствовал, как с подбородка скатилась капля пота. — Далее: я хочу организовать вместе со «Струанз» совместное предприятие, пятьдесят на пятьдесят, фармацевтическую фабрику с капиталом шесть миллионов американских долларов, и готов внести половину в течение тридцати дней.

— С какой целью? — изумился Данросс.

— По всей Азии очень велик спрос на фармацевтические изделия. С вашим опытом в производственной деятельности и с моим в маркетинге можно сделать кучу денег. Согласны?

— Это все? Вся услуга?

— Ещё три момента.

— Всего три? — Данросс смотрел так, словно хотел испепелить.

— Три. Первое: в будущем году я собираюсь открыть ещё одну фондовую биржу. Я...

— Что-что вы собираетесь сделать? — озадаченно уставился на него Данросс.

Ухмыльнувшись, Прибыльный Чой вытер с лица пот.

— Да-да. Фондовую биржу для китайцев, которой будут управлять китайцы. Данросс вдруг рассмеялся.

— Ну, Прибыльный Чой, вы не робкого десятка. О да. Между прочим, неплохая идея. И что в связи с этой новой биржей?

— Лишь ваша благожелательная помощь как Старого Друга в начале её деятельности, чтобы «большие парни» не чинили мне препон.

— За пятьдесят процентов.

— На весьма выгодных условиях между нами. Весьма выгодных, гарантирую. Далее, — продолжал молодой человек, не теряя надежды, — я хочу, чтобы вы познакомили меня с Ландо Матой и сказали ему, что поддерживаете мою кандидатуру как представителя группы отца в тендере на игорную и золотую монополию. Идет?

— Вы сказали три момента. Что последнее?

— Статус распорядителя в Скаковом клубе через три года. К этому времени я гарантирую, что внесу миллион американских долларов на любые благотворительные цели, какие скажете, поддержу все стоящие проекты и, клянусь богом, приложу все силы, чтобы вам не о чем было беспокоиться. — Молодой человек смахнул капли пота. — Я закончил.

Данросс помолчал.

— Если половинка настоящая, я соглашусь на все, кроме того, что касается Ландо Маты.

— Не пойдет. Это часть всей сделки.

— Не согласен.

— Я не прошу ничего незаконного, ничего из того, что вы не можете еде...

— Ландо Мата исключается!

Молодой человек вздохнул. Он поднял половинку со стола и посмотрел на неё.

— Если это исключается, то тогда снимается все предложение и вместо него я выставлю просьбу Четырехпалого У. Монета по-прежнему та же, — объявил он, приготовившись разыграть свой последний козырь.

— И что?

— А то, что тогда вы будете иметь дело с наркотиками, оружием и всем тем, чего терпеть не можете, но вам придется пойти на это. Извините, тайбань, но я стремлюсь быть всем обязанным лишь самому себе. — Он бросил половинку на стол. — Выбирайте.

Данросс вдруг заволновался. Услуга сформулирована по-умному. Ничего незаконного, ничего из ряда вон выходящего. Пол Чой сыграл против него очень хорошо. Слишком хорошо. «Чего можно ожидать от Четырехпалого, я знал. Но вот этот, это дьявольское отродье? Я не могу пойти на связь с наркобизнесом, и он это понимает».

Чтобы дать себе время подумать, Данросс сунул руку в карман, нащупал маленький шелковый мешочек и положил на стол свою половинку монеты. Придвинул её к другой половинке. Они соединились безупречно.

Не отдавая себе отчета, оба глубоко вздохнули, глядя на соединенные половинки монеты, которые свяжут их накрепко. Данросс понимал, что идти к пробирщику — только время терять. Он подержал обе половинки в руке. «Как же быть с этим самоуверенным молодым шельмецом? — спрашивал он себя. — А-а, вот прекрасная мысль! Эту проблему мы перепоручим Филлипу Чэню!»

— Хорошо, Прибыльный Чой, — проговорил он, занося наследника Четырехпалого в свой тайный список «неблагонадежных лиц». — Я соглашусь предоставить вам эту услугу — если ваша половинка настоящая, — но Ландо я буду просить, приказать ему я не могу. Хорошо?

— Спасибо, тайбань, вы не пожалеете. — Прибыльный Чой весь взмок от

облегчения. Он вынул список с фамилиями. — Вот все эксперты-оценщики Гонконга. Не хотите ли выбрать кого-нибудь? Я... э-э... я проверял, все они работают до семи часов.

Данросс еле заметно усмехнулся.

— Вы очень уверены в себе, Прибыльный Чой.

— Просто стараюсь продумывать игру наперёд, сэр.

Выйдя из Струан-билдинг, Кейси направилась к ожидающему её «роллс-ройсу». Лим тут же открыл для неё дверцу. Она опустилась на мягкое сиденье, ничего не чувствуя, ничего не понимая, кроме того, что горе переполняет её и в любой момент она может разрыдаться. Она даже не заметила, как Лим выехал на оживленную улицу и повел машину к автомобильному парому.

Слезы подступили очень близко. «Скорей бы уже уехать отсюда. Все упаковано и отправлено на самолёт. Из гостиницы я уже выписалась, счета оплачены, но времени до отлета осталось слишком много».

Она даже подумала, не остановить ли машину и не пойти ли пешком. Нет, так будет ещё хуже: ни уединения, ни защиты, а ей из рук вон плохо. «И все же нужно где-то выйти, побыть наедине с собой. Мне это просто необходимо. О, господи, Линк, бедный Линк».

— Лим, — подчиняясь какому-то порыву, окликнула она. — Езжайте на Пик.

— Мисси?

— Просто заедем на вершину Пика, на обзорную площадку. Пожалуйста? — попросила она, стараясь, чтобы голос звучал обыденно. — Я... я там не была. Хочу посмотреть, прежде чем уеду. Пожалуйста.

— Да, мисси.

Кейси откинулась назад и закрыла глаза, из которых тихо полились слезы.

90

18:45

День клонился к закату.

В Ло-У, центральной деревушке на границе между колонией и Китаем, по мосту, как обычно, в обоих направлениях двигались толпы китайцев. Длина этого моста через крошечную грязную речушку составляла не более пятидесяти ярдов, но кое для кого эти пятьдесят ярдов были все равно что миллион миль. На мосту располагались пограничные посты, паспортный контроль и таможня на обоих концах, стояли двое гонконгских полицейских и два солдата КНР у небольшого переносного ограждения посередине, и по нему были проложены две железнодорожные колеи.

В прежние времена поезда ходили из Кантона в Гонконг и обратно без остановки, но теперь пассажирские перевозки приостановили и с той и с другой стороны, и пассажиры пересекали границу пешком. А поезда, на которых они приехали, убывали туда, откуда прибыли. Грузовые же поезда из Китая пропускали без проблем. Почти всегда.

Каждый день сотни местных жителей переходили границу, как переходят улицу. Их поля или место работы располагались и по эту, и по ту сторону границы, и так велось из поколения в поколение. Приграничные жители, народ самоуверенный и подозрительный, терпеть не могли перемен, не выносили вмешательства в свои дела, а также людей в форме, особенно полицейских и любых чужаков. Чужаками они, как и большинство китайцев, считали всех, кто жил за пределами их деревни. Границы для них не существовало, не могло существовать.

Это были главные «болевые точки» Китая — мост в Ло-У и два других пограничных перехода. Один из этих двух других располагался в Маукамто,

опять-таки на шатком мосту через ту же порубежную речушку, по нему везли скот и овощи. Последний переход, на восточной оконечности границы, размещался у рыбацкой деревушки Доукок. Граница здесь не была обозначена, но, по взаимному соглашению, пролегла через середину единственной улочки в этой деревне.

Лишь через эти переходы Китай поддерживал связь с Западом. Все здесь тщательно проверялось и досматривалось — и с той и с другой стороны. О ситуации на границе можно было судить по тому, как вели себя пограничники.

Сегодня пограничники на стороне КНР нервничали. Волнение передалось и гонконгской стороне, здесь не знали, чего ожидать: то ли неожиданного закрытия границы, то ли внезапного вторжения, как в прошлом году. Благополучие колонии в немалой степени зависело от благосклонности Китая.

— И это факт нашей жизни, — пробормотал главный инспектор Смит.

Змею направили сюда сегодня со специальным заданием, и он беспокойно расхаживал возле полицейского участка, благоразумно отнесенного на сотню метров от реальной границы, чтобы не вызывать раздражения или волнений. «Господи, — думал он, — какие волнения? Пустят ли ветры в Лондоне, и к нам повалят миллионы беженцев — если власть имущие по ту сторону границы решат, что оскорблено достоинство Китая».

— Давайте уже, ради бога, — проворчал он.

Рубашка цвета хаки прилипла к спине, а глаза были устремлены на дорогу, ведущую в Гонконг. Усеянная лужами, она вилась, пропадая вдаль. Там, вдалеке, и показалась полицейская машина. Вдохнув с облегчением, Смит двинулся навстречу. Из машины вышел Армстронг. Потом Брайан Квок. Смит отдал честь Армстронгу стеком, чтобы скрыть изумление. Брайан Квок был одет в гражданское платье. Глаза его словно остекленели — странный, отсутствующий, неподвижный взгляд.

— Привет, Роберт, — сказал Смит.

— Привет, — отозвался Армстронг. — Извини, что задержались.

— Всего на пару минут. Вообще-то, мне сказали, к заходу солнца. — Смит, прищурясь, посмотрел на запад. Солнце ещё не село. Он снова обратил внимание на Брайана Квока. Ему было трудно скрывать свое презрение.

Высокий красивый китаец вынул пачку сигарет. Пальцы дрожали, когда он предложил её Смицу.

— Нет, спасибо, — холодно отказался тот. Армстронг сигарету взял. — Я думал, ты бросил.

— Бросил. А теперь снова закурил.

— Боюсь, это из-за меня, — нервно усмехнулся Брайан Квок. — Роберт старался избавить... избавить меня от Кросса и его ангелочков.

Никто не засмеялся.

— Кто-нибудь ещё будет? Кто-то приедет? — спросил Смит.

— Не думаю. Официально — нет. — Армстронг огляделся. Рядом, раскрыв рот, останавливались, как обычно, зеваки, но, похоже, они оказались здесь случайно. — Хотя они здесь. Где-то. — Оба почувствовали, как шевелятся волосы на загривке. — Можешь начинать.

Смит вынул официальный документ.

— У Чутуй, иначе Брайан Каршунь Квок, вам предъявляется официальное обвинение в шпионаже против правительства Её Величества в пользу иностранной державы. В силу Установления о депортации из Гонконга вам официально предлагается покинуть Королевскую Колонию. Вы официально предупреждены, что, вернувшись сюда, вы будете действовать на свой страх и риск и подлежать задержанию и тюремному заключению по соизволению Её Величества. — С угрюмым выражением лица Смит передал ему бумагу.

Брайан Квок взял её. Создавалось впечатление, что все увиденное и

услышанное доходит до него не сразу, что чувства его притуплены. — Ну и... ну что дальше?

— Переходи этот чертов мост и возвращайся к своим друзьям, — буркнул Смит.

— А? Вы считаете меня дураком? Думаете, я поверю, что вы... что вы меня отпускаете? — Брайан Квок резко повернулся к Армстронгу: — Роберт, я ещё раз говорю, они играют со мной, с тобой, они никогда не отпустят меня на свободу! Ты же знаешь!

— Ты свободен, Брайан.

— Нет... нет, я понимаю, что происходит. Как только я, как только я окажусь почти там, они заташат меня обратно. Пытка надеждой — так это называется, верно? — В его голосе появились пронзительные нотки, а в уголках губ собралась пена. — Конечно! Пытка надеждой.

— Боже мой, я же сказал: ты свободен! Ты свободен и можешь идти. — Голос Армстронга звучал жестко, ему хотелось покончить с этим. — Иди, черт возьми! Не спрашивай, почему они отпускают тебя, но тебя отпускают. Иди!

Не в силах поверить в это, Брайан Квок вытер рот, начал было говорить, но остановился.

— Ты... это... это ложь, это не может быть правдой!

— Иди!

— Хорошо, я... — Брайан Квок отошел на шаг и остановился. Никто не двинулся с места. — Ты... ты действительно говоришь мне это?

— Да.

Весь дрожа, Брайан Квок протянул руку Смицу. Смит посмотрел на неё, потом поднял на него глаза.

— Будь моя воля, я бы тебя пристрелил. Лицо Квока исказилось ненавистью.

— А как насчет тебя самого и незаконных доходов? Как насчет того, что ты берешь деньги за защиту пол...

— Давай не будем! Сян ю — это чисто по-китайски! — рявкнул Смит, а Армстронг смущенно кивнул, вспомнив о тех первых сорока тысячах, на которые делал ставки в субботу. — Немного использовать свое положение — старинный китайский обычай, — дрожа от ярости, продолжал Смит. — А вот измена — нет. Фэн-фэн был одним из моих ребят, прежде чем ушел в Эс-ай. Так что лучше заткнись и вали к чертовой матери через этот мост, а не то я погоню тебя плетью!

Брайан Квок открыл было рот, но замолчал. С унылым видом он протянул руку Армстронгу. Тот пожал её без дружеских чувств.

— Это лишь по старой памяти, в память того Брайана, которого я когда-то знал. Я тоже не жалую предателей.

— Я... я знаю, меня пичкали наркотиками, но тем не менее спасибо. Брайан Квок попятился, все ещё ожидая подвоха, потом повернулся.

Каждые несколько секунд он в страхе оглядывался, чтобы проверить, не следуют ли они за ним. Добравшись на запинаящихся ногах до моста, он бросился бежать как сумасшедший.

Напряжение на границе подскочило. Полицейские у ограждения не стали останавливать его. Не остановили его и солдаты. И с той и с другой стороны все были предупреждены заранее и делали вид, что не замечают его.

Навстречу друг другу двигались потоки грузовиков, велосипедов, пешеходов, повозок, по большей части груженных, шли толпы людей, и никто не обращал на него никакого внимания. Промчавшись мимо ограждения, Брайан Квок резко остановился и обернулся.

— Мы победим, мы... мы победим, так и знайте! — крикнул он, глядя в их сторону и тяжело дыша. — Мы победим! — Затем, все ещё подозревая, что может случиться неладное, он втянул голову в плечи и припустил в сторону Китая.

Было видно, что около поезда его встретила группа людей, но больше уже было ничего не разобрать. Напряжение на мосту спало. Солнце садилось.

В небольшой наблюдательной будке на верху полицейского участка, незаметный со стороны, за встречей наблюдал в мощный бинокль Роджер Кросс. Рядом с ним стоял фотограф из Эс-ай с телескопическим фотоаппаратом. Лицо Кросса помрачнело. Одним из встречавших Брайана Квока был Цу-янь, пропавший миллионер.

Солнце почти скрылось за западными морями. Кейси стояла на смотровой площадке Пика, внизу перед ней раскинулся весь Гонконг: огни в сумерках, часть города с Коулуном кроваво-красная, другая часть уже темная с глубокими тенями и сверкающей рекламой. Солнце скрылось, и наступила ночь, настоящая ночь.

Но она всей этой красоты не видела. Её лицо было мокрым от слез, они текли не переставая. Она стояла, опершись на ограждение в дальнем углу, и ни на что не обращала внимания. Тем, кто приехал полюбоваться видом с Пика и ждал автобуса на близлежащих остановках, было не до неё: всех занимали только собственные дела.

— Я сегодня сделал целое состояние, клянусь всеми богами...

— А я стал первым делом покупать, и денег у меня теперь, ети его, вдвое больше, чем было...

— Айийя, я тоже, и чуть не весь день договаривался с банком «Бест» о займе против своего портфеля ценных бумаг...

— Слава всем богам, Серединное государство выручило тупоголовых заморских дьяволов...

— Я покупал акции Благородного Дома по двадцать...

— Слышала, на Коутуолл откопали ещё два тела, и теперь в списке погибших уже шестьдесят семь человек...

— Джосс! Ну не чудо ли, что случилось с рынком! Предсказание Старого Слепца Дуна снова сбылось...

— Ты слыхала о моей сестре, Третьей Горничной Фэн из Великого Отеля? Она со своим синдикатом покупала акции в самое сомнительное время, и теперь она — миллионерша...

Кейси ничего не слышала, ничего не видела, горе переполняло её. Люди приходили и уходили, появилось несколько влюбленных парочек. Из европейцев там были лишь туристы с неизменными фотоаппаратами. Кейси старалась укрыться от них, как могла.

— Скажите, могу ли я чем-то помочь? — спросил один из них.

— Нет-нет, спасибо, — вяло ответила она, не глядя на него и не в силах сдержать слезы.

«Мне надо остановиться, — думала она. — Надо остановиться. Надо начать все сначала. Надо начать все сначала, и быть сильной, и жить за себя и за Линка. Я должна сберечь его и то, что ему принадлежит, я должна быть сильной, быть сильной.

Но как?»

— Мне нельзя расслабляться, — сказала она вслух. «Нет. Я должна думать.

Надо подумать о том, что сказал Тайбань. Не о свадьбе, ох, Линк. Не об этом. Надо подумать об Орланде.

„Надеяться на то, что они станут друзьями, — это уже слишком". Неужели он действительно так сказал?

И как же быть с ней?

Предать забвению. Она отняла у меня Линка. Да. Но это произошло из-за моих правил, правил, которые установила я сама. Иэн прав. Она не такая, как Квиллан, и

все дело в Линке — это он увлекся ею, он стал гулять с ней. Она не такая, как Квиллан Горнт.

Квиллан. А как быть с ним?»

Сегодня днем он приезжал в отель, чтобы снова предложить любую помощь, какая ей только нужна. Она поблагодарила и отказалась.

— У меня все в порядке, Квиллан. Я сама должна разобраться с этим. Нет, пожалуйста, не надо меня провожать. Пожалуйста. Я вернусь через тридцать дней, может быть. Тогда я буду лучше владеть собой.

— Вы подписываете соглашение со «Струанз»?

— Да. Да, я хочу поступить именно так. Извините.

— Извиняться не за что. Я вас предупреждал. Но ведь это не мешает нам поужинать в первый же вечер, когда вы вернетесь. Да?

— Да.

«Ох, Квиллан, как быть с тобой?

Эти тридцать дней — никак. Тридцать дней должны принадлежать Линку. Полностью. Я должна защитить его от стервятников.

Таких, например, как Сеймур Стайглер. Сегодня утром он приходил ко мне в люкс».

— Слушай, Кейси, я договорился насчет гроба и...

— Это уже сделано, все сделано.

— На самом деле? Прекрасно. Послушай, я уже собрался. Джанелли может забрать мои сумки, и я буду у самолёта заранее, так что мы...

— Нет. Я везу Линка домой одна.

— Но, черт возьми, Кейси, нам много о чем надо поговорить. Ведь есть его завещание, есть сделка «Пар-Кон», не стоит спешить, надо обдумать все как следует. Мы можем потянуть время и, может быть, получить несколько лишних очков. Мы...

— Все это может подождать. Я встречу с тобой в Лос-Анджелесе. Возьми пару дней отпуска, Сеймур. Возвращайся в следующий понедельник.

— В понедельник? Боже мой, надо столько всего сделать! Чтобы разобраться с делами Линка, потребуется не меньше года. Нам нужно найти адвоката, и очень быстро. Конечно, лучшего. Я займусь этим в первую очередь. Самого лучшего. Не забывай, что есть его жена и дети. Она подаст в суд от их имени. А потом ведь есть ты! Боже мой, тебе должна полагаться солидная доля. Мы тоже подадим в суд: разве ты не была ему все равно что жена семь ле...

— Сеймур, ты уволен! Убирайся отсюда и...

— Что с тобой, черт возьми? Я ведь лишь забочусь о твоих интересах и...

— Ты что, не слышал, Сеймур? Ты уволен!

— Ты не можешь уволить меня. У меня есть свои права. У меня контракт!

— Сукин ты сын. Ты получишь неустойку по высшей ставке, но, если будешь липнуть ко мне или к Линку или влезать в дела Линка, я позабочусь о том, чтобы ты не получил ничего. Ничего. А теперь убирайся отсюда к черту!

Кейси вытерла слезы, вспомнив, как разошлась.

«Ну что ж, сукин сын он и есть. Раньше я не была в этом уверена, а теперь знаю точно. Я рада, что уволила его. Могу поспорить на любую сумму, что он явится и будет вынюхивать все вокруг, как гиена. Точно.

Могу поспорить, что он встретится с бывшей миссис Бартлетт, если уже не позвонил ей, и доведет её до безумия, добиваясь права представлять интересы её отпрысков, нападать на „Пар-Кон" и на Линка. Точно.

Могу поспорить на что угодно, что ещё встречу с ним в суде.

Ну что ж, помогай мне Бог, клянусь, что ему меня не побить. Я защищу Линка, чего бы мне это ни стоило.

Забудь про этого ублюдка, Кейси. Забудь про битвы, которые тебе придется

вести, сосредоточься на сегодняшнем дне. Как быть с Орландой? Линк... Линку она нравилась, может, он любил её. Любил ли? Кто знает? И мне этого не узнать, во всяком случае сейчас.

Орланда.

Должна ли я увидаться с ней?»

91

20:05

Орланда сидела, не включая света, в номере отеля «Мандарин» и смотрела на вечерний город. Её горе иссякло.

«То, что случилось с Линком, — судьба, — повторяла она про себя в десятитысячный раз. — Джосс. Теперь все стало как раньше. И нужно начинать сначала. Боги снова посмеялись надо мной. Может, будет ещё шанс — конечно будет. Есть другие мужчины... О боже! Не беспокойся, все будет как раньше. Квиллан сказал, что волноваться не нужно, он, как и прежде, будет пла...»

Звякнул телефон, и она вздрогнула от испуга.

— Алло?

— Орланда? Это Кейси. — Изумленная Орланда села, напрягшись как струна. — Я уезжаю сегодня, но перед отъездом хотела бы повидаться с вами. Это возможно? Я внизу.

«Моя соперница звонит мне? Зачем? Позлорадствовать? Но это потеря для нас обеих».

— Да, Кейси, — поколебавшись, сказала она. — Может, подниметесь ко мне? Здесь можно поговорить наедине. Номер триста шестьдесят три.

— Хорошо. Триста шестьдесят три.

Орланда включила свет и метнулась в ванную, чтобы взглянуть на себя. На лице была грусть и недавние слезы — но не годы. Ещё не годы. «Но годы наступают». И она поежилась от этой мысли. «Причесаться и немного поправить макияж. Больше ничего не нужно. Пока. Прекрати! От возраста никуда не деться. Будь как азиаты! Отдавай себе в этом отчет».

Она быстро надела туфли. Ожидание показалось долгим. Сердце томилось мучительной болью. Раздался звонок. Дверь отворилась. И та и другая увидели безысходное отчаяние на лицах друг друга.

— Заходите, Кейси.

— Спасибо.

Номер был небольшой. Кейси заметила два чемоданчика, аккуратно поставленных у кровати.

— Вы тоже уезжаете? — Собственный голос показался ей каким-то далеким.

— Да. Да, переезжаю к друзьям родителей. Жить в отеле для меня дороговато. Друзья сказали, что я смогу пожить у них, пока не найду другую квартиру. Пожалуйста, садитесь.

— Но ведь у вас есть страховка?

— Страховка? — Орланда бросила на неё быстрый взгляд. — Нет. Думаю, что нет. Я никогда... нет, не думаю.

— Значит, вы потеряли всё, — вздохнула Кейси.

— Джосс. — Орланда полупожала плечами. — Какое это имеет значение? У меня есть немного денег в банке и... у меня все хорошо. — Она видела написанное на лице Кейси горе и не смогла сдержать сочувствия. — Кейси, насчет Линка, — быстро начала она. — Я не пыталась заманить его в ловушку и ничего плохого не замышляла. О да, я любила его, и да, я пошла бы на все, чтобы выйти за него замуж, но ведь это лишь справедливо, и я искренне считала, что буду для него

замечательной женой, я бы так старалась, изо всех сил, быть самой лучшей, правда. Я правда любила его и... — Орланда снова чуть пожала плечами. — Вы знаете. Простите.

— Да-да, я знаю. Извиняться незачем.

— Впервые познакомившись с вами в Абердине в тот вечер, когда случился пожар, — торопилась высказаться Орланда, — я подумала: какой Линк глупый, вероятно, вы были не для... — Она вздохнула. — Наверное, вы были правы, Кейси, когда сказали, что говорить нам не о чем. А сейчас тем более. — Из глаз её снова полились слезы. От их неподдельности слезы выступили и у Кейси.

Какое-то время они сидели молча, эти две женщины. Потом Кейси нашла салфетку и вытерла слезы. Чувствовала она себя отвратительно: ничего не решено, а теперь хотелось быстрее закончить начатое. Она вытащила конверт.

— Здесь чек. На десять тысяч американских долларов. Я ду... Орланда даже задохнулась.

— Мне не нужны ваши деньги! Мне ничего не нужно от...

— Это не от меня. Это деньги Линка. Послушайте минуту. — Кейси передала то, что рассказал про Бартлетта Данросс. Все, что он рассказал. Повторяя это, она снова чувствовала страшную боль в сердце. — Вот что сказал Линк. Думаю, он хотел жениться на вас. Может, я ошибаюсь. Не знаю. В любом случае, он хотел, чтобы у вас что-то было... какая-то защита.

Орланде казалось, что сердце вот-вот разорвется от злой иронии.

— Линк сказал «шафером»? Правда?

— Да.

— И быть друзьями? Он хотел, чтобы мы были друзьями?

— Да, — подтвердила Кейси.

Она не знала, правильно ли поступает, этого ли хотел Линк. Но, сидя теперь здесь, глядя на нежную юную красавицу — широко раскрытые глаза, великолепная кожа, которой не нужна никакая косметика, безупречная фигура, — она не могла винить ни её, ни Линка.

«Во всем виновата я сама, а не он и не она. И я знаю, что Линк не оставил бы её в нужде. Значит, и я не могу. Ради него. Он хотел, чтобы мы остались друзьями. Может, у нас получится».

— Почему бы нам не попробовать? — промолвила она. — Послушайте, Гонконг не для вас. Может, вам пожить где-то в другом месте?

— Я не могу. Мне не вырваться отсюда, Кейси. У меня нет образования. Я ничто. Моя степень бакалавра ничего не стоит. — Она снова залилась слезами. — Я лишь... я сойду с ума, стараясь что-то успеть, пока не поздно.

— А почему вам не попробовать в Штатах? — в неожиданном порыве предложила Кейси. — Может, я помогу вам найти работу.

— Что?

— Да. Возможно, в мире моды. Не знаю, что именно, но я попробую. Орланда недоверчиво смотрела на неё.

— Вы поможете мне, правда поможете?

— Да. — Кейси положила конверт и свою визитку на стол и встала. Все тело ныло. — Я попробую.

Орланда подошла к ней и обняла.

— О, благодарю вас, Кейси, благодарю вас. Кейси тоже обняла её, и слезы женщин смешались.

Ночь была тёмная, и луна на ущербе, то и дело скрывавшаяся за облаками, лила слабый свет. Роджер Кросс неслышно подошел к наполовину скрытой калитке в высокой стене вокруг Дома правительства и открыл её своим ключом. Закрыв её за

собой, он быстро зашагал по дорожке, держась в тени. Подойдя к дому, он обошел его, двинулся к правому крылу, спустился на несколько ступенек и отомкнул другим ключом дверь в подвал.

Дверь открылась так же бесшумно. Возле неё стоял с винтовкой наизготовку часовой-гуркх.

— Пароль, сэр!

Кросс назвал его. Часовой отдал честь и отступил в сторону. В дальнем конце коридора Кросс постучал. Дверь открыл адъютант губернатора.

— Добрый вечер, суперинтендент.

— Надеюсь, не заставил вас ждать?

— Нет-нет, нисколько.

Офицер провел его через несколько сообщающихся подвальных помещений к толстой железной двери в коробке из бетона, грубом сооружении посреди большого основного подвала. Рядом располагались стеллажи винного погреба. Он достал очередной ключ и отпер дверь. Она была очень тяжелой. Кросс вошёл один, затворил её за собой и закрыл на щеколду. Теперь можно было расслабиться: здесь он в полной безопасности, вдалеке от любопытных глаз и ушей, в святая святых, комнате для самых секретных разговоров. Над возведением этой бетонированной комнаты и центра связи трудились доверенные офицеры Эс-ай, только из числа англичан, чтобы исключить возможность установки подслушивающих устройств противника. На случай, если что-то все же было установлено, все сооружение еженедельно проверяли эксперты из специального подразделения.

В углу стояла сложная система передающих устройств, посылавшая сигнал на шифровальное устройство, шифр которого раскрыть было невозможно, затем на комплекс антенн на крыше Дома правительства, а потом через стратосферу в Уайтхолл.

Кросс включил её. Послышалось приятное гудение.

— Министра, пожалуйста. Это «Азиат Один». — Называть свою сверхсекретную кличку доставляло ему огромное удовольствие.

— Да, «Азиат Один».

— Среди встречавших этого шпиона, Брайана Квока, был Цу-янь.

— Ага! Значит, мы можем вычеркнуть его из списка.

— И того и другого, сэр. Они теперь изолированы. В субботу при пересечении границы был замечен тот самый беглец — Джозеф Юй.

— Проклятье! Вам лучше бы приставить к нему группу слежения. У нас есть кто-нибудь в их атомном центре в Синьцзяне?

— Нет, сэр. Однако я слышал, что через месяц в Кантоне с мистером Юем встречается Данросс.

— Ага, и что насчет Данросса?

— Он наш человек, но никогда не будет работать на нас.

— А что Синдерс?

— Он действовал хорошо. Я не считаю его неблагонадежным.

— Прекрасно. Что «Иванов»?

— Они ушли в полдень. Тело Суслева обнаружить не удалось: разбор развалин потребует не одну неделю. Боюсь, если мы и найдем его, то лишь по частям. Пламм тоже погиб, так что нам нужно продумать изменения в «Севрине».

— Это слишком хорошая схема, Роджер, чтобы от неё отказываться.

— Да, сэр. На той стороне, наверное, тоже так считают. Когда прибудет замена Суслеву, я выясню, что они замышляют, и тогда мы сможем составить новый план действий.

— Хорошо. Что насчет де Вилля?

— Его переводят в Торонто. Прошу поставить в известность канадскую конную

полицию. Далее, об атомном авианосце: личный состав пять с половиной тысяч офицеров и матросов, водоизмещение восемьдесят три тысячи триста пятьдесят тонн, восемь реакторов, максимальная скорость шестьдесят два узла, сорок два самолёта F-4 «Фантом» II, каждый из которых может нести ядерный заряд, два «Хок» Марк V. Интересно, что для защиты от атаки он располагает лишь батареей ракет «земля-воздух» на правом борту...

Кросс продолжал доклад, очень довольный собой. Ему нравилась его работа, нравилось быть и на той и на другой стороне. «На трех сторонах, — напомнил он себе. — Да, тройной агент, денег хоть отбавляй, и хотя ни та, ни другая сторона полностью мне не доверяют, я им нужен, они молятся, чтобы я был на их стороне — а не на другой. Иногда просто поражаешься на себя», — с улыбкой подумал он.

Армстронг стоял, устало навалившись на стойку информационного бюро в здании терминала Кай-Так и смотрел на дверь. Настроение у него было препаршивое. Как обычно, вокруг сновали люди. К своему удивлению, он увидел, как вошёл Питер Марлоу с Флер и двое их детей с куклами и маленькими сумочками в руках. Флер выглядела бледной и изможденной. Марлоу тоже. У него были полные руки чемоданов.

— Привет, Питер, — приветствовал его Армстронг.

— Привет, Роберт. Допоздна работаете.

— Да нет, я... э-э... только что проводил Мэри. Она улетела в отпуск в Англию на месяц. Добрый вечер, миссис Марлоу. Я так расстроился, когда узнал.

— О, благодарю вас, суперинтендент, я впо...

— Мы едем в Бинкок, — торжественно сообщила, перебивая мать, её четырехлетняя дочка. — Это на митирике.

— Ох, ну что ты говоришь, глупая? — перебила её сестра. — Это Бункок на материке. Это в Китае, — с важным видом добавила она, обращаясь к Армстронгу. — Мы тоже в отпуск. Мама болела.

Питер Марлоу устало улыбнулся, и его лицо покрылось сеткой морщин.

— В Бангкок на недельку, Роберт. Отпуск для Флер. Старый док Тули сказал, что ей надо отдохнуть. — Он остановился, потому что девочки начали перепалку. — А ну, тихо, вы, обе! Дорогая, — обратился он к жене, — пройди регистрацию. Я догоню вас чуть позже.

— Конечно. Пойдемте. Ведите-ка себя как следует, и та и другая! — Она пошла прочь, и дети понеслись вперед.

— Боюсь, ей не очень-то удастся отдохнуть, — вздохнул Питер Марлоу. Потом негромко добавил: — Один из моих друзей просил передать, что наркодельцы встречаются в Макао в этот четверг.

— Вам известно, где именно?

— Нет. Но предполагается, что в их числе будет Белый Порошок Ли. И один американец. Банастасио. Вот такие слухи.

— Спасибо. И?

— Это все.

— Спасибо, Питер. Приятного вам путешествия. Послушайте, в бангкокской полиции есть один человек, с которым вам стоит встретиться. Инспектор Самантаджал, скажите, что от меня.

— Спасибо. Какой ужас все, что случилось с Линком Бартлеттом и остальными, верно? Боже, меня ведь тоже приглашали на этот прием.

— Джосс.

— Да. Но ни ему, ни им это уже не поможет, верно? Бедолаги! До встречи на будущей неделе.

Армстронг смотрел вслед высокому человеку, потом вернулся к стойке

информационного бюро и снова облокотился на неё, продолжая ждать с тяжелым сердцем.

Мысли снова и снова возвращались к Мэри. Вчера вечером у них произошла ужасная ссора, в основном из-за Джона Чэня, но в большей степени из-за того, как он провел последние несколько дней. Брайан, и «красная комната», и деньги, которые он взял и поставил на Пайлот Фиша, а потом мучительно ожидал, и выиграл, и положил все сорок тысяч обратно в ящик своего стола — чтобы никогда больше не прикасаться ни к единому пенни, — и расплатился со всеми долгами, и купил ей билет домой. А сегодня вечером эта ссора и её слова: «Ты позабыл про нашу годовщину! Не о чем особо вспоминать, да? О, как я ненавижу это проклятое место, этих проклятых Вервольфов и все проклятое остальное. Не жди меня, я не вернусь!»

Он тупо закурил. Жуткий вкус, но курить приятно. В воздухе снова повисла влажность, такая противная, липкая. Тут он увидел входящую Кейси. Затушив сигарету, Армстронг пошёл навстречу, с грустью отметив про себя, какая у неё тяжелая поступь.

— Добрый вечер, — сказал он, чувствуя, что жутко устал.

— Ох, привет, суперинтендент. Как... как дела?

— Прекрасно. Я проведу вас.

— О, вы так любезны.

— Я так, черт возьми, расстроился, когда узнал про мистера Бартлетта.

— Да. Да, благодарю вас.

Они пошли дальше. Он понял, что лучше помолчать. А что тут говорить? «Какая жалость», — думал он. Кейси ему нравилась, он был восхищен мужеством, которое она проявила на пожаре, и потом, на склоне, и проявляет сейчас, когда старается говорить твердо, в то время как внутри у неё сплошная боль.

На вылет таможенного досмотра не было. Чиновник в паспортном контроле поставил отметку в её паспорте и протянул его с необычной вежливостью.

— Желаю благополучного полета и скорого возвращения. — О смерти Бартлетта в числе шестидесяти семи человек сообщили все газеты.

По коридорам они дошли до ВИП-зала. Армстронг открыл перед ней дверь. Неожиданно для него и для неё там оказался Данросс. Стеклопанель выхода номер шестнадцать была открыта, и сразу за ней стоял «Янки-2».

— Ох. О, привет, Иэн, — пролепетала она. — Но я же не хотела, чтобы вы про...

— Пришлось прийти, Кейси. Прошу прощения. Осталось одно незавершенное дело, и мне нужно встретить самолёт. Мой двоюродный брат возвращается с Тайваня — он летал туда проверять площадки под фабрики для вашего последующего одобрения. — Данросс перевел взгляд на Армстронга. — Добрый вечер, Роберт. Как дела?

— Как обычно. — Армстронг протянул руку Кейси и устало улыбнулся. — Ну, я вас покидаю. Желаю благополучно долететь. Как только вы подниметесь на борт, никаких задержек не будет.

— Благодарю вас, суперинтендент. Я хотела бы... благодарю вас. Армстронг кивнул Данроссу и собрался уходить.

— Роберт, а тот груз, на Ло-У, передан? Армстронг сделал вид, что задумался.

— Да, думаю, что да. — И увидел на лице Данросса облегчение.

— Спасибо. Вы не могли бы задержаться на минутку? Мне хотелось бы знать подробности.

— Конечно, — ответил Армстронг. — Я подожду у выхода.

Когда они остались одни, Данросс передал Кейси тонкий конверт.

— Это банковский чек на семьсот пятьдесят тысяч американских долларов. Я купил для вас акции «Струанз» по девять пятьдесят и продал по двадцать восемь.

— Что?

— Ну... э-э... я покупал для нас по девять пятьдесят, как и обещал. Ваша доля в этой сделке составила три четверти миллиона. Миллионы заработала компания «Струанз», миллионы заработал я, а также Филлип и Диана — им я тоже позволил покупать на раннем этапе.

Она никак не могла вникнуть в смысл сказанного.

— Извините, я не понимаю. Улыбнувшись, он повторил, а потом добавил:

— Там ещё один чек — на четверть миллиона американских долларов. Это против вашей доли в приобретении контрольного пакета «Дженерал сторз».

Она ахнула.

— Я вам не верю.

На лице у него мелькнула улыбка.

— Да. Через тридцать дней на онкольном счете будет ещё три четверти миллиона. Через шестьдесят дней мы сможем в случае необходимости перевести аванс на сумму ещё полмиллиона.

За её спиной в пилотской кабине «Янки-2» Джанелли запустил первый реактивный двигатель. Он с ревом заработал.

— Этого достаточно, чтобы перебиться? — спросил Данросс.

Её губы шевелились, но абсолютно беззвучно. Потом послышалось:

— Четверть миллиона?

— Да. Вообще-то всего получается миллион — если взять эти два чека. Кстати, не забывайте, что теперь вы тайбань «Пар-Кон». Вот в чем настоящий подарок вам от Линка. Положение Тайбаня. Деньги — это не так уж важно. — Он ухмыльнулся, глядя ей в глаза, и без всяких церемоний обнял. — Удачи, Кейси. До встречи через тридцать дней. А? — Тут взревел второй двигатель.

— Миллион американских долларов?

— Да. Я прослежу, чтобы Доусон прислал вам кое-какие советы по налогообложению. Ваша прибыль в гонконгской валюте, и я уверен, что существуют вполне законные способы избежать налогов — но не уклониться от них. — Взревел, проснувшись, ещё один двигатель.

Она смотрела на него во все глаза, не в силах вымолвить ни слова. Дверь открылась, и в зал весело зашел какой-то высокий мужчина.

— Привет, Иэн! Мне сказали, что тебя можно найти здесь.

— Привет, Дэвид. Кейси, это мой двоюродный брат Дэвид Мак-Струан. Кейси с полуулыбкой бросила на незнакомца отсутствующий взгляд, думая о своем.

— Привет. Но, Иэн, вы хотите сказать... Вы хотите сказать... То, что вы сказали, правда?

— Конечно. — Заработал последний двигатель. — Поднимайтесь-ка лучше на борт! До встречи в следующем месяце.

— Что? Ох. О, но я, да, пока! — Потрясенная, она сунула конверт в сумочку, повернулась и ушла.

Мужчины смотрели, как она поднимается по трапу.

— Так вот какая она, знаменитая Кейси, — задумчиво проговорил Дэвид Мак-Струан. Одного роста с Данроссом, он был на несколько лет моложе, рыжеволосый, с необычно раскосыми, почти азиатскими, хотя зелеными, глазами. Лицо человека, много повидавшего, на левой руке, там, где резанули стропы парашюта, не хватало большей части трех пальцев.

— Да-да, это Камалян Сирануш Чолок.

— Потрясающая женщина!

— Больше того. Относись к ней как к Карге. Мак-Струан даже присвистнул.

— Такая крутая?

— Может стать такой, если подучится как следует.

На борту самолёта Свенсен закрыл и запер дверцу в салон.

— Что-нибудь нужно, Кейси? — добродушно спросил он, очень переживая за неё.

— Нет, — беспомощно ответила она. — Просто оставь меня, Свен. Я... я позову, если что-то понадобится. О'кей?

— Да, конечно. — И он закрыл дверь.

Теперь она была одна. Оцепенело пристегнув ремень безопасности, Кейси выглянула в иллюминатор. Через застилающие взор слезы она увидела, что Данросс и тот другой мужчина, имени которого она не запомнила, машут рукой. Она помахала в ответ, но им её было не видно.

Луна скрылась за тучами. Двигатели набрали обороты, самолёт вырулил на взлет и с ревом устремился в черноту неба, резко набирая высоту. Кейси ничего этого не замечала: в мозгу до сих пор снова и снова звучали слова Данросса, от которых она разлеталась на части и снова становилась единым целым.

«Тайбань. Вот в чем настоящий подарок вам от Линка, — сказал он. — Положение Тайбаня. Деньги — это не так уж важно». «Да, да это верно, но... Но...

Постой, что сказал Линк в тот первый день на фондовой бирже? Разве не это: „Если выиграет Горнт, побеждаем мы. Если верх берет Данросс, тоже. И в том и другом случае Благородным Домом становимся мы — за этим и приехали сюда"».

Мрачная безысходность покинула её. Голова прояснилась. Слез больше не было.

«Вот чего ему хотелось, действительно хотелось, — с растущим волнением думала она. — Он хотел, чтобы мы стали Благородным Домом. Ну конечно! Может, это и есть то, что я могу сделать для него взамен, в память о нем, — Благородный Дом».

— Ох, Линк, — радостно воскликнула она. — Ведь стоит попробовать. Верно?

Реактивный лайнер быстро забирался все выше в облака, продолжая безукоризненно выполняемый взлет. В теплом мраке ночи висел месяц и задувал ласковый ветерок.

Внизу раскинулся Остров.

Данросс стремительно вылетел на Пик-роуд. Он ехал домой, машин было не так много, и двигатель приятно урчал. Внезапно ему что-то пришло в голову, и он свернул в другую сторону, заехал на смотровую площадку Пика, вышел и встал там в одиночестве у перил.

Гонконг заливало море огней. В Коулуне с ярко освещённой взлетной полосы взмыл ещё один реактивный лайнер. Сквозь высокие облака виднелись редкие звезды.

— Боже, как хорошо жить, — проговорил он.